Родимый край
Виктор Иванов
1958

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Н. М. Мельников — «День Казачьей Скорби».
Р. Кумов — ⁂
М. Бутураев — «А. М. Каледин и М. П. Богаевский».
И. Сагацкий — «Маленькая деталь».
Н. М. Мельников — «Не могу молчать».
Е. Ковалев — «К 40-летию Мамантовского рейда» (продолжение)
Из сборника «Неизданное».
П. Аврамов — «Вдали от куреней родных».
От редакции «Род. Края».
П. Чекомасов — «Новоявленный историк».
В. М. Петрусь — «Письмо Н. Н. Краснова».
Б. Уланов — «На запад».
Н. Быков — «Вместо венка на могилу писателя Н. Н. Краснова».
Полк. Бутураев — «Ил. В. Мануилов».
Полк. Моргунов — «Подхорунжий Г. Т. Стахов».
Ушедшие.
Письма в редакцию.
Благодарности.
Казачья жизнь за рубежом.
Розыски.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакции.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.

PAYS NATAL Janvier - Fevrier 1960 — **№ 26. ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1960 г.** 2 NF

Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ДЕНЬ КАЗАЧЬЕЙ СКОРБИ.

Многие государства, чтобы почтить память погибших за Родину создали в своих столицах могилу, а вместе с ней и культ «Неизвестнаго Солдата». Этот неизвестный солдат как бы олицетворяет собой всех погибших на поле брани и перед подвигом всех их преклоняется и вся нация. Но в то же время в этом и посильное утешение для жен и матерей тех воинов, о которых семья не имела точных сведений, где и когда погиб их родимый: каждая семья может с одинаковыми основаниями думать, что в лице «Неизвестнаго» именно ему, их близкому, воздаются почести с возложением неугасимой лампады, возложением венков и служатся панихиды...

Волей судеб, мы казаки не имеем возможности иметь такую символическую могилу «Неизвестнаго Казака»... Где же мы, казаки Донские, Кубанские, Терские и всех остальных девяти Казачьих Войск можем поклониться праху наших героев? Казачьими костями усеяны были в течении веков обширные пространства Европейской России, Сибири, Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока, Балкан, Центральной и Западной Европы, включая и Лиенц...

В феврале месяце каждаго года, в ближайшее воскресение к годовщине смерти Донского Атамана А. М. Каледина, в «День Казачьей Скорби» зарубежное казачество поминает своих ушедших вождей, а вместе с ними и всех погибших казаков и казачек всех Казачьих Войск.

Вместо безмолвной могилы мы должны во имя павших укрепить в душе своей и передать потомству культ доблести казачьей, вековых традиций и идеалов казачества, его «древних обыкновений», не угашать, а развивать впитанную с молоком матери неистребимую в душе казака действенную любовь к свободе в сочетнии с порядком.

Вместо же пышнаго венка мысленно от всего сердца возложим на братскую могилу, следуя примеру нашего безвременно погибшаго 20 февраля 1919 г. от сыпного тифа в Новочеркасске донского поэта Кумова «несколько былинок донской седой горькой полыни и полевого цветущего чебора».

Незадолго до своей смерти Роман Петрович Кумов, друг Федора Дмитриевича Крюкова, автора любимаго казаками стихотворения в прозе «Родимый Край» поместил в № 12 «Донской Волны» от 26 авг. 1918 г., издававшейся нашим талантливым писателем и журналистом, также безвременно погибшим, Виктором Севским (В. А. Краснушкиным) — трогательные строки, посвященные погибшим героям.

Мы помещаем ниже полностью это произведение Р. П. Кумова: пусть оно послужит также и нашим венком и на могилу трех друзей, бывших гордостью Донской Земли на литературном и общественном поприще.

Н. М. Мельников.

***

Пусть позволит мне ваша чистая память возложить к подножью ваших безвременных могил несколько смиренных благодарных благоговейных былинок.

Я не погублю для этого в моем маленьком цветнике ни пышных маков, ни тонкостебельных синеоких васильков — пестрое, но непрочное богатство. Пусть они живут и дышут в память вашу...

Но я отдам вам то, что мне дороже всех

пышных маков, синию васильков и благоухающих левкоев: несколько былинок седой горькой полыни и полевого цветущего чебора. Пусть они напомнят вам, как напоминали когда то мне на чужбине, о прекраснейшей стране под солнцем, где течет единственная в свете по синеве своих вод старая Река и где на пустынных прибережных горах колышится белая подсохшая полынь да сладко курится розовый ладонный чебор.

Пусть расскажут они вам, как рассказывали когда то мне в далеких землях, о нашей тихой станице под высокими горами - Пирамидами, о милых изрытых дождевыми потоками, улицах, о старом задумчивом соборе, на котором чудесно трезвонят ко всенощной под праздники, о сиреневых палисадниках, о заросших шумящими пахучими левадами и садами Базах и Клинах, о коротеньких переулках к Дону с восхитительными видами на старую синюю богатую воду.

Пусть скажут они вам о ваших оставленных на степной стороне, беленьких домах под лепечущей вишней, о грустных лампадках, заженных в вечерний час близкой рукой во имя ваше, о родных, о близких людях, — о всем том, что вами, высокими, оставлено ныне беззаветно и безприкословно, ради долга и высокой чести...

И пусть передадут они вам, что вся великая Донская Степь с седой полынью и розовым чебором, с чистой ромашкой и важными красноголовыми татарниками, с холодной мятой и узорчатым тысячелистником, со всяким, всяким полевым разнотравием, ныне клонится перед вами ниц и поет, как под сильнейшим свежим ветром: «слава вам, слава»...

Клонятся ниц полинявшие под солнцем деревянные голубцы при дорогах, возмутились в глубоких тенистых оврагах ключевые воды, возшумели полевые дикие красавцы — боярышники и луговые терны, задымила травянным ароматом дебелая яркая «рожа» под подъемным слуховым оком: «слава вам, слава»...

Падают ниц, до самой сырой земли, степные народы, и те, которые пьют воду из старой синей Реки, и те, которые пьют воду из далеких степных жемчужных озерец, на белых хуторах: «слава вам, слава».

СЛАВА ВАМ, СЛАВА.

Роман Кумов.

А. М. КАЛЕДИН и М. П. БОГАЕВСКИЙ.

В №22 журнала «Род. Край» (Май-Июнь 1959 г.) в статье «Митрофан Петрович Богаевский» уважаемый автор пишет:

... «в своей последней речи в Кад. Корпусе М. П. Богаевский говорил об «ошибках» казачества... Но нам кажется, если говорить об ошибках, были не «ошибки» (во множ. числе), а «ошибка» (в един. числе). Ошибка? Чья? Фронтового боевого казачества. В чем? Оно не последовало за таким Атаманом, как А. М. Каледин, и за таким деятелем, как М. П. Богаевский.»

«Но, м. б., не было ошибки и у фронтовиков. Ведь чуть позже они бились до последней капли крови с большевиками за родной Дон, за Россию, за их честь и свободу.

Читаем дальше: ... «В лице казаков - фронтовиков, самой молодой, боевой и сильной части Войска Донского, Донское казачество не поверило генералам и деятелям, воля и сердца которых не бились в унисон народному сердцу»... и т. д. «... И фронтовики отнесли А. М. Каледина (действ. заслуженаго царскаго генерала), М. П. Богаевскаго и всех, кто сотрудничал с ними, к категории деятелей стараго режима»...

Ошибка казаков - фронтовиков, подчеркиваю, ошибка, была действительно в том, что они отказались защищать Дон и именно тогда, когда их к этому призывали и А. М. Каледин, и М. П. Богаевский, но причины этого явления были иные, чем та, которую приводит уважаемый автор.

Для объяснения этой ошибки ниже приводятся выписки из трудов современников этих знаменитых деятелей («Очерки Русской Смуты» Деникина, «Донская Летопись» I том и др.).

Про А. М. Каледина, произведеннаго в генералы от кавалерии в 1916 г. и имевшаго все ордена включительно с орденом Св. Ве-

Донской Атаман А. М. Каледин

ликомученика и Победоносца Георгия 4-ой и 3-ей степени (последним он был награжден Высочайшим приказом от 2. 11. 1915 г.) Н. М. Мельников (Дон. Лет. т. I, стр. 139) пишет:

«„Царский генерал", — сын простого донского офицера, никогда и не бывший реакционером, а теперь искренно признавший, что без народа управлять нельзя, честно, искренно и последовательно проводил в жизнь начала народоправства, признанные им **единоспасающими.** Это был безукоризненно корректный конституционный глава Донской земли.»

«Каледин проявлял такую удивительную лояльность, такое уважение к принципам демократии и воле казачества его избравшаго, как ни один из вождей революции.» (Ден. - II - 166).

«Чем больше жили казаки с А. М. Калединым, чем больше узнавали его в процессе ответственной и текущей работы, тем выше становился он в их глазах. Его авторитет, обояние, доверие к нему были безграничны. Как-то само собою исчезало слово «генерал», «генерал Каледин», просто как термин перестал существовать: остался «наш Атаман», «Алексей Максимович»: так, а не иначе, все его называли в глаза и за глаза — и произносили эти слова, вкладывая в них большое чувство.»

«Помимо личнаго обояния, громадное влияние имел на окружающих и глубокий, государственный ум Каледина.» (Д. Л. ,I, 21. Мельн.)

«Форма верховной власти (Ден. II, 189) определялась в виде триумвирата: ген. Алексееву — гражданское управление; ген. Корнилову — власть военная; ген. Каледину — управление Донской областью.»

Интересно знать, что «казачество добивалось возстановления **упраздненной** должности походнаго атамана при Ставке. Верховный Главнокомандующий... отнесся отрицательно к созданию новой должности. Такого же взгляда держался сам признанный глава казачества ген. Каледин, ... которому впоследствии правительство предложило этот пост походного Атамана. (Д. I, 123)

... «Пуришкевич долго носился с идеей переезда на Дон Государственной Думы (Ден. I, 125), для противовеса Времен. Пр-ву и

сохранения источника власти на случай его крушения. Каледин отнесся к этому предложению отрицательно.»

В г. Новочеркасск (около 22 ноября) приехал ген. Деникин. При первой встрече с ним Каледин разсказал ему о создавшемся положении (к тому времени) на Дону и осветил обстановку на фронтах... «власти нет. Силы нет, **казачество заболело, как и вся Россия...»** — говорил Каледин (Ден. II, 160)... «Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся — хорошо, нет — казачья песня спета.»

Заканчивает Деникин (II, 166) о Каледине так:

«Каледин — выборный Атаман... кровно связанный с казачеством и любивший Дон... Когда пропала вера в свои силы и разум Дона, когда атаман почувствовал себя совершенно одиноким, он ушел из жизни.»

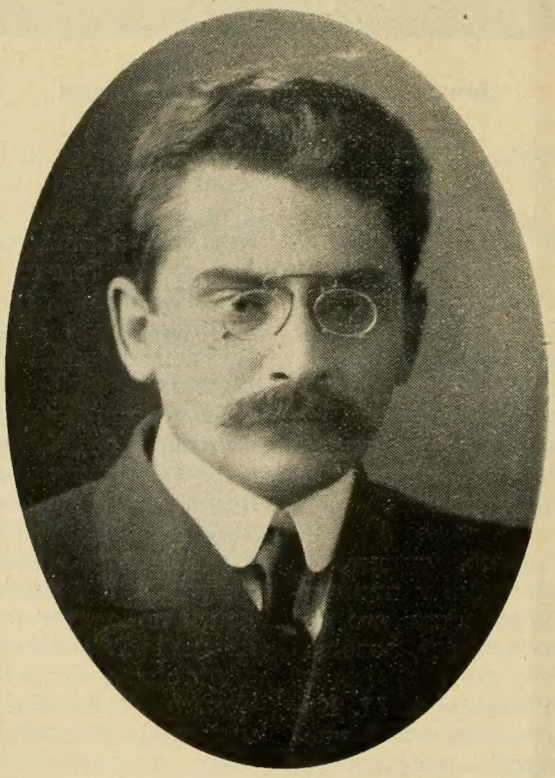
Теперь приведем выписки о М. П. Богаевском.

... «М. П. Богаевский (Д. Л. I, 59. К. Каклюгин) отдавал себе полный отчет в той неблагоприятной обстановке, в которой приходилось работать. Он любил говорить «в народе лежит в настоящее время одна сила — это сила разрушающая. Силы созидающей нет.»

... «Баян Донского Войска, М. П. Богаевский (Ден. I, 117) говорит о политической физиономии казачества: «первым и основным условием, удержавшим казачество, по крайней мере, в первые дни от развала была идея государственности, правопорядка, глубоко сидящее сознание необходимости жизни в рамках закона.»

Из доклада на заседании Малаго Войскового Круга — 7 февр. 1918 г. — сделаннаго Богаевским (его предпоследняя речь), узнаем «о последних часах бытия Войск. Правительства.»

Богаевский говорил: ... «Словно все сразу ополоумели. Ополоумели и казаки... Проклятое сомнение шло не от старых казаков, с Дона. Оно пришло из Московии, от фронтовиков, нашей молодежи... Нужен был один полк, его не было... Много клиньев забивали между Войсковым Правительством и казачеством... Забивали их и некоторые



Помощник Войскового Атамана Войска Донского М. П. Богаевский

члены Войскового Круга... В округах может быть, и можно что сделать. Едва ли. И Второй Донской, и Усть-Медведицкий и Хоперский округа в руках большевиков. Кто работал, кто вел их сюда? Красная гвардия? — Нет, казаки, фронтовые казаки...

... По поводу переживаемых событий мое убеждение таково. Не все еще потеряно. Не погибло казачество... будущее казачества еще впереди.» (Д. Л. I, 318 - 326) — так закончил Митр. Петрович Богаевский...

« ... Историю казачества (продолжает Каклюгин. Д. Л. I, 51-59) Митр. Петрович изучил в совершенстве и воспроизводил ее в своих лекциях и речах с замечательным мастерством. Он воскрешал донскую старину перед слушателями, опоэтизированной, прекрасной, увлекающей... «Народник»... Это слово определяло его общее миропонимание, мироощущение...»

« ... Подводя итоги деятельности (заканчивает К. Каклюгин, 59), М. П. Богаевского на Дону, мы должны отметить существенное и главное. В атмосфере анархии, развала, распада и разнузданности — он явился в творческой роли организатора, духовного руководителя, вдохновителя и борца за интересы и идеалы казачества, за которые и отдал свою жизнь.»

Н. М. Мельников пишет (Д. Л. I, 40):

« ... уйти с Корниловым или партизанами Каледин не смог — гордый Атаман старейшего Войска не мог уйти со своего поста...

... А. М. Каледин и М. П. Богаевский — это два имени неотделимы — поставили казачеству вехи, по которым оно идет и дальше пойдет неизменно.»

«... Оглядываясь назад, мы после всего пережитаго, после тяжелых испытаний, умудренные опытом, с удовольствием отмечаем, что вожди казачества вели казаков по верной дороге.» (Какл. Д. Л. I, 42).

Перейдем к разбору причин, последствием которых и была «ошибка» фронтовиков.

В конце мая 1917 г. (указ. Ден.) на фронтах, под влиянием пропаганды большевиков и немцев, солдаты в окопах начали убивать своих командиров - офицеров, которые исполняли распоряжение Времен. Правительства и призывали к продолжению войны. Как иллюстрацию Деникин (I, 7) сообщает о следующем ужасном поступке солдат: «Вы слышали, что сделали с командиром Дубовского полка за то, что тот не утвердил выбранного ротного командира и посадил под арест трех агитаторов? РАСПЯЛИ. Прибили гвоздями к дереву и начали поочередно колоть штыками, обрубать уши, нос, пальцы.»

Казаки же в мае месяце еще продолжали исполнять свои обязанности и защищали Родину. Так, по приказанию своих командиров 12 дон. каз. бат. «открывала огонь» из орудий даже **по своим**. Казаки разгоняли «братающихся» солдат, сходившихся с противником — немцами, между проволочными заграждениями на «нейтральной» полосе для разговоров, меновой торговли хлебом, табаком, коньяком, водкой и пр. Это «братание» немцы использовали, главным образом, для разложения русских войск и шпионажа.

Первое возстание большевиков 3-5 июля в Петрограде «произведенное вооруженными толпами рабочих, солдат и матросов (Д. I, 118) было подавлено казаками (1 и 4 полки) и юнкерами Владим. военного училища...» Л. Троцкий-Бронштейн пишет по этому поводу... «оно доказало, что за исключением юнкеров никто не был расположен сражаться против большевиков, за правительство или за руководящия партии совета».

... «26 июля открылся шестой съезд большев. партии, который протекал полулегально... постановили в порядке дня разъяснить массам о необходимости готовиться к вооруженному возстанию». (История Октябр. революции. Л. Троцкий. Изд. Гранит. Берлин 1933. Том II, 349). Большевики учитывают причины неудачи «июльскаго возстания» и начинают усиленную подготовку к вооруженному возстанию в октябре, но уже по всей России и... «противогосударственная пропаганда обрушилась с большою силою на казаков... Казачьи части долго сохраняли относительную боеспособность и повиновение. (Д. I, 125). Но, никакими мерами нельзя было оградить казачьи войска от той участи, которая постигла армию, т. е. разложения».

В дальнейшем следуют «два неудачных и непонятных казакам похода на Петроград с Крымовым и Красновым» — они еще больше разстроили казачьи части.

Разложение Донских казаков на фронте наступило не сразу, а постепенно и уже в октябре при втором возстании большевиков казачьи полки были «нейтральны» и... не защищали Времен. Правительства. Вскоре, по приказанию Донского Атамана полки и батареи снимаются с фронта и вооруженные, с офицерами — в полном порядке идут на Дон. Но... придя на Дон и веря больше-

вицкой пропаганде казаки уже не хотели защищать свой родной Тихий Дон. Начали арестовывать своих офицеров и выдавали их большевикам. (12 и 13 дон. каз. батареи, где служил пишущий эту статью).

Деникин (том I, 121) пишет: «в Донской области, случайно, к осени 1917 г., не без сознательного попустительства Ставки сосредоточилась одна дивизия, позднее три, при посредстве которых генерал Каледин пытался водворить порядок.

Казаки - фронтовики у себя на Дону не остались «нейтральны», как это было при октябрском возстании, а, наоборот, перешли на сторону большевиков, сделались «революционными казаками» и пошли против своего Казачьего Правительства — ими же избраннаго и заняли Новочеркасск.

Нужно сказать, что к осени 1917 г. Донское войско имело шестьдесят конных полков, семьдесят две отдельных сотни (Д. I, 149), к этому — надо прибавить конные, казачьи батареи: одну гвардейскую, тридцать две армейских (полевых) и одну запасную в Новочеркасске; все батареи — четырех орудийнаго состава.

Почти вся «эта масса — лучшей конницы в мире», ко дню занятия Новочеркасска большевиками, была уже на Дону.

Для полноты разбора «ошибки» — приведем мнение гон. Деникина о ген. Каледине — как о полководце. Ген. Деникин еще в мирное время знал ген. Каледина — по «совместной службе». Во время войны, когда ген. Каледин командовал 8-ой армией — ген. Деникин с дивизией стрелков был в подчинении у ген. Каледина.

« ... Каледин не любил и не умел говорить красивых, возбуждающих слов. Но когда он раза два приехал к моим полкам, посидел на утесе, обстреливаемом жестоким огнем, спокойно разспрашивая стрелков о ходе боя и интересуясь их действиями, этого было достаточно, чтобы возбудить их доверие и уважение... и, вскоре, при наступлении, центр позиции деревня Лутовиска стрелками была взята. (Д. II, 163).

«В конце мая 1916 г. началось большое наступление /всего фронта, увенчавшееся огромной победой, доставившее новую славу и Главнокомандующему и ген. Каледину. Его армия разбила на голову 4-ую армию Линзингена и в девять дней с кровавыми боями проникла на семьдесят верст вперед. (Д. II, 164).»

Приведенные примеры из первой мировой войны указывают, что мог бы сделать «увековечивший себя в военной истории (Легоп. I, 15) герой «Луцкаго прорыва» — **ген.** Каледин, если бы он имел и командовал лихой донской конницей на Дону, при наступлении большевиков.

Очень важные и интересные сведения дает докт. Н. И. Виноградов (марковск. артил.) в статьях — «О волевом столбняке антибольшевиков». (Перекличка. Изд. Общ. Галлипол. в С.Ш.А. №№ 82-89).

« ... Коммунизм мог быть уничтожен только в первые семь-восемь месяцев, т. е. тогда, когда советская власть еще не сорганизовала коммунистическую партию.

«... Основой командного состава красной армии в 1918 году являлись **офицеры старой армии.** Следует считать, что в самый решающий момент борьбы с большевиками, когда они находились в безвыходном положении, сто тысяч офицеров (т. е. сорок процентов всего русскаго офицерства — по данным ген. Алексеева было четыреста тысяч всех офицеров), находившихся на юге России, являлись «посторонними свидетелями».

« ... И решающие победы красных над белыми в 1918 г. были обязаны не большевиками, а этому же офицерству».

Вышеприведенные выписки доказывают, что казаки-фронтовики не пошли за А. М. Калединым и М. П. Богаевским не потому что «отнесли их к категории старых деятелей», а потому что казаки поверили большевикам, что при «новом режиме» жизнь будет лучше, чем раньше; потому что «устали от войны» и т. д., и т. д.

«Когда же (образное выражение В. Добрынина) казачество увидело занесенный над своей головой меч — только тогда оно взялось за оружие для самообороны».

После возстания «к началу (середине) августа 1918 года имелось на фронте у одних Донцов до сорока тысяч бойцов при девяносто трех орудиях и 281 пулемета, против сорока тысяч бойцов, 132 орудиях и 260 пулеметов противника.» (Дон. Лет. I, 104).

Если бы фронтовики - казаки по приходе на Дон сразу откликнулись на призыв своих избранников Атамана А. М. Каледина и М. П. Богаевскаго, исход гражданской войны мог бы быть другой, т. к. вначале 1918 года большевики, при наступлении на Дон, имели только «красную гвардию». После же они мобилизовали всех офицеров и солдат, бывших в Царской Армии, и под командой царских же офицеров генерального штаба, вся Россия обрушилась на Дон.

Выписал **Максим Бугураев.**

МАЛЕНЬКАЯ ДЕТАЛЬ.

В одном из № журнала «Казачий Союз», выходившего несколько лет тому назад помещена была статья: «М. Шолохов» Лидии Норд, анализирующая творчество Шолохова вообще, и в частности его роман «Тихий Дон».

Отзыв Лидии Норд, бегло разобравшей и достоинства и недостатки произведений советского писателя, в конечном результате очень одобрительный, если не сказать восторженный. Грустно звучит последняя ее фраза: «Несомненно, в другой обстановке, талант Шолохова развернулся бы еще шире и русская литература обогатилась бы еще большим количеством его книг и очень тяжело, что творчество большого писателя - самородка сжато тисками кремлевских партийных установок».

Я совершенно согласен с тем, что Шолохов очень талантливый и выдающийся писатель. Я молча согласился бы во всем с Лидией Норд, если бы одна ее фраза в самом начале статьи, не подняла вновь со дна моей души давно успокоившуюся муть тяжелых воспоминаний. Повторяю эту фразу дословно: «У молодого писателя не только хватило таланта поднять такую тему» (речь идет о романе «Тихий Дон»), положив в основу ее большой исторический материал, но и с честью справиться с ней». **С честью!** Так-ли это?

Из автобиографии Шолохова известно, что

1. — Шолохов родился в 1905 г. в хуторе Кружилином станицы Вешенской.

2. — Он учился в разных гимназиях до 1918 г. и во время гражданской войны был на Дону.

3. — В 1932 г. он поступает в коммунистическую партию и ведет большую работу.

Таким образом Шолохов в Германской войне 1914-1917 гг. участвовать никак не мог. (По данным автобиографии писателю было 13 лет в 1918 г.)

Следовательно историческая канва для романа «Тихий Дон» в особенности для книг I-й и II-й, была написана Шолоховым со слов старших, бывших участников Великой Войны, захвативших весь ее период по 1917 год включительно.

История, как я ее понимаю, — не допускает ни подтасовок, ни неточностей, ни замалчиваний фактов, в какой бы форме они не были бы выражены (капитальный труд, очерк или роман). И ученый, и романист обязаны открыто отмечать факты, если хотят с **честью** справиться с историческим материалом. Малейшая недобросовестность в этом направлении умаляет заслуги историка и ценность исторического романа.

Разные авторы по разному пишут историю. Лев Николаевич Толстой, например, для романа «Война и Мир», очень много предварительно проработал в архивах Главного Штаба, а для точного описания Бородинской битвы специально ездил изучать местность, где она происходила...

Что касается Шолохова, то о чести, с которой он справился с историческим материалом романа «Тихий Дон», по моему надо говорить «пиано-пиано». И вот почему:

В первой половине романа Григорий Мелехов, герой романа, фигурирует на фоне 12-го Донского Казачьего Полка, входившего в состав II-й дивизии. Назвав полк, Шолохов принял этим на себя ответственность за отмеченные им самим факты из прошлого 12-го Дон. Каз. полка. О достоверности таковых я, однако, могу поспорить с ним, т. к. в этом полку прошло все мое «сознательно» детство. И я лично знал всех офицеров и большинство казаков старого его состава. А самое главное, в этом полку служил воевал и погиб мой отец, полковник Иван Васильевич Сагацкий, один их первых Кавалеров Георгиевского оружия всей II-й Кавалерийской дивизии.

Исторических неточностей и нелепостей относящихся к периоду Германской войны в романе «Тихий Дон» — немало. Оставшиеся в живых офицеры и казаки 12-го Дон. Каз. полка смогут сами подтвердить мои слова. В данный момент у меня нет никакого желания выписывать в кляузническом порядке все промахи Шолохова. Все они для меня имеют второстепенный характер, кроме одной детали. Разъяснить последнюю мне показалось необходимым, ибо казаки исторических несправедливостей не любят. Помимо этого, вопрос затрагивает и имя 12-го Дон. Каз. генерал - фельдмаршала князя Потемкина - Таврического полка, который в Великую войну покрыл себя неувядаемой славой, и память всех тех, кто сложил в нем свою жизнь. И да простят мне все господа офицеры и казаки этого полка, если мне придется кое-где поставить точки над «и», тяжелого прошлого.

Шолохов знал, что в 12-й полк шли казаки Вешенской, Мигулинской, Казанской и

Еланской станицы. Ему правильно сказали, что на Великую Войну полк повел полковник Каледин (Василий Максимович, родной брат атамана). Шолохову кое-что сказали верно и о воевых операциях, в которых принимал участие 12-й полк. Поэтому кажется странным, что так хорошо осведомленный о многих деталях мирной и боевой жизни полка, Шолохов не знал, что произошло с последним его эшелоном при возвращении на Дон с фронта.

Об этом ему много - много мог бы сказать своевременно, дай Бог памяти, — казак **Гавринев,** станицы Казанской...

В книге II-й, части 4-й романа «Тихий Дон» издания 1945 г., на стр. 241, о судьбе последнего эшелона 12-го Дон. Каз. полка, Шолохов говорит так: «... За всю дорогу потеряли **лишь одного офицера** — полкового адъютанта Чирковского, **которого приговорили к смерти сами казаки** и т. д.»

Если основываться на мнении Лидии Норд, признающей, что Шолохов с честью справился с темой, а следовательно, и с историческим материалом о Германской и о Гражданской войнах, выходит, что смерть этого офицера была действительно выражением народной кары, примененной к нему за прежние его преступления. Но, это — полный вымысел, вернее ложь. Никого сами казаки из своих офицеров к смерти не приговаривали, а был лишь случай мерзкого предательства одним только плохим казачишкой Гавриневым. Я хотел бы, чтобы кто нибудь доказал мне обратное, но у меня нет до сих пор никаких оснований не верить лицам описавшим случившееся, а главное, самим событием...

Зимой 1917 г. в Новочеркасск пришел головной эшелон 12-го Дон. Каз. полка. Узнав об этом, я бросился на вокзал. Там я нашел войск. старш. Вас. Петр. Салтыкова и он сообщил мне, что полк для переброски с разложившегося фронта на Дон был разбит на три эшелона. Перед отъездом командир полка полк. Чирков предложил Ивану Васильевичу — моему отцу выбрать самому или первый, или последний эшелон. Иван Васильевич высказал мнение, что командиру полка, пожалуй, важнее вести головной эшелон и предложил, как старший полковник, остаться с последним.

Первый эшелон с затруднениями, но все-же полностью, добрался до Новочеркасска. О судьбе следующих двух эшелонов никто ничего не знал. Салтыков посоветовал мне отыскать в городе семью полковника Чиркова и от него добиваться более подробных сведений.

Я долго искал Чиркова и, наконец, встретил его на лестнице Офицерского Собрания. Он довольно сухо ответил мне, что ждет прибытия в Новочеркасск остальных эшелонов и что более точных справок о их приезде дать не может, т. к. телеграфное сообщение с соседними губерниями в сторону Украины было повсюду прервано.

Недели три спустя, мать нашла в почтовом ящике открытку. Она прочитала ее и потеряла сознание. На простой открытке с советскими эмблемами была лишь одна фраза: «Полковник Сагацкий скончался в Харькове».

Рано утром в середине января 1918 г., на крыльце кто-то позвонил. Открыв дверь, я увидел перед собой человека, одетого почти по мужицки, не бритого, сильно закутанного башлыком. Время было тревожное и я колебался, но пришедший попросил вызвать мать и потом прибавил: «... 12-го Донского казачьего полка войсковой старшина Комиссаров»... Когда он снял полушубок, на нем оказались погоны и Владимир с мечами и бантом. Он прямо с Украины, только что пришел пешком.

Мать заперлась с ним в гостинной и очень не скоро вышла оттуда, очень заплаканная. После нее вошли в гостинную мы с братом.

Комиссаров обращаясь к нам, сказал: «Вы готовитесь стать офицерами и должны иметь мужество выслушать мой рассказ о том, как умер покойный Иван Васильевич. Я знаю, Вам будет тяжело, но обстоятельства его смерти Вам надо знать, чтобы открыто гордиться такою смертью отца и, если станет когда нибудь необходимо, защитить его память»...

Комиссаров рассказал следующее: Не доходя до станции Александровск, последний эшелон 12-го полка остановился в поле; эшелону стало известно, что вокзал занят огромным количеством большевиков и солдат, которые требуют у возвращающихся с фронта частей выдачи оружия и офицеров.

Офицерам эшелона было необходимо выяснить настроение и планы казаков и поэтому Иван Васильевич разрешил казакам устроить митинг. После речей и споров: казаки все-же пришли к решению сдать большевикам только часть винтовок и попорченные пулеметы, спрятать все хорошее оружие в соломе, офицеров не выдавать ни в коем случае, а укрыв их в вагонах, объя-

вить, что они все разошлись, бросив эшелон до Александровска.

Среди казаков был такой Гавринев. На войне он был деньщиком, со своим офицером не ладил и открыто его ненавидел. Быстро поддавшись пропаганде, он, видимо, искал случая отомстить своему офицеру за какие-то прежние обиды, хотя сам служил плохо. И этот случай представился ему в Александровске.

На станции все шло благополучно: было сдано негодное оружие, офицеры не выходили из вагонов, пьяные солдаты запрудившие вокзал братались с казаками и потчевали их самогоном. Уже был дан первый и потом второй звонок. Казаки, высовываясь из вагонов, кричали машинисту: «Крути, Гаврила!..» И вдруг в толпу бросился Гавринев и закричал: «Товарищи, что вы делаете? Вы отпускаете поезд, в котором сидят офицеры, спрятаны пулеметы и винтовки! Вас обманули! Не пускайте поезд!..»

Толпа солдат загудела и ринулась к вагонам .Оставшиеся верными казачьей чести, казаки не смогли остановить ее, отстоять поезд и офицеров. Гавринев, рассчитывавший выдать большевикам только своего офицера, указал его солдатам, но толпа размела и казаков и предателя Гавринева...

Арестованные офицеры (фамилии их я назвать не могу по вполне понятным причинам), были отправлены в Харьков. Их допрашивали и судили в Чрезвычайке, отличившейся в дальнейшем особой жестокостью и беспощадностью.

В ночь на 7 января ст. ст., как раз в день Ангела Ивана Васильевича, арестованные офицеры 12-го полка были вывезены в блиндированном поезде в сторону Александровска. Весь поезд был плотно набит офицерами, юнкерами, священниками, студентами, которых отправляли неизвестно куда.

Поезд остановился глубокой ночью в открытой степи, занесенной снегом. В отделение, в котором помещались офицеры 12-го полка, вошел высокий матрос с фонарем. В корридоре остановился караул: пьяные мальчишки - красноармейцы. Матрос, командовавший ими, прочитал офицерам постановление Харьковской чрезвычайки: расстрел одного из них «в назидание всем остальным».

Матрос добавил: «Решайте сами, кого из вас... Я вернусь через три минуты».

Воцарилась жуткая тишина. Никто из офицеров не проронил ни слова. Когда матрос вернулся, он прямо спросил: «Ну, кто тут первый? Выходи!»

Тогда поднялся Иван Васильевич и, обращаясь к своим офицерам, коротко сказал: «Я — старший среди вас. Я больше прожил, чем вы... Если сможете, передайте последний привет моей жене и сыновьям», и вышел в корридор...

Его расстреляли тут-же, около поезда. Мальчишки - красноармейцы недружным залпом в упор тяжело ранили его в живот и в грудь. Иван Васильевич закричал: «Что же вы, сволочь, даже убить не умеете честного человека!» Матрос добил его несколькими пулями из нагана...

Вернувшись в вагон, он сказал офицерам 12-го полка: «Ну и крепкий же ваш полковник! Будет на этот раз»...

— «Почему-же», краснея и запинаясь, перебил Комиссарова мой брат: «офицеры 12-го полка не предложили Ивану Васильевичу... тянуть жребий?.. Перед смертью все были равны»...

Комиссаров опустил голову и ничего не ответил. Потом с усталостью в голосе, продолжал рассказ: «Офицеров долго перевозили в разных направлениях и держали в многих местах. Один из них симмулировал сумасшествие. Степанов же спасся исключительно благодаря своей находчивости. Его вел на расстрел по железнодорожному мосту на другой берег Днепра солдат красноармеец. Там был караул, которому для расстрела, солдат должен был сдать Степанова. Степанов, большой физической силы человек, остановился посредине моста и попросил у конвойного прикурить. Как только сердобольный солдат потянулся рукою в карман за спичками, Степанов одним ударом кулака сбил его в пролет прямо в Днепр»...

Комиссаров кончил. Ни его семью, ни других офицеров 12-го полка я потом никогда не встречал. А история продолжала плести свою кровавую канву. Знаю я, и Шолохов пишет об этом, что и Вешенская, и Казанская, и Мигулинская станицы дорого платили потом за обольщение прежних дней начала революционной эпохи. Не знаю, заплатил ли и за свое предательство Гавринев.

Да, сильно и талантливо написан «Тихий Дон, но, когда вдумаешься в фон его — мрачном, озлобленном, убийственно - беспощадном в отношении старого быта офицеров и казаков, в хитросплетениях образов и событий гражданской войны, что-то вырисовывается сатанинское. Возможно, что именно поэтому роман и не был запрещен

советской цензурой. И, быть может, оставался бы, по крайней мере в сердце, хорошим казаком и Михаил Шолохов, если бы не захотел после своего романа подняться на следующую ступень своей славы — попасть в коммунистическую партию, которая далеко не брезгует талантливыми людьми.

Иван Сагацкий.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!

В письме в редакцию «Русской Мысли» Представительство ген. Полякова выразило надежду, что присутствие мое и Председателя Казачьего Союза Б. А. Богаевского, а также некоторых членов Дон. В. Объединения на общей трапезе в день Войскового праздника приведет к совместной работе со сторонниками ген. Полякова. На этой трапезе мы были по приглашению ее председателя «организатора и хозяина» — ген. Н. Г. Зубова, председателя аполитичного и внепартийного Союза Казаков - Комбатантов. Ни к ген. Полякову, ни к ген. Попову в гости мы бы не пошли. Совместная работа может быть лишь тогда, когда «поляковцы» отойдут от своего «вождя», как «поповцы» в лице Д. В. Объединения и его печатный орган «Родимый Край», вместе с другими Донцами, раньше поддерживавшими ген. Попова, решительно и бесповоротно отошли от него, лишь тогда, когда будут другие кандидаты, способные объединить Донцов, когда Атаман снова станет символом единства, а не символом разъединения, каким стали и упорствуют остаться, выставившие свои кандидатуры и на новое трехлетие оба генерала. Согласно с обычаями и традициями всего мира, кроме советского, в предвыборный период можно и должно открыто обсуждать достоинства и недостатки кандидатов, во имя интересов общего дела «резать правду-матку». Мы считаем, что ни ген. Попова, ни ген. Полякова выбирать в атаманы нельзя, и вот почему. Ген. П. Х. Попов, почтенный и заслуженный старец, Походный Атаман Степного похода, теперь, без всякой вины с его стороны, выбыл из строя, Как пример, укажем хотя бы на его распоряжение, полученное в Париже 23 июля 1958 г., произвести по всей Франции атаманские выборы 26-го того же июля, через 3 дня, при отсутствии каких бы то ни было комиссий по выборам, какой бы то ни было подготовки; или приказ произвести по СТАНИЦАМ выборы председателя Дон. Войск. Круга, не существующего заграницей. Имеются и другие, столь же странные распоряжения, но достаточно и приведенных, чтобы притти к выводу, что в этом возрасте и при таком состоянии здоровья — Атаманом быть не возможно.

Ген. Поляков — тоже не молодой в 73 года — совершенно не знает и не понимает казака. Покинув Дон в 17-летнем возрасте, он на Дону не жил и ни в одной Донской или вообще казачьей части никогда до революции не служил — только этим можно объяснить его горделивое согласие появиться на заграничной атаманской сцене в роли «приказного» и. д. Атамана. Не любили на родине казаки и Атаманов Наказных, не избиравшихся казаками и присылавшихся по наказу Императорской власти, но то были Атаманы, назначенные властью законной, признанной народом. Ген. же Поляков был назначен приказом ген. Татаркина, который в свою очередь был не выборным, а назначенным по приказу графа Граббе, не имевшего никакого права присваивать себе такие полномочия. Те немногие казаки, которые читают «Дон. Атам. Вестник», знают, какие подвиги приписывают себе в своем собственном журнале ген. Поляков, обездоливая ушедших в лучший мир и не имеющих возможность протестовать действительных героев. Необходимо, чтобы с этим познакомились и остальные казаки — избиратели.

С удивлением они узнают, что в ночь на первое апреля 1918 г. Новочеркасск был освобожден не Войск. Старшиной М. А. Фетисовым, как это известно участникам гражд. войны и как установлено «Донской Летописью», а И. А. Поляковым, ему же, а не Поход. Атаману П. Х. Попову, полк. С. В. Денисову и полк. М. Г. Дроздовскому, был обязан Новочеркасск своим вторичным освобождением от большевиков 25 апреля 1918 года. Донцам известна роль в этом бою полк. М. Г. Дроздовского, неожиданно явившегося 25 апреля на помощь изнемогающим донцам и прислaвшего из своего отряда, шедшого с Румынского фронта для присоединения к

Добров. армии, батарею, эскадрон конницы и броневик, который, в самый критический момент врезавшись в резервы противника, деморализировал его и обратил в бегство. «Донская Летопись» отмечает: «особой овацией был встречен доблестный М. Г. Дроздовский и его отряд, коему Новочеркасск был обязан неожиданной и незабываемой помощью». В своем рекламном повествовании ген. Поляков не может замолчать роли отряда полк. Дроздовского, но главную заслугу приписывает себе, умалчивая даже о своем непосредственном начальнике полк. С. В. Денисове...

За то мы узнаем, что он, Поляков, прибыл в Новочеркасск в январе 1918 г., «организовав на Румынском фронте группу офицеров». Ни о прибытии группы, ни о появлении полк. Полякова, ни ген. Каледин, ни его правительство, членом и заместителем Председателя которого я тогда был, мы ничего не слыхали, как не слыхали о них наши последние изнемогавшие защитники Дона под командой полк. В. М. Чернецова в станице Каменской, полк. Ляхова на линии Лихая-Дебальцево и ген. Ф. Ф. Абрамова у Персияновки, а между тем, как тогда радовались в отрядах каждому новоприбывшему... По утверждению ген. Полякова, ему, а не станичникам дедам и очнувшимся от угара фронтовикам, не всему Войску, принадлежит и слава очищения от большевиков всей территории В. В. Донского в трех месячный срок «в результате им составленных и проведенных планов»; тогда как все мы знаем, что станицы со своими хуторами поднимались и освобождались стихийно, выступая вооруженными топорами, вилами и небольшим количеством винтовок, следуя примеру соседних восставших станиц, не руководствуясь тогда планами из Новочеркасска, с которым и связи правильной тогда еще не было. «Донская Летопись» напечатала статьи участников и свидетелей апрельских дней и зафиксировала имена главных деятелей эпохи: командира Новочеркасского полка полк. А. П. Фицхелаурова, командира Кривянского полка Н. Г. Зубова и его помощ. А. А. Азарянского, полк. В. Н. Карпова, Э. С. Семилетова, ген. М. Н. Смирнова, интенд. полк. Бобрикова, подъесаула Софронова, сотн. Гавриленкова ид., но никто не отметил полк. И. А. Полякова, игравшего в ту эпоху очень скромную роль. Ген. Поляков, увлекшись самохвалением, оставляет в густой тени и Совет Обороны Дона и Временное Правительство во главе с Г. П. Яновым, впоследствии председателем Круга Спасения Дона, и командующего армией ген. К. С. Полякова и полк. С. В. Денисова, у которого полк. И. А. Поляков был начальником оперативного отделения, а потом начальником штаба. Перечисленных имен вы не найдете в повествованиях ген. Полякова: все они померкли в ослепительном сиянии имени Ивана Полякова, а о нем самом в тот период мы находим единственное упоминание, как об одном из членов делегации, посланной навстречу ген. П. Х. Попову, подходившему к Новочеркасску со своими отрядами.

Конечно, совсем умалчивать об участии в бою броневика и батареи полк. Дроздовскаго ген. Поляков не мог, как не мог не упоминуть в другом месте и имени в. ст. Фетисова, но он всячески старается преуменьшить их роль и значение и выдвинув вперед свою собственную персону, оставляя в тени и своего начальника полк. Денисова. «В грозный час — пишет в Дон. Атаман. Вестн. ген. Поляков — войскам Южной группы, которыми ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО (курсив мой. Н. М.) был спасен Новочеркасск, БЫТЬ МОЖЕТ (курсив мой. Н. М.) была оказана не столько материальная, сколько моральная поддержка частями из отряда доблестнаго полк. Дроздовскаго.»

Приписывает себе ген. Поляков и командировку его Дон. Атаманом ген. А. П. Богаевским в Сибирь для связи с адм. Колчаком, а между тем мне доподлинно известно, что командирован к адм. Колчаку был не гон. Поляков, а ген. К. И. Сычев, который по возвращении делал в декабре 1919 г. доклад о своей неудавшейся поездке ген. А. П. Богаевскому и мне, как председателю Дон. Правительства.

После детального обсуждения положения на Донском фронте и Окружных Совещаниях депутатов всех десяти округов, т. е. представителей всех станиц Дон. Войска и фронтовых частей, 2-го февраля 1919 г. председатели Окружных Совещаний выступили в пленарном заседании В. Круга с заявлениями, общий смысл которых сводился к тому, что: «забота о защите Дона, о поднятии его обороноспособности должна быть снята с ген. Денисова и ген. Полякова и передана лицу, пользующемуся в глазах Войскового Круга большим доверием». Поставленный на решение В. Круга вопрос о доверии Командующему Армией ген. Денисову и Начальнику Штаба ген. Полякову решен в смысле выражения недоверия обоим генералам большинством всех голосов — т. е. не-

сколько сот, против одного голоса. А ген. Поляков теперь повествует, что А. П. Богаевский, только что избранный тогда же тем же В. Кругом на пост Донского Атамана, упрашивал его, ген. Полякова, остаться в должности Начальника Штаба! Трудно глазам своим верить, когда читаешь подобные вещи... Невольно вспоминаешь бессмертные имена героев Гоголевского «Ревизора» и Грибоедовского «Горе от ума». Можно еще извращать события, имевшие место несколько столетий назад, но странно и небезопасно для своей репутации делать это, когда еще живы участники событий.

При всех событиях, описанных выше, масса Донцов воздерживается от участия в выборах, отрицательно относясь к обоим генералам, особенно после того, как оба генерала создали каждый при своей особе свои собственные Главные Избирательные и Контрольные по выборам Комиссии, — ген. Попов из одних «поповцев», а ген. Поляков из одних «поляковцев» — с вопиющим нарушением традиций, требующих, чтобы такие комиссии создавались по соглашению независимых каз. обществ. организаций. Каждый из этих кандидатов на новое трехлетие заранее обеспечивает свое «переизбрание» и — увы! этим жалует зарубежное казачество продолжением двуатаманства. Цинично, но «удобно»: одна партия, единый лист, отсутствие конкурентов и риска быть забаллотированным, т. к. под эгидой каждой комиссии будут голосовать только свои люди. «Удобно» и в том смысле, что можно избежать опубликования числа голосовавших, как это уже и сделали Гл. Избир. и Контрольная Комиссии ген. Попова. При такой комбинации можно выйти и из неловкого положения, если количество голосовавших «за» окажется не больше численности одного лишь из бесчисленных хуторов, бывших на родине — неловко будет при таком положении объявлять «избранного» Атаманом ВСЕВЕЛИКОГО Войска Донского. Впрочем, Предс. Глав. Изб. Комисси при ген. Полякове проф. Феодоров принимает меры к увеличению числа голосующих, в своей Инструкции по выборам — в нарушение Донского закона 19. 9. 1918 г. о порядке приема в казаки и исключения из казачества — предоставляя любой паре казаков право перед выборами приема не казаков в казаки с выдачей о том свидет. в установл. Инструкцией порядке.

Окружение ген. Попова поступило проще! — Его Гл. Избир. и Контрол. Ком., НЕ ПРОИЗВОДЯ ВЫБОРОВ, объявили ген. Попова «избранным» на новое трихлетие и вручили ему грамоту и «пернач»... Судя по последнему № 39 «Вестника» ген. Полякова, и он сам и проф. Феодоров, очевидно обеспокоенные тем, что ген. Попов их «перегнал», склоняются к этому же способу «избрания без выборов», благословенно отнесясь к таким советам «поляковца» из Бразилии: «выборы считать излишними», ибо «здравый смысл говорит не за выборы, а за переизбрание», проще обойтись «без конвертов и конвертиков»... «Молитвенно, под покровом нашей казачьей Заступницы, воскликнем: быть в нашем изгнании атаманом Ивану Полякову», а кстати и «попросить атамана Полякова продлить свои полномочия на пять лет», а тех Донцов, которые не признают ген. Полякова, объявив их за это «пособниками большевиков», «лишить казачьего звания». Ген. Поляков и проф. Феодоров одобряют этот замечательный проект: напечатав его полностью в своем «Вестнике», **«просят Донцов обратить самое серьезное внимание** на письмо Д. И. Туроверова и... приговоры присылать проф. Феодорову»... И тот же самый поступок окружения ген. Попова, который рекомендуется казакам из Бразилии и благосклонно принимается ген. Поляковым, тем же казаком резко осуждается, когда речь идет о ген. Попове: «попускать присвоение атаманского звания без легальных и законных выборов было бы попустительством и грубым нарушением Войсковых законов», «кучка авантюристов разыгривает небывалый в истории казачества возмутительный фарс, который требует самого серьезного осуждения» и называет этот фарс «гнусной и грязной историей»...

С такой оценкой нельзя не согласиться, притом в применении к обоим бывшим атаманам, трехлетний срок полномочий которых, к счастью истек летом 1958 года. Быть может под влиянием возмущения и негодования Донцов, ген. Поляков откажется от проведения в жизнь заманчивой для него мысли, но характерно и показательно уже одно отношение к проекту Д. И. Туроверова. Интересно отметить в этом мирке и проявление «культа личности», как будто уже оставленного и большевиками: Д. И. Туроверов, перечислив «заслуги» ген. Полякова, в экстазе восклицает: «да будет **свято имя** казака Ивана Полякова». И ген. Поляков печатает в своем «Вестнике» эти слова большими буквами, обращает тем на них особое САМОЕ СЕРЬЕЗНОЕ внимание Донцов...

Бывшие «поповцы» сделали свой вы-

вод: Донское Войсковое Объединение решительно отошло от ген. Попова. Представитель во Франции ген. Попова военный юрист полковник Семилетов сложил свои полномочия. То же сделали и многие другие бывшие сторонники ген. Попова, дорожащие своим достоинством и достоинством родного Войска, его традициями и законами.

Придут ли к такому же выводу сторонники ген. Полякова? Последуют ли они примеру быв. близких сотрудников этого «вождя» — быв. председателя «Донского Войскового Совета» при генерале Полякове полковника С. П. Полякова, Войскового Старшины А. А. Бодрухина и других, на опыте своей работы с ним увидевших, что представляют собой этот атаман.

Лучший выход: оставить таких «вождей» в безвоздушном пространстве без «привсдных ремней», и тогда широко откроются двери для братского единения Донцов, т. к. других серьезных причин для разъединения среди казаков не имеется. Тогда можно будет создать независимую единую Главную Избирательную Комиссию и приступить к выборам единого Атамана.

Н. М. Мельников.

К 40-ЛЕТИЮ МАМАНТОВСКОГО РЕЙДА.
(1919 — 1959)

Продолжение.

III

По дополнительным данным, опубликованным Штабом Дон. Армии в сводке от 30-го авг. (12 сент.), при разборке документов 4-го корпуса выяснилось, что в районе Тамбова, на ст. Пушкари, 7-го (20) авг. была уничтожена артиллерийская база противника, имевшая 200 тысяч 3-х дюймовых снарядов, много снарядов других калибров, 9 погребов пороха, большое количество пироксилина и несколько миллионов ружейных патронов.

Под Тамбовом же была взята в плен Тульская пех. дивизия, защищавшая город. Собравши дивизию, Генерал Мамантов предлежил желающим итти с казаками на Дон, а нежелающие могли итти «с Богом по домам».

Это решение Генерала - победителя было покрыто красноармейцами громовым «ура».

Из желающих итти на Дон был сформован особый отряд, за которым осталось название «Тульская дивизия», начальником которой был назначен казак Полковник Дьяконов. Первое время Ген. Мамантов, из предосторожности, держал ее на фланге, но по единодушному отзыву участников рейда тульцы дрались прекрасно и, по возвращении на Дон, были влиты в пеший **Георгиевский Гундоровский** полк. Среди них находился и Сергей Жаров, ныне всемирно известный регент хора Донских казаков.

⁂

Что же произошло на фронте после прорыва казачьей конницы на Тамбов? Сильно обеспокоенное действиями Ген. Мамантова, красное командование приняло тем не менее правильное решение, подтвердив ранее отданный приказ о переходе 2-го (15) авг. в общее наступление на всем южном фронте, дабы не допустить продвижения вперед Белых Армий и взаимодействия их с прорвавшейся Мамантовской конницей, что грозило бы чреватыми последствиями.

Первой перешла в наступление вспомогательная группа Селивачева (Ген.-лейт.) в составе 7-ми дивизий 8-й Сов. Армии с двумя приданными ей дивизиями из состава 13-й Армии (32.000 штыков и 4.000 сабель), против сильно растянутого от Бутурлиновки до Н. Оскола 3-го Донск. корпуса, насчитывавшего всего лишь около 10.000 штыков и шашек. 3-й Дон. корпус в центре с боями осадил на юг и красные очень быстро продвинулись в сторону городов: Валуйки, Купянск, Волчанск и Белгород, что вызвало большую тревогу в штабах Добровольческой и Донской Армий.

9-я Сов. Армия, по данным Штаба Дон. Армии, насчитывавшая к 1-му (14) авг. 19.500 штыков и 3.000 сабель, против 4.200 штыков и 5.500 шашек 2-го Дон. К-са, натолкнулась

на встречное наступление частей этого корпуса от Борисоглебска и Поворино на Балашов. В упорном бою, длившемся три дня, 4-я Дон. кон. бригада 6-го (19) авг. разбила противника у Б. Грибановки, отбросив на Алабухи и Посевино. 7-я дивизия (5-я Пластунская и 5-я и 6-я кон. бригады), перейдя 2-го (15) авг. в наступление от Самодуровки и Чуравского при поддержке танков, сбила противника с укрепленной линии Кардаил - Пески и успешно продвигалась, но танки — единственная помощь оказанная в то время 2-му корпусу — много содействовавшие наступлению, к вечеру первого же дня были выведены из боя и отправлены на Царицын. Взорвав мост у ст. Родничек, красные остановили продвижение, а затем, пользуясь двойным превосходством в силах и глубоко обойдя правый фланг 2-го корпуса, сами перешли в наступление и 7-го (20) авг. заняли ст. Поворино. Части 2-го корпуса, ведя тяжелые бои, стали отходить.

События на этом фронте могли бы развернуться иначе, если бы в то время 2-й корпус хотя бы временно усилили, чтобы позволить к-ру корпуса сосредоточить всю его конницу на левом фланге, в районе Борисоглебска, для удара в уже расстроенный правый фланг 9-й Армии. Но ослабленная выделением целого корпуса для прорыва, Дон. Армия не могла усилить своих корпусов, а без этого 2-й корпус не мог сделать нужной ему перегруппировки и в этом районе у нас оказалась одна лишь 4-я кон. бригада.

Выход только двух полков ее — 20-го и 24-го — с 14-й и взводом 18-й батарей (6 оруд.), 8-го (21) авг. в ближайший тыл красных в район Танцырея, для облегчения положения у Поворино, вызвал у последних большое беспокойство. Наша конница нарушила связь красных частей со штабами, перехватив много ординарцев; расстроила снабжение и питание, заставив в панике бежать обозы; прервала ж.д. связь Поворино с Балашовым, взорвав ж.д. виадук на линии Поворино - Балашов; отвлекла на себя кавал. бригаду и полк пехоты, конной атакой разбив противника и захватив 600 пленных и 10 пулеметов, которые вывела с собой из набега, отбив на обратном пути часть захваченных красными в плен партизан. (Оп. св. Шт. Армии 10-го авг.). 9-го (22) авг. она соединилась с частями 1-й Партизанской бригады у д. Ульяновка.

Из изложенного видно, что в то время, как Мамантовский корпус продвигался к Тамбову и Козлову на север, при чем связь его со Шт. Дон. Армии была прервана, фронт ближайших к месту прорыва корпусов, под ударами превосходных сил противника, откатывался на юг. И не вина Мамантова, если созданная прорывом его корпуса благоприятная обстановка для нанесения решительного удара противнику, по тем или иным причинам, не была использована.

***

С отходом частей 2-го и 3-го корпусов, обстановка на фронте приняла временно благоприятный для красных оборот, позволив им облегченно вздохнуть. В тылу же наоборот, пребывание казаков в Тамбове и его районе вызывало все большее беспокойство, тем более, что уже на следующий день после занятия Тамбова, передовые части 4-го корпуса повели наступление на Козлов. В районе Тамбова в течение 3-х дней оставался 45-й Платовский полк, с приданной ему 2-х орудийной батареей, занимавший пороховой завод. Он подошел поэтому к Козлову на два дня позже, чем весь корпус.

В городе находился довольно сильный гарнизон, задержавший на некоторое время наступление 9-й кон. бригады. Наступавшая с ю.-в. 8-я кон. бригада также встретила сопротивление со стороны высланных из Козлова навстречу красных частей и завязала упорный бой. Атакой в конном строе калмыков (80-й Дзюнгарский калмыцкий каз. полк), при поддержке артиллерии, красные были сбиты и калмыки захватили, взявшуюся уже на передки, батарею красных в полном составе — ускакал лишь командир батареи. Орудия и лошади поступили в 7-ю батарею Войск. Ст. Бугураева и 8-ю батарею Есаула Пустынникова, которые развернулись на 4 орудия. После этого 9-го (22) авг. по приказу Ген. Мамантова, город был взят в пешем строю 45-м Платовским полком под командой Войск. Старшины Бодрухина, получив за это благодарность.

При вступлении в город с восточной стороны 9-й дивизии, в голове ее шел начальник дивизии Ген.-Лейт. Секретев со штабом. Женщины целовали его ноги и стремена, расстилали ковры, забрасывали дорогу цветами. Это было так неожиданно и красиво, так трогательно, что не один казак смахнул непрошенную слезу. Но у казаков сейчас же мелькнула мысль: «А уйдем мы, что тогда будет?» Ведь они знали, что уйдут. Жители же думали, что их освободили и что казаки останутся. Это было трагично, но эта траге-

дия вытекала из пассивности русского человека.

В своей нашумевшей статье: **«О волевом столбняке антибольшевиков»**, доктор Н. И. Виноградов, в прошлом офицер марковской артиллерии, пишет: (журнал «Перекличка», изд. Отд. галлиполийцев в С.А.-С.Ш-х № 88, февраль 1959 г.) — «Несмотря на все пережитое под большевиками, российский горожанин считал, что раз добровольцы его освободили, то... они же должны и защищать его, а он сам будет устраивать свои делишки. Казалось, что россияне тогда жили на луне, а не в охваченной страшной борьбой России... Энтузиазм города, проявлявшийся в бурной радости и слезах первой встречи, не стоил, увы, и ломаного гроша: из всего населения большого и малого российского города, только одна зеленая учащаяся молодежь бросалась в армию, все же остальное на следующий, буквально, день погружалось снова в обывательскую спячку или пускалось в спекуляцию и наживу...»

В Козлове, из которого был изгнан Штаб Южн. Сов. Фронта, бежавший в г. Орел, Ген. Мамантов оставался до 12-го (25) августа.

В этом городе была уничтожена интендантская база, инженерный и санитарный склады, громадный артиллерийский склад, аэропланы, автомобили и мотоциклеты.

***

Хозяйничанье Мамантова, принимавшее все более и более угрожающие формы и его дальнейшее движение на с.-з. вызывало все большую тревогу в большевицком центре — до Москвы ведь было не так уж далеко. Троцкий, находившийся в то время в районе прорыва, вынужден был поспешно бежать, бросив любимую собаку-мопса и свой поезд, который был схвачен казаками. В его истерических воззваниях и приказах сквозил неприкрытый страх:

— «Белогвардейская конница прорвалась в тыл нашим войскам и несет с собою расстройство, испуг и опустошение в пределы Тавбовской губ. Задача ясна и проста: крепкой облавой окружить деникинскую конницу, которая оторвалась от своей базы... При приближении казаков крестьяне должны угонять своевременно лошадей, скот, телеги, увозить хлеб и всякую снедь... Рабочие и крестьяне, выходите на облаву. Кавалерия Мамантова еще не раздавлена... Не допускать их на юг, в тыл нашим войскам... Отрезать им путь на запад и на восток... Истреблять их на месте, уничтожить, как бешеных собак. Замыкайте круг, рабочие и крестьяне. Выводите народ на облаву, товарищи коммунисты... Ату белых! Смерть живорезам...» (Л. Троцкий. Как вооружалась революция. Т. 2-й, кн. I)

10-го (23) авг. Рев. Воен. Совет республики возложил на члена РМС южного фронта т. Лашевича ликвидацию Мамантовского рейда. Совет Обороны Республики постановил объявить на военном положении Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии и учредить в губернских и уездных городах Военно - Революционные Комитеты. Помимо частей, назначенных для ликвидации прорыва с самого начала, на южный фронт была переброшена 21-я стр. дивизия и в распоряжение Ком-щего фронтом была передана из состава 10-й Армии 37-я стр. дивизия. Имелось также ввиду направить с фронта 9-й Армии 22-ю стр. дивизию, а также подготовить для переброски против Мамантова конный корпус Буденного.

О том, что части Ген. Мамантова были сняты с Царицынского фронта, Буденный, как он сам пишет в своих воспоминаниях, узнал от пленных. О рейде же Мамантова по глубоким тылам из письма Ворошилова, который писал, что рейд этот очень опасен и для борьбы с ним должен быть использован конный корпус.

Таким образом для ликвидации рейда и его последствий была привлечена целая армия из нескольких дивизий и вызывался лучший кавалерийский корпус Буденного. Делалось это с одной стороны, чтобы не допустить вторичного прорыва красного фронта Мамантова с севера и кубанской конницей Ген. Шкуро с юга, а с другой — в надежде осуществить заветную мечту Троцкого: окружить и поймать Мамантова, не позволив ему прорваться обратно. Для этой цели в районе Тамбова началось сосредоточение крупного количества войск, с которыми можно было бы приступить к преследованию и ликвидации противника. Одновременно было приступлено к организации мелких отрядов, а ревкомам и начальникам гарнизонов в зоне прорыва было приказано оказывать всяческое сопротивление и ни в коем случае городов без боя не сдавать, под угрозой расстрела шкурников и паникеров. Однако деморализация красных была такова, что большинство этих отрядов при первом появлении мамантовцев в панике разбегалась.

***

Одним из последствий Мамантовского рейда был мятеж в красном кавалерийском корпусе Миронова, формировавшемся в Саранске. Не закончив формирования, он увел корпус из Саранска, будто-бы для оказания помощи Южному фронту, а в действительности для того, чтобы перейти на сторону белых. По дороге разоружил красные части, отобрав оружие у одного батальона, под предлогом, что ему не хватало винтовок и даже хотел расстрелять комиссара. Двигался он на участок 23-й сов. стр. дивизии, которой раньше командовал, видимо расчитывая привлечь ее на свою сторону. Ликвидировать матеж было поручено Буденному, корпус которого перебрасывался на борьбу с Мамантовым и об измене Миронова он объявил в приказе по корпусу 25-го (7 сент.) в х. Кепинском.

29-го авг. (11 сент.) Буденный выступил по маршруту: Кепинская, Арчадинская, Бочаров, Старо-Анненская. Встреча с Мироновым произошла у х. Сатаровского, из которого он выдвигался к х. В. Лесному. Корпус его был построен. Буденный направился к нему, выдвинув пулеметы, после чего начальник 4-й Буденевской дивизии калмык Городовиков (ныне Ген. Полковник в отставке) бросился к Миронову лично и, схватив, привел его к Буденному. Миронов возмущенно заявил: «Что за произвол! Какой-то калмык, как бандит, хватает меня, командира красного корпуса, тянет к вам и даже не хочет разговаривать.»

На допросе Миронов не признал себя виновным и держался вызывающе:

— «Я максималист. Да вам, Буденный, не понять этого. Проще говоря, я за Советскую власть без коммунистов.»

Буденный ответил ему, что сначала максималист, потом империалист, пока же ты объявлен вне закона.

Тут, чисто по калмыцки, вставил свое слово и Городовиков:

— «Ишь ты какой, живешь незаконный, а еще ругаешься!»

Миронов, нач. штаба Лебедев, начдивы Фомин и Золотухин и комиссар Булаткин были взяты под усиленную охрану. Военно-полевой суд буденовцев приговорил Миронова к расстрелу, но, прежде чем привести приговор в исполнение, был послан гонец с докладом по начальству. В это время прибыл на ст. Филоново Троцкий, который приказал ничего не предпринимать. Он предложил Миронова, Лебедева и Булаткина отправить в Москву в распоряжение Рев. Воен. Сов. республики. В конце концов Миронов был отправлен в Саратов, а бойцы и командиры, которые пожелали, остались в корпусе Буденного, а остальные пешими отправлены в штаб 9-й Армии в Бутурлиновку. (Буденный. «Пройденный путь».) Позже Миронова судили и приговорили к высшей мере наказания, но « **принимая во внимание его революционные заслуги»** — помиловали.

О суде над Мироновым мы узнали в свое время из сов. газет, отбитых нами во время рейда конной группы Ген. Коновалова по тылам 9-й Армии, когда примерно 7-го (20) окт. 1919 г. подошли к р. Елань против ст. Некрылово. Обвиняемые показывали на суде, что во время рейда Мамантова у них создалось впечатление, что **весь красный фронт рушится.**

Мятеж Миронова имел последствия: 1) Задержку корпуса Буденного для его ликвидации, вследствие чего ему не удалось перехватить корпус Мамантова у Таловой (во время второго рейда) и 2) Усиление корпуса Буденного на счет расформированного корпуса Миронова.

***

12-го (25) авг., оставив в Козлове небольшой отряд, 4-й корпус двинулся тремя колоннами дальше, при чем главные силы направились на запад на Лебедянь. В то же время, сбивая противника с толку и путая карты, части корпуса угрожали и другим пунктам. 13-го (26) авг. разъезды левого отряда находились у ст. Песковатка на ж.д. линии Козлов - Грязи - Воронеж, а правый отряд, выделив 300-400 шашек с артиллерией, 14-го (27) авг. повел наступление на с.-з. на г. Ранненбург. Занимавшие город отряды красных стали отступать и разбегаться в разные стороны. Подошедший с подкреплениями бронепоезд завязал было бой, но мамантовцы ворвались в город и заняли его. Они очистили его только с подходом главных сил противника в составе 5-ти батальонов пехоты и кавал. бригады 56-й дивизии, поддержаных 2-мя бронепоездами и авиацией, и отошли под Митягино, взорвав ж.д. мост.

15-го (28) авг., пройдя за три дня около 90 верст, Мамантов без боя занял Лебедянь, заштатный городок на высоком правом берегу Дона. Дон же здесь — это бегущая по золотому песку небольшая речушка шириной 7-8 метров, через которую переброшен мостик: два козла с положенными на них досками и жиденькие перильца.

Корпус Ген. Мамантова занимал теперь

огромный район, при чем главные силы находились в центре треугольника Лебедянь - Козлов - Липецк, а разведывательные и охранительные отряды были выброшены во все стороны.

Вблизи корпуса красные имели: один стрелковый полк на ст. Грязи, другой в г. Липецке, отряды Фабрициуса в 4500 штыков в г. Ельце, около 2500 штыков в районе Данков - Астапово и кав. бригаду 56-й дивизии с курсантами и броне - авио - отрядом в районе г. Козлова.

Е. Ковалев.

(Продолжение следует)

ИЗ СБОРНИКА «НЕИЗДАННОЕ»
литератур. кружка ПИКА (Писатель-казак)

«ПОД ОМСКОМ»

Под Омском, налево с железной дороги,
Поленицей длинной, в холодном снегу
Виднелись разутые голые ноги —
Сажен на сто, по четыре в ряду:
То добровольцы - «белогвардейцы»,
Погибли они в двадцать первом году...
Оттуда возили их к братским могилам:
Старый священник там их встречал:
Лениво махая навстречу кадилом
На скорую руку — их отпевал:
Их много так было,
А он так устал...
Небрежно в глубокую яму бросали:
То боком, то навзнич, то вниз головой...
И так же небрежно им возглашали:
«Во блаженном успении Вечный покой»...
Свалили, зарыли сырою землей...
Много прибавилось за эти полвека
Могил неизвестных героев-борцов...
В них мир хоронит права человека,
В защиту их — нет у него даже слов:
Кующий оковы — достоин оков...

ПАМЯТИ ПОХОДНОГО АТАМАНА С. ПАВЛОВА.

Мы знали, что будет — когда отступали
Под натиском красных с родной земли.
Пощады от них для себя мы не ждали,
Но не из страха пред ними ушли...
Был путь отступления — мы отступали,
Чтоб с силой собраться для новых боев.
В чужбине — не розами нас осыпали:
Не много друзей было, больше врагов...
И ныне работая в шахтах, в заводе —
Мы чутки к сигналу: «к походу», или «в бой»...
Есть скрытые силы в казачьем народе,
Лишь был бы у нас атаман с головой...

«ЗАКОН ВРАЖДЫ»

Вечером небо багровым пылало,
От гула пропеллеров — воздух дрожал,
Реющей смертью зло угрожало,
Кольцом охвативши нас — враг наступал...

Мало героев к защите осталось:
Полные прежде — редки ряды...
То не упрек: там земля колебалась
И кто уходил — не держали тех мы.

Зачем? Борьба не кончается этим лишь светом,
А и на «том» идет та же война:
Тот, кто ослабнет и сдастся на этом —
Ее не минует: двухмирна она...

Мы ж до земного конца борьбу будем
В непримиримой вражде продолжать:
Чтобы тотчас как на тот мы прибудем
Вновь в ряды Божией армии стать.

Мы — до конца Твои, Боже, солдаты:
Среди земных поражений и бед
Молим Тебя: «Помяни нас когда Ты
Трубой возвестишь верным радость побед»..

ВДАЛИ ОТ КУРЕНЕЙ РОДНЫХ...

Как у нас-то, на Дону,
Не по вашему...
(Из казачьей песни.)

I

Городок еще спал.

Первые лучи поднявшегося солнца, поиграв золотом церковных крестов, скользнули по крышам домов и бесцеремонно, сквозь щели закрытых ставень, проникли в темные комнаты, будя заспавшихся граждан.

И разбудили. Захлопали форточки, тут и там заскрипели на ржавых петлях калитки и одна за другой потянулись на базар женщины.

На углу главной улицы, около витрины, в напряженных позах, стоят два человека. Один из них водит по стеклу закорузлым пальцем и что-то говорит соседу. Оба они в сапогах, стоптанных и грязных, в ватных поддевках, стянутых узкими ременными поясками и в зимних курпейчатых папахах с красным верхом. Лица, заросшие бородой, угрюмы. На них печать лишений и беспросветной тоски.

Какая-то неотвязная мысль тревожит сейчас стоящих у витрины людей. Об этом говорят мрачно сдвинутые брови их и пытливые взоры, устремленные на витрину. Там, за толстым стеклом, висит большая раскрашенная карта. Синие и красные флажки указывают линию фронта.

— Не нашел, Степаныч? — спросил один из них.

— Не-е, — ответил Степаныч и поднял руку. — Я так смекаю: тут-вот Перекопка, иде фронт... А Дон должóн быть трошки повыше и, кажись, немножечко правей...

— А не левей?

— А чума ево знает, может и левей. Толькя, не должно бы быть... Яков Василич сказывал, бутто правей. Он уж искал.

— Ну, давай поишшем ещще...

Старики сосредоточенно, прищурив глаза, уставились на висевшую перед ними осважную *) карту юга России.

— Степаныч, а эта... синяя... чево обозначает? Уж не мóря-ли, часом?

— Синяя? Во-от ты какой! В самую точку попал! Яков Василич гутарил, што мóря.

— А чево на ней написано? Читай!.. А-зо... Азо-вс-кая... Ну, вот... Азовская моря. Поищщи теперича Ростов... Он недалече от берега.

Степаныч, следуя во всем наставлениям Якова Василича, потянулся пальцем в правый угол синего пространства, обозначавшего Азовское море, и наткнулся на Таганрог.

— Таганрог, Иван Захарьич, Таганрог! Гляди!

— Ну, теперича почти дома! — торжествующе воскликнул Иван Захарьич. — Иде он?

— Вот он.

Степаныч ткнул в Таганрог и осторожно стал поднимать указательный палец вверх по карте.

— Ты, Степаныч, не дюже поспешай. Проскочишь Ростов — ищщи ево опосля.

— Да я и то... оберегаюсь. Ростов-вить, рукой подать от Таганрога. Вот он!

— Значит, приехали на Дон. Здорово ночевали! — пошутил Иван Захарьич, обнажив в улыбке желтые от табака, но хорошо сохранившиеся зубы.

— А вот и самый Дон Иванович. Гляди, брат, синий, вроде ниточки. Видишь?

— Это вилючий-то такой?

— Он самый.

— Тоненький он, — вдумчиво, с оттенком сожаления, произнес Иван Захарьич и сомнительно покачал головой. — Я, паря, чевой-то не дюже верю, штобы Дон был такой тоненький... Вить, теперича весна... Теперича он верст на пятнадцать раздулся.

Степаныч весело рассмеялся.

— Ты, Иван Захарьич, чистая дите.

— Почему такое?

— Да почем ты знаешь, када этот план-то рисовали? Может — зимой. А рази зимой Дон разливается?

Оба старика посмотрели друг на друга и беззвучно, широко раскрыв рты, рассмеялись. Потом, улыбаясь и поглаживая усы и бороды, загоревшимся взором прищуренных глаз, до неузнаваемости изменившим их пасмурные доселе лица, проследили до самого Иван-озера Тульской губернии тоненькую извилистую синюю линию родной реки, с отходившими от нее влево и вправо, еще более тоненькими линиями притоков.

— Ну, Степаныч, давай съездим в На-

*) Осваг — осведомительно - агитационный отдел министерства пропаганды вооруженных сил юга России (ВСЮР).

гавскую, погостюем трошки дома да и назад. Камсу, как бы, не расхватали на базаре... Знаешь народ какой ноне пошел? Не успеешь оглянуться — все подчистють! Рыбешка-то дешевая, по нашим стредствáм.

Шершавый палец Степаныча медленно «поплыл» вверх по течению Дона, частенько, на его излучинах, останавливаясь «погостить» в знакомых станицах, пока, наконец, не «доплыл» до Нагаевской.

С полчаса «гостили» старики-беженцы в своей станице, тихо перебрасываясь короткими фразами, поминутно вздыхая и недоуменно и горестно покачивая тяжелыми от тяжелых дум головами.

— Будя! — коротко бросил вдруг Степаныч и, махнув рукой, оторвался от витрины.

Иван Захарьич поплелся следом. Он часто моргал, изо всех сил старался удержать слезы, готовые брызнуть из его затуманившихся, покрасневших от сдерживаемого напряжения, глаз.

II

В маленькой комнатке небольшой дачки было нестерпимо душно. Полуденное солнце, яркими полосами врывавшееся в комнату через открытые в сад окна, делало пребывание в ней почти невозможным.

Но десять человек, прямо на полу рассевшиеся вдоль стен — восемь из них были хозяева, а двое — офицер с женой — гости, — казалось, не замечали ни духоты, ни табачного дыма, густым облаком поднимавшегося до самого потолка. Более важное, нежели духота и табачный дым, занимало их сейчас — они говорили о своих домах и про Дон.

Все они были детьми одной из скромных и тихих донских станиц и только двое из них — офицер с женой, не принадлежали к новому, недавно народившемуся классу населения — беженскому. Тесно связанные между собой родством по происхождению, еще более близкие друг другу по общему всем им месту рождения, — они представляли сейчас из себя семью, живущую одними интересами, молящуюся одному и тому же Богу и верующую в Него одинаково...

А их интерес сейчас, их постоянная забота, их мечта, — как все мечты, далекая от действительности, — это Дон.

Вот почему, когда заговорили о нем, лица присутствовавших просветлели, как-то отлетели далеко проклятые вопросы проклятой нужды и на душе у всех стало легко, будто все они не были беженцами, не имеющими ни кола, ни гроша за душой, а прежними свободными и гордыми своим достатком людьми.

Заговорили про Дон и увлеклись. Припомнили один, другой случай из станичной жизни и... потекли воспоминания. Изредка возвращались к невеселой действительности и только для того, чтобы сравнением наглядно показать, как хорошо на Дону и как плохо тут, в Крыму.

— В прошлом году я здорово болел тифом, — рассказывал молодой еще казак, станичный казначей, Лука Петрович. — Положили меня, как колоду какую, на подводу и повезли в станицу. Слух прошел, что наши только-что заняли ее... Мы тогда убегли из станицы на Бузиновку, — вскользь пояснил разказчик. — Да... Вывезли меня в степь, а я лежу, не двигаюсь. На спине пролежни, на бок положат — растрясет и опять надо поворачиваться на спину... Страдал я, не приведи Бог, как... А в степи — рай настоящий! Май месяц был, трава поднялась высокая, зацвела, солнышко так хорошо греет... Только видим, скачут навстречу двое. «Стой!» — кричат. — «Что такое?» — «Поворачивай! Красные Венцы заняли!».. А мы уж на изволок поднялись, вот-вот к Венцам спущаться надо... Нечего делать, повернули... и назад.

— Погоняли они нас тогда, — промолвил один из слушателей. — Беда.

— Да... — начал снова Лука Петрович. — Потом, вскорости, прослыхали мы, что станица наша на самом деле взята нашими. Тут уж мы, не спеша, потихонечку добрались-таки до дому.

— Тебя тогда хоронили в станице, — засмоялся молчавший дотоле старик с окладистой серо - пепельной бородой. — А тебя и Крым не берет.

Лука Петрович улыбнулся.

— Жена, верно, на самом деле думала, что я помер. Как заняли наши станицу, она сразу увидала, что меня нету. И сейчас же к ворожке. Та раскинула карты и доложила: так и так, по картам выходит, что нет дороги твоему мужу к дому... Ну, жена, само собой, пригорюнилась. Прибежали соседки, родные и все целый день проплакали надо мной... А на другой день — и я тут! Вот радость-то была! Жена плачет, не верит, что я живой. Ссадили меня с повозки, несть хотели в курень, а я говорю: «пустите меня, я сам дойду». И, ведь, дошел! Лег в этот день, думаю: завтра поднимусь, ан на дру-

гой день по иному вышло... Загорелся весь и ногой не пошевелю. Лечили меня и доктор, и фельдшер — Павел Петрович, и бабки... Павел Петрович велел мне ванну соляную сделать. Пошла жена к Петру Иванычу, — а у него на квартире жил доктор — и просит ванну. Доктор и спрашивает: «Зачем ванну берешь?» — «Мужа купать, фельдшер велел.» — «Брось сейчас же! Вредно это, умереть может твой муж.» Так и не разрешил. Вздумали тогда бабы меня травой парить. Поехали в степь, накосили травы свежей, положили в горячую печку... Дух такой от травы пошел, распарилась она, чистый аромат — степь да и все... Конечно, никчему все это было — не помогло.

— Да..., степь.., — воспользовался передышкой расскасчика молчаливый бородатый старик, чтобы выразить сокровенную, постоянно занимавшую его, неотступную мысль: — Доведет ли Господь повидать ее?

Он вздохнул и безнадежно махнул рукой, точно хотел сказать: «Вы еще, пожалуй и увидите, а я»...

— А помню, случай такой был в нашем смерть-батальоне..., — начал было молодой казачек, но его перебил старик — владелец степного хуторка и мельницы, обращаясь к гостю-офицеру:

— Как вы, Евмений Саввич, думаете — у нас, вот, скажем, в степи, на мельнице, куда лучше, чем тут, в ихнем Крыму? Нашет, хотя-бы погоды...

— У нас? — вступил в разговор отставной полковник, деливший изгнание со станичниками. — У нас? — повторил он. — Да и сравнивать нечего! Тут в три часа дня уже холодно. Прямо, безобразие! У нас, в степях, климат ровный. Лето, как лето, духоты особой нету, всегда веет ветерок, освежает... А тут, в этой дыре, или холодно, как сейчас, или душно — дышать нечем, как летом..

— А помните.., — опять начал казначей, рассказывавший о своей болезни...

И снова потекли воспоминания...

III

Апрель на дворе, а порою печет так, что впору июль вспоминать.

По самому солнцепеку медленно плетутся двое станичников. Один из них старик с коротко подстриженной седой бородкой, кряжистый, полный. На лице его — море добродушия. Второй худощавый, средних лет казак, обросший щетиной, делавшей выразительное, со следами болезни, лицо его старческим. Он в валенках. Оба станичника — беженцы идут с базара, в руках у них пакеты с покупками.

— Не нравится мне хваленый Крым ихний, — произнес казак в валенках. — Не по нашему все тут. Земля, как камень, не то, что у нас... Да и виду никакого нету.

— Это ты верно, — подумав, ответил старик. — Что верно, то верно — виду никакого.

— Я думал тут лесов много. Хотел поглядеть на хороший лес, как в Польше. А тут степь не степь — голое место одно.

— Сте-епь., — с легким презрением протянул старый станичник. — Видно у нас, у казаков только, хорошая степь. Правду сказать — лесов и у нас маловато, зато степь пахучая... Весной, как сейчас, поглядишь — дух захватывает... Простор кругом, зеленая вся, цветками скоро раскрасится...

— Теперь трава, гляди, поднялась... То-то, должно, хорошо там...

Казаки погрузились в короткое, полное степных воспоминаний, раздумье.

— Стой, брат! — встрепенулся вдруг старик. — Чего же это мы все идем? Давай отдыхать!

— Давай! Задумаешься и не замечаешь, что ноги устали. И когда это я очунеюсь?

Веженцы прислонились к стене дачи, из-за которой тянулось кверху деревцо, похожее на раину.

Старик стал крутить папироску, а спутник его, некурящий, занялся осмотром окружающего.

— Слушай, никак песни играют? — произнес он, прислушиваясь.

— Да-да.., играют. С ученья, должно быть, идут.

Действительно. Вдали появилось легкое облачко пыли, сквозь пыль блеснули на солнце штыки. Скоро показались и ряды. Беженцы пропустили мимо себя юнкеров, шедших со стрельбы.

— Ловко идут.

— Не идут, а печатают.

— А вот и казачки. Ну, уж и идут! — широко заулыбался старик. — Прямо на парад — живо осрамят кого угодно.

Казаки и в самом деле шли нестройно. Старались, правда, идти в ногу, да как-то не получалось.

— Да разве можно с нашего брата спрашивать пешее ученье? — с убеждением, горячо заговорил казак помоложе. — Да никогда! Наше дело на конях. Нам коней подай, тогда и спрашивай.

В первом ряду вспотевший запевало, чубатый веселый урядник, охрипшим голосом затянул: «Утром рано весной на редуте крепостной»... Команда не во время подхватила и песня сорвалась.

— Вишь, и петь-то под шаг не умеют, — усмехнулся старик и добавил: — Пойдем, Луканя, а то Степан Александрович серчать будет.

Беженцы пошли было дальше, но вдруг остановились. Слуха их коснулась веселая, дружно исполняемая казачья песня:

Трава моя травушка,
Трава зеленая.
Как по этой травушке
Я не нахожуся.

— Ты, Егор Иваныч, говорил, что не умеют под шаг. Ан, умеют.

— И ловко как получается, ядрена-Матрена, — удивился старик.

Команда казаков свернула за угол.

Беженцы послушали удалявшийся от них мотив с детства знакомой песни и медленно, под безжалостно палящим южным крымским солнцем, двинулись на отведенную им «дачу», где их с нетерпением ожидала «станица», не так давно выставившая против большевиков тысячу семьсот всадников и пластунов, а теперь помещавшуюся в одной комнатке небольшого домика евпаторийского дачного поселка.

П. Аврамов.

ОТ РЕДАКЦИИ «РОД. КРАЯ».

В декабрских №№ Нью-Иоркской газеты «Новое Русское Слово» были напечатаны письма донских казаков, которые были в переписке с недавно скоропостижно скончавшемся близким родственником ген. П. Н. Краснова — Ник. Ник. Красновым, автором известной книги «Незабываемое». В своих письмах Н. Н. Краснов возмущался очерками ген. И. А. Полякова, в частности его «историческим очерком» «КРАСНОВ - ВЛАСОВ», утверждая, что то, что написано ген. Поляковым, «совершенно не соответствует действительности». Так как описываемые события происходили на его, Н. Н. Краснова, глазах, он «постарается по мере сил восстановить правду и исправить исторические неправильности на страницах печати». Внезапная смерть Н. Н. Краснова помешала выполнить его намерение и донские казаки, как бы выполняя его предсмертное желание, доводят до сведения читателей, как он расценивал ген. Полякова.

То, что донцы считали нужным на страницах обще-русской печати довести до сведений всей эмиграции, должно тем более стать известным казакам, почему мы и перепечатываем их письма.

НОВОЯВЛЕННЫЙ «ИСТОРИК»

Вышедший из печати и поступивший в продажу «Исторический очерк» ген. И. А. Полякова «Краснов - Власов» должен обязательно быть взят в особые ковычки, т. к. он представляет собою гл. обр. автобиографию автора, сдобренную чрезмерным «самохвалением, самолюбованием и саморекламой».

В основу краткого разбора этого «Исторического труда» необходимо взять отрывок из письма покойного Н. Н. Краснова, автора книги «Незабываемое», полученного в Нью Йорке в конце октября с. г. (письмо, о котором идет речь, помещено в этом же № «Р.К.» на стр. 23). О д н а к о, это выполнить Н. Н. Краснов не смог, — преждевременная смерть скосила его 22 ноября 1959 г. в Буенос Айресе. Вечная память Донскому казаку, талантливому писателю и журналисту!

Вспоминаю и я со своей стороны недавнее прошлое:: И. А. Поляков на тему «Краснов-Власов» прочитал доклады: 31 мая 1952 года в Лэйквуде, 27 декабря 1953 г. в Нью Йорке, в конце августа 1954 г. в Пассейке, причем, особенно в последнем докладе многие «исторические» данные были изложены

им иначе, чем теперь в его «Историческом очерке».

Подробное описание И. А. Полякова в «Историческом очерке» его миссии по примирению ген. Власова и ген. П. Н. Краснова автором сильно «раздуто», т. к. между этими генералами собственно никакой ссоры, и тем более вражды не было, что могут подтвердить проживающие ныне свидетели в Америке и Германии, в частности в Мюнхене, особенно ближайшие сотрудники ген. А. А. Власова.

Надо поставить в упрек И. А. Полякову, что он, по личным соображениям, решил потревожить память трагически погибших обоих генералов, забыв вековечное правило: «Дэ мортиус, аут бэнэ, аут нигиль».

Ведь вот Власовцы, которые могли бы многое написать по содержанию «Исторического очерка», молчат, видимо, считая этот «очерк» не заслуживающим внимания, как во многом не правдивый, совершенно не объективный, а главное, м. б., из-за благоговейного почитания своего Вождя, не желая упоминать всуе его имя в печати.

В своем «Историческом очерке» И. А. Поляков старался показать себя «незаменимым человеком». Еще в бытность в Берлине предполагаемой «Зимовой Станицы» при штабе ген. Власова Атаманом ее мог быть только И. А. Поляков; обследовать жизнь казаков в расположенных в Италии станицах мог быть только один И. А. Поляков; для занятия намечавшейся должности генерала для поручений при ген. П. Н. Краснове нашелся только один И. А. Поляков; переформирование казачьих групп в Италии, по распоряжению немецкого генерала, могло быть поручено только И. А. Полякову; даже на роль переводчика — посредника между казаками и немцами во всем Казачьем Стане нашелся только один И. А. Поляков и многое другое. Это свое превосходство перед всеми И. А. Поляков в своем «очерке» описал очень подробно и красочно.

Описание И. А. Поляковым казачьей трагедии в Лиенце и как он сам «спасся» от поездки на «совещание» к английскому генералу и не был при том выдан Советам, противоречит «упорным фактам». Общеизвестно, что из Лиенца были вывезены обманным способом и потом выданы Советам положительно все находившиеся тогда там, офицеры, врачи, чиновники, старые, дряхлые офицеры, не принимавшие никакого участия в последнее время в военной службе, кроме, конечно, тех, которые перед выдачей скрылись из Лиенца в леса и другие укрытые места, — коротко говоря и образно, из Лиенца не были выданы только те офицеры, которые там не были. И. А. Поляков там был и для поездки на «совещание» к английскому генералу оказался «заменимым». В казачьей печати вопросу «спасения» И. А. Полякова от выдачи Советам были посвящены очень многие статьи, но никогда и до сего дня обстоятельного ответа на этот вопрос не было получено. И. А. Поляков даже забыл им когда то рассказанную уже здесь в Америке «басню» о ген. Соломахине и слова, сказанные этим генералом И. А. Полякову перед своим отъездом и других офицеров на «совещание» к английскому генералу. Ген. Соломахин, к сведению И. А. Полякова, был из Лиенца выдан Советам и, по свидетельству Н. Н. Краснова, по отбытии срока, освобожден из советского концлагеря.

В настоящее время пишут, что опубликованием «Исторического очерка» И. А. Поляков: «... имел житейское (??) желание передать будущему Нестору великого русского безвременья... безупречный материал».

Эти строки и особенно слова покойного Н. Н. Краснова и написаны теперь, чтобы будущий русский историк, по ознакомлении с таким очень своеобразным «историческим документом», не впал бы в заблуждение. Подлинная же биография И. А. Полякова, как бы он ее ни старался разукрасить в своих «воспоминаниях», более чем общеизвестна. В этом направлении И. А. Поляков проделал «Сизифову работу».

Петр Чекамасов
старый донской казак

ПИСЬМО Н. Н. КРАСНОВА

Многоуважаемый Г-н Редактор!

На страницах Вашего журнала Вы всегда даете место всем, желающим восстановить истину какого либо сообщения или взгляда. Пользуясь этим, обращаюсь к Вам с просьбою напечатать одно из последних писем умершего 22 ноября 1959 г. писателя

Н. Н. Краснова (младшего), который прислал мне его незадолго перед своей смертью (в конце сентября 1959 г.). В этом письме он, между прочим, выразил свой взгляд на выборы Донского Атамана, а также и дал краткий отзыв на исторический очерк ген. И. А. Полякова: «Краснов-Власов», помещенный в газете «Россия» в Нью-Йорке. Его взгляды проливают совершенно иной свет на эти вопросы и потому очень хотелось бы сообщить их казакам, которые очень любили и почитали умершего писателя, а некоторые группы казаков думали выставить его кандидатуру в Донские Атаманы, на что имелось и его согласие.

Получив это письмо, я не собирался оглашать его, т. к. Н. Н. Краснов писал, что он намерен сам выступить в печати с опровержением сообщений, изложенных в очерке «Краснов - Власов», но его внезапная смерть не дала возможности осуществиться его желаниям и поэтому я и решил опубликовать это письмо, очень важное для общественного мнения.

Искренно уважающий Вас
В. М. Петрус.

28. 9. 59 года.

Многоуважаемый
Василий Максимович!

Несколько дней тому назад, я получил Ваше письмо от 14. 9. с. г., но не смог ответить, по независящим от меня причинам. У нас забастовки чередуются одна за другой и я не хотел отправлять письма, не будучи уверенным, что оно дойдет.

Относительно нашего больного вопроса — о выборах «Атамана Всевеликого Войска Донского», то я полностью разделяю Ваш взгляд. Генерал П. Х. Попов настолько стар, что говорить о нем, как об Атамане, просто не следует, т. к. это вызовет только улыбки. Одно имя ничего не значит, если нет сил, чтобы сохранить казачье единство. В его возрасте давно люди у нас на Родине шли на покой, не закрывая дорогу молодым, сильным духом и честным людям. Нам казакам нужен Атаман такой, какой будет иметь и авторитет, уважение, силы и здравый ум. «Не всегда седая борода представляет верх жизненной мудрости!» В США безусловно есть казаки, которые способны занять этот почетный пост. Я считаю, что место Донского Атамана должен занять более молодой казак, честный с не запятнанным именем. «Почему это поняли Кубанцы, а мы не можем?»

Что касается кандидатуры генегала И. А. Полякова, то на это можно смотреть двояко: и «ЗА» и «ПРОТИВ». Я лично знаю его хорошо и всю его биографию, как по моим наблюдениям и сведениям, так и со слов моего деда, ген. П. Н. Краснова. Много страданий и не заслуженных обид перенес мой дед по вине ген. И. А. Полякова.

Живя в Югославии много лет, я сам видел его кипучую деятельность, направленную больше на личные интересы, чем на благо своего ближнего и даже казаков. Это эгоистичный и честолюбивый человек, который для достижения намеченной цели или земных благ ни перед чем не остановится. Всю свою деятельность, особенно последнего времени, ген. И. А. Поляков направлял на то, чтобы правдою и неправдою добиться поста Донского Атамана. Хотя я и примкнул к «поляковской» станице, но пошел туда я в надежде смягчить раздоры и распри среди казаков и добиться единения. Я лично считаю кандидатуру ген. И. А. Полякова в Донские Атаманы совершенно неподходящей, т. к. это имя не только не пользуется никаким авторитетом, но даже и уважением среди всех честных казаков. Даже близкие друзья его и те покинули. Его жизнь и деятельность заграницей и особенно в Югославии останется темным пятном в его биографии и еще очень много живых свидетелей его поведения.

Меня очень удивил его очерк в газете «Россия»: «Краснов - Власов» по своей безцеремонности. Хотя такое «самохваление» не в диковинку для ген. И. А. Полякова и сейчас ему необходимо перед выборами для его дальнейшей карьеры, но все-же он «перехватил через край», вероятно забыв, что есть еще живые свидетели его «карьеры».

В своем очерке он допустил большие исторические «неточности», которые могут ввести в заблуждение людей, не знакомых с теми интригами, которые плелись в Италии, еще при жизни моего деда, ген. П. Н. Краснова. Душой этих интриг были генералы: И. А. Поляков, Татаркин, Науменко, Доманов и др., сваливая все ошибки и неудачи на деда, П. Н. Краснова, и его немецкую ориентацию.

Как член семьи Красновых, как внук ген. П. Н. Краснова и сын ген. Н. Н. Краснова, как единственный Краснов, чудом оставшийся в живых (ведь из выданных 4-х Красновых трое погибли в застенках НКВД), я

считаю очерк ген. И. А. Полякова совершенно не соответствующим действительности, т. к. все эти события и переговоры проходили на моих глазах и дед сильно страдал, глядя на все, происходящее вокруг него: как продавалась былая слава казачества, как по Казачьему Стану носились всевозможные сплетни и как самое существование Казачества висело на волоске. Дед, ген. П. Н. Краснов, сильно реагировал на эти события и переживал, т. к. всю жизнь боролся за честь и свободу России и родных ему Донцов, но... он уже не имел: ни сил, ни власти бороться с темными силами, его окружавшими.

Я думаю, по мере моих сил, в недалеком будущем возстановить на страницах печати всю правду, точность и ясность во всех этих событиях, как они происходили в действительности.

Я считаю также, что нам, Донцам, необходимо объединиться вокруг Центральной Избир. Комиссии и честно, по казачьи, всем вместе выбрать своего Атамана. Если мы будем сомневаться в Избирательной Комиссии то тогда как же приступить к выборам? Выходит, что каждая страна и каждая маленькая группа казаков будет иметь своего Атамана и свои собственные выборы. «Плохо, если нет доверия. А как было бы хорошо, если бы и ген. П. Х. Попов и ген. И. А. Поляков отказались от своих кандидатур в Донские Атаманы!»

Меня тронуло Ваше сообщение, что некоторые группы казаков выставили мою кандидатуру в Донские Атаманы, но я живу так далеко от главной группировки казаков в США, что вряд ли смогу быть полезным.

«Наша сила в единении. Мы можем провести выборы и мы должны честно выбрать своего Донского Атамана. Как раз личность Атамана и должна нас объединить!»

Будьте здоровы! Искренно уважающий Вас

Ник. Краснов.

НА ЗАПАД

(Через города, пустыни и горы США)

Давно я думал посетить Запад США. 2-го июня 1959 г. на автобусе дальнего следования «Грей Ганд» я выехал из Нью Иорка в Лос Анджелос и далее. Из Нью Иорка до Л. Анджелоса 3,148 миль, а вернулся через Сан Франциско, Чикаго и Бостон. Это составило 7,158 миль или 10,732 клм. Всех штатов я пересек 20 и проехал 29 городов.

Организация линий автобуса «Грей Ганд» замечательна. Она, как паутиной, охватила США. Автобус в полтора этажа с удобствами, мощной силы и огромной скорости: мчится, как сказочный «Серый Волк» («Грей Ганд» означает «Серая Собака»). Шофера - вожатые воспитаны, дисциплинированы, одеты в одинаковую элегантную одежду.

Центр этой организации в Чикаго, у нее здесь огромная собственная станция с массой удобств для публики, как и «Бас Тэрминаль» в Нью Иорке. Автобус останавливается в определенных местах каждые 1-1½ часа. Кресла мягкие, откидываются для удобства, но лечь нельзя. От Нью Иорка до Лос Анджелос автобус идет около 78 часов и билет на один конец стоит 84 долл.

Дорога до Филадельфии мне известна, а дальше — новый мир. Одиннадцать штатов до Лос Анджелоса. Выехал из Нью Иорка в 9 часов утра. Утро было ясное. «Грей Ганд» с обычным грохотом, рычанием двинулась со своей станции и стала пробираться через улицы и туннель «Линкольн».

Замелькали мосты над нами. Набираем скорость. Бедные наши, даже лучшие, тройки, четверки! Дорога чудесная. Никаких препятствий. 60 миль в час, т. е. 90 клм. Часто перевожу на версты, чтобы яснее представить расстояние и скорость, если бы я ехал на лучшей своей лошади или на тачанке, запряженной тройкой или четверкой. Куда там. Удивляюсь «Серой Собаке». Мчимся.

Поднимается туман, густеют и сосредотачиваются тучи. Мимо или над нами мелькают мосты, скалы и железная дорога. Проходит час, другой. Вот река, одинокая баржа и мост через реку. Идет поезд. Дымит паро-

ход. Густая и пышная зелень. За нами уже остались Нуарк, Нью Брунсвик и Трентон Хотя туман разошелся, но пасмурно, сыро. Мелькают «Мотели» — дома - стоянки для отдыха или ночевки путешественникам. Попадаются мотэли нарядные и, видимо, с большими удобствами. Приближаемся к Филадельфии (шт. Пенсильвения). Перед нами большой пригород, и огромный мост через широкую и многоводную р. Делавар.

В Филадельфии пол - часа остановки. День настраивается на холод и дождь. При выезде бросаются в глаза новые, прекрасные 20-ти этажные дома. Дальше река, мосты и широкий водопад. Налево лес. Идем долиной. Впереди лесистые горы. Но по сторонам тщательно возделанные поля. Пошел дождь. По бокам дороги — потоки. Направо на холме появился красивый городок. Возделанных полей все больше. Ползут тяжелые, разорванные тучи. Весь горизонт покрыт лесами, а направо и налево горы. Догоняем и перегоняем всех. Начинаются длинные туннели. Их 8. Направо удивительной красоты долина. Сады, дома, а кругом лесистые горы. Путь идет среди гор и лесов. Последние густеют со смесью хвойных деревьев. Но и среди леса появляются обработанные поля, а по сторонам — коровы, овцы и лошади.

Вечереет. Приближаемся к большому городу: много гаражей, мастерских и бензиновых станций. Направо открывается замечательный вид. Много особняков. Вот — красивый голубой бассейн для купания. Огненная вывеска — «ВЕСТИНГАУЗ». Еще один туннель, а за ним знаменитый в шт. Пенсильвения и в США ПИТТСБУРГ. Царство стали. Город занимает огромное пространство, не стесняющееся горами, ущельями и пропастями. Огни и на небе и в пропасти, на дне. Бесчисленные высокие трубы, дома, улицы, мосты и наверху и в низу и всюду. Какая должна быть организация, чтобы во всем и всюду был порядок! Въезжаем через весь этот лабиринт к станции автобуса. Высокие темные дома. Народу много. Далее река. Полноводная. Пароход.

3-го июня. 7 час. утра. Солнце уже высоко. Идем по ровной местности по штату Огайо. Места, как будто декорация. Дождь перестал. Все чисто и нарядно. Направо под деревьями чистая, прозрачная, как зеркало, речка. Поля обработаны, как в оранжерее: ровно-ровно. Деревни. Везде электричество. Световые сигналы. Вот густая и ровная, высоко поднявшаяся, пшеница. Яркое солнце. Налево, должно быть, завод. Все белое, алюминивое. Остановка. Гор. Индианополис. Штат Индиана. Здесь пересадка в Чикаго Город широкий и разбросанный. Посреди — река. Автомобили без конца: едут на работу. Парк. Длинные улицы. Низенькие дома тонут в зелени.

Вот дома на колесах (длинные вагоны - автомобили). Вспомнил из истории монголов: в 12-13 в.в. у монголов тоже были «дома» на колесах, даже сам Чингис-хан жил в таком «доме».

На поле идет работа. Идем, то поднимаясь, то спускаясь. Проезжаем деревню. Школа. Отличное здание, а за ним — школьные автобусы для развозки детей по домам. Опять нависли тучи. Но солнце держится. Автобус дал ходу. Минуем кукурузное поле, круг для скачки. Приближаемся к большому городу: Впереди дымит множество труб. Вышки. Три часа дня. САН ЛУИС. Шт. Миссури. Огромный город со множеством фабрик и заводов. Погода стала солнечная, ясная.

Переменили автобус. Двинулись. Навстречу несется нескончаемая колонна автомобилей. Какое небо! Синее-синее. Налево делают что-то большое: масса насыпей. Дорога прекрасная и что-то будто родное. Когда то, бывало, в родных Краях, у себя ехали по прекрасной степной дороге. По сторонам зеленый простор, над нами бездонный купол синего Неба, под ним заливается жаворонок, воздух чистый и прозрачный без намека на фабричную копоть, запах бензина, а пара высоких, сильных рыжих стремительно и быстро уносит нас все далее и далее. А горизонт все время чистый и манящий. Как было хорошо и радостно...

Весь край, по которому мчимся, так красив. Какая великолепная и прекрасная страна! Сколько труда, творчества и организации. Идем, очевидно, через земледельческие и скотоводческие края. Везде фермы, скот и земледельческие орудия.

Ночь. Въехали в большой город. ОКЛА ГОМА - СИТИ. Штат Оклагома. Ранее утро, 4-го июня. Что-то упало или наш автобус что-то сваляли. Остановились на поле у одного домика при дороге, в роде ресторанчика. Неожиданно открылся новый вид. Степной. Перед нами и кругом слегка холмистая степь. Слезть бы и пойти. Собирается гроза. Шофер пошел в домик с вывеской «кафе» и объявил об остановке и предложил итти завтракать туда же. Тишина. Такая редкая в нашей американской жизни. На горизонте далеко-далеко друг от

друга фермы, как будто наши «кашары». Вдали вдоль дороги — деревни. Дождь. Стоим, как будто где-то у нас в степи, напр., у разъезда «Амта» между Зимовниками и Куберле.

Загремел гром. Блеснула молния. Действительно, с нашей «Грей Ганд» что-то случилось. Часа через полтора, пришел за нами другой автобус. Наконец тронулись.

Степь желтая, редкие деревни и фермы с маленькими домиками. Почва меняется и становится красной. Идем долго без остановки. Пробегаем мимо стада скота. Остановились у большого дома. Конечно, это — не дикая пустыня или наши степи. З д е с ь в с е е с т ь. Однако и направо и налево на необъятном пространстве — п а ш н и.

Вижу: налево на широкой степи «курган». На нем бедная ферма. Растительность чахлая. Попадаются стада скота. Реклама. Железная дорога. Подъезжаем к городу. Малая остановка и дальше на путь. Снова мчимся. На горизонте н и о д н о г о дерева. Там и сям стадо скота. На обширной степи, как заброшенные в степи кибитки, редкие фермы.

На горизонте идет какое-то огромное строительство и масса автомобилей. А э р о п о р т. Железная дорога широко разрослась. Многочисленные вагоны. Но дальше опять степи. Вот — гор. АМАКИЛЬО. Шт. Техсас. Масса домов - автомобилей. Налево резервуары для бензина или нефти, постройки и нефтяные вышки. Строят новый город. Повороты, мосты, многочисленные улицы и переулки. Остановились. По здешнему 12 ч., по моим 2. Купил много открыток с видами. Наш автобус исчез. Но я набрался опыта и слежу за «знакомыми» пассажирами. Они, как американцы, знают все.

Вот и пустыня. Амарильо за нами, как оранжерея, со своими деревьями и цветниками, тенистыми улицами, прекрасными одноэтажными домами, с зелеными полянами, с деревьями посредине, и площадкой для игр. Степь - пустыня продолжается. По сторонам, как и по всей этой степи, кустики. На горизонте цепь высоких выступов. Попадаются скот, телята, а кругом все те же кустики. М и р а ж. Явление мне, по нашим степям, знакомое. Вот довольно много лошадей, но, конечно, это — не наши, бывало, многочисленные степные табуны. Как одинокие в степи кибитки, торчат фермы.

Выступы, делая причудливые линии, вдруг кончаются, как отрезанные. Вот высокая скала и далее что-то в роде ущелья. Там, где коснулась рука человеческая, появились зелень и посевы. Идем мимо горы, а на ней остатки какой то крыши. Сама гора похожа на остатки какого то сооружения. Ее верхушка, как макушка головы, вокруг нее отвесные стены, а ниже высокая степь с ущельем. Подъезжаем к поселению. Малая остановка. У дверей ресторана смуглая, черноволосая девушка в коротких штанах и в широкополой мексиканской шляпе. Этот тип, видимо, мексиканско-индейский, встретился впервые. Тронулись. Недалеко канал. Места гористые. Направо железн. дорога. Редкий лес, деревья низкие, ветвистые и с довольно толстыми стволами.

Проезжаем город САНТА РОЗА. Набежали тучки. Солнце склонялось к вечеру. Степь приняла знакомый мне задумчивый характер. Дорога идет через лесистые горы. Между ними теснятся бедные домики. Горы разрушаются самой природой. На большом пространстве валяется масса булыжников, между ними и очень большие. В этих местах много вагонов - автобусов для жилья. Целый городок Далее степь без конца. Ничто не заслоняет горизонт. Ехали всю ночь. Утро 5-го июня. Горы. Дорога идет зигзагами. Т а к о ю дорогой еще не приходилось проезжать. Восход солнца осветил горы перед нами. Они были синие. Вспомнилось Лермонтова «Синие горы Кавказа». Горы волнистые, зубчатые и остроконечные. По сторонам впервые показались кактусы. Идем по равнине, лишь вдали голые и серые горы, что некогда калмыки называли «болзотын боро ула» (серые горы встреч).

Наконец, голоса птиц. Их здесь мало. Опять кактусы. Теперь их много. Есть высокие, как столбы или колонны. Но поодаль от них — река, канал и прекрасные кукурузные поля, а на остановках уже высокие олеандры, жасмины и даже обратившиеся в человеческий вид эти самые курчавые кустики пустыни. Как только коснулась человеческая рука, уже чудеса.

П а л ь м ы ! Наконец-то. Красота. И это как только выехали в первый город Калифорнии. Улицы с пальмами и прочими роскошными деревьями. Но за городом опять пустыня, с ее бедной растительностью. Кое-где белые будочки. Горы — голые, мертвые. Ни травинки. Кругом всюду белый песок и мелкий камень с малыми и чахлыми кустиками. По сторонам два ряда телеграфных и телефонных столбов. Дорога ровная и прямая. Рекламы, как солдаты на часах, — по сторонам. Вот мостик: к нему, как друзья,

склонились зеленые деревья.

5-го июня. 11,50 по моим часам. Направо у подошвы горы — что то белое. Все видимое пространство покрыто мелкими камнями. Никак не выходим из окружения гор. Железная дорога пересекает нашу. Снова будочки. Какие то трубы у подножия гор. То «белое» оказалось засохшим руслом реки. Вот город. Его называют «Центр Индии» (а может индиан?). Много пальм. Они так стройны и высоки. Когда то в детстве я видел книгу о путешествии по Цейлону и картины пальм. Как они были красивы! Вот только через 60 с лишним лет я вижу настоящие, живые пальмы. И самое слово «пальма» звучит как то красиво и ласково. Вот их целая роща, а дальше больше. Но при выезде из города горизонт заслоняется параллельными хребтами гор и земля покрыта белым песком. Но и среди этого песку и гор перед нами снова появляются пальмовый парк и высокие, прекрасные деревья, преображенные из тех самых чахлых кустиков, что еле дышат в пустыне. Но милые, обиженные кустики, без вас и вовсе была бы мертвечина!

Вот поднимается новое поселение — будущий город. Уже выросли дома, сады и рощи. Вот целый парк кактусов.

«Выход из пустыни» — лозунг, какой я здесь прочитал. Действительно: перед нами чудесный посев. Вот «мамаша» — кобыла с ее ребеночком - жеребенком. Дальше и косяк кобылиц с жеребятами. Снова радует глаза парк. Может быть, это — апельсиновые плантации. Зазеленели и горы. Идет воскресение мертвой природы.

Проезжаем какие то города. Вижу и город Посадена, известный мне из переписки.

5-го июня в 6 час. вечера «Грей Ганд» остановился в Лос Анджелос. Я у цели. Осматриваюсь. А, вот милый Л., которого я знал, когда он еще был мальчиком. Он приехал меня встретить. Спасибо ему. Город-то огромный, неизвестный. Конечно, у него свой автомобиль. Подъезжаем к их дому. В. С. ждет на балконе, как когда то, давно-давно тому назад, бывало, гостей встречали на крылечке своего дома. В. А. еще на работе. Так мы, «сограждане» по дому № 853 на Прубежной ул. в Страшницах в Праге в Чехословакии, встретились в Лос Анджелосе. В последний раз я встречался с ними 13 лет тому назад в Мюнхене.

Дом у них большой, удобный с садом, балконом с тремя березками на углу на улицу, пальмами на мостовой и густой зеленой травой. Здесь я буду наслаждаться калифорнийским солнцем.

Конечно, у меня большое и давнее желание встретиться с казаками. Из калмыков в Л. Анджел. только одна семья моего молодого родственника Эрдне Манжикова. Но встретиться с казаками могу рассчитывать только в субботу или воскресение. К своей радости на другой же день 6-го июня я посетил с В. А. Казачий Дом Горско-Казачьей станицы. Должна была состояться траурная церковная служба по жертвам Лиенца. Дом на прекрасном месте. К нему поднимается высокая каменная лестница с улицы. Вдоль лестницы и вокруг дома деревья, цветы и трава. В доме несколько комнат, из них большая предназначена для собраний и церковных служб. Атаман станицы полк. Галушко. Кубанец. Зал полон казаков разных Войск. В. А. меня познакомил с Атаманом. Он пригласил нас на чай после службы.

Здесь же я встретился с своими старыми знакомыми, бр. М. и П. Ермиловыми из Праги и внуком М. А. Горчукова Н. А. Орловым. С ними уговаривались встретиться у них.

На другой день, 7-го июня, приехал ко мне мой старый друг Г. А. Улитин, член Д. В. Круга. В этот же день мы выехали с ним к его сыну В. Г. У-ну. Как «безтолмачных», В. С. отвезла нас до станции автобуса, купила билеты, посадила на автобус, дав его шоферу нужные о нас указания. И мы часа через два приехали в местечко Гемет и с разными приключениями попали на ферму «Медоу Лэрк» в деревне «Валле Виста». Эта ферма — некогда имение богатейшего человека с массой построек, барскими домами в парке, где и ныне прекрасный голубой бассейн для купания. Теперь это имение обращено в санаторий-лечебницу. Ее хозяйством управляет Вл. Гр. Улитин.

Местечко Гемет, как и деревня «Валле Виста», расположено на широкой и ровной котловине. Кругом цепь гор. Вся местность занята апельсиновыми, лимонными и оливовыми плантациями, а улицы и площади разных пород пальмами.

В одном из домов санатория нам с Г. А. Ул. отвели комнату с гостинной и ванной.

Говорят, что больные в этом санатории успешно выздоравливают (преимущественно нервно больные). Не удивляюсь. Воздух, обстановка, взаимоотношения больных с медицинским и служебным персоналом таковы, что уже предрасполагают к исцелению

В один из свободных часов Вл. Гр. во-

зил нас с отцом на горы. Поднялись на 6 слишком тысяч футов. От пояса пальм поднялись до пояса хвойных деревьев. И на этой высоте находится деревня со всеми современными благоустройством и удобствами. Есть все.

Здесь мы с Гр. Ант. пробыли 2½ дня. Вл. Гр. с своей супругой Елен. Франц. отвезли нас в Казачий Хутор в районе местечка Глендора.

Да, Казачий Хутор, да еще с собственной своей церковью и новым церковным домом для устройства церковных празднеств и собрания. За малым исключением, дома в Хуторе казачьи. Одна улица называется «Казак плаза» («каз. площадь»), а другая улицей Св. Владимира. Хутор этот создан инициативой и трудами молодого донского казака станицы Казанской Владимира Григорьевича Улитина. Ему удалось с помощью своих друзей-американцев приобрести кусок земли и дать возможность казакам покупать для постройки своих «куреней». Мало того, ему же, Вл. Гр., удалось построить церковь и новый дом при ней. Дом этот соединен с церковью зеленой стеклянной крышей. Так делать можно только в США. У Хутора имеется также большой старый дом, которого хуторяне думают приспособить для престарелых казаков.

Казачьи дома в Хуторе все хороши. Все они с садами, цветниками и огородами. Особенно меня поразил своей красотой и планировкой сад и цветник казака Константиновской ст. 1. Д. о., хут. Золотовского, Петра Николаевича Прохорова. Замечателен и дом его своей оригинальной и красивой меблировкой.Увы, к несчастью, уже после моего отъезда из Калифорнии, хозяин неожиданно скончался. Осталась его вдова Мария Владим. Прохорова. Дом и цветник покойного П. Н. П. — своего рода его хозяйственное и культурное творчество, не раздавленное никакими ударами судьбы. Вот дом, цветник и огород старого казака и старого Хут. Атамана на Дону Ивана Абрамовича Иванова — тоже одна красота. Его супруга, старая казачка Анисья Григорьевна во всем ведет строгий порядок.

Григорий Антонович Улитин жил один, когда я был у него. У него во всем порядок вплоть до умения вести кухонное хозяйство. Такова уж натура казака. Он на Дону был кооператором и депутатом Казанской станицы на Д. В. Круге всех созывов. В жизни Хутора он принимает энергичное участие и поддерживает связь с казаками не только в пределах США.

Если всмотреться и вдуматься внимательно в жизнь казаков в Хуторе, то, мне кажется, можно отметить одно общее явление в их жизни: не совсем здоровое **явление** некоторого неказачьего элемента, случайно вошедшего в казачью общественную жизнь, и кое-какую дисгармонию в самой казачьей жизни. В жизни и этого маленького казачьего мирка можно заметить его борьбу за свое самоуправление.

Через три дня я возвращался в Лос Анджелос. Гр. Ант. проводил меня до автобуса. Часа через три я благополучно прибыл к своим друзьям Б. Здесь в течение месяца был мой «главный штаб» и я стал предметом внимания и забот своих друзей.

В одно из воскресений в церкви на ул. Кантин я вновь встретился с бр. Ермиловыми. Они принимают активное участие в деятельности Донской станицы в Лос Анджелосе. П. Ф. Ермилов — секретарь и казначей Станицы, а М. Э. Ермилов — член Ревизионной Комиссии. Они же неизменные читатели журнала «Родимый Край».

Атаман Станицы Вас. Аверкиев. Балахнин в тесном сотрудничестве с своими коллегами твердо ведет дело Станицы. Благодаря ему в Калифорнии создался большой круг читателей «Родим. Кр.». Как людям тяжелого труда и Атаману и его коллегам по Правлению нет возможности уделить много времени и сил деятельности Станицы, но во всех важных случаях и, когда требуется серьезная помощь казакам, Атаман, Правление и Ревизионная Комиссия, при сочувствии и поддержке всей Станицы, принимают все меры для удовлетворения нужды казаков и назревшего дела Станицы.

Конечно, как и всюду, далеко не все донские казаки входят в состав Станицы. В этом сказывается в значительной степени отсутствие привычки к организационной жизни и деятельности, но и то разложение в жизни донских казаков, какое происходит в связи с «атаманским вопросом» или «двуатаманством». Однако, несмотря на это, Донская станица в Лос Анджелосе прочно и твердо держится казачьих общественных принципов, возрожденных Донским казачеством в 1917-18 годах. Атаман В. А. Балахнин неизменно держит связь с казачьими

центрами в США, Европы и Аргентины. Указанная Станица является сторонницей объединения всех Донских станиц и общественных организаций в эмиграции и как условие правильного избрания в эмиграции Донского Атамана.

(Продолжение следует)

Б. Уланов.

ВМЕСТО ВЕНКА НА МОГИЛУ ПИСАТЕЛЯ Н. Н. КРАСНОВА

«Отмучился» — сказал один старый казак со слезами, узнав о смерти дорогого казакам и всем русским людям писателя Н. Н. Краснова.

Действительно, умер человек, который всю смою молодую жизнь отдал на борьбу с неправдою. Таков конец всех борцов с коммунизмом, если не посредственно на советской каторге, то после, даже на свободе. Советская каторга всегда сделает свое дело, и перенесший ее — уже не жилец на этом свете.

Н. Н. Краснов, как последний в семье Красновых, не посрамил своего рода и боролся до конца за свободу, правду и честь всех русских людей. Его книга «Незабываемое» — лучший памятник и венок на его гроб. Выйдя из советской каторги, несмотря на потерянное здоровье, Н. Н. Краснов близко принимал к сердцу все события последнего времени, и особенно тяжело переживал все распри среди родных ему донцов, и до самой смерти болел душой за них и старался изжить позорное «двуатамание». В одном из своих писем, присланном в конце октября 1959 г. к одному общественному казачьему деятелю, он призывал обоих атаманов: генерала П. Х. Попова и генерала И. А. Полякова не позорить казаков и, из за одного своего тщеславия, не добиваться во что бы то ни стало атаманства. Отказ этих двух атаманов примирил бы казаков, и они спокойно объединились бы и выбрали одного более молодого и всеми уважаемого атамана. Ведь одному атаману, ген. П. Х. Попову — 93 года, и ему нужно идти на покой, а другой атаман, ген. И. А. Поляков, не пользуется не только авторитетом, но и уважением среди казаков, знающих его биографию и деятельность, особенно в Югославии и вообще заграницей.

Прочитав «Исторический очерк» ген. И. А. Полякова, Н. Н. Краснов возмутился и в письме написал, что «исторический очерк» ген. И. А. Полякова совершенно не соответствует действительности, т. к. он был свидетелем всех этих переговоров. «Постараюсь, по мере моих сил, — писал Н. Н. Краснов, — восстановить правду и исправить «исторические неточности» в этом очерке на страницах печати». Но... внезапная смерть помешала осуществиться его желанию.

Мир праху твоему, дорогой борец за правду, свсбоду и славу России и родного тебе Тихого Дона!

Н. Быков

ИЛ. В. МАНУЙЛОВ.

В г. Нью Иорк, США, 11-го декабря 1959 года в 4 ч. 50 м. дня, волею Божею тихо скончался (рак крови) — Сотник Илларион Варфоломеевич Мануйлов, каз. ст. Верхне-Чирской, В.В.Д. Похоронен на кладбище в г. Кэсвиль, штат Нью Джерси.

Службу начал «казаком-малолеткой» в 4-ом донск. каз. полку — на фронте, в первую мировую войну.

Безмерно, безгранично любил он Край Родной, свой Тихий Дон.

В гражданской войне участвовал с самого начала и закончил ее — командиром сотни в 45-м Донск. каз. полку. Участвовал в «рейде ген. Мамантова».

Из Крыма попал на остров Лемнос (Греция), откуда эмигрировал в Болгарию, где и жил до второй мировой войны.

В надежде на освобождение своей родины и возвращение на Дон (в родную станицу), продолжал активно борьбу с мировым коммунизмом в «Русском Корпусе» (Юго-

славия), в ряды которого вступил в апреле 1942 г., где сначала был рядовым, а по окончании специальных унтор-офицерских курсов — закончил войну фельдфебелем немецкого Вермахта.

Любимый офицерами и казаками всегда болел душой — не только за Родное Войско, но и за казаков всех казачьих Войск.

Верующий, хороший семьянин. Скромный, отзывчивый, в беде и несчастьи всегда помогал друзьям - приятелям.

Спи спокойно в чужой земле,
Наш дорогой соратник — Ларя.
А мы же, казаки, твои приятели,
На веки о тебе все память сохраним.

После усопшего осталась жена Паулина и сын Хербет, которых просим принять наши искренние соболезнования в постигшем их горе.

Приятели казаки
Каз. Нац. Культ. Объединения
и
Полковник М. Бугураев.

ПОДХОРУНЖИЙ Г. Т. СТАХОВ.

11-го января 1960 г., от последствий гриппа, на 75 г. жизни, скончался Л.-Гв. Атаманского полка подхорунжий Георгий Тимофеевич Стахов, ст. Тепикинской, Хоперского Округа В.В.Д. Похоронен на кладбище Решевинав близь Канн.

Покойный был незаурядной фигурой в Донской эмиграции. Свою службу он начал в Л.-Гв. Атаманском полку в Петербурге и выработанные там взгляды считал превыше всего. Атаманцы часто с интересом слушали его рассказы о службе на Обводном Канале в столице, о том, что при приезде возглавителей иностранных правительств именно его за его рост и представительность начальство назначало почетным часовым.

В гражданскую войну Стахов был атаманом хутора Попова и своей расторопной деятельностью много помог при боевых действиях около окружной станицы Урюпинской.

В эмиграции служил при штабе Дон. Корпуса до его расформирования, при чем форму Атаманского полка и погоны никогда не снимал. В погонах прибыл и на работу во Францию, и больших усилий стоило уговорить его их снять. Погоны снял, но до смерти носил форменную фуражку с голубым верхом. Французы называли Стахова «Мосье с голубым каскетом».

Осиротела семья Атаманцев на юге Франции и не может успокоиться, что их старый, всегда здоровый, Тимофеевич от них ушел.

Мир праху его...

Полк. Моргунов.

УШЕДШИЕ.

† 11 дек. 1959 г. в Инвалидном Доме в Монтморанси скончался полк. Терского Войска Г. Г. Дотциев.

† 16 дек. 1959 г. скончался полк. Терского Войска М. И. Лепилкин. Похоронен на кладбище в Банье.

† 25 дек. 1959 г. в Версале скоропостижно скончался отец иеромонах Симеон, батюшка Кадетского Корпуса (в миру Георгий Лобачев, казак В.В.Д., арт. офицер). Похоронен в Медоне.

† 20 янв. 1960 г. в Аньере под Парижем от последствий сердечной операции скончался сын Войск. Ст. Ив. Гр. Свинарева молодой 20-летний казак Иван Свинарев, хутора Николаева, станицы Усть-Белокалитвенской В.В.Д.. Да будет ему пухом французская земля.

† 5 янв. с. г. от коровоизлияния в мозг скончался хорунжий Ив. Сем. Цыбуля, казак стан. Запорожской, Куб. Войска, проживавший в старческом доме в Бельгии. Похоронен на местном кладбище Шеврон.

† Утром 2-го февр. с. г. в Абондане трагически скончался есаул Варфоломей Никанорович Бородин, стан. Гундровской В.В.Д.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

Уважаемый Станичник Редактор.

Разрешите чрез посредство вашего журнала задать вопрос окружному атаману Германского округа, стан. Козлову: **«А где же все таки посылка станичника А. Наклонного?»**

Вместо всяких объяснений привожу выписки из переписки ст. Наклонного, проживающего в г. Брадфорд (Англия) с стан. Козловым.

1) 1 июля 1959 г. «Дорогой станичник Наклонный. Письмо ваше мною получено, в котором вы спрашиваете о сиротах казачьих детей (которым следует помочь). Имеются четверо без отца (вдова Ващенко). Если у вас имеется (возможность), то можете выслать (на мой адрес), я перешлю.

Будьте здоровы...»

Козлов.

Сердобольный казак А. Наклонный выслал на адрес ст. Козлова посылку стоимостью в 15 фунт. сторл., для «бедной вдовы с сиротами»...

2) 26 августа 1959 г. «Дорогой ст. Наклонный. Получил я от вас (новое) письмо, из которого вижу ваше беспокойство за высланную вами на мое имя посылку для бедных казачат... Да, дорогой, посылку я получил, но не мог вам сейчас же ответить, так как я был болен... Приходил ко мне наш окужной писарь В. Гребенко — я эти вещи ему показал и дал распоряжение узнать, возвратились ли дети с поездки, так как школа повезла их на лето в горы... И как только он узнает, что возвратились — ему и поручу эти вещи раздать... Козлов.»

Ст. Наклонный ждет месяц, два, наконец вновь запрашивает о судьбе своей посылки «сиротам»...

3) «Дорогой ст. Наклонный.» ... Что касается искренности моей любви к породившему меня казачьему народу, то может заподозрить только Москва, так как я вступил 17-тилетним юношей в борьбу за свободу... и борюсь до сих дней... Сейчас мы должны прилагать все усилия очищать свои национальные ряды от предателей и... попов...

С тем пока досвиданья.

Готовый к услугам Козлов.»

А где же, все таки, посылка то ст. Козлов? Надеемся, что вы не потеряли ее «в борьбе с Москвой»???

По подлинным документам, по просьбе ст. А. Наклонного составил

И. Дубограй, уполномоченный станицы имени С. Павлова в Англии, по делам казачьей прессы.

410, Манчестер Роад, Худдерсфиелд, Йорк'с.

***

«Мы, старики Обще-Казачьей станицы Абондан, приносим нашу искреннюю благодарность правлению Дамского Комитета Казачьего Союза за их щедрый подарок нам к Новому Году.

«Да хранит их Господь.»

Атаман станицы **Наумов**.

Казначей: **Ягодинцев**.

БЛАГОДАРНОСТИ.

Не имея физической возможности по недостатку времени ответить всем тем, кто поздравил с Праздниками Р. Х. и Новым Годом правление Каз. Союза, редакцию «Р.К.» и меня лично — я прошу принять от нашего имени нашу искреннюю благодарность за добрые пожелания и за теплое слово.

Председатель Каз. Союза:

Б. Богаевский.

***

Правление Дамскаго Комитета Каз. Союза приносит искреннюю благодарность всем тем, кто вспомнил о наших 158 «дедах», больных и немощных, подчас одиноких и находящихся в старческих домах Франции, Австрии и Германии.

Дам. Комитетом к Праздникам были получены пожертвования от следующих лиц:

Ф. Агеев — 5000 фр., Г. П. Ш. (Иран) — 5000 фр., П. М. Аврамов — 3000 фр., Л. Г. Гордеевой — 2000 фр., Процков, П. И. Еронин, В. А. Скандилов, Д. Карпенко, Н. П. Казинцев, К. Жибров, А. Кулягин — по 1000 фр., Г. Елисеев — 500 фр., Л. Л. Масянов (САШС) — 5 долл., А. В. Буланов (Англия) — 1 анг. фунт, Н. Н. Воробьев (САСШ) — 2 долл.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

◆ 20 декабря 1959 г. в Париже, в залах мерии 3 ар. состоялся благотворительный бал Калмыцкого Союза.

■ 27 декабря 1959 г. в помещении при русской церкви в Булони Дамским Комитетом Каз. Союза была устроена «Елка» для маленьких казачат и казачек парижского района. Детям, которых было в два с половиной раза больше чем в 1958 г. были розданы подарки и устроено обильное угощение.

◆ 16 янв. 1960 г. в залах мерии Булони состоялся благотворительный традиционный бал Казачьего Союза.

● 19 и 22 янв. 1960 г. в Париже в зале Плеель состоялись два концерта хора С. А. Жарова.

◆ 1 янв. 1960 г. в станице «Абондан» (Франция) состоялся станичный сбор под председательством стан. П. Д. Наумова. В повестке дня было: перевыборы правления и доклад ревизионной комиссии о состоянии станичной кассы. Тайным голосованием были выбраны: атаманом — П. И. Наумов, казначеем Л. Ягодинцев. Ведение денежной отчетности было сбором одобрено. После сбора состоялась общая трапеза.

◆ Новинки книжнаго рынка: в декабре 1959 г. вышел последний, 6-й выпуск «Книги о казаках» Г. В. Губарева, 2-ой выпуск 6-ой части «Москва и Дон» И. П. Буданова, «Правда о Деникине» В. А. Беляевскаго о событиях гражданской войны. Последнюю книгу можно выписывать у автора: Beliaevsky 410. 26th Ave. San Francisco. Cal. USA.

В конце 1959 г. начал выходить «Кубанский Исторический и Литературный Сборник», издаваемый ген. В. Г. Науменко. Выписывать у издателя: V. Naumenko. P.O.Box Orangenburg. N. Y. USA.

РОЗЫСКИ.

— Родственники из Новочеркасска розыскивают поруч. Ив. Мих. Романченко, пришедшего в Нвч. с отрядом ген. Дроздовскаго, затем служившаго в Марковских частях и в офицерской сотне Дон. Стрел. полка в Крыму. Проживал в Марселе.

— Мать розыскивает Ник. Петр. Галас ст. Староминской Куб. В., служившаго с 1950 г. по 1955 г. в Легионе, и после жившаго в Марселе.

— Ал. Феодорович Алексеенко ст. Морозовской В.В.Д. (4, rue Witten, Algrange (Moselle), France), розыскивает станичников, в частности Сергея и Димитрия Максим. Ефимовых и Зеленковых станицы Милютинской, проживавших до войны в Болгарии.

— Каз. Союз розыскивает Якова Андр. Атарщикова.

Ив. Антиповича Афиногенова, стан. Андреевской, рождения 1895 г., Феодора Удовенкова, стан. Цымлянской, приблиз. 62-64 лет., Вячеслава Васил. Скакунова, прибл. 58 лет., Сулацкова, стан. Кумшацкой, Ник. Еф. Сергеенкова, Влад. Ник. Щербакова с матерью Зинаидой.

Знающих что либо об них просят сообщить в редакцию «Род. Края».

— Ив. Ерем. Тапилин (Atterscheim. Helbrunner Str. 18. Salzburg. Autriche) розыскивает станичников братьев Мельниковых - Раведенковых.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОДИМОГО КРАЯ».

(С 5 ноября 1959 г. по 3 января 1960 г.)

В «Фонд Издательства» П. М. Аврамов (два взноса) — 2500 фр., Карнеев, В. Н. Коноваловой, Лепешкина — по 1000 фр., Селиверстов — 500 фр., Осетров, Скандилов — по 300 фр., Артамонов — 100 фр., М. Бугураев (3 взноса) — 4 долл. и 10 почт. купонов, Афанасьев (через Б. Н. Уланова) — 2380 фр.

От С. А. Пахомова — 4762 фр.

Через нашего **представителя в США** Б. Н. Уланова: от А. Дмитрова — 8 долл., от С. Иванчукова, инж. Далантинова — по 5 долл., Браминова — 4 долл., М. Дьяконова — 3 долл., Д-ра Ряхин, Алиюбимова, Д. Баяновой, М. Абушинова, Т. Кривошеиной — по 2 д., В. Маслова, Гарбушина, Ф. Ерашева, М. Мироненко, Урванова — по 1 д., Афанасьева — 1430 фр.

На **издание книги о Ермаке:** от Союза Донских Артиллеристов и от И. Я. Крюкова

по 2000 фр., от Скандилова, Н. П. Казинцева, Ф. С. Евсеева, Н. Ф. Пузанова, Б. А. Богаевского, А. М. Методиева, Ф. С. Родина — по 1000 фр., Небыкова, А. В. Буланова (Англия) — по 800 фр., Т. Рябцева, М. И. Гаврилова, И. Е. Николаева — по 500 фр., Н. Плахова — 300 фр., Е. Р. Свинарева — 200 фр., С. Евсеева — 250 фр., М. М. Афанасьева (через Б. Н. Уланова) — 2380 фр., М. Бугураев, Г. В. Губарев — по 5 долл.

Сбор на издание книги о Ермаке продолжается. За время нашего пребывания заграницей было издано много каз. газет и журналов. В них не редко печатался очень ценный и интересный материал. Мы ведь так мало знаем нашу историю и о наших героях. Но отдельные номера газет и журналов легко затериваются, а книги остаются для будущего поколения.

Издание книги о Ермаке явится по существу коллективным творчеством, ибо каждый казак своим взносом принимает в нем участие, иначе говоря, принимает участие в защите славного имени Ермака и Казачества и не только Донского Войска, но и всех других Казачьих Войск.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ».

Принимается подписка на 1960 год: во Франции — 1200 фр., заграницей — 3 долл. (за 6 номеров журнала).

Плату за журнал можно присылать чеками, переводами, почт. марками (во Франции) или международными почт. купонами (по 5 купонов за номер), которые должны быть предварительно проштемпелеваны на почте отправителя. Денежные взносы направлять по адресу:

ROMANOFF. Nontel par Presles (S. et O) France
C.C.P. P. 15 - 233 - 79.

Покорнейшая просьба — указывать, на что предназначаются присылаемые средства (подписка, за такие то номера журнала, в «Фонд Издательства», на издание сборника о Ермаке и т. д.).

Корреспонденцию на имя Редакц. Коллегии направлять по адресу:

Bogaevsky. 52, av. Flachat. Asniers. Seine. France.

Через редакцию «Род. Края» можно выписывать репродукции с картины художника донца С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце». Размер репродукции в красках 32см х 16 см. Стоимость — 800 фр. Размер простой репродукции (не в красках) 11 см х 23 см. стоимость — 400 фр.

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).
Métro: La Motte-Picquet

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Христос Воскресе.
Е. Ковалев — «К 40-летию Мамантовского рейда» (продолжение).
С. Донсков — «Немного о былом».
Проф. М. Миллер — «Некоторые вопросы истории Дона и казаков».
Н. Воробьев — «Отрывок из поэмы «1613 год».
Проф. В. А. Чехов — «Из терской старины».
Походник-дроздовец — «Из писем к другу».
И. Сагацкий — «Отчий сад».
А. Протопопов — «Открытое письмо ген. И. А. Полякову».
Б. Уланов — «Н. Н. Краснов младший и его труд «Незабываемое».
Н. Е. Русский — «Тризна».
Закотнов — «Обзор каз. литературы за рубежом».
Б. Уланов — «На запад» (продолжение).
С. Д. Турчанинов — «Донской хор С. Жарова в Гренобле».
М. Петров — «На попасе».
Беренс — «Искушение».
Тормасин — «К платовцам...»
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежом.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».
Книга о Ермаке.

На обложке — одна из иллюстраций готовящейся к печати книги о Ермаке Н. М. Мельникова.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 27 Март — Апрель 1960 г. 2 NI

PAYS NATAL Mars - Avril 1960 Paraît tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ !

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Обшеказачья Касса Взаимопомощи, Содружество Лиенца поздравляют со светлым Праздником Воскресения Христова всех атаманов, казаков, казачек и казачат всех Казачьих Войск, в рассеянии сущих и пребывающих на Родине, и шлют им свои наилучшие пожелания здоровья, сил, бодрости и глубокой веры в возрождение казачества.

Христос Воскресе...

Председатель Каз. Союза
Б. А. Богаевский.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ !

Редакционная Коллегия «Родимого Края» поздравляет своих читателей и всех казаков и их друзей с Праздником Христова Воскресения и от души желает выполнения наших общих желаній — единения за рубежом и освобождения наших Родных Краев.

Редакционная Коллегия
«Родимого Края»

ПРАВОСЛАВНЫМ КАЗАКАМ ПО ВСЕМУ СВЕТУ РАССЕЯННЫМ — ПАСХАЛЬНЫЙ ПРИВЕТ.

«Смерти празднуем умерщвление, адово низложение, иного житья вечного начало» — такими словами воспевает Святая Церковь Пасхальную радость.

Слышите ли и поняли ли вы, братья, что мы празднуем?

Начало жизни новой, иной, вечной — не завтра, не когда то по воскресению нас самих из мертвых, а сейчас, сегодня.

Уже началась, уже вошла в ваше естество жизнь иная — вечная. То, что будет за гробом, и то, что осуществится после трубного гласа по воскресению, будет только продолжением нашей сегодняшней пасхальной жизни, а не самостоятельным началом новой.

Это радостно и страшно...

Радостно, потому что та борьба, начало которой мы положили здесь на земле, не прекращается для нас смертью и воскресением: наоборот — смерть и воскресение являются свидетельством нашей обязательной победы.

Страшно, потому что положенный ныне компромисс со злом, сосуществование с ним, для тех, кто его воспринимает, — продолжится в вечность.

Все, кто отошел сегодня от зла и все примирившиеся с ним, и первые и вторые, понесут это «начало» в вечность...

Будем же праздновать, братья, начало новой иной жизни — сознательным отрывом от зла и непримиримостью к нему.

Спаси вас Христос, зла Победитель.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ...

Протоиерей Благочинный
З. Поляков

НЕМНОГО О БЫЛОМ.

Казачеству не раз угрожала смертельная опасность.

Двести пятьдесят лет тому назад карательная экспедиция кн. Долгорукого огнем и мечем уничтожала казачью вольницу, стремясь покончить раз навсегда с древними традициями, порядками и самобытностью, установленными издревле в Донском Войске. Часть донских казаков, находившихся в отряде Некрасова, дабы избежать жестокой расправы и истребления, ушла тогда с Дона в эмиграцию.

Прошло 40 лет с тех пор, как казаки всех 12-ти Каз. Войск после трехлетней неравной и кровавой борьбы с большевиками - коммунистами оставили свои родные края, и тоже ушли в эмиграцию.

И наконец, недавно, в 1943 г., когда немецкие войска заняли казачьи территории, казаки снова уходят в эмиграцию от советско - коммунистического рабства, истребляющего казаков сознательно, с необычайною жестокостью.

Казачеству угрожает страшная опасность: физическое истребление казаков в советском раю, биологическое и моральное распыление тех, кто находится столь долгие годы в эмиграции. Двойной удар...

Проходят годы и десятки лет жизни за рубежом, оторванной от родной и живительной почвы, соками которой веками питалось и крепло казачество. И кто знает, может быть пройдет еще не мало времени. Однако, несмотря на наше изгнание и на тяжелые условия эмигрантской жизни, мы не можем и не должны терять моральные исторические ценности, создававшиеся в течение веков нашими мудрыми предками. В многовековой, непрерывной и упорной борьбе, за свое существование они заплатили своей кровью и мы не можем оставаться равнодушными и безразличными к судьбе казачьего народа. Имея свое глубокое историческое и героическое прошлое, мы не имеем морального права отказаться от него и оставаться «иванами», не помнящими ни рода, ни племени.

Возникновение казачества никогда не освещалось полностью Российскими историками, наоборот, часто замалчивалось. Преуменьшалась его роль и значение. За время пребывания в эмиграции отдельными казаками историками - любителями был выпущен ряд книг, сборников, журналов, имеющих несомненно для нас историческую ценность, для освещения быта казачества минувших столетий, ушедших в седую старину. К сожалению, казаки мало или совсем не интересуются своей исторической литературой и героическим прошлым своих предков, оставивших в назидание потомству богатое духовное наследие. Отдельные истор. материалы и исследования эти будущему казачьему историку надлежит изучить со всей беспристрастностью, дабы дать правдивое описание всего того, что ушло от нас безвозвратно. И напрасно думать о том, что кто нибудь о нас, казаках, напишет нашу историю...

Наша история весьма многогранна и разнообразна событиями. Русская оффициальная историческая наука утверждает, что донские казаки появились на «Диком Поле» во время существования крепостного права и Донское Войско сложилось из беглецов из Московского царства. Такой вывод не отвечает исторической действительности. Ряд добросовестных историков опроверг эту искусственно созданную «бегло - холопскую» теорию и свидетельствует, что казачество несомненно является народом древнеисторического происхождения. Историк Костомаров («Из нашего прошлого») утверждает: «Самое раннее начало казачества для нас теряется в истории. Вероятно, однако, что название возникло на юге при столкновении с татарами и слово «казак» тоже татарского происхождения». Карамзин, считающийся «отцом русской истории», в своей «Истории Российского государства» пишет о казаках: «Откуда произошло казачество, точно не известно, во всяком случае, оно древнее Батыева нашествия». (Последнее было в 1238 г.) Проф. Ключевский («Русская История», т. 2) пишет: «Московское княжество не было единственной политической формой на Руси в те времена. Рядом с ним существовали две другие формы, в которых общественные элементы находились в совсем других сочетаниях, то были: 1. Казачество, 2. Вольные городские общины — Вел. Новгород, Псков и Вятка». После смерти Владимира Мономаха в 1125 г. (период развала Киевского государства), Вел. Новгород сделался самостоятельным государством, добившись полной политической независимости и обособленности от Киева и просуществовавший самостоятельно до 2-ой половины 15-го века. В 1478

г. эти вольные общины были завоеваны Москвой (при кн. Иване 3-ем) и окончательно разгромлены и присоединены к Московскому государству жестокой рукой Ивана Грозного. Капитальный труд проф. Сватикова «Россия и Дон», изданный в 1924 г. Донской Исторической Комиссией в эмиграции, составленный по материалам, собранным Дон. Войском, главным образом по делам Московского Посольского Приказа, пишет: «Донское казачество представляло из себя в 16 и 17 вв. военно-демократическую республику. Эта республика была особым отдельным от Москвы государством: она имела свою территорию, свою власть, свой народ». Не менее показательным будет и ссылка на труды сов. историков. На географической карте «Истории средних веков» (изд. 1947 г.) обозначена территория с надписью: «донские казаки в середине 16 в.», а несколько дальше на той же карте обозначены еще земли и яицких и терских казаков. Сама же «История» не говорит ни одного слова о казаках.

Даже современные варвары, душители казачества, большевики - коммунисты, пытающиеся уже в течении более сорока лет стереть с лица земли казаков, не могут обойти молчанием существование казачьего народа в древности. Совершенно достоверно известно об участии донских казаков в битве на Куликовом поле 8 сент. 1380 года, где они перед всем поднесли в дар Вел. Кн. Димитрию Ивановичу чудотворную икону Донской Божьей Матери. Икона была перевезена в Москву и помещена в Успенском Соборе. В 1591 г. она находилась в стане царя Феодора Ивановича в день битвы с татарами. В этом же году, на месте, где она находилась, был построен монастырь, названный Донским. В нем хранилась эта икона. Название «Донского» Монастыря сохранялось до 1936 г. даже при советской власти.

Все вышеприведенные факты в корне опровергают «бегло - холопскую» теорию происхождения донских казаков от беглых холопов или крепостных крестьян Московского государства. Она опровергается и самой русской историей, объясняющей возникновение крепостного права. Крепостное право было введено в Моск. царстве в 1597 г. при царе Борисе Годунове. Следовательно до этого никакого бегства крепостных крестьян на Дон — не могло быть. Оно началось после закрепощения, после установления этого рабства: бежали от жестокого бесправия, произвола, насилия, бесчеловечного обращения бояр и помещиков. В те времена существовало уже вольное, самобытное и независимое казачество, отличавшееся своим демократическим укладом жизни, никогда не знавшим позорного явления крепостничества — рабства.

В борьбе за свое существование казаки веками вели непрерывные войны с татарами. Воин казак, свободный человек не был связан семьей, преобладающее большинство казаков было бессемейным. Казачество получало пополнение от других народов: украинцев, великороссов и людей др. национальностей — поляков, грузин, персов и даже татар. Эти люди появились на Дону, когда там уже существовало Войско Донское — военно - демократическая республика донских казаков, независимая от Моск. царства и на знамени которого был лозунг «С Дона выдачи нет».

Образовалась эта республика на обширной степной полосе Юго-Востока, в древние века бывшей местом образования и существования различных государств, которые в силу исторических обстоятельств исчезали или сливались друг с другом. Эта полоса, в которую входят и нынешние донские степи, были территорией, через которую в течении почти целого тысячелетия проходили из Азии в Европу разные народы: скифы, сарматы, аланы, готы, гунны, авары, печенеги, половцы. И наконец, последними в 12 веке пришли монголы под водительством Чингиз-Хана.

На этом широком боевом поле шла вековая борьба, борьба не на жизнь, а на смерть: одни народы сменялись другими, сильные вытесняли или уничтожали или поглощали более слабых. Некоторые из них, задержавшись в плодородных степях, образовывали государства: Скифское, Гуннское, Хозарское и последнее — могущественная Золотая Орда. Немые исторические свидетели их существования, оставшиеся в дон. степях — курганы - могилы. Археологические раскопки, по найденным в них предметам (посуда, украшения, монеты, вооружение и т. д.), определили, кому они принадлежали. Наиболее древними были скифские и греческие. Из древней истории известно, что на берегах Черного моря было много греческих колоний, известно также, что в 8 в. до Р. Х. Скифское государство занимало громадное пространство между Доном и Дунаем, называвшимися тогда Танаис и Истр. В 3 веке до Р. Х. появляются сарматы и под их давлением центр Скифского государства переносится в Крым.

В первой половине 12 в. началось движение монгольских племен под предводительством жестокого и беспощадного истребителя непокорных ему народов — Чингиз-Хана. Историк 13 в. Джузджани так описывает внешний облик и характер Чингис-Хана: «Имя вождя и объединителя монг. племен — Тимучин. Он избрал себе новое имя Чингис - Хан, что значит — «посланный небом». У него — высокий лоб, узкая борода и желтые немигающие глаза, как у кошки. Выделялся среди монгольских ханов своей свирепостью, высоким ростом, крепким телосложением и хотя ему было более 60 лет, он обладал огромной физической силой. Тяжелыми шагами и неуклюжими ухватками он походил на медведя, хитростью — на лису, злобой — на змею, стремительностью — на барса, неутомимостью — на верблюда, а щедростью к тем, кого он хотел наградить — на кровожадную тигрицу, ласкающую своих тигрят».

В 1213 г. Чингис-Хан повел монгольские племена из их родины теперешней Монголии на богатый Китай. Через 3 года войны, разбив китайское войско, обратив в пепел тысячу китайских городов, покорив половину Китая, с богатой добычей он вернулся на свои степные кочевья. В 1220 г. он завоевывает государство Хорезм, занимавшее громадное пространство от Аральского моря до Персидского залива. Бухара, Самарканд были разрушены, все было сожжено, обращено в пепел, большинство населения перебито. Из Хорезмы полчища Чингис-Хана прошли по север. Ирану (Персия), по Азайберджану. Разбив грузинское войско, направились на Кавказ. Обойдя Дербент горными тропами, они вышли в половецкие (кипчакские) степи. Здесь на р. Калке (ныне Калмиус) в 1223 г. произошла битва между русскими дружинами, под начальством Вел. Кн Киевской Руси Мстислава Романовича, и кипчакскими войсками и Чингис-Ханом. Русские и половцы были разбиты на голову.

Историческая литература («Чингиз-хан» Сов. изд. 1947 г.) упоминает об отряде бродников под начальством Плоскини, находившихся в татарском войске.

«Однажды татарские разведчики привели несколько человек из племени раньше невиданного. Занимались они перевозкой на паромах и лодках дорожных путников. Они были высокие, плечистые с широкими рыжими бородами, в овчинных потрепанных полушубках, кожанных порках и мягких поршнях (сапоги без каблуков), переплетенных ремнями. Серые рысие шапки были лихо сдвинуты на ухо. — Кто вы такие? — спросили татары. Один высокий, осанистый, пошире остальных, отвечал по кипчакски: — Мы зовемся бродниками. Мы вольные люди, вольные охотники и рыбаки. — А ты кто? — спросили татары самого высокого бродника. — Я зовусь Пласкиня. Наши бродники избрали меня своим атаманом». Это неизвестное татарам племя бродников и было нашими предками, предками донских казаков.

Казачий историк и исследователь древних исторических документов И. Ф. Быкадоров в своем труде «Донское Войско в борьбе за выход в море» пишет: «Донские казаки находились в составе Золотой Орды, неся военную службу в виде постоянного пограничного войска, и ханы Золотой Орды относились с большим уважением к донским казакам».

До принятия татарами магометанства они не проявляли религиозной нетерпимости к подчиненным им христианским народам, и при хане Берке в 1261 г. для дон. казаков была учреждена отдельная Сарская или Подонская епархия. И только после того, как татары стали магометанами, с их стороны стала проявляться религиозная нетерпимость к христианским народностям. Очевидно, этим религиозным фактором и было положено начало враждебных отношений донских казаков с татарами и притяжения их к северной Руси, как к единоверцам и религиозному центру православия. Этим, надо полагать, и объясняется также и подношение жителями Подонья чудотворной иконы Вел. Кн. Димитрию и их участие в Куликовской битве на стороне русских.

Из «Церковной старины» известно, что казачество еще издревле исповедовало христианство: оно приняло христианскую веру еще в 858 г. от первых просветителей славянских народов свв. братьев Кирилла и Мефодия.

Куликовская битва и участие в ней дон. казаков против татар положило конец их мирному сожительству. Потерпевший жестокое поражение хан Мамай, отступая вдоль Дона, подверг разорению все население Подонья. И недаром на Дону сохранилась поговорка: «словно Мамай воевал». Новый завоеватель и претендент на трон Золотой Орды Тохтамыш, появившийся с востока, разбил Мамая, бежавшего в одну из генуезских крепостей Крыма, где он был убит. Во время походов Тохтамыша на Москву, дон. казаки

подверглись второму разгрому. Но он не был последним. Новый вождь средне-азиатских народов Тамерлан (или Тимур) докончил разгром уцелевшего населения Дона, разрушил Азов, а затем ушел через Закавказье в Малую Азию. А там, где жили дон. казаки, по реке Дону до самого его устья, остались лишь одни свежие развалины и пепелища Оставшиеся в живых дон. казаки, уцелевшие от погромов Мамая, Тохтамыша и Тамерлана, были принуждены покинуть местожительство своих отцов и дедов и переселиться на окрайны русских княжеств. Таким образом, в конце 14 в. прекратилось существование дон. казаков на своей территории, прервалась непосредственная связь с Доном. Казаки осели отдельными группами на окрайнах Московского, Рязанского и др. русских княжеств. По существу, это была первая эмиграция дон. казаков, ушедших с родных земель.

Поражение татар в Куликовской битве и борьба за власть ханов пошатнула устои некогда могущественной Золотой Орды. В результате внутренних междоусобиц и борьбы за ханский престол она распалась на отдельные самостоятельные ханства: Крымское, Казанское, Астраханское (Ногайское). Спустя сто лет в «Диком Поле» наступило относительное успокоение. По нему шныряли попрежнему лишь небольшие отряды татар, промышлявших грабежами. Дон. казаки, поселившиеся на южных окрайнах Моск. Княжества и выполнявшие сторожевую и разведовательные службы, посещали «Дикое Поле» для добывания сведений о татарах. Постепенно, учитывая благоприятную обстановку, они стали возвращаться отдельными группами на свои старые места, где жили их отцы и деды. И в первой половине 16 в. казаки осели по левым притокам Дона: Хопру, Медведице, Иловле и по правому берегу Волги близь верховьев р. Камышинки. Вначале разрозненные казачьи общины вскоре объединились в низовьях Дона и образовали около 1546 г. Донское Низовое Войско. А в 1549 году там были известны 7 городов: Атаманский, Бабей, Раздоры Нижние, Раздоры Верхние, Семикаракор и др. Городок Атаманский, в 24 верстах от Азова, был главным городом Войска. Несколько позже столицей его стали Раздоры. В 1622 г. столица переносится в Монастырский городок, с 1637 по 1642 гг. в Азов. После оставления Азова по распоряжению моск. царя, главным городом Войска снова становятся Раздоры, а 1645 г. — г. Черкасск (станица Старочеркасская). С 1805 года по 1920 г. столицей Дон. Войска был Новочеркасск.

Канула в вечность эпоха татарских нашествий. Донские казаки сумели сохранить себя от татарского рабства. Будем твердо верить, что и теперь сохранят себя казаки в эмиграции от варваров 20 в. — советско-коммунистической власти, которой также суждено неизбежно исчезнуть с нашей родной земли. И как в старину, снова соберутся казаки на Дону и возродят Донское Войско, его былую многовековую мощь, славу, доблесть и величие духа. Несмотря на 40-летнее владычество советской власти на Казачьих Землях, исторический цикл казачества еще не замкнулся: оно еще не вписало в свою казачью историю последнюю страницу.

И на этот раз ее будет писать казачий историк, согласно точным историческим сведениям не объясняя происхождение казаков «бегло-холопской» теорией. Данные, приведенные в этом очерке, позволяют утверждать, что казаки являются потомками народа древнего происхождения, что Донское Казачество зародилось и выросло на боевом поле беспощадных битв между разными народами, появлявшимися в «Диком Поле», а не в тиши безопасных лесисто-болотистых мест Моск. Руси.

В переживаемую ныне в изгнании тяжелую эпоху, новоиспеченный «историк» Байкалов пытается нанести ему моральный удар, дискредитировать нашего прапрадеда донского казака Ермака Тимофеевича, а с ним и все героическое прошлое Казачества. Грязь «байкаловых» к Казачеству не пристанет.

Аргентина. **С. Донсков.**

К 40-ЛЕТИЮ МАМАНТОВСКОГО РЕЙДА.

(Продолжение)

IV

Учитывая благоприятную для себя обстановку: отсутствие у красных конницы и плохо налаженную связь, ген. Мамантов продолжал свои действия, нарушившие нормальную жизнь тыла. Он вылавливал и ликвидировал всех попадавшихся ему ответственных работников, вооружал население, побуждаяя его к партизанским действиям, и разрушал ж.д. сеть. Им основательно были испорчены участки ж.д.: Тамбов-Жердевка, Тамбов-Козлов, Ранненбург - Астапово-Елец, Козлов-Грязи и Грязи-Елец-Ефремов. В распоряжении Южн. Сов. фронта оставались действующими только две ж.д. линии: Тула-Орел-Курск и Орел-Верховье-Мармыжи. Красные опасались, что в непродолжительном времени будет сделана попытка прервать и эти линии, а достаточно было прервать еще одну и положение Южного Сов. фронта было бы катастрофическим.

В ночь на 19-е авг. (1 сент.) части ген. Мамантова заняли г. Елец. Занятие произошло настолько быстро, что советские учреждения не успели эвакуироваться и остались в городе. Сопротивление оказали только два бронепоезда, с которыми вели бой части 8-й кон. бригады и которые затем были захвачены. Кроме того, были взяты броневики, сопровождавшие затем нашу конницу и участвовавшие в боях. В руки казаков попала починочная автомобильная мастерская Южн. фронта, склад боевых припасов, в котором находилось 50.000 3-х дюймовых снарядов, интендантский склад и починочные мастерские 8-й и 13-й армий, с громадным количеством станков и инструментов, вагон винтовок, 20 тысяч пар интендантских сапог, 30 тысяч пар заготовок и около 60 миллионов денег. В Ельце было взорвано 36 вагонов со снарядами, на ст. Измаилково уничтожены составы с нефтью и керосином, а на ст. Боборыкино взято 12 грузовиков с интендантским имуществом. (Оп. сводка от 30 авг.)

В районе Ельца корпус ген. Мамантова находился до 22-го авг. (4 сент.). Отсюда он

мог продолжать движение в любом направлении. Мог направиться на запад на г. Орел, куда бежал штаб Южн. Сов. фронта (до Орла было около 170 верст); мог повернуть на ю.-в. и пройти по тылам большевистских армий до самой Волги, мог двинуться на север на Москву, до которой было верст 350, и, наконец, мог повернуть на юг на соединение с Донской армией.

Возможность движения ген. Мамантова на Москву и занятия им столицы была вполне реальна и порождала беспокойство и страх в сердцах кремлевских заправил. Эта возможность учитывалась и обсуждалась и другими кругами.

В районе г. Лебедянь разъездом 76-го Дон. полка был захвачен в лесу с бумагами в офицерской шинели без погон академик - артиллерист капитан Без.....х, татарского происхождения. Он первым окончил Михайловское Артил. Училище и был первым в Артиллерийской Академии. При допросе его генералом С. держал себя с достоинством и довел последнего до того, что тот пригрозил его расстрелять. Когда капитана вели из дома, мимо проходила Донская батарея Полковника Б., с которым он был вместе в училище. Он сразу узнал командира батареи и назвал его фамилию. Генерал С. подозвал Полковника Б. и, после крупного разговора с ним, согласился отдать капитана Без.....х в батарею. Во время рейда капитан находился при команде разведчиков под их наблюдением и командир батареи часто с ним беседовал. По словам капитана у них в Академии часто обсуждался вопрос — кто победит: «белые» или «красные». Выступали «за» и «против», но окончательный вывод всегда сводился к тому, что победят «красные», т. к. им удалось создать регулярную армию и фактически они (красные) имели резервы из всей бывшей Царской Армии. При создавшейся обстановке ген. Мамантов мог захватить Москву, но основная масса его войск (казаки) была по количеству недостаточна, чтобы удержать долго Москву в руках и повиновении.

Мы не знаем, какие секретные инструкции получил ген. Мамантов от Командующего Донской Армией, направляясь в глубокий тыл противника. Возможно, что в случае серьезного восстания, вызванного действиями его конницы, и продвижения всего белого фронта, он должен был итти на Москву. Но ни того, ни другого, как известно, не произошло. Эти два обстоятельства предопределили дальнейшее направление рейда. Хотя многие считают, что поворотным пунктом в рейде явился г. Елец, самое движение 4-го корпуса из Лебедяни к этому пункту, **в сторону противоположную Москве**, указывает, что ген. Мамантовым еще до этого был получен приказ о возвращении. Приказ этот мог исходить только от Командующего Донской Армией ген. Сидорина, которому подчинялся 4-й кон. корпус, т. к. Главнокомандующий ген. Деникин, даже если бы он настаивал на возвращении, не мог отдавать приказов непосредственно ген. Мамантову, минуя Командующего армией.

Надо полагать, что вопрос о возвращении был решен в Козлове и занятие Раннебурга слабым боковым отрядом, при движении главных сил на Лебедянь, являлось простой диверсией.

Утром 22-го августа (4 сент.) корпус из района Ельца двинулся тремя колоннами на юг и ю.-в. в общем направлении на г. Воронеж.

Правая колонна, пройдя за день свыше 70-ти верст, после артиллерийского боя заняла ст. Набережная. Средняя колонна двинулась на г. Задонск и утром 23-го авг. (5 сент.) ее передовые части появились у с. Боранский завод и с. Кривки, где разрушили ж. д. Воронеж-Грязи у ст. Дрязги и ст. Прибыткого, а у ст. Козинка ж. д. линию Грязи - Липецк. 24-го авг. (6 сент.) правая колонна, после жаркого боя с бригадой 3-й сов. дивизии, заняла узловую станцию Касторная. В тот же день левая колонна заняла узловую станцию Грязи. В момент занятия последней на ней находилось 19 паровозов и 4000 вагонов. Здесь был взорван бронепоезд «Атаман Чуркин» и захвачены 2 эшелона с имуществом бежавших из Воронежа коммунистов.

В день занятия этих двух важных узловых станций, Командующим Донской Армией было послано категорическое распоряжение ген. Мамантову двигаться на юг к Воронежу и Лискам, для осуществления намеченного плана уничтожения 8-й Сов. Армии.

25-го авг. (7 сент.) части 4-го корпуса заняли г. Усмань, а 29-го (11 сент.) ворвались в Воронеж, где простояли один день.

Здесь повторилась обычная картина. После молебна на Соборной площади записалось добровольцами до 10000 офицеров и солдат, а на другой день пришло только 750 человек. (Чижов. Трагедия русского офицерства. «Перекличка» № 21)

Уже больше месяца, как 4-й кон. корпус оперировал в тылу противника, пробивая себе путь, как таран, и, **если большевики не**

поймали ген. Мамантова и его казаков, то это не потому, что они не хотели этого сделать, а потому, что не смогли.

Теперь ген. Мамантову предстояло сделать последний и трудный этап: прорваться снова через красный фронт и соединиться со своими. Требовалось большое искусство в маневрировании, т. к. красное командование делало большие усилия, чтобы воспрепятствовать этому.

Выбросив многочисленные разъезды и мелкие отряды по самым разнообразным направлениям от места пребывания главных сил и обойдя Воронеж с севера и востока, 4-й корпус двинулся на юг и ю.-з. Ген. Мамантов сначала сильно нажал на тылы 33-й Сов. дивизии (8-я Армия) в районе Боброва, введя в заблуждение красное командование, которое предполагало, что именно в этом районе будет прорыв на Дон и потому приняло меры для воспрепятствования этому прорыву. Между тем главные силы Мамантова переправились с восточного на западный берег Дона в районе с. Давыдовки и ударили на 16-ю Сов. стр. имени т. Киквидзе дивизию с тыла. Против этой дивизии с юго-запада действовала 1-я Кавказская каз. дивизия (кубанцы) 3-го кон. корпуса генерала Шкуро. Встреча донцов и кубанцев произошла 5-го сентября на р. Потудань в районе с. Репьевки (западнее Коротояка).

8-го (21) сент. части 3-го Донск. корпуса также вошли в связь с ген. Мамантовым. Связь с 4-м Донск. кон. корпусом установили две роты Л.-Гв. Финляндского стр. полка (2-й Донской стр. бригады ген. Моллера) под командой капитана Ушакова. (Журнал «Финляндец» №13 июль 1931). Эту дату, когда была установлена связь не только с корпусом ген. Шкуро, но и с 3-м Донским корпусом, и надо считать окончанием рейда. Дальнейшие действия 4-го Дон. кон. корпуса, вышедшего на стык Добровольческой и Донской Армий, представляют собой особую операцию.

Из описанного выше видно, что смелый казачий рейд в глубокий тыл противника в военном отношении был не только удачен, — он был проведен блестяще, выдвинув ген. Мамантова в число выдающихся кавалерийских начальников всех времен. Те, которые толкуют о неудаче рейда, смешивают собственно рейд с начавшейся вскоре после рейда неудачей белого движения вообще, причины которой разносторонни и многогранны. В них окончательно разберутся позже беспристрастные историки. Мы же, непосредственные участники этого движения, можем лишь до известной степени облегчить их работу.

Рейд ген. Мамантова вызвал различную оценку, более объективную со стороны противника. Бывший Командующий Южн. Сов. фронтом А. И. Егоров (полк. Ген. Шт.), дал такой отзыв о нем: «Своим движением на север, вместо района Лисок, Мамантов бесконечно расширил цели и задачи своих действий, в расчете, очевидно, на восстание крестьянства и городской буржуазии против сов. власти. Это, конечно, авантюра, но Мамантов, имея более сильные средства для достижения менее обширных задач, был здесь в меньшей степени авантюристом, чем сам Деникин. К тому же, в отличие от Деникина, сам осуществлял свои идеи и — надо быть откровенным — имел с первых же дней рейда много ярких доказательств правильности некоторых своих расчетов. Мамантов не добился основного: крестьянство не восстало »

Далее он перечисляет те достижения, которых добился Мамантов своим рейдом для белого оружия: 1) Рейд производился в достаточной связи с основными операциями фронта, имевшими задачей сорвать готовящееся наступление красных и облегчить успех своего наступления. 2) За время рейда ген. Мамантов отвлек на себя с фронта и тыла 5 стрелковых дивизий, одну стр. бригаду, части 3-й стр. дивизии, конный корпус Буденного, 5 полков коммунаров, Тамбовские пехотные курсы, многочисленные местные формирования и отряды, бронепоезда и бронелетучки. 3) Коренным образом нарушил управление Южным фронтом, заставив метаться штаб Южного фронта между Козловом и Орлом. 4) Основательно разрушил ж. д. сеть. 5) Уничтожил базы и склады Южного фронта, нанеся тяжкий удар всему снабжению фронта.

Допуская затем, что Мамантов мог бы добиться больших результатов, если бы действовал иначе, Егоров в окончательном выводе признает, что и при том положении, которое имело место в действительности — **значение рейда было очень велико для всей операции Южного фронта того периода.** (Егоров. Разгром Деникина)

***

Бывший Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России — ген. Деникин — в своих «Очерках Русской Смуты» т. IV, стараясь быть объективным, также признает заслугу Мамантова и пишет: «Будем

справедливы: Мамантов сделал большое дело и недаром набег его вызвал целую большевицкую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами». Но в его оценке звучит явный сарказм, когда он пишет, что рейд доставил ген. Мамантову **«громкую славу, звание народного героя и... служебный иммунитет»**. Человеку, пережившему крушение того дела, которому он служил, трудно удержать душевное равновесие. Настояв на возвращении Мамантова, он сохранил неприязнь к тому, кто раньше его мог попасть в Москву. Того, что сделал Мамантов, было недостаточно. Ген. Деникин требовал большего по пословице — «какая лошадь везет, ту и погоняют», а белую колесницу, кроме героических, но малочисленных кадров Добр. Армии, тянула с полным напряжением сил та дружная казачья тройка, которая украшает обложку этого журнала (Дон, Кубань и Терек).

Когда в конце мая 1919 г., пишет в своей статье Н. Виноградов, добровольцы двинулись вперед, на север, «в Россию», как говорили тогда солдаты, то в этом весеннем наступлении мы были обязаны блестящим действиям Донской и Кубанской конницы. **«Без казаков, одни добровольцы, при своей малочисленности, о каком либо наступлении и мечтать не могли». (Н. Виноградов**. «О волевом столбняке антибольшевиков». Журн. «Перекличка» № 89. Март 1959).

Даже в период наибольшего расцвета Добр. Армии казаки составляли почти 2/3 вооружен. сил Юга России. Казалось бы, не следовало подрывать дух этой главной опоры белого движения. Уменье поддержать дух своих войск — основная черта всякого выдающегося начальника и полководца. Генералы Деникин и Врангель, будучи хорошими генералами, это, конечно, знали; но, увлеченные честолюбием и борьбой за власть, об этом забыли.

В числе многих ошибок, в частности тех, которые касались взаимоотношений с казачеством и оказались роковыми для всего исхода белой борьбы, огромную роль сыграла интрига, начатая против ген. Мамантова в момент решительных операций на фронте.

Ген. Деникин затаил недовольство против Мамантова с самого начала, когда тот двинулся в рейд на север, а не на Лиски, расчитывая, очевидно, выполнить эту задачу позже; но в то время ген. Деникин ничего сделать не мог, т. к. с одной стороны назначение и смещение начальников в Донской Армии зависило не от него, а находилось всецело в руках Донской власти, с другой стороны, в ожидании результатов успешно начатого рейда, он не решался вступать в конфликт с Донским командованием. Когда создалась угроза Москве, ген. Деникин, крайне чувствительный к вопросу о том, кто первый вступит в нее, настоял перед ген. Сидориным о прекращении рейда. Если бы не было приказа о возвращении, ген. Мамантов может быть продолжал бы движение на Москву, что, в случае удачи (и даже неудачи), могло вызвать неисчислимые последствия.

***

По возвращении из рейда на ген. Мамантова посыпались многочисленные обвинения и упреки. Укажем на некоторые из них.

Рейд оказался безрезультатным и не отразился на положении фронта. Как будто положение на фронте зависило от оторвавшегося от этого фронта Мамантова, а не от тех, кто находился на этом фронте и кто этим фронтом командовал. Результаты же, достигнутые рейдом, перечислены противником.

Рейд не вызвал восстания крестьян. Настроение крестьян зависило не от Мамантова, а от той политики и тех мероприятий, которые проводились Особым Совещанием и ген. Деникиным. Закон о «третьем снопе» и учрежденная им «государственная стража», которая пользовалась общей и дружной ненавистью населения, как пишет проф. Соколов, б. член Особ. Совещания и правая рука Деникина («Правление Деникина») — таких настроений не создали.

Мамантов не уничтожил живой силы противника, шел по линии наименьшего сопротивления и рейд был чем то вроде военной прогулки. В глубоком тылу у красных не было большого количества войск, а главным образом запасные части и мобилизованные для пополнения, огромное количество которых он распустил. Рейд начался, проводился и закончился боями. Мамантов шел туда, куда он хотел, а не туда, куда старались завлечь его красные. Если бы он клюнул на их приманку и стал гоняться за окружавшим его со всех сторон противником, то в конце концов он измотался бы и тогда рейд закончился бы «музыкой по нотам Троцкого».

(Продолжение следует)

Е. Ковалев.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДОНА И КАЗАКОВ.

Историй Донских казаков, начиная с А. Ригельмана, за 200 лет — написано великое множество. Если же к этому прибавить исследования и статьи по отдельным эпохам и эпизодам казачьей истории, то таких статей наберется много сотен, если не тысяч. Кроме того, во всех больших историях России какое то место неизбежно отводится Донским казакам.

Конечно, в условиях Советского Союза возможность издания истории казаков — совершенно исключена. Однако там вышел ряд ценных фактическим материалом исследований по отдельным вопросам — восстания С. Разина, К. Булавина и Е. Пугачева. Эти работы, как и все исследования по всякой истории в СССР, пишутся с позиций «борьбы классов» и упомянутые восстания рассматриваются не в плане казачьей истории, а как восстания крестьян против феодального гнета, в которых казаки лишь принимали какое то участие.

Исследуются и такие вопросы, как походы Ермака, но все это, конечно, как и в дореволюционных русских историях, в плане истории России, а не казаков.

В эмиграции были изданы крупные работы Сватикова и Быкадорова, из которых особенную ценность представляет первая.

По новейшей казачьей истории 1917 - 1921 гг. были изданы такие ценнейшие материалы, как «Трагедия казачества» и «Донская летопись». Событиям этой эпохи посвящена громадная мемуарная литература, в виде статей и целых книг участников этих событий. Статьи эти публиковались на протяжении 40 лет и продолжают печататься и до сих пор. (Воспоминания И. Билого в «Казаке» и др.). Об участии казаков в событиях того времени в какой то степени писали генералы Деникин, Врангель и др.

О роли казаков во второй мировой войне и о втором великом исходе казаков в эмиграцию, до последнего времени не писали ничего, кроме нескольких статей о выдаче казаков в Лиенце и сборников «Материалов о выдаче казаков в Лиенце» ген. Науменко. Лишь в прошлом году вышла первая книга на эту тему, написанная бывшим начальником Донского казачьего штаба в Ростове — Одноралов. Эта книга вызвала некоторые возражения и поправки. На тему о второй казачьей трагедии, кажется, собирает материалы Н. Долгов. На эту же тему собрал огромный фактический и документальный материал А. К. Ленивов. Я думаю, что собранные им до сих пор материалы, уже сейчас по своему объему приближаются к тысяче страниц машинописи. Кроме того, конечно, возможны и еще дальнейшие статьи других казачьих авторов, участников событий 1942-1945 гг. Поэтому можно надеяться, что и вторая казачья трагедия получит свое достаточно полное изложение и объективное освещение.

Но помимо этого, за последние годы среди казачьей эмиграции неожиданно вновь возник большой интерес к своему более отдаленному прошлому. Кроме значительного количества статей на исторические темы, выходят такие крупные работы, как «Книга о казаках» Г. В. Губарева и «Дон и Москва» И. П. Буданова.

Для каждого историка - исследователя, к какой бы исторической школе он ни принадлежал, совершенно обязательны факты и логика. К сожалению, некоторые исследователи ставят своей единственной задачей, не считаясь с фактами и логикой, доказать этническую самобытность казаков как особого народа, вплоть до какого то «славяно - казачьего» языка. Равным образом эти исследователи стремятся доказать чуть ли не доисторическое происхождение казаков. При такой тенденциозности, исследования никак не могут быть объективными и, превращаясь в историческую публицистику, дают большинству вопросов фсерическое освещение.

Не так давно некий Байкалов, «тоже казак», выступил со статьями, направленными против Ермака и донских казаков в целом. Статьи лживые и оскорбительные для всего казачества и в них автор далеко превзошел советских партийных историков. Однако эти, ничем необусловленные, злобные выпады подняли интерес среди казаков к истории Ермака и его времени. На статьи Байкалова посыпался ряд ответов и в настоящее время заканчиваются большие специальные исследования о Ермаке Н. М. Мельникова и А. А. Гордеева.

Вообще же, по моим сведениям, по вопросам казачьей истории сейчас пишут более 10-ти исследователей - казаков.

Однако, несмотря на такое исключительное обилие за 200 лет казачьих историй, исследований и статей по отдельным вопросам, никто не пытался восстановить историю области Дона в целом, начиная с появления

здесь первых людей. Я всегда думал, что совершенно необходимо написать и когда то и будет написана большая многотомная академическая история Дона. Конечно, в этой истории может быть даже большую ее часть должна занять собственно казачья история. Формирование Казачьего Войска и до его сформирования история Дона - Приазовья, благодаря геополитическому положению этой области и общей истории Евразии, представляет собою исключительную самобытность, насыщенность эпизодикою, которые имеют большой интерес и значение для всей восточной Европы.

Достаточно вспомнить, что человек появился здесь еще в раннем палеолите, около 150.000 лет до нашего времени, и с тех пор жизнь на Дону никогда не прерывалась. Здесь имеется множество остатков поселений эпохи бронзы. С 5 ст. до нашей эры в гирлах Дона возникает крупнейший греко - скифский торговый город, после него Танаис и сармато-аланские поселения. После великого переселения народов здесь находилось основное расположение болгар, часть которых отсюда разошлась на Дунай и на Волгу. Здесь находилась хазарская держава, с крупнейшей крепостью Саркелом на Дону. В Приазовьи и на Дону находилось и Тьмутороканское княжество с городами Тьмутороканью, Белой Вежей и Росией. Некоторые арабские писатели даже называют эту область Ар - Танией (Донщиной) — третьим центром Руси.

На Дону и на Донце на более или менее долгое время задерживались угры, печенеги и торки, а половцы имели здесь продолжительное пребывание и эти, поздние тюрки-кочевники, оставили по себе многочисленные памятники. Дон играл в истории Руси княжеского периода такую роль, что постоянно упоминается в летописи, а в «Слове о полку Игореве» приводится 14 раз, из которых 8 раз с ныне забытым эпитетом «Великий».

В татарскую эпоху в области Дона-Приазовья образовался Азовский ханат с центром в Азове. Возле него возникла крупнейшая итальянская колония Тана, с еврейским и армянским торговыми поселениями возле нее. От эпохи Азовского ханата на Дону сохранилось множество названий рек, урочищ и даже курганов — называемых мечетками. Здесь когда то были татарские поселения и стояли мечети.

Все исторические явления и эпизоды оставили по себе настолько многочисленные археологические памятники, что ими буквально насыщена вся Донская земля. Это — земляная летопись нашего Родимого Края. Если начать исследовать многослойные остатки какого нибудь древнего поселения на Дону, которые иногда насчитывают свыше 4.000 лет своего существования, то создается впечатление, как будто бы исследователь переворачивает листы земляной летописи и читает историю края, уходя все дальше и дальше вглубь веков.

На Дону были сделаны замечательные находки, из которых многие являются украшением Эрмитажа и имеют мировую известность. Достаточно вспомнить Новочеркасский клад, Чулекский и Таганрогский клады, скифские драгоценные вещи из Рясных могил в верховьях Дона и из курганов у стан. Елизаветовской. В остатках Танаиса найдено свыше 80 мраморных плит с надписями, которые вызвали целую исследовательскую и комментаторскую литературу, в том числе и на европейских языках.

Если не изучать этой истории, а начинать прямо с казаков, то создается странное и неверное впечатление, как будто бы до сформирования Донского казачьего войска на Дону было какое то дикое поле, пустое пространство и Дон не имел предварительной и долгой истории.

Между тем Дон не только имел свою историю, но эта история являлась предпосылками к формированию казачества. Например, военная техника и тактика алан на Дону 3-4 вв. н. э. очень близка к казачьему военному делу 16-18 вв. Историческая роль казаков очень близка к положению печенегов, охранявших Саркел, а некоторые исследователи считают, что во время Белой Вежи торки играли такую же роль. Конечно, доказать генетическую связь между аланами, печенегами, торками и казаками — невозможно. Однако эти явления нельзя объяснять одной исторической конвергенцией и здесь, как и у многих других народов в других местах, несомненно наличие культурной преемственности, что представляет собою историческую закономерность.

Конечно возможны, и даже необходимы исследования по отдельным эпохам, отдельным явлениям и отдельным событиям, но именно для того, чтобы возможно полнее, всестороннее и объективнее изучить все отдельные вопросы и затем включить их в общую историю Дона.

Равным образом необходимо отдельно изучить и написать историю донских кал-

мыков и украинцев, как тех, которые с конца 16 ст. вливались в состав донского казачества, так и тех, которые с половины 18 ст. образовали собою донское крестьянство. Это же касается и других донских «нацменьшинств» — и их роли на Дону — немцев, греков и армян.

Идея необходимости составления полной истории Дона в такой степени захватила меня с самых юных лет, что уже со школьной скамьи, с 1901 г., я начал раскопки на Дону, в порядке личных исследований и собирания материала. Эти исследования я продолжал на протяжении свыше 40 лет, почти каждое лето. После отъезда заграницу и до сих пор я слежу за археологическими работами на Дону по советской литературе.

Эту же задачу поставил себе и мой старший брат А. А. Миллер, который во главе больших экспедиций свыше 30 лет обследовал главным образом побережья нижнего Дона. Эти работы дали замечательные результаты и открыли нам историю Дона в бронзовом веке, в скифское и, особенно, сарматское время.

Конечно, увлекшись идеей необходимости создания многотомной академической истории Дона, я прекрасно сознавал, что этот труд неподсилу одному человеку, так как, помимо своего объема, он требует участия археологов, историков, экономгеографов, этнографов и филологов, специалистов в разных областях Доноведения.

Выполнение этой задачи принадлежит будущему, и я уверен в том, что когда то ее выполнят донские исследователи последующих поколений, на Дону — свободном от большевиков.

Поэтому то, чтобы сохранить для будущего, я собранный мною в течении жизни материал издал, хотя по причинам материального и технического характера в самом сокращенном виде, на ротаторе и в ограниченном количестве экземпляров.

Поэтому то я приветствую и любое исследование, любую статью, посвященную истории Дона, где бы она ни появилась, по эту или по ту сторону железного занавеса

Все мы, любители донской старины в эмиграции, несмотря на самые неблагоприятные условия для научной работы, — делаем, что можем. И каждое исследование или статья, независимо от ее направления и качества, представляет собою какой то камень или камешек из тех, которые мы подносим к постройке будущей грандиозной пирамиды, которую я называю Большой академической историей Дона.

(Мюнхен.)

Проф. М. Миллер

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «1613»

...А у избы тесовой там подале —
Дым коромыслом... Во́лнами народ...
Угарно-весело в наполненном кружале,
И буйно крутится людской водоворот.
Как плошки в темну ночь горят глаза задором,
Ковш с пенной брагой бродит по рукам,
И песнь степная льется мощным хором...
Эх, любо ль, весело живется казакам?
Кружальник дюжий дремлет на прилавке,
Сквозь сон седой мотая головой...
Столы дубовые некрытые, да лавки
Вдоль стен, расписанных наивною рукой...
На блюдах кованых — заморские гостинцы,
Жбан с медом крепким, как бердыш стальной,
И, как всегда, — «с носка до по алтынцу»
Гуляют казаки ватагою хмельной.

Расстегнут ворот шитого кафтана,
Как в кузне мех, могуче дышит грудь,
Младая кровь огнем пылает пьяно,
Грозя волной разгула захлестнуть.
Не сыщешь на Руси, на всех ее просторах
Таких чудес, как песня казака...
В ней — степи ширь, ковыльный нежный шорох,
В ней — топот бешеный степного маштака.
В ней — все, что степь веками поглотила,
Все то, что нес беглец в подарок ей,
Что, в сердцах выносив, так бережно хранила
И возвращала Родине своей
За каждый старый стих душою беспокоясь,
Без новшеств чужеземных, без прикрас —
Простую и бесхитростную повесть,
Старинной вязью низаный рассказ.

Они живут века, они не умирают...
Как степь ковыльная — бессмертники они.
И песни — не «ПОЮТ»... Нет, их, как встарь,
«ИГРАЮТ»
На Тихом на Дону почесть по наши дни.
И в них — то крик души, сорвавшийся
с аркана,
То безысходная, глубокая тоска,
То ей на смену — вихрем урагана
Гик удалой донского казака.
Подчас — в ней церковки станичной купол
тусклый,
И ласка матери — как огонек во мгле...
Нет, не найти такой исконно русской,
Такой родимой песни на земле!

С.А.С.Ш.

Н. Воробьев.

ИЗ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

Орлам случается и ниже кур
спускаться,
Но курам никогда до облак
не подняться.

И. А. Крылов.

Много раз волны смуты бушевали на русской земле. В самом начале ее истории междуусобицы удельных князей киевского, владимирского и московского периодов несли разорение земле и русскому народу, задерживали его культурное развитие и сковку в монолитную массу, страшную для врагов обширностью своей территории, многочисленностью, выносливостью и храбростью населения.

В большинстве случаев смуты были вызваны личными или сословными интересами и редко когда вызывались и руководились общенародными или общегосударственными интересами.

Население пограничных окраин московского государства в большинстве смут принимало большое участие.

В дошедших до наших дней повествованиях современники, описывая события смут, именуют представителей окраин, принявших в них участие, огулом казаками, сопровождая это название весьма нелестными эпитетами.

Заслуживало ли все казачество в целом такую оценку или же в его среде были отдельные личности или целые войсковые организации, которые понимали все зло таких смут для народа и государства и были ли попытки противостать им и бороться с ними особенно в один из самых критических периодов, в Смутное время, когда нависла угроза не только потери территории и независимости, но и самой веры?

Положительный ответ на такой вопрос встречается много раз в романовском периоде нашей истории, а такой же ответ в периоде Смутного времени находится и в истории маленького доблестного Терского Войска, оставшийся для многих неизвестным.

В наше, также смутное время, об этом казакам надо вспомнить или узнать о нем.

Далекая от Москвы окраина, в предгорьи Кавказа, отделенная от нее степями Дикого Поля и правобережными степями Приволжья, была тогда населена немирными, враждующими между собою, кавказскими народами, номинально признающими власть московских царей. В очень малом числе русские были разбросаны в предгорьи. Терки, острог-город, на реке Тюменке, при устьи реки Сунжи на Тереке и в Гребенях были городки «вольных терских казаков».

Когда в Москве воцарился Лжедимитрий, горские народы изъявили свою покорность и послали к нему делегацию во главе с мурзой Янгалычевым и десятью узденями, за что и были награждены Лжедимитрием рухлядью (одеждой) и деньгами.

Шах персидский Аббас Второй также прислал к нему грамоту, в которой именовал его великим государем и князем.

Не дали ему присяги и не послали послов для изъявления покорности только Терские вольные казаки, за что и были наказаны неприсылкой им из Астрахани кормов и жалованья.

В ответ на это атаман Бодырин собрал

ватагу и Хвалынским морем доплыл до Астрахани, поднял Астраханских и Волжских казаков и двинулся вверх по Волге к Казани. В пути ватага разрослась до четырех тысяч бойцов. Она дошла до Свияжска, где узнали, что в Москве Разстрига убит. Приближалась зима и ватага из Свияжска ушла на зимовку на Дон, откуда в 1607 году князь Шаховской позвал ее воевать Москву и она двинулась на Путивль и Тулу.

В Москве уже был выбран новый царь Василий Шуйский, но и его Терцы не признали за законного царя и не захотели ему целовать крест, несмотря на уговоры посланных к ним специально боярских сыновей Хохловых.

В короткое царствование Шуйского многие представители родовитых бояр считали себя ни чуть не хуже Шуйских и достойными занять свободный царский трон и интриговали против Василия царя.

Таким, одним из многих, оппозиционеров Шуйскому был и князь Хворостин Иван Дмитриевич, астраханский воевода, сторонник второго самозванца. Во главе же сторонников Шуйского на юго-восточной окраине во главе правительственных войск был Шереметьев Федор Иванович. Один и другой призывали Терских казаков присоединиться к ним, но на Тереке, после ухода в поход Бодыринской ватаги, остался более спокойный элемент, который стойко защищал от набегов горцев рубеж и следил за горскими племенами, некоторые из которых хотели отпасть от Москвы и перейти в подданство к турецкому султану или к персидскому шаху.

В самой Москве смута шла на убыль. Был свергнут Шуйский, прогнаны поляки и выбран на царство Михаил Федорович Романов. Заруцкий и Марина бежали в Астрахань, откуда Заруцкий неоднократно слал гонцов к горцам и терцам, призывая к восстанию и требуя помощи. Посулы Заруцкого не соблазнили Терцев. Напротив, они задерживали его послов к горцам и представляли их в Терки воеводе на правеж.

Когда дошла весть о избрании первого Романова на царство, Терцы «служилые и жилецкие» люди целовали ему крест на верность, привели к покорности князей и мурз черкеских и взяли от них заложников, а бывших с Заруцким из Бодыринской ватаги уговорили отстать от Маринки и «бить челом великому государю и вины свои принести».

Затем под начальством стрелецкого головы Василия Хохлова в числе пятисот терских вольных казаков и двухсот стрельцов разгромили шайку Заруцкого, взяли в плен тетку Марины, Варвару Казановскую, слугу ее Попруцкого и католического попа Антона, как и 160 волжских казаков во главе с их атаманом Иваном Афанасьевичем и передали их властям. Остатки банды Заруцкого бежали на Яик, где и были переловлены посланными туда стрельцами.

За это царь Михаил в 1614-ом году наградил Терцев похвальной грамотой, а в июне 1614-го года послал к ним дворянина Погожева с «милостивым царским словом и с золотыми».

Милостивые же слова царские Терским казакам были следующие:

«Сотники, атаманы, казаки, стрельцы и всякие служилые люди терские видя над нами, великим государем, милость Божью и нашу царскую милость к себе и призрение, как есте начали нам, великому государю, служити, так бы и содержали: нам служили и над вором Ивашкой Заруцким и над Маринкой с сыном промышляли неослабно, сколько вам милостивый Бог подаст; а мы, великий государь, вас учнем жаловать и держать с призрением свыше прежнего и учнем к вам присылать с нашим жалованьем с деньгами и хлебным ежегодно бесперевод-но, и ту вашу службу учиним на веки памятну детям вашим и внучатам».

Современник, описывая события первой четверти семнадцатого века, и архивные донесения с далекой окраины, к сожалению не сохранили для нас имена тех терских казаков, которые крепко стояли на рубеже на охране общегосударственных интересов и поведших за собой терскую казачью массу на борьбу со смутой. Но самый факт, что в среде казаков нашлись такие люди, которые не поддались ни на лесть, ни на посулы узурпаторов верховной власти и до воцарения законного ее представителя остались верны общегосударственной идее, дает ответ на поставленный в начале вопрос, а одновременно показывает, насколько несправедливо было огульное обвинение всего казачества и приклеивание к его имени обидных эпитетов, которыми и в наше смутное время, подчас, награждает казаков «передовая» российская интеллигенция.

Стокгольм. **Проф. В. А. Чехов.**

ИЗ ПИСЕМ К ДРУГУ.

31 мая 1959 года. Степняки, «последние оставшиеся из горсти первых», служили молебен о живых и панихиду «о живот свой положивших».

Перед началом молебна, войсковая старшина (генералы Писарев, Тарарин и еще несколько человек) подняли образ Донской Богоматери на тяжелом дубовом подставе и перенесли его из правого притвора собора на середину.

Образ — массивный складень из кованного серебра. Отличный хор Парижского собора поет: «Не имам мы иныя помощи, не имам мы иныя надежды». Лик Богородицы заволакивается кадильным дымом.

Вероятно, такая же икона в 1641 году во время «Азовского сидения» заволакивалась дымом пожариш, и «беглый» греческий поп тоже пел: «не имам мы иныя помощи, не имам мы другие надежды». Сколько молитв к ней было обращено от Атамана до последнего из «голытьбы»!.. А сколько материнских слез пролито! И не оставила там, в Азове, Богородица казаков, видела их веру, услышала их молитвы.

В 1813 г. перед битвой под Лейпцигом атаман Платов молился перед таким же образом. Лихой был Атаман, никого не боялся, а образ Божьей Матери чтил, а Богородицу наверно и побаивался.

За полтора века казаки, а с ними вероятно и образы Донской Богоматери, второй раз в Париже. В 1813 г., конечно, было не так... Бунчуки... Литавры... Слава!.. Второй раз в Париже икона Богородицы попала беженкой.

«Вечная память... — могуче басит протодиакон — Атаманам Алексею, Петру, Африкану...» Стою на коленях... перед глазами проходят атаманы, доблесть и верность казачья...

Не покидала Пречистая казаков. И теперь не покинет их Она... Верю в это. Многие еще может быть сложат свои головы в «заграничном сидении», но вернется слава казачья и сыны Дона донесут свой образ Богоматери, созданной в зарубежьи, до Родной Земли...

Я не казак, но чувствую какую то кровную, родную связь с ними, особенно с донцами. Может быть, это потому, что поход свой мы сделали из Ясс на Дон, и Дон стал колыбелью борьбы с большевиками и Добровольчества. Может быть, потому, что кровью своей мы тоже полили донские степи. А может быть потому, что, несмотря иногда на внешние разногласия, они дружнее нас между собой и крепче в изгнании... Не знаю.

Но вот это твердо помню. Конец октября 1917-года. Я после ранения, правдами и неправдами, больше конечно неправдами, пробираюсь в полк в Румынию. Какой то полустанок Подольской губернии. Товарный поезд, на тормазной площадке которого я приспособился, стоит долго. Рядом стоит эшелон. Стоит тоже долго. Проходят какие то фигуры, в шинелях, без поясов, многие без погон. «Донцы домой уходят»... «Чаво домой. На Москву их гонют...»

В конце эшелона запиликала гармошка «яблочко». Молодой веселый голос подхватил: «Афицерик молодой, куда торопишься, на Алмаз попадешь, не воротишься». Хорошенькое дело, думаю. Вдруг через минуту раздалось совсем тихо: «Не за Троцкого, не за Ленина, за Донского казака, за Калéдина».

Так на всю жизнь это в голову мне и врезалось. И не то, чтобы стало моим девизом, но синонимом того, где белое, где черное. Где правда и где ложь.

И часто, когда нужно было принять ответственное решение или когда «гайка начинала откручиваться», или когда по слабости человеческой боялся смалодушничать, я сам себе напевал: «Не за Троцкого, не за Ленина, за Донского казака, за Калéдина». Все сразу становилось на свое место.

Прости, дорогой, я отнимаю у тебя время, но хочется кому то душу свою открыть и так мало вокруг людей, твердо помнящих, что Родина жива и надо для нее что то делать. Все как то уходят в зарабатывание копеек, их все больше и больше надо, жить всем хочется все лучше и лучше. А копейки ведь на тот свет не унесешь. Как то забывают, что жить то осталось три, пять, ну может быть 10 лет.

Ну, вот. Начал за здравие, а кончил за упокой. Хотя нет, правда и начал с панихиды. Жму твою руку.

Походник - Дроздовец.

ОТЧИЙ САД.

Мне-ль не знать о борьбе
Твоих чувств, что Тебе
Краше всяких хором
Твой родительский дом,
И что там, где наш край,
У тебя есть свой рай
Лучше прочих отрад
— Отчий сад — виноград,
Где и прадед — старик
Забывал гнев и крик
Над омытой лозой
Первой майской грозой...
— Шелестит над водой
Весь в цвету, молодой,
Солнцу южному рад,
Южный сад — виноград...
Много тайн он хранит
И лукаво манит,
Шевелит бородой
От поливки седой,
А как ляжет роса,
Промелькнет в нем коса
Все быстрей вдоль оград,
— Эх, ты сад — виноград!..
Но прекрасней, сильней
Всех уральских камней
Полнит красками взор
Его поздний убор.
Незабвенно — красив,
Нежно-мудр, молчалив,
Как пойдет листопад
Тихий сад — виноград.
— Мне-ль тебя утешать,
Ряд надежд воскрешать.
Что к нему не смели
Путь обратный в дали
Ни буран, ни дожди?
Помни сад... Подожди:
Мы вернем после страд
Отчий сад — виноград!

И. Сагацкий.

ПЕРЕД ВЫБОРАМИ ДОНСКОГО АТАМАНА.

В письмах в редакцию газеты «Новое Русское Слово» донцов Быкова, Чекомасова и Мельникова, в статье Н. М. Мельникова и в письме Н. Н. Краснова, напечатанных в № 26 журнала «Родимый Край», были приведены неоспоримые данные, доказывающие абсолютную невозможность избрания Атаманом ген. Полякова, кандидатура которого выставлена на этот пост. К кандидату на высокий пост должны предъявляться и требования высокие и по личности Атамана судят и о самом Войске: «каков пастырь, таково и стадо», «скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты». В В.Донское на родине умело выбирать своих Атаманов: А. М. Каледина, П. Н. Краснова, А. П. Богаевского — и на чужбине казаки не должны, не имеют права, не роняя достоинства Войска, понижать уровень требований к своим вождям. Мы знаем, что казаки, раньше сбитые с толку беззастенчивой саморекламой «вождя», плохо разбирались в истории гражданской войны, — теперь они, располагая точными сведениями, отходят от этого кандидата и не будут принимать участия в выборах. Молчит пока «старшина». Ниже мы помещаем заявление, напечатанное и в № «Нов. Русского Слова» от 6-го апреля с. г. от имени казачьих деятелей и целого ряда Донских организаций в Сев. Америке.

Саморекламa и бесцеремонное обращение ген. Полякова с правдой и истиной оттолкнули от него и некоторые монархические круги. Так, монархический журнал в Америке «Знамя России» в № 194 за январь с. г., разобрав подробно «неточности» и искажения ген. Полякова в его «исторических» очерках «Краснов - Власов», в заключение пишет: «Утверждения ген. Полякова, мягко выражаясь, не соответствует истине»... «Воспоминания ген. Полякова — эмигрантские мемуары для прославления и популяризации самого себя — создание памятника своей деятельности, КОТОРОЙ ВОВСЕ И НЕ БЫЛО».

Разобрались в ген. Полякове и братья Кубанцы. Новый Кубанский Войсковой Атаман Войсковой Старшина Ткачев уже не состоит в «Объедин. Совете Дона Кубани и Астрахани», созданном ген. Поляковым, в подражание известному казакам Объедин. Совету Дона, Кубани и Терека, учрежденному Войсковыми Атаманами А. П. Богаевским, В. Г. Науменко и Г. А. Вдовенко. Тер-

ский Атаман ген. Агоев с самого начала отказался вступить в этот Совет. Кто уполномочил Астраханца — сведений не имеется. Мертворожденный этот Объед. Поляковский Совет фактически не существует, а Кубанский оффициальный орган «Казак» в январе этого года печатает «Открытое письмо ген. А. И. Полякову», в котором автор Н. Назаренко, подробно разбирая содержание Поляковского произведения «Краснов-Власов», в частности пишет: «Вы оскорбили нас, бывших фронтовиков, как г.г. офицеров, так и рядовых казаков всех Казачьих Войск. Вы задели память доблестного командира нашего 15-го Казачьего Кавалерийского корпуса (ген. Панвица). Вы оклеветали лично мне известных лиц. Мало того, Вы бросили грязную тень на казачью старшину и на все Казачество в его целом». «Фактически, своими заявлениями Вы повторяете часть той большевистской лжи, на основании которой они объявили ген. Краснова «военным преступником-коллаборантом» и предали его страшной смерти на Московской плахе». «Заявление ваше, что возглавлявшееся ген. Красновым Главное Управление Казачьих Войск подчинялось высшей немецкой инстанции по линии СС, является ложью, которой Вы, уже прямо от своего имени, цепляете эсэсовский ярлык на шею ген. Краснова и всех его сотрудников по работе».

В доказательство лживости утверждений ген. Полякова Н. Назаренко приводит полностью приказ немецкого генерала Кестринга от 31-го марта 1944 года и приводит фотостат этого приказа, из которого вытекает, что подчинения ген. Краснова и Глав. Управ. Каз. Войск по линии СС не существовало.

Автор «Открытого письма» протестует против оклеветания ген. Поляковым доктора Н. А. Гимпеля — человека, «горячо и бескорыстно помогавшего работе на благо казачьих сирот, вдов, инвалидов, военнопленных и стариков» — протестует против оклеветания и оскорбления казаков, служивших в РОА (т. е. в Русской Освободительной Армии ген. Власова) — и против опорочения памяти расстрелянных большевиками ген. Власова и ген. Панвица, «родившегося немцем и погибшего казаком». В этом же номере «Казака» помещено письмо доктора Н. А. Гимпеля, протестующего против клеветы ген Полякова, а редакция Кубанского «Казака» благодарит доктора Гимпеля от имени всего Кубанского Казачества за спасение Кубанских Войсковых Регалий.

АТАМАНСКИЙ ВОПРОС

В номере Нового Русского Слова от 6 марта с. г. помещена статья под заголовком «Перед выборами Донского атамана» за подписью Н. М. Мельникова. Мы, нижеподписавшиеся, представители групп донских казачьих деятелей здесь и в Европе, ознакомившись с содержанием статьи, целиком присоединяемся к автору ее. Н. М. Мельников правильно высказался о кандидатах и о том, как изжить двуатаманство. По его мнению, ни ген. Попова, ни ген. Полякова выбирать в атаманы нельзя. Первого — потому, что ему 95 лет. Второго — по причинам, изложенным в статье Н. М. Мельникова. Главной причиной является отстранение И. А. Полякова от должности начальника штаба Донской Армии. Для ясности приводим выдержку из статьи бывшего нач. донской дивизии ген. Коноводова («Родимый Край», 7, 1954 г.). «Для всех было ясно, что И. Поляков более склонен к закулисной стороне дела, а не к выполнению священного долга начальника штаба. Этот «вождь» не в состоянии был временами указать не только линию фронта, но даже где какая часть находится. Ясно вырисовывалось, что И. Поляков совершенно непригоден к ведению военных операций, и он был отрешен от должности». В этой должности ген. И. Поляков пробыл всего шесть месяцев. Дальше ген. Коноводов пишет о «героях нашего безвременья» и указывает, что «лица, принадлежащие к этой категории, не только бесполезны какому либо обществу, но просто вредны».

Заканчиваем словами Н. М. Мельниковаь «Лучший выход: покинуть таких «вождей», и тогда широко откроются двери для братского единения донцов, так как других серьезных причин для разъединения среди казаков нет. Тогда можно будет создать независимую, единую Главную Избирательную Комиссию и приступить к выборам единого Атамана».

Добавим от себя: Избирательную Комиссию, созданную, по рецепту г. И. Полякова, его сторонниками, мы не признаем и такову не признают здесь десять казачьих организаций. («Н.Р.С.» 11 февраля 1959 г.).

И. Курицын, П. Петров. А. Поляков, В. Петрус, В. Свирякин, Ю. Мощеев, Г. Чеботарев, В. Солдатов, Н. Ушаков, И. Лукичев, Ф. Поляков, П. Меркулов и др.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕН. И. А. ПОЛЯКОВУ

В газете «Россия» с 11-го июля и по 26-ое августа 1959 г., т. е. в 24-х номерах, напечатаны Ваши воспоминания «Краснов-Власов», в которых Вы показали полное отсутствие такта и оклеветали и казаков, и казачьих офицеров.

Нас, бывших чинов каз. корпуса ген. Доманова и каз. корпуса ген. фон Панвица, писания Ваши настолько шокировали, что при всем моем нежелании потакать склоке в эмиграции, вынужден я стать на защиту и тех из наших славных казаков, кто распят в Москве, и тех, кто еще остался в живых, и сказать правду, хоть может быть будет она Вам горька.

Первое, что бросается в глаза в Вашем сочинении, это всюду проходящие подчеркивания того, что Вы были «пуп земли сей». Видимо, считаете Вы, что около 20-ти наших каз. генералов и свыше 300 штаб-офицеров, служивших в каз. частях, были лишь пешками, как Вы это позволили себе сказать о ген. Доманове, да и о всех нас.

Нам, казакам, известно, что в свое время Вы не справились с должностью начштаба Донской Армии и были изгнаны Донским Войсковым Кругом. Ваши писания расчитаны, видимо, только на наивных, если не сказать больше, людей. Тщеславие и игра в вождизм были при этом Вашими главными советниками.

С Вами я лично знаком. В декабре 1944 года Вы изволили разыскать меня в г. Потсдаме. Вторично, в конце апреля 1945 года, Вы нашли меня в Толмеццо, в Италии, совместно с Вашим переводчиком (неказаком) В. Н. Миролюбовым, оказавшимся в Сибири советским «стукачем» (осведомителем) и предателем, загнавшим многих казачьих офицеров на тот свет. И в третий раз, в конце мая 1945 года, Вы опять отыскали меня в городе Лиенце в Австрии и обратились ко мне как беспризорный, где я Вас принял и поместил в штабной барак, зачислив Вас на все виды довольствия при комендатской офицерской столовой.

25-го мая, когда было получено распоряжение от англичан нашим гг. офицерам сдать оружие и всем 28 мая ехать на конференцию, я открыто всех предупреждал, что это ловушка и что ехать туда не следует. Доманов 27-го мая вечером был вызван в штаб к англичанам и больше в гостинницу к супруге своей не вернулся. Поэтому Вы и воздержались от поездки: Вам было известно, что я перевел мою семью из штабного барака на частную квартиру, и Вы просили меня, чтобы я и Вас устроил на частную квартиру, что я и сделал, поместив Вас напротив моей квартиры. И на этом и погорел!

В своих воспоминаниях Вы точно изложили случай со мной: «Приехали англичане, нашли его квартиру, арестовали и увезли». Спрашивается, откуда Вы знаете все это, Иван Алексеевич? Даже моя семья этого не видела, и англичане о моей частной квартире понятия не имели. Знали только Вы! И не странным ли кажется, что англичанам был опасен я «пешка», а не Вы генерал, «стратег, человек с огромными связями» и т. д., и т. п.?

Вы пишете: «с февраля 1919 года и по декабрь 1944 года Вы никакого участия в казачьей жизни не принимали и в минувшую войну 1941-45 гг. на военной службе нигде не состояли, но что это Вам не мешало быть везде своим человеком» и Вам «везде и всюду были открыты двери», что Вы «имели влияние на П. Н. Краснова и на Власова, что немцы поручили Вам их объединить и что в конце апреля 1945 года какой то немецкий генерал (какой фамилии?) предложил Вам реорганизовать казачью группу войск Доманова».

Являясь участником последней войны и свидетелем событий в казачьей жизни того времени, а также переговоров и совещаний, как например: Краснов - Шкуро - Власов; Краснов - Татаркин; Татаркин - Трухин-Власов; Краснов - Штейфон; Абрамов - Татаркин - Балабин — я хорошо знаю многое. Все эти перегеворы (за исключением ген. Абрамова, Татаркина и Балабина) не дали результата, т. к. на вхождение казачьих частей в РОА не давало согласия немецкое командование. И Краснов, и Власов были немецкими ставленниками и были обязаны исполнять приказы «фюрера». Другое дело ген. Абрамов, Татаркин и Балабин и их нач. штаба полк. Семенов: эти лица были избраны в Комитет РОА на съезде представителей каз. организаций в г. Праге в ноябре 1955 года и они были неподведомственны немцам. Все Вами написанное. Иван Алексеевич, тенденциозно и не соответствует действительности. Чтобы не быть голословным, постараюсь разобрать некоторые пункты Вашего сочинения.

Вы пишете: «Ген. Татаркин в декабре 1944 года просил Вас приехать в Берлин,, так как он боялся без Вашего присутствия

встречаться с П. Н. Красновым. Последний вызвал Татаркина в Берлин для объяснений и разноса». Все неверно! Ген. Татаркин не входил в подчинение Краснова, и разносить его Краснов не мог. Ген. Татаркина вместе с полк. А. И. Семеновым в Берлин привез я в октябре 1944 г. С ними вместе успел я побывать у П. Н. Краснова, Трухина и Власова, а Вы приехали в Берлин, как Вы пишете, в конце декабря 1944 года.

Вы три месяца якобы мирили и объединяли Краснова с Власовым, а мне известно, что они никогда и не ссорились! На вхождение казачьих соединений в РОА, повторяю, не было согласия немцев.

Так, 30-го марта 1945 года командир бригады полк. Кононов, под предлогом хозяйственной конференции, собрал в Вировитице, в Хорватии, «делегатов от 15-го каз. корпуса», получил от них «решение о вхождении в РОА», а уже 31-го марта был немцами отрешен от должности и уволен из корпуса.

Дальше Вы пишете: «Ген. Краснов дал Вам хороший отзыв о Доманове, а примерно через пол-года Доманов позорно оставил своего благодетеля». Жаль, что Вы не слышали, Иван Алексеевич, отзыва Краснова, данного им о Вас ген. Доманову! Не могу сказать, чтобы он был лестный для Вас!

На основании этого Доманов и не принял Вас в казачий корпус! Не оставил Доманов Краснова, всегда с ним считался, относился к нему с большим уважением и лишь Ваши интриги отравили атмосферу, т. к. Вы все время уговаривали Семена Николаевича Краснова отстранить Доманова, самому возглавить казачий Стан-корпус, а Вас, Полякова, взять к себе начальником штаба. Но Вы не учли одного обстоятельства: Ген. Краснов, с его Главным Упр. Каз. Войск, подчинялся Восточному Министерству Розенберга, а казачий корпус (Каз. Стан) Доманова подчинялся Главнокомандующему Итальянским фронтом фельдмаршалу Кессельрингу, и этот последний не позволил никаких перемен и все Ваши интриги на этом и разбились.

Вы пишете: «Меня особенно поразило присутствие в Гл. Упр. Каз. Войск немца д-ра Х., он в сущности был первым и главным распорядителем в этом каз. штабе, являясь бдительным оком и ушами преславутого Восточного Министерства Розенберга». Здесь Вы сами себя разоблачаете, как совершенно ничего не знающего и совершенно некомпетентного. Всем известно, что во всех штабах и частях казачьих и русских были немецкие офицеры для связи, «их глазами и ушами», и они были буквально за все ответственны: за боеспособность, за вооружение, за снабжение и т. д. Так как же Вы собирались нас реорганизовать, даже не зная, с кем Вам пришлось бы дело иметь?

Дальше Вы пишете: «Краснов и Власов просили меня быть Атаманом Зимовой Станицы при ген. Власове». Так позвольте Вас спросить, почему же Вы не согласились? Да просто потому, что от Каз. Стана на эту должность был избран ген. Бедаков с двумя заместителями, на случай, если на это будет приказ герман. командования.

Вы пишете: «Ген. Штейфон Командир Русского Корпуса представился ген. Власову и сделал ему заявление о передаче в его полное безоговорочное распоряжение корпуса в Югославии, и что ген. Штейфон делился с Вами новостями, касающимися корпуса». И это неверно! Ген. Штейфон в декабре 1944 г. по болезни был освобожден от командования корпусом. В то время корпусом командовал полк. Меженов, а потом полк. Рогожин. Ген. Штейфон сам ничего не знал о судьбе корпуса, делиться новостями с Вами не мог да и не смел. В моем же присутствии ген. Штейфон ответил ген. Власову примерно так: «Если будет приказ немецкого командования, корпус безусловно перейдет в РОА». Но такого приказа не последовало.

Дальше Вы пишете: «Донской Атаман ген. Татаркин умер 14-го октября 1947 г Ввиду этого, согласно приказу Донского Атамана еще в 1943 году, мне пришлось вступить в исполнение обязанностей Донского Атамана». Тоже неверно! В 1943 г. ген. Татаркин, его заместитель совет и окружение и понятия не имели о Вашем сушествовании, Иван Алексеевич. Да будет Вам известно, в то время военным вождем Донских казаков был генерал Ф. Ф. Абрамов. Когда Донской Атаман граф Граббе тяжело заболел, его дочь сообщила об этом ген. Абрамову в Софию и просила его от имени отца вступить в исполнение обязанностей Донского Атамана, но ген. Абрамов, отклонив его предложение, приехал в г. Белград, где и созвал Совет Донской Старшины, на котором присутствовали генералы: Абрамов, Татаркин, Л. Богаевский. Морозов, Сутулов, два Калиновских, Рубашкин и около ста Донских штаб - офицеров. Вас я там не заметил. На этом заседании старшины постановили: полномочия Донского Атамана передать ген. Татаркину,

его заместителем был избран ген. Л. Богаевский и был создан Атаманский Совет. Это было в марте 1942 года.

Вы пишете: «Ген. Краснов просил меня проверить работу Венского казачьего штаба». Тоже фантазия! Как известно, в этом штабе был комендантом немец ротм. А., тоже «с ушами и глазами». Он являлся представителем СС Хауптамта, который подчинялся только Коменданту города Вены! Даже сам Краснов не мог проверять работу немецкого офицера. Вы же сами подчеркнули выше, что в «Гл. Упр. Казачьих Войск был главным распорядителем немец д-р Х.»!

«П. Н. Краснов, пишете Вы, сетовал на меня, что я не подаю о себе никаких признаков жизни, жалуясь на чрезмерную перегруженность работой и отсутствие нужных помощников. Свое письмо он закончил предложением мне безотлагательно приехать в Италию». Даже если поверить в существование этого письма, все же следует Вас спросить, а почему же, Иван Алексеевич, не предоставил Вам Краснов никакой должности, когда Вы появились в Италии? Да только потому, что Краснову самому делать было нечего, т. к. его племянник С. Н. Краснов по дороге из Берлина в Италию растерял штаб Гл. Упра. Каз. Войск и переехали все в Италию не работать, а отдохнуть: «быть со своими», как они говорили.

Вы пишете: «Доманов бесспорно все время занимал явно враждебную позицию по отношению РОА. Полк. Б. (Бочаров представитель РОА) находился на положении опального при Каз. Стане». Тоже фантазия! Доманов к РОА был безразличен, он знал, что все зависит от немцев, а те его очень ценили. Кроме того Доманов отлично знал окружение ген. Власова, Бочарову не верил и впоследствии выгнал его из Каз. Стана. Этот, как Вы пишите — «отличный стратег» из МГБ — иуда сделал много для того, чтобы Доманов не распустил в день капитуляции казаков Каз. Стана, и предпринял с англичанами и советами все, чтобы удержать казачью массу для позднейшей передачи советам!

Дальше Вы пишете: «Я был приглашен в театр в Толмеццо, где немецкий генерал предложил мне занять место рядом с ним, на следующий день ко мне пришел адъютант немецкого генерала и передал его просьбу посетить его в 4 часа дня. Только что он ушел, как появился полк. Б. и сказал, что он тоже позван к немецкому генералу. В означенный час, мы пошли к генералу вместе. Он принял нас очень радушно, о чем наглядно говорил стол, богато заставленный разными напитками, папиросами, шоколадом и др. яствами. Кроме генерала в комнате находился еще один немецкий офицер полк. ген. штаба. Генерал целым рядом вопросов старался выяснить у меня не только отношения между Красновым и Власовым, но и пытался найти путь к их примирению. Генерал просил меня организовать совещание и обсудить этот вопрос с ген. Красновым и Домановым. Окончив этот вопрос, генерал перевел разговор на Казачий Стан Доманова и, в частности, на казачьи войска. Не могу сказать, чтобы его аттестация была особенно лестной для них. Ввиду этого, он признавал необходимым безотлагательно провести полное переформирование казачьей группы. Говоря на эту тему, он сказал, что ему известно (вероятно от фюрера), что подходящим лицом для проведения этой реорганизации был бы я».

Невольно возникает вопрос: отдаете ли Вы себе отчет в том, что Вы написали — Иван Алексеевич? Надо быть совершенно беспринципным, утратить всякое понятие об офицерской чести, этике и морали, чтобы так обливать грязью казаков, тех, кого Вы собираетесь возглавлять и представлять в эмиграции. Такого бахвальства и самовосхваления, признаться, среди взрослых людей я еще не встречал! В апреле 1945 года в Толмеццо не было вообще никакого немецкого генерала, в то время им было не до театра! А если бы таковой приезжал, то я, комендант и нач. гарнизона, должен был бы позаботиться о его помещении и личной безопасности. После такого «радушного» приема немецким генералом Вам следовало бы поинтересоваться его фамилией и даже его полк. ген. штаба, для каз. истории это необходимо, ибо Вас, штатского беженца, в конце апреля 1945 года «фюрер» призвал все реорганизовать и его спасать. Все формирования, переформирования, переброски частей, назначения и переводы комсостава исходили только от «фюрера».

Если бы немцы захотели примирить Краснова с Власовым или подчинить казачьи части РОА, они отдали бы об этом приказ и только! Немцы же ценили казаков и плохой аттестации им дать не могли, да и не смели, ибо в тот период времени казаки являлись самой надежной частью на Итальянском фронте! Как можно было (перед началом конца) в конце апреля 1945 г. производить реорганизацию и, следовательно, сни-

мать с фронта боевые части, боровшиеся совместно с остатками немецких войск против регулярной армии противника! Стыдитесь, генерал!!! Как видно Вы, Иван Алексеевич, не в курсе событий в Каз. Стане во время Вашего же пребывания в Толмеццо. После ареста Муссолини 27-го апреля 1945 года, на другой день, в штаб ген. Доманова, в Толмеццо, приехал итальянский генерал Кантини от ген. Бадолио с двумя офицерами и предложил ген. Доманову капитулировать и сдать оружие. Доманов созвал Военный Совет, который, под председательством ген. П. Н. Краснова, решил: воевать до последнего патрона! А с 1-го мая начать эвакуацию семейств казаков, инвалидов, стариков, женщин и детей в Австрию, на что было получено согласие немцев, ибо это было обоюдно выгодно: освободившаяся охрана каз. семейств в станицах — была послана на пополнение строевых частей на фронте.

Вы пишете: «На улицах Толмеццо можно было видеть братание немецких солдат с итальянцами. Не все было благополучно и на казачьем фронте. С каз. дивизией ген. Силкина была прервана связь и являлось опасение, что она целиком захвачена противником. 30-го апреля 1945 г. ген. Краснов, в сопровождении С. Н. Краснова и нескольких офицеров, переехал в д. Пиано, расположенную, примерно, на пол-пути между Толмеццо и Австрийской границей. Мне, из за отсутствия перевозочных средств, не удалось с ними уехать. Утром в этот день я сказал С. Н. Краснову, что буду всячески стараться, чтобы к ним присоединиться. Оставаться в Толмеццо и ждать развязки событий я считал неблагоразумным, а потому настойчиво занялся вопросом отыскания подводы. В этом мне оказал огромную услугу полк. Х., нач. тыл. части группы Доманова. Он предложил мне воспользоваться автобусом, перевозившим тяжело раненых из Толмеццо в другой госпиталь. Вечером 2-го мая, взяв с собой д-ра П. и инж. М. (Миролюбова), я покинул Толмеццо и на следующий день, около 10-ти часов утра, прибыл в д. Пиано».

Тут Вы, Иван Алексеевич, окончательно зарапортовались! Казаков Вы упрекнули за то, что они не братались с итальянцами, а немцев упрекаете за то, что они братались. Вам якобы предлагали немцы реорганизовать казачью группу, а с ней уже не было связи! «Предлагавший» Вам безотлагательно приехать в Италию ген. Краснов не только не дал Вам никакого поста (должности) при Каз. Стане, но даже и места на подводе для эвакуации. Почему же немецкий генерал, вместо шоколада и папирос, не предоставил Вам автомобиль или хотя бы подводу? И увез Вас тот же ненавистный Вам Доманов, да еще преступным способом — позволив занять место тяжело раненого казака. И С. Н. Краснов Вас «не понял», когда Вы сказали, что будете всячески стараться, чтобы к ним «присоединиться», а поэтому и не предложил Вам место на подводе! И приехали Вы не в Пиано, а в Полуцо! Странно, что Вы с автобусом ехали с вечера до следующего утра почти 15 часов 25 клм., а до Австрийской границы всего 45 клм., — похоже, что Вы, «влиятельный со связями» генерал, шагали пешком всю ночь!

Вы пишете: «Перед отъездом в Италию, в каз. штабе в Вене я получил письмо от ген. Трухина, он жалел, что я тогда уехал из Берлина. Не отрицая аттестации, данную мною ген. П. (Полозову), Федор Иванович писал, что им нужен был тогда казачий генерал и что им ген. П. показался подходящим».

Как видите, Иван Алексеевич, даже РОА предпочло ген. Полозова, а не Вас! И Ваши интриги и плохая аттестация не помогли. Вы изволили дать многим казакам, каз. генералам и офицерам отрицательные аттестации, но, зная Вас, с ними никто не считался! Вы видели в чужом глазу сучек, а в своем глазу бревна не видите!

Дальше Вы пишете: «Около 12 с половиной часов дня, без стука, открылась дверь и вошедшая супруга полк. Н. Н. Краснова, обратясь ко мне, сказала: Иван Алексеевич, Вы тоже должны ехать на конференцию и затем моментально скрылась».

Тоже безтактная фантазия! Супруга Н. Н. Краснова и понятия не имела о Вашей квартире, т. к. 25-го мая я Вас перевел из барака на частную квартиру, о наших квартирах знали только Вы, я и моя семья. Не понимаю, зачем Вам нужно было лягнуть эту и без того несчастную женщину?

И в конце Вы изрекаете: «Никакого пленения казачьей группы не было».

Семен Николаевич Краснов, только сидя в советском лагере, понял, что англичане нас обманули и предали! Нас обезоружили, обобрали, оцепили войсками, запретили нам передвижение, потом спаковали и передали на верную смерть Советам. По Вашему, после всего этого, мы все же были союзниками англичан!? Вы лично — возможно!

Кончая, можно лишь пожелать Вам,

Иван Алексеевич, на будущее время, перестать писать тенденциозные сочинения в ущерб казакам и приблизиться к истине в отображении казачьей действительности недавнего прошлого нашей казачьей трагедии.

Мюнхен. **А. Протопопов.**

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КРАСНОВ — Младший и его труд «НЕЗАБЫВАЕМОЕ».

Неожиданно, к нашему казачьему горю, нас навеки покинул Н. Н. Краснов - Младший.

Он родился в 1918 г., младенцем покинул Дон и Россию, а в 1945 г. 27 лет от роду вместе с своим дедом, б. Д. А. ген. П. Н. Красновым, своим отцом Николаем Николаевичем Красновым и с тысячами казачьих офицеров и десятками тысяч рядовых казаков был в Лиенце выдан большевикам. Сталин **знал,** зачем он этого добивался, но этого **не** знали его союзники.

А теперь..., теперь приходится, одновременно с отзывом о «Незабываемом», писать печальные строки и в память его автора. Немало, порою, и блестящие таланты писали о концентрационных лагерях СССР, о введенном там в XX веке коммунистами **рабстве.** На костях миллионов созданы величайшие сооружения. «Вот что народу принес коммунизм», не переставая, пишут и говорят коммунисты. А **что** это стоило народам России, зачем это было нужно коммунистам написал и Н. Н. Краснов. Но его свидетельство особо важно казакам, потому что он, Н. Н. Краснов, **свой, казачий,** свидетель. Его устами говорил казак.

Он остался жив, а его славный дед П. Н. Краснов, его отец, дядя и товарищи по их мукам — ген. А. Г. Шкуро, кн. Султан Кучук Гирей, ген. фон Г. Панвиц и др. — **повешены.**

Коммунистические палачи знали, **что** делали. Они убили тех, кого знал мир, в ком неугасимо пребывал Дух протеста, Дух борьбы против гнусной лжи, наглого обмана, отвратительного беззакония и неустанного растления души, совести и ума людей, которыми коммунисты живут и что они разносят по всему миру...

Н. Н. Краснову - Младшему дано было слышать священные заветы и он дал великую клятву донести их до свободного мира, до казаков на свободе. Эту клятву Н. Н сдержал. Он дал «НЕЗАБЫВАЕМОЕ».

«Сегодня. 28 января 1956 года, писал Н.: «месяц, как я на свободе. За этот месяц я написал свои воспоминания..., я исполнил обещание, данное деду в подвальной бане Лубянки. Передо мной лежат десять с лишним лет моей и других, мне подобных миллионов заключенных, жизней, вложенчых в пару сотен страниц. Во всечеловеческом масштабе всему тому, что на них написано, одна оценка — писал ли я правду? Да, только правду. Может быть, неумело, не выпукло, не ярко... но я написал так, как мне наказал Петр Николаевич...» (235).

Книга, — увы, ныне покойного, — молодого Краснова-Младшего для казаков имеет свой **особый** смысл и значение. И в этом — огромная ее заслуга. Перед казаками — ЗАВЕТ б. Донского Атамана Петра Николаевича Краснова.

— «Меня втолкнули в «очко» лифта, пишет Н. Н.: спустились в подземелье. В подвале находилась лубянковская баня.

— Атамана Краснова приведут купаться, — сказал один из «роботов». Его ввели вскоре. Шел тяжело, сильно опираясь на палку, все еще в полной форме, в погонах и с орденом на груди. Я помог ему раздеться и мы вошли в душевое отделение. Надзиратели остались в предбанном помещении«. —

— Атамана Краснова приведут купаться, — сказали в подвале Лубянки. — Атамана Краснова. — Атамана. — Есть над чем призадуматься донским казакам. — Атаман. — Для казаков это — формула, полная глубокого смысла. Когда то в ту же Москву привозили других Донских Атаманов. Их ненавидели, но боялись. Народ их **любил.**

— «... Шумела вода из душей. Я медленно намыливал деда... — Запомни сегодняшнее число, Колюнок, — говорил он мне. — Четвертое июня 1945 года. Предполагаю, что это — наше последнее свидание. Поэтому я и попросил, чтобы тебя мне дали в банщики. Ты, внук, выживешь... — исполни мое завещание. Опиши все, что будешь переживать, что увидишь, услышишь, с кем встретишься. Опиши как было. Не украшай плохое. Не сгущай красок. Не ругай хорошее. Не ври! Пиши только правду, даже если она будет кому-нибудь глаза колоть. Горькая правда

всегда дороже сладкой лжи. Достаточно было самовосхваления, самообмана, самоутешения, которыми все время болела наша эмиграция. Видишь, куда нас всех привел страх заглянуть истине в глаза и признаться в своих заблуждениях и ошибках? Мы всегда переоценивали свои силы и недооценивали врага. Если было бы наоборот — не так бы теперь кончали жизнь. Шапками коммунистов не закидаешь... Для борьбы с ними нужны другие средства, а не только слова, посыпание пеплом наших глав и вешание арф на вербах у «рек Вавилонских»... Учись запоминать, Колюнок!..

Употребляй мозг, как записную книжку, как фотографический аппарат. Это важно. Невероятно важно! От Лиенца и до конца пути своего по мукам — запоминай. Мир должен узнать правду о том, что совершилось и что совершится, от измены и предательства до конца.

Что бы ни случилось — не смей ненавидеть Россию. Не она, не русский народ — виновники всеобщих страданий. Не в нем, не в народе лежит причина всех несчастий. Измена была. Крамола была. Недостаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать. Сверху все это началось, Николай. От тех, кто стоял между престолом и ширью народной... Россия была и будет. Может быть не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. Не вечно же будет жить Сталин и сталины. Умрут они и настанут многие перемены... Воскресение России будет совершаться постепенно. Не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь... А теперь, давай прощаться, внук... Жаль мне, что мне нечем тебя благословить. Ни креста, ни иконки. Все забрали.

Дай, я тебя перекрещу, во имя Господне. Да сохранит Он тебя... Дед крепко сложил пальцы и, сильно прижимая их к моему лбу, груди, правому и левому плечу, осенил крестным знаменем...

Я чувствовал, как комок рыданий подкатывает к горлу. Слезы остро щипали края век. Мне пришлось до боли сжать зубы, чтобы сдержать себя. Обняв старческое тело, я старался в этом объятии передать все свои мысли и все свои чувства.

— Прощай, Колюнок!.. Не поминай лихом! Береги имя Краснова! Не давай его в обиду. Имя это не большое, не богатое, но ко многому обязывающее... Прощай!..

В корридоре старик махнул мне рукой и пошел между своими конвоирами медленно-медленно, тяжело опираясь на палку.

Ушел от меня навсегда дед, генерал Петр Николаевич Краснов...» (стр. 81-84). **Так** совершался крестный путь старого донского казака, б. Донского Атамана Петра Николаевича...

И «НЕЗАБЫВАЕМОЕ» описывает все, чему его автор был свидетелем: обман и предательство в Лиенце, выдачу коммунистам, их торжество, кровь, унижение и смерть их жертв... Предатели делали, что им было приказано и что диктовала их грязная совесть Свое дело делали и СМЕРШ и МВД. Только тысячи офицеров и десятки тысяч рядовых казаков, можно сказать, оказались наивными и по-детски доверчивыми. Лишь один Доманов, видимо, знал о предательстве и выдаче, но умолчал. Да еще один донской генерал в Лиенце предусмотрительно не поехал на «конференцию», укрылся, **молчал**, умыл руки...

И через многие страницы «Незабываемого» идет повествование о казачьей Голгофе, ссылке, рабстве в концентрационных лагерях. Навсегда Н. Н. расстался и с своим отцом. «Никогда не забуду выражения глаз моего несчастного отца, его взгляд, которым он меня провожал, когда нас разделили.. Мы расстались навсегда. Больше я не видел Краснова старшего...»

В связи со следствием, Н. Н. пишет: «Трижды меня били. Били резиновыми палками и кулаками по спине и ребрам. Только раз я получил удар в лицо...» Следователь встретил упорный отказ подписать ложное признание. Следователь применил особый чекистский метод. «Отправили меня в подвал здания, пишет Н. Н.: «Поставили к стенке. Появились два надзирателя с автоматами... По команде, автоматчики дали очередь выше моей головы. На меня посыпались кусочки камня и штукатурки... Этот допрос продолжался больше 16 часов...» (108-109).

В дни коммунизма наша Родина уже давно воочию переживает эпоху мук первых христиан. Уже давно на нашей Родине миллионы св. мучеников, муки и страдания которых, может быть, более суровые, чем во времена Нерона, но ныне рядом с христианами страдает неисчислимое количество людей **всех** вероисповеданий, наций и всех честных воззрений: коммунизм уравнял их.

Видит ли это сильный, культурный христианский мир? Нет еще.

Ныне, когда и сам Н. Н. навсегда покинул нас, его суждения стали его завещанием.

— «Умели ли мы, эмигранты, любить Россию для России?»

«Надо научиться любить Россию для России, и мне кажется, что я этому научился против всякой человеческой логики, не в дни эмиграции, в ряды которой я попал ребенком, а за одинадцать страдных лет. Надо стать непреклонным и непримиримым анти-коммунистом, забыв партии, стремления и разделения. И мне кажется, что непреклонным и принципиальным анти-коммунистом я стал именно там, встретившись одновременно и с палачом и с рабом, и с режимом и народом...» (233).

— «Время перед отъездом проходило, как в угаре, писал Н. Н.: «Впервые я стал верить в встречу с женой и Матерью. По ночам спать я не мог и лихорадочно перебирал в голове весь мой моральный багаж... Вспоминаю, как бы укладывая в голове факты, встречи, разговоры. Мне до боли захотелось найти могилу отца, побывать в Москве и мысленно помолиться у стен Лефортовской тюрьмы о душах погибших деда, дяди и иже с ними... Я разбирался сам в себе, в своих чувствах к России, которую я обрел под красным плащем СССР, в чувстве моем к народу. Я почувствовал укол тоски. Я ехал на свободу, но на чужую свободу, к людям, говорящим на чужом языке, исповедающим чужую религию...» (301).

«... 19 декабря 1955 года мне сообщили, что завтра, двадцатого, я покину столицу СССР — Москву и поеду «домой». Конечно, в ту ночь я не сомкнул глаз. За одну ночь я отчетливо прошел весь проделанный мною путь. Я старался разобраться в своих чувствах. Я покидал отечество. Я покидал свой народ. Какой багаж я уносил в сердце и в разуме?.. Озлобление? Горечь? Ненависть? Или сожаление, сострадание и любовь...

И одно и другое. Первое относилось и будет относиться к поработителям моих собратьев, вивисекторам и негодяям. Второе — к России, которую я обрел, к русским, незлобивым, обиженным судьбой и человечеством людям.

Я вышел во двор и вдыхал в легкие душистый, морозный воздух, набирал полные ладони русского, пушистого, пахнущего арбузом снега. Я смотрел в ярко-звездное, черным шатром висящее небо. Русское небо... Я думал о встрече с матерью, с любимой женой... Мне кажется, я плакал и смеялся.

Брезжил рассвет, а я все еще, тихо, чтобы не будить друзей, блуждал, садился на койку, курил... и думал, думал, думал. Передо мной вставали образы казненных, образы умученных, деда, папы, дяди, всех, кто с ними погиб, всех, кого я видел погибшими в спец-лагерях... Я клялся. Я обещал...

Утро 20 декабря 1955 года я встретил и принял в объятия.

Утро свободы!..» (319-320).

И казак Николай Краснов - Младший сдержал свою клятву. Исполнил свое обещание. Он в эти немногие годы вновь в эмиграции **послужил** своей Родине, а что он служил и своему родному Тихому Дону и Казачеству было очевидно, само собою разумелось, как он дышал, как билось его сердце, как он любил свою жену и Мать...

Нужно суметь на минуту себе представить, почувствовать и пережить, **как** он жил **там** ОДИНАДЦАТЬ лет. Какое всегда напряжение мысли, какая, порою сверх сил, работа сердца, как в нем изболелась душа!.. И его сил на свободе ему хватило только на ЧЕТЫРЕ года. На сцене в Буенос Айресе, очевидно, он вдруг перенесся в свою жизнь в коммунистическом рабстве под палками, надругательствами следователей, конвоя, под непрестанными унижениями и издевательством...

Содрогнулось сердце... И... не выдержало...

***

«Мой муж был последним в славном роде Красновых. Род Красновых угас навек. В начале марта «НЕЗАБЫВАЕМОЕ» должно выйти из печати на английском языке. Были готовы уже все документы для приезда моего мужа в США для выступления перед Конгрессом, как свидетеля большевицких злодеяний, перед пресс-конференцией и телевидением. «Господь судил иначе», написала мне супруга Николая Николаевича Л. Ф. Краснова из Буенос Айреса.

Как кстати для коммунистов отошел честный свидетель - казак!?

Но не угас род Красновых. В нем билась **общая** донских казаков кровь, как и в каждом подлинном донском казаке бьется красновская кровь. Честная, доблестная. Это — **казачья** кровь есть светлый и неподкупный **исток всех** казачьих родов с седой древности до сего времени. **Все** казачьи роды жили и творили Духом и животворящей силой **казачьей** крови.

Живы казаки и возродится Казачество. В памяти грядущего Казачества, пока оно будет живо, будет жить и память славного

рода Красновых и особенно — память Николая Николаевича Краснова-Младшего, автора «НЕЗАБЫВАЕМОГО». Долг всех казаков читать эту книгу. Она — ЗАВЕТЫ рода Красновых...

Вечная память донскому казаку Каргинской станицы Николаю Краснову-Младшему...

Низкий поклон и глубокое, сердечное сочувствие и сострадание его Матери и его супруге Лидии Федоровне...

Б. Уланов.

ТРИЗНА.

Был апрель 1919 года. Я только что прибыл на фронт, где шли переменные бои, исключительно кавалерийского характера и с переменным успехом. То мы гнали красных, то они поддавали нам пару и мы, отойдя, с рассветом снова бросались на них. Белая армия только что в успешном развитии наступления вышла к Дебальцеву и полк наш занял поселок Чернуха, а в Дебальцево были красные. Всю ночь мы провозились с разрушением ж.д. полотна вручную, чтоб не делать шума и к рассвету преподнести красным сюрприз для их бронепоезда. С рассветом, они, увидев разрушенный путь, начали обстреливать трехдюймовыми орудиями Чернуху. Дивизия развернулась для пешего боя и повела наступление на Дебальцево.

Четыре спешенных сотни полка сшиблись в горячей перестрелке с красногвардейцами, защищавшими Дебальцево.

Я был новый человек в полку, никого не знал, ни казаков, ни офицеров, кроме моего вестового Ивана Тризны, служившего мне всего несколько дней. Как и большинство всех вестовых, т. е. конных казаков, обслуживающих своих офицеров в качестве деньщиков и по уходу за лошадьми, Тризна не представлял исключения: был ловок, расторопен, находчив и незаменимым мне помощником и днем и ночью. За моей и своей лошадью ухаживал ревностно, и не менее ревностно за мной. Чуть свет у него уже готов был завтрак, чаще всего вареные яйца, хлеб, творог и масло.

Иногда курица, неизвестно каким путем попавшая в его переметные сумы.

Прошло много лет после неудачной для нас — Белых — войны и многое повыветрилось из постаревшей памяти, к сожалению, даже важных событий, но зато некоторые совершенно незначительные для хода войны случаи врезались в память на всю жизнь и, очевидно, умрут вместе с нами.

В тот год на Украине стояла теплая весна, зеленели кустарники, в воздухе плыли перламутровые облака, под ними резвились жаворонки, на земле иногда прыгали суслики и жизнь в природе шла своим чередом, не обращая никакого внимания на безумную братскую войну с ее ужасным истреблением.

Во время боя командир полка, находившийся в Чернухе, увидев, что против нашего полка красные начали сильно нажимать, приказал мне немедленно скакать к резерву, т. е. к двум нашим сотням, и повести их в конном строю на предполагаемый прорыв красных. Во весь опор мы мчались с Тризной по узкой улице опустевшей от жителей Чернухи, попадая под обстрел шальных пуль, когда пересекали переулки. В одном из переулков лошадь подо мной была убита. Не успел я подняться с земли, как передо мной уже стоял Тризна и говорил:

— Як не ушиблись, то сидайте на мою, а я пиший за Вами.

Несмотря на серьезность положения, мне невольно вспомнился Василий Шибанов — А. Толстого.

«Скачи, князь, до вражьего стану.

Авось я пешой не отстану.»

Атака красных в этом месте была отбита. Но подо мной была убита лошадь моего Тризны.

Видя меня пешим, он подбежал ко мне, спросить, что случилось. Я сказал ему и приблизительно указал место, где лошадь была убита, и разрешил ему бежать и снять седло и уздечку.

В тот вечер, смененные вторым полком, мы за курганами по военному — мирно, т. е. скрытые от противника, ужинали. Была Пасха. У казаков появилась всевозможная станичная снедь ввиде куличей, палендвиц, колбас, сушеных фруктов, крашеных яичек и белого хлеба, т. к. только что прибыл транспорт подвод с Кубани. Я подошел к одной из групп, пригласившей меня разговеть-

ся. Один из казаков протянул мне оклунок со станичным гостинцем:

— Это Вам, — сказал он.

Будучи новым человеком в полку, я, конечно, не мог расчитывать ни на какой «гостинец» из станицы и потому спросил:

— Чья же эта посылка? — Предполагая, что это какому нибудь, уже убитому, казаку, и не ошибся.

Война делает людей малочувствительными, и потому я, поблагодарив казаков, преспокойно вытянул из оклунка приличный кусок сыра и жирной колбасы, принялбыло закусывать. Но все таки спросил:

— А где же хозяин этой посылки?

Несколько казаков молча кивнули в сторону чего то сереющего в траве.

Я пошел посмотреть. Под винцерадой лежал человек, с торчащими из под нее ногами в сапогах. Голова была прикрыта углом винцерады. Я приподнял угол. Раскрытыми мертвыми глазами на меня смотрел мой верный вестовой Тризна, убитый в тот же день.

Оклунок я положил возле него и, не дотрагиваясь до пищи, пошел прочь.

Н. Е. Русский

ОБЗОР КАЗАЧЬЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ.

Верою правдою память нам служит.
С памятью легче нам жить.
Сердце казачье о прошлом пусть тужит,
Но продолжает служить.

Ни у орудий, ни с шашкой иль пикой
Нет.. лишь с чернильным пером
В этом безвременьи страшном и диком,
В этом безумьи глухом.

Н. Евсеев

Условия нашего пребывания заграницей не способствуют литературным занятиям. Большинство из нас занято службой или работой по добыче «куска хлеба насущного», а всевозможные заботы оставляют очень мало свободного времени. А между тем казачья мысль продолжает жить и работать, продолжает творить. За рубежом у нас не мало писателей, поэтов, как старшего поколения, покинувшего родные края с первой эмиграцией, так и людей, выросших заграницей или очутившихся за рубежом в результате событий последних десятилетий. Не мало и более серьезных трудов.

За небольшим исключением авторы не обладают возможностями издавать целиком свои произведения и принуждены прибегать к помощи периодической печати или издавать их по частям, а это очень жаль, ведь, отдельные номера журналов, газет легко затериваются.

Донцы П. М. Аврамов, П. А. Соколова, И Е. Тапилин, М. А. Петров посвящают свои произведения донскому станичному быту, жизни в родных краях, событиям гражданской войны.

Яркой звездой блистает талант Аврамова, его без преувеличения можно назвать вторым Крюковым. Его рассказы ярки и выпуклы, образы его героев чрезвычайно ясны, он мастерски передает их переживания. Это художник не только внешних сторон, но и душевных качеств.

П. А. Соколова описывает жизнь станичной интеллигенции. У нее другой стиль, другой подход, другие герои, но ее произведения читаются с таким же интересом.

И. Е. Тапилин сюжет своих рассказов берет из хуторской жизни. К сожалению, его повесть из каз. прошлого «Хутор Буерак-Попов» еще ждет своего издателя, так же как и «Казак Талалаев» Аврамова, «Казаки Ермаковы» Соколовой.

Кубанцы Горб (Федор Кубанский) и Ф. И. Елисеев посвящают свои произведения своей родной Кубани.

Произведения Ф. Кубанского охватывают период с начала 1-ой мировой войны до кровавой трагедии в долине р. Дравы («На привольных степях кубанских», «Черный Ураган», «На Память», «Орлы земли родной» и др.).

Ф. И. Елисеев — прежде всего военный писатель. Его труды описывают боевые действия кубанских полков и жизнь кубанцев в 1-ую мировую и гражданскую войну. Это не только литературное произведение, но и история — в этом особенная ценность трудов Елисеева.

Тема произведения терца Бойкова, талантливого журналиста выросшего под советской властью, определяется названием его книги «Люди советской тюрьмы», которая читается с захватывающим интересом.

В Аргентине недавно скончался донец Н. Н. Краснов (младший), автор «Незабываемого» — воспоминания о пребывании в Сов. Союзе и на сов. каторге после выдачи в Лиенце. Пребывание в концлагерях никому не проходит даром — если даже человек и выжил, то продолжительность его жизни сильно сокращена. Так и у Краснова — не выдержало сердце всего пережитого.

Последняя война и последовавшие за ней события естественно послужили темой для ряда работ.

Ген. Науменко (Куб. В.) издал 18 брошюр-сборников «Материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах», а с конца 1959 г. начал издавать «Кубанский исторический и литературный сборник», посвященный родному Войску.

В прошлом году вышла «Казачья Трагедия» Адмиралова (Дон. В.) — воспоминания автора о каз. движении во время 2-ой Мировой войны.

Трудами по истории являются труды Г. В. Губарева («Книга о казаках») и И. П. Буданова («Дон и Москва»), выходящие отдельными выпусками. Темой «Книги о казаках» служит древняя история наших предков. «Дон и Москва» с богатейшей документацией охватывают и более поздний период. И. П. Буданов, кроме того, издает периодический «Казачий Исторический Сборник», первые номера которого были действительно посвящены одной истории, но в дальнейшем КИС приобрел характер журнала с литературным и др. отделами. Много исторических очерков Г. В. Губарева (о древней истории казачества), А. А. Гордеева и Б. А. Богаевского (из истории Каз Войск), А. П. Палалкина (о казаках во время революции), Н. М. Мельникова (о Ермаке) были помещны в периодической печати: «Казаке», «Родимом Крае», «Казачьем Единстве». Отметим в последнем интересные очерки П. Ф. Крюкова: «Народная поэзия донских казаков в 1917-1920 гг.».

Были изданы и труды известного ученого с мировым именем донского казака проф. М. А. Миллера («Дон и Приазовье в древности» в двух частях и «Археология в СССР»).

Сейчас печатается в «Род. Крае» труд Е. Е. Ковалева о Мамантовском рейде. Н. М. Мельников подготовляет к печати книгу о Ермаке, Г. В. Губарев собирает материалы для краткой казачьей энциклопедии — каз. лексикона.

Все эти труды, как и произведения казаков поэтов, имеют одну общую сторону — это любовь к родному Войску, к своему брату казаку, к своим обычаям, быту, истории. Пусть отдельный читатель не всегда согласен с мнением, заключениями, выводами авторов, в данном случае это не важно. Важно то, что все эти люди, все идут, пусть разными путями, к одной и той же цели — служить родному Войску.

Перейдем теперь к поэзии. Наибольшее количество поэтов — донцы.

Стихи Н. Н. Туроверова и сибирской казачки М. Волковой достаточно всем известны. Приходится лишь пожалеть, что Туроверов давно уже не писал ничего нового.

В поэзии Н. Н. Евсеева — «певца Хопра» — наблюдается два вида творчества в зависимости от сюжета. В одних стихах поэт вспоминает свой родной Хопер, стихи переполнены грустью об уходящей жизни, легки и изящны, но все же вся мощь таланта Евсеева проявляется в тех произведениях, сюжеты которых взяты из нашего прошлого, из нашей истории.

В прошлом году в Германии были изданы стихи П. Полякова («Лирика»), некоторые из них были напечатаны в «Род. Крае», «Каз. Единстве». Поляков, так же, как и Туроверов и Евсеев — поэты Божией Милостью. Его стихи ярки, выпуклы, как бы написаны резкими мазками.

В журнале «Каз. Единство» уже давно печатаются стихи М. И. Гаврилова. Гаврилов — молодой поэт, покинувший родной Дон еще мальчиком, и приходится удивляться той любви к родным краям, родному Войску, которыми переполнены его, чрезвычайно сильные и яркие, произведения.

В стихах Виктора Иванова, поэта, художника, известного каррикатуриста и певца, чувствуется размах и сила, они образны и ярки, но так же, как и Туроверов, Иванов давно не давал ничего нового.

Стихи Павлова (Юшкина - Котлубанского) совсем другого рода — они написаны более торжественным стилем.

Творчество Валентины Красновой посвящено главным образом жизни подсоветских казаков, тяжкую жизнь которых поэтесса рисует с большим талантом.

Упомянем еще о донцах И. И. Сагацком (выдающемся инженере - геологе), начинающем поэте Улитине (инженер - строитель),

о забайкальце Перфильеве, сотруднике русских газет в Мюнхене, чьи острые стихи на злобу дня не раз помещались в парижской «Русской Мысли» и др. русских газетах, но ничего не скажем о донском казаке Смоленском, современные стихи которого ничего не говорят ни уму, ни сердцу.

Заканчивая этот краткий обзор, приходится лишь пожалеть, что обстановка нашего пребывания заграницей не дает возможности всем этим людям продолжать их творческую работу в более широком масштабе. К сожалению, у нас нет своего казачьего издательства, которое могло бы опубликовывать их произведения.

(Англия) **Н. Закотнов.**

От редакции: В одном из ближайших № «Род. Края» будет помещен обзор современной советской литературы о казаках, а также о казаках технологах, инженерах, ученых. В былое время, в России, да и в эмиграции, было широко распространено мнение, что казаки умели лишь воевать. Действительность же показала, что это далеко не соответствует истине: казаки не только воины, но могут блистать и на других поприщах.

НА ЗАПАД.

(Продолжение)

В воскресение 28 июня бр. Ермоловы повезли меня в свой Приокеанский Донской хуторок. Немного здесь казаков. Все они имеют собственные дома с садиками, огородами и цветниками. Это от Лос Анджелоса, точнее от его центра, в милях 35-40. Формально это тоже Лос Анджелос. Мих. Фед. Ермилов холостяк, живет с братом, а у его брата Петра Фед. трое сыновей (двое уже взрослые). Бр. Е. — отличные мастера и специалисты огородники. Они и в Праге занимались огородничеством, имели свою лошадь и подводу. Они и выехали из Праги, когда к ней в 1945 г. приближались большевики, на своей подводе в Баварию. М. Ф. внимательно выслушал слова о необходимости содействовать изданию «Род. Края» и пожертвовал 10 долл. в Фонд издательства журнала. К счастью, такое отношение к журналу «РК» — не исключение.

К сожалению, во время моего приезда супруги П. Ф. Марии Ивановны не было дома (она с детьми куда-то уезжала). Но П. Ф., с присущей казакам расторопностью, приготовил трапезу. Их столовая удивительно уютная. Все, что имеется у среднего американца, имеется и у них: радио, телевизия, холодильник, кухонные усовершенствования и прочие хозяйственные предметы. Во всем доме отличная меблировка (несколько спален, гостиная и т. д.). Ермиловы меня сначала привезли к Б. Н. Никонову. Он сам ехал с нами. Его супруга была захвачена врасплох. Но она не ударила лицом в грязь. Как по щучьему велению, появились на столе яства. Просто удивительно! Сказывается вековая традиция, хозяйственность, но и богатство США. К Никоновым пришли другие мои «сограждане» по Дону в Праге: В. К. Поляков и его жена Варв. Андр. Они тоже живут в своем собственном «курене». Пришли к ним. Их сына Вовы, как мы его когда-то называли, не было. Теперь он взрослый, женат, живет отдельно от родителей. Это друг детства моего сына Х. Вас. Кузьмич Пол. был парализован, но теперь ему много лучше, здоровье почти восстановилось. У них также светлый, уютный дом с хорошей обстановкой. За домом сад, огород и цветы. Собственный дом и у Бор. Никан. Никонова.

Посетил я и внука М. А. Горчукова Никол. Андр. Орлова. Он — инженер, женат, имеет двух малолетних сыновей. Жена его б. студентка - медичка. У них дом с двумя квартирами: одну сдают в наем. Пристраивают третью. Меня интересовало литературное наследие Мир. Афиноген. и его фотографии. Имеется много его рукописей по истории русской литературы и словесности. Н. А. мечтает об их издании. Конечно, с ним говорили о задачах казачьей эмиграции, о необходимости хорошего печатного казачьего органа и о желательности сотрудничества и содействия журналу «Родим. Кра». Н. А. этому сочувствует. Он — молод и потому мало имел представления о казачьих делах, о борьбе Казачества с коммунизмом и многое узнал лишь по рассказам своего дела Мир. Аф. Он, как и Никонов, «новой» эмиграции. Но Никонов пожилой казак, участник борьбы с большевиками и имеющий ясное представление о до-революционной жиз-

ни Казачества. Н. А. Орл. принимает активное участие в жизни Донской станицы в Лос Анджелосе и интересуется казачьими делами. Я видел не одного молодого казака, далеко не равнодушного к казачьей проблеме, что опровергает нередко высказывающееся мнение, будто казачья молодежь **уже** равнодушна к казачьей судьбе. Это — вопрос идейной атмосферы и психологии ее окружения. Молодежь всегда отзывчива и склонна к идейному увлечению. Общественная деятельность, при том **казачья,** совсем не простая вещь. Если в условиях и обстановке жизни молодежи нет идейности, веры и любви к своему народу, нет примера даже скромной деятельности и жертвенности, то упрекать ее не приходится. Казачьей молодежи в эмиграции извинительно не быть в курсе казачьего дела. Уже 40 лет эмиграции. **40 лет.** Во главе эмиграции нет подобия своего Моисея. Корни слабеют. И все же идет внутреннее взаимодействие между поколениями. В эмигранском «пленении», вне родной Земли, родной атмосферы и национальной культуры, **все** много-много труднее. Но **есть живые** казаки, есть Дух...

Поздно вечером 28 июня П. Ф. Ермилов отвез меня в Лос Анджелос (Голливуд). Много интересного он рассказывал мне об их жизни, детях и хозяйстве. Они, между прочим, купили ферму. Живут, работают, детей выводят в люди, но... не забывают свой Тихий Дон, Казачество и Родину. Делают, что могут. Таковы и другие казаки этого милого Приокеанского Донского Хуторка и все те казаки, с которыми я встречался. **Основа есть...**

В Лос Анджелосе еще не мало казаков. Но в силу некоторых обстоятельств не дается им в должной мере единство и тесное сотрудничество. Сказывается и известное политическое расслоение, а моментами специфические эмигрантские условия.

Но казакам все-таки **нужно** думать о небходимости **объединения,** как в рамках одного Войска, так и общеказачьего.

Вне объединения казаки — **ноль.** И выборы войсковых атаманов возможны только при тесном объединении всех или почти всех. Без такого объединения также невозможно добиваться и возрождения Дона и Казачьих Войск. Для благополучия и развития нашей Великой Родины России совершенно не нужно исчезновения Казачества. Мало того: самое возрождение нашей Родины **требует** и возрождение Казачества, ибо оно в душе, сердце своем несет подлинное семя, истинную идею Права, Свободы и Народовластия...

Донская станица в Лос Анджелосе твердо стоит на такой точке зрения. Она, как Лютер, как бы говорит: «хир штэге их». *)

***

Быстро пролетели дни в Лос Анджелосе. Уже канун отъезда. 10-го июля я покинул Голливуд (Лос Анджелос). В. А. еще рано утром ушел на работу. Занял место в автобусе. Тот же «Грей Ганд». Последнее приветствие мое и Вал. Стеф. Грустно. Спасибо, мои милые друзья, за внимание и заботы. Придется ли еще увидеться...

***

Лос Анджелос — чрезвычайно красивый город. Этот мавританско - испанский стиль, преимущественно, одноэтажных зданий с их зелено-бархатными газонами и прекрасными, высокими пальмами, так величественно покачивающимися, чудесными калифорнийскими цветами и декоративным их освещением. Есть высокие здания, но в центре и не более 10-14 этажей. Но и эти здания очень красивы. Это в т. зв. «Даун-Тауне». Здесь есть целый парк из разных пород пальм, а под ним подземный гараж. По пути в Санта Моника — университет в старинном стиле и дома с парками кинематографических «звезд». А вдали на фоне синего неба стройный, высокий белый храм, с золотым ангелом наверху, мармонов. Через весь Лос Анджелос прорезает т. н. «Фриуэй», т. е. свободная дорога для автомобилей и автобусов, идущих со скоростью 60 миль в час безпрепятственно. За городом астрономическая обсерватория. Много-много чего по краткости времени и по незнанию языка я не мог узнать.

***

Из калмыков в Лос Анджелосе только семья Эрдне Манжикова. Благодаря его милой любезности я познакомился в одном из Мотэлей с молодым ученым монголом Гангин Гомбоджабом, его супругой Сарин-Герель и тремя детьми. Он пригласил меня к себе в Берклей, в университете которого он работает над составлением монгольско-английского словаря.

Также благодаря Эрдне, с ним, его супругой Верочкой (она русская) и их двухлетним сынишкой Илюмджи или Андрюшей мы ездили в гор. Санта Моника, находящийся на берегу Тихого океана. Наконец-то, я увидал этот великий океан. Погода была пасмурная и прохладная, купаться было холод-

*) «на этом я стою».

но, но все же, по калмыцкой традиции, водою Тихого океана («Газада Дала») я обмыл себе руку, лицо и намочил голову. Относительно величия этого океана могу лишь сказать словами моего внука Лалева, когда ему было 2 с лишком года: «дала-дала **ло»** (фр. слово), т. е. много-много воды.

Санта Моника тянется узкой полосой далеко по берегу океана со множеством учреждений для развлечения детей и взрослых, магазинов сувениров. Есть и японские и китайские магазины. Вдоль города по набережной ходит миниатюрный поезд по 10 центов за конец. На пристанях много рыболовов. Ловят удочками. Попадаются и большие рыбы. Они тут же продаются ресторанам-харчевням и здесь же жарятся. Стоит порядочный «аромат» от этого «жарения-варения». Из Санта Моника поехали прямо к Эрдне.

***

Из Лос Анджелоса я выехал в Сан Франциско. Столица Запада. Два часа мы мчались по извивающейся дороге через лесистые горы. Отсюда вышли на широкую долину. Красота. Богатство. Какие поля и апельсиновые, лимонные и пр. плодов плантации. Всюду автомобили и всевозможные машины. Проехали Окленд, что против Сан Франциска. Из Окленда на С. Франциско через залив огромный мост. Но есть еще больший и длинный мост через другой залив Тихого океана между Сан Франциско и Берклеем: самый знаменитый, говорят, на свете.

В Сан Франциско я прибыл того же дня в 6 час. вечера. Встретил меня оренбурский казак Алексей Тимофеевич Никуленков. Мы знали друг друга только по переписке. Но все же он меня нашел. По приезде к нему, с его помощью я связался с Гомбоджабом. Через час он приехал и увез меня к себе.

У Гомбоджаба я пробыл два с половиной дня. И он и его супруга Сарин-Герель ко мне, как к старому монголу, отнеслись чрезвычайно радушно. Свое специальное образование (ученый лесовод) Г-джаб получил в Японии и потому хорошо знает японский язык, а как монгол Внутренней Монголии (он — монгол — чахар, а его супруга монголка — тюмед), тесно соприкасавшейся с китайцами, хорошо знает и китайский. Конечно, он прекрасно знает монгольский и литературу. Его мать и человек 500 монголов ныне проживают на о. Формозе. Со слов Гомбоджаба, я узнал, что в наст. время в США находится пять монгольских семей и все они такие же молодые, как и он. Ныне на Родине монголы со всех сторон окружены коммунистами. Связи с ними у Г-джаба нет. Теперь прибавилось новое, величайшее и беспримерное несчастье: это — порабощение китайскими коммунистами Тибета, этой духовно-религиозной метрополии монголов, калмыков и бурят. Аттрибут коммунизма — всюду нести рабство и разорение...

Монгольской литературы у Гомбоджаба много. Он возил меня в свой ученый кабинет в Берклеевском университете. Здесь же, в кабинете Г-джаба, я видел свою давнюю мечту: пишущую машинку с монгольским шрифтом. Побывали мы и в японском буддийском храме. Через двое суток я попросил его отвезти меня к Никуленковым.

Наконец, я мог, как следует, познакомиться и поговорить с Алексеем Тимофеевичем и его женою Елизаветой Алексеевной. В свободное от работы время А. Т. возил меня по городу. Были на самой высокой горе посреди С. Франциска. Он, ведь, расположен на многих высоких холмах полуострова: одною стороною он выходит к Великому океану, а другими окружен заливами этого океана.

На указанной вершине у видел трещину от последнего землетрусения. Глубину трещины не знаю, но в настоящее время она почти засыпана песком и землей. Вокруг вершины горы устроен искусственный бассейн и по краям его посажены деревья, кусты и цветы. Недалеко от бассейна Музей. В нем и живые существа, начиная от молодых крокодилов и разных змей (удавы, гремучие очковые и т. п. гады). Осмотреть Музей за краткостью времени не удалось. Были в Зоологическом саду.

А. Т. Никуленков — крепкий, сильный, плотного и могучего сложения казак. Говорит он, что командует. Начиная от Оренбургской губ. и Сибири, где он под знаменем Оренбургского Войскового Атамана А. И. Дутова вел борьбу с коммунистами, испытал много. Постепенно он дошел до Китая, пересек его и осел на известное время в Шанхае, где входил в состав большой российской эмигрантской организации, принимая самое активное участие в их жизни и деятельности Из Шанхая А. Т. попал на Филиппины и оттуда выбрался в США в Калифорнию. Он страстный враг коммунизма и прокоммунистических течений. Жизнь и борьба в самых невероятных условиях много «уходили» А. Т., но непримиримость к коммунистическому рабству, страстная любовь к казачьей

свободе и к Великой Родине России неугасимо горят в его душе и он способен воспламеняться при каждом подходящем случае. Можно с некоторыми его мнениями не согласиться, но нельзя не радоваться его живому духу, его пламенной натуре. Он, по словам Апокалипсиса, или «холоден» или «горяч», но не «тепл». Он страстный рыболов. Незадолго до моего приезда поймал огромного осетра. Его супруга Елиз. Алексеевна мастерица из него готовить деликатессы. В хороший момент я приехал. Из осетра были сделаны уха с разными специями и пирог. Последний был виновником и того, что были гости. Свое хозяйство Ел. Ал. держит в порядке: все у нее блестит. Не может быть, чтобы своему хозяйству казачки научились только в Калифорнии. Нет, конечно. Корни этого идут далеко-далеко на родимую Землю, где были порядок, хозяйственность и дисциплина. В С. Франциско я посетил и свою хорошую знакомую по Парижу М. К. Щ.-Х.

(Продолжение следует)

Б. Уланов.

ДОНСКОЙ ХОР С. ЖАРОВА В ГРЕНОБЛЕ.

Занавес сцены плавно раскрылся. Через несколько секунд, справа и слева из за кулис появились хористы, шагая в ногу. Остановившись и повернувшись к публике, застывают на месте, как неживые статуэтки, величественно, гордо ожидая создателя хора...

Слева, быстрой военной походкой показался на сцене Сергей Жаров... Аплодисменты... Низкий поклон публике... Маленькая пауза... Жаров стал перед хором, который, как бы услышав какой то волшебный знак, вдруг запел... Песнопение Бортнянского... Публика с затаенным напряжением слушает великую композицию. В большинстве иностранцы, не понимая ни слова, они внимали то высоким тонам мелодий, то низко стихающим «пияно»... Но вот Аллилуя... Это священное слово понятно почти на всех языках и присутствующие еще с большим напряжением вслушиваются в тихие звуки песнопения и воспринимают священные мотивы, обращенные к Великому, Единому для всех народов — Богу.

Вторая часть... Все песни исполнены прекрасно... Публика все требует повторения, не зная о том, что руководитель хора болен, что ему очень тяжело, но тем не менее он твердо дирижирует хором, не подавая вида о своем внутреннем напряжении. Строгий к другим — он еще строже к самому себе... Огромный успех... Сильная грусть, зачаровавшая слушателя, вдруг резко переходит на веселые мотивы... В конце второго отделения хористы раздвинулись. Грянуло «По улице Мостовой»... Вперед вылетело два танцора и понеслись... Легкость выполнения, лихость и удаль... Буря апплодисментов, и было за что...

Третья часть... Чудная композиция С Жарова с многолетиями Казачьим Войскам. каждому Войску в отдельности произвела на присутствующих казаков громадное впечатление... Хор прославляет Казачество на «Многие Лета»... Но и мы, слушатели, с нашей стороны желаем также «Многие Лета» Сергею Жарову, всем его помощникам, всему хору, всем казакам...

Чудно и весело пропели «Юнкерскую»... Публика, захваченная мелодиями русских просторов, требует повторений... Но вот раздались звуки таких нам дорогих и родных, наших казачьих песен... Снова раздвинулись хористы... «Посею лебеду...» Вихрем вылетели два танцора... И начали «сеять»... и как «сеять»... Потом «жать»... «молотить»... Великолепно!.. Выше всяких похвал!..

Публика безконечно требует повторений... Концерт кончен... Но слушатели, как прикованные, остаются на местах... Не стихают апплодисменты и крики «бис»... Добрый, славный Жаров снова появляется с хором на сцене... Публика довольна... Лишь после исполнения еще трех песен занавес окончательно опустился и публика стала постепенно покидать зал. Многие спешат, несмотря на плохую погоду, к выходу хористов, чтобы кто нибудь из них на программе написал бы на память имя Сергея Жарова и Донского Казачьего Хора, известное почти во всех странах мира...

Спасибо Вам всем и Слава Вам...

С. Д. Турчанинов.

НА ПОПАСЕ.

Вся наша семья с нетерпением до поздна ожидала возвращения дедушки Карнея из станицы. Сегодня на станичном сборе «продавались» балки. Вернее, отдавалось во временную аренду до покосов большое пространство земли для попасов между засеянными площадями. В станице это большое событие. Иногда желающих арендовать было много и цену на отдельные участки догоняли «до зарезу».

«Во что бы то ни стало возьму Коротченкову балку. Я уже договорился со сватом Якимом и с кумом Еремом, будем пасть вместе, как в прошлом году» — говорил дедушка, отправляясь в станицу.

Вернулся он веселый и довольный, получив, что хотел. Коротченкова балка была в трех-четырех верстах от ближайших хуторов. По длине около одной версты, по ширине — 300-400 саженей, с пологими берегами, покрытыми редким дубняком, богатой растительностью на тучном черноземе. Среди балки — большой многоводный колодец. Идеальное место для выпаски скота. Вот почему дедушка «отвалил» 10 целковых...

«В воскресенье выезжать... Чтобы у вас, бабы, все было готово, а вы, ребята, зарубите себе на носах, чтобы к десятой (ярмарка в станице Митякинской) у быков гачи были во-о!» И дедушка разводил руками.

В назначенное время мы выезжали. Арбы, покрытые брезентом по военному, были приспособлены для долгого пребывания в степи. В них же была небходимая провизия. Все предвидено по опыту предыдущих лет: от котелка до цыганской иголки с суровой ниткой включительно. Три пастуха, 16 пар быков и кобель — вот население новообразовавшегося поселения между тернами в Короченковой балке.

Жизнь сразу вошла в свою нормальную уже знакомую колею. До обеда — все с быками. Нужно внимательно следить, чтобы они не влезли в пшеницу. После водопоя быки на бок, а мы на обед. Пищу, кашу, себе готовили два раза в сутки и по очереди. Тут каждый проявлял свои особенности сообразно своим познаниям и опыту.

«Чего ты, Филька, навалил столько пшена, что ложкой не повернешь?»

«Это по богатству» — следовал ответ.

«А картошки почти совсем нету...»

«А это — по бедности...»

Вечерами после сытной каши любили пить чай ложками из общей чашки. Обыкновенно в это время и начинались бесконечные повествования о слышанном и виденном, с прибаутками, остротами: «Чай, братцы, пьют по разному: в накладку, в прикуску и в приглядку... В накладку — это, вот, навалишь в чашку сахару, чтобы ложка стояла... да еще с канарейками... с пряниками... или с сушками... С медком тоже хорошо...»

У слышателей язык ходуном ходит по губам.

«Неплохо также с сухими кренделями на молоке с маком и на яйцах, али с орешками на масле... с варением тоже... и сколько хочешь... Вот это чай по настоящему...»

«В прикуску — это, как мы, по казачьему, по военному. А в приглядку совсем дело дрянь: висит кусочек сахара на ниточке, все на него смотрят и хлещут чай ложками... а иногда разрешается по очереди пройтись языком чуточек...»

Слушатели сплюнули...

Почти всегда долгие повествования о героях атаманах и о доблести казачьей.

«Он, братцы, атаман грах Платов роста среднего, а в плечах косая сажень, сам сутуловатый, а голова клином, нос сизоватый от водки, а в движениях — быстрый. Глаза у него орлиные. Шашка у него кривая, турецкая, в золоте и серебре. А как скажет — «станишники-атаманы молодцы — за мной», а сам первый вперед. Головы у хранцузов так и затарахтят, как горшки на кольях.»

« А Бакланов?»

«Бакланов, братцы, роста страшного большого, бородища черная, как деготь, до пупа, лицо рябое, как моршавка, руки, как грабли, а силища бычачья. Шашка у него по длине на половину пики. А как рубанет турку, то от головы аж до самого седла пополам так и развалит, как арбуз ножом...»

«А какой станицы он был?»

«Кажется, нашей Луганской, только молодым переселился в другую какую-то, кажется в Гниловскую, что ли? Так гутарили старые казаки. А впрочем, братцы, не знаю...»

Любили лежать просто на земле и наблюдать своды небесные.

«Видишь, звездочка полетела, это кто то помер.» Напрягая зрение, вглядывались в луну, ища очертание фигуры Каина, поднявшего на вилы Авеля. В лунные ночи,

прячась в кустах, наблюдали игру зайцев на полянах.

Иногда к нам вечерами приходили такие же пастухи от соседних стоянок, со своими новостями. Тогда мы устраивали совместные чаепития, после чего отводили дух в песнях:

Ой да, загоралась она,
В поле ковыль травушка,
Ой да сам Бог знает
Она сы-чего, да сы-чего.

Неслось в поднебесную даль. Иногда же, стараясь подражать в выговоре легендарным чеченцам:

А Кавказ, Кавказ шурокий,
Там чеченцев многа,
Русский девушка идет
Дай яму дорога...

Потом переходили на музыку и танцы. Дядя Панфил нам трандыкал на своем несложном инструменте: на гребенке со вложенной в нее бумажкой. Дядя приседал, хлопал палкой о дерево, топал ногами, разводил рукой и дулся... до красна. Получалась «замечательная» музыка, напоминающая не то рев бури, не то рык дикого зверя. Мы же, позабыв все на свете, отдавались залихватскому танцу, стараясь перещеголять друг друга.

А какие ночи в степи... Тишина полная... Иногда только и услышишь с соседней стоянки лай собаки да трели куропаток по широкой степи или цурюканы (сверчки) тысячами голосов наполняют воздух... Все это нужно пережить, чтобы понять и оценить всю прелесть пребывания на попасах в наших степях. Вдали от шума мирского мы словно сливались с природой и, вдыхая ароматы степных трав, не думали о людских горестях.

Когда до нашего слуха доносился цокот приближающейся брички, мы старались отгадать, к нам ли едут или нет. Приезд кого нибудь из хутора — для нас праздник. С хуторскими новостями привозилось чистое белье, а — самое главное — провизия с лакомствами: пирожками, бубликами, кренделями, орешками...

Особенно мы бывали рады приезду деда Якима. Кроме харчей, он всякий раз привозил что то веселое — бодряшее. Это был умный старик. Не даром, вернувшись из 10-го полка в чине вахмистра, он много лет был инструктором по подготовке молодых казаков. Был он и хорошим рассказчиком. И когда он начинал что либо «сказывать», мы, как хорошие ученики, не пропускали ни одного слова.

«Если бы были старые законы-порядки, то я, ребятушки, уже бы не жил...»

«Как так, дедушка?»

«А это старая история и, если хотите, то расскажу...»

«Расскажи, дедушка, расскажи...»

«Ну, ладно, слушайте... В далекие времена правил государством царь Верзила. Народу народилось много премного, а кормить его было нечем. Вот этот царь и додумался: всех, кто дожил до 65 лет, убивать, так как от таких стариков уж нет никакой пользы, а толку то, что они только портят воздух.

Жил-был в то время хороший человек, кузнец Фома, и на все руки мастер. Всякому искусству научил его старый отец, которому уже подходил предельный возраст. Часто задумывался Фома, как бы спасти своего отца... Однажды царь приказал созвать со всех концов своего большого государства самых способных мастеров и говорит им, что кто из них сделает седло из песка, тому даст он, что тот потребует... Хоть свою дочку красавицу, хоть несметные богатства, ну что захочет, на это его царское слово перед всем народом... А если не сделает — голова долой. Многие брались за это проклятое седло, да никто не вернулся с головой на плечах. Шло время. А отцу как раз минуло 65 лет. Нагрузил Фома старика в сани, дело было зимой, и повез в степь, чтобы бросить его в снег, в глубокую балку — таков был приказ царя так поступать со стариками... Смотрит Фома, лежат голые деды в снегу, позамерзали в разных позах: то ноги торчат, то руки, то бороды, то еще что... Жалко ему стало своего отца.

«Нет, батя, ховайся под полость»... и домой.

«Правильно, молодец, молодчина...» раздались голоса.

«Привез Фома отца домой и спрятал в погреб. А царю доложил, что все по хорошему, навел порядок с родителем.

Дошла очередь до Фомы-кузнеца — зовет его царь.

Вернулся Фома домой и прямо к отцу попрощаться. Все равно дело пропащее. А отец ему говорит: «Не плачь, сынок, я тебя научу», и сказал ему, что нужно.

Вот спрашивает царь Фому: «Можешь ли ты, самый первый мастер в моем государстве, сделать седло из песка?»

А Фома отвечает: «Могу, только дай мне, царь, модель-образец седла и я сделаю такое же самое.»

Удивился царь разуму Фомы и говорит: «Требуй от меня, что хочешь, все тебе дам, только скажи, кто этот разумный, что тебя научил?»

Тут Фома рассказал всю правду. Царь сразу отменил свой жестокий закон: «Пусть — говорит — живут старики, кто сколько захочет».

«Это он рассказал тебе, дедушка?» — спросил самый молодой и самый доверчивый из нас.

«Ну да, ведь мы служили с ним в одной сотне — он был взводным урядником...»

(Франция)

М. А. Петров.

ИСКУШЕНИЕ.

(Быль)

В одно казачье учебное заведение за рубежом прибыл преосвященнейший законоучителем и настоятелем храма. При нем и иеромонах-служка, пол века в затворе проведший. Все хорошо, только дьякона нет. Был один протодьякон, да и тот, не дождавшись приезда владыки, преставиться изволил.

В канцелярии учебного заведения бухгалтер был — плотный мужчина, лет под сорок, с черными, как смола, вьющимися волосами и такою же окладистой бородой, родом с Дона. Приглянулся он владыке: уж больно подходящ под дьякона... и голосом Бог не обидел, и водку глушит, что твой протодьякон митрополичий.

Слава Богу, уговорил... Перед Великим постом в дьякона рукоположил. А тут шутники животы надрывают: «Эх, отец Петр, тебе Стеньку Разина без грима играть, а не Силе бесплотной служить».

А отец Петр сделает постное лицо да и огрызнется: «отойди от меня, сатана».

Вот подошла Пасха. Отслужили заутреню — честь честью. Утром по персоналу с визитами пошли: владыка и дьякон. Владыка стаканы с вином только к губам приголублирал, приличия ради. Отец Петр, чтоб гостеприимных хозяев не обидеть, до дна опорожнял, хоть бы что, — ни в одном глазу, разве что походка более важная стала, как у протоиерея.

Поздно вечером к одностанишнице дьяконовой попали, похристосовались, как полагается. Сели за стол... Владыку ко сну от усталости клонить стало. Гости позевывали, — языки за день начесали вдоволь. Чтобы сон разогнать, кто то на гитаре заиграл и запел: «Раздушка казак молодой, что не ходишь, что не жалуешь ко мне...»

— «Что не ходишь, что не жалуешь ко мне...» подхватили стройно гости. — Хозяйка — дама дородная, лет пятидесяти, стукнула каблучком лакированной туфельки об пол, махнула белым платочком и поплыла по комнате в народном танце. Белое платье мелькало перед глазами отца Петра. Чем то далеким, родным пахнуло ему в лицо... вспомнилась молодость... Дон... родная станица. Затуманились слезами глаза... Дьякон медленно поднялся со скамьи. Хозяйка дома делала ему «вызов».

«Кабы дали мне да ворона коня...» лились захватывающие душу звуки: в них чувствовались ширь и приволье родных степей...

«Эх, ма!» — рявкнул дьякон и, быстрым движением заткнув полы рясы за пояс, «врезал» вприсядку.

Владыка проснулся, протер глаза: «дьявольское навождение».

Мелькали с задором алые лампасы дьяконских шаровар... «скакала б, плясала б по лугам» оживленно пели гости, глядя на преобразившегося дьякона...

Песня кончена... Танцоры пожали друг другу руки. Гости апплодировали. Понуря голову, шел дьякон на свое место, серая действительность давила его.

Что сделал преосвященнейший с отцом Петром «за малодушие» — неизвестно, но дьякон с тех пор никогда не хотел об этом вспоминать.

Беренс.

РОДНЫМ ПЛАТОВЦАМ, УЕХАВШИМ ИЗ Г. ХАСКОВО (БОЛГАРИЯ) В АМЕРИКУ

С чувством глубокой печали, узнал я о смерти сот. Мануилова. Совместная служба в 45-ом Дон. Каз. полку, а потом в Платовском, оставила слишком много воспоминаний об этом храбром командире сотни. Скорблю и жалею, что его жизненная лучина уже догорела, потухла навсегда. Как ни печально, но от судьбы не уйдешь, она висит над каждым из нас. Вечная память о тебе, дорогой Илларион, останется в моей казачьей душе до тех пор, пока и моя лучина жизни будет гореть. Мои глубокие соболезнования Вам, оставшимся вдове и сыну.

Вам же, Платовцы, и Вам, полковник Бугураев, желаю, чтобы эта лучина горела еще многие и многие годы.

Между прочим, имею сведения о полк. Шмелеве. Он отбыл 15 лет в Сибири. Жив. Сейчас с больными ногами живет где то в одном из госпиталей в СССР.

Войск. Старшина Тормасин.
57, rue Celestin Filibois
Troyes (Aube) France.

УШЕДШИЕ.

† 26 янв. с. г. после продолжительной болезни скончался казак ст. Михайловской, Хоперского округа В.В.Д., Никанор Андр. Кумсков, 65 лет. Похоронен на кладбище Спринг Велей, в Нью-Джерси.

† 27 янв. с. г. в г. Алеф (Франция) скончался полк. Терского Войска Вас. Моис. Четвериков.

† 5 февр. с. г. скоропостижно скончался есаул Вас. Ив. Кабаченков, ст. Богаевской В.В.Д., 67 лет. Похоронен на Бианкурском кладбище.

† 28 февр. с. г. в Доме Русского Красного Креста в Шель тихо скончался на 81 году жизни есаул ст. Славянской Куб. Войска Конст. Иван. Крыжановский.

† 1 марта с. г. в госпитале г. Орлеана, от непродолжительной, но тяжкой болезни скончался полк. Сибирского Каз. Войска Арсений Григ. Сычев.

† 7 марта с. г. в Париже скончался подъесаул Терского Войска Серг. Марк. Орел. Похоронен на русском кладбище в С. Женевьев.

† 14 марта с. г. после продолжительной и тяжкой болезни скончался в Ганьи (Франция) первопоходник полк. Ник. Влад, Доршпрунг - Целица, ст. Кужорской Куб. Войска. Похоронен в Ганьи.

† 16 февр. с. г. в Исси ле Мулино скончался Ал. Ник. Кудрявцев, ст. Мариинской Терского Войска. Похоронен на местном кладбище.

† 11 марта с. г. в г. Жиен (Франция) скончался от рака сот. Георгий Ив. Чередников, ст. Пришибаевской Терского Войска, о чем сообщает его друг М. Шамин. Похоронен на кладбище в Жиен.

† 31 марта с. г. в Париже после продолжительной болезни скончался есаул Уральского Войска Илл. Дав. Яганов. Похоронен в С. Женевьев.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

● Французское Министерство Здравия озабочено все ухудшающимся составом воздуха в больших городах из за чрезвычайного развития автомобильного движения и наличия большого количества заводов

Еще до войны инженер-химик полковник Кубанского Войска Г. Н. Иноземцев запатентовал способ задержания вредных газов, их централизации и удаления. Этот патент, вместе с другими, в данное время изучается в Министерстве.

● В «День Казачьей Скорби», 21 февраля, Казачьим Союзом, Союзом Казаков-Комбатантов, Донским Войсковым, Кубанским, Терским, Астраханским Объединениями, Уральской станицей, Гв. Каз. Бригадой, Союзом Дон. Артиллеристов, Объединением Атаманского Военного Училища, Объедине-

нием Степняков, Калмыцким Союзом, Содружеством Лиенца, в присутствии Уральского и Астраханского Атаманов, представителей Кубанского и Терского Атаманов и ген. Лампе, главы Обще-Воинского Союза, в Кафедральном Соборе г. Парижа была отслужена торжественная панихида по ушедшим Атаманам, вождям Казачества, казакам и казачкам всех Войск.

● Вышел № 10 «Каз. Истор. Сборника», издаваемого И. П. Будановым. Выписывать у издателя: 288, rue de Vaugirard. Paris 15e.

● С. А. Пахомов (115-07 Baldage Street. Richmond Hill 18. N. Y. U.S.A.) розыскивает полковника Донской артиллерии Капитона Александровича Измайлова, проживавшего до войны в Югославии.

● А. Ф. Алексеенко, стан. Морозовской В.В.Д. (4, rue Witten. Algrange (Moselle) France) просит сообщить о судьбе донского казака Петра Васильевича Димитрова, проживавшего в Париже.

● Вышел № 2 Кубанского Истор. и Литер. Сборника, издаваемого ген. В. Науменко. Выписывать у издателя: Naumenko. P. O Box 126. Orangeburg N. Y. U.S.A.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОДИМОГО КРАЯ».

(С 3 янв. по 27 марта 1960 г. **в нов. франках**)

В «Фонд Издательства». П. А. Аврамов (3 взноса) — 40 фр., Г. С. Новиков — 20 фр., С. Артемов — 16 фр., П. И. Гаврилов, И. И. Сагацкий, В. И. Коновалова, Васильев — по 10 фр., И. Серебрякова — 5 фр., от Моргунова, Еланского, Рязанцева — 5 фр., Г. В. Иноземцева, Калмыкова — по 3 фр., Арусова — 3 фр., И. Н. Плахов — 1 фр., Л. Л. Масянова — 2 долл., Н. Н. Воробьева — 3 долл.

От наших представителей: С. И. Донскова — 5 долл., В. А. Балахнина — 47 фр. 62 с., ст А. И. Бабкина — 124 фр. 74 сент.

Через Б. Н. Уланова: д-ра Ряхин 5 долл., Мирошенко — 1 долл., В. И. Попова — 24 фр. 14 сент., Р. К. Кибирева — 9 фр., К. И. Плохий — 24 фр. 50 сент.

На издание книги о Ермаке: Калмыков, Лепешкин, Леонов, Мукосеев — по 10 фр., М. Г. Божков — 6 фр., С. Евсеев (два взноса) — 5 фр., Еронин — 8 фр., И. Серебряков — 5 фр., Х. — 3 фр., через Демченко — 32 фр. (А. Демченко, Н. Самойлов, М. Сменов, Ф. Миронов по 5 фр., Билоконь, И. Шамилов по 2 фр., И. Киреев, Паладиченко, И. Ериженский — по 1 фр., неизвестный — 5 фр.), Н. Н. Воробьев — 2 долл., А. Г. Павлов — 10 долл., Протопопов — 10 герм. марок, С. Пахомов и В. И. Попов — по 20 фр., В. Н. Дронов — 9 фр. 80 сент., Чижов — 8 фр.

Сбор на издание книги о Ермаке продолжается. Каждый казак, какого бы он ни был Войска, каковы бы ни были его личные политические взгляды, своим взносом принимает участие в защите славного имени Ермака и всех Казачьих Войск. Всем лицам, помогшим нам в этом деле, будет выслан бесплатно иллюстрированный труд Н. М. Мельникова.

Для передачи Дамскому Комитету Казачьего Союза поступило:

через К. Жиброва: от А. Г. Головина и Голинова — по 10 фр., от Чернецовцев-Семилетовцев — 5 долл., В. М. Петруся — 2 долл., Карпенко, Еронина — по 10 фр.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят всех жертвователей принять их искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ».

Принимается подписка на 1960 год; во Франции — 12 нов. фр., заграницей — 3 долл. (за 6 номеров журнала).

Плату за журнал можно присылать чеками, переводами, почт. марками (во Франции) или международными почт. купонами (по 5 купонов за номер), которые должны быть предварительно проштемпелеваны на почте отправителя. Денежные взносы направлять по адресу:

Romanoff. Nontel par Presles (S. et O.) France

Покорнейшая просьба — указывать, на что предназначаются присылаемые средства (подписка, за такие то номера журнала, в «Фонд Издательства», на издание сборника о Ермаке и т. д.).

Корреспонденцию на имя Редакц. Коллегии направлять по адресу:

Bogaevsky 52 av. Flachat
Asnières (S.) France

Через редакцию «Род. Края» можно выписывать репродукции с картины художника донца С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» и книгу Адмиралова «Казачья трагедия».

Размер репродукции в красках 32 см. х 16 см. Стоимость — 8 нов. фр. Стоимость книги Адмиралова — 12 нов. фр.

По независящим ни от редакции, ни от типографии обстоятельствам № 27 «Родимого Края» вышел с опозданием.

Просим извинения у наших читателей.

КНИГА О ЕРМАКЕ.

На издание книги о Ермаке собрано уже 100.000 франков. Дружный казачий отклик наглядно показал всем друзьям и врагам и самим казакам, что не умерла душа казачья и не иссякла казацкая сила, заключающаяся в нынешних условиях нашего существования прежде всего в живом казачьем духе. Казак любит попрежнему свое прошлое, ценит славу, добытую казачеству его предками, гордится ими и готов эту славу защищать не только на поле брани, но и в гражданском быту и на поприще литературном.

Н. М. Мельников, автор готовящейся к изданию книги, Донское Войсковое Объединение и «Родимый Край», издатели книги, поставили перед собой задачу выпустить в свет труд строго научного характера, опирающийся на серьезные источники и снабженный прекрасными иллюстрациями, которые уже имеются в нашем распоряжении, а также картой похода «Атамана-князя Сибирского». Книга должна быть выпущена в виде, достойном витязя всего Казачества и Национального героя России, и стать не только по своему содержанию, но и по «обличью» своему, по качеству бумаги и шрифту, посильным дополнением к памятникам, воздвигнутым Ермаку в Новочеркасске и Тобольске и в душе народной.

По существующим ныне ценам на ТАКОЕ издание собранной суммы не хватит, и мы обращаемся поэтому к казакам всех Казачьих Войск и к друзьям Казачества с просьбой сделать еще одно усилие на пользу общего нашего дела.

Сделавших взносы мы будем считать подписчиками, которые, в зависимости от размера лепты, получат книгу или бесплатно, или на особо льготных условиях, уточнить которые пока не представляется возможным.

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

П. Поляков — «Лиенц».
Е. Ковалев — «К 40-летию Мамантовского рейда» (Окончание).
Чулков — «Дон».
И. Плахов — «Как не надо писать историю».
Биев — «Саботаж».
А. Петровский — «Памяти ген. Гельмута фон Панвица».
Эльмут — «Что происходит на месте казачьей Голгофы».
Юшкин-Котлубанский — «Лиенц».
П. Аврамов — «Ночь на заставе».
Н. Евсеев — «Стихи».
Г. Раковский — «Поднятая целина».
Полк. Елисеев — «Горе».
Б. Уланов — «На запад» (Окончание).
П. А. Соколова — «В займище».
Письма в редакцию: Н. А. Быкова, А. Протопопова.
И. Курицын — «Памяти ген. П. И. Коновалова».
А. Афанасьев — «П. И. Найденов».
Уралец Г. Д. — «Яганов».
Ушедшие.
Розыски.
Казачья жизнь за рубежом.
Б. Богаевский — Благодарность.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».

На обложке — одна из иллюстраций готовящейся к печати книги о Ермаке Н. М. Мельникова.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 28. Май — Июнь 1960 г. 2 NF

PAYS NATAL Mai — Juin 1960. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Выдача англичанами казаков, их жен и де тей в лагере Пегец, близь Лиенца 1. 6. 1945.
(Картина художника С. Г. Королькова)

ЛИЕНЦ.

В рудниках Колымы, в лагерях Европы,
В тихих позабытых старческих домах,
Вымирает племя Азовских гордых внуков,
Отцветает сказка о лихих донцах.

По запольным рекам, по кубанским плавням,
В Таврии, в Сибири — трупом полегли,
И последним взлетом, чая лучшей доли,
Славу боевую к Драве донесли.

А когда в ней, с детьми, матери тонули,
И в ущельях темных рвались стон и крик,
Содрогнулось небо, сам Господь заплакал,
И, дрожа, в ладонях скрыл свой скорбный лик.

И заржали снова брошенные кони,
Опустел Казачий перебитый Стан,
И костры потухли... и ушли составы,
Лег в Долине Смерти саваном туман.

Пролетели годы. Так-же мутна Драва.
На альпийских кручах так-же слепит снег,
Я у речки крикнул — где ты, наша Слава?
Эхо мне вернуло чей то злобный смех.

Поезд — шел на запад. Отступали горы,
Не с кем слово молвить, боль свою сказать...
Всюду: — лица, люди, смех и разговоры,
А казачью руку некому пожать.

П. Поляков. («Стихи»)

К 40-ЛЕТИЮ МАМАНТОВСКОГО РЕЙДА.
(1919 - 1959)

Окончание.

V

Помимо всего прочего, Мамантова обвинили в грабеже. Так уж повелось: раз казаки, значит грабители. Ген. Деникин, поверив слухам, пишет в своих «Очерках» г. IV, стр. 122: «Апологеты ген. Мамантова исчисляли обоз корпуса протяжением 60 верст». Спрашивается, сколько же нужно было для такого обоза охранения при нахождении в тылу противника и как полки корпуса могли в таком случае выполнять свои ежедневные боевые задачи?

Ген. Врангель, никогда этого обоза не видевший, перечислил даже, чем были нагружены подводы. Он удивлялся, почему ген. Мамантов не был отрешен от должности и не предан суду. («Записки» т. I, стр. 207).

Казалось бы, что в войсках, находившихся под их непосредственным руководством, ничего подобного быть не могло. Однако, когда ген. Врангель был назначен Командующим Добр. Армией и направлялся в Харьков, то на ж.д. станциях, начиная от границ Войска Донского, он увидел картину, которую красочно описал в своих «Записках» (т. I, стр. 248, 259). Повторять ее не стоит. Достаточно сказать, что по его словам: «Войска наперерыв спешили захватить побольше... Под захваченное добро брались подвижные составы... Некоторые части занимали под полковые запасы до д в у х с о т вагонов... С началом отхода, награбленное добро поспешно увозилось в тыл, забивая ж.д. узлы...»

Если сравнить грузоподъемность крестьянской подводы и ж.д. вагона, помножив число вагонов на соответствующий коэффициент, а затем на число полков, то даже 60-тиверстный обоз побледнеет перед полученной цифрой. Однако никто не был им ни отрешен от командования, ни предан суду. Это были добровольцы... А вот когда в Харькове кубанцы из корпуса ген. Шкуро надебоширили по пьяному делу, он тотчас же телеграфировал Главнокомандующему, требуя отрешения от командования корпусом ген. Шкуро, хотя последний в это время отсутствовал, находясь в отпуску на Кубани. Ген. Деникин не мог, конечно, исполнить этого требования и, несмотря на многократные запросы, оставил телеграмму без ответа. (Ген. Врангель. «Записки» т. I, стр. 251).

Следует отметить, что словом «грабеж» ответственные вожди белого движения несколько злоупотребляют. Давно известно, что революции и гражданские войны не ведутся в белых перчатках. Мне как-то рассказывали, что в доброе старое время, когда жили попроще, одна старушка вышла в темную ночь во двор по малой нужде и громко сказала: «И как это воры ходят в такую темь», а голос из темноты ей ответил: «Нужда, бабушка, заставляет». Вот эта то нужда, в специфических условиях гражданской войны, при полной разрухе промышленности, и заставляла иногда отклоняться от нормального порядка.

Что касается Донской Армии, то она к грабежам приучена не была, ибо почти все время вела боевые операции на своей территории. Казаки служили на своих собственных лошадях, в своем собственном обмундировании и о них меньше всего заботились. В письме от 29-го июля 1919 г. №3 ген. Врангель писал Главнокомандующему о состоянии Кавказской (Кубанской) Армии: «В то время, как там, у Харькова, Екатеринослава и Полтавы, войска одеты, обуты и сыты, в безводных калмыцких степях их братья сражаются за счастье одной Родины оборванные, босые, простоволосые и голодные». («Записки» т. I, стр. 181).

Не лучше обстояло и в некоторых частях Донск. Армии. Ген. Оприц в книге: «Лейб-Казаки» (Париж, 1939, стр. 198) пишет: «8-го июля прибыл на смотр 1-й дивизии Главнокомандующий ген. Деникин. Дивизия в строевом отношении представилась блестяще, но последние сотни в полках были выведены босыми. При прохождении церемониальным маршем бессапожных сотен мелькание белых ног было особенно заметно...»

В руки ген. Мамантова попала огромная военная добыча, частью которой он воспользовался, открыто объявив об этом и сдав по возвращении ценности в Войсковую Казну. Обобранному же до нитки несчастному населению казаки безплатно раздавали содержи-

Схема
Мамантовского рейда
20 40 60 80 100 150 200 к.
Орел
Верховье
Ефремов
Данков
Астапово
Раненбург
14 (27) VIII
Лебедянь
15 (28) VIII
Козлов
Тамбов
9 (22) VIII
5 (18) VIII
Кирсанов
Елец
19 VIII (1 IX)
Грязи
24 VIII (6 IX)
Задонск
23 VIII (5 IX)
Усмань
25 VIII (7 IX)
Графская
Мармыжи
24 VIII (6 IX)
Касторная
Воронеж
29 VIII (11 IX)
Курск
Анна
Терновка
30 VII (12 VIII)
Волконская
Макарово
Б. Грибановка
Борисоглебск
Балашов
р. Хопер
р. Дон
р. Савала
р. Елань
28 VII (10 VIII)
Троицкое
Красненьк
Калинин
Е. Колено
Н. Хоперск
Поворино
IX Сов. Армия
VIII Сов. Армия
Ст. Оскол
Алексан. поселок
Таловая
Бобров
Коротояк
6 (19) IX
Лиски
Линия фронта к 22 авг. (4 сент) 1919 г.
Добр. Армия
III Донской Корпус
II Дон. Корп.
Алексиково
Васильевка
Бутурлиновка
Урюпинская
IV Дон. К-С
Ген. Мамантов
22 VII (4 VIII) 1919 г.
Филоново
Н. Оскол
Белгород
Павловск
Калач
Валуйки
Харьков
29/VII – 9/VIII
4я Дон кон. бригада
2я Дон. корпуса

мое из «государственных лавок» и захваченных ими складов. Перелом в настроении казаков и упадок их духа не явился следствием захвата ими большого количества добра — к этому были иные причины.

⁂

20-го сент. 1919 г. ген. Сидорин получил от ген. Деникина телеграмму Нр 013166, в которой он, обвиняя Донск. Армию в бездействии и невыполнении директив, писал: «... Ген. Мамантов, вместо выполнения поставленной задачи, гуляет по пустым местам, уклоняясь от столкновения с той группой противника, которая должна явиться первым объектом его действий, остальные части стоят пассивные и вся задача возложена на ген. Шкуро...» Между тем 7-го и 8-го сент. части 3-го Дон. корпуса под Лисками и IV-го кон. корпуса под Коротояком, переправившегося через Дон у Копанище в целях занятия Лисок, понесли очень крупные потери вследствие лобовых атак и несогласованности в действиях. Из группы доблестного ген. Гусельщикова выбыл весь старший командный состав во главе с самим Гусельщиковым, начальниками штабов, командирами бригад и несколькими командирами полков. 4-й корпус, хотя и уничтожил бригаду противника, тоже понес потери до трети состава. Были тяжело ранены к-р 13-й кон. бригады ген. Попов, к-р 12-й батареи полк. Ковалев, убит ген. Максимов, ранены к-р 9-й кон. бригады ген. Татаркин, к-ры батарей: полк. Волошинов и есаулы: Волков, Белобоков, Авчинников, в одной батарее перебита вся прислуга. (Оприц. «Лейб-казаки» стр. 221; операт. сводка Дон. Арм. от 9 сент.) 2-й Дон. корпус вел непрерывные и успешные для нас бои на Хопре.

Командующий Дон. Армией ген. Сидорин ответил ген. Деникину (НР 0452 К):

« ... Все время активно обороняясь с непрестанными боями, я все же, во имя интересов нашего фронта, нашел возможным выделить свой лучший конный корпус для рейда в глубокий тыл красных. Громадное значение его оценено даже противником. Уничтожение его баз в Тамбове, Козлове, Ельце, разрушение важнейших ж.д. узлов **облегчило в сильной мере продвижение правого фланга Добр. Армии.** Роспуском 100000 пленных и мобилизованных он не только ослабил вдвойне фронт красных, но создал благоприятную политическую обстановку для дальнейшего продвижения наших армий к центру России... С корпусом Мамантова у меня нет постоянной связи, т. к. нет ни радиостанций, ни летальных аппаратов, о которых я много раз ходатайствовал. Основная же задача ему поставлена — содействовать овладению Лискинским узлом...»

12-го (25) сент. 4-й кон. корпус, прорвав фронт 12-й сов. стр. дивизии у Борщева сев. Коротояка и переправившись здесь через Дон, вышел 14-го (27) сент. в район Левая Россошь, начав новый рейд ударом по тылам Лискинской группы красных и далее на Таловую, следствием чего явилось занятие нашими частями Лискинского ж.д. узла. Для борьбы с ним красные вновь отвлекли значительные силы, а именно: 13-ю дивизию, 2 полка 31-й дивизии и различные отряды, а затем всю 12-ю дивизию и тамбовских курсантов, но сам Мамантов уехал в отпуск. 29-го сент. (12 окт.), находясь в поезде Команд. Дон. Армией ген. Сидорина на ст. Чир, он встретился с ген. Врангелем. После торжественного чествования его Донск. Войск. Кругом, когда, как пишет сам Врангель, «имя ген. Мамантова было у всех на устах» (т. I, стр. 206), эта популярность ген. Мамантова была ген. Врангелю, человеку честолюбивому, стремившемуся в то время захватить власть, явно не по душе.

После расправы с Кубанской Радой, когда наметилось вероятное назначение его Ком-щим Добр. Армией, он, встретив в Екатеринодаре ген. Улагая, сказал ему: «Сейчас во главе кон. группы (4-й Дон. Корпус и корпус ген. Шкуро) стоит ген. Мамантов. Моим первым шагом была бы замена его другим начальником». («Записки», т. I, стр. 242). Приехав 23-го ноября в Таганрог и встретившись с ген. Деникиным, который предложил ему принять Добр. Армию, он первым условием поставил замену ген. Мамантова другим лицом. Ген. Деникин заметил, что это может обидеть донцов, но Врангель возразил, что после переброски из Кавказской Армии еще одной дивизии в кон. группе будет больше половины кубанцев, и ген. Деникин согласился. (т. I, стр. 246). В тот же день ген. Врангель просил ген. Романовского немедленно вызвать для принятия кон. группы ген. Улагая.

Прибыв на фронт и вступив в командование Армией, ген. Врангель с нетерпением ожидал прибытия ген. Улагая и, как только последний прибыл, предоставил в его распоряжение бронепоезд, дабы он мог попытаться проехать к своей коннице, и послал 4-го дек. предписание ген. Мамантову, коего «за преступное бездействие» отрешал от командования. (Врангель. «Записки» т. I, стр. 252).

Оскорбительный по тону, этот приказ к тому же и не соответствовал действительности.Мамантов не бездействовал, а в исполнение директив, данных ему самим же Врангелем, вел тяжелый бой у Сватово и имел успех, о чем пишет сам же Врангель в своих «Записках»: «6-го(19) дек. наконец удалось установить связь с конницей ген. Мамантова. Последний 4-го дек. занял было Сватово, но 5-го дек. был вытеснен из этого пункта и отошел...» (т. I, стр. 253).

Получив приказ об отрешении от командования, ген. Мамантов подал рапорт о болезни и, не дождавшись прибытия ген. Улагая, выехал в штаб Донск. Армии.

Устранение ген. Мамантова от командования кон. группой было большой ошибкой, которую подчеркивает в своем труде Комщий Южн. Сов. Фронтом Егоров (стр. 211) и которая имела весьма пагубные последствия, охладив боевой дух у казаков, безпрерывно атакуемых подавляющей массой красной конницы (Кон. Армия Буденного, имевшая в момент сформирования 7000, насчитывала теперь 12000 сабель. Ист. гр. войны в СССР, т. IV, стр. 291).

«Последним надеждам, возлагавшимся Главнокомандующим на нашу кон. группу, видимо, не суждено было осуществиться», меланхолически пишет в своих записках ген. Врангель (стр. 254)...

***

6-го (19) дек. ген. Мамантов телеграфировал Ком-шему Дон. Армией:

... «С переходом кон. группы в подчинение Добр. Армии я заменен ген. Улагаем. Учитывая боевой состав кон. группы, я нахожу несоответствующим достоинству Дон. Армии и обидным для себя замену меня, как Командующего группой, без видимых причин лицом, не принадлежащим к составу Дон. Армии и младшим меня по службе... поэтому прошу разрешения сдать корпус старшему после себя заместителю и явиться с личным докладом.»

По выслушании доклада, ген. Сидорин 8-го (21) дек. телеграфировал Главнокомандующему ген. Деникину: «... Это отрешение, ничем не вызванное, незаслуженное, заранее предрешенное, помимо тяжкой обиды, нанесенной ген. Мамантову, является оскорблением и всей Дон. Армии со стороны ген. Врангеля... Я сам вижу в этом акте величайшую несправедливость и чувствую за ген. Мамантова горькую обиду. Прошу об отмене приказа ген. Врангеля и о более бережливом и внимательном отношении старших начальников к частям Донской Армии, входящим в состав других армий».

Ген. Деникин кратко ответил в тот же день: «Ген. Мамантов должен командовать корпусом, руководствуясь благом родины и отметая личное самолюбие.»

9-го дек. ген. Сидорин вновь телеграфирует ген. Деникину:

... «Обстановка настолько тяжела, что для облегчения ее нельзя пренебрегать моральным состоянием казаков 4-го корпуса и их начальников... Считаю необходимым экстренно сделать Вам личный доклад, для чего выезжаю в Ростов, чтобы увидеть Вас завтра.»

В тот же день ген. Мамантов в свою очередь разослал следующую телеграмму:

«Командарму Донской, Донскому Атаману, Председателю Большого Войск. Круга, копия ген. Деникину и ген. Врангелю:

Доколе ген. Романовский и ген. Врангель будут распоряжаться Донцами, как пешками, я не считаю возможным занимать ответственной должности под их командованием. Полагаю, что насильное принуждение меня остаться в должности ком-ра корпуса при создавшихся взаимоотношениях не принесет пользы, а посему, дабы не вредить делу, прошу меня и моего нач-ка штаба, как разделяюшего мой взгляд, освободить от должностей и назначить на любую должность, начиная с рядового казака».

Ген. Сидорин немедленно ответил: «Во имя спасения Родины и Дона считаю необходимым Вам остаться в рядах созданного Вами 4-го корпуса впредь до распоряжения. Выезжаю к Деникину сегодня.»

Донской Атаман ген. Богаевский в тот же день 9-го дек. также телеграфировал Главнокомандующему ген. Деникину:

«Вполне присоединяюсь к телеграмме ген. Сидорина относительно отрешения ген. Мамантова. Бесцельное оскорбление славного Донского генерала, много раз рисковавшего жизнью за общее дело, только усилит падение духа на фронте, далеко не твердое в виду боевых неудач. Настоятельно прошу также об отмене приказа ген. Врангеля.»

Добиться восстановления ген. Мамантова во главе 4-го Дон. кон. корпуса не стоило ген. Сидорину большого труда. Положение на фронте ухудшалось с каждым днем и Главное командование вынуждено было итти на уступки казакам, которые одни могли еше спасти положение.

10-го(23) дек. штабом Дон. Армии была послана ген. Мамантову, копия Луганск ген.

Краснянскому и Комкору 3 телеграмма: «Главком приказал Вам вступить в командование 4-м Дон. корпусом, который, как и всю Донскую конную группу, сосредоточить в районе г. Луганска, для прикрытия этого направления. По прибытии в Луганск Вам надлежит подчинить себе и отряд ген. Краснянского. Командарм приказал Вам принять все меры к скорейшему приведению в порядок частей корпуса.» Зверево. ген. - майор Кислов.

Так 4-й Дон. кон. корпус был передан в Дон. Армию и ему возварщен его доблестный командир. Генералы: Науменко (вр. комший 4-м кор-сом) и Улагай отбыли в глубокий тыл в г. Екатеринодар.

Вступление ген. Мамантова в командование 4-м корпусом немедленно отразилось на моральном состоянии казаков и подняло их боевой дух. Ген. Врангель, еще неделю тому назад утверждавший, что донцы не представляли боевой силы (стр. 266), уже 18-го (31)дек. отмечает, что 4-й Дон. корпус в районе Ровеньки-Картушино отбил все атаки красной конницы, а 20-го дек. одержал победу, выбив противника из ряда хуторов, лежавших в балках Должин и Медвеженка, отбросив его на север и заняв х.х. Варваровский, Медвеженский и д. Варваровку, захватив 6 орудий и 12 пулеметов. («Записки», т. I, стр. 273).

Впрочем, Красное командование, учитывая потенциальную силу казаков, даже во время отхода считало казачью конницу наиболее опасным противником и с самого начала выделило во фронтовый резерв две стрелковых дивизии: 7-ю и 57-ю.

Дальнейшие события подтвердили это. Окрыленная успехами, после триумфального движения от Касторной до Ростова, конница Буденного и Думенки испытала два наиболее жестоких поражения: 6-го(19) января 1920 г. между Батайском и ст. Старо - Черкасской (у ст. Ольгинской) была потрепана Конармия Буденного, а 15-го(28) на Маныче у х. Веселого 4-й Дон. кон. корпус, с приданной ему 4-й Дон. кон. дивизией из 2-го Дон. корпуса, разбивает сначала конницу Думенко, преследуя ее до х. Солоного, захватив свыше 20 орудий, много пулеметов, зар. ящиков и обозы, а 16-го(29) января конницу Буденного у х. Мало-Западенского и х. Платова захватив 20 орудий, много пулеметов и пленных из состава 4-й, 6-й и 11-й кав. дивизий, при чем последняя после этого боя временно утратила свою боеспособность. («Трагедия Казачества», ч. IV, гл. VII. Вол. Каз. №211, Париж 1936). В бою с Буденным отличилась 10-я Дон. кон. дивизия, корпусом же командовал ген. Павлов, т. к. ген. Мамантов уехал в Екатеринодар на Верховный Круг Дона, Кубани и Терека. Во время пребывания там он вскоре скончался, согласно оффициальной версии от тифа, но среди казачества, еще в то время, ходили упорные слухи, что ген. Мамантов был отравлен.

В первых числах февраля (ст.ст.), получив задачу разбить Буденного, перешедшего в район станции Торговой, ген. Павлов, хотя и хороший кавалерийский начальник, но не знавший местности, совершил крупную ошибку, двинувшись в трескучий мороз левым разоренным берегом Маныча, потеряв в этом походе, не выполнив задачи, более 5000 человек замерзшими. Это вызвало так называемый «бунт донских генералов», и ген. Павлову пришлось оставить командование корпусом. Но донская конница, ослабленная количественно и потрясенная морально, уже не представляла той грозной силы, как раньше, и это предрешило исход гражданской войны. Фатальный для нас поход на Торговую подробно описан ген. Поздышевым, командовавшим в то время конницей 2-го корпуса, в статье: «В борьбе с врагом и природой», помещенной в газете «Русский Инвалид» №4, Париж 1930.

Будь в то время во главе корпуса ген. Мамантов, хорошо знавший этот район, как участник Степного Похода, вряд ли бы он совершил подобную ошибку и исход борьбы в этот период мог бы быть иным, чем Новороссийская катастрофа.

Б. начдив 20-й сов. стр. дивизии Майстрах, пишет про неудачный для нас бой в ночь с 5-го(18) на 6-е (19) февр. 1920 г. у Торговой: «Некогда гремевшая славными и лихими атаками «НЕПОБЕДИМАЯ» МАМАНТОВСКАЯ КОННИЦА, ЛУЧШАЯ БЕЛАЯ КАВАЛЕРИЯ, после этого боя сильно утеряла свое грозное значение на Деникинском и нашем Кавказском фронтах.» (Б. Майстрах. «Маныч-Егорлицкая-Новороссийск». Госиздат. Москва - Ленинград. 1929.)

***

Заканчивая настоящий очерк, я считаю небезинтересным привести два рассказа, касающиеся Мамантова.

Буденный в своих воспоминаниях рассказывает, что когда Конармия вела бои недалеко от Ростова и его конница забирала в плен белую пехоту, Мамантова спросили, почему он не окажет ей помощи. На это Мамантов будто бы ответил:

«Мертвому припарки не помогут, а мне надо думать о том, как переправить мой корпус на другой берег Дона по неокрепшему льду.»

С другой стороны, один из б. мамантовцев рассказывал, что, вскоре после смерти Мамантова, при отступлении на Кубани, отходя с последним разъездом, он отстал от него по большой нужде и, задержавшись, был захвачен налетевшими красными. Его привели в штаб Конармии к самому Буденному. Последний спросил его:

— Скажи, правда, что Мамантов умер?»

Тот ответил, что правда. Тогда Буденный хлопнул в ладоши и радостно воскликнул:

— «Ну, значит наша взяла! А тебе за хорошую весть вот что: я тебя отпускаю. Сейчас прикажу тебя отвести и катись к своим белым.»

Е. Ковалев.

Париж. 1960.

(Все права сохранены за автором
Tous droits rezervés par l'auteur)

В одном из последующих номеров «Родимого Края» будет помещено послесловие к моей статье: «К 40-ка ЛЕТИЮ МАМАНТОВСКОГО РЕЙДА».

Я обращаюсь к б. участникам рейда с просьбой помочь мне восстановить состав 4-го кон. корпуса во время рейда, сообщив, какие полки и батареи входили в состав 8-й, **9-й, 11-й, 12-й и 13-й кон. бригад, фамилии** их командиров, равно как и фамилии начальников штабов дивизий, бригад и особых формирований.

Собирая материалы о боевых действиях конницы 2-го Д-ч. Отд. Корпуса ген. Коновалова, прошу лиц, служивших в 4-й, 5-й, 6-й и 14-й кон. бригадах, дать свои воспоминания или хотя бы сообщить свои адреса, чтобы я мог, в случае необходимости, обратиться к ним за справками.

Корреспонденцию направлять по адресу:
Monsieur E. Kovaleff. 110, Avenue d'Ivry, Paris 13e. France.

Е. Ковалев.

ДОН.

Над тобой высоко вереницей летят
К югу теплому вольные птицы,
На твоих берегах словно чайки сидят
Средь садов хутора и станицы.

На могучей груди ты так твердо носил
Флот и войско Царя-Великана,
И исполненный местью, оружьем грозил
Всем поклонникам грозным Корана.

Исторический край безконечной борьбы,
Край казачества, вольности, славы, —
Подвергался не раз ты ударам судьбы,
Сын свободный великой державы.

По равнинам твоим средь широких степей,
Как поток, вражьи рати стремились,
Пенье гибельных стрел и сверканье мечей,
Будто вихрь, над тобой проносились.

Ты героев гнездо, где явился Ермак,
Где родились граф Платов, Бакланов,
Богатырь-чародей, нагоняющий страх
На чеченцев и гордых османов.

Я не раз провожал твою стройную рать
За Дунай на кровавую тризну,
С верой в силу борьбы ты ходил умирать
За царя и святую отчизну.

Много буйных голов ты в бою положил
На кровавых полях жаркой сечи,
О невзгодах своих много песен сложил,
Песен чудных, как страстные речи...

Ты как витязь стоял на крутых берегах
И низовьях родимого Дона
И в годину невзгод и на грозных пирах
Среди сабель безчисленных звона.

Я любил и люблю тебя, рыцарский край,
Вольный край чернобровых казачек
И раздолье степей и садов твоих рай,
Ипподром твоих бешеных скачек.

Стариков бородатых галденье и спор
Средь широкого круга майдана
И вино из Цымлы, виноград из Раздор,
Важный вид с булавой Атамана.
И в далеких странах вспоминая тебя,

Шлю тебе свой привет вдохновенный.

Чулков.

КАК НЕ НАДО ПИСАТЬ ИСТОРИЮ.

Время от времени в казачьей печати появляются описания некоторых исторических событий нашего недавнего прошлого, подчас, к сожалению, очень большой неточности. Пишутся биографические очерки лиц, игравших видную роль в нашем прошлом, но также часто и они требуют исправления. Все это читают и никто не вносит поправок. Необходимо помнить, что даже наше недавнее прошлое является уже историей, и все воспоминия, заметки, биографии и очерки, имеющие исторический характер, могут служить документами для будущих исследователей нашей истории. Поэтому всякое описание кагого нибудь события из прошлого должно обязывать к соблюдению точности и правдивости. Однако сознательно или безсознательно об этом забывается, благодаря чему создается впечатление, что все пишется «по слухам». Проявляется даже иногда полное игнорирование оффициальных документов.

В настоящее время много говорится об издании Казачьего Лексикона, куда, если это осуществится, будут внесены без всякого сомнения такие имена, как Козьма Крючков, ген. Мамантов и др., так же как и наименования станиц и хуторов, ставших историческими, как Суворовская, Н.-Курмоярская и многие другие. Составителям Лексикона нужны будут не «слухи», а историческая правда. Дабы не быть голословным и исключительно в целях восстановления исторической истины, остановлю внимание читателей-казаков, гл. образом донцов, на некоторых таких «исторических» описаниях, не отвечающих исторической правде.

Так, И. К. Гаврилов считает, что Казачьих Войск было не 12, а 14 («Казачьи Войска», журн. «Каз. Единство» №12), а именно: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Забайкальское, Енисейское, Семиреченское, Амурское, Уссурийское, Иркутское и Якутское. До сего времени принято было считать, что всех Каз. Войск было 12. Если не считать Иркутского и Якутского, то как раз будем иметь те 12 Каз. Войск, от имени которых в 1917 г. на Московском Государственном Совещании выступал ген. А. М. Каледин.

Там же, в «Каз. Единстве», в перечне станиц Донского Войска названы станицы, которых никогда на Дону не было, как напр. Бурацкая (был хутор Бурацкий В. Чирской ст-цы), Белокалитвенская (были Калитвенская и Усть - Белокалитвенская), Кундрюческая (были Верхне и Нижне-Кундрюческие), Луцкая, Ростовская, Таганрогская. Многие станицы пропущены. Станицы Ростовская, Таганрогская стали впервые упоминаться в эмиграции в 1935 г. во время Атаманских выборов (выборы ген. гр. М. Н. Граббе). В то время особо рьяные сторонники кандидатуры ген. П. Х. Попова пытались поддержать своего кандидата голосами вот таких несуществующих станиц. Все такие бюллетени, как явно фальшивые, Гл. Ц. Из. Комиссией не были зачислены. Так как до сего времени никто не опротестовал наличие таких станиц в Дон. Войске, то я более подробно останавливаюсь на этом, дабы у донцов не создалось ложное представление, что в 1935 г. Изб. Комиссия поступила неправильно, не засчитав бюллетени этих мифических станиц.

А. Е. Алимов в заметке «Забытая песнь» («Каз. Единство» №16) пишет, что «состав Донских пеших батальонов в войну 1914-17 гг. был из казаков 46-47 летнего возраста». Это неверно. Дон такого напряжения не имел. О Донской пешей бригаде многие имеют самое смутное представление. Иные даже убеждены, что для создания пеших батальонов была произведена какая то особая мобилизация. Дело было так. В первых числах марта 1915 г. были сформированы особые пешие сотни, нумерация которых была продолжением нумерации особых конных сотен. Вскоре они были сведены в батальоны 5-ти сотенного состава, а батальоны в бригаду. Таким образом была создана Донская пешая бригада из 4-х батальонов, количество которых было доведено к началу 1917 года до 6-ти. В 20-ых числах апреля 1915 г. бригада была отправлена на Кавказский фронт, где и оставалась до апреля 1917 года. Многие еще вероятно помнят, что мобилизация была объявлена у нас по 1895 г. В силу этого, Дон, помимо пешей бригады, отдельных конных сотен и батарей, выставил в войну 1914-17 гг. 60 конных полков: 2 гвардейских, 17 армейских 1-ой очереди, 17 — 2-ой очереди, 17 — 3-ей очереди, 1 Сводно-гвардейский и 6 полков запаса. Запас для казаков являлся в некоторой степени уже ополчением. Его составляли казаки присяги 1900, 1899, 1898 и 1896 гг. В 1904-05 гг. казаки этих годов числились во 2-ой очереди. Основу же пеших сотен и батальонов составляли казаки присяги 1898 и 1897 гг. и небольшой ча-

сти 1899 и 1896 гг. Таким образом, предельный возраст казаков пеших батальонов был 37-38 лет, а не 46-47, как пишет А. Е. Алимов.

Редакция журнала «Каз. Единство» сопроводила эту заметку А. Е. Алимова примечанием, в котором высказала свой взгляд на причину ухода с поста Дон. Наказного Атамана ген. Покотило. Таковой она считает создание пеших батальонов, бывших так непопулярными в Войске. Я не знаю истинных причин ухода ген. Покотило с Атаманского поста, но существовала и другая версия, которая мало кому известна, а может быть и совсем неизвестна. В августе 1915 г. Донской Атаман ген. Покотило приехал в г. Саракамыш, в район которого была отведена Дон. Пешая бригада для пополнения и приведения в порядок после первого и не совсем яко-бы удачного (по мнению Высшего Командования) боя в июле 1915 г. Ген. Покотилс приехал в бригаду с целью сделать «отеческое внушение» и не поздоровался с бригадой, чем был сильно возмущен начальник штаба бригады ген. штаба капитан М. И. Бояринов, который заявил генералу: «Ваше Превосходительство, Вы не имеете права не здороваться с бригадой. Вы ее деморализуете... Я протестую и подаю рапорт». И подал. И вот, когда в 1916 г. ген. Покотило был смешен с поста Дон. Наказ. Атамана, кап. М. И. Бояринов говорил, что это следствие его рапорта.

В журнале «Родимый Край, в №17 Б. Н. Уланов дал краткую рецензию на книги полк. Ф. И. Елисеева «В храм Войсковой Славы», посвященные исключительно кубанцам: их быту, их славе, их подвигам. В первой книжке рассказывается о кубанских полках на Кавказском фронте в 1914-17 гг. но упоминается и о других каз. частях. Б. Н Уланов пишет: «по данным полк. Елисеева, Кубанское Войско выставило на Кавказский фронт 8 первоочередных и 10 третьеочередных полков, Терское Войско — 2 полка 1-ой очереди и 4 — 3-ей очереди, Сибирское — 2 первоочередных полка. Всего 26 конных каз. полков шести сотенного состава, т. е. 156 сотен. Кроме того, кубанцы выставили 45 особых конных сотен. Следовательно всего 201 кон. сотен». (Полк. Елисеев перечисляет только конные единицы). Этот список далеко не полон. По данным ген. Масловского («Мировая война на Кавказском фронте»), кроме перечисленных полк. Елисеевым конных частей, на Кавказ. фронте были: две конные бригады забайкальцев, две Оренбургские кон. каз. батареи и, из донских частей, кроме пешей бригады, 55-ый Дон. каз. полк и четыре особые конные сотни: 48-ая, 72-ая, 82-ая и 83-яя. Для охраны тыла — одна конная бригада из 56-го и 67-го дон. каз. полков и три особых конных сотни: 61-ая, 73-яя и 78-ая.

Б. Н. Уланов сожалеет, что у нас (донцов) нет вот такого (как полк. Елисеев) жреца «Храма Войсковой Славы» Войска Донского. Прискорбно, нет слов. И к сожалению, мы, донцы, до сего времени не знаем даже точного числа боевых единиц, выставленных Доном в войну 1914-17 гг. Относительно числа полков спора нет, но вот что касается отдельных конных сотен и батарей, то тут вопрос остается открытым. М. Бугураев в своей статье «А. М. Каледин и М. П. Богаевский» («Род. Край» №26) пишет, «что к осени 1917 г. Дон. Войско имело 60 конных полков, 72 отд. сотни, 32 армейских (полевых) батарей, 1 гвардейскую и 1 запасную в Новочеркасске. Все батареи — 4-ех орудийного состава». О Донской пешей бригаде полк. М. Бугураев повидимому не знал. Все цифры, относящиеся к числу отдельных конных сотен и батарей — не точны. В действительности, их было гораздо больше. Что количество отд. конных сотен было больше, видно уже из того, что, как я говорил выше, на Кавказском фронте были 73, 78, 82, 83-я особые отд. сотни. Чтобы доказать, что батарей тоже было больше — приведу такой факт. В 1916 г. мой друг по реальному училищу М. А. Аникин, Гундоровской станицы, по окончании Константиновского арт. Училища, пробыв некоторое время в запасной батарее в Персиановке, в августе был командирован в 35-ую дон. каз. батарею. С ним я был в переписке до начала революции. Следовательно, если была 35-я батарея, то наверно были и 33-я и 34-я и, возможно, другие номером выше.

В журн. «Каз. Единство» №13 Ф. Родин в своем очерке «Козьма Фирсович Крючков» дал краткое описание его подвига, прославившего Крючкова на всю Россию. Редакция журнала, пользуясь как бы случаем, несколько уточнила рассказ Родина некоторыми подробностями о деятельности Крючкова во время войны с большевиками в 1918-19 годах и дала краткое описание его смерти. «Хорунжий и полный бантист (4 георгиевских креста и 4 георгиевских медали) К. Ф. Крючков в 1919 г, был командиром сотни в полку у талантливого полководца полк. Лащенова» (17-й имени Атамана Назарова полк

или проще Назаровский. — И. П.). Я не собираюсь вдаваться в обсуждение подвига К. Ф. Крючкова, ни его боевой деятельности во время гражданской войны, а хочу остановить внимание читателей на его наградах. Сам Крючков об них говорил совсем другое. Приблизительно в конце или первых числах июня 1919 г., точно дату не помню, Атаманская конная бригада (Калединский, Назаровский и 64-й Баклановский кон. полки) стояла в хут. Романовом станицы Островской. Штабом бригады было разослано в полки приказание: немедленно назначить по офицерскому разъезду, а начальников их прислать в штаб бригады для получения задачи. Бригадой в это время командовал полк. Якушов. Штаб ее помещался в одном из больших домов хутора. Просторная горница была полна народу. Тут же были и начальники разъездов, ожидавшие приема. К-р бригады сидел за столиком в небольшой смежной комнате, дверь в которую была открыта. Когда адъютант стал вызывать начальников разъездов, первым вошел офицер Назаровского полка, громким голосом отрапортовавший: «Назаровского полка, хорунжий Крючков» — полк. Якушов внимательно посмотрел на вошедшего и спросил: «Вы не родственник нашему знаменитому герою Козьме Крючкову?» — «Я и есть Козьма Крючков...» — ответил хорунжий.

При этих словах в горнице как то стало сразу тихо и все, находившиеся в ней, в том числе и пишущий эти строки, случайно оказавшийся в этот момент в штабе бригады, поспешили подойти поближе к дверям комнатушки, чтобы лучше слышать интересный разговор. Перед нами был офицер среднего роста, слегка сутуловатый, с мелкими редкими рябинами на лице, с коротко стриженной, с проседью, головой. Сходства с теми портретами, которые мы привыкли видеть и которые украшали чуть ли не каждую избу громадной Российской Империи, очень мало.

«Да неужели Вы — знаменитый Крючков? Да где же ваш чуб?» — с некоторым волнением спросил к-р бригады.

«Революция съела...» — улыбаясь, ответил Крючков. Улыбнулся при этих словах и полк. Якушов.

— «Но Вы ведь полный бантист?» продолжал он свой «допрос».

— «Никак нет, у меня только два креста...» ответил хорунжий.

— «Как два креста? Да ведь все говорят, что Вы полный бантист...» совсем уже недоумевал полк. Якушов.

— «Никак нет, г-н полковник, у меня только два креста» повторил Крючков.

Полк. Якушев, видимо успокоившись, приподнявшись, крепко пожал руку Крючкову: «Приятно, приятно познакомиться с донским героем». На этом «допрос» закончился. Такова версия самого К. Ф. Крючкова о его наградах.

По логике, Крючков и не мог иметь полного банта крестов и медалей. После своего подвига, сделавшего его национальным Российским героем, он уже редко появлялся в полку. Его берегли. Поэтому трудно предположить, чтобы награды в его отсутствии на фронте сыпались бы на него, как «из рога изобилия». Слава К. Крючкова не в количестве крестов и медалей, а в по истине сказочной удали, сметке и изворотливости, проявленных им в схватке с немецким разъездом и вызвавших всеобщий восторг многомиллионного населения России.

Генерал Константин Константинович Мамантов. Об этом доблестном генерале написано много противоречивых биографий, по которым не представляется даже возможности установить, какого он был Войска и как попал на Дон. Между тем самая личность ген. Мамантова и та роль, которую ему пришлось играть на Дону во время гражданской войны, казалось бы, должны были обязывать к более серьезному отношению. Для более ясного представления о «неразберихе», относящейся к этому вопросу, я укажу несколько фактов.

Некий И. Н. К. в статье «Ген. К. К. Мамантов» («Каз. Единство» №13) пишет, что «ген. Мамантов происходил от предков свободного Великого Новгорода (редакция журнала уточняет в №27 — из с. Мамантовки). До чина ротмистра служил в Лейб-Гвардии Конном полку. Проштрафившись, попал в Петропавловскую крепость, а оттуда был командирован в распоряжение к-ра 3-го Дон. каз. полка на исправление, и сразу, как ротмистр, на должность к-ра сотни — И. П). Я не специалист в таких вопросах, а поэтому и не знаю, возможно ли это? «В 1910 г. — продолжает И. Н. К. — был приписан в казаки Усть-Хоперской станицы и был произведен в войсковые старшины (вероятно уже как казак — И. П.). В 1912 г. переведен в 1-й Дон. каз. полк, а в июне 1914 г, был назначен командиром 6-го Дон. каз. полка, с которым и вышел на войну. В 1917 г. благополучно привел полк на Дон. В конце 1917 г. образовал свой отряд. За освобождение станицы Н.-Чирской был причислен почетным граж-

данином - казаком этой станицы».

А. Протопопов в очерке «Рейд Мамантова в 1919 г.» («Каз. Единство» №27) пишет, что «Мамантов, природный казак Уральского Каз. Войска, пожелал служить в донских частях, т. к. его пра-прадед был донским казаком, сподвижником Ермака. Был зачислен по Дон. Войску и назначен в 1-ый Дон. каз. полк, и был принят в станицу Н.-Чирскую. На войну 1914-17 гг. выступил с 19-ым Дон. каз. полком, как командир полка».

Е. Ковалев в статье «К 40-летию Мамантовского рейда» («Род. Край» № 24, 25) пишет, что «Мамантов казак Н-гирской станицы. На войну вышел с 19-ым Дон. каз. полком, как к-р полка, затем командовал 6 Дон. каз. полком, войну закончил к-ром бригады в 6-й Дон. каз. дивизии, с частями которой и прибыл в ст. Н.-Чирскую. Здесь сформировал из кадет и реалистов партизанский отряд, с которым 25 янв. ст. ст. 1918 г. вступил в Новочеркасск. 6-ой Дон. каз. полк был приведен на Дон войсковым старш. Тациным».

Вот те разноречивые сведения о прошлом ген. К. К. Мамантова разобраться в которых не так уж легко. Повидимому, надо все же признать, что Мамантов начал свою службу в донских частях в 3-ем Дон. каз. полку, а не в 1-ом, как утверждает А. Протопопов. Но откуда он попал в донские части и как был причислен к Донскому Войску, еще точно не выяснено. Надо признать также, что в казаки ген. Мамантов был принят ст-цей Усть-Хоперской, а не Н.-Чирской, как пишут А. Протопопов и Е. Ковалев. Он появился в станице Н.-Чирской уже казаком, а казак не мог состоять в двух станицах одновременно. Следовательно, в ст. Н.-Чирскую он был принят **почетным** казаком. На войну 1914-17 гг. он вышел к-ром 19-го Дон. каз. полка, а не 6-го, как пишет И. Н. К. В 6-ой полк он был назначен в 1916 г. Кто привел на Дон 6-ой полк — пока еще трудно сказать. Ген. Мамантов появился в ст. Н.-Чирской в первых числах января 1918 г., тогда как ген. Пономарев, н-к 6-й Дон. каз. дивизии, был уже там в ноябре 1917 г. Ст-ца Н.-Чирская была освобождена восставшими казаками Суворовской ст-цы 19 марта ст. ст. 1918 г., а не Мамантовым, как утверждает И. Н. К. В тот момент ген. Мамантов находился еще в донских степях. Об этом факте имеются оффициальные документы. Редакция «Каз. Единства» сопроводила статью И. Н. К. примечанием: «Настоящую краткую биографию ген. Мамантова мы помещаем в связи с годовщиной решительного боя корпуса Мамантова на Донце в конце июля 1919 года...» В конце июля ген. Мамантов прорвал фронт красных и начал свой знаменитый рейд, а этот случай имел место в половине мая 1919 г.

Так пишется история. И будущему серьезному исследователю нашего прешлого, действительно, нелегко будет разобраться в таком хаосе противоречий.

Париж. **И. Плахов.**

Примечание редакции. — О том, когда ген. Мамантов приехал в Н.-Чирскую, Н. М. Мельников сообщил нам следующую справку:

Во 2-ой половине декабря 1917 г. (точную дату не помню) мне нужно было поехать на несколько дней из Новочеркасска в ст. Н.-Чирскую, где жила моя семья. Перед отъездом, будучи в то время Заместителем Председателя Дон. Правительства (М. П. Богаевского), я явился к Атаману и А. М. Каледин дал мне поручение переговорить в Н.-Чирской с начальником 6-ой Дон. каз. Дивизии ген. лейт. Г. Л. Пономаревым.

Миссия была характера конфиденциального: Атаманом были получены сведения, что в Царицыне на Соборной площади находится большевицкая батарея, причем пушки оставляются на ночь без охраны; нужно было выяснить моральное состояние дивизии и возможность выделения небольшого отряда из надежных казаков для захвата батареи. Ген. Пономарев решил пригласить на совещание по этому вопросу своих ближайших сотрудников, и когда я вечером пришел к нему в дом В. К. Бушмана, я нашел там кроме ген. Пономарева начальника штаба дивизии (если память мне не изменяет — ген. штаба полк. Орешкова) и двух командиров бригад 6-й дивизии: полк. Корвин-Круковского и полк. К. К. Мамантова.

Следовательно, в декабре 1917 г. К. К. Мамантов находился в ст. Н.-Чирской и командовал одной из бригад 6-ой дивизии. С какого времени он был там — не знаю. По логике надо полагать, что прибыл он туда с фронта одновременно со своей бригадой.

Н. М. Мельников.

7-го августа 1932 г. ЦИК и СИК СССР издали постановление «об охране социалистической собственности». В то же время «мудрая партия» послала своих лучших «сынов» на юг России для «ликвидации кулацкого саботажа».

В Северо - Кавказский Край (Дон, Кубань, Ставрополь) приехали Каганович с Шеболдаевым, на Украйну — Хрущев и Кирниченко, на Кавказ — Киров. Им в помощь были присланы сотни партийных «деляг» с фабрик, заводов и из советской администрации. (Смотреть Кравченко: «Я избрал свободу»). По постановлению 7-го августа «комсоды» забрали у населения весь собранный хлеб, также как и кукурузу и картофель (за сельско - хозяйственный налог). А затем стали делать обыски в домах. Искали запасы продовольствия в сараях, в погребах, на чердаках, в печах, в полу, в стенах. Арестовывали без вины-виноватых, избивали и требовали указать, где спрятан хлеб.

Если у кого находили запрятанные продукты (даже сушеные фрукты), — десять лет каторги было обеспечено. Доносчики, члены «комитета бедноты», «комсоды» и «политотделы» получали казенное довольствие. Они же беспощадно грабили во время обысков. Все, что нравилось, забиралось ими. Они же меняли награбленные продукты на одежду и другие вещи. Так, например, хорошее шелковое платье ценилось от 5 до 12 чайных стаканов кукурузной крупы или 5 стаканов соли.

В это же время, в крупных городах открылись Торгсины, где меняли продукты на случайно сохранившееся у людей золото. Здесь уже не арестовывали и не пытали, а вежливо выманивали ценности.

Чтобы не умереть с голоду, люди ели собак, кошек, конские и воловые шкуры, дохлую конину, толченые кукурузные стебли. Ели все, что попадалось под руки. Опухшие бродили по станицам, как тени, и часто умирали там, где находили что то похожее на еду. Мерли, как мухи, и трупы (особенно весной) не успевали подбирать специально созданные для этого бригады людей.

Громадные же ворохи забранной и награбленной пшеницы и кукурузы, охраняемые красноармейцами, гнили в тех же станицах под открытым небом. Гнили, так как не хватало зернохранилищ и не хватало транспорта для их вывоза.

После 1933 г. станицы выглядели более пострадавшими, чем немецкие города после массовых бомбежек последней войны. Население некоторых станиц было полностью выселено. В других, целые кварталы домов были уничтожены. Общее количество жителей уменьшилось в три раза. Большинство умерло с голоду. Часть попала в спец-лагеря и спец-переселения и лишь небольшое количество людей бежало в города, где их продолжали разыскивать.

Погибло колоссальное количество народа. Эти люди пали жертвой большевицкого террора и искусственно созданного голода. Большая часть погибших пришлась на долю юга России, в том числе и на казачество.

Каковы же были причины всех этих мероприятий? Какие цели преследовало правительство СССР?

Цель была двойная. Во первых, обезвредить навсегда, уничтожить совсем, те слои населения, которые были настроены наиболее непримиримо к коммунистической власти, и, в первую голову, казаков Дона, Кубани, Терека. Во вторых — получить средства, необходимые как для самой коммунистической партии, так и для ведения пропаганды вне пределов СССР. Полученный хлеб вывозился заграницу, где продавался по баснословно дешевой цене.

С этой же целью — получить средства — выкачивались ценности и в торгсинах, где за золото продавались все продукты.

Однако, все же, вполне достичь цели властям не удалось. Когда почти через 10 лет началась 2-ая Мировая война, оказалось, что казачество еще живо, казаки еще существуют и еще способны к активной борьбе против ненавистного им ига. Подымает сполох Атаман Павлов, на занятых немцами территориях формируются казачьи части. Но эта эпоха, своего рода казачьего возрождения, продолжалась недолго...

Когда же началось немецкое отступление, на запад, уходя от неприемлимого режима, двинулось не только мужское население, но и их семьи: женщины с детьми, старики, инвалиды... Уходили целыми станицами, погрузив на телеги необходимое имущество...

Известно, какой драмой закончился в долине реки Дравы казачий исход...

Все происшедшее, это недолго продолжавшееся Возрождение, дает нам, вырвавшимся заграницу и уцелевшим при выдаче Казачьего Стана и испытавшим все прele-

сти советского режима, всю его лживость, бесчеловечность и несправедливость, перенесшим «эксперименты» советского правительства в 1932-33 гг., — надежду, что казачество еще будет живо и что оно снова возродится, как только к этому будет возможность.

Париж. **Киев.**

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА ГЕЛЬМУТА ФОН - ПАНВИЦА.

(Статья, помещенная в февральском номере немецкой газеты «Солдат среди народа», органе комбатантов германской армии, написана ротмистром А. Петровским, одним из оставшихся в живых офицеров немцев 15-го Казачьего Кавалерийского корпуса. Это свидетельство германского офицера представляет несомненный интерес для читателей «Род. Края». — **Редакция)**

В начале 1943 г., в Польше, в городе Млаве, по инициативе ген. фон-Панвица началось формирование 15-го Казачьего Кавалерийского корпуса, входившего в состав германской армии. Идея образования такой воинской части из казаков зародилась у генерала еще в 1941 году. В то время немецкие войска победоносно занимали одну часть за другой советской территории. Сначала казаки и местное население отнеслись к намерениям фон-Панвица довольно недоверчиво. Но несмотря на затруднения ему удалось добиться у немецких властей разрешения на формирование корпуса, чему способствовало появление советских патизан в тылу немецкой армии.

В штаб нового формирования генерал фон-Панвиц собрал лучших старых немецких кавалерийских офицеров, а для большего успеха обратился к старому казачьему генералу, проживавшему в Германии, Петру Николаевичу Краснову. После воззвания генерала Краснова казаки со всех сторон стали массами записываться в формирующийся корпус с целью освобождения донских, кубанских и терских казаков от коммунистического ига, так что скоро лагерь в Млаве стал тесен. В их числе было много известных генералов, полковников и др. офицеров, принимавших участие в 1-ой Мировой и гражданской войнах. Кроме ген. П. Н. Краснова, там были генералы Андрей Григ. Шкуро, С. Н. Краснов, полковник Кононов, также произведенный в генералы, ротмистр Орлов, поручик Борисов и много других. В виду высокой боеспособности Корпуса часть его была отправлена 15 сентября 1943 г. в Юго-Славию, где партизаны Тито начали военные действия в тылу германской армии. Другая часть Корпуса была отправлена в Италию.

***

Наступил 1945 год. Трагический конец войны... Разгром немецкой армии... Гибель 15-го Казачьего Кавалерийского Корпуса... 28 и 29 мая 1945 года — Юденбург, 10 июня — Енс, 1 июня — Пегец. Тысячи казаков и их семьи были выданы Английской Армией Советам. Все они были отправлены на каторжные работы в Кузнецкий бассейн, Воркуту, Караганду, Норыльск, Тайшен... На бесконечной равнине русской земли находятся бесчисленные могилы «неизвестных солдат», зарытых без оплакивания их родными, без отдания чести, без крестов...

16 января 1947 г. в Москве, в подвалах Лубянской тюрьмы советскими палачами из МВД были казнены генерал Гельмут фон - Панвиц и с ним пять казачьих генералов. Все они умерли мужественно, как полагается доблестным героям.

10 июня 1945 года, перед отправкой 200 казаков из Енса (Австрия) в СССР, ген. фон - Панвиц заявил советскому офицеру, сопровождавшему пленных: «Я много счастливых дней пережил вместе с моими казаками, а теперь мы вместе будем переживать то, что пошлет нам судьба. Мы заключили договор дружбы на жизнь и на смерть».

Слова, произнесенные тогда генералом, живы в наших сердцах и теперь. Любовь к отечеству является долгом каждого гражданина. Солдат или нет, каждый должен быть готов принести себя в жертву Отечеству. Эта общая жертвенность Родине является традицией немецкой истории, так же как жестокость, бесчелевечная мстительность, кровожадность по отношению к воинам, защищавшим с оружием в руках право человека на жизнь и свободу, является традицией сов. режима.

Честь и слава павшим бойцам, честь и слава генералу рыцарю Гельмуту фон-Панвицу... Родившись немцем, он умер казаком.

ЧТО ПРОИСХОДИТ НА МЕСТЕ КАЗАЧЬЕЙ ГОЛГОФЫ?

Каждый год в июне месяце, в годовщину кровавых трагедий в долине реки Дравы, на казачьем кладбище, на месте бывшего лагеря Пегец, около Лиенца служатся панихиды. Это нормально, и так должно быть... Служат разные казачьи организации, приезжают казаки из других городов Австрии, из Германии...

Казалось бы, около этого последнего упокоения наших братьев, около этих братских безименных могил люди должны были бы забыть свои личные недоразумения, свои ссоры и неурядицы. Кладбище находится около места выдачи казаков и их семей, на нем похоронены погибшие казаки, казачки и казачата и вполне естественно, что на нем могут молиться все православные люди и в первую очередь — казаки, каковы бы ни были их личные политические убеждения (кроме, конечно, коммунистов или сочувствующих их идеалам). Ведь кладбище то — казачье.

Однако около этого маленького казачьего клочка земли, казачьего потому, что он обильно полит казачьей кровью и приобревшего поэтому для нас, казаков, символическое значение своего рода могилы - памятника «неизвестного казака» — происходят странные и прискорбные явления. То, что местные каз. организации не могут объединиться для большой совместной панихиды — еще пол беды, но что гораздо хуже, это то, что доступ на кладбище затруднен, оно заперто на ключ и несколько лет тому назад группа казаков, приехавших из Германии, не могла войти на кладбище помолиться за усопших, ибо лицо, у которого хранился ключ, отказалось его открыть.

И что еще более прискорбно — это поведение духовенства.

Вот что пишут из Австрии:

«В прошлом году общая панихида была отслужена 7 июня приехавшим из Мюнхена Владыкой Стефаном в сослужении двух священников, из которых один отец Кулеш — кубанский казак, участник Лиенцовской трагедии».

Далее автор письма, станичник Чонгов. пишет, что Владыка в краткой проповеди ни слова не сказал о погибших казаках, о том, что это кладбище казачье, что панихида служится в годовщину трагического для всего казачества дня и не вспомнил, что здесь похоронены казаки. После проповеди Владыки Стефана, у него попросил разрешения сказать слово о. Кулеш, на что Владыка очень неохотно согласился. Отец Кулеш, сам бывший свидетелем Лиенцовской выдачи, начал говорить о казачьей трагедии, о жертвах казачьих, которые покоятся здесь на кладбище. Затем, по словам стан. Чонгова, произошла совершенно невероятная сцена: «Владыка Стефан, подойдя к отцу Кулешу, приказывает ему прекратить проповедь. О. Кулеш ответил: «когда ты говорил, я не мешал тебе говорить, не перебивай же и ты меня». Владыка стал отпихать о. Кулеша, тот обороняться. Вмешался и другой священник, также приказывая о. Кулешу замолчать. Однако получил должный ответ: «Отойди от меня, ты впервые появился на казачьем кладбище и не мешай мне вспоминать о казачьих жертвах». В ссоры духовенства вмешались каза́чки, поддержавшие отца Кулеша криками: «Правильно батюшка говорит — это кладбище казачье и здесь похоронены казаки...»

«Молящиеся казаки, видя такой скандал, с болью в сердце и скорбью на душе, с понуренными головами, выйдя из ограды кладбища, стали расходиться. Присутствующие на панихиде австрийцы с недоумением смотрели на это печальное зрелище, не понимая, что происходит среди духовенства ...»

Нам также совершенно непонятно поведение Владыки Стефана, забывшего, повидимому, что роль духовенства не выявлять свои личные политические взгляды, а молиться.

Так же нам непонятна и цель возглавителей одной из казачьих организаций в Австрии, приславших в редакцию «Род. Края» заведомо ложную информацию о содержании проповеди епископа Стефана, будто бы сказавшего, что казаки на протяжении всей своей истории были всегда защитниками веры христианской. По словам стан. Чонгова, этого сказано не было, да и вообще о казаках не было сказано ни слова.

Другой казак из Австрии пишет:

«В 1958 г. день, назначенный для панихиды, совпал с праздником Св. Троицы и епископ Стефан отказался служить панихиду, ссылаясь на то, что в двунадесятые праздники панихид служить нельзя, но об этом сообщено не было и казаки съехались не только из Австрии, но приехали также из Мюнхена с священником казаком. Они обра-

тились к церковному старосте, чтобы он отомкнул им ворота кладбища, на что получили отказ. Тогда они обратились в полицию, которая им и открыла ворота. Никакого взлома ворот, как утверждали некоторые, не было.

«В 1959 г. епископ Стефан служил панихиду совместно с двумя священниками, из которых один был О. Кулеш, кубанский казак. Владыка, служа панихиду, не поминал казаков, погибших в Лиенце, а поминал Имп. Николая II и всех русских людей. После панихиды он произнес проповедь, в которой о казаках не было сказано ни слова. Священник Кулеш попросил разрешения у епископа Стефана сказать слово, но получил отказ. Тогда он по собственному почину начал говорить, что здесь похороены погибшие казаки и мы приехали для того, чтобы молиться о них, а не служить панихиду по Имп. Николае II и другим русским людям вообще. Владыка Стефан демонстративно покинул кладбище...»

Находясь во Франции, нам, конечно, трудно разобраться в неладах между каз организациями в Австрии, но ссоры, недоразумения вокруг казачьего кладбища в Лиенце кажутся нам совершенно недопустимыми, также как и нетерпимое отношение Владыки Стефана ко всему казачьему, и так ярко это проявляющего там, где похоронены казаки.

Повторяем еще раз — духовенство не должно считаться с политическими взглядами верующих, обращающихся с просьбами помолиться за погибших. Перед Богом все равны — и монархисты, и не монархисты, и казаки и не казаки.

Париж. **Эльмут.**

ЛИЕНЦ.

Лиенц — завершение безчестья,
Которым долго запад шел.
Неправый путь и путь нечестья
К нему культурный мир привел.
Войдет в века позор, свершенный
В угоду воле сатаны!..
С ним век двадцатый просвещенный
На гребнях пенистой волны...

А как ты много, запад гордый,
О чести, воле толковал!..
Берег для друга камень твердый,
В тиши отточенный кинжал...
Укор, быть может, непонятен...
И не дойдет до сердца он...
Не смыть позора вечных пятен!..
Не заглушить невинных стон!

Юшкин-Котлобанский.

НОЧЬ НА ЗАСТАВЕ.

(Из романа «За Край родной»)

Сотня охраняла сейчас участок чуть ли не в двенадцать верст. Все время приходилось быть настороже. С ночи на ночь ждали отместки «товарищей» и к этой отместке готовились. С вечера до полусотни казаков рассыпались патрулями, в три-четыре человека каждый, беспрерывно, наощупь, — ночи были безлунные — пробиравшимися от поста к посту по заросшему густым талом берегу Дона и каждую минуту готовыми придти на помощь постам, в случае внезапной атаки. Посты усиливались и увеличивались в числе, так что расстояние между ними, по сравнению с дневными, сокращалось вдвое, втрое, а в некоторых, особенно угрожаемых местах, даже вчетверо.

То и дело слышались настороженные, тревожно - грозные окрики часовых:

— Кто идет?

— Станица! — немедленно раздавалось в ответ условное.

— Это ты, Егор? — уже спокойно спрашивал часовой. — А я думал — товарищи. Не откликнись ты, саданул бы в тебя из винтовки.

Тревожное настроение, царившее на по-

зиции, не разделялось одним Германом Минаичем. Старик хранил удивительное спокойствие и самое веселое расположение духа. Добросовестно отбыв свой черед, приходил он с поста на заставу, усаживался, не спеша, у костра и затевал с молодежью разговор. Обычным содержанием таких ночных бесед была прошлая станичная жизнь. В ней Герман Минаич умел находить столько хорошего и вместе с тем забавного, что парни заслушивались его рассказов и когда он замолкал, долго приставали с просьбой еще рассказать немножко...

— Не, будя, ребятки, — отговаривался Герман Минаич. — Спать пора. Неровён час — сила потребуется. А иде ее возьмешь, коль не выспишься?

Случалось, что за поздним временем свободные от наряда казаки спали. Тогда Герман Минаич перекидывался несколькими словами с дежурными и, не торопясь, начинал, как он говорил, «рассупониваться», то-есть снимать харчевую сумку, патронташ и шашку, после чего молился Богу и ложился спать.

Как-то раз, к только что помолившемуся перед сном старику подошел и подсел на разостланную шинель Туркин. Юный начальник заставы часа два пропадал в талах у Дона, проверяя бдительность часовых.

— Ложишься, Герман Минаич? — спросил он.

— Ложусь, Ленид Матвеич, ложусь, — весело, как всегда, отвечал старик, приспосабливая в изголовье харчевую сумку. — Сычас я вроде лезерва какова, — продолжал он, усмехнувшись. — Отдохну, поваляюсь трошки, а там опять на службишку к Дону - кормильцу выйду.

— Тебе на какой пост идти?

— Да выпало на семой, опосля третьей смены. Гаврю Слепушенка да Пашку Серебряка с Антошкой Пискулем сменить должон.

— А-а, на дневной, стало быть, попало. Ну, что-ж, выспишься. Времени у тебя достаточно.

— Это верно, время у меня много, — подтвердил Герман Минаич. Он с видимым удовольствием растянулся и с добродушной усмешкой взглянул на Туркина, в задумчивости грызшего зеленый стебелек травы.

— О чем думаешь, парнишка? — со стариковской фамильярностью ласково спросил он. — Ай, заметил чево?

Туркин выплюнул травинку, потянулся и нехотя ответил:

— Нет, Минаич, ничего особенного не заметил... Вот, ночь больно темная, — после минутного молчания проговорил он, оглядывая верхушки деревьев. Над ними неярко — мешал свет от костра — мерцали звезды.

— В такую ночь надо быть на-чеку. Как бы не пожаловали задонцы.

— Не посмеют, — убежденно возразил Герман Минаич. — Мы им таково перцу задали надась, полгода ещще чихать будуть.

Туркин подбросил в костер сушняку. Пламя вспыхнуло и неровным светом озарило на мгновенье всю поляну, с разбросанными по ней фигурами спящих казаков.

— Не приходили от хорунжего?

— Были, Ленид Матвеич. Покурили, повернули назад. Его благородие велел чаще посылать до Рановских.

— Я послал туда братьев Халаткиных. Скоро должны бы вернуться.

Разговор оборвался. В костре догорали свеже подброшенные ветки, с легким потрескиванием взлетали и быстро гасли налету искорки, доносился храп спавших по близости казаков.

Из леса, плотным кольцом охватывавшего поляну, где две недели уже стоял заставой взвод урядника Туркина, почти бесшумно вынырнули две фигуры. То был дежурный по заставе Илья Цыганок и сопровождавший его на посты Ефим. Парни медленно подошли и молча уселись у костра.

— Все благополучно? — спросил Туркин.

— Как будто по-хорошему все, — ответил Цыганок. — Ничего не приметили.

— Темная ночка, — проговорил Ефим, с видимой тревогой озираясь по сторонам. — Идешь и шупаешь, будто в яму какую боишься попасть.

Он вдруг привстал и прислушался.

— Чего ты, Ефим, — с любопытством посмотрел на него Туркин. — Что-нибудь услыхал?

Ефим не отвечал и продолжал вслушиваться. Потом, так же резко, как перед этим встал, опустился на свое место и с раздражением в голосе сказал:

— Не люблю я, Ленид Матвеич, темь. Все чудится, што кто-то подкрадывается, кто-то хочет...

Он не кончил и снова насторожился.

— Ничево... так.., — встряхнул он головой. Красивое бледное лицо парня передернула нехорошая злая усмешка.

— Целых два часа стоял я над Доном, — заговорил он каким-то сдавленным голосом,

почти шопотом. — И душа у меня не на месте была. Плескнет вода — баркас чудится... Ветка хрустнет — идет кто-то... Все гребтилось стрельнуть... Не к добру, должно быть, это... Никада такова не случалось со мной.

Было ясно, что с Ефимом творилось что-то неладное. От жизнерадостного, вечно смеющегося парня, смельчака и всем известного станичного балагура, не осталось и следа. Туркин, сам испытывавший в эту темную июньскую ночь какую-то смутную тревогу, ни на минуту не покидавшее его беспокойство, хорошо понимал настроение Ефима.

— Пустое, — успокаивающе произнес Герман Минаич. — Чево они, скажи на милость, нам сделають? Службу несем мы правильно, стерегем все не хуже псов каких — кошка не прошмыгнеть... Чево, спрашиваю, надобно тебе? Да и не посмеють красноголовцы нападать ночью.

— Может, может... — торопливо согласился Ефим. — Я тебе, Минаич, ничево и не говорю... Вот только — впервой такое со мной... Душа у меня не на месте! — в каком-то смятении вскричал вдруг парень. — Убьют, што-ль, меня этой ночью? Не зря мне все чудилось, што товарищи переправляются.

Ефим вскочил, сделал несколько шагов к лесу, но сейчас же вернулся и, взволнованный, остановился у костра.

— Знаешь, что, Ефим? — серьезно сказал Туркин. — Собирай-ка ты свои монатки и иди домой. Дрянное это дело, когда душа не на месте бывает.

— Домой? — удивился Ефим. — В станицу? Штобы девки на смех подняли? Не-е, Ленид Матвеич, я как-нибудь перебуду тут. Чему быть — тому не миновать.

Тревожный разговор незаметно взвинтил у всех нервы. Герман Минаич, улегшийся было соснуть перед дежурством, кряхтя встал, вооружился шомполом и начал, ворча и почесываясь, мешать в костре жар. Высоко кверху, густым светящимся столбом, взметнулись искры. Ясно выступил из тьмы молчаливый ряд тополей и верб.

— Ленид Матвеич, — круто повернулся старик к Туркину. — Ежели красноголовцы в сам-деле переплывуть на наш бок — накладем мы им, а?

— Должны накласть, — рассмеялся Туркин.

— То-то, — одобрительно произнес Герман Минаич. — И я так полагаю, што ежели они осмелются — опять всыпем им, как надась.

— Теперя это почежельше будет, — возразил, молчавший доселе, Цыганок. — Надась вся сотня в куче была. А нонче она вся раскиданная от Титорова Затона до Рановских дубняков. На месте товарищей я бы зевнуть сотне не дал, враз выпер бы ее из лесу.

—Ну-ну, — недовольно заворчал Герман Минаич. — Ты, паря, тово... полегше... Выпер бы... Я тебе выпру...

— Чево полегше! — вспыхнул Цыганок. — Понимаешь ты, видно, много, Минаич! Толком говорю тебе, надась было одно, а нонче другое. У нас четыре заставы и кажняя на три версты раскинутая по берегу. К тому-ж, ночью... Вот у нас во взводе сорок человек, а в наличности сколькя? Десяток. Другие над Доном, в теме, в кустах, по-трое... Заметют, скажем, баркас с красной гвардией, выпустют по обойме и лататы. Сбирай их опосля! Кабы днем — другой разговор... А ночью...

— Чево там, удержим и ночью, — не сдавался Герман Минаич. — Нас десятеро. гутаришь? А сколькя их могёть переплыть? Тридцать? Так неужто мы не уберем по три красных гвардейца?

Туркин громко захохотал при последних словах старика. Ему нравилась в Германе Минаиче несокрушимая уверенность в своей силе. Не остывший еще от вспышки Цыганок не выдержал и так и рассыпался своим мелким заразительным смехом.

— Ну, што ты ему скажешь на это! — сквозь смех говорил он. — Рази можно серчать на такова чудака? Хо-хо-хо! Минаичу трех товарищей надо и тово мало!

— А ты думаешь — не справлюсь? — храбрился Герман Минаич. — Одново на мушку возьму, другова шашкой порубаю...

— А третьева? — схватился Цыганок от смеха за живот.

— А третьева — руками задушу, пикнуть не дам!

— Хо-хо-хо! — катался по траве Цыганок. — Минаич, будя! — сквозь смех умолял он. — Уморишь! Руками задушу! Хо-хо-хо! Да ты сперва поймай ево!

Даже Ефим, не принимавший в разговоре никакого участия и все время задумчиво смотревший поверх деревьев в темное небо со слабо мерцавшими на нем звездами и все, как будто, прислушивавшийся к чему то, разлитому повсюду — и по молчаливо притаившемуся лесу и далеко за его пределами, в самом воздухе теплой летней ночи — и

тот, посмотрев на покатывавшегося от смеха Цыганка, беззвучно рассмеялся.

Когда все поуспокоилось немного, Ефим с тоскливым недоумением и досадой, не обращаясь ни к кому, спросил:

— И чево это я все слушаю? Слушаю, слушаю... Все, будто, жду чевой-то.

— Нерва скрипит, — лениво проронил Герман Минаич. — Новая, гутарят, болезнь. В мое время такой не было.

Гулкий выстрел разорвал вдруг ночную тишь.

Казаки вскочили, как по команде.

— Буди взвод, Минаич, и жди нас! — крикнул опешившему старику Туркин. — Айда, ребята, к Дону! На четвертый пост!

Герман Минаич живо растолкал спящих, не сразу понимавших со сна, в чем дело. Казаки торопливо привели себя в порядок и стали ждать.

Снова бухнуло у Дона.

— Ай, гости? — поднял над головой указательный палец Герман Минаич. — Вот нехристи! Да хто-ж это по ночам шляется? Чистые бусурмане!

В полном безмолвии прошли первые томительные минуты ожидания. Совсем близко послышался треск ломаемых сучьев. Все на заставе схватились за винтовки.

— Свои! — раздалось с опушки леса и вслед затем на поляну вышли трое станичников.

— А-а, это вы, ребята, — узнал их Герман Минаич. — От ево благородия?

— Да, — отвечал первый из подошедших, рослый, черноусый урядник. — У вас стреляют?

— У нас, у нас, Иван Сергеич. Сычас Ленид Матвеич нам доложить. Он на разведку пошел. Подождите трошки.

С винтовками меж колен, патрульные присели на корточки у костра.

— Мы это сидим, — заговорил второй из дозорных, плотный, веснушатый парень, — а оно ка-ак дунет. Это у Туркина, говорит хорунжий. — Бегите-ка, ребяты, узнайте, в чем суть-дело. Вот мы и пришли.

— Закуривайте, коль табачек имеете, — добродушно угостил дозорных Герман Минаич, входя в роль хозяина заставы. — Мы-то некурящие.

Вскоре вернулись Туркин, Цыганок и Ефим.

Из их рассказов выходило, что к четвертому посту подплывал баркас. Так уверяли часовые, клявшиеся, что они явственно слышали бабайки, а после выстрелов даже голоса, «вроде, матершинил кто»...

— Ишь, супостаты, — проворчал Герман Минаич. — Не зря ты, Ефим, нерву свою распустил.

— Я даве тебе про то и толковал, — мрачно произнес Ефим. Он с сердцем швырнул в огонь сухую палку, с которой пришел от Дона, снял с плеча винтовку, опустился на траву и нервно стал крутить цыгарку.

Патрульные из заставы хорунжего Машкина ушли. Прошел час — другой, все было спокойно.

— Показалось ребятам, — сказал Туркин. — С перепугу бабайки услышали.

— Это бывает, — авторитетно подтвердил Герман Минаич. Его глаза загорелись вдруг живым огоньком, в бороду поползла усмешка. Туркин, хорошо изучивший повадки старика, почуял какую-то «историю». Он не ошибся.

— Бывает это, говорю я, — начал Герман Минаич, разглаживая бороду. — Иной раз со страху такая чертовщина представится, хучь помирай.

Он помолчал минуту, точно собираясь с мыслями. На самом деле для того, чтобы привлечь внимание слушателей.

Все примолкли.

— Вот как сычас помню, — начал рассказ Герман Минаич, убедившийся, что все слушают его внимательно. — Припозднились мы раз с покойным родителем на горе — горшки выжигать собирались. Было это годов сорок тому назад, а вот до капелечки помню все, бутта вчера это случилося. Закладали мы с родителем горн, кончили поздно ночью. Кизеков целый воз на двух парах быков заране привезли, поджешков насбирали, оставалось только поджечь. Да на ночь глядя — обробели. «Нет», говорит родитель. «Поедем домой, завтря зажгём. Утром — оно видней. Как бы не натворить делов ночью-то». Ну, стали сбираться в станицу. И понадобилось мне спуститься в грельню.

— Куда? — перебил рассказ Туркин. — В грельню? Что это такое?

Туркин не знал устройства горнов.

— Да это вроде ямы, вглубе, под самым горном — там складають кизеки, штоб обжигать горшки, — пояснил Герман Минаич.

— Выходит, вроде топки?

— Во-во, топка она самая и есть... Ну, вот. Понадобилось, говорю я, спуститься в эту самую грельню. Вспомнил, што налыгыч позабыл там. Им я вязал и спускал вниз сухотал для поджошков. Ну, значитца, иду себе потихонечку по ходу — широкий такой

ход вырыли, прямо колидор... и крутой, — горн-то у нас был большой, а чем горн больше, тем грельня глубже... Ну, иду, руками шшупаю, боюсь упасть, темь — не приведи Господи. Чую, дошел до грельни, рукой достал до кизеков: их мы склали ещще с утра, перед тем, как скласть наверху, в самом горну — то-есть, горшки. И вот, меня ка-ак стебанеть чем-то по личности! Да больно так! Я до тово обробел, прямо дух вон. Без памяти, кое-как, выскочил наверх да к родителю: «Батяшка, ору, пойдем в грельню, там чертовщина какая-то завелась». Рассказал, в чем дело. Спустились, задули серник, ничево не обнаружили. Кизеки, как сложенные были, так и остались, под ними поджошки, вверху, в поду горна, дыря для жара и дыма от кизеков. Нашли налыгыч и так и не поняли, в чем было дело. Родитель-покойник, — верующий человек был, царство ему небесное! — доказывал, што это - мол штука горновова. «Осерчал, говорит, на тебя горновой и смазал тебя по морде». А я, грешным делом, не поверил родителю — знал за ним слабость сваливать все на домовых да на горновых... Какой там, к едреной Фене, горновой! Просто, думал, показалось это мне.

— Как же это могло показаться тебе, Минаич? — недоверчиво спросил Цыганок. — Ведь, ты-ж почуял, што тебя съездили по ряшке? Када бьют, да еще по морде, может — до кровей, — рази можно говорить, што это показалось? Хорошее, показалось!

— Да это нетопырь был, — улыбнулся Туркин. — Они любят темные места. Вот один из них и попал тебе в лицо, Минаич.

При этих словах Туркина Герман Минаич раскрыл даже рот от удивления.

— Мать честная! — обрадованно вскричал он среди общего смеха. — А-вить, верно! Право верно! Не иначе, как энтот самый летучий мыш и был! Вить, вот история! Сорок годов ломал голову, чево бы это было и не догодался.

— Послушай, Минаич, а что такое горновой? — с любопытством спросил Туркин.

— Господь с тобой, Ленид Матвеич! Да рази ты не знаешь? — несказанно удивился старик. — Да это же домовой, тольки живеть он в горнах. И то, как рассказывали старики, када я молодой был, живеть он там не круглый год, а толькя летом. Зачнеть народ горшки на гору возить и он туда из станицы подается. Ну, и шкодить, ежли обидится за што. Горшки побьеть, кладку всю развалить, кизеки потушить... Горе было, када надобно было сызнова расжигать горн! Родитель мой, — продолжал Герман Минаич, — бывало, нет-нет да и завоюет с ним, все гребтился ево фуражкой накрыть.

— Как накрыть?

— Да так и накрыть! В самой станице ещще, до переезда на гору. Горшки просохшие все в гончарне стоять, по лавкам и на полу — иде только свободная места была, ждуть отправки. Вот, по празникам, родитель мой, бывало, выпьет — любил покойник побаловаться водочкой, — возьметь фуражку в руку и от самова куреня начинаеть подкрадаться к гончарне. Мы так и знали: пошел накрывать горновова. Войдеть родитель в гончарню — тихонечко так, на прицыпочках — заприметить какую-нибудь махотку и начинаеть к ней подкрадаться. Крадется — крадется и — хлоп! — накроеть махотку фуражкой. Да сычас же ее и перекрестить. Потом чуть-чуть краешком поднимет фуражку и заглядываеть в махотку. «Выскочил, чорт!» — бывало, скажеть и опять начинаеть искать. За день все горшки понакрываить.

Застава покатывалась со смеху, слушая рассказ разошедшегося старика, забывшего про сон и о том, что на заре ему надо было становиться на часы.

Мало-по-малу разговор, однако, стал затихать. Казаки, с винтовками в руках, задремали прямо на траве, вокруг ярко горевшего костра, поддерживаемого дежурным по заставе Ильей Цыганком и Ефимом, никак не могшим от смутной своей тревоги сомкнуть глаз. Пришли от Рановской заставы Халаткины ребята, расспросили про стрельбу и тоже прилегли вздремнуть.

Забрезжил рассвет. Над сонным лесом тихим шорохом - вздохом пронесся ветерок, с Дону дохнуло прохладой. Заметно стало посветлевшее небо, явственно обрисовались на опушке, как бы придвинулись ближе, деревья.

Цыганок, незаметно для него самого задремавший у костра, вдруг встяхнулся, встал, потянулся и, обращаясь к Ефиму, промолвил с удивлением:

— Да чево ты не спишь, Ефим?

— Не могу, Илюша, — ответил Ефим.

Он не сводил глаз с огня, жадно лизавшего черные обуглившиеся ветки.

— Не могу, тоска какая-то...

— Девка, што-ль, присушила? — весело рассмеялся Цыганок. — Обожди, прогоним красных — тогда и за девок примемся.

— Не то, Илюша, не то... Не по том серд-

це болит... Товарищи — вот што у меня на сердце.

— Ай, боишься? — спросил Илья и испугался.

Ефим дернулся, будто его огрели по спине плетью и загоревшимся взором смерил с ног до головы Цыганка.

— Грех тебе, Илья, говорить так, — тихо, сдерживаясь, проговорил он. — Не с тобой рядышком мы все время сражалися? Заметил ты, чтобы я в чем-нибудь отстал от тебя?

— Да ты не серчай, Ефим, — виноватым тоном промолвил Цыганок. — Шутейно это, прости, брат. Потому и в диво мне показалось, што ты жалишься, када я знаю, што ты герой.

При первых же искренних словах своего дружка Ефим успокоился.

— Мне самому это в удивление, — сказал он. — Сам чую, што пули не боюсь и жизни не жаль, коль в бою ее потерять придется. А вот сосет под ложечкой и все. Тоска эта самая...

— Знаешь, — добавил он через минуту. — Бутто меня бить собираются... А кто и када — неизвесно мне...

— Не поддавайся, Ефим. Увидишь, все будет по-хорошему.

Ефим только вздохнул в ответ.

Цыганок потряс крепко спавшего Германа Минаича.

— Минаич! Минаич! Вставай, красноголовцы!

— Иде? — сразу сел, встрепенувшись, Герман Минаич.

— На том боку! — закатился Цыганок.

— Тьфу-ты, поганец! — плюнул с досадой старик.

— А может и на этом, — тихо проронил Ефим.

— Чево говоришь? — спросил Герман Минаич и, не дожидаясь ответа, обратился к Цыганку:

— Мне на семой иттить?

— Да-да, Минаич. Присылай с поста ребят, развиднелось-уж.

Вместе с Ефимом Илья стал будить смену.

Герман Минаич неторопливо скатал шинель, привязал к ней тесемочкой помятую жестяную кружку и только после этого начал облачаться в военные доспехи. Прежде всего надел через плечо портупею с шашкой, поверх портупеи потуже стянул поясной ремень — это, чтобы шашка не болталась во время ходьбы — накрест портупеи приладил патронташ, закинул за спину кожаную харчевую сумку, полную сдобных сухарей, недавно присланных ему с оказией Михевной, и со скаткой-шинелью на левом плече, левой рукой придерживая ужасно мешавшую ему шашку, а в правой держа винтовку, при полной, можно сказать, боевой, направился к Дону.

П. Аврамов.

***

Иноходец был резвый, горячий.
Пристяжная еще горячей.
Жизнь казалась одною удачей
Средь осенних бегущих полей.

И поля за полями мелькали
Будто счастье летело со мной
В голубые зовущие дали,
В белый дом за песчаной рекой.

Был тогда я еще малолетком,
Бесшабашным сорви головой
И не знал, как огромною клеткой
Встанет мир над казачьей душой.

А душа словно стрепет влюбленный,
Тот, что бьется в калмыцкой петле
Перепуганный и возмущенный
На апрельской цветущей земле.

Н. Евсеев.

«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

В 1957 году выпуск собрания сочинений Шолохова остановился на шестом томе, в котором была напечатана первая книга романа «Поднятая целина». Первоначально это произведение появилось в журнале «Новый мир» в 1932 году. С тех пор прошло почти 28 лет, и только в истекшем году в журнале «Нева» за август месяц напечатаны были двадцать глав второй книги «Поднятой целины». Теперь в газете «Правда» от 12 февраля напечатана последняя глава.

С официальной, партийной точки зрения, принятой историками советской литературы, авторами всех учебников для средней и высшей школы — «Поднятая целина» является классическим произведением социалистического реализма. Всегда и при всех обстоятельствах неизменно подчеркивается, что Шолохов в этом произведении раскрыл вдохновляющую роль коммунистической партии в «великом деле построения социализма».

В «Поднятой целине» Шолохов описывает коллективизацию на Дону в 1930 году под руководством ударников, коммунистов - рабочих, посланных для этой цели из центра. Это роман о сплошном строительстве колхозов, о ликвидации кулаков и середняков, как класса. С одной стороны — здесь рядовые казаки, возглавляемые присланным с севера бывшим матросом, рабочим - путиловцем, слесарем Давыдовым. С другой — кучка заговорщиков - белогвардейцев во главе с есаулом Половцевым. Действие романа происходит в небольшом донском степном хуторе «Гремячий Лог». Давыдов начинает свою работу по образованию колхоза с сурового, беспощадного «раскулачивания». Возглавляемая им ячейка коммунистов успешно справляется с этой задачей, преодолевает свои ошибки, «головокружение от успехов», и в процессе тяжелой организационной работы политически закаляется. Центральное место занимает идеальный, несмотря на ошибки, герой - коммунист Давыдов.

На этой канве Шолохов рисует картину успешной коллективизации. Резкая политическая тенденциозность ортицательно отзывается на литературных достоинствах романа. Талант писателя ярко сказывается в художественном изображении сцен чисто бытового характера. Своеобразный юмор Шолохова хорошо передает любовь народа к шутке, которая скрашивает трудные минуты жизни. Порою, во второй части особенно, писатель слишком злоупотребляет этим приемом, шаржирует, превращает целые главы в анекдот. Но все же недостатки художественной конструкции не ослабляют общего интереса к произведению, которое по своим литературным достоинствам резко выделяется на сером фоне романов, повестей и рассказов, написанных на ту же колхозную тему.

Автор создает ряд комических персонажей из народа во главе с дедом Щукарем. В этом отношении «Поднятая целина» дает материал для юмористических эстрадных выступлений. Но эти второстепенные детали лишь заполняют главы второй книги, оживляя мелкие эпизоды дальнейшего углубления коллективизации.

Конечно, всех интересовало художественное завершение романа. Заканчивая свою эпопею «Тихий Дон», Шолохов сумел успешно справиться с этой задачей. Летом из Москвы сообщали, что, по замыслу автора, ударника - коммуниста Давыдова, организатора и руководителя колхоза «Гремячий Лог», арестуют и сажают в тюрьму. Давыдов не может пережить трагедии и заканчивает жизнь самоубийством. Тогда же сообщали, что на автора оказывают сильное партийное давление в том смысле, чтобы он закончил «Поднятую целину» в более оптимистических тонах.

По окончательной версии, Давыдов действительно погибает, но не в тврьме, а во время нападения на организаторов антисоветского заговора. Его смерть, если верить автору, еще более укрепляет колхоз.

Советская цензура одобрила, наконец, новую версию романа, над которой Шолохов работал с 1955 года.

Последняя глава романа, начатого тридцать лет тому назад, разочаровывает читателя. Этот неожиданный конец просто скомкан. И не только конец — вся вторая книга «Поднятой целины» не является естественным художественным продолжением книги первой, а искусственно растянута, заполнена мелкими, несущественными деталями, анекдотами. С точки зрения литературной, она ничего не добавляет к тому, что было создано в книге первой.

Г. Раковский.

«Новое Русское Слово»
13. 3. 1960

Прибыв в Майкоп — иду немедленно же навестить вдову моего начальника и друга, Лидию Павловну Маневскую.

У него был собственный домик в городе, возле Армянской церкви. Его красивая и гордая жена, иногда «цукавшая» нас, молодых хорунжих, в Мерве в мирное время — при виде меня, появившегося так неожиданно — разряжается горючими слезами:

«Жорж!.. мой Жорж!.. и его нет! нет!.. и не будет уж никогда!» — вскрикивает она сквозь жаркие слезы.

Любя глубокою любовью этого выдающегося во всех отношениях офицера, моего командира сотни еще с мирного времени, и личного моего друга — я сам так расстроился, что мне трудно поддерживать в конвульсиях бьющуюся молодую вдову и утирать свои собственные слезы.

Наконец, успокоились оба. Сели. Она встает, идет в другую комнату и приносит оттуда «его последний снимок»... Он в гробу, в погонах генерала, которых не успел одеть при жизни...

Нужно было случиться так, что приказ о производстве его в генералы «шел на фронт»; он имел уже разрешение ехать в отпуск на Кубань, в Майкоп, к своей супруге — как в неожиданном бою на Маныче, в апреле 1919 года, у Бараниковской переправы, в направлении на станицу Великокняжескую — он, временно командуя 1-й Кубанской казачьей дивизией — верхом выскочил на курган, чтобы ориентироваться, — как разорвавшийся снаряд красных раздробил ему ногу в бедре... И он, истекая кровью, вскорости же и скончался на руках своего вестового.

Горе молодой вдовы было неописуемо. И генеральские погоны на его последнем снимке бездыханного тела еще более усиливали ее печаль, разрывали сердце и вызывали обильные слезы. И погибнуть так, в такие молодые годы, имея лишь 37 лет от рождения...

С его смертью сошел в могилу один из лучших и выдающихся офицеров Кубанского Войска и достойный сын Кубани, который мог стать достойным кандидатом на Атаманскую Булаву. Мы идем со вдовой на его могилу. Он похоронен в ограде Введенской церковки, которая находилась против здания Управления Майкопского Отдела.

На свежей могиле со цветами — массивный мраморный крест на пьедестале, на котором, золотыми буквами, значится:

«Здесь покоится прах генерал-майора Г. К. МАНЕВСКОГО, Командира 1-й Линейной бригады Кубанского Войска, гибшего в бою против красных 29 апреля 1919 года.»

«Мир праху твоему, мой дорогой любимый муж.»

Мы подошли к могиле, остановились, перекрестились, потом стали на колени и три раза поклонились до земли. Встали, вновь перекрестились и поцеловали холодный мрамор креста. Потом присели тут же на скамеечку. Вдова беззвучно плачет и не может остановить бегущих слез. А я... я сильно расстроен, сижу рядом молча, смотрю на могилу друга и думаю: — «Как бренна человеческая жизнь! Маневский офицер выпуска из Казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища в Петербурге 1902-го года. Он прожил, прослужил своему Отечеству так честно! Был признанным авторитетом для всех в полку. В боях заслужил чин генерала. Был еще молод и трезв во всех отношениях. Ему бы только еще служить старшим воином и умным военачальником, радоваться жизни, давать счастье своей молодой красивой жене — и вот теперь — он даже и не видит и не знает, как горестно страдают возле его могилы два существа, полные глубокой любви к нему.»

Лидия Павловна, моя командирша, умная женщина. Она отлично понимает — как нам обоим тяжело быть здесь. И говорит мне:

«Пойдемте Ф. И... Пойдемте домой... слезами ведь горю не поможешь!

Поплакали вот над Жоржем, отдохнули душой и... довольно!»

Эта сцена у могилы и роковая гибель выдающегося кубанского офицера — не забыты и доныне. И вдове, проживающей в Сан Франциско, временный гость здесь — приношу свою незабываемую скорбь.

Сан Франциско. **Полк. Елисеев.**

НА ЗАПАД.

(Окончание)

Но пора уезжать. Распрощался я с дорогими хозяевами и в 8 час. утра 15 июля выехал из Сан Франциска в Чикаго.

В стороне остался Окленд, миновали Берклей и направились в столицу Калифорнии — Сакраменто. Так называется и река возле него. Выехал снова на знакомой «Грей Ганд».

Постепенно отдаляюсь от Калифорнии, ее городов, от милых Казачьих Хуторов, великолепного санатория в «Валле Виста», Великого океана, от моих хороших друзей, из области сказочных пальм, экзотических калифорнских цветов и плантаций апельсинов, лимонов и прочих плодов земных. Было грустно. Сердце щемило от разлуки с чем-то родным. В моем возрасте не бывает много друзей, а углов, где жилось так мило, еще меньше. Калифорния... Какая красивая Земля! Как там хорошо, хотя там есть и пустыни и высокие голые горы. Местами на просторах Калифорнии, говорят, есть гремучие и прочие небезобидные змеи. Но там мои дорогие друзья.

Такая добрая и заботливая В. С., серьезный, внимательный и моментами скептик В. А., возвышенно настроенный энтузиаст В. Гр. У. и старый друг и товарищ по Д. В. Кругу (это значит много) Гр. Ант., хорошие казаки Казачьих Хуторов и неудержимо бурный Ал. Тим. Н... Все они остались далеко за мною и все далее и далее уносит меня от них, от солнечно - прекрасной Калифорнии неутомимая резвая «Грей Ганд».

***

Все более уходим в горную область с ее лесами и долинами. Всюду прокладывают новые автомобильные дороги и возводят мосты. Гор. Рино. Штат Невада. Горы и горы и хвойный лес. Наконец, показались лиственные деревья и скот. Но опять горы и леса. Дорога пошла извиваться и колесить. Лес ушел вниз на дно ущелий, а горы поднимаются к небу. Идем сплошным корридором. Подняться бы на эти горы, чтобы ничто не заслоняло взора. Наконец-то показались долины. Горы отошли, но все еще, хоть издалека, окружают нас. Проехали гор. Солт Лайк Сити (Столица шт. Юта). Говорят, это штат мармонов. Присматриваюсь к их столице. Как будто все то же, что всюду, разве что чище. Правда, заметил несколько храмов и они показались особенными. Дальше снова горы, скалы, постепенно переходящие в неровную, холмистую поверхность. Далее на протяжении многих милей она обращается в каменистую степь с растительностью, характерной для пустыни: мелкие, мелкие кустики, переходящие в мелкую серую курчавую траву.

На протяжении т ы с я ч миль все строят, прокладывают новые дороги для автомобиля. Он всюду — господин. Это он требует: «давайте удобства — ровные, широкие бетонные дороги и мосты». Через узкую долину выходим на, похожую на нашу, степь. Стало просторно, хорошо. И трава похожа на ковыль. У ее корня густая, зеленая трава, как «бетке» (пучок зеленой травы) у корня ковыля. Да, степь. И дышать стало вольнее. И горизонт открыт. «Коник» наш «Грей Ганд» весело помчалась. Появились кашары-фермы, скот, колодцы возле ферм с чем-то в роде журавля. Сады и поля возделанные и засеянные. С т о п ... В чем дело? Что-то случилось с нашей доброй «Грей Ганд». Медленно, как раненая, она подползла, к счастью, к недалекой стоянке с большими мастерскими. Т р и часа «лечилась».

Из Солт Лайк Сити наша дорога шла через южную часть штата Йоминг в гор. Шаен и отсюда через штат Небраска в гор. Омага. Из нее вышли в 5 час. утра 17 июля и через шт. Йова направились в Чикаго (шт. Иллинойс).

Серое, дождливое утро. Всюду пышная зелень, но как будто тяжелая. Т а м , на Западе, казалось светлее и легче. В Лос Анджелосе было чудесно, сказочно. Р. Миссури. Но все устроено хорошо и здесь. Переехали р. Миссисипи. Огромный мост. Дождь льет. А пальмы стали лишь красивым сновидением... По мере приближения к Чикаго дорога поднимается, становится шире и лучше. Уже пригороды. Идем по улицам Чикаго. Оно, по количеству населения, считается в США вторым городом после Нью Йорка. Прибыли во-время: в 7 час. вечера 18 июля. Сильно задержался из-за багажа. Стало темно. Взял такси. Долго ехали. Наконец, добрался до П. П. Лагунова.

Петра Петровича Лагунова я также не знал лично: все лишь по переписке. Он высокого роста, хорошего сложения с сильным и твердым голосом. Казак Амурского Войска. Его супруга — американка, довольно

высокого роста приветливая дама. Но, увы, поговорить не могу: ни я по-английски, ни она по-русски. Лишь потом выяснилось, что она немного говорит по-французски и по-немецки. П. П. меня ждал, но был нездоров, не ходил и на работу. Он хорошо знает город, казаков и, в частности, полк. ген. шт. Я. М. Лисового. Два донца, с которыми мне хотелось бы встретиться, оказались далеко от Чикаго. Здесь — две калм. семьи, но я не знал их адреса.

С П. П. раз ездил в одну церковь. Здесь с казаками встретился. Все были незнакомыми кубанцами. П. П. мне немного показал и город, но наступили рабочие дни и больше мы не могли ездить. Его супруга мне помогла найти контору Я. М. Он — филателист. Есть у него и коллекция монет, орденов и медалей. Было в высшей степени интересно и приятно с ним поговорить. Многих-многих мы с ним вспомнили, начиная от А. М Каледена, его супруги Мар. Петр. и всех наших Атаманов. Он старше меня. Человек он очень образованный, идейный, серьезный и, видимо, предприимчивый. Прекрасно знал всех вождей Добровольч. Армии. Сотрудничал в нашем донском журнале «Донская Волна», которая выходила под редакцией Виктора Севского (Вениамина Алексеевича Краснушкина, казака Константиновской станицы 1 Д. о.). Так как Я. М. Лисовой много работал в донских делах, он по закону был принят в Донское Войско казаком Новочеркасской станицы. Он в свое время много сделал в США для ознакомления руководящих американских кругов с природой большевизма и анти-коммунистической борьбой в России.

Пробеседовал я с ним пять часов. Вместе позавтракали. Он меня посадил на автобус, что идет к дому Лагунова. Я был очень рад встретиться с Я. М. Лисовым. Своей симпатии и глубокому сочувствию Донскому казачеству он не изменил. У него имеется не мало казачьих реликвий и, в частности, атаманский штандарт Д. А. А. М. Каледина. По ликвидации своего дела в Чикаго, он намеревается устроить историческую выставку в Нью Йорке, в которой также выставит и к а з а ч ь и реликвии.

П. П. Лагунов — амурский казак, активно участвовал в борьбе с коммунизмом. Он любит и дорожит Казачеством. Его горячее желание, чтобы казаки были объединены и организованы без различия Войск. В этой идее много основания, но прочность и сила такой организации во многом также зависит от прочного и сильного объединения и по Войскам. Это отлично понимали и Войсковые Атаманы и Казачьи Правительства, когда в начале эмиграции еще в Константинополе организовали «Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека».

Любезность и доброе отношение ко мне П. П. Лагунова — причина, что ныне я имею ясное представление о Чикаго, о величественном озере-море Мичигане и о казаках, живущих в Чикаго. И после, уже по возвращении моем к себе, он писал, что рад будет содействовать организации казаков и готов предоставить мне убежище. П. П. Лагунов — неизменный читатель журнала «Родимый Край» и держит постоянную со мною связь.

Рано утром 21 июля П. П. уехал на работу, а его супруга проводила меня на станцию «Грей Гранд». Она — преподавательница в гимназии, автор нескольких детских книг, а ныне редактор педагогического журнала.

***

Я решил ехать в Кембридж-Бостон к сыну Х, кончающему Харвардский университет. По пути мы остановились в Кливленде, Баффало и Олбани (Албани), т. е. пересекли штаты Иллинойс, Огайо, Нью Йорк и Массачузетс. Как и всюду на моем долгом пути, я видел прекрасные дороги, мосты, леса, горы, образцово возделанные поля, фермы и скот. Кливленд и Баффало — крупные промышленные центры. Олбани (Албани) — столица штата Нью Йорк. Штат Массачузетс — край гористо-лесной, пересекаемый по многим направлениям дорогами с бойкими поселениями по сторонам с их полянами, деревьями, цветами.

В Бостон я прибыл 22 июля утром. Думал, что меня встретит сын. Но моя открытка запоздала, а, главное, у него случилось несчастье, о чем он н и к о г о из близких не уведомил. Когда я вошел к нему в комнату, к моему ужасу, он медленно поднялся на двух костылях. Оказывается, на него, при своем повороте, задом наехал автомобиль. Удар пришелся под коленкой правой ноги. Кости повреждены не были, но произошла сильная контузия сухожилия, мускулов и коленной связки. В госпитале сделали тугую перевязку, предписали горячую ванну ноге, массаж и должен был он являться через день к доктору. К моему приезду ему было лучше, но, садясь, он должен был на что-либо положить ногу в вытянутом состоянии.

По этой причине он не мог мне показать город. К счастью, я познакомился с изве-

стным профессором К., который мне показал библиотеку Харвардского ун-та, вторую после библиотеки Конгресса. Она размещена в специальном здании в 5 этажей над землей и несколько под нею. В этом же здании — огромная читальня и отдельные кабинеты для научных работ. Здесь же, но в нижнем, подземном, этаже в особом зале на широких полках я видел духовную сокровищницу для нас, буддистов - калмыков, монголов и бурят: это — Ганджур или Буддийский Канон с комментариями на монгольском языке, напечатанный монгольским письмом. Это перевод с тибетского языка на монгольский по приказу знаменитого монгольского Ликдан - Хутухтухана в первой четверти 17 века. Издан этот Ганджур в Пекине традиционным способом: печатан с вырезанным текстом на деревянных дощечках (ксилографии) на листах длиною около метра, шириною более четверти. Первые листы печатаны красной краской, а остальные золотой. Каждый том завернут плотной материей и завязан длинным шнуром в палец шириною. Этот Ганджур находится в Дальне-Восточном отделении Библиотеки. Здесь, кроме монгольской литературы, имеется китайская, японская.

Весь Кембридж находится под сенью знаменитого университета. Всюду студенты и профессора. Есть профессорские дома, клубы. Конечно, масса университетских служб: Библиотеки (кроме указанной общей), Кабинеты, Лаборатории и прочие научные институции. Имеются студенческие коллегии - общежития (в роде Студенческой Коллегии до революции при Петербургском унте, но многочисленнее и больше).

Весь воздух в Кембридже как бы пропитан университетским духом. И все находится под тенью парков, садов с тенистыми аллеями. В парке университета на высоком пьедестале возвышается памятник создателю университета ХАРВАРДУ.

Каких только национальностей не имеется здесь среди профессоров, студентов и служащих! Здесь нет деления по цвету кожи, расы и религии. Все они обслуживаются массой предприятий коммерческого характера: ресторанов, магазинов, банков и частных квартир студентам, служащим университета. С усилением интереса к русскому языку появилось немало преподавателей и преподавательниц русского языка.

Для жаждущих знания и высокой духовной культуры здесь в Кембридже — рай. Конечно, нужно знать английский язык, хотя в библиотеке университета имеется богатая русская литература. Пробыл я здесь почти 8 дней. Хозяин дома, где сын живет, оказался чехом, г. Калиной. Он был так мил, что, вопреки обычаю здесь, предоставил мне возможность это время прожить в комнате сына. Мы с паном Калиной вспомнили «Матичку Злату Прагу» и вообще родную нам Чехословакию. Ведь я с семьей там прожил почти четверть века. Двое детей там родилось. Сколько было знакомых, друзей до «высшего уровня». Как не привязаться к этой стране. Она, без преувеличения можно сказать, одна из культурнейших стран Европы. Когда-то там действовали «Чешские Братья» (перевели Библию на родной язык), там Ян Жижка боролся за национальную независимость Чешского народа, там Ян Гус погиб за религиозную реформацию. Оттуда вышел знаменитый Ян Амос Коменский, там творил «Отец Народа» Франтишек Палацкий, гениальный журналист и публицист Карель Гавличек-Боровский и работал творец Чехословацкой Республики Т. Г. Масарик. Сколько русских эмигрантов в Ч.С.Р. нашли приют и помощь. Тысячи русских студентов, в том числе сотни казаков, там получили высшее образование и всюду, по всему миру, работают по своей специальности.

Наконец, там, в Ч.С.Р., доброе воспитание и образование получила группа калмыцкой молодежи и там возникло начало калмыцкой национально - культурной работы в эмиграции. Не один из той калмыцкой молодежи ныне благополучно и хорошо живет в США...

Прихрамывая, медленно передвигаясь, мой сын Х. проводил меня на вокзал в Бостоне. На этот раз я ехал поездом. Как и во всей великой стране США, — всякие промышленные центры, образцовые дороги для автомобилей, прекрасные мосты. Всюду густая вышная зелень, но и озера и заливы океана.

За Массачузэтсем штат Коннектикут. Здесь известный Ельский университет и большой промышленный центр.

Должно быть, трудновато будет СССР «догнать» и «перегнать» США. Человеку, ведь, нужно много еще кое-чего, кроме снаряда на луну и военного снаряжения. Одним кулаком, хотя бы бронированным и заряженным атомными, водородными и прочими снарядами, насилием и угрозой свободному миру нужды человека, его естественные и

справедливые потребности и запросы не удовлетворить.

В Коннектикуте едем часто как бы по воде, потому что она часто близко подходит с двух сторон дороги. Много заливов и озерков. Красивые, даже романтические, места.

Сочетание благоустройства, цветущей промышленности, высокой культуры, красоты и всяких удобств на всем громадном пространстве между двумя великими океанами — Атлантикой и Тихим — вот США. Это — не «самая свободная прогрессивная советская социалистическая республика» с ее 200 миллионным перманентно недоедающим, голодным, нищим, раздетым и не имеющим, где жить, «счастливым» населением, с ее, ныне лицемерно, тщательно скрываемым, прикрываемым позорным, постыдным рабством в концентрационных лагерях, ссылками лучших людей великой страны, с ее тюрьмами, крепостничеством рабочих и крестьян в XX в., откуда, как из отвратительного гнойника, просачивается по всему свободному и культурному миру моральное, общественное разложение и отрава, неустанно повторяемые ложь и обман за счет порабощенных народов...

Но придет на вас Суд, палачи нашей Великой Родины, наших Родимых краев и народов...

***

30 июля 1959 г. из Нью Йорка я прибыл на станцию «Менгессат», куда навстречу выехала моя дочка Г. с ее детьми, моими внуками Калевом и Реет.

Ну, вот и вернулся через два месяца.

С.Ш.А. **Б. Уланов.**

В ЗАЙМИЩЕ.

(Отрывок из Записи о былом «Казаки Ермаковы»)

Запасаясь на зиму вареньем в сезон ежевики, которой в станичном лесу изобилие, хозяйки покупали ее у девушек и детей охотно хаживавших за ягодами. Собираясь группами, шли веселой гурьбой по полянам, над ериками и озерами, перекликаясь по кустам, соперничая, кто наберет больше всех. Мальчишки, не очень ретиво собиравшие ежевику в болтавшуюся на поясе кубышку, больше клали ее в рот. Прилежные же девчонки, наполнив лукошки, нередко бывали жертвой хищно нападавших на них отбиравших добычу озорников. Поэтому девочки опасливо предпочитали держаться вдалеке от обидчиков.

Направляясь к Россохову озеру, они, вдруг, услышали шум, крики рыбаливших там мальчишек:

— «Как ты смеешь, мужик, надевать казачью фуражку! — орал какой-то казаченок. — Зачем сорвал ее с моей головы? Отдай, это моя, казачья. У-у, хохол.»

— «Хохол - мазница, давай дражница. Сыми, мужик, казачью фуражку» — выкрикивали другие голоса.

— «Не пихай, ты, — чига́ востропузая!» — защищался обиженный.

Испугавшись ссорившихся ребят, боясь, что их заметят, девчата бросились прятаться. Зоркие же мальчишки, увидя удиравших ежевичниц, забыв о драке, погнались за ними. Николка Ермаков, с рыбой на кукане в руках, довольный уловом и поэтому не собиравшийся отнимать ягод, кричал им: — «Не убегайте. Бить не буду.»

Но девчонки были уже далеко. Случалось им напарываться и на объезчика, наблюдавшего за станичными угодьями. Верховой надзорщик слезал с коня и, осмотрев полные ягод кубышки, начинал опрос: — «Ты чья? Казачка?» — На утвердительный ответ отпускал девченку с миром. Но, если попадалась иногородняя, снимал с нее платок в наказанье, а ежевику забирал в Станичное Правление.

До лугового сенокоса никому не разрешалось выпускать скот в займище. Но соблазн сочного благоухающего пастбища был так велик, что объезчику было немало хлопот с контрабандно пасущимися телятами и лошадьми. Даже примерный богомол, почтенный Козьма Силыч через это чуть не попал «в срамоту́» перед Станичным Правлением. Посылая внученка вечерком с ло-

шадью в займище, дед наказывал ему непременно прочитать молитву перед выпуском коня в ночь на запретный попас. Мальчишка обошел задворками станицу и, придя на луг, послушный, начал полным голосом раздельно читать «Отче наш». Снял уздечку и отпустил коня на свободу. Откуда ни возьмись, перед ним вырос объезчик. Сконфузившийся мальченка окаменел; молча стоял при виде власти.

— «Это ты с молитвой-то такое выделываешь? Вот я тебя со всем твоим конем заберу в Правление. Переночуешь в кутузке», — грозно посулил надзиратель, запугивая.

Ребенок, затрепетав от ужаса быть посаженным в «тигулевку», заплакал. Размягченный надзорщик улыбнулся. — Ну, на первый раз прощаю. Это тебе за «Отче». Но больше не попадайся».

На привязи у объезчика был чей то пойманный в лугу теленок. Не зная, кто его владелец, он спросил малыша: «Чья это телушка? Не угадаешь?»

Наскоро смахнув слезы, мальчуган с готовностью доложил: —«Кулинкина. Это та самая курносая, что на Большой улице живет.»

На утро, получив приказ явиться за задержанной телкой, куда следует, Акулина Аникеевна, ревниво поддерживавшая свой ранг «вдовы отставного дьячка», почла подобающим не самой идти, а послала старуху мать:

— «Мама, бери налыгач, одевай перчатки и иди в Правление».

Там, прочитав старушке нотацию, пристыдив за хищение общественного добра, с нее не взяли штрафа, а лишь потребовали обещание до покоса телушку в займище не выпускать. («Бедным-бедная старушонка - казачка, чего с ней взять»)

Мягкость наказания со стороны станичной власти являлась скорей моральным воздействием: люди стыдились быть призванными на расправу в Правление. Поэтому грешки хоть иногда и случались, но большой потравы на лугу не причиняли. Тем не менее, объезчик, исполняя обязанность, разъезжал по луке.

Один раз его внимание привлек лежавший в кустах маленький сверток. Сторож поднял его, соблазненный белой бумагой, пригодной на закрутку махорки для курева. К его удовольствию, в пакетике оказались печатные листки очень подходящего для цыгарок размера. Объезчик уселся на траву и, с наслаждением закурив, полюбопытствовал прочитать, что же там написано. — «Про-кла-ма-ция» — по складам произнес он крупное заглавие. Не поняв, все же продолжал чтение. Но встретив там слова: «царь, министры, свобода, земля и воля», сторож инстинктивно встревожился и, свернув пакет, поскакал с ним в станицу. В Правлении вручил сверток пожилому писарю Тарасу Семенычу. Тот, посмотрев листовки, нахмурил брови и сердито произнес:

— «Революционеры, знать, и у нас объявляются. Там, в лесу, не заметил ли ты кого?»

Неискушенный в таких вопросах объезчик спросил: — «а кого? Хто — это рицинеры?»

Писарь, сняв очки, нехотя, сквозь зубы процедил: — Аль не знаешь отрошников, что в церкву не ходят и против царя.»

И оставив бестолкового объезчика, Тарас Семеныч пошел в другое помещение с докладом по начальству, унеся с собою и сакраментальный пакетик.

Аргентина. **П. А. Соколова.**

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

В журнале «Русское Дело» (янв. 1960 г. Н:ю-Йорк) была опубликована статья В. Шапкина «Памяти Н. Н. Краснова младшего», в которой автор пишет:

1. «... во время оккупации Дона немцами в 1942-43 гг. писатель Н. Н. Краснов был с немецкой армией в Новочеркасске, ПРАВДА ПРОЕЗДОМ».

2. «... Казаки знали о пребывании Н. Н. Краснова в Новочеркасске, ошибочно думая, что приезжал ген. П. Н. Краснов...»

3. «... при отступлении немец. войск из России и Дона, Н. Н. Краснов присоединился к Казачьему Стану...»

Все это СОВЕРШЕННО НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: никогда и нигде подобные сведения о Н. Н. Краснове не были опубликованы, разве только у вра-

гов казачества, в частности у недоброжелателей Н. Н. Краснова и самого ген. П. Н. Краснова.

Невёрные сведения В. Шапкина извращают вообще все дело Казачьего Освободительного Движения на Дону и налагают тень на роли в нем Заграничного Главного Каз. Управления и его начальника ген. П. Н. Краснова.

Подобные указания позорят имя Красновых, будто бы равнодушно и безучастно отнесшихся к Каз. Освоб. Движению. Казаки на Дону просили ген. П. Н. Краснова приехать на Дон и лично руководить ими или же прислать кого нибудь из Красновых. Но П. Н. Краснов, по каким то своим соображениям, ограничился присылкой на Дон Поход. Атаману С. В. Павлову своего «исторического» письма, в котором подробно писал, как казакам надо освобождать Дон от большевиков и как вести себя по отношению к немцам.

Неужели ген. Краснов, зная, что Н. Н. Краснов с немецкой армией будет на Дону, не поручил бы ему лично повидаться с Поход. Атаманом или Каз. Войсковыми штабами в Ростове и Новороссийске?

О пребывании Н. Н. Краснова в Новочеркасске, хотя бы «проездом», не знали ни Поход. Атаман полк. Павлов, находившийся тогда там, ни его Войсковой Штаб, ни Ростовский Штаб Каз. Освоб. Движения. Спрашивается, какие же казаки знали об этом? Ибо если бы Н. Н. Краснов был в Новочеркасске, то как же никто из ответственных лиц Каз. Осв. Движения его не видел?

По существу, на что ему нужна была немецкая армия? Разве Каз. Осв. Движение не было ближе его казачьему сердцу? Иначе не могло бы быть, и он остался бы с казаками.

Далее, автор В. Шапкин пишет, что Н. Н. Краснов при отступлении немец. частей присоединился к Казачьему Стану. Интересно знать: где и когда это случилось? Писатель Н. Н. Краснов — не рядовой казак, да и те все были на учете руководителей Каз. Осв. Движения.

В США, в частности в Нью-Йорке, проживают инициаторы и возглавители Каз. Осв. Движения на Дону, проделавшие весь путь с Дона до Италии и Америки и никто из них никогда не слышал и не имел подобных сведений о Н. Н. Краснове, опубликованных В. Шапкиным.

США **Н. А. Быков**
(издатель книги «Каз. Трагедия»)

***

Не питая никакой вражды к авторам, помещающим свои очерки в периодической печати о прошлых событиях каз. жизни, я обращаю внимание читателей на то, что часто их информации носят тенденциозный характер и извращают истину. Приведу несколько примеров.

Так, Енисейский казак Байкалов пытается развенчать атамана Ермака. Г-н Елатонцев в Общеказачьем журнале №20 (1955 года) утверждал, что Гл. Упр. Каз. Войск, а следовательно и самим ген. П. Н. Красновым, управляли советские агенты. В книге Быкова «Каз. Трагедия» г-н Адмиралов утверждал тоже самое. Г-н Ф. Кубанский в своих воспоминаниях изложил все «ужасы жизни казаков в Каз. Стане» и особенно перехода через Альпы. Г-н Иноземцев в журнале «Род. Край» (№ 22) утверждает, что Каз. Корпус ген. Доманова еще до капитуляции германской армии бросил итальянский фронт и ушел в Австрию. Долгов в «Каз. Единстве» (№ 34) сетует на Н. М. Мельникова за то, что тот объективно похвалил покойного Атамана ген. А. П. Богаевского. И наконец ген. И. А. Поляков опубликовал в своих воспоминаниях «Краснов - Власов» подтасованные факты, напрасно стараясь доказать полную никчемность каз. соединений. сражавшихся против коммунистов и партизан.

Как природный казак, непосредственный участник всех этих событий, считаю нужным подчеркнуть, что даже если бы и были какие либо недостатки у казаков или их руководителей, то нам, казакам, не следовало бы об этом писать и этим самим хаять себя. Предоставим это делать нашим врагам.

В журнале «Род. Край» № 22 г-н Иноземцев пишет: «С. В. Павлов был убит одним из денщиков Доманова». — Это не соответствует действительности. Следствием было установлено, что Павлов был ошибочно убит немецкой засадой.

Далее автор сообщает: «Казаки были разбиты на две больших группы: ген. Панвица и ген. Доманова». Это не совсем так. Кроме этих корпусов был еще 4-ый казачий корпус из 6-ти полков, свыше 12000 бойцов, под командой полк. фон Рентельн, который вначале находился в районе Вел. Лук, а потом был переброшен на Ламанш. Кроме этого корпуса, во Франции, в Лагрессе был еще 9-ый Запасный каз. полк численностью около 11-ти тысяч человек. Казаки этого корпу-

са были первой жертвой английских выдач большевикам, еще осенью 1944 г. будучи вывезены через Средиземное море на Мурманск. Впоследствии некоторых из них мы встречали в тюрьмах и концлагерях Сибири.

«Когда возникла угроза Берлину — пишет далее г-н Иноземцев — к Доманову переехал П. Н. Краснов. К этому времени Гл. Упр. Каз. Войск уже не существовало, т. к. из за различных разногласий Дон. Атаман ген. Татаркин и Куб. Атаман ген. Науменко уже не принимали в нем никакого участия. Фактически всем управляли полковники Доманов и С. Н. Краснов». — Это не верно. Ген. Татаркин в Гл. Упр. Каз. Войск никогда не состоял, а ген. Науменко еще осенью 1944 г. ушел из Управления. Ген. Доманов был комкором и непосредственно подчинялся германскому командованию итальянским фронтом. С. Н. Краснов оставался нач. штаба при П. Н. Краснове в Гл. Упр. Каз. Войск, которое подчинялось Вост. Министерству Розенберга.

«К моменту страшной трагедии — указывает г-н Иноземцев — обнаруживается полное отсутствие общего командования». — На самом же деле в Италии нами командовал фельдм. Кессельринг, а с 9-го мая 1945 года казаки Корпуса и Каз. Стана были английскими военно-пленными в ведении анг. генерала Александра.

Дальше г-н Иноземцев пишет: «Наступили часы трагической развязки — немецким командованием было приказано ген. Доманову охранять район Юдино и ни в каком случае не дать возможности наступающей 8-ой анг. армии пройти тунель Юдино, и в случае необходимости взорвать его. Но ген. Доманов его не тронул и с частями так наз. Каз. Стана двинулся в сторону Австрии в долину р. Дравы. Голубая линия, защищаемая частями Доманова, осталась открытой для прохода 8-ой армии англичан. Командующий войсками немец. ген. Глобоген, узнав о нарушении ген. Домановым приказа, застрелился.» Это — не так. Каз. Корпус Доманова аккуратно выполнял все приказы своего командования и, не взирая даже на то, что был вооружен лишь «трофейным» оружием, занимал участок фронта совместно с немецким 410-ым СС полком по р. Таглиаменто до дня капитуляции герм. армии, т. е. до 8-го мая 1945 г. Юдино, или вернее Удино, находится на ровной местности и там нет никакого тунеля. После получения приказа о капитуляции герм. армии, Каз. Корпус и Каз. Стан совместно с остатками немец. частей через перевал Плоукен перешли в Австрию и только на второй день туда пришли англичане. Командующий герм. частями на Адриатическом побережье СС обергруппенфюрер Глобочник (а не Глобоген) в день капитуляции действительно застрелился, вероятно не желая попасть в Нюренберг, а корпус Доманова подчинялся с 1-го апреля 1945 г. Кессельрингу.

«Доманов отлично знал о предстоящей выдаче казаков. С. Н. Краснов в нее не верил» — утверждает автор. Однако, Доманов, из сотника попавший в генералы и поход. атаманы, отлично знал, что его в СССР ожидает.

27-го мая 1945 г. вечером он был вызван в английский штаб в Лиенце и больше в гостиницу, к своей жене, не вернулся. Утром 28 мая я пришел к ген. Соломахину, который жил рядом с Домановыми в той же гостинице. В коридоре я встретил супругу Доманова, со слезами мне рассказывавшую, что ее мужа 27 мая арестовали англичане. Об этом, того же 28-го мая, в 10 часов утра, при погрузке офицеров для поездки на «конференцию», я доложил ген. П. Н. Краснову об этом и попробовал было советовать не торопиться присутствующим при нашем разговоре офицерам ехать в эту ловушку. Поблизости стоявший С. Н. Краснов назвал меня паникером и сказал, что Доманов нам не нужен. Этим воспользовался анг. майор Дейвис, предложивший офицерам занимать места в автомобилях для следования на Казачью Голгофу.

Думаю, если бы сам сатана в образе офицера армии Его Величества короля английского взялся бы провести эту предательскую роль, то он бы не сумел так хорошо все это проделать, как это сделал английской гвардии майор Дейвис...

Заканчивая эти строки, рекомендую гг. писателям поменьше заниматься сочинениями в ущерб казакам и приблизиться к более реальному изображению нашей недавней трагедии.

Германия. **А. Протопопов.**

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА П. И. КОНОВАЛОВА.

Трагически погиб, попав под быстро мчавшийся автомобиль, донской казак генерал-лейтенант П. И. Коновалов.

Великую войну 1914 г. он начал стар. адъютантом 7-го корпуса, правой рукой его командира ген. Экка. Вскоре за боевые отличия он был награжден и георгиевским оружием и георгиевским крестом. Его военный авторитет стоял очень высоко. Начало революции застало его начальником штаба 56 дивизии на Карпатах. 6-ая Гонведская венгерская дивизия, занимавшая позиции напротив, не раз устраивала специальные засады и поиски, чтобы захватить талантливого начальника штаба.

В 1918 г. ген. Коновалов прибыл на Дон и был назначен нач. штаба Батайского отряда. В отряде, которому была поручена оборона этого участка, числилось всего около 1500 человек. Пассивная оборона была не по душе ген. Коновалову, ибо он считал, что ею нельзя удержать участок, имея против себя во много раз превосходящие силы противника. Тщательно разработав сложную боевую операцию, он в нескольких ночных боях разбивает красных и быстро очищает от них весь Ростовский район и у Кущевки, на границе с Кубанью, соединяется с войсками ген. Деникина. Вскоре П. И. назначают нач. штаба Усть-Медведицкой группы с задачей восстановить фронт. Через несколько недель ген. Коновалов переходит в наступление, в первых же боях разбивает Миронова, звезда которого с этого времени закатилась. Донские части выходят за пределы Области, занимают Красный Яр, доходят до Камышина. Ген. Коновалова назначают начальником 2-ой Дон. дивизии, против которой красные направляют — одну за другой — четыре дивизии. Коновалов по очереди разбивает их, а последний резерв — отборный полк коммунистов — в ночном бою целиком захватывает в плен.

Получив в командование 2-ой Дон. Корпус, в течении двух месяцев ген. Коновалов одерживает 12 крупных побед. Красное командование направляет против него конницу сначала Буденного, а потом и Дыбенко. Буденный неожиданным быстрым маневром отрезывает конницу ген. Коновалова от Дона и в его тылу занимает ст. Казанскую. Положение создалось критическое. Вместе с Коноваловым находился тогда и Донской Атаман ген. Богаевский, объезжавший фронт. Но вместо отступления Коновалов переходит в наступление, имея свой тыл в сторону фронта красных и прижимает Буденного к Дону с севера. Последний поспешно уходит на Борисоглебск, но Коновалов быстро захватывает и Борисоглебск и Новохоперск.

Красные тучи нависли вдоль железной дороги на Чертково, где 3-ий Дон. Корпус с трудом сдерживал их натиск. Чтобы помочь ему разбить красных, Коновалов заходит в тыл большевиков, но дон. командование приказывает ему вернуться в свой район, указывая, что на помощь 3-ему Корпусу подошли уже части ген. Мамантова и Шкуро. Однако этих сил оказалось недостаточно, и Коновалову было приказано вновь идти на помощь 3-ему Корпусу.

Но здесь вмешалась судьба. Ген. Коновалов заболевает тифом и его в бессознательном состоянии эвакуируют в Новочеркасск. По выздоровлении он уходит с отходящими белыми частями на Кубань.

Очутившись волей судьбы в США, ген. Коновалов некоторое время был здесь станичным атаманом. В 1938 г. он был председателем Гл. Изб. Комиссии по выборам Донского Атамана.

Злая судьба оборвала его жизнь.

Вечная ему память.

С.Ш.А. **И. Курицын.**

ПЕТР ЕГОРОВИЧ НАЙДЕНОВ.

2-го апр. с. г. Анна Яковлевна Найденова и ее дочь Оля и большая группа казаков и казачек, членов Общеказ. станицы в Нью Йорке и Общеказ. станицы в Фарминдэйле, шт. Нью Джерси, на 40-й день со дня кончины кубанского казака П. Е. Найденова отслужили панихиду на его могиле на кладбище РОВА. Вдова покойного А. Я. возложила на могилу своего мужа прекрасный венок из живых орхидей. После панихиды все при-

шедшие со священником о. Петром Поповым были приглашены на поминки в Казачий Дом в Фармингдэйле. Явившихся почтить память покойного было человек 70, хотя день был рабочий.

П. Е. Найденов казак Кубанского Войска станицы Архангельской Лабинского отд. Он не был стар, едва за 60 лет, но тяжелая болезнь сломила его. Как человек трудолюбивый, он за время своего пребывания в США приобрел 5 акров земли и выстроил прекрасный дом с красивой, со всеми удобствами, обстановкой. В сухом, светлом подвальном этаже — оранжерея. Кругом дома и на части земли огород, со всякого рода ягодами, овощами и цветы. Конечно, во всем этом верной и доброй помощницей была его супруга А. Я. с дочерью. А. Я. — донская казачка Гундоровской станицы. Семья П. Е. была на редкость дружная.

Хотя о покойниках вообще принято хорошо отзываться, но понять и отличить правдивость и искренность отзывов нетрудно. Из многих отзывов о П. Е. каждый мог без ошибки узнать и оценить его подлинные моральные и общественные качества: его неизменную отзывчивость, человеческое отношение к людям и, в особенности, к казакам, независимо от принадлежности их к тому или иному Войску. Не без основания о нем было сказано одним из присутствовавших казаков:

«Мы, казаки Общеказ. ст. в Нью Иорке, глубоко скорбим, что смерть вырвала из наших рядов верного и преданного казака нашей станицы. Петр Егорович принимал активное и живое участие в организации нашей станицы. Он присутствовал на Первом Организационном Сборе Станицы в **1930** году и с тех пор был ее стойким членом до конца дней своих, крепко верящим в общеказачью идею. П. Е. любил Казачество, брата казака и казачью среду. В ней он был всегда живым, веселым и радостным и свои чувства передавал и в среду своих друзей. С ним было легко и приятно. В характере П. Е. было нечто, заставляющее собираться вокруг него. Он, как и мы, оставил свой Родной Край молодым казаком. Он, как и мы, верил, что вознесется солнце Казачьей Правды. Крепко верил, что увидит свои привольные станицы, горы, долину Кубани, ковыльные степи, лазоревые цветы и наши Родимые Края... Пожелаем Петру Егоровичу Найденову Царство Небесное и будем о нем хранить добрую память в наших сердцах».

Так без основания не говорят. П. Е. активно боролся с большевиками в рядах частей ген. Бабиева. Разделяя общую участь многих казаков, он отступил в Грузию, оттуда переехал в Константинополь и отсюда в 1923 г. направился в США. Много работал здесь не только для себя, но и для казаков. Выписал сюда немало казаков. Упорным трудом приобрел некоторое имущество и оставил по себе добрую и светлую память.

Вечная память кубанскому казаку Петру Егоровичу Найденову и сердечное сочувствие его супруге Анне Яковлевне и дочери его Оле.

США. **А. Афанасьев.**

ПАМЯТИ И. Д. ЯГАНОВА.

Смерть унесла еще одного друга, нашего станичника, доблестного казака-офицера, несшего службу с 1912 г. в составе 15-й Кавалерийской дивизии, куда входил наш Уральский Казачий полк. За боевые дела был награжден крестами Георгия Победоносца всех 4-х степеней, а также Сербской Звездой.

Во время Белого Движения И. Д. Яганов служил на командных должностях в рядах родного Войска, а также в Терско-Астраханской бригаде, где был неоднократно ранен.

Храбрый офицер, горячий патриот, верный славным традициям нашего Войска, он и за рубежом остался славным казаком, добрым другом не только своих станичников, но и вообще всех, знавших его. Тихо угас после продолжительной сердечной болезни.

Да будет тебе легка чужая земля, дорогой друг.

Уралец Г. Д.

УШЕДШИЕ.

† 1 февр. с. г. в госпитале в Тулузе скончался 78 лет от роду Григ. Вас. Кривобоков, Кизлярского отд. Терск. Войска, о чем сообщают сыновья Григорий и Михаил, дочери Наталия и Анна и казаки.

† 22 апр. с. г. в Вашингтоне скончался полк. Л.-Гв. Сводно-Каз. полка Борис Дим. Самсонов, Астраханского Войска.

† 27 февр. с. г. в Нью-Йорке скончался после продолжительной болезни Леонид Ив. Шейкин Новочеркасской ст. В.В.Д., участник Ледяного похода.

† Кадеты Донского Имп. Александра III Кадет. Корпуса сообщают о смерти их любимого воспитателя, первопоходника войск старш. Бориса Вас. Суровецкого, казака Терского Войска, последовавшей 4 апр. с. г. в Нью-Йорке после продолжительной и тяжкой болезни.

† 29 апр. с. г. в госпитале в Тулузе скончался есаул В.В.Д. Серг. Мих. Астахов.

РОЗЫСКИ.

— Евг. Гр. Аханов (1225 So. Mariposa Ave. Los-Angelos. 6. Calif. USA) просит откликнуться сослуживцев по 26 Дон. каз. полку 4-ой Дон. каз. дивизии во время 1-ой Мировой войны и по 18-му Георгиевскому полку, которым командовал ген. Д. И. Дьяконов во время гражданской, а также лиц, находившихся с ним в лагерях Кабаджа и Галиполи.

— Ольга Тимофеевна, урожденная Сладкова, розыскивает Алекс. Кунакова из Новочеркасска, до войны проживавшего во Франции и уехавшего в Австралию. Писать в редакцию «Род. Края».

— Алек. Федор. Алексеенко (4, rue Witten. Algrange (Moselle) France) розыскивает Ив. Еф. Подскебалина, хут. Атаманского, ст. Морозовской В.В.Д.

— Георгий Полонский (Maison de repos Beausejours. 1 av. du 15-e Corps. Hyerès (Var.) France) просит откликнуться станичников уральцев станиц Бударинской, Абищенской, Каменской и Свистунской.

— Афиногенова Ивана Антиповича, ст Андреевской (быв. хутор Плетнев) розыскивает двоюродный брат Павел Петр. Афиногенов. Писать: Mr Golitzine. 11, rue Carnot. Levallois - Perret (Seine) France.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

● 24 февр. в Нью Йорк вернулся после поездки по Европе Дон. Каз. Хор С. А. Жарова. Концерты хора в Лондоне, Париже и др. больших городах Европы имели громадный успех. 8 апр. жаровцы выступили со своим обычным годичным концертом в Карнего Холл, а затем разъехались на каникулы, чтобы набраться сил к новому сезону, начинающемуся в Америке 1-го августа. В ближайшие дни предвидится приезд из Англии менаджера для подписания контракта с С. А. Жаровым для организации турне хора по Индии летом 1961 г.

● 24 апр. Дамским Комитетом Каз. Союза во Франции была организована Пасхальная встреча для взаимных поздравлений казаков парижского района.

● Книга «Незабываемое» недавно скончавшегося писателя Н. Н. Краснова вышла в Америке на английском языке под названием «Скрытая Россия» («The Hilden Russia»).

● В апреле с. г. вышла на английском языке книга Ф. Кубанского «A memento», посвященная 15-ти летию Лиенцовской трагедии казачества.

● В Мюнхене вышла книга стихов («Стихотворения») уральского казака Я. С. Уголкова, в Париже — №11 «Казачьего Исторического Сборника», издаваемого И. П. Будановым, и в Америке — №3 «Кубанского Исторического и Литературного Сборника», издаваемого В. Г. Науменко.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Не имея физической возможности по недостатку времени ответить всем тем, кто поздравил со Светлым Праздником Воскресения Христова правление Каз. Союза, правление Д.В.О., редакцию «Род. Края» и меня лично — я прошу принять от нашего имени нашу искреннюю благодарность за добрые пожелания и за теплое слово.

Председатель Каз. Союза
Б. Богаевский.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ» (в новых франках).

(С 27 марта по 15 мая 1960 г.)

В «Фонд Издательства»: П. М. Аврамов — 15 фр., В. И. Коновалова — 10 фр., С. Артемова — 8 фр.

От наших представителей: через Б. Н. Уланова: Матвеев, Н. Г. Улитин — по 5 долларов, Д. Свинарев — 4 д., Кибирев, А. Забурнов, В. Семенов. Г. Ф. Чеботарев — по 3 долл., Кривошеин, А. Никитин, Д-р Ряхин — по 2 д., И. Ковалев, Мироненко — по 1 д.

Через С. И. Донскова: Н. Иванов (Парагвай) — 1 долл., Донская им. Ат. Павлова станица — 5 долл.

На издание книги о Ермаке: ген. Фарафонов, Толбатовский, Чиков по 10 фр., И. В. Ковалев — 8 фр., И. Быкова — 10 долл., В. Семенов, Маслов — по 2 долл., Иванисас — 1 австр. фунт, Е. Е. Ковалев — 1 канад. д., Чонгов (Австрия) — 5 фр.

Для передачи Дамскому Комитету Каз. Союза: от Скандилова, Елисеева, Х. — по 5 фр., Султан-Явур — 6 фр., М-м Андре — 8 фр., Сибирсков, Г. В. Иноземцев — по 10 фр., С. Артемов, М-м Гордеева — по 20 фр., от Крикливого и Ахтырского гусара из Пакистана — по 50 фр., И. Курицин — 3 долл., Е. С. Петрусь — 10 долл., Голубов — 50 белг. франков.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят принять всех жертвователей их искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Доводится до сведения подписчиков и читателей «Род. Края» и всех казаков, что благодаря денежному пожертвованию от лица, пожелавшего остаться неизвестным, редакция получила возможность выпускать в виде отдельных брошюр произведения авторов, из за объема не могущих быть напечатанными целиком в одном номере «Род. Края».

В скором времени выйдет брошюра с рассказами П. М. Аврамова «Яровой сев» и «Ковыльный сказ».

Рассказ «Яровой сев» занял бы целый номер журнала, а разбивать его на несколько номеров журнала тоже является нецелесообразным. В «Ковыльном сказе» описывается степь, — это произведение является как бы введением к «Яровому севу».

Цена брошюры — 3 нов. франка. Заказы направлять в редакцию «Род. Края».

Редакция надеется, что казаки всех Каз. Войск окажут нам поддержку в этом начинании: успех первого выпуска позволит нам в дальнейшем выпускать брошюры с очерками и рассказами из нашего быта, нашей истории.

***

В данное время в мире существует три памятника Ермаку Тимофеевичу: в Новочеркасске, в Тобольске и в Нью-Йорке (в Казачьем Доме в Фрамингдэйле. Последний создан С. Г. Корольковым, его вес 2 тонны). Все они воздвигнуты казаками.

Книга о Ермаке Н. М. Мельникова тоже явится своего рода памятником, но памятником живым, говорящим, который не только напомнит о том, что жил-был когда то славный Атаман Ермак, но и расскажет про его жизнь, про его подвиги.

В № 27 «Род. Края» мы указывали, что собрано более 1.000 **новых франков.** Но также мы указали, что для того, чтобы издать книгу в достойном виде, этого недостаточно. Мы еще раз обращаемся с призывом к казакам и каз. организациям, особенно в Америке, помочь нам и принять участие в этом коллективном казачьем творчестве.

***

Годовая подписка на «Род. Край»: во Франции — 12 нов. фр., заграницей — 3 доллара (на 6 номеров журнала).

Денежные взносы направлять по адресу: Mr Romanoff. C.C.P. P. 15-233-79. Nointel par Presles (S. et O.) France.

Корреспонденцию на имя Редакц. Коллегии направлять по адресу: Mr Bogaevsky. 52, av. Flachat. Asnieres (Seine) F r a n c e.

Через редакцию «Род. Края» можно выписывать репродукцию в красках с картины донца С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» и книгу Адмиралова «Каз. Трагедия».

Размер репродукции 32 х 16 см. Стоимость 8 нов. фр. Стоимость книги Адмиралова — 12 нов. фр.

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).
Métro: La Motte-Picquet

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Эльмут — «Казачки».
П. Поляков — «Казачке».
А. П. Богаевский — «За други своя...»
А. Падалкин — «Сестры милосердия Степного Похода».
Н. Н. Евсеев — «Сестрам милосердия».
М. Голубов — «Наденька».
Б. Суровецкий — «Выдающиеся деятели из донских казаков на культурном поприще».
Н. М. Мельников — «Ответ Н. М. Мельникова на письмо Е. С. Нагибина».
И. Тапилин — «Паромщик Архип».
Н. Воробьев — «В сов. концлагерях».
В Казачьем Союзе.
У казаков в Германии.
Г. Новиков — «У кубанцев в Париже».
Сот. Сабельников — «Лиенц».
А. Е. Афанасьев — «Б. В. Суровецкий».
Н. М. Мельников — «О ген. Деникине. Поправка к статье Е. Ковалева о рейде ген. Мамантова».
И. Курицин — «Памяти инженера В. В. Солдатова».
Ушедшие.
В. Н. Романов — «По поводу Атаманского вопроса»
Казачья жизнь за рубежом.
Розыски.
Денежные поступления в редакцию «Р. К.
От редакционной коллегии «Р. К.»

На обложке — одна из иллюстраций готовящейся к печати книги о Ермаке Н. М. Мельникова.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 29. ИЮЛЬ — АВГУСТ 1960 г. 2 NF

PAYS NATAL Juillet-Aout 1690 Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

(№ 29 «Родимого Края» посвящен казачкам)

КАЗАЧКИ.

В стародавние времена, казаки, исключительно воины, проводившие свой век в походах, были в подавляющем большинстве холостыми. Постоянная опасность, боевое дело не располагало к семейной жизни.

Но проходили годы и постепенно казаки стали обзаводиться семьями. Из их набегов на Крым, Турцию, Персию, вместе с «ясырем» — пленными мужчинами, привозимыми для различных работ в казачьих городах, казаки привозили и «ясырок» — женщин. Русских женщин было мало и казаки женились на своих пленницах.

«А жен себе красных (красивых) и любимых выбираем от вас из Царьграда» — писали донские казаки султану из Азова в 1639 г. Донцы женились на турчанках, татарках, персиянках, яицкие казаки — на ногайках и сартянках, терцы — на черкешенках. Вчерашние Надиры, Заиры, Фатьмы, Даиры превращались к казачек Надежд, Зой, Дарий. Так появились каза́чки — наши прабабки. Постепенно казаки стали больше родниться и с женщинами из русских земель.

Каза́чки были всегда верными помощницами своих мужей во всех случаях жизни. Войсковая отписка донских казаков в Москву после «Азовского сиденья», описывая оборону Азова в 1641 г. от 300-тысячной турецкой армии, указывает, что гарнизон осажденной крепости состоял из 5367 казаков и 800 «жен казачьих». Упоминание о них в официальном документе, как о составной части гарнизона, показывает, что они играли известную роль в защите Азова.

В 1685 г. в далекой Сибири казачки вместе со своими мужьями также обороняют на Амуре Албазин от 50-титысячной армии китайцев.

Условия существования как на Дону, так и на других землях, где жили казаки, долго еще были иными, чем по всей остальной Руси: постоянная опасность, угроза нападения татар, турок, горцев или др. инородцев принуждали каза́чек подчас браться за оружие и вместе с казаками, а иногда и без них, защищать свои городки и станицы.

В 1774 г. во время русско-турецкой войны 8-и тысячный отряд горцев неожиданно напал на Тереке на Наурскую станицу. Казаков в ней в это время не было, они были в походе, оставались лишь казачки, старики и дети. Казачки, вооружившись чем попало, энергично отбивались не только вилами и косами, поливали нападающих горячей смолой и кипятком (даже борщ, готовый к обеду, пошел на защиту), но и перетаскивали пушки в опасные места и метко стреляли в нападавших. Целый день продолжались атаки горцев. В соседней станице была слышна канонада, но там предполагали, что в Наурской справляют праздник и поэтому не двинулись на помощь. Наступила ночь. На утро защитницы станицы ожидали новых нападений, но их не последовало и вскоре горцы ушли: удачным выстрелом из пушки был убит предводитель нападавших, что и вызвало их отступление

День защиты Наурской станицы еще долго праздновался на Тереке, а ее защитницы были награждены георгиевскими медалями.

Но не всегда дело кончалось так благополучно. В 1738 г. налетели татары на донской Быстрянский городок. Несмотря на ге-

роическую защиту всего населения, городок был захвачен и сожжен, а все жившие в нем перебиты или уведены в полон.

Тяжела была подчас доля казачек. Много казачьих жен и матерей не раз проливали слезы о погибших близких. Народное творчество отметило это в трогательном «сказе», объясняющем, почему в каз. краях жемчуга называются «слезами».

— «Это случилось давно, когда казакам приходилось часто биться и гибнуть на синем море, когда души погибших реяли над мелями, над болотистыми лиманами, когда горестные причитания по павшим неслись с каждого хутора, как шум воды на порогах.

«Спустилась раз с неба на землю Мать Божия. В лучшей своей короне тихо скользила Она вместе со Св. Николаем по обширному казачьему краю, внимая горькому плачу своих детей.

«И когда наступил знойный день, пересохли от жалости уста Ее и нечем было их освежить. Никто на хуторах не выходил на их стук, никто не подходил к дверям и только громче раздавался за ними горький плач. В домах никого не было.

«Тогда подошли они к глубокой реке. Наклонилась Пречистая Богородица, но тут упала и скрылась под водой жемчужная корона.

— «Пропали мои красивые жемчуга, никогда у меня не будет таких» — сказала Она. Но когда вернулись они в свой Небесный Дом, то увидела наша Светлая Мати на своем троне такой же чудесный жемчуг.

— «Так как же он мог попасть сюда — воскликнула Она, — когда Я его потеряла. Это наверно его нашли казаки и передали для меня».

— Нет, Матушка, — сказал Ей Сын Ее — то совсем не жемчужины, а слезы казачьих матерей. Ангелы собрали их и принесли сюда к Твоему Престолу.»

Вот почему в каз. землях жемчуга называются «слезами» до сих пор.

На каза́чках же лежало и ведение хозяйства, воспитание казачат, ибо казаки непрестанно были заняты боевым делом, то воюя с соседями и ведя непрестанную борьбу с татарами, турками, горцами, то уходя в царскую рать в Польшу, Швецию, Персию и на Кавказ. Они пользовались большой свободой, большим уважением и не знали такого затворничества, как то было в Московском царстве или в восточных странах.

Но не только историческая наука упоминает о каза́чках. Память о них сохранил и другой вид казачьего народного творчества: в прозвищах станиц. Как известно, каждая станица имеет свою кличку-прозвище. Поводом к нему является какое нибудь событие из станичной жизни. Многие из них имеют «неудобосказуемый» характер.

Любят казаки подтрунить друг над другом, и в разговоре, в самый неподходящий момент, и напомнит казак собеседнику: «А как вашу станицу дразнят?» и как ни будет открещиваться станичник, что его станица самая «безпорочная», самая «лучшая», все равно толку не будет: казак, задавший этот коварный вопрос, конечно, знает станичное прозвище... Единственный выход — задать встречный вопрос зубоскалу: «а твою как?».

Эта обычная в казачьем быту перепалка происходит в добродушном веселом тоне, тут нет желания обидеть, а только подразнить.

Так вот одно из таких событий и дало прозвище одной из станиц на Кубани.

Казаки ее, возвращаясь с похода, подойдя к своей станице, были встречены выстрелами: казачки, уже накануне отбившие нападение черкесов, приняли своих отцов, братьев и мужей за горцев. Напрасно казаки пытались вступить в переговоры — не пускают и только. Как кончилось это недоразумение — неизвестно: одолели ли казаки «женскую оборону», или казачки, узнав своих, их впустили, но обычно при вопросе об этом казак этой станицы отмахивался: «конечно, одолели»...

На Дону была станица, жителей которой дразнили «сурками». По версии самих станичников, это название произошло от того, что станица расположена на бугре, напоминающем нору сурка. Соседи же утверждают, что «сурками» их стали звать после того, как там избрали на станичном сходе станичным атаманом строгую и мудрую бабку Сурчиху, которая держала станицу в ежовых рукавицах.

Сохранило народное творчество — и не только на Дону, но и по всей России — память и о другой казачке.

В 40-ых годах 18-го столетия сын Донского Войскового Атамана Степан Ефремов (и сам будущий Атаман), увидав на Старочеркасском базаре торговавшую семечками казачку с Хопра Маланью Карповну, пораженный ее красотой, сразу в нее влюбился, и влюбился так, что женился при живой жене, после развода (а его получить в те време-

на было нелегко), отпраздновав свадьбу с такой пышностью, что по всей Руси пошла поговорка, сохранившаяся и до наших дней: «напекли - наварили, как на Маланьину свадьбу». Степан не ошибся: Маланья оставила на Дону хорошую память о своих добрых делах, жертвовала большие деньги на монастыри и школы, очень заботилась о развитии просвещения на Дону, была гостеприимна и хлебосольна. О ней сохранились еще две поговорки: «Маланьин курень — не беседа» (прием не ограничится только беседой, а будет и обильное угощение), «Какова Маланья — таково и поминанье» (память о ее добрых делах).

Не забыты имена и других каза́чек: уральцы на своих праздниках вспоминают Гугниху, жену атамана Гугни, при которых началась семейная жизнь на Яике; донской историк Е. П. Савельев, описывая последние минуты К. Булавина, передает предание и о гибели вместе с Булавиным его дочери Галины, защищавшейся вместе с ним в курене и заколовшей себя кинжалом, когда ее отец застрелился; кубанцы помнят про героиню Шипкинского поста Марию Горбатко.

Позже, при постепенном расширении границ Российской империи и замирении неспокойных районов, когда исчезла угроза непосредственных нападений, угроза попасть в плен и быть проданной в рабство — казачка смогла всецело посвятить себя семейной жизни, воспитанию подрастающего поколения, внушая ему с самых малых лет любовь к родному краю, уважение к старшим, глубокий патриотизм, чувство собственного достоинства и уважение к человеческой личности. Атаман Платов, вернувшись из заграничных походов, «земно кланяется» всем донским каза́чкам за то, что в эти годы, когда все мужское население, целых три поколения, находились на войне, они одни вели всю «домашность».

Среди казачек мы не встречаем революционерок вроде «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской, террористок вроде Фигнер, Засулич, Перовской. На казачьей земле, где никогда не было ни крепостного права, ни барщины, не было и истязательниц, известных по истории и литературе, как Салтычиха, Мария Дурова и др.

Русская литература не могла оставить без внимания образ каза́чки. В «Тарасе Бульбе» выведена любящая мать-казачка, заранее горюющая о судьбе ее сыновей, в «Колыбельной» Лермонтова изложена вся программа воспитания подрастающего казака. В повести «Казаки» Л. Толстой описывает гребенскую казачку Марьянку, Пушкин — в «Полтаве» пишет об украинской казачке Марии Кочубей, П. Н. Кн. Краснов в романе «Все проходит» дает образ донской казачки 17-го века Ульянки, Шолохов в «Тихом Дону» описывает Наталью и Аксинью — донских казачек наших смутных дней.

***

Когда казаки всех Каз. Войск восстали против большевицкого ига, и тут каза́чки поддержали своих отцов, братьев и мужей. Потомки азовнских, наурских, албазинских героинь остались таковыми же и в годы жестокой гражданской войны. Ряд их — участницы Степного, Корниловского, Уральского и др. походов. В 1918 г. казачки Кривянской станицы, вооружившись топорами и вилами, прогнали карательный отряд красных матросов. Сов. писатель Фурманов в своей книге «Борьба на Уральском фронте» пишет: ... Уральцы от старого до малого, даже женщины, защищались до последних сил». Об героинях-казачках этого периода у нас не сохранилось никаких оффициальных документов. Первопоходники, участники 1-го Куб. похода, помнят, вероятно, сестру милосердия донскую казачку В. Н. Грекову, убитую во время похода. В прошлом году в Париже скончались казачки сестры милосердия П. Я. Филимонова, Е. А. Аврамова, имевшие георгиевские медали, З. П. Карамышева — все участницы Степного Похода.

В самые тяжелые моменты борьбы с большевизмом, когда все мужское население станиц, за исключением глубоких старцев и малых ребятишек, было на фронте, они одни, как в старину, вели дома хозяйство, но одновременно и обслуживали фронт: в зимнюю стужу, в мороз и мятели, казачки возили на фронт патроны, снаряды и пропитание, а обратно увозили раненых и убитых, среди которых часто бывали их близкие.

После окончания гражданской войны, в страшные годы искусственного голода и насильственной коллективизации, казачки, оставшись одни, — их мужья, отцы, братья или погибли, или были сосланы, или ушли в эмиграцию, — несмотря на бесчеловечные условия существования, сумели все же вырастить новое казачье поколенье. Казалось бы, казаков больше не осталось и не должно быть, но как только возникла возможность бороться с коммунистическим игом — они появились. В конце 2-ой мировой войны око-

ло 100 тысяч казаков, казачек и казачат покинули пределы «советского рая». Этот исход закончился, как известно, для большинства из них кровавой драмой в долине реки Дравы — вместе с казаками были выданы и казачки.

⁂

Но все это в прошлом, более или менее далеком. В изгнании, за рубежом, несмотря на подчас тяжелые условия личного существования, казачки никогда не забывали своей роли прирожденных сестер милосердия. В наше время, когда средний возраст старой эмиграции достигает 60-70 лет, когда все больше и больше одиноких «дедов», больных и беспомощных, находятся в богадельнях, старческих домах, санаториях — казачки делают все возможное в их силах, чтобы помочь их братьям казакам.

Париж. **Эльмут.**

КАЗАЧКЕ».

Отче наш... звенят слова молитвы...
Трупы турок покрывают вал...
Ты в Азове не боялась битвы
И в руке дымился самопал.
Веря свято Покрову Пречистой,
Ты за мужем на валы пошла
И, шипя по склонам травянистым,
Полилась кипящая смола.
А потом... Ах, сотни, сотни весен
Сыновей ты снаряжала в бой,
Знала ты, что пули их покосят,
И немела от тоски глухой.
Нет на свете добывавших славу,
Дует он, горячий суховей,
Пригибает золотые травы
На могиле брошенной твоей...
Мы — ушли... И песни мы сложили,
Все свое сыновне полюбя,
И тебя, родная, не забыли
И стихи сложили про тебя.
Сколько слез твои пролили очи,
Сколько болей затаила грудь...
Отче наш... В грядущей, страшной ночи,
Освети ей, мученице, путь.

П. Поляков («Стихи»)

«ЗА ДРУГИ СВОЯ...»

(Из воспоминаний покойного Атамана В.В.Д. ген. А. П. Богаевского. Этот очерк был напечатан в № 12 «Донской Волны» от 26 авг. 1918 г., выходившей в Новочеркасске.

В начале Ледяного Похода ген. Богаевский командовал Партизанским полком, позже названым Алексеевским, состоявшим в то время почти исключительно из донцов (отряды полк. Т. П. Краснянского, ес. Р. Лазарева и Чернецовского). Бригадой же стал комадовать после соединения с кубанцами).

⁂

Тихий пасмурный февральский день. Безконечной лентой тянется на юг широкая дорога по ровной белоснежной степи, унылой и пустынной. Уже чувствуется близкая весна: кое где на солнечной стороне редких балок и на высоких курганах, немых свидетелей жизни давно минувших дней, появились прогалины: снег стал мягче и около полудня дорога становилась уже грязной.

Уже несколько часов подряд тремя колоннами — авангард, главные силы и обоз с арьергардом — идет на Кубань Добровольческая Армия: идут печальные усталые люди, юноши, почти дети, рядом со стариками, кое как одетые, с винтовкой на плече.

Немного их... Несколько сот человек — все, что осталось от десятимиллионной русской армии. У всех тяжело на душе... Погибла великая Родина, позорно изменила своему долгу некогда грозная армия... Там, в туманной дали позади, остались на жестокую

месть безжалостных врагов беззащитные дети, близкие, родные, беспомощные раненые друзья. Что с ними? И какая судьба ожидает нас?

В строгом порядке идут колонны: ведь здесь почти каждый рядовой — офицер, им не нужно напоминать требования устава, каждый знает свое место.

В этот день я вел авангард. Колонну главных сил вел ген. Марков, аръергард с обозом — ген. Боровский. Обычно каждый день мы трое менялись ролями.

Прошли более половины перехода, остановились на привал, немного отдохнули и снова в путь: вдали в тумане чуть виднеется одна из южных донских станиц.

Молча идет авангард. Кто-то из молодых офицеров затянул боевую корниловскую песню; ее подхватило несколько голосов, но вскоре все замолкли.

Вдруг веселый женский смех заставил всех невольно оглянуться назад.

Сбоку колонны неслась странная кавалькада: впереди на рыжем коне, верхом по мужски, на казачьем седле, смело скакала молодая сестра милосердия; за ней — пехотный офицер, довольно неуверенно сидевший на тощем донце. Черная косынка юнсй амазонки развевалась по ветру, красивые томные глаза на румяном лице сияли веселым задором: она, смеясь, что-то кричала своему кавалеру, который едва поспевал за своей бойкой дамой, крепко и красиво сидевшей в седле.

Неожиданное появление этой парочки внесло некоторое оживление в сумрачные ряды пехоты: послышались не совсем лестные замечания, всем показалась неуместной эта скачка скромной по костюму сестры милосердия на виду у стариков-офицеров, шедших пешком, среди которых были и раненые.

Я также был удивлен этой картиной и довольно резко остановил всадников. Кавалер быстро спешился, видимо смущенный всеобщим вниманием, а девушка, как ни в чем не бывало, ловко подъехала ко мне и, весело улыбаясь, представилась:

— Я — Вавочка Грекова. Мой папа — ваш товарищ по полку. Не сердитесь на нас, Ваше П-во, мне нужно было лошадку проездить...

При взгляде на милое оживленное лицо мой гнев быстро прошел, и я забыл, что собирался «сделать внушение», слушая наивную без тени смушения болтовню. Через несколько минут мы были уже старыми друзьями. Она сейчас же отдала своего коня одному из раненых офицеров, а сама пошла рядом со мной пешком, с трудом вытаскивая из грязи большие для нее сапоги, болтавшиеся на ее ногах.

Через полчаса я уже знал, что она «почти удрала из дому», была в боях у Лихой, Зверего, в Шахтах, под пулями перевязывала раненых, что привезла маме шоколаду из захваченого у большевиков вагона.

Прошло несколько дней. Начались бои, появились раненые в большом количестве — несчастные страдальцы, лишенные часто не только покоя и заботливого ухода, по недостатку медикаментов, но и не всегда сытые, как и вся армия.

И везде я видел веселую Вавочку — то на перевязке с бинтами, то с караваем хлеба в руках, который она где то добыла для своих раненых, то верхом в моем конвое, нередко под шрапнельным огнем. Ей как будто было чуждо чувство страха: в опасных местах, боясь за жизнь милого ребенка, я гнал ее назад в обоз, но она умоляюще смотрела на меня, так настойчиво просила оставить ее, что у меня не хватало духу отказать ей.

Ее знала и любила вся Армия. Она поспевала побывать всюду, всюду принося с собой жизнерадостное настроение, бодрость, веселую шутку и смех, со всеми держалась просто и мило. В ее присутствии как то невольно прекращалась брань и двухсмысленные анекдоты, никому в голову не приходило начать с ней флирт, а между тем ей приходилось сплошь и рядом не только целый день проводить в обществе офицеров, но и спать с ними в повалку... И нужно отдать им справедливость: они всегда были рыцарями, уступая ей, несмотря на ее решительный протест, лучший кусок пищи и последний клочок соломы.

Вспоминаю еще одну сцену. Моя бригада (Партизанский и Корниловский полки) в конце марта перешли р. Кубань у станицы Елизаветинской и без боя ее заняли. Большевики, видимо, не ожидавшие этого, на другой день начали наступать от Екатеринодара, торопясь разбить мои войска до подхода бригады ген. Маркова, который шел с нашим огромным обозом с ранеными, медленно переправлявшимся на паромах через Кубань.

Я получил приказание от Корнилова отбросить наступавших. Несмотря на свое значительное превосходство в силах, больше-

вики вначале не выдержали нашего решительного натиска и быстро отступили почти под Екатеринодар, где начали упорно обороняться. Моя бригада задержалась и начала подготовлять атаку огнем. Осматривая свою позицию, я заметил среди цепей небольшой курган, на котором энергично «работал» наш пулемет. За ним лежало несколько человек. Батарея большевиков обстреливала его гранатами, но никак не могла взять его в «вилку».

Подойдя туда, я с удивлением увидал среди пулеметчиков и начальников частей — Вавочку, которая, сидя спиной к противнику, усердно набивала патронами пулеметную ленту, весело болтая с окружающими.

— Вавочка, вы зачем здесь? Ведь я приказал вам оставаться на перевязочном пункте — спросил я.

— Позвольте остаться здесь, Ваше П-во, здесь так весело — стала просить она — может быть, я здесь нужна буду...

Не успел я ответить, как неприятельская граната впилась в подножье холма впереди пулемета, осколки с воем и визгом пронеслись над нашими головами, засыпая нас комьями земли. Вавочка, как утка, отряхнулась и снова стала просить меня не гнать ее назад. Я позволил остаться и она опять хлопотливо принялась за свою ленту, веселая, как птичка, точно не сознавая всего ужаса, происходившего кругом...

С кургана был отличный обзор и обстрел. Командир пулемета (Царство ему Небесное — вскоре он был убит), отличный стрелок, как музыкальный виртуоз артистически разыгрывал на своем страшном инструменте мрачную симфонию смерти... Без бинокля было видно, как поспешно скрылась в рощу конная группа, вероятно, «главковерхов», на которую он обратил свое убийственное внимание, в диком беспорядке мчались куда то назад какие то зарядные ящики и обозы, попавшие под меткий огонь пулемета, замолчала, быстро переехавшая на более отдаленную позицию, большевицкая батарея, угощавшая нас гранатами... Всем было оказано достаточно внимания и Вавочка торжествовала, что набитая ею лента так быстро пошла в дело.

Бой кончался. Большевики не выдержали и стали уходить к Екатеринодару, не дожидаясь нашей атаки. Под конец они сосредоточили огонь всей своей артиллерии на холме с пулеметом. Гранаты взрыли всю землю кругом, но, к счастью, ни одна не попала в курган. Видно было, что наша группа сильно привлекает внимание врага. Тогда я приказал всем уйти, а пулемету замолчать, тем более, что в нем уже закипела вода.

Солнце было уже близко к закату. Наступал прекрасный тихий весенний вечер; не обращая внимание на свист пуль и грохот орудий — высоко в чистом воздухе пел жаворонок...

Моя боевая задача была выполнена. Оставив сильное сторожевое охранение, я отвел уставшие войска в станицу. Там, вечером, за стаканом чая в моем штабе, я в последний раз видел живой милую Вавочку. Сняв свой полумонашеский костюм сестры милосердия, в солдатской гимнастерке, с пышными кудрями над цветущим здоровьем лицом, она напоминала жизнерадостного мальчика, баловня и любимца семьи...

Через день она была убита...

Умерла такой же милой и веселой шалуньей, как и жила, пораженная осколком шрапнели в грудь по дороге на позицию Корниловского полка, зажав в руке куколку — шутливый подарок одного из друзей... Рядом с ней погибла и ее подруга, также сестра милосердия: осколок шрапнели попал ей в голову.

Почти сутки пролежали они рядом на дрогах около домика, где через два дня был убит Корнилов. То были тяжелые дни непосильной борьбы маленькой, но сильной духом, Добровольческой Армии с многочисленными озлобленными полчищами большевиков. Не было никакой возможности оставить хоть на час руководство боем, чтобы с честью похоронить нашу общую любимицу... Этот печальный труд принял на себя раненый офицер, также как и мы все искренно любивший покойницу... Под зеленым холмом лежит Вавочка на кладбище Елизаветинской станицы...

Мир праху твоему, милая, чистая сердцем девушка... В дни тяжкого позора старого Дона, когда не только трусливый обыватель, но и многие украшенные боевыми отличиями люди прятались в подвалах вместо того, чтобы дать смелый отпор обнаглевшему хаму, когда дети и юноши умирали за свободу и честь Родного Края, ты, юная донская казачка, также нашла в себе силы последовать их примеру.

Да будет же твой подвиг высоким примером для грядущих юных поколений казачества: там, где сильна духом женщина — не может быть трусливых мужчин.

А. Богаевский.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ СТЕПНОГО ПОХОДА

Когда есаул Чернецов в дни великой трагедии России и Дона кликнул клич донской казачьей молодежи встать на защиту Дона, то вместе с кадетами, студентами, семинаристами, реалистами и гимназистами на зов его откликнулись также епархиалки, институтки, гимназистки и курсистки.

Одни из них ушли сестрами милосердия в донские партизанские отряды, другие стали работать в питательных пунктах, обслуживающих донских партизан и добровольцев «Алексеевской организации». Одной среди последних была Зина Захарова, казачка Новочеркасской станицы, пошедшая работать в «питалку» при станции Персияновка.

При оставлении Новочеркасска 12 февраля 1918 г. большинство «партизанок» остается в Новочеркасске, где с риском для жизни, при помощи своих матерей, занимаются нелегальным спасением раненых и больных партизан и добровольцев, оставшихся в новочеркасских госпиталях, скрывая их у «добрых» казаков, на «Курячей балке» и в «Татарской слободке».

Зина Захарова не захотела оставаться в Новочеркасске и ушла с партизанами в Задонские степи. В походе она работает сестрой милосердия в инженерной сотне. По возвращении из Степного Похода Зина выходит замуж за полковника С. С. Карамышева — участника Степного Похода, который после создания «Союза степняков-партизан» становится его председателем, а жена его, бывшая сестра милосердия Зина Захарова, став Зинаидой Петровной Карамышевой, работает в канцелярии «Союза Степняков», а еше через некоторое время, когда ее муж получил назначение начальником агитационных курсов отдела пропаганды В. С. юга России, отделения в штабе Донской армии. З. П. становится секретарем этих курсов.

При оставлении Новочеркасска в 1919 году агитационные курсы походным порядком уходят на Кубань, и З. П. вплоть до Новороссийска идет вместе с курсами, где верхом, где на санях, но больше пешим порядком.

В последний раз на русской земле я видел З. П. в станице Тимашевской Кубанского Войска, через которую она проходила с курсами, по колено в снегу, в сапогах, в бекеше и донской папахе.

После оставления Крыма З. П. проделала с мужем обычный путь русского эмигранта: Константинополь, Сербия, Чехословакия, Франция. Здесь, в Париже, она похоронила мужа. Оставшись одна с малолетним сыном, духом не пала. Воспитала его в донском казачьем духе, поставив на твердые ноги.

21 декабря 1958 г. З. П. скончалась.

Мир праху донской казачки, сестры милосердия Степного Похода Зине. Да будет легка ей чужая земля!

***

31 декабря 1958 г. в гор. Ментеноне скончалась Елена Адольфовна Аврамова. Чистокровная француженка, урожденная Бодар. Перед войной 1914 г. Е. А. преподавала французский язык в Самарской гимназии. С объявлением войны она оставляет гимназию и уходит на фронт, как сестра милосердия, где работает на перевязочном пункте на передовых линиях. В бою под Молодечно, во время газовой атаки немцев, Е. А. проявляет исключительную самоотверженность, за что награждается Георгиевской медалью 4-й степени.

После революции 1917 г. продолжает работать в полевом госпитале. Смысл и значение октябрьского переворота не только для России, но и для всего мира Е. А. поняла значительно лучше, чем власть предержащие соотечественники, и она вместо того, чтобы перейти под покровительство и в распоряжение французской военной миссии, настаивает на эвакуации ее госпиталя туда, где поднято знамя борьбы с большевиками, — на Дон. Прибыв с госпиталем в Новочеркасск, она, помимо работы в своем госпитале, находит время работать в госпиталях, обслуживающих донских партизан и добровольцев. При оставлении Новочеркасска 12 февраля 1918 г. донскими партизанами Е. А. уходит с ними в Степной Поход на собственной санитарной повозке, хорошо снабженной медикаментами и перевязочным материалом.

В Степном Походе, не состоя ни в каком отряде, Е. А. всегда появлялась со своей повозкой и медикаментами там, где партизанам нужна была медицинская помощь, и она ее оказывала.

Мало кто из партизан, участников похода не знал сестры Лели, или как говорили

многие партизаны, «нашей француженки». За участие в Степном Походе Е. А. была награждена Степным крестом № 247.

После похода Е. А. выходит замуж за степняка-партизана в. ст. П. Аврамова. Став донской казачкой Старогригорьевской станицы, она вместе с мужем работает в литературном отделении Отдела пропаганды В. С. Юга России.

С оставлением Ростова в 1919 г. Е. А. вместе с мужем приглашена профессором Улановым в 3-й агитационный поезд, где муж ее заведует литературным отделом газеты «За родину», а она работает в редакции этой газеты. Там я и встречал ее последний раз на станции Сосыка на Кубани, в поезде, разукрашенном русскими национальными и Георгиевскими лентами.

По оставлении Крыма Е. А., как донская казачка, проходит обычный для русского эмигранта путь — Константинополь, Болгария, потом переезд на ее первую родину — во Францию. Здесь они с мужем поселились в Ментеноне и много лет прожили трудовой жизнью в любви и согласии. Здесь у себя на первой родине Е. А. являлась распространителем идеи антибольшевицкой борьбы. К ее голосу, как участницы этой борьбы, ее соотчественники очень внимательно прислушивались, и она пользовалась всеобщим уважением своих сограждан.

Степняки-партизаны, рассеянные по всему миру, всегда вспоминают добрым словом сестру милосердия — «нашу француженку» и будут вспоминать о ней и после ее смерти словами: «Мир ее праху! Хорошая была сестра милосердия».

Пусть эта краткая заметка о ней будет скромным венком от участников Степного Похода на ее свежую могилу.

А. Падалкин

«СЕСТРАМ МИЛОСЕРДИЯ.»

Вы были видением рая
На смертных безмолвных полях,
Где раненый, ворот сжимая,
В кровавых стонал полуснах.
Вы были видением рая —
Вам крестик казак отдавал,
Земную юдоль покидая,
Где он от страданий устал.
Вы ночи свои коротали
Средь стонов и возгласов «пить»
И вы о себе забывали,
Другим помогая ожить.
Со всеми вы шли на окопы.
И цепи косил пулемет,
Но знать не хотела Европа,
Как доблесть казачья цветет.
Вам руки я нежно целую
За храбрость, любовь, доброту,
За то, что Россию родную
И вы вознесли в высоту.

Н. Евсеев.

НАДЕНЬКА.

(Посвящается моей спасительнице от неминуемой гибели в 1945 году — Josefine Al. DALVAI)

Мы только что пережили очередной налет на Вену, сидя в бомбобежище, похожем скорее на мертвецкую, чем на место защиты от бомб. Попали мы туда с моим станичным писарем случайно, идя утром в Правление нашей Венской станицы. Собралось нас здесь 10 человек. Кроме нас двух русских, остальные были австрийцы — обитатели этого здания. Налет на этот раз был не долгий и нашего района он не затронул. После

отбоя зажгли свет и молчавшие до сего времени люди заговорили. Тема одна и та же: полуголодный паек, террор Гестапо и проклятие войны. Ввиду плохого знания немецкого языка, участия в разговорах мы не принимали, да это и к лучшему, т. к. мы были нежелательным элементом, русскими по рождению и заклятыми врагами. Правда, один старик с перевязанной рукой хотел заговорить со мной, но я показал ему на свой язык и дал понять, что я немой; мой писарь, испугавшись, что старик обратится и к нему, заранее показал ему на свои уши и почему-то развел руками. Старик от досады в свою очередь махнул на нас обоих рукой и ядовито сказал:

— Счастливцы: не говорят, не слышат, а вот если бы еще и глаз не имели — более бы счастливыми были!

Перед тем, как нам выйти из убежища, туда пришла немолодая женщина в полурваной одежде и башмаках с деревянными подошвами, что и выдавало ее, как иностранку, насильно увезенную на работы из одной из стран, занятых немцами. Она, путая немецие слова с русскими, начала просить разрешить ей остаться в бункере, на что одна из бывших здесь дам, свысока на нее поглядев, бросила в ответ:

— Руссэ?

— Да, я... Руссэ...

— Швейне — хераус... (вон) — закричала дама.

Женщина съежилась, прижалась к стенке и зарыдала.

На австрийцев это не произвело никакого впечатления. Никто из них не заступился за несчастную женщину, наоборот. Та же дама с искаженным от злобы лицом подолжала кричать — хераус русски швайн!..

Я не выдержал, взял под руку женщину и, шепнув ей: — Успокойтесь... выйдемте наружу! — повел ее к выходу.

— Вы... Вы... Русский будете? — утирая рукавом слезы, быстро заговорила она. — Слава Тебе Господи! — Она перекрестилась. — Во время посылает Господь добрых людей...

— Вам куда? —

Она посмотрела на меня удивленно и ответила тем же вопросом на ходу.

Нас догнал мой писарь, крича:

— Бежите... бежите... Я плюнул в лицо этой негодяйке-австриячке, и меня хотели бить, но в свою очередь попробовали казачьих кулаков...

Добравшись до сада, мы благополучно скрылись и вскоре оказались у себя в правлении. Оно помещалось в большой табачной лавочке, хазяйка которой была ярой антигитлеровкой. У нее при занятии немцами Вены был расстрелян муж. Она нам очень сочувствовала и помогала во всем, в чем могла. Здесь мы чувствовали себя спокойно и нас никто не беспокоил, кроме зоркого глаза «Гестапо», агенты которого появлялись у нас частенько, ища «ост-арбайтеров», на которых шла усиленная ловля. Но и мы были осторожны. У хозяйки было немало бывших клиентов, знакомых чинов полиции и она легко устраивала прописку на месте жительства приходящих к нам со всех концов Австрии казаков и иногородних из числа тех же «ост-арбайтов» с желтыми значками «Ост«.

Через час, наша новая знакомая, уже переодетая в подаренное ей хозяйкой платье, сидела у меня в «кабинете» и, время от времени утирая лившие у нее из глаз слезы, рассказывала мне свою грустную эпопею.

— Сами-то мы из станицы Константиновской, поди слышали о такой, а может и были когда в ней? — Я утвердительно качнул головой.

— Ну, вот значится и будете знакомы — хотя я лично по рождению из станицы Нижне-Чирской, но детство и замужество провела в Константиновской. Оттуда мы с мужем, сыном и дочкой Наденькой попали в Новочеркасск. Присоединились к Атаману Павлову и с ним пошли в поход. В Новогрудках я потеряла мужа и сына, и вот с Наденькой, пройдя мытарства, попала сюда. Меня устроили прислугой к одному пожилому австрийцу, а Наденьку в лагерь. Работает на кирпичном заводе. Да куда ей! Она ведь у меня ученая! Семилетку с отличием кончила, а потом и в Медицинском институте была. Врачихой хотела быть, да помешала война. Хозяин мой, где я служила, погиб в позавчерашнем налете, дом наш разрушили. Два дня я провела на вокзале и вот сегодня встретилась с моими родными по крови казаками. Я бы была Вам глубоко обязана, г-н Атаман, если бы Вы могли навестить мою Наденьку и сообщить ей, что я жива и здорова. А меня, если можно, устройте куда нибудь. Правда, силы-то у меня не так много, но все же есть-то надо.

Я ее успокоил: «Вы останетесь здесь. Будете помогать нам в хозяйтве. У нас общая кухня для членов правления. Готовим,

правда, не только для себя, но и для случайных, как Вы, нежданных гостей...»

Так, с этого дня, Анна Васильевна Морозова (так звали ее) осталась у нас при станице. Бумаги ее были не в порядке, но при участии нашей доброжелательной хозяйки мы благополучно все устроили, даже добились разрешения у Арбайтсамта, грозного после «Гестапо» учреждения, оставить ее, ввиду слабого здоровья, при станице ввиде уборщицы. Это нам и по закону полагалось.

В лице Анны Васильевны мы нашли мать родную. С раннего утра до позднего вечера, не чувствуя усталости, она готовила, стирала, шила, штопала. Сидеть без дела для нее было мученьем. Она неизменно отвечала:

— И чего ты беспокоишся обо мне, Атаман. Гляди свое дело. На то тебе и власть дана. А в мое дело не суйся. Я сама знаю, когда мне отдыхать надо. Не для отдыха я осталась у вас, а для дела. Кто знает, что с моим Никитушкой и сынком Колечкой сталось, может их уже и в живых нет. Правда, сердце мое не чувствует, что они убиты, но... Сам понимаешь... Ведь сам отец, и сына на фронте имеешь. Тяжка, Атаман, Казачья доля... Но мы ее терпеливо несем. Нас не изменишь. Наша борьба с кошюнниками не умрет. Умрем мы, на смену нам придут родные по крови другие — наша казачья молодежь. Сам знаешь, сколько ее в армии есть. Вот нас клянут за то, что мы пошли с Хитлером. А на кой ляд он нам сдался, этот Хитлер то самый. Мы пошли бороться с красной нечистью и ослобонять нашу дорогую родину и Казачьи края. Восстань тогда Русь против красной нечисти, мы бросили бы его — Антихриста с ликом человека и пошли бы сами освобождать свою родину от супостата. Так думала не только я одна — простая казачка, но со мной и миллионы других женщин — матерей. Поговори-ка с моей Наденькой, она тебе многое расскажет. Она еще молода, но в ней прирожденная горячая кровь предков славных казаков нашего Тихого Дона. И сынок мой такой. Да, и что говорить: казак останется всегда казаком, где бы он ни был, его не изменишь.

В одно из первых воскресений я пошел розыскивать Наденьку. После долгих усилий я наконец попал в один из лагерей для остарбайтов. С трудом добившись пропуска, прошел в женский барак. Меня сразу обступили десятки девушек и начали закидывать вопросами: откуда? зачем? кого розыскиваете?.. Я отвечал, но глаза мои розыскивали среди них Надю, которую я, не ошибаясь, сразу отличил среди них. Невысокого роста, хорошо сложенная блондинка с голубыми умными глазами, смотрящими прямо на человека.

— Послушайте: Вы не Надя Морозова? — спросил я ее.

Она смутилась, о чем то на миг задумалась. Затем, проницательно взглянув на меня, спросила в свою очередь:

— Простите, а кто Вы будете?

— Я атаман общеказачьей Венской станицы, по поручению Анны Васильевны Морозовой, розыскиваю ее дочь Надю. И вот, судя по ее рассказам, я не ошибаясь скажу, что это Вы и есть...

Я заметил, как крупная слезинка покатилась из ее глаз, но она взяла себя в руки.

— Да, я Надя Морозова. Мама жива? Где она?

— У меня.

— Т. е. как у Вас?

— У меня, я же вам сказал — в станице.

— А Вы не шутите? Ну, не томите, говорите правду. У меня отняли отца, брата, отняли м. б. и мать, я одна одинешенька в этой стране «освободителей». Видите, в какой обстановке живем- Для чего нас привезли сюда? Чтобы сделать из нас даровых рабов! Да, мы были ими у нас на родине! Пусть бы лучше там оставались, чем привозить сюда на медленную смерть от непосильной работы и от ненависти к нам. А чем виноваты мы? Разве мы коммунисты? И наша ли это вина, что нам пришлось жить в проклятый Богом век. Кто это поймет? Нас меряют одной меркой с коммунистами. Если ты русский, значит — унтерменш! Грязная свинья. На тебя сыплется брань, сквернослевие и зачастую побои. Вот недавно увезли в госпиталь девушку, избитую сторожем лагеря за то, что та без разрешения покинула на 5 минут лагерь. Сегодня мы узнали, что она этой ночью скончалась. И Вы знаете, что сказал начальник лагеря? — «Собаке — собачья и смерть. Одним пайком станет меньше — кормить этих паршивых свиней.» А у нас вот у многих находящихся здесь — отцы и братья дерутся в их армии. Так, что же, и они, значит, свиньи? Зачем же их было принимать к себе?

Наш разговор мог иметь неприятные для нас последствия — я его прекратил, сказав Наде, что иду к коменданту и попрошу для нее отпуск до вечера.

Комендант был в отсутствии, меня принял его помощник с злыми глазами, пожилой австриец. Не упоминая фамилии, я попросил для девушки разрешения отлучиться до вечера из лагеря. Он долго не соглашался, ссылаясь на то, что девушки должны сегодня отдыхать, т. к. завтра предстоит тяжелая работа. Кроме того, прогулки по городу в одиночку строго воспрещены для живущих в лагерях.

— Но почему же другим иностранцам это разрешается? — спросил я его.

— Да, но это ведь иностранцы, приехавшие к нам по добровольному найму на работу. А эти... эти... (он видимо хотел сказать свиньи, но осекся, т. к. перед ним был тоже русский), — являются принудительными рабочими, без всяких привилегий. Их обязанность работать и работать, а о удовольствиях надо забыть. Это не для них. Вот когда завоюем всю вашу страну, тогда подумаем, что делать с вами.

Ни один из моих аргументов, представленных для получения отпуска, — не помог. С досады я вынул пачку болгарских папирос и хотел закурить. И вот вижу, как жадные глаза коменданта впились в пачку.

— Что это у Вас за папиросы? Русские?

— Нет, болгарские.

— О, болгарские. Я ошень лублу болгарски папирос..., вдруг заговорил он со мной по русски. — Я ошень лублу русски казак... Я был в Сибире 1-ый война... Мне было не плохо...

Мне ничего не оставалось, как предложить ему папиросу, которую он не закурил, а сунул в карман.

— Это для моя фрау, она тоже любит болгарски папиросы...

— Ну, тогда берите всю пачку, — сказал я ему, протягивая коробку. Он не взял, а просто выхватил у меня из рук папиросы.

— Так Вы хотите отпуск для девке? — Как ее звать? Надя Морозова? О, это Надька я знаю хорошо. Работница отличная, но язык... язык... О, ей будет плохо, если она так свободно будет ругать нас. Все же я Вам дам отпуск до вечера.

— А, до утра не дадите?

— Что — до утра? О, нет, и это много, что даю. Другой девка на час не дам. Что она вам родственница?

— Нет, знакомая — наша казачка.

— Казачка! — Ну, канешна — канешна... можно и до утра — но... м. б. у Вас найдется еще лишняя коробка папирос? Пришлите утром с ней. За это она будет получать отпуск не только в воскресенье, но и в субботу после обеда.

Слава Богу, лазейка найдена... Минут через 10 мы, получив отпуск, были уже далеко от лагеря. Всю дорогу Надя была оживленная, болтала без умолку, рассказывая мне о жизни на Дону и пребывании здесь в лагере.

Встреча с матерью была трогательная. Даже мой писарь, Георгиевский кавалер всех 4-х степеней, Иван Данилович Крючков, пролил не одну слезу при свидании Нади с матерью. С этого дня Надя сделалась членом нашей станицы. Благодаря моим связям с влиятельными чиновниками Арбайтсамта, мне удалось ее вырвать из лагеря и устроить сестрой милосердия в один из лазаретов, где было не мало русских, а также и раненых казаков, прибывающих с разных фронтов. Надя скоро очаровала всех, начиная с врачей. Только и было слышно: «Надя устроит — Надя поможет — Надя успокоит». Как-то срочно понадобилась кровь для одного тяжело больного казака — Надя, не задумываясь, предложила свою. Доктор отказался, ссылаясь на ее недомогание, но она настояла, сказав: «Разве не лучше спасти одного бойца, чем заботиться о том, что я потеряю часть своей крови? Ведь я казачка, умирающий тоже казак. Он более полезен будет Вам, чем я, скромная сестра милосердия. Ну, если Вы от этого откажетесь, то я отдаю свою кровь не как сестра милосердия, а как человек из любви к своему ближнему».

Доктор снова стал протестовать, а Надя настаивать, и Надя победила. Вместо ее крови, — доктор пожалел ее, — дал свою, чем и спас умирающего казака.

После предложения Надей своей крови для казака, доктор влюбился в нее по уши. Надя же, как будто не замечая его ухаживаний, относилась к нему более, чем холодно. Как-то вечером, старшая сестра госпиталя вызвала к себе Надю. Она усадила ее рядом с собою и, посмотрев ей в глаза, спросила:

— Скажите, Надя, Вы не влюблены?

— Что? — вскочив со стула, крикнула Надя. — Вы, что, сестрица, шутите или серьезно? Откуда у Вас взялась эта мысль?

— Ну, ну, кипяток, еще не выслушав меня, уже кипишь, — переходя на ты, сказала сестра. — Пошли слушки, что доктор в тебя влюблен и думает сделать тебе предложение. Гляди-ка, какое тебе счастье прива-

лило. Доктор с положением, впереди у него карьера. Кроме того, из хорошей богатой семьи и недурен собой. Правда, он старше тебя намного. Мой совет, если он сделает тебе предложение, не отказывайся! Чего ты теряешь? Не забудь, что ты остарбайка! Несмотря на то, что работаешь у нас в госпитале сестрой милосердия, завтра может случиться и так, что тебя могут отправить обратно в тот же лагерь, откуда ты пришла, и оттуда на фабрику. Идет война. Хитлер побеждает. Он старается прибрать весь мир к своим рукам. Ведь и мы, австрийцы — несмотря на то, что являемся теперь частью его Райха — не что иное, как его пленные. Все обещания его завоеванным странам, что они не потеряют своей независимости — мыльный пузырь. А о самостоятельности вашей родины и думать нечего. Вы были и останетесь — рабами. Вот, в число этих рабов попадешь и ты. Подумай-ка, Надя, что лучше: быть женой немецкого доктора — победителя, или рабыней его родины. Ну, что ты мне на это скажешь?

— Ответ мой будет короткий. Замуж за иностранца я не собираюсь, а тем более за врага, который стремится не освободить от коммунизма мою родину, а наоборот сделать из нее колонию своего Райха. Предпочитаю предложенному Вами счастью все же свободу, какая бы она для меня ни была.. Ни лагерь, ни фабрика меня не страшат. Я — Казачка! Потерпела немало, потерплю и еще. У нас есть пословица: «Бог не без милости, казак не без счастья!» Так вот я буду дожидаться такого счастья, которое мне пошлет Господь, а не люди. Если же придет время, что я должна выйти замуж, то только за казака. Если у Вас будет разговор с доктором, можете ему сказать следующее: он мне симпатичен, но быть женой его я не желаю, так и скажите: не желаю. Если хотите, можете сказать и причину. Последствий я не боюсь. Моя мечта быть на фронте около моих братьев - казаков, и если надо будет, то я готова отдать свою жизнь за любимую родину и свое Казачество.

Старшая сестра, нахмурившись, не нашлась, что ответить Наде, но по ее глазам было видно, что она всецело на ее стороне.

— Можете итти, Надя, — сухо бросила она на прощание.

Вскоре Надю перевели из заразного барака в хирургический, где она оставалась недолго, т. к. положение на фронте становилось все хуже и хуже. Начали поговаривать о полном поражении армии Хитлера и об эвакуации Вены. Участились бомбардировки городов, а вскоре стали и Вену засыпать бомбами не только днем, но и по ночам. Вена вымирала. Большинство ее жителей покидали столицу. Враги нацистов появились из подполья и начали свою подрывную работу. Положение становилось серьезное. Отношение к иностранцам начало меняться. Их уже не считали за скотов и унтерменшей и относились к ним более прилично, чем в предыдущие годы. В один из мартовских дней ко мне в бюро, где я служил, прибежала Надя и с волнением в голосе сообщила:

— Вчера один из больных украинцев моего барака передал мне по секрету, что вскоре сюда придут русские. Эти сведения он получил от советского агента — тоже украинца, служащего в армии Власова. Твоя станица в опасности: обрати внимание на принятого кубанца, а в действительности ничего общего с казаками не имеющего — агента подпольной организации «анконраза». За твоим каждым шагом давно следят. И ты у них стоишь одним из первых, которого при удобном случае ликвидируют. Мой совет: будь осторожен. Проверь своих членов и уничтожь из своего архива все то, что может быть ценным для советчиков. У нас уже говорят об эвакуации госпиталя открыто, не боясь Гестапо, который теряет свою силу. Я лично эвакуироваться не собираюсь. Сегодня буду у Е. и попрошу отправить меня в Италию к Доманову.

— А мать? — спросил я.

— О матери я уже давно побеспокоилась. Она едет с первым транспортом в Джемонну в Казачий Стан. Вместе мы пока быть не можем. Мой долг быть в боевой части, о которой я мечтаю со дня прибытия в Австрию. До сего времени мне это не удавалось. Но вот пришел момент. Ты еще услышишь о Наде — донской казачке. А погибну, — грустно добавила она — поминай меня в молитвах своих. Расскажешь потом казакам, что была такая казачка Надя, любившая свой Тихий Дон и отдавшая за него свою молодую жизнь...»

Я не выдержал и прослезился.

— Стыдись, Атаман, своих слез. А еще старый боевой офицер! Не плакать надо, а радоваться, что мы, казаки, как бы нам плохо ни приходилось, мы не теряем духа даже и тогда, когда видим, что всюду приходит конец. Но это еще не то, что мы складываем наше оружие. Мы еще имеем порох в поро-

ховницах. Не иссякла еще казачья сила. Бог на помощь! Ну, прощай...

До конца марта я не видел Надю. Ее мать действительно через 4 дня выехала в Италию. И вот за день перед оставлением Вены я был вызван к телефону.

— Миша, ты? — слышу, чуть не шопот, чей то женский голос.

— Да, я, кто говорит?

— Я-я... Надя... Миша, бежи... ради всего святого, бежи... Сегодня не ночуй дома... я пришлю тебе адрес квартиры, где ты можешь быть спокоен... Я уезжаю через 2 часа автомобилем в Италию. Не поминай Надю лихом... Прощ... Разговор прервался.

Как сумасшедший, я бегал по телефонным будкам Вены в надежде позвонить Наде в госпиталь. Увы! Телефонная сеть не действовала. Тогда я чуть не бегом отправился, несмотря на данный гудок сирены об очередном налете, в Надин госпиталь, до которого было не меньше 11 клм. Меня останавливали, грозили арестом, насильно тащили в убежище от бомб, но я все же добрался до госпиталя и палаты Нади.

— Где Надя? — спросил я у первой попавшейся мне на глаза сиделки.

— На...дя... — испуганно отшатываясь от меня, ответила сиделка. Надя уехала...

— Куда?

— А как же я знаю... Разве она кому нибудь сказала... Пришел автомобиль. Надя схватила пальто, бросилась из барака и след простыл. Даже ни с кем и не попрощалась. А Вы, простите, господин хороший, не Миша будете?

— А Вам зачем это знать?

— Да...а... так... Беспокоилась она о Вас дюже... Хорошая сестра была... И девка не плохая. Да вот уж больно у нее этой казачьей гордости много было. Казаки для нее были все... Ну, дай ей Бог счастья!! Боюсь вот только одного... не силком-ли ее увезли... Агентов то ихних проклятущих здесь побывало не мало...

С поникшей головой я оставил госпиталь. На следующий день я покинул Вену.

В 1945 году, скрываясь в лесу от «союзников», которые занимались охотой за казачьими черепами, я встретился случайно с одним благополучно спасшимся от выдачи в Лиенце казаком. Он пристально посмотрел на меня и спросил:

— Кубыть, г-н В. С. не Г... вы будете?

— Да. Откуда меня знаете?

— Да, на одной фотографии Вас видел...

— На фотографии?

— Да... с одной сестрицей. Видите-ли, как оно, это самое, получилось-то. Нас англичане выдавали красным, после боя с ними в Лиенце. В число таких попала и вот эта самая сестрица, которая храбро дралась с английскими солдатами, до этого. Я сам видел, как она одному из них камнем раскроила поганую морду. Ну, здесь на нее напали еще 3-е. Она отбивалась, крича: предатели, бандиты, казаки не сдаются... Да, куда там слабой девке справиться с тремя. Поволокли они ее к Джипу ихнему и как куль бросили в кузов... Девка и там не унималась, крича: «Предатели! Будь вы прокляты... Казачество вам вспомнит ваше предательство. Иуды...» Джип, где находилась она, поехал. Мы еще сопротивлялись... Но, настала и наша очередь, да к счастью, как оно это получилось и сам не знаю, мы спаслись, прорвав их кордон. Бежал я с одним станичником по дороге, по котрой проехал джип. Увидали лежаший на дороге бумажник. В нем нашли немного марок и фотографию, о которой я Вам и сказал. Значится, этот бумажник и был этой самой сестрицы, которую увезли англичане. Ребята рассказывали, что мало кого осталось в живых из увезенных в этот день из Лиенца. Их прикончили еще в дороге. Так что и сестрица видно погибла. Ну, что же, значит, ей такая судьба была. Вечная ей память!»

Тайну смерти Нади я хранил долго.

Уже в 1952 году, читая издающуюся в Аргентине газету «Наша страна», я натолкнулся на следующее объявление: «Розыскивается казак В. Д. Никита Иванович Морозов ст. Константиновской, его сын Николай, дочь Надежда — сестра милосердия. Лиц, знаюших о их судьбе, прошу сообщить на имя газеты «Н.С.» для А. В. Морозовой.»

Я тотчас же написал А. В. о Наде, скрасив немного то, что слышал от казака в лесу. Ответа я не получил. Вторично запросил редакцию и мне ответили, что А. В. М. скончалась от разрыва сердца в одном из госпиталей Буенос-Айреса.

Склоняясь до долу перед далекой могилой этой достойной казачки и матери — родившей и воспитавшей в духе любви и верности Тихому Дону, достойную предков своих, дочь Надежду, — я поминаю ее добрыми словами и за все то доброе, что она сделала для казаков О. К. Венской станицы. Царство ей Небесное и вечная память.

Инсбрук. **Михаил Голубов.**

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ ИЗ ДОНСКИХ КАЗАКОВ НА КУЛЬТУРНОМ ПОПРИЩЕ.

(Статья посмертная)

Настоящие сведения ныне покойным терским казаком Б. В. Суровецким, долголетним воспитателем в Донск. кад. корп., где я учился, были им переданы мне на память, как б. воспитаннику корпуса и другу. Полагая, что эти сведения интересны для казаков, особенно донских, прошу Редакцию «Родим. Края» опубликовать их в журнале.

А. Е. Афанасьев.

«... Я тебе пообещал послать список донских казаков, внесших наиценнейший вклад в сокровищницу русской культуры. Обещание исполняю. Мы — казаки: Донец ли, Уралець, Терец ли, Забайкалец, Астраханец и т. д. свято должны чтить имена тех славных казаков, кто создал Славу Казачеству! Вспомним слова нашего Баяна всего Казачества, Петра Николаевича Краснова, предательски выданного Советам, сказавшего о казаках: — «У каждого Войска Казачьего своя история, уходящая в даль веков, к истокам Земли Русской. Казачья история покрыта неувядаемой славой славных походов и боев, сражений и... побед!»

Посылаемый список высокообразованных казаков Дона храни и почитай!

Еще Наполеон сказал: «Меня победили российские морозы и казаки Платова, которые, как надоедливые мухи, жужжали около моих войск, не давая отдыха и покоя ни моим войскам, ни мне. Если бы мне дали только одних казаков, я покорил бы весь мир.»

Аттестация, данная великим Бонапартом нашим казакам — выдающаяся!

О том, как казаки «жужжали» около войск французских, нанося им удары, приведшие к полной деморализации всей французской армии, мы, казаки, и по сей день поем:

По курганчикам летали
На подобье саранчи,
Из кремневочек стреляли
Все Донские казаки...
Знаем, знаем мы Платова,
Знаем, где его сыскать!

А где был Платов? Он с казаками «жужжал» около французских полков.

Донские казаки внесли огромный и ценный вклад в сокровищницу национальной русской культуры. Невозможно помянуть всех Донцов яркого периода 19 в., когда появились: ученые, профессора, художники, писатели, артисты, светочи человеческой мысли. Ярким светом блестят их имена. Слава Войску Донскому, Атаманам, всем Станицам, Хуторам! Слава!..

Я укажу только некоторых:

В. Г. Алексеев — профессор чистой математики и ректор Юрьевского университета.

С. М. Васильев — декан медицинского факультета того же У-та. Автор многих книг по медицине.

И. И. Карташев — директор Томского Технологического Института.

Д. П. Косоротов — профессор медицины, написавший 50 научных трудов по судебной медицине.

И. И. Косоногов — профессор физики Киевского У-та.

И. Д. Сарычев — профессор медицины.

Г. К. Ульянов — ученый языковед, ректор Варшавского У-та. Впоследствии товарищ Министра Народного Просвещения.

Л. Г. Попов — профессор Военно - Медицинской Академии. Ученый патеолог и терапевт.

А. Н. Краснов — путешественник, исследователь степей Америки, Европы, Азии, природы Тянь-Шаня. Профессор географии и ботаники Харьковского У-та. Создатель лучшего в мире Ботанического сада подле Батума и культуры чая, лимонов, апельсин, мандаринов, сахар. тростника и каучука в России.

П. Н. Краснов — Войсковой Атаман В. Донского. Известный писатель. Предательски выдан в Лиенце Сталину с 28.000 казаков.

А. С. Платонов — генерал, ученый артиллерист. Начальник Михайловской Военной Академии.

В. В. Пашутин — начальник Военно-Медицинской Академии.

А. М. Золотарев — заслуженный профессор статистики, основатель и первый начальник Интендантской Академии.

С. И. Иловайский — профессор русского языка и словесности.

И. И. Асеев — профессор горного дела.

П. С. Фролов — профессор чистой математики.

А. В. Миненков — горный инженер. Основатель ртурного дела в России.

Д. И. Мушкетов — ректор Петербургского Горного Института. Сын И. В. Мушкетова, знаменитого геолога, ученого исследователя и путешественника. Тянь-Шень, Памир, Алтай были исследованы и описаны им.

Ф. Д. Крюков — писатель. В ряде многих очерков и повестей ярко изобразил жизнь и быт донцов в конце 19-го в. Еще писатели: **И. А. Родионов, Р. Н. Кумов, Л. С. Попов (Серафимович).**

С. А. Траилин — генерал, офицер Л. Гв. Атаманского полка. Написал оперы «Тарас Бульба», «Стенька Разин», «Хаджи Абрек», «Гашиш», «Рыцарь и фея», и много симфоний, романсов и балетов. Воспитатель детей Вел. Кн. Константина Константиновича.

М. А. Миллер — профессор, ученый археолог с мировым именем, написавший множество научных трудов.

На художественных выставках в Петербурге, Риме, Париже выставляли свои полотна донцы-живописцы: **В. В. Поляков, И. И. Крылов, И. В. Болдырев, Соловьев, А. З. Краснушкин, Н. П. Карпов, М. Б. Греков, И. И. Дубовской.**

Эти ученые, профессора, некоторые из них с мировой известностью, были Донские казаки! Их породил, воспитал и вырастил в своих степных просторах Т И Х И Й Д О Н. Их создало, в бурях военных закаленное, пять веков создавшееся свободное Донское Славное Казачество! Кому неизвестен герой Отечественной 1812 г. войны казак Граф Платов, со своими казачьими Донскими конными полками так способствовавший изгнанию французов с их Наполеоном из пределов России.

Список сей краток и далеко не полн.

Казак станицы Наурской
Терского Казачьего Войска
Нью-Йорк

Б. Суровецкий

ВЫБОРЫ ДОНСКОГО АТАМАНА.

(Ответ Н. М. Мельникова Е. С. Нагибину на письмо, напечатанное в газете «Россия». *)

Во время гражданской войны на юге России Е. С. Нагибин был еще юным «безусым», как он пишет, партизаном и его оценка исторических событий того времени основывается, как он сам пишет, «на словах трех генералов и кое-кого из тогдашних деятелей Донского Войскового Круга». Из трех поименованных им генералов два генерала — С. В. Денисов и И. А. Поляков — были «потерпевшими»: Дон. Войск. Круг, признав их виновными в развале Донского фронта, выразил обоим недоверие большинством ВСЕХ голосов — т. е. нескольких сот представителей всех Донских станиц и фронта — против одного и потребовал от Дон. Атамана ген. П. Н. Краснова немедленного их удаления с постов Командующего армией и Начальника штаба. По человечеству, вполне понятно их враждебное отношение и к самому В. Кругу, и к членам Круга, с позором их изгнавшим, которых — с их слов — Е. С. Нагибин и называет теперь презрительно «этими господами хорошими», «левыми», «государственными мужами». Что касается «кое-кого» из тогдашних деятелей Круга, на которых ссылается г. Нагибин, то таким мог быть, очевидно, только тот единственный из нескольких сот депутатов, который не голосовал за удаление генералов, ибо трудно допустить, чтобы другие стали ругать самих себя. По г. Нагибину выходит, что весь Донской Войсковой Круг, с самого начала не признавший власти большевиков и два с половиной года ведший борьбу с советской властью, состоял из «левых», «оберегавших завоевания революции» — «глубокомысленный» вывод,

*) Печатается в «Р. Кр.» в виду отказа редактора г. Рыбакова, напечатать ответ в «России».

основанный только на том, что Круг осмелился признать неспособным генерала, перед которым преклоняется г. Нагибин! Не думает ли г. Нагибин, что, оскорбляя В. Круг, он оскорбляет все Войско Донское, все станицы и хутора, выбравшие таких «нехороших» депутатов? Если, говоря о «господах хороших», «занявших при попустительстве членов Д. В. Круга стратегические посты правительства» и которые «правили, оберегая завоевания революции», г. Нагибин имел в виду меня, то в данном случае он обнаруживает ту же неосведомленность, при наличии которой ему надо было бы быть скромнее: в 1918 году, когда ген. Поляков был удален с поста, я, бывши раньше, в эпоху А. М. Каледина, председателем сначала Малого, а потом Большого Войскового Круга, а затем Заместителем Председателя Войскового правительства, при выборах в последний Круг своей кандидатуры не выставлял и членом Круга не был и никаких «стратегических» постов не занимал, — наоборот, отказался от поста управ. Отделом Внутрен. Дел, а потом и Юстиции, предложенных мне, не депутату, Донским Атаманом ген. П. Н. Красновым, как отказался потом и от поста Председателя правительства, на который я был приглашен новым Атаманом А. П. Богаевским, вернувшись к своей судебной деятельности в качестве Члена Новочеркасской Судебной Палаты. На назначение Председателем Д. В. правительства я согласился лишь в самую трудную минуту для Войска, по настоянию В. Атамана, поддержанному президиумом В. Круга, в порядке — как выразился А. П. Богаевский — «мобилизации». До этого, в первой половине 1919 года я был назначен В. Атаманом председателем созданной В. Кругом Чрезвычайной Комиссии — с правами ревизующего сенатора — по обревизованию Отдела Продовольствия и Интендантства, когда Обер-Прокурор Донского Сената И. И. Поповский просил освободить его по болезни от тяжелой и ответственной работы. Пост этот не «стратегический», как понимает этот термин г. Нагибин, и ему, кроме того, по молодости лет в то время, очевидно, неизвестно, что мой доклад Атаману и В. Кругу, напечатанный тогда во всех Донских и Кубанских газетах, имел результатом немедленное — в день доклада — устранение от должности министра Продовольствия ген. шт. генерала Ярошевского.

Г. Нагибин занимается «чтением в сердцах», стараясь объяснить мое отрицательное отношение к кандидатуре ген. Полякова разницей наших политических убеждений... Убеждений ген. Полякова я не знаю и ими не интересуюсь и никогда с ним не встречался. Дело не в политических убеждениях и не в политике вообще — дело просто в морали... Мои же убеждения, много раз высказывавшиеся в публичных выступлениях, в том числе и в печати казачьей и общероссийской, свидетельствуют, что ни к какой «партии», кроме казачьей, я никогда не принадлежал, был и остаюсь до конца моих дней «Калединцем», что хорошо было известно всем трем Атаманам — А. М. Каледину, П. Н. Краснову и А. П. Богаевскому — и В. Кругу, почему Донское Казачество и выдвигало меня на посты Председателя В. Круга, Председателя В. Правительства, представителем Дона на Московском Государственном Совещании и в Предпарламенте, в члены — вместе с А. М. Калединым и М. П. Богаевским — Всеросс. Учредительного Собрания, а в последние моменты гражданской войны на Казачьих землях — Донское, Кубанское и Терское Казачьи Войска, объединенные в Верховном Круге Дона, Кубани и Терека, по соглашению с Главнокомандующим Вооруж. Силами на Юге России ген. А. И. Деникиным, остановились на моей кандидатуре на пост Председателя Совета Министров Правительства Юга России. Все это я говорю в ответ на обращенный ко мне г. Нагибиным вопрос, чем я занимался и почему не заменил «бойцов и барышень-девочек, подносивших к жидким цепям Черноповцев патроны и пулеметные ленты». С этим вопросом г. Нагибину было бы уместнее обратиться к ген. Полякову. Нет, не политические мотивы заставили меня высказаться против кандидатуры ген. Полякова: посильно ограждая на всех постах интересы, достоинство и честь родного Войска и всего Казачества, я и теперь, находясь уже в доме для престарелых, счел своим долгом Донца выступить в печати против выпадов Байкалова, а теперь и против кандидатуры ген. Полякова.

Выступил потому, что достоинство Войска и престиж звания Войскового Атамана требует от кандидата безупречности во всех отношениях. Не буду повторяться о «неправдах», «неточностях» и самохвальстве ген. Полякова, о которых писал уже в номере от 6 марта «Нов. Русс. Слова» и в номере 25-м журнала «Родимый Край». Они по существу не опровергнуты г. Нагибиным, ко-

торый предпочел более легкий путь обливания грязью. Об этих неправдах, искажениях, самовосхвалении пишут не одни, по мнению г. Нагибина, люди с «левым уклоном»: прочтите январьский номер монархической газеты «Знамя России», которая, разобрав художества ген. Полякова, заявляет: «утверждения ген. Полякова, **мягко выражаясь,** (подчеркнуто мною. Н. М.) не соответствуют истине. Воспоминания ген. Полякова — эмигрантские мемуары для прославления и популяризации самого себя — создание памятника своей деятельности, **которой вовсе и не было»** (подчеркнуто мною. Н. М.) Это уже оценка неказаков и не «левых», а монархистов. Разобрались в ген. Полякове и братья Кубанцы: Войсковой Атаман вышел из состава Объедин. Сов. Дона, Кубани и Астрахани, созданного ген. Поляковым, а оффиц. орган Кубан. Атамана «Казак» в январе с. г. помещает «Открытое письмо ген. Полякову» Н. Назаренко, занимавшего видный пост в Казачьем Кавалерийском корпусе. Н. Назаренко разоблачает достойное Хлестакова самохвальство ген. Полякова, его ложь и клевету по адресу офицеров и казаков корпуса и приписывание себе деятельности, которой, по выражению «Знамени России», «вовсе и небыло». В номере 25 «Родимого Края» полк. А. Протопопов, Председатель Казачьего Союза в Германии, тоже последней эмиграции, как и Н. Назаренко, отбывший сов. каторгу, в «Открытом письме ген. Полякову» говорит о том же самохвальстве, о приписывании себе не принадлежащих ему заслуг, об извращениях и «неправдах», об обливании грязью казаков — «тех — пишет полк. Протопопов — кого вы собираетесь возглавлять и представлять в эмиграции». Полк. Протопопов задает ген. Полякову вопрос о роли, которую он сыграл в деле ареста англичанами полк. Протопопова в его конспиративной квартире, адреса которой никто, кроме ген. Полякова, не знал; полковник говорит при этом, что ген. Поляков был осведомлен о таких подробностях ареста, которые не были известны даже семье полковника. Запрашивает полк. Протопопов и о взаимоотношениях ген. Полякова с В. М. Миролюбовым, всюду сопровождавшим ген. Полякова по Италии и оказавшимся «советским осведомителем, предателем, загнавшим многих казачьих офицеров на тот свет».

Как — по латинской пословице — «жена Цезаря должна быть выше подозрений», так генерал, на котором тяготеют подобные обвинения и подозрения, не может, не очистившись, быть Атаманом.

Г. Нагибин бросает по моему адресу грязный намек по поводу Донской казны: «мы, ведь, донские казаки, до сего дня не знаем, где она и что с ней сталось»... Полный отчет о Донском имуществе давно опубликован в № 6-ом «Родимого Края» в январе 1956 года и донские казаки, интересующиеся делом, а не выпадами, это знают. Знают они и о том, что книги по отчету — сданные мною потом на хранение, для отсылки впоследствии на родину, когда Дон будет свободным, в Русский Архив при Колумбийском Университете в Нью-Йорке, — были представлены мною Комиссии под председательством донского летчика ген. Баранова, назначенной ген. гр. М. Н. Граббе. Акт Комиссии был в свое время тоже опубликован. «Выстрел» г. Нагибина бьет дальше цели: направленный в меня, он попадает и в последнего полноправного Донского Атамана, избранного на Дону, А. П. Богаевского. В целях экономии средств, направленных на помощь беженцам, А. П. Богаевский сократил состав правительства до двух лиц: председателя пр-ва Н. М. Мельникова и заведующего беженской частью П. А. Скачкова. Чтобы сохранить коллегиальное начало, Атаман сам лично председательствовал в заседаниях, принимая участие во всех постановлениях, передававшихся Войсковому Контролеру, избранному на Дону, А. П. Епифанову. О размерах и формах помощи казакам — и не одним только Донцам, но в силу братской солидарности и казакам других Казачьих Войск — подробно указано в отчете. Таким образом, мой отчет является и отчетом покойного А. П. Богаевского.

По вопросу о мифической «командировке» ген. Полякова «для переговоров» с адм. Колчаком имеется простой и убедительный выход: ген. Поляков не пережил кошмарной эвакуации из России, заграницу выехал в спокойных условиях, а потому мог бы представить свои «верительные грамоты» с подписями Атамана А. П. Богаевского и правительства, а кстати и объяснить, почему он, прожив несколько лет в Югославии, полицейским чиновником, бок-о-бок с Донским Атаманом А. П. Богаевским, не явился к нему с докладом о результатах командировки, каковы бы они ни были. Мне же, как быв. Председателю Донского правительства, доподлинно известно, что командирован к

адм. Колчаку был тогда один ген. К. И. Сычев, который по возвращении и представил письменный и устный доклад Атаману А. П. Богаевскому и мне, как председателю правительства.

В заключение не могу не высказать своего возмущения по поводу выпада г. Нагибина против покойного автора «Незабываемого». Непонравившуюся ему отрицательную оценку ген. Полякова г. Нагибин «оставляет на совести» Н. Н. Краснова, заявляя при этом, что «мертвые сраму не имут», тем самым желая указать на лживость заявлений Н. Н. Краснова, а между тем все те — казаки и не казаки — которые прочитали «Незабываемое», единогласно признают исключительную правдивость покойного, свято выполнившего предсмертный завет своего деда «писать только правду». То, что перед своею смертью Н. Н. Краснов собирался написать об интригах ген. Полякова, все это относится к тому же периоду, по поводу которого он обещал П. Н. Краснову выполнить его завещание.

Печально, что сраму не имут живые.

Н. М. Мельников.

ПАРОМЩИК АРХИП.

(Очерк из казачьего быта)

Хутор Ярской, Усть-Медведицкой станицы, расположен на левом берегу Дона. Хутор этот небольшой — дворов пятьдесят. Он считается бедным, как и его сосед, хутор Шемякин, в котором только двадцать дворов, разбросанных по талам и по берегу большого озера Шемякина, в котором водилось много рыбы и раков. На хуторе Шемякином, по преданию, жил когда-то судья Шемяка, который в старину судил за могарычи и взятки. Иногда казаки станичные суды называли «шемякинскими».

С северной стороны хутора Ярского и Шемякина простираются пески, и там, где-то за этими песками, находятся их песчаные и солончаковые поля.

Хутор Ярской имеет займище с лесом, лугами и озерами. Эти угодья возмещают хутору недостаток хорошей пахотной земли.

Ярские казаки не имеют излишков хлеба для продажи, зато у них лучшие в станице арбузные бахчи.

Их арбузы и дыни охотно раскупают на станичном базаре, а, кроме того, казаки степных хуторов приезжают на Ярской хутор менять пшеницу, или другое зерно, на арбузы и вывозят их десятками возов.

Близость хутора к Дону и займищу, с рыбными озерами, дает возможность ярским рыбакам заготовлять на зиму много сушоной и вяленой рыбы, как для себя, так и для продажи.

Около Ярского хутора устроена станичная переправа через Дон. Большой канат перетянут через реку и укреплен на обоих берегах к крепким сваям. Канат поддерживается над водой четырьмя плавучими понтонами. Вдоль каната и ходит паром. Здесь проходит большая дорога, связывающая много хуторов, разбросанных по обоим берегам Дона или расположенных далеко от него, в степи.

Особенно паромом пользуются летом, когда надолго затихают ветры и хуторские ветряки стоят уныло, опустив свои крылья или, как говорили казаки, «разводят воробьев». Тогда многие хуторани едут на водяную мельницу, находящуюся в пяти верстах от Ярского хутора, на реке Медведице, и переправляются через Дон на ярском пароме.

Эту мельницу построил когда-то дьякон Бурыкин, но он давно уже умер и всем мельничным хозяйством управляет его жена, энергичная, деловая женщина. Мельница стоит на одном дугообразном рукаве Медведицы. Сама река в начале этого рукава перепружена широкой фашинной плотиной, через которую идет дорога на мельницу и дальше, на ярскую переправу. На мельнице день и ночь работает пять жерновов, но, несмотря на это, иногда завозчикам приходится днями ждать очереди.

Предприимчивые мельники приторговывают тут же водочкой, табачком и гостинцами, а казаку-завозчику кажется, что ему ничего не стоит отделить от своих несколь-

ких мешков пудовую меру за табак, водку и гостинцы.

Весь водяной район мельницы, с плотинами и берегами, заросшими ракитником, камышом и кугой, изобиловал разной рыбой, что привлекало сюда много рыболовов из Усть-Медведицы, находящейся в шести верстах от Бурыкинской мельницы. В этом же мельничном районе можно было видеть живописные уголки с тихими заводями, над которыми в таинственном молчании ивы опускали до самой воды свои тонкие золотистые ветви.

Приезжающие сюда на летний отдых художники запечатлели на своих полотнах много живописных уголков. Любители купанья в водных мельничных бурунах и солнечных ванн на чистом прибрежном песке, с восторгом рассказывали после своим знакомым, с каким удовольствием провели они свой летний отдых на бурыкинской мельнице.

— Куда там ваш Крым! Там много искусственного, деланного... А вот у нас в станице, на водяной мелнице, сама природа... Одно очарованье... — рассказывал в Москве своим знакомым казак-профессор, пробыв месяц на бурыкинской мельнице.

— Отдохнул с удовольствием, — часто вспоминал профессор

***

Паромом несколько лет подряд управлял ярской казак Архип Карневич Зотов, человек пожилой, но здоровый и сильный. Да такой и был нужен, потому что перетянуть паром, нагруженный подводами, через Дон мог только сильный человек, каким и был паромшик Архип. На хуторе у него была семья, свое хозяйство, но Архип, пока работал паром, жил около паромской пристани. Там у него была будка с маленьким навесом, под которым он в свободное время плел корзины, сапетки, делал колодки для обуви, починял обувь... Вообще человек был трудолюбивый и знающий.

Ночью паром не ходил, как и во время большой волны на Дону.

— А то канат лопнет, — отвечал Архип, когда у него спрашивали, почему не идет паром?

В обычное время паром вызывали:

— Эй, паромшик! Дядя Архип! Гони паром! — кричали с другого берега подводчики с пристани.

Архип на эти крики не спешил. Слышал их по нескольку раз в день. Сперва откашляется, «слышу», мол, а потом так гаркнет — сычас! — что вьющиеся всегда около парома чайки разлетятся врозь от его громового голоса.

— Ну и толстый голос у тибе, дядя Архип, — говорили ему проезжие.

— Да тут иначе и нялзи, — пояснял паромщик: — ветер дует, Дон широкий... Не будет слышно...

Разместив самое большее четыре подводы, паром отчаливал и шел на другой берег.

— А вы, станичники, подсобляйте, тяните канат: все скорей доедем, — предлагал Архип пассажирам.

Паромщил был очень словоохотливый. Пока паром идет, он расспросит едущих, с какого они хутора, что у них нового; сам расскажет, что он знает или слышал от проезжающих. Таким образом Архип знал многое, что делается в его округе. Зато и его знали многие хутора.

— На днях я перевозил станичного атамана, — рассказывает Архип.

— Ну, а чаво он табе говорил? — спросил один из пассажиров.

— Да чаво: старайси, говорит, Архип Карневич, держи паром в исправности... Авось приказного заслужишь... — А я и говорю: Нет, ваше благородие, в действительную службу, в полку, не привел Господь получить, а на пароме не заслужишь.

В жизни Архипа Зотова был такой случай:

Молодым казаком он служил в третьем казачьем полку. Казак он был немного грамотный, исправный по службе и вот командир сотни решил представить его к званию приказного. Эту сотню прибыл посмотреть командир полка. Во время джигитовки Архип Зотов упал с коня и, конечно, «острамил» всю сотню, как говорил после вахмистр. Командир сотни тоже сделал ему выговор.

— Я на тебя надеялся, а ты оказался хуже артельшика.

После такой неудачи пришел Архип со службы простым казаком, что не могли простить ему его хуторяне, до сих пор его попрекающие, что он «острамотил» Ярской хутор. А весть о том, что казак Ярского хутора, Архип Зотов, упал с коня и ему за это не дали приказного, пронеслась по всем хуторам Усть-Медведицкой станицы, пополнявшей третий полк. Казаки, писавшие в то время из полка своим родителям письма, непременно делали приписку: — А в нашей

сотни такая случилась оказия, — писал казак Ефим Хохлачев на свой Верхне-Фомихинский хутор: — Казак с Ярского хутора Архип Зотов упал на смотру с коня, када жигитовал, а ему за это не дали приказнова.

С тех пор вся станица знала Архипа Зотова.

Прошло уже более тридцати лет с тех пор, но об этом не забыли на хуторах. Часто можно слышать между казаками такой разговор:

— А хто табе это рассказывал? — спрашивает казак своего собеседника.

— Паромщик Архип, — отвечает тот.

— Да это не тот Архип Зотов, какой на службе на смотру с коня упал?

— Он самый, с Ярского хутора.

— Ага-а, знаю, — подтверждает собеседник.

Два раза в летний сезон на ярском пароме бывает большой завоз: во время скотской ярмарки в Ново-Александровской станице на Успенье и на праздник Ивана Постного. Ново-Александровская станица считается самой малой и самой бедной в Усть-Медведицком округе. Ее двенадцать хуторов, наполовину старообрядческих, разбросаны по песчаным берегам реки Медведицы или в ольховых лесах, около болотистых озер, покрытых шамарой, лопухами и разными водорослями. Сама станица расположена на берегу одного высохшего рукава Медведицы, на дороге, идущей через плотину дьяконовой мельницы на ярской паром. В станице не более ста дворов. На площади стоит церковь в память Усекновения главы Иоанна Предтечи, или, как принято называть, Иванушкина образа. Тут же, на площади, находится здание станичного правления, приходское училище и три лавки местных купцов В одной из них, рядом с бочкой дегтя, стоит бак с постным маслом, сверху висят крендели, казачьи фуражки с кокардами, на полках разложен бакалейный товар... Все тут под рукой.

— Так способнее торговать, — говорил хозяин лавки, Матвей Фомич, считавшийся у покупателей любезным человеком. В глухих станицах порядки были свои, домашние, по старинке. Работать там не спешили.

— А иде будуть господин атаман? — спрашивает станичного писаря, приехавший по вызову атамана, казак с хутора.

— Уехал на огневшинской подводе бродить с учителем, — равнодушно отвечает писарь.

— Диковинное дело! — возмущается казак: — Тут дыхнуть некада, а они с бреднем прохлаждаются.

— Ничего — приезжай завтра пораньше, — советует писарь.

— Ага, спаси Христос!.. В такую горячую пору буду я вам тут зря разъезжать.

Казак возвращается ни с чем и ругает всю станичную администрацию.

На скотскую ярмарку в станицу съезжалось много народа. Сюда пригоняли тысячи рогатого скота и много лошадей для продажи, обменивали «ухо на ухо» или с придачей. Маленькая станица в ярмарочные дни совершенно терялась в огромном скопище подвод и скота. Только церковь указывала, что здесь населенный пункт, а не татарский табор.

В другое время, на престольный праздник, 29 августа, в станицу стекалось много богомольцев поклониться «Иванушкину» образу. Этот образ считался чудодейственным, народ верил в его целительную силу, служил ему молебны, брал тут же освященный ладан, помогавший при болезнях.

Большая часть ярмарочного люда и богомольцев проходила через ярской паром. Целую неделю паром непрерывно ходил от одного берега на другой. Работы у паромщика Архипа было, что называется, полон рот. Только и слышно было:

— Давай паром! Чаво задёрживаешь! — кричали нетерпеливые подводчики.

Архипу надоело отвечать — сычас! Он только махнет рукой, откашляется и гонит паром.

Среди приезжающих Архип встречал иногда своих сослуживцев по полку.

— А я думаю, хто этот паромщик Архип? — говорил ему казак Верхне-Фомихина хутора, Ефим Хохлачев. — Уж не тот ли, што на смотру с коня упал?

— Я самый, — подтвердил Архип.

— Скажи пожалуйста, сколько годов прошло, а я не забыл тибе... Архип Зотов с Ярских... Ну, здорово, полчанин! — Полчане расцеловались.

— А ты мине помнишь? — спросил Хохлачев.

— Ну, как же не помнить... Это про тибе бывало говорил взводный урядник Картушин на поверке:

— Вот глядите, казак Хохлачев никада не уснёть на дневальстве на канюшне. Он сам себе скоморошит и сам пляшит. Он таперь магеть все девять колен проделать.

Танцор хоть куда, на весь взвод вышел.

— Да, это ты правду говоришь, — подтвердил Хохлачев.

Полчане вспоминали их совместную службу в полку, поговорили о семейных и хуторских делах, распрощались, пожелав друг другу здоровья от Господа Бога.

Причалив паром и сгрузив подводы, Архип скомандовал:

А ну, хто там на ряду? Заезжай!

Возвращаясь с ярмарки, казак хутора Сенюткина Максим Воробьев, хороший знакомый Архипа, рассказывал на пароме:

— Ярмарка была ничаво сабе, большая. Скота брали много, цены были не плохие. За хорошую пару быков по сто рублей платили. Да и лошади были в цене. Одного вора убили, — равнодушно заявил Воробьев.

— Как убили, за што? — спросил Архип.

— Да один казак Кепенской станицы узнал своего украденого коня у меняйлы цыгана. Ну, тут и пошло! Народ кричить: бей воров! Этого цыгана на месте убили, а всех цыган, и даже их баб, так избили, што вряд ли очухаются: должно быть помрут. Ужасть чаво натворил народ...

— Это же самое случилось и на ярмарке в Краснокутской станице, — заявил Архип. — И там воров побили... Тут мне на пароме рассказывали.

Пока паром шел, Архип продолжал:

— Раз я перевозил двух конных. У них был дюжа хороший заводной конь, буланый, с проточиной во лбу. Я спрашиваю их: Куда, станичники, путь держите?

— По дороге и сбочь дороги, дядя, — говорит один из них. А другой поглядел на мине сурьезно и сказал: — А ты гони паром, да не спрашивай, чаво табе не надо. — Я и прикусил язык. Они сошли с парома, сели на коней и поехали об Дон, к Шемякину хутору. У нас народ давно вящует, что у воров на Шемякином хуторе есть пристанища... Ну, да Бог с ними, надо молчать, а то бяды нашивешь.

— Это точно, дядя Архип, надо молчать, — заметил один подводчик на пароме.

На правом берегу Дона, недалеко от парома, около леса, стоял шалаш рыбака Буерак — Поповского хутода, Поликарпа Кумова. Архип был в приятельских отношениях с Поликарпом, иногда ходил к нему погутарить.

— Вижу я дымок у шалаша, думаю: должно быть Поликарп Митрич шарбицу заварил, — подходя к шалашу, говорил Архип. — Здорово дневал, Поликарп Митрич!

— Слава Богу, Архип Карневич. Я тоже думаю: чаво то Архип Карневич давно не приходил?

— Да все дяла, — ответил Архип.

— Ну, садись, кстати и шарбица и рыба готова... Вместе пополудниваем.

— А я арбуз принес, — сказал Архип.

— Ишо лутчи, закусим, — сказал Поликарп и стал собирать еду на круглую доску, заменявшую стол. Приятели поели ухи и рыбы, закусили арбузом и стали мирно беседовать. Разговор шел о семейных делах и хуторских новостях. Архип рассказывал с том, что ему приходится слышеть от проезжающих на пароме.

— А я, вот, старшего сына Ягора хочу отделить, — заявил Поликарп.

— Да што жа, раз уж срок прошел, значит, надо, — заметил Архип.

— Толькя сумление мине береть: удержить ли он свою хозяйству, — сказал Поликарп. — Уж дюжа он у мине характерный. И мине норовить учить: ты, мол, отец все на старинку гнешь, а таперь не то время... Вижу я, Архип Карневич, старину то мы, старики, блюдем. А вот после этой самой революции и после бунтов молодые люди нас перестали слухать и загоняют в куты...

— Нет, Поликарп Митрич, у мине слава Богу: я со своим сыном ладим. Он у меня за всем хозяйством глядить, а я на пароме служу. Хоть жалованья моя небольшая, а все таки в домашности подсобляю; глядишь и то и се купишь, а она и выходить в аккурат.

— Да и я не сложа руки сижу: все какую копейку принесу в дом, — заявил Поликарп.

Во время беседы наших приятелей послышались крики:

— Дядя Архип! Давай паром!

— Ишь рявуть! Не дадуть и погутарить с человеком, — сказал Архип, прощаясь с Поликарпом.

— Приходи, Архип Карневич, опять шарбицы похлебаем и погутарим по стариковски.

— Да вот, как перемежится народ на пароме, так и приду, — сказал Архип и пошел к парому.

А с другого берега все кричали:

— Эй, паромщик! Гони паром!

— Сычас! — гаркнул Архип.

Тихо, тихо на Дону. Заходящее солнце бросало последние лучи на зеркальную по-

верхность воды, обливая ярким светом паром и могучую фигуру Архипа. Вьющиеся и пронзительно кричащие чайки то поднимались, то спускались над идущим паромом и, казалось, радостно приветствовали своего друга, паромщика Архипа.

— Вот и паром пришел, — говорили подводчики на пристани. — Да уж Архип Карневич службу знает, — сказал один из них.

— Ну, канешна, — подтвердил Архип, причаливая паром. — Заезжай! — скомандовал он.

Подводы установились. Паром тихо пошел на другой берег.

Зальсбург. **И. Тапилин**

В СОВ. КОНЦЛАГЕРЯХ.

Перевод отрывка из книги «Я был рабом в России» Джона Нобля (апрель 1958 г.). Автор книги, несмотря на американское подданство, был арестован сов. властями в Восточной Германии, отправлен в тюрьму, а позднее — в сов. концлагерь на Воркуту, где был не только свидетелем, но и непосредственным участником известного восстания заключенных после смерти Сталина.

« ... Существовал только один способ, как перехитрить коммунистов, и многие заключенные пользовались им. Надо было искалечить себя настолько, чтобы после этого годиться разве только в подметайлы барака или же в сушильщики - истопники.

Однажды вечером, в начале зимы, я спал на нарах, когда страшный крик, донесшийся с другого конца барака, разбудил меня. Быстро вскочив с нар, я увидел заключенного — калмыка, одного из немногих, являвшихся остатком того, что некогда было Калмыцкой ССР. Он был арестован во время Второй мировой войны в борьбе против коммунистов за благо своего народа. Советчики убили и лишили свободы почти 225.000 калмыков, включая детей и женщин, и разделались с «республикой» в 1943 году, когда калмыки отказались бороться за советских угнетателей.

Заключенный стоял в середине прохода. В левой руке он держал топор, украденный из шахты. Глаза всех были устремлены на него. Он положил правую руку на табуретку, стоявшую под электрической лампочкой.

«Советские черти! Больше не работаю!» закричал он во всю силу легких. При этом он с силой опустил топор вниз, и четыре пальца его правой руки отделились. Он поднял обрубок, и кровь, бившая струей, залила ему лицо и одежду. Силой удара пальцы были отброшены на пол. Глаза его горели дикой гордостью. Он обмотал обрубок руки двумя грязными тряпками, вполз на свое место на нарах и долго завывал от боли, ругая коммунистов.

Он провел 2 месяца в лагерной тюрьме, но больше уже никогда ни одного дня ему не пришлось работать на МВД».

США Сообщил **Н. Воробьев**

В КАЗАЧЬЕМ СОЮЗЕ.

12 июня с. г. в Париже состоялось общее собрание Казачьего Союза. Председателем собрания был выбран Н. М. Мельников, секретарем — П. И. Джалюк. Были сделаны доклады председателем Союза Б. А. Богаевским о деятельности правления Союза за истекший год (с июня 1959 г. по июнь 1960), казначеем М. И. Кошелем — о состоянии кассы Союза и председательницей Дамского Комитета Каз. Союза Н. И. Богаевской — о деятельности Комитета.

Доклад председателя Союза Б. А. Богаевского. Как и прежде, Каз. Союз является организацией не политической и не партийной в том отношении, что он не проводит никаких политических взглядов за исключением антикоммунистических. Каждый казак любого Войска, каковы бы ни были его

личные политические воззрения, его убеждения, может принять участие в нашей работе или обратиться к нам за помощью, но при обязательном условии не сочувствовать коммунизму и не заниматься политикой в сфере Союза. Для нас нет разницы монархист ли он, националист или федералист, «поповец» или «поляковец», для нас это казак, который нуждается в нашей помощи или желает с нами работать. Нас осталось немного, живем мы в такое время, когда можно ожидать всяких неприятных сюрпризов, а наши немногочисленные силы разбросаны по очень многим политическим кружкам, объединениям, единениям, которые никак не могут между собой сговориться. Поэтому существование большой мощной организации такой структуры, такого типа, как Каз. Союз, т. е. без политики и без партийности, является насущной необходимостью, дабы дать возможность всем тем, кто еще чувствует себя казаком, работать на благо казачества. Сама жизнь это доказывает. В этом году наш Союз увеличился еще одной организацией — отделом Чернецовцев - Семилетовцев, т. е. теми людьми, которые в свое время первые подняли знамя борьбы с большевизмом и для этого все принесли в жертву.

В Союз поступают казаки, находящиеся не только во Франции: из Австрии, в конце прошлого года к нам поступило заявление от большой группы казаков с просьбой считать их членами Союза. Недавно прибывшая из Китая в Швейцарию группа сибирских, оренбургских и уральских казаков просит о том же. Я не буду говорить об одиночках, разбросанных по всем странам мира по эту сторону «железного занавеса»: укажу лишь, что такие имеются и в далекой Австралии, и еще более далекой Индии, и в Чили, и в Бразилии, и Парагвае. Поступают заявления в Союз и от отдельных лиц не казаков. Как и у нас, в Германии образовался свой Казачий Союз, с которым мы работаем в самом тесном контакте, и который стоит на той же платформе, что и наш Союз.

Теперь я вам дам краткий отчет о том, что было сделано правлением Союза совместно с Дамским Комитетом за истекший год.

Хлопоты об открытии отдельного Дома для престарелых казаков не увенчались успехом — нам отказали, указав главной причиной то, что большинство людей, за которых мы хлопочем, уже находится в старческих домах, т. е. уже устроены, а все продолжающие прибывать беженцы из Китая должны быть устроены в первую очередь. Но тем не менее мы начали хлопоты в других организациях. Будут ли они иметь успех — покажет будущее.

В ноябре 1958 г. для пополнения кассы Д. К. была устроена благотворительная вечеринка, в январе с. г. в залах мерии города Булони — наш традиционный ежегодный бал. К сожалению, он не имел такого материального успеха, как обычно, несмотря на первоклассную концертную программу. Одной из причин было то, что как раз 16 янв. наступили сильные морозы, а другой... что все мы постарели, стали менее подвижны и многих пугало далекое путешествие в Булонь, хотя это «предместье» Парижа неразрывно связано со столицей. Поэтому в будущем году правление решило устроить бал в центре русского Парижа в мерии 15 арондисмана.

27 дек. была устроена елка для казачат, которых было в два с половиной раза больше, чем в позапрошлом году. Им всем были розданы подарки и устроено обильное угощение.

На Красную Горку Д. К. была устроена встреча для взаимных пасхальных поздравлений. На Р. Х. и на Пасху нашим старикам были разосланы подарки. Более подробно о нашей благотворительной работе вам доложит председательница Д. К., на который возложена большая часть этой деятельности.

Но работа Союза не ограничивается лишь благотворительностью и помощью моральной и материальной.

Как обычно, совместно с каз. организациями Парижа, с Союзом Казаков-Комбатантов и другими достойным образом были отмечены наши памятные дни: Войсковые Праздники и день Покрова Пресвятой Богородицы, День Казачьей Скорби, годовщина Лиенцевской трагедии.

В конце прошлого года в Германии была устроена Союзом борьбы за освобождение России (СБОНР) и Центральным Объединением полит. эмигрантов (ЦОПЕ) подвижная антикоммунистическая выставка, которую посетило более 350 тысяч человек. По просьбе устроителей выставки правление Каз. Союза помогло им в монтаже цветного фильма о борьбе казаков с советской властью во время последней войны и в частности о выдаче в Лиенце.

Говоря о нашей так сказать культурной работе, необходимо сказать несколько слов о журнале «Родимый Край». Хотя он издается Донским Войсковым Объединением, но по существу он является не исключительно донским журналом, а органом обще-казачьей мысли. В нем принимают участие казаки всех Каз. Войск. Наличие своего независимого, внепартийного каз. журнала имеет большое значение: оно позволяет сгруппировать наши интеллектуальные силы и, помимо поддержания «духа казачьего», позволяет казакам общаться друг с другом, высказывать свои мысли, изучать нашу историю, наш быт, розыскивать близких, а не заниматься партийной или личной полемикой, которая так часто принимает некорректные формы. «Родимый Край», рассылающийся почти по всем странам свободного мира, является связывающим звеном между казаками, разбросанными по всему белому свету. Именно благодаря ему, казаки в других странах часто узнают о существовании нашего Союза, именно он привлекает казаков своей беспартийной чисто казачьей программой. «**Р**. К.» уже прочно завоевал себе место среди зарубежной национальной печати. Известен он и иностранцам: выписывают его библиотека Колумбийского Университета в Америке, и Институт по изучению СССР в Германии, и библиотека Вашингтонского Конгресса США.

Издается он попрежнему на ваши же казачьи средства, т. е. на деньги, вырученные от его продажи и на пожертвования отдельных казаков в фонд его издательства при полной безвозмездной работе всех его сотрудников и руководителей. Никаких субсидий ни от кого редакция журнала не получает.

В данное время редакция «Р. К.» подготовляет издание иллюстрированной книги о Ермаке Н. М. Мельникова. Для издания сборника в достойном виде, на хорошей бумаге, нужны средства и немалые. Сейчас собрано среди казаков, главным образом среди донцов, более 1200 нов. франков (120.000 старых). Этого, конечно, недостаточно. Но мы надеемся, что приток средств еще не окончился и казаки всех Каз. Войск еще внесут свою лепту в это обще-казачье дело.

Помимо этого, редакцией «Р. К.» получено крупное пожертвование от лица, пожелавшего остаться неизвестным, на издание отдельной брошюры нескольких рассказов донского писателя П. М. Аврамова. Если это начинание увенчается успехом, то вырученные от продажи книжки деньги могут пойти на издание отдельными брошюрками и произведений других каз. авторов бытового, исторического и экономического характера.

О нашем финансовом положении вам доложит наш казначей М. И. Кошель. Наши расходы складываются из пособий, ссуд, стипендий, расходов по организации памятных дней (объявления в газетах, платы за церковные службы), заботах о наших стариках и больных и по переписке. Последняя значительно увеличилась. За этот год мне пришлось написать более 750 писем, вместо 450 в прошлом году. Такая переписка требует уже наличия хотя бы небольшой канцелярии, но этого не позволяют наши финансовые возможности.

Наши доходы, увы, не велики: выручка с бала и добровольные пожертвования в Дамский Комитет. Если приход с бала был меньше, чем в прошлом году, то пожертвования в Д. К. увеличились.

Заканчивая на этом свой доклад, я напоминаю еще раз, что Казачий Союз организация не политическая и не партийная — каждый казак, каковы бы ни были его личные полит. воззрения, кроме, конечно, коммунистических, может и должен войти в Союз. Нам давно пора оставить наши политические разногласия, деление на правых и левых, на «поляковцев» и «поповцев» и людей всяких других мастей, а помнить лишь то, что все мы казаки. Ведь, чем нас будет больше, тем больше мы сможем сделать, тем продуктивнее будет наша работаь»

Председатель собрания Н. М. Мельников отмечает общеказачий характер Союза, объединяющего казаков **всех** Казачьих Войск, и подчеркивает наличие в Союзе чисто «калединского» единения при отсутствии партийных и др. разделений.

Доклад председательницы Дамского Комитета Каз. Союза Н. И. Богаевской. Как и прежде, целью существования нашего Комитета является оказание моральной и материальной, по мере наших скромных возможностей, помощи казакам всех Каз. Войск.

За этот год количество наших питомцев увеличилось. Так, в 1959 г. на Пасху нами было послано 105 посылок (189 кг.), а в 1960 г. — 154 казака и казачки получили от нас пасхальный пакет. Всего нами было послано 308 кг.

Из разных углов не только Франции, но

и других стран Европы приходят к нам призывы о помощи от больных и престарелых казаков, заброшенных судьбой в какой нибудь лагерь или католическую богадельню. В течении этого года в ответ на эти призывы о помощи нами было разослано 711 кг. носильных вещей и продуктов.

Вдумайтесь в эту цифру — без малого 3/4 тонны... Результат не плохой, но чтобы его добиться, казачкам Д. К. подчас приходится ходить почти что с протянутой рукой, т. к. постоянных средств у нас нет и их приток зависит от доброго сердца тех людей, которые не достигли еще предельного возраста и помнят о наших «дедах». Помогает нам и Казачий Союз по мере своих возможностей, но и они не велики, а горя и нужды на земле много.

Работа Д. К. не ограничивается только посылкой вещевых и продовольственных посылок, книг и журналов. Наши казачки посещают больных казаков по госпиталям, санаториям, и даже по домам для сумасшедших. На нас же лежит и организация буфетов на благотворительных балах и вечеринках и др. каз. встречах.

Нам удалось установить тесный контакт с Социальным Отделом Министерства Труда, что дало нам возможность перевести нескольких казаков из католических богаделен в более благоустроенный Русский Дом в С. Рафаеле на Кот д'Азюр. В даное время мы хлопочем о переводе другой группы из Шартра в Иер, там же на юге, о переселении одного кубанца, находящегося одиноким в госпитале деп. Воклюз, в санатории Бревен, где уже находится несколько наших «питомцев». Благосклонное отношение этого Отдела позволяет нам хлопотать и о том, чтобы «дела» казаков о старческой пенсии продвигались без задержек, что часто случается с лицами, праживающими в провинции.

Разными делами приходится заниматься Д. К. Б конце зимы нами было получено письмо от одного донца с просьбой помочь ему приобрести инвалидное кресло. Человек без обоих ног. В течении 6-ти последних лет сидит безвыходно в четырех стенах, не имея возможности передвигаться.

«Поверьте мне, — пишет он — что добрые люди поймут просьбу калеки, которому умирать еще будто не время, а сидеть на одном месте 6 лет очень тяжело, ибо так хотелось бы хоть изредка посмотреть, что делается на белом свете. А для этого нужно кресло, которое быть может Вы сможете для меня достать.»

Дамский Комитет сразу начал хлопоты и две недели тому назад наш донец оповестил нас о получении им от той благотворительной организации, которой было подано наше прошение, каталога с моделями инвалидных кресел на его выбор.

В списках Д. К. имеется группа казаков, находящихся во Франции, прибывших с Дальнего Востока. То, что им пришлось пережить в красном Китае до того, как им удалось оттуда выбраться — не поддается описанию. Во Франции они уже скоро два года, но только недавно им удалось установить контакт с нами. Эта группа чувствовала себя совершенно одинокой и была какой то запуганной. Долгое время она не решалась обратиться со своими нуждами в Д. К. Вот выписка из их письма, присланного нам, после получения ими наших посылок:

«Безконечно благодарим вас за посылки с носильными вещами. Вот уже больше года, как мы находимся здесь, и ваша дорогая нам организация первая откликнулась на наш призыв, обездоленных, с большими трудностями вырвавшимися из красного Китая, между тем как во Франции множество всевозможных русских организаций».

Трудна работа Д. К., не имеющего никакого постоянного бюджета. Все мы заняты, кроме того, добыванием «хлеба насущного», заботами о наших собственных семьях, времени и сил у нас мало, но в то же время, когда получаешь письмо, где чувствуется искренняя благодарность до сих пор заброшенного человека (а таких писем я могла бы вам привести «великое множество»), или когда при посещении госпиталя или санатория встречаешь радостный взгляд со словами благодарности — забывается и трудность работы и усталость, и хочется верить, что наши братья казаки, имеющие возможность, помогут нам и в дальнейшем, как некоторые из них помогали до сих пор. От лица обездоленных большое им казачье спасибо...»

После доклада председательницы Д. К. казначей Союза М. И. Кошель сообщил о положении кассы и огласил акт Ревизионной Комиссии, указавшей, что в кассе имеется 2096 новых фр. 51 сант. (209.600 фр. 51 сант.).

Собрание постановило выразить благодарность членам правления Союза и Ревиз. Комиссии за их деятельность и особо горячую благодарность Дамскому Комитету за

его самоотверженную работу на пользу казачества в изгнании.

От имени вновь вошедших в К. С. Партизан (чернецовцев, семилетовцев, дудаковцев и др.) М. И. Кацманн в кратком слове призывает не терять надежды на лучшее будущее в связи с надвигающимися переменами на полит. горизонте и предлагает обратиться с призывом во все страны (с помощью журнала «Родимый Край») для привлечения новых сил и средств в К. С.

По предложению члена собрания Н. П. Казинцева производится сбор денег среди присутствующих для пополнения кассы Союза. Собрано и передано казначею 125 н. фр. (12.500 старых).

Закрывая собрание, его председатель Н. М. Мельников подчеркивает еще раз необходимость единения всего казачества на беспартийной чисто казачьей «калединской» платформе и указывает на большую работу, проделанную в этом отношении как правлением К. С., так и редакцией «Родимого Края».

У КАЗАКОВ В ГЕРМАНИИ.

Протокол собрания донских казаков, проживающих в г. Мюнхене, по вопросу об избрании Донского атамана в эмиграции. 15. V. 1960 г. Присутствует 19 человек. Собрание было созвано руководством Казачьего Союза в Германии, Донской казачьей станицы в Баварии и Казачьего Военного Союза.

В президиум единогласно избраны Председателем полк. А. М. Протопопов и Секретарем проф. М. А. Миллер.

По вопросу об избрании Донского Войскового атамана, и в частности о кандидатуре ген. И. А. Полякова, сделал обширный доклад полк. А. М. Протопопов, причем зачитал ряд выдержек из статей в казачьей прессе, осуждающих деятельность ген. И. А. Полякова и его книгу «Краснов - Власов».

После доклада состоялись выступления ряда присутствующих на собрании казаков, указывавших на незаконность и недопустимость выборов на пост Донского Войскового Атамана И. А. Полякова, как единственного кандидата, в то же время по своим моральным качествам и поведению совершенно не отвечающего высоким требованиям, предъявляемым к Донскому Атаману, как представителю всего донского казачества в эмиграции.

По окончании прений собрание единогласно постановило:

1) Кандидатуру ген. И. А. Полякова на пост Донского Атамана категорически отклонить.

2) Выборы Донского Атамана отложить до тех пор, пока казачья общественность, путем собраний и обмена мнений в прессе, сможет договориться и выдвинуть других, не менее 2-х, более достойных кандидатов, так как при одном кандидате никаких выборов вообще не может быть.

3) По предложению есаула Тильева принято постановление: Если ген. И. А. Поляков будет выставлять свою кандидатуру в Донские атаманы и в дальнейшем, предложить ему опубликовать отчет о своей деятельности в качестве атамана и отчет финансовый. Главную Центральную Избирательную Комиссию в США, назначенную И. А. Поляковым единолично и не из казаков (Веселовский) считать незаконной, так как такая комиссия должна быть избрана и из природных казаков.

4) Настоящий протокол опубликовать в казачьей прессе.

Председатель **Протопопов**

Секретарь **Миллер**

Приложение к Протоколу Общего Собрания Донских казаков, проживающих в г. Мюнхене и его окрестностях, состоявшегося 15-го мая 1960 года.

Во избежание введения Донских казаков в заблуждение, фальсификации и шантажа в вопросе выборов Донского В. Атамана, считаем необходимым присоединить к Протоколу Общего Собрания настоящее наше заявление:

Несмотря на полную договоренность Правлений: Казачьего Союза, Донской Станицы в Баварии и Казачьего Военного Союза по вопросу выборов Дон. В. Атамана, со-

браться всем Донским казакам 15-го мая с. г. в ресторане на Фрауен штрассе № 40, неказак Б. Н. Милов (настоящая фамилия его Игнатов, под которой он проживал в Париже), пытался сорвать общий сбор донских казаков в г. Мюнхене, дабы потом сфальсифицировать ложный протокол из мертвых душ, как это он сделал 5-го июля 1959 года, поместив выписку из несуществующего протокола Донской Станицы в Баварии, в журн. Донского Атаманского Вестника № 39, согласно (в действительности одногласно Миловым) была выдвинута кандидатура ген. И. А. Полякова. Эта выписка фальсификат, т. к. 5-го июля 1959 г. никакого общего собрания членов Дон. Станицы в Баварии не было! Указанного числа заседала лишь ревизионная комиссия станицы на частной квартире Председателя Ревизион. Комисии Н. П. Пашутина.

Г-н Милов, желая, очевидно, повторить фальсификацию, назначил собрание членов Дон. Станицы в Баварии на 14-го мая с. г. в библиотеке имени Стивисона, воспользовавшись «любезностью» Американского комитета, и пригласил голосовать не только казаков и уроженцев В.В.Д., но и всех тех, кто с оружием в руках побывал на Дону, т. е. бывших солдат и белой и красной армий.

Несмотря на бешеную агитацию, от часа дня до 8-ми часов вечера, посетили его комиссию всего лишь четыре человека и в этом числе представитель Каз. Союза и член контрольной комиссии, И. Т. Агафонов, ходивший в целях наблюдения за действительным числом «выборщиков» у Милова.

На общем собрании донских казаков 15-го мая с. г. в ресторане на Фрауен штрассе № 40, действительно голосовало против кандидатуры ген. И. А. Полякова 19 (девятнадцать) человек, как это указано в протоколе выше.

14-го мая с. г. в библиотеке имени Стивисона на Лессинг штрассе присуствувало всего лишь, совместно с комиссией, 6 (шесть) человек, что настоящим удостоверяем.

Член Станичного правления Донской Станицы в Баварии и Председатель Контрольной Комиссии **Н. П. Пашутин.**

Член Правления Казачьего Союза и Контрольной Комиссии по выборам
И. А. Агафонов.

Член Правления Казачьего Военного Союза и Контрольной Комисси по выборам
Есаул Г. О. Тильев.

У КУБАНЦЕВ В ПАРИЖЕ.

5 июня с. г. в помещении при церкви Св. Николая в Бианкуре правление Кубанского Объединения во Франции дало отчет о своей деятельности за истекший год.

Председателем собрания был выбран полк. Ступников, секретарем А. М. Огиенко. Председатель Объединения сотн. М. Л. Малышко сделал доклад о том, что было сделано за год, и указал, что нынешнее правление из за ухода председателя полк. Галушкина, назначенного представителем Войскового Атамана на Францию, является временным и попросил собрание или утвердить состав правления, или произвести перевыборы. Собрание единогласно утвердило существующее правление в составе: председатель сотн. М. Л. Малышко, вице-председатель — Г. С. Новиков, секретарь — ес. А. Н. Толбатовский, казначей В. А. Соколов, члены правления — А. М. Огиенко, полк. К. Т. Богданов, запасные члены — полк. Зайцев и сотн. Кошель. Председатель Ревизионной комиссии Ф. Ф. Пеница дал отчет по проверке кассы, оказавшейся в полном порядке. По просьбе В. А. Соколова, заявившего о выходе из состава правления в виду его отъезда из Франции, новым казначеем был выбран А. М. Огиенко, а В. А. Соколову выражена благодарность.

Ввиду столетия образования Кубанского Войска, председатель Объединения М. А. Малышко сделал краткий, но содержательный доклад о его истории.

По решению Наградной Комиссии при управлении В. Атамана в Нью-Йорке были награждены бронзовой медалью 2-й степени полковники Галушкин, Лозицкий, Ступников, Богданов, ес. Толбатовский, сотн. Ма-

лышко, вахм. Новиков, казак Пеница и госпожа Пеница. Полк. Сменов по политическим соображениям от медали отказался, за что был сурово осужден присутствующими казаками. На медали, на русской и на кубанской национальных лентах, выгравированы кубанский герб и инициалы Екатерины 2-й, на оборотной стороне — «За заслуги Кубанскому Войску».

После окончания оффициальной части присутствующие кубанцы и их друзья были приглашены к закусочному столу, устроенному Кубанским Дамским Комитетом с его неутомимой председательницей Е. И. Пеницей. Председатель Донского Войскового Объединения В. Н. Романов произнес приветственное слово, указав, что по его мнению самая большая спайка существует сейчас у кубанцев. В ответ кубанцы дружно спели «Эх, Кубань, ты наша Родина».

Весело, в дружеской и приятной обстановке, провели казаки и казачки остаток дня. Под музыку приглашенного гармониста, лихо отплязывали наурскую и казачка́, пели казачьи песни, вспоминая родные станицы.

Не забыли еще кубанцы, что они дети вольной Кубани...

Г. Новиков.

ЛИЕНЦ

У могилы вечного упокоения казаков и казачек, отдавших свою земную жизнь во имя жизни казачества в свободе и справедливости.

По случаю пятнадцатой годовщины насильственной выдачи казаков и их семейств «защитниками цивилизации» англичанами Советам, в г. Лиенце в Австрии, на братском кладбище 29-го мая с. г. была отслужена торжественная панихида.

Как никогда, в этом году на панихиду собралось большое число молящихся, чему особенно благоприятствовала прекрасная солнечная погода, стоявшая во всем Тироле. Два «Фольксваген», автобуса из Мюнхена, привезли в Австрию гостей из Германии, в том числе: Председатель Казачьего Союза в Германии полк. Протопопов с представителями каз. ор-ций из Мюнхена, Нюрнберга, Карлсруе и Франкфурта на Майне. Атаман Кубанской Станицы в Мюнхене в. ст. С. Шершнев и его зам. полк. Ф. Дьяченко, члены правления Дон. Станицы в Мюнхене ст. Агафонов и Смирнов.

Из Германии также прибыли П. Поляков и Предс. Каз. Военного Союза ст. С. Зотов и др.

Прибывших гостей с теплым радушием встречали: Предс. О-ва Содружество Лиенц ст. Чонгов, члены правления Каз. Станицы в Лиенце ст. Костромин, Киреев, а также ст. Ф. Финяк и другие.

Особенно трогательна была встреча «братьев по Сибири», казаков, выданных из Лиенца, побывавших в тюрьмах и лагерях Сибири и ныне милостью Божией оказавшихся на свободе. Справедливость требует отметить отсутствие в этом году на панихиде казаков из группы И. А. Билого и их быв. командир сотни полк. Протопопов выразил сожаление, что не видел бывших своих лихих соратников.

От казаков были возложены три прекрасных венка, в том числе один венок от Каз. Нац. Культурного Объединения в Америке, который по просьбе ст. Н. Е. Ковалева возложили ст. Костромин и Киреев.

После панихиды состоялась совместная трапеза, которая закончилась поздно вечером в ресторане в городе пением казачьих гимнов и молитвой Шамиля. На панихиде кроме казаков и русских присутствовали также и много австрийцев, очевидцев насильственной репатриации, когда многие казаки и казачки, пытавшиеся переплыть р. Драву, беспощадно и бессердечно расстреливались английскими солдатами и их трупы уносила бурная Драва!

Поздно вечером гостеприимные хозяева дружески и по братски проводили своих гостей в обратный путь.

Сотн. Сабельников.

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ СУРОВЕЦКИЙ.

4-го апр. с. г. от тяжелой болезни скончался в Нью Йорке Войсковой Старшина Б. В. **Суровецкий.** Терский казак станицы Наурской, родился 21 февр. 1884 г. По окончании 2-го Московского Имп. Николая I кадет. корпуса, в 1903 г. он поступил в Николаевское Кавалерийское Училище. В 1913-14 г.г. кончил в СПБ Педагогические курсы.

В своем Войске Б. В. служил во 2-м Горско-Моздокском и в 1-м Кизляро-Гребенском полках. В 1912 г. Б. В. был назначен воспитателем в Донской Имп. Александра III кад. корп. В 1918 г. участвовал в Первом Кубанском Походе («перво-походник»). В эмиграции Б. В. продолжал свою педагогическую деятельность в том же Донск. кад. корп. в Югославии вплоть до его ликвидации.

На Дону он близко узнал Войско Донское и, полюбив его, как и свое родное Терское, гордился им, радовался его славе и удачам и болел его горестями.

Шел ему 8-й десяток лет. Но он крепился и шутил. Вспоминал слова мудреца, современника Аристотеля, который сказал: «Мужчина от 20 до 30 лет — молодец; от 30 до 40 лет — он еще молод..., а от 70 и выше он... безконечно молод!»

Но это его шутки. Жизнь современности Б. В. переживал тяжело, не говоря уж про его личную жизнь на старости лет.

В одном из своих писем он писал:

«Смотри, ведь, время-то какое переживаем! Верующие в Бога пытаются «сосуществовать» с... дьяволом, невозвращенцы становятся возвращенцами и потом вновь бегут от «благодетелей». Друзья становятся врагами, враги — друзьями, а в том «бедламе» действительно трудно, почти невозможно, разобраться, кто — друг, кто — враг, где Истина, где ложь, где идея и где ловля глупой рыбки в мутной воде. Поистине становится не только тошно, но и жутко! Далеко ходить не приходится. Я — терский казак, но с душевной болью переживаю нелады у Донских казаков. Двуатаманство: Попов — Поляков, некрасивая история; история, пятном ложащаяся на светлое наше казачье имя!»

Любил Б. В. вспоминать казачьи песни, слова, словечки. Иногда он писал:

«Борис В. Суровецкий, казак с Терека, станицы Наурской. — Собирались, съезжались всё донские, да Гребенские казаки, мы — терцы, строившие свои границы по Гребням Кавказских гор, по Тереку со его притоками!»

Не был он чужд и поэзии и при случае давал волю своему перу. Вот:

Вечно быть казаку
На Российском посту
Слугой верною!
И на каждом шагу
Защищать всю страну
Рукой смелою...
Знать мысль казака,
Она есть и была,
Чтоб Россия жила
Всегда целою, неделимою.

Моментами ничто не могло сдержать пламенную казачью лирику Бориса Васильевича. Она вдруг, как искра, вспыхивала и взлетала из души:

Где чекмень казачий?
Где шашка острая, ружье и пика?
Где фуражка донская, на-бекрень
сдвинутая с чубом казачьим?
Где конь казачий, боевой, с походным
вьюком?
Где моя черкеска с бешметиком цветным, кинжалом,
Серебром и золотом оправленным?..
Эх, судьба наша горькая, лютая!
А, ведь, было когда...
Сотни лет от врагов, как орлы, берегли
Дорогие, родные границы...
Под знаменами славы двуглавых орлов,
Побывав, где угодно на свете,
Казаки умирали без жалобных слов,
Наши деды, отцы — строили станицы,
На окраинах русской великой Земли
Как победы любимые дети...
Казаками родившись, мы ими умрем,
Но Россия — нам мать дорогая
И ее сохраним мы в сердце своем...
Хотя мы и в эмиграции, но...
Не застыла, и не застынет казачья
кровь,
И к борьбе за родные станицы,
просторы —
Казаки, как бывало, поднимутся вновь,
Позабыв нелады и раздоры наши,
Происшедшие на чужбине...

Пусть эти строчки не вправлены искусно в полагаемые нормы стихосложения, но в них — вся пламенная казачья душа Б. В., то, что **так** дорого, ценно и любо казаку на чужбине.

Редкие его письма не кончались слова-

ми: — Слава Войску Донскому и Станицам - Хуторам!

И то, что выше приведено, нам рисует, каков был этот славный Терец и Донец одновременно. Как воспитатель, он был строгий ,но справедливый и добрый.

Вечная память Борису Васильевичу **Суровецкому**, а его супруге Вере Владимировне наша любовь и низкий-низкий поклон...

Нью-Йорк.

А. Е. Афанасьев.

О ГЕН. ДЕНИКИНЕ

ПОПРАВКА К СТАТЬЕ Е. КОВАЛЕВА О РЕЙДЕ ГЕН. МАМАНТОВА.

В прекрасно, с военной точки зрения, обоснованной статье г. Е. Ковалева, напечатанной в предыдущих номерах «Родимого Края», есть слабое место, касающееся характеристики Главнокомандующего Вооруж. Силами Юга России ген. А. И. Деникина. Можно быть разных мнений о его стратегии и тактике, о деятельности его правительства — Особого Совещания — в области законодательной, политической и административной, но нельзя так легко, как это делает г. Ковалев, подходит к оценке А. И. Деникина, как человека. Нужно быть в курсе той обстановки, в которой пришлось действовать ген. Деникину, нужно знать многое такое, чего не мог знать боевой офицер, все время находившийся на фронте — при отсутствии этого его оценка **личности** Главнокомандующего рискует оказаться далекой от действительности. Говорить о том, что ген. Деникин видел в ген. Мамантове соперника и «увлеченный честолюбием и борьбой за власть». вел «интригу» против Мамантова, «затаив недовольство с самого начала», а «когда создалась угроза Москве, ген. Деникин, крайне чувствительный к вопросу о том, кто первый вступит в Москву, настоял перед Командующим Донской армией ген. Сидориным о прекращении рейда», иначе ген. Мамантов «**может быть** (подчеркнуто мною Н. М.) продолжил бы движение на Москву» — это значит не только заниматься «чтением в сердцах» и пытаться догадываться даже о «затаенных» мыслях человека...

В моем распоряжении, как Председателя Совета Министров Правительства Юга России, были в подлинниках **все** постановления Особого Совещания за все время его существования и большинство приказов Главнокомандующего, кроме того я лично хорошо знал Антона Ивановича Деникина, и на основании подлинных документов и изучения эпохи гражданской войны — что было необходимо для меня при составлении рукописи «Почему белые на Юге России не победили красных» — я имею все основания утверждать, что А. И. Деникин был большой патриот, честный, прямой, политически одинокий, поднявший на свои плечи — в окружении людей не понимающих или враждебных — тяжкий крест и мужественно несший его на «Голгофу» во имя одной заветной мечты — надежды спасти Россию. Когда улягутся страсти, А. И. Деникин войдет в историю с именем человека непреклонного долга, для которого честь и совесть не были пустыми словами, никогда и ни в чем не допустившего сделок с совестью. Вся его жизнь — чистое безкорыстное служение Родине, о которой он думал и в свой последний смертный час. Последними его словами были: «Вот и не увижу, как спасется Россия»

Он был трагически одинок. Прогрессивно настроенный, бывший в интеллектуальном и моральном отношении неизмеримо выше своего окружения, всей создавшейся обстановкой А. И. Деникин вынужден был опираться на людей, проникнутых узкими интересами класса. Все его руководящие указания наталкивались на упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа и их вопиющей необходимости. Ген. Деникин никогда не заботился о своей личной безопасности. Донская контр-разведка перехватила группу террористов, ехавших из Харькова с целью убить Деникина, — и они были по суду расстреляны. Он отказался от принятия необходимых мер. Даже тогда, когда расследование установило, что даже органы, состоявшие при председателе Особого Совещания, организовали слежку за Главнокомандующим в лоне его собственной Ставки, и что в деле замешано лицо очень высоко поставленное, ген. Деникин приказал прекратить расследование и ограничился роспуском этого замечательного правительства,

набросившего черную тень на святое по замыслу Белое дело. Лишь тогда, когда интрига перешла всякие границы и стала грозить не только положению и жизни Главнокомандующего, но и срыву всего дела борьбы с большевиками, ген. Деникин «освободил» ген. Лукомского от должности Помощника Главнокомандующего и выслал заграницу ген. Врангеля. Даже такой его враг, как ген. Врангель, во время тяжелой своей болезни на Кавказе сказавший навестившему его ген. Юзефовичу: «Бог наказывает меня за непомерное честолюбие», и тот не мог не сказать о ген. Деникине в своих «Записках»: «честный, храбрый солдат... человел прямой, строгий к себе, жизнью своей подававший пример невзыскательности».

Как можно думать, что такой человек мог настоять на прекращении рейда, **опасаясь** захвата ген. Мамантовым Москвы?

А его приказ за № 145 с решением подчиниться Верховному Правителю адмиралу Колчаку, продиктованный высокими патриотическими соображениями, «велением совести и сознанием государственной необходимости»? Приказ, отданный в момент наибольших успехов Вооруженных Сил Юга России, вызвавший — по свидетельству члена Особого Совещания профессора К. Н. Соколова — «глухое недовольство генералитета и правых кругов».

Всего в журнальной заметке не расскажешь... Быть может, когда-нибудь явится возможность напечатать рукопись. Во всяком случае, она будет храниться в надежном месте для будущего беспристрастного историка гражданской войны.

Н. М. Мельников.

ПАМЯТИ ИНЖЕНЕРА В. В. СОЛДАТОВА.

Скончавшийся 27 апр. с. г. в Нью-Йорке В. В. Солдатов, казак Вешенской станицы В.В.Д., родился 17 марта 1888 г. По окончании Одесского Кад. Корпуса, он поступил в Политехнический Институт в Петербурге, где специализировался по металлургии. В 1914-17 г.г. участовал, как офицер, 1-й Мировой войне, а затем и в гражданской. Родину В. В. Солдатов покинул вместе с Добровольческой Армией в 1920 г. Первое время он проживал в Турции, а в 1923 г. переехал в Нью-Йорк, где быстро устроился на работу по своей специальности.

Один из патентов В. В. Солдатова — «кислородный процесс обработки стали» — был широко использован сталелитейной промышленностью. Последние годы своей жизни В. В. работал над усовершенствованием ракет.

В. В. Солдатов отличался редкой душевной добротой, оригинальностью характера, любил Мать-Россию, тесно сочетая это чувство с глубокой преданностью Тихому Дону.

Мир праху твоему, дорогой друг Василий Васильевич. Вечная тебе память.

Нью-Йорк. **И. Курицын.**

УШЕДШИЕ.

† 10 мая с. г. в г. Лиенце (Австрия) скончался войск. ст. Терского Войска Вяч. Мих. Токарев.

† 9 июня с. г. в доме престарелых в Абондане (Франция) на 75 году жизни тихо скончался подхор. Алекс. Пахом. Назаров, стан. Богаевской В.В.Д., георгиевский кавалер трех крестов и трех медалей. Похоронен на каз. участке местного кладбища.

† 18 июня с. г. в Ромба (Франция), в возрасте 71 г., скоропостижно скончался Ник Ант. Шилеев, стан. Ново-Николаевской В.В. Донского.

ПО ПОВОДУ АТАМАНСКОГО ВОПРОСА.

К председателю Донского Войскового Объединения и в редакцию «Род. Края»» поступают запросы от многих казаков в связи с выборами Донского Атамана. Не имея возможности ответить каждому отдельно, доводим до общего сведения, что этот вопрос пока еще не сдвинулся с мертвой точки. Он и не может с нее сдвинуться: ген. П. Х. Попов и ген. И. А. Поляков являются главным и, можно сказать, единственным препятствием для выхода из позорного тупика, в который их загнали оба кандидата, выставившие свои кандидатуры на новое трехлетие, создав при этом каждый при своей особе свои собственные комиссии. Главная Избирательная и Контрольная Комиссии ген. Попова состоят исключительно из «поповцев», а Главная Избир. и Контрольная Комиссии ген. Полякова — исключительно из «поляковцев». Каждая такая комиссия назначает свои сроки выборов и производит их отдельно и, при отсутствии других кандидатов, поповцы голосуют в своей собственной группе за Попова, а поляковцы — за Полякова. Таким образом ,оба кандидата заранее обезпечены, каждый в своей группе, безпроигрышным «переизбранием»... обезпечивая тем и продолжение двуатаманства... Так как и Контрольные Комиссии составлены только из «своих», то и результаты выборов не могут быть приняты казаками с доверием. При такой организации выборов вполне возможны фальсификации, подобные тем, о которых пишут казаки из Германии в этом же номере нашего журнала в статье «У казаков в Германии». «Своя рука владыка». — говорят о таких комиссиях донцы. Поляковская Глав. Избир. Комиссия присвоила при этом себе и права «законодательные»: самовластно установила, вместо трехлетнего, пятилетний срок полномочий атамана... Поповцы не прикрылись даже и «фиговым» стыдливым листом: не производя выборов, они объявили ген. Попова «избранным», поляковцы же, несмотря на обещание опубликовать результаты выборов, до сих пор стыдливо молчат. «Стыдливость» можно объяснить, очевидно, тем, что результаты выборов могли оказаться по числу голосовавших катастрофическими, так как донцы в массе своей на такие выборы не пошли. Таким образом, формально на поверхности могут опять оказаться два «атамана» маленьких донских групп и ни одного Атамана Донского...

Единственный выход: отказ обоих «атаманов» от высокого звания, незаконно приобретенного. Если сами не откажутся, их сторонники, если они дорожат своей собственной честью и достоинством и интересами родного Войска, должны «убедить» своих «вождей» отказаться.

Только тогда, после очищения отравленной атмосферы, можно будет приступить к правильной организации выборов единого авторитетного для всех Атамана, создав Избирательную и Контрольную Комиссии по свободному соглашению независимых донских общественных организаций.

Создавшаяся обстановка повелительно диктует необходимость организованности всех Донских казаков. Там, где уже имеются организации, необходимо вливаться в эти организации, а где нет — создавать новые, хотя бы и небольшими группами, с тем, чтобы в дельнейшем создать Донские Обеъдинения по странам и, в конечном результате, после длительной подготовки, создать единый Центр Донских казаков в смысле общественной руководящей организации.

В. Н. Романов.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

● Общеказачья касса Взаимопомощи в г. Клягенфурте (Австрия) доводит до сведения, что 15. 5. 1960 г. состоялось ее годовое собрание, на котором были произведены перевыборы правления. Выбранными оказались: атаман — Н. Волков, помощники — А. Бондаренко, Н. Ермаков; казначей — А. Бондаренко, запасные члены: Ф. Беседко, В. Расказов; ревиз. комиссия: И. Малиш, К. Елистархов, Г. Дорошенко; писарь — А. Жеребков.

● Е. Д. Богаевская, вдова Митрофана

Петровича Богаевского, товарища Войскового Атамана А. М. Каледина, и редакция «Родимого Края» приступили к сбору материалов о безвременно погибшем донском Златоусте. Просьба направлять материал и переписку в редакцию «Р. К.» или на адрес Е. Д. Богаевской:

Mrs E. Bogaevsky. 52 East 97 Str. Apt. 4 R.
New - York 29. N.Y. USA

● Полк. Ф. И. Елисеевым выпущены две брошюры «Песни Кубанских казаков». В № 1 помещены песни Линейных полков Войска, в № 2-ом — песни Черноморских полков. Цена каждой брошюры — 1 долл. Выписывать у издателя:

Mr Elysseev. 502 W. 177 Str. Apt 1c.
New-York 33. N.Y. USA

РОЗЫСКИ.

● И. С. Сеньшин (Senchine, 62, rue du Général de Gaulle. Montfermeuil (S. et O.) France) розыскивает следующих лиц: ес. Ив. Севост. Маркина (стан. Суворовской, в Крыму служивший в Дон. каз. Ермака Тимоф. полку. До последней войны проживал во Франции); Вас. Андр. Ляпчева, Леон. Матв. Пономарева, Ив. Вас. Мануйлова, Эрефея Семен. Колгатина (все четверо станицы: В. Чирской); Всев. Леонова (из Новочеркасска), Ив. Андр. Скобелина.

● И. С. Иловайский (201, Av. Daumesnil, Paris 12e. France) розыскивает подпор. Вернера Энгельгардовича Николай, в 1917 г. бывшего на Кавказском фронте. В 1927 г. был будто бы в Суссе (Тунис).

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ».

(С 15 мая по 1 июля 1960 г. В новых франках — один новый франк равен сотне стар.)

В «Фонд Издательства»ь П. М. Аврамов (два взноса) — 25 фр., Петрусь — 8 фр., Романцев — 2 фр., Г. В. Иноземцев — 3 фр., А. Косоротов и Г. Свинарев — по 5 фр., Г. Д. Матвеев — 2 долл., через С. И. Донскова от Ссобого совещания в Аргентине — 4 долл.

Через нашего представителя в США Б. Н. Уланова: М. М. Афанасьева — 5 долл., от Д. Г. Матвеева, Елатонцевой и Г. Ф. Чеботарева — по 3 долл., Мироненко — 1 долл.

На издание книги о Ермаке: от П. М. Аврамова — 30 фр., Г. Мушихина — 25 фр., от К. Арестова, М. А. Петрова, П. Спаского — по 10 фр., И. Т. Серебрякова — 5 фр., А. Косоротова — 3 фр., И. Д. Скрылова, Курганского, Л. В. Зверева — по 1 долл., проф. Миллер — 20 герм. марок, Б. Н. Шарапова, Н. Н. Воробьева, И. И. Курицына — по 3 долл., через А. Г. Павлова — 25 долл. 50 центов (а именно: протоирей Павел Лютов — 1 долл., П. П. Заворотнов, В. В. Дронов, Г. А. Ковалевский — по 5 долл., Ф. Ф. Захаров — 3 долл., А. А. Фетисов, С. П. Полковников, А. Ф. Кирк — по 2 долл., М. Н. Боборыкина — 50 цент.), через С. И. Донскова от Особого Совещания в Аргентине — 15 долл. (2 взноса). Сбор продолжается.

Редакция «Р. К.» просит всех жертвователей принять ее искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Начиная с № 30, стоимость отдельного номера журнала увеличена до 2,50 н. фр., годовой подписки — 15 н.фр. Это повышение вызвано общим вздорожанием жизни во Франции и увеличением количества страниц в журнале.

Денежные взносы направлять по адресу:

Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15-233-79, Nointel par Presles (S. et O.) France.

Корреспонденцию на имя Редак. Коллегии направлять по адресу:

Mr Bogaevsky. 52, Av. Flachat.
Asnières. (Seine) France.

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право их сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (размер ее 32 x 16 см, стоимость — 8 н.фр.), рассказы П. М. Аврамова («Ковыльный сказ» и «Яровой сев» — цена 3 н.фр.); «Лучь» — сборник стихов П. Юшкина-Котлубанского (цена — 4 н.фр.).

В № 23-м «Р. К.» в очерке А. З. Воробьева «Жизнь и трагическая смерть 1-го выборного Атамана Терского Войска М. А. Караулова» вкралась досадная опечатка: вместо «1-ый Вологодский полк» следует читать «1-ый Волгский полк».

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).
Métro: La Motte-Picquet

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Малышко — «Столетие Кубанского Казачьего Войска».
А. З. Воробьев — «Казаки на Тереке».
К. Богданов — «К столетию Кубанского Войска».
Малышко — «Кубань».
Б. Богаевский — «Первые казаки на Кубани».
П. Н. Донсков — «Ермак».
Н. Н. Туроверов — «Портрет Ермака».
Н. Воробьев — «Отрывок из поэмы 1613 год».
Отлики на статью И. Плахова «Как не надо писать историю».
И. Сагацкий — «Не грусти».
А. Скрылов — «Почему нам нужен казачий Лексикон».
А. П. Каклюгин — «Жестокая судьба».
В. Улитин — «Наша гордость».
М. А. Петров — «Рыболовы».
Парагваец — «Торжество у казаков в Парагвае».
Казачья жизнь за рубежом.
Курицын — «Казачьи дела».
Д. Ротов — «Во славу и память».
От полковника Елисеева.
Розыски.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной Коллегии «Род. Края».

На обложке — одна из иллюстраций готовящейся к печати книги о Ермаке Н. М. Мельникова.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 30. СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ 1960 г. 2,50 NF

PAYS NATAL Septembre - Octobre 1960 Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ПОЗДРАВЛЕНИЯ.

Казачий Союз, Донское Войсковое Объединение, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Отдел партизан чернецовцев-семилетовцев, Обшеказачья Касса Взаимопомощи, Содружество Лиенца, Дамский Комитет Каз. Союза поздравляют Атаманов, казаков, казачек с Войсковыми Праздниками и желают всем единения, бодрости духа и сохранения веры в будущее казачества.

Председатель Каз. Союза: А. Богаевский

Редакционная коллегия «Родимого Края» поздравляет казаков всех Казачьих Войск со Днем Покрова Пресвятой Богородицы и с Войсковыми Праздниками и просит принять пожелания здоровья, сил и моральной бодрости.

Братьев кубанцев и терцев поздравляем со столетием образования братских Кубанского и Терского Казачьих Войск.

Редакционная Коллегия «Родимого Края»

Казачий Союз и все входящие в него организации поздравляют Кубанского и Терского Атаманов и всех кубанцев и терцев со столетним юбилеем образования славных Кубанского и Терского Казачьих Войск.

Председатель Каз. Союза
Б. Богаевский

СТОЛЕТИЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА.

Ты Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдоль и вширь...

Кто из казаков, кто из русских людей не слышал этой песни-гимна? У кого не дрогнет сердце, слыша торжественный, чуточку грустный, берущий за душу напев? Кто может оставаться равнодушным, слыша:

Мы, как дань свою покорную
От прославленных знамен,
Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон...

Это песнь-гимн Кубанского Казачьего Войска, Войска, где нашли свое последнее и окончательное пристанище и успокоение славные «лыцари» Войска Запорожского — знаменитой Запорожской Сечи.

Славное Войско Запорожское, образовавшееся (по данным Военного министерства) в конце 15-го — начале 16-гогг ., имело свою блестящую и полную красоты и благородства историю, о которой, к сожалению, в настоящей заметке говорить невозможно. Можно только упомянуть, что в борьбе России за выход на теплое Черное море и в деле уничтожения татаро - турецкой угрозы с юга оно сыграло огромную роль. А его государственно - национальные традиции, неизсякаемая вера в право своего свободного сушествования, глубокий, подлинно-народный, не от «карлы - марлы», демократизм, выработанный условиями самого существования, взаимная выручка и способность приспособляться к любым условиям жизни были переданы Черноморскому, а потом и Кубанскому Войску.

4 июня 1775 г. по приказу имп. Екатерины

II Сечь была уничтожена «с истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков» (слова манифеста Имп. Екатерины). Это случилось сейчас же после окончания русско-т урецкой войны 1768-74 гг., в которой запорожцы принимали самое деятельное участие как на суше, так и на море, и особенно отличились при взятии Крыма. Во время войны Императрица слала им благодарственые грамоты, указывая в них, что «милостивое отношение» ее к ним все увеличивается. Их слава была так велика, что вельможи российские по почину графа Панина и князя Прозоровского стали приписываться в казаки. В 1772 г. сам «светлейший» ген. - фельдмаршал Потемкин обратился к Кошевому Кальнишевскому с просьбой принять его в казаки. Просьба была уважена и он был принят в Кущевский курень, под именем Грицька Нечесы.

В июле 1774 г. война с Турцией закончилась. Россия получила северные берега Черного и Азовского морей, устья Дона, Днепра, Буга и Крым. Завоеванный край получил название Новороссии, а его губернатором был назначен казак Кущевского куреня Грицько Нечоса, но, несмотря на это, отношение к запорожцам со стороны центрального правительства резко ухудшилось.

Ведь само существование вольного казачества было вызовом русскому крепостничеству. Началось заселение края, и вот тут то аппетиты вельмож и прибывающих на земли запорожцев помещиков все больше и больше разгорались. Попытки захвата этих земель кончались печально: имущество помещиков сжигалось, а сами они изгонялись за пределы Войска.

Крепостные, бежавшие к запорожцам, находили у них защиту и покровительство, что, конечно, вызывало неудовольствие и жалобы помещиков. Жаловались и запорожцы. Екатерина их успокоивала, но в конце концов настойчивые советы вельмож уничтожить это свободолюбивое Войско, стоящее на пути централизации, одержали верх и участь его была решена.

В ночь на 4 июня 1775 г. 60-ти тысячный отряд ген. Текели, возвращавшийся в Россию после войны, окружил Сечь, а 20.000 конницы князя Прозоровского прошли на левобережные степи Запорожья.

В Сечи в это время было всего около 8.000 казаков, ничего не подозревавших, и когда на рассвете они увидали себя окруженными, все взялись за оружие. Увещевания Кошевого Кальнишевского не имели успеха, и только вышедший с крестом и хоругвями архимандрит Владимир, заклинавший не проливать братской крови, сломил волю запорожцев. Они не оказали сопротивления, но сдалось лишь 3.000 человек. Остальные же 5.000, избрав Кошевым Ляха, взяв Запорожский Образ Покрова Пресвятой Богородицы и часть регалий, на лодках, ночью, пользуясь днепровскими камышами, уплыли в Турцию, где султан дал им землю и позволил жить по их обычаям.

Сдавшиеся были обезоружены и после присяги Екатерине разошлись куда глаза глядят. Часть старшины была арестована. Кошевой Кальнишевский, войсковой судья Павел Головатый и писарь Глоба были отправлены в Соловецкий манастырь, где и пробыли до самой смерти. Особенно трагична была судьба Кальнишевского: его посадили в «яму» (темный погреб) на хлеб и на воду и только 3 раза в год ему разрешалось выходить в церковь и быть на монастырской трапезе, но без права говорить с посторонними. Он умер 13 окт. 1803 г. на 112-ом году жизни.

Сечь была разорена. Земли Запорожские вошли в состав Новороссийской и Азовской губерний. 200.000 десятин из числа, принадлежавших Сечи, были отданы ген. - прокурору кн. Вяземскому, а 150.000 десят. получил Грицько Потемкин. Часть земель была отдана колонистам - немцам, по 65 д. на душу. Казалось, пришел конец, все погибло. Славному Войску Запорожскому и его «лыцарям» ветры степные пропели вечную память. На место Тараса Бульбы уселись Бобчинские и Добчинские, Земляники и Сквозняк-Духоновские.

Но приближался 1787 г. Новая война з Турцией. Военные силы России были еще далеко от предполагаемого театра военных действий и отсутствие закаленной в боях, знакомой с обстановкой и противником, казачьей силы почувствовалось очень остро. Потемкин поручил секунд - майору Сидору Белому и Антону Головатому «собрать охотников, и конных и пеших, для лодок... из служивших в бывшей Сечи Запорожской»

Спустя два месяца Потемкин сообщал, что «капитан Захарий Чепига предъявил желание собрать волонтеров». Чепига явился всего с полусотней казаков, но Потемкин вручил ему полковничий пернач и приказал формировать полк. Белый, Головатый и Чепига всеми силами настойчиво добивались восстановления Запорожского казачества.

В конце 1797 г. пешие запорожцы по при-

казу Суворова сосредоточились в Василькове, где и заложили свой Кош, ввели сечевые порядки, устроили курени и на Раде избрали Кошевым С. Белого.

31 янв. 1788 г. Потемкин извещал «Атамана и полковника Белого, старшин и все войско» о «Высочайшем благоволении» и о пожаловании Войску земель для поселения в «Керченском куте или на Тамани». Еще 23 янв. указом имп. Екатерины «господин полковник Сидор Белой наречен Войсковым Атаманом».

Весть о восстановлении Войска скоро дошла и за Дунай и оттуда одиночками и группами стали прибывать казаки, но главные массы ушедших оставались в Турции и в начавшейся войне воевала на стороне турок.

Со стороны России на театр военных действий выступило около 13-ти тысяч казаков, каз. пехотой командовал Атаман С. Белый, а конницей — З. Чепига. Их участие имело самый активный характер. 7-го июня они на своих лодках нападают на турецкую эскадру и одновременно тянут за собой на канатах большие,немогущие идти против ветра, тяжелые русские судна. 26 июня, под Очаковым, они снова атакуют трехпалубные турец. корабли. Турки разбиты, но смертельно ранен Кошевой С. Белый, умерший на следующий день. На его место казаки выбирают Захария Чепигу.

7 ноября каз. флотилия захватывает остров Березань. Через месяц Суворовым штурмом взят Очаков, в декабре Суворов берет Измаил. Во главе центральной штурмовой колонны был Кошевой Чепига со своими казаками, за что был награжден орденом Св. Георгия 3 ст.

За проявленную казаками в эту войну доблесть в 1788 г. им было пожаловано название Войска «Верных казаков Черноморских».

Во время войны вопрос о поселении на Тамани отпал и запорожцы начали заселять указанные им Потемкиным земли между Днестром и Бугом, образовав здесь до 25 селений и хуторов.

Перед самым окончанием войны 5 окт. 1701 г. умер Потемкин. Казаки знали, что со смертью его они теряли могущественного и чуть ли не единственного их защитника, что земли, заселенные ими по указу Потемкина, едва ли были ихними, т. к. царской грамоты на их владение у них не было, а раз это так, то с окончанием войны можно было опасаться нового 1775 г. и раздела Сечи. Вспомнили о подаренной Потемкиным и обещанной Екатериной земле на Тамани. Для разведки туда был послан есаул Мокий Гулик с командой казаков, которые прекрасно справились с поставленной задачей. «Ведомость каково положением Таманския и Кубанския земли, с показанием какие іде города, крепости и др. места, также рек и соляных озер», представленная Гуликом Черноморскому Кошу, является шедевром во всех отношениях. Подробное описание края, по словам проф. Ф. А. Щербины, было составлено «по приемам существовавшей в Зап. Европе во 2-ой половине 17 в. описательной школы статистиков, за 16 лет раньше, чем было напечатано в России первое научное сочинение по статистике».

В то же время в Петербург, к царице, была отправлена с прошением депутации во главе с Войск. Судьей Антоном Головатым. В прошении, после ссылок на службу Войска, Кош просил выдать «всемилостивую грамоту» на «вечно спокойное потомственное владение» землей «на Тамани с окрестностями оной».

Головатый проявил большие дипломатические способности и, несмотря на тогдашнюю медлительность ведения дел, в три месяца добился результата: 1 июня 1792 г. были подписаны Екатериной выданные Черноморскому Войску жалованные грамоты. Их было две. Первая — на владение землей по Кубани «со всякого рода угодьями, на водах же рыбными ловлями...», на право внутренней торговли и продажи вина, на право устройства земскаго управления» и т. д. Эта грамота, подтвержденная позже и другими императорами, является основной грамотой на право владения землей Кубанского Каз. Войска. Но самоуправления Войску дано не было и оно подчинялось Таврическому губернатору.

Вторая грамота была об удовлетворении частных просьб, розыске задержанных помещиками казаков, о возвращении им их имущества и т. д. По ней же отпускалось 30 000 руб. на «снабжение неимущих», и устанавливалось ежегодное пособие в 20 000 руб. для оплаты жалования старшинам и казакам, несущим «пограничную стражу от народов закубанских».

В августе 1792 г. началось переселение черноморцев на Кубань, которое продолжалось почти два года.

Первыми приплыли из Аккермана в Тамань, огибая Крым, 3847 казаков на 51 лодке под командой полк. Саввы Белого.

Вслед за флотилией пришел через Керчь

полк. Кордовский с двумя пешими полками и частью семейств, расположившийся около Темрюка.

2-го сентября через бывшие земли запорожцев на Днепре, через Дон, огибая Азовское море с севера, выступил Кошевой З. Чепига с конницей, пехотой, обозом, церковью и войск. регалиями. Почти два месяца тянулся этот поход. Наступила распутица. Пришлось зазимовать на Ейской Косе в Ханской крепости, где были запасы продовольствия, а около — хорошая рыбная ловля и пастбища для скота. Весной следующего года Чепига пришел наконец на Кубань и расположился при впадении Карасуна в р. Кубань. Здесь была построена крепость, в ее центре — церковь, а вокруг — курени для «товарищества». Это был Екатеринодар.

На Днестре еще оставалось с войск. судьей А. Головатым немало казаков, гл. образом семейных, и семьи уже ушедших на Кубань. Было также и несколько селений, не желавших переселяться — впоследствии все они попали в крепостную зависимость к приехавшим сюда помещикам.

15 марта 1793 г. Головатый отправил первую партию переселенцев с секунд-майором Шульгой, а 15 июля выступил и сам с оставшимися казаками. Через Крым, он прибыл на Тамань 15 авг.

На Днестре А. Головатый оставил есаула Черненко на случай, если найдутся еще желающие переселяться. Черненко собрал 700 человек, но т. к. это была беднота, не имеющая никаких средств, то по распоряжению Суворова они были отправлены сначала в Одессу, где должны были отрабатывать в порту свой переезд, и уже потом были перевезены на Кубань.

Всего переселилось около 20 000 человек, из них 12 600 мужчин.

Первые годы пребывания Черноморцев на Кубани были очень тяжелыми.

С 1783 г. Кубань была пограничной рекой между Россией (правый берег) и черкесскими племенами, находившимися под протекторатом Турции (левый берег и Закубанье).

В 1778 г. Суворовым был построен по Кубани ряд укреплений от ее устья до укрепления Царицынского (позже ст. Кавказская), которые занимались армейскими гарнизонами. Других поселений не было. Земля была хорошего качества, но над ней нужно было еще много поработать. Были и хорошие пастбища, но также много водилось и всяких хищников, от которых нужно было охранять табуны и стада, как и от черкесов. Непроходимые же плавни Кубани отличались очень нездоровым климатом и обилием комаров.

Сразу после своего переселения Черноморцы заняли кордонную линию и начали пограничную службу. А уже в июле 1794 г., т. е. меньше, чем через пол года, два пятисотенных полка, под командой Кошевого, были отправлены в Польшу, где участвовали во многих боях и во взятии Праги (предместья Варшавы).

В 1796 г. два пеших полка с Войск. Судьей А. Головатым были отправлены в Персию.

28 янв. 1797 г. в Баку умер командир русской флотилии и десантных войск на Каспийском море бригадир Антон Андреевич Головатый, а за две недели до этого скончался Кошевой — ген.майор Захарий Алексеевич Чепига.

Не зная еще о смерти Головатого, казаки избрали его Кошевым. Павел I избрание утвердил, но известие о смерти все это нарушило, и Павел I назначил сам, находившегося в Петербурге по делам Войска, Войск. писаря Т. Котляревского Войсковым Атаманом. Этим актом было упразднено в Войске избрание Атамана и он стал назначаться столичной властью.

В 1794 г. Войсковыми властями был издан акт «Порядка общей пользы», по которому Войско было разделено на 5 округов (Екакатеринодарский, Фанагорийский, Бейсугский, Ейский и Григорьевский). Управление округа состояло из полковника, есаула, хорунжего и писаря. В каждом округе было по 8 куреней. 38 из них имели старые запорожские наименования и 2 было новых: Екатериненский и Березанский. Акт давал право каждому казаку «в городах и селениях по желанию иметь свои дворы, а в степи хутора и мельницы», а старшинам «яко вождям - наставникам... определять им земли по штатной росписи... на вечно-спокойное владение». Таким образом, акт этот послужил началом раздачи войсковых земель в частную собственность.

Каждый курень должен был посылать казаков на определенные кордоны, снабжая их обмундированием, оружием и продовольствием.

Большое протяжение пограничной линии, малое количество казаков, все более усиливающиеся нападения черкесов надолго отрывали казаков от ведения хозяйства. В куренях оставались только казачки, дряхлые

старики и дети, что плохо отражалось на благосостоянии края.

По ходатайству нового Войскового Атамана подполк. Ф. Я. Бурсака, назначненного после двухлетнего атаманства Котляревского, для увеличения населения с 1809 по 1811 год было переселено из Полтавской и Черниговской губ. 41 534 души обоего пола. Позже, при Атамане Матвееве, в 1821-25 гг. было переселено еще 48 392 чел. Расселившись частично по старым куреням, переселенцы образовали и 18 новых. 16 февр. 1801 г. имп. Павел особой грамотой подтвердил права черноморцев на землю. В 1802 г. была произведена новая реорганизация Войска: выставлять 10 конных и 10 пеших полков (по 5 сотен), старшины были переименованы в офицеры и производил их Государь. В 1803 году было открыто первое Войсковое училище для каз. детей и устроено несколько заводов.

В 1811 г. была сформирована Черноморская гвардейская сотня, развернутая в 1842 году в 2-х эскадронный дивизион и включенная в состав Гвар. Корпуса.

В 1816 г. инжен.-майор Ф. Я. Бурсак, пробывший атаманом 17 лет, по старости ушел в отставку, его сменил подполк. Матвеев, пробывший Атаманом 5 лет. Он умер в 1827 году и на его место был назначен ген. Безкровный. 26 апр. 1827 г. было введено новое «положение» о Черноморском Войске. Войсковой Атаман переименовался в Наказного, куреня — в станицы, Войсковое Правительство заменялось Войск. Канцелярией Каз. самоуправление урезывалось и сохранялось только в станицах.

Атаманство Безкровного совпало с Турецкой войной 1828-29 гг., которая потребовала чрезвычайного напряжения Войска: 2 конных и 2 пеших полка с арт. ротой были отправлены в Фанагорийскую крепость, 2 конных и 2 пеших полка — под Анапу, где они и оставались до ее взятия (12 июля 1828 года), 4 пеших и 1 полк конницы были командированы в Усть-Лабу, 2 полка ушло в Крым, один полк был в Польше и 2 действовало на Дунае. Усиление охраны кордонной линии вызвало мобилизацию даже престарелых казаков. Станицы совершенно обезлюдели и обеднели.

В 1830 г. на место стрешенного от должности Атамана Безкровного был назначен ген. Завадовский, остававшийся Атаманом до 1853 года, но фактически он управлял Войском до 1842 года, когда занятый командованием Кавказской линией и Черноморьем, передал управление Войском начальнику Войск. Штаба ген. Рашпилю.

В 1842 г. было издано последнее «положение» о Черноморском Войске, касавшееся всех отраслей службы и жизни казаков, разделившее военное и гражданское управления и определившее порядок землевладения. Черноморье стало делиться на 3 округа: Таманский, Екатеринодарский и Ейский.

При Атамане ген. Г. А. Рашпиле в 1851 г. была открыта Войсковая гимназия, а для девушек учреждена Мариинская женская Пустынь.

В это время Войско должно было выставлять 1 дивизион Лейб-Гвардии, 12 конных полков, 10 пеших батальонов и 1 конно-арт. бригаду.

Завадовский и Рашпиль много сделали для улучшения условий жизни казаков и несмотря на беспрерывные военные действия рождаемость стала превышать смертность: за 10 лет, с 1851 г. по 1860 г., население увеличилось с 133 444 чел. до 177 434 человека.

В 1852 г. умер ген. Рашпиль и обязанности Атамана были возложены на начальника Штаба ген. Кухаренко, который был последним Атаманом из коренных Черноморцев.

В 1853 г. началась Крымская кампания. От Черноморцев в ней приняли участие в Крыму Сводный конный полк и 2-ой и 3-й пластунские батальоны, покрывшие себя неувядаемой славой на 4-ом бастионе Севастополя. Конный полк дважды был победителем в боях с турецкой и английской кавалерией.

Остальные казаки, вместе с донцами, находились на защите побережья Азовского и Черного морей.

Летом 1855 г. ген. Кухаренко был заменен первым Наказ. Атаманом из не казаков: ген. лейт. Г. И. Филипсоном. При нем было положено начало судоходства по Кубани, для чего был куплен английский пароход.

В 1858 г. Казачьи Войска перешли в Управление Иррегулярных войск, переименованное впоследствии в Главное Управление Казачьих Войск.

В 1860 г. ген. Филипсон получил новое назначение. На его место был назначен ген. Кусаков, который был последним Атаманом Черноморского Войска и первым Атаманом Кубанского, образованного в этом же году путем соединения Черноморского Войска с 6-ю бригадами Кавказского Линейного Каз. Войска (Кавказской, Кубанской, Ставропольской. Хоперской, Урупской и Лабинской). Население вновь образованного Войска было

около 160 000 душ. Территория — земли Войска Черноморского, от побережья Азовского моря и устья Кубани до устьев Лабы, и земли Кавказ. Линейн. Войска от устьев Лабы до границ Терского Войска. На северо-восток — до границ Ставропольской губ. (часть ее в то время вошла в состав Войска), на север — до границ Войска Донского. Закубанье завоевано еще не было.

***

Основой Кавказской линии были поселения в Ставрополье и на Тереке (гребенские и терские казаки). Первая Кавказская линия была организована еще по приказу Потемкина в 1774-75 гг. Проходила она от Черкасска до Ставрополя и дальше на Моздок, вне пределов образованного позже Кубанского Войска. Ее занимали армейские части и 6 донских полков.

В 1778-79 г. в районе Ставропольской крепости был поселен Хоперский полк. Хоперский полк был сформирован в 1767 г. из казаков Новохоперской крепости, построенной на Хопре в 1716 г., после подавления Булавинского движения, когда все городки донских казаков по Хопру были уничтожены. При основании крепости были вызваны добровольцы из донских казаков и запорожцев. Полк получил старшинство с 1696 года за участие хоперцев во взятии Азова в 1696 г. По нему же считалось и старшинство Кубанского Войска.

Когда в 1788 г. Суворов организовал впереди Кавказской линии, по правому берегу Кубани, вверх по ее течению, начиная от Воронежского редута, новую укрепленную линию, туда были направлены донские полки, хоперцы оказались в тылу и несли службу только по станицам и на постах 2-ой линии. Они же были резервом в случае нападения горцев и для экспедиций за Кубань.

В 1794 г. на Кубань были переселены 1000 донских и 125 волжских каз. семейств, образовавших Кубанский полк (в 5 сотен), расселившийся по станицам: Усть-Лабинской, Григорополисской, Прочноокопской, Воровсколесской и Темнолесской, то есть на протяжении 300 верст. В таких условиях охрана границ не могла быть надежной и нужно было думать об увеличении населения. В тылу Кубанского полка стали селиться крестьяне, которые вскоре были приписаны в казаки. Так возникли селения Новомарьевское (1794), Старомарьевское (1795), Рождественское, Каменобродское (7198) и др.

В 1862 г. были переселены из Изюмского и Старобельского уездов Харк. губ. 3 277 казаков бывшего Екатеринославского Каз. Войска, поселившихся в стан. Ладожской, Тифлисской, Казанской и Темижбекской и образовавших Кавказский полк. Так как Кавказский полк вклинился в расположение Кубанского, стан. Усть-Лабинская перешла в Кавказский полк, а Темижбекская — в Кубанский.

В 1825-27 гг. левый фланг Кубанского полка выдвинулся на берег Кубани, и из казаков и крестьян были образованы станицы Убеженская и Николаевская. В это же время хоперцы были переведены на новую линию, образовав станицы Баталпашинскую, Беломечетскую, Невинномысскую, Бекешевскую и Карантинную.

Служба линейцев была та же, что и у черноморцев: охрана границ, экспедиции за Кубань и участие во внешних войнах России.

Так как станицы образовались почти на границе, казаки фактически несли службу дома и могли уделять время для хозяйственных работ, что выгодно отражалось на их благосостоянии. Линейцы жили лучше черноморцев. Но и станицы строились, как укрепления.

В 1832 г. из казачьих полков на линии было образовано Кавказское Линейное Войско с Наказным Атаманом ген. П. С. Верзилиным. В этом же году был сформирован Лб. Гв. Кавказский Линейный полуэскадрон.

В 1837 г. Наказ. Атаманом был назначен на место ген. Верзилина донской казак ген. лейт. С. С. Николаев. При нем в 1845 г. было издано первое и единственное «Положение» о Кавказском Лин. Войске. Жизнь Войска была организована по военному образцу, выборное начало отсутствовало, даже атаманы станичные назначались свыше.

В период объединения полков в Кавк. Лин. Войско, на самом опасном участке линии — Баталпашинском, был назначен командующим ген. Засс, оказавшийся отменным полководцем и администратором. Вскоре он был назначен начальником правого фланга Кавказской линии. Перейдя Кубань, он организовал на Лабе Новую или Лабинскую линию. В 1841 г. из казаков старой линии (по жребию), переселенцев из малороссийских губ. и отставных солдат Кавказ. Корпуса были образованы на ней станицы Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская, выставлявшие Лабинский полк.

В 1858 г. с продвижением вперед была сформирована Урупская бригада и построены укрепления Майкопское и Псебайское и

станицы Спокойная, Подгорная, Передовая, Исправная и Сторожевая.

В 1848 г. умер Атаман ген. Николаев. Его заменил ген. Ф. А. Крюковский, убитый чеченцами 18 янв. 1852 г. Его пост занял ген. майор кн. Г. Р. Эрастов, пробывший Атаманом три года до 1855 г. Последним Атаманом Кавказского Линейного Войска был ген. майор Н. А. Рудзевич.

В 1860 г. Кавказское Лин. Войско прекратило свое существование. Шесть правофланговых бригад, присоединившись к Черноморскому Войску, образовали КУБАНСКОЕ Войско, а остальные три бригады, соединившись с гребенскими и терскими казаками, образовали Войско ТЕРСКОЕ, причем управление Черноморского Войска переименовано в Кубанское, а Кавказского — в Терское.

Париж. **Малышко.**

Черноморские пластуны, отличившиеся при защите Севастополя в 1854-55 г. Слева направо: Сидор Белобров, Димитрий Горленко, подполк. Головинский, командир 2-го батальона, хор. Даниленко, Макар Жульга, Андрей Гиденко, ур. Иван Демьяненко, Лука Грещов. (Рисовал с натуры в Севастополе В. Тим. Янв. 1855 года)

КАЗАКИ НА ТЕРЕКЕ.

Терское Казачье Войско было образовано распоряжением высшей администрации из нескольких самостоятельных казачьих общин.

Самой древней из них было ГРЕБЕНСКОЕ ВОЙСКО. По мнению историков, основывающихся гл. образом на сведениях, почерпнутых в книге «Большого Чертежа» и сказаниях о Гребенской Иконе, приписываемых Рязанскому митрополиту Степану, первыми гребенцами были выходцы с Дона, жившие в 16 в. между Донцом и Калитвой у Гребенных гор.

В 1582 г. 300 человек их, под предводительством Андрея, прошли через Маныч, Куму и Терек в ущелья Кавказских гор и поселились в Гребнях, на берегу горной речки Акташе. Около 1585 г., вследствие нападений горцев, они переселились ближе к Тереку на урочища Павловой и Кошлаковской. С прибытием новых переселенцев с Дона и Кумы они расположились еще в двух городках: Кажаровцах в Большой Кабарде и Татар-Тупе в Малой. Впоследствии было основано еще два поселка: Новогладкий и Червленный.

В 1623 г. гребенцы были в составе кабардинской депутации, явившейся в Москву с повинной (повидимому, за участие в набегах на южные земли Московского царства). В 1633 г. они участвовали в походах кн. Туренина и Волконского на Козыев Улус в Моджарах. В 1651 г. гребенцы построили острог на р. Сунже, через два года им была объявлена царская благодарность за «осадное сидение» в Сунженском остроге во время нападения кумыков. Небольшое количество гребенцов было в походе под Чигирин в 1677 г. и участвовало в крымских походах кн. Голицина в 1687 и 1689 гг.

В 1711 г. Петр Великий поручил гр. Апраксину переселить гребенцов на левый берег Терека, где находилась крепость Тарки. Переселенцы образовали здесь 5 городков, из которых самым многолюдным был «Главный Червленный». С этого времени начинается постоянная служба гребенских казаков русскому государству. В 1716 г. 500 гребенцов было послано в поход на Хиву, в котором они почти все погибли. Долго после этого казаки не могли оправиться и являлись на войну (Персидскую 1722-23 г., Турецкую 1736 году) лишь в небольшом количестве.

Первоначально гребенцы управлялись своим Войсковым Кругом, избиравшим Атамана, есаула, хорунжего и писаря, и Советом Старшин. Но в 1721 г. им было велено состоять в ведении Военной Коллегии с подчинением Астраханскому губернатору. После основания Кизлярской крепости (1730 г.) они поступили под команду кизлярского коменданта, но их внутренняя организация оставалась прежней до 1819 г., когда ген. Ермолов «для управления войсками и командования» назначил, вместо Атамана, офицера из регулярных войск. В 1832 г. гребенцы вошли в состав Кавказского Линейного Войска.

В мирное время казаки занимались виноделием (в начале 19 в. они доставляли более 200 000 ведер красного вина), рыболовством на Тереке и Каспийском море, охотой и шелководством.

Имеются лишь некоторые статистические данные о них: в 1802 г. их было 1841 человек, в 1837 г. — 2058, в 1841 г. — 1026 одних мужчин, в 1854 г. — 5757 мужчин и 5916 женщин.

ТЕРСКОЕ ВОЙСКО возникло в 16 в. в устьях Терека из выходцев с Волги и сперва было вполне независимо. С построением же здесь в 1586 г. царскими воеводами городка Тарки оно стало нести при нем сторожевую службу. Живя гл. образом рыбным промыслом, терские казаки и после образования Войска продолжали временами появляться на Волге. Так они принимали там деятельное участие в смутах начала 17 столетия. Со временем в состав Войска вошло немало инородцев, кавказских уроженцев, селившихся вместе с казаками.

Терцам приходилось вести ожесточенную борьбу с соседями, гл. образом с кубанскими татарами, которые несколько раз в 17-ом и начале 18-го вв. пытались их уничтожить.

В 1722 г. Петр I-ый, решив передвинуть вперед линию русских укреплений, приказал оставить Терек и переселиться к новому укреплению Св. Креста, построенному на р. Сулак, в том месте, где от него отделяется рукав Аграхань. Переселившееся Терское Войско было переименовано в Аграханское, вместе с переселенной сюда тысячью донск. семейств. Губительный климат и непрестанные нападения горцев почти совершенно его уничтожили, и в 1736 г., после возвращения петровских завоеваний по берегам Каспийского моря персам, Терское Войско было отведено назад и поселено около Кизляра. Выставлять на службу оно смогло только 200 человек. Здесь оно просуществовало под

именем Терского Кизлярского Войска до 1832 г. Донские же семейства с оставлением Аграхани были поселены в трех городках между гребенскими казаками и Кизляром под именем Терского Семейного Войска. В 1832 г. оба Войска были включены в состав Кавказского Линейного Войска.

ВОЛЖСКОЕ ВОЙСКО было образовано на Волге в 1733 г. Указом Сената были вызваны добровольцы из Донского Войска для поселения на так называемой Царицинской Линии, с целью ее обороны. Но затем первоначальный план был изменен и охрана линии была вверена Донскому Войску, а вызванные на переселение казаки в числе 1057 семейств (из них 520 природных донских, а остальные великорусские и малорусские «сходцы») были поселены на Волге в окрестностях Дубовки и на р. Балыклее между Камышенкой и Царицыном под именем Волжского Войска, во владение которого были отданы и земли по р. Иловле от земель Донского Войска до пригорода Димитриевска. Указом Военной Коллегии, которому подчинялось вновь образованное Войско, ему было дано общеказачье устройство. Казаки получили от правительства пособие на постройку жилищ и устройство, а в дальнейшем должны были получать денежное и хлебное жалование: по 5 руб. и 6 четв. хлеба на семью каждого рядового казака в год.

Новое Войско недолго оставалось на своем месте. В 1770 г. 517 семейств его были переселены на Кавказ, пятью станицами по левому берегу Терека, между Моздоком и Гребенским Войском, для охраны края от кабардинцев. Они образовали Моздокский полк, во главе которого вместо Атамана был поставлен полковой командир. В 1777 г. в состав полка было включено 200 кибиток крещенных калмыков, а в 1799 г. включена милиция Моздокской крепости, до сих пор именовавшейся казачьей командой Московского Легиона (тоже из волжских казаков).

В том же 1777 г., с продолжением линии крепостей на запад от Моздока к Азову, была сюда переселена и остальная часть Волжского Войска, образовавшая пять станиц, от Екатериненской и Александровской крепостей, на протяжении около 200 верст. Сохранив свое прежнее наименование, эти казаки выставляли Волжский казачий полк пятисотенного состава. Постепенно казачьи станицы выдвигались вперед; для подкрепления сил Войска к нему в 1832 г. были приписаны 4 гражданских селения на Куме, с населением в 4050 душ обоего пола. В этом же году и Моздокский полк и Волжское Войско вошли в состав Кавказского Линейного Войска.

КАВКАЗСКОЕ ЛИНЕЙНОЕ ВОЙСКО было образовано в 1832 г. из станиц по Тереку и верхнему и среднему течению Кубани. Нижнее течение Кубани было занято Черноморским Войском. Находясь в продолжительном и непосредственном контакте с горцами, линейцы усвоили себе их одежду и вооружение, да и немало горцев вошло в состав его. В 1860 г. Линейное Войско, за исключением 6 бригад (к этому времени полки уже развернулись в бригады), присоединенных к Черноморскому Войску (переименованному при этом в Кубанское), было переорганизовано в Терское Казачье Войско.

По данным Энциклопедического Словаря Брокгауз и Ефронг к 1 янв. 1894 года на войсковой территории ТЕРСКОГО ВОЙСКА, образовавшей 4 отдела, числилось 324.081 душ населения, из них войскового — 162.156 (мужчин 82.170, женщин — 79.986) и 161.925 иногородних. Православных — 187.153 человека, раскольников — 28.790, единоверцев — 299, християн др. вероисповеданий — 14.342, евреев — 417, магометан — 93.001, язычников — 79.

В военное время Войско должно было выставлять 12 конных полков (64 сотни), 2 гвардейских сотни Конвоя, 4 запасных сотни, 2 команды и 2 конных батареи, всего 342 офицера, 12.372 ряд. казаков и 13.543 лошади. В мирное время — 4 конных полка (24 сотни), 2 гвард. сотни Конвоя и 2 конных батареи: 238 офицеров, 4510 рядовых казаков и 4548 лошадей.

Территория Войска — 2.017.033 десятин, из них 1.745.248 д. находилось в пользовании станиц, 117.795 д. — во владении офицеров и чиновников Войска, 116.847 — в Войсковом запасе и 37.143 — во временном пользовании частных лиц.

К 1 янв. 1894 г. войскового капитала было 533.173 руб., доход Войска в 1893 г. — 363.688 р., расход — 377.053 р., станичных капиталов — 284.444 р., доход станиц — 370.118 руб., расход — 319.005 руб.

Для народного образования кроме станичных школ имелись областные учебные заведения. Всего учащихся в 1893 г. было: муж. пола — 5137 ч. (в высших учеб. заведениях — 21 ч., в средних — 111, низших — 5035 человек), женского — 1134 (в высших — 41, в средних — 67, в низших — 1063 человека). На учебную часть Войско расхо-

довало 46.435 р., станичные общества — 35.576 р.

На медицинскую часть Войско тратило 14.237 р. Имелась одна больница на 40 кроватей, 14 врачей, 89 фельдшеров, ветеринаров — 4 врача, 4 фельдшера.

Хлебопашество являлось главным занятием казака. В 1893 г. было посеяно озимого хлеба — 73.862 четв., ярового — 116.313 ч. Средний урожай — озимого 4,15, ярового — 10,2. Общественных запашек мало.

Виноградарство и виноделие доставляло казакам значительный доход. В 1893 г. было собрано 1.325.336 пудов винограда, выделано вина и сусла — 796.218 ведер, продано 266.513 вед. вина на сумму 215.072 руб. Все продукты виноделия оценивались в 918.940 руб.

В том же году было поймано красной рыбы — 23.028 пудов, белой — 99.933 пуд., добыто икры — 8476 пуд. Весь рыбный промысел дал — 248.865 руб.

Пчеловодов в 1893 г. считалось — 870, ульев — 61.910, собрано меду — 22.592 пуда. воска — 1.809 пуд., всего на сумму — 153.007 рублей.

К 1 янв. 1894 г. насчитывалось 91.605 лошадей, 338.496 шт. крупного рогатого скота и 679.455 шт. мелкого.

Войсковые земли богаты источниками нефти, разрабатываемыми компаниями на арендных правах. В 1893 г. было добыто 8.411.656 пуд. нефти на сумму 759.000 рублей.

Париж. **А. З. Воробьев.**

К СТОЛЕТИЮ КУБАНСКОГО ВОЙСКА.

(На мотив колыбельной песни).

Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки баю!
Если хочешь — про былое
Песенку спою.

Так вот скоро иль не быстро
Но прошло сто лет,
На полях опять все чисто:
И костей и крови нет.

Светит солнце, день пригожий
Знай, что это так:
Ты всегда будешь пригожий,
Будешь ты казак.

Будешь взрослым — не стесняйся
Этих слов святых,
По отцам, дедам равняйся,
И молись за них.

Спи, сынок, дочурка тоже,
Вас крещу рукой,
Время будет — дай вам Боже —
Вернуться домой.

Не будь здесь мы на чужбине,
А в Родном Краю,
Я не думал бы так ныне
За судьбу твою.

Время было золотое,
Но оно прошло
Все печаль, да что то злое
В колею вошло.

Должен верить в возвращенье
В наш Казачий Край,
Там не будет оскорблений,
Там увидишь рай.

Ты не будешь там бояться
За судьбу твою,
И не будешь век скитаться,
Баюшки баю!

Наше Войско существует —
Все сто лет прошло,
Казаки сейчас пируют,
Вспоминая, что было.

Мало, мало нас осталось,
Но сильны душой,
По ночам и нам не спалось,
Спи, сынок родной.

Завещание такое
Я тебе даю.
Спи, сынок мой, на чужбине,
Баюшки баю!

Париж. **К. Богданов.**

КУБАНЬ.

От самой высокой горы Кавказского хребта, от ледников вечно седого, укрытого снегом, двухглавого Эльбруса, берет начало река Кубань. Бурным потоком направляется она на север, почти сразу же получая подкрепление рек Теберды, Мара и Джегута. Около Беломечетинской в нее впадает Мал. Зеленчук, а около Невинномысской Больш. Зеленчук и, здесь уже распрощавшись с горами, выходит она величавой красавицей на свои поля и равнины, поворачивая на северо-запад и недалеко от Темижбекской окончательно на запад. Тянется она на 700 верст и впадает сразу в два моря Азовское и Черное.

Главное течение (старая Кубань) впадает в Кизнятанский лиман Таманского отдела на Черном море, а двумя рукавами в Ахтанизовский лиман: через Темрюк в Темрюкский залив, и по Протоке, поднявшись на север и пересекая бесконечные плавни у Друєва, в Азовское море. Судоходна она до Екатеринодара.

Правая ее сторона в направлении на Донскую обл. и Ставропольскую губ. — это безбрежная равнина, изредка пересекаемая широкими балками, и только частью, приблизительно по линии Екатеринодар - Майкоп переходящая в Закубанье.

Это степная Кубань. Здесь раскинулись самые богатые и многочисленные станицы (до 40 тыс. жителей). Здесь ширь и простор. Здесь под ласковым напором легкого ветерка, под горячими лучами яркого солнышка, насколько хватает глаз, колышутся, отливая золотом, безконечные поля знаменитой Кубанской пшеницы, серебрится овес, колышется ячмень и рожь и темной зеленью выделяются поля, всегда повернув к солнышку золотые головки подсолнухов, проса и высокого гаоляна, что прихватил предусмотрительный казак в Китае во время войны с Японией в 1905 году.

Поближе к станицам раскинулись бахчи, охраняемые от удали «парубков» дидами - бакшевниками. Росло на них множество сортов сладко сахарных дынь, и такие огромные, сочные и сладкие арбузы, о которых здесь и представления не имеют. Слава их выходила далеко за пределы Кубани и вывозили их пароходами заграницу, главным образом в Трапезунд и другие города Малой Азии.

Степная Кубань — это житница не только Кубани, но и России. Это главным образом здесь ежегодно собиралось до 120 миллионов пудов одной пшеницы, до 20 миллионов пудов подсолнечного семени, до 9 миллионов пудов ржи, около 60 миллионов пудов ячменя, 2 с лишним мил. пуд. проса, 14 миллионов пуд. овса и т. д. До 100 миллионов пуд. хлеба вывозилось через Кубанские порты (Новороссийск, Анапу, Темрюк, Ейск и Приморско-Ахтарскую) заграницу.

Десятки миллионов пудов муки, подсолнечного масла, ржи, овса и других злаков вывозилось внутрь России.

Нижнее течение Кубани, начиная от Ольгинской, почти сплошь покрыто плавнями. как на побережьи Черного, так и и особенно Азовского морей. Плавни заросли высоким, густым камышем и кугой. Изрезаны они часто очень глубокими лиманами. Водится в них безконечное количество всякой водяной птицы, начиная с куликов, нырков и кончая лебедями (побережья Азовского моря), множество всякой рыбы и раков. А в камышах дикие свиньи и козы. Между прочим, во время первой Мировой войны камыш шел в военно - технической промышленности для выработки удушливых газов. Здесь же на берегу Азовского моря был расположен Войсковой рыболовный завод Ачуев. В 1914 году на рыболовных угодьях Вйска было занято свыше 7.000 человек и было поймано 150.000 пудов разной рыбы и отдельно 3.000 пудов красной.

Левая сторона Кубани — Закубанье — Горная Кубань покрыта горами и лесами. Главный Кавказский хребет, начинаясь у Анапы, тянется вдоль всей юго - западной границы протяжением на 500 верст. Самая высокая гора Эльбрус 18.470 футов, Псыш — 13.427 фут. Оштен — 9.360 футов. Недалеко от Оштепа появляются впервые на Кавказском хребте большие хвойные леса, которых нет в западной части. В верховьях Кубани горы покрыты вечными снегами. Здесь же находятся большие ледники. Гондорайский, Уч-Клана и др.

Здесь главное богатство лес, табак (Майкопский отд.), скотоводство, овцеводство, коневодство и промышленность нефтяная (Майкопская нефть, особенно сильно двинутая сейчас Советами) и горная (Баталпашинский отд. свинцово - серебряные рудники, каменный уголь, глауберова соль и др.). Здесь же находятся Войсковые лесничества:

Пшеховское, Махошевское, Сахрайское, Андрюковское и др.

В Майопе же находился и первый, если не ошибаюсь, на северном Кавказе завод дубильных экстрактов. Широко развито кожевенное, древообделочное и лесопильное производства, а также кустарная промышленность (бондарная, гончарная, изготовление колес, можар, домашней мебели и утвари и пр.). Площадь лесов равна 1.708.000 десятин. Из лиственных деревьев — дуб (идет на стройку, выработку шпал и паркет), чинара (бондарное производство), ясень, бук, береза, липа, осина (выделка мебели).

Дикая груша, яблоня, сливы, каштаны, шишки, кизил и орех также служили на пользу населения. Груши, яблоки и сливы собирались, сушились и шли частью на продажу, частью на обмен. Осенью нагружал закубанец можару сушеных фруктов и ехал менять меру на меру в богатые хлебом степные станицы свой товар.

В лесах водилось множество всякой дичи: олени, козы, серны, даже свиньи, медведи, волки, лисицы, рыси, дикие кошки и др. Были и знаменитые зубры, правда водились они только в заповеднике, принадлежавшем Вел. Кн. Михаилу Александровичу, но все же были.

Кубанский Край обслуживался четырмя железнодорожными обществами: Владикавказским, Армавир - Туапсинским, Ейским и Черноморо - Кубанским (последнее принадлежало целиком казакам).

Торговый годовой оборот Края в довоенные годы достигал 230 миллионов рублей.

Кубанское Казачье Войско — второе по величине (после Донского) среди всех Казачьих Войск. Это совершенно отдельная и цельная административная единица, отличавшаяся от других русских губерний не только своей формой одежды, но и своим укладом жизни, своими государственными традициями, заложенными основоположниками Черноморского Каз. Войска — Запорожцами. Они имели свое особое Управление, свою Войсковую казну, Войсковые богатства и угодья, школы, свой богатейший Войсковой Музей (почти целиком сохранившийся в Кубанском Войсковом доме в Америке) и, наконец, свои исключительно казачьи строевые части.

Территория Войска 68.000 кв. килом. В два раза больше Швейцарии, почти равна Португалии и больше Голланди и Бельгии, взятых вместе.

Кубанская Область делилась на семь отделов: Екатеринодарский, Ейский, Таманский, Кавказский, Майкопский, Баталпашинский и Лабинский.

Во главе Войска до революции был Наказный Атаман и Начальник Области, назначаемый центральным русским правительством. В Войске были свой Войсковой Штаб и Войсковое Областное Правление.

После революции 17 года, законодательная власть перешла к Куб. Краевой Раде, а исполнительная — Войсковому Атаману, избираемому Радою.

В мирное время Куб. Каз. Войско выставляло:
2 сотни собств. Его Имп. Величества конвоя, дивизион Конвоя Варшавского Ген. Губернатора, 2 сотни — конвой Наместника на Кавказе, 11 первоочередных конных полков, 6 пластунских батальонов, 5 конных полевых батарей и имело на льготе кадры 2-й очереди этих полков и батальонов.

Во время первой Мировой Войны 14 - 17 гг. Войско выставило (на свой счет) 37 конных полков, 2 полка конных горцев, 4 Кубан. пластунских бригады (по 6 батальонов в каждой), 36 отдельных сотен и 17 запасных, 9 Кубанских батарей.

«Казаки дали все, что были в силах, на боевую службу Родины» (ген. Богаевский).

«Казаки имели выбывшими из строя от кровавых потерь 94% и пленными лишь 6%, превысив на поле брани молчаливой жертвенностью и боевым упорством даже поистине доблестное русское офицерство, давшее выбывшими из строя от кровавых потерь 87% и пленными 13% (Ген. Головин).

Такова была наша Кубань — родина, вековой наш богатырь.

Париж. **Малышко.**

ПЕРВЫЕ КАЗАКИ НА КУБАНИ.

В 1960 г. Кубанское Войско празднует столетие своего существования. Однако, впервые казаки появились на Кубани в конце 17-го и начале 18-го вв., образовав там впоследствии, вместе с пришедшими с Дона после подавления Булавинского движения некрасовцами, Великое Войско Кубанское, просуществовавшее на Кубани до конца русско-турецкой войны 1736-39 гг.

Причины появления там каз. эмиграции были политического и религиозного характера — гонения на раскольников.

Общепринятое упрощенное толкование церковного раскола таково: по настоянию патриарха Никона духовенство произвело исправление церковных обрядов и книг, а народные массы приняли его за перемену догматов. Встречая серьезное сопротивление, церковь обратилась за помощью к государственной власти, которая обрушилась страшными гонениями на раскольников, что вызвало их бегство туда, куда московским властям было трудно добраться: на Дон, Яик, Кавказ и дальний север.

***

Начало раскола на Дону относится к 1672 г., когда беглый монах Иов Тимофеев основал на р. Чир мужской и женский старообрядческие скиты. Тогда же раскольники появились на Хопре, Белой Калитве, Медведице. Строгая жизнь старообрядцев, понесенные страдания за веру вызывали сочувствие и поддержку большинства местных казаков. Примитивность верований жителей Дона, не вдававшихся в религиозные детали, их широкая веротерпимость, лишь бы человек веровал в Бога, способствовали мирному сожительству староверов и последователей никоновской реформы.

Постановление Церковного Собора 1681 года о розыске раскольников естественно повлекло увеличение их количества на Дону. Особенно много их осело в верховых городках.

Вмешательство государственной власти придало преследованию староверов политический характер, т. к. моск. правительство рассматривало донских раскольников не только как религиозных противников, но и как враждебную по отношению к режиму группу. Действительно, старообрядцы находят широкую поддержку главным образом среди верховых казаков, настроенных оппозиционно по отношению к Москве и вообще недовольных усилением моск. влияния.

***

Начиная с середины 17-го в., донское казачество, представлявшее до сих пор единую массу, начинает расслаиваться на три неравные части: старшин, домовитых казаков и «голытьбу».

Старшины (бывшие войсковые, походные, станичные атаманы, войсковые дьяки и т. д.) были руководителями казачества, сохраняя свое значение и вес и после сложения с себя полномочий, которыми их в свое время наделил Круг. К их мнению прислушивались, принимая во внимание их знания и опыт. Усилению их значения способствовало и то обстоятельство, что в их руках постепенно сосредоточивались и материальные средства. Значительное количество старшин было проводниками политики моск. властей. Это понятно: их социально - экономические интересы начинают приобретать другой характер, чем интересы рядовых казаков. Переход от охоты к скотоводству, а позже и к земледелию, возможность использовать наемный труд, сосредоточивание в их руках торговых и промышленных предприятий, наличие значительных денежных средств, наконец их значение и вес — все это способствовало тому, что старшины старались выделиться из общей массы казаков и стать от нее независимыми. В свою очередь московские власти всячески старались усилить свое влияние на старшин: при их приезде в Москву за ними там ухаживали, делали богатые подарки.

Однако не все старшины поддерживали и проводили моск. политику. Во главе их полит. противников — голутвенного казачества были такие видные лица, как Войсковой Атаман Самойло Лаврентьев, старшины Чюрносов, Мурзенков, Илья Зерщиков, выбранный впоследствии, после гибели Булавина, Атаманом Войска.

Голытьба состояла в значительной степени из нового пролетарского казачества, еще не достигшего экономического благополучия. Оно непрерывно пополнялось «новоприходцами» — людьми, бежавшими из Московского государства от крепостного права, от произвола моск. чиновников, от тяжелых налогов и повинностей и от религиозных преследований. Придя на Дон, эти люди попали в тяжелое экономическое положение. Земледелие было запрещено Войском, охота и рыболовство не могли всех прокормить, царского жалования еле хватало и старым каза-

кам. Война могла бы дать средства к существованию, но установившиеся отношения с моск. правительством не позволяли осуществить ее в нужных масштабах. Естественно, что голытьба была настроена весьма неприязненно к моск. властям и стояла за казачьи вольности, за независимость Дона. Представители этой группы населения получили на Круге название раскольничьей партии, ибо ее интересы во многом совпадали с интересами староверов, в противоположность партии старшинской или московской, проводившей моск. политику.

Между этими крайними группами было старое домовитое зажиточное казачество, обладавшее хозяйством и некоторым материальным достатком и занимавшее среднюю позицию по отношению к Москве. Оно стремилось к независимости Дона, но в то же время желало сохранить хорошие отношения с моск. властями.

Борьба на Войсковом Круге между двумя крайними направлениями приобретает особенно острый характер в начале 80-ых годов. Представители раскольничей партии выступают защитниками не только одной религиозной свободы, но главным образом донской независимости и самобытности. Они против вмешательства московского правительства в жизнь Войска. Их противники, во главе с Фролом Минаевым *), проводили на Круге и в Войске московскую политику. Религиозный вопрос отошел на второй план.

Было даже течение в пользу полного отделения от Москвы. Петр Мурзенков, атаман одного из верховых городков, говорил: «Лучше быть на каторге, нежели на Москве». Чюрносов был менее откровенен: «Куды же нам идти на крымского, надобно тут первое очистить, лучше де ныне крымской, чем наши цари на Москве». Его ближайший помощник Кузьма Косой прямо призывал к походу на Москву, да и сам Чюрносов готовился к серьезной обороне в случае нападения моск. войск. стараясь организовать союз с терскими и яицкими казаками: «... и письма свои на Яик и на Терек, чтоб не слушали ни царей, ни патриархов, но крепко держались за веру старую. Аще же придет на нас какой опал с Москвы, вы тогда к нам идите... станут же за нас многие орды и калмыки...»

Насколько сильно было значение раскольников, видно из того, что в 1681 г. Войсковой Атаман С. Лавреньев разрешил попу Самойле выполнять церковные службы по старым книгам, что было подтверждено Кругом. Их политические противники — старшины писали о своем шатком положении в Москву и даже просили воронежского воеводу расправиться с раскольниками на Медведице. Но воевода, опасаясь вооруженного конфликта со всем Донским Войском, ибо Медведица считалась «казачьим присудом», ответил: «... промыслу учинить не можно, потому что бы не возмутить весь Дон от этого дела...»

Моск. правительство, до сих пор не выявлявшее определенного отношения к расколу на Дону, но внимательно следившее за происходящим, решило, что обстановка становится серьезной, когда во время обычной общей трапезы после Круга казаки перестали «про государское здравие заздравные чаши пить, о государском здравии древние обычаи отставили, три года (1684-87) на церковной службе не поминали государя...». В 1687 г. Москва потребовала выдачи раскольничьих вождей, в том числе и С. Лаврентьева, заменявшего в это время на атаманском посту ушедшего в поход Фрола Минаева.

Вернувшемуся из похода Минаеву с трудом удалось на Круге настоять на отправке лишь Кузьмы Косого, а Лаврентьеву пришлось «ухорониться».

Распоряжение моск. властей Войском выполнено не было. Даже больше того: в Москву атаманом зимовой станицы был отправлен сам Чюрносов, главный руководитель раскольничьей партии. Атамана Лаврентьева Войско не выдавало: первую грамоту оно просто не выполнило. на вторую — послало попа Самойла, на 3-ю ответило, что «Атаман Самойло по розыску Войска к расколу не причастен к тому же болен и в Москву ехать не может». Составление последней отписки протекало особенно бурно: пять раз собирался Круг, Войсковой Атаман Минаев, опасаясь за свою жизнь, сдав атаманство, ушел с Круга. Позже его уговорили опять взять пернач.

Московские приверженцы написали в Москву, что ни в каком случаем не надо отпускать Чюрносова обратно на Дон, ибо обстановка и настроение такие, что может про-

---

*) Фрол Минаев Кумшацкий, участник разинского похода в Персию, неоднократно выбиравшийся в Атаманы, был проводником моск. политики. Его особенно любил Петр Великий. Умер он монахом, под именем Филарета. Его сыновья были видными людьми своего времени. Максим Фролович Кумшацкий не раз бывал походным атаманом, а с 1715 по 1717 был и Войсковым.

изойти такой же «мятеж», что и при Разине. 5-го марта 1688 г. Чюрносов и вся зимовая станица в Москве были арестованы.

7-го апреля 1688 г. приехавший из Москвы толмач Никитин снова предъявил требование выдать Лаврентьева. На Круге верховой казак - новоприходец уговаривал не делать этого, ибо когда съедутся казаки с верховых городков, то «посыльщикам будет столь добра, что ничье имя не помянится». Его слова не были пустой угрозой: на одну из предыдущих моск. грамот о выдаче Лаврентьева 7 верховых городков прислали на Круг свои приговоры не выдавать Атамана. Речь новоприходца на Круге была встречена очень сочувственно и поддержана многими казаками. Для московской партии создалось очень напряженное положение. Ф. Минаев «с товарищи», понимая, что дело принимает нехороший для них оборот и что даже их жизни грозит опасность, избили оратора «до смерти», а тело выбросили с Круга. Раскольничья партия, не ожидавшая такой сильной реакции, дрогнула и, после долгих уговоров, Круг, а затем и собравшийся съезд всего Войска, постановили отправить в Москву Лаврентьева и др. требуемых лиц.

В данном случае борьба на Круге имела ярко выраженный политический характер. Круг боролся против вмешательства Москвы в его внутренние дела, против ограничения независимости Войска. Но если часть казаков, особенно верховых городков, готовилась к открытому военному столкновению с Москвой, то другая понимала, что теперь Войску не под силу бороться с Московским государством, и что, наоборот, конфликты со столицей могут ускорить ограничение казачьей самобытности.

Для Донского Войска происшедшие события имели три следствия:

1. Войско потеряло право религиозного убежища, как в 1671 г., после разинского движения, лишилось права убежища политического.

2. Чрезвычайно усилились роль и значение старшин, которые, опираясь на поддержку Москвы, стали управлять Доном по своему.

3. Эмиграция части казаков на Куму и далее на Астрахань и на Кубань.

В мае 1688 г. Лаврентьев и Чюрносов «с товарищи» были казнены в Москве, Одновременно оттуда пришла на Дон грамота с указанием разгромить раскольничьи «сборища». В августе отряд казаков атамана Михайлова, посланный вместе с калмыками в верховья Дона, уничтожил там раскольничьи скиты, также как и их главный городок на Медведице. Около двух тысяч казаков - раскольников с Петром Мурзенком во главе ушли с территории Дона на Куму во владения Шахмала Тарковского. Местное население встретило их приветливо, а Шахмал, на земле которого они поселились, объявил их своими «тегачами» (гостями, находящимися под народным покровительством). Узнав о намерении казаков построить лодки и заниматься «добычей зипунов» »на море, Шахмал поселил их между р. Сулаком и ее рукавом Аграханью, где казаки с новым энергичным атаманом Косткой Ивановым (бывшим на Дону атаманом Паншина городка), поставили городок, для обороны которого понаделали деревянных пушек с железными обручами (Н. П. Краснов. «Истор. очерки Дона» 1884). Они сохранили свое войсковое устройство, Круг и Войскового Атамана, но должны были принять подданство султану, владельцу кавказских земель, по отношению к которому образовавшееся Войско на Аграхани было в вассальной зависимости. В религиозном отношении со стороны турок была проявлена полная веротерпимость. Соседями аграханцев были терские и гребенские казаки, относившиеся к ним с полным сочувствием, и кавказские горцы, отношения с которыми, благодаря агитации московских агентов, через некоторое время начали портиться. Средства к существованию аграханцы добывали рыбной ловлей, охотой, и главным образом набегами на московские и персидские селения, царские учуги, суда московских и персидских купцов. Добычу они делили с Шахмалом.

Аграханцы не теряли связи с Доном, где у них осталось много единоверцев. Посылаемые ими туда «подмётные» и «прелестные» письма, восстанавливающие рядовое казачество против старшин, а главное против Москвы, имели на Дону известный успех. Недовольных донцов они звали к себе на Аграхань.

Одновременно аграханские казаки были непрочь перейти и к более активным действиям. П. Мурзенков, игравший среди них видную роль, грозил вернуться на Дон и «старшинам головы резать, бородами связывать и через якоря вешать». Часто раскольники принимали участие или бывали проводниками в набегах горцев на московские земли и казачьи городки.

Такое, казалось бы двойственное, отношение к Донскому Войску объясняется тем,

что аграханцы в старшине видели лишь верных прислужников Москвы, к которой относились с лютой ненавистью. К голутвенному казачеству они относились гораздо более терпимо.

Московское правительство всеми мерами старается заставить казаков - раскольников вернуться на Дон. По его настоянию Донское Войско посылает на Аграхань грамоты с призывами к возвращению, обещая полную амнистию. Писали к эмигрантам и царские воеводы, но все было безрезультатно. Московских послов аграханцы били на Круге «ослопами», «сажали в воду», лазутчиков и агитаторов убивали, а донским казакам передали, чтобы они не обращались к ним с подобными предложениями, иначе и войсковых посланцев постигнет та же участь.

В то же время московские власти не раз обращались к кабардинским князьям, татарским ханам и мурзам, калмыцким тайшам с призывом уничтожить поселения казаков - раскольников на Аграхани. Писала об этом Москва и к воеводам в Астрахань и на Терек, требовала от Донского Войска принять более активные меры военного характера, но все это оставалось без последствий. Ни туземцы, ни воеводы не предпринимали серьезных шагов, ибо аграханцы находились под покровительством Шахмала, очень ценившего их за морские «способности», а Донское Войско естественно не проявляло большого желания уничтожать своих собратьев, которым многие из казаков, находившиеся на Дону, очень сочувствовали. Донская же старшина, опасаясь кроме этого усиления Всйска на Аграхани, неоднократно указывала, что если преследования раскольников на Дону будут продолжаться, то «изменников и дураков явится у них много и туда же в погибель к раскольникам пойдут».

Но преследования продолжались, следствием чего в 1692 г. более тысячи казаков - раскольников снова уходят с Дона на Аграхань. Их приход подтолкнул аграханских казаков на активное выступление против Донского Войска. В 1693 г. большой конный отряд аграханцев разорил казачьи городки по среднему течению Дона, причем особенно досталось старшине и зажиточным казакам. Этот набег вызвал серьезные репрессии со стороны Москвы. Были посланы многочисленные царские войска для уничтожения Аграханского Войска. Под их давлением оно целиком переселилось вглубь гор, но начавшиеся трения среди самих казаков и порча отношений с туземцами повлекли его распадение. Часть аграханцев переселилась к гребенским казакам, а другая, более значительная, ушла на Кубань, где расселилась по ее течению, от устьев Лабы до самого моря. Впоследствии казаки аграханцы, осевшие на Кубани, вошли в состав Великого Войска Кубанского, оформившегося на Кубани после подавления Булавинского движения.

Париж. **Б. Богаевский.**

ЕРМАК.

В один ненастный осенний день 1921 г. красноармейский отряд заполнил в Новочеркасске площадь перед собором, где стоит памятник Ермаку, созданный знаменитым скульптором Антокольским.

Возле памятника стояла группа военных и гражданских командиров - коммунистов, руководивших экзекуцией над величественным символом былой казачьей славы.

— Вяжи!

Канат обвился вокруг могучей голени донского богатыря. Двое красноармейцев взобрались на гранитный пьедестал и торопливо обматывали бронзовую талию безмолвного великана. Казалось символичным сопоставление величия исторического прошлого, застывшего навсегда в художественном творении из камня и бронзы, и двух копошившихся живых пигмеев, выполняющих волю тлетворного влияния безвременья. Зрелище привлекало своей необычностью всех проходивших. Толпа народа все больше и больше сжимала красноармейцев, движимая единым чувством, присущим всякому, не потерявшему нормальный человеческий облик: «Как это назвать?» Варварство, вандализм или еще хуже? Кто они, превращающие в безформенную груду одно из лучших художественных творений человеческого гения, вдохнувшего в мертвую материю целую историческую Эпоху, освященную последовав-

шими столетиями и утвержденную критерием исторической науки?

Чем вызвал ненависть у большевистской революции великий завоеватель Сибирского царства, какие его деяния были не в унисон с теориями Маркса-Ленина, да и какое отношение имеет казачья историческая быль к абсурдной доктрине большевизма — строить на развалинах прошлого новый мир?

— Тяни! — раздалась чья то команда. Длинный ряд красноармейцев нахилился назад, ноги крепко уперлись в камни мостовой, сотни рук напряглись в едином усилии. Тысячи глаз впились в неподвижную статую, стараясь уловить первое колебание, равносильное смерти и разрушению одухотворенной материи памятника. Канат натянулся, как струна. Ермак не дрогнул. Казалось, вид его стал еще более суровым и величественным, как на картине знаменитого художника казака Сурикова, изображающей битву. Ермака с полчищами татарского хана Кучума, где, как и теперь в живой картине, представлено столкновение двух грандиозных сил, двух миров, двух стихий.

— Раскачивай!

Волной заколебалась линия красноармейцев и в ритм колебания подымался и опускался канат.

— Качай! — Раздраженно, как ударом бича, била по нервам команда экзекуторов.

Удары человеческой волны становились все интенсивнее. Толпа заколебалась от напряжения чувств и все это людское море, казалось, разбивается о гранитный утес памятника. Нервы всех напряглись, как канат, руки красноармейцев деревенели, ноги подгибались, а мрачная фигура бронзового воина упирается все сильнее и сильнее.

— Отставить...

Волна качнулась еще раз и застыла.

— Послать за тракторами — командовал старший из штатских.

Мрачное осеннее небо становилось темнее от набегавших дождевых туч, ветер рвал и метал последние листья оголенных тополей и, подымаясь к золотым куполам собора, только там смирял свой справедливый гнев на несуразности человеческих отношений к своему прошлому.

Тягостно было на душе людей, невольно ставших свидетелями одного из каннибальских актов над историческими памятниками прошлого казачества.

Люди стоически приняли свою обреченность, от настоящего им нечего было ожидать ничего доброго, такова извечная судьба побежденных, но, глядя на происходящее, они как то невольно связывали свое будущее с вопросом: устоит ли дорогой их сердцу бронзовый памятник - казак или им суждено увидеть мертвые осколки, из которых не возродить его былой облик, а, значит, и никогда не быть казачьей воле на своей потоптанной врагами земле.

— Тракторы! Тракторы!

Злобно скрежеща гусеницами, как будто негодуя на применение их силы не по назначению, два огромные трактора иноземной марки, раздвигая толпу, приближались к памятнику.

Рядом с канатом стан Ермака обвила железная цепь. Рванулись железные чудовища, еще свирепее заскрежетали железные полотнища гусениц, а Ермак как стоял, так стоит и поныне.

Молчаливый психологический поединок между советской властью и символом исторического прошлого — памятником Ермаку — продолжался недолго.

США. **П. Н. Донсков.**

(«Дон, Кубань и Терек во 2-ой Мировой войне»)

ПОРТРЕТ ЕРМАКА.

Почти сто лет тому назад, в 1870 году, в С.-Петербурге, была устроена большая выставка «Портретов известных лиц». А. М. Лушев сделал фотографии почти всех портретов и наклеил их в два объемистых альбома. Фотографии, по тем временам, были удачны; число альбомов было, конечно, крайне ограничено. Едва ли они теперь находимы. Счастливо располагая ими, я позволяю себе смелость уйти «во тьму веков».

Среди портретов «известных лиц» находился портрет Ермака. Подумать только: какой портрет Ермака из той эпохи, когда мы не знаем подчерка Ивана Грозного, а из его портретов почти ничего достоверного? К сожалению, Лушев, пересняв портреты, не дал

указаний ни их происхождения, ни места нахождения, ни мастеров или школы, их создавших. У Ивана Грозного в Москве и у Строгановых на границе Сибири было не одно и то же: у Строгановых было больше полезных «немцев» (т. е. иностранцев), чем у царя в его столице. Один Брюннель чего стоит! В Сольвычегодске было легче написать портрет «известного лица», чем в Москве. Но это только предположения, надо перейти к подтверждениям.

В своем классическом труде «Подробный словарь русских гравированных портретов» Д. А. Ровинский (СПБ. 1880) описывает девять гравированных (т. е. воспроизведенных с оригинала или повторных) портретов Ермака. Среди них: гравюра Н. Розанова, с подписью: ЕРМАК ТИМОФЕЕВ, ДОНСКОЙ КАЗАК, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ. Гравюра эта была издана Платоном Петровичем Бекетовым сто пятьдесят лет тому назад. Бекетов, составив план «Портретов знаменитых россиян», будучи очень культурным и богатым, создал на свои средства школу граверов; его школа награвировала около 300 досок; сам Бекетов выбирал оригиналы для воспроизведений вполне оригинальные; к своей гравюре Ермака он добавил, что сделал ее с портрета, привезенного из Сибири.

Карамзин описывает Ермака: «Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые: зерцало души пылкой, сильной, ума проницательного».

Все это совпадает с портретом Ермака. Дальнейшие заочные изображения это подтвердили: начиная с памятника ему в Новочеркасске и кончая народными картинками (лубками).

Париж. **Н. Н. Туроверов.**

От редакции. Снимок с гравюры Розанова будет помещен в готовой к печати книге о Ермаке Н. М. Мельникова.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «1613 ГОД»

... А по окраинам ликующей столицы,
По подмосковным редким деревьям
Орловским шляхом тянутся станицы
На Тихий Дон, к родимым куреням.

Стучат коней подкованные ноги,
Из изб и теремов глазеют сотни глаз,
И в воздухе морозном на дороге
Рассыпал рокот свой дрожащий тулумбас.

Рассыпав, смолк над за́мершею весью,
И подголосок взмылся выше гор...
И вот уж парит дерзко в поднебесьи,
А где то там, внизу — казачий хор...

И льется песнь, как в половодье воды,
Родная песнь, степная благодать...
Придет пора и чуждые народы,
Как зачарованные, будут ей внимать...

То вспять бежит, то нарастает гулом,
Гремит, как гром, и тает, как туман...
Задорно крутят ус седые есаулы,
И прячет в бороду ухмылку атаман.

Скачи ж, мой конь, к родимым перегонам,
Взбей пыль дорог, стрелою поспеши
Испить воды в волне седого Дона,
Топча подковыми родные камыши.

Изборозди копытом степь родную,
Вдохни всей грудью пряный полынок,
Пусти по ветру гриву золотую,
Примчи хозяина под де́довский порог.

И круто стань... И крепкими ногами
Вонзися в землю, шевеля уздой,
И радостно прими шершавыми губами
Овес из рук казачки молодой.

Так мчи ж туда, где чебура и кашки
В степи раскинут Господом ковер,
Где извиваются клинком казачьей шашки
Родные — Дон, Медведица, Хопер.

Где по весне, до свету, спозаранку
Забраться б в ильмень да разложить огонь,
Да ждать, покуда клюнет на приманку
Сула-проказница аль бойкая чехонь.

Бродить по камышам, скользить
и оступаться,
Рукой привычною проверить вентеря́
И радостно в тиши предутренней дождаться,
Когда червонная зардеется заря.

Трещит костер, подмигивая хитро,
Льет за ворот слезу росистая верба,
А в хате ждет с оладьями макитра,
Да на вечерю — жирная щерба́.

Брести домой по кочкам, буеракам,
Таща кукан с сулой, ломиться сквозь кугу.
Пройти верст восемь с неизменным «гаком»
И утренней росой умыться на лугу.

———

Иль медленно плестись по выжженой степи́,
С обозом юртовым на Тор, на варку соли...
В ночных привалах залегать в степи
И ждать татарина в отрытом чистом поле.

Иль под вечер, после дня хмельного,
На сене развалясь в раскрытом чекмене,
Лениво целовать ясырку из Азова
И с нежной ласкавостью думать о коне.

Бродить по ерикам под носом у врага,
В степи привольной рассыпаться лавой,
Потешить зуд плеча в борьбе кровавой
И вечно знать, что жизнь недорога.

Иль с вольною поплыть ватагой
В расшиве ходкой в ветер буревой
И под стеной Азова с татарвой
Чрез десять ден померяться отвагой.

———

Эх, жизнь привольная, широкая, как море,
Как шашки взмах, как сердце казака!
Эх, степь родимая, лишь на твоем просторе
Жизнь вольным витязям привычна и легка!

Все на твоей груди — безмертники -
курганы —
Свидетели побед, родимые юрты,
И поседевшие в победах атаманы...
Все это, все — могла родить лишь ты!

Скачи ж, мой конь, не мешкая, не зная
Ни сна, ни отдыха к кормушечке своей...
Пусть степь полынная, широкая, родная
Спешит принять усталых сыновей!

———

Прсворней стук копыт и песня угасает,
Теряя звуки в море лебеды,
И маревом в неясной дали тают
Зипунных рыцарей нестройные ряды.

И вновь молчат поля и склон холмов
пологий...
Был это сон иль явь? Побасенка иль быль?
Вот смолк и стук копыт... И только на
дороге
Там вдалеке слегка клубится пыль.

Калифорния. **Н. Воробьев.**

ОТКЛИК НА СТАТЬЮ И. ПЛАХОВА «КАК НЕ НАДО ПИСАТЬ ИСТОРИЮ».

Редакцией Р. К. получены многочисленные отклики на статью стан. И. Плахова, помещенную в №28 журнала. Поместить их всех целиком мы лишены возможности из за ограниченности места, поэтому помещаются лишь наиболее существенные выдержки.

Но с чувством глубокого удовлетворения мы отмечаем тот интерес наших читателей к нашему прошлому, к нашей истории, что вызвал очерк Плахова.

Стан. Е. Ковалев пишет:

«Автор обращает внимание читателей на факт, отлично известный всем, интересующимся историей, что в печати помещаются описания некоторых исторических событий нашего недавнего прошлого, подчас, к сожалению, очень большой неточности. То же самое наблюдается и в биографических очерках.

Нельзя не согласиться с автором, что описание всех прошлых событий обязывает

к соблюдению точности и правдивости.

Надо однако заметить, что при том положении, в котором мы находимся (почти полное отсутствие документов и архивов) и при тех условиях, в которых многие пишут (в немногие свободные минуты после утомительного труда), нельзя требовать идеально точного изложения событий. Ошибки в описании исторических событий всегда были и раньше и нам этого не избежать. К тому же мы вынуждены восстанавливать события прошлого главным образом по памяти — по воспоминаниям личным или по рассказам других участников событий. Если этого не делать, то очень о многом в истории не останется никакого следа, т. к. известно, что громадное количество документов и архивов было уничтожено или утеряно и погибло навсегда. Другие же нам попросту недоступны.

Путем постепенного сравнения свидетельств различных лиц, постепенно выясняется историческая действительность, хотя бы в главном, а если не всегда удается установить некоторые детали — это не столь уж важно. Бывают и ошибки, ибо через много лет память человеческая ослабевает. Следует, однако, быть благодарным тем, которые, каждый в силу своих возможностей , пишут о прошлом, внося свою посильную дань в историю и осудить лишь заведомо тенденциозное и неправильное изложение событий некоторыми, в силу своих политических убеждений, или фантастическое описание людей, неспособных разобраться в ходе событий, даже если они и были их непосредственными участниками. Как например такого фантастического описания, можно указать на статью И. Курицына: **«Памяти ген. Коновалова»** в том же №28 «Род. Края», где, в части, касающейся 2-го и 3-го Дон. корпусов, все перепутано.

В качестве примера И. Плахов привел несколько выдержек различных авторов из различных журналов и, сам волей-неволей пишет историю, делая заключения и выводы. Одно дело теория, а другое практика. Став на этот путь, он сам поскользнулся на той же апельсинной корке.

Говоря об ошибках, он пишет: «Все это читают и никто не вносит поправок». Это неверно. В печати можно найти достаточное количество поправок и опровержений.

Упоминая о статье М. Бугураева, И. Плахов пишет: «Все цифры, относящиеся к числу отдельных кон. сотен и батарей, не точны. В действительности их было гораздо больше... Чтобы доказать, что батарей тоже было больше — приведу факт. В 1916 г. мой друг по реальному училищу М. А. Аникин, Гундоровской станицы, по окончании Константиновского арт. училища, пробыв некоторое время в запатной батарее в Персияновке, в августе был командирован в 35-ю Дон. каз. батарею... Следовательно, если была 35-я батарея, то наверно были и 33-я и 34-я и, возможно, другие номера выше».

Но мне, донскому артиллеристу, тоже Гундоровской станицы, служившему одно время в Управлении Артиллерии В. В. Д., много лет работавшему в эмиграции по сбору материалов, касающихся истории Дон. Артиллерии, издавшему, совместно с б. секретарем Союза Дон. Артиллеристов В. С. В. М. Нефедовым (ныне покойным) два выпуска этих материалов, имеющему в своем распоряжении весь заграничный архив Союза Дон. Артиллеристов, это доказательство кажется неубедительным, ибо оно построено на неверных данных. Ваш друг не мог быть послан в 1916 г. в 35-ю батарею по той простой причине, что такой батареи ни в то время, ни позже до самого конца войны не существовало.

В 1914 г. все батареи (Гвардейская, 21 армейская и запасная) были 6-ти орудийного состава. В 1916 г. началось переформирование в 4-х орудийные. Из оказавшихся в батареях лишних взводов (2 орудия) стали формировать новые батареи. 20 полевых батарей дали 10 новых батарей. Гвардейская и 19-я Донская, в которой я служил, сохраняли временно по 6 орудий. Общее число полевых батарей стало 31. Их должны были свести в 16 арт. дивизионов, но не хватало одной батареи. Ее можно бы было сформировать из взводов Гвардейской и 19-й Донской, но нельзя было перевести гвардию на армейское положение, возможно было лишь сделать обратное, т. е. сформировать вторую гвардейскую батарею. Поэтому 32-ю батарею сформировали, выделив вторично по взводу из 12-й и 13-й батарей, которые для этой цели развернули снова, после выделения первых взводов, на шесть орудий.

В 1916 г. были сформированы: 22-я, 23-я, 24-я и 25-я батареи, остальные в начале 1917 г. Таким образом, 35-я батарея не существовала. Ваш друг был послан, по всей вероятности, в 25-ю батарею. С Вами случилось то же, что бывает и с другими — изменила память. Даже начальная буква имени вашего друга вызывает сомнение. Вы пишете М. А. Аникин, в списке же офицеров,

составленном Упр. Дон. Арт. к 1 янв. 1919 г., значится сотник Иван Алексеевич Аникин 4-й батареи. Впрочем, возможна опечатка.

Таким образом сведения, сообщенные М. Бугураевым и числе действующих батарей: одна Гвардейская и 32 армейских — точны. Что же касается запасной батареи, то она тоже была развернута в Запасный дивизион из 3-х батарей, о чем он, будучи на фронте, очевидно, не знал. Все батареи были 4-х орудийного состава, кроме Гвардейской и 19-й Донской, до конца войны имевших по 6-ти орудий только потому, что, благодаря революции, реорганизация не была доведена до конца.

Что касается Ген. Мамантова, биографические даные о нем, действительно, весьма разноречивы. Однако постепенно истина начинает выясняться. В моем распоряжении имеются новые данные, которые будут опубликованы. Делать поэтому поспешные и мало обоснованные выводы преждевременно. На основании одной лишь статьи анонимного автора, скрывшегося за инициалами И.Н.К. в журнале «Каз. Единство» №13, И. Плахов делает вывод: «Надо признать также, что в казаки Ген. Мамонтов был принят станицей Усть - Хоперской, а не Н.-Чирской, как пишут А. Протопопов и Е. Ковалев». Он обосновывает это фразой, что Мамантов появился в ст. Н.-Чирской уже казаком, что ничего не доказывает, ибо любой казак и офицер мог появиться в той станице, к которой приписан.

А вот П. Рудов в статье: «Казак с Баклановской душой» (журнал «Станица» № 13, Париж 1935) пишет: «Столкнувшись в боевой обстановке с казаками (во время Русско - Японской войны — Е. К.), узнав и полюбив их, он (Мамантов) уловил в своей душе что-то казачье, стремится сам стать казаком и его приписывают к казакам станицы Раздорской на Дону». В журнале «Казачий Путь» №99, Прага, 1926 г. на обложке портрет Мамантова, как мне кажется перерисованный из журнала «Донская Волна», издававшегося на Дону, под которым надпись: «Ген. Лейтенант К. К. Мамантов. Казак ст. Нижне-Чирской, 2-го Донского Округа...». В 1926 г. память была значительно свежей, в Чехословакии в то время проживал цвет казачьей интеллигенции, редактором журнала был одно время В. А. Харламов, б. председатель Большого В. Круга, вот почему я на этой версии и остановился.

Что касается того, кто привел на Дон 6-й полк — это установлено определенно. Об этом есть указание в Донской Летописи №2 и помнят те из оставшихся в живых, которые встречали этот полк в Новочеркасске. Это войск. ст. Тацын (по другим сведениям полковник), но во всяком случае не Мамантов.

Стан. И. Я. Крюков пишет: «Если не было станицы Бурацкой во 2-ом Дон. Округе, где был только хутор Бурацкий, то в Хоперском она была. Спуститесь по Хопру от Урюпинской до Усть - Бузулуцкой. Вы ее найдете на 5-ом месте после Петровской, Тепикинской, Луковской и Правоторовской, а за ней вы найдете Тишанскую.».

В вопросе о составе Донской пешей бригады, желая установить точный возраст призванных в нее казаков, ст. Плахов приходит к заключению, что он не превышал 38-39 лет.

«Смею утверждать, что возраст был от 25 до 43 лет и вот почему: два моих шурина из «отставных» были зачислены в Пешую бригаду: один был 11-го года присяги (25 лет), другой — 7-го года (29 лет). Кроме того, два моих соседа также попали в Пешую бригаду, имея 41 и 43 года. Быть может, это отдельные случаи, но они были.

«Что касается ген. Мамантова, то я всегда слышал, что он был принят в казаки ст. Н.-Чирской, а не Усть - Хоперской. Полагаю, что ст. Е. Ковалев более прав.

«С другой стороны имеется еще немало живых казаков, служивших в 1-ом, 6-ом и 19-ом полках, так же как и казаков Н.-Чирской и Усть-Хоперской станиц, могущих потвердить точность утверждений различных авторов, а именно: в какую станицу был принят в казаки ген. Мамантов и с каким полком он вышел на войну».

Полк. Ф. И. Елисеев пишет:

«Б. Н. Уланов, давая похвальный отзыв о моих брошюрах «В Храм Войсковой Славы» — прочитал только первые номера, потому и не мог знать — сколько строевых частей дало Казачество на Турецкий фронт, во время Великой войны 1914-1918 гг., о чем ввел в заблуждение И. Плахова, офицера Донского Войска, так справедливо сокрушающегося о том, в №28-м «Родимого Края», что, вообще, мало написано об участии Казачества в 1-й Мировой войне, иль кое-что неточно указано.

«В Храм Войсковой Славы» — или —

»Казачьи части на Кавказском фронте в 1914-19 годах» — заняли двенадцать брошюр. В них перечислены все полки, батареи и пластунские баталионы, старшие начальники и судьба их, тех Казачьих Войск, которые были на Турецком фронте. В основном я рукодствовался трудом генерала Масловского — «Мировая война на Кавказском фронте», но — со своим 1-м Кавказским полком, во все эти годы войны, и на разных участках Турецкого фронта, нам приходилось встречаться, и в боях и в походах, почти со всеми Казачьими строевыми частями, как и с их старшими начальниками, что и указано в брошюрах. Кроме того — дополнено то, что не указано генералом Масловским.

«Движение Казачьих Сил» на Турецком фронте указано в хронологическом порядке прибытия их на Кавказский фронт и разных перемен в переформировании. В конечном результате, в последней брошюре №12-й — подведен мною итог этим **Казачьим силам** по Войскам, которыя и выписываю из брошюры №12-ой, на страницах 16 и 17, числившимися к 1-му января 1917 года, т. е. — в Императорской России.

1. Кубанского Войска: 20 конных полков, 22 пластунских батальона, 5 конных батарей и 24 Особых конных сотен.

2. Терского Войска: — 6 конных полков, 2 пластунских батальона и одна конная батарея.

3. Донского Войска: три конных полка 4-х сотенного состава, 4 батальона пластунов и 7 Особых конных сотен.

4. Сибирского Войска: — два конных полка.

5. Забайкальского Войска: К весне 1915 года, на левый фланг Кавказского фронта, к Персидской границе — прибыло две Отдельных Забайкальских казачьих бригады с двумя своими Забайкальскими конными батареями, всего — 4 конных полка 2-й очереди и 2 батареи.

6. Оренбургского Войска — одна конная батарея, которая действовала при Сибирской казачьей бригаде.

Подсчитав эти строевые части, находим, что — КАЗАЧЬЯ СИЛА на Кавказском фронте исчислялась в 35 конных полков, 28 пластунских батальонов, 9 конных батарей и 31 Особых конных сотен. Эти 31 «Особые сотни» могли бы составить 5 конных полков 6-ти сотенного состава.

По штату военного времени — конный казачий полк и пластунский баталион — исчислялись в одну тысячу казаков, а батареи — в 250 казаков. Отсюда — предоставляю читателю подсчитать — сколько тысяч казаков было на Турецком фронте в Великой войне 1914-18 гг.?

Продолжу «выписку» из последней брошюры № 12-й:

«И вся эта Казачья конница была на собственных лошадях, при собственных седлах, при собственном холодном оружии и с полным собственным обмундированием до белья включительно, получая от государства только огнестрельное оружие, подковы для лошадей, питание и фураж. Как казаки питались на Кавказском театре военных действий, которые происходили исключительно на Турецкой территории, и в Персии, когда линия фронта тянулась на одну, две, три сотни верст от Русской государственной границы, и чем и как они кормили своих лошадей — лучше умолчать... Участки этого дикого Турецкого фронта, сплошных гор, трущоб, бездорожья, бедности и редкости населения, абсолютное отсутствие деревьев на топливо в жуткие зимние стужи.. Мрачные вшивые вонючие каменные норы курдских жилищ и их совершенно примитивная жизнь — должны хорошо помнить все это! И —никакого ропота среди послушного и молодецкого казачества. И никакого «отпуска домой» до лета 1915-го года. А потом — отпуск — два казака на сотню: процент небольшой. И только редкие письма из станиц, от семьи — вся радость, единственная радость для души воина-казака на далеком Турецком фронте...»

НЕ ГРУСТИ.

Не грусти о гнедой кобылице,
Что тебе привели из степей,
Где в душистой сплелись небылице
С ковылем и чебрец и репей.

И что слезы твои оросили
Еще теплый подушек шевро,
Когда счи навек уносили
Твоего же завода тавро;

Как красавица храп положила
И была за плечами легка:
Она верно тебе отслужила,
Проводила в поход казака!..

***

Не стыдись, что в разрывах шрапнели
Ты оставил ее на молу
И что в трюме, на рваной шинели,
Как мальчишка, рыдал на полу...

Знать, взаправду жалел ты подругу,
Если боль заглушив своих ран,
В этот день, как любимому другу,
Не вложил в ее ухо наган...
Не грусти ж о гнедой кобылице
Из задонских душистых степей,
Не горюй в чужеземной столице:
А крепись. Ты — казак... И терпи!

Париж. **И. Сагацкий.**

ПОЧЕМУ НАМ НУЖЕН НАШ КАЗАЧИЙ ЛЕКСИКОН.

В одном из номеров журнала «Казакия» писалось о «Первом разгроме большевиков» так: «16-18 июля (по нов. ст.) большевики произвели первое вооруженное восстание в Петрограде с целью ареста Времен. П-ва Керенского и захвата власти в свои руки. К этому восстанию присоединились не только рабочие, но и многие воинские части, находившиеся тогда в распоряжении Петроград. Военного Округа. Больше того, к нему примкнули и гвардейские части (Гренадерский, Преображенский и др. полки), а остальные объявили «нейтралитет» дружелюбный большевикам. Положение Вр. П-ва было весьма критическое. В распоряжении командующего Военным Округом ген. Половцева не оказалось никаких сил, которые могли бы задержать или подавить начавшееся вооруженное восстание...

«Тогда обратились к созданному на 2-ом Съезде всех Казачьих Войск в Петрограде (14-27 июня 1917 г.) «Совету Союза Каз. Войск» с просьбой спасти Вр. П-во, сохранить законность и порядок, с помощью находившихся тогда в Петрограде 1-го, 4-го и 14-го Дон. каз. полков, 6-ой Дон. Гв. батареи и казачьей сотни Николаевского Кавалерийского Училища...»

В № 26 «Родимого Края» полк. М. Бугураев в статье «А. М. Каледин и М. П. Богаевский» (стр. 5) писал: «Первое восстание большевиков 3-5 июля (ст. ст.) в Петрограде, произведенное вооруженными толпами рабочих, солдат и матросов, было подавлено казаками (1-го и 4-го полков) и юнкерами Владим. Военного У-ща...». Л. Троцкий-Бронштейн по этому поводу пишет: «оно доказало, что за исключением юнкеров никто не был расположен сражаться против большевиков, за правительство или руководящие партии советов».

В подтверждение этого полк. Ф. Елисеев в своем очерке «Казачий чуб» («Род. Край» № 12 за 1958 г.) описывает похороны девяти донцов, вместе с хор. Хохлачевым, погибших при исполнении «воинского долга, как и все горе отцов, матерей, жен и детей погибших, присутствующих при последней казачьей «дороженьке» этих верных сынов Родины.

Так писали казаки. Возможно, что тут нужна кое какая корректировка, но... вот как пишут об этом событии в «Энциклопедическом Словаре» Ф. Павленкова на стр. 66 «Дополнений» к нему, т. е. уже переизданном и дополненном в Нью-Йорке при некотором содействии НРС.

«Июльские дни 1917 г. произошли в момент кризиса коалиционного Вр. П-ва. В эти дни большевики в Петрограде организовали демонстрацию рабочих и солдат, предлагая превратить ее в вооруженное восстание. Однако противодействие Петроград. Совета раб. и солд. депутатов и 1-го Съезда Советов, в котором большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, повело за собой неудачу для июльского выступления большевиков. После июльских дней Ленин, Зиновьев и др. стали скрываться, подготовляя более удачное выступление».

И точка. Тут, как видите, никаких казаков нет. Большевикам дана была возможность «подготовления более удачного восстания» со стороны самого же спасенного казаками Вр. П-ва, «ответившего» арестом ген. Корнилова и объявившего мобилизацию против Атамана Каледина..., а Ленину с сотрудниками давшего возможность скрываться. Хотя место «скрывания» и не было неизвестным.

В «Словаре» очень подробно пишется о всех «деятелях революции», ставших для нас всех «гробокопателями» и страхом для всего культурного мира, но или ничего о казаках или же совершеннейший вздор, как о ген. Корнилове. А о подавлении казаками восстания большевиков — ни слова.

Вот почему нам нужен наш Казачий Лексикон...

США. **А. Скрылов.**

«ЖЕСТОКАЯ СУДЬБА»

Уже больше года, как я был зачислен в 3-й Иностранный пехотный полк Иностранного Легиона французской армии, во 2-й батальон, 5-ю роту, 4-й взвод. Приехали мы все вместе в Марокко в январе 1921 г. группой в 400 чел., из которых 80% были русские. Были представители всей обширной Российской Империи: от малороссов до сибиряков и от осетин до чухонцев. Жили мы все дружно и стояли стеной, все за одного, один за всех.

Наша часть несла гарнизонную службу. Жили мы в лагере Кара-Марес, вблизи Феза, старинной столицы Марокко. Лагерь был расположен на большом холму, и вид на Фез, расположенный, хотя и на холмах, но ниже нашего лагеря, был воистину прекрасный.

Почти в центре города возвышается старинный и величественный дворец мавританских султанов. Величественная и грозная цитадель, убежище некогда всесильных и жестоких властелинов, покорителей Испании.

Улицы города — извилистые узкие переулки с маленькими домами, с плоской крышей, на которую, по вечерам, после захода солнца, собирались исключительно женщины, в своих ярко-цветных балахонах, с закрытым лицом, как это вообще принято в мусульманском мире. Подчеркиваю «мусульманском», потому что каждый верующий мусульманин будет себя считать оскорбленным, если его назовут магометанином. Сни веруют в Бога, которого называют на своем языке Алла, или по марокканскн Мулэна, а Магомет был для них человеком, но человеком особенным, ибо он был первым открывшим им существование Бога и научившим их, что надо делать, чтобы познать Его. Разговор на эту тему я довольно часто имел с одним пожилым арабом, побывавшим в России и даже немного говорившим по русски. Познакомился я с ним совершенно случайно, в одной из многочисленных мавританских кафеек,, будучи в компании русских легионеров, среди которых был и Яша Свинарев, донской казак Урюпинской ст. Араб был человеком умным, говорил почти свободно на всех европейских языках. Всегда угощал нас кофеем с финиками, хвалил Россию, а русскую армию он просто называл самой могучей в мире и никогда и никем не победимой! Впоследствии, он даже сказал мне свое имя, в знак его уважения ко мне. Назвался он Махмуд бен Ахмет.

Яша Свинарев был старше меня на два года, но ростом был маленький. Физически был красиво и пропорционально сложен. Широкие плечи, грудь очень развита. Блондин и кудрявый, с большими голубыми глазами, и почему то черными ресницами и длинными, как у молодого бычка. Был большим любителем спорта и считался в полку лучшим прыгуном в длину.

Довольно часто мы устраивали дружеские соревнования, с участием других русских, которых было довольно много в нашем батальоне. 7-ая рота, например, состояла почти целиком из русских. В них, и главным образом в прыжках в длину, Яша был всегда победителем. Характером он был мало общителен. Выходил в город, и почти всегда со мной, лишь один или два раза в неделю, а остальные дни все свободные часы от службы он проводил в бараке, на своей койке и... учился. Да, учился, по переписке с одним инженерным институтом в Париже, чтобы стать инженером электро-механиком. Был он очень упорный и трудолюбивый.

Так вот, бывало пойдем вместе с ним в город, вечерком, когда уже не так жарко, и сразу направляемся в кофейку, где знали, что встретим Махмуда, с которым Яша очень сдружился и любил подолгу беседовать, попивая, в маленьких чашечках, крепкий черный кофе. Разговор был всегда на одну и ту же тему — о преимуществах и недостатках коммунистического строя. Они сходились лишь только в одном — несовместимости коммунизма с религией. Будучи «правоверным», но думаю, что скорее фана-

тиком, как и все народы из мусульманского мира, Махмуд, допуская все коммунистическое начало, как нечто светлое и чистое, не мог допустить отрицание существования Бога. Когда Яше надоедало слушать его доводы, то он, прискакивая, волнуясь и краснея от гнева, говорил:

— Господин Махмуд, вот вы француз, любите коммунизм, так почему вы сидите здесь, а не поедете туда?! Поезжайте, поживите, а потом приезжайте обратно, если, конечно, вас выпустят, и вы нам расскажете те, что мы раньше вас знаем!

Махмуд хитро и лукаво улыбался и, глядя на Яшу своими черными и блестящими глазами, тянул Яшу за рукав и говорил: — Слющай, ты садился молодой, зачем кричишь, я отец, а ты сына, пей кава и не кричи! —

Яша почему то покорно его слушал и садился снова рядом с ним. В разговоры их я никогда не вмешивался, а молча попивая кофе, слушал их спор.

Так проходили дни за днями. Ноябрь шел уже к концу, но дни были жаркими и солнце припекало.

В декабре мы получили приказ идти на передовые посты, для смены стоявших там сенегальских гарнизонов.

Собирались мы не спеша. Долго проверялось оружие, винтовки, штыки и даже патроны, на что ушла почти целая неделя Потом пошла нудная проверка обмундирования. Начались бесконечные примерки, с вечной бранью недовольных. Одному слишком длинные штаны, а другой орет, что ему нужны штаны, а не трусики. И взаправду было смешно смотреть, как многие прогуливались в штанах, еле им доходивших до колен! Когда очередь дошла до выдачи ботинок, то картина изменилась. Аджюдан (вахмистр по нашему) лично их осматривал и присутствовал при примерке их каждым легионером. Вот из за этих то ботинок геройски и мученически погиб наш милый, славный, молодой донской казак Яша Свинарев.

6-го декабря, рано утром мы выступили колонной по три, с ротным командиром во главе на коне. Сзади нас шла пулеметная команда, за ней специальная рота водителей мулов, нагруженная ротным имуществом. Сзади них, на почтительном расстоянии, специальный отряд тоже с мулами, несшими на себе опасный багаж: патроны, гранаты и в случае ночной атаки ракеты. Эти последние были особенно опасны, т. к. часто от сильной жары взрывались, и тогда был бесплатный фейерверк для всех!

Часам к 8 утра, когда солнце уже взошло, мы вышли наконец из города, и пошли по широкой вначале дороге. Первый час шли мы очень бодро и даже весело. То спереди, то сзади, раздавались остренькие шутки, или кто небудь громким голосом рассказывал солений анекдот, конец которого вызывал общий и шумный смех.

Шел я спокойно, несмотря на тяжелую нагрузку. Ранец за спиной, наполненный казенным бельем и личными вещами. По правую сторону брезентовая сумка, куда обыкновенно солдат клал свой хлеб, коробку консервированного мяса, казенную чарку, коробку бисквитов, которых нельзя было трогать без особого на то разрешения, две гранаты F. M. и всякую другую мелочь. С левой стороны висел штык и болталась фляга для воды. но в ней всегда было вино. В эту флягу вмещалось ровно два литра. Старые легионеры научили нас, что делать, чтобы во флягу вошло при раздаче вина не два литра, а два с половиной. Нужно было взять боевой патрон, вынуть пулю, а вместо нее забить бумажный пыж. Зарядив винтовку этим патроном, вставить ее дулом в поставленную на землю флягу и... нажать на курок! После выстрела фляга выглядит пополневшей. но уже можно быть уверенным, что в нее войдет 2 $^{1}/_{2}$ литра. Грешным делом, каюсь, под конец службы, я сделал то же самое.

На животе, с правой и левой стороны, как и сзади, на спине, были прикреплены три кожанные сумочки, в каждую из них вкладывалось 10 пакетов ружейных боевых патронов, по пяти каждый, что в общей сумме составляло 150 патронов, и, конечно, винтовка. Все это удовольствие весило 35 кило!!!

С такой накладкой нам надо было пройти 210 километров. В дороге стало известно, что идем в Сефри, где будет отдых, а оттуда батальон разобьется на четыре группы, и каждая группа сменит гарнизон на указанном ей посту. Моей группе достался Тарзут, который был довольно опасным постом. Арабы атаковали этот пост почти каждую ночь.

Через два часа после выхода из лагеря была остановка на 10 минут. Теперь разговоры и смех стихли. Припекало солнце. Шли молча. Каждый думал свою думку, и лишь изредка какой нибудь весельчак, или быть может недовольный, выпускал соленое словечко по адресу начальства, или же просто

проклиная вообще весь Легион. Но таких было мало.

Идя по дороге, я иногда отворачивался и смотрел, не увижу ли я сзади Яшу, который шел со своим взводом в конце колонны. Но нет, не было видно. Шагая по пыльной дороге, я разглядывал окружающую нас местность. Шли мы долиной. По обе стороны дороги росли гигантские кактусы, а там вдали, далеко друг от друга, чернели на фоне голубого неба одинокие высокие финиковые пальмы.

Каждый час была остановка на 10 минут. Через несколько часов мы увидали на горизонте верхушку минарета. Один ее вид придал нам бодрости и как бы свежие силы в наши уставшие ноги. Зашагали все бодрее, и когда показались вдали первые, белые, как мел, домики г. Сефра, то в рядах послышались смешки, восклицания, а кто-то даже попробовал запеть. Но его никто не поддержал. Все же было не до песен.

Вскоре, около 3-х часов дня, вошли мы наконец в предместье города. Улицы, несмотря на жару, были полны арабами и детьми.

Минут через 20-30 мы входили во двор казармы, где нас уже ждал почетный караул и хор трубачей играл нам встречу. В тот же день, вечером, мы узнали, что после 6 дней отдыха вновь выступим в поход и что вторая часть похода будет несравненно тяжелей, т. к. придется идти через горы, но никто не предполагал, что именно этот поход будет последним для Яши Свинарева.

Эти шесть дней отдыха были для нас небесной манной! Но с утра до обеда наш ротный вечно что нибудь находил, чтобы мы не бездельничали. То смотр оружия, то обмундировки, то помещения, а в четверг «прогулка». 10 километров туда и обратно, чтобы ноги не отвыкали, как нам говорил капитан. С Яшей я встречался каждый день, и он все жаловался, что ботинки его больно жмут. Я не раз ему говорил, чтобы он обменял обувь. Он все чего-то медлил, и это оказалось для него роковым.

На шестой день, после обеда, был последний смотр на дворе. Ротный молча обошел роту в сопровождении взводных командиров и перед тем, как нас покинуть, многозначительно нам сказал, что надеется, что не будет отставших и что мы все до единого придем по назначению.

Судьбе было угодно сделать иначе.

На седьмой день рано утром мы покинули казармы. Через час приблизительно вышли за город. Не было уже той ровной и прямой, как спичка, дороги. Местность была холмистая и дорога извилистая. В 8 часов утра был большой привал. Живо натаскали сухих веток, и через полчаса каждый пил в своей железной чарке горячий черный кофе. Отдыхали еще с полчаса, так что было время спокойно выкурить папироску, да и полюбоваться окружающей природой. Но все смотрели вдаль, где на горизонте, в синеве раннего тумана, смутно вырисовывались очертания горной цепи Большого Атласа. Дальше пошли бодро и даже весело, но идти было трудно. Дорога постепенно превращалась из пыльной в как бы покрытую мелким щебнем или стеклом. Часто ноги скользили, что задерживало нормальный шаг. Тут я понял, почему капитан выразил надежду, что мы все придем. Часам к 6 вечера мы подошли вплотную к горам. Горы очень высокие и сплошь покрытые густым сосновым лесом.

С каждого взвода было взято по 10 человек, от каждой роты составили отряд в 60 человек. Первая половина его получила кирки, а вторая — лопаты. Надо было делать тропинку шириной в 1 метр, по которой мулы, перегруженные грузом, смогли подняться наверх, где по словам сержантов будет ночной привал. Когда «саперы» начали свою работу, все мы остальные тронулись в путь... прямо на гору!!! Тяжело было, дьявольски тяжело! Подъем был крутой, ботинки скользили, и часто люди падали.

Пока мы поднимались на гору и «саперы» строили дорогу, сзади нас, в 4-5 километрах, разыгралась ужасная драма. Но никто ничего не знал...

В Легионе, когда воинская часть его находится в походе: будь то рота, батальон, полк или бригада, начальник отряда составляет группу из 8 легионеров, 1 капрала и 1 сержанта, которые и являются последним арьергардом. Этому отряду дается один мул со специальным двойным седлом, и он идет всегда пустой, и вот почему. Если кто из легионеров, почему либо начнет отставать и его догоняет арьергард, то сержант предлагает, всегда ласково, потерпеть и стараться идти с ним. Если почему либо легионер не может идти, тогда сержант отбирает у него винтовку и патроны, которые кладет на мула, а легионера бросает одного на дороге, оставляя ему лишь штык для защиты. Арабы были осведомлены об этом очень хорошо, и всегда на почтительном расстоянии их маленькие вооруженные отряды следуют за

частью, и горе тому легионеру, который отстанет. Страшной, мучительной смерти ему не миновать...

Когда мы подошли вплотную к горам, разнеслася весть, что Яша, поранив обувью ноги, отстал!!! Лишь к 11 часам ночи мы, наконец, поднялись наверх. На верху оказалась обширная полянка. Часть легионеров пошла искать камни для постройки невысокой стенки вокруг лагеря, другая собирала сухие ветки, чтобы повара смогли сварить суп. Быстро поставили ротному и офицерам их палатки, построили стенку из камней и начали ставить палатки для себя. К часу ночи все утихло. Мне не спалось: все думал, что стало с Яшей. Взошла луна. Послышался отдаленный лай шакалов, где-то невдалеке смеялась гиена, раздавались крики всевозможных ночных птиц и где-то совсем близко курлыкали сычи и совы. Долго предаваться моим думкам не пришлось... Вдруг раздался выстрел, покатилось эхо по горам, но не успело оно заглохнуть, как раздался второй, а за ним, почти сейчас же, третий. Все начали поспешно вылазить из палаток, не дожидаясь сигнала тревоги. В чем дело? Направо, в конце лагеря, при лунном свете, увидел я снующие тени и слышал глухой шум человеческих голосов. Что-то случилось! Однако пробежавший капрал кричал, чтобы все ложились, никакой тревоги не было. Подождав, когда все улеглись, я все же потихоньку пошел туда, откуда доносился шум. Не доходя метров 50 до края лагеря, увидел, что кого то несут на носилках. Пошел еще дальше, но шедший навстречу сержант приказал мне вернуться в мою палатку. Вернувшись, я лег, и почти мгновенно уснул. Проснулся от шума. Солнышко уже взошло и сразу потеплело.

То, что я узнал, не поддается описанию. Вот официальная версия: Когда взошла луна, часовой отчетливо увидел тень и услышал глухие звуки шагов. Кто то подымался по тропинке, сделанной нашими саперами. На окрик часового остановиться, тень продолжала идти... Часовой выстрелил. Тень все же шла... Подчасок, увидя тень, в свою очередь выстрелил, и вслед за ним часовой. Это и были те 3 выстрела, что я слышал. Раздался глухой крик снизу на русском языке: «не стреляйте, не стреляйте, это я... это свои...» Подчасок к счастью оказался русским и сейчас же перевел часовому, что слышал. Тот немедленно, условным сигналом в 2 коротких свистка, вызвал начальника караула, который, взявши 4-х человек с собою, пошел вниз, и привел Яшу!!! Но в каком виде!!! Без мундира и сорочки, разорванные штаны и босые ноги, с каким-то узлом в руках, а сам он был весь в крови. Правый глаз висел около рта! Немедленно перенесли его в походный околоток. Я хотел его навестить, но не разрешили. Санитар сказал мне, что по мнению врача Яша вряд ли сможет остаться в живых. Во время осмотра было обнаружено 17 ножевых ранений!!! Правый глаз врач обрезал, т. к. он был потерянным!

Слушая санитара, я услышал топот проходивших коней. Вышедши из околотка, я увидел, что эскадрон спагов, сопровождавший нас, спускался вниз. Лишь к 4 ч. дня они вернулись и привезли с собой страшный груз: 9 убитых арабов и 2 тяжело раненых.

Вот что случилось с Яшей, о чем рассказал нам наш лейтенант. Когда Яша отстал из-за ранения своих ног, нагнавший его арьергард отобрал у него винтовку, патроны и ранец и бросил одного на дороге. Долго он плелся один и безоружный. Его догнали 5 арабов и набросились. Благодаря своему штыку, Яша сразу убил первого, забрал его длинный нож и начал зашишаться от остальных четырех. Будучи хорошим и ловким гимнастом, несмотря на полученные ранения, он уложил и остальных 4-х.

Забравши их кинжалы, Яша снова тронулся в путь, но вскоре вторая «арка» (банда, по арабски) из 6 человек его атаковала. Снова завязалась неравная борьба не на жизнь, а на смерть. Одного за другим, он всех уложил, несмотря на вновь полученные ранения, главным образом в голову. О дальнейшем, о том, как он добрался до нас — Яша помнил очень смутно.

Закончив, лейтенант молча показал на кучу кинжалов на земле, и сказал: «каким героизмом обладал этот человек!»

Я было приготовился уходить, как вдруг мой взгляд упал на рукоятку одного ножа. Подошел ближе, и... узнал кинжал, который носил Махмуд под бурнусом! Повернувшись к лейтенанту, я сказал, что знаю человека, кому он принадлежит, и рассказал про наше знакомство с Махмудом в Фезе.

Лейтенант предложил мне идти с ним к ротному и повторить мой рассказ. Капитан молча выслушал. Когда я кончил, молчание длилось несколько минут. Ротный встал, и сквозь плотно сжатые зубы, тихо сказал: «Salopard!» И повернвшись ко мне, спросил, узнаю ли я Махмуда? Я ответил утверди-

тельно. Мы вышли из палатки и пошли туда, где лежали трупы убитых Яшей арабов. Махмуда среди них не было. Подойдя ближе к раненым арабам, лежащим за околотком, я сразу узнал Махмуда и, показывая на него, сказал капитану: «Это он!». Капитан поблагодарил меня и, уходя, обратился к стоявшему часовому с приказом стрелять, если один, или оба захотят бежать.

Я подошел вплотную к лежащему Махмуду и тронул его за плечо. Он слегка открыл глаза, и, увидев меня, сразу узнал. Глаза широко раскрылись, и он с такой злобой и ненавистью посмотрел на меня, что мне даже жутко стало.

День клонился уже к концу, когда вдруг горнист заиграл «общий сбор». В несколько минут рота выстроилась по взводно. Вскоре показался капитан, а с ним оба лейтенанта. Подойдя к нам, он кратко изложил, что случилось с Яшей, и добавил, что по приказанию «командан ан шеф» раненые арабы будут расстреляны, и так как Яша был нашей роты, то сейчас же вызвал добровольцев для исполнения приговора. Не знаю, какая сила меня толкнула, но я сразу вышел вперед. Вышло еще 8 человек.

Распустив роту, вахмистр приказал нам идти за винтовками и взять по два патрона. Когда мы построились в колонну по 2, вахмистр повел нас на самый край лагеря, где у обрыва уже стояли оба араба. Один опирался на палку, но Махмуд стоял ровно и гордо, с презрением смотрел на нас. Подошел лейтенант. Я вдруг заметил, что Махмуд держал на себе ножны кинжала, и попросил у лейтенанта разрешение отобрать их, на что лейтенант мне ответил: «Ну, конечно! Я тебя вполне понимаю, возьмешь также и кинжал».

Он догадался, почему я хотел это взять. Я надеялся, что Яша поправится и отдал бы ему этот кинжал на память. Через несколько минут раздалась команда: «Пли!» Прогремел залп... и их не стало! Упали в пропасть.

Яша еще был жив, но слабел с каждым часом.

В 8 час. вечера, плотно поужинав, все были готовы для дальнейшего похода. Для Яши устроили на муле нечто вроде носилок, а на другой стороне мула, для равновесия, устроился один легионер.

Не буду описывать ночного перехода. К 8 час. утра мы наконец подошли к большому посту «Махатма». Около 11 час. утра стало известно, что бедный Яша скончался от слишком сильной потери крови.

Через два дня его торжественно хоронили и весь гарнизон поста, 4-й зуавский полк с полковым знаменем и оркестром, игравшим похоронный марш, и наши части его провожали. Наш взвод нес почетный караул. Гроб был накрыт франц. нац. флагом и какой-то генерал, фамилия его мне неизвестна, пришпилил к гробу орден почетного легиона, военную медаль и военный крест с пальмой. Похоронен был Яша на местном кладбище.

Возвращаясь в Алжир, после $3^{1}/_{2}$-летней службы в Марокко, я заехал в «Махатму», навестил его могилу. Заказал православный крест, поставил его на могиле с маленькой дощечкой с русской надписью:: «Яков Свинарев. Казак Урюпинской ст. В.В.Д. 1900 - 1922».

Так геройски и трагически погиб молодой донской казак Яша Свинарев.

Мир праху твоему. Вечная память сыну Тихого Дона!

Франция. **А. П. Каклюгин.**

НАША ГОРДОСТЬ.

Вы спросите в удивлении — чем могут русские в изгнании гордиться? Что в эмиграции представляло бы такую ценность, что об этом можно и нужно говорить в печати? Отрицательные стороны эмигрантской жизни всем известны. Такие вещи, как игра в политику, борьба и суета вокруг церквей, с одной сторны (как признаки «национально - патриотической деятельности») и полная апатия, пренебрежение с другой — никого больше не удивляют.

Так чем же мы можем гордиться смело и открыто?

— Нашей молодежью и только молодежью.

Те,кто родились в странах рассеяния миллионов русских, те, которые не знают ни старой, ни новой России. Тысячи русских по

крови, по вере и еще по чему-то особенному, во всех концах мира сейчас получают дипломы или продолжают дальше расширять свои знания или поступают на службу приютившей их стране.

Сведения об одном из таких юношей мы находим нужным предать гласности. Старики Александр Павлович и Маргарита Васильевна Духовские, Сибирские казаки, поделились с нами своей большой радостью. Их внук Александр (между нами Саша или Саня) окончил среднюю школу в Пасадене **четырнадцатым** из числа 950 сдавших экзамены на аттестат зрелости.

Этот факт мы не хотели бы замалчивать и оставить его незамеченным, тем более, что он оказывает огромное влияние на дальнейшую судьбу Саши.

Как результат такого успешного окончания средней школы, Саша Духовский получил одну из лучших стипендий — Allumni Scholarship в 6.000 долларов, которая гарантирует Саше 4 года жизни и занятий в Occidental Kollege, избранном им самим. Кроме того, Саше Духовскому, как одному из лучших математиков в его классе, была присуждена награда Bank of America.

Саша родился в Тянзине (Китай) и приехал с дедушкой и бабушкой в Сан-Франциско в 1951 г. А потом они скоро переехали в район Лос-Аанжелес, где к ним вскоре присоединился и отец Саши, у которого сейчас собственное торговое дело.

Начиная с 1954 г. Саша с дедушкой и бабушкой стали ездить каждое воскресенье в русскую церковь в Глендоре на казачьем хуторе «Наш Дом». Саша сразу стал прислуживать священнику в алтаре и продолжает это и до сих пор. Незаметно для нас всех Саша вырос в высокого, красивого, прекрасно воспитанного и глубоко религиозного молодого человека. Внешне он совершенно американец, но когда заговорите с ним, то почувствуете в нем настоящего русского и казака, какими были, есть и будут его, все еще крепкие на восьмом десятке, дедушка и бабушка. Как это им удалось вырастить Сашу таким цельным и верным семье человеком — это их секрет и, конечно, их заслуга.

Хочется пожелать А. П. Духовскому младшему и дальнейших успехов в достижении поставленной цели: стать инженером-механиком. Мы, знающие Сашу, уверены, что он этого достигнет. Мы также хотим верить, что Саша пойдет дальше в отрасли науки, им избранной, и, с Божьею помощью, действительно станет одним из тех великанов ее, которым с полным правом будет гордиться зарубежная Россия.

А дедушке с бабушкой глубокое уважение и признательность от всех их друзей. Дело воспитания детей самое сложное и ответственное вообще, а вне Родины в особенности. Причин для конфликтов несть числа. Тем не менее находятся счастлиые семьи, как и семья Духовских, которые с успехом справляются с этой задачей.

Глендора, Калифорния **В. Улитин.**

РЫБОЛОВЫ.

«Ну, что же, внучек, пойдешь со мной завтра рыбу ловить? Вот посмотри, какое новое удилище я тебе нашел — на средину Донца достанешь! Оно принесет нам счастье Как только «вайтажар» появится на небе вон-там, и дед ткнул пальцем в пространство — нужно итить и будем на месте как раз вовремя. Иди спать пораньше, я тебя расбудю...»

Давно уже я просил, чтоб дедушка взял меня в собою. Все отговаривался, что я еще малый, что могу заснуть, как бы чего не случилось. И вдруг такое счастье! Дедушка был общепризнанным в хуторе рыболовом: он знал каждий аршин берега Донца и где, когда, как и какую рыбу можно взять.

Спал я плохо. То ли лапша с гусиными потрохами была тому причиной, то ли картошка с бараниной... а может быть ожидание каких то особенных переживаний. Целую ночь снились мне чудные картины... Вот широкая долина без конца в длину, окаймленная густыми лесами; по деревьям порхают разноцветные райские птички; кругом цветы. По средине течет небольшая невиданная мною речка с чистой, как слеза, водой. И полно рыбы: идет рыба плотными ровными рядами, словно по команде, как молодые казаки на станичной площади. Вот думаю, кабы кто подоспел с бреднем, то не нуж-

нс бы и ходить на Донец... хватило бы всем... А вдали под леском показалось стадо наших свиней. Андрюшка, как всегда, в своих синих с одной лампасиной шаровара́х и в нанковой синей рубашке, подтянутой ремешком. Кобчик сидит на его левом плече; в правой руке Андрюшка держит длинный конопляный кнут; дудка за поясом; сумка с хлебом через плечо. Андрюшка при полном вооружении. Хочу крикнуть А-н-н-д-р-ю-ш-к-а!.. и не могу. А он, как нарочно, хлопая своим длинным кнутом, погнал свиней дальше. Только и слышу нашу любимую песню.

«Пошли свиньи по долине,
а за ними старый дед...
тому деду восемь лет!»...

А на берегу реки замаячило стадо моего друга однолетки Леньки Колбоносова. Сам пастух уселся на крутом берегу, опустив босые ноги до воды и подняв голову вверх, играет на рожке. Льются чудные звуки из незамысловатого инструмента и летят по всем направлениям, возвещая миру о наступающем новом трудовом радостном дне.

«Сережа ты, Сережа,
Сережа пастушок!
Заиграй ты мне, Сережа,
Во серебрянный рожок!».

А под его ногами в воде тысячи разных рыб стоят стройными рядами задумчиво и видимо с наслаждением слушают нежную музыку.

Хочу вскочить, догнать и рассказать им о чудном видении и рыбах, марширующих по военному... Наконец, срываюсь с постели... бросаюсь вперед мимо колодезя и прямо на рака... А рак величиною, как бык... От страха замираю. А он прямо на меня и своею громаднейшею клешнею тяп меня за нос. Хочу отвернуться и не могу. Наконец просыпаюсь и открываю глаза: это дедушка двумя пальцами тянет меня за нос.

— «Вставай, рыболов, время итить...».

Нагрузили на плечи удочки и тронулись через левады. Теплая тихая заря. В хуторе полная тишина. Разве только глупый кочет повторит свою известную ноту или во сне заскулит собака. На востоке как будто обозначилась маленькая краснота. «Смотри... никак след... это кто то нас опередил. Не иначе, как дед Арсен «Клиновика»...

«Дедушка, а почему его называют «клиновикой»?

«Гм, потому, что он раньше дюже любил клиновику пить из под чужих берез. Вот один раз я его и накрыл, когда он переливал кувшиники... Ну, значит, я его немножко потрепал за грудки. А потом его и перекрестили навсегда; так и умрет с этим прозвищем. Не будет красть!»

«Шагай, внучек, шире, чтобы не опоздать; думаю, что будет ноне хорошая удача; на Донце должно теперь молоко» — говорит дед.

Молоко... какое молоко: пресное, кислое? А может быть вкусная заквашенка или кисловатая тягучая сюзьма. А кто же его туда принесет? — мелкает в моей голове. Да, не плохо бы теперь протянуть крыночку теплого молочка со свежим душистым хлебом, а после обеда как следует налечь на кислое холодное из погребка... Я почувствовал сухоту в горле и остановился. Хотел спросить и не решался... Не шутит ли дед?..

«Шагай шире, говорю тебе, запоздаем, вернемся с пустыми руками.» И я получил укол в спину жесткого пальца деда.

А вот и Донец. Левая, казачья, сторона пологая, песчаная, покрыта редкими дубами, которые постепенно безжалостно истребляются самими же хозяевами края — казаками. При разливе Донца весною все это пространство до самих хуторов заливается.

Правая, хохлацкая, сторона возвышенная. Весь тот берег на много верст покрыт густым лесом. Ширина реки — 80-100 саженей. Над рекой плывет безформенная кисея тумана - «молока», создавая иногда причудливые фигуры, постепенно расползаясь по сторонам и исчезая. Тихое и спокойное течение. Вся поверхность широкой реки, сколько видно, рябит подпрыгивающей рыбой.

«Видишь, как грает, — говорит, улыбаясь, дед. Дедушка пальцем показал мне мое место и начал втыкать удилище в землю.

«Посматривай на эти, а я попробую на сомёнка» — шепнул он мне и, вытаскивая длинный шнур из сумки, заковылял в сторону по берегу.

Я видел, как он уселся на корточки на крутом берегу, всматриваясь в крутящуюся в этом месте воду, с привязанным за руку шнуром. Вскоре он начал «забивать носом гвозди»... Меня тоже клонит ко сну.

Вдруг я услышал крик — словно стон. И когда взглянул, то увидел дедушку упершегося бородою в воду, а ноги в воздухе. В первый момент мне показалось, что он пьет воду... Быстро протер глаза и снова бросил взгляд на воду. Увидел одну плывшую дедову фуражку. А дед...? Через несколько секунд он показался на поверхности. «Караул... Спасайте!..» И снова погрузился в воду

«У д и л и щ е... удилище подай...» кричит дед, то погружаясь в воду, то снова появляясь на поверхности.

Я с большой поспешностью подоспел во-время... Прибежал также и дед «клиновика», сидевший от нас в 20-30 шагах и которого мы раньше не замечали. Дедушка схватился за удилище и с большим трудом вылез на берег, держа почти горизонтально левую руку с врезавшимся в нее шнуром.

«Чуточек вздремнул... Так он, сукин сын, как дернет меня — я так и нырнул в воду — это сом!» — оправдывался дед. «Ну и хлебнул же я водички... Ну, внучек, спас ты мне жисть; был бы мне каюк, кабы не ты».

«Это, дедушка, новое удилище принесло счастье.»

Привязали сноп куги к шнуру и пустили сома гулять по Донцу.

«Пусть угомонится, потом мы его легко возьмем.»

Так и случилось. Хвост сома свисал с длинных дрог, когда его везли домой. Такого сома еще никогда не видели в Донце в наших местах.

Словно магнит тянул Донец к себе деда Семена. Почти каждый день шел он с удочками и всегда возвращался с рыбой. Но один раз уже глубокой и холодной осенью дед не вернулся...

Нашли его потом мертвым на полпути с удочками и рыбой. Новое удилище я спрятал в сарае. Там оно и осталось, когда я, так тогда думалось, на время покидал родной хутор.

Франция. **М. А. Петров.**

ТОРЖЕСТВО У КАЗАКОВ В ПАРАГВАЕ.

Пятьдесят лет тому назад на берегах тихого Дона вступили в законный брак в станице Мигулинской Иван Константинович Чучуев (хут. Ново-Алексеевского) и Дарья Димитриевна Самсонова (хут. Громчанского). 30 января 1960 г. они праздновали свою золотую свадьбу.

Лихой подхорунжий И. К. Чучуев начал свою службу в 12 Дон. Каз. полку. В 1-ую Мировую войну за боевые отличия получил два Георгиевских креста: 4-ой ст. (бой под Равой Русской) и 3-ей (бой под Почаевом). Во время революции И. К. возвращается с полком в родную станицу. Но недолго пришлось ему побыть дома: через 3 месяца он уже был в строю, в 76-ом Дон. Каз. полку и вплоть до эвакуации в Крым. При отступлении с Дона И. К. удалось найти в Туапсе, среди беженцев, свою жену.

В Крыму, после переформирования армии, И. К. служил в Назаровском полку, с которым и эвакуировался в Турцию. Потом Лемнос, Болгария, Франция. В 1935 г. супруги Чучуевы выехали в Парагвай, где стали заниматься земледелием.

В настоящее время они проживают в г. Энкарнасион, имеют уже свой собственный домик и на заре преклонных лет занимаются розничной торговлей. Супруги Чучуевы принимают деятельное участие в церковной жизни: более 6 лет И. К. состоит ктитором православного храма и в этом году получил от митрополита похвальную грамоту за свои непрестанные труды на пользу церкви.

Несмотря на свой почтенный возраст и скромный зароботок, супруги Чучуевы также внесли свою лепту на издание книги о Ермаке (2 долл.) и в Фонд Издательства «Родимого Края» (1 долл.).

На торжестве по случаю золотой свадьбы присутствовало много казаков и не казаков, которые поздравили казачью семью Чучуевых с их праздником.

Парагваец.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

● Весной и летом этого года в Швейцарии с большим неизменным успехом, несмотря на дождливую погоду, выступала группа джигитов ес. Юркова в составе ес. Юркова, ес. В. В. Тевашева (Д.В.), Г. Русакова Д.В.), П. Гуреева (Д.В.), Берта (Т.В.) и

трех молодых калмыков Дон. Войска М. Хохлова, П. Чульджинова и М. Басанова.

● 3 июля с. г. в Каз. Доме в Фарминдале состоялся Съезд донских казаков в США, созванный правлением Союза Донских Казаков (председатель И. К. Ковалев).

На Съезде были заслушаны доклады: И. К. Ковалева — на тему «Причины зарождения Союза Донских казаков на Дону в 1917 году», Л. Ф. Попова — «Моральные и материальные взаимные интересы членов Союза», О. П. Попова — «Борьба против коммунизма», Я. И. Бузина — «Культурно-просветительная деятельность Союза». Доклады вызвали оживленный обмен мнений, в котором приняли участие многие участники Съезда, доказывавшие необходимость и жизненность сбъединения Донцов и вообще всех казаков.

Участники Съезда 78 голосами против 5, при 9 воздержавшихся, приняли обращение к Донцам и всем казакам в свободном мире. Текст обращения гласит:

«Казаки-Донцы, собравшись накануне Дня Независимости США 3 июля с. г. в Казачьем Доме Фарминдэйл, шлют свой братский привет всем Донцам, казакам и казачкам, пребывающим во всех странах свободного мира, и в Казачьем Крае, стонущем под коммунистическим игом.

Съезд считает своим долгом выразить искреннюю благодарность Президенту, Конгрессу и Правительству США, за предоставленную казакам возможность свободной жизни и деятельности в благословенной стране Вашингтона, за понимание ими казачьих интересов и признание прав казаков.

Казаки-Донцы в США призывают своих братьев и сестер к организации своих сил во всех странах своего пребывания, признавая, что единственно правильной и законной базой их объединения являются принятые Большим Войсковым Кругом на Свободном Дону в 1918 году — ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО.

Создавая на местах свои Станицы и хутора, мы, казаки, должны неуклонно стремиться к взаимному тесному и братскому сотрудничеству всех казаков ВСЕХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК, не только на местах своего пребывания, но и в общем Казачьем масштабе объединения и защиты своих казачьих интересов, что являлось твердой и постоянной волей всех казаков, выраженной в решениях их законодательных органов — ВОЙСКОВЫХ КРУГОВ И РАДЫ.

СЪЕЗД обращается ко всем Донским казакам и казачкам в США с горячим призывом вступать в создаваемую Донскую Казачью семью, всемерно расширять и укреплять ее.

СЛАВА ТИХОМУ ДОНУ И ВСЕМУ КАЗАЧЕСТВУ.»

По окончании работ Съезда, участники оставались до поздней ночи в дружеских беседах о казачьих делах.

● 4 сент. в Париже в церкви Преп. Серафима Саровского после литургии был отслужен молебен по случаю Войскового Праздника Астраханского Каз. Войска. На состоявшейся после молебна скромной трапезе с Праздником поздравили астраханского Атамана полк. Астахова и астраханцев представители казачьих организаций других Каз. Войск: от Каз. Союза и Донского Войскового Объединения — председатель Каз. Союза Б. А. Богаевский, от Кубанского Объединения — Г. С. Новиков, от Терского — его председатель А. З. Воробьев, от Содружества Лиенца — полк. Г. В. Иноземцев.

● Новинки каз. литературы: рассказы П. М. Аврамова (выписывать через редакцию Р. К., стоимость 3 н. фр.), П. Н. Донсков — «Дон, Кубань и Терек во 2-ой Мировой войне» (P. Donskow. 3300 Bailey Ave. Bronx 63. New York. NY. USA). «КИС» № 12 (Boudanoff. 288, rue de Vaugirard. Paris 15e. France), «Сборник материалов о выдаче казаков в Лиенце и др. местах» № 19 и «Кубанский исторический и литературный сборник» № 4 (V. Naumenko. PO. Box 126. Orangeburg. NY. USA), две брошюры «Песни Кубанских казаков» (Elyseev. 502 W. 177 St. New-York. 33. NY. USA).

КАЗАЧЬИ ДЕЛА

В самом начале краткого описания текущей казачьей жизни необходимо для ясности отметить «документ», который в 1952 году был оглашен, как акт ликвидации Казачьего права выбирать Атамана. «Документ» тот, вроде листка - прокламации, гласил следующее: «К сведению казаков. По предсмертной воле покойного Атамана (Таткина) тяжелое бремя Атаманства принял на себя ген. И. А. Поляков». Вот и вся юри-

дическая «арматура» «наследственно - назначенного» и. д. Атамана...

Генерал Татаркин Атаманом не был. История Донского Войска на своей родной земле не знала никакого подобия того произвола, в центре которого поставил свое имя «и. д. Атамана» ген. И. А. Поляков. Порочное в самом своем происхождении звание «и. д. Атамана» лишено всяких признаков права, т. е. законности, — и потому зарубежным Донским Казачеством было признано фактом чистого произвола.

Здесь уместно привести выдержки из приказов Донского Атамана ген. А. П. Богаевского от 14 апреля 1924 года № 3: «На днях группа Донских казаков, в количестве 58 чел., выпустила открытое письмо Донцам. В этом письме в общем повторяются те же слетни, какие два года назад распространялись обо мне и Донском Правительстве. В свое время, давая во всех своих действиях отчет Войсковому Кругу, я поставлю на его суд указанный выше недостойный Донск. казаков поступок». В приказе значатся имена подписавших письмо, в числе подписавших и ген. И. А. Поляков. Хорош казак!

Сторонники ген. И. А. Полякова (генерала не царского производства) пишут: «...г. г. Обществ. Каз. Деятели безусловно знают, что Донск. Войск. Совет является далеко «не обыкновенной организацией». Знають они, конечно, и то, что «организованное казачество» откликнется только на призыв либо Донского Атамана, либо Д. В. Совета («Россия» от 25 августа с. г.). В ответ на это мы приводим выдержки из постановлений 10 казачьих организаций в Нью Йорке. Постановили: «1) Группу Донск. казаков, именующую себя «Донск. В. Советом», не отражающих мнения Донск. Казачества вобще и метного в частности, считать не заслуживающими признания». 2) «Избирательную Комиссию по выборам Донск. Атамана, собранную по инициативе «Д. В. Совета», считать незаконной». («Нов. Рус. Слово», 11 февраля 1959 г.).

Вот так отозвались казаки на призыв Донск. В. Совета, который умалчивает также и о том, что «большинство казаков Центральной станицы в Нью Йорке (поляковской) «не признает ген. И. А. Полякова Донским Атаманом».

Нельзя обойти молчанием и не сказать в защиту Н. М. Мельникова, напомнив о «политическом завещании» бывшего Донского Атамана ген. А. П. Богаевского, в котором дословно сказано так: «...Заместителем Донского Атамана, в соответствии с Основн. Законами В. В. Донского и по моей воле, как Главы Войска, вперед до «созыва Войскового Круга», остается Н. М. Мельников, без принятия им на себя звания Донского Атамана, но «с сохранением нынешнего звания Председателя Правительства». Распоражение ген. А. П. Богаевского остается, до возможного возвращения на Дон, в «полной силе».

Некоторым казакам мерещится, что Н. П. Мельников уклоняется «дать документальный отчет, как и куда была израсходована Донская казна, вывезенная с Дона»? Это — злая клевета и навет на Н. М. Мельникова! К. В. Деникина в архивах своего покойного мужа, ген. А. И. Деникина, нашла «Обращение Донского Атамана, ген. А. П. Богаевского» к своим казакам, датированное днем 12 декабря 1932 года, в котором сам ген. А. П. Богаевский дал исчерпывающий отчет в израсходовании оставшейся у него части Донской казны и просил Донцов вносить средства на содержание Донского Правительства и на помощь нуждающимся казакам («Нов. Р. Слово», 6 июня 1954 г.). Кроме того, в парижской «Русской Мысли» (№ 1406 от 11 авг. 1959 г.) в статье Н. Гасфельда «Тени прошлого» имеется следующее: «...По поручению своего Правительства, итальянский дипломат посетил ген. Врангеля на его судне (в Константинополе) для обсуждения спорного вопроса о части Донской казны, вверенной итальянцам после падения Донского фронта. Италия рассматривала эти сумы, как покрытие поставок Белой Армии, Донцы же утверждали, что сдали эти сумы итальянцам только на хранение, после ухода ген. А. И. Деникина. В каюте ген. Врангеля обе стороны пришли к соглашению по спорному вопросу...» Видимо, отмеченные разговоры между казаками о судьбе Донской казны взяты из непроверенных источников. К сожалению, в этих клеветнических инсинуциях принимают участие и некоторые уважаемые Донские штаб - офицеры. Полный отчет Н. М. Мельникова напечатан в № 6 «Родимого Края» в Январе 1956 г.

Представители группы Общ. Казачьих деятелейь:

И. Курицын, В. Петрус. П. Петров, В. Свирякин и другие.

ВО СЛАВУ И ПАМЯТЬ.

Большой гимнастический зал Новочеркасского Реального Училища. Новые приборы. Работа на них нравилась. Это был спорт, можно было проявлять индивидуальность. Мы соревновались между собой (одноклассники) и класс с классом. Особенно увлекались параллелями, некоторые из нас были просто виртуозы.

Урок гимнастики. Около каждого прибора находился один из «виртуозов» в роли инструктора. Иногда раздавался смех при неуклюжом «сальто» неудачника.

Около параллелей, наблюдая за работой, стоял среднего роста, широкоплечий реалист. Это был лучший гимнаст Гавриил Тепкин из сальских степей.

Прошло с тех пор несколько десятков лет, но я ясно представляю себе его широкоскулое монгольское лицо, черные волосы, крадущуюся походку прирожденного кавалериста. Удивительно умело поставил он себя между нами, безшабашной детворы: мы и не чувствовали, что Тепкин другой расы и веры. Мы, казачата, поддразнивали иногородних: великороссы были у нас «кацапы», малороссы — «хохлы», «мазницы», немец — «колбаса»... Но Тепкин был свой, казак, — станичник.

Позже жизнь разбросала нас. Лучшие ученики выпуска 1911 г. пошли в Военное Училище, и то в свое, родное. Между ними был и Тепкин. Я уехал в Петербург. Гавриила видел позже мельком: раз в строю, на параде, несколько раз на балу — лихим юнкером.

Началась 1-ая Мировая война. Мне пришлось служить вместе с родными казаками. Доходили до меня сведения о геройских делах моих одноклассников, о гибели некоторых во славу Родины.

Так в бурных днях войны мы докатились до... «великой», «безкровной»... Мы были на фронте и лишь по газетам, да иногда по некоторым речам донского баяна Митрофана Петровича Богаевского, помещенных в прессе, узнавали о происходившем на Дону.

Но вот и к нам стали проползать зловещие слухи, что «вожди» подготовляют «уравниловку» и для казачества. К тому времени стал валиться весь фронт, и, когда распоясанные, «самые свободные граждане» хлынули, сметая все на своем пути, по домам — устраивать «передел» по рецепту г. Чернова, до нас дошло, что «главковерх» Керенский послал революционную гвардию — латышей арестовать и привести на суд в Москву Атамана Тихого Дона А. М. Каледина.

Казачьи части, видя полную безполезность оставаться на внешних фронтах, начали пробиваться, некоторые с боем, через бушующее море вооруженной до зубов солдатчины к себе на Дон...

***

Три года легендарной борьбы за свой родной Дон подходили к концу. Не было почти ни одной казачьей семьи, не принесшей жертву на алтарь защиты Родимого Края от озверевшей, истреблющей все силы. Но что могли сделать две сотни тысяч казаков против миллионов...

И вот обезковленные, выбитые из родных станиц, потянулись как в престарелые времена казаки целыми селениями — искать спасения и возможности снова начать борьбу. В этом грандиозном исходе особенно горькую чашу пришлось испить маленькоми героическому калмыцкому народу.

Тот, кто не видел этих безконечных верениц кибиток, влекомых волами, верблюдами и нагруженных домашним скарбом, с сидящими на них стариками, женщинами, детьми — тот не мог бы понять всю глубину трагедии этого исхода.

Находились наивные люди, с удивлением спрашивающие: «А вы, калмыки, зачем уходите от красных? Ведь вы же простой народ, землеробы, между вами нет «кадет». Ходил ответ, якобы данный калмыком такому наивному вопрошателю. Ответ почти анекдотический, но какой кровавой трагедией он отдает: «Вам просто — сняли погоны, и вы большевик, а у меня морда кадетская».

Много хорошего я слышал о боевой работе Зюнгарского Калмыцкого полка под командованием полк. Тепкина.

Фронт откатился на Дон, и как бы стабилизировался. Правый фланг держался корпусом ген. Павлова, куда входили почти все конные каз. части. Последний страшный бой, имевший целью задержать напор красной конницы, перешедшей Дон, был дан измученными казаками под хут. Мечетным (ст. Целина). Удар для Дона был смертельным, фронт покатился на юг...

К вечеру этого дня судьба свела меня в предпоследний раз с моим одноклассником, с которым я семь лет провел в одном и том же классе. Я ехал по безконечной степной дороге, догоняя штаб. С обоих сторон ее про-

стирались безконечные, сливающиеся с темневшим уже небосклоном, степи. Грустный зимний степной пойзаж Задонья — кому из нас он не прирос к сердцу?.. На одном из перевалов я заметил вдали колонну конницы. Это был Зюнгарский Калмыцкий полк под водительством своего достойного командира Гавриила Тепкина.

«Мы потерпели поражение, катастрофа приблизилась, но борьба еще не кончена» — сказал мне на прощание полковник Тепкин. Он верил в торжество правого дела и уверенно вел свой полк к новому месту, для новой борьбы, но все с тем же красным грагом.

⁂

1920-ый год. Крым. Снова собрались разбитые, но не сдавшиеся бойцы белого фронта. Опять судьба меня разъединила с Гавриилом Тепкиным. Зюнгарский полк под умелым водительством своего командира, вписывал новые блестящие страницы в свою боевую историю. О нем говорили: «Почему калмыцкий полк только один, а не десять?».

И здесь, на последнем клочке русской территории, увидел я калмыцкие похороны.

«Станичник, кого хороните?»

Казак посмотрел на меня. Трудно в чертах восточного лица прочесть душевные эмоции. Оно умеет их скрывать.

«Командира полка.»

«Что?.. Какого командира?»

«Нашего командира, Калмыцкого Зюнгарского полка, полковника Тепкина...»

Я снял фуражку, перекрестился...

От редакции «Р.К.». В США, где находится большинство калмыцкой эмиграции, существует не мало организаций, кружков, клубов калмыцкой молодежи. И для того, чтобы она помнила о своих героях, почему действительно не назвать один из них «имени полковника Тепкина»?

⁂

Слава вам, героям, за Дон и близких душу свою положивших...

В списке героев борьбы за свободу родного Тихого Дона, за казачество, за свой маленький Калмыцкий народ имя полковника Тепкина должно занять далеко не последнее место.

Д. Ротов.

ОТ ПОЛКОВНИКА ЕЛИСЕЕВА.

Мною выпущены две брошюры «Песни Кубанских казаков». Брошюра № 1-й — «Песни Линейных полков», брошюра № 2-й — «Песни Черноморских полков». Многим песням дается исторический разбор — когда и по какому событию появились они в казачество. В обеих брошюрах перечислены боевые награды всем полкам Кубанского Войска, которые фиксируют подвиги многих полков, воспетых в песнях.

Цена каждой брошюры — 1 долл. Выписывать по адресу:

Mr Elyssev. 502 W. 177 St. New York 33. USA

⁂

Следующая брошюра будет под заглавием — «Наш полк в месяцы революции 1917-18 годов». В апреле 1917 года, 5-я Кавказская казачья дивизия, состоявшая из 1-го Таманского, 1-го Кавказского, 3-го Екатеринодарского, 3-его Линейного, 4-й и 6-й Кубанских конных батарей, из под Карса была переброшена в Финляндию. Там ее застали и «Корниловское выступление» в августе месяце и «октябрский переворот». Много было жутких «картинок»... И только в первых числах декабря 1917 года новою красною властью дивизии было дано разрешение вернуться на свою Кубань, куда она, громоздкими эшелонами в поездах, прибыла под самые Рождественские Праздники, пересекши всю красную Русь с полным составом своих офицеров и с оружием — с винтовками, с пулеметами и с орудиями. В брошюре будет описываться только «Наш полк», т. е. 1-й Кавказский. Описание коснется всей дивизии, как и тех частей, с которыми она встречалась. Много строк будет дано «психологическому состоянию казаков» в разных случаях и при разной обстановке. Из участников того жуткого периода времени в жизни остались мои лучшие друзья — полковник М. Е. Сменов и полковник М. И. Зарецкий, которым я отведу страницы своей брошюры, ежели-б они сочли нужным дать некоторые сведения о своих тогда частях. Оба они тогда были в обер-офицерских чинах, как и я.

Полк. Елисеев.

РОЗЫСКИ.

— Александра Иванов. Рыжикова из Новочеркасска розыскивает сестра Ольга. Писать по адресу: Olga Gerlah. 42 Llysian Ave. Nyack. N.Y. USA.

— Элти Теми-Хан(AAT. Campo Protughi. Carinako di Aversa. Italie). розыскивает двоюродного брата чеченца Канжи Ахматханова Ганжоева, рождения 1899 г., служившего в Белой армии, эвакуировавшегося заграницу в 1920 г. и затем служившего в Иностранном Легионе в Сирии до 1929 г.

— Александра Димитриевна Пономарева из Облив розыскивает своего сына Георгия Пономарева. По имевшимся у ней сведениям он якобы находился в Австралии. Писать на адрес M-me Kalimanoff. 31, rue de la Passerelle. Chaville. S/O. France.

— Андрея Тарас. Рудакова, ст. Калитвенской В.В.Д., розыскивает сестра. Писать: Mr Gnylorvboff. Gagnac s/g. par Fenouillet France

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ».

(С 1 июля по 1 сентября 1960 г.)

В Фонд Издательства: П. М. Аврамова —12,50 фр., через Алексеева от хора Жарова — 10 долл., Н. Быкадоров — 2 канад. д., через С. И. Донскова — от супругов Чучуевых из Парагвая — 1 долл.

Через наших **Представителей:** из США через Б. Н. Уланова: от А. Дурчинова — 6 долл., Б. Бембекова — 3 долл., д-ра Ряхина — 2 долл., из Аргентины от С. И. Донскова — 1 долл.

На издание книги о **Ермаке:** от казака хут. Кольцова Ермаковской ст. — 15 фр., от Голицина, Парамонова (Алжир), Альникина (Алжир) — по 10 фр., от С. Евсеева — 5 фр., от М. Н. Л. — 2 фр., Н. Быкадорова — 5 канад. долл., Н. Г. Улитина — 5 долл., Г. А. Улитина, Туркина, И. Г. Фомина, А. Кривошеева — по 2 долл., М. Н. Туркиной, А. Скрылова — по 1 долл., Н. Ковалева — 2,50 долл., Г. Русанова — 8 шв. фр., Т. Г. Полякова — 38 шв. фр., В. Тевяшова — 10 шв. фр. Через С. И. Донскова из Аргентины — 8 долларов (по 1 долл. от Е. Я. Аникина, Н. А. Иванова, И. И. Ковалева, Г. И. Пажитнова, А. М. Чеботарева. В. В. Обухова и из Парагвая от Д. Д. Чучуевой и И. К. Чучуева.

Сбор продолжается. Для передачи Дамскому Комитету Казачьего Союза: П. М. Аврамов — 15 фр., С. Евсеев — 15 фр., А. И Иванов (Парагвай) — 1 долл.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят принять всех жертвователей их искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Начиная с № 30, стоимость отдельного номера журнала увеличена до 2,50 н. фр., годовой подписки — 15 н. фр. Это повышение вызвано общим вздорожанием жизни во Франции и увеличением количества страниц в журнале.

Денежные взносы направлять по адресу:

Mr. Romanoff. C.C.P.P. 15-233-79 Noimtel, (S. et O.)

Корреспонденцию на имя Редак. Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky. 52 av. Flachat Asnieres (S.) France

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право их сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (размер ее 32 х 16 см, стоимость — 8 н. фр.), рассказы П. М. Аврамова («Ковыльный сказ» и «Яровой сев» — цена 3 н. фр.), «Лучь» — сборник стихов П. Юшкина - Котлубанского (цена — 4 н. фр.).

Опечатка: В схеме Мамантовского рейда (стр. 3, №28 Р. К.) вкралась ошибка: написано «линия фронта к 22 авг. (4 сент.), следует читать: «линия фронта к 22 июля (4 авг.)».

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).
Métro: La Motte-Picquet

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Новогодние поздравления.
А. Падалкин — «Генерал от Кавалерии Петр Харитонович Попов.»
Юшкин-Котлубанский — «Помните Атамана.»
А. Падалкин — «Дополнение к труду Е. Ковалева «К 40-летию Мамантовского рейда.»
Н. Воробьев — «Кондратий Булавин.»
Проф. Миллер — «Ермак Тимофеевич»
П. А. Соколова — «Приглашение на Казачий пир.»
И. Тапилин — «Бабий урядник.»
П. Соколова — «Внимая ужасам войны.»
А. Танин — «Случай на войне».
А. Беренс — «Последышко.»
Н. Г. Улитин — «Поэма о казачестве.»
День Покрова Пресвятой Богородицы.
А. Жеребков — «У казаков в Австрии.»
Н. Ф. П. — «Войсковой Праздник в Грассе.»
Полк. Ф. Дьяченко — «У казаков в Германии».
Г. А. Улитин — «У казаков в Глендоре.»
Эльмут — «Кому это нужно?»
О выборах Атамана. От Союза Донских казаков в С.Ш.А. и от Донского Войск. Объединения.
Е. Ковалев — «Письмо в редакцию.»
Б. Уланов — «Влас Данилович Маслов.»
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежом.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».

На обложке — одна из иллюстраций готовой к печати книги о Ермаке Н. М. Мельникова.

M. TCHERNIAVSKY
87, Bd Exelmans
PARIS (XVI°)

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№31. Ноябрь-Декабрь 1960. 2,50 NF.

PAYS NATAL Novembre-Decembre 1960 Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

С НОВЫМ ГОДОМ.

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Отдел партизан Чернецовцев - Семилетовцев, Общеказачья Касса Взаимопомощи, Содружество Лиенца и Дамский Комитет Каз. Союза поздравляют всех казаков, казачек и казачат всех Казачьих Войск, в рассеянии сущих и пребывающих на Родине, с Праздником Рождества Христова и Новым Годом и просят принять их наилучшие пожелания доброго здравия, единения и благополучия.

Председатель Каз. Союза
Б. А. Богаевский.

\- - - - - - -

Редакционная Коллегия «Родимого Края» поздравляет всех казаков и своих читателей с Рождеством Христовым и наступающим Новым Годом и просит принять ее наилучшие пожелания всего самого хорошего.

Редакционная Коллегия
«Род. Края».

ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ П. Х. ПОПОВ.

7-го Октября, в 11 час. дня, председатель Объединения участников Степного похода ген. Н. И. Тарарин получил из Нью-Йорка грустную телеграмму: «Донской Атаман П. Х. Попов скончался в 11 часов 33 минуты в госпитале Нью-Йорка. Отпевание будет в Кафедральном Соборе Покрова Божией Матери в субботу 8 октября».

Смерть Петра Харитоновича является громадной потерей не только для зарубежного Донского Казачества, но и вообще для Дона, на служение которому он отдал всю свою жизнь. Его роль и значение в истории Дона будут особо отмечены будущими историками Донского Казачества.

В этой скромной заметке хочется лишь в общих чертах отметить пройденный им путь.

П. Х. Попов, Донской казак Новочеркасской станицы, родился в 1866 году. Отец его действительный статский советник Харитон Иванович происходил из крепкой казачьей семьи, стоявшей в первых рядах Донской старшины: он был известным на Дону советником Областного Правления, создателем устава Новочеркасского Общества взаимного кредита, принятого за образец для всей Российской Империи, редактором «Донской Газеты», основателем и до конца своих дней директором редкого по своему оборудованию Донского Музея, исследователем Донской истории на основании археологических раскопок.

Эта разнообразная деятельность Харитона Ивановича на пользу Дона наложила известный отпечаток и на сына его Петра Харитоновича.

Петр Харитонович в 1885 году с золотой медалью окончил Новочеркасскую классическую гимназию. В 1889 году — Новочеркасское юнкерское училище, вахмистром юнкеров. По окончании училища вышел в Донской армейский полк, где помимо строе-

вой службы занимается изучением истории Дона.

Потом — Военная Академия генерального штаба, по окончании которой в 1892 году П. Х. назначается в штаб Московского Военного Округа. Служа в штабе, он преподает в Александревском военном училище тактику и администрацию.

Пользуясь пребыванием в Москве, он весь свой досуг отдает изучению донской истории, как в государственных, так и в частных архивах, делая нужные ему выписки и систематизируя полученный материал. Все свои материальные средства отдает на собирание старых книг по истории Дона.

теся высшей наградой — на погоны шефские инициалы Наследника Цесаревича.

Состоя начальником училища, он усиленно работает в Донском музее и в архивах Областного Правления, готовя большой научный труд по истории Дона.

Труд этот к началу революции 1917 г. был почти готов, но до эвакуации Новочеркасска напечатано из этого труда было только 123 страницы в 1919 году.

В Великую войну 1914 - 1917 г.г. Петр Харитонович просит о переводе его в действующую армию, но для пользы родины — для подготовки офицеров, нужных для войны в большом количестве — получает отказ

В это же время П. Х. состоит членом комитета помощи Донским казакам, учащимся в высших учебных заведениях города Москвы. В 1908 году ценз командования полком Петр Харитонович отбывает в 1-ом Донском казачьем полку. В 1909 году он — начальник Новочеркасского Военного училища. Родному училищу П. Х. отдает все свои силы и все свои недюжинные способности, чтобы воспитать сильных чувством долга по отношению к России и беззаветной любви к родному краю донских офицеров, давших целый ряд бессмертных героев. Всегда образцовое, поднятое им на еще большую высоту, училище заставляет обратить на себя внимание Петербурга. Внимание это отмечается с производством в генерал-майоры.

Российская разруха 1917 года удваивает его силы в стремлении работать на благо родины. Донской военно - революционный комитет требует «снятия его с поста начальника училища» — юнкера встают на его защиту, и П. Х. — вероятно, единственный во всей Российской Империи из назначенных императорской властью — остается начальником училища до конца января 1918 года.

В Новочеркасском военном училище он первый вводит курс, не предусмотренный программой, — курс психологии, который и читает сам.

Перегруженный службой и научной работой, он на всю жизнь остается холостяком.

Всегда занятый и всегда погруженный в размышления, он производил впечатление неприветливого человека, отчего юнкера не вкладывая злобного или враждебного значения, прозвали его «Бурбоном». К юнкерам он всегда относился, как к младшим братьям и в случае каких-либо затруднений у того или другого юнкера попавшему в беду юнкеру товарищи говорили: «Пойди к Бурбону, он поможет». П. Х. действительно всегда помогал не только советом, но и делом.

После октябрьской революции П. Х. делает училище хранителем порядка в столице Дона. В училище он создает центр решимости борьбы до конца. В училище, по его инициативе и при его поддержке, создается идеологическая и материальная база сказочного донского партизанства.

Он поспевает всюду — к нему идут за советом и помощью.

Вне училища он до полуночи, а иногда и до утра, проводит в стенах Областного Правления. Он всем помогает, где советом, где делом. После революции он принимает деятельное участие в подготовке Донского казачьего съезда в Новочеркасске, потом в подготовке созыва Войскового Круга. Он-член Круга от станиц Казанской и Новочеркасской.

Умер Аатаман Каледин. Ген. Попов, непоколебимый в охранении порядка преемственности власти, содействует вступлению походного Атамана ген. Назарова на пост Войскового Атамана, а сам идет к нему в подчинение в роли Походного Атамана.

12 февраля 1918 г. в грозный час бушующего моря, звериной злебы, предательства, измены, преступного безразличия под улюканье черни уводит донских партизан в иторический Степной поход.

13 февраля 1918 года он пытается склонить Добровольческую Армию остаться в пределах Дона.

Его пророчества, что через 1 1/2 - 2 месяца Дон выздоровеет от «нейтралитета» и возстанет — сбылись. Уже в начале марта начались восстания против большевиков и 23 апреля 1918 года восставшими казаками, под общим командованием походного Атамана ген. П. Х. Попова, освобождена столица Дона — Новочеркасск.

Походный Атаман немедленно созывает Войсковой круг, названный «Кругом Спасения Дона», для выборов Донского Атамана. Безспорный и по праву естественный кандидат в Войсковые Атаманы, он в силу создавшегося положения на Дону, в связи с приходом немцев, отказывается выставить свою кандидатуру, но своим авторитетом поддерживает кандидатуру ген. Краснова.

Круг Спасения Дона, отмечая исключительные заслуги перед Доном П. Х. Попова, производит его в чин генерал-лейтенанта, а в начале 1919 года Большой Войсковой Круг «награждает» его пожизненным званием Походного Атамана.

При Атамане А. П. Богаевском П. Х. — Председатель Совета управляющих отделами, представитель Дона на совещаниях по урегулированию спорных вопросов с новыми государственными образованиями. В трагические дни Дона начала 1919 года он, по поручению Круга, едет на Кубань и в Добровольческую Армию просить для Дона помощи. Помощь оказана. Целый ряд донских станиц принимает его почетным казаком своих станиц.

В том же 1919 году П. Х. производится в генералы - от - кавалерии.

П. Х. всегда был бессребренником и всегда учил беречь Войсковую Казну.

При оставлении Дона, когда целые станицы пошли «в отступление», ген. Попов — председатель комиссии по оказанию материальной помощи казакам, покинувшим свой дом, и председатель комиссии по выдаче пособий офицерским семьям.

Чужбина. Ген. Попов в Болгарии. Чтобы сохранить казачье единство, предохранить его от распыления и ассимиляции с населением стран, казаков приютивших, он вместе с другими развивает мысль о создании Донских казачьих станиц и хуторов на местах рассеяния казаков и сам создает в Габрово — в Болгарии — первую Донскую станицу.

С переездом во Францию, в Париж, он вместе с ген. Красновым и графом Граббе помогает казакам устраиваться на работы во Францию, помогая им материально, нередко из своих скудных заработков.

Сам работает в качестве чернорабочего на севере Франции.

С переездом в Америку, он — фермер, повар и т. д.

Со смертью Атамана Богаевского первым кандидатом в Донские Атаманы П. Х. считает ген. Краснова.

Ничего не ища для себя, по просьбе казаков соглашается выставить свою кандидатуру в Донские Аатаманы.

С объявлением графа Граббе Донским Атаманом, он один из первых, во имя казачьего единства, посылает ему поздравление.

В 1938 году П. Х. Попов избирается Донским Атаманом, переезжает в Европу и поселяется в Чехии.

С началом войны немцев с СССР, как противник участия казаков в войне в составе немецких армий, в немецкой форме и под немецким флагом, подвергается немецкими властями аресту и несколько месяцев проводит в заключении. Потом освобождение с лишением права заниматься общественными делами.

Победа союзников — П. Х. оказывает казакам помощь по переезду в Америку, куда переезжает и сам. Перевыборы Донского Атамана — П. Х. большинством голосов избирается на новый срок.

Возраст не позволяет работать. Принят на американское иждивение. Казаки из всех стран обращаются к нему со всякого рода просьбами. Он, существуя на небольшую американскую пенсию, почти всю ее расходует на посылку корреспонденции, а сам голодает. В результате — госпиталь.

Посылавшиеся ему деньги его почитателями, знавшими его тяжелое материальное положение, он возвращает обратно, говоря, что есть казаки, нуждающиеся больше него.

По выздоровлении ему было предложено поселиться в русском доме Толстовской организации. Отказывается по мотивам, что есть казаки, не имеющие права на американские старческие дома, и оставляет свое место в русском доме «бесправным», а сам поселяется в худших условиях в американском доме для престарелых.

За время пребывания в Америке он написал два больших труда по казачьей истории: из периода гражданской войны — «Борьба за свободу Дона» и из периода пребывания казаков за рубежем — «Дон в изгнании». Для написания последнего труда он собирал буквально всю зарубежную литературу — газеты, журналы и т. д. Администрация старческого дома, под видом опасности в пожарном отношении, приказала персоналу «уничтожить всю бумагу», каковую представляло все собранное П. Х.

Персонал, то ли по недоразумению, то ли по злой воле, то ли по чьему-то наставлению, воспользовавшись 10-минутным отсутствием П. Х., сжег буквально все — в том числе и труды многих лет, подготовленные к печати. Это обстоятельство потрясло его, и через некоторое время у него случился удар, после которого он уже не мог оправиться и тихо скончался на больничной койке. Мир праху его! Пусть легка ему будет чужая земля.

Мы же, казаки, сохраним о нем добрую память, как о большом чистом и честном патриоте Дона и России.

Когда СССР вновь превратится в великую свободную Россию, беспристрастная история отметит бескорыстное служение Петра Харитоновича Дону и России на протяжении 75-ти лет его сознательной жизни.

А. Падалкин.

ПОМНИТЕ АТАМАНА!..

Долетела весть до Вашингтона —
До столицы мировой:
Атаман-слуга и рыцар Дона
Жизни путь закончил свой.
Путь труда и неувядной славы
Гроб чужбины завершил...
Перед тем преклоним, братья, главы,
Кто для родины лишь жил;
Кто берег и на чужбине горькой
Верность долгу до конца;
Кто являл примеры воли стойкой,
Твердой веры во Творца;
Кто заветы Дона и законы
Нас всегда учил беречь...

Вашингтон.

Кто любил степные перезвоны,
Волн Донских живую речь...
Головы склените, братья, ниже
Перед памятью того,
Кто забыт был нами и... обижен...
Помолитесь за него!!...
Соберитесь вместе в час досуга,
Прах стряхнув с себя чужой!...
Помяните АТАМАНА-ДРУГА
Чистым сердцем и душой...
Эмигранты-братья россияне!
Православный русский весь народ!
О ПЕТРЕ молитесь АТАМАНЕ,
Что свершил СТЕПНОЙ ПОХОД!...

Порфирий Юшкин-Котлубанский.

ДОПОЛНЕНИЕ К ТРУДУ Е. КОВАЛЕВА

Незадолго до «Мамантовского рейда» в Штабе Донской Армии были получены сведения:

1. Что где-то в районе города Задонска формируется большевиками Донской Казачий Корпус под командой Войск. Старшины Миронова и что казаки его Корпуса настроены против коммунистов.

2. Что в лесах Пензенской губернии скрывается много тысяч местных крестьян, не пожелавших идти в Красную армию по объявленной большевиками мобилизации.

Войск. Старш. Миронов, — донской казак Усть-Медведицкого округа. Честолюбец, с первых дней революции мечтавший, как и Голубов, об атаманском перначе, с самого начала гражданской войны стал на сторону большевиков. Сначала командуя у них в Усть-Медведицком Округе месными отрядами, потом полком, бригадой и дивизией, дрался весьма успешно против Донской Армии на Царицынском фронте.

Вторжение большевиков на Дон в начале 1919 года пробудило в нем совесть. Он стал на защиту разоряемых красными каз. станиц и хуторов. Большевики обвинили его в демагогии и отправили на польский фронт.

Летом 1919 года в период особо тяжелого положения Красной армии на юге, он командовал 23-й Советской Стрелковой дивизией. Сдав ее своему помощнику Голикову — тоже уроженцу Усть-Медведицкого округа — Миронов уехал в Москву в казачью секцию при В.Ц.И.К. С.Ф.С.Р., которая поручила ему сформировать в Саранске Донской Казачий Корпус, ядром которого служили бы казаки северных округов. Позднее, после выступления Миронова с этим корпусом против коммунистов, «спасенный» Председателем Реввоенсовета республики Троцким от расстрела и будучи отправленным в Москву в распоряжение Реввоенсовета Республики, он там «выразил чистосердечное признание» и просил вновь взять его на службу в Красную армию.

В 20-м году Миронов командует 2-й Конной армией в северной Таврии, направленной против ген. Врангеля. Зимой 21-го года он снова принимает участие в организации восстания на Дону и не будучи более нужным большевикам, использовавшим его популярность среди казаков до конца, снова предается суду, который выносит ему смертный приговор и Миронов кончает свою жизнь под расстрелом.

Когда 4-й Донской Казачий Корпус стал готовиться к историческому «Мамантовскому рейду», Начальник Штаба Дон. Армии ген. Кельчевский просил Начальника Отделения Особой Части Отдела Пропаганды В.С.Ю Р. при Штабе Дон. Армии Д. Афанасьева командировать специальных агентов в Пензенские леса и в район города Саранска.

В Отделении Особой части на должности офицеров для секретных поручений состояли А. Падалкин и П. Ак....ъ. Падалкин, кроме того, читал лекции на агитационных курсах о «технике агитации».

Для поездки в Пензенские леса Афанасьевым был назначен А. Падалкин, а в Саранск П. Ак....ъ. Первый получил задачу: розыскать в лесах «дезертиров» и в зависимости от их настроений «связать» их с корпусом ген. Мамантова путем, который установить по соглашению с ген. Мамантовым.

Второму дана была задача: розыскав корпус Миронова, выяснить его настроение, если возможно «поднять» его против советской власти и связать его с корпусом ген. Мамантова для совместных действий.

Получив некоторые сведения о дезертирах и о казаках Миронова от Начальника Отдела печати Штаба Дон. Армии — полк. Трофимова, Падалкин выехал в станицу Урюпинскую, где в это время находился ген. Мамантов, а П. Ак....ъ выехал в штаб Дон. Армии на станцию Кантемировка, чтобы там получить подробные инструкции для своей работы.

В Урюпинской Падалкин имел свидание с ген. Мамантовым в Штабе 2-го Дон Корпуса ген. Коновалова.

С ген. Мамантовым было условлено, что за движением его корпуса Падалкин будет следить по советской печати, а разыскав «дезертиров», если можно расчитывать на их помощь, привезти к ген. Мамантову их представителей, с которыми он и договорится о дальнейших совместных действиях. При этом ген. Мамантов уполномочил обещать «дезертирам» вооружить их и не вмешиваться в их внутренние распорядки. Тут же ген. Мамантов просил ген. Коновалова оказать Падалкину содействие в переходе фронта. Ген. Коновалов рекомендовал перейти фронт где-нибудь в районе Новохоперска, после прорыва Корпуса ген. Мамантова, воспользовавшись смятением в красной армии.

После прорыва ген. Мамантова, по совету ген. Коновалова, Падалкин выехал из Урюпинской на участок, если не ошибаюсь, 19-го полка, занимавшего фронт против Новохоперска, который после прорыва никем не занимался. Тогда же ген. Коновалов сообщил, что в селах Поспеловка, Алферовка и др. находятся части 57-й Советской дивизии, имеющей Штаб «где-то» в районе станции Грибановка.

Из Урюпинской к Новохоперску нужно было ехать через станцию Филоново. Там Падалкин узнал, что в станице Филоновской расположились только что сформированные полки бригады ген. Маркова, в частности 7-й Пластунский, укомплектованные остатками 1-го и 2-го Царицынских ударных баталионов и Астраханского Приволжского полка и мобилизованных крестьян и рабочих Таганрогского округа.

Полком этим командовал полк. Мартынов, участник Степного Похода, в свое время командовавший вышеназванными баталионами и полком. Оба ударных баталиона были им же сформированы в станице Верхне-Чирской из пленных красногвардейцев. Астраханско-Приволжский полк был им сформирован из крестьян Астраханской губернии в районе сел — Цаца, Райгород и Дубовый овраг. Падалкин тоже служил в этих частях и в силу этого имел много приятелей среди офицеров 7-го полка. Там же в Филоновской стоял 71-й Сводный Каз. полк под командой полк. Филиппова при помощнике В. Стар. Полумордвинове, тоже бывшем сослушивце Падалкина. Эти обстоятельства, в нарушение «закона» о секретной работе в тылу противника, заставили Падалкина задержаться в Филоновской станице «может быть в последний раз» повидать своих приятелей.

В Филоновской полк. Мартынов пригласил Падалкина на ужин. Для «работы» Падалкин был одет соответствующим образом, ничего не говорившем об его офицерских чинах.

На обеде, кроме полк. Мартынова и его милейшей супруги — участницы Степного Похода, были Нач. Штаба бригары полк. Гетманов, командир 71-го полка полк. Филиппов со своим помошником в. старш. Полумодвиновым и еще 23 человека.

Полк. Мартынов, очевидно, чтобы внешним видом Падалкина не смушать своих гостей и вполне доверяя им, открыл «секрет» Падалкина.

Может быть, и не вследствие этого разглашения, но командировка его не увенчалась успехом, что будет видно из ниже изложенного.

Пробыв двое суток в Филоновской станице, Падалкин выехал на участок 19-го полка. Командир полка направил его на участок 3-й сотни, занимавшей позицию у ж. д. моста через р. Хопер. Новохоперск, действительно, как говорил ген. Коновалов был «вольным городом». Через него Падалкин лесной дорогой добрался до с. Поспеловки, где стоял один из полков 56-й сов. дивизии. После ночевки в этом селе, уже в стане красных, он направил свой путь на станцию Грибановку, намереваясь оттуда к месту «назначения» следовать по ж. д. Местность между Новохоперском и Грибановкой была лесистая, и Падалкин, чтобы не иметь на дорогах в прифронтовой полосе ненужных встреч, отправился лесом. Около села Алферовки, где стоял штаб 1-й бригады 56-й дивизии, лес оказался обыскиваемым красноармейцами роты Особого назначения штаба бригады в целях поимки «дезертиров», и Падалкин был задержан.

Имея «хорошие»» документы, он не был признан дезертиром, но и не отпущен, а под конвоем отправлен в штаб дивизии на стан Грибановка, оттуда в вагоне караула, сопровождавшего «белых» пленных, взятых в последних боях, был отправлен в Пензу, в распоряжение Особого Отдела 9-й Советской армии. В дороге — по советским газетам, читаемым карaулом, Падалкин следил за движением корпуса ген. Мамантова.

Поезд, в котором ехал Падалкин, прошел через Козлов на второй день после ухода из него Мамантова. В самый Козлов поезд не заходил, т. к. подъездные пути к нему были разрушены, а прошел через «Козлов-товарный» не останавливаясь.

Здесь от конвоиров Падалкин узнал, что Казачий Корпус Миронова «выступил против советской власти», и ушел из Саранска в неизвестном направлении, и что по пути своего следования он разоружает и роспускает по домам красноармейские части, распространяя среди населения воззвания с призывом выступать «против коммунии». Из разговоров с конвоирами узнал, что многие местные советы по пути следования корпуса Миронова, как и армейские комитеты, «сочувствуют его лозунгам».

Полагая, что это результаты «работы» П. Ак...а, Падалкин пораловался за него, но и сам не унывал, хотя и будучи на положении арестованного, он все же ехал к месту

своей командировки — в Пензенскую губернию, надеясь, что там ему удастся каким-то путем освободиться и выполнить свою задачу.

Однако, надежды на освобождение не оправдались, а радость за П. Ак...а тоже была напрасной, потому что, как выяснилось позднее, Корпус Миронова, выступив из Саранска 9 августа, направился к границам Дона, тогда как Корпус ген. Мамантова, заняв 9 августа Козлов, оттуда двинулся веером на Лебедянь, Грязи и Раненбург, т. е. в противоположном направлении движению Миронова, а П. Ак....ъ в это время находился еще где то в пути между Лисками и Саранском.

Немедленно после выхода Мироновского Корпуса из Саранска, — как пишет Буденный в его воспоминаниях «Пройденный путь» — «объявляя Миронова вне закона, советское правительство предписывало всем командирам частей и соединений красной армии в случае появления изменника в их районе принять меры к аресту его и отправке в вышестоящие инстанции». Миронов, выступив с корпусом из Саранска, намеревался, видимо, привлечь на свою сторону 23-ю Стрелковую дивизию, в свое время им сформированную из донских крестьян, рабочих и мелких ремесленников из станиц Усть-Медведицкого округа, и поэтому он имел основание на нее расчитывать. За отъездом его в Москву в казачью секцию при В.Ц.И.К., Р.С.Ф.С.Р. дивизию от него принял его помощник Голиков, бывший «земляком» Миронова. Это тоже давало основание Миронову расчитывать на командира дивизии. На розыски штаба Голикова Миронов послал сотню казаков с задачей «разыскать штаб 23-й Стрелковой дивизии, донести о местоположении его и ждать прибытия Корпуса».

Комиссаром Корпуса Миронова был донской офицер Булаткин, в свое время командовавший бригадой в корпусе Буденного, откуда уехал в Москву в красную Академию Генерального штаба.

В Москве по ходатайству казачьей секции при В.Ц.И.К. он был назначен комиссаром в Корпус Миронова. Буденный со своим Корпусом, случайно оказавшись в расположении 23-й Стрелковой дивизии, перехватил в штабе Голикова Мироновскую сотню и командиро ее, не зная, что Миронов объявлен вне закона и подлежит аресту, сообщил Буденному, что Миронов двигается в направленни стан. Анненской и находится в одном-двух переходах от стан. Глазуновской.

Буденный по своей инициативе решил «изменника» не «пускать». Таким образом, расчеты Миронова на 23-ю дивизию были нарушены появлением Корпуса Буденного.

Голиков тоже, если бы и хотел присоединиться к Миронову, с появлением Корпуса Буденного — должен был от этого воздержаться, заявив Буденному: «Я знаю Миронова, мы с ним земляки, но это нисколько не означает, что я стану на сторону предателя».

Буденный, видимо не расчитывая на легкость победы над «изменником», предлагал Голикову стать на путь предателя и «как ни в чем не бывало прыгласить его — Миронова — к себе на квартиру и там арестовать».

Миронов, не зная о замыслах Буденного и об его местонахождении, вел Корпус в походной колонне без охранения. Корпус его, как по количеству людей, так и по силе вооружения, значительно уступал Корпусу Буденного. При выдвижении его из хут. Саторовского к хут. Верхне-Лесному, он был застигнут врасплох и, окруженный дивизиями Буденного и, вероятно, не веря, в случае боя, в успех своего Корпуса, и может быть полагая, что Буденный еще не знает об объявлении его изменником и вне закона, боевых действий не начал и был захвачен командиром 4-й дивизии донским казаком Платовской станицы калмыком Городовиковым.

Несмотря на то, что советское правительство предписывало принять меры к аресту Миронова и отправке в вышестоящие инстанции, Буденный организовал над ним суд при Штабе своего Корпуса. Суд приговорил Миронова к расстрелу и Буденный отдал об этом приказ по Корпусу, в котором писал: «командир Казачьего Корпуса Миронов изменил революции и объявлен советским правительством вне закона. Преступление Миронова заключается в том, что он, потеряв веру в прочность советской власти, обманным путем, под предлогом помощи фронту, увел из Саранска формируемый им Казачий Корпус с тем, чтобы перейти на сторону белых»...

В своих воспоминаниях Буденный пишет, что по показаниям Булаткина «Миронов не посвящал его в свои преступные планы, а когда он, Булаткин, узнал о том, что Миронов объявлен вне закона, то растерялся»... Это совершенно неверно, т. к. Миронов

еще в день выступления из Саранска издал приказ - воззвание, выдержки из которого приведенны ген. Деникиным в его 4-м томе «Очерков Русской Смуты». В этом приказе-воззвании, Миронов писал: «что остается делать казаку, когда он знает, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а скотина выгнана в степь в загон? — Только сжигать свои станицы и хутора. Таким образом, в лице всего казачества мы видим жестоких мстителей коммунистам за поруганную справедливость, что в связи с общим недовольством трудящегося крестьянства России, вызванным коммунистами, грозит окончательной гибелью революционным завоеваниям и новым тяжким рабством народа. Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь свалить партию коммунистов»... Сказано ясно и определенно, и казаки Мироновского Корпуса это одобряли, о чем свидетельствовал тот же Булаткин, когда Буденный упрекнул его «как он мог так быстро переродиться». Булаткин ответил: «Скажи я казакам, что Миронов предатель, меня стерли бы в порошок». И он был прав ибо выступление Миронова было вызвано настроением казаков его Корпуса, а не только потерей веры в прочность советской власти Мироновым. Приказ-воззвание Миронова был не только прочитан казаками его Корпуса при выступлении из Саранска, но и распространялся среди населения по пути его следования и в частях красной армии. О том, что казаки Миронова знали о целях похода, они об этом сами рассказывали Падалкину в Москве в Кожуховском лагере. По их словам, Миронов поднял свой корпус под влиянием настроения казаков, говоривших: «будя болтаться по чужим дворам, пора защищать свой курень». По их словам они шли с Мироновым сознательно, подталкиваемые голосом крови.

Буденный в приказе по Корпусу о приговоре Миронова к расстрелу писал: «Командиров и бойцов бывшего Корпуса Миронова, преданность которых советской республике не вызывает сомнения, распределить по частям Конного Корпуса из расчета 3-4 человека в каждый взвод». Однако приехавший председатель Реввоенсовета республики Троцкий отменил приказ Буденного, как о расстреле Миронова, так и о распределении казаков его Корпуса по частям Корпуса Буденного, и «предложил» Буденному Миронова, Булаткина и Лебедева под ответственным конвоем отправить по ж. д. в Москву в распоряжение Реввоенсовета Республики, а *всех* казаков Мироновского Корпуса, в том числе и командиров, в пешем строю под конвоем направить в Штаб 9-й Армии в Бутурлиновку». Буденный на это ответил: «Приказание будет исполнено», однако Миронова, Булаткина и Н-ка Штаба Корпуса Лебедева отправил в Саратов в Штаб 10-й Армии, при которой находился, в качестве комиссара Реввоенсовета Республики Сталин. Буденный, вероятно, расчитывал, что Сталин расправится с Мироновым по своему.

В своих воспоминаниях Буденный пишет, что «Бойцы и командиры бывшего Корпуса Миронова, проявившие желание драться за советскую власть, были распределены по частям Корпуса, а остальные под конвоем направлены в 9-ю армию».

По свидетельству казаков Мироновского Корпуса, рассказывавших Падалкину в Кожуховском лагере в Москве, изъявивших желание драться за советскую власть в составе Буденовского Корпуса, нашлось всего 300-400 человек, которые в подавляющем большинстве своем были не казаками, а рабочими и крестьянами Донской области. Казаки же, отправленные в Бутурлиновку, распоряжением Реввоенсовета Республики небольшими группами были направлены в лагеря военнопленных и заложников для несения внутренней охраны, смотрителями бараков и т. д. Распоряжением этим достигалась цель абсолютного распыления казаков Мироновского Корпуса, в силу чего они уже не могли представлять из себя никакой угрозы коммунистическому спокойствию.

По дороге в Пензу, в поезде, в котором ехал Падалкин на стан. Ртищево, было посажено около 50 человек членов войсковых комитетов разных частей, стоявших в местах следования Корпуса Миронова и отправляемых в особый отдел 9-й советской Армии с обвинением их в пособничестве Миронову и в сочувствии его лозунгам.

По словам этих арестованных, его лозунгом было «да здравствуют советы — долой коммунистов».

Из разных разговоров с ними выяснилось также, что в Пензенских лесах действительно скрывается много тысяч «дезертиров», и что для ловли их посылались значительные карательные отряды, которые в связи с Мамантовским рейдом брошены теперь против его Корпуса и «дезертиры» оставлены в покое.

С наступлением холодов дезертиры ли-

квидировались сами, вернувшись в свои семьи.

По прибытии в Пензу, надежды Падалкина на освобождение не оправдались. Там он был заключен в подвале мыловаренного завода, в конторах которого размещался особый отдел 9-й Армии. На допросе, следователь этого отдела, наверное не располагая никакими уличающими Падалкина данными, просто сказал: «ген. Деникин, посылая Мамантова в рейд, послал в тыл красной армии 1000 чел. офицеров для организации восстаний и оказания Мамантову разных видов помощи в его операциях», и что он не сомневается, что Падалкин был «одним из тысячи», и, отрекомендовавшись сыном мирового судьи Усть-Медведицкой станицы, закончил допрос.

На утро Падалкин под строгой охраной из 9-ти человек был отправлен в Москву в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны.

Поезд, в котором препровождался Падалкин, переполнен был мешочниками, ездившими на Волгу за продуктами питания, которые, узнав от охраны, что они везут «пленного офицера Мамантовца», проявляли к нему большое внимание подкармливанием. При этом вели разговоры, выражающие симпатии мамантовцам и вообще белому движению.

По прибытии в Москву, по каким то обстоятельствам Падалкина направили не в концентрационный лагерь, а в приемно-распределительный для военно - пленных при станции Кожухово Московской окружной железной дороги. В лагере находилось около 6000 человек пленных «белых» со всех антибольшевистских фронтов, но большинство из армии адм. Колчака. В бараке № 17 были размещены офицеры — 48 человек Туда поместили и Падалкина.

Начальником лагеря был офицер Императорской армии, а комиссаром лагеря был бывший артельщик Томского отделения Волжско - Камского банка. К сожалению, более чем 40-летняя давность не сохранила в памяти этих имен.

Комиссар, своей прекрасно поставленной, «расчленительной», т. е. агитационной работой пытался из «белых» пленных сделать «сознательных граждан советской республики». Добиться ему этого не удалось.

В Кожуховском лагере содержались также заложники из разных городов Юга России. Бараки их были отделены от бараков пленных высокой деревянной стеной. Пленные и заложники никакого общения между собой не имели. По прибытии Падалкина в лагерь, охрану его несли «части особого назначения», но через некоторое время части эти были отправлены на южный фронт и заменили их казаки Мироновского Корпуса, прибывшие из Бутурлиновки.

Эти охранники — казаки мироновцы рассказывали, что Миронов вел их «домой» и что они отдавали себе отчет, что их там ждет, но оставаться под властью комиссаров «было невмоготу».

Стремясь «домой», они верили, что «со своими казаками сумеют договориться и поладить». Иначе говоря, они становились на ту точку зрения, которую старик казак, член Донского Войскового Круга, на заседании Круга выражал словами: «Моя мнения, господа старики, такая: пригребай к своему берегу».

За такие разговоры некоторое число казаков мироновцев властью комиссара лагеря было отправлено в штрафные роты на торфяные разработки.

По свидетельству казаков - мироновцев, взятых 2-й Дон. Каз. дивизией в плен в 1920 году у Каховки, все они — из лагерей и торфяных разработок — по ходатайству Миронова были влиты во 2-ю Конную Советскую армию, которой при наступлении красных на Крым командовал Миронов, заменивший в этой должности калмыка Городовикова, арестовавшего Миронова в дни его мятежа в августе 1919 года и предавшего Буденному, как изменника.

Русская пословица говорит: «гора с горою не сходится — а человек с человеком всегда может сойтись», так случилось и у Падалкина.

В период Крымской кампании 5-я Кон сов. дивизия, совершая рейд по тылам армии ген. Врангеля в северной Таврии, была разбита 2-й Дон. каз. дивизией. Тогда Калединский полк взял в плен комиссара 2-й бригады, оказавшегося бывшим комиссаром Кожуховского лагеря. Попавши в плен, он допрашивался в Штабе дивизии офицером для поручений по политической части — А. Падалкиным. Комиссар этот по приказу командира Калединского полка полк. Чапчикова был расстрелян как-бы в отмщение за посылку казаков «Мироновцев» на торфяные разработки.

В Кожуховском лагере, в целях предотвращения побегов обитателей барака №17, комиссаром лагеря была создана особая система заложничества, в силу чего ни один

человек из этого барака не бежал, т. к. его побег должен был стоить жизни 6-ти человекам — товарищам по бараку №17. Обитатели барака №17 в числе 1/3 почти ежедневно направлялись на разные работы и чаще всего на заводы Бери и Амо, в главное интенданство на разгрузку вагонов и там от постоянных рабочих и служащих пленные офицеры узнавали, что генералы Мамантов и Шкуро, оперируя в тылу красных, заняли Воронеж и «двигаются к Москве» и что Москва в силу этого и приближения Добровольцев к Орлу «укреплятся»: с южной её стороны роются окопы, ставятся проволочные заграждения, устанавливается тяжелая артиллерия, а на крышах домов устанавливаются пулеметы. Иногда обитатели барака №17 отправлялись на работы в город в разные советские учреждения: так поручик В....й и штаб ротмистр С....й, офицеры бригады легендарного ген. Каппеля армии адм. Колчака, попали на работу на упаковку и погрузку архивов Комиссариата путей сообщения и там от служащих узнали, что «почти все» советские учреждения в связи с рейдом Корпуса ген. Мамантова по распоряжению Реввоенсовета Республики вывозят свои архивы в Казань, т. к. Реввоенсовет боится, что Мамантов может занять Москву «с налёта». На рытье окопов и постройку укреплений вокруг Москвы несколько раз, в срочном порядке, выводились и обитатели Кожуховского лагеря. Время от времени в Москве ходили слухи: «Мамантов в ста верстах от Москвы и даже в 40 верстах». Это вызывало панические настроения у властей предержащих и радостные настроения у обывателей.

В результате рейдов Корпусов ген. Мамантова и ген. Шкуро, для усиления Красной Армии по распоряжению Реввоенсовета, не разбираясь в политической благонадежности военно - пленных Кожуховского лагеря, из всех его обитателей была сформирована 39 бригада 55-й советской дивизии, при этом офицерам было предложено занять командные должности. Часть из них отказалась от этой «чести» и пошла писарями. Падалкин к этому времени по приказу лагерного комиссара был переведен в барак №6 — для рядовых, и при организации 3-й бригады попал в 25-й полк пулеметчиков. 55-я дивизия, почти полностью составленная из военнопленных, была заполнена, в качестве наблюдающих за бывшими пленными, правоверными коммунистами Особого Волжского отряда.

Дивизия вошла в состав 13-й Армии и была направлена против Добровольческого корпуса ген. Кутепова. Выгрузившись из вагонов у Мценска, она была брошена на фронт, где, несмотря на отступление Добр. Корпуса и несмотря на наличие «наблюдающих», бывшие пленные переходили на сторону добровольцев целыми ротами. С одной из таких рот у с. Александровского перешел и Падалкин во 2-й Корниловский полк. По приезде в Харьков в Штаб Добр. Армии он встретил там поручика В.... и Штаб-ротмистра С....., перешедших у гор. Щигры, которые, будучи посланными в «реабилитационную комиссию», были разочарованы в Добрармии. К немалому удивлению милейшего генерала - старичка направлялся в эту реабилитационную комиссию и Падалкин.

После некоторых весьма неприятных историй в Штабе Добрармии, где ему грозила даже опасность быть расстрелянным, встретив у этапного коменданта своего сослуживца по 1-му Кавказскому Ударному батальону 7-го Армейского корпуса в Персии поручика М...., при его помощи Падалкин наконец вернулся в Новочеркасск, где сделал подробный письменный доклад своему непосредственному Начальнику Д. Афанасьеву.

Устный доклад был сделан Начальнику Войскового Штаба ген. С. К. Бородину на его частной квартире на Горбатой улице, а сведения, могущие интересовать отдел печати, были доложены Начальнику этого отдела полковнику Трофимову.

П. Ак....ъ, не найдя корпуса Миронова в Саранске и не поймав его в пути его движения, узнавши о его «ликвидации», вернулся из этой не по его вине неудачной командировки и был назначен Начальником Пункта Особой Части Отдела Пропаганды В.С.Ю.Р при Штабе 2-го Дон. корпуса, а во время Крымского периода в 1920 году штаб-офицером для поручений по политической части Штаба Донского Корпуса Полковником К. В. М....ъ был командирован на Дон, чтобы там «подготовить» казаков для «оказания помощи» отряду полк. Ф. Д. Назарова, который, высадившись у станицы Новониколаевской, должен был совершить рейд по Донской земле с целью «поднять» казаков против большевиков. На Дону в это время способных на выступление не было, и отряд его погиб. В этой командировке без вести пропал и П. Ак...ъ.

Задолго до возвращения Падалкина в Новочеркасск, Доб. Армия начала свой от-

ход на Орловском направлении. Отступление это угрожало флангу Донской Армии и она, как и Кавказская армия из Царицынского района, принуждены были тоже начать отход. Отступления эти закончились Новороссийской трагедией.

По возвращении в Новочеркасск, Падалкин вместо положенного отдыха немедленно был назначен помощником начальника Отделения Особой Части при Штабе Донской армии и по просьбе 2-го Генерал-Квартирмейстера Шт. Дон. Армии полк. Попова ему было поручено формирование поезда для эвакуации из Новочеркасска Управления 2-го Ген.-квартирмейстера. При оставлении Новочеркасска, оставаясь на занимаемой должности в Отделении Особой Части, он был назначен и комендантом 2-го Оперативного поезда, им сформированного.

Когда поезда Штаба Донской армии стояли на станции Сосыка в Кубанской области, в Екатеринодаре от тифа скончался ген. Мамантов. Среди казаков Донской армии поползли слухи, что ген. Мамонтов не умер, а был отравлен. Слухи эти возбуждали «Мамонтовский» 4-й Дон. Казачий корпус настолько, что Управляющий Отделом Пропаганды В.С.Ю.Р. полк. Энгельгард приказал Отделению Особой Части при Штабе Донской Армии командировать туда «специальную» группу агентов для «разъяснительной работы». Группа эта была туда командирована под командой полк. Какурина, заведывавшего личным составом Отделения.

Почти в это же время по свидетельству ген. Деникина в его труде «Очерки русской смуты» в томе пятом, ген. Кутепов — командир Добровольческого Корпуса прислал ему, ген. Деникину, телеграмму - ультиматум, состоящий из 10-и пунктов, в общем сводившийся к тому, что все войска, кроме Добровольческого Корпуса, должны быть брошены на произвол судьбы, а все морские транспортные средства в Новороссийске должны быть предоставлены исключительно в распоряжение Добр. Корпуса, как и ж. д. Тимошевская - Новороссийск с узловой станцией Крымской, иначе говоря весь ж. д. путь отступления на Новороссийск. А Н-к Штаба Добров. Корпуса ген. Достовалов, по свидетельству того же ген. Деникина в том же 5-м томе, на совещании в ставке ген. Деникина, как бы поддерживая телеграмму-ультиматум ген. Кутепова, сказал: Единственные войска, желающие и способные продолжать борьбу — Добров. Корпус. Поэтому ему необходимо предоставить все потребные транспортные средства, не считаясь ни с чьими претензиями и не останавливаясь в случае надобности перед применеием оружия.

Ген. Деникин в обоих случаях ответил отказом.

В заключение беру на себя смелость утверждать, что если бы не непредвиденный несчастный случай с Падалкиным и если бы Миронов не поспешил, «не закончив формирования» — как пишет Буденный — увести свой корпус из Саранска, то вероятно, как Падалкину, так и П. Ак....у удалось бы с успехом выполнить возложенные на них задачи, и тогда рейд 4-го Конного Корпуса имел бы совершенно иные результаты и он, ген. Мамантов, въехал бы в Москву «на белом коне».

Из остатков 4-го Донского казачьего корпуса, после Новороссийской катастрофы, в Крыму была создана 2-я Донская Казачья Конная дивизия, за боевые действия в Северной Таврии получившая кличку «Дивизии скорой помощи».

А. Падалкин

Примечание редакции «Родимого Края»

К сожалению, редакция не разделает слишком оптимистического заключения автора.

«КОНДРАТИЙ БУЛАВИН»

Отрывок из поэмы

Ну, а царь... Так разве ж до Булавина
Не певали деды в старину:
«Здравствуй, Государь, на Белокаменной,
А донцы — на Тихом на Дону!»

Царь премудрый, грозный и великий!
Поразмысли, Государь, скажи:
Чьею острой дедовскою пикой
Раздвигались острые межи?

Вспомни о казачьих службах царских,
Вспомни — кто спокон седых веков
Извещал о казнях орд татарских,
Кто московских в Крым водил послов?
Чьей рудой при Грозном Иоанне
Окроплён во Пскове каждый шаг?
Не Сусар ли Федоров в Казани
Водрузил на башне царский стяг?
Кто своею волей непреклонной
Славушку разнёс и вдоль и вширь?
Кто челом бил на Москве Короной?
Кто поднес плененную Сибирь?
Не донцы ль на службе государевой,
Не считая ни голов, ни ран,
Добывали зипуна под Наревой,
В Выборге дуванили дуван?
И Азов несли на блюде кованом,
Да принять боялася Москва...
Где ж стыдиться, Государь, былого нам!
Не суди за дерзкие слова...
Нам гордиться б надо нашей повестью,
Славою былых седых времен!
Русский был всегда душой и совестью
Верный сын России — Тихий Дон.
И еще припомним: в год суровый,
В год тринадцатый (Руси тяжелый сон)
Деда твоего не мы ль на вдовый,
На московский посадили трон?
Будет время — подвигами новыми
В повести украсятся года...
Верными мы слугами царевыми
Были, но... рабами никогда!
Чтоб боярству кланяться в угоду —
— Этого пущай не ждет Москва!
Словно жизнь мы бережем свободу
И свои исконные права.
Эх, кабы бояр своей рукою
Ты встряхнул, как некогда Иван!
Тек бы Дон спокойною струею,
Жив бы был Кондратий — Атаман.

Н. Воробьев.
(Калифорния).

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ.

Года два тому назад, совершенно неожиданно и без всяких предпосылок, в Русской эмигрантской печати выступил некий Байкалов, который отрекомендовал себя «тоже казаком». В статьях, посвященных Ермаку, он, вопреки всем исследованиям о Ермаке, как старых, так и современных историков, искажая источники и факты, старался облить грязью не только Ермака, но и все казачество в его истории. Эти статьи носили характер не научного исследования, а злобного, ничем не обусловленного, пасквиля.

Выступление Байкалова, как гром не из тучи, вызвало возмущение и негодование не только всей казачьей, но и значительной части русской эмиграции. В газетах появился ряд ответов казачьих историков и журналистов, давших Байкилову заслуженную отповедь. Из этих статей одной из наиболее объективных и научно обоснованных была статья известного общественного деятеля Н. М. Мельникова.

В связи с тем, что сведения и сообщения о Ермаке и его деяниях разбросаны во множестве самых разнообразных изданий, часто недоступных читателю, особенно в эмиграции, редакционная коллегия «Родимого Края» тогда же решила издать отдельным выпуском специальное исследование о Ермаке. За эту работу взялся Н. М. Мельников и в результате им было написано «Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели».

Труд Н. М. Мельникова состоит из 10 глав. В первой главе дается в самом кратком и сжатом виде изложение истории Ермака. В последующих главах основные моменты этой истории пруводятся уже в распространенном изложении с привлечением большого количества источников, с анализом всех дошедших до нас сведений и с выводами. Затем приводится характеристика Ермака, отражение эпопеи Ермака в искусстве и наконец история казаков - землепроходцев, продолжателей дела Ермака.

В своей работе Н. М. Мельников привлек и критически использовал громадное количество исторического материала, как первоисточников, так и высказываний различных историков и исследователей.

Работа написана прекрасным языком и популярно, что делает ее доступной широким кругам читателей. Однако при всей ее популярности она насыщена и обоснована

строго научным материалом. Благодаря великой любви автора к Родному краю, к казачеству и его героическому прошлому, изложение истории Ермака и продолжателей его дела во многих местах достигает художественной высоты, повествование становится очень увлекательным и духовный подъем автора невольно захватывает и читателя.

В то же время работа написана объективно и в спокойном тоне. О Байкалове автор нигде не упоминает, что совершенно правильно, поскольку «исследование» Байкалова не имеет никаких научных элементов. Указывая же на ошибки других, более серьезных, исследователей о Ермаке, автор делает это в очень сдержанной и корректной форме.

Большим достоинством работы является то, что автор не ограничивается историей только Ермака, но приводит все сведения и о его сотрудниках и, особенно, о его продолжателях. Именно в такой исторической перспективе монументальная личность Ермака и историческое значение его походов, проложивших дорогу в Сибирь, получают всестороннее освещение и полную оценку.

Другим большим достоинством исследования является также привлечение в качестве первоисточника казачьих исторических песен о Ермаке и татарских преданий о нем.

Работа написана беспристрастно и без каких либо политических тенденций, поэтому она одинаково приемлима для всех казаков, независимо от их политических взглядов.

«Ермак Тимофеевич» Н. М. Мельникова представляет собой очень большую работу и очень большой вклад в развитие казачьей культуры. Поэтому мы считаем, что эта книга о Ермаке должна быть на столе у каждого казака, который еще не забыл о своим казачьем происхождении и не утратил интереса к героическому прошлому своего народа.

Проф. М. Миллер
Доктор исторических наук

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗАЧИЙ ПИР.

Сердечно благодарю нашего большого Донского писателя Петра Матвеевича Аврамова, устроившего мне радостный сюрприз присылкой своей недавно вышедшей в издании «Род. Края» книжечки с двумя его произведениями: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев».

Прочитала их, перечитала и еще продолжаю перечитывать, каждый раз все с большим наслаждением. Чтение этой небольшой книжечки настоящий ПИР, на который приглашаю всех крепко дорогую Родину любяших станичников.

Влюбленный в степь, автор описывает ее красоты с таким вдохновенным мастерством, что захватывает читателя, заражая и его тем-же чувством к ней. «Ковылий Сказ» высоко художественное произведение, лирическая ода в восторженной прозе, гимн Донской степи, великолепная, глубокая и широкая по замыслу, многогранная по красочности стиля вещь, безспорный образчик изящной литературы. В описаниях родной природы каждая фраза, четкая и короткая — это целая картина, художественная симфония, сладко звучащая музыка. Талантливый П. М. Аврамов не скупится, в каждой строке щедро рассыпая перлы своего богато одаренного пера. У него ковыль — живое одухотворенное существо, рассказывающего эпопею в течении веков пережитого на безкрайных степных просторах. А теперь, в нашу современную эпоху, долгая многовековая жизнь шелковистого растения дорога казачьему сердцу... Это твердо знает и сам седой ковыль, приговоренный к неизбежной смерти от руки безжалостно завладевающего природой человека, готового навсегда похоронить живучую древнюю травку. Читатель вместе с автором переживает трагизм отходящего в область преданий ковыля, скорбит о его неминуемой скорой гибели и готов оплакивать симпатичное растеньице, испокон веков буйно растущее на широкой степи.

Такие же поэтически красочно нарисованные картины встречаются и в бытовом рассказе «Яровой Сев». Прелестна в нем, например, коротенькая глава, озаглавленная «Весна идет».

Нашему молодому поколению «Яровой Сев» сугубо полезная иллюстрация неизвестной ему жизни рядовой казачьей семьи на Дону. В этом рассказе читатель увидит типичный казачий быт: добротную и разумную, крепко сшитую и дружную, поэтому и многочисленную семью хуторян, благодаря дел рук своих хозяйственно зажиточную, в поте лица всю жизнь трудящуюся и по человечески относящуюся к наемному работнику.

Тщательное издание, ясный для глаза, хороший оттиск букв и очень удобный почти карманный формат книжечки надо горячо приветствовать: и не только приветствовать, но и распространять, — покупать ее и этим поддержать только что народившееся на свет новое чисто казачье Издание своих современных авторов. Книжечка П. М. Аврамова это только начало, первая робкая попытка. От продажи ее будет зависить дальнейшая деятельность Издательства, т. к. на вырученные деньги появится возможность выпустить труды и других станичников: историков, поэтов и писателей, публицистов, экономистов и т. д. Итак, дорогие казаченьки, поддержите насушное дело своей покупкой покажите, дайте знать, что вы интересуетесь (неужели ж нет?) своим заветным родным, кровным, помня, что в печати, именно в ней, в этом залоге жизни, для нас ребром сейчас стоит разрешение рокового вопроса «быть или не быть».

Нынешние казачьи «перья», в большинстве случаев, повествуют об отошедшем навсегда давнем и совсем недавнем, даже вчерашнем прошлом, спеша хоть маленькое знание о нем сообщить рожденным «по заграницам» молодым, дабы ведали они, что они не непомнящие родства, а сыны и внуки достойной, честно на белом свете живших, выковавших свою историю предков.

Заботящиеся о будущем своего народа казаки должны знать и его историческое, идеалистическое, этнографическое, бытовое, иначе говоря всестороннее, прошлое, чтобы не оказаться вроде дерева без корней, не висящими в воздухе без рода — без племени. Ведь никакое здание не может устоять без прочного фундамента.

П. А. Соколова.

Аргентина

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы считаем нужным ознакомить читателей Р. К. еще с несколькими отзывами о произведениях П. М. Аврамова.

Проф. М. А. Миллер, известный ученый (Германия):

«Я получил от Вас Ваш прекрасный «Ковылий Сказ», за что приношу искренную благодарнсть. Сейчас ковыль на Дону остается лишь в наших воспоминаниях. Большевики распахали все целины, и не только на Дону, но и в Средней Азии. У нас теперь можно разве найти где нибудь древний высокий курган, у которого вершина покрыта ковылем — совершенно, как седая голова...»

Историк Г. В. Губарев (Нью-Йорк):

«Книжку П. М. Аврамова получил и читал с большим удовольствием. Автор — не талант, а талантище... Искреннее чувство, богатый словарь, в памяти запас ярких картин, а в изложении изобилие точных и образных выражений...»

Поэт Н. Н. Евсеев (Франция):

«Пишу Вам «дорогой», не будучи знакомым с Вами, но Вы хорошо написали о том, что так дорого моему казачьему сердцу. Я не критик, а читатель и, как казак, радуюсь казачьему успеху и говорю Вам: «Слава Богу, что мы казаки».

Журналист, куб. казак А. И. Скрылов (Калифорния):

«... Чтобы описать красавицу молодую казачку, а затем перейти к описанию степи — кормилицы казака — нужно эту степь не только видеть, но и знать ее не из вагона проходящего поезда... Я нахожусь, вот уже второй месяц, прикованный недугом подкравшейся старости к кровати, связанный корсетом с железными обручами. А когда моя верная подруга жизни и сиделка читала мне вслух «Ковылий Сказ» — я, закрыв глаза, совсем реально перенесся в незабываемые дни нашей молодости и лучше всякого телевидения не только видел, но и ощущал всеми фибрами души это трудно передаваемое переживание от дыхания и «говора» степи. Это так удивительно легко делает П. М. Аврамов — истинный богач слова — дара Божего — только Великий Бог одаряет таким богатством, которому нет времени, нет срока... Дай Бог ему здоровья и сил обогатить нас такими произведениями».

Литературный критик Ю. Терапиано (газета «Русская Мысль» — Париж):

«Автор, чувствуется, по настоящему любит свою степь, чувствует ее жизнь, ее ритм, и умеет рассказывать о ней простыми, но выразительными словами.

Сколько разнообразных степных трав и цветов вспоминает он — у каждой травки, у каждого цветка — свое особое название.

Когда сильный ветер развевает ковыль, степь вызывает в его воображении образы прошлого, удалые казацкие набеги на Туречину, казачьи струги, плывущие по Черному морю на вражеские прибережные селения и города.

Много чего может рассказать ковыль, шумящий в степях еще с тех отдаленнейших времен, когда и человека не было...

...Затем, от лирического строя «Ковыльего Сказа» — переход к судьбе человека. «Яровой Сев» — повесть о дружной и хорошей казачьей семье... Читатели, казаки и не казаки, с симпатией прочтут рассказ о семье Богатыревых, о ее главе Ермиле Никоноровиче, о его сыновьях и молодых невестках, которых так живо и с любовью изобразил автор.»

Н. М. Мельников: «Хорошая книга! «Ковылий Сказ» — прекрасное во многих отношениях дополнение к чудесному стихотворению в прозе Ф. Д. Крюкова «Родимый Край». С нетерпением будем ждать, что расскажет нам пером талатливого Петра Матвеевича древний ковыль о жизни наших предков... Прекрасно писал о степи в Новороссии в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголь (помните его возглас: «чорт вас возьми, степи, как вы хороши!»), хорошо знал ее и описал в рассказе «Степь» А. П. Чехов, о нашей же родной степи с таким знанием ее и пониманием, с такой любовью и чувством и так талантливо впервые пишет наш Донец.

Не уступает «Ковыльему Сказу» — уже в другом, бытовом плане — и «Яровой Сев», при чтении которого отдохнет душой, хотя и погрустит о минувшем, каждый казак».

Еще много других отзывов получены автором и редакцией, но мы добавим лишь, что все мы знаем, что русские книжные магазины заграницей завалены дешовой советской литературой, в которой часто, если не в большинстве случаев, все, что не соответствует духу партийного задания, описано ложно. Бороться с этой ложью трудно, мы не имеем достаточных возможностей, хотя и стараемся это делать.

А произведения П. М. Аврамова — «второго Ф. Д. Крюкова», по выражению казака журналиста Закотнова (Р. К. № 27), правдиво описывающие прежнюю жизнь казаков, хоть в маленькой доле, но служат опровержением советской лжи. В этом заключается идеологическое значение трудов П. М. Аврамова.

БАБИЙ УРЯДНИК.

Из управления Окружного атамана пришло извещение, что в начале мая (в 1905 году) в станицу Малодельскую прибудет Наказной Атаман генерал Максимович.

Получив такое важное сообщение, станичный атаман созвал на совет все станичное правление, чтобы решить, как станица должна встречать такого высокого гостя. Были созваны и учителя приходского училища.

Никто из присутствующих на собрании не знал, как нужно поступать в таком случае, чтобы все было в порядке и по уставу, дабы не осрамиться перед таким большим начальством.

— Давно как-то в станицу приезжал архиерей — заявил станичный судья — тогда дюже звонили в колокола.

— Зачем же в колокола звонить — заметил писарь — ведь встречать будем не архирея, а генерала?

— В приказании из Окружного правления написано — сообщил станич. атаман — что в станицу прибудет помошник окружного атамана войсковой старшина Захаров и будет указывать, какой порядок должен быть соблюден при встрече Наказного.

— Ну и слава Богу, нехай он и распоряжается — с облегчением заявили на совете.

— Все таки, господа, я должен отдать распоряжение по станице — сказал атаман — что в самом правлении и около во дворе все надо почистить, убрать, а то у нас большой беспорядок: станичный сарай почти развалился, во дворе валяются обрубки дров, камни, какой то мусор. Вы уж, господа помощники, постарайтесь все это убрать, почистить... Нужно было бы побелить канцелярию и майдан, а то от табаку все стены закоптели, стали черными...»

— Вы, Иван Яковлевич, пришлите баб убрать школу — попросил атамана учитель Андрей Семенович — а то в ней то же, что в правлении, грязно...

— Диковинное дело — заявил судья — у нас в судебной страсть сколько развелось мышей... То и гляди, чтобы дела не поели...

К приезду войск. старш. Захарова был наведен порядок: станичный сарай поправлен, двор почищен... «Мобилизованные» на работу десять баб побелили изнутри и снаружи все здание правления и школу, помыли полы и окна.

Приехавший Захаров установил церемониал встречи Наказного, но заметил атаману:

— Плохой вид у станицы. Много плохо огороженных дворов, ни дворы, ни улицы не чишены, всюду мусор...

— У нас, ваше высокобрагородье, улицы песчаные, грязи не бывает — оправдывался атаман — а дворы и улицы подметаем к Светлому Празднику, как и в старину.

Произвел Захаров смотр и конному взводу казаков, назначенному в конвой Атаману.

— Вы наверно забыли уже службу? — сказал он.

— Никак нет — гордо ответил взводный урядник — казак до смерти не забывает военную службу.

Население станицы и соседних хуторов было взволновано. Пошли толки и догадки, зачем сюда едет Наказный Атаман? А атаман хутора Муравлева приказный Горин приехал к станичному атаману с просьбой, нельзя ли ему получить чин урядника...

— Пока вакан выпадает — говорил он — а то служу другой срок, а все приказный.

Станичный обещал свою поддержку перед начальством.

Встреча Наказного Атамана произошла за пять верст, на границе юртов Малодельской и Сергиевской станиц. Генерал Максимович принял рапорт станичного атамана, поздоровался с ним и с выстроенным конвоем. Затем окруженные конвоем две тройки помчались в станицу.

В станице Наказной посетил сначала церковь, где о. Григорий благословил его и окружного атамана ген. Филенкова, сказав при этом теплое приветственное слово, а затем прибывшие направились в станичное правление, где георгиевский кавалер турецкой войны урядник Скородумов преподнес генералу Максимовичу станичные хлеб - соль. На майдане гостей ожидал станичный сбор, которому Максимович сообщил, что он проездом из Петербурга, где хлопотал о помощи станице, а теперь и сам хотел убедиться, действительно ли Малодельская станица бедна землей?

Один из выборных казаков заявил:

— Мы, ваше превосходительство, не хуже других справляем своих сыновей на службу, а сами нуждаемся в хлебе.

— Затем я и приехал в вашу станицу, чтобы оказать вам помощь — ответил Наказный.

— Покорнейше благодарим — дружно гаркнул весь сбор.

И другие просьбы заявляли казаки на сборе, поощряемые ген. Максимовичем...

Муравленский хуторской атаман стоял с насекой в передних рядах и когда Наказной подошел к хуторским атаманам, то приказный Горин, став смирно, громко заявил:

— Осмелюсь доложить вашему превосходительству...

— Хорошо, докладывай — ответил тот.

— Я служу верой и правдой своему хутору и начальству вот уже два срока, а все только приказный... Так что прошу ваше п-во...

— Хорошо, атаман — улыбаясь, перебил его Максимович — спрошу станичного атамана, какой ты служака, а тогда и поздравлю тебя с урядником.

Из станичного правления Наказный прошел в школу. Зайдя в один из классов и не видя там портрета государя (он был в другом классе), генерал спросил одного из учеников:

— А ты видел портрет Государя?

— Ага — ответил казаченок.

— А на кого он похож?

— На тибе — ответил ученик.

— Молодец, будешь смелым казаком — гладя малыша по голове, сказал Атаман.

Пожимая руку учителям, генерал Максимович сказал:

— А вас, господа, благодарю за ваших смелых учеников. Вы меня встретили исправно, а то теперь учителя бывают или толстовцы или народники, в косоворотках, не бритые. Плохой пример для простого народа...

Из школы Наказный со всей свитой направился в правление, где должен был отведать станичную хлеб-соль (среди которой особенно выделялись большие жареные сазаны), а после должен был ехать к помещику Жеребцову для осмотра его поливных полей, находившихся на юрте Малодельской станицы.

Гости сели за столы, расставленные на

майдане, а станичный атаман позвал Горина и приказал ему:

— Ты тут не засиживайся, а скорее скачи в свой хутор и там встретишь Атамана, да смотри — как полагается: с хлеб-солью и рапортом. Одна нога тут, а другая на Муравлевом... Понял?

— Все по уставу будет — ответил Горин.

Хутор Муравлев находился в десяти верстах от станицы по дороге в имение Жеребцова. Во весь опор мчался Горин в хутор на взмыленном коне. Только оставил насеку дома, а сам, размахивая плетью, скакал по хутору и кричал:

— Скорее все бегите на край хутора, к Фенькиной хате... К нам жалует Наказный Атаман...

Хуторяне быстро собрались в указанном месте и стояли толпой вперемежку мужчины и женщины.

— Казаки — на правый фланг — командовал атаман — а бабы — на левый. Все прочее, с детьми — назад.

— Куды ты загоняешь нас в куты? И мы хотим поглядеть больших атаманов — возражали казачки.

— Воопче баб надо не пускать — заявил один из стариков — что они понимают с служивском деле?

— Фу-у, ты дюжа понятливый — возразила бойкая Фекла, и разгорелся жаркий спор между казаками и казачками, где стоять последним. Вмешался и атаман. Держа в руках плеть, он грозил казачкам:

— Вот я вам ослухаюсь! Становись, куда приказывают!

По дороге скакал уже урядник ординарец. Подъехав к собравшимся хуторянам, спросил:

— Иде ваш атаман?

— Я тут — отозвался Горин, заканчивая спор с женской половиной хуторя.

— Все подъезжают к хутору, а у тебе ни хлеба ни соли, ни насеки в руках! Хорош служака атаман — язвил ординарец.

— Антон, беги скорее за хлебом-солью — приказал Горин одному из хуторян — да захвати насеку... Да в один мент...

Окруженные конвоем, две тройки атаманской свиты остановились за хутором, не доезжая строя хуторян. Первым подошел окружной атаман генерал Филенков, и поздоровавшись с хуторянами, спросил:

— А кто у вас атаман?

— Я, ваше п-ство — выступил вперед Горин, все еще держа плеть в руках.

— Нужно не плеть держать, а насеку — строго заметил Филенков. — А в урядники метишь. Службы не знаешь!

— Дюже оторопел, ваше превосходительство... И бабы помешали — весь дрожа, сказал Горин, чувствуя, что словно земля проваливается под ним.

Окружной, взяв принесенную насеку, передал ее Горину со словами:

— Ты насеку должен хранить, как святыню. Рапорт сумеешь отдать Наказному?

— Постараюсь, ваше превосходительство.

— Отрапортуй название хутора, сколько в нем жителей и сколько дворов — учил окружной.

— Исполню все по уставу — гаркнул Горин.

Когда Наказный подошел к строю казаков и казачек, Горин скомандовал — «Смирно» и бойко отрапортовал:

— Хутор Муравлев, Малодельской станицы, людей в нем казаков и баб вместе 465 душ, дворов 62. Атаман хутора — я, приказный Горин. Происшествий на хуторе не случалось.

Наказный принял рапорт, взял поднесенную хлеб-соль, поздоровался с атаманом и со строем хуторян, а потом, увидав на левом фланге женщин, подошел к ним.

— Здравствуйте, казачки!

— Слава Богу! — нестройно и застенчиво прозвучало ему в ответ.

— И вас в строй поставили? — улыбаясь, сказал Максимович.

— Атаман велел — ответили казачки.

— Вот какой строевик ваш атаман — заметил Наказный.

Поговорив с казачками о хозяйстве, о детях, не обижают ли их мужья, и с казаками о их житье-бытье, Максимович обратился к Горину:

— Ну, атаман, как видно службу свою ты несешь исправно, да и хутор твой не плохой... Значит, урядника ты заслужил. Поздравляю тебя со званием старшего урядника.

— Покорнейше благодарю — гаркнул Горин.

Поговорив еще немного с казаками, Наказной попрощался с ними, а в сторону казачек крикнул: — Первый раз вижу в строю молодцов-казачек.

Спасибо вам! Прощайте, станичницы!

— Бог простит! — отвечали казачки.

Атаман со свитой помчались дальше.

Три дня хутор Муравлев омывал урядничьи лычки своего атамана. Только казачки упорно твердили:

— С нами дюжей гутарил главный Ата-

ман!.. Это мы заслужили тибе урядничество...

А в станице после этого Горина прозвали: «бабий урядник».

Весной следующего года начались работы по сооружению заградительных плотин для водохранилищ и рытье оросительных каналов в юрте станицы.

И. Тапилин.

«ВНИМАЯ УЖАСАМ ВОЙНЫ»

(Глава из Записи о былом «Казаки Ермаковы»)

Об'явление войны звучным эхом отозвалось на укладе до того мирно текшей жизни. Во многих семьях, проводивших на фронт сыновей и мужей, помимо тоски и тревоги за их судьбу, ощущался огромный недостаток рабочих рук. Старики, женщины и дети в хуторах и станицах принуждены были на своих плечах выносить все трудности тяжелых работ. В городах спешно открывались лазареты в ожидании раненых. В Новочеркасске приготовленные для них кровати первое время пустовали, но в столицах и больших городах раненые очень скоро начали прибывать.

В переполнившемся Новочеркасском Казачьем Военном Училище, как и по всей России, вместо обычной трехлетней учёбы, был введен сокращенный трехмесячный курс, выпускавший прапорщиков, немедленно командуровавшихся на фронт. Учащиеся юнкера принимались с пониженным образовательным цензом, поэтому многие шестиклассники реалисты и гимназисты, жаждавшие героических подвигов на поле брани, оставляли свои учебные заведения и устремлялись добровольцами в Армию, откуда их незамедлительно отправляли в военные училища. Столь велика была нужда в новых, на место выбывших из строя убитых, пленённых, пропавших без вести офицеров.

В школах мобилизованные учителя были заменены другими и ученье продолжалось своим чередом. Танцы были сторого запрещены, нигде никаких балов не устраивалось и молодежь не развлекалась, сидела за книжками, мечтая о курсах сестёр милосердия и школе прапорщиков.

Лишило правительство народ и излюбленного удовольствия «выпить рюмочку водочки», закрыв на военное время «винную монополию». Но любители спиртного быстро вышли из положения, придумав домашним кустарным способом изготовлять «самогонку», — грубую, неприятно пахнущую мутную жидкость, заменявшую им водку. Как сами «фабриканты», так и продававшие самогон из-под полы люди не бедствовали, ибо тошнотворный продукт приобретал с каждым днем растущую популярность у охотно глотавших этот «самогрей» невзыскательных клиентов.

В газетах, занимая целые страницы, публиковались длинные списки павших в боях, раненых и контуженных, надрывая душу внимательно за ними следивших обывателей. Раскрывая газету, каждый прежде всего просматривал зловещий перечень, с тревогой ища имя сына, брата, внука, друга. Скоро по всей России громогласно разнеслась приведшая в патриотический восторг весть о подвиге донца Козьмы Крючкова, первым в Русской армии заслужившего Георгиевский крест, а с ним и громкую славу первого георгиевского кавалера. Всюду замелькали его портреты. Газеты и журналы во всех подробностях описывали отважную схватку храброго казака с неприятелем в назидание, как яркий пример доблести, зовущей других на готовность прославиться, защищая отечество.

Так как всюду говорили о вероломстве немцев и их зверском обращении с пленными, то не замедлила появиться театральная пьеса «Позор Германии», стяжавшая огромный успех во всех городах и долго не сходившая со сцены и в Новочеркасске. Публика валом валила на спектакли, негодуя и ужасаясь поведением вражеской нации. Всем внедрялась ненависть к немцам, а в воинских частях внушалось драться с ними до последней капли крови, но не сдаваться в страшный кошмарный плен.

На церковных богослужениях возносились специальные моленья о даровании «многая лета, на врази-же победы и одоления» русскому воинству поминались убиенные, имена которых «Ты, Господи, веси».

С фронта приходили письма от воюющих с новостями о получении «Гиворгия» или медали «за храбрость», сообщались

тяжкие сведения об убитых и раненых родственниках и знакомых хуторянах и станичниках. Получались и посылки от командиров, пересылавших вещи убитых их семьям. Из куреней неслись вопли, душу раздиравшие причитанья вдов и матерей.

Обильная, без почтовых марок, бесплатная переписка с Действующей армией забивала почтовые конторы. На хутора, где не было почты, пакеты с корреспонденцией для раздачи адресатам направлялись в потребительские лавки, где люди «обивали пороги», моля занятых приказчиков «поглядеть, нетли письмов Куркиным, Плешаковым, Недорубовым». Не обходилось и без курьезов. Один служащий потребилки, перебирая грязными в керосине руками и пачкая кучу конвертов, на просьбу снедаемой переживаниями посетительницы, со стойким терпением перекладывая сотню раз в день письма, с трудом перечитывая каракулями выведенные адреса и, не найдя ничего на её имя, отрицательно ответил: — «Пишуть». — Не поняв лаконического, употребляемого в просторечьи ходкого выражения, бабёнка переспросила: — «Ишут? Дык я подожду». — Рассмеявшийся в след уходившей с пустыми руками опечаленной женщины приказчик добродушно - сочувственно сетовал: — «Чистая беда с бабьём. Так и лезут одна за другой, как про́рва какая. Моро́ка с этими письмами. Но что изделаешь, надо всех улидотворить, вить сердце у каждой семьи стонить».

До долго ожидавшегося прибытия раненых, неопровержимых свидетелей и жертв ужасов войны, Новочеркасск жил в теоретическом представлении о далеко происходивших военных действиях, не видя воочию и потому вещественно не ощушая запаха обильно проливавшейся крови. Но вот разнеслось, что, наконец, приходит поезд с увечными героями. Все всполошились, все высыпали на улицу, обуреваемые любопытством лично, собственными глазами, их посмотреть; густой толпой шпалерами стояли вдоль Крещенского спуска, с предупредительной готовность очистив широкий проход для добровольцев - санитаров студентов Политехникума с далеко видной повязкой красного креста на руке, доставлявших на вокзал в изобилии приготовленные новёхонькие носилки. Разгрузка санитарного поезда при помощи охотно вызвавшихся учащихся происходила томительно медленно; с благоговейной предосторожностью, будто священнодействуя, перекладывали и выносили из вагонов каждого больного. Со станции к Соборной площади медлительно трудным шагом поднимался в гору длинный, казавшийся бескенечным, караван носилок со стонавшими ранеными, которых несли каждого четыре человека. Печально - торжественное шествие чем-то невольно напоминало своеобразную отдаленно похожую на похороны процесию. Под впечатлением огромного количества забинтованых пропитанными кровью перевязками прибывших, притихшая толпа сосредоточенно безмолствовала. Всех обял ужас. Растерявшиеся смотревшие, не зная, как реагировать, обнажали головы, почтительно, как в церкви, снимая шапки, крестились, плакали, осыпали цветами «за веру, Царя и Отечество» пострадавших, клали им на носилки подарки, сласти, пакеты с теплым бельём. Раненые пытались улыбаться в ответ на ласку, благодарили молча, без слов, лишь красноречивым выражением глаз. Все проходило в полном молчании. Как по сговору, молчала потрясенная толпа, молчали серьезно сосредоточенные носильщики, молчали раненые, и эта гнетущая, нарушаемая лишь всхлипываниями, тишина придавала шествию смысл священного акта. С того дня Новочеркасск познал, понял, ощутил трагическую действительность переживаемого грозного периода... но скоро привык к сплошь забитым лазаретам, перестав встречать часто приходившие санитарные поезда, которые, кстати, почти не привозили казаков, разбрасываемых по другим пунктам необ'ятной России.

По хуторам стали поступать об'явления, предлагавшие тем, кто нуждается в рабочих руках, взять себе на поруку пленных немцев. Так как отдалённые, прозябавшие в неведеньи общественных настроений хуторяне не питали культувируемой тогда в центрах стихийной ненависти к врагам отечества, из которых каждый мог быть убийцей их сына, то попавшим в глухие углы пленным жилось у добродушных хозяев совсем неплохо. Нередко бывали случаи, когда взявшие к себе немца или австрийца люди принимали радушно, как приехавшего издалёка обездоленного и уставшего, подневольника доброго человека и сочувственно отдавали ему лучшую постель, приглашали к столу, как какого гостя, и, вместо работы, предлагали отдохнуть и поправиться, удивляя никак того не ожидавшего, озадаченного приёмом, непонимавшего казачьего сочувствующего беде сердца («лежачего не бьют»), нового в доме, чужого, из вражеского стана человека. Тщетно было втолковывать сердобольным хозяевам, что пленный вручён им исключи-

тельно для эксплуатации, а не для того, чтобы его лелеяли. Иная бабушка без вести пропавшего на войне внука, суя жившему у неё«горемычному бедняжке» собственноручно связанную пару теплых чулок, приговаривала: — «Нехай и твоя мать так блюдёть нашого Өедюшку. Господь знает, иде он. А то, може, тоже попал в плен к твоей родительнице». — Введённая в житейскую практику передача пленных на частную ответственность скоро, по каким-то причинам, прекратилась и на хуторах их не стало видно. Собранные в отряды, они исполняли разные общественные работы, в окружных станицах или перебрасывались в другие места.

Вернувшаяся в Новочеркасск Лида, часто, уча уроки, думала об Алексее, лелея мечту, что «вдруг, да он мне напишет», пугаясь этой мысли и совершенно не веря в возможность получить письмо от встретившагося с ней всего два раза молодого человека. Ермаков молчал. Не писал он и в станицу терявшимся в мрачных предположениях родителям. Но один приказный с хутора Токина в своем письме жене особщил о раненых и убитых, среди которых «кум Влас Поликарпыч, Петро Криворотов, учитиль Ликсей Андревич Ермаков из станицы и ишо, тоже станичный, урядник Казарезоф Никит Василич».

П. А. Соколова

Аргентина.

«СЛУЧАЙ НА ВОЙНЕ»

(Посвящается славному казаку, моему вестовому, Ивану Павловичу Колычеву.)

Ловкость, сметка да сноровка,
Весь капитал у казака.

В 1915 г. мы вели бой под. г. Седлецом. Бой был упорный, но пехота не выдержала сосредоточенного артиллерийского огня противника и отступила. Нам же, 5-й Дон. каз. дивизии, было приказано прикрыть ее, чтобы дать возможность занять новые позиции.

Около г. Седлеца был большой водочный завод. Спирт был выпущен из огромных баков, чтобы пехота не перепилась, но, несмотря на это, все же наши утомленные землячки нашли, где выпить: кто из луж, кто достал в оставшихся бутылях, одним словом нашли и так добре выпили, что не могли подняться на ноги. Мне было приказано взять взвод казаков, отправиться на завод, поднять пехоту и отправить ее на присоединение к их полкам, т. к. немцы были уже близко и отставшим грозил плен. Командир полка лично мне добавил:

— «Хорунжий, будьте энергичны. Если нужно, то возьмите их в плети, завтра они вас только поблагодарят».

Боже, что я застал на заводе! Не менее роты лежало мертвецки пьяными. Некоторые из них, по моей команде, поднялись и двинулись вон из завода, но большинство лежало и спало. Пришлось применить плети. Неприятная была задача, но казаки ее исполнили и очистили завод от пьяных, которые, шатаясь, падая, кто ругаясь, а некоторые с песнями, побрели догонять свои части. Остался я один со взводом.

Противник был недалеко, мне пришлось расположить взвод вдоль стен завода, чтобы огнем задержать немцев и дать возможность уйти веселой толпе солдат подальше. Через некоторое время подошел ко мне взводный урядник и сказал:

— «Так что разрешите, Ваше Благородие, послать 2-3 человека, могеть быть найдут чего-нибудь еще. Стыдно ведь вернуться в сотню, чтобы даже без запаха. Засмеют точно. Нехай хоть в роте́ попахнет, а за порядок я ручаюсь.»

Пришлось разрешить, да, признаться, и самому хотелось удружить командиру сотни. Отправилось не один или два, а чуть не полвзвода, но безрезультатно — ничего не находили. Помню в это время одну картинку. Со второго этажа жилого дома, очевидно хозяйского, в окне появляется довольное лицо казака и он кричит взводному:

— «Гляди, какую винцераду нашел, могёть быть офицерская.»

А взводный ему в ответ:

— «Хай хоть генеральская. Тебя за чем послали дурака, ты того и гляди, а винцерада твоя нам не нужна.»

Рыскали по всем дыркам, но ничего не нашли. Я с волнением поглядывал то в сто-

рону противника, то на поиски спирта. Смотрю, около одного большого железного чана, который подходил под самый потолок, сгруппировалось казака 3-4, в том числе и мой Иван Павлович. Подхожу к ним и Иван Павлович мне докладывает:

— «Ваше Благородие, у этого чана дно то горбушкой немного, из кранта не йдет, а спирта там на дне должна быть. Ты вот гляди, Ваше Благородие, я постукаю.»

Звук, действительно, был разный.

— «Ты, Ваше Благородие, подучи, как его оттеля достать. Сверху он, кажись, имеет дирю, да не влезешь в нее. Бомбочку подложить, не соберешь ничего.»

В это время наши открыли огонь, я собрал всех в цепь и пошла перестрелка. Через некоторое время по нас открыли сильный артиллерийский огонь и стали обходить. Пришлось скомандовать «по коням». Отскочили мы с пол версты, подлетел ко мне взводный и докладывает, что вестового Ивана Павловича нету.

— «Стой! Как нет? Где он?» — так и кольнуло меня в сердце. — «Кто видел его в последний раз?»

Один казак говорит:

— «Да он как подал Вам коня, так и метнулся опять в завод. Чивой-то забыл чтоли. Наворно за той винцеРадой.»

Как зря я потерял своего любимого храброго казака! Совесть мучила меня не на шутку. Приуныли и казаки. Я было решился снова атаковать завод и хоть убитого, а, возможно, раненого, вывезти Ивана Павловича. Немцы наступали нерешительно и, возможно, еще не заняли завода. В это время у меня мелькнула мысль, которая остановила от безумного решения. Если бы был убит или сильно ранен Иван Павлович, то его конь ушел бы за взводом, а думать, что они погибли оба, не хотелось.

Прошло минут пятнадцать нашего общего волнения и вдруг радость. Мы увидели, как по дороге к нам, под обстрелом противника, летел наш Иван Павлович на своем непобедимом двужильном Олеге. Летит мой родной, за ним лишь пыль клубится. Я чуть не заплакал от радости, а сам думаю — ну, я тебя проучу на сей раз. Смотрим ближе: у него повод в зубах, в одной руке ведерко, а в другой чайник и сам покачивается. Подлетел и тут же сам распределил: ведро на взвод, а чайничек с носочком для нашего командира сотни.

— «Хорунжий — молодой, не разбирается в спиртном, а их Высокоблагородие, командир сотни, уважают это самое.»

Ну, так и порешили. Сделали привальчик. Взвод ведерочко опорожнил, поздравили Ивана Павловича за успех, оставили чуток вахмистру, а чайник Иван Павлович, заткнув носочек тряпочкой, завернул в ту самую офицерскую винцераду.

— «Вот, глядите, Ваше Благородие, Иван Павлович молодец, хозяйство ваше соблюдает и плаща от него не ушла.»

Пошли на присоединение к полку, выполнив задачу и, по моему, даже перевыполнив. По дороге я допытывался у Ивана Павловича, где он спирт достал. А он мне:

— «Зачем оно Вам знать, иде, да иде. Не украл же, а купил. Нашел, насилу ушел.»

Ничего я у него так и не добился. Подъезжая к расположению сотни, взвод дружно запел:

...На той сторонке Вислы построен был буфет,
В буфете много водки и сладостных конфет...
Ура, ура, ура. Донцы песни поют,
Через речку Вислу на конях плывут.
К буфету приступает казачья наша рать,
Порожние бутылки не успевают прибирать...»

Казаки совершенно не были пьяны, но им хотелось показать сотне, что от них дух водочный идет. Командир сотни спрашивает меня:

— «Ну, а ты, Лешечка, привез мне чем горло промочить?»

— «Да, — говорю я, — там у Ивана Павловича что-то в чайнике болтается, а что — не знаю.

У Ивана Павловича физия расплылась до ушей.

— «Так что не сумлевайтесь, Ваше Высокоблагородие, Иван Павлович Вас не забыл и соблюду до ночлега, а там поднесу и Вам. Все хорошо, в порядке.»

К вечеру пришли в деревушку, расквартировались, сели за стол и тут Иван Павлович является с чайничком. «Пожалуйста, милости просим, угощайтесь!»

Нас в сотне было 4 офицера. Налили по стакану каждому. Смотрим, а водка то наша грязная, мутная, с желтизной и в ней что-то плавает.

— «Иван Павлович, говори, где ее набрал?

— «А вот Вам все нужно знать. Я уходил с ней от немцев, чуть жисти не лишился, а Вы все свое: «иде». Пейте, не отравитесь. Боитесь, дайте я Вас поздравлю с прибытием в деревню и усе.»

Тут же опрокинул стаканчик до чиста, крякнул, повел по губам рукавом и ушел. Посмотрели мы друг на друга и последовали примеру Ивана Павловича. Водка была хороша, почти чистый спирт. Закуска у деньщиков нашлась, вареная традиционная курица с раскаряченными ногами. Угостили деньщиков и даже хозяина, старика лет восьмидесяти. Ух, уж он был рад и благодарен г.г. офицерам. А когда все было выпито, вызвали опять Ивана Павловича.

— «Да, скажи же, наконец, где ты ее нашел».

— Да, вот Вам скажи, а Вас тошнить будет.»

Но тут уж его прижали со всех сторон и он нам рассказал.

— «А видите, я же заметил правильно, что на дне была спирта и под потолком была отверстия, а вот — как туда влезть? Когда все пошли в цепь, я остался с коньми. Отвязал чумбур, вытащил из подушки подштаники, привязал железяку да и спустил в дырю до дна, поболтал, поболтал да и вытащил. Глядю — они мокрые, я за ведром, да по дороге еще чайник попался, и пошла моя работа. Туда, вытащу, выжму, да опять туда. Вы там стреляете, а я все туда да оттеля. Вот и накачал, как выжимки Раздорские. Чайник наполнял, когда Вы уже ускакали. Грязная, да с желтизной, потому что подштаники носил месяца три и они у меня приморались да завшивили».

Мы, молодежь, только посмеялись, а командир сотни был брезгливый, мы за это называли его гвардейцем.

— «Врешь», кричит, «каналья! Я тебя знаю, ты это только, чтоб нам досадить! Где подштаники, неси сейчас же сюда!»

Через пять минут Ив. Павлович явился и развернул мокрые еще подштаники, от которых пахло спиртом. Когда он показал их командиру сотни, того стошнило. Ивана Павловича это не смутило ничуть.

— «В спирту все очищается и живая вошь мрет. Вам польза и веселость от спирта, а мои портки, хоть не дюже чистые, но уж вся вошь подохла.»

Тут наш командир не смог дальше и бросился вон из хаты, чуть с ног не сбил старика хозяина, а Иван Павлович успел его взять под руки и вывел на вольный воздух. до ветру.

В. Танин.

«ПОСЛЕДЫШКО».

Небогат был хорунжий Всевеликого Войска Донского Иван Матвеевич Попов, да всем был доволен: шесть сыновей — красавцы богатыри в Лейб Гвардии Атаманском полку офицерами служили Царю и Отечеству на пользу, Войску родному на славу.

Как был последний раз на льготе, послал Господь Бог Ивану Матвеевичу седьмого сынка — последнего, и прозвали его все в семье Попова «Последышкой».

Началась Первая Мировая Война; Последышко, во святом крещении Аркадием нареченный, остался с матерью на Дону. Не раз думал с завистью об отце и братьях, которые в Казачью историю лавры вплетали.

Революция... Развал фронта... Поднялись лучшие сыны России на борьбу против супостата. Последышко в Донском Корпусе учился, в 4-ом классе был. Не выдержало сердце — со школьной скамьи к партизану Чернецову в отряд сбежал. К этому времени мать красные замучили, отец и шесть братьев на поле брани смертью храбрых полегли. Остался Аркадий один, как перст.

Раненого в боях Последышку в Крым эвакуировали. Не успели раны зажить, снова эвакуация... Попал Аркаша в гостеприимную страну — Королевство С.Х.С.

Небольшого роста, коренастый и плотный — одним из лучших гимнастов в Корпусе был. От отца покойного унаследовал добродушие, откровенность и честность. На одном «Сокольском слете» югославяне, пораженные его силой, большую сумму денег предлагали, только чтоб он назвал себя югославом. Вспыхнули огоньки недобрые в серых глазах и потухли... Смерил спокойно наглецов и промолвил:

«Я не торгую собой».

Кончив корпус, югославянское подданство принял и пошел в Военно-Морское Училище, в надежде простором морей при-

душить грусть и тоску по степному приволью.

Вышли на строевое ученье. Стал офицер учить морских юнкеров отданию чести. Стоит Аркаша в строю, как изваянье; грудь развернул; правая рука на высоте плеча, согнута в локте, пальцы у козырька, возле правого виска — корпусная привычка в кровь вьелась. Подошел офицер поправить руку, локоть вперед выдвинуть (точно больную щеку держишь). Разнервничался Аркаша — мускулы напряг, словно окаменел. Офицер силы напрягает — руку поставить по своему хочет, — не поддается юнкер. Офицер на руке Аркадия повис и ноги поджал, надеясь тяжестью своего тела заставить юнкера хоть руку опустить. Скосил Аркаша глаз, заметил затею офицера: «Ах, так. Казака пересилить хочешь? Ну, посмотрим, кто из нас первый устанет», подумал с задором Аркадий.

Чета (рота), разинув рты, наблюдала необычайное зрелище. Устал офицер на руке висеть, на ноги встал, юнкерам разойтись скомандовал. Опустил и Последышко руку. Юнкера вокруг столпились, с восхищением на товарища смотрят, — Аркаша им добродушно улыбается.

Прошло два томительных года... Молодые офицеры по местам службы разъезжаются. Хмурый едет Аркаша в Земун: вместо моря — Дунайский флот. Ничего не поделаешь: «на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся», вспоминал он наставления покойного отца братьям.

— —

Стоит чета Югославянских матросов, перед фронтом Аркаша. Командир четы (бывший офицер Австро-Венгерского флота) принимает рапорт, обходит строй. Его внимание привлекает матрос на левом фланге в туфле.

«Это что за фигура?» — обращается резко командир.

— «Он освобожден — растерта нога. По Вашему приказанию выстроены и здоровые и больные» — ответил спокойно Аркадий.

Злобный огонек зажегся в глазах командира. Как он ненавидит этого русского, любимца офицеров и матросов!

«Вы русская свинья...» — цедит он сквозь зубы...

Звонкая пощечина оглашает казарменный двор и командир от силы полученного удара и неожиданности садится на землю.

«Разойтись» — командует Аркадий и направляется в канцелярию.

— —

Военный суд постановил разжаловать Попова в рядовые. Однако русские юго-славяне довели это до сведения покойного короля Александра. Король потребовал «дело» на просмотр и постановил: Аркадия, не лишая офицерского чина, перевести в морской флот, а командира — на пенсию.

Добродушно улыбался Последышко, сидя в купэ 1-го класса поезда, мчавшегося на Адриатическое побережье. «Нет худа без добра» — вспомнил он народную мудрость.

Чикаго. **А. Беренс.**

ПОЭМА О КАЗАЧЕСТВЕ.

Все ж удивительное племя
Собой мы представляем, казаки.
Нас, видно, не исправит время, —
Мы были, есть и будем чудаки.

Глава 1-ая.

С былых времен, спокон веков
Отвагой славились ужасной,
Всегда нас первых — казаков —
Бросали в бой самый опасный.

Своей главы мы не жалея,
Все к чорту лезли на рога,
В дыму, в огне чубами вея,
Разили пиками врага.

Что жизнь для нас? Что та копейка!
Кто думал про нее, несяся в бой?
А скольких пуля-лиходейка
С коня валила нас порой.

Таков казак в былое время,
Веселый, храбрый, боевой.
Но стоило ему лишь вынуть ногу с стремя.
Как уж ходил он за сохой.

Работал в поле с увлеченьем,
Пахал он, сеял и косил
И в Божий храм по воскресеньям
Со всей семьей всегда ходил.

Как вы прикажете понять
Такой портрет нашего деда?
Как можно во-единое объять
Грозу для всех и... домоседа?

Недаром многие народы
В Лету исчезнувшие годы,
Так поражаясь козаком,
Его считали чудаком.

Глава 2-ая.

Нас не признал советский строй, —
Как прокаженных обминули,
Но лишь запахло вдруг войной,
Нам нашу форму вновь вернули.

Но мы не падки на приманки:
Когда нагрянула война,
За власть советской самозванки
Не обнажили мы клинка.

Свое колхозное тряпье
Сменили на казачью форму,
Но за полускотское житье
Служить не пожелали коминформу.

И как те льдины, что весною
Плывут, гонимые водою,
Так мы, оставивши станицу,
Ушли на запад, заграницу.

Рознясь не взглядами — годами,
Мы повстречались здесь с отцами.
Про них и нас скажу вам я:
Мы и в несчастии друзья.

Я попытаюсь подтвердить:
Хоть мы живем здесь и в достатке,
Но стар и млад рад погрустить,
Смахнув слезу с лица украдкой.

У нас, — просторные квартиры,
Ковры повсюду на полах.
У нас английские сортиры,
А мы... тоскуем о плетнях.

Степной курган нам сердце гложет,
Нам мак во ржи волнует кровь.
Кто обрести отчизну здесь поможет?
К чужой стране привьет любовь?

Кому нужны идеалисты
С тоской за нашим лопухом?
Что мы для здешних финансистов?
Здесь «бизнес» царствует во всем!

Так есть сейчас, так было встарь.
Здесь доллар все: и Бог и Царь!
Теперь скажите казаки:
Ведь мы и правда чудаки!

Глава 3-я.

Мы гимн Донской храним и чтим,
Поем его, как предки пели.
И издеваемся над ним
Для карьеристской личной цели.

«Дон детей своих сзывает
В Круг Державный Войсковой,
А т а м а н а выбирает
Всенародною душой».

Без Дона, войска, без народа
Мы здесь от родины вдали
Для посрамленья и разброда
Двуатаманство завели.

Какой позор для казака!
Мрачны истории страницы.
Валяем здесь мы дурака,
Пройдя приличия границы.

Где наш хваленый домострой?
Казачьих демократий право?
Где дисциплина и покой?
Где наш порядок, наша слава?

Мы свыклись с распрей и раздором,
Разбившись на враждебны группы.
Покрыли мы себя позором,
Не казаки мы — просто трупы!

Какого низкого бы мненья
О нас бы были в старину
За наши платные в газете сообщенья,
Нам шомполов влепили-б на Дону.

Чем можем мы себе помочь?
Как нам вернуть былую славу?
Прежде всего: раздоры прочь!
Лишь о д н о м у вручить булаву.

Уж не влияние ли века, —
В нашей семье такой скандал.
Найти не можем человека,
Чтоб он к поряку нас призвал.

Ценить свободу не умеем.
Хранить порядок не хотим.
Мы что имеем — не жалеем,
Как — потеряем, то вопим.

Почто стремитесь за чинами?
Что за геройство склоки весть?
Будьте достойными сынами
И соблюдайте Дона честь.

Пора уж вылезть из болота,
Нам не к лицу копаться в нем.
У нас важнейшая забота —
Построить о б щ и й светлый дом.

По коням, в боевом строю
Вперед туда, где солнце светит,
Забудем все вражду свою
И нас почет с любовью встретит.

Когда-ж настанет жданный час
И мы прийдем на берег Дона,
Историк не осудит нас,
Не упрекнет никто нас дома.

Я говорю совсем резонно,
Что мы — донские казаки
Весьма успешно и законно
Попали снова в чудаки.

Торонто, Америка. **Н. Г. Улитин.**

ДЕНЬ ПОКРОВА ПРЕСЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

В этот день, а чаще в ближайшее воскресение, во всех местах казачьего рассеяния донцы, кубанцы и терцы празднуют свой Войсковой Праздник.

В Париже, по примеру прежних лет, накануне Праздника в субботу 15 окт. Казачьим Союзом и входящими в него организациями на русском кладбище в С. Женевьев были отслужены уже вошедшие в традицию общие панихиды по всем погибшим и скончавшимся казакам на могиле последнего Донского Атамана, выбранного на родной земле, генерала А. П. Богаевского и у памятной доски жертвам Лиенца в кладбищенской церкви. Между двумя пенихидами был совершен обход каз. могил, которых с каждим годом становится все больше и больше. Могила Атамана была, как обычно, украшена цветами трудами кубанского казака Васильченко.

На другой день, в воскресение 16 окт., в Кафедральном Соборе на рю Дарю всеми каз. организациями, за исключением Объединения Казаков - Комбатантов, был отслужен торжественный молебен с провозглашением вечной памяти ушедшим Атаманам, вождям казачества, казакам и казачкам всех Каз. Войск. Сразу после молебна Отцом Романом Золотовым, кубанским казаком, была отслужена панахида по скончавшемуся недавно в Нью-Йорке Походном Атамане генерале от кавалерии П. Х. Попове.

Братские трапезы состоялись после церковной службы в нескольких местах: кубанцы, праздновавшие одновременно со своим Войсковым Праздником и столетие образования своего Войска, собрались вместе с Донским Войсковым Объединением в залах Консерватории (26 ав. дэ Нью-Йорк). С позравительными речами выступили предс. Каз. Союза Б. А. Богаевский, предс. Кубанского Объединения сот. Малышко, предс. Дон. Войск. Объединения В. Н. Романов, предс. последнего Дон. Правительства Н. М. Мельников, возглавитель Обще - Воинского Союза ген. Лампе, предс. Калмыцкого Союза С. Ш. Балданов, а затем и приехавшие от терцев (трапеза Терского Объединения была устроена в ресторане «Маяк») предс. Терского Объединения А. З. Воробьев и стан. П. Фролов. Официальная часть была закончена награждением кубанской казачки А. П Забегайло бронзовой медалью 2-й ст. «За услугу Кубанскому Войску». Весело закончили донцы и кубанцы празднование своих Праздников: появились гармонист и балалаечники, полились песни, бойко оттанцовывали лазгинку и казачка.

Союз Казаков - Комбатантов устраивал братскую трапезу по примеру прошлых лет в музее Л. Гв. Казачьего полка в Курбевуа.

Объединением Казаков - Комбатантов были отслужены, в помещении на 13 ав. Р. Пункарх, панихида по ушадшим казакам и молебен о здравии живущим. После цер-

ковной службы, там же, было предложено всем присутствующим скромное угощение с традиционной чаркой водки.

В Лионе Обще - Казачья станица отметила Праздник Покрова торжественным молебном в Св.-Николаевской церкви, после чего состоялась братская трапеза в ресторане 47 рю Белкомб. Кубанцы же Лионского района отметили столетие образования их Войска торжественной церковной службой 25 сент., после которой был устроен банкет, затянувшийся до поздней ночи.

9 октября праздновали Секция Союза Казаков - Комбатантов г. Монтаржи и казаки этого района. После богослужения в местном православном русском храме, состоялась братская трапеза, устроенная трудами представителя Каз. Союза в Монтаржи Демчанко и молодого казака Юркова, на которой присутствовало много гостей: из Парижа — предс. Союза Каз. Комбатантов ген. Н. Г. Зубов, предс. Каз. Союза Б. А. Богаевский, председательница Дам. Комитета Каз. Союза Н. И. Богаевская, большой друг казаков М. С. Махнова, из Санса — атаман местного хутора полк. Лепешкин (с сыном — замечательным гармонистом) и его помощник полк. Соколов, из Шатонеф — полк. Сменов. Необходимо подчеркнуть дружное единение казаков разных полит. взглядов и разных Войск, весело и дружно отпраздновавших свой Праздник.

Казаки Коломбейского района отслужили молебен с провозглашением вечной памяти ушедшим Атаманам, казакам и казачкам всех Каз. Войск 16 окт. в местном храме Преп. Сергея Радонежского, после чего состоялась братская трапеза в ресторане г. Штепы.

Казачья станица в Абондане праздновала 14 окт. После церковной службы (служил о. Владимир Вишневский) состоялась братская трапеза.

В день Покрова Пресвятой Богородицы, в день Войсковых Праздников казакам следовало бы забыть свои разногласия и расхождения в своих политических взглядах. Эти расхождения — по существу никому не нужны и только вредны. В Париже казаки собирются на братские трапезы в нескольких местах, а после окончания официальной части начинаются поездки для взаимных поздравлений из одного места в другое. Одни донцы едут к другим, донцы к кубанцам и терцам, терцы и кубанцы к донцам и тд. А не проще ли было бы собраться казакам всех Казачьих Войск всем вместе, ведь все мы братья одной казачьей семьи, с каждым годом нас становится все меньше и меньше. Это возможно и нетрудно. Примером может служить г. Монтаржи и Мюнхен в Германии, где за одним столом сидели казаки, имевшие разные политические взгляды, и по братски вспоминали былые дни и дружно пели нам всем родные песни.

Правление Казачьего Союза и редакция «Род. Края» просят принять их искреннюю благодарность всех тех, кто прислал им добрые пожелания ко дню Праздника Покрова Просвятой Богородицы.

У КАЗАКОВ В АВСТРИИ.

В этом году, благодаря тому, что наша Общ. Каз. Касса Взаимопощи стала на путь Казачьего Союза, т. е. отказалась от политики и партийности, праздник Покрова был отпразднован особенно торжественно.

После литургии была отслужена панихида по всем Атаманам и казакам, положившим живот за Родину, а после нее молебен о здравии всех казачьих Вождей, работающих на благо Казачеству.

Несмотря на наши скромные средства, была устроена семейная встреча. Присутствовали Председатель Корпусного Объединения В. И. Кисель, представитель Толст. Фонда В. С. Франк, шеф полиции по делам иностранцев, а также много других гостей. О. Григорий Сидоренко прочел молитву и благословил скромную трапезу. Председатель Н. Волков поблагодарил гостей за посещение и просил всех казаков и не казаков забыть все наши мелкие недорозумения и разногласия, а во имя Праздника Покрова чувствовать себя, как дома, в нашей казачьей семье.

Предс. Корпусного Объединения В. И. Кисель от имени Корпуса поздравил с Праздником и сказал, что ему отрадно видеть, что Общ. Каз. Касса Взаимопомощи

стало центром объединения не только казаков, но и всех сочувствующих Казачеству.

Писарь А. Жеребков вкратце прочел историю и значение Праздника, а в конце на немецком языке, обращаясь к присутствующему шефу полиции, лице его от имени казаков высказал благодарность Австрийскому правительству за то, что оно дало нам возможность праздновать наш казачий Праздник, чего не могут делать наши братья, волею судьбы оставшиеся на Родине.

Под управлением помощника председателя ст. Н. Ермакова импровизированный хор спел Донской и Кубанский гимны.

После оффициальной части под музыку наших гармонистов начались танцы. Гармонисты ст. Расказов В. и Кулиш Я. играли народные танцы, а ст. А. Жеребков на аккордеоне с женой (на барабане) удовлетворял молодежь «модерными». Вечер прошел в задушевной, братской атмосфере и не смотря на раннее начало, только к одинадцати начали расходиться, а любители погулять по «казачьи» остались до закрытия ресторана.

А. Жеребков.

г. Клагенфурт.
Австрия.

У КАЗАКОВ В ГЕРМАНИИ

В этому году, как еще никогда во все годы пребывания казаков в гор. Мюнхене, в праздновании этого исторического праздника Покрова Пресв. Богородицы приняли участие казаки, принадлежащие к разным полит. группировкам. На торжестве присутствовало около 80 человек.

14-го октября в православном Соборе на Салватор плаце, после Литургии была отслужена казаком священником панихида и молебен.

15-го окт. в ресторане на Доннерсбергер штрассе 29, в 6 часов вечера собрались казаки и казачки. Организатором и душой этой воистину братской встречи был Председатель Казачьего Союза в Германии полк. А. М. Протопов. Он огласил приветствия от казачьих организаций и отдельных лиц, потом коротко, но весьма выразительно изложил историческое значение этого традиционного праздника и о чудотворном покровительстве казаков Пр. Богородицей в Азове в 1641 году. А так же поздравил присутствующих с праздником, а Кубанцев со столетним юбилеем основания Кубанского Каз. Войска, и благодарил казаков и казачек за душевный отклик, что знаменует начало выздоровления и возможность восстановления в казачьей жизни братского единства. После чего были пропеты каз. гимны. Потом с приветствием выступил Атаман Кубанской Станицы в Мюнхене полк. С. Шершнев. Он также поздравил казаков с праздником и Кубанцев с юбилеем.

Далее обратился к казакам со словом зам. Атамана Кубанской Станицы полк. Ф. П. Дьяченко. Он призывал казаков обратить свое внимание на те характерные особенности, которые имели место в праздновании этого дня казачьими предками. Призывал казаков к взаимному человеколюбию, равенству и справедливости, а главное к заботе казаков о благе и лучшем будущем казачества! Вот почему в праздновании дня Покрова Пр. Богородицы не имели места деления на их и нас, на наших и ваших и на своих и чужих. Этот день общей радости, общего веселья и одного общего желания быть сынами одной матери казачьей Родины и равными детьми в одной казачьей семье, в чем да поможет нам Пресвятая Богородица!

Почетный Старик Казачьего Союза проф. М. А. Миллер в своем приветствии казакам выразил свою радость при виде такой братской сплоченной и спокойной казачьей семьи!

От Донской Станицы с приветствием выступали; полк. Смирнов, хор. Пашутин и И. Т. Агафонов. Все выступления сопровождались громким казачьим ура!

Во время ужина играл оркестр, после ужина оркестр сменялся лихими казачьими песнями и танцами. Отрадно было видеть исполнение в черкесках танца наурской лезгинки и молитвы Шамиля приехавшими из Ландсхута представителями от Кубанской Станицы.

После часа ночи разъезжавшиеся по домам казаки и казачки тепло благодарили инициатора этого общеказачьего торжества полк. Протопопова, большого сторонника казачьего единения, а он обещал им в декабре

с. г. отметить день Георгия Победоносца в честь вечной памяти Козьмы Крючкова, первого Георгиевского кавалера в войну 1914/18 г. А также напомнить нашим друзьям и врагам то, что самыми крепкими и самыми ценными обручами Российской Имп. короны были двенадцать Казачьих Войск!!!

Кубанского Войска полк. **Ф. Дьяченко**

ВОЙСКОВОЙ ПРАЗДНИК В ГРАССЕ.

Грасская группа казаков в день Покрова Пресвятой Богородицы ежегодно празднует свой Войсковой Праздник, отмечая его в храме после литургии торжественным молебном, а затем в тесной казачьей семье братской трапезой.

Казаки живут мирно, дружно, стараясь сохранять и поддерживать каз. традиции и обычаи, отмечая ежегодно Дни Казачьей Скорби панихидой и поминальной трапезой.

В этом году на Войсковом Празднике было отмечено и столетие Кубанского Войска и донцы сердечно поздравили братьев кубанцев с их столетним юбилеем. Свою речь старший группы закончил словами: «За казачьи обычаи и традиции, за тесную казачью семью, за казачью спайку, за столетний юбилей Кубанского Войска я поднимаю бокал. За здоровье наших Войсковых Атаманов. Ура!».

Были гости и много речей. Большую речь сказал полк. Г. И. Жидков: почему казаки выбрали день Покрова днем своего Войскового Праздника, указав на три случая в истории, когда Божия Мать явилась помочь казакам в самые трудные моменты их боевой жизни.

Праздник прошел в приподнятом настроении и в задушевной беседе, перерываемой лишь тостами и речами. Незаметно пролетело время и довольные гости и казаки разошлись с приятным чувством весело проведенного времени.

Н. Ф. П.

У КАЗАКОВ В ГЛЕДОРЕ.

По постановлению годового собрания Донской станицы в г. Лос-Анжелес 18 сент., празднование Дня Покрова Пресвятой Богородицы было решено устроить 16 октября в хуторе Глендора, для чего 25 сент. хуторским собранием был выбран Комитет в составе:

председатель — Г. А. Улитин, казначей — П. Ф. Савельев и члены — Т. Д. Губанова, И. А. Иванова, Н. Г. Улитин. А в Дамский Комитет вошли: Т. Д. Губанова, А. Г. Иванова, В. А. Улитина, Н. И. Савельева, М. В. Прохорова, В. Н. Шер, Л. А. Томпсон и Матушка. Необходимые средства отпустила Станица.

В назначенный день состоялось общее моление в Храме - Памятнике в Гледоре. Гости наполнили новый, светлый, радотный Храм. Богослужение совершал настоятель Храма протоиерей о. Иоанн Волков. Пел хор из местных казаков и приезжих гостей под прекрасным управлением опытного регента Л. И. Кишковского.

По окончании литургии был отслужен молебен Покрову Пресвятой Богородицы, Небесной защитницы всего Казачества, с провозглашением многолетия Войсковым Атаманам, казакам и казачкам всех Войск.

Как и всегда, молящиеся все во главе со священником вышли к памятнику по убиенным казакам в Лиенце. Памятник был окружен иконами, хоругвями и национальными флагами — Русским, Донским и Американским. Флаги находились в руках Донцов отца и сына Ермиловых, которые были в казачьей форме, что особенно приятно отмечало наш Казачий Праздник.

Казаки говорили с понятной гордостью: «блеснул лампас».

Панихида носила торжественный характер. И когда священник делал возглас о поминовения Войсковых Атаманов, военачальников, казаков и казачек, от безбожной власти убиенных и замученных и в мире скончавшихся, то каждый из молящихся знал, что начатая нами борьба еще не окон-

чена и что желанный конец ее неизбежен.

По окончании богослужения все гости были приглашены на Казачью площадь около Общественного Дома, где состоялось официальное открытие торжества. Бушевавший ветер вдруг прекратился и наступила прекрасная погода, как по заказу, что так благоприятно действовала на настроение и так чудесно отвечала торжественному празднику.

Председатель Комитета представил гостям Н. Г. Улитина, как уполномоченного от Комитета руководить официальной частью торжества, который поздравил казаков с национальным, а гостей с чисто русским праздником Дня Покрова Пресвятой Богородицы и благодарил гостей за оказанное внимание, что изволили посетить наш праздник и провести его в дружеской обстановке. Атаман станицы В. А. Балахнин поздравил казаков и гостей с торжественным казачьим праздником и указал, что наше торжество омрачено печальным событием: 6 октября в г. Н.-Йорке скончался много лет несменяемый Донской Атаман П. Х. Попов. Это был наш Донской патриот, он умер на 94 году. Происходил он от известной на Дону фамилии Харитона Ивановича Попова — основателя и директора Донского Музея, чем гордился Новочеркасск и Войско Донское.

П. Х. Попов был много лет начальником Новочеркасского Военного Училища — все его ценили, как строгого, но справедливого начальника и всегда вспоминали с благодарностьщ.

Когда вся Россия стала на колени перед большевиками и Новочеркасск начал готовиться к сдаче, то П. Х. Попов забрал своих юнкеров и молодежь из Новочеркасска и повел их в Сальские степи, в Степной Поход. К нему примкнула часть офицеров, которая впоследствии и послужила кадром для организации борьбы с большевиками.

Этим он вписал незабываемую страницу в историю борьбы казачества с коммунизмом, сохранил честь казачества, которое не признало большевиков.

Он безконечно был предан России, а больше всего любил свой родной Тихий Дон и заветной мечтою его было возрождение Дона и возвращение казаков на свои вольные степи. Да будет легка ему Американская земля и вечная память!

И на этом официальная часть торжества была закончена.

Председатель пригласил гостей в Общественный Дом на казачью хлеб-соль. Прежде чем благословить трапезу священник пригласил пропеть Молитву Господню, а потом провозгласил многолетие Войсковым Атаманам, казакам и казачкам и всем присутствующим гостям, на что последовало «Многая лета», пропетое всеми присутствующими.

Председатель пригласил собрание прослушать, а Н. Г. Улитина прочитать полученные поздравления от следующих лиц: от заместителя Председателя Д. В. Круга Б. Н. Уланова, Н.-Йорк; от окр. Атамана В.-Донск. окр. В. Н. Дронова, Вашингтон; от Русского Сокола, Л.-Анжелос; от Горско-Казачьей Станицы в Л.-Анжелосе; от Казачьей Станицы в Абондане, Франция; от Е. Д. Богаевской, Н.-Йорк; от профессора генерала И. С. Свищова, Л.-Анжелос; от генерала Сибирского Войска М. Корнилова, Л.-Анжелос; от А. С. Будного — б. предс. Инвал. Секц., Л.-Анжелос; от протоиерея А. Полулях, Л.-Анжелос; от инж. В. Я. Широкого, Усть-Медв. ст. — Сан-Франциско; от М. Ф. Ермилова, Венице; от Л. А. Удальцова, Комптон; от В. И. Миллер-Закомельского, Фонтана; от А. Г. Павлова, Вашингтон; от Порфирия Юшкин-Котлубанского стихотворение на смерть Д. Атамана П. Х. Попова. Лично присутствовавший Д-р Пайл, предс. «Наш Дом Родина», благодарил за приглашение и поздравил от своего имени и Америк. Друзей казаков с праздником.

Хуторянин С. А. Бобылев представил новых молодых хуторян, сказав, что наш хутор до сих пор состоял из стариков пенсионеров, у которых ни у кого нет детей, но к семье Ивановых прибыли, бежавшие из Югославии, брат и сестра Саша и Оля Масловы, ему 28, а ей 23 г., дети казака ст. В. Курмоярской ВВД. А в этом году прибыл из Канады младший сын Г. А. Улитина Николай Григорьевич, с женой Валентиной Андреевной и казачатами Сережей 14, Юрою 12 и Таичкой 10 лет. Всю молодежь представили Собранию, как гордость нашего хутора! Их долго и тепло приветствовали. А потом попросили казачат, чтобы спели, что они знают. Спели они «Мы Донские казаки Царю верно служим» и «Много лет Войску Донскому». Овациям не было конца. Казачата поют в Церкви и прислуживают в алтаре.

Атаман В. А. Балахнин обратился к казакам с просьбой оказать посильную помощь для постановки могильного памятника Д. Атаману П. Х. Попову. Был пущен подписной лист и казаки охотно отозвались на предложение Атамана. Атаман еще раз поблагодарил гостей за оказанное внимание

нашему Празднику и особо поблагодарил устроителей празднования за их труд, а Дамский Комитет за то, что они предоставили гостям такую обильную и вкусную трапезу, а самое главное за их теплый прием и радушие.

После этого часть гостей начала разъезжаться, а те, что помоложе, продолжали «беседу» и когда настроение поднялось, то одни начали петь, а другие танцевать, но когда было указано, что слишком свежа могила Атамана П. Х. Попова, то это было сразу же прекращено, а «беседа» продолжалась без песен и танцев до позднего вечера.

Устроители остались довольны моральным и материальным успехом празднования Дня Покрова. Тяжела наша доля на чужбине, но в такие дни все мы ближе друг к другу, чувствуется локоть соседа, и поднимается вера в лучшее будущее.

Старший казак
Гр. А. Улитин.

Глендора. С.Ш.А.

КОМУ ЭТО НУЖНО.

Когда деятельность какой-нибудь эмигрантской организации начинает мешать коммунистической партии, то она старается ее развалить, пользуясь самыми разнообразными средствами. Одним из испытанных и верных способов является обвинение одного или нескольких членов ее, чаще всего наиболее активных, в большевизме, в сочувствии коммунистическим идеям, в получении денежных средств для этой цели. Пусть это будет самая наглая неправдоподобная ложь, но этим подрывается доверие, появляется раскол и работа организации сводится на нет.

Вот такие слухи были пущены об одном из наиболее активных членов Казачьего Союза, всем известного и всеми уважаемого кубанского казака, участника Дроздовского Похода и всей белой борьбы с красными на юге России, общественная работа и отзывчивость которого известна не только казачьему и русскому Парижу, но и в других странах.

Это обвинение, кроме возмущения поступком особы, пустившей эти слухи, никаких последствий не имело и не могло иметь, но тем не менее мы напоминаем, что мы живем в свободной стране, где есть свободный и справедливый суд, который строго карает за клевету.

Эльмут.

ОТ СОЮЗА ДОНСКИХ КАЗАКОВ В США

В интересах правильной информации Союз Донских Казаков в США просит Вас поместить по вопросу о выборах Донского Атамана нижеследующие установленные Союзом факты:

1. Единолично назначенная ген. Поляковым, так называемая, Главная Центральная избирательная комиссия по выборам Донского Атамана является незаконной, составленной исключительно только из доверенных лиц самого И. А. Полякова с целью обеспечения его «избрания» на пост Донского Атамана.

2. Способ назначения комиссии, ее действия, отсутствие самого элементарного общественного контроля являются не только нарушением принципов демократизма, но и установлений Основных Законов В.В.Донского, основанных на началах народоправства.

3. Выдвижение этой комиссией только одного единственного кандидата в лице И. А. Полякова явно свидетельствует о полной зависимости комиссии от назначившего ее ген. Полякова, сводит процедуру выборов на нет, а самые выборы к насмешке над Донцами.

4. Допущение к участию в выборах Донского Атамана всех, кто побывал на Дону, является нарушением Основных Законов

Дона, как и участие в этих выборах незаконно принятых в донские казаки ген. Поляковым чуждых казакам лиц.

5. Донская Конституция устанавливает в § 20 срок полномочий избираемого Кругом Донского Атамана на 3 года. Избрание ген. Полякова на 5 лет нарушает установление, которое правомочен отменить только Донской Войсковой Круг, но не ген. Поляков, своими самочинными действиями лишающий самого себя нравственного права занимать высокий пост Донского Атамана.

6. Союз Донских Казаков в США, как легальная организация, утвержденная властями, находится в связи с казаками, а особенно донскими, во всех странах свободного мира, свидетельствует, что по имеющимся у него на руках документам, подавляющее большинство донских казаков в зарубежье не принимало участия в выборах ген. Полякова на пост Донского Атамана, а по сему он и не может быть таковым.

7. Мы настоятельно требуем от назначенной ген. Поляковым главной центральной избирательной комиссии опубликования не процентных вычислений, как это принято в СССР, а точных данных о том, в каком месте скопления донских казаков сколько подано голосов за ген. Полякова, кто ответственен за правильность подачи голосов, чтобы тем самым можно было комиссии на местах проверить.

8. В таких местах наибольшего скопления донских казаков, как Мюнхен — подано было всего 4 голоса плюс 3 голоса самой комиссии, в Нью Йорке — 16, в районе Фарминдэйл по подписному листу — 14, в то время, как против ген. Полякова в этом же Фарминдэйле высказалось 106 донских казаков.

Справка: «Станичник» № 20 за июнь 1960 года.

Председатель Союза Донских казаков в США

Н. К. Ковалев

Заместитель председателя

Я. И. Бузин

Секретарь Союза

А. С. Кибирев

Член правления

Д. Свинарев

ОТ ДОНСКОГО ВОЙСКОВОГ О ОБЪЕДИНЕНИЯ.

Дон. В. Объединение вполне разделает мнение Союза Донских Казаков в С. Ш. Америки по вопросу о выборах Атамана. Кроме всего, указанного выше, против ген. Полякова было выдвинуто в печати несколько очень серьезных обвинений, из которых каждое — даже взятое в отдельности — оставшееся не опровергнутым, лишало его морального права выставить свою кандидатуру на высокий пост, а казаков, дорожащих честью родного Войска, морально лишало права голосовать за такого кандидата, если они знали об этих обвинениях и о том, что они не опровергнуты. Объявление Глав. Избир. Комиссии сторонников ген. Полякова, напечатанное в Америке в «Нов. Русс. Слове» и в монарх. газете «Россия» и в парижской «Русской Мысли», об избрании гон. Полякова Атаманом на 5-летний срок, возбуждает целый ряд вопросов: почему Комиссия, с таким большим запозданием опубликовавшая объявление, не сообщила о точном количестве голосов, поданных за ген. Полякова, предпочитая глухо указать, что ген. Поляков получил 73 процента... От какого же количества? Если в выборах приняли участие всего лишь сто человек, то за него голосовало 73 казака и против 27, если казаков и незаконно допущенных к голосованию неказаков было 1.000, то, значит, генерал получил 730... Если и несколько больше, то и этого количества маловато, чтобы претендовать на звание Войскового... Если считаться с поразительным по своей беззастенчивости утверждением комиссии, что голосовало 73 процента «еще не отошедших от общественной жизни зарубежных казаков», то возникает вопрос: при содействии какой магической палочки поляковская комиссия установила точное количество Донцов, «не отошедших от общественной жизни», когда все Донцы знают, что полных списков заграницей, да еще в 18-20 странах рассеянных, вообще в данный момент не существует? Кто

наделил комиссию чудесным даром отличать Донцов «отошедших» от не отошедших? Почему комиссия, подробно перечисляя названия организаций, якобы голосовавших во Франции, не назвав их, а лишь глухо сказав: «объединения, станицы и хутора»? «Поляковская» комиссия недалеко ушла от «Поповской», также глухо объявившей лишь о процентах — о «двух третях», не обнародывая точно числа поданных голосов... Такие «дымовые завесы», не дающие возможности произвести поверку, не могут быть признаны достойными в серьезном деле и не могут внушать доверия, а в результате на сцене попрежнему будут фигурировать лишь несколько атаманов групп и ни одного Атамана Донского. Донское В. Объединение, как и многие другие Донские организации, опубликовавшие свои протесты в Америке, ген. Полякова Донским Атаманом не признают и считают, что единственным званием, на которое он и его неразборчивые сторонники могут претендовать, это: Зарубежный атаман группы Донских поляковцев.

6 октября в одном из госпиталей Нью-Йорка скончался в возрасте 93 лет и 9 месяцев Пожизненный Походный Атаман В. В. Донского ген. штаба генерал от кавалерии Петр Харитонович Попов. Подробный некролог маститого героя Степного Похода напечатан в этом же номере нашего журнала.

После смерти ген. П. Х. Попова, полк. П. И. Медведев, ст. Великокняженской, ссылаясь на приказ Дон. Атамана от 15 января 1958 г. о назначении его, полк. Медведева, Председателем Дон. Пр-ва в изгнании, 9 октября объявил о своем врем. вступлении в исполнение обяз. и. д. Атамана и пригласил представителей дон. организаций собраться 19 ноября в Фармингдэйле для выработки инструкции для производства выборов Войскового Круга и Донского Атамана.

Дон. В. Объединение считает, что выборы единого Донского Атамана, и тем более В. Круга, является вопросом в нынешней обстановке очень сложным, требующим длительной подготовки и касающимся не только казаков, проживающих в Америке, но и во всем свободном мире.

Председатель Донского Объединения
В. Н. Романов.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Многоуважаемый Борис Африканович!

Моя статья: «К 40-ка **летию Мамантовского рейда»**, помещенная в журнале «Родимый Край», вызвала отклики в казачьей прессе. В моем послесловии к этой статье я выскажусь по поводу этих откликов, в том числе и о статье Н. М. Мельникова, помещенной в № 29-м «Родимого Края».

По поводу этой статьи, озаглавленной: **«О ген. Деникине. Поправка к статье Е. Ковалева о рейде ген. Мамантова»**, я считаю однако нужным заявить теперь же следующее:

1) Никому не возбраняется делать возражения **по поводу** той или иной статьи, но **поправки к статье**, на мой взгляд, может делать только автор. К тому же, в данном случае, поправка относится не к каким-либо точно установленным ошибкам, а по поводу оценки исторических событий и лиц, что само по себе вещь относительная и может каждым делаться различно.

2) Характеристики и оценки личности Главнокомандующего, **в полном значении этих слов**, я не делал, упоминая о Ген. Деникине лишь постольку, поскольку это имело отношение к рейду и инциденту с Ген. Мамантовым. Оценку позиции, занятой им в одном из эпизодов Белой Борьбы, нельзя рассматривать, как характеристику его в целом. О человеке, хотя и потерпевшем неудачу, но имевшем и большие заслуги в деле организации Белого Движения, пришлось бы писать много и это не уложилось бы в рамки моей статьи.

С совершенным уважением

Е. Ковалев

ВЛАС ДАНИЛОВИЧ М А С Л О В.

25 августа с. г. умер Донской казак Грушевской станицы ВВД **В. Д. Маслов** и похоронен на кладбище РОВА.

Влас Данилович Маслов был достойным казаком и в лучшем смысле хорошим человеком. Он любил и чтил свое родное Войско Донское и все Казачество, как и свою Великую Родину Россию. Не словами лишь, а всегда неизменно действенно. Как и многие, многие казаки, он добывал свой хлеб насущный в поте лица своего. Уставал и он, как все. Но в уголках его головы и сердца всегда была мысль о своем родном Донском Казачестве, о своей Великой Родине. Он о них всегда читал, писал и всегда неизменно во все добрые начинания ко благу и возрождению их приносил свою материальную лепту.

Мы знаем, что большинство людей — идолопоклонники, потому что поклонились идолу — материализму. Они суть рабы материального начала, вещи, неодушевленного предмета. Д е н е г.

Не таков был Влас Данилович. Он неизменно чтил высокое, светлое начало в жизни и, в частности, в казаке.

Начало тщеславного карьеризма, ненасытного материалистического начала ему было чуждо. Идея народоправства, демократии, свободы, права и братства: вот что он чтил и исповедывал, вот чем он дорожил и на что неизменно отзывался. Поэтому он был близким сотрудником покойного атамана Общеказачьей станицы в Фарминдэйле в Нью Джерси С. Г. Елатонцева. В. Д. жертвенно и идейно поддерживал журнал станицы «Общеказачий Журнал». На память о своей первой покойной супруге он целый номер этого журнала в 1942 г. издал за свой счет, а он вовсе не был богатым человеком.

Он принимал самое живое участие в созидании Казачьего Дома в Фарминдэйле, считая его подлинным Казачьим Домом — очагом казачьей мысли, фактором казачьего объединения. Когда он работал в Лос Анджелосе, также содействовал постройке там Казачьего Дома Горско-Казачьей станицы. Само собою разумелось всемерное его содействие своему Атаману С. Г. Елатонцеву в деле организации **Казачьего Центра.** На все здоровые начинания об объединении Казачества В. Д. отзывался с энтузиазмом. Он не был узким хуторянином, патриотом маленькой ячейки, узенького кружка, хотя бы они носили и громкое название Станицы, да еще Общеказачьей.

С отходом С. Г. Елатонцева впал в паралич **Казачий Центр**, стали делить «ризы его», а с отходом В. Д. Маслова не стало «Гласа вопиющего в пустыне» о **Казачьем Центре.** Не без основания он был «Почетным казаком» Общеказачьей станицы в Фарминдэйле в Нью Джерси. Теперь не стало этой живой души. Истинные идейные и бескорыстные создатели и вдохновители Общеказачьей станицы в Фарминдэйле и **Казачьего Центра** у ш л и. Подхватит ли кто их знамя?

Казачья действительность не дает много утешения: казаки ушли в свои злободневные заботы, мысль и забота об исторической участи Казачества, о его возрождении, об участии его в освобождении и возрождении нашей Великой Родины отошли далеко на задний план. Но это в р е м е н н о. В сокровенных уголках казачьей души, нет сомнения, дремлют истинные казачьи идеи. С уходом и В. Д. еще не все ушли. Пусть немногие, но еще е с т ь...

Вечная память дорогому Станичнику Власу Даниловичу Маслову, славному казаку ВВД.

А его супруге и племяннику Д. Г. Матвееву с супругой наш низкий поклон и глубокое душевное сочувствие и сострадание.

Б. Уланов.

УШЕДШИЕ.

† 1 июня с. г. в Грассе скончался 79 лет от роду вахмистр Атаманского полка С. И. Горячев В.В.Д. Похоронен на местном кладбище.

† 27 мая с. г. в Везине-Шалет (Франция) скончался 64 лет от роду К. А. Котляр, Александрийской стан. Терского В. Похоронен на местном кладбище.

† В июле там же скончался казак ст. Слащевской В.В.Д. 75 лет Вас. Лав. Церульник. Похоронен на местном кладбище.

† 17 апр. с. г. в госпитале в Ницце скончался 84 лет от роду полк. Забайкальского Войска В. И. Малых. Похоронен на участке русских инвалидов на Ниццком кладбище.

† 4 июля с. г. в госпитале Гакензак скоропостижно скончался М. М. Акимов, стан. Упорной Куб. В. Похоронен на православном кладбище г. Патерсон, (США).

† 17 июля с. г. в Касвиле скоропостижно скончался Т. Д. Алексеенко, стан. Старокорсуновской Куб. В. Похоронен на Свято-Владимирском кладбище на участке Каз. Комитета в Касвиле (США).

† 4 авг. с. г. в Париже скончался 74 лет от роду полк. П. Е. Фоменко, стан. Староминской Куб. В.

† 10 авг. с. г. в Париже скончался и похоронен на русском кладбище в С. Женевьев войск. старш. М. З. Нефедов, стан. Тингинской Куб. В.

† В авг. с. г. в Чикаго скончался П. П. Лагунов, Амурского Войска.

† 25 авг. с. г. в Тарбе (Франция) скончался Н. Никишин Дон. В.

† 1 авг. с. г. в Русском Доме в Кормей (под Парижем) скончалась Т. К. Акулинина Оренбургского Войска, вдова ген. м. И. Г. Акулинина.

† После продолжительной и тяжкой болезни (рак) в Австрии скончался полк. К. П. Дубина, стан. Динской Куб. В.

† В авг. в Германии скончался полк. Н. Г. Андриевский, Дон. Войска.

† В сентябре в Лувье (Франция) скончался от последствий аксидана С. Н. Евсеев, Дон. Войска.

† 25 сент. с. г. в Париже скоропостижно скончался полк. Конно-Горной артиллерии А. С. Косякин, стан. Ардонской, Терского В. Похоронен на русском кладбище в С. Женевьев.

† 26 сент. с. г. в доме престарелых в Севре (Франция) тихо скончался А. И. Каракулькин, Дон. В. Похоронен на местном кладбище.

† 6 окт. после продолжительной болезни скончался Походный Атаман ген. от кавалерии П. Х. Попов. Отпевание состоялось 8 скт. в Св. Покровском Соборе на 59 ул. - 2 ав., похороны — на свято-Владимирском кладбище на ферме РОВА при большом стечении казаков всех политических оттенков. Подробности будут в следующем №.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

● Председатель Кубанского Объединения в Франции сот. М. Л. Малышко, возвращаясь со службы, был сбит автобусом и находится в очень тяжелом состоянии в госпитале.

Временно в исполнение обязанностей председателя вступил Г. С. Новиков, к которому и следует обращаться по делам Кубан. Объединения (61, rue de Miromesnil, Paris 8e. France).

● Трудами кубанцев на могиле полк. В. Д. Гамалия, героя известного рейда в Месопотамию во время 1-ой Мировой войны, скончавшегося в прошлом году в США, поставлен памятник.

● 20 ноября, в Музее Л.-Гв. Казачьего полка в Курбевуа (под Парижем) Объединение Атаманского Военного Училища, как обычно, отметило свой Праздник молебнем Покровителю Училища Св. Архистратигу Михаилу и братской трапезой.

● 27 ноября Уральская станица в Париже отметила Войсковой Праздник молебнем в храме Св. Серафима Саровского на 91, рю Лекурб, после которого состоялась братская трапеза в ресторане «Боер» (91, рю С. Антуан).

На братской трапезе поздравили Заместителя Уральского В. Атамана полк. П. А. Фадеева и уральцев представители каз. организаций других Войск: от Каз. Союза и Дон. В. Объединения Председатель Каз. Союза Б. А. Богаевский, от Кубан. Объединения и. д. Председателя Г. С. Новиков, от Терского Объединения П. Фролов, от Содружества Лиенца полк. Г. В. Иноземцев.

● 27 ноября Дамским Комитетом Казачьего Союза в залах Русской Консерватории (26, ав. де Нью-Иорк) был организован с бла-

готворительной целью вечер с артистической программой.

● Новинки книжного рынка: Рассказы П. М. Аврамова «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев», выписывать можно через редакцию Р. К., стоимость — 3 н. фр.), «Рифмованные кончики» — стихи донского казака стан. Цымлянской Н. Альникина, №№ 12 и 13 «Каз. Истор. Сборника», издаваемого И. П. Будановым.

В США вышли №№ 4 и 5 «Кубанского Истор. и Литерат. Сборника», издаваемого В. Г. Науменко, и «Орлы Земли Родной» Федора Кубанского.

Розыски. Поручика Николая Степ. Альянова (не казак), служившего в 1-ой Донской тяжелой батарее, а затем в Донской батарее, фамилия командира которой Тюрчибаш, розыскивает А. Дмитров. Знающих что либо о нем просят сообщить по адресу:

A. Dmitroff. 829 Park Ave. Bridgeport 4. Conn. USA.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 сент. по 1 ноября 1960 г.)

В Фонд Издательства: П. М. Аврамов (3 взн.) — 41,70 н.фр., полк. Иноземцев — 5,50 н.фр., В. Коновалова (2 взн.) — 17 н.фр., Свинарев — 2,50 н.фр., Д. Васильев — 10 н. фр., М-м Андре (Сладкова) — 12 н.фр.

Через наших **представителей:** из США через Б. Н. Уланова: от Б. Н. Уланова, Г. Сутуловой, А. Афанасьева — по 5 долл., П. Дьяконова — 3 долл., д-ра Ряхина (2 взн.) — 7 долл., Л. Елатонцевой, Л. Баяновой — по 1 долл., через С. И. Донскова — 5 долл., через В. Баланхина — 10 долл.

На издание книги **о Ермаке:** от Кравцова, В. Юркова — по 3 н.фр., Гнилорыбова — 2 н.фр., Селиверстова, Николаева, Небыкова, Букановского — по 5. н.фр., Гончарова — 10 н.фр., Павлова и Сытоева — 20 н.фр., Н. Воробьев — 3 долл., проф. Миллер — 20 нем. марок, С. Пахомова — 10 долл., через С. И. Донскова от Ф. Колесникова — 10 долл.

Для передачи **Дамскому Комитету Каз. Союза:** от Спасского и Самсонова — по 5 н. фр., Фетисова — 2 н.фр., Н. Воробьева — 3,25 долл., от Гончарова, Бондарева, Голекова, М-м Гордеевой — по 10 н.фр., М-м Андре (Сладковой) — 20 н.фр., Ф. Агеева — 50 н. фр.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят принять всех жертвователей их искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ».

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право их сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу:

Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15-233-79, Nointel par Presles (S. et O.) F r a n c e.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (размер ее 32 х 16 см, стоимость — 8 н.фр.), рассказы П. М. Аврамова («Ковыльный сказ» и «Яровой сев» — цена 3 н. фр.); «Лучь» — сборник стихов П. Юшкина-Котлубанского (цена — 4 н.фр.).

Опечатка: В очерке Суровецкого «Выдающиеся деятели из дон. казаков на культурном поприще» в № 29 «Род. Края» вместо «А. С. Платонов — генерал, ученый артиллерист» нужно читать — «А. С. Платов...»

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).

Métro: La Motte-Picquet

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

С. Рытченков — «Памяти Атамана Каледина».
Н. М. Мельников — «Митрофан Петрович Богаевский».
Н. М. Мельников — «Донское Войсковое имущество».
Н. Синяпкин — «Краткая биография ген. шт. ген. от кав. П. Х. Попова».
В. Сычов — «Дон».
Н. Альникин — «Зори румяные».
Проф. М. Миллер — «По поводу ошибок в воспоминаниях».
А. Скрылов — «Почему нам нужен Казачий Лексикон»».
П. М. Аврамов — «Крестные муки».
Из сов. газеты «Труд» — «Пустеет Азевское море».
Закотнов — «Казаки заграницей».
А. М. — «У судебных деятелей».
Б. Богаевский — «Благодарность».
Изверев, Кривов, Колесников — «У казаков в Канаде».
Казачья жизнь за рубежом.
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».

На обложке — одна из иллюстраций, находящейся в печати книги Н. М. Мельникова — «Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№32 Январь - Февраль 1961 г. 2,50 NF

PAYS NATAL Janvier - Fevrier 1961 Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ПАМЯТИ АТАМАНА КАЛЕДИНА.

Утром 29-го января 1918 г. в Атаманском дворце собралось Войсковое Правительство.

Атаман Каледин вызвал Походного Атамана ген. А. М. Назарова и предложил ему осветить обстановку на фронте.

Спокойно и бесстрастно ген. Назаров нарисовал совершенно безнадежную картину: противник около Новочеркасска, наши силы совершенно ничтожны... Началось обсуждение положения...

— «Довольно разговоров» — мрачно остановил Атаман.

От болтовни погибла Россия».

В наступившей тишине кто-то спросил:

— Что же делать?

«Это решает каждый за себя. Мною же давно решено», — ответил Каледин. — «Я слагаю свои полномочия».

*

В своей последней речи, сказанной 7-го февраля в заседании Малого Круга, Митрофан Петрович Богаевский так объясняет:

— «У нас не было никакой реальной силы. Нам не на кого было опереться. До Круга было далеко, а опасность надвигалась со всех сторон. Мы не могли согласиться на избиение народа. А нет сомнения, что большевики, заняв Новочеркасск, подвергнут жителей насилиям.

Имя Каледина и имя Митрофана Богаевского ненавистно в стане большевиков. Нам надо было уйти. Мы думали, — казаки поймут это. Потом и Добровольческая Армия видела, что биться за Дон незачем.

Мы хотели и мы пытались передать власть из полы в полу. Думали: — кому передать?

Решили передать местным Общественным организациям: — Городской Управе, Военном Комитету и станичному Правлению...

*

А. М. Каледин передал бывшие у него на руках благотворительные суммы членам Правительства.

— «Ну, слава Богу, от этого очистился», — вздохнул он. — Вид его был решителен и мрачен.

Члены Правительства, предчувствуя трагедию, начали шептаться:

— Надо спасти Атамана...

— Увезти его в Добровольческую Армию...

— Не пойдет...

— Если нужно, — увезти силой...*)

*

Разошлись и тихо стало в опустевшем Дворце...

Звонкое эхо отдавалось по лестницам, двоило голоса... Хлопнула дверь...

Атаман остался один. За окном стыл холодный день. Туман спускался над городом...

Несомненно вспомнил Алексей Максимовиэ всю жизнь свою от школьной скамьи, службу в Чите, училище, 12-ю кавалер. дивизию, Луцкий прорыв...

Где все это? Где те юнкера, которых он так любовно готовил на службу Войску?

---

*) **Примечание редакции.** А. М. Каледин, имея в виду, что при создавшихся обстоятельствах речь шла в сущности о посильном ограждении интересов мирного населения города Новочеркасска в момент неизбежного вторжения в город большевиков, высказался за передачу соответствующих полномочий городскому самоуправлению. В. Правительство с мнением Атамана согласилось. Было решено уведомить Городскую Управу и собраться у Атамана во дворце в 2 часа дня. Но в перерыве между двумя заседаниями А. М. Каледин застрелился и переговоры с Городской Управой не состоялись.

Где его доблестные соратники, — драгуны, уланы, гусары, казаки?

Он один. Настало время, когда личность стала ненужна, когда место в красном углу мира заняла толпа.

Звонкое эхо в большом зале, увешанном портретами бывших Атаманов, двоило его шаги.

Алексей Максимович заглянул в комнату жены. — Она была занята: у нее кто-то сидел.

— Пора, — точно сказал он себе.

Быстрыми шагами прошел через кабинет в маленькую комнату, где жил его брат, точно хотел подальше уйти от жены, чтобы не напугать ее, аккуратно повесил снятый френч с Георгиевским крестом на спинку стула, положил настольные часы - браслет и из большого револьвера «Кольт» — выстрелил себе в сердце...

Его жена услышала, или вернее почувствовала, его выстрел. Она вбежала в комнату...

Алексей Максимович лежал на походной кровати, на спине, со скрещенными на груди руками... Глаза его были открыты...

Он перевел их на жену, секунду посмотрел на нее, закрыл глаза и... умер...

*

Не стало великого человека. Он умер на посту. Он сдал свою власть Господу Богу и никому другому.

Он был Донской Атаман.

*

В ближайшем номере издававшейся тогда в Новочеркасске газеты «Вольный Дон», была помещена статья Помощника Атамана Митрофана Богаевского:

... «Плакал хмурый, холодный день, а над Доном, вал за валом, медленно ползли свинцовые, сине-черные тучи и не летние грозы с теплым дождем они несли: зловещие, жуткие, тянулись они над Доном и сулили ему горе, смерть и разорение...

А эхо страшного выстрела уже гулко отдавалось по всему Дону, донским степям и рекам, и ликовал враг, и торжествовала казачья молодежь, и лишь старые казачьи сердца чутко прислушивались к этому эху и недоброе почуяли они: — донские казаки сами загубили своего лучшего рыцаря - казака: — Первого выборного Атамана...»

«Протяжно гудит старый соборный колокол: еще недавно звал он на вольный Круг, а теперь, говорят, звонит он по душе Атамана Алексея Каледина; говорят и другое: что звонит колокол похоронный звон по Донскому вольному казачеству.

... А по над Доном, в час ночной, тихо реют тени прежних атаманов, славных честью боевой.

В ночь с 29-го на 30-е прибавилась еще одна тень, и алая кровь сочится у нее из сердца.

Это тень Атамана - мученика, Алексея Каледина»... Так писал генерал Краснов...

***

Печально гудел старый колокол войскового собора «по душе» усопшего Атамана.

Печально перепархивал редкий снежок...

«Вечная память» мученику Атаману, — шептали, крестясь, горожане...

Тихо опускалась ночь на взволнованную столицу Дона — 29-го января 1918 года.

Протяжно, по постовому, гудел соборный колокол, созывая горожан помолиться по душе Атамана - мученика, — брошенного всеми, никем не поддержаного, так страшно покончившего с собой.

Безконечные вереницы народа тянулись к собору. Траурные одежды, разстроенные лица ясно показывали, что то, что свершилось, было ужасно, что за неожиданной смертью Атамана должно последовать что-то еще более ужасное для Дона.

В лице погибшего Атамана Дон терял все...

Собор был переполнен молящимися...

Такое количество народа можно было видеть только под св. Пасху.

Трудно было протиснуться вперед.

Сверкали электрические паникадила, люстры...

Масса духовенства, с двумя архиереями в золотых облачениях, с полным хором войсковых певчих в голубых кунтушах, — служили панихиду.

Торжественно, особенно молитвенно, шла служба. Серебристые оттолоски войскового хора терялись где-то высоко-высоко в мрачной пустоте громадного купола.

Горячо молились присутствующие. Не одно заглушенное рыдание слышалось отовсюду; как от дуновения ветра всколыхнулась толпа и опустилась на колени при пении «Вечная Память»...

Служба кончилась... Молчаливые, не перебрасываясь даже обычными фразами, выходили молящиеся из собора.

На площади было темно. Дул холодный

ветер, срывался снежок с дождем...

Хмуро, мрачно было небо...

***

Тело усопшего Атамана, в первые дни после его смерти, покоилось в небольшой нарядной церкви Атаманского дворца.

И там усопший Атаман был окружен живыми цветами и слезами тех, кто искренно, горячо любил его. Там беспрерывно служили панихиды и под грустные печальные напевы кадильный дым клубами возносился вверх.

Как то до жути казалось, что здесь, в гробу, лежит не Атаман Каледин, что здесь идет панихида по кому-то другому, что Алексей Максимович где-то во дворце занят делами.

Но действительность проясняла мозг...

К вечеру 1-го февраля тело Атамана было торжественно перевезено в Войсковой собор.

Безконечные венки, цветы окружали металлический гроб Атамана.

По обе стороны гроба стояли почетными часовыми два офицера, с обнаженными шашками, остриями опущенными вниз.

После панихиды огромные толпы народа покинули собор. Померкли люстры, как-то тихо стало в огромном соборе.

Монотонно слышался старческий голос монахини, читавшей псалтырь...

***

Соборные часы пробили без четверти три часа ночи, когда я, вооруженный винтовкой, запорошенный снегом, подходил к собору, освещенному дуговыми электрическими фонарями.

В боковые полуоткрытые двери собора я вошел во внутрь. Было тихо, таинственно жутко...

Горели некоторые электр. паникадилы.

Около свечного ящика на скамьях спали церковные сторожа, сидело несколько офицеров, тихо разговаривавших между собою...

А посредине стоял все тот-же гроб Атамана, да около него, на низких дубовых табуретах, стоял другой, простой деревянный гроб, оклееный обоями.

В нем покоился умерший от ран в этот же трагический день партизан - студент.

Я был назначен в почетные часовые к гробу Атамана от 3 до 5 час. ночи и с подошедшим другим офицером мы сменили старых часовых.

Гулко раздались наши шаги по мраморным плитам собора и потом опять все стихло...

Я стоял у гроба Атамана и, глядя на его удивительно - спокойное восковое лицо, думал о многом...

Я вспомнил, какими овациями Войскового Круга и публики было встречено сообщение о согласии генерала Каледина принять пост Атамана.

— Я вспомнил его великолепную декларацию от имени всех 12 Казачьих Войск на Московском Государственном Совещании в августе 1917 года.

— Его доклад Войсковому Кругу о «Калединском мятеже»... — Его высокую, немного сгорбленную фигуру, с непокрытой головой, с грустным, задумчивым лицом, следовавшую за гробом умершего от ран или убитого партизана.

И каждого умершего партизана сопровождал Атаман на место вечного упокоения и особенно чтил он их светлую память.

... Какие думы роились в голове Атамана при виде погибших юных героев, положивших жизнь свою за счастье Дона?..

И теперь, рядом с ним, покоится партизан - студент.

Несколько скромных цветов лежало на груди юноши с приколотой запиской: «Виктор».

Стоя на часах, я был крайне удивлен, что монахиня, поминая усопших, произносит имена Алексея и Владимира вместо Виктора.

И когда я после смены заметил это ей, монахиня ответила: — «И батюшка, что же тут такого, что я ошиблась. Лежат родненькие, как отец с сыном... Он и при жизни был всегда с ними, с детьми, которые умирали за нас. Бог знает, что я ошиблась и не осудит меня за это».

И по изнеможденному лицу монахини покатилась слеза.

***

Наступило бледное сырое утро 2-го февраля.

К 9 ч. утра собор был снова переполнен молящимися. Шла торжественная заупокойная обедня, а затем отпевание.

Безконечные вереницы людей тянулись к гробу Атамана, воздать ему «последнее целование».

Вынос тела... Печально - торжественные звуки «Коль славен» и затем похоронного марша Шопена. Траурная колесница... и мягко покачиваясь на рессорах, тело усоп-

шего Атамана медленно двигалось к месту вечного упокоения, куда при жизни своей он провожал десятки убитых партизан.

Шлепая по грязи, перемешанной со снегом, кутаясь от сырого холодного ветра, молчаливо двигалась за гробом огромная толпа и шло семь членов сложившего свои полномочия бывшего Войскового правительства.

Грустно перекликались колокола Кладбищенской церкви...

Маленькая Лития у зиявшей вырытой могилы, и на веревках, цепляясь о стенки могилы, спустился гроб Атамана в холодную жуткую могилу.

... «Со Духи праведных скончавшихся, душу усопшего раба твоего упокой», — скороговоркой пели уставшие продрогшие голоса хора.

Гулко, ударяясь о крышку футляра - гроба, падали полузамерзшие комья земли и скоро вырос новый могильный холм около Кладбищенской церкви.

Так закончил свою жизнь боевой генерал, герой Луцкого прорыва, первый выборный Атаман Донского Войска **Алексей Максимович Каледин.**

Франция.

С. Рытченков.

МИТРОФАН ПЕТРОВИЧ БОГАЕВСКИЙ.

Митрофан Петрович Богаевский, казак Каменской станицы Донецкого округа, родился 23. ноября 1881 года в семье Войскового Старшины Донского Войска Петра Григорьевича Богаевского, участника обороны Севастополя в Крымскую войну 1854-1855 г. и подавления Польского востания 1863 г.

После Турецкой кампании 1877 - 1878 г. выйдя в отставку, П. Г. Богаевский занялся сельским хозяйством в своей небольшой усадьбе «Петровское» около слободы Кашары Донецкого округа. У Петра Григорьевича было четыре сына: Африкан, впоследствии ставший В. Атаманом В.В.Д., Петр - доктор, Януарий - сельский хозяин и младший Митрофан и дочь. В кругу дружной и сплоченной семьи, в глуши маленькой усадьбы, вдали от железной дороги, старый вояка, любивший родной край, интересовавшийся историей казачества, в длинные осенние и зимние вечера любил рассказывать о прошлом — далеком и о том, которое сам пережил. Как говорил сам Митрофан Петрович, именно в это время в его душе посеяны были семена горячей любви к Дону, интерес к его истории, к героическому прошлому и к «вольностям» казачьим.

Новочеркасскую гимназию М. П. окончил с опозданием — лишь в 1904 году: отличаясь успехами по любимым предметам — истории и русскому языку — он был не в ладу с математикой и языком латинским, три раза задерживавшими его продвижение из класса в класс. Задержкам этим способствовало и его увлечение с самых ранних лет общественной деятельностью, в гимназии он был душой разных ученических организаций, создавая и активно работая в кружках самообразования, в хоре и т. п. И во время летних каникул он не сидел в Петровском, предпочитая путешествовать по Донскому краю, входя в непосредственное соприкосновение с населением, знакомясь с бытом и общими условиями жизни казаков. Путешествия эти предпринимались им и в студенческие годы. В одном из своих писем к Елизавете Дмитриевне он пишет: «В Старочеркасске пробыл сутки, осматривал станицу, церкви и исторические места, полные воспоминаниями далекого бурного прошлого. При первом удобном случае непременно побываю опять и призведу беловой осмотр. Физиономия станицы очень оригинальная, но меня все время одолевали думы о прошлом. Стоя на берегу Дона, думаю о тех моментах, когда бурный Круг приговаривал преступника «сажать в куль да в воду»... Ярко рисовались картины появления колосса Степана Разина с удалой «голытьбой» в Кругу уже зажиревших старшин и хитрого Корнила Яковлева». В другом месте он рассказывает: «Почти две недели мне пришлось разными способами передвигаться по Донским весям и наиболее богаты впечатлениями те маршруты, которые я совершил пешком. Здесь волей-неволей приходилось сталкиваться о

простым народом. Ночевал я на постоялых дворах, столовался в харчевнях, пил чай в чайных, и везде, где я ни встречал казака ли, крестьянина — повторялось одно и то же: отношение добродушнейшее, ласковое, готовность помочь всем, чем в силах, вежливость и внимание, достойные подражения нашей интеллигенции. Еще раз пришлось убедиться, как мощен, красив народ и духом и телом и как его сумели изуродовать нужда, голод, военная служба и цивилизация. В верхних станицах чиряне, например, сразу бросаются в глаза своим высоким ростом, большими черными бородами, умными выразительными физиономиями. Там же мне пришлось познакомиться с раскольником-торговцем, казаком Нижнечирской станицы, и меня поразило его спокойное, удивительно умное отношение к людям и их жизни. «Неправда нас заела» — решительно формулировал он свой взгляд на жизнь».

Интересовался М. П. давним прошлым родного Дона, археологическими раскопками и находками. «Городище возле хутора Попова — пишет он — судя по результатам раскопок — древняя греческая колония — вероятно, торговая фактория, видимо отпрыск Азовских или Черноморских греческих колоний. Теперь оно стоит на так называемом Старом Дону, ушедшем верст на семь... Вся площадь покрыта остатками красного хорошего кирпича, камня и великим множеством осколков греческой посуды: ручки, днища, ободки с кувшинов разных цветов. Изредка попадаются кусочки мрамора. Мы, между прочим, нашли небольшой осколок чудесного розового мрамора. Остатки Старого Дона в низких луговых берегах, поросших яркой сочной травой, тихо плещут у подножья некогда шумной изящной колонии. А нынешним поколениям уже нет дела, кто, когда и как жил века тому назад»...

После окончания Новочеркасской гимназии М. П. поступил на историко - филологический факультет Петербургского Университета, углубившись в изучение истории. Общественная «жилка» и тут дала себя знать в организации при факультете кабинета для чтения. Несмотря на бурное время 1905 - 1906 г., когда на поверхность Университетской жизни вышли и старались все захватить в свои руки левые партии, студенты филологи избирают на пост Старосты факультета безпартийного М. П. Богаевского. Факультетским Старостой и председателем факультетского кабинета для чтения он остается безсменно до окончания Университета, принимая в качестве Старосты участие в Совете Старост всего Университета, где с трезвым мнением стойкого безпартийца считались и крайне - левые его коллеги, в числе которых был тогда и студент Крыленко, именовавшийся «товарищем Абрамом» и ставший потом большевистским главковерхом.

Ко времени окончания в 1910 г. Университета материальное положение отца ухудшилось и до сдачи Государственных экзаменов в 1911 г. М. П. должен был искать заработка, получив место воспитателя в частной гимназии Петровой в Новочеркасске. Здесь ярко проявились педагогические способности М. П., в короткое время снискавшие ему любовь учащихся, которые долго потом с теплым чувством вспоминали своего любимого воспитателя. М. П. любил детей и дети платили ему тем же. Проявились способности эти и раньше,в мужской Новочеркасской гимназии, где к усатому гимназисту старших классов трогательно льнули мальши.

В январе 1911 г. М. П. женился на курсистке Е. Д. Закаляевой, а в июне сдал Государственные экзамены и представил профессору С. Ф. Платонову работу по истории Дона, к сожалению не сохранившуюся, ознакомившись с которой проф. написал М. П-чу: «Ваше сочинение я признал весьма удачным. Для меня нет сомнения, что Вы можете научно работать над историческим материалом и нравственно обязаны приложить свои способности к изучению Вашей родины — Дона... Взгляды Ваши на историю Дона, по моему, правильны».

Вернувшись после сдачи Государственных экзаменов в Новочеркасск, М. П. был назначен преподавателем истории и географии в Платовскую гимназию, а через три года — летом 1914 г. — был избран Директором открывавшейся тогда в родной его станице Каменской гимназии. Там умерла его единственная дочка, которую родители любили с особой нежностью, и, чтобы заглушить тоску и душевную пустоту, М. П. еще более ушел в педагогическую, общественную и политическую работу.

Когда произошла революция и в марте 1917 г. в Петрограде был созван Обшеказачий Съезд, станица Каменская послала туда М. П. Б. своим делегатом. Председателем Съезда был избран Донской депутат Государственной Думы И. Н. Ефремов, товари-

щи председателя избирались отдельными Войсками и делегаты Донского Войска избрали М. П-ча, который, за отсутствием времени у И. Н. Ефремова, стал фактическим председателем Общеказачьего Съезда.

Несмотря на все трудности той бурной эпохи, когда распропагандированные фронтовики тянули в сторону соглашения с Советом рабочих и солдатских депутатов, а представители двенадцати Казачьих Войск в первый раз съехались со всех концов Европейской и Азиатской России, М. П. блестяще справился с выпавшей на его долю задачей. Общий язык был найден, основные вехи для всех 12 Казачьих Войск были установлены. Представители казачества единодушно высказались за единение с союзниками для достижения общими силами победы, единодушно решили, что казачество должно остаться в составе Великой Свободной России с предоставлением каждому Казачьему Войску автономии с правом законодательства по местным делам, со своими Кругами-Радами и выборными Войсковыми Атаманами. Общеказачий Съезд оставил в Петрограде исполнительный орган - Совет, председателем которого был избран М. П. Б-ий, а Заместителем — ставший впоследствии В. Атаманом Оренбургского Войска — А. И. Дутов, который потом заменил М. П-ча на посту Председателя Совета всех Казачьих Войск.

В следующем месяце, в апреле, собрался в Новочеркасске Донской Казачий Съезд, председателем которого был избран М. П., возглавивший и оставленный Съездом Исполнительный комитет по созыву первого Войскового Круга.

Большая заслуга Исполнительного Комитета Съезда и его председателя в том, что они сумели поставить на свое место самозванный исполнительный комитет, который захватил после революции высшую власть на Дону и, не имея даже в своем составе ни одного **представителя** Войска, присвоил себе право выбора Донского Атамана, подчинив последнего контролю Военного Совета во главе с представителем запасных пехотных полков поручиком Арнаутовым.

Исполнительный Комитет Дон. Каз. Съезда с достоинством, спокойно и властно положил этому конец, и в Новочеркасске 27 мая 1917 г. собрался первый после двухсотлетнего перерыва Войсковой Круг — хозяин Донской земли.

Здесь в лице М. П-ча мы уже видим председателя «Божией милостью». У него уже выработалась безукоризненная техника, уменье вести работу большого собрания и держать прения в определенных рамках. Задача была трудная: Круг был многолюден — около 500 представителей станиц, главным образом «дедов», и около 200 представителей фронтовых частей, бурлящей, кипящей, уже распропагандированной молодежи, значительная часть которой прибыла с фронта с наказами уничтожить на Дону «гидру контр-революции». Работу затрудняла и наличность некоторого антагонизма между представительством от северных округов, считавших себя бедными, и от южных, считавшихся богатыми.

М. П. умел сразу охватить всю обстановку и ясно и определенно ставить вопросы. Обычно первая же его речь с исчерпывающей полнотой намечала все вопросы, которые предстояло обсудить на продолжительных сессиях Круга.

Оратором М. П. был незаурядным, и недаром называли его Донским Баяном, Донским Златоустом и Трибуном. Чтобы понять секрет обаяния его речей, нужно было его слышать. Подкупающая искренность, глубокая любовь к родному Дону, вера в историческую миссию казачества — все это захватывало слушателя. Особенно сильно было его влияние на «дедов», он был их общим любимцем.

М. П. любил, чувствовал и понимал природу, любил Донскую старину, казачью историю, традиции, «вольности». Большой художник слова, свои сравнения, так украшавшие его речь, М. П. брал из жизни природы или из героического прошлого Дона, и эти образы прошлого захватывали слушателей. М. П., сам веруя и любя, хотел в казаках, сидевших перед ним, видеть рыцарей былого Дона, старался пробудить в них то, что одушевляло его самого. И деды действительно — как показали это дальнейшие события — стали такими, а за ними пошла и молодежь. Влияние М. П-ча, как оратора, было велико. Вспоминаю заседание Войскового Круга в сентябре 1917 г., когда Атаман А. М. Каледин был объявлен Временным правительством, на основании провокационной телеграммы, полученной с юга, без всякой проверки, изменником и когда для подавления несуществовавшего мятежа была объявлена мобилизация Московского и Казанского военных округов.

Горечью и обидой, негодованием и боль-

шим достоинством звучала тогда речь М. П-ча. В. Круг сам судил своего избранника — и оправдал его. Под влиянием речи М. П-ча настроение настолько поднялось, что можно было опасаться необдуманных решений. В перерыве мне, бывшему Председателем Круга, пришлось обратить внимание М. П-ча, что атмосфера так накалена, что только новое выступление самого М. П-ча может поправить дело. Снова выступил М. П. и внес необходимое успокоение.

Помню июньские заседания Круга, когда я был товарищем председателя. Сессия затянулась. Все утомлены. Казаки-землеробы волнуются: дела хозяйственные давно уже требуют их присутствия дома... На заседаниях Круга выкрики с мест, прерывающие многоречивых ораторов: «пора кончать», «трава горит», «на буграх уж погорела»! Ораторы не рискуют выступать более, чем на 3-5 минут, но вот в одном из таких, затянувшихся до глубокой ночи, заседаний выступает М. П. и говорит два часа при полном внимании залы. Ни одного возгласа с мест...

В «Донской Летописи» подробно освещена политическая, законодательная и административная деятельность Войскового Круга и Войскового правительства, в которых М. П. брал на себя львинную долю. Известна его особая роль в «сполохе», поднятом на Дону, когда опасность грозила нашему Атаману, и я об этом распространяться не буду. Остановлюсь на последних днях жизни М. П-ча.

Наблюдавшие его в январе 1918 года не могли не заметить, что вера его в успех нашего дела для данного момента была им почти утеряна. Вообще же, вне зависимости от того момента, он говорил: «Казачья песня не спета, казаки о себе еще скажут», в январе же, перед крушением, настроение было мрачное, которое нашло свое выражение в письме к Виктору Севскому — редактору «Донской Волны» Краснушкину: — «Вчера вечером шел мимо часовни и видел, как трепетно догорала лампадка в сумраке ночи. И наша жуткая действительность нагоняет такую смертельную тоску, что надежда становится подобной догорающей лампадке. Я буду бороться до конца, даже если он будет кровавым, но «болит моя душа»...

Затравленный, загнанный, преследуемый по пятам Голубовым в Сальских степях, не находя ни у кого убежища из-за боязни быть расстрелянным за укрывательство «контр - революционера», М. П. в станице Денисовской, после холодной зимней ночи, проведенной с женой под открытым небом в чьем-то саду, сдался Голубову. Тюрьма в станице Платовской, потом в Великокняжеской, издевательства матросов и красногвардейцев из отряда Голубова... Наконец, Новочеркасская гауптвахта, караул казачий Новочеркасского революционного гарнизона, относительное благополучие, прогулки во дворе, посещения знакомых. Начальник гарнизона Войсковой Старшина Голубова, потеряв надежду получить от советской власти пост Донского Красного атамана, видимо заколебался и непрочь поискать нового пути, что до некоторой степени подтверждается неожиданным появлением его весной в одной из восставших против советской власти станиц, где он был застрелен студентом Донского Политехнического Института...

В двадцатых числах марта М. П-ча доставляют в здание Кадетского корпуса на митинг: бывший Помощник Атамана Каледина и Председатель В. правительства должен дать революционному гарнизону отчет в «контр-революционной» деятельности Атамана и правительства.

Председательствует Голубов. Масса вооруженных — красногвардейцы, казаки фронтовики. Первым выступает советский военный комиссар студент Ларин. В демагогической речи, со злобными выкриками по адресу «врага народа», оратор на границе к открытому призыву учинить на месте самосуд. Ожидавшегося впечатления речь его, однако, на казаков, бывших на митинге в подавляющем большинстве, не произвела. После Ларина Голубов предоставил слово М. П-чу.

Три часа и десять минут продолжалась его речь по вопросу о том, что такое казачество, кто такой Каледин и почему Каледин и его правительство избранные Войсковым Кругом, вели и должны были вести борьбу. В простой, ясной и в то же время красочной речи-докладе М. П., не видя около себя и не чувствуя никакой поддержки, с полным самообладанием доказывал слушателям, что Атаман и правительство шли совершенно правильным, единственно возможным чисто-казачьим путем, соблюдая интересы населения в полном согласии с Войсковым Кругом, то есть с представителями населения, пославшего депутатов на Круг с определенными наказами. В его речи были и слова о запломбированном вагоне и о Брест-Ли-

товском мире, о предательстве родины. Для такой речи в тот момент и в такой обстановке требовалось мужество исключительное, любови к родному Дону, которая сильнее страха мучительной смерти.

И когда Донской Златоуст кончил свою речь, ожидавшегося Лариным самосуда не произошло... У революционных казаков фронтовиков, шедших с Подтелковым и Голубовым, распропагандированных и одураченных, прояснилось сознание, заговорила совесть, — и буря апплодисментов покрыла последние слова М. П-ча.

Советские комиссары в Ростове, поняв опасность, почувствовав, что почва может ускользнуть из-под их ног, решили немедленно действовать: из Ростова спешно был выслан отряд матросов и красногвардейцев, который, неожиданно появившись в Новочеркасске, окружил гауптвахту, разоружил казачий караул и увез пленника в Ростов.

1-го апреля 1918 г. — в самом начале того месяца, в конце которого вспыхнуло на Дону всенародное казачье восстание — Ростовский комиссар двадцатилетний недоучившийся ученик Новочеркасского Коммерческого училища Антонов вывез М. П-ча в третью Нахичеванскую рощу и двумя выстрелами из револьвера убил его.

Франция **Н. М. Мельников.**

ДОНСКОЕ ВОЙСКОВОЕ ИМУЩЕСТВО.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В крайне-правой монархической прессе Нью-Йорка появились статьи, авторы которых, озлобленные на Н. М. Мельникова за его статьи, разоблачавшие «неправду» их кандидата на пост Донского Атамана за рубежом, и не будучи в состоянии опровергнуть выдвинутые Н. М. М-ым, а также покойным Н. Н. Красновым, Председателем Казачьего Союза в Германии полк. Протопоповым, кубанцем Нестеренко и другими, очень серьезные факты, пытаются подорвать доверие казаков к Н. М. Мельникову, заявляя, что он «УПОРНО УКЛОНЯЕТСЯ» от опубликования отчета о Донской заграничной казне, а между тем отчет был напечатан еще в 1956 году в № 6 «Родимого Края». Чтобы раз навсегда положить конец этим недостойным выпадам и вместе с тем дать возможность тем казакам, которые не читали в 1956 году «Родимого Края», ознакомиться с содержанием статьи Н. М. Мельникова о «Донском Войсковом имуществе», мы еще раз печатаем эту статью.

Покойный А. П. Богаевский, последний Донской Атаман, в журнале «Казак» — в № 3-4, март-апрель 1934 года, на стр. 6 — доводя в год своей смерти до сведения Донских казаков, что все Войсковые деньги израсходованы, опубликовал свою последнюю волю: «отчет за свою службу Дону и России дам на родине перед Войсковым Кругом, а не здесь на чужбине. Если мне не суждено увидеть возрождение Родного Дона, я и заместителю своему завещаю отчет представить на Дону Войсковому Кругу».

Отчет был составлен и все книги по отчету, со всеми оправдательными документами, были сданы в Донской Архив, который входил, на правах автономного отдела, в состав Русского Заграничного Исторического Архива в Праге, находившегося в ведении Министерства Иностранных Дел Чехо-Словацкой Республики. Заведующий Донским Архивом назначался Министерством Иностранных Дел по представлению Донской Исторической Комиссии. Первым Заведующим Д. Архивом был Член Донского Правительства П. А. Скачков, а вторым, после его смерти, полк. ген. шт. Ковалев. По соглашению Минист. Иностран. Дел с Донской Исторической Комиссией, Донской Архив должен был содержаться за счет Чехо-Словацкого Правительства, которое принимало на себя обязанность хранить Архив до того времени, когда в России на смену власти интернациональной придет власть национальная.

Это обязательство не помешало б. Президенту Чехо-Словацкой Республики Бенешу «подарить» Донской Архив, вместе со всем Русским Загр. Ист. Архивом, советскому правительству «в благодарность», как го-

ворят, за освобождение Праги от немцев. ...При создавшемся положении и учитывая, кроме того, появившиеся в казачьей печати непристойные выпады, касающиеся Войскового имущества и бросающие тень на чистое имя покойного Атамана, а также и на ушедших в лучший мир — идеже нет не только ни печали, ни воздыханий, но нет и злобы и клеветы — на бывших заграницей Председателей Донского Правительства М. В. Корженевского и П. А. Скачкова и на неизвестно где сейчас находящегося В. А. Апостолова, как и на живущего еще пока на земле автора этих строк, я, имея в виду, что быть может и мне не суждено увидеть возрождение Родного Дона, считаю своим долгом теперь же опубликовать имеющиеся у меня сведения по отчету. К счастью, перед сдачей всех книг и документов по отчету в Донской Архив в Праге я распорядился — на всякий «пожарный» случай — составить для меня вторые экземпляры ответных книг по расходу по разным странам и общую сводку всех расходов, которые и уцелели у меня и сданы мною, на случай моей смерти, на хранение в Архив при Колумбийском Университете в Нью-Йорке.

Должен отметить, что эвакуация имущества с Дона происходила, когда я был Председателем Дон. Пр-ва, ликвидация же того, что могло быть ликвидировано, производилась заграницей не мною, а указанными выше лицами. В Екатеринодаре я, будучи назначен — по соглашению Верховного Круга Дона, Кубани и Терека с Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России генералом А. И. Деникиным — на пост Председателя Совета Министров Южно-Русского Правительства, сдал должность Председателя Дон. Пр-ва заменившему меня М. В. Корженевскому, на должность же Председателя Дон. Пр-ва заграницей я был назначен Донским Атаманом А. П. Богаевским 24 октября 1922 года в Белграде.

Недостаток места не позволяет мне вдаваться в большие подробности и я буду поневоле относительно краток.

Что же именно было вывезено с Дона?

Прежде всего, военный Архив гражданской войны, который нельзя было оставить на месте, чтобы не подвергать смертельной опасности лиц, не имевших почему-либо возможности эвакуироваться, затем Донской Музей, серебро, процентные бумаги Новочеркасской и Ростовской на Дону Контор Государственного Банка и некоторых окружных казначейств, баржи с углем и запасы коньяку, который мог послужить валютой.

Донской Атаман и Правительство решили заграницей, что ни Музей, ни военный Архив не должны быть ни при каких условиях — как бы ни были тяжелы условия жизни казаков заграницей — ни проданы, ни заложены (и это было свято выполнено); эти две категории Войскового имущества должны были быть во что бы то ни стало сохранены для Дона — и потому они все время составляли лишь расходную статью. Музей и Архив хранились сначала в Турции, на Принцевых островах, потом на Русской Посольской даче в Буюк-Дэрэ на Босфоре, оттуда перевезены в Сербию и устроены там, по соглашению с Сербским Правительством, в Белградской крепости.

Т. к. эвакуация из Новочеркасска происходила в условиях спешных, описи Музея на месте составить не успели, и в Константинополе была создана Комиссия под председательством Управляющего Донской Контрольной Палатой г. Марковского, которая составила подробную опись всего вывезенного. По этой описи все и было сдано на хранение в Народный Музей в Праге. В предвидении момента, когда Донские деньги изсякнут и нечем будет оплачивать охрану Музея и Архива, Донской Атаман и Пр-во заключили соглашение с Правительством Чехо-Словацкой Республики — и, в частности, с автономным Народным Музеем в Праге — принявших Донской Музей на безплатное хранение (на тех же примерно условиях, что Донской Архив).

Необходимо отметить, что договор был заключен формально не Дон. Правительством, а от имени Донской Исторической Комиссии в составе Председателя Комиссии А. П. Богаевского и Членов Н. М. Мельникова и П. А. Скачкова. Этот «флаг» был необходим для большей (относительно) безопасности Войскового имущества, т. к. Донской Атаман и Пр-во все время подвергались нападению со стороны кредиторов Главного Командования (среди которых были и иностранные фирмы), всюду искавших «казенное имущество», а также и со стороны некоторых коннозаводчиков Сальского округа, предъявивших в Английском Суде в Константинополе к Атаману и Пр-ву иски, требуя уплаты громадных сумм за реквизированных на родине для армий лошадей. Пр-во и Атаман считали, что Войско не обязано платить за Главное Командование, с другой же стороны у коннозаводчиков было не больше моральь-

ных прав на вознаграждение, чем у остального населения Дона, лишившегося всего.

Дон. Атаман и Пр-во, непризнанные заграницей, были беззащитными. Английский Суд в обеспечение предъявленных исков наложил арест на процентные бумаги, хранившиеся в складе при Константинопольской таможне, а затем отправил бумаги в Англию, где, в уплату расходов по перевозке, распорядился продать с аукциона ценные вещи «Мамонтовской военной добычи»; вырученной суммы не хватило на покрытие фрахта (в Донскую казну особо ценных вещей из этой добычи и вообще не поступало). Для иллюстрации отношения и для характеристики иностранных Судов приведу пример столичного Софийского Суда в Болгарии, разбиравшего иск Кожухарова к Дон. Атаману и Пр-ву. История дела такова. При эвакуации из Екатеринодара оказалось, что вагоны, в которые были погружены Д. Музей, Архив и серебро, были загнаны на дальние запасные пути, сплошь забитые поездными составами. Никакие просьбы и требования о выводе вагонов не помогали. Стало ясно, что комендант станции Екатеринодар поручик Кожухаров саботирует, преследуя свои цели. Дон. Пр-во обратилось за содействием к Командующему Дон. Армией ген. В. И. Сидорину, который, убедившись в тщетности переговоров и считаясь с крайней срочностью (это был последний день), распорядился дать коменданту два ящика с серебряной монетой — и немедленно начались маневры, закончившиеся благополучным выводом вагонов, которые и были направлены в Новороссийск. Когда туда же прибыл и Кожухаров, ген. Сидорин, приказавший следить за быв. комендантом, послал к нему двух офицеров, которые отобрали ящики с серебром и водворили их на прежнее место.

В Крыму Дон. Атаман и Пр-во настояли на предании Кожухарова военному Суду, но дело не было закончено в виду эвакуации Крыма. И вот, этот Кожухаров, очутившись в качестве беженца в Софии, предъявил к Дон. Атаману и Пр-ву иск об уплате ему стоимости «ограбленных» у него ящиков серебра. Несмотря на то, что свидетелями были подтверждены вышеизложенные факты, несмотря на показание б. Главного Прокурора Русской Армии ген. Ронжина, заявившего, что в Крыму производилось следствие о взяточничестве поручика Кожухарова, который избежал тюрьмы лишь благодаря эвакуации Крыма, Софийский Суд присудил с Дон. Пр-ва 50.000 лев в пользу Кожухарова, т. к. «бедный человек был обижен сильным человеком-правительством»... Апелляционная жалоба Пр-ва была оставлена без последствий...

Не лучше было положение и вне Суда. «Кредиторы» обращались за содействием и к союзной контр-разведке, и ее агенты, в том числе и наши российские соотечественники, не гнушались прибегать к шантажу. Допросы, обыски, угрозы арестом «а сокрытие казенного имущества»... В Константинополе дошло до того, что Донское Пр-во настойчиво просило Атамана, для безопасности, перейти на жительство в здание Русского посольства, пользовавшееся правом экстерриториальности, и А. П. Богаевский вынужден был «сесть в бест»... При отъезде семьи Атамана из Турции в Болгарию багаж был задержан на вокзале на сутки — в чемоданах супруги Атамана искали «казну». Еще хуже было в Болгарии, при премьере Стамбулийском, с безконечными допросами, вызовами в участок, с угрозами избиением. Особенно много испытаний выпало тогда на долю исп. обяз. Председателя Пр-ва П. А. Скачкова. При таких условиях не могло быть и речи о хранении на месте приходных книг — все документы по приходу отсылались в Архив для особого хранения в Праге.

Возвращаясь к вопросу о Музее, необходимо добавить, что вывезены были из Новочеркасска и сданы на хранение в Праге все четыре отдела: исторический (свыше 1.500 предметов), этнографический, нумизматический (коллекция медалей — 600, коллекция медных и серебряных монет — 1.500 — с самых древних эпох) и архивный. В числе вывезенного: все Царские Грамоты (21), начиная с грамоты Алексея Михайловича, а также грамота Войскового Круга В. Атаману А. М. Каледину, Царские Грамоты полкам, герб Войска Донского, серебряный позолоченный пернач, булава, насека, 115 знамен, в том числе 12 Войсковых с 1729 по 1878 г. и 16 отбитых у большевиков, штандарты, бунчуки, стяги, шашки, сабли, копья, бобылевы хвосты, ружья курковые, пистолеты кремневые, пищали и т. д., золотое оружие Каледина и Чернецова, ордена, кивер, шашка, плеть и другие вещи ген. Каледина, сабля императора Александра I, сабля Платова, пика, поднесенная в Лондоне казаку Землянухину в 1814 году, разные предметы, найденные при раскопках курганов, в том числе два золотых слитка, и части золотых венцов

скифских царей и т. д. Все это сдано по надлежащим подробным описям и документы о принятии на хранение подписаны ответственными должностными лицами.

Все это неоценимой стоимости и все хранилось в полной неприкосновенности. Учитывая возможность какой-либо большой опасности для Музея, мы оговорили свое право взять обратно сданное на хранение, при наличии не менее двух подписей, при чем подпись А. П. Богаевского (а после его смерти — моя) были абсолютно необходимы. Право это использовано не было — ни полностью, ни частично.

Перед сдачей Музея, постановлением Правительства, под председательством Атамана, с согласия Войскового Контролера, было единогласно решено изъять коллекцию золотых монет и несколько золотых вещей и передать их, с подробной описью, на хранение Председателю Пр-ва, предоставив ему, с согласия тех, кто останется в живых, право продажи в том случае, если впоследствии Музею будет грозить опасность, а денег уже не будет, с тем, чтобы можно было пригласить адвоката и принять другие меры для спасения целого путем ликвидации незначительной части. Несколько золотых монет из этой коллекции тем же постановлением Пр-ва было решено передать на хранение члену Пр-ва П. А. Скачкову, оставшемуся в Праге, с той же целью и на тех же условиях на случай необходимости принятия первых экстренных мер на месте.

Когда А. П. Богаевский и все другие ответственные лица умерли, я, оставшись единственным распорядителем Войскового имущества, решил, на случай моей смерти и чтобы обеспечить дальнейшее хранение имущества, восссоздать Донскую Историческую Комиссию, для чего вошел в переговоры с одним из двух избранников зарубежных Донских казаков — с графом М. Н. Граббе, как жившем в одной со мной стране, и предложил ему войти в состав Комиссии и, кроме того, указать от себя трех кандидатов, из которых я мог бы остановиться на одном, наиболее по моему мнению подходящем (будучи ответственным за имущество, я оставлял за собою право выбора), четвертого члена Комиссии указал я. Этой Дон. Истор. Комиссии нового состава я и передал в 1937 г. по описи много лет хранившуюся у меня лично коллекцию, а также и бумаги, касающиеся сдачи Музея на хранение в Праге.

О всех произведенных переменах в составе Комиссии была немедленно поставлена в известность Дирекция Народного Музея в Праге.

Когда до меня дошли сведения, что золотые монеты, хранившиеся у П. А. Скачкова, переданы им, без моего ведома и согласия графу Граббе, как Атаману, я в заседании Дон. Ист. Комиссии задал вопрос гр. Граббе, соответствует ли этот слух действительности, гр. Граббе ответил утвердительно, о чем и было занесено в протокол заседания. Комиссии эти монеты переданы не были, и о судьбе их мне ничего неизвестно.

Нужно сказать, что сейчас же после избрания его Атаманом, гр. Граббе настойчиво и неоднократно добивался от меня изъятия из Пражского Музея пернача и передачи ему вместе с золотой коллекцией. Я категорически отказался это сделать, заявив, что место пернача в Музее, как это было и в Новочеркасске (пернач выносился на парады из Музея), а не в беженской квартире, что его не хранил у себя заграницей и полномочный Донской Атаман А. П. Богаевский, что, наконец, такую же претензию мог бы предъявить избранник и другой части Донцов ген. П. Х. Попов.

Когда я рассказал об этой претензии гр. Граббе ген. П. Н. Краснову, он мне ответил: «совершенно с Вами согласен».

Я заявил графу, что в его распрю с П. Х. Поповым я вмешиваться не имею ни малейшего желания, что и того и другого я считаю лишь Эмигрантскими Атаманами, что претензия именоваться полноправным Донским Атаманом — в теперешних условиях заграничного существования и выборов — является в моих глазах, как юриста и казака, профанацией высокого звания Донского Атамана. Если наше заграничное пребывание затянется на долгое время и Атаманы в будущем будут избираться тремя-четырьмя сотнями голосов — в чьих руках, в конце концов, могут оказаться пернач и имущество? Я заявил графу Граббе (как потом при первом же свидании и ген. П. Х. Попову), что, не признавая за ними права на звание и полномочия Донского Атамана, я готов, если им это понадобится, оказывать посильное содействие в их трудной задаче зарубежных Эмигрантских Атаманов и, в частности, разделить с ними ответственность и права по хранению Войскового имущества. Своих прав по званию Заместителя Донского Атамана (ст. 21 Основн. Зак. В.В.Донского) я не предъявлял, не желая осложнять положе-

ния при выборах Зарубежного Атамана.

Графу Граббе я предложил ознакомиться с отчетными книгами Дон. Пр-ва. Акт, составленный назначенной гр. Граббе комиссией под председательством Донского военного летчика ген. Баранова, был графом Граббе опубликован.

«Из песни слова не выкинешь»... и мне приходится рассказать печальную для репутации одного из зарубежных Атаманов историю.

В связи с заявлением ген. П. Х. Попова, что Войсковое имущество вывезено из Праги немцами, возникает вопрос: если это действительно так (эти сведения ген. Попова нуждаются в подтверждении, ибо имеются и другие сведения), каким образом это могло случиться, если ни я, ни Комиссия никогда и никому поручений такого рода, которые были бы обязательны для Дирекции Народного Музея в Праге и без которых имущество в законном порядке не могло быть выдано, не давали?

Возможны только два ответа: 1) или немцы сделали это сами в порядке захвата военной добычи, или 2) сделано это было ими по соглашению с другой «Донской Исторической Комиссией». Как это ни странно, гр. Граббе, будучи Председателем воссозданной мною и им Д. И. Комиссии, тайно от нас, членов председательствуемой им Комиссии, создал в Праге другую Д. И. К., назначив ее председателем С. В. Маракуева, оставшись сам вне Комиссии, над нею. Очевидно, гр. Граббе был недоволен нашей «несговорчивостью», ибо члены ДИК никогда не согласились бы передать Войсковое имущество в его единоличное безконтрольное распоряжение, тогда как новая Комиссия могла посмотреть на дело иначе, у графа же имелась и опора в лице ген. Бискупского, близкого тогда к немцам.

Наша Комиссия была графом «распущена» с объявлением нам «рескрипта», выражавшего благодарность за нашу «плодотворную работу на пользу Дона»... Мы, конечно, ни роспуска, ни рескрипта не приняли, и Дирекция Нар. Музея была уведомлена о незаконности новой ДИК и, в силу нашего основного договора, ничего не имела права ей выдавать, но... время было военное и Прага находилась во власти оккупантов.

Те из членов этой новой, Пражской, Д. И. Комиссии, которые находятся по эту сторону «железного занавеса», сделали бы хорошее дело, если бы рассказали, предпринимала ли их Комиссия какие-либо шаги в отношении Донского Музея и Донского Архива и какие получены результаты.

Когда я узнал об учреждении новой Д. И.К., я, в присутствии члена Д.И.К. ген. Н. Г. Зубова, высказал гр. Граббе мое глубокое возмущение и заявил протест в такой резкой форме (назвав его поступок, между прочим, неджентльменским по отношению к членам Д.И.К. и могущим причинить огромный вред Донскому казачеству), что граф позже избегал со мной встречаться, «чтобы» — как он заявил нашим генералам — «не выслушивать от Мельникова дерзостей». *)

Вернемся к другим категориям Донского имущества.

Как мы уже видели, главные ценности — Музей и Архив — были статьями расходными, а не приходными.

Запасы коньяку, шедшие через Грузию, не были выпущены правительством Грузии и не попали заграницу. Все усилия быв. членов Пр-ва С. В. Макарова и С. Г. Елатонцева, посланных из Константинополя, выручить это имущество, не увенчались успехом. Каменный уголь, отправленный с особой Комиссией под председательством М. М. Казмичева, под наблюдением Управл. Отд. Торговли и Промышленности инж. В. Т. Васильева, благополучно дошел до Константинополя, где и был продан по нормальным ценам, но Комиссия самостоятельно решила на вырученные деньги купить пароход, при чем выбор парохода оказался очень неудачным: старой конструкции, с небольшой скоростью, со старыми машинами, пожиравший огромное количество топлива, «Федор Феофани» не был в состоянии конкурировать с другими пароходами по перевозке грузов. Ко всему этому присоединились «недоразумения» с командой, и пароход, вместо того, чтобы приносить доход, сделался статьей расходной. По предложению инж. Васильева, правительство решило передать пароход в эксплуатацию опытным Донским пароходчикам Парамоновым, но когда «Ф. Феофани» появился потом с чужим грузом в Константинополе, правительство Кемаль-паши, освободившись от союзной оккупации, объявило акты, совершенные во время иностранного владычества, лишенными силы, и турецкий Суд признал акт покупки-продажи парохода недействительным. Никакие жа-

*) По имеющимся у меня достоверным сведениям, Музей вывезен из Праги не немцами, а советскими властями, и находится ныне в Новочеркасске в здании Донского Музея. Н. М.

лобы и протесты не помогли — пароход был отобран... Новая иллюстрация в дополнение к тому, что было сказано выше по поводу дела Кожухарова и других.

Возможно, что в деле продажи угля — покупки парохода могли быть и злоупотребления, и когда Донской Атаман назначил меня своим Представителем в Турции, я просил у Дон. Пр-ва, бывшего тогда в Крыму, полномочий произвести ревизию. Была назначена Комиссия из Донских юристов-беженцев, с участием представителя Войскового Контроля, которая энергично приступила к делу (большое дело о ревизии находится в моем архиве). Когда в ходе развития выяснилась необходимость обревизовать всю деятельность министра торговли и промышленности, находившегося в Константинополе, и правительство, по моему докладу, дало мне надлежащие полномочия, инженер Васильев заявил протест, считая, в духе местничества, свое положение Управ. Отделом выше моего положения Представителя Атамана, и уехал в Крым, чтобы там представить отчет непосредственно В. Кругу, увезя с собою книги, которые и остались в Крыму при эвакуации. Позже, в Праге, инж. Васильев стал в оппозицию Дон. Пр-ву, а при появлении большевиков в Чехо-Словакии возглавил там — как говорят беженцы — Союз советских патриотов.

К тому, что сказано выше о процентных бумагах, на которые был наложен англичанами в Константинополе арест в судебном порядке и которые были отправлены в Англию, мне остается добавить, что хотя их насчитывалось много миллионов, но это были миллионы в русских рублях, расценивавшихся по крайне низким ценам, а потом и совсем потерявших цену; кроме того, это были бумаги, 99% которых принадлежали не Войску, а частным лицам и учреждениям, хранившим их в банках и казначействах. Дон. Пр-во считало своим долгом их защищать, но так как судебные процессы в Англии требуют очень больших расходов, оно адресовалось путем печати ко всем собственникам бумаг с обращением (напечатанным в русских газетах во всех главных странах рассеяния), приглашая собственников бумаг заявить английскому суду непосредственно от себя о принадлежности бумаг им лично, а не Дон. Пр-ву. Правительству принадлежали лишь процентные бумаги Китайского займа и небольшое количество других бумаг, которые удалось еще до ареста склада изъять из общей массы.

Вырученные за эти бумаги деньги и были теми первыми суммами, которыми располагали Атаман и Пр-во в первые месяцы пребывания в Турции, оплачивая содержание персонала, аренду транзитного склада, перерасходы по пароходу, охрану Музея, содержание Комиссий по составлению описи %% бумаг и описи Музея, снабжение паспортами и фотографиями для паспортов казаков, бывших на пароходах и в лагерях в Чаталдже и др., расходы по перевозке казаков в Болгарию, Венгрию и студентов в Чехо-Словакию, участие в расходах на инвалидов в убежище Русского Посольства и в убежище «Ильдиз», содержание стипендиатов в лицеях и Русской гимназии, на курсах иностранных языков, плата за казаков в ночлежных домах, устройство мастерских на Лемносе, содержание членов финансовой и беженской Комиссий Войскового Круга, выдача пособий беженцам и т. д.

***

Остается сказать еще о серебре — главном, основном, можно сказать почти единственном источнике дохода, позволившем Донскому Атаману и Пр-ву организовать широкую помощь беженцам. Серебро это было неполноценное, не в чистом виде, а в мелких монетах, т. е. с большой примесью лигатуры; до эвакуации оно находилось в подвалах Ростовской на Дону Конторы Государственного Банка, и в Крыму, в момент эвакуации, возник спор о праве собственности, т. к. представители Главного Командования считали это серебро общероссийским, а не Донским достоянием. Знаю, что некоторые Донцы ставили в упрек нашему покойному Атаману его мягкость и чрезвычайную уступчивость вообще по адресу Глав. Командования, — и я могу утверждать, что только благодаря твердости и настойчивости А. П. Богаевского серебро осталось за Доном, и Донцы могли получить на чужбине ту помощь, которая была организована Атаманом и Пр-вом (в моем архиве хранится собственноручное письмо ген. П. Н. Врангеля, разрешившее спор о серебре).

Отвлекаясь в сторону от вопроса о серебре, я считаю долгом рассказать попутно о факте мало кому известном, но имеющем очень большое значение и обрисовывающем покойного Атамана, как человека, умевшего, когда было нужно, отстоять интересы Донцов.

Дело было в Крыму. Главнокомандующий ген. Врангель, которому был подчинен Донской корпус, принял решение организо-

вать десантную операцию на Дон и отправить туда все Донские части. Учитывая слабость сил, недостаточность снабжения, отсутствие проверенных сведений о настроении населения на местах и невозможность, за отстутствием достаточных резервов, поддержки из Крыма в случае неудачи, Донской Атаман, считая такое предприятие авантюрой, которая должна закончиться гибелью всех Донцов, заявил протест и категорически отказался дать свое согласие. Дело ограничилось посылкой небольшого отряда охотников-добровольцев под командой полк. Ф. Д. Назарова. Всем известно, чем закончилось это предприятие.

Я считаю, что Донцы, бывшие тогда в составе Донского корпуса и живущие сейчас заграницей, жизнью своей обязаны твердости Атамана, не любившего авантюр и имевшего жалость к человеку...

***

Вернемся к серебру. Когда Д. Атаман и Пр-во находились еще в Крыму, а серебро в Константинополе, к правительству поступило ходатайство от группы Донских беженцев, находившихся в Турции, во главе с Новочеркасским мануфактуристом и банковским деятелем Абрамовым и ген. П. Х. Поповым, о передаче серебра в распоряжение группы для открытия банка. Атаман и Пр-во отклонили это предложение, считая, что если в Крыму нельзя будет удержаться, имущество должно быть обращено на дело помощи Донцам.

Ящики с серебром находились на Константинопольском рейде на палубе Итальянского боевого крейсера «Сардиния». Это было и хорошо, и плохо. Хорошо в том смысле, что, находясь на Итальянской, а не на турецкой, территории, серебро было вне досягаемости «кредиторов», плохо же потому, что у итальянцев проявились некоторые нежелательные для Донцов тенденции, и вскоре стало ясно, что при истребовании серебра Донское Пр-во натолкнется на серьезные (т. е. при беззащитности положения просто непреодолимые) препятствия, если к делу не будут привлечены влиятельные в Италии лица. Крейсер снялся с якоря и ушел в Италию. Нужно было искать покупателя среди итальянцев и притом покупателя с большими средствами и с большими связями. В виду крайней серьезности положения и громадного значения для Пр-ва и для помощи беженцам этого имущества, в Италию были отправлены юрисконсульт Пр-ва и Войсковой Контролер, которые благополучно и закончили трудное дело. Все было урегулировано и серебро ликвидировано без потерь, по нормальным в тот момент ценам.

***

Считая вместе с серебром поступления и от процентных бумаг, Донской Атаман и Пр-во за все время пребывания заграницей имели в своем распоряжении на приходе 239.748 долларов и 74 цента, т. е. в среднем, по тогдашнему курсу, около 5 миллионов французских франков. Так как расходы производились по разным странам в разных валютах (турец. лиры, левы, динары, драхмы, франки, фунты, кроны, марки, злоты...) для общего отчета необходимо было все свести к одной денежной единице, и остановились на самой устойчивой — долларе.

На какие же надобности израсходованы эти деньги?

Когда Атаман и Пр-во 20 ноября 1920 г. сошли с парохода в Константинополе, одной из первых их задач было переформирование состава Пр-ва в виду сокращения функций и с целями экономии в расходах.

Вместо 10 членов оставлено было только трое: Председатель ген. В. А. Апостолов, заменивший М. В. Корженевского, управл. беженским отделом П. А. Скачков и управл. Отд. Фин. М. В. Корженевский. В виду возбуждения против Пр-ва судебных исков, состав его с 1 февраля 1921 г. б ыл пополнен исп. обяз. Войскового Секретаря юрисконсультом Н. Н. Решетовским.

Когда я был назначен 24 октября 1922 г. Председателем Пр-ва, нас было всего лишь трое, включая и самого Атамана, — минимальное число, необходимое для составления коллегии: А. П. Богаевский, я и П. А. Скачков. Оставался, конечно, и Войсковой Контролер, избранный В. Кругом.

Мы были единодушны в оценке мирового положения и перспектив будущего.

Мы понимали, что если беженцам и не суждено, быть может, окончить жизнь на чужбине, то во всяком случае придется жить здесь очень долго. Из этой оценки положения логически вытекало наше отрицательное отношение (так не нравившееся некоторым военным кругам), к шумихе «весенних походов», которая производилась в первые годы беженства представителями Главн. Командования и быв. Атаманом П. Н. Красновым и которая напрасно взбудораживала казаков, держала их в нервном напряжении, возбуждая иллюзии и мешая прочному устройству. Отсюда — наши советы Донцам распаковать чемоданы, подготовиться и воз-

можно лучше вооружиться для предстоящей тяжелой жизненной борьбы. Отсюда — из нашей общей оценки положения — наша всяческая помощь организации станиц и хуторов, необходимых для моральной и материальной взаимной поддержки, устройство мастерских и всевозможных курсов для приобретения практических знаний, поддержка студенческой и вообще учащейся молодежи, помощь ссудами — через устроенные нами Донские Вспомогательные Кассы в Турции, Болгарии и Сербии — артелям и единоличным предприятиям.

«Не единым хлебом жив будет человек» — Атаман и Пр-во обращали внимание и на духовную пищу: они создали Донскую Историческую Комиссию, издали три тома «Донской Летописи», книгу «Россия и Дон», анкету «Казачество», выпускали для казаков газеты «Казачье Слово», «Казачьи Думы», «Информационный Листок Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека», «Сводку и Вестник Казачьего Союза», «Родимый Край» и «Казак». Атаман и Пр-во стремились к устройству при станицах библиотек, высылая бесплатно, как основу, издания Донской Исторической Комиссии, казачьи журналы и газеты.

Способствуя организации Донцов в привычные для казаков станицы и хутора, мы стремились к объединению их в мощный Союз, — и созданный и существовавший до смерти А. П. Богаевского «Казачий Союз» в Париже объединил 188 казачьих организаций в 18 странах казачьего рассеяния, установив между ними и Центром надлежащую живую связь.

Красной нитью проходила цель объединить всех казаков, без различия Войск. На Донские средства был создан и действовал Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека, выступавший от имени всего Казачества, как и упомянутый выше общеказачий «Казачий Союз», который никогда не замыкался в узко-Донские рамки.

Тысячи казаков были перевезены из стран, где условия жизни были тяжелые (Германия, Греция, Венгрия, Польша, Финляндия, Балканы), в другие страны, где можно было устроиться лучше и более прочно, при чем не делалось никакого различия между казаками разных Войск. Оказывалась и прямая братская денежная помощь и казачьим правительствам.

Если остановиться на отдельных странах, мы увидим, что в Турции, например, помимо прочего, были организованы бесплатные для казаков курсы иностранных языков, курсы шоферские, железнодорожные в Кабадже; в Болгарии, где скопилось больше всего казаков — курсы тракторные, автомобильные в Ямболе, электро-монтеров, инсталяторские, курсы сапожные в Плевне, Новой Загоре, Дольно-Ореховце, столярные в Варне; в Сербии — курсы автомобильные, в Польше — сельско-хозяйственные в Тухоле, во Франции — Земельная Комиссия совместно с Земгором, которая устраивала казаков артелями в качестве фермеров или испольщиков на фермах в юго-западных департаментах. Устраивались общежития и столовые (в Турции под управлением полк. Жирова, в Сербии — ген. Г. П. Янова). Широко развернули свою деятельность на Донские средства Донские Вспомогательные Кассы и Комитет «Казачья Помощь» в Турции, Болгарии и Сербии, выдававшие ссуды на организацию предприятий, помогая энергичным Донцам стать на ноги и способствуя созданию артелей: в Турции — сельско-хозяйственная колония, садово-огородническая артель, в Болгарии — рыболовные артели, рыбо-промышленная артель, сельско-хозяйственная, огородная, охотничья, кузнечно-слесарная, столярная, сапожная, плотничья, торгово-промышленная, портняжная, артель для торговли яйцами, артель «швейная мастерская», по мясоторговле, хлебо-пекарная, шорная, по продаже обуви, артель «торговое товарищество», мастерская дамского белья, шляпная и др.

❦

Перейдем к цифрам. На приходе: 239.749 долларов 74 цента; на расходе: 239.748 долларов 74 цента. В номере 3-4 журнала «Казак» в апреле 1934 года Донской Атаман ген. лейт. А. П. Богаевский объявил Донцам, что все Войсковые средства израсходованы и касса пуста.

Израсходовано за все годы, начиная с 1920-го года, на: содержание личного состава (Атаман, члены Правительства, Представители в разных странах, персонал Ревизионных Комиссий и служебный персонал) — 35.426.07 долларов. Канцелярские и почтовые расходы — 3.472.25. Помещения и хозяйственные расходы — 9.033.65. Служебные поездки по разным странам — 5.916.34. Хранение ценностей и претензии за прежнее время — 33.447.99. Потери на пароходе, на процентных бумагах и ссудах на коммерческие предприятия — 10.327.95. Музей и Архив — 3.393.75. Войсковой Круг и его Комиссии — 27.417.19. Войсковой Контроль —

8.630,11. Донской корпус — 7.377,77. Донская Историческая Комиссия и издания газет, информаций и журналов — 9.380,82. Ссуды отдельным лицам — 5.493,19. Ссуды через Донские Вспомогательные Кассы (главн. образом артелям и товариществам) — 7.411,63. Помощь Донским общественным организациям (станицам, хуторам и т. д.) — 12.732,08.

Помощь учебным заведениям и учащимся — 23.439,26. Пособия беженцам — 19.060,70. Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека — 2.521,53. Помощь правительствам других Войск: Кубанскому — 8.944.05, Терскому — 5.088,39, Астраханскому — 120,65.

Терскому Атаману и Правительству выдавались крупные суммы, но большая часть их была возвращена, когда финансовое положение Терцев окрепло. В остаток неуплаченного Кубанцами и Терцами долга включены и причитающиеся с них доли по расходам Объединенного Совета Д. К. Т.

***

Скажу несколько слов и о ценностях неденежных, вывезенных нами из Новочеркасска: Донском Мариинском Институте и Кадетском Имп. Александра III корпусе. Корпус был отправлен в Египет, где содержание его взяло на себя Английское Правительство (позже он был перевезен в Болгарию и там расформирован), а Институт — в Сербию. Кроме того, в Сербии нами был создан второй Донской Кадетский корпус, в который собрали казачат (без различия Войск) школьного возраста. Когда в конце 1920 г. я был назначен Представителем Объединен. Совета Д.К.Т. и Донского Атамана в Сербии, я нашел там наши школы в ведении Русского Правительств. Уполномоченного в самом жалком положении. Сербское правительство выдавало обычные пособия по числу душ (как и остальным русским учебным заведениям), закрывая глаза на то, что это школы. Преподаватели, воспитатели и кадеты ютились в местечке Стернице в деревянных холодных бараках, учебных пособий не было, персонал (как и в Институте) ничего за свой труд не получал. В находившемся там же Крымском Кадетском корпусе началась эпидемия самоубийств, грозившая перекинуться и на Донской корпус.

По уставу Дон. Мариинского Института Попечителем Института и Председателем Педагогического Совета являлся Донской Атаман. В качестве Представителя Атамана я вступил в исп. обяз. Попечителя и отправился в Сербскую «Державную Комиссию», чтобы выяснить, в чем дело, и попытаться найти выход из тяжелого положения. В числе членов Державной Комиссии был и русский — б. член Госуд. Думы и Московский Городской Голова М. В. Челноков, с которым у меня были прекрасные отношения. Из беседы с ним и с секретарем Державной Комиссии проф. В. Д. Плетневым я выяснил, что сербы никогда не согласятся на ассигновку специальных средств на содержание беженских учебных заведений, если русские гражданские и военные представители не перестанут упорствовать в своем нежелании предоставить сербам право контроля над учебными заведениями. То же, в форме конфиденциальной, подтвердил мне и Председатель Державной Комиссии депутат парламента и быв. министр Люба Йованович.

Побывав в Стернице и выяснив во всех подробностях кошмарное положение, я созвал в Белграде общее собрание русских общественных организаций и сделал подробный доклад, после обсуждения которого Собрание постановило обратиться к Державной Комиссии с ходатайством об упорядочении школьного дела. Возбудив перед Державной Комиссией ходатайство об открытии широких кредитов на содержание Донских учебных заведений, я заявил о согласии Донского Атамана предоставить Державной Комиссии право контроля над Донским Кадетским корпусом и Институтом. Содержание наших школ было полностью принято на счет Сербского Правительства, и они начали функционировать, как нормальные учебные заведения. Такие же кредиты были открыты и остальным русским учебным заведениям **после** соответствующего заявления Правительственного Уполномоченного, и при Державной Комиссии был создан Высший Совет по делам русских учебных заведений с широким участием русского элемента.

В состав Совета, с правом совещательного голоса по делам, касающимся Донских учебных заведений, был включен и я, как Представитель Донского Атамана, а в правой русской белградской печати началась против меня травля, как «самостийника», с легкой руки известного ген. Коммиссарова, пославшего ген. Врангелю ложный донос, от которого ему пришлось потом отказаться.

***

В заключение мне хотелось бы сказать несколько слов по адресу клеветников и злопыхателей.

Когда Донские средства подходили к концу и мы остались вдвоем с Атаманом, я предложил А. П. Богаевскому забронировать

оставшуюся сумму, предназначив ее исключительно на выдачу скромного содержания Донскому Атаману, чтобы растянуть ее на возможно долгий срок, доказывая, что Атаман, в интересах казачьего дела, должен оставаться на поверхности возможно дольше. По состоянию своего здоровья ни на какую службу А. П. Б. идти не мог.

Выдачи пособий и всякие другие расходы должны быть прекращены. Атаман согласился.

Я нашел себе частную службу, продолжая в свободное время без всякого вознаграждения помогать Атаману в работе. Но... деньги продолжали таять с угрожающей быстротой: Африкан Петрович продолжал выдавать пособия!

На мои мягкие упреки я слышал один и тот же ответ: «ну, как я могу отказать?! Ведь «он» действительно нуждается, а деньги все же есть»... Когда конец им совсем приблизился, я, при посредстве близкого мне хориста К. П. Михаленкова, вошел в переговоры с Донским хором С. А. Жарова, и Сергей Алексеевич и его соратники, с таким блеском прославляющие по всему свету казачье имя, выказали себя и тут незаурядными казаками-гражданами, и Атаман, скромный в своих потребностях, до конца своей жизни был обеспечен в основном и мог продолжать свою работу.

А когда он умер и семья не имела достаточных средств на достойные похороны, Парижские Казачьи организации широко откликнулись и устроили такие грандиозные похороны, каких не видал и не увидит эмигрантский Париж. Участвовали все — и сторонники, и противники, и почетный караул у гроба в соборе, сменяясь, держали и те, и другие, начиная с ген. Краснова и гр. Граббе.

Те же организации поставили на могиле Атамана и достойный памятник.

Донская казна была пуста, и мой личный карман был до такой степени тощий (имея семью, я по своей частной службе получал 500 франков в месяц), что я не имел возможности послать Кубанскому и Терскому В. Атаманам телеграмму о смерти Донского Атамана и возложить на гроб его от имени Хора венок, о чем телеграммой просил меня С. А. Жаров, не знавший о моем положении.

***

Я знаю, что А. П. Богаевского и его Прво упрекали в том, что, располагая некоторым капиталом, не употребили его на создание доходных предприятий... Но, ведь, и над этим имуществом висела бы та же угроза, о которой я говорил выше, к тому же предприятия, о которых думают, что они будут доходными, нередко оказываются убыточными. Кроме того, они могли устроить около себя лишь небольшое количество лиц, тогда как перед нами всегда была вопиющая нужда массы донцов, которым необходимо было помогать, особенно на первых порах.

Мы выбрали этот путь.

Заканчивая, скажу, что были, конечно, в нашей деятельности и ошибки, но... «не ошибается лишь тот, кто ничего не делает», а нам, к тому же, пришлось работать в тяжелой обстановке.

Н. М. Мельников.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ГЕН. ШТАБА ГЕН. ОТ КАВАЛЕРИИ ПЕТРА ХАРИТОНОВИЧА ПОПОВА

записанная с его слов, приблизительно в 1933 г., когда он гостил у нас, Синяпкиных, в г. Альбани, в США.

Родился 10 января 1867 г. в Новочеркасске. Отец — чиновник, мать — дочь священника. Окончил Новочеркасскую Классическую гимназию. Через 2 года поступил в Новоч. Казачье Училище (тогда Новочерк. Юнкерское), которое окончил вахмистром в 1889 году. Пробыл на льготе около $1^{1}/_{2}$ года. В 1893 г. явился в 8-ой Дон. Каз. полк в Одессу. В 1898 г. выдержал экзамен в Академию Генерального Штаба. В 1899 г. произведен в подъесаулы и окончил дополнительный (3-й) курс Академии. Произведен в есаулы. Причислен к Штабу Москов. Воен. Округа. В 1900 г. переименован в капитаны и назначен ст. адъютантом Штаба 1-ой Гренадерской дивизии. В 1902-3 гг. командовал 3-им эск. Сумского Гусар. полка.

Во время русско-японской войны сотрудничал по военным вопросам в «Русском Слове» и др. газетах. Одновременно был прикомандирован к Александровскому Воен. Училищу для преподавания военных наук. Произведен в подполковники. Затем

штаб-офицер для поручений в Штабе Моск. Округа, оставаясь преподавателем в Военном Училище. В 1909 г. — полковник. Начальник Новочеркасского Каз. Училища. В 1912 г. — генерал-майор. В янв. 1917 г. был награжден Анной 1-ой ст. В 1918 г. Войсковым Кругом произведен в генерал-лейтенанты за Степной поход. В 1919 г. — генерал от кавалерии.

США. **Н. Синяпкин.**

ДОН.

Мой Край Родной... Там воздух чистый
Бежит шумящим ветерком
По ниве зрелой, золотистой
С манящим синим васильком.
Там утром степь с росою серебристой,
И безконечна и вольна,
Лежит, как бы ковер пушистый,
Травы цветущей вся полна.
И в ней поет со трелью тонкой
Весной в небесной глубине
Родной наш жаворонок звонкий,
Скользя в прохладной синеве.
Там хоры певчих насекомых
Звенят с зари и до зари
В полях цветущих и зеленых
И в небесах парят орлы.
Там блещут девы красотою
Одна другой стройней, милей,
А грозной славой боевою
Сыны родных донских степей.
Где крошка малый казаченок
Сидит довольный на коне,
Недавно только из пеленок —
И уж готовится к войне.
И лентой яркой и блестящей
Катясь по бархатным полям,
Красавец Дон волной звенящей
О старине расскажет вам.
Расскажет, как в траве хозары
Скрываясь, делали набег,
Как тьмой несметною татары
Там крыли конницей весь брег.
Как орды половцев носились
Крикливо, вскачь, по ковылям,
Как скифы дикие селились
По тучным Дона берегам.
Там персы также побывали
Сюда привел их Дарий-царь...
Кого поля те не видали,
Пока не сел в них беглый псарь,
Что от кнута бежал порою
Ханжи, помешика, плута,
Чтоб мог найти покой и волю
И право жить без батога.

Франция. **В. Сычев.**

ЗОРИ РУМЯНЫЕ.

Зори румяные, ноченьки лунные,
Ветер привольный степной!
Мысли мои разгоните безумные,
Грусть о краине родной...
Вы расскажите про степи привольные,
Про поседевший наш Дон,
Спойте мне песни родные застольные —
Весточку с милых сторон.
Как там родные: живы ль и здоровы?
Много ль пролили слез?
Как переносят невзгоды суровые?
Ждут ли конца этих гроз?
Ждут ли к себе они нас с нетерпением
Целые ночи и дни?
Или давно уж надгробным молением
Нас помянули они?..
Так же ли Дон покрывается волнами?
Ждет ли своих сыновей?
Иль присмирел он с устами безмолвными
И позабыл про детей?..
Так же ль ночами в пучину бездонную
Месяц сребристый глядит
И ветерок, зачарованный, сонную
Воду в Дону не рябит?
Все ли попрежнему зорями ясными
Воды пожаром горят?
В бурю валами попрежнему ль властными
Волны Донские бурлят?

Про хутора разскажите с станицами,
Про курени и сады,
Про огороды с крикливыми птицами,
Вина Донские — меды...
Лунные ноченьки, зори румяные,
Ветер, что дуешь сейчас!
Вы на Дону появитесь нежданные —
Там разскажите про нас...

Всем, кто там плачет, скажите уверенно:
Живы, здоровы они,
Духом не пали они, не растеряны,
Рвутся в свои курени.
Всех там казачек порадуйте с дедами,
Батюшку Тихий наш Дон...
Им передайте с чужбины неведомой
Низкий казацкий поклон!

Июль 1920 г. Сев. Таврия.
(Из сборника стихов Н. Альникина
«Рифмованные кончики»)

ПО ПОВОДУ ОШИБОК В ВОСПОМИНАНИЯХ.

Казачья пресса в эмиграции за все 40 лет ее существования, помимо больших работ мемуарного характера, наполнена статьями с воспоминаниями об отдельных эпизодах первой и второй казачьей трагедии. Большие работы этого порядка обычно в большей или меньшей степени эгоцентричны и авторы, описывая события, очевидцами или участниками которых они были, выставляют себя в качестве главных действующих лиц. Эта субъективность в какой то степеи присуща вообще всей мемуарной литературе, в отдельных же случаях достигает таких размеров, которые обесценивают всю работу. Что же касается отдельных статей, помещаемых в газетах и журналах, посвященных описанию тех или иных событий, то как правило они более объективны по изложению, однако и в них нередко встречаются пропуски, неточности и ошибки. В статье Отклики на статью И. Плахова «Как не надо писать историю» («Родимый Край», №30, стр. 19), в выдержке из письма Е. Ковалева, приводится прекрасное объяснение причин таких невольных ошибок в воспоминаниях. К приведенным к ней объективным причинам необходимо прибавить еще одну и очень важную: субъективность восприятия. Одни и те же события видевшие их лица воспринимают, расценивают и запоминают по-разному. Эта субъективность восприятия лежит в самой природе человека и обусловлена разным возрастом, разным развитием, степенью наблюдательности, памяти, политическими взглядами и другими особенностями свидетелей. Помимо этого, воспоминания о событиях, фактах, лицах и т. д. пишутся обычно через 20-40 лет после того, как они происходили и многое неизбежно ускользает из памяти. Поэтому такого рода недостатки возможны даже в наиболее объективных и доброкачественных работах.

Исходя отсюда, мы считаем общественным долгом всех участников и свидетелей исправлять ошибки, делать дополнения и пояснения к тем местам в статьях, которые представляются неполными, неточными или неверными.

Только таким путем коллективного сотрудничества в выяснении вопросов новейшей казачьей истории можно восстановить действительные, реальные факты и события, что имеет неоценимое значение для будущих историков казачьей голгофы.

Исходя из этих предпосылок, я хотел бы сделать небольшие дополнения к двум статьям, помещенным в «Родимом Крае».

Первая из них называется «Выдающиеся деятели из донских казаков на культурном поприще» (№ 29 Р. К.). В этой статье поднят очень интересный вопрос, но самым верным в ней является заключительная фраза: «Список этот краток и далеко не полн». В списке приведено 32 имени. Когда я просмотрел этот список, то тотчас же, по памяти, написал еще столько же казачьих деятелей, из которых многие имели значительно большее значение для развития культуры, но в списке приведены не были. Так там не упомянуты:

Иловайский Димитрий И. Выдающийся русский историк 19 ст.

Иловайский Давид И. Выдаюшийся геолог, профессор Моск. У-та.

Богачев В .В. Выдающийся геолог, донской патриот. Помимо большого количества

научных работ, написал классический труд «География Всевеликого Войска Донского» (Нвч. 1919 г.). Профессор Новочеркасск. Политех. и Ростов. Университетов.

Миллер А. А. Профессор Ленинград. Ута, зав. археолог. отдел., действит. член Академии Истории матер. культ., зав. восточн. отделом Русского этнографического музея, профессор Института востоковедения. Свыше 30 лет вел исследовательские археологические работы на Нижнем Дону и в Приазовье и «открыл» нам древнюю и средневековую историю Дона, о которой до того никто ничего не знал.

Попов Х. И. Знаток донской старины, создатель и многолетний директор Донского областного музея.

Историки Дона **Попов, Сухоруков, Пудавов, Сватиков, Быкадоров** и некоторые из ныне живущих в эмиграции исследователей.

Карасев А. А. Историк и публицист 19 ст.

Листопадов А. М. Ученый собиратель донских казачьих песен.

Седов Г. Н. Полярный путешественник.

Мельников-Разведенков Н. Ф. Крупнейший патолог-анатом. Помимо ряда научных трудов известен еще тем, что в 1924 г. сделал чучело Ленина, которое сохраняется до сих пор.

Давыдов В. Н. Знаменитый в свое время артист, сын казачьего офицера. Настоящее имя И. Н. Горелов.

Власов, певец, многолетний первый солист Большого Московского театра до Шаляпина.

Жаров С. А. Знаменитый организатор и дирижер казачьего хора в эмиграции.

Греков И. И. Выдающийся хирург. Профессор Военно-Медиц. Академии в СПБ.

Греков. Один из наиболее выдающихся и известных юристов и адвокатов в СПБ.

Из писателей не упомянуты: крупнейший донской поэт 19 ст. **Леонов М. А., Шолохов, К. А. Тренев,** выдающийся донской публицист **Виктор Севский (Краснушкин),** а также современные талантливые казачьи поэты и писатели в эмиграции, которых насчитывается не менее десяти.

Из художников не упомянуты такие выдающиеся мастера, как **Калмыков И. Л.** и **Корольков С. Г.,** а также **Абашин и Быкадоров.**

Конечно, и этот список далеко не является полным и к нему, вероятно, можно добавить еще много и много имен научных, культурных и общественных деятелей и общее число их будет не менее сотни. Если же к этому списку прибавить еще донских исторических, военных и политических деятелей, то и таких наберется не менее сотни. Такой список Донского пантеона, хотя бы с самыми краткими анотациями с каждом деятеле, необходимо составить и опубликовать. И я считаю, что такие списки можно составлять наиболее объективно и наиболее точно только сообща, как составляются энциклопедии, с участием многих десятков сотрудников.

Попытки составления и издания таких донских пантеонов уже частично делались. В 1866 г. была издана книга М. Сенюткина «Донские старшины 18 ст.». В конце 19 ст. А. А. Карасев издал книгу с портретами и биографиями выдающихся донцов 19 века. В этой книге были помещены атаманы, командиры и военоначальники. Наконец, в начале 20 ст. А. М. Греков издал небольшую книгу с биографиями выдающихся донцов невоенных. Кроме того, биографии отдельных выдающихся донцов печатались иногда в Историческом Вестнике. Биографии очень многих из приведенных мною лиц имеются в Большой Сов. Энциклопедии, но, конечно, в них нигде не указывается на то, что эти деятели были казаками.

Составление общими силами казачьего пантеона, хотя бы с самыми краткими сведениями о деятелях, и опубликование его в «Род. Крае» было бы очень желательным. Начало этому было положено статьями д-ра Чекунова в одном из первых номеров журнала и очерком В. Суровецкого в № 29. Ведь казаки в массе почти ничего или совершенно ничего не знают о своих выдающихся деятелях.

***

Второе небольшое дополнение я хотел сделать к статье А. З. Воробьева «Казаки на Тереке» и именно к той ее части, где говорится о Волгском казачьем Войске. (Р. К., №30). История этого Войска изложена автором сжато, но с большим количеством фактического материала и, повидимому, совершенно правильно. Однако, история Волгского Войска настолько тесно связана с фамилией Персидских, что было бы нелишним упомянуть и о них.

С 1717 по 1722 гг. была построена Царицынская сторожевая линия, от Царицына по направлению к Дону на 60 верст, фронтом на юг. К 1730 г. выяснилась ненужность такой линии и необходимость перенести ее к югу и повернуть фронтом на восток, для за-

щиты волжского пути от заволжских кочевников. Для заселения новой линии были вызваны охотники, но так как их оказалось слишком мало, то специальным указом Сената от 15. V. 1732 г. было переселено в 1733 году на новую линию 1057 семей, в том числе половина донских казаков.

Организатором и руководителем этого переселения вызвался быть донской казак Макар Никитич Персидский, который и был назначен наказным атаманом нового Волгского Войска. М. Персидский очень хорошо выполнил свою сложную задачу и в 1734 г. ему была пожалована императрицей Анной Иоановной сабля, с большою надписью на клинке, в которой говорится, что этой саблей императрица жалует «Волскаго Воіска Войскаваго атамана Макара Никітіна сына Персіцкаго за многіе і верные его службы».

Хотя в указе о сформировании Волгского Войска и было сказано, что одно и то же лицо можно избирать атаманом не более трех лет подряд, М. Персидский оставался атаманом до 1771 г., т. е. почти сорок лет. Правда, за это долгое время было несколько перерывов, когда М. Персидского сажали в тюрьму за злоупотребления по службе, главным образом за расхищение войсковой казны. Однако тотчас же после освобождения его восстанавливали в должности атамана.

Такое удивительное положение объясняется многими причинами: большие связи М. Персидского в СПБ, куда он часто ездил и возил лицам, власть имущим, «презенты», «благодарности» и другие виды взяток, столь принятых в то время в России. Затем М. Персидский всеми силами поддерживал войсковую старшину и ее привиллегии, за что и последняя поддерживала его. Однако необходимо признать, что М. Персидский был выдающимся организатором, администратором и дипломатом.

Сыновья М. Персидского были войсковыми старшинами Волгского Войска. Из них особенно выдвинулся Федор Макарович, получивший в 1757 г. от царицы Елизаветы Петровны жалованную саблю с надписью, что этой саблей жалуется «Волъского войска зимовой станицы Атаман Федор Макаров сын Персицкий за ево верные службы». Другие сыновья М. Персидского также получали награды ковшами, медалями, часами и пр. В казачьих делах Центрального военно-исторического музея в Москве, за время существования Волгского Войска среди награжденных чаще всех остальных казачьих фамилий встречается фамилия Персидских.

В 1752 г. из части станиц Волгского Войска, расположенных южнее остальных, был сформирован Астраханский казачий полк, который в 1776 г. был развернут в Астраханское казачье Войско.

Оставшаяся часть Волгского Войска была переселена на Терек. В энциклопедии Брокгауза датою этого переселения указан 1770 г. [1] В работе М. М. Денисовой этой датою указан 1777 г. [2] А. З. Воробьев совершенно правильно разрешает это кажущееся противоречие: в 1770 г. было переведено 517 семей и в 1777 — все остальные. Таким образом, датою окончательной ликвидации Волгского Войска является 1777 год.

В 1771 г. Макар Персидский умер, потомки же его, в дальнейшем, возвратились на Дон.

Во время революции, в начале 1918 г., офицер Лейб-Гвардии Казачьего полка Персидский был убит разъяренной чернью на улице Новочеркасска. Кажется, это был последний представитель рода Персидских и с его гибелью этот род прекратился.

Административным центром Волгского Войска была Дубовка на Волге. Здесь долгое время сохранялся войсковой собор, построенный в том же стиле украинского барокко, который господствовал тогда во всей Южной России. Недалеко от Дубовки, на высоком обрывистом берегу Волги, стоял большой атаманский дом Персидских, в том же стиле барокко. Теперь уже ничего этого не осталось.

М. Миллер.

---

1) Энциклопедия Брокгауза и Эфрона, том 1, стр. 34, «Волжские казаки».

2) М. М. Денисова. «Именное холодное оружие 17-19 вв. «ГИМ». М. 1956, стр. 12.

3) А. З. Воробьев. «Казаки на Тереке». «Род. Край» № 30, стр. 11.

Примечание редакции. Помимо вышеуказанных дон. пантеонов нужно указать на выпуски А. Струсевича — «Герои Дона», Нвч. 1895 г.

Были сделаны попытки таких изданий и заграницей. Уже после 2-ой Мировой войны большой любитель казачьей старины, скончавшийся ныне в США, полк. С. В. Болдырев в течении нескольких лет издавал Казачьи Календари, в которых помимо очерков и статей исторического характера было помещено много кратких сведений о выдающихся казаках.

В данное время в США Г. В. Губарев подготовляет издание Казачьего Лексикона, в котором помимо биографий предполагается поместить и краткие сведения о выдающихся событиях казачьей истории.

ПОЧЕМУ НАМ НУЖЕН КАЗАЧИЙ ЛЕКСИКОН?

Рекламируемый в газете НРС «Полный Энциклопед. Словарь» Ф. Павленкова был переиздан в Нью-Йорке в 1956 г., получив дополнение в 162 страницы.

На стр. 157 читаем: «Добр. Армия была организована для борьбы с большевиками ген. Деникиным при участии некоторых политич. деятелей (Шульгина и др.). Первое наступление было в 1918 г., прекращенное оккупацией немцев. В 1919 г. Добр. Армия развила значительные успехи, взяв Киев, Харьков, дойдя до Орла и угрожая Москве. После победы большевиков Добр. Армия прекратила борьбу». Вот и все.

Что же есть там о казаках? А вот на стр. 67: «Каледин, генерал». Уделено ему не полных 8 строк, среди которых: «в мировую войну занимал командные посты, в июле 1917 г. атаман Казачьих Войск, зимой 1917 - 18 г. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Донского казачьего круга, в феврале 1918 г. покончил с собой»... Вот и все.

На стр. 77 — «Краснов, П. — генерал, атаман донского казачества, автор мемуаров и романов («От двухглавого орла к красному знамени» и др.), в годы войны занимал командные должности» — всего 6 строк.

Комиссару Крыленко посвящается 14 строк. Керенскому — целых 21. Ген. Корнилову уделяется немного больше, но даты неточны и события извращены фантазией составителя.

Неизвестно, чего тут больше — незнания или небрежности?

***

Более словоохотливыми оказываются большевики. Это понятно — тут больше и денег, и настоящие специалисты к их услугам, а «цель оправдывает средства». Поэтому их фантазия или вернее заведомая ложь оставляет позади себя фантазию эмигрантскую... «Догнали и перегнали».

Объектом их внимания оказался казак кубанец полковник ГАМАЛИЙ, прославившийся в годы 1-ой Мировой войны своим историческим рейдом в 1916 г. в Месопотамию с сотней Уманцев для соединения с англичанами на берегах Тигра.

Приказом ген. от кав. Баратова, командовавшего Войсками Отдельн. Кавказского Кав. Корпуса (иначе Экспедиционного на Персидском фронте) это было отмечено так:

«С великой радостью и гордостью я считаю своим долгом отметить в заключительном приказе ГЕРОИЧЕСКИЙ подвиг нашего славного Уманца сотника ГАМАЛИЯ, с его доблестной сотней, ставшей затем ГЕОРГИЕВСКОЙ сотней 1-го Уманского полка, после поголовного ее награждения бывшим Главнокомандующим Вел. Князем Николаем Николаевичем Георгиевскими крестами.

ГАМАЛИЮ, с его доблестными офицерами и казаками, принадлежит честь установления живой связи между нашим Корпусом и войсками соседней Великобританской Месопотамской Армией. Эта сотня пошла на опасное предприятие, в котором она могла погибнуть вся, до последнего человека, как я ее об этом лично предупредил в сел. Майдешт — с удивительной по единодушию и отваге решимостью.

Объяснение этому, кроме личной доблести всех офицеров и казаков, их беззаветная вера в своего СВЕРХДОБЛЕСТНОГО командира сотника Гамалия.

Честь и слава этим героям во главе с Гамалием, прославившим своим лихим кавалерийским рейдом и себя, и наш Корпус и стяжавшим себе всемирную СЛАВУ».

Известно, что Гамалий, закончивший войну в 1918 г. в чине войскового старшины, имел все положенные по чину награды, включая орден Св. Георгия Победоносца 4-ой ст., Георгиевское оружие и английский Военный Крест.

В войне против большевиков он командовал 2-ым Кабардинским полком на Тереке и в 1920 г. в Крыму на Перекопе — бригадой из Уманского и Корниловского полков. В бою с красными был ранен. Затем был эвакуирован в Константинополь, Лемнос и далее. В 1923 г. переехал во Францию, а в 1948 году — в США, где и скончался в 1956 г, от страшной болезни — рака. Там же и похоронен, и ему по инициативе его родных кубанцев во главе с полк. В. Черешневым воздвигнут на могиле памятник. Так закончил свою жизнь герой казак на чужбине, а в Москве — из него сделали «героя красного знамени». Но об этом будет ниже.

В 1957 г., через год после его смерти, полк. Елисеев выпустил брошюру «Рейд сотника Гамалия», описывающую события на основании рапорта Гамалия ген. Баратову по возвращении из рейда и на его устных сообщениях автору брошюры.

Но для большевицкой фантазии и их непревзойденной лжи — это не препятствует

совершенно извратить истину. Сотник Гамалий у них превращается в есаула, казаки его представлены бунтарями, готовыми растерзать своих командиров. Так об этом повествуется в повести «К берегам Тигра» Хаджи Мурат Мугуева (Изд. Сов. Писатель — Москва 1951. Тираж 30 000), где на 240 стр. все рассказывается так, как это нужно для «русской военной истории, память о которой хотелось бы сохранить для потомства».

Для иллюстрации приведем введение автора:

«В 1917 г., возвращаясь из Персии, я встретил в городе Керманшахе сравнительно молодого казачьего офицера, оказавшегося моим попутчиком. В Хамадане Бориса Петровича (это был он) задержали какие-то непредвиденные обстоятельства. Части уходили с фронта, демобилизация шла полным ходом. Узнав, что я буду на Кубани, мой новый знакомый попросил меня захватить с собою небольшой чемодан и оставить в Екатеринодаре у его родных. Я согласился. Но попасть в Екатеринодар мне удалось не скоро: вспыхнула ГРАЖДАНСКАЯ война. Начались бои, отходы, наступления. Когда, наконец, XI Красная армия, в рядах которой Я СРАЖАЛСЯ, заняла Екатеринодар, выбив из него белых, никого из родственников Бориса Петровича в городе НЕ ОКАЗАЛОСЬ. Таскаться дальше с лишним чемоданом я не мог. Вскрыв его, я нашел в нем среди не представлявших ценностей офицерских вещей публикуемые ниже записки, весьма ЗАИНТЕРЕСОВАВШИЕ меня. Гражданская война разгоралась. Я перекочевывал с деникинского на колчаковский и с врангельского на вновь образовавшийся ПОЛЬСКИЙ фронт.

Мне пришлось участвовать в ряде славных сражений, покрывших нашу КРАСНУЮ КОННИЦУ СЛАВОЙ неувядаемых побед. Киев ... Житомир ... Белосток... Когда после упорных боев за переправу через Вислу я вместе с другими ранеными попал в белостоцкий госпиталь, на меня С СОСЕДНЕЙ КОЙКИ неожиданно глянуло ЗНАКОМОЕ лицо с опущенными ПО КАЗАЦКИ вниз усами. По смеющимся глазам и добродушной улыбке РАНЕНОГО я понял, что он ТОЖЕ узнал меня.

— «ГАМАЛИЙ, — воскликнул я, обрадованный и потрясенный этой встречей...

Это был мой старый ПРИЯТЕЛЬ, еще по турецкому и персидскому фронтам.

— «ЭГЭ, БРАТИКУ, — он САМЫЙ.»

И здоровая рука СОСЕДА КРЕПКО сжала мою.

— «С НАМИ... НАШ...?»

— «А, КАК ЖЕ, конечно.» — и он любовно и ГОРДО скосил глаза на алевший НА ЕГО ГРУДИ орден КРАСНОГО ЗНАМЕНИ...

Когда мы вдоволь насытились воспоминаниями, разговорами и взаимными распросами, я неожиданно вспомнил Бориса Петровича. Гамалий помолчал, а затем грустно сказал:

— «Нет его. Убит под Львовом. Жалко. Хороший, боевой был офицер, С ПЕРВЫХ ЖЕ ДНЕЙ присоединился К НАРОДУ».

— «А как же быть с его дневником, записками? Они остались у меня.

— НЕ знаю, вам виднее.»

На досуге я вновь перечитал рукопись и решил, что ее следует опубликовать. Листая страницы этих серых, дешевых тетрадей, я испытывал чувство ГОРДОСТИ ЗА РУССКОГО СОЛДАТА, за СВОЮ СТРАНУ, за НАШ МУЖЕСТВЕННЫЙ, стойкий народ.

В описанном походе мне почуялось что-то общее с переходом через Альпы суворовских чудо-богатырой, со славными походами НАШИХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ по безводным пескам Средней Азии. В этих записках рассказана захватывающая история о том, как сотня людей БЫЛА БРОШЕНА в...

Впрочем, вы прочтете это сами.

Хаджи-Мурат МУГУЕВ.»

По словам полк. Гамалия, перс по рождению, знавший несколько восточных языков, Хаджи-Мурат Мугуев в чине сотника был при нем переводчиком. Остается непонятным, каким образом он «познакомился» с Борисом Петровичем по пути в Керманшах, если, судя по рассказу в книге, этот же Борис Петрович был в рейде у Гамалия и играл при нем непоследнюю роль. Переводчик должен был бы знать его, а не только по пути в Керманшах. Это и выдает сочинителя всей книги, под «автора», чье имя взято для видимости.

Если бы не было казачьей национальной печати в свободном мире, так Гамалий и был бы представлен «благодарному потомству» — в виде большевика-«орденоносца».

Вот почему нужен «КАЗАЧИЙ ЛЕКСИКОН», если мы хотим оставить память о себе, не такую, как хотят чужие, а так, как оно было в действительности и было при нашей жизни.

Пишите же биографии людей, правдивые описания событий, имевших место в

жизни казачьей в быту или на войне. Помогите своим небольшим взносом на издание этой книги не с целью наживы, а для будущего поколения казачьего — в восстановленных Казачьих Краях — свободном Казачестве.

Что такое «КАЗАЧИЙ ЛЕКСИКОН», объясняется в № 23 «Род. Края» (стр. 25) за июль-нвгуст 1959 г. и № 27 «Каз. Единства» (стр. 20) за август того же года. Цена на него будет в ТРИ раза меньше того, который или ничего не пишет о казаках, или же пишет «шиворот-навыворот».

А. Скрылов
Войск. старш. Куб. Каз. Войска.

КРЕСТНЫЕ МУКИ.

I

Было далеко за полдень. От верб, длинным рядом выстроившихся вдоль полузасыпанной, заросшей лебедой и колючкой, канавы, по которой когда-то, лет десять тому назад, бежала вода на мельницу, легли косые тени. Курень, летняя кухонька, два каменных, облепленных глиной, скотных сарая и водяная мельница — низенькая, почерневшая от времени — приютившиеся под самой горой, давно были в тени и только «татарка» — небольшое каменное строение и полусгнившее колесо чигиря, — наследие татар, еще до великой войны разводивших здесь плантации, — расположенные на противоположной стороне балки, купались в лучах весеннего солнца.

Веял прохладный ветерок, небо было безоблачно, дышалось легко.

Иван Матвеич, зажав бороду в левой руке, простоволосый, в рубахе с расстегнутым воротом, недвижно сидел на камне, около красавца тополя, в гордом одиночестве росшего на высокой площадке — выступе горы, как раз над крышей спрятавшегося среди зеленевших верб куреня.

Это было излюбленное место Ивана Матвеича.

В тяжелые, равно как и в редкие счастливые минуты своей жизни, вместе с верной своей подругой — Настасьей Ефремовной, а то и в одиночку, приходил сюда старый казак посидеть, отдохнуть в мечтах от каждодневной суеты, набраться сил, обрести тот душевный мир, которого часто в последнее время ему не доставало. Лет пятнадцать тому назад, когда он начал разводить сад и когда у него зрел план ухода из станицы в степь, он посадил на этой площадке серебристый тополь. В то время дома гостил его сын — офицер, прибывший с фронта в отпуск. Посвящая сына в свои хозяйственные планы, Иван Матвеич привел его на площадку и, указывая на тополь, сказал:

— А тут, Митюша, под этим тополем ты похоронишь нас с матерью, когда помрем. Это наше желание. Запомни, родной.

Хорошее место для своего будущего упокоения выбрал Иван Матвеич.

С площадки открывался прекрасный вид на всю долину, с бежавшей по ней маленькой речушкой — Мокрой, никогда не пересыхавшей, какие бы жары ни случались летом. Питалась Мокрая многочисленными родниками, бившими в одном из глухих степных буераков, верстах в десяти от хуторка Ивана Матвеича.

Насколько однообразна, а знойным летом и просто скучна и тосклива была, раскинувшаяся до самого горизонта, ровная, как стол, желтобурая, выжженная солнцем степь, настолько радовала взор свежей зеленью и разнообразием растительности долина степной речки. Длинной, слегка вьющейся, зеленой лентой тянулась она далеко налево и направо. Тут и там высились вербовые рощи, рядом видны были казавшиеся издали игрушечными, постройки. Отливали серебром в ясный погожий день и матово блестели, когда было пасмурно, несколько больших прудов, окаймленных густыми высокими камышами. В любое время на их зеркальной поверхности плавали стаями гуси и утки. Между прудами, по обе стороны речки, тянулись бесконечные огороды, обнесенные кладками из белого дикого камня, достаточно высокими для того, чтобы помешать скоту проникнуть за них и вытоптать огурцы, картошку и капусту... Возле каждого пруда было по маленькой, в один постав, водяной мельнице. С незапамятных времен восемь

казачьих семей, из поколения в поколение, владели Мокрой, пользуясь ее неизсякаемой влагой как для разведения плантаций — подсобного, дававшего иногда хороший заработок, занятия — так, главным образом, для помола на своих мельницах урожая степных казаков-хуторян, низачто не хотевших возить пшеницу на паровые, вдоль далекой железной дороги лежащие, мельницы...

С площадки, где сидел Иван Матвеич, хорошо были видны три мельницы — Титорова, самая старая изо всех мельниц на Мокрой, Савоськина и Кислова. Но вряд ли старик видел их. Наверняка, не замечал он и всей живописной весенней картины глухого степного уголка, всегда раньше радовавшей его и действовавшей на него успокоительно. Затуманенный какой-то печальной думой, взгляд его серых, не потерявших еще своей выразительности и ясного блеска, глаз, устремлен был куда-то вдаль, поверх собиравшегося цвесть большого фруктового сада, — до недавнего времени надежды и гордости Ивана Матвеича, — к едва заметной впереди линии горизонта, будто старик чего-то ждал оттуда или надеялся что-то там увидеть. Маленькая, сухая, слегка сутулая от долгого и тяжелого физического труда его фигура, в мертвенной своей неподвижности являла яркое олицетворение непередаваемой словами грусти, граничашей с отчаянием. В таких позах и так подолгу могут сидеть только люди, перенесшие великое горе, внезапно обрушившееся на них и впечатление от которого так свежо, что сочится еще кровью на смерть раненое сердце...

Иван Матвеич, как бы подводя итог каким-то, ему одному известным, печальным мыслям, глубоко, протяжно вздохнул и пошевелился. Рука расжалась, выпустив небольшую — клинушком, не совсем еще седую бородку. На нее ниспадали, касаясь ее с обеих сторон концами, такие же полуседые, слегка желтые по средине от крепкого махорочного дыма, усы. Лицо старого казака, теперь совершенно открытое, полностью подтверждало впечатление от недавней его позы — нечеловеческая усталость сквозила во всех его чертах. Глядя на него, приходилось удивляться, откуда у человека с таким измученным лицом бралась сила не только сидеть неподвижно на одном месте в течение целого часа, но и ходить, что-то делать, как-то вообще жить.

Из кармана стареньких, так же залатанных, как и рубашка, шаровар, Иван Матвеич достал кисет. Лицо его сразу приняло озабоченное выражение. И странное дело, от этого весь как-то ожил Иван Матвеич. Куда-то бесследно исчезли, будто их вовсе не было, следы глубочайшего безразличия, усталости и какого-то страшного, как у мертвеца на смертном одре, спокойствия. Старик внимательно засматривал в кисет. Табаку в нем не было. Иван Матвеич сокрушенно покачал головой и вывернул кисет — горка табачной пыли образовалась на его, подставленной лопаткой, ладони.

— Ну, что ты будешь тут делать? — с досадой произнес Иван Матвеич, смотря на черную труху самосада.

Он попытался все же сделать цыгарку. Это ему удалось. Оставалось зажечь ее. Из бокового кармашка кисета Иван Матвеич извлек тряпочку, кремень и «секало-мусат» — все свои табачные «причендалы», за которыми всегда внимательно следил. Два-три привычных ловких удара и тряпочка затлела. Иван Матвеич подставил ее под ветерок и дождавшись, когда она разгорелась сильней, стал прикуривать. Но тут случилось маленькое несчастье — цыгарка вдруг расклеилась и махорочная пыль, вся, без остатка, высыпалась.

— Ах-ты, прости Господи! — вырвалось у Ивана Матвеича.

— Чисто наказание. — сердито бормотал он, пряча кисет. — Покурить и тово нету. Все отобрали, проклятые!

Он встал и в волнении сделал несколько шагов по плошадке. Ему до того хотелось сейчас курить, что он собрался было идти на соседнюю Канаичеву мельницу. Но сообразил во время, что это бесполезно. Ведь, не дальше, как вчера, старик Канаичев сам приходил к Ивану Матвеичу за самосадом. К тому же, сейчас у Канаичевых находится его старуха — Настасья Ефремовна. Пошла после обеда разжиться муки. Если Терентий Васильич достал табачку, он не забудет и Ивана Матвеича, пришлет ему шепотку с Настасьей Ефремовной. Не к чему, стало быть, и идти... Иван Матвеич снова уселся на камень. Вздыхая и поглаживая бороду, он устремил взор на свои бывшие владения.

II

Прямо перед ним, как на ладони, раскинулся двухдесятинный сад, разбитый в правильном шахматном порядке. Странно было с непривычки видеть эти, строго выдержан-

ные, линии многочисленных, аккуратно подрезанных яблонь и груш. Как-то не вязались длинные, с недавно взрытой землей, аллеи с общим характером долины, где все росло вперемежку, без всякого плана, в зависимости от случайной воли, не руководимой ни вкусом, ни должным пониманием элементарных требований красоты. В целом, однако, долина не проигрывала от этого. Общий ее вид, благодаря, быть может, бессистемности, проявленной ее обитателями при рассадке своих левад, был очень живописен, от нее отдавало своеобразной, немного дикой, красотой и в этом было известное ее очарование. Но взятое в отдельности, ни одно из казачьих поместий, раскинувшихся по Мокрой, не могло сравниться по красоте с хутором Ивана Матвеича. Культурный сад, с его отчетливо видным, особенно с горы, рисунком аллей; нарядный куренек с тесовой крышей, кокетливо отделанный искусной, как кружево, резьбой по карнизам окон и дверей; небольшой цветник, где цвела пышная сирень и кругами симметрично рассажены были розовые кусты — все это указывало на то, что старым хозяином хуторка было проявлено много вкуса и большое старание хоть как-нибудь скрасить свою бедную степную жизнь...

Старался, скрашивал... А теперь весь этот красивый уголок не принадлежит больше старому казаку — Ивану Матвеичу... Иван Матвеич, несмотря на свои шестьдесят пять лет, объявлен опасным врагом советской власти — кулаком и как таковой, три недели тому назад, он раскулачен. У него с его старушкой Настасьей Ефремовной, за то, что они не захотели закабалиться в колхоз, отняли все: сад — их надежду в будущем иметь обеспеченный кусок хлеба... Их веселенький, с такими трудами построенный домик — родной угол, где они расчитывали окончить свои земные дни... Единственную коровку — кормилицу в это трудное время... И остальную скотиненку — двух телят — сосунка и летошника - козочку... Птицу всю — двенадцать кур и двух кочетков... В курене — все под метлу забрали. Остались голые стены да... иконка Божьей Матери в переднем углу. Не досмотрели, должно быть, а то и ее сняли бы. Не перед Кем было бы молиться и лить слезы бедной Настасье Ефремовне... Успели старики из всего своего жалкого добра одеть на себя по смене лишнего белья. Это только и осталось у них...

А когда отобрали все, объявили:

— Подлежите высылке. Куда — скажут вам после. А сейчас, живите пока в доме. Советская власть не такая, чтобы выгонять людей на улицу.

Выходило, что еще благодарить было нужно Ивану Матвеичу своих разорителей.

И вот с тех пор началась эта ужасная жизнь... Спали в горнице на охапке сена. Питались тем, что давали казаки с Тополькoв. Казаки были сплошь записаны в колхозы, но жалели раскулаченных хозяев хуторков на Мокрой и украдкой помогали им. Со дня на день ждали высылки. Куда погонят? В буерак, на волчье житье, как это несколько лет практиковалось в округе? Или на север, в Архангельскую губернию, на тяжелые лесные работы? Бог его знает... А пока... пока надо как-то жить... Делать было нечего, верней — нечем. Иван Матвеич, едва не сошедший съума в первые дни, пытался занять себя в саду. Но лопат не было... Складного садового ножа — заграничного подарка сына — во время описи при нем не случилось и его забрали... Походил-походил в неуемной тоске по саду Иван Матвеич, не знавший куда себя деть от безделья, заплакал горько и... под конец смирился. Что было делать? Наложить на себя руки, чтобы кончить эту обрыдлую жизнь? Сколько в последнее время вытаскивают из петель старых и молодых казаков! Нет, это грех. Настасья Ефремовна никогда не простит ему такой слабости. А оставить ее одну — на это сам Иван Матвеич не был согласен. Видно, надо нести крест до конца... От судьбы не уйдешь, будь, что будет...

На Тополькax, у одного из своих однополчан, Иван Матвеич раздобыл мешок. Настасья Ефремовна по горсточке насбирала муки и дня через три мешок был полон сухарей. Старики и этому были рады — все не без ничего поедут в ссылку...

Смутно и тяжко было на душе у стариков. Ждали... Настасья Ефремовна — рослая и когда-то полная казачка — похудела, осунулась, заметно стала сдавать. Прибавилось серебра в волосах, стала она какая-то молчаливая, задумчивая. Много плакала — больше украдкой, чтобы не расстраивался Иван Матвеич — и подолгу молилась перед забытым колхозниками, раскулачившими их, образком Божьей Матери.

Иван Матвеич тяжко страдал без табака. Запаса махорки, попавшего к колхозникам, ему хватило бы надолго — пять кустов он снял прошлым летом на огороде. Так в

листьях и забрали. Соседи-хуторяне были в одинаковом с Иваном Матвеичем положении — сами за цыгаркой готовы были бежать через всю степь...

Так, изнывая от тоски, без цели в жизни, становившейся с каждым часом все более бессмысленной, проводили старики погожие весенние дни на ставшем уже не их хуторке. Иван Матвеич все чаще поднимался на площадку к тополю и целыми часами, как сегодня, смотрел оттуда на близкие родные ему виды...

Разбита вся жизнь... Прахом пошли неустанные труды... Ничего, ничего не осталось. Мечталось — выучатся, вырастут дети, станут помогать своим старикам... И помогали бы, не случись эта ужасная война, а после нее, еще более ужасная — гражданская на самом Дону. С этого, собственно, времени начались все несчастья... Два сына были убиты красными... Горе-то, горе-то какое было, Боже мой! Что с бедной Настасьей Ефремовной тогда делалось, одному Богу да Ивану Матвеичу известно... Третий успел выскочить заграницу. И слава Богу: тяжело ему там, но хоть жив останется. Из оставшихся трех — старший целый год просидел в тюрьме. До сих пор припоминают ему это и никогда этого ему не простят. «Середняка», к счастью, минула тюрьма, учительствует, бедует с женой — дети пошли, а на жалованье одному прожить трудно. «Меньшаку» тоже пришлось хлебнуть нужды... В гражданскую войну он был совсем еще малышем. Иван Матвеич успел разориться, помогать сынишке уже ничем не мог он. Сам своими силами выбился... Выбился да, кажись, и отбился от стариков... Был у него однажды Иван Матвеич в Черкасске, кое на что обратил внимание, не понравилось... Вот и все дети. Ни на одного в беде расчитывать невозможно. Еще прошлой осенью, когда Ивана Матвеича в первый раз раскулачивали, пришлось ему убедиться в этом. Старшего сына, за связь с «кулаком-отцом», сняли с должности. Насилу выпутался и с тех пор от него ни строчки. Стороной, через других детей, узнают о нем... А «меньшака», так того исключили из техникума — полгода оставалось парню до выпуска, не посмотрели. Пришлось ему в архивах бывшей окружной станицы — домой, Боже упаси, явиться ему было никак нельзя! — искать отцовскую метрику и по ней доказывать, что он сын рядового казака, а не дворянина, как о том донес в техникум сельсовет... Выходило так, что дети ничего не могли сделать для стариков. Даже Димитрий из-заграницы. Этот не мог, разумеется, пострадать за связь с «кулаком-отцом». Зато мог жестоко пострадать сам «кулак-отец» за связь с сыном — офицером, «злостным контр-революционером»...

На худой конец, Иван Матвеич и Настасья Ефремовна могли бы просуществовать и сами, оставь их власти в покое. В прошлом году сад впервые дал хороший урожай яблоков. Но сад понадобился колхозу... Пятнадцать лет своей жизни отдал старый казак этому саду... Душу в него всю вложил свою... Сколько трудов понес он, сколько волнений и мук испытывал, пока сад не вошел в силу... Его губили лютые морозы зимой, объедали зайцы, сушила листву весной прожорливая тля — Иван Матвеич, с отчаянием в душе, но с какой-то неутомимой энергией боролся со всеми напастями. Раз даже — это зимой с восемнадцатого на девятнадцатый год, когда Иван Матвеич находился в окружной тюрьме, как уходивший в «отступление» от надвигавшихся большевиков и захваченный ими в Новороссийске — три четверти сада, оставшегося не обвязанным, было до веток обглодано зайцами. По выходе из тюрьмы, пришлось спилить все яблони и снова выращивать их от корня... А каких усилий стоило Ивану Матвеичу построить свой куренек! Шесть лет строил и все-таки, с помощью детей, построил. Из старого дедовского станичного дома — дубового, почти столетнего. Когда ставили — бревна, как железо, топоры не брали... Крепкий куренек получился! Целая история вышла с его постройкой. В семнадцатом году, весной, Дон залил станицу. Дом подмыло — по улицам на баркасах плавали — накренило на бок, жить в нем стало опасно. А осенью, после переворота, стало вообще опасно жить в станице Ивану Матвеичу. Как же, сын у него офицер!.. Уехали тогда старики на дедовскую мельницу, в степь, за двадцать верст. Станичный военно-революционный комитет «национализировал» его дом. Иван Матвеич, узнав про национализацию, сейчас же в Тополькн, к хуторянам.

— Как так отобрать курень? Не позволим!

На ночь выехало с Тополько в до сорока подвод. А на следующий день к полудню весь дом лежал в бревнах перед мельницей Ивана Матвеича.

— Получай курень, Иван Матвеич! Мы

им, сукиным сынам, покажем, как отнимать курени!

Давно это было... Теперь на Топольках колхоз, и старики, что ездили за домом Ивана Матвеича в станицу, боятся заговорить с ним — опасно, раскулаченный. Еще увидят «активисты» — черти бы им ребра переломали, проклятые!..

Дети, дом, сад... Что же осталось еще? Да как будто ничего больше не осталось у стариков... Исчезают и надежды быть похороненными под этим вот серебристым красавцем-тополем, откуда открывается такой чудесный вид на цветущую, благодаря неиссякаемой речушке — Мокрой, долину...

III

... Смутное, необъяснимое беспокойство охватило Ивана Матвеича. Что случилось? Почему его Ефремовна до сих пор не возвращается от Канаичевых? Ведь, почти вечер на дворе, а она ушла тотчас же после обеда... «Заговорилась» с бабами? Не похоже это на Настасью Ефремовну, такого греха за ней не наблюдалось. Слов нет, перекинуться новостями с соседками и она не прочь. Но перекинуться одно, а задержаться на целых три часа — это другое...

Иван Матвеич решительно поднялся. Надо пойти самому узнать в чем дело и... выкурить цыгарку с Терентием Васильичем. Не может быть, чтобы он не достал себе табаку...

Не успел Иван Матвеич дойти до края площадки, как увидел вдруг Настасью Ефремовну. Он остановился в удивлении. Старушка страшно торопилась, почти бежала к куреню. Вот она едва не упала, споткнувшись о камень. В левой руке у нее какой-то узелок, прижала к груди, боится выпустить. Платок ее сбился на сторону, седые волосы растрепались, падали ей на лицо, мешали видеть. Не останавливаясь и даже не замедляя хода, старушка отбрасывала их назад. У самого куреня она на минутку перевела дух и, махнув рукой — увидела, наверное, Ивана Матвеича — скрылась за углом.

— Беда... — молнией блеснула мысль у Ивана Матвеича

В две минуты скатился старик с горы.

В горнице, на полу, перед иконой Божьей Матери, вытянув вперед руки, лежала Настасья Ефремовна. Плечи ее судорожно вздрагивали.

— Настя! Настя! Господь с тобой! Что случилось?

Сам чуть не плача, взволнованный и потерянный, дрожащими от волнения руками поднимал за плечи плакавшую навзрыд старушку Иван Матвеич.

— Завтра, Ваня... погонят... в сельсовет. Ой, моченьки моей нету! — громко, с отчаянием вскрикивала Настасья Ефремовна...

***

... Иван Матвеич, примостившись у подоконника, на четверке серой бумаги из тетрадки внучки своего полчка с Топольков, писал заграницу — сыну Димитрию письмо. Надо было спешить, опускались сумерки, к тому же до утра надо было успеть сходить на почту — двадцать верст сделать. Мозолистая, дрожащая от старости и от только что пережитого волнения рука, маленьким огрызком карандаша торопливо покрывала неровными строчками бумагу.

... «Я тебе писал, дорогой Митюша, о постигшем нас с матерью несчастьи. Прошу тебя, воздержись, не пиши нам ничего и денег нам не посылай. Люди обозленные, долго ли до греха. Не знаем, что с нами будет. Полагаемся во всем на волю Божью. Осенью пострадали мы с матерью в родной своей станице, да видно не всю чашу выпили. Прощай, родной ты наш, сохрани тебя Господь, не горюй, не убивайся. Мы, ведь, привычные тут. Степь сейчас не узнаешь, как красивая. Сад собирается цвесть, да не судила нам судьба покушать яблочков. Кто-то за нас покушает. О себе будем с оказией давать знать»...

Кончил, наконец, писать Иван Матвеич. Отвел он душу в беседе с сыном, легче ему стало. Вытирая рукавом рубахи глаза — непослушные старческие слезы не переставая катились по его шекам, — он спросил:

— А как насчет конвертика, мать? Развела клестер?

— Приготовила я, — тихо сказала Настасья Ефремовна. — С адресом-то вот как... Чернилами надо бы...

Иван Матвеич пожал плечами.

— Что будешь делать, придется разбудить на почте. Алексей Иваныч, небось, не обидится — свой человек. Неужто откажет?

Перед тем, как заклеить письмо, Настасья Ефремовна захотела прибавить от себя несколько слов. Не найдя чистого места, она быстро бисером вывела на полях:

«Дорогой сыночек, молись за нас Богу. Подай на проскомидию в православном храме. Идем на смертные муки».

Франция. **П. М. Аврамов.**

ПУСТЕЕТ АЗОВСКОЕ МОРЕ...

Четыре года назад Азовское море, самое рыбное из всех наших морей, заметно стало пустеть. Донской заповедник был расширен. В него включили все устье Дона. Теперь он занимает площадь километров двадцать в ширину и почти столько же в длину. Сюда «скатываются» мальки всех пород рыб, здесь они кормятся и растут, а потом уходят в море. Круглый год «жируют» в заповеднике и местные рыбы.

И все же Азовское море, некогда кишевшее рыбой, оказалось пустынным. Почему так произошло? Да потому, что там рыбу вылавливали недозволенным методом. В море забрасывали ставные невода с очень мелкими ячейками, рассчитанными на тюльку. Заодно с тюлькой выловили и мальки красных и частиковых пород. Большой ущерб рыбному хозяйству наносит массовый лов крючьями.

Но это не все. Главная причина запустения моря — это заграды на пути рыб к нерестилищам.

После того, как Дон перегородили Цимлянской плотиной, многие породы ценных рыб оказались отрезанными от своих естественных нерестилищ.

Работник заповедника, прирожденный рыбак, Вавилов с болью говорит:

— Плохо идут дела в нашем заповеднике. Вначале думали мы быстренько восстановить запасы частиковых рыб в Азовье. Ан нет, не получилось...

— Почему же так?

— Если нет молоди, из чего же вырастет большая рыба? — ответил он вопросом на вопрос. — Возьми нашу донскую сельдь. Куда она шла на нерест? Да почти в самые верховья Дона. Рыба эта идет туда со скоростью семьдесят километров в час. Вот и представьте себе, что получается с рыбой, когда она натыкается с такой скоростью на плотину. Не спасает ее и рыбный подъемник на Цимлянской плотине. Ведь даже, наткнувшись на нитку невода, сельдь убивается. А красная рыба — осетр, севрюга и белуга — еще более нежная, и она тоже погибает у Цимлянской плотины.

В устье Дона для нереста, конечно, место есть, но тут мало паводковых вод. Дело в том, что воду через плотину сбрасывают периодически. И что тут получается? Не успела вызреть икра, как подул восточный ветер и воду угнало в море.

Организовали на Дону рыбхозы. Это, конечно, нужное, хотя и очень дорогое дело. Рыбу в них стали разводить в силу крайней необходимости. Рыбхозы выпускают в реку миллионы мальков красной рыбы и рыб частиковых пород. Но надо посмотреть, что собой представляют эти мальки. В рыбхозе за ними ухаживают, как за малыми детьми: во-время кормят, защищают от хищников. Наступает время обеда или, скажем, ужина, а мальки уже ждут даровой пищи. Сами они не заботятся о корме и не борются за свое существование. Когда же они достигли определенного возраста, их выпускают в реку. Тут-то они и оказываются беспомощными. Даже корм добыть эти изнеженные существа не могут. Сколько их гибнет в реке!

— Мне, как участковому инспектору по охране заповедника, — рассказывает далее Вавилов, — приходится следить за концентрацией рыбы. Иногда мы делаем экспериментальный отлов. Вот тут и видишь много полуживых мальков красной и частиковой рыбы, выпущенных рыбхозами. Все они крайне истощены и нежизнеспособны.

Как лучше и быстрее решить важную государственную проблему зарыбления Азовского моря? Единственный выход — это сооружение отводного канала от Цимлянского моря. Пусть этот канал будет с зигзагами и порогами, рыба все равно пройдет по нему к своим нерестилищам. Она умеет преодолевать большие препятствия. Может быть, канал обойдется дорого. Но он окупит себя в несколько лет. За это общенародное дело надо взяться как можно скорее и открыть нашим ценным рыбам «большую дорогу» к родным местам нереста. Без этого нет перспектив к восстановлению рыбных богатств Азовского моря. Знаменитая донская сельдь уже перестала заходить в свой родной Дон, а стала уходить к южным рекам Черного моря. Так, безусловно, будет и с рыбцом и красной рыбой. Подумать только, какие понесем мы потери!

СССР. «Труд», № 253

КАЗАКИ ЗАГРАНИЦЕЙ.

В эмигрантской периодической печати часто помещаются заметки об успехах русских людей заграницей.

Нам, казакам, тоже следовало бы знать об успехах и достижениях своих братьев - казаков. На страницах нашей печати часто встречаются указания, что мы мало знали нашу историю и о выдающихся казаках в прошлом. Но мы мало знаем и о своих современниках.

В № 27 «Род. Края» был помещен очерк «Обзор каз. литературы за рубежом», в котором говорилось о литературной деятельности казаков эмигрантов. В этом же очерке даются краткие сведения о казаках инженерах, технологах и т. д., живущих в Франции.

Инженер-геолог Николай Васильевич **Альникин**, стан. Цымлянской ВВД, рожд. 1898 г. Начатое высшее образование на Горном Факультете Донского Политехнического Института было прервано гражданской войной. Служба в Калединском полку, затем обычные этапы: Константинополь - Лемнос - Болгария - Франция. Свое образование Н. В. заканчивает в Парижском Университете (Licencié es Siences), а затем получает в 1926 г. диплом инженера-геолога в Геологическом Институте в Нанси. С 1926 г. и по сей день Н. В. находится на беспрерывной службе в Марокко по рудничной, горной и геологической промышленности, а в данное время он — один из главных инженеров-экспертов в Обществе, объединяющем интересы металлургической и рудничной французской промышленности.

Во время своего пребывания во Франции Н. В. под псевдонимом Бориса Незлобина помещает свои стихи в каз. периодической печати, а в 1960 г. издал книжечку своих произведений «Рифмованные кончики», о которых так тепло отозвался в парижской «Русской Мысли» известный литературный критик Террапиано.

Инженер-химик Борис Африканович **Богаевский**, стан. Каменской ВВД, рожд. 1908 г., младший сын покойного Донского Атамана ген. Богаевского. С 1930 г., после окончания Высшего Химического Института в г. Руане, Б. А. служит в крупнейшем франц. предприятии по фабрикации органических продуктов, где занимает теперь пост одного из технических директоров. Несколько его изобретений запатентованы его предприятием и эксплуатируются не только во Франции, но и в др. европейских странах. Неоднократно Б. А. принимал участие в технических и научных конгрессах и много раз посылался своим предприятием в Италию, Испанию, Скандинавские страны для изучения местной промышленности, для организации химических заводов, для введения новых хим. методов работы в кожевенной, меховой, писчебумажной, текстильной и косметической промышленности. В 1938 г. была опубликована его книга на франц. языке «Обработка и покраска мехов». Одновременно Б. А. состоит техническим советником в нескольких косметических предприятиях и является сотрудником нескольких технических журналов. Многочисленные работы его были опубликованы в европейской и частично в американской технич. печати.

В октябре прошлого года во время торжественного банкета на одном из заводов его предприятия Б. А. был награжден за 30-летнюю службу серебряной медалью.

3-ий год Б. А. состоит председателем Казачьего Союза, одновременно являясь одним из редакторов журнала «Род. Край». В последнем неоднократно помещались его очерки из каз. истории.

Инженер-геолог Николай Федорович **Пузанов**, стан. Калитвенской ВВД, рожд. 1895 г. После окончания гражданской войны, в которой Н. Ф. принимал деятельное участие — обычные этапы: Турция - Лемнос - Болгария, где Н. Ф. в течении года был преподавателем Военной Топографии в Атаманском Училище. В 1923 г. — переезд во Францию и работа простым рабочим. Но в 1926 г. Н. Ф. получает диплом инженера-геолога после окончания Ecole Speciale des Travaux Publiques. Затем служба в Societé Française de Stereographie: разные изыскательные работы по устройству плотин во Франции, Алжире, Марокко, Сенегале, составление геологической карты Монблана.

В 1934 г. Н. А. открыл свое бюро (Cabinet du Géomètre Expert diplomé par le Gouvernement). Им были выполнены многочисленные работы по постройке жд. в Эльзасе, по проводке электрических линий тока высокого напряжения, по проведению шоссейных дорог, по улучшению сельского хозяйства во Франции. За эти работы Н. А. был награжден особым французским орденом.

Инженер-геолог Иван Иванович **Сагацкий**, стан. Ново-Николаевской ВВД, рожд.

1901 г. Кадет Донского Кадет. Корпуса, портупей-юнкер Атаманского Военного Училища, партизан-семилетовец, позже сотник Л. Гв. Казачьего полка.

В 1827 г. окончил Парижский Университет (Licencié es Sciences), в 1928 г. получил диплом инженера-геолога в Геологическом Институте г. Нанси, в 1950 г. — диплом Docteur-es-Sciences Университета г. Нанси.

С 1928 г. И. И. на службе инженером-геологом сначала в разных частных предприятиях, а потом и на правительственной службе во Франции, в Западной Африке, Индокитае, Тихом океане. В результате многочисленных командировок в Камерун, Сенегал, Судан, Аннам, В. Вольту, Гебридские острова на Тихом океане, не считая европейских стран, И. И. был прочитан ряд докладов во Французской Академии Наук, во Французском Геологическом Обществе и опубликован ряд работ на франц. и английском языках. А работы самые разнообразные: тут и розыски золота (в Африке и Югославии), и составление геологических и географических карт, и изучение горных пород, систем орошения, постройки шоссе и жд...

И. И. Сагацкий не только выдающийся геолог, известный не только во Франции, но и заграницей, но и наш казачий поэт, стихи которого были выпущены несколькими сборниками («Память» 1938 г., «Встречи» 1942 г.). Несколько его стихов было помещено в «Род Крае», сотрудником которого он является.

В № 25 «Род. Края» упоминалось об инженере-нефтянике **Н. И. Грекове**, казаке Старочеркасской стн. ВВД.

Во французской провинции живут и работают специалисты по радио и телевидению донец **Г. Н. Рябцов** и уралец **Ю. Б. Хорошкин**, около Орлеана живет инженер-химик **И. И. Медведев**, стан. Н. Николаевской ВВД, ушедший два года тому назад после 25-ти летней службы на пенсию, в Париже имеет небольшое собственное предприятие донец инженер-агроном **В. А. Воронченков** (в прошлом чернецовец и первопоходник), у Гудрича служит донец инженер **А. Н. Туроверов** (тоже чернецовец). Хорошо известны русскому Парижу доктор **Н. Н. Тарарин**, а в Марокко — специалист по кожевенному делу донец **Парамонов**.

В этой краткой заметке приводятся краткие сведения о культурной силе казачества, живущего во Франции, но было бы интересно знать и о казаках ученых, инженерах, докторах, находящихся в других странах. Так, в США живут донцы инж. Улитины, Синяпкины (отец и сын) и многие другие, но о них во Франции мало что известно.

Париж. **Закотнов.**

У СУДЕБНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

(От Редакции. — В Париже существует «Союз бывших судебных деятелей», который периодически устраивает публичные доклады на темы, могущие заинтересовать не только юристов, но и широкую публику. Ниже мы помещаем отчет об одном из таких докладов, представляющий безусловный интерес для казаков.)

«Рыцары — храмовники»? Или «рыцари Мальтийского ордена»? Что и говорить, было в их истории немало драматического и яркого, но всетаки далеко им до Запорожцев».

Вспомнилось мне это восклицание проф. Крусмана, умевшего в истории видеть волнующие воображение образы, когда присутствовал я на первой в этом сезоне дружеской встрече б. судебных деятелей. Была она посвящена обширному докладу Н. К. Клименко «Запорожская Сечь». Неизбежное сожаление о невозможности дать в газетном отчете достаточно полное представление об этом в высшей степени интересном сообщении на сей раз оказывается и неким извинением перед читателями.

Докладчик привел огромный исторический материал, но удачно устранил из своего красочного изложения архивную пыль и в словесных картинах воскресил он своеобразие этой «военной общины» с ее традициями, строгим внутренним порядком, жуткими подчас нравами. Среди них как не упомянуть о церемонии «проверки» кандидата в сечевики, рисковавшего позорным отказом, если со страху крестился он не по православному. Зато эти же строгие «экзаменаторы»

не ставили в вину плохое знакомство с символом веры потому, что и сами едва ли были в состоянии прочесть его полностью и без ошибок. Как далеки были запорожцы от рыцарей-храмовников и в своем порядке управления с ежегодной сменой и верховного главы — кошевого и правящей четверки и всей администрации под общим названием «старшины».

Красочно и не без юмора нарисовал докладчик картину этих столь свободных выборов, когда запорожская «беднота» становилась на несколько часов «властелином» Сечи. Как показательна для всей психологии этой вольницы хотя бы такая деталь. Если после ожесточенной избирательной борьбы между «куренями» находили всем приемлемого кандидата в кошевые, к нему посылали делегацию. Кандидат сначала должен был по заведенному порядку отказываться от «чести», но, если он, боясь за последствия, упорствовал в своем отказе, то делегаты «меняли стиль». Вместо почтительных уговоров они награждали неподатливых кандидатов на пост верховного вождя Сечи пинками и тумаками и силой доставляли на площадь. Элементарное приличие не позволяет воспроизвести сочные «эпитеты», какими награждали они сечевика, призванного стать на один год всевластным кошевым. В этом ярко проявлялась основа всего строя существования этой военной общины, где власть рассматривалась не как почесть, а как исполнение долга.

Докладчику перед коллегами — судебными деятелями логически полагалось отвести должное место и проблеме юстиции у запорожцев. Н. К. Клименко был вполне прав, когда предпослал этому юридическому анализу красочную картину существования сечевиков. Только таким образом и можно было, следуя за докладчиком, постигнуть «основу» их юстиции, покоившуюся не на правопонимании, а только на правоощущении. Конечно, жестокий характер наказания соответствовал духу эпохи и не являлся особенностью карательной системы сечевиков. Но любопытным является публичный характер «судопроизводства», с участием в нем многочисленной толпы в ее роли и обвинителей и защитников. Особый интерес представила для членов союза б. суд. деятелей часть доклада, посвященная «гражданскому праву» в Сечи и таким образом все изложение Н. К. Клименко обрело безукоризненно-логическую общую форму.

Заканчивая свое столь насыщенное сообщение, докладчик, и сам потомок запорожцев, рассказал, что на склоне лет сечевики часто уходили в монастырь замаливать свои грехи. Каяться было в чем и поэтому установился у них обычай, сохранившийся почти до самой революции, отмаливать грехи предков при помощи монаха — одного из членов семьи, для этой цели уходившего из мира.

А. М.

«Русская Мысль»

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Правлением Казачьего Союза, редакцией «Род. Края» и мною лично получены из разных мест казачьего рассеяния, как от организаций, так и от отдельных казаков многочисленные поздравления и добрые пожелания к праздникам Рождества Христового и Нового Года.

Не имея возможности из-за недостатка времени ответить всем в отдельности, мы просим принять нашу глубокую благодарность за внимание и за теплые пожелания.

Казачье спасибо всем.

Председатель Каз. Союза:

Б. Богаевский

У КАЗАКОВ В КАНАДЕ.

Казаки г. Монреаля проявили трогательные заботу и внимание к своему старейшему по чину и по возрасту станичнику Ген. Штаба генералу-майору Александру Ивановичу Бабкину.

А. И. недавно переехал в новый дом и казаки решили отметить новоселье чествованием своего генерала. «Скинувшись», приобрели часть необходимых в доме вещей (стол, стулья, стенные электрические часы) и в одно из воскресений октября, после богослужения в местном русском храме, целый караван казачьих автомобилей направился к новому местожительству генерала. Приезд казаков и казачек был неожиданным сюрпризом, очень тронувшим А. И., который несмотря на свою болезнь радостно встретил гостей.

Приехавшие казачки быстро накрыли столы, уставив их привезенными ими яствами и напитками. После общей молитвы были пропеты казачьи гимны и провозглашено многолетие почтенному хозяину.

Долго еще сидели казаки за столами, проводя время в дружеских задушевных разговорах. Во время трапезы было собрано ими в пользу Издательства «Род. Края» — 14 долларов.

И. Изверев, С. Кривов, А. Колесников.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

● 8 янв. Терское Объединение во Франции чествовало приехавшего на некоторое время из США Терского Войскового Атамана генерала Агоева. После молебна перед иконой Терской Божьей Матери в нижней церкви на рю Дарю, в залах Русской Консерватории на ав. Нью-Йорк состоялась братская трапеза, на которой присутствовали, кроме терцев, представители других Каз. Войск: от Каз. Союза — его председатель Б. А. Богаевский, от Дон. Об. — его председатель В. Н. Романов, от Кубанцев — представитель Куб. Атамана во Франции — полк. Зайцев, предс. Куб. Объединения — Г. С. Новиков и ес. Толбатовский, от астраханцев — Зеренинов, от содружества Лиенца — полк. Иноземцев.

● 15 янв. в помещении при русской церкви в Булони Дам. Комитетом Каз. Союза была устроена елка для казачат парижского района, которым были розданы подарки и предложено обильное угощение.

Не забыл Дамский К-т и наших престарелых казаков и инвалидов: 159 человек получили на Праздники рождественские подарки.

● 11 февр. в залах 15-го аронд. в Париже состоялся ежегодный благотворительный общеказачий бал Казачьего Союза.

● 17 декабря 1960 г. в залах мерии 3-го аронд. в Париже состоялся традиционный благотворительный бал Калмыцкого Союза.

● 17 и 20 января в Париже, в зале Плеель, состоялись при переполненном зале два концерта с разными программами хора С. А. Жарова.

● Новинки книжного рынка: № 6 «Кубанского Истор. и Литер. Сборника», издаваемый ген. В. Г. Науменко (Naumenko. PO Box 126. Orangeburg. NY. USA) и брошюра полк. Елисеева № 14 «Наш полк в месяцы революции» (Цена — 1 долл. Elyssev. 502 W. 177 St. Apt. 1 c. New York 33. NY. USA).

● Лиц, знающих что либо о судьбе казака стан. Етеревской ВВД, рождения 1897 г. **Федота Петровича Липатова**, просят написать по адресу:

Golenoff. 16, rue de Belfort. Clichy (Seine)
F r a n c e

УШЕДШИЕ.

† 8 ноября 1960 г., после продолжительной и тяжкой болезни, в Грассе скончался полк. Кубанского Войска Вас. Петр. Рожен. Похоронен на местном кладбище.

† 28 ноября 1960 г., в старческом доме г. Туркуана (Франция), скончался хор. Дав. Алекс. Пракудин, рожд. 1881 г., стан. Зольской Терского Войска.

† 1 дек. 1960, от тяжелых ожогов, полученных на заводе в Ромба, скончался А. П. Чернов, 56 лет, хут. Синявского, Таганрог. о-га ВВД.

† 2 дек. 1960 г., в Париже скончался хор. Дон. Войска Ник. Пав. Саблин. Похоронен на кладбище Тье.

† 6 дек. 1960 г., в госпитале Грасса скончался после продолжительной и тяжкой болезни есаул Георг. Мих. Москвин, стан. Кривянской ВВД. Похоронен на местном кладбище.

† 14 дек. 1960 г., в Анемассе (Франция) скоропостижно скончался представитель Кубанского Атамана во Франции, директор Кадетского Корпуса, полк. Мих. Вас. Галушкин, стан. Темнолеской Ейского Отд. Куб. Войска.

† 3 янв. 1961 г., в психиатрич. госпитале Тиц, около г. Клермон, умер каз. ВВД Серг. Вас. Герасимов, род. 7. 10. 1882 г., быв. вестовой ген. Мамантова. Похоронен на местном кладбище.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(с 1-го ноября по 31 декабря 1960 г.)

В фонд Издательства: С. Артемов — 17 н.фр., П. М. Аврамов — 12.50, В. Коновалова — 10, Л. Сладкова — 10,70, В. М. Петрусь — 16,80, полк. Елисеев — 1 кан. долл., через С. Кривова из Канады — 14 канад. долл.

Через наших **представителей:** из США через Б. Н. Уланова: М. Афанасьев, В. Харламов — по 5 долл., Г. П. Чеботарев — 4 долл., А. Забабурин — 3 долл., д-р Ряхин — 2 долл., через С. И. Донского из Аргентины — 5 долл., полк. Протопопов из Германии — 30 герм. марок (2 взноса).

На издание **книги о Ермаке:** Чонгов — 5 фр., через А. Г. Павлова (Р. И. Ушаков, М. А. Полторацкая по 5 долл., М. А. Александров — 3 долл., В. И. Астуров — 2 долл.) — всего 15 долл., Д. Матвеев — 2 долл., М. М. Афанасьев — 5 долл., Г. П. Ш. из Ирана — 15 фр. (2-ой взн.), А. Арестов — 10 фр.

Для передачи **Дамскому Комитету Каз. Союза:** И. Ф. Астахов, Мохнатов, Павлов, Сердинов, Тевяшов, Бальбуциевы — по 5 фр., Н. Соколов — 3 фр., М. Петров — 2 фр., Т. Г. Поляков — 30 фр., Сергеев — 50 фр., Г. П. Ш. из Ирана — 50 фр., г-жа Гордеева — 15 фр., Л. Масянов — 2 долл., г-жа Е. С. Петрусь — 5 долл., Голубов — 50 белг. фр., Пеньков — 10 фр., от представителя Отдела партизан-семилетовцев в США В. М. Петруся — 6 долл.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят принять всех жертвователей их искреннюю и глубокую благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Принимается подписка на 1961 г. Подписная плата во Франции — 15 нов. фр., заграницей — 3 долл.

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15-233-79, Nointel par Presles (S. et O.) F r a n c e.

Корреспонденцию на имя Редакц. Коллегии направлять по адресу:
Mr. Bogaevsky, 52, Av. Flachat, Asnieres (Seine) France

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (размер ее 32 x 16 см, стоимость — 8 н.фр.), рассказы П. М. Аврамова («Ковылный сказ» и «Яровой сев» — цена 3 н. фр.).

Редакция «Род. Края» предлагает своим читателям принять участие в конкурсе рисунков для новой обложки журнала. Конкурс открыт для всех желающих. Рисунки (на каз. темы) должны быть сделаны на белой бумаге и присланы в редакцию в несогнутом виде не позже сентября 1961 г.

Выбор наилучшего рисунка будет произведен казачьим жюри и выигравший конкурс получит в виде премии годовую подписку на «Род. Край» и книжку рассказов П. М. Аврамова «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев».

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Христос Воскресе.
Н. М. Мельников — «В защиту памяти Атамана».
М. Бугураев — «Из недавнего — и уже далекого-прошлого».
Е. Ковалев — «К 40-летию Мамантовского рейда».
Н. Альникин — «Зима».
Я. С. Угольков — «Отрывки из дневника».
Н. Евсеев — «Родина».
А. Скрылов — «Почему казакам нужен казачий лексикон».
А. Падалкин — «Дополнение к труду Е. Ковалева».
А. Протопопов — «Письмо в редакцию».
И Курицин — «О песнях донских казаков».
М Морозова — «С казаками».
И. Сагацкий — «Кадеты».
Н. Хоперский — «Обще-Казачья станица в Нью-Йорке».
П Тополев — «Из жизни американских казаков».
И. Тапилин — «На побывке».
Е. Новиков — «Казачьи были и казачьи брехни».
«Едмак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели».
А. Падалкин и ген. Н. И. Тарарин — «Отчет о панихидах по ген. П. Х. Попове в Париже».
П. Аврамов — «Вместо венка на свежую могилу».
Е. Р. Свинарев — «А. В. Леонов».
Усть-Белокалитвенец — «Обращение к Белой Калитве».
«Информация по Атаманскому вопросу».
Проф. М. Миллер — «Письмо в редакцию».
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежом.
Денеж. поступления в редакцию «Род. Края».
От редакц. коллегии «Род. Края».
Казачий дом для престарелых.

На обложке — одна из иллюстраций находящейся в печати книги Н. М. Мельникова «Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 33, Март — Апрель 1961 г. 2,50 NF

PAYS NATAL Mars — Avril 1961. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Отдел партизан Чернецовцев-Семилетовцев, Общеказачья Касса Взаимопомощи, Содружество Лиенца и Дамский Комитет Каз. Союза поздравляют со светлым Праздником Воскресения Христова всех атаманов, казаков, казачек и казачат всех Казачьих Войск и шлют им свои наилучшие пожелания здоровья, сил и бодрости.

Председатель Каз. Союза
Б. Богаевский.

*

Редакционная Коллегия «Родимого Края» поздравляет всех казаков и своих читателей со светлым Праздником Христова Воскресения и просит принять их пожелания всего самого хорошего.

Редак. Коллегия «Род. Края».

В ЗАЩИТУ ПАМЯТИ АТАМАНА.

В виду выпадов Н. Донскова против Донского Атамана А. П. Богаевского, напечатанных в журнале «Казачье Единство» в ответ на мою статью в «Родимом Крае» в связи с 25 летней годовщиной смерти Атамана, считаю своим нравственным долгом в качестве Донца, в течение 17 лет бывшего самым близким сотрудником покойного Атамана, оградить память Африкана Петровича.

Н. Донскову, не принимавшему участия в тяжкой героической борьбе Дона за свободу и вольности казачества, не знавшему и самого Атамана и пишущему о нем на основании писаний главным образом неказаков, не мешало бы ознакомиться с отзывами об Атамане не только его родных Донцов, в том числе и некоторых теперешних сотрудников того же «Казачьего Единства», но и казаков всех других Казачьих Войск, горячо и сердечно приветствовавших А. П. Богаевского в 1929 году по случаю десятилетнего пребывания его на Атаманском посту. Казаки со всех концов света приветствовали Атамана, как «часового, без разводящего не сдающего поста, без Войскового Круга и всего Войска смены не имеющего». Свыше 130 казачьих организаций — Донских и Общеказачьих —, масса отдельных казаков из всех стран казачьего разсеяния прислали поздравления и привет Атаману: из всех стран, где находились казаки — Франции, Бельгии, Англии, Финляндии, Греции, Венгрии, Польши, Чехословакии, Балкан — короче говоря, из всех стран Европы, из Манджурии, Китая, Сев. и Южн. Америки... Войсковые Атаманы и их Заместители Кубанский, Терский, Астраханский, Уральский, Оренбургский, Войск Сибири и Дальнего Востока, С. А. Жаров и его хор, Донские генералы Гусельщиков, Фетисов, Коноводов, Демидов, Крюков, Иванов, два Поповых, Балабин, Васильев, Поздеев, Позднышев, Баранов, Черячукин, Оси-

пов, Долгопятов, Хрипунов с Л.-Гв. Атаманским дивизионом, штаб и обер офицеры, военные организации, Атам. Военное Училище, Донские учебные заведения, станицы и хутора, учащаяся молодежь — все они в своих адресах и постановлениях горячо приветствовали А. П. Богаевского.

Речи на многолюдном Парижском банкете и на станичных собраниях, письма всех Членов В. Круга, находящихся заграницей, все приветствия единодушно сводились к основному: «избрав Вас, мы не ошиблись в наших надеждах», «Вы, как верный часовой, стояли на посту хранителя и защитника идей нашей Донской Конституции, наших Основных Законов», «Вы остались верны данному слову — своей присяге», «Для нас Вы — символ единства казачества», «Вы идете по тому пути, который был начертан А. М. Калединым и М. П. Богаевским», «Прямолинойная казачья политика с твердостью и достоинством охраняется тобой как справа, так и слева — и это доказывает верность твою Войску и присяге».

Вот в каких выражениях оценила деятельность Атамана чуткая казачья студенческая молодежь в Чехословакии, Франции, Сербии и Болгарии: ... «Всегда готовы идти за Вами и с Вами по пути борьбы за вековую Правду Казачью», «Знай, мы, молодежь, с Тобою», «Мы, молодежь, только Вам верим, ждем только Вашего призыва, как народного избранника, избранного нашими дедами», «Стой же твердо на своем пути».

Из Польши казаки писали: «Много было попыток — есть они и теперь — из-за честолюбия или сребролюбия подорвать Твой авторитет, но отщетны их попытки. Ваши враги будут нашими врагами». «Сколько бы грязи ни лили на Вас из партийных вертепов, никогда не померкнут Ваши заслуги перед родиной».

Донские поэты посвятили юбиляру свои произведения. Приведем конец стихотворения П. Крюкова, написанного 17 февраля 1929 года:

«Храни же пернач, Войсковой Атаман!
Сохрани луч казачьей денницы!
Он тебе Кругом Войска, как лучшему, дан:
Будь же лучшим до самой гробницы!»

Жаль, что г. Донсков прежде, чем писать то, что он написал, не ознакомился с оценкой Атамана самими казаками — с «гласом народа, гласом Божьим». Непоздно и теперь перечитать №№ 1 и 2 «Родимого Края» за 1929 год, т. к. я не сказал и тысячной доли того, что сказали казаки.

Н. М. Мельников.

ИЗ НЕДАВНЕГО — И УЖЕ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

(Страничка Донской Истории: Е. А. Волошинов, А. М. Назаров, М. П. Богаевский. Н. М. Голубов и другие.)

Евгений Андреевич Волошинов, казак станицы Новочеркасской, окончил кадетский корпус в Новочеркасске одновременно с своим будущим палачем Н. М. Голубовым. По окончании Михайл. Артилл. Училища в 1902 г., Е. А. В. начал свою службу в Донской артиллерии, первая же мировая война застала его в должности преподавателя в Подготовительном пансионе Дон. Войска.

В Новочеркасском обществе о Е. А. заговорили в 1915-1916 г., когда он, работая в Военно - Промышленном комитете, как человек энергичный, деятельный и с инициативой, быстро выдвинулся на одно из первых мест в комитете.

Когда вспыхнула революция, в Новочеркасске образовалося Дон. Исполн. Комитет, устранивший от должности Наказ. Атамана графа М. Н. Граббе. Члены Воен.-Пром. комитета, вошедшие в большом числе в Дон. Исп. Комитет, на должность Дон. Атамана рекомендовали Волошинова, который и был назначен врем. исп. обяз. Атамана. Приказ Е. А. В. о вступлении в должность начинался словами: «По решению Д. И. Комитета и его Военного Отдела, выразивших волю народа»...

Источники: 1 и 2 т. «Донской Летописи» — ст. К. П. Каклюгина, № 2 «Общеказачьего Журнала» — ст. С. Г. Елатонцева, № 17 «Родимого Края» — ст. Е. Ковалева, т. 1 «Белой России» — ст. ген. Денисова, т. 5 «Архива Рус. Революции» — ст. ген. Лукомского.

Д. И. Комитет, образовавшийся в революц. порядке, не имел, конечно, никакого права присваивать себе права, принадлежащие лишь Войску Донскому, в Исп. Ком. не было и представителей Войска, отдельные же казаки, входившие в его состав, Войска не представляли, но выбор все же был удачный.

С самого начала Е. А. В. оказался в очень трудном положении. Дон. Исп. Комитет требовал от него, как своего ставленника, «согласованных действий». Военный отдел, в который входили поручик Арнаутов и другие представители Хутунка, а также такие казаки, как войс. старшина Голубов, Ф. Ф. Секретев и другие подобные им честолюбцы — Голубов сам мечтал стать атаманом - вождем «голутвенных» казаков — старались подчинить и. д. Атамана своему влиянию, предъявляла свои права, наконец опомнившаяся, образовавшаяся вне Исп. Комитета казачья группа, опиравшаяся на Новочеркасское Станичное правление и Войсковой Штаб.

Лавируя в этой сложной обстановке, Е. А. В. не терял времени и развивал большую деятельность. Обратив особое внимание на начавшийся развал в войсковых частях, он созывал совещания ответственных начальников для выработки мер борьбы с этим злом и лично принимал участие в борьбе с распущенностью солдат пехотных полков, расквартированных в Хутунке.

В Дон. Исп. Комитете решающее влияние тем временем перешло постепенно к Военному отделу, который по своему политическому настроению уклонялся все более влево, увлекая за собой и весь Исп. Комитет. Направление это вызывало опасение и тревогу в умеренных казачьих кругах, особенно у той части казачества, которая организовалась в Казачьем Союзе и начала оказывать все усиливавшееся воздействие на Волошинова, настаивая на скорейшем созыве Казачьего Съезда. И. о. Атамана не сочувствовал настроению Военного отдела и Испол. Комитета. Началось взаимное охлаждение, а затем и недоверие, и Военный отдел готовился уже свалить неугодного ему Атамана.

Наконец, 16 апреля в Новочеркасске собрался Донской Казачий Съезд... Вначале Съезд встретил Волошинова не совсем доверчиво и дружелюбно, но затем, ознакомившись с его деятельностью, взглядами и отношением к казачьим вопросам, примирился и вручил Волошинову и со своей стороны временную Атаманскую власть, возложив на него — совместно с Исполн. Комитетом, созданным самим Съездом — обязанность созвать в мае Войсковой Круг и подготовить для его работы соответствующие материалы.

Тяжела, ответственна и неспокойна была работа Атамана, который раньше не был политическим деятелем, не имел и административного опыта, однако, чувствуя за собой поддержку Казачьего Исполн. Комит. Съезда, он добросовестно делал свое дело, боролся с разрушительными силами, стремясь поддерживать порядок в населении, сохранить дисциплину в войсках и довести до созыва первого Войскового Круга, который и собрался 26 мая в составе пятисот депутатов от всех станиц и двухсот от воинских частей.

17 июня Донской Войсковой Круг избрал Войсковым Атаманом Донского Войска героя Луцкого прорыва ген. шт. ген.-от-кавалерии Алексея Максимовича Каледина, казака Усть-Хоперской станицы. Полномочия временного Атамана Е. А. Волошинова закончились.

Всем памятна героическая эпоха казачества в атаманство А. М. Каледина, все знают этого большого государственного человека крупного масштаба и его деятельность, и в мою задачу не входит об этом здесь писать... Когда Атаман исчерпал все меры воздействия на казаков для оздоровления от охватившего их дурмана, когда у Атамана для защиты Дона осталась кучка героев партизан и небольшая группа офицеров, когда погиб доблестный вождь партизан полк. Чернецов, а Добровольческая армия закончила приготовления к уходу с Дона в виду безнадежности положения, когда выяснилось, что созывавшийся Атаманом и его правительством Войсковой Круг нового состава и Крестьянский Съезд для организации Краевой власти собраться 4 февраля 1918 г. не смогут — А. М. Каледин выстрелом в сердце окончил свой земной путь...

Крестьянский Съезд не состоялся. Новые депутаты В. Круга съехались, но далеко не в полном составе: станицы не могли произвести новых выборов и прислать в Новочеркасск своих представителей, так как большая часть Донской территории была уже захвачена большевиками. Съехавшиеся депутаты тем не менее открыли заседания В. Круга, заседавшего с 4-го по 12 февраля под председательством Е. А. Волошинова. Войсковым Атаманом Кругом был избран ген. шт. ген.-майор Анатолий Михайлович Наза-

ров, быв. при Атамане Каледине Походным Атаманом.

Красные со всех сторон подходили к Новочеркасску. Круг делал героические усилия поднять упавший дух казаков. Мобилизация успеха не имела, и дальнейшая борьба стала невозможной. Круг решил вступить в переговоры с большевиками и 12 февраля была послана к командующему советскими войсками делегация для выяснения: 1. Какие причины заставляют войска народных комиссаров быть на положении войны с Доном, 2. Какие цели они преследуют, 3. По чьему распоряжению производится это наступление на Дон?

Ответы главнокомандующего войсками северного фронта Юрия Саблина были следующие: «Почему вы воюете с нами, когда Каледина нет, он застрелился? Не признаете советской власти? С признанием вами сказанной власти военные действия будут сейчас же прекращены. Да и вообще мы с казаками — да еще с трудовым казачеством — не воюем». На вопрос об «условиях прекращения войны» был получен такой ответ: а) «расформирование партизанских и добровольческих отрядов и удаление их из пределов Донской области, б) казачество, как таковое, должно быть уничтожено с его сословностью и привиллегиями и в) чтобы нам, когда будем входить в Новочеркасск, не чинили препятствий, т. е. чтобы не было войск, с домов, крыш и по улицам не стреляли в нас...»

Эти ответы еще не были получены Кругом, как в 5 часов дня в город ворвался Голубов с красными казаками. С группой вооруженных казаков он явился на В. Круг, арестовал Атамана ген. Назарова, сорвал с него погоны, арестовал Председателя Круга Волошинова и отправил обоих на гауптвахту, а депутатов Круга разогнал, сказав: «нам не до вас, убирайтесь к чорту».

В этот же день в городе начались аресты и безсудные расстрелы — раненых, офицеров, кадет, партизан, штатских... В Новочеркасске было расстреляно около 400 горожан и около 200 офицеров. По всей области начался террор.

Жертвы Дона в период первого владычества большевиков — с 12 февраля по 23 апреля 1918 г. — были громадны и по числу и по своему значению. В результате разстрелов Дон потерял свыше 30 процентов кадрового состава офицеров, причем большой процент выпал на долю старшего командного состава. Программой Центр. Испол. Комит. коммун. партии предусматривалось упразднение казачества, поголовное истребление казачьих верхов, массовый террор в отношении зажиточных казаков путем безпощадной конфискации хлеба и предметов первой необходимости, спешное переселение на Дон крестьянской бедноты, посылка на Дон карательных отрядов и разстрелы каждого, у кого будет найдено оружие.

Рано утром 13 февраля в дом, где я жил, недалеко от Краснокутской рощи, пришли три вооруженных солдата и арестовали меня. Не разстреляли только потому, что сосед парень — не казак — сказал солдатам, что я не партизан и вообще отозвался обо мне очень хорошо. Искали они моего брата - чернецовца. Один из солдат взял себе с моего разрешения трехрядную гармошку. Очень возможно, что эта гармошка до некоторой степени была причиной того, что по пути через весь город солдаты не выдали встречавшимся матросам, которые хотели меня разстрелять. Привели меня на вокзал, где находилось уже около 80 арестованных, а оттуда всю группу под сильным конвоем латышей отправили на гауптвахту. Толпа железнодорожников, среди которых было очень много женщин, требовала выдачи «офицеров - белобандитов» для самосуда, но латыши никого не выдали и всех благополучно доставили на гауптвахту. На гауптвахте я пробыл до 2 марта, когда по суду военно-революционного трибунала был освобожден. Отобрали расписку, что без разрешения солдат. и каз. комитетов я не буду отлучаться из города.

На гауптвахте, рядом с комнатой, где я находился, была комната Донского архиерея — который вскоре был выпущен — и ген. А. М. Назарова. Комната эта была маленькая и темная, в ней не было ни окон, ни электричества, в ней стоял небольшой столик и были откидные нары, на которых спали арестованные. Комнаты не были замкнуты и не имели замков, кроме комнаты ген. Назарова, на дверях которой висел большой замок, но он не был замкнут. Часто днем и ночью ген. Назаров выходил в корридор и разговаривал с арестованными офицерами и с казаками караула, подходившими к нему за разъяснениями политической обстановки на Дону. А. М. Назаров всегда спокойно безбоязненно-откровенно давал объяснения и с печальными глазами добавлял: «я знаю, меня скоро разстреляют, но казаки возстанут». Казакам караула он советовал: «берегите своих офицеров: они вам будут нужны». Войск. старшина Волошинов, ген. Усачев и другие, разстреля-

лянные вместе с ним, помещались в большой светлой комнате с двумя окнами, выходившими на восток, в сторону собора. Под командой ген. Усачева 5 Дон. Каз. дивизия — 27, 28, 29. 33 полки, 13 и 12 батареи, в которой я служил — была в составе войск, верных Врем. Правительству, в Киеве при октябрьском перевороте, и 12 батарея стреляла по казармам большевистского Саперного батальона. По приходе дивизии на Дон ген. Усачев был назначен командующим противобольшевистским фронтом в Донецком округе. Когда Голубов занял Новочеркасск, ген. Усачев был арестован казаками своей же дивизии и под их конвоем доставлен на гауптвахту. Я приходил к нему в комнату и мы разговаривали о том, что нас ожидает. Ген. Усачев предполагал, что, конечно, его будут судить, но т. к. он никакого зла казакам не сделал, то по всей вероятности его выпустят на свободу.

14. февраля на гауптвахту привели моего старика отца, полковника в отставке, и поместили вместе со мной. Вскоре — очевидно, для контроля — на гауптвахту пришли Голубов и — как я узнал позже — большевик комиссар Медведев, принимавший впоследствии участие в разстреле Царской семьи в Екатеринбурге, быв. политический каторжанин.

Когда они вошли в гаупвахту, я не заметил, т. к. из-за расположения комнат видеть их не мог. Вероятно, они начали опрос с комнаты Волошинова и затем, поднявшись по ступенькам, прошли к нам в коррридор, где ген. Назаров разговаривал со мной. Когда Назаров, стоявший спиной к своей двери, увидел нежелательных посетителей, он повернулся и ушел в свою комнату, закрыв дверь.

Медведев спросил Голубова: «кто это?» и через прорезанное незастекленное отверстие в двери посмотрел в темную комнату. Голубов ответил: «Назаров» и добавил: «вы слышали о нем и знаете... его будут судить особо, отдельно». Медведев снова посмотрел через отверстие в комнату Назарова, а Голубов в это время ругал урядника — начальника караула — за то, что Назаров был не под замком. «Комнату замкнуть и все время держать его под замком», закончил он, удаляясь. Комнату заперли, но как только Голубов ушел с гауптвахты, начальник караула, улыбаясь и бормоча что-то себе под нос, сейчас же отпер комнату и разомкнутый замок повесил на кольце, завинченном на двери.

В нашей маленькой комнатке находилось 11 офицеров. Голубов и Медведев с трудом в нее втиснулись. Начался опрос. Меня опрашивали последним и потому я имел возможность внимательно разсматривать пришедших. Голубов был «навеселе», с красными глазами, с красной обрюзгшей, опухшей от пьянства, физиономией. Одет он был небрежно: в фуражке без кокарды, в засаленном выпачканном офицерском платье, конечно без погон, и в грязных нечищенных сапогах.

Медведев был совершенно трезв. Худой, на голову выше Голубова, имел подолговатое белое барское лицо, чисто выбритое, ясные, светлые, холодно-жуткие глаза, большой нос с горбинкой и на нем пенснэ. На голове у него была студенческая фуражка со значком на ней какого-то института. Одет он был в брюки галифе, короткую коричневого цвета кожаную куртку и высокие кавалерийского образца сапоги, начищенные до блеска.

Всем опрашиваемым Голубов задавал вопросы: «чин, за что и при каких обстоятельствах арестован?» Когда при опросе моего отца он получил ответ: «в отставке-полковник Бугураев», Голубов посмотрел на меня и спросил: «ваш отец?» «Да», ответил я. Голубов разсердился, еще больше покраснел и в повышенном тоне сказал: «сволочи, таких стариков арестовывают!» и, взглянув на Медведева, приказал начальнику караула: «выпустить немедленно». Отца вывели и отпустили домой.

С Голубовым я был знаком еще в 1915 г., когда служил в Запасной Дон. каз. батарее в Новочеркасске. Голубов был тогда в Новочеркасске и мы часто встречались и разговаривали. Между прочим, он разсказывал мне о Русско-Японской войне, говорил и об инциденте с его арестом, вызванном по его словам тем, что, подписывая расписку в получении медали, он написал ее в таких выражениях: «медаль, в память поражения Русской армии японцами, получил». Разсказывал о Болгаро-Турецкой войне, в которой участвовал добровольцем, о награждении его болгарским крестом «за храбрость» и о том, как он эту награду вернул Болгарскому правительству, когда Болгария в первую мировую войну выступила на стороне Германии. Кстати, интересная подробность, характеризующая его большое тщеславие и честолюбие: в 1915 г. русские войска взяли первокласную австрийскую крепость Перемышль и по этому поводу в Новочеркасске

была организована патриотическая манифестация — с музыкой и портретом Государя — и возглавлял эту манифестацию Голубов в офицерской форме. Около Троицкой церкви, у Арсенала, где помещались команды выздоравливавших от ранений казаков артиллеристов, Голубов произнес весьма патриотическую речь, которую я слышал, будучи в это время по делам службы в Арсенале.

Интересно и письмо ко мне есаула П. А. Д., не появлявшееся в казачьей печати. «С ноября 1917 г. по 12 февраля 1918-го — до ухода из Новочеркасска — я, пишет есаул Д., как юрист с высшим образованием, был членом Областной Военно - Следственной комиссии, существовавшей при Судебном отделении Войскового Штаба. По долгу службы мне часто приходилось бывать на городской гауптвахте, опрашивать арестованных офицеров, большей частью сидевших по пьяному делу, содействовать скорейшему освобождению и возвращению их в свои части. В конце ноября или начале декабря — точно не помню — я зашел на гауптвахту. Дежурный офицер по караулу г. Новочеркасска сказал мне, что Войсковой Атаман ген. Каледин находится в комнате дежурного офицера, где разговаривает с арестованным войск. старш. Н. Голубовым. За что был арестован Голубов — офицер мне не сказал. Атаман видимо приехал на гауптвахту специально для разговора с Голубовым, т. к. Атаман раньше, как я знаю положительно, на гауптвахту никогда не приезжал [1]). Сначала я не слышал, о чем Атаман говорил с Голубовым, но вскоре услышал нервный громкий голос — кричал Голубов: «Я пасынок в Донской армии. Все мои однокашники-генералы, один-два полковники, а я до сих пор еще только войск. старшина. Где же справедливость? Я больше служить не желаю, уйду в отставку и уеду из Новочеркасска». Дверь из комнаты открылась и из нее вышел Атаман. Голубов продолжал кричать: «Я больше не желаю носить эти погоны», сорвал их с себя и бросил на стол. Атаман не сказал ни слова, не обернулся и тотчас же уехал. Увидя меня, Голубов сказал: «по его приказу я арестован». В тот же день Голубов был освобожден. Мы знаем, как он сдержал свое слово: уехал из Новочеркасска в Каменскую... к Подтелкову, с которым и работал против Донского правительства и Атамана... С казаками фронтовиками революционных казачьх войск занял Новочеркасск, арестовал Донского Атамана ген. Назарова и Председ. Войск. Круга Волошинова, а Круг разогнал. Засев в Атаманском дворце, хотел править Доном... Но править Доном ему не удалось! Голубова я хорошо знал — заканчивает письмо есаул Д. — и часто с ним встречался. На другой день после его освобождения из-под ареста при встрече со мной Голубов сказал, что «задержан был за связь с Подтелковым, который приезжал в Новочеркасск с требованием передачи власти военно-революционному комитету».

Проследим по запискам современников, что было дальше. С. Г. Елатонцев писал: «Кольцо наступавших на Дон большевистских войск сжималось все тесней вокруг Новочеркасска. К большевикам стали примыкать казачьи фронтовые части, которые стояли в районе станций Миллерово, Глубокая, Каменская. В станице Каменской образовался казачий Военно-Революционный комитет. Донское правительство решило начать и на чало с ним переговоры, которые были перенесены в Новочеркасск».

Представителям революционного комитета Атаман А. М. Каледин говорил:

«От избранников земли Донской приняли мы власть, несем ее, как тяжелый великий долг, и им — только им, законным избирателям — вернем эту власть».

«Что же, будете воевать с нами?» спросили его. «Если придется, будем воевать».. «Вы еще не знаете, что такое власть — говорил Каледин — какое это тяжелое бремя для человека в наше время. После тяжелого раздумья принял я атаманство, пришел с чистым именем, а уйду от власти, быть может, с проклятием... Но власти вам не сдам и из Новочеркасска никуда не уйду».

В конце заседания А. М. Каледин огласил перехваченную телеграмму каз. военно - револ. комитета в Петроград с просьбой немедленно выслать комитету три миллиона рублей на организацию борьбы с Донским правительством.

На заседании Войск. Круга 7-го февраля 1918 г. М. П. Богаевский говорил: «Каменский Военно-Револ. Комитет сидел за этим столом. Он многого требовал. Мы сказали Подтелкову и его компании: проводите

---

* Примечание редакции. Не приезжал Атаман и на этот раз, — есаул П. А. Д. ошибается. На гауптвахте у Голубова был и долго с ним разговаривал не Атаман А. М. Каледин, а его Помощник М. П. Богаевский. В конце разговора Голубов просил его освободить, давая честное слово, что он в корне изменит свое поведение. М. П. Б. поверил и убедил — уговорил А. М. Каледина освободить Голубова.

выборы, агитируйте, проводите на Круг тех людей, которые отвечают настоящему времени. 4 февраля [1] мы уйдем. Скажите только: за большевиков вы или же будете защищать казачество? Они ответили нам: мы казаки и будем стоять за казачество... А в это время Чернецову уже пришлось биться с красногвардейцами. Чернецов с казаками не бился до тех пор, пока Иуда нашего времени — Николай Голубов — не предал казачество. С болью в душе должен сказать, что у меня на душе нет более тяжелого греха, как выпуск на свободу Голубова. Алексей Максимович был против этого, но я поверил искренности Голубова. Сидя на гауптвахте, он вызвал меня и в течении полутора часов уверял меня в своей преданности Дону и клялся, что не пойдет против казачества. Я предстал пред вами и свой последний отчет вам дал. Судить меня вы можете, но ответ я дам перед моей совестью. За Голубова ответ дам перед Богом...»

Ген. Лукомский в своих воспоминаниях пишет, что в ночь с 11 на 12 февраля он в последний раз говорил по телефону с В. Атаманом ген. Назаровым и тот сказал ему, что по имеющимся у него сведениям первыми войдут в Новочеркасск присоединившиеся к большевикам донские казаки под начальством Голубова и что этот Голубов, хотя и мерзавец, убивший Чернецова [2], но его, Назарова, не тронет, так как он как-то заступился за Голубова и освободил из тюрьмы.

Вернемся к тому, что происходило на гауптвахте... Когда Голубов опрашивал меня, я сказал, что не знаю, за что арестован. Голубов ответил: «а я знаю: помните г. Киев? В Митякинской станице, в хуторе Чеботовке, вас арестовали казаки 12 батареи — они здесь в городе. Я не буду мешаться в ваше дело. Военно-револ. комитет и трибунал будут вас судить.» Не получив от меня никакого ответа, Голубов, немного помолчав, добавил: «освободить вас я не могу».

Из нашей комнаты Голубов и Медведев прошли в следующую — напротив. Затем спустились в самую большую — подвальную — комнату с маленькими узкими небольшими оконцами у потолка. В этой комнате находилось около трехсот человек, в числе которых было несколько молодых девушек.

Рано утром 15 февраля на гауптвахту привели моего соседа по дому есаула в отставке В. Кал-ва. Вскоре пришел командовавший революционными каз. войсками Смирнов, узнавший об аресте есаула от его жены, ходившей по этому делу в штаб к Смирнову в Атаманский дворец. Смирнов немедленно освободил К-ва, бывшего командиром сотни у него, когда Смирнов служил в 12 Дон. каз полку.

Кроме моего отца, Голубов никого не освободил, хотя на гауптвахте были и девушки, неизвестно за что арестованные. Счевидно, большой власти он не имел и нужен был большевикам «постольку - поскольку», для агитации среди казаков фронтовиков и для еще большего их разложения, для превращения в войска революционные и для занятия ими Новочеркасска.

Е. Ковалев пишет: возможно, что для восстановления своего престижа Голубов предложил свои услуги для поимки М. П. Богаевского, ушедшего от большевиков в Задонские степи, что ему и удалось.

Голубов 30 марта был убит студентом Донского Политехнического Института в одной из восставших весной 1918 г. станице — ст. Заплавской.

Напомним, что в ночь с 17-го на 18-ое февраля Атаман ген. А. М. Назаров, войск. стар. Е. А. Волошинов, ген. Усачев, ген. Исаев, ген. Груднев, подполк. Ротт и войск. старш. Тарарин под предлогом перевода их в тюрьму были взяты большевиками с гауптвахты и вблизи Краснокутской рощи расстреляны. Е. А Волошинов, тяжело раненый, не добитый, с тяжкими усилиями добрался до домика, находившегося недалеко от места расстрела и просил хозяйку скрыть его и сообщить родственникам, но она позвала большевиков, которые и добили страдальца.

Последние слова Е. А. Волошинова были обращены к его матери в письме, написанном на гаупвахте перед казнью. В конце этого письма была приписка: «народ поймет свою ошибку, казаки опомнятся, да будет уже поздно».

На следующий день после расстрела Назарова, Волошинова и других, вооруженная толпа солдат большевиков подошла к гауптвахте, чтобы забрать всех арестованных офицеров «для перевода их в тюрьму», то есть, конечно, для самочинного растрела, но

---

1) Примечание редакции. То есть в день предполагавшегося открытия созывавшегося на 4-ое февраля Атаманом Калединым и его правительством нового Войскового Круга и областного Крестьянского Съезда, когда Атаман и паритетное правительство должны были сложить свои полномочия, чтобы дать возможность произвести новые выборы правительства.

2) Полк. В. М. Чернецова убил не Голубов, а Подтелков.

казачий караул выкатил наружу — на площадку гаупсвахты — два «Максима» и, угрожая открытием огня из пулеметов, офицеров не выдал.

Нью-Йорк **Максим Бугураев**

К 40-ЛЕТИЮ МАМАНТОВСКОГО РЕЙДА.

(1919-1959)

Послесловие.

Как я указал в предисловии (№ 24 «Родимого Края»), целью моей статьи было дать более точное исследование о рейде, ввиду значительного количества ошибок и неточностей, имеющихся в ранее опубликованных трудах. Этим особенно грешат советские источники. Например: с тех пор, как М. Рымшан, в своей книге «Рейд Мамантова», Москва 1926, дал неверные сведения об организации и составе 4-го Дон. каз. корпуса, а эти данные повторил в его труде («Разгром Деникина», Гос. Воен. Изд 1931) б. командующий Южн. Сов. фронтом А. Егоров, так ими пользуются советские исследователи и до настоящего времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть т. IV «Истории Гражд. войны в СССР», Москва 1959 стр. 223, в котором приводятся все те же ошибочные данные и где, кроме этого, есть и такой перл:

«Предполагалось направить в прорыв еще и корпус ген. Коновалова.. из КАВКАЗСКОЙ Армии.»

Как я указал в №25 «Род. Края», никакого конного корпуса ген. Коновалова в то время не существовало, а ген. Коновалов командовал 2-м Отдельным корпусом Донской Армии и находился со штабом корпуса в станице Урюпинской.

М. Рымшан определил состав Мамантовского корпуса в три дивизии, каждая численностью в 2.000 шашек (13-я ген. Толкушкина, 12-я ген. Постовского и дивизия (8-я) ген. Кучерова), прибавив к ним мифический отряд пехоты в 3.000 штыков. Вероятно, от б. участников рейда он слышал кое-что о реорганизации корпуса перед отправкой в рейд, но разобраться в ней не смог.

То, что он называет дивизиями, превратилось, после реорганизации корпуса, в бригады, часто с другими начальниками, численность которых и была действительно около 2-х тысяч шашек.

В 1919 г. в Донской Армии постепенно проводилась следующая организация: бригады 3-х полкового состава и дивизии из 3-х бригад. Поэтому старые (4-х полкового состава) дивизии Мамантовского корпуса, снятые с Царицынского фронта, были переформированы в бригады из 3-х полков и корпус выступил в рейд в составе двух дивизий: 9-й и 10-й. Последняя состояла из 2-х бригад, т. к. включить в ее состав третью бригаду не явилось возможным.

Красная Армия имела в общем такую же организацию: 3 бригады 3-х полкового состава в стрелковых дивизиях и 3 бригады, но из двух полков, в каваллерийских дивизиях. По простой случайности в 4-й Донск. кон. дивизии 2-го корпуса (4-я, 5-я и 6-я кон. бригады), в двух первых бригадах: 4-й (19, 20 и 24 полки) и 15-й (21, 22 и 23 полки), были те же номера, что и в полках 4-й кав. дивизии красных. Это привело к курьезном случаю при отходе на Кубань, когда 4-я Дон. кон. дивизая была придана Мамантовскому корпусу, о котором расказывает Буденный в своих воспоминаниях.

В с. Богородицком вечером, когда наступила темнота, встретились квартирьеры этих дивизий и, не опознав друг друга в темноте, долго спорили из-за квартир, называя одни и те же номера полков. Наконец, один из красных квартирьеров, знавший, что в селе уже находился их начальник штаба, предложил пойти к нему, что и сделали. И только там, когда один из белых стал титуловать нач. штаба по старинке «Ваше Высокоблагородие», последний понял, в чем дело, и приказал их задержать.

Немало ошибок, а иногда и фантазий, имеется и в статьях о Мамантовском рейде, помещенных в казачьей прессе. Не претендуя на непогрешимость, я постарался исправить все замеченные мною ошибки, поскольку это было возможно в настоящих условиях. Многое еще подлежит выяснению и может быть сделано при более тщательном

изучении всей исторической литературы, накопившейся за 40 лет, и документов, относящихся к рейду, если они сохранились.

⁂

К тому. что уже было сказано по поводу рейда, можно добавить следующее: Ленин был очень встревожен действиями 4-го Дон. кон. корпуса и 15-го (28) авг., в телеграмме Реввоенсовету Южн. фронта, писал:

«Крайне обеспокоен успехами Мамантова. Он может разрушениями дорог и складов страшно повредить нам. Все ли меры принимаются? Достаточно ли энергично и быстро? Извещайте чаще».

17-го (30) авг. он написал записку в Реввоенсовет Республики, в которой предложил использовать 21-ю дивизию, следовавшую с Восточного на Южный фронт, для скорейшего разгрома конницы Мамантова. (Ист. Гр. войны в СССР т. IV. стр. 224).

Для ликвидации мятежа Миронова, кроме кон. корпуса Буденного, были брошены некоторые части 1-й, 4-й и Запасной Армии из Казани, а также войска Самарского укрепленного района, которые раньше предполагалось направить на подкрепление группы Шорина. (Ист. Гр. войны в СССР, т. IV, стр 225).

⁂

По поводу моей статьи и рейда вообще были отклики в различных журналах. Прежде всего по поводу личности Мамантова. Биографические сведения о нем в статьях различных авторов, появившиеся в казачьей прессе за последнее время, действительно разноречивы и редакция «Каз. Ист. Сб-ка» пишет:

«Из всей этой «перепутаницы» обстоятельств и дат появления его (Мамантова) на Дону и вообще службы его в каз. частях, мы определенного ничего не знаем»... (Рейд Мамантова» №12).

На это я должен заметить, что кое-что мы все таки знаем, но этой «перепутаницы» помогла и сама редакция КИС-а, помещая, например, такие, совершенно не соответствующие истине, сведения (КИС №5 1958):

«Мамантов, как говорят, был командиром русского полка, но от командования этим полком он был отрешен за слишком частые грабежи, процветавшие в его полку»...

Мамантов никогда никаким русским полком не командовал и коверкать его фамилию под предлогом «казачьего« произношения, (в действительности простого искажения ее казаками), как и печатать непроверенные слухи, историческому журналу не следовало бы.

Краткие биографические сведения о Мамантове, сообщенные мною в №24 «Род. Края», вполне достоверны, т. к. я поместил только то, что мне удалось проверить, опустив все сомнительные сведения, опубликованные другими авторами. Мне не удалось установить совершенно точно лишь одно: к какой станице был приписан Мамантов. Я остановился на ст. Нижне-Чирской, как это указано в журнале «Каз. Путь» №88, Прага 1926 и как подтверждено было мне несколькими лицами.

Теперь я располагаю новыми сведениями о Мамантове, сообщенными мне генералом Федором Степановичем Марковым, который служил с ним до войны 1914 г. в 1-м Донск. каз полку, а во время гражданской войны на Царицынском фронте, где командовал, до ранения в конце января 1919 г., 14-й кон. дивизией, затем, по выздоровлении, в мае 1919 г., 4-й пластунской бригадой (51-й полк в ст. Мартынова, 61-й полк. полк. Филиппова и 7-й, из астраханских солдат, полковника Курбатова), а осенью 1919 г. был вызван в 4-й кон. корпус и получил, после ранения ген. Татаркина, 9-ю кон. бригаду, которой командувал до нового тяжелого ранения в феврале 1920 г.

⁂

Мамонтов или Мамантов. Уже с первых лет эмиграции в некоторых казачьих журналах (напр. «Каз. Путь», издававшийся в Праге) его фамилию стали писать через **а**. Я слышал, что так писал ее сам Мамантов. По моей просьбе Б. А. Богаевский, у которого имеются документы с собственноручной подписью Мамантова, проверил это. Вот его ответ: «Из 4-х документов, на трех подпись Мамантова через **а**, а на четвертом не совсем ясно **а** или **о**.»

Что касается внешности Мамантова, о ней можно судить по достаточному количеству зарисовок и фотографий, помещенных в каз. журналах (Донская Волна, Казачий Путь, Станица, Родимый Край и др.). Но фотографии мало доступны многим уже теперь и будущие поколения будут судить о внешности по описаниям современников, особенно таких, как М. Шолохов и ген. Врангель. М. Шолохов в своем романе «Тихий Дон» пишет:

«Вислоусый, пропойского вида ген. Мамантов, обычно неряшливый, но на этот раз подтянутый, блистающий сизым глянцем свежевыбритых щек, ходил по перону, окру-

женный офицерами.» (Кн. 3, ч. 6, гл. XI).

Ген. Врангель описывает внешность Мамантова иначе:

«На следующий день по прибытии в Ростов, я выезжал в Батайск для свидания с ген. Мамантовым. Последний **высокий, статный, бравого вида генерал**, в эту минуту казался совершенно подавленным.» (Записки, ч. I, стр. 126)

Шолохов ген. Мамантова, вероятно, никогда не видел. И хотя сов. лит. критик Л. Якименко пишет («Тихий Дон» М. Шолохова, изд. 2-е, Москва 1958, стр. 93), что Шолохова не могли поколебать никакие нападки, никакие предвзятые или ограниченные суждения, что «он бился за свою книгу, отстаивая прежде всего **историческую правдивость**, как важнейшее условие художественности», нужно признать в данном случае (да и во многих других), что с «исторической правдивостью» у этого талантливого писателя не все благополучно.

Мамантов никогда не пил водки, не терпел пьяных и небрежно одетых офицеров и всегда делал им замечания, несмотря на чин.

Я лично видел Мамантова, заменившего в то время ген. Абрамова на посту Комщего сев. фронтом, на ст. Персияновка утром 12-го февр. 1918 г. (в день оставления Новочеркасска), когда, будучи командиром 1-го Партиз. арт. взвода Дон. Арт., по условиям обстановки, просил его принять меня немедленно. Он заканчивал туалет и вышел в корридор вагона свеже выбритый, завернутый в белоснежную простыню. При той обстановке, меня поразили его спокойствие и барские замашки.

⁂

По словам ген. Маркова, Мамантов происходил из древнего рода Новгородской, Псковской или Петербургской губ., но родился в Петербурге.

Окончив Николаевское кавал. училище в конце прошлого столетия (носил значек), он вышел в Л. Гв. Кирасирский полк в Гатчине.

Высокого роста, представительный, всегда элегантно одетый, он производил прекрасное впечатление; но по характеру был гордый, самолюбивый, недоступный и вспыльчивый. Нескольке раз дрался на дуэли.

По этой ли причине или по другой (в него, как говорили в полку, влюбилась большая великосветская дама), но ему пришлось покинуть полк.

В это время началась Русско-Японская война и он перевелся в Забайкальское каз. Войско. За отличия в боях был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 4-й и 3-й ст., произведен в есаулы и принял сотню в 4-й Дон. каз. дивизии.

По окончании войны был принят в Донское Войско и назначен командиром сотни в 3-й Донск. каз. Ермака Тимофеева полк в г. Вильно, а в 1908 г. переведен в 1-й Донской Генералиссимуса Князя Суворова полк в Москву.

Ген. Марков, вышедший в 1-й Дон. каз. полк в 1909 г., застал Мамантова помощником командира полка по строевой части в чине Войск. Старшины.

Мамантов был женат на баронессе фон-Штемпель, два родных брата которой командовали полками в 6-й кав. дивизии.

Удивительный конник и спорстмен, он участвовал в скачках и парфорсных охотах и всю жизнь занимался, модной в то время, шведской гимнастикой. Во время больших праздников в полку никогда не пил водки, а лишь немного хорошего вина.

Часто ездил в Петербург к матери, которая была родной сестрой б. Председателя Совета Министров Российской Империи Коковцева.

В 1914 г. Мамантов вышел на войну командиром 19-го Донск. каз. полка (свидетельство полковника Скандилова, служившего в одной с ним дивизии), вскоре был произведен в полковники и назначен командиром 6-го Донского генерала Краснощекова полка, которым командовал почти всю войну.

В августе 1915 г. Мамантов с семьей проводил свой отпуск в Новочеркасске, где его видел есаул Поляков, находившийся там после ранения.

В 1916 г. Мамантов дважды приезжал в Петербург узнать о производстве в генералы. Ген. Марков был в то время адъютантом у начальника Главного Штаба и помогал ему навести справку. Все время до революции Мамантову кто-то покровительствовал, но в то же время тормозил его продвижение в чинах.

Войну 1914-1917 г. он закончил командиром бригады 6-й Дон. каз. дивизии, с которой в конце 1917 г. и прибыл на Дон в ст. Н.-Чирскую. (Свидетельство б. адъютанта штаба 4-го корпуса ес. Рудова в журнале «Станица» № 13 и Н. М. Мельникова в «Род. Крае» № 28).

Позднейшая его деятельность общеизвестна и указана мною в № 24 «Род. Края».

⁂

После отступления 4-го кон. корпуса за р. Дон, ген. Мамантов, собрав всех командиров бригад и начальников штабов, сказал:

«Сейчас происходит в Екатеринодаре заседание Верховного Казачьего Круга, будет и ген. Деникин. Я решил поехать на это заседание, чтобы убедиться, есть ли союзная помощь, о которой все время говорят. Если ее нет, то вместо отступления к морю взять Донского Атамана и молодую Армию и отступать в Персию».

Все согласились. С Мамантовым послали двух б. командиров бригад, находившихся при штабе: ген. Каргальского и ген. Постовского.

Когда выяснилось, что помощи ожидать нельзя, ген. Каргальский выехал предупредить корпус быть готовым к походу, но Мамантов вскоре скончался и был погребен ген. Постовским на местном кладбище.

Париж.

Е. Ковалев.

(Окончание следует)

ЗИМА.

Была зима. Корою ледяною
Замерзший Дон был скован в берегах.
Он ждал тепла, чтоб раннею весною,
Когда растает снег в его степях,
С себя льдяные посбросать оковы
И мощною игривою волной
Бурлить, струиться на просторе снова
И любоваться далью голубой;
Чтобы качать, как в мягкой колыбели,
Ладьи казачьи на своих волнах,
Чтоб в бурю волны мощные ревели
И всем врагам его внушали страх.

Так грезил Дон Седой. Вдруг гром сраженья
Его внезапно пробудил от сна, —
Был близок март и вместе с ним весна;
Уж началось природы пробужденье.
Но Дон грядущей не был рад весне:
Тоска, как цепь, сжимала наши груди...
Все глуше доносился гул орудий —
И замер где-то в южной стороне...

Растаял лед, но слышит Дон: сильнее
Его железная сжимает цепь,
И огласилась женским плачем степь, —
И сжалось сердце старика больнее...
И понял Дон, что он порабощен,
Что изгнаны сыны его в чужбину
Врагом, пришедшим с северных сторон...
И впал старик в тяжелую кручину.

Грустит покинутый о сыновьях...
И день и ночь о них он вспоминает.
Казачка мать является в слезах
И горькую печаль с ним разделяет.

Они зовут ушедших сыновей,
Их с юга ждут и днями и ночами;
И молятся за изгнанных детей,
И любящими к ним летят сердцами...

Друзья, вы слышали, как иногда,
Когда наш полк от битвы отдыхает,
Как-будто степь вдали всю ночь рыдает,
Иль будто зажурчит в ручье вода?..
Или в степи на отдыхе от битвы,
Не чудится ли вам в ночной тиши
Высоко в воздухе напев молитвы,
Неслышный ухом — слышный для души?..

Не степь, друзья, рыдает то вдали,
Журчит и молится не степь ночная, —
То плачут матери родной земли,
То Родина зовет нас, изнывая...
То Дон все ждет изгнанников - сынов
Закованный, то он журчит печально, —
То дети шлют молитвы за отцов, —
То молится наш Край многострадальный...

Молитесь там, в Отчизне... Настанет день,
Мы праздника несем освобожденья —
И ни одна тогда невзгоды тень
Не омрачит родимые селенья...
Железные оковы сбросит Дон,
И снова заликует многоводный.
Исчезнет навсегда кошмарный сон
На Родине воскреснувшей, свободной...

Мароко. **Н. Альникин**

(Из сборника стихов
«Рифмованные кончики».)

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА.

(Автор — офицер Уральского Каз. Войска, служивший в Авиационном отряде, находившемся на Уральском фронте.)

В конце июня 1919 г. к уральцам прибыл Авиационный отряд под командой Военн. летчика полк. Юнгмейстера. В отряде имелись аппараты разных систем: кажется два Фармана 20, один Фарман 30, один Вуазен и один Ньюпор 17. Даже по тем временам довольно таки порядочное старье. К 1-ому авг. отряд был уже на Уральском фронте в пос. Антоновском.

В то время уральцы имели два фронта: Астраханский и Уральский, а между ними защитную группу около Соломахинских хуторов. Все эти фронты были далеки друг от друга на сотни верст, не имея даже связи между собой. Кроме того, к востоку от Бударинска нефтяные промыслы прикрывал Хан Аслаш-Орды с киргизским дивизионом в 600 всадников, с 6 пулеметами и двумя горными орудиями. Алаш-Орды был очень ненадежен: было известно, что он снабжал контрабандой конями красную армию. Все Зауралье было очень слабо контролировано, как с нашей стороны, так и со стороны красных.

10 авг. «Орда» — киргизы с семьями, кибитками, стадами верблюдов и др. скота — уходит от большевиков на юг. Жуткая картина. Масса беженцев. Бухарская сторона, все Зауралье, очистилось от киргизов, перекочевавших вглубь степей на восток.

Беженцы идут сосредоточенно молча. Идут поселками.

25 авг. Взят Лбищенск. Это рейд полк. Сладкова со 2-ой дивизией. Ликвидирован Чапаевский штаб. В Лбищенске захвачено 4 самолета лучшей конструкции, чем наши, 3 автомобиля, радиостанция. Но фронт сам по себе не изменился.

8. сент. В наш отряд назначены Атаманом три летчика, захваченные в Лбищенске. Один из них пор. Железнов, сослуживец к-ра отряда по Румынскому фронте, георгиевский кавалер.

12. сент. Отряд перелетел в стан. Бударинскую. Дивизия Чапаева после разгрома отошла за Бударинскую и при своем отходе сожгла не только поселки, мельницы и др постройки, но и посевы. Картина видимая сверху — жуткая: все черно-черно. В Сахарной взорвана церковь, в Кожехаровском — церковь сожжена. Вся степь курится.

23. сент. Пленные мотористы, назначенные в отряд: Жердин и Алехнович, пытались улететь на Конбуре (лучший из захваченных в Лбищенске аппаратов), но не оторвавшись от земли, разбили самолет. Алехнович тут же застрелился из ручного пулемета Люис (15 пуль), а Жердин убежал в степь, где его не могли найти. Он благополучно добрался до красных и его приключения были описаны в красном авиац. журнале, кажется, «Наши крылья».

30 сент. Отряд перелетел в поселок Прорвинский.

1 окт. Летали для связи с нашей 3-ей дивизией, которая была в пос. Красном в тылу у красных, верстах в 20-ти за Уральском по Бузулукскому тракту. Этот рейд не был таким удачным, как полк. Сладкова под Лбищенск. При полете в Красный, над Уральском были атакованы красными истребителями Ньюпорт. Имели несколько пулевых пробоин, но ни одной серьезной. Мы летали на Фармане 30, — это корова и тигр в сравнении с Ньюпортом.

7 окт. На бухарской стороне горит степь.

11 окт. Перелетели в Бударинскую.

15. окт. При возвращении из штаба 3-ей дивизии, что находилась по р. Барбастау (7 верст от Уральска на Бухарской стороне) были сбиты огнем с земли, самолет едва не сгорел, сгорел лишь мотор, разбит винт. Нас едва не зарубили свои же казаки, приняв нас за красных летчиков, т. к. на нашем «пленном» аппарате были красные звезды (не было краски закрасить), а связь частей с дивизией очень слабая.

20 окт. Дождь со снегом. Холодище.

28. окт. Отряд из Бухаринской снова перелетел в Антоновский, т. е. назад. Снег. Буран наносит сугробы.

30 окт. Железнов, красный летчик, назначенный к нам в отряд, перебежал к красным.

7 ноября. Красные заняли наши Янайкин и Богацкий поселки.

13 ноября. Убежал к красным из пленных Атрамонов. В отряде почти все летчики больны тифом. Не стало и аппаратов, на последнем улетел Железнов. Пять месяцев, как нам не выдают жалования.

21 ноября. Больные отправлены в тыл. У нас отобраны все автомобили.

30 ноября. Отряд без самолетов, их не осталось, переведен в Гурьев.

15 декабря. Каспийское море на 60-80 верст от берега покрылось льдом. Пароходы

не могут подойти к устью Урала, чтобы взять эвакуирующихся больных и остатки личного состава отряда, отправляемых к Деникину за другими самолетами.

16. дек. Наш отряд вместе с морским авиационным в составе, кажется, 23-х человек (из них 2 женщины и 1 ребенок 9 лет) при легких пулеметах выступил из Гурьева на форт Александовск в обход северной части Каспийского моря, чтобы оттуда переправиться к Деникину в Екатеринодар.

18 декаб. Поселок Ракуша с большими нефтеналивными цистернами и 2 нефтеперегонными заводами. Сюда нефть поступает по нефтепроводу из Досар (в 60 верстах).

20. дек. Жилая Коса. На нее ожидался набег Алаш-Орды, перешедшего на сторону красных. Он со своими киргизами напал на штаб 3-ей Каз. Дивизии, выдал его красным, а сам бросился в степь, грабя и насилуя уходящих беженцев. Меняли деньги за 1 руб. керенских давали два колчаковских. Дороговизна ужасная: фунт муки — 1000 руб Слышно, что в Гурьеве уже советская власть.

Из Жилой Косы вышли на санях по льду в море, т. к. путь по степи опасен из-за адаевцев (киргизское племя, вооружившееся за счет разбитой колчаковской Южной Армии) и алашевцев. Некоторые повозки проваливаются под лед. Волки рыщут стаями по 12-15 штук даже по льду моря.

27. дек. Поселок Прорва — рыбачее поселение в 5 дворов. Последнее на нашем пути.

31 дек. Ночуем в 15 верстах от Прорвы в брошенной стоянке киргизов. Вместе с нами семья полк. Сладкова. При переходе ерика, отделяющего прорву от материка, ушло под лед семь повозок вместе с верблюдами. Здесь ерик очень глубокий.

4 янв. 1919 г. Около Мертвой Кулшуки. Вчера набрели на разграбленный караван. Уведено в плен 15 человек, видны следы босых ног. После нашли раздетого полоумного перса. Придя в себя, он рассказал, что на них напали адаевцы. Идем пустыней. Здесь уже никого нет. Пески, пески, пески. Колодцы редки, вода в них горько-соленая и ее мало. У нас мука на исходе, нет мяса.

7 янв. Вчера начали падать верблюды. Ужасная крещенская метель. Едва все не померзли. Подходим к отрогам Кара-Тау.

11 янв. По «дороге» валяются трупы людей и животных. Кара-Тау ровна и гола, как стол.

14 янв. Сошли с Кара-Тау. Три дня как нас мочит дождь. Промокли насквозь. Питаемся полусырым мясом верблюдов. Хлеба давно нет.

После дождя хватили сильные морозы при ветре, доходившие до -25 - 30 градусов Цельзия. До форта Александровска осталось 200 верст.

16 янв. Нас встретили арбы, высланные из ф. Александровска. Дали немного хлеба и мяса.

20 янв. Ф. Александровск. Последние дни морозы были ужасные. Вшей на нас оказалось в потрясающем изобилии, т. к. за все время пути, т. е. 33 дня, мы не мылись и не меняли белья.

24 янв. На пароходе «Астрахань» подплываем к Порт-Петровску.

(З. Германия) **Я. С. Уголько**в.

От редакции «Род. Края». Из всех «походов» периода гражданской войны переход из Гурьева в ф. Александровск был наиболее кошмарным. По словам полк. Изергина, командира 1-го Уральского корпуса, сказанным еще в Крыму войск. стар. Уголькову: «зарегистрированных в Прорве было около 15.000 человек (много же еще ушло помимо регистрации), а в ф. Александровск пришло около 2900 чел., тысяче из них требовалась немедленная ампутация обмороженных конечностей. Не было ни докторов, ни медикаментов, ни инструментов.

Последним из Прорвы вышел отряд оренбургских казаков в 350 чел., но его на первом же переходе застала метель и он вернулся в Прорву, где уже были красные. Там было сразу разстреляно около 70 офицеров.

Жена и дочка 2-ух лет генерала Моторного, начальника штаба Атамана, замерзли в пути».

Все это в далеком прошлом. Как обычно, сов. историки или ничего об этом не пишут, или же совершенно извращают истину. Много их трудов было посвящено Чапаеву, его гибели, но самый рейд полк. Сладкова описан ложно.

Его дочь, проживающая в Париже, обращается с большой просьбой ко всем уцелевшим уральцам и др. лицам помочь ей в собирании материалов об этих славных страницах Уральского Войска и о трагическом исходе из Родной Земли.

Редакция «Род. Края» присоединяется к ее просьбе. Поступивший материал будет опубликован на страницах журнала.

Переписку по этому вопросу направлять на адрес редакции «Р.К.» или г-жи Сладковой по следующему адресу:

Madame André, 12, rue des Jeuneurs, Paris (2-eme) France.

Одновременно г-жа Сладкова розыскивает записки ее отца полк. Т. И. Сладкова, представляющие большой исторический интерес. Просьба вернуть их по выше указанному адресу.

РОДИНА.

Засияет июльское солнце
И в ноябрьский неласковый день,
Когда вспомню журавль у колодца
И левад зеленеющих сень.

Улеглись, растянулись левады
Над протоком в талах, в камышах;
Улеглись с куренями, с садами,
С повиликою в старых плетнях.

А вокруг без границы просторы,
Разлились золотые поля.
Ветряки стерегут косогоры;
Ветром дышит казачья земля.

Дышит так же, как раньше дышала,
Когда враг ее кровью поил, —
Когда Стеньку на казнь провожала,
Когда Петр ей на грудь наступил.

Все пройдет и мелькнет, как мгновенье,
В голубых необъятных краях;
Но в небесном своем озареньи
Засияет родная земля.

Засияет родная надолго,
Засияет в величьи своем,
И Степановы мысли над Волгой
Будут камнями крепкими в нем.

Н. Евсеев.

ПОЧЕМУ КАЗАКАМ НУЖЕН КАЗАЧИЙ ЛЕКСИКОН?

(Кто получил 1-ый офицерский Георгиевский Крест в войну 1914 — 17 гг.)

Чтобы познать СВОЙ РОДИМЫЙ КРАЙ. Знаем ли мы его и как много знаем? Инициативная группа казачьих патриотов взяла на себя труд составить подобный лексикон, посвятив его имени полк. С. В. БОЛДЫРЕВА, ныне покойного. Конечно, труд этот увенчается полным успехом только в том случае, если сами казаки помогут морально и материально мысли о создании, о проведении в жизнь этого замысла. Из проделанного опыта с энциклопедическими словарями на русском языке мы пришли к печальному заключению в том, что касается казаков. Их имени и их истории. Тут или мало, или ничего. А если и есть что, то фантастически неверно.

К сожалению, нашелся один казак (не буду называть его имени, чтобы не вовлечь в новую склоку), и не простой, а грамотный и культурный, который задал такой вопрос: «А кто такой Болдырев, что ему посвящается лексикон»???

Чтобы дать ответ на этот вопрос, я и хочу здесь привести только небольшую часть биографии покойного С. В. Болдырева. Если казаки знают это имя по тем календарям, который они на протяжении многих лет после Второй Мировой войны читали благодаря этого донца - патриота, казака и ревнителя казачьей истории, то, возможно, вот этой части его жизни и не знали. Познакомьтесь.

***

Германия 1-го августа (н. ст.) 1914 года объявила войну России. 1-й Донской казачий имени князя Суворова полк (впоследствии переименованный в полк Его Величества), в котором состоял хорунжий Болдырев, в составе 2-й бригады 1-й кав. дивизии — на пятый день мобилизации выступил в военный поход 1-й Мировой войны.

А через 2 недели, т. е. 20 августа, хор.

Болдырев Высочайшим приказом награждается орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, с занесением его имени золотыми буквами на мраморную доску Царского дворца. Таким образом, он становится ПЕРВЫМ Георгиевским кавалером 1-й Мировой войны, опережая всех офицеров Российской императорской гвардии и армий, коих насчитывалось к концу войны несколько сотен тысяч человек.

Приказ по 1-й Армии геройский подвиг описывает так:

тельно помог своему отряду».

Подвиг этот описывает не только ген. Головин в его «Истории 1-й Мировой войны», но и англичане, в вышедших после войны книгах военного содержания, приводят его, как пример геройства и казачьего искусства.

Можно себе представить то чувство радостной гордости офицеров и казаков 1-го Донского полка, гордость всей 1-й кав. дивизии — составлявших часть Войска Донского? Имя казачье передавалось из уст в уста

«ДОНСКОГО казачьего полка Хорунжий БОЛДЫРЕВ Сергей награждается орденом Св. Георгия 4-й степени за то, что

20 августа 1914 г. при набеге дивизии на Алленштайн (Восточная Пруссия) высланный на утомленных конях в разведку, проник в средину передвигавшихся частей противника, где несколько раз был преследуем и даже окружен, но тем не менее доставил своевременно важное донесение, чем значительно помог своему отряду».

по всей армии и во многих частях обширной империи. В этом геройстве видно, как НА ДЕЛЕ казак доказывает верность присяге, верность долгу...

Нужно ли говорить, что награждение это было связано с целым придворным церемониалом представления лично Государю — как Верховному Главнокомандующему всей Армии. Требовалось ехать в Петроград в специально сшитой для этого случая парадной

форме Георгиевского Кавалера. Это и видно на имеющейся у биографа фотографии того времени.

(Биография С. В. Болдырева будет помещена в одном из ближайших номеров «Родимого Края».)

Войск. старш. **А. Скрылов**

ДОПОЛНЕНИЕ К СТАТЬЕ А. П. ПАДАЛКИНА.

(«Род. Край» № 31. «Дополнение к труду Е. Ковалева»)

(По непредвиденным обстоятельствам в №31 «Р.К.» на стр. 10, правый столбец, 2-ая строчка снизу, оказались пропущенными следующие строки).

«Во время рейда корпуса ген. Мамантова. выступления каз. корпуса Миронова из Саранска и наличия дезертиров, укрывавшихся от мобилизации в пензенских лесах, Реввоенсовет Республики, за подписью его председателя Л. Троцкого, издал приказ №147, в котором требовалось «истребление казаков всеми путями» и что «никто не имеет права уклоняться от облавы на мамантовских бандитов и громил», и что «трусливость, шкурничество и дезертирство будут караться разстрелом». Далее требовалось создание «небольших заградительных отрядов из твердых боевиков, которые умеют сражаться и умеют расправляться с дезертирами».

Вообще в это время была объявлена безпощадность ко всему донскому казачеству. Управляющим делами Военного Совета Южного фронта Ходаровским была разослана во все армии, корпуса, дивизии и полки телеграмма №3848, в которой говорилось: «Реввоенсовет Южного фронта приказывает во изменение прежних постановлений в отношении общей политики в Донской Области руководиться следующим — самым безпощадным образом подавлять попытки к мятежу, применяя при этом подавлении меры массового уничтожения».

В результате Мамантовского рейда Реввоенсовет пришел к выводу, что советская армия бедна кавалерией. Совет Народных Комиссаров провозгласил лозунг «пролетарии на коней». По требованию Реввоенсовета были нацинализированы все конские заводы. Кроме того, каждый уезд «Совдепии» должен был выставить определенное количество всадников на конях, вооруженных и одетых. Состав этой кавалерии в большинстве случаев был из добровольцев и коммунистов. Таким образом, результатом мамантовс.ого рейда было создание сильной красной кавалерии.

Редакцией «Род. Края» получено следующее письмо от полк. Протопопова:

Г-н А. Падалкин в жур. «Р. К.» №31, в «дополнении к труду Е. Ковалева» сделал свое заключение несовсем правильное. Находясь в рейде, 4-й Дон. кон. корпус ген. Мамантова в августе 1919 года имел непосредственную связь с корпусом красной армии Миронова, из этого красноарм. корпуса было много перебежчиков в наш корпус, т. к. казаки Миронова полагали, что сов. власть должна скоро пасть. От Миронова к ген. Мамантову была прислана делегация, возглавляемая ес. Поповым, при нем были и два сотника Орлов и Низельщиков. Эти делегаты сообщили ген. Мамантову, что «Миронов со своим сов. корпусом решил бороться против коммунистов». Ген. Мамантов приветствовал это начинание и предложил Миронову вести наступление на Москву. Ес. Попов повез Миронову приказ, а сот. Орлов и Низельщиков остались при нашем корпусе. Через два-три дня мы узнали опять от казаков перебежчиков от Миронова, что красный комкор держит путь на юг, для соединения с Буденным и совместной акции против группы ген. Мамантова. Наши разведчики сот. Орлов и Низельщиков, имевшие сов документы, установили, что Миронов по приказу Троцкого хотел обмануть ген. Мамантова, поймать и передать Троцкому. Поэтому Миронов и не был наказан за его «измену» и впоследствии в Крыму командовал 2-й сов. армией.

Что касается «въезда ген. Мамантова на белом коне в Москву», он мог осуществить это и без Миронова, т. к. на его стороне были симпатии не только казаков. но и населения и красноармейцев, (подчеркиваю при продвижении вперед) но, к сожалению, нас из рейда вернули и мы повернули на юг и сразу же изменились симпатии, не только населения и красноармейцев, но, вероятно, и казаков Миронова!

Дальше г-н А. Падалкин пишет, что «из

остатков 4-го Дон. кон. корпуса в Крыму была содана 2-я Дон. кон. дивизия». Это неверно! 2-я Дон. дивизия в Крыму состояла из быв. Атаманской кон. дивизии (3-й Калединский - Георгиевский, 4-й Назаровский 5-й Платовский, на Дону был Баклановский, и 6-й Ермаковский полки). Эта славная Атаманская див. на Кавказском побережьи отняла у добровольцев пароход и переехала в Крым.

Из казаков, брошенных командованием на Черноморском побережьи, советчики сформировали две отд. бригады и бросили их на Польский фронт, т. к. в то время поляки заняли Киев. Эта счастливая случайность спасла несколько тысяч казаков. Эти бригады прибыли в Белую Церковь, с целью перехода к полякам, но последние, узнав о прибытии казаков, бросили Киев и бежали и казакам пришлось свыше 300 верст догонять поляков, чтобы к ним перейти. Перешли впоследствии в г. Кременце. Согласно договора, желающих казаков поляки из этих бригад отправили в Крым, где они и пополнили 2-ю Дон. кон. дивизию «скорой помощи».

В период Крымской кампании 1920 года, 5-я кон. сов. дивизия 2-й сов. армии Миронова прошла в тыл арм. ген. Врангеля, где была полностью захвачена в плен 2-й Дон. кон. дивизией ген. Татаркина. 3-й Калединский - Георгиевский полк взял в плен сов. каз. полк, которым командовал тот же ес. Попов, которого ген. Мамантов в рейде стправил к Миронову с предложением наступать на Москву. Попов в Крыму подтвердил, что Миронов хотел обмануть ген. Мамантова и уничтожить нашу группу. Полк. Г. И. Чапчиков никаких комиссаров не расстреливал, у него в полку был быв. комиссар Тульской сов. дивизии, которая во время рейда перешла к ген. Мамантову под Тулой, и Мамантов его отпустил за то, что тот сказал, что боролся за социальную правду. Комиссар был еврей Гриша, ставший отличным капельмейстером в Калединском - Георг. полку в Крыму. Во время эвакуации из Крыма, капельмейстер Гриша остался — вероятно управлять оркестром у Бела Куна.

Зап. Германия **А. Протопопов**

О ПЕСНЯХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

(Краткая справка).

Знаем, Дон течет откуда,
Знаем, чем он украшен —
Украшен он славой русской,
Сам собою доказал.

По песням можно проследить не только жизнь казака, но и всю казачью историю. Эти песни особенно ценны, ибо они ясно и определенно выражают на протяжении многих веков казачьи политические и социальные явления, как в казачьих краях, так и в государстве, а равно и понятия казаков о самих себе и своем отношении к государству. Часто в песнях упоминается имя царя, ибо с ним фактически отождествляется родина, верными сынами которой неизменно были казаки-воины, защитники государства.

Россия это слава казачья. История сделала казачество участником и творцом Великого государства. Историческая заслуга казачества в деле собирания Руси весьма велика, о чем свидетельствуют царские грамоты, знамена, штандарты и т. п. Участие казачества в гражданской войне всем известно. В ней приняли героическое участие и казачки, и дети, и деды. Казаки умели сочетать любовь к родине — России — с любовью к своим казачьим краям — казачьи песни лучший показатель этого.

Украшен то наш Тихий Дон молодыми
вдовами,
Известен наш батюшка Тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в Тихом Дону отцовскими
да материнскими слезами.

Из тысячи песен есть целый ряд героических. Взять, к примеру, песню о гибели «Ермака»:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молния сверкала,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Все соратники Ермака спят, сам он только не спит и думает думу, подводя, так ска-

зать, итог своей жизни.

Кто жизни не щадил своей
Опасность в сечах презирая,
Тот думать будет ли о ней,
а Русь Святую погибая?
Своей и вражьей кровью смыв
Все прегершенья бурной жизни
И за победы заслужив
Благословение отчизны!

Так думал, умирая за родину, Ермак!

Нам смерть не может быть страшна.
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы не праздно в мире жили...

Вот еще несколько песен: — Проводы казака на службу —

Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржеть, кого то ждет,
В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка горьки слезы льет.
А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых
Идет к коню из церкви прямо
Вокруг семьи своих родных.
Жена коня подводит мужу,
Племенник пику подает,
И говорит отец: послушай
Моих речей ты наперед.
Мы послужили Государю,
Теперь и твой черед служить.
Так поцелуй же женку Варю —
И Бог тебя благословит.
Дарю коня тебе лихого,
Он добровит был у меня,
Носил в огонь и из огня.
А вот и пика боевая,
Подруга верная моя,
А вот и шашка родовая,
Ей бился дед, и дрался я.
А добрый конь — все наше счастье,
И честь и слава казака,
Он нужен в счастьи и ненастьи.
И за врагом, и на врага.
Конь боевой всего дороже!
И ты, мой сын, им дорожи;
И лучше сам ты ешь поплоше,
Коня же в холе содержи.
Но ни в бою, ни перед боем
Ты не бранися, не серчай;
Будь казаком и перед боем
Крестом себя ты осеняй.
Куда придешь, ты первым делом
Разведай все до пустяка,
Где тракт какой, кто есть, примером,
Где лес, где села, где река...
Тогда ты свой в чужой сторонке.
И командирам ты рука...
Ведь ловкость, сметка, да сноровка
Весь капитал у казака.

Вот другая — о службе казачьей:

Поехал казак на чужбину далеку
На добром коне он своем вороном,
Свою он краину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка его молодая
Все утро и вечер на север глядит,
Все ждет, — поджидает — с далекого края,
Когда ж ее милый казак прилетит.
А там за горами, где вьются мятели,
Зимою морозы трещат,
Где сдвинулись грозно и сосны и ели,
Казачьи кости под снегом лежат.
Казак, умирая, просил и молил
Насыпать курган у него в головах:
Пущай на кургане калина родная
Растет и красуется в ярких цветах.
Пусть вольная пташка, склонясь над калиной,
Пропой прощебечет, как весточку мне,
О милой казачке, родной стороне.

К «Двенадцатому году» относится песня об атамане Платове, который воплощает собою целую эпоху казачества.

Славим Платова — героя,
Победитель был врагам,
Слава донским казакам...

Одним донским поэтом сочинена была кантата восторженно патриотического содержания («На возвращение донцов с войны»).

Дела их слава оглашает,
Победный лавр венчает их,
Привет, почет их ожидает
На родине в кругу своих.
И в тех рядах, в рядах героев,
Идут бесстрашные донцы,
Какими были их отцы.
Донцы идут — и Дон пирует,
С восторгом ждет своих сынов,
От царской милости ликует
И за царя в огонь готов.
Казак, казачка, стар и млад
Пределов радости не знает,
И, снесши в круг регалий ряд,
На знамя новое взирает...

Ниже приводится песня Новочеркасского Военного Училища:

Вот настанет пора производства,
Распрощается лагерь с тобой.
И друг друга мы больше не увидим,
Не придется нам встретиться вновь
Молодыми пойдем мы сражаться,
Постареем мы скоро в боях,
И немного назад нас вернется —

Вспоминайте, товарищи, нас.
Так давайте, товарищи, выпьем
Мы по рюмочке только одной,
И друг друга мы все ж увидим,
И придется нам встретиться вновь.

В песнях сказалась вся красота, глубина и размах казачьей души, сила казачьего сердца и твердость непреклонной воли.

С полным основанием Донской гимн кончается словами:

Славься, Дон, и в наши годы
В память вольной страны,
В час невзгоды — честь свободы
Отстоят твои сыны!

США **И. Курицын.**

С КАЗАКАМИ.

(Отрывок из воспоминаний о беженской эпопее после 2-й Мировой Войны).

Беженский обоз Казачьего Стана, быстро отступая от советского фронта, продвигался все дальше и дальше на запад по дорогам Польши. Как то, вблизи речки Варты (притоке Одера), выбрав удобное место в лесу, вечером сделали остановку. На открытой лесной поляне распрягли лошадей. Теперь уже в населённых пунктах не стояли. Казаки расположились под открытым небом, так как было лето и жить можно в будках. Продукты получали. Варили на кострах. Лошадей держали на привязи и кормили сухим фуражем.

Это последнее стояние компактной массой казачьей семьи сохранится в памяти, как период полной оберечённости и... песен.

Казаки — народ служилый, военный, у них много своих, чисто боевых и бытовых, песен. Песен, отражающих весь быт казачий. О проводах казака на службу, о возвращении домой. Об его боевых товарищах, о ранениях, о смерти казака в далёкой чужбине и много других.

Боевая натура казака была теперь в бездеятельности. Сидели на месте и ждали распоряжений. Уходить — некуда. Сдаваться — невозможно. И вот мятежный дух выливался в песнях. Горе растворялось в хоровом пении.

Казаки собирались около своих будок группами и пели. Пели — «играли» песни — с вечера и до утра. Особенными песенниками были казаки станицы Есауловской.

Начинает песню один казак-соло. Долго он делает переливы с дрожементом в голосе. Берёт ноты выше и выше. Вот закатывается в поднебесье. Пожалуй, ни в какие теории музыки и пения нельзя уложить те вибрации голоса, которые может изобразить казачий запевало. Зальётся соловьём вверх и держится долго, долго, заражая энтузиазмом всех остальных.

Потом, вдруг, бросится с облаков коршуном вниз и, даже, сделает жест рукой, протягивая ноту е-е-э-э-е. В этот миг давно ожидающий хор подхватывает песню на середине куплета.

В летнюю ночь на свежем, сухом, чистом воздухе далеко несётся казачья песня. Поют они не только голосом. Поют душою, телом — поют всем своим существом. И чаруют своим пением — чистыми, музыкальными, здоровыми голосами — казаки всю вселенную: вспомните Донцов С. А. Жарова!

Старые служилые казаки выбирают песни глубокой старины. «Как у горницы-то Петра Первого стоял млад казак»... Потом переходят на более поздние «Ехали казаки со службы домой», «Скакал казак через долины»... И ещё бесчисленное множество других песен поют Донские казаки в своём последнем боевом отступлении.

Под утро уставшие песенники расходятся по своим повозкам и крепко засыпают.

Тесен оказывается мир. Некуда попятиться горсточке людей, чтобы не упасть в пропасть. Месяц стояли на голой, открытой лесной поляне — жизнь спасали.

Рищмонд (США). **М. Морозова.**

КАДЕТЫ.

Ты не один — орлиная вас стая»...
К. Р.

Нас было много юных, сильных,
Любивших с детства свой погон,
Познавших смысл молитв кадильных
У корпусных родных икон.
Нам в церкви тихой, в сборном зале,
Со стен мерцали письмена,
С крижалей мраморных мы знали
Наперечет все имена.
Учили мы в часы досуга
Сонеты дивные К. Р.,
Мечтали стать и пасть за друга,
Являть собой везде пример.
Но только зов пошел набатный,
В степях для нас зажглась звезда
И, бросив все, на подвиг ратный
Мы разлетелись из гнезда.
А через год, когда слетелись,
Так много мест было пустых,
Так тихо, тихо песни пелись
В осенних сумерках густых!..
Простили-ль мы, что так бездушно
Отчизна предала детей,
Заставив нас тогда послушно
Прервать безпечных ряд затей?..
Уходят дальше, глубже сроки,
Померкли грозных лет огни,
Но как живы еще уроки
И корпусных мечтаний дни!..
Как близки дрожь от снежной были
И той звезды взошедший свет!..
Но как живы еще уроки
И корпусных мечтаний дни....
Как близки дрожь от снежной пыли
И той звезды взошедший свет
— В деянья все мы претворили,
Что августейший пел поэт.
И горды мы в приливе воли
Припомнить чувств тогдашних новь,
Безмолвно зубы сжав до боли,
Свою и братьев павших кровь,
— Весь юный путь, что волей рока
Нам преградила борозда,
Когда мы вырвались до срока
Из дорогого нам гнезда,
И знать, что в бой мы шли — кадеты,
За честь Отчизны полегли,
Что дорогие нам заветы
Не хуже старших сберегли.

Париж. **И. Сагацкий.**

ОБЩЕКАЗАЧЬЯ СТАНИЦА В НЬЮ ИОРКЕ.

Общеказачья станица в Нью Иорке — одна из старейших здесь станиц. Было время, когда ее члены считались сотнями и в ее лоне прибежище и казачий очаг находили все казаки, прибывавшие в США. Но это было давно. С распылением ее членов по всему государству, с расщеплением казаков на множество мелких организаций и отходом массы казаков от организованного состояния, крайне поредели и ряды Общеказачьей станицы в гор. Нью Иорке. Результатом же стала потеря общественного веса и значения казачьей общественности, ее беднота и бессилие. Особенно такое явление под влиянием борьбы известных генералов сказалось в жизни донских казаков. Два года тому назад оба генерала пошли по пути неограниченного произвола и для них перестали существовать Донские Законы, казачьи традиции и уважение к донской казачьей общественности.

Все эти обстоятельства не остались без печального влияния на казачьи организации, в том числе и на Общеказачью станицу в Нью Иорке: и в ее рядах стало мало казаков, масса казаков оставалась вне ее, а казачья интеллигенция предпочитает быть зрительницей казачьей жизни, за исключением очень немногих. Однако та небольшая группа казаков, которая еще оставалась верной Общеказачьей станице в Нью Иорке,

верной Войсковым Законам и демократическим казачьим традициям, крепко держалась своей Станицы и в половине 1960 года избрала себе идейного, энергичного Атамана в лице инж. А. Е. Афанасьева. Он вместе с своими коллегами решил укрепить свою Станицу, усилить ее ряды, поднять ее культурный и общественный уровень и осуществлять задачи, необходимые особенно для более обездоленных — стареющих казаков и казачек. Атаман Афанасьев обратился к казакам с призывом усилить ряды Станицы, оживить ее деятельность. Небрагоприятных обстоятельств было немало...

В такой обстановке Правление Общеказачьей Станицы в Нью Йорке назначило годичный Станичный Сбор на 14 января с. г. в помещении на 51 Ист 121 ул. в Нью Йорке. Согласно регистрационного листа констатируя законное число явившихся, Станичный Атаман в 4 часа объявил Станичный Сбор открытым. По его просьбе член Станицы протоиерей о. Петр Дьяконов прочитал молитву. Атаман напомнил Сбору о кончине Походного Атамана ген. от кав. П. Х. Попова и, сказав краткое слово об исторической заслуге покойного перед ВВД и Казачеством, предложил почтить его память вставанием и одноминуным молчанием.

Далее Атаман, по оглашении порядка дня, просил Сбор его утвердить. Порядок дня единогласно был утвержден. Атаман огласил имена казаков и казачек, подавших заявление принять их членами Станицы. Они поименно, с указанием их родных Станиц, открытым голосованием единогласно, при дружных апплодисментах, были приняты членами Общеказачьей Станицы в Нью Йорке. Приняты следующие лица: д-р В. В. Харламов, инж. В. И. Попов, Т. В. Кривошеина (Харламова), Л. В. Харламова, инж. Н. Б. Уланов, инж. С. А. Пахомов, Э. Б. Уланов, Б. Б. Уланов, инж. проф. М. М. Афанасьев и инж. М. А. Саринов. Жены принятых, как законные казачки, автоматически принимаются членами Станицы. Прежде, чем перейти к дальнейшим пунктам порядка дня, для дальнейшего ведения заседания Сбора, Атаман предлагает избрать Председателя. Таковым единогласно избирается В. И. Попов. По его предложению Сбор единогласно избирает Секретарем Б. Н. Уланова.

Атаман приступает к своему докладу о деятельности Правления. Он обстоятельно освещает обстановку, обстоятельства и условия деятельности Правления. Особенно отмечает следующие моменты: 1. Вопрос об Уставе, 2. Взаимоотношение Станицы с другими Станицами и, в частности, с Общеказачьей Станицей в Фарминдэйле в шт. Нью Джерси, 3. Неудачную попытку восстановить деятельность КАЗАЧЬЕГО ЦЕНТРА, 4. Необходимость будущему Правлению Станицы так наладить отношения с казачьими организациями, чтобы создать благоприятные условия их объединения и объединения Казачества, 5. Добрые отношения Станицы с большой общественной организацией РОВА, идущей всемерно навстречу задачам Станицы, 6. Станица высоко оценила казачий журнал «РОДИМЫЙ КРАЙ», издаваемый в Париже ДОНСКИМ ВОЙСКОВЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ, всемерно его поддерживает и рекомендует его своим членам и Казачеству, 7. Необходимость увеличить число членов Общеказачьей Станицы, так как от этого зависит успех, общественный вес и значение Станицы.

По окончании доклада Атамана слово дается Председателю Ревизионной Комиссии Т. Т. Клименко. По заслушании докладов Атамана и Председателя Ревизионной Комиссии и ответов на вопросы, усматривая освещение деятельности Правления Станицы в силу обстоятельности докладов, не требующей особых прений, Сбор единогласно принимает резолюцию:

Доклад Атамана принять к сведению и деятельность Правления за отчетный 1960 год ОДОБРИТЬ. Выразить особую признательность Станичному Атаману А. Е. Афанасьеву за его жертвенную деятельность, выразив полное доверие и благодарность ему и Правлению за их работу в отчетном 1960 году.

Доклад Ревизионной Комиссии утвердить и выразить ей благодарность.

Сбор переходит к следующим пунктам повестки: перевыборам Правления и Ревизионной Комисси. Сбор прежде приступает к выборам Атамана. При дружных апплодисментах, открытым голосованием единогласно на 1961 год Атаманом Общеказачьей Станицы в Нью Йорке избирается А. Е. Афанасьев. Далее в Правление открытым голосованием единогласно избраны: В. И. Попов — Писарем и Казначеем, В. Д. Кеда, Т. В. Кривошеина (Харламова), Тетерин С. В. и Запасным Членом Правления Н. Б. Уланов.

В Ревизионную Комиссию открытым голосованием единогласно избраны: В. И. Бабустов, С. А. Пахомов и А. С. Малый.

По текущему моменту Сбор уполномочивает Правление: принять участие в увеко-

вечении памяти Походн. Атамана ген. П. Х. Попова, ассигновать средства на устройство на могиле его памятника, организовать из членов Станицы, проживающих в других штатах, Хутор, и организовать Дамский Комитет. Повестка Сбора исчерпана. Председатель благодарит всех членов Станицы, явившихся на Сбор, приветствует новых членов и, пожелав усиления состава Станицы и процветания ее деятельности, закрывает Сбор.

В тот же вечер в другом помещении состоялась устроенная Станицей вечеринка. Она была на редкость удачная по своему дружескому настроению и культурному содержанию. Среди гостей были: почетные гостьи Станицы Л. В. Харламова и Е. Д. Богаевская, скульптор и художник С. Г. Корольков, д-р В. В. Харламов с супругой, о. Петр Дьяконов, солист-танцор из Платовского хора Г. А. Саладухин, Е. М. Попова, О. С. Саринова, Д. В. Матвиенко с супругой и детьми, Ю. Л. Пригодина, Пом. Стан. Ат. Красновской Станицы Б. В. Вишневский, А. С. Тульцев, И. М. Пика и др.

Нужно надеяться, что Станица еще не раз повторит т а к о й вечер.

США **Н. Хоперский.**

ИЗ ЖИЗНИ АМЕРИКАНСКИХ КАЗАКОВ

11. февраля с. г. по традиции казаки отметили «День Казачьей Скорби» по всем казакам и казачкам и вождям Казачества, в борьбе с коммунистами отдавшим свою жизнь, устройством траурного Собрания и поминок. Этот День приурочен ко дню кончины Донского Атамана А. М. Каледина. Панихида была отслужена в Храме Христа Спасителя, 121 ул., Ист, 51. В отличие от прежних лет она была устроена объединенно пятью казачьими организациями: Общеказачьей ст. в Нью-Йорке, Калединской, Красновской Терско - Кубанской и Общеказ. Национально-Культурным Объединением. Такое объединение многим казакам доставило огромную радость. — «Наконец-то», радостно вздохнули. На панихиде присутствовали казаки разных Войск. Среди явившихся, кроме атаманов: А. Е. Афанасьева, П. И. Медведева (Калед. ст.), А. П. Сенявина и его помощника Б. В. Вишневского, Председателя Общеказ. Нац. - Культ. Объед-я Н. Е. Ковалева, были представители Войск: Кубанского полк. Ф. И. Елисеев, Терского ген. В. И Старицкий, Уральского хор. художн. Л. Л. Масянов.

Панихида — торжественная, хор из любителей пел прекрасно. На панихиде слово Казачеству посвятили о. Петр Дьяконов и Настоятель Храма Христа Спасителя. Ими же, в сослужении, отслужена панихида. По ее окончании состоялось траурное Собрание под председательством атамана А. Е. Афанасьева. По открытии Собрания была пропета молитва, вставанием почтена память усопших и исполнены Казачьи гимны: Донской, Кубанский и Терский. После этого, как Представителю ВВД, слово дано Зам. Председ. ДВКруга Б. Н. Уланову, Кубанск. Войска полк. Ф. И. Елисееву, Терского ген. В. И Старицкому и Уральского хор. Л. Л. Масянову.

Слово Зам. Пред. ДВКруга Б. Н. Уланова:

«Мы здесь собрались сегодня вспомнить вождей Казачества и всех казаков и казачек, жизнь отдавших в борьбе за свободу и счастье своих родных Краев и Великой Родины России. Перед лицом всего Казачества и всего Мира неизменно ежегодно мы торжественно заявляем: наших великих вождей, братьев и сестер казаков - страстотерпцев в молитвах, мыслях и душах **не забываем.** Но среди этих безчисленных борцов мы особенно помним наших вождей, тех, которым мы особоенно **верили** и **верим.** И «День Казачьей Скорби» не без основания Казачество приурочило ко дню трагической кончины первого избранника Войска Донского А. М. Каледина. Мы, Донцы, будем во веки им гордиться: он был достойнейшим не только среди Донцов и всех казаков, но и всех русских людей.

А. М. Каледин, ген. от кавалерии ген. штаба царского времени, кавалер двух Георг. крестов, б. Командующий 8-ой Армией в Первой Мировой войне, чтил свое Войско,

ему был предан до конца своей жизни. Он честно и непоколебимо приял Донского казачества древнее «обыкновение», его общественные и политические принципы, воплощенные в институте ДВКруга, выборном Дон. Атамане и ответственной перед Кругом власти. В этом древнем казачьем «обыкновении» — вся подлинная моральная, общественная и политическая сущность Казачества. В этом казачьем «обыкновении» и сущность всего того, что ныне в мире называется демократией, началом народовластия. А. М. Каледин эти принципы приял и твердо, непоколебимо за них стоял. Поэтому в окт. 1917 г. **он не признал узурпаторской власти** Сов. Нар. Комиссаров и диктатуру Ленина. Как естественный вывод из этого, он поднял знамя борьбы против советской власти и коммунизма. Великая то была борьба...

Не раз поднимался вопрос, что А. М. Каледин мог сохранить жизнь и продолжать свою борьбу. Праздный вопрос. У каждого великого деятеля есть свое дело, своя миссия, определенная Историей. И у А. М. также было свое историческое дело, дело казачьего долга и русского гражданина. И это дело он завершил **принесением своей жизни в жертву**, а форма ее осуществления смысла великой жертвы не меняет... Это — **искупительная жертва** за Войско Донское и за всю Великую Родину. Таковы жертвы и В. М. Чернецова, Атамана А. М. Назарова, Е. А. Волошинова, М. П. Богаевского, П. Н. Краснова, ген. Л. Г. Корнилова, Ф. Д. Назарова, Пох. Ат. С. В. Павлова и многих-многих других.

Таковы жертвы трагической смертью Терских Атаманов М. А. Караулова и ген. Г. А Вдовенко, ген. Мистулова, К. Бардижа, ген. А. Шкуро, ген. Султана Кучук Шахим Гирея, Оренбургского Атамана ген. А. И. Дутова и Председателя Кубанской Краевой Рады С. Рябовола.

Это — вожди Казачества, за свободу и благо родины Краев и Великой Родины в жертву принесшие свою жизнь: лишь в разной обстановке и разных условиях, но трагически и предопределенно...

Все они — дети Казачества и в этом — трагедия Казачества в целом. Казачества, 43 слишком лет тому назад поднявшегося на великую борьбу со всемирным Злом — Коммунизмом, несущим 44-й год Ложь, Обман и Рабство на весь мирь. Трагедия Казачества, давшего приют и спасение тысячам, но в великой борьбе потерявшего тысячи своих детей, свои родные Земли, родные очаги, культурные и материальные сокровищницы, свои святыни, но не душу...

Жертвы Казачества неисчислимы и величественны и потому-то их трудно понять и представить. И потому-то Казачество ежегодно молится за них, благодарит их, преклоняется перед их священной памятью, мысленно воздает им должное за их великие заслуги.

И потому-то мы их, наших братьев и сестер, наших славных вождей, жизнь отдавших за свободу и счастие Казачества и Великой Родины, никогда не забудем...

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ И НЕУВЯДАЕМАЯ СЛАВА, а живому Казачеству и Казачьим Войскам силы, крепости и возрождения...»

***

«В борьбе с красными», сказал полк. Елисеев: «в 1918-20 г.г. от Кубанского Войска участие принимало: 37 конных полков, 3 пластунских бригады, 24 батареи, Атаманский учебн. артил. дивизион, Учебный конный дивизион, Учебный пластунский баталион, два Военных училища — Александровское и Софийское и Кубанского гвардейского дивизиона две сотни.

Кроме того, некоторые Добровольч. части состояли иногда наполовину из Кубанских казаков. Добровольческая Армая, по подсчету 1919 г., на 85% состояла из Кубанцев.

В боях Куб. В. потеряло убитыми **шесть** генералов: Маневского, Мамонова, Джалюка, Крыжановского, Запольского и Бабиева и двадцать командиров полка: полковников Федоренко, Румбешта, Орфенова, Просвирина, Казанова Михаила, Ассеира Ютия, Золотарева, Бреуса и Козлова. Кравченко Юрия и есаула Поперека, есаула - юриста Солоцкого, полк. Колкова, Ландера, Щегловского и Машака, капитана Химченка.

Подобную же картину героической борьбы Терского В. с коммунистами в своей речи обрисовал и ген. Старицкий. Он выразил радость объединению каз. организаций, чтобы помолиться за вождей Казачества и всех борцов казаков и казачек, павших с врагами Казачества и России.

«Уральское Каз. В.», сказал хор. Масянов: «полностью сохранило старые казачьи традиции и общинную жизнь. У уральцев было все по особенному. И война против большевиков была особенная. Видили ли вы гденибудь такую потрясаюшую атаку в конном строю стариков под хутором Халиловым в 12 верстах от Уральска? Атаку почти безоружных стариков на пулеметы и брониро-

ванные автомобили красных... Много их там сложило свои головы, как и их командир полк. Мизин.

Видели ли вы где-нибудь крестоносную старобрядческую дружину казака Кабаева? Дружина была в 60 человек, вооруженных только шашками и пиками, но у последних вместо наконечника был прикреплен восьмиконечный медный крест. Чудеса творила Дружина, увлекая в бои и остальные части.

Видели ли вы такого командующего Армией, как ген. М. Ф. Мартынов? Будучи ранен, на автомобиле вел казачьи лавы в атаку, а при последней защите Уральске, будучи тяжело ранен, командовал фронтом, разъезжая в санях, запряженных парой лошадей. Эта рана оказалась смертельной.

Видали ли вы что-либо подобное, когда только что избранный Войсковой Атаман ген. Толстов прискакал с группой юнкеров из Гурьева в станицу Мерченевскую, где происходил митинг при участии советских делегатов, арестовал последних и приказал всех участвующих на митинге выпороть нагайками? Этим жестом он произвел чудо, сразу влилась надежда у казаков. Переформировалась Армия и дорого стоили уральцы коммунистической армии. Нам, уральцам, в этот День Поминования казачьих героев хотелось бы выделить нашего чудо-богатыря, казака Каменской станицы, ген. Матвея Филаретовича Мартынова...» Так кончил свою красочную речь Л. Л. Масянов. В немногих его словах — героическая эпопея Уральцев, достойная пера гения.

Кроме вышеуказанных лиц выступали: П. Быкадоров с кратким, но ярким, обзором международной обстановки и выражением благодарности атаману А. Е. Афанасьеву за его старание объединить казаков, и Матвиенко с призывом к казакам объединиться.

По окончании официальной части остались желающие разделить поминки-блины. Казаки душу отводили в воспоминаниях о родных Краях, в милых казачьих песнях воспевая Казачество и в них черпая моральную силу и живое чувство казачьей солидарности. Но несколько человек из участников панихиды ушли и в тесном кругу отмечали «День Казачьей Скорби». Такое обособление — в казачьей эмигрантской жизни явление распространенное: от большого разъединения перейти на путь объединения и братства, преодолеть личные и общественно-политические мотивы — нелегко.

И все же казачья мысль и чувство казаков в «День Казачьей Скорби» идут в одном направлении. Нет сомнения, что преданные интересам Казачества казаки рано или поздно перейдут на путь объединения. Что может стоять на этом пути, на пути радостного возрождения Казачества? Лишения и трудности? Бедность? Как будто для Казачества ново побеждать трудности жизни и натиск врагов? Своей вере, своим идеям свободы, братства и славе, а не материальному богатству и честолюбию отдельных казаков обязано Казачество.

США **П. Тополев.**

НА ПОБЫВКЕ.

(Глава из повести «Хутор Буерак-Попов»)

В конце мая Вукол Шурупов объявил снохе Арине, что она может собираться на побывку к мужу. Вукол поехал в станичное правление за проездными документами для снохи.

Станичный атаман сообщил ему, что еще две жены поедут туда же, к своим мужьям; с хутора Хованского, сноха урядника Коршунова, и с хутора Затонского, сноха казака Короткова.

— У меня вчера был урядник Коршунов, — сказал атаман. — Я дал ему документ на всех трех баб и советовал, чтобы он проводил баб до станции Себряково, получил там безплатный билет и посадил их прямо на поезд, а то ведь бабы железной дороги не видали и порядков на ней не знают.

В назначенный день Григорий Коршунов приехал со своей снохой Катериной на Буерак - Попов хутор за Ариной Шуруповой. Тут он припрег к своему кореннику шуруповского маштака.

Был праздничный день. Около двора Шуруповых собрались хуторяне.

— Пришли поглидеть, как баб провожают на службу, — говорили в толпе.

— Глядите, бабы, служите, как следует, по уставу, да не проштравьтесь: а то настоитесь в боевой, — шутили казаки.

— Кланяйтесь всем хуторцам! — кричали бабам.

Под общее пожелание — в добрый час! — подвода тронулась на хутор Затонский, за снохой Короткова.

С десяток хуторов и две станицы — Кепинская и Ачадинская, лежат по пути от Усть-Медведицы до слободы Михайловки и жел.-дор. станции Серебряково при ней.

Проезжая станицу Кепинскую, Коршунов не преминул сообщить своим пассажиркам, что эту станицу дразнят «сомы».

— Дядя Григорий, и тут такие же казаки, как и у нас? — спросила Арина.

— Казаки везде молодцы, а вот бабы ихнии дурней наших, — ответил Коршунов.

— Ну, уж, кубыть и правду говоришь? — сказала Арина и спросила его:

— А какая же эта железная дорога? Как же по ней ходють или ездиють?

— Нет, такая машина есть: она тянет за собой вагоны с людьми, — пояснил Коршунов.

До самой Михайловки бабы не переставали спрашивать Коршунова о всем, что возбуждало их любопытство, приковывало внимание.

Михайловка удалена от Усть-Медведицы на 70 верст, нашим же путешественницам казалось, что они проезжают по неведомым краям, потому что им не приходилось быть дальше своей станицы.

К вечеру Коршунов прибыл на станцию Себряково и на другой день утром посадил баб в вагон пассажирского поезда., попросив кондуктора помочь бабам при пересадке на другой поезд.

— А то видишь, какие молодки, — говорил он кондуктору. — к мужьям спешать, а ехать боятся. Ну, с Богом, доедите прямо в Воронеж. Прощайте, в добрый час!

Как только поезд тронулся, бабы схватились друг за дружку.

— Господи Исуси, никак перпракидываимси! — сказала испуганная Матрена Короткова.

— Кубыть поехали куда-то, — заявила Катерина Коршунова.

— Ну, чаво Бог дасть, — крестясь, говорила Арина Шурупова.

В двух местах кондуктора помогали им пересесть в другие поезда. До самого Воронежа бабы сидели в каком то оцепенении и с опаской поглядывали на соседей по вагону.

— Вот и Воронеж! Тут вам надо слезать, а уж где тут ваши казаки, я не знаю, — сказал кондуктор и пошел дальше по вагону. Бабы вышли из вагона с торбами, сумками, узелками и тут же, около вагона, остановились, не зная, куда им идти дальше.

— Тут нельзя стоять, — сказал им кондуктор. — Идите в вокзал!

— А зачем? — спросила Катерина, которая была смелей и развитей своих односумок.

— Ну вот, приехала к мужу, а не знаешь зачем, — сказал кондуктор и направил пассажирок к жандарму.

— А, донские казачки, рассматривая документы, сказал жандарм. — К мужьям на побывку приехали?

— Ага, — ответили бабы.

— Идите вон туда, к этим домам. — Жандарм указал на склады, где казаки брали фураж.

Радость наших односумок была большая, когда они увидали своих казаков.

— Глядите, братцы, да вить эта никак наши донские бабы идуть к нам? — громко крикнул казак, увидевший их.

— Гляди, да вить это Катерина Коршунова! — с восторгом крикнул другой, узнав свою хуторянку.

— Вот так молодцы, односумки! Куда добрались, не поробели! — здоровясь с бабами, говорили казаки, засыпая их вопросами.

— Ну, как у нас на хуторе?

— А чаво нового в станице? Все живы, здоровы?

— А как наш батюшка Дон?..

Бабы едва успевали ствечать на эти вопросы и, наконец, спросили: — А где же наши мужья?

— Погодите, дайте нам сперва на вас поглядеть и погутарить. Ведь почти год не видали мы наших донских баб, — сказал приказный. — К мужьям мы вас сейчас доставим. — Садитесь вот на эту фурманку, — заявил фуражир, — и поедем в сотню, там ваши мужья... —

Сотня была расположена на краю города, в какой-то пустующей фабрике.

— Ваше высокоблагородие! бабы прибыли — доложил вахмистер командиру сотни.

— С Дону прибыли? — спросил тот.

— Так точно, с наших хуторов: жены казаков первого и второго взвода: Коршунова и Короткова.

— Найди им отдельное помещение и зачисли на котел, а после как-нибудь покажешь их мне, — приказал командир сотни.

— Слушаюсь, — ответил вахмистер и пошел устраивать гостей.

По всей сотне разнеслась новость, что с Дону приехали казачки. Эта новость встревожила казаков. Им скорей хотелось повидать своих станичниц, узнать новости из родных краев.

На третий день, в честь прыбывших односумок, казаки первого и второго взвода, где находились мужья приехавших баб, устроили дружескую пирушку, при этом, конечно, выпили, пели песни, плясали.

— Ну-ка, односумка, Арина, давай с тобой польку станцуем! — предложил взводный урядник Сенин.

— А ты, Шурупов, не рявнюй: я, вить, только плясать с твоей женой буду и больше ничево!

— Станцуй, господин взводный, сваму начальнику надо угодить, — ответил Шурупов.

— Да я не умею, — сказала смущенная Арина.

— Мы эти ваши польки сроду и не видали, — добавила Катерина Коршунова.

— А тут у нас есть такие девки и бабы, так мы с ними и польки танцуем и песни ихнии играем, — хвалился взводный Сенин.

— Ну-ка, Коршунов, заведи-ка эту:

Любила мине мать, уважала,
Свою ненаглядную дочь,
А дочь с милым убежала
В одну непроглядную ночь...

Бросьте вы эти фабричные песни! — крикнул вахмистр. — Дюжа вы тут образованными стали! А ну-ка, гармонист, урежь нашего донского казачка! Пусть наши односумки покажут развязку этим полькам!

— Да это и правда, господин вахмистр, заявили казаки. — Наши пляски куда лучше этих русских. —

И пошло веселье... Бабы и казаки плясали в круговую, как это принято у казаков. Но так плясали, что не только полы, но и стены тряслись. А вахмистр, воодушевленный пляской, подбадривал:

— Дайте жару, односумки! Покажите, как танцуют у нас на Дону!..

— Хоть погуляли со своими бабами, и то легче стало, говорили казаки, расходясь с пирушки.

Оставшись наедине с женой, Василий Шурупов стал расспрашивать ее о здоровьи родителей и детей, о хозяйстве, хуторских новостях и проч.

— Да все, слава Богу, — рассказывала Арина: — родные все здоровы и низко табе кланяются, сын растет, большой стал... Домачность наша неплохая: рябая корова отелила весной телушку, а бурая — бычка. Свинья на Фоминой неделе опоросила восемь поросят; гуси и куры вывели хорошо. Ну и на хуторе такие новости: Гусева Танька ушла жить в станицу и, говорять, повела раскочную жизнь. Зотова жалмерка, Гашка, убегла от стыда к матери на Бобровский хутор: ей вымазали дегтем двери... —

— Ты, Арина, гляди не забалуйси, а то срамата будет, — заметил ей муж.

— Да ты што, Василий, говоришь неподобное... Я и в действительную твою службу, жалмеркой, этим не займалась, а то теперь... Што ты, Василий, пригадал?

— Да я так, промежду протчим это говорю, — как бы извиняясь, сказал Василий.

Арина успокоилась и продолжала свой доклад.

— Приходил с бунтов на масленой на побывку урядник Мысей Веденин. Уж дюжа чаво-то он рассказывал на хуторе про службу, говорить: там и людей убивають и пожаром жгуть всю апсялюцию и грабють...

— Да, Арина, и у нас это бывает. Вот поэтому мы и находимся в этом городе, штобы беспорядки и другие бесчинства усмирять.

— А слыхали у вас, што Амельяна Фетисова на службе убили? — спросила Арина

— Все знаем. У нас на заре приказ вычитывали про Амяльяна, заявил Василий. — Царство ему небесное! Хороший был он наш хуторец.

Василий рассказал жене про свою службу.

— Што-жа, служить надо по уставу, присягу исполнять в точности. —

На другой день после встречной пирушки, когда казаки вышли на уборку лошадей, со всех сторон понеслись шутки, остроты и подтрунивания по адресу Коршунова, Шурупова и Короткова.

— Ну, как, Коршунов, все на месте нашел? — шутя, спрашивали казаки.

— Так точно, все точка в точку приходится, — не смущаясь, отвечал Коршунов.

— А ты, Шурупов, попробовал донского меду?

— А то, думаешь, табе оставил? ответил Шурупов и продолжал чистить коня.

— Эй, Коротков! У нас во взводе говорять, што ты жану побил? — крикнул казак Рубцов, из третьего взвода, считавшийся в сотне большим насмешником и балагуром.

— Ты гляди, как бы я табе зубы не побил! — сердито ответил Коротков, показав в сторону Рубцова кулак.

— А ну, вдартись! — крикнули разом не-

сколько казаков. — Посмотрим, чья вазьметь! —

Конечно, в таких случаях драка была бы неизбежной, но вмешался в эту перебранку взводный Сутулов.

— Эй вы, бойцы! Чисть без разговору! А то я как натяну вот этой плетью... Ишь, качета какие!..

Коршунов, Шурупов и Коротков получили по два дня отпуска, за время которого они водили своих жен в город и показывали им церкви, магазины, дома, разные казенные здания и проч.

Но особенный восторг, с примесью страха, произвел на жен кинематограф. За время сеанса они держались за своих мужьев и все шептали им:

— Ой, гляди, собаки бягуть прямо на нас, — шептала Арина мужу.

— Да это не живые собаки, не боись, эта такая картина, — объяснял ей муж.

А когда на картине был показан прыжок одного мужчины с крутого берега в реку, наши односумки не выдержали и ахнули: — Ой, утонить! —

Впечатление от города у казачек было огромное, передать это они не могли словами, а только говорили:

— Ну и станица у них большая! Страсть, чаво тут толькя нету!..

— Нет, это не станица, а по ихнему город Воронеж называется, объяснили им мужья.

В один день в помещение, где жили казаки с женами, зашел командир сотни есаул Хрипунов. Он был призван на службу из запаса чинов Войска, поэтому дисциплина в сотне была домашняя, не строгая. Только вахмистр, да взводные урядники «вкручивали шшатины», как выражались казаки.

Командир сотни любезно поздоровался с казачками и спросил:

— Ну, как, станичницы, хорошо у нас? Понравилось вам?

Станичницы молчали, стеснялись отвечать.

— Не стесняйтесь, говорите... Я тоже из Усть-Медведицы. Что у нас нового в станице?

— Все слава Богу, ответила Катерина Коршунова: — живем хорошо, все здоровы... —

Есаул Хрипунов побеседовал с ними.

— Ну, передайте от меня поклон вашим семейным и скажите, что мужья ваши служат хорошо. Прощайте!

— Бог простить, — ответили бабы. А когда командир вышел из помещения, мужья заметили им:

— То-то, вы, бабы, устава не знаете: надо бы сказать: счастливо оставаться, ваше высокоблагородие!

— А мы почем знаем, как у вас на службе здороваютца и прощаютца... Мы по нашему, по хуторскому. —

Накануне отъезда баб домой, казаки устроили им проводы, но уже в более скромной обстановке: с малой выпивкой и песнями. Даже гармониста не позвали. Вечер прошел в беседе о службе и воспоминаниях о хуторской жизни.

— Ты, Арина, беспременно передай эту письмо нашим, на Карасев хутор, — просил урядник Сенин.

Григорий Дьяконов, хуторец Арины, просил передать родителям, что он собирается приехать на побывку к владимирской ярмарке. Каждый казак, прибывший на проводы, делал то или иное поручение.

— Ну, теперь прощевайте, односумки! Да глядите дюжа там про нас не рассказывайте домашним, как мы тут раскочиствуем, говорил взводный Сенин, прошаясь с бабами, и добавил:

— А если у нас и есть кой-чаво, промежду прочим, так это нам считается в срок службы или, как говорят: — На чужой сторонке и старушка Божий дар... Глядите, письма не растеряйте!

— Ну, с Богом! — говорили казаки, прощаясь с односумками.

Василий Шурупов наказывал жене:

— Ты, Арина, передай дома, што я и мой конь здоровы, и вопче расскажи про нашу службу и што ты тут видала. —

Василий упаковал небольшой узелок с подарками для детей, а жене дал три рубля с условием, чтобы она два рубля передала родителям, а один рубль взяла себе.

— Передай низкий поклон всему хутору, — сказал он.

Без особых приключений и тревог бабы возвратились в свои хутора.

Несколько вечеров подряд Арина рассказывала дома о своей побывке у мужа. Отец и мать были очень довольны подарком от сына.

— Ну, слава Богу, говорил Вукол, — што сынок и его конь оба здоровы и служуть хорошо. —

— И чаво толькя нету в ихней станице, — говорила Арина, вспоминая свое посещение Воронежа.

— А все казаки и их кони гладкие, растрескались, как кабаны, — заключила она свой доклад.

Австрия. **И. Тапилин**

КАЗАЧЬИ БЫЛИ И КАЗАЧЬИ БРЕХНИ.

Много чего рассказывают казаки. Есть мастера и любители заниматься этим делом, и, конечно, тут без «брехни» не обходится. Так правда, переплетенная с фантазией («брехней»), создала неписанную казачью историю, казачьи песни, казачий разговорный язык.

Вот рассказывают, когда генерала Богаевского выбрали Атаманом, он поехал объезжать станицы Донского Войска. В станице Н...ской, как полагается, построились казаки встречать Атамана, старики поднесли хлеб-соль, станичный инструктор скомандовал: «Смирна, слушай, на караул!».

На правом фланге стоят два дряхлых деда, шашки в руках слегка дрожат, но стоят ничего.

Атаман Богаевский подходит к правофланговому деду и спрашивает:

«Ну, что, дед, наверно воевал еще в Севастопольскую кампанию?»

Дед презрительно скосил глаза на своего соседа слева и говорит:

«Энто, вот энтот сосусок был в Севастопольскую, а мы с батей ходили еще под Наполеона».

⁂

Был и такой случай. После Тильзитского мира, мой предок вышел в запас в чине хорунжего. Когда в 1812 г. началась Отечественная война, его, конечно, призвали. Отвоевал он и эту войну и вышел опять в запас. На этот раз он вернулся с добычей. Получил он бумагу, которая висела в рамке у моего отца в кабинете (мой батя был полковник, так что кабинет у него был — ежели вам это не объяснить, то скажете: опять, с. с., брешет).

Так вот в этой бумаге было написано: «Мы, Император и Самодержец и прочая, и прочая... награждаем хорунжего М...ского Орденом Св. Георгия 4-ой степени и 400-ми душ государственных крестьян по его выбору в пределах Донской Империи, за спасение 40.000 корпуса ген. Нессельроде».

В 18..., не помню в каком году, поехал мой предок получать уже не крестьян, так как их уже освободили, а землю. Приезжает он в Петербург и идет прямо во дворец. Ну, его туда сразу не пустили, а посоветовали пойти в Министерство Земледелия.

Приходит он туда, подает бумагу, чиновник ее посмотрел и говорит:

«Да ведь тут подписано Александр I-ый. Это был ваш дед?»

«Який там к бису дед, то я сам» — отвечал мой предок.

А на престоле в это время был царь Николай 2-ой. Решив, что случай исключительный, чиновник доложил министру, тот — Государю, и Государь принял моего предка у себя. Принял его, как полагается, поцеловались и Государь кричит в двери:

«Поставьте самоварчик, вот какого гостя Бог послал...»

Вот, чаю попили, вспомнили старину, мой предок и говорит:

«Треба мине до дому ехати, бо работы много, так нельзя как бы там щоб було поскорше».

А царь говорит: «Езжай домой, пока приедешь, все будет сделано». Так и было.

А помер мой предок в 1903 г., как говорят во Франции: от аксидана. Поехал он в гости к моему деду, а их станица была от нашей в 22-ух верстах. Мой дед встретил его, как полагается, закусили чем Бог послал, ну выпили, конечно, а вечером загорелось моему предку ехать домой. Дед мой стал его уговаривать: «да переночуйте, Остап Захарович», а тот: «Ни, не хочу».

Так и поехал. А приехал он верхи. А утром ехал какой то казак, смотрит, в пшенице конь оседланный пасется, а на дороге лежит мой дед. Видно, ночью заснул и упал с коня, а голову разбил об камень. Там, верно, на всей Кубани только этот камень и был. Так ему на роду было написано.

⁂

Крепкий народ были казаки в старину, но и теперь еще не перевелись. Есть и нас в Париже один ледащий казак, все его Чубчиком называют. Так, вот, был день Воскресный, выпил, как полагается, казак и идет себе домой, под нос песню играет. Идет он через улицу, да забыл, что он не в станице,

а у них станица мало культурная была, на перекрестках даже гвоздей не было, ну и наскочил на него какой то черт на 4-х конях, чуть оглоблей Чубчику в рот не заехал, раззява. Но все же Чубчик успел коней под узцы ухватить и остановил.

На другой день приходит к нему полиция и говорит:

«Вы вчера разбили машину 4-ех сил господина Х, фар разбит, пар-шок поломан и крыло смято. Чем Вы его ударили?»

«Боком» — Чубчик говорит.

«А как же ваш бок?»

«Бок ничего — на месте остался и паршок целый».

«Ну — говорит полиця — тогда Вы должны заплатит за разбитую машину».

Ничего не сделаешь, пришлось заплатить. Как видите, есть еще крепкие казаки.

Вы, може, думаете, что брехня, то ошибаетесь: Чубчика всякий казак знает. Ну, може, я чего от себя и немного прибавил, а вы уж и обрадовались, вот, мол, ловко брешет...

Париж. **Е. Новиков.**

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ КНЯЗЬ СИБИРСКИЙ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ПРОДОЛЖАТЕЛИ.

В виду поступающих запросов, в каком положении находится издание книги Н. М. Мельникова о Ермаке, сообщаем, что типография в конце февраля приступила к набору, но, вследствие перегруженности работой, книга выйдет в свет не раньше, чем через три месяца.

На издание «Ермака» собрано около 220 т. ст. фр. (или 2.200 нов. фр.) Выпуск книги с большим количеством хороших иллюстраций в достаточном тираже стоит значительно дороже. Нужно учитывать, что большое количество экземпляров будет разослано безплатно по старческим домам, престарелым и неимущим казакам, так же как по редакциям газет и журналов для отзыва, чтобы способствовать широкому распространению книги.

Никаких коммерческих целей мы не преследуем — цена книги, возможно более скромная, будеть установлена позже, исходя из стоимости типографской работы, тиража и суммы собранных денег.

Наши жертвенные друзья, сделавшие взносы на издание, получат книгу безплатно, если их взносы не ниже продажной стоимости книги о «Ермаке». Излишки их взносов покроют указанные выше безплатные экземпляры.

О содержании книги и ее значении для каждого казака и для казачьего дела вообще, подробно писал специалист профессор историк М. А. Миллер, отзыв которого напечатан нами в №31 «Род. Края» в декабре 1960 г. Приведем последние слова предисловия, написанного для «Ермака» М. А. Миллером:

«Ермак Тимофеевич» Н. М. Мельникова представляет собой очень большую работу и **очень большой вклад** в развитие казачьей культуры. Поэтому мы считаем, что эта книга о Ермаке должна быть на столе у каждого казака, который еще не забыл о своем казачьем происхождении и не утратил интереса к героическому прошлому своего народа».

ОТЧЕТ О ПАНИХИДАХ ПО ГЕН. П. Х. ПОПОВЕ В ПАРИЖЕ.

Первая панихида была отслужена Степняками - Партизанами в день погребения почившего, в субботу 8 октября, в церкви Преподобного Серафима Саровского. Несмотря на то, что никаких обьявлений о панихиде не было, пришедших помолиться об усопшем было довольно много.

Вторая панихида была отслужена в 9-ый день кончины в соборе Св. Александра Невского: Степняками - Партизанами, участниками 1-го Кубанского и Дроздовского походов, воспитанниками Новочеркасс. Каз.

Училища и Атаманского Военного Училища, Донской Гвард. Бригадой, Казачьим Союзом, Союзом Казаков - Комбатантов, Дон. Войсковым Объединением, Союзом Дон. Артиллеристов, членами Дон. Войск. Круга, друзьями и почитателями почившего. Панихида эта совпала с праздником Донского, Кубанского и Терского Войсковых Праздников. Храм был переполнен.

На казачьей трапезе, по случаю Войсковых Праздников, на которой присутствовали последний председатель Дон. Правительства Н. М. Мельников и председатель РОВС ген. фон-Лампе, память почившего была почтена вставанием и минутой молчания.

В 40-ой день, 13 ноября, панихида также была отслужена в Александро-Невском соборе: Степняками - Партизанами, участниками 1-го Кубанского и Дроздов. походов, воспитанниками Новоч. Военн. Училища, Каз. Союзом, Дон. Войск. Объединением, членами Дон. Войск. Круга, друзьями и почитателями. Эта панихида совпала с молебствием по случаю 43-ех летия начала Белой борьбы на юге России, в организации которой покойный принимал особо активное участие.

А. Падалкин.

Все панихиды, как и объявления в газетах были оплачены средствами, собранными среди присутствующих на панихидах. Отчет прихода и расхода приводится ниже.

ПРИХОД. Собрано среди участников Степного похода: 104 н. фр., отпущено из средств участников 1-го Куб. Похода — 30 н. фр., из средств участников Дроздов. Похода — 30 н. фр., внесено отд. участниками 1-го Куб. пох. — 15 н. фр., Каз. Союзом — 10 н. фр., Союзом Казаков-Комбатантов — 10 н. фр., Военн. Училищем — 10 н. фр., собрано среди членов Дон. Войск. Объединения — 39,15 н. фр. Всего в ПРИХОДЕ — 248,15 н. фр.

РАСХОД. 1-ая панихида и хор: 17 н.фр., 2-ая панихида и хор: 73,30 н. фр., 3-я панихида и хор: 69 н. фр., объявление в «Русской Мысли» к 9-му дню — 43.75 н. фр., объявление там же к 40-му дню — 30.50 н.фр. Всего расход: 233,55 н. фр.

Остаток: 14.60 н. фр.

Ген. Н. И. Тарарин.

ВМЕСТО ВЕНКА НА СВЕЖУЮ МОГИЛУ

13-го января с. г. Иван Платонович Буданов писал мне: ... «Я вот уже недели две страдаю — простудился; легкие больны и желудок; температура — 38,5 - 39. Сегодня стало легче». И в конце письма: «Сижу и сам с собой почти разговариваю; у меня, д. б., аорта расширена; говорят про стариков, что он поболел-поболел немножко да и умер. А у меня и легкое, в данном случае, не в порядке, а это тяжело отзывается на сердце, так-что я ч у в с т в у ю ...»

Увы, предчувствие его не обмануло: в ночь с 18-го на 19 января он тихо отошел в иной мир. В его лице мы потеряли не только историка, оставившего после себя большой труд «Дон и Москва», над которым он неутомимо работал в течение ряда последних лет своей жизни, но и настоящего — истого казака, беззаветно любившего все казачье, болевшего его болями и радовавшегося его радостями...

Я не хочу говорить об исторических изысканиях почившего И. П. и о том, прав или не прав он был, делая упор на этнографический характер происхождения казачества, объединенного на национальном принципе, в противовес общепринятому в русской исторической науке взгляду на казачество, как на явление чисто социального порядка. Не место здесь, в краткой заметке, поднимать вопрос и об его якобы подчеркнутых антимосковских взглядах, распространяемых им в своем труде на всю Россию в целом. В интересах справедливости нужно беспристрастно признать, что все исторические изыскания, с невероятной настойчивостью произведенные Иваном Платоновичем, признаются ценными даже его политическими противниками, как совершенно необходимые для полноты казачьей истории, а обвинения его в безоглядной, сплошной «руссофобии» неоднократно опровергались им самим, ког-

да он указывал, что его критика русской политики в прошлом по отношению к казачеству относится отнюдь не ко всей России, а к тем шовинистически настроенным кругам, которые, как более активный элемент русского общества, эту политику проводили в жизнь...

Мне хочется сказать несколько слов о том незабываемом впечатлении, которое он произвел на меня в последний год своей жизни. Несмотря на преклонный возраст — 82 года! — он был необычайно подвижен и жизнерадостен, жил совершенно самостоятельно, один, в отдельном номере на 5-ом этаже, сам готовил себе пищу, сам ежедневно ходил за всеми покупками... И это не было его единственным занятием, это скорей было подсобным делом, т. к. настоящее его занятие — писание статей, подбор и редактирование материала для издаваемого им «Казачьего исторического сборника», хлопоты по его печатанию и рассылке, хождение за справками по библиотекам, чтение книг по интересовавшим его вопросам — начиналось только тогда, когда все необходимое для нормального течения обыденной жизни было сделано. Это была нагрузка не под силу и молодому человеку...

Мне удалось прожить в обществе И. П. пятнадцать дней летом прошлого года, когда он сдался на мои уговоры и приехал ко мне на отдых во время моего ежегодного заводского отпуска. На следующее же по приезде утро — день выпал солнечный — он заявил мне о своем желании прогуляться по городку. Я с готовностью стал одеваться, чтобы сопровождать его.

— Нет-нет! — решительно запротестовал он. — Вы заняты. Пишите, пишите своего «Никифора». Я пойду один.

— Хорошо, идите, — пришлось уступить мне. — Автомобилей у нас тут мало, но все же будьте, пожалуйста, осторожны.

— Не беспокойтесь, прошу вас.

Часа через два — я начинал уже жалеть, что не пошел вместе с ним — он подносил мне преогромный букет из простеньких цветочков, богато разбавленных разнообразными стебельками травы.

— Где это вы нарвали?

— А возле большого здания по вашей улице. Там есть нечто вроде канавы... Так вот в ней. Когда в нее спускался, так, представьте себе, упал! — весело рассмеялся И. П. — Не знаю, как это получилось. Будто кто-то дунул на меня..., я потерял равновесие и упал.

— Не ушиблись ли?

— Немножко зашиб коленку. Да ничего, уже не чувствую.

Я решил про себя не отпускать больше своего гостя одного... Но из-за болезни ног пришлось...он регулярно, утром и вечером, выходил гулять. Однажды он говорит мне:

— Я хочу показать вам одно место, куда я ходил вчера. Так похоже на степь! Удивительно!

Это была всегда нравившаяся мне равнина de la Bauce, с холмами, перелесками и чудесной, подернутой дымкой, далью. Степного в ней было мало, каждый метр ее был возделан, но простор, напоминавший простор наших степей, несомненно был...

— Какой воздух! Это вам не парижский — настоящий деревенский! Запасусь я тут кислородом. Надолго хватит в Париже!

И. П. был в восторге, радовался и восхищался всем без конца...

Любимым для нас обоих временем были долгие разговоры после завтраков и ужина, которыми я, в меру своих кулинарных способностей, мог угощать своего гостя. За едой мы не разговаривали — мешал слуховой аппарат И. П. — пять лет тому назад его поразила почти полная глухота. Но зато после, насытившись, за папироской и чашкой кофе, мы вознаграждали себя за вынужденное молчание. И вот, во время этих разговоров, маленький, худенький, ссохшийся симпатичный старичек — гость, с небольшой седой бородкой, густыми, слегка вспушенными усами, мешавшими ему пить кофе и которые он беспрестанно расправлял, с живым проницательным взглядом серых, не потерявших почти юношеского блеска, глаз, становился увлекательным собеседником. Я забывал, что передо мной, с апостольской головой, сидит человек, на плечи которого со всей тяжестью давали восемьдесят с лишком лет — патриарший возраст! — с таким живым интересом и молодой отзывчивостью откликался он на все события. И, конечно, главной темой наших бесед была тема казачьей трагедии, разыгрывающейся на наших глазах в результате великих российских потрясений...

— Как жалко, что мы тут, заграницей, так поздно начали работать — часто сетовал И. П. — Но... что поделаешь? Лучше поздно, чем никогда. Будем работать, пока хватит сил, Бог даст, кое-что и успеем сделать...

После краткого послеобеденного отдыха я всегда заставал его за чтением — без очков! — газет, за разборкой полученной почты или за писанием писем, чаще всего дочери и вну-

кам, отдыхавшим на юге Франции... Вечерами он подолгу работал — классифицировал, отмечая четким бисерным почерком — и тоже без очков! — поправки и заметки, которые он собирался внести в свою работу «Дон и Москва»...

Судьба решила иначе... Деревенского кислорода хватило не надолго. Будут ли внесены его готовые дополнения и поправки к труду — неизвестно.

12-го декабря прошлого года И. П. писал мне:

... «Ассансёр наш недели три не ходил; несколько дней походил и теперь опять не ходит и когда пойдет не знаю. А тут другая беда — радиатор холодный. Заявил хозяину, пришел, посмотрел. Спрашиваю, когда придет рабочий? «А я вам напишу»... Ночью приходится все наваливать на себя (одеяло у меня тоненькое), но днем еще терпимо, т. к. двигаюсь, но во время холодов скверно и днем»...

А потом — роковая развязка... Угас он тихо, без видимых страданий перешагнул последнюю черту... К смерти был готов давно. Вот характерный пример этой готовности: в сентябре я привез ему Шолохова. И. П. не любил прославленного автора «Тихого Дона», подозревая его в нелюбви к казакам и ко всему казачеству. Он собирался еще раз прочитать роман и выявить, доказав примерами, эту нелюбовь. Получив книгу, он мне сказал:

— Вы не беспокойтесь, пожалуйста, за книгу. Что бы ни случилось со мной, она не пропадет. Я уже отдал распоряжения на этот случай дочери...

И вот, этого честнейшего, в высшей степени порядочного человека, неутомимого труженика на казачьей культурной ниве, истого, крепкого казака — нет больше среди нас... С грустью остается склонить голову перед свежей могилой Ивана Платоновича и помолиться за упокой его души...

Франция. **П. Аврамов.**

А. В. ЛЕОНОВ.

11 ноября 1960 г., в Дранси (деп. Сен) скоропостижно скончался казак В. В. Д., станицы Усть - Белокалитвенской, 61 года, Авраам Васильевич Леонов. Осталась жена и шестеро детей: две дочери и четыре сына. Дети, за исключением младших, находящихся еще в технич. школах, имеют хорошие специальности.

А. В. был примерным семьянином и большим тружеником. Все свои труды он отдавал на воспитание детей. Последнее время он жаловался на усталость, но все же надеялся дотянуть до пенсии.

В день смерти дети упросили отца пойти с ними в кинематограф, на что , чтобы доставить им удовольствие, А. В. согласился. Но около 11 часов вечера, во время сеанса, А. В. почувствовал себя плохо и по его просьбе дети повели его домой, но на ступеньках дома А. В. свалился — его сердце перестало биться. Вызванный врач контатировал смерть.

15 ноября состоялись похороны. Несмотря на рабочий день, народу было очень много, казалось, весь город Дранси пришел проводить покойного. Похоронный фургон утопал в цветах. Видно было, что А. В. пользовался большим уважением местных жителей. Проводить покойного собрались также и его станичники: М. А. Калабухов, К. П. Пискунов, И. Г. Свинарев, Е. Р. Свинарев, В. Н. Романов, Г. И. Фетисов, И. Е. Николаев, П. Гущев, Павлов и друг местной Калитвы — Я. П. Богаевский. Отпевание служил старообрядческий священник О. Иванов.

А. В. — мой хуторец, хутора Титова, и друг детства, с которым мы были неразлучны всю жизнь дома, перенесли все невзгоды войны, революции и здесь заграницей делили вместе и радость и горе. Он как то сказал мне: «брат, никто нас не разлучит». Неумолимая смерть разлучила и навсегда.

Родной хуторец, славный казак, спи спокойным сном, да будет тебе пухом сырая французская земля, а временами на твоем могильном курганчике залетная пташка прощебечет про жизнь донского казака.

Царство тебе Небесное и вечный покой, мой дорогой друг.

Е. Р. Свинарев.

ОБРАЩЕНИЕ К БЕЛОЙ КАЛИТВЕ.

11 ноября 1960 года в Дранси (деп. Сен) скоропостижно скончался казак Авраам Васильевич Леонов, хутора Титова, станицы Усть - Белокалитвенской. На его погребение нас, его станичников, собралось десять человек, все старой эмиграции. После похорон — поминальный обед, по старой нашей традиции, воспоминания о жизни покойного, перешедшие затем в общия воспоминания о родных, близких, вообще о станичниках, отошедших в иной мир в эпоху безвременья с начала революции и в особенности во время гражданской войны. Эти воспоминания натолкнули на мысль общими усилиями находящихся заграницей казаков Белой Калитвы и выходцев из нее в станицы Ермаковскую, Вольно - Донскую и Донецкую, как кровно связанных с нею, заняться выяснением умерших как на поле брани, так и в быту, в особенности во время сорокалетнего пребывания заграницей, и составить синодик. Наряду с этим воскресить в памяти, запечатлеть письменно дореволюционную жизнь станицы, обычаи, обряды, песни, сказания. Есть еще среди нас старые казаки, которые смогут многое восстановить в памяти. Вторая эмиграция, прожившая под советами больше двадцати лет, в своих воспоминаниях дополнит, как жили оставшиеся, дополнит синодик ушедших за это время там, растерянных в пути долгого и трудного исхода. Это нужно для подрастающего поколения. Здесь, в эмиграции, у многих есть семьи, родившиеся и получившие здесь образование дети, которым нужно знать, откуда они родом, а родители зачастую не в состоянии все объяснить. На нашей памяти в станице произошли большие изменения в экономическом состоянии. Станица богата залежами каменного угля. Добывавшийся раньше до девятисотых годов примитивным образом в шахтах ползовках,уголь после переоборудования шах Свинаревских, Калитовских, Бугураевских, Ольховских, стал давать немалый доход станице, позволивший облегчить дорого стоившие проводы казака на службу. Появился в районе станицы на шахтах новый элемент горнорабочих, в буквальном смысле пролетариат, что ярко выявилось в период революции и в особенности в конце 1917 и начале 1918 годов. В конце января 1918 года, в то время, как собрался станичный сбор для выборов членов Круга на совместный с крестьянами Области Круг, созыв которого был назначен на 4 февраля, в станичное правление ворвался хорошо вооруженный отряд красноармейцев. Выборные разбежались через окна, а станичный Атаман подъесаул Федор Петрович Свинарев, хутора Богатова, сидевший на майдане, окруженный почетными и станичными судьями, оставшийся на месте, вместе с судьями был вывезен красными на станцию Зверево, где все были расстреляны, а позже, в конце марта, на Свинарские рудники прибыл отряд из Царицына для ареста всех выборных хуторского сбора — досятидворных до 60 человек — что заставило экстренно собраться на хуторе Дубовом и ночью атаковать рудник, но отряда там уже не оказалось. Это было толчком к поголовному восстанию.

Все это осталось неотмеченным, видимо за недостатком времени в пылу гражданской войны, и это необходимо восстановить.

И вот мы решили попытаться это сделать и обратиться ко всем казакам Белой Калитвы и к выходцам в станицу Ермаковскую, Вольно-Донскую и Донецкую принять посильное участие присылкой нужных сведений, не стесняясь в изложении. Материал будет систематизирован и издан доступным путем, хотя бы даже на ротаторе.

Усть-Белокалитвенец.

ИНФОРМАЦИЯ ПО АТАМАНСКОМУ ВОПРОСУ.

Количество зарубежных атаманов все увеличивается... Растет и число их заместителей... Обещают порадовать нас и выборами нескольких новых Кругов, которые, очевидно, не замедлят произвести на свет Божий еще атаманов и заместителей.

17 и 18 декабря 1960 г. в Западной Германии, в Мюнхене, по инициативе группы «Казачье Единство», враждебно относящейся к группе самостийников И. Билого, уже заседал «Пятый Большой Казачий Круг» — не Донской, а общеказачий — на котором присутствовали, по словам участников, председатели 19 организаций казаков «националистов» и «конституционалистов», без примеси биловщины. Между «националистами»

группы «Казачье Единство» и «Верховным Председательством казачества», т. е. группы В. Г. Глазкова, состоялось соглашение, в результате которого роли были распределены следующим образом: на атаманские посты ЕДИНОГЛАСНО выбраны члены «Национ. Освобод. Движения» группы «Каз. Единства» — атаманом П. Ф. Крюков, а его заместителем ген. И. Н. Коноводов — а на посты «правительственные» 4 члена группы Глазкова: председателем правительства или председательства В. Г. Глазков, его заместителем П. С. Поляков, контролером С. М. Зотов, судьей Н. Г. Боровлев, а казначеем — не входящий ни в одну из указанных выше групп — полк. А. М. Протопопов. Главой «ДЕКАНАТА православной Казачьей церкви» выбран о. Захарий Поляков. Странно для православного звучит слово ДЕКАНАТ...

Атаману Крюкову и его заместителю ген. Коноводову поручено созвать в ближайший срок в Париже Европейский казачий съезд из казаков «патриотов», живущих в Европе, который должен создать Европейский Казачий Союз. Б. Каз. Круг в Мюнхене, установив, что в настоящее время заграницей существует 3 «Верховных атамана» и 2 «Верховных председателя» казачества, 2 Донских атамана — ген. Поляков и ген. Медведев, — а также группы «поляковцев», «медведевцев» (бывших «поповцев») и Круга Спасения Дона, выдвигает проэкт упразднения Верховных атаманов и Верховных председателей, «как никогда не бывших в казачьей истории, не базирующихся на исторической основе и по существу фальшивых».

Со своей стороны, казак ст. Великокняжеской П. И. Медведев, бывший при покойном Атамане П. Х. Попове председателем «Правительства В. В. Донского в изгнании», в приказе от 7 октября за №1 объявляет В. В Донскому, что «согласно ст. 21 Осн. Зак. он вступил во врем. испол. обяз. Донского Атамана вплоть до выборов, которые будут проведены намечаемым им к созыву Первым Дон. В. Кругом в изгнании». В п. 4 приказа П. И. Медведев пишет: «создавшиеся без разрешения покойн. Д. Атамана организации, преследующие цель уничтожения Дон. Осн. Законов — нашей величайшей Дон. Святыни и залога будущности казачества — и существующие под названием «Дон. Войск. Совет», «Центр. Избират. (Поляковская) комиссия» по выборам Дон. атамана, являются с сего числа незаконными, прекратившими свое существование, как созданные с целью уничтожения историч. существующего государ. порядка В. В. Д.» «Специально создаваемая комиссия рассмотрит всю деятельность этих Дон. изменников и их возглавителя ген. Полякова, после чего передаст все дело на рассмотрение создаваемого ныне Дон. Суда Чести, который и вынесет решение по этому делу». В п. 5 приказа объявляется, что все могущие появиться впредь сообщения, извещения, протесты за подписью названного ген. И. А .Полякова и его организаций, Донцам надлежит рассматривать, как исходящие от врагов В. Донского и посему незаконных». В приказе за №2 от 26 нояб 1960 г. П. И. Медведев дает подробные сведения из своей биографии и в конце сообщает, что «согласно приказа Дон. Ат. П. Х. Попова в 1959 г. за безпорочную и добровольную службу 25 летнюю он был произведен в генерал-майоры». Заместителем Медведева является Н. В. Быкадоров.

Ген. Поляков, атаман группы «поляковцев», в №42 «Д. Атам. Вестника» объявляет о назначении своими заместителями на случай болезни или смерти проф. Н. В. Федорова и полк. Ю. М. Косова. Журнал полон сведением счетов с членами Д. В. Круга. Генерал не может до сих пор — через 42 года после его увольнения— успокоиться, что Б. Б. Круг большинством всех голосов кроме одного признал его виновным в развале Дон. фронта и потребовал немедленного удаления с поста Нач. Штаба. Члены Круга именуются презрительно «круговиками»» и за ними не признается право именоваться членами Круга, «т. к. теперь уже нет ни Войска, ни территории».

«Поляковцы» упускают из вида, что, члены В. Круга, оказавшиеся до истечения срока их полномочий за пределами родины и не претендующие ни на законодательственние, ни на другие права, связанные на родине с званием, имеют право не отказываться от их звания, как нет оснований требовать отказа от своих званий и чинов генерала, полковника и т. д., хотя «теперь уже нет ни Войска, ни территории», ни армии. Никому это не мешает и лишь указывает на старые заслуги человека. Хуже, когда при отсутствии Войска и территории повышаются заграницей или — еще хуже — сами себя повышают в чинах.

К журналу №42 «Д.А.В-ка» имеется приложение, в которм виливаются ушаты грязи на всех, кто высказался против кандидатуры ген. Полякова в атаманы и указывал в своих статьях на все неправды в писаниях

генерала. Это не опровержение по существу, а просто базарная брань, и неловко ставится за звание и чины генерала, полковника и профессора, дошедших до этого. Кстати, скрываясь за «дымовой завесой» хитро сплетений с процентными вычислениями от **неизвестных цыфр**, они до сих пор стыдливо уклонятся от опубликования точного числа поданных за ген. Полякова голосов...

По части брани не отстает от «поляковцев»иногда и журнал «Казачье Единство»: в №46 редакция напечатала статью Данилова из Австралии с такими перлами: «Кубанский задрипа». «шкидла Ткачев»... Не помогло увещание Г. Губарева, писавшего редакции, что «во всемирной журналистике приняты воздержанность в изложении и умеренность в выражениях».

Особенно возмущены и оскорблены Кубанские казаки за своих выборных Атаманов нынешнего и бывшего, которые лично и не выступали против ген. Полякова. С ними сводятся счеты за то, что В. Атаман Б. И. Ткачев поместил в Кубанском журнале не понравившиеся поляковцам статьи, а ген. В. Г. Науменко за то, что автор одной из статей... женат на дочке быв. В. Атамана!

В отношении Н. М. Мельникова написано такое, что вызовет неудержимый смех у казаков Нижне-Чирской станицы, в большом числе находящихся заграницей. Это яркий пример того, как извращается история. Эта тема уже не для отдела ИНФОРМАЦИОННОГО, а для другого, в котором наш журнал исправляет ошибки, невольные и вольные — в данном случае они вольные, предумышленные.

⁂

«У семи нянек дитя без глаз», говорит пословица. У Донцов их значительно больше семи: три «Верховных» атамана, два «Верховных председателя», три групповых атамана и четыре их заместителя!

И НИ ОДНОГО АТАМАНА Донского...

При таких условиях, когда нет избирательных списков, нет никакого учета Донцов в 20 странах казачьего рассеяния, когда возможны всякого рода злоупотребления, при наличии к тому же не только вражды, но и ненависти в казачьей среде, невозможно произвести правильные выборы настоящего авторитетного зарубежного Атамана. Заграничную разруху сначала нужно изжить, а пока надо крепко держаться своих организаций, стоящих на здоровой почве Основных Законов и берегущих казачьи традиции, усиливать эти организации, поддерживать их и отметать ложь и клевету.

⁂

В газете «Нов. Рус. Слово», в Нью-Йорке, 22 марта напечатан «Казачий протест» против — как заявляется в претесте — «разлагающей зарубежное казачество деятельности ген. И. А. Полякова», подробно поименованной в протесте и идушей в разрез с Основными Законами В. В. Д. В конце протеста, подписанного в оригинале более, чем тремья стами казаков, опубликованы подписи 30 председателей казачьих организаций в Америке, заявляющих, что «Донской Атаманский вопрос ожидает своего разрешения» и что «ген. Поляков НЕ МОЖЕТ И НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ИМЕНОВАТЬСЯ АТАМАНОМ В.В.Д.» и выражающих «ВЕЛИКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА КУБАНСКОМУ ВОЙСКОВОМУ АТАМАНУ Б. И. ТКАЧЕВУ И ЗАМЕСТИТЕЛЮ ТЕРСКОГО АТАМАНА ГЕН. К. К. АГОЕВУ», «ярко проявивших казачье достоинство защиты казачьих конституций и актом непризнания ген. Полякова Атаманом В.В.Д.»

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Глубокоуважаемый Господин Редактор!

Прошу Вас не отказать поместить в редактируемом Вами журнале следующеее мое заявление:

18 декабря 1960 г. в г. Мюнхене состоялось заседание 5-го Большого Круга казаков - националистов в Европе. Протокол этого заседания опубликован в журн. «Казачье Единство» №46. В этом протоколе ничего не сказано о сформировании «Инициативной Комиссии для подготовки будущего общеевропейского съезда (Круга)», в казачьем же листке «Рассвет» от 20. 3. 1961 г. опубликован состав этой комиссии в количестве свыше 10 членов, в числе которых по Германии приведено и мое имя.

Между тем в заседании 5-го Б. К. я не участвовал и не присутствовал, заявления

о своей кандидатуре в члены Комиссии — не подавал, извещения о назначении меня в Комиссию не получал и своего согласия на это назначение — не давал.

Вновь формируемое «Европейское Казачье объединение» представляет собою определенную политическую, партийную группу из части КНОДа. Не имея ничего против КНОДа в целом или какой либо его фракции в отдельности, я однако не могу вступить в КНОД или какую либо его организацию по следующим причинам: Всю свою жизнь я занимаюсь исследованием в области доистории и ранней истории Дона, но никогда ни в каких политических партиях или организациях не состоял и не состою, именно для того, чтобы сохранить полную самостоятельность и объективность в своих исследованиях и выводах. К чему приводит «партийность», можно видеть из писаний немецких историков - нацистов во время Гитлера, а еще лучше из работ советских партийных историков. Благодаря точным, определенным установкам КПСС по любому вопросу истории, историки в СССР лишены малейшей самостоятельности в своих исследованиях и никаких дискуссий ни по каким вопросам не допускается. В результате историческая наука в СССР уже десятки лет превратилась в один из секторов пропаганды, в научном же отношении зашла в тупик и не развивается.

Вступление в любую политическую организацию лишает исследователя самостоятельности и обязывает его проводить во всех работах и статьях основные положения данной политической группы.

Поэтому я и вынужден настоящим заявить, что ни в «Инициативной комиссии», ни в каких иных политических организациях я не состоял и не состою, упоминание же моего имени в качестве члена этой комиссии явилось, очевидно, результатом недоразумения.

С совершенным почтением проф. М. Миллер.

Мюнхен.

УШЕДШИЕ.

† 13 янв. в Париже скоропостижно скончался полк. Мих. Вас. Кузнецов, стан. Манычской ВВД. Похоронен на русском кладбище в С. Женевьев.

† 18 янв. 1961 г. тихо скончался в Париже присяжный поверенный, член Дон. В. Круга Ив. Платон. Буданов. Похоронен на кладбище Тье.

† 1 дек. 1960 г. от тяжелых ожогов, полученных на работе, в г. Ромба скончался А. П. Чуднов, 56 л., хут. Синявского, Таганрог. о-га ВВД.

† 3 марта 1960 г. в Париже скончался Вас. Сем. Шустов, ст. Таманской Куб. В., проведший 10 лет на сов. каторге.

† 27 февр. 1961 г. в Диоп де Палестель (деп. Крез, Франция) скончался Глеб Конст. Бугураев ВВД. Похоронен на местном кладбище.

† Быв. командир сотни юнкеров и группа быв. юнкеров с глубокой скорбью извещают о смерти Ив. Юл. Батуры, последовавшей 2-го янв. 1961 г. Похоронен на кладбище г. Мильгранжа (деп. Мозель, Франция).

† В г. Шелль (деп. С. и О.), скончался и похоронен на местном кладбище ВВД ген. шт. ген.-майор Сысой Капитонович Бородин

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

● На место скончавшегося в дек. 1960 г. полк. М. В. Галушкина представителем Кубанского Атамана во Франции назначен полк. Н. И. Зайцев.

● В Париже «День Казачьей Скорби» был отмечен каз. организациями парижского района 26 февр. торжественным богослужением в кафедральном Соборе Св. Александра Невского.

● Председатель Куб. Объединения во Франции сот. М. Л. Мальшко поправился после аксидана и приступил к выполнению

своих обязанностей. Всю корреспонденцию, касающуюся Куб. Объединения, направлять по его прежнему адресу:

62, Av. du Petit Clamart. Clamart. (Seine) France.

● Обще-Казачья станица Абондана (Франция) сообщает о состоявшихся 1. 1. 61 перевыборах правления станицы: атаманом выбран П. Д. Наумов (ВВД), казначеем — — М. Г. Ягодинцев (Куб. В.).

И. Журавлев (Казанской стан. ВВД) сообщает о своем выходе из состава станицы Г. Абондан.

● Обще - Каз. Касса Взаимопомощи в г. Клагенфурте (Австрия) сообщает, что, благодаря присылке председательницей Дам-Комитета в Америке г-жой Ткачевой 10 дол., 5-го янв. была устроена елка для казачат, которым были разданы подарки, а для взрослых была устроена скромная трапеза. Казаки, казачки и казачата просят г-жу Ткачеву принять их искреннюю благодарность.

● В конце апреля начнутся выступления группы казаков-джигитов ес. Юркова и ес. Тевяшева сначала в Германии, а затем в Швейцарии и Швеции.

Розыск — Казачка Новочеркасской стан. Валентина Лозина розыскивает проживавшую до войны в Париже **Зинаиду Сем. Шапошникову** из Новочеркасска, бывшую замужем за Никулиным. Писать по адресу:

W. Suschenkowa. 3896 Henri Julien. Montreal 18. Que. Canada.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ».

(С 1 января по 1 марта 1961 г.)

В Фонд Издательства: С. Артемов (2 взн.) — 20 н. фр., В. Коновалова (2 взн.) — 20 н. фр., П. М. Аврамов (3 взн.) — 40 н. фр., А. З. Воробьев — 10 н. фр., Б. Лепешкин — 16 н. фр., Залеский — 4 долл., Ф. Калабухов (Марокко) — 5 н. фр., Г. Сутулова — 5 долл.

Через наших **представителей:** из США через Б. Н. Уланова: В. Попов, Ф. Мансветов, А. Афанасьев — по 5 долл., В. Браминов, проф. Чехов, В. Улитин — по 3 д. 25 цент., Л. Елатонцева — 1 д., 25 цент.

На издание **книги о Ермаке:** Никитин — 2 долл., Гончаров (через Б. Н. Уланова) — 5 долл., С. Ш. Балданов — 10 н. фр., Калмыцкий Союз — 50 н. фр., Ф. Калабухов (Марокко) — 7 н. фр., Н. Н. Воробьев — 5 долл. 50 цент.

Для передачи **Дамскому Комитету Казачьего Союза:** П. М. Аврамов — 12,50 н. фр., Г'оленов — 14 н. фр., Г. В. Иноземцев и Процков — по 10 н. фр., Астахов — 17 н. фр., Сенишин — 5 н. фр., А. А. Леонов — 30 н. фр., Мушихин — 3 н. фр., Кубанское Объединение (присланные П. И. Ерониным) — 10 н. фр., Терское Объединение (присланные П. И. Ерониным) — 10 н. фр., Ф. Калабухов (Марокко) — 4 н. фр., Радченко — 5 н. фр., А Потапов — 15 н. фр.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят всех жертвователей принят искренню глубокую благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Принимается подписка на 1961 г. Подписная плата во Франции — 15 нов. фр., заграницей — 3 долл.

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не всупает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать,, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15-233-79, Nointel par Presles (S. et O) F r a n c e.

Корреспонденцию на имя Редакц. Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky. 52, Av. Flachat. Asnieres (Seine) France.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать рассказы П. М. Аврамова («Ковыльный сказ» и «Яровой сев» — цена 3 н. фр.), «Никифор Кащеев» — цена 3.50 н. фр.

Редакция «Род. Края» предлагает своим читателям принять участие в конкурсе рисунков для новой обложки журнала. Конкурс открыт для всех желающих. Рисунки (на каз. темы) должны быть сделаны на белой бумаге и присланы в редакцию в несогнутом виде не позже сентября 1961 г.

Выбор наилучшего рисунка будет произведен казачьим жюри и выгравший конкурс получит в виде премии годовую подписку на «Род. Край» и книжку рассказов П. М. Аврамова «Ковылий Сказ» и «Яровой Себ», а также два сборника стихов: «Рифмованные Кончики» Н. В. Альникина и «Луч» Юшкина Котлубанского.

КАЗАЧИЙ ДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ.

Правление Казачьего Союза сообщает казакам ВСЕХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК, живущим во Франции, что после долгих хлопот Правлению удалось добиться согласия высших органов по беженским делам ассигновать сумму, необходимую для покупки и оборудования дома для старых казаков. Требуется в СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ представить список стариков, желающих найти приют в этом доме, поэтому Правление Казачьего Союза просит казаков, а также иногородних, родившихся на территории Казачьих Войск, и всех тех, кто служил в казачьих частях и первопоходников НЕМЕДЛЕННО подать заявление*) на имя Секретаря Каз. Союза Г. С. Новикова по адресу: Novikoff. 61, r. Miromesnil, Paris 8. Те, кто уже подавал заявление раньше, пусть потрудятся еще раз. Старики, уже находящиеся в каком-либо старческом доме и желающие переселиться в свой казачий дом, тоже должны подать заявление немедленно. Они будут зачислены во вторую очередь.

Если все места не будут в срочном порядке заняты казаками, правительство, которое берет на себя содержание пансионеров, может предоставить оставшиеся вакансии неказакам и старикам других национальностей. Право на зачисление на казенное иждивение имеют неимущие старики обоего пола, достигшие 65 летнего возраста. Более «молодые» принимаются лишь в том случае, если комиссия признает их потерявшими не менее 80 процентов трудоспособности.

*) Указав № беженской карточки.

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).

Métro: La Motte-Picquet

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Б. Уланов — «Лиенц».
В. Улитин — «Дни Казачьей Скорби».
Е. Ковалев — «К 40-летию Мамантовского рейда» (Послесловие).
А. Падалкин — «Из прошлого (Памяти ген. лейт. К. К. Мамантова).
И. Крюков — «Б. Н. Уланов».
Проф. М. Миллер — «По поводу „Каз. Трагедии"».
Н. Туроверов — Два стихотворения.
Казачий дом для престарелых.
А. Протопопов — «П. Н. Донсков. «Дон, Кубань и Терек во 2-ую Мир. войну».
Н. Евсеев — «Книга».
Эльмут — «Два юбилея».
Полк. Елисеев — «Первая наша встреча с донцами».
И. Сагацкий — «Петька».
Беренс — «Дринские будни».
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежем.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакц. коллегии «Род. Края».

На обложке — одна из иллюстраций находящейся в печати книги Н. М. Мельникова — «Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№34 МАЙ — ИЮНЬ 1961 г. — 2,50 *N°F.*

PAYS NATAL Mai — Juin 1961 Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ЛИЕНЦ
(Казачья Голгофа)

16 лет назад, согласно договору демократических союзников с СССР, выдано Советам в Лиенце **тридцать тысяч казаков**, в том числе более двух тысяч офицеров во главе с б. Донским Атаманом ген. П. Н. Красновым. Это событие ежегодно отмечается казачеством, как день его скорби. Выдачи добился Сталин. Сопровождалась она избиениями, убийствами и самоубийствами. Избиению подвергалось и православное духовенство, совершавшее богослужение о спасении выдаваемых.

Такая выдача, уже в мирной обстановке, тысяч безоружных людей была применена союзниками впервые и позже повторялась. Этим актом из рядов эмиграции вырвано огромное количество непримиримых противников коммунизма. Все выданные в Лиенце казаки были испытанными против него борцами. В среде эмиграции они представляли бы внушительную во всех отношениях силу. Это знал Сталин и, чтобы их обезвредить, добивался их выдачи.

Осуждать эту выдачу, возмущаться ею естественно и понятно, но труднее понять ее причину и значение.

Тогдашние союзники Советов в казаках в Лиенце усматривали враждебную себе силу. Гитлер вел борьбу против всех демократических государств мира, одновременно задаваясь беспримерной и бесчеловечной целью физически истребить весь еврейский народ. Нужно только представить себе все неисчислимые человеческие и материальные жертвы союзников, чтобы понять событие в Лиенце. Судьба казаков, очевидно, была решена задолго до Лиенца: эти казаки как бы усиливали опасность Гитлера для всей мировой коалиции.

Вот факт, который, несомненно, решительно настроил союзников против казаков в Лиенце. Они, как будто намеренно, были сосредоточены в одном месте и в то время, когда у них не было ни возможности, ни умения отмежеваться от б. гитлеровской Германии.

Казаки в Лиенце были принесены в жертву Сталину.

В. Черчиль в 1-й книге своих Мемуаров: — (От войны до войны — 1919-1939 — Вторая Мировая Война. Изд-во им. Чехова. Нью Йорк) — на стр. 381 пишет: «Военные союзники склонны каждый считаться с желаниями другого: когда на фронте бьет молот битвы, принимаются всякого рода меры целесообразности, которые в мирное время вызывали бы отталкивание». Это и случилось в договоре союзников со Сталиным о казаках: тогда на фронте еще бил «молот битвы». Для Сталина казачество было опасным противником, которого ему нужно было добить. В подтверждение указанной мысли Черчиля на стр. 390 той же книги читаем: «Ллойд - Джордж, Иден и я убеждали правительство в жизненной необходимости немедленного соглашения с Россией самого далеко идущего характера и на равных условиях».

Ориентировался ген. П. Н. Краснов на Германию в истории не впервые.

Но мы все знаем, что его «ориентация» в действительности никогда не была подлинной ориентацией казаков. Германия и казачество были два разных мира. Поведение казачьей массы, которая была выдана коммунистам в Лиенце, **диктовалось** исключительно **крайней необходимостью** бороться с таким злом, как коммунистическое рабство. Поэтому мы не можем ни обвинить, ни упрекнуть ни П. Н. Краснова, ни всю массу казачества с его офицерами. Их истинные моти-

вы мы понимаем и знаем. Но **внешняя обстановка** била в глаза. Вот в чем рок казачества в Лиенце. Если оно не могло отмежеваться от немцев, то и демократические союзники Сталина (а они, ведь, были и союзниками казачества по Первой Мировой войне. Были каз. офицеры с высшими англ. орденами) не желали разбираться в истинной природе указанной ориентации.

К несчастью, политика водителей этого казачества носила преимущественно личный характер, лишенный принципиальных основ, а чаще характер взаимных личных интриг. Над всеми возвышался П. Н. Краснов, но ему далеко не всегда и не во всем следовали на местах. Масса же казачества оказалась без вины виноватой.

Политика, по своей сложности, явление не всеми легко понимаемое, но хочешь - не хочешь, ею руководствоваться казакам нужно. Не что иное, как политика и только она, определит в будущем быть или не быть казачеству.

Союзники заблаговременно (как и немцев) разоружили казаков. Ни офицеры с генералитетом, ни рядовые казаки не предполагали их выдачи Советам. Они не уяснили себе обстановку, хотя и были некоторые признаки, не предвещавшие добра. Об этом в своей книге «Незабываемое» пишет Н. Н. Краснов-младший. Особенно было странно поведение ген. Доманова. Само по себе уже подозрительно было «приглашение» офицерства с генералами к англ. главнок-му на «совещание» **всей массой.** Свое «приглашение» майор Дейвис передал **ночью** и, притом, он нарочно вернулся сказать Доманову, чтобы тот «никому никакого сообщения и предупреждения не делал», а чтобы утром «вслед за оповещением все офицеры с генералами тотчас садились в специальные автобусы».

По словам б. адьютанта ген. Доманова («Незабываемое»), последний по уходе майора Дэйвиса находился в смятенном состоянии духа. Почему? Ясно: было основание. Был очевидный секрет, конечно, не предвещавший добра. Доверять слепо майору Дэйвису не было основания. И Доманов обязан был немедленно предупредить П. Н. Краснова и представителей казачества. Однако у Доманова была **своя** политика. Личная. Он **умолчал** о надвигающейся опасности. По рассказам б. его сослуживцев, у него, еще с самого Дона, всегда была **своя** политика, отличная от политики Походного Атамана Павлова. Последний был убит при в высшей степени подозрительной обстановке, к которой какое то отношение имел тот же Доманов.

Но в Лиенце, накануне выдачи казаков, был и другой донской генерал, который, очевидно, имел представление о готовящемся событии, потому что, утаив свое генеральское звание, он уклонился от участия в «совещании» и скрылся. И он, как и Доманов, обязан был немедленно предупредить ген. П. Н. Краснова.

Это — из области внутренних взаимоотношений на верхах казаков в Лиенце. Таким образом в трагическом событии переплелись два фактора: большая политика союзников и неведомые внутренние махинации казачьих верхов. В конечном счете, Лиенц стал той волчьей ямой, куда загнали **тысячи** офицеров с генералами и **десятки тысяч** бойцов-казаков, чтобы покончить с ними одним ударом. Огромное значение в событии Лиенца сыграло разоружение казаков, иначе они оказали бы серьезное сопротивление. Немало, наверное, погибло бы, но еще больше спаслось бы, а в историю они вошли бы, как достойные **герои**, и морально вышли бы победителями.

Но Казачья Голгофа позже открыла глаза и б. демократическим союзникам Советов. Она показала, что жертвою тогдашней их политики были не только казаки, но и они сами, потому что они были втянуты Сталиным в ту политику, корни которой ныне, в самых разнообразных видах, протянулись уже по всему миру, только десятки тысяч казаков сменились сотнями тысяч убитых в различных антикоммунистических войнах американцев, французов, англичан и др. народов и миллионами погибших жизней в далекой Азии, Африке и др. странах: только Сталина сменил Никита Хрущев.

Вот значение Казачьей Голгофы в Лиенце в **мировой** политике.

Б. Уланов

Примечание редакции. По сведениям, сообщенным в редакцию полк. А. Протопоповым, выдача казаков принудительным порядком продолжалась до 1949 г. Кроме выданной в Лиенце каз. группы ген. Доманова, свыше 30-ти тыс. человек, был выдан так же и Каз. Корпус ген. Панвица, численностью свыше 36 тысяч. Большая группа казаков, беженцев и старых эмигрантов, около 2 тыс., была выдана из лагеря Кемптен. И эта выдача сопровождалась избиением и

даже убийствами. Из района Вилах (Австрия) был выдан 5-ый запасный Каз. полк — около 7 тысяч человек. В ноябре 1944 г. на Ляманше был выдан 4-ый Каз. Корпус полк. Рентельна — свыше 12-ти тысяч. В конце 1948 г. из Италии был выдан 3-ий запасный Каз. полк, около четырех тысяч человек, не пожелавший уйти с группой ген. Доманова в Австрию. Этот полк ушел в горы, впоследствии был выловлен англичанами и передан советчикам. Также был выдан и Калмыцкий Корпус, численностью около пяти тысяч человек, и Кавказская дивизия свыше трех тысяч.

О роли ген. Доманова в момент выдачи в Лиенце полк. Протопопов сообщает: «25 мая 1945 г. было получено распоряжение англичан всем офицерам Казачьего Стана быть готовыми 28 мая к поездке на «конференцию», вернее для того, чтобы представиться анг. ген. Александеру. Того же 25 мая ген. Доманов созвал Совет Старшин и прочитал им этот приказ. 27-го вечером ген. Доманов был вызван в английский штаб в Лиенце, там арестован и больше в свою гостиницу, к своей супруге, не вернулся. Об этом 28 мая утром при погрузке офицеров для следования на «конференцию» я доложил ген. П. Н. Краснову в присутствии других офицеров, пробуя отговорить от поездки, называя эту «конференцию» ловушкой. Находившийся по близости ген. С. Н. Краснов назвал меня «паникером» и сказал, что «Доманов нам не нужен», чем воспользовался анг. майор Дэйвис и предложил офицерам занимать места в автобусах и машинах».

ДНИ КАЗАЧЬЕЙ СКОРБИ.

Февральские дни в Южной Калифорнии ничем не похожи на те же дни на далеком и все еще так же близком Тихом Дону.

Там все тот же леденящий восточный ветер, непроходимые сугробы снега, короткие дни — здесь же нет и признаков замирания жизни, даже иногда кажется наоборот, зимой больше зелени и цветут вечнозеленые апельсины и лимоны. И время, все уносящее время, казалось, должно было загладить боль прошлого.

Но нет! Как великопостная молитва, как вынос плащаницы, так и скорбь февральских дней неразрывно духовно связана с нами. Ни временем, ни благополучием, ни заботами не отодвинуть и не заглушить ее. И без этой скорби кто мы, разбросанные по белому свету и доживающие свои дни на чужой земле? И скорбь не обиды, что мы, — наши отцы и братья, — не разбили врага, нет — не нам судить волю Всевышнего. Нет!

Более глубокая скорбь, скорбь, очищающая душу и тихим, но твердым голосом зовущая нас, всех живых, на борьбу, на первую линию за идеалы, которые оправдывают человеческую жизнь, за которые гибли, не раздумывая, старики и наша молодежь в борьбе с силой зла — большевизмом. 1918-1920 тяжелые цифры. напоенные кровью...

Мне, тогда мальчику, казалось, что кто-то передвинул все понятия, все ценности. И этот сдвиг происходил не где-то на стороне, а тут, у нас в доме, на Старовокзальной улице станицы Каменской. Тут я подслушал разговор молодежи. Тут говорили друзья: Вася Чернецов и родной наш дядя Валя Дубовской, о том, что надо отстоять хоть кусочек Донской земли. Чернецов пошел отстаивать ее на ст. «Глубокую», а Дубовской в ст. Гундоровскую. Как безпредельно (нет другого слова) крепка была их вера в свою юную правоту.

А события заполняли страницы истории. Люди, бессмертные люди, уходили, оставляя нам предсмертные завещания. Чернецовское — «изменник Казачеству», брошенное в лицо убийце Подтелкову, Калединский выстрел, пробудивший весь Дон, Назаровский приказ стрелявшим в него: «Сволочь п-ли», призывы Директора Каменской гимназии М. П. Богаевского....

Меня, как преподвателя русского языка в Калифорнийском Университете, студенты часто спрашивают о революции, о роли Казачества (они знают, что я казак), и говоришь им, что да, шли такие же юноши, как и они, шли во весь рост, не ложась при пулеметных очередях, и несчетны были жерт-

вы юношей, отдавших свои молодые жизни!

И, конечно, вечный вопрос: **за что?**

За что? Не за привилегии сословные, не за прошлое, а за будущее, за неотъемлемое право каждого принять участие в борьбе за новую жизнь, за идеалы и традиции, за вольности казачьи.

И, конечно, это не случайно, что на Руси нашлось в то время такое множество сильных людей, готовых так жертвенно отдать свою жизнь. Иначе не было бы и революции. И наша скорбь в эти февральские дни — не должна быть скорбью раздавленных, а источником силы духа, быть сильными во всех требованиях жизни. Продолжать выполнять свой долг, следуя заветам наших героев.

На сей раз группа казаков Донской Станицы собралась в маленькой церковке «Св. Тройцы» в Лос-Анжелосе, где маститый протоиерей о. Александр Полилях помолился с нами за всех казачьих вождей и героев, погибших от насилия. Первый раз за все пребывание наше в Южной Калифорнии мы, казаки, не молились в своем Храме-Памятнике, в Глендоре.

И тут силы разрушения не оставляют нас в покое. И это как бы с новой силой подтверждает необходимость продолжать дело наших духовных вождей, отдавших без колебания свои жизни за Православный Тихий Дон.

В эти дни Казачьей Скорби еще ярче и требовательнее выявляется призыв не падать духом.

«Пусть вокруг одно глумленье, клевета и гнет», — но мы должны идти вперед.

Правы были наши вожди — отвергнувшие коммунизм и возставшие против него. Правы должны быть и мы, чтя их священную память и выполняя свой долг.

Вечная им Слава и Вечная Память!

США. **Владимир Улитин**

К 40-ЛЕТИЮ МАМАНТОВСКОГО РЕЙДА

(1919-1959)

Послесловие.

II

По поводу статьи (без подписи) «Рейд Мамантова» в №12 «Каз. Ист. Сб-ка», автор которой, как он сам признается, «глубоко штатский человек», полагающий, что судить о проведении самой операции это дело военных, можно лишь удивиться, почему он, признавая свою некомпетентность, все же счел нужным коснуться этой операции, не будучи в состоянии разобраться ни в той задаче, которая была поставлена Мамантову, ни в ее исполнении.

Он пишет: «Рейд Мамантова, когда он вышел за пределы данного ему поручения прорвать фронт между Борисоглебском и Бобровом — обратился уже в чистую авантюру» (стр. 11).

Прорыв фронта сам по себе ничего не решает и является не целью, а средством для достижения какой-то цели. Эта цель, уточняя общую директиву, была указана Мамантову в директиве №0300/К: **двинуться в глубокий тыл и овладеть г. Козловом.**

Ген. Мамантов выполнил эту задачу, заняв Козлов и изгнав оттуда Штаб Южн. Сов. Фронта. Фактически, дальше этого пункта он не пошел. Поэтому фраза (о противнике): «... Не дураки же там сидели, чтобы не дать отпора **зарвавшемуся** Мамантову»... показывает, что «глубоко штатский человек», разбирая выполнение рейда, (а рейд это прежде всего военная операция), взялся не за свое дело.

Признавая, что «судить о проведении самой операции это дело военных», он продолжает: «...и Е. Ковалев дает ему оценку — это был авантюра и Деникина и Мамантова».

Я такой оценки рейда не делал. Если я привел мнение б. Командующего Южным Сов. Фронтом Егорова — это еще не значит, что я его разделяю. Моя оценка иная, в чем может убедиться каждый, внимательно прочитавший мою статью.

По поводу статьи Н. М. Мельникова в №29 «Род. Края», я должен заметить, что воль-

ным изложением цитат из различных частей моей статьи, г. Мельников исказил смысл написанного мною. Когда он пишет (обо мне):

«Говорить о том, что ген. Деникин видел в ген. Мамантове соперника и **увлеченный честолюбием и борьбой за власть,** вел интригу против Мамантова»... можно подумать, что я считал ген. Мамантова соперником ген. Деникина, который вел с ним борьбу за власть.

Ген. Мамантов никогда не был соперником ген. Деникина в борьбе за власть, самое слово соперник ни разу не упоминается в моей статье, а насколько произвольно связана с этим словом фраза «увлеченый честолюбием и борьбой за власть«, может убедиться каждый, прочтя отрывок из моей статьи, откуда она взята, который и привожу:

«Уменье поддержать дух своих войск — основная черта всякого выдающегося начальника и полководца. Генерал Деникин и Врангель будучи хорошими генералами, это, конечно, знали, но, **увлеченные честолюбием и борьбой за власть**, об этом забыли» («Род. Край» №27).

Тут ни слова о Мамантове и совершенно определенно указано, кто вел борьбу за власть.

Что касается интриги, я также не писал, что ее вел ген. Деникин. Эту интригу, как сам он изложил ее в своих «Записках», начал и вел ген. Врангель, но при попустительстве Деникина, который питал неприязнь к Мамантову, причины которой я и изложил. Я сожалею, что в моей фразе в №27 «Род. Края»;

«В числе многих ошибок... огромную роль сыграла интрига, начатая против ген. Мамантова в момент решительных операций на фронте», я не указал: «начатая ген. Врангелем».

Что ген. Деникин был очень чувствителен к вопросу о том, кто первым вступит в Москву, для этого не надо заниматься «чтением в сердцах», а достаточно прочесть записки ген. Врангеля (ч. I, стр. 160).

Когда ген. Деникин, после взятия Царицына, прибыл в этот город, генералы Врангель и Юзефович представили ему, каждый в отдельном рапорте, среди других мер, намеченных к дальнейшей борьбе, проэкт сосредоточения в районе Харькова крупной конной массы в 3-4 корпуса, для действия по кратчайшим к Москве направлениям. Выслушав их и принимая эти рапорты, ген. Деникин сказал: — «Ну, конечно, первыми хотите попасть в Москву.»

Проэкт этот был оставлен без внимания, а между тем меры, предложенные ген. Врангелем, были весьма целесообразны и могли в корне изменить обстановку, что признал в своем труде б. Ком-щий Южн. Сов. Фронтом Егоров.

Вместо этого ген. Деникиным была оглашена на другой день его «Московская директива», прослушав которую, как пишет ген. Врангель, он и ген. Юзефович буквально остолбенели, не понимая, как этот документ, явившийся смертным приговором армии Юга России, мог выйти из под пера ген. Деникина (Записки ч. I, стр. 161).

***

Темой моей статьи был рейд ген. Мамантова и, как я уже заявил в моем письме, о ген. Деникине я упоминал лишь постольку, поскольку это имело отношение к рейду, на основании изучения собранных мною материалов делая оценку и выводы, с которыми каждому вольно соглашаться или нет.

События и лица, о которых я писал, давно уже стали достоянием истории и то тайное, чего, как пишет г. Мельников, **«не мог знать боевой офицер»**, давно уже стало достаточно явным и не является теперь прерогативой лишь некоторых лиц, как и не дает им патента на непрогрешимость их суждений.

Что ген. Деникин был большой патриот и обладал достаточно прямым характером — этого отрицать нельзя, но это не значит, что он, хотя бы в малой степени, не имел таких человеческих недостатков, как честолюбие, тщеславие, недовольство, властолюбие и проч. Для этого имеется достаточно данных.

Я сомневаюсь, что будущие беспристрастные историки согласятся с выводом, что ген. Деникин «никогда и ни в чем не допускал сделок с совестью».

Он, например, упорно не желал исполнять, заключенное в самом начале Белой борьбы 17-го (30-го) марта 1918 г. в ст. Ново-Дмитриевской, соглашение с Кубанской Радой о формировании Кубанской Армии.

Это нарушение обязательств кубанцы воспринимали, как незаслуженную обиду и их Войсковой и Походный Атаманы: ген. Филимонов и ген. Науменко горько жаловались на это ген. Врангелю. Зная об этом, ген. Деникин решил ограничиться фикцией и в апреле 1919 г., перед наступлением на Царицын, формуя для этой цели новую армию, главным образом из кубанских частей, он

предложил назвать ее **«Кубанской»**, но без признания какой-либо зависимости этой армии от Кубанского Правительства. Получив такое разъяснение, Кубанский Войсковой Атаман поспешил от этого предложения отказаться. (Записки ген. Врангеля т. I, стр. 117, 130-132).

И уж ни в коем случае с этим выводом не согласится ни один из оставшихся в живых, переживших как и я, вместе с тремя четвертями Донской Армии, брошенными на берегу, Новороссийскую катастрофу.

Где уж тут говорить об отсутствии «сделок с совестью», когда сам ген. Деникин чувствовал и сознавал, какая пропасть легла между ним и казачеством после Новороссийска и в Феодосии прямо заявил Донскому Атаману ген. Богаевскому: «Ведите переговоры с Грузией и перевозите туда, если хотите, донцов. У них теперь такое настроение, что я совершенно не уверен, против кого они употребят свое оружие, если я его им выдам.» (Раковский. «Конец белых»).

Напрасный страх. Донцы неизменно направляли свое оружие против одного и того же общего врага. Даже в трагической неразберихе при отходе от Новороссийска, у них хватило мужества завязать с красными последний безнадежный бой у Кабардинки, а позже в Польше, где было сформировано, из тех, кому удалось вырваться из Сов. России после Новороссийска, одних только донских — пять полков с артиллерией, они продолжали с ними вооруженную борьбу до конца.

***

До меня дошел также протест ген. шт. полк. Сергиевского, выраженный им в письме редактору «Род. Края», касающийся ген. Деникина и, в общем, аналогичный таковому же Н. М. Мельникова. Как видно из его письма, он даже не читал мою статью в целом, а лишь часть ее в № 27 «Р. Края», который попал к нему случайно.

Ко мне, тоже случайно, попали №№ 105 и 106 журнала «Перекличка», в котором полк. Сергиевский поместил статью, посвященную памяти ген. Деникина, и протест его понятен. Статья эта изобилует многими ошибками, разбор которых потребовал бы особой статьи. (Неверный состав корпуса ген. Шкуро, уже вызвавший поправку полк. Елисеева в № 109 «Переклички»; наступление яко бы в группе Селивачева конницы Буденного, находившейся в то время не под Харьковом, а на Царицынском фронте; совершенно невероятное заявление, что ни командование Добр. Армии, ни командование ВСЮР к 14 августа ничего не знало об отходе левого фланга Дон. Армии, в то время, как наступление противника велось уже почти две недели и отмечалось в сводках Дон. Армии, а пешие части ген. Гусельщикова 3-го Дон. кор-са уже 13-го авг., согласно общего плана, нанесли фланговый удар наступающим красным с востока, прорвали фронт противника и 14 авг. заняли ст. Бирюч, перерезав ж.д. Купянск - Лиски и др.). Окончание же ее в № 106 «Переклички», в защиту ген. Деникина, где автор перечисляет 6 «случайностей», которые якобы склонили перевес борьбы в пользу красных (болезнь н-ка штаба корпуса ген. Шкуро, неожиданный (?) прорыв банд Махно «окруженных в районе сев. Одессы», отсутствие связи с ген. Деникиным, плывшим в то время на миноносце в Одессу, гололедка, повредившая провода и телеграфные столбы, неисправное несение службы радиостанцией Добр. Армии и эпидемия тифа), вызывает по меньшей мере удивление, чтобы не сказать больше.

В письме он пишет; ...« Е. Ковалев возвеличивает ген. Мамантова и его рейд на Елец-Козлов-Грязи. Я не возражал бы против этого. Но зачем, возвеличивая Мамантова, Е. Ковалев старается развенчать Деникина...»

Это отнюдь не входило в мои намерения. Во первых потому, что, несмотря на неудачу, я отношусь с уважением ко всем, боровшимся за Белую идею, ибо она жива и переживет нас, т. к. по образному выражению Донского Златоуста и провидца Митрофана Петровича Богаевского «Белая идея это та идея, которую на штык не поймаешь». Во вторых, развенчивать можно лишь того, кто был увенчан, а венки, как известно, возлагались в античное время на головы победителей. Критический же анализ событий и действий различных лиц неразрывно связан со всяким историческим исследованием. Я поэтому не согласен с заявлением полк. Сергиевского в «Перекличке» №105, что «отличительной чертой критики обычно бывает во первых — злоба, а во вторых — пропагандная цель». Если это часто и случается, то все же это не правило.

Я прочитал все статьи доктора Виноградова, в которых, как пишет полк. Сергиевский, была резкая критика деятельности ген. Деникина, но не могу сказать, что она была проникнута злобой. Уж самый факт помещения его статей в «Перекличке», журнале, издаваемом отделом Общества Галиполий-

цев в С. Ш. А., указывает на назревшую даже в этой среде потребность не все рисовать светлой краской, а указать и на ошибки и высказать горькую правду. Не следует поэтому огульно осуждать все критические статьи, ибо они облегчат будущим историкам их работу. Требуя «несомненных доказательств», не надо забывать, что не все отражалось в официальных распоряжениях и приказах. О закулисной стороне переговоров, влияниях и давлениях, приходится узнавать из свидетельств различных лиц. Полк. Сергиевский сам приводит в своей статье («Перекличка» №105) закулисные подробности совещания 26 дек. 1918 г. на ст. Торговой об установлении единого военного командования (ВСЮР), весьма нелестно отзываясь о всех участниках этого совещания с Донской стороны.*) Если мы должны верить ему, то нет основания не верить другим.

⁂

По поводу моего утверждения, что ген. Деникин был очень чувствителен к вопросу о том, кто первым вступит в Москву, полк. Сергиевский пишет:

— «Трудно себе представить, что ген. Деникин расчитывал сам лично стать во главе того корпуса, который дойдет до Москвы первым. И не все ли ему было равно, кто из подчиненных ему генералов первым войдет в Москву?».

Учитывая обстановку того времени, я должен ответить: да, не все равно.

Если бы таковым оказался ген. Врангель, это дало бы ему ореол «Освободителя Москвы» и увиличило бы его шансы в борьбе за власть.

Если бы Москва была занята донцами, это укрепило бы их позиции в отстаивании их исконных прав и потребовало бы уступок. Поэтому ген. Деникиным делалось все, чтобы первой в Москву вступила Добр. Армия, что укрепило бы его личное положение с одной стороны, а с другой явилось бы достойным венцом для основных кадров Добр. Армии за проявленный ими героизм и понесенные жертвы.

⁂

Упоминая об образовании в районе Воронежа мощной «Группы» из конных корпусов ген. Шкуро и ген. Мамантова, полк. Сергиевский пишет («Перекличка» №106), что корпус ген. Шкуро был передан в состав Донск. Армии. В действительности произошло обратное: 4-й Дон. кон. корпус был передан в состав Добр. Армии, что и позволило позже ген. Врангелю заменить Мамантова ген. Улагаем. Ген. Шкуро, прибывший в Воронеж 5-го октября, объеденил эту группу лишь временно, т. к. ген. Мамантов находился в отпуску.

⁂

По поводу дальнейших событий полк. Сергиевский пишет (в письме): «Через месяц после победы у Корочи (разгром прорвавшихся красных корпусом ген. Шкуро — Е. К.) началось решительное сражение в районе Касторной. Оно оказалось для белых роковым (причины не будем здесь разсматривать). Корпус Мамантова принимал в нем участие, но в числе не более 3-х тысяч шашек. Я не имею данных судить о его действиях»...

Восполним этот пробел по советским источникам. По поводу этих боев Егоров пишет: «У Касторной Буденный вел бои с переменными успехами, то отходя, то наступая, но овладеть Касторной не смог. Взятые пленные показали, что возвращение Мамантова из отпуска в ряды своего корпуса приподняло настроение казаков и дало им некоторый импульс для продолжения борьбы»

31-го октября в состав корпуса Буденного вошла новая 11-я кав. дивизия и 15-го ноября он наконец овладел Касторной.

В то время, как красное командование усилило свою конницу на важнейшем направлении, наша была ослаблена переброской из корпуса ген. Шкуро, для борьбы с Махно и крестьянскими возстаниями, наиболее сильной I-й Терской дивизии, а из Дон. Армии была выделена для той же цели конная бригада ген. Морозова.

⁂

Заканчивая письмо, полк. Сергиевский сообщает, что, уезжая в отпуск на Минеральные Воды, где находилась его жена, ген. Мамантов «послал ей по военным проводам незашифрованную телеграмму, в которой в невероятно резких выражениях критиковал действия ген. Деникина. Эта телеграмма попала на телефонный узел на ст. Харцыск,

*) Это тоже критика, подпадающая под им же сделанное определение. Ценность его свидетелства относительна, т. к. в нем есть фраза: «Меня тогда прямо возмущало и т. д...». Человеку возмущенному трудно быть объективным. Есть и ошибки. Ген. Денисов был Ком-щим Донск. Арм., а не Нач. штаба, а ген. Поляков Нач. Шт., а не Генерал-Квартирмейстером. Если теперь осталось только 2 живых свидетеля этого совещания, то сохранились письменные заметки других участников и у меня в архива имеются таковые полк. Ген. Шт. Добрынина, б. нач-ка развед. и затем оперативного отд. Штаба Дон. Армии.

на которой в те дни находилась центр. служба связи Добр. Армии и я, как Нач-к службы связи Доброармии. Телеграфист представил мне эту телеграмму как «изменническую». Я не разрешил ее дальнейшей передачи и представил ее в Штаб Главнокомандующего...»

По этому поводу следует заметить, что ген. Мамантов был не мальчик и, посылая подобную телеграмму по военным проводам, прекрасно понимал, что она будет задержана военной цензурой. Адрес жены был не больше, не меньше, как фикция и в конце концов телеграмма попала к тому, кому она и предназначалась.

Париж. **Е. КОВАЛЕВ.**

ИЗ ПРОШЛОГО.

(Памяти генерал-лейтенанта Константина Константиновича МАМАНТОВА).

Зима 1918 года никогда не будет забыта на Дону.

В эту холодную лютую пору кипели страстями донские станицы и хутора: шла ожесточенная борьба за власть...

Старики казаки говорили: «Кровью Дон взяли, кровью и отдадим».

«Молодежь» — фронтовики, уставшие от войны и обманутые большевистской пропагандой, обещавшей, что «земель казачьих советская власть не тронет. Напротив, трудовым казакам она предоставит те земли, которые будут отобраны у помещиков и кулаков» и что «наравне с казаками будут наделены землею и казачки» и что «советская власть не нарушит казачьих прав и привилегий». «Молодежь» поверила этой пропаганде и объявила «нейтралитет». Этот пропагандный трюк, в дни наибольшего успеха казачьего оружия в 1919 году, 7-й Всероссийский съезд советов, по предложению казачьей секции Съезда Советов, как бы узаконил в своем «обращении» »к трудовым казакам», но никогда это обещание ни в какой мере исполнено не было.

В это время (зима 1917-1918 г. А. П.) единственными защитниками Дона были партизанские отряды, в большинстве своем сформированные из учащейся молодежи. Для прекращения гражданской войны на Дону и предотвращения занятия Новочеркасска красной гвардией, после смерти А. М. Каледина Дон. Войск. Круг посылал свою делегацию к командующему большевистскими войсками Юрию Саблину. Саблин потребовал сдачи Новочеркасска, подчеркнув, что «казачество, как таковое, должно быть уничтожено».

После смерти Атамана Каледина полк. Мамантов привел в Новочеркасск из станицы Нижне-Чирской сформированный им там партизанский отряд.

В дни агонии Новочеркасска Мамантов назначается командующим войсками Северного фронта, защищающего подступы к столице Дона. Когда 12 февраля Донские партизанские отряды, возглавляемые Походным Атаманом Войска Донского генералом П. Х. Поповым, оставляли Новочеркасск, командующий Северным фронтом полк. Мамантов покидает столицу Дона с арьергардным отрядом есаула Мартынова.

Когда ген. Попов в хут. Арпачине производил реорганизацию отрядов, чтобы вести их в Задонские степи, где и «выжидать пробуждения Дона», «сохраняя его идею», Председатель Союза Донских дворян, чтобы помешать этому, пытается «сменить» ген. Попова с поста Походного Атамана и заменить его «более сговорчивым». В частности, «предлагает» этот пост полк. Мамантову с условием, что, получив это «назначение», он уведет партизан в Добровольческую армию в распоряжение ген. Корнилова.

Полк. Мамантов от этой «авантюры» отказался и, высоко ценя и уважая Походного Атамана ген. Попова, доложил ему о замыслах Леонова, после чего Леонов бежал из «Отряда Вольных Донских казаков», как стали наименоваться донские партизанские отряды в хут. Арпачине.

В дни операций «Отряда Вольных Донских Казаков» против стан. Великокняжеской полк. Мамантов командует группой партизанских отрядов против стан. Платовской.

Во время одной из серьезнейших операций у хут. Савоскина, когда сильная группа красных под командой Тулака пыталась

уничтожить партизан, он также командует группой партизанских отрядов.

После занятия большевиками Новочеркасска в станицах и хуторах началось насаждение советской власти «огнем и мечем».

Казакам это было непонутру. С наступлением весны, когда казак должен был выезжать в степь для запашки своего пая, оказалось, что пай уже не его, и молодежь стала выздоравливать от «нейтралитета».

Начиная с первых чисел марта, покатились по Дону волны восстания.

Первой восстала стан. Суворовская. 4-го марта суворовцы сналету заняли Нижне-Чирскую, уничтожив там, накануне прибывший в станицу, отряд красных.

На следующий день Суворовцы и Нижне-Чиряне на розыски Походного Атамана послали казака Ромашкина с просьбой оказать им помощь. Ромашкин нашел «Степной отряд» у станицы Еркетинской.

Походный Атаман, спеша на помощь к восстающим станицам, 1-го апреля в Нижне-Курмоярской назначает полк. Мамантова Начальником сводного отряда и посылает его в стан. Нижне-Чирскую для организации восставших станиц 2-го Донского округа и прилегающих к нему округов.

Прибыв в Нижне-Чирскую, полк. Мамантов в своем обращении к казакам писал: «На конь, казаки! Настала пора встать нам за Тихий Дон наш Родимый...» И словно высохшие ковыльные степи по осени, вспыхнули и запылали огнем восстаний станицы 2-го Донского округа и округов, к нему прилегающих.

Через некоторое время после занятия Ростова и Новочеркасска красная гвардия Сиверса и Саблина ушла с Дона на Украину против немцев, в Новочеркасске же обосновался Штаб Командующего войсками Донского Военно-Революционного Комитета сотника 8-го Дон. Каз. полка Смирнова, но казачьих войск у него не было. Там же в Новочеркасске что то делал и казачий Иуда предатель — войск. старш. Голубов, но и в его распоряжении тоже никаких казачьих войск не было.

В Ростове находился Донской Совет во главе со ставленником Ленина вторым казачьим предателем подхорунжим Подтелковым, опиравшимся на штыки красной гвардии, созданной из пришельцев и местных рабочих и крестьян. Этой красной гвардией распоряжались специальные комиссары по полномочию особого Комитета по борьбе с контр-революцией: Ларин, Медведев, Антонов и другие.

Комиссары эти в конце марта даже в таких казаках, как Голубов и Смирнов, увидели контрреволюционеров и они должны были бежать из Новочеркасска.

Для насаждения советской власти на Дону в станицах, где по инструкциям Дон. Совета, где самотеком на местах, усиленно формировались местные отряды красной гвардии из местных рабочих и крестьян.

Особую активность в этом деле проявили: в Донецком округе Щаденко, в Сальском — Думенко и Буденный, в Усть-Медведицком в. ст. Миронов, в Верхне - Донском округе Дербянцев и многие другие. Иногда эти формирования производились специальными комиссарами, присланными из центра.

Ближайшими пунктами таких формирований к Н.-Чирской были Царицын и станция Морозовская.

Все формирующиеся отряды красных обильно снабжались вооружением и боеприпасами, тогда как восстающие против советской власти донские станицы и хутора часто выступали с вилами, самодельными пиками, а пулеметы заменяли специальными трещетками.

В Морозовской командиром красной гвардии был иногородний этой же станицы Мухоперец, бывший солдат Искровой роты 22-й дивизии. Ко времени прибытия полк. Мамантова в Н.-Чирскую главное ядро отрядов Мухоперца составляли рабочие ж. д. мастерских и крестьян ближайших сел

В Царицыне в это время Главнокомандующим был уполномоченный Ц.К. РКП. Орджоникидзе.

Начатая Мамантовым в Н.-Чирской организация антибольшевистской борьбы заставила Морозовскую группу подумать о самозащите. Мухоперец, считая, что пока силы Мамантова не велики их нужно быстро ликвидировать, обратился за помощью в другие группы. Царицын обещает отряд под командою Сергеева. Окружной совет Донецкого округа принял решение сформировать специальный отряд на помощь морозовцам для наступления на Н.-Чирскую. К нему присоединились отряды Шахтинский и Сулинский, а всего направилось в Морозовскую под командой Щаденко 1850 штыков и 380 всадников при 11 орудиях и 16-ти пулеметах. На помощь морозовцам были посланы и отряды из Облив и Черньшевской, обильно снабженные пулеметами.

Таким образом в Морозовской составилась значительная хорошо вооруженная группа.

О таком вооружении Мамантов не мог и мечтать.

Общее командование в операции против Н.-Чирской было возложено на Щаденко.

Наступление красных началось рано утром на подступах к станции Чир. Красные, несмотря на их ураганный артиллерийский огонь по защитникам станции, продвигались очень медленно. По свидетельству н-ка пулеметной команды Каменского отряда — Толмачева в его книге: «В Степях Донских» — десятки раз казаки бросались в контр-атаки на красногвардейские цепи, но силой артиллерии и огнем пулеметов красные заставили их оставить станцию Чир. Красные прежде всего бросились хозяйничать в вагонах, заполнявших все пути станции.

К частям, оставившим Чир, приехал сам Мамантов и бросил казаков во главе с Суворовской дружин. в контр-наступление. О казаках суворовцах Толмачев пишет: «фанатически набожные, проникнутые сословными предрассудками, задиристые, готовые лезть в огонь и в воду ради сохранения своего привычного старого, чем жили до сих пор, но все новое, пришедшее вместе с революцией, не понимали, вернее, не хотели понимать, ненавидели его люто...», «эти не повернут, не дрогнут в атаке и если им приказали идти вперед, они прут, лезут, сопя от злобы, до тех пор, пока их не остановит смерть... бородачи были верны себе и на этот раз... С каждой секундой, несмотря на опустошающий их ряды огонь, они приближались к своей цели... Красногвардейцы увидев несущуюся на них лавину, бросились к паровозам... В панике невозможно было навести порядок. Грозные, охрипшие, с наганами в руках носились между валами бушующей в панике толпы командиры; командиры кричали, грозили, стреляли вверх, но дикий рев обезумевшей толпы гасил их голоса»... Дух казачий и лютая ненависть к большевикам победили — станция Чир была занята. Казакам досталась часть орудий и пулеметов.

Толмачев в своих воспоминаниях, видимо не замечая этого, отмечает и истинные причины «лютой ненависти» казаков «бородачей» к большевикам. Описывая движение отрядов Щаденко из Каменской в Морозовскую, он рисует картину, свидетелем которой он был в одном из хуторов Гундоровской станицы: на площади против церкви «в кругу красной гвардии под шутовские выкрики и хлопанье в ладоши плясал священик местной церкви. Измученный, загнанный старик, облаченный в парадную рясу, еле передвигал ногами. Со всех сторон неслись понукающие крики: «Больше жизни, батя! Шпарь во всю! Жги! жги! А в это время другая часть красногвардейцев, «облачившись в ризы священника с дымящимися кадилами в руках, в лихо сбитых на бекрень безкозырках, орали, коверкая, какую-то молитву, пересыпая ее отборной матерщиной»... Ходили по церкви, собирая в свои сумки церковное серебро.

На утро красные пытаются занять Н. Чирскую со стороны хут. Максимова. Мамантов руководит обороной и здесь. Командир Морозовского отряда Мухоперец в своей книге «Годы грозовые» пишет: Красная гвардия была разбита и здесь. Отряд Сергеева в панике бежал в Царицын. Отряды Щаденко сильно поредевшие вернулись в родные края».

Войска Мамантова заняли станцию Обливскую, отрезав от Морозовской отряд, задержавшийся между Обливами и Чиром. Толмачев, признавая поражение красных, отмечает, что все отряды, кроме Сергеева, должны были прекратить дальнейшие бои за обладание Н.-Чирской согласно «приказа недавно назначенного командующего войсками Донревкома Смирнова: отойти на исходные позиции для накопления сил и перегруппировки». Но красногвардейцы предпочли уйти «в родные места».

Мухоперец по поводу этой операции в своих воспоминаниях замечает: «Ни подавить восстания, ни выбить Мамантова из Н.-Чирской нам не удалось, как ни были значительны наши силы, но они уже не в состоянии были погасить разросшегося пламени пожара...»

Почти одновременно с этим казачий повстанческий отряд полк. И. Ф. Быкадорова занимает стан. Ермаковскую и станцию Тацинскую, захватив значительное количество боеприпасов и отрезав Морозовскую от Каменской и Новочеркасска, откуда красные еще надеялись получить помощь.

22 апреля восставшими казаками Черкасского округа при поддержке казаков 1-го Донского округа и партизан «Степного Похода», под общим командованием Походного Атамана ген. П. Х. Попова была взята столица Дона Новочеркасск.

23 апр. немецкие войска заняли Ростов.

21 апр. Добровольческая Армия, возвра-

щаясь с Кубани, пришла в район Егорлыцкой станицы, где действовала «Задонская» казачья армия.

24 апр. отряд полк. Дроздовского, шедший из Румынии на «огонек», зажженный на Дону Атаманом Калединым и ген. Алексеевым и Корниловым, помог донцам окончательно разгромить красных под Новочеркасском.

Собравшийся там Круг Спасения Дона Атаманом Всевеликого Войска Донского избрал ген. П. Н. Краснова.

Ген. Краснов, уже в день избрания его Атаманом, в целях прекращения гражданской войны в пределах Дона решил предложить большевикам прекратить военные действия и признать независимость Дона, для чего в тот же день по его распоряжению Председателем Совета Управляющих Отделами Дон. Правительства и Управляющим Отделом иностранных дел ген. А. П. Богаевским в Москву был командирован специальный дипломатический «курьер» — А. Падалкин с письмом к командующему войсками Московского Военного округа.

Предложение ген. Краснова большевики фактически не приняли и дальнейшие переговоры не имели места.

В мае 1918 г., впервые в истории Дона, Атаманом Красновым было нарушено «стародавнее донское казачье обыкновение», по которому донскими армиями во время войн командовали Походные Атаманы. Ген. Краснов, упразднив должность Походного Атамана, «Командующим» Донской Армией назначил ген. С. В. Денисова, а начальником Штаба капитана ген. штаба, только что произведенного в генерал-майоры, И. А. Полякова.

Началось создание Донской Армии и общая организация антибольшевистской борьбы на Дону.

После занятия полк. Быкадоровым станции Тацинской, а полк. Мамантовым станции Обливской, командующий красной группой в Морозовской Мухоперец понял, что в Морозовской ему со своими силами «придется трудно»: он посылает рабочих ж.д. мастерских за помощью к крестьянам сел, расположенных по реке Березовой.

Крестьяне охотно пошли на борьбу с казаками и в Морозовской создается сильная группа.

Силы ее по мере казачьих восстаний все увеличивались за счет мелких красногвардейских групп, организующихся в разных крестьянских селах и бегущих в Морозовскую под натиском восстающих казаков.

В силу этого Морозовская превращается в один из крупных центров красногвардейских формирований. Там собирается до 8000 красной гвардии хорошо вооруженной и снабженной боеприпасами. Однако по свидетельству Мухоперца группа эта «достаточно сильная», под натиском казачьих повстанческих отрядов, желая прорваться к Царицыну, в конце апреля или в начале мая оставляет Морозовскую и двигается по ж. д. в Обливы. В дороге получает сведения, что по ж. д. же со стороны Лихой к Морозовской, под прикрытием Каменской группы красных Щаденко, двигаются 3-я и 5-я красные украинские армии под общим командованием Клима Ворошилова.

Морозовская группа, встретив у Обливской казачьи мамантовские отряды, не вступая с ними в бой, возвращается в Морозовскую. Почти все части Ворошилова находились в поездах, перегруженных награбленным добром и защиту их фактически нес Каменский отряд Щаденко, к которому в пути следования присоединилась группа Донревкома. По свидетельству Толмачева, «команда казаков во главе с Подтелковым и Кривошлыковым направлялась в северную часть Донской области для организации революционных отрядов. Они направлялись в Усть-Медведицкий и Хоперский округа». На станции Грачи Подтелков выгрузился из вагонов, чтобы дальше следовать на подводах. Ворошилов отговаривал Подтелкова, но последний «крепко» решил «спешить на организацию казаков».

В пути его следования казаки, не принявшие советской власти, повесили его со всей его компанией. За время похода отрядов Щаденко из Каменской в Морозовскую Толмачев отмечает целый ряд героических подвигов казаков, восстающих против советской власти. Так, у станции Жирнов на речке Быстрой казаки плохо вооруженные пытались захватить красную бронемашину «Жемчуг» и когда это им не удалось, они, поражаемые ручными гранатами, пытались, обложив машину бурьяном, поджеч ее.

В другой раз донцы «перехватили дороги, ведущие из Маньково - Березовской слободы в Милютинскую станицу, где разместился штаб красных отрядов. Потом со стороны хут. Селиванова пошел в наступление пехотный полк, сформированный совсем недавно из стариков - бородачей. Бородачи упорно в полный рост лезли на красных, ви-

димо подавая пример молодежи. Даже в то время, когда дружные залпы красногвардейцев опустошали их ряды, старики упрямо наступали, норовя вызвать на рукопашную схватку. Каменцы не выдержали и отошли. В день возвращения Морозовского отряда на станцию Морозовскую туда стали прибывать части Ворошилова.»

Мухоперец пишет: «эта разношерстная масса, набив вагоны награбленным добром — тюками мануфактуры, обмундирования, обувью, золотом, мешками денег, продуктами и прочим... —, представляла из себя ватаги, предводительствуемые разными атаманами, батьками и т. д., увешенные бомбами, маузерами, перепоясанные пулеметными лентами, с лихо сдвинутыми на затылок бескозырками, в тельнешках, шумливые, необузданные, с обязательной претензией на самостоятельность».

Вся эта масса, с Морозовской и Донецкой группами «свыше 50 тысяч с женщинами и детьми и стариками, стремясь на Царицын, временно задержалась в Морозовской.»

В отрядах Щаденко, помимо рудничных рабочих и всякого сброда, было много и донских крестьян из слобод: Скасырской, Карпово - Обрывской, Процико - Березовской, Голово - Калитвенской, хуторов Качалина, Лукичева и др.

Донецкие отряды были соединены с Морозовскими и составили Морозовско - Донецкую группу в 15 тысяч человек при 75-и пулеметах и 22-х орудиях, из них два дивизиона тяжелых гаубиц и три бронепоезда из пяти, приведенных Донецкой группой.

Эта группа была подчинена Ворошилову, по приказу которого Морозовцы защиту Морозовского плацдарма несли за хут. Любимовым, севернее жел. д.; западнее станции — отряд Донецкого округа, южнее — Луганский отряд, а части 5-й украинской армии были нацелены на Царицын, 3-я же армия составляла резерв Ворошилова.

Толмачев отмечает: «белоказаки с остервенением лезли в атаки». Однако после боев в районе Белая Калитва Мамантову стало ясно, что собравшаяся в Морозовской красная гвардия является силой, которую эпизодическими наскоками, по примеру первых дней восстаний, не возьмешь, что тут необходимо ударить сомкнутой крепко организованной массой, но сил было недостаточно.

Он доносит об этом в Штаб Донской армии в Новочеркасск и просит усиления его войск.

Одновременно принимает энергичные меры на месте, спешит, торопит с организацией мощного ударного кулака, производя мобилизации в станицах своего района до возможного предела.

Мамантов стремится заставить Ворошилова бросить поезда и выйти в поле, надеясь там разбить его по частям. Одновременно с этим он обложил относительно плотным кольцом район, занимаемый войсками Ворошилова, беспрерывно атакуя и не давая возможности мелким отрядам красных из крестьянских сел, бегущим в Морозовскую под натиском восстающих казачьих станиц, пройти туда.

Мухоперец пишет, что благодаря Мамантовскому обложению пробиться в Морозовскую в это время удалось лишь красногвардейскому отряду хутора Чекалова и Милютинскому конному отряду Дербенцева, да и то благодаря лишь тому, что на выручку их ходили части Морозовской группы. Успешные операции мамантовцев вызвали у красных митинги, и Мухоперец и Толмачев сообщали, что значительная часть командования 3-й и 5-й армии, Донецкого и Луганского отрядов «предлагали выгрузить из эшелонов всех способных носить оружие, создать из них полевую армию, эшелоны рассортировать и, выбрав самое ценное, необходимое для нескольких дней похода, остальное бросить на месте» и походным порядком двигаться на Царицын. Эти предложения отвечали и желаниям Мамантова, считавшего, что гораздо легче будет разбить Ворошилова в поле, чем на ж. д. путях, где он имел 7-8 бронепоездов.

Мухоперец, оценивая в своих воспоминаниях создавшееся к этому времени положение на Дону, не без основания замечает: «командный состав группы Ворошилова не учитывал или не хотел учитывать того, что они находились в центре Донской области, полуторамиллионное население которой... пошло против советской власти... Лихорадочно формировались казачьи полки, дивизии и пламя мятежа охватило уже весь юг; следовательно, разгоревшаяся борьба только начиналась... Они не понимали или не хотели понимать, что оставить десятки эшелонов, тысячи вагонов, паровозов — значит передать в руки врага огромное количество ценностей, в том числе оружие, боеприпасы, которые они используют против нас же». О движении на Царицын поездами настаивал только Ворошилов и его ближайшие помощники, все же остальные даже на митингах настаи-

вали бросить поезда и лишний груз и пробиваться на Царицын походным порядком.

Все это стало известно Мамантову и он, учитывая эти настроения красных, отдал приказ усилить нажим и тем увеличить их желание бросить поезда, и всеми силами задерживать движение их эшелонов, если они сделают попытку двигаться, взрывая ж. д. мосты. Еще раз просил Штаб Дон. Армии об усилении его войск. Красное командование со своей стороны «разработало план дальнейшего пополнения частей за счет привлечения рабочих, крестьян и ремесленников Морозовского района. Договорились о порядке вывода из дальних населенных пунктов мелких отрядов красных и о подчинении их Штабу Ворошилова». Но благодаря плотной блокаде Морозовского плацдарма Мамантовым, из этого договора ничего не вышло, т. к. все части, выходившие из Морозовской на выручку, подвергались разгрому и частью уничтожались, частью в панике возвращались в Морозовскую, и это, как свидетельствует Мухоперец, было тогда, когда в войсках Мамантова не хватало оружия и особенно пулеметов и артиллерии и они для устрашения красных применяли во время ночных боев трещетки, имитировавшие пулеметы. Такими особенно неудачными попытками красных была попытка прорыва в станицы Милютинскую и Усть - Быстрянскую.

В то самое время, когда Мамантов настойчиво просил Штаб Дон. Армии об усилении его войск, там по предложению Н-ка Штаба Армии ген. И. А. Полякова был поставлен вопрос о демобилизации казаков старших возрастов «для проведения полевых работ». Настояния ген. Полякова, в ущерб боевым операциям, увенчались успехом: ген. Краснов подписал приказ.

Ген. Апостолов, участник Степного Похода, бывший Председатель Дон. Правительства при Атамане Богаевском, в его открытом письме ген. П. Н. Краснову писал, что Мамантов «получил телеграфный приказ о демобилизации многих возрастов казаков» его войск тогда, когда «закончил все подготовительные действия» и готовил мощный удар по войскам Ворошилова в Морозовской «своими силами». Не выполнить этого приказа или задержать его выполнение Мамантов не мог, т. к. приказ этот был отпечатан на отдельных листах, минуя Штаб Мамантова, по распоряжению генерала И. А. Полякова, Начальника Штаба Донской Армии, политическим ее отделом, и для его широкого непосредственного распространения в войсках Мамантова были посланы ветеринарный фельдшер Филлинов и чиновник Дорошев, которые и рассказывали об этом А. Падалкину с большим смущением.

Мамантов, как пишет ген. Апостолов в том же письме ген. Краснову, «читая приказ, рвал на себе волосы», а производя демобилизацию приказал взорвать ж. д. мост через Дон в районе станции Чир и обратился к станичным обществам тех станиц, из коих были демобилизованные, прося дать в части их станиц пополнения ввиде добровольцев.

Станичные общества через некоторое время вернули часть демобилизованных. Однако, срочность и порядок распространения приказа, по каким то обстоятельствам проявленные **только** в отношении войск Мамантова, создали дезорганизацию и вынудили генерала произвести в частях реорганизацию, а это нарушило все его планы, и таким образом операция по ликвидации большевиков в Морозовской была сорвана.

Распространенный Штабом Дон. Армии в войсках Мамантова приказ о демобилизации некоторых возрастов и его исполнение стали известны красному командованию в Морозовской, и Ворошилов, по свидетельству Мухоперца и Толмачева, созвал совещание «красных командиров, работников окрисполкомов и ревкомов», где не без труда настоял на том, чтобы «не бросая драгоценного имущества, немедленно пробиваться в Царицын по железной дороге».

Ж. д. Морозовская - Царицын войсками ген. Мамантова умышленно нигде не была перерезана, чтобы создать у красных впечатление свободного пути и дать им возможность растянуться по ж. д. линии и тогда их по частям уничтожить. Но вся дорога находилась под угрозой мамантовских набегов и мосты были взорваны.

Ворошилов, убедив своих подчиненных уходить из Морозовской поездами, для проверки и исправления пути отправил эшелон с двумя тысячами пехоты, снабженной большим количеством пулеметов и 2-мя орудиями. Поезд благополучно добрался до станции Суровикино, где помощником н-ка станции был донской казак Чиликин, который по прибытии эшелона загнал его в тупик, якобы для пропуска срочного поезда, и, угнав паровоз, послал гонца в район стан. Милютинской, где находился отряд полк. Попова, с извещением о прибытии красной

пехоты. На рассвете, когда красные еще спали, казаки мамантовцы, приблизившись к поезду, открыли артиллерийский и пулеметный огонь. По поезду понеслись крики «предательство! Спасайся, кто может». Но было уже поздно — казаки ворвались на станцию. Красные не успели ни изготовить своих пулеметов, ни взяться за винтовки. Когда на станции еще шел бой, к ней подходил паровоз с одним броневым вагоном, в котором, как потом оказалось, были: Ворошилов, его помощник Руденко и Н-к штаба Пархоменко, пытавшиеся «прорваться на станцию Чир для свидания с Орджоникидзе». Услышав бой, Ворошилов поспешил вернуться обратно, даже не оказав поддержки красной гвардии своими пулеметами и орудием из бронированного вагона. Красные, бывшие в эшелоне, частью были забраны в плен, остальные, оказавшие упорное сопротивление, были изрублены и только очень незначительное число разбежалось.

Станцию Суровикино казаки занимали в течении 3-х дней и должны были оставить ее под давлением 3-й и 5-й армии Ворошилова, начавших движение на Царицын всей массой своих поездов. Между эшелонами двигались бронепоезда. Впереди всех эшелонов двигался ремонтный поезд для поправления пути и мостов под прикрытием двух бронепоездов, следовавших непосредственно за ремонтным поездом. В Морозовской в качестве арьергарда оставалась численно усиленная Донецко - Морозовская группа с придачей ей 3-х бронепоездов.

После демобилизации старших возрастов Мамантов не мог серьезно помешать Ворошилову пробиваться на Царицын, но он, надеясь все же еще на подкрепление его войск, всячески задерживал красных, нанося им значительный урон. Когда они ушли на 45 верст от Морозовской и находились на станции Чир, приступив к исправлению моста через Дон, в Морозовско - Донецкой группе тоже встал вопрос о движении ее на Царицын. Морозовский отряд вновь замитинговал. Пошли разговоры: «оставлять на произвол судьбы хозяйство, годами нажитое добро и отправляться куда глаза глядят?! Кого там защищать? Если воевать, каждый пусть воюет за себя. А в случае чего, казаки они тоже люди, столковаться с ними можно». Выступление затягивалось. Тогда Донецкая группа Щаденко, сильно поредевшая за время пребывания в Морозовской, потерявшая часть орудий и пулеметов, на собрании командного состава постановила: «в случае невыполнения Морозовской группой боевого приказа № 68, двигаться немедленно на Царицын самостоятельно, идя на Н.-Чирскую станицу. По занятии Н.-Чирской связаться непосредственно с советскими войсками и центральной советской властью и, получив снаряды, вернуться обратно». Приказ этот носил чисто агитационный характер с обещанием вернуться. Обещание подействовало, и Морозовцы присоединились к отряду Щаденко. И обе группы двинулись на Царицын.

Войска Мамантова, значительно уступая красному арьергарду и в численности и в технике и не имея ни одного бронепоезда, чтобы не допустить соединения его с группой Ворошилова, по свидетельству Мухоперца, «десятки раз ходили в атаку на бронепоезда и эшелоны в пешем и конном строю, но всякий раз встречали убийственный ружейный и пулеметный огонь, а артиллерия буквально засыпала снарядами и казаки, устилая степь трупами, должны были отходить, чтобы через полчаса снова идти в атаку». Дальше Мухоперец пишет: «ясно было, что ни одна сторона уступать противнику не собиралась». По дороге до станции Суровикино дважды дело доходило до рукопашной схватки «яростной, кровавой, исступленной». Однако сбить красных с полотна ж. д. казаки за отсутствием достаточного количества артиллерии не могли, неся к тому же большие потери и не имея резервов. Ген. Мамантов приказывал прекратить атаки с тем, чтобы завтра их вновь производить внезапно. Мухоперец пишет, что красные тоже несли «не малые потери»: в первый же день по выходе из Морозовской они потеряли более 400 человек убитыми и около 1.000 человек ранеными.

По свидетельству Мухоперца и Толмачева, некоторые части Морозовско-Донецкой группы были «не совсем надежны» и легко при нажиме на них могли перейти на сторону казаков. Что и случилось между Морозовской и Обливами, когда «один батальон Морозовского отряда... затеял переговоры с наседавшими по пятам бело-казаками... устроив митинг». Одни стали сдавать оружие подошедшей сотне казаков, другие схватили комиссара Романовского и поволокли к стоявшим в стороне казакам на расправу. Положение спас «командир 1-го Донецкого полка Шапошников, отдавши приказ батарее и пулеметной команде открыть огонь по «братающимся» и «сдающимся». «Часть ба-

тальона, не успевшая сложить оружия, метнулась в сторону и наблюдала над кровавой расправой с теми, кто сдавал оружие, а часть, успевшая бросить оружие, побежала в сторону казаков». Все это по словам Мухоперца были местные донские крестьяне, говорившие не раз: «да неужто казаки не люди? Годами, десятилетиями, веками жили рядом. Поймем друг друга.» Все они в большинстве своем были из сел по р. Березовой в 70-ти верстах от Морозовской, обманутые и распропагандированные красными.

Оставшиеся красногвардейцы этого батальона, чтобы не повторилась только что описанная картина, в бой не посылались и были отправлены в Царицын.

Иногда казаки, маскируя свое наступление, жертвовали своим достоянием, пуская на красных стадо коров, а сами, в облаках пыли идя за стадом, «подбирались поближе, чтобы налететь внезапно».

Мамантов, стремясь любой ценой не допустить соединения Морозовско - Донецкой группы с группой Ворошилова, решил дать генеральный бой у Обливской. Бой завязался на подступах к хутору. Главный удар обрушился на правый фланг Морозовского полка, 2-й батальон не выдержал и побежал, но его удержал батальон каменцев под командой Дерябкина и пулеметная команда в 10 пулеметов. Несмотря на страшную поражаемость, казаки «неслись» на каменцев, «как обреченные», окружили «два расчета пулеметов на тачанках» и, неся громадные потери, забрали их. Красногвардейцы тоже «дрались как львы». Сильно пострадали обе стороны, но бой был безрезультатным. Полагая, что после столь жаркого боя красные не ждут новой атаки, ген. Мамантов снимает с другого участка, по свидетельству Толмачева, «хваленные полки — староверов-бородачей станицы Суворовской, Н.-Чирской и Милютинской», чтобы рано утром бросить их головными во внезапную атаку. Но случилось непредвиденное обстоятельство: по словам Толмачева, в эту ночь красные захватили в плен казачьего офицера, сбившегося с пути, и в полевой сумке его нашли приказ ген. Мамантова об утренней атаке с указанием задач всем частям и района их действий. Об этом несчастном случае Мамантову известно не было. А красные приняли соответствующие меры, видвинув на наиболее угрожаемые участки лучшие части, усилив их артиллерией и пулеметами, и «они заняли позиции так, чтобы Мамантов, готовящий западню, попал в нее сам».

Красные в предрассветной мгле подпустили кавалерию на такое расстояние, что могли слышать команду: «Полк, пики к бою, шашки вон, в лаву стройсь!» И только тогда орудия и пулеметы открыли огонь. Казаки бросились вправо, но и там их встретил бешеный огонь. Такое неожиданное сопротивление красных вызвало у казаков замешательство и они стали бросаться то вправо, то влево и в направлении Суровкино встретили красную конницу под командой Лобачева. Началась сеча. Красная конница не выдержала и отошла к железной дороге под прикрытие бронепоездов, и вся масса стала поспешно отходить на Суровкино, куда на выручку Морозовско-Донецкой группы подошли бронепоезда Ворошилова со станции Чир. В этом бою казаки Мамантова понесли большие потери, но еще большие потери понесли красные, немедленно оставившие Обливы. Мамантовцы на поле боя нашли свыше 400 человек убитыми и свыше 600 подобрали раненых. Какое же количество убитых и раненых было красными увезено, Мухоперец и Толмачев умалчивают.

Таким образом, Морозовско - Донецкая группа красных соединилась с группой Ворошилова у станции Чир, что по свидетельству Мухоперца составило у переправы через Дон группу красных войск с женщинами, детьми и стариками около 50 тысяч человек, занимавших несколько десятков эшелонов с громадными запасами боеприпасов, продовольствия, награбленного имущества, разного ценнейшего военно - инженерного имущества и с десятками цистерн бензина.

Во всем этом в Донской Армии была большая нужда. Красные, увезя все это в Царицын, впоследствии широко использовали все в борьбе с казаками, у Мамантова же не хватало сил, к тому же, по свидетельству ген. Апостолова, ослабленных частичной демобилизацией, проведенной по инициативе Штаба Дон. Армии.

Через некоторое время, на участке Пятиизбянская - Н.-Чирская - хут. Ковалев, Донская Армия стала накапливать силы и в начале июня в этом районе было собрано 25000 конницы и пехоты, что еще далеко не уравнивало казачьих сил с силами красных.

Красные к этому времени исправили мост через Дон и вся их громада со всем имуществом и несколькими бронепоездами переправилась на другой берег.

Пропустив в Царицын эту группу крас-

ных, Штаб Дон. Армии занялся подготовкой операции для взятия Царицына. И чтобы выяснить его обороноспособность, командующий Дон. Армией ген. Денисов командировал в Царицын специальных агентов, кстати сказать участников Степного Похода — А. Падалкина и П. Ак... Первый должен был проехать по линии: Лиски - Поворино - Царицын, а второй по линии: Торговая - Царицын.

По прибытии в Царицын, они, как между ними было условлено, встретились там и, чтобы с большим успехом выполнить возложенную на них задачу, Падалкин служит в течении 3-х дней телефонистом в Штабе Северо - Кавказского Военного округа, на котором лежала оборона Царицына. Там ему удалось снять копию с секретного доклада Начальника Штаба Носовича Высшему Военному Совету о состоянии обороны Царицына и о планах возможного наступления красной армии в ближайшее время, а П. Ак... поступил писарем в Комиссариат Военных сообщений, где ему удалось снять копию с секретного доклада тоже Высшему Военному Совету о состоянии и положении ж. д. Сев.-Кавказского Военного Округа и о передвижении войск в ближайшее время.

Установили они также, что оборону Царицына кроме группы войск Ворошилова, переправившейся через Дон, несут еще около 15 тысяч человек, состоящих в разных частях ранее бывших в Царицыне, и что ожидается переброска некоторой части войск с Сев. Кавказа. Кроме того, в самом городе все бывшие казенные, общественные и учебные здания заняты различного рода специальными коммунистическими отрядами, батальонами, командами и т. д. Там же был расквартирован резерв Царицынского фронта под командой Тулака общей численностью до 3000 человек при 8-и орудиях и около 50-ти пулеметов. Наконец, шла усиленная вербовка в красную армию. На жел. дорогах, прилегающих к Царицыну, было свыше десятка бронепоездов разной боеспособности. Возвращаясь из Царицына, Падалкин видел на станции Арчеда стоявший бивуаком красный конный отряд, который своим видом и иногда мелькавшими красными лампасами привлек его внимание: то была конница отряда войск. ст. Миронова — донские казаки, которые сожалели, что «попали как кур во щи» «не в свое дело» и боялись расправы своих же казаков.

По возвращении в Новочеркасск и после доклада ген. Денисову, Падалкин и Ак... были вызваны к Атаману Краснову. Атаман особый интерес проявил к вопросу: насколько пострадает население города в случае газовой атаки и как оно к этому отнесется.

После объяснения расположения войск в населенных пунктах, «агенты», не сговариваясь, ответили определенно, что население пострадает в той же степени, что и войска, если не больше их, и что факта применения газов население никогда казакам не простит. Ген. Краснов, подумав некоторое время и как бы говоря самому себе, но глядя на ген. Денисова, сказал: «значит, газов применять нельзя». А из краткого обмена фразами Атамана с командующим армией было ясно, что инициатива и настояния применения газов принадлежали Н-ку Штаба Армии ген. И. А. Полякову, который, настаивая на их применении, ответственным за это ни морально, ни юридически не являлся. Ответственным явилось бы все Войско Донское и в первую очередь его Атаман, командующий Армией и Войсковой Круг.

С этого времени начались кровопролитные бои донцов за обладание Царицыном, длившиеся много месяцев. Много раз казаки во время своих наступательных операций входили на окраины города, занимая лесные склады, но взять города не могли. Одною из причин этого был пропуск Штабом Дон. Армии группы войск Ворошилова в Царицын, составивший главные силы красных Царицынского района.

Под влиянием большевистской пропаганды, нечеловеческого переутомления донских войск и, по заключению Дон. В. Круга, «неумелого руководства Донской Армией» ее командующего ген. Денисова и его Начальника Штаба ген. И. А. Полякова, Донская Армия должна была отступить от Царицына.

Ген. А. И. Деникин («Очерки русской смуты», т. 4), касаясь этого периода борьбы Дона с большевиками, пишет: «Весь ноябрь и декабрь 1918 года на огромном фронте, от Луганска до Царицына и от Царицына до Маныча, в мороз и стужу поставив в строй поголовно всех казаков, способных носить оружие, изнемогая от потерь и лишений, **Дон доблестно** отстаивал свое существование против вдвое сильнейшего врага. Донская армия неизменно одерживала верх, брала тысячи пленных и богатую военную добычу.

По существу — стратегическая победа была на стороне донцов: зимняя операция крас-

ных расстроилась, потеряла свой планомерный характер и продолжалась лишь по инерции.

В гражданской войне моральный элемент более, чем где бы то ни было, властвует над всеми прочими слагаемыми успеха. То, что было выиграно донцами за много месяцев моральным подъемом и оружием, в один миг было потеряно упадком духа, так как в казачьем настроении опять наступил перелом, который умело использовала советская пропаганда».

О том, как вели себя казаки в январе, феврале 1919 года, ген. Деникин пишет: «Донское Казачество, органически противилось коммунистическому укладу, прияв внешние формы и даже практику большевизма, как личину, как средство кого то провести и от кого то спастись, на другой же день вступило с ним в глухую борьбу всем своим нутром, всем бытовым укладом, в свою очередь встречая со стороны советской власти полное недоверие и прямое посягательство на жизнь казачью, быт и достояние».

Атаманом Всевеликого Войска Донского в это время был избран ген. А. П. Богаевский, бывший в Первом Кубанском Походе Добр. Армии Командиром Донского Партизанского полка, Командующим Донской Армией был назначен ген. Сидорин, бывший Н-к Штаба Походного Атамана в Степном Походе, и Председателем Дон. Правительства Походный Атаман ген. П. Х. Попов.

Казаки после некоторого отдыха, вкусив прелести советского «рая», насаждаемого на донской земле, с новой энергией стали изгонять большевиков с Родной Земли. Помогла им в этом Добр. Армия и Кубанские Казаки. Красные вновь были изгнаны из пределов Дона.

Когда Царицын был взят Кавказской армией ген. Врангеля, то как бы в память донских жертв, понесенных ими за Царицын в 1918 году, Начальником гарнизона Царицына ген. Врангель назначил донского казака ген. П. К. Писарева.

Ген. Мамантов в это время готовил 4-й Донской Казачий корпус в исторический «Мамантовский Рейд», так блестяще описанный в «Род. Крае» ес. Ковалевым.

Париж. **А. Падалкин.**

БАДЬМА НАРАНОВИЧ УЛАНОВ.

31 марта с. г. исполнилось 75 лет Заместителю Председателя Большого Войскового Круга В.В.Д. Бадьме Нарановичу Уланову.

Кому из донцов это имя неизвестно?

Думаю, что таких — мало.

Одни вспоминают это имя с уважением и симпатией, другие с неприязнью и даже со злобой. Хотя в жизни это — обычное явление, все-же отношение последних не обосновано: оно зиждется ими на незнании личности Уланова (по недоразумению), или на предвзятом отрицании ее по причинам, ничего другого не имеющим, как зависть с их стороны, как трудно преодолимая преграда на пути их «деятельности».

Но оставим сегодня в стороне размышления этого порядка, проследим этапы жизни и моральный облик (не полный, конечно) юбиляра. В. Н. Уланов родился в чудной заманыческой степи Сальского округа, которую он сам называет «сказочно-волшебным местом на свете», где вместе с молоком матери он впитал в себя чистейший, как божественный (нектар), водух, пропитанный жизненной энергией, которая не иссякла в нем до последних дней. Здоровье, жизнерадостность, энергия, благожелательность и уважение ко всем людям остаются на всю жизнь отличительной чертой его характера.

Буддист по воспитанию и исповеданию он твердо знает также основы христианства. Апостол Павел, целые главы посланий которого он может цитировать наизусть, является его постоянным руководителем и авторитетом, как в личной, так и в общественной жизни.

Мальчишкой, как многие казачата, стерег (пас) овец, телят и, как полагается, чуть-ли не с пеленок был посажен верхом на коня и в самом юном возрасте с приятелями состязался «на перегонки» от кургана до кургана. После Приходской школы и Новочеркасско-

го Реального Училища окончил Юридический Факультет С.-Петербургского Университета и стал Помощником Присяжного Поверенного в своей Окружной Великокняжеской станице.

Потом стал Присяжным Поверенным Округа Новочеркасской Судебной Палаты, выполняя при этом функцию юрискосульта всех калмыцких станиц, занимаясь также всевозможными делами общественной и культурной жизни в ст. Великокняжеской. Его адвокатский фрак не один раз одалживался и фигурировал на ученических спектаклях.

В 1912 г. был Областным Выборщиком в Госуд. Думу. В 1917 г. был избран депутатом ст. Ново-Алексеевской в В.Д.В. Съезд. В том же году избирается в Д.В. Круг, где становится Товарщ.-Председателя. Тогда же Войском Донским был избран членом Всерос. Учред. Собрания по Казачьему №4 списку, во главе которого был А. М. Каледин.

В ту же эпоху был представителем Войска Донского в т. н. Совете Времен. Росс. Республики. В конце 1917 года стал членом Калединского Правительства и, кажется, теперь вместе с Н. М. Мелниковым является одним из последних оставшихся в живых сотрудников Каледина.

В 1918 г. он переизбирается своей станицей Представителем Д. В. Круга и становится его Товар. Председателя.. Он был содокладчиком проекта Основных Законов В. В. Донского. Другим докладчиком был П. М. Агеев. Основной проект был предложен Атаманом П. Н. Красновым.

В 1919 году он становится членом Дон. Правительства при Атамане А. П. Богаевском. В эмиграции, в Константинополе был одним из создателей «Союза Возрождения Казачества», соавтором его устава, программы и Председателем его Ц. К. Был он также одним из организаторов С.-Х. Союза и одно время его Председателем. В Праге, в бытность Объедин. Каз. Комитета был его Председателем и в этом качестве много содействовал Каз. молодежи в ее переезде и устройстве в Чехословакии (исходатайствование виз, хлопоты по легализации приехавших без таковых и т. д.).

Не отказывался никогда участвовать, как актер, на студенческих праздниках. Его выступления в танцах с супругой, в народных калмыцких костюмах, были совершенно неподражаемы. Чудилась степь, точек стрепета, а на нем прелестная стрепетиная чета. Был в свое время соредактором «Каз. Лавы», «Каз. Пути» (казачьи журналы, издав. в Чехословакии), «Тихого Дона», «Каз. Мысли», редактором калмыцкого печатного органа «Улан Залат» и Председателем Калмыцкой Культурной Комиссии.

По приезде в Париж после 2-й Мировой войны вошел в Правление Каз. Союза, затем Донск. Войск. Объединения, и был членом Редакции «Вестника Каз. Союза».

Принял самое горячее участие в издании настоящего независимого печатного Каз. органа «Род. Край», где и поныне состоит в редакц. коллегии. В последних нормальных выборах Дон. Атамана (в 1954 г.) был Председателем Главн. Центр. Избират. Комиссии.

С 1946 по 1951 год Б. Н. был представителем всей калмыцкой эмиграции по переселении ее в Америку. Его меморандум по калмыцкому вопросу, адресованный представителям Американской общественности, представляет из себя замечательный по убедительности документ трактуемого вопроса, доказательство действенной любви к своим собратьям. Кроме всего перечисленного, он принимал также участие в Обще-Российской организации «Союз Борьбы за свободу России», будучи (при жизни С. П. Мельгунова) его Генеральным Секретарем, сотрудничая в органе Союза «Российский Демократ».

Отец 6 детей, из которых многие окончили Высшие учебные заведения заграницей, он находил время и энергию для общественно-политической и культурной работы. Для Казачества был всегда его верным сыном и служил ему по мере своих сил и уменья, никогда не терял и не теряет веры в Казачество, всегда звал и зовет всех казаков, кому дорога казачья семья, трудиться на благо Родного Войска.

С годами наши ряды в эмиграции страшно поредели. Нам нужно глубоко проникнуться этим трагическим ходом истории Казачества, понять наконец, что нам, казакам, абсолютно необходимо сохранить все живые и преданные Казачьи силы, поддерживать и ободрять могущих что-то сделать и делающих, а не обескураживать их своей выхолощенной критикой, которая, кроме вреда, ничего нам не дала и не дает. Отрицательное отношение ко всякому начинанию, ко всякому делающему, должно быть оставлено в стороне навсегда. Деятельность простая и прямая, но с любовью в сердце к родному Казачеству, а не кичливая поза претендентов на роль

руководителей и вождей, вот цель для каждого Казака.

Б. Н. всегда руководствовался этой мыслью и при всяких обстоятельствах начинал делать и делал.

Он остается у нас одним из немногих казачьих деятелей с большим жизненным и общественно - политическим опытом, всегда готов и способен выполнять любую роль в деле служения Казачеству. Его энергия, упорство в работе, движимые любовью к Казачеству, могут служить многим из нас примером.

От лица донцов, не потерявших веру в Казачество и надежды на его возрождение, приветствуем маститого юбиляра с 75-ти летием, желаем ему крепкого здоровья, долгой жизни и плодотворной деятельности на благо Казачества.

Франция

Ив. Крюков.

ПО ПОВОДУ «КАЗАЧЬЕЙ ТРАГЕДИИ»

Не так давно под этим названием вышла в США книга бывшего начальника Штаба Войска Донского в Ростове В. М. Одноралова. Книга эта представляет собою воспоминания автора о работе Штаба, о последующем отступлении и деятельности автора в так наз. казачьем стане, под командою Походного Атамана Павлова, а затем Доманова. Книга В. М. Одноралова встретила довольно резкую критику на страницах казачьей печати.

Однако я не собираюсь критиковать книгу в целом, так как знал В. М. Одноралова только по его работе в Штабе, о дальнейшем же только слышал кое что от других. Я хочу лишь дополнить его воспоминания несколькими незначительными фактами.

Прежде всего, подходя к прошлому совершенно объективно, я должен признать, что Одноралов оказался хорошим организатором и администратором и в своей деятельности проявлял большую энергию. Ему принадлежит большая заслуга в том, что он сумел организовать в Ростове Штаб, который был гораздо прочнее и активнее Новочеркасского Штаба, а также сумел установить хорошие отношения с немецким командованием.

Из некоторых замечаний и дополнений к мемуарам Одноралова я хотел бы добавить следующее: Одноралов неоднократно пишет о тех тяжелых положениях, в которые он попадал во время своей эпопеи. Однако он повидимому совсем забыл об одном случае, когда его жизнь действительно висела на волоске. Дело было в Ростове, в Штабе. Я был в кабинете у Одноралова и мы с ним разговаривали. Он сидел за своим столом, я стоял против. В это время в Ростове уже была сформирована казачья «сотня» в составе 350 шашек и ее командиром был назначен некий Шведиков. (П. Н. Донсков в своих воспоминаниях «Дон, Кубань и Терек во второй мировой войне» называет его полковником Шведовым). Во время нашего разговора он впервые пришел в Штаб, представляться. По моим впечатлениям это был молодой человек и, повидимому, не военный. Немцы его хорошо одели в полушубок, сапоги и шапку и дали ему автомат, до войны не виданный в СССР. Автомат висел у Шведикова на груди. Он был счастлив и доволен своим воинственным видом и, особенно, автоматом. Стараясь обратить внимание на себя и, особенно на автомат, он совершенно бессмысленно во время разговора вертел его в руках. В результате грянул выстрел. Пуля ударила в стол буквально под самым носом Одноралова, отскочила и рикошетом впилась в стену. Одноралов откинулся назад, но сохранил полное спокойствие и только сказал Шведикову, чтобы он немедленно прекратил упражнения с автоматом, с которым не умеет обращаться, особенно в комнате, в которой находятся люди. В момент выстрела Одноралов, и в какой то степени и я, находились на волоске от смерти.

В своих воспоминаниях Одноралов несколько раз упоминает о «профессорской группе» при Штабе. Однако деятельность этой группы он хорошенько не знал, т. к. был занят своими делами и в работу группы не вмешивался. В действительности, эта группа официально именовалась «Комиссией по казачьим делам при Ростовском Штабе» и образовалась при следующих обстоятельствах. В доме художника С. Г. К. произошла встре-

ча и переговоры группы каз. интеллигенции с присланным из Берлина для переговоров с казаками майором Кубошом. Между прочим, Одноралов пишет, что переводчицей в этих переговорах была жена С. Г. К. Это не совсем точно. Действительно жена С. Г. К. начала переводить, но после первых двух фраз почему то категорически отказалась и переводчицей до конца совещания была моя жена Т. А. Миллер. Во время этих переговоров Кубош просил нас составить ему краткую записку о Донских казаках и их особенностях. С этого момента и была образована Комиссия. Я составил записку, в соредакторстве с проф. В. В. Б., в объеме свыше 20 страниц машинописи, и рукопись была передана по назначению.

Затем Комисия приняла ближайшее участие в переписи казачьего населения Ростова и один из ее членов — С. Г. К. — ею заведывал и непосредственно ее вел в крупнейшем районе г. Ростова.

Наконец, немецкое правительство, через местную комендатуру, предложило нам разработать и написать подробно, как казачья интеллигенция представляет себе будущее устройство казаков и их Края после ликвидации большевизма в России. Конечно, это была очень большая работа, требовавшая участия многих специалистов по разным вопросам. Я составил с помощью того же проф. В. В. Б. лишь план, тематику этой работы, которая ввиду ее большого объема и ответственности, должна была быть разработана нами в дальнейшем. Этот предварительный план был представлен на рассмотрение и утверждение Комиссии. Это было расширенное заседание, в котором, кроме всех членов Комиссии, принимал участие и В. М. Одноралов и еще какие то казаки, сейчас не помню кто именно, но всего было около 10-ти человек. План был принят и утвержден, с незначительными дополнениями. Я, будучи председателем Комиссии, как и всегда это делаю в ответственных случаях, писал протокол сам.

Обстоятельства сложились так, что, уходя на запад, я смог взять с собой лишь свой портфель, который и набил до отказа. Я взял свои личные документы, некоторые документы моих предков, имеющие исторический интерес, свои записки об археологических исследованиях на Дону и на Днепре. В число этих документов случайно попал и план политического и экономического устройства Дона, принятый нами в последнем заседании Комиссии.

Это заседание было трагическим, оно происходило уже накануне оставления Ростова немцами, когда наш общий конец уже был очевиден. Лишь с небольшими перерывами грохотали залпы немецких тяжелых орудий, отбивавших большевиков от Ростова. От них звенели и дребезжали окна в помещении, в котором мы заседали, однако работа была доведена до конца.

Заседание происходило 23 января, 29-го я выехал из Ростова с немецкими частями, отходившими с Кавказа, а в начале февраля Ростов был уже занят советчиками.

План организации Донского Края, принятый в последнем заседании Комиссии, для настоящего времени представляет собою исторический документ, характеризующий политическую мысль и стремление подсоветской казачьей интеллигенции, и, в этом смысле, он может в дальнейшем быть использован будущими каз. историками. Поэтому я позволю себе привести его здесь дословно:

«Вопросы, подлежащие обсуждению Коммиссии по казачьим делам при Представительстве Штаба Войска Донского в Ростове. Приняты в заседании Коммиссии 23 января 1943 г.

1. Границы земли Войска Донского. Округа, исторические, природные, экономические обоснования границ и районирования. Карта распространения казачьего и неказачьего населения. Главный город, города области, окружные города и станицы, хутора, села, юрты, волости. Присоединение к Области городов Царицына, Бахмута и Юзовки (Сталино).

2). Права гражданства в земле Войска Донского. Порядок принятия в казаки. Исключение из гражданства и из казачества.

3). Самоуправление Войска Донского. Войсковой Круг, станичные сборы, сельские и хуторские сходы.

4). Организация управления. Атаманы Войсковой, Походный, Окружные, станичные, хуторские. Станичное правление. Волостные старшины. Волостное правление. Сельские старосты. Полиция и полицмейстеры, пристава, заседатели, урядники.

5). Войсковое областное Управление. Комитеты, Управления и Отделы. Атаманская канцелярия. Народное образование. Сельское хозяйство. Горный Комитет, Лесной, Здравохранения, Промышленности, Торговый, Межевой, Статистический, Картогра-

фический, Путей сообщения, Связи (Почта, телеграф, телефон, радио).

6). Судебные установления. Судебная Палата, Окружные суды, Съезд Мировых судей, Станичные и Волостные суды. Прокуратура, адвокатура. Тюремное ведомство.

7). Народное образование. Высшие учебные заведения, средние и низшие. Научно-исследовательские учреждения, музеи и библиотеки. Театры и зрелища. Правительственные издания (печать).

8). Церковь, ее организация и управление. Инославные и иноверческие исповедания и секты.

9). Общественное призрение, дома для инвалидов и престарелых и другие формы социального обеспечения.

10). Землевладение и землепользование. Земли войсковые, юртовые, общественные (городские и сельские). Частное землевладение. Домовладение и усадьбы. Донской казачий земельный банк.

11). Сельское хозяйство. Колосовые культуры. Интенсивные культуры (табак, кенаф, подсолнух, лекарств. растения).

12). Садоводство и огородничество.

13). Виноградарство и виноделие.

14). Скотоводство крупное и мелкое.

15). Коневодство.

16). Рыболовство и охота.

17). Пчеловодство.

18). Сельско - хозяйственная промышленность: кожевенная, консервная, спиртовая.

19). Горные промыслы и промышленность добывающая.

20). Промышленность обрабатывающая, тяжелая и машиностроение.

21) Промышленность легкая и кустарная.

22). Торговля импортная, экспортная, транзитная и внутренняя. Донской казачий коммерческий банк.

23). Донская армия, флот и авиация. Воинская повинность.

24). Герб, печать, знамя и форма Войска Донского.

Председ. М. Миллер.

***

Приведенный выше план являлся лишь предварительным. Он не имеет достаточно стройной и четкой структуры, кое что в нем может быть пропущено или недоработано, в приведенных темах заметна некоторая диспропорция и т. д. Но эти недостатки были обусловлены той обстановкой, в которой план составлялся, обсуждался и принимался. Через город шли бесконечные вереницы немецких военных машин, отступавших с Кавказа. Днем все время грохотали тяжелые орудия, отбивавшие большевиков от Ростова. Ночью же на город падали советские бомбы и каждую ночь в город могли ворваться большевики или перерезать путь к отступлению на запад.

Конечно, если бы обстановка сложилась иначе, план получил бы свое дальнейшее развитие, разработку и через Войсковой Круг проведение в жизнь. Но теперь, через 17 лет после всех событий того времени, от всех наших стремлений, трудов, заседаний, обсуждений и дискуссий, остался лишь измятый, пожелтевший лист советской бумаги с написанным на ней полувыцветшими чернилами планом.

(Германия) **М. Миллер.**

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Умей же, брат мой, без разбора
Все изумительно любить,
Простить разбойника и вора,
Обиду горькую забыть.
Без опасений, без оглядки
Встречать грядущие года
И не играть с судьбою в прятки,
А быть ей вызовом всегда,
И жадно пить вино любое,
И жить, не ведая грехов,
И видеть небо голубое
И слышать музыку стихов.

II

Мне стыдно поднимать глаза
На самохвальные писанья.
Была гроза, прошла гроза, —
Остались лишь воспоминанья:
И вот, во имя новых гроз,
В молниеносной передышке,
Пиши о том, что перенес
В крови, в слезах, —
не понаслышке.

Париж. **Н. Туроверов.**

КАЗАЧИЙ ДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ.

Правлене Казачьего Союза сообщает казакам ВСЕХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК, живущим во Франции, что после долгих хлопот Правлению удалось добиться согласия высших органов по беженским делам ассигновать сумму, необходимую для покупки и оборудования дома для старых казаков. Требуется в СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ представить список стариков, желающих найти приют в этом доме, поэтому Правление Казачьего Союза просит казаков, а также иногородних, родившихся на территории Казачьих Войск, и всех тех, кто служил в казачьих частях и первопоходников НЕМЕДЛЕНО подать заявление*) на имя Секретаря Каз. Союза Г. С. Новикова по адресу: Novikoff, 61, r. Miromesnil, Paris 8.Те, кто уже подавал заявление раньше, пусть потрудятся еще раз. Старики, уже находящиеся в каком-либо старческом доме и желающие переселиться в свой казачий дом, тоже должны подать заявление немедленно. Они будут зачислены во вторую очередь.

Если все места не будут в срочном порядке заняты казаками, правительство, которое берет на себя содержание пансионеров, может предоставить оставшиеся вакансии неказакам и старикам других национальностей. Право на зачисление на казенное иждивение имеют неимущие старики обего пола, достигшие 65 летнего возраста. Более «молодые» принимаются лишь в том случае, если комисся признает их потерявшими не менее 80 процентов трудоспособности.

*) Указав № беженской карточки.

П. Н. ДОНСКОВ. «ДОН, КУБАНЬ И ТЕРЕК ВО 2-ую МИРОВУЮ ВОЙНУ». Часть I»

Эта книга недавно вышла в Нью-Йорке. Содержание ее автор представляет читателю, как историческую повесть из истории борьбы казаков с большевиками во время 2-ой Мировой войны 1941-1945 гг.

Конечно, в знании правды о событиях и людях во время этой казачьей трагедии казачья общественность насущно нуждается. Поэтому казалось бы, что появление литературы на эту тему не только желательно, но казаки должны благодарить авторов и всячески содействовать ее распространению среди эмиграции.

Однако, для выражения приветствия появлению данной книги и благодарности ее автору у читателя нет оснований. Приводимые им факты не отвечают действительности, а своеобразная оценка им воображаемых врагов является результатом его фантазии, болезненного самомнения и желания выставить себя в роли необычного героя. Если читатель будет читать эту книгу очень внимательно, то он придет к интересным выводам: у него неизбежно сложится впечатление о предвзятой односторонности автора, о чем то недосказанном, о какой то непонятной двуликости его души.

Все время, от 1-ой и до последней страницы, автор занимается самовосхвалением, рекламой величия своей особы, восхвалением своей талантливости во всех областях жизни и т. д. Лейтмотив всей книги: «Я великий человек, я — талант, достойный восхищения, как никто...» Для того, чтобы возвеличить свою личность, свою мнимую роль в истории, автор старается унизить и опорочить всех, о ком говорит, и не стесняется даже лягнуть жизнь свою отдавшего за казачество ген. П. Н. Краснова, писателя с мировым именем, беззаветного казачьего патриота, воистину казачьего вождя...

Конечно, авторы всех мемуаров, которые пишутся через 20-40 лет после описываемых событий, невольно теряют объективность и им начинает часто казаться, что именно они были главными действующими лицами, вокруг которых вращались все остальные «актеры», как планеты вокруг солнца. Однако, автор упоминаемой книги в своем хвастовстве и самовосхвалении далеко ушел вперед. Благодаря такому своеобразному изложению событий, содержание всей книги является не объективной исторической повестью о каз. были, а скучным печальным и неинтересным рассказом автором о своих неудачах, совершенно не связанных с общим казачьим делом. Попутно автор обливает грязью всех, кто с ним не согласен.

В книге ни слова не упомянуто о том, какую роль играл сам П. Н. Донсков и его же-

на до 1942 г. в ст. Н. Гниловской и в Батайске? — Казаки, знавшие их там, утверждают, что жена автора занимала ответственное место, которое могли занимать лишь тщательно проверенные коммунисты. Там же подвизался и сам автор в роли комиссара Союза воинствующих безбожников, при немцах объявивший себя самозванно полковником и заместителем Походного Атамана Павлова, когда в действительности он никогда не был ни тем, ни другим. Но зато обливаются грязью и опутываются ложью все те, кто хорошо знал его в Батайске. Так, полковники Ф. Дьяченко, Тарасенко и Головко обвиняются в тайной связи с НКВД на Кубани. Между тем, полк. Ф. Дьяченко совершенно непричастен к описываемым событиям: от 1941 г. и до половины 1943 г. он служил в Русском Охранном Корпусе в Югославии. Старый эмигрант с 1920 г. и до мая 1943 г. он жил в Белграде, затем был командирован на Восточный фронт и приехал в Симферополь лишь в июле 1943 г.

Полк. Тарасенко первым пал смертью храбрых в английском лагере в Шпиталле, перерезав себе вены 29 мая 1945 г. Полк. Головко и майор Сюсюкин и поныне находятся на каторге в лагере Кингир в Караганде со сроками по 25 лет заключения. Полк. Кочконогов повешен в феврале 1947 г. в Бутырской тюрьме в Москве. Если бы эти люди были действительно агентами НКВД, то их бы сов. власти так не осудили. Действительных агентов НКВД англичане одних оставили в Лиенце, а других, выданных ошибочно, советчики вызвали ночью в Юдинбург и освободили.

Казачья общественность и будущие историки смогут простить автору многое, несмотря на малоправдивость его изложения, понимая, что его неуравновешенная психика, в которой злоба преобладает над разумом и объективностью, были обусловлены его карьеризмом во время войны с болезненным честолюбием. Но клевету на честных людей, кощунство над памятью покойников, издевательство над судьбой беззащитной казачки вдовы покойного Духопельникова не простят.

Все вышеизложенное, в своей совокупности, для читателей книги г. Донскова является напоминанием о необходимости глубже, серьезнее и осторожнее подходить к оценке наших каз. деятелей в прошлом, которых автор чернит и распинает, чтобы скрыть свое прошлое и выдвинуть себя на первое место, которое он никогда и нигде не занимал. Автор не упоминает о том, как он разлагал каз. части, настраивал казаков против офицеров, как он за это был посажен при немцах в тюрьму, а в дальнейшем был заключен в концлагерь. После капитуляции Германии и своего выхода из лагеря, г. Донсков обманывал казаков, о чем до сих пор говорят лица, знавшие его и попавшиеся на его удочку. Находясь в лагере беженцев в Шляссенгайме, он выманивал деньги у казаков под предлогом отправки их в Америку. Собрав свыше 15-ти тысяч марок, г. Донсков со своей супругой укатил в США, а обманутые казаки и поныне ждут своей отправки в Америку.

Германия. **А. Протопопов.**

КНИГА.

П. М. Аврамову.

Вернуться на Дон бы правдивою книгой
О том, как томились, мечтая о нем.
Разлука, разлука — татарское иго
С его сыромятным тяжелым кнутом.
Неволя для нас не осталась бесплодной —
Сильней и вернее мы стали любить,
И чувства широкой рекой полноводной
Дарили возможность и жить и творить.
Когда нибудь там казачата родные
Нездешнюю книгу прочтут и не раз
И скажут: «Они так любили Россию,
Наш Дон, нашу землю и будущих нас».
Добавят, что книга написана белым
Соратником дедов в Задонских степях,
Где пули свистели и шашка звенела
И кровь каменела в сухих полынках.
Понять ли другим наше счастье казачье —
Остаться навеки в душе казаком?
А время наметом без удержу скачет...
Все дальше и дальше родительский дом.

Франция. **Н. Евсеев.**

ДВА ЮБИЛЕЯ.

В январе месяце с. г. при переполненных залах состоялись два концерта хора Донских казаков С. А. Жарова. Каждый год алый лампас жаровцев появляется на лучших сценах европейских столиц и крупнейших городов всего мира, за исключением, конечно, стран с коммунистической диктатурой, и всюду и всегда хор С. А. Жарова имеет громадный успех. В этом году исполнится 40-летний юбилей деятельности хора, давшего за это время около 9000 концертов. Не будем останавливаться на музыкальных достоинствах жаровского хора, предоставив это знатокам музыки и пения и музыкальным критикам, но отметим, что за последнее время заграницей перебывало много советских музыкальных ансамблей, однако такого успеха, как жаровцы, они не имеют. Нужно указать и подчеркнуть громадное культурное значение концертов С. А. Жарова. Ведь большинство публики, посещающей их — иностранцы (нас, ведь, своих становится все меньше и меньше), и благодаря Жарову они узнают, что казаки не дикари, не варвары, а люди, имеющие свое искусство, свою культуру. Поговорите с французом, немцем, интересующимися музыкой и театром, о русской песни, и они неизменно свяжут ее с Донским хором С. А. Жарова.

Но, оказывается, и в Сов. Союзе не забыли о казачьих песнях, о казаках. Один из читателей «Род. Края» прислал вырезку из газеты, выходящей в Ростове, с большим очерком «Лейся, песня казачья, над Доном...», начинающуюся словами: «В марте этого года Ансамбль песни и пляски Донских казаков будет отмечать юбилей — двадцатипятилетие своей творческой деятельности». К очерку приложены две фотографии: на одной хористы в казачьей одежде, с лампасами, в фуражках с цветным околышем, хористки одетые по «станичному», на другой — лихо отплясывается казачек.

Автор очерка П. Лысоконь, художественный руководитель Ансамбля, пишет: «Четверть века — срок немалый. Но и ансамбль сделал немало за это время. Он по несколько раз выступал перед трудящимися всех республик Сов. Союза. От Еривана до Мурманска, от Калининграда до Сахалина — на этих просторах нет ни одного крупного промышленного города, где бы ансамбль не воспевал дела трудящихся нашей области, красоту донских степей, ширь спокойной казачьей реки».

Далее следует обычный «реверанс» в сторону Хрущева, перед которым Ансамбль выступал в августе 1959 г., когда Хрущев гостил у Шолохова в станице Вешенской.

Заканчивает свой очерк Лысоконь так:

«Дон богат талантливыми певцами и танцорами. За период 25-ти летней творческой жизни Ансамбля в нем воспитались замечательные исполнители. Просматривая страницы истории Ансамбля, с хорошим чувством вспоминаешь о тех, кто своим талантом буквально украшал коллектив. Это прежде всего певцы: Харченко — ныне руководитель Азовского Ансамбля, Войтенко — теперь солист Ленинградской капеллы, Греков — солист Ериванского оперного театра, Ейбоженко — солист всесоюзного радио; танцоры: Князев — ныне заслуженный артист УССР, Буряченко — солист Краснознаменного ансамбля песни и пляски Сов. Армии и многие другие. Все они начали свою творческую деятельность у нас в ансамбле.»

«Накануне предстоящей гастрольной поездки по крупным городам страны и в Москву мы обогатили свой репертуар новыми хоровыми произведениями и танцами. Неисчерпаемым родником для нас являются народные казачьи песни, записанные неутомимым собирателем Александром Михайловичем Листопадовым, и произведения о Доне, создаваемые современными композиторами и поэтами. Песни «Ой, веселитесь, казаки лихие», «Девушка крапивушку жала», «На тихом Дону ныньче нет тишины», «Под Новочеркасском» и другие, а также танцы «Донцы-молодцы», «Казачья свадьба», вошли в наш новый репертуар и тепло принимаются зрителями в концертах, которые состоялись в январе 1961 г. в Ростове, Белой Калитве, Каменске и других городах области».

Казалось бы, все обстоит благополучно и нормально: на Дону образовался хор донских казаков, поющий казачьи песни и дающий концерты во всех городах Сов. Союза...

Но обратим внимание на приводимые фамилии главных певцов — мало из них казачьих — и посоветуем читателю перечесть очерки «По подсоветскому Дону» проф. М. А. Миллера («Род. Край» № 22, 23), бывшего непосредственным свидетелем создания в 1935-37 гг. так называемых казачьих хоров, где не было ни одного казака.

Зная непримиримое отношение большинства казаков к коммунистическому учению, к коммунистической диктатуре и отношение сов. власти к казачеству (достаточно вспомнить страшные 30-ые годы, последнюю войну), и будет логично сделать вывод, что сов. власти, опытные в пропаганде и не стесняющиеся в средствах, решили эксплуатировать «имя казачье», казачью славу, казачье искусство, создав для этой цели Ансамбль песни и пляски донских казаков.

В своей статье П. Лысоконь упоминает о «неутомимом собирателе народных каз. песен А. М. Листопадове». В 1949-55 гг. в Москве «Музгизом» были изданы 5 томов «Песен донских казаков», собранных казаком Екатерининской (ныне Краснодонской) станицы Алек. Мих. Листопадовым (род. 1873 г., ум. 1949 г.). Издание хорошее, с нотами, историческими комментариями, с многочисленными статьями, содержащие около 1200 дон. каз. песен. Песни классифицированы по отделам: былинные, исторические, военно - бытовые внешнего быта (походные, боевые), отдельно выделены «песни советского Дона», внутреннего домашнего быта (семейные, хорсводные, плясовые). Последний том посвящен «казачьей старинной свадьбе на Дону».

«Песни сов. Дона» в большинстве не являются новыми произведениями: напевы остались прежними, записанные Листопадовым еще задолго до революции и сложившиеся еще значительно раньше. Иногда лишь самый текст, а чаще всего лишь отдельные слова, чаще всего имена, заменены.

Вместо Платова — Буденный, Сталин, Ворошилов...

Знаем, знаем, где Буденный...
Знаем, где его сыскать...

Но напрасно читатель будет искать во всех 5 томах нашу старинную песнь, ставшую гимном: «Всколыхнулся, взволновался...»

Всеми силами, всеми возможными средствами, лестью, ложью сов. власть старается убедить в существовании советского казачества. Но она старается игнорировать одно, что настоящий казак, по своей натуре, по своему «нутру», по своему отношению к личности человека, к понятиям чести, свободы физически не может примириться с бесчеловечной коммунистической диктатурой.

Париж. **Эльмут.**

ПЕРВАЯ НАША ВСТРЕЧА С ДОНЦАМИ.

(Из брошюры № 2-й — полк. Елисеева, Кубанского Войска, «Наш полк в месяцы революции 1917 г.»).

Стоять биваком в палатках в сосновом лесу под Двинском, при песчаной почве, было приятно. Сейчас в полках нет никакой службы. Рядом тянется шоссе на Двинск. По шоссе тянутся скучные войсковые обозы. Без дела скучают казаки. Вдруг слышится хор трубачей. Идет, видимо, каваллерийская часть, т. к. хор играет «не в ногу».

Из леса, из-за поворота дороги, действительно показалась конница. Впереди — старшие офицеры, за ними хор трубачей на одномастных лошадях, а дальше — колонна — строем «по-три». Наши казаки из леса быстро подошли к шоссе, рассматривая, ими до сих пор невиданную, славную русскую регулярную конницу.

Офицеры на отличных лошадях, в хорошей посадке, но как будто скучные. За ними следуют драгуны. Революция коснулась и их: драгуны сидят в седлах небрежно; распущены поводья; пики небрежно брошены за спины «на бушлатах», которые как бы тяготят драгун. Так же небрежно брошены за спину и эскадронные цветные значки. Небрежно брошены и фуражки на головы. И офицеры - кавалеристы и драгуны — как-то безучастно смотрят на наших казаков, как и наши казаки также безучастно смотрят на проходящие эскадроны, а что думает каждая сторона — я не мог изучить за те долгие минуты, а может быть и за час времени, когда прошли мимо казачьего бивака три полка русской каваллерии.

Разочарованные, некоторые казаки повернулись и пошли к своему биваку, как из-за того же поворота дороги, из леса, вдруг мол-

ча показалась новая голова конной колонны

Что сразу же бросилось в глаза, это — резкая разница в движении лошадей и в посадке седоков: смелый шаг, смелый взгляд лошадей, «просящих повода». Седоки — прямая посадка в седле, упор на-повод. Фуражки чуть на-бекрень и, с левой стороны, выхрастые чубы. Лица всадников молодые, с острым взглядом, смуглые загорелые лица. Красный лампас на шароварах резнул всем нам наш глаз.

«ДОНЦЫ-Ы:»... пронеслось по шпалере наших казаков, стоявших на песчаных возвышенностях и шоссе и, словно по электрическому току, пронизило всех то родное и так близкое каждому казачьему сердцу — «ИДУТ НАШИ, СВОИ КАЗАКИ!» и — «УР-РА-А!... УР-РА-А!» — заревели наши казаки, схватили с голов свои папахи и вороньми крыльями замахали ими в воздухе. Некоторые же, от восторга, бросали их вверх. Донцы не остались в долгу и, без команды, ответное УРА и маханье фуражками, взволнованность лошадей под седоками — были приятным ответом нам, Кубанцам.

Так приятно забилось сердце, видя эту трогательную картину братского приветствия между кровными Казачьими Войсками и так еще сохранившийся воинский вид Донского казачьего полка.

— Я оглянул нестройную массу своих казаков - кубанцев и тут же перенес свой глаз на Донцев. Какая разность во внешности!

Наши казаки одеты во что попало: в бешметах, в гимнастерках, в черкесках и в полушубках нараспашку и в разного цвета и размера папахах — они не имели воинский вид, это было понятно — они были на отдыхе... У Донцев же — казак к казаку в обмундировании. Все у них однообразно. Даже и лошади в сотнях разбиты по мастям. Видно было, что над этой воинской частью кто-то «работал». Или так принято в Донском Войске.

***

Военный министр генерал Сухомлинов, в своем большом труде уже за границей, писал, что: — «Придание к каваллерийским дивизиям по одному казачьему полку имело целью — привить каваллерийским полкам казачье молодечество, а казачьему полку дать больше «регулярности».

Это и шел один из Донских полков, приданный »четвертым» к каваллерийской дивизии.

США **Полк. Елисеев.**

ПЕТЬКА.

Я знаю, что Петька совершенно безкорыстно любит меня. Вернее, он меня обожает и я даже понимаю, почему он так относится ко мне: во-первых, я старше его на три года, во-вторых, ношу темносиние погоны с красным кантом и вензелем А-III, а, самое главное, в официальных случаях появляюсь всюду при шашке. «Ваня, ты — кадет!», говорит Петька, делая сильное ударение на слоге «Ва» и произнося его немного в нос. От этого у Петьки на переносице набегают тоненькие морщинки и глаза его слегка жмурятся от восторга.

Петька — из бедной, но очень достойной казачьей семьи нашей же станицы, расположенной по берегу Азовского моря между Таганрогом и Мариуполем. Маленький домик с соломенной крышей, в котором он живет с матерью и младшими ребятишками, невдалеке от нас. Все у Поповых — забор, дворик, амбар и пр. — содержится в большом порядке и чистоте. И все у них идет как-то ладно и чинно: кроме радостных криков или короткого рева детишек, хозяйственного лая собак, там никогда не услышишь ругательного слова, ни одной злобной фразы. Хозяйка — мать говорит коротко, чаще всего обращаясь к Петьке, а Петька только отвечает ей: «Так, маманя... хорошо.. чичас управлюсь».

Хозяина настоящего в доме нет: накануне войны бравый урядник Попов на смерть разбился в полку на джигитовке. Мать, как могла, стала сама поднимать на ноги малолетних детей. Ей было очень трудно, но тут, Слава Богу, успел подрости Петька и стал

ей хорошим помощником, заменяя во многом по хозяйству отца. А мать предпочла остаться вдовой и равнодушно «отшивала» местных красавцев - ухажоров, пока они не оставили ее в покое, а потом даже и прониклись к ней настоящим уважением.

Моя дружба с Петькой завязалась просто: Петька каждое утро приносил нам свежее молоко от своих коров и из него наша сторожиха Гликерия Ивановна готовила сама кислое молоко и необыкновенно вкусный каймак. Петька приходил рано, на восходе солнца, когда мы с братом и приятелями-казачатами прямо с постели уходили купаться в море, тут-же под обрывом. И когда мы возвращались домой, Петьки уже не было. Таким образом я знал о его существовании, но долго не мог встретиться с ним. Но както раз Петька пришел с запозданием и тогда я увидел его впервые: маленький, сухощавый, с волосами совершенно выжженными солнцем и с темной кожей от степного загара, Петька казался мальчиком лет десяти. Он был босиком, в черных коленкоровых штанах и такой-же рубашке, подхваченной кожаным кушаком с металлической пряжкой. Его серо-голубые глаза, смотрели совсем по детски и на все отвечал он с улыбкой, зажмуриваясь как-бы от удовольствия.

Петька разговаривал с моей матерью, стоя смирно, но от волнения он иногда мял в руках свой черный картуз с надломанным козырком и немного дрожал ножкой. Несмотря на это, на все вопросы он отвечал быстро, деловито и толково.

Петька украдко оглядывал наш фруктовый сад, всегда содержавшийся в безупречном порядке, и, видимо, приходил от него в восхищение. Заметив, что он любуется вишней, отяжелевшие ветви которой стелились до самой земли, я взял его картуз и, наполнив последний до верху душистыми вишнями, поднес его Петьке. Мальчик так был поражен и расстроган, что чуть-чуть не прослезился от волнения. Он прямо священнодействовал над вишнями: осторожно, двумя только пальчиками, брал одну за другой и, отставляя другие пальчики наотлет, подносил их ко рту. А лицо его сияло умилением и лаской...

Позже, каждый раз, когда Петька заставал меня дома, он уходил от нас с полным картузом то вишень, то абрикосов, то яблоков. И так мы незаметно стали друзьями. Но много времени мы не могли оставаться вместе. Петька всегда спешил домой, где ему надо было починить то шлею, то ведро, сбегать в лавку за покупкой, присмотреть за малышами и т. д. Да и у меня была своя жизнь: итти играть с приятелями или удить рыбу на речке, а порой с казаками-рыбаками на баркасе поверять их сети, поставленные в заливе. Таким образом, время мое тоже было заполнено.

Однажды Петька с таинственным видом отвел меня в угол сада и там тихо сообщил: «Ты знаешь, Ваня, тут недалеко от Вас живет Морозов, старый гвардеец, кажись вахмистр... богатый... хозяйство большое. Много берет он рыбной ловлей. Он ходит и на «пузанк». («Пузанок» — рыба размера крупной кильки. Втечении недель трех ловля пузанка разрешена казакам станицы в заливе около Кривой Косы, куда эта рыба заходит в огромном количестве из открытого моря. Пузанок солился и коптился на месте и отсюда ящиками расходился по всему Дону).

«Каждый год, как пойдет, за две-три недели загребет столько, что потом может ничего не делать почти целый год. Казаки говорят, что пузанок уже идет и скоро начнется улов... Морозов начал набирать артели. На лямках можно заработать хорошо. Пойдем к Морозову: может быть, он и нас возьмет на несколько дней. Хотелось-бы мамане помочь, да и дюже интересно с казаками на море. Да вот, как это устроить? Ты еще молодой и я маленький, а Морозову нужно силища»...

Я начал отнекиваться, говоря, что эта затея меня не интересует, но Петька стал сразу такой грустный, что у меня сжалось сердце. А тут подошла моя мать и, увидев Петьку совсем расстроеным, спросила, в чем дело. Я все ей рассказал. К моему удивлению, мать улыбнулась: «А почему в самом деле не поехать обоим на Кривую Косу хотя бы на несколько дней? Это должно быть и весело, и очень занимательно. Если надумаешь, я напишу записку Морозову. Он мне не откажет. А мать Пети я уговорю сама отпустить его с тобой».

Я подумал и согласился...

***

Мы нашли Морозова в глубине его сада. Большой, дородного вида Морозов, с густыми седыми волосами и аккуратно расчесанной бородой, сидел со своим соседом, такимже большим и широкоплечим казаком, за некрашенным столом, в тени развесистой яблони. Стол был покрыт газетами, и около

каждого из них лежала груда скорлупы от раков. На земле же рядом стояло начатое ведро с ярко-красными большими раками и высокая бутылка водки. Приятели «закусывали» и степенно обсуждали свои дела, чокаясь и отпивая водку из чайных стаканов.
Морозова уговорить было нетрудно. Прочитав записку матери, он не спеша вытер усы и губы, сначала куском газеты, потом ребром ладони и сказал: «что-же, хорошо, приму в артель на лямки, хотя работа и не по вас. Только, чур, не надорваться. Случаи такие бывали... Заработок от улова, но вас не обидат: мои люди все там сурьезные и справедливые. А когда устанете, уйдете сами... Только вот за тебя боюсь, шелкопер», обратился он к прятавшемуся за моей спиной Петьке: «чего доброго, наденешь лямку, поднатужишься, да и выскочишь из нее... Она-то пошире тебя»... Морозов добродушно улыбнулся.

Петька вспыхнул и вышел вперед: «Вы не сумлевайтесь: я хоть росту и малого, да зато вот какой си...и....льный!». И Петька, сделав серьезное лицо, гордо поднял голову и выпятил грудь.

В один из ближайших дней мы с группой казаков, на линейке, выехали под вечер на Кривую Косу. До нее было всего лишь семь верст.

Вечером со своею артелью мы сидели вокруг большого костра, разведенного у самого моря, и переговаривались между собой. Потом ели до отвалу из общей миски деревянными ложками, розданными нам поименно старшим артели. Наконец, все улеглись спать, тут-же около костра, прямо на теплом песке. Старший советывал артели не шалить и отвалиться на сон поскорее, потому «жара» всем будет сильная, и начнется она еще ночью.

Так оно и произошло. Яркие звезды еще трепетали на черном небе, когда нас подняли. Сразу закипела работа, и скоро весь берег залива, покрытый людьми и кострами, пришел в движенье. Но не было ни суматохи, ни криков. Лодки разных артелей попарно, в назначенном местным начальством порядке, выходили с сетями на середину залива через определенные промежутки времени. Там они становились позади ранее пришедших. Потом парные лодки расходились в стороны, выпрастывая сеть во всю ее ширину. Поставив сеть, лодки начинали движение к берегу, таща с собою концы сети. Это длилось добрых часа два. Артель же на берегу не была занята ничем серьезным, а, главным образом, поджидала концы с лямками. Но когда подошедшие на веслах обе лодки передали на берег концы с лямками, «жара», действительно, сразу началась. Все слышали, насколько изнурительна работа бурлаков, а я прибавлю, что, налегая на лямку, продвинуться с нею в один прием больше нескольких сантиметров — целая мука и подвиг. Через четверть часа все уже были мокрые от усилий и пота.

Петька шел где-то в хвосте, на другом крыле сети, и я не видел его до тех пор, пока не стало светать. А за это время — около часа работы — мы продвинулись всего, быть может, метров на пять!

Старший артели уже подбадривал людей, отпускал шуточки и следил, чтобы никто не оставлял лямки. Петька на свою налегал добросовестно и молчал, ничего не видя перед собой.

Когда совсем рассвело и сеть оказалась метрах в сто от берега, поверхность моря начала как-будто бы кипеть. Чем ближе сеть подходила к земле, тем заметнее становилось это явление: из воды выскакивала мелкая и крупная рыба, стараясь перепрыгнуть обратно через сеть и вырваться на свободную воду.

Около самого берега вода превратилась в сплошную бурлящую массу. Крики казаков на лямках и всех присутствующих усилились и слились в протяжный гул. Над водой, на мелководье, наметилась огромная «лютня», туго набитая рыбой и подходящая быстрее и быстрее... Еще дружнее налегли на лямки и, под радостные крики и уханье, целая гора рыбы была выведена на берег. В живой шевелящейся массе, сверкавшей серебристой чешуей на только что взошедшем солнце, пузанки бились, извивались, подпрыгивали большие сазаны, лещи, окуни, осетры.

К сети быстро подошла артель сортировщиков и носильщиков с плетенными корзинами за спиной. «Красная» рыба уходила в одном направлении; отобранный по размеру пузанок — в другом; сазаны, лещи, окуни — в третьем. Мелкий, живой еще пузанок выбрасывался обратно в море. Маленькие казачата, начавшие подходить из станицы, наполняли брошенной рыбой свои корзины и весело, вприпрыжку, неслись обратно домой. Работа кипела с полным напряжением: менее, чем в полу-версте от берега уже намечалась следующая сеть, и до ее подхода

берег должен был быть совершенно очищенный от выловленной рыбы.

Конечно, нас с Петькой хватило ненадолго и в тот же день мы с ним, счастливые и совершенно изможденные, возвращались в станицу со случайной подводой. Мы чувствовали себя героями: у каждого из нас была одинаковая довольно толстая пачка денег, полученных нами по разделу, в том же размере, что и взрослые рабочие. Тело ныло, в голове звенело, руки и плечи были в ссадинах, но мы оба были очень веселы. Петька улыбался всю дорогу и часто вытягивал из-за пазухи свою пачку заработанных кредитных билетов, повторяя: «То-то маманя будет довольна! Спасибо тебе и твоей мамане, что попросили за меня Морозова!»

***

Как-то Петька отыскал меня дома. Он нерешительно начал: «Я знаю, что ты любишь удить. Но какая это ловля: просидишь целую ночь на Еланчике и придешь домой с одним - двумя сазанчиками! «Подбирать» бычков в море не так уж интересно, а для этого надо еще ждать большого отлива. А на баркасе далеко в море тебя не отпустят... Я знаю одно место. Вот это да! Наш лиман. Вот где рыбы! Тучей стоит... Посидишь часа два и устанешь таскать... Вот тебе крест!» и Петька истово перекрестился: «Так вот, хочешь попробовать — поедем на лиман. Брать ничего не надо. Я — привычнай и все справлю сам. Там надо ночевать, но и об этом не беспокойся: все будет. Я все знаю и все умею сам. Когда мамане захочется рыбки, я еду на лиман один и никогда ничего плохого не было. Но отпустят-ли тебя?»

Мы пошли к матери. Она кое что спросила у Петьки и разрешила мне ехать с ним.

На следующий же день, когда стала спадать жара, Петька лихо подкатил к нашему домику на линейке, запряженной одной лошаденкой. Мне оставалось только обнять мать и подхватить «для кампании и на всякий случай» Семена — моего оруженосца. Семен, сын нашей сторожихи, был моложе меня и отличался исключительной ленью. Он зачастую сопровождал меня в разные места, но интересовался он лишь тем, чтобы искупаться до полной синевы тела, есть все, что попадет под руку, а, главное, спать — где, как угодно и возможно больше.

Я захватил с собой только самые необходимые мелочи и мы тронулись в путь. Несмотря на унылый вид, лошаденка сразу взяла бодрой рысцой и мы покатились по пыльной улице к окраине станицы. Там нас встретила степь широкими волнами ковыля и пестрым ковром травы, перемешанной с полевыми цветами. С обеих сторон дороги то там, то сям намечались бугорки взрыхленной рыжеватой земли. Возле них копошились суслики, тревожно поднимавшиеся на задние лапы, обнюхивавшие воздух и быстро исчезавшие в норах при нашем приближении. Забавно и грациозно, на высоких ножках, большими прыжками разбегались в разные стороны стайки тушканчиков. Издали тянуло свежестью моря. Вверху заливались жаворонки и где-то печально кричали чибисы и одинокие чайки.

К заходу солнца мы приехали на место. Это был совершенно девственный и пустынный уголок. Дорога подходила к самой воде. Вдоль пологого берега лимана, куда только хватал глаз, тянулись пустынные заросли высокого свежего камыша.

Петька, по знакомым ему одному приметам, нашел быстро нужное место, — «мое место», как пояснил он со скрытой гордостью. «Теперь ты, Ваня, погуляй, посмотри лиман, а мы тут с Семой займемся по хозяйству», сказал он и категорически отказался от всякого моего участия и помощи. Он быстро распряг лошадь, стреножил ее и пустил на траву. Потом ловко начал разбирать привезенные вещи, и еще через четверть часа он уже возился у треножника и, припав к земле, раздувал под ним огонь.

Солнце медленно садилось в безоблачном небе. Кругом в степи стояла полная благодать. В прогалине среди камышей виднелся самый лиман. Над поверхностью воды часто выскакивала, играя, рыба и, шлепнувшись обратно, оставляла медленно расходившиеся круги. Вдалеке, вдоль камышей и на открытом месте, сновали стаи диких уток и прочие болотные птицы. Это было настоящее заповедное место, куда казаки наведывались из станицы весьма редко.

Управившись со своими хлопотами, Петька подошел ко мне: «Ну, теперь пойду готовить каюк. Я его прячу в камышах, а то, если кто нибудь уведет его на другое место, тогда прощай!» Петька снял штаны, бросил их на берегу и, подобрав рубашку, перехватил ее узлом на груди. Потом он вошел в воду и исчез в камышах. Некоторое время спустя он появился обратно, но уже стоя на легком каюке и отталкиваясь шестом.

«Осталось поставить переметы, а вентеря

мы посмотрим завтра», крикнул он издали и поплыл в сторону.

Петька в сумерках вышел на берег. Мы вытянули немного каюк на песок и снесли в него все, что было нужно на завтра. Потом все уселись у костра.

Петька все время хлопотал и я им любовался: действительно, он все умел и все знал. В этом отношении он, безусловно, оказывался на много лет старше меня. Куда мне было равняться с ним, мне, избалованному и изнеженному обстановкой благоустроенной городской жизни! Семен же относился ко всему безразлично и, видимо, только ожидал еду. Он сидел молча, равнодушно изжевывая одну за другой травинки.

Наконец, Петька торжественно объявил: «Можно вечерять». Семен сразу подналег на дымящийся борщ и забыл обо всем остальном. Отстав последним от котелка, он вымыл свою ложку в лимане, вытер ее пучком травы, а потом, расстелив свое одеяло около самого костра, улегся. Через несколько минут он уже спал. Петька собрал морщины на носу, подмигнул мне в его сторону и предложил чайку.

Отхлебывая из жестяной кружки морковный чай, Петька говорил мне: «Тут для того, кто любит быть один, — лучше всего! Рыбы уйма, утром увидишь сам. Только пахнет она тиной: в лимане-то воды немного, на чистом месте будет только — только с головой. Рыба-то из моря заходит сюда и стоит и мечет икру... Птицы тоже — целые тучи. Даже лебеди есть, но казаки их не трогают: не полагается, значит, по казачьи бить лебедя... Появился как-то в станице один охотник. Ну, как будто приехал в гости. Узнал он где-то, что есть у нас вот этот самый лиман, и поехал сюда охотиться. Вернулся в станицу с кучей птицы, а в ней большая лебедь... Так вот, как только казаки узнали об этом, то задали ему такого, что он потом без пересадки несся обратно до самого Таганрога!.. Лебедь — птица наша, душевная. Казаки любят и уважают ее. Не дай Бог, убьешь — обидишь всю станицу... Лебедь — птица безгрешная и потому она такая белая...

А вот завтра, значит, дашь лески от удочки до поплавка, не больше пол аршина, а от поплавка до крючка еще в два раза меньше»...

Я недоверчиво взглянул на Петьку. «Правду говорю», подтвердил он: «да не зевай; как поведет поплавок, тяни, не жди: солнце встанет, сможешь сматывать удочки, — клевать, как обрежет».

Мы поговорили еще и потом улеглись невдалеке от костра: я — на одеяле, постланном прямо на траве, и укутавшись в простыню от комаров и мошек до кончика носа; Петька — на попонке и прикрывшись старым отцовским чекменем. Семен-же остался около костра. По его лицу лазили букашки, паучки, подпрыгивали маленькие кузнечики, но он только шевелил губами, бровями и носом и продолжал свой богатырский сон.

***

Петька разбудил меня, когда над горизонтом стала еле-еле намечаться сероватая полоска наступающей зари. Семен крепко спал и мы его не будили: распорядок утра ему был сообщен накануне и по нему Семен оставлялся на берегу присматривать за лошадью и вещами до нашего возвращения.

Наскоро умывшись и напившись чаю, мы сели с Петькой в каюк. Я устроился с удочками и банкой крупных червяков на самом носу; он же на более широкой корме, с шестом в руке. Между нами стояло большое ведро и, на всякий случай, лежали два коротких весла.

Петька снял картуз, перекрестился и, столкнув каюк в воду, налег на багор: «Пошли! В добрый час!»

По прогалине в камышах мы вышли на чистое место. Там Петька остановился, осмотрелся, подумал и затем, поплевав на ладони, сказал: «Вон там направо будет хорошо». Ловко отталкиваясь шестом, он стал пересекать лиман.

Вскоре мы подошли к высокой непроницаемой стене камышей. Петька, выискивая в ней просветы, вталкивал в них каюк насколько возможно глубже, но, в конце концов, остановился. Теперь камыш облегал нас плотно со всех сторон. Но, подламывая его большими пучками и держась за них обеими руками, мы по общей команде продолжали втаскивать каюк в заросли. Наконец, мы остановились совсем.

«Ну, теперь я отдохну, а ты начинай», сказал тихо за моей спиной Петька. В полутемноте наступающего рассвета я насадил червяка и, лавируя им между стеблей камыша, осторожно поставил удочку. Прошло несколько томительных минут и, вот, мой поплавок медленно пошел в сторону и затем вниз. Я осторожно поднял удочку: на крючке трепыхался фунтовый сазан. Петька снял его и отправил в ведро с водой. А дальше пошло: каждые две-три минуты, как только

я опускал удочку в воду, «брался» новый сазан. Петька только успевал снимать их и бросать в ведро. Я был в полном азарте.

Когда совсем рассвело, мою удочку так дернуло, что я чуть-чуть не выпустил ее из рук, и началась борьба.

Петька с волнением следил за ней. А когда над водой появилась большая голова шестифунтового сазана и рыба с трудом перевалилась через борт на дно каюка, Петька не выдержал и захлопал от восторга в ладоши.

К восходу солнца наше ведро было наполнено рыбой до краев, а та, которой не хватало места, плескалась в лужице воды на дне каюка.

Дымка тумана над лиманом стала рассеиваться. Повеяло теплом. Мы решили кончать ловлю.

С трудом, немилосердно обрезывая себе руки камышем, мы, наконец, выбрались из чащи и пошли к берегу. Петька по пути завернул еще к своим двум вентерям, но нашел в них только одного хорошего окуня, да несколько больших красноперок.

Петька был недоволен: «Кто-то уже был на моих вентерях», пояснил он, «я даже знаю кто, а поди теперь докажи... Ух, ты...» и Петька добавил непечатное ругательство.

Мы возвращались очень довольные. Утро было ясное и безветренное. Степь казалась недвижной и отдавала воздуху ароматы полыни и чебреца. Слева вдали намечалась Кривая Коса и серебрилось Азовское море. Лошадка Петьки бежала домой бодро, опять поднимая вдоль дороги тех же чибисов, тушканчиков, сусликов. И так же в гимне наступившему июльскому дню степь была наполнена разными звуками и пением птиц.

***

Мы стали с Петькой еще бóльшими друзьями. Но на следующий год нашей дружбе пришел конец и не по нашей вине, а в силу чисто исторических обстоятельств.

Петька за год немного подрос, возмужал; но внешне в общем остался прежним. Мы виделись с ним часто, как и в предыдущее лето, но в этот 1919 год в моей голове бродили особые мысли. И вот, добившись благословения у матери, я объявил Петьке, что через несколько дней уезжаю добровольцем на фронт. Петька выслушал меня и как-то сразу посерел. Он опустил голову и молчал. Потом, коротко вздохнув, сказал: «Дай Бог тебе удачи! Будь осторожен и благополучно возвращайся обратно». Неловко отвернувшись в сторону, Петька поправил картуз, быстро взглянул на меня и бросился домой бегом.

Когда за мной приехала подвода, на которой уже сидело несколько добровольцев — партизан, Петька уже был у нас. Он заметно нервничал и все время мял край своей рубашки. Мое прощание с матерью и близкими было очень коротким, но, когда я подошел к Петьке, он съежился, сморщился и обеими руками вцепился в меня.

Приподнявшись на цыпочки, он, в горячем дыхании и торопясь, прошептал мне: «Я так бы хотел с Вами. Я не боюсь... И я мог бы пригодиться на войне... Да не можно мне: не могу бросить маманю одну с ребятами... И маманя сказала, что я малолетний, а потому если убегу, все равно потребуют меня обратно... А на войну надо ехать по-хорошему... Прощай!» И Петька, с брызнувшими слезами, бросился ко мне на шею, потом резко оторвался и отошел в сторону, закрывшись рукой.

Подвода тронулась... Долго уходила назад стоявшая около нашего домика группа провожавших меня. Дольше всего я видел белую фигуру моей матери и рядом с нею маленький черный силуэт Петьки, истово махавшего мне на прощание картузом... Увы, на всю жизнь!

Париж. **И. Сагацкий.**

ДРИНСКИЕ ДОСУГИ.

(из жизни 2-й юнкерской сотни 1-го полка Русского Корпуса в 1942 году.)

Потемнел небосвод. Причудливыми зубцами обрисевываются на нем, почерневшие в летнем сумраке, вершины боснийских гор. Белая вуаль тумана спустилась в долину, распростерлась над поверхностью обмелевшей пограничной реки.

В окнах сельских домов приветливо зажглись огни. Тихо и безлюдно на белом

пыльном шосе, лишь иногда пройдет патруль сербских пограничников, перебрасываясь паролями с русскими постами.

Вдалеке за рекой, на хорватской стороне, иногда слышна перестрелка. На нее никто не обращает внимания: мало ли что там происходит? — Дерутся ли «усташи» с партизанами или четники расправляются с мирным православным населением?

Окончив ужин, чины 3-го взвода рассаживаются на ступеньках лестницы, ведущей в помещение, и, вдыхая вечернюю свежесть, слушают повествования неутомимого рассказчика — Микиты Адриановича.

Микита Адрианович — пожилой казак Кубанского Войска, хорунжий царского времени, был обозником юнкерского батальона 1-го полка Русского Корпуса (впоследствии 1-ый полк им. ген. Зборовского). Своей коренасто-несуразной фигурой, обросшей волосами и там, где им, кажется, не полагалось бы расти, он резко выделялся на фоне молодых и стройных юнкеров. Не велики были и обязанности Микиты Адриановича: уход за парой лошадей, да раз в неделю съездить в штаб батальона за продуктами. Остальное время он или спал или рассказывал.

— «Так вот, до этой самой войны, был у меня дом в Смедерево в 24 комнаты, в кажной комнате по 24 шкафа, а в каждом шкафу по 24 костюма... каких хошь».

— «А почему, Микита Адрианович, у Вас всего по 24, а не по 30?» спросит кто нибудь шутя.

— «А чтож, я по Вашему врать буду?» — делал обиженный вид рассказчик...

После не долгих просьб, он менял «гнев на милость» и продолжал рассказ:

«Вот я одену клетчатый костюм, набью карманы «бомбонами» (по сербски — конфеты), иду и кушаю. А дивчата ко мне пристают: «Микита Адрианович, дайте одну». Ну, которая мне нравится, — той дам, конечно». Тут обыкновенно какой нибудь «дон-жуан» усумнится в любовных успехах Адриановича. Рассердится рассказчик, да чтоб «ничтожить» окончательно дерзкого, перейдет к воспоминаниям из Первой мировой войны... «Теперь, мол, не то — какие это вояки? — на границе языки чесать. А, вот, на Турецком фронте что было?... Я смерти не боялся. Была у меня бурка волосатая-приволосатая»... при этих словах слушатели с любопытством поглядывали на волосатую фигуру рассказчика. — «так ее пули не пробивали, а запутывались в волосах, как рыба в сетях. Не раз бригадный говаривал: «да ты, Микита, герой. Ишь сколько пуль на тебе: больше, чем звезд на небе»... Да что там бурка. Вот какой у меня винокль был! Как посмотришь в него, — все видать, и за хатой видно. Так бригадный это бывало позовет меня и скажет: «а ну, Микита Адрианович, подывись, што там за хатой?».

«Да.» вздыхал кто нибудь из юнкеров — «вот бы нам такой «винокль», — так мы бы хоть на Тито «подивились, какой он такой есть».

Польщеный Микита углубляется в воспоминания: «А, вот, у моего отца, Царство ему Небесное, была борода! ВО» — при этом он показывал ребром ладони на грудь себе. «Да что там во», еще более вдохновляясь, продолжал Микита: «если бы даже без портков ходил бы, — то спереди срамоты не было б, — борода закрыла б... — «ДА» вздыхали слушатели — «вот бы нам такие бороды! Так нам бы и штанов не надо было бы, не прели бы на походе».

Удевлетворенный завистью юнкеров, Микита медленно поднимался, потягивался, позевывая и почесывая затылок, направлялся в свой угол на покой.

Чикаго. **Беренс.**

УШЕДШИЕ.

† 22 февр. с. г. в г. Гана (Алье, Франция) умер Алек. Трофим. Панфилов, 87 лет, стан. Петровской, Хопер. О-га В. В. Д. Похоронен на местном кладбище.

† 22 марта с. г. скончался Дим. Ден. Карпенко, родившийся в 1874 г., стан. Марьинской Екатеринодар. Отдела К. В. Похоронен на городском кладбище Рив де Жьев (Луаре, Франция).

† 12 марта с. г. после продолжительной болезни в Ницце скончался полк. Терск. Войска Вас. Пав. Бондарев. Похоронен на русском кладбище в Ницце.

† Полк. Моргунов сообщает о кончине от туберкулеза своего станичника войск. ст. Викт. Ив. Сычева стан. Михайловской Хо-

пер. О-га В. В. Д., последовавшей 25 марта с. г. в санат. Франсуа Мерсье в м. Тронжет (Алье, Франция). Покойный принимал участие в борьбе с большевиками со времен Дудаковского восстания в Хоперском Округе. Три последние года находился в санатории.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖЕМ

Редакцией «Род. Края» получены следующие письма с просьбой поместить их в журнале:

Прочитав в журн. «Каз. Ед.» №46 на стр. 27, помещенный протокол сессии «Большого Круга», состоявшегося 17-18-го дек. 1960 г. в Мюнхене, мы настоящим заявляем, что указанного числа на этом съезде присутствовали представители от Казачьего Союза в Германии, Донской и Кубанской Станиц в Мюнхене, исключительно по вопросу создания Европейского Казачьего Объединения на безпартийной платформе, сторонниками которого являемся и мы. А поэтому просим членами созданного правления «Каз. нац. представительства и Каз. нац. комитета» нас не считать, т. к. мы никогда в таковом не состояли.

Германия. **А. Протопов. Ф. Дьяченко.**

⁂

В журн. «Донской Атаманский Вестник» номере 42, на странице 5, напечатана заметка, в которой полковник А. М. Протопопов назван «авантюристом и самозванцем». Зная полковника А. М. Протопопова с самой хорошей стороны, т. к. мы являемся его сослуживцами и по Русскому Корпусу в Югославии и по Казачьему Стану в Италии, мы выражаем свое возмущение по поводу этой безответственной провокационной заметки

Отлично зная полковника А. М. Протопопова, как честного казачьего офицера, мы категорически протестуем против инсинуации в адрес нашего боевого соратника и утверждаем: полковник А. М. Протопопов, будучи на службе в Русском Корпусе, имел чин войскового старшины, был уволен из действующей армии по случаю ранения. В Казачьем Стане в Италии, войсковой старшина А. М. Протопопов был произведен в чин полковника по Казачьему Стану и занимал должность Коменданта штаба. Кроме того полк. А. М. Протопопов имел чин и Майора Германской армии. Состоял на военной службе до 8-го мая 1945 года.

Германия, март 1961 года

Зам. Председателя Каз. Союза в Германии: полк. Смирнов, Секретарь Пашутин Н.

Председатель Союза Казаков воинов в Германии: С. Зотов, Секретарь И. Смирнов.

Атаман Кубанской Станицы в Мюнхене: полк. Дьяченко, Зам. Атамана И. Жыгалка.

Казначей Т. Воронкин, писарь А. Коваленко.

Атаман Каз. Станицы в Лансгуте: П. Говорухин, писарь Н. Долганин.

Атаман Каз. Станицы в Нюрнберге: Ромашков, писарь Орлов.

Атаман Каз. Станицы в Штутгарте: ес. Попов, писарь Белинский.

Атаман Каз. Станицы в Карлсруе: есаул Петровский, писарь хор. Гончаров.

Атаман Каз. Станицы в Франкфурте/М полк. Козорез, писарь есаул Янюшкин.

Председатель Каз. Союза в Австрии: полк. Сомов, Зам. Предс. есаул Калюжный, Секретарь Союза сотник Сабельников.

⁂

● Тяжело заболел член Редакцион. Коллегии «Род. Края» Н. Н. Туроверов, бывший в течении 11 лет председателем Каз. Союза во Франции. По последним сведениям, сейчас наступило улучшение и Н. Н. Туроверов находится в одном из домов отдыха под Парижем. Редакция Р. К. шлет Ник. Ник. свои пожелания быстрого выздоровления.

● В конце августа с. г. Донской Каз. хор С. А. Жарова выезжает в очередное турне по странам Европы и Азии.

● Новинки книжного рынка: новая книжка рассказов П. М. Аврамова: «Никифор Кащеев» (цена 3,50 н.фр. — выписывать через редакцию «Род. Края»), «Кубанский Истор. и Литератур. Сборник» №7 и №8 (выписывать и издателя: Naumenko PO Box 126. Orangeburg. N.Y. USA), «Наш полк в месяцы революции 1917 г.» (выписывать у автора: Elysseev. 502 W. 177 St. Apt. 1c. New-York 33. N.Y. USA), «Альбом Русского Корпуса», изданный Союзом чинов Русского Корпуса под редакцией есаула Д. П. Вертепова (выписывать у издателя: D. Vertepov. 349 West, 86 Str. New-York 24, USA).

⁂

● Музей Л.-Гв. Казачьего полка желает приобрести книгу Сватикова «Россия и Дон»

и «Исторические очерки Дона» П. Н. Краснова (издание журнала «На казачьем посту» 1943-45 гг.), все выпуски кроме № 1 и № 8. Предложения направлять по адресу: Mr Opritz. 12-bis rue St. Guillaume. Courbevoie. (Seine). France.

***

● **Розыск:** Пантел. Тихон. Гайтотин розыскивает с-ка Фотия Прохор. Дьяченко Куб. Войска. Писать по адресу: Gaytotin. Ing. Entomologo. Est Forestal. Sarmiento 987. Leandro. N. Alem. Misiones. Argentina.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ».

(С 1 марта по 1 апреля 1961 г.)

В Фонд Издательства: Б. И. Ткачев — 5 долл., А. И. Протопопов — 10 герм. мар., Баиев — 5 н.фр., И. Я. Крюков — 20 н.фр., П. И. Медведев — 23.81 н.фр., через В. Попова от Обще-Казачьей станицы в Нью-Йорке в память покойного казака Леона Шейкина — 25 долл.

Через наших представителей: Б. Н. Уланова — 7,18 долл., С. И. Донскова (Аргентина) — 7 долл., В. А. Балахина — 10 долл.

На издание **книги о Ермаке:** Астахов — 5 н.фр., Беренс — 1 долл., Аханов — 3 долл.

Для передачи **Дамскому Комитету Казачьего Союза:** Сергеев — 30 н.фр., М-м Гордеева, Максимов по 15 н. фр., М-м Сладкова, Ф. С. Евсеев — по 10 н.фр., М-м Е. С. Петрусь — 5 долл., Сеньшина, Бальбуциевы — по 5 н.фр., Тевяшов — 2,50 н.фр., Ф. Калабухов — 4 н.фр.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят всех жертвователей принять их искреннюю глубокую благодарность.

От редакционной коллегии «Род. Края»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15-233-79, Nointel par Presles (S. et O.) F r a n c e.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:
Mr. Bogaevsky. 52, Av. Flachat. Asnieres (Seine) France.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н. фр.) и «Никифор Кащеев» (цена 3,50 н.фр.).

Редакция «Род. Края» предлагает своим читателям принять участие в конкурсе рисунков для новой обложки журнала. Конкурс открыт для всех желающих. Рисунки (на каз. темы) должны быть сделаны на белой бумаге и присланы в редакцию в несогнутом виде не позже сентября 1961 г.

Выбор наилучшего рисунка будет произведен казачьим жюри и выигравший конкурс получит в виде премии годовую подписку на «Род. Край» и книжку рассказов П. М. Аврамова «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» и две книжки стихов: «Рифмованные Кончики» — Альникина и «Луч» — Юшкина-Котлубанского.

***

В редакцию «Род. Края» часто обращаются любители каз. старины и коллекционеры (каз. оружия, книг, картин, гравюр, значков, монет, русских бумажных денег времен гражданской войны и т. д.) с запросами, где можно найти интересующие их вещи. Лиц, желающих продать таковые, просят сообщить об этом в редакцию.

***

Поправка. Автором очерка «Отрывки из дневника» помещенном в №33 Р. К. Е. Сучильнов.

Imprimerie P. I. U. F. 3, rue du Sabot — Paris 6e

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Н. М. Мельников — «Новороссийская катастрофа».
Н. Альникин — «Родимому Краю».
Б. Богаевский — «О Донском Войске 16-17 ст.ст.».
Н. Евсеев — «Казаки».
Эльмут — «П. М. Аврамов».
И. Сагацкий — «Лиенц».
В. Скандилов — «Лагерь Новоч. Каз. Юнкерского Училища».
М. П. Морозова — «Вплавь заграницу».
Беренс — «Зеркало».
Казачий Дом для престарелых.
Обращение Комиссии по увековечению памяти ген. П. Х. Попова.
И. А. — «Генерал С. К. Бородин».
М. Бугураев — «А. И. Шмелев».
И. Курицын — «Памяти И. И. Белоусова».
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежом.
Денежные поступления в ред. «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».

На обложке — одна из иллюстраций находящейся в печати книги Н. М. Мельникова — «Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 35 июль — август 1961. — 2,50 N°F.

PAYS NATAL Juillet — Aout 1961. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

НОВОРОССИЙСКАЯ КАТАСТРОФА.

1920-1961 гг. Более 40 лет прошло со времени Новороссийской катастрофы, генералы Деникин, Врангель, Кутепов давно уже ушли из жизни, события того времени стали достоянием истории, и все же, учитывая, что не улеглись еще полностью страсти, я, закончив свою рукопись «Почему белые на юге России не победили красных», предпочитал оставить свой труд исключительно для будущего историка гражданской войны и передал рукопись на хранение в Архив Русской и Восточно-Европейской истории и культуры при Колумбийском Университете в Нью-Йорке. В последние годы, однако, появился ряд книг, а также и статей псевдоисторического характера в русских газетах и журналах, в которых нередко извращается деятельность белых вождей, казачьих и неказачьих, с предвзятой целью ссылаются иногда на приказы, никогда не отдававшиеся, под видом «Правды» распространяется среди доверчивой и неосведомленной массы, особенно казачьей, кривда, достойная «Правды» советской, причем в некоторых случаях действительный автор, заинтересованный в том, чтобы с больной головы свалить на здоровую, выступает под чужими именами. Все это заставило меня согласиться с мнением друзей о необходимости опубликовать теперь же хотя бы одну из глав моей рукописи, в эпиграфе которой приведены мною следующие строки А. И. Деникина:

«Вечер 22 марта. Тягостное прощание с ближайшими моими сотрудниками в Ставке и с офицерами конвоя. Потом сошел вниз — в помещение охранной офицерской роты, состоявшей из старых Добровольцев, в большинстве израненных в боях. Со многими из них меня связывала память о страдных днях первых походов. Они взволнованы, слышатся глухие рыдания... Глубокое волнение охватило и меня, тяжелый ком, подступивший к горлу, мешал говорить... Спрашивают: «Почему?» — «Теперь трудно говорить об этом... Когда-нибудь узнаете и поймете».

«— Пусть правда вскрывает наши зловонные раны, не давая заснуть совести, и тем побудит нас к раскаянию, более глубокому, и к внутреннему перерождению, более полному и искреннему». «Очерки Рус. Смуты», т. 5, стр. 384, т. 4, стр. 95.

**
*

Что случилось с Добровольцами? С теми, которые «шли в жару и стужу, переносили невероятные лишения, гибли тысячами... Шли безкорыстно: деревянный крест или жизнь калеки были уделом большинства. И только одна заветная мысль, одна яркая надежда, одно желание одухотворяло всех: спасти Россию»... И все они единодушно шли за вождем, проникнутым той же верой и надеждой, ведшим их к этой именно заветной цели, — и вдруг, с осени 1919 г., стало чувствоваться охлаждение, приведшее в дальнейшем к рапорту от 28 февраля 1920 г. их непосредственного начальника ген. Кутепова, заявившего в своей телеграмме Главнокомандующему, что он, командир корпуса, действует «в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства»...

Или это заявление командира не соответствовало действительности, если судить о настроении корпуса по тому поведению и тем заявлениям на Военном Совете в Крыму представителей Добровольческого корпуса, которые зафиксированы в записке генерала артиллериста Ползикова?

Но как в таком случае объяснить невыполнение директивы Главнокомандующего от 7 марта 1920 г., неисполнение его боевого

приказа, имевшее такие трагические последствия?

Работа правых и крайне-правых политических кружков Помощника Главнокомандующего ген. Лукомского, Кривошеина и других, агитировавших за смену вождя и старавшихся его дискредитировать и лансировать ген. Врангеля, своими «памфлетами» подрывавшего в армии в самый критический момент борьбы с большевиками веру в вождя, вносила смуту и расшатывала дисциплину.

И Добровольцы были уже не все «первого призыва», состав их с течением времени становился все более пестрым. Ряды их редели от непрерывных боев, от сыпного тифа. Выбыли из строя Марковы, Дроздовские, Нежинцевы, Тимановские и многие-многие тысячи если и не равных им, то им подобных, «проявлявших — как выразился ген. Деникин в приказе, сообщавшем о смерти ген. Дроздовского — высокое безкорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе.» Занятие новых территорий, а также и ряд эвакуаций, вызванных успехами противника, способствовали пополнению офицерских рядов. «Многие, по свидетельству Главнокомандующего, шли по убеждению, но еще больше по принуждению.»

Разлагающая дисциплину пропаганда была направлена и против союзнической ориентации вождя, и быв. Член Особого Совещания проф. Соколов в своих воспоминаниях отмечает, что «в армии росла вера в скорое возрождение Германии и в неизбежность сближения с нею». И ген. Деникин вынужден был настойчиво внушать: «ориентация союзническая — всякая другая комбинация морально недопустима и реально неосуществима».

Много было в прошлом героического, светлого, много было и грехов больших и малых... «Подвиг, самоотверженность, кровь павших и живых, военная слава частей — все светлые стороны вооруженной борьбы поблекнут под мертвящей печатью неудачи.»

Нельзя не согласиться с быв. Главнокомандующим, когда он в своих «Очерках Русской Смуты» говорит: ... «Десятки тысяч офицеров и солдат — павших и уцелевших — сохранили незапятнанную совесть. Многие тысячи даже и грешников... умели все же жертвовать другим — они отдавали свою жизнь. Боролись и умирали. Быть может, за это суд Божий и приговор истории будет менее суров: виновны, но заслуживают снисхождения»

Не заслуживает, однако, снисхождения Особое Совещание — правительство, саботировавшее принципиальные указания Главнокомандующего и их искажавшее, своей политикой в земельном вопросе и административной практикой набросившее черную тень на белое движение, не сумевшее обеспечить армию необходимым и тем толкнувшее ее на скользкий путь самоснабжения. Виновны и не заслуживают снисхождения, в частности, министры военный и снабжения, так преступно плохо поставившие вверенное им дело, что доставлявшиеся в изобилии англичанами форменные вещи расхищались и открыто продавались на базарах, что почти в каждом крупном пункте, покидаемом при отступлении войсками, врагу оставлялись огромные интендантские запасы, а войска отходили часто полураздетые и разутые...

**
*

Большой «грех» взял на себя командир Добровольческого корпуса ген. А. П. Кутепов. Бесстрашный в боях, волевой, твердо державший в своих руках подчиненных и сам безупречно дисциплинированный, в последний период борьбы на казачьей территории, когда вооруженные силы юга России отступили за Дон, с переменой обстановки переменился и ген. Кутепов. В первые моменты отхода за Дон все было благополучно. Добровольческие части, в полной мере сохранившие свою боеспособность, действуя в низовьях Дона и отбивая все атаки противника, перешли в наступление и 7 февраля 1920 г. стремительной атакой овладели Ростовом и Нахичеванью и только по приказу Главнокомандующего оставили эти города. В это время Добровольческой армии, как армии, уже не существовало: она была сведена в корпус, который приказом Главнокомандующего был подчинен Командующему Донской армией генер. штаба ген-лейтенанту В. И. Сидорину. В Донской армии в это время было свыше 37.000 Донцов, а в Добровольческом корпусе около 10.000 бойцов.

На сцену неожиданно выступило нечто похожее на местничество: ген. Кутепов обратился к Главнокомандующему с ходатайством отменить приказ о подчинении его Командующему Донской армии. После отказа ген. Деникина обнаружилось и худшее: ген. Кутепов ходатайствовал уже вывести корпус с линии фронта и отвести его в резерв.

При этом предусмотрительно указывалось и место расквартирования корпуса: в районе Новороссийска, т. е. ближе к морю, к кораблям ..

Это был уже по существу отказ, едва лишь замаскированный, от продолжения борьбы с большевиками, что подтверждается и позднейшим неисполнением директивы Главнокомандующего от 7 марта.

После решительного протеста ген. Сидорина и Начальника штаба Донской армии ген.шт. ген.-лейтенанта Кельчевского, быв. профессора Николаевской Академии Генер. Штаба, настаивавших на недопустимости возлагать на одних Донцов тяжелую задачу борьбы, притом в самый опасный момент, и указывавших, что уход корпуса ген. Кутепова с фронта в такой момент был бы истолкован казаками, как отказ Добровольцев от продолжения борьбы, Главнокомандующий ходатайство ген. Кутепова отклонил.

Непонятное тогда, оказавшееся вполне понятным потом, продолжалось. Оставаясь в оперативном подчинении Командующему Донской Армии, ген. Кутепов в ночь на 2 марта отдал приказ, без разрешения штаба армии, об отходе корпуса в районе станицы Тимашевской, которую ему приказано было защищать, на переход назад — ближе к Новороссийску. Командующий Донской армии, отменив распоряжение командира корпуса, приказал Добровольческому корпусу перейти в контр-атаку и восстановить свое положение у Тимашевской. Боевой приказ Командующего армией ген. Кутеповым не был исполнен...

«Столкновение грозило принять крайне острые формы» — пишет ген. Деникин, признавший при создавшихся условиях необходимым изъять корпус из подчинения Командующему Донской армией и подчинить его непосредственно Главнокомандующему. Но... ген. Кутепов фактически уже вышел и из подчинения и самому Главнокомандующему, о чем ясно свидетельствовало содержание и тон телеграммы - ультиматума ген. Кутепова от 28 февраля 1920 г. Ультиматум корпусного командира Главнокомандующему на фронте боевых действий... Дальше идти было некуда.

Неотразимо влек к себе Новороссийск и стоявшие там пароходы... «Армии — пишет ген. Деникин — катились к Новороссийску слишком быстро, а на рейде стояло слишком мало судов» и по условиям тоннажа и морального состояния войск одновременная планомерная эвакуация их при посредстве ОДНОГО Новороссийского порта была немыслима.

Ясно видя опасность и предвидя неминуемую катастрофу, ген. Деникин и его Начальник штаба ген. Романовский намечают и другой путь: одновременную эвакуацию и через Тамань. Таманский полуостров, благодаря окружающему водному пространству, был исключительно удобен для обороны, причем прибрежная дорога к Керченскому проливу прикрывалась судовой артиллерией. Ширина пролива очень незначительна, Керченский порт располагал большой транспортной флотилией, которую Главнокомандующий приказал усилить, и в Керчь начали спешно стягиваться транспортные средства. Задуманная Ставкой операция должна была увенчаться успехом, и кошмар Новороссийской эвакуации был бы избегнут.

7 марта ген Деникин отдал свою последнюю директиву на Кавказском театре военных действий, причем выполнение главной задачи — занятие Таманского полуострова — директивой возлагалось на ген. Кутепова: «Добровольческому корпусу теперь же частью сил, обойдя кружным путем, занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка».

Этот боевой приказ ген. Деникина шел вразрез с тогдашним намерением командира Добровольческого корпуса отказаться от борьбы с большевиками, обнаружившимся уже в тот момент, когда он настаивал на отводе корпуса к Новороссийску. Не было у него, очевидно, тогда и намерения продолжать борьбу и в Крыму, как не было его на первых порах и у ген. Врангеля, потребовавшего у членов Военного Совета при избрании его Главнокомандующим дать ему подписку в этом смысле. В пункте восьмом ультиматума от 28 февраля нет ни слова о продолжении борьбы и, наоборот, в нем предусматриваются «наивыгоднейшие условия интернирования или же поступления корпуса на службу» к иностранцам «целой частью». Кроме того, для короткого рейса от Новороссийска до Феодосии, в районе нахождения могущественного союзного флота, не говоря уже о флоте русском, не требовалось и конвоирования пароходов с Добровольцами «всеми наличными» четырьмя миноносцами и подводными лодками. Они, быть может, могли понадобиться лишь для дальнего плавания в поисках «службы», но это дальнее плавание ген. Кутепов не был в состоянии осуществить, так как союзное командование, предоставившее корабли, фак-

тической — последнего момента — диктатуры ген. Кутепова не признало бы, считаясь попрежнему лишь с ген. Деникиным, как Главнокомандующим, он же пароходы с войсками, по соглашению с союзниками, направлял в Крым.

О том, как в удушливой атмосфере последних дней Новороссийска относился к Главкому глава военной английской миссии ген. Хольман, можно судить и по краткой заметке ген. Деникина в 5 т. «Очерков»: «Ген. Хольман явно демонстрировал внимание к Главнокомандующему, предоставив мне на смотр английский десант и экипажи» военных судов.

Ген. Кутепов боевого приказа «занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка» не выполнил. «Новороссийский порт влек к себе неудержимо и побороть это стремление оказалось невозможным»... Вместо движения вперед, ген. Кутепов сильно ослабил свой левый фланг, обратив, как пишет сам Главнокомандующий, «главное внимание на Крымскую - Тоннельную, в направлении железно-дорожной линии на Новороссийск».

Пути на Тамань были отрезаны и Новороссийская катастрофа стала неотвратимой. Это ген. Кутепова не беспокоило: стоявших на рейде судов было достаточно для него и для его корпуса, все же остальное диктатора не интересовало.

В «Очерках Рус. Смуты» ген Деникин пишет, что «ни одна из армий директивы не выполнила»... Это утверждение, совершенно правильное в отношении Добр. корпуса, не может относиться к частям Донской армии. Прежде всего, директива 7 марта, предписывавшая прикрыть дорогу от Темрюка, относилась к Добров. корпусу, а не к Донцам — к ним обратились лишь 9 марта, после потери двух драгоценных в той обстановке дней, когда промедление действительно «смерти подобно», после того, как Добров. части не только не приняли мер для прикрытия дороги от Темрюка, но, наоборот, самовольно оставили и те пункты, которые они раньше защищали, причем не считали уже своим долгом даже ставить в известность о своих передвижениях ни Главное командование, ни соседние казачьи части.

В частности, в записке командира Гвардейской Казачьей бригады ген. В. И. Фарафонова, хранящейся в Архиве Музея Л.-Гв. Казачьего полка, где хранится и подлинное приказание Штаба Главнокомандующего от 9 марта Начальнику 1-ой Донской Конной дивизии, отмечается, что по данным, полученным ген. Фарафоновым того же 9 марта в штабе Главкома, Варениковская переправа в тот день, 9 марта, должна была охраняться Алексеевским дивизионом, — в действительности дивизион без ведома Ставки переправу покинул. Явление того же порядка произошло на другой день, когда командир Атаманского полка ген. М. Г. Хрипунов, во исполнение приказания Главнокомандующего 10 марта заняв Анапу, двинулся на станицу Анапскую, совершенно неожиданно из-за станицы Анапской, в которой по сведениям Ставки должны были находиться части Добров. корпуса, стали выдвигаться эскадроны красных и разворачиваться в лаву. Весь горизонт покрылся густой массой конницы. Красная дивизия со всех сторон окружила Анапу, отрезав путь на Раевскую. (Ген. И. Н. Оприц. «Лейб-Казаки». Париж, 1939) Для Атаманцев положение создалось критическое, и только мужество и находчивость ген. Хрипунова вывели полк из окружения. Очень помогла также наступившая темнота и ошибка красных, перенесших огонь своих орудий на занявшую Анапу красную же конницу, которая немедленно ответила тем же, так что над головами Атаманцев стали пролетать снаряды обеих сторон... Зная по сообщенным ему раньше Ставкой ориентировочным данным, что недалеко — в станице Гостогаевской — должен находиться отряд ген. Барбовича, ген. Хрипунов, выйдя из кустарников и повернув прямо на север, подошел к станице Гостогаевской. Счастливая случайность спасла Атаманцев: около самой станицы натолкнулись на спавшего на дороге красноармейца, от которого узнали, что в станице ночует пехотная красная дивизия...

«Стало ясно — пишет в своей книге ген. И. Н. Оприц — что Добров. корпус, стремясь опередить в погрузке на суда в Новороссийске Донскую армию, бросил нижнее течение реки Кубани, не пытаясь замедлить продвижение на юг красной конницы и не оставив даже наблюдения». И — добавим от себя — не поставив в известность о своем отходе Ставку Главнокомандующего, которую игнорировали и другие части корпуса ген Кутепова, получившие директиву от 7 марта. Ген. Барбович не сообщил о своем отходе и в штаб 1-ой Донской Конной дивизии, в состав которой входила Гвардейская бригада, несмотря на то, что части дивизии находились тогда во временном подчинении ген. Барбовичу. Вместо братской боевой выручки если и не «закон», то практика джунглей...

Это отношение особенно ярко проявилось во время захвата транспортов в Новороссийске. В п. третьем ультимативной телеграммы от 28 февраля командир корпуса требовал от своего Главнокомандующего четыре транспорта для посадки ВСЕГО (крупный шрифт, **как и везде дальше, мой.** Н. М.) Добровольческого корпуса и **ОФИЦЕРОВ** других армий, пожелавших присоединиться к нему, фактически же чужие, не свои, т. е. Казачьи, офицеры на суда, захваченные Добровольцами, не допускались: около пароходов были сооружены баррикады, охраняемые караулами, вооруженными пулеметами. В книге «В стане белых» Г. Раковский рассказывает, как командир одного из полков Корниловской дивизии лично сбросил в воду на рейде трех «чужих» офицеров, проникших на транспорт, и одного ударил прикладом по голове.

Для руководства эвакуацией ген. Деникин назначил особую комиссию во главе с почтенным генералом Вязьмитиновым, дав ему инструкцию распределять суда между войсками равномерно, но комиссия эта была устранена ген. Кутеповым, распоряжавшимся самовластно...

Донской эвакуационной комиссии, назначенной Командующим Донской армией в составе Инспектора Донской артиллерии ген. Майделя, двух генералов И. Т. и К. Т. Калиновских и полк. ген. штаба Добрынина, ген Деникин заявил, что все пароходы будут распределены комиссией ген. Вязьмитинова равномерно, но Донской комиссии скоро пришлось убедиться, что всеми пароходами распоряжается безконтрольно ген. Кутепов, устранивший ген. Вязьмитинова и предоставлявший суда только Добров. частям. Комиссия в своем рапорте сообщила ген. Сидориру, что ген. Деникин лично распорядился предоставить Донцам пароход «Аю-Даг», но ген. Кутепов и этого приказа не исполнил. Донской комиссии удалось «перехватить» лишь одну «Россию» вместимостью около 4.000 человек. Кроме того, лейб-казакам ген. Фарафонову и полк. Кононову — пишет в своей книге И. Н. Оприц — ПОСЛЕ ДОЛГИХ УПРАШИВАНИЙ удалось уговорить ген. Кутепова уступить для эвакуации Лейб-Казачьего полка шкуну «Дунай» на 700 человек. Ген. Фарафонову удалось — вместо 700 — разместить 844. Начальник 1-ой Донской Конной дивизии ген. Дьяков, раненый ген. Хрипунов и несколько десятков офицеров и казаков 1-й Д. К. дивизии были в последний момент подобраны французскими миноносцами. Благодаря содействию ген. Хольмана, многих Донцов удалось разместить на английских военных кораблях. Многих взяли также французские миноносцы.

Как выяснилось на совещании 15 марта в Феодосии, всего Донцов было вывезено из Новороссийска около 10.000, Добровольцев же, которых на фронте было около 10.000, вывезено около 35.000 — вывезены были и все Добровольческие тыловые учреждения со всем их персоналом и имуществом...

Ген. Кутепов действовал в полном согласии с начальником своего штаба ген. Достоваловым, который на совещании в Ставке еще до эвакуации в форме самой категорической заявил, что «Добр. корпусу необходимо предоставить все потребные транспортные средства, НЕ СЧИТАЯСЬ НИ С ЧЬИМИ ПРЕТЕНЗИЯМИ И НЕ ОСТАНАВЛИВАЯСЬ В СЛУЧАЕ НАДОБНОСТИ ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ»... «Я резко остановил говорившего» — отмечает ген. Деникин в 5 т. «Оч. Русской Смуты».

Невольно вспоминаются прежние Добровольческие вожди, Добровольцы «первого призыва»: ген. Марков, «Степаныч» Тимановский, Нежинцев, Дроздовский, Витковский и многие-многие другие, идейные, дисциплинированные, безупречно корректные в отношении своих высших начальников. Можно ли себе представить, чтобы кто-нибудь из них мог послать своему Главнокомандующему, и притом в самый тяжелый момент борьбы, такой ультиматум, какой послал ген. Деникину 28 февраля ген. Кутепов? В этой телеграмме ультимативного характера он требовал от Главнокомандующего «принятия немедленных и решительных мер», «с полной ГАРАНТИЕЙ, что меры эти будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время»... «Сейчас же... три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых наличными четырьмя миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Добров. Корпуса и офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему». Ген. Кутепов требовал, чтобы решение вопроса, кому должно быть предоставлено право на эвакуацию, зависело исключительно от него, ген. Кутепова, через «комиссию из представителей от частей Добр. Корпуса».

Никто другой, значит, в этой комиссии участвовать не мог... Обнаженность полная...

В п. пятом корпусный командир указывает Главнокомандующему, когда именно

должны быть посажены на транспорты и учреждения самой Ставки... «И ОТНЮДЬ НЕ РАНЕЕ...» В п. 6 требует передачи «теперь же» в ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ведение Добров. корпуса железной дороги Тимашевская-Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно». «Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.»

В п. 7. ген. Кутепов требует «предоставления ему ДИКТАТОРСКИХ полномочий в отношении всех лиц и имуществ и всех средств, находящихся в районе Крымская - Новороссийск». «ВСЯ ВЛАСТЬ В ТЫЛУ и НА ФРОНТЕ, порядок посадки, все плавучие средства и весь флот должны быть объединены в руках командира корпуса, от которого ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО должен зависеть порядок посадки на транспорты.»

В п. 8 предусматриваются и «наивыгоднейшие условия интернирования или же поступления корпуса на службу целой частью»...

Ген. Кутепов готов был уже тогда превратить Добров. корпус в ландскнехтов-наемных солдат, готовых «на наивыгоднейших условиях» проливать свою кровь за интересы чужой страны. Своей же Южно-Русской власти, созданной по соглашению с казачеством своим же Главнокомандующим для борьбы с общим врагом - большевиками во имя спасения Родины, они подчиниться не желали из-за «казачьего засилья», хотя в составе Южно-Русского правительства было всего лишь пять казаков: Донцы Н. М. Мельников и П. М. Агеев, Кубанцы - «линейцы» быв. предс. правит. Ф. С. Сушков и кооператор Я. Л. Щупляк, Терец ген. Н. Н. Баратов, все остальные десять министров, т. е. большинство двух третей, были неказаки, причем один из казаков, Н. Н. Баратов, до вступления в Южно-Русс. правительство был Представителем Главнокомандующего в Грузии, а два из неказачьих членов правительства министр финансов проф. М. В. Бернацкий и Государ. Контролер быв. Член Госуд. Думы Степанов были всегдашними сотрудниками Главнокомандующего. В составе правительства был быв. Председатель Архангельского пр-ва Н. В. Чайковский, проф. Академии Генер. Штаба ген.-лейт. Кельчевский и хорошо известный Добровольческим вождям В. Ф. Зеелер. Остальные были «иногородние» и представители соседних Ставропольской и Черноморской губ. Говорить при таких условиях о «казачьем засильи» было просто недобросовестно. Составляя список будущих министров в качестве Председателя совета, и ни на минуту не упускал и виду, что Южно-Русское пр-во должно быть властью характера общероссийского и учитывал как существование центробежных сил, так и возможность выхода за пределы казачьих территорий. В составе прав-ва не было ни одного Кубанского самостийника. Говорю «Кубанского», т. к. в других Казачьих Войсках самостийников в то время не существовало. О возможности же выхода за пределы Казачьих земель на Всероссийские просторы, о возможности и даже несомненности военных успехов — при непременном условии выхода Кубанских частей на линию фронта — свидетельствовали все военачальники, начиная с самого Главнокомандующего. На совещании в Ставке на станции Тихорецкой 12 января 1920 г. все без исключения военачальники — Добровольческие, Донские, Кубанские и Терские — утверждали, что продолжение борьбы возможно, необходимо и обещает успех и сам Главнокомандующий в речи, произнесенной 16 января на заседании Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, говорил: «даже дальнейший отход не страшен при данной силе и настроении главного нашего фронта Добров. корпуса и Донской армии и при непременном условии выхода на фронт Кубанских частей для наступления и для прикрытия некоторых направлений, совершенно обнаженных уходом Кубанских полков и угрожаемых». Кубанские военачальники генералы Шкуро и Покровский, не отрицая на совещании в Тихорецкой развала своих войск, относились с большим оптимизмом к возможности поднятия Кубанских казаков. На том же Тихорецком совещании председатель Кубан. Рады самостийник Тимошенко заявил, что Рада разослала своих членов для агитации в станицах и выразил твердую уверенность, что «все Кубанские части, как один, пойдут на фронт». (Впоследствии только выяснилось, что разосланные по станицам агитаторы самостийники, созывая на местах митинги, призывали не слушаться призывов своих военачальников и идти не на фронт, не в отряды Бабиева, Шкуро, Науменко, Топоркова, а к Пилюку и Товар. Предс. Краевой Рады Савицкому, отряд которых имел совсем особое назначение).

В январе 1920 г. вооруженные силы Юга насчитывали в своих рядах 81.000 штыков и шашек при 522 орудиях, в том числе на главном театре военных действий — по рекам Дону и Салу — было сосредоточено 54.000 при 289 орудиях. В округленных цыф-

рах: Донская армия — 37.000, Добров. корпус — 10.000, Кавказская армия — 7.000. Численность войск противника на главном театре составляла около 55.000, т. е. столько же. Командовавший на Ростовском фронте Ворошилов в своих донесениях по начальству выражал тогда опасения «чрезвычайно тяжелых сюрпризов в близком будущем»... Ген. Деникин был настроен бодро: «принимая во внимание — писал он — известные тогда данные, я считал, что, если подымется Кубанское казачество, успех наш будет скорый и окончательный... Победа довлела духу». А «дух» сохранялся тогда и у Донцов и у Добровольцев. В боях 16-20 января шесть конных Донских дивизий разбили ударную группу большевиков, взяв массу пленных и почти всю артиллерию первой советской конной армии. Противник в панике бежал за Дон и Маныч. Донской корпус ген. Гусельщикова на путях к Новочеркасску захватил станицу Аксайскую, прервав железнодорожное сообщение между Ростовом и Новочеркасском и взяв огромные трофеи. Восточнее, в низовьях Маныча, успешно дралась против конницы Жлобы и Думенки конная группа ген. Старикова, доходившая до станицы Богаевской... Добровольцы 7 февраля взяли Ростов и Нахичевань. Но... Кубанская армия, разложенная самостийной пропагандой черноморцев, продолжала распылятьс... Кубанцы покинули важный пункт — станцию Торговую, и большевики начали сосредоточивать там свои главные силы.

К этому времени и среди Добровольцев стали сказываться результаты расшатывающей дисциплину пропаганды справа. Утверждения вообще об аполитичности Добровольческой армии относятся к области фантазии. С ее политическими настроениями очень считались. Говоря по вопросу о возможности образования на Юге однородного правого или однородного либерального правительства, ген. Деникин писал: «первое, правое, было бы принято армией спокойно, но недоброжелательно в стране, в особенности в казачьих областях, создание же правительства второго типа, однородного либерального, было просто неосуществимым в силу настроения офицерства и натиска со стороны правых кругов. Офицерство... легче поддавалось влиянию правых кругов и своего сохранившего авторитет, также правого по преимуществу, старшего командного состава». Обсуждая раньше, еще при жизни ген. М. В. Алексеева, шансы создания, вместо единоличной диктатуры, директории, А. И. Деникин говорит: «армия, которая тогда безпрекословно исполняла веления Главнокомандующего, — в кратчайший срок и, во всяком случае, при первой же неудаче вышла бы из подчинения и свергла бы директорию». Это настроение офицерства ген. Деникин отмечает и по другому поводу: «кадеты предлагали мне вызвать П. Н. Милюкова, но армейские настроения не допускали участия его в правительстве». К прежнему слогану: «мы за учредилку умирать не будем» — теперь, после образования демократического Южно-Русского прав-ва, прибавился новый: «за казачью власть умирать не будем»... Шла сильная агитация против «казачьего засилья», обострявшая недовольство Добровольцев новым, демократическим, курсом политики Главнокомандующего. Армию втягивали в борьбу за смену власти.

То, что ген. Деникин при организации Южно-Русской власти согласился в принципе на Всерос. Учредительное Собрание и на то, что «вся земля, чья бы она ни была, превышающая определенную законную норму, немедленно и в полном объеме поступает в распределение между нуждающимися в земле» — это обстоятельство рискованно было избирать, как базу для пропаганды, т. к. Особое Совещание, поставленное Главнокомандующим перед совершившимся фактом, должно было — причем правое большинство сделало это с болью в душе — приветствовать особым торжественным актом появление приказа за № 145 о подчинении ген. Деникина Верховному Правителю адмиралу Колчаку. Подчиниться адм. Колчаку было равносильно и принятию его программы, в котором было и Учред. Собр. и необходимость в земельном вопросе признания и урегулирования совершившегося стихийного процесса. Теперь это уже было пройденным этапом и в борьбе за власть шедшего на смену диктатора нужно было использовать новый мотив, новый предлог недопустимого демократического «соглашательства с казачеством».

Борьба за власть велась ген. Врангелем уже давно. Рапорты - «памфлеты» генерала размножались в большом числе и широко распространялись. Попытка ген. Врангеля свергнуть Главнокомандующего путем согласованных действий трех командующих армиями Добровольческой, Донской и Кавказской, была пресечена ген. Деникиным, запретившим ген. Сидорину и Покровскому покидать без его разрешения район расположения их армий и «освободившим» ген.

Врангеля от командования Добровольцами. Ген. Врангель перешел тогда почти в открытое наступление, не считаясь с неимоверно тяжелым в тот момент положением на фронте и внося свою тяжелую лепту на дело разрушения.

В частности, перед оставлением поста Командующего Добровольческой армии, в момент начавшегося на фронте развала Кубанских частей, ген. Врангель самовольно, без ведома Главнокомандующего, отдал приказ об отводе кадров Кубанской дивизии на Кубань для формирования. Кубанцы, «которых раньше — пишет ген. Деникин в 5 т. «Очерков» — все-таки смущала совесть и некоторый страх, перешли на легальное положение. Их оказалось много, очень много: за Дон, домой потекли довольно внушительного состава полки, на хороших конях, вызывая недоумение и озлобление в Донцах, в подходящих подкреплениях и соблазн в Кубанских дивизиях, еще державшихся на фронте. Дома они окончательно разложились.»

Вот как описывают это наступление лица, в которых ген. расчитывал найти себе союзников.

Ген. А. Г. Шкуро: «Мы соединили наши поезда и 23 декабря 1919 г. выехали из Екатеринодара в Кисловодск вместе. По дороге я долго беседовал с ген. Врангелем, который настойчиво доказывал мне, что вся общественность и армия в лице ее старших представителей совершенно изверились в ген. Деникине, считая его командование пагубным для дела и присутствие ген. Романовского на посту Нач. Штаба даже преступным Необходимо во что бы то ни стало ЗАСТАВИТЬ ген. Деникина сдать командование другому лицу и что с этим вполне согласны и что он уже переговорил об этом лично с Донским и Кубанским Атаманами, с Председателями их правительств, а также с Команд. Дон. Армией ген. Сидориным и его Нач. штаба ген. Кельчевским, с Кубанскими генералами Покровским, Улагаем и Науменко, с видными членами Кубанской Рады и Донского Круга, со многими чинами Ставки и представителями общественности и что все вполне разделяют его, ген. Врангеля, точку зрения и что теперь остановка только за мной и за Терским Атаманом, а тогда, в случае нашего согласия, мы должны предъявить ген. Деникину ультимативное требование уйти, а в случае нужды не останавливаться НИ ПЕРЕД ЧЕМ. Я ответил, что пока не могу дать своего согласия, что это слишком рискованный шаг, который может вызвать крушение всего фронта.

24 декабря, утром, подъезжая к Пятигорску, я приказал отцепить свой вагон, а сам тотчас же проехал к Терскому Атаману ген. Вдовенко. Рассказав ген. Вдовенко все подробно, я спросил, как он думает поступить. На это Атаман ответил: «думаю, что это все не так, тут чувствуется какая-то провокация. Во всяком случае, полагаю, что подобная генеральская революция преступна и нас всех погубит. Я сейчас же экстренным поездом отправлю Председателя Круга Губарева к Донскому Атаману и к Главнокомандующему. К вечеру мы все будем знать точную обстановку. Ты же никоим образом не соглашайся на ту роль, которая тебе подготовляется, а если придется действовать энергично, я тебе помогу».

Терский Войсковой Атаман ген. Вдовенко: «24 декабря 1919 г. вместе с ген. Шатиловым приехал ко мне ген. Врангель. Беседа происходила в присутствии П. Д. Губарева, Председателя Терского Войскового Круга, который случайно был у меня. Предложения ген. Врангеля заключались в том, что у Донцов и Кубанцев возникла мысль о коренной реорганизации власти на Юге России. Власть эта мыслилась, как власть общеказачья и что по мнению ген. Врангеля обстановка требовала создания такой власти, а между тем ген. Деникин на создание такой власти не соглашается. Себе ген. Врангель отводил место командующего Казачьими армиями: Донской и Кубанской и Терским корпусом. На вопрос, как же мыслилось дальнейшее существование Добровольческой армии, ген. Врангель подтвердил, что хотя ген. Деникин и грозит увести Добр. армию, но этого не будет и армия безусловно останется, ибо недовольна ген. Деникиным. По словам ген. Врангеля выходило, что на признание его, Врангеля, своим вождем Кубанцы уже согласились, согласие у Донцов обезпечено и остановка только за Терцами.

Надо сказать, что ген. Врангель очень волновался, поэтому почти после каждой фразы обращался к ген. Шатилову: «не правда ли, Павлуша?»

Я высказал сомнение, чтобы эту идею, идею смены революционным путем командования на Юге России в такой тяжелый для армии момент разделяли бы Войсковые Атаманы и Командующий Донской армией. Все это послужит к усилению развала и поможет большевикам. Терек на это не пойдет,

сказал я, — и этим беседа кончилась. Почувствовав интригу, я в тот же день командировал П. Д. Губарева к Донскому Атаману и Командующему Донской армией, чтобы он установил истину и доложил обо всем Главнокомандующему, а затем бы заехал и на Кубань.

Для оффициального Дона все это была новость. На Кубань Петр Дементьевич не заехал, а потому и не знал, как думала оффициальная Кубань, но для меня стало ясно, что и на Кубани эта идея не имела успеха.»

Ни с Дон. Атаманом А. П. Богаевским, ни со мною, бывшим в то время Предс. Дон. правительства, ген. Врангель по этому вопросу никогда не говорил, предложение же принять участие в заговоре, сделанное ген. Врангелем Командующему Донской армией раньше 11 декабря, на станции Ясиноватой, ген. Сидориным было отвергнуто.

О посещении его Председателем Терского В. Круга ген. Деникин пишет: «Губарев сообщил мне почти дословно то, что изложено в записке ген. Вдовенко, причем финал разговора описывал более образно: «выслушав ген. Врангеля, Герасим Андреевич Вдовенко ударил по столу кулаком и сказал: ну, этому не бывать! — после чего разговор сразу пресекся».

Отрицательно к попытке ген. Врангеля устроить переворот отнеслись и на Кубани. Замещавший в то время Кубан. В. Атамана Предс. Кубан. В. правительства Ф. С. Сушков и Предс. Кубан. Рады Д. Е. Скобцов заявили, что «если это случится, то казаки не пойдут в полки, т. к. ген. Врангель потерял свой престиж на Кубани» и просили ген. В. Г. Науменко принять меры, чтобы барон сам отказался от этой мысли». Ген. Науменко поручение выполнил.

Д. Е. Скобцов по этому поводу пишет: «ген. Врангель просил о свидании, которое и было назначено на первый или второй день Рождества. Мы были вдвоем с Сушковым. Ген. Врангель прибыл совместно с ген. Шатиловым. Предупрежденный ген. Науменко, ген. Врангель... предупредил нас своим заявлением, что он решил отказаться от поручения Главнокомандующего (поручения формировать на Кубани резервы. Н. М.) и срочно выезжает в Новороссийск.»

«В те же дни — пишет А. И. Деникин в «Очерк. Р. Смуты» — быв. Помощ. ген. Врангеля по должности Главноначальствующего Харьковской областью и будуший его министр внутр. дел г. Тверской собирал в Кисловодске видных общественных деятелей и осведомлялся: может ли ген. Врангель, в случае переворота, рассчитывать на поддержку общественных и финансовых кругов. Ответ получился отрицательный.» ... «С тех пор правая оппозиция, главой которой считался ген. Врангель, стала вести агитацию за разрыв с казачеством, за перенесение борьбы в Новороссию и возглавление там войск и власти ген. Врангелем. Это течение, находившее отклик среди тылового офицерства и проникшее в армию, ослабляло импульс готовившегося решительного наступления.»

И ген. Врангель, заявлявший 24 декабря Атаману Терского Войска, что «обстановка требует образования на Юге общеказачьей власти» и что ген. Деникин, «не соглашающийся» на создание такой исключительно казачьей власти, должен быть сменен, теперь, убедившись в том, что Войсковые Атаманы и Войсковые правительства ни на генеральскую революцию, ни на признание ген. Врангеля вождем не пойдут, полностью переменил фронт. Поддерживавшие его правые группы усилили подрывную пропаганду против ген. Деникина, как «соглашателя с казаками», настаивая на том, что продолжение борьбы возможно лишь при опоре на «коренные русские силы», при перенесении базы из Новороссийска в Одессу с переброской туда регулярных — под ними разумелся Добров. корпус — частей.

Выходило так: если создание на казачьей земле правительства казачьего, притом исключительно казачьего, проектировал ген. Врангель при условии признания именно его Главнокомандующим, это было для Добров. корпуса, как заявлял ген. Врангель, вполне приемлемо, если же ген. Деникин, по соглашению с Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека, создал правительство характера общероссийского, в составе которого две трети было неказаков, это рассматривалось, как «казачье засилье».

Ген. Кутепов в своем ультиматуме подчеркивал, что он действует «в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства корпуса»... Точно ли так это было? Знали ли строевые начальники и офицерство корпуса все подробности содержания телеграммы ген. Кутепова и действительно ли ультиматум был вполне ими одобрен?

Вопрос этот возникает невольно, если вдумаешься в поведение старших начальников корпуса на Военном Совете в Крыму при выборах нового главнокомандующего и

на частном совещании там же у ген. Витковского. Офицеры в Крыму не понимали, почему ген. Деникин сложил свои полномочия. «Все мы — пишет ген. Ползиков в своей записке — не могли мыслить об ином Главнокомандующем. У всех нас было впечатление, что ген. Деникин пришел к своему решению вследствие какого-то разногласия, интриг и выражения ему недоверия»... «Всем нам непонятно было, почему ген. Кутепов не поддерживал нас в нашем решении... нам было совершенно непонятно поведение ген. Кутепова, а потому большинство ушло с заседания у ген. Витковского неприязненно настроенным против Кутепова...» «На предварительном совещании под председательством ген. Кутепова ВСЕ НАЧАЛЬНИКИ единодушно высказали мысль о недопустимости оставления ген. Деникиным своего поста, настаивали на выражении ему полного доверия и о принятии всех мер, чтобы упросить его не оставлять своего поста. Решено было оказать соответствующее влияние на остальных участников Военного Совета с тем, чтобы Военный Совет просил и даже умолял ген. Деникина не покидать своего поста. Ген. Кутепов сидел грустный... Невольно вспомнились СЛУХИ о его неладах с ген. Деникиным и о «подкапывании»... Это было совершенно неправдоподобно, но тем не менее не было объяснения молчаливому, пассивному, а потому непонятному поведению ген. Кутепова. Ген. Витковский и другие чины Добров. корпуса доказывали необходимость доложить ген. Деникину по прямому проводу о настроении Военного Совета, о выражении доверия и просьбы остаться у власти. Председатель Военного Совета ген. Драгомиров на все доводы возражал и не соглашался с ними.»

Генералы Кутепов и Драгомиров вели свою линию, расчищая путь для ген. Врангеля. Добровольцы не знали о впечатлении, которое произвел на Главнокомандующего ультиматум ген. Кутепова.

«Вот и конец», пишет А. И. Деникин в своих «Очерках Русской Смуты». «Те настроения, которые сделали психологически возможным такое обращение Добровольцев к своему Главнокомандующему, предопределили ход событий: в этот день я решил безповоротно оставить свой пост».

На ультиматум ген. Кутепова ген. Деникин ответил, что «вся власть принадлежит Главнокомандующему, который даст такие права командиру Добров. корпуса, какие сочтет нужными», ... «жел. дорога Тимашевская - Новороссийск передана ему в исключительное ведение быть не может, т. к. она обслуживает и Донскую армию... что правительственные учреждения и Ставка поедут тогда, когда я сочту это нужным. Ставку никто не имеет оснований упрекать в этом отношении, Добровольцы должны бы верить, что Главнокомандующий уедет последним, если не погибнет раньше.»

В диктаторских полномочиях Главнокомандующий отказал — ген. Кутепов взял их сам и начал распоряжаться всем в Новороссийске, как никем и ничем не ограниченный диктатор. Главнокомандующий фактически был устранен и его распоряжения не исполнялись. На Начальника штаба Главнокомандующего с большой настойчивостью готовилось покушение и ген. Романовский не был убит в Новороссийске только потому, что ген. Хольман, осведомленный своей английской разведкой о подготовлявшемся убийстве не только ген. Романовского, но и ген. Деникина, перевел поезд Главнокомандующего на цементный завод, охранявшийся сильным английским караулом, попытка же корниловцев, рассказанная ген.-квартирмейстером Ставки ген. Махровым, заменить этот караул своим, не удалась. Ген. Хольман горячо убеждал И. П. Романовского перейти на английский корабль, но тот категорически отказался. Не увенчались успехом и убеждения протопресвитера Шавельского. Покушение, не удавшееся в Новороссийске, удалось в Константинополе в здании Русского посольства, куда после убийства ген. Романовского ген. Хольман — уже для охраны жизни и самого сложившего полномочия быв. Главнокомандующего — вынужден был, не считаясь с принципом экстерриториальности, ввести английский караул.

«Атмосфера заговоров и покушений — пишет в «Очерках Р. Смуты» ген. Деникин — охватившая в последние дни Новороссийск, не давала Хольману покоя. С нами говорить об этом (о переходе А. И. Деникина и И. П. Романовского на английский военный корабль. Н. М.) было безполезно, но не проходило дня, чтобы он не являлся к ген.-квар. Махрову с упреками и советами по этому поводу. Совместно с ним он принял ТАЙНО некоторые меры предосторожности.»

В Крыму в это время епископ Вениамин, назначенный потом ген. Врангелем Протопресвитером военного и морского духовенства, благословлял меч, которым должны были убить ген. Деникина.

Такова была обстановка, и неправы те,

которые ставят в вину ген. Деникину, что он не взял в свои руки дело обороны Новороссийска и организацию погрузки на транспорты, «передав» все в руки Кутепова. Ни «самоустранения», ни «передачи» не было: мы имеем дело с насильственным захватом власти, с военно-революционным переворотом, программа которого была предуказана в ультиматуме 28 февраля. Для противодействия этому у ген. Деникина не было реальной силы, на которую он мог бы опереться в Новороссийске, т. к. город был занят исключительно корпусом Кутепова.

Как же справился диктатор с делом обороны Новороссийска? Естественные преграды облегчали эту оборону. Хребет Маркахт, тянущийся с севера и востока, настолько крутой и высокий, что для противника исключалась всякая возможность доставить туда орудия. Позиция с юга была надежно защищена флотом. Над всей местностью командовала Тоннельная, а к северо-западу от Тоннельной тянулся хребет, чрезвычайно облегчавший защиту. Противник мог двигаться только по лощинам и ущельям на виду у защитников позиции, причем эти проходы легко было запереть даже отдельными артиллерийскими взводами, артиллерии же, бронепоездов, пулеметов, снарядов и патронов было более, чем достаточно. Несмотря на несомненное расстройство, в результате беспорядочного отступления, многих войсковых частей, были и такие, на которых можно было положиться и которые, закрепившись на позициях, можно сказать неприступных, могли удержать Новороссийск по крайней мере до того времени, когда прибудет необходимое для планомерной эвакуации количество судов. Такими, сохранившими порядок и боеспособность, были, кроме большинства Добровольческих частей, и в Крым прибывших организованными, многие Донские — в частности, Первая Донская Конная дивизия, в составе которой находилась Донская Гвардейская бригада, Донская Сводная Партизанская дивизия, Донская запасная бригада и некоторые другие. Дон. Гвард. бригада и доказала это, перейдя в наступление на Таманском полуострове, исполняя срочное приказание ген. Деникина от 9 марта, притом в момент, когда Добров. части, нарушая боевой приказ, на глазах у всех уходили в Новороссийск.

Нельзя не согласиться с ген. И. Н. Оприцем, который в своей книге «Лейб-Казаки» пишет: «один уже беглый взгляд на карту говорит, что оставление вопреки приказа ген. Деникина без боя 4-го и 7-го марта Добровольцами Варениковской переправы и станицы Гостогаевской составляло тяжкое преступление и должно было повлечь для соответствующих начальников жестокие кары».

Но... игнорируя приказ Главнокомандующего, Добровольцы шли навстречу желанию своего командира, а он был фактическим диктатором, стремившимся к тому же опередить в погрузке на суда в Новороссийске Донскую армию...

Начальник обороны совершенно не интересовался обороной, флот ему нужен был для другой цели, указанной в п. 3 ультиматума: прикрыв посадку всего Добров. корпуса, все миноносцы и подводные лодки должны были конвоировать Добров. транспорты, защищая от несуществующего тогда в Черном море врага, что же касается отношения начальника обороны к арьергарду, охранявшему подступы к Новороссийску, то оно ярко характеризуется рапортом Начальника Сводной Донской Партизанской дивизии ген. шт. полковника Ясевича — кстати сказать, не казака — дивизия которого была в арьергарде вместе с дивизией Корниловской. Не получая директив и ориентировки от начальника обороны, полк. Ясевич отправил в Корниловскую дивизию капитана Корева. Возвратившись оттуда, капитан сообщил, что дивизия уже ушла в Новороссийск и в данную минуту снимаются последние заставы. Командир последнего полка Корнил. дивизии не желал иметь ни с кем связи и двинулся в Новороссийск по полотну железной дороги вместе с бронепоездами, не поставив о том в известность своего соседа.

В заключительной части своего рапорта Командующему Донской армии ген. Сидорину полк. Ясевич писал: «во имя долга перед погибшими, преданными офицерами и войсками, для удовлетворения возмущенных случайно уцелевших чинов дивизии, считаю необходимым в заключение отметить, что спешная последняя погрузка 13 марта не вызывалась реальной обстановкой на фронте, которая мне, как отходившему последним, была очевидна. Никаких значительных сил не наступало... При наличии хотя бы слабой попытки к управлению со стороны ген. Кутепова или Барбовича — ничего бы не стоило удержать Новороссийск еще два-три дня, указав только линию арьергардных боев и участки для тех частей, которые все равно не имели транспортных средств. К сожалению, ни ген. Кутепов, ни ген. Барбович

не только не искали связи со своими частями, но даже отвернулись от меня, т. к. ни тот, ни другой НЕ ОТВЕТИЛИ, кто у меня справа и слева и какой план действий ими намечен. Если по условиям обстановки вызывалась необходимость пожертвовать Сводно-Партизанской дивизией, как арьергардом, выиграть время и погрузить прочие части армии, то неужели допустимо не поставить об этом в известность начальника этого арьергарда? Неужели допустимо не дать ему ясной определенной задачи? Насколько мне известно, ни военная история, ни тактика не рекомендуют применять обман начальника арьергарда. Между тем, не будь этого обмана, т. е. знай я, что судов для дивизии нет, я остался бы с дивизией в Кирилловке и безусловно продержался бы весь день 14 марта, если бы при мне остались бронепоезда. Наконец, самый факт обмана в бою, т. е. заведомое сокрытие боевой обстановки со стороны старшего начальника, действует на обманутую часть настолько разлагающим образом, что вести ее еще раз в бой и ждать успеха едва ли будет разумно.»

А в каком порядке были другие из указанных выше частей, видно хотя бы из следущего: в 5 томе «Очерков Русской Смуты», на стр. 350, А. И. Деникин, только что отошедший на последнем миноносце от берега, отмечает: «Вдруг замечаем — на пристани выстроилась подчеркнуто стройно какая-то воинская часть...6 (Это была сотня Лейб-Казачьего полка. Н. М.) «Приказываю подойти к берегу... Погрузили, сколько возможно было людей и вышли из бухты.»

В книге И. Н. Оприца «Лейб-Казаки» находим следующие строки: «после долгих упрашиваний удалось уговорить ген. Кутепова уступить для эвакуации полка шкуну «Дунай»...» Удалось это после того, как командир Гвардейской бригады ген. В. И. Фарафонов приказал подвести к вагону ген. Кутепова полусотню первой сотни... увидев в окно строй полусотни, ген. Кутепов сказал: «таких молодцов нельзя не погрузить». А сколько таких молодцов осталось непогруженными, в то время, как транспорты набивались имуществом тыловых Добровольческих учреждений и обозов...

Во время Новороссийской Кутеповской эвакуации были брошены три четверти Донской армии, не говоря уже о колоссальной массе беженцев, значительная часть которых, если не большинство, были бы спасены, если бы ген. Кутепов подчинился приказу Главнокомандующего, отданному директивой 7 марта. Спасены были бы и десятки тысяч лошадей, погибших от безкормицы на Черноморском побережьи, без которых казаки в Крыму в первый период превратились в пехотинцев. В Крыму избавились от «казачьего засилья».

Так отплатил ген. Кутепов казакам, давшим на своей территории приют кадрам Доб_ровольческой армии и самому Кутепову при самом начале ее организации и потом, поголовным восстанием населения станиц весной 1918 г., спасшим маленькую тогда, со всех сторон окруженную врагом и не имевшую базы, армию после гибели ген. Корнилова. Как непохоже отношение ген. Кутепова к казачеству на отношение первых Добровольцев, действительно больших людей, Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева, А. И. Деникина и др., 27 декабря 1917 г. выпустивших воззвание, в котором было провозглашено, что все русские люди, собравшиеся на юге со всех концов Родины, будут, рука об руку с казачеством, по первому призыву Войскового Атамана, Круга и правительства защищать самостоятельность от советской власти областей, давших им приют, ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ...

Вождем, в том смысле, в каком были Корнилов и другие, Кутепов никогда не был.

Н. М. Мельников.

РОДИМОМУ КРАЮ.

Родимый край, врагом порабощенный,
Вернемся ль мы к тебе когда-нибудь?..
И скоро ль кончится твой крестный путь,
Весь кровью и слезами орошенный?..

Что ждет тебя? Победа? Пораженье?
Счастливое житье иль вечный гнет?..
Назад тому один лишь только год
Мы принесли тебе освобожденье...

В степях, за Манычем, взрастивши крылья,
Ударили мы лихо на врагов,
И скоро же, без всякого усилья,
Тебя из рабских вырвали оков.
...Но скоро кончилась твоя свобода,
Многострадальный мой родимый край,
И скоро будет снова уж полгода,
Как водворен в тебе советский «рай».
Мы все стоим на грани суши с морем...
Далеко до тебя, моя страна!..
Измучена теперь ты горьким горем
И вся до тла врагом разорена.

Мужайся, родина! Страданий чаша
Пусть будет выпита тобой до дна,
Но твердо верь: победа будет наша,
Победа — для тебя, моя страна.
Скитаясь на чужбине безызвестной,
Мы о тебе лишь думаем всегда!
Родимый край, далекий и прелестный!
Ты издали блестишь нам, как звезда.
Измученный, ты истекаешь кровью,
И степь родная взмокла вся от слез...
Но ты воскреснешь нашею любовью,
Как некогда воскрес Христос!

Май 1920 г, Крым.

Н. Альникин.

О ДОНСКОМ ВОЙСКЕ 16 - 17 СТОЛЕТИЙ.

По классическому определению государственного права «государство есть народ, живущий на определенной территории, подчиненный единой независимой власти.»

С этой точки зрения Донское Войско в 16 и 17-ом веках было своеобразным государственным организмом, отличавшимся от соседних стран (Московии, Крыма, Польши) своим общественным строем, противоставлявшим все возраставшему московскому абсолютизму и классовому разделению - идею всеобщего равенства.

Донское Войско было военно-демократической республикой, государством, имевшим свой народ, свою территорию, свою выборную власть — Круг и Атамана, свой государственный аппарат, состоявший из главы Войска — Войскового Атамана, войсковых есаулов, которые исполняли обязанности министров юстиции и полиции, следили за исполнением распоряжений Круга и Атамана и за порядком, войскового дьяка, заведывавшего внутренними и внешними сношениями, своего рода министра внутренних и иностранных дел. На лицо существование своей собственной законодательной (Круг), исполнительной (атаманы, есаулы, дьяки), судебной (Круг) власти Еще Карамзин определил донских казаков, как «воинственную республику, составленную из людей, говорящих нашим языком, исповедуюших нашу веру, а в лице своем представлявших смесь азиатских и европейских черт».

О происхождении народа Донского Войска существуют многочисленные теории, которые можно разделить на две большие группы. По одной из них донское казачество образовалось из выходцев из Русских княжеств, по другой — казаки являются остатками прежнего населения южно - русских степей. Само наличие противоположных гипотез показывает, что этот вопрос еще не разрешен окончательно. Каждая группа историков приводит свои доводы, доказательства, основанные на исторических документах, делает свои выводы, но кто из них прав — сказать трудно.

Точно определить теперь происхождение какой-нибудь народности — довольно сложно. Более тесный контакт с другими племенами и другими народами, родственные связи, нашествия иноземцев, выселения части населения — имеют часто следствием появление нового народа, отличающегося от основной народности, как этническим характером, так и бытовыми особенностями.

А южно-русские степи, колыбель казачества, лежали на пути почти что непрерывного движения тюркских и монгольских народов из Азии в Европу. С другой стороны, вопрос о русской Тмутаракани и Приазовской Руси, о таинственном народе — бродниках еще недостаточно выяснен.

Несомненно, что казачество представляло собой в итоге сплав из крови и плоти многих народов, но также ясно, что с конца

16-го столетия русский элемент начинает преобладать, что подтверждается наличием того же языка и той же веры.

Кто бы ни был предками вольного казачества, к этому времени оно приобретает ярко выраженный русский характер, что позволяет некоторым историкам рассматривать его, как проявление тогдашней общественной жизни. Протест против условий существования в Московии того времени принял определенные формы образования государства - республики с воскресшим народоправством древней общины, на двести лет опередивших зарождение современных демократий. В эпоху, когда на развалинах федерации славянских княжеств Киевской Руси и северо-русских республик укреплялось самодержавие московских царей, исконное русское начало народоправства возродилось в первобытных по устройству казачьих демократических республиках Дона, Яика и, временно, Волги. Такая точка зрения позволяет рассматривать казаков конца 16-го и 17-го столетий, как представителей русского народа, строивших государство и общество на иных началах, чем это было в Москве и создавших трудовое товарищество на демократических началах свободы, равенства и братства, опередив этим на много десятков лет даже Францию, первую, выкинувшую этот лозунг во время революции в конце 18-го в. Энергичные свободолюбивые люди, не мирившиеся с общим бесправием, своеволием бояр в Московской Руси, с крепостным правом, с религиозным насилием уходили на Дикое Поле, на Дон, на Волгу, на Терек, на Яик.

При наличии противоположных способов управления и при отсутствии прямой юридической связи — Дон сознавал свою духовную связь с Московской Русью. Несмотря ни на дальность расстояния, ни на трудность связи, ни на свою самостоятельность — вольное казачество служило русскому национальному делу.

Казачьи степи породили оригинальнейший исторический парадокс. Туда уходили люди от ненавистных крепостных порядков, от религиозных притеснений, от социальных несправедливостей, но все это не мешало им оставаться преданными русскому народу, православной вере и даже в известной степени московскому царю, в котором они видели верховного вождя всего русского народа. Этих людей объединяла любовь к политической, социальной, религиозной свободе и вражда к «лихим боярам».

У казаков никогда не было ненависти к Московскому царству в целом, они никогда не выступали против самой идеи самодержавия. Они были против московских общественных порядков, против социальных условий жизни в Москве, выдвигая идею «казачьего царя», но не боярского, который бы изменил весь строй страны. В отношении Донского Войска к Москве заметно резкое противоставление вражды к правящим классам и прославления Государства в целом и идеализации московских царей.

Все эти исторически сложившиеся условия способствовали развитию в идеологии казачества 17-го в. того «наивного монархизма», исконной крестьянской веры в царя-батюшку» (Ленин. «Собрание сочинений»), который заставляет выступать казачество против правящего московского слоя, но не против московкого царя и не против самой идеи самодержавного русского государства.

Фактически, на Дону, так же, как и на Яике, на Волге, образовались русские государства, весьма своеобразного характера, не отвечающие общепринятым в то время понятиям о государственности, с другим общественным строем, с иными социальными отношениями, чем это было в Московии, Польше, Турции, Крыму или западной Европе.

Следствием такого положения, а также возможно и того, что в народном сознании населения Дона сохранилось туманное воспоминание о том, что предками казачества были не северная Русь, не великорусская ветвь, а какой то другой народ (население Приазовской Руси) — объясняется, встречающееся до последнего времени, противопоставление казаков — русским, а Дона — Москве и России. В переписке Донского Войска с московскими властителями всегда можно найти разделение «на Дону» и на «Руси». Упоминает об этом и ген. Ригельман в 1778 г. в своей «Истории о донских казаках», Броневский в 1834 г. в «Истории Донского Войска» отмечает: «отчуждение донских казаков от русских и теперь заметно». То же подтверждает Филонов («Очерки Дона», 1850), Соловьев («Особенности говора донских казаков», 1900), Савельев («Древняя история казачества», 1915).

Сватиков («Россия и Дон», 1924) объясняет наличие такого противопоставления социально - экономическим различием, Быкадоров («История Казачества», 1930) — национальным, как разных народов». Да и в настоящее время — пишет последний — ни один казак не считал и не считает себя вели-

короссом. Они считают себя русскими в смысле политическо - государственном, т. е. русскими подданными, а не в национальном (т. е. по происхождению)».

Такое отношение казачества к Московскому государству в целом, к московскому царю позволяет выдвинуть гипотезу, что Донское Войско никогда не было самостоятельным и всегда подчинялось Москве. Защитники этой теории обычно ссылаются на внешнюю форму сношений Дона с Москвой: в дипломатической переписке казаки неоднократно называют себя и подписываются «холопами».

По изысканиям ученого хорвата Крижанича, дважды побывавшего на Руси(в 40-ых годах 17-го столетия и в 1659 г., затем сосланного в Тобольск, где он прожил до 1676 года), заинтересовавшегося этим вопросом — на востоке преувеличение в этом отношении отвечало понятию вежливости «себя низити, а други высити, перенятое как в Москве, так и у казаков. Так и именитые богатые купцы Строгановы подписывались в обращениях к царю «сиротами».

Обращаясь к царю, именовали себя «холопами» не только казаки, но и бояре, и иностранцы, даже не состоявшие на московской службе. Следовательно, в данных случаях «холоп» нужно понимать, как сотрудник, как временно или постоянно находящийся на службе или как готовый поступить на таковую. Иначе говоря, в то время это было обычным выражением формулы вежливости, как и сохранившаяся до сих пор форма заканчивания писем — «ваш покорный слуга».

Сватиков переводит на французский язык слово «холоп» как «serviteur», а не как «sujet» и тем более «esclave«.

Представитель советской исторической науки Робинсон («Воинские повести древней Руси» — Изд. Академии Наук СССР — 1949) дает следующее объяснение:

«Казаки называют себя в ряде исторических документов «природными холопами» русского царя, но одновременно с этим — «вольным казачеством».

«Противоречия в этом нет, так как именно служба всего Донского Войска государю, не лишая Войско самостоятельности в своих внутренних делах, и даже частично внешних делах, делала каждого казака, в прошлом часто беглого холопа — независимым от его прежних хозяев — дворян и бояр».

«Необходимость постоянной обороны южных границ государства от все более возрастающей турецко - татарской экспансии заставляли царя ценить такое боеспособное и в то же время дешевое войско, как Донское казачество.

Значительная независимость, «вольности» казачества, его фактическая недосягаемость для московских властей — тревожили царя, но в то же время давали возможность моск. правительству в его сношениях с Турцией выставлять все военные действия казаков, как самовольное, даже противоречащие воле царя».

На самом деле, в 16-ом и 17-ом веках, до 1671 г. (год присяги Донского Войска Москве), Донское Войско было, как показывают исторические события — независимым государственным образованием, республикой, но со слаборазвитыми зачатками государственности и находящейся в некоторой связи с Московским государством. В одном из последующих очерков мы остановимся подробнее на признаках незивисимости Донского Войска того времени. Здесь же лишь укажем, что в официальном издании «Столетие Военного Министерства 1802-1902» сказано:

«До последней четверти 17-го столетия донские казаки были совершенно независимы от Москвы и в отношении других своих соседей вели свою политику, часто совершенно не соответствующую видам московского правительства».

А Катошихин — подьячий (чиновник) Посольского Приказа (Министерства Иностранных Дел), эмигрировавший в середине 17 в. в Швецию и там написавший книгу «О России в царствование Алексея Михайловича» — пишет:

«И дана им на Дону жить воля, начальных людей меж собой, атаманов и иных, избирают, и судятся во всех делах по своей воле, а не по царскому указу, а если бы им воли своей не было, они бы на Дону служить послушны не учали, и только бы не они донские казаки — не было бы в поданстве давно за московским царем Казанское и Астраханское царства с городами, землями во владетельстве...»

Париж. **Б. Богаевский.**

КАЗАКИ.

Б. Н. Уланову

Слава Разина не умирает,
И Россия помнит казака.
Триста лет его не забывает,
И земля ему, как пух, легка.

И никто, ни царь и ни вельможа
Сказом, песней так не почтены.
Кто же с ним почти сравниться может
В памяти прекраснейшей страны?

Только Булавин Кондратий может
Рядом со Степаном смело стать.

Благ земных была ему дороже
Родина — страдающая мать.

Лишь одним огнем сердца горели.
Их огонь — свобода и любовь.
За рабов восстать они посмели,
Отдавая душу, плоть и кровь.

И остались в памяти надолго
Два бесстрашных честных казака,
И о них поют и Дон, и Волга,
И Хопер — песчаная река.

Париж. **Николай Евсеев**

ПЕТР МАТВЕЕВИЧ АВРАМОВ.

П. М. Аврамов родился в семье казака одной из северных донских станиц. До 19-ти лет учился в духовной семинарии. С началом первой мировой войны поступил в военное училище, откуда вышел в 16-ый Дон. каз. полк. В рядах полка пробыл всю войну. По прибытии на Дон (окт. 1917 г.) сформировал небольшой партизанский отряд и с ним выступил в «Степной Поход», проделав его, после укрупнения отрядов, в 1-ой пешей Семилетовской сотне, и к концу — в конной калмыцкой. По окончании «Степного Похода» строевая служба П. М. кончилась из-за глухоты, вызванной контузией (разрушение барабанной перепонки левого уха и повреждение правой). На нестроевых должностях, в чине есаула, П. М. прослужил до прибытия в Крым, где мед. комиссией был признан негодным к службе и уволен в отставку в чине войск. старшины (чин войск. старшины — за участие в «Степном Походе» — право на внеочередное производство, данное Войсковым Кругом всем участникам похода). Заграницей пробыл два года в Сербии, где научился столярному ремеслу, позволившему ему потом, во Франции зарабатывать на жизнь. В 1932 г. купил полуразрушенный деревенский домик с небольшим участком земли и за 29 лет привел его в надлежащий вид. Во время второй мировой войны, в течение 3-х с половиной лет, П. М. скрывался от немцев в лесах, работая дровосеком. В 1944 году вошел во франц. «резистанс». После войны переселился окончательно в деревню, нанявшись столяром на небольшой завод в г. Мэнтенон. Тяжело сложившаяся семейная обстановка (неизлечимая болезнь жены — паралич ног — на долгие годы приковавшая ее к постели) вынудила П. М. продать имеьице и переселиться с больной женой в город, по месту работы, где он, похоронив скончавшуюся жену, и живет в настоящее время.

Писать П. М. начал с 1917 года. В «Донской Волне» напечатал несколько рассказов и «Дневник степняка-партизана». В отделе Пропаганды П. М. напечатал пять рассказов, изданных маленькими книжечками. До Новороссийской эвакуации некоторое время был пом. редактора прифронтовой газеты «За Родину». В Крыму — пом. редактора газет «Голос Дона» и «Крестьянский Путь». Заграницей поместил 2 рассказа в «Казачьих Думах», 7 в «Родимом Крае» (1930-31 гг.), 1 в «Казачьем Сборнике» (1930 г.) и 1 в «Иллюстрованной России».

В настоящее время П. М. сотрудничает в «Родимом Крае».

В силу тяжелых жизненных условий последних двадцати лет у П. М. не было возможности заниматься литературной работой, к которой он только теперь, оставшись один, вернулся.

В начале этого года изд. «Род. Края» — после издания «Ковыльего Сказа» и «Яровго Сева», была издана еще одна книжка рассказов П. М. Аврамова «Никифор Кащеев». Вот что о ней пишет литературный критик Ю. Терапиано («Русская Мысль» Париж):

В октябре прошлого года нам случилось говорить о повести П. М. Аврамова «Ковылий сказ», вышедший в издании «Родимого Края».

В этой повести рассказ о казачьем быте переплетался с лирическими картинами степи, с ее настоящим и прошлым, что придавало повествованию одушевление и своеобразную прелесть.

Эта лирическая нота отсутствует в новой книге П. М. Аврамова, изданной тем же издательством.

«Никифор Кащеев» — это рассказ о казацкой буйной головушке, сначала об озорном парнишке, потом об отчаянно-храбром, но беспутном молодом казаке, соблазнившемся коммунистическими идеями.

Понимая коммунизм и революцию по-своему, как свободу для буйной вольницы и разрушение всего старого без разбора, Никифор вскоре оказывается в конфликте не только со «стариками» своей станицы и с собственной семьей, но также и с советской властью, не склонной терпеть своеволия и анархии.

Подобно многим другим буйным головушкам в начале революции, Никифор, в конце концов, становится жертвой и погибает от комиссарской пули, а его отряд остается между двух огней, не будучи способным подчиниться ни красным, ни белым.

Эту немудреную трагедию молодого казака П. М. Аврамов рассказываец живо и образно и многим читателям из среды младшего поколения, выросшим уже после окончания гражданской войны, эта повесть дает возможность яснее разобраться в психологии первых лет революции и в казачьих делах того времени.

К этой рецензии добавим отзыв донского казака проф. А. М. Миллера:

«На днях я получил Вашу повесть о казаке Кащееве. Получил в Институте, во время работы. Отодвинул все дела, чтобы за несколько минут просмотреть содержание. Однако, когда начал читать, увлекся, остановил все дела и прочел всю повесть до конца. Мне кажется, что эта повесть написана прекрасно и, по крайней мере, на меня она произвела более сильное впечатление, чем Ваши предыдущие повести. Конечно, я не писатель и не критик и мои впечатления — впечатления рядового читателя. Возможно еще и то, что драматическая тематика, как и всегда, производит более сильное впечатление, чем бытовая, но во всяком случае эта Ваша последняя повесть произвела на меня глубокое впечатление. Поздравляю Вас с большим литературным успехом. Мне кажется, что эта Ваша повесть стоит выше многих других литературных произведений казачьих писателей - эмигрантов...

... Еще раз благодарю Вас за то удовольствие и даже переживания, которые Вы мне доставили Вашим Кащеевым.»

**
*

Обе книжки П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ», «Яровой Сев» (цена 3 н. фр.) и «Никифор Кащеев» (цена 3.50 н.фр.) можно выписывать через редакцию «Род. Края».

Париж. **Эльмут.**

ЛИЕНЦ.

Берегите, братья, завещайте внукам
Не снимать с могилы черный саван-креп,
Что в долине Дравы, внемля ветра звукам,
Покрывает строго наш казачий склеп!

Всё врагам прощали казаки без мести:
Разоренье края, шрамы страшных ран,
Но друзей измену и попранье чести
Искупал возмездьем весь казачий стан.

Если ж было трудно, казаки молчали,
Но не забывали подлость прошлых дней,
Черным флагом смерти всем они вещали
О негодованьи памяти своей...

Что мы можем там — в долине быстрой
Дравы,
Где погибли братья, дети, старики,
Где под гул и рев бушующей расправы
Полегли на поле с стоном казаки?

— Только и осталось — мнить их в под-
небесьи
И беречь над склепом траурный покров,
Имена же их, Ты, Господи, лишь весй,
По измене павших честных казаков!

Париж. **Иван Сатацкий.**

ЛАГЕРЬ НОВОЧЕРКАССКОГО КАЗАЧЬЕГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА.

По штату Нов. Каз. Юнк. У-ще имело 180 юнкеров, но каждый год сверх штата принималось еще около 10 человек на «расход»: некоторые покидали Училище сами, не будучи в силах перенести трудность занятий (классных или строевых), других исключали за неуспехи или за неподходящее для юнкера поведение или по болезни. Все эти юнкера, около 190 человек, были сведены в одну строевую сотню, которая численно превосходила сотню казачьего полка, в которой по штату было 145 человек, включая к-ра сотни и 4-х взв. офицеров.

Дон. казаки имели право поступать во все Воен. У-ща России, но в Новороссийское У-ще принимались только казаки Войска Донского. Даже казаки других Войск не принимались, ибо Нов. У-ще содержалось исключительно на счет казны Дон. Войска, хотя на общих основаниях со всеми другими Военными Училищами оно подчинялось военно-учебной администрации Российской империи.

**
*

Лагерь юнкеров Н.К.Ю.У. был расположен на левом берегу речки Грушевки. Речка Грушевка — приток р. Аксая, а Аксай — приток Дона; таким образом, Грушевка приходилась внучкой Тихому Дону.

Между левым берегом Грушевки и ж.д. полотном, около 2-х км. длины и ½ км. ширины, с севера на юг тянулась искусственно-насаженная в степи, но имеющая вид настоящего леса, роща.

Роща эта разделялась проволочной изгородью, которая тянулась с востока на запад. Северную половину рощи занимал наш лагерь, а южную — лагерь Донской артиллерии. Ни мы к артиллеристам, ни они к нам не имели права ходить в лагерь. Только во время топографических съемок нам разрешалось проходить через артиллерийский лагерь по берегу речки, чтобы нанести ее на наши планы.

К югу от рощи и по обоим берегам Грушевки был расположен поселок — Персияновка, которая была также дачным местом для жителей Новочеркасска.

Возле поселка было Сельско-Хозяйственное Училище, с новыми красивыми зданиями и большим красивым питомником. Параллельно восточной опушке роши, в ста метрах от нее, проходила ж.д. линия, связывающая Петербург и Москву с Закавказьем, через Новочеркасск и Ростов. Против главного входа в нашу рощу был расположен ж.д. полустанок — Юнкерская Площадка. К востоку от ж.д. полотна лежала степная равнина с едва заметным горизонтом, что придавало ей вид бесконечности. Если провести прямую линию от нашего полустанка прямо на восток, то к югу от этой линии «грохотали пушки» (Т. Шевченко) Донской артиллерии, а к северу от нее наши кони под нами, на всех аллюрах, шевелили степной ковыль, поднимая вихри степных жителей — бабочек и кузнечиков.

По средине нашей рощи была зеленая прямоугольная поляна, на одной из длинных сторон (северной) которой были расположены 2 деревянных барака, а 3-й барак находился на короткой восточной стороне поляны, перпендикулярно ко 2-му бараку, образуя букву Г. Это были бараки, в которых мы жили. Перед бараками проходила лагерная «Линейка» (аллейка), вымощенная гравием и обсаженная деревьями. На линейке каждый вечер мы выстраивались к «заре» (9 часов вечера).

Здесь же, между первыми двумя бара-

ками, была поставлена палатка, где размещался училищный караул юнкеров, и рядом училищное знамя в особом ограждении.

Караул выставлял два поста: 1-й у знамени, на линейке, и 2-й — у порохового погреба, в лесу, где хранились боевые патроны для нашей стрельбы и пироксилин для практических взрывов на суше и в воде. Линия бараков с лагерной Линейкой и караульной палаткой со знаменем составляли парадную сторону лагеря.

За бараками, среди деревьев были расположены деревянные домики для нашего начальства: н-ка училища, к-ра и офицеров сотни. Домики, в своем зеленом тенистом окружении, походили на «хуторок» из иллюстраций к детским сказкам. За правой тыльной стороной наших бараков была расположена столовая — обширный, светлый, с высоким потолком барак, стены которого внутри были выбелены. Столы в стройном порядке, покрытые белыми скатертями, разложенными у каждого прибора белыми салфетками, расставленными белыми тарелками и белыми, по два на каждый стол, кувшинами вкусного крепкого кваса, были всегда приготовлены к нашему возвращению со стрельбы или строевых учений. Столовая сверкала белизной и походила на уютный и хороший загородный ресторан. И когда мы, возвращаясь с учений, проходили мимо нее, чтобы отнести сначала оружие и аммуницию на положенные для них места, вид столовой вызывал у нас восторг, возбуждая большой аппетит. За каждым столом помещалось 11 юнкеров, по 5 с каждой стороны и в конце стола 1 старший.

За столовой, на берегу речки, была купальня; один барак на берегу — раздевалка, от которой шли ступеньки к бараку в воде. Барак этот был с досчатым дном для неплавающих, а для пловцов имелся выход «на простор речной волны»... За купальней, по берегу речки, были расположены конюшни. Между офицерскими домиками и столовой были гряды и оранжерея цветов. Вокруг оранжереи стояли скамейки и стулья. Цветы поливали сами юнкера.

По временам, вечерами, здесь играл оркестр юнкеров на струнных инструментах, приобретенных Училищем для развлечения юнкеров. Музыка чередовалась с хором песенников, а когда некоторые вещи музыканты пели под аккомпанимент своих инструментов, то это походило на настоящий артистический концерт. В оркестре очень хорошо играл на виолончели портупей-юнкер Власов, сын артиста Императорских Театров (Московской Оперы).

В стороне от бараков, в лесу, стояла красивая деревянная церковка, с Престольным Праздником в честь Свв. Первоверховных Апостолов Петра и Павла. В этот день утром совершалось торжественное Богослужение, а вечером, в одном из бараков (3-м), красиво декорированном зеленью, цветами и разноцветными бумажными фонариками, был бал. Приезжали гости из Новочеркасска и окрестных дач. Я не буду писать подробно о наших лагерных занятиях: топографических, съемочных, о конных и пеших учениях и стрельбе, — это заняло бы очень много места.

Укажу лишь на некоторые эпизоды, выходящие за пределы лагерного расписания. Одним из таковых был смотр «Свыше»: помощником инспектора кавалерии Российской армии ген.-лейт. Ширма, которого сопровождал, в должности временного адъютанта, есаул П. Н. Краснов, бывший в то время начальником Казачьего Отдела Офицерской Кавалерийской Школы. Смотр продолжался от 8 час. утра до 12 час. дня и от 2-х час. дня до 6 час. вечера. Инспектирующее начальство во время смотра держало себя «сухо» и немногословно, со сдержанной строгостью. Смотр производился с большой пдробностью, по всем параграфам «Устава Казачьей Строевой Службы»: посадка казака в седле, обучение всадника управлению конем, владению оружием, рубка лозы и уколы чучел шашкой и пикой, барьеры, джигитовка, взводное и сотенное ученье — строевые перестроения и боевые строи сотни, спешивание, рассыпание в цепь спешенных всадников, наступление и перебежки цепью, прицеливание для стрельбы — стоя, с колена и лежа, с возможным применением к местности, подача коноводами лошадей, лава и все ее перестроения по сигналам трубача и «немое ученье» — по знакам шашкой к-ра сотни. Аттака сомкнутым строем. «С места, в карьер, марш, марш!..» Отбой.

Этот смотр, при такой необычной продолжительности и не принятой во внимание степной безветренной жары, при нашем «морально-смотровом» напряжении, сильно потрепало состав сотни физически: кони наши были «в мыле», но и мы тоже. После смотра, при расседлывании, многие наши кони сильно шатались от усталости. Поэтому на другой день, несмотря на строгость лагерного расписания, и коням и нам был дан отдых.

Впоследствии, во время всей своей

службы мирного и военного времени, я много раз, в составе своего полка, принимал участие в смотрах, но они никогда не имели такой продолжительности — обычно были они с утра и до обеда.

Второе событие вне лагерного расписания — артиллерийская стрельба. В первый раз, после классных теорий, мы увидели стрельбу артиллерии боевыми снарядами. Стрелял артиллерийский взвод (два 3-х дюймовых орудия) Донской артиллерии. Объяснения по стрельбе давал сам заведующий лагерем Донской артиллерии полк. В. М. Каледин, старший брат бывшего н-ка Училища, впоследствии Войскового Атамана А. М. Каледина.

В течении всего лагерного времени, после всех наших строевых учений конных и пеших и особенно после стрельбы, при возвращении в лагерь, — вдоль по степи и в высь, к голубому небу, навстречу орлам и жаворонкам неслась наша могучая казачья молодая и звонкая песня.

Лагерным временем для Училища были месяцы: май, июнь, июль и 6 дней августа. Май исключительно посвящался топографическим съемкам, ввиду строгого требования по этому предмету мы работали даже по воскресеньям и праздникам. А июнь, июль и 6 дней августа посвящались строевым конным и пешим занятиям и стрельбе. 6-го августа, в день Преображения Господня, на имя н-ка Училища, обычно после обеда, получалась телеграмма, за личной подписью Государя, который, в особых возвышенно-патриотических выражениях, поздравлял юнкеров выпускного класса с первым офицерским чином.

Этим и заканчивался лагерь. Все остальные, кому надлежало продолжать учиться, увольнялись в отпуск до 1-го сентября, а произведенные в офицеры через 28 дней обязаны были явиться в свои полки.

Портупей-юнкер Училища
выпуска 1909 г.
Париж. **В. Скандилов**

ВПЛАВЬ ЗАГРАНИЦУ.

В тридцатых годах, когда на Дону коллективизация и раскулачивание проходили свирепыми темпами, казаки бросали свои места и разбегались во все стороны, спасаясь от ссылок и тюрем. Некоторые пробовали перебраться заграницу, но почти никому не удавалось уйти от рук Н.К.В.Д., сторожив-ших пограничную линию. Многие шли на железную дорогу, таскали шпалы, копали землю — хватались за всё, что подворачивалось под руку, только бы затеряться среди огромной городской массы и избежать принудительной высылки. С большими семьями труднее было подняться с места и уйти незаметно, быстро, и что делалось чаще всего, ночью.

Бездетные бросали свои дома на волю судьбы и скрывались при первой возможности.

Казак Каменской станицы Филимонов Андрей Иванович, уже однажды высланный с родителями, сбежал из ссылки и теперь не находил себе ни места, ни покоя, переезжая из города в город, меняя работу и ожидая с часу на час ареста и новой ссылки, а может быть и тюрьмы и расстрела. Он взял жену и— по его словам — направился прямо к Румынской границе...

К самой границе подъехать было трудно. Только в исключительных случаях, по специальному разрешению, допускались люди в поселения пограничной полосы.

Филимонов с женой приехал в г. Каменец-Подольск. Здесь ему удалось получить работу и документ на жительство. Получив их, он почувствовал себя более уверенно и более спокойно. Ознакомился с местным населением и постепенно изучил местность — многое увидел сам, кое-что объяснили жители. Побывал и в селе, которое находилось у самой границы на берегу Днестра. В первый раз он не рискнул на побег. Определил только, как бы это могло быть. Вернувшись домой, он сказал жене о своих намерениях. Конечно, жена давно знала об его желании уйти заграницу, они не раз об этом говорили и советовались, но теперь это могло стать скоро реальностью.

Помолчав, жена сказала: «Что ж, попробуй, я уж тут как-нибудь одна буду страдать. А может, меня и не будут беспокоить».

Филимонов рад был увидеть мужество жены и они стали готовиться и выбирать момент, чтобы осуществить план. Наконец, в один из ясных теплых дней они отправились в намеченное место. Прибыв в пограничное село, надо было действовать быстро, не вызывая подозрений.

Прошли на церковную площадь села, которая находилась на возвышенном месте, простились и Филимонов зашагал в сторону реки, а жена осталась на том же месте, желая увидеть, как её муж поплывёт через реку, если это ему удастся, если не выследит кто-либо раньше, чем он войдёт в воду.

Днестр служил границей между Советским Союзом и Румынией. По одной стороне реки ходили днём и ночью советские пограничники, а на противоположном берегу стояла пограничная стража Румынии. Обо всём этом Филимонов знал и шёл теперь, положась на волю Божию.

Стояло лето. Погода была тёплая и солнечная. На берегу шумела орава купающейся детворы, а недалеко от них женщины стирали бельё. Смело подошёл Андрей Иванович к берегу и стал раздеваться.

«Хочу искупаться, бабочки — сказал он женщинам — как вы думаете, не утону я, глубокая река ваша?»

Женщины вполне поверили в искренность слов подошедшего и успокоили его.

«Да ты посмотри, как наши дети купаются и не боятся утонуть — сказала одна самая разговорчивая — кто плавать умеет, может до середины доплыть. Только теперь не разрешают далеко плавать, а то если патрули заметят, то и стрелять начнут.»

«Не бойся, дядя, купайся — сказал один из мальчиков. «Давай, кто дальше заплывёт» — предложил он.

Остался Филимонов в одних трусах и тихонько осторожно вошёл в воду.

«Ну, что ж, сынок, давай соревноваться» — ответил он на предложение мальчика после некоторого молчания. Он поднял руки вверх и тут же, как ловкий пловец, ударился всем телом об воду, так что волны пошли от его энергично работающих рук и ног.

«Ну, ну, малец, не отставай» — сказал он мальчику, принявшемуся всерьёз соперничать с незнакомым дядей.

Сердце его забилось тревожно и теперь он не думал больше ни о чём — ни о плывущем невдалеке ребёнке, ни о жене, оставшейся на площади деревни, ни о чём, кроме одной единственной цели — переплыть реку и, достигнув противоположного берега, очутиться заграницей и совсем, навсегда, избавиться от преследований Н.К.В.Д.

Плыл он всё быстрее, работал руками всё смелее и только временами поднимал голову и осматривался по сторонам, чтобы не потерять направления. Мальчик давно отстал, да о нём уж и забыл Филимонов, удесятерив напряжение, добираясь, как ему показалось, до середины Днестра.

В это время советские пограничники заметили человека, уплывшего далеко от берега и стали ему кричать. Потом, заметив, что пловец возвращаться совсем не собирается, открыли по нём огонь. Жуть охватила казака, он стал напрягать свои силы, преодолевая быстрое течение и не сдаваясь, почти окоченелыми руками с трудом загребал, сбивающие его в сторону, речные волны. Стрельба усиливалась, но пули в цель не попадали, а тем временем человек уходил всё дальше и дальше. Он сделал глубокий вздох и, нырнув, скрылся под водой. Ему показалось, что так много прошло времени, больше, чем вся его жизнь от рождения и до последней минуты. Наконец, вынырнул и увидел, что берег совсем близко, тот берег, о котором он думал последние дни так напряженно, так мучительно, что он представлялся ему и в ночных сновидениях.

«Кажется, такой берег я видел в моих снах» — промелькнуло в голове Филимонова. Однако, размышлять теперь было некогда — румыны тоже подняли тревогу и начали стрелять. Но вот что было удивительно, что пограничники чужой земли, чужого государства, завидев плывущего человека к их берегу, стреляли не в человека, а вверх, в воздух.

«Боже мой, люди добрые, спасите меня, пожалейте, дайте приют» — наплывали слова и мысли в голову несчастного.

Советчики прекратили стрельбу, так как это было теперь совершенно бесцельно. Когда Филимонов выбрался из воды на сушу, его уже поджидали румынские патрули. Они приветливо улыбались и совсем не думали устраивать ему каких-либо козней.

Человек совершенно голый, если не считать коротких летних мокрых трусов, поднял руки вверх и низко поклонился страже. Языка румынского он не знал и объяснялся жестами рук, мимикой лица и другими приёмами. Из того, что говорили ему румыны, он, конечно, ничего понять не мог, но по их

лицам и обращению он видел, что бояться нечего. Один солдат похлопал его по плечу, а другой, сжав кулак, погрозил в сторону советской пограничной охраны. Этого было достаточно, чтобы вполне доверить свою жизнь чужим, не понимающим его языка, людям.

Солдаты повели его в ближайший пограничный пункт, находившийся недалеко от границы в селе. Время перевалило за полдень, подул лёгкий ветерок и солнце спряталось за тучку. Мокрое тело давно обсохло, но трусы на поясе, в складках, были ещё сыроваты и при ветерке точно льдом опоясывали голого человека. Филимонов почувствовал озноб и дрожь, распространившуюся по всему телу. Солдат набросил шинель на плечи пленника и снова похлопал в знак дружбы и успокоения.

В селение пришли совсем вечером. При вечернем освещении начальник охраны принял русского перебежчика, записав его имя и возраст. Особенно допросами не мучил. После этого отвели ему тёплую комнату, накормив предварительно ужином. Начальник после процедуры опроса объявил пленному, что будет назначен суд, а после того он будет освобожден из-под стражи и получит полную свободу.

Весть разнеслась быстро по селу, что русский убежал из Советского Союза, переплыл Днестр и теперь находится в их селе под стражей.

Филимонов не чувствовал себя ни арестованным, ни пленным и по сравнению с советскими методами всё здесь показалось беззлобным и совсем не опасным. Разбудил его какой-то стук в дверь, как будто кто просил разрешения войти.

«Странно — подумал Филимонов — ведь стража стучать не будет.»

«Но кто же это» — задал он себе вопрос, когда стук ещё раз повторился. Он встал и совершенно безбоязненно направился к двери. Дверь оказалась совсем не запёртой и на пороге появилась старуха. Она что-то сказала на непонятном ему языке и подала заключённому узелок. Вручив подарок, она немедленно скрылась. В узелке оказались брюки и рубашка. А спустя некоторое время, снова стук и мальчик принёс ещё узелок. Здесь пленный нашёл румынскую военную тужурку, шапку и пресные лепёшки.

До утра добрые сельские люди одели несчастного русского и утром, когда ему принесли завтрак, он был одет с ног до головы. А стражник, увидав вполне обмундированного человека, одобрительно кивал головой и подбадривал заключённого.

**
*

На берегу, где русские женщины стирали бельё и купались дети, разыгралась, как всегда в подобных случаях, инсценировка в советском духе. Люди, дотоле миролюбиво разговаривавшие с незнакомым мужчиной, вдруг воспылали к нему злобой и ненавистью, как к врагу, как к изменнику родины, переплывшему советскую границу и исчезнувшему на чужом берегу.

Мальчик, поплывший вместе с Филимоновым и вернувшийся назад, спросил у матери, которая всё ещё плескалась со своими «шматьями» на берегу реки:

«Мамка, а чего это дядя поплыл далеко и зачем наши пограничники в него стреляли?»

«Никакой он не дядя — сердито оборвала мать — шпион он и диверсант. Он — враг советской власти, вот и поплыл заграницу. Ему наши красноармейцы кричали вернись, а он всё таки нырнул под воду.»

В это время уже подходили часовые к группе женщин для выяснения личности отплывшего с этого места человека. Мать мальчика первая бросилась навстречу к солдатам и, проявляя активность больше других, кричала приближающимся патрулям.

«Вот, товарищи, шпион тут был и одежду бросил на песке. Я ему говорила, чтобы он у вас разрешения спросил, а он говорит, я хочу немного искупаться. Чуть моего сынишку не уташил с собою.»

Мальчик в упор смотрел на мать, не понимая, почему дело так обернулось. Сама же говорила: поплыви, сынок, с дядей, кто лучше плавает, покажи ему.

Солдаты не придавали значения словам забегающей им наперёд бабе и стравшейся выдобриться перед властью.

«Где жил этот человек — спросили часовые — кто знает его?»

«Да кто же его знает, товарищи, откуда его принесло. Врал тут что-то непонятное, что по делам приехал, а сам тут вредительством занимался. Теперь с доносом поплыл заграницу» — красноречиво поясняла всё та же мать мальчика.

Солдаты подняли с земли одежду неизвестного шпиона и направились для дальнейшего расследования в село.

В селе на площади около церкви стояла женщина. И забыв обо всём на свете, кроме своего личного горя, своего одиночества, вытирала рекой лившиеся слёзы. К ней прямо

и направились патрули, безошибочно определив, что это и есть жена беглеца.

«Ну, что, гражданка, проводила на службу милого?» — крикнул один из пограничников.

«Одежду узнаёшь?» — сунул в лицо женщине брюки её мужа — другой. Она потянулась было, желая вырвать дорогую ей одежду из цепких рук солдата, но тут же получила грубое ругательство и удар прикладом винтовки по рукам.

«Где живёшь? Зачем приехала?.. Молчишь!? У... тварь!

«Заставим... расскажешь!» — прошипел пограничник Н.К.В.Д.

После этого захлопали затворы ружей, ещё ругань и пинки в спину. Женщину солдаты забрали... и.... увели...

**
*

Через два дня Филимонова доставили в ближайший румынский городок, в Управление Суда.

Народу было битком набито в зале суда. Всем было интересно послушать и посмотреть на русского беженца.

Причину бегства Филимонов изложил на русском языке, а переводчик передал суду трепетную речь обвиняемого по-румынски.

«Дорогие Господа Судьи и весь честной народ» — начал в волнении подсудимый. — «Я — донской казак, Андрей Иванович Филимонов. Я простой человек, с детства работал с отцом в сельском хозяйстве. Семью нашу раскулачили и сослали в Сибирь. Родители мои там умерли, а я убежал и скрывался по разным городам. Трудно было жить зайцем и ждать каждую минуту ареста и смерти. Я решил бежать заграницу. Теперь я приготовился ко всему — больше нет выхода и нет сил.

Моя просьба к судьям не возвращать меня в С.С.С.Р. Лучше расстреляйте меня здесь» — сказал он, опустил голову и сел. Потом ещё раз поднялся и добавил: «Страдает весь наш народ. Многое множество сидят в тюрьмах и в ссылочных лагерях.»

Защита была на стороне подсудимого. Но самое интересное — рассказывал Филимонов, что судья, совсем чужой нам национальности, после короткого совещания вышел и произнёс такую речь, что весь зал залился слезами. «Он сожалел о страдающем русском народе и призывал всех помочь мне, кто чем может. Он сам первый положил на стол немалую сумму денег для начала моей новой жизни в чужой стране. Народ заволновался. Стали вставать и бросать деньги для меня — несчастного чужого иностранца.

Я понял, что в этой стране ещё не угасли ни совесть, ни вера в Бога.»

Я понял, что народ живёт здесь ещё по Божеским законам и носит эти законы в своей душе. И ещё страшнее стало, обиднее за свою родную землю, где с каждым днём всё больше попирается правда Божия и укрепляется ложь.

Потом судья подошёл ко мне, подал мне руку, пожелал мне счастливой жизни и объявил ещё раз, что я свободен и могу жить по своему усмотрению, не нарушая только законов их государства.»

В течение нескольких лет Филимонов работал на одном из заводов Румынии. Хорошо уживался с населением, изучил язык и только одна терзала его мысль — как он говорил — мысль об оставленной жене в пограничном селе, на Днестре.

Написал он однажды ей письмо в тот город, в котором были ещё и другие родственники и где они прожили с женой «душа в душу» несколько лет. Ответ был получен из Архангельска, куда жена была сослана на ДЕСЯТЬ лет.

В письме она подробно описала, как её взяли с того места, откуда она наблюдала за ним, как он поплыл по реке, направляясь к чужим заграничным берегам.

Написала о своей тяжёлой участи. А скоро и перестала писать совсем. Наверно, не выдержало здоровье и умерла она в далёких ссыльных лагерях, уготованных для несчастного русского народа.

Во вторую мировую, когда советский фронт приближался к Румынии, Филимонов выбрался из страны приютившей его на долгие годы.

Он снова отыскал свою казачью семью, причислился к походным станицам и был теперь неразлучен с общим Казачьим Станом.

Ричмонд (США) **М. П. Морозова.**

ЗЕРКАЛО.

Много странного на свете бывает, а вот что случилось с моим другом станичником Васей весной этого года... Хм, да-а. До сих пор очухаться не могу.

Возвращались мы из Сантоса автобусом в Сан Паоло. Не раз мы ездили по этой дороге, так что красота панорамы нас больше не развлекала. Путь долгий — два часа — а делать нечего. Читать? — пробовали, да только буквы на ходу прыгают - сливаются, — видно, не столь грамотны, чтобы уметь читать в автобусе. Спать — не хотелось, разговаривать — не о чем: за несколько месяцев совместного пребывания мы своими воспоминанями осточертели друг другу.

Уныло я разглядывал всех пассажиров по очереди. Когда дело дошло до Васи, он, смотрю, уперся в одну точку и замер.

«Что же там такое?» — подумал я и постарался найти направление, куда он смотрит. «Ага — зеркало над головой шофера». Там, как на экране, портретная галлерея всех пассажиров. Однако, чтоб не быть, чего доброго, невоспитанным, я откинулся на спинку кресла и, прикрыв глаза, словно сплю, стал наблюдать за зеркалом.

На переднем плане, справа, первая была моя собственная физиономия с небритой щетиной, местами украшенная сединой. Рядом мсложавое загорелое лицо станичника Васи с непокорной прядью позолотившихся от солнца волос. Пара его голубых глаз была уперта в соседку слева — женщину лет 30-ти, с обручальным кольцом на правой руке — значит, невеста. Черные волосы и такие же густые тонкие брови на бледном лице; темно-карие глаза отражают горе обладательницы; белая блузка, сумочка на коленях. Рядом с ней молодой человек шикарно одетый, неопределенных лет, его бледное лицо отражало не то самонадеянность, не то болезнь «желчью». Безцветные глаза и жидкие волосы на голове и вообще какой то неприятный вид не могли ничего породить во мне, кроме чувства брезгливости. У него на пальце правой руки обручальное кольцо — жених.

Я наблюдаю — голубые глаза встречаются с карими... карие скрываются под густой сетью ресниц... «Отзовись... я чувствую твое горе»... — говорят голубые глаза. Карие сверкают из под ресниц и голова незнакомки поворачивается в нашу сторону, с любопытством оглядывает Васю и Васин не особенно изысканный костюм. Снова встречаются в зеркале и прячутся под ресницами. Безцветные глаза жениха скользят по зеркалу, встречаются с голубыми... не выдерживают их честного взгляда... и молодой человек отворачивается к окну. Снова скрещиваются карие с голубыми. В карих скользит луч солнца, голубые сверкают счастьем, как море летним днем...

Автобус последний раз тяжело вздохнул и остановился. Пассажиры стали подниматься. Поднявшись, незнакомка обронила платок. Вася ловко нагнулся, его поднял и подал. — «Обригаду» (спасибо по-португальски) получил он в награду и снова карие глаза встретились с голубыми.

По выходе из автобуса я попрощался с Васей и отправился домой.

Прошло полгода: Вася, точно «в воду канул». Вдруг, случайно узнаю, что он скоропостижно... женился на «карих глазках»...

Говорят, что Вася счастлив в браке. На долго ли? Не до следующего зеркала в автобусе?

Чикаго (США). **Беренс.**

КАЗАЧИЙ ДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ

Правление Казачьего Союза сообщает казакам ВСЕХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК, живущим во Франции, что после долгих хлопот Правлению удалось добиться согласия высших органов по беженским делам ассигновать сумму, необходимую для покупки и оборудования дома для престарелых казаков. Требуется в СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ представить список стариков, желающих найти приют в этом доме, поэтому Правление Казачьего Союза просит казаков, а также иногородних, родившихся на территории Казачьих Войск, и всех тех, кто служил в казачьих частях и первопоходников НЕ-

МЕДЛЕННО подать заявление на имя Секретаря Каз. Союза Г. С. Новикова по адресу:
Novikoff, 61, rue Miromesnil, Paris 8e

Те, кто уже подавал заявление раньше, пусть потрудятся еще раз. Старики, уже находящиеся в каком-либо старческом доме и желающие переселиться в свой казачий дом, тоже должны подать заявление немедленно. Они будут зачислены во вторую очередь.

Если все места не будут в срочном порядке заняты казаками, правительство, которое берет на себя содержание пансионеров, может предоставить оставшиеся вакансии неказакам и старикам других национальностей.

Все лица, подавшие заявления о желании поступить в Казачий Дом для престарелых, будут приняты при условии, если они на это имеют право согласно социальным законам во Франции (лица обоего пола, достигшие 65 лет. возраста или более «молодые», потерявшие известный процент трудоспособности).

Ввиду того, что многие подали свои заявления в форме справок, а не заявлений о желании поступить в Каз. Дом, и для того, чтобы ускорить дело, ниже сообщается форма заявлений, в какой их нужно делать:

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу зачислить меня кандидатом в открывающийся Казачий Дом.
Имя и фамилия:
Год рождения:
Место рождения:
Адрес (в настоящее время):
№ беженской карточки (выданной на рю Коперник или рю Ля Перуз). Подпись.

Просьба ко всем тем, кто уже подал заявление, сообщить их **№ беженской карточки**, если это не было сделано.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Помещенное в №31-м «Род. Края» письмо в редакцию полк. Протопопова вызвало ответное письмо подъес. Падалкина, выдержки из которого помещаются ниже.

1. Было бы очень желательно, если бы полк. Протопопов факт связи Мироновского корпуса с Мамантовским с целью провокации осветил подробнее, т. к. эти сведения появляются в печати впервые и безусловно представляют большой интерес, особенно для тех, кто занимается изучением Мамантовского рейда. В движении корпуса Миронова действительно не все ясно, но и заявления Попова, Орлова, Низельщикова о желании Миронова обмануть Мамантова, принимая во внимание малую боеспособность его корпуса, его расформирование и отправку казаков корпуса по лагерям, приговор к смерти Миронова Буденным, предание суду всего мироновского штаба и т. д. тоже ставят целый ряд вопросов.

2. Точного состава 4-го корпуса во время рейда я не знал, но в Крымский период, служа во 2-ой Дон. Дивизии, которой почти все время командовал участник мамант. рейда ген. Татаркин, я слышал от многих казаков и знал, что много офицеров были также участниками рейда ген. Мамантова. Вероятно, это обстоятельство и позволило мне думать о 2-ой Дивизии, как об остатках 4-го корпуса и поправка полк. Протопопова в этой части очень ценна.

3. Что же касается расстрела полит. комиссара одной из бригад 5-ой Сов. дивизии по распоряжению полк. Чапчикова, то сообщаю некоторые подробности, давшие мне основания говорить об этом. На следующее утро после разгрома 5-ой дивизии, ко мне, как к офицеру для поручений по полит. части при штабе 2 дивизии, привели одного из пленных с запиской от адъютанта по разв. части штаба 2-ой дивизии войскового стар-

шины Хохлачева, в которой он писал примерно следующее: «Вчера Калединский полк взял в плен бригадного комиссара. Я и М. А. Ковалев (адъютант по оперативной части штаба 2-ой дивизии. А. П.) допросили его по нашей части и посылаем его к Вам для допроса по вашей политической части». Во время моего допроса он не отрицал того, что во время рейда им были оставлены специальные агенты для разведки и пропаганды в армии белых. Но категорически отказался дать о них сведения, могущие облегчить их поимку. Он не строил себе иллюзий о своей судьбе и только просил, чтобы его расстреляли, а не вешали, и чтобы эта задача была бы возложена не на калмыков, которых он особенно почему то боялся.

После допроса я отправил его обратно к Хохлачеву и немедленно сообщил в Штаб. Дон. Корпуса о результатах допроса. При этом просил разрешения обещать комиссару сохранение жизни, если он поможет нам в поимке сов. агентов. Получив такое разрешение, я просил не то войск. ст. Ковалева, не то Хохлачева, не то обоих вместе «дать мне комиссара для нового допроса», но получил ответ: «Это был пленный Чапчикова и он его расстрелял». Подробностями я не интересовался. Но в день разгрома 7-ой Сов. дивизии у с. Ольгинского нашей 2-ой дивизией, в котором принимал участие и Калединский полк, вернувшись после рейда в Макееву, я обратился к полк. Чапчикову, с которым я был в очень хороших отношениях, по вопросу необходимости, согласно распоряжению Ставки Главнокомандующего, сдавать в политическую часть захватываемые канцелярии комиссаров и сов. деньги, нужные для посылки наших агентов. Деньги эти мы принуждены были покупать или выменивать у местного населения.

Полк. Чапчиков ответил: «то и другое сжигаем, а комиссаров расстреливаем, т. к. у нас нет времени ими заниматься». Во время этого разговора вспомнили и бриг. комиссара, которого поспешили расстрелять, не получив от него всех нужных нам сведений. Чапчиков, как бы в подтверждение слов Хохлачева или Ковалева, со свойственной ему манерой добавил: «А тебе что? Нужно комиссара? Если того расстреляли — добудем другого.»

Все вместе взятое и дало мне основание говорить о расстреле комиссара по распоряжению полк. Чапчикова. Насколько я знал М. А. Ковалева и Хохлачева, я не имел оснований им не верить.»

4. Читателям «Род. Края» будет интересно ознакомиться со свидетельством С. П. Мельгунова о Мамантовском рейде (сборник «На чужой стороне», том 5, отдел «Среди книг» — обзор 3-го тома «Очерков Русской Смуты» ген. Деникина, стр. 306):

« ... если бы ген. Деникин с самыми незначительными силами захватил Москву, не обращая внимания на развал в «тылу», он был бы победителем в гражданской войне... Осенью 1919 г., когда конница Деникина прорвалась через красные части и подходила к Черни, я жил там на нелегальном положении в Тульской губ. Я видел, какая паника возникла в командных большевицких кругах, какое сочувствие было кругом среди крестьян Деникину: его ждали, как избавителя, я видел, какое безумие охватило власть — мимо меня бешено носились открытые платформы грузовых автомобилей, наполненные людьми и скарбом: это эвакуировался Чернинский совет. Стоило на горизонте появиться всаднику — раздавались крики: «Казаки...» А это было по крайней мере в расстоянии ста верст от того места, куда проникали мамантовские разъезды. Я знаю, как в эти дни тревожно обсуждался вопрос: эвакуировать ли Москву или нет? И только одним голосом решено было отложить начало эвакуации на несколько дней. В это время начался отход Деникинской армии. Если бы Москва была эвакуирована, гражданская война пошла бы по другому руслу...»

Париж. **А. П. Падалкин.**

ОБРАЩЕНИЕ КОМИССИИ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ ПОЧИВШЕГО ГЕН. ОТ КАВ. П. Х. ПОПОВА.

6 окт. 1960 г. в Америке скончался старейший Донской казак генерал от кавалерии Петр Харитонович Попов и погребен в Нью-Йорке на кладбище Св. Серафима.

В одной из статей, посвященных памяти почившего, говорится:

«... Когда по всей России поднималась волна большевизма, шел погром, пылали пожарища и раздавались вопли отчаяния, только на Дону держался порядок, был закон. И это потому, что у Донской власти была опора — ген. П. Х. Попов и его юнкера...

«К 12 февр. 1918 г. вся Дон. Область была занята большевиками... но перед торжествующим врагом не капитулировал Походный Атаман Попов...»

«В лице его не склонилось Войско Донское... Он крепко и высоко держал знамя Войска и со своим Степным Отрядом ушел в Задонье...»

«Вот величайшая заслуга перед Всевеликим Войском Донским казака Новочеркасской станицы ген. П. Х. Попова... Образ Походного Атамана стал символом чести Войска Донского...»

В заключение автор пишет: «Всевеликое Войско Донское обязано достойно увековечить память своего Походного Атамана современем там на Родной Земле, но в эмиграции это же должны сделать все донские казаки - эмигранты. Верим, что они создадут объединенный орган и найдут достойную форму увековечения его памяти...»

В феврале 1918 г. после оставления с одобрением Войскового Круга и Атамана ген. Назарова столицы Дона — Новочеркасска, ген. Попов оставался со своим отрядом партизан в Задонских степях с глубокой верой в скорое пробуждение Донского Казачества от большевицкого навождения, сохранив таким образом беспрерывность борьбы Дона с большевиками, и способствовал скорейшему его восстанию против захватчиков, удерживая в пределах Дона базу для дальнейшей борьбы на всем Юго-Востоке России. С момента начавшихся по всему Дону восстаний — объединил и руководил ими.

Имя этого славного и заслуженного казака в годы лихолетия просияло яркой звездой и теперь стало достоянием истории. Нам, современникам оставшимся в живых, осталось только воздать должное его заслугам перед Россией и Казачеством.

**
*

Немедленно после смерти и похорон П. Х. Попова, в Нью-Йорке для сбора средств для сооружения памятника на его могиле каз. организациями Америки был создан особый Комитет под председательством Иосифа Кирилловича Ковалева. Комитетом для сбора средств были разосланы подписные листы.

Для оказания помощи «Американскому» Комитету и для издания специального сборника, посвященного жизни и деятельности ген. П. Х. Попова, во Франции, в Париже, с одобрения Объединения Атаманского Военного Училища, воспитанников Новочеркасского Военного Училища, Донских партизан участников 1-го Куб. Похода, Донского Войскового Объединения, Союза Дон. Артиллеристов, Казачьего Союза, Отдела Каз. Союза — Партизан Чернецовцев-Семилетовцев, Союза Казаков - Комбатантов, Калмыцкого Союза, Содружества Лиенца и участников 1-го Кубанского, Дроздовского, Степного Походов — создана «Комиссия по увековечению памяти ген. от кав. П. Х. Попова» в составе: председатель — старейший дон. партизан, объединяющий участников 1-го Куб. Похода — ген.-лейт. П. К. Писарев, заместитель председ. — объединяющий участников Степного Похода — ген. майор Н. И. Тарарин, секретарь и казначей — участник Степного Похода — подъес. А. П. Падалкин. Члены Комиссии: предс. Каз. Союза — Б. А. Богаевский, предс. Дон. Войск. Объединения — В. Н. Романов, предс. Калмыцкого Союза во Франции — С. Ш. Балданов.

Созданная в Париже Комиссия обращается ко всем донским казакам и к казакам всех других Казачьих Войск, а также ко всем тем русским людям, которые после воцарения красного зверя в Петрограде и Москве шли на Дон —одни в организацию ген. Алексеева, а потом в Добровольческую Армию, другие просто искали убежища на Дону, лозунгом которого всегда было «С Дона выдачи нет». Комиссия обращается ко всем тем, кому дорога память того, кто в дни величайшей смуты на Руси сделал столь много для борьбы с ее виновниками — большевиками, откликнуться на ее призыв и помочь ей в осуществлении ее задачи присылкой денежных пожертвований, как для постановки памятника, так и для издания сборника, посвященного памяти ген. П. Х. Попова.

Все денежные переводы из стран Европы и Африки направлять по адресу редакции журнала «Родимый Край»: B. Bogaevsky. 52, av. Flachat. Asnières (Seine). France. При посылке необходимо указывать, на какую цель посылаются деньги. Список жертвователей будет опубликовываться в «Род. Крае» и на всякую присланную сумму в Париж Комиссию будет выслана надлежащая квитанция.

Все денежные переводы из стран Сев. и Южн. Америки, Азии, Австралии направлять по адресу казначея Американской Ко-

миссии: A. Kibirev. BD 3. Box 261. Farmingdale. New-Jersey. N.Y. USA. Подписные листы, разосланные Американской Комиссией, остаются в силе и пожертвования, собранные по ним, надлежит посылать по указанным выше адресам.

Лица, проживающие в странах Сев. и Южн. Америки, Австралии и желающие внести свою лепту специально на издание сборника, благоволят свои пожертвования посылать непосредственно на адрес «Парижской Комиссии».

Комиссия просит всех присылать ей, не считаясь с формой изложения, свои воспоминания из жизни и деятельности ген. П. Х. Попова, а также письма, приказы, фотографии, газетн. и журнальн. статьи и все документы, освещающие деятельность покойного за всю его долгую жизнь, в особенности в годы Российской Смуты 1917-1920 гг. Все эти материалы в Комиссии будут разобраны и использованы для составления сборника, а затем, если того пожелает приславший, возвращены обратно в полной сохранности.

Все материалы и всю переписку, касающуюся Парижской Комиссии, направлять по адресу ее секретаря: Mr. A. Padalkine. 3 rue Jobbé Duval. Paris. France.

Среди членов Комиссии было собрано: ген. Писарев — 10 н. фр., ген. Тарарин — 50 н. фр., В. Н. Романов — 30 н. фр., С. Ш. Балданов — 10 н. фр., Б. А. Богаевский — 30 н. фр., подъес. А. П. Падалкин — 50 н. фр. Итого — 180 н. фр.

Председатель Комиссии:
ген.-л. П. Писарев
Секретарь: **подъес. А. Падалкин**
Июнь 1961 р. Париж.

ГЕНЕРАЛ С. К. БОРОДИН.

Генерал Сысой Капитонович Бородин, казак Н. Курмоярской станицы, хутора Королева (1 Дон. О-га), родился 6 июля 1883 г. в семье простого зажиточного казака. Первоначальное знакомство с грамотой получил в семье, а затем был отдан в 2-ух классное Училище слободы Ильинки н/Салу. Родители, видя его способности и любовь к приобретению знаний, решили продолжить его образование и наняли репетитора для подготовки сына в Новочеркасское Юнкерское Училище, которое он окончил по первому разряду портупей-юнкером. Произведенный в хорунжие, вышел в 6-ой Дон. каз. полк, стоявший в г. Млаве. Служба в полку сложилась не совсем удачно: С. К. не мог примириться с несправедливыми наложениями дисциплинарных взысканий на подчиненных и недоразумения с командным составом полка вынудили его покинуть полк и вернуться на х. Королев. Здесь, не желая оставаться бездеятельным, С. К. создал кружок по борьбе с пьянством, но скоро в этой работе разочаровался и снова поступил на военную службу в другой Дон. каз. полк. Находясь в полку, подготовился к поступлению в Академию Генерального Штаба, которую окончил в 1912 г. по 1-му разряду с причислением к Ген. Штабу.

1-ая Мировая война застала его адъютантом штаба корпуса, где его трудоспособность и энергия были высоко ценимы начальством. В конце войны был назначен начальником штаба Туркестанской дивизии, но революция помешала ему приступить к исполнению службы.

Вернувшись на Дон, проявлял усиленную деятельность между казаками, призывая их к благоразумию.

Первые месяцы борьбы с большевиками С. К. был начальником штаба у ген. Мамантова. По очищении Дона от красных стан. Н. Курмоярской был выбран в члены Войск. Круга, где был председателем Военной Комиссии по обороне.

Службу на Дону С. К. закончил начальником Донского Войскового Штаба. В Крыму — начальником штаба дивизии у ген. Гусельщикова. Дальше — Лемнос и Болгария.

Из Болгарии по рабочему контракту переехал во Францию, который отбыл, работая в шахтах по добыванию жел. руды, а затем работал шофером такси в Париже.

Конец 2-ой Мировой войны застал его в Германии, где он работал в организации по борьбе с большевизмом. Вернулся домой во Францию с совершенно разбитым здоровьем, которое так и не удалось восстановить.

Значительную часть своей жизни во Франции провел в Ганьи (под Парижем), где имел свой небольшой домик, и в жизни местной русской колонии играл значительную роль, неоднократно его выбирали станичным атаманом и в местный церковный совет.

Последние годы занимался огородничеством, принимая деятельное участие в жизни париж. каз. организаций и ведя большую переписку с различными русскими политическими деятелями, находящимися в Америке. Одновременно хлопотал об издании своих мемуаров о 1-ой Мировой и о гражданской войнах.

До последних дней своей жизни не терял надежды на падение большевизма и возрождение казачества, оставаясь всегда противником крайних политических программ и верным сыном родного Дона, обладая большой любовью к Дону и рядовому казачеству. На весну каждого года возлагал надежды на его освобождение. Но весна этого года принесла ему освобождение от земной жизни. Умер он 20 февр. 1961 г. и похоронен на местном кладбище г. Ганьи.

И. А.

А. И. ШМЕЛЕВ.

Из Аргентины жена А. И. Шмелева сообщает: «Волею Божьей 2-го мая 1960 г. после непродолжительной, но тяжелой болезни, в Сергинском доме инвалидов Тайшетского района Иркутск. Области скончался А. И. Шмелев».

Полковник Александр Иванович Шмелев, казак ст. Нижне-Чирской В.В.Д., родился 2 сент. 1895 г. Окончив местное Реальное Училище, он поступил в Новочерк. Каз. Военное уч. и в 1915 г. прапорщиком вышел на фронт в 12-ый Дон. Каз. полк. Искренне верующий христианин, хороший семьянин, честный, добрый, ласковый, приветливый, всегда отзывчивый не только в отношении его семьи, но также и казаков. Гостеприимный, большой хлебосол. Всегда аккуратно соблюдал все праздники посещением церкви всей своей семьей, после чего «хлебом-солью» приветствовал в эти дни приглашенных к нему гостей, которых умел развеселить и песнями, особенно казачьими. Воспитанный в казачьей среде, он отлично знал жизнь и душу казаков.

Первую Мировую войну закончил сотником. Когда в начале марта 1918 г. началось восстание в Н.-Чирской, он был назначен старшим офицером 3-ей сотни 1-го Каз. кон. полка, защищавшего станицу, где, будучи в составе Новочерк. офицерской батареи, прибывшей из войск Южного отряда (полк. Денисова), я с ним встретился в первый раз. При дальнейшем постепенном освобождении Дон. Области от большевиков и разворачивании Донармии, он приказом по Войску от 9 февр. 1919 г. был назначен уже командиром 451го Дон. каз. полка. За отличные боевые действия — пройдя постепенно все этапы производства в чины, к этому времени, он приказом по В. Дон. №1144 — произведен в полковники. Все мы знаем, что «война рождает героев», таким был и «Саша Шмель», как все соратники (оф. и каз.) часто называли его. Лихой, отважный, беззаветно храбрый в бою, он сам лично водил полк в атаку и всегда был впереди своих казаков. В его послужном списке записано: в боях и походах против Австро-Венгрии и Германии ранен три раза и один раз контужен; в боях против «красных» был ранен три раза.

Имел награды — орден св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость» и все боевые ордена включительно до Св. Владимира 4 ст. с меч. и бантом.

Участвовал в рейде Мамантова. На аэроплане из Новочеркасска привез Мамантову приказ ген. Деникина о прекращении рейда и возвращении корпуса на Дон.

При эвакуации мамантовцев с Черноморского побережья (Адлер у Грузинской гран.), при совсем неожиданной посадке казаков на английский крейсер и пароход «Саратов» — он со своим знаменитым 45-м полком был в аррьергарде и блестяще справился с задачей прикрытия погрузки в особенно тяжелых условиях, когда уже велись переговоры с красными о «вступлении в силу перемирия и сдачи оружия казаками». Все

казаки (около пяти тысяч), бывшие на берегу и пожелавшие уехать в Крым, были погружены. В Крыму в Русской армии ген. Врангеля 45-ый полк переименовывается в «Платовский», командиром которого назначен был полк. А. Шмелев (пр. 21-го мая № 92). Полк входил в состав 2-ой Дон. каз. дивизии, получившей название «скорой помощи». Приказом Главнокомандующего от 24 июня 1920 г. за № 3296 — Платовский полк (и др. полки дивизии) был награжден — серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, а полк. А. Шмелев — орденом Св. Николая Чудотворца 2-ой степени (пр. № 508. Смотри книгу «Пути верных». А. Лампе, стр. 149).

В эмиграции — сначала в Греции на о. Лемносе, затем в Болгарии в г. Хасково — полк. Шмелев все время оставался командиром полка; руководил, направлял и облегчал жизнь казаков приисканием для них работы. А главное — он же защищал бесправных русских эмигрантов и их интересы — перед Болгарским правительством, у которого «наш Шмель» пользовался доверием и авторитетом; а население города (болгары и турки) относились к нему с большим уважением.

В апреле 1942 г., вместе с оставшимися в полку казаками, он прибыл в Белград и вступил в ряды Русского Корпуса, где в 1-ом каз. полку имени ген. Зборовского командовал 10-ой сотней. Сотня его была лучшей сотней в полку и часто получала самые ответственные задания. Например: в ночном бою (24 сент. 1944) при оставлении с. Лозница, при прорыве полка из полного окружения сильным и хорошо вооруженным противником, когда атака наших «союзников» с большими потерями для них была отбита — 10-ая сотня, во главе с ее командиром «Сашей Шмелем» — новой атакой окружение прорвала и **в полном составе (с артиллерией и обозами) полк вышел из окружения.** Полк. А. Шмелев был награжден **железным** крестом. («Наши вести» № 178, стр. 4).

При дальнейшем отступлении в с. Челич осколком (своей) взорвавшейся мины он был тяжело ранен, благодаря чему при операции в лазарете ему вырезали одну почку. После еще не совсем полного выздоровления он вернулся в полк, но вскоре был командирован в РОА, для связи с ген. А. Власовым.

Можно предполагать, что по окончании 2-ой Мировой войны, после заключения перемирия воюющими сторонами, — он (по ошибке, к несчастью) попал в один из самых тяжелых секретных лагерей, был выдан в Советскую Россию, где и отбыл десятилетний срок заключения, после которого РАЗРЕШЕНИЯ НА ВЫЕЗД ЗАГРАНИЦУ НЕ ПОЛУЧИЛ. Ему была запрещена и переписка, т. к. ни на одно из многих писем, посланных ему его семьей, он не ответил.

Закончим некролог выпиской из письма родных усопшего: «ушел в другой мир верный сын России и Тихого Дона, всю жизнь посвятивший борьбе за освобождение родного края и Великой Родины от безбожной власти. В скромном доме для инвалидов, далеко, на неприветливом севере, вдали от дорогих его сердцу людей, кончил боевой путь полк. Александр Иванович Шмелев, начатый на привольных степных просторах Дона. Ввиду отсутствия священника в тех местах, он был похоронен без православного обряда... и остался только холмик земли с дощечкой (даже не с крестом), на которой выжжены имя, отч., фам. и дата его смерти... И никто, никогда не придет на эту могилку помолиться»... Царство ему небесное!

После усопшего остались жена его Антонина Ивановна, дочь Наталия Ал. и зять А. Р. Яцен, которых мы (оф. и каз.), боевые соратники ЛЮБИМОГО ОТЦА - КОМАНДИРА, просим принять наши искренние соболезнования в постигшем их неутешном горе. Крепко верим, что память о лихом казачьем командире А. И. Шмелеве останется навсегда в истории Всевеликого Войска Донского.

Сослуживцы офицеры и казаки.
Полк. (артил.) Максим Бугураев.

ПАМЯТИ И. И. БЕЛОУСОВА

Еще один казачий могильный холмик вырос на чужбине, — умер после продолжительной болезни есаул Донского Войска Иван Иванович Белоусов, 68 лет, участник 1-ой Мировой и гражданской войны.

В 1923 году он с общей волной эмигра-

ции попал в Нью Иорк. В то время И. И. был здоров, легко изучил столярное дело и начал работать. Несколько лет назад И. И. Белоусов переехал в Джэксон, Нью Джерзи, где мечта о постройке дома осуществилась. Два года тому назад здоровье И. И. пошатнулось.

Долго он боролся со своей мучительной болезнью, но переутомленное сердце перестало биться и он скончался 29 апреля. Во вторник 2 мая, к 10 часам утра, друзья и знакомые начали стекаться в соборный храм Христа Спасителя и украшать гроб умершего венками и цветами. У гроба почившего жена Софья Сергеевна, дочь, зять и родственники. Заупокойную литургию и отпевание совершил о. Иоанн Жарский. В числе молящихся присутствовали казаки Обще-Казачьей станицы в Нью Иорке, во главе со станичным атаманом А. Е. Афанасьевым, возложившим на гроб венок от имени станицы, в которой почивший И. И. Белоусов некоторое время был атаманом. Трогательное и прочувствованное слово произнес о. Иоанн. Похоронен И. И. Белоусов на Свято-Владимирском кладбище при ферме РОВА.

Пишущий эти строки был другом покойного и хорошо знал его еще на Дону. Всегда мягкий, деликатный, доброжелательный, он особенно тяжело переживал разлуку с родиной, будучи верным сыном матери России и глубоко преданным своему Тихому Дону. О России — одна его мечта. О Тихом Доне — одна его забота. Глубоко верующий православный христианин, он был человеком твердых семейных устоев.

Вечная ему память!

Нью Иорк. **И. Курицын**

УШЕДШИЕ.

† 27 апр. с. г. в Жибервиле (Кальвадос - Франция) скончался вахмистр 1-ой Дон. Каз. Пласт. батареи Г. Д. Свирякин, стан. Семикаракорской В.В.Д.

† 8 мая с. г. в городской больнице г. Зальцбурга (Австрия) скончался от последствий операции И. Е. Тапилин, стан. Усть-Медведицкой, хутора БуеракПопова В.В.Д. Покойному было 75 лет.

† 15 июня с. г. в г. Штаере (Австрия) скончался и похоронен на местном кладбище сот. Куб. Войска Я. В. Коломиец.

† 13 июня с. г. в Париже от тяжелой болезни (рак аорты) скончался К. П. Пискунов, стан. Усть-Белокалитвенской В.В.Д., 72 лет от роду. Похоронен на кладбище г. Дранси.

† 26 мая в Филадельфии после продолжительной болезни скончался участник Степного Похода подхорунжий Донского Войска С. Джамбинов. Похороны состоялись на кладбище при ферме РОВА.

† 18 марта в США скончался после продолжительной и тяжелой болезни, 58 лет, казак В.В.Д. — профессор О. И. Ядов.

† Во Флоренции (Италия) от последствий операции скончался полк. Н. И. Посохов, стан. Тульской, Куб. Войска.

† 6 июля с. г. после тяжкой болезни в Париже скончался ген.-майор М. П. Растегаев, Куб. В. Похоронен на кадетском участке русского кладбища в С. Женевьев.

† 1 июля с. г. в госпитале г. Ментона (Франция) скончался есаул Куб. В. — Ф. К. Иванов.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

◆ Шестнадцатая годовщина Лиенцевской трагедии была отмечена во многих местах каз. рассеяния.

1-го июня на каз. кладбище у места выдачи в Лиенце были отслужены отцом Иваном Дорошенко Божественная Литургия и панихида, на которые собралось много казаков со всей Австрии. После церковной службы состоялась братская трапеза.

В Париже казачьими организациями Парижского района была отслужена торжественная панихида 4-го июня в Кафедраль-

ном Соборе на рю Дарю.

В Лионе Обще-Каз. Станица отметила день выдачи панихидой в Св. Николаевской церкви 11 июня.

В САСШ были отслужены панихиды во многих местах: 3 июня в Фарминдайле, 30 мая в Нью-Йорке, 3 и 4 июня в Патерсоне.

◆ 11 июня в 43-ю годовщину Степного Похода, в Париже, в Кафедральном Соборе на рю Дарю, был отслужен молебен о здравии нашей Родины, Тихого Дона, всех каз. краев и первопоходников: степняков, дроздовцев, участников 1-го Куб. похода и всех белых воинов, с поминовением усопших убиенных Государя Николая II, Атамана всех Каз. Войск Наследника Цесаревича Алексея, усопшего Поход. Атамана ген. П. Х. Попова, почивших Атаманов и вождей Казачества и всех Белых вождей и воинов.

◆ 14 мая состоялось годовое общее собрание Общ. Каз. Кассы Взаимопомощи в г. Клягенфурте (Австрия), на котором были произведены выборы нового правления. Выбранными оказались: председатель Н. Волков, заместитель Н. Ермаков, секретарь — А. Жеребков, заместитель Б. Манацков, казначей — А. Бондаренко, зам. Г. Дорошенко. Ревизионная комиссия: предс. — Ф. Беседко, члены — И. Рухов и В. Рассказов.

◆ 5 июня с. г. в Париже в «Доме Белого воина» (5 рю Мериме) состоялось чествование Каз. Союзом известной русской благотворительницы Е. С. Фишер по случаю ее награждения представителем Куб. Атамана полк. Зайцевым медалью за услуги Куб. Войску и ее принятия в почетные члены Каз. Союза.

◆ 27 мая состоялись перевыборы правления Отдела Партизан Чернецовцев, Семилетовцев и Дудаковцев Каз. Союза. Выборы дали следующие результаты: председатель М. И. Кацман (чернецовец), ген. секретарь — Б. Я. Шувалов (уч. Студен. б-на и семилетовец), 2-ой секретарь — Сестра Милосердия Сибир. Отряда ВСГ А. Ф. Федорова.

◆ Новинки книж. рынка: проф. М. А. Миллер «Дон и Приазовье в древности». ч. III. «Раннее средневековье», «Кубанский Истор. и Литератур. Сборник», № 8 (выписывать у изд. Naumenko. PO Box 126. Orangeburg. N. Y. USA), №1 истор. журнала «Казачий путь», изданный Е. М. Гулым (адрес изд. — Guly. 735 Ot'sco St. Syracuse 4. N. Y. USA), «Наш полк в месяцы революции 1917 г.» № 1, 2, 3, 4 (выписывать у автора: Elysseev. 502 W. 177 Str. Apt. 1 c. New-York 33. N. V. USA).

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 апр. по 1 июля 1951 г.)

В **Фонд Издательства:** Н. Воробьев — 3 долл., С. Артемов — 10 н,фр., Г. В. Губарев — 1 долл.

Через наших **представителей:** В. А. Балахнина — 10 долл., из США через Б. Н. Уланова: д-ра Ряхина — 2 долл., Алферова — 1 долл., Чеботарева — 6,30 долл., С. Очурова и У. Цебекова по 7,25 долл., Х. Амарханова — 5 долл.

На издание книги **о Ермаке:** Беренс — 1 долл., Н. Воробьев — 3 долл., от Обще-Каз. станицы Нью-Йорка в память бывшего атамана станицы, почившего казака Новочеркасской стан., И. И. Белоусова — 10 долл.

Для передачи **Дам. Комитету Каз. Союза:** Б. П. Попов — 50 н. фр.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят всех жертвователей принять их искреннюю и глубокую благодарность.

ОТ редакционной коллегии «Род. Края»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15-233-70, Nointel par Presles (S. et O.) F r a n c e.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:
Mr. Bogaevsky. 52, Av. Flachat. Asnieres (Seine) France.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н.

фр.) и «Никифор Кащеев» (цена 3.50 н. фр.). и репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (размер 32х16 см. цена 8 н. фр.).

Редакция «Род. Края» предлагает своим читателем принять участие в конкурсе рисунков для новой обложки журнала. Конкурс открыт для всех желающих. Рисунки (на каз. темы) должны быть сделаны на белой бумаге и присланы в редакцию в несогнутом виде не позже сентября 1961 г.

Выбор наилучшего рисунка будет произведен казачьим жюри и выигравший конкурс получит в виде премии годовую подписку на «Род. Край» и книжку рассказов П. М. Аврамова «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» и две книжки стихов: «Рифмованные Кончики» — Альникина и «Луч» — Юшкина-Котлубанского.

***

В редакцию «Род. Края» часто обращаются любители каз. старины и коллекционеры (каз. оружия, книг, картин, гравюр, значков, монет, русских бумажных денег времен гражданской войны и т. д.) с запросами, где можно найти интересующие их вещи. Лиц, желающих продать таковые, просят сообщить об этом в редакцию.

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).

Métro: La Motte-Picquet

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Поздравления с Войсковыми Праздниками.
Н. М. Мельников — «Слава Богу, мы — казаки».
Старый офицер — «Дело „Фенаролли" у казаков».
М. Бугураев — «По поводу рейда ген. Павлова».
Редакция Каз. Лексикона — «О каз. Лексиконе».
И. Г. Улитин — «Родная сторона».
А. Падалкин — «Новочеркасское Казачье Училище».
Юшкин-Котлубанский — «Воля-Волюшка».
Нем — «Хор Сергея Жарова».
П. Аврамов — «На родные могилки».
П. А. Соколова — «Первый сеанс кинематографа в станице».
А. Левицкий — «Старые полки русской конницы».
От редакц. коллегии «Род. Края» — «Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели».
Карта Кубани.
К. Соловский — «Ген. Растегаев».
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежом.
Розыски.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».

На обложке — одна из иллюстраций вышедшей в свет и поступившей в продажу книги Н. М. Мельникова о Ермаке.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.

№36 Сентябрь - Октябрь 1961. — 2,50 N.F.

PAYS NATAL Septembre - Octobre 1961. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ВОЙСКОВЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Отдел партизан чернецовцев - семилетовцев, Общеказачья Касса Взаимопомощи, Содружество Лиенца, Дамский Комитет Каз. Союза поздравляют Атаманов, казаков и казачек со Днем Покрова Пресвятой Богородицы и с Войсковыми Праздниками и желают всем единения, бодрости духа и сохранения веры в будущее казачества.

Председатель Каз. Союза: *Б. Богаевский.*

Редакционная Коллегия «Родимого Края» поздравляет казаков с Войсковыми Праздниками и Днем Покрова Пресвятой Богородицы и просит принять пожелания здоровья, сил и моральной бодрости.

Редакц. Коллегия «Род. Края»

СЛАВА БОГУ, МЫ — КАЗАКИ!

Особые условия, в которых протекает жизнь казаков на чужбине, создали положение, при котором казачьи дети вдали от родины забывают родной язык и свое казачье происхождение, часто не имея возможности ознакомиться с историей своих предков, с героическим прошлым казачества. Сплошь и рядом казаки женятся на иностранках и дети с колыбели находятся под исключительным влиянием матерей, усваивают не только материнский язык, но и многое другое, часто хорошее, но не свое родное. Остальное доканчивает школа и среда товарищей. Отцы, занятые работой, утрачивают всякое влияние. И в тех семьях, где жены не иностранки, нередко случается, что родители не оказывают должного внимания детям и дети забывают родной язык. Казачата денационализируются...

И как грустно было, когда приеедет, бывало, такой отец со взрослыми сынами.. Сидим, беседуем-гутарим, отец кипит-горит казачьими вопросами, а сыновья сидят рядом безучастные и скучающие, не понимающие, что нас волнует...

Не то было в эпоху первого массового исхода казачества с Атаманом Некрасовым: покинув родину вместе с женами и детьми, поселившись в пределах Турции целыми станицами, не смешиваясь с местным населением, заключая браки со своими же казачками, казаки в течение более двух столетий сохраняли неприкосновенной свою организацию с выборными атаманами, своею школой и церковью, своим языком и казачьими прадедовскими обычаями и традициями.

И не было у них делений на партии, на правых и левых, на самостойников, федералистов, автономистов и пр. — была единая казачья семья, «единомысленная», как раньше дружина великого Ермака. Такими нашли мы их, когда в 1920 г. из Константинополя Донской Атаман А. П. Богаевский установи с некрасовцами связь... Теперь совсем не то. Обстановка коренным образом изменилась и на родине. Она стала неизмеримо хуже для нашего поколения и нашего ближайшего потомства, чем для некрасовцев после двухвекового пребывания их заграницей. Прошлое, каким оно было при нас, ушло безвозвратно. На родине не только упразднены казачьи территории — что не так уж важно, ибо формальные перекройки нетрудно при благоприятных условиях снова перекроить — но с этих территорий почти исчезло казачье население — множество погибло во время гражданской войны, много перемерло при голодовках, выселено на север Европ. России и в Сибирь и т. д. — в станицаю теперь остался ничтожный процент, лишь капля в целом море населения неказачьего, нахлынувшего и переселенного на казачьи земли с севера советскими властями.

Иллюзия казакийцев создать Казакию не только в этих условиях неосуществима, — са

мая попытка осуществления была бы равносильна призыву к остаткам казачьего населения на родине покончить самоубийством. На какую победу могут расчитывать 5-8-10 процентов среди 90? Или биться за них пойдут старые казакийцы? В каком количестве? Или молодежь, часто не говорящая порусски? Или помогут американцы, принципиальные сторонники права самоопределения населения? На какой результат референдума можно расчитывать при существующем на казачьих территориях соотношении сил?

Казаки всегда были людьми храбрыми, но харакири по японскому образцу никогда не практиковали.

А. М. Каледин всегда призывал решать серьезные вопросы «с холодной головой». Надо спасать то, что спасти должно и можно: казачий дух и казачьи традиции. Это — высшие наши ценности, это то, что дает нам право сказать: слава Богу, что мы казаки. «Понять ли другим наше счастье казачье — остаться навеки в душе казаком?», как прекрасно выразился наш донской поэт Н. Н. Евсеев.

Родителям и вообще казакам, пользующимся у молодежи доверием, необходимо разъяснять и внушать молодежи, что она может и должна гордиться своим казачьим происхождением, что вошедшая у казаков в поговорку фраза «Слава Богу, что мы казаки», не пустое бахвальство — наоборот, она имеет глубокое основание. Недаром такой великан духа, как Лев Николаевич Толстой, проведший часть своей юности на Кавказе в казачьей станице, хорошо узнавший казачий быт, социальное устройство, любовь к свободе, удальство и весь уклад казачьей жизни, пришел к заключению, что Россия спасется, если она проникнется казачьим духом, введет и у себя казачьи порядки — в частности и главным образом в сфере земельного устройства. По свидетельству потомка Запорожцев, оставшегося до конца жизни в душе казаком, В. Гиляровского, близкого к Толстому человека, Л. Н. Толстой во время рокового ухода из Ясной Поляны перед своей смертью направлялся на Терек, в ту станицу, где он провел молодость, к казакам, надеясь, очевидно, найти там в последние дни своей жизни равновесие и успокоение.

Россия не оказачилась, не ввела у себя казачьих порядков и не разрешила вовремя вопроса о земле. Много препятствий было на этом пути. Не сделала вовремя надлежащих выводов, несмотря на целый ряд «предостережений», которыми сама жизнь предуказывала, что иначе все окончится трагически. Были пропущены все сроки — и имущие потеряли не только свои имения и прочие богатства, но часто и головы, и все мы очутились на чужбине и весь мир стоит теперь перед ужасом всеобщего истребления и уничтожения всего живущего коммунистическими бомбами... Если бы осуществилась мечта Толстого, оказаченная Россия вся ощетинилась бы против большевиков, как восстали против них одновременно и не сговариваясь, несмотря на разъединяющие их пространства, все 12 Казачьих Войск на юго-востоке России, в Сибири и Дальнем Востоке. И поднялись они всем народом.

Казачий «дух» и древние «обыкновения» казачьи — это горячая действенная любовь к свободе, та любовь, которая «сильнее смерти». На защиту «вольности» казак всегда готов был выступить и идти на смертный бой за свое право жить на своей земле так, как хочет сам народ, за выборное начало, за Войсковой Круг — местный парламент, самостоятельно решающий все местные дела без вмешательства в них центральной власти, раз это не нарушает существенных общегосударственных интересов, за выборного Войск. Атамана и В. Правительство, ответственное перед Кругом. За свой «порог и угол» боролись казаки.

Много веков назад казачество провело в жизнь, в своем ежедневном быту, свободу, равенство и братство, — не крича об этом, не «провозглашая» — опередив самые передовые страны, у которых и теперь часто эти лозунги остаются лишь на фронтонах официальных зданий и на бумагах. Внешним силам удавалось иногда тушить казачье пламя, как то было при Петре I-ом, как в сильнейшей степени случилось и теперь при коммунистах, но через двести с лишком лет после Петра оказалось, что огонек не погас, приглушенный он тлел под пеплом и при самом начале революции 1917 г. вспыхнул ярким пламенем — казаки своим врожденным чутьем государственников предвидели то, что раньше предвидел А. С. Пушкин: «Не приведи Бог видеть Русский бунт, бессмысленный и безпощадный» и сразу приступили к делу, возродив Войсковой Круг, «обыкновения» и «вольности» казачьи. Несмотря на все трудности момента, на все ужасы гражданской войны, казачество сумело развернуть свои творческие силы, создать Основные Законы и армию, сочетать свободу с порядком, выработать и принять земельный закон, перекинуть мост к корен-

ному крестьянству и призвать его к совместному управлению краем.

Большого калибра людей выдвинуло раньше и в наше время казачество, их немыслимо и перечислить.

Вспомните хотя бы Ермака, после которого большая Россия стала Россией великой, казачьих вождей Смутного Времени атамана Межакова и других, М. И. Платова, Донцы которого в Отечественную войну сделали для России, по отзыву Наполеона и его маршалов, больше, чем вся армия, Сибирского казака Л. Г. Корнилова, одного из главных создателей Белого движения, Атаманов А. М. Каледина, А. И. Дутова, М. А. Караулова, уральца Мартынова и др. и поднявшихся на самую вершину научных открытий Семена Дежнева и Челюскина.

Вспомните, что границы Российского государства, по выражению Китайского дипломата, «лежали на арчаке казачьего седла». Вспомните самоотверженную защиту казаками свободы совести, права политического убежища — «С Дона выдачи нет» — при Булавине, «сиротскую дорогу», по которой уходили к казакам все притесняемые. Вспомните и казачек, из доблесть во время Азовского Сидения и при защите станицы Наурской... Без казачества не могло бы обосноваться и развернуться на Юге Белое Движение, не могли бы поэтому уйти с Юга из советского «рая» и все те, которые дышат сейчас свободным воздухом Запада. Два казака — Л. Г. Корнилов и А. М. Каледин — были членами триумвирата, вместе с М. В. Алексеевым, заложившими фундамент Белой армии.

Казачий «дух» не умирал в веках, не может, не должен умереть он и теперь, и долг казаков, не забывших о своем казачьем происхождении, не дать ему заглохнуть у нашей смены, оказавшейся волею судьбы в тяжелых в этом смысле условиях, будить сознание и чувство долга перед родиной. Не растворяться в «нетях» — казачеству и нашей молодежи есть чем благородно гордиться.

Наш крупный казачий художник В. И. Суриков, ознакомившись во время подготовки своей картины «Покорение Сибири Ермаком» с историей Дон. Казачества, писал из Новочеркасска своему брату: «Мы, Сибирски казаки, происходим от Донских казаков... Душа так и радуется, что мы с тобой хорошего роду».

Все это не значит канонизировать казаков и причислять их к лику святых. У всякой среды, этнической группы, у каждого народа есть недостатки и бывали провалы. Великий грех содеяли Донцы, поддавшись большевистской пропаганде и покинув Каледина и Дон в критическую минуту их жизни, согрешили Верхне-Донцы, открывши фронт на верхнем Дону, нанесли смертельную рану казаки Мироновцы и прочие, пошедшие против своих братьев, и те Кубанцы, которые открыли фронт на Кубани под влиянием пропаганды самостийников-черноморцев.

Это были моменты угасания казачьего духа — и какой дорогой ценой заплатило за них казачество... Признаки угасания имеются и теперь и не только среди молодежи. По наклонной плоскости скатываются и те немолодые казаки, которые нарушают дух Основных Законов Войска, пытаясь подорвать престиж В. Круга, самую идею Круга. На скользкую почву вступают те, которые признают законными атаманами лиц, добивающихся высокого звания невысокими средствами.

Мы обращаемся к самой молодежи... Большою скорбью наполняется сердце старых казаков, когда мы видим, что многие из казачьих детей, находящихся за пределами родного края, не знают русского языка. Грустим мы потому, что в вашем лице мы хотели бы видеть нашу смену, наших заместителей на казачьем посту. Старые борцы, защищавшие на поле брани и вне его честь и достоинство свободолюбивого казачества, достигнув преклонного возраста, постепенно уходят из жизни. Таков непреложный закон природы. Нельзя, чтобы знамя, поднятое дедами и отцами, осталось без защитников. Кто же, кроме вас и вообще молодежи, может поднять идеологическое знамя? Вы невиновны в том, что не говорите на родном языке: совершенно естественно, что вы усвоили местный язык. Для вашей работы, для службы, для жизни на чужбине вообще это неизбежно и необходимо. Но теперь, достигнув зрелого возраста, вы должны заняться и русским языком, пользуясь всякой возможностью наверстать потерянное. Знание второго языка поможет вам и в борьбе за лучшие условия жизни. Это хорошо понимают и многие иностранцы, во всех странах в большом числе изучающие русский язык. Тем более это необходимо для вас: это наш долг перед родиной, долг казаков. Вы не можете оказаться в категории непомнящих родства. «Понять ли другим наше счастье казачье — остаться навеки в душе казаком»? Другие — неказаки — могут иногда и не понять, что это действительно счастье, послан-

ное нам судьбой, но вы, рожденные казаками, понять должны, не можете не понять: казачья кровь скажется, особенно после того, как вы ознакомитесь с каз. историей, со славным прошлым своих предков.

Франция. *Н. М. Мельников.*

«ДЕЛО ФЕНАРОЛЛИ» У КАЗАКОВ.

Все читатели-казаки «Русской Мысли» наверно помнят этот запутанный процесс в Италии, длившийся два года и не давший никаких верных результатов, кроме осуждения бездоказанно двух человек, подозреваемых следователем в убийстве застрахованной мужем женщины в несколько сот миллионов.

В небольших обстоятельных статьях г. Чарский упоминает о массе ничего не стоющих свидетелей обвинения, лжесвидетелей и просто болтунов, не давших никакого просвета процессу, кроме своего выступления на суде и фотографирования в журналах.

Г. Чарский, не рискуя назвать прямо, все таки ясно намекает читателям, кто виновник этого процесса.

Этот процесс напоминает моральный процесс среди казачьей старшины по «делу» ген. Доманова, последнего Походного Атамана, назначенного на эту должность ген. П. Н. Красновым, в Белоруссии, после смерти прежнего Походного Атамана полк. Павлова, убитого немцами случайно при выходе отряда казаков из леса, только что исследованного казаками во главе с полк. Павловым.

С немцами был уговор, во избежание обстрела немцами казаков, принятых за партизан, что казаки пустят условную ракету, которую возил с собой ординарец полк. Павлова хор. Свирякин, произведенный им из простых казаков.

Хор. Свирякин, вообще отличавшийся небрежным несением службы, потерял, или забыл, на последней стоянке ящик с ракетами, и когда немцы на шум в лесу, поднятый массой двигавшейся конницы, открыли огонь, на приказ Свирякину дать ракету, ракета не взвилась в воздухе.

Немцы, нужно сказать очень нервные при действиях с партизанами, были убеждены, что перед ними партизаны и усилили огонь.

Все конные инстинктивно, как всякий кавалерист, воспитанные в этом духе, спешились, чтоб уменьшить цель и, как это требовалось по уставу, при встрече с противником, если не собираются его атаковать.

На коне остался только полк. Павлов, крича:

— Ракету! Давай ракету!

Бывший тут же полк. Доманов, спешившийся при первых пулях, начал садиться в седло снова, но его ординарец хор. Глухов не дал ему сделать этого, стащив за ногу.

— Я не могу быть пешим, если он сидит! — ответил Доманов. Но в это время полк. Павлов упал, убитый попавшей ему в голову пулей. И единственным убитым и пострадавшим был он.

Лошадь Павлова вертелась на одном месте, как всякая лошадь при обстреле, и потому пуля могла попасть ему и в лоб и в затылок и в висок. Пуля попала под глаз.

Тогда же на похоронах Павлова его дочь Зоя кричала в церкви:

— Господа, почему убит папочка, а не Доманов?

Эта фраза говорит о многом и во первых о неприязненных отношениях этой девицы к Доманову.

Что у Павлова под конец его жизни были отношения с Домановым натянутые, это было заметно, но поведение их обоих при посторонних было вполне корректно, несмотря на то, что полк. Павлов был очень резок по характеру, а полк. Доманов, наоборот, очень спокоен и сдержан.

Еще в Запорожьи к Доманову Павловым был приставлен некий майор в валенках, несмотря на теплую погоду, с женой, женщиной много старше молодого и красивого майора Богачева, сына профессора Новочеркасского Института Богачева.

Кто жил в Новочеркасске и Ростове, тот знал, что в Г.П.У. был лейтенант Богачев. Но почему этот Богачев, будучи известен, как агент Новочеркасского Г.П.У., Павлову и его дочери Зое, учившейся вместе с ним в 10-ти летке в Новочеркасске, попал в Стан, остается непонятным. И вот этот факт нужно считать таинственным, а не смерть полк. Павлова.

Так же в Стане появился и друг Богачева сотник Донсков, большой приятель полк. Павлова и всей его семьи. О Донскове мы уже знаем и из печати.

В том, что Павлов был в неприязненных

нет ничего удивительного, так как Павлов не ужился со своим Начальником штаба в Новочеркасске полк. Поповым, ни с в. ст. Духопельниковым, ни с другими. Дружил он только со своим адъютантом подъес. Плотниковым и подъес. Шумковым, страшными пьяницами.

Павлов шел впереди отряда, оставив Доманова в арьергарде, то есть тогда в непосредственной близости к противнику. Естественно, что вся трудность по прикрытию Стана свалилась на Доманова и немцы, ценя его распорядительность и доблесть казаков, награждали его боевыми орденами: (Доманов за переправу через Днестр казаков и немцев на самодельных казачьих плотах получил Железный крест и за прорыв из красноармейского кольца, когда казаки, пользуясь знанием русского языка, ввели в заблуждение красных и прошли в узком проходе, проведя и немцев, второй Железный крест).

Все люди и все имеют те или иные человеческие слабости. И кто бы ни был полк. Павлов, он, конечно, был недоволен, что его помощник имеет боевые награды, а он только так называемые остовские медали.

После первой же награды Доманову Павлов резко ему заявил за обедом в хате, где присутствовали некоторые штаб-офицеры:

— Вы все немцев слушаете!

— А Вы, господин полковник, кого слушаете? — спокойно ответил Доманов.

Полк. Павлов ничего не ответил и предложил Доманову пройти в другую комнату. Что там говорилось, никто из присутствовавших на обеде не знает. (Возможно, жена или дочь потом и узнали). Но отношения Доманова с Павловым стали только официальными. В Белоруссии Павлову пришло в голову самому отправиться на ловлю партизан, несмотря на то, что он имел полную возможность не заниматься такими делами. Это не дело Атамана. Он мог послать на этот набег и Доманова. Но у Доманова уже были два боевых креста.

При панихиде по Павлову священник назвал его имя на ектинии «Сергей». Стоявшая возле жены Павлова его теща проговорила:

— Так разве же он Сергей?

И этот факт говорит, что таинственность была не в смерти Павлова, а в нем самом. Казаков вел анонимный Атаман.

При моей встрече с Павловым в Новочеркасске я так и не добился, увидев на его полушубке (что ни сделал бы никакой офицер) значек родного мне Николаевского кав. училища, какого он выпуска?

И на мои явно невежливые приставания по этому поводу, он сказал только:

— Я в конных частях не служил, а пошел по авиации.

Не этим ли обьяснить, что он, как некавалерист, при обстреле не спешился? Для настоящего конника это непростительно и даже хуже.

Но в Стане после смерти полк. Павлова, произведенного посмертно П. Н. Красновым в генералы, остался Богачев. И вот тут то Богачев и развил деятельность. Он и пустил первую ложь, что Павлов погиб не от немецкой пули.

Всем известны провокационные способы ведения войны большевиками. Немцы приказали казачьей контрразведке следить за Богачевым.

Выяснилось, что Богачев вечерами бывает у семьи Павлова вместе с сотн. Донсковым. А Донсков ведал немецко-казачьим обмундированием. Сделали проверку. Многого из обмундирования не оказалось и выяснилось, что Донсков продавал обмундирование на сторону, в то время, когда казаки ходили оборванными.

Кому нужно было немецко-казачье обмундирование? Пусть читатель решит сам.

Ген. Краснов П. Н. разжаловал Донскова из сотников в рядовые. А Доманов выгнал его из Стана.

Вот теперь Донсков и благодарит Доманова посвоему.

Назначено было следствие по осмотру трупа убитого Павлова и составлено два протокола двумя комиссиями: казачьей и немецкой, один на русском, другой на немецком языках, что «шальной пулей был убит Павлов под глаз, пуля вышла в затылке».

Как и кто мог убить один другого, когда вокруг были люди?

Но это не смущает напр. г. Иноземцева, написавшего в прошлом году статью в «Р. К.» с категорическим заявлением, что Павлов убит не шальной пулей, а при участии Доманова или им самим.

Тогда я позволю себе спросить г. Иноземцева:

— Кем убит в Танненбергских лесах в Пруссии в 1914 г. генерал Самсонов?

По логике самого г. Иноземцева выходит, что убил его он (хотя я не стою на такой точке зрения), т. е. сам Иноземцев. Иноземцев в час исчезновения Самсонова шел непосред-

ственно за генералом по тропинке в лесу. А Самсонов был убит пулей.

Ведь вот до чего можно договориться в порыве стремления к сенсациям.

Казачий поэт Н. Н. Туроверов как нельзя кстати поместил свое небольшое стихотворение в том же номере «Р. К.», в котором г. Уланов повторяет г. Иноземцева.

«И вот во имя новых гроз, —
В молниеносной передышке
Пиши о том, что перенес
В крови, в слезах, — не понаслышке!»

«Процесс Доманова» длится уже более 15 лет. И начал его «неизвестный генерал», упоминаемый г. Улановым в «Р. К.», но почему то деликатно, с умалчиванием его фамилии.

Чем объяснить такую услугу?

А ведь г. Уланов юрист.

Этот неизвестный, но в то же время известный всем казакам, бывшим в Лиенце, генерал, первый начал писать во многих сразу журналах о виновности ген. Доманова в выдаче казаков в Лиенце. Г. Уланов это подтверждает, называя Доманова его именем.

Все таки заслуга г. Уланова в том, что он намекнул и на действительно знавшего о предстоящей выдаче казаков генерала.

Почему г. Уланов не попробовал прикинуть в уме, мог-ли человек, виноватый во всех грехах против большевиков, поехать к ним добровольно? Ведь каждый человек, считая себя умным, не должен забывать, что и у других ума достаточно, хотя бы и из простого самосохранения, привитого природой каждому существу.

Именно из всего поведения ген. Доманова в Лиенце видно, что он сам ничего не знал и не подозревал, а был введен в заблуждение этими пресловутыми двумя письмами ген. Краснова к ген. Александеру с просьбой принять казаков в английские колонии на службу.

Александер, конечно, показал эти письма большевицким командирам, как их союзник, не желавший ссориться с ними из-за каких-то там казаков. Казаков англичане к тому времени уже ограбили, взяв у них всех лошадей и на протест Доманова они ответили:

— Нет казачьих лошадей, а есть лошади Его Величества Короля Английского.

И действительно лошади были отобраны и при них находилось несколько десятков казаков для ухода за ними. Потом эти казаки перебрались в Англию вместе с лошадьми.

Всем известно, что большевики большие ловкачи. Они тогда же решили на эту поставленную ген. Красновым удочку и поймать казачьих офицеров.

Многие поверили в эту ложь и поехали вполне добровольно, предполагая, что те, кто поедет, наверняка попадут в колонии и не только попадут, а получат там должности, каких Доманов им не имел возможности предоставить по очень высоким чинам многих, приобретенным уже заграницей.

Доманов поехал со всеми.

Казалось бы, нужно поставить ему в заслугу, что он не бросил казаков или вернее казачьих офицеров. Нет! Ген. Панвицу такой жест ставится в заслугу, а своему генералу в минус. Это ли не из зависти?

А мы знаем, что тот самый генерал, которого теперь г. Уланов вполне основательно обвиняет в знании предполагавшейся выдачи, ненавидит до сих пор Доманова за то, что тот отказался взять его к себе на службу

Почему этот генерал не сообщил казакам о предстоящей катастрофе? Казалось бы, что нужно было притянуть его к ответственности перед казаками. Но г. Уланов только упоминает осторожно о нем и то через 15 лет.

Г. Уланов юрист по высшему образованию. Казалось бы, что ему и книги в руки. По профессиональной интуициии он должен был бы угадать виновного, но г. Уланов предпочитает идти на поводу у действительных виновников выдачи казаков, которые кричат по воровской традиции, убегая:

— Держите вора!

Как раз этот генерал и сот. Донсков первые и начали кампанию по обвинению ген. Доманова один в выдаче, другой в убийстве. К ним еще присоединились малозначущие, тоже нередко из зависти и мести за свои неудачи по кандидатуре по Атаманству. Один такой генерал даже написал маленькое опровержение в газете, что он не был совсем там то и там то.

Уж умолчу. Пусть доживает, а то американцы его за это выставят из Америки. К сожалению, хотя это и совершенно естественное явление, как черная неблагодарность, что те, кому Доманов оказал много услуг и давал, как говорится, кусок хлеба, сидят и молчат:

— Моя, мол, хата с краю.

А у кого рыльце в пуху — пишут, пишут и пишут. А те, кто хочет показать, что он что то знает (как в деле Фенаролли), аккум-

панируют им на скверных инструментах, называемых ложью.

У ген. Доманова, как и у всякого, были, конечно, ошибки. Тем более, что дело происходило в чрезвычайной общей неразберихе. К Доманову являлись в штаб лица с требованием сдать им должность Походного Атамана. Имен их пока не назову. Одни шли от ген. Власова. Другие от ген. Панвица и т. д.

Единственная вина Доманова, что он не послушался ни жену, ни других, советовавших ему сдать должность желающим, т. к. Доманов был болен сердцем и нуждался в абсолютном покое.

Один генерал, очень известный в гражданскую войну, явился к Доманову уже при англичанах в Лиенце с немецким аусвайсом для принятия от Доманова его должности. Конечно, англичане не разрешили Доманову сдавать, а тому принимать, и просто арестовали того генерала.

А самое печальное во всем этом то, что казачья то масса совершенно невиновна в этих склоках. Все наделала и делает казачья старшина, подавая дурной пример казачьей молодежи и отталкивая ее от казачества.

Г. Уланов назвал свою статью «Казачьей Голгофой».

И как только на страницах журнала «Р. К.» появляется статья, посвященная памяти Лиенца, находится автор, распинающий именно Доманова, конечно, оперируя не известными ему фактами, а понаслышке, отчего предостерегал Н. Н. Туроверов. А следовало бы его послушаться многим.

У обвиненных «по делу Фенаролли» есть высшая инстанция, куда они подали аппеляцию. Но у нас единственная высшая инстанция: Бог, который и рассудит нас всех там. И это будет скоро, т. к. все мы стоим уже одной ногой в могиле. О чем нам всем пора подумать.

Старый офицер.

(прошедший в колонне Павлова-Доманова весь путь от Дона, Белоруссии до Италии и Лиенца.)

ПО ПОВОДУ РЕЙДА ГЕН. ПАВЛОВА.

Ужасное несчастье — гибель более 5000 лучшей Донской конницы в начале февраля 1920 г. на путях к Торговой — имевшее катастрофические последствия для исхода борьбы с большевиками, нуждается в компетентном объективном исследовании. До сих пор мы его не имели. В ожидании, приводим отдельные мнения, появившиеся по этому поводу в печати.

Ген. Голубинцев пишет: «Как объяснить решение Павлова, старого опытного боевого каваллерийского начальника, идти напрямик и вести войну с природой, осудив свою конницу на гибель? Говорили, что Павлов был против такого решения, но приказание ком. Донармии ген. Сидорина было в этом случае категорическим» («Русская Вандея» стр. 145).

Мнение ген. Деникина: «Этот форсированный марш был одной из важнейших причин, погубивших группу Павлова». «Страшно изнуренная, потерявшая без боя почти половину своего состава замерзшими, отмороженными, больными и отставшими, угнетенная морально захватить Торговую не смогла» («Очерки Русской Смуты» т. 5, стр. 317-318).

Если ген. Павлов получил действительно «категорическое приказание» (и какого содержания?) от Сидорина, то это его нисколько не оправдывает в том, что он в борьбе с природой потерял больше 5000 человек. А чем можно объяснить и его дальнейшие действия, когда он, не взяв Торговую ночью, отвел замерзший корпус в пустую нежилую степь и там держал его всю ночь?

«До позднего утра светило красное зарево от горевших стогов, раскинутых по степи, около которых ночевала Мамантовская конница, спасаясь от мороза — так пишет красный начдив Майстрах — и лишь рано утром она ушла...»

«После боя 13 февр., простояв пол дня в колоннах у ст. Егорлыцкой, вся конная группа, блуждая до вечера в степи, в холод и вьюгу отошла на ночлег в Кугаевские хутора, где на каждую бригаду было отведено по одному двору. Соприкосновение с противником было утеряно. На следующий день была назначена дневка. Отдых при таких условиях, конечно, не только не освежил и не успо-

коил части, а еще больше измучил. («Р. Вандея» стр. 153. Голубинцев).

С. Буденный («Красная конница»): «Если бы Павлов не морозил свою конницу при движении на Торговую, а удлинил немного путь, идя по обитаемым районам р. Маныч, удар его на Торговую по тылу 1-ой Конармии, хотя и не привел бы ее к разгрому из-за неравенства сил, но, во всяком случае, прервал бы дальнейшее движение. Это как раз совпало бы с занятием Ростова «белыми», и операция, возможно, приняла бы другой характер.»

«Мы видели, как хорошая конница... гибнет из-за неучета обстановки ее командиром, вырывая крупный оперативный козырь из рук своего командования».

Г. Раковский («В стане белых» стр. 135): «Начальники частей и рядовая каз. масса конной группы были чрезвычайно возмущены поведением Павлова еще в то время, когда этот генерал... 1) заморозил конницу, 2) нераспорядительностью боя у Торговой, 3) ночевкой в открытой степи после этого боя, 4) непонятным его поведением как 12 февр., так и во время боев 13-17 февр. и собравшись на совещание и обсудив поведение ген. Павлова, постановили немедленно его удалить и отстранить от командования конной группой и на его место поставить ген. Секреева. Ком. Донармии 25 февр. согласился с этой заменой».

Замену Павлова ген. Деникин объясняет так: «Донские командиры, собравши совет, низвергли командующего кон. группой ген. Павлова — не казака и поставили на его место донца ген. Секретева». (О. Рус. Смуты» т. 5. стр. 320).

С.А.Ш. **М. Бугураев.**

О КАЗАЧЬЕМ ЛЕКСИКОНЕ.

Недавно в редакцию Каз. Лексикона были присланы очень интересные материалы. Ввиду их особенной полноты и ценности, ознакомиться с ними будет интересно уже теперь. Может быть они послужат примером к подобным сообщениям и для других свидетелей горького опыта наших дней. Чем больше лиц примет участие в Лексиконе, сообщая свои сведения, тем лучше будет освещена последняя эпоха казачьих страданий.

В основе редакция не считает Лексикон Пантеоном лиц исключительных по учености, мудрости, доблести или праведности. По ее мнению Лексикон должен, в известной мере, служить также объективным памятником *для всех* казаков, погибших в ореоле мученичества и героизма.

Редакция Лексикона прилагает старания для того, чтобы как можно скорее и успешнее справиться с поставленной себе задачей и сдать Лексикон в печать не позднее начала 1962 года. Поэтому на страницы Лексикона попадет лишь то, что поступит в портфель редакции в течение 1961 года.

Ниже помещаются образцы описания одной из донских станиц и двух мест гиблой казачьей ссылки. Указываются также некоторые имена казаков расстрелянных и погибших от голода и холода, от лишений в ссылках за время двух 1-ых десятилетий коммунистического владычества. Они выбраны из 134 имен сообщенных недавно редакцией. 134 — это только небольшая часть общего числа жертв коммунизма в ст. Березовской. В действительности уничтожено и разогнано по глухим закоулкам СССР больше половины населения, но наш информатор всех по имени не знает.

Дорогие соотечественники! выберите минуту свободного времени, отбросьте инертность, равнодушие или просто леность и набросайте хотя бы вчерне списки погибших и очерки, подобно помещенным ниже. Нельзя позволить, чтобы все это ушло в забвение. Надо позаботиться о сохранении его в памяти, для укрепления в следующих поколениях воли к национальной жизни.

Березовская станица на левом берегу среднего течения р. Медведицы, в 45 клм. от станции Раковка Ю. В. ж. д. Основание ее относят к 1-ой половине 18-го века, предполагая, что в ней возродилось старое казачье поселение, уничтоженное Петром I в 1708 году. Недалеко от станицы Б. еще недавно

сохранялась часовня и следы разрушенного городка, слывшие под названием «Старой станицы». За время существования станицы Б. на земле ее юрта выселилось 12 хуторов: по р. Медведице — Рубежин, Ловягин, Плотнаково, Исаев и Бобров со школой; в степи — Поповский и Заплавский с церковью и школой; на речке Березовке — Рогачев и Петрушин с церковью и школой; на речке Бузулуке — Булгарин с церковью и школой; ближние к нему — Крепенький и Кувшинов. В 1929 году население станицы с хуторами превышало 16 тысяч человек обоего пола.

Сама станица с 5-ю тысячами населения делилась на три административных квартала, каждый со своим выборным атаманом. В центре поселения — большой квадратный майдан, где размещались церковь, школы, станичное правление и рынок с магазинами Голощапова, В. В. Новокрещенова, И. А. Головачева и др. Водяная мельница Перфильева и два ветряка обслуживали помолом станицу и ближние хутора, а избыток зерна от хозяев скупали хлеботорговцы в двух ссыпных складах. Переправа через Медведицу летом по наплавному мосту или на двух паромах.

Школ было четыре: церковно - приходская школа и училища — двухклассное, четырехклассное Высшее начальное и 4-ех годичное женское. Ремеслам молодежь обучалась при мастерской Ив. Фил. Рябова. Местную больницу обслуживали два врача. Для станичного коннозаводства в конюшнях стояло 28-30 чистокровных жеребцов, уходивших летом в степные табуны на урочище «Коровья балка».

Среди казачьих поселений на реке Медведице станица Б. занимала видное место, считалась участковою для ближних шести станиц с их хуторами, служила сборным пунктом, где выростки проходили первое обучение военному строю и принимали присягу. В руки коммунистов стан. Б. попала в сентябре 1919 г. Их приход ознаменовался насилиями и расстрелами. Все казачьи обычаи, костюмы, песни и даже самое имя казачье были изъяты из обихода под страхом наказания. Церкви открывались только в том случае, если прихожане уплачивали большой церковный налог, а члены церковного совета лишались избирательных прав. Вместо атаманов появились комиссары и председатели; три хутора Крепенский, Кувшинов и Болгарин переданы в управление соседней Даниловской волости, а юрт станицы Б. присоединен к Царицынской губернии. Перед коллективизацией он перечислен в состав Центральной Черноземной области, с областным управлением в г. Воронеже, с началом коллективизации присоединен к Нижне-Волжскому краю с обл. городом Саратовом и обращен в районный центр для станиц Малодельской, Ново-Сергиевской и Раздорской на Медеведице. Однако через несколько лет Березовский район окончательно включен в Сталинградскую обл.

Закон 1929 г. «О ликвидации кулачества, как класса», принес казакам еще бóльшие издевательства, насилия и гибель. Коммунисты признавались, что сов. правительство не дало им права убивать казаков, но морозить холодом и морить голодом не запретило. Пользуясь этим, они отбирали у казаков предметы первой необходимости, продукты питания, а зимою часто на снегу снимали с них обувь и верхнюю одежду. В это время при Березовском районе было основано три пересыльных «точки» для раскулаченных: Крепинская — в земельном юрту хут. Ловягина, Качкарка — в безводной местности, между станицей Б. и станцией Адчеда, и Сулак, тоже безводная в 20 клм. от станицы, недалеко от хут. Башкирки. На этих «точках» содержались под стражей после «просеивания» все неблагонадежные, по мнению коммунистов, все мозможные противники коллективизации, в ожидании своей судьбы: смерти, тюрмы или высылки на дальний север.

В результате антиказачьих мероприятий от 1920 г. до начала 2-ой Мировой войны попогибло от расстрелов и голода, пропало в концлагерях и в заполярных спецпоселениях или разбежалось, кто куда мог, свыше 50% населения станицы Б. Дворы погибших семейств разрушались или перевозились захватчиками - пришельцами на новые места. 3-й квартал станицы целиком сгорел в 1930 году и вновь не отстраивался. В 1936 г. компунисты взорвали церковь и на ее месте остались лежать лишь груды развалин. Помещение церковно - приходской школы и кирпичный магазин Голощапова приспособлены для содержания арестованных и единственно, что сделано за все время коммунистической власти, это новая школа в хуторе Ловягине.

Макариха — большой пересыльный лагерь, построенный соввластью для распределения по дальнему Северу семей всех действительных и предполагаемых противников коллективизации. Находился поблизос-

ти к. г. Котлас б. Вятской губ., при слиянии трех рек Сухоны, Юги и Вычегды, переходящих в этом месте в широкую Сев. Двину. Множество бревенчатых бараков, покрытых плоскими крышами из засыпанных поверху песком кругляков ели, стояло на большой площади сыпучих песков, окруженной несколькими рядами колючей проволоки с вышками для часовых. Кругом на 800 клм. заросли непроходимой тайги. Сообщение с внешним миром только по рекам или через ст. ж. д. Котлас, закрытую в 1930 г. для частного движения. Условия жизни на голодном пайке для заключенных семейств были ужасны особенно зимой, когда температура падала до 50 º ниже нуля. В это время на потолке бараков собиралась изобильная влага, падавшая на жителей ввиде постоянного дождя, так что население их дни и ночи оставалось в мокрой одежде и обуви. Благодаря этому ширились заболевания, кончавшиеся огромной смертностью, особенно среди детей. Между годами 1930 и 1932 на детском кладбище выросло до 4000 могил. За эти годы через лагерь прошло к местам поселения не меньше пятидесяти тысяч душ казачьих семейств. Из них 28 барж отправлено вверх по реке Вычегде в Коми - Зырянскую республику, а остальные вниз по С. Двине к Архангельску. Побег был связан с непреодолимыми трудностями, особенно потому, что в поимке беглецов принимали участие местные жители, получавшие за каждого пойманного денежную награду. Но все же изредка случались удачные побеги казаков и казачек вверх по течению рек. Измученные дорогой люди этапов считали для себя большим счастьем, если попадали в Макариху летом. В 1940 г. через этот же лагерь на поселение отправлены десятки тысяч депортированных жителей Польши, руками которых, при безжалостных жертвах людьми, была проложена ж. д. линия из Котласа на Ухта-Печера.

Островки — спецпоселок для выселенных с родной земли казаков. Расположен в 10 клм. от станции Емца Северной ж. д. До 1931 г. был известен как «Десятый квартал Емцевского лесопункта Сев. Белтранслеса». Летом от спецпоселка до станции можно было добраться по проложенной среди болот тропинке только пешком или верхом на лошади. Лесной материал, заготовленный летом, вывозили зимой, когда болота замерзали. Вначале спецпоселок О. или «Десятый квартал» состоял из двенадцати рубленных бараков, где размещались и администрация и переселенцы. Первый этап казачьих семейств в 960 человек (313 мужчин и 647 женщин и детей) прибыл из пересыльного лагеря Макариха в 1931 р. Сразу же после прибытия переселенцы должны были приступить к работе по заготовке экспортного дерева и строительству новых бараков. Мужчины и женщины работали каждый день, а летом к работе привлекались и дети. Кормили жителей поселка из общего котла, летом — супом из соленой рыбы, а зимой — тем же супом, но заправленным растительным маслом и с добавкой в нем соленых помидор. Хлеб очень плохого качества выдавался на руки. Не работали только больные и бессильные старики, да зимою — дети. Эти получали в день по 200 грамм хлеба, немного рыбы, крупы и сахара. Был случай, когда две недели не выдавали продуктов, а работать все же заставляли. Тогда питались древесными листьями, грибами и ягодами. Неработающие бродили по лесу, разыскивая и собирая все съедобное, что там можно было найти. Однако уходить в лес можно было только с разрешения коменданта, а самовольная отлучка наказывалась карцером. Сначала политическим воспитателем и комендантом был коммунист Мурашев из села Шелексы, а работами руководил прораб. Михаил Чащин. После, первого сменил чекист Михайловский, а второго — прораб Михайлов. В феврале 1933 г. начались аресты поселенцев и высылка их по тюрьмам гг. Плесецка и Архангельска. Потом женщин вернули обратно в спецпоселок, а мужчин разослали по дальним концлагерям и больше их уже никто не видел. Многие из поселенцев падали зимой в лесу за работой от истощения и только весною находили там их трупы. За два года убыли умершими и арестованными спецпоселок О. обезлюдел, но когда осталось не больше ста человек казаков, пришли новые этапы переселенцев с Украины.

Федосов Василий Иванович (дон.) — ст. Березовской. После ликвидации всех фронтов гражд. войны, расстрелян без суда карающим отрядом коммунистов зимой 1921 г. у обрыва р. Медведицы, вместе с другими двадцатью шестью казаками.

Мордвинцев Василий Тихонович (дон.) — ст. Березовской. Кавалер полного банта Георгиевских крестов, офицер-сотник. При разгроме Дон. армии в 1920 г. попал в плен к красным и содержался в одном из лагерей Центр. России. Освобожденный партизанами Антонова, направлялся домой в станицу.

Снова задержан на станции Себряково и заключен в местную тюрьму. Во время бунта караульного батальона освободился и прибыл домой к семье. Родители хотели, чтобы он где либо укрылся и не ночевал дома, но он ответил: «Я смерти буду рад». Ночью пришли коммунисты и застрелили его при жене и родителях. При этом и отец М. Тихон Семенович также был изувечен и после недолгих страданий умер.

Малов Андрей Васильевич (дон.) — ст. Березовской. Землероб, член Донского В. Круга Возвратился из эмиграции в 1921 г. В 1929 г. арестован и сослан в концлагер без права переписки.

Гончаров Андрей Петрович (дон.) — ст. Березовской. Возвратился из эмиграции. В 1929 г. арестован и сослан в концлагерь без права переписки.

Спирин Аким (дон.) — ст. Березовской. Священник. Сослан вместе с семьей в спецпоселок «Островки». В 1932 г., в результате ходатайства Союза Церквей и Римского Первосвященника, освобожден с оставлением в пределах Северного края и без права возвращения на Дон.

Помещенные выше данные сообщил

А. Г. Федосов.

Редакция Казачьего Лексикона
Адрес Редакции:
George Gubaroff
42 Hartsen Street
Rochester 10, N. Y.
U. S. A.

РОДНАЯ СТОРОНА.

Как сейчас себя я представляю,
Подъезжаем с дедом к Дону на быках.
Впереди дорога вниз идет крутая,
Прячась в распустившихся садах.
И что за круча, Бог Ты мой!
Дед с сокрушением тут скажет,
И сзади колесо он бичевой
К гарбе для тормоза привяжет.
Гляжу, обложенный кусками мела,
Журавль высокий с старым колесом,
И всюду вишни, как невесты в белом,
Стоят роскошною стеною за плетнем.
В рубахе пыльной, запотелой,
В старых с лампасами штанах
Казак чубатый загорелый
Навстречу едет на быках.
Казачки ужин всюду варят,
С базов сухие кизяки несут,
А на углу девчата весело гутарят
И ждут коров, что с выгона идут.
На потемневшем небе большою
черной стаей
Грачи летят к левадам на ночлег.
По окнам огоньки, уж кое-где мелькая,
Родным уютом теплятся для всех.
Сумерки ложатся на родную землю,
Лентой серебристой вьется Тихий Дон.
Я родной картиной наслаждаясь — дремлю,
Ухо ловит звуки-то вечерний звон.
Звуки, зарождаясь где-то там в станице,
Льются вдаль по глади водяной.
Далеко, за степью, яркие зарницы
Освещают небо огненной стрелой.
Влажный свежий воздух потянул от Дона,
Чуть доносит песню нам издалека.
Серебром сверкая, под напевы звона,
Взору вдруг открылась сразу вся река.
Дон могучий, Дон родимый,
Богатырь наш вековой,
Безпредельный и красивый
Снова вижусь я с тобой.
Дед привык, как видно, к Дону,
Знай мурлычит тенорком.
Подъезжаем мы к порому,
Сколько гарб, людей на нем.
Дед спешит в Казанскую станицу,
Что находится на том боку.
Но надо ждать и дед мой злится
«Цоб» кричит сердито он быку.
Я с дедом чувств не разделяю,
Еще успеем мы попасть домой.
С любовью безграничною внимаю
К всему, что вижу перед собой.
Быки жуют спокойно жвачку.
Деды гутарят шепотком.
Младую и красивую казачку
Я вижу на возу другом.
Самый простой девический наряд,
Но что за дивная неотразимая краса,
Какой-то покоряющий всех взгляд
И мягким бархатом цветущие глаза.
Но что-то надо мною прошумело,

То утки дикие к озерам пронеслись.
И от казачки взор свой оторвав несмело,
С душевным трепетом смотрю
в божественную высь.
Лежу на сене, вверх голову закинув,
Вдруг песня грянула, как гром:
«Свою он краину на веки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом».
Плеск реки и звон и песня
Все сплелось в волшебный звук.
У кого не дрогнет сердце
От такой картины, друг?
Мы жизни этой не забудем,
Как можно позабыть родную сторону?
До гроба все любить мы будем
Священную теперь нам старину.
Все порастет высокою травою.
Не надо плакать и грустить.
И только Дон седой волною
О прошлом будет говорить.

Торонто (Канада). **Н. Г. Улитин.**

НОВОЧЕРКАССКОЕ КАЗАЧЬЕ УЧИЛИЩЕ.

Под таким заголовком в журнале «Часовой» №389 был напечатан очерк полк. Рытченкова, описывающий экскурсию Училища по черноморскому побережью и приезд в Новочеркасск Государя Императора Николая II, которого от вокзала до Атаманского дворца экскортировала сотня юнкеров Новочеркасского Казачьего училища.

Начальником его в то время был ген. П. Х. Попов, о котором его «доброжелатели« иногда говорят, что он «пороха не нюхал», т. е. не участвовал в войне 1914-1918 г., и это обстоятельство ставят ему в минус.

В связи с воспоминаниями полк. Рытченкова хочется вспомнить причины, почему ген. П. Х. Попов «не нюхал пороха», и дополнить его труд некоторыми сведениями о Новочеркасском Каз. Училище, его воспитанниках и о его последнем начальнике, назначенном Императорской властью.

Все, кого это интересовало, знают, что с объявлением войны, согласно указа по Военно-Учебному Ведомству, не только Начальники, но и целый ряд других категорий офицеров военных училищ, если так можно выразиться, «прикреплялись» к училищам на все время войны и не имели права покидать их.

Однако ген. П. Х. Попов, получив предложение от ген. А. М. Каледина занять у него в дивизии пост Начальника Штаба, подал рапорт о назначении его в действующую армию.

Рапорт остался без ответа. Ген. Попов, нарушая существующий порядок, подал об этом же второй рапорт на имя Военного Министра. В ответ получил сухое официальное сообщение, с указанием на указ по Военно-Учебному Ведомству.

Через некоторое время Император Николай II 5 декабря 1915 г. прибыл в Новочеркасск.

Во время представления ему в Атаманском Дворце «Отцов» города представлялся и Н-к В. Училища ген. Попов. Император, подавая ему руку, сказал: «Спасибо за подготовку юнкеров. Таких молодцев давно не видал», а потом, положив руку на плечо ген. Попова, виновато улыбаясь, дополнил: «Вы вероятно обижены, что не удовлетворена Ваша просьба о назначении на фронт. Понимаю Ваше желание — оно похвально, но в настоящее время, армия особенно нуждается в хорошо подготовленных молодых офицерах. Вы опытный Начальник Училища. Это сегодня подтвердили ваши юнкера. Оставаясь Начальником Училища, готовя офицеров, Вы приносите громадную пользу Родине. Это и заставило отказать Вам в Вашей просьбе. Оставайтесь на Вашем посту, а Родина и Я этого не забудем. Надеюсь, что Вы и дальше будете также работать», и, подавая снова руку ген. Попову, закончил: «еще раз большое Вам спасибо за подготовку юнкеров». Нов. Каз. Училищу при ген. Попове было пожаловано Шефство Наследника Цесаревича — Атамана всех Казачьих войск. Уместно будет отметить, что П. Х. Попов сам окончил это же Училище, где был вахмистром на старшем курсе.

Насколько ген. Попов оправдал «надежды» Государя и насколько он умел подготовлять юнкеров — будущих офицеров служению

Родине и правопорядку, свидетельствует тот факт, что когда после февральской революции 1917 г. по всей России прокатилась волна арестов представителей Императорской власти, в Новочеркасске, как и везде, были арестованы все, начиная с Наказного Атамана графа Граббе до брандмейстера включительно. Не могли арестовать только Н-ка Нов. Уща ген. Попова, потому что этому воспоривились юнкера. А когда местный военный отдел комитета для его ареста послал батальон солдат запасного полка с пулеметами, юнкера заявили, что прибывшие могут произвести арест, только переступив через их трупы. Батальон «не солоно хлебавши» вернулся в казармы, а ген. Попов оставался Н-ком Училища до смерти Атамана Каледина.

После смерти Атамана инициатива о немедленном избрании ему заместителя вышла из стен Нов. В. Училища. А именно от его Н-ка ген. П. Х. Попова. Когда Войсковым Атаманом был избран ген. Назаров, Походным Атаманом В. Д. был им назначен — ген. Попов. Согласно постановления Донского Войск. Круга «Калединского» периода, Походный Атаман, как и Начальник Донской Атиллерии, назначались Войсковым Атаманом, но утверждались В. Кругом, и собравшийся «Назаровский» Круг утвердил назначение ген. Попова.

После октябрьского переворота почти единственной надежной воинской силой в распоряжении Атамана Каледина было Нов. Училище и видимо поэтому его Начальник, получив предложение занять должность Походного Атамана, отказался, считая, что по условиям того времени оставаясь Начальником Училища он принесет Войску больше пользы.

В эти дни в стенах Училища по предложению его начальника формировался первый казачий антибольшевистский отряд — студенческая дружина, обучавшаяся военному искусству юнкерами под наблюдением офицеров Училища.

В «Донской Волне» №19(47) за май 1919 года Д. Дмитриевич в статье «Студенческая боевая Дружина» пишет: «В короткий срок сформировались две полных роты, которые к ненависти Новочеркасских «углубителей» революции ежедневно от 4-х до 6-и часов внимательно и аккуратно изучали военное дело во дворе юнкерского Училища. Усталые приходили студенты из учебных заведений, но это не мешало им все свободное время уделять тяжелой боевой подготовке для того, чтобы в трудное время придти на помощь старому Дону».

Это трудное время пришло 26 ноября. В Ростове вспыхнуло большевистское восстание... Однако, согласно распоряжения командования, пешие роты дружины оставались в Новочеркасске... С разрешения ген. П. Х. Попова все студенты — партизаны собрались в юнкерском Училище и решили не расходиться, упрашивая Войсковое Правительство о немедленной отправке их на фронт... Атаман Каледин не хотел жертвовать студенческой молодежью — будущим Дона, и студенты продолжали жить в Училище, где ген. П. Х. Попов, с ведома и разрешения Атамана, зачислил их на все виды довольствия.

Но Войск. П-во с Атаманом К. по прежнему было непреклонно, думая о будущем Дона отклоняло просьбы студентов-партизан об отправке на фронт. Студенты идут к своим покровителям — М. П. Богаевскому и к ген. П. Х. Попову и только при содействии последнего, как начальника Училища, где боевая студенческая дружина получила военную подготовку, кров и пищу, студенты получили разрешение отправиться на «Макеевский фронт».

Об этом разрешении студентам-партизанам сообщил лично Начальник Училища. Криками «ура» встретили паритизаны это разрешение. Быстро собрались и под звуки оркестра Училища отправились на бокзал.

На вокзале пришло новое распоряжение отправиться, вместо Макеевки, на ст. Миллерово в распоряжение ген. И. Д. Попова, тоже воспитанника Нов. Училища.

Формирование дон. партизан. отрядов и батарей, начиная с Чернецовского, производилось тоже в стенах Училища.

Основным ядром всех донских партизанских отрядов в большинстве своем были офицеры — бывшие юнкера Новоч. Каз. У-ща, особенно последних выпусков перед войной 1914 г. и военного времени.

Полк. Чернецов также окончил тоже К. Училище. Ген. А. И. Деникин во 2-м «Очерке русской смуты» о Чернецове пишет: «В личности этого храброго офицера сосредочился как бы весь угасающий дух Донского Казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Чернецов работает на всех направлениях... Успех сопутствует ему везде. О нем говорят и свои и советские сводки, вокруг его имени родятся легенды и большевики дорого опенивают его голову»...

Борис Суворин в книге «За Родиной» о

нем пишет: «Ему, как герою древности, безразлично было, сколько было врагов, он спрашивал только, где они». И дальше замечает, что «когда нибудь, казачий летописец напишет монографию этому герою из героев Казачества и когда нибудь мы увидим ему памятник и поклонимся ему...» А К. П. Каклюгин в «Дон. Летописи» т. 2-й отмечает, что «Чернецов — это Донской «Иван Царевич» и что «его легендарные деяния дожны быть описаны красками и образами эпохи...» Донской казак — ес. И. А. Родионов в его замечательной повести — быль, из периода гражданской войны — «Жертвы Вечерние» пишет о нем: «Маленькой, чуть заметной звездочкой появился он на Донском боевом небосклоне в декабре 1917 года и сразу своими подвигами приковал к себе общее внимание. В середине января 1918 года звезда его загорелась ослепительным блеском, затмив всех остальных. Его легендарные победы окрылили надеждами всех тех, кто стоял на стороне порядка и государственности, кто ненавидел злую разрушительную силу, кто хотел спасения казачества, а через него и всей России. Все лучшие надежды и чаяния сосредоточились на одном Чернецове, он являлся признанным антибольшевистским вождем...»

Когда в Новочеркасск стали прибывать первые добровольцы в «Алексеевскую организацию», то первый приют они получили в стенах Новоч. Училища, при этом за недостатком места в помещениях юнкеров н-к Училища предоставил добровольцам часть личной квартиры при Училище.

Ген. М. В. Алексеев, принимая первых добровольцев, принимал их от Начальника Училища, искренне его благодарил не только за приют и ласку, оказанные его добровольцам юнкерами, офицерами училища и самим ген. Поповым, но и за питание и за обмундирование, отпускавшееся училищем.

В августе 1917 г., когда командующий войсками Москов. Военн. Округа мобилизовал свой округ против Дона и именем А. Ф. Керенского потребовал от Н-ка гарнизона г. Ростова ареста Атамана Каледина, который в это время был в поездке по донским станицам, ген. Попов для спасения Атамана послал сотню юнкеров, которые, розыскав, экскортируют его в Новочеркасск.

По его же инициативе разоружаются пехотные полки на Хутунке, когда они стали проявлять агрессивные меры по отношению к казачьей власти на Дону. По инструкции Н-ка Училища, при разоружении солдат, юнкера оставляли 2-3 человека у входов, другие 2-3 человека входили в казармы и объявляли: «Полк ваш демобилизуется. Сносите все оружие ко входу в казарму. Там его примут наши юнкера. Сдав оружие, отправляйтесь к воинскому Н-ку. У него получите документы на отъезд домой. У Троицкой церкви стоит батарея, которая немедленно откроет огонь по казармам, если откажетесь сдать оружие». Все это говорилось таким тоном и так твердо, что солдаты немедленно сдали все оружие.

Ген. А. И. Деникин («Очерки русской смуты», т. 2) по этому поводу пишет: «Атаман Каледин, желая разоружить стоявшие в Новочеркасске два большевистских полка, кроме юнкеров и конвойной сотни, не нашел послушных себе донских частей».

У Троицкой церкви действительно в это время «на всякий случай» стояла Донская офицерская батарея и офицерская рота «Алексеевской организации».

Когда в ноябре 1917 года большевики при помощи черноморских матросов захватили Ростов, юнкера в первых рядах принимают участие в боях на самом ответственном участке на ж.д. линии, идущей вдоль Дона и совершенно открытой для обстрела с судов, прибывших в Ростов с матросами.

Когда в станицах нужно было получить накопившиеся акцизные сборы, для их получения и конвоирования в Новочеркасск командируются взводы юнкеров. Все смутное время на Дону все дырки затыкались юнкерами. Когда нужно было оказать помощь на фронте партиз. отрядам или добровольцам ген. Корнилова — посылались юнкера. Политический комиссар при отряде Голубова Пугачевский («За власть советов») свидетельствует, что новочеркасские «юнкера ночью ворвались на станцию Каменоломня и засели под эшелонами» и «что черноморцы выбивали их оттуда пулеметами, а юнкера бросались на пулеметы с шашками».

Когда в Новочеркасск по приказу Атамана Назарова стали прибывать станичные дружины «дедов» и размещаться в Нов. К. У-ще, юнкера стали их инструкторами.

Деятельность юнкеров в это смутное время была настолько разнообразна, что всего и не учтёшь. Митрофан Петрович Богаевский в своей последней речи на митинге Новочеркасского казачьего революционного гарнизона в здании Дон. кадетского корпуса, в марте 1918 г., вошедшей в историю Дона под именем «Лебединой песни», говорил, что... «ос-

тались верными Правительству опять лишь страдальцы — юнкера...»

Ген. П. Х. Попов всегда учил своих юнкеров при исполнении служебных обязанностей строго выполнять приказы, не внося в них «отсебятины», а в боевой обстановке, когда по каким либо обстоятельствам нет лица, которое могло бы отдавать или изменять приказы, всегда придерживаться закона преемственности власти. В общественной жизни по «стародавнему» казачьему обычаю «на службу не напрашиваться и от службы не отказываться». Эти положения он сам строго выполнял, поэтому и после смерти Атамана Каледина на предложение ему принять пост Дон. Атамана он заявил, что «нельзя нарушать порядка преемственности власти» и что «Войск. Атаманом надлежит быть Походному Атаману — ген. Назарову».

В эти трагические дни Дона он, выполняя приказ В. Атамана о назначении его Походным Атаманом, покинул пост Начальника любимого им Новочеркасского училища.

12 февраля 1918 года, когда Пох. Атаман ген. П. Х. Попов, чтобы сохранить идею борьбы донцов с большевиками и выждать пробуждение Дона, уходил с дон. партизанами в Задонские степи, отряд юнкеров Нов. У-ща под командой сменного офицера Училища Н. П. Снесарева ушел с дон. партизанами. Б. Суворин («За Родиной») пишет: «как только через Новочеркасск прошли главные силы партизан, толпа стала грабить Новочеркасское Училище, считавшееся оплотом казачьей контрреволюции»... Знаменательно и то, что в Степной поход дон. партизаны ушли именно под водительством последнего назначенного Императорской властью Н-ка Училища. В Степном походе отряд юнкеров, помимо участия в боях вместе с другими отрядами, не раз получал самостоятельные боевые задачи, которые выполнял блестяще. В эмиграции в Объединении участников Степного похода неоднократно ставился вопрос о том, чтобы для увековечения памяти о Степном походе Степной Крест, носимый на Георгиевской ленте, прикрепить на вечные времена на древко училищного значка Атаманского Военного Училища, родившегося в стенах Нов. Воен. Училища и ныне являющегося продолжателем его славных традиций.

Нужно полагать, что степняки-партизаны вопрос этот разрешат в положительном смысле, а Атаманское военное училище с честью принесет училищный значек на Дон, — в Новочеркасск в здание Новочерк. Каз. Училища.

После оставления Новочеркасска партизанами 12 февр. 1918 г., туда прибыли, чтобы поступить «в партизаны» четыре брата — офицеры Дмитриевы, окончившие У-ще во время войны. Не найдя в городе партизан, они самостоятельно вступили в борьбу с большевиками, создав свою «организацию».

Г. Олин в «Донской Волне» № 18 (46), в статье «Тайные работники» в главе «Дмитриевская организация», свидетельствует, что «главная ее работа заключалась в том, чтобы неожиданными ночными нападениями тревожить красных, вредить их начинаниям», что они, братья Дмитриевы, «при всяком удобном случае нападали и уничтожали большевистские патрули и разъезды, приканчивали одиночных красноармейцев». Так «темной ночью в дождь и слякоть забрались в новое здание политехникума, разоружили и бесшумно ликвидировали четырех советских часовых, захватили 2 пулемета с лентами и исчезли безследно, а у красных смятение и паника»; что другой раз, пользуясь «непроглядной тьмой», они подожгли склад ружейных патронов у пороховых погребов. «Мечутся красные, тушат пожар от неизвестной причины занявшийся. А Дмитриевцы радостные идут к себе — у каждого в руках раздобытая в суматохе цинка патронов — удачное дело»; что «потом ряд мелких нападений, рискованных, но красивых и смелых налетов и вскоре стали готовиться к крупному делу — к захвату арсенала... Но нашелся предатель. Поручик Алексеев предал красным главковерхам организацию и, говорили, дешево продал. По 50 рублей за офицерскую голову взял и по четвертному за партизана»...

Однако братья Дмитриевы дорого продали свою жизнь при попытке их ареста на их конспиративной квартире в доме Мазина на Михайловской улице.

В Новочеркасском Училище военные науки преподавались по обычным для всех военных училищ учебникам, но ген. П. Х. Попов «заставлял» юнкеров сверх того изучать «былые казачьи походы на басурман» и особенно «Азовское сиденье» и писать доклады о действиях казачьих отрядов: Ермака, Черкашенина, Межакова, Платова, Бакланова и др. Для этого он «заставлял» юнкеров заниматься в архивах Донского музея, пользуясь тем, что директором его был его отец Х. И. Попов, что давало возможность юнкерам иметь доступ ко всем материалам

музея. Кстати сказать, Донской музей в том виде, в каком помнит его наше поколение, по свидетельству проф. Миллера в его труде «Дон и Приазовье в древности», был создан «благодаря исключительной энергии многолетнего директора этого музея Х. Попова, т. е. отцом ген. П. Х. Попова.

В былые времена командный состав в «казачьих походах за зипунами» должен был не только уметь командовать, но и быть примером храбрости и жертвенности.

В Новочеркасском Училище этот принцип особенно прививали в эпоху, когда начальниками училища были выдающиеся Донские казаки — А. М. Каледин и П. Х. Попов.

Ген. Н. Н. Головин в своем труде «Военные усилия России в Мировой войне» 1914 - 1918 гг. приводит ряд интересных таблиц. Из них видно, что наиболее высокие кровавые потери, как и наименьшие потери пленными, во время этой войны были «в казачьих частях».

Из этих таблиц мы видим, что «взаимоотношения между кровавыми потерями и попавшими в плен в различных категориях войск среди рядовых российских армий в процентах были:

	Кров. потери	*Пленные*
Гвардия	91	9
Гренадерские части	78	22
Пехота армейская	65	35
Стрелковые части	82	18
Армейская кавалерия	79	21
Казачьи войска	94	6.

А кровавые потери и пленными в командном составе в процентах были:

	Кров. потери	*Пленные*
Пехота	85	15
Кавалерия	95	5
Казачьи войска	96	4.

Это несомненно, помимо других причин, было результатом подготовки офицера и в частности Донского, в Новоч. Каз. Училище.

Еще в «стародавние» времена плен для казака был «позором».

Ген. П. Н. Краснов («Венок на могилу неизвестного солдата Императорской армии» «Русская Летопись» кн. 6) — пишет: «надо сказать, что в плену в Германни и Австрии в войну 1914-1918 гг. с казаками обращались особенно строго, но как ни строго охраняли пленных, как ни суровы были наказания за побеги, казаки из плена постоянно бежали. Их мечтой было увидеть снова Родину и драться, защищая ее от врагов. В казачьих частях плен по традиции считался не несчастьем, а позором и потому даже раненые казаки старались убежать, чтобы смыть с себя позор плена...» От себя скажем, что это было не только следствием традиции, но и результатом подготовки казака офицерским составом.

Для казачьего офицера вообще, а для окончившего Новочеркасское Училище, особенно, плен был «особым позором», вызывавшим иногда трагические последствия. Об одном из них следует рассказать. За время войны 1914-1918 гг. донские казаки потеряли одно полковое знамя — потерял его 42-ой Донской каз. полк, которым командовал воспитанник Новоч. Училища В. ст. Краснушкин. Полк был 3-й очереди, а все третьеочередные полки бывали разбросаны отдельными сотнями по штабам корпусов и дивизий, для ведения корпусной или дивизионной разведки и бывали нередки случаи, когда командиры полков оставались без полков, с одним полковым знаменем. К 3-му ноября 1914 года на австрийском фронте у села Негово между 17-м и 3-м Кавказскими корпусами получился разрыв. Негово оказалась никем не занятой. Командиру 42-го полка было приказано с находящимися в его распоряжении двумя сотнями заполнить этот разрыв. В. ст. Краснушкин, выполняя задачу, занял Негово, которая по отношению к флангам 17-го и 3-го корпусов занимала выдвинутое вперед положение. Краснушкин, занимая село по своему бесстрашию штабом полка, в котором кроме него находились: полк. адъютант, полк. врач и знаменщик со знаменем, занял хату, стоявшую на краю села — «на отшибе» — в сторону противника. Ночью в непроглядной тьме на село налетел полк австрийских черных гусар с артиллерией. Сотни 42-го полка под командой Щербакова и Гущина, не успев приготовиться к бою, оставили село. Хата, занимавшаяся командиром полка, была окружена австрийцами и он со своим штабом и знаменем были взяты в плен, а село было занято черными гусарами. Командиру 2-й сотни того же полка, находившейся при штабе 17-го корпуса, было приказано с помощью двух сотен, оставивших село — «возстановить положение». Командиром 2-й сотни был тоже воспитанник Новоч. У-ща — есаул П. К. Писарев, ныне здравствующий генерал - лейтенант.

Ес. Писарев 4-го ноября, «ударив в шашки» и изрубив большое количество австрийцев, заставил их бежать из Негово, оставив убитых и раненых, и захватил в плен несколько десятков черных гусар. Положение

восстановлено. «Представитель» Штаба Корпуса, Ген. Штаба капитан Х..., не имея во время боя ни холодного, ни огнестрельного оружия — которое он «забыл» в Штабе, за «восстановление положения» получил орден св. Георгия, а ес. Писарев, как «могущий еще нахватать орденов», был представлен в Войсковые Старшины, а командиры сотен, находившиеся в момент пленения знамени в Негово, были судимы и оправданы. Командир полка В. ст. Краснушкин, глубоко переживая «позор» плена и потерю полком знамени, сошел с ума.

Ген. П. Н. Краснов в выше цитированном труде пишет: «в Дании был интернирован казак, три раза убегавший из плена в Германии. У него была мечта вернуться в полк. Чтобы бежать из Дании, он прибегал к всевозможным уловкам. Притворялся сумасшедшим. Сидел на койке и выдергивал у себя волосы, по одному волоску в минуту, ничего не делал, бросался на приходящих. Его отправили в сумасшедший дом. Он связал из разорванной простыни канат и ночью бежал из окна уборной. На границе его поймали. Его мучили, держали в карцере, подвешивали к стенке. Едва затянулись реки, бежал снова глухой осенью. Более недели скитался, питаясь только корнями, оставшимися в полях, добрался до границы Швеции, упал от истощения и был пойман. Его отправили в другой лагерь.

«Бегу и отсюда — говорил он — надо смыть позор. Я казак, а во время войны в плену сижу — и убежал»...

Это был знаменщик 42-го Дон. Каз. полка, по рассказам его станичников. До Родного Края он добрался только тогда, когда казачьи полки возвращались на Дон, когда там утихли революционные страсти.

До 1939 года знамя 42 полка находилось в Берлине в Военном Музее. Смотритель Музея, обращая особое внимание посетителей на это знамя, говорил, что «это знамя бесстрашных Донских казаков».

Ген. П. Х. Попов был начальником Новоч. Училища не только во время войны 1914 - 1918 гг., но и несколько лет до войны. В силу этого не сотни, а тысячи донских офицеров прошли его школу и будучи в донских полках, отдельных сотнях и пеших батальонах, на фронте показали себя достойными сынами Тихого Дона. А после февральской революции уже к июню 1917 г. офицерский состав 39 казачьих полков, главным образом Донских, превратился со своими взводами, полусотнями и сотнями, в «казачьих комендантов», на обязанности которых лежало: ловля дезертиров по тылам армейских районов, поддержание порядка на железных дорогах; усмирение бунтующей пехоты и так далее. «Здесь — по свидетельству ген. С. В. Денисова («Гражданская война на юге России 1918-1920 гг.») — показал себя во весь рост тет скромный тип казачьего офицера, которого всегда считали «серым» и «необразованным». К этому нужно добавить — воспитанного и подготовленного в большинстве своем в Новоч. Училище.

Для иллюстрации, как производилась «ловля» дезертиров, приведу известный мне пример: в гор. Лубны собралось до пяти тысяч дезертиров, терроризировавших не только местное население города, но и окружающих сел. Туда посылается две сотни донцов, под командой есаула Н. И. Тарарина, офицера Новоч. Училища, отбывавшего в действующей армии стаж командования сотней. К Лубнам он подвел сотни ночью и узнав, через казаков разведчиков, расположение и настроение дезертиров, приказал немедленно напечатать в местной типографии приказ о сдаче дезертирами оружия к 10-ти часам утра, которое будет приниматься на церковной площади казаками. Приказ этот под утро был расклеен по городу и распространен среди дезертиров. С восходом солнца одна сотня была введена в город и расположилась на церковной площади, поставив на видных местах пулеметы. Вторая сотня взводами, на некотором расстоянии друг от друга, по приказу ес. Тарарина стала ездить без остановки вокруг города, что на первый взгляд создавало впечатление полного окружения города казаками. Проснувшиеся «дезертиры», узнав о приказе, думали бежать из города, но видя его «окружение», возвращались обратно и, распространяя панику, шли сдавать оружие. Таким путем все дезертиры были обезоружены, построены в колонну и под конвоем двух донских сотен отправлены на фронт.

По свидетельству ген. А. И. Деникина («Очерки русской смуты») — «казачество несло, не зная дезертирства, поголовную службу, участвуя во всех войнах, ведомых Россией. А во внутренней жизни ее являлось не «слепым орудием» в руках Правительства, как полагала радикальная общественность, а сознательным государственно - охранительным началом. С началом революции казачество растерялось. «Идти против народа» оно не хотело, а народ «обезумел»... От себя скажем, что казачество не знало де-

зертирства не только в силу «сознательных государственно - охранительных начал», но и в силу подготовки его в полках, батареях и т. д. своим казачьим офицерством.

И что «растерялось» оно в дни революции в силу поведения очень многих не только рядовых общеармейских офицеров Императорской Армии, но и целого ряда генералов, бывших флигель-адъютантами отрекшегося Императора — вроде ген. Дурново и других; в силу большевистской пропаганды, обещавшей именем «народа» всякие блага и именем же «народа» в дни подготовки июньской вооруженной манифестации против Вр. Правительства предлагавшей Донским Каз. полкам в Петрограде «ехать к себе на Дон, устраиваться там по своему желанию и не вмешиваться не в свои дела», наконец «растерялось» и потому, что Вр. Правительство не доверяло донским казакам, являвшимися по выражению его Председателя А. Ф. Керенского, в его статье, напечатанной в газете «Кандид» (октябрь 1927 г.) и по свидетельству Английского посла Бьюкенена, со слов Верховного, «Керенский не хотел, чтобы казаки самостоятельно подавили восстание большевиков, так как это означало бы конец революции».

При Наказном Атамане ген. Плеве в Военном Министерстве «в целях экономии материальных средств» поднят был вопрос о переводе донских офицеров с «льготного» положения на положение общеармейского офицера в запасе. Ген. Плеве, ознакомившись у Начальника Новоч. Училища с ролью донского офицера и подготовке его в училище, просил Государя не делать этого, т. к. донской казачий офицер не то же самое, что общеармейский офицер и он не может, находясь в запасе, «отвыкать» от военно-административных навыков, т. к. в случае войны или революции от него потребуется много больше того, чем это будет требоваться от армейского офицера. Война и революции это подтвердили. Как бы в ответ на ходатайство Атамана Плеве Министерством Внутренних Дел были созданы вольно наемные отряды государственной стражи, для оказания помощи полиции в деле поддержания порядка в стране и в качестве командного состава туда были назначены донские офицеры из находящихся на льготе. «Экономия» в Воен. М-ве была осуществлена, но по мнению некоторой части дон. офицеров им была оказана «медвежья услуга» Атаманом Плеве.

Донское офицерство, находясь «на льготе» или в отставке, в большинстве своем проживало в своих станицах и хуторах и там часто избиралось станичными и хуторскими атаманами, председателями кооперативов, попечителями школ и т. д., являясь образованным слоем Войска, оно прививало культурные принципы рядовым казакам.

Донское офицерство являлось хранителем «стародавних» традиций Донского Казачества и рассадником современных культурных начал на Дону. Казаки за это были ему благодарны, хотя, иногда, незлобиво и говорили «чудак его благородие». А слово «чудак» на Дону означало некоторую ненормальность человека и если казаку в словах или действиях офицера было что то неясно или непонятно, они говорили: «чтой-то его благородие чудит».

Ген. И. Г. Акулин, служивший в Главном Управлении Казачьих Войск («Оренбургское казачье Войско в борьбе с большевиками») пишет: «В правительственных кругах неоднократно поднимался вопрос об упразднении некоторых и даже всех казачьих Войск, как «пережитка» прошлого». Такая «реформа» несомненно вызвала бы протест всего казачества и повлекла бы за собою самые пагубные последствия, как для России, так и для самих казаков»...

Примерно в это время Наказным Атаманом Войска Донского был назначен быв. Начальник Корпуса жандармов генерал барон фон Таубе, которого никак нельзя было заподозрить в особых симпатиях к Донским казакам.

Ген. Таубе, зная по прежней своей службе роль и значение донского офицера в казачьих массах, ознакомился с настроениями «льготного» офицерства и учебой будущих офицеров в Новочеркасском Училище, для чего неоднократно вызывал к себе для «бесед» Н-ка училища и несколько раз сам посетил Училище, где «беседовал» как с офицерами, так и с юнкерами. Вызывал к себе и «опальных» казаков для беседы, и в частности писателя Ф. Д. Крюкова, лишенного права в это время покидать свою станицу. Результатом этой «беседы» было снятие с него «опалы» и разрешение свободного передвижения и жительства по всей России. Потом Атаман Таубе совершил по станицам инспекционную поездку. Возвращаясь в Новочеркасск, в стан. Аксайской делали пересадку с парохода на поезд. В станице кроме станичного общества его встречала детвора учебных заведений, бывших в станице. К этому времени в Аксайской стан. были кро-

ме трех смешанных церковно-приходских школ, мужское и женское приходские училища, смешанная прогимназия, духовное училище, мореходная школа и ремесленная школа. Тогда Атаману Таубе автором настоящей статьи был поднесен «адрес», в котором говорилсь: «Ваше Превосходительство! Мы, ученики Аксайских учебных заведений, обрадованы Вашим посещением и постараемся быть такими же преданными донцами Царю и Отечеству, какими были наши отцы и деды». Многие из этих учеников позднее окончили Новочеркасское Училище одни до войны 1914 г., другие во время войны, третьи во время гражданской войны и последние на острове Лемносе и в Болгарии. Все они честно и нелицемерно служили Родине и многие из них отдали свою жизнь за нее.

После обследования положения на Дону Атаман Таубе был с личным докладом у Государя и на его вопрос: «Ну, как донские казаки? ответил: «если можно было бы оказачить всю Россию, то не было бы нужды в содержании корпуса жандармов». После этого, как будто, вопрос об упразднении казачьих Войск был «похоронен».

Как видим, по каким то обстоятельствам «защитниками» казаков вообще и их «интересов» были Атаманы немецкого происхождения, тогда как Атаманы вроде кн. Святополк-Мирского всячески мешали культурному развитию донцов. Общеизвестный случай: когда Кривянская станица посылала к нему делегацию во главе с офицером, окончившим Новоч. Училище, с ходатайством о выдаче разрешения на постройку «плавного» моста через р. Аксай, Кн. Святополк-Мирский ответил, что «казаки должны учиться переплывать реку, а не ездить по мостам» и в разрешении на постройку моста отказал. Известен также другой факт: когда частный поверенный Мухин — донской казак — ведя судебный процесс французской компании, был вызван Атаманом в его канцелярию, где Атаман задал вопрос: «Ты кто такой? получив ответ «частный поверенный» такой-то, повторил свой вопрос и когда поверенный сказал, что он «казак Мухин такой-то станицы», Атаман Святополк-Мирский заявил ему: «так вот, поезжайте в свою станицу на год без права выезда». Подробности по этому вопросу напечатаны в «Донской Волне» № 46 в статье В. Курганова «Земля неведомая».

В самые трагические дни Дона в период Атаманов Каледина и Назарова казаки фронтовики объявили «нейтралитет». Донское офицерство в массе своей тоже «воздерживалось» от вооруженной борьбы с большевиками, за что и заплатили сотнями своих жизней. Это «воздержание» ген. А. И. Деникин (в «Очерках русской смуты», т. 2-й) объясняет тем, что офицерство, «связанное кровно, имущественно, земельно, с Войском, не решалось пойти против ясно выраженного настроения и желания казачества»... А донской казак — полк. Добрынин («Борьба Донских казаков с большевизмом»), говоря о положении между 12/II и 23/IV 1918 г., рассматривает это «воздержание» несколько иначе. Он пишет: «из оставшегося и забившегося в щели большого числа офицеров никто не дерзал выступать на политическом поприще. Одни это делали из чувства простого самосохранения, другие не могли и не хотели совершенно этого делать из самолюбия, оскорбленного незаслуженным недоверием широких казачьих масс»...

Эти обстоятельства последний Н-к Новоч. Каз. Училища Походный Атаман ген. П. Х. Попов в станице Заплавской около 20 апреля 1918 г. поставил в упрек офицерам, оставшимся в Новочеркасске при его оставлении 12 февраля. Этим он нажил себе врагов среди офицеров «Южной группы ген. Денисова».

Донское офицерство, в массе своей, кроме артиллеристов, окончило Новочеркасское Казачье Училище, но к сожалению до сего времени ими не написано в эмиграции хотя бы небольшой «памятки» о своем Училище, но будем надеяться, что этот пробел будет заполнен, тем более, что оно, как уже сказано выше, являлось не только специальным учебным заведением, но и известным рассадником просвещения на Дону.

(Париж) **А. Падалкин.**

ВОЛЯ — ВОЛЮШКА.

Воля-волюшка родная!
Василек наш полевой!
Затоптала зависть злая
Грязною тебя пятой.

Поросла вся степь дурманом,
Смотрит жалкой сиротой,
Даль сокрылась за туманом,
Затянулась мглой густой.

В выси жаркой не трепещет
Жаворонок над гнездом.
Искристой волной не плещет
В берега широкий Дон.

По приволью не несется
На своем коне казак.
Песнь о воле не поется.
Загрустил курган-маяк.

На его вершине, шапкой,
Не шумит пырей, ковыль.
Лишь казачка здесь украдкой
Вспоминает воли быль.

Не несется клекот гордый
С поднебесия орлов...
Все сгубили злобы орды
По велению лжецов.

Приумолкла степь родная,
Пригорюнилась она;
Славу Дона вспоминая,
Чашу горя пьет до дна.

Юшкин-Котлубанский.

Вашингтон.

ХОР СЕРГЕЯ ЖАРОВА.

В этом году исполняется сорок лет с того дня, когда Сергей Алексеевич Жаров организовал в эмиграции свой ныне всемирно известный казачий хор. Этот хор побывал почти во всех странах, кроме своей родины, дал около восьми тысяч концертов и, можно смело сказать, обласкал слух человечества русскими церковными и народными песнопениями, приобщил Запад к великой русской духовной культуре.

В хоре Сергея Жарова выступают около тридцати певцов и танцоров. Сейчас в нем уже около половины составляют эмигранты периода второй мировой войны. А всего в хоре перебывало более ста пятидесяти человек, в большинстве своем самородков, не имевших никакого специального музыкального, вокального или фореографического образования.

Участники хора, совместно, говорят почти на двадцати иностранных языках и за прошедшие сорок лет подарили своим поклонникам около двадцати пяти миллионов автографов.

На концерте жаровцев, состоявшемся 25 октября 1951 года в Мюнхене, присутствовало почти четыре тысячи слушателей. И в том же году этот хор, отмечавший свой тридцатилетний юбилей, установил своеобразный рекорд: на концерт в штате Миссисипи, в городе Джексоне, собрались его послушать семнадцать тысяч человек.

Но как же поют жаровцы, поют без какого-либо музыкального сопровождения?

— Поют здóрово!

Эти два слова сказал великий русский певец Федор Иванович Шаляпин, выступавший однажды в одном концерте с хором Жарова. А было это на вилле когда-то существовавшего английского вице-короля Индии.

Сталин ненавидел Сергея Алексеевича Жарова за то, что он прославлял не его, «сталинское», «социалистическое по содержанию», партийное искусство», а искусство подлинное, свободное, народное, национальное. Об этом стало известным иностранным дипломатам и летом 1951 года, в связи с юбилеем жаровцев, одна из вашингтонских газет опубликовала забавную каррикатуру. По огромному, искаженному злобой, лицу Сталина ползет с камертоном в руке Сергей Жаров в образе маленького комарика. Сталин

затыкает уши пальцами и вопит: «О-о-о! Он мне уже все уши прожужжал!...»

В 1945 году в Канаде одна экзальтированная девушка, прослушав концерт жаровцев, стала умолять Жарова и его администратора Болотина взять ее... в Москву. А через два года, когда жаровцы опять гастролировали в том же канадском городе, эта девушка специально пришла за кулисы, чтобы поблагодарить Жарова за то, что с его помощью она научилась различать русских и коммунистов.

Сергей Алексеевич Жаров — талантливейший певец, дирижер и организатор. Он строгий и требовательный руководитель, но вместе с тем душевнейший, добрый, отзывзивый, бескорыстный и даже несколько чудаковатый человек. Его хористы с большим трудом уговорили его брать себе хоть немногим больший гонорар, чем тот, который приходится каждому после деления выручки за концерт на всех поровну.

— До сих пор мы пользовались всеми средствами передвижения, кроме подводных лодок. Но, возможно, скоро начнем пользоваться не только ими, но и ракетами — шутит Жаров.

А пошутить он любит. Одно время, спасаясь от поклонников, он после концертов удирал через окно, а вместо себя посылал в толпу своего двойника — казака Евлампия. А однажды, во время концерта в американской провинциальной гимназии, какой-то веснущатый паренек зачем-то хитро подмигнул дирижировавшему Жарову. Жаров комично подмигнул ему в ответ. Паренек взвизгнул от восторга, Жаров не удержался, захохотал и так заразительно, что захохотали и все хористы и вся публика.

Нем.

«Русская Мысль»

НА РОДНЫЕ МОГИЛКИ.

(Из романа «За Край Родной»)

...Дин-н-нь... дон-н-н... бом-м-м... трля-м-м!..
...Дин-н-нь... дон-н-н... бом-м-м... трля-м-м!..

Протяжно и тоскливо, певуче и грустно вызванивают колокола. Дрожащая волна поющей меди густо нависает над станицей, проникая во все уголки, несется, слабея постепенно, над поемным пырейным лугом до далекого войскового леса и там, словно остановленная им, замирает окончательно. Скорбные звуки похоронного звона щемят сердце, волнуют душу, наводят на печальные размышкения...

...Дин-н-нь... дон-н-н... бом-м-м... трля-м-м!..

Как не подходит это ко всему, что видит вокруг взор! Яркое солнце погожего летнего дня, брызжущее золотом животворящих лучей; тихая станица, весело смотрящая оконными глазка́ми своих куреней на улицы; зелень отцветших садов, широким поясом охватившая станицу со всех сторон и в ней самой тянущаяся длинными прерывистыми уличными лентами в палисадниках; всюду жизнь, радость, ни одного темного пятна, полная ясность, как ясна эта притягивающая к себе небесная синь, без единого следа и намека на облачко... А тут:

...Дин-н-нь... дон-н-н...бом-м-м... трля-м-м!..

Хоронят кого-то. Еще издали доносится величаво-грустное пение:

— ... Свя-а-тый Бо-о-же, свя-а-тый кре-е-пкий, свя-а-тый бессмертный, поми-и-луй на-ас...

Кто бы это помер?

О, народу-то сколько!

Да никак и войско принимает участие в похоронах?

Так и есть — едет конница... Тридцать два всадника в четырех рядах, по восемь всадников в ряд... Чубатые головы, усатые лица, над правым плечом у каждого дуло винтовки, слышится перезвяк стремян и деревянный стук шашечных ножен о каблуки сапог... Опытные молодцеватые наездники едут медленно, осаживая нервничающих коней, едут ровно, линий шеренг не ломают. Это лихие баклановцы, «отломавшие действительную», с «гаком», мировой войны и теперь начавшие «ломать гражданскую»...

... А перед конницей — пехота. Два десятка казаков, но казаков совсем молодых, безусых, тщетно старавшихся идти в ногу двумя неровными шеренгами. Одеты в праздничный казачий наряд: все в новых — синих и черных — шароварах с лампасами, все, как один, в белых рубахах, туго стянутых в поясе узенькими наборчатыми ремнями, все в ярко начищенных сапогах и в новых, с алыми околышами, фуражках... Винтовки на плечах, ничего лишнего из прочей амуниции — никаких сумок, одни поясные и нагрудные пантронташи... Впереди офицер с обнаженной головой идет, о чем-то глубоко задумавшись... А на правом фланге передней шеренги, на полголовы выше всех, хмуро шагает бородатый старик. Одного взгляда на него достаточно, чтобы заметить, что и одет и вооружен он был иначе, чем другие. Рубаха на нем была не белая, а цвета хаки, обычного военного образца, с новенькими синими, обшитыми красным шнурком по краям, погонами, в отличие от всех своих соратников, погон не имевших. Поперек этих погон лежали две свеженьких, узкой белой тесьмы, лычки, обозначавших, что старик был в звании младшего урядника. Черный поясной ремень его был широк, толстой кожи, с большой квадратной, желтой меди, начищенной до яркого блеска, бляшкой - застежкой, украшенной двуглавым орлом, как у пожарных. Пояс был гладкий, безо всякого набора из разрезанных вдоль пулек, плоских звездочек, полумесяцев и подковок, сверкавших серебром на узеньких поясках - пряжках молодых казаков, шагавших рядом... Широченные, по старой моде, шаровары темно-синего сукна, с кумачевыми полосами лампас, ниспадали из голенищ сапог, наполовину укрывая их... Кроме винтовки у старика была еще и шашка. Это обстоятельство вынудило его несколько нарушить общий порядок — винтовку он нес на правом, а не на левом плече. Иначе он поступить и не мог — шашку при ходьбе необходимо было придерживать левой рукой, чтоб не «тюлюпалась». Имея обе руки занятыми, старик, разумеется, не мог, идя, размахивать одной из них, как это делали все, и этим очень выделялся — шел, как связанный... И вот тут, даже не вглядываясь, можно было догадаться, что старик был никто иной, как Герман Минаич. И это был, конечно, он! А раз это был Герман Минаич — все остальное становилось ясным: хоронят сейчас Ефима Рассказова, молодого красивого казачка, живот свой положившего при защите родной станицы... И станица, тронутая такой великой жертвенностью одного из своих детей, благодарная и потрясенная — в первый раз умирал за нее казак в бою не где-то там, на краю света, за тридевять земель, а вот тут, рядом, в шести-семи верстах от нее! — вся вышла проводить убиенного на место вечного упокоения. Войско представлено было конной полусотней, специально собранной к этому дню, и снятым с позиций у Дона полувзводом «сосунков», в рядах которых сражался Ефим. Станицу представлял атаман со всем правлением и двенадцатью членами военного совета, во главе с его председателем — отставным майором Иваном Александровичем Каргиным — вот они все, толпясь, идут впереди пехоты... Сзади же конных, запрудив неширокую улицу, шла сама станица — старые казаки-домоседы — на обнаженных головах многих из них танцующими звездочками отражались солнечные блики, — старухи в черных траурных платках, молодые казачки, подростки, девушки, дети...

Перед гробом, поддерживая друг друга, идут родители убитого — Тихон Васильевич и Устинья Яковлевна. Мать беспрестанно покачивает головой из стороны в сторону, не отрывая большой, мокрой от слез, утирки от подбородка. И в этом молчаливом и страшном покачивании головы, в этой манере держать платок, было такое отчаяние, определить степень коего не представляется возможным... А выражение воспаленных, все время слезящихся, глаз! Нет, лучше не пытаться загляну́ть в них, чтобы не отшатнуться в ужасе от отражающихся в них страданий и неописуемых душевных мук...

Старик-отец не плачет. Низко опустив седую голову, с покрасневшими, но сухими глазами, сурово сдвинув брови, с бледным, измученным лицом, он пытается, время от времени, успокоить жену: «Ну, ну, Устюша!» — вполголоса говорит он. — «Будя, будя! Все одно, ничево не поделаешь... война - вить. Нонче Ефимушка, завтря — другой кто»... И взглядывая против воли на восковое лицо сына, лежашего перед ним в простом сосновом гробу, обитом внутри белым, а снаружи черным коленкором, он замолкает и еще ниже опускает голову...

Рядом с родителями — родственники Рассказовых: две тетки Ефима, всхлипывающие, не отнимающие утирок от глаз, четыре дочки их, двоюродные Ефимовы сестры, с недоуменными заплаканными лицами, дядя по матери, приехавший с далекого хутора и

привесший племяннику последний поклон от степи...

Тяжелые носилки с гробом легко несут четверо дюжих стариков — все дружки Тихона Васильевича. Рядом два подростка с крышкой гроба. На черной наружной ее стороне во всю длину нашит восьмиконечный крест из белых лент... В головах положена новенькая Ефимова фуражка с ярким алым околышем и кокардой... На шаг от подростков, несших крышку, девятилетний брат Ефима — Васятка, в полном казачьем наряде — только вместо сапог на нем праздничные чирички, с серьезный от возложенной на него задачи, бледный, но не плачущий — настоящий казак! — держит в руках, прижимая ее к груди, дедовскую шашку. Не успел сам Ефим заслужить ни наград, ни обзавестись собственным оружием. Порешили: Васятка понесет до могилы не отцовскую шашку, по редкой случайности не побывавшей ни в одной кампании, а дедовскую, побывавшую на турецкой войне и сразившую не мало басурман...

Сейчас же впереди гроба — хор. Два-три баса, столько же теноров, с десяток учеников приходской школы — дискантов и альтов. Александр Михайлович — учитель, поминутно встряхивая головой, волнообразными, плавными движениями обеих рук, с зажатым в одной из них камертоном, дирижирует, лицом к хору, спиной к идущему впереди клиру. Отец Симеон, недавно вернувшийся в станицу, в черной траурной рясе, с виднеющимся из-под нее черным же подрясником, с крестом в руках, полный, добродушный, но с грустным выражением лица, идет медленно, точно желает, чтобы Ефим как можно дольше побыл в станице, от которой уходил навсегда... Рядом с отцом Симеоном суетился, семеня ногами, престарелый дьякон из псаломщиков. В противоположность отцу Симеону, он радостно настроен и весь вид его выражает необычайное довольство. То и дело, окидывая взглядом толпу, он еле приметно улыбается. Так и читается в его глазах потаенная, с профессиональным душком, мысль:

— Ну и похороны послал нам Господь — одно благолепие!

Казалось бы — вот и вся похоронная процессия. Но нет! Впереди клира еще один гроб, несомый, как и гроб Ефима, четырьмя станичниками. Рядом, пятый казак несет крышку. Гроб и крышка из нетесанных, наскоро сколоченных, сосновых досок. Вблизи, спереди и сзади ни души. В гробу лежит умерший позавчера в лазарете красногвардеец, один из раненых в бою у берега Дона.

На вчерашнем заседании военного совета решено было похоронить его одновременно с Ефимом. Заседание прошло бурно. Многие члены совета низачто не соглашались хоронить вместе с защитником Дона одного из тех, кто пришел этот Дон завоевывать. Особенно непримиримым был хорунжий Машкин. Однако, после разъяснений, что красногвардеец перед смертью попросил священника, исповедался и, получив прощение грехов, пособоровавшись, умер как настоящий православный христианин, весь совет, за исключением хорунжего Машкина, постановил похоронить его вместе с Ефимом.

— Покаялся человек — к чему зло помнить?

Красногвардеец ни в ком сожаления не вызывал, ни одной слезинки не было уронено у его гроба. Только отец Симеон перед выносом сказал, обращаясь к дьякону:

— И у него осталась, наверное, семья... Узнайте-ка после похорон его адресок — может он говорил в лазарете. Ох-хо-хо, жизнь наша тяжкая, отец дьякон...

Похороны Ефима вышли очень торжественными. Ивана Афиногеныча — майора, умершего в августе прошлого года, человека известного и всеми уважаемого — можно сказать, почитаемого — не хоронили так, как хоронили сейчас молодого станичного паренька. И его все знали в станице, знали и любили — нельзя было не любить этого веселого, приветливого красивого парнишку. Не у одной из девчат болезненно сжималось сердце и глаза увлажнялись слезой при взгляде на восковое и теперь еще не потерявшее обаяния, лицо своего случайного «кавалера» на посиденках или на ежевечерних, год всего тому назад, «улицах» летними вечерами... Но главное, почему так много собралось народу почтить память Ефима, заключалась не в его известности и молодости, что, конечно, тоже имело значение. Это, прежде всего, необычайная, немыслимая и страшная сама по себе создавшаяся обстановка — начавшаяся война не в далекой Японии или на более близкой, но тоже отдаленной российской границе, а на самом Дону, в нескольких верстах от станицы. И первой жертвой этой немыслимой, нежданной, навязанной войны оказался Ефим. Понятно желание граждан станицы выразить свое отношение к событиям на похоронах... И еще... Много постарался подъесаул — Иван Федорович Колесов, чтобы придать похоронам

особо торжественный характер. Это он распорядился о высылке на похороны молодого полувзвода и конной полусотни для отдания воинских почестей убитому, при исполнении долга, молодому казаку. Отсюда легко объяснить и вполне законное любопытство всех — станице впервые приходилось видеть похороны с участием войск. Но кроме самого войска на похоронах была и... музыка. На левом фланге первой восмерки всадников, на рослом рыжем коне, с блестящим на солнце корнет-а-пистоном в правой руке, ехал трубач-баклановец, не спускавший глаз с подъесаула в ожидании от него знака... Но подъесаул не выходил из своей задумчивости и попрежнему, с опущенной головой, шел впереди пешого полувзвода, прислушиваясь к пению и горестным вздохам родных Ефима.

Остановились на перекрестке, всего в нескольких десятках шагов от родительского куреня Ефима. Вон он налево в боковой улице, что пересекает ту, по которой идет к могилкам процессия. Виден фасад в четыре окна со ставнями желто-белого цвета, окна смотрят на улицу через узенький палисадник, весь в зелени низкорослых кустов шиповника с поднимающимися среди них двумя пирамидальными топольками, недавно посаженными — они едва дотянулись до соломенной крыши куреня. Может быть, эти тополь ки сажал Ефим...

Задребезжал старческий тенорок дьякона, возглашающего краткую заупокойную литию. Ему отвечает хор грустным троекратным «Господи помилуй»... Закрестился народ, громче заплакали-запричитали приглушенно тетки Ефима, сильнее закачала головой в безмолвном горе мать, послышались вздохи, шорох... И вот все стихло.

— ... Еще молимся, — внятно доносился тенорок дьякона, — о упокоении рабов Божиих... Ефимия... и Василия... — с ударением и раздельно произнес дьякон, — и о еже простится им всякому прегрешению вольному и невольному.

— Господи помилуй, Господи помилуй, Господи поми-и-луй...

В первый раз за дорогу от церкви молчаливое горе Устиньи Яковлевны прорвалось громким вскриком-стоном. Закрыв лицо руками, содрогаясь вся, зарыдала она, услышав имя ненаглядного сыночка...

— Устя, Устя! Ради Христа, скрепись! — зашептал, наклоняясь к ней, Тихон Васильевич.

— Яко да Господь Бог учинит души их идеже праведнии упокояются.

— Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй, — тихо вторил возгласам хор.

— Милости Божия, царства небесного и оставление грехов их, у Христа бессмертного Царя и Бога нашего просим.

— Подай Господи.

Конец литии... Отец Симеон, с печальным выражением, не покидавшим его добродушного, заросшего бородой лица, поднял крест и медленно, как всегда, произнес заключительные слова моления под открытым небом:

— Яко Ты еси воскресение, и живот и покой усопших раб твоих... — тут отец Симеон приостановился и от себя прибавил несколько слов: — на поле брани, за други своя, живот свой положивших... — Ефимия и Василия, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем, со безначальным Твоим Отцом и животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков.

Носильщики дружно подняли гробы, шумно задвигалась крестящаяся толпа, лязгнули под фыркание коней стремена тронувшейся конной полусотни... пошли к могилкам...

Хор собирался запеть «Святый Боже». Учитель-регент уже повернулся, подняв руки. Но в этот самый момент подъесаул кивнул трубачу. Тот приставил корнет к губам, надул щеки и... полились нежные звуки трогательной «кавалерийской молитвы». Не то надо было бы играть. Но музыкант-то был один и на одном корнете никак невозможно было сыграть похоронный марш. Важно было то, что игрался военный сигнал, специально написанный для корнет-а-пистона и это как нельзя лучше подходило к обстановке. Хорошо играл трубач. Конь его, улавливая знакомые звуки, поднял уши и не опускал их до тех пор, пока мелодия не прервалась. Сам же трубач, вспомнив, очевидно, полк, так увлекся, что незаметно для самого себя повторил сигнал.

Скоро дошли до кладбища. Конница осталась за оградой, а пеший полувзвод вошел вовнутрь и меж покосившихся крестов построился около двух свеже выкопанных могил.

Когда началось отпевание, подъесаул громко скомандовал полувзводу, державшему винтовки у ноги.

— На молитву — шапки — долой!

Во время спуска гробов, когда хор пел еще «Вечную память», раздалась новая команда:

— На-а-кройсь!

— Взвод кру-гом! Пальба... шеренгой!

— Взво-о-од... пли!

— Трах-тах!

— Вынь патрон! К но-о-ге! Взвод кру-у-гом!

Все было кончено. Гулко падали комья земли на крышки гробов. Рыдал старый казак Тихон Васильевич... Наклонившись, бросал он в могилу щепотки земли — последнее, что мог он дать сейчас сыну... Страшным надрывным стоном вырвалась наружу материнская мука у Устиньи Яковлевны. Заголосила она, запричитала над свежей могилой ненаглядного сыночка... Ее не успокаивали, не просили сдержаться. Знали — бесполезно это, горе-то оно такое — неутешное...

Плакали все женщины, смахнул слезинку кое-кто и из казаков...

Тихон Васильевич пригласил на поминки причт, подъесаула, военный совет и ближайших соседей. Пошли, отказаться невозможно, отказаться в подобную минуту — это кровно обидеть станичника.

С кладбища войско разошлось не строем, а как попало. После залпа — одного из экономии патронов, вместо полагаемых трех — конные разъехались по домам, а потому на поминках не были. Герман Минаич, бодро как всегда, шагал в компании двух «сосунков» своего взвода. Один из них, возбужденно махая свободной от винтовки рукой, с жаром говорил:

— И саданула же она меня! Вот отдает, так отдает! Ажнык по сею минуту вся плечо ноить! — парень, просунув левую руку под ремень винтовки, почесал правую сторону груди. — А у тебя, Минаич, — урядничек наш молоденький, — отдает винтовочка?

— Не-е, Петруша, не могла она у меня отдачу совершить, — загадочно усмехаясь, ответил Герман Минаич.

— Как так? Почему такое? — разом спросили оба «сосунка».

— Потому што я пожалел патрон.

— То-исть, как это пожалел?

— Да так и пожалел.

— Да почему же? Вить скомандовал подъесаул стрелять?

— Скомандовал, — спокойно, все так же хитро усмехаясь, как в начале разговора, сказал Герман Минаич. — Скомандовал ево благородия, а я не выстрельнул. Решил я, ребятки, пулечку эту — Ефимушкину, намогильную — израсходовать на супостата каково-нибудь. Што-ж пулять так, зазря?.. В отместку, выходит, стрельну Ефимушкиной пулечкой... Вот вы и смекайте теперича, как она повернулась дела-та — виноватый я, аль нет, што не выпалил, приказа не исполнил?

Подъесаул, шедший неподалеку и слышавший весь разговор, с удивлением посмотрел на Германа Минаича.

— «Ну и Герман Минаич, — подумал он, — Обязательно у него своя точка зрения... и нельзя сказать, что плохая. Хороший дед»...

Франция. **П. Аврамов.**

ПЕРВЫЙ СЕАНС КИНЕМАТОГРАФА В СТАНИЦЕ.

(Из записок о былом «Казаки Ермаковы»)

С чувством напряженного нетерпения, как многие в станице, и школьники ожидали сеанса «движущихся картин».

В тёмном, с закрытыми ставнями, приготовленном для этого события училищном зале царила интригующая таинственность. Разгоняемые учителями ученики толпились в корридоре, стараясь украдкою открыть дверь, за которой, кроме правильных, столь знакомых рядов стульев и белого экрана, вместо обычного волшебного фонаря, на этот раз что-то загадочное под наброшенной темной материей стояло в центре погруженного во мрак помещения.

Пронырливый же Николай Ермаков, сумевший прошмыгнуть в запретный зал и воровски ловко оттуда выскользнувший, победно товарищам сообщил:

— «Под покрывалом аппарат. Из него начнут выскакивать люди и будут бегать по экрану, как живые.» —

— «Как живые? Настоящие?» — Раздавались изумленные голоса.

— «Да. Как живые, настоящие.» — Категорически, разбивая всякие сомненья, авторитетно подтвердил осведомленный Николка.

— «Живые люди! — Удивлялись сверст-

ники. — Заправские, живые?» — Слышались вопросы.

Раздосадованный Николай, высокомерно зажав уши, работая плечами и локтями, старался поскорей освободиться, отбиться от роя назойливых товарищей.

Дома, наскоро пообедав, Николка спешно исчез, не дожидаясь брата.

Отпуская Лёню, заранее съэкономившего пятачёк для невиданного зрелища, мать сказала ему: — «Ну, иди, сынок, погляди и ты, а потом нам с отцом расскажешь, чего видал.» —

Явившись на добрый час раньше начала сеанса, Алёша вертелся около озабоченного и молчаливого, одетого в рабочий костюм, механика; вместе с другими мальчишками рассматривал непонятный аппарат и рядом с ним лежавший на большом, перенесенном из учительской, столе, просмоленный, наполненный газом и обильно политый водою огромный мешок. Механик, пробуя, наводил луч света на экран, что-то подкручивал, проверял. Из аппарата раздавался неопределенный шум, похожий на шипение и шорох. В тускло освещенном зале носился неприятный запах карбита газокалильной лампы. Под обильно смоченным экраном поблескивали лужи стекавшей воды.

Собравшиеся зрители наполнили помещение до отказа, стояли в проходах. Прибывшая интеллигенция, разочарованно смутившись, недоумевала совету садиться не в первых, подобающих ее рангу, рядах, и не отваживалась занять унизительную для нее «галёрку», разместившись ни далеко, ни близко от экрана.

Станичный полицейский Влас Демьянович энергично оттеснял мешавших механику любопытных, сгрудившихся вокруг аппарата. Наведя порядок, представитель власти важно, как нахохлившийся индюк, чинно удалился и, поблескивая бляхой, занял место у входа в зал под единственной горевшей лампой.

Когда момент начала сеанса, наконец, настал, блюститель порядка уменьшил свет лампы, опустив фитиль. Яркий луч из заурчавшего аппарата осветил экран. В битком набитом зале воцарилась сосредоточенно напряженная тишина. Под хрип аппарата раздался раздельный голос крутившего механизм в ручную механика:

— «Русско-Японская война. Бой под Тюринчéном. Наши в темной форме, японцы в хаки.» —

На экране замелькали суетившиеся люди, заклубился дым орудий, солдаты падали, на спинах уносили раненых, кубарем катились по откосу небольшого холма.

— «Иде-ж они, япошки-то косоглазые? — Послышалось из публики. — Не видать, не отличишь.» —

— «Зато наших дюжа видать. Приметные, как блохи. Вот наших и лупят — пронеслась ответная реплика. — Япошки-то похитрей, додумались, — незаметные в своей одёже, как вши.» —

— «Просьба соблюдать тишину.» — Раздался строгий голос полицейского.

Механик, как заученный урок, крутя рукой аппарат, давал объяснения: — «Поизд входить в тюнель. Поизд выходить из тюнеля». —

Вдруг, в машине что-то треснуло и наступила темнота. Аханья испугавшихся зрителей, шум, крики. Полицейский поднял фитиль лампы. Поняв, что никакой опасности нет, все успокоились. От жары и удушливого воздуха, пропитанного газокалильной гарью, люди снимали полушубки, обмахивались, вытирали взмокший лоб, весело перекликались.

Сделав исправление, механик дал знак полицейскому уменьшить свет. Все снова замолкли, сосредоточились, устремив взор на освещенный экран.

Комики Глупышкин и Скандалини, весело гримасничая, головокружительно мчались под горку на велосипедах, прямо в зрительный зал на всех сидевших.

— «Сторонись, задавят! Спасайся, кто может! Давят! Караул! Раздавили! Ох, ах, ой!» Послышились озорные, смешавшиеся с паническими, крики. Раздался визг, детские вопли. Николка Ермаков, обрадовавшись случаю, орал больше всех, поддавая жару:

— «Скорей выходи на улицу!»

В столпотворении, забыв про экран, толпа ринулась к выходу. Люди давили друг друга, прижав почтенного полицейского. Вывалившись-же в тихий пустынный корридор, вдруг опомнились.

Между тем волнение улеглось и в зале. Оставшиеся на местах облегченно вздохнули, успокоившись от потрясающих эмоций. Дамы деланно - пренебрежительно улыбались, качая головой: — «Дикари.» —

Острослов телеграфист, подтрунивавший на поднятии колоколов над Акулиной Аникеевой, насмешливо, громко, чтобы умные слышали, язвил: — «Их три года по дождю водить надобно, чтобы поумнели.» —

Лёня Ермаков, подхваченный людской волной ,неожиданно оказался в рядах «знати». Увидя вцепившуюся в мамин рукав Лидочку, поджавшую под стулом ноги с перепуга быть раздавленной велосипедистами, Алеша вразумительно, как взрослый, успокаивал девочку:

— «Не бойся. Уже всё прошло.» —

Лида подняла глаза и, не узнав его, молчала. Поняв, Лёня спросил ее, цела-ли подаренная им лошадка с коляской. Мгновенно вспомнив, Лидочка улыбнулась, но ответить не успела; Алексей, под напором возвращавшейся на местá публики, уже потерялся в толпе и его маленькая приятельница напрасно искала глазами любезного мальчика, желая сказать ему что-то благодарно приятное.

П. А. Соколова.

СТАРЫЕ ПОЛКИ РУССКОЙ КОННИЦЫ

Самым старым полком русской конницы является Кизляро-Гребенский полк Терского Казачьего Войска, имеющий старшинство с 1577 года (по некоторым сведениям — с 1576 года), но первая дата верней, так как в этом случае старшинство приноровлено к боевому эпизоду. В 1577 году Гребенские казаки участвовали в разгроме 25.000-ной армии Крымских татар, на переправе через Сунжу и Брагун.

Обнаружив противника, Гребенцы первые стремительно бросились в атаку, а, преследуя разбитого противника, они же закончили истребление Крымцев. Это славное дело послужило исходным для установления старшинства Терскому Войску.

До 1-ой Мировой войны Кизляро-Гребенский полк именовался генерала Ермолова, во время этой войны Государь Император соизволил принять шефство этого доблестного полка. Особенностью полка было то, что полк имел штандарт, а не знамя, как другие казачьи полки.

Полки Харьковский уланский и гусарские Сумский, Изюмский и Ахтырский имеют дату старшинства 1651 года и интересно проследить возникновение этих полков.

На рубеже Московского государства, спустя более чем три столетия после нашествия татар, пограничными городами были Мценск, Алатырь, Новгород-Северский и некоторые другие. К югу от этих городов простирались необъятные степи, носившие названия «Дикого поля».

Лишь в Крыму татарская орда сохранила свою самостоятельность, благодаря «Дикому полю».

Московское государство для защиты от татарских набегов еще в XV веке организовало сторожевую службу для собирания вестей о татарах и ногайцах, дабы предупреждать порубежных воевод о приближении врага.

Набег хана Кази-Гирея на Москву побудил русских вынести укрепленную линию далее на юг, тут были построены Ливны, Кромы, Воронеж, Оскол, Валуйки, Белгород и возобновлен древний Курск.

Сторожевая служба уже продвинулась к рекам и урочищам Придонского края, на территории которого позже возник Харьковский полк.

После постройки «Белгородской Черты» Царь Борис Годунов сделал попытку шагнуть еще дальше на юг, в 1599 году заложен был город Царево-Борисов близ впадения в Северный Донец реки Оскола, в 160 верстах от г. Белгород, но в Смутное время этот городок разграбили татары и он запустел.

Россия, потрясенная неурядицами, не имела возможности отдавать много внимания своим южным поселениям, но к счастью явилось обстоятельство, которым Москва умело воспользовалась.

Гонение на православную веру, экономический и правовой гнет побудили Заднепровских казаков — малороссов, бывших под властью поляков, после нескольких неудачных восстаний, первоначально отдельными семьями, искать спасения, перехода на левую сторону Днепра, в пределы Московского государства. В 1651 году (по старому летоисчислению — в 7159 году), после ужасного поражения казаков Богдана Хмельницкого под Берестечком, казаки целыми толпами с семействами хлынули в привольные степи единоверной и одноплеменной России.

Исход продолжался долгое время, одна из волн докатилась до реки Тихой Сосны и тут

был основан город Острогожск, где и было положено начало Острогожскому Черкасскому полку, впоследствии расформированному. Черкасские полки позже получили название «слободских». Затем стали разновременно возникать города Харьков, Ахтырка и Сумы. Никому из исследователей не удалось точно установить годы их основания. Известно только, что в 1654 году Харьковские черкассы уже строили дороги. Приблизительно спустя четверть века население Харькова насчитывало свыше 7.000 казаков. К 1685 году территория Харьковского полка раскинулась широко, на долю же Ахтырского и Сумского полков пришлось пространство будущих уездов Ахтырского, Богодуховского, Сумского и Лебединского.

Престарелий Харьковский полковник Донец стал хлопотать для своего сына отдельное полковничество и в 1685 году последовал Царский указ о разделении Харьковского полка на две части. Сформирован был новый слободской полк Изюмский и сыну Донца повелено жить в г. Изюме. Только в 1691 году, после смерти старого Донца, Изюмский полк стал жить самостоятельно.

Старшинство всех 4-х полков отнесено к 1651 году. Харьковский с 5 сентября, Ахтырский, Сумский и Изюмский с 27 июня. Установившие старшинство упустили из виду, что по тогдашнему летоисчислению, существовавшему до 1700 года нового летоисчисления, год начинался с 1 сентября и июнь месяц считался 10-ым месяцем в году. И, если проследить время создания полков, то никак нельзя считать к примеру Изюмцев, старше своего родоначальника.

Сыграв назначенную ему историчеслую роль, слободское казачество прекратило свое существование и в 1765 году они были погусарены.

Сообщил *А. Левицкий*

«Военная быль» № 50.

«ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ КНЯЗЬ СИБИРСКИЙ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ПРОДОЛЖАТЕЛИ».

От Редакции «Родимого Края»

Читатели «Род. Края» помнят, какое возмущение и негодование — и среди не одних только казаков — вызвало выступление в «Русской Мысли» Енисейского казака Байкалова, облившего грязью Ермака — героя Дона и всего Казачества и всей России. Ушаты грязи попутно были вылиты и на Казачество в целом. В разгоревшейся газетной полемике выяснилось, что не только наши общероссийские сограждане, но и некоторые казаки не отдавали себе ясного отчета, кем и чем был Ермак и как велико значение его деятельности и подвигов и для Казачества и для всей России. Многими казаками был поднят тогда вопрос о необходимости издания специальной работы, посвященной Ермаку. В порыве казачьей солидарности читатели «Род. Края» предложили общими усилиями собрать необходимые для издания деньги. Гедакция «Род. Края» взяла на себя выполнение этой задачи, а Н. М. Мельников взял на себя труд написать исследование научного характера. Работа закончена, книга напечатана и поступила в продажу. Нам удалось найти и воспроизвести редкин иллюстрации, связанные с именем Ермака и украшающие теперь книгу, состоящую из 10 глав, в которых всесторонне освещается все, что касается дела великого Ермака, его доблестных соратников, а также продолжателей казаков землепроходцев и мореходцев.

Компетентный историк, Доктор исторических наук, профессор М. А. Миллер, давший свое предисловие к книге, пишет, что «работа написана прекрасным языком и популярно, что делает ее доступной широким кругам читателей. Однако при всей ее популярности она насыщена и обоснована строго научным материалом. Благодаря великой любви автора к родному краю, к казачеству и его героическому прошлому, изложение истории Ермака и продолжателей его дела во многих местах достигает художественной высоты, повествование становится увлекательным и духовный подъем автора невольно захватывает и читателя».

«В такой исторической перспективе» (в которой написана автором книга) монументальная личность Ермака и историческое значение его походов, проложивших дорогу в Сибирь, получают всестороннее освещение и полную оценку». Заканчивает проф. Миллер свое предисловие такими словами: «Ермак Тимофеевич» Н. М. Мельникова представляет собою очень большую работу и очень большой вклад в развитие казачьей культуры. Поэтому мы считаем, что эта книга о Ермаке должна быть на столе у каждого казака, который еще не забыл о своем казачьем происхождении и не утратил интереса к героическому прошлому своего народа».

Редакция «Род. Края» вполне присоединяется к заключению проф. М. А. Миллера. Редакция горячо благодарит всех способствовавших осуществлению этого большого дела. Тем, взнос которых был не менее 800 фр. (8 н. фр.), книга будет разослана бесплатно, а излишек их взносов пойдет на оплату тех экземпляров, которые будут посланы бесплатно группам неимущих казаков, находящихся в старческих домах, а также редакциям газет и журналов для напечатания их отзывов о книге, что будет — надеемся — способствовать широкому распространению книги. Собранных денег не хватило и редакция «Род. Края» будет благодарна друзьям за дальнейшую поддержку Фонда Издательства «Род. Края».

Цена книги 8 новых франков во Франции, заграницей — 2 доллара.

КАРТА КУБАНИ.

Издательством Кубанского исторического и литературного Сборника издана, на одном листе размера 22 х 34 дюйма, карта Кубанского Края в масштабе 20 верст в дюйме

На ней нанесены: рельеф местности, главные реки, болота, железные дороги, границы отделов и полковых округов, все станицы, большинство хуторов, сел и аулов, монастыри и лагери второочередных полков.

Карта составлена по данным на 1920 год и на ней отмечены некоторые статистические данные того времени.

Она украшена гербом Кубанской области 1874 года и стилизованными колосьями пшеницы, как эмблемою главного богатства Кубани.

Стоимость карты, с пересылкою, 1 доллар. Выписывать ее по адресу:

Vyaceslav Naumenko, P.O. Box 126, Orangeburg, N.Y. U. S. A.

От редакции «Род. Края». С большой радостью мы помещаем сообщение об издании большой карты Кубанского Края и горячо рекомендуем ее приобрести не только кубанцам, но и всем тем, кто интересуется историей и прошлым казачества.

Ее издание показательно и в другом отношении: несмотря на подчас тяжелые условия существования, на возраст, на недостаток времени, казачие интеллектуальные силы продолжают трудиться во славу родного казачества.

Издание карт Родных Краев — новая отрасль культурного творчества каз. сил и мы, принося нашу глубокую благодарность создателю карты Н. Л. Лисилю и ее издателю «Куб. Истор. и Литер. Сборника» за их труды, надеемся, что наши читатели приобретут этот полезный и ценный документ.

ГЕНЕРАЛ РАСТЕГАЕВ.

6 июля в Париже скончался Кубанского Каз. Войска генерал-майор Михаил Петрович Растегаев.

Покойный, получив образование в 1-ом Московском Императрицы Екатерины II кад. корпусе и Николаевском Кав. Училище, начал свою военную службу хорунжим Кубанского Каз. Дивизиона в Варшаве. В 1914 году Растегаев со своей частью вышел на войну и принял боевое участие в кровопролит-

ных сражениях под Сольдау, Лодзью, Варшавой, Барановичами, в форсировании реки Стохода и прочих боях. За свою доблестную службу Михаил Петрович был награжден боевыми наградами.

В 1917 году падение дисциплины и боеспособности нашей армии свело к нулю стремление этой последней к победе, но молодой и волевой офицер не мог быть пассивным зрителем бушующего революционного океана.

Участие в Ледяном походе среди горсти героической русской молодежи открыло Растегаеву путь командира и он проявил свои исключительные военные таланты на просторах Дона и родной ему Кубани. Много раз раненый и часто оставаясь после ранений в рядах вверенных ему частей, бесстрашный и самоотверженный Растегаев за блестящее выполнение порученных ему боевых задач произведен в генерал-майоры с назначением командиром Кубанской Каз. бригады, во главе которой он ведет борьбу с неприятелем, нанося ему жестокие потери.

После оставления пределов нашей Родины и прекращения вооруженной борьбы, ген. Растегаев назначен комендантом штаба I Армейского Корпуса в Галлиполи и в этой должности способствует поддержанию строгой дисциплины среди частей ген. Кутепова.

В эмиграции генерал не порывает связи с родственными ему организациями, но в силу своего физического состояния был лишен возможности проявлять какую-либо активность.

Вдали от родных кубанских станиц, оставшийся верным простой формуле «кадет, юнкер, офицер», сошел в могилу пламенный русский патриот, выдающийся боевой командир, благородный сын нашего отечества и добрый кубанский казак.

Пусть будет ему легка земля в братской могиле кадетского участка в С.-Женевьев де Буа.

К. Соловский.

«Русская Мысль»

У Ш Е Д Ш И Е.

† 19 апр. 1961 г. в госпитале г. Труа (Франция), после непродолжительной болезни (грудная жаба) скончался член Каз. Союза сот. С. Д. Шевченко, стан. Кардоникской Баталпашинского отд. К. В. Покойному было 71 год. Похоронен на местном кладбище. На похоронах было свыше ста человек, пришедших отдать последний долг одному из видных членов русской колонии г. Труа. Мир праху его и вечная память.

† 3 июня с. г. в г. Вайнланде (САСШ) скончался С. В. Пухляков, казак ВВД.

† 2 июня с. г. в Лейквуде скончался после продолжительной и тяжкой болезни георгиевский кавалер трех степеней Б. Ф. Федоров, стан. Абинской К .В. Похороны состоялись на Св.-Владимирском клазбище на участке Каз. Комитета.

† 25 июня с. г. внезапно скончался хор. А. П. Кундрюков К. В. из г. Майкопа. Похоронен на кладбище Лонг-Айленд (САСШ).

6† авг. с. г. в старческом доме в Гроно (Швейцария) скончался от последствий операции И. П. Реутов, стан. Новомаренской Лабинского отд. К. В.

† 30 авг. с. г. в г. Шартре (Франция) в доме для престарелых больных скончался полк. Терского Войска В. Я. Щербаков — 86 лет. Похоронен на местном кладбище.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

◆ 18 июня состоялись перевыборы правления Терского Объединения во Франции. Выбранными оказались: председатель — полк. Н. И. Зимин, членами А. З. Воробьев, Г. Г. Калмыков, секретарем — А. И. Клочков, казначеем — П. И. Фролов. В правление Каз. Союза делегируются: полк. Н. И. Зимин, А. З. Воробьев, А. И. Клочков.

◆ 10 сент. Жаровский хор выехал из Нью-Йорка в свое турне по Европе и др. странам.

17 сент. состоялся его первый концерт в Лондоне.

◆ В начале октября вернулась в Брюссель группа джигитов ес. Юркова и ес. Тевяшова из своего турне по Германии и Швейцарии. Особенный успех имела джигитовка в Швейцарии.

◆ Новинки книж. рынка: «Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова. Издание «Род. Края». Стоимость 8 нов. фр., заграницей — 2 долл. Выписывать через редакцию «Род. Края». Сборник стихов Н. В. Альникина «Сполох» и «Рифмованные кончики» (продолжение). Выписывать у автора: Alnikine. 28 rue Bossuet. Casablanca. Maroc.

«Кубанский Истор. и Литератур. Сборник» №№ 9 и 10 (№ 10 с приложением: картой Кубанского Края) выписывать у издателя: V. Naumenko. P.O. Box 126. Orangeburg. N.Y. USA.

«От Воронежа и до Кубани в 1919-20 г.», №1 и №2. Выписывать у автора: Elysseev. 502 W. 177 Str. Apt. 1 c. New York 33. N.Y. USA.

■ **РОЗЫСКИ:** Розыскиваются родственниками: Пав. Людв. Лампрехт, около 67 лет. Связь потеряна с 1933 г., Ив. Вас. Киреев, хутора Поповского, стан. Котовской, Хопер. округа ВВД. Сведения сообщить по адресу: Mr. Pavlov. 1881 Newton Str., N. W. Washington 10, D. C. — USA.

Родными из России розыскиваются: Донсков Ив. Мих., Донсков Афан. Мих., стан. Каргальской, и Донсков Ник. Афан., стан. Филиповской. Писать по адресу: S. Riabycheff. Cité Beauvert, 10201. Grenoble (Isère) France.

Родственниками из России розыскиваются казаки В. Чирской станицы: Ляпичев Вас. Андр., Немов Григ. Мих., Пономарев Леон. Матв., Ирхин Минай, Колгатин Арефий Семенович, Мануйлов Ив. Вас., Иньков Григ. Мих., Мануйлов Агей Ефимович, Лескин Ив. Мих., Архипов Аксен Вас., Строков Илларион Мих., Леонов Всеволод, Турханов Гавриил, Трофимов Сергей, Рудаков Ник. Пузанов Конст. — стан. Кагальницкой и житель Нахичевани войск. стар. Шведчиков. Писать по адресу: Dr. Ing. Kochanovskov. Praha, Rejskova 2. ČSSR.

Вас. И. Ефимов, ст. Урюпинской. Писать по адресу: Bobrikova. Cité Beauvert 12902. Grenoble (Izère) F r a n c e.

Ив. Куз. Сердобыльцева. Писать по адресу: Birucoff, 29, rue Juge. Paris (15e) France

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

В *Фонд Издательства:* Фомин — 10 герм. марок, полк. Ф. И. Елисеев — 5 н.фр., г-жа Болдырева — 5 долл., хор Жарова через Алексеева — 25 долл., Симонс — 3 долл., г-жа Морозова — 1 долл.

Через наших *представителей:* В. А. Балахнина — 10 долл., через Б. Н. Уланова: Ф. Ф. Сметанина из Австралии — 10 долл. 25 цент., д-ра Ряхина (2 взноса) — 4 долл., А. З. — 3 долл., С. Иванчукова и М. Афанасьева — по 5 долл., от Б. Н. Уланова 43.15 н.фр.

На издание *книги о Ермаке:* Н. Воробьев — 3 долл., Н. Гуко через А. Павлова — 1 д. Петрусенко — 10 н.фр.

На увековечение *памяти ген. П. Х. Попова:* от донских казаков В. Семенова — 2 д., Сергеева и Д. Н. Медвединцева по 30 н.фр., А. Д. Борисова — 10 н.фр., кубанского казака В. Приполицева — 5 герм. марок, участников Дроздовского похода полк. П. В. Колтышева и кап. Н. П. Чижова по 10 н.фр., кап. Воеводова — 5 н.фр., сестры милосердия Степного Похода О. Д. Голициной — 20 н.фр., участников I-го Куб. Похода Н. Сторкенбекер и полк. Левитова с женой — по 10 н.фр., от Отдела Партизан Чернецовцев-Семилетовцев Каз. Союза через М. И. Кацмана — 10 н.фр. С ранее поступившими всего 325 н.фр., 2 долл., 5 герм. марок. Сбор продолжается.

Редакция «Род. Края» просит принять всех жертвователей глубокую и искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15-233-70, Nointel par Presles (S. et O.) France.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:
Mr. Bogaevsky. 52, Av. Flachat. Asnieres (Seine) France.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н.фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3.50 н.фр.) и репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (размер 32 х 16 см., цена 8 н.фр.).

Редакция «Род. Края» предлагает своим читателям принять участие в конкурсе рисунков для новой обложки журнала. Конкурс открыт для всех желающих. Рисунки (на каз. темы) должны быть сделаны на белой бумаге и присланы в редакцию в несогнутом виде не позже декабря 1961 года.

Выбор наилучшего рисунка будет произведен казачьим жюри и выигравший конкурс получит в виде премии годовую подписку на «Род. Край» и книжку рассказов П. М. Аврамова «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» и две книжки стихов: «Рифмованные Кончики» — Альникина и «Луч» — Юшкина-Котлубанского

***

В редакцию «Род. Края» часто обращаются любители каз. старины и коллекционеры (каз. оружия, книг, картин, гравюр, значков, монет, русских бумажных денег времен гражданской войны и т. д.) с запросами, где можно найти интересующие их вещи. Лиц, желающих продать таковые, просят сообщить об этом в редакцию.

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).

Métro: La Motte-Picquet

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

37

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Новогодние поздравления.
Ф. Головко — «Сорок лет...»
М. Бугураев — «А. М. Каледин» (сто лет со дня рождения).
Юшкин-Котлубанский — «Внук и бабка».
От редакц. колл. нашим друзьям читателям «Род. Края».
Н. М. Мельников — «Как иногда пишется история».
Н. Морозова — «Страдный путь».
Г. Гордеев — «Баллада о Войсковом Празднике».
Войсковые Праздники.
А. Г. П-в — «Из Вашингтона — столицы С. Америки».
Г. Туркин — «Войсковой Праздник в Аргентине».
И. Гринько — «У казаков в Германии».
Н. Воробьев — «Ода икре».
А. Протопопов — «По страницам каз. печати».
В. Науменко — «Некролог».
Г. Новиков — «Памяти друга».
Е. Уланов — «Отец Михаил Минаев».
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежом.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакц. коллегии «Род. Края».
Из отзывов о «Ермаке».
Привет С. А. Жарову и его Хору.

На обложке — одна из иллюстраций поступившей в продажу книги Н. М. Мельникова о Ермаке.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№37 Ноябрь - Декабрь 1961. — 2,50 N.F.

PAYS NATAL Novembre - Decembre 1961 Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

С НОВЫМ ГОДОМ.

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Отдел партизан Чернецовцев-Семилетовцев, Содружество Лиенца и Дамский Комитет Каз. Союза поздравляют всех казаков, казачек и казачат всех Казачьих Войск, в рассеянии сущих и пребывающих на Родине, с Праздником Рождества Христова и Новым Годом и просят принять их наилучшие пожелания доброго здравия, единения и благополучия.

Председатель Каз. Союза
Б. А. Богаевский.

Редакционная Коллегия «Родимого Края» поздравляет всех казаков и своих читателей с Праздниками Рождества Христова и наступающим Новым Годом и просит принять ее искренние пожелания бодрости, здравия, благополучия и сохранения веры в возрождение Казачества.

Редакционная Коллегия

«Родимого Края»

«СОРОК ЛЕТ...»

Прикрывшись так называемым «научным марксизмом», вот уже 40 с лишним лет ложью, обманом и террором правит советская власть нашей Родиной и производит кровавый опыт построения коммунизма, как новой формы жизни. Дорог стоит этот опыт Русскому народу и особенно Казачеству: десятки миллионов расстрелянных и умученных, миллионы прошли через концентрационные лагеря, сотни тысяч насильственно оторваны от своих родных краев и заброшены в тундры и пустыни. Священное право человека на религиозную совесть преследуется, на частную собственность и свободный труд — отнято. Все превращены в государственных рабов. Мало того, деспотическая власть захватила и другие земли, «оскалила зубы», разинула пасть, чтобы проглотить и остальной, еще свободный, мир. Под таким знаком времени мы живем и у ВСЕХ на устах один и тот-же вопрос: откуда придет спасение, каким оружием бороться с воинствующим коммунизмом и как мы, эмиграция, можем способствовать его поражению.

Прежде всего на этот вопрос дает принципиальный и положительный ответ Всемирная История человечества: все деспотические и тиранические режимы, игнорирующие Народную Волю, в конце концов обречены на гибель. Народный гнев сметает их и устанавливается государственный порядок, основанный на Праве и Справедливости. Существуют-ли предпосылки в Советском государстве для народного гнева и всеобщего возмущения? Не только существуют, но и приобретают конкретные формы в борьбе с властью. Возьмите любую область советской жизни и вы обнаружите в ней народное сопротивление, которое именуется и карается, как «саботаж», «вредительство», «расхищение народного хозяйства», «вылазки врагов народа», «частновладельческие уклоны» и пр. и пр. Если подробно рассмотреть внутреннее состояние Сов. Союза, то мы увидим, что это

не «торжество социализма», а его полное банкротство, не предверие в «коммунистический рай», а прямой дорогой в тар-тарары... Революция назревает, приближение ее слышат советские сатрапы, и в страхе за содеянное вождь мирового коммунизма Никита Хрущев усиленно «стреляет» атомными бомбами и грозит похоронить весь свободный мир, если он добровольно не станет перед ним на колени. Своих подвластных он пугает тем, что якобы «капиталистическое окружение» готовит нападение, «окружение» же пугает тем, что непринятие его условий мира повлечет за собой атомную войну. Будем надеяться, что на этот раз Запад не уступит своих позиций и не только не даст достойный ответ гробокопателю, но и безкорыстно поможет Русскому народу освободиться от коммунистического ига. У него так же достаточно бомб и кроме того он обладает оружием духовного порядка: свободой мысли, свободой слова, печати, гарантированным правом человека на участие в государственной жизни и т. д. Развернув это оружие на идеологическом фронте борьбы, Свободный Мир может нанести сокрушительный удар лживой и порочной доктрине коммунизма. Нет ничего более страшного и опасного для деспотической власти, как восприятие народом идеи Свободы. Еще за много веков до Р. Хр. римские рабы кричали: «возьмите у нас все, но дайте нам Свободу«! Наконец, мы, эмиграция, можем-ли мы помочь нашему народу? Не только можем, но и должны. Наша роль, если не ведущая, то и не последняя. В массе своей мы остались непримиримыми анти-коммунистами и, находясь в Свободном Мире, мы являемся ходатаями за свой народ. Всюду и везде, куда нас забросила судьба, мы должны разоблачать ложь, обман, насилие и террор безбожной власти. Раздевать донага коммунизм и указывать другим народам на его язвы, а своему народу разъяснять преимущество государственной власти, основанной на праве, законе и социальной справедилвости. Большая и ответственная работа, но она может быть плодотворной, если мы будем государственно мыслить и организованно действовать, если общее благо государства поставим выше классовых и личных вожделений.

Братья казаки, сомкните крепче свои ряды, не поддавайтесь унынию и малодушию, не сворачивайте с Исторического Пути, обозначенного «казачьими вехами»... Сохраните веру, что этот путь перейдет в общероссийскую дорогу Возрождения России и Казачества.

Франция. Полк. **Ф. Головко.**

А. М. КАЛЕДИН.

(Сто лет со дня рождения).

(Источники: «Белая Россия» ген. С. Денисов. «Очерки Рус. Смуты» ген. Деникина т. 2-ой стр. 161-165, «Дон. Летопись», т. I, Мельников).

Алексей Максимович Каледин — ген. шт., ген.-от кавалерии — казак Всев. Войска Донского.

Родился 12 окт. (ст. ст.) 1861 г. в ст. Усть-Хоперской. Его отец, полк. времен Севастопольской обороны, передал сыну любовь к Родине и военному делу. Казачьи колыбельные песни в напевах матери привили ему преданность Дону. Образование получил в Воронежском кад. корпусе, во 2-ом Воен. Константиновском и Михайловском Артил. училищах, по окончании которых в чине хорунжего был выпушен в конно-артил. батарею Забайкальского Каз. Войска.

В 1889 г. окончил Академию ген. штаба по 1-му разряду. Всегда и везде был выдающимся. Его нравственный облик всю жизнь был примером для окружающих. Он обладал исключительным моральным авторитетом. Всегда задумчивый и серьезный. Редкая его улыбка была праздником для близких и окружающих.

Первые этапы его службы в ген. шт. прошли в Варшавс. воен. округе. Затем на Дону в должности помощника Нач. Войск. Штаба, когда фактически он руководил всей воен. жизнью и штабными работами в Крае. Он создал на Дону Калединскую Эпоху порядка.

Затем три года был при Управлении Резерв. пехотной бригады.

И снова на Дону начальн. Новочер. Каз.

Юнк. Училища, где и выявил свои исключительные способности облагораживать и укреплять души будущих воинов, вселяя в их сознание понятия о долге, верности, справедливости и законности.

В 1910 г. ген. Каледин был назначен ком. 2-ой бриг. 11-ой кав. дивизии.

В 1912 г. — начдив. 12-ой кав. див., с которой в 1914 г. выступил на фронт, на войну.

До Великой войны он оставался во главе дивиз. два года и за этот срок превратил эту прекрасную всегда дивизию в блестящую, равной кот. на войне не оказалось.

В августе 1915 г. принял 12-ый Армейский корпус. Весной 1916 г. произведен в ген.-от-кавалерии и в мае м-це уже командовал 8-ой армией. Блестяще полготовив и выполнив **Луцкий** прорыв, ген. Каледин дал военной истории образец операции, русскому оружию предоставил славу, а себе место в ряду первых вождей русской армии.

Имел все боевые награды вплоть до орденов Св. Великомуч. и Победоносца Георгия — 4-ой и 3-ей степ. (Высочайший приказ ст 2-го ноября 1915 г. Русск. Инвал. 295). В бою 16 -го февр. был ранен ружейной пулей, лично руководя действиями 12-ой кав. див.

Был председателем Георгиевской Думы Юго-Западн. фронта, которая 21-го окт. 1915 г. вынесла постановление о награждении Государя Императора Николая II-го орденом св. Вел. и Побед. Георгия — 4-ой ст.

Ген. Каледин был женат, детей не имел

В «Очерке Рус. Смуты» ген. Деникин пишет: «Каледина я знал еще до войны по службе в Киевск. воен. округе. Знающий, честный, угрюмый, настойчивый, быть может упрямый.

В первый месяц войны 12-ая кав. див., которой он командовал, шла перед фронтом 8-ой армии Брусилова, в качестве армейской конницы. Брус. был недоволен действиями конницы и высказал неодобрение Каледину, но скоро отношение переменилось. Успех за успехом дали имя дивизии и ее начальнику. В победных реляциях Юго-Западн. фронта все чаще и чаще упоминались имена двух кавалер. начальников — только двух — графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно, другой — спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили войска в бой.

Войска обоим верили и за обоими шли. Помню встречу под Самбором, в предгорьях Карпат, в начале окт. 1914 г. Моя 4-ая стрелк. бригада вела тяжкий бой с австрийцами, кот. обтекали наш фронт и прорвались в обход Самбора.

12-ая кав. дивизия спешно перебрасывалась на восток к Дорогобычу. Каледин, узнав о положении, не задумываясь ни на минуту перед неисполнением приказа крутого Брусилова, остановил дивизию до другого дня и бросил в бой только часть своих сил.

В конце янв. 1915 г. отряд Каледина дрался в горах на Ужгородском направлении, и мне было приказано усилить его, войдя в подчинение Каледину.

Каледин не умел и не любил говорить красивых возбуждающих слов. Но когда он раза два приехал к моим полкам, посидел на утесе, обстреливаемом жестоким огнем, спокойно расспрашивая стрелков о ходе боя и интересуясь их действиями, этого было достаточно, чтобы возбудить их доверие и уважение.

Май 1916 г. застает Каледина в роли командующего 8-ой армией. Он сменил Брусилова, назначенного Главком. Юго-Зап. фронта. Назревала большая операция... И как это ни странно, но Брусилов, обязанный всей своей славой 8-ой армии, почти два года пробывший во главе ее, испытывал какую-то быть может безотчетную ревность к своему заместителю, которая проглядывала во всех их взаимоотношениях и в дни побед и еще больше в дни неудач.

Позиции моей дивизии посетили и Клембовский (нач. шт. фронта) и Каледин... Первый был необыкновенно учтив и высказывал удовольствие от всего виденного, а потом вдруг в приказе Брусилова появилось несколько неприятных замечаний. Это казалось несправедливым, направленным через наши головы в штаб армии, а главное ненужным: своего опыта было достаточно, и все с огромным воодушевлением готовились к штурму.

Второй — приехал как всегда угрюмый, тщательно осмотрел боевую линию, не похвалил и не побранил, а уезжая сказал: «Верю, что стрелки прорвут позицию». В его устах эта простая фраза имела большой вес и значение для всей дивизии.

В конце мая началось большое наступление всего фронта, увенчавшееся огромной победой, доставившее новую славу и Главнокоманд. и ген. Каледину. Его армия разбила на голову 4-ую австрийск. армию Линзингена...

Далее... продолжались упорные бои... и к началу сентября нужны были огромные уси-

лия, чтобы продвинуть батальоны навстречу сплошному потоку чугуна и свинца... Но Брусилов был неумолим, и Каледин приказывал повторять атаки. Он приезжал в 8-ой корпус на наблюдательный пунк, оставался по целым часам и уезжал, ни с кем из нас не повидавшись, мрачнее тучи. Брусилов считал, что причина неудачи кроется в недостаточной настойчивости его преемника и несколько раз письменно и по аппарату посылал ему резкие, обидные, незаслуженные и несправедливые упреки.

Каледин нервничал, страдал нравственно и говорил мне, что рад бы сейчас сдать армию и уйти в отставку, как бы это ни было тяжело для него, но сам уйти не может — не позволяет долг.

Следует... неудачный штурм... И все по требованию Брусилова... опять новый штурм и... опять неудачный... Брусилов все требовал «продолжать выполнение задачи». Каледин отдал приказ, «но через несколько часов прислал, в дополнение к оффициальному приказу, частное «разъяснение», сводившее все общее наступление к затяжным местным боям, имевшим характер исправления фронта. В первый раз, вероятно, суровый и честный солдат обошел кривым путем подводный камень воинской дисциплины». (Ден. т. II, стр. 161-165).

Добавим к этому: и тем самым, без ущерба для дела, спас тысячи жизней солдат, рискуя своим положением командующего армией.

За время с 22-го мая по 30-ое июня армиями фронта ген. Брусилова было взято 8255 офиц., 370.153 солдата, 496 ор., 144 пулем., 367 бомб. и минометов, около 400 зарядн. ящиков, около 100 прожекторов, громадное количество винтовок, патронов, снарядов и всякого иного военного материала.

Вся эта операция связана с именами командующих армиями: Лечицкого, Щербачева, Каледина. Сахарова, Леша». (Спиридович. «Вел. Война».)

«Когда вспыхнула революция... Каледин органически не в состоянии был не только принять «демократизацию», но даже подойти к ней. Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушел в себя. Комитеты выразили протест, а Брусилов в середине апреля сказал ген. Алексееву: Каледин потерял сердце и не понимает духа времени».

«Для ген. Каледина. давшего армии столько побед, не нашлось больше места на фронте: он ушел на покой в Военный Совет». (Ден. том II, стр. 165).

«Деникин пишет (т. II, стр. 166): «когда Каледин ехал на Дон, его спросили, согласится ли он принять пост Донск. Атамана, на кот. его выдвигали донские деятели, он ответил: «никогда! Донск. казакам я готов отдать жизнь; но то, что будет — это будет не народ, а будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может. Пусть идут другие. Я — никогда!»

Проездом на Кавказ (чтобы отдохнуть и подлечить свою рану) в Новочеркасске казаки, и главн. образом М. П. Богаевский, все же уговорили Каледина «когда нашли его «Ахиллесову пяту» — доказывая, что он во имя интересов родного Дона не имеет права отказаться в трудную минуту. Избранный огромным большинством голосов, после неоднократных отказов, Каледин сдался и 19-го июня Донск. Круг постановил: «по праву древней обыкновенности избрания Войсковых атаманов. нарушенному волею Петра I-го в лето 1709 и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым Атаманом».

«Во время принесения присяги на соборной площади, к Ал. Макс. подошел седой, с большой бородой, казак и, обращаясь к избраннику Войска, сказал: Смотри, не измени Атаман!

А. М. ответил старику: «Себе не изменю, станичник!»

Члены Круга и Войск. Прав-ва часто обращались к Атаману не со словом «генерал», а «наш Атаман», «Алексей Максимович»... и произнося эти слова, вкладывали в них большое чувство. Его авторитет, обаяние, доверие к нему было безгранично». «А. М. Каледин (пишет Мельников — Дон. Летопись I) не только выдающийся офицер ген. штаба, герой Луцкого прорыва, он прежде всего человек высоко культурный, широких взглядов, большой терпимости, государственный человек чуждый рутины и трафарета. Человек долга, чувством долга было проникнуто его существо. Качества, особенно его отличавшие и привлекавшие сердца к нему, такому суворому на вид и молчаливому, это: абсолютная его чистота, полная, подкупающая искренность и прямота.

Помимо личного обаяния, громадное влияние на окружающих имел и глубокий государственный ум Каледина.

Ясность и глубина ума, широта взглядов и способность предвидеть и точно взвешивать могущие быть от того или иного решения последствия, особенно проявлялись во

время участия Атамана в работе Донск. Прав-ва.»

Деникин (т. I — стр. 158) — пишет: «по поводу избрания Каледина Донским Атаманом я *) послал ему поздравит. телеграмму, на которую получил ответ: «Сердечно благодарю за память. Пошли Вам Бог успеха. Дон всегда поддержит». Эта телеграмма стала известной — и почему-то весьма встревожила местную революционную демократию и заставила ее еще больше насторожиться».

После февральской революции Каледину пришлось управлять и руководить Донской Областью в чрезвычайно сложной и трудной обстановке политической жизни России.

Ему нужно было разрешить «необыкновенно запутанный земельный вопрос, кот. противопоставлял сословно - экономические интересы казачества — интересам иногородних поселенцев. Шла кипучая работа в сфере самоопределения и самоуправления...

Организация общего Областного управления не удалась. Началась внутренняя борьба». (Ден. I, - 122)

«Крестьянство (больше половины населения области), увлеченное широкими посулами большевиков, не удовлетворялось теми мероприятиями, кот. принимала Донская власть — введением земства в крестьянских округах, привлечение крестьян к участию в самоуправлении, широком приеме их в казачье сословие и наделением тремя миллионами десятин, (отчуждаемой на особых условиях у помещиков), земли. Под влиянием пропаганды пришлого социалистического элемента, крестьянство ставило неприемлемое требование общего раздела казачьей земли. Рабочая среда, сосредоточенная в важных центрах и наиболее безпокойная — не скрывала явных симпатий к сов. власти.

Блок с. д. меньшевиков и с. р. царил на всех крестьянских и иногородних съездах, в городских думах, советах солд. и раб. депутатов, в профессиональных и межпартийных организациях. Не проходило ни одного заседания, где бы не выносились резолюции недоверия Атаману и Прав-ву, где бы не слышалось протестов против всякой меры, вызванной военными обстоятельствами и анархией. Они протестовали против воен. положения, против разоружения большев. полков, против ареста большев. агитаторов. Они проповедывали нейтралитет и примирение с этой силой, кот. шла напролом и устами одного из своих военных начальников, шедших покорять Дон, объявляла: «требуем от всех встать за нас или против нас. Нейтральности не признаем (Приказ ком. большев. войсками Петрова, после взятия стан. Каменской». (Деникин, т. 2, стр. 171).

Войсковым Прав-вом на 29 дек. был созван единовременный съезд казачьего и крестьянского населения для устроения жизни Дон. обл. и привлечения к участию в управлении краем пришлого элемента. И в начале января было образовано коалиционное министерство на паритетных началах, при чем семь мест было предоставлено казачеству и семь — иногородним. (Д. - II - 172)

Но и «паритет» не облегчил сложные и весьма запутанные отношения между казачеством и иногородними Дон. области.

Первый Круг дал пернач выборн. Атаману (пишет Ден. т. II стр. 170), но не дал ему власти. Во главе Области было поставлено Войсковое Прав-во, состоявшее из 14-ти старшин, избранных каждым округом «излюбленных людей». Атаман являлся только его председателем в заседаниях прав-ва, а его помощник — членом. Во время заседания Войск. пр-ва Каледин почти всегда молчал, лишь изредка вставляя краткие замечания, когда решение вопроса намечалось заведомо неправильно. (Елатонцев)

«В первое время после октябрьского переворота донская власт. искала связи с обломками Врем. прав-ва. Но прав-во сгинуло и Каледину поневоле приходилось на Дону принимать на себя функции центральной власти, что он делал с большой осмотрительностью и даже нерешительностью». (Деникин. т. II, стр. 170).

На совещании в Москве обществен. деятелей в августе 1917 г. фигура Каледина выдвинулась, как для всех приемлемая, всех объединяющая, гарантирующая сотрудничество всех лойяльных русских сил. Однако Каледин скромно отошел в сторону, ограничившись работой в Казачестве. (Елатонцев)

Каледин жил в Москве на частной квартире... к нему приехал некий Завойко (отрекомендовавшийся гонцом от Корнилова), и с ним член Госуд. Думы Аладьин, назвавшийся представителем каких-то английских группировок... и настаивавших на активном выступлении казаков.

После их ухода Каледин охарактеризовал обоих, как самозванцев, для кот. казачья кровь — вода. С Корниловым Каледин решил повидаться сам лично.

Нам, Казакам, следует помнить этот шаг

*) Деникин — в это время был в Ставке, нач. штаба у ген. М. В. Алексеева — Верховн. Главнокомандующаго.

Каледина, ибо надо было действительно любить Казачество, чтобы не отдать его тогда в руки легкомысленных искателей власти. (Елатонцев).

Надо было обладать широтою взглядов и понимания государственных интересов, чтобы удержаться от лишней крови и авантюр.

Казачьими представителями всех 12 Каз. Войск на Москов. Государ. Совещании в авг. 1917 г. было решено, что составленную ими «декларацию Каз. Войск» огласит Каледин. Один из членов Дон. Войск. Круга высказал мне (пишет Мельников) свои опасения — декларация составлена в таких тонах, что неминуемо вызовет в крайних кругах взрыв ненависти против того, кто эту декларацию огласит. Каледина нужно всячески беречь для будущего. Было намечено другое лицо. Когда об этом узнал Ал. Макс., он спросил: «скажите откровенно, других соображений нет?» и получив отрицательный ответ, категорическим тоном, отклоняющим всякие возражения, заявил: «Если только это, то читаю я. — я не привык уклоняться от опасности»... Таким образом он сознательно подставил себя под удар ради общих интересов.

«Гробовая тишина царила в зале, пока Ал. Макс. медленно, тихим голосом, отчетливо и подчеркивая отдельн. слова, читал декларацию. Впечатление от этой декларации было колоссальное. (Мельников).

Это был урок государственной мысли для революционных лиц, кот. думали, что они властители дум, стихии и вершители событий. (Елатонцев).

Каледин в декларации читал: «Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой и распрями. Все советы и комитеты д. б. упразднены. Декларация прав солдата д. б. пересмотрена. Дисциплина д. б. поднята в армии и в тылу. Дисциплинарные права начальников д. б. возстановлены. Вождям армии полная мощь». (Ден. т. I, стр. 205).

В сборнике «Казачество» за 1928 г. Париж — Бурцев пишет: «Огромный зал Московского театра занят депутатами, приехавшими с разных концов России и с фронта. Все они горят политическими страстями. Все это очевидно для всех было и тогда — поделились на два лагеря: на тех, кто за большевиков и на тех, кто против большевиков. Для них всех было несомненно, что завтра они будут сражаться по разным сторонам баррикады и что дальнейшие свои споры они будут решать уже оружием.

На кафедре со страстными речами проходили ораторы за ораторами— представители разных течений... Говорил и ген. Корнилов — Верховный Главнокомандующий в то время.

Выступил и ген. Каледин. Он говорил *) об угрожающем положении России, об ее великом прошлом и великом будущем, о казаках и их роли в общей борьбе за Россию, о предательстве большевиков, о борьбе с ними до конца... и т. д. Этот Ваш Каледин взволновал тогда всех нас, и он был для нас — нашим А. М. Калединым... — наш Корнилов — был вашим Л. Г. Корниловым.»

Елатонцев пишет: «то, чего мы опасались, случилось: ярлык контр-революционера был к Каледину приклеен».

В вагоне при возвращении на Дон, Каледин говорил, что «Государственное Совещаниеи выяснившаяся в связи с ним обстановка произвели на него тяжелое впечатление; в будущем он ждал тяжелых потрясений для России и Дона и говорил о предстоящем развале и необходимости объединения Юго-востока России, в создании Юго-Восточного Союза».

Не прошло и 2-ух недель, как произошло «Корниловское выступление» (27-го авг.). А. М. в это время объезжал донские станицы северных округов, чтобы ознакомиться с положением дел на местах.

29 августа почтово-телеграфное ведомство разослало по всей России вымышленную телеграмму... о присоединении Каледина к Корнилову.

Ничего не проверив, не запросив Атамана, не осведомившись даже у своего Областного комиссара М. С. Воронкова, сидевшего в Новочеркасске, насколько правильны эти слухи... Правительство объявляет Дон. Атамана изменником Родины — отдает под суд и в Новочеркасск присылает приказ — явиться Атаману — в Могилев для дачи показаний Чрезвычайной Следственной Комиссии. Одновременно с этим против Донск. казачества и его вождя объявляет мобилизацию двух военных округов — Московского и Казанского. Получив это сообщение — «А. М. немедленно сложил с себя полномочия Войскового Атамана. (Мельников).

В Новочеркасске М. П. Богаевский... объявляет «сполох». Из хутора в хутор, из станицы в станицу мчатся «летучки», разыс-

*) Революционеры считали, что это была **«личная речь»** Каледина. Нет! Он читал декларацию — единогласное постановление всех 12 Каз. Войск — Донск., Куб., Терск., Оренб., Урал., Амурск., Астра., Енисейск., Забайкальск., Семиреченск., Сибирск и Уссурийского.

кивая Атамана, призывая его вернуться в Новочеркасск, а всех членов Большого Войскового Круга — на экстренную сессию, на защиту чести и достоинства Донского Казачества, на защиту своего выборного вождя.

В то же самое время... большевиками «Комитету Спасения» в г. Царицыне было поручено ликвидировать Каледина, но их замысел не удался.

«Предполагали, что Каледин д. был находиться в районе ст. Обливы и действительно в это время он находился на этой маленькой станции. Телеграфист этой станции, не знавший ген. Каледина, по секрету сообщил войск. стар. А. И. Жданову (кот. разыскивал Атамана), что к поезду, через два часа прибывающему из Царицына, прицеплены два вагона с солдатами Цариц. гарнизона, разыскивающими важного государствен. преступника. Предупрежденный во время, Каледин верхом на коне уехал к ст. Константиновской, где его встретили юнкера, высланные на автомобилях М. П. Богаевским». (Мельников).

«6-го сентября Дон судил своего Атамана... и оправдал. Оправдание было проведено в форме новых выборов, на кот. Каледин получил такое же огромное большинство голосов, что и на первых выборах.

Очень интересный случай... После приветствия казака-старообрядца начетчика Кудинова... Атаман подал ему руку, чтобы поблагодарить за ласковое слово. Кудинов ответил рукопожатием и, вдруг, неожиданно наклонившись, поцеловал руку Атамана... Каледин также неожиданно наклонился... и ответно поцеловал руку казаку.

Круг дрогнул... на мгновение замер и, затем, разразился бурной овацией любимому Атаману. Эта мимолетная сцена была незабываемой, единственной и неповторной, демонстрацией кровного братства казаков, спаянных сверху до низу в нераздельную семью взаимной любовью и уважением». (М. А. Горчуков).

Этот «суд» был триумфом для обвиняемого. Круг его единогласно оправдал, восстановил в правах и «приказал» Атаману вступить в исполнение атаманских обязанностей. А Врем. прав-во уведомил телеграммой — «с Дону выдачи нет!» Через три дня было получено вторичное предложение явиться Атаману в Могилев. Атаман хотел поехать. Но... Круг не мог допустить этого... и был составлен «приказ», кот. запрещал Атаману ехать в Могилев». (Мельников).

Каледин счел нужным потребовать у Керенского, на каком основании он позволил себе нанести незаслуженное оскорбление Дону и Атаману и в начале октября в Петроград была отправлена особая делегация в составе пяти человек». (М. А. Горчуков).

Деникин (т. II, стр. 101) — пишет: «17-го окт. Керенский в разговоре с донской депутацией признал эпизод с Калединским мятежем «тяжелым и печальным недоразумением»...

«Этот всей революционной демократией и темной толпой подозреваемый, уличаемый и обвиняемый человек проявлял такую удивительную лояльность, такое уважение к принципам демократии и к воле казачества, его избравшего, как ни один из вождей революции». — читаем у Ден. (т. II, стр. 166).

«Лояльность в отношении обще-русской власти (Ден. т. I, стр. 125) простиралась так далеко, что уже после падения Временного Пр-ва он не решался расходовать на нужды Области денежные запасы областных казначейств и сделал это только после ассигнования одним из прибывших в Область членов Врем. Прав-ва — пятнадцати миллионов рублей».

«Небезинтересно, что Пуришкевич долго носился с идеей переезда на Дон Государственной Думы для противовеса Врем. Правительству и сохранения источника власти на случай его крушения. Каледин отнесся к этому предложению отрицательно.

К зиме 1917 года... тяга на Дон привлекла туда Родзянко, Милюкова, ген. Алексеева, Быховских узников, Савинкова и даже Керенского (Ден. т. I, стр. 125).

По этому поводу М. Горчуков в Общ. Каз. Ж. 14 — пишет: «Ведь хватило же духу у Керенского после большевицкого переворота искать спасения и приют у тех же казаков. Сначала он нашел приют у ген. Краснова... в Царском селе, а потом... Керенский имел малодушие явиться даже к Каледину в Новочеркасске. Ал. Макс. его не принял, но М. П. Богаевский около двух часов беседовал с ним, после чего Керенский вынужден был отбыть с Дона экстренно — в неизвестном направлении».

В статье «На Лону» Д. Потоцкий — «Белое дело» — т. II, стр. 72-73), читаем: «ген. Каледин в своем кабинете давал мне руководящия указания (я был назначен Команд. Ростовского Округа); и по карте разъяснял мне обстановку, указывая расположение подчиняемых мне частей Ростов округа.

Нервно, заметно теряя свое обычное спокойствие А. М. перекидывался отдельными фразами, с стоящим поодаль от него, Богаевским... Неожиданно, подойдя к нам. Ми-

трофан Петрович спросил: «А Вы знаете, кто приехал в Новочеркасск?» и не дожидаясь ответа, многозначительно взглянув на Атамана, добавил — Александр Федорович! Я его видел и он просил, чтобы Вы его приняли». Багрово покраснев, Каледин гневно воскликнул: «Мало ему, что Россию погубил, так хочет на Дону свою разрушительную работу продолжать: зачем его сюда принесло, не надо нам его; вон, чтобы его духа здесь не было, не желаю его даже и видеть; пусть лучше убирается прочь отсюда». Смущенный М. Петр. пытался возражать, но Атаман резко переменил разговор».

(Продолжение следует.)

Нью-Йорк. **М. Бугураев.**

ВНУК И БАБКА.

— Спой мне песенку, бабуся,
Или сказку расскажи!
Страшных ведьм я не боюся...
НУ?!... Чулок свой положи!
— Вот пристал, смола и только!
Иль колючий орепей...
Хорошо!... но слушай с толком
И шалить же не смей!
Песни петь тебе не стану:
Старый голос заржавел...
Расскажу я мальчугану,
Как Ермак был силен, смел.
Кто такой Ермак, бабуся?
Не слыхал, как вижу свет!
— Колет в спину, как нагнуся, —
Хитрой бабки был ответ.
— Не слыхал ты имя это?!
А тебе уже все пять!...
Ох, как жарко!... Вот так лето!...
В спину колет мне опять...
— Ну, бабуся... перестанет...
Расскажи, кто был Ермак!...
Хоть и свет его весь знает,
Я ж не вспомню... ну... никак!
Пробегает свет улыбки
По старушечьим чертам
И чулок упал, и нитки
К сухеньким ее ногам.
Ох, что делать мне с тобою?!...
Расскажу уж все, как есть...
Да, Ермак был с головою!
Ермаку вся слава, честь!...
Было времячко иное,
И народ то был иной.
Люд за дело... за святое
Каменной стоял горой;
Голос слышал он природы,
Шопот звезд в тиши ночной...
Жил для правды и свободы,
Для земли своей родной.
Смелость, удаль и отвагу,
И весь пыл души своей
Посвещали люди благу —
Воле царственных степей.
Не боялися лишений,
Ни трудов, ни самых мук...
Бог благословлял их гений
И дела их сильных рук.
А врагов какая сила
Наседала на наш край!
Степь следы их сохранила,
Помнит крик их диких стай!
Но разбились волны вражьи
О гранит приречных скал,
О края хоперских кряжей,
О казаче-русский вал...
Жить без подвига не может,
Кто для подвига рожден.
Мысль героя сердце гложет:
Как украсить Тихий Дон?
... Раздается клич призывный
По степям, извивам рек.
Слышу голос переливный
И теперь — в наш слабый век.
Голос мощный, богатырский —
Голос деда Ермака.
Он зовет в поход сибирский,
В край, где есть Иртыш река;
Енисей где величавый
Катит воды в царство льдов
Средь степей, лесов кудрявых,
Вспоминая даль веков.
Он зовет в страну востока
За хребет Уральских гор,
Чтоб окинуть быстрым оком
Неизведанный простор...
Тот простор, который орды
Слал в предел родной земли...
Долги страшны были годы,
Что татары принесли.
Враг жестокий, беспошадный
Села жег и хутора...
Да, мой внучек ненаглядный,
Страшная была пора.
Малых деток убивали,
Уводили матерей...

Сколько горя и печали
Лик видал родных степей!..
... — Вы ко мне слетайтесь, други —
Удалые молодцы!
Погуляем на досуге,
Славные мои донцы!
Пир справлять мы будем вместе
В неизведанном краю!
Ждет нас подвиг славы, чести!
Нам не страшна смерть в бою!
Мы украсим славой новой
Берега казачьих рек!
Смелым подвигом суровым
Свой прославим славный век!
Принесем потомкам нашим
Дар невиданной цены!
Всех жемчужин будут краше,
Дона верные сыны!...
Так Ермак, казак бессмертный,
Звал в дружину молодцов,
Кто для чести несть все жертвы
Был всегда душой готов.

**
*

То не тучушки чернеют
В дали светло-голубой!
То орлы донские реют
Над татарскою ордой.
Бьют врага орлы с налета
Волей, удалью своей...
Но не мстят за ужас гнета,
За пленение степей;
За жестокость Чингисхана,
За Батыевы дела:
Мудрость, вера Атамана
По иным путям вела.
И простерся флаг победный
Атамана Ермака
Над простором заповедным,
Где гнездо свила орда.
Он развеял мощь татаров,
Словно пепел по ветру́,
Власть жестоких, диких нравов:
Новую принес пору...
Лишь Кучум с остатком силы
Скрылся в дебрях вековых:
Мстить поклялся над могилой
Сильных пращуров своих.

**
*

Над Сибирью ночь спустилась.
Тучи скрыли свод небес;
И вдруг буря разразилась,
Застонал таежный лес.
Ветер выл, свистал надрывно.
Дождь кружился в темноте,
И гремел гром непрерывно
В поднебесной высоте.
Извивались молний ленты
В шуме бури и дождя
И, казалось, в те моменты
В во́лнах тонет вся земля.
В эту ночь грозы и бури,
После длительных трудов,
Крепко казаки заснули
Под защитою шатров.
А к их стану вором крался
Сам Кучум с своей ордой.
В стан казачий в тьме пробрался
И дал волю мести злой...
Казаки не пробудились:
Отдых стал их вечным сном.
Тучи черные кружились,
С тел смывая кровь дождем.
Лишь Ермак врагу не дался.
Он, разя татар мечом,
К Иртышу один прорвался
В черном сумраке ночном...
...Волны грозные вздымает
Многоводная река;
В их объятье принимает
Атамана Ермака.
С криком-гиком шлют татары
Тучи стрел ему вдогон.
Грома страшные удары
Глушат крик и бури стон.
Не боится стрел татарских
Смелый рыцарь атаман:
Панцырь лучший, панцырь царский
Бережет его от ран.
Атаман горит надеждой
Переплыть реку Иртыш.
Панцырь с мокрою одеждой
Утомляет силы лишь.
Бьется сердце учащенно,
Учащенно дышет грудь.
Через волны напряженно
Пробивает рыцарь путь...
Близко, близко уж чернеет
Скал прибрежных силуэт.
Только тело все немеет,
Плыть уж больше силы нет...
Панцырь, панцырь — дар высокий,
Тяжелее бурных волн:
Ермака в Иртыш глубокий
Потянул с собою он...

**
*

...Есть сказание в народе —
Сберегли его века:
Будто часто в небосводе
Люди видят Ермака.
Шлем на нем и панцырь царский.

Меч сверкает словно луч.
Он разит им стан татарский
Средь кудрявых легких туч.
Бой кипит с небесной шири...
Больше, гуще облака...
Гром раскаты шлет Сибири.
Ночь скрывает Ермака...

**
*

Ермака бессмертна слава,
И горит зарей она:
Он принес свободу, право...
С ним в Сибирь пришла весна....
И до ныне прославляют
Ермака-богатыря.
С нем с лаской вспоминают
Зауральские края.
Старобыли песни эти,
Как и слава Ермака.
Старики поют их, дети,
Волга-матушка река...
Слушал внук рассказ старушки
И мечтой был с Ермаком;
Позабыл свои игрушки
И в песке начатый дом.

Юшкин-Котлубанский.

По независящим от редакции обстоятельствам « Внук и бабка» не могли быть помещены в вышедшую книгу Н. М. Мельникова «Ермак Тимофеевич, князь Сибирский», как это предполагалось.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ НАШИМ ДРУЗЬЯМ ЧИТАТЕЛЯМ «РОДИМОГО КРАЯ».

Дорогие друзья! Вы знаете, какие цели поставил себе наш журнал. Читая в журнале наши статьи, а также издаваемые «Родимым Краем» книги, Вы убедились на опыте, что мы неизменно твердо идем по намеченному пути, по тем вехам, которые поставлены на казачьем шляхе героическим давним прошлым казачества и недавним — Эпохой незабвенных А. М. Каледина и М. П. Богаевского, М. А. Караулова, А. И. Дутова, М. Ф. Мартынова и других вождей казачества. Мы свято блюдем дух древних «побыкновений», храним казачьи традиции, боремся с нарушениями выборного начала. Для нас все казаки всех Казачьих Войск, какие бы ни были их убеждения, наши братья. Мы отметаем лишь коммунистов, избегаем безплодной полемики и вступаем в нее, всегда в корректной форме, лишь тогда, когда встречаем вопиющие нарушения добрых казачьих традиций, поддерживать и защищать которые мы считаем обязанностью здоровой казачьей общественности. Нам на это отвечают злобой, ненавистью и клеветой, ушатами грязи и помоев, явной ложью, передержками и, что еще хуже. умышленным извращением и искажением истории.

На некоторые, особенно безобразные. выпады мы отвечаем, с единственной целью восстановить правду-истину, в отношении большей же их части мы просто проходим мимо с презрением.

Ярким образцом «литературы», направленной против нас, могут служить «Приложения» к №42 и 43 «Дон. Атаманского Вестника». Казалось бы, само название обязывает соблюдать формы приличия. К сожалению, это далеко не так... Пользуясь на чужбине безнаказанностью, авторы печатаемых там «произведений» не стесняются помещать самые бессмысленные обвинения, пропитанные к тому же злобой и ненавистью. Некоторые из них, кроме того, посылаются нам в виде частных писем. Вступать в полемику, отвечать на них, мы считаем ниже собственного достоинства.

Эта грязь часто граничит с ненормальностью, с бредом сумасшедшего. Приведем несколько образчиков такой «литературы», и пусть читатель сам разсудит, можно ли и стоит ли иметь дело с такими «корреспондентами». с их передергиванием и подтасовкой. В №43 «Приложений» помещены выдержки из «весьма интересного письма О. А. Балабина редактору «Род. Края». Мы его дополним и другими выдержками из этого же письма, полученного Б. А. Богаевским по почте.

«И до каких пор это будет продолжаться»? — пишет Балабин. «Быть может до всемирной победы пролетариата? Третьего Интернационала? И до полнейшего уничтожения зарубежного казачества? Хватит ли у «Род. Края» силешек для достижения поставлен-

ных выше целей»... «Вместе с «Нов. Русским Словом» и кубанским «Казаком» редакционная коллегия «Род. Края» является гробарем-могильщиком на 1-ом месте Дон. Войска»... «Мне совершенно ясно, что ваш журнал в лицах гг. Мельниковых, Романовых, Улановых и прочих с ними сущими не является невольными, а абсолютно и сознательно вольными могильщиками»... «Вся ваша шумиха сплошная ложь и провокация и хитросплетение по директивам мирового коммунизма в общем плане ведения холодной войны»... «Ваша «коллегия» является казако-продавцами, заслуживающими каз. проклятия»... «Не расчитана ли книжка «Ковылий Сказ» в целях возбуждения в казаках ностальгии по Родине? И побуждений для тяги к «Возвращению» на таковую?»... ««Род. Край» лишь продолжение хитросплетений марксизма-ленинизма, сталинизма и хрущевизма, но под казачьим якобы флагом»... «Но недолго еще осталось ждать: отойдут в мир лучший ваши учители, не передав в ваши руки пернач»... «Канула в вечность старая монархия, а с ней и оплот таковой — старое Донское казачество, об уничтожении остатков которого так рьяно уцепились вы»... «И те (старые) и эти (новые) «Казаки» служили и служат: «опорой» государственности с небольшим «видоизменением» в ролях, как и в самом названии «Новое Казачье Войско Донское», ибо теперешние «казаки» сокращенно по советски называются «эН-Ка-Ве-Де»... «Во главе с Никитой Сергеевичем, при ассистенции г. Мельникова наименует Вас, Борис Африканович, как законного наследника последнего Атамана, Наказным Атаманом Н.К.В.Д. (т. е. Нового Каз. Войска Донского)»...

Приведенных выдержек достаточно, чтобы у читателя создалось ясное представлеоб авторах подобных «произведений».

Некоторых беспокоит, как бы Бор. Афр. не выступил соперником кандидатом на пост Зарубежного Донского Атамана. Особенно об этом безпокоится г-н Измайлов в №43 «Приложений», пересыпающий свою статью грубыми оскорблениями вроде «...прежде всего Вы — казак липовый, безвольный и безхарактерный, которого ведут на поводу те, кто прилагает все средства и силы, чтобы развалить остатки Донского Казачества и вероятно вызвать благодарность у Никиты Хрущева»... «Мы не знаем г-на Измайлова, и вообще существует ли он, но он наверно знает, что, находясь за океаном, он может пользоваться безнаказностью. Б. А. Богаевский не думал и не думает соперничать с каким бы то ни было атаманом и не по причине его молодости, как это иногда подчеркивают... Хотя эта «молодость» весьма относительная — ему 53 года, и Атаманы на Родине, и в моменты более ответственные, выбирались, когда им было менее 53 лет, в том числе Каледин, Краснов, А. П. Богаевский, Дутов и др. Он слишком перегружен работой на посту председателя Казачьего Союза, редактора и сотрудника «Род. Края» и как инженер-химик, занимающий пост одного из директоров крупного хим. предприятия, заводы которого разбросаны по всей Франции. Редакц. Коллегия уполномочена успокоить тревогу тех, кого безпокоит возможность конкуренции...

Подобные же выпады такого же не тактичного характера направлены в других статьях «Приложения» и против Н. М. Мельникова, Кубанского Атамана Б. И. Ткачева, занявшего мудрую позицию невмешательства во внутренние дела другого Войска, ген. В. Г. Науменко и Войск. Старшины Назаренко.

Невольно возникает вопрос, кому все это нужно и какую цель преследуют те, которые пишут и те, которые печатают подобные «писания»? Пусть это решит сам читатель и сделает соответствующие выводы.

Париж. **Ред. Коллегия «Род. Края».**

КАК ИНОГДА ПИШЕТСЯ «ИСТОРИЯ»

(Что происходило в станице Нижне-Чирской в1917 г.)

Несмотря на все отвращение, которое вызывает у порядочного и знающего историю своего края человека чтение таких произведений, как «Правда» Беляевского или «Приложение к Дон. Атаман. Вестнику», где выливаются ушаты грязи на всех тех, кто имел мужество выступить в печати на защиту попираемых Основных Законов и Донских традиций и в частности против нарушения порядка атаманских выборов и, кроме того,

осуществил признаваемое во всем культурном мире, кроме советского «рая», право свободной критики кандидатов на высокие звания, приходится, во имя восстановления истины, прикасаться к этой грязи.

Клевета обрушилась на настоящих атаманов, избранных на родине или заграницей с соблюдением Основных Законов — или, заграницей, с соблюденим их духа — и традиций, на Б. А. Богаевского, сына последнего Донского Атамана, и на всю редакционную коллегию «Родимого Края», в которую входят представители и других, кроме Донского, Казачьих Войск, на председ. Казачьего Союза в Запад. Германии полк. Протопопова, на Войск. Старшину Назаренко, на группу казач. общественных деятелей в Нью-Йорке и др.

А как при чтом извращается история, казаки могут убедиться хотя бы из разбора того, что пишется в «Приложении к Дон. Атаман. Вест.» №42 о том, что происходило в 1917-1918 гг. в окружной Нижне-Чирской станице, со слов каз. Н.-Чирской ст. А. М. Артемова.

Заявляя, что он «хочет вызвать Мельникова на чистую воду», Артемов пишет, что Мельников «образовал в Н.-Чирской ст. Военно-Революционный Комитет, заняв в нем «почетное» место председателя, а в качестве помощников у него были торговец Чуйкин и оружейный мастер Лобачев. Он собрал митинг, на котором доказывал, что война не нужна и надо заключить мир с Германией». На этом митинге, пишет Атемов, выступал Я. И. Иванов, который «призывал казаков вести борьбу до победы врага и присутствующие были на его стороне. Г-ну Мельникову это не понравилось и он обвинил Иванова в том, что он наемник СВЕРГНУТОГО Врем. Правительства. На другой день Мельниковым были арестованы и отправлены в тюрьму ген. Жидков, Окружной Атаман полк. Растегаев и др. Я же лично был зачислен в Военно-Ремесленную школу, начальником которой был тогда прапоршик Лосев. Он просил Военно-Революц. Комитет назначить комиссию для проверки школьного имущества. В этой комиссии я, Артемов, был избран председателем. После ревизии я обнаружил кражу, на что составил протокол и в II часов дня передал г. Мельникову, а в 5 час. вечера я был арестован и отправлен в тюрьму. На другой день в тюрьме было расстреляно около 150 человек. Остальные, около 75 человек по списку, ждали своей участи. Помню, что в списке обреченных был ген. Жидков, полк. Растегаев, инж. Каханов, торговец Кублицкий. Но видно не суждено еще было Богом нам закончить наш жизненный путь. Восстала Суворовская станица и в II час. ночи нас освободили восставшие казаки. Знаменитый В.-Револ. Комитет разбежался. Его деятелей поймали — Лобачева в Царицыне, Чуйкина — в Новочеркасске. Оба понесли наказание по заслугам. Только госп. Мельникову удалось спастись и скрыться в Атаман. дворце в Новочеркасске». «Интресно было бы услышать» — заканчивает Артемов — «от г. Мельникова, где Дон. серебро? Где Атаман. булава? Почему до сих пор нет об этом отчета?»

Чем объяснить ту путаницу, которая бьет в глаза при описании Артемовым того, что происходило в окружной станице? Память ли ему изменила в старости или же уж очень сильно желание во что бы ни стало угодить «патрону»?

Казаки Нижне-Чирской ст., в большом количестве находящиеся заграницей, знают, что в действительности происходило в станице и они не нуждаются в опровержении той нелепой сплошной лжи, которую наподят полезным для своих целей печатать руководители «Дон. Атаман. Вестника» и его «Приложений», для других же, неосведомленных, и для будущего историка гражд. войны на Дону считаю нужным восстановить истину.

Все перепуталось в бедной голове Артемова: то, что было в 1918 году, он переносит в 1917-ый, а события и происшествия 1917-го года он относит к 1918...

Станица Нижне-Чирская, ближе всех остальных Окружных станиц находившаяся от большевистского центра — Царицына, с самого начала революции 1917 г. привлекала к себе внимание левых партий, наводнявших станицу, и главным образом расквартированные в ней сотни формировавшегося тогда 6-го запасного полка, прокламациями.

Из Царицына же был командирован в станицу бывший оружейный мастер, работавший на Царицынском «французском» заводе слесарем, натасканный агитатор пожилой казак Лобачев. При участии большевизанствовавших левых социалистов-революционеров, казаков нашего же Второго Дон. Округа, быв. политического каторжанина А. И. Александрина, вернувшегося в округ с Сахалина по амнистии 1905 года, и учителя И. Н. Траилина, Лобачев развернул энергичную разлагающую работу в сотнях, облюбовав особенно одну из них, где группа нашла себе поддержку среди фронтовиков, уже в сильной степени обработанных на фронте и очень враждебно настроенных против ген.

Жидкова. Сотни начали митинговать и некоторые из них стали выносить резолюции с недоверием командирам и выбирать новых — «созвучных». Присланный из Новочеркасска на пост командира полка полк. Попов не был «принят» и был вынужден возвратиться в Нвч., который никак на это не реагировал, и довольно долгое время временно командующим оставался войск. старш. Самсонов, *) пока не был «избран» есаул Н. Н. Кушнарев.

Лобачев и Траилин созвали Окружной крестьянский съезд, избравший своим председателем приехавшего из Царицына прис. поверен. Н. Е. Федорова и оставивший после себя Крестьянский комитет во главе с казаком Траиловым. Комитет этот позже составил ядро «Комитета спасения революции», который — по директивам из Царицына — пытался в сентябре, в сотрудничестве с отрядом, посланным из Царицына, захватить Войск. Атамана А. М. Каледина, возвращавшегося без всякой охраны из объезда станиц северных округов в Новочер. через станцию Обливы, недалеко от ст. Чир. Подробнее рассказано об этом в моей статье в первом томе «Донской Летописи».

В самом начале разлагающей работы Лобачева и компании, в марте 1917 г., представители беспартийных организаций округа, собравшись в здании Съезда Мировых Судей на совещание, решили — в противовес — создать «Исполнительный Комитет общественных организаций 2-го Дон. округа». В Комитет вошли такие организации, как Комитет и Правление Народного Дома и Публичной Библиотеки-Читальни, Комитет имени Императора Александра 2-го помощи бедным учащимся 2-го Дон. окр. — представителем от этих организаций был делегирован я, их председатель —, Окружной отдел Общества Взаимопомощи служащих в учреждениях Войска Донского, Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, Н. Чирское О-во Потребителей, Общ. Взаимного Кредита, Окружной Комитет помощи больным и раненым воинам и некоторые станицы округа. Вошли в состав Комитета и представители 4, 5 и 6-ой сотен. Комитет был создан громоздкий: из 24 членов, оппозиция была представлена указанными выше тремя казаками, присланными кооперативными организациями: Окружным Союзом Кооперативов и Н. Чирским Кредитным Тов-ом. Главным сотрудником моим, когда я был избран председателем Исполн. Комитета, был К. М. Попов, впоследствии член Войск. Круга и Окружной Судебно-Следственной комиссии.

Александрин и Траилин захватили в свои руки руководство культурно-просветительным отделом Окружного Союза Кооперативов и его прекрасно оборудованной типографией, в которой печатали свою газетку, заполненную глав. образом травлей «Врага революционного народа Сладкопевцева»: под таким названием в каждом номере помещался фельетон, натравливавший против меня посредством измышлений, мало чем отличавшихся от того, что печатают теперь руководители «Приложения к Дон. Атаман. Вестнику», — разница в том лишь, что «врага РЕВОЛЮЦИОННОГО народа» эти последние, опираясь на услуги своих сателлитов в стиле артемовском, изо всех сил стараются — «рассудку вопреки и наперекор стихиям» — представить уже в противоположной роли — палача, расстреливающего пачками в 150 человек верных зашитников Дона... И почему 150, а не в десять раз больше?

Лобачев, Траилин и Александрин сначала собирали казаков по сотням, а потом стали созывать на площади Крестовоздвиженской церкви и общие митинги всего населения. Комитет Обществ. Организаций вынес постановление о необходимости присутствовать на всех этих митингах.

Когда в станицу пришли оффиц. сведения об отречении Императора Николая 2-го. Окрушной Атаман ген. И. Т. Жидков, объявляя об этом перед строем полка, заплакал, — это было для Лобачева и Траилина поводом развить бешеную агитацию против генерала, как «опасного контр-революционера» и т. д., которого необходимо во что бы то ни стало «обезвредить». Стали искать и фабриковать свидетелей-жертв его «преступлений». Нашелся казак, бывший на излечении у д-ра Борисова в Окружной больнице. Его доставили на митинг, и он, потрясая костылем, возбужденно рассказывал, что накануне, когда он явился в Окружное Управление с жалобой на доктора Борисова, Окружной Атаман, обругав его дезертиром и симулянтом, ногою выбил костыли и выгнал из Управления. После ярко демагогических речей Траилина и Лобачева, требовавших немедленного «народного» суда над ген. Жидковым и д-ром Борисовым, толпа, заполнявшая огромный двор Союза кооперативов округа, состоявшая преимущественно из казаков полка, была накалена до крайнего предела. Слышались выкрики: «немедленно арестовать и доставить на митинг», «судить

*) Позже участник Степного Похода в отряде полк. Базового.

их на месте», «тут же предать смерти»... гром апплодисментов, яростные крики... Предупрежденный по телефону, я пришел на митинг во время выступления Лобачева и Александрина и, учитывая возможность дикого самосуда, попросил бывшего со мной К. М. Попова немедленно пойти к жившему недалеко врем. командующему полком и передать ему от моего имени, как председателя Комитета Обществ. организаций, просьбу немедленно выслать к квартире Окруж. Атамана И. Т. Жидкова надежных казаков для предотвращения непоправимого, а сам обратился к толпе с речью, успокаивая ее и доказывая, что у нас существуют заслуживающие полного доверия суды, которые и должны судить за преступления. Если ген. Жидков и д-р Борисов виновны, они понесут наказание, я же, как председатель Окр. Комит. Общ. Орган. и председатель Съезда Мировых Судей, согласен взять на себя ответственность за предварительный немедленный арест обоих обвиняемых и дать делу законный ход. Присутствовавшие на митинге в большом числе Чиряне, хорошо меня знавшие и всегда относившиеся ко мне с большим уважением, энергично поддержали меня. После неописуемого гвалта в толпе начали раздаваться крики: «хорошо, только арестовать немедленно и мы все пойдем туда». Главная опасность миновала... Бывают случаи — особенно в революционные эпохи — когда крепкие тюремные стены становятся надежной охраной для заключенных...

Когда я, окруженный огромной толпой, подошел к дому, где жил Окружной Атаман, такая же толпа запрудила прилегающую улицу, с балясс и большого балкона станичники, теснясь, заглядывали в окна квартиры. я облегченно вздохнул: врем. командующий полком войск. старш. Самсонов с небольшой группой офицеров и урядников были на месте и преграждали вход в дом. Вдвоем с войск. старш. мы вошли в квартиру и я тихо в нескольких словах дал понять генералу и его супруге, что в их интересах возможно спокойнее принять случившееся. Оба они были уже сильно взволнованы угрожающими криками с улицы и выражениями лиц тех, кто прорвался на балясы и заглядывал в окна. Меня они хорошо знали и к моим словам отнеслись с полным доверием: старшая дочь ген. Жидкова была замужем за моим родным дядей, бывшим тогда учителем Новочеркасской Платовской гимназии.

Я и войск. старш. Самсонов объявили ген. арестованным и, выйдя на улицу, мы стали слева и справа от генерала, а офицеры и урядники и группа казаков образовали вокруг нас прочную цепь, удачно сдерживавшую сильный напор толпы, улюлюкавшей и осыпавшей оскорблениями Окр. Атамана. Когда мы, медленно продвигаясь в гору к тюрьме, подошли к воротам, нам представилась тяжелая картина: сверху, с горы, к тюрьме спускался вскачь д-р Борисов, которого зверски избивали нагайками конные казаки. Вид доктора был ужасный.

Оказалось, что д-р Борисов, предупрежденный о том, что происходит на митинге, вызвал к Окруж. больнице с земской почтовой станции подводу, запряженную одной лошадью, и, оставив на месте кучера, один помчался из Н.-Чирской в направлении станицы Суворовской. Об этом тотчас же сообщили, куда следует, и вдогонку карьером бросилось несколько казаков. И тут тюремные стены были спасением для избитой жертвы, едва державшейся на ногах.

Произведенным Комитетом расследованием — главным образом среди чинов Окруж. Управления, присутствовавших при объяснении Атамана с инвалидом, — была установлена ложность доноса, и Комитет большинством всех голосов против большевизанствовавшей тройки постановил освободить ген. Жидкова и, в виду опасности для него пребывания в станице, отправить его в Новочеркасск, а для сопровождения до станции Чир. отстоящей от станицы в расстоянии около 13 верст, просить командира полка дать надежную охрану. Несколько раз повторялась одна и та же история: когда секретно от «тройки» назначался день отправки, от врем. командующего полком, так же в секретном порядке, ко мне поступало сообщение, что Лобачев и его коллеги в курсе всего — очевидно, от кого то из казаков, назначенных в конвой — и держат наготове верных им казаков, чтобы в пути отбить ген. Жидкова. Приходилось откладывать отправку... И так продолжалось до того времени, пока в Новочеркасске решили наконец созвать Донской Войсковой Съезд для подготовки выборов в Войсковой Круг и мне, как избранному на Станичном Сборе представителем окружной станицы, нужно было ехать в Новочеркасск на В. Съезд. Воспользовавшись тем, что совершавший рейсы от Калача до Ростова Парамоновский пароход должен был остановиться в Н.-Чирской на рассвете, и, со всеми предосторожностями взяв с собой из тюрьмы ген. Жидкова, для охраны которого командир полка дал на всякий случай, по моей просьбе, двух надежных казаков, доставил генерала до Ростова, а отту-

да в Новочеркасск, где он и был освобожден.

Много лет спустя, уже заграницей, я получил от Марии Григорьевны, вдовы ген. Жидкова, и от его дочери Алевтины Ивановны, моей тетки, благодарность «за спасение жизни» их мужа и отца весной 1917 года. Ив. Тим. Жидков во время гражд. войны командовал бригадой и во время отступления на Кубани был убит «зелеными» вместе с двумя сыновьями — Петром и Николаем, офицерами Донской армии.

Как только начала сорганизовываться Казачья власть, без всяких затруднений был освобожден и д-р Борисов, позже, при случайной встрече с моей женой в Новочеркасске, просивший ее передать мне его горячую благодарность.

Измышления Артемова о 225 заключенных в тюрьму нашим Комитетом — или мною лично? — из которых 150! — якобы были нами расстреляны, а 75 ожидали той же участи — являются плодом расстроенного воображения и диким вымыслом. Противобольшевистский Окруж. Комитет Общественных Организаций, председателем которого я был, где Лобачев и компания были в яростной оппозиции, созданный в марте 1917 года и сложивший свои полномочия немедленно после созыва Войскового Круга в мае того же 1917 года, Артемов умышленно смешал с большевистским Военно-Революционным комитетом, созданным Лобачевым, Александриным и Траилиным при участии большевиков, прибывших из Царицына, в феврале 1918 г. после смерти Атамана А. М. Каледина в Новочеркасске и ухода из Н.-Чирской партизанского отряда полк. К. К. Мамантова. В 1918 году в ст. Н.-Чирской я вообще не был. Последняя моя поездка туда была в последних числах декабря 1917 г., когда я был послан туда А. М. Калединым для переговоров с Нач. дивизии ген.-лейт. Г. Л. Пономаревым.

Клевещет Артемов, когда говорит, что вместе с ген. Жидковым мною был арестован и посажен в тюрьму «Окружной Атаман полк. Растегаев»: выходит, по Артемову, что в момент их одновременного ареста во 2-м Дон. округе было два окружных атамана...

Не думаю, что В. В. Растегаев арестовывался и большевиками. По имеющимся у меня сведениям, втечение менее 2-х месячного господства в 1918 г. большевиков в ст. Н.-Чирской, полк. в отставке В. В. Растегаев жил на хуторе Подгорском недалеко от станицы и был вызван Чирянами в Н.-Чирскую, когда в ночь на 19 марта 1919 г. Суворовцы овладели станицей. Присоединившиеся к восставшим Суворовцам Чиряне вместе с Суворовцами и выбрали полк. Растегаева Окружным Атаманом 19 марта 1918 г., а не — 1917-го. Вымыслом является и арест Суворовцами Лобачева в Царицыне: добраться до этой тогдашней цитадели большевизма Суворовцы не имели тогда никакой возможности. Вымыслом отдает и упоминание Артемовым о Н.-Чирском купце и о его роли в В.-Рев. комитете Чуйкине. Такого купца в Н.-Чирской не знали. Траилин скрылся на Украйну, а Александрин, после долгого блуждания по хуторам, сам, уже в болезненном состоянии, сдался добровольно и вскоре умер от тифа в тюрьме. Сомнительно, чтобы Артемов, находясь в тюрьме, мог рассматривать списки «обреченных» на смерть, хотя он, очевидно, и пользовался каким-то весом у большевиков, если состоял председателем ревизионной комиссии в Военно-Ремесл. школе, когда начальником школы был, по заявлению самого Артемова, прапорщик Лосев, а этот последний был назначен большевиками. «Белые» на этот пост прапорщиков не назначали — до Лосева были все есаулы: Краснушкин, Жидкоблинов, Текутов. Нет, г. Артемов, вашим «товарищем» по службе у большевиков я не был!

Я не удивляюсь, что Артемов — в письме ген. Полякову — стараясь ему угодить, пишет такую чепуху, ни с чем не сообразную, — удивляться приходится другому: как руководители «Дон. Ат. Вестника» и «Приложений» к нему печатают в своих изданиях явную ложь, пользуясь любым случаем, чтобы попытаться очернить неугодное им лицо...

Элементарная порядочность должна была бы помочь им открыть глаза на всю несообразность клеветнических измышлений Артемова и задать самим себе вопрос, мыслимо ли представить себе, чтобы человек, якобы расстрелявший в Нижне-Чирской станице 150 «белых», в следующем месяце единогласно избирается «белыми» же на Станичном сборе той же станицы, где якобы происходили массовые расстрелы, представителем станицы на Войсковой Съезд, а через месяц, в мае 1917 г., тот же «палач», будучи притом не Чирянином, а иностаничником — казаком Трех-Островянской стан. того же Второго Дон. округа — выбирается Н.-Чирской ст. членом Дон. В. Круга, где были и представители и всех других станиц округа и где не могли не знать о том, что происходило в их Окружной станице. И сам Хозяин Дон. Земли выбирает «палача» в апреле Товар. Председателя В. Съезда, в мае Товарищ. Председ-

дателя В. Круга, а в августе и сентябре Председателем Калединских Малого, а затем и Большого В. Круга, а в декабре 1917 г. членом Войскового правительства и Заместителем Председателя правительства М. П. Богаевского... И в то же время Атаман и Правительство посылают его же представителем Войска на Московское Государственное Совещание и в Предпарламент, а потом и население Дона — во Всероссийское Учредительное Собрание вместе с А. М. Калединым и М. П. Богаевским и др. С другой стороны, как же такой «Враг Революционного народа« мог в феврале 1918 г. не только быть выбранным председателем Военно-Революционного Комитета, но и вообще появиться при большевиках в ст. Н,-Чирской? Где же логика и где элементарное представление о чести? И какими дураками они представляют себе читателей «Вестника», думая, что те не разберутся в подобной грубо сфабрикованной клевете? Само собою разумеется, печатая требование Артемова напечатать отчет о В. имуществе, умолчали о том, что отчет напечатан в 1956 г. в «Родимом Крае».

Вспоминается фраза из «Горе от ума» Грибоедова: «послушай, ври, да знай же меру».

Н. М. Мельников.

СТРАДНЫЙ ПУТЬ.

(Из беженской эпопеи)

В начале 1943 г., когда немецкий фронт стал повсеместно откатываться назад, беженцы из Донской области валом повалили вслед за отступающей армией. Двигались нескончаемые вереницы уходивших из городов, станиц и хуторов. Для слабых, не могущих самостоятельно выехать, был использован брошенный немцами гужевой транспорт. Другие же покупали лошадей и, сложившись по две, по три семьи, уезжали на одной подводе. Совсем запоздавшие уходили пешком, увозя на ручных санках малых детей, харчишки и кое-какую одежонку.

Стояла зима. Шел февраль, самый холодный месяц. Трудно было ехать, а еще труднее идти.

В первые дни отступление шло стихийно. Ехали разными дорогами, всяк по своему усмотрению. Одни присоединялись, другие откалывались. Некоторые ехали не совсем уверенно и, пройдя несколько десятков верст, возвращались обратно домой. Одни — по причине того, что дома осталась семья, а другие — под влиянием провокаторских агитаций, что, мол, теперь Советы возвращаются совсем добрыми и никого не трогают.

Постепенно народ, каким-то чутьем, стал стекаться в одно место — к центральному ядру казачества.

Подъезжая к городу Проскурову, можно было определить по большому скоплению народа, что отсюда и будет один обший путь отступления всех русских беженцев. Основной группой, крепко спаянной в борьбе против большевиков — были казаки. Из казаков, способных носить оружие, были организованы полки. Семейные были разбиты на группы и получили название станиц. Полки и станицы вместе составляли Казачий Стан, во главе которого — Походный Атаман полковник Павлов. В Стан входили также Кубанцы, Ставропольцы и Терцы.

Казачество решительно и твердо боролось против большевизма в гражданской войне — не хотели казаки принимать советскую власть и только в неравной борьбе пришлось сложить оружие. Однако, дух их не был сломлен, не был побежден и к сопротивлению оставался силен.

С первых же дней прихода к власти большевиков, красное правительство приступило к расправе с безоружным казачьим населением во всех казачьих областях. Казаков раскулачивали, сажали в тюрьмы, высылали целыми станицами с детьми и стариками в дальние безжизненные места Сибири, на Соловки и в другие гиблые районы.

Казаки при советской власти испили горькую чашу до дна и теперь небольшая горсточка уцелевших не всеми правдами казаков воспользовалась совершенно неожиданным случаем и стала поспешно устремляться вслед за чужой армией, чтобы, перешагнув до сих пор крепко замкнутую и зорко охраняемую границу, выбраться на свободу.

Никто не хотел дольше оставаться узником и предпочитал умереть на свободе.

Каждая повозка, каждая арба заключала в себе свой особый мир. Мир полный переживаний, трагедий, ужасов. Невозможно охватить и передать всех тех испытаний, которые выпали на долю русского народа.

Беспрерывно прибывающие новые беженцы вливались в общую группу Казачьего Стана. Походный Атаман охотно принимал всех желающих объединиться с казаками и разделить с ними одну общую горькую долю.

По селам, прилегающим к Проскурову, размещались все беженцы, как те, что приехали раньше, так и вновь прибывающие. Уточнялись списки людей, изыскивались средства на продовольственное снабжение всех беженцев, а также и фуража для лошадей.

Зима входила в свои права. Морозы крепчали. Снегом покрывались поля и дороги, а время подходило уезжать. Потом наступил и день отъезда. День этот был началом трагической эпопеи Казачьего Стана, которая впоследствии закончилась позорной выдачей всех русских беженцев в руки палача Сталина по единодушному ялтинскому соглашению трех «великих» — Сталина, Рузвельта и Черчиля.

Перед отъездом сообщили место сбора на главной дороге, по которой пойдет весь обоз. И потянулась длинной лентой колонна беженских подвод. Шли тысячи. Это была незабываемая картина Великого исхода русских людей из зачумленной земли. Из страны, где царила безграничная тирания над всем населением. Где русский народ за свою простоту, доброту и доверчивость подвергался в течение почти полвека уничтожению.

Очень долго стояли на дороге, в поле. Дожидались, пока соберутся все. Подводы собирались медленно, а погода начинала портиться. Подул холодный ветер и мороз усилился. Мужчины сходились около подвод, топали сапогами, хлопали варежками, а теплее не становилось. Женщины и дети хотя и были тепло одеты, но, простояв в открытом поле на ветру и морозе, тоже не могли усидеть, вставали со своих повозок и тоже начинали топтаться, хлопать друг друга и выражать нетерпение. Простояли не меньше, чем полдня. Лошадей начали разнуздывать и давать корма — у кого было зерно, навешивали на морды коням торбы, а кто подводил к задку брички и лошади начинали жадно дергать упакованное сено.

Обоз, сначала растянувшийся в одну линию по дороге, теперь растрепался. Многие сворачивали с дороги, сбивались в кучу, как-то защищаясь от зимней непогоды. Кое-где разгодили костры и грелись около них, почти теряя надежду на организованный отъезд.

Отбиваться совсем тоже не было желания ни у кого. В одиночку ехать теперь было страшно — ни вооружения, ни снабжения. Затеряться и погибнуть было делом самым вероятным в этом случае. Потому решили все держаться спайки самой крепкой, крепкой до конца жизни.

Зимний день короткий. Солнце пошло далеко за полдень, когда все приготовления закончились и был отдан приказ двигаться.

... И, наконец, тронулись...

Не малое разочарование было, когда узнали, что заграницу ни в какую страну русские беженцы вывезены не будут, пока не окончится война. До конца же войны казаки должны будут находиться на территории Белоруссии. Выбора не было. Маршрут был указан. Не возвращаться же под пилы и топоры Сталина. Надо уходить. Может тоже на смерть, но уходить... до последнего предела.

Направились на Тарнополь. Переехали реку Збруч и продолжали путь до польской границы.

При переезде Збруча мы уже попадали как бы заграницу, потому что эта область раньше принадлежала Польше и только недолгое время здесь были Советы.

Здесь при переправе пришлось очень долго стоять, пока были сделаны все пограничные оформления. Лошадей слегка отпустили в упряжи и подкармливали сеном, не выходя из общего порядка колонны. Но вот после долгого стояния, вдруг, почувствовалось радостное оживление в обозе. Люди заговорили, задвигались, заволновались. Бежали все к своим подводам. От передних подвод неслось к задним по цепи: «разрешили, разрешили, поедем через границу». Налаживали возжи, торопились всунуть удила в рот лошадям и, совсем уже поспешно, впрыгивали на передние сиденья, приготовляясь к отправке. Когда наши лошади дернули вслед за передней подводой, сердце дрогнуло от свершившегося факта необычайной важности. Один из ехавших на бричке впереди нас, держа в одной руке возжи, а в другой шапку, обернулся назад и крикнул:

«Прощай, немытая Россиия».

И, пожалуй, теперь эти слова Лермонтова гораздо больше, чем когда-либо раньше, отвечали действительности. С каждым годом, советская Россия падала все ниже и ниже в

своей экономике. Несмотря на частые, но лживые, слова правительства о достижениях, народ приходил в полную нищету, убогость и разорение.

Теперь ехали по территории польского владения, встречая новые чужие названия городов и сел, новых людей и новый особый уклад жизни — индивидуальные хозяйства и независимость. Только немецкое нашествие повергало народ в траур. Но уже все видели, что это ненадолго.

Потом, делая загзаги из одного города в другой, взяли направление на Белоруссию, в Новогрудок, Барановического воеводства.

Тяжел был путь по Белоруссии. Бесконечные леса. Высокие суровые непроходимые чащи. Дорога через лес жуткая. Почти темно, как в туннеле, благодаря высоким, густым и нависшим деревьям.

Нескончаемой вереницей идут подводы беженского обоза. Медленно ползет колонна по глухому лесу, по сплошному сыпучему песку. Продвинется одна подвода, с трудом прорезав колеи, а следом идущая повозка уже не может попасть на тот же след — песком снова все сравнено. Лошади едва тянут брички, а люди идут рядом, пешком — не под силу поднять лошадям всю тяжесть.

По лесам всюду разбросаны мины. Вдруг колонна останавливается. «Что случилось, почему обоз не продвигается?» — возмущаются люди. Но вот картина выясняется — мимо подвод идет назад одна бричка с ранеными казаками — наехали на мину. Хотя убитых нет, но страх всех охватывает — всем видно, что лес минирован.

Проехав некоторое расстояние, наткнулись на страшное зрелище. В стороне от дороги лежат лошади с вырванными внутренностями, на глазах у всех поезжающих. Погибших людей далеко отбросило.

Выбравшись из леса и песка, из пониженного места, где осадки выпадают ввиде дождя, обоз попадает в снежную полосу. Дорога заметена сугробами и движение затрудняется еще больше. Измученные лошади и люди продвигаются очень медленно. Порою кажется, что стоят все на месте. Но вот перенесешь внимание на своих лошадей и видишь, что они идут. Значит, хотя и медленно, но мы все же едем и все же продвигаемся вперед.

Кругом все настолько бело, что горизонт снежного покрова совершенно сливается с таким же белым небосклоном. Замечаешь только черную точку — переднюю подводу, медленно добирающуюся по крутому склону до той неопределенной линии горизонта. Смотришь и не поймешь, то ли подвода пойдет сейчас под гору или она поднимется на небо. Возможно, она очень долго стоит на одном месте, отдыхает от сильного напряжения в гору.

В это время жизнь на всех подводах замирает. Замирает от безнадежности, от холода. Ни разговоров, ни детского плача. Даже понуканий на лошадей мало слышно — бесполезно. Замученные животные еле тянут ноги, ждут остановки. Морды их заиндевели, на копытах наросли комы снега — идут, как на ходулях. На время ком отваливается, потом снова снег налипает, ком наростает. Кони спотыкаются, хромают.

Поздно вечером добирались до какого-нибудь села. При въезде в село, на дороге уже ожидал офицер, а иногда и рядовой казак, назначенный для расквартирования обоза. Он отсчитывал пять-шесть подвод и отдавал команду: «В первую хату направо!» Следующую пятерку посылал: «В первую хату налево!» Но не всегда обходилось без инцидентов. Нетерпеливые всегда находились и нарушали порядок. Они заскакивали вперед, неудержимо мчались, направляя лошадей на человека, стоявшего на дороге. Дежурный кричал: «К-У-Д-А?!» А лошади, поднявшись на дыбы, задевали дышлом офицера и неслись дальше по улице. Квартирьер кричит, грозит, но... что поделаешь!? Длинная колонна растянулась далеко за село. Все устали, промерзли и ждут очереди. Размещение продолжается. Долго слышны на улицах шум, крики, возня и взаимные оскорбления.

Нам как-то «везло» — всегда мы оставались на улице последними. Уже все в хатах, а мы все еще дрожим на телеге. Я возмущаюсь и настаиваю следовать примеру «храбрых» и поскорее заезжать в какой-нибудь двор. Муж мой в этих случаях стушевался. Мне и до сих пор еще остается непонятным, то ли он предпочитал быть в роли обиженного или за столь длинный зимний путь у него притуплялись все чувства. Он упорно был терпелив, пока, наконец, кто-то замечал, что еще одна подвода не определена и, сжалившись над нами, приводил нас к какой-либо избе.

За это время в хате уже все успели разместиться и каждый определял себя в тот или иной угол, когда дверь открывалась и на пороге появлялись новые постояльцы.

Но здесь, в теплой избе, в предвидении горячего ужина, люди не так уж злы и, поворчав немного, мы все миримся и уживаемся человек по десять в одной крошечной хибарке.

Втечение всей нашей дороги, сзади всегда слышалась орудийная стрельба наступающего советского фронта. Продвижение это так быстро, что мы не могли долго задерживаться на стоянках. Чуть начинало светать, мы поднимались и в волнении, тревоге и поспешности направлялись дальше.

Мы, все беженцы, уже вошли в колею нашего отступательного бытия. Целый день в шубах, в валенках и на колесах. На короткую ночь люди развязывают шарфы и башлыки, а при восходе солнца, но иногда и раньше, еще при звездах, собираются, снова заматывают измятые платки и свой страдный путь продолжают.

С.Ш.А.

М. Морозова.

БАЛЛАДА
О ВОЙСКОВОМ ПРАЗДНИКЕ.

В ночь под день Покрова, над землею Донской
Звезды блещут, горят неземною красой.
А когда над курганом повиснет луна,
Наступает волшебная вдруг тишина.

Не шумит, не бушует в полях чернобыл;
Резвый ветер не треплет сухую ковыль;
Только плещет слегка под обрывом река;
Только шепчут порой камыши над водой,

Да в лимане вздохнет иногда осока
И опять — тишина, нерушимый покой.
Но вот где-то вдали, будто сдержанный стон,
Зарождается тихий, таинственный звон.

Все сильнее и шире становится он,
Этот странный, далекий, чарующий звон,
И тем звукам волшебным как будто в ответ,
Вдруг забрезжит, польется загадочный свет.

Вот уже в небесах побледнела луна;
Над лугами тумана висит пелена;
Вырастают станицы, встают хутора;
Из-за рощ показались церквей купола;

В храмах Божьих горят миллионы свечей;
Льется пенье стихирь из открытых дверей;
Вот рассеялись волны последние мглы;
Высоко в небесах заклектали орлы;

Вот откуда-то всадник спеша проскакал;
А вот где-то послышался трубный сигнал;
И вот ожила степь, зашумели поля,
Под ударами ног задрожала земля.

Издали показалися тучи колонн,
Над колоннами вьются полотна знамен,
Грохот тяжких орудий и ржанье коней,
Блески копий и шашек, бряцанье мечей —
То седой Дон-отец, степь-родимая мать,
Созывают на праздник могучую рать.
Созывают детей-соколов и орлят
На торжественный смотр, на полночный парад.

И послушно сыны из могилок встают
И, сомкнувши ряды, тесным строем идут:
От Кавказских вершин, от Балканских долин,
От Полесских болот, от Альпийских высот;

Из Сибирской тайги, с берегов Иртыша,
Где впервые проснулась казачья душа;
Где на воле пасутся стада степняка,
И где в бурную ночь ходит тень Ермака.

От Азова идут, от Царьграда спешат —
На торжественный смотр, на полночный парад.
А на встречу полкам из станиц, хуторов —
Море красных лампас, тучи пестрых платков

Мчатся по полю шумные толпы ребят,
У румяных девчат в косах ленты горят.
И ведут старики о походах допрос.
На глазах матерей — реки радостных слез.

Так могучий народ по равнине Донской
Ежегодно свершает парад войсковой.
Так идут по степи, вдоль бессмертной реки
За отрядом отряд, за полками полки.

Пока месяц далеко на запад уйдет,
И зарница свой свет на востоке зажжет,
И последний сигнал вдалеке отзвучит;
И осенняя ночь вновь уснет, замолчит.

Г. Гордеев.

Сев. Америка.

ВОЙСКОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

Казаки в изгнании не забывают традиций, унаследованных от дедов и отцов, и каждый год торжественно отмечают свои ВОЙСКОВЫЕ ПРАЗДНИКИ в день Покрова Пресвятой Богородицы. И в этому году они были отмечены по всем местам казачьего рассеяния.

По установившейся уже традиции, казаки Парижа и окрестностей в субботу 14 октября совершили паломничество на кладбище в Сен Женевьев де Буа, где покоится много наших братьев казаков. Общая панихида была отслужена на могиле последнего Донского Атамана А. П. Богаевского и перед мраморной доской памяти жертвам Льенца. Было совершено обхождение казачьих могил с кратким поминовением.

В воскресение 15 октября в кафедральном Соборе на рю Дарю перед иконами Покрова Пресвятой Богородицы и Донской Божьей Матери был отслужен торжественный молебен с чтением Акафиста Божьей Матери и повозглашением вечной памяти всем Атаманам, Казачьим Вождям, казакам, казачкам и казачатам всех Казачьих Войск, в смуте убиенным и в миру скончившимся. Храм был полон казаков. Прекрасно пел хор под управлением регента Дон. казака Спасского.

В праздновании приняли участие: Казачий Союз. Донское Войсковое , Кубанское, Терское Объединения. Союз казаков - комбатантов, Союз Донских артиллеристов. Терское Объединение, как всегда, служило молебен в нижней церкви перед своей Терской Войсковой Иконой.

После молебна казаки отдельными группировками разошлись, чтобы закончить празднование за братской трапезой. Кубанцы, со своими гостями Донцами, собрались в Доме Белого Воина, Союз казаков комбатантов и Донские артиллеристы со своими гостями — в музее Л.-Гв. Казачьего полка, Терцы в ресторане «Кавказец», Объединение казаков - комбатантов — во французском ресторане на ав. Раймонд Пуанкарэ. Было много речей, много добрых пожеланий и, несмотря на тяжелые условия изгнанической жизни и годы, везде царило праздничное настроение. Одно грустно; это то, что праздничная трапеза происходила отдельно по группировкам. Не будем повторять то, что знают и прекрасно сознают все казаки, что если бы все собрались на трапезу за один общий стол, забыв хотя бы на один день выдуманные перегородки, было бы больше торжественности, душевности и больше утешения в нашей невеселой жизни. Будем надеяться, что этот год будет последним годом, что мы празднуем этот Великий для нас день разобщенно, что в будущем мы с'умеем преодолеть все вредные нам всем препоны и в будущем году, повинуясь велениям казачьих сердец, соберемся все вместе в ОДНУ СБЩУЮ КАЗАЧЬЮ СЕМЬЮ.

Как во французской провинции, так и в других странах рассеяния казачьего, казаки праздновали Войсковые Праздники так же торжественно, как и в местах большого сосредоточения: В Коломбель (Кан - Кальвадос) местная группа казаков отслужила торжественный молебен в храме Препод. Сергия Радонежского, а после молебна казаки собрались на братскую трапезу в ресторане г-на Штепы. В Грассе группа Донцов и Кубанцев праздновала этот день в субботу 14 октября, т. е. в самый День Покрова Пресвятой Богородицы. После торжественного молебна собрались все за скромной трапезой.

В Монтаржи Праздники были отмечены 15 окт. В местном храме был отслужен молебен От. Я. Протопоповым, сказавшим соответствующее этому дню слово. После состоялась братская трапеза, объединившая донцов, кубанцев и терцев разных политических взглядов. Присутствующие казаки, будучи осведомлены о выходе в свет «Ермака» Н. М. Мельникова, единодушно выразили ему большую благодарность, а также и редакции «Родимого Края» за ее труды.

В Клагенфурте (Австрия) Обще-Казачья касса взаимопомощи также отметила день Войсковых Праздников торжественным молебном в местном храме, после чего состоялась семейная встреча, на которой присутствовали в качестве гостей священник о. Георгий Сидоренко, благословивший трапезу. Н. Ермаков, заменяя отсутствующего — по болезни — председателя Н. Волкова, сказал краткое слово, поздравив Председателя Корпусного Объединения В. И. Киселя и поблагодарил гостей за их присутствие. А. Жеребков прочел поздравления, полученные кассей, вкратце объяснив историю и значение праздника, а также поблагодарил Австрийское Правительство, давшее казакам возможность отмечать казачий Праздник. Казачка А. А. Ивашенко прочла стихи, а потом под музыку своих же музыкантов были и танцы.

В Америке многочисленные казачьи орга-

низации также широко праздновали свои Войсковые Праздники, а именно: Станица им. Походного Атамана Павлова в Нью-Йорке, Донская Ермаковская станица в Нью Джерси, Донская Центральная ст-ца им. ген. Краснова в Нью-Йорке, Об.-Каз. ст-ца в Нью Джерси, Обще-Каз. ст-ца и Дон. ст-ца им. Платова в Патерсоне, Чернецовская ст-ца в Фармингдейле, Обще-Каз. ст-ца в Нью-Йорке. Вольно-Каз. ст-ца в Патерсоне. Кулабучовская ст-ца в Плэнфильде-Саут Ривер, Булавинская ст-ца в Нуарке и Вольно-Каз. хутор. Нац. Культурное Каз. Объединение в Нью-Йорке, дон. партизаны. Кубанцы торжественно праздновали свой праздник в Лейквуде, где в храме Александра Невского отслужен был молебен с выносом Войсковых Регалий, а потом общей трапезой.

Заканчивая этот неполный обзор, повторим еще раз наше искреннее пожелание: Казаки! Перестанем делиться между собою, упраздним разделяющие нас перегородки, не заслуживающие даже того, чтобы о них говорили. Пора собраться в одну РОДНУЮ СЕМЬЮ, а это нам поможет легче жить сегодня и укрепит наши надежды на будущее, если Бог приведет нас в Родные Края и сохранит нам силы и возможности принять посильное участие в деле ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА: а для чтого нам надо быть едиными и крепко спаянными.

ИЗ ВАШИНГТОНА — СТОЛИЦЫ С. АМЕРИКИ.

День Покрова Пресвятой Богородицы — день ангела Казачества, Войсковой Праздник и в этом 1961 году, как и в предыдущие годы, был отмечен казаками и казачками, проживающими в столичном городе Северной Америки, — в Вашингтоне и его окрестностях. Отмечен скромно, тихо, без предварительных газетных извещений и приглашений. Семейный праздник немногочисленной Группы в честь славы казачьей. Праздник не угасшей веры казачьей и живого казачьего сознания.

Торжественный молебен был соединен с кратким поминовением отошедших в мир иной казаков и казачек; в мир, где «нет печали и воздыханий»...

Провозглашение многолетия всем казакам и казачкам в изгнании и на родине сушим было завершением торжественного богослужения.

На скромной семейной трапезе воспоминания уводили мысли и чувства туда, где и поныне широкой волною плещет в берега задумчивый Дон, где многоводная красавица Кубань рассказывает прибрежным лугам и камышевым зарослям о славной героике Кубанского Войска; где быстрый бурный Терек, не знающий страха пред горными преградами, неустанно в неудержимом разбеге поет громко: — Слава, слава, вечная слава Казачеству!..

Из завязавшейся дружеской беседы сам собою выплыл жгучий вопрос: Что будет? Возродится ли Казачество? Прозвучала безнадежность, утрата веры в лучшее будущее самого свободолюбивого в мире народа, именуемого казаками... Но раздался и голос веры в конечное торжество казачьих идеалов: правды и права, братства и равенства. Заговорила вера в неумирающий голос казачьей крови, в пробуждение человеческой совести, которая, при помощи Божией, найдет путь к высвобождению из тенет неправды, к одолению коммунистического и бельшевистского зла.

Вера, но не пророчество... Вера, допускающая предположение, что сроки грешной земли будут продлены Всевышним. Возродится на земле нашей отчизны Боголюбие и правдолюбие. Засияет свет истины в сердцах россиян и из недр забвения снова восстанет героическое Казачество к новому бытию и новой славе.

Возникновение в 1950 году Общеказачьей Группы в американском столичном Вашингтоне было вызвано именно такой верой. И дальнейшее существование Группы должно зиждиться на этой вере.

Собственно, такая вера свойственна не одной здешней Группе. Вера эта является главной основой всех каз. объединений зарубежом.

Хотелось бы, чтобы наш привет казачьих сердец из столицы великой Америки был услышан и в самых отдаленных уголках казачьего рассеяния.

Ал. Гр. Пр-в.

ВОЙСКОВОЙ ПРАЗДНИК В АРГЕНТИНЕ.

Русская эмиграция, а в частности казачья, в Аргентине сосредоточена гл. образом в ее столице — г. Буенос-Айресе. В провинции проживает лишь незначительная ее часть и поэтому там никакой общественной жизни не проявляется.

В текущем году казаки праздновали свои Войсковые Праздники в день Покрова Пресвятой Богородицы в нескольких местах: в Вилла Балистер — Донская станица имени ген. П. Н. Краснова, в г. Кильмес — Обще-Каз. Союз с своими отделениями-станицами Национальной имени Калабухова и Павловской, праздник которых прошел довольно скромно, и станице имени героя Луцкого прорыва ген. А. М. Каледина. О последней следует сказать немного больше.

Заупокойную литургию, торжественные панихиду и молебен с провозглашением многолетия всему Казачеству были отслужены терским казаком Отцом Иоанном Корниенко. По окончании богослужения правлением станицы была предложена трапеза, на которой присутствовали казаки и др. Каз. Войск. Радушным и внимательным хозяином был атаман станицы сотн. Крижнев. Были пропеты Донской, Кубанский и Терские гимны и, благословляя трапезу, О. Иоанн сделал историческое сообщение о происхождении Праздника Покрова: в глубокой древности на православных греков напали недруги. Греки, изнемогая в борьбе, обратились с горячей молитвой к Господу и на помощь им явилась Пресвятая Богородица со своим честным омофором. С появлением Ее нападавшие обратились в бегство и греки были спасены от полного уничтожения.

Приветственнух речь сказал атаман станицы сот. И. А. Крижнев, поблагодаривший казаков за соблюдение ими заветов их предков. О значении В. Праздника говорил Г. М. Туркин, который в своем обширном докладе пояснил также, почему Донское Войско называется Всевеликим.

После оффициальной части пелись каз. песни, а молодежь, под аккомпанимент аккордеона, лихо танцевала. Звучные голоса казаков и казачек с малиновыми подголосками слышались до поздней ночи.

Отдельно, там же в г. Кильмес, весело и торжественно праздновала Кубанская станица имени ген. Шкуро.

Будем радостны и горды, что казаки чтят вековые обычаи и традиции родного Казачества, унаследованные от своих предков, которые своими подвигами расширили пределы государства Российского, а нам, казакам, создали честь и славу.

Буенос-Айрес.
Аргентина.

Г. Туркин.

У КАЗАКОВ В ГЕРМАНИИ.

По инициативе Председателя Казачьего Союза в Германии полк. Протопопова и Председателя Отдела Европейского Казачьего Объединения полк. Дьяченко, 14-го октября с. г. в 17 часов, в г. Мюнхене, на Леопольдштрассе 93, в ресторане «Татерзал» за братской казачьей трапезой по случаю казачьего праздника Покрова Пресвятой Богородицы состоялась встреча казаков разных политических группировок в числе свыше 70 человек. Кроме казаков, в праздновании приняли участие их друзья представители других народов.

17 ч. 30 м., по предложению распорядителя порядка празднования полк. Протопопова присутствующие пропели молитву «Отче наш» и казачьи гимны. Затем распорядитель приветствовал казаков с праздником Покрова и благодарил их за память о героическом прошлом казачьего народа и уважение к нашим предкам, в лице защитников Азова. А гостей благодарил за оказанную казакам честь и внимание. Полк. Дьяченко в своем обращении также приветствовал казаков с праздником Покрова Пресв. Богородицы, назвав этот день символом каз. торжества, неумирающей веры в идею Христианского Православия и в правоту надпартийных начал народно исторического казачьего быта, при котором никто **не говорил** о свободе и

равноправии, но все жили свободными и равноправными. Далее полк. Д:яченко призывал казаков к полному единению, любви и братской дружбе. Потом выступил с приветствием казаков с праздником проф. М. А. Миллер и добавил: достижение единения и взаимнопонимания будут нашей казачьей силой в борьбе за сохранение казачьего достоинства.

С. Ф. Шаламов после приветствия казаков с праздником информировал присутствующих об отвезенных им девяти пакетах в больницу в Гаутинг и врученных там больным казакам, находящимся на лечении. Подарки состояли из: вина, фруктов и сладостей. Д-р Баратов от имени казаков г. Ландсгута приветствовал казаков с праздником и подчеркнул свой восторг видеть в таком большом количестве спокойную воистину братскую казачью семью.

Полк. Смирнов от имени Объединения быв. чинов 15-го Казачьего корпуса приветствовал собравшихся за братской трапезой и рассказал, как праздновали этот день в родной станице на Тихом Дону.

Есаул Тилев после приветствия казаков с праздником, напомнил присутствующим о том, что казаки не терпели рабства и всегда боролись за подлинную свободную демократическую жизнь.

Там же казаки Кубанской станицы в Мюнхене постановили: исключить из списков станицы так называемого «представителя» Куб. Атамана в. старш. С. Шерпнева за то, что он уклонился от совместной трапезы с казаками Кубанцами своей станицы и ушел к самозванцам не казакам, вероятно, дабы избежать отчетности в получаемых им деньгах и пакетах с одеждой для престарелых и неимущих кубанцев.

Празднование затянулось до часу ночи в дружеских беседах, в пении и танцах. Казачью удаль показали: делегат из г. Ландсгута А. Скачко, который в полной Кубанской одежде исполнил танец — Наурскую лезгинку и молитву Шамиля, а хорун. Н. Пашутин лихо исполнил казачка и гопака.

Мюнхен.

И. Гринько.

ПРАЗДНИК В ЗАЛЬЦБУРГЕ, В АВСТРИИ.

В Войсковом празднике Общеказачьей группы, возглавляемой П. В. Ямпольским, приняли участие казаки разных группировок и направлений. В качестве гостя присутствовал приехавший из Лиенца Председатель Олъединения Казачьего Стана уачстников Лиенцкой трагедии И. В. Чонгов. Божественную литургию, молебен и поминовение погибших совершал протоиерей Кубенский в сослужении с о. Иосифом. Пел прекрасный хор полк. А. В. Черныпева. Многие казаки были в казачьей форме. День закончился традиционной трапезой в хорошей братской атмосфере.

ОДА ИКРЕ.

В былые годы на святой Руси
Покушать всласть умели наши деды.
Текла их жизнь легко et sans souci
И все их ужины. обеды,
И все домашние пиры
Не обходились без икры.

Икра-владычица обильного стола...
Нередко взор к ней устремлялся нежный...
Она на скатерти крахмально-белоснежной
Царицею бесспорною была.
Мутился от нее рассудок,
А в старости — страдал желудок.

Что ж верный был и закадычный друг?
Два-три-обчёлся... Очень узкий круг;
Всё больше иностранцы: Мумм-красавчик,
Развязная Клико, да пара устриц тож,
Аи-шалунья... А из русских вхож
Лишь запотелый был мерзавчик.

———

Погибла Русь. Мы о́тдали концы,
И вышло так, что деды и отцы
Souci хлебнули с нами до отвалу...
Всё прошлое пошло мало-по-малу
На смарку, вон, в тартарары!
А мы... забыли вкус икры.

Но... рыбка-то попрежнему живёт,
А Каспий сохнуть вовсе не намерен.
Так что ж с икрой? Кремль решил:
«в расход»,
(За старые грешки), но совполпред Чичерин
Набил икрой вализы туго
И думал: «Угощу я друга!»

И клюнуло. И с той поры — клюет,
Да так, что Запад перед совпосольством,
Сражённый небывалым хлебосольством,
В хвосте стоит, открыв заране рот.
А из Кремля на сей предмет
Икре вручён был партбилет.

Был рыбий митинг. Утвердили нормы
И резолюцию зачли в немом молчаньи:
«Всем выступить на соцсоревнованьи!»
Вопили рыбы: «До сих пор мы
Не так работали! П е р е з е р н и т ь !
П е р е м е т а т ь ! П е р е и к р и т ь !»

Икру приставили немедленно к полпредам,
Чтоб задавала тон обедам —
(Вопрос продвинул Наркомпрос)
Чтоб отвлекала дипломатов,
Коли посол покроет матом
Иль атташе залезет в нос.

Чтоб рты замазывать — когда необходимо,
Чтобы подмазывать в невинном разговоре...
И вот с тех пор — икра — незаменима,
С тех пор икра — у всех в фаворе,
И у икры повыше чин,
Чем даже икры у балерин.

———

Не та икра мой, братцы, возбуждает страх,
О коей Запад весь восторженно лепечет...
А та, которую на наших берегах
Хрущевы преспокойно мечут.

Монтерей.
(США) **Н. Воробьев.**

ПО СТРАНИЦАМ КАЗАЧЬЕЙ ПЕЧАТИ.

В журн. «Родимый Край» № 35 г-н А. Падалкин просит разъяснения о связи ген. Мамантова во время рейда на Москву в 1919 г. с корпусом красной армии Миронова. Кроме группы ес. Попова, побывавшей у ген. Мамантова с целью перехода казаков Миронова к ген. Мамантову, перешла к нам группа казаков корпуса Миронова во главе с сотн. Марковым из г. Орла, где они получали седла для Миронова. Узнав о приближении мамантовцев, все бросили и перешли к нам.

О движении группы ген. Мамантова на Москву знали не только сов. власти, но и все население. В приказе Троцкого № 147 ясно сказано: что «никто не имеет права уклониться от облавы на мамантовских бандитов и громил», на основании этого приказа Миронов должен был соединиться с Буденным и совместно действовать против группы ген. Мамантова. Троцкий, видя растерянность красного руководства и панику в рядах красной армии, в успех истребления мамантовцев не верил, а поэтому и прибег к излюбленному способу обмануть ген. Мамантова и приказал Миронову этим заняться. Миронов со своими политруками в успех Белой армии не верил, а поэтому и держался Троцкого, не учитывая соперничества Буденного. Миронов безусловно предал бы ген. Мамантова, если бы последний ему поверил. Штат 4-го Дон. корпуса был не велик, у Миронова же, кроме его корпуса, были под рукой многочисленные новые формирования красной армии и курсанты. Рядовые казаки корпуса Миронова дело другое: они хотели падения советской власти и имели искреннее желание перейти к ген. Мамантову, за что их некоторых впоследствии большевики и судили, и если бы нас не вернули из рейда, то казаки мироновцы покончили бы с комкором Мироновым и перешли бы к ген. Мамантову.

Приговор к смертной казни Миронова и его штаба — ничто иное, как не удавшаяся попытка Буденного отомстить сопернику, а потому Миронов и не был наказан, а наоборот остатки своего корпуса развернул в армию и боролся против нас в Крыму.

Лозунг «пролетарии на коней» был провозглашен советами еще в дек. 1918 г., в результате чего Буденный со своей бригадой вышел из состава корпуса Думенко, подобрав коней, оставшихся по станицам после отступления к Новочеркасску казаков, и сформировал конный корпус из двух дивизий и бригады пехоты. Миронов также, не желая отстать от Буденного, весной 1919 г. подобрал казаков из куреней верхних округов, увел их подальше от родной земли Донской и приступил к формированию своего казачьего корпуса, тем самым став опасным конкурентом Буденному. Воспоминания Буденного после гражданской войны — ничто иное, как попытка реабилитации большевиков, не исполнивших обещаний, данных казакам и впоследствии ликвидировавших Донскую сов. республику в 1923 году, когда и был расстрелян Миронов с семьею делегатами Дона.

В Крыму во время прорыва к нам в тыл 5-й сов. дивизии армии Миронова, Калединский кон. полк взял в плен политкомиссара 5-й сов. дивизии в Святодуховке и согласно приказа Ком. Дон. корпуса «все интересное направлять в штаб корпуса» политрук был через дивизию направлен в штаб керпуса, где его ес. Падалкиа и допрашивал, а потом, вероятно, конвой нашего же Калединского полка доставил комиссара в корпус. Но ни в коем случае не из штаба 2-й Дон. дивизии, которая находилась со второй бригадой почти на сто верст в тылу у нас. комиссар мог попасть обратно в полк, т. к. с ним некому было у нас возиться и им интересоваться.

Что же касается интересных свидетельств С. П. Мельгунова о мамантовском рейде, где Мельгунов пишет: «Если бы ген. Деникин с самыми незначительными силами захватил Москву, он был бы победителем в гражданской войне...» Мы, участники этого славного рейда от ген. Мамантова до рядового казака, отлично понимали обстановку, видя панику и растерянность красных командиров и неудержимое бегство красной армии, и не сомневались в захвате Москвы нашей группой под командой доблестного полководца ген. Мамантова с его лозунгом «оказачить всю Россию», т. е. земли разделить народу, тогда пала бы и сов. власть. К сожалению, нас вернули из рейда и погубили Белое Дело!

**
*

Супругу и дочь полк. А. И. Шмелева прошу принять мое искреннее соболезнование в постигшем их горе — смерти нашего лихого соратника А. И. Шмелева. Он в 1955 г. находился в Тайшетском лагере 051, Иркутской Области, был болен двусторонним мокрым плевритом, нуждался в жирах, которые после выкачки воды из легких необходимы были в питании. Вернуться к семье из СССР не мог. т. к. Красный Крест не нашел семью. Я неоднократно писал, чтобы родственникам, находяшимся в лагерях или домах для инвалидов СССР, посылали не письма, а съестные пакеты, писем там ЗК не давали, а пакеты выдавали даже под расписку, которую потом Красный Крест вручал отправителю.

Германия.

А. Протопопов.

НЕКРОЛОГ.

9 августа с. г. в Бразилии, на 73 году жизни, скончался один из доблестнейших Кубанцев, казак станицы Шкуринской Иван Диомидович ПАВЛИЧЕНКО.

Он вырос в родной станице, окончил станичную школу, вышел на действительную службу молодым казаком в 1-й Запорожский Екатерины Великой полк и, по пути эшелона в Закавказье, в Тифлисе был зачислен в Конвой Наместника.

В начале 1-й Мировой войны он окончил школу прапорщиков, а затем за боевые отличия был произведен в хорунжие и сотники.

Вернувшись в 1917 г., после развала Кавказского фронта, в свою родную станицу, которая, как и большинство кубанских станиц, была отрезана от областного центра, он не мог принять участия в первых боях с большевиками, происходивших в районе Екатеринодара и в 1-м Кубанском походе.

Но с началом 2-го Кубанского похода, когда 1-й Кубанский полк 1-й Конной дивизии (ген. Эрдели) вел бой 8-го июня 1918 г. под стан. Уманской, Павличенко присоединился к нему во главе двух сотен, организованных им из казаков ближайших к Уманской станиц.

Беззаветно храбрый, мужественный, распорядительный, всегда бодро настроенный, отлично знавший быт и характер казака, он пользовался уважением и большой популярностью среди казаков, которыми ему пришлось командовать.

В последнее время гражданской войны он оставлял ряды Кубанцев лишь в случае неоднократных тяжелых ранений.

За свою беззаветную храбрость и мужество, за уменье водить казаков в бой, он, за два года войны, достиг чина генерал-майора.

Карьера головокружительная даже для гражданской войны, но всякий, знавший его доблесть, знал, что полученные им чины были заслужены и запечатлены многочисленными ранениями.

Отличаясь выдающимися боевыми качествами, Иван Диомидович был прекрасным организатором.

По окончании Гражданской войны на Юге России, он первым из Кубанцев организовал в Югославии хор певчих, а затем первую команду кубанских джигитов, объехавших много городов Югославии, а также соседних с нею государств, прославляя русское имя и имя кубанского казака среди населения, вповые видевшего казака воочию.

Когда в 1929 году обозначилась возможность посадки казаков на землю в Ю. Америке. в республике Перу, то, назначенный Войсковым Атаманом возглавить группу разведчиков, он быстро организовал до сотни казаков и выехал с ними в Южную Америку. Оставаясь в Перу 16 месяцев, ген. Павличенко и казаки, с ним бывшие, установили непригодность для поселения земель, предлагаемых Перуанским правительством, после чего он изыскал возможности возвращения в Европу всех желающих туда вернуться, а сам, с группою в 12 человек отличных джигитов, объехал главнейшие города в Чили, Аргентине, Уругвае, Парагвае и Бразилии. в которой с 1933 г. и остался на постоянное жительство.

Во всех государствах, которые объехал ген. Павличенко с группою своих джигитов, он пользовался большим успехом и завязал там много знакомств, полезных для русского имени.

В Бразилии, он продолжал заботиться не только об устройстве казаков, но и всех русских людей, нуждающихся в его помощи и содействии.

Будучи там в течении всего времени Представителем Кубанского Атамана, он объединял там кубанцев и крепко держал связь с Войсковым Центром.

Жил он скромно, зарабатывая средства к жизни поставкою строительных материалов для построек в районе своего жительства.

Последнее письмо его было необычно мрачным. Той бодрости, которой были проникнуты его прежние письма, в нем не было. Он жаловался на тяжелую жизнь, в связи со старостью и материальною необеспеченностью. Видимо, на нем тяжело отразились последние политические события в Бразилии.

Все это подорвало в корне его здоровье и 9 августа его не стало.

После него осталась супруга и сын Иван — кадет одного из Бразильских кадетских корпусов.

Смерть ген. Павличенко — огромная потеря не только для кубанцев, но и для всех тех, кому в жизни приходилось соприкасаться с ним.

Ушел от нас казак, горевший интересами Войска, храбрейший из храбрых, имя которого должно остаться в серце кубанца наряду с именем доблестного генерала Николая Гавриловича Бабиева, сраженного неприятельским снарядом в последнем бою с большевиками.

Пусть Господь Бог примет в Свои чертоги душу невопреставленного воина Иоанна и пусть имя Ивана Диомидовича Павличенко, как одного из самых достойных сынов Кубани. останется навеки в памяти каждого кубанца.

САСШ.

В. Науменко.

(«Казак» № 158-59)

ПАМЯТИ ДРУГА.

Посвящаю моему другу Павлу Ивановичу Фролову.

1919-ый год. Январь или февраль месяц. Где то недалеко от г. Грозного, Терского Войска, часа 4 утра. Быстро, по привычке, я вскакиваю на ноги, шарю в темноте винтовку. За окном резко в морозном воздухе бьют выстрелы. Тревога. Выскакиваю, наскоро подтянув подпруги, мы влетели в седло. Ночная неразбериха. К штабу полка мы так

и не доехали, нас встретили залпами. Кое как по крикам «Какая сотня?.. Какая часть?» весь полк собрался на околице. Начался нудный боевой день, с атаками, контр-атаками. Морозно, холодно, трясет внутренняя дрожь и невольно в голову приходит вопрос: отчего я дрожу — от страха или от холода?

Взошло солнце, стало как будто теплее. Наш полк стал медленно разворачиваться в лаву, для очередной атаки. Вдали глухо бухают пушки, впереди снежная пыль, прочеркивает пунктиром пулеметная очередь... Рысью-марш... Навстречу летит снаряд, другой... Один разрывается шагах в 20 впереди меня, мой конь упал на морду и медленно стал валиться на бок. Еле успеваю убрать замерзшие ноги из стремян. Конь убит. Снимаю седло, сумы, уздечку и медленно плетусь в тыл. Внезапно обстановка переменилась и наш полк стал быстро отходить. Я прибавил шагу, уже бегу, меня обгоняют. Проезжает тачанка с пулеметом, ездовой мне машет рукой, я быстро бросаю в тачанку свои вещи, влезаю сам, тройка рванула. Справа саженей 200 небольшая роща, вдоль нее бежит казак. Я вижу, как на ходу он сбрасывает бурку, бежит изо всех сил. «Придержи коней» — говорю ездовому. Он начинает спорить, но все же натянул возжи. Казак находу ухватился за край тачанки, но влезть в нее у него не хватило сил, ездовой дал по коням, тройка опять покатила полным ходом. Казак зачертил сапогами узоры по заиндевевшей земле, кое как я помог ему влезть в тачанку. Только мы стали проскакивать рощу, как нам наперерез выскочили большевики. Плен. Полная апатия. Ездовой остановил тачанку. К нам подъехало два «казака». Спросили: «Казаки?»... «Да...» ответили. «Ну, ладно, потом разберемся...» Сняли с нас наши шапки, бросили нам свои и ускакали за своими.

Ездовой сидит и орет: «Я пленный красноармеец, я пленный красноармеец...», хотя в непосредственной близости никого нет и никто его не слышит.

До моего сознания медленно стало доходить: а ведь я в плену, а пулемет, винтовка, револьвер — все тут, ведь я не обезоружен. Сама собой пришла мысль о сопротивлении. Я заорал на ездового: «Ссымай постромки...» Огорошенный окриком, он повернул тачанку в сторону красных и отпрег лошадей. «Приготовь новую ленту» — сказал я казаку, тот стал возиться с ящиками и мы стали на позицию. Наша дивизия перешла в контр-атаку, красные уходят и вот они опять по ту сторону рощи. И атака и контр-атака прошли, задевши нас самым краем. Я не сделал ни одного выстрела. Спасены. Мы слезли с тачанки и пошли в тыл. Шли сначала вместе, потом казак по каким то соображениям пошел вправо, не сказавши мне ни слова. Я знал только, что он терец, а почему — не помню... Еще два года войны, гражданской, жестокой, потом эвакуация, ряд разных стран...

***

Бианкур. Ресторан «Татьяна». Суббота, получка, в ресторане дым коромыслом. За одним столом сидит группа казаков. Донцы, кубанцы, терцы. Против меня сидит мой новый друг — терец. Я только что кончил рассказывать вышеизложенное, как вдруг он быстро встает, выпучивает глаза и открывает широко рот. «Да ведь это же был я...» вырывается у него с хрипом из горла. Тут пришла моя очередь встать, выпучить глаза и открыть рот... Ну, что ж еще сказать? На радостях, конечно, выпили немало, а потом подружились надолго, на всю жизнь, до самой его смерти.

21-го октября его похоронили. В день похорон меня опять трясла внутренняя дрожь, как и в тот далекий день нашей первой встречи. И опять я себя спрашиваю: отчего я дрожу, от страха перед смертью или от холода?

Париж.

Г. Новиков.

О. МИХАИЛ МИНАЕВ.

23 авг. с. г., после двух месяцев лечения в госпитале, скончался о. Михаил Минаев, казак Каменской станицы Донец. окр., ВВД.

Был он настоятелем православной церкви во имя Св. Девы Марии в гор. Сченектеды, шт. Нью Иорка, и профессором русской словесности в православной Семинарии в Жорданвиле того же штата. На этой кафедре о.

Михаил заместил другого скончавшегося донского казака стан. Кочетовской 1 Д. о. М. А. Горчукова, члена Д. В. Круга.

Родился о. Михаил 1 сент. 1887 г. в стан. Каменской Нвч. По окончании Духовной Семинарии в Нвч. М. Минаев поступил в университет по физико-математическому факультету. Он был моим товарищем по СПБ ун-ту. После М. П. Богаевского я был председателем Донского Землячества и коллега Минаев всегда бывал на его собраниях. Высокий, худой, спокойный и серьезный студент.

Обязанный отбыть воинскую повинность, он поступил в одно из Артиллерийских Училищ в Петербурге, а по окончании его поступил в Школу Авиации. В 1-ую Мировую войну Минаев пошел артиллерийским офицером. Революция. Гражданская война. И Минаев боролся с большевиками в рядах своей Лон. Армии и дослужился до чина есаула. Далеко не все офицеры и казаки эмигрировали в 1920 г. через Турцию. Минаев в том году попал в Варшаву, где, работая бухгалтером, слушал в университете курс философии. Попав в Чехословакию, он поступил в Пражский техникум по агрономическому фак-ту. И здесь, после многих лет, я встретился с ним. Все такой же серьезный, спокойный, худой и с небольшой бородкой. Судьба Родины, родного Края и эмиграция и на него, как на всех, наложила свою печать.

После Праги мы снова разошлись. До 1945 года он в Словакии в государственной школе преподавал естествоведение, физику, математику и русский язык. 1 9 4 5 год. Красная Армия занимает Словакию, там появляется НКВД, и Минаев уходит на Запад и годы обретается в лагерях Ди Пи в Австрии, пока не уехал в Австралию. Годы войн, мытарства эмиграции, размышления обо всем прошлом, несчастная судьба Родины и родного Дона, нужно думать, не раз приводили М. Минаева к мыслям о суетности жизни, об ошибках и заблуждениях в оценке жизненных «благ» и «радостей».

И Михаил Минаев вступил как бы на предопределенный в молодые годы путь православного священника, к жизни в вере, в служении Церкви и Богу.

И он принял сан священника, а по приезде из Австралии в США был назначен настоятелем православной церкви в Сченектады.

Здесь я снова встретился с ним. Передо мною был все тот же высокий сугубо серьезный, худой Михаил Минаев, столько перевидавший, переживший и передумавший, но уже священник в скромном священническом облачении, с крестом на груди, в тяжелых высоких сапогах, с крупными чертами лица, внимательными глазами, густыми бровями, седеющими длинными усами, густой, широкой бородой и густыми седеющими волосами на голове.

Я хотел, чтобы он в какой-то мере и в эмиграции послужил своему родному Казачеству, Дону. Как всякий донской казак, он их любил, но он отдался иному служению и по сему пути шел, никуда не отвлекаясь. И для этого у него были с в о и основания и причины.

Потом болезнь. И конец земной жизни...

Поучительный путь: Духовная Семинария, университет в бурные годы, военное училище, офицер, снова студент, преподаватель и снова беженско-эмигрантское мытарство, лагеря Ди Пи. Австралия, Америка, пока не нашел с в о й свет, свой смысл жизни, но уже связанный с религией, Церковью и Богом.

И не один он, Минаев-казак, переходя через превратности жизни, пришли к такому же служению, так идейно, победоносно морально продолжая всю ту же борьбу с аморальным, безбожным коммунизмом, с его бездушной борьбой с подлинными, светлыми и благородными идеалистическими устремлениями...

США. **Б. Уланов.**

УШЕДШИЕ.

† 13 февр. с. г. после продолжительной и тяжкой болезни в г. Куероне (Франция) скончался казак Денисовской Ст-цы Сальск. О. В.В.Д. Антопкин Эрда — 81 л.

† 15 апр. с. г. в Виши (Франция) скончался каз. Астраханского Войска Муджиков Лидуса — 77 лет.

† 14 мая с. г. в Виши (Франция) скончался урядн. Лоскутов Тидусик 76 л. Власовской ст-цы, Сал. О. В.В.Д.

† 14 июня с. г. после продолжительной болезни в г. Шартре (Франция) скончался штатный гелюн Бургульского Хурула Сал. О. В.В.Д. Орливинов Гаван.

† 15 авг. с. г. после продолжительной и тяжкой болезни в г. Десин (Франция) скончался последний станичный атаман Чунусовской ст-цы Сал. О. В.В.Д. Басанов Эрейцын.

† 17 авг. с. г. в г. Денвер (САСШ) скончался войск. ст. Л. Гв. Каз. полка И. И. Канкрин.

† 29 авг. в г. Вайлэнд (САСШ) после долгой и тяжкой болезни на 63 г. жизни скончался вахмистр Г. В. Меремьянин, ст. Константиновской Куб. В.

† 29 авг. в Нью Йорке после продолжительной болезни скончался инженер путей сообщений П. Т. Чулков, ст-цы Суворовской В.В.Д. Погребен на Каз. участке Св. Владимир. Кладбища.

† 6 сент. в Лейквуде (САСШ) после тяжкой и продолжительной болезни скончался полк. Л. К. Дронов, ст-цы Казанской В.В.Д.

† 17 сент. в госпитале Бруссэ г. Парижа скончался А. И. Саламатин, В.В.Д.

† 31 сент. в доме инвалидов в Монморанси (под Парижем) скончался подполк. Оренбургского Войска Б. А. Надежин.

†18 окт. в Париже, после непродолжительной, но тяжкой болезни скончался член правления Каз. Союза и казначей Терского Объединения во Франции Павел Иванович Фролов, ст-цы Александрийской, Пятигорского О-да, Терского Войска. Похоронен на Бианкурском кладбище.

Мало кто из казаков Парижского района не знал П. И. Фролова, принимавшего такое деятельное участие во всех проявлениях казачьей жизни Парижа. Ушел от нас хороший казак, добрый и отзывчивый, до конца дней своей горевшей интересами родного ему казачества. Царствие ему Небесное...

† 2 ноября после продолжительной и тяжкой болезни в госп. Божон, в Париже, скончался сотн. Н. П. Шкаликов, ст-цы Майкопской Куб. В. Похоронен на русском кладбище в С. Женевьев.

† 3 ноября в Монтаржи (Франция) скоропостижно скончался на 66 году жизни участник Степного Похода подъес. М. К. Попов, ст-цы Н. Чирской В.В.Д. Похоронен на кладбище г. Коркилеруа.

† 10 окт. в г. Отвилль (Франция) скончался юнкер Атаманского Воен. У-ща А. П. Астахов.

† 20 окт. в госпитале Ларибуасьер (Париж) скончался А. И. Траилин В.В.Д.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

◆ 30 апр. с. г. состоялось общее собрание Калмыцкого Союза во Франции для перевыборов правления на новое трехлетие. Выбраны: председатель — С. Ш. Балданов, вице-предс. Михайлицев Дарджа и Дорбаков Шантур, казначей — Балинов Маркус, генер. секретарь — Пальщицев Шопа, писарь — Басанов Алта, предс. ревиз. комиссии — Михайлицев Даруса, секретарь рев. ком. — Манжиков Баязат, член — Хохлов Жан.

◆ Тяжело заболел известный казачий поэт Н. Н. Евсеев. По последним сведениям сейчас наступило значительное улучшение. Редакция «Род. Края» шлет Ник. Ник. свои пожелания быстрого выздоровления.

◆ 2 и 3 сент. в Нью-Йорке праздновался 150-й летний юбилей образования Гвардейского Дивизиона Собственного Его Величества Конвоя.

2 сент. была отслужена панихида, после которой полк. Н. В. Галушкиным был сделан обстоятельный доклад по истории Конвоя. 3 сент. после торжественного молебна состоялся банкет. Помимо 60 чинов Дивизиона присутствовало большое количество гостей, в том числе Ее Выс. Княжна Вера Константиновна, Кубанский Войсковой Атаман войск. старш. Б. И. Ткачев, Терский Войсковой Атаман ген. К. К. Агоев и много других.

Редакция «Род. Края» шлет свои душевные поздравления командиру Дивизиона полк. А. И. Рогожину и в его лице всем конвойцам с пожеланием здравия, сил и бодрости духа.

◆ 23 сент. состоялись перевыборы правления Кубанского Объединения во Франции на новое трехлетье. Выбранными оказались: председатель — Г. С. Новиков, секретарь — Толбатовский, казначей А. М. Огненко. Запасные Члены Правления — В. В. Щуревич, А. В. Слюсаренко. Ревиз. Комиссия — предс П. И. Джалюк, члены — М. Л. Малышко и Ф. Ф. Пеица.. В Правление Каз. Союза де-

легированы: Г. С. Новиков, М. И. Кощель, Н.П . Чижов и К. Т. Богданов.

◆ Инженер Валерьян Скрылов, после окончания Мишигенского Университета, отлично защитивший диссертацию на звание магистра «по механике грунтов и фундаментов», назначен инженером-проектировщиком калифорнийского отдела фирмы Стандарт Ойль Ко.

Брат Валерьяна — Николай, также с успехом защитивший дисертацию при Дармут - коледже на соискание степени магистра деловой администрации занимает пост директора отдела в Пасифик Телефон и Телеграф Ко, в Сан-Франциско.

Валерьян и Николай — сыновья первопоходника полк. А. И. Скрылова, Кубанского Войска.

◆ В первую годовщину смерти ген. П. Х. Попова были отслужены панихиды Комитетом по увековечанию его памяти в Америке 7 окт. в Казачьем Доме в Фармингдале и Парижской Комиссией 8 окт. в Кафедральном Соборе на рю Дарю.

◆ 10 окт. в Париже состоялось организованнное Гвардейским Объединением чествование двойного юбилея председателя Объединения и б. к-ра Л. Гв. Атаманского полка ген. Т. В. Михайлова (Дон. В.). Двойного, ибо исполнилось 90 лет со дня его рождения и 70 лет со дня производства в офицеры.

В этом же году исполняется 50-тилетие службы в офицерских чинах членов правления Каз. Союза во Франции председателя Терского Объединения полк. Н. И. Зимина (Тер. В.) и председателя Содружества Лиенца полк. Г. В. Иноземцева (Куб. В.).

Редакция «Род. Края» шлет всем юбилярам ее наилучшие пожелания здравия и сил.

◆ 5 ноября состоялось обшее собрание Казачьего Союза во Франции, на котором окончившее трехлетний срок своих полномочий правление дало отчет о своей деятельности за истекшие три года. Подробный отчет о сделанных докладах будет дан в следующем № «Род. Края».

Новое Правление Казачьего Союза избрано в составе: от Дон. Войск. Объединения — В. Н. Романов, Б. А. Богаевский, Н. Н. Евсеев, Ф. С. Евсеев, Н. П. Казинцев, от Кубанского Объед. — Г. С. Новиков, М. И. Кошель, Н. П. Чижов и К. Т. Богданов, от Терского — Н. И. Зимин, А. И. Клочков, Н. З. Воробьев, от Уральской станицы — Крынкин, от Астрах. Об-ия — Десвенсанов, от Содружества Лиенца — Г. В. Иноземцев, от Отдела Партизан — М. И. Кацман, от Калмыцкого Союза — С. Ш. Балданов.

В президиум избраны единогласно: председатель — Б. А. Богаевский (Д.В.), генер. секретарь — Г. С. Новиков (К.В.), 1-ым секретарем — А. М. Огиенко (К.В.), 2-ым секретарем — Н. П. Чижов (К.В.).

◆ Новинки книжного рынка: в Париже вышла книга Д. Е. Скопцова: «Три года революции и гражданской войны на Кубани», в САСШ «С хоперцами от Воронежа и до Кубани» брошюра № 3. Выписывать у автора: Elysseev. 502 W. 177. Str. Apt. 1c. New-York 33. N. Y. USA.

◆ 27 янв. 1962 г. состоится **Общеказачий** бал в Мэрии 15 аррондисм., устаиваемый с благотворительной целью Казачьим Союзом. Редакция «Род. Края» надеется, что казаки всех Казачьих Войск и их друзья не забудут эту дату: 27 января.

РОЗЫСКИ. Розыскивается родственниками: Пав. Людв. Лампрехт. около 67 лет. Связь потеряна с 1933 г., Ив. Вас. Киреев. хутора Поповского, ст-цы Котовской Хопер. Окр. В.В.Д. Сведения сообшать по адресу: M. Pavlov. 1881 Newton Str. N.W., Washington 10, DC. USA.

А. Ф. Алексеенко (30, rue Clemenceau. Algrange (Moselle). France) розыскивает Ив. Вас. Лозина, ст-цы Кундрюческой, В.В.Д.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ».

(С 1 сент. по 1 ноября 1961 г.)

Фонд Издательства: Астахов и И. Г. Свинарев по 2 н. фр., П. Г. Калиманов — 10 н. фр., П. А. Селиверстов — 5 н. фр., Д. Васильев — 7 н. фр., Гончаров — 20 н. фр., Н. Воробьев — 1 долл.

Через Б. Н. Уланова: Т. В. Кривошеина, Д. Н. Баянова, д-р Ряхин, Г. Ф. Чеботарев — по 10 долл., М. А. Дьяконов — 3 долл., И. К. Ковалев — 1 долл., Сметанин — 2 австр. фунта.

Для передачи **Дам. Комитету Каз. Союза:** г-жа Гордеева и Гончаров по 15 н. фр., Голенов и Калиманов — по 10 н. фр., Сергеевы — 50 н. фр.

На увековечение памяти ген. П. Х. Попова: Союз Дон. Артиллеристов — 30 н. фр., отдел Каз. Союза Востока Франции из Сошо (через Кадыкова) — 30 н. фр., отдел Союза казаков-комбатантов — 10 н. фр., степняки-партизаны: Г. И. Снесарев — 50 н. фр., Орлов — 5 н. фр., капит. Шилов (Добр. Корпуса) — 10 н. фр., хор. И. А. Евстратова (Атам. Воен. У-ща) — 10 н. фр., полк. Золотов, Скандилов, Мукосеев, Ковалев — по 10 н. фр.

Редакиця «Род. Края» просит принять всех жертвователей глубокую и искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Из за увеличения стоимости издания «Род. Края», что является следствием повышения цен во Франции, стоимость отдельного номера журнала, начиная с № 38, установлена в 3 н. фр., годовой подписки на 6 номеров — 18 н. фр. (за границей соответственно № — 70 цент., год. — 4 долл.).

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff C.C.P.P. 15.233.79 Nointel par Presles S. O. France.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:
Mr. Bogaevsky 52 av. Flachat Asnieres (Seine)

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н.фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3.50 н. фр.) и репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (размер 32 х 16 см., цена 8 н. фр.).

Редакция «Род. Края» предлагает своим читателям принять участие в конкурсе рисунков для новой обложки журнала. Конкурс открыт для всех желающих. Рисунки (на каз. темы) должны быть сделаны на белой бумаге и присланы в редакцию в несогнутом виде не позже января 1962 года.

Выбор наилучшего рисунка будет произведен казачьим жюри и выигравший конкурс получит в виде премии годовую подписку на «Род. Край» и книжку рассказов П. М. Аврамова «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» и две книжки стихов: «Рифмованные Кончики» — Альникина и «Луч» — Юшкина-Котлубанского.

+

В редакцию «Род. Края» часто обращаются любители каз. старины и коллекционеры (каз. оружия, книг, картин, гравюр, значков, монет. русских бумажных денег времени гражданской войны и т. д.) с запросами, где можно найти интересующие их веши. В частности розыскиваются крест партизанского отряда полк. Чернецова и крест Архангела Михаила Уральского Войска. Лиц, желающих продать таковые, просят сообщить об этом в редакцию.

ОПЕЧАТКИ. Очерк «Нов. Каз. Училище» А. Падалкина № 36 «Род. Края».

Стр. 15. левая колонна 30-ая строка сверху: читать «Н. П. Слюсарев» вместо «Снесарев»; стр. 18. лев. колонна 18 строка снизу читать «горели революционные страсти», вместо «утихли»; стр. 18 лев. колонна 25 стр. сверху читать «со слов Верховского» вместо «Верховного».

На стр. 18 в левой колонне после слов «(октябрь 1927 г.)» пропущены слова: «реакционеры по рождению».

На стр. 17 между стр. 45 и 46 левой колонны пропущено: «Не желая никого обижать и отнюдь не обобщая, интересно отметить, что н-к штаба Верх. Главком. ген Янушевич в декабре 1914 г. писал Воен. Министру ген. Сухомлинову: «Казаков 7-го Дон. полка, от-

бивших конной атакой 500 пленных русских солдат, последние изругали: «Кто вас иродов просил отбивать нас: опять голодать и мерзнуть не желаем».

В этой атаке казаки понесли большие потери и первым был убит 17-ти летний доброволец Аксайской ст-цы Н. Уткин, мечтавший после «приобретения боевого опыта» поступить в Новоч. Каз. У-ще.

В своем письме ген. Янушевич писал, что «сдачи в плен» происходят «иногда по инициативе прапорщиков» и что этого «не замечается среди казаков».

ИЗ ОТЗЫВОВ О «ЕРМАКЕ».

1. «Дорогой Борис Африканович. Получил от Вас замечательнуц книгу Н. М. Мельникова. Надо ли говорить о том, что она была буквально проглочена по получении. Какая это редкая удача для нас, казаков! И прежде всего для Вас, как издателя, сделавшего все, чтобы оказать возможным появление такой книги. Книга получилась прекрасная, Вы можете по праву гордиться. Со всех точек зрения книга явится настоящим украшением молодого издательства «Род. Края». Изящная, с приятной обложкой, с чудесными, редчайшими сейчас, иллюстрациями, с хорошей бумагой, — ведь это же прелесть одна, а не книга! Примите мои самые искренние поздравления. Как хорошо получилось, что Н. М. Мельников согласился написать книгу! Только Н. М. мог так ярко, так убедительно и с такой подкупающей правдивостью нарисовать подлинный облик нашего знаменитого предка, вставшего перед нами во всем своем немеркнущем величию. Честь и слава Ник. М-чу за его нелегкий в наших условиях труд, в который он вложил весь свой большой талант и свою душу.

Нам, казакам — в особенности казакам книголюбам — есть чем теперь блеснуть: мы имеем, наконец, свою казачью настольную книгу, как ее назвал М. А. Миллер, прекрасную не только внешне, но и багатейшую внутренним содержанием.

Франция. **П. М. Аврамов**

2. Выдержки из отзыва В. О. в журнале «Часовой» за ноябрь 1961 г.: «Н. М. Мельников совершенно прав, указывая, что трудно найти человека, который сделал бы столько для Родины, как Ермак Тимофеевич, при чем «почти без пролития русской крови, даже без ведома властей, без издержек для госуд. казны, не будучи к этому обязанным ни службой, ни положением. Бессребренник, ничего для себя не искавший и ничего не праобревший».

Далее: «Особая заслуга Ермака в том, что своим завоеванием он на много столетий вперед предопределил основное направление внешней политики России, не имевшей и не имеющей с тех пор никакой надобности в политике колониальной, в поисках «жизненного простарнства...» миллионы жизней Российских граждан были спасены в течение истекших после Ермака столетий и много других миллионов будут обязаны Ермаку высшим благом человека — здоровьем и жизнью — в грядущие века».

«Книга дает яркие страницы Ермаковского Эпоса — былины, песни, легенды, стихи. В ней много ценных исторических гравюр и фотографий памятников Ермаку в разных местах России. В конце книги особый очедк о другом великом Казаке — Сем. Ив. Дежневе, которого многие иностранные землеведы признавали равным Христофору Колумбу и Фердинанду Магеллану.

Книга Н. М. М-ва чрезвычайно ценная и рисует многие факты, очень мало известные даже среди образованных людей. За нее надо принести благодарность автору и издательству «Родимый Край».»

ПРИВЕТ С. А. ЖАРОВУ И ЕГО ХОРУ.

Дорогой Сергей Алексеевич.

От имени Редакц. Коллегии «Родимого Края», а также Правления Казачьего Союза и организаций всех Казачьих Войск, входящих в состав Союза, сердечно поздравляем Вас с 40-летним юбилеем непрерывной блестящей деятельности и шлем пожелания с таким же блеском продолжать работу на культурном поприще ознакомления всего свободного мира с великой Русской и Казачьей песнью и закончить не раньше, чем Вы отпразднуете полувековой юбилей, никем еще не превзойденный.

Казаки всех Казачьих Войск никогда не забудут имени С. А. Жарова и его достойных соратников, прославивших на чужбине имя Казака.

Исполать Вам и Вашим сотрудникам.

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).

Métro: La Motte-Picquet

P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris-6e

Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Эльмут — «Мы уходили...»
Н. Туроверов — ***
С. Донсков — «Сорок четыре года тому назад...»
Н. М. Мельников — «Хрущев, Апокалипсис и ОТАН».
И. Сагацкий — «Тревога».
Сальмерин — «Геносид Калмыцкого народа».
Проф. М. Миллер — «По поводу одной статьи».
Юшкин-Котлубанский — «Безвестные».
Б Богаевский — «Об отношениях Донского Войска и Московского государства в 17 в.».
П. М. Аврамов — «На посту».
Донской казак — «Вожди коммунизма».
В Казачьем Союзе.
Письма в редакцию.
Загадочная смерть Мих. Бойкова.
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежом.
Благодарность.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакц. коллегии «Род. Края».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 38 Январь — Февраль 1962. 3 N. Fr.

PAYS NATAL Janvier - Fevrier 1962. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky*.

МЫ УХОДИЛИ...

Мы уходили...

За нами следом шло безумие. Оно вторгалось в оставленные города безшабашным разгулом, ненавистью, грабежами и убийствами. Там остались наши раненые, которых вытаскивали на улицу и убивали. Там брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой нибудь непредвиденный случай раскроет их имя...

Мы начинали поход в условиях необычайных: кучка людей, затерянных в широкой донской степи, посреди бушующего моря, затопившего родную землю, среди них два верховных главнокомандующих русской армии, главнокомандующий фронтом, начальники высоких штабов, корпусные командиры, старые полковники...

С винтовкой, с вещевым мешком через плечо, заключавшим скудные пожитки, шли они в длинной колонне, утопая в глубоком снегу... Уходили от темной ночи и духовного рабства в безвестные скитания... За «синей птицей»... Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидят «светочь» слабо мерцающий, услышат голос, зовущий к борьбе тех, кто еще не проснулся...

В этом был весь глубокий смысл Первого Кубанского Похода...

Не стоит подходить с холодной аргументацией политики и стратегии к этому явлению, в котором все — в области духа и творимого подвига. По привольным степям Дона и Кубани ходила Добровольческая Армия — малочисленная, оборванная, затравленная, окруженная — как символ гонимой России и русской государственности. На всем необъятном просторе страны осталось только одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг — это ставка ген. Корнилова.

Армия выступила 9 февр. 1918 г. и вернулась 30 апреля, пробыв в походе 80 дней. Прошла по основному маршруту 1050 верст. Из 80 дней 44 дня вела бои. Вышла в составе 4 тысяч, вернулась в составе 5 тысяч, пополненная кубанцами.

Начала поход с 600-700 снарядами, имея по 150-200 патронов на человека, вернулась почти с тем же: все снабжение для ведения войны добывалось ценой крови. В кубанских степях оставила могилы вождя и до 400 начальников и воинов, вывезла до полуторы тысячи раненых, много их оставалось еще в строю, много было ранено по несколько раз. В память похода установлен знак: меч в тернистом венце. Издалека из Румынии, на помощь Добровольческой Армии пришли новые бойцы, родственные ей по духу. Два с половиной года длилась еще их борьба вместе с казаками Дона, Кубани, Терека... И тех немногих, кто уцелел в ней, судьба разметала по свету... И все на чужбине, все без Родины...

Когда над бедной нашей страной почиет мир и всеисцеляющее время обратит кровавую быль в далекое прошлое, вспомнит русский народ тех, кто первым поднялся на защиту России от красной напасти.

Так пишет о 1-ом Кубанском Походе один их его участников, занимавший впоследствии высокий пост...

Отмечая наш День Казачьей Скорби и одновременно годовщину начала Степного и 1-го Кубанского походов, нужно отметить и подчеркнуть то, что белое движение зародилось на казачьих землях, куда устремились все те, чей патриотизм не позволил им примириться с большевиками. Полк. Зайцев («1918 г.» Париж 1934) пишет: «Громадная ценность казачества для вооруженной борьбы с большевизмом заключалась в том, что каз. земли являлись исходными территориями для оформления этой борьбы и давали готовые кадры живших на этой территории бойцов. И действительно вся история граж-

данской войны показывает ту громадную роль, которую сыграло в ней казачество».

Интересно напомнить и о количестве казаков, принявших участие в борьбе с красными в этот период. Известно, что Степной Отряд ген. П. Х. Попова (1800 чел.) почти целиком состоял из донцов, но не мало их было и в Добровольческой Армии. Вот ее состав после реорганизации в ст-це Ольгинской в февр. 1918 г. (по неизданным воспоминаниям ген. А. П. Богаевского «Первый Кубанский поход»):

1. 1-ый Офицерский полк (командир — ген. Марков) из трех офицерских батальонов, разного состава, Кавказского дивизиона и морской роты.

2. Корниловский Ударный полк (командир — полк. Нежинцев) — части бывшего Георгиевского полка и партиз. отряда полк. Симановского.

3. Партизанский полк (командир — ген. Богаевский) из трех пеших партиз. отрядов: полк. Краснянского — 110 чел. (состоявший из пешей сотни в ст. Ермолова — 89 чел., конного взв. полк. Писарева — 12 чел. и пулемет. команды полк. Айвазова — 9 чел.), ес. Р. Лазарева (3 пеш. сотни в общем около 250 чел.) и Чернецовского полк. Курочкина (около 180 чел.). По своему составу все 3 отряда состояли почти исключительно из донцов. Свыше 80% офицеров в разных чинах, остальные — юнкера, студенты, кадеты, гимназисты и весьма незначительное число простых казаков. Кадеты составляли особый кадетский взвод (около 30 бойцов) в Чернецовском отряде.

4. Юнкерский батальон (командир — ген. Боровский) из прежнего юнкерского батальона и Ростовского студенческого полка.

5. Артиллерийский дивизион (командир — полк. Икишев).

6. Чехо-словацкий Инженер. батальон (командир — полк. Неметчик).

7. Три конных отряда: полк. Глазенапа из донских партиз. отрядов, полк. Гершельман из регулярных кавалеристов и полк. Корнилова — из быв. чернецовских конных партизан.

Полк. Зайцев указывает, что треть Добр. Армии того периода составляли донцы. В дальнейшем же, в сентябре 1918 г., 75% — 80% ее состава составляли кубанцы.

Когда настанет время и когда русский народ сможет и будет вспоминать основоположников белой борьбы, первых белых воинов, когда можно будет им поставить по всей Руси памятники, то он отведет должное место и казакам всех 12 Казачьих Войск, принявших участие в этой борьбе с самого ее начала.

Париж. **Эльмут.**

***

Над весенней водой, над затонами,
Над простором казачьей земли,
Точно Войско Донское — колоннами
Пролетали вчера журавли.

Пролетая, печально курлыкали,
Был далек их подоблачный шлях.
Горемыками горе размыкали
Казаки в чужедальних краях.

Н. Туроверов.

СОРОК ЧЕТЫРЕ ГОДА ТОМУ НАЗАД...

2 марта 1917 г. (все даты по ст. стилю) во главе Российской Империи, сменив самодержавную власть дома Романовых, царствовавших в России 304 года, стало Временное Правительство сначала во главе с кн. Г. Е. Львовым, а потом вскоре с А. Керенским, совершенно не подготовленное к управлению государством.

25 окт. оно было свергнуто большевиками, поправшими элементарные начала государственного порядка, гражданской свободы, морали, чести и совести. С захватом ими

центральной власти бушующая революционная стихия повергла страну в полный хаос. Новая пролетарская власть «Народных комиссаров» захватила власть, выкинув ряд заманчивых для народных масс лозунгов: «мир хижинам — война дворцам», «вся власть рабочим и крестьянам», «грабь награбленное» и т. д. Это было началом страшной вакханалии сов. власти над русским народом.

В этот период из 180 милл. российского народа только казачество показало пример разумного понимания гражданской свободы, мудрого отношения к началам государственности, с полным уважением к праву и законности. Эти всем прошлым созданные качества дали ему возможность в период революционной разрухи создать на своей территории свою государственность на основах народоправства, вверив верховную и законодательную власть народному представительству в лице Войскового Круга и поставив во главе Войска выборного Атамана.

Уже в марте 1917 г. в Петрограде собрались представители всех 12 Каз. Войск на Обще-Казачий съезд и выбрали Совет Союза Каз. Войск. А 16 апр. в Новочеркасске состоялся первый Донской Казачий Съезд, на котором единогласно было решено восстановить древние вольности, отобранные в 1709 году царем Петром I: Войсковой Круг и выборного Войскового Атамана. На Съезде были выявлены присущие казачеству черты организованности, дисциплины, способствовавшие выборам временного Атамана Е. А. Волошинова и выработке инструкций по выборам в В. Круг. Во второй половине мая в Новочеркасске уже собрались хозяева Донской земли, избранные от каз. населения в первый Дон. Войсковой Круг. 26 мая открылась первая сессия Большого В. Круга, означавшая возрождение исторического народоправства и самобытности донского казачества.

После 200-х летнего перерыва Кругом было восстановлено древнее право избирать вольными голосами Войскового Атамана. И 18 июня 1917 г. в столице Донского Войска был избран В. Атаманом природный донской казак ген. от кав. А. М. Каледин. (Дон. Лет. том I). Из бледного и померкшего символа былого каз. народоправства — Войскового Круга, снова возродилась его былая слава и мощь.

После свержения Вр. П-ва большевиками и захвата ими центральной российской власти, Атаман Каледин с Дон. правительством принимают всю полноту государственной власти в пределах территории Дон. Войска и Дон становится независимым государственным образованием.

С провозглашением независимости Дона, Донское Войско вынуждено вступить в неравную борьбу с большевизмом, борьбу не на жизнь, а на смерть, в защиту исконных прав устраивать свою жизнь на своей земле своими руками. В атмосфере большевистской пропаганды, злобы, ненависти и клеветы на Атамана Каледина и казачество, началась творческая и кипучая деятельность В. Круга и Дон. правительства по постройке нового государственного фундамента. В течении одной недели был образован Экономический Комитет, стал приводиться в исполнение план о создании Юго-Восточного Союза (Дон, Кубань, Терек, Астрахань, Ставрополь, Черноморье и горцы Кавказа), вырабатываться основы денежной системы и т. д. (Дон. Лет., т. I).

Отделение Дона, как суверенного государственного образования, ОТ РОССИЙСКОГО БОЛЬШЕВИЗМА ознаменовало начало борьбы с севером и центром России. На казачий Юго-Восток обрушились большевистские вооруженные силы. В начале ноября 1917 г. в Азовском море появляются суда большевистского Черноморсского флота и высаживают десант в Таганроге, а через некоторое время отряд матросов занимает Ростов.

Дон оказался беззащитным. Казачьи части, находившиеся в это время на германском, австрийском и др. фронтах, были распропагандированы большевиками и с трудом пробирались среди революционной массы солдат в свои станицы. Уставшее от войны фронтовое казачество, не искушенное в политике и не разгадавшее замыслов большевиков, предпочло в этой борьбе, за исключением отдельных частей, ограничиться нейтралитетом, который вскоре обошелся ему неисчислимыми жертвами и потоком каз. крови.

Атаман Каледин остался с горстью учащейся молодежи, с кадетами, юнкерами Новочерк. Воен. Училища, гимназистами и с незначительным количеством офицеров и казаков. Каледин говорил: «дайте мне две хороших дивизии, я покончу одним ударом с большевиками». Но этих дивизий на Дону не было. 60 донских полков к моменту революции находились на общерусском театре военных действий и считать их тогда хорошими в Калединском смысле многих уже было невозможно.

Защитником Дона был отряд партизан из учащейся молодежи энергичного и бесстрашного донского богатыря — есаула Чернецова, выступившего на защиту чести и достоинства донского казачества.

30 ноября ес. В. М. Чернецов со своим отрядом орлят выступил навстречу большевистским отрядам, передвигавшимся по ж.д. магистрали Воронеж - Ростов. Чернецовские партизаны с молниеносной быстротой перебрасываются в разных направлениях с одного боевого участка на другой, захватывая противника врасплох. 25 декабря предпринимается набег на ст. Дебальцево, 18 янв. — на ст. Глубокая, 19 янв. — на станицу Каменскую, где Чернецов был отрезан революционно настроенными каз. частями предателя в. ст. Голубова. 22 янв. 1918 г. Чернецов трагически гибнет близ х. Гусева (Каменской ст.) от руки другого предателя казака вахмистра Подтелкова.

С его гибелью дорога большевистским силам к Новочеркасску была открыта. Атаман Каледин, видя безнадежность положения, 29 янв. 1918 г. кончил жизнь выстрелом в сердце. Гордый Атаман не захотел уходить со своего поста из столицы Дона. При его избрании он заявил Кругу: «так, значит, борьба не на жизнь, а на смерть», «прошу верить, долг свой исполню до конца». После его смерти власть вручается Походному Атаману ген. А. М. Назарову. Несмотря на очевидную безнадежность борьбы, 4 февр. 1918 г. собирается Малый Войсковой Круг и избирает в этот грозный час Атаманом ген. Назарова для дальнейшей защиты Дона. Но это была уже предсмертная агония.

Малый Круг заседал с 4 по 12 февр. в окружении большевистскими войсками. В эти тревожные дни В. Круг обратился к Атаману и казакам исполнить свой долг до конца. На это Атаман Назаров тихо ответил: «Долг свой выполню до конца, — исполните вы свой» (Дон. Лет. т. I).

Роковая дата — 12 февр.: во время заседания Круга ворвался отряд казаков предателя Голубова, арестовал Атамана, председателя Круга Волошинова и др., а Круг разогнал. А 18 февр. Атаман Назаров, Е. А. Волошинов и др. были расстреляны красногвардейцами - неказаками.

А. М. Назаров проявил необычайную силу духа, бесстрашие. Перед расстрелом снял с шеи икону-благословение, помолился, поцеловал ее, и, скрестивши руки, отдал команду вооруженной банде красных: «Стрелять как казаки... Пли...» (Дон. Лет. т. I). Так гордо умирали кристально чистые, бесстрашные донские богатыри духа за свободу, волю и долю казачью.

Своей смертью они подняли казаков на борьбу с большевизмом. Трагичесекий выстрел Каледина и гибель его сподвижников зловещим эхом раздались по всему Дону, предвещавшим всему казачеству страшную опасность его бытья. «Фронтовое» казачество увидало на опыте все ужасы советской власти, разгадало ее обман и коварство и ее цели — физическое истребление казаков и заселение их исконных земель пришлым элементом из центральной России. С утверждением ее на Дону начался массовый террор и беспощадное истребление казачьего населения. От него в начале 1918 г. погибли: помощник Атамана Каледина М. П. Богаевский, первый выборный Атаман, предшественник Каледина — Е. Волошинов, избранный после Каледина — Атаман Назаров, ряд членов В. Круга, около 300 офицеров, из которых 200 были расстреляны в Новочеркасске, также как и около 400 граждан, находившихся там же. Было и много жертв, не поддающихся учету и вне Новочеркасска в пределах Дон. Войска. (Дон. Лет. т. I). Казачество сказалось в смертельной опасности, сдавшись почти без сопротивления на милость своему врагу — большевизму. В эпоху Каледина только героический партизанский отряд Чернецова в 150 юношей-бойцов заслужил бессмертную славу в защите Дона. Казалось, что гордый Дон умолк навсегда, потерял былую веру в себя и покорился судьбе, придавленный холодной могильной плитой.

Но это только казалось... Трагическая гибель верных сынов Дона в неравной борьбе была сигналом к его пробуждению и поголовному восстанию против советской власти. С началом весны 1918 г. весь Дон забурлил «снизу доверху, сверху донизу». 21 марта восстает Суворовская станица, за ней Н. Чирская, волна восстаний захватывает 1-ый Дон. Округ, в Задоньи восстают Егорлыцкая, Мечетинская, Кагальницкая, в В. Донском округе — Мигулинская, Казанская, Вешенская, Каргинская и Боковская. На севере — Урюпинская. 1-го апр. казаки Кривянской, Заплавской, Бессергеневской и Раздорской под руководством в. ст. Фетисова производят налет на столицу Дона. 12-13 апр. Степной Отряд Походного Атамана ген. П. Х. Попова, придя на Дон, вступает в связь с восставшими казаками и берет в свои руки всю гражданскую и военную власть. А 23 апр. в

день Праздника Св. Пасхи восставшие внезапным налетом занимают Новочеркасск (Д. Л. т. I).

Стихийное восстание донцов принимает планомерный и организованный характер. Созывается «Круг Спасения Дона» (с 28 апр. по 5 мая), приступивший к созидательной работе по восстановлению нормальной жизни и подготовке выборов Донского Атамана. 3-го мая им выбирается на этот пост ген. П. Н. Краснов, которому вручается полная власть до собрания Большого Войскового Круга и поручается защита Дона. В результате месячной борьбы донцы очистили от красных большую часть Донской территории. Из казаков младшего возраста создается молодая Донская Армия. В начале мая в Дон. Армии числилось 17 тыс. бойцов при 21 орудиях против 70 тыс. при 200 орудиях у красных. В середине июня у донцов было уже 40 тыс. при 56 орудиях и 179 пулеметах, в середине июля — 50 тыс. бойцов при 92 орудиях и 272 пулеметах против 63 тыс. 198 орудиях и 372 пулеметов красных (Дон. Л. т. I).

К этому времени собравшийся В. Круг открыл свою сессию, продолжавшуюся с 15 авг. по 20 сент. Молодая Донская Армия, представившаяся Кругу, вызвала его полное одобрение своей военной подготовкой, трудно отличимой от былых славных полков.

Героическая защита Дона, продолжавшаяся в течении трех лет (1917-20), вызвала величайшее напряжение сил. Все мужское население, способное носить оружие, было на фронте. И только старики, казачки и дети оставались в станицах, выполняя непосильный труд в хозяйстве. А многомиллионный русский народ дал ничтожное количество бойцов в Добровольческую Армию, насчитывавшую в ту эпоху 8-10 тыс. бойцов. Это все, что могла предоставить необъятная Россия для борьбы с большевиками на Юго-Востоке, который заслуженно может быть назван в этой борьбе Казачьим Юго-Востоком. В то время, когда все Каз. Войска напрягали все усилия в борьбе с большевиками, значительное количество офицеров Ген. Штаба во главе с ген. Брусиловым создавало Красную Армию для борьбы с казаками и горстью добровольцев. И только благодаря им была создана армия красных, в штабах которой руководили кадровые офицеры бывшей Императорской Армии.

Первый период борьбы с большевизмом, возглавляемый Атаманом Калединым, являлся по существу организационным периодом и характеризовался пассивным сопротивлением казачества, главным образом фронтового, отравленного большевистской пропагандой, выбросившей ложный лозунг «Все — трудовому казачеству», но закончился крушением всей той организационной и созидательной работы, которая была проделана с невероятными усилиями Атаманом Калединым и его Войск. Кругами. Кратковременное пребывание Дона под сов. властью показало, что казачеству угрожает полное порабощение и физическое истребление, ибо на арене революционных российских событий столкнулись две различные идеологии, несовместимые по своему миропониманию и традициям. Аморальный безбожный большевизм для каз. мировоззрения был и остался неприемлем. Совместного компромиссного существования между казаками и большевизмом быть не могло и не может быть. И казачество поставило вопрос: или оно, или сов. власть. Такое решение, определив его дальнейшую судьбу, послужило сигналом к поголовному восстанию донцев против советов, перешедшему в борьбу, продолжавшуюся в течении трех лет.

Период Атамана Краснова был продолжением вооруженной борьбы, начатой Атаманом Калединым. При его выборах Дон находился в тяжелом и сложном положении — для его очищения от оккупации сов. войсками предстояла большая работа и колоссальнейшая борьба. Избирая временно Атаманом ген. Краснова, Круг Спасения Дона наделил его полнотой власти до созыва Большого Войскового Круга. Атаман Краснов предложил Кругу принять Основные Законы В.В. Д., которые явились жизненной необходимостью в борьбе с сов. властью и основным фундаментом для создания государственного образования. В этот период борьбы Дона с советами, сумевшими к этому времени создать многочисленную красную армию на западной границе Войска Донского, возникло новое государственное образование — Украйна, которая посягала на земли, принадлежавшие дон. казакам: Таганрогский округ и г. Ростов. Для урегулирования отношений с Украйной и для разрешения вопроса о территориальных притязаниях в Киев была послана «зимовая станица» (посольство). В результате переговоров Украйна признала самостоятельность Дон. Войска и спорные районы были признаны принадлежащими донцам (Дон. Лет. т. 3).

Между Доном и Украйной установились тесные и дружественные отношения: Украй-

на широко оказывала помощь союзному Дону, нуждавшемуся в военных припасах и в охране своих запад. границ. При Атамане Краснове делалась попытка провести в жизнь идею образования, на федеративных началах, Доно-Кавказского Союза, независимого государственного образования Юго-Востока, идея которого намечалась В. Кругом при Каледине.

На 1-ой сессии Большого Войск. Круга была выработана окончательно Донская Конституция — Основные Законы В.В.Д., которые были утверждены Кругом 15 сент. 1918 года и Войско Донское было провозглашено самостоятельным государством — республикой, основанной на началах народоправства (Д. Л. т. 3-ий). Многовековая казачья самобытность, древние исторические права и порядки «Казачьего Присуда», были таким образом оформлены верховным законодателем — В. Кругом в Основных Законах. В. Круг — Верховный Хозяин Донской Земли — это символ свободы казачества, воплотивший в себя исторические основы, издревле присущие казачеству.

В царствование Петра I-го, уничтожившего права В. Круга избирать Атамана и управлять землей Войска Донского, он потерял свою силу и власть и превратился в бледный символ великого прошлого, играя лишь декоративную роль. С его возрождением в революционный период и разрухи Российской Империи, казачество проявило высокое национальное самосознание и выдающуюся способность государственного творчества, что подтверждается его трехлетней борьбой с сов. властью, попытками создания при Атамане Каледине Юго-Восточного Союза и Доно-Кавказского Союза при Атамане Краснове. В последний период борьбы с большевиками (в 1920 г.) казачество создало Верховный Круг Дона, Кубани и Терека: одно политическое целое, с единым правительством. Сложившаяся военная обстановка 1920 г. не позволила довести до конца начатую работу по объединению казачества. Казаки вынуждены были эвакуироваться заграницу вместе с Войск. Атаманами и правительствами, унося с собою идею объединения всех Каз. Войск.

В эмиграции, в Константинополе, 1-го янв. 1921 г. создается Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека и организуется Об. Советом «Комитет Экономического Возрождения Юго-Востока России». В состав Комитета вошли представители от Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Ставрополя и Черноморья для изучения главным образом эконом. базы Юго-Востока с его различными отраслями народного хозяйства и промышленности. Результаты его работ не входят в тему этой статьи.

Идея объединения казачества не умерла, она продолжает жить у большого количества казаков, ибо это является жизненной необходимостью. В период борьбы с большевиками казачество стихийно стремилось к объединению. Пусть эти попытки в прошлом были неудачными, но эта идея осталась жива и при благоприятных условиях она воплотится в жизнь.

При возрождении и будущем строительстве казачества нам не нужно искать новых идей и программ, ибо у нас имеется много ценного исторического материала из нашего героического прошлого. Из него должны быть извлечены жизненные основы и применены к будущей казачьей постройке из крепкого каз. материала, проверенного веками нашими мудрыми предками.

За время пребывания в эмиграции выявились различные взгляды о будущем казачества и, как следствие, появилось много политических течений и группировок, приведших казачество к взаимной вражде, подчас доходящей до полного абсурда. Такое дробление ни в какой мере не может способствовать успеху в достижении цели, поставленной той или иной группировкой. Раскол порождает мифический «вождизм», многоатаманство исключительно группового или партийного характера, которые могут привести казачество к печальным и трагическим последствиям. Эти печальные факты, выявившиеся в настоящее время в полной мере, и делают невозможным объединение казачества. Казалось бы, в основе каз. психологии лежит историческое тяготение к объединению и взаимной братской поддержке в борьбе с противником, угрожающим порабощением и уничтожением казачеству. И оно в прошлом объединялось, действовало совместно и достигало победы. В переживаемую нами тяжелую эпоху наблюдается явление совершенно противоположное: между казаками идет борьба, причем стараются уничтожить своего противника, не гнушаясь никакими средствами, любой ценой. Читателю не трудно понять, куда и к чему ведут казаков такие вожди и групповые атаманы. Казачество не может и не должно надевать на себя партийную упряжь и ходить в пристяжке в этой упряжи. Упряжь и цель может быть только одна: объединение казачьих сил, независи-

мо от различных политических течений. Совершенно очевидно, что спасение и возрождение казачества может быть только в его объединении в одну внушительную единицу, только тогда оно может занять подобающее место.

Аргентина. **С. Донсков.**

ХРУЩЕВ, АПОКАЛИПСИС И ОТАН.

Тень атомного апокалипсиса раскинулась над человечеством. Взволнованное внимание всего мира обращено сейчас на Западный Берлин, который может оказаться в роли Данцига и его корридора во время Великой войны.

При окончании последней войны в 1945 г. была совершена величайшая — выражаясь мягко — оплошность: опасаясь возрождения сильной Германии, причинившей при Гитлере миру много бед, союзники разделили ее на две части, подвергнув той же участи и столицу — Берлин. Восточная часть бывшей столицы была предоставлена большевикам, как союзникам в борьбе с Гитлером, а западная, разбитая на три зоны, занята гарнизонами Америки, Англии и Франции.

Детски доверчивые и наивные, мерившие на свой аршин, не понимавшие сущности коммунизма и считавшие «дядю Джое», Сталина, честным человеком и джентльменом, вершители судеб свободного мира допустили нечто невероятное: отдавши Восточную Германию в руки Сталина, они включили в ее пределы и ту часть, которая — к западу от Берлина, окружая бывшую столицу, — непосредственно примыкает к федеративной Западной Германии, оккупированной союзниками, сами себя отрезав от своих гарнизонов в Берлине, для сообщения с которыми выговорив лишь корридоры по территории Восточной Германии... Выражаясь обывательски, «сами себе нос откусили»...

Когда отношения с быв. союзником-большевиками испортились, последние стали ставить препятствия в пользовании корридорами, и американцы в 1948 г. во время блокады Сталиным Берлина вынуждены были создать «воздушный мост», снабжая авионами всем необходимым не только свои гарнизоны, но и два с половиной миллиона населения Западного Берлина. Недюжинный организатор, командовавший амер. войсками в Западной Германии, ген. Клей спас тогда положение. Теперь создалось положение еще более опасное, грозящее уже «развязать» кошмарную атомную войну со всеми ее апокалипсическими ужасами не только для всего населения и всего вообще живущего на земле и в воле, но, в конечном итоге, и для самой нашей планеты.

В то время, как в оккупированной союзниками, уже давно теперь освобожденной ими от опеки, Зап. Германии создалась ни от кого не зависимая власть, во главе которой все эти годы стоит неизменно переизбираемый канцлер Аденауэр, противник гитлеризма, государственный человек исключительный, несмотря на свой очень преклонный возраст, энергии, твердости и мудрости, в Вост. Германии Москва поставила у власти, без всяких выборов, своих коммунистов — так называемое, по месту его пребывания, Панковское правительство.

В 1949 г. появился в свет, как рефлекс самозащиты свободного мира против захватнической политики СССР, ОТАН, называемый также НАТО, и в его состав, вместе с другими странами — С.Ш.А., Канада, Англия, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Швеция, Норвегия, Дания, Греция, Турция, Ирландия, вошла 15-ая держава — Западная Германия с которой ОТАН снял запрещение создавать свою армию, а затем пошел навстречу и ее желанию снабдить эту армию и современным оружием, в том числе и атомными «оживами»: внешней частью снаряда, снабженной атомным зарядом.

Хрущев, больше всего боящийся немцев и объединения Западной, с ее населением свыше 55 миллионов, и Восточной, с населением около 16 миллионов, Германии, пускает в ход все средства, чтобы согласием союзников окончательно закрепить раздел Германии и восточную границу Германии по рекам Одер и Нэссэ, у которой была ампутирована в пользу коммунистической Польши Восточная Пруссия и Силезия и в пользу СССР город-крепость Кенигсберг, переименованный в Калинин, с его районом. После окончания 2-ой мировой войны мир с Германией до сих

пор не подписан: запад. державы, во главе с С.Ш.А., настаивают предварительно на производстве плебисцита в обеих частях Герма- . — как требуют они того же и для Польши, Венгрии, Румынии, Чехо-Словакии и Болгарии — на что, конечно, Хрущев не соглашается, зная настроение населения сателлитов, прорывающееся восстаниями и беспорядками в Венгрии, Вост. Германии и Польше, а также непрерывным бегством немцев в Запад. Берлин, несмотря на «китайскую стену», отделившую порабощенную часть Берлина от свободной.

Теперь Хрущев прибегнул к шантажу, заявив, что если зап. державы не заключат мира с Германией, он подпишет сепаратный договор с правительством Панкова. Воспрепятствовать этому свободный мир не имеет возможности, но не может и согласиться с этим по существу, т. к., признав суверенитет Вост. Германии, СССР формально откажется от своих прав оккупанта, — и зона, охватывающая Берлин с западной стороны, а следовательно и корридоры, сухопутные и воздушные, соединяющие Зап. Германию с Зап. Берлином, окажутся в ведении Панковского прав-ва, не признаваемого союзниками, как созданного искусственно СССР. Поставленные перед совершившимся фактом, зап. державы вынуждены будут считаться с этим пр-вом или же совершенно его игнорировать, а в таком случае будут неизбежны столкновения. Права зап. держав, касающиеся Запад. Берлина и сообщений с ним, основываются на договоре, заключенном ими с СССР, не обязательном для нового суверенного государства. Свобода Запад. Берлина, со всех сторон окруженного большевиками, рано или поздно будет задушена, а между тем американцы неоднократно заявляли берлинцам, что они их ни при каких условиях не покинут, и это торжественно было подтверждено новым Президентом Кеннеди, приславшим к тому же недавно в Берлин для поднятия духа берлинцев своего Вице-Президента Джонсона и специального личного посла в лице популярного среди берлинцев их защитника в эпоху Сталинской блокады ген. Клея. Данного ими слова американцы нарушить не могут. Во время переговоров Кеннеди с Хрущевым и мин. иностр. дел Громыкой было твердо в категорической форме заявлено, что если СССР заключит сепаратный мир с Вост. Германией, союзники от своих прав в Берлине не откажутся, и если Панковское правительство вздумает ставить препятствие к свободному сообщению с Зап. Берлином, союзники употребят силу. Хрущев ответил, что СССР тогда сделает то же, защищая суверенные права своего «союзника»... Конфликт местного характера перейдет в общий, война тоталитарная общая станет неизбежной, а вместе с нею и всемирная катастрофа.

«И это из-за Берлина?!» говорят некоторые... Дело, конечно, не в одном Берлине. Мысль эту, общую для всех союзников, недавно высказал и англ. дипломат лорд Хит, заявивший: «дело совсем не в Берлине, но в том, что мы должны защищать свободу везде, где она подвергается угрозе. Берлин есть та точка на земном шаре, где свобода находится в наибольшей опасности». Запад не хочет вступать на скользкий путь и потом покатиться по наклонной плоскости, помня о «Мюнхене», когда спассовавшие перед ультиматумом Гитлера и отдавшие ему, предав ее, Чехо-Словакию, Чемберлен и Даладье только разожгли аппетиты диктатора.

И та, и другая сторона войны не хотят. И не только на словах, но, нужно думать, и на деле, понимая, что война атомная будет взаимным самоубийством. Войны не хотят, но вынуждены лихорадочно к ней готовиться, в то же время пытаясь найти компромиссный выход из создавшегося положения. «Сизифов» бесполезный труд, ибо он неизменно наталкивается на упорное советское «нет»: Хрущев предпочитает избежать войны, но при условии, если союзники примут все его требования, до сих пор явно неприемлемые... Шантаж — игра на нервах, на страхе перед атомной войной.

Единственное спасение от мировой катастрофы, яркий образец которой трагическими красками нарисовал пророчески в Апокалипсисе Иоанна Богослова, единственная надежда избежать ее заключается в том, что каждая из сторон знает, не может при современной постановке шпионажа не знать, что, стерев с лица земли противника, она не уцелеет и сама... Господствовать потом над пустыней, царить на кладбище?!

Громадное преимущество у того, кто бросит свои бомбы — атомные и гидроженовые — первый. Преимущество инициативы несомненно, но все же оно не окончательное, не решающее. Со стороны С.Ш.А. такой инициативы не может быть: об этом категорически заявил и подтвердил Кеннеди, этого не допустит и демократический строй и христианская мораль и здравый смысл. С.Ш.А не сделали этого даже тогда, когда они были монополистами в области атомных бомб, они,

к сожалению, и тогда не предъявили Сталину ультиматума с требованием очистить захваченные им страны. Для наглого же хама, догнавшего теперь в военном отношении Америку, соображений высшего порядка, конечно, не существует.

Единственное, что до сих пор спасало свободный мир от агрессии, это — существование ОТАНА, Северо-Атлантического Союза 16-ти держав, осознавших смертельную опасность и объединившихся под эгидой Соед. Шт. Америки. На территории члена ОТАН-а федеративной Германской республике стоят в полной боевой готовности союзные силы — дивизии американские, английские, французские, немецкие и др. Как только Берлинский кризис вступил в острую форму, Америка немедленно увеличила здесь свои силы, вооружив их самым совершенным оружием, ген. Дэ-Голль перевел из Алжира несколько лучших частей, увеличила свои контингенты и Англия, но главное не в этом, т. к. в пределах Восточ. Германии и Польши расположены силы, во много раз превосходящие численностью дивизии ОТАН-а. Роль последних — оказать лишь первое сопротивление, задержать противника настолько, сколько необходимо для приведения в движение репрессивных могучих средств: стратегической репрессивной силы с ее бомбовозами, снабженными атомными бомбами, и «рамами», выбрасывающими фюзэ дальних междуконтинентальных расстояний.

Усовершенствованная система радаров, своевременно отмечающих на экране появление вражеских авионов, непрерывное постоянное нахождение в воздухе вдоль границ СССР бомбовозов, каждую минуту готовых по приказу вступить в действие. Все предусмотрено так, что между первым сигналом тревоги и первым взрывом **уже на вражеской территории** должно пройти не более 10-15 минут...

В прежнее время у штабов в распоряжении было много времени для размышлений, теперь решения должны приниматься немедленно, ибо «промедление смерти подобно» в самом буквальном смысле слова. Роль армии ОТАН-а в Германии — роль прежнего дежурного на каланче и всегда готовых к немедленному выезду — теперь вылету — «пожарных». Приняв решение не начинать первому атомной войны — в обоснованной надежде вообще ее избежать и не подвергать весь мир ужасам неописуемой катастрофы — СТАН все главные усилия сосредоточил на том, чтобы не допустить агрессии со стороны СССР. Для этой цели создана особая сила — force de dissuasion, что в переводе значит как бы отговаривание противника, разубеждение его — имеющая целью как бы убедить врага наглядно в чрезвычайной опасности и для него самого начинать агрессию, так как «игра не стоит свеч». В войне атомной полной победы быть не может. Как бы ни была велика разрушительная сила аппаратов Хрущева, которые в состоянии с молниеносной быстротой разрушить до основания и уничтожить полностью все население Нью-Йорка и других крупных городов и промышленных центров в Америке, они не могут одним ударом уничтожить все многочисленные базы, разбросанные повсюду по периферии СССР, не все доступные для шпионажа и для взятия «на прицел», где немедленно по первому сигналу придут в действие рамы, выбрасывающие снаряды страшной разрушительной силы, с поразительной точностью — как показали опыты — попадающие в заранее намеченную цель на расстоянии многих тысяч километров. Из не менее многочисленных баз вылетают тучи авионов, несущих атомные и гидроженовые бомбы. Не допустить их до цели, перехватить в пути **всех** при нынешней технике еще немыслимо, и часть достигнет цели. Новейшие атомные подводные лодки, приспособленные оставаться под водой, ни разу не поднявшись на поверхность, в течении многих недель, свободно передвигающиеся под полярными льдами, причем продвижение их не поддается уловлению радарами, могут в любом месте незаметно приблизиться к территории врага и, не поднимаясь на поверхность, из большой морской глубины выпустить атомный снаряд «Полярис» по точному направлению заранее намеченной цели, отстоящей даже на тысячи километров.

Таким образом, и агрессор, перехвативший инициативу, неизбежно станет жертвой разрушительной работы «Стратегической авиации», которая превратит его страну в колоссальное кладбище. Множество жизненных центров будет разрушено, много миллионов человеческих жизней будет погублено. Подвергнется риску и дальнейшее существование коммунизма. Пойдут ли на такой риск Кремлевские владыки?

Запад крепко надеется, что эта неизбежная перспектива охладит искушение использовать выгоды инициативы нападения. Надежды эти в известной мере уже оправдались в недавнем прошлом: захватом больше-

виками Чехо-Словакии в 1948 году закончилось их продвижение на запад. Организовав в 1949 году ОТАН и создав Стратегическую авиацию, американцы заявили: «дальше ни шагу» — и только этой Силе свободный мир обязан тем, что он продолжает дышать свободным воздухом.

Мировая катастрофа в этих условиях возможна лишь при ошибке в расчете — erreur de calcul: сумасбродный владыка Кремля может переоценить свои силы и недооценить силы ОТАН-а и тем «развязать» войну...

Прежняя тактика скрывания своих сил уступила теперь место — наоборот — афишированию этих сил: Хрущев грозит бомбой уже в 100 мегатонн, Америка открыто печатает о своих достижениях — в надежде предотвратить мировую катастрофу из-за erreur de calcul Хрущева.

О сравнительной силе ОТАН-а и созданного большевиками в противовес ОТАН-у Варшавского пакта СССР и его сателлитов, а также о подробностях пророчества Иоанна Богослова побеседуем в другой раз.

Н. М. Мельников.

ТРЕВОГА.

Нам давно уже все надоело,
Европейский наскучил нам рай.
Нам хотелось бы взяться за дело
Там, где скрылся потерянный рай,

Но подрезаны, словно у птицы,
Наши крылья и с мыслью одной
Мы следим, как зловеще зарницы
Горизонт освещают родной...

Как позорно мы раньше не вняли
Заклинаньям несчастной страны,
На чужие углы разменяли
Весь простор дорогой стороны!

Не любили мы нашей Отчизны,
— Эту горечь с души нам не снять —
Жжет теперь нас огонь укоризны,
На себя только можем пенять.

Заколотится-ль сердце до боли,
То-ль замрет в ожидании вдруг
И стремимся в приливе мы воли
Вновь проникнуть в магический круг,

А звенящая мысль быстролетна,
Неподвижны сухие глаза
И тревога в душе безотчетна,
И страшней и желанней гроза...

Париж. **И. Сагацкий.**

ГЕНОСИД КАЛМЫЦКОГО НАРОДА.

Установление советской власти в Калмыкии сопровождалось всеобщим народным сопротивлением. Факта, что калмыки оказали упорное сопротивление антинародной коммунистической власти, не отрицали сами советы. Гражданская война с массовым коммунистическим террором, безчисленные жертвы большевистского разгула над ни в чем неповинным населением известны каждому ребенку. На его глазах разнузданные карательные отряды красных глумились над его беззащитной матерью, отец которого погиб в неравном бою против нашествия красной чумы.

Физическое уничтожение (геносид) Калмыцкого народа, совершенное коммунистической властью, — яркое свидетельство, как коммунизм «признает» и «защищает» интересы малых народов (и не только малых).

Когда летом в 1919 г. большевики несли огромные потери от Добр. Армии и Казачьих армий Дона, Астрахани, Терека и Кубани,

калмыцкая степь превратилась в огромный театр военных действий против коммунистических узурпаторов, Ленин обратился с воззванием к Калмыцкому народу. «Братья калмыки!, писал он: — все прошлое вашего народа — это беспрерывная цепь страданий. Народ ваш, благодаря своей хозяйственной и политической отсталости, всегда был предметом эксплуатации со стороны более сильных соседей. Самодержавное царское правительство, распространившее кровавым путем свою власть на многие инородческие племена, наложило цепи рабства и на свободолюбивый калмыцкий народ... В обстановке гражданской войны... ваш народ подвергался различного рода насилиям со стороны отдельных агентов Советской власти. Стоящий во главе рабоче-крестьянского правительства Совет Народных Комиссаров заявляет вам, братья калмыки, что он будет бороться со всеми злоупотреблениями этих лиц и будет строго наказывать... Для того, чтобы привлечь к делу строительства калмыцкой жизни как можно больше деятелей из среды самих калмыков, Совет Нар. Комиссаров решил объявить амнистию многим из тех калмыцких деятелей, которые до сих пор находятся в стане белогвардейцев.

Совет Нар. Комиссаров приложит все усилия к тому, чтобы помочь трудовому калмыцкому народу восстановить разрушенное войной хозяйство и чтобы предоставить в его пользование, по выяснении действительных потребностей и местных условий на калмыцком съезде, достаточное количество земли для ведения восстановленного и других видов хозяйства калмыцкого народа (подчеркнуто мною. С. Д.)

Братья калмыки! Судьба вашего народа в ваших руках! Все в ряды Красной армии! Председатель Совета Нар. Комиссаров В. Ульянов (Ленин). 22 июля 1919 года, г. Москва. —

Через два дня после данного обращения — 24 июля 1919 г. Совет Нар. Комиссаров издал декрет «О новом земельном устройстве калмыков». 4 нояб. 1920 г. выносится постановление Всероссийсского Центр. Исполн. Комитета за подписью Калинина и Ленина об образовании автономной области Калмыцкого народа и, наконец, 25 нояб. 1920 г., постановление Всероссийского Центр. Исполнит. Комитета и Совета Народ. Комиссаров об «Автономной Области Калмыцкого народа».

На заседании Центр. Комитета коммунистической партии, 14 окт. 1920 г., на котором председательствовал сам Ленин и где присутствовали: секретарь ЦК ВКП Н. Крестинский, Сталин, Н. Бухарин, К. Радек и представители от народов Востока и Азии: Монголии, Тибета, Персии и Индии, калмыцкий представитель Антон Амурсанан заявил:

«Не знаю, какое будет иметь значение для развития социальной революции на Востоке объявление автономии калмыков, но знаю хорошо, что без такого решения вопроса в создавшихся условиях немыслимо облегчить их положение. Я знаю хорошо, что калмыки, независимо от перспектив революционных событий, как на востоке, так и на западе, хотят жить, а между тем, люди, ничего общего не имеющие с революцией, но прикрывающиеся ее именем, насилуют женщин, убивают и грабят темных калмыков, оскорбляют их религиозное чувство...»

Вот краткие сведения из истории калмыков (ойратов) в России.

В 1630 году ойраты (так назывались калмыки в Азии) племени **торгутов** во главе с своим вождем ХО УРЛЮК заняли пространство между Волгой и Уралом, ниже Самары, подчинив все тюркские племена на этом пространстве. Торгутов было 55.000 кибиток. Они сохраняли свою национальную независимость. В 1640 г. на далеких отрогах Тарбагатая состоялся Сейм представителей всех монгольских и ойратских племен в лице их ханов, князей (нойонов) и наивысших представителей их буддийского духовенства. Задачей этого Сейма было выработать обще-монгольский и ойратский Уголовный Кодекс и урегулировать взаимоотношения между монголами и ойратами. Этот Кодекс под именем Ики Цаджин Бичик — Большой Уголовный Кодекс — и лег в основание дальнейших взаимоотношений всех указанных племен. Можно сказать, это был второй великой важности для **всех монгольских** племен (в том числе и ойратско-калмыцких) плод законодательного (юридического) творчества всех монголов (восточных и западных, т. е. ойратов) после Великого Ясы Чингис хана. На этом Сейме участие принимал и Хо Урлюк с двумя сыновьями, одним из которых был его старший сын Шюкир Дайчинг (будущий глава торгутов). Хо Урлюк привез на Волгу Ики Цаджин Бичик и он стал нормой управления волжскими калмыками вплоть до правления хана Дондок Даши, т. е. сто с лишком лет.

Чтобы не углубляться в даль веков, остановлюсь лишь на обзоре истории волжских

калмыков. Ее можно разделить на такие периоды:

1. До второй половины 17 века полная национальная независимость калмыков.

2. В правление Шюкир Дайчинг, благодаря его формального обещания — «шертной записи» — признавать верховную власть Московского царя, эта независимость формально ограничивается, но фактически сохраняется до смерти Аюки хана и взаимоотношения с Москвой определяются договорами хана с Царем в лице его представителей. До Аюки хана главы волжских калмыков носили титулы «тайши», но Аюка-тайши принял (не спрашивая Московск. царя) титул «хана» от Далай Ламы и с того времени вплоть до Убаши-хана вожди калмыков пользовались этим высоким титулом в силу своего собственного естественного права. Впервые хан был «назначен» Петербургом в лице сына Аюки хана Церен-Дондок в 1731 году. И это назначение повторялось при его преемнике Дондок-Омбо, при Дондок-Даши и Убаши, его сыне.

По различным обстоятельствам и мотивам, **все** левобережные калмыки, составлявшие громадное большинство калмыков во главе с своим ханом Убаши 5 января 1771 г. ушли из России на старую свою Родину Алтай и Джунгарию. Их было 33.000 кибиток в количестве 169.000 душ. К ним несомненно присоединились бы и правобережные калмыки, но теплая зима и невозможность переправиться массой через Волгу их удержали. С уходом Убаши-хана фактически во главе калмыков не было хана, следовательно, и единого национального главы с таким титулом. Указом императора Павла I от 14 окт. 1800 г. дербетскому нойому (князю) Чучей - тайши был предоставлен титул «Наместника». Но после его смерти в 1803 г. перестал существовать указанный титул и более **не** возобновлялся.

3. С этого времени калмыки потеряли даже тень былой национальной самостоятельности и над Калмыцким народом на Волге русской властью была учреждена попечительная система в лице Главного Пристава и Попечителей над улусами. Эта система продержалась до революции 1917 года. Однако власть калмыцких нойонов (калм. князей рус. власть именовала «владельцами», уподобляя их русским помещикам с их крепостными) и родовых владельцев зайсангов держалась до 1892 года, когда она, на подобие освобождения крепостных в 1861 г., была раз навсегда отменена.

**
*

До октябрьской революции 1917 г. при самых неблагоприятных обстоятельствах жизни Калмыцкого народа даже при наличии и большой среди него бедноты, редкий калмык не имел пары дойных коров, верховой лошади и нескольких овец. Абсолютное большинство калмыков всегда имело не менее 5-10 коров, несколько лошадей и несколько десятков овец. А такой, как Бегеле Снкоров из Багацохуровского улуса имел более 8.000 лошадей, несколько тысяч рогатого скота, десятки тысяч овец.

Особенность калмыка — его глубокая религиозность и страстная любовь к степи. Всякое посягательство на его религию — буддизм переживалось, как крайнее национальное притеснение и надругательство над его религиозной совестью и верой. Заветы Будды десяти «белых» (чистых, незапятнанных) добродетелей были для нравственной жизни калмыка безпрекословной путевой звездой, как и десять черных грехов — тем, чего он был обязан беспрекословно избегать. Грехи или дурные проступки были в жизни калмыка («несть человека, кто не погрешил бы»), но они никогда ничем не оправдывались и подлежали замаливанию, праведной жизнью от них нужно было очиститься.

Эти заветы Будды Сакия Муни были — прежде всего.

Февральская революция после полтораста почти лет национальной спячки пробудила массу Калмыцкого народа. В центре административной жизни калмыков в Астрахани закипела национальная жизнь. 25 марта 1917 г. в Астрахани состоялся первый Съезд Представителей Калмыцкого народа. В нем участие принимали представители калмыцкой интеллигенции, б. калмыцкой аристократии и духовенства.

Съезд упразднил систему попечительного управления Калмыцким народом и постановил ввести полное местное самоуправление. Он избрал Центральный Комитет по управлению Калм. народом в составе **пяти** членов и двух кандидатов. В состав Центрального Комитета были избраны: Присяжн. поверенный С. Б. Баянов, Номто Очиров (кончивший СПетербургский унив-т по фак. вост. яз.), ротмистр Д. Тундутов (кончил Пажеский корпус), Бадма Шонхоров и не калмык

Криштафович. Последний был избран Председателем, а Номто Очиров Товарищ. Председателя.

Съезд принял ряд решений по улучшению правового и экономического положения калмыков, по преобразованию полиции, суда и по вопросам школьного образования, улучшению существующих и строительству новых школ, по вопросам продовольственного снабжения, нормализации финансовых операций и т. д. Так февральская революция положила основы демократического управления Калмыцкого народа.

Решение Первого Национального Съезда Калмыцкого народа о преобразовании административного его бытия в Областную единицу Вр. Правительством было утверждено.

22 июля 1917 г. состоялся Съезд калмыцкого духовенства с участием мирян. Был принят ряд решений по духовному управлению. После его окончания было принято решение о созыве второго всеобщего Съезда Калмыцкого народа с участием представителей ставропольских, терских и донских калмыков в составе: от астраханских калмыков 116 человек, терских 2, ставропольских 9 и донских 9. Последние участвовали с совещательным голосом. Съезд рассмотрел и принял решения по актуальным вопросам жизни Калм. народа:

О введении земства, по улучшению и развитию коневодства, развитию и улучшению торговли и промышленности, а также по финансовым вопросам. Съезд решил образовать в Калмыкии шесть земских крупных единиц: Малодербетовский, Манычский, Яндыко-Мочажный, Эркетеневский, к которому было решено присоединить кумский аймак Терской области, Икицохуровский, Харахусовский и Багацохуровско - Хошеутовский с Калмыцким Базаром. Решено было на калмыцкие земские средства издавать газету «Ойратские Известия» и ввести преподавание буддийского вероучения в улусных школах. Оба Съезда происходили в Астрахани в центре калмыцких учреждений. Все выступления были на калм. языке. Предметом этого Совещания был вопрос о переходе в Казачество.

В связи с выступлением большевиков в июне 1917 г. в Петербурге, Совещание решило немедленно перейти в Казачество. Для ведения переговоров с центром Донского казачества была избрана делегация в составе Д. Тундутова, С. Баянова и Г. Бальзанова. Вслед за этим от улусов поступили такие же решения. В конце сентября 1917 г. Астраханский Войск. Круг решил принять калмыков в Войско. И с этого момента астраханские калмыки стали казаками. После октябрьского большевистского переворота, калмыки, ставши казаками, собрали в ур. Яшкуль (12 килм. севернее от Элисты) Большой Круг. На нем председательсвовал Д. Тундутов при секретаре Н. Очирове и непосредственном участии Атамана Астраханского Каз. Войска ген. Бирюкова.

Здесь происходит коренное изменение в общественно — политическом управлении жизни Калмыкии: Центральный Комитет преобразовывается в казачье Войсковое Правительство, принимается соответственная конституция, решение войти в состав Союза Юго-Востока России, куда делегировался С. Баянов. 23 декабря 1917 г. произошли выборы Войскового Правительства. Председателем был избран Криштафович, членами Правительства: Д. Тундутов, С.-Дж. Тюмень, С. Баянов, Номто Очиров и Саранов. Д. Тундутов избирается Войсковым Атаманом. Улусы переименованы в казачьи округа и назначены окружные атаманы.

Наступили дни гражданской войны... Каледин и Корнилов ведут борьбу с большевиками. Калмыки на Дону ведут поголовную вооруженную борьбу с красными силами. Широкую известность получает полк донских калмыков сначала под именем Зюнгарского, а позже под № «80». Последним его командиром был полк. Гаврила Эрдневич Тепкин. В местах, занятых большевиками, начались невиданное зверство и массовый террор.

Вновь организованное Калмыцкое Войсковое Правительство спешно приступило к формированию калмыцких воинских единиц. Но у них не было опыта, поэтому было решено связаться с донским казачеством и на Дон командировали члена Войскового Правительства С. Баянова.

25 января 1918 г. вся власть над Астраханью переходит к большевикам. Калмыцкие центральные учреждения покинули Астрахань. Войск. Атаман Д. Тундутов оттянул калмыцкие воинские части на Манычский улус. Многие калмыки, попавшие под влияние большевистской пропаганды, перешли на их сторону, но вскоре убедились в их истинных намерениях и при первом же удобном случае бежали на территорию, занятую Добров. Армией. Последняя на калмыцких степях продержалась до конца 1919 года, но

часть калмыцких воинских единиц осталась в степи продолжать борьбу с большевиками. Эти отряды были хорошо обучены и имели достаточно оружия. Советы их называли «бандитами». Карательные против них большевистские отряды не раз терпели поражения.

1-9 июня созывается Съезд Представителей Калмыцкого народа.

Он обсуждает вопрос о национальном самоопределении калмыков. К этому времени из 38.000 донских калмыков осталось не более 10-12 тыс. человек. Эмигрировала лишь ничтожная часть. Столько же погибло астраханских и ставропольских калмыков. Многочисленные свидетельские показания удостоверяют о небывалых грабежах, насилиях и убийствах большевистскими отрядами при занятии ими калмыцких населенных пунктов.

Бакшу (настоятеля хурула - монастыря) Карве Бадминова Багатуктунова аймака Большедербетовского улуса убили в храме во время богослужения. Все святыни и ценности Хурула были разбиты и сожжены. В Граббеевском хуруле расстреляли гелюнга (калм. будд. священника) Мёнке Джевзанова Храм подвергли сплошному надругательству. В Беляевской станице сожгли буддийский храм и расстреляли **пять** гелюнгов: Санджи Мамутова, Шарапова, Товзн Сесинова, Замбо Цагадинова и Дорджи Нарминова. Подвергли избиению гелюнгов: Д. Басанова и Манджикова. В Потаповской станице замучили до смерти бакшу Санджи Шалашова и гелюнгов братьев Бурвиновых Якова и Намджала. Сожжены буддийские храмы в станицах: Ново-Алексеевсской, Иловайской, Платовской и Батлаевской.

В присутствии мирян-калмыков было выброшено из могилы тело покойного Донского Бакши-Ламы Мёнке Борманжинова, которое подверглось гнусным надругательствам большевиков.

Большевистские отряды не щадили ни детей, ни беременных женщин. Антон Амурсанан в своей книге писал: «Разность национальная, бытовая и культурно-экономическая борющихся сторон в гражданской войне с классовых рельс переходила на рельсы национальной нетерпимости. И эта нетерпимость между русскими и калмыками сыграла страшную роль, бросая их на безумную резню (Платовская станица Сальск. окр. или «Варфоломеевская» ночь в Абганеро-Гахакинском аймаке Большедербетовского улуса»).

В 1923 г. Сов. Правительство объявило амнистию «белым воинам». Согласно этой амнистии многие калмыки-эмигранты вернулись на Родину. Вскоре они все без исключения подверглись тюремному заключению. Не было станицы или аймака, куда не возвратились бы люди, затосковавшие по родственникам и родному краю. Они еще не знали характера большевизма. Вот характерный пример. Рассказывало лицо, очень близкое мне.

«Нас всех задержали в Новороссийске для прохождения политграмоты и ознакомления с существующими законами советской власти. Это длилось 3-4 месяца. Каждый из нас первым долгом был обязан заполнить длинную анкету с массой вопросов, в которых требовалось сообщить всю родословную чуть ли не до прабабушки, не говоря уже о том, что в первую очередь требовалось сообщить о своей службе в Добр. армии. Все мы находились под строгой охраной на положении заключенных и каждый шаг контролировался служащими ОГПУ. Все вещи, представлявшие какую-либо ценность, были отобраны для «проверки». Лиц наиболее активно боровшихся и бывших офицерами куда - то отправили и им никогда не пришлось увидеть родного края, куда они так стремились. Но большинство вернулось в родные места. Однако никто из них не мог предвидеть, что их ожидало. Многие не прожили и трех суток со своими семьями и близкими родственниками. Каждую ночь их увозил «черный ворон». Все они в различные сроки заполняли лагеря рабского труда или физически уничтожались в подвалах ОГПУ испытанным способом: выстрелом в затылок».

Близкое мне лицо подверглось участи сотен других. Только немногим удалось снова бежать из родных краев и спастись на чужбине. Начали сажать в тюрьмы и родственников эмигрантов. В категорию последних попал и я.

**
*

Несмотря на дарование Калмыцкому народу «автономии», борьба против советской власти продолжалась. Появились антисоветские партизанские отряды, ведущие борьбу с местными представителями советской власти. В 1920 году во время Съезда «национального самоопределения» возникли десятки партизанских отрядов, имевшие внушительные силы. Они состояли из кадров калмыцко-казачьих соединений, оставшихся с

оружием после отступления Добр. Армии из камыцких степей. Состав каждого отряда был укомплектован воинами, прошедшими школу гражданской войны и хорошо знавшими, с кем имеют дело. Их девиз: «борьба до победного конца», «лучше смерть на чистом поле, чем мучительная и позорная смерть в подвалах ЧЕКА».

Наиболее были известны оперировавшие в прикаспийских зарослях Менгетеевский отряд, Чимидовский, Тегусовский, Багальдановский и др. В Малодербетовском улусе оперировал знаменитый отряд братьев Шануновых, продолжавших активную борьбу против советов до 1935-37 годов. В районе реки Маныча действовали отряды Озона Счаева из Ики-Бурульского аймака Манычевского улуса, Цекурова, Амхаева и др. Сперировали и смешанные калмыцко-русские отряды: Акуловский, Маслаковский, Сычевский, Даргано - Андрияновский и др. Сами советы признавали боевую силу этих антсоветских отрядов. Отряды Шанунова, Менгетеева, Багальданова долгое время были неуловимы для красных сил. «Бандиты» имели связь с населением, знали местность в степи и умели в ней скрываться.

(Продолжение следует)

США.

Сальмерин Дорджи

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СТАТЬИ.

В «Род. Крае» № 36 опубликована интересная статья мемуарного содержания, под названием «Дело Фенаролли» у казаков и за подписью «Старого офицера». В этой статье говорится главным образом о загадочной смерти Походного атамана полк. Павлова, но приводятся и некоторые другие сведения.

О втором казачьем великом исходе во время 2-й мировой войны уже были написаны и изданы крупные монографии И. А. Поляковым, В. М. Одноралоным и П. Н. Донсковым. Кроме того были опубликованы десятки статей на ту же тему, главным образом по отдельным эпизодам. Однако по многим частным вопросам сообщения и мнения мемуаристов резко разошлись и почти все авторы вступили между собою в страстную полемику, переходящую на личную почву и носящую иногда непристойный характер (напр. критика воспоминаний В. М. Одноралова в «Казачьей Жизни»). Все авторы воспоминаний были участниками казачьего похода, а большинство и Лиенцкой трагедии. Между тем показания их о многих эпизодах и событях настолько противоречивы, что совершенно ясно, что кто то из них неумышленно или умышленно ошибается. И невольно вспоминается старое русское выражение: «врет, как очевидец».

Я считаю, что озлобленная полемика с личными выпадами — ничего не дает и лишь больше и больше запутывает историю казачьего похода в отдельных эпизодах, а отсюда и в целом. Все свидетели должны сообщать совершенно объективно все, что они знают и уточнять те сообщения, которые им кажутся неточными или неверными. Равным образом следует сообщать не только о виденном, но и о слышанном, конечно с соответствующей оговоркой. Слышанное также характеризует время, события, людей, настроения и отношения.

В своей статье об убийстве Павлова «Ст. офицер» два раза приводит выдержку из стихотворения Н. Н. Туроверова, в которой говорится о том, что нужно говорить только о пережитом, а не понаслышке. Тем не менее сам же он обращается в некоторых случаях к «наслышке» и эти места в его интересной работе требуют уточнения.

По поводу убийства полк. Павлова существует несколько версий: 1) Что он был убит в затылок деньщиком Доманова, по его поручению. 2) Что он был убит в перестрелке с советскими партизанами. 3) Недавно А. Ленивов написал просто: «Павлова убил Богачев». Коротко, но неясно, без малейших доказательств или ссылок. 4) Один полковник все время старается доказать мне, что Павлов был умышленно подведен под немецкий обстрел Д. Богачевым. Эта версия также не выдерживает никакой критики, так как если бы действительно отряд вел Д. Б. и подвел под немецкий обстрел, то он сам мог

быть первым убитым, так же как и Доманов. Между тем из всего отряда был убит один Павлов. 5) Версия «Старого офицера» представляется наиболее логичной, а потому и правдоподобной. Приходится пожалеть лишь о том, что акт об убийстве Павлова не был опубликован — по крайней мере я не читал его.

Что же касается старого Богачева Владимира Владимировича и молодого Дмитрия Б., то, очевидно, «Старый офицер» пишет о них именно по наслышке и в этой части его сообщение требует наибольших уточнений, особенно в отношении Д. Б.

Я знал В. Б. много десятков лет и мы с ним были очень близки, и последние годы мы работали с ним вместе в Ростовском университете, он часто заходил ко мне и мы виделись почти каждый день.

«Старый офицер» называет В. Б. профессором Новочеркасского института. Действительно, некоторое время, в начале своей научной карьеры, В. Б. был профессором Новоч. Политехнического и-та, но после захвата Дона большевиками в 1920 г. он тотчас же был выслан из Новочеркасска без права не только проживания, но и приездов туда. Поскольку В. Б. был выдающимся ученым с европейским именем и относился к категории людей, которых большевики именовали «незаменимыми специалистами», он не был репрессирован и его назначили в Бакинский университет, где он и занимал кафедру геологии. Там он и пробыл около 19-ти лет. В 1939 г. в Ростове умер профессор геологии Григорович-Березовский. Я тотчас сообщил об этом В. Б. и начал уговаривать его переехать в Ростов. В. Б. тотчас-же согласился. Положение на Дону к тому времени стабилизировалось и ЦК партии и Наркомпрос разрешили В. Б. переезд, что он тотчас же и сделал, заняв кафедру геологических наук в Ростовском ун-те, где и оставался до конца. В Ростов В. Б. переехал со своей семьей — вечно больной женой, сыном Дмитрием и дочерью.

Далее идут уже более серьезные поправки: Дмитрий Богачев родился в 1919 или 1920 г. и в Баку или был привезен грудным младенцем, или и родился там. Там же в Баку он окончил немецкую 9-тилетку, почему и владел так прекрасно немецким языком. Хорошо знал он также и турецкий язык. В Новочеркасске же он никогда не был и 10-тилетки там не мог окончить, так как в то время десятилеток в провинции еще не было. Приехавши с отцом в Ростов в 1939 г. по окончании средней школы, Д. В. поступил на геологический факультет Ростовского у-та. В 1941 г., с началом советско-немецкой войны, он был призван на военную службу и командирован в Военно-морское училище в Севастополь. Советский Черноморский флот был сразу уничтожен немцами бомбардировками с воздуха. Из уцелевших моряков были сформированы отряды пехоты. В одной из таких частей там же, в Крыму, при первом же столкновении с немцами, Д. Б., как он сам рассказывал, залег в окопе и сдался немцам, перейдя к ним на службу. Блестящее знание немец. языка и выдающиеся способности Д. Б. обратили на него внимание немецкого командования и в 1942 году он появился вместе с немцами в Ростове уже в чине немец. лейтенанта и с знаком отличия на груди за занятие Крыма. В Ростове Д. Б. был причислен сначала к Гестапо, а затем переведен в ТОД. Незадолго до отступления, в январе 1943 г., я встретил его на улице уже в казачьей кубанской форме. Когда я спросил его, что это значит, он сказал, что немецкое командование назначило его в казачий стан Павлова. Больше я его не встречал.

«Старый офицер» пишет, что все, кто жил в Ростове или Нвч., знали Д. Б., как следователя НКВД. Так может думать только старый эмигрант, не имеющий понятия о том, кто такие были следователи НКВД. Меня достаточно потаскали по НКВД и в Ростове и в Таганроге и я достаточно насмотрелся на этих советских деятелей. Следователи НКВД были очень ответственными политическими работниками. В следователи назначали только лиц рабоче-крестьянского происхождения, которое проверялось чуть ли не до десятого поколения. Много было также и евреев. Все они должны были иметь большой партийный стаж или революционные заслуги, некоторые из них были героями еще гражданской войны, многие отличились особым усердием и зверствами при коллективизации. Назначались они только по ответственным рекомендациям парторганизаций. Между тем Дмитрий Б., когда приехал в Ростов, имел 19-20 лет, в партии не мог быть хотя бы по возрасту, кроме того он был дворянином из буржуазной семьи, а отец был хорошо известен своими несоветскими взглядами и постоянными столкновениями с партийным начальством. Его официально считали «выходцем из враж-

дебного класса» и терпели только, как «незаменимого специалиста», а также и потому, что благодаря его постоянным выходкам его считали не совсем нормальным. Мог-ли Д. Б. при таких условиях быть назначенным следователем НКВД, да еще одновременно в Ростове и Новочеркасске, в котором он вообще никогда не бывал? Да и в Ростове Д. Б. был только при немцах, когда никакого НКВД не существовало.

Так создаются творимые легенды, подобно приведенной «Старым офицером» фантастической истории прошлого Д. Б. И эта фантазия ставит под большое сомнение и неясные сообщения о шпионаже Д. Б. в казачьем стане. Возможно, что и эта легенда была создана в результате внутренней борьбы за власть и влияние между руководителями Стана, создавшей в результате персонально-партийные группировки и страшную склоку между ними. Эта несчастная склока продолжается и между всеми мемуаристами до сих пор.

Равным образом я несколько раз встречал в литературе сообщения о том, что Сюсюкин и Духопельников также были следователями НКВД. Это совершенно невероятно. Никогда и ни при каких обстоятельствах т. наз. «бывших людей», т. е. бывших офицеров, чиновников, домовладельцев, дворян и т. д., следователями не назначали. Однако их широко использовали в качестве т. наз. «осведомителей», или как их называли в просторечии — сексотов. И в этом отношении я действительно кое что слыхал о Духопельникове от новочеркасских жителей.

Когда я перечел всю литературу, касающуюся казачьего похода и обстоятельств убийства Д. Б., то оказалось, что все обвинения, выдвинутые против него, сводятся к следующему: будто-бы немецкое командование предупредило Доманова о ненадежности Д. Б. После этого он был удален из военного совета. Но его будто бы стали ловить на том, что он подслушивал у дверей во время заседаний совета и обо всем доносил советскому командованию. А. Ленивов пишет, что и Духопельников также подслушивал у дверей и затем передавал советскому командованию. Затем Д. Б. был арестован, на допросе сознался и на военном суде приговорен к смертной казни. Приговор был утвержден П. Н. Красновым.

В этой более или менее общепринятой версии — все маловероятно и вызывает ряд недоуменных вопросов:

1) Всеми передвижениями казачьего стана распоряжалось немецкое правительство, для чего при стане всегда находился немецкий офицер. Поэтому военный совет мог рассматривать только самые мелкие дела внутреннего порядка, не имеющие принципиального значения, а потому и малоинтересные для советского командования.

2) Если Д. Б. и Духопельников, как шпионы, подслушивали, что говорится на военном совете и затем передавали советскому командованию, то как они могли передавать? Ведь для этого надо было иметь по крайней мере мощный радиопередатчик, которого у них конечно не было, а советское командование находилось от казачьего стана часто в расстоянии десятков сотен километров. Между прочим все, сообщающие о шпионаже Д. Б., никогда не упоминают о том, каким же образом он был связан с советским командованием?

3) Если и Д. Б. и Духопельников были шпионами и делали одно и то же, то почему был убит Д. Б., а Духопельникова никто не тронул до самого конца?

4) Если Д. Б. был действительно шпионом, то почему была убита и его жена? А как мне передавали, были убиты и двое маленьких детей, трупы которых сожжены?

5) Основным доказательством вины Д. Б. является будто бы признание. Всем хорошо известно, что по уголовным преступлениям сознание обвиняемого никогда не принимается во внимание. Сознание может быть сделано под влиянием множества факторов — духовного или физического воздействия, обещания смягчения участи, шантажа через близких людей и т. д. Чего стоят сознания, видно хотя бы из советских показательных процессов, когда все крупнейшие советские деятели на суде публично признавали свою вину. А сейчас всех их реабилитировали и объявили ни в чем не виноватыми. Обвинениями могут служить только долументы, установленные факты, свидетельские показания, вещественные доказательства и т. д. Ничего этого в деле Д. Б. — не было.

6) Как мне передавали, и протокол допроса и приговор военного суда были написаны уже после убийства Д. Б. и затем посланы П. Н. Краснову.

Конечно, я не имею достаточно фактических данных для того, чтобы оправдать Д. Б., однако я считаю, что также недостаточно данных и для того, чтобы обвинить его. Поэтому убийство Д. Б. представляется мне

вторым «делом Фенаролли» у казаков, требующим дальнейшего пересмотра и уточнения всех фактов. Это дело может быть еще более темным и запутанным, чем дело об убийстве Павлова. Возможно, что именно поэтому хранят непонятное гробовое молчание по этому делу его ближайшие свидетели, и может быть участники, проживающие сейчас в США.

Зап. Германия. **М. Миллер.**

БЕЗВЕСТНЫЕ.

Сколько их безвестных было
Незамеченных имен,
Чьи дерзанья, чьи могилы
Знает батюшка лишь Дон!

Солнцем раны чьи палились,
Омывалися дождем...
Муки чьи лишь утолялись
Беспробудным вечным сном...

Пали все в борьбе отважной
Со стихией темных сил,
С дикой яростью ватажной,
Большевик что пробудил.

Упокой, Господь, их души
В светлой вечности своей...
Все темнее ночь, все глуше
На родной земле моей.

Вашингтон. **Юшкин-Котлубанский.**

ОБ ОТНОШЕНИЯХ ДОНСКОГО ВОЙСКА И МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В 17 ВЕКЕ.

В №35 «Род. Края» в очерке «О Дон. Войске 16-17 столетий» указывалось, что Войско того времени было самостоятельным государственным образованием, находящимся в некоторой связи с Московским царством.

Главными признаками самостоятельности Дона было следующее:

1. Донское Войско и ходившие на моск. военную службу каз. отряды царю не присягали. До принесения присяги в 1671 г. казаки упорно защищали свою самостоятельность от посягательства моск. властей. На неоднократные попытки их заставить Дон присягнуть царю, Войско всегда отвечало отказом.

В войсковой отписке 1632 г. говорится: «Наше Войско — люди вольные и в неволе (т. е. по приказу) не служат, крестного целования (т. е. присяги) на Дону, как зачался Дон казачьими головами, не повелось...»

В 1637 г.: «А служим мы тебе, Великий Государь, доброохотно, не за воотчину и поместья, а за веру нашу общую, греческую, християнскую и токмо...»

Участие дон. отрядов в войнах Москвы не было обязательным, а было добровольным, за что казаки получали вознаграждение, и моск. власти принимали на себя некоторые обязательства. Если эти войны не отвечали интересам Войска, то каз. отряды в них не участвуют. В 20-ых годах 17-го столетия Донское Войско дважды, несмотря на настойчивую просьбу моск. властей, отказываются от посылки своих войск на войну против Польши. В 1630 г. казаки пишут в Москву: «... в басурманскую землю, турским пашам на помощь идти не хотим...»

2. До Петра I-го Дон. Войско имело свою собственную выборную власть, не нуждавшуюся в утверждении московским правительством.

3. Если до начала 17-го в. сношения Дона с Москвой имели случайный характер, то с 1613 г. они велись через Посольский Приказ (т. е. Министерство Иностранных Дел того времени), в ведении которого они находились до 1721 г., когда были переданы в Военную Коллегию (Военное Министерство).

К «зимовым станицам» (так тогда назывались посольства казаков в Москву) было то же отношение, что и к посольствам иностранных держав. Если в силу особой важности Войсковой Атаман сам отправлялся во главе «зим. станицы», то он передавал свою власть атаману Главного Войска (столицы Дона) и переставал быть Войсковым Атаманом. При возвращении, он в ближайшее время Атаманом Войска не выбирался, дабы избежать возможного московского влияния и иметь возможность аннулировать обязательства, данные лично им, если они не соответствовали интересам Войска.

4. Сама внешняя форма сношений следовала определенным правилам и обычаям. Ритуал приема моск. послов Кругом на Дону всегда строго соблюдался. Посол должен был идти на Круг для прочтения царской грамоты, передачи жалованья, а не казаки к послу. При попытках моск. дипломатов его нарушить, что рассматривалось, как покушение на самостоятельность Войска, казаки не останавливались перед применением силы и притаскивали послов иногда за ноги или за бороду на Круг.

5. Служба каз. отрядов в моск. войске во время войны обусловливались своего рода договором, а не приказанием или безусловным требованием. В грамоте 1571 г. говорится: «... а как нам послужите... вас пожалуем своим жалованьем...», в 1584 г. — «... и мы вас за вашу службу жаловать хотим...» в 1638 г. — «... а мы вас пожалуем нашим царским жалованьем, смотря по вашим службе и радению...» Участие донских отрядов происходило не на основах подчиненности, а на договорных началах равного с равным.

Если Донское Войско посылало свои отряды, то и моск. власти принимали тогда на себя известные обязательства: уплата жалования, доставка фуража и провианта и т. д. При невыполнении обязательств казаки считали договор расторгнутым, себя свободными от своих обязанностей и уходили на Дон. Так случилось в 1632 г. во время войны моск. царства с Польшей (см. «Род. Край» № 16 «Из нашего прошлого»).

6. Донское Войско имело самостоятельные дипломатические сношения с др. странами и народами: крымцами, Азовом, турецким султаном, польским королем, персидским шахом, запорожцами и др. Каз. Войсками, хотя иногда Москва и ставилась об этом в известность. Еще в 1637 г. после взятия Азова персы прислали на Дон большое посольство, предлагая свою помощь, что доказывает, что они считали Войско вполне самостоятельным.

7. Территории Донского, Яицкого и Терского Войск формально принадлежали Золотой Орде, а отнюдь не Московскому царю. Если бы существующие предания о пожаловании Грозным Дона и Терека и Михаилом Федоровичем Яика казакам были истиной, то это было бы лишь юридическим оформлением существующих фактов.

Юрист проф. Сватиков («Россия и Дон») пишет: «Если бы подобная грамота нашлась, то мы имели бы перед собой в лице Дона самоуправляющуюся, на основании хартии, колонию, подобную тем, которые были основаны первыми переселенцами из Англии в Сев. Америку. Однако государственные права Моск. государства 16 в. и Англии 17-го слишком были различны, чтобы допустить существование республиканской колонии в составе самодержавного царства. Просто последнее было слишком слабо, чтобы наложить свою руку на тех, кто покинул его пределы... Дон был занят силой оружия по «праву первого занявшего», и дальнейшие царские грамоты могли лишь признать уже существующий факт.

Если, однако, Грозный действительно пожаловал реку казакам, ему не принадлежавшую, и предоставил завоевывать ее у татар, то это делало бы большую честь его мудрости».

8. Люди, ушедшие на Дон и ставшие казаками, становились свободными, т. е. казачьи земли имели право политического убежища.

«Недавний холоп, „отбежав" на Дон — пишет Робинсон («Исторические повести древней Руси» — Москва 1949. Изд. Академии Наук) — заслужив там доверие Войска, мог приехать в Москву в составе каз. станицы. Он принимался чуть ли не как посол в Кремле, спокойно подходил к царской руке, садился за стол, может быть на глазах у своего бывшего хозяина — боярина, и, если последний пытался снова его «похолопить» и подавал челобитную (прошение) на царское имя, то государевым указом бывший холоп освобождался от посягательства прежнего хозяина — «отказано для того, что николи донские казаки челобитникам (т. е. хозяину — боярину) не отдаваны».

«Воздух» Дона делал людей свободными. Эта неприкосновенность нарушалась лишь во время экономической блокады Донского Войска Московским Государством, когда

прерывались со стороны последнего всякие дипломатические сношения. Такое отношение нормально лишь при сношениях с иноземцами, но не со своими подданными.

9. Казаки были подсудны своему суду, а не московскому. В 1625 г. царь Михаил Федорович пишет: ... «и впредь чините наказание по своему суду, как у вас на Дону повелось»... Московское право на донских казаков не распространялось. Первый свод московских законов — «Уложение Алексея Михайловича» 1649 г. — говорит лишь о спужилых казаках. Еще в 1671 г. царская грамота говорит: «... учините указ по войсковому праву...». Интересно, что аналогичные указания встречаются и позже, после потери Войском его самостоятельности, т. е. после его присяги 1671 г. моск. царю: «... по обыкности, по казацкому обыкновению...» (1715 год), «... по казацкому артиклу...» (1764 г.).

У себя же на Дону Войско вело себя полным хозяином. В 1630 г. за угрозу крымцами казаки обезглавили моск. посла Карамышева, в 1637 г. зарубили турец. посла в Москве Кантакузена, сообщившего туркам о намерении казаков «приступать» к Азову, после взятия Азова в том же 1637 г. по постановлению Круга «забили поленьями» запорожского атамана Матьяша за желание «отделиться и жить особо».

10. Церковные сношения каз. монастырей и духовенства шли через Главное Войско и Посольский Приказ, а не непосредственно из монастырей в Москву. Все духовные лица были выбираемы Кругом, а затем утверждались моск. патриархом. Следовательно на лицо церковная независимость.

11. Экономическая блокада Дона Московским государством (прекращение переписки и присылки жалованья, закрытие границ, казаки не пускались в пределы Моск. царства для торговых операций, запрещение вывоза товаров и т. д.), применяемая временами для оказания давления на Донское Войско, показывает, что в то время в Москве смотрели на донское казачество, как на иноземное государство: закрывают границы с соседними странами, но не внутри государства.

12. Существует тенденция рассматривать посылку моск. царями на Дон знамен, как признак зависимости Войска от Москвы. В течении 17-го в. донские казаки получили 4 знамени: в 1614 г. за помощь 2-ому ополчению кн. Пожарского, в 1646 г. — за поражение татар на р. Кагальнике, в 1673 г. — за подвиги казаков на Азовском и Черном морях, в 1679 г. — за участие в походах под Чигирин. Но это являлось не признаком зависимости, а пожалованием знаком отличия или орденом. В конце 16-го в. Запорожское Войско получило знамя от австрийского императора, но это отнюдь не означало, что запорожцы были его подданными.

13. Не было признаком зависимости и московское жалование, присылаемое регулярно на Дон с начала 17-го столетия. Это была плата за услуги, за службу донских казаков Московскому Царству. Денежные подарки делались и украинскому гетману и Запорожскому Войску, находившимся тогда в польском подданстве.

14. О самостоятельности Дона свидетельствует и то, что в дипломатической переписке того времени с Турцией и Крымом, моск. правительство отказывается от казаков, от всякой ответственности за их деятельность.

15. После Смутного Времени московские цари иногда именуют Донское Войско Всевеликим.

Если одна тенденция придает этому слову собирательный смысл, как «все донские казаки», то другая дает иное объяснение. Титул «Великого» давался вполне самостоятельным независимым государственным образованиям: Великое Княжество Московское, Великое Княжество Литовское, Великий Новгород. Княжества, находившиеся в вассальной или иной зависимости, никогда так не именовались. Иначе говоря, после Смуты Москва как бы признала существование независимого Донского Войска.

Однако, несмотря на внешнюю независимость Дона, в 16-17-ом в. между Донским Войском и Моск. Государством существовала какая то внутренняя связь, характер которой определяется историками по разному: вассалитет, протекторат, союз. Разбору этих теорий будет посвящен один из следующих очерков в «Род. Крае».

Если до Смутного Времени сношения Дон. Войска и Москвы были периодическими, то после Смуты они становятся регулярными. Общее направление политики Михаила Федоровича в отношении дон. казаков сильно отличается от таковой Бориса Годунова, который стремился к полной изоляции Дон. Войска от внутренних областей Московского Царства. Совсем иной была политика нового правительства, учитывавшего роль дон. казаков в освобождении Москвы от поляков

и в избрании на царство Михаила Феодоровича.

Возможно, что многие документы той эпохи, которые смогли бы выяснить точный характер установившихся отношений после Смуты, еще недостаточно известны широкой публике. А роль, сыгранная донскими казаками в прекращении Смуты, в избрании 1-го царя из Дома Романовых — очень велика. Об этом пишут и проф. Платонов и проф. Ключевский и многие иностранные историки.

Но об этом в другой раз.

Б. Богаевский.

НА ПОСТУ.

(Из романа «За Край Родной»)

Совсем рассвело, когда Герман Минаич, в самом веселом расположении духа, тихонько напевая любимую свою песню про «Дунюшку», пробирался густым красноталом к берегу Дона. Вот и он, кормилец... Меж поредевшими кустами красного хвороста, к самому берегу сходившего на нет, блеснула светлая полоса воды. И скоро перед взором старика раскинулась серо-свинцовая гладь тихой реки. Легкий, кисейный туман, прозрачной пеленой висевший вблизи, дальше сгущался настолько, что противоположного берега, у самой воды, не было видно. Но немного выше ясно различались верхушки песчаных бугров, покрытых редкой порослью кагальника и можжевельника. Там, за этими буграми, зарывшись в песках, лежал маленький хуторок, где сейчас расположились «красноголовцы», злейшие враги Германа Минаича, стеречь коих — чтоб они, чего доброго, не вздумали переправиться на «этот, казачий, бок Дона» — он сейчас и шел. Но при одном взгляде на Дон старик мгновенно забыл и о «красноголовцах» и о своей невольной роли их сторожа. Разнородные чувства волной нахлынули на него и целиком захлестнули его простую душу. заставив его остановиться и увлажненным взором часто замигавших глаз смотреть на совершенно гладкую от безветрия, матово-стеклянную, текучую поверхность реки.

Если бы Германа Минаича спросили, что он испытывает сейчас, трудно было бы добиться от него вразумительного ответа. Что мог он сказать? В запасе его слов, каким он обладал, не было таких, которые коротко и ясно, с исчерпывающей полнотой, определили бы то или иное охватившее его чувство. Это, однако, нисколько не мешало ему безотчетно отдаваться любому из них и глубоко переживать его, часто со всей силой, на какую только была способна, чуткая от природы, его душа. И если он не мог словами толково рассказать о своих переживаниях — это было и не нужно — все его переживания, как в открытой книге, читались у него на лице — достаточно было повнимательней всмотреться в него... Вот, хоть сейчас, Герман Минаич, совсем навиду среди помельчавшего и поредевшего прибрежного хвороста, опершись на винтовку, смотрит на родную реку, неслышно и почти незаметно, катившую к далекому морю свои воды. И лицо его с влажными глазами, вот-вот готовыми окончательно затуманиться от еле сдерживаемых слез, с застывшей, какой-то детской, улыбкой, согнавшей с него обычное выражение серьезной торжественности и осветившей его извнутри особым светом, от чего оно радостно залучилось всеми мелкими морщинами, густой сеточкой легшими между выдающимися скулами и глазными впадинами, все лицо его сейчас выражало то редкое у простых людей чувство, которое иначе, как умилениием, нельзя было назвать. Обычно, умиление свойственно натурам особо чувствительным. Имеются даже настолько чувствительные люди, что они готовы умиляться по любому поводу, чем угодно и сколько угодно, кстати и некстати... Казаки, как известно, крайне чувствительные во многих отношениях, к чувствительности, подобной той, какую проявлял сейчас Герман Минаич, склонности не имели. Не то, чтобы умиление было вообще несвойственно казачьей натуре — Герман Еинаич, как раз, блестяще опровергал это... Но внешнее выявление его, где слезы, как почти неизбежное следствие глубокого душевного волнения, играли первую роль, было боль-

шинству казаков, особенно казакам помоложе, глубоко отвратным и они все, без исключения, относились к нему резко отрицательно и даже с большим презрением... Это бабам хорошо лить слезы... Не даром говорят, что у них глаза на мокром месте — чуть что и закапала соленая водичка. Казаку же проявить подобную слабость — стыд и позор... — А потому любой казак, наталкиваясь в своей жизни на что-либо умилительное и внутренне умиляясь сам, старался как можно лучше скрыть это, чтобы, упаси Боже, чем-либо и как-либо, особенно «по-бабьи» — слезами, его не проявить... И вот, это, укоренившееся у большинства казаков, отношение к слезам, как к проявлению величайшей слабости, не достойной мужчины, и было причиной тому, что все казаки вообще не умилялись до слез, стыдились этого глубоко человеческого чувства, втайне боясь, поддаваясь ему, уронить свое мужество и достоинство — черты наиболее уважаемые казаками. Но... нет правила без исключения. И среди казаков, закаленных в житейских невзгодах и обладавших, казалось бы, не нервами, а стальными канатами — и среди них попадались натуры с большой чувствительностью, способных при созерцании явлений, глубоко потрясавших их душу, уронить скупую казачью слезу, не думая при этом о потере казачьего достоинства. О, среди казаков в полном расцвете сил, прошедших военную муштру в полках и побывавших к тому же на очередной войне, нельзя было увидеть плачущего от умиления станичника! Проявление такой, с их точки зрения — чисто бабьей слабости, нельзя было найти у людей, воочию наблюдавших всевозможные ужасы, какими так богата война, привыкших к ним и часто испытавших их на собственной шкуре... Смешно даже представить себе подобного казака распускающим «нюни» при виде цветущей степи, о которой он так тосковал, находясь на службе или когда он впервые, после долгого отсутствия, видел тихие струи родимого Дона — предмета всех своих вожделений, великое множество раз снившегося ему, находился ли он в казарме, на маневрах или на походе... Любое выражение радости, восторга и умиления — только не слезы! Так казаки, эшелонами возвращавшиеся в родные станицы после нескольких лет, проведенных на службе в далекой Польше, при переезде по железнодорожному мосту через Дон, кричали ура, растроганно пели — «играли» песню: «Что кормилец наш, Дон Иванович», обнимались, целовались, бросали, в виде подарков, в отливавшую серебром донскую волну фуражки, гимнастерки, штаны, харчевые сумки, утирки... Но ни один из них не плакал! А казалось бы, вот случай именно слезой выразить все то глубочайшее душевное волнение, какое они несомненно в тот момент испытывали... Это было бы тем более легче, что слеза-то сама просилась политься из глаз и стоило неимоверных усилий каждому казаку удержать ее, чтоб не показаться бабой! И если бы не этот ложный стыд, если бы казаки, наоборот, считали, что пролить слезу, когда она сама просится пролиться, нормальное явление, — в шутку можно было бы утверждать, что после переезда через Дон казачьего воинского эшелона с возвращающимися в родные курени казаками, уровень воды в Дону повысился бы, так много слез пролили бы казаки, не будь у них страха походить на баб. Тем более, что они имели бы время всплакнуть, ибо машинист, зная казачью привязанность к тихой степной реке, при переезде через нее, замедлял до возможного предела ход поезда — смотрите, мол, станичники, на свой Дон, любуйтесь им всласть, бросайте ему сыновние ваши подарки... хотя все это мне, машинисту, и кажется немного странным и непонятным...

Но как же, все таки, быть с Германом Минаичем? Ведь, вот он стоит в хворосте у берега Дона, смотрит, как струится у его ног донская водичка..., а по щекам его, одна за другой, перегоняя друг дружку, скатываются на седые усы и бороду прорвавшиеся слезинки... И что страннее всего, Герман Минаич даже и не пытается утереть их — текут... и пущай текут... Экую, однако, слабость допустил старик! Правда, за ним никто не наблюдал — некому было наблюдать, а все же... Другой, настоящий казак и смотреть бы на Дон не стал, так — бросил бы рассеянный взгляд на него и торопливо прошел бы по своему делу — сменить часовых, для чего, как раз, Герман Минаич и очутился на берегу, — или передать приказание начальства... Но, ведь, это был бы другой казак. Молодой, сильный, весь в плену мелких повседневных житейских забот, по молодости, кажущихся ему важными, когда он все эти делишки делает... Не то Герман Минаич. Он тоже был настоящим казаком. Если бы он им не был — на кой ляд напялил бы он на себя всю эту амуницию, все эти — шинель, шашку, винтовку, пантронташи и харчевые сумки — и

таскался бы с молодыми парнишками по лугам и в лесу в неурочное время, растрясая старые кости, с риском схватить ревматизм, к слову сказать, им еще не схваченный? Нет! Герман Минаич потому и напялил на свою старую «кобаргу» все эти «причендалы», потому и пошел воевать с красной гвардией, пришедшей «изнистожить» казачество, что он был настоящим казаком... И если он сейчас пустил слезу, глядя на донские струи, на это были особые причины. Одной из них, не главной, был его преклонный возраст. Это общечеловеческая черта. Дошел человек до какой-то грани в своей жизни и стоп... Что раньше было можно, становится вдруг невозможным, как-то незаметно, и в то же время довольно быстро, дряхлеет тело, уходят силы физические и моральные, слабеет воля, вместо действенного восприятия жизни появляется какое-то равнодушие, хуже того — какое-то всеобщее притупление чувств и убийственное ко всему безразличие... Герман Минаич, несмотря на свои почтенные года, был только в начале этого грустного в жизни человека периода и ничего еще не растерял из духовного багажа. Один порыв его, когда он, можно сказать, «восстал на врага-супостата» и с честью переносил все передряги, связанные с этим порывом, говорит о том, что с этой стороны Герман Минаич, не в пример многим старикам его лет, являл только ему свойственное качество — и этим он заметно выделялся среди других... Ну, а вот насчет слезы — тут, несомненно, Герман Минаич платил неизбежную дань старости. Всю жизнь свою он крепился, как все ему подобные, и, Боже упаси, чтобы он позволил чем-нибудь уронить достоинство мужественного казака. А теперь, в конце седьмого десятка, уже не то... И хотел бы иной раз скрепиться, удержаться, особенно на людях, от зазорного следствия какой-либо нравственной встряски, да ничего не выходило из этого, не хватало сил, что-то, легко сдерживавшее раньше, например, слезы, видимо износилось. И слезы текли, помимо его воли, едва приходилось ему испытать душевное волнение. Вот и сейчас — взглянул старик на донскую текучую воду и взволновался. А в результате — эти предательские слезинки, как росой покрывшие его широкую — в малую печную пирожную лопатку — бороду.

Можно спросить: да чего ради, скажите пожалуйста, волноваться и плакать при одном взгляде на Дон и на его, как любят говорить казаки, «струи» — будто, во всех других реках на свете нет таких же струй... Ведь, этак, пожалуй и слез не хватит, если лить их при каждом взгляде на любимый всеми казаками Дон или на не менее любимую ими и не менее обольстительную, скажем, весеннюю степь. Что же? Казаки придонских станиц и хуторов, всю жизнь проводящие на берегах Дона, каждый день с утра до вечера глядящие на него, все погожее время года не выезжающие, можно сказать, с кормилицы-степи, что же, спрашивается, казаки только и делают, что умиляются «донской струей» и степными просторами и беспрерывно льют слезы? А кроме того — ни в одном произведении казачьих писателей — и очень крупных — нигде, ниразу не упоминается о таком факте созерцательного умиления казака перед Доном, да еще вызывающего слезы. Наоборот, все герои этих казачьих писателей даже не очень-то и вспоминают о родной им реке, чье имя они носят, как будто она не существует вовсе. Все герои обрисованы ярко, талантливо, все они отчаянные рубаки и храбрые воины, со всеми присущими им человеческими страстями и слабостями... Одно бросается в глаза при чтении произведений этих прославленных писателей — у всех героев их, вместо живого трепещущего сердца в груди лежит... нечто вроде камня. Или, если и не совсем камень, то оно безнадежно обросло толстым слоем особой синтетической кожи, из специально подобранной смеси, куда, как нарочно, составными частями входят: зверство, жестокость, предательство, жадность, зависть, злость... Неудивительно, с какой жадностью набрасывается читатель на редкие места в романах современных казачьих писателей, где каким то чудом, сквозь звериную кожаную оболочку, прорывается из казачьего сердца жалость, любовь, умиление, нежность... Как отдыхаешь душой на таких редких и скупых строчках. И как жаль, что талантливые авторы, всю силу своего редкого дара пускают в ход только при описании жестокого и совсем мало говорят о хороших сторонах казачьего сердца. В чем дело? Уж не заболели ли и они общеказачьей болезнью ложного стыда, вроде «слезной слабости»? Если это так, то надо горячо желать, чтобы они, как можно скорей, излечились бы от этой болезни. От этого выиграли бы все — и казаки, которые предстали бы перед миром со всеми своими — не только плохими, но и хорошими чертами, и сами авто-

ры — они освободились бы от невольного подозрения в предвзятости и от обвинения в том, что при наличии хорошего они не находят в казаках ничего, кроме дурного, то есть, проявляют непонятную для писателей — знатоков человеческого сердца — слепоту...

Само собой разумеется, Герман Минаич не всегда волновался и тем более — до слез, когда видел Дон. Слава Богу, повидал он его на своем веку. И если бы каждый раз он при этом плакал, дело было бы из рук вон плохо. Да от чего же было и плакать? Дон он любил той потаенной, немного ревнивой, молчаливой казачьей любовью, о коей он, как и другие казаки, не любил распространяться. Любил и гордился им, тоже без биения в грудь и слезливых излияний. Часто ловил в нем рыбу, не мало чебаков, язей, сул и веретенок выудил он в его светлых, желтовато-зеленых в яркий солнечный день, водах... Но, ведь, это все было когда-то. Когда жизнь была спокойной и мирной, когда голова занята была не слишком мудреным разрешением обыденных житейских задач, без больших волнений и, во всяком случае, без всего того, что происходит на белом свете сейчас. Сейчас, если вдуматься хорошенько в суть вещей, — а у Германа Минаича наблюдалась такая склонность, — не только какую-то слезу уронить — белугой зареветь можно...

... Ить, этто подумать только! До чего дожили! На горло наступили, жизни самой угрожают... И не одному казаку какому, а всему славному казачеству... В станицы и хутора пришли... У Дона один уж бок отвоевали... Вон там, за туманом, в Задонском, станом стоят, на этот бок грабятся, станица, того и гляди, в руки этих нехристей попадет... И это после того, как их выгнали уже раз из станицы и от всеобщего возмущения объявили им войну. Что ж оно теперь получится? Вот оно какое дело-то...

Тревога, негодование, оскорбленная гордость, бессильная ярость охватывают Германа Минаича при мысли, что непоправимая, немыслимая беда стряслась, вот она перед глазами, «на энтом боку», того и гляди застреляют оттуда... И это на Дону..., на том самом Дону, чье имя, из-за геройства его сынов, прогремело по всему свету... Чьи воды вспоили лучших в мире степных скакунов, вместе со своими хозяевами побывавших не в одном царстве-государстве... И вот теперь эти воды, что плещутся у ног Германа Минаича, уже не казачьи воды, к ним протянул жадную руку мужик, как будто это он лил за них свою кровь, отвоевывал их у «басурман», когда-то захвативших их у казачьих предков... И надо, выходит, снова лить кровь, снова отвоевывать донские воды, на этот раз... страшно сказать... у русских людей... И мешаются мысли в голове старика, не может он понять и объяснить происходящее... Одно ясно — надо воевать, надо защищаться, надо не допустить, пока еще не поздно, чтобы Дон перестал быть казачьей рекой...

На стремени, на «быстряке», перед взором старика проносятся, уносимые течением, сидящие на воде чайки-«рыбалки». Их больше десятка. Две-три из них, с жалобным вскриком, взлетают вверх. Но, должно быть, кисейно-прозрачный туман все еще мешает им видеть рыбу и они снова спускаются на воду. Будут ждать, когда туман рассеется, чтобы по настоящему начать охоту...

Тихая грусть защемила сердце Германа Минаича, когда пропускал он мимо себя легкий караван белоснежных чаек. Грусть и... зависть... Этим тварям, по крайней мере, ничего не грозит. Казаки ли останутся хозяевами донских вод, новые ли пришельцы завладеют ими, «рыбалки» будут по-прежнему добывать в них себе пищу, как добывали ее с незапамятных времен, они не потеряют своего кормильца - Дона, как могут лишиться его казаки... Герману Минаичу стало невыразимо жалко и себя самого — старого, доживающего свой век казака, слепо верившего в нерушимость казачьих устоев и теперь, на склоне лет, воочию увидевшего, как зашатались эти устои — вот-вот рухнут — и что всего обиднее — в значительной доле по вине самих-же казаков, в самый страшный, самый ответственный момент их жизни разделившихся на два, смертельно враждебных между собой, лагеря — и всех казаков — и «фронтовиков» в том числе, — над сымым существованием которых нависла страшная угроза полного уничтожения, очевидно, как единственная награда за всю их героическую историю в прошлом; и этих тихих струй Дона, наполненных «отцовскими, материнскими слезами» — как поет об этом песня, на коих, по безвременью, не может теперь вечерней порой замереть остроносый баркас с перебирающим у борта крючки перемета старым казаком-рыболовом... Жалость, горечь и умиление перед всем этим, еще окончательно не потерянным, но грозя-

щим им стать, были настолько велики, что Герман Минаич и не заметил, как глаза его затуманились слезой...

... И стоит на донском берегу старый казак и не уставая, несколько оправившись от своего волнения, смотрит на быстро утекающие к югу донские воды... Спокоен сейчас Дон, ни одной морщинки на его поверхности. Вон, только там, влево, на изгибе, где берег крут, струя с разбега ударяется в него, отскакивает, мешается со следующей и обе струи, слившись, кружатся на одном месте. К ним присоединяется третья, четвертая... и кружатся все струи, как хоровод какой безконечный... И ямочки, образующиеся на месте их слияния, кажутся Герману Минаичу улыбками и заставляют его самого невольно улыбаться.

... — «Колвертни, — думает Герман Минаич. — Много их... Потонуть можно, ежли плохо плавать умеешь... Вот, до войны, Кащеевы ребята утонули... Моргнуть не успели, как их потянуло на дно... Обнялись перед смертью, как истинные братья, только фуражки поплыли вниз... Стой! Чево-ж это я брешу? Вить, Кащеевы ребяты утонули на скачках! Ну, да! Так и есть, чуть не сбрехал. Ясное дело, што на скачках... Плыли из Прорвы, одна вода из Прорвы, а навстречь из Дону, получаются как бы буруны какие.. Полая вода была... Баркас на них плясал-плясал да и перевернулся... Справа-то известно какая, казачья...

Утро, между тем, вступало в свои права. Первые же солнечные лучи сорвали пелену тумана, висевшего над водой, растопив его и открыв горизонты. Стал виден, в каких-нибудь двухстах саженях впереди, вражеский берег. У самой воды, скрытые до сих пор, за низенькими издали плетнями, тянулись огороды. Справа от них торчали за бугром крыши крайних куреней Задонского хуторка.

Герман Минаич, по меньшей мере на полчаса забывшийся в мечтах среди краснотала, наконец, очнулся, вспомнив, кто он и зачем сюда пришел. Вспомнил и попятился поспешно назад, подальше от берега, в высокие и густые кусты хвороста.

— Не порядок это, старый хрен, — сам себе сделал выговор старик. — В боевую бы тебя за это! Пришел и прохлаждаешься, а про смену-то и забыл... Вояка, тоже!

Нахмурившись после выговора, — видно, внушение подействовало, — Герман Минаич поспешил на пост номер семь.

Гавря Слепушенок, бывший на посту за старшего, сладко спал на давно сорванной и высохшей, как сено, траве, прислонив в изголовье к густому кусту хвороста винтовку. Пашка Серебряк, повернув на шум шагов Германа Минаича белобрысую, с фуражкой по самые уши, голову, смачно жевал — в руках у него был большой кусок домашнего пирога, полкартыша сала и перочинный нож. У берега плескался, умываясь и отфыркиваясь, Антошка Пискуль.

— Здоро́во ночевали, молодчики! — громко и весело поздоровался Герман Минаич.

— Слава Богу, Минаич! — на ходу, утираясь подолом рубахи, отвечал Пискуль. — Товарищи чудок не поймали нас.

— Бре! Не могёть быть! — не поверил Герман Минаич.

— А ты слыхал, небось, стрельбу?

— Слыхал.

— Ну, так вот... Это товарищи подплывали к нам на баркасе.

— Так они ж были на четвертом посту?

— И на четвертом и у нас, — засмеялся Пискуль, собирая свои пожитки. — Мы только не стреляли по них, пропустили к хорунжему.

— Ах, штоб их! — вырвалось с сердцем у Германа Минаича. — А мы уж думали — показалось это ребятам.

— Не-е, чево там показалось! Мы слыхали, как они гутарили промеж себя.

— Ничево разобрать было нельзя, дюже тихо шептали они... Я под присягу пойду, што они сбочь нас проплыли, — подтвердил Серебряк. — И бабайки слыхать было и говор...

— Страшно было? — полюбопытствовал Герман Минаич.

— Немножко, — признался Пискуль. — А потом сильный антирес нас взял. И када пришла смена, мы не пошли на заставу, остались тут.

— Порешили продежурить до зари, — сказал Пашка Серебряк. Он покончил с завтраком и стал расталкивать спавшего мертвым сном Гаврю Слепушёнка.

По уходе молодых казаков Герман Минаич расположился «стеречь красноголовцев». Усевшись поудобней на травяной подстилке, он весь превратился в слух и зрение. Вражеский берег ему был очень хорошо виден. Если бы на нем показалась кошка и ее, кажется, заметил бы Герман Минаич — до того зорок был еще взор старого казака.

Внимание его, впрочем, скоро утомилось, незаметно для него самого рассеялось. Он

оглянулся на лес, начинавшийся от него в тридцати-сорока шагах. Солнце золотило верхушки корявых верб и тополей. Пищали в лесу и в кустах птички, приветствовавшие наступивший день. Герман Минаич послушал немного разноголосый птичий гам, нисколько, однако, не нарушавший гармонично тихого пробуждения природы, и снова повернулся к Дону. Из головы у него не выходили «красноголовцы», подплывавшие ночью к постам.

— Уж не надумали ли они отместку учинить? — спрашивал он себя. — Ишь, подкрадаться стали... Ну, да шалишь! Имеем и ухи и глаза ещще добрые... Услышим в случáе чево, а када надобно — то и увидим...

Герман Минаич поднял глаза и замер. На той стороне, над низким огородным плетнем, стоял человек. Герман Минаич ,весь подавшийся вперед, пристально стал всматриваться.

— Так и есть, красноголовец, — прошептал он и сердце его забилось сильней. — Чево он туточки делает насупротив меня? Уж, не пальнуть ли?

Старик притянул винтовку, лег, шумя хворостом, на живот и стал прицеливаться. Целился он долго и вдруг опустил винтовку.

— Куды там попасть! — с досадой пробормотал он. — Никак не подведу его под мушку. Ничево не выходить из этова дела. Сталбыть, пущай поживеть ещще, поганец!

«Красноголовец» тронулся тем временем с места, прошел вдоль плетня и снова остановился.

— Высматриваешь? Ну, высматривай, фулиган, высматривай! Вряд чево увидишь... А вот я тебя прослежу, так прослежу, будь покоен.

Человек на той стороне Дона пропал вдруг за плетнем.

— Живот заболел? Ничаво, парнишка, на войне это бываеть.

Должно быть, живот не болел у «парнишки». Через минуту он вырос шагах в пятидесяти дальше по берегу.

— Куды это он? На утек? Так берегом ему не пройтить — там затончик. За бугром ево не видать, но он есть. Сколькя разов я сетки там ставил...

Герман Минаич вскоре увидел, что «красноголовец», дойдя до затона, исчез за перевалом. Больше он не показывался.

Старик устал лежать на животе. Он занял прежнюю позу — полусидячую, полулежачую. И вдруг вскочил, как ужаленный — сзади, в лесу, по направлению к заставе, раздались такие дружные и частые залпы, что у Германа Минаича, от полной неожиданности, свалилась с головы фуражка.

— Што это? — растерялся он. — Неужто переправились, дьяволы?

Залпы сменились частой, беспорядочной стрельбой. Жаркая перестрелка длилась несколько минут, показавшихся Герману Минаичу вечностью... Но вот постепенно стрельба начала затихать и, как будто, отдаляться. Несколько пуль на большой высоте «профурчали» над Германом Минаичем и они то и привели старика в чувство. До этого, во все время перестрелки, он простоял неподвижно, с растрепанными седыми волосами на обнаженной голове, с раскрытым ртом и выпученными от крайнего недоумения глазами... Торопко завозился он над затвором винтовки, поставил курок с предохранителя на боевой взвод и, топчась на месте, не знал, что предпринять: бежать на стрельбу или ждать тут, у Дона, событий?

Справа, со стороны постов хорунжего Машкина, послышался шум раздвигаемых веток, брань и топот тяжелых сапог. Герман Минаич изготовился и поднял винтовку... Мимо него бежал знакомый казак.

— Андрей! Андрей! — крикнул Герман Минаич изо всей мочи.

Но казак, оглянувшись и, видимо, не узнав Германа Минаича, сгинул в талах.

— Тьфу, ты! — плюнул с досады Герман Минаич и, обернувшись к Дону, обмер. У затона, на вражеском берегу, стояли и смотрели — как показалось старику — прямо на него шесть человек.

— Ах, мать вашу в суку! — с сердцем выругался Герман Минаич. — Погодите, я вам покажу, как измываться над казаками!

Он приложился и, не целясь, выстрелил. Люди попадали.

— Сволочь! — дрожал от гнева Герман Минаич.

Однако, как быть? Ответ надо дать немедленно, время не ждет. А как его дать, не обсудив предварительно всей истории? Обсудить тоже полагалось бы обстоятельно, не лстоша, чтобы маху не дать, чтобы не попасть из огня да в полымя, как кур-во-ши...

Герман Минаич сидел на посту, как всегда, спиной к лесу, лицом к Дону. Но вдруг повернулся и выругался.

— Не знаешь, прости Господи, как и сидеть-то! — сердито проворчал он. — И спереди неприятель и сзади неприятель!

Он выбрал среднее, сел боком — по одну сторону от него был Дон, по другую лес. Чутко прислушиваясь к малейшему шуму в лесу, не спуская взора с неприятельского берега, старик принялся обсуждать «всю эту историю»...

— ... «Напали на Ленида Матвеича... Ушла ли застава? Не приведи Господи, ежли всех перебили!.. А ево благородие-хорунжий Машкин?.. В отступ пошел, разведка от нево была бы тут... И как они, окаянные, прокрались? «Прокрались тайною тропой», — пришли в голову Герману Минаичу слова из песни об Ермаке Тимофеевиче. — Тайная не тайная, а заставы нету, как кот слизал.. Прав был, игрец ево задери, Цыганок, када вчерась говорил, што занять наш бок, плёвая дела... И прямь — зевнуть недали... Сычас пойди, у Прорвы чешуть...»

— «Уходить аль нет отсудова? Вот вопрос... Наши, вить, все равно выпруть красноголовцев из лесу. Ево благородие — Иван Федорыч соберёть всю сотню и нонче же к вечеру прогонить их на энтот бок... Ежли посчитать — иначе и быть не могёть... Сколькя их могло переправиться? Двадцать? На самый крайний случай — тридцать от силы... А у нас? Одна пешая сотня сто шестьдесят казаков.., да конная сотня... А ребяты-то какие в конной, дай порвать!.. Обязательно к вечеру наши придуть! Выходить, мне нечево и уходить отсудова... Измучуся толькя... Окромя всево прочева, вить, они, с. с., могуть меня и зацапать... Што я с ними поделаю? Ну, ухлопаю двух-трех, а их-вить, гляди, десятка три наберется. Никуда не пойду! Толькя, Минаич, не шебарши, прихоранивайся трошки... Эх, зря даве пульнул я в них! Попасть — вряд попал, а выдать себя мог...

Герман Минаич осторожно, сняв фуражку, выглянул из кустов на Дон. Дон, как ни в чем не бывало, как всегда в теплое летнее безветренное утро, спокойно и величаво сливал свои воды в далекое море, поблескивая искорками отраженных на его гладкой, серебристой сейчас, поверхности золотых лучей, стоявшего высоко в небе солнца.

— ... «Так вот, Тихий Дон Иванович, — прошептал и часто заморгал старик, чувствуя, как какой то комок подкатывает к горлу. — Вот они какие дела... Выходить — один у тебя зашитничек... И тот схоронился в берегах твоих кудрявых... Защитю-ль я тебя один? Ну, так што же? Видно, на то воля Господня... Была не была... Придется, при оказии, живот свой положить за... За ково-ж теперича живот класть осталося казакам? Раньше, бывалоча, клали за Веру, Царя и Отечество... Царя нет... Отечество — красную гвардию на казаков насылает... Осталася у казаков Вера... И есть ещще у казаков... Родимый Край! Не так длинно, как бывалоча... А все же, выходить, и сычас есть за што помереть казаку на поле брани... За Веру и Родимый Край! Ежли сподоблюсь — да будет воля Твоя, Господи!..» — мысленно, прослезившись, перекрестился Герман Минаич.

Он сделал отчаянное усилие не расплакаться совсем, как баба, от стыда и позора.. Он-то на днях расхвастался в станице: «наша сотня, да наша сотня целый полк их уберет»...

— ... «Вот и убрала... От двадцати красноголовцев убежала... А только ли от двадцати? Но даже, пущай будет, к примеру сказать, двадцать... Што мог с ними поделать Ленид Матвеич, када у нево в наличности десять парнишек и все, почитай, без патронов?.. Эх, невеселая история!.. А нехорошо... Все-же таки нехорошо Дон бросать на одного... Уберегу ли?»

Мысли о Доне мешались у Германа Минаича с мыслями о большевиках и о самом себе.

— ... «На чем они переплыли? На баркасах, само собой... Иде-ж они, эти баркасы? Давеча, када шел я на смену, ничево на берегу не приметил... На берег за собой втащили? Не могёть этова быть — шумели бы, услыхали б их... Назад, ништо, уплыли? Стой! Так и есть! Право слово! И баркасы их в затончике. А энти шестеро — не иначе, как весловые. Постой, постой, Минаич, не лотоши! — одернул себя Герман Минаич. — По порядку все надобно... Ну, их шестеро вылупилось там давеча... Стал-быть, ежли считать по два весловых на баркас, всево в затончике... три баркаса... На три баркаса боле тридцати красноголовцев не поместишь. Та-ак...

— ... «Посижу ещще трошки и подамся на заставу... Надо разведку произвесть, обсмотреть все, в чем там дело... А вернусь — баркасы буду стеречь... Голову отрежь — там они! Ну и хитрые... Иде ж они пристали на нашем то боку? Антиресно бы все до тонкости разузнать...

Стрельба давно прекратилась.

Герман Минаич подождал еще немного, в первый раз за все свое пребывание в сотне снял шашку, чтоб не «тюлюпалась» в ногах,

и держа винтовку на изготовке, осторожно направился к заставе.

Крадучись, ежесекундно озираясь по сторонам, боясь выдать себя хрустом сушняка, продвигался по лесу старый казак. Вот и поляна, где располагалась ночью застава... Курится еще костер... Возле, на примятой траве, валяется вывернутая парусиновая сумка... Тут же два котелка, краюха пшеничного пирога, несколько деревянных ложек... Создавалось впечатление, что казаки на заставе или завтракали, или собирались завтракать, когда их застала тревога... Рушник и какое-то тряпье осталось развешенным на ветках... Немного в стороне от костра валялась старая фураженка — чья бы это? Герман Минаич осторожно стал обходить поляну. В одном месте подобрал обойму со всеми пятью пулями, очень порадовался находке — пули были на строгом счету у казаков. Больше, как будто, ничего не было... Герман Минаич решил возвращаться к Дону, но задержался еще на несколько минут — быстро собрал все обнаруженное на поляне, не забыв и висевших тряпок — и аккуратно упрятал собранное у подножья высокого и тенистого дуба. Возвратится взвод — ничего не потеряется у ребят... Ишь, как задавали лататы, ложки, ажнык, «поперзабыли»...

Пересекая поляну, чтобы идти к Дону, Герман Минаич обратил вдруг внимание на нечто большое и темное, лежавшее в высокой траве у самой опушки окружавшего поляну леса. Толкаемый смутным предчувствием какой то беды, Герман Минаич приблизился и, не доходя нескольких шагов, остановился пораженный. Не было никакого сомнения — там, в траве, лежал человек! Кто бы это? Уж, не Ленид ли Матвеич? Или.., или... Ну, да! Герман Минаич почти не удивился, когда подбежав, увидел Ефима. Парень лежал на спине, широко раскинув руки, с устремленным в небо взором не закрытых глаз... Рубашка на груди вся в крови... Не живой ли еще? Герман Минаич упал на колени и приложился ухом к груди Ефима, долго слушал и, наконец, поднял голову. Сомнений больше не было — Ефим был мертв.

— Царство небесное, вечный покой! Помяни, Господи, душу усопшева раба Твоево Ефима, на поле брани... за Веру и... Родимый Край... убиеннова!

Три раза истово перекрестился Герман Минаич. И потому ли, что его никто не видел или уж горе его было так велико, он, как недавно в кустах краснотала, не пытался даже сдержать градом катившихся по загорелым худым щекам своим слез... Эх, ты старость!

— Чуял парень свою погибель!

Герман Минаич с отчаянием махнул рукой, вытер рукавом глаза, высморкался и, придя окончательно в себя, решил действовать. Первым делом — осмотреть раны...

— Три пулечки... Одна в гру́ди, две в живот... И не мучился паренек... Царство небесное, — снова перекрестился Герман Минаич.

Он встал и долго прислушивался.

— Ну, Ефимушка, казачек ты мой милый, — дрогнувшим голосом проговорил он, повернувшись к убитому. — Пойдем-ка к Дону-батюшке... За нево, вить, ты и кончину мученическую принял... Пойдем к нему, ро́дному... будем вместе стеречь ево... Авось и он сохранить на своем бережку.

И жутко вдруг стало Герману Минаичу — ничего не услышал он в ответ на свое обращение... По-прежнему, широко разметавшись, недвижно лежал молодой казак, словно на перине в жаркую ночь...

— А здеся, Ефим, я тебя не оставлю, — продолжал говорить Герман Минаич — похоже было, что это его подбадривало, хоть собственный голос слышал. — Сычас они тебя не тронули... Ишь, чирики даже не сняли... Так на обратном путю ограбють... Это, как пить дать! Как-нибудь донесу я тебя до талов да там и присыплю травкой... До вечера полежим, а там глядишь, и наши подойдуть...

Герман Минаич перевернул Ефима животом вниз, подложил под него, на высоте груди, винтовку, обхватил ее за концы обеими руками и поволок дорогую ношу к Дону. Тяжелым показался старику мертвый паренек. Несколько раз отдыхал за дорогу Герман Минаич, по́том изошел, задыхаться под конец начал, но дотащил-таки до талов Ефима. Надо было нарвать свежей травы, чтобы накрыть покойника... Но перед этим Герман Минаич захотел взглянуть на Дон. И хорошо сделал, что выглянул тогда из кустов старый казак. Через Дон, немного наискось от поста, плыл баркас. Затаив дыхание, Герман Минаич следил за приближающимся врагом. Вот баркас уже совсем у берега, всего в двухстах шагах от кустов, где он прятался... Герман Минаич снял фуражку и осторожно выглянул. На берегу, по соседству с ним, с цыгарками в зубах, стояли два красных гвардейца. Герман Минаич успел рассмот-

реть — то не были казаки. Они впрыгнули в подоспевший баркас и быстро отплыли к зарывшемуся в песчаных буграх левого берега хуторку.

— Не буду стрелять, — с облегчением подумал Герман Минаич. — Будь я один — ещще можно бы было. Утекну́л бы, в случа́е чево... А с Ефимом не убегёшь...

За травой для Ефима не было нужды идти далеко. Высокая и зеленая, она густо росла сейчас же на опушке леса. Две охапки и Ефим был укрыт с ног до головы.

— Ну вот, — вздохнул довольный, заметно притомившийся Герман Минаич. — Теперича, паренек, тебе не будет жарко. Отдохни опосля боя-то. А я пополу́дную, чем Бог послал.

Из своей знаменитой кожаной харчевой сумки Герман Минаич извлек шматок мяса и колобашку. Оттуда же, порывшись, достал и старый, остро отточенный перочинный ножичек, разрезал, не спеша, мясо на мелкие кусочки и сразу откусив полколобашки, с видимым аппетитом стал закусывать.

За едой Герман Минаич обратил внимание на дымок, поднимавшийся из-за бугра у затона.

— ... «Тут ещще, поганцы... Лишь бы меня не заметили... Зря я по ним пульнул давеча, — еще раз пожалел Герман Минаич. — Сгоряча, ан и не с руки мне теперича. Положим-што, выстрельнул я, када все стреляли. Скажуть, убег...

На всякий случай, он продумал план отступления. Он «дерганёть» лесом к Вясовскому... А оттуда, через Ерик и дубняком, выйдет к Первой Куге, на Рановскую заставу... Но... это на самый крайний случай. Сейчас же надо следить за затоном и слушать тыл. Если до вечера все обойдется благополучно — ночью низачто не сыскать им ни его, Германа Минаича, ни Ефима.

— ... «Да, Ефим... Жил-был веселый казачек. девки от нево повысыхали все и вот — нет ево больше... Как же это он попался красноголовцам? И почему бросил взвод ево тело? Это не по-христиански... Воевать надобно с понятием... Взять любова казака — сразить пуля и, значитца, доставайся воронью? Или врагам, какие, как, скажем, красные гвардейцы, в Бога не верують? Это резон? Спасибочка, он, Герман Минаич, завсегда выручаеть всех... Стыд-то какой! Бросили не толькя позицию — и своно убитова станичника... Поззор! Погодите, трешки! Придете завтра, покажу я вам, иде раки зимують»...

Рассуждая так, старик пролежал над Доном до самого вечера, не будучи ничем потревожен.

Раз, правда, внимание его было привлечено появлением у затона «красноголовцев». Но Герман Минаич твердо решил не путаться с ними и не затевать перестрелки. Ефим, скрытый травой, обязывал его быть осторожным и не выдавать своего присутствия на берегу.

Да еще перед вечером, когда солнце спряталось за лесом и вода в Дону потемнела, Герман Минаич услыхал сзади себя разговор. Голоса раздавались с опушки леса и нельзя было понять — приближаются ли люди, или стоят на месте. О чем говорили они и кто они были — Герман Минаич так и не узнал. Он принял все меры к возможной встрече с врагом. Меры эти заключались в том, что Герман Минаич держал наизготовке винтовку, а рядом положил на землю вынутый из ножен палаш... Если дело дойдет до рукопашной, то он, Герман Минаич, полоснет их шашкой...

Дело, к счастью для Германа Минаича, до рукопашной не дошло — голоса стали замолкать, люди уходили. Отлегло от сердца у Германа Минаича. Но только окончательно убедившись, что опасность миновала, он положил на песок винтовку и снова стал думать и смотреть на тихо плескавшуюся в нескольких шагах от него донскую воду...

Наступил вечер. Стали донимать комары, роившиеся над водой. Было нудно, но надо было терпеть.

... Если бы Герман Минаич курил, может быть, «комарей» и отгонял бы немного табачный дымок... Но с другой стороны — Герман Минаич мог бы выдать себя огоньком от цыгарки... Нет уж..., чево там... С огнем шутки плохие. Вот тоже самое — нащет ночки... С одной стороны, будто, хорошо... «красноголовцы» «ни в жисть» не найдут его в талах... А с другой — страшновато немножко, с покойником по соседству... Как никак, хоть он, Ефим, и славный казачек, а все же он теперь мертвое тело... Герман же Минаич живой человек, со всеми присущими живому человеку слабостями...

Сначала еще ничего было. А вот туда, попозже — ох, не всякий казак вынес бы то, что пришлось пережить Герману Минаичу. Т ль такая опустилась, хоть глаз коли. Тишь кругом, что, кажется, слышно, как тополя в лесу дышут... Малейший хруст в

ставшем таинственным и страшным лесу казался Герману Минаичу ужасным шумом, а в плесках рыб и в тихом журчанье воды чудились ему бабайки и другая чертовщина.

Ну, и Ефим из головы не выходил. Стоит, как живой, в глазах Германа Минаича и смотрит, кажись, в самую душу ему широко открытыми мертвыми глазами своими...

— Живый в помощи вышнего в крове небесного.., — шепчет, крестится старик. — Да расточатся врази Ево и да бежат от лица Ево ненавидящие Ево... Господи, помилуй меня грешнова.

Были такие минуты, когда Герман Минаич чувствовал, как волосы его становились дыбом от ужаса... И все потому, что кругом так темно и так таинственно - страшно все... Будь какой-нибудь шум, движение — наверное, не было бы так страшно...

Герману Минаичу казалось, что он сидит уже целую вечность. В тоске поднимал он голову, стараясь на небе прочесть, когда наступит утро. Но небо было все так же бездонно-черно и так же ласково, как бы дразня, мигали ему сверху звезды... Слышал же Герман Минаич многое — и то, что было и чего не было вовсе...

Среди ночи слух Германа Минаича поразили новые звуки — будто кто шел вдали. Удерживая дыхание, Герман Минаич уловил далекий треск в лесу, а вслед затем и еле слышный разговор... Дальше-больше и через короткое время Герман Минаич ясно различил невнятный шум, смех и выкрики.

— Ай, красная гвардия пришла ночевать к Дону? — похолодел Герман Минаич. — Вот нелегкая их принесла! Этак, немудрено и погибнуть...

Но через минуту он несказанно обрадовался. Над сонной рекой, подхваченный эхом — «луна» шла по воде, — раздался протяжный крик:

— Слуша-а-ай!.. Зато-о-он!.. Баркасы ганитя-я-я!..

— Угу-у!.. — донеслось слабое с противоположного берега.

— Совсем уезжают! — радовался Герман Минаич. — Ну и проваливайтесь, дьяволы!

Он вышел потихоньку к воде. Стали слышней и разговор и смех. Но увидать долго ничего не удавалось Герману Минаичу. Присмотревшись, он заметил малюсенькие вспыхивающие огоньки от цыгарок... Вот загорелась и почти мгновенно погасла спичка... Скоро послышались сильные удары по воде бабаек — красногвардейцы не опасались и гребли во-всю... На берегу затихли. Кто-то громко спросил, должно быть, начальник:

— Товарищ Чувашин?

— Он самый, — басом ответили с реки.

— Баркасы все?

— Все шесть!

— «Шесть»! — ужаснулся Герман Минаич. — «Да сколькя же их приезжало? И как их не слыхали? Много, видать, казаков среди них... Толькя казаки могуть так ловко обставить»...

С шумом и гамом рассаживались по баркасам красногвардейцы. Герман Минаич слышал ругань, всплески воды, скрип весловых уключин...

Отчалили. Послышалась песня, исполняемая одиночкой:

За курганом пики блещут,
Пыль несется, кони ржут,
И повсюду слышно было,
Что донцы домой идут.

— Донцы, — горько усмехнулся Герман Минаич. — Проклятые вы изменники, а не донцы!.. Тоже сыскались сыны Тихого Дона!

Герман Минаич вернулся на свое место в кусты. «Красноголовцы» уехали, утром придет сотня и он повезет хоронить Ефима в станицу... Ленид Матвеич отпустит его, Германа Минаича, на один день... Никак нельзя не проводить на могилки геройского казачка... Да и Михевну проведать не грех... Скоро три недели, как не был дома... В станице был, с донесеньем ходил, а домой забечь некогда было...

Через полчаса Герман Минаич спокойно спал, подложив под голову свою кожаную харчевую сумку.

Франция. **П. Аврамов.**

ВОЖДИ КОММУНИЗМА.

Вижу Дон и воды чисты,
Слышу шум волны прибой,
Слышу голос серебристый —
Это край родимый мой.
А за Доном степь без края
Вся усыпана в цветах,
И стою у врат я рая
Со слезами на глазах.
Лихолетьем и бесславьем
Разорили этот рай.
Нищетою и бесправьем
Затуманился наш край.
Помутились чисты воды
В нашем Батюшке-Дону,
Не видать там уж свободы,
Видим только сатану.
Не цветут уж больше розы
По левадам и в садах.
Загнан наш народ в колхозы,
Иль томится в лагерях.
Ветра буйного порывы
Грозны тучи принесли.
Слышны атомные взрывы,
Что идут с Новой Земли.
Страшны сказки стали былью:
Хрущ на всех и вся плюет,
Смертоносной жуткой пылью
Осыпает он народ.
Спасти себя ввиду имея,
Хрущев, как тать, в глухую ночь
Вождя тащит из мавзолея
И прячет в землю скорей прочь.
«Отца» Никита обвинил,
Что он соратников побил,
А сам убийства и погром
Творит в масштабе мировом.
Так эти авторы террора
Друг друга сами смертью бьют,
А жертву выставляют для позора,
Что сами сеют, то и жнут.
Таков не писанный закон
Для тех, кто действует безбожно,
Что скорпиона скорпион
Убить обязан, коль возможно.
Еще один есть скорпион —
Раскосый глаз имеет он.
Он тоже жало приготовил,
Пока Никита многословил.
Сей скорпион, хотя и красный,
Все-ж для Никиты он опасный.
Никто не знает наперед,
Как с братом он свой счет сведет.
Эпоху Сталина закрыли.
И жутко делается мне —
Ведь столько люда погубили
В угоду этой сатане.
Теперь Никита выдвигает
Свою эпоху наперед,
И также дров он наломает,
А отвечать будет народ.
Уже народ берет тоска,
Когда Хрущев с огнем играет,
Все-ж верим: Божия рука
Его сурово покарает.
И пусть беснуется мучитель.
Он перегнет когда-то палку,
И также, как его учитель,
Сам будет выброшен на свалку.

Калифорния. **Донской казак.**

В КАЗАЧЬЕМ СОЮЗЕ.

6-го ноября 1961 г. состоялось общее собрание Казачьего Союза под председательством полк. Н. И. Зайцева, на котором окончившее трехлетний срок своих полномочий правление Союза дало отчет о своей деятельности за истекшие 3 года.

Председатель Союза Б. А. Богаевский, в сжатой короткой форме сообщил о всем том, что правление Союза смогло сделать за 3 года, несмотря на трудности, всегда стоящие на пути всякой подобной организации, а следовательно и Союза. В начале своего доклада Б. А. Богаевский подчеркнул еще раз то, что Каз. Союз является организацией не политической и не партийной в том отношении, что не проводит никаких полит. взглядов, кроме антикоммунистических. Каждый казак любого Войска, каковы бы ни были его личные полит. взгляды, может принять участие в работе Союза или обратиться за помощью, но при обязательном условии не сочувствовать коммунизму и не проповедывать свои полит. взгляды в сфере Союза. Для Союза нет разницы, монархист ли он,

федералист, националист, «поляковец» и т. д. — для него это казак, нуждающийся в помощи или желающий работать в Союзе.

Подводя итог деятельности правления Союза за истекшие три года, Б. А. Богаевский указал, что ее можно как бы разделить на благотворительную и культурно - просветительную. Благотворительная работа распределяется между правлением Союза и Дамским Комитетом: выдача пособий, ссуд, стипендий, посылка продовольственных и вещевых посылок нуждающимся и праздничных посылок на Рождество и Пасху нашим старикам, устройство на работу, хлопоты о старческих пенсиях и т. д. Правление Союза в течении всех трех лет не прекращало хлопот по устройству «Казачьего Дома». Эта работа была сосредоточена в руках полк. П. И. Джалюка и ген. секретаря Союза Г. С. Новикова, который сделает более подробный доклад на эту тему.

Культурно - просветительная работа выражается в издании журнала «Родимый Край» — органа общеказачьей мысли, в издании книг казаков-писателей. За это время были изданы две книжки П. М. Аврамова («Ковылий Сказ» и «Никифор Кащеев») и труд Н. М. Мельникова «Ермак Тимофеевич, князь Сибирский». Издательская работа сосредоточена в Донском Войсковом Объединении, и в финансовом отношении не зависит от Союза. Журнал издается исключительно на деньги, вырученные от его продажи и на пожертвования отд. лиц в фонд его Издательства. На издательство «Ермака» было собрано среди казаков около 250 тысяч ст. франков — для теперешнего времени сумма значительная. Правда, ее не хватило — издание с многочисленными иллюстрациями на хорошей бумаге стоило значительно дороже.

Каждый год правление Союза совместно с др. каз. организациями Парижа, с Союзом Казаков Комбатантов и др. достойным образом отмечало наши памятные дни: Войсковые Праздники и день Покрова Пресвятой Богородицы, День Казачьей Скорби и годовщину Лиенцевской трагедии. В субботу накануне Войскового Праздника правлением Союза служатся на русском кладбище в С. Женевьев общие панихиды на могиле последнего Донского Атамана, выбранного на донской земле, ген. Богаевского, и перед памятной доской жертвам Лиенца в кладбищенской церкви, с последующим обходом каз. могил. Эта традиция установилась после войны по инициативе предыдущего председателя Союза Н. Н. Туроверова и заменяет как бы символическую панихиду на могиле «неизвестного казака» по всем погибшим, умершим казакам и казачкам всех Каз. Войск.

О финансовом положении Союза доложит его казначей М. И. Кошель. Но кроме средств, принадлежащих Союзу, в его кассе находится еще 5290 **нов.** фр., сданных казаками на сохранение. Эти деньги остаются собственностью того, кто их прислал и выдаются ему по первому его требованию без всяких формальностей. В случае же его смерти они распределяются так, как это пожелал их собственник.

Доходы Союза складываются из дохода с традиционного ежегодного бала и из пожертвований в Дамский Комитет. Так в период с 1 июня 1960 г. по июнь 1961 г. в кассу Дам. Комитета поступило около 600 н. фр.

Генеральный Секретарь правления Г. С. Новиков свой доклад сосредоточил главным образом на приобретении «Казачьего Дома» для казаков -стариков, сообщив, что все подготовительные работы: по составлению списка кандидатов на помещение в будущий дом, по подысканию подходящего дома и все необходимые хлопоты перед организацией, отпускающей на это дело кредиты, закончены и, что в первой четверти 1962 г. можно надеяться получить необходимые кредиты и приступить к покупке дома и его оборудованию.

Из доклада казначея Союза М. И. Кошель видно, что денежный оборот сумм Союза, несмотря на трудности, достиг значительной суммы: приход — 10675 нов. фр. 36 с., расход — 7353 нов. фр. 76 с. Ко дню собрания в кассе находится: 3.321 нов. фр. 60 с.

Заключительный доклад был сделан Н. И. Богаевской, председательницей Дамского Комитета Союза. За три года своей деятельности им было разослано нуждающимся 2009 кг. посылок, что оказалось возможным благодаря хорошим отношениям с Франц. Красным Крестом и благотворительной американской организацией, а так же и помощи отдельных казаков. Для получения необходимых средств для работы Комитета, который как можно меньше старается обременять правление Союза, у которого свои заботы и свои расходы, в течении двух лет Комитетом были устроены «Чашки чая», проходившие всегда с большим успехом. Другим источником средств, позволяющих каж-

дые Праздники послать нашим престарелым казакам, находящимся в старческих домах, и одиноким, являются пожертвования, присылаемые в Комитет или в редакцию «Род. Края», причем показательно, что жертвователями являются лица, исповедующие самые разнообразные политические убеждения, начиная от националистов до монархистов со всеми промежуточными оттенками. За последний год Д. К. было получено около 600 н. фр., причем особую отзывчивость проявляют донцы. В данный момент в кассе Комитета имеется 283,19 нов. фр., 1 амер. долл. и 150 белг. фр.

Деятельность К-та не ограничивалась только выдачей денежных пособий и снабжением вещами и продуктами нуждающихся. Были организованы елки для детей - казачат, с хорошими подарками. Дамы-казачки посещали больных на дому и в госпиталях, а всякий знает, как ценно такое посещение часто одиночных, оказавшихся в больнице; несколько теплых слов, пакет сигарет и небольшой пакетик сладостей для больного — моральный подъем. Устройство вечеров доставляет Дамскому Комитету не мало забот и столько же работы.

После окончания отчетов, были высказаны сожаления о том, что казаки не проявляют достаточно интереса к своей-же каз. организации. Единение и поддрежка Союза особенно необходимы в условиях нашей жизни. Было выражено и мнение, что Казачий Союз якобы не выражает отчетливо своего абсолютно отрицательного отношения к Советской власти, на что Председатель Б. А. Богаевский заявил: Казачий Союз уже своим существованием выражает свою враждебность к большевизму. Лица, взявшие совет. паспорта, не могут состоять в Казачьем Союзе, а кроме того, стоит читать «Родимый Край», который фактически является органом Казачьего Союза, чтобы знать политическую линию Союза. В Союзе не делается различия по политическим симпатиям казаков, за исключением пробольшевистских, а казаки объединяются по одному лишь признаку: Казак — антибольшевик, и этого достаточно.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

В газете «Русская Мысль», № 1715 от 1-го авуста 1961 г., помещено письмо в редакцию за подписью К. Кромяди, в котором автор дал хорошую оценку полк. Бочарову, быв. представителю РОА при Казачьем Стане, как лицу, заслужившему доверие ген. Власова и его окружения. В моем открытом письме ген. И. А. Полякову, напечатанном в журн. «Родимый Край» № 27, я это и не оспаривал и личных качеств полк. Бочарова не касался, а сообщил только факты, имевшие место в действительности, а именно: в ночь с 8-го на 9-е мая 1945 г. на границе Италии и Австрии, на перевале Альп-Плоукен ген. Доманов (согласно постановления военного совета) хотел объявить о роспуске казаков Казачьего Стана и предложить казакам спасаться, кто как может, но в это время в домик на перевале, где происходило совещание генералов, прибыл якобы от ген. Власова полк. Бочаров с письмом, в котором ген. Власов убедительно сообщал, что он все сделал, чтобы спасти нас и рекомендовал прекратить всякое сопротивление англичанам. Это извещение с радостью было принято и отпала надобность в роспуске Казачьего Стана. Там же полк. Бочаров передал ген. Доманову карту Австрии, с обозначением красной линией пути и размещения казаков Каз. Стана в г. Лиенце и его окрестностях, что и было поручено мне, как Коменданту Штаба.

Находясь в г. Лиенце, примерно числа 25-го мая 45 г., ген. Доманов увидел обман представителя РОА, выгнал полк. Бочарова из штаба и приказал больше его в штаб не пускать, но было уже поздно: мы были обезоружены, окружены английскими танками и солдатами с надписью на груди «Палестина», беспомощно обреченные.

Что же касается «недоверия ген. Доманова к окружению ген. Власова и полк. Бочарову», к сожалению оно оправдалось! См. газету «Новое Русское Слово» от 11-го февраля

1960 г.: «Прагу освободили власовцы». Спрашивается, от кого и для кого? Дальше г-н Кромяди пишет: «Версия об отрицательной роли полк. Бочарова в деле выдачи казаков из Лиенца, не упоминалась до сих пор никем из казаков». Возможно и я бы не писал об этом, если бы ген. Поляков не сделал вызова и не клеветал на нас, переживших самые страшные и самые жуткие годы в нашей жизни на сов. каторге, а потому я, вспоминая прошлое, вынужденно коснулся лично г-на Бочарова, а не всех участников Власовского освободительного движения, и брошена тень на это движение не мною и не ген. Домановым, а приказом от 25 апреля 1945 года в селе Козоед под Прагой: «разговаривать с немцами свинцовым языком».

28-го мая 1945 года казачьи офицеры во главе с ген. П. Н. Красновым англичанами были вывезены под предлогом «конференции» в Шпитталь, арестованы и 29-го мая переданы большевикам. Полк. Бочаров тоже выехал 28-го мая на отдельной машине с англичанами, только не в Шпиталь, а в Удино к англ.. ген. Александеру, где находился штаб союзных войск. Полк. Бочаров, будучи советским гражданином, был оставлен в свободной Европе с ген. И. А. Поляковым, а беженцы из Югославии старые эмигранты, не будучи сов. гражданами, были выданы, и когда нас привезли л Юдинбург для передачи, там сов. генерал сказал: «а зачем привезли старых эмигрантов, они не наши, мы требовали наших граждан».

Из вышеизложенного вывод прошу сделать самим читателям!

(Германия) **А. Протопопов.**

И. Я. Крюков, воспитанник Новочеркасского Каз. Училища, указывает на некоторые неточности, вкравшиеся в очерк А. П. Падалкина «Новочеркасское Каз. У-ще» («Род. Край» № 36):

Стр. 12, 2-ой столбец — Император Николай 2-ой приезжал в Новочеркасск не в 1915, а в 1914 г.

Стр. 19, 1-ый столб. — В Аксайской ст-це Духовного Училища не было. Всего на Дону было два Дух. Училища: в Новочеркасске и в Усть-Медведицкой. Повидимому автор упоминал **об учениках** Дух. У-ща, которых много было в Аксайской ст-це, но которые учились в Новочеркасске.

К статье **А. Левицкого «Старые полки русской конницы»** (№ 50 «Военной Были» и № 36 «Род. Края») кн. Н. С. Трубецкой («Военная Быль» № 51) вносит следующую поправку:

В своей статье «Старые полки конницы», А. Левицкий отмечает, что особенностью 1 Кизляро-Гребенского полка, Терского Войска, было то, что полк этот имел штандарт, а не знамя, как другие казачьи полки. Сведение это не точно, так как, кроме этого полка, следующие казачьи полки имели штандарты: Лейб-Гвардии Казачий Его Величества, Лейб-Гвардии Атаманский Наследника Цесаревича, Донского Войска полки Второй очереди №№ 26, 29, 30 и 31, Третьей очереди №№ 36 и 37. Этим армейским казачьим полкам штандарты Высочайше пожалованы 17 апреля 1878 г. за Турецкую кампанию 1877-78 гг.

Кубанскому Дивизиону Конвоя Его Величества пожалован 11 мая 1911 г. юбилейный штандарт с Андреевской лентой, Кубанского Войска полкам: 1 Таманский (4 июня 1881 г. за Геок-Тепе), 1 Полтавский (6 января 1879 г.), 1 Запорожский и 1 Кавказский (обоим — 13 октября 1878 г.), трем последним за Турецкую кампанию 1877-78 гг.

Терскому Дивизиону Конвоя Его Величества 26 ноября 1867 г., Терского Войска полкам: все три Кизляро-Гребенских (1, 2 и 3 оч.) пожалованы юбилейные штандарты с Александровскими лентами 3 августа 1881 г.

Кроме того, штандарт имела лейб-гвардии Уральская Его Величества сотня, пожалован в день юбилея 2 января 1899 г. и 9 августа 1906 г. передан в лейб-гвардии Сводно-Казачий полк.

ИЗ ОТЗЫВОВ О «ЕРМАКЕ».

Редакцией «Род. Края» и автором книги о «Ермаке» Н. М. Мельниковым получены многочисленные отзывы, выдержки из которых помещаются ниже:

Н. Полубояров от имени казаков г. Грасса (Франция) «приносит Донскому Объединению и издательству «Род. Края» искреннюю благодарность за драгоценный подарок, за чудную книгу, о которой мы могли только мечтать».

Такую же благодарность шлет оренбуржец А. Арапов от группы казаков Дальнего Востока, находящейся в Швейцарии в г. Гроно.

Ген. И. Н. Оприц пишет: «Вся наша русская зарубежная печать отозвалась хвалебными отзывами и трудно что-либо добавить. Вопрос изложен исчерпывающим образом, несмотря на краткость и сжатость изложения. Изложено красочно. Изложено хорошим русским языком. Чтение этой книги захватывает! Честь Б. А. Богаевскому за издание Вашей книги, притом изданной хорошо!»

Подписчик «Род. Края» Серебряков от имени казаков из Люксембурга: «Сердечно благодарим за книгу «Ермак». Очень рады иметь этот документ казачьего быта Передайте станичнику Мельникову нашу глубокую благодарность за его труды и заботы о казачестве, также и нашим казачьим издателям, заботящимся о чести и достоинстве казачества.»

В. М. Петрус из США: «Книга написана убедительно и обоснованно и изящно издана. Все честные казаки очень довольны изданием такой книги и просили меня передать Н. М. Мельникову их искреннюю благодарность за такой большой труд во славу казачества».

Ил. Ив. Сеньшин пишет автору: «Не стану говорить Вам комплиментов, скажу лишь, что до последнего слова согласен со всем, что написал о книге профессор Миллер. Книга дала не только достойный ответ клеветникам, но и пополнила пробел, показав нам многое, что было нам совершенно неизвестно. В дополнение к двум памятникам, воздвигнутым Ермаку в Новочеркасске и Тобольске из гранита и бронзы, Вы своей книгой воздвигли ему третий памятник, по слову Пушкина «нерукотворный», и к «нему не зарастет» казачья «тропа». Не зарастет она к Вашему детищу».

Полк. В. А. Скандилов: «Своим трудом — при нашей обстановке очень большим — Вы положили преграду всяким кривотолкам и злопыхательствам в отношении к казачеству. Типы эти должны призадуматься, может быть и отойдут от своих убеждений, молодежь же воспримет историю казачества так, как она справедливо написана в этом труде. Величайшее Вам спасибо.»

В отделе «Обзор военной печати» в «Вестнике» Обще-Кадетского Объединения (№ 98) и в журнале «Военная Быль» (№ 52, янв. 1962 г.) А. Левицкий пишет о «Ермаке»:

«Предисловие к книге заканчивается пожеланием, чтобы книга эта стала настольной книгой каждого казака. Я позволю себе несколько расширить это пожелание: мне представляется, что каждый русский, любящий свою Родину и интересующийся ее прошлым, должен прочесть эту книгу. В ней он найдет правдивое описание эпохи, выдающимися деятелями которой являются Ермак и его последователи — казаки землепроходцы, с невероятными трудностями достигшие блестящих результатов по расширению пределов Российской империи...»

«... Нельзя не согласиться с заключением автора, который с полным беспристрастием, разбирая боевые столкновения, приходит к заключению, что объяснение успехов Ермака нужно очевидно искать в талантах вождя и в исключительной доблести его воинов - казаков...»

«Все интересно в этой книге, аккуратно, тщательно изданной, иллюстрированной рисунками и портретами Ермака...»

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ МИХАИЛА БОЙКОВА

3 ноября в Аргентине при загадочных обстоятельствах умер автор книги «Люди советской тюрьмы» Михаил Матвеевич Бойков.

Месяца четыре тому назад Бойков познакомился с неким Степановым. Встреча состоялась на улице. Степанов подошел к Бойкову сам, представился и стал рассыпаться в комплиментах по поводу книги «Люди советской тюрьмы». Затем Степанов пригласил Бойкова в бар. За виски он сказал, что служит в каком-то аргентинском государственном учреждении и имеет возможность получать свежую советскую прессу.

Мы знаем, что ни одно аргентинское учреждение не имеет и не может иметь советских газет и журналов. В этой связи слова Степанова внушали подозрение. Однако покойный проявил типичные в нашей среде беспечность и самомнение: я, мол, стреля-

ный воробей — на мякине меня не проведешь.

31 октября Бойков виделся с редактором «Сеятеля» Чоловским. Он сказал, что 2 ноября должен встретиться со Степановым, который якобы обещал ему принести книгу Юрия Слепухина (бывший солидарист, вернувшийся из Аргентины в СССР). Чоловский в свою очередь предупредил Бойкова быть осторожнее.

5-го ноября Бойков был найден мертвым у себя в комнате. Он лежал на кровати. Рядом лежала записка, написанная слабеющей рукой. Записка гласила: «3-го встретился со Степановым. Пил. Почувствовал вскорости себя так плохо, что едва добрался домой. Следующие 5 часов было то хуже, то лучше. Сейчас умираю. Покажите записку Чоловскому — ул. Террада 2934»...

Полиция сначала составила акт о самоубийстве. Однако Чоловский настоял, чтобы было произведено вскрытие. О результатах вскрытия полиция молчит, сказав лишь, что причиной смерти был разрыв кровеносных сосудов легких (между прочим, такая же история произошла и тогда, когда на улице умер Февр, автор книги «Солнце всходит на западе»)...

После проверки соответствующих архивов полиция установила, что никакой Степанов в аргентинских учреждениях и фирмах не служит. Не оказалось фамилии Степанова и в списках советских служащих в Аргентине.

«Русская Мысль» Янв. 1962 г.

Примечание редакции: М. М. Бойков, терский казак, последней эмиграции. Талантливый журналист. Им был написан целый ряд книг: «Люди советской тюрьмы», «Рука майора Громова» и др., описывающие советский быт и борьбу населения против сов. власти.

УШЕДШИЕ.

† 29 авг. 1961 г. в г. Земуне (Югославия) скончался Дон. Войска ген.-м. П. М. Губкин (полный инвалид), участник 1-ой Великой и гражданской войны, бывший командир 6-го Ермаковского полка, кавалер орд. Св. Георгия 4-ой ст., Св. Николая 2-ой ст., имевший золотое оружие.

† 15 окт. 1961 г. в Филадельфии (США) скоропостижно скончался ес. В.В.Д. В. Ф. Петренко, атаман заокеанской ст-цы в Филадельфии. Похоронен на Владимирском кладбище РОВА.

† 1 окт. 1961 г. в Нью-Йорке на 71-м году жизни скончался атаман Донской Центр. им. ген. Краснова станицы в ст. М. Е. Зотов, ст-цы Трех-Островянской В.В.Д. Похоронен на Владимирском кладбище РОВА.

† 4-го ноября 1961 г. в Югославии скончался ес. С. Г. Кондрашев, атаман В. Курмоярской ст-цы В.В.Д.

† В Доме Русского Красн. Креста в Шель (Франция) скончались 8 ноября 1961 г. Ф. Б. Карташев, ст-цы Цымлянской В.В.Д., род. 8. II. 1887. и 9 ноября 1961 г. В. К. Самсонов, ст-цы Мигулинской В.В.Д., о чем с прискорбием сообщает Союз Казаков-Комбатантов. Похороны состоялись на местном кладбище.

† 6-го ноября 1961 г. в Англии умер полк. Н. И. Ванжа, ст. Полтавской К.В.

† В Софии (Болгария) скончался от несчастного случая полк. Цугулиев, Тер. В.

† Обще-Казачья ст-та в Лионе (Франция) извещает о смерти 8. II. 61. сот. Г. А. Зубарева, 66 лет, ст-цы Арчадинской В.В.Д Похоронен на новом кладбище в Вилебран.

† 28 окт. 1961 г. в Лейквуде (США) скончался георгиевский кавалер ес. П. И. Булатецкий, ст-цы Староминской Куб. В.

† 7 янв. с. г. в госпитале Биша (Париж), скончался Обухов, В.В.Д. Похоронен на кладбище г. Пантен.

† 28 ноября 1961 г. в г. Нов (Австралия) тихо скончалась Л. А. Сидорина, 86 лет, вдова ген. В. И. Сидорина, участника Степного Похода, б. нач. Штаба Поход. Атамана ген. П. Х. Попова и комундующего Донской Армией, о чем сообщают донские партизаны Задонских и Сальских степей, находящиеся в США и выражающие свое соболезнование дочери и зятю.

† В ссылке на далеком севере, на Соловецких островах, скончался Кузьма Ефимович Комаров, ст-цы Нагавской, хут. Дарханова В.В.Д. Сын казака земледельца. К. Е. получил первоначальное образование в своей и Н. Чирской ст-це, а затем окончил Московский Университет и был преподавателем сначала в г. Нальчике, а затем в Н. Чирской. Мир праху его — доброму хорошему казаку.

(Сообщил И. К. Гаврилов ст-цы Нагавской).

† 29 нояб. 1961 г. в Булонь-Бианкур, под Парижем, скончался есаул Д. И. Попков, Усть-Медведицкой ст. В.В.Д., 68 лет. Похоронен на рус. кладбище в С.-Женевьен-дэ-Буа.

† 13 янв. с. г. там же скончался вахмистр Еф. Мих. Левин, Арчадинской ст. Усть-Медв. окр. В.В.Д. Похоронен на кладбище Банье в предместьи Парижа.

† В февр. с. г. в г. Медоне, под Парижем, скончался на 91 году жизни генерал-майор Тимофей Васильевич Михайлов, председатель Гвардейского Объединения, быв. командир — с 1914 г. — 24 Дон. Каз., с 1916 — Лейб-Гв. Атаман. Наследника Цесаревича полка, а во время гражд. войны — ком. Гв. Каз. бригады до 1919 г. Похоронен на местном кладбище.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

● 26 ноября Уральская станица в Париже праздновала свой Войсковой Праздник. После молебна в храме Св. Серафима Саровского, с провозглашением вечной памяти ушедшим, состоялась братская трапеза.

◆ 26 ноября Объединение Атаманского Училища праздновало Училищный Праздник. После молебна Св. Архистратигу Михаилу в Музее Л.-Гв. Казачьего полка в Курбевуа, состоялся торжественный завтрак с многочисленными гостями, затянувшийся до позднего вечера.

◆ 25 дек. 1961 г. произведены перевыборы правления Обще-Каз. ст. в Абондане (Франция). Атаманом выбран П. Д. Наумов (Д.В.), помощником и казначеем — П. Г. Ягодинцев (Куб. В.).

● 7 янв. с. г. Дамским Комитетом Каз. Союза во Франции в помещении при русской церкви на рю Лекурб была устроена елка для казачат парижского района. На елке в пользу Дам. Ком. было собрано среди присутствующих 75 нов. фр. Престарелым казакам, находящимся в старч. домах, Дам. Комитетом были разосланы рожд. посылки.

◆ Вышел в свет № 1 «Казачьего Литературного Сборника» под редакцией П. Ф. Крюкова. В сборнике 50 стр. текста, цена во Франции 3,50 н. фр., за границей — 1 долл. Выходит 4 раза в год. Выписывать по адресу: D. Bratchicoff. 18, rue Wurtz, Paris 13. France.

● В США вышел №II «Кубанского истор. и литер. сборника» (выписывать у издателя: Naumenko. POBox. 323. Blauvelt. N.Y. USA) и брошюра Ф. Кубанского «Конституция Кубанского Края» (изд. Gorb. POBox 2943, Paterson. N.Y. U.S.A.).

Подготовляются к печати: «Великое предательство» (Выдача казаков в Лиенце) в 2 томах, ген. В. Г. Науменко. Книги с многочисленными иллюстрациями и в переплете. Цена 1-го тома по подписке — 5,50 долл., по выходе — 6,50 долл. Заказы направлять: Slavonic Bazar, 77 Plaza Bridgeport 3, Conn. U.S.A.)

Хор. Л. Л. Масянов подготовляет труд по борьбе Уральского Войска с большевиками.

● В Мюнхене стал выходить новый журнал «Казакия» под редакцией П. Полякова.

◆ В Париже состоялись традиционные благотворительные балы: 17 дек. — Калмыцкого Союза (в залах мерии 3-го аронд.) и 27 янв. — Казачьего Союза (в залах мерии 15-го аронд.).

● Снова заболел известный поэт Н. Н. Туроверов, бывший в течении многих лет председателем Каз. Союза во Франции, член редакц. коллегии «Род. Края». Редакция шлет Ник. Ник. свои пожелания скорейшего выздоровления.

◆ 11 февр. Каз. организациями Париж. района День Казачьей Скорби отмечен торжественной панихидой в кафедральном соборе на рю Дарю.

◆ **РОЗЫСКИ.** Лиц, знающих что-либо о судьбе Елисея Ксенофонтовича **Дубенцева** и его родственников, живших в ст-це Великокняжеской В.В.Д., просят сообщить по адресу: Ritikoff. Blanchisserie. Mougins. (A. M.) France.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Правлением Казачьего Союза, редакцией «Род. Края» и мною лично получены из разных мест казачьего рассеяния, как от организаций, так и отдельных казаков, многочисленные поздравления и добрые пожелания к праздникам Р. Х. и Н. Г.

Не имея возможности из-за недостатка времени ответить всем в отдельности, мы просим принять нашу искреннюю благодарность за внимание и за добрые пожелания.

Казачье спасибо всем.

Председатель Каз. Союза:
Б. Богаевский.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ».

(С 1 ноября 1961 г. по 1 янв. 1962 г.)

Фонд Издательства: В. А. Балахнин и Н. М. Синяпкин по 20 долл., г-жа Сутулова — 10 долл., М. Матвеев — 3 долл., И. Я. Крюков — 20 н. фр.

Через Б. Н. Уланова: Тайлор, П. Дьяконов, В. Н. Дронов, Ф. С. Маневский по 5 долл., д-р Б. В. Харламов, Г. А. Улитин, С. А. Пахомов — по 10 долл., П. Н. Быкадоров — 3 долл., Браминов — 3,25 долл., Б. Уланов — 1 долл. (Продолжение будет в № 39)

Для передачи **Дам. Комитету Каз. Союза:** Мушихин — 1 н.фр., К. Поляков, Радченко, Бальбуциевы — по 5 н. фр., Г. С. Новиков, г-жа О. Кулягина и г-жа Еронина — по 10 н. фр., Ф. И. Агеев, А. А. Леонов — по 50 н. фр. Отдел Партизан чернецовцев-семилетовцев при Каз. Союзе — 15 н. фр., Е. С. Фишер — 20 н. фр., собранные А. В. Сергеевой — 110 н.фр., (М. П. Сергеев — 50 н. фр., А. Иванов — 10 н. фр., Боровский, дроздовец, г-жа Размени, Хрулев, подп. неразборчива — по 5 н. фр., Скоников, Арифеев, Данчес, Розяковов, Орлов — по 3 н. фр., Тюпин, Мишель, Куржена, Турин и Протопопов — по 2 н. фр.), от Отдела партизан чернецовцев - семилетовцев — 30 н. фр., полученных от кн. Белосельского, собранные полк. Зиминым среди Терского Объединения — 150 н.фр., (Н. И. Зимин — 50 н.фр., Калмыков и — подпись неразборчива — по 20 н. фр., А. И. Клочков, А. А. Пятницын, А. З. Воробьев, Ф. Н. Кугучков, А. Г. Колесник и — подпись неразборчива — по 10 н.фр., Ек. — 5 н.фр.).

На увековечение памяти ген. П. Х. Попова: Литвиненко — 20 н. фр., Еронин — 15 н. фр., Пузанов и Секция казаков-комбатантов в г. Монтаржи, Е. Ковалев, Аристов — по 10 н.фр., ес. А. Т. Сердинов — 2 н.фр.

Редакция «Род. Края» просит принять всех жертвователей глубокую искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Из за увеличения стоимости издания «Род. Края», что является следствием повышения цен во Франции, стоимость отдельного номера журнала, начиная с № 38, установлена в 3 н. фр., годовой подписки на 6 номеров — 18 н. фр. (за границей соответственно № — 70 цент., год. — 4 долл.).

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff C.C.P.P. 15.233.79 Nointel par Presles (S. O.) F r a n c e .

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Mr. Bogaevsky 52, Avenue Flachat, Asnieres (Seine) F r a n c e.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 н. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н.фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3.50 н. фр.) и репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (размер 32 х 16 см., цена 8 н. фр.).

P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris-6e

Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Христос Воскресе...
Г. Гордеев — «Призыв».
В. — «День Казачьей Скорби в С.Ш.А.»
Г. А. Улитин — «День Казачьей Скорби».
Н. Туроверов — два стихотворения.
А. Скрылов — «Ген. Л. Г. Корнилов».
Сальмерин — «Геносид Калмыцкого народа» (окончание).
Б. Н. Уланов — «Ермак Тимофеевич, князь Сибирский».
Письма в редакцию.
Н. М. Мельников — «По поводу книжки Беляевского «Правда о ген. Деникине».
Е. Ковалев — «О книге Толмачева и о статье г. Падалкина».
Н. Е. Русский — «Уссурийцы».
П. А. Соколова — «Записная книжка».
Ф. Сметанин — «На Пасху».
И. Тапилин — «Лекари, знахари и ворожеи».
К. Поляков — «На балу Каз. Союза в Париже».
Казачья жизнь за рубежом.
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакц. коллегии «Род. Края».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 39 Март - Апрель 1962 — 3 N.F.

PAYS NATAL Mars - Avril 1962 Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky*.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, отдел партизан Чернецовцев-Семилетовцев, Содружество Лиенца и Дам. Комитет Каз. Союза поздравляют со светлым Праздником Воскресения Христова всех Атаманов, казаков, казачек и казачат всех Казачьих Войск и шлют им свои наилучшие пожелания здоровья, сил, бодрости и единения.

Председатель Каз. Союза
Б. Богаевский

***

Редакционная коллегия «Родимого Края» поздравляет всех казаков и своих читателей со светлым Праздником Христова Воскресения и просит принять наилучшие пожелания.

Редакц. Коллегия «Род. Края»

ПРИЗЫВ

Мы — дети единой и славной семьи,
Остатки той стаи орлиной,
Что в прежние годы летала в степи
Под небом отчизны любимой.
В борьбе безпримерной, жестокой борьбе,
Мы вместе сражались, страдали,
С глубокою скорбью в холодной земле
Мы братьев, друзей погребали.
Когда же бороться не стало уж сил,
И нас корабли подбирали,
Мы с равною скорбью последний кусок
Родимой земли покидали.
Зачем же теперь, когда мало так нас
И в жизни так мало отрады,
Царят среди нас в угасающий час
Деления, ссоры, разлады?

Соратники, братья — довольно вражды,
Взаимных обид, оскорблений,
Пора перестать нам быть темным пятном
Среди нам чужих поколений.
Давайте слетаться в станицы, кружки,
В момент быстротечный досуга,
Как прежде когда-то в былые года
С улыбкою встретим друг друга...
И вспомним о том, как в родных хуторах
Весною сады расцветали,
Как звонко вечерней порой соловьи
В тех милых садах щебетали...
По чарке мы выпьем за наших друзей
На поле кто был с нами ратном,
И «вечную память» мы тем пропоем,
В поход кто ушел невозвратный...

Сев. Америка.

Г. Гордеев.

ДЕНЬ КАЗАЧЬЕЙ СКОРБИ В США

Годовщину смерти (29 января 1918 г. по ст. стилю) первого выборного Атамана Всевеликого Войска Донского А. М. Каледина казачья эмиграция отметила на этот раз особенно торжественно. В воскресенье, 11 февраля, в Свято-Покровском кафедральном соборе после литургии архиепископом Иринеем Бостонским была отслужена панихида по вождям и всем казакам и казачкам, отдавшим свою жизнь за казачество. Протопресвитер о. А. Сагайдаков произнес перед началом панихиды краткое слово. Он, вместе с о.о. Л. Ладинским, П. Дьяконовым, игуменом Юлианом сослужили владыке. Пел митрополичий хор Н. П. Афонского, исполнивший «Вечную Память» П. Чеснокова.

Затем в верхнем зале при соборе состоялось многолюдное траурное заседание, которым руководил атаман Общеказачьей станицы в Нью-Йорке А. Е. Афанасьев.

Почетными гостями были: Кубанский Войсковой Атаман Б. И. Ткачев, закончивший свою приветственную речь пожеланием, чтобы такие собрания устраивались почаще и послужили более тесному объединению казачества; заместитель Терского Атамана К. К. Агоев, говоривший о «духе казачества», воспетом Лермонтовым, о гибели Атамана Караулова, о тяжкой борьбе Терека на два фронта — с большевиками и напавшими с тыла чеченцами и ингушами; заместитель председателя Донского Войскового Круга Б. Н. Уланов, высказавший уверенность, что принесенные казачеством жертвы являются стимулом к продолжению борьбы за лучшее будущее и казачества и всей России; уралец Л. Л. Масянов, напомнивший о той доле, которую и его казачество внесло в дело борьбы с большевизмом, и о тяжкой цене, которой оно оплатило свое поражение.

В речах представителей организаций — устроителей траурного собрания — атамана Донской Центральной им. ген. П. Н. Краснова станицы А. И. Тульцева; главы казачьего нац.-культ. объединения Е. В. Ковалева; атамана Терско-Кубанской станицы В. П. Попова; Заокеанской Филадельфийской станицы В. В. Черешнева — призыв к объединению звучал особенно настойчиво. К этому обязывают принесенные казачеством всех без исключения Войск тяжкие жертвы, память героев антибольшевицкой борьбы и долг перед уцелевшими еще на родине новыми поколениями казаков.

На этом закончилась первая часть траурного собрания и было предоставлено Г. В. Губареву слово для доклада на тему «Роль казаков в гражданской войне». В вводной части своего выступления докладчик предупредил, что будет говорить не по всей теме в целом, а лишь о положении на Дону после Февральской революции, после Октябрьского переворота до смерти ген. Каледина и ухода в Степной поход ген. П. Х. Попова и в Ледяной — ген. Корнилова. Доклад был насыщен личными воспоминаниями, личными наблюдениями, без широкого обобщающего подхода. Многие приведенные факты, а еще больше даваемое им освещение, невольно вызывали у слушателей желание выступить с поправками и серьезными возражениями. Но характер собрания и поздний час окончания доклада лишил их, к сожалению, этой возможности.

В.

ДЕНЬ КАЗАЧЬЕЙ СКОРБИ

Дни Казачьей Скорби — сколько глубокого смысла в этих трех словах, сколько человеческой трагедии.

Отречение от престола, революция во всей стране, большевицкий переворот, развал империи и рождение пролетарской диктатуры...

Кто мог предвидеть в то время последствия этих событий для всего человечества?

Некоторые из нас, тогда молодых и полных энергии, чувствовали, конечно, что все эти потрясения не пройдут без влияния на мировую историю, большинство же было занято решением местных или даже частных проблем. И только голос А. М. Каледина пророчески звучал и на Всероссийском Московском Совещании в августе 1917 г. и на всех заседаниях Донского Войскового Круга.

Он, один из немногих, предвидел размеры наступающего зла. Это сознание неминуе-

мости трагедии, видимо, и заставило Атамана вынести решение и, жертвуя своей жизнью, призвать казаков на борьбу.

11 февраля (29 янв.) 1918 г. в Атаманском Дворце в Новочеркасске раздался выстрел, который отозвался по всем станицам и хуторам Донского Войска. Казачество, все как один, стало на защиту своего гордого имени вольных людей — людей, никогда не знавших никакой формы рабства.

Есть ли оправдание всем жертвам, мучениям, изломанным жизням?!

Пути Господни неисповедимы. Ни А. М. Каледин, ни мы, казаки, в то время не могли иначе поступить. Поэтому и Дни Казачьей Скорби в то же время являются и днями Казачьей Славы, и их дела история не забудет и они будут жить в веках.

Вот почему в годовщину смерти Атамана Каледина казаки всех Казачьих Войск во всех местах своего рассеяния служат панихиды. Такая панихида была отслужена и в казачьем хуторе в Глендоре.

Глендора, Калифорния.

Член Д. Войскового Круга
старый казак
Гр. А. Улитин

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

«Вы были в Африке?
— Я служил в Легионе!»
Из парижских разговоров

Я еще не меняюсь в лице,
Но теряю последние силы:
Это редкая муха Це-це
В легионе меня укусила.
Это значит: приходит пора
С концом примириться житейским.
Удивляются все доктора
Неизлечимой болезни.
Это значит: не спать, а дремать,
Не прося у людей состраданья.
Кто смерть?
Ах, покойная мать
Вызывает меня на свиданье.

II

Хорошо, что кончается время
У каких-то воздушных перил.
Я казачье старинное стремя
Под подушку себе положил.
Ничего мне больше не снится,
Стал мой мир изумительно прост
И босяк с хризантемой в петлице
Меня увлекает под мост.

Н. Туроверов

ГЕН. Л. Г. КОРНИЛОВ

(Из материалов «Казачьего Лексикона»)

КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич, генерал от инфантерии, Верховный Главнокомандующий Российской Армии, Командующий Добровольческой Армией.

(Род. 18 авг. 1870 — убит в бою 31 марта 1918 г. (ст. ст.).

Казак станицы Кокпетинской Сибирского Каз. Войска — родился в Зап. Сибири в г. Усть-Каменогорске.

Его мать казачка ст. Кокпетинской, отец — отставной хорунжий Сибирского Каз. войска, в то время волостной писарь и одновременно ведший свое скромное хозяйство-землепашца.

9-ти лет поступил в местное приходское училище, но вследствие переезда отца из Усть-Каменогорска в Зайсан, принужден был образование продолжать на дому. В

1883 году выдержал приемный экзамен в Сибирский кадетский корпус, который закончил П Е Р В Ы М в 1889 году.

19 лет поступает в Михайловское Артиллерийское Училище в Петербурге, где часы досуга посвящает изучению иностранных языков, главным образом восточных.

В 1892 г. кончает Училище (со средним баллом ОДИННАДЦАТЬ при 12 бальной системе), производится в подпоручики артиллерии с назначением в Туркестанскую Артиллерийскую бригаду со стоянкой в Ташкенте.

Три года подпоручик Л. Г. Корнилов служит в Туркестане, готовясь одновременно к поступлению в Академию Генерального Штаба. По конкурсному экзамену принят в таковую П Е Р В Ы М — и таковым же ее и оканчивает.

По окончании Военной Академии в 1898 году возвращается в Ташкент, а по приезде назначается на Афганскую границу в распоряжение известного исследователя Центральной Азии генерала М. Е. Ионова.

В 1899 г. — получив задание — изучает район КУШКИ. Путешествуя в течение полутора лет, изучает Китайский Туркестан и Кашгарию, — результатом чего выходит в свет его труд под названием: «Кашгария и Восточный Туркестан».

В 1901 г. отправляется на исследование в «Степь Отчаяния» — Дашти Наумкн (вост. Персия), обозначавшаяся тогда на картах под именем «неисследованных земель». Экспедиция эта длилась 7 месяцев.

В 1903 г. командируется в Индию. Назревший в то время конфликт России с Японией заставил его возвратиться оттуда (через Белуджистан) для вступления в Действующую Армию с назначением Нач. Штаба 1-й Стрелковой Сибирской Бригады. В момент начала отхода Русской Армии 25 февр. 1905 г. он назначается Командиром бригады и его бригада предназначается для прикрытия этого отхода. Выполняя задачу, он сам попадает в окружение противника, но прорывается с боями из кольца и догоняет отходившую Армию.

За эту операцию награждается Орденом Св. Великомученика Георгия 4-й степени. Позже он награжден Золотым оружием.

В 1907 г. полковник Ген. Штаба Корнилов назначается Военным Агентом в Китай, где служит до 1910 года.

В 1911 г. назначается (для обязательного ценза для офицеров Ген. Штаба) командиром 8-го Эстляндского полка. А год спустя — принимает 2-й Заамурский Отряд — в составе 2-х пехотных и 3-х конных полков (Корпус пограничной стражи).

Произведенный в ген.-майоры, Корнилов назначается командиром бригады во Владивосток.

В 1914 г. выступает на фронт во главе бригады 49 пех. дивизии. А уже 25 авг. назначается начальником 48-й пех. дивизии, которая в военную историю входит с его именем и именем «железной».

В 45 лет — 16 февр. 1915 г. — за отличия в боях против неприятеля производится в чин генерал-лейтенанта.

В апреле 1915 г. его дивизия, будучи в арьергарде отступавших русских войск в Карпатах, во время кровопролитных боев в районе «Дуклинского перевала» была окружена со всех сторон превосходными силами противника. Корнилов с горстью храбрецов прикрывал отход своей дивизии и, будучи сам ранен в штыковом бою, 24 апр. взят в плен венгерцами вместе с 6-ю оставшимися в живых солдатами 192-го Рымникского полка, остававшихся с генералом в окопах до последней рукопашной схватки.

В австро-венгерском плену Корнилов провел 1 год и 3 месяца. Содержался все это время в различных лагерях и больницах на территории Венгрии.

Бежать из плена ген. Корнилову удалось не сразу. С большим риском для жизни он добился своей цели. Это является, пожалуй, самой яркой страницей его феерической жизни. 22 авг. 1916 г. он, пересекши всю венгерскую территорию до Румынии — явился в пограничном городе Турн-Северине в русскую комендатуру измученным блужданием в течение нескольких дней и ночей в приграничных лесах, скрываясь от погони. За этот подвиг — почти небывалый в военной истории — Корнилов награждается орденом Св. Георгия 3-й степени и производится в генералы от инфантерии. Ему в это время всего лишь 46 лет и он назначается Командиром 25 армейского корпуса.

На этом кончается его служба в Российской Императорской Армии.

Временное Пр-во, после отречения Государя от престола, назначает Корнилова Командующим Петроградским Военным Округом.

8-го мая 1917 г. он принимает от ген. А. М. Каледина 8-ю Армию.

18 июня начало наступления на Западном фронте, провалившееся по вине Керенского, тогдашнего «Главковерха».

19 июня Корнилов назначается Главнокомандующим Юго-Западным фронтом и последняя его дожность в Русской Армии — ее Верховный Главнокомандующий*).

14 авг. 1917 г. Государственное Совещание в Москве, на котором выступил Корнилов с речью о надвигающейся на Россию грозной опасности и призывом к ее спасению не красивыми словами, а решительными действиями.

26-28 авг. конфликт с Вр. Правительством и движение на Петроград. В результате растущей популярности ген. Корнилова и опасаясь за свою власть — Керенский прибег к подлой провокации и выступление кончилось неудачей для дела спасения России от большевизма.

Отказ Корнилова сложить с себя обязанности Верховного и его обращение к народу и казакам от 29 авг, из ставки Верховного Главнокомандующего.

1-го сентября 1917 г. арест ген. Корнилова с заключением его в Быховскую тюрьму.

25-26 окт. 1917 г. власть из рук Керенского переходит в руки большевиков.

19 ноября 1917 г. — за день до своей трагической гибели — ген. Духонин — последний Верховный Главнокомандующий Русской Армии — отдал приказ об освобождении «Быховских узников» (чем и подписал одновременно смертный приговор самому себе). Корнилов — охраняемый верными ему магометанами текинцами, — направляется на Дон для продолжения борьбы с большевиками.

6-го декабря 1917 г. он прибывает на Дон и вступает в командование Добровольческой Армией.

9 февр. 1918 г. под натиском превосходных сил большевиков, Корнилов во главе молодой Добр. Армии покидает пределы Дона и уводит Армию в легендарный «Кубанский Поход» (Ледяной), в котором, в боях за обладание Екатеринодаром находит свою героическую смерть от русской гранаты — 31 марта 1918 г.

---

*) Составлено по разным источникам, вышедшим в свет о ген. Л. Г. Корнилове и с согласия сына его Георгия Лавровича. Как материал для составителей «Казачьего Лексикона», направлен в адрес Войск. Стар. А. И. Скрылова — ген.-майором Кариусом, июля 25 дня, 1960 г. гор. Лос Анжелес, Калиф.

А. Скрылов

От редакции. Во время гражд. войны многие части именовались «Корниловскими». Некоторые из них были чисто казачьими, т. к. состояли исключительно из кубанцев, другие были неказачьи. И на чужбине существуют «Корниловцы», имеющие свой печатный информационный орган «Корниловец», свято чтущие заветы своего шефа.

ГЕНОСИД КАЛМЫЦКОГО НАРОДА

(Окончание)

Второе массовое убийство Калмыцкого народа после гражданской войны началось в период насильственной коллективизации калмыцкого хозяйства. Колхоз, в глазах калмыков, был полным закабалением коммунистической диктатуре. По всей степи происходило массовое сопротивление против наслыханного доселе владения и ведения хозяйства. Новая его форма, никогда не бывшая в истории калмыков, была им абсолютно непонятна и была противна всему их миропониманию и добра им не предвещала. Народ видел только грабеж и конец его хозяйству. Началось массовое уничтожение им самим былого калмыцкого богатства — скота. Зачастую его хозяева даже не отдавали себе отчета в своих действиях, но калмыкам **одно** было я с н о , что коммунисты под особым, им самим хорошо известным предлогом, у калмыков отнимают их веками нажитое добро и что этот скот уже не их. Поэтому убой скота в степи принял неслыханный размер.

Не было уголка в степи, куда бы не являлись агенты НКВД для ареста калмыцких «кулаков» и конфискации их имущества.

За годы коллективизации было арестовано и сослано в далекие северные холодные края не менее 20-25 тысяч человек. Немногие калмыки, которым удалось бежать из мест ссылки, рассказывали нам, что четвертая часть людей погибла, не дойдя до мест заключения. Как позже при ликвидации Камыцкой республики, так и тогда, коммунистическая власть высылала калмыков в зимнюю стужу. Среди немногочисленной калмыцкой эмиграции, проживающей в свободных странах, есть десятки людей, переживших кошмар этой ссылки.

За коллективизацией наступил небывалый голод. От него погибло не менее 20 тысяч душ. Даже в августе 1933 г., когда убирали новый урожай, люди ходили, как тени: молчаливые, с потухшими глазами.

За время коллективизации в марте 1932 г. в Малодербетовском улусе произошло одно восстание. Оно вошло в историю борьбы Калмыцкого народа с коммунизмом под названием «мартовского восстания 1932 г.». В марте этого года в села (аймаки) Малодербетовского улуса Икибухусы, Багабухусы, Икималланы и в прилегающие хотоны (хутора) явились уполномоченные центра и стали проводить общие собрания с целью заставить калмыков вступить в колхозы.

Поднялся протест и возникло сопротивление организации колхоза, бывшей по существу экономическим порабощением и полным разорением калмыков. Обезумевшие от горя, они схватили уполномоченных, связали их и повесили на дымовом проходе очага (кибитки: «орко») и... с о ж г л и , как представителей ненавистного строя. Нечто небывалое в калмыцкой жизни и единственная его причина — коммунизм со всеми его отвратительными аттрибутами. Часть представителей местной партийно-советской власти перешла на сторону восставших. Население трех аймаков и прилегающих хотонов, вооружившись кто чем мог, двинулось на улусный (районный) центр — ставку Малый Дербет, находящийся в 90 клм. южнее Сталинграда (Царицына). Повстанцы заняли улусный центр и у власти продержались трое суток. Часть улусных работников была арестована, главным образом, НКВД-сты и милиция, а часть добровольно присоединилась к повстанцам. Но Областной центр запросил помощь сталинградского гарнизона. К концу третьих суток восстание было жестоко подавлено частями сталинградского НКВД. Руководители его были арестованы и увезены. Почти не было семьи указанных аймаков, где не были бы арестованы члены семьи. Но тяжелое положение большинства жителей начинало безпокоить руководящие верхи Калмыкии. Араш Чапчаев, б. народный учитель, первый председатель Калмыцкого Областного совета, искренне негодовал против возникших порядков. На Чрезвычайном 7-ом Областном Съезде советов в апреле 1933 г. он заявил: «Я недавно объездил Большедербетовский улус и не поверил своим глазам. Это был цветущий край. Большинство деревянных домов исчезло с лица земли. Улицы поросли бурьяном. Хижины — без изгороди. Люди тощие, одетые в лохмотья. Нет, воскликнул он: «так дальше, товарищи, продолжаться не может, мы должны принять сейчас конкретное решение о роспуске колхозов...« Но дальше ему не дали говорить... Были и другие руководители Калмыцкой Области, остро переживавшие с народом тяготы подневольной жизни. Более смелые и мужественные, не боясь «карающей десницы революции», открыто выступали против создавшегося положения.

Еще ранее, в 1926-28 г.г. происходили даже открытые диспуты о неприемлемости марксизма-ленинизма для Калмыкии. Сторонники этого утверждения на партийных собраниях требовали войти с ходатайством в ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров разрешить калмыкам более приемлемую им форму общественного развития по типу народно-демократической Монгольской республики. Идеологами такой точки зрения были: Ишля Бадмаев, Пюрве Якимов. Номто Очиров, Душан и др. К ним очень близко стоял и Антон Амур-Санан. **Они все погибли в период «ежовщины».**

Волна «ежовщины» захватила почти всю немногочисленную калмыцкую интеллигенцию.

Кроме вышеотмеченных, вот еще некоторые: Эрдне Болдырев, вложивший много труда в дело народного просвещения, Хонин Косиев, Цатлаханов, Дорджи Номинханов (научный работник), Сегля Убушиев — долголетний калмыцкий представитель в Москве. Большинству приписывался «буржуазный национализм» или «служба в пользу иностранных государств», будто желающих отторгнуть советскую Калмыкию. Дело доходило до комизма. Вот — случай. Заместителя Председателя Верховного Совета Калмыцкой АССР Эрдне Отхонова вызвали в Москву с докладом. По приезде его в Москву к нему приставили «хорошего приятеля», предложившего поужинать с ним в рестора-

не «Прага». После крепкого ужина «приятель» вместо того, чтобы отвезти его в гостиницу «Москва», «ошибочно» доставил в японское консульство. Когда Отхонов пришел в себя и понял, что он по недоразумению попал в японское консульство, его на улице ожидали агенты НКВД.

«Ежовщина» поглотила до 5.000 калмыков.

В ноябре 1935 г. происходили официальные торжества по поводу 15-летия советской Калмыкии. К этому моменту полностью были уничтожены все калмыцкие буддийские храмы со всеми святынями, в том числе и значительными библиотеками (Буддийский канон Ганджур в 108 томов и другие книги). Полностью было разгромлено народное хозяйство и народ крепко **закреплен за колхозной барщиной.** Делались все попытки «воспитать» калмыцкую молодежь по образцу «Павлика Морозова»-отцеубийцы. Ликвидирована в с я национально-мыслящая интеллигенция. Чего стоит одна лишь ликвидация подлинного ученого-востоковеда Номто Очирова и такого талантливого деятеля, как Антон Мудренов (Амар-Санан)!

Однако коммунисты с пеной у рта кричали о расцвете советской Калмыкии. Но калмыки знали цену заверений сов. правительства. Они поплатились жизнью т ы с я ч своих детей, братьев, отцов за «расцвет» КССР и в борьбе за права человека и гражданина.

В пятилетие между 1935 и 1940 годами происходила эра преследований калмыцких писателей и поэтов. Среди погибших были те, которые давали тон калмыцкой литературе. Они с клеймом «буржуазных националистов» были брошены в тюрьмы и сошли со сцены талантливой национальной литературы, но песни о них и сейчас распевает вся калмыцкая эмиграция и молодежь...

***

Еще к моменту 15-летия Калмыкии продолжали действовать некоторые антисоветские отряды. Их ряды стали пополняться к началу гитлеровско-сталинской войны. Но еще более они пополнились во время самой войны. В сентябре 1942 г. количество отрядов насчитывалось больше тридцати. Часть их осталась и после ухода немцев.

Калмыцкая АССР занимала 77 тыс. кв. клм., но затем ее сократили и в 1935 она равнялась 71 тыс. кв. клм. По площади она превосходила такие Союзные республики, как напр., Грузия и Армения, почти в два раза больше площади таких европейских государств, как Дания или Швейцария. С востока на запад по прямой линии территория КССР тянется на 500 клм., а с севера на юг — 400 клм. В главном городе Элиста было населения 15.000 душ.

За свою историю КАССР один раз подвергалась ликвидации, а Калмыцкий народ пережил в полном своем составе ссылку в Сибирь, Среднюю Азию и Дальний Восток (Сахалин и др. места), а после «воспитания» в исправительных местах, сокращения в своем составе в условиях «воспитания», «обучения», климата, болезни, голода и т. п., удостоился «милости» советскоЙ власти и КАССР восстановлена в своих правах и отмечена в политическо-административной карте СССР и город Степной восстановлен в своем старом имени Элиста и в своих правах столицы Калмыцкой республики.

Советско-коммунистическая власть велика и могуча и вольна ликвидировать свободное государство не только в рамках СССР, но далеко за ее пределами...

Калмыцкая АССР ныне снова существует.

Но официального указа о ликвидации КАССР и депортации Калмыцкого народа в.где Сов. Правительством опубликовано не было, да это для коммунистической диктатуры и необязательно, на то она и диктатура, но **депортация Калмыцкого народа произошла 27 декабря 1943 года.**

Волей коммунистической диктатуры КАССР появилась на свет, ее же волей она исчезла и ее же волей ныне она появилась вновь...

При чем тут законы, права и т. п.!?!... Такова природа советско-коммунистической власти. Д и к т а т у р а...

Один из участников по высылке в с е г о Калмыцкого народа, б. старший офицер войск НКВД Виктор Бурлицкий вырвавшийся на свободу, на волнам радиостанции «Голос Америки» так передает событие:

«Когда ранним морозным декабрьским утром калмыки навсегда покидали очаги, безмолвно подчиняясь судьбе, следуя их религиозному вероисповедению — буддизму, у меня, сказал он: — все мое понимание жизни перевернулось», и он невольно решил: «порвать с такой государственной системой, которая невинных людей подвергает столь жестокому наказанию». Он дальше сказал: «решил уйти на запад. Никогда я раньше не видел, продолжал он: — в жизни такого тра-

гического выражения лиц, как это мне пришлось увидеть, выполняя дьявольское задание коммунистического государства. Все это, виденное мною в калмыцких степях морозным декабрьским утром 27 декабря 1943 года, глубоко засело у меня в душе».

И Бурлуцкий в заключении сказал: — с чувством глубочайшей скорби преклоняю свою голову перед случившейся трагидией Калмыцкого народа».

Все акты ликвидации «социально-чуждых элементов», «ежовщина», уничтожение командного состава Красной армии, могилы невинных жертв Винницы, польских офицеров в Катынском лесу по своей преступности, аморальности и безчеловечности бледнеют перед актом, совершенным коммунистической диктатурой по отношению к Калмыцкой нации.

Акт сознательного, систематического и методического физического уничтожения (геносида) Калмыцкого народа, м. б., ни с чем не сравнимое преступное явление, ибо здесь речь идет об убийстве целого народа. Нужно ли удивляться непримиримому отношению калмыков к советской власти? Калмыки, независимо от своего количества, во все времена своей истории не терпели насилия, идущего против их религиозной совести и миропонимания. Их посильная борьба с безправием, произволом и неизменным насилием коммунистической диктатуры была и есть борьба и за общечеловеческие идеалы, за свободу и права человека и народов.

Много ударов в своей истории претерпевал Калмыцкий народ, но он снова и снова становился на ноги и снова шел к своему национальному возрождению... Так будет и на этот раз, хотя коммунистическая диктатура заковала крепко в рабские цепи многочисленные народы и сотни миллионы людей, но... превыше всего д у х человеческий, а его н е у б и т ь .

При всех ошибках и заблуждениях калмыков у них есть еще этот д у х . . .

Салмерин Дорджи.

США

«ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ КНЯЗЬ СИБИРСКИЙ, ЕГО СПОДВИЖНИКИ И ПРОДОЛЖАТЕЛИ».

Под таким заголовком вышел во Франции в издании «Родимого Края» труд Н. М. Мельникова о донском казаке Ермаке Тимофеевиче. Этот труд появился в результате полемики между г. Байкаловым, написавшим ряд статей, нелестных и для Ермака Тимофеевича и для всего Казачества, и г. Мельниковым. Этот спор вызвал огромный и живой интерес в Казачестве и его возмущение Байкаловым. Отношение Казачества понятно, так как Ермак издавна признанный всеми казаками казачий герой, о коем сложено столько песен, преданий и легенд. Мало того, подвиги и заслуга Ермака Тимофеевича были признаны российской исторической наукой и властью, как покорителя Сибирского царства и тем раздвинувшего пределы Московского государства на безграничные просторы Сибири и давшего неисчерпанные богатства этой великой страны.

Отношение к Ермаку народа, власти, науки и литературы было единодушное. До революции был ему поставлен в Новочеркасске величественный памятник, известный всему миру. И вдруг против него чуть ли не уничтожающее его выступление!

Стало ясно, что статьи, возмущение, огорчения и т. п. недостаточны. Ермак Тимофеевич стал п р о б л е м о й , потребовавшей самого серьезного разрешения, род исторической реабилитации его и Казачества. Вопрос о Ермаке вышел далеко за рамки казачьих переживаний. Возникла серьезная необходимость дать надлежащую историческую оценку в большом, государственном, масштабе движению Ермака Тимофеевича в Сибирь, полные сведения о его личности и происхождении, чтобы, раз-навсегда, пресечь покушения унизить его личность и отвергнуть его исторические и государственные заслуги, великие заслуги перед Казачеством и русским народом. Мало того, явилась необходимость осветить движение Ермака с

точки зрения науки, народного хозяйства и казачьей политики.

За такой нелегкий труд взялся Н. М. Мельников. Ныне мы можем сказать, что задачу свою он выполнил в должной мере. И его труд о Ермаке Тимофеевиче — в смысле полноты, глубины и всесторонности освещения вопроса, объективности строго научного исследования, опирающегося на громадное количество неоспоримых документов, — должен быть по справедливости признан единственным в казачьей, общероссийской и иностранной исторической литературе. И в древности и в недавнем прошлом было много героев в Казачестве, но среди них исполином выдвинулся донской казак Ермак Тимофеевич. Никто, даже при самом придирчивом отношении, не может сказать, что Н. М. Мельников дал «отсебятину»: он исчерпал все исторические, архивные и литературные данные, какие только было возможно найти в условиях эмиграции и в таком центре, как Париж и в казачьих архивах.

Ермак — излюбленный герой не только Казачества, но и всего русского народа и российского государства.

Нельзя не согласиться с мнением проф. М. Миллера в предисловии книги Мельникова: — «Ермак Тимофеевич» Н. М. Мельникова представляет очень большую работу и очень большой вклад в развитие казачьей культуры. Поэтому мы считаем, что эта книго о Ермаке должна быть на столе у каждого казака, который еще не забыл о своем казачьем происхождении и не утратил интереса к героическому прошлому своего народа».

***

В книге 10 глав, 146 стр., много редких иллюстраций, между ними репродукции памятника Ермаку Тимофеевичу в Новочеркасске, картины Сурикова «Покорение Сибири», скульптуры С. Королькова «Ермак».

«В лето 7090 сентября в первый день, на память преподобного отца нашего Симеона Столпника», начался знаменитый поход.

«Поход — пишет историк Н. М. Карамзин — закончился завоеванием любопытным, действительно удивительным, если не чудесным».

26 окт. 1581 года Ермак Тимофеевич со своей дружиной торжественно вступил в столицу Искер-Кашлык-Сибир, расположенный на высоком берегу Иртыша, огражденную с одной стороны крутизной, а с другой тройным валом и рвом.

Только овладев всей территорией б. Сибирского царства Кучума и выйдя далеко за ее пределы, подчинив все их население Московскому царю, Ермак решил послать «первого по себе атамана» Ивана Кольцо в Москву бить челом царю Московскому царством Сибирским, извещая царя в своей «отписке», что «казаки его дружины присоединили к России знаменитую державу Сибирскую во имя Христа и Великого Государя на веки веков, доколе Всевышний благоволит стоять миру». Вместе с «отпиской» депутация везла от Ермака драгоценные подарки — соболя, чернобурые лисицы, бобры...

Атаман-князь Сибирский Ермак Тимофеевич является действительно завоевателем Сибирского царства, открывшим для России на все последующие времена врата на безмерные просторы Сибири с ее неисчерпаемыми богатствами. **Это — исторический факт бесспорный**, признанный народами, государством и наукой. Сибирское царство, этот остаток Золотой Орды, покорил донской казак Ермак Симофеевич с своей знаменитой дружиной, с своими атаманами и есаулами.

На вопрос: в чем основания успехов Ермака, автор «Ермака Тимофеевича» дает важные сведения и соображения: талант полководца, мудрость администратора, человечность, безукоризненная моральная сила самого Ермака и его дружины, ее доблесть и железная дисциплина в ее рядах. Но Н. М. Мельников дает в своей книге основательные сведения не только о Ермаке и его дружине, но и о продолжателях их дела. Они — не только остатки соратников самого Ермака, но потомки его дружины. Н. М. Мельников основательно возражает бар. Нольде, утверждавшему в своей книге на франц. языке, будто по смерти Ермака была уничтожена вся его дружина. Нет. Она пополнялась ее потомками. Они шли «казачьей лавой», с непреодолимой настойчивостью продвигаясь все дальше и дальше: на север, восток и юго-восток Сибири к границам Китая. После Ермака власть принял атаман Матвей Мешеряк, продолжавший дело своего Атамана Ермака. В 1586 г. атаман Мешеряк построил гор. Тюмень. Ермаковцы расселились по другим городкам, составив ядро Томских, Березовских, Мангазейских, Тюменских и др. казаков.

Казаков нужно знать. Можно по разному их оценивать, но их роль в расширении Российского государства, защита ими его окраин, их военные и административные способности, их моральная сила, насыщенность верой и известными идеями — вне спора. Та-

ковыми были и Ермак Тимофеевич, его атаманы и дружина. Особая проблема — откуда все это в казаках... Утверждение Мельникова: «Закрепляя каждый шаг постройкою опорных пунктов — небольших деревянных крепостей-острогов (то же делали и английские пионеры в Америке в начале 16 столетия. **Б. У.**), менее, чем в течение одного века казаки победоносно дошли до Тихого океана», основательно и справедливо.

Редко кто, обозревая карту Сибири, знает, к о г д а и к т о основывал те города, какие Мельников отмечает на карте. А основателями многих из них были казаки. В 1608 г. основан Туринск, в 1609 г. — Томск, 1616 — Кузнецк, 1618 — Енисейск, 1626 — Красноярск, 1627 г. казаки Чулков и Сукин достигли Ангары, 1632 г. основан Якутск, в 1636 г. казак Елисей Буза спустился по р. Лене к Ледовитому океану, в 1643 г. казаки открыли озеро Байкал, 1648 — основан Баргузинск, 1649 — Верхнеудинск и в том же году Ерофей Хабаров присоединил огромную территорию Амура и построил крепость Албазин, в 1652 г. основан Иркутск, 1655 — Киренск, 1656 — Нерчинск, в 166 г. Селенгинск, 1667 — Кутайск и в 1699 г. покорена Камчатка... (стр. 55 «Ермак Тимофеевич»).

В 1742 г. 9 мая, пересекши 77-ую параллель, Уральский казак Семен Челюскин (штурман судна «Якутск», погибшего во льдах) при 50 градусном морозе с тремя казаками прошел весь Таймырский полуостров и ступил на самый северный пункт Азии. Он так записал в свой журнал: «Погода пасмурная, снег и туман. Пополудни в пятом часу поехали в путь около морского берега. Приехали к мысу. Здесь поставлен маяк — одно бревно, которое вез с собой. Сей мыс каменный, приярый, высоты средней, около него льды гладкие и торосов нет. Здесь именован оный мыс: «Восточно-Северный мыс». (Стр. 24, там же). Лишь много позднее этот мыс был переименован мысом Челюскина. А на крайнем Востоке Азии казак Семен Дежнев открыл мыс, Берингов пролив, Берингово море много раньше, чем то было сделано Берингом. И только мыс, открытый С. Дежневым, после назван мысом Дежневым.

— В истории борьбы человечества за освоение Арктики казаку Семену Ивановичу Дежневу принадлежит одно из почетных мест. Подвиг Дежнева оказал громадное влияние на весь последующий ход географических открытий в Сибири и произвел полный переворот во всей русской и западной картографии. Великим — равным Христофору Колумбу и Фердинанду Магелану, знаменитому португальскому мореплавателю, в 1520 г. открывшему Тихий океан и пролив, отделяющий Южную Америку от Огненной Земли — признали Дежнева такие всему культурному миру известные землеведы, как Оскар Пешель, проф. Иоганн Фишер, шведский исследователь Н. А. Норденшельд, Оскар Пешель говорит о Семене Дежневе, как о великом продолжателе Христофора Колумба, разрешившем вторую половину Колумбовой задачи: открывшем раздельность материков. О. Пешель пишет: «Путешествие казака Дежнева с реки Колыма вокруг северо-восточной Азии к Анадырю .. обнаружили, что Старый Свет отделен от Нового. **Это важнейшее для землеведения из всех открытий** с 1494 года (т. е. после открытия Колумба. — **Н. М.) оставалось совершенно неизвестным».** (Стр. 126-127, там же).

— Почти за 100 лет раньше капитана Беринга Дежнев открыл «Берингово море» и «берингов пролив». Один только мыс, открытый Дежневым, был, по настоянию шведского исследователя Н. А. Норденшельда и по представлению Императорского Географического Общества, по «Высочайшему повелению» переименован в мыс Дежнева. (Стр. 133-134 «Ерм. Тим.»).

Так, построивши форты-остроги по всей Сибири для ее охраны, на крайнем Севере на мысе Челюскина, на крайнем Востоке на мысе Дежнева, а на юго-востоке Сибири на Амуре твердой ногою стали казаки в защиту наследия Атамана Ермака Тимофеевича — Сибири...

Ограниченность места не позволяет мне написать более пространно о книге Н. М. Мельникова. По размеру она не так велика, но **многих больших она стоит**, а казаки мысленно могут объять то Великое, что они сделали для своей Родины России и в мире.

Лишь ознакомившись с книгой Н. М. Мельникова, казаки могут узнать, ч т о сделал донской казак Ермак Тимофеевич и его славная, «единомысленная и предобрая дружина» и его атаманы и на что казаки способны...

Б. Н. Уланов

С.Ш.А.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ:

Открытое письмо «Старому офицеру» по поводу его статьи «Дело Фенаролли у казаков» («Род. Край» № 36).

Я лично прошел с Пох. Атаманом С. В. Павловым весь тернистый путь от Проскурова до Италии и Лиенца и только чудом Божиим там спасшийся от смерти. Я был свидетелем всей геройской борьбы Атамана Павлова в Новочеркасске, и живя при немцах в ст-це Гниловской, видел и работу Рост. Каз. Штаба.

Я был свидетелем убийства Атамана Павлова в Новогрудках своим же предателем-казаком. Как живой свидетель, а таких еще много в Европе и Сев. и Юж. Америке, мы имеем право с чистой совестью кричать правду на всех перекрестках, в глаза каждому, кто пишет ложь. А таких у нас было очень много еще с Новочеркасска, и жаль, что их деятельность окончательно определилась только здесь заграницей, по показаниям живых свидетелей их подлой работы в НКВД. Готовы они на всякую подлость и теперь. Таких было очень много, и их Доманов охотно принимал к себе на службу для своей личной карьеры, т. к. — говорю прямо и открыто — он вместе с немец. представителем Раткэ работал на руку большевикам. Ратке был уже агентом НКВД, когда работал после I-ей Мировой войны на Кубани.

Я был свидетелем коварной подготовки Домановым, по заданию большевиков, разложения казачества и убийства Атамана Павлова. Уничтожение таких людей им было нужно. Такие люди, как Павлов, и в эмиграции играли бы большую роль.

Доманов был очень честолюбив, и все время стремился, начиная с Шахт, к Атаманству и единоличному командованию. Поэтому, когда был избран казаками Поход. Атаманом Павлов, то он, находясь рядом с Новочеркасском, ни одного раза не побывал ни в Войск. Штабе, ни у Поход. Атамана, но пошел в эмиграцию со своим обозом в 50 человек и поступил на службу в Немец. Комендатуру, как полицейская часть. Только в Проскурове Доманов присоединился в Войск. Штабу и то потому, что немцы приказали всем отдельным отрядам со своими атаманами зарегистрироваться в Войск. Штабе у Пох. Атамана Павлова. Присоединившись, Доманов чуть ли не с первых дней стал вести работу по разложению казаков, по дискредитации Павлова, выставляя себя единственным защитником казаков и т. д. Всем казакам прекрасно известны столкновения Доманова с Павловым, который хорошо знал о той провокаторской работе, которую вел против него Доманов. Но ему было не до личной борьбы о Домановым, т. к. зная, что окружен предателями и карьеристами, никому не доверял и вынужден был всю работу выполнять сам, одновременно отбиваясь от сов. партизан.

Доманов и его жена Мария Ивановна, немка по происхождению, открыто вели свою разлагательскую работу среди казаков, делая постоянные доносы в Берлин Главн. Каз. Управлению и Нем. Командованию через Ратке. Доманов и Ратке во все время пути старались предать казаков в руки большевиков, выбирали места для остановок, лежавшие под обстрелом большевиков и т. п., изменяя или не выполняя приказы Атамана Павлова. Например, при выходе из Балино, когда Доманов, по своей вине, попал в окружение к большевикам и погубил весь обоз и много казаков и спасся не своим гениальным командованием, как о нем говорили его приверженцы, а был спасен немецкой авиацией по просьбе Атамана С. В. Павлова. Много еще было других подобных случаев. Особенно характерны случаи, которые произошли под Варшавой и даже в Италии, уже после убийства Атамана Павлова. Я лично был участников этих событий, пережил их и потому хочу сообщить для сведения всех казаков, еще сомневающихся в оценке Доманова.

Когда казаки после убийства Атамана Павлова, двинулись из Новогрудок через Польшу в Италию под командованием Доманова и Ратке, выбор этого направления было одним из подлых поступков Ратке, чтобы завести казаков в «итальянскую мышеловку» (так назвали путь в Италию, по единственной дороге с многочисленными мостами и туннелями: достаточно было одного взрыва или обвала моста или туннеля, и казаки вынуждены были бы отступать через горы. Так оно и случилось впоследствии). Казаки это понимали, но ничего поделать не могли.

На Украине, в Балино, казаки были возмущены распоряжениями Доманова и Ратке по выселению антикоммунистически настроенных украинцев из села, по отобранию у них домов и земли, разделению их на пайки казакам и весеннему засеиванию, когда известно было всем что большевики насту-

пают на Балино, чтобы там окружить казаков. Вот какова была политика Доманова на Украине, да и в Польше: возбуждение местного населения против казаков.

Вот что произошло под Варшавой. В ее предместии шли бои. Доманов, командовавший казаками, умышленно давал противоположные распоряжения: «Колонна вперед». А через 5 минут — другая команда «Колонна — назад». Он старался задержать каз. отряды до подхода сов. танков в лес с окраин Варшавы. И вот начался из леса пулеметный обстрел варшавской дороги, по которой «топтались» взад и вперед каз. отряды. В это время были ранены несколько казаков и ес. Юськин, которыЙ, уже раненый, успел крикнуть: «Братцы, не слушайтесь команды Доманова. Головная часть вперед...». Я передаю все это, как участник этого предательства Доманова, который, видя, что его планы открыты, и боясь, что казаки снесут ему голову — скрылся. Вскоре вышли сов. танки. Казаки послали гонца к немцам, которые прислали авиацию, и она потом охраняла каз. отряды и обозы до самой Италии. Только уже в Италии, потом, появился Доманов, вместе с Ратке.

Такие же распоряжения давались Домановым и позже, когда он направил 4-ый полк на борьбу с партизанами, но дело было поставлено так, что полк должен был попасть в окружение титовцев.

Аналогичные случаи произошли и в г. Нимице и Тарксенте в Италии. Я также был участником этого похода. Сводный полк, посланный на борьбу с партизанами, был ими разбит в Нимице. Оставшиеся казаки по распоряжению Доманова были направлены во 2-ой полк полк. Русакова. Такое неправильное распоряжение было сделано Домановым намеренно, и 2-й полк был разбит титовскими и итал. партизанами и сов. дессантами, чего и добивался Доманов. Хор. Черячукин, командовавший сотней, увел ее к титовцам. Во время боя был убит командир 4-ой сотни ес. Трифонов, а с ним погибло много казаков. 2-ой полк понес большие потери. Срочно было отправлено донесение в Штаб Каз. Войск к Атаману Доманову с просьбой о помощи, но он под благовидным предлогом в ней отказал. Оставшихся казаков распределиил по др. каз. частям. Я попал в сотню ес. Савчука.

После таких же, я бы сказал предательских, военных операций под Братиславой в Чехии полк. Греков оставшиеся боевые сотни привел в Австрию в Лиенц, где они, в том числе и я, пережили новое предательство — выдачу казаков большевикам, о чем прекрасно знали и ген. Доманов и ген. И. А. Поляков. Но они об этом ничего не сказали казакам и не надоумили их уйти в горы, как это многие сделали по своей инициативе. За выдачу Доманову в письме Английского Главнокомандующего были обещаны освобождение и награда (об этом напечатано в Информационном Листке «Содружество Лиенца»). Один писатель «домановец» выражает удивление и недоверие: как это Доманов, зная о выдаче казаков, добровольно поехал в СССР, зная, что его не помилуют. Нет, Доманов, имея в кармане такое письмо о награде, до самого конца надеялся на прощение, поэтому то, несмотря на приказ П. Н. Краснова всем офицерам, попавшим в выдачу, не снимать офицерских мундиров и погон, Доманов по дороге из Лиенца уже успел сорвать свои генеральские погоны. Об этом пишет КрамаровскиЙ в Обще-Каз. журнале за 1953 г. № 20.

«Старый офицер» говорит, что Атаман Павлов плохо относился к Доманову из-за зависти, что Доманов имел немецкие высокие награды, а Павлов только «остовские медали». Если Доманов и имел награды, то не за боевые заслуги, а за другие дела. Он стал получать их уже после убийства Павлова, когда сделался Пох. Атаманом, чего он так долго добивался. До того же, начиная с Шахт до самого Проскурова, когда он присоединился к Войск. Штабу, Доманов, состоя при Немец. Комендатуре, выполнял только полицейские функции, взрывая заводы и фабрики по планам немцев, а также направляя людей в эвакуацию, чтобы они не оставались с большевиками. За такие дела немцы никаких наград не давали, считая это обязанностью отряда Доманова. А вот после убийства Павлова, когда Доманов был назначен приказом ген. П. Н. Краснова, а не избран казаками, как был избран С. В. Павлов, то Доманов при содействии своего друга Ратке и доносов начал получать чины и награды.

Так что в зависти к Доманову Атамана Павлова обвинять не приходится. Да и по своей скромной натуре и идейности, С. В. Павлов не обращал внимания на чины и ордена. Не ладил он с Домановым только по той причине, что видел коварные планы Доманова и Ратке — **уничтожить Казачество**.

Слава Богу, что остались еще, спасшиеся чудом Божиим, живые свидетели пережитых событий, которые могут правдиво передать их историю так, как все происходило в

действительности, а не так, как хочется некоторым, и которые позволяют себе лить грязь на светлую личность погибшего Пох. Атамана Павлова. Эти лица дошли до того, что позволяют себе называть его «Анонимным Пох. Атаманом», который будто бы переменил свое настоящее имя на Сергей. Но это ложь! У дочери Атамана Павлова — Зои родился сын и она назвала его Сергеем в честь его деда, Пох. Атамана С. В. Павлова. Да если бы и на самом деле он вынужден был, по сложившимся обстоятельствам, переменить свое имя у большевиков, то в этом ничего нет позорного, т. к. сейчас десятки тысяч живут с измененными фамилиями. Причем обычно переменяют фамилии, что имеет более важное значение.

Таких героев, как Пох. Атаман Павлов, теперь мало, они были в старину, а теперь больше развилось «лже-героев», как Доманов и другие, продавшиеся большевикам.

Очень хорошо, правдиво и без преувеличений, изложены все пережитые события в книге Быкова «Казачья Трагедия».

Заместитель Атамана Донской
Центральной им. ген. П. Н. Краснова
станицы в Нью-Йорке
Илья Бондаренков

***

Станичница М. П. Морозова (Ригмонд, США) пишет:

Укрывшийся за псевдонимом «старого офицера», обличитель очень далеко пошел. Он навел тень на личность Атамана Павлова С. В., которого любили и казаки строевые и не менфшую симпатию имели к нему станицы-семейные, беженцы в полном значении этого слова — с матерями, детьми, стариками, выскочившими из пекла совершенно раздетыми, голодными, совершенно растерявшимися и экономически и нравственно. Но при отзывчивом отношении, умелом походном руководстве Павлова ни одна душа не была брошена, не была забыта, не была обижена.

Автор бросил на чашу своих весов какие-то мелкие, ничего не значущие, факты, сделав подтасовки и странные, неожиданные выводы о, якобы, темной личности жертвенного героя — атамана Павлова. И если недостаточную ориентировку на немцев одни хотят занести в вину Павлову, то истинно русские, любящие свою родину Россию, эту умелую тонкую политику и целенаправленность Павлова в борьбе с большевиками высоко ценили и ценят теперь, оглядываясь в прошлое.

Бесконечно жаль безвременно погибшего, одаренного светлым умом человека, отдавшего жизнь свою на защиту казачества. Голову свою Павлов сложил не в погоне за орденами.

Бесчисленной вереницей тянулся обоз беженцев Казачьего Стана. Тысячи шли: на бричках, на воловьих арбах, пешком, верхом, порою отбивались, запаздывали, порою ссорились, но все составляли одну казачью семью и постоянно чувствовали заботливое нелицемерное руководство, в первую очередь, походного атамана Павлова.

Казачий Стан давно расформировался. Люди рассеялись и осели на мирное житье в самых далеких странах и если бы хоть на миг собрались все снова вместе, своей силой и единством духа не дали бы в обиду своего Атамана, всеми любимого за его великий патриотический подвиг, принесшего в жертву общему делу свое личное — пожертвовал своею жизнью и оставил обездоленную семью.

Пусть здравствуют его дети и внуки. Пусть будут достойным своего Великого отца и деда!

ПО ПОВОДУ КНИЖКИ В. А. БЕЛЯЕВСКОГО «ПРАВДА О ГЕН. ДЕНИКИНЕ»

Вниманию читателя предлагаются иногда произведения, претендующие на историческую ценность, но в действительности могущие дать будущему историку гражд. войны материал очень сомнительного качества. К их числу относится книжка г. Беляевского, состоящая из двух частей. Последняя часть, касающаяся личных воспоминаний автора, написана несомненно самим г. Б. — об этом свидетельствует и содержание, и тон, и стиль — а первая, большая, своим стилем и содержанием выдает присутствие за спиной автора другого лица, явно заинтересованного в извращении действительности. Тут нет бросающегося в глаза самовосхваления — паутина плетется старым опытным пауком.

И не себя он выставляет в «Правде» жертвой ген. Деникина, а ген. П. Н. Краснова, учитывая популярность быв. Донского Атамана и расчитывая этим путем легче найти сочувствие у читателя казака.

Можно было бы улыбнуться и пожать плечами, если бы автором критики был действительно г. Б-ий, читая, как маленький интендантский чин подвергает критике стратегию ген. Деникина, имевшего опыт Командующего армией, Главнокомандующего фронтом и Начальн. штаба Верховн. Главкома. Невольно вспомнилась бы басня Крылова и его моська, лающая на слона, но критикует, конечно, не автор, а некто, стоящий за его спиной.

Г. Б-ий в предисловии скромно признает, что «в наши описания непременно будет вноситься некоторый элемент личной симпатии или антипатии». Личная антипатия в книжке бьет через край, переходя всякие границы. Если для нападения на Деникина нужно ударить по Дону, унизить В. В. Донское, попутно выпачкать грязью Войск. Круг — Хозяина Донск. Земли — и всех избранников всех Донск. станиц и 74-х представителей от войсковых частей и выборного Атамана Войска... стоит ли церемониться? Цель оправдывает средства... Не останавливаются перед самой грязной клеветой, изображая Дон. В. Круг и В. Атамана в виде жалкой игрушки в чужих руках. Оказывается, при Атамане А. П. Богаевском «образцово настроенная система управления рухнула»... При преемнике Атамана ген. Краснова, т. е., следовательно, при ген. Богаевском — изощряется «Правда» г. Б-го, не уступающая в извращениях «Правде» — кривде советской — «помутился Тихий Дон... и в первую очередь его армия»... «Наступил период безвластия и беззакония: на улицах хватали прохожих, врывались по ночам в дома, забирали людей и направляли их для пополнения частей. Мобилизация транспорта, реквизиция фуража и проч. производились без всякой системы, произвольно и помимо местной власти. Такие явления стали обычными и на Дону и на Кубани». Бесстыдство таких утверждений уже вне всякого конкурса. Не говоря уже о безмерном преувеличении, это как раз-то, за допущение чего — в числе многого прочего — В. Круг потребовал немедленного удаления ген. Денисова и И. А. Полякова. Эти злоупотребления своеобразная «Правда» приписывает Атаману А. П. Богаевскому и командованию Добровольческой армии, а между тем нечто подобное практиковалось в районе расположения неказачьей Южной армии, созданной при Атамане ген. Краснове его уволенными сотрудниками Денисовым и Поляковым, в противовес Добровольческой армии. Бесстыдно утверждается, что не В. Круг, не В. Атаман, не Дон. правительство распоряжались на Дону в атаманство ген. Богаевского, что «ген. Деникин провел смену **командного состава и административных начальников** Области», «созданная с таким трудом Дон. армия будет разрушена новым вождем».

Где, когда, каких «административных начальников области» сменял Деникин? Поразительно безцеремонное обращение с фактами и датами... Вспоминается бессмертный Грибоедов: «послушай, ври, да знай же меру»!

«Смена командного состава» проведена ген. Деникиным... Вот тут-то, что называется, и «зарыта собака». Смена командного состава заключалась в смене командовавшего армией ген. Денисова и нач. штаба ген. И. А. Полякова, причем установлено и подтверждено историч. данными, фактами и датами, что сменил ген. Полякова не Деникин, а В. Круг, в заседании 2 февраля 1919 г. выразивший большинством всех голосов — т. е. нескольких сот — против одного недоверие двум генералам и потребовал немедленного их удаления. Они и были устранены, вследствие чего ген. Краснов, усмотрев в этом упрек и ему самому в плохом выборе сотрудников, подал в отставку, которая и была спокойно принята всеми округами. Такова последовательность событий, а между тем автор «Правды», извращая факты, старается представить дело так, что устранил генералов не В. Круг, а ген. Деникин и что ушли генералы сами — а не их «ушли» — после ухода Атамана П. Н. Краснова. Многознаменательное совпадение: эту именно версию старается внушить читателям «Дон. Атаман. Вестник» ген. Полякова, в биографии И. А. Полякова сообщая, что генерал сам **ушел после** ухода Атамана. Не стесняются тем, что не все члены В. Круга перемерли и могут опровергнуть ложные утверждения, не считаются и с тем, что все события того времени зафиксированы в новейшей Донской истории: в частности, в 3-м томе «Донской Летописи». Напомним вкратце то, что установлено и записано в «Донской Летописи».

Прибывшие в конце января 1919 г. в Новочеркасск «члены В. Круга из северных округов своими живыми рассказами обо всем происходящем на фронте рисовали яр-

кую картину переживаемого Доном бедствия. Из взаимного обмена впечатлениями выступила жуткая картина безнадежного обвала, разброда, растерянности, упадка духа и утраты боеспособности. Картина общего расстройства, неисчислемых потерь, разорения, грабительского обогащения красных, бедственного скитания своих безприютных, голодных, замерзающих беженцев».

«24 января — продолжает «Донская Летопись» — на частное совещание членов Круга явился Командующий армией ген. Денисов, который сделал доклад об общем положении на фронте. Докладом устанавливалось, что главная причина разложения наших войск — большевистская пропаганда, но что положение скоро улучшится, т. к. все необходимые меры приняты. Из ответов ген. Денисова на предложенные ему вопросы члены Круга усмотрели, что ген. Денисов недостаточно осведомлен о фронте, не имеет верных сведений о численности бойцов, обнаруживает «легковесную самоуверенность», не имеет надлежащего понимания всей обстановки и происходящих событий. К этим впечатлениям Законодательная комиссия добавила свои наблюдения о трениях с Добровольческой армией, о неиспользовании помощи, предлагавшейся Доврольческой армией для восточного фронта, на том основании, что «у высшего командования составилось убеждение, что мы справимся собственными силами и делить славу победы с кем бы то ни было ему, видимо, не хотелось». «31 января, накануне открытия В. Круга, частное совещание членов Круга в количестве не менее двух третей общего числа членов Круга **единогласно** вынесло постановление о необходимости немедленной отставки генерала Денисова и ген. Полякова».

«1-го февраля весь Войсковой Круг был в сборе и открыл свои заседания...» «Наступила очередь для доклада ген. Денисова... По окончании доклада члены Круга забросали ген. Денисова вопросами, касающимися нужд фронта посещения фронта Командующим, злоупотреблений реквизициями **Южной** армией, деятельности карательных отрядов **Южной** армии, пособия семьям мобилизованных обуви и обмундирования армии, мобилизации иногородних, состояния жел. дорог, военно-санитарной части, состояния вооружения и пр.».

«2-го февраля председатели Окружных Совещаний сделали заявления в заседании В. Круга, смысл которых сводился к тому, что забота о защите Дона, о поднятии его обороноспособности должна быть снята с ген. Денисова и ген. Полякова и передана лицу, пользующемуся в глазах Войскового Круга большим доверием. Поставленный на решение В. Круга вопрос о доверии Команд. армией ген. Денисову и Начал. Штаба ген. Полякову разрешен в смысле выражения недоверия всем Войсковым Кругом за исключением одного голоса. После оглашения результатов голосования Донской Атаман сделал В. Кругу заявление о своей отставке». «Заявление ген. Краснова было обсуждено по округам и отставка была принята всеми округами».

Много и другой лжи и неточностей, много неправды находится в «Правде»: категорически утверждается, что «зеленые» были грузинами: мысль и инициатива о создании на время борьбы с большевиками Юго-Восточного или Доно-Кавказского Союза приписывается ген. Краснову, а не А. М Каледину, как это было в действительности.

Рассказывается о совещании в Ростове 20 декабря 1919 г. всех Командующих армиями по вопросу об устранении ген. Деникина. Такого совещания в Ростове ни 20 декабря, ни раньше, ни позже, вообще не было, но это не останавливает автора, чтобы изложить даже прения, которых не было, при этом совершенно искажая известные по этому вопросу позиции ген. Врангеля и ген. Сидорина: Врангель выступает у автора зашитником Деникина, а Сидорин — противником, тогда как на совещании этих двух командующих армиями 11 декабря на станции Ясиноватой позиции генералов были совершенно противоположными. О «работе» ген. Врангеля мною подробно изложено в статье о «Новороссийской катастрофе» по свидетельству Терского Войск. Атамана Г. А. Вдовенко, Команд. Кубанской армией ген. А Г. Шкуро и Председ. Кубанского пр-ва Д. Е. Скобцова. Такая же чепуха рассказывается о Новороссийской эвакуации и о том, как в 1917 г. **при Врем. Правительстве**, до большевистского переворота, ген. Деникину «группы» предлагали объявить военную диктатуру, но он отказался и «тем дал возможность большевикам безпрепятственно захватить власть»...

Какой пост занимал ТОГДА ген. Деникин, что ОТ НЕГО зависело объявление диктатуры?

Оказывается, что ген. Деникин, кроме всего прочего и нежелания пустить первым ко-

го бы то ни было в Москву, еще и «охранял заветы Керенского».

По впросу о въезде «на белом коне» в Москву необходима поправка:

По первоначальному замыслу Главного и Донского командования в Мамантовский рейд предполагалось направить два конных корпуса: корпус ген. Мамантова и корпус ген. Коновалова. Эти корпуса должны были всей конной массой нанести сокрушительный удар во фланг и тыл 8-ой и 9-ой центральным красным армиям, а затем форсированным маршем двинуться в глубь России, пополняя силы антисоветски настроенными элементами, и при успехе продолжать движение до Москвы. От этого плана пришлось отказаться еще до начала прорыва, т. к. завязавшиеся на фронте Коноваловского корпуса бои не дали возможности оттянуть этот корпус, и задача, возложенная на ген. Мамантова, была ограничена: вследствие недостаточности оказавшихся в его распоряжении сил, ему вменялось уже в обязанность не зарываться, а, разгромив тылы и коммуникации противника, идти обратно на соединение с главными силами. Если бы целью рейда и при этих условиях, в составе одного лишь корпуса было движение на Москву, Мамантов, умный и опытный военачальник, не допустил бы накопления при корпусе непомерных обозов.

Улыбку вызывают рассуждения маленького интендант. чиновника, знавшего, оказывается, самые сокровенные мысли ген. М. В. Алексеева: автор замечательной «Правды» знает, по каким вопросам Верховный Руководитель Добровольческой армии разделял мнения ген. Краснова и был против ген. Деникина, **«но, в душе будучи согласен, молчал»...**

На Дону, утверждает автор, было **пять** миллионов населения, готового ПОГОЛОВНО встать на борьбу с большевиками... Почему не сказать десять миллионов или больше? По данным Центрального Статистического Комитета, на 1-е января 1915 года всего населения на Дону было 4.031.400 человек обоего пола, причем казаков было 47 процентов, а неказаков 53 процента. Следовательно, казаков всего, с женщинами, детьми и стариками, к начале 1915 г. на Дону было около одного миллиона 900 тысяч, а неказаков — два миллиона сто тридцать тысяч. Авторы «Правды» должны были бы знать, сколько из этих 2.000.000 неказаков готовы были встать на борьбу с большевиками...

В кривом зеркале отражены не только генералы Деникин, Романовский, Богаевский, но и многое-многое другое... Все это громоздкое сооружение было необходимо, чтобы в конечном счете попытаться убедить легковерных, что сменили генералов не Донцы, а чужие злые «дяди»... Так пишется история...

Н. М. Мельников

О КНИГЕ ТОЛМАЧЕВА И О СТАТЬЕ Г. ПАДАЛКИНА.

В № 34 «Род. Края» помещена статья г. Падалкина «ИЗ ПРОШЛОГО», посвященная памяти ген. Мамантова. Рядовой читатель быть может ничего не заметил в этой статье, написанной гладко, со ссылкой на некоторые источники и заканчивающейся комплиментом по моему адресу. Мне было бы приятно ответить г. Падалкину тем же, но, к сожалению, его статья недостаточно обоснована и в ней не все благополучно в смысле исторической объективности.

Начнем со «Степного Похода» и укажем на первую неточность. Начальник партизанского отряда Мартынов был не есаул, а войск. старшина. Позже, 2-го марта 1918 г., его отряд вошел 3-ей пешей сотней в отряд войск. старшины Семилетова. Что касается попытки «смены» Походного Атамана, о которой пишет г. Падалкин, ничем того не подтверждая, я, совершивший тоже Степной Поход, никогда раньше, ни во время похода, ни после, ничего об этом не слышал. Мамантова в то время мало кто знал и в той обстановке никакой почвы для «переворота» не было.

В бою у х. Савоськина на Куричьей балке командовал не Мамантов. Бой вел отряд в. ст. Семилетова с приданными ему калмыцкими сотнями и передовыми частями командовал, смертельно раненый в этом бою, полк. Лысенко. Главную тяжесть этого боя вынесла на себе наша 3-я сотня в. ст. Мар-

тынова, потерявшая в этом бою убитыми и ранеными 75% своего сотава. Из боя вышло: 26 пеших из 112, при одном взводном офицере из четырех, 7 пулеметчиков из 27 и 10 конных, у которых были переранены все лошади. Ранены были также две сестры милосердия.

В дальнейшем г. Падалкин излагает историю вооруженной борьбы частей, подчиненных ген. Мамантову, с начала восстания и захвата ст-цы Н.-Чирской, до боев за обладание Царицыном. Описывает он это исключительно по советским источникам, цитируя воспоминания Мухоперца и Толмачева, особенно последнего, и совершенно не касаясь белых источников.

К 40-летию гражданской войны в Сов. Союзе было издано некоторое количество мемуарной литературы, в том числе и книга И. П. Толмачева: «В степях Донских», Москва 1959. Воен. изд. министерства обороны Союза ССР. Как известно, в Сов. Союзе никто не может сам издать свою книгу и если она издана, то по определенному заданию и с определенной целью — воспитание молодых кадров компартии.

Малограмотный Толмачев, занимавший скромную должность начальника пулеметной команды, никакой книги сам написать не мог и за него поработали другие. В предисловии ясно указано: «Литер. запись И. И. Мирошникова». И уж этот то литератор не только постарался, но даже перестарался, написав «под Шолохова»; и даже кое-что содрав у него, как, например, переброску шашки из правой руки в левую командиром Лысенко. Но Шолохов дал этому объяснение. Его герой Григорий Мелехов был левша и одинково хорошо рубил и правой и левой рукой. Здесь же это описано просто как прием.

Какова же историческая ценность этого повествования?

Сам Толмачев признается, что поскольку он командовал небольшим подразделением и не может рассказать о всех эпизодах, то более всего будет говорить о делах и людях, с которыми воевал плечо к плечу (стр. 124) и писать о том, что видел своими глазами (стр. 162). А глаза его, то ли в бреду, то ли во сне, видели поистине странные вещи, образцы которых, в описании его литературно-партийного помощника, я и привожу.

«Веду своих молодцов в атаку», рассказывал Мордовин (командир сотни будто бы перешедшей к красным Е. К.), «а за нами едет строй юнкеров. Если мы побежим обратно, юнкера обязаны стрелять нам в спину» (стр. 148).

При подготовке к штурму Царицына «В части прибыли делегации казаков-стариков, со всех концов Донской Области красновцы согнали священников для молебнов, в окопы завезли сотни боченков водки» (стр. 162).

Когда пошли в атаку, то красные бойцы увидели грозную картину: «Вся степь кишела густыми цепями белоказаков. В лучах восходящего солнца играли, переливаясь золотым шитьем, знамена, старые, видавшие виды штандарты, задымленные порохом, бархатные полковые стяги. В первых рядах шли казаки знаменитых полков бывшей царской Армии, прославившихся еще в суворовские времена: Цымлянского, Гундоровского, Нижне-Чирского, Суворовского»... (стр. 162).

«В тылу... готовились к отправке на фронт 3-я Донская дивизия и 3-я стр. бригада. В них зачисляли в первую очередь патриотически настроенную молодежь из семей казачьих богатеев и офицерского состава» (стр. 169). «Морозовско-Донецкая дивизия и Ново-Никольский полк отбивали ожесточенные атаки офицерского корпуса. Офицеры шли плотными, стройными рядами, с винтовками наперевес, словно на параде. Блестело золото погон, начищенных пуговиц, лаковых козырьков. Дымились в зубах душистые турецкие сигары» (стр. 174).

«Буквально в полчаса полег на поле цвет мамантовских войск — офицерский корпус»... (стр. 176). «На поле подобрали тысячи трупов, сотни раненых. Много белоказаков попало в плен... 10 пушек, 20 пулеметов, 7000 винтовок, около 3000 коней с седлами, горы снаряжения и боеприпасов стали достоянием советских частей» (стр. 177).

Думаю, что этого моря лжи достаточно, чтобы судить, какова историческая ценность этой книженки*).

---

*) Для читателей младших поколений необходимо пояснить, что: никаких юнкеров сзади строевых частей не ездило, ибо при наличии почти 50-ти тысячной Армии, нужны были бы и тысячи юнкеров, а на Дону было, только что заново организванное, одно единственное военное училище, занимавшееся своим делом.

Никаких, расшитых золотом, знамен и штандартов в полках времен гражданской войны не было. Полки, с названиями станиц, были сформированы во время гражд. войны и раньше не существовали.

Стрелковая бригада была сформирована из донских крестьян переписи 1918 и 1919 г.г.

Никакого офицерского корпуса на Дону не существовало, наоборот офицеров не хватало и в 1919 г. командующий Донской Армией ген. Сидорин

В ней описаны все избитые истории о казаках-карателях; об отравленном хлебе; об оружии, спрятанном в алтаре; о коммунистах, переодетых священниками и сообщавшим ложные сведения белым и т. п.

Все описано согласно указке по партийной линии. Все сделано, чтобы подчеркнуть превосходство борцов за революцию над казаками. Они всюду лучше, организованнее, хитрее, доблестнее и нравственнее казаков.

Г. Падалкин привел в своей статье, из книги Толмачева, тоже избитую историю со стариком священником, которого красногвардейцы заставили плясать в парадной ризе.

— «Больше жизни, батя! Шпарь во всю! Жги! Жги!»

Но он не рассказал о ней до конца. Надоумели на это красногвардейцев, пишет Толмачев, казаки — станичный атаман Маркин, с целью настроить население станицы против красногвардейцев (стр. 66). Т. е. казаки отдали своего священника на издевательство, а остановили это и защитили его красные бойцы.

Этой исторической ложью и фантазией пропитана вся книга от начала до конца, не исключая и военных операций.

На это следовало бы обратить внимание г. Падалкину, но он на пяти страницах преподносит казакам эту агит-историю, не замечая, что вместо боевых действий мамантовцев, о которых в ней нет ничего определенного, излагает историю Морозовско-Донецкого большевистского отряда. При этом излагает ее своими словами и странным образом.

Описывая бой у ст. Чир, он пишет, что им руководил лично Мамантов и бросил в контр-наступление казаков во главе с Суворовской дружиной. О том, что руководил лично Мамантов, у Толмачева об этом ничего нет. Дальше следует целый абзац в кавычках из книги Толмачева.

Начало, о суворовцах, взято из описания боя под Обливской (стр. 124), к которому пристроено описание боя у ст. Чир (стр. 49), при чем о результате боя г. Падалкин пишет: «...станция Чир была занята. Казакам досталась часть орудий и пулеметов». Толмачев же на стр. 50-й пишет совсем другое:

— «Мамантовцы, не ожидая столь внезапного отпора, повернули наазд и ушли в сторону Н. Чирской. Коварная хитрость противника не удалась, станция Чир красногвардейцы отстояли».

Это разногласие г. Падалкина с цитируемыми им источниками не единично. Описывая бой у Обливской (стр. 15 «Род. Кр.»), он пишет, что казаки окружили два расчета пулеметов на тачанках и... забрали их. А Толмачев (стр. 123) пишет, что: «Атака на нашем участке отбита» и описывает, как она была отбита.

Г. Падалкин пишет дальше, что, отходя в направлении на Суровикино, казаки встретили конницу Лобачева и началась сеча. Красная конница не выдержала и отошла к ж. д. А Толмачев пишет (стр. 126): «Началась сеча, которая окончилась полным разгромом большой группировки. Лишь жалкие остатки ее вышли к Суровикино».

Есть и еще, но лучше не продолжать. Фантастическое описание этого боя литературно-партийным помощником Толмачева лучше было бы не приводить. Он не имеет никакого понятия о том, как в то время велись бои и его описания боев противны до тошноты.

На всей этой «истории», из которой никакой истории не вышло, можно бы было поставить точку, но на стр. 16-й «Род. Кр.» г. Падалкин бросил чудовищное, нелепое и ни на чем не основанное обвинение о намерении Дон. Атамана ген. Краснова употребить удушливые газы для взятия Царицына.

На казаков и так возводят много необоснованных обвинений и нет надобности нам обвинять себя во мнимых преступлениях.

В гражданской войне не было точного распределения, где свои и где противник. И те и другие были и с той и с другой стороны. Оно нелепо, ибо в условиях маневренной гражданской войны было невозможно организовать атаку удушливыми газами. За 40 лет, ни в белых, ни в красных источниках, я лично никогда не встречал даже намека на возможность употребления удушливых газов и только в книге Толмачева (стр. 169) есть указание о наличии в составе Донской Армии химического взвода.

Как следствие опыта Великой войны, в Донской Армии действительно существовал номинально химический взвод, участок воз-

---

просил ген. Деникина о присылке офицеров из Добр. Армии, но безрезультатно.

Ни о каких горах снаряжения и боевых припасов и говорить не приходится, острый недостаток снарядов и патронов был главнейшей причиной нашего неуспеха при наступлении на Царицын. Управление Артиллерии буквально засыпалось требованиями о присылке боеприпасов, но безсильно было их выполнить, т. к. таковых не было. Если бы таковые были, то Толмачеву, вероятно, не пришлось бы писать теперь своих лживых воспоминаний.

можных действий которого имел около одной четверти версты. Никакого боевого значения этот взвод не имел и поэтому употреблялся в качестве пластунов.

Наконец, это обвинение ни на чем не основано, кроме заявления самого г. Падалкина, которое оставим на его совести.

Если допустить, как пишет г. Падалкин, что Атаман Краснов интересовался вопросом, «насколько пострадает население города в случае газовой атаки», то придется допустить, что Атаман Краснов, генерал с боевым опытом, военный писатель и знаток военного дела, всесторонне образованный, равно как и два его помощника — офицеры Ген. Штаба, были совершенно невежественными в военном деле людьми. Результат подобного предприятия был совершенно ясен каждому, мало мальски знакомому с тактикой употребления удушливых газов и для этого не было надобности посылать специального агента.

В 1916 г. немцы, впервые на русском фронте, произвели газовую атаку в районе ст. Солы (район Молодечно). У этой же станции в 1916 г. 19-я Дон. каз. б-рея, в которой я служил, вышла из окружения во время Свенцянского прорыва и все время находилась в этом районе, то южнее, то севернее, при чем противник снова применял газы особенно, на участке Сморгонь-Крево. Волей-неволей с этим вопросом пришлось ознакомиться.

Выпустить удушливые газы не столь просто, как это кажется. Для этого нужны специальные химические команды, которых в составе Дон. Армии не было. Не было и газов, ибо на Дону не было ни крупных военных складов, ни химической промышленности. Все боевое снабжение Дон. Армии во время гражданской войны находилось в ведении Управления Донской Артиллерии. Я служил там после Степного похода до конца октября 1918 г., но никогда не слышал даже намека о наличии у нас на складах баллонов с удушливыми газами или на возможность их применения, хотя через мои руки проходили бумаги вплоть до секретных (я имел доступ к шифру).

Для организации газовой атаки необходима стабилизация фронта, каковое условие отсутствовало, ибо подготовка атаки требует тщательного изучения рельефа местности. Нужны длительные и серьезные метеорологические наблюдения специалистами и наличие у всех наших бойцов противогазов, каковых во время гражданской войны совершенно не было. Ветер всегда может измениться и погнать выпущенные газы в обратную сторону на атакующего, что имело место на франц. фронте.

Все это Атаману Краснову было, конечно, известно.

Говорить о возможности обстрела хим. снарядами, которых к концу войны существовало несколько разновидностей (удушающие, медленно отравляющие, парализующие, слезоточивые и др.) тоже не приходится. Они употреблялись для стрельбы по коротким и точно установленным целям, а интенсивная стрельба сильно изнашивала материальную часть артиллерии. Для образования небольшого газового облака необходимо было выпустить минимум 200 снарядов в кратчайший срок (10-15 минут). От такой стрельбы по немецкой батарее в 1917 г. в нашей батарее выбыло из строя два орудия и пришлось заканчивать оставшимися в исправности.

На Дону не было не только хим. снарядов, но нам все время не хватало обыкновенных боевых. Ведь мы защищали Новочеркасск и выступили в Степной Поход с «учебными» снарядами, о чем в свое время помалкивали. Во время же наступления на Царицын, вопрос с боевым снабжением стоял настолько остро, что Атаман Краснов писал своему послу на Украине ген. Черячукину: «Нам орудия, патроны и ружья теперь нужнее самостоятельности. Об этом не надо говорить, но надо это помнить и помнить твердо». (Дон. Лет. № 3 стр. 176).

Печально то, что г. Падалкин, описывая события прошлого, происшедшие более 40-ка лет тому назад, пытается связать их с нашими теперешними эмигрантскими разногласиями. Но от подгона истории к современности и наоборот, в явном противоречии с историческими документами и общеизвестными фактами, ничего хорошего не получается и необоснованные утверждения производят лишь обратный эффект.

Всем известно, что Атаман Краснов, прекрасный организатор, имел твердый характер, знал, что он хочет и неизменно проводил свои решения в жизнь сам. Из статьи же г. Падалкина можно сделать вывод, что ответственные решения принимались им либо по настоянию, либо по предложению Нач-ка Штаба Дон. Армии ген. Полякова. Против последнего он и делает несколько выпадов, извращая историю.

Говоря об Атамане Краснове он пишет: что последний «Командующим Донской Ар-

мией назначил ген. С. В. Денисова, а Начальником Штаба капитана Ген. Шт., только что произведенного в ген.-майоры, И. А. Полякова». Заметим, что Ком-щий Армией тоже «только что был произведен» в генералы за взятие Новочеркасска, что же касается Нач-ка Штаба, то тут и одно и другое неверно.

Г. П. Янов, бывший председателем Вр. Донск. Правительства в период восстания, в своих воспоминаниях (Дон. Лет. № 3 стр. 38) пишет: «9-го апр. слухи о Походном Атамане стали действительностью. 10-го апр. Правительством и Командованием было решено немедленно навстречу Атаману отправить депутацию для освещения всего хода борьбы и общей обстановки. Депутация в составе Председателя Вр. Прав-тва Г. П. Янона, члена Прав-тва М. А. Горчукова и Начальника оперативной части штаба Армии подполковника ген. Штаба И. А. Полякова — выехала в ст-цу Константиновскую».

При назначении на должность Нач-ка Штаба Армии, не был он произведен и в генералы, как утверждает г. Падалкин, а произведенный в полковники после взятия Новочеркасска, как начальник штаба Южной группы, три месяца спустя, в августе 1918 г., все еще был полковником. Это следует из речи Ген. Краснова на первом заседании Б. В. Круга 16-го авг. 1918 г., где он сказал:

«Наша борьба, благодаря громадному военному таланту и твердой воле Командующего Дон. Армией ген. Денисова и большой работоспособности его Нач-ка Штаба полковника Полякова, приняла строго планомерный характер». (Дон. Лет. № 3 стр. 336).

Ошибка г. Падалкина здесь не случайна. Если он не читал Донской Летописи, то ведь книгу Толмачева, которую он все время цитирует, он прочел, а там на стр. 129-й приведена выдержка из речи Атамана Краснова и написано то же.

Говоря о демобилизации старших возрастов, г. Падалкин, ничем того не подтверждая, пишет, что это было сделано по предложению Н-ка Штаба Армии ген. Полякова. Между тем этот вопрос был решен Атаманом Красновым еще в момент его избрания и в своем приказе № 1 от 4/7 мая 1918 г., т. е. тотчас после избрания, давая директивы по всем ведомствам, директиву по военному ведомству он закончил так: «Для охраны станиц и городов составить конные и пешие сотни из казаков 1912, 13, 14, 15, 16 и 17 годов. По мере успокоения Войска, распускать по домам для мирных работ казаков остальных возрастов». (Дон. Лет. № 3 стр. 321).

Этого требовало, расстроенное хозяйничаньем большевиков, сельское хозяйство и необходимость снабжения населения и Армии продуктами. В городах стояли очереди за хлебом плохого качества с большой примесью ячменя. Не лучше было дело и со снабжением Армии. На заседании Б. В. Круга Атаман Краснов огласил выписку из письма Нач-ка Штаба ген. Мамантова от 20-го мая 1918 г. № 483: «Продовольствие на исходе. Скоро не будет хлеба, ни зернового фуража; последнее меня мало безпокоит, т. к. перейдем на подножный корм. Но отсутствие хлеба, крупы и картофеля может привести к уничтожению войска внутренним разложением...» (Дон. Лет. № 3 стр. 334).

О том, что приказ о демобилизации некоторых возрастов стал известен красному командованию, у Толмачева опять таки ничего нет и если Ворошилов, созвав совещание в 20-х числах мая, решил пробиваться в Царицын, то не потому, что узнал о демобилизации, каковой в то время еще не было, а по другим причинам, о которых Толмачев пишет на стр. 114-115: полное отсутствие связи с центром, изолированные действия без координации с другими фронтами и др. Возлагать всю вину за пропуск группы войск Ворошилова в Царицын на Штаб Армии, не учитывая всех обстоятельств, слишком легко. Не надо забывать, что Дон. Армия находилась в то время еще в периоде организации, была плохо вооружена и снабжена и, ведя операции на большом фронте, не могла сосредоточить достаточного количества бойцов против этой, хорошо вооруженной группы, ставлявшей вместе с беженцами массу в 50 тысяч человек.

Если ген. Денисов ушел с поста Командующего Армией в результате выраженного В. Кругом недоверия, то было бы ошибочно судить только на основании этого, что его руководство Армией было «неумелым». Тот же Круг, после очищения почти всей территории Дона и блестящего смотра только что созданной Молодой Армии, произвел его в ген.-лейтенанты. Войсковой Круг — это парламент и как во всех парламентах, там шла борьба различных групп, доминировала политика и была оппозиция. Критика последней не всегда была лойяльна и беспристрастна.

В данном случае, для облегчения работы

историкам, своевременно привести свидетельство компетентного и нейтрального лица. Таковым был Ген. Штаба полк. Добрынин, занимавший ответственную должность в Штабе Армии и не принадлежавший ни к «красновцам», ни к «степнякам», т. к. тяжело контуженный в 1915 г. в Августовских лесах, он попал в плен и вернулся из Германии на Дон только в конце августа 1918 г.

В своем очерке: «Вооруженная борьба Дона» с большевиками» (Дон. Лет. № 1) он пишет: «Большим злом в Штабе Армии были чины штаба из состава Круга. Люди эти не могли уделять достаточно внимания службе в Штабе Армии, т. к. от этой службы их отрывала постоянная работа в Круге».

В своей монографии о ген. Денисове, имеющейся у меня в архиве и до сих пор, нигде не опубликованной, полк. Добрынин, перечислив результаты его руководства боевыми операциями (очищение всей территории от красных банд, кроме пяти станиц Сальского Округа, после трехмесячной борьбы; создание армии, в рядах которой, после увольнения по домам старших возрастов, было 40.000 бойцов при 93 орудиях и 280 пулеметах и сформирование прекрасных войск молодой армии, покоривших сердца Круга на параде 16-го (29) августа, пишет:

«...Не так гладко пошло выполнение поставленных Кругом командованию новых задач занятия важных ж. д. узлов и пунктов вне территории области, для ее обезпечения со стороны Воронежской и Саратовской губерний. Мы не будем исследовать обстоятельств этих неудач, т. к. они лежат, конечно, вне оперативных моментов, которые можно было бы ставить в вину донскому командованию и его возглавителю ген. Денисову...

Вопрос восстания Верхне-Донского округа зимой 1918 г. с его результатами, оставленными в наследие новому донскому командованию, поставил крест на ярко вспыхнувшей карьере С. В. Денисова, как Командующего Донской Армией.

Здесь мы с полной убежденностью можем повторить сначала то, что было сказано нами в выпущенной в 1921 г. очерке «Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества» (стр. 68):

«Долг справедливости требует подчеркнуть, что полная ответственность за военные неудачи может ложиться на командование лишь в условиях нормальной войны, когда ему предоставлены все необходимые средства и когда войска точно исполняют все его приказания. К сожалению последнее время, с началом развала, управление войсками стало невозможным».

Развитие этого взгляда нами было сделано в другой нашей работе «Дон в борьбе с коммуной — на Донце и Маныче (февраль-май 1919 г.)» следующим образом:

«Из ряда основательных обвинений, выдвинутых Кругом по адресу Командующего Армией, в общей сложности можно было вывести общее впечатление недовольства оппозиции политикой командующего, а не качеством его, как полководца... Необходимо отметить, что в числе оппозиции выступали из состава Круга и некоторые офицеры генерального штаба. Одна часть их обвинений обращала на себя особое внимание. В упрек командованию, между прочим, было поставлено, что им не были приняты необходимые меры по укреплению границ области. В частности было указано на отсутствие «узлов сопротивления», подготовленных для закрепления на них отходящих войск.

Странно было слышать эти обвинения от специалистов военного дела, которые из опыта гражданской войны должны бы были уже вывести заключение, что в гражданской войне в момент развала никакие «узлы сопротивления» не играют роли».

К этому оправданию донского командования теперь можно лишь определенно добавить, что заявление об «узлах сопротивления» являлось просто злой демагогией, исканием среди мало осведомленных в тонкостях военного дела широких масс Круга оппозиционной поддержки. Инициаторы этой игры своего добились, но история скажет свое заключение — был ли такой способ сведения счетов с политическим противником и своевременным и... рыцарским».

Я с своей стороны должен заметить, что быстрое отступление белых армий в 1919 г. снова пытались объяснить отсутствием «узлов сопротивления», хотя теперь уже достаточно определилось, что причины нашего поражения исходили из ошибок главным образом в области политической, а не военно-стратегической. Что касается Донск. Армии, то если при ген. Денисове она достигла на главном направлении линии: Лиски-Таловая, Новохоперск-Борисоглебск, то при его приемнике ген. Сидорине дальше этой линии также продвинуться не смогла.

Оба командующих Донской Армией соответствовали своему назначению и если карьера ген. Денисова оборвалась под влиянием политического момента, то той же участи не избежал позже и ген. Сидорин.

Париж. **Е. Ковалев**

УССУРИЙЦЫ

(По случаю столетия существования Уссурийского Каз. Войска)

После удачной экспедиции капитана Невельского к устью реки Амура и открытия этого устья для навигации у Иркутского генерал-губернатора графа Муравьева Амурского, получившего этот титул за присоединение Амурского края, возникла мысль заселить немедленно этот богатый и не занятый никем край, на который китайцы всегда имели свои виды.

Для этого нужно было приготовить как можно скорее целые группы предприимчивых и смелых людей, привычных ко всяким лишениям, и конечно, самыми подходящими к такой миссии были всегда казаки. И потому решено было переселить туда большое количество забайкальских казаков, не игнорируя, конечно, и доровольцев, каковые всегда находились...

Край был богат всевозможной рыбой и разнообразными породами зверя и также лесами. Смешанная уссурийская тайга, тянувшаяся на сотни верст по реке, состояла из лиственных и лиственичных пород, заканчивающихся хвойными, по мере приближения к вершинам горного хребта Сихотэ-Алинь. В низменных зарослях водился и водится до сих пор амурский тигр, забредший сюда и здесь аклиматизировавшийся. Фауна края пополнялась представителями животного мира из Сибири и была необычайно разнообразна. В крае давно «старатели» примитивным путем разрабатывали золотые речные богатства и промывали золотой песок.

В то время край населяли только примитивные племена тунгусов и гольдов и пришлые корейцы и китайцы. Они занимались рыбной ловлей и охотой. Несмотря на поклепы иностранцев и русских либеральных кругов, колонизация русскими никогда не носила эксплуататорского характера, как это было в европейских колониях в Африке, Индокитае и Азии. Русские всегда сближались с инородцами, даже роднились браками и колонизация их всегда носила культурный характер, в силу свойств широкой русской натуры.

1860 год считается официальным годом образования маленького Уссурийского Каз. Войска. Но фактически туда уже стали проникать предприимчивые люди из Сибири и заселение края русскими можно считать на десятки лет ранее основания Амурского казачьего Войска (1858 г.). Эти два Войска — Амурское и Уссурийское — сыграли огромную роль в культурном развитии края, его заселении и охране границ от проникновения туда хищных китайцев, до этого эксплуатировавших инородцев путем обмана, ограбления и убийства.

Основой для образования Уссурийского каз. Войска послужили, как сказано выше, забайкальцы, в свое время заселившие Шилку и Аргунь (образующие при своем слиянии Амур) и реку Уду, граничащую с Монголией, — там они постепенно смешивались с местными бурятами, т. е. по происхождению — теми же калмыками, братьями донских калмыков. Тип казаков-забайкальцев, в частности, напоминает монголов.

В Уссурийский Край были посланы, кроме забайкальцев, добровольцы из других казачьих Войск: с Дона, Кубани, Терека, Урала и других, и потому тип уссурийца сохранил русские черты, исключая тех станиц, где осели исключительно забайкальцы.

Тайгу пришлось покорять главным образом топором, учиться у местных жителей приемам охоты на хищного зверя и разнопородную рыбу, водившуюся в изобилии в реках. Приучиться следить за ходом кеты, когда она переполняет реки и мчится в верховья их для метания икры. Научиться ставить ловушки на всякого, незнакомого до сих пор, зверя. Учиться обходиться без лошади и пользоваться рекой или по земле собаками...

Север края заняли забайкальцы, а на юге осели донцы, кубанцы и пришедшие уже добровольно бывшие украинские казаки, крестьяне Полтавской, Киевской и Подольской губерний, занимавшиеся главным образом хлебопашеством.

Сразу, с первого дня переселения, казакам нового Войска пришлось, работая и устраиваясь, охранять границу. В тайге еще бродили шайки хунхузов и бродяг, бежавших из сибирских тюрем, и даже казачкам нужно было быть готовыми к нападению на их станицы. У каждого казака была винтовка и холодное оружие. Иногда и пахать приходилось с винтовкой за плечами в тех местах, где водился тигр или где особенно были активны хунхузы. Богатый край привлекал много разного люда и под охраной казаков

сни могли безопасно заниматься своими делами.

***

Казаки на рыбе и охоте быстро богатели и быстро переменили свои соломенные крыши на железные и оцинкованные. Казачки рядились в китайские материи: дабу, чесучу и шелка, носили ватные курмы на домашней работе. Казаки только в станицах наряжались в свои шаровары с желтыми лампасами и фуражки с желтым окольшем, в тайге же и на рыбалке, где они проводили большую часть своей жизни, они ходили, как таежные охотники, в сыромятных ичигах или бродняx, с китайским треухом на голове (маодза).

Первая строевая часть в 1900 г. отправилась в Китай для усмирения так наз. «боксерского восстания» вместе с другими частями российских и иностранных войск.

Отсутствие из станиц казаков сильно подорвало экономическую базу станиц и, кроме того, край наводнился хунхузами, но казачки и старики быстро отбили им охоту нападать на казачьи поселения. И те предпочли крестьянские.

Вернувшись из Китая, через два года снова пошли в Манчжурию на русско-японскую войну и лишь в 1906 г. вернулись к мирной жизни. Только немного пообжились, как грянула первая мировая война, из которой многие уже не вернулись.

Уссурийцы тогда выставили, с огромным напряжением, 1 конный полк и конный дивизион. С лошадьми у уссурийцев всегда было плохо. Местная порода была малорослa и, несмотря на свою выносливость, мало отвечала старым кавалерийским требованиям. Приходилось брать, что есть, лишь бы была лошадь. И конечно, со строевой кавалерийской точки зрения такие лошади были плоховаты, но зато исключительно выносливы.

Как-то, несколько лет назад, в одном казачьем журнале было написано, что национальный состав уссурийцев был сильно разнообразен. Это не верно и касается только, и то частично, офицерского состава. Среди них тоже в основном были забайкальцы: Шестаковы, Шереметьевы, Калмыковы, Бирюковы. Кузнецовы, Поповы, Черемисиновы, Февралевы, Жигалины, но и те в большинстве своем пришельцы с Дона или Урала. Были и со стороны приписавшихся перед поступлением в училище: Савицкие, Антоновы, Крузе, Абадзиевы, Шадрины, Климовские. Были даже два князя: Хованский и Кекуатов и граф Комаровский, известный тем, что был убит в Вене некоей Тарновской.

Перед мировой войной состав офицеров сильно пополнился молодежью и Войско отправило своих казаков под надежным руководством опытных офицеров. И смешанные в своем составе офицеры потеряли 3/4 своего состава, а рядовые казаки выбиты были настолько, что пополнение Войско стало давать только для полка, а в дивизион пришлось получать казаков из Енисейского Войска, целиком в войне не участвовавшего.

***

После неудачного окончания войны, не по вине русской армии, уссурийцы отправились домой в полном составе, вместе со своими родными Приморскими драгунами, Нерчинцами (забайкальцами), Амурцами и во всей дивизии не было ни одного случая не только убийства офицеров, но и никаких эксцессов. Также казаки по длинной, многотысячной, дороге, не дали в обиду большевикам ни одного своего офицера.

В мировую войну, очень кровопролитную для Уссурийцев, входивших в конную дивизию под командой сурового, храброго и справедливого генерала Крымова, дивизия в составе российских казачьих войск заняла одно из первых мест и по потерям и по проявлению своей доблести.

Войны разоряли уссурийцев непрерывно, но верные старой России они почти поголовно ушли за-границу, приняв крест изгнания.

Теперь над прежними гостеприимными уссурийскими станицами не реет желтый их флаг. Не поют казаки своих донских, кубанских, уральских и терских песен. Не выглядывают смелыми быстрыми глазенками смуглые и русокосые девки из под ярких платков на проезжавших казаков и не бегают по станицам в валенках, без штанов и в отповской желтой фуражке казачата.

Только попрежнему уныло шумит тайга, да струится по прежнему желто-мутная Уссури, спеша к своему старшему могучему брату Амуру, чтобы вместе мчаться потом далее в океан, заграницу.

Теперь Уссурийский Край, вместе с Амурским, представляет собою особую область, совершенно недоступную постороннему оку. Что там делается, никто не нает, как не знает, что делается и в самой России. Под замком Уссурийский Край и уссурийцы разделили участь несчастной России.

Н. Е. Русский

(«Русская Мысль») Париж.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

(Глава из Записи о Былом «Казаки Ермаковы»)

В одном квартале от Архангельской церкви, окруженный высоким и прочным выкрашенным забором, высился двухэтажный, солидный, с обширными сводчатыми подвалами, барский дом, принадлежавший богачу Храмцову. Тенистый небольшой сад в сирени и черемухе скрывал нижний этаж. Поместье выходило на три улицы. В линию тянулись под одну крышу конюшни, каретники, сараи. За забором виднелась крыша флигеля для слуг. В самом конце двора на другом, дальнем углу, стояло приземистое здание с дверью и окнами на улицу, бывшее когда-то торговым помещением, а в последнее время наглухо закрытое.

Богач Храмцов много лет тому назад бедняком пришел на Дон, осев на глушной, утопающей в песках Дубровке, в нескольких верстах от станицы, сметливый и практичный, он начал там чем-то переторговывать, присматриваясь к новым местам. Предприимчивому, с коммерческой жилкой и смекалкою, пришельцу среди безмятежно спавших казаков представлялось богатое поле деятельности. Казенной монополии тогда еще не существовало, а трудящийся в поте лица хуторянин, по праздникам, на свадьбах и при других случаях, любит «душу ублажить», — «не прольет». Храмцов это быстро учел, скоро оставив Дубровку и, поселившись дальше, где-то в лесу на перекрестке дорог, открыл там кабак. Дело оказалось доходнейшей статьей. Храмцов богател, не гнушаясь не только продажей хмельного, но часто беря с немогущих расплатиться пьяных людей то украдкою привезенный мешок пшеницы, то принимая от парней плохо лежавшее у родителей сало. Годы шли, капитал разрастался.

Когда по Высочайшему повелению частные кабаки были закрыты и вместо них учреждалась на «казенное вино» государственная монополия, Храмцов, у которого подрастали дети, изрядным богачем переехал в станицу, прекрасно обстроился и, прочно обосновавшись, открыл торговлю пивом, лимонадом, хорошими винами. Потом, будучи уже на склоне лет и начав прихварывать, он ликвидировал все дела, забив окна и двери своей торговли спиртным. Семья жила в полном достатке, совершенно обособленно, «ни с кем не знаясь». Огромный дом, как крепость, стоял изолированно-недоступный, ни для кого недосягаемый, интригуя любопытных мальчишек, тщетно искавших в крепком заборе щели, в бесплодных попытках взглянуть, хоть краем ока подсмотреть, что делается в этой таинственной обители.

У супругов было четверо детей. Все они, имея чисто русские имена, звались вычурно: старшего сына Милитона величали Миланом, дочь Ксения слыла за Ксану, а младший Емельян назывался Эмилем, девочка-же Пелагея была Полиной. Старшие, — Милан и Ксана, — на много лет разнящиеся в возрасте от младших, были студентом и курсисткой, приезжали в станицу лишь на каникулы, привозили с собой гостей на все лето и с ними проводили время. Таким образом, молодые Храмцовы жили в своем собственном кругу, совершенно не общаясь со станичной учащейся молодежью. Младшие-же дети, — Эмиль леть двенадцати и десятилетняя Полина, — томились в стенах отчего дома, скучая без сверстников. Их любимым местом забав тянущихся к другим детям ребят был выходящий на улицу широкий подоконник. На нем они раскладывали свои дорогие игрушки, заводили бегающих зверков, возводили постройки. Проходящая по улице досужая детвора останавливалась, зачарованная невиданными чудесными вещами. Когда против окон собиралась изрядная толпа малолетних зевак, Эмиль, гордо смотревший на «уличных мальчишек» с высокого окна своего замка, приступал к самому главному, особо притягательному развлечению: ставил на подоконник, чтобы всем издали было видно, две большие «китайские» статуэтки, кивающие головами заводные куклы. На улице детскому восторгу не было удержу, — крики, смех, жесты восхищения а куклы все кивали и кивали, собирая еще большую детскую толпу. Николай Ермаков, любитель зрелищь, расталкивая малышей, протискивался на первый план, напирал на других, жестикулировал, выкрикивал, толкался. Он горел неосуществимым желанием самому-бы подержать в руках, осязать таинственных китайчат, рассмотреть их, повертеть. Но как-же проникнуть в никому недоступный дом? Какой предлог придумать, чтобы его туда впустили? А случай побывать у Храмцовых, совершенно неожиданно, скоро свалился Николке, как с неба.

Один раз он, вместе с неразлучным другом, сыном Тони Кривой Мишаткой, за станцией пускал на веревочке в небо змея. Мальчишки наперебой запускали его как можно выше и не сразу заметили, как вблизи них преследовала кавалькада делавших прогулку верхом Милана и Ксаны в сопровождении гостившего у них студента. Хорошие, сытые, в великолепной сбруе кони и красиво одетые молодые Храмцовы привлекли внимание развлекавшихся ребят. Николка обмер от восторга, созерцая блестящие сапожки, рейтузы и белоснежную рубашку изнеженного и элегантного, красивого Милана; с удивлением рассматривал длинный «хвост» свисавшего с ноги платья ехавшей амазонкой стройной, представительной Ксаны. Пережив первое мгновенье охвативших его эмоций, Николка бросил палку под задние ноги крайней лошади, сухопарого очкастого студента, выкрикнул:

— «Узы, узы его!»

Кони понесли. У Ксаны за спиной легким облаком вилась воздушная на шляпе вуаль. Щегольски-изящно гарцевал Милан. А неопытный в верховой езде сутуловатый нескладный студент, раскачиваясь и подпрыгивая, не в состоянии сдержать лошадь, умоляюще вопил:

— Ксана Дмитриевна, куда вы спешите! Не торопитесь так!

Его незастегнутая студенческая тужурка шлепала полами по воздуху. Из кармана выпала на землю записная книжка. Николай щукой бросился, вмиг схватил ее, продолжая кричать: — «Узы, узы его!» — Подобрав книжечку, он поспешил сунуть ее в карман, утаив находку от ничего незаметившего Мишатки. А тот, в блаженном неведеньи, раскатисто смеялся над развеселившим его неуклюжим всадником:

— «Глядикося, чиновник этот, как чепура». — Резюмировал он комическую сцену, произведя в ранг чиновника незнакомого человека с форменными металлическими пуговицами.

Сжимая в кармане книжечку, Николка раздумывал, как извлечь пользу из неожиданной находки и, плохо проспав ночь, на утро решил, что книжонка может сослужить службу, оказавшись ключем, который откроет ему дверь к Храмцовым, а следовательно и к загадочным куклам. Никому не сказав, он после обеда осправился и, полный решимости, принялся энергично стучать кулаками во входную дверь дома Храмцовых.

На грохот из ворот выбежала в белом фартуке крайне изумленная горничная:

— «Ты чего тут гремишь в паратнию дверь? Все сплять. Нельзя беспокоить. Уходи отсель». — Гнала она мальчишку, приняв его за праздношатающегося озорника.

— «Я по делу пришел». — Уверял ее Николка, не сдаваясь. Но прислуга твердила свое.

Во время спора Николая с горничной, валявшийся в гамаке под густой калиной Милан, прихлебывая пенящийся холодный квас, вел беседу с потерявшим книжечку другом:

— «Обронил где-нибудь в лесу. Там, в кустах, она и сгниет. А если кто и поднимет, тоже не велика беда: эта казачня темным-темная. Не заинтегесуется, скрутит на цыгарки».

— «А если не скрутит, не спалит, а отдаст кому надо?.. — Взволнованно возражал потерявший покой владелец книжечки, — «Там текст Марсельезы, кой-какие цытаты из Маркса и Энгельса, адреса».

Разговор перебила пришедшая горничная, доложив о заявившемся мальчишке, добивающемся видеть Милана Дмитриевича.

Непривыкший к посетителям, молодой Храмцов недоумевающе пожал плечами, а его, от неожиданности побледневший, друг вдруг едва слышно произнес: — «Это самое... Начинается...»

Медлительно вывалившись из гамака и жестом пригласив товарища с собою, Милан зашагал в дальний, всегда закрытый дом в конце двора, где жил летом.

Приведенный туда с яркого света Николка, щурясь в полутьме, с трудом различая людей и обстановку, натолкнулся на угол покинутого, когда-то служившего обогащению, прилавка.

— «Ты что? Зачем пришел?» — Жестко, отрывисто начал опрашивать мальчишку Милан.

— «Не терроризируй так». — Прервал его гостящий друг и, усадив на свою кровать ничего не ответившего и непонявшего незнакомого слова Николку, положил ему руку на плечо: — «Присядь, хлопец, и рассказывай».

Николай молча протянул ему найденную книжечку. Обрадованный неожиданным счастьем, студент торопливо схватил свое сокровище, рассыпаясь в благодарностях.

Милан-же спокойно, но не снижая повелительного тона, продолжал опрос мальчишки:

— «Понравилось тебе, что в книжечке на-

писано? С кем читал? Кому находкой хвалился?»

Николай даже перед богатым и строгим Храмцовым не смутился, объяснив, что в книжечке написано очень неразборчиво. Ничего не понял. Принес ее сам, один, даже Мишатке не показал, чтобы одному поглядеть кукол, «что головами трясут у вас в окне».

Этот невинный ответ развеселил молодых людей. Хохотали искренне, весело, захлебываясь. Даже напыщенность Милана уступила место приветливости. Наполнив стеклянную кружку золотистой влагой, он предложил Николке: — «Хочешь кваску попить? Смотри только, не поперхнись. Очень холодный».

Мальчишка, жадно отпив крупными глотками, закашлял.

— «А ты не торопись». — Заботливо постукивая ему в затылок, советовал ликующий от радости друг хозяина и, заискивающе ублажая доставившего счастье Николку, шутил:

— «Тебя, казаченка, значит, куклы интересуют, как девченку. Ха-ха-ха! Может, вместо кукол, деньжат тебе на шнур для змея дать?»

Уязвленный в «девчачьих» наклонностях, непонятый Николка оправдывался:

— «Меня интересуют не куклы, чтобы в них играть. Я хотел-бы видеть, как это они устроены, что головами кивают».

Обрадованный предложенной мздой, острый мальчишка уже сообразил, что надо убить двух зайцев и, объяснив о куклах, не отказался и от предложенного рубля.

На этом аудиенция, видимо, была окончена. Но, положив в карман серебряный целковый, Николка медлил, ожидая разрешения вопроса, полагая, что ему сейчас покажут кукол. Хозяева-же о них молчали. Тогда настойчивыЙ мальчишка спросил сам: — «А куклы?»

Лицо Милана снова приняло строгий вид:

— «Сейчас в доме после обеда отдыхают. Туда, брат, нельзя. Ничем не могу помочь тебе в «куклячьем деле». — Сухо отрубил он.

Огорченный Николка, сжимая прохладный рубль, так и вышел от Храмцовых, не удовлетворив своего пылкого любопытства и желания повертеть таинственные механизмы кланяющихся китайцев.

(Аргентина).

П. А. Соколова

НА ПАСХУ

Миша деда поздравляет
С Воскресением Христа,
Бабку нежно обнимает,
Целуя крепенько в уста.
Дед от радости смеется,
Крутя длинные усы,
У бабуни ж сердце бьется
От Мишуткиной красы.
«Эх, бывало мы когда — то...»
Вспоминает что то дед, —
«Ну, теперь уж поздновато —
«Все прошло, его уж нет...»
Но бабуся не сдается,
Заявляя громко так:
«Тот, в ком сердце еще бьется
«Должен знать, что он казак».
«А то нюни распустили»,
«И ползут, как раки врозь»,
«О Тихом Доне позабыли»,
«Расчитав все на авось...»
«Хоть бы внуков постыдились»,
«Да за ум взялись скорей»,
«Воедино все бы слились»
«Жить бы стало веселей...»
«Мы казачки, все казачки...»
«Казаков зовем на сбор,
«Где решим дела мирские,
«Прекратим казачий спор...»

Австралия. **Ф. Сметанин.**

ЛЕКАРИ, ЗНАХАРИ И ВОРОЖЕИ.

В былое время в хуторах и глухих станицах всегда можно было встретить доморощенных лекарей, знахарей и ворожей. Кто их учил лечить, гадать, предсказывать, как они постигли свое искусство, часто оставалось тайной.

В то время медицинская помощь населению хуторов была ничтожной. К врачам хуторской народ обращался в исключительных случаях, а большей частью лечился у своих хуторских лекарей.

К тому же станица находилась далеко. Да и к докторам простой народ относился с недоверием, верил разным нелепым слухам, что, мол, они травят людей, режут...

Иногда в хутор приезжал станичный фельдшер прививать детям оспу. Почти всегда тогда бабы поднимали бунт.

— Зарежут дитя, да и только — говорили они и старались не вести детей на прививку.

Только хуторский атаман мог приказать:

«Ведите детей, а то я вам побунтую...

— Тебе вить прививали? — говорил он казачке — а то была бы рябая, как Дунька Сенюткина...

На Буерак-Поповом хуторе было несколько лекарок. Самая старая из них была бабка Софья. Она часто в своей «медицинской практике» давала пациентам такие советы:

— Зажги лампаду, прочти три раза «Отче» и выйди из хаты задом наперед, тада болесть останется в хате, а ты от нее уйдешь... А иде у тебя болит, Алена? — спрашивала она другую больную...

— Да вот тута, бабушка — показывает Алена — колотья мине замучили...

Бабка Софья что то шептала, водила пальцем около больного места, потом приказывала до «третьих кочетов» набрать чистой воды в роднике, что за хутором, и пить эту воду по утрам.

— Да гляди, перекрестись, када будешь пить воду, а то не пойдет на пользу.

Алена развязывала платочек, брала из него калабашку с запеченым яйцом и давала ее лекарке, как плату за совет.

А бабка Тарасьевна, маленькая, живая старушенка (прозванная на хуторе «настопырь»), лечила наговорными водами и травянными настойками.

— Я, вот, три дня на поля не хожу, живот режет — жаловался Тарасьовне больной казак.

— На вот этот настой, выпей кружку натощак, а как выпьешь, плюнь три раза через левое плечо — приказывала она...

— Ну и лякарство дала мине Тарасьевна, чуть не издох, все кишки вывернуло — жаловался больной своим.

— Да она табе дуропьяну дала — решили в доме.

Большой известностью пользовалась не только на своем хуторе, но и по другим хуторам лекарка «новая казачка». Ее свекор, Охраменков, был принят в казаки из крестьян. Их двор называли «новые казаки». Мавра Охраменкова лет сорок тому назад вышла замуж за сына старика Охраменкова, Ермолая. Она была «хохлушка» Чистяковской слободы, поэтому на хуторе не знали, как она росла и у кого научилась лечить и ворожить. По внешности она отличалась от хуторских баб. Смуглое лицо с острыми черными глазами, горбатым носом, тонкими губами и немного широкими скулами — показывало в ней какой то азиатский тип. Живя уже много лет на хуторе, она как то мало общалась с остальными хуторскими бабами. Они ее недолюбливали и называли «не нашего поля ягодой» или просто «хохлушкой». В шестьдесят лет Мавра выглядела бодрой и здоровой. Она не была изнурена ни тяжелой работой, ни детьми, которых у нея было двое сыновей. С давних пор занималась лечебной практикой и тем помогала в хозяйстве. Своих пациентов она как бы гипнотизировала, внушая им веру в ее чудодейственные способы лечения. Нередко около двора «новых казаков» стояли подводы с дальних хуторов. Мавра лечила наговорной водой, настоями трав, ставила банки, пускала кровь и т. д.

— А как тибе звать? — спрашивала она приехавшую к ней бабу с хутора Ярского.

— Варвара Куликова — отвечала та.

— Ну, Варвара, говори, что у тибе болит и на каком месте? — сверля глазами пациентку, допрашивала лекарка.

Варвара, как «на духу», рассказывала, что когда она была жалмеркой, то «зачижилела» и выкинула дите.

— Типерь я хочу родить и уж третий год идет, как пришел муж с полка, а дитей нету. Муж сярьчаить — жаловалась Варвара. — Да ишо и в нутре болит — показывая на свой живот, говорила она.

Мавра взяла стакан воды, бросила в него какие-то зерна и, поглядев, сказала:

— У тибе в нутре не там болит, как на сердце печаль лежит... Вот что я табе советую: поимей дело с энтим казаком, с каким ты любовь водила в жалмерках.

— Ой, тетка Мавра, да вить это грех большой... Да и от мужа срамота. А нету ли такой лекарствы, штобы дитей родить?

— От этого нет, это Бог дает — объяснила лекарка. — А вот што у тибе в нутре болит, так будешь пить вот этот настой — подавая бутылку с каким то желтого цвета настоем (как видно солодиком), наказывала Мавра.

Варвара развязывала узелок платочка и давала десять копеек серебром.

— Это табе хватит? — спросила она лекарку и тут же добавила: — Мне только маманя дала.

— Хватит на первый раз — соглашалась лекарка. — А если не поленишься, приезжай ишо — приказывала она.

Старая дева Марья Петровна была мастерица гадать на картах и привораживать.

— Вот у нас летошник бычок пропал, ишшим, ишшим его и нигде не найдем, — жаловался хуторянин — погадай, пожалуйста, Марья Петровна, на карты, ты это могешь...

Марья Петровна раскладывала карты и сообщала:

— Ваш бычок ушел на восход солнца и теперь лежит ни то под дубом, ни то под вязом... Около него стоит человек с чермарем.

— А может быть это затонский пастух? — любопытствует проситель.

— Ишшите там, где показывают карты — советует гадалка.

Хуторские девки и бабы приходили тайком к Марье Петровне погадать насчет сердечных дел.

— Погадай мине, тетка Марья, любит ли мине Гришка? — просит девка Анютка.

— Ты, Анютка, блиска у няво, но есть другая, русая, какая хочит Гришку к сабе повернуть. Но ты не боись — рассматривая карты, говорит гадалка. — Ты успокойси с твоим интересом. А ты, Анна, принеси мне десяток яиц, и я дам табе наговореных семечек, ты их дай Григорию, тада он не уйдет от тибе, присушится...

Анютка с радостью бежала домой, крала десяток яиц и отдавала их гадалке за Гришкину любовь.

Бабку Хралиху боялись на хуторе казаки охотники. Она заговаривала ружья и молоко у коров.

— Ты чаво же, Пятро, вернулся и не пошел на охоту? — спрашивала охотника жена.

— Да чаво, бабку Хралиху стрел на улице и таперь лишь зря порох потратишь, все равно ничего не убьешь.

— А ты бы назад «Отче» прочитал — советовала жена — говорят, дюжа помогает.

Хуторским лекарям, знахарям, ворожеям никто не чинил препятствий в их практике: ни власть, ни народ. Но, однако, хуторяне не всегда верили своему «медицинскому персоналу».

— Ну, какая это молитва, што шепчет бабка Тарасьевна: на море, на океане, на острове Баяне... Разве такой молитвой вылечишь? Лишь нагрешишь — говорили некоторые больные, побывавшие у Тарасьевны.

— Да и новая казачка ня дюже помогает — говорил чахоточный казак Макар Широков. — Сколько раз я был у нее и все ничуть не легши, а по пятаку берет.

А когда Макар умер, то на хуторе говорили: — Много брешут наши лекарки.

Один мальчик порезал себе ногу и умер от заражения крови. Между хуторянами долго шел спор. Одни говорили. — «Если бы не обращалися к Тимофею Кривому (он заговаривал кровь), а отвезли бы пацана в больницу к доктору, он бы вылечил. Другие приписывали его смерть наказанию Божьему.

В то время хуторской народ был физически здоровым. Эпидемические болезни были редки, а с незначительными справлялся организм человека. Свои бабки шептухи тоже как то лечили, народные средства были иногда удачными, вот и выходило, что не было большой нужды обращаться к доктору, к тому же он может «отравить или зарезать».

Такое явление в хуторской жизни нельзя было всецело назвать абсолютным невежеством и суеверием. Нет, это была упорная самозащита народа, который был предоставлен самому себе и лишь в незначительной мере пользовался помощью государства.

И. Тапилин (†)

НА БАЛУ КАЗАЧЬЕГО СОЮЗА В ПАРИЖЕ

В этом году бал Казачьего Союза был назначен на 27 января в мерии 15-арондисмана. Дата во всех отношениях казалась неподходящей. Прошедшие Праздники Рождества, Нового Года, к тому же тэрм за квартиры основательно опустошили кошельки.

С такими мыслями я делал свои покупки утром в день бала, как вдруг кто то, прерывая мои размышления, взял меня сзади за рукав. Я обернулся. Перед мною стояла мало меня знающая племянница Б. А. Богаевского — одна из самых энергичных русских барышень. Помнил ее я по прошлому году, когда она отмечала свое избрание «Атаманшей бала» лихим казачком.

— Вы, конечно, будете на балу? — настойчиво спросила она.

— Не могу — ответил я, шутя — будет дождь.

— Все равно, вот вам билет — 7 н. фр., и улетучилась.

До этого хорошая погода, как на зло, испортилась. К 7-и часам полил дождь.

Хотя мерия у меня и рядом, но шагать под нудным дождем было не весело.

И только внутри здания — красивая, ярко освещенная зала, музыка, прибывающая публика быстро создавали настроение. К 10 с 1/2 часам бал был в полном разгаре. Вливавшаяся молодежь вносила непринужденную атмосферу и давала надлежащее направление балу.

Нужно отдать справедливость шефу оркестра. Он как бы учел нужды молодости, сразу взял ее в оборот и не давал, как говорится, «ни отдыху, ни сроку». Время от времени прерываемые выступлениями артистов, любители танцев кружились, вернее топтались, развлекая степенную сидящую за столиками публику.

Говорить об артистах, об исполнении каждым из них программы, не зная их имен — невозможно. Может, скажут об этом другие.

Но все же отмечу, что опытнейшая артистка Сандра Шувалова сразу сумела создать настроение и без труда завоевала симпатии присутствующих. Поэтому представляемые ею артисты могли смело расчитывать на вполне заслуженный успех.

Жаль, что некоторые номера программы были слишком поздно. Испанские танцы, напр., многим не удалось видеть и оценить по достоинству.

Как всегда, большим вниманием пользовалась лезгинка. На этот раз она представляла особенный интерес. Ловкая пара танцоров, соперничая друг с другом, во время танцев, метко бросала кинжалы. Нужна была тщательная и весьма длительная подготовка, чтобы не попасть кинжалом в положенную на доску, куда кинжалы метались, руку, или подставленную ногу. А в конце .. увлекавший горской удалью, кавказской грацией и безподобной легкостью «парень-подросток» вдруг сдернул с себя папаху... и перед публикой оказалась молодая красивая женщина с распущенной косой. И что замечательно — она оказалась француженкой.

Всем известны «газетные утки», но на казачьем балу присутствовала не газетная, а настоящая живая утка, доставленная казаком и казачкой Б. П. и А. А. Гарницкими в подарок на бал. Утка, конечно, фокусов не делала, не пела, не танцевала, а просто была разыграна в лотерею особым способом двумя колодами карт. Дальнейшая судьба этой утки мне неизвестна. Ее решит, если не ошибаюсь, казак С. Артемов.

Каждый год есть что то новое.

«Старая гвардия» — так смело и неудержимо обычно атаковывавшая буфет — теперь как будто начинает сдавать свое место еще не совсем опытному в этом отношении молодому поколению. Но как показывает бал, оно подает большие надежды и серьезно поддерживает традиции стариков.

Много было работы Дамскому Комитету Союза. Во главе с председательницей Н. И. Богаевской все были ею перегружены. Как пчелы в ульях, по заранее намеченному плану ими был устроен буфет. Чего только они не нанесли... русские котлеты, холодец, различные закуски, бутерброды, селодочка, огурчики и, конечно, водочка разных сортов. А рядом можно было выпить чашку чая с тортом, пирожными, печеньем. Все это было приготовлено заботливыми руками казачек Дамского Комитета.

Как не сказать Казачьему Союзу и организаторам Казачьего бала: честь и слава!

К. Поляков

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

● День «Казачьей Скорби» в Париже был отмечен казачьими организациями парижского района торжественной панихидой в кафедральном Соборе Св. Александра Невского 11 февраля.

● 4 марта состоялись перевыборы правления Союза Казаков-Комбатантов. Выбранными оказались: почетным председателем ген. Позднышев (Д. В.), председателем — ген. Зубов (Д. В.), тов. предс.: ген. Поздеев (Д. В.), полк. Сменов (Куб. В.), полк. Астахов (Астр. В.), секретарем и казначеем — в. ст. Шляхтин (Д. В.), членами правления: ес. Толбатовский (К. В.), сот. Бакай (Т. В.), влп. Крюков (Д. В.), ревиз. коммисия: хор. Евстратов (Д. В.), Колесов (Д. В.), Губарев (Д. В.).

● 21 янв. в Нью-Йорке была отслужена панихида по случаю 15-ой годовщины мученической смерти ген. П. Н. Краснова и его ближайших сотрудников.

● 27 мая в Доме Белого Воина (5 рю Мериме, Париж) состоится встреча для взаимных пасхальных поздравлений, устраиваемая Дам. Комитетом Каз. Союза.

● Новинки книжного рынка: Н. В. Альникин — «Рифмованные кончики» — продолжение («Сполох» — печальная, но славная эпопея Ден. Казачества 1917-20-ых годов), «Кубанский Истор. и Литер. сборник № 12», издаваемый ген. Науменко, «С хоперцами от Воронежа и до Кубани. 1919-20 гг.». брошюра № 4 полк. Ф. И. Елисеева.

● **РОЗЫСКИ.** Розыскивается Павел Венедиктович Наталюткин, ст. Усть-Медведицкой, выехавший из Чехословакии в Юж. Америку (Аргентину, Парагвай или Урагвай). Просьба сообщить о его судьбе по адресу: Mr. Krucoff. — 4, rue des Tours. Montbeliard (Doubs). France.

● В апреле с. г. во Франции и заграницей образовался Комитет для издания по предварительной подписке книги «Дикое Поле» Н. Н. Евсеева. В книгу войдет более 200 избранных стихотворений Донского поэта и поэмы «Дикое Поле» и «Кондрат Булавин». Подробности будут указаны в след. № «Род. Края».

У Ш Е Д Ш И Е

† 26 ноября 1961 г. в Нью-Йорке въехавшим на тротуар автомобилем был убит А. Я. Борисенко ст-цы Калниболотской Куб. Войска, 63 лет. Похоронен на кладбище монастыря Новое Дивеево.

† 5 дек. 1961 г. в Кливеланде (США) скоропостижно скончался Н. Секрет, ст-цы Брюховецкой Куб. Войска.

† 12 дек. 1961 г. в Лейквуде (США) после продолжительной болезни скончался ес. Оренбургского Войска С. Ф. Зазорин. Похоронен на каз. участке кладбища РООВА.

† 18 дек. 1961 г. в Джексоне, после тяжкой болезни скончался член Комитета Помощи казакам Ди-Пи в Америке Ф. Н. Шинкаренков, ст-цы Кочетовской В. В. Д. Похоронен на Св. Владимир. кладбище, на участке Каз. Комитета.

† 20 дек. 1961 г. в Нью-Йорке после тяжкой болезни скончался М. Мушихин ст-цы Мигулинской В. В. Д. Похоронен на Св. Владим. к-ще на Каз. участке.

† 24 янв. в Патерсоне (США) скончался полк. Д. М. Уваров ст. Екатерининской В. В. Д.

† 21 янв. с. г. в Вайнленде (США) скоропостижно скончался М. К. Мерзликин ст. Убеженской Куб. В.

† 29 янв. с. г. в Лейквуде скончался сот. Уссурийского Войска Д. С. Грудзинский. Похоронен на участке Каз. Комитета на Св. Влад. Кл-ще.

† 22 янв. с. г. в Салониках (Греция) скончался ес. Куб. Каз. Войска военный летчик А. Г. Белофастов, более 30 лет служивший в греческой авиации.

† 1 февр. с. г. в Доме Русского Кр. Креста в Шель (Франция) скончался вахмистр В. Г. Илюшкин, ст-цы. Калитвенской В. В. Д., о чем с прискорбием сообщает Союз Казаков-Комбатантов.

† 5 февр. с. г. в г. Руане (Франция) скончалась после операции К. А. Кравцова (урожд. Нефедова ст. Кумшацкой), 65 лет, В. В. Д., прожив в супружестве 48 лет.

† 11 февр. с. г. в Гамбурге (Германия) во время выступления там Жаровского Хора, скончался ес. В. И. Львов ст. Ново-Николаевской В. В. Д. Сорок один год пробыл покойный в хоре, являясь одним из организаторов и основоположников его. Много сил, энергии и здоровья было затрачено им на протяжении 4-ех десятков лет. В Гамбурге В. И. имел близких людей и предполагал после окончания этого турнэ Хора окончательно переехать в полюбившийся ему город.

† 15 февр. с. г. в Доме инвалидов в Монморанси (Франция) скончался полк. 1-го Запорожского Имп. Екатерины полка Г. С. Хубиаров.

† В Чураевке, в США, скончалсз 92 лет от роду Ив. Ив. Ушаков, быв. Член I-го Доч. В. Круга и 1-го Каледин. Пр-ва, Член 2-ой Госуд. Думы, много сделавший для школьного дела на Дону.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

Скончание списка поступлений с 1 ноября 1961 г. по 1 янв. 1962 г. От С. Донскова (Аргентина) — 11 долл.

Фонд Издательства: Г-жа Морозова — 2 долл., Бойчевский, Бугураев — по 3 долл., Быков, Никуленков — по 4 долл., Масянов — 7 долл., Буланов — 1 англ. фунт, г-жа Сладкова, Голицин — по 10 н. фр., Астахов — 5 н. фр.

С 1 янв. по 1 марта 1962 г.

Фонд Издательства: через Б. Н. Уланова, от М. М. Афанасьева — 8 долл., С. С. Ремилевой — 3 долл.

Сметанин — 1 австр. фунт., Н. Н. Воробьев (2 взн.) — 6 долл., проф. Чехов — 4 долл., Мохнатов — 60 н. фр., г-жа Фишер — 12 н. фр., Артемов — 20 н. фр., Селиверстов, Леонов, г-жа Попандопуло — по 5 н. фр., Калабунов, И. Н. Попов — по 10 н. фр., И. Осетров — 7 н. фр.

Для передачи **Дам. Комитету Каз. Союза:** Калабунов — 4 н. фр., г-жа Гордеева — 30 н. фр., Голенов — 10 н. фр., Максимов — 12 н. фр., отдел Партизан Чернецовцев-Семилетсвцев Каз. Союза в США через Петруся — 5 долл.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят всех жерртвователей принять искреннюю и глубокую благодарность.

ОТ РЕДАЦИОННОЙ КОЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Из за увеличения стоимости издания «Род. Края», что является следствием повышения цен во Франции, стоимость отдельного номера журнала, начиная с № 38, установлена в 3 н. фр., годовой подписки на 6 номеров — -8 н. фр. (за границей соответственно № — 70 цент., год. — 4 долл.).

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15.233.79, Nointel par Presles, (S. et O.), France.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Mr. Bogaevsky, 52, av. Flachat, Asnieres (Seine).

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н. фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кашеев» (цена 3,50 н. фр.).

В США, книги можно выписывать через Б. Н. Уланова — Mr. Oulanoff. 601. W. 160 St. Apt. 4c. New-York 32, N.Y. — U.S.A.

В Аргентине: — через С. Донскова: S. Donskov. H. Yrigoyen 878. D-to «D». Vincente Lopez. F.N.G.B.M. Buenos-Aires. Argentina.

Опечатка в № 36 «Род. Края» стр. 31 в рубрике — «На увековечение памяти ген. П. Х. Попова следует читать — от Д. П. Медведицкова, а не Д. Н. Медвединцева.

В том же № 36 — в отделе «Денежные поступления» — следует читать: от Отдела Партизан Чернецовцев-Семилетовцев 50 н. фр., полученных от кн. Белосельского, а не 30 н. фр., как было напечатано.

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).

Métro: La Motte-Picquet

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

40

О Г Л А В Л Е Н И Е :

Протоиерей Т. Соин. — «На братскую могилу».
М. Бугураев — «А. М. Каледин» (окончание).
Н. Евсеев — «Стихотворение».
Н. М. Мельников — «Хрущев, Апокалипсис и ОТАН» (окончание).
Е. Ковалев — «По поводу статьи «Дело Фенаролли у казаков».
Б. Богаевский — «Благодарность».
Ф. Головко — «Проблема войны и мира».
Проф. М. Миллер — «Город Азов и его памятники».
Н. Туроверов — «Украйна».
Е. Ковалев — «Новые книги — Сказки и предания казаков-некрасовцев».
М. П. Морозова — «Трагедия Лиенца».
С. Гамбурцев — «Сорокалетие жаровского хора».
От Изб. Комиссии во Франции по выборам Куб. В. Атамана.
П. А. Соколова — «Библиографические заметки».
А. Протопопов — «Новое в каз. прессе: «Донская трибуна».
Каз. Союз в Германии — «Казачий протест».
Письма в редакцию гг. Падалкина, «Ст. офицера», В. Балахнина, проф. Миллера.
М. А. Калабухов — «Памяти станичника и друга К. П. Пискунова».
В. Сиволобов — «Памяти Л. М. Михеева».
Ушедшие.
Н. Туроверов — «Памяти ген. Т. В. Михайлова».
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».
Казачья жизнь за рубежом.
М. И. К. — «Незабытые могилы».

ПРОДАЮТСЯ:

3 безоп. бритвы в футлярах, кармн. сереб. сереб. часы с крышкой, оч. хор. часы на руку, сереб. наконечники для газырей, увелич. стекло, 35 мелк. фран. монет, изъятых из обращения, 39 мелк. серебр. и медн. монет России, Англии, Амер, Герм. Австрии, Италии, СССР, Чехословакии, Греции, Бельгии, Швейц, Швеции, Франции, Ливана, Марокко, Мексики, Иордании, руководство по пчеловодству, руков. по переплет. делу, лечение голодом А. Суворина, 5 книг замечат. изд. Имки — кн. Закона Божия, амер. желт. ботинки № 42. Предпочтительно, но не обязательно, оптом за 100 нов. фр. (одни часы на руку куплены были за 6.000). Адрес:

A. Ponomareff, 35, rue Martray
Cormeilles-en-Parisis (S. et Oise)

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.

PAYS NATAL Mai-Juin 1962.

№ 40. Май-Июнь 1962 — 3 N.F.

Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

НА БРАТСКУЮ МОГИЛУ

(Слово, сказанное Протоиереем о. Тимофеем Сошным при освящении Креста-памятника на Братской Могиле в Льенце)

В каждом Государстве у каждого народа были свои знатные люди: были знаменитые полководцы, герои войны, мужи науки и люди всех отраслей человеческого знания и творчества. Таковых славных было много и у нас на Родине. В честь их слагались былины и песни, воздвигались памятники на их могилах и на площадях городов и селений в назидание грядущим поколениям и на память о бывших знаменитых предках.

Перед нами — скромный памятник, поставленный на братской могиле казаков, погибших 1-го июня сего года (1945) от руки английского командования. Эти казаки были герои духа, беззаветно любившие свою мать-Родину и родные свои края — Дон, Кубань и Терек.

Многие из них были в Белом Движении 1918-20 г.г. и были оставлены на берегу Черного моря, за неимением достаточного количества водного транспорта. И в силу этого поневоле должны были подпасть под сатанинский режим Советской власти и испытать все невзгоды этого режима: подвалы НКВД, тюрьмы и концлагеря.

И вот наступил 1941 год. Немцы, 22 июня прорвав «железный занавес» Сов. Союза, быстро двинулись до Петрограда, Москвы, Царицына и к Сев. Кавказу. Но в конце 1942 г., не устояв под Царицыным, они вынуждены были спешно отступать по всему фронту.

С ними пошли все те, кто ненавидел советскую власть; кто свыше 20-ти лет переносил тиранство от нее. Пошли и стар и млад. Шли семьями и в одиночку; Шли в неведомую даль, лишь бы не оставаться под игом большевиков. Шли с непоколебимой надеждой, что хуже, чем в Сов. Союзе. нигде быть не может: ведь шли на Запад, в культурные государства, государства демократические.

И так дошли до Северной Италии, до Джемонче и Толмеццо. Здесь образовали Казачий Стан.

В конце апреля 1945 г. Начальством Казачьего Стана было объявлено о переходе Стана в Восточный Тироль под покровительство английского командования.

«На казачество предполагается возложить какую-то почетную миссию», — говорили нам в Италии.

Но когда 28 мая увезли все казачье офицерство на предательскую «конференцию», тут только все узнали, какое «покровительство» оказало казачеству английское командование.

На 1-е июня была назначена репатриация всего Казачьего Стана. Чтобы как нибудь парализовать насильственную репатриацию, решено было 1-го июня устроить общее моление в лагере Пеггец, сойдясь туда всем Станом с надеждой, что молящихся не тронут: ведь и англичане — христиане. Но надежда не оправдалась. Когда литургия приблизилась к моменту причащения верующих, — десятитысячная толпа была охвачена кольцом танков с пулеметами и солдатами с дубинками и штыками в руках. Стали избивать безоружных казаков дубинками, колоть сопротивляющихся и даже стрелять.

И вот перед нами результат «покровительства» английского командования: Братская могила и 14 отдельных холмиков.

Пока этот цементный Крест-Символ Казачьей Голгофы — будет стоять на Братской могиле, он будет служить укором английскому командованию.

Вон со скалы смотрит бессмертный наш полководец генералиссимус Суворов (на от-

весной скале чьей то благодарной рукой вычерчен силуэт Суворова, а на самой вершине скалы стоит железный крест, именуемый Суворовским)... Смотрит он и удивляется тому, как вооруженные английские солдаты избивают безоружных казаков, женщин и детей. Суворов когда-то здесь тоже дрался и потерял 26.000 своих чудо-богатырей, но потерял их в честном бою, и сражение выиграл. И с того времени эта долина стала называться «Долиной Смерти». Теперь-же в этой «Долине Смерти» выдано насилием и коварством на верную и мучительную смерть тоже 26.000 доблестных казаков, потомков тех казаков, храбростью которых восхищался и перед величием духа которых преклонялся весь мир.

Ставя этот крест-памятник над могилою казаков, мы не можем выполнить еще одно желание казака. Это желание высказывается в одной казачьей песне: «Поехал казак на чужбину далеко».

В этой песне говорится, что, умирая на чужбине, где нет около постели умирающего ни родной матушки, ни подруги жизни, ни милых деточек, казак просил своих однополчан насыпать большой курган в головах. А на кургане посадить куст родной калины с тем расчетом, что на этот куст сядет залетная пташка и прощебечет, что зарыт здесь Донской казак. А затем полетит в родной его край и там расскажет родимой матушке, жене молодой и милым детишкам, чтобы они не ждали своего кормильца: «Милый казак домой уж не прилетит».

Так вот, не имея возможности посадить на этом кургане калину родную, мы будем надеяться, что и на этот крест сядет залетная пташка и прощебечет, что в этой могиле лежат герои-казаки, предпочтившие смерть на чужбине возврату под советское иго, лежат побитые предательской рукой, а затем полетит и расскажет всему миру об этом небывалом в истории народов злодеянии.

— * — * —

Ниже приводится выдержка из сопроводительного письма Протоиерея о. Т. Соина.

«...26 ноября (1961 г. Ред.) буду венчать своего внука, который в Льенце был уже в руках английского солдата, будучи шестилетним мальчиком, и чудом Божиим остался в руках матери, которая держала его за ножки и в испуге кричала: «Боря, крестись». Боря начал часто креститься, солдат посмотрел на него как-бы удивленными глазами и отошел».

Аргентина.

Протоиерей Т. Соин

От редакции. Это «слово» отца Тимофея было помещено в одном из «Сборников материалов о выдаче казаков в Лиенце и др. местах», изданных ген. Науменко.

А. М. КАЛЕДИН

(Сто лет со дня рождения)

(Окончание)

«В октябре казачьи дивизии с фронта потянулись домой... встречая на пути всевозможные препятствия, задерживаемые на каждом шагу Виклежем*) и местными советами, подвергаясь не раз оскроблениям и разоружению, употребляя где просьбу, где хитрость, а где и угрозу оружием, казачьи части пробились в свои области, но придя домой — на Дон — фронтовики, под влиянием пропаганды большевиков, заявили Атаману и Войск. Правительству о полном отказе борьбы с советской властью...

А некоторые полки даже примкнули к большевикам.

Началась трагедия казачьей жизни. «7-го ноября на Дону была обнародована Декларация о том, что Войск. Атаман и Войсковое Прав-во власть большевиков Всероссийской властью не признают и что Донская Область провозглашается независимой впредь до образования общегосударственной всенародно признанной власти.

*) Викжель — Всероссийский исполнительный Комитет железнодорожников.

В середине ноября Совет Народных Комиссаров объявил войну казакам и большевики двинули свои войска на Дон.

Известное участие в наступлении против Юга принял и немец. ген. штаб, одна из организац. которого — майора Билке — занималась формированием для сов. армии отрядов из военно-пленных немцев, широкой пропагандой и разведкой на Дону. Как видно из документов, опубликованных Сиссоном, фон Билке, совместно с большевиками, организовал также покушение на убийство ген. Алексеева, Каледина и М. П. Богаевского, неудавшееся в силу того, что командированные для этой цели агенты, по определению немцев «оказались трусливыми и непредприимчивыми людьми» (Ден. т. II, стр. 211).

Невзирая на кажущуюся бессистемность действия большев. отрядов, в общем их направлении чувствовалась рука Старой Ставки и определенный стратегически-политический план, — чтобы разделить Украину и Дон путем захвата ж. д. узлов и линий и тем пресечь связь между ними и снабжение Дона; затем — одновремен. наступлением — захватить Киев, Ростов, Новочеркасск. В частности против Дона, кот., кроме своего военно-политического значения, имел и огромное экономическое, преграждая пути к хлебу, углю и нефти, наступление должно было вестись концентрически со стороны Харькова, Воронежа, Царицына и Тихорецкой-Ставрополя (Деник. т. II, стр. 211).

Уже через 2-3 недели после большевицкого переворота из Петрограда на Дон, одиночками и групповым порядком, приехало без всяких особых затруднений почти целиком все Констан. Артил. Училище — 190 юнкеров. Тогда же приехали юнк. Михайл. Арт. Учил., Павловского и Владимирского училищ.

Юнкера приехали в Добрармию по собственной инициативе и по собственной организованности, но без своих офицеров (были одно-два исключения). («Перекличка» № 82 — стр. 11).

При помощи фальшивых документов — 19-го дек. в Новочеркасск прибыл эшелон Корниловского полка, груженый оружием, пулеметами, обозами, а к 1-ому янв. 1918 г. кружными путями в одиночку и группами собираются 50 офицеров и до 500 солдат. («Оч. Р. См.», т. II, стр. 158).

Когда был арестован ген. Корнилов и др. генералы, по инициативе Совета Союза Каз. Войск (в Петрограде)*) Атаман Каледин просил Ставку отпустить Быховских узников на поруки Донск. Войска... но Ставка не согласилась.

Во время пребывания в тюрьме в Быхове ген. Корнилова, Деникина, Лукомского, Романовского, Маркова и других — часто между ними шли разговоры о том, куда идти и где начинать организацию «белого движения». Все соглашались на том, что надо идти на Дон к ген. Каледину, кот. звал их к себе и обещал им поддержку. Ген. Корнилов знал об этом, т. к. он, будучи в тюрьме, безпрерывно вел переписку с Донским Атаманом.

Каледин сам еще находился в опале... В дни корниловского выступления Врем. Прав., обвинив его в мятеже и в желании путем занятия донскими частями ж. д. узлов отрезать Донецкий бассейн от центра, отдало приказ об отрешении Каледина от должности, об аресте его и предании суду. Дон не выдал своего Атамана и не допустил его устранения. Керенский лихорадочно собирал улики и не находил ничего решительно, что могло бы изобличить в нелояльности Донского Атамана.

17-го окт. Керенский в разговоре с Донской депутацией признал эпизод с «Калединским мятежом — тяжелым и печальным недоразумением»... («О. Р. С.», т. II, стр. 101).

Находясь еще в тюрьме, ген. Корнилов, по настоянию прапор. Завойко, согласился на образование им «единой центральной кассы в Новочеркасске, особого комитета и контроля для распоряжения собираемыми деньгами, и наблюдением за их использованием. («О. Р. С.», т. II, стр. 100).

Первый донос о «Калединском мятеже» сделал Рябцев, помощник командующего войсками Московского округа«. («О. Р. С.», т. II, стр. 102).

Завойко из Новочеркасска писал Корнилову... «Ваше имя громадно, его двигает вперед уже стихия»...

В это же время письма Каледина к Корнилову — как пишет ген. Деникин — «дышали глубоким пессимизмом и предостерегали от иллюзий».

А стихия действительно бушевала. Но стихия всецело враждебная корниловскому движению. («О. Р. С.», т. II, стр. 103).

«Когда 25-го окт. в столице начались вооруженные столкновения, на стороне прави-

*) Когда в Петр. был образован Совет солдат. и рабочих депутатов, казачьи представители всех каз. Войск отказались войти в его состав и образовали «Совет Союза Каз. Войск».

тельства не оказалось никакой вооруженной силы. Несколько военных и юнкерских учил. вступили в бой не во имя прав-ва, а... против большевистской опасности; казачьи полки сохраняли нейтралитет.

Весь остальной гранизон и рабочая красная гвардия были на стороне Совета; к ним присоединились прибывшие из Кронштата матросы и несколько судов флота». («О. Р. С.», т. II, стр. 131).

Когда Верх. Главком ген. Духонин узнал, что Крыленко с войсками двигается в Ставку, он «19-го ноября приказал немедленно освободить генералов из тюрьмы, и тем самым подписал себе смертный приговор...

Толпа матросов — диких, озлобленных — на глазах у «главковерха» Крыленко растерзала ген. Духонина. (Ден. «О. Р. С.», т. II, стр. 145).

2-го декабря ген. М. В. Алексеев прибыл в Новочеркасск и в тот же день приступил к организации вооруженной силы, кот. суждено было судьбой играть столь значительную роль в истории русской смуты.

Обстановка на Дону оказалась, однако, необычайно сложной. Атаман Каледин, познакомившись с планами Алексеева и выслушав просьбу «дать приют русскому офицерству», ответил принципиальным сочувствием, но, считаясь с тем настроением, кот. существовало в области, просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы области — в Ставрополь или Камышин. («О. Р. С.», т. II, стр. 156).

20-го ноября Каледин с юнкерами конвойной сотни и добровольцами Алексеева разоружает два большевистски настроенных, запасных полка, стоявших в Новочеркасске на Хутунке.

22-го ноября ген. А. И. Деникин приехал в Новочеркасск и «направился к Каледину, который сидел в своем огромном кабинете один, как будто придавленный неизбежным горем, осунувшийся, с безконечно усталыми глазами. Не узнал. Обрадовался. Очертил мне кратко обстановку! «Власти нет, силы нет, казачество заболело, как и вся Россия». Крыленко направляет на Дон карательную экспедицию с фронта. Черноморский флот прислал ультимативное требование «признать власть за советами рабочих и солдатских репутатов». В Макеевском районе объявлена «Донецкая социалистическая республика... тралеры с большим отрядом матросов прошли через гирла Дона и вошли в ростовский порт. Военно-революц. комитет Ростова выпустил воззвание, призывая начать открытую борьбу против контр-революционного казачества. А Донцы бороться не хотят» говорил Каледин.

Собрались в Новочерк. и лица, игравшие злосчастную роль в корниловском выступлении. Б. Савинков... добивался приема у ген. Алексеева и Корнилова. Добрынский сводил дружбу с приближенными Корнилова.

Завойко я уже не застал... в связи с монополией сбора пожертвований, он также «плел какую-то нелепую интригу, с целью свержения Каледина и избрания на должность Дон. Атамана ген. Корнилова. Ознакомившись с его деятельностью, Корнилов приказал ему в 24 часа покинуть Новочеркасск». (Деникин. «О. Р. С.», т. II, стр. 187).

26-го ноября в Ростове матросы произвели выступление и в союзе с местной красной гвардией, захватили Ростов, отрезав Донское Войско от Кубанцев и Терцев. Борьба началась. В этот период активными борцами против большевиков являются — Донские партизаны и добровольцы ген. Алексеева.

В этот вечер Атаман пришел к ген. Алексееву и сказал: «Михаил Васильевич! Я пришел к Вам за помощью. Будем, как братья, помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти.

Алексеев просиял и, сердечно обняв Каледина, ответил ему: Дорогой Алексей Максимович! Все, что у меня есть, рад отдать для общего дела».

С этого дня Алексеевская организация получила право на легальное существование. («О. Р. С.», т. II, стр. 173).

2-го декабря при личном участии Войск. Атамана А. М. Каледина, шедшего в первых рядах партизан, и Походн. Атамана ген. А. М. Назарова, Ростовское выступление большевиков было ликвидировано почти без крови, благодаря особым мерам, принятым Атаманом. («О. Р. С.», т. II, стр. 173).

Сообщая Кругу о Ростовской операции, Каледин сказал: Вы может быть спросите, почему же мы не покончили с большевиками одним ударом? Сделать было это не трудно, но страшно было пролить первыми братскую кровь!

И добавил: «Я пришел сюда с чистым именем, а уйду может быть с проклятиями»... и поставил вопрос о доверии, слажив свои полномочия. В. Круг единогласно переизбрал Атамана.

6-го дек. в Новочеркасск пробрался и Корнилов.

Для связи с Добр. армией приехали в Новочеркасск и представители «Московского Центра». Организация эта осенью 17-го года образовалась в Москве из представителей кадетской партии, совета общественных организаций, торгово-промышленников и других буржуазно-либеральных и консервативных кругов. («О. Р. С.», т. II, стр. 187).

Целью этой организации была борьба с большевиками и восстановление России.

«Принимая во внимание, что 1) Алексеевская организация может «выйти на просторы России», 2) взаимоотношения ген. Алексеева и Корнилова и 3) привходящие интересы Дона, форма «верховной власти» естественно определялась в виде **триумвирата Алексеев - Корнилов - Каледин...** который представлял из себя в скрытом виде — **первое русское противо-большевистское правительство.**

Ген. Алексеев — гражданское управление, внешние сношения и финансы.

Ген. Корнилов — власть военная.

Ген. Каледин — управление Донской областью.

Верховная власть — триумвират... который распался после смерти ген. Каледина. («О. Р. С.», т. II, стр. 189).

Был образован и «Совет» из состава русской общественности (члены М. М. Федоров, М. М. Белецкий, позднее П. Б. Струве и кн. Г. Н. Трубецкой). Первое затруднение при образовании Совета встречено было со стороны «Донского экономического совещания», возникшего еще в половине ноября, возглавляемого к. д. Н. Е. Парамоновым и состоявшего из донских и пришлых общественных деятелей.

«Экономич. совещание» при Донском Атамане и Прав-ве играло, до некот. степени, тождественную роль той, кот. намечалась «совету». Вопрос был скоро улажен вмешательством Каледина и М. Богаевского: Совет был признан, и в состав его вошли Парамонов и М. Богаевский. («О. Р. С.», т. II, стр. 190).

Совет просуществовал недолго... 2-3 недели и в середине января, с переездом шт. армии в Ростов, фактически прекратил свою деятельность.

Деникин пишет (т. II, стр. 172) — «Недоверие и неудовлетворенность деятельностью Атамана Каледина наростали и в впротивоположном лагере. В представлении кругов Добармии и ее руководителей, доверявших вполне Каледину, казалось однако недопустимым полное отсутствие дерзания с его стороны.

Русские обществ. деятели, собравшиеся со всех концов в Новочеркасск, осуждали медлительность в деле спасания России, политиканство, нерешительность Донского Правва. Это обвинение на одном собрании вызвало горячую отповедь Каледина: «А Вы что сделали? Я лично отдаю Родине и Дону свои силы, не пожалею и своей жизни. Но весь вопрос в том, имеем ли мы право выступить **сейчас же**, можем ли мы расчитывать на широкое народное движение?... Развал общий. Русская общественность прячется где-то на задворках, не смея возвысить голоса против большевиков... Войсковое Правительство, ставя на карту Донское Казачество, обязано сделать точный учет всех сил и поступить так, как ему подказывает чувство долга перед Доном и перед Родиной». («О. Р. С.»., т. II, стр. 172).

Нам известно, что сначала члены Войск. Прав., а потом и Атаман Каледин вели переговоры с казачьим революционным комитетом *), члены кот. приехали в Новочеркасск и требовали передачи власти им.

«От избранников земли Донской приняли мы власть — говорил Атаман Каледин — несем ее как тяжелый крест, великий долг и им, только им, законным избранникам, вернем мы эту власть! Вы еще не знаете, что такое власть — какое это тяжкое бремя для человека. После долгого раздумья с самим собой принял я Атаманство, и уйду от власти может быть с проклятиями!»

В конце заседания Каледин огласил перехваченную телеграмму казачьего комитета к большевикам с просьбой выслать им немедленно три миллиона рублей на организацию борьбы с Донским Правительством.

Члены революционного комитета боялись, что они могут быть повешены за этот обман. Однако, спокойно отпустил Атаман тех, с кем предвидел войну. (Елатонцев, № 2. Общеказ. журнал) **).

«Грозные темные тучи покрыли Дон... Разбрелись казаки по своим станицам и каждый эгоистически думал, что страшная, красная опасность где-то далеко в стороне и его не коснется. Отравленные пропагандой на фронте, строевые казаки спокойно ждали советской власти, искренне или нет считая, что это и есть настоящая народная

*) Казачий революц. комитет был образован в Воронеже и переехал в ст. Каменскую, когда ее захватили большевики.

**) Так как безопасность была им гарантирована. (Прим. редакции).

власть, кот. им, простым людям — ничего дурного не сделает». («Дон. лет.», т. I — А. П. Богаевский).

А Атаман Каледин, избранник Войска Донского, «без связи с народной массой не считал возможным расчитывать на победу. Он повторял свои соображения и заявлял, что при существующем настроении населения опереться будет не на кого и поэтому лучше всего в интересах казачества прекратить кровопролитие до тех пор, пока не пройдет угар большевизма». (Ел. № 12).

Неравная вооруженная борьба с большевиками продолжалась. А. М. Каледин был против того, чтобы партизаны вступали в бой с казаками-фронтовиками. Но... большевистская пропаганда делала свое дело.

И казаки 5-ой Дон. каз. кон. дивизии (27, 28, 29 и 33 п. и 12-ая бат.) и других полков, расположенных в районе ст. Митякинской и Каменской, 21-го января, в районе станции Глубокой, вступили в бой с партизанами полк. Чернецова. Окруженный, Чернецов был взят в плен и зарублен Подтелковым.

Это указание на части 5-ой Дон. каз. кон. дивизии **я делаю точно и определенно** (подчеркиваю), т. к. в это время я служил в 12-ой Дон. каз. кон. батарее, был арестован вместе с другими офицерами и отправлен в ст. Каменскую для выдачи большевикам.

Более подробно об этом разложении казаков буду писать в отдельной статье.

О полк. Чернецове — ген. Денисов в Альб. I — 86 — пишет: «В историю Дона он вошел самой яркой фигурой в ряду **Донских Белых Богатырей.** Его смерть от предательской руки, в неравном бою 21-го янв. 1918 г., оказала, несомненно, влияние на думы Атамана ген. Каледина. приведшие его к самоубийству».

В Донской Летописи ген. А. П. Богаевский пишет: «Все чаще приходил в мой штаб (в Ростове) Корнилов и часами по прямому проводу говорил с Калединым... просил помощи у Донск. Атамана... указывал, что он не в силах защищать Ростов... что в случае захвата его большевиками будет отрезан путь отступления на Кубань... В ответ Каледин сам просил помощи у Корнилова.

Все больше и больше сжималось кольцо большевиков. Едва держались партизаны на Персияновке... добровольцы постепенно отходили к Ростову».

28-го янв. генералы Романовский и Лукомский (приехавшие из Ростова) обсуждали с Атаманом план оставления Ростова и Новочеркасска, которого Атаман Каледин не одобрил и на который не согласился.

На другой день пришла телеграмма, за подписью Корнилова, о том, что они снимают остатки своих добровольцев около Новочеркасска и отходят на Кубань.

Это решение, вместе с упорными слухами о приближении большой конной массы к Новочеркасску, повидимому, было последним толчком, двинувшим А. М. Каледина привести в исполнение свое ужасное решение — покончить самоубийством. (Дон. Лет. т. I — ген. А. П. Богаевский).

«Каледин ставил себе государственные задачи так же ясно, как Алексеев и Корнилов и не менее страстно, чем они, желал освобождения страны. Но в то время, когда они, ничем не связанные, могли идти на Кубань, на Волгу, в Сибирь — Каледин, выборный Атаман, отнесшийся к своему избранию, как к некоему мистическому предопределению, кровно связанный с казачеством и любивший Дон, мог идти к обще-русским национальным целям, только вместе с Донским Войском. Когда пропала вера в свои силы и в разум Дона, когда Атаман почувствовал себя совершенно одиноким, он ушел из жизни.

Ждать исцеления Дона не было сил. (Ден. «О. Р. Смуты», т. II, стр. 166).

«После супруга Атамана Мария Петровна говорила, что покойный Ал. Макс, с самого начала своего атаманства страшно тяготился безвыходным положением казачества и своею обреченностью; и однажды за несколько месяцев до своей смерти в разговоре с нею заметил, что он, наконец, нашел выход из положния, но не сказал, какой именно». (Елатонцев).

В заключение приведем выдержки из речи М. П. Богаевского 7-го февр. на Малом Войсковом Круге.

А. М. Каледин «не только боевой генерал, но честный человек, знающий дело, видный администратор, герой войны заслуженный, раненый... Много клиньев забивали между Войск. Правительством и казачеством. Забивали их и некоторые члены Круга.

29-го янв. Алекс. Максим. говорил:

Борьба безцельна. Пусть новые люди возьмут власть в свои руки. Говоря это, он видимо торопился.

...Мы хотели, мы пытались передать власть «из полы в полу». Мы полагали так: Городская Дума — избранница города — отражает его мнение; военный комитет — представитель воинских частей, пользуется его доверием; станичное правление Новочер-

касской станицы — является выразителем мнения казачества. Решили им и передать власть. Пусть они сами войдут в переговоры с большевиками. Предотвратят кровопролитие.

Никаких войсковых сумм на руках у Ал. Макс. не было. Одному*) из членов пр-ва он передал благотворительные суммы, о кот. никто не знал.

Мне казалось, я предчувствовал, что готовится что-то неладное. Так думали и члены Правительства. И мы задумали дело спасения Ал. Максимовича и подготовляли. Да опоздали. Видно заметил Атаман наши намерения... и застрелился... лежа на кровати, сняв тужурку и Георгиевский крест.

Смерть, очевидно, была легкая. Успел и руки сложить. Так и лежал со скрещенными руками и вытянувшись как во фронт. (М. П. Богаевский. «Дон. Лет.» т. I).

К этому можно добавить, что в Новочеркасске была группа офицеров, которая решила в последний момент спасти Атамана, и может быть, даже применяя силу, увезти его, т. к. все были уверены, что казаки Войска скоро восстанут против большевиков. Но этот план не удался, так как Атаман застрелился.

«Калединский выстрел произвел потрясающее впечатление на всех. Явилась надежда, что Дон опомнится после такой тяжелой искупительной жертвы.

После смерти Каледина собравшийся 4-го февр. Войсковой Круг постановил продолжать оборону Дона от большевиков и избрал Войсковым Атаманом ген. Анат. Михайл. Назарова, бывшего при Атамане Каледине Походным Атаманом.

Ат. Назаров объявил всеобщую мобилизацию, но Новочеркасск уже был отрезан от Донского Войска; на призыв Атамана пришло только несколько небольших отрядов». (Очерк политическ. истории Всев. Войска Донского — 1919 г. Издание ген. кварт. шт. Дон. Армии).

Возможно, что если бы не было выстрела Каледина и последовавшей за ним смерти Атамана — то казаки Дона не подняли бы так скоро восстание против большевиков; восстание, которое было сделано почти без снаряжения и вооружения.

Ген. шт. полк. В. Добрынин («Дон. Летопись, т. I) пишет: «Первой встрепенулась... 21-го марта 1918 г. ст. Суворовская, за ней — Нижне-Чирская, дальше 1-ый Донск. Округ. В Задоньи поднялися... Егорлыкская, Мечетинская, Кагальницкая станицы; затем в Луганском районе — и Мигулинская станица.

На севере вспыхнуло восстание в Урюпинской станице.

1-го апреля казаки станиц Кривянской, Заплавской, Бесергеневской и Раздорской произвели налет на Новочеркасск.

Забурлил, закипел весь Дон «сверху донизу!»

Хотя 4-го апреля, под давлением карательного отряда, присланного из г. Ростова, казаки и очистили гор. Новочеркасск, но, отойдя в ст. Запласкую, там начали формирование «Южного отряда», которым командовал ген. шт. полк. С. Денисов и в ночь на 24 апреля Новочеркасск опять был занят этими же казаками.

С.Ш.А.

Сообщил **М. Бугураев**

*) **Прим. редакции:** не одному, а нескольким.

СТИХОТВОРЕНИЕ

Я видел сам, как дети умирали
У пулемета и с ружьем в руках,
Атаку помню, снег и дали
Все те же, как во всех веках.

И умирая на снегу лежали,
И стыли слезы на сухих щеках,
И жалобно так маму звали,
Пред смертью узнавая страх.

Прошли года, и прошлое нам мило,
Страшна, страшна гражданская война,
С водою полой все уплыло
И каждый год цвела весна.

Но много лет там матери рыдали
О них, о них — убитых сыновьях
И тяжкие несли печали
На согбенных своих плечах.

Нет, я за них погибших не в обиде,
Они живут еще в других сердцах,
Хоть и легли от Дона до Тавриды
На страшных и родных полях.

Париж. **Н. Евсеев**

ХРУЩЕВ, АПОКАЛИПСИС И ОТАН

(Окончание. См. № 38 «Р. Края»)

Когда хотят представить себе, какие ужасы ожидают человечество в случае возникновения атомной войны, их сравнивают ужасами, описанными в Апокалипсисе — в «Откровении» св. Иоанна Богослова. В этом Откровении-пророчестве, как пишет Иоанн Богослов в своем «Послании семи церквам», Иисуса Христа, «данном Ему, Агнцу Божию, Богом, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре», рисуется яркая картина кошмара, в который будет ввергнуто все человечество и все живущее и растущее на земле и в воде. Св. Иоанн Богослов, конечно, не имел в виду Хрущева и автомных и водородных бомб, но общее мнение пришло к заключению, что нечто подобное ожидает человечество, если Хрущев приведет в исполнение свои угрозы пустить в ход бомбы в 50 мегатонн — в 3.500 раз сильнее бомбы, сброшенной в конце минувшей войны американцами на Хирошиму, в несколько секунд убившей и искалечившей несколько сот тысяч японцев.

За недостатком места я не могу полностью привести «Откровение в грозе и буре», как назвал свое исследование Апокалипсиса быв. шлиссельбуржец Морозов, и ограничусь наиболее существенными выдержками из Апокалипсиса. Св. Иоанн Богослов так рисует «годину искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле»: «И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями»... Опи сывается постепенное снятие печатей. После снятия шестой «произошло великое землетрясение и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь. И звезды небесные пали на землю... И небо скрылось, свившись, как свиток, и всякая гора и остров двинулись с мест своих. И цари земные, и вельможи, и богатые и тысяченачальники и сильные, и всякий раб и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор и говорят горам и камням: падите на нас и скройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца, ибо пришел день гнева Его, и кто может устоять»?... «В те дни люди будут искать смерти и не найдут ее, пожелают умереть, но смерть убежит от них»... «От трех язв — от огня, дыма и серы — умерла третья часть людей»... «Знамение явилось на небе: большой красный дракон с семью головами и десятью рогами. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю»... «Первый Ангел вылил чашу свою гнева Божия на землю и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях»... «Второй Ангел вылил чашу в море: и сделалась кровь как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море»... «Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь»... «Четвертый Ангел вылил на солнце: и дано было ему жечь людей огнем и жег людей сильный зной»... «Пятый Ангел вылил чашу на великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от востока солнечного»... «Седьмой Ангел вылил на воздух: ...и произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое! И город великий распался на три части и всякий остров убежал и гор не стало, и град, величиною в талант, пал с неба на людей, и хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая»... «Бог положил... отдать царство их зверю, доколе не исполнятся Слова Божии».

Не менее мрачно и предсказание св. Апостола Петра во втором Соборном Послании его, в гл. третьей: «Небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят».

Таковы, примерно, кошмары и атомной войны. По вычислению атомных экспертов, одна бомба в 50 мегатонн — то есть в 50 миллионов тонн сильного взрывчатого вещества толита — может в несколько секунд совершенно уничтожить Париж с его окрестностями на расстоянии около 40 километров — жертв будет больше, чем за 4 года первой мировой войны 1914-1918 г.г.

Посетившему недавно Москву быв. премьеру Италии Фанфани Хрущев заявил, что он сотрет Италию с лица земли бомбами, если она не откажется, в качестве члена ОТАНА, от авиационных американских баз на своей территории. Тем же он угрожает и другим членам ОТАНА. Шантаж запугиванием продолжается, хотя СССР, как и США, прекрасно знает, что атомная война равносильна **взаимному** самоубийству. Американские эксперты, встречавшиеся на конференциях по атомному вопросу с учеными СССР,

вынесли определенное впечатление, что и сов. ученые не делают себе иллюзий в этом отношении: они отдают себе отчет в необходимости в интересах всего человечества и целости самой планеты нашей прекратить гонку атомных вооружений и остановить атомные опыты, уже теперь постепенно отравляющие человечество, но... в СССР правят, ведь, не ученые, а Хрущев и ему подобные. На конференции в Женеве было единогласно заключено соглашение приостановить атомные испытания в атмосфере, но Хрущев, следуя завету Ленина: «договоры мы должны соблюдать только до тех пор, пока они нам выгодны», цинично нарушил подписанное соглашение и снова приступил к производству опытов в атмосфере с бомбами в 50 и 100 мегатонн, причем американские ученые, при помощи своих аппаратов, установили, что во время этих опытов коммунисты добились чрезвычайно серьезных результатов в смысле возможности перехватывать на пути атомные снаряды, летящие на большой высоте, новыми изобретенными ими снарядами. Когда в СССР из американских сообщений узнали, что новые советские достижения известны американцам, советчики и сами не стали их скрывать. Так, главком ракетных войск маршал Москаленко пишет в «Известиях»: «Ракетно-ядерное оружие способно нанести решительное поражение большому числу объектов противника на любом континенте земного шара и притом на огромной территории. Наши вооруженные силы располагают колоссальной ракетно-ядерной мощью и способны уничтожить любого агрессора, где бы он ни находился... Успешно решена сложная исключительно важная проблема уничтожения ракет противника в полете»... Сам Хрушев, угрожая Западу, заявил, что СССР располагает теперь оружием «абсолютным» неуловимым и неуязвимым, которое, летая на громадной высоте вокруг земного шара, может сбросить атомную или гидроженовую бомбу в любом заранее намеченном пункте.

Главная причина того, что война до сих пор еще не вспыхнула, заключается, помимо существования ОТАНА, о чем мы уже говорили раньше, и в том, что сила двух главных теперешних владык вселенной, США и СССР, находится в уравновешенном состоянии, и как президент Кеннэди, так и Никита Хрущев со своими советниками и экспертам тщательно следят за тем, чтобы противник не перегнал другого в своих усовершенствованиях и не нарушил в свою пользу установившегося равновесия. Учитывая опасность, Кеннэди вынужден был отдать приказ начать подготовку к возобновлению в АТМОСФЕРЕ атомных испытаний, которые до этого производились в США лишь под землей. И Хрущев, сам первый нарушивший подписанный им Женевский договор и тем вынудивший неизбежный отпор со стороны Америки, бесстыдно протестует против приказа Кеннэди...

Вероятно, для того, чтобы Хрущев не переоценил своих временных премуществ и вследствие ошибки в подсчете не сделал непоправимого шага, американцы поспешили открыто заговорить и о своих достижениях: Пентагон, т. е. объединенный штаб трех родов оружия — сухопутной армии, воздушного и морского флота — об удачном опыте ракеты «Ники-Зевс», перехватившего летящего на большой высоте со скоростью 4.800 километров в час снаряд «Ники-Геркулес» и о начинающихся в Тихом океане опытах с тем же «Ники-Зевс» по перехватыванию междуконтинентальных снарядов «Атлас», выпускаемых рамами.

Не скрыли американцы и того, что и у них есть свой снаряд «Титан Второй», обладающий теми же качествами, как и снаряд Хрущева, сообщили кратко и о создании сенсационного «красного луча Лазера», координированный свет которого в миллион раз ярче солнечного, и о сооружении передаточного аппарата, производящего в секунду много сотен молний Лазера. Координированный луч Лазера может сбросить искусственного сов. сателита с его орбиты. Не уточняя подробностей, в военных американских кругах говорят о луче Лазера, как о «луче смерти».

В печать проникли некоторые дополнительные сведения о «красном луче», передающем энергию путем света. Говорил о нем довольно подробно на своей конференции прессы и ген. Лемей, начальник американской авиации. Теперь известно, в частности, что это оружие бьет со скоростью света в 300.000 километров в секунду. Американский сателлит, снабженный Лазером, «сателлит смерти», может обнаружить вражеский снаряд в момент его отлета и одним броском красного света убить его на месте. Сконцертированным светом, направленным на город, «сателлит смерти» может сжечь любой город, причем «луч смерти» не подлается никакому влиянию каких бы то ни было «паразитов» и не может быть перехвачен.

Все эти сведения должны были охладить

пыл Хрущева. Не могли не подействовать и трещины, образовавшиеся в сов. «монолите»: соперничество с Хрущевым Китайского премьера Мао-Дзэ-Тунга, стремящегося перенести из Москвы в Пекин коммунистическую марксистско-ленинскую «Мекку». Должны были подействовать и настроения внутри страны. В массы стали проникать сведения о чрезвычайной опасности и для населения «социалистического отечества» атомной войны. Стародавние лозунги в роде «шапками закидаем» — особенно при содействии 600-700 миллионов Китая, к тому же теперь голодающих, — приходится спрятать, и с населением СССР заговорили другим языком. Хрущев, к великому негодованию китайцев, говорит о возможности «мирного сосуществования» двух миров — коммунистического и капиталистического, — военный министр маршал Малиновский заявляет, что в случае атомной войны «разрушения будут настолько велики, что они повлекут за собой уничтожение не того или иного государства, но ВСЕГО МИРА». Заговорила и газета «Правда», печатающая в № от 17 января этого года статью сотрудника своего Иноземцева с подзаголовком: «Главное — предотвратить войну». В статье этой Иноземцев пишет: «в современном мире, до предела насыщенном средствами массового уничтожения, предотвращение мировой термоядерной катастрофы — необходимое условие всякого прогресса, важнейшая предпосылка дальнейшего развития мировой цивилизации и решения наиболее важных социальных, политических и национальных проблем»... «В области политики: взаимная заинтересованность всех государств, всех народов в предотвращении мировой термоядерной войны»...

Казалось бы, почва подготовлена для того, чтобы придти к общему соглашению о необходимости прекращения атомных опытов, о прекращении гонки вооружений и об уничтожении огромных запасов бомб, заготовленных в СССР и в США. Возлагали надежду на Конференцию 18-и держав — фактически 17-и, т. к. ген. Дэ-Голль категорически отказался послать туда представителя Франции, потеряв всякую надежду добиться соглашения с большевиками — но и эта Конференция, работавшая в середине марта, ничего не добилась, натолкнувшись на обычное советское «нет» по вопросу об установлении международного контроля за исполнением соглашений. Американцы готовы выполнить постановления, но имеют все основания опасаться, что большевики, располагая необъятными пространствами Сибири с ее тайгой и тундрой, при отсутствии серьезно поставленного международного контроля, скроют то, что захотят скрыть. Министр Иностр. Дел СССР Громыко и на этот раз повторил заявление Молотова и Хрущева, что СССР не может допустить на своей территории «международного шпионажа»... Так и на этот раз закончилась ничем новая безнадежная попытка. Следовательно, отравления атмосферы будут продолжаться обеими сторонами.

В термоядерную-атомную эпоху не потеряли своего значения и прежние роды вооружения, коренным образом теперь переформированные. После окончания Второй Великой войны, в то время, как западные державы демобилизовали свои армии, СССР оставил под ружьем 5 миллионов 763.000 солдат. С 1955 г., модернизируя старые дивизии, СССР приступил к созданию трех новых специальных категорий, вооруженных исключительно снарядами-ракетами. В связи с усилением огневой мощи, а с другой стороны в виду необходимости дополнительной рабочей силы для освоения целинных земель, было демобилизовано 1.200.000 человек. Очевидно, были и другие частичные демобилизации, т. к. в своем докладе на последнем конгрессе коммун. партии маршал Малиновский сообщил, что в 1961 г. Красная армия насчитывала 3.600.000 человек, в том числе сухопутная — два миллиона 400.000, авиация — 700.000, флот — 500.000. К этому числу нужно добавить новые автономные части: ракетные, а также транспортируемые по воздуху и силы противовоздушной обороны. Адмирал Макс Дутэ, представитель Франции в особом комитет ОТАНА, в так назыв. Стандинг Груп, в своем рапорте в начале этого года, представленном Совету Министров держав, входящих в состав ОТАНА, сообщил, что к началу этого года в области междуконтинентальных снарядов, главного и наиболее разрушительного оружия будущей войны, на изготовление которого обе главных державы ассигнуют колоссальные кредиты, США и СССР идут нога в ногу, располагая каждая 60-ью снарядами. Русский тип — Т. 4. А. — наиболее могучий, из советских, может нести груз в 1.500 кило. Американская программа для 1965 года рассчитана на 1.300 таких снарядов, из них 130 «Атлас», 600 «Минутеман», 464 «Полярис», перевозимых 29-ью атомными подводными лодками, и 108 «Титанов». Оба противника тщательно следят друг за другом. Военный

бюджет СССР 1962 г. поднялся до рекордной цифры в 67 миллиардов новых франков. Создание новых боевых единиц не упразднило старых сухопутных дивизий, уменьшив только их количество, по данным адм. Дугэ, до 150:20 дивизий блиндированных, в том числе 20.000 танков первой линии и 15.000 резерва, 55 дивизий моторизованных, 50 дивизий пехотных — (12.000 человек, 9 батальонов пехоты, группа автомобильного транспорта; танковый полк — от 50 до 70 Т.34), — штурмовая артиллерия и инжен. части. Кроме того, 35 дивизий общего резерва из дивизий артиллерии, инженерных, химических и т. д. Батальон, располагающий 18 снарядами, одним залпом выбрасывает 21 тонну снарядов. Все дивизии снабжены тактическими ракетами с атомными наконечниками. Эксперты считают, что 140 дивизий резерва могут быть готовы в течение 30 дней.

Надводному морскому флоту советчики не придают теперь большого значения, и на все четыре морских зоны — моря Балтийское, Черное, Дальнего Востока и Северное — они располагают лишь 25 крейсерами и 230 истребителями, — главные их усилия направлены на создание самого мощного в мире подводного флота. По данным адмир. Дугэ, у большевиков имеется четыре подводных лодки атомных и 350 не атомных, из которых 20 снабжены снарядами типа американского Поляриса, но, в отличие от американских, советские могут выпускать снаряды только поднявшись на поверхность. И по числу атомных подводных лодок США значительно превосходят СССР.

Западная Европа с ее населением, включая Англию, около 225 миллионов душ, если она в конце концов перед лицом грозящей ее свободе смертельной опасности сумеет преодолеть стоящие перед ней препятствия для создания мощного во всех отношениях объединения, в тесном союзе с США с населением в 200 миллионов и с мощным промышленным потенциалом, не имеет оснований особенно опасаться за судьбу свободного мира. Западная Европа и Америка дополняют друг друга и перед ними одна и та же общая опасность. Европа, обессиленная материально и разоруженная, в 1950 г. оказалась перед лицом СССР, не демобилизовавшего своих армий... Спасла Америка, обладавшая тогда атомной монополией. Спасла и в плане экономическом и финансовом: вспомните удивительный по своему глубокому замыслу, безкорыстию и великодушию «план Маршала», когда, как из рога изобилия, на стоявшую на краю финансовой катастрофы Западную Европу, в том числе и на только что побежденного врага — Западную Германию, в конец разрушенную, посыпались миллиарды долларов — в громадной доле в виде БЕЗВОЗВРАТНОЙ ссуды...

Теперь пришла очередь окрепшей и ставшей на свои ноги восстановленной Европы открыть свои кошельки на пользу общего дела. На смену довоенного финансового чародея Шахта в Запад. Германии появился новый — Эрхард, министр финанс. и экономических дел, и недавно еще лежавшая во прахе федеративная Германия уже помогает Америке поддерживать курс доллара, а во Франции ген. Дэ-Голль, прекративший министерскую чехарду, до срока выплачивает государст. долги.

Из своего военного бюджета в 50 миллиардов долларов США в этом году более половины выделяют на осуществление атомной и междуконтинентальной программы, от других же держав ОТАНА они требуют увеличения их доли по части сухопутных дивизий. Англия, имея уже свои собственные атомные бомбы и вступив членом в «Атомный клуб», считает, что она тратит уже более, чем позволяют ее средства, у Франции же трения с ОТАНОМ и Америкой более серьезного характера. Прежде всего, ген. Дэ-Голль, решив создать свою собственную атомную силу и проделав уже несколько опытов в Сахаре, настаивает на своем праве быть третьим членом «Атомного клуба», против чего возражает и Америка и другие члены ОТАНА, считая опасным расширение круга лиц, которым станут известны атомные секреты, хранимые Америкой в тайне и от других членов ОТАНА. Опасаются, что примеру Франции могли бы последовать и другие державы. В ответ, ген. Дэ-Голль потребовал удаления склада америк. атомных бомб с территории Франции... Вместе с бомбами американцы перевели из Франции в Англию и свои эскадрильи особого типа приспособленные к перевозке этих бомб. К сожалению, печальные для общего дела трения на этом не остановились. В интересах дела американцы настаивают на том, чтобы вооруженные силы держав, входящих в состав Северо-Атлантического Объединения, находящиеся в Европе, были полностью подчинены единому командованию в лице Главнокомандующего силами ОТАНА америк. генерала, причем Америка, в ответ на угрозы Хрущева увеличивая свои силы в Европе, подчеркивает свою решимость до конца

защищать Европу. Ген. Дэ-Голль, проникнутый идеей-мечтой, трудно осуществимой в виду резкой перемены в характере и настроении народа после первой Великой войны, восстановить былое величие Франции, как одной из самых великих держав, стремится, несмотря на недостаточность для этой цели материальных средств, создать свою собственную атомную «стратегическую силу» и считает, что отказ от военной автономии равносилен отказу от независимого существования. В связи с этим он изъял из подчинения ОТАНУ флот Средиземного моря и те дивизии, которые перевезены **в последнее время** из Алжира. Надеются, что теперь, когда закончилась война в Алжире, этот больной вопрос будет в какой-то мере пересмотрен.

Несмотря на эти, печальные для общего дела, трения, ОТАН остается громадной силой, преградившей коммунизму путь к захвату всего мира. Если бы даже не было внешней опасности в отношении коммунистической агрессии, эволюция современного мира ставит на очередь проблемы политические, экономические и социальные, которые могут быть разрешены только сообща, и в лоне Северо-Атлантического союза и в его орбите объединились все живые силы, деятельно стремящиеся к осуществлению полной действительной защиты цивилизации, общей для всех свободных народов, желающих таковыми и остаться. Вне Отана, но в кругах близких ему по духу, пропагандируется мысль о создании Соединенных Штатов свободной Европы. Путь к ним долгий и трудный, усеянный множеством препятствий, но дело, хотя и медленно, все же продвигается вперед. Первый этап — объединение «угля и стали» — давно уже пройден, оставлен позади и второй — совет «шести» держав: Запад. Германии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга, создавший «общий рынок», координирующий производство и цены, упразднивший таможни, а также и визы для граждан этих держав. Недоставало Англии, но и она в последнее время выразила принципиальное согласие вступить членом в «общий рынок» и начала переговоры о подробностях. Готовы вступить на этот путь Испания, Дания, Норвегия и Швейцария. Отсюда недалеко и до политического объединения. Один военный союз, 12 лет назад организовавший общую военную защиту свободного Запада, при всей своей необходимости недостаточен, и мы видим, что происходившая в Париже с 8-го по 20 января этого года Атлантическая Конвенция ста представителей 15-ти стран, входящих в Отан, признала единогласно повелительную необходимость объединиться и политически и создать настоящее полное содружество, открытое для всех стран свободного мира для совместной самозащиты и свободного развития. Атлантич. совещание учитывало и то, что если Хрущев может отказаться от войны, пока она будет слишком опасной и для него самого, он не откажется от проектов мирового триумфа коммунизма, усиливая и без того энергичную акцию в Азии и Африке, стремясь изолировать свободную Европу и Северо-Американский континент, обходя позиции Отана через Средний Восток и с тыла в Африке. На пути к созданию единой-неделимой Европы, Соедин. Штатов Европы, с единым правительством и парламентом, избираемым населением всех стран свободной Европы, с сохранением, конечно, независимых правительств отдельных держав, уступающих общему правительству лишь часть своих суверенных прав, стоит особое мнение ген. Дэ-Голля, представляющего себе будущую объединенную политическую организацию, как «Европу отечеств», как конфедерацию держав, ни в какой степени не отказывающихся от своих суверенных прав в пользу Единой Европы.

В мае этого года в Греции, в Афинах, состоялись заседания всех министров обороны и иностранных дел стран, входящих в Отан. Единогласно и торжественно представители всех держав подтвердили непоколебимую верность Северо-Атлантическому Объединению и неизменность позиции Отана в Берлинском вопросе, а Америка лишний раз подтвердила свою полную готовность всеми силами защищать свободную Европу от всяких посягательств коммунистов и обязалась в тот момент, когда европейские страны выполнят свои обязательства перед Отаном в смысле увеличения числа и пополнения тех, которые уже переданы в распоряжение Отана дивизий, предоставить Отану пять атомных подводных лодок вместе с атомными фюзэ Полярис, увеличивая это количество по мере надобности. Способ употребления атомного оружия будет предметом особого союзного обсуждения, но самое определение момента пустить в ход это оружие — «нажать кнопку», приводящую в движение эту страшную силу — остается за США... Действительное создание собственной Отан-овской «ударной силы», следова-

тельно, откладывается — увы! — в «долгий ящик...»

В том же месяце мае в Англии происходил мировой конгресс Международного Комитета различных отраслей текстильной промышленности и торговли, в котором приняли участие три тысячи делегатов сорока стран. На этом конгрессе следует отметить блестящее выступление пионера Соед. Штатов Европы быв. министра и главы Государ. Плана Франции Жана Монэ, подведшего итог изменений, происшедших после Второй Европ. войны как в области экономической, так и в плане психологическом, и нарисовавшим широкие перспективы этой молчаливой революции, открывающиеся не только для Западного мира, но и для всего человечества, внося глубокие изменения в отношения между людьми и нациями. Объединенная Европа, по убеждению Ж. Монэ, сыграет существенную роль и в установлении реального мира между Западом и Востоком.

После неувенчавшихся успехом апрельских заседаний Совета министров малой объединенной Европы, то есть Совета министров шести европейских держав «Общего рынка», в июне соберутся в Риме представители всех держав свободной Европы, которые — надо думать — сумеют преодолеть «отталкивания» и найти пути для подведения солидного фундамента под Соединенные Штаты Европы, необходимые для жизни и спасения свободного мира.

(Париж)

Н. М. Мельников

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ДЕЛО ФЕНАРОЛЛИ» У КАЗАКОВ

В № 36 журнала «Род. Край» «Ст. офицер» в своей статье «ДЕЛО ФЕНАРОЛЛИ» пишет:

— «При панихиде по Павлову священник назвал его имя на ектинии «Сергей». Стоявшая возле жены Павлова его теща проговорила:

— Так разве ж он Сергей?

И этот факт говорит, что таинственность была не в смерти Павлова, а в нем самом. Казаков вел анонимный атаман.

При моей встрече с Павловым в Новочеркасске я так и не добился, увидев на его полушубке (что не сделал бы никакой офицер) значек родного мне Николаевского кавал. Училища, какого он выпуска. И на мои, явно невежливые, приставания по этому поводу, он сказал только:

— Я в конных частях не служил, а пошел по авиации».

Б. командир 1-го Добр. Донск. полка полк. В. Ф. Рыковский, ныне покойный, сообщил (если они верны) следующие биографические сведения о Походном Атамане Павлове в «Атаманск. Вестнике» в 1958 г.:

Казак ст. Екатерининской, род. в 1896 г. в Новочеркасске, где окончил Донской кад. корпус, а затем Никол. кав. Училище в 1914 г. В 1916 г. поступил в Воздухоплавательную школу в Виннице, которую окончил уже после революции. Пробравшись на Дон, поступил в партизанский отряд сотн. Дмитриева (?) и командовал бронепоездом. В 1918 г. был командиром броне-автомобиля «Казак», а затем летчиком во 2-м Донском самолетном отряде.

Если Павлов родился в 1896 г., то он должен окончить Дон. кад. корпус в 1914 г. (XXV выпуск),т . к. я сам этого выпуска и коренные (т .е. не оставшиеся в других классах на второй и третий год) воспитанники этого выпуска были рождения 1896 г. и лишь два-три, наиболее молодые, в том числе и я, были рождения начала 1897 г.

В нашем выпуске был в первом отделении один Павлов по имени Ерофей. Он вышел в Никол. кав. Училище и был произведен в офицеры в декабре 1914 г. (I-й ускоренный выпуск).

Во время Гражданской войны я однажды встретил мимоходом на Московской улице в Новочеркасске этого Павлова и он был одет в форму, которую тогда носили либо летчики, либо офицеры спец. инженерных войск (черная кожаная куртка, пилотка).

В корпусе Павлов Ерофей был тихий, скромный кадет, хорошо учившийся. На два года старше меня в корпусе был вице-урядник Павлов Георгий, кажется родной брат первого. Окончил корпус в 1912 г. В какое

училище вышел — не помню. Если в кавалерийское, то тоже должен был произведен в офицеры в 1914 г. (июльский выпуск).

Оба эти Павлова были среднего, пожалуй даже ниже среднего, роста. Наконец, на два года младше меня был еще один Павлов, живший в Новочеркасске, с которым я часто встречался на вечерах в летнем офицерском собрании. Он увлекался игрой в футбол, бегом и прыжками с шестом и в 1914 г., будучи в 5-м классе, взял корпусной жетон за легкую атлетику (редкий случай).

Мог окончить корпус только в 1916 г. Имя его стерлось у меня из памяти, но, в противоположность первым двум Павловым, он был высокого роста и имел темпераментный характер.

Эти данные быть может помогут разобраться, какой Павлов был Походным Атаманом, особенно если и другие лица, знавшие их, дадут дополнительные сведения.

Париж.

Е. Ковалев

От редакции. По сведениям, полученным недавно редакцией «Р. К.», настоящее имя Пох. Атам. Сергея Васильевича Павлова было Ерофей. Он был сыном войск. старшины, умершего в тюрьме после революции. Имел четырех братьев, из них Георгий был военным летчиком, после окончания Николаевского Инж. Училища и Гатчинской школы летчиков. После окончания гражданской войны эвакуировался заграницу. Михаил, сотник, погиб в атаке против большевиков в Дроздовском полку. Борис, кадет 7-го класса Дон. Корпуса, был убит в бою с красными в партиз. отряде сот. Димитриева. Самый младший, тоже кадет, умер от воспаления легких.

Ерофей (Сергей) Павлов, окончив Дон. Кад. Корпус и Никол. Кав. Училище, был на фронте, в 1916 г., уже в чине сотника, поступил в Авиационную Школу в Виннице, где его застала революция. Пробравшись на Дон, он поступает в партиз. отряд сот. Димитриева, где был пулеметчиком. В боях с большевиками был тяжело контужен в голову, но тем не менее участвовал во взятии Новочеркасска восставшими казаками. При формировании Донской Армии Павлов был в отряде ген. Фицхелаурова и командовал броневиком «Казак», отбитым у красных. Позже подъесаул Павлов служил во 2-м Дон. Самолетном отряде, где был произведен в есаулы. При оставлении Новороссийска ес. Павлов не смог эвакуироваться. Долго ему пришлось скрываться на Кубани, потом удалось пробраться на Дон, в Новочеркасск. В это время и произошла перемена имени Ерофея на Сергей, что вполне понятно по обстоятельствам того времени. Работая бухгалтером, он кончает заочные чертежные курсы машиностроения и строительства и, поступив на другую службу конструктором-чертежником, продолжает учиться в заочном Московском Строительном Институте, который заканчивает с отличием в 1939 г.

С приходом немцев в Новочеркасск С. В. Павлов был выдвинут казаками на пост Походного Атамана и утвержден немецким командованием.

Эти сведения вместе с теми, что сообщает г. Ковалев, дают довольно полную биографию покойного Походного Атамана.

Остается невыясненным следующий вопрос: ес. Ковалев, участник белой борьбы Дона с самого начала, упоминая о партиз. отряде сот. Димитриева, поставил знак вопроса. Тот же отряд сот. Димитриева упоминается и лицом, сообщившим в редакцию биографические сведения о С. В. Павлове. Быть может этот отряд иначе наименовался?

Мы надеемся, что кто нибудь из наших читателей напишет более подробный очерк о деятельности С. В. Павлова по возрождению казачества во время 2-ой Мировой войны. К сожалению, наша мемуарная литература, относящаяся к этому периоду, не дает полной картины, хотя бы в очень сжатом виде, колоссальной работы, производившейся подчас в очень неблагоприятных условиях. А этот пробел нужно заполнить — ведь не коммунисты напишут правду.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Не имея физической возможности по недостатку времени ответить всем тем, кто поздравил со Святым Праздником Воскресения Христова правление Каз. Союза, редакцию «Род. Края» и меня лично — просим принять нашу искреннюю благодарность за добрые пожелания и за теплое слово.

Председатель Каз. Союза
Б. Богаевский

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА

Два главных фактора современности обусловливают мировую напряженность, вызывают всеобщую тревогу и выдвигают проблему войны и мира на первый план.

Первый фактор — воинствующий коммунизм, ставящий своей целью «похоронить» старый мир; второй — атомное оружие, предупреждающее, что «покойник» может увлечь за собою в могилу и «гробокопателя». Иначе говоря: в атомной войне не будет ни победителя, ни побежденного и закончится она всемирной катастрофой, размеры которой не поддаются человеческому предвидению.

Я не буду подробно останавливаться на различных видах современного атомного оружия и его организации, тактические и стратегические свойства которого уже достаточно освещены в военной литературе, ограничусь лишь общими указаниями на его характерные особенности общего порядка.

Первое: разрушительная сила атомных и водородных бомб и баллистических снарядов, в сравнении с младенческим возрастом первой хирошимовской бомбы, возросла в сотни раз. Площадь поражения одной бомбы увеличилась настолько, что для тотального разрушения страны среднего европейского размера потребуется таковых каких нибудь десяток. Для Советского Союза, это число, очевидно, увеличивается пропорционально величине его территории и густоте населеня. Тенденция к увеличению разрушительной силы термоядерного оружия продолжается, доказательством чему служат опыты атомных взрывов вплоть до 100 мегатонной бомбы.

Второе: сверх-звуковые скорости реактивных самолетов, ракет с наземных термоядерных установок, воздушных, или вернее «космических, кораблей» позволяют поражать намеченные объекты в кратчайшее время, измеряемое в пределах от десятка минут до 1-го часа. Весь этот «сверх-скоростной транспорт смерти», могущий сбросить свой «груз» на любую точку земного шара, заставляет «потенциальных противников» быть в постоянной боевой готовности. Элемент внезапности атомного удара приобретает исключительное и решающее значение

Третье: Реактивные осадки после атомных взрывов надолго заражают воздух, отравляют животный и растительный мир и, проникая в организм человека, обрекают его на преждевременную смерть и вырождение.

Четвертое: Против атомного нападения пассивной обороны, как вида боя, не существует. На удар тактика и стратегия отвечают ударом. Ограниченных целей военных операций, в прежнем понятии, быть не может. Пущенное в действие атомное оружие остановить на пол пути, несмотря на самые совершенные средства связи, невозможно. Развязанная роковым случаем, или намеренно, атомная война приобретает молниеносный и тотальный характер.

Пятое: Термоядерное оружие, научные изыскания и опыты над ним ложатся тяжелым экономическим бременем на атомные державы, что ведет к обнищанию народных масс и создает конфликты социального порядка. К примеру: новый американский бюджет на фискальный 1962-1963 год из общей суммы в 93.000.000.000 долларов предвидит на военные нужды 52.000.000.000, т. е. 57%. Эта цифра в дальнейших комментариях не нуждается.

Выше приведенных данных, общего порядка, о свойствах термоядерного оружия больше, чем достаточно, чтобы атомную войну объявить вне закона. Но где та «сила», которая способна провести этот закон в жизнь?! Объявить на словах, подписать на бумаге, «на том крест целовати»... — все это не гарантии, даже со стороны христианских государств, а что же говорить о безбожном коммунизме, который и Карлу Марксу верит «по потребности»... Действительным средством предовратить атомную войну было бы полное термоядерное разоружение и уничтожение этого оружия. Действительной гарантией разоружения может служить лишь полный взаимный контроль. Этот контроль должен охватить не только сушествующее на вооружении термоядерное оружие, но и объекты, его изготовляющие: фабрики, заводы, лаборатории и прочие оборудования атомной промышленности — «не дорубленный лес вырастает»... Сверх-скоростные транспорты, воздушные и космические, термоядерные установки подлежат также учету и разоружению. Но взять все это под контроль еще не значит разоружиться. Нужно установить порядок, обезпечиваюший одновременность и точное выполнение плана по уничтожению оружия и материалов, не имеющих значения для мирных целей. Вот тот теоретический подход, который должен лечь в основание атомного разоружения. Он далеко не решает проблему войны, как тако-

вой, но ограничивает ее крайность, ведущую к самоубийству. Он также не решает проблему мира на земле, ибо «мир и в человецех благоговение» требуют «иного разоружения»... — но эта извечная проблема вне моей темы и ее я касаться не буду.

Для нас одно лишь ясно, что под влиянием чувства самосохранения и здравого рассудка человечество ищет выхода из того тупика, к которому привел военно-технический прогресс и воинствующий коммунизм, организованный в мировое зло. Выход из этого тупика и составляет предмет многолетних, но пока безполезных, разговоров между двумя блоками: блоком свободных народов и социалистическим. Во главе первого стоит Америка, во главе второго Советский Союз.

Камнем преткновения на пути к решению атомного разоружения и стоит в первую очередь вопрос контроля. Вождь мирового коммунизма Никита Хрущев на иностранный контроль на территории С. Союза не соглашается, называя его шпионажем. «Есть у хозяйки в доме такия места, куда она никого не пускает»... Вот аргументация «миротворца», или: «согласиться на контроль — значит пустить себе блох под рубашку»..; «сначала разоружение, а потом контроль» и т. д. в этом же духе. Когда вопрос идет о жизни и глобальной смерти человечества, свободный мир вправе спросить: что же это за такие «засекреченные места«, куда «вход воспрещается» и какие «драгоценности« желает скрыть «хозяйка»?!

Что касается «блох» (Хрущев имеет ввиду шпионаж), то «советские блохи», без всякого «согласия» уже давно залезли не только под рубашку, но и под кожу Свободному миру.

На счет: «сначала разоружение, а потом контроль», в народном языке есть поговорка: «давай сперва покурим твой табачек, а потом будем курить каждый свой»... Не на это ли хочет «поймать» Хрущев Западный мир? Нехитрая вся эта «дипломатия», но она может оказаться роковой, если Запад не разгадает задних мыслей коммунизма. Если коммунизму удалось обмануть русский народ, то обмануть Запад — сам Маркс велел... Останавливает на себе внимание и второй вопрос, тормозящий соглашение: Советский Союз связывает атомное разоружение одновременно с классическим. Чтобы это значило?

Конечно, в первую голову пропагандный трюк, дабы приблечь на свою стоорну общественное мнение всего мира и в глазах порабощенного русского народа предстать в роли миротворца. Но объяснить только этим недостаточно — требуется иной подход.

Допустим условно, во что автор статьи не верит, что атомное разоружение состоялось и «обозначенные противники» остались лишь с классическим оружием. При таком положении превосходство в военном потенциале сразу же перейдет на сторону Свободного мира. Экономика и политико-моральный фактор вооруженных сил окажут решающее влияние на исход войны. Экономика С. Союза и его сателлитов не в состоянии будут прокормить ни армии, ни населения в затяжной войне, а на молниеносную, при одном классическом оружии, расчитывать не приходится. Политико-моральный фактор: опыт последней Мировой войны показал, что в первый ее период советская армия (вооруженный народ) не желала сражаться за советскую власть и готова была повернуть штыки против коммунизма. Немецкий «фюрер» своей тупоумной политикой спас режим Сталина. Этот режим остался и при Хрущеве. При благожелательной политике к Русскому народу и отрицательной к деспотическому, тоталитарному режиму, «опыт» может повториться при войне против своих бывших союзников, и политико-моральный фактор сыграет решающую роль. Не будучи уверен в благонадежности своей армии, «социалистический блок» связывает атомное разоружение одновременно с классическим. **Атомное оружие в СССР — оружие партии, классическое — всего народа.** Пока интернациональный коммунизм не откажется от своих агрессивных планов порабошения всего мира, а отказаться добровольно он не может, до тех пор о полном атомном разоружении можно лишь мечтать. Создалось, действительно, парадоксальное положение: с одной стороны это оружие грозит всеобщей гибелью человечеству, с другой — поддерживает мир. Где же выход?! Не претендуя на абсолютную непогрешимость, можно лишь предполагать, что ключ к решению проблемы войны и мира находится в руках Русского народа — или он оправдает свое «мессианство» и спасет Мир от гибели, или погибнет вместе с ним. Конкретно это «мессианство» должно выразиться в свержении атеистической безбожной власти и в возрождении Российского Государства на началах Свободы, права и христианской социальной справедливости.

В заключение своей статьи скажу, что мира с коммунистами свободным миром найде-

но не будет, «холодная война» будет продолжаться, от «горячей» будет удерживать «расщепленный атом». Ни мир, ни война! Так будет продолжаться до тех пор, пока наш народ, накопив в себе силу, скажет:... «с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой»... Помочь сказать это слово и является долгом свободного мира и нас, эмиграции, если мы хотим и дальше жить!

Франция.

Ф. Головко

ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО
Сотня Л. Гв. Атаманского полка.
(гравюра Детайля — 1889 г.)

До конца 19 ст. Азов входил в состав Екатеринославской губернии.

Однако в истории Дона Азов сыграл такую большую роль, что никакая история Дона не может его обойти. Земля Азова и его окрестностей буквально засеяна казачьими костями и полита казачьей кровью.

История Азова продолжалась почти 2.000 лет и была настолько своеобразной и бурной, что в этом отношении он занимает особое место не только среди городов Дона, но и всей России.

Первое поселение в этом районе возникло еще в самом начале нашей эры. Его остатки известны под названием Подазовского городища. Следующее поселение возникло в 9-м в.: повидимому, это был византийский порт, населенный русскими и известный в истории под названием России. В 13-м ст. татары на этом месте построили крепость Азак. Вплотную к Азаку возникла итальянская колония Тана. В 1471 г. турки заняли Азак и Тану, соединив их в одну крепость.

Таковы в нескольких словах основные моменты из жизни Азова.

Все эти этапы в его истории оставили вещественные следы, которыми буквально насыщена вся площадь гоорда. В этом отношении Азов представляет собою вероятно единственное явление в России.

При рытье канав, фундаментов, погребов и других земляных работах встречаются в большом количестве самые разнообразные предметы, больше всего оружие и монеты: осколки чугунных бомб, целые ядра, турецкие каменные бомбы громадной величины, свинцовые пули, обломки пищалей, сабель, пик, наконечники стрел. Бомбы и их осколки — главным образом на склоне горы, обращенной к Дону. Это памятники страшных бомбардировок казаками, затем турками и потом артиллерией Петра I. Много находится монет — больше всего татарских с надписью Азак, затем крымских, Золотоордынских, турецких, но встречаются также римские, греческие и особенно средневековые итальянские и отчасти среднеевропейские. С 18 ст. встречаются уже и русские монеты. Очень большое количество монет 13-15 в.в. свидетельствует о том выдающемся международном торговом значении, которое имела тогда Тана.

К сожалению, кроме небольших чисто местных раскопок А. К. Хицунова в 1877 г. и С. А. Вязигина на окраинах Азова в 1940 г. никаких серьезных археологических исследований в Азове не производилось. Но и эти незначительные работы дали исключительные по своей важности результаты. Все многочисленные находки на территории Азова делались случайно, при земляных работах, и обычно расходились по рукам. Местным учителем (Ивановым), много лет жившим в Азове, из случайных находок была собрана коллекция из нескольких сот экземпляров, среди которых было свыше 200 различных типов. В 1935 г. мы организовали в Азове маленький краеведческий музей, но в нем было мало материала, так как в Азове нет никого, кто бы следил за земляными работами и собирал находки для музея.

Обращаясь к более крупным памятникам Азова, мы можем сказать о них следующее:

1) Подазовское городище. Основано сарматами-меотами в самом начале нашей эры. Поселение правильной круглой формы, обнесенное валом и рвом. Оно было уничтожено гуннами в конце 4 ст. Население вело значительную торговлю с греками. Городище было открыто и в значительной степени разрушено при проведении железной дороги в 1911 г. Незначительные разведки и съемка плана были произведены в 1926 г. А. Миллером и С. Вязигиным в 1940 г.

2) Азовское поселение Византийского времени. В 1940 г. С. Вязигин сделал совершенно неожиданное открытие — остатки поселения городского типа 9-13 ст., занимавшего большую площадь между Азовом, ж.-д. станцией и кладбищем, и где было найдено множество камней от построек, обломков византийской керамики и других предметов византийского происхождения. Разведки С. Вязигина носили самый предварительный характер и размеры поселения не были установлены. К сожалению, дальнейшего специального исследования этого очень интересного памятника произведено не было. Но есть все основания полагать, что это остатки упоминаемого в византийских источниках порта Росии (у арабов Русия).

В 1169 г. византийский император Эмануил Комнен выдал разрешение генуезским купцам торговать во всех портах Черного и Азовского морей, кроме Таматархи и Росии. Отсюда ясно, что эти два порта были наиболее важными для византийской торговли, т. к. лежали в устьях двух великих рек — Кубани и Дона, по берегам которых было найдено много поселений и городищ того време-

ни, буквально насыщенных остатками привозной византийской керамики, особенно амфор, в которых византийцы привозили вино, оливковое масло, нефть (из Таматархи в Саркел — Белую Вежу).

3) Татарский Азак и Тана. В 13 ст. Росия была захвачена татарами, построившими здесь город-крепость Азак, которая и явилась центром управления Азовского ханата. Управляемый ханами из крымской династии Гиреев, он не имел точных границ, но ему были подчинены татарские племена, кочевавшие в бассейнах Дона и Кубани. Ханат чеканил свою монету.

В том же столетии генуэзцы, торговавшие и раньше с Росией, по договору с ханом основали здесь свою постоянную колонию Тану, которая также была обнесена каменною стеною с башнями и примыкала к Азаку вплотную. Возле Таны находились неукрепленные торговые поселения армян и евреев. В самой Тане жили также немецкие купцы.

Эпоха 13-15 в.в. наиболее блестящая в истории Азова благодаря наивысшему расцвету Таны в связи с ее громадной международной транзитной торговлей от Китая до Западной Европы, а также и местной торговлей предметами ремесленного производства. Поэтому эпоха Таны оставила по себе в истории Азова наиболее количество разнообразных памятников.

К числу их относятся так называемые «генуэзские ворота». Они представляют собою пилоны — две каменные параллельные стены, перерезывавшие земляной вал. Стены пилонов облицованы тесаным известняком. Длина стен — 13,4 мтр., высота — 2,5 мтр. С обеих сторон стен на их торцах вытесаны парные пилястры. По длине пилонов также по две пары пилястров. В основании пилястров — базы. Эти пилоны представляют собою, вероятно, единственный в России памятник итальянского архитектурного стиля эпохи Возрождения. Пилоны были связаны с валами каменными контрафорсами. Сверху, они, очевидно, имели сплошное перекрытие из балок, поверх которого, как и по сторонам пилонов, находился земляной вал. На стороне пилонов, обращенной к городу, сохранились громадные железные крючья, на которые навешивались ворота. Раскопками в проезде ворот была обнаружена мостовая из кирпича, переходящая выше в мостовую из булыжника. Северные концы пилонов находились на заболоченной местности, где в средние века протекал Дон. Такое положение ворот у самой воды давало возможность тобары с кораблей вносить прямо в крепость. Очевидно, в связи с болотистым грунтом под пилонами в земле оказались большие бревна и бут из камня-дикаря.

Как было установлено планом укреплений Таны, ее валы и стены в двух противоположных концах крепости спускались к самому Дону, огибавшему в то время Азовский мыс. Очевидно, в обоих этих концах находились ворота, выходившие к самой реке.

Я привел несколько более подробное описание Генуэзских ворот потому, что кроме своеобразного и редкого характера этого памятника в стиле европейского Ренессанса, в 1935 г., в связи с якобы необходимостью расширения соседнего рыбного завода, один пилон был полностью уничтожен, что и дало нам возможность предварительного обследования этого памятника. Зная же отношение сов. власти к памятникам старины, можно быть уверенным в том, что к настоящему времени уже не осталось ничего и от второго пилона, и этот редкий памятник погиб навсегда.

В Старочеркасске с незапамятных времен у старого Войскового собора на земле лежали двое громадных железных двустворчатых ворот и такая же громадная железная стрела от гигантских весов. О происхождении этих памятников — ничего не было известно. Я тщательно обмерил пилоны в Азове и ворота в Старочеркасске, в том числе и крючья на пилонах и петли на воротах. Все обмеры полностью совпали. Поэтому теперь можно не сомневаться в том, что и железные ворота от пилонов и железная стрела были вывезены казаками при оставлении Азова в 1642 г. в качестве трофеев и положены, как памятник казачьей славы, на вечные времена у Войскового собора.

В 1870 г. в г. Азове, при земляных работах, была найдена громадная мраморная плита, весом вероятно более полутонны. Посередине плиты высечен герб и надпись на латинском языке: «Здесь покоится почетный и благородный господин Джакомо Карнаро уважаемый граф Дарбе и по дожескому повелению посланник и консул в Тане и во всей империи Газарии. 1362 год. месяц август». Эта плита была вделана в раму и находилась в Донском музее в Новочеркасске.

В связи с этой находкой в 1877 г. в Азов был командирован А. Хицунов, который произвел небольшие раскопки на месте находки плиты. Здесь он обнаружил остатки каменной, повидимому итальянской, церкви, около которой находилась могила Венецианского

посланника, а в строительном мусоре он нашел несколько мраморных плит, очевидно от панели, окружавшей нижнюю часть церкви внутри. Плиты украшены растительным орнаментом, типичным для итальянского ренессанса. Несколько этих плит находилось также в Новочеркасском музее.

Повидимому, к итальянской эпохе расцвета международной торговли Таны относятся и 6 белых фаянсовых глазированных чашек китайского изделия, с растительным орнаментом в голубом и сером тонах и с клеймами на дне. Они также случайно были найдены при земляных работах в 1940-м г.

Помимо значения крупнейшего центра транзитной международной торговли, в Тане также высоко было развито и ремесленное производство, главным образом предметов украшения, которые широко расходились среди окружающих кочевых тюркских племен. В Новочеркасском музее среди предметов, найденных в Азове, были каменные формочки для отливки из металла больших серег, которые украшались стразами, перстней, браслетов, бронзовых круглых зеркал и т. д. Эти же самые предметы также находились и во многих курганных кочевнических погребениях того времени в бассейнах Дона и Кубани. В витрине Азовских древностей, в музее, находились также найденные там же маленькие яйцеобразные сосуды, сделанные из мягкого сланца, в которых татарки держали минерал сернистой ртути-киноварь, которою и подкрашивали себе щеки.

Судя по археологическим находкам, Азов в ремесленной промышленности занимал второе место после Сарая Берке на Волге. Судя же по месту находок этих предметов в Азове, они производились итальянскими мастерами в Тане.

Непосредственно из Таны-Азака в Европу вывозились морским путем рыба — соленая, копченая и вяленая — хлеб в зерне, меха, овчины и кожи. Морской путь из Таны в Европу шел через Порто-Пизано на северном берегу Азовского моря, через Кафу на Крымском берегу и далее в Венецию, Геную и Марсель. Сухим же путем из Таны перегоняли татарских и кавказских лошадей и стада скота, которые шли в Польшу и Венгрию.

Из Европы в Тану ввозили ткани, оружие, растительное масло, вино, керамику и венецианские стеклянные изделия — ожерелья из бус и стразы.

4) Турецкий период. Турки захватили Тану-Азак в 1471 г., ликвидировали здесь итальянское, европейское и армянское население. Тана была объединена с Азаком общей стеной и турки создали здесь большую крепость Азов, благодаря которой установили свое господство на Азовском море и замкнули выход из Дона. Торговля и ремесленная промышленность прекратилась здесь навсегда. В то же время Азов охранял связь ногайских татар, кочевавших к северу от Азовского моря, с Кавказом. Значение Азова, как опоры турецкого господства на Азовском море и над выходом из Дона, имело большое значение не только для истории Дона, но и для Москвы и вообще для всей Восточной Европы.

Началась многолетняя историческая борьба Донских казаков с Азовом за выход в море. Эта борьба продолжалась много лет. В 1637 г. казаки, взяв Азов, перенесли туда свой «Главный Стан». В 1641 г. громадная армия турок осадила Азов. Началось знаменитое в истории «Азовское сиденье», когда горсть казаков в 5-6.000 человек, вместе с женщинами, отбивала штурмы турецкой армии, превосходившей число защитников в 30-40 раз. Оборона Азова казаками продолжалась три с половиной месяца и за это время казаками было отбито 24 приступа. Неудачи и поражения турецкого войска привели к тому, что начались разногласия между ее начальниками и разложение многонациональной армии. В результате развала турки прекратили осаду. При отходе, их отдельные части подвергались еще непрерывным преследованиям и поражениям со стороны казаков.

Однако, не получив помощи от Москвы, казаки в 1642 г. были вынуждены оставить Азов, после чего турки снова заняли его и восстановили укрепления.

В 1695 г. на Азов двинулся с армией Петр I, но, не имея флота, не смог взять его. В 1696 г. Петр I снова подошел к Азову, уже с флотом, который был срочно построен на Верхнем Дону. Азов был взят, причем в этой осаде и в штурмах основную роль играли казаки. В 1708 г. булавинские казаки осаждали Азов. В 1713 г., в результате неудачного Прутского похода, Азов был оставлен и снова занят турками. Во время русско-турецкой войны 1735-1739 г.г. Азов снова был занят русскими и снова оставлен. В начале русско-турецкой войны в 1768-1774 г. Азов был занят русскими оокнчательно. В 1897 г., по ходатайству Наказного Атамана кн. Святополк-Мирского, Азов, в составе Ростовско-

го уезда, был присоединен к Области Войска Донского.

К концу 18 ст. Русское государство завоевало все Черноморское побережье и Крым. Азов оказался в глубоком тылу и утратил какое бы то ни было военное значение. Долгая и бурная история его окончилась и он превратился в рыбачье местечко, которым остается и до сих пор. И только остатки грандиозных валов и почва города, насыщенная археологическими памятниками, свидетельствуют о его героическом прошлом и многовековой истории.

От эпохи турецкого владычества в Азове сохранились, кроме остатков оружия, каменных ядер и монет, следующие строительные памятники. Так называемый «турецкий пороховой погреб». Это было большое прямоугольное здание, наполовину выкопанное в земле. Стены его громадной толщины, свыше 1 мтр., были сложены из кирпича на извести. Двускатная крыша была покрыта утрамбованной глиной и землей. Окон не было, но в одной короткой стороне находились широкие двери, скорее ворота, с железными створами. Это здание постепенно разрушалось, но еще существовало в 1943 г.

«Турецкая канцелярия» — наземное здание также с очень толстыми стенами из кирпича. Окончательно было разрушено во второй половине 19 ст. и сейчас уже не существует. Наконец «Турецкие ворота» — два массивных пилона также из кирпича, которые вверху повидимому соединялись аркой. Сохранялись только остатки основания пилонов. Судя по месту, где они находились, эти ворота вели из крепости в степь.

В начале 20 ст. в Азове при земляных работах была найдена мраморная плита пятиугольной формы с растительным орнаментом на лицевой стороне и надписью арабским шрифтом на турецком языке о том, что эта плита поставлена на могиле какого-то турецкого паши. Плита была вкопана нижней частью в землю и стояла вертикально.

Последним, наиболее трагическим памятником, связанным с историей Азова, является так наз. Казачий остров или Монастырское убежище. Остров невысокий, песчаный, расположенный к северу от Азова, ближе к правому берегу Дона. Здесь формировались части, которые затем перевозились на судах под Азов. Отсюда же доставлялись под Азов пушки, снаряды и всякое снаряжение. Сюда же привозили на лодках из под Азова убитых казаков и здесь их хоронили. Вся южная часть острова была буквально насыщена казачьими костями. Здесь раньше стояла каменная каплица, обсаженная рощей из тополей и верб. У каплицы стояли две старинных чугунных пушки. Ежегодно летом, в определенный день, здесь служили панихиду по казакам, павшим при осаде и взятии Азова. На это торжество приезжал Атаман или Начальник Войскового штаба, много военных из Новочеркасска, приходило 3 сотни юнкеров и приезжало множество казаков на лодках из соседних станиц и хуторов. После панихиды и молебна казаки разбивались на группы по всему острову, справляли тризну, пели песни.

После революции большевики разрушили каплицу до основания, рощу вырубили, пушки перевезли в Старочеркасск и бросили на земле возле собора. Остров одичал и порос бурьяном.

Ежегодно, во время разливов, Дон режет южный берег острова и оттуда все время вываливаются кости и черепа безвестных казачьих героев и Дон уносит их в море. Очевидно, скоро и от этого, одного из последних памятников былой казачьей славы — ничего не останется.

г. Мюнхен.

М. Миллер

УКРАЙНА

— памяти матери
(из Тараса Шевченко)

Было время, на Украйне
Пушки грохотали.
Было время, запорожцы
Жили — пировали.

Пировали, добывали
Славы, вольной воли;
Все то минуло, остались
Лишь курганы в поле.

Те высокие курганы,
Где лежит зарыто
Тело белое казачье
С головой разбитой.

И темнеют те курганы
Словно скирды в поле
И лишь с ветром перелетным
Шепчутся про волю.

Славу дедовскую ветер
По полю разносит...

Внук услышит, песню сложит,
И поет и косит.

Было время, на Украйне
Шло вприпляску горе;
И вина и меду вдоволь:
По-колено море!

Да, жилось когда-то славно,
А теперь вспомянешь:
Станет как то легче сердцу,
Веселее взглянешь.

Париж.

Н. Туроверов

НОВЫЕ КНИГИ

«Сказки и предания Казаков-Некрасовцев». Ф. В. Тумилевич. Ростовское Книж. Издательство — 1961 г. Автор родился в с. Каневке, Пензенской губ., в 1910 г. Окончил рабфак, а через несколько лет — литературный факультет Куйбышевского госуд. педагогич. института. С 1934 г. — преподавал в Ростовском педагогич. институте, с 1941 — в Ростовском Университете, а в 1946 г. защитил диссертацию на степень кандидата филологич. наук и получил звание доцента. 25 лет ведет собирательную и исследовательскую работу донского фольклора. Женат на донской казачке и по этому поводу передает любопытный разговор с одной некрасовкой, которая была удивлена тем, что, работая более 20-ти лет с некрасовцами, он не женился на некрасовке.

— Викторович, на ком женатый?

— На донской казачке.

— Это хорошо, — покровительственно заметила она. — А я думала — на простой.

Помолчав, продолжала:

— А лучше надо было жениться на некрасовке.

— Почему?

— Наши девки хороши и на работу, и на песни, и на любовь. Ты, чай, уж больше двадцати годох *) до нас прибегаешь, нашим стал... Вот и женился бы на нашей. Она б тебе и песни играла...

Книга эта ценнейший вклад в литературу о Донском казачестве и каждый прочтет ее с неослабным интересом. В ней много исторических данных, а неизбежная дань режиму весьма умеренна.

Предки некрасовцев принимали участие в Булавинском восстании (1707-1708) и «показачили» на Волге в г.г. Камышине и Царицыне, не прекратив борьбы и после смерти Булавина. После жестокого усмирения, по указу Петра I-го, карательными отрядами кн. В. В. Долгорукого, атаман Есауловской станицы Игнат Федорович Некрасов, чтобы спасти участников от поголовного уничтожения, увел на Кубань (по данным Тумилевича) 15.000 воинов, а с семьями — 65-70 тысяч. На Кубани некрасовцы поселились от устья р. Лабы до Таманского полуострова, сбразовав, вместе с бежавшими туда раньше раскольниками, казачью общину — «Войско Кубанское», имевшую свои законы и своеобразную конституцию «Заветы Игната». Эти две группы были различны по духу: целью булавинцев была борьба за казачий демократизм, за экономические и политические свободы; раскольники же боролись за сохранене старой веры.

В 1737 г. в сражении с царскими войсками И. Некрасов погиб. Начался распад Кубанского Войска и в 1740 г. некрасовцы

*) Особенность Некрасовского говора: «х» вместо «в» в родительном падеже.

ушли на Дунай, а в 1778 г. туда же пришли и раскольники.

В 80-х годах 18-го века, с расширением русских владений до Дуная, некрасовцы покинули Добруджу и переселились на побережье Эгейского моря, а также на оз. Майнос в 30 кил. от Мраморного моря (Турция). Раскольники остались на Дунае. С этого времени образовалось две ветви некрасовцев: майносская и дунайская. Последние позже стали называться «дунаками» или «липованами», постепенно ассимилировались с позднейшими выходцами из России, утратив заветы некрасовской общины и ее обычаи.

Некрасовцы майносской группы жили изолированно, не общаясь с турками, имели свое самоуправление, свои законы «Заветы Игната», регулировавшие разные стороны общественной жизни, и их община по своей структуре напоминала Дон 17-го века.

В 1912-13 г.г. 150 семей с Майноса вернулись на родину и поселились сначала на Кавказе в с. Лайтуры, а в 1917 г., с приходом к власти в Грузии меньшевиков, им предложено было удалиться с грузинской территории и они переехали в ст. Прочноокопскую (Армавирского района), но земли не получили.

С установлением сов. власти, им отвели земли в Приморско-Ахтарском районе в 25-ти кил. от станицы Ахтарской, где, среди лиманов, казаки выстроили свой хутор Ново-Некрасовский. За ними потянулись в Россию и липоване с Дуная. Они основали два хутора: Ново-Покровский (1921 г.) и Потемкинский (1924 г). Наконец в 1947 г. из Румынии прибыло более 22-ух тысяч семей, поселившихся в Ейском районе.

— * — * —

Некрасовцы не засорили свой язык и гордятся этим:

— Мы себя, язык свой, двести пятьдесят годох берегли. Предки наши где только не побывали, а язык свой сохранили... Язык у нас чистый, такой-то только еще на Дону есть... (Леонтий Васильевич Тумин).

Действительно, как пишет Тумилевич, некрасовский говор напоминает живую речь казаков Еланской, Вешенской, Казанской, Голубинской, Н.-Чирской, Есауловской, Кобылянской и Пятиизбянской станиц — т. е. откуда ушли их предки.

Сохранили они и богатейший фольклор, унаследовав его от предков — Донских казаков, донеся до наших дней всю красоту, социальную силу народной поэзии конца 17-го века. Особенно сказки и предания.

Не считая двух преданий, литературно обработанных Ивановым-Желудковым, посетившим некрасовцев на Майносе в 1863 г., сказки стали записываться только с 1938 года. За 22 года от прямых потомков булавинцев записано 554 сказки и 382 предания. Из них опубликовано, включая и разбираемый сборник, 78 сказок и 50 преданий. Можно утверждать, пишет Тумилевич, что казачество внесло в общий устно-поэтический фонд русского народа не только песни, но и оригинальные сказки, сюжеты которых неизвестны русской фольклористике.

Их можно классифицировать так:

1) Детские или «приманки», 2) Волшебные (о богатырях), 3) Житьевые (бытовые, о разбойниках-душегубах), 4) Про попов, 5) Страшные (о русалках, колдунах, ведьмах, чертях) 6) Смешные (анекдоты), 7) Недозволенные (эротические) и 8) Старинки, или бывальщины, про Игната, предков (предания).

К сказкам, по мнению некрасовцев, можно делать прибавления, вносить домысел. К преданиям что-либо добавлять запрещается.

— Сказки разные бывают. Есть приманковые для дитех, а то есть сказки для казакох, они все к случаю приходятся, о жизни гутарят... Много для сказок приплетали, кому что на ум придет, только бы складной была. А бывальщины про Игната и предкох, так-то гутарить нельзя. Бывальшина по потомству идет, что старые люди сказывали, то и мы гутарим» — говорит одна из рассказчиц. Но некоторые полагали, что и сказки изменять нельзя.

— На одном слове вся сказка держится. Сдново слова забудешь в сказке, али новые приплетешь — она все сознание потеряет.

В общем можно и нельзя в одно и то же время. Надо врать так, чтоб тебе поверили.

— * — * —

Народные предания, в отличие от сказок, имеют целью сохранить в памяти потомков прошлое. По содержанию они более разносторонни и живучи, чем сказки. Их делят на три вида: мифические, натуралистические и исторические.

Предания некрасовцев относятся к историческим. Они создавались в связи с историческими этапами жизни некрасовской общины: 1) Борьба булавинцев на Дону (1707-1708), 2) Жизнь некрасовцев на Кубани и походы против царизма (1709-1740), 3) Уход с Кубани на Дунай в 1740 и 1778 г.г., 4) Жизнь на Майносе (1790-1912) и 5) Возвращение на родину.

У старшего поколения предания пользу-

ются большой любовью и вносить в предания какие-либо изменения считается большим грехом, святотатством, преступлением, равносильным нарушению «заветов Игната».

Все эти ограничения не спасают от художественного вымысла, введения фантастических чудесных мотивов, опоэтизирующих личность Некрасова и героическое прошлое его последователей, пишет Тумилевич. Но это казаков не смущает, лишь бы была, установившаяся в их сознании, историческая логика.

Но если таковой нет, старики ополчаются на рассказчика. Когда в 1959 г. М. М. Гоголева начала повесть о братьях Некрасова и сказала, что «У Игната-сударя было три брата: Один прозывался Драным, другой Голым, а третий брат был князь Ялинский...», досказать ей старики не дали. Поднялся шум и оскорбления по адресу рассказчицы.

— Какой князь Ялинский брат Игнату?! Игнат — атаман из казаков. Разве он мог иметь брата князя? Кто такой бряхне поверит? Игнат боярох и князьех смерти предавал, а тут князь братом оказался...»

Для бабки Некрасов был сверхестественной личностью. Его ничто не могло опорочить и она перешла в контр-атаку:

— Сказал бы такое на Майнозе. Круг непременно тебя вразумил бы. Забыл ты Игнатову заповедь — почитать старикох. Да как ты посмел старому человеку такие речи гутарить. Что ты могешь знать. Ты ж мне «дите» (а «дитю» 60 лет). Я гутарю, что от стшох-матерей сама слыхала... Игнат несмертен...

Предания некрасовцев основаны на действительных исторических фактах, но признать предания точной копией минувших событий нельзя. В них одновременно и исторический факт, и идеальная мечта, и художественный домысел. Поэтому предание — поэтическое произведение на историческую тему.

Все сказки и предания этого сборника, публикуемые впервые, Тумилевич комментирует в конце книги. Там же он дает сведения о рассказчиках и их характеристики, из которых следует, что многие майносцы достигали весьма почтенного возраста, иногда более ста лет.

У некрасовцев явная антипатия к царю Петру I, которому они дали презрительную кличку — царя Ерохи. Л. В. Тумин, рассказав сказку «Солдат командует царем», пояснил:

— Сказка эта с Майноза. Наши старики гутарили ее в насмешку над царем Ерохой. Этого царя у нас казаки не уважали. Он наших предкох с Расеи прогнал, бедных людей притеснял, казнил, вешал, станицы жег. У нас, некрасовцев, и посегодня к царю Ерохе большое зло, неуважение, ненависть в сердце...

— * — * —

Комментируя «Заветы Игната», Тумилевич отмечает, что в преданиях относится к достоверным фактам. Заветы были записаны в «Книге Игната», существование которой подтверждают все, кто побывал у некрасовцев на Майносе (В. П. Иванов-Желудков, М. С. Чайковский, М. Ф. Минорский). Но эта книга исчезла и рассказы о ее исчезновении различны. В 1944 г. ему посчастливилось читать до 40 «Заветов Игната», написанных на полях рукописного евангелия (собственности священника казака-некрасовца Фомы Антошина). В 1959 г. в г. Приморско-Ахтарске он видел записи на полях книги «Месячный устав» хронологических дат из жизни некрасовцев на Кубани, Дунае, в Турции. Книга принадлежит В. И. Макарчикову. На полях книги написано: «Пришел Игнат Некрасов на Кубань в лето 7217», т. е. в 1709 г.

Передаваемые устно «заветы» имеют до 30 вариантов. В преданиях упоминается отчество Некрасова-Федорович. Тумилевич, в подтверждение правильности такого, сообщает, что в 1958 г. ему было вручено письмо, написанное в 40-х годах XIX века, принадлежавшее донскому казаку станицы Романовской Аверьяну Ефимовичу Николаеву, в котором написано: «Атаман Игнат Федоров, называемый Некрасов, отчего мы и до ноне называемся некрасовцы».

Что касается знамени Некрасова, то по рассказам стариков оно было бархатное четырех цветов: красного, зеленого, желтого и белого, а внутри бархата был выткан портрет И. Некрасова, который был виден только на свет.

Новое знамя (копия) изготовлено по решению Круга в 1908 г. Тумилевич получил его от стариков и сдал в Ростовский-на-Дону областной музей в 1937 г.

Знатоком «Заветов Игната» был Семен Фиотевич Шашкин (1847-1947), дед Шашка, самый грамотный среди представителей старшего поколения. Он свободно владел латынью, говорил по арабски, по турецки, знал греческий, болгарский и грузинский языки. Круг допустил его к соборной церкви, где

хранилась «Книга Игната», которую, по его словам, он читал.

— Была бы «Книга Игната», в ней все записано. Все в книге сказано, а без нее каждый гутарит, что ему в голову придет. Я тоже забывать стал. Глазушки не видят, голова болит, а книгу читал давно, может, что и не так гутарю.

По его словам в книге сказано: «Чтоб в Расею при царизме не возвертались, царизме не покорялись; да чтоб держались друг за дружку, без разрешения Круга, Атамана не уходили из станицы; чтоб по одному никуда не отлучались из Войска; чтоб казак на казака не работал; чтоб каждый рукомесло имел, трудился; чтоб молодые почитали старших; чтоб отдавали третью часть от заработка в казну Войска; тайно помогали бедным, явно помогать должен Круг *); казаки должны любить жен, не обижать их; женщина-мать, ее защищает Круг; чтоб попох от Никона не принимали на службу; попа, не сполняющего заветы, можно убить, как еретика; шинкох в станице не держать; чтоб казаки лавок не держали, купцами не были...

Таковы по преданиям некоторые «Заветы Игната». Есть описание и о том, как собирался и действовал Круг и др. Книга заслуживает интереса.

(Париж)

Е. Ковалев

От редакции: Тумилевич умалчивает о том, что произошло у некрасовцев в 30-ых годах, когда началась коллективизация. Вот что пишет об этом г-жа Полторацкая, принимавшая участие по заданию Ростов. Педагогич. Института в обследованиях быта некрасовцев уже значительно позже в 1937 г. («Нов. Русское Слово» ноябрь 1954 г.).

«...в 30-ом году началась безпощадная коллективизация. Некрасовцы воспротивились. Нагрянуло ГПУ, отобрало все ценности, старинное турецкое оружие, шелковые «кубельки» у женщин, разорило часовню, сожгли старые церковные книги, а знамя Некрасова увезли с собой. А затем настали времена еще тяжелее: почти всех мужчин арестовали и сослали: кого в Сибирь, кого — на Соловки, кого — в заполярную Воркуту... Да и женщин не пощадили... Опустели некрасовские хутора... остались только старики, да малые внуки. Но молодое поколение быстро подрастало, и когда нам удалось розыскать эти глухие хутора (в 1937 г.), там уже снова пробивалась жизнь. Но жизнь сильно советизированная. Островок русской старины был официально обращен в колхоз «Красный некрасовец»...»

---

*) Своеобразное социальное страхование, как видно, существовало у казаков уже в 18 в.

ТРАГЕДИЯ ЛИЕНЦА

В тысяча девятьсот сорок пятом году, после окончания второй мировой войны, все беженцы из коммунистических стран: Югославии, Венгрии, России волею судьбы собрались в австрийском городе Лиенце, в области Коринтии. Самой большой группой были беженцы-казаки.

Приблизительно в середине мая, в один из теплых весенних дней эта группа спустилась с Альпийских гор Италии и приблизилась — по указанию начальства — к городу Лиенцу.

Всех прибывших беженцев определили в бывший немецкий лагерь «Петтец», находившийся на берегу реки Дравы. Как ни велик был двор лагеря, однако всех вместить не мог. Большинство подвод осталось вблизи лагерного двора. День клонился к вечеру. И пока передние подводы вползали во двор и рядами расстанавливались, задних уже застигла ночь далеко за изгородью двора.

Вместе с темнотою ночи вошла темнота и в души людей. Как-то страшно стало. Чем-то еще неразгаданно жутким повеяло от этого последнего приюта. Только падающие на землю оглобли говорили о том, что лошадей выпрягают. Здесь будет стоянка. Человеческой речи не было слышно. Все делалось в безмолвии. Чувствовалось пленение. Добра не ждали.

Когда наступило утро, то прежде всего предложили всем подводам выехать со двора. В бараках же поместили стариков, женщин и детей, а также и больных. Все лошадные переехали мост через Драву и расположились в лесу, вблизи проселочной дороги.

В лагере было тридцать два барака. Хозяином лагеря являлся англичанин, т. к. это была английская зона. Многим были выданы брезентовые палатки и, расположив рядами — по плану — зеленые матерчатые домики, в них разместили людей, образовав бивуачный городок.

Питьевой воды в бараках не хватало для вновь прибывшего населения и народ стал пользоваться водой из Дравы. Там стирали белье, оттуда брали для питья и варки пищи. Вскоре начались массовые желудочные заболевания. Лагерное медицинское обслуживание не успевало удовлетворять требования больных. Больные лежали в бараках, стонали в будках и палатках. Позже воду запретили пить из реки. Водоснабжение наладилось из города и эпидемия сократилась.

Оружие казакам предложено было немедленно сдать. Никто не протестовал и полученные в пути для самоохраны винтовки были отданы без малейшего сопротивления. А сдав все, почувствовали облегчение, предполагая, что теперь фальшивое положение закончилось и, мол, теперь, наконец, приблизились к берегу правды, к западной демократии, к которой так стремился русский народ, находясь долгое время в тисках советской деспотии.

Все думали, что дело с беженскими лагерями — дело кратковременное, что теперь англичане и американцы дадут право людям уехать в другие страны без лишних притеснений. Но в действительности, как уже теперь всем известно, вышло совсем не так.

Вдруг по лагерю пошли слухи, что новых эмигрантов будут возвращать на свои места, на их родину. Кто же попал заграницу до второй войны, того трогать не будут. Тогда еще не знали об «Ялтинском договоре». Собирались даже подавать петицию — в случае чего — английскому лорду Винстону Черчилю, в надежде на его «демократическую» тактику и справедливое решение беженского вопроса.

Казаки, толкаясь без дела в лагерном дворе, только и говорили о том, куда повезут, в какую страну. Одни хотели в Аргентину, другие — в Бразилию. Про Америку толков было мало — казалась эта страна далекой и мало доступной.

Стоя в очереди за гороховым супом, такой вели разговор: «Пойдем, Иван Иванович, наниматься к «бауру», что же на горохе сидеть — австрийцы шпеком кормить будут».

«Ну нет, в рабы не пойду — возражал другой казак, — теперь демократия — поеду в Венецуэлу, там стану на собственные лапы, заведу свое хозяйство».

Потом прослышали, что в Лиенц приехали представители из Аргентины. Всех желающих могут забрать туда. Довезут бесплатно, а там уж наверно пойдут все на самоопределение. Ринулся весь лагерь в город, на запись. Неделю длилась процедура приема и записи в Аргентину. Потом все провалилось, замолкло. Стали говорить, что это проделки советчиков, хотя ясности в этот вопрос никто не внес и истинной подоплеки дела никто не узнал.

Новые эмигранты, из боязни попасть в списки к отправке на родину, стали заявлять в канцелярии лагеря, что они вовсе не «новые», а живут заграницей более двадцати лет и имеют подданство, но беда — документы утеряны и доказать бумагами не могут. Одни объявляли себя югославенцами, другие — поляками. Были даже и «турки».

Александр Андрющенков объявился румыном. Его спрашивали, говорит ли он по румынски.

«Нет, — отвечал Андрющенко — я давно из Румынии, забыл язык».

«Ну, на каком же Вы языке говорите» — допрашивали «румынского гражданина».

«На русском я хорошо говорю» — повеселев, отвечал Александр.

Пожал плечами секретарь. Ну что ж делать, румын, так — румын. И отправили беднягу в так называемый «румынский лагерь», находившийся километров за восемь от Лиенца в заброшенном строении.

Продукты доставляли туда неаккуратно и «румыны», которых было человек десять, ходили по австрийским селам и просили кусочки. Посидел там Андрющенко и пришел в общий лагерь Пеггец. «Примите, пожалуйста, я не румын, я — настоящий природный русский человек».

Так путаница с липовой старой эмиграцией продолжалась до момента отъезда в какую-либо другую страну. Главным образом раскаяния происходили при отправке в Америку. Тогда дело выходило уже начистую.

Первые дни в лагере «Пеггец» проходили спокойно. Англичане выдавали продукты питания, никого не притесняли и никого ни

о чем не допрашивали. Так прошло недели две сравнительно спокойного житья. В конце мая месяца, кажется, двадцать восьмого числа, собрали всех офицеров во дворе лагеря и объявили им о том, что они должны будут отправиться на конференцию к командующему 8-й английской армии — Александеру.

Стоя плечом к плечу в военном строе, собранные офицеры приняли приказ, точно смертный приговор. Никто не шелохнулся. Окаменели. Их печальные лица показывали внутреннюю тревогу, но ни одним движением не было проявлено протеста. Поздно! Народу не было сказано о конференции до последней минуты, до последней команды «стройся». Около двух тысяч обманным путем были посажены на английские машины и вывезены из Лиенца. И только позже было выяснено, что никакой конференции никто не думал созывать, что англичане предательским путем забрали офицеров и увезли для выдачи Советам.

Оставшиеся семьи ожидали возвращения с конференции к вечеру, как обещали англичане. Но никто не вернулся ни в первый день, ни позже. И не могли вернуться. Они были переданы в руки советских палачей.

Расчитавшись с офицерами, англичане решили приступить к расправе с рядовыми казаками и их семьями. Спустя несколько дней после отправки офицеров, во двор лагеря въехала автомашина с двумя танкетками. Через рупор выкрикивались слова: «Послезавтра все будете ехать на родину. Всем приготовиться с вещами!». Находившиеся во дворе люди стали кричать: «Не поедем! Умрем, но не поедем!« Некоторые, испугавшись, стали убегать в бараки и прятаться. Другие, схватив рюкзаки, бежали в лес через мост.

Все беженцы, находившиеся в лагере, объявили голодовку в знак протеста и продукты питания не стали принимать от англичан. Сложили все около забора и никто не прикасался к ним.

Тридцать первого мая из лагерной канцелярии комендант, майор Дэйвис, официально объявил: «Завтра все должны ехать на родину».

Вечером этого же дня казаки собрались и постановили, что 1-го июня в пять часов утра все без исключения должны выйти на лагерную площадь на общее церковное богослужение. Будут отслужены молебны о том, чтобы беженцы не были насильно возвращены на родину. Конечно, это собрание тоже было проведено под каким-то провокаторским воздействием. Не собираться надо было, а разбегаться.

Долго после такого постановления не могли успокоиться люди. Советовались друг с другом, высказывали предположения. Старались угадать, что будет. Предчувствовали все неприятность. Между раскинутыми палатками и повозками беженцев вечером ходили какие-то странные агитаторы за обязательную явку всех на богослужение. Для успокоения и убедительности они говорили: «Если нас начнут брать насильно, мы возьмемся рука об руку кольцом и не дадимся насильникам. Впереди поставим детей. И мы думаем, что ни у кого не хватит совести бросаться на детей, невинно стоящих впереди взрослых. Не станут же хватать молящихся силой».

Наконец, совсем поздно, голоса все смолкли и люди затихли в своем горе. Наступила ночь и тишина. Ни в лагере, ни в соседней австрйской деревне, ни в лесу не было слышно голосов. Сочно на земле все умерло. Все крепко заснули. И снились людям страшные сны, вещие. Переживания во сне опережали события. Предсказывали страшное.

Но вот мучительная ночь прошла. Наступило утро. Прекрасное это было утро. Солнце как-то сразу появилось во всем своем ярком сиянии. На небе ни одного облачка. В воздухе тепло. После ночи так хорошо запахло сосною.

Нельзя было не заметить тогда и невозможно забыть теперь того резкого контраста между природой и обществом. Как прекрасно в Божественной природе и как страшно было в человеческом обществе.

К семи часам утра все были на ногах — и взрослые и дети. Постепенно люди стали направляться от своих подвод к лагерю. Чувствовали себя все растерянно. Одни переодевались в новые платья, другие брали с собой чемоданчики. Иные пересматривали свои вещи наскоро, перекладывали их с одного места на другое, и ничего с собою не взяв, уходили, бросая прощальный взгляд назад в беспокойном предчувствии.

Шли отовсюду — группами, одиночками, парами. Конечно, все с внутренним страхом, но — шли. Люди были всех возрастов. Здесь много было цветущей молодежи, были пожилые, с жизненным опытом люди, может не раз находившие выход из жизненных трудностей. Были дети. Одни держались за руки матерей, другие бежали сзади вприпрыжку, догоняя родителей. Некоторых, совсем малых, несли на руках. Но все, от

мала до велика, были очень похожи на библейского невинного ягненка, запутавшегося в ветвях и принесенного в жертву. Никто не отдавал себе ясного отчета в том, как могут противостоять безоружные люди танкам, пулеметам и вооруженным солдатам, если таковые будут присланы забирать людей.

Священнослужители проследовали с иконами и духовными песнопениями в указанное место раньше других. Тут был почтенный отец Александр, о. Тимофей, о. Алексей Филатов (потом уехавший в Австралию, где и умер). Во дворе собрались тысячи. В искреннем экстазе все молящиеся слились воедино, обращаясь в Богу с мольбой о спасении, в то время, как во двор стали прибывать грузовые военные крытые машины.

Спустя некоторое время, пришли солдаты с автоматами, пулеметами и толстыми деревянными палками. Народ сжался теснее и приблизился еще более к духовенству. Задние взялись руками локоть к локтю в туго скованное кольцо.

Некоторое время солдаты стояли никого не трогая и не выдавая ничем своего, никому не известного, назначения. Когда весь народ хором запел вместе со священниками «Верую во Единого Бога Отца»..., солдатам точно хмель ударил в голову. Бросились они на молящихся, размахивая палками и стали избивать всех подряд — и стариков, и детей, и женщин.

Вдруг раздались страшные крики и вопли. Озверевшие пьяные солдаты начали выхватывать людей из первых рядов, ближе к ним стоявших. Одни тянули за руки, поднимали и забрасывали людей в высокие машины. Другие били по головам тех, кто увертывался и порывался сопротивляться. Святой престол был повален, иконы тоже попадали.

Толпа дрогнула и зашаталась, как единое целое, то наваливаясь в сторону машин и солдат, то порываясь отступить назад и разорвать сильно сжимающее кольцо крепких рук.

В первых рядах стояло одно семейство — дочь казака Волкова станицы Богаевской со своим мужем и детьми, двумя мальчиками лет шести и десяти.

Солдаты схватили младшего сынишку и бросили в машину. Мать в отчаянии бросилась за ребенком. Она была подхвачена и брошена также в машину. Затем муж потянулся за женой, желая удержать ее, отнять у солдат. И вмиг очутились все трое в цепких руках англичан. Выскочить из машины уже не было никакой возможности.

Старший мальчик был оттиснут толпой назад, что и послужило для него избавлением от злой участи, так неожиданно постигшей его родных. Бросился он под ноги взрослым с отчаянным рыданием, протискался на свободу и бежал за двор лагеря, в поле. Бежал, сколько было сил. Спрятался в высокой ржи и, обессилев от бега и слез, упал на землю и заснул. И поздно вечером дедушка с бабушкой с трудом отыскали осиротевшего внука.

Как обезумевшие, солдаты бегали по баракам, выгоняли забившихся в углы людей. Тащили их за платья, выталкивали пинками во двор. Одни машины, наполненные людьми, быстро выезжали со двора, другие — пустые — въезжали во двор. Скованная в кольцо толпа еще продолжала терзаться на место. Женщины падали, а сбитые с места люди невольно топтали их. Испуганная масса людей с страшным напором и криками отчаяния, наконец, разорвала цель и устремилась в бегство за ограду лагерного двора. Поняли все, что только в этом спасение. Двор опустел. Остались лежать на земле только замученные, убиенные. Однако, жадность охамевших англичан не была насыщена. Солдаты на лошадях пустились в погоню за убегавшими людьми. Люди, видя свою безвыходность, бежали в полном отчаянии к реке и бросались в бурные волны Дравы.

Богу одному известно, сколько приняла и упокоила в своем быстром течении река ни в чем не повинных душ.

Было риском оставаться на месте, было риском, и может быть большим — бежать врассыпную. Свистели удары хлыстов и слышались выстрелы в разных направлениях.

Народ остановился в нескольких метрах от бараков, на открытой поляне, окруженной танками.

Все стали на колени и снова стали петь священные песнопения. О. Алексий и здесь был с народом и неустанно пел молитвы, а за ним и весь народ. Чаще всего повторяли песнь о Великом Чуде Воскресения Христа. «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ!»...

Растерявшиеся семьи искали глазами друг друга, но были прикованы к лобному месту и не знали, будут ли они спасены. Люди были поставлены не только в опасное положение, но и в не менее позорное. Взрослые оказались такими же бессильными, как и рядом сидевшие дети. Дети вопросительно

смотрели на старших, недоумевая, как же это они могут быть такими слабыми и беспомощными. Все рядом молились, все плакали. Надеялись только на чудо, на Бога.

В это время к группе молящихся подошла женщина. В ее взоре были страх и ужас. Она окинула испуганным взором людей и таким же испуганным голосом обратилась к ним:

«Люди добрые!.. не находил ли кто из вас ребенка... двухмесячного?!...

Многие оглянулись и не поняв сразу вопроса, ничего не отвечали.

Какая бездна ужаса в этом вопросе! Точно утерянную вещь — не находил ли кто. Это мать искала своего ребенка. И где же он, этот маленький человек, младенец, крошечное живое существо еще недавно составлявшее одно целое со своею матерью? Мать тянулась к нему всем своим материнским существом.

Она шла все дальше и задавала один и тот же вопрос. Она ждет, что кто-нибудь откликнется и скажет, «видел» или — «он там, пойди возьми»... Но никто этого не говорит. Надежда у нее гаснет, она опускается на землю. Она сидит, окаменев. Потом вскакивает быстро, как от ожога.

Да! Внутри у нее горит огонь материнской любви. Огонь отчаяния. Она уходит и скрывается с глаз народа.

Пойдет ли она искать по баракам, или в поле, в лес — за Драву. А, может, в отчаянии бросится в реку...

Наступил вечер. Целый день ничего не ели. Ни глотка воды. Наконец, когда совсем стемнело, долго стоявшие машины и танки стали отъезжать. Стражи уже не было, а люди все еще не решались уходить.

В тихом вечернем воздухе хорошо слышен был печальный звон в австрийских церквах, костелах, в знак траура, в знак протеста против страшных бесчеловечных деяний английских оккупантов — английской армии.

Измученные люди, точно тени, стали расходиться. Кто направился в свои кабинки бараков, другие к своим шатрам и повозкам за Драву, в лес. Везде было одинаково жутко, пусто.

Голодовка, объявленная на три дня, продолжалась, никто не варил ужина и не трогали английских продуктов.

В ближайшем небольшом лесу было найдено много убитых казаков, получивших пули от вероломных английских солдат. Многие сами кончали жизнь самоубийством, укрывшись от взора людского в гуще лесных кустарников. Одних нашли повесившимися на деревьях, другие приняли смерть от собственного оружия.

Красочная форма казаков была разбросана по кустам и по дорогам. Раскрытые и опустошенные чемоданы свидетельствовали о диком варварстве «культурной» армии англичан.

Так закончился день неслыханного, беспредельного, бесстыдного НАСИЛИЯ — день страшной даты — ПЕРВОГО ИЮНЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ПЯТОГО ГОДА.

США

М. П. Морозова

СОРОКАЛЕТИЕ ЖАРОВСКОГО ХОРА

5 янв. с. г. в фешенебельном концертном зале Мюнхена — «Дейчес Музеум» — состоялся юбилейный концерт Жаровского хора, Как это в Германии бывает всегда, когда поют казаки, вмещающий более двух с половиной тысяч человек зал был переполнен

Не успел еще отзвучать последний аккорд «Полюшко», а на сцену уже поднялись представители эмигрантской общественности, чтобы от лица российской эмиграции поздравить юбиляра с сорокалетним юбилеем хора. Инициатива этого чествования зародилась в местной Донской казачьей станице, и нашла широкий отклик в среде российской эмиграции Мюнхена.

Надо отдать справедливость: казаки показали себя. От лица, так сказать третьего поколения российской эмиграции, под гром аплодисментов переполненного зала, жаровцев поздравили дети — двенадцатилетний донец Коля Милов и 13--летняя Ира Репникова, которые преподнесли юбиляру корзину цветов — 40 розовых гвоздик. При этом Ира выразила свои чувства в следующем шестеростишьи:

«Должны мы жаровскому хору,
Его прославленному дирижеру
Спасибо русское сказать.
Ваш дар поистине чудесен.
Нас учат звуки ваших песен
Всегда любить Россию-мать».

От старшего поколения, два донца и один кубанец, в форме своих Войск, передали Сергею Алексеевичу адрес-грамоту, подписанную представителями различных эмигрантских организаций и объединений. После передачи юбиляру адреса-грамоты, на сцену поднялся глава русской православной Церкви в Германии архиепископ Александр. Владыка благословил подошедшего к нему навстречу Жарова и хор и пожелал казакам и в будущем таких же успехов, каким сопровождались все эти 40 лет выступления хора.

Вслед за представителями российской эмиграции жаровцев поздравили также и представители некоторых немецких организаций.

Да, шутка ли сказать, 40 лет уже поют жаровцы!

Мог ли себе представить в декабре 1920 года, в лагере Чилингир (где в то время была расквартирована III донская казачья дивизия), ожидавший своей порции при дележке беженского пайка Жаров, что ему с его, тогда уже намечавшимся хором предстоит миссия — объездить вдоль и поперек нашу планету и приобщить народы всех шести континентов русской духовной и светской песне? Безусловно, нет. Такой продолжительности «звездную» жизнь не в состоянии вместить в себя рамки даже самой пылкой фантазии. Япония, Новая Зеландия, Швеция, Южно-Африканский Союз, Канада, Аргентина — вот широты концертов жаровского хора. За 40 лет жаровцы спели более 9.000 концертов, напели около 250 пластинок, общий тираж которых составляет приблизительно 11 с половиной миллионов штук. Хору посвящено 4 фильма, а вообще для кино хор снимался 12 раз. За эти годы хористы подписали около 30 млн. автограмм, а в пути провели около 10 лет!

Чем же объяснить такой небывалый успех жаровского хора?

В первую очередь, конечно, личностью самого С. А. Жарова, его исключительным талантом и его неистощимой энергией. Худенький, маленький и сейчас еще, несмотря на свои 66 лет, похожий на мальчика, с располагающей детской улыбкой, теряющийся в жизни на каждом шагу. Жаров на сцене превращается в чародея. Его движения коротки, для публики даже почти незаметны, но с помощью их он заставляет своих казаков делать почти невозможное. Одним подъемом бровей он извлекает из хора оглушительное фортиссимо, или движением мизинца доводит пианиссимо до еле слышного шопота. Жаров держит свой хор в постоянном напряжении тем, что одну и ту же вещь он исполняет в нескольких вариантах, с различными солистами. Этим он избегает механического исполнения.

О хористах жаровського хора можно смело сказать, что каждый из них солист, однако, для того, чтобы найти к той или иной вещи подходящий по тембру, диапазону и силе голос, необходимо жаровское уменье. Немалую роль в успехе жаровцев играет также и подбор репертуара, неожиданность аранжировки и оригинальность исполнения. Надо сказать, что аранжирует Жаров вещи революционно, чем вызывает порой нарекания со стороны той части эмиграции, которая привыкла к определенному шаблону и не хочет от него отойти.

Что касается оригинальности исполнения, то об этом можно сказать очень много, но я остановлюсь лишь на главном — пение с закрытым ртом, имитирование звуков музыкальных инструментов, звона колоколов, стремян, стука лошадиных копыт и т. д. Все это придает исполняемой вещи известную образность и помогает слушателю-иностранцу понять ее содержание. Наконец, присвист и шутки тенора-фатеста Болотина, вызывая улыбки, а порой и смех слушателей, способствуют установлению более тесного контакта между хором и слушателями.

За 40 лет существования хора через него прошло около 360 хористов. 11 февр. в Гамбурге во время выступления там хора скончался В. И. Львов, ст. Н. Николаевской, певший еще в Чилингире. Следующими по старшинству идут Болотин и Левченко (баритон), которые поступили в хор в 1930 году и которые, несмотря на 30 лет напряженной хоровой работы, до сих пор не утратили свежести своих голосов, — на них и по сей день лежит большинство сольных номеров.

К довоенным работникам хора принадлежали также Березов (бас) и Азаров (тенор), поступившие в хор в 1936-1937 гг. Остальные 17 человек (не считая двух танцоров), в большинстве своем новые эмигранты, пришли в хор уже после Второй мировой вой-

ны. И вот из этих 22-х хористов Жаров получает то музыкальное сопровождение, которое ему необходимо для исполняемой им вещи, — звуки гитары, бандуры, рояля и, наконец, даже симфонического оркестра. Поэтому просто непонятны те сравнения, которые любят делать некоторые «знатоки» хорового пения между хором Жарова и хоровыми ансамблями из Советского Союза, сравнения не в пользу Жаровского хора. Сравнивать хор Жарова с хоровыми ансамблями из Советского Союза, это равносильно тому, что сравнивать орган с духовым оркестром, гитару с балалайкой. Для сравнения необходимо пользоваться однородными объектами — мужской хор может быть сравним только с мужским хором, ансамбль только с ансамблем.

Париж.

С. Гамбурцев
«Русская Мысль»

ОТ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ВО ФРАНЦИИ ПО ВЫБОРАМ КУБАНСКОГО ВОЙСКОВОГО АТАМАНА

В виду истечения срока полномочий Кубанского Войскового Атамана, Войск. Ст. Б. И. Ткачева — нам, Кубанцам, необходимо теперь-же избрать себе Атамана на следующий срок, т. е. с 1962 по 1966 г.

Почти около года тому назад было предложено всем лицам Войскового сословия, желающим выставить свою кандидатуру и баллотироваться на пост В. Атамана подать о том свое заявление Главной Избир. Комиссии, находящейся в г. Нью-Йорке.

Втечение этого времени было выставлено только две кандидатуры: это нынешний Войск. Атаман, в. ст. Б. И. Ткачев, казак ст. Ханской, Майкоп. отд. и ген. О. И. Лебедев. Через некоторое время ген. Лебедев свою кандидатуру снял.

Таким образом осталась одна кандидатура нынешнего Атамана В. Ст. Ткачева. А поэтому нам Кубанцам приходится избирать себе Войскового Атамана, на законном основании, при одной кандидатуре.

В целях сохранения единства нашего Войска, как это было и раньше, Избирательная Комиссия во Франции просит всех Кубанских казаков и казачек, кто таковыми себя считает, обязательно принять участие в выборах Главы своего Войска. Это — долг каждого из нас.

Для этого нет никаких трудностей, нужно только одно: желание и любовь к своему Войску.

Порядок выбора таков: 1) Все кубанские казаки и казачки, достигшие 21 летнего возраста, имеют право голосовать, 2) Каждое лицо, желающее голосовать, должно написать на небольшом листке бумажки следующее: я голосую на пост Куб. Войск. Атамана за такого-то и поставить свою подпись, указав год своего рождения, какой станицы был на Кубани, двух лиц, знающих его.

Все это потом вложить в один небольшой конверт, запечатать и написать на нем: Представителю Избр. Комисси во Франции, а затем вложить его во второй обыкновеный конверт и переслать по адресу: A. Tolbatovsky, 61, rue Miromesnil, Paris (8). С левой стоорны в углу поставить три буквы: К К.В. Это ознаачет: Кубанского Казачьего Войска. (для того, чтобы отличить Войсковую переписку от обыкновенной).

Голосовать можно только за лицо, выставившее свою кандидатуру, в противном случае билеты будут не действительными.

Одиночные лица могут послать свои голоса непосредственно в Гл. Изб. комиссию: Mr. Victor Bandurko, 146-31 Cherry St., Flushinh 55 N.Y., U.S.A.

Итак, родные Кубанцы, с Богом за дело. Сохраните это объявление для Вашего сведения, т. к. в другой раз объявляться не будет.

Избирательная Комиссия во Франции

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

После вышедших недавно в издании «Род. Края» книжечек П. М. Аврамова со столь заинтересовавшими читателей его произведениями «Ковылий Сказ», «Яровой Сев» и «Никифор Кащеев», получила на днях еще один приятный сюрприз: поэт Н. В. Альникин прислал мне свой томик «Рифмованные Кончики».

Возрадовалось мое ретивое этому вещественному доказательству того, что казаки начали выступать на широкое литературное поприще теперь уже не только в журналах, а выпуская свои произведения отдельными самостоятельными книжками. Слава Богу, наконец-то! Это первые ласточки после четырех десятков лет пребывания за границей. Огромный сдвиг, прогресс, сулящий благие надежды. Кроме трудов Аврамова и Альникина, раньше появились и другие, ценные, судя по отзывам, вещи, — напр. полк. Елисеева, Юшкина-Котлобанского и др.; но, живя на краю света, я их, к сожалению, не имею. От продажи этих дешевых, доступных и несостоятельному карману, выпусков выяснится степень заинтересованности казачьей эмиграции к творчеству своих писателей, поэтов, историков. Число проданных экземпляров покажет, очень-ли станичники нуждаются в родном печатном слове или до сих пор все еще не уяснили себе вопиющей необходимости в нем. Идейная жертвенность редакторов и авторов совершается не с корыстной целью, а во имя любви к своему кровному; во-первых для того, чтобы оставить потомству культурное достояние казачьего интелекта; во-вторых, для пробуждения окоченевших в повседневных житейских заботах духовно спящих читателей, толкуя им, освещая, анализируя все стороны казачьего быта и тем побуждая инертных людей начать серьезно, сознательно относиться к своей прессе. Забота о ней наше общее дело, способствующее развитию и упрочению казачьего престижа. Необходимо всем присоединиться, приобщиться каждому, сотрудничая кто пером, кто другими возможностями, а за неимением таковых, хотя-бы покупкой книг и журналов.

Иногда слышатся сожаления о том, что, несмотря на дешевку, некоторые интересующиеся казачьими выпусками станичники не имеют средств покупать их. Хочется сообщить живущим в центрах, что в больших библиотеках, напр., в Вашингтоне, в Париж. Национальной Библиотеке, затем в Сорбонне и, если не ошибаюсь, еще и в библиотеке Св. Женевьевы на площади Пантэона можно найти и получить бесплатно в читальне кое-что по казачьему вопросу. Прося там наших авторов и зарубежные журналы, читатели будут содействовать распространению интереса к казачьей литературе, так как в библиотеках отмечаются неудовлетворенные требования клиентов и стараются постепенно приобретать недостающие интересующие публику издания.

В городских библиотеках даже глухой провинции многих государств имеются отделы на иностранных языках. Сейчас в немалом количестве школ преподается русский язык и изучающие его, безусловно, ищут русские тексты в публичных библиотеках. Мы горим желанием ознакомить и внедрить знания о казачестве прежде всего родившемуся и выросшему на чужбине собственному младшему поколению, стараемся привить ему любовь к родимому краю и ко всему родному. Но **пришла пора приняться ознакомить с казаками и иностранцев;** тем более, что многие из них нынче достаточно владеют русским языком.

Поэтому необходимо нам по этому поводу входить в связь для начала хотя-бы с самыми известными богатыми библиотеками, посылая им по одному экземпляру каждого выпуска. Реклама большое дело. Расход, конечно; но расход сугубо необходимый, а главное продуктивный, ни в коем случае не напрасный. Дабы не быть голословной, приведу пример. Покойный И. П. Буданов таким способом заинтересовал Вашингтонскую Государственную библиотеку, ставшую подписчицей на редактировавшийся им «Казачий Исторический Сборник» и приобретшую, кроме того, все томы трудов Буданова по истории Дона. Мне известно, что все издания почившего историка есть в Парижской Национальной Библиотеке и в Сорбонне. Как знать, может быть какой-либо кандидат на соискание ученой докторской степени напишет свою диссертацию на какую-нибудь казачью историческую тему. Надо это иметь нам ввиду, снабжая ту-же Сорбонну или какой другой университет казачьими материалами. Ведь все диссертации преподносятся комиссии профессоров ввиде уже изданных готовых научных книг, затем поступающих на широкий книжный рынок для продажи.

Мы живем замкнуто, кипя в собственном котле. Под лежачий-же камень, как известно, вода не потечет. Коли будем сидеть сиднем, не шевелиться, ничего не предпринимая, спрятавшись, как улитка, в своей скорлупе, без попыток вылезти на свет Божий, то никто нами, — спящими беспробудно, — не заинтересуется. Между тем сейчас каждый даже маленький, до сей поры мало культурный и безызвестный, народик стремится занять место на мировой сцене, заявляет о себе, дабы его знали и ведали, считались-бы с ним и, в конце концов «приняли бы в общество». Что-же мы-то молчим?

Лишь немногочисленные выдвинувшиеся среди нас талантливые станичники делают рекламу казачеству. Но пора, пора нам всем приступить к делу в общественном масштабе и при этом очень дружно, оставив бесплодное деление на разные «толки и уклоны» монархистов, федералистов, самостийников и проч. Пора взяться за ум и резонноразумными, вески-достойными путями громогласно заявлять о нашем существовании. Печать, в этом смысле, главное, испытанное во всем мире средство, фактор, школа, указатель, по которому определяется удельный вес культурной ценности всякого народа. По печати судят о всей нации. Пробудитесь-же, станичники, поймите, что пресса это могущественнейший рычаг, двигающий, влияющий на людское мышление.

Из статьи ст. Закотнова (№ 32 «Род. Края») так отрадно и лестно узнать о многогранной ценнейшей деятельности наших инженеров, среди которых Борис Африканович Богаевский, оказывается, плюс ко всему, даже и видный изобретатель. Как же не восхищаться его всесторонней активностью! Ведь он, кроме того, еще и уже зарекомендовывающий себя казачий историк. При всей своей перегруженности работой, он успевает во всем и жертвенно отдает редкие минуты досуга на редактирование «Родимого Края»; на иностранных языках пишет книги на свои профессиональные темы. Пишут их и историки (Губарев, Елисеев), блещущий ученой эрудицией проф. Миллер, поэты и писатели; публицисты помещают дельно-серьезные статьи, которые, ввиду их относительной краткости, было-бы полезным публиковать и в иностранной прессе.

Всеми этими примерами хочется сказать, что нужные интеллектуальные силы у нас имеются и священный долг казачьей общественности их поддержать; если нечем, то хоть покупкой книг и журналов. (Повторяюсь, настойчиво взывая к казакам на тему о насущном. Извините). Цена выходящих книжек невелика и маленький расход это лепта на общее казачье дело, как-бы свеча о здравии. Отказ-же в покупке похож на кол в сердце стремящегося к жизни и прогрессу казачества.

Благодарю Альникина, посылкой своей книжечки подтолкнувшего меня высказать в этой статье давно занимающую мои мозги мысль. Беру на себя смелость кликнуть клич, предлагая ее станичникам, пекущимся о нашей (не только исключительно военной, как раньше) казачьей славе. Давно пора казакам решительнее выступать на защиту своего собственного духовного бытия. А с ним сохраним и физическое.

— * — * —

Итак, томик Н. В. Альникина в моих руках.

Да простится мне откровенность смотрящей прямо в глаза правде казачки. Удивляюсь, почему Н. В. понадобилось именоваться «Борисом Незлобиным», как не соглашаюсь никогда вообще и со всеми прячущимися под псевдонимом пишущими. Не пристала доблестным казакам никакая маска, так как мы искони веков привыкли жить с открытым лицом, без какого-бы то ни было забрала.

«Кончики» Альникина это сборник стихов, расположенных в хронологическом порядке беженской эпопеи. Строка за строкою читатель следует маршрутом крестного пути странствований автора-эмигранта. Общее от томика впечатление: личные переживания поэта, его душевные движения, эмоции, навеянные перепитиями скитальнической жизни, безысходная тоска; очень, очень и очень много тоски по родине. Это лейт-мотив, повторяющийся в каждом стихотворении. Неприкаянная обреченность, беспросветность, хоть и индивидуальные переживания автора, но они общи всем эмигрантам, прошедшим этапы горестной судьбы, а потому понятные каждому оторванному от родины читателю. «Рифмованные Кончики» это творенья поэта в раннем периоде (1915-1927 гг.). По предисловию ясно, что изнывающий в тоске автор стихов потом все же «выбился» на торный путь и теперь благоденствует в Марокко. Хочется верить, что в нынешнем благобыте он не расстался с музой и выпустит новый томик уже в бодром настроении.

В журнале «Род. Край» замечается отрадное явление в лице начавших публиковаться

новых сотрудников, среди коотрых обратила на себя внимание читателей М. П. Морозова. В ее двух очерках удачные темы, коротко и четко, картинно написанные, волнующие казачье сердце эпизоды; изящное перо.

Отзыв о других сотрудниках будет дан в следующий раз.

Аргентина.

П. А. Соколова

НОВОЕ В КАЗАЧЬЕЙ ПРЕССЕ: «ДОНСКАЯ ТРИБУНА»

В первой Книге Царств Господь сказал: «Я сделаю в Израиле такое дело, о котором у слышавшего зазвенит в ушах». Не греша против смысла этих слов, их можно применить к некоторым выступлениям некоторых претендентов на верховное идеологическое руководство в казачьей эмиграции. Для того, чтобы обратить на себя внимание и как то выдвинуться, эти претенденты лгут в своих воспоминаниях или проповедуют совершенно невероятные вещи, коотрые заставляют закрывать не только уши, но от стыда и глаза!

В казачьей эмиграции много лет существуют различные политические группировки и недавно появился даже один вождь — русский монархист с ничтожным числом сторонников и то не казаков. Но никогда в казачьей эмиграции, в отличие от русской, не было среди казаков ни «совпатриотов», ни просоветских пропагандистов. И вот, в прошлом году, появился новый казачий «пророк» некий А. Алимов, который, как Илья Муромец, просидел на печке сорок лет и затем ринулся в бой, но не с коммунистами, поработившими нашу родину, а... со своими же казаками. Этот г-н Алимов выпустил до сих пор три номера «Донской Трибуны», брошюрки напечатанной на ротаторе, которой он же является издателем, редактором, единственным сотрудником и, вероятно, единственным подписчиком. Надо полагать, что г-н Алимов человек состоятельный и свое издание выпускает за свой счет, а не на какие нибудь субсидии, из темных источников!

В своих брошюрах г-н Алимов ведет яростную борьбу со всеми существующими казачьими организациями, особенно же нападает на офицеров, дворян и всех тех, кто не желает следовать за ним. В то же время занимаемую г-ном Алимовым политическую позицию трудно понять. Он все пишет о необходимости борьбы с какой-то «ржавчиной оккупационной идеологии», однако что это за идеология он не поясняет, а старается доказать, что казаки это только Донские, а все остальные Казачьи Войска — ничто! Нападая на казачьи союзы, г-н Алимов пишет: «В Германском казачьем союзе живейшее участие принимает аполитичный в казачьем вопросе из дворян (немецких) проф. М. Миллер». Если бы проф. Миллер был «аполитичный» в казачьем вопросе, то каким образом он бы мог, по словам того же г-на Алимова, принимать живое участие в делах Германского Казачьего Союза? Кроме того, за последних 15 лет проф. М. Миллер опубликовал свыше 100 монографий и статей на разных языках в Канаде, США, Англии, Аргентине, Франции и Германии, ведя беспощадную борьбу с советской идеологией на политическом и научном фронте. Интересно было бы знать, что сделал г-н Алимов за то же время и почему он, после этого, считает себя «политиком», а М. Миллера «аполитичным»? Далее, г-н Алимов обвиняет проф. Миллера в том, что он как бы сожалеет об уничтожении большевиками в Новочеркасске памятников Платову и Бакланову. Однако нельзя не сознаться в том, что всемирную боевую славу казачества создали не Алимовы, а многочисленные казачьи вожди и герои, именно типа Платова и Бакланова.

Затем г-н Алимов сообщает о том, что проф. Миллер из немцев Донской казак, вероятно г-н Алимов также не знает, что его фамилия такая же нерусская, как и Миллеров, только не немецкого, а татарского происхождения, от мусульманского имени Алим, и сейчас эта фамилия является одной из наиболее распространенных среди татар Поволжья. Нет смысла, а потому и надобности останавливаться на дальнейших отдельных высказываниях г-на Алимова. Все они носят сумбурный, неверный и просто дикий характер. К чему же сводятся основные положения Алимовской пропаганды: 1) Настоящими казаками являются лишь Донские казаки, все же остальные Казачьи Войска — по-

следующие образования и не являются казаками. 2) Необходимо вести безпощадную борьбу с дворянами и офицерами, а так же и со всеми казаками, кто не признает Алимова пророком. Никогда и нигде г-н Алимов не говорит ни слова о необходимости борьбы с коммунизмом, самым большим и первым врагом казачества, и старается поссорить казаков разных Войск между собой. Вызвать склоку среди казаков в эмиграции путем натравливания казаков на офицеров, повторяя пропаганду 1917-18 гг., времен разложения армии, «бей золотопогонников» и т. д. Все это ныне звучит каким то диким анахронизмом. В чьих же интересах может издаваться подобный листок?

В номере 2-м Донской Трибуны г-н Алимов приводит выдержки из 14-ти писем, полученных им от читателей Донской Трибуны, со своими комментариями. Большинство прочитавших Донскую Трибуну прекрасно разобрались в ее содержании и задачах и отнеслись к этому изданию отрицательно, а потому нет надобности приводить эти письма. Например, автор 2-го письма рекомендует г-ну Алимову приехать в Австралию, где есть прекрасно организованные дома для сумасшедших. Автор 3-го письма сообщает, что он прочел «ДТ» в группе казаков, из которых часть тотчас же заявила, что это «чистой воды советская провокация».

А потому от имени членов Казачьего Союза в Германии прошу г-на Алимова не безпокоиться и этот листок нам не высылать.

(Мюнхен)

А. Протопопов
Председатель Казачьего Союза в Германии

В апреле с. г. вышел № 3 «Дон. Трибуны» такого же «странного» содержания, как и предыдущие выпуски.

Примечание редакции:

Редакция «Род. Края» всецело присоединяется к словам полк. Протопопова и также просит г-на Алимова «Дон. Трибуну» ей не высылать.

КАЗАЧИЙ ПРОТЕСТ

В 1960 г. на пленуме украинского Научного общества имени Т. Шевченко в Канаде некий В. Иванис сделал доклад на тему «Вторая трагедия казаков». В 1961 г. этот доклад был издан на украинском языке в форме отдельной брошюрки тем же канадским НТШ и сейчас рассылается повсюду.

В этом произведении г. Иванис подвергает всяческому унижению и поношению всех выдающихся в борьбе с большевиками казачьих вождей, особенно ген. П. Н. Краснова, затем ген. Доманова и ген. Шкуро. Брошюра написана односторонне, с подбором и подтасовкой фактов и с прямой неправдой. Кроме того в брошюре проводятся явно советские пропагандные положения.

Конечно, к борьбе казаков с большевиками и к деятельности казачьих вождей в этой борьбе — можно подходить по разному. Однако, после того, когда они запечатлели верность своим идеям своею мученической смертью в Москве, огульно оплевывать их, пользуясь тем, что их уж нет в живых и они не могут ответить как следует клеветнику — это низкий и недостойный поступок. Так поступил лишь один сын Ноя, который насмеялся над своим отцом, пользуясь тем, что тот не мог ему ответить.

Протестуя против такого рода выступлений, мы также обращаем внимание Научного Общества им. Шевченко на то, что никакое учреждение, считающее себя научным, не может заниматься изданием и распространением политических пасквилей, никакого отношения ни к какой науке не имеющих.

Почетный Председатель Европейского Казачьего Объединения проф. М. Миллер
Председатель Каз. Союза в Германии полк. А. Протопопов
Зам. Пред. Союза полк. Д. Смирнов.
Члены Правления: В. Березов, С. Шаламов, И. Сальников и В. Бежанов.
Секретарь Каз. Союза Н. Пашутин.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Редакция обращается с настойчивой просьбой к авторам писем в редакцию, да и к др. авторам, придерживаться корректного изложения своих мыслей, а не прибегать к нападкам и оскорблениям своих оппонентов. Этим свою точку зрения не защитишь и ничего не докажешь. Можно иметь свои взгляды и их защищать, можно быть несогласным с мнением другого лица и его оспаривать, но совершенно излишне его «обкладывать». Это недостойно нашего журнала и его читателей и им совершенно не интересно и таких выпадов мы помещать не будем.

— — — — — —

А. П. Падалкин пишет по поводу письма в редакцию И. Я. Крюкова («Род. Край» № 38, стр. 34). — «В отношении года приезда Государя в Новочеркасск — ошибка возможна, т. к. в имеющемся у меня письме ген. П. Х. Попова, описывающего его беседу с Государем — год не указан. А полк. Рытченков («Новочерк. Каз. Училище» — «Часовой» № 389) пишет: «1 дек. был первый выпуск прапорщиков, пробывших в Училище год в общем классе или 4 месяца в специальном. Штат юнкеров к 1 янв. 1915 г. был доведен до 300 человек. Выпуск прапорщиков составлял 120 чел. 5 дек. в Новочеркасск прибыл Государь Император, эскортируемый сотней юнкеров от вокзала до Атаманского дворца» — Из этого, как видно, год приезда государя не ясен.

Что же касается Аксайского Духовного Училища — то такое существовало. На его фронтоне было написано: «Аксайское 2-х классное Духовное Училище». Находилось оно на площади против церкви Успения Пресвятой Богородицы и его директором был всегда священник-настоятель этой церкви, окончивший Духовную Академию. В другие две станичные церкви назначались священники без академического образования.

Из окончивших это Дух. Уч-ще в эмиграции находятся С. Баландин (в Англии), окончивший на Лемносе Атаманское Воен. У-ще, Корниловского Удар. полка капит. Иван и Димитрий Коваленко и священник с. Василий Заханевич.

— — — — — —

«Старый офицер» пишет по поводу статьи проф. М. Миллера «По поводу одной статьи» («Род. Край» № 38) — «О жизни семьи расстрелянного Богачева я знаю только «по наслышке» и это подтверждаю. Знаю от двоюродной сестры Богачева, студентки Пединститута в Ростове на истор. факультете. Зинаида Богачева на мой удивленный вопрос, что ее кузен служит в ГПУ лейтенантом, ответила: — «У нас всегда в семье или один умный, или дурак». Я понял, что она не одобряет службы своего кузена в этом учреждении. Конечно, представить документы об этом разговоре я не могу и в части биографии Богачевых совершенно не собираюсь спорить. Но наши данные о пребывании Богачева в Ростове или Новочеркасске по времени сходятся. В 1939-41 г. он был в Ростове. Но только у проф. Миллера Богачев учится в Ростовском Университете, а у меня служит в ГПУ Ростов-Новочеркасск (Управления ГПУ были областные). Вполне возможно допустить, что Богачев был и студентом, и гепеушником. И проф. Миллер, зная его студентом, не знал, что он одновременно служит в ГПУ. О таких вещах откровенно не говорили. В своей статье я писал о деятельности Богачева в Стане и именно в Белоруссии. Проф. Миллер пишет, что от Стана до сов. командования было очень далеко и для связи нужно было бы иметь очень мощный радиопередатчик. Как раз такие аппараты были у сов. партизан, оставленных сов. войсками вместе с командирами партиз. отрядов. И Богачев был расстрелян именно за связь с партизанами. В лесах Белоруссии было совсем не трудно, отойдя несколько шагов от дороги, встретиться в условном месте с передатчиком. И Богачев не раз был обнаружен немцами гулящим в лесу. Ему не нужно было связываться с сов. командованием, а было достаточно информировать партизан.

Что же касается сожженых детей Богачева, то тут сущая фантазия. У него и его «дамы» (которая безусловно не была его женой, а таким же агентом, как и он) общих детей в Стане не было. Но «дама» говорила, что ее дочь осталась в СССР.

Я не говорил, что Богачев был следователем ГПУ. Он был лейтенантом, которые по своей службе выполняли более неприятные миссии. И каждое ГПУ было областным, а не городским, и поэтому Богачев мог бывать и в Ростове и в Новочеркасске, и в станицах.

Отец Богачева был профессор, но сын казака простого. Следовательно молодой Богачев был внуком казака-хлебороба и к буржуазии не принадлежал. Его дядя, брат профессора, был в 39-41 г.г. заместителем председателя колхоза в Б. Калитве. Все это

со слов Зинаиды Богачевой, на совести коей и оставляю эти сведения. В смерти молодого Богачева принимали участие только сами немцы. И какими документами они пользовались — известно только им. Нам только известно, что они за многими следили и в частности за Богачевым, вызывавшим подозрение знанием нескольких иностранных языков и отлучками из Стана в неизвестном направлении. Это все, что известно нам. Остальное у немцев.

Проф. Миллер жалеет, что акта об убийстве (не смерти, а именно об убийстве) Поход. Атамана Павлова ему читать не пришлось. А где можно его найти? Когда такого не было и когда все уничтожено в конце войны, когда для близко стоящих к событиям Каз. Стана было ясно, что Павлов убит немцами? Кто думал тогда, что по этому поводу разгорится настоящая война? Разве только тот, кому это было нужно для создания своей версии о смерти Павлова. И оказывается, ни у кого их нет. Да и что может доказать подробный документ в копии? Ведь все равно, кто хочет ему не поверит, а будет требовать подлинник...

Теперь о полк. Бочарове («Род. Край» № 38, стр. 33, и «Русская Мысль» № 1715 от 1 авг. 1961 г.) — Кромиади дал хорошую оценку Бочарову.

Но зная амплуа Бочарова при Стане, должен заметить, что вел он себе возмутительно и только характер Доманова мог его терпеть.

Его роль была специально развалить Стан. Категорически заявляю, что ген. Трухин, нач. штаба Власова, поручал мне эту миссию, но я отказался и потому знаю, что такая миссия была вполне возможна. Я же сам наблюдал его поведение и не раз предлагал ген. Доманову избавиться от него. Но тот не соглашался.

Пресловутый кубанский бунт устроен был Бочаровым. В этом бунте кубанцы требовали отправить их к Власову.

Уж само такое желание их чревато. Бунт был прекращен тем, что ген. Доманов предложил кубанцам убираться, куда хотят, но со своими семьями, т. к. донцам и другим хватало и своих семей, чтоб отрывать для охраны их казаков с линии.

Тогда кубанцы успокоились и только часть их в 200 человек в одиночном порядке ушли через Полуццо, севернее Толмеццо, через черкесскую бригаду, куда их тайно собирал куб. есаул З. Когда это обнаружилось, то закрыли им проход.

В Лиенце Бочаров провоцировал Кубанцев же на грабеж интендантских австрийских складов. Тогда я лично доложил ген. Доманову и тот выгнал его, пользуясь тем, что был момент, когда ни немцы, ни англичане не командовали нами. Это было всего несколько часов.

Прибывшие англичане вывезли его, как советского офицера, имевшего советские воинские документы при службе в РОА. И он, новый эмигрант, уцелел, в то время, когда даже старые эмигранты погибли.

В домик на Альпах Бочаров прибыл, но не от Власова, а из Толмеццо со всеми другими и нахально занял комнату Доманова, которому пришлось поместиться в другой. Спять же тут деликатность Доманова.

Г-н Кромиади говорит, что никто о деятельности Бочарова в Каз. Стане не писал. Жаль! Но г-н Водов не поместил мою статью о нем в «Русской Мысли». А я писал.

Такова участь многих писаний, именно тех, которые старались раскрыть истину, всякие-же вымыслы часто печатают реди сенсаций.

Теперь Бочаров в Аргентине.

— — — — — —

В. Балахнин пишет по поводу издания по предварительной подписки каз. поэта Н. Н. Евсеева:

«Это великолепная мысль — издать Вашу книгу по предварительной подписке. Хорошо было бы вообще издавать книги казачьих писателей именно таким образом; это дало бы им возможность печататься вообще. Печататься в газетах дело не плохое, но не так собранное и вследствие этого легко может стать предметом забвения; с книгой же — это значительно труднее, ибо книга может быть не только в частных руках, но и в библиотеках и содержание ее легче становится общеизвестным.

Все мы под Богом ходим и возраст наш таков, что сроки уже приближаются и сегодня один, завтра другой уходят в мир, откуда нет возврата и «чей нибудь уж близок час». Трудно нам, но таков наш удел! Сетовать не приходится! Должна же наша эмиграция оставить свой след в жизни, чтобы о ней не сказали — была ли таковая?

Плохая нам досталась доля, и если мы и не богатыри, то во всяком случае и не карлики и «свое мы дело совершили» и совершили неплохо! Помимо трехлетней кровавой борьбы со страшным врагом мы и в изгнании не склонили голов пред ним, несмот-

ря на то, что демократии всего мира виляют хвостом перед этой всеобщей опасностью.

— — — — — —

Письмо проф. Миллера из Мюнхена:

В Мае 1961 г. в г. Мюнхене состоялся съезд представителей Европейского Каз. Объединения (ЕКО). На этом съезде я был выбран (заочно) почетным председателем ЕКО. Лишь теперь мне стали известными некоторые обстоятельства, в силу которых я отказываюсь от звания почетн. председателя ЕКО и с его отделом в Германии ничего общего не имею. С совершенным почтением: проф. д-р М. Миллер. (Мюнхен, 8 мая 1962 года).

ПАМЯТИ Л. М. МИХЕЕВА

Зарубежную военную семью, особенно в части ее, занятой изучением военного дела, постигла еще одна тяжкая утрата — отошел в лучший мир профессор военный инженер полковник Леонид Михайлович Михеев.

Внук и правнук урядников Донского Войска, сын сотника донской артиллерии, впоследствии генерал-лейтенанта Генерального Штаба и начальника Оренбургской казачьей дивизии, и его жены Екатерины Вильгельмовны, рожд. де Руссет, из третьего поколения обрусевшей семьи французских эмигрантов, молодой Леонид рос в обстановке традиционной православной казачьей семьи.

После окончания первым Оренбургского Неплюевского Кадет. Корпуса, известного строгостью своего режима, Л. М. поступает в Николаевское Инженерное Рчилище. Там его проект форта принимается как учебное пособие. В 1904 году он заканчивает училище портупей-юнкером одним из первых и выходит в 4 Вост.-Сиб. саперный батальон прямо на театр военных действий.

Боевое крещение у Дашичао 10 июля, затем Хайчен, Айсязан, Ляоян, Мукден, Хатытан, Шахэ, Эрдагоу. «Технический отчет» о работах батальона в русско-японскую войну является его первым научным трудом.

В 1907 г. Л. М. принят в Николаевскую Инженерную Академию, курс которой оканчивает в 1910 г., получив 1-ую премию за впоследствии осуществленный проект крепости Ревель.

Следует год службы в строю в 14 сап. б-не в Варшаве; затем перевод в Новогеоргиевск, где он назначается строителем фортовой группы № 15, им же спроектированной. Являющаяся компромиссным решением между существовавшими в то время течениями фортификации, фортовая группа себя отлично оправдала в течение краткой осады Новогеоргиевска. Но тяжело заболевший автор группы лично не участвовал в обороне и боевых действиях с середины до конца 1915 года, когда по выздоровлении он был назначен в штаб сев.-зап. фронта, где его способностям исследователя и неутомимого работника суждено было найти себе исключительное применение.

Здесь, работая над воздушными снимками, Л. М. разработал и впервые систематизировал методы быстрого использования данных, добытых воздушной разведкой, и переноса их на карты. В боях у озер Нарочь и Вишневское русские войска атаковали точно им известные позиции. Л. М. является таким образом создателем русской аэрофотограмметрии, в чем он был энергично поддержан быстро оценившим это новшество полевым ген.-инспектором авиации вел. кн. Александром Михайловичем, который вытребовал Л. М. в свой штаб и способствовал быстрому созданию новой службы, составлению соответствующих наставлений и руководств и офицерских курсов под управлением Л. М.

После революции Л. М. на Дону, он уже полковник, и сразу назначается начальником инженерного управления Войска Донского и уходит в «Степной поход», а по возвращении занимает ряд инженерных и преподавательских должностей в Войске. Перенеся тиф, Л. М. в августе 1920 г. вновь нач-к военно-инж. упр-ния Войска Донского; он принимает и эвакуирует на Лемнос Донской Казачий технический полк, он же переводит полк полностью в Сербию в 1921 году. Устроив всех своих подчиненных, сам переходит на казенную, временами и на частную, службу по железнодорожной и строительной деятельности. Он член О-ва ревнителей военных знаний, Русского Научно-

го Института, а на Высших Военно-Научных курсах возглавляет военно-инженерную кафедру. Его диссертация «Основания подготовки государства в инженерном отношении» дает ему русскую академическую профессорскую степень.

Но вот вновь разражается военная гроза, и Л. М. в Русском корпусе корпусным инженером. По окончании войны Л. М. в 1949 г. в США и деятельно организует редеющие ряды русских военных, следующих зову военно-научной мысли, преподает в университете Фордэм, занимается организационным и литературным трудом, держит связь со всем военно-научным миром. Последние годы деятельность его принимает преимущественно военно-исторический характер. Время свое он делит между хутором в штате Мэйн и новым центром русской эмиграции — Нью Йорком. Подготовка к ознаменованию 150-летия Отечественной войны прерывается заболеванием, выздоравливанием и неожиданной кончиной в возрасте 78 лет, посвященных России, ее армии, казачеству и семье.

США.

В. Сиволобов

ПАМЯТИ СТАНИЧНИКА И ДРУГА К. П. ПИСКУНОВА

13 июня 1961 г. после непродолжительной и тяжкой болезни скончался казак станицы Усть-Белокалитвенской, хутора Крутинского, Кузьма Павлов. Пискунов, 72 лет от роду, и похоронен на кладбище г. Дранси под Парижем в одной могиле со своим станичником, тоже старообрядцем Т. С. Александровым, умершим 5 марта 1949 г. Оба они были доблестные воины, делившие вместе и горе и радость, как родные братья.

Родившийся в патриархальной старообрядческой семье К. П. с детства усвоил свойства примерного казака. Действительную службу он отбывал в Петербурге в 6-ой Гв. Его Величества батарее, где выделился своей удалью. В течении 3-ех лет и 3-ех месяцев он получил в корпусных состязаниях за рубку и лихую джигитовку 7 первых призов золотых часов, полученных им из рук командира батареи Вел. Кн. Андрея Владимировича. Одни из них он сохранил до самой смерти. По окончании действительной службы он остался на сверхсрочной, чтобы, как говорил командир батареи, не дать возможности кавалергардам получать на состязаниях первые призы.

Вспыхнула война 1914 г. Всю войну проделал К. П. штаб-трубачем 6-ой батареи, а после развала фронта, как и все казаки, вернулся на Дон. Но недолго пришлось отдыхать. В апреле 1918 г. в Белой Калитве началось восстание против нахлынувших туда красноармейцев. Храбрый и энергичный К. П. вскоре был произведен в офицерский чин и получил в командование сотню. Несколько раз был ранен, безропотно перенося страдания. Несколько суровый на вид, он обладал мягким сердцем и доброй душой, но с сильным настойчивым характером. В боях всегда впереди, что не мешало ему очень заботиться о своей сотне. Был всегда весел и бодр, любил петь тенором наши песни.

В эмиграции, сначала в Турции, потом во Франции подвизался в группах джигитов полк. Гамалия и ген. Шкуро. Под старость работал на фабрике. В 1929 г. умерла его жена, всегда бывшая с ним, спутница с Дона, и он остался с двумя малыми дочерьми, которых вырастил и воспитал, работая не покладывая рук до самой смерти. Купил домик с кусочком земли, на котором мечтал построить молитвенный домик, как непоколебимый старообрядец и уже приступил к заготовке строительного материала, но мечта осталась не осуществленной. К. П. отошел в лучший мир.

Проводить его до места упокоения собралась Белая Калитва Парижа и его окрестностей и знавшие его знакомые казаки, пожелавшие ему Царства Небесного и вечного покоя.

Да будет ему легка приютившая его французская земля.

Дранси (Франция).

М. А. Калабухов

УШЕДШИЕ

ПАМЯТИ ГЕН. Т. В. МИХАЙЛОВА

«Як помру я» —
Тарас Шевченко.

Не со сложенными на груди, а с распростертыми руками, готовыми обнять весь мир, похороните вы меня. И не в гробу, не в тесной домовине, не в яме, вырытой среди чужих могил, а где-нибудь в степи поближе к Дону, к моей станице, к старому Черкасску, на уцелевшей целине, меня в походной форме положите родного Атаманского полка. Кушак на мне потуже затяните, чтоб грудь поднялась, будто бы для вздоха о том, что все на свете хорошо... И сыпьте землю, не жалея: земля к земле и к праху прах! Мне положите в головах все то, что я писал когда-то, — чем жил во сне и грезил на яву.. И крест из камня дикого поставьте, курганчик новый крепко утоптав, чтоб Дон, разлившись полою водою, его не смыл, а только напоил.

И по весне на нем веселым цветом начнет цвести лазоревый цветок, приляжет отдохнуть, уставший от скитаний, бездомный чебрецовый ветерок.

Н. Туроверов

† 5 февр. в Вепесе (Югославия) скончался войск. стр. Л. Н. Игнатеако ст. Нижне-Стеблевской Куб. Войска, род. в 1873 г.

† 11 февр. в Нью-Йорке скончался ес. Ф. Ф. Пахомов Куб. В. ст-цы Петропавловской.

† 5 февр. в Сиракузах (США) скончался после тяжкой болезни И. А. Шурупов ст-цы Усть-Медведицкой Дон. В.

† 2 февр. в Нью-Йорке скончался В. Д. Мироненков ст. Луганской ВВД.

† 20 февр. в г. Ред Бэнке (США) после тяжкой болезни скончался хор. Я. С. Васько, ст. Кисляковской Куб. В.

† 5 февр. во Флошинге (США) скончался военный инженер, летчик, проф. полк. Л. М. Михеев.

† 16 марта в Бельфоре (Франция) скончался инженер-химик А. П. Почекаев ст. Старочеркасской В.В.Д. 57 лет, участник Степного похода и семилетовец. Похоронен на гор. кладбище Бельвю.

† В доме для престарелых в г. Грассе (Франция) скончались 13 янв. сот. Л. Г. Фурсов, Новочеркасской ст-цы В.В.Д. и 24 марта Г. Р. Калюжный Терновской ст-цы Куб. Войска.

† 17 марта в г. Кливеланде (США) скончался полк. А. С. Тырин ст. Бейсугской Куб. В.

† 29 марта в г. Клягенфурте (Австрия) умер от сердечной астмы член Обще-Каз. Кассы Взаимопомощи кабардинец Н. Н. Махов.

† 2 апр. в старческом доме в Левалюа (под Парижем) скончался полк. Н. Н. Попов, В.В.Д.

7 апр. в старческом доме г. Дармштадта (Германия) тихо скончался на 90 г. жизни куб. казак А. Е. Пивень.

† 17 апр. скоропостижно скончался инженер-геолог Г. П. Шелякин, ст. Новочеркасской В.В.Д. Похоронен на кладбище Бюси ан От (департ. Ион, Франция).

«Спи спокойно, дорогой брат и друг, память о тебе сохраним в своих сердцах».

† 24 апр. в г. Лидс (Англия) скончался подхор. Куб. В. — И. Щепин.

† 30 апр. в Англии скончался после продолжительной и тяжкой болезни ес. Л. Гв. Казачьего Е. В. полка — Н. Д. Ляхов.

† 27 апр. после продолжительной болезни в госпитале г. Труа (Франция) скончался сотник В.В.Д. ст-цы Нагавской И. К. Гаврилов на 76 г. жизни, участник 1-ой Мировой и гражданской войны. Похоронен на местном кладбище. Гроб покойного был покрыт родным ему донским флагом, сделанным специально для этой цели казаками г. Труа. Над могилой в. ст. Тормасин произнес прочувствованное слово.

† 5 мая после тяжкой болезни в Париже скончался генерал от кавалерии П. Н. Шатилов. Похороны состоялись 9 мая на русском кладбище в С. Женевьев-дэ-Буа.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 марта по 1 мая 1962 г.)

Фонд Издательства: г-жа Морозова — 1 долл., Н. Воробьев — 2 долл., проф. Чеботарев — 6 долл., от преставительства отдела Партизан Чернецовцев-Семилетовцев на Сев. Америку через В. М. Петруся и от Г. В. Губарева — по 5 долл., через А. Г. Павлова от его семьи — 15 долл. и от П. П. Заворотнова — 5 долл., С. А. Жарова — 25 долл., С. Кулягин — 20 н. фр., г-жа Попандопуло и полк. Левитов по 5 н. фр., Резанцев — 4 н. фр., г-жа Гордеева, Астахов, Скандилов по 2 н. фр.

Через Б. Н. Уланова: Гаркуша — 6 долл.

Для передачи Дам. Комитету Каз. Союза: Процыков — 20 н. фр., г-жа Гордеева — 15 н. фр., г-жа Кулягина — 10 н. фр., Б. П. Попов — 32 н. фр., К. Поляков — 5 н. фр., Рудаков — 100 бельг. фр., Сестричество при кафедр. Соборе Св. Александра Невского — 15 нов. фр.

На увековечение памяти ген. П. Х. Попова: Процыков — 10 н. фр., ес. В. В..Д. А. И Третьяков — 5 долл.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Комит. Каз. Союза просит всех жертвователей принять искреннюю глубокую благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff C.C.P.P. 15.233.79, Nointel par Presles, (S. et O.), France.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Mr. Bogaevsky, 52, av. Flachat, Asnieres (Seine).

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжател» Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н. фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3,50 н. фр.).

В США книги можно выписывать через Б. Н. Уланова — Mr. Oulanoff. 601 W. 160 St. Apt. 4c. New-York 32. N.Y., U.S.A.

В Аргентине — через С. Донскова: S. Donskov. H. Yrigoyen 878. D-to «D», Vincente Lopez. F.N.G.B.M. Buenos-Aires, Argentina.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

● С середины апреля в Швеции выступает группа казаков-джигитов из Франции и Бельгии под руководством ес. Юркова и Тевяшова.

● В марте, апреле и мае Донской Центральной Станицей им. ген. Краснова (атаман — ес. А. И. Тульцев) в Нью-Йорке в Русском Клубе был устроен ряд докладов: инж. П. Н. Юхневича — «Строительство и индустриализация казачьих краев при сов. власти», А. Ф. Краморовского — «Мои необычные встречи в Израиле» Б. Н. Уланова — «Краткая история калмыцкого народа», В. М. Петруся — «Положение церкви в Сов. России и духовная жизнь русского народа», а 6-го мая был устроен день памяти ген. П. Н. Краснова.

● В десятую годовщину своего прибытия в С. Штаты 70 калмыцких делегатов из Нью-Джерзи и Пэннсилвэйнии, посетили Государственный Департамент, где их принял глава Дальневосточного отдела, Эврелл Хэрримэн. Глава делегации Наминов вручил Хэрримэну медную доску — благодарность калмыков С. Штатов американскому народу и президенту за предоставленную им свободу. Одновременно делегаты просили передать президенту Кеннеди традиционный буддийский пояс.

В письме на имя Д. Наминова президент Кеннеди выразил бвлагодарность всем калмыкам за добрые чувства и подношения.

В С. Штатах, главным образом в районе Фривуд Эйкрс, Н. Дж., и Филадельфии живут до 1.000 калмыков. Большинство из них получили уже американское гражданство.

● Новинки книж. рынка: «Кубанский Истор. и литератур. сборник» № 13, издаваемый в США ген. Науменко, «Казачий литер. сборник» № 2 под редакцией П. Ф. Крюкова, выходящий в Париже, брошюра № 5 «С хоперцами от Воронежа и до Кубани 1919-20 г.» полк. Елисеева. Вместе с 4-мя ранее выпущенными они составляют законченный труд. Стоимость каждого выпуска — 1 долл. Выписывать у издателя: Elyseev. 502 W. 177 Str. Apt. 10. New-York 33, N.Y., U.S.A.

● Ред. «Род. Края» получена иллюстрированная брошюра на английском языке о «Порабощенных нациях», передающая содержание доклада, сделанного в г. Пристоне (США) проф. инж. строительства Пристонского Университета, док. Брюссельского У-та Г. П. Чеботаревым, в прошлом хорунжего В.В.Д.

В ней сперва дан краткий очерк истории России, в частности казачества, как оплота расширявшихся российских границ, симво-

лом чего приведена фотография статуи Ермака с обложки «Род. Края».

Далее автор указывает, что слово «Казакия» не было известно на Дону и что оно появилось между 1-й и 2-й Мировыми войнами в Центральной Европе, а конституция «Казакии» была впервые напечатана там в 1932 г. при содействии профессора Украинского университета в Праге некоего Айхельмана.

Брошюра объясняет причины, по которым украинцы в США, в громадном своем большинстве католики-галичане, не имеют никакого права говорить от имени российских украинцев. Одна из главных причин, — это непростительные условия Ялтинского договора, согласно которым западные союзники насильно вернули в Советский Союз всех живших там до 1939 г. Спаслись те, кто дал ложные показания, что жил в Польской Украине, тем самым став объектом шантажа хорошо организованных галичан-католиков. Пан Добрянский, написавший пресловутый закон США «86-90» о «Порабощенных Нациях», с «Казакией», «Идель-Уралом» и прочими выдумками, вышел из числа последних. Общие линии этого закона соответствую Гитлеровским планам расчленения России.

Брошюра обращается ко всем католикам с призывом обуздать свои крайние воинствующие элементы и содействовать отмене закона «86-90» в его нынешней форме, направленной прежде всего против русского народа и тем самым укрепляющей власть коммунистов над ним. Иначе 3-я мировая война и атомная гибель обеих сторон в конце концов станет неизбежной.

В американской прессе почти ничего не пишется о пресловутом законе «86-90». Внимание автора было привлечено к этому закону речью Н. С. Хрущева об «Идель-Урале» которую проф. Чеботарев прочел в 1959 г. в Москве во время его пребывания в Советском Союзе в составе официальной делегации инженеров-фундаментостроителей, назначенной Национальной Академией Наук США в Вашингтоне.

● В апреле с. г., в Нью-Йорке в Кубанском Доме состоялся 10-ый по счету Войсковой Собор Кубанского Войска, на котором были сделаны доклады Войск. Атаманом в. ст. Ткачевым, председателем Войскового Совета М. Куликом, предс. комиссии хранения регалий и суда чести ген. Лебедевым, предс. Войск. Ревизион. Коммиссии В. И. Бублик и казначеем Дамского благотв. Комитета В. Бандурко.

● 10 марта в Нью-Йорке состоялся Кубанский Войск. бал, прошедший с большим успехом.

● РОЗЫСКИ. — Ульянова Семена Николаевича из Усть-Медведицкой станицы разыскивает сестра, Юдова Димитрия розыскивают его две дочери из Усть-Медвед. ст., и сын с хут. Затонского. Писать: Froloff — 27, av. Felix Faure. Paris (15). France.

НЕЗАБЫТЫЕ МОГИЛЫ

Десять лет тому назад 22 июня 1952 г. в г. Ульме (Германия) скончался Терского Каз. Войска ген. лейт. Лазарь Федорович Бичерахов.

После окончания Алексеевского Воен. У-ща он вышел в 1-ый Горско-Мусульманский полк, а в начале 1-ой Мировой войны в чине подъесаула командовал сотней во 2-ом Горско-Моздокском полку, а вскоре был назначен начальником партизанского отряда в Персию, где и пробыл до конца войны, удержав свой отряд от распыления во время революции. Затем прибыв в Баку, он защищал город от турок.

После восстания терских казаков в 1918 г. против большевиков, поднятого его братом военным летчиком Георгием Бичераховым, он всячески помогал восставшим боеприпасами, снабжением и деньгами.

Заграницей долгое время ген. Л. Ф. Бичерахов возглавлял Северо-Осетинское Национальн. движение, выявив себя верным сыном Российской державы и преданным своему народу руководителем.

Покойный имел все российские ордена до Св. Георгия 4-й и 3-ей ст. и два английских ордена.

(Париж).

М. И. К.

P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris-6e

Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ф. Головко — «Казакам нужен мир».
Н. Евсеев — «Казачкам».
Б. Богаевский — «Характер отношений Москвы и Дона в 17-ом в.».
Н. Н. Воробьев — «Ответ на письмо».
А. И Скрылов — «Легендарный казак».
Ф. И. Елисеев — «С хоперцами от Воронежа и до Кубани в 1919 - 20 гг.»
Г. Гордеев — «Хуторок на Медведице».
П. А. Соколова — «Библиографические заметки».
П. М. Аврамов — «Маневры».
Проф. Н. Нижальский — «Открытое письмо герц. Хемильтону канцлеру Шотландского Университета».
П. Рукавичкин, Г. А Улитин, Г. М. Туркин: «Годовщина Лиенцевской трагедии».
Б. Уланов — «Калмыцкий Праздник в США».
«Новый офицер». Письмо в редакцию.
Каз. Союз в Германии — «К сведению казачьей общественности».
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежом.
Денежные поступления в ред. «Род. Края».
От редакц. коллегии «Род. Края».

КАЗАЧИЙ ДОМ

Наша мечта близка к осуществлению: мы накануне получения необходимых для этого сумм, если сами казаки не погубят этого большого дела. От нас требуют представления дополнительных сведений о всех записавшихся, доставить их необходимо срочно, а между тем очень многие старики не отзываются на наше обращение к ним.

Многие, переменив адрес, не сообщили о перемене. Настоятельная просьба отозваться. Если некоторые устроились иначе, они могут быть потом заменены другими, но сведения **о себе должны прислать.**

Просьба ко всем казачьим организациям в интересах общего дела оказать необходимое содействие.

ДОНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Многие казаки второй эмиграции обращаются к нам с просьбой разъяснить что такое «Донткая Летопись» когда и кем она издана. В следующем номере «Род. Края» мы дадим полные сведения пока же, в виду недостатка места в этом номере, сообщаем, что «Д. Л.» издана Дон. Историч. Комиссей, созданной Донским Атаманом А. П. Богаевским и правительством заграницей в 1923 году с целью собрать и издать матерьялы, относящиеся к новейшей истории Дона, полагая, что на живых участниках всего пережитого Доном, лежит нравственный долг сохранить этот материал. Д. И. Комиссия издала три тома «Летописи» в честь высоких идеалов, за осуществление которых Донцы боролись и в память тех героев, которые пали сраженными в этой борьбе. Опубликованием существенных подлинных документов той эпохи «Дон. Летопись» оберегает наше светлое прошлое от искажений и извращений.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

PAYS NATAL Juillet - Août 1962

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, Г. С. Новиков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 41. Июль-Август 1962 — 3 N.F.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

КАЗАКАМ НУЖЕН М И Р!

С тех пор, как история из «повести» выросла в науку, когда она рассказывает нам не только о фактах, событиях и лицах прошлого, но и устанавливает и причинную связь между ними, такая история является ценным практическим руководством для каждого человека и, в первую очередь, для претендующих на вождение масс. Много мудрых указаний и предостережений заключается в научной истории и не ее вина, что «слепые» их не видят, а «глухие« не слышат.

Одним из таких предостережений является следующий общий вывод: всякое общество, раздираемое внутренними противоречаями, раздорами, борьбой за власть политических партий и отдельных персонажей, легко делается жертвой или иноземной силы, или порабощается внутренней диктатурой победившей партии. Самый процесс борьбы пришедших во взаимное столкновение различных социальных слоев населения подвергает государство величайшим потрясениям, выливается зачастую в междоусобную войну «всех против всех» и в ней гибнут не только человеческие жизни, но и духовные и материальные ценности государства.

Я не буду подтверждать этот вывод подробным рассматриванием характерных событий из нашей отечественной истории, ограничусь лишь их последствиями.

Княжеские «которы» (раздоры) в 11-13 веках привели к татарскому игу и Русские земли, лишившись своей независимости, 240 лет (1240-1480) платили дань татарам. Разрозненные восстания жестоко подавлялись, города и села сжигались и население подвергалось тяжелым карам. Лишь тогда, когда национальное сознание объединило князей и установило между ними внутренний мир, татарам в Куликовской битве (1380) нанесено было жестокое поражение, а в 1480 г. при великом князе Иване III Русь окончательно сбросила монгольское ярмо. Возьмем другой пример: Смутное время Московского Государства (1593-1613). Династическая борьба за престол и за власть, начатая московским боярством, вылилась во всеобщую смуту всех сословий, классов, в том числе и казаков. Она привела к полному крушению государственного порядка, к страшной деморализации, к диким и бессмысленным зверствам и насилиям над мирным населением. Она же приоткрыла двери для польской и шведской оккупациям. Вот что пишут современники об этой страшной эпохе (Обзор русской истории, С. Г. Пушкарев): ...«всяко неутвержение ни в чем, в делах же и в словесех несостоятельны, по своему вертяхуся, яко коло« — «Все убо первые крепости (государственные мужи) осхудехом в конец: старшии в нас былша младоумни и вместо розума токмо седину едину имуще»... «шайки «воровских людей» рыскали по всей земле и мучили и убивали людей «всякого чина и возраста»; малых детей, отняв у родителей, поджаривали на огне или разбивали о камни»... Имущество мирного населения подвергалось не только разграблению, но и уничтожению: «Идеже не пожгут домов, или не мощно взяти множества ради домовых потреб, то все колюще мелко и в воду мещуще»... «Бисть бо тогда разорение Божиим церквам от самих правоверных... И тогда убо во святых Божиих церквах кони затворяху и псов во олтарех церковных питаху. Освященныя же ризы... на потребу свою раздираху«... В этой междуусобной войне «всех против всех», выявляется и классовый элемент: ...«развращение бысть велие во Пскове, большие (богатые) на меньших (бедных), меньшие на больших, и тако бысть к погибели всем»... и опять же, как и в первом примере, смута была преодолена национальной идеей, которая объединила все слои населения и на службу которой поставили себя ка-

заки. Казачество, главным образом донское, сыграло решающую роль в восстановлении государственного порядка. Здесь уместно будет отметить, что казачество нашло «общий язык» не с боярами (первое ополчение Ляпунова), а с «земской русью» (второе ополчение Минина-Пожарского) и не дало увлечь себя идеей самостоятельного казачьего государства (Атаман Заруцкий).

Стоит ли приводить пример последней «Русской Смуты» (1917-1920), которая у всех на памяти и перед глазами? Ее предпосылки и причины достаточно освещены в научной литературе, — последствия на лицо: России, как национального государства, не существует, казачество, как исторически сложившаяся община, упразднено, но сама идея не убита — она придавлена лишь пятой коммунизма и ждет своего исторического часа для **возрождения.**

Но какое отношение все это имеет к заглавию статьи: «Казакам нужен мир»?..

А вот какое: **зарубежное казачество, в настоящем, переживает тяжелый политическо-моральный кризис.**

В поисках путей и средств к освобождению нашей Родины и казачьих краев от тоталитарной коммунистической диктатуры, казачество идеологически и политически разбилось на ряд группировок, которые ведут между собою т. н. «холодную войну». Эта война заключает в себе многие элементы, послужившие причинами прошлых междоусобиц. В ней затрагивается династический вопрос, образ правления и политического устройства будущей России, устройство Казачьих краев, вплоть до отделения от Российского государства, как политического целого и т. д. К этому нужно добавить борьбу за «власть», за представительство перед иностранными державами, борьбу на почве личных самолюбий, честолюбий и сведения личных счетов за прошлое.

Такое состояние умов и взаимоотношений в Зарубежном казачестве грозит нам всем чреватыми последствиями: потерей казачьего единства, удельного веса в глазах свободных народов, приютивших нас, а главное: в глазах тех внутренних национальных сил, которые начинают собираться и организовываться внутри Родины.

Моральная сторона кризиса заключается в том, что некоторые казачьи группы, путем печати, ведут политическую борьбу, не брезгуя никакими средствами. Свои личные убеждения и свою политическую концепцию они доказывают не объективным научным путем, а путем опорочивания своего противника. (Школа Макиавелли, полностью усвоенная коммунизмом). Ложь, клевета, ненависть и злоба, посягательство на личную честь и достоинство человека сделались как бы узаконенным оружием борьбы. Глубочайшее заблуждение думать, что в политической борьбе все средства хороши, лишь бы была достигнута цель. Цель может быть достигнута, но в такой борьбе сами «победители» разлагаются, разлагают других, цель опорочивается и в конечном итоге свобода и право попирается насилием и произволом кучки олигархов. Пример — наша Родина.

Логично, вполне оправдано, что казачество, после военного поражения, ищет новые пути к продолжению освободительной борьбы — это свидетельствует о его активности, непримиримости к коммунизму, о непоколебимом духе и неослабевающей воле — победить или умереть. **Но было бы величайшим историческим преступлением, если бы мы в поисках этих путей утеряли свое единство и в политических страстях похоронили и самое доброе имя Казака.**

Вот почему, для преодоления политико-морального кризиса в зарубежном казачестве нам необходим мир. **Тот, кто скажет, что установить его невозможно, тем самим подписывает смертный приговор Казачеству.**

Уже давно на страницах казачьей печати раздаются отдельные голоса, к которым я присоединяю и свой, о том, что настало время и потребность прекратить казачью междоусобицу, раздоры и склоку и образовать Единый фронт против нашего общего врага — коммунизма, который стучится в двери свободного мира.

Что значат все наши идеологические расхождения и «провинциальная политика» в сравнении с тем мировым вопросом, который поставлен нашей эпохой на очередь дня: **или свобода на базе христианского учения, или царство зверя на базе диамата** (диалектический материализм — учение, в основе которого первопричиной всего мироздания является материя, а человек лишь производное от материи).

Этот вопрос поставлен не в форме теоретического обсуждения, а в плане кровавой коммунистической агрессии, для порабощения всего мира. Вот почему Свободный мир ищет пути для политического, экономического и социального объединения своих духовных и материальных сил. Последуем и мы казаки этому примеру и прежде всего установим мир в своей семье. Конкретно он выразился бы в следующем:

1. Прекратить в печати споры по вопросам:

1) династическому, 2) образа правления и будущем устройстве Российского государства.

II. Прекратить злостную полемику на личной почве, сведение личных счетов за прошлое, безответственную агитацию и натравливание друг на друга. Возродим в жизнь старый казачий завет: **Казак казаку испоконвеков брат.**

III. Ответственным редакторам казачьей печати закрыть двери для пасквильной и заборной «литературы«. Не стоять лишь на формальной точке зрения по сохранению свободы слова, а охранять и самую свободу, дабы она не превратилась в «уличную девку«. Печать призвана не только отражать действительность, но и воспитывать общество.

IV. При существующем положении, желаемый мир не может быть восстановлен «сверху» — мы не имеем на то общепризнанного авторитета (авторитетов), но он может быть установлен внутренними силами казачьей общественности. Станицы, хутора, казачьи объединения входят между собою в связь, поддерживают добрососедские отношения, где возможно, отмечают совместно знаменательные события и даты из казачьей жизни. Такое общение есть начало мира между враждующими. Оно послужит фундаментом для выработки конструктивной общеказачьей программы, применительно к мировой обстановке и внутриполитическому состоянию в Советском Союзе.

V. Создав «благоприятный климат», нетрудно будет собраться в обще-казачьий Круг-Раду и выработать «генеральную линию» нашего «поведения» и положить конец зарубежной смуте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Много возможностей упустило казачество в прошлом, чтобы предупредить последнюю Русскую Смуту. Но даже после большевистского переворота оно, если бы было единомышленно, могло бы церемониальным маршем пройти Россию и копытами своих конных полков раздавить коммунистического змееныша в его гнезде.

Затуманился казачий разум, помутилось сознание... спохватились, пришли в себя... победа была близка, но, не найдя общего языка с «боярами», допустили у себя смуту и битву проиграли. Осталась последняя возможность: найти общий язык с порабощенным русским народом и общими силами сбросить коммунистическое иго. **Для выигрыша последнего сражения Казакам нужен Мир!**

Париж.

Ф. Головко.
Казак ст. Роговской.

КАЗАЧКАМ.

Дамскому Комитету Казачьего Союза.

«Каза́чка, каза́чка» — желанное слово,
В нем музыка, радость, волненье и свет.
Пусть доля казачья бывает суровой,
Но слава не меркнет в мелькании лет.
Великая слава сияла в Азове,
Где жены каза́чки дрались на стенах.
Любимые лица лишь были суровей,
В крови и огне незаметным был страх.
Тяжелые годы войны и лишений
Каза́чки несли на усталых плечах.
Их мысли летели стадами оленей
О них, ненаглядных своих казаках.
Сквозь черные дымы станиц разоренных
Походным порядком с мужьями ушли.
В сердцах, с малолетства любовью зажженных,
Святую любовь, как алмаз, пронесли.
Они в зарубежье все те же и те же.
Наследье далеких пробабкиных лет
Их души ласкает, волнует и нежит,
Дает им в сомненьях достойный ответ.
Спасибо Вам, Нины, Евгении, Веры,
Храните с молитвой отеческий дом.
Спасибо за все и за то, дорогие,
Что муж остается на век казаком.

Париж.

Н. Евсеев.

ХАРАКТЕР ОТНОШЕНИЙ МОСКВЫ И ДОНА В 17-ОМ ВЕКЕ.

Несмотря на внешнюю независимость Донского войска в 17 в., между ним и Московским государством существовала какая-то внутреняя связь, характер которой историками определяется по разному.

Сватиков («Россия и Дон») делит историю Дона на следующие периоды:

1. До 1614 г. — период независимости и случайных союзных отношений.

2. С 1614 г. до 1671 г. — период вассалитета, характеризуемый регулярными сношениями. Донское Войско оказывает Москве военную помощь, а за это получает постоянную субсидию.

3. С 1671 г. (после присяги после Разиновского движения) до 1721 г. — период государственной автономии. Войско, сохранив свое внутреннее устройство, входит составной частью в Московское государство.

Робинсон («Воинские повести древней Руси», Москва — 1949) пишет: «Донское Войско представляло собой вассальную, по отношению к Моск. государству, но самоуправляющуюся во внутренних делах, примитивно демократическую военную общину».

Однако, определение Сватиковым 2-го периода и вывод представителя сов. исторической науки не совсем соответствуют классическому определению вассалитета — одна сторона оказывает помощь и защиту другой, которая за это отказывается от самостоятельной внешней политики, ограничивая свою независимость, дабы не вовлечь сюзерена в вооруженный конфликт с соседями. Иногда вассал платит дань сюзерену за защиту, причем его власть утверждается последним.

В те времена Донское Войско вело вполне самостоятельную внешнюю политику и если моск. правительство давало указания в этом направлении, то Войско их выполняло лишь тогда, когда это соответствовало его интересам. А иногда действия казаков просто противоречили московским планам. Так их боевая деятельность на Азовском и Черном морях, войны с Азовом, нападения на ногайцев и Крым продолжались в течении 150 лет, несмотря на запретительные грамоты моск. царей, периодически посылаемые на Дон, на предпринимаемые иногда репрессивные меры экономического воздействия (закрытие границ, прекращение присылки «жалованья», ссылки «зимовых станию»). Власть на Дону до Петра 1-го была своя, выборная, не нуждавшаяся в утверждении моск. властей.

Что касается вооруженной помощи и защиты, то это Дон. Войско посылало военные отряды в моск. армию. Лишь с середины 17-го в. Москва помогает людьми обезсилившему после Азовской эпопеи Дону, присылкой 4000 «вольных людей», (не выдержавших тяжелых условий жизни на Дону и через год разбежавшихся), затем в 1646 г. отряда кн. Пожарского, пробывшего на Дону один год, в 1648 г. — майора Лазарева с тысячью ратников (которые так же разбежались) и в 1660 г. — отряда воеводы Хитрово.

Если же рассматривать отношения Москвы с Доном несколько иначе, а именно, что вассал (Дон) посылал сюзерену (Москве) вооруженные отряды, а за это получал вознаграждение («жалованье»), что иногда приводится, как доказательство вассальной зависимости Дона от Москвы, то участие каз. отрядов в войнах Моск. государства было добровольным и на известных условиях, а «жалование» было платой за службу, как бы выполнением одной из сторон условий договора. При нарушении условий моск. властями, казаки считали договор расторгнутым и уходили из моск. рати. Так, в 1632 г. из за недоставки корма для лошадей, что было обязанностью моск. интенданства, и за принуждение нести «окопную службу», в то время, как казаки были конницей и должны были «воевать« таковой же, большое количество донцов с атаманом Балашом и Пирогом уходят из моск. армии.

Вообще, участие наемных отрядов в сотаве армии других государств не является признаком вассалитета или подданства. Запорожцы, приимавшие участие в крымских междуусобицах в 1624-29 гг., или бывшие во французской армии принца Конде, осаждавшей в 40-ых г. 17 столетия Дюнкерх, не были ни крымскими, ни французскими вассалами. Присутствие отрядов дон. казаков в московской рати объясняется не зависимостью, а тем, что война давала казакам главные средства существования: жалованье и добычу и, иначе говоря, объяснялось экономическими интересами.

Тем не менее несмотря на уход отдельных казачьих отрядов в моск. армию, в Войске всегда оставалось достаточное количество казаков и казачьи республики не прекращали ни своего государственного бытия, ни своих самостоятельных боевых действий на юге, часто не соответствовавших моск. внешней политике.

Сама ничтожная величина получаемой До-

ном из Москвы субсидии показывает, что ее нельзя рассматривать, как жалованье в теперешнем смысле, хватавшего на содержание всего Войска. К тому же в 16-ом в. оно посылалось каждый раз особо, за отдельные услуги, и лишь только после Смутного времени оно шло регулярно, кроме нескольких лет разрыва дипломатических сношений.

Денежные подарки делались и украинским гетманам и Запорожскому Войску, находившемуся тогда в польском подданстве (уже в 1576 г. московский царь послал в Запорожье «жалованье» для того, чтобы запорожцы совершили поход на крымские улусы). Платило московское правительство деньги и крымским ханам, что однако не обезпечивало Русь от татарских набегов. С 1613 г. по 1650 г. на «поминки» крымскому хану и его приближенным москов. казной расходовалось в среднем около 10 000 руб. в год — суммы громадной для того времени.

С внешней стороны может показаться, что донские казаки «служили» Москве не только во время войн Моск. государства, причем эта «служба» имела многогранный характер. Стряды их служат в «судовой рати» по охране волоцкого пути. Они осведомляют моск. власти о том, что происходит в Крыму, в Азове, в татарских кочевьях, Турции, помогают вести диплом. сношения с турками. Московское государство было отделено от соседних стран на юге большими пространствами, в которых могли безпрепятственно накапливаться кочевники для совершения своих набегов, казаки же, будучи в непосредственной близости, все время были с ними в непосредственном контакте.

Но фактически эта «служба» была проявлением самостоятельной боевой деятельности Дон. Войска и если она отвечала интересам Войска, то в то же время соответствовала и интересам Моск. Государства. В этом отношении они были общими, причем моск. правительство не несло за нее ответственности и за нее не отвечало. Тактическая и стратегическая разведка в магометанском мире и среди кочевников, предупреждение о готовящихся татарских набегах на моск. окраины и в глубь страны, при возможности — их отражение своими силами, нападения на улусы ушедших на Русь татар, чем иногда срывалось все их предприятие, освобождение русских полоняников путем нападения на возвращающихся с набега или на татарские кочевья или турецкие селения, — вся эта боевая деятельность Донского Войска отвечала интересам Моск. правительства, но велась она донскими казаками из своих собственных соображений.

Через земли дон. казаков шли дипломатические сношения через Азов Москвы с Турцией. Дон. казаки охраняли, сопровождали, передавали моск. и турецких послов в обе стороны. Однако, эта «служба» вовсе не была обязанностью Дон. Войска, ибо бывали случаи, когда казаки задерживали послов на Дону или, наоборот, не принимали их из Азова. По существу это были не «проводы» посла «от городка к городку», как писалось тогда в моск. бумагах, а пропуск через землю дон. казаков, и за это полагалась компенсация в виде того же жалованья.

Итак, в итоге, Донское Войско дани Москве (сюзерену) не платило, а за участие своих отрядов, за помощь, за «службу», получало определенную плату. Обычно, вассал получал от сюзерена «феод» за службу, но на Дон власть не назначалась и не утверждалась Москвой, и не от нее Войско получило свою территорию.

Другие историки определяют отношения Дон. Войска и Москвы, как протекторат (проф. Платонов), т. е. покровительство Москвы, после Смутного Времени, оказываемое самостоятельному Донскому государству.

Существует мнение, что эти отношения имели характер союза. Но в 17-ом столетии их связь была более тесной, чем союзные отношения.

Некоторые историки рассматривают казачьи республики, как продукт московской народной колонизации, отличной от государственной своим общественным строем. Москва была метрополией, а Каз. Войска — колониями. Если действительно люди москов. государства в больших количествах уходили на Дон от социальных и религиозных притеснений и произвола, от рабства, то отношение моск. властей к Донскому Войску были иными, чем отношение метрополии к подвластной ей колонии, и организация ее, ее структура, ее самостоятельность во многих отношениях (своя власть, своя внешняя политика и др. признаки, указанные в очерке «Об отношениях Дон. Войска и Моск. государства в 17 в.» в № 38 «Род. Края»), показывают, что Дон. Войско не является колонией Моск. царства.

Исторические условия существования вольного казачества, ограничивающие развитие каз. республик в экономическом отношении (состояние перманентной войны не позволяло заниматься мирными промыслами в достаточно широких масштабах), не позволило зачаткам государственности принять

полноценные формы, поэтому независимый период существования каз. демократий был кратковременный. Недостаточное развитие мирного труда и торговли было уязвимым местом Донского Войска и ставило его в некоторую экономическую зависимость от соседнего Москов. государства и позволяло последнему в нужные моменты оказывать некоторое давление путем экономической блокады и закрытием границ. Невозможность производить меновую торговлю в пограничных городах московской украйны, тяжело отражалось на положении казаков, лишавшихся возможности получить за свою военную добычу не только боевые припасы, необходимые для ведения войны (порох, свинец), но и продукты земледелия (муку, зерно, крупы), которых у них не было.

Эта связь, при внешне совершенно независимых отношениях, имела и внутренний характер. Общность языка и веры, общие враги, идеологическая подкладка борьбы с ними, родственные связи — все это имело следствием то, что вольное казачество, несмотря на свою самостоятельность, выполняло русские национальные задачи. Помимо непрекращающейся борьбы с исконными недругами земли русской — турками и татарами — и участия каз. отрядов во всех войнах Москов. государства — донские казаки принимали участие и во всех внутренних исторических событиях. Если казаки дали Степана Разина и Пугачева, деятельность которых глубоко потрясла всю Россию, хотя по существу, особенно в конце, это были восстания русского пролетариата против существовавших тогда строя и порядка, то они дали и Ермака, покорившего Сибирское царство, и сибирское казачество, покорившее с ничтожными силами всю Сибирь, через 60 лет вышедшее на берега Тихого океана, пройдя громадное пространство в ничтожный срок.

Если в Смутное Время оно вначале поддерживает самозванцев, то в конце его оно дает победу ополчению кн. Пожарского, а голос донского Атамана Межакова сыграл решающую роль в выборах царя Михаила Федоровича и в прекращении Смуты.

Но особенно существенную роль сыграли казаки на юге. Постоянные действия против турок и их вассалов татар расшатывали турецкое государство и колебали могущество Турции, подрывая ее авторитет среди ногайцев, крымцев, кавказских народностей, препятствовали ее дальнейшему распространению на север и подготовляли выход Российского государства на южные моря. Этот процесс длился не один десяток лет и возник он еще задолго до того, как в московских документах стали появляться сведения о существовании Донского Войска. Это уже отметил даже Карл Маркс, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к казачеству и который в своей «Секретной дипломатии 15-го века» пишет: «...Золотая Орда была ослаблена как изнутри, благодаря свирепым междуусобицам, так и извне, благодаря разделу с ногайскими татарами, вторжению Тамерлана, усилению казачества и враждебности крымских татар».

Формы же турецкого наступления в 16-17 вв., особенно со стороны Черного моря и устьев Дона, в русской истории освещены недостаточно подробно и недостаточно изучены.

Для большинства русских историков это наступление имеет чисто местный характер и сводится к взаимной борьбе турок с донскими казаками, причем последние рассматриваются, как главные инициаторы и виновники этих столкновений. Некоторые видят в этой борьбе лишь проявление молодечества, удали донского казачества. Другие рассматривают дон. казаков, как своего рода пограничный заслон, но и для них казаки были главными виновниками постоянных столкновений с турками.

Фактически же большинство исторических документов того времени говорит, что в ту эпоху происходила длительная упорная борьба с турецко-татарскими нашествиями на русскую землю. Она далеко не исчерпывается тремя открытыми войнами (астраханский поход турок в 1569 г., борьба за Азов в 1637-42 гг., война за Правобережную Украину 1676-81 гг.) и систематическими набегами татар. Отражение турецкого наступления происходило не только в условиях настоящих войн, но и в виде «малой» борьбы, партизанского характера, в виде пограничных столкновений. Эта борьба являлась по существу продолжением традиционной борьбы против монгольского нашествия, против остатков татарских ханств, на которые открыто опирался турецкий султан.

Турецкое наступление на севере происходило по трем основным направлениям:

1. Через Молдавию и Валахию на украинские земли.
2. Через Крым, на центральные районы Москов. государства.
2. Через Крым, на центральные районы Дона — на Поволжье и юго-восточные земли Москов. царства. Здесь неизменно исходным пунктом был Азов. Отсюда становится по-

нятным большое стратегическое значение этой крепости.

В течении 16-го и особенно 17-го вв. Донское Войско являлось основным противником турок, действовавших в этом последнем направлении. Моск. войска выступали лишь с половины 17-го в. во время больших наступательных операций турок. Остальное же время вся тяжесть борьбы ложилась на донских казаков.

Вряд ли то, что происходило на южных окрайнах в 17-ом в., борьбу, которая велась с турками и Крымом, можно объяснить стремлением Российского Москов. государства достичь естественных морских рубежей — Азовского и Черного морей — в целях развития торговли, как это объясняется некоторыми русскими историками, так же, как и официальной турецкой историей («Тарих» изд. 1931 г. во франц. переводе). В то время интересы русской морской южной торговли были так ограничены, что не могли направлять политику государства.

В Москве долго не хотели признать факта постоянного турецкого наступления и, возможно, искренно верили, что турецкое правительство само желало избежать военных столкновений, виновниками которых и те и другие считали донских казаков. Но действительность показывала другое. Взять хотя бы Азовскую эпопею. Неужели для взятия Азова и уничтожения немногочисленного Донского Войска туркам нужно было мобилизовать громадную по тому времени 250 000 армию с большим количеством конницы, безполезной при осаде крепости? И. Ф. Быкадоров («Донское войско в борьбе за выход к морю«) высказывает предположение, что эти силы были мобилизованы не только для захвата Азова, но и для дальнейшего похода на Волгу, на Московское царство. Если это так, то захват Азова казаками в 1637 г., его героическая оборона шести с половиной тысячным гарнизоном, включая и 800 «жен казачьих», приобретает совершенно другое значение, чем самовольный акт донских казаков, захвативших Азов, чем эпизод пограничной борьбы. Это было столкновение могущественной Турции с небольшим Донским Войском, казачьей республикой, в котором Московское царство участия не принимало. Но героизма и доблести донских каазков оказалось достаточным, чтобы свести на нет все турецкое предприятие, угрожавшее всему существованию Московского царства.

Париж. **Б. Богаевский**

ОТВЕТ НА ПИСЬМО А.С.Ш.

Ты упрекал меня, мой добрый друг,
Что не одною мы бредем тропою,
Что я коня через бурьянный луг
Вожу на берег Дона к водопою.
Ты подал арфу мне, прося с тоской
Воспеть в стихах какую-то Цирцею,
Которую волшебною травой
Пришлось-де одурманить Одиссею.
Но и у нас когда-то Танаис
Дворцы античные ласкал волною,
И на вратах с тех пор у нас повис
Наш герб — елень, пронизанный стрелою.
Прошли века. Исчез античный миф...
И предок мой жестокий и суровый,
Звериной шкурою едва прикрытый скиф
Степную пыль взмел властною подковой.
Столбом взвилась она, и дерзко небеса
Лизнуло пламя сел сожженных,
А отблеском еще вчера глаза
Горели казаков в сраженьях конных.
Как видишь, друг, нам из степей донских
Тащиться на Парнасы — несподручно.
Все, все у нас отыщет звонкий стих,
А наши лютни, как и арфы, звучны.
Нет, не зови с собою, милый друг:
Парнас — высок. Я выберу пониже.
Здесь столько красоты вокруг,
И край родной мне радостней и ближе.
Я вечно буду петь с тоскою нежной
О днях былых станиц и хуторов,
О шелесте донской куги прибрежной,
О синих взлетах дедовских клинков.
Милей мне аромат седельной кожи,
Чем фимиама пряная волна,
И Настя босоногая дороже,
Чем девять муз с парнасского холма:
Что б я ни видел, где б ни колесил,
Живу ль в Америке или в Париже —
— Одно себе я твердо уяснил:
До Дона далеко, но он мне все же ближе.

Калифорния, США.

Н. Н. Воробьев

«ЛЕГЕНДАРНЫЙ КАЗАК»

(О побеге ген. Корнилова из плена)

О Корнилове писали газеты, журналы, статьи и книги, но о его побеге из плена в 1916 году очерки не так многочисленны. Образно выражаясь словами немецкого генерала фон-Арнима: «Эх, русские, и не умеете же вы ценить своих героев», сказанными им по поводу убитого на Кубани Корнилова, в некоторых книгах о нем написано непростительно поверхностно и небрежно «с потолка». Вот пример: «Энциклопедический Словарь» Ф. Павленкова» в своем (уже эмигрантском) добавлении, вышедшем в свет в 1956 г., в Нью-Йорке, оповещая читателя с точными подробностями, что касается имен, связанных с, недоброй памяти, Временным Правительством, о Корнилове, дает прямо т. наз. «развесистую клюкву», которая и послужила кое-кому из новых «писателей» руководящей информацией. Вот этот «шедевр»:

«Корнилов Лавр Георгиевич, генерал, род. 18 июля 1870 г., сконч. 13 апреля 1918 г., состоял военным агентом в Китае, занимался исследованиями в Азии, в 1915 г. командир бригады, в 1915-1916 гг. попал в плен к немцам и оттуда бежал, с марта 1917 г. революционным пр-вом назначен командующим войсками Петербургского округа, арестовал царскую семью, май 1917 г. командовал юго-западным фронтом, авг. 1917 г. — главнокомандующий всеми военными силами, 30 авг. выступил против вр. пр-ва (т. наз. **заговор** Корнилова), был арестован. После большевитского переворота был одним из руководителей борьбы с большевиками. 24 декабря в бою с большевиками под Харьковом был ранен».

Вот и вся «история», составленная, видимо, при помощи того корреспондента, который своей газете за-границу телеграфировал: «Вчера генерал Харьков занял гор. Курск».

Т. к. года «ранения под Харьковом» не указывается, а лишь 24 декабря, то нужно считать, что бой этот «был» в 1917 г., ибо генерал Корнилов был убит в марте 18 года, а, как известно, бои под Харьковом были лишь в 1919 году. Ну, да что такое для ловких рук издателя 2 года разницы? Непростительное невежество или лукавый умысел?

***

Только такой человек, как Корнилов, человек непреклонной воли и характера, мог совершить побег из плена — вписав одну из самых ярких страниц его феерической жизни. Мы знаем, как не легко бежать из плена простому солдату. Еще реже это удавалось и молодым офицерам. Но мы не знаем в истории войн побегов генералов. Но и какой генерал! Хотя и не очень старый, но едва оправившийся от своего последнего ранения в штыковом бою, с громким именем начальник грозной для противника дивизии, особо оберегаемый им, ибо побег его представляет большую опасность, как после увидим. Говорят, что «война родит героев». Но Корнилов был героем еще до войны. Результатом его неустанных трудов, начиная с раннего скромного детства, в школе и Академии — были не только похвальные дипломы, но и дела.

О самом побеге ген. Корнилова мы приведем здесь сведения из 4-х источников.

1) Книга В. Севского «Генерал Корнилов» — изд. 1919 г.

2) Статья, помещенная в журнале «Часовой» за 1932 г., под заглавием: «Человек, который спас Корнилова» — перевод с чешского: «Воспоминания Францишека Мрняка», напечатанная в чешской газете за 1928 год и подписанная «Пехотным офицером».

3) Сведения, данные в вышеупомянутой статье, вполне совпадают с имеющимися у Первопоходников достоверными материалами, как копии телеграмм и фотографии, собранные на местах пребывания генерала Корнилова в плену одним из участников 1-го Кубанского Похода — шт. капитаном А. И. Секирка-Байбусом, что и надлежит считать — 3-м источником.

4) Статья ген. штаба полк. В. М. Пронина — помещенная в «Военном Сборнике» Об-ва ревнителей военных знаний в 1921 г. в Белграде, составленная на основании лично им слышанного рассказа самого ген. Корнилова.

Разбирая источники, приходится сказать, что источник № 1, хотя и составлен на основании рассказов и показаний лиц, знавших ген. Корнилова, но в нем есть то, что невольно вызывает сомнения в достоверности рассказов «очевидцев».

Так напр., по В. Севскому — ген. Корнилов бежал по ж. д. на Вену. Но при этом он не говорит, откуда побег начался, ни о его времени. Путь его он определяет: 4 часа по жел. дор., а затем он шел 400 верст до Турн-Северина, куда, якобы, явился 22 авг. (4

сент. на установленный для бежавших из плена русских солдат — пункт.

По Севскому Корнилов шел пешком 48 дней, а всего, с читая и жел. дорогу — 50 дней, указав дату явки 22 авг. (4 сент. 1916 года). Если считать 50 дней от этой даты, мы придем к выводу, что Корнилов бежал уже 4 (17) июля.

Несомненные документы венгерских властей (приводимые ниже) доказывают, что побег его был обнаружен ими 30 июля (12 августа), что даст разницу с Севским в 26 дней. Кроме того, взглянув на карту — мы увидим, что если лазарет в городке Косег, из которого Корнилов бежал, лежит в западной части Венгрии у самой границы нынешней Австрии, а конец его бегства на юго-востоке государства. Спрашивается: для чего было ему бежать в совершенно противоположном направлении, т. е. удаляться от границ перехода к своим? Если предположить, что он этим желал бы «замести след», то ведь он понимал и то, что он удлиняет свой путь, а значит подвергает себя опасности быть обнаруженным.

И третье. В. СевскиЙ говорит, что в Турн-Северин Корнилов прибыл «в истрепанной форме» русского солдата, тогда как по всем другим источникам (да и у самого Севского в другом месте) говорится, что путь пешком до границ он совершил в штатском платье.

Перед изложением данных о побеге ген. Корнилова напомним, что в план попал он во время кровопролитнейших боев на Карпатах в районе известного «Дуклинского перевала», между гор. Дуклой и Змиградом у деревни Ивна (теперь это на северной границе Словакии в Галиции) в ночь 24 апр. (7 мая) 1915 рода, когда, командуя 48-й пех. дивизией, получившей крещение «Железной Корниловской», имея задачу прикрывать отход нашей армии под давлением превосходных сил противника. Пленен он был будучи раненым в левую руку, что видно на редкой фотографии его в обществе австро-венгерского генерала, которая была помещена однажды на страницах «Памятки о 1-м Кубанском Походе» 1926 г. изданной в Белграде.

С ним вместе в плен попали и 6 солдат 192-го Рымникского пех. полка, оставшихся с ним в окопах до последней рукопашной схватки с австрийцами. Ввиду того, что пленен он был на венгерской территории и венгерскими частями, он и содержался исключительно на территории, им принадлежащей. Заключен был сначала в замке «Лек». Впоследствии, будучи переводим из одного лагеря в другой, он прошел лагеря: «Лек», «Шлайнинг», «Печь» и, наконец, «Косег». Из них он дважды пытался совершить побег, но оба раза неудачно. Первый раз при помощи военно-пленного офицера Александра Васильева (на работах при аэропарке бывшего), а второй раз из замка графа Эстерхази в г. Печ. Там ему помогали два военно-пленных офицера: ген. шт. капитан князь Солнцев-Засекин и поручик Дворниченко.

Несмотря на безуспешность побегов, это обстоятельство доказывает высокий патриотизм Корнилова и его соучастников и его железную волю и энергию во достижении намеченной им цели.

Но самая лучшая и верная аттестация ему — это аттестация неприятеля, что мы увидим из приводимого здесь приказа тогдашнего штаба Австро-Венгерской Армии.

В своих воспоминаниях Францишек **Мрньяк** говорит, что он был командирован из своего полка — стоявшего в гор. «Надь Канижа» (Великая Канижа на Драве выше Осиека) — на службу в качестве санитара в госпиталь для военнопленных (7-й запасный лазарет) в гор. **Косег**, в начале июня 1816 г.

В госпитале был получен **Приказ,** оглашенный дежурным офицером ген. штаба, который гласил:

«Во время победоносного прорыва русского фронта в Карпатах, пленен был у гор. **Горлицы**, со всем своим штабом, один **из наилучших** генералов русской армии, генерал **Корнилов.**

В короткое время этот генерал **дважды** пытался бежать из плена и, лишь благодаря наблюдательности стражи, и повторный побег его не удался.

Генерал Корнилов тепер заболел и будет отправлен в здешнюю больницу на излечение. Военное командование видит в ген. Корнилове человека в **высшей степени** энергичного и **твердого, решившегося на все**, и убеждено, что оный от замысла побега **не откажется**, болезнь же симулирует, дабы легче было повторить попытку бегства. Безспорно, что в случае побега в **настоящее время**, державы нашли бы в нем **серьезного** военным **опытом богатого** противника, который все свои способности и **полученные сведения** в плену использовал бы для блага **России** и **вообще наших врагов.**

Обязанность **каждого** этому воспрепятствовать.

Высшее командование поэтому **приказывает** ген. Корнилова, хотя и тайно, но **строго охранять.** Каждое сношение с ним кому

бы то ни было **запретить**, а в случае побега воспрепятствовать этому **любой ценой.**

Начальник больницы лично является ответственным за точное исполнение этого приказа и **ежедневно** обязан давать сведения **о положении дела.**

Тот, кто будет способствовать побегу ген. Корнилова, будет сужден на основании § 38 Военного Государственного Закона, как за преступления против **государственного благополучия,** устанавливающего **смертную казнь».**

Вот какая высокая оценка в глазах нашего неприятеля была генералу Корднилову.

**
*

По прибытии в госпиталь ген. Корнилов был помещен в офицерском павильоне на 2-м этаже здания, а рядом с ним в комнате помещался его вестовой — Цесарский Дмитрий.

К организации же побега Корниловым было привлечено 5 человек: 1) Францишек **Мрньяк** — солдат австро-венгерской армии, чех по национальности — санитар.

2) Доктор **Гутковский** — русский, военнопленный работавший в госпитале в качестве дежурного врача.

3) Константин **Мартынов** и 4) Петр **Веселов,** оба русские военно-пленные, работавшие в качестве массажистов при госпитале. и 5) Вестовой генерала Дмитрий **Цесарский.**

Мрньяк достал для генерала документ на имя **Штефана Лацковича** (имя под возможного Хорвата или Буневца т. е. — католиков гражд. Австро-Венгрии), подделав на бланке подпись нач. госпиталя. А для себя — такой же документ на имя **Штефана Немэта,** поместив в обоих «разрешение на проезд по жел. дороге до **Карансебеша** (на Румынской границе) и обратно».

Кроме этого, он для себя составил также фальшивый документ на имя того же Штефана **Немэта,** которому, якобы, «поручается **розыск** военно-пленных в лесах около того же Карансебеша«.

Карты, компас, карманный электрический фонарь и деньги у ген. Корнилова были. Накануне побега др. Гутковский **добился отмены** проверки через каждый час больного. Однако, **взамен этого** была **усилена** стража снаружи и у **выходных** ворот.

В день побега санитар Мрньяк написал письмо своему отцу о том, что он будет в бегах с ген. Корниловым, но в торопях забыл это письмо в ящике стола в госпитальной аптеке. Оно то и послужило обнаружению их побега **на другой же день** и основанием к поднятой тревоге по всему государству (телеграммы). А произошло все так:

29 июля (11 авг. н. ст.) в 12 час. дня ген. Корнилов, переодетый в русскую солдатскую форму своего вестового Цесарского, выскочил из окна уборной и пришел в госпитальную аптеку. Здесь уже ожидали его Мрньяк и Мартынов, которые переодели его в форму австрийского солдата, а Мрньяк подстриг ему усы и поставил ляписом «родинку« на левой щеке. Ген. Корнилов одел темные очки и взял в рот трубку.

Снятую русскую солдатскую форму вестового Цесарского унес обратно Цесарскому Петр Веселов. Цесарский же временно был «генералом» — лежа в его кровати, а доктор Гутковский, исполняя приказ начальника госпиталя, продолжал навещать «больного», как и полагалось.

Беглецы, в образе двух австрийских солдат, прошли мимо стражи и безпрепятственно вышли из ворот госпиталя на улицу. Они поспешили на ж. д. вокзал и в 13 часов сели в отходящий поезд на юг — узловую станцию Сомбатхэль. Станцию эту они благополучно миновали и в 15 час. 30 мин. уже были в Рабе (на карте — по венгерски Дьор — крупный центр). Здесь им пришлось ожидать 1.5 часа, чтобы попасть на поезд прямого сообщения Вена-Будапешт.

В 23 часа того же дня они прибыли в Будапешт. Заночевали на вокзале в ночлежном помещении для солдат. А на другой день 30 июля (12 авг. н ст.) в 6 час. утра беглецы поездом проодлжали путь на юг. Они проехали крупные города: Кечкемет, Сегед (Сегедин), Темешвар и в 18 час. 30 мин. прибыли в Караншэбеш. Эта станция была их конечным пунктом пути по железной дороге.

**
*

Как видно, письмо Мрньяка его отцу было обнаружено лишь 30 июля (12 авг. н .с.), т. е. на другой день после начала побега, т .е. тогда, когда Корнилов уже проехал самую опасную для него станцию — Будапешт. Из приводимых ниже телеграмм можно заключить, что лишь утром 30 июля госпиталь Кессег поднял тревогу, считая этот день первым днем побега.

Телеграммы эти гласили:

1) «Императорский и Королевский запасный госпиталь Кессэг, 1916, авг. 12. Сегодня бежал один русский генерал в штатском платье вместе с одним чехом санитаром. Генералу 45 лет, худощавый, продолговатое лицо. Левая рука санитара, на почве ревматической болезни, парализована. Просим распоряжения всеместного оповещения» — подпись неразобрчива. Полицейское управление».

2) Правительственная телеграмма. Министерству Внутренних Дел, Будапешт. «Из Императорского и Королевского запасного лазарета бежал сегодня утром Корнилов Лавр военно-пленный генерал и вероятно будет пытаться пробраться в Румынию. Наружное описание: 45 лет, среднего роста, продолговатое, худощавое лицо, коричневый цвет лица, плоский нос, большой рот, глаза, волосы, острая бородка черные, говорит по-немецки, французски, по-русски. Вероятно, в штатском платье. Вместе с ним бежал Мрньяк Франц, чех-денщик, голубые глаза, блондин, длинное лицо, пушистые усы. Его левая рука парализована ревматизмом, один из пальцев не действует. Говорит по-чешски и плохо по немецки. Этот, по всей вероятности с помощью других, возможно, что при содействии русских военно-пленных, подготовил побег, т. к. в оставленном письме он сообщает своему отцу — живущему в Требнице (Окружного правления Сельчан в Чехии), что он за 20.000 крон вознаграждения помогает бежать одному генералу». Главное Полицейское Управление. Эта телеграмма, повидимому, датирована 12-м Августа 1916 года.

3) Снова: «Кессэг. 1916, авг. 13. 1841». «Из Кессэгского запасного лазарета вчера утром бежал один русский генерал в штатском платье с одним чехом санитаром. Генерал 45 лет, худошавый, продолговатое лицо. Левая рука санитара парализована ревматизмом. Низкого роста. Приказываю задержать их». Вице-начальник».

4) Телеграмма Полицейскому Управлению Кессэга, Приемный отдел Сомбатхель. Исх. № 2183. Слов 36. 13 авг. 2 часа дня. «Из Кессэгского запасного лазарета вчера утром бежал один русский генерал в штатском платье, вместе с одним Чехом санитаром. Генерал 45 лет, худощавый, продолговатое лицо, левая рука санитара парализована ревматизмом, низкого роста. О преследовании отдал приказание. Вице-начальник».

5) Телеграмма Полицейскому Управлению Кессэг. Приемный отдел Сомбатхель. Исх. № 13190. Слов 26. 18-го авг. «Сообщаю для опубликования, что Военное Министерство за задержание бежавшего из Кессэгского запасного лазарета русского генерала Корнилова Лавра — **назначило 1000 крон награды.** Вице-начальник».

Из только тут приведенных 5-ти телегармм видно, какой переполох во всем государстве противника произвел побег генерала Корнилова.

***

А теперь восстановим то, что произошло дальше на последней станции жел. дор. Караншэбеш, куда беглецы прибыли вечером 12 августа.

Когда их поезд прибыл на эту станцию, — их конечный путь по ж.д., к их не малому удивлению они обнаружили, что поезд оцеплен со всех сторон солдатами, делающими проверку документов всех прибывших. Но еще к большему удивлению — их пропустили свободно. То обстоятельство, что в телеграмме определенно указывалось, что генерал **в штатском** платье, — помогло им. сбило с толку проверявших. Очки же, трубка и «родинка» на щеке сильно изменили наружность ген. Корнилова по сравнению с данным властями описанием его наружности.

Дальнейшее Мрньяк описывает так: на станции Караншэбешони пробыли до полночи того же дня, а в 24 часа вышли на гребень возвышенности за городом. Там, зайдя в лес — переоделись, только теперь, в штатское платье... Взяв направление на Румынскую границу, они всю ночь шли. Но утром 13 авг. обнаружили пропажу компаса, что и послужило в дальнейшем их блужданию целых пять дней. Днем они прятались, а шли ночами. Тщательно обходили опасные места, как посты и патрули, что очень замедляло их движение вперед. 5/18 августа в 8 час. утра уже близко от самой границы в окрестностях гор. Барло, Мрньяк в поисках пищи зашел в кантину («Корчма Барловица»), где и был арестован жандармами.

***

С этого места описания побега ген. Корнилова не по всем источникам тождественны. Но Мрньяк в своих воспоминаниях говорит, что ген. Корнилов, оставшись один, через 2 часа, т. е. в 10 часов дня 18 авг. — перешел румынскую границу и из первого же села телефонировал в Русское Посольство в Букареште, которое и выслало за ним автомобиль.

В книге же В. Севского сказано, что ген. Корнилов долго блуждал, пока перешел границу с Румынией, причем приют ему оказал какой то пастух.

Тоже самое сказано и в статье ген. шт. полковника Пронина, который писал, что ген. Корнилов (по его рассказу) после ареста Мрньяка несколько дней шел до румынской границы и здесь, прожив 2 дня в шалаше укрывавшего его пастуха, ночью перешел границу.

Таким образом, по версии Мрньяка ген. Корнилов находился в побеге 8 дней, из коих 2 дня по жел. дороге, а 6 дней пешком, прой-

дя свыше 100 километров. В плену же всего пробыл 1 год и 4 месяца.

По версии полковника Пронина — этот срок на несколько дней меньше.

**
*

*) Возможно, не всем читателям будет понятно название госпиталя, здесь не однократно упоминавшегося. Венгрия управлялась Королями мадьярской крови. С прекращением рода последнего Короля — венгерцами управлять стали Императоры австрийские, ставшие т. образом «Императорами и Королями» для Австро-Венгрии, а отсюда и название военного госпиталя получилось «Императорский и Королевский».

**
*

Общеизвестна дальнейшая судьба ген. Корнилова: по прибытии в Россию, он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени и получил в командование XXV Армейский Корпус.

Считая своего помощника и спутника погибшим, он настоял на посмертном зачислении его «стрелком 1-го взвода, 1-й роты, 1-й Чешской дружины в России». При вечерней перекличке вызывали фамилию Франциша Мрньяка, а ротный фельдфебель отвечал: «Расстрелян австрийцами в Прессбурге (ныне Братислава) за освобождение генерала Корнилова».

**
*

На самом же деле произошло несколько иначе. Мрньяк был судим 11/24-13/26 октября 1916 г. военно-полевым судом в Братиславе и приговорен к смертной казни, лишению всех прав гражданских и исключению из списков армии.

Доктор Гутковский, Мартынов, Веселов и Цесарский мужественно признали на суде свое участие, при этом заявив, что содействие побегу генерала Корнилова для них, как русских, было их прямой и священной обязанностью.

С таким доводом тогдашний суд, хотя и неприятельский, не мог не согласиться и все они были приговорены лишь к 2-х месячному дисциплинарному взысканию.

Мрньяк же подал жалобу и через 9 месяцев Верховный Военный Суд отменил приговор, судил его заново, приговорив к 10 годам заключения в крепости (в Комароме). Мрньяк, в конце концов, симулировал сумасшествие, а при перевозке его в Трнаву — выскочил 7/20 сент. 1918 г. из окна вагона и, добравшись до Трнавы же, некоторое время скрывался в госпитале для душевно больных, а по ночам вылезал на поиски пищи и питался объедками.

Страдания его кончились в день объявления Независимости Чехии 15/28 октября 1918 года и среди других осужденных патриотов получил свободу и он.

Чешское Правительство наградило его званием фельдфебеля, чешским военным крестом и 2-мя медалями. Всего в тюрьме пробыл он 2 года, 1 месяц и 12 дней, а 38 дней скрывался в госпитале.

Часть этой статьи взята их статьи, напечатанной в однодневной юбилейной газете «Первопоходник» № 3, 9/22 февраля 1927 г. в Белграде — Югославия.

В заключение нужно сказать, что военная история знает не один случай пленения многих генералов всех армий света. Но какая из них может гордиться таким побегом? Вот, как Корнилов действительно любил Россию, свою Родину, и как он засвидетельствовал свой высокий патриотический долг перед нею. Будучи произведенным в генералы от инфантерии, в должности командующего армейским корпусом в 46 лет — кончилась его служба в Российской Императорской Армии.

С началом февральской революции, после отречения Государя от престола, Вр. Правительство назначает его Командующим Петроградским Военным Округом. В мае он командует 8-й (Калединской) армией, в июне Главнокомандующий Юго-Западного фронта и, наконец, Верховный Главнокомандующий всей Русской Армии.

14 авг. 1917 г .его знаменитая речь на Государственном Совещании в Москве о надвигающейся грозной опасности на Россию и с призывом к ее спасению не одними красивыми словами, но решительными мерами и действиями испугало крикливых болтунов на верху власти. Возростающая популярность ген. Корнилова и опасения за свою «с неба упавшую» власть — главный говорун прибег к провокации лучшего из лучших и сорвал дело спасения России от большевизма. Корнилов отказался сложить с себя обязанности Верховного и обратился с воззванием к народу и **казакам**, закончив его словами: «Родина — **накануне смерти»**.

Провокация Керенского закончилась арестом ген. Корнилова и Быховской тюрьмой. Через три дня он, Главноверх, после ареста Корнилова — выпускает на свободу Льва Троцкого, бывшего в тюрьме после «июльского пробного переворота». А 25-26 октября 1917 г. Ленин и Троцкий вышвырнули «освободителя», который, используя женскую юбку и косынку и предав юных юнкеров и женщин с винтовками — стругнул как тать

в нощи в соседнюю Латвию.

Подведем итог. Революционная Россия Керенского уготовала Корнилову Быхов, а Красная Россия Ленина Троцкого могилу на берегу Кубани. Рожденный на казачьей земле в далекой Сибири — он жизнь свою пожертвовал на казачьей же земле. Русский народ, ради которого билось его рыцарское могучее сердце — не поддержал его, не понял его и его вездыханное тело не уберег от извергов, надругавшихся над ним из страха за свою власть. Для подлецов есть люди и мертвые страшнее живых.

США.

А. И. Скрылов

С ХОПЕРЦАМИ ОТ ВОРОНЕЖА И ДО КУБАНИ В 1919-20 ГОДАХ.

Кто-же они, Хоперцы? И почему с реки Хопра, с северных земель Донского Войска, оказались у самых северных отрогов Кавказских гор, на границе с Грузией?

Генерал В. Г. Толстов, казак станицы Темижбекской, написал Историю Хоперского полка. Вот выдержки из его книги:

«Первые официальные сведения о казаках на р. Хопре, впадающей в Дон, относятся к началу 17-го века. Здесь, после Смутного времени, одно время со своими ватагами был атаман Заруцкий с Мариною Мнишек и ее сыном. По уходе Заруцкого на Астрахань — на Хопре осталась группа «воровских» казаков с атаманом Гришкой Черным.

Находясь на главном тракте Москва-Азов, район Хопра был давно известен свободолюбивым натурам соседних губерний. Сюда просачивались недовольные порядком люди Тамбовского Воеводства, а в 1669-м году одно время осел здесь и сам Степан Разин.

17 мая 1696 года Хоперские казаки (1.500 человек) вместе с Донскими ворвались в Азов и тем способствовали сдаче его на второй день русским войскам Царя Петра I-го.

После Булавинского восстания 1707-08 гг., в котором Хоперские казаки приняли деятельное участие, Указом Царя Петра от 14 мая 1711 года приказано: — «Городки верховые с Хохра снести за воровство, за принятие Булавина к себе и за то, что ходили против Государевых войск; а жителей свести в нижние станицы, чтобы и впредь, на то смотря, так воровать, и бунтовщиков и шпионов принимать — было неповадно».

В 1712 году Хоперские городки — Пристанский, Беляевский и Григорьевский были разрушены войсками Петра I-го, а земли казаков присоединены к Воронежской губернии. На месте Пристанского городка была построена крепость Ново-Хоперская. С 1717 года к Ново-Хоперской крепости были призваны казаки с разных Донских городков и вольные черкасы (запорожцы) для службы, куда и прибыло 94 семейств старых Хоперцев. К ним примкнули 125 семейств Харьковского, Острогожского, Сумского и других Малороссийских слободских казацких полков, которые и положили начало Хоперскому полку под именем «Ново-Хоперских казаков«; а Указом от 2 июня 1724 года установлена была «Хоперская команда», которая в 1767 году была развернута в Хоперский полк. В 1775 г. была перепись мужского населения полка, в котором оказалось 1.513 казаков — служилых, годных к службе, стариков и малолетков. По национальностям они составляли: — 775 казацких черкас (запорежцев), 208 персиян, 80 калмыков и 6 других инородческих групп. Строевой состав полка исчислялся — 15 старшин и 500 лучших казаков» — пишет Толстов, состоя тогда в чине есаула Кубанского полка.

В 1777-79 гг. Хоперский полк, в количестве 3.000 душ обоего пола, из Воронежской губернии был переселен на Кавказскую укрепленную линию, которая проходила от Черкасска на Дону на Ставрополь и до г. Моздока на Тереке. Вначале переселен был полк, а потом семьи казаков с их пожитками .При укреплениях Ставропольском Донском, Московском и Северном — они образовали 4 станицы тех же названий. В 1816 г., на новом месте, к Хоперскому полку были приписаны в казаки 109 военнопленных поляков и абазинцев (абазинцы — одно из племен Кавказа).

После завоевания Крыма — р. Кубань стала границей между Россией и Турцией. Кубань надо было закрепить и заселить.

Для этого, в 1792-93 гг., с Днестра (нынешняя Бессарабия) на Кубань было переселено Черноморское казачье Войско (бывшее Запорожское), занявшее земли восточнее Азовского моря, до укрепления Усть-Лабинского. Дальше на восток по Кубани в 1794 г. были поселены 1.000 семейств Донских и 125 Волгских казаков и в 1803 году переселено с Украины 862 семьи упраздненного Екатеринославского Каз. Войска. Первые образовали собою Кубанский полк, а вторые — Кавказский. Для закрепления прорыва между землями казачьих полков в верховьях рек Кубани и Терека — в 1826 году туда был переселен вновь Хоперский полк со своими семьями и пожитками, образовав 6 станиц — 4 по Кубани — 2 по р. Куме. После этого укрепленная линия против кавказских горцев, начиная от Черного моря вверх по Кубани и по Тереку вниз, до самого Каспийского моря — являлась сплошной линией укреплений и казачьих станиц во время долгой кровопролитной 70-летней Кавказской войны.

**
*

Прошло больше двух столетий от бурливого Хоперского казачества Булавинских времен. Кубанское Войско стало большою военно-администартивною казачьей единицею в Российском государстве. В Войске увеличилось число станиц и полков. Разросся и Хоперский полк в несколько десятков станиц и хуторов. Хоперский полк признан был **старейшим,** по нему Императорскою властью было дано старшинство Кубанскому Войску с 1696 года, в память участия Хоперских казаков при взятии Азова при Царе Петре I-м.

Такова краткая история Хоперских казаков, которые в октябре 1919 года, находясь в корпусе ген. Шкуро, с победными боями против красных достигли границ утерянной ими в 1777 году своей родины в Воронежской губернии и затем, горькою долею своей казачьей судьбы — красными армиями были оттеснены на свою Кубань-Отчизну и, как и все Казачество, коммунистическою властью из Москвы упразднены в своем Казачьем родословии...

Историк П. П. Короленко, издавший в 1896 году, в Екатеринодаре, обстоятельную брошюру под заглавием — **Двухсотлетие Кубанского Казачьего Войска** — 1696-1896 гг. — на стр. 24-й пишет:

«Когда же Хоперцы были отчислены от Донцов и из них составился особый конный полк, то Военная Коллегия определила им однообразное обмундирование, несколько сходственное с Запорожскими казаками. Но с переходом на Кубань Хоперцы не следовали означенному указанию, а придерживались той формы одежды, которую в ту пору носили на Кубани Донские казаки. С течением времени, как Хоперцы, так и прочие Линейные казачьи полки (по Кубани и Тереку) приняли одежду и вооружение черкесов, удержав только одну донскую пику, считавшуюся важным оружием регулярной конницы; но и от нее скоро отказались».

В 1832 году из самостоятельных казачьих полков по Кубани, начиная с укрепления Усть-Лабинского вверх по течению, и по Тереку до самого Каспийского моря — было образовано одно Кавказское Линейное Казачье Войско, для которого Императорской властью была установлена однообразная форма одежды — черкесская.

С переменой обмундирования — переменилась постепенно психология Хоперских казаков. Живя своими станицами между черкесскими аулами, казаки начали подражать черкесс в седле, в хорошем вооружении, в набегах. В их души крепко вкоренились и другие горские манеры и привычки.

В мирное время 1-й Хоперский полк стоял в Кутаисе, в сердце прекрасной Грузии, и Кавказское шегольство в вооружении и манере носить черкеску еще более усилилось среди них.

Перед самым началом Великой войны 1914 г. 1-й Хоперский полк был придан «четвертым полком» к Кавказской каваллерийской дивизии и с нею провел всю войну. В 1915 году эта дивизия была переброшена с Западного фронта в Персию и с 3-ей Забайкальской казачьей бригадой генерала Стояновского (Кубанский казак), совершила 800-верстный марш от Джульфы, через Тавриз, по южному берегу Урмийского озера и вошла в Турцию, в г. Ван. Встретить и пригласить в гости к нам, в 1-й Кавказский полк, старейший в Кубанском Войске 1-й Хоперский полк, выехали за город три офицера. Мимо нас прошли три полка драгун — 16-ой Тверской, 17-й Нижегородский и 18-й Северский. У них образцовый порядок в строю. На седлах у драгун — ничего лишнего Офицеры идут строго на своих местах. Драгуны сидят на рослых лошадях, но по горной местности уже «подбитых». 1-й Хоперский полк был в арьергарде. Мы ждем его. И вот показался он длинной лентой в колонне «по-три», спускавшийся с перевальчика.

Все казаки в черных небольших папахах одинакового размера и без всякого «залома»

их. Все в гимнастерках, которых наш полк еще и не знал. Очень много Георгиевских кавалеров. У казаков замечен «острый взгляд», воинская подтянутость, однообразность формы одежды, правильное держание дистанции на походе на своих поджарых кабардинских лошадях, «просящих повода», несмотря на продолжительность много-сотверстного похода.

1-й Хоперский полк представился нам тогде очень подтянутой воинской частью, отшлифованною кавалерийской чопорностью той диивзии, к составу которой принадлежал.

Впереди, в седлах, шли два штаб-офицера в серых черкесских при черных бешметах — командир полка полковник Потто и его помощник войск. стар. Ларионов — старейший хоперец. Потто — сын известного военного историка. Оба они маленького роста, сухощавые.

На доклад подесаула Маневского «всему Хоперскому полку пожаловать в гости в 1-й Кавказский полк» — Потто благодарит за внимание, приятно улыбается и его полк, под бравурные звуки полковых трубачей и под заливные песни во всех сотнях — шумно вошел в город Ван по его кривым азиятским улицам, направляясь к биваку нашего полка.

Выстроенный в пешем строю Кавказский полк встретил Хоперцев их полковым маршем. Маленький сухенький полк. Потто, от неожиданности быстро бросил несколько слов следовавшему з ним штабс-трубачу и — залилась труба:

«В резервную колонну — постройтеся-а!»

Затем сигнал «широкий намет» и «исполнительный сигнал».

Словно на голову колонны полка неожиданно напал враг: сотни широким наметом бросились вперед и через несколько секунд «мертво» образовали полковую резервную колонну в одну тысячу разгоряченных лошадей.

«Шашки во-он!... Гос-спода-а оф-фицеры!».., громко выкрикнул Потто и — полковой хор трубачей Хоперцев высокими нотами прорезал всех «встречным полковым маршем 1-го Кавказского полка» — принятым воинским ритуалом.

Незабываемые картинки строевых частей, удали и братства Казачьего... Начальник дивизии генерал Шарпантье разрешил Хоперскому полку быть гостями у Кавказцев два часа. Каждая сотня Кавказцев щедро угощала свою нумерную сотню Хоперцев — лошадей свежею травою люцерной, а казаков обильным обедом и красным местным вином, которого у армян было много.

Казачий обед прошел быстро, по военному. Не пршло и полчаса, как весело заговорил бивак казачий. Со всех сторон 12-ти широко расбросанных сотен полились песни. Грянуло два хора полковых трубачей. Рванулся веселый танец казачек. Понеслась классическая Кавказская лезгинка. И переплетясь изстари братским общением, два полка казачьи сплелись вместе, словно два брата родных и неразлучных, что и не отличишь — где хоперец и где кавказец!

А господа офицеры?... Под ласкающей тенью чернослив, осыпанных обильным урожаем, они раскинулись на бурках в порядке старшинства чинов. После коротких тостов старших — до двух десятков хорунжих и сотников, в своем безудержном порыве гостеприимства, вырвав власть у старших — восторженно услаждали всех Кавказскими застольными песнями. После каждого тоста молитвенно чаровало Грузинское «Мраволжамие», сменяющееся веселым «Алла-верды». Татарские возгласы «Чох-саул» и «Якши-йол» — выкрикивались, как боевые клики. Все офицеры обоих полков блажествовали от радости такой встречи, как бивак огласил хор трубачей Хоперцев, так знакомой всем конникам, мелодией «Генерал-марша»:

«Всадники-други, в поход собирайтесь!
«Радостный звук вас ко славе зовет!»

То приказал полк. Потто своему полку окончить веселие и идти на бивак к своей Кавказской каваллерийской дивизии.

Так было весело и торжественно тогда и как было грустно и тяжело мне с теми же Хоперцами «От Воронежа и до Кубани» всего лишь через пять лет, — т. к. переменилось время и состав офицеров.

Нью-Йорк.

Полк. Елисеев

ХУТОРОК НА МЕДВЕДИЦЕ.

Меловые кручи над степной рекой,
За рекой могучий лес наш войсковой.
В том лесу весною соловьи поют,
Желтые кувшинки в заводях цветут.
А над кручей — избы, хатки, курени,
Старые заборы, пьяные плетни,
Яблони да вишни в тощеньких садах,
Улицы кривые в пыльных облаках.
Вечерком над берегом жаркие костры
И кипят-бушуют с рыбой там котлы,
А вокруг казачек пестрая гурьба,
Девочек, мальчишек шумная толпа.
Казаки на лодках по реке плывут,
Вентери да сети позади влекут.
Запах водорослей, ила над рекой,
Комаров и мошек безконечный рой.
Вдалеке за лесом купол голубой
И оттуда льется благовест святой.
И везде прохлада, мир и тишина,
Только где то в поле песенка слышна.
Только шепчут волны, да журчат струи
Да поют, щебечут звонко соловьи.

(США)

Г. Гордеев

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

После насыщенного тоской по родным местам первого томика Н. В. Альникина «Рифмованные Кончики», только что получил вторую книжечку поэта. Ее первая половина «Сполох», — «Печальная, но славная эпопея Донского Казачества 1917-20-х годов», — а вторая занята продолжением «Кончиков». Внешний вид и этой, второй, книжки такой-же превосходный, вызывающий интерес и желание погрузиться в чтение.

Переживания автора, в стихах описывающего ужасы жутких 1917-20-х годов, это зернышки, песчинки широкого моря тяжкой эпопеи нашего многострадального народа. Записанные воспоминания о былом создают общий вид эпохи. Поэтому каждая строка является иллюстрацией казачьих бедствий, как-бы частицей мозаики, представляющей всеми нами пережитый ад. Голгофа автора не только его личная, но она всеобъемлющая. Пробегая страницы «Сполоха», оглянувшийся назад и всколыхнувший былые эмоции читатель подводит итог оставшейся в прошлом незабываемой трагедии и поражается, как в этом ужасе он все-же выжил. Так много каждому из нас пришлось перенести... Помнится, прибывшие в Новый Свет после Второй Мировой войны спасшиеся ДиПи считали нас, — первую эмиграцию, — счастливцами, так как, по их тогдашнему мнению, мы не то, что они: не испытали-де столько, сколько выпало на их кошмарную долю. Невозможно определить, сравнивая, кому же именно, — «старым» или «новым» эмигрантам, — пришлось больше хлебнуть горшего. У всех одна общая всем сакраментально-роковая трагедия. Всемогущее время, зарубцевав кровоточившие раны, привело первую и вторую эмиграцию к одному знаменателю. Все мы вместе обломки великого кораблекрушения, тяжкая страница казачьей истории, штрихи обширнейшей панорамы грандиозного крестного пути.

Поэтому всем нам одинаково понятно и близко истерзанному сердцу все повествуемое как в стихах Альникина, так и в очерках других авторов и в «Страдном Пути» М. П. Морозовой, появившемся в № 37 «Родимого Края».

***

В том-же № 37 журнала читателям напоминается объединяющая казаков цель Редакции. Благое задание. О нем-же ратуют и другие Издания. Пора. За годы склоки и неразберихи казакам надоело политиканство со всеми вытекающими из него разлагающими наше единство последствиями. Нам, сидящим «на краю света», представляется, что болезнь разнобоя начинает сама собою изживаться и все нынче жаждут скованности. В добрый час! Надо радоваться, что дорогие казаченьки снова тянутся к объединению. Услышьте-же, станичники, и присоединяйтесь, «слетайтесь, детки, в одну клетку», впрягайтесь, двигайте общеказачье дело.

Пора, пора. Распыление до предела утомило. В нем погибель.

Уже не один раз в журналах трактовалась идея выпуска общеказачьего литературного издания, стоящего вне политики, чисто литературного начинания. Не имея представления, что творится в центрах и не собираясь вмешиваться ни в какие детали, — по существу приветствуем эту идею, ратующую за сугубо насущную культурную цель. Благодарим «Родимый Край» за издание двух книжек П. М. Аврамова и «Ермака» Н. М. Мельникова. Спасибо за сизифов труд. Почин, таким образом, сделан.

Вот теперь нами получен новорожденный «Казачий Литературный Сборник» № 1. Декабрь 1961 г. Париж. Редактор П. Ф. Крюков. Издатель каз. культ. кооператив. Новость: кооператив. Это «звучит».

Относительно Романа Лазарева, о котором рассказал в Сборнике П. Ф. Крюков, нам помнится, когда-то давно пришлось слышать, что слова Краснова «Безпутному, но дорогому моему сердцу, Роману Лазареву» были в телеграмме, а написаны генералом на собственной фотографии, подаренной этому отчаянному, нашумевшему своим поведеньем, храбрецу. Не оспариваем, не зная точно, при каких обстоятельствах Атаман высказался так о Лазареве и полагаемся на сообщение осведомленного автора воспоминаний.

В Сборнике отдел казачьих песен и курьезные подробности о «дражнении» станиц. В исторической части помещен столь полезный для справок и ссылок текст Основных Заокнов Всевеликого Войска Донского.

П. Ф. Крюков пишет и стихи. Но в Сборнике он поскупился или поскромничал, не поместив ни одного собственного поэтического произведения.

Заканчивая статью, позволяем себе попросить Казачье Журналы, если будет возможность, напечатать что-нибудь из трудов давно отошедших в лучший мир известных донских писателей Федора Крюкова (отца Редактора Сборника) и Кумова. Этих двух пионеров казач. литературы, считающихся донскими классиками, многие из эмигрантов знают только лишь по имени и до сих пор не имеют возможности хоть что-то прочитать из их тврчества. Когда-то давно Н. Н. Туроверов подарил нам портрет Каледина, на обратной стороне которого напечатан текст шедевра Крюкова, поэзия в прозе «Родимый Край», — перл, жемчужина, сокровище нашей литературы. Это единственная вещь в наших руках и храним ее, как зеницу ока. Но другие и этого не имеют. Отсюда и просьба к «Редакциям» ознакомить читателей хоть с маленькими образчиками сочинений наших одаренных писателей.

ОТ РЕДАКЦИИ: В № 26 «Род. Края», в февр. 1960 г., Н. М. Мельников в своей статье «День Казачьей Скорьби», в послесловии к ней, привел полностью одно из произведений Р. П. Кумова, без заглавия, начинающееся словами: «Пусть позволит мне ваша чистая память».

***

Возможно, всилу некоторых жизненных условий и того обстоятельства, что казакам были «нужны ремесленные школы, а не гимназии», станичники в свое время жили на родине «без спросов и запросов» и, за очень редкими исключениями не только не писали о себе книг, но и не изучали собственного исторического прошлого, о котором в средних школах совсем ничего не преподавалось.

Но у попавших в эмиграцию тоскующих по родимому краю станичников появилась вопиющая необходимость, огромный интерес, пылкое желание серьезно ознакомиться со своим прошлым по печатному слову. Поэтому стали выходить, часто на ротаторе по бедности, скромные на вид периодические издания, в которых, кроме вопросов на волнующие современные темы, много рассказывается и о былом.

Наши историки розыскивают в иностранных библиотеках старинные книги, документы, свидетельства, монографии, касающиеся казачьей истории. Кропотливо собранный материал анализируют, обобщают, классифицируют и в обработанном виде из под их пера выходят в свет такие ценные книги, как, например, недавно опубликованный труд Н. М. Мельникова о Ермаке.

Содержание этого исследования не «отсебятина», а обосновано на исторических документах и высказываниях известных историков. Утверждая какой-либо факт, Мельников каждый раз обязательно упоминает название документа или автора, из которых заимствует, тщательно делая об этом выноску в конце страницы. Поэтому «Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели», как озаглавлена книга, это зиждящийся на неоспоримых материалах серьезный исторический труд.

Хорошо к нему предисловие проф. Миллера, объяснившего все достоинства веского вклада Мельникова по вопросу о Ермаке и об итогах его великого подвига.

«Ермак» уже не первая изданная «Роди-

мым Краем» и, как и другие, четко отпечатанная, аккуратная, приятного вида книга. Поэтому хочется поздравить с успехом автора и Издательство, с надеждой, что читатели поддержат свое собственное культурное дело, книгу покупать будут; а пишущие станичники не станут хранить под спудом свои произведения,, а начнут публиковать их по примеру Мельникова, Аврамова, Альникина, книги которых, к нашему огромному удовольствию, мы получили и постарались объявить о них на страницах казачьей печати.

Аргентина.

П. А. Соколова

МАНЕВРЫ

I.

Даже зимой хорош вид с нагорного хуторского берега. Внизу широкая лента скованного льдом Дона. В двух-трех верстах на его белоснежной поверхности зияют огромные, никогда от быстрины не замерзающие, проруби-полыньи. Если присмотреться, легко заметить, особенно по утрам, как над черной от контраста со снегом водой тонкими струйками вьется-курится холодный пар...

За Доном сплошной стеной стоит оголенный и по зимнему мрачный немного жуткий лес. Стаи воронья взмывают иногда над его опушкой и с карканьем, отчетливо слышным в хуторе, долго кружат на одном месте.

Далеко впереди, поверх мертвого леса, неясная линия горизонта — высокая гора, без единых, скрываемых пространством, складок на своих склонах, покрытых ровной снежной пеленой, незаметно сливается со смутным, бессолнечным, а потому и безрадостным, зимним небом. И только одинокий ветряк, воздвигнутый казаком-мельником почти на самой вершине, приковывает к себе взор крестообразно распростертыми крыльями и позволяет различать нечеткую грань неба и земли.

Там, где ветряк, у самого подножья горы, раскинулась станица. Не отовсюду можно увидеть ее от хутора — мешает лес. Но если стать над кручей у места переправы, о которой красноречиво говорят плоскодонный паром и десяток баркасов, с первыми морозами вытащенные из воды и опрокинутые тут же на берегу, то через просеку — будто она нарочно для этого вырублена, — порадует взор группа станичных куреней и возвышающаяся над ними белая каменная церковь.

От переправы, прямо через Дон и вдоль просеки, желтым следом тянется к станице извилистая, плохо укатанная дорога.

Нечто невообразимое творится сегодня на этой дороге. Нет еще десяти часов утра, а уже свыше полусотни саней-розвальней, до отказу набитых народом, пробежало по ней. И все в одном направлении — от станицы к хутору, зарывшемуся в зыбучих песках и засыпанному сбильно выпавшим этой зимой снегом.

С раннего утра в стылом морозном воздухе, пугая ворон, промышлявших вдоль дороги по лесу, повисла протяжная, звонкими девичьими голосами исполняемая, песня... То и дело, наряду с резким, грубовато ласковым понуканьем погонщиков, из каких-нибудь саней, неожиданно ударявшихся под раскат, раздавались веселые взрывы хохота, вскрики или испуганно-радостное женское взвизгванье... Похоже было на то, что какая-то огромная свадьба, проводив «князя с молодой княгиней« в станицу, возвращалась к себе на хутор. Но не было обычных в таких случаях поезжан. Не было ярких бантов, разноцветной бумагой украшенных дуг, не звенели под ними колокольцы... Особенно бросалось в глаза отсутствие молодых казаков, главных участников любой свадьбы. В самом деле, каждой упряжкой правил почтенный бородатый станичник. Возле него с надвинутым по самые уши «курпейчатым» папашком, неподвижно, храня удивительную, не по возрасту, серьезность, непременно восседал малыш-казаченок. А сзади егозливо возились, беспричинно смеясь, разрумянившиеся на морозе девчата..

Нет, этот пронесшийся по молчаливо-угрюмому лесу веселый и шумный обоз не мог быть свадебным поездом... Было тут нечто совсем другое — была масленица.

Впервые за всю вековую историю своей жизни станица целиком выезжала в задонский хуторок полюбоваться военными маневрами, которые взялся организовать, разумеется, с благословения станичного общества, один из его славных членов — лейб-гвардии Атаманского полка вахмистр Аким Ерофеич Васичкин.

Мысль об устройстве маневров принадлежала самому Акиму Ерофеичу и пришла она ему в голову не в результате усиленных размышлений, а как-то нечаянно, по какому-то наитию свыше, и он сразу же, не откладывая дела в долгий ящик, приступил к ее осуществлению.

Случилось это на Крещенье.

В тот памятный день, не взирая на трескучий мороз, к Акиму Ерофеичу приехал в гости из Задонского хутора «полчок« — Василь Митрофанович Кончиков. Само собой разумеется, сильно обрадовались друг другу гвардейцы. Заташил Аким Ерофеич своего дружка в горницу, усадил подле грубки — грейся, дескать, пока что.., а сам к горке...

Здорово выпили тогда старые «полчки». Первое дело — мороз. А когда сильно морозит — какой казак откажется от лишней рюмки водки? Второе дело — воспоминания о совместной службе в славном Атаманском... Эх, да что говорить! Полведра, кажись, выпили бы в ту встречу старые однополчане, до того приятна была им память о блестящей столичной службе у самого, можно сказать, подножья царского трона...

Часа три просидели друг против друга атаманцы — оба огромные и могучие в плечах, оба порывистые в движениях и жестах.

Василь Митрофанович, гость, носил длинную рыжую бороду и обладал страшным рыкающим басом. «Грохоча» — когда реч заходила о веселом, — он весь откидывался назад и широко раскрывал рот, показывая ядреные, прекрасно сохранившиеся зубы.

Аким Ерофеич брился. Черные, как смоль, усы его по-хохлацки свисали вниз и от этого суровое выражение умного лица его несколько смягчалось. В спокойном состоянии — говорил медленно и веско. Когда же горячился, — а это с ним случалось иногда во время выпивки с каким либо «закадычным дружком», — он весь преображался. Речь его тогда лилась неудержимым потоком... Глаза загорались особым по живости, почти юношеским, блеском... Ото всей его нарочитой вахмистерской медлительности и важности не оставалось и следа. Он волновался, когда высказывал какую-либо затаенную свою думу и, волнуясь, крупно шагал по комнате, размахивая огромными кулачищами...

Обо всем переговорили дружки за три часа беседы. Вспомянули добром прошлое, погутарили про домачность — о настоящем, выходит, — заглянули в «предбудущее»...

— Ты, чего-ж, Ерофеич, — слегка заплетающимся языком «рыкал» Кончиков, — доси вахмиструеш?

Аким Ерофеич ведал обучением станичных малолетков, знакомя их с начальными правилами военной службы.

—Вахмиструем... — отмахнулся Аким Ерофеич. — Слава одна... А дела... настоящева дела... понимаешь?... настоящева.., нету!

— Почему такое? — удивился Кончиков — Рази это не дело?

— Конешно, дело... — развел руками Аким Ерофеич. — Только малая дело-то... Понимаешь! — стукнул он вдруг, загоревшись, кулаком по столу. — Понимаешь? Развороту нету! Хотится одно, а тебя за ожерелок.. Стой, с... с..., не туда заворачиваешь!

— Стесняють, стало-быть? А ты, Ерофеич, не робей, — сочувственно пробасил Кончиков. — Гни свою линею и вся недолга.

— А как нащет джигитов обстоить? — распрашивал гость слегка опечаленного своими служебными неполадками хозяина. — У нас, парниш-ша, антиресные джигиты имеются. Куженяты... А такие колена выкидывають — ажнык завидки беруть.

— У меня тоже найдутся, — оживился Аким Ерофеич. — Вот на масленной, на скачках, випущу...

И вот тут-то и осенило вдруг Акима Ерофеича. Он вскочил, вытянулся во весь свой гвардейский рост и горячо, убедительно заговорил:

— Слушай суда, Василий! Давай с тобой совершим великое дело! Такое, што слава об нас загремит по всей Донской области!

Кончиков широко раскрыл осовелые немного глаза.

— Да она, брат, и так гремить, — перебил он Акима Ерофеича. — Скажи, кто нас не знаеть?

— Давай, — продолжал, не слушая Кончикова, Аким Ерофеич, — давай р-рганизуем военный маневр! Понимаешь? По уставу... Разведка... Позиционный бой... Лава... Атака... Как в полку...

Аким Ерофеич вынужден был замолчать. Кончиков «загрохотал« так оглушительно, что, казалось, задрожали стены куреня.

— Маневр, — сквозь душивший его смех выдавил он. — А иде-ж ты, садовая голова, дивизию наберешь? Войско-то?

— А парни! — возразил Аким Ерофеич. —

Охотников кликнем... С хуторов вызовем... Обучить успеем, време терпит... До масленой без малова два месяца...

— Ведь, пойми, Василий-друг ты мой сердечный! — вновь воодушевился Аким Ерофеич. — Ведь, надоело! Ка-жный год одно и тоже — скачки, скачки, скачки... Препятствие, пук, джигитовка... А тут настоящий маневр. Дивизиев нам не надо, дело, так сказать, семейное, шутейное... Вроде, как спиктакль. Сотни две наберем и довольно.

Зажег тогда Аким Ерофеич дружка своего — славного атаманца Кончикова, убедил во всем и все доказал, не даром вахмистром был в гвардейском полку. И порешили: Аким Ерофеич начнет действовать в станице, а Василь Митрофанович на хуторах. Сразу же договорились и о месте маневров — лучше окрестностей Задонского хутора для этой цели трудно было сыскать... Буруны, кагальник, можжавельник... Такую разведку — конную и пешую — можна закатить, слюнки потекут...

Два месяца ушло на подготовку маневров. Много трудностей встретили в своей работе славные атаманцы, но все одолели. Упорные были казаки.

II

Единственная улица Задонского хуторка, капризно разбросавшего свои приземистые, чаканом да камышем крытые, куреньки водль берега Дона, кишит народом. Старики, бабы, девки, малые казачата... На каждом базу десятки саней. Везде на привязях и просто у плетней лошади, жующие брошенное прямо на снег сено. В куренях теснота и гомон многих голосов. Хозяева сбиваются с ног, не зная чем и как угощать сватов, кумовьев, знакомцев...

Приехала станица — «городские казаки», приехали ближайшие хутора. Никогда Задонцы не видали у себя в хуторе столько народу. И какого народу — шумного, веселого, празднично разодетого!

На улицах девки в коротких ватных жакетках, в разноцветных юбках, в глубоких блестящих галошах, все в пуховых платках, разбились на группы и издеваются — подсмеиваются над парнями, отпуская по их адресу едкие шуточки. Остра и смела девка на язык, когда не одна, когда чувствует поддержку подружек.

Парней множество — все из войска Кончикова. Кроме своих Задонских были тут и Черепашинцы, и с Грелкина хутора, и Песковатцы... Все при ружьях, многие с шашками. Одеты однообразно — теплая поддевка, чаще всего наборчатый ремень, папаха. В сапоги вобраны черные с лампасами шаровары.

Парни немного растеряны и тоже, подобно девкам, стараются держаться кучками — хуторцы с хуторцами. Но скоро их растерянности приходит конец... По улице, проталкиваясь среди степенно беседующих стариков, появляется их командир — сам Василь Митрофанович Кончиков.

Он великолепен в своем форменном мундире с белоснежным поясом и портупеей, в широчайших синих шароварах, ниспадающих на сапоги, начищенные до ослепительного блеска, в высокой черной, мелкого барашка, синеверхой, с серебряным галуном, папахе. На синих погонах его крестом легли лычки приказного и разведчика.

— Ребятёшь! — загремел его мощный бас. — Разбирай коней и живо к Кону!

Поджидали атамана и Акима Ерофеича с войском из станицы.

Народ повалил к переправе.

Первым приехал атаман. Принял, силясь сдержать улыбку, рапорт командующего хуторским отрядом — атаманца Кончикова. Поздоровался с сотней, в конном строю «евшей глазами» начальство.

Сотня дружно гаркнула на атаманское приветствие:

— Здравия желаем, ваше благородие!

По толпе, живописно расположившейся на взгорье, пронесся легкий одобрительный шум: понравилось...

Атамана обступили поселковые. Завязался масленичный разговор. Атамана наперерыв приглашали на блины.

— Едут! Едут! — раздались голоса.

— С флагами! И песенники!

В толпе движение, растет шум голосов, всем не терпится хорошенько разглядеть приближающееся войско.

И было на что посмотреть... Аким Ерофеич превзошел самого себя. Вот он сам, на сером коне, впереди песенников, лихо, с присвистом, «игравших» плясовую песню. Но в каком он был виде!

...Ехал старый генерал-великан в огромной белой лохматой папахе. Седая длинная борода ниспадала ему на грудь... На плечах тряслись пышные генеральские эполеты... А грудь! Вся в звездах и больших, с чайное блюдечко, медалях. Через плечо к эфесу шашки, под «орденами», алая лента...

Зрители ахнули от удивления и восторга.

— Вот так генерал! Чисто Бакланов!

Не успели налюбоваться на генерала, новый сюрприз. Толпа хохочет.

— Верблюд! Глядите, верблюд!

— Айдевочки, да никаких в сам-деле верблюд?!

Верблюд. Тянет сани и с презрением смотрит на окружающее. А в санях... — ну, и мастер удивлять народ Аким Ерофеич! — в санях, на передке арбы, задрала кверху нос «самоделковая» пушка — самая обыкновенная втулка от старого колеса, в великой тайне, личными усилиями самого Акима Ерофеича и станичного коваля, скрепившего ее обручами, кое-как приспособленная под «орудие».

По обе стороны от пушки, с шашками наголо, застыли — хоть картину пиши с них! — два артиллериста.

— Го-о-о!.. — гудела толпа.

— Орудия!

— И придумает-же, ечми его в корень! — восхищенно ударил себя по ляжкам старый казак. — Га-ла-ва!

«Генерал», верблюд и пушка как-то заслонили от внимания публики станичную сотню. А ее стоило рассмотреть хорошенько. Молодец к молодцу, все «куга», но подтянутая, как на настоящем смотру. Едут в колонне по-три, ружья-шомполки за спинами, гремят о стремена ножны шашек, человек двадцать с пиками, старыми дедовскими пиками, что обычно прибиваются к наружным стенам куреней, чаще всего над окнами, выходящими на базы.

«Генерал» махнул плетью и песня тотчас оборвалась. Отдав повод, он с места наметом понесся к ожидавшей его над самым Доном хуторской сотне. За ним, на некотором расстоянии, следовал трубач — настоящий трубач-Баклановец, незадолго перед тем пришедший из полка в отпуск и немедленно мобилизованный Акимом Ерофеичем.

— Полк сми-ирна-а! — страшным голосом взревел Кончиков. — Равнение... напра-аво! Гас-спада афицеры!

На рослом вороном жеребце, с обнаженным палашем, он зарысил навстречу «генералу». Короткая встреча... Шашечный салют Кончикова, небрежное, двумя пальцами, отдание чести «генералом».

Мгновение спустя, «генерал» перед серединой фронта хуторцев.

— Здорово, орлы! — звучно приветствовал он казаков.

— Здра-а-авия желаем ваше превосхо-го-го-го!...

Толпа весело «грохнула».

— Сычас... я вас... поведу в бой! — выкрикивал «генерал». — Будьте ероями! Не посрамите Тихий Дон Иванович!

— Постараемся, ваше превосходительство!

«Постараемся» вышло куда хуже «здравия желаем».

«Генерал» сердитым взором обвел фронт.

— Серчает! — смеялись в толпе.

— Я уверен... вы будите ероями!... Заране... благодарю вас... за верную службу! Спасибо, орлы!

Рады стараться... Покорнейше благодарим!.. вразбивку крикнуло несколько голосов. Осрамилась хуторская сотня...

— Полковник Кончиков! — вне себя закричал «генерал». — Я вас под суд отдам! Што за безобразия!

— Ха-ха-ха... Хо-хо-хо.., неслось из толпы.

— Делаю вам замечание!

—Трубач, поход!

Баклановец сорвал из-за плеча карнет и проиграл сигнал.

— По-о-лк, — запел бас Кончикова. — Справа по-сотенно... Левое плечо вперед... Ша-агам а-а-арш!

А сердитый «генерал» широким наметом, с развевающейся по ветру длинной шерстяной бородой, мчался уже к хутору. За ним зарысила, поломав ряды, станичная сотня.

Получивший несколько ударов огромной «шелужиной» двугорбый верблюд, везший «войсковую артиллерию», горестно и протяжно застонал и враскачку, пугая хуторских лошадей из «полка полковника» Кончикова, под смех и остроты восхищенных зрителей, часто зашлепал своими мягкими, как подушки, подошвами.

III

На песчаном холме, покрытом толстым слоем слежавшегося снега, из-под которого жалко тянулись вверх тонкие, без единого листка, стебельки-прутики низкорослого кагальника, «верхи» сидел «генерал» Васичкин.. Поодаль от него расположилась небольшая конная группа — «генеральский штаб» — трубач, махальщик с пикой, к древку которого прикреплено было белое полотнище медицинский персонал — доктор-станичный фельшер и находившиеся под его командой «конные санитары».

Маневры должны были начаться с минуты на минуту. Станичная сотня занимала позиции возле хуторских гумен. Хуторское войско, под непосредственным руководством самого «полковника» Кончикова, на рысях уходило по широкой и длинной балке — хуторскому выгону, мимо штабного холма, чтобы по сигналу начать оттуда наступление.

У начала выгона толпились зрители. В передних рядах , слегка обособленной группой, держались почетные гости — станичный атаман, его помощники, писаря, поселковые атаманы, наиболее уважаемые местные и приезжие старики. Шел общий оживленный разговор. Поглаживая бороды, деды «щерили» в веселых усмешках белые зубы — «щербатых» среди них было мало — громко восхищались «паратом», лестные замечания, по адресу «генерала» лестные замечания, вроде: «орел», «голова», «зам-мечательный казак», «этот почище многих ученых генералов будет«... Зорко следя за маневрировшими сотнями, они с тайным вожделением посматривали на четыре сдвинутых вместе стола, на них разложена была закусь: гора остывших блинов, завернутых в рушники, куски пшеничного пирога, разломанные наспех колобашки, пышки, гора мелко покрошенного сала и вареного мяса, капуста в глиняных мисках, на нескольких жестяных подносах сушеная «ягода» — темно-коричневые сморщенные дули резаный ломтиками яблок, сливы.. Но не эта снедь привлекала к себе внимание казаков — на четвертом столе, точно гвардейцы на царском смотру, двумя шеренгами выстроены были двенадцать четвертных бутылей — три ведра водки — угощение станичного правления.

— Вот это батарея, так батарея! — под общий смех воскликнул один из стариков, показывая на четверти. — Эта батарея посильней будет Акимовой... От этой батареи ку-уды больше полегнёт народу, нежели от ево...

Вдоль сенников курили, грызли арбузное и тыквенное семя, кричали, смеялись сотни казаков, старых и молодых казачек, девчата, парни... Грозя повалить плетни, восседала на них, чтобы лучше видеть, жадная до зрелищ детвора.

Нельзя было найти лучшего места для наблюдения за маневрами. Направо, за небольшим возвышением, виднелась станичная сотня. Почти против толпы, немного наискось, Аким Ерофеич со своей свитой на холме. Слева скрывалась за бурунами хуторская сотня. Словом, весь театр войны был, как на ладони.

Донеслись звуки карнета.

— Сигнал! Сигнал!

— Глядите, махает!

Толпа сразу стихла. Все взоры впились в «генеральскую» группу. Махальщик ,широко разворачивая полотнище, несколько раз кряду махнул налево-направо. И тотчас человек тридцать из спешенной станичной сотни вскочили на коней и шагом спустились на выгон. От взвода веером, на некотором расстоянии друг от друга, рысью отделились три парных дозора... Пошла разведка.

Когда ядро взвода поравнялось с толпой, далеко слева на буруне показались всадники и вслед затем послышались два выстрела. Дозоры повернули и стремглав понеслись к взводу. Снова выстрел. Один из дозорных взмахнул руками и, бросив ружье, которое он предусмотрительно держал в руке, на полном карьере камнем свалился в снег.

— Ах!, — как один человек, выдохнула толпа.

— Уби-и-илси! Истерично выкрикнула какая-то нервная казачка.

— Чорта с два! Это он нарошно, — таким спокойным тоном ответил ей сосед, рябой, высокий казак, будто упасть на полном скаку с лошади было самым обыкновенным делом.

А в это время от «генеральской« группы скакали уже трое безоружных всадников, с красными крестами на белых нарукавных повязках. За одним из них на длинном чумбуре тянулась запасная оседланная лошадь.

— Санитары!

Вот они возле «раненого», неподвижно лежавшего, разметав руки, на спине. Один из всадников, ловко спрыгнув с коня, припал ухом к груди упавшего казака.

— Доктор!

Другой, тоже спешившийся, всадник, в это время проделывал что-то со своим конем — легонько ударял его по передним ногам. Разгоряченный бегом конь мотал головой, нервно бил копытами землю. Но вот он упал вдруг на колени, медленно свалился на бок и замер.

— Ловка!... Здорово, ядерна палка!..

Сдобрительный гул голосов пронесся над толпой зрителей.

«Доктор» с «санитаром» клали «раненого», животом вниз, на седло лежавшего коня. Санитар крикнул. Конь медленно поднял голову, с трудом, повернувшись, выкинул передние ноги и сразу поднялся. Бросив поддерживать «раненого», безжизненно свесившего руки, санитары вскочили на седла и зарысили по направлению к штабу.

«Вывоз раненого», классический номер на любом конном празднике в полках, произвел сильное впечатление. О нем, конечно, все знали из рассказов служивых, но воочию наблюдать его не всем приходилось из присутствовавших.

Маневр продолжался.

Пока вывозили раненого, картина начавшегося боя сильно изменилась. От остановившегося и быстро спешившегося взвода на-

зад, к сотне, под прикрытие буруна, неслись коноводы. Оставшиеся пешие казаки разбегались и залегали в цепь. В ожидании команды, брали «на мушку» неприятеля — целились.

«Неприятель», очевидно, полагал, что обратил своих противников в бегство. Как ни в чем не бывало, весь на виду, он продолжал наступление.

— Трах! Трах! Трах! — раздались неожиданно из цепи дружные залпы.

— Ага!.. На утек!.. Гляди, гляди! — загомонили в толпе.

«Неприятель» спасался, врассыпную бросившись назад. Два казака, повиснув на стременах, с руками почти касавшимися земли, так, вися, и скрылись за буруном.

— Молодцы! — одобрили их старые опытные казаки, отлично понимавшие рискованность подобного номера.

После столкновения разъездов живо разыграли, опять по сигналам трубача и махальщика, бой в пешем строю между главными силами, сотня на сотню. Наступали друг на друга перебежками и, когда сошлись на выстрел, открыли такой огонь, что публика не знала, как выразить свое восхищение. Бабы и девки, заткнув уши, визжали от притворного испуга. Парнишки на плетнях, неистово крича, срывали шапченки и потрясали ими в воздухе. Казаки смеялись, кивали на баб: «сказились-мол-бабы-то»...

С таким же успехом прошла и конная атака — лава на лаву. Тут не обошлось без «потерь», кое-кого не сильно, но помяли... Несколько перепуганных лошадей, несмотря на отчаянные усилия всадников удержать их, врезались в толпу, произведя изрядный переполох среди казачек, на этот раз визжавших уже от неподдельного ужаса. Вмешательство бородатых зрителей, сразу укротивших взбешенных животных, прекратило панику.

Наступил, наконец, заключительный момент военного игрища. К станичной сотне, снова занявшей свою исходную позицию, прискакал от «генерала» ординарец с приказом открыть артиллерийский огонь.

Появление верблюда — о нем все забыли — вызвало бурю восторгов. «Пушку» на руках сняли с саней. Около нее остались хлопотать двое заправских артиллеристов. Один проверил запал, подсыпал пороху, пошупал прямо рукой — хобок был у «орудия» короткий — плотно-ли забит трапичный пыж. Второй в это время разматывал длинный шнур, протравленный порохом. Приладив его к запалу, казаки подожгли конец и залегли, отбежав «для верности» шагов на двадцать от «пушки».

Прошла долгая минута в ожидании выстрела. Выстрела не последовало. Пламя добежало по шнуру почти до самой «пушки» и остановилось.

— Потух! — кричали из толпы артиллеристам. — Еще раз зажгите!

Артиллеристы в нерешительности выжидали.

— Боитесь, што-ль? — крикнул маленький, седой, как лунь, но живой и бодрый старичек, стоявший неподалеку от станичного атамана.

— Ежели боитесь, скажите прямо! Я сам пойду зажгу!

— А ну-ка, Аверьяныч, покажи им стариковскую ухватку!... Докажи им, храбрецам!... — поддерживали старичка из толпы.

Не успел никто оглянуться, как Аверьяныч был уже возле «пушки» и торжественно, к глубокому стыду артиллеристов, показывал им на самом деле потухший шнур.

Аверьяныч всегда действовал решительно и быстро... Он вынул коробку серников, чиркнул спичкой, зажег шнур и спокойно направился было к своему месту. Но в трех-четырех шагах от «пушки», из явного желания окончательно пригвоздить к позорному столбу артиллеристов за их трусость, он приостановился, чтоб убедиться, горит ли шнур.

Он убедился в этом немедленно. Раздался сильный взрыв...

Когда дым рассеялся, пораженные зрители увидали лежавшего ничком храброго Аверьяныча, а невдалеке торчком стоявший лафет — самой «пушки» не было...

Толпа ринулась на «полигон»... Подняли Аверьяныча. На казаков взглянуло неузнаваемое, черное от пороховой копоти, лицо...

— Живой?

— Живой... Што ему сделается! Трошки почернел, бутта...

— Милаи! — всплеснула руками одна баба, вконец пораженная видом Аверьяныча. — Глядите, бабочки, как он бельмами-то зиркаить...

— Это хорошо, када глаза цельные...

— Он чудок, будтто, потерявшись. Вишь, стоить, как статуй...

— Хорошо ишо, што стоить...

— Дядя! Дядя! Ширни ему в глаза!

— Я тебе ширну! Человек-вить, а не скотина!

— Да-вить, антиресно... видить он, аль нет?...

— Трите его снегом! — и какая-то дружеская длань старательно начала умывать

оглушенного и еще не пришедшего в себя Аверьяныча.

— Командующий маневром приказал доложить: што случилося?

Кричал-спрашивал конный ординарец.

— Доложи, милок, его превосходительству, — серьезно сказал один из стариков, — што ево антилерия дочиста улетела к едреной бабушке...

Дружный взрыв хохота покрыл слова старика.

— Колесо осталося!

— Скажи ишо генералу, — кричали смеявшемуся ординарцу, — што один пушкарь из луней грачем сделался!

— Хо-хо-хо! — грохотали казаки.

Чтобы скорей привести Аверьяныча в чувство, решили применить «сурьезные» меры — прямо с поля повели «черного пушкаря» — эта кличка так и осталась за Аверьянычем — к столам, где на правах хозяина хлопотал, уже откупорывая первую четверть, поселковый атаман Задонского хутора.

Париж

П. Аврамов

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕРЦОГУ ХЭМИЛТОНУ, КАНЦЛЕРУ УНИВЕРСИТЕТА СЭЙНТ ЭНРЮЗ В ШОТЛАНДИИ

Господин канцлер! 12-го апреля в университет Сэйнт Эндрюз в Шотландии происходила торжественная церемония присуждения степени почетного доктора права советскому писателю Михаилу Шолохову. Следуя старинному обычаю, Шолохов преклонил перед вами колено, и вы коснулись его лба той шапкой, которую по преданию носил великий шотландский проповедник и теолог Джон Нокс. По поводу этого события я позволю себе, господин канцлер, выразить мое недоумение. Это награждение писателя Шолохова особенно надо отнести к печальным недоразумениям особенно потому, что оно произошло в столь уважаемом и славном учреждении, хранящем заветы гуманизма, как университет Сэйнт Эндрюз, существующий уже 511 лет.

Я думаю, что при вашей занятости вам, быть может, господин канцлер, не удалось ознакомиться со всеми сочинениями писателя Шолохова. И в особенности с его романом «Поднятая целина». Если же, паче чаяния, этот роман был вами прочтен, то мое недоумение от этого может только возрасти. И я объясню сейчас, почему.

Роман «Поднятая целина» писался тридцать лет. В художественном отношении это слабое литературное произведение, всецело выдержанное в духе пресловутого социалистического реализма. Слабое потому, что с начала до конца роман «Поднятая целина» написан по партийному заказу и строго выдержан в партийных канонах.

Я сам был тогда на Дону и превосходно знаю то время, те места и то казачество, которое описывает Шолохов в своей «Поднятой целине». Больше того, я могу назвать себя участником этих страшных событий, происходивших в те годы на Дону в связи с проводившейся правительством насильственной коллективизацией. В этой коллективизации, в частности, погибла вся наша семья. Те, кто пережил все это тогда на Дону, согласится со мной, во-первых, в том, что название «Поднятая целина» лучше бы было изменить на «Разбуженную ненависть».

Поскольку Михаил Шолохов писал роман по личному заказу Сталина и ставил своей целью оправдывать самое страшное злодейство — насильственную коллективизацию казаков и крестьян, — можно уже a priori сказать, что этому роману было не по дороге с художественной истиной. Так это и оказалось. И не видит этого только тот, кто или не хочет видеть, или не в сотоянии разобраться в этой горькой правде, господин канцлер!

Что же представляет собою роман «Поднятая целина» с точки зрения своей пропагандной цели? Это сочинение написано в оправдание насильственной коллективизации, обошедшейся народам Советского Союза, по личному признанию Сталина, сделанному им сэру Винстону Черчилю, в десять миллионов человеческих жизней. Кто же были, господин канцлер, эти десять миллионов человек? Это был цвет русского, украинского, белорусского крестьянства, донского, кубанского,

терского казачества и горцев, природной сметкой, инициативой и неустанным трудом стремившегося создать свое благополучие, являвшегося опорой хозяйственной мощи страны. Вот, например, один из таких зажиточных хозяев — главное действующее лицо романа — донской казак, крепкий середняк Яков Лукич Островнов. Про свою жизнь при советской власти в романе «Поднятая целина» Островнов говорит:

«Хоть и не раз шкуру с меня сымали, а я ею опять же обрастал... Нажил спервоначалу пару бычат, они подросли... Спустя время, к двадцать пятому году подошла еще пара от своих коров. Стало у меня две пары быков и две коровы. В округе получил на выставке сельской жизни за породистую кобылку награду и грамоту, как за племенную. Стал я к агрономам прислухаться, начал за землей ходить, как за хворой бабой. Кукуруза у меня первая в хуторе, урожай лучше всех. Я и зерно протравливал и снегозадержание делал... Агроном даже пучек моей пшеницы-гарновки возил в Ростов на показ властям... Первые годы сеял я по пять десятин, потом, как оперился, по двенадцать, двадцать и по двадцать восемь гектаров сеял, во как! Работал я и сын с женой...»

Я хочу вас спросить, господин канцлер, не находите ли вы, что жизненные стремления донского казака Островного удивительным образом напоминают жизненные стремления преуспевающих шотландских фермеров, которые в условиях вашей государственной системы пользуются глубочайшим уважением со стороны всего общества? На ваших «Островных» в известной мере покоится благополучие Шотландии. Но какую же судьбу уготовил писатель Михаил Шолохов нашему донскому Островному?

Этого уважаемого хлебороба, отца семейства, воспитанного в строгих принципах православия, этого труженика земли Михаил Шолохов в угоду пропаганде компартии превратил в гнусного злодея, в жестокого убийцу не только своего односельчанина и его жены, но и в беспощадного матереубийцу.

Островнов и его сын у Шолохова сосланы в концлагеря, что означало страшную смерть. Вот какой путь — в угоду партии — указал для нашего зажиточного крестьянства, для крепких середняков писатель Михаил Шолохов в своем романе «Поднятая целина». Через весь этот роман красной нитью проходит одна главная тема — тема ненависти. Недаром же в Китае «Поднятая целина» рекомендуется как дополнительное пособие для изучения генеральной линии «Истории КПСС».

«На романе Шолохова «Поднятая целина», — пишет профессор Пекинского университета Цао Цзин-пуа, — наши сельские руководящие работники учатся бдительности, умению распознавать врага, который не смиряется со своим поражением».

Тепер вы, наверное, поймете мое недоумение, господин канцлер. Тридцать лет потратил писатель Михаил Шолохов на свой очень слабый в художественном отношении роман «Поднятая целина», написанный только для того, чтобы оправдать одно из самых страшных злодеяний коммунизма — насильственную коллективизацию, обошедшуюся в десять миллионов человеческих жизней. Призывает ли этот роман к взращиванию добра? Я этого не думаю.

Примите, господин канцлер, мои искренние уверения в совершенном к вам уважении.

Проф. Н. Нижальский
(США, «Новое Русское Слово»)

ГОДОВЩИНА ЛИЕНЦЕВСКОЙ ТРАГЕДИИ

17-ая годовщина Лиенцевской трагедии была отмечена во многих местах казачьего разсеяния.

Казчьи организации парижского района отслужили торжественную панахиду в Кафедральном Соборе на рю Дарю 3-го июня. В тот же день молились за погибших казаки в Лионе, в Св. Николаевской церкви, и на юге Франции — в Грассе.

10-го июня была отслужена панихида в русском храме в Монтаржи, а после нее казаки и их друзья собрались за стаканом вина помянуть ушедших. Среди присутствующих был и приехавший из Парижа предс. Содружества Лиенца полк. Иноземцев.

**
*

В Австрии — пишет нам ст. П. Рукавичкин — 31 мая были отслужены о. Иваном Дорошенко торжественные литургия и панихида на Казачьем кладбище Лиенц-Пегец. Со всех уголков Австрии съехались казаки и их друзья помолиться за погибших, были и приехавшие из Германии, было и много

местных австрийцев. Прекрасно пел хор. Два великолепных венка обращали на себя внимание: один от Объединения Каз. Стана, участников Лиенцевской трагедии, другой был привезен казаками из Клягенфурта. В трогательной проповеди о. Иван указал на величайшие жертвы казачества в борьбе с сатанинской большевицкой властью.

После панихиды состоялась поминальная трапеза, прошедшая очень задушевно, затянувшаяся по позднего вечера.

**
*

Из Калифорнии Г. А. Улитин, член Дон. В. Круга, пишет:

Ежегодно 30 мая вся Америка поминает своих воинов, павших на поле брани.

Очевидно, история так хотела, что и мы, казаки, чудом оставшиеся в живых, в этот же день поминаем страшную трагедию выдачи в Лиенце красной Москве десятков тысяч казаков, во главе с их вождем незабвенным П. Н. Красновым.

Как живой стоит он передо мной — Атаман В .В. Донского.

Весна 1918 года. Съезд Большого Войскового Круга в Новочеркасске.

Избран Атаман вольными голосами сынов Тихого Дона, восставших против насилия красной гвардии, против незаконной власти Ленинского совнаркома.

И вот уже, как чудом, создана Донская армия.

Персияновское поле под Новочеркасском. Все поле покрыто войсками. Впереди выезжает на прекрасном дончаке фуражка на бекрень, в правой руке позолоченный пернач, Войсковой Атаман В. В. Донского.

Картина незабываемая. Красота одна! Он показывает Войсковому Кругу, «Хозяину Дона», только что созданную им молодую армию. И мы, члены Круга, принимаем этот первый парад.

Идут полки казачьи, все на них с иголочки, гудит земля, благословляет небо молодежь, поднявшую знамя родины, чести, гордости, знамя, брошенное центральной властью и затоптанное в грязь большевиками.

Идут полки без конца. Смотришь и глазам не веришь: все развалено, все разрушено и за короткое время Атаман создал такую прекрасную армию. Один полк краше другого. Особенно выделялся Атаманский полк.

Кто не верил тогда в нашу победу, в нашу правоту? Историей Российской Империи веяло от знамен тех казачьих полков, которые проходили перед нами на параде Атамана Краснова.

Чьим же попустительством кончилось все это не только в Крыму, но и в Лиенце, — страшными днями насильственной выдачи казаков Москве в австрийских Альпах?

Да, были в истории Дона и Степан Разин и Емельян Пугачев — это верно, но также были и Ермак Тимофеевич — князь Сибирский, и Атаман Межаков, поддержавший основание Дома Романовых, и граф Платов, проведший казаков по всей Европе, и генерал Балканов — покоритель Кавказа и многие другие... А Каледин?

Записал ли П. Н . Краснов со своими казаками последнюю страницу в историю казачества и его отношения с матерью Россией?

Хотелось бы верить, что нет, что жив еще дух казачества, свободного, демократического, чисто-народного.

Пути Господни неисповедимы!

Конечно, Москва виновата, что требовала выдачи, но сколько же виноват Лондон, который в угоду ей производил ту выдачу? И какими путями производил? И даже не пощадили старика 85 лет, известного всему миру писателя!

Одно мы знаем, что чистые жертвы всегда приносят добрые плоды. Слово скажет сама история! А мы, оставшиеся в живых, будем молиться о невинных жертвах и ежегодно служить панихиды.

Такая панихида была отслужена в казачьем хуторе в Глендоре 3-го июня в церкви Св. Андрея Первозванного священником о. Пантелеймоном, при большом стечении народа перед большим крестом — Памятником жертвам Лиенца.

После панихиды сестричеством была предложена гостям богатая трапеза.

**
*

Из Аргентины ст. Г. М. Туркин сообщает:

«В воскресенье 3 июня в провинциальном городе Беризатега станицей имени ген. Каледина, при участии казаков др. Каз. Войск, была отслужена панихида по героям-мученикам варварского предательства в Лиенце, Пегеце, Дахау, Рилинге и др. местах.

При входе в храм обращал на себя внимание талантливый фотомонтаж, выполненный атаманом станицы сотн. И. А. Крижневым.

В центре на черном фоне находился портрет Ермака, а вокруг портреты почти всех Войсковых Атаманов и вождей казачества, также как и портреты двух Походных Атаманов второго казачьего сполоха ген. Павлова и Доманова. Шедшие в храм все поголовно останавливались в безмолвном преклонении перед изображением ушедших и лишь после этого, со вздохами, а многие и со слезами, шли помолиться за своих героев-муче-

ников, которых всегда должны помнить не только казаки, но и вся Россия.

После литургии была отслужена панихида Владыкой Михаилом (казаком Куб. Войска) в сослужении с настоятелем храма О. Алексеем и О. Иоанном. После панихиды был отслужен молебен с провозглашением «многие лета» Атаманам, труженикам на каз. ниве и всему казачеству. Тут же в храме, после службы, Отец Иоанн, сам бывший обитатель лагеря Пегец, рассказал несколько случаев из выдачи, свидетелем которых он был сам.

После богослужения атаман станицы сот. Крижнев пригласил духовенство, хор и всех присутствовавших на заупокойную трапезу-поминки, на которой присутствовало около 70 человек. Владыка благословил хлеб-соль, а Атаман станицы в коротком слове пояснил значение сегодняшнего дня и поблагодарил гостей.

Докладчиком о Лиенцевской трагедии был Г. М. Туркин. Вначале он коснулся тысячелетней истории нашей Родины, указав, что на протяжении многовековой каз. истории казачество пережило много испытаний-трагедий, из которых не только вышло живым, но и сохранило свой быт и уклад жизни почти до наших дней.

Много писалось и еще больше говорилось о Лиенцевской трагедии за истекшие 17 лет, но можно ли молчать об этом страшнейшем ужасе и всех зверствах, совершенных культурнейшим государством нашей планеты Одному человеку невозможно передать обо всем случившемся, но я поделюсь с вами тем, чему я был непосредственным свидетелем и о чем я уже писал пять лет тому назад в «Род. Крае». Об этой трагедии мы не должны молчать и особенно не должны молчать живые свидетели, которые сами пережили эти пытки от своих так наз. союзников. И не один историк не сможет ясно и рельефно передать те мучения и страдания, крики и вопли женщин и детей, а так же и мужество, проявленное казаками в л. Пегец.

4 мая 1945 года переселенцы казаки прибыли в Лиенц, чистенький городок в маленькой долине с одним только из неё выходом. По долине протекала стремительная река Драва. Со всех сторон долину окружали покрытые лесом горы, с выделяющейся скалой, в которой была вырезана нашими предками скульптура с надписью «Генералиссимус Суворов». В Лиенце расположился штаб казачьего управления, а в долине беженцы, семьи и старики. Полки расположились в окрестностях. Вскоре в Казачий Стан приехал английский уполномоченный майор Девис. Необычайно милый и приветливый со всеми, Он немедленно распорядился об организации отличного и обильного питания. Успокаивая волновавшихся казаков, майор Девис дал им честное слово английского офицера, что они могут быть совершенно спокойны, что никто им никакого зла не сделает, а наоборот все казачье войско будет переорганизовано, а беженцы устроны на островах в колониях союзников. Наружно все успокоились, но все же появилось сомнение: а если все это ловушка? Но сейчас же вспоминалось слово английского офицера. А о заключении позорного Ялтинского соглашения никто в казачьем стане не знал. Неожиданно 20 мая был получен приказ сдать все оружие. Это был первый раскат грома... Но Девис поспешил заверить всех, что скоро будет выдано все новое. И действительно, через несколько дней офицерам выдали новое обмундирование. 28 мая было объявлено, что все офицеры Казачьего Стана должны отправляться на конференцию к Командующему Английской армией в гор. Шпиталь. Девис советовал надеть все знаки отличия. Вполне доверяя слову английского офицера, все весело разместились по машинам. Всего выехало свыше 2000 человек. Впереди, на легковой машине, ехал известный боевой генерал, писатель с мировым именем П. Н. Краснов.

Едва машины двинулись в путь, как их окружил сильный конвой танкеток. Против безоружных казачьих командиров было сосредоточено свыше 20 пушек, около 150 пулеметов и многочисленные солдаты с автоматами. Тут стало каждому ясно, что везут их не на конференцию, а на сдачу в безпощадные когти советских палачей. Но было уже поздно. Вот насколько было правдиво слово английского офицера Девиса! О судьбе увезенных, ты, Господи, веси...

Мы узнали лишь, что 12 генералов было отправлено в Москву и там повешены, в том числе и ген. Шкуро, кавалер английского ордена св. Георгия и Михаила. А что же произошло с жителями Казачьего Стана? Со стариками, женщинами, детьми? 31 мая всему его населению, свыше 25.000 душ, было приказано тем же Девисом готовиться к «добровольной репатриации» в Советский Союз. Все без исключения отказались. Была объявлена поголовная голодовка, выброшены черные флаги. Все вышли на лагерную площадь, на которой 22 священника совершали траурную службу, как бы заранее отпевая еще живых людей. Церковные песнопения были слышны во всей долине. Около священнодействующих

сгрудились обреченные. Их окружили, держа друг друга за руки, молодые казаки-юнкера. Эта живая стена защищала своей грудью немощных, давая им возможность помолиться последний раз. По приказу Девиса молящиеся были окружены танкетками, солдатами 8-ой бригады и других английских частей. Солдаты были вооружены, кроме обычного, еще дубинками, рукоятками топоров и кирок.

Солнце ярко сияло, освещая молодую зелень. Сады тихо шептались в белом уборе цветов, испускающих нежный весенний аромат. А многотысячная толпа молила Бога сжалиться, явить свою милость, спасти от надвигающегося ужаса — пыток, страданий и мучительной смерти в советских застенках. Неожиданно по чьему-то приказу солдаты открыли огонь поверх голов молящихся, а потом и бросились на них. Многие юнкера, оглушенные ударами дубинок, падают, других поднимают на штыки. Цепь была прорвана. Началось избиение стариков, женщин и детей. Воздух наполнился душераздирающими криками несчастных.

Колокольный звон многочисленных церквей превратился в воздушный гул, как бы протестуя против проявленной жестокости солдат культурнейшей страны. Мрачные ужасы Варфоломеевской ночи ничто, по сравнению с этим зверским избиением беззащитных людей. В одном месте солдат ударом дубины перебил хоругвь с крестом, другой — штыком тяжело ранил дьякона, воздвигающего Евангелие. Палками разбивали животы беременным женщинам и зачатые дети валялись возле корчившихся в предсмертных судорогах матерей. Доведенные до отчаяния люди кончают самоубийством, детей затаптывают ногами. Немолодой есаул убивает своих 4-х детей, в том числе и грудного ребенка, а затем жену и себя. На глазах молодой казачки выскакивает из грузовика её окровавленный муж, три солдаты поднимают его на штыки и снова бросают в грузовик смерти. Сердце казачки не выдержало, не могло перенести мучительной смерти любимого человека, прижимая к своей груди своих двух детей — отрока и младенца — и привязав их поясом своего мужа, выбежала на мост и бросилась в Драву. Тысячи каз. жизней поглотила река. В лесах около Лиенца повесилось около 300 человек. Жуткие картины... Сын поднимает отца до скольской петли, а потом сам вешается на соседнем дереве... Имена всех погибших знает лишь Господь... Все это чистейшая правда и вряд ли может отпровергнуть написанное майор Девис. Я не только клянусь честью каз. офицера, но готов и предстать перед международным судом цивилизованных наций, приведя живых свидетелей и не только казаков и русских, но и др. национальностей. Есть ли перо, которое сможет передать весь этот ужас? Есть ли кисть, которая может это нарисовать? Сколько доблестных казаков, старых воинов, инвалидов войны 1914-17 гг., сколько казачек и казачат тогда погибло...

Вот каким образом закончилась «добровольная» репатриация Каз. Стана... Огромные составы, наполненные тысячами искалеченных людей, под стоны и вопли отправились на Восток...»

Доклад был прослушан с большим вниманием. Многие плакали...

В заключении докладчик ознакомил присутствовавших с «открытым письмом полк. А. М. Протопопова («Род. Край» № 38) о деятельности полк. Бочарова, бывшего представителем РОА при Каз. Стане. Некоторые казаки высказались по этому поводу — и не в пользу полк. Бочарова.

***

3 июня была отслужена торжественная панахида по погибшим в Св. Успенском Храме на Алта Виста, в Каракасе в Венецуеле. Архимандритом Владимиром было сказано слово-проповедь «Лиенцевская трагедия казаков в 1945 г.«, в котором, изложив кратко ее историю, Владыка отметил открытие памятника погибшим, сооруженного трудами местных казаков по инициативе П. А. Пятницы, много вложившего труда в это дело.

***

КАЛМЫЦКИЙ ПРАЗДНИК В США

3-го июня с. г. калмыки в Фармингдэйле устраивали свои национальные праздники Урес и Ова. Другое калмыцкое Общество «Братство» в Филадельфии праздновало на своей, калмыцкой, земле неподалеку от Филадельфии. Празднество «Объединения Калмыков» происходило тоже на своей, калмыцкой, земле недалеко от Фриуд Эркс у своего, калмыцко-буддийского, храма «Раши Чемпл» возле своего общественного дома.

Праздник начался в два часа. Погода прекрасная. Небо чистое, голубое, вокруг зеленые деревья и зеленая трава. Если не слишком обозревать вокруг — иллюзия будто у себя, в своем аймаке (станице). Хурул типичный, скромный: одноэтажное здание, но с небольшим мезонином и «ганджуром» наверху («ганджур» — род скипетра из точеного дерева, шире у основания и тоньше наверху).

На Родине праздник Ова устраивался в степи и обязательно на кургане и непременно в конце весеннего сезона ,когда степь еще зеленела и цвела, а кругом кургана паслись овцы с ягнятами, скот и лошади, набиравшиеся чудесного весеннего воздуха и наедавшиеся до отвалу зеленой, сочной травой. А если подняться верхом на курган: у ног зеленая, цветущая раздольная степь, над головой чистое синее небо, да жаворонки в поднебесьи, а взор ласкают, по крайней мере, горвон зюсен мал — три вида животних: овцы, рогатый скот и лошади.

Народ собирался у кургана. Приезжали верхами и на подводах. Привозили баранину, напитки и п. еду. Много. Прибывало духовенство — помолиться Владыке Мира — Дэлкен Цаган Авга, подателю всей этой благодати. Над курганом воздвигалось еще одно возвышение из свеже выкопанного дерна, украшенное шнуром с разноцветными кусочками материи (красная, синяя, желтая и зеленая). На это возвышение ставили изображение Дэлкен Цаган Авга — Седовласого старца с длинными седыми усами, бородою, в длинном халате и с длинным посохом в правой руке.

Люди, с духовенством в центре, садятся на кургане прямо на землю. Молитва, поклоны и пожертвования Дэклен Цаган Авга. Потом трапеза, напитки, пение, танцы, борьба и скачки. Довольные и радостные, люди разъезжаются до следующего года...

У р ю с — тоже весенний праздник в том же месяце. Внутренность домов, кибиток украшается зеленью, особенно «урюс ёвсäр» — высокой кустистой травой. На дворе или поодаль от кибиток к растянутой между двумя кольями (гасан) бечевке (зэл) привязываются телята. Настроение у всех весеннее. В домах, кибитках все хорошо и нарядно убрано. Всюду «урюс ёвсён, цветы.

Самый старший из семьи или родни перебродившим молоком («чиган») той же «урюс ёвсён» окропляет все в доме, в кибитке при этом с громким восклицанием «цёк цюк»!, призывая от Всевышнего преуспеяния, процветния и умножения на все: на людях, на скоте. «Цёк, цюк, цёк цюк!!« То же он делает и в отношении телят, окропляя их лбы тем же молоком

Труд старика не остается без благодарности. Его приглашают в дом, подносят ему чашу «арьки»-водки, перегнанной из перебродившего коровьего молока («чиган»). Далее идет разного рода угощение, начиная от ритуального калмыцкого чая. Угощают не только этого «молитвенника», но и всех гостей, какие пожелают пожаловать. Визиты, угощения всеобщие и взаимные. Все довольны. Дети, что суетливые и кричащие цыплята, бегают всюду, кричат и играют, также получившие соответственные угощения...

3-го июня Общество «Объединение Калмыков» оба праздника совершает в один день. Съехались на автомобилях. Все полагаемое приготовили. Но на этот раз много торжественнее и богаче: пригласили и привезли редких и почетных гостей из далекой страны, ныне поселившихся в калмыцко-буддийском монастыре **Геши Вангиала** в Фриуд Эркс. Это — четыре тибетца из буддийского духовенства и брат Далай-Ламы г. Тубтен Норбу (он уже «старожил»). Самому старшему из новых тибетцев 34, а младшему 14 лет. Но последний считается «хубилган» (перевоплощенее некоего святого). Его звать **Ширпа-Джимбо-Римпоче.** Это очень милый, живой, смуглый, с блестящими черными глазами и, видимо, развитой смышленный юноша. Одет он в духовное одеяние с обнаженным правым плечом, накрытым широким «оркомджи» — тогой. Он знает несколько фраз по-калмыцки, напр.: — минян насан — арван дöрвöтä (т. е. «мне 14 лет»). Знает уже несколько слов по-английски.

Самого старшего из этой группы, молодого ученого звать **Геши Лгондруп Зопа.** Остальных двух звать: **Тгаи Тгартце Римпоче**, **Клямлунг-Римпоче.**

По инициативе и докладу Геши Вангиал у самого Далай-Ламы ныне, в силу известных всем событий, проживающего в Индии, вышеуказанные молодые тибетцы волей Далай-Ламы прибыли сюда изучать английский язык и культуру США. Живут они в калмыцко-буддийском монастыре в Фриуд Эркс, настоятелем монастыря является **Геши Вангиал**, ученый буддийский монах, родом калмык, но получавший высшее духовно-буддийское образование в Тибете и много лет проживавший там. Геши Вангиал превосходно знает тибетский язык, литературу. Знает он и китайский, английский, немного французский, не говоря о монгольском, который является как бы родным (калм. язык —

диалект общемонгольского).

Между Хурулом и общественным домом у высоких деревьев на специальных рамах были укреплены большое художественное изображение Будды с его двумя великими учениками Тарипутта и Могаляна (Шарин-кёвўн и Молон-тойон) и два меньших изображения Дэлкен Цаган Авга. Перед ними поставлены столы, за которыми сидело духовенство: 10 гостей и двое своих бакшей (Бурульдинов и Курсинов).

Вокруг на стульях, скамьях и стоя разместились миряне.

В два часа началась служба. Знакомые обряды, молитвы и пение. Ни большевики, ни мытарства от родной степи до США их не убили. Мыслью переносишься далеко-далеко назад и в давние времена... Не только мы, калмыки, но несомненно и эти тибетцы также переносятся на свою Родину за Гималаями: ведь, молитвы, обряды и пение — одни и те же, перед нами всеми те же святые изображения, которым поклоняются и молятся тысячи и миллионы буддистов. Насилия и кощунства над святынями калмыков и тибетцев произвели и производят люди, проникнутые одним и тем же духом, в которых нет понятия и понимания святыни и божества. Когда-то безчеловечно мучили и издевались над христианством и христианами ,но их Веру и Истину не убили и не силах были убить. Также в раннее средневековье на пространстве всей Средней и Центральной Азии вплоть до Зонских островов жгли, истребляли буддистов и их святыни. Но буддизм остался. Коммунистическое безбожничество ныне пытается вырвать с корнем и уничтожить все християнские и буддийские начала. На этом же празднике Басан Урусов мне рассказывал, как в бытность его в ссылке на Воркуте привезли туда двести слишком человек монгольского духовенства (из Монг. Нар. Республики) с их выдающимися представителями. Ничто морально их не сломило. Они молились в положенное время, не переставая перебирали свои четки — эрке, продолжая читать свои молитвы. То же делали на Воркуте и других концлагерях тысячи представителей христианского духовенства. Но все они из всех мук и страданий выходят более просветленными и возвышенными, потому что нельзя убить Дух и Истины Буддизма и Христианства: для этого понадобилось бы, м. б., истребить род человеческий до единого, но и тогда было бы нельзя, потому что Дух и Истина корни имеют в самом Космосе и его развити...

После торжественной службы, «Объединение Калмыков» пригласило своих почетных гостей в общественный дом, где им было предложено угощение. Было трогательно видеть уважение и симпатию калмыков к гостям-тибетцам. Для них даже было заказано специальное блюдо. Им поднесли дары в виде кусков материи разных цветов для «оркомджи». На столе для угощения каждому тибетцу поставили по бутылочке лимонаду, фрукты, печенья, принесли это особое китайское блюдо, а после подали и калмыцкое (мелко нарезанная баранина и бульон).

Перед трапезой Геши Вангиал собравшимся калмыкам представил тибетцев-лам и рассказал, что им самим было сделано для приезда их сюда и что они будут делать здесь. Средства для приезда и жизни здесь, кроме казны Далай-Ламы, дали и некоторые американцы. Здесь они два года будут изучать англ. язык и знакомиться с американской культурой. Они учатся шесть дней в неделю по пяти часов в день. Профессора приезжают к ним. Геши Вангиал выразил надежду, что в будущем, м. б., и единоверцы-калмыки пожелают помочь тем тибетцам, каких Далай-Лама будет направлять сюда.

После братского приветствия гостей-тибетцев Председателем «Объединения Калмыков» в Фарминсдэйле Н. Нембирковым, слово взял Б. Н. Уланов. Он напомнил присутствующим ту отдаленную эпоху, когда калмыцкое (ойратское) племя Хошоуты и их глава Гюши-Номин-хан и его потомки были защитниками буддизма в Тибете и весь Калмыцкий народ, начиная с Волги, Алтая, Джунгарии были поклонниками Далай-Ламы и Тибета, как своей духовной метрополии, принося им и огромные материальные пожертвования. Но с половины 18 в. почти на 200 лет прервалась связь европейских калмыков с Тибетом и со своим духовной Главой Далай-Ламой, пока ныне, волей судьбы, вновь не возникла связь с ним и тибетцами.

У. выражает пожелание гостям освобождения их Родины от коммунистов, а им, гостям, вооружиться теми знаниями, какие помогут им стать достойными детьми своего народа и борцами за его свободу. Речь Б. Н. У. Геши Вангиал перевел гостям на их родном языке.

Представитель их **Геши Лгондруп Зопа** дал ответ на своем языке. Как служитель буддизма, он пожелал процветания своей веры и выразил убеждение, что учение Будды всех людей (и живых существ) освободит от страдания. После него представитель калм. Сбщ-ва «Раши Рempи-Линг» Рам-Джамба Санджиев указал на силы калмыков, сумевших за короткое время добиться значитель-

ных материальных и морально-культурных успехов в новой стране — США, но вместе с тем, как на залог дальнейших важных моральных успехов в национальной жизни калмыков, он пожелал объединения здесь всех калмыков. Рам-Джамба говорил на клм. языке. Идея объединения калмыков, высказанная им, заслуживает большого внимания всех калмыков в США. Она идет навстречу ранее предпринятым шагам Инициативной Группы калмыцких деятелей в Филадельфии.

Заслуживают большого внимания калмыков инициатива и распорядительность Правления «Объединения Калмыков» в лице его Председателя Н. Нембиркова, секретаря П. Джевзинова, члена Правления С. Иванчукова и др., сумевших организовать такой праздник и прием редких гостей-тибетцев. Указанным членам Правления самоотверженно помогали г-жа Нембиркова, Саня Джевзинова и Катя Иванчукова. Среди гостей и участников праздника были: проф. Принстоунского ун-та Араш Борманжинов, кончивший Педагогический Институт в Петербурге Илюмджи Акугинов, вет. врач Содмон Кульдинов, рядом с работой для заработка много времени и сил посвящающий изучению истории монголов, калмыков, их литературы. Среди участников праздника из Лейквуда был Дорджи Джамбинов со всей своей семьей, из Нью Йорка молодая американка с мужем и ребенком, изучающая калм. яз., из Филадельфии были: Б. Н. Шарапов, член Д. В. Круга, Басан Урусов, Улюда Пацинов, Санджи Андреев с семьей, из Лос Анджелоса Э. Манжиков с сыном и родителями Горд. и Дугали Манджиковыми.

В созвучии со всеми благопожеланиями на празднике скажем: Ом, амугулунг болтуха — Да будет всем благо...

Б. Уланов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В защиту казачьей чести и, опорачиваемой некоторыми, небывалой в истории жуткой трагедии казачества (в Лиенце, Платинге, Кемптене и др.), не откажите в любезности поместить нижеследующее письмо.

Не секрет, что казаки с самого начала зарождения большевизма-коммунизма да последних дней являлись и являются непримиримыми врагами этой идеологии, созданной на Западе и сознательно силой навязанной России, которая превратилась теперь уже в реальную угрозу всему миру.

Вполне естественно, что последователи идеи коммунизма, видя ее несостоятельность и сопротивление народов, в первую очередь и при всяком случае обливают грязью каждое сопротивление врага коммунизма № 1 — казачество, приписывая ему пошлые и незаслуженные деяния, помыслы и явления.

Делают они это планомерно и усердно, сея среди казаков раздор, антагонизм, натравляя одних на других, шантажируя, провоцируя, используя печать и бумагу (которая все терпит), боясь объединения казачества, как черт ладана.

Совершенно непростительно, когда лица, именуя себя «Старым офицером», продолжают это гнусное дело, причем больше всего достается покойникам (о которых вообще не принято говорить плохо), погибшим за казачье дело.

Так зародилось «Дело Феннароли» и стали появляться странные статьи «Стар. офицеров» (см. № 36 «Род. Края»), полные клеветы, обмана и... весьма далекие от истины.

Удивительно и то, что такие писатели как ген. Науменко, ген. И. А. Поляков, И. И. Курицын, соратники Похода Атамана С. В. Павлова П. Н. Донсков и др., которые знают больше, чем «Ст. Офицер» — упорно отмалчиваются и, возможно, некоторые из них разделяют вымыслы вышеуказанного автора.

Вместо них нашлись простые казаки и казачки, смело выступившие в защиту каз. чести — Илья Бондаренко и М. П. Морозова («Род. Край» — № 39) с доводами и фактами, против которых едва ли можно что нибудь придумать противоположного, ибо эти лица действительно были в Походе с самого его начала и до конца.

«Ст. Офицер» в своей статье «скачет» от одной темы к другой, не заканчивая их, переплетая ложь с вымыслами и, обходя острые углы, обвиняет в «предательстве и подлости» одних, пытаясь выгородить основных виновников трагедии, без предъявления фактов.

Поход. Атаман С. В. Павлов у него «таинственная личность», «анонимный атаман», а

попросту — энкаведист.
Ес. Богачев с женой (расстрелянные по приказу Т. И. Доманова за попытку добиться назначения беспристрастной комиссии для расследования предательского убийства С. В. Павлова) — тоже энкаведисты.

Дочь С. В. Павлова, только потому, что училась в 10-летке, где учился и Богачев — энкаведистка.

В число энкаведистов попали все лица, которые входили в комиссию по расследованию (по настоянию семьи Павлова, которую отверг и не допустил к делу Доманов), в числе которых был ген. Науменко, полк. Одноралов, сот. Донсков и др.

Если бы Б. Н. Уланов не был эмигрантом первой войны, то и он был бы зачислен в их число, т. к. он, интересуясь каз. трагедией, ее причиной, пытался приоткрыть завесу таинственности, в чем его и укоряет «ст. офицер».

Поможем же ему найти выход из леса, состоящего из трех сосен, и беспристрастно сопоставим прошлое двух величин, которое он склоняет и спрягает во всех падежах и наклонениях, да так уверенно, что создается впечатление о его непосредственном участии в жизни каждой из них.

1. С. В. Павлов — бывший офицер авиации 1-ой Мир. войны. Был ранен при отступлении Белой Армии, долгое время скрывался. С. 1932 г. сведущий инженер-конструктор больших заводов, с расчетами и мнением которого считались крупнейшие научные величины. Беспартийный до последних дней существования сов. власти на Дону.

Т. И. Доманов занимал должность главного заведующего снабжением всех курортов на Кавказе (при Сталине). Такая должность могла быть предоставлена только особо-доверенному лицу и обязательно члену компартии, с большим стажем и с непосредственной связью с НКВД.

Ряд его сослуживцев (агенты по снабжению) были при нем в Италии и выполняли «особые поручения» по наблюдению за офицерами, как то: есаул С., сотник П., есаул Е. и др.

2. С. В. Павлов, после консервации заводов (до прихода немцев) пожертвовал своей будущностью крупного специалиста, конструктора заводов, будущностью своей дочери, ученицы Политехнического Института, и семьи. С большим риском не эвакуировался сам, не эвакуировал свою семью, хотя имел к тому полную возможность. Еще до прихода немцев он организовал подпольные каз. отряды, разминировал все цехи заводов и электростанции, приготовленые к взрыву (по приказу Сталина). С приходом немцев его отряды бились с сов. войсками на многих участках на Дону. Создал Казачий Стан и вывез тысячи казаков с семьями на Запад. Бесстрашный, лично, без охраны, объезжал все обозы, ободряя уставших, руководил борьбой с наседающими со всех сторон сов. партизанами, парализуя их активность и... пожертвовал своей жизнью в Ново-Грудке, пав от предательской руки.

Чем же пожертвовал Т. И. Доманов?

Семью свою заблаговременно эвакуировал в глубь страны, передав ее на попечение сов. власти, а сам перебрался в рабочие поселки гор. Шахт, где и скрывался долгое время, не проявляя никакой деятельности, стараясь быть незамеченным.

Позже примкнул к отходящему Стану С. В. Павлова в качестве пассажира и только с Кривого Рога стал иногда появляться на глаза. Став нач. Штаба Поход. Атамана, мешал деятельности последнего, особенно в борьбе с партизанами, направляя некоторые обозы по опасным дорогам, извращая приказы и распоряжения Атамана, чем и вызвал неприязнь не только со стороны С. В. Павлова, но и казаков, а особенно казачек, которых боялся больше, чем огня. Людей всегда сторонился и избегал. Его вообще в походе нигде никто не видал. Даже после предательского убийства С. В. Павлова, он изредка стал появляться в безопасных местах, при усиленной охране, произнося «речи», полные угроз расправиться с «внутренними врагами»(?). Движением обозов руководили назначенные им лица, которых не без основания «клевали» казачки. Эти лица направляли обозы, начиная с Ново-Грудка, по густым плохо проходимым лесам, полным сов. партизанами, по тяжелым пескам, по мало проезжим проселочным дорогам, где мосты были взорваны, а пути минированы, подставляя их под частые нападения партизан, отчего потери в обозах, как и в людях, так и в перевозочных средствах были огромны, чего не было при С. В. Павлове. Это очень хорошо помнят казаки и казачки, воевавшие с партизанами и «командирами» обозов, помогавшими друг другу.

Что касается опубликования ТАСС об его казни, то при сов. власти «казнили» многих видных деятелей, а через 10-15 лет их реабилитировали и они до сих пор продолжают свою работу. Если же действительно казнили, то лишь для того, чтобы избавиться от лишнего свидетеля (мавра — сделавшего свое дело), что в сов. действительности бывало... Так уничтожили почти поголовно всех пар-

тизан и их руководителей (тоже мавров).

Был случай, когда игра Т. И. Доманова привела к тому, что сов. танки гусеницами давили каз. обозы от хвоста до головы, а сам Доманов с небольшой кучкой охраны был спасен немец. отрядом, перевезшим их на лодках через реку. Это гнусное дело расписали в чисто сов. стиле, как «безпримерный героизм Т. И. Доманова», дорого стоивший казакам, за что он получил с помощью Радке Железный Крест. А С. В. Павлов был тогда уже покойником и забидовать этому, как пишет «Ст. офицер», конечно уже не мог. Это помнят казаки и казачки, а вот «Ст. офицер» «запамятовал»...

3... С. В. Павлов был выбран казаками на Дону Походным Атаманом перед походом на Запад. Документы об его избрании хранились в Штабе Пох. Атамана и исчезли после его смерти. Отношения его с герм. командованием были независимые, самостоятельные, что раздражало некоторых немец. министров, особенно Розенберга. Приведем один из примеров. В с. Красносилке были расположены на отдых табуны дон. лошадей. До сведения С. В. Павлова дошло, что обслуживающих табуны казаков немец. офицеры бьют по лицу. Он немедленно потребовал у соответствующего командования замены офицерского состава немцев. Это было сделано и отношение к казакам резко изменилось. Это хорошо помнят казаки, а «Ст. офицер» не помнит? Может быть, он помнит, что когда в том же селе были похоронены погибшего казака, то Пох. Атаман С. В. Павлов приехал, сделав десятки километров для отдания почестей погибшему?

Т. И. Доманова никто, никогда, нигде не избирал. После убийства Павлова, при помощи представителя Розенберга — Радке, о котором так правдиво писал И. Бондаренко («Род. Край» № 39), Т. И. Доманов получил назначение на атаманство, повышение в чинах и желез. крест. Без Радке он никогда не отдавал ни одного приказа и распоряжения, не писал даже писем и отчетов, никогда и нигде с ним не расставался, всегда жил вместе с ним в одном доме в соседних комнатах. Имея такую умную голову вместо своей, Т. И. Доманов только поэтому был «очень спокоен и выдержан», как пишет «Ст. Офицер».

Фактически ему не нужно было думать и решать, тем более, что это было делом привычки. На курортах, при сов. власти, за него думала партия и правительство, а в походе (после смерти С. В. Павлова) — Радке, для которого казаки были всего лишь «унсерменши».

***

По настоянию того же Радке перед министерством Розенберга ген. П. Н. Краснов с центральной канцелярией был перевезен в Италию, для того, чтобы быть под надзором его и Доманова.

Когда старый генерал ознакомился с положением и после своих бесед с Радке, он плакал, как ребенок, перед некоторыми офицерами, навестившими его, как своего старого командира, заявляя, что он только теперь понял, как глупо попался в ловко расставленную сеть. Как известно, Радке отстранил его от всякой деятельности, ограничил до минимума общение с казаками, использовав его имя, как символ, но фактически держа его под домашним арестом.

Так же Радке заманил и ген. Шкуро, который приехал в Толмеццо, но, повидавшись с П. Н. Красновым, во время ускользнул из западни.

И эти данные также неизвестны «Старш. офицеру» или о них не «помнит»?

Тогда после далеко не полного сопоставления двух величин, уместно будет задать ряд вопросов (так-же далеко не всех).

1. Если Доманов не был замешан в убийстве С. В. Павлова, то чем объяснить ,что, получив через Радке чины, кресты и власть, Доманов немедленно стал расправляться со многими (действительно старыми) офицерами, членами комиссии по расследованию убийства С. В. Павлова и со многими казаками связанными с покойником и с семьей его?

Как известно, с помощью Радке из Стана были удалены: ген. Науменко, полк. Одноралов, сот. Донсков и ряд др. офицеров. Богачев с женой были расстреляны, а от семьи С. В. Павлова отобрано все до нитки, запрещены с нею всякие сношения казакам и... она была... выслана. Остальных неугодных ему называл «павловцами» (разве не похоже на сов. ярлык?), лишал звания, должностей и держал под арестом.

Так в застенках С-І сидели сидели офицеры и казаки, ранее репрессированные сов. властью и отбывавшие теперь наказание под ярлыком «павловцев», а бывшие милиционеры, сексоты, агенты НКВД, опознаные сидевшими (при актах выселения, арестах и следствиях), не только были на свободе, но получали чины и должности. Многие стали станичными и хутор. атаманами, которых «разделывали под орех» под общее одобрение — казачки.

2. Для чего нужна была Доманову сов. провокация по отобранию имущества у местных жителей, по выселению жи-

вущих и насильственному засеиванию чужих полей в с. Баллино (о чем пишет Бондаренко), а также в Италии в с. Олесо (которое, кстати переименовали в Новочеркасск и где был даже Платовский проспект), где казаков и казачек, отказывающихся от колхозных провокационных мероприятий, лишали скудного немецкого пайка, арестовывали и все же выводили в поля под ружьем?

Известно, что после этих Домановских сельскохозяйств. предприятий титовские самолеты подвергли бомбежке все село, где погибло много безвинных казаков, их жен, стариков и детей.

3. Если по утверждению «Ст. Офицера» С. В. Павлов выехал из Ново-Грудка с охранной сотней не для объезда обозов и помощи одному из них, подвергнувшемуся нападению сов. партизан, а для каких то «корыстных целей», то кем был разработан маршрут (если не начальником Штаба), тайно согласованный с герм. командованием? На пути движения сотни был выставлен сильный немец. отряд с тяжелыми пулеметами, т. к. ему было указано, что по этому маршруту будет двигаться не охранная каз. сотня, а партизаны, и указано было время?

4. Почему, дойдя до пригорка, где на склоне была уже немецкая засада, сам начальник Штаба приостановил движение дозорных, вместе с приближенными и ракетчиками слез с лошадей, подошел к кустам, не остановив движения сотни, а когда немцы открыли огонь по первым появившимся, то Доманов, имея при себе ракетчиков-сигналистов и ракеты, не подал опознавательных сигналов?

Единственная оплошность, которую допустил С. В. Павлов, всегда не доверявший и проверявший действия начал. Штаба: из за поспешности выезда на этот раз не проверил...

5. Если Доманов был далек от сов. провокации, то зачем ему понадобилось **навязать** каз. полки герм. командованию для подавления восстания в Варшаве, которое, кстати, было спровицировано сов. командованием (что подтверждают поляки)?

Сколько погибло там казаков, а у Т. И. Доманова появились варшавские «сувениры» — драгоценности и килограммы золота, которыми он сам хвастался, называя их «подарками от героических полков»?

Известно, что и за эту гибель казаков он получил Железный крест, а при отступлении от Толмеццо много килограммов золотых вещей попало в руки истопников, работавших в подвале «дворца», где, повидимому, их прятал «атаман».

6. Разве неизвестно «Ст. Офицеру», как был дезорганизован отход из Италии в Австрию? Сколько казаков и семей казачьих было брошено на произвол судьбы в таких отдаленных местах, как Удино и др. и что многих привозили на своих подводах итальянцы-бадольевцы, а отдельные части бились с коммун. партизанами, уходя с большими потерями, сами, без помощи и заботы Штаба...

Кроме того, сколько офицеров Штаба Доманова оказалось руководителями партиз. отрядов итальянцев коммунистов, которые с красными повязками окружили своего коменданта полк. Чебуняева? Что спасло многих, если не героизм и мужество последнего?

7) Если Т. И. Доманов был избран на пост Атамана (а назначен через Радке), то чем объяснить частые волнения казаков в полках, на замирение которых требовались немецкие офицеры вместе с пресловутым Радке и что все требания казаков исполнялись немецкими офицерами?

7. Если он не был связан с сов. командованием, то кто ему устроил первую встречу с анг. командующим ген. Александером с участием Радке и переводчика Бутлерова, где он получил распоряжение о выдаче, которое скрывал от всех, и вместо того, чтобы предупредить о грозящей опасности, сам отдал распоряжение о сдаче оружия, о выезде на мнимую конференцию и вылавливал скрывающихся и уклонявшихся, объявив их вне закона? Даже уже обезоруженной охране приказал не выпускать из обоза жен и детей в окрестные села для обмена вещей на молоко детям?

9. Кому же фактически служил Доманов? Советскому, английскому, немецкому командываниям или казачеству?

Как видно, он аккуратно выполнял приказы всех командований, вместе взятых, и освободился от казаков лишь в Австрии, в Шпитале, откуда завез на «конференцию» офицеров, с придачей еще сверх нормы и чиновников, обезглавив казачество, судьба которого известна по Лиенцу.

Если честно ответить на все заданные вопросы, то нет и не будет нужды больше в возобновлении «дела Фенаролли», о котором пророчит «Ст. Офицер», ибо оно — фарс, артистически разыгранный лицами, ничего не имеющими общего со страшной и незабываемой каз. трагедией.

«Ст. Офицер» не пощадил и покойников, положивших жизнь свою за общее казачье, а теперь уже и Мировое, дело. Вместо провоз-

глашения им вечной памяти, тяжело их оскорбил и не только покойников, о которых вообще не принято плохо отзываться, но и все казачество, в том числе и себя самого, если он казак.

США. **«Новый офицер»**

К СВЕДЕНИЮ КАЗАЧЬЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

В Нью-Йорке появился некий А. Крамаровский, он же Скромнов, который в Общеказачьем журнале, в № 20, написал гнусное клеветническое сочинение, глумясь над мертвыми казачьими генералами, мученически в Москве жизни свои отдавшими за счастье и свободу казачества. Он ввел этим в заблуждение казачьих писателей, написавших много книг о казачьей трагедии 1945 года.

Г-н А. Крамаровский пишет: «После передачи англичанами большевикам казачьих офицеров 29. мая 1945 г. в сов. лагере старший следователь при помощи А. Тихоновского и нач. лагеря, всячески издевался над генералами Красновым, Домановым и Шкуро, называя их бандитами, гадами, стервами и т. п., избивая и плюя в лицо Доманову, после допроса приказывал красноармейцам развести генералов по отдельным камерам №№ 1, 2 и 3.»

Дальше он пишет: «советский лагерь был сплошь застроен бараками, где красноармейцы размещали остальных каз. офицеров по тридцать-сорок человек в каждой камере с двухэтажными нарами. На допрос генералов через большой двор водили два вооруженных красноармейца».

На стр. 10 г-н А. Крамаровский пишет: Доманов и Краснов знали о предстоящей выдаче казаков и об этом объявили офицерам на совещании, а на стр. 26 он же пишет: «Краснов , Доманов и др. не ожидали, что их с казаками выдадут и мечтали верой и правдой послужить англичанам и американцам»

И дальше: «Тихановский и Сюсюкин были в стане Доманова агенты НКВД. Сюсюкин по пути следования в сов. лагерь в Юденбург в машине раздал яд офицерам и сам отравился».

Мы казаки, старые эмигранты 1920 г., пережившие весь ужас нашей выдачи советам 29 мая 1945 г., отбывшие там по 11-12 лет заключения в сов. концлагерях и согласно ходатайства наших семейств и на основании сов. амнистии от 1955 г., как иностранцы, отпущены к нашим родным на Запад, категорически утверждаем: Никаких допросов, оскорблений и избиений в сов. лагере в Юденбурге не было, ибо там не было ни старших, ни младших сов. следователей, т. к. нас приняли фронтовые части сов. армии. Никакого сов. лагеря с бараками, камерами и двухэтажными нарами тоже не было, мы были размещены в Юденбурге на литейном заводе. В бывшей конторе завода помещались генералы, а мы на траве во дворе, часть в здании завода. В середине огромного двора завода безоружные красноармейцы поставили столы и вели регистрацию прибывших. Во время этой процедуры во дворе завода появился сов. ген. Долматов, в сопровождении сов. майора и еще 3-х офицеров. Быстро осведомившись о том, где находятся генералы П. Н. Краснов, Шкуро и др., Долматов подошел к ним, поздоровался за руку и высказал свое удовольствие быть с ними знакомым. Тут же Долматов заговорил о гражданской войне, напомнив ген. Шкуро одно из сражений, в котором он, Долматов, опрокинул части Шкуро. «Ну и мы вам давали» — не выдержал ген. Шкуро, прибавив крепкое словцо. «На то она и война» — засмеялся Долматов и выразил тут же крайнее свое удивление по тому поводу, что англичане привезли и старых эмигрантов, сказав: «сов. правительство требовало выдачи только своих советских граждан, а со старых эмигрантов нам спрашивать нечего, они не наши, но списки уже в Москве и он отпустить нас не может, т. к. это дело Москвы». Там же ген. Долматов приказал сов. майору: «никаких самочинств, всех доставить в Москву — приказ Москвы». Этим и закончился допрос наших генералов, потом их на самолете отправили в Москву, а нас на второй день поездом через Градскую Тюрьму в Сибирь и только там через 2-3 месяца началось следствие. В г Прокопьевске в лагере одними из первых подверглись допросам и пыткам штабс-офицеры из новой эмиграции, в том числе Тихановский и Сюсюкин, последние получили по 25 лет каторжных работ, в 1955 году А. Тихановский находился в закрытом спецлагере Тайшет № 025, а А. Сюсюкин жив и нахо-

дился в 1955 году в закрытом режимном лагере Чингир-Караганда, а потому все написанное г-ном А. Крамаровским с подтасовкой фактов простая ложь.

Провожали нас защитники цивилизации англичане гораздо хуже, нежели нас встретили наши враги большевики!

В Австралии в г. Мельбурне нашелся ретивый попутчик А. Крамаровского некий П. Б. Данилов, который так же клевещет на казаков и их Атаманов ген. Семенова, Калмыкова и др., а также на нас, вернувшихся с того света—из сов. концлагерей, как иностранные подданные старые эмигранты. П.Данилов называет себя царским офицером, боровшимся против большевиков в 1917-1921 г. Будучи захваченным в Харбине большевиками в авг. 1945 г., ничуть не пострадал, не был арестован и не судим советами! С 1945 г. по 1953 он посещал сов. школу политграмоты, получил сов. гражданство (подданство) и с сов. паспортом в 1953 году выехал в Австралию, в страну, где никогда не был и подданным Австралии не являлся! Вырваться сов. подданному из рук чекистов заграницу действительно чудо! А потому можно с уверенностью сказать, что П. Даников послан чекистами для дискредитирования казачьего имени! Странно, что журнал «Казачье Единство» помещает такие подлые пасквили в адрес своих же братьев казаков!

В Италии в г. Флоренции до войны 1941 г. проживал Подъесаул Посохов Николай. Во время войны он служил у немцев осведомителем в гестапо и доносил о всех подозрительных итальянцах, появившихся в районе Казачьего Стана, в гестапо и Штаб Каз. Стана. После нашего ухода из Италии Н. Посохов остался в Италии и как видно с ним тоже ничего не случилось, т. к. впоследствии он объявил себя полковником и «верховным атаманом» и тоже писал всякие гадости в 1961 г. против своих же казаков, «которые делали бесчинства, находясь в Италии». Если и были таковые, то только в ложных доносах того же подъесаула Н. Посохова!

И. Астахов, А. Аверкиев, П. Белов, А. Белинский, Ф. Вяткин, П. Говорухин, Г. Давыдов, Н. Долганин, А. Протопопов, Б. Протопопов, А. Петровский, Б. Попов, Д. Смирнов, Н. Рудаков, Б. Раков.

Германия.

У Ш Е Д Ш И Е

† 1 окт. 1961 г. в г. Шель (под Парижем) скончался после операции (рак печени) георгиевский кавалер, урядн. Н. З. Черньшков, ст-цы Бело-Калитвенской В. В. Д. Похоронен на местном кладбище. Действительную службу в 1-ую Мировую войну покойный служил во 2-ой Дон. Каз. Батарее.

† 12. окт. 1961 г. после тяжкой операции (рак желудка) в г. Рокжар-ле-Пен (Франция), 73 л. от роду скончался подхорунжий 9-го Дон. каз. полка В. М. Родионов, ст. Семикаракорской, хут. Кузнецовского ВВД. Покойный занимался куроводством. Похороны состоялись на местном кладбище, в присутствии большого количества русских и французов. Отпевание совершал приехавший из Канн протоиерей О. Николай Соболев. Мир праху твоему на чужой земле, дорогой станичник и сослуживец по полку. — Сообщил Г. И. Елисеев.

† В Югославии скончались 9/3 с. г. подъес. Куб. Войска Д. М. Гапонов, а 21/1 подхор. А. С. Круц.

† 29 марта в Сеатле (США) скончался ес. Семиреченского Войска Н. Н. Яцын.

† 24 апреля в Лидс (Англия) скончался подхор. И. В. Щепин, Куб. В.

† 3 апр. в Англии умер ес. Л. Гв. Каз. полка — Н. Д. Ляхов.

† 14. апр. в Патерсоне после тяжкой болезни скончался Ф. С. Касьянов ст. Убежинской Куб. В.

† Получено известие, что 18 мая с/г в Ленинграде скончался на 78 году жизни известный геолог, горный инженер, основатель слюдяной промышленности, «Отец русской слюды», Мишарев, казак Зотовской станицы, В. В. Донского, оставив вдову и сына 15. лет... О чем с прискорбием сообщает Гр. А. Улитин.

† Правление Общ. Каз. Кассы Взаимопомощи в г. Клагенфурте (Австрия) с глубокой скорбью сообщает о смерти Г. А. Лобова Ст. Золотовской хутора Тапилина В.В.Д., рожд. 1897. 15. 4., скончавшегося 9. 6. 62. Похоронен на кладбище в г. Клагенфурте.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖЕМ

◆ 27 мая в Париже в «Доме Белого воина» состоялась многолюдная встреча казаков парижского района для взаимных пасхальных поздравлений, устроенная Дамским Комитетом Каз. Союза. На Пасху по всем старческим домам Франции и одиноким престарелым казакам Дам. Комитетом были разосланы пасхальные посылки.

◆ Тяжело заболел предс. Дон. Войск. Объединения, член редакц. коллегии «Род. Края» В. Н. Романов. Редакция шлет Венед. Ник. свои пожелания скорейшего выздоровления.

◆ 17 июня на годовом собрании Кубанского Объединениз во Франции были произведены перевыборы правления. Избранными сказались: М. Л. Мальшко — председателем, М. И. Кошель — в. председ., А. Н. Толбатовский — секретарем, А. М. Огиенко — казначеем, К. Т. Богданов — действ. членом. Эти лица входят в сотав правления Каз. Союза.

В ревиз. комиссию выбраны: П. И. Джалюк — председ., Ф. Ф. Пеница и А. В. Слюсаренко — членами.

◆ Новинки книжного рынка: «Куб. Истор. и литерат. сборник» № 14, изд. ген. Науменко, Издательством «Сеятель» в Аргентине под названием «Записки белого партизана» выпущены мемуары ген. А. Г. Шкуро, заканчивающиеся ноябрем 1919 г.

РОЗЫСКИ: Капитон Андреевич Каргин с женою Марией Никифоровной розыскивает знакомых Пятиизблянской и Н. Чирской станиц. Писать: Kargine Casa di Cura. — Mater-Christ. — Grono, Suisse.

◆ Алексей Федорович Алексеенко розыскивает находившихся в Австрии Петра Федоровича Сахно, ст. Чертковской, хут. Александрина, и Данилу Спиридоновича Григорьева, стан. Куремоярской, хут. Чепурина. Писать: Alexeenko. 30 rue Clemanceau. — Algrange (Moselle) — France.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1-го мая по 1 июня 1962 г.)

Фонд Издательства: г-жа Морозова — 1 долл., Н. Н. Воробьев — 3 долл., г-жа М. Туркина — 5 долл., Арапов — 5 шв. фр., Каргин — 100 шв. фр., С. Артемов — 20 н. фр., П. А. Селиверстов и Воронин по 5 н. фр., проф Миллер — 10 герм. мар. От Отеделения Каз. Союза Востока Франции через К. В. Кадыкова 22 н. фр.

Через Б. Н. Уланова — А. Цебеков — 3 долл., Б. Бембеков — 4 д., д-р Ряхин — 2 д.

Через С. И. Донскова из Аргентины — 84,23 н. фр.

Для передачи Дам. Комитету Каз. Союза: ИКС — 30 н. фр., А. А. Гордеева — 15 н. фр., О. Бальбуциева — 5 н. фр., г-жа Журавлева — 1 долл., ес. Сердинов — 2,50 н. фр.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Комит. Каз. Союза просит всех жертвователей принять искреннюю глубокую благодарность

Подписка в фонд издания книги «Дикое Поле» Донского поэта Н. Н. Евсеева: Правлению Донской станицы гор. Лос Анжелес 50 дол., Проф. Г. П. Чеботарев — 30 дол., Н. Г. Стортенбекер — 10 зол. дол., В. А. Балахнин, В. М, Яворский, Н. Евсеев по 10 дол. А. М. Губкин и Бирюков Р. Р. по 20 дол., Т. П. Локтионов — 3 дол., В. В. Громыко, И. С. Терещенко, Ермилов, Б. Сидор по 2 дол., В. Балахнин — 4 дол., Н. Орлов и де Минвар по 5 дол., Петровский И. А. — 7 дол., Дениз Дени — 200 нв. фр., Б. П. Попов — 110 нв. фр., И. Я. Герман и Н. П. Герман по 50 нв. фр. А. Н. Демченко — 17 нв. фр., А. Аристов, Н. Подрезов, Цыганков по 15 нв. фр., через И. Д. Журавлева 30 нв. фр. (Абандан — 11 подписчиков), Проф. Михайлов — 20 нв. фр., Н. Ф. Белогорцев, М. С. Васильков, И. И. Волковников, Я. И. Вильсон, А. А. Г., Т. Ч. Павлова, Т. И. Орлов, И. В. Попов, В. Д. Зеренинов, Библиотека Монморанси, Ф. С. Родин, И. Е. Рыковский, Е. Дубинская, М. М. Кочубей, В. Г. Кононенко, И. И. Туроверова, А. И. Кошуль, В. П. Кондратович, П. Байтуган, Звегинцева, Н. С. Казакевич, А. А. Шик, Ф. Шидловский, Г. Н. Наумов, С. Г. Сидоренко, С. М. Кожевников, А. Г. Колесников, Б. П. Горницкий, К. Доманов, Сойкин, Н. Филоненко, Е. М. Уткин, А. В. Филатов, Мишухин,

Скандилов, Николаев, Нечаев, Попандопуло, А. А. Корнева, Орлов М., Донсков, А. Троицкий, Шалико-Колондазе, И. Чернояров, К. М. Щепкин, Н. Н. Кузнецов, Д-р Максимович, С. Моноссон, І. Моноссон, Девлет-Кильдеева, Е. К. Лясковская, Ковалев Н. И., Артемов С. Бирюков по 10 н. фр., Мария Волкова, проф. Миллер М. А. по 10 герм. марок.

В июне с. г. в Комитет для издания по предв. подписке книги Н. Н. Евсеева вошли еще следующие лица: во Франции — Б. К. Зайцев, А. А. Шик, В США — В. А. Балахнин, Р. Р. Бирюков, проф. Г. П. Чеботарев, в Аргентине — С. И. Донсков, в Австралии — Б. С. Домогацкий.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15.233.79, Nointel par Presles, (S. et O.), France.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Mr. Bogaevsky, 52, av. Flachat, Asnieres (Seine).

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н. фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3,50 н. фр.) и репродукцию в красках с картины С. Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце» (размер 32x16 см. цена 8 н. фр.).

В США, книги можно выписывать через Б. Н. Уланова — Mr. Oulanoff. 601. W. 160 St. Apt. 4c. New-York 32, N.Y. — U.S.A.

В Аргентине: — через С. Донскова: S. Donskov. H. Yrigoyen 878. D-to «D». Vincente Lopez F.N.G.B.M. Buenos-Aires. Argentina.

Из редакции «Р. К.» можно выписать гравюру «Из нашего прошлого», отпечатанную на бристоле, помещенную на стр. 17 — № 40 «Род. Края». Стоимость 1,50 нов. фр. (заграницей — 4 почт. международ. купона) с пересылкой.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Поздравления с Войсковыми Праздниками.
От Кубанского Войскового Атамана.
Б. Богаевский — «1812 год».
В. Скандилов — «К 150-ти летнему юбилею Бородинского сражения».
Юшкин-Котлубанский — «Взлетят орлы...»
В. Зарин — «Памяти Кубанского Кобзаря».
«На Дону».
Архимандрит Владимир — «Лиенская трагедия казаков в 1945 г.».
Н. М. Мельников — «Рузвельт, Сталин и Черчиль».
Н. Евсеев — «Первопоходникам».
Е. Ковалев — «Харлампий Ермаков герой «Тихого Дона».
О Г. — «Генерал И. В. Турчанинов».
Проф. М. Миллер — «Еще о семье Богачева».
«Донская Летопись».
А. М. Отиенко — «Юбилей».
Н. Туроверов — «Вольница».
А. Скрылов — «Что такое книга «Начало Казачьего словаря», и денежный отчет об ее издании.
М. П. Морозова — «В горах».
А. П. Падалкин — «О статье Ковалева».
Б. Уланов — «Б. В. Харламова».
Ушедшие.
Казачья жизнь за рубежом.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff C.C.P.P. 15.233.79, Nointel par Presles, (S. et O.), France.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Mr. Bogaevsky, 52, av. Flachat, Asnières (Seine).

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, еге сподвижники и продолжател» Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н. фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3,50 н. фр.).

В США книги можно выписывать через Б. Н. Уланова — Mr. Oulanoff. 601 W. 160 St. Apt. 4c. New-York 32. N.Y., U.S.A.

В Аргентине — через С. Донскова: S. Donskov. H. Yrigoyen 878. D-to «D», Vincente Lopez. F.N.G.B.M. Buenos-Aires, Argentina.

Опечатка: «Род. Край» № 39 стр. 3. А. Скрылов — «Ген. Л. Г. Корнилов». Ген. Корнилов был казаком Каракалинской станицы Акмолинской области, а не Кокпетинской.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, А. М. Огиенко, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 42. Сентябрь-Октябрь 1962. — 3 N. F.

PAYS NATAL Septembre-Octobre 1962. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ВОЙСКОВЫМИ ПРАЗДНИКАМИ

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Отдел партизан Чернецовцев - Семилетовцев, Содружество Лиенца и Дам. Комитет Каз. Союза поздравляют Атаманов, казаков и казачек с Днем Покрова Пресвятой Богородицы и с Войсковыми Праздниками и желают всем единения, бодрости духа и сохранения веры в будущее казачества.

Председатель Каз. Союза: **Б. Богаевский**

Редакционная коллегия «Родимого Края» поздравляет казаков с Войсковыми Праздниками и Днем Покрова Пресвятой Богородицы и просит принять пожелания здоровья, сил и моральной бодрости.

Редакц. Коллегия «Род. Края».

ОТ КУБАНСКОГО ВОЙСКОВОГО АТАМАНА

Поздравляю Вас, Родные Кубанцы, с наступающим Войсковым Праздником и желаю Родному Войску много лет здравствовать, а каждому из Вас: мира, любви и всякого благополучия.

Сдновременно с этим, — сердечно благодарю Родных Кубанцев за оказанную мне высокую честь и доверие, переизбранием меня на второй срок атаманства, т. е. на 1962-66 годы.

Не могу не отметить того обстоятельства, что и на этот раз, как и два предыдущих, Вы выступили на выборы широким фронтом, невзирая на всякую пропаганду разных безответственных лиц, порой даже скрывшихся под псевдонимом и дали мне больше тысячи Ваших голосов, что особенно ценно в данное время, так как многолетнее пребывание Казачества в эмиграции, не могло не отразиться на его спайке, существующей в Казачьих Войсках спокон веков.

Появилось много политических программ и в каждой из них что-нибудь приятное и соблазнительное для части казаков, мешающее объединиться нам в одну Казачью Семью.

Одни находят, что спасение Казачества только лишь в признании Главой Государства Российского одного из Великих Князей и изолировании себя от инакомыслящих.

Другие же, именующие себя «вольными казаками», проклинают вскормившую нас Матушку-Россию и считающие русский народ своим злейшим врагом, при этом даже угрожают всем тем, кто не принимает их политическую доктрину, что по освобождении Родины они не будут иметь места на Кубани или же Дону.

Все эти программы составлены здесь за границей, вне связи с тем, что выработано самой жизнью на нашей Родине, как и все они уверяют, что Казачества могут возродиться только при том образе правления, который желателен для них.

Кроме того мы видим, что ни одна из казачьих политических партий не освободила за сорок с лишним лет Родные Края наши, а вреда в объединении Казачества в одну семью принесла не мало.

В День Войскового Праздника, я, выбран-

ный Кубанцами, находящимися в изгнании, на ответственный перед Родным Войском и его историей на пост Войскового Атамана, напоминаю Казакам от генерала до урядника то, о чем никогда не нужно забывать:

История нашего Войска сотворена нашими предками славными Запорожцами, этими рыцарями без страха и упрека, у которых политическая доктрина была единственная для всех: БОГ и КАЗАЧЕСТВО.

Наши деды и отцы своей кровью и потом сотворили то, что мы имели на Руси до революции в 1917 году, о чем теперь многие из нас часто вспоминают и нередко проливают горькую слезу.

Нашими отцами, братьями и нами самими во время Гражданской войны защищались Родные Края и не наша вина, что эта битва была проиграна. Мы сделали все от нас зависящее, чтобы не допустить хозяйничания на нашей земле злого ворога-коммуниста. Справедливый историк в свое время найдет виновников этого поражения.

Никакие законы, конечно, не могут удовлетворить всех казаков и всегда найдутся люди, готовые нарушить их, не признавая никакого права за большинством.

Во всяком государстве есть партии, борящиеся между собой за первенство,что совершенно нормально, но это недопустимо в Казачествах, находящихся в эмиграции. В то время, когда наши все силы должны быть использованы на борьбу за свой Родной Край, — мы ведем междуусобную «холодную» войну, которой широко пользуются наши же общие враги и охотно вбивают клин в малейшую трещину нашего казачьего организма.

В этой междуусобице некоторые казаки дошли до крайнего предела, когда дальше идти некуда. Сни стараются провести между казачеством ту идею, что НИКАКИХ чисто войсковых организаций быть не должно, как и выборов ,Войсковых Атаманов в эмиграции, так как в этих выборах не могут принять участие казаки, находящиеся за «железным занавесом». Иными словами, пытаются уговорить еще верных своему казачьему долгу казаков добровольно согласиться на прекращение славных историй всех Казачьих Войск, начиная от Донского, Кубанского, Терского и т. д. Что же они предлагают вместо этого? Одни — ничего, т. е. прекратить существование и только, к примеру как это сейчас в СССР.

Другие же образовывают что-то похожее на правительства республик,с Президентом во главе, Верховными Атаманами, Походными и т. д., а кто их выбирает и на какой срок, они из «скромности» об этом умалчивают.

Для этих господ решения большинства принявших участие в выборах, как и в войсковой организационной жизни, НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО, так как оно не отвечает их желаниям и они незамедлительно, своих противников, стараются очернить, не гнушаясь никакой клеветой и не выбирая слов в своем «солдатском» красноречии.

Читая подобные «памфлеты», невольно задумываешься над тем, — не писал ли это тот вкрапленный в казачью среду советский агент, о которых нас неоднократно предупреждает политическая разведка, так как все эти писания, как и видимая поставленная цель писаки, совершенно аналогичны с советскими агитками.

Но видно крепкий кубанский орех, так как уже третий раз Кубанцы, после разгрома казачества в 1945 году, выходят на выборы своего Атамана широким фронтом, исполняя этим свой долг перед Родным Войском, обеспечивая ему большинство, в данном случае, в 1.195 голосов и может теперь отрицать только групец или же провокатор, что **Кубанское Казачье Войско** прекратило свое существование и что у **Кубанцев умер дух казачий.** Он за сорок два года пребывания в изгнании, при разных попытках сломить его, **не сломлен** и то ядро Войска Кубанского, которое бережно берегло в течение этого времени казачьи законы, обычаи и традиции, как и вывезенные с ним Войсковые Святыни-Регалии, бережет это, на зло врагам и радость друзьям, и **по сей день** и не нужно сомневаться в том, что оно сохранит их и до победного конца над поработителями нашей Дорогой Родины.

Еще раз сердечное спасибо, Родные Кубанцы, за оказанную мне честь и низкий Вам поклон!

Кубанский Войсковой Атаман,
Войск. Старш. **Б. Ткачев**

В этом году исполняется 150-летие Бородинского сражения. Отмечается этот юбилей и в русских кругах эмиграции и в Сов. Союзе. Есть что вспомнить и нам, казакам, вспомнить с гордостью о той роли, которую сыграли наши предки в этих великих событиях.

Отечественная война началась без ее объявления: в ночь на 12 июня 1812 г. Наполеоновская армия, больше 600 тысяч человек, начала переправу через Неман.

Три русских армии прикрывали западные границы: 1-ая армия Барклая де Толли (127 т.) находилась у Немана, 2-ая Багратиона (45 т.) — в южной Литве, между Неманом и Бугом, 3-ья Тормосова (43 т.) — на Волыни, в районе Луцка, в резерве.

Русский план войны предусматривал разделение всех сил на две армии, из которых одна должна была отступать, избегая генерального сражения, а другая выходить на пути сообщения противника и наносить удары с тыла.

1-ая армия, Барклая, отошла на Зап. Двину к Дрисскому лагерю, к временным укреплениям, организованным между двумя столбовыми дорогами, ведущими одна к Москве, другая к Петербургу, для защиты обоих направлений.

Ввиду превосходства сил Наполеона, план военных действий был изменен — было решено объединить обе армии, путем их отхода в сходящихся направлениях, в районе Витебска.

Оставив Дрисский лагерь, Барклай отошел к Витебску. Для обороны петербургского направления им был выделен особый корпус Витгенштейна, успешно отражавший натиск маршала Удино.

Положение Багратиона было более тяжелым. Из Гродно на него наступал Жером с 60 т., из Вильно — Даву с 50 т. Их намерение захватить 2-ую армию в клещи не удалось. Также была неудачна и попытка разгромить Багратиона на Березине.

Соединение обеих армий произошло под Смоленском, где 4-го и 5-го августа произошли тяжелые оборонительные бои. Вскоре командующим обеими армиями, отходящими к Москве, был назначен Кутузов.

26 августа произошло Бородинское сражение. Хотя обе стороны понесли большие потери, исход был неопределенный. Обе армии остались на своих позициях, но затем русские отошли за Можайск, к Москве. На военном совете 1-го сентября в деревне Филях было решено оставить Москву без боя. 3-го сентября древняя русская столица была занята французами, а Кутузов стал укрепленным лагерем у Тарутино.

Наступило затишье. Наполеон ожидал предложений мира и, не дождавшись их, сам обратился к имп. Александру. Ответа он не получил. А Кутузов в это время энергично готовился к контр-наступлению. За короткий срок состав русской армии увеличился с 85 до 120 т. Половину всей конницы составляли казаки. В состав легких летучих отрядов, непрестанно нападавших на французов, в конце сентября действовало 36 казачьих полков, 7 кавалерийских, 5 пехотных и ряд отдельных сотен, эскадронов. Они проникали в тылы противника, прерывали его коммуникационные пути, нарушали управление связи, уничтожали отдельные гарнизоны и отряды, захватывали обозы и склады. Их активность оказала серьезное влияние на ход дальнейших событий.

Положение Наполеона в горящей Москве становилось все более тяжелым: предложений мира от императора Александра не было, питание войск из-за деятельности партизанских отрядов становилось все более затруднительным, сама французская армия разлагалась.

6-го октября Наполеон начал отступление. Французское командование предполагало отойти за линию Зап. Двина-Березина и после зимовки, собрав свежие силы, начать новую кампанию. Оставив Москву, французские войска пошли не на Можайск, а на Калугу, намереваясь захватить там русские склады продовольствия, в которых испытывали большой недостаток.

Но в день выступления французов Кутузов перешел в наступление — им был разбит кавалерийский корпус Мюрата, стоявший у Тарутино для наблюдения за русской армией.

12-го октября русские преградили дорогу наполеоновской армии у Малоярославца. Бои в этом районе принудили Наполеона отходить по смоленской дороге, т. е. по разоренной еще при наступлении французов местности.

Параллельными маршами и ударами в голову отходящих французских колонн русская армия принудила французов ускорить движение на запад. Партизанское движение и непрестанные нападения казаков еще больше дезорганизовали отступление. Французы потерпели значительные поражения

под Вязьмой и под Красным, близ Духовщины и в окрестностях Смоленска.

Вместе с подошедшими с турецкого фронта армией Чичагова и с петербургского направления корпусом Витгенштейна русское командование предполагало преградить путь Наполеону на Березине. Но французам удалось обмануть Чичагова ложным маневром и переправить часть своих сил, хотя в боях при переправе через Березину 15 и 16 ноября они и понесли очень тяжелые потери.

После этого разгрома Наполеон 23 ноября выехал из Сморгони во Францию, поручив командование над остатками своей армии Мюрату. Попытки последнего задержаться у Вильно, куда он приказал стянуть все французские войска, находившиеся в Литве, были неудачны. 28 ноября русские заняли Вильно, 29-го — Ковно. К началу декабря русская территория была очищена от французов. Из 600 тысячной армии, перешедшей Неман в июне 1812 года, вернулось из России не более 30 тыс.

В русских исторических трудах, за редким исключением, роль казаков в Отечественную войну недостаточно подчеркнута и выделена, хотя то количество бойцов, которое казаки дали в русскую арми, их боевая деятельность, протекавшая в несколько особых условиях, их своеобразная тактика, отличавшаяся от действий регулярных частей русской армии, результаты ими достигнутые — требовали бы это сделать.

К июню 1812 г. в русских армиях находилось 50 донских полков: в Дунайской армии Чичагова — 14, в 3-ей армии Тормосова — 9, во 2-ой армии Багратиона — 10, в корпусе Витгенштейна — 3. Кроме того из 14 каз. полков и роты донской артиллерии был сформирован особый корпус Платова, на который была возложена задача прикрывать отход сначала 1-ой, а потом 2-ой армии. Помимо 50 полков, находившихся в западных районах и в армии Чичагова, донские полки находились на службе на Кавказе, в Финляндии, средней России. Всего же за кампанию 1812-14 г.г. Донское Войско выставило 90 полков (около 60.000 всадников).

Как было указано выше, особенно тяжелым было положение 2-ой армии Багратиона, отход которой происходил пд прикрытием казаков Платова. Его летучий корпус нес не только охранительную и разведывательную службу, но и сам не раз наносил удары французским войскам. Наиболее крупные столкновения произошли под Кореличами, Миром и Романовым.

Под Кореличами 26 июня Платов с 6 каз. полками, заманив польских улан графа Турно в «вентерь», нанес им чувствительные потери. Под Миром 28 июня он с отрядом в 4.000 казаков, 2 с 1/2 тыс. регулярной кавалерии, 1 тыс. пехоты и 12 дон. пушками сильно помял дивизию ген. Рожнецкого и задержал французские войска более чем на сутки, чем дал возможность Багратиону избежать опасного удара. Под Романовым 2-го июля он опять задержал кавалерию Латур-Мобура на два дня.

12 июля Платов, разделив свой корпус на небольшие отряды, пробрался в тыл французской армии и одновременно появился в разных местах. Занятые французами Могилев, Орша, Шклов подверглись нападениям казаков. Горели склады продовольствия и фуража, перехватывались курьеры и обозы, уничтожались отряды фуражиров. 16-го июля все части собрались около Дубровны и, перейдя Днепр, соединились с 1-ой армией. Выйдя западнее предполагаемого соединения обеих армий, корпус Платова с боем отбросил французскую кавалерию и очистил местность для соединения Багратиона и Барклая. В данном случае конница Платова стала авангардом и обезпечила соединение 1-ой и 2-ой армий. Благополучное отступление и соединение их оказалось возможным исключительно благодаря боевой деятельности казачьих полков. Боями под Кореличами, Миром, Романовым казаки задержали наступление французских войск, а их постоянные нападения выматывали французскую кавалерию. Казаки были всюду, но сами они были неуловимы.

Не менее ценной была боевая работа казачьей бригады Родионова II-го, находившейся при корпусе Витгенштейна и сыгравшая большую роль в защите дорог на Петербург. За нее Родионов получил орден Св. Георгия 3-ей ст. и чин генерал-майора.

После соединения 1-ой и 2-ой армий Платов, командуя отрядом из 17 полков, прикрывает отход, ведя тяжелые арьергардные бои.

В Бородинском сражении 26 авг. участвовало 20 каз. полков (7.000 казаков) На крайнем левом фланге находилось 6 полков Карпова, на крайнем правом, близ устья р. Колочи — 5 полков. Платов с остальными каз. полками находился в резерве, рядом с кавалерийским корпусом Уварова. В середине сражения в атаках французских войск произошла задержка. Причиной ее было нападение казаков Платова и кавалерии Уварова, обошедших левый фланг расположения французов и напавших на их тылы. Ата-

ка казаков, пробравшихся дальше кавалерии Уварова, задержала на 3 часа решительное наступление на русские позиции и дала возможность подвести подкрепления к батарее Раевского, занимавшей центральное положение. Историк Быкадоров («Бои казачьей конницы» — журнал «Казачьи Думы», 1925) указывает, что конница Платова была истощена бессменной службой в арьергарде и целым рядом боев. Казаки были оборваны, истощены и голодны. Не в лучшем виде был и конский состав. Далее он пишет:

«И все же не расстройство казачьей конницы было причиной того, что удар Платова только спас русские армии от поражения, а может быть и от разгрома, а не привел к поражению самого Наполеона. Причина заключалась в том, что регулярная конница под командой Уварова осталась присутствующей, а не участницей удара. Сохранивши материальные силы, она потеряла «сердце» и прежде всего его потерял начальник Уваров».

Атака Платова быть может имела решающее значение для исхода сражения, так как Наполеон в тот момент ,когда получил известие о нападении на тылы франц. армии, собирался бросить свою старую гвардию на прорыв русского фронта, но как пишет полк. Николаев («День Бородина» — «Часовой» № 434), «момент, который мог привести к победе», был упущен и за эти 3 часа русские смогли подвести подкрепления.

На левом же фланге казаки Карпова в течение всего сражения успешно оборонялись от корпуса Понятовского.

После оставления Москвы русская армия сначала отошла по рязанской дороге, но затем свернула на юго-запад к Тарутино. На рязанской дороге остался казачий отряд Ефремова. Тесным кольцом окружили занятую французами Москву казачьи и партизанские отряды Сеславина, Кудашева, Победнова, Иловайского 4-го, Иловайского 12-го и др. Первыми, кто вступил позже в оставленную французами русскую столицу, были казаки Иловайского.

Еще до Совета в Филях Платов поручил Наказному атамануАндриану Карповичу Денисову, заменявшему его на Дону, произвести поголовную мобилизацию Войска Донского. В самый кратчайший срок было сформировано 26 конных полков. Все делалось своими средствами. Торговые казаки пожертвовали 100.000 рублей на нужды донского ополчения, донское дворянство из своих табунов дало 1.500 лошадей для неимущих казаков. Быстрыми темпами, без дневок и отдыха, делая по 60 верст в сутки, донские полки, в рядах которых было сплошь и рядом три поколения казаков, в сентябре пришли в Тарутинский лагерь.

В сражении при Тарутино главную роль сыграли 10 каз. полков отряда графа Орлова-Денисова. Русские войска выступили вечером 5 октября тремя колоннами для того, чтобы утром следующего дня, в назначенное точно время, внезапно напасть на авангард Мюрата, стоявший в 60 клм. отдельно от главных сил Наполеона. Из трех колонн лишь отряд Орлова-Денисова во время начал атаку, две других колонны запоздали, благодаря чему поражение французов не было окончательным. Все же 38 орудий было захвачено казаками.

Тарутинское сражение было поворотным пунктом войны — со времени перехода Наполеона через Неман это был первый наступательный бой, в котором русские войска одержали победу и одержали ее фактически казаки. Это было началом контр-наступления Кутузова.

В бою за Малоярославец казаки участия не принимали, но на другой день на шоссе Малоярославец-Боровск они захватили 60 французских орудий.

13-го же окт. донцы чуть не захватили в плен самого Наполеона. Французский император в сопровождении нескольких эскадронов конвоя осматривал место бывшего накануне сражения, когда всего в 6 верстах от бивака его гвардии у деревни Гродни он был атакован казаками. Донцы не узнали в небольшом всаднике, в невзрачном сером сюртуке, Наполеона и бросились на находившийся невдалеке лагерь французской артиллерии, где захватили 40 пушек, из которых смогли увезти только 11, ибо сами были атакованы французской кавалерией.

После этого нападения, опасаясь живым попасться в плен, Наполеон стал носить на шее ладонку с ядом.

Как во время похода Наполеона к Москве, так и при его отступлении казаки непрестанно тревожили французские войска неожиданными нападениями. Партизанская война 1812 г. велась в большинстве случаев при участии казаков и отход Великой Армии часто протекал в катастрофических условиях именно благодаря их нападениям. Иногда одного крика «казаки» было достаточно для бегства французов.

Отход наполеоновских войск происходил по существу в пространстве между армией Кутузова и корпусом Платова. Кутузов шел

с юга от Смоленской дороги, Платов, параллельно ей, с севера. Казачья конница неоднократно наносит тяжелые поражения французским частям: у Колоцкого монастыря, у Гжатска ,под Вязьмой. 27-го и 28-го октября Платов разбивает на р. Вопи и при Духовщине итальянского вице-короля. В первых числах ноября, когда начались сильные морозы, положение отступающей Великой Армии стало еще более трагичным. Французы отходили по той же местности, которая была уже разорена при наступлении и сильно страдали от недостатка провианта, фуража и от холода. Сильнейшее поражение они терпят в трехдневных боях 3-6 ноября под Красным. За эти бои Платов был возведен в потомственное графское достоинство. 8-го ноября он добивает остатки корпуса Нея на Днепровской переправе, 11-го занимает Оршу, 15-го Борисов, 28-го уничтожает 30-тысячный корпус под Вильной.

Покидая свою армию, или, вернее, ее остатки, 23-го ноября в Сморгони, Наполеон в 29-ом бюллетене пишет про казаков: «эти части становятся очень опасными, благодаря стечению благоприятных обстоятельств». Насколько казаки проникали глубоко в тыл французов и насколько их коммуникационные пути были под угрозой казачьих нападений. показывает тот факт, что первая деревушка после Сморгони, в которой был сделан привал императорским караваном, всего за час до этого подверглась нападению казаков.

Французам не удалось задержаться ни в Вильно, ни в Ковно. Казачья конница, обойдя Ковно, 2-го декабря принудила ничтожные остатки Великой Армии оставить русскую землю.

За 6 месяцев борьбы с Наполеоном донцы взяли в плен 10 генералов, 1.050 офицеров, свыше 40.000 нижних чинов, 15 знамен, 364 пушки. Громадное количество отбитого церковного серебра, награбленного французами, было пожертвовано казаками на церкви. В Петербурге, в Казанском Соборе, находилась сделанная из него массивная тяжелая решетка весом в 640 кг. с изображением 4-х Евангелистов со скромной надписью: «Усердное приношение Войска Донского». Кроме того, Платов передал еще 10 пудов (160 кг.) серебра и 20.000 руб. на восстановление разоренных французами храмов Донского монастыря в Москве.

Авторы иностранных исторических трудов считают, что одной из главных причин гибели Великой Армии были сильные морозы. Однако, холода начались лишь в начале ноября и если от них страдали французы, то также, хотя и в меньшей степени, страдали и русские. Преследование наполеоновских войск не дешево обошлось русской армии. Из 120 тыс., бывших у Кутузова под Тарутиным, до Вильно дошло меньше половины. Главный процент убыли приходился на больных, замерзших и отсталых. Убитых и раненых было сравнительно немного: 10-12 тысяч. Еще при отходе русской армии казачьи полки потеряли немало людей. Платов в своих донесениях не любил сообщать об этом. Об убитых и раненых у Атамана был «домашний счет». «Урон был не велик» — писал он, но он был каждый день. Являясь арьергардом русских войск, казаки отходили по разоренной ими и местным населением, уходившим в леса, территории. И если французы ночевали на пожарищах и с трудом находили пропитание, то также и казаки, находившиеся на «ничьей земле» — между русской армией и войсками Наполеона — испытывали те же трудности. Так за два месяца отступления (с июня по конец августа) тысячный Атаманский полк потерял больше 30% своего состава убитыми и ранеными.

При преследовании же отступающих французов потери еще больше увеличились. Меньше было убитых, но больше больных и замерзших. Сильные морозы, недостаток пищи, беспрерывное форсированное движение по опустошенной местности, утомление, болезни, плохая одежда — все это было причиной сильной убыли в людях и конском составе. В том же Атаманском полку через 6 месяцев после начала войны, при занятии Ковно, осталось всего лишь 100 человек, да и в других казачьих полках, насчитывавших в Тарутино по 500 бойцов, оставалось не больше.

В то время служба казаков получила должную оценку. 13 января 1813 г. Кутузов писал Атаману Платову:

«Услуги, оказанные Вами отечеству в продолжении нынешней кампании, не имели примеров. Вы доказали целой Европе могущество и силу обитателей Богом благословенного Дона».

Сам Государь написал Платову:

«Вы собственным Вашим лицом и вообще все Войско Донское много участвуете во славе истребления врагов и в спасении от них отечества. Заслуги Ваши и подвиги подначальных Вам казацких войск пребудут незабвенны...»

Генер. Михайлевский-Данилевский (1790-

1848), участник войны 1812-1814 г.г., впоследствии известный военный историк, писал:

«Самой блистательной страницей в летописях Войска Донского навсегда пребудут его преследование неприятеля, совершенное под начальством графа Платова, безостановочно, в позднее время года, от Малоярославца до Ковно...»

«Смело можно утверждать, что никакое другое войско, кроме Донского, не в состоянии было исполнить этого подвига, не имевшее в полутора-месячное преследование ни одного дня роздыху и не получая продовольствия, которое казаки должны были находить сами для себя».

Роль казаков в Отечественной войне не менее выпукло выступает в свидетельствах иностранцев.

Французский историк Лесюр, современник описываемых событий, в своей «Histoire des Kosaques» пишет:

«Я закончил свой труд началом 19-го столетия, ибо более новые события еще не принадлежат истории. События последних войн не изменили моего мнения о казаках. Однако, справедливо указать, что никогда еще они не проявляли так блестяще свою наблюдательность, свою неутомимость, свою напористость и свою своеобразную способность к партизанской войне. Нарушая передвижения, пути сообщения и питание французской армии, они способствовали, быть может, больше, чем другие части войск, успеху союзников».

Французские военные авторитеты были высокого мнения о казаках. Генерал Де Брак, один из лучших кавалерийских офицеров империи Наполеона, пишет:

«Упоминая о казаках, я указывал вам на них, как на совершенный образец. Я снова подтверждаю то, что было сказано мною об этом. Некоторые офицеры, не участвовавшие в войне или участвовавшие в ней в других местах, но не на аванпостах, считают своей обязанностью презрительно отзываться об этой коннице. Не верьте им».

«Спросите мнение, составленное о казаках нашими военными специалистами, маршалов Сульта, Жерара, Клозеля, Мезона, генералов Морана, Лалеманга, Пахаля, Кольбера, Корбино, Ламарка, Преваля, спросите наших неустрашимых командиров Домениля, Фарино и других, спросите каждого настоящего боевого офицера, и они скажут вам, что легкие кавалеристы, которые подобно казакам окружают свою армию бдительной и непроницаемой сетью и, защищая ее, вместе с тем утомляют противника, постоянно наносят удары и лишь редко подвергаются им — прекрасно и вполне удовлетворительно назначению какой бы то ни было легкой кавалерии».

«Вы прочтете в записках Ля-Волета — казаки были оружием, которое делало войну чрезвычайно опасной, в особенности для офицеров, назначаемых на рекогносцировки. Многие из них, избранные начальниками штабов, предпочитали составлять свои рапорты, основывая их на показаниях крестьян, чем подвергаться нападениям казаков».

Другой участник наполеоновских войн генерал Моран пишет:

«Какое чудесное зрелище представляла наша кавалерия, поблескивающая золотом и сталью в лучах июльского солнца, развернувшая свои линии на берегах Немана, полная задора и смелости...

И какое горькое воспоминание оставили о себе те безполезные, утомлявшие ее маневрирования, к которым она прибегала в погоне за казаками, до того времени презираемыми, но сделавшими для спасения России больше, чем вся армия этой империи...».

«Ежедневно показывались они на горизонте, растянув свою линию на громадное пространство, а их ловкие наездники подъезжали почти что к нашим шеренгам. Мы строились, наступали, шли на эту линию, но когда совсем уже подходили к ней, она исчезала: на горизонте оставались лишь ели и березы. Но час спустя, когда лошадям уже был задан корм, нападение возобновлялось и черная туча, развернувшись в линию, налетала на нас. Снова повторялись те же маневры, приводившие к тем же результатам...

И таким образом самая лучшая, самая храбрая кавалерия в мире была замучена и изнурена людьми, которых она считала недостойными для себя противниками, но усилий которых было достаточно, чтобы спасти государство, настоящим оплотом и единственными спасителями которого они являются. К нашему стыду нужно добавить, что наша кавалерия была многочисленнее казаков и что она была поддержана самой легкой и лучшей артиллерией... И не смотря на это, казаки возвратились, покрытые славой и с богатой добычей на берега Дона, между тем как наши войска, столь храбрые и столь преданные славе своего отечества, покрыли своими трупами русскую землю...

«Всякое движение Великой французской армии было замедлено казаками. Отрезав ее от всякой помощи, они беспрестанно, с остервенением, нападали на ее фланги, подобно рассвирепевшим пчелам, бесчисленные уко-

лы которых замучивают и обессиливают льва...».

Генерал Коленкур прямо указывал: «Вся многочисленная конница, собранная под знаобразом под ударами казаков атамана Платова».

Из современных иностранных историков, Жан Саван, член Наполеоновской Академии, специализировавшийся на изучении наполеоновской эпохи, пишет:

«Мировая известность казаков начинается с Наполеона и его войн с Россией. Именно действиями казаков нужно объяснять трагическое отступление, которое поколебало и наполеоновский трон и колоссальное строение Первой Империи».

В одном из своих трудов Ж. Саван приводит письмо одного из рядовых участников похода в Россию:

«Каждую минуту мы можем быть захвачены казаками, количество которых после Москвы сильно увеличилось и которые часто нападают и грабят. Мы находимся в пустынной стране, где нет ничего, кроме огня и пламени, которые зажгли, уходя, русские. Нет ни домов, чтобы найти укрытие, ни соломы для биваков. Нужно отходить на 6-8 лье, чтобы найти средства к существованию, чтобы не умереть, и иногда берешь самую короткую дорогу к смерти. Казаки находятся всюду и не теряют возможности отомстить».

Майор немецкого ген. штаба Кохенгаузен в 1919 году писал про казаков:

«Их неустанные нападения на отступающую Великую Армию в первую очередь содействовали, в соединении с непогодой, ее развалу. В 1812-14 гг. казаки оказали союзным силам в качестве легкой кавалерии превосходные услуги...».

Американский историк Эдин-Мюллер в 1950 г. указывал: «Из всех бедствий, разрушавших Великую армию, казаки были безусловно самым ужасным».

А. Клике («Etudes Historiques» — Париж 1953) пишет:

«Во французской армии, видевшей перед собой, как при наступлении в Россию, так, и особенно, при отступлении, почти исключительно казаков Платова, которые большими партиями брали французов в плен, появился даже новый глагол — «Casaquer», означавший взятие казаками в плен».

Насколько же казаки были популярны в странах, боровшихся против Наполеона, показывает тот факт, что в 1813 г. в прусской армии был сформирован казачий гвардейский эскадрон из немцев, вооружение и обмундирование которых почти полностью совпадало с таковыми донских казаков. Впоследствии немецкие «казаки» были переименованы в гвардейские кирасиры.

Западные страны не могли примириться с мыслью, что казаки могли уничтожить наполеоновскую кавалерию, в ту эпоху самую лучшую и самую многочисленную, и лишь только потому, что они сами были еще лучшей конницей. И для того, чтобы все таки как то объяснить это явление, казаков стали представлять какими то дикарями, приписывая им сверхестественную жестокость и жажду убийства и грабежа. На западе их часто сравнивали с наемными солдатами, пользование которыми было еще недавно очень распространено в Европе, то есть с платными убийцами, которые за вознаграждение воевали против кого угодно, служили тому, кто больше платит и ремесло которых было убивать. Сравнение настолько неверное, что оно не требует и опровержения. Так же ложно и обвинение в какой то особенной жестокости: фактически казаки были гораздо менее жестоки, чем крестьяне русских партизанских отрядов. Что же касается грабежей, то в этом отношении первое место принадлежит наполеоновской Великой Армии, о чем свидетельствуют не только русские, но и французские историки.

Роль казачества в войнах Российской Империи, и в частности в Отечественной войне, еще более рельефно выступает из сопоставления некоторых цифр.

В начале 19-го столетия население Донского Войска составляло меньше 1% всего населения России (38.000.000 в 1800 г., 53.000.000 в 1825 г. Донских же казаков обоего пола было 270.000 в 1803 и 320.000 в 1818 г.). Во время войн процент донцов, находящихся в действующих армиях, составляет не менее 10% их состава и очень часто, превышает, доходя до 20%, и иногда и выше. Иначе говоря, напряжение Донского Войска было во много раз больше напряжения остального населения Империи. Приведенные цифры позволяют сделать вывод что казаки принимали гораздо больше участие в защите интересов России, чем все ее жители.

О том же говорит и количество казаков, уходивших на войну, по отношению к оставшемуся населению своего края. Обычно, наибольшим напряжением в смысле людского материала считается мобилизация 10% всего населения. В казачьих Войсках он был неизменно выше. По материалам Синеокова в войну 1806-1808 г. Дон. Войско дало 25% своего мужского населения. В Отечествен-

ную войну этот процент был еще больше. По положению 1802 г. оно должно было выставлять 80 пятисотенных полков, т. е. приблизительно 40.000 бойцов, что составляло уже 30% по отношению к мужскому населению Дона. Фактически же 60.000 донцов приняло участие в военных действиях, т. е. 46%. Иначе говоря, на войну пошло поголовно все мужское население, способное носить оружие, начиная с 19 лет.

Еще более рельефно выступают эти данные, если их сравнить с распределением мужского населения Дона по возрастам. По первым точным официальным данным («Столетие Военного Министерства») в 1818 г. на 156.000 казаков мужского пола приходилось 36% служивого состава, включая и «малолетков» (от 19 лет), 15,4% отставных, 47,4% детей до 19 лет. Количество женщин впервые за всю историю Дона превышает количество мужчин на 2% — убыль, понесенная казаками во время войны, еще не была возмещена.

Управление Квартирмейстера Штаба Донской Армии в 1919 г. издало «Очерк политической истории Всевеликого Войска Донского». В этом официальном издании про эпоху Отечественной войны говорится:

«В эту страшную годину славное Донское Войско, во главе со своим Атаманом Платовым, выступило на защиту родины поголовно, принеся больше жертв и приняв на себя большую часть подвига, чем какая-либо другая часть населения России».

Все же Казачьи Войска в этот период времени выставили против Наполеона колоссальное количество в 100.000 всадников. По тогдашним условиям, при численности армий в 50, 100, 200 тысяч, эта цифра очень высока. Фактически же боевое напряжение Казачьих Войск было еще больше: на Кубани, на Кавказе, на Урале, в Оренбургской области, в Сибири все их мужское население было под оружием, ибо почти на них одних легла защита границ и рубежей, которых они прикрывали.

Париж. **Б. Богаевский**

Донской Атаман
граф
М. И. Платов

К 150-ТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

В этом 1962-м году, 8-го сентября (26-го августа ст. ст.), русский народ праздновал 150-тилетие Бородинского сражения. Но это также и праздник общей победы над Наполеоном, предпринявшем поход против России в июне 1812 года. Какой облик может придать этому празднованию интернациональная власть в СССР? Ведь войну против Наполеона вела Россия, русский народ и русская национальная армия... Что теперь осталось от всех этих названий? Где славные полки и батареи Российской Императорской Армии, где славное Донское казачество, где все эти потомки славных богатырей Бородинского сражения: все они уничтожены руководителями интернациональной революции. Можно и теперь выставить людей в формах прежних участников Бородинского сражения, но это будут только статисты кинематографа, но не потомки прежних богатырей борьбы с Наполеоном, поэтому праздник будет пустым и бездушным фильмом.

В 1912 году, в 100-летний юбилей Бородина, были командированы, в пешем строю, представители от всех войсковых частей, принимавших участие в Бородинском сражении. Так же, как остальным войскам, на Бородинском поле был отведен особый лагерь для донцов (кроме Донской Гвардии, которая была расположена в обще-гвардейском лагере). В нем были представители от 9-ти первоочередных Дон. Каз. полков; от каждого полка 1 взвод казаков, в пешем строю со знаменем и 5 офицеров: К-р полка, полковой адъютант, К-р взвода и два офицера-ассистенты у знамени. От нашего 8-го Донского Каз. генерала Иловайского 12-го полка были: К-р полка полк. Игнатьев, полковой адъютант сот. Кирьянов, к-р взвода ес. Кушнарев и ассистенты у знамени: сот. Тюрьморезов и хор. Скандилов. Шеф нашего полка ген. Иловайский 12-й командовал полком в Бородинском сражении, имея 26 лет от роду. Был-ли он уже генералом в этом сражении или был произведен в этот чин позже, точно сказать не могу. В этом же лагере я познакомился с адъютантом 5-го Дон. Каз. полка сот. Зубовым (теперь генерал, проживающий в Париже). Войску Донскому было предоставлено право символизировать жертвенность Войска на защиту Родины, и, как символ этой жертвенности, Войском Донским был сформирован конный полк (это была единственная воинская часть в конном строю) 4-х сотенного состава: 2 сотни стариков от 60-ти до 70-ти лет и 2 сотни малолетков от 14-ти до 17-ти лет (Платовский дополнительный набор). Этот полк был расположен также в нашем казачьем лагере, причем малолетки, вероятно так же, как и их предки сто лет тому назад, помогали дедам по уходу за лошадьми, делая друг другу замечания, чтобы фуражка была лихо надета «набекрень». Все войска располагались в палатках, форма одежды была защитная — летняя, но фуражки были зимние — вероятно, чтобы было легче различать войсковые части. Все Бородинское поле было усеяно памяниками многих полков, осебенно гвардейских. Возле памятников стояли часовые в тех формах, в которых предки их сражались на этому поле 100 лет тому назад. Главный памятник был на том месте, откуда управлял сражением Кутузов: огромный двуглавый орел с распростертыми крыльями (примерно 4 метра каждое крыло). Накануне парадного дня всем офицерам были розданы приглашения Московского градоначальника на обед, после парада, в Бородинском Дворце, отстоящем в версте от Ставки Государя.

Для построения войск к смотру и для парада 26-го августа, фронтом на восток, была обозначена линия, на которой было указано место каждой войсковой части. Против левого фланга этой линии, в 30 шагах от нее, был поставлен шатер (Ставка Государя), но ввиду хорошей погоды он никем не занимался. На кургане была царская семья и лица Императорского двора. Между линией войск и шатром были поставлены скамьи, на которых сидели старики и старухи (всего около 15-ти человек(лицом к линии войск, в 15 шагах от нее), которые в детстве помнили прохождение войск Наполеона в 1812 году в глубь России. Смотр войскам начался в 10 ч. утра. Парадом командовал командующий войсками Моск. военного округа ген. Плеве. Государь, его свита и начальствующие лица были верхами. Государь медленно следовал по фронту, останавливаясь против частей, у которых были старые знамена; этой чести удостоилось и знамя нашего полка, которое не обновлялось после войны 1812-1814 гг. Объехав войска, Государь и свита покинули верховых лошадей и остановились у Ставки, позади стариков и старух, чтобы последние могли близко видеть прохождение войск По распоряжению командующего парадом вой-

ска начали проходить церемониальным маршем мимо Государя, а офицеры, по заранее полученному распоряжению, после прохождения своих частей, покидая их, стали накапливаться сзади и справа от Государя, чтобы потом идти на обед в Бородинский дворец. Шествие церемониального марша замыкал, как единственная конная часть, символический полк Войска Донского из стариков и малолетков. Государь особенно подчеркнуто поблагодарил Славных Донцов, а по лицам и разговору собравшихся офицеров — можно было видеть нескрываемое удивление и восхищение. После окончания церемониального марша Государь с Государыней и Наследником цесаревичем в экипаже направились в Бородинский дворец. Вслед за их экипажем был подан другой, в котором заняли места все четыре Великих княжны. Едва этот экипаж двинулся с места, как с трех сторон он был окружен офицерской молодежью, которая в разнообразных блестящих парадных формах бегом, с криком Ура!, делая снятыми фуражками приветственные знаки, а то и подбрасывая их вверх, следовала за экипажем княжен. А княжны, весело улыбаясь, делали приветствовали своими платочками. На полпути ко дворцу, утомленные офицеры отстали от экипажа. Ввиду большого количества приглашенных, а также хорошей погоды, даже немного жаркой, столы были сервированы под открытым небом, в ограде дворца. Царский стол был на балконе дворца. Балкон возвышался на 4-5 ступенек над землей, а первый ряд столов для приглашенных проходил возле балкона.

На столах было величайшее разнообразие и изобилие напитков и холодных закусок и кушаний; кроме того, приносились горячие блюда. Прислуживали за обедом дворцовые лакеи, в установленной для них форме. Обед сопровождался музыкой полкового хора трубачей Лейб-Гвардии Преображенского полка. Времени для окончания обеда назначено не было; мы (офицеры нашего полка) пробыли за обедом 2 - 2 с пол. часа, а затем, покинув гостеприимный дворец и его Хозяев, направились в свой лагерь.

Так закончился столетний юбилейный день великого Военно-Исторического праздника Российской Империи. Ввиду большой загруженности жел. дороги Можайск-Москва, мы только на 3-й день покинули Бородинское поле и направились в своем ж.-д. эшелоне в обратный путь, к стоянке своего полка, в г. Одессу.

Париж.

В. Скандилов

ВЗЛЕТЯТ ОРЛЫ!..

(Посвящается памяти Атамана В.В.Д. ген. А. П. Богаевского)

Его увидел я на Круге,
Когда он речь держал пред ним.
Земля тогда была в испуге:
По Дону стлался красный дым.
Приняв пост трудный Атамана,
Он бодро посмотрел вперед:
— Не бойтесь красного тумана!
Его орлов развеет взлет...
Наш враг силен, скрывать не стану.
Не духом силен, а числом.
(Число, по Марксову корану,
Лишь почитается врагом).
Но вражье множество не страшно.
Не главное в борьбе оно...
Дух веры потерять опасно;
Дух войска — главное звено.
Ведь дух борьбу определяет,
Ее успех и неуспех,
Людей на подвиг вдохновляет
И жертвы приносить за всех...
Девиз казачий — бодрость, вера.
Отцы прошли с ним путь веков.
И их гремела славой эра
На страх бесчисленных врагов.
Пусть спят спокойно предки наши.
Завет их свято соблюдем!
Что может подвига быть краше?...
Мы путь свой к подвигу найдем...
Взлетят орлы свободы смело.
Размечут красные полки!

Прославят песней наше дело
Времен грядущих казаки!...
Вся Русь воскресшая нас будет
В своих молитвах поминать.
И летописец не забудет
О наших жертвах рассказать.
И Дон-кормилец, Дон былинный
Волною радостно взметнет.
Наш край привольный, край целинный
Трудом и миром расцветет!...
Вся речь звучала просто, ясно,
Как мудрость вечная звучит.
И было бы совсем напрасно
Искать в ней фальши скрытый ритм...
Ни жестов лишних, театральных,
Ни поз с ораторской чертой
И никаких прикрас банальных
Для популярности пустой...
Слова звучали задушевно.
Лучилась искренность из них
И вера, ясная царевна,
Цветами украшала их...
Таким увидел Атамана,
Таким остался до конца.
Достойно имя Африкана
Нетленной памяти венца!

США.

Юшкин-Котлобанский

ПАМЯТИ «КУБАНСКОГО КОБЗАРЯ»

(Библиография А. Е. Пивень)

7 апреля 1962 года смерть унесла от нас Александра Ефимовича Пивень, старейшего Кубанского поэта, внесшего своими трудами неоценимый вклад в нашу казачью литературу и прозванного земляками-кубанцами «Кубанским Кобзарем».

Мечте и надеждам покойного, — увидеть еще раз родной народ и Любимую-Неньку, — не суждено было осуществиться. Умер и похоронен он в далекой чужой Германии.

Родился он 18 июня 1872 года в семье казака ст. Павловской, Ейского Отдела, Кубанской Области. Отец его был псаломщиком в ст. Павловской, дед по отцу — дьяконом в ст. Шкуринской. Мать, Соломония Даниловна, была дочерью священника ст. Кущевской, о. Даниила Залесского.

Мать поэта имела хорошее по тому времени образование, увлекалась литературой и сама имела поэтический талант. Ее обширная библиотека включала всех русских классиков и много украинской литературы, в том числе, конечно, и «Кобзаря« Тараса Шевченко. Она много внимания уделила умственному и религиозному развитию Александра, рано научила читать и писать и привила ему любовь к поэзии и литературе. От своей матери, умершей когда Александру было только 7 лет, будущий поэт, видимо, и унаследовал свой поэтический дар. А Т. Шевченко, «Кобзаря» которого с малых лет он знал наизусть, сделался одним из любимых поэтов Александра и оказал несомненное влияние на его творчество.

Начальное образование он получил в родной станице, затем, по семейной традиции, скончил Духовное Училище в г. Екатеринодаре. Уже в этом училище он проявил поэтические способности и написал несколько мелких стихотворений. Однако продолжать образование Александру не удалось, так как после смерти матери жизнь его сложилась довольно тяжело. Мачеха поэта запротестовала против расходования средств на дальнейшее образование его и Александру рано пришлось начать самостоятельную жизнь.

Он поступил на службу в канцелярию Куб. Обл. Правления, где прослужил три года. Начальство ценило трудолюбивого и способного работника и перед ним открывались благоприятные перспективы к успешному продвижению по служебной лестнице.

Но городская жизнь не была по сердцу вольному казаку, выросшему на лоне природы. Его тянуло в родную казачью среду, в бескрайние кубанские степи. Ему хотелось всесторонне изучить быт, нравы и обычаи казачества, его песни, рассказы и былины, чтобы отразить все это в своих литературных творениях. Достичь этого было лучше всего работая станичным писарем и повседневно общаясь с казаками. И после женитьбы и рождения первого сына он возвращается в родную станицу Павловскую.

Благодаря природному уму, общительному характеру, и образованию и полученному в Обл. Правлении служебному опыту, молодой писарь быстро делается популярным и уважаемым местными казаками. И вот, невзирая на его молодость, в 26 лет от роду, старики-станичники избирают его Атаманом станицы.

За два года своего атаманства А. Е. Пивень проявил себя инициативным и способным хозяином огромного станичного хозяйства и прекрасным организатором. В 1901 году он открыл в станице первую гимназию, построив для нее большое двух-этажное здание. В центре станицы, на обширной площади, им был организован большой базар, со многими магазинами купцов, привлеченных им из Ростова н/Д,Ейска, Армавира и других городов.

Открытые, по специальному разрешению Областного Правления, три ежегодные ярмарки — Благовещенская, Петропавловская и Покровская — привлекли со всей Области массу продавцов и покупателей.

Все эти успешные мероприятия молодого атамана настолько увеличили доходность станичного общества, что в ближайшие годы в станице было построено несколько трехэтажных мукомольных мельниц и большой маслобойный завод, обслуживавший несколько окрестных станиц.

О полезной и энергичной атаманской деятельности А. Е., его честности и неподкупности, о его неустанной борьбе со станичными богатеями и защите интересов рядовой казачьей массы, долго вспоминали станичники. Но эти же богатеи, неоднократные попытки которых купить его, привлечь деньгами на свою сторону, он решительно отвергал, — и «съели» его. Всякими подкупами и интригами они добились его непереизбрания и ухода из станицы. Не один павловец горько сожалел о своем энергичном атамане. И долгие годы жила добрая слава о нем, его честности и бескорыстии.

Много историй о нем рассказывали. Както, при разделе земли (или сдаче ее в долгосрочную аренду с торгов), на особенно удобные и плодородные участки которой претендвали станичные богатеи, на имя А. Е., лично, в станичное правление были присланы от неизвестного лица несколько сотен рублей — в то время большие деньги. И хотя А. Е. мог спокойно положить их в свой карман, — он приказал казначею:

— А ну-ка, заприходуй эти деньги в станичную кассу!

Потерпев фиаско в этой попытке, к А. Е. на дом явился некто, и наедине предложил ему взятку в еще более крупной сумме. Но и эта попытка была категорически и с позором отвергнута.

Веселая история произошла в решающий день, когда атаман с доверенными выехал в поле для раздела земли.

Прибыв на место, атаман увидел повозку, доверху нагруженную всякой снедью и выпивкой от неизвестных (но атаману известных достаточно) лиц: четверти с горилкой, жареные гуси и окорока, дорогая копченая рыба и пр. Казаки обступили атамана, «зацікавлено дивлячись на нього» и ожидая его приказаний:

— Беріть усі оці четвертини, — говорит атаман, — та бийте їх об землю!

— Та як-же, г. Отаман, це-ж горілка! Та ще-й добра горілка!

— Я вам кажу: бийте їх!

Никто не решился, однако, на такое «страшное» дело. — «Как же так? Це-ж горілка!»

Тогда атаман подходит к возу, берет одну четверть с горилкой: — бах об землю! Берет другую, третью: — бах, бах, бах!

Долго говорили об этом происшествии в станице. И все хвалили своего атамана вслух, — хоть кое-кто втихоньку и ругал его ругательски.

Покинув родную станицу. А. Е. с семьей жил во многих станицах и хуторах Ейского Отдела: хуторах — Курчанском, Челбасском и Широчанском и станицах: Шкуринской, Веселой, Незамаевской, Новорождественской, Новоивановской, Новолеушковской и других, изъездил вдоль и поперек весь Кубанский Край.

Живя в казачьей гуще, постоянно сталкиваясь с разнообразными типами и характерами, он наблюдал и трудовую жизнь казачью, и веселые праздники, гулянки и увеселения. Особенно интересовали его своеобразные обычаи и обряды во время новоселий, свадеб, крестин и других семейных и народных праздников. Часами мог он слушать стариков-рассказчиков, среди коотрых бывали талантливые и остроумные сказочники, шутники и юмористы — «брехуны», в просторечьи, — любил слушать казачьи песни и любоваться танцами и плясками.

Таким образом, с 1896 по 1817 гг. он накопил множество материалов о быте казаков-черноморцев, много записал веселых рассказов, песен, анекдотов, шуток и прибауток. Все это впоследствии нашло отображение в его творчестве — его стихах и поэмах.

Из собранных и обработанных для печати материалов им были составлены свыше двух

десятков сборников народного творчества, казачьего фольклора, куда включены были также и некоторые его сочинения. Сам А. Е. отличался трезвостью и вел умеренную жизнь, весь век тяжело трудясь для своей большой семьи.

Забавный случай произошел с 4-ой, наиболее веселой главой «Горилки» — поэма о вреде пьянства.

Еще до окончания поэмы, автор послал несколько глав ее изд. Сытина в Москву. Известный украинский певец, артист Манько, которому черезвычайно понравилась эта глава, без ведома автора и даже без указания его фамилии, наговорил эту главу в несколько сокращенном виде на грамофонную пластинку. Как то эта пластинка была привезена в ст. Незамаевскую, где жил в это время поэт, местным священником о. Алексеем. На именинах его жены собралось общество. В числе гостей был также и А. Е.

И вот, после ужина, о. Алексей обращается к своему гостю:

— Вы, Александр Ефимович, все пишете какие-то украинские вирши. Написали бы Вы что-либо веселенькое, такое, например, как вот я привез из Москвы, сочинение Манько. Вот послушайте!

И из грамофона, в исполнении талантливого артиста, послышались стихи из «Горилки».

Гости с интересом, порой покатываясь от хохота, слушают пластинку. Автор же, сначала с недоумением, потом с негодованием и возмущением, узнает слова своей собственной поэмы.

— Ну, как Александр Ефимович, понравилась Вам? — спрашивает хозяин. — Это Вам прекрасный пример, как надо писать, чтоб заинтересовать читателя.

А. Е. не выдержал.

— Да, ведь, это я писал! Это отрывок из моей поэмы! Как смел он, этот Манько, присваивать себе чужие вещи! Я привлеку его к судебной ответственности!

Думая, что А. Е., быть может, не в меру выпил, все принялись успокаивать и уговаривать его:

— Что Вы, что Вы, Александр Ефимович, успокойтесь! Этого не может быть. Вы ошибаетесь! Эту пластинку из Москвы привезли.

Однако нарушитель мирной беседы не унимался, снова и снова принимался доказывать, что он автор этой вещи. Никто все же не верил ему.

— Хорошо же, я принесу Вам сейчас доказательство!

И А. Е. принес из дому полный текст своей поэты в рукописи, к этому времени уже законченный, и прочел ее гостям.

Шумный успех и восторженные возгласы были наградой автору, который до этого (как пророк в своем отечестве) многими не признавался действительно талантливым поэтом. Такому отношению к поэту во многом способствовало то, что он писал не т. н. «украинским литературным» языком, а народным наречием, каким говорят на Кубани потомки Запорожцев.

Когда имя поэта А. Е. Пивень сделалось популярным и произведения его широко известны, Кубанский Атаман, ген. Бабич, обратился к нему с просьбой собрать все произведения, в стихах и в прозе, и по 3 экземпляра каждого передать в Кубанский Исторический Музей, где хранились Войсковые Регалии, для казачьего потомства и будущих историков.

С подобной же просьбой обратилась к поэту и Екатеринодарская Городская Пушкинская Библиотека.

К большевицкой революции поэт, как истинный казак, отнесся резко отрицательно. Он написал острую сатиру в стихах на коммунистических «строителей новой жизни« под названием «Як будували Охримови нову хату», в которой безпощадно и едко осмеял горестроителей. Во всех дальнейших произведениях поэта ярко выражается ненависть к коммунистическим поработителям Родины и неустанные призывы к борьбе.

По изгнании большевиков из Кубани, в 1918 г., А. Е. Пивень вызывается в Екатеринодар Кубанским Премьер-министром Л. Л. Бычем. Он обратился к поэту с просьбой написать еще несколько антикоммунистических и религиозных произведений для поднятия казачьего духа и укрепления веры, подорванной у молодежи большевицкой пропагандой. Поэт приглашается объехать казачьи станицы и прочесть свои произведения на станичных сходах населению, знающему своего поэта.

А. Е. энергично приступил к выполнению этого поручения. Он написал несколько стихотворных произведений: «Слава нашим козаченькам», «Чоловік дуже став розумний« и другие.

Пять произведений поэта, одобренных премьер-министром, в сотнях тысяч листов были напечатаны Областной типографией, и А. Е., зачисленный к этому времени чиновником Кубанского Управления, в сентябре 1918 года начал свою поездку по Кубани.

Свыше года длилась эта поездка по Ку-

банскому Краю. Поэт посетил более двухсот станиц, выступая на сходах с чтением своих произведений, со своим казачьим призывом, к укреплению казачьего единства и борьбе против большевиков за Родную Кубань. Его стихи на напечатанных листках раздавались в это время слушателям. Успех этой поездки был огромный. Казаки всюду тепло встречали своего поэта, дружным хохотом прерывая особенно удачные места из «Охримовой хати» и всем казачьим сердцем отзывались на его призыв:

— Друже мий, брате мий,
Змучений без мири!
Хто ты эсть, де ти эсть, —
Держись крипко вири!

Нехай зло верх взяло
Та з людей смиэться,
Нехай знов в свити кров
Неповинна льэться, —

Вирь и знай: скоро край!..

По окончании поездки, в конец 1919 г. А. Е. назначается на должность Участкового Начальника 7-го участка Ейского Отдела. Но уже 15 февраля 1920 года, распрощавшись с женой и детьми, в составе Управления Отдела, вместе с Белой Армией, эвакуируется, сначала в Сочи, Сухум, Кутаис, Батум и затем в Крым. В конце 1920 года эвакуируется на о. Лемнос и в начале 1921 г. в Югославию.

Два его старших сына, при отступлении казачьих частей не пожелавших оставить Кубань и продолжавших борьбу против большевиков, в составе «зеленых» партизан, в конце концов попали в плен к красным и были позже замучены в подвалах Че-Ка. Остальные члены его, когда-то многочисленной, семьи, рассеялись по городам и селам СССР, спасаясь от преследований советской «народной» власти.

В эмиграции А. Е. продолжал писать, помещая свои стихи и прозаические произведения в казачьих журналах и газетах, под разными псевдонимами: «Мартин Забігайло», «Ходкевич Сапсай« и другими.

Поэт неустанно призывает к единению и организации борьбы за освобождение не только Родной Кубани, но и общей Казачьей Родины. Красной нитью проходит чрез все его произведения любовь к Кубани-«Неньки» и непримиримая ненависть к коммунистическим поработителям. Из многих его произведений достаточно указать на несколько, названия коотрых говорят сами за себя: «Ну-те, все до зброї!»

«Підходить пора: збірайтесь всі до двора!
За волю, свободу і спокій...
Поклик до козаків-кубанців,
Чи чуєте, кубанці?
Ставайте усі під козачий прапор».

Тоска по Родине, боль за «зруйновану Кубань-Неньку», горечь разлуки с семьей и подругой жияни — ярко вылились в его прекрасных стихотворениях:

«Кубань моя, Ненько моя,
Чого моє серце нудьгує?
Далекій коханій дружині...»

Всю свою жизнь А. Е. был глубоко и искренне религиозен. Много читал и размышлял на религиозные и философские темы. Его знание Библии, Евангелия, истории религий всех времен и народов и трудов различных философов и богословов были необычайно обширны. Священно-служители, знавшие его, избегали вступать с ним в споры по религиозным вопросам.

В конце своей жизни, до самых последних дней, несмотря на слабость зрения, А. Е. продолжал много читать и писать — теперь уже только по вопросам религии и философии. Он оставил несколько рукописей, но довести до конца большой труд на религиозно-философские темы не успел. Последним его стихотворением было «Божественный Закон Любви Христовой».

Накануне второй Мировой войны поэт, потеряв зрение, больной и одинокий, нашел приют в Казачьем доме г. Белграда.

Сообщение о его бедственном положении и призыв о помощи ему был помещен в казачьей печати.

Широко откликнулись на этот призыв земляки-казаки, не забывшие своего поэта, которого многие называли тогда «Кубанским Кобзарем». Пришли на помощь кубанскому поэту и многие украинцы и их организации. Со всех концов света стали поступать в редакцию газеты и на имя Войскового Атамана их пожертвования. И эти пожертвования дали возможность поддержать его существование и сделать ему операцию глаз, частично возвратившую ему зрение.

По окончании войны и нескольких лет пребывания в германских лагерях «Ди Пи», поэт окончательно поселился в Доме Престарелых.

С этого времени он стал заниматься соби-

ранием своих литературных трудов, мечтая об издании сборника своих сочинений, под названием «Кубанский Кобзарь», как советовали ему земляки-кубанцы.

Нелегка была задача эта, так как большинство его печатных трудов остались на Родине, а в эмиграции все казачьи журналы, где он сотрудничал, в результате войны прекратили свое существование. Не сохранились и архивы их, и только у некоторых лиц еще хранились отдельные экземпляры журналов и газет с его произведениями. Все же большинство своих трудов ему удалось собрать или восстановить по памяти.

Теперь уже можно было бы приступить и к изданию «Кубанского Кобзаря», рукописи которого (в двух разделах: «На Родине» и «В эмиграции«) с огромным трудом — из-за слабости зрения — были им подготовлены к печати, но эта задача оказалась ему не по средствам (вернее, — из-за полного отсутствия средств). И до конца дней своих осуществить и увидеть свое детище «Кубанского Кобзаря» вышедшим в свет — не было суждено ему!...

Не стало среди нас казачьего «Кобзаря»!

Но пусть же добрая слава о нем, о его трудах на пользу казачества и Родной Кубани-Матери навеки живет в казачьих сердцах..

**
*

Ввиду того, что многие казаки, особенно кубанцы-линейцы и донцы, не понимают слово «Кобзарь», редакция считает долгом пояснить, что это означает народного поэта — певца народного, собравшего все от своего народа. Кобзарь — Народный Певец, Народный Поэт!

В. Зарин

«НА ДОНУ»

Лондон. — Газета «Дейли-Телеграф» сообщает о серьезных безпорядках, происшедших в июне с. г. в Новочеркасске и в Ростове на Дону.

Манифестанты протестовали против громадного повышения, до 35 процентов, цен на мясо, молоко и масло и вообще против вздорожания жизни и недостатка съестных продуктов. Волнения были подавлены войсками, много убитых и раненых. Область была изолирована и все сообщения с нею прерваны.

По сведениям же париж. газеты «Франс-Суар» беспорядки ограничились тем, что рабочие тепловозостроительного завода в Новочеркасске в числе 11.000 человек, в знак протеста против повышения цен, объявили забастовку, в результате которой розничные цены на мясо и масло в этом районе подняты не были. Директор завода по требованию рабочих был смещен.

«ЛИЕНЦСКАЯ ТРАГЕДИЯ КАЗАКОВ В 1945 Г.»

(Слово, сказанное Архимандритом Владимиром в св. Успенском храме на Алта Виста, (Венецуела), 3 июня 1962 года)

Вам всем хорошо известно, что под конец войны 1939-1945 гг. все казачьи военные и рабочие формации были сосредоточены в районе Толмецо - Удине - Азиаго - Шио на территории Италии, вблизи Удино по направлению к Австрии.

По выработанному плану, согласно указаниям Английск. командования, вся многотысячная казачья масса должна была покинуть пределы Италии и расположиться ста-

ном в Австрии — в долине р. Дравы — шириною больше 3 километров, окаймленной скалистыми горами, вроде «Ловушки», где и разыгралась майско-июньская казачья драма, казалось бы последняя страница из истории казачества, которое в свое время носило название: «Гордость Российской Империи — страх ее врагам».

Австрия встретила казаков яркой прекрасной весной. Долина Дравы цвела, но она сыграла предательскую роль в жизни и истории казачества вообще.

Можем себе задать вопрос: «что представит из себя та же долина не только казалины, в недалеком будущем не только казакам, но вообще нам эмигрантам, проживающим или невольно очутившимся в подобных злополучных «Ловушках»?

На подобный вопрос преждевременно трудно ответить, но ухо держать остро не только рекомендуется, но и считается необходимым при таких доброжелателях — союзниках.

Главную роль в казачьей драме сыграл майор английской королевской армии Дэйвис, который всякими правдами и неправдами и даже клятвой королевского английского офицера сумел усыпить бдительность доверчивых казаков и вместе с тем он ни на йоту не отступил от намеченного предательского плана, выработанного представителями культурных стран в Ялте, сидя за столом с угнетателем русского народа, быть может за рюмкой московской водки и икрой, под звуки сердцещипательной балалайки... Полагаю, что за такую доблесть и усердную службу — майор Дэйвис был соответствующе награжден, как со стороны английского королевского дворца, так и сталинских хором?...

Я позволю себе задержать Ваше внимание на рассказе очевидца, присутствовавшего при этой драме, дабы Вам яснее были бы детали этой драмы:

Английск. Командованию великолепно была известна доблесть и храбрость казаков. Они знали, что казачеству, имеющему свой командный состав, никакие танки и палестинские добровольцы противостоять не могут. Поэтому, чтобы не посрамить английскую военную форму, решили обезсилить массу, чем? — лишить ее командного состава путем подлого приглашения на конференцию.

Обезглавив Казачий Стан, англичане принялись за оставшиеся семьи офицеров и всех казачьих беженцев, находившихся глав. сбр. в большом лагере «Пеггец»...

Через два дня после увоза офицеров Каз. Стана, 30 мая, на площадь лаг. Пеггец въехала большая крытая автомашина с двумя танкетками, и оттуда через громкоговоритель раздались слова: «Послезавтра поедете на родину. Всем приготовиться с вещами...». В ответ со всех сторон раздались голоса: «Не поедем... Не поедем...»

Машина и танкетки ушли. Через несколько минут после этого все собрались на площади лагеря. Единогласно постановили: «Объявить голодовку»... Привезенные от англичан продукты приняты не были, их свалили в кучу возле забора. На воротах лагеря, на всех бараках и даже на ворохе сложенных у забора продуктов, водрузили большие черные флаги. У ворот и в других видных местах лагеря расклеили лозунги, написанные большими буквами на английском языке, примерно следующего содержания: «Мы предпочитаем смерть возвращению в Советский Союз»...

Временно исполнявший должность походного Атамана Каз. Стана, молодой энергичный казак Дон. Войска Кузьма Полудин, несколько раз за день собирал казаков на площади лагеря и говорил: — Братцы... Постоим за себя... Не устрашимся угрозы... нас просто хотят запугать, не бойтесь... Насильно англичане никого не выдадут и т. п...

Говорил ли Кузьма так под внушением различных провокаторов, шнырявших по лагерю, или, может, по чьему то приказанию — неизвестно. В тот же день всех увезенных офицеров, более двух тысяч, англичане уже передали большевикам на мосту реки Мур у города Юденбург.

31 мая английский майор Дэйвис приехал в лагерь Пеггец и официально заявил: «Завтра все должны ехать на родину».. На мошные протесты тысяч собравшихся он не обратил внимания.

Вечером того же дня, на общем казачьем сборе Пеггец было постановлено, что 1-го июня, в 5 часов утра, все без исключения должны выйти на площадь лагеря на Богослужение: все были почти уверены, что англичане не проявят грубого насилия над безоружными людьми во время богослужения, ведь они воины английской цивилизованной нации, страны христианской, не посмеют быть хуже татар 13 века...

В пятницу 1-го июня в 5 часов утра на площади лагеря Пеггец уже началось соборное богослужение, возглавляемое протоиереем Анатолием Батенко, с участием 12 священников и двух дьяконов

В 7 часов утра в лагерь въехало несколь-

ко десятков военных грузовых машин и остановились вблизи молящихся.

В 7 часов 30 минут близко к молящимся подошла машина с майором Дэйвисом и атаманом Кузьмой Полудиным. Несколько минут оба молча смотрели на всех собравшихся и, не сказав никому ни слова, уехали.

Но у начальника гарнизона Лиенца английского подполковника Малькольма был ясный приказ командующего 8-й Британской армией генерала Александера: «Любым способом репатриировать в СССР всех казаков и их семьи, не останавливаясь в необходимом случае перед применением силы»...

Минут через десять после отъезда майора Дэйвиса и атамана Полудина, с сев. восточной и сев.-запад. стороны к молящимся подошло 2 взвода английских солдат, вооруженных автоматами, ручными пулеметами и толстыми деревянными палками, и стали с двух сторон в шеренгу.

Хор пел «Отче наш», а английский офицер говорил солдатам «последнее напутственное слово»...

Началось Приобщение Св. Тайн и вдруг... отчаянный крик, страшные стоны и вопли раздались в толпе: солдаты кинулись на беззащитную толпу с двух сторон, избивая палками всех подряд: женщин, детей, стариков, больных... По углам строчили пулеметы. Престол опрокинулся, церковная утварь попадала на землю. Англичане палками оглушали ближайших к ним мужчин, женщин и детей, потом хватали их и как дрова кидали в кузовы грузовиков. Не щадили никого: одного дьякона, небольшого роста, схватили в полном облачении, бросили в машину, как бревно, и увезли. Одна женщина два раза выпрыгивала из машины, а на третий раз английский солдат приколол ее штыком и бросил в кузов.

Рядом грохотала бурная Драва, через которую лежал деревянный мост. Все устремились к мосту, за которым виднелся спасительный лес, а дальше горы... Но бежавших к мосту встретил огонь английских пулеметчиков.

И вот тысячи обезумевших от страха людей бросились в бурную реку. Глубокая, грохотавшая весенним разливом Драва в миг поглощала человеческие жертвы в своем мутном стремительном водовороте.

Кровь леденеет, когда вспомнишь как матери, перекрестясь, прижимая к груди малюток детей, бросались с ними в реку, когда люди кидались под гусеницы танков, огонь пулеметов и автоматов, резали себе вены, распарывали животы, стрелялись, вешались, лишь бы не быть репатриированным, тогда как эти представители культуры избивали их дубинами и в запломбированных вагонах отправляли на восток. Что стало со многими из тех, которые, как выигрыш Сталина в политинской игре с дипломатическими представителями Запада, попали в советскую мясорубку, является и поныне одной из многих тайн за железным занавесом.

1 июня 1945 года были выданы все юнкера, находившиеся недалеко от лагеря Пеггец.

15 Казачий Кавалерийский корпус почти весь выдали на расправу большевикам, вместе с командиром корпуса генералом Гельмут фон Паннвиц, который добровольно решил пройти путь страданий своих братьев по оружию, будучи немцем по происхождению.

Можно было бы еще много-много писать и тогда еще всего не опишешь... Так «Культурный Запад», лебезя перед кровожадным Сталиным, встретил и проводил «домой» казаков, именно тех казаков, которые до того боролись все, чтобы спасти Родину, проделав тысячи километров в своих кибитках и пешком, надеясь у свободных народов найти себе опору. Они уходили с просторов Родной земли, залитой людской кровью и злом большевиков. Они бежали от насильственной атео-сатанинской власти, от ужасов НКВД. Они шли в поисках друзей, могущих помочь им в борьбе за освобождение Родины, родных куреней и земель и чтобы оградить другие народы от коммунизма, убивавшего их душу, тело и веру в течении нескольких десятков лет, но увы... видно русский коммунизм кому то нужен и казаки, вместо поддержки, получили бесплатный проезд прямо в Советскую мясорубку. Так погиб цвет доблестного казачества, гордость могущественной России и страх врагам ее.

Описывать подробно — документально страшную лиенцскую трагедию, конец мая и начало июня 1945 года — принудительную выдачу советским палачам казаков, лютых противников коммунизма, значит вновь вспоминать духовный позор и моральную нищету нашего 20 века, когда во всю наготу выявились и сознательная подлость, и нечеловеческое издевательство, и гнусное предательство культурного запада.

«Господь Бог да воздаст коемуждо по делом его»...

Пройдут годы, но память о зверствах, учиненных в 20 веке культурным западом, навсегда сохранится в сердцах и в истории казачества. Она сложит о них легенды и со-

споет в народных песнях, дабы знали и помнили потомки, как с их дедами и отцами поступили представители культурно-цивилизованных наций.

«Из ядомого вышло ядимое, а из сильного вышло сладкое», — сказал Саул, — какая-то польза осталась, а здесь могучий лев превратился в кошку, которая рискует скоро остаться и без хвоста. Каждому фрукту свое время?

У каждого из Вас свежа еще в памяти «История Лиенца», и каждый из Вас обязан рассказывать ее новому поколению, дабы знали потомки, как иногда культурные люди становятся хуже канибалов, забывая свое происхождение и творение по «Образу и по подобию Божию», превращаясь в диких зверей.

Холодные цыфры и покрытые черным крепом имена безвозвратно ушедших в вечность, погибших и умученных, освежат память трагических дней. На многомиллионный кровавый счет, начавшийся с подлого убийства царской семьи, занесен и неизмеримый яд Ялты — бесконечно насильственных репатриаций.

Всеми способами, извращая пункты ялтинского соглашения, лукаво и хитро используя неосведомленность союзников, большевики подвели под итог кровавого этого счета и бывших участников белого движения.

Будем молить Господа Бога, чтобы никогда больше не повторялось подобие Лиенцской драмы, которая в данное время, при создавшихся обстоятельствах, может коснуться не только оставшихся казаков, но и всех нас эмигрантов — и от которого мы ничем не застрахованы.

Мы уже стоим на пороге грандиозных событий, которые вредно могут отразиться на нашем мирном сосушествовании на запад. Помните, было сказано: «На земле, на море, под водой или под землею, мы все равно Вас догоним. Запад Вас не укроет»...

Но бодливой корове Бог рог не дает...

Минуло шесть лет после страшного злодеяния и, оставшиеся в Каринтии (Австрия) казаки, при помощи других беженцев от коммунизма, на добровольные пожертвования, в том числе и с разрешения и помощью коменданта лагеря Пеггец майора Ричардса, соорудили величественный памятник.

Он представляет собой высокий обелиск, увенчанный восьмиконечным крестом, с надписью на специальной доске золотыми буквами на русском и немецком языках: **«Казакам — жертвам 1-го июня 1945 года».**

Так обогатилась »Долина Смерти» в Каринтии новыми казачьими жертвами в нашем, казалось бы, «культурном христианском XX-м веке»...

Драма разыграна... завеса опущена...

Чаша казачьей горести переполнена....

Лежит неизвестный казак под сырой землей австрийской Каринтии и чуется ему издалека песня: «Под свободные знамена Добровольческих полков от Кубани и от Дона, шли отряды казаков»...

«Не за власть Кремлевской клики собрались с Дона, Терека, Кубани православные сыны... За спаленный край казачий, за расстрелянных отцов... За погибших в тридцать третьем, всех Кубанцев, Терцев и Донцов»... Так выражено это в известной казачьей песне, так оно было и на самом деле...

К Лиенскому кровавому счету прибавилось еще сотни тысяч расстрелянных казаков на родине, сотни тысяч казаков, умерщвленных искусственным голодом в 1932-1933; страшные репрессии в период раскулачивания и принудительной коллективизации и много — много другого коммунистического произвола в казачьих станицах Северного Кавказа, заставили население этих станиц покинуть родной край, родные курени и уходить в неизвестность с немецкими войсками, ища свободу и спору, и взамен нашли смерть на берегу чужой реки Дравы...

Так перед вашим взором стоит второй памятник двойной трагедии казачества 1932-1933 и 1-го июня 1945 г.г.*).

Этот памятник сооружен на собранные пожертвования среди казаков, желающих увековечить эти два зверские и нечеловеческие приемы культурных людей XX-го века запада и азиатских приемов востока.

В данном случае нужно отметить, что не пожалел трудов и искусства художник В. М. Нешумов, воспроизведя точно старинную икону «Покрова Пресвятой Богородицы — покровительницы Казачьего войска.

Не пожалели средств трудовых сами казаки и казачки.

Не пожалел трудов своих, во имя увековечения памяти погибших станичников — родных братьев казаков П. А. Пятница, который взял инициативу в свои руки и довел доброе дело до конца.

Наша церковь сегодня является хранительницей исторических двух трагедий казачества.

---

*) Большой деревянный киот, в котором вложена икона Покрова Пресвятой Богородицы — «Жертвам Лиенца и умученным голодом в 1932-1933 г. в СССР».

Взглянув на этот памятник, перед каждым вырисовывается картина этих двух трагедий по вине и непредусмотрительности культурных победителей XX века. Но Бог поруган не бывает... Все они погибли, защищая веру, родину и правду. Буди им легка Господняя земля.

Трудно оторваться от машинки, но боюсь, что это Вам покажется «Азовским сидением», поэтому буду кончать.

Собрались мы сегодня все, чтобы воздать должное тем, которые отдали последнее за нас и за Родину, заповедавшим нам, недостойным, только молиться о них. Полагаю, что на совести всех лежит эту скромную просьбу выполнить безропотно.

Перед нами казачья Голгофа... А там, где с гор низвергается Драва с неумолчной песней своей, каждый камень о жертве кровавой будет помнить, стыдясь за людей...

Помолимся и пропоем Вечную Память славным героям — жертвам невинным .

Будем верить, что настанет время, когда будут судить не только побежденных, но и победителей... А м и н ь.

Архимандрит Владимир

Алта Виста, Каракас (Венецуэла).

РУЗВЕЛЬТ, СТАЛИН И ЧЕРЧИЛЬ

Ужасный, безчеловечный и дипломатически по меньшей мере близорукий — чтобы не сказать больше — поступок совершили Рузвельт и Черчиль, по Ялтинскому договору предав Сталину в Лиенце и в других лагерях на смертные муки и издевательства десятки тысяч стойких врагов коммунизма, которые теперь были бы в стане опомнившихся, разобравшихся наконец в сущности большевизма, англо-саксов. И все же, несмотря на чудовищное легкомыслие вершителей судеб человечества той эпохи — как будто бы уже далекой, но в то же время такой близкой — отдавших к тому же в распоряжение Сталина и его преемников все подступы к Берлину и к своим собственным там гарнизонам, их поступок кажется уже чуть ли не каплей в море, когда подумаешь, в какую бездонную пучину бедствий был бы ввергнут весь свободный мир, если бы были осуществлены мысли и намерения президента Рузвельта, касающиеся раздела мира по окончании Великой войны...

Планы по существу морально преступные, и какое счастье для человечества, что в последний момент неожиданная смерть унесла всемогущего президента...

А между тем это был выдающийся государственный деятель, человек большого ума и энергии, пришедший в »Белый Дом» в годы небывалого в Америке экономического и финансового кризиса и сумевший решительными мерами восстановить экономику страны и укрепить ее финансы. М. Е. Вейнбаум и «Нов. Рус. Слове», в номере от 24 марта с. г., в своей рецензии на книгу америк. проф. Р. Гэннона «Биография кардинала Спеллмэна», видит объяснение такого, скажем, «затмения» Рузвельта или в болезни президента, подточившей его физические и умственные силы, или во влиянии тайных коммунистов и попутчиков ,которых было немало тогда в америк. правительстве, или, наконец, в полном непонимании Сталина и его замыслов некоторыми министрами и советниками президента. Все это, вместе взятое, говорит М. Е. Вейнбаум, могло до такой степени затуманить светлый когда-то ум Рузвельта, что он готов был купить сомнительную дружбу Сталина ценой отдачи ему Европы и многого другого.

Многие тайны войны остаются все еще неизвестными, но, в конце концов, «нет ничего тайного, что не стало бы явным». Постепенно секреты выплывают — и будут выплывать — наружу. Кардинал Ф. Дж. Спеллмэн, во время войны в сане тогда архиепископа занимавший пост, выражаясь по нашему, протопресвитера военного и морского духовенства, пользовался полным доверием президента и был одним из самых близких к нему лиц, посылавшимся во время войны Рузвельтом, в качестве «личного представителя» президента, в Италию, Испанию, Египет, Турцию и в другие страны.

2 сентября 1943 г. Спеллмэн обедал в Белом Доме с Рузвельтом и Черчилем, а на другой день президент полтора часа беседо-

вал со Спеллмэном и развивал перед ним свои планы о разделе мира и о сотрудничестве со Сталиным. Кардинал тогда же записал в своем дневнике содержание этой беседы, которая полностью и приведена проф. Гэнноном в его книге*).

По плану Рузвельта, весь мир должен был быть поделен между четырьмя великими державами: США, СССР, Англией и Китаем (национальным, Чан-КайШека). Эти 4 державы — и только они одни — образуют новую Лигу Наций, а для малых держав, в том числе, следовательно, и для Франции, Италии и т. д. будет создано Совещательное Собрание без права принимать решения и голосовать. По плану Рузвельта, США должны были получить Тихий океан, Китай — Дальний Восток, СССР и Англия — Европу, причем преобладающее значение в Европе должна получить Россия (Рузвельт везде называет СССР Россией), так как интересы Англии имеют преимущественно колониальный характер. Чан-Кай-Шек будет принимать участие и в решениях, касающихся Европы, но никакого влияния в Европе иметь не должен. Сталин должен получить Финляндию, Балтийские страны, восточную половину Польши, Бессарабию. Венгрия, Австрия и Хорватия окажутся под властью Сов. Союза. Советский протекторат распространится и на другие государства Европы. Только Франция, может быть, избежит его, при условии, что во Франции будет правительство «а ля Леон Блюм» и народный фронт окажется настолько успешным, что Сталин **сочтет нужным** принять его...

Германия должна быть расчленена на несколько государств. Рузвельт выразил надежду — хотя он и сомневается, что это ему удастся — заручиться обязательством Сталина не распространять советской территории дальше определенной линии, но противиться его желаниям нет смысла, так как он все равно может взять все перечисленное силой, так уж лучше уступить их ему «с грацией». Полной уверенности, что Сталин удовлетворится, у президента нет. Рузвельт выразил надежду, что русское вмешательство в Европе не будет слишком жестоким. Европейским народам придется примириться с коммунистическим господством в надежде, что лет через 10-20 оно станет менее жестоким. По мнению Литвинова, сказал президент, Советы возьмут в Европейских государствах 40 проц. производства, а капиталистам останется 60, и это послужит основой для их сотрудничества. Все это будет так, потому что США и Великобритания воевать с СССР не в состоянии.

Рузвельт говорил, что договариваться со Сталиным будет он сам, так как Черчиль слишком идеалист, а он, Рузвельт, такой же реалист, как Сталин.

*) The Cardinal Spellman Story By Robert Gannon. N. Y.

Известно, что Черчиль, лучше понимавший сущность коммунизма, во многом, и особенно в вопросах стратегических, не был согласен с Рузьвельтом и настаивал на ограждении интересов свободного мира, но что мог сделать представитель маленькой, в сравнении с двумя колоссами, Англии, один «идеалист» против двух «реалистов», имевших в совещаниях трех большинство двух третей?

Надвигалась полная капитуляция от имени всего свободного мира перед коммунизмом со всеми тяжкими последствиями, хорошо нам, так много пережившим, известными...

Как теперь спасает Европу Северо-Атлантическое Сбъединение СТАН (или, как называют его другие, НАТО) и **стратегическая сила** атомная США, стоящая за спиной ОТАН'а на защите свободного мира, так тогда спасла Европу смерть Рузвельта, и теперь еще оплакиваемая Советами, чествовавшими посещавшую Москву вдову сговорчивого благожелательного для них «реалиста».

С грустью и горьким чувством приходится отметить, что и тут, как во многом другом, большевикам везет и часто они одерживают верх благодаря не столько своей силе, сколько слабости их противников, их несогласиям и спорам. Так и теперь: министры Общего Единого Рынка — «Малой Европы», шести держав — никак не могут договориться с Англией и вместе с нею создать, наконец, как необходимое дополнение к достигнутому уже объединению экономическому, единую Европу политическую, чтобы единым фронтом противостоять большевизму. С другой стороны, «сепаратистические» тенденции внутри и военного объединения подрывают и колеблют — прежде всего со стороны «морали» — мощную силу ОТАН'а. Споры и несогласия Франции с США по вопросу о создании Францией независимой от ОТАН'а национальной ударной атомной силы приняли довольно острую форму, послужив косвенно причиной ухода и замены Верхов. Главнокома. ОТАН'а ген. Норстэда и америк. посла ген. Гавэна. Ген. Дэ-Голлю принадлежит громадная заслуга в устранении вековой враж-

ды между французами и немцами и в создании дружеских отношений с Германией — (в частности, на франц. земле Адэнауер и Дэ-Голль совместно принимали парад франц. и немецких войск), а с другой стороны несогласия в лоне ОТАН'а заставляли опасаться поворота части герман. обществ. мнения в сторону СССР.

Н. М. Мельников

Франция.

ПЕРВОПОХОДНИКАМ.

2к

Нас мало теперь остается.
Могилы растут с каждым днем,
И сердце все медленней бьется,
Но живо — тоской о былом.

Оно не грустит о потерях,
О тех, что погибли в боях,
И ждет, что раскроются двери
К свободе в любимых краях.

Недаром в поход уходили —
Российскую честь берегли.
За то, что мы свято любили,
Мы отдали все, что могли.

Не страшны нам жертвы и раны
За нашу любимую мать,
Не страшен и крест безымянный —
Один только раз умирать.

Я знаю — не будет похода
В последней загадочной мгле,
Но верю воскреснет свобода
На русской прекрасной земле.

Н. Евсеев

Париж.

ХАРЛАМПИЙ ЕРМАКОВ — ГЕРОЙ «ТИХОГО ДОНА».

В № 1818 газеты «Русская Мысль» была помещена заметка о том, что по сообщению Шолохова группе посетителей, казак Харлампий Ермаков, с которого он списал одного из главных героев своего романа «Тихий Дон», был расстрелян Сталиным в 1925 г., в период доносов, чисток и «сталинских извращений».

Я встречал Харлампия Ермакова и давно догадывался, читая и перечитывая главы, относящиеся к восстанию, что это он выведен в романе в качестве главного действующего лица. Хотя он тоже упоминается в романе, но та роль, которую он играл во время восстания, отводилась Григорию Мелехову, внешность которого имела сходство с таковск же Харлампия Ермакова, причем подчеркивалось, что Григорий любил «этого безумно храброго командира».

В середине июля 1919 года я был командирован из Новочеркасска на должность командира батареи во вновь сформированную 4-ю Дон. кон. бригаду из восставших верхне-донцов, в которую вошли, получив номера: 19-й Еланский, 20-й Вешенский и 24-й Калиновский полки и 1-я (которую я принял) и 2-я Вешенские батареи, вскоре тоже получившие номера 14-й и 18-й Дон. кон. батарей, образовав 4-й Донской кон.-артил. дивизион.

В этой бригаде было немало действительно существовавших героев Шолоховского «Тихого Дона», в том числе и Харлампий Ермаков.

Помню, в первых числах августа, после прорыва ген. Мамантова, когда 20-й полк с 14-й батареей, заняв сл. Макарово, перешел затем в Ср. Карачан, где завязался бой, кто-то указал мне на находившегося в группе начальников одного из офицеров, сказав:

— «Знаете кто? Это подъесаул Ермаков, помощник командира 20-го полка. Во время восстания он командовал дивизией».

Я с любопытством стал следить за ним. Добрый конь, хорошая посадка. Роста среднего или выше-среднего. Черноволосый.

Правильные черты лица. Острый, немного хищный нос. Слушая начальника штаба бригады, объяснявшего обстановку, он зоркими, слегка прищуренными, глазами, не отрываясь следил за противником. Привычка к командованию проявлялась в коротких репликах — видно было, что он уже оценил обстановку и имеет о ней свое мнение.

Получив задачу, он во главе двух сотен быстро двинулся в сторону противника и скрылся в складках местности. Прошло некоторое время и на противоположном скате широкой балки мы увидели в беспорядке бегущую красную пехоту, спешившую укрыться от нашей конницы в ближайшем лесу.

Через несколько дней части нашей бригады оперировали в тылу у красных. В ожидании возвращения подрывников, посланных взорвать жел. дорогу на Балашев, бригада остановилась, выслав для обеспечения нашего правого фланга две сотни с одним орудием моей батареи в сторону Танцырея, под командой подъесаула Ермакова. К вечеру этот заслон был атакован двумя полками красной конницы, за которой следовала пехота, и отошел на бригаду. Вскоре появилась несущаяся в атаку красная лава, по которой наши батареи открыли беглый огонь, а стоявшие скрытно за лесом 19-й и 20-й полки атаковали в конном строю во фланг, опрокинули противника и начали преследование. Красная конница смяла свою пехоту и Ермаков вернулся после боя, приведя 600 пленных и 10 пулеметов.

Вскоре после этого, под нажимом ударной группы Шорина, части 2-го Дон. отд. корпуса отошли за Хопер и перегруппировались, причем была образована конная группа из двух бригад: 4-й и 5-й.

Разбив противника у х. Н.-Речинского и ст. Луковской, конная группа повернула на юг и 30-го августа (12 сент.) повела наступление на х. Попов (Федосеевский).

Под ударом 4-й кон. бригады красная пехота стала отходить, задерживаясь на удобных позициях, но до самого вечера ликвидировать ее нам не удалось и бой стал затихать. Захватив с собой на всякий случай одно орудие, я поднялся на плоскогорье, где находился командующий группой полк. Сальников, командир 5-й кон. бригады, со своим штабом, а также штаб 4-й кон. бригады и командир 20-го полка. Отсюда отлично было видно расположение красных, остановившихся недалеко от хутора на почтительном расстоянии от нашей конницы.

Близость населенного пункта и приближавшиеся сумерки заставляли думать, что красным удастся уйти. И вдруг все ахнули...

Из рядов 20-го полка отделился всадник и карьером понесся в сторону противника. За ним еще два, потом целая сотня, за ней остальные...

— «Что они делают!... Что они делают!...» воскликнул командующий группой полк. Сальников.

Командир 20-го полка хлестнул по лошади и поскакал к полку. Я открыл огонь, чтобы поддержать атаку, развивавшуюся блестяще. Все с затаенным дыханием следили, как, несмотря на беспорядочный огонь красных, доблестные вешенцы быстро приближались к противнику и наконец дошли.

В короткий срок все было кончено. Больше 1.000 пленных, пулеметы, весь обоз и большой транспорт артиллерийских снарядов попали в наши руки.

Так как командир полка в момент атаки находился при штабе бригады, то инициатором ее был его помощник. Сказался темперамент потомка одного из сподвижников Ермака.

Дважды легко раненый в августовских боях, подъесаул Ермаков вскоре был тяжело ранен, эвакуирован и больше я его не встречал. Надо полагать, что к моменту отхода Донской Армии осенью 1919 г., он еще не оправился от ран и остался в своей станице, где встретился с Шолоховым, который и использовал его для своего романа.

У Ермакова был брат, тоже офицер, произведенный, как и он, за боевые отличия, в чин хорунжего или сотника. Он командовал сотней в 20-ом полку, но погиб не так, как описывается в романе.

В середине октября 1919 г. конница ген. Коновалова под его личной командой, разбив и уничтожив противника в районе ст. Михайловской, двинулись на следующий день на х. Уваровский и с. Калмык. Левофланговая 4-я бригада, пройдя поселок около станции Калмык, получила донесение от своих квартирьеров, высланных в с. Калмык, что они передловили там красных квартирьеров, от которых узнали, что из г. Новочеркасска по большой дороге идет в это село бригада красной пехоты при двух батареях. Доблестный начальник штаба 4-й кон. бригады В.-Ст. Н. А. Хохлачев решил ее перехватить и уничтожить. Мы свернули с дороги и напрямик двинулись рысью на перерез восточнее х. Богдановского. Мне приказано было загнать лошадей, но прибыть с батареей во время, чтобы в момент атаки подавить огонь артиллерии красных.

Все было разыграно, как по нотам. Шед-

шие без всяких мер охранения красные были внезапно атакованы в конном строю. Я в несколько минут привел к молчанию обе их батареи, пытавшиеся защищаться на картечь, причем на позиции были захвачены в полной исправности 5 орудий, из которых я открыл огонь по противнику. Остальные были брошены неподалеку или захвачены нашей конницей. Бригада красных была совершенно уничтожена. Мы захватили сотни пленных, все «колеса», пулеметы и артиллерию. Но в этом бою был убит брат Харлампия Ермакова, командовавший сотней.

Е. Ковалев

Париж.

ГЕНЕРАЛ И. В. ТУРЧАНИНОВ

Ген. И. В. Турчанинов (Турчин) — один из героев Гражданской войны в США в 1861-65 г.г., командовавший несколькими полками, сформированными в штатах Иллиной, Индиана и Охайо. Вместе с тем он являлся одним из борцов за осуществление прогрессивных идеалов, за которые боролся президент Линкольн. Скончался он на 79-м году жизни, 18 июня 1901 года. Ему были устроены торжественные национальные похороны. Погребен он на Национальном кладбище Моан Сити, на юге штата Иллиной, где покоится прах его боевых соратников, сражавшихся под его командованием.

Мало кто из прибывших из России людей знал о жизни и деятельности этого замечательного человека, как и о том, где покоится его прах. Никто из близких или родных, никто из бывших земляков не посещал почти 60 лет места его вечного упокоения.

И вот только теперь, во время Пасхального Сорокоуста, по инициативе проживающих в штатах Мизури и Кентокки казаков было совершено паломничество на могилу этого, казалось, забытого, борца за волю и справедливость.

Появлению на кладбище стольких православных вместе с священником о. Феодосием явно был обрадован директор Национального кладбища Нормэн Баумгарднер, сказавший, что это, вероятно, первое за 60 лет появление на могиле земляков этого выдающегося генерала и патриота.

Прежде всего был освящен вновь поставленный над могилой ген. Турчина и его жены памятник из светлосерого гранита, а затем была совершена панихида. На могилу были возложены венки из любимых казаками «лазоревых» цветов и из калины, и по старой традиции были положены пасхальные яйца, кулич и другие яства.

Неожиданная церемония привлекла всю администрацию и рабочих кладбища, принявших участие в общем молении. Потом на английском и русском языках было сказано слово о жизни и деятельности ген. Турчина, как воина, гражданина, журналиста, инженера и неустанного борца за волю и свободу всех людей и народов. После панихиды по просьбе дирекции было исполнено несколько казачьих песен.

---

17 июля 1962 года исполнилось сто лет со дня производства президентом Линкольном в генералы казачьего полковника Ивана Васильевича Турчанинова, одного из героев Гражданской войны в США в 1861-65 г.г.

Мало кому известна жизнь и деятельность этого выдающегося человека и военачальника, журналиста и военного историка, борца за волю и права человека, оставшегся верным своим идеалам.

И. В. Турчанинов родился 24 декабря 1822 г. в станице Константиновской на Дону. 19-ти лет он блестяще окончил военное артиллерийское училище. Был принят, как особо выдающийся офицер, в академию генерального штаба, которую закончил с особой наградой за исключительные успехи. Участвовал в Крымской войне, во время которой проявил свои воинские дарования и, будучи всего в возрасте 32 лет, был произведен в чин полковника. На его способности обратил внимание Николай I, который поручил ему планировку и укрепление петербургского военного округа, а затем назначил его начальником штаба гвардейского корпуса.

Перед молодым полковником открывалась перспектива блестящей карьеры. Но никак не могла мириться его вольнолюбивая душа с порабощением и угнетением, с условиями царского абсолютизма и его политикой, следы которой Турчанинов видел в России... Под влиянием Герцена, Огарева, Сухорукова он покидает Россию. Сначала он жил в Германии, затем во Франции, а в августе 1856 года эмигрировал в США. Перед своим отъездом он побывал в Британии, где встретился с Герценом, с которым вел переписку. Часть этой переписки была опубликована недавно в одном советском журнале.

В США Турчанинов окончил инженерную школу в Филадельфии. После этого он работал в качестве инженера сперва в городе Мэттаун, в штате Иллиной, а затем на Иллинойской центральной железной дороге. Бывая в Спрингфилде, он познакомился с будущим президентом Линкольном, тогда конгрессмэном.

При получении американского гражданства, он изменил свою фамилию на Джон Базил Турчин, вступил в ряды республиканской партии и открыто поддерживал прогрессивные стремления Линкольна, выступая на его митингах. Одновременно он сотрудничал в чикагских газетах.

Когда началась гражданская война, он вступил сразу же в командование 19-м Иллинойским полком, сформированным в составе 1.000 офицеров и солдат — жителей Чикаго. В кратчайший срок, после надлежащей тренировки по примеру казачьих частей, он в течение трех месяцев привел свой полк в полную боевую готовность и 12 июля 1861 года выступил на фронт.

Жена, Надежда, сопровождала его в качестве врача военного полевого лазарета во время всей военной кампании, проявив при этом удивительное мужество.

В военных операциях 1862 года бригада ген. Турчина была неизменно в авангарде дивизии Митчеля, а потом армии ген. Грэнта. За взятие штурмом Хантсвилля президент Линкольн произвел полковника Турчина в генералы.

После окончания гражданской войны Турчин вернулся к своей профессии инженера и журналиста, хотя ему несколько раз перед этим президент Линкольн предлагал высокие посты в военном министерстве.

Вслед за разгромом польского восстания в США устремились многие иммигранты из Польши и западных губерний России. Генерал И. В. Турчанинов принял деятельное участие в устройстве их на новых местах в США. Ему принадлежит честь основания городка Радом. С его, ген. Турчина, помощью в новом Радоме была построена церковь, большая школа, налажена общественная взаимопомощь, медицинское обслуживание. Тут же в миле от Радома, ген. Турчин приобрел и для себя ферму.

Ген. Грэнт, став президентом США, предложил ген. Турчину пост инспектора армии США, но он отклонил предложение, выразив желание написать военную историю гражданской войны в США. Свыше трех лет он усиленно работал над этим трудом в Вашингтоне, посещая архивы и роясь среди документов, относящихся к этой войне, а также бывая на месте сражений. Его труды печатались в Чикаго. Первый том имеет название «Сражения Союза во время гражд. войны в Соединенных Штатах Америки в 1861-65 г.г., 2-ой том — «Битва у Миссионари Райдж, 3-ий — «Опыты и впечатления во время гражданской войны». Им же была написана книга «Картины России».

Сенатор Д. Форкер, служивший капитаном в бригаде Турчининова, и ген. Гросвенер, который также находился под командованием Турчанинова, внесли в Конгресс США законопроект о предоставлении Турчанинову, как заслуженному генералу и герою гражд. войны в США, пенсии, что и было единогласно принято.

Но недолго оставалось еще жить этому доблестному и замечательному человеку. Последствия полученных им ранений и солнечного удара в походе через штат Джорджия в 1864 г. давали о себе знать. 18 июня 1901 г. он скончался.

Покойному были устроены торжественные национальные похороны с отданием всех воинских почестей. По его предсмертной воле и распоряжению Вашингтона он был погребен там, где похоронены павшие на войне его славные бойцы, на Национальном кладбище в Моан Сити, на самом юге штата Иллиной, на стыке штатов Миссури, Кентоки и Иллиной, при впадении реки Охайо в Миссисипи.

Сейчас на этом Национальном кладбище, на котором покоится прах свыше 10 тысяч офицеров, солдат и матросов, павших во время гражданской войны, в 1-ой и 2-ой Мировых войнах, в Корее, над могилой генерала Турчанинова — Турчина и его жены возвышается большой из серого гранита памятник. Он отчетливо выделяется из окружающих его памятников и громадная на нем надпись ТУРЧИН хорошо видна с центральной крытой рампы кладбища, предназначенной для

официальных церемоний. На самом памятнике — надпись на английском языке:

John B. Turchin. Brig. Gen., lent. USA. — Dec. 24, 1822 — June 18., 1901.

Nadine A. Turchin, his wife. Nov. 26, 1826 — July 17, 1904.

Так вдали от родного Дона нашли свое вечное упокоение исключительно замечательные и жертвенные люди, всю жизнь отдавшие, как пишет историк, «борьбе за человеческую свободу и за ненарушимые принципы права и справедливости для всех...».

Данные о деятельности ген. Турчина имеются в капитальном труде, посвященном гражданской войне в США 1861-65 г.г. «Ти вор оф ди ребильон» серия I, т. 3-й, изд. Государств. типографии, 1881 г., а также в труде А. Парри, опубликованном в «Рошен Ревю» в апреле 1942 г.

В 1960 г. в бюллетене «Новые книги», издающемся в Москве, было сообщено о предстоящем выходе книги А. Семенова «Генерал Севера», посвященной жизни и деятельности ген. И. В. Турчанинова. Но только теперь, спустя почти два года, вышла эта книга, отдельные главы которой были опубликованы в ежемесячном сов. журнале «Дон», издающемся Союзом писателей Дона в Ростове, за март 1962 года. Судя по опубликованным в этом журнале главам, задержку выпуска книги Семенова следует объяснить цензурными исправлениями, каким эта книга была подвергнута.

О. Г.

(«Новое Русское Слово»).

США.

ЕЩЕ О СЕМЬЕ ПРОФ. В. В. БОГАЧЕВА.

Первая казачья трагедия, борьба с большевиками и исход казаков заграницу — получила полное и достаточно объективное освещение, как в капитальных изданиях — «Донская летопись» и «Трагедия казачества», — так и во многих воспоминаниях участников этих событий, из которых некоторые публикуются до сих пор. Что же касается второй казачьей трагедии и второго исхода казаков заграницу, то по вопросам, связанным с этими событиями, вышел уже ряд работ мемуарного характера, а также и большое количество отдельных статей разных авторов в казачьей прессе. Однако, к сожалению, приходится признать, что все эти работы носят более или менее субъективный характер, во многих случаях противоречат одна другой и отдельные факты излагают совершенно по разному. В общем создается путанная и неясная картина. То же самое характеризует и отдельные статьи по отдельным эпизодам второго казачьего исхода, особенно по наиболее крупным и темным событиям, какими явились убийство атамана С. Павлова и Д. Богачева. Такое же противоречие существует и по вопросам характеристики личности и деятельности Павлова, Доманова, Бочарова и др. Поэтому мы считаем, что чем больше будет написано, особенно участниками этих событий, о втором казачьем исходе, тем лучше, так как лишь таким образом можно будет хотя бы приблизиться к пониманию того, что происходило в действительности.

В «Родимом Крае» № 40 один из авторов, почему-то скрывающийся под маской «Старого офицера», в открытом письме сообщает сведения о семье проф. В. В. Богачева. Эти сведения совершенно не отвечают действительности и Ст. Оф. поступает совершенно правильно, предупреждая, что обо всем, о чем он пишет, он знает только »по наслышке». Я также точно писал о событиях в Казачьем Стане только по наслышке. Поэтому мы оба ошибались, я в отношении некоторых событий в Каз. Стане, а Ст. Оф. в отношении семьи Богачевых. Так, Ст. Оф. в своем открытом письме пишет, что приведенное мною сообщение об убийстве вместе с Д. Бог. двух его детей — чистая фантазия. И это оказалось совершенно верно. Никаких детей у Дм. Бог. не было, хотя эту версию я слышал от одного из участников похода в Каз. Ст. Таким образом, Ст. Оф. указал на ошибку, которую я допустил «по наслышке». Это очень хорошо, так как теперь эта шибка исправлена. Однако, когда Ст. Оф. начинает говорить о семье проф. Богачева и о порядках в Сов. Союзе, также по наслышке, то делает целый ряд ошибок.

Прежде всего, о студентке Зинаиде Богачевой, от которой Ст. Оф. получил сведения

о семье проф. Богачева. Я был профессором в Ростов. Педагогическом Институте с 1934 по 1942 г. и прекрасно ее помню. Она была заочницей и приезжала в Ростов для сдачи экзаменов откуда-то издалека. При первой же встрече я спросил ее, не родственница ли она проф. Богачева? Она категорически отказалась, так как проф. Богачев был там же и ее слова можно было проверить. В Каз. же Стане, где проф. Богачева не было, она могла рассказывать, что угодно, и она рассказала Ст. Оф. повидимому историю своей семьи, которая к проф. Богачеву никакого отношения не имела. Фамилия Богачева на Дону была не одна. В действительности же отец проф. Богачева был хорошо известен в свое время на Дону. Он окончил Горный Институт и много лет служил Главным геологом Областного Правления. Всю жизнь он жил в Новочеркасске, в собственном доме, где родились, выросли и учились все его дети. Младший брат профессора также окончил Горный Инст. и в 1920-30 г.г. был начальником засекреченной геологической экспедиции в Средней Азии. Сестра проф. Богачева — женщина-врач — была замужем за новочер. доктором Кирсановым. Таким образом, родным гнездом семьи Богачевых был Новочеркасск, все они были высоко образованными людьми и материально очень обеспеченными. Никакого отношения ни к какой станице, и ни к каким колхозникам семья проф. Богачева никогда не имела.

Далее, говоря о ГПУ, также по наслышке, Ст. Оф. пишет неправильно: «Управления ГПУ были областные» и далее «И каждое ГПУ было областным, а не городским». Неверно, кроме областного НКВД в каждом городе были городские и окружные НКВД, а в больших поселениях — оперуполномоченные. Затем, в то время, о котором пишет Ст. Оф., вообще никаких ГПУ не было, так как уже в 1934 г. ГПУ были реорганизованы в НКВД.

Дальше Ст. Оф. пишет уже совсем непонятную вещь: «Я не говорил, что Богачев был следователем ГПУ. Он был лейтенантом, которые по своей службе выполняли более неприятные миссии». Каким образом бывший офицер может не знать разницы между чином (лейтенант) и должностью (следователь)? Лейтенант это вовсе не должность, а чин, и лейтенантов в НКВД было множество во всех отделах, особенно в Оперативном. Лейтенанты были и в частях особого назначения (ЧОН) и в Вохре и в особых отделах в крупных учреждениях и в Строительном отд. НКВД и т. д. Лейтенанты исполняли работу по своей должности, но специальной должности лейтенанта никогда не существовало ни в НКВД, ни в армии.

Далее Ст. Оф. пишет: «В смерти молодого Богачева принимали участие только немцы... нам только известно, что они за многими следили...». Что это за немцы и откуда они взялись? Из всех воспоминаний о Казачьем Стане, которые мне приходилось читать, у меня сложилось впечатление о том, что в это время в Казачьем Стане был лишь один немец — майор Мюллер. Далее Ст. Оф. пишет: «Когда для близко стоящих к событиям Каз. Стана было ясно, что Павлов убит немцами»... Об убийстве Павлова существует четыре версии, все они исходят от лиц, близко стоявших к событиям в Каз. Стане, но только одна из них приписывает это убийство немцам, принявшим казаков за партизан.

Ст. Оф. пишет, что Д. Бог. мог быть «лейтенантом ГПУ» и в то же время студентом. Это, конечно, невозможно. Все работники НКВД были перегружены работой, особенно в оперативном отделе, где следователи и оперуполномоченные работали и по ночам, производя обыски, аресты и допросы. В то же время посещение Вузов было строго обязательным и, помимо ежедневных 6 часов лекций, каждый день вечером проводились семинары, практические занятия, студенческие собрания, на которых «прорабатывались» выступления членов правительства, новые постановления, международное положение и т. д.

Загадочную фразу З. Бог. о том, что в семье Богачевых один или умный или дурак, Ст. Оф. приводит в качестве категорического доказательства того, что Д. Бог. был «лейтенантом ГПУ».

Одно положение в высказываниях Ст. Сф-ра, может быть самое важное, остается совершенно непонятым. Почему-то тщательно засекречивая себя, Ст. Оф. ничего не сообщает о том, где он был в эмиграции, когда и в каком месте он присоединился к Каз. Стану. Однако, судя по его писаниям, он еще до встречи с З. Бог., то есть с самого своего появления в Каз. Стане, уже откуда то твердо знал, что Дм. Бог. — советский агент и шпион. Почему же он тотчас же не сообщил об этом руководству Стана для немедленного принятия соответствующих мер? Почему он скрыл это от командования Каз. Стана, а выступает теперь, когда Дм. Богачева давно нет на свете, и он не может ничего ответить? Это обстоятельство представляется мне непонятным и загадочным.

Из нашего собеседования со Ст. Оф. со-

вершенно ясно, что я лично ничего не знаю из того, что происходило в Каз. Стане, а Ст. Сф. также ничего не знает ни о семье проф. Богачева, ни о положении в СССР. Я думаю, что на этом наше собеседование можно закончить.

Проф. М. Миллер

Германия.

ДОНСКАЯ ЛЕТОПИСЬ.

В ответ на запросы казаков второй эмиграции, в предыдущем номере «Род. Края» мы, в виду недостатка места, очень кратко дали некоторые сведения по вопросу о том, что такое «Донская Летопись». Расширяя ответ, сообщаем, что Донской Атаман ген. А. П. Богаевский и Дон. Правительство в 1923 году создали Дон. Историческую Комиссию, которая на Донские средства издала три тома «Дон. Летописи», книгу «Россия и Дон» С. Г. Сватикова и анкету «Казачество».

Донской Атаман и Правительство считали, что на нас, живых участниках всего пережитого Доном, лежит нравственный долг собрать и сохранить ценные документы и др. материалы, относящиеся к пережитому героическому периоду новейшей Дон. истории.

В трех томах «Дон. Летописи» напечатаны статьи В. Атамана А. П. Богаевского, бывш. Председателей Войсков. Кругов В. А. Харламова, Н. М. Мельникова, Г. П. Янова, генералов А. В. Черячукина, Д. Н. Черноярова, И. Ф. Быкадорова, полк. ген. штаба В. В. Добрынина, Товар. Председателя Совета Союза Каз. Войск А. Н. Грекова, деятелей той эпохи К. П. Каклюгина, писателей Ф. Д. Крюкова и Романа Кумова, сенаторов Дон. Правит. Сената К. П. Краснянского и М. П. Чубинского и некоторых других.

В приложениях опубликованы Основные Законы В. В. Д., Положение о В. Круге, Декларации по принципиальным вопросам В. Атаманов, В. Круга, Указы и Приказы Атаманов, Круга, данные о Степном Походе, о Южной Армии, Декларация Союза Дон. Казаков в Новочеркасске и Студенческой Дружины, речи ген. П. Н. Краснова, письма Атаманов Е. А. Волошинова и А. М. Назарова и В. М. Чернецова, напечатаны портреты А. М. Каледина, М. П. Богаевского и В. М. Чернецова. Опубликованные материалы препятствуют новоявленным «историкам» искажать и извращать историю.

ЮБИЛЕЙ

Пятнадцать лет... Возраст Казачьего Союза...

27 сент. 1947 г., по инициативе нескольких энтузиастов казачества, страдающих казачьим «зудом», в помещении Л. Гв. Каз. Музея собралось 57 казаков, представлявших собой весь веер казачьих политических веяний...

К концу 2-ой Мировой войны большинство казачьих организаций перестало существовать. Уцелевшие же сильно уменьшились в своем составе. Цель инициаторов создания Каз. Союза: создать единую Казачью Семью, чтобы всем вместе думать о будущем казачества и о судьбе казаков за рубежом и постараться найти пути к устранению внутренних раздоров среди казаков. Так родился Казачий Союз.

Большая работа была проделана 1-м председателем Союза — ныне покойным — д-ром И. С. Чекуновым и сменившим его Н. Н. Тулуповым, в течение многих лет остававшимся во главе Союза. Продолжает работу и теперешнее правление во главе с Б. А. Богаевским. Казачий Союз стал авторитетом по казачьим делам для местных властей, восстановлена была связь с уцелевшими каз. организациями и отдельными казаками, и сегодня нет уголка в странах каз. рассеяния, где бы не знали о существовании Каз. Союза. Об этом свидетельствует обширная переписка включительно с Австралией, Парагва-

ем, Урагваем, Ираном, Ираком, центральной Африкой, далекой Индией и т. д. К сожалению, технические возможности, как прежнего, так и теперешнего правления, затрудняют быть исправным в переписке, но все же, хотя и с опозданием, переписка ведется и связь не прерывается. Это позволило многим казакам переселиться во Францию, многие казаки розыскали друг друга. Денежная и иная помощь попавшим в беду казакам за 15 лет выражается в миллионах, при очень скромном бюджете Союза.

В Александро-Невском соборе в Париже стоит икона Покрова Пресвятой Богородицы, написанная супругой д-ра Чекунова, сооруженная на средства Союза и на взносы казаков. Это один из каз. памятников. перед которым три раза в год — в день Войсковых Праздников, День Каз. Скорби и в годовщину Лиенцевской трагедии — собираются казаки помолиться Богу. Культурная работа Союза выразилась в организации каз. выставок, докладов, лекций, оставшихся в памяти тех, кто их посетил.

Приходится пожалеть, что выходившая в течение 4-х лет газета «Казачий Союз» должна была прекратить существование по двум основным причинам: отсутствие средств, ибо многие из нас любят читать, но не любят платить за это. Издание ее было основано на самоокупаемости, так как в кассе Союза не было средств на издание. Вторая причина — порядка технического, трудность экспедиции и др. работ. Если бы 1-ая трудность была преодолена, была бы устранена и другая. В настоящее время на смену газете «Каз. Союз» пришел журнал «Родимый Край» —официально орган Донского Войск. Объединения, — фактически руководимый и издаваемый правлением Союза. Издание его тоже основано на самоокупаемости и от нас, казаков, зависит дальнейшее существование этой независимой казачьей трибуны. Захотим мы поддержать — казачий голос будет продолжать звучать. От нас требуется немного — подписаться на журнал и оплачивать его.

Около пяти лет при Каз. Союзе существует Дамский Комитет. Осветить его деятельность в нескольких строках — нельзя. Для этого понадобился бы не один номер журнала, а потому скажем вкратце: за пять лет благодаря заботам и усилиям Дам. Комитета, руководимого Н. И. Богаевской, немало казаков, находившихся в госпиталях, были навещаемы и каждый раз не с пустыми руками. Не забыты были люди, очутившиеся и в провинциальных госпиталях, и если не было возможности навестить их лично, помогали им посылкой вещей, одежды, продуктов и немного денег. Не забыты были и больные и нуждающиеся на дому. Два раза в год, к Праздникам Рождества и Св. Пасхи во все дома для престарелых, где есть казаки, в госпиталях и одиноким старикам рассылались соответствующие Праздникам продовольственные посылки или денежная помощь. Тот, кто не видел проявляемых казачками усилий при рассылке этих, ставших традиционными, посылок, не может судить об этой работе. В деле помощи нуждающимся Дам. Комитет «вышел за границы» Франции, оказывая помощь посылками нуждающимся казакам в Австрии, Германии, Италии, Бельгии.

Развивается работа Каз. Союза и по изданию полезных для казачьего дела книг.

Заканчивая этот краткий и слишком не полный очерк, вспомним о тех, кто во время подготовительной работы к созыву первого собрания Союза оказал поддержку инициаторам этого начинания. Многие ушли от нас... Ушел д-р И. С. Чекунов, первый председатель Союза, ушли генералы Калинин, Каргальский, Бородин, своим авторитетом и глубокой любовью к казачеству много сделавшие для того, чтобы возник Союз, ушел И. П. Буданов, вложивший много сердца и души в общее казачье дело, ушел П. И. Кумшацкий («Петро-молчальник»), у которого можно было учиться, как любить казачество, ушли В. С. Крюков, Донсков, Пономарев, столько потрудившиеся по созданию чисто казачьей, внепартийной организации. Вспомним их теплым словом с чувством благодарности за все, что они сделали для нас.

Из оставшихся создателей Союза отметим ген. И. Н. Оприца, Н. Н. Туроверова и Н. Н. Евсеева. Когда один из инициаторов пришел к ген. Оприцу спросить его мнения и совета, то встретил живой отклик. Казачья благодарность будет ему за это наградой.

Деятельность Н. Н. Туроверова известна всем казакам, но все же надо было быть ближе к нему, видеть его за повседневной работой по Союзу, видеть ту массу энергии и сил, которые тратил он в работе по созданию Союза и по развитию ег дальнейшей деятельности.

Дело, созданное ими, продолжает жить, несмотря на все трудности нашего пребывания заграницей, несмотря на то, что все мы стареем, что энергии и сил у нас меньше. Остается лишь пожелать, чтобы многие казаки позабыли бы свои политические или иные разногласия, но не забывали бы о том, что

они казаки, и слились бы в единую казачью семью, войдя в Казачий Союз, где не спрашивают о политических взглядах вступающего, а интересуются лишь, казак ли он.

А. Огиенко

Париж.

ВОЛЬНИЦА.

Минуя серых стен Азова,
Подняв косые паруса, —
Который раз глядели снова
Вы на чужие небеса?

Который раз в открытом море,
Пролив свою и вражью кровь,
Несли вы дальше смерть и горе
В туман турецких берегов?

Но возвращал домой немногих,
Кто в дальних схватках не погиб,
Средь берегов своих пологих
Реки медлительный изгиб.

Ковры Царьграда и Дамаска
В Дону купали каюки,
На низкой пристани Черкасска
Вас ожидали старики, —

Но прежде, чем делить добычу,
Вы лучший слиток и халат,
Блюдя дедов своих обычай,
Несли к подножью Царских Врат.

Манили вас степные дали,
Средь ковыля и полыня,
Вы за татарами скакали,
Гоня горячего коня;

Иль, караваны обнаружив,
Делили пестрые шелка, —
Рвала мотки заморских кружев
Тяжеловесная рука...

Когда же на майдане тесно
Столпясь, вы слушали послов,
Степное солнце жгло отвесно
Вас горячей горячих слов.

И если вам грозил Аллаха
Или Москвы крутой закон, —
В мешке бросали вы сразмаха
Посла зарею в Тихий Дон.

И прибавляли вновь к оправе
Икон рубин или алмаз,
Чтоб сохранить казачьей славе
Благую ласку Божьих глаз.

Н. Туроверов

Париж.

ЧТО ТАКОЕ КНИГА-СБОРНИК: «НАЧАЛО КАЗАЧЬЕГО СЛОВАРЯ»?

Кровавые войны последних десятилетий принесли казакам неисчислимые потери во всех общественных слоях. Как правило, гибли всегда лучшие, динамические натуры, люди высокого духа, люди того типа, которым в любом обществе предопределена ведущая роль. Лишились мы почти целиком и нашей образованной интеллигенции. Многие пали в боях, другие ушли в личную жизнь или служат чужим интересам.

Тем большую ценность в наших глазах приобретают Казаки-общественники, воспитанные и сохранившие в себе особую любовь к родной среде, к изучению Казачьего прошлого, к изучению проявлений казачьего духа, тех его особенностей, которые, несмотря ни на что, выделяют казачью этническую группу в обособленное среди других народов Восточной Европы.

Одним из таких ценных Казаков был и покойный С. В. Болдырев.

Горя неугасаемой жаждой познавания, он

посвятил весь остаток своей жизни после 2-ой Мировой войны и ужасной, в результате последней, трагедии казаков в Лиенце, цели — розыскать как можно больше сведений о прошедшей жизни и передать их в наследство грядущим поколениям. То, что ему удалось узнать и сохранить от гибели при всех эвакуациях и потерях личного имущества, он обнародовал в своих «Исторических календарях», вскоре завоевавших симпатии рядового казачьего читателя, ставших для него не только интересным чтением, но и источником возрождающегося интереса к общественным делам казачьим.

Следуя заветам С. В. Болдырева и продолжая начатое им дело, Редакция «Начала Казачьего Словаря» надеется разширить **фонды** казачьего самообразования, приготовить хотя бы **основные материалы** для будущей казачьей **Энциклопедии**, запечатлеть для истории как можно больше **имен**.

Но в эмигрантских условиях, вдали от Родины, от исторических и статистических первоисточников, от ежедневных проявлений казачьего быта, редакция стоит перед многими трудностями и считает, что успешность начатого предприятия в значительной степени зависит от участия в нем широких казачьих кругов. Воплощением прежней казачьей жизни, живой памятью о ней, носительницей казачьих идей, не перестает все еще быть наша казачья эмиграция. Многое может скрыться из поля зрения составителей Словаря в том случае, если не будет подсказано со стороны, людьми не потерявшими связей с прошлым. **Отдельные люди ВСЕГО знать не могут, но ВСЕ — ЗНАЮТ ВСЕ.**

Кроме того, при планировании этого Словаря решено уделить особое внимание **казачьим родословиям.** Редакция хотела бы дать наиболее полный перечень казачьих фамилий и их прежнее распределение по станицам. Сделать этого не удастся без участия самих станичников. Поэтому редакция просит жителей казачьих станиц и хуторов давать родословные известных им семейств, упоминая в них лиц **погибших** в борьбе или уже умерших. Биографические сведения и родословные надо писать однако так, чтобы (в некоторых случая) не повредить никому из оставшихся на Родине.

Следуя традициям, утвержденным Кругами, Радой, — редакция принимает к печати родословные **всех** коренных жителей Дона, Кубани и Терека, считая их **гражданами** возродившихся Казачьих Республик, считая всех их **Казаками**. В отдельных случаях это касается жителей и других Войск. Это же касается и участников 1-го Кубанского Похода.

Редакция не устанавливает специальной таксы за помещение родословных и биографий — каждый доллар, каждая сотня франков, каждая германская марка и иные валюты будут приняты с благодарностью. Люди неимущие могут присылать свои сведения, не сопровождая их взносами. Состоятельные же должны принять в расчет, что **объем** Словаря будет зависеть от общей суммы поступлений извне. Материалов собрано немало, а средств собрано меньше. Сумма имеющаяся недостаточна для солидной книги с актуальным содержанием. Поэтому — величина, количество страниц книги будет зависеть от последующих жертвователей.

Родословные могут быть подробными, с указанием нескольких последовательных поколений, или краткими для одного поколения. Но следует всегда упоминать полное имя, отчество, фамилию и, по возможности, **хотя бы** приблизительную дату рождения каждого члена семьи и смерти их.

В остальном Словарь будет составлен по типу **энциклопедических** словарей по образцам, приведенным (помещенных в алфавитном порядке) в журнале «Казачье Единство» № 27 (Август 1959 года).

При благоприятных условиях **десятки** тысяч подобных интересных и полезных сведений заполнят страницы Словаря. Редакция просит станичников не уклоняться от участия в его составлении, а для себя не ищет никаких материальных интересов, прибылей.

Словарь этот — издание **внеполитическое**, давать для него сведения могут **все казаки** и пользоваться им будут **все казаки.**

Председатель Казачьего Союза Б. А. Богаевский любезно согласился поддержать издание, принимая материалы и взносы.

Редакция «Начала Казачьего Словаря».

Письма и деньги можно направлять по следующим адресам:

1) Председатель Казачьего Союза:
Mr. B. A. Bogaevsky — 52, Av. Flachat, ASNIERES (Seine) — France.

2) В редакцию журнала «Казачье Единство»:
Mr. E. Guetmanoff — 1, rue Vulpian, PARIS 13 — France.

3) Главн. Редактор:
Mr. A. Skrilov — 15 Bungalow Avenue, SAN ANSELMO — California, U.S.A.

4) Редактор Издания:
Mr. P. F. Krukoff — Melagues par Brus-

que (Aveyron) — France.
5) Составитель Сборника-Словаря: Mr. G. V. Gubaroff — 42 Hartsen Street, ROCHESTER, 10, New York, U.S.A.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТ

на издание книги: **«Начало Казачьего Словаря»**, посвященного С. В. Болдыреву, к 1-му июля 1962 года.

Поступило пожертвований:

Через А. И. Скрылова:

1) От него самого — 300,00 амер. долларов, 2)от В. Скрылова — 5,00, 3) от Н. Скрылова — 5,00, 4) от В. А. Беляевского — 2,00, 5) от Н. Н. — 3,00. — Итого — 315,00 амер. дол.

Через Г. В. Губарева:

1) От М. Н. Болдыревой (вдовы С. В.) — 20,00 ам. долл., 2) от Г. В. Губарева — 10,00, 3) от Б. А. Богаевского — 5,00, 4) от Т. А. Медкова — 3,00, 5) от Т. И. Фетисова — 3,00, 6) от Ф. И. Быкова — 10,00, 7) от Н. Н. — 2,00, 8) Проценты на капитал до 1-го июля — 4,05. — Итого — 57,05 ам. долл.

А всего к 1-му июля 1962 г. — 372,00 ам. долл.

Вышеозначенная сумма находится в Амер. Банке на имя А. И. Скрылова.

Книга готовится к печати и прием пожертвований продолжается. От имени Редакции приношу искреннюю благодарность вышеназванным жертвователям. Жертвователи 3 00 долларов и выше будут считаться **подписчиками** на книгу и получат ее без доплат.

А. Скрылов

США.

В ГОРАХ.

(Из беженской жизни).

После страшной даты 1-го июня 1945 г. положение беженцев, находившихся в Австрии, в г. Лиенце, еще долго продолжало оставаться трагичным. После насильственной выдачи на родину, оставшиеся в лагере «Пеггец» люди не были спокойны. Они не могли быть уверены в том, что их на следующий день не заберут. Жившие в бараках не развязывали своих рюкзаков и при появлении подозрительных машин во дворе выскакивали в окна и бежали в лес. Когда машины уходили, люди возвращались обратно.

Беженцы, стоявшие за рекой Дравой в день 1-го июня, боялись оставаться на прежнем месте, где кругом были следы дневного разгрома. Брошенные лошади и повозки уведенных людей, разрушенные палатки и разбросанная одежда наводили жуть и страх на уцелевших и не попавших в советские силки людей.

Когда затихла стрельба, когда уехали танки, ушла стража и облава прекратилась, стали выползать люди из различных укрытий. Кто сидел где-нибудь в кустах, прижавшись к земле и прикрывшись листвой, другие — под мостом или в австрийских сараях. Все спешили к своим повозкам, запрягали и уезжали в другие места. Но куда можно спрятаться с будками и лошадьми? Отъехали не дальше, как за две-три версты и стали у подножья гор.

Наступила темная ночь. Однако люди не спали, обдумывая свои планы. Всю ночь кипела незримая работа.

Расчет был у всех один: бросить подводы и уходить в горы, в лесные чащи и сидеть там, выжидать. А когда прекратится ловля людей, тогда выйти. Но, к сожалению, не у всех была энергия продолжать борьбу и ос-

таваться на положении затравленных зверей. Многие добровольно решали заявить о своем согласии возвратиться на родину. Простояв ночь под горою, утром, слабые духом запрягали в последний раз своих лошадей и направлялись к поезду, приготовленному для погрузки к отправке домой.

Жаль было видеть и расставаться с людьми, потерявшими волю к сопротивлению, отдающих себя по своей доброй воле на жестокую расправу в руки советских палачей.

Многие из этих людей сидели в тюрьмах и только благодаря временному военному замешательству на фронтах Сталина им удалось вырваться из оков. Теперь они это забыли и возвращались назад.

Это ли не простота, это ли не святые чистые детские души у седых стариков, совсем потерявших головы, потерявших рассудок.

В беженском стане был всеми уважаемый казак — Попов Федор Иванович. Он долго сидел в заключении и перед самым приходом немцев, каким-то чудом, даже надо думать, по ошибке, был выпущен из тюрьмы.

При отступлении сов. войск, уходившие последние части НКВД приходиил к Попову во двор, желая его снова забрать, а то может и сразу, на месте, расчитаться, что они тогда и делали, но ему удалось убежать из дому и где-то спрятаться. Жизнь его была на волоске. И если бы не такой быстрый натиск немцев в то время, Попов был бы убит.

Теперь он в полной казачьей форме — в папахе с красным верхом, в штанах с красными лампасами и военной шинели, стоя около своей брички, говорил:

«Думаю ехать домой, в свою станицу. Чего же мы еще будем стоять здесь. Война закончена. Начальство приказывает, — надо возвращаться. Ну уйдешь, все равно поймают. Хуже тогда будет».

Мороз пробегал от этих слов, а помочь нельзя было. А Федор Иванович со своею супругой Пелагией Алексеевной упаковал чемоданы и поехал в Россию, в «свою станицу».

От огромного числа русских беженцев осталась небольшая горсточка твердых духом, выносливых, которые решили держаться до последнего вздоха и оказывать сопротивление всеми средствами. В землю зарыться и умереть, но не идти с поднятыми руками в советскую тюрьму.

**
*

Мы с мужем тоже собирались в горы.

Часть вещей мы навьючили на коня, кое-что взяли сами в руки и в предутреннем рассвете двинулись в путь. Перед нами был высокий склон горы и густой лес. Старались пробираться как можно тише, но этого почти не удавалось. Степной конь протестовал. Он привык к простору, к равнине и никак не хотел подниматься на высокую гору. Вьюк тянул его назад, ветви сосен цеплялись за голову. Копыта скользили по скатывающимся камням. К полудню мы выбились из сил все трое и остановились, выбрав полянку, где можно было отдохнуть и покормить коня.

Но тут случилось то, чего мы не ожидали. Наш Васька, улучив момент, оторвался и пустился во весь опор обратно вниз с горы. Вначале мы встревожились и бросились догонять его, но скоро поняли, что он сослужил свою службу до конца и теперь не было уже необходимости держать его при себе.

Наступил новый, совершенно необычайный, этап в нашей жизни. Мы поднялись еще немного вверх и, отыскав совсем глухой угол, стали располагаться на ночлег. С одной стороны была скалистая гора, а с другой — крутой обрыв. Кругом — труднопроходимые кустарники и разбросанные глыбы камней. Укрепили палатку. Замаскировали ветвями. Вползли в едва заметный вход и стали прислушиваться к лесным звукам, пока ни забылись в крепком сне.

Следующий день нашего пребывания в лесу был ясный и теплый, хотя солнечные лучи проникали в лес совсем мало. Они молниеносно пробегали между качающимися ветвями, освещая на миг землю. Где лес редкий, там теплее и светлее. Местами, где залегают большие каменные пласты и древьев на них нет, в такой лесной голызинке целый день светит солнце. Там можно долго лежать на теплом камне и хорошо отогреться.

Теперь, осевши на неопределенное время на жизнь в лесу, надо было обсудить кое-какие бытовые проблемы. Прежде всего надо было спрятать одежду на случай, если англичане нас обнаружат и заберут, то оставшийся из нас в живых придет сюда и отыщет все.

Я сделала несколько свертков и разложила в разные места под каменные глыбы, которых было очень много в горах.

Впоследствии оказалось, что найти их было труднее, чем спрятать. Многое так и осталось навсегда под камнями. Долго потом искали, но напрасно. Приметы были забыты, камни оказались все однообразные, под камнями ничего не находилось кроме сырой земли и гнилых листьев.

Спустя несколько дней после нашего обоснования в лесу, муж решил спуститься вниз, наведаться в лагерь и узнать, что там... какие слухи? Нет ли чего нового? Все ждали, что пройдет полоса преследований и тогда можно будет успокоиться за нашу свободу.

Оставшись одна в палатке, я сижу полуживая до прихода мужа. Каждый упавший лист заставляет вздрагивать. Сердце замирает и тело холодеет. Далеко внизу ходят австрийские коровы с колокольчиком на шее у вожака. Позванивает он целый день. Доносится этот звон до вершины горы, наводя страх на спрятавшихся людей. А то раздаются выстрелы — страх подступает, думается: «ишут». Сейчас найдут и тогда мы пропали. Но нет, это тоже внизу. Солдаты жгут утратившие надобность патроны: целый день щелкают. Настороженное ухо слышит и шум и тишину. Иногда, кажется совсем близко, человеческие голоса — это люди проходят по главной подъемной дороге, чаще всего английские солдаты, которые чувствуют себя хозяевами не только над беженцами, но и над местным населением.

Дни шли за днями. Атмосфера продолжала оставаться такой же напряженной, опасной. Казалось, ей не будет конца. Беженцы не могли свободно ходить по дорогам, по улицам города. Беженцы не имели права на жизнь.

Возвратясь с печальными известиями из лагеря, муж снова залезал в шатер и мы снова сидели удрученные и побежденные. В лесной тишине неподалеку слышался голос, невидимой за листвой деревьев, птицы, которая время от времени долбила короткий приговор на двух нотах, взяв последнюю совсем низко. Мой слух разбирал слова: «Нет, нет — жизни нет!» Посидит, помолчит и снова объявляет: «Нет, нет — жизни нет!»

Один раз в день разводили огонь. Варили суп или чай. Для этого выбирали время, когда солнце стояло в самой высокой точке. Воздух нагревался и дым от костра мог сразу подниматься вверх, не расстилаясь по лесу. Да и гнилушки, просохшие от ночной росы, давали меньше дыма.

Однажды появились совсем близко от нас еще люди, но не пробыв и недели ушли вниз, в лагерь. Это были сильные и не совсем старые мужчины, которые предпочли днем кушать лагерный паек, а ночью уходить за двор лагеря и ночевать поодаль от этого опасного места.

Иногда несчастные люди, отчаявшись, бросали свои убежища в лесу и шли к репатриационным пунктам «сдаваться», оставляя свои пожитки в лесу. Можно было найти на земле в старой желтой листве деревьев разные разбросанные вещи — одеяла, валенки, подушки, кастрюли, сапожный товар, рубашки и разное другое, что нужно человеку, пока он жив.

Продуктов питания у нас было совсем мало и хватило только на несколько дней. Один неожиданный случай вывел нас из затруднительного положения. Недалеко от нашей стоянки, при спуске вниз, муж набрел на людей, которые зарезали лошадь и предложили ему свежей конины.

«Не умирать же нам с голоду» — сказал один из участников, — «когда наши же кони бродят по лесам и по дорогам.. Может еще продержимся, как волки в лесу. В руки извергам не дадимся. Ты же видал, как нас приглашали 1-го июня на родину, к «отцу родному-Сталину». Ивана Леонтьевича так огрел один англичанин дубиной по голове, что и сейчас не может к сознанию придти». И он показал на старика с забинтованной головой. Старик не принимал участия в разговоре, тяжело вздохнул и привалился к сырой глыбе земли, почти впадая в забытье.

На этот раз муж очень долго задержался внизу и я, сидя одна в горах, в лесу, в шатре, заваленом ветвями, от страха совсем не проявляла признаков жизни. Сидела окаменев, а в голову шли страшные предположения.

Я жду долго.

Начинаю же я ждать с той минуты, как только муж скрывается за первыми деревьями, хотя еще слышен стук его ботинок с гвоздями на подошвах по лесным камням. Он идет только туда, а я уже жду его оттуда. А когда совсем стихнут его шаги, мне кажется, что прошло очень много времени и чувство ожидания начинает давить настоятельно на голову, на сердце, на все органы восприятия, которыми наделен человек

Я мысленно иду с ним вниз с горы, сопровождаю его везде и возвращаюсь с ним обратно, домой. Поднимаюсь в гору шаг за шагом с ним вместе. Мысленно довожу его совсем до шалаша. И чуть послышится вблизи шелест, я уже верю, что пришел муж из лагеря. Но проходят минуты. Еще, еще... Никого нет!!... Тогда я решаю, что еще рано, а путь трудный и не может он так быстро вернуться.

Я снова начинаю совершать повторный путь вниз-вверх. Только с каждым новым разом напряженность нарастает все больше и больше. Я не могу удержать себя от этого хождения со со всеми этапами, которые име-

ли место в первом разе. Это выше сил. Ожидание образами повторяется бесчисленное множество раз до самого действительного реального его возвращения. Нервы напрягаются до крайних пределов. И когда он, наконец, приходит и отзывает меня, я вскрикиваю. Сама не слышу себя, своего голоса. Сердце зачастит, в голове забьют молотки, а в ушах зазвенят перезвоны.

О чем он говорит, я не сразу отдаю себе отчет. Только немного успокоившись, начинаю все воспринимать.

Принесенная конина была кстати. Часть ее мы посолили и спрятали под камни. Большую долю сварили и подсушили на огне — впрок.. Позже сушеная конина нам очень пригодилась.

Лес был полон жизни, но жизни скрытой, таинственной. Находящиеся в горах люди выбирали места недосягаемые, недоступные. Горы, необитаемые раньше, теперь кишели народом, они спасали беженцев.

Однажды, по моей неосторожности, когда я собирала сухие дровишки, меня увидел проходивший по этим зарослям человек. И подойдя к нашему жилищу, рассказал нам свою печальную повесть.

Спрятались они с женой в камнях, в непроходимой чаще леса. Просидели там три дня голодные, не имея никаких продуктов. Он решил пройти к австрийцам и попросить у них хлеба. В лесу наскочил на англичан. Они его забрали и отправили в так называемый «русский лагерь». Оттуда периодически передавали людей Советам. Через четыре дня ему удалось ночью убежать оттуда. Теперь он возвращался к жене в пещеру.

Этот страшный рассказ заставил нас быть еще более осторожными. И мы долгое время просидели, не выползая из своего укрытия.

К этому времени погода стала портиться, пошли сильные дожди и оставаться в лесу дольше было невозможно.

В последнюю ночь разыгрался страшный буран.

С вечера поднялся сильный ветер. Деревья раскачивало из стороны в сторону. Небо из темно-синего превратилось в черное. Началась гроза. Сначала где-то далеко сверкала молния и гром едва доносился до слуха. Потом стал приближаться и все усиливаться. Ветер врывался в шалаш, раздувал стены палатки, потом быстро вылетал, точно его выкачивали помпой. Матерчатые стены резко хлопали. Казалось, еще напор и домик лопнет. Потом, вдруг, забарабанил дождь над головой. Стихия разбушевалась. Стрелы молнии ослепляли глаза. Страшные громовые удары пронизывали слух. Один за другим дробились на миллиарды мельчайших ударов и все сыпались, сыпались вокруг шалаша. Мы цепенели от страха. Беспрерывно повторяли молитвы, обращенные к милостивому Богу — спаси и помилуй беспомощных и беззащитных!

Ночь прошла в страхе. Утром буря затихла. На небе взошло солнце — природа успокоилась.

Решив спускаться в лагерь, мы начали связывать узлы для похода.

Однако, на этот раз нам не суждено было туда попасть. Едва мы стали приближаться к мосту через Драву, который вел прямо к воротам лагерного двора, как заметили бежавших людей оттуда и направлявшихся через небольшую полянку к берегу реки. Они махали нам руками и кричали:

«Не хо-ди-те, о-пять за-би-раа-ют!...».

Конечно, нам было достаточно этого сигнала, чтобы вернуться обратно в лес на то же место. Как это было трудно, страшно передать. Спуск и подъем с тяжелой ношей стоили невероятных усилий. Мы уже давно не были похожи на людей за этот период травли. Не в состоянии были добраться до прежнего места и, можно сказать, упали на полпути. Утром почти волоком тянули багаж на свой, уже обжитый, участок.

Утро, к нашему утешению, было прекрасное. Летнее солнце поднимается рано. Воздух чистый, теплый. Просыпаются деревья и трава. Все как-то прихорашивается. Легкий ветерок будит листву на деревьях — шевелит свежими листочками, чистыми после ночной росы. Птиц в этом лесу мало, их пения нет, а все же где-то заметно вспархивание птичек, хлопанье крылышками.

И пришлось еще оставаться в лесу и ждать! Не бросаться же в пекло. Хорошо, что нас предупредили, а то бы мы попали к советчикам.

«Нет большего зла на свете, как советская власть» — думали мы оба.

Не от Бога эта власть. От дьявола она.

Так, примирившись с судьбой, мы просидели в горах еще две недели. Наконец, выбрав день, благополучно спустились с гор. И пройдя все канцелярские оформления, мы поселились в лагере, как «старые эмигранты-югославенцы».

«Говорят, что теперь не будут больше выдавать беженцев» — сообщили нам жильцы того барака, в который поместили нас с 1-го июля 1945 г.

США. **М. П. Морозова**

О СТАТЬЕ Г. КОВАЛЕВА.

Моя статья «Из прошлого» («Род. Край» № 34) вызвала не только лестные отзывы «рядовых» читателей, но и ответ на нее г. Ковалева в статье «О книге Толмачева и о статье г. Падалкина» («Род. Край» № 39).

Никаких «лестных отзывов» и «комплиментов» я не ожидал ни от кого. Однако критика г. Ковалева на страницах того же «Род. Края» меня немало удивила.

Статья моя не является историческим исследованием, когда я был бы обязан для его «обоснования» приводить источники. Она была просто рассказом прошлого, с использванием некоторых трудов, относившихся к описываемому мною периоду. В ней есть сноски не только на Толмачева, но и на книгу Мухоперца, которую г. Ковалев считал «серьезным трудом». А по моему — они оба «одного поля ягодка». Оба они, чтобы особенно выделить и преувеличить героизм красной гвардии, **принуждены** были отмечать и героизм каз. войск ген. Мамантова, и пользовался я ими, чтобы привести свидетельство врагов о доблести казаков.

Чтобы моя статья не очень «разбухала», я не вносил в нее критики книг Толмачева и Мухоперца, которые, как «халтура», этого и не заслуживают, и не указывал, почему я беру из них то или другое. А привел из них только то, что свидетельствовало о казачьем героизме. «Рядовой читатель» повидимому это понял, но, к сожалению, этого не понял или не захотел понять г. Ковалев, и, критикуя мою статью, воспользовался именно пропагандным материалом и фантазиями и по каким-то соображениям преподнес этот материал казакам-эмигрантам, хотя ему самому они были «противны до тошноты».

С г. Ковалевым мы достаточно знакомы на почве собирания истор. материалов по истории борьбы Дона с большевиками и даже помогали друг другу, обмениваясь собранными сведениями. Мне кажется, это обстоятельство должно было заставить г. Ковалева, если в моем труде «Из прошлого» он находил «не все благополучно», сначала обратиться ко мне лично за разъяснениями и справками и только не получив их мог бы выступить в печати, но он по каким-то соображениям предпочел сделать это без предварительного разговора со мною. Это обязывает меня сделать то же и тем самым, может быть, поставить г. Ковалева в неловкое положение.

Начну также со «Степного Похода». Прежде всего укажу, что далеко не все его участники были вполне осведомлены о событиях, имевших место во время Похода.

Мартынова я знал очень хорошо уже после Похода, в котором встречал его всего 3-4 раза. Всегда относился к нему с большим уважением. После Похода он был моим начальником сначала в 1-ом Царицынском Ударном баталионе, потом во 2-ом, формировавшихся из пленных красных в стан. В.-Чирской зимой 1918-19 г.г. Потом в Астраханско-Приволжском полку, формировавшемся в селах Цаца, Райгород и Дубовый Овраг Астрах. губ. из крестьян в конце зимы 1919 г. Формирования эти велись по его инициативе. В этих частях, кроме Мартынова и его жены, я был единственным «степняком» и возможно поэтому вне службы я часто бывал ими приглашен «на чашку чая», когда мы часто вспоминали Степн. Поход. В силу этих бесед о Мартынове я знаю, вероятно, не меньше, чем г. Ковалев. Знаю также и о том, что в Степн. Походе он был войск. старшиной. Наименование его есаулом произошло не по злому умыслу, не по незнанию и даже не по ошибке, а скорее по рассеянности или усталости, так как все мои «литературные» труды пишутся вечером после 10-часового физического труда. Эту ошибку я заметил тогда, когда статья была уже напечатана и так как это не имело значения в отношении памяти ген. Мамантова, то я ее и не пытался исправить. «Ошибку» эту г. Ковалев в своей критике, вероятно, подчеркнул с той целью, чтобы с большей «убедительностью» опорочить остальную часть моей статьи.

Далее г. Ковалев пишет, что он, «совершивший тоже Степн. Поход, никогда раньше, ни во время Похода, ни после него ничего не слышал» о попытке «смены» Походн. Атамана. Однако, это — факт.

После оставления Новочеркасска 12 февр. 1918 г., при приходе партизан в Старочеркасскую ст-цу Леонов старался осуществить эту «смену» для того, чтобы увести степняков в распоряжение ген. Корнилова и вел соответствующую пропаганду среди начальников отрядов. Ему удалось уговорить ес. Бокова, который утром 13 февр. увел свой отряд в ст. Ольгинскую, где в то время находилась Добр. Армия. Говорили, что благодаря Леонову ушел туда же и Баклановский отряд ес. Власова. Мне все это было известно, так как я состоял в Особом Отделении

Штаба Ростов. Военного Округа, с 9-го февр. почти полностью вошедшего в состав Штаба Поход. Атамана. Начальником Отделения был Д. М. Афанасьев, который о «деятельности» Леонова немедленно доложил ген. П. Х. Попову и н-ку его Штаба. 13 февр. оба они были заняты переговорами с руководителями Добр. Армии в ст. Ольгинской, куда Поход. Атаман ездил в тот день два раза и никаких мер против «деятельности» Леонова принять не могли. Со средоточением партизан в хут. Арпачине полк. Мамантов доложил Поход. Атаману о предложении Леонова. Об этом докладе мне было известно еще в Арпачине, а уже в эмиграции ген. П. Х. Попов подтвердил это в письме ко мне, которое у меня хранится.

В журнале «Донская Волна» (№ 14, 16, 17) напечатан его очерк о Степном Походе. Описывая стоянку в х. Арпачине, он отмечает и «попытку его смены» с поста Поход. Атамана: «В этот день один из так наз. «общественных деятелей», следовавших за отрядом, задумал было переворот, имевший целью арест Поход. Атамана и передачу власти намеченному им лицу, категорически отклонившему такое высокое внимание», а в примечании он указал: «Первым был предводитель Донского Дворянства Леонов, вторым — полк. Мамантов».

Касаясь стоянки в х. Веселом, ген. Попов пишет: «Вместе с письмом ген. Алексеева были привезены как мне, так и др. лицам письма А. Л. Леонова, переехавшего из моей армии в Добровольческую. В этих письмах он также уговаривал партизан повернуть к Добр. Армии. За мною и моим н-ком Штаба А. Л. Леонов гарантировал сохранение официального положения и подобающее место в истории. Он называл мой поход «авантюрой».

«Донская Волна» издавалась в Ростове на Дону известным публицистом донским казаком Краснушкиным, писавшим под псевдонимом Виктора Севского. В журнале имелся богатейший материал по истории гражданской войны на Дону и из него приведено немало выписок в «Дон. Летописи», что устанавливает ценность помещенных там очерков. Статья ген. Попова была напечатана в период атаманства ген. Краснова. Никто против нее не возражал или по крайней мере я этих возражений или опровержений о попытке «смены» не встречал.

Г-н Ковалев, служа до октября 1918 г. в Новочеркасске и по его словам, как-то сказанным мне, «еще тогда интересовался историей гражд. войны», наверно читал «Дон. Волну» и странно, что он не заметил в ней этого очерка или, может быть, готовя критику на мою статью, не хотел ее вспомнить, считая, видимо, что «Дон. Волна» стала библиографической редкостью, мало доступной «рядовому читателю».

Дальше, г. Ковалев в своей статье пишет: «В боях у х. Савоськина на Куричьей Балке командовал не Мамантов». Что именно в этом бою командовал Мамантов, я и не говорил. Мною сказано: «...во время одной из серьезнейших операций у х. Савоськина... он (т. е. Мамантов. А. П.) так же командует группой партизан. отрядов». Утверждаю это и теперь. Бой у Куричьей Балки был одним из боев в период общего наступления большевиков на партизан в Задонских степях, начавшегося 12 марта. Тогда именно Штаб Пох. Атамана и создал особую ударную группу под командой Мамантова, остававшегося в этой должности до 24 марта, т. е. до стан. Граббевской, когда партизаны вышли из окружения и двинулись к Дону. Мне это известно потому, что в этот период я состоял при Штабе Пох. Атамана.

О существовании сводного отряда Мамантова свидетельствует и участник Степного Похода полк. Ленивов («Материалы по истории Степного Похода» — журнал «Вольное Казачество» № 215, февр. 1937 г.). Он пишет: «Учитывая боевую обстановку, партиз. командование решило в свою очередь нанести ряд коротких сильных ударов большевикам. Во исполнение последнего начинания, сводная группа партизан под командой полк. Мамантова (партиз. отряды: полк. Мамантова, полк. Каргальского, в. старш. Гнилорыбова, в. старш. Чернушенко, хор. Назарова, 1-ая Граббевская калмыцкая сотня и батарея подъес. Неживова) выступила...» и т. д. В той же статье А. Ленивов еще несколько раз упоминает об этой «сводной группе».

Из этого ясно видно, что Мамантов действительно в этот период командовал «группой партиз. отрядов».

Операция у Куричьей Балки была предпринята по инициативе в. старш. Семилетова с разрешения Пох. Атамана. А. Ленивов в той же статье пишет: «18 марта в штабе Семилетов. отряда было принято решение произвести внезапное нападение на большевиков...» и т. д. Отряды Тулака, пытавшиеся в других местах «разгромить» партизан, натыкались на группу Мамантова, пытались разбить степняков у х. Савоськина но «на ...лись» там на семилетовцев, шедших в набег. «Произошло непредвиденное для обеих сторон ночное столкновение, — пишет Лени-

вов. — Партизаны теснили противника... Но в полдень обстановка резко изменилась не в пользу партизан. Неожиданно из-за бугров вышли пять густых цепей большевицкой пехоты...» результатом чего и были те громадные потери 3-й Мартыновской сотни, о которых пишет г. Ковалев и о которых в том же «Род. Крае» писал и я, описывая этот бой. Я не говорил, что там руководил Мамантов.

Г-ну Ковалеву, вероятно, неизвестно, что полк. Мамантов, по занятии партизанами Великокняжеской был назначен отрядным комендантом, а его отряд нес службу комендантской команды. В этой должности Мамантов состоял до 12 марта, т. е. до назначения его командующим группой партиз. отрядов.

Так же ему наверно неизвестно и то, что когда Пох. Атаман в Великокняжеской на совещании н-ков отрядов поставил вопрос, «нужно ли согласно предложения ген. Алексеева и Корнилова присоединиться к Добр. Армии или оставаться в пределах Дона выполнять задачу, поставленную Пох. Атаману Войск. Атаманом ген. Назаровым» — Мамантов высказался за присоединение к Добр. Армии. Ген. Попов, в его очерке в «Дон. Волне» пишет: «только один отрядный комендант полк. Мамантов, которому слово было предоставлено первому, высказался за присоединение к Добр. Армии». Это обстоятельство не изменило отношений между Пох. Атаманом и полк. Мамантовым, о чем свидетельствует назначение последнего командующим сводным отрядом.

В моей статье «Из прошлого», не являющейся историческим исследованием «борьбы частей, подчиненных ген. Мамантову», в целях сокращения ее размера я старался избегать указания источников приводимого материала, но приводил отдельные эпизоды этой борьбы, подчеркивающие казачий героизм и умелое руководство казаками полк. Мамантова. Описывалось это не «исключительно по сов. источникам», но приводились данные из них, если они в общих чертах совпадали с рассказами лиц, близко стоявших к войскам Мамантова или состоявшие в них. Использовались книги Мухоперца и Толмачева, потому что в них почти от начала до конца описываются бои именно с частями, которыми командовал Мамантов. Во многих случаях они отмечают казачий героизм, который действительно имел место и который в «белых источниках», к сожалению, до сих пор не описан.

Данные, взятые мною у Мухоперца и Толмачева, ни в какой степени не могут ни оскорбить, ни опорочить казаков. То, что являлось с моей точки зрения пропагандой, измышлениями авторов или оскорбляющее казаков, просто отбрасывалось. Г-ну Ковалеву такие «повествования», как он пишет, тоже были «противны до тошноты», однако по каким-то соображениям он счел нужным преподнести их читателям, правда с некоторыми пояснениями «для читателей младших поколений».

Выписки, сделанные им из книги Толмачева, все являются перлами фантазии и лжи в литературной обработке Мирошникова. Но зачем ему нужно было внимание читателей «Род. Края» останавливать именно на них? Сдновременно с этим он осуждал меня за то, что я пользовался Толмачевым, хотя мои выписки и говорят о действительно имевших место каз. доблести и жертвенности.

Странной кажется критика г. Ковалевым «истории со священником». Насколько она избита — не знаю, но она была не единственной в стан. Гундоровской и о ней следовало напомнить тем более, что о ней рассказывают коммунисты.

В моей статье сказано не только о ней, но и об ограблении церквей что было обычными делами красной гвардии. Позднее это было узаконено декретом Совета Народных Комиссарв под видом «изъятия церковных ценностей». О результатах этих «изъятий» печаталось в газетах «Правда» и «Известия». Выписки из них приведены А. А. Валентиновым в его труде «Черная книга». Там же описаны и многочисленные глумления над духовенством на Дону.

Г-н Ковалев не отрицает того, что пишет Толмачев о глумлении над священником, но зачем ему нужно было эту «историю» рассказывать до конца так, как она описана Толмачевым, т. е. повторять его ложь, что «гундоровские казаки отдавали своего священника на издевательство»? Эта ложь, даже с оговорками, есть оскорбление станич. атамана Маркина, если таковой был, и всех гундоровцев.

Приведя факт издевательства над батюшкой, я отметил это, как одну из причин «лютой ненависти казаков бородачей» к большевикам, что соответствовало тогдашним каз. настроениям. «Продолжение» и объяснение этой трагедии Толмачевым в духе большевицкой пропаганды меня не интересовали, так как моя статья была посвящена памяти ген. Мамантова, описанию отдельных эпизодов боевых действий войск Мамантова, а не критике книги Толмачева, что г. Ковалев повидимому не заметил и все описанное мною представил в виде «агито-истории» большевицкого типа.

Излагая эти эпизоды «своими словами», я пользовался не только книгами Толмачева и Мухоперца, но и рассказами бывшего адъютанта Мамантова войск. старш. П. Рудова, которые во многом совпадали с описанием отд. бсов сов. авторами. Именно основываясь на его словах, я писал: «к частям, отстаивавшим Чир, приехал сам Мамантов и бросил казаков во главе с Суворовской дружиной в контр-наступление». Поэтому в книге Толмачева г. Ковалев этого не нашел.

Для моей статьи я воспользовался и открытым письмом ген. П. Н. Краснову — председателя Дон. Правительства ген. Апостолова, приводя из него отдельные фразы. Позволю себе привести теперь целый абзац: «В Усть-Медведицком и Хоперском округах не было ни одного человека, который не отдавал бы себе отчета в важности овладения Царицыном, дававшим ж. д. сообщение с севером Области. Занятие его выдвигалось на первый план всей обстановкой борьбы. Я не беру на себя смелость разбирать военные операции по попытке овладения им... Но нельзя умолчать о том, как хорошо были согласованы Ваши приказы с военными действиями. Летом 1918 г. отступавшие с огромной добычей, собранной со всего юга России, красные были прижаты под Чиром к Дону. Жел.-дор. мост через Дон был испорчен, на правом берегу скопилась масса поездов с военными припасами и богатым имуществом. Ген. Мамантов, закончивши все подготовительные действия, собирался нанести сокрушительный удар, но почти накануне наступления по телеграфу был передан приказ о демобилизации многих возрастов казаков и отряд его рассыпался. Ген. Мамантов рвал на себе волосы, а большевики исправили мост и не торопясь эвакуировались в Царицын».

В том же письме по другому вопросу ген. Апостолов писал: «Упрек этот, вероятно, внушен Вам некоторыми из Ваших сотрудников...». Эта выдержка как раз говорит о том, что и ген. Краснов не всегда «неизменно проводил свои решения в жизнь сам». Он не мог за всем уследить. По военной части у него было два помощника: командующий армией и н-к штаба армии, по докладам которых он и принимал то или иное решение, а доклады могли и не отвечать требованиям момента. Одни доклады могли заставить Атамана принять целесообразное и полезное решение, другие — неподходящее и вредное. За всякое решение ответственным был Атаман, вот почему ген. Апостолов «приказ о демобилизации многих возрастов казаков... без согласования с военными действиями» ставит в вину именно ген. Краснову, а не командующему армии или н-ку штаба армии.

Я не говорил, что у Толмачева были какие-то указания на то, что приказ о демобилизации «стал известен» красному командованию». Я написал «вероятно». Да иначе и быть не могло, так как приказ этот был распространен в частях Мамантова в тысячах экземпляров и мало допустимо, что в той обстановке он мог быть сохранен в секрете от красных.

После моего возвращения из Москвы я состоял в распоряжении председателя Совета Управляющих Отделами и Упр. Отд. Иностранных Дел ген. А. П. Богаевского и, пользуясь отпуском, почти не нес никаких обязанностей за исключением «мелких поручений». В силу этого я часто посещал разные отделения Штаба Армии. Там открыто говорили, что н-к Штаба И. А. Поляков «подготовляет приказ о демобилизации части войск». Одни находили это правильным, но большинство его осуждали и даже возмущались. Первые оправдывали его тем, что «он даст возможность убрать поля и поднимет авторитет командования». Другие же утверждали: «с голоду не умрем. А красных нужно разбить, пока они недостаточно организованы и пока у казаков есть порыв». Дальнейшее показало, что правы были последние. Особенно часто я бывал в отделениях Печати (полк. Трофимов), Связи (полк. Кудинов), Контрразведки (полк. Белинский и ес. Гринев), Наградном (ес. Осипов), Оперативном (ес. Ковалев), в Дежурстве дежурного ген. Бондырева и был свидетелем жарких споров о демобилизации. Возмущались этим и в бюро формирования пограничной стражи, куда я часто заходил, чтобы перевестись в «стражу», как служивший в дни Великой войны в пограничном полку Кавказ. Армии. Возмущался и полк. С. К. Бородин, которому из-за этого как будто было даже предложено «уйти» из штаба Армии, но он заявил: «пусть меня, как офицера генерального штаба и члена Войск. Круга, «уйдут...». Бывая на квартире у ген. Бондырева, я часто присутствовал при спорах о возможности демобилизации среди приходивших туда офицеров и разных «общественных деятелей».

В приказе № 1 Атаман Краснов предусматривал демобилизацию при окончании войны, поэтому он и писал: «Для охраны станиц и городов составить конные и пешие сотни» и «распускать по домам для мирных работ казаков... по мере успокоения Войска». В описываемый мною период нужна была не охрана станиц, но прежде всего их осво-

бождение от большевиков. Хоперский и Усть-Медведицкий округи почти целиком и часть Сальского были еще в руках красных. Следовательно «успокоения Войска» не было и приказ этот никак не мог быть отнесен к описываемому мною периоду, и приведен он г. Ковалевым, в оправдание демобилизации, неудачно. Так же неудачно и ее оправдание им письмом н-ка штаба ген. Мамантова № 483. Это письмо призывало Штаб Дон. Армии проявить больше внимания к Действующей Армии и не оставлять ее на собственном «иждивении» и не заставлять ее добывать питание «реквизициями» в станицах, совершенно ограбленных большевиками, тогда как в южных станицах, освобожденных от красных, хлеба было еще достаточно и Штабу нужно было лишь позаботиться о его закупке. Недостаток хлеба в южных округах стал чувствоваться только зимой в конце 1918 г. и весной 1919 г., когда Дон. Армия «откатилась» к Новочеркасску с массой беженцев.

Из Толмачева я привел свидетельство о том, что части Мамантова во время боев применяли трещотки. К этому была добавлена и выписка из письма н-ка штаба ген. Мамантова № 483 о недостатке оружия у казаков. Выписка эта, видимо по недосмотру наборщика, была пропущена. Г-н Ковалев, предполагающий, что я не читал «Дон. Летописи», этого свидетельства в ней не заметил. В письме было: «Призванных казаков около 10.000, из них с винтовками около 5.000. Патронов на винтовку: русскую — 25, австрийскую — 45, французскую «гра» — 55, итальянскую — 300 (итальян. винтовок — 37), снарядов на орудие — 60... Дух начинает колебаться от недостатка патронов и снарядов». Это именно и заставляло Мамантова спешить «сбить» красных с жел. дороги и захватить поезда с вооружением и поэтому «он рвал на себе волосы», когда ему в этом помешали.

Из открытого письма ген. Апостолова видно, что в штаб Мамантова приказ о демобилизации был передан по телеграфу, а бывшие мои сослуживцы, имена коих названы в статье «Из прошлого», свидетельствовали, что приказ этот был передан и непосредственно в части Мамантова, минуя его штаб, в тысячах экземпляров. А полк. Кудинов, служивший в Отделе Связи Штаба Дон. Армии, возмущался посылкой этого приказа Мамантову телеграфом, в то время как в другие части он был послан путем, каким посылались все распоряжения, не имевшие срочного характера. Почему в отношении к войскам Мамантова была проявлена такая спешка — осталось тайной и до сих пор.

Пользовался я и рассказами лиц, имена которых правда не указаны, главным образом, чтобы сократить размеры статьи. Некоторые фразы в ней взяты в ковычки не мною, на что я не возражаю, поскольку это не меняет смысла написанного.

А. Падалкин

Париж.

(Продолжение следует)

Л. В. ХАРЛАМОВА

30 авг. с. г. отдали еще один долг вдове покойного Председателя Донск. Войск. Круга В. А. Харламова Любови Васильевне: их дети, родные и друзья отслужили на сороковой день ее отхода панихиду. Так уходят от нас не только выдающиеся деятели Казачества, но и их заслуженные и верные спутницы жизни.

Кто из донских казаков не знал В. А. Харламова, уважая и чтя — одни, отрицая и браня — другие: такова участь всех действительно выдающихся деятелей. В. А. Харламов с 1904 г. был видным казачьим культурным и общественным деятелем, а с 1906 г. стал бессменным представителем Дон. Войска в Государственн. Думе всех созывов. После краткого перерыва, когда В. А. в 1917 г. был представителем Вр. Правительства в Закавказьи, он снова стал представителем В. Д., но уже в качестве Председателя Дон. Войск. Круга, каким и остался до конца своей жизни, прослужив Донскому казачеству более 50 лет.

С 1903 г. и до конца жизни своего супруга Л. В. была его верной, преданной и любящей спутницей и заботливой матерью и бабушкой своих детей и внуков. Только благодаря такой спутнице Вас. Аким. мог уверенно выполнять свой общественный долг, свое верное служение России и Дону. «Тыл» В. А. был верный и надежный. И более 50-летнее общественное служение Василия Аки-

мовича было и заслугой и Любови Васильевны. Еще более ее заслугой было воспитание хороших детей, людей с высшим образованием, с чуткой совестью и верных общественному казачьему долгу. Такая семейная и общественная гармония дается нечасто.

Д. В. Круг 1918 г. не был буйным Войсковым Кругом древних суровых Дон. казаков, но подлинным парламентом, которым может гордиться Донское казачество. И в этом — огромная заслуга общественно, политически и парламентски воспитанного и дисциплинированного Председателя Круга. Заслуга В. А. была и заслугой Любови Васильевны. Чаще верные, преданные и заслуженные спутницы своих выдающихся мужей остаются в тени, как будто так должно быть и само собою разумеется. Но это не так просто. Выдающаяся и плодотворная деятельность мужей является не меньшей заслугой и их жен, ибо они стоят на страже деятельности своих мужей, оберегая их не только в семейной жизни, но и своими советами и предупреждениями своего умного и чуткого сердца.

И вспоминая светлую память Л. В. Харламовой, мы по совести обязаны указать на благородную ее роль в работе ее супруга, а через него на ее заслугу перед Войском Донским. Донское казачество никогда не было глухим к выдающейся общественной и государственной роли казачек. Нужно вспомнить Меланью, супругу Степана Ефремова, и песни о казачках в отсутствии мужей-воинов.

Л. В. Харламова была дочерью военного священника о. Василия Предтеченского и родилась 17 сентября 1880 г. Долго кочевал о. Василий с семьей вместе с полком из Закавказья в Царство Польское и по всей Украине, пока прочно не обосновался в Киеве. Здесь Л. В. кончила гимназию и затем поступила в Москве на Женские фельдшерско-акушерские курсы. В Москве Л. В. познакомилась с окончившим Духовную Академию студентом историко-филологического фак-та Московского ун-та Василием Харламовым, донским казаком Усть-Быстрянской станицы 1. Д. о. и в 1903 г. вышла за него замуж. Они уехали в Приазовские степи, где Вас. Ак. участвовал в раскопках скифских курганов вдоль р. Миуса. В том же году В. А. был назначен преподавателем истории в Новочеркасскую женск. гимназию, а Л. В. занималась своей специальностью. Одновременно В. А. занимался общественной и культурной работой. пока в 1906 г. не был избран членом Гос. Думы. Х-мовы жили в Царском Селе, но летом жили на Дону в хут. Кременском.

В 1920 г. Л. В. с детьми эвакуировалась на о. Кипр, где жили за проволоками в англ. лагере. Через три месяца она съехалась в Константинополе с Вас. Аким. Затем 3 года жизни в Париже, переезд на Балканы в Белград и с 1924 г. по 45-й жизнь в Праге в Чехословакии. После 2-й Миров. войны три года в Регенсбурге, 11 лет в Аргентине, где в 1957 году скончался Вас. Аким., и переезд Л. В. с детьми в США.

И всюду в этих мытарствах Л. В. неизменно несла свет и тепло в своей семейной жизни и во всем окружающем обществе. Ее глубокая религиозность. благожелательность ко всем, любознательность до старости и неизменный интерес к общественной жизни. Болела она недолго.

Краткую памятку о незабвенной Любови Васильевне хочется закончить словами ее любимого поэта:

«...Свод небесный будет раздвинут
Пред душею, и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту».

Б. Уланов

У Ш Е Д Ш И Е

† 1 мая с. г. в США скончался от тяжкой болезни сот. Куб. Войска Г. И. Николенко.

† 25 мая в Филадельфии (США) скоропостижно скончался в возрасте 87 лет войск. ст. С. П. Пантусов Платовской ст. ВВД.

† 27 июня после продолжительной и тяжкой болезни в г. Вилах (Австрия) скончался на 65 г. жизни М. Я. Попов Трех — Островянской ст. ВВД.

† 25 марта в г. Соленкур (Франция) скончался М. П. Сабельников, 62 лет, ст. Ханской Куб. В.

† 15 июля в Нью-Йорке после тяжкой болезни скончался командир 2-го полка Русского Корпуса Ген. Штаба полк. Б. А. Мержанов, Дон. В.

† 21 июня в Нью-Йорке скончалась Л. В.

Харламова, вдова пред. Дон. Круга В. А. Харламова.

† 8 июня в Петерсоне умер Ф. Я. Черняев, казак Куб. В.

† 30 июля в Шавиле (Франция) скончался Ф. А. Филатов Д. В.

† 15 июля скончался глава буддийского духовенства калмыков в эмиграции Лама Нима Менкнасунов. Похоронен на буддийском участке Св. Владимирского кладбища в Джексон. Н. Д. — США.

† 21 июня в С. Франциско скончался сотн. Забайкальского Войска В. В. Пономаренко, председатель Каз. Союза в С. Франциско.

† 31 июня в Н. Йорке умер ес. Куб. Войска Л. П. Мальцев.

† 3 авг. в г. Сераин Льеж (Бельгия) скончался после продолжительной болезни, на 72 г. жизни, подхор. С. Я. Колбасин, ст. Усть-Лабинской Куб. В.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

◆ 15 (7) 62 в г. Клягенфурте (Австрия) состоялось годовое общее собрание Обще-Каз. Кассы Взаимопомощи. Выбранными оказались: пред. — Н. Волков, замест. предс. — Е. Ермаков, казначей и писарь — А. Бондаренко. его заместитель — Б. Маноцков, ревизоры — П. Фоменко, И. Рухов, А. Иващенко, пред. суда: В. Рассказов, членами — А. Герасименко и И. Матюшенко.

◆ Новинки книж. рынка: П. Н. Краснов «В житейском море« изд. Союза Инвалидов в Париже. Роман, рисующий жизнь трех офицеров, одновременно оокнчивших Юнк. Училище на пороге 20-го в. и затем служивших в разных частях Российской армии. Рукопись романа была передана покойным П. Н. Красновым Гл. Правлению Инвалидов в 1943 г. с просьбой издать книгу в пользу увечных воинов — инвалидов.

Федор Кубанский — «Степи привольные, кровью залитые» — роман, охватывающий период гражданской войны, издан в США.

Г. Солодухин — «Жизнь и судьба одного казака» — воспоминания танцора каз. хора имени Атамана Платова, описывающий доревол. период в России и доведенный до 1955 в США, изданы в США.

Ген. И. А. Поляков — «Донские казаки в борьбе с большевиками», изд. в Мюнхене (отзыв будет дан в «Род. Крае»).

«Куб. истор. и литер. сборник», издаваемый в США ген. Науменко, «Лабинцы и последные дни на Кубани». Брош. № 1, изд. полк. Елисеева в Нью-Йорке.

Государств. Изд. «Высшая Школа» в Москве в 1961 г. выпущена небольшая книжка «Азовское Сидение». Сведений об авторе нет, но можно предположить, что он казак. Книга написана обстоятельно, в начале дается краткий очерк о возникновении Дон. Войска, его устройстве и организации. Написана гл. образом по старым источникам.

Знаменателен скорее самый факт ее появления и комплименты по адресу казаков в предисловии, хотя с некоторыми оговорками. (Сообщил Е. Ковалев).

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 июля по 1 сентября).

Фонд Издательства: г-жа Попандопуло — 5 н. фр., Каргин — 10 шв. фр., С. Губарев — 100 бель. фр., И. Я. Крюков — 30 н. фр., Балахнина — 10 долл.

Через Б. Н. Уланова: Саринов — 8 долл., Б. Н. Уланов — 20 долл.

Для передачи **Дам. Комитету Каз. Союза:** Сердинов — 8,50 н. фр., г-жа Журавлева — 1 долл., А. А. Гордеев — 15 н. фр., ИКС — 30 н. фр., К. Поляков, Бальбуциевы — по 5 н. фр.

Редакция «Род. Края» и Правление Дам. Ком. Каз. Союза просят всех жертвователей принять их искреннюю благодарность.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

С Новым Годом.
Н. Альникин — «Не спится мне..».
А. Падалкин — «Донское казачье ополчение 1812 г.».
Е. Ковалев — «Новые биографические данные о ген. Мамантове».
Из отзывов о «Ермаке».
Проф. Нижальский — «Кто виноват: партия или дельфины?».
Проф. М. Миллер — «Памяти нашего земляка».
Н. М. Мельников — «Русская Вандея».
Н. Воробьев — «Этапы».
В. Мыльников — «Из прошлого».
И. Сагацкий — «Увещание».
А. Падалкин — «О статье г. Ковалева» (продолжение).
Письма в редакцию: А. Падалкина, И. Я. Крюкова, Е. Кочалева, Л. Попова, Общеказ. Союза в Аргентине.
А. Смородин — «Научи меня, Боже...».
Обращение к казакам.
Казачья жизнь за рубежом.
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакц. коллегии «Род. Края».
Каз. периодическая печать за рубежом.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1-го сент. по 1-ое ноября 1962 г.).

Фонд Издательства: через В. Попова от Общеказ. ст-цы в Нью-Йорке вместо цветов на могилу казака ст-цы Каменской В. В Дон. войск. старш. Г. Ф. Чеботарева — 10 дол., П. М. Морозовой — 1 дол., полк. Г. В. Иноземцева — 7 н. фр., С. Артемова — 10 н. фр., Гончарова и Д. Васильева — по 16 н. фр., П. Д. Калиманова — 12 н. фр., г-жи Попандопуло — 5 н. фр., Калабунова — 6 н. фр.

Через Б. Н. Уланова: д-р Ряхин — 5 дол., Очиров — 6 дол.

На увековечение памяти ген. П. Х. Попова: пор. С. Кондрашев — 20 н. фр., Голенов — 10 н. фр., Н. П. Казинцев — 12 н. фр.

Для **передачи Дам. Комитету Каз. Союза:** П. Д. Калиманов — 10 н. фр., Гончаров и Д. Васильев — по 16 н. фр., Баранов — 76 н. фр.

Редакция «Род. Края» и правление Дам. Ком. Каз. Союза просят принять всех жертвователей искреннюю глубокую благодарность.

Подписка в **Фонд издания книги Н. Н. Евсеева** «Дикое Поле» с 1-го июля по 1-ое ноября 1962 г.: Бирюков Р. Р. — 20 дол., Уланов Б. Н., Воробьев Н., С. А. Пахомов — по 6 дол., Сутуловой Г. М., Мурза Мистулов по 10 дол., Орг, Мистулов, Морозова М. П., Скрылов, Хабаев, Кеда Д., Бабустов, В. Попов, Афан, Общеказ. ст-ца в Нью-Йорке по 3 дол., о. З. Поляков — 10 шиллинг., Магеровский А. Н., Сальвер Р. П., Покровский Б. Л., Кулягин А. С., Малеев, Вальц, Клео Беклемишева, Потулова И. Гр., Золотов А. Ф., Березина А., Пенков, Костанди Е., Иванов Б. А., Безуглов, Доманов, Лампе А. А., Колтышев П. В., Авраамов П. М., Барковский К., Ширягин Я. В., Авербух, Шмелев И. И., Кондратьев, Серебряков, Залецкий, Кацман М. И., Союз Чернецовцев, Морозов, Грачев, Кутырина Ю. А., Ковалев Н., Величковская Т. А., Сергеев М. П., о. Николай Иванов, Крисум В. К., Щетковский П. Ф., Звонарев Г. И., Ломакин Н. А., Де Фоэ, Кулягин, Самойлов, Абрамова — по 10 нов. фр., Туроверов Н. Н. — 13 нов. фр., Ростовцев В. И., Гончаров Ф. Ф., Мордвинцева Г М., Богаевский Б. А., Зеленцоцв И. И., Балданов С. Ш. — по 20 н. фр., Крюков И. Я. — 30 н. фр., Члены Калмыцк. Союза — 40 н. фр., Фишер Е. С. — 5 0н. фр., Домогацкий, Господин М. — по 100 н. фр., Кузнецов В. В. — 1.000 бельгийских франков.

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, А. М. Огненко, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
№ 43 Ноябрь-Декабрь — 3 N. F.

PAYS NATAL Septembre-Octobre 1962. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

С НОВЫМ ГОДОМ!

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Отдел партизан чернецовцев-семилетовцев, Содружество Лиенца и Дамский Комитет Каз. Союза поздравляют всех казаков, казачек и казачат всех Казачьих Войск, в рассеянии сущих и пребывающих на Родине, с Праздником Рождества Христова и Новым Годом и просят принять их наилучшие пожелания доброго здравия, благополучия и единения.

Председатель Каз. Союза:
Б. А. Богаевский.

***

Редакционная Коллегия «Родимого Края» поздравляет всех казаков и своих читателей с Праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом и просит принять ее искренние пожелания бодрости, здравия, благополучия, единения и сохранения веры в возрождение Казачества.

Редакционная Коллегия
«Родимого Края».

ВОЙСКОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

Как каждый год, донцы, кубанцы и терцы достойным образом отметили в день Покрова Пресвятой Богородицы свои Войсковые Праздники.

В Парижском районе, по установившейся, по инициативе Казачьего Союза, долголетней традиции, в субботу 13 окт. на русском кладбище в С. Женевьев дэ Буа была отслужена общая панихида на могиле последнего выбранного еще на донской земле Донского Атамана ген. А. П. Богаевского. Эта панихида давно уже приобрела символическое значение (ведь у нас нет могилы «Неизвестного Казака»), во время которой казаки молятся не только за погребенных на этом кладбище казаках (а их немало), но и за всех казаков, казачек и казачат всех Каз. Войск, могилы которых рассеяны по всему миру.

Как и каждый год, могила Атамана Богаевского была художественно разукрашена цветами и каз. символикой трудами куб. казака агронома Васильченко.

После общей панихиды был совершен молитвенный обход каз. могил и отслужена вторая панихида в кладбищенской церкви перед памятной доской жертвам Лиенца. В кратком слове отец Ергин отметил бережное отношение казаков к своим ушедшим. Каждый год, перед своими Войсковыми Праздниками сни собираются на кладбище помянуть своих братьев и сестер. Помимо правления Каз. Союза на панихидах присутствовали и представители других каз. организаций, в том числе и председатель Союза Казаков-Комбатантов ген. Зубов.

На другой день, в воскресенье 14 окт., в кафедральном Соборе на рю Дарю перед иконами Покрова Пресвятой Богородицы и Донской Божьей Матери был отслужен молебен с чтением акафиста Божьей Матери и провозглашением вечной памяти всем Атаманам, Казачьим вождям, казакам, казачкам и

казачатам всех Каз. Войск, убиенным и в мире скончавшимся. Храм был переполнен казаками. Прекрасно пел хор под управлением регента донского казака Спасского.

Терское Объединение, как всегда, служило молебен в нижней церкви перед своей Терской Войсковой иконой.

После молебна донцы, кубанцы, терцы и их друзья собрались за братской трапезой, устроенной правлением Каз. Союза в большом ресторане Люс на площади Клиши. Присутствовало около 130 человек.

В этом году Войсковые Праздники совпали со скромным юбилеем 15-летия существования Каз. Союза во Франции и поэтому правление Союза приветствовало собравшихся чаркой вина. Было много речей, много добрых пожеланий. Необходимо отметить, что давно уже не собиралось вместе такое количество казаков. Повидимому, деятельность Каз. Союза, направленная на достижение единения, начинает приносить плоды. Бог на помощь... Правление Союза не раз говорило, говорит и будет говорить, что нам давно пора забыть все наши разделения, наши раздоры, а нужно объединиться в одну дружную братскую и мощную организацию. Двери Союза широко открыты для всех казаков, каковы бы ни были их личные политические взгляды (кроме, конечно, коммунизанствующих) при условии не навязывать своих убеждений другим членам Союза. Правлению Союза всецело присоединяет свой голос к статье полк. Головко, помещенной в № 41 «Род. Края» («Казакам нужен мир»). Партийная упряжь не к лицу казакам и они должны всегда помнить, что прежде всего они казаки, прежде всего — братья, которые всегда могут сговориться, относясь с уважением друг к другу. Ведь делить нам и ссориться по существу нечего. Однако есть лица, которые свои личные полит. взгляды, личную неприязнь, личные счеты, стремление занимать какое-то положение, ставят выше основного старинного принципа отношения казаков между собой: КАЗАК КАЗАКУ ИСПОКОН ВЕКОВ — БРАТ.

В начале трапезы предс. Куб. Объединения с соответствующей церемонией передал Кубанскую Войсковую Медаль представителю Куб. Атамана полк. Н. И. Зайцеву.

Правлением Каз. Союза были получены многочисленные поздравления с Войс. Праздниками: от Куб. Войск. Атамана войск. старш. Б. И. Ткачева, 1-го выборного Атамана Амурского Каз. Войска И. М. Гамова, замест. пред. Дон. Войск. Круга Б. Н. Уланова, Каз. Союза в Германии, Каз. Союза в Аргентине, Каз. Хутора в Дорнштате (Германия), Каз. Кассы Взаимопомощи в Клягенфурте (Австрия), от группы донцов, оренбуржцев в г. Гроно (Швейцария), от группы казаков из Парагвая, от каз. хутора в Калифорнии, из французской провинции (Ст-цы в Абондане, из Грасса, Монтаржи и т. д.), и от отдельных казаков из Франции и др. стран.

В конце празднования на трапезу приехал ген. Зубов, предс. Союза Казаков-Комбатантов, собиравшихся, как всегда, отдельно, вместе с Союзом Дон. Артиллеристов, в музее Л. Гв. Казачьего полка.

Как во французской провинции, так и в др. странах, казаки праздновали свои Праздники торжественно в местах большого сосредоточения. В Коломбеле (Кан-Кальвадос) местная группа казаков после торжественного молебна в храме препод. Сергия Радонежского собралась на братскую трапезу в ресторане г. Штепы. В Туркуане (север Франции) в местном храме казаки после молебна с провозглашением вечной памяти ушедшим собрались на трапезу в помещении при храме, пригласив всех прихожан. В Грассе донцы и кубанцы с энергичным полк. Полубояровым, как и каждый год, после молебна собрались на скромную трапезу. В Лионе Обще-Каз. станица отметила день Войск. Праздников молебном в Св. Николаевской церкви. В Монтаржи, по инициативе секции Казаков-Комбатантов, 14 окт. в местном храме был также отслужен молебен с провозглашением вечной памяти Государю, его семье, вождям казачества и казакам. После состоялась братская трапеза в ресторане г. Шевченко «Украйна». С речами выступили пред. Секции Каз. Комб. Ф. М. Миронов, полк. Сменов, представитель Каз. Союза на район Монтаржи А. Н. Демченко, секретарь Секции Н. Я. Самойлов и полк. Ступников. Много оживления и веселья внес приехавший из Санса молодой казак виртуоз-гармонист Лепешнин. Под его акомпанемент пели, под его игру танцевали.

**
*

О том, как праздновали свои Праздники казаки в Мюнхене, сообщает ес. Б. Попов.

«По примеру прошлых лет, Правление Казачьего Союза в Германии организовало торжественное празднование Казачьего Праздника Покрова Пресвятой Богородицы.

14 окт. с. г. Настоятель Казачьих Церковных приходов в Германии Митрофорн. Протоиерей о. Тимофей Кулешов отслужил литургию и молебен в Сербской прав. церкви. В 13 часов дня состоялась братская казачья

трапеза в вином и музыкой в ресторане «Дом Педро».

Присутствовало свыше 60 человек казаков и казачек, о. Тимофей благословил хлеб-соль и предложил присутствующим пропеть Отче наш. Председатель Казачьего Союза в Германии полк. А. М. Протопопов приветствовал казаков и казачек с праздником Покрова Пр. Богородицы и вкратце пояснил значение этого казачьего праздника и благодарил присутствующих за память о наших предках, создавших героическое прошлое казачьего народа! После чего были пропеты Донской и Кубанский гимны.

Почетный председатель Каз. Союза проф. М. А. Миллер также приветствовал присутствующих с праздником и благодарил за братскую спайку на беспартийной платформе и сохранение казачьего достоинства.

Полк. Д. Смирнов от имени Объед. быв. чинов 15-го казачьего корпуса приветствовал казаков и казачек с праздником Покрова, благодарил за отзывчивость, а также благодарил полк. А. М. Протопопова за организацию праздника.

Ес. Г. О. Тильев в своем приветствии подчеркнул, что казаки не терпели рабства и всегда боролись за подлинную демократию, а ныне так наз. «верховные» хотели надеть казакам ярмо диктатуры, а потому казаки их и оставили.

Дальше с приветствием выступали: Ст. И. Жигалка от хутора Людвигсфельд, ст. И. Коновалов от хут. Розенхайм, ст. М. Дамбинов и Г. Иванов от Дон. Калмыков, ст. Т. Воронкин от Кубанской станицы в г. Мюнхене, ст. И. Сальников от Донской станицы в Мюнхене.

Поздно вечером казаки и казачки разъезжались по домам, благодаря Правление за устройство праздника и прося почаще устраивать дружеские встречи!

**
*

В Клягенфурте (Австрия) празднование было организовано Правлением Каз. Кассы Взаимопомощи — пред. Н. Волковым, секр. А. Бондаренко и замест. Н. Ермаковым. После литургии и панихиды собрались казаки и их гости, в числе которых был отец. Георгий Симоненко, председатель Корпусного Объединения В. И. Кисель, секрет. И. Г. Синельников и из Вилаха г-н Мазурх, на братскую трапезу. Много было речей и хороших пожеланий, а общему веселью способствовали своей игрой на баянах В. А. Рассказов и А. Поляков с сыном.

**
*

Из Аргентины стан. С. Донсков пишет:

«Вековая борьба за свое существование и за сохранение православия отразилась у казаков глубокой верой и в этом отношении праздник Покрова Пресвятой Богородицы имеет большое значение. День Покровительницы казаков мы с особой торжественностью отмечали на родной земле, да и теперь, в эмиграции, храним эти вековые традиции. Войсковые Праздники и День Покрова в наше тяжелое время являются не только символом сохранения каз. традиций, но и, вместе с тем, ярко выражают нашу непримиримость к безбожному коммунизму.

В этом году праздник Покрова в Аргентине был отмечен Общеказачьим Союзом совместно с Донской ст-цей им. Пох. Атамана ген. С. Павлова, Донской ст-цей им. Атамана А. М. Каледина и Национальной ст-цей. После Божественной Литургии настоятель храма о. Константин Красильников отслужил торжественный молебен в присутствии большого количества казаков и казачек, которые молились перед иконой Покрова Пресвятой Богородицы, поставленной казаками перед алтарем храма.

По окончании молебна состоялась Войсковая традиционная трапеза в школьном помещении, находящемся в ограде церкви. Открытие трапезы началось пением молитвы «Отче Наш» отцом Константином и исполнением казаками казачьих гимнов, — Донского, Кубанского и Терского. Вступительное слово говорил Атаман Общеказачьего Союза, затем Атаман Павловской ст-цы и др. казаки, выступавшие с добрыми пожеланиями о сохранении единой казачьей семьи и единого духа. Как обычно, после торжественной части полились казачьи военные и бытовые песни, сопровождавшиеся чередованием и состязанием Донцов и Кубанцев. Во время трапезы прибыл старейший Донской казак в Аргентине, уважаемый казаками протоиерей о. Т. Соин.

На доброе приветственное слово о. Тимофея казаки не остались в долгу и исполнили в честь его прибытия казачьи гимны и любимую его песню «Поехал казак на чужбину». Несмотря на разные взгляды казаков о будущем Казачества, казачий праздник Покрова прошел в дружественной, задушевной братской семье, оставляя воспоминания далекого славного прошлого и как хороший залог единого и непоколебимого будущего. Дай Бог, чтобы нами были забыты все наши недоразумения и мелкие раздоры во имя единого и монолитного Казачества.

**
*

Из Калифорнии Г. А. Улитин сообщает:

14 октября, в День Покрова, Донская станица, во главе со своим Атаманом В. А. Балахниным, собралась в Св. Троицком храме в Лос-Анжелосе, чтобы помолиться и отслужить благодарственный молебен, а также и помянуть Атаманов, военачальников, казаков и казачек всех Казачьих Войск, погибших от безбожной власти.

Маленькая, чистенькая и нарядно убранная церковь быстро была заполнена молящимися. Службу совершал настоятель храма о. Александр Полулях. Отвечал ему импровизированный хор из казаков и прихожан под управлением матушки Веры Николаевны.

В конце литургии о. Александр произнес прекрасную проповедь, которую посвятил значению Покрова Пресвят. Богородицы для всего православного народа и особо подчеркнув значение этого Праздника для казачества.

После литургии был отслужен торжественно молебен с провозглашением многолетия казакам и молящимся в храме и была пропета «Вечная Память» вождям казачества и всем погибшим от смуты казакам.

После службы Атаман пригласил казаков к себе в дом на чашку чаю, где было заслушано с большим вниманием приветствие Замест. Предс. В. Круга Б. Н. Уланова.

**
*

Из Австралии М. Борисенко сообщает:

Донская Объединенная станица в Мельбурне (Австралия) отпраздновала Общеказачий праздник Покрова Пресвятой Богородицы вечером 13-го октября. Праздник начался в 8 ч. 30 мин. молебном, который отслужил о. Федор Демьянюк.

После молебна и оглашения официальных поздравлений, началось общее веселье, поздравления и тосты.

Столы были уютно убраны и обильно накрыты руками наших старательных и жертвенных казачек. Прекрасная лотерея была быстро разыграна.

Особое внимание привлек торт, сделанный специалистом казаком Пинкот, на котором старательно был сделан казачий курень с развешенными горшками на плетне, окруженном подсолнухами; со скамейкой и восседающим улыбающимся запорожцем, с «оселедцем» и трубкой в руках, с надписью: «Слава Казачеству».

Большим успехом ознаменовалось выступление казачьего ансамбля под руководством станичника И. М. Кудренко, казаков: Ф. Фомичева и братьев Бахитовых. Так же балетмейстер станичник Карасев, выступивший со своими танцорами и давший несколько казачьих танцев, произвел настоящий фурор.

Прекрасно играл оркестр молодежи, способствовавший общему веселью, которое прошло в исключительно дружелюбной и приятной обстановке, затянувшейся до глубокой ночи.

**
*

Заканчивая этот далеко не полный обзор, повторим еще раз наше искреннее пожелание всеобщего объединения. Нам давно пора перестать делиться на отдельные группировки монархистов, федералистов, националистов, «поляковцев», «ткачевцев» и т. д. и т. д. И не мы одни этого желаем, об этом неоднократно пишется в казачьей прессе, неоднократно говорится, но когда дело доходит к осуществлению единения, часто партийная программа или личные соображения мешают этому осуществиться.

В заключение приведем выдержки из письма, полученного нами из Аргентины:

«Один за другим выступали казаки с призывами к полному единению казаков, несмотря на различные убеждения относительно будущего устройства их жизни на родных землях после освобождения их от коммунистического гнета. Ведь всем понятно, что эти вопросы не могут быть разрешены в эмиграции, а потому и не должны быть причиной нашего разъединения. Дальнейшее же разъединение недопустимо, ибо оно грозит нам в эмиграции самоуничтожением, так как старшее поколение постепенно стареет и отходит в лучший мир, а молодое, при нашем разделении и распылении, воспитать заграницей в казачьем духе очень и очень трудно. Поэтому то и необходимо единение казаков, забыв всякие распри, в единую каз. семью, ради наших обычаев и традиций, ради нашей славной истории, ради сохранения казачества из поколения в поколение в любых условиях эмиграции. Созданный в Аргентине Общеказачий Союз должен явиться основной организацией, которая должна объединить всех казаков (кроме прокоммунистов), независимо от их различных убеждений. Пусть каждый казак останется при своем личном мнении — это не важно — важно единение. Только в единой каз. семье мы сможем в эмиграции сохранить свои обычаи и традиции, сохранить дух казачества, воспитать своих детей, как подобает казакам, жить казаками из поколения в поколение и наконец быть достойными потомками наших великих предков, со-

здавших нам нашу великую славу.

Казаки, начавшие объединение в Аргентине, верят в то, что их братья и сестры в других странах поддержат это нужное и доброе дело и также начнут объединяться в Общеказачие Союзы в интересах всего казачества».

Бог на помощь, казаки-аргентинцы... Добавим лишь одно, что создание Общеказачьих Союзов должно достигаться двойным путем: как объединением уже существующих каз. организаций, так и входом отдельных казаков в Союзы. Организации же могут быть разного характера: по Войскам, по профессиям, по местонахождению и т. д. и вхождение в Союзы не должно мешать или влиять на их внутреннюю жизнь.

НЕ СПИТСЯ МНЕ...

Не спится мне
В ночной тиши
В степи широкой,

И в глубине
Моей души
В тоске глубокой

Рождаются
О прежних днях
Воспоминанья...

Окончатся ль
В чужих краях
Мои скитанья?

И чудится
Донской волны
В ответ плесканье...

Да, сбудется!
Уж сочтены
Твои страданья,

Мой край родной,
Моя Цымла,
Моя станица!

В тиши ночной
Луна взошла,
А мне не спится...

Н. Альникин

«ДОНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ОПОЛЧЕНИЕ 1812 ГОДА»

Под таким названием в «Исторических записках» № 47 Академии Наук СССР Л. М. Францевым напечатан небольшой, но интересный труд. По его словам, «изучением донского ополчения не занимался никто» и что в его статье, «базирующейся главным образом на новых архивных материалах, автор поставил целью подробно обрисовать организацию Донского казачьего ополчения 1812 года и показать значение, которое придавал казачьим резервам М. И. Кутузов, подготовляя контр-наступление русских войск». «В его задачу не входит освещение участия сполченских полков в военных действиях против Наполеона, так как в Тарутине Донское ополчение было распылено, казаки-сполченцы получили направление в различные части и отряды Главной армии» и что «участие донского казачества в контр-наступлении Кутузова должно быть освещено в специальном исследовании, выходящем за рамки данной статьи».

По его сведениям, в октябре-декабре 1812 года при Главной армии состояло примерно 54 каз. полка численностью в 31 тыс. человек, несколько отдельных команд и батарей» и что «еще Михайловский-Данилевский указывает на трудность определения точного количества казаков в армии. В различных сводках 1812 г. чаще всего указывается или

примерное количество полков или просто говорится о действиях «донских казаков» без указания их численности. Можно лишь приблизительно высчитать, что перед наступлением к Малоярославцу у Кутузова было 54 Донских полка — 28 находившихся в его распоряжении ранее старослуживых казаков и 26 полков, прибывших с Дона в Тарутино, из коих 22 полка было ополченцев». «Казаки-ополченцы — старики и юноши — также храбро сражались за Родину, как и служивые казаки и как весь русский народ. К ним в полной мере могут быть отнесены слова благодарности гениального полководца М. И. Кутузова: «Почтение мое к Войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании 1812 года».

12 июня 1812 года Наполеоновские войска вторглись в пределы России. Наполеон расчитывал путем внезапного нападения в двухтрех победоносных сражениях принудить русскую армию к сдаче и продиктовать России мир. Однако уже с первых дней войны стало ясно, что надежде его на скорую победу не суждено осуществиться. В стране нарастал патриотический подъем. В местах, занятых врагом, крестьяне поднимались на патриотическую борьбу. Началась организация ополчений. Вместе со всем русским народом поднялись на защиту отечества Донские хутора и станицы, слободы и села.

«Большую часть жизни донцы проводили в походах, участвуя в многочисленных войнах царской России. Но эта война не была войной обычной, не в «Турецких пределах», не в «землях Шведских», не в «земле Итальянской», а на русских полях бились казаки, защищая свою Родину».

«Мужское казачье население Дона делилось на два основных разряда — казаков служилых и неслужилых. В разряд служилых казаки записывались с 19-летнего возраста. Два года после этого они оставались на Дону, исполняя внутреннюю службу. Прослужив 25 лет в полевой службе, казак зачислялся в службу внутреннюю (служба на границах области, годовые караулы по войску, служба полицейская и конвойная, отбывание почтовой повинности и т. д.). После 25 лет полевой службы и 5 лет службы внутренней казак получал отставку и переводился в разряд неслужилых. К неслужилым казакам относились также больные, неспособные к полевой службе казаки и все несовершеннолетние».

«Кутузов, подготовляя контр-наступление русских войск, обращал особое внимание на создание сильной конницы, необходимой как для ведения «малой войны», так и для повышения подвижности армии в ходе наступления. Одним из самых многочисленных кавалерийских подкреплений главных русских сил явилось казачье ополчение, прибывшее в Тарутинский лагерь в конце сентября-начале октября 1812 года».

«С приходом в Тарутино донских полков была окончательно решена задача усиления русской конницы, которая к моменту выхода из Тарутина значительно выросла и превысила численный состав кавалерии войск Наполеона. Кавалерия Кутузова сыграла решающую роль в преследовании противника в ходе контр-наступления».

Работы советских историков последних десяти лет отмечают большое значение, которое имело для Русской армии в 1812 г. многочисленное казачье ополчение». По свидетельству Л. Францева, «в первой четверти 19-го века Донская Войсковая Канцелярия три раза выносила решение об организации ополчения: в 1801 году по указу Павла I-го был предпринят известный Оренбургский поход донских казаков, в котором участвовало все Войско Донское, за исключением пограничных полков. Манифест 30 ноября 1806 года о создании внутреннего ополчения в России по случаю войны с Наполеоном не коснулся Дона. Но, несмотря на это, Войск. Канцелярия объявила, чтобы служилые и отставные казаки, урядники и офицеры были бы готовы выступить в составе всеобщего ополченя. Формирование полков прекратилось только с заключением Мирного договора.

Манифест 6 июля 1812 года о повсеместной организации ополчений в России в третий раз вызвал решение Войск. Канцелярии о поголовном ополчении донцов.

В Новочеркасске Манифест 6-го июля, с соответствующим указом Правительствующего Сената, был получен 20 июля. Вечером того же дня Войск. Канцелярия приняла решение «о составлении всеобщего воинского ополчения. Это решение было встречено на Дону с большим воодушевлением. В нем подробно определялся порядок формирования ополченских казачьих полков, их снаряжение, обмундирование и т. д. Войск. Канцелярия послала в сыскные начальства и станичные правления указы с требованием собрать всех годных к службе казаков, желающих итти в ополчение. Для снабжения ополченцев оружием предписывалось найти столяров и плотников, поручив им делать ратовья — древки пик, в кузницах готовить дротики.

Сыскные начальства и ст. правления обязывались еженедельно представлять донесения в Войск. Канцелярию о ходе организаици ополчения. Казаки и офицеры рабочих полков Ягодина 2-го и Гревцова 2-го были сняты с работ в Новочеркасске и распущены временно по домам для сборов к походу. Нужно отметить, что весной 1812 года в Войске Донском состояло всего 65 казачьих полков, две роты конной артиллерии и 30 команд — всего было 1.171 офицеров, 761 урядников и писарей и 37.080 казаков. Большая часть полков находилась при двух западных армиях, в Молдавской и на Кавказе, остальные были в Петербурге, Москве, Финляндии, Одессе и в Крыму. Лишь два полка оставались в Новочеркасске, где были заняты на строительных работах. Отставным и служилым казакам, находившимся на кардонах для поимки беглых, предлагалось готовиться к полевой службе, для чего они также были отправлены по домам. Ес. Каменщиков должен был осмотреть шесть орудий донской конной артиллерии и приготовить «потребное число для всего воинского ополчения пороха и свинца».

Донские помещики призывались к составлению ополчения из принадлежащих им крепостных крестьян. Дворянский съезд, собранный в Новочеркасске 26 июля, вынес решение: из состоящих за донскими помещиками (по 6-й ревизии) 76.853 крестьян собрать в ополчение от каждых 100 душ по 4 чел. в возрасте от 17 до 50 лет. Ратники в первую очередь должны были быть вооружены пиками, а также по возможности иметь сабли, пистолеты, ружья. Каждый крестьянин-ополченец получал от помещика провиант на 6 месяцев (на один месяц продуктами, а на остальные — деньгами); одеть их предлагалось по казацкому образцу, куртку и шаровары сшить из серого сукна. Для приема ополченцев и их сопровождения до сборных мест назначались офицеры. Войсковой Канцелярией. Общее командование донским крестьянским ополчением поручалось полковнику Степану Грекову. Решение Канцелярии от 20 июля 1812 г., а также последующие ее заседания, происходившие ежедневно утром и вечером, свидетельствуют об энергичных мерах, принимавшихся для скорейшего формирования и отправки в армию полков донского ополчения.

А тем временем на Дон уже скакал гонец с новым царским манифестом от 18 июля 1812 года, ограничивающим число губерний, обязанных выставить ополчения. По нему Область Войска Донского исключалась из числа губерний, формирующих ополчения.

Крестьянское ополчение поэтому было распущено по домам. Донские крестьяне участвовали в войне 1812 года лишь в качестве солдат регулярной армии. Что касается казачьего ополчения, то вопреки указанию манифеста Наказный Атаман ген. майор Денисов 6-й и Войск. Канцелярия решили продолжать сбор казачьих ополченских полков, о чем ген. Денисов 6-й донес рапортом императору Александру I в августе 1812 года и копию его направил Войсковому Атаману Платову.

Это решение встретило полное одобрение донских казаков, стремившихся принять активное участие в борьбе с Наполеоном. В первых числах августа в Новочеркасске из-под Смоленска, из деревни Шеломце, было получено предписание Войскового Атамана Платова Наказному атаману Денисову от 26 июля за № 1016 (подлинник которого ныне хранится в Ростовском Област. Госуд. Архиве), в котором приказывалось немедленно объявить наряд всем служилым офицерам, урядникам и казакам, находящимся по каким-либо причинам на Дону (льготным, отпускным и др.). Формируемые команды, от 300 до 500 чел., предписывалось направлять к Смоленску в распоряжение Платова. Одновременно он предлагал обратиться с воззванием к отставным казакам и чиновникам быть готовыми к походу. В заключение атаман писал, что «война сия не есть продолжительна и зависит от общего единодушного ополчения против нашествия врага, по одолении которого возвратятся все со славою в дома свои». Распоряжение Платова явилось дополнительным руководством для Войскового начальства.

Рукводство формированием, снаряжением и отправкой в армию каз. полков было сосредоточено в воинской экспедиции Войск. Канцелярии. В округах этим занимались сыскные начальства, в помощь которым были назначены специальные лица из высшего донского офицерства, так называемые окружные начальники и их помощники.

Тем временем Наполеон подходил к Москве. Необходимость быстрой организации дополнительных военных сил была очевидна для всех и особенно для Кутузова, в августе 1812 г. назначенного главнокомандующим, который и сам непосредственно торопил формирование донских ополченских полков.

Полки формировались по округам, на которые делилась Область Войска Донского. Каждому округу было предложено выставить

определенное количество полков. Казаки собирались по станицам, а затем ехали на сборные пункты, где записывались в полки. Полковые командиры назначались из числа отставных и служилых офицеров, временно находившихся на Дону. Согласно рапорта Наказного атамана Киреева Платову от 10 февраля, на территории Войска Донского числилось 6.713 служилых казаков. Из них 1.530 чел. значилось в отпуску. 3.080 имели льготу, около 2.000 указывались в ведомостях малолетними, которые приняли присягу, но еще не были зачислены на полевую службу, и 153 казака были недавно зачислены в казачье сословие. Служилые казаки составляли полный комплект полков: Попова 13-го, Кутейникова 2-го, Ягодина 2-го и Гревцова 2-го. Собственно ополченские полки формировались преимущественно из отставных казаков и малолетков — 17-20 лет; служилых казаков и офицеров в этих полках было немного. Зачислялись казаки и офицеры не старше 55 и не моложе 17 лет. Однако были и исключения. Например, в полку Адриянова 3-го числился ес. Т. С. Широков 60 лет, а в полку Андриянова 1-го хор. Н' Т. Малахов 16 лет. Одновременно с полками комплектовалась полурота конной артиллерии, куда назначались бывшие артиллеристы, уволенные по разным причинам, а также заявившие на то желание молодые способные казаки. Запись в полки происходила в обстановке большого патриотического подъема.

Войсковая Канцелярия предписывала сыскным начальствам заносить в списки полков лиц, занимающих различные должности в начальствах и станичных правлениях, заменяя их людьми старыми и слабыми. Кроме того, были посланы специальные чиновники, «в низовые места и на рыбные ловли, до морских гирл и по над морем до города Мариуполя», с приказом «всем, в промысле находящимся, чиновникам и казакам возвращаться в станицы и готовиться к походу». Хоперское начальство разослало указ о возвращении в станицы казачьих команд, находившихся у присмотра войсковых лесов, для снаряжения их в ополчение. Вместо них предлагалось поставить неспособных к службе объездчиков. Ввиду недостатка офицеров для формируемых полков две комиссии воинского суда были слиты в одну, а освободившиеся штаб-офицеры и урядники поступили в полки. Казакам, служившим на почтах, также было предложено готовиться к походу, хотя временно они оставались на своих местах. На их место предназначались совсем старики. В ополчение вступили также 13 учащихся и 6 учителей донских училищ.

Можно привести немало примеров, свидетельствующих о патриотизме донских казаков. Казак Степан Чурилов прослужил 30 лет и участвовал во многих кампаниях, в том числе в Итальянском походе Суворова. Находясь в отставке, Чурилов жил в одной из станиц 2-го Донского округа. Когда же было объявлено поголовное ополчение Донского Войска, он, «будучи уже неспособным за старостью лет, из единственного усердия к службе вышел в оном (т. е. в ополчении), и служил в продолжении кампании с неустрашимостью, как свидетельствует о том полковой командир его полковник Слюсарев 1-ый». Отставной есаул Федор Гладков, явившись в Хоперское сыскное начальство, заявил: «хотя я и отслужил мою службу, хотя мог бы жить дома, но не вытерпело сердце угроз вражеских, хочу и я на старости лет быть с нашими братьями воинами; не милы ни жена, ни дети, пока злодей в земле нашей». Не дожидаясь выступления ополченских полков, Гладков с сыном и племянником уехали в армию, где были зачислены в полк Андриянова 2-го.

, Вместе со стариками в ополчение шли юноши, не достигшие призывного возраста. 15-летний Н. Кузьминов обратился к ген. майору Иловайскому 3-му с просьбой зачислить его в ополчение. Просьба была удовлетворена. Кузьминову выдали лошадь и оружие, которых он по бедности не имел. Молодой казак Луганской станицы Иван Попов просил досрочно привести его к присяге и «по усердному своему желанию командировать его с прочими казаками на службу». Он был зачислен в ополченский Сулина 9-го полк. Трудно было собраться в ополчение бедному казаку: каждый, отправляясь в поход, должен был иметь две лошади и полное вооружение, а у многих не было лошадей и не хватало оружия. Первое донское сыскное начальство доносило, что в станице Раздорской «некоторые казаки не могут по бедности приготовить себя ко всеобщему ополчению». Черкасское начальство сообщало о наличии 80 неимущих казаков в ближайших к Новочеркасску станицах, которые «к общему ополчению неспособны». Ассесоры Войсковой Канцелярии Сидоров и Машлыкин, проверяя готовность рабочих полков к походу, сообщили, что 43 казака собраться в ополчение не могут, ввиду их «беднейшего состояния». Наказный Атаман Денисов 6-й сообщал, что «по всеобщему ополчению Войска Дон-

ского есть много неимущих казаков», не имеющих средств на прибретение лошадей, оружия и седел. О значительном количестве казаков, не имевших по бедности лошадей, свидетельствует и отношение Канцелярии к Платову 12 августа 1812 года.

Войсковая Канцелярия принимала меры к обеспечению неимущих казаков оружием и лошадьми. Прежде всего им были розданы заготовленные в 1806 году дротики (1.100 штук), имевшим лишнее оружие предлагалось временно уступить его неимущим. Для снаряжения бедных казаков Черкасского округа Войсковая Канцелярия выделила 4 тыс. рублей. Командирам полков Сулину 9-му и Кутейникову 6-му были отпущены специальные средства на покупку лошадей и седел для «неимущих» казаков. Кроме того, на приобретение оружия бедным казакам Канцелярия отпустила 10 тыс. рублей из денег, пожертвованных торговцами Новочеркасска и станиц Старочеркасской и Аксайской.

234 торговых казака внесли «на исправление неимущих казаков, вышедших в общем ополчении на защиту отечества», 93.600 рублей. Донские дворяне, согласно рапорта Денисова 6-го Платову от 5 августа 1812 г., для безлошадных казаков пожертвовали 1.500 лошадей. Наконец, согласно рапорта этого же Денисова на имя министра юстиции по комитету внутреннего ополчения, 32 казака и чиновника пожертвовали на ополчение 3.025 руб. деньгами, лошадей и различное оружие. Казак Старочеркасской станицы Иван Журкин отдал нуждающимся одностаничникам 4-х лошадей и набор боевого оружия. Но наплыв добровольцев был так велик, что несмотря на пожертвования и денежные суммы, отпускавшиеся канцелярией, не все желающие смогли поступить в ополчение за неимением оружия и лошадей. Так, 80 казаков «по неимению чем исправиться в поход на общее войнское ополчение» были оставлены в Новочеркасске для присмотра за строительными материалами и для «других надобностей».

Еще 20 августа 1812 года Наказный Атаман Денисов получил из Москвы предписание М. И. Платова о выступлении казачьих полков с Дона к Москве. Атаман предписывал полкам итти «форсированно, без роздыхов, делая переходы не меньше 60 верст в сутки». Далее он писал, чтобы 17 и 18-летних «выростков» в поход не отправлять, «ибо они по молодости лет своих будут составлять один только счет, а при том надобно, чтобы они оставались в домах, сколько для отбытия по внутренности Войска повинности, столько и для надзора за имуществом». Таким образом, «малолетки», не принявшие еще присяги, в большинстве случаев были исключены из списков ополченцев. В конце сентября из них были составлены запасные полки, которые в 1813-1814 г.г. сменили расформированные ополченские и возвратившиеся на отдых служилые полки. Некоторые сыскные начальства, непосредственно отвечавшие за формирование полков, отнеслись недостаточно усердно к своим обязанностям (Усть-Медведицкое и Хоперское), в силу чего отдельные полки вышли в поход с запозданием, о чем Денисов 6-й доносил Платову 8 сентября 1812 г.

К началу сентября формирование полков закончилось. Всего было составлено 22 ополч. полка: ген. майоров Иловайского 3-го, Грекова 1-го, Грекова 3-го, полковников Слюсарева 1-го, Иловайского 9-го, Чернозубова 5-го, Чернозубова 4-го, Грекова 5-го, Андриянова 1-го, Попова 3-го, Белогородцева, Кошкина, войск. старшин Шамшева, Траилина, Голицына, Данилова, Грекова 17-го, Сучилина, Ребрикова 3-го, Андриянова 3-го, подполк. Сулина 9-го, майора Ежова 2-го.

Кроме ополч. полков было составлено 4 полка из служилых казаков: Попова 13-го, Кутейникова 6-го, Ягодина 2-го и Гревцова 2-го. А несколько раньше, в конце августа, по предписанию Платова из служилых казаков были сформированы и отправлены в Армию две команды.

В каждом ополченском полку числилось 16 офицеров, не считая командира полка, 10 урядников и 551 казак. Исключение составлял полк. Иловайского 3-го, в котором числилось 17 офицеров, 562 казака и урядника. Командиры полков в большинстве своем были боевые, заслуженные офицеры. Некоторые из них служили под начальством Суворова и отличились в сражениях при Фокшанах и Рымнике, при штурме Очакова и Измаила. Старшими начальниками в ополчении были назначены ген. майоры Иловайский 3-й, Греков 1-й и Греков 3-й, а Походным атаманом ген. майор Иловайский 3-й. Вероятно в силу этого ополченские казачьи полки вошли в историю под именем «Иловайские» и в 1914 году была издана небольшая книжка под заглавием «Иловайские и донские казаки». 11 сентября 1812 года с Дона двинулись в поход первые полки казачьего ополчения. Выступив из различных сборных пунктов в разное время, они все шли по единому маршруту через Тулу к Москве, а за-

тем дальше, на соединение с Главной армией Кутузова. 11-12 сентября с речки Грушевки выступила бригада Иловайского 3-го (полки Иловайского 3-го, Кошкина и Грекова 17-го) 13 и 14 сентября. С речки Быстрой — полки Слюсарева 1-го, Иловайского 9-го, Шамшева и Траилина. 12 сент. из Ольхового Рога вышли полки Грекова 3-го и Белогорцева. 17 и 18 сент. из Казанской станицы — бригада Чернозубова (полков Чернозубова, Грекова 5-го, Сулина 9-го, Шумкова и Данилова). 16 сент. из Котовской станицы тронулось ополчение Усть-Медведицкого округа под начальством Грекова 1-го (полки Грекова 1-го, Попова 3-го, Андриянова 1-го, Ребрикова и Андриянова 3-го). Из Михайловской станицы — полки Чернозубова 5-го, Ежова 2-го и Сучилина. Вместе с ополчением шли рабочие полки и полурота артиллерии под командой Войск. старш. Грекова 22-го. Еще до ополчения, 9 сент., из Казанской станицы выступили служилые полки Кутейникова 6-го и Попова 13-го. С полком Кутейникова 6-го шла команда из 114 казаков с двумя офицерами и двумя урядниками. Кутейников 6-й получил приказ итти к Туле, а Попов 13-й к Воронежу. 18 сент. Денисов из стан. Урюпинской доносил Кутузову, что все 26 полков и 3 команды выступили с Дона к Главной армии. Всего 15.465 казаков, урядников и офицеров, из них 22 полка ополченских, т. е. добровольческих, с общим количеством 12.695 человек.

Из 12.695 чел. донского ополчения, казаков-добровольцев насчитывалось примерно 8.752 чел. Остальные были из служилых казаков 3.943 чел. В среднем на один ополченский полк приходилось 179 служилых и 398 не служилых казаков и офицеров. Таким образом, ополченские полки имели смешанный состав, с преобладанием отставных казаков.

Проводив мужей, братьев и отцов, казачки приняли на себя все хозяйственные заботы. В приказе по Войску в октябре 1816 года Платов писал: «При такой буре всеобщего волнения и бедствия, постигших отечество наше, край Донской оставался почти совсем безлюдным. Последнее достояние, дома и малолетки воинов донских вверены были отцами семейств попечением жен, единственных помощниц в семейной жизни. Они сохранили дома и имущество. Они вскормили в отсутствие их оставленных младенцев, кои будут полезны также Отечеству, как и отцы их».

Область Войска Донского, как и другие губернии, участвовала в сборе пожертвований для армии и жителей мест, разоренных вражеским нашествием. В сводке «Главных пожертвований на государственные нужды, сделанных... по 15 число августа 1812 г. Дон. Область упоминается среди губерний, давших 16 тысяч волов на продовольствие войск и на подъем «воинских тяжестей». В начале октября 1812 года Денисов 6-й доносил, что казаки и чиновники 2-го Донского округа пожертвовали на продовольствие армии 260 голов рогатого скота. 2 ноября он сообщил, что донские жители собрали еще 2.140 быков и яловых коров.

Таким образом, Войско в какой-то степени и продовольствовало свои ополченские полки. Однако Наказный Атаман Денисов в частном письме писал, что в то время как население Дона охотно сдавало скот на продовольствие армии, некоторые сыскные начальства и станичные атаманы относились равнодушно к этому важному делу. Если бы этого не было, то Дон мог дать продовольствия значительно больше.

В течение 1813-1814 г.г. на Дону было собрано в помощь разоренному войной населению 5.076 руб. ассигнациями, 32 руб. серебром и 11 серебряных вещей, не считая около 10 тыс. руб., отданных для этой цели еще в конце 1812 года в Синод (23 апреля 1815 г. доносил об этом Наказный Атаман Иловайский 5-й Вязьмитинову).

К январю 1819 года сумма пожертвований, не считая переданных в Синод, достигла 13.069 руб. ассигнациями и 117 руб. серебром.

В то время, как полки казачьего ополчения шли с Дона к главным русским силам, Кутузов успешно завершал свой замечательный фланговый марш-маневр с Рязанской дороги на старую Калужскую и 21 сентября 1812 г. остановился лагерем при селе Тарутине.

План Кутузова заключался в том, чтобы, хорошо подготовившись, перейти в контрнаступление и закончить войну разгромом Наполеона. Важнейшей проблемой для этого была подготовка стратегических резервов. Не имея их вообще и кавалерийских в частности, нельзя было надеяться на успешное наступление и преследование противника.

Готовя резервы, М. И. Кутузов особое значение придавал усилению казачьей конницы, которая в начале XIX в. составляла около 50 проц. всей русской кавалерии — до 42 тыс. человек.

Казачьи войска, ввиду их особой подвижности, маневренности и гибкости, были незаменимы, особенно в преследовании врага, в

нападении на его тылы и фланги. Формирование обычных кавалерийских резервов затруднялось дороговизной, а иногда и полным отсутствием лошадей. Казаки же имели большое преимущество, поскольку у каждого из них была строевая лошадь и вьючная, а о вооружении казаков не надо было заботиться, так как они снаряжались и вооружались на свой счет. Участники Отечественной войны подчеркивали высокие боевые качества казачьей конницы, которые подробно отмечены в записках Дениса Давыдова. Весной 1812 года атаман Платов в записке АлександруI-му писал: «из опытов известно, сколь нужны и полезны для действий во время войны полки казачьи, и чем достаточнее будет число их в армии, тем более можно ожидать полезных успехов».

М. И. Кутузов, подобно Суворову, учитывал особенности казачьих войск и умел использовать их с наибольшей эффективностью. Считая необходимым усиление казачьей конницы, он через Атамана Войска Донского М. И. Платова торопил с формированием донского ополчения Документы сентября-начала октября 1812 года подтверждают, что Кутузов, Платов, начальники армейских партизанских отрядов и вся армия ждали прибытия свежих донских полков. Ожидание их с Дона с особой яркостью в своих статьях подчеркивает П. Рюдзинский: «Кутузов в Тарутинском лагере (»Истор. Журн.» № 9, 1945 г.) и «Кутузов и Русская армия 1812 г.» («Труды Гос. Ист. Музея». 1942, Вып. XX). 11 сент. Кутузов писал Александру I: «Главная работа, которой теперь занимаемся, есть укомплектование войск». Перечисляя далее ожидаемые к армии пополнения, он писал: «эти прибывающие лошади и конница весьма мне во время, ибо многие части кавалерии от беспрестанных действий весьма ослабли, так что из 4-х эскадронов едва составиться могут два, как то 2-й и 3-й кавалерийские корпуса». Теперь же «для действия в тылу неприятеля кавалерия весьма нужна. Атаман Платов уверял меня, что много у него казаков в скором времени прибыть должны к армии; из коих голову полагает уже в Воронеже».

В это время донское ополчение, форсированным маршем, шло к армии, делая по 60 верст в сутки. Такая скорость для кавалерии была исключительной. Полки, по старинному казачьему обычаю, шли не в колоннах, а свободно, бригадами, которыми они вышли со сборных пунктов. Перед выступлением в поход Денисов 6-й дал специальные указания командирам полков, «чтобы лошади не были доведены не только до какого-либо малейшего изнурения, а состояли бы в совершенной сытости и исправности к делу противу неприятеля... Всемерно заботиться, чтобы казаки во время похода приучаемы были правилам казачьей службы, то есть чтобы ловко сидели на лошадях, умели бы ими и дротиками управлять с быстротою, свойственной казакам, так чтобы все чины доведены были до такой степени совершенства, дабы при первом действии с неприятелем могли быть такими казаками, которые много уже лет находились на походной службе и сражались многократно с неприятелем».

Для обеспечения лошадей подножным кормом казаки растянулись по обеим сторонам дороги, идя сотнями на известном расстоянии друг от друга. В пути молодые казаки получали необходимые практические знания казачьей службы: как итти по звездам, как определять близость неприятеля, вести разведку и т. д. Встречавшиеся села, реки, леса, пригорки использовались опытными казаками, как средство развития тактических навыков у молодежи. Таким образом, еще в пути каждый полк проходил боевую подготовку, все казаки хорошо знали свои обязанности, а лошади были отлично выезжены.

Полки шли на Тулу через Услон, Елец, Лебедяно, Богородицк. По распоряжению Кутузова, навстречу были посланы офицеры с маршрутом дальнейшего следования. Потребность в помощи дон. полков была так велика, что некоторым из них в пути было предписано, не доходя Тарутинского лагеря, идти к месту расположения той части, в которую они были назначены заранее. Для этого Кутузов получал характеристику полков от Платова, Платов же давал ее, зная, из каких станиц составлены полки и кто ими командует. Так, навстречу служилому полку Попова 13-го, шедшему из Воронежа, 21 сентября был отправлен корнет Мариупольского полка Гацкович с распоряжением Кутузова «идти через Тулу к Можайской дороге на усиление партизанского отряда подполк. Давыдова». Ополченские полки Андриянова 1-го и Андриянова 3-го, следуя к Туле, в 14 переходов дошли до Калуги. Из Калуги 2 октября они были направлены к Брянску в распоряжение начальника Калужского ополчения Шепелева. Полк Гревцова получил назначение в партию Сеславина. Однако, в Журнале Исходящих бумаг Штаба Главнокомандующего всеми армиями от 30 сентября записано, что в распоряжение Сеславина поступил не весь полк Гревцова, а лишь по-

ловина его. Вторая половина видимо была придана другой партии . Остальные донские полки, подходя к Туле, получали распоряжение идти к Тарутину.

В конце сент., примерно с 24 по 29-ое, в Тарутинский лагерь прибыли служилые полки Кутейникова 6-го Ягодина 2-го.

1 октбря Кутузов доносил Александру I-му, что казачьи полки, «бывшие в ожидании с Дона, стали ныне прибывать к армии, теперь оных пришло уже пять, и сегодня ожидается еще три, таким образом, 4 октября будет здесь новых донских 24 полка. Такое знатное усиление нерегулярными войсками дает повод к тому, чтобы неприятелю умножить оными беспокойство и вред. До сих пор находятся уже несколько партизанов в действии, и вчера артиллерии капитан Фигнер, отличившийся своей предприимчивостью, был между неприятельским авангардом и главною армией, тревожа их, и взял пленных. С прибытием же донских полков намерен я составить десять таковых отрядов, поручив оные отличнейшим армейским, штаб-офицерским и донским полковникам». В период с 29 сентября по 5 октября к Тарутину подошли ополченские полки Чернозубова 4-го, Ежова 2-го и Сучилина.

Прибывшие к 6 октября в Тарутинский лагерь донские полки были назначены в авангард армии: Ягодина 2-го и Кутейникова — на левый фланг; Чернозубова 4-го и Ежова 2-го — на правый фланг; Сучилина — в центр авангарда. Вечером 5 октября подошел с тремя ополченскими полками ген. Греков 1-й, ожидавшийся лишь 6-го октября.

6-го октября 1812 г. в атаке казаками Орлова-Денисова правого фланга Мюрата участвовали и прибывшие с Дона казаки-ополченцы полков Чернозубова 4-го и Ежова 2-го. Чернозубов «с полком имени своего во время атаки на многочисленного неприятеля мужественно напал на его колонны, врубаясь в ряды, расстроил совершенно и при том поражении гнал его до новых подкреплений, под выстрелами коих построил полк, и, не взирая на многочисленность оного неприятеля и сильное действие их орудий, отчаянно атаковал его и при упорном сопротивлении принудил спасаться бегством, и завладел притом орудием». Также храбро действовали казаки и офицеры полка Ежова 2-го. В архивах имеется «список казачьим полковым командирам, отличившимся в сражении, бывшем 6-го октября против французских войск».

В «Журнале Военных действий» 7 октября 1812 г. записано «Сего числа должны присоединиться к армии остальные ожидаемые с Дона казачьи полки, кои прежде с вновь прибывшими составляют 24 полка. Казаки и лошади сего отличного войска, несмотря на форсированные деланные ими марши, находятся в самом лучшем состоянии и нетерпеливо желают сразиться с неприятелем». Согласно рапорта Платова Александру I от 18 октября 1812 г., «с 6-го по 10 октября подошли ополченские полки: Иловайского 3-го, Кошкина, Грекова 17-го, Слюсарева, Иловайского 9-го, Шамшева, Траилина, Грекова 3-го, Чернозубова 5-го, Грекова 5-го, Сулина 9-го, Голицына, Данилова, Попова 3-го, Ребрикова 3-го, Белогорцева». К 11 октября из 26 выступивших с Дона полков в Тарутинский лагерь собралось 22 полка, из которых 20 были ополченскими и 2 служилыми. Три полка, как уже указывалось, были еще с пути направлены в действующую армию, а казаки полка Гревцова, получившие назначение в партию Сеславина, еще 30 сентября покинули Тарутинский лагерь. Необходимо подчеркнуть, что полки шли отдельно и прибывали к армии один за другим, а не все сразу. Большая часть их пришла в Тарутино после сражения 6 октября, так что в так называемом Тарутинском сражении участвовало пишь пять пришедших с Дона полков. О большом значении, которое имело для армии прибывшее казачье ополчение, свидетельствуют отзывы многих участников войны 1812 г. В частности, Денис Давыдв, в своих записках, говоря, что французы были в Москве не 20, а 34 дня, пишет: «замечание сие весьма важно, ибо сии 14 дней суть главнейшие союзники превосходства Тарутинского пункта, имевшего столь непосредственное влияние на судьбу неприятельской армии. И подлинно, выступи армия сия 14 дней прежде, то ни один замысел фельдмаршала не достиг бы до полной зрелости. Армия наша не успела бы усилиться частью войск, формированных князем Лобановым, в лагере учение рекрут и поступивших в линейные полки ратников не пришло бы к окончанию, с Дону не успели бы прибыть 24 полка казаков истинно легкой конницы, причинившей столь много вреда неприятелю во время его отступления». В письме к Платову, в связи с награждением Атамана графским титулом, Кутузов писал: «Ежели бы подвиги ваши, начав с 6 октября по сейчас, и не были так блистательны, тогда скорое прибытие с Дону 26 полков, которые в разбитии неприятеля столь участие имели, достойно сделать признательным»... В Тару-

тине донское ополчение было распылено: большинство полков, по распоряжению Кутузова, поступило в корпус атамана Платова, а остальные были направлены на усиление партизанских отрядов Главной армии и Калужского ополчения.

Казачий корпус М. И. Платова был сформирован в первых числах октября 1812 г. Еще 24 сентября в приказе по армии Кутузов предписывал Платову «Собрать поспешно рассеянных разными случаями своих команд казаков, кроме находящихся в отрядах по повелениям, и приготовить их к действиям, кои будут ему предназначены; всем же казачьим полкам, при армии состоящим, предписывается обо всем по службе представлять и обо всем рапортовать ежедневно господину Платову так, как рапортуют они теперь своим частным начальникам».

В первой половине октября под начальством Платова было сосредоточено 17 казачьих полков—около 10 тысяч человек. Позднее в ходе контр-наступления, Кутузов подчинил Платову большинство каз. частей Главной армии. Такая концентрация казачьей конницы была необходима, так как Кутузов расчитывал использовать корпус Платова в качестве важнейшей силы контр-наступления. Ко времени выступления армии из Тарутина была решена основная задача — достижение численного превосходства над Наполеоновской армией. Продовольствие и боевые припасы были заготовлены в достаточном количестве; войска отдохнули и были полны решимости продолжать борьбу; ширилась партизанская борьба, в которой действовали совместно крестьянские и армейские партизанские отряды. Количественный рост Армии и повышение ее боеспособности явились важнейшим условием, обеспечивающим успешность контр-наступления, начавшегося сражением при Малоярославце.

Перед выступлением Главной армии из Тарутинского лагеря Кутузов предписал Платову идти с казачьим корпусом на Боровскую дорогу к Малоярославцу и предупредить обход города неприятелем. От Малоярославца Платову предписывалось направить отряд к Боровску. «Силы движением — писал Кутузов — прикройте вы первоначально Калужскую или Боровскую дорогу, по коей неприятель в силах показался, на которую и вся армия наша сделает движение». Поред Платовым была поставлена задача — нападать на фланги и тылы французских войск, преследовать их по пятам, не давая покоя ни днем, ни ночью, вести постоянное наблюдение за движением неприятеля, а также поддерживать связь между отдельными частями Главной армии. Полки дон. сполчения в дальнейшем участвовали в наступлении Кутузова: в армейских партизанских отрядах было 6 полков, в корпусе Платова — 4 полка. Участвовали они и в кампании 1813-1814 г.г. и возвратились домой лишь в 1815 году.

Донское ополчение, являясь чисто казачьим, во многом выгодно отличалось от крестьянских ополчений 1812 г. Казаки сполченцы были всегда «конны и оружны», тогда как ратники — крестьяне вынуждены были идти на войну чаще всего пешими, плохо вооруженными. Казаки были опытными воинами, умели хорошо владеть оружием и действовать в конном строю. Эти особенности и были учтены М. И. Кутузовым. Кутузов хорошо понимал незаменимость казаков в партизанских отрядах, в разведке, дозоре, в преследовании отступающего противника. Поэтому каждый из командиров ополченских полков получил особое задание.

Наконец, если губернские ополчения резко отличались от регулярных войск, то донские ополченские полки, несмотря на особенности в их формировании и снаряжении, ничем не отличались от «служилых» донских полков и участвовали в войне 1812 г. наравне со служилыми полками, входя без всяких ограничений в состав казачьей конницы».

Для труда «Донское казачье ополчение 1812 г.» Л. М. Францевым в первую очередь использованы подлинные документы, относящиеся к Донскому ополчению и хранящиеся в архивах Ц.Г.В.И.А.; П.С.З.; большинство в Ростовском Областн. Гос. Архиве; Ц.Г.И.А.Л. и В.У.А., а также и литература, изданная до революции 1917 г.: И. Попов «Материалы к истории Дона», Новочеркасск 1900 г.; К. В. Марков «Сборник Области Войска Донского Статистического комитета» Нвч. 1915 г.; В. Пузанов «Казаки в войне 1812 г.», журнал «1812 г.»; статья М. Жирнова в № 60 «Донские областные ведомости» за 1912 г.; сборник «Иловайские и Донские казаки» СПБ 1914 г. «Памятная книжка области войска Донского на 1812 г.» Нвч. 1912 г.; М. Богданович — «История отечественной войны 1812 г.» том I-й, 2-й и 3-й СПБ 1859 год; И. Краснов «О донской казачьей службе» — «Военный сборник» за 1875 год; Н. Смирный — «Жизнь и подвиги графа М.

И. Платова», Москва, 1821 г.; а также труды, написанные уже после революции 1917 г.: статья П. Г. Рындзюнского «Кутузов и русская армия в 1812 г.» в трудах Гос. Ист. музея, вып. XX за 1948 год; его же статья в «Историческом журнале» № 3 за 1945 г. — «Кутузов в Тарутинском лагере»; П. А. Жилин «Контр-наступление Кутузова в 1812 г.» — Москва 1950 г.; П. Бабеньшев — «Донские казаки в войне 1812 г.» Ростов н/Д. — 1940 г.; Н. Копылов «Народное ополчение 1812 г.», Журнал «Военная мысль» № 8 за 1941 г.; В. Ф. Ливчак «Принципы комплектования и правовое положение ратника в народном ополчении 1812 г.» в издании «Ученые записки Сверд. Юрид. Института» т. II — 1947 г., его же «Диссертация об организации и формах народного ополчения 1812 г.»; А. Негин-Попов «Матвей Платов» — «Военно-исторический журнал» № 2 за 1943 г.; Денис Давыдов «Военные записки» Москва 1940 г.; сборник документов и материалов «Фельдмаршал Кутузов», Москва 1947 г.; «Отечественная война 1812 г.» Материалы В.Ц.А. том XVIII; В. Пузанов «Донское казачество в Отечественной войне 1812 г.» и другие.

Труд Л. М. Францева явился как бы исправлением и дополнением к трудам Бабеньшева, Копылова, Ливчака, Рындзюнского, Жилина и других сов. историков, которые, по его мнению, «слабо» аргументировали свои труды или данная ими аргументация «обычно не выходит за пределы уже известных фактов», хотя они и «отмечают большое значение, которое имело для русской армии это многочисленное Донское ополчение». А Негину-Попову он ставит в упрек, что якобы «автор» (Негин-Попов А. П.) невольно повторяет тенденцию дворянской историографии, превращавшей Платова в инициатора донского ополчения, который действовал якобы независимо от М. И. Кутузова» и что из труда Негина-Попова «создается впечатление, что лишь во второй половине августа из приказа своего атамана донцы узнали о нашествии Наполеона, что именно Платов призвал казаков ополчиться против врага», а что «В действительности еще в начале августа донское казачество было в курсе событий, составляло полки и готовилось к походу».

Париж. **А. Падалкин**

НОВЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ГЕН. МАМОНТОВЕ

До сих пор мы не имели вполне достоверных сведений о первых годах службы ген. Мамонтова, хотя то, что удалось восстановить со слов знавших его лиц, в общем соответствовало действительности. А именно: что ген. Мамонтов окончил Николаевское кав. училище; служил в одном из гвардейских конных полков, откуда был переведен в армейскую кавалерию; участвовал в войне 1904-1905 гг. с Японией в одной из частей Забайкальского каз. Войска; был переведен в Донское Войско и служил в 3-м Донском каз. Ермака Тимофеева полку, а затем в 1-м Донском Генералиссимуса Князя Суворова полку.

Теперь, благодаря содействию некоторых членов Обще-Кадетского Объединения в Париже и любезности хранителя архива А. А. Скрябина, нам удалось получить выписку, с сохранением орфографии, из архива Л. Гв. Конно-Гренадерского полка, в котором Мамонтов начал службу. Сведения, указанные в ней, я и привожу ниже:

МАМОНТОВ Константин Константинович. Родился 16-го октября 1869 г.

Окончил Николаевский кадетский корпус (1888 г.).

1890 г. Из взводных портупей-юнкеров Николаевского Кавал. Училища произведен в корнеты Л. Гв. в Конно-Гренадерский полк.

1893 г. 11-го июня переведен в 11-й Драгунский Харьковский полк со старшинством с 10-го августа 1889 г. поручиком.

1896 г. Шт.-Ротмистр.

1898 г. 30-го июня зачислен в запас Армейской кавалерии (по Летичевскому уезду).

1899 г. 10-го августа зачислен в комплект Донских каз. полков.
1901 г. 1-го октября — Есаул.
1904 г. 8-го июня переведен по добровольному желанию в 1-й Читинский кон. полк Забайкальского каз. Войска. Участвовал в войне 1904-1905 г.г. Награжден орденами: Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Станислава 2-й ст. с мечами.
1908 г. 26-го февраля — Войсковой Старшина (список полковникам по старшинству по 1-е сент. 1909 г. стр. 1599).

Эти сведения, записанные очевидно еще в мирное время, на основании подлинных документов, можно считать абсолютно верными.

Более поздние дополнения о дальнейшей службе ген. Мамонтова, сделанные Конно-Гренадерами уже в эмиграции, к сожалению, грешат пропусками и неточностями и поэтому я их приводить не буду.

Из указанного выше обращает на себя внимание, что в Гвардии Мамонтов служил всего три года, а в Донском Войске начал службу значительно раньше, чем до сих пор предполагали.

***

О дальнейшей службе ген. Мамонтова мы имеем если не совсем полные, то вполне достоверные свеедния, за исключением некоторых дат, которые возьмем в ковычки:

(1906) г. 3-й Донск. каз. Ермака Тимофеева полк. Командир сотни. (Г. Вильно).
1908 г. 1-й Донск. каз. Генералиссимуса Князя Суворова полк. (Москва). Помощник ком-ра полка по стр. части.
1914 г. Командир 19-го Донск. каз. полка, с которым выступил на войну.
(1915) г. Полковник. Ком-р 6-го Донск. каз. ген. Краснощекова полка.
1917 г. Командир бригады 6-й Донск. каз. дивизии ген. Пономарева, в составе которой вернулся на Дон в ст. Н.-Чирскую.
1918 г. Начальник сформированного им партизанского отряда, с которым выступил в Новочеркасск в конце января. 11-го февраля назначен Командующим войсками Северн. Фронта. 12-го февраля выступил в Степной Поход. 22-го февраля, обеспечивая движение главных сил на Великокняжескую и командуя несколькими партизанскими отрядами, разбивает большевиков у х.х. Соленый, Шара-Булук и ст. Платовской. 26-го февр. присоединяется к главным силам в ст. Великокняжеской. 13-го марта отряд Мамонтова ведет бой с большевиками у зимовника Я. А. Королькова, а 16-го марта у з. Трудникова. 4-го апреля полк. Мамонтов со своим отрядом, конным отрядом полк. Каргальского и офицерским отрядом В. Ст. Гнилорыбова выступил из ст. Н.-Курмоярской в ст. Н.-Чирскую на помощь восставшим казакам 2-го Донск. Округа. Ген.-майор и Ком-щий войсками на Царицынском направлении.
1919 г. Генерал-лейтенант. Награжден знаком отличия Степного Похода «Степным Крестом». В июле назначен Командиром 4-го Донск. кон. корпуса, с которым, прорвав фронт противника у Еланского Колена, совершил свой исторический рейд для расстройства управления и тыла противника по маршруту: Тамбов - Козлов - Ранненбург - Лебедянь - Елец - Грязи - Касторная - Воронеж, выйдя из рейда на стык Добровольческой и Донской Армий западнее ст. Лиски.
1920 г. Скончался от тифа в г. Екатеринодаре и похоронен на местном кладбище.

В этой, достаточно полно теперь восстановленной, биографии Мамонтова нехватает лишь некоторых уточнений и имеются пробелы, как например: происхождение, к какой станице был приписан при зачислении в Донское Войско и в каких полках служил с 1899 по 1904 год.

Париж.

Е. Ковалев

ОТ РЕДАКЦИИ. 1. Для того, чтобы иметь полную биографию ген. Мамонтова, было бы желательно выяснить точнее обстоятельства его смерти. Наиболее распространенная версия: ген. М-ов скончался от сыпного тифа, но существует и другая — что он был отравлен. 2. По сведениям Н. М. Мельникова, основанным на свидетельстве коренного Степняка ес. Ил. Ив. Сенышина, отряд Мамонтова, оставивший в середине января 1918 г. Нижне-Чирскую накануне занятия станицы

красными, прибывшими из Царицына, насчитывал около 70 человек. Когда — **в самом начале апреля** — Степняки перешли Дон и расположились на отдых в ст. Н.-Курмоярско 1-го Дон. окр., Пох. Ат. П. Х. Попов, после настойчивых просьб М-ва, выделил его отряд и отпустил в Н. Чирскую. Выступили туда **не позже середины апреля** — точную дату ес. Сеньшин не помнит, — причем бывшая в Степ. Походе в составе отряда М-ва конная сотня полк. М. Н. Гнилорыбова в Н. Чирскую не пошла и вместо нее к отряду были приданы сотня калмыков и одно 3-х-дюйм. орудие с 23 патронами — 24-й считался негодным. — В самом начале Ст. Похода, когда Степняки находились в хут. Арпачине, настроение было настолько подавленное, что началась было эпидемия самоубийств и **для поднятия духа** Пох. Ат. назначил Мамонтова комендантом всех отрядов с оставлением его и в командовании М-ким отрядом. 3. Сообщение ген. И. А. Полякова в его книге «Дон. казаки в борьбе с большевиками» о том, что казаки Суворовской станицы освободили Н.-Чирскую под предводительством ген. Мамонтова, не соответствует действительности: Н. Чирская была освобождена в марте, Мамонтов же прибыл в район Н.-Чирской ст. в апреле. Измышлением ген. Полякова является и то, что ген. Мамонтов был выбран Окружным Атаманом Второго Дон. округа: Окр. Атаманом был выбран в **марте** полк. В. В. Растегаев. Не соответствует действительности и утверждение ген. Полякова, что Степной отряд ген. Попова был в районе ст. Суворовской и там «спасен» Суворовцами: Походный Атаман не был даже в ближайших к Нижне-Курмоярской станице Верхне-Курмоярской и Потемкинской станицах 2-го Дон. окр. и вообще не переходил границы этого округа. Не соответствуют действительности и очень многие другие, более важные, факты в изложении этого «историка», на протяжении всей своей книги сводящего личные счеты со всеми своими «врагами». Рецензия на его книгу будет напечатана в следующем номере «Родимого Края».

ИЗ ОТЗЫВОВ О «ЕРМАКЕ»

Самостийное «Казачье Единство» в декабрьском номере 1961 г. в статье за подписью Г. К. Рудакова, пишет: «как собрание исторических материалов, книга, безусловно, является хорошим пособием для казаков при узучении славного прошлого своего народа» и что «автору **все же** (подчеркнуто нами. Ред.) должно быть поставлено в заслугу то, что он использовал наиболее правдивые древние источники об Ермаке». Г. К. Рудаков, «предупреждает» читателей, что у автора, которого он причисляет к разряду людей «обиженных Богом», «либо совершенно бессовестных разбойников типа нынешних Московских владык», немало «промахов» в книге, а потому ее «нужно читать умеючи»... и «во всяком случае не обращать внимания на заключения автора, недостойные образованного и культурного человека»...

Несмотря на брезгливый осадок, остающийся от «выражений» Г. К. Рудакова, мы все же перепечатываем его «культурный» отзыв. Читатель сам оценит «стиль»...

Как видно, призывы Г. В. Губарева поучиться у журналистов культурного Запада быть корректными в своих писаниях остаются гласом вопиющего в пустыне.

В другом журнале, тоже самостийного направления, в «Казакии», выходящей под редакцией талантливого Донского поэта П. Полякова, читаем:

«Ермак Тимофеевич» Н. М. Мельникова представляет собою очень большую работу и очень большой вклад в развитие казачьей культуры. Поэтому мы считаем, что эта книга о Ермаке должна быть на столе у каждого казака, который еще не забыл о своем казачьем происхождении и не утратил интереса к героическому прошлому своего народа». — Так заканчивает свое предисловие профессор М. Миллер к полученной нами от издательства «Родимого Края» книге «Ермак Тимофеевич, князь Сибирский. Его сподвижники и продолжатели».

«Хорошо изданная, типографским спосо-

бом, прекрасно написанная, книга производит самое лучшее впечатление и читается легко. Отрадно отметить, что «героическое прошлое» наше никак не забывается никем из нас, не только теми, кто заботится и о будущем, но и теми, кто упорно продолжает верить в возможность возвращения дня вчерашнего.

Наше «сегодня» не только безотрадно, оно может стать началом нашего конца. Слишком много мути действует в наших рядах, слишком заняты мы злобой эмигрантского дня, закрывающей от многих и многих перспективы будущего. А о нем, этом будущем, должны помнить мы и пещись, памятуя, что Ермак Тимофеевич, князь Сибирский, был казак.

Остается лишь поблагодарить редакцию «Родимого Края», как и автора столь ценного труда, ею изданного. Будем верить, что последние жалкие остатки сусальной русскости, тут и там попадающейся в этой книге, (? Ред.), надоедят и самим тем, кто ответил, так своевременно и хорошо на русскую провокацию изданием этой книги. Это хороший признак полного оздоровления. А тогда:

Мы пойдемте на Тихий Дон спокоимся,
не женатые, братцы, да поженимся!».

КТО ВИНОВАТ: ПАРТИЯ ИЛИ... ДЕЛЬФИНЫ?

«У мельника вода плотину прососала.
Вот, у плотины он, осматривая течь,
Увидел, что к реке пришли напиться куры.
Негодные, кричит, хохлатки-дуры,
Я и без вас воды не знаю где достать,
А вы пришли ее здесь вдосталь допивать,
И в них поленом хвать!
Какое сделал тем себе подспорье:
Без кур и без воды пошел в свое
подворье».

Я невольно вспомнил эту басню Крылова, прочитав статью члена-корреспондента Академии Наук профессора Богорова, напечатанную в газете «Сельская Жизнь». Статья его озаглавлена «Жизнь морей». Только в басне Крылова рассказывается, как мельник по своей же вине остался и без воды и без кур. А у Богорова роль кур выполняют дельфины. В своей статье Богоров пишет:

«Использование богатств морей и океанов тесно связано с расцветом человеческого общества», — но вскоре же пессимистически замечает, что океаны и моря «не бездонная шкатулка». И вдруг, ни с того, ни с сего автор открывает огонь по дельфинам: «Взять Черное море, в котором насчитывается 500 тысяч дельфинов, — пишет Богоров. — Каждый из них съедает в сутки до пяти килограммов рыбы. Это двадцать пять тысяч центнеров рыбы в день», — восклицает Богоров.

По такому подсчету получаетя, что эти прожорливые хищники съедают рыбы в восемь раз больше, чем ее вылавливают все прилегающие к Черному морю государства. И из этого вывод: — дельфины подлежат уничтожению. К врагам рыбы, а, стало быть, и успешного развития рыболовного дела, отнесены и птицы бакланы, поедающие около полукилограмма рыбы в сутки, и другие рыбоядные птицы. Оказывается, у берегов Южной Америки эти уничтожатели рыбы поедают 25 миллионов центнеров рыбы в год.

Трудно, конечно, оспаривать всю эту импозантную статистику о дельфинах и бакланах. Но какое же все-таки дело советским людям до того, сколько рыбы съедают рыбоядные птицы у берегов Южной Америки? Южная Америка далеко и мало интересует население Советского Союза в смысле рыбного вопроса. Интересует другое: — включение в скудный рацион советского населения достаточного количества рыбных блюд. То есть то, о чем как раз профессор Богоров и словом не обмолвился.

Лет сорок-пятьдесят тому назад такие сорта рыбы, как лещ, суда, керченская селедка, тарань и вобла, были доступны широчайшим кругам населения, особенно на территориях, прилегающих к месту их вылова, то есть в Поволжьи, в Приазовьи. Тарань стоила две-три копейки пара. Я уж не гово-

рю о знаменитых донских и азовских рыбцах и осетровых породах из того же Азовского моря. Сравнительно небольшое Азовское море кормило рыбой огромные территории страны. Во всем мире оно было водохранилищем самым богатым рыбой. И это не преувеличение! Если Японское море дает двадцать девять килограммов рыбы с гектара, а Черное море — всего лишь полтора килограмма, то Азовское море давало восемьдесят килограммов рыбы с гектара. Ни много, ни мало, в пятьдесят раз больше, чем Черное море, которое так беспокоит профессора Богорова. И какая рыба: лещ, судак, осетры, рыбец, чудесная сельдь, знаменитые керченские бычки...

Куда же теперь девалось все это богатство? Разве дельфины съели все это добро? Нет. На наших глазах партийная власть с ее порочным методом хозяйствования погубила рыбо-производительные силы этого моря. Малограмотные люди, возомнившие себя строителями «Сольнесами», взялись за преобразование природы нашей страны. И что же?

Богатство Азовского моря рыбой было не случайным. Оно стояло в прямой зависимости от слабой солености вод Азовского бассейна. Волга-Дон, гидротехническое строительство на Кубани, дело, конечно, нужное. Но ведь наши ученые предупреждали, что одновременно со строительством Волго-Донского канала надо срочно сооружать дамбу в Керченском проливе. И соорудить ее необходимо для того, чтобы отгородить полупресные воды Азовского бассейна от соленых вод Черного моря, которые неизбежно хлынут в Азовское из-за уменьшения притока. Что же вышло? Волга-Дон построили, а про дамбу не подумали. В результате соленость вод Азовского моря все время увеличивается, создавая самые неблагоприятные условия для жизни рыбы в азовских водах. Рыба гибнет.

Помимо того, такие могучие реки, как Дон, Кубань, вливали свои воды в Азовское море. Воды, насыщенные продуктами распада органических веществ, солями, вообще питательными веществами. Но ведь теперь, в связи с запором донской воды, резко уменьшился не только количественный сток пресной воды, но он резко изменился и качественно. К примеру, донская вода теперь поступает в Азовское море после отстоя в Цимлянском водохранилище.

А ко всем этим бедам присоединился еще и партийный приказ — план выполнения уловов рыбы любой ценой. Когда крупная рыба стала исчезать, план не снижали, а, наоборот, увеличивали. В результате стали жать на комсу и тюльку. А когда извели огромное количество комсы, перешли на нитку. Точно курам на смех!

Этими неслыханными в истории мирового рыболовства хищническими мерами вычерпали бесполезный для человека, но необходимый для нажирования крупной рыбы корм. В результате катастрофического снижения биомассы в водном бассейне так разительно упали и рыбные уловы в Азовском море. Я хорошо понимаю профессора Богорова, дипломатично обошедшего в своей статье Азовскую эпопею и сосредоточившего свой огонь на дельфинах.

Но, как видим, не дельфины привели к захирению Азовского рыбного хозяйства. Статья Богорова это, деликатно говоря, сигнал к уничтожению дельфинов, сиречь сигнал к развитию дельфиньего промысла. На что он совершенно недвусмысленно и намекает, имея ввиду мясо дельфинов. После коллективизации, когда с продуктами животноводства возник кризис, в магазинах Ростова, Новороссийска, Таганрога вдруг появилось в продаже копченое мясо дельфинов. Даже и в экономически слабо развитых странах это мясо не употребляется в пищу, а вот у нас среди полуголодного населения оно пошло как своеобразный деликатес. Теперь, через четыре десятка лет, при недостатке рыбных и мясных продуктов, надо ждать, что после сигнальной статьи Богорова повторится то же самое. В еду пойдут черноморские дельфины.

Только в одном можно согласиться с продессором Богоровым. Он говорит: «Использование богатств морей и океанов тесно связано с расцветом челевеческого общества. И чем совершеннее становится человеческое общество, тем больше оно пользуется благами подводного царства». Так говорит Богоров. Только г рустно, что обществу Советского Союза почему-то приходилось пользоваться из-за острого недостатка рыбы и дельфинами.

(Н.Р.С.)
(Нью-Йорк)

Профессор Н. Нижальский (†)

ПАМЯТИ НАШЕГО ЗЕМЛЯКА

Недавно в Нью-Йорке скоропостижно скончался Николай Евдокимович Ефремов, широко известный под псевдонимом проф. Нижальский. Во всех русских газетах и в «Новом журнале» были напечатаны некрологи Н. Е. Между прочим в одном некрологе было сказано, что он родился на Кубани, в другом, что он родился в селе Мишковском на Украине. Это не верно. В действительности Н. Е., как он несколько раз говорил мне, родился в селе Б. Мешковой Таганрогского округа О.В.Д., но он был не казак, а из иногородних и его отец имел в этом селе мельницу. В средней школе Н. Е. учился вместе с М. Шолоховым, а затем на геологическом отделении Новочеркасского Политехн. Ин-та. Затем он был в ссылке и в 1930-х гг. вернулся в Ростов, где я с ним и познакомился. В Ростове Н. Е. работал на кафедре геологии в Университете при проф. В. Богачеве. Проф. В. Богачев, очень требовательный к своим сотрудникам и студентам, о Н. Е. был высокого мнения и говорил мне, что из него может выйти большой ученый. Затем я встретил Н. Е., во время эмиграции, во Львове. Там он женился на дочери украинского профессора и быстро овладел украинским языком. В Регенсбурге и Мюнхене Н. Е. в качестве профессора читал лекции в Украинском Техническом и Сельскохозяйственном Ин-те, но когда с начала 1950 г. студенты стали выезжать в США и Канаду, Н. Е. также переехал в Нью-Йорк.

Н. Е. был исключительно талантливым и работоспособным ученым, с разносторонней образованностью, причем его знания в целом ряде наук не были поверхностными, а достаточно глубокими. Он работал в области геологии. минералогии, физики, химии и высшей математики. Последнее время он увлекался электроникой и кибернетикой. Почти во всех этих науках он оставил следы своих работ. Он открыл, анализировал и описал 16 новых минералов, делал какие то дополнения к периодической системе элементов и т. д.

Последние 10 лет Н. Е. писал много популярно-научных очерков и статей в «Новом Русском Слове». В «Родимом Крае» № 41 напечатано его открытое письмо к герцогу Гамильтону, канцлеру Шотландского университета. В этом номере помещен его очерк «Кто виноват: партия или дельфины». Научные очерки Н. Е., несмотря на их популярность, написаны очень живо и читаются с большим интересом. Они написаны на основании его больших и разносторонних знаний и имеют значение не только для молодежи, но и для людей пожилого возраста. Конечно, если бы не эмигрантские условия, то эти очерки следовало бы издать отдельной книгой. Кроме того Н. Е. также писал все время скрипты для Радиостанции Свобода, в которых беспощадно критиковал советскую политику в области сельского хозяйства, рыболовства, лесоводства, горной добывающей промышленности и т. д.

Н. Е. умер совершенно неожиданно, в возрасте всего 58 лет. Для научного работника это время расцвета его научных и духовных сил и мы были вправе ожидать от Н. Е. еще много и много интересных и важных исследований. Н. Е. возвращался домой и неожиданно упал на улице. После доставления в больницу он скончался через несколько часов, не приходя в сознание. Врачи написали свидетельство о смерти от кровоизлияния в мозг. Однако некоторые лица, принимая во внимание неожиданный и странный характер смерти Н. Е., а также и то, что последние годы он безпощадно громил советские власти с научных позиций, не исключена возможность того, что Н. Е. пал жертвой какого нибудь сов. агента, брызнувшего ему в лицо цианкалием, как это было сделано в отношении украинских националистов проф. Л. Ребета и С. Бандеры.

Как человека, я знал Н. Е. давно и довольно близко. У меня остались о нем самые лучшие воспоминания. Человек очень порядочный, с большим достоинством, в то же время прямой и честный. Я дмаю, что все, кто знали Н. Е., сохранят о нем самую лучшую память и в то же время глубокую скорбь по поводу его преждевременного ухода из жизни. Вечная память нашему земляку — уроженцу Дона.

Германия.

Проф. М. Миллер

РУССКАЯ ВАНДЕЯ

(Заметки по содержанию «Очерков гражданской войны на Дону» ген. Голубинцева)

«Очерки» ген. Голубинцева, написанные хорошим литературным языком, нужно признать книгой полезной для будущего историка гражданской войны, т. к. изложение подкрепляется и некоторыми документами. С интересом, в смысле оживления личных воспоминаний, книжку прочитают донцы Усть-Медведицкого округа, принимавшие участие в восстании против советской власти весной 1918 г. сначала Усть-Хоперской станицы, а потом и других станиц округа и в создании «Совета», а затем и «Освободительной армии вольных хуторов и станиц» округа. Руководящую роль в этом деле автор отводит лично себе, хотя по другим данным — в частности в статье Георгия Александрова, напечатанной в 1918 г. в № 11 «Донской Волны» Виктора Севского, — главным действующим лицом в создании «Совета вольных хуторов и станиц» указывается сотник Н. Л. Виденин, проявивший необычайную энергию.

Наименование книги «Русская Вандея» дано автором слишком широкое: такое название могло бы быть оправдано, если бы основным содержанием была вообще борьба всего Дона, а не только одних Усть-Медведицких полков, действовавших под менявшимися наименованиями: Усть-Хоперского отряда, «Освободительных войск вольных хуторов и станиц», 4-го конного отряда в ст. Голубинцева, 15 кон. дивизии, 5-ой конной и Усть-Медв. дивизии.

Главное же несоответствие этого названия заключается в другом, более важном: восстание Вандеи во Франции во время революции конца 18 в. было поднято французской аристократией и католическим духовенством и поддержано населением во имя восстановления монархического образа правления, тогда как на Дону восстали не высшие привилегированные классы, не «генералы и помещики», как клеветали большевики, а все население, и восстало оно за «честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол», за право устраивать свою жизнь, как хочет сам народ, за народоправство. О монархии, как лозунге, как цели, и помину не было. «Вандеей» называл Дон Троцкий, изображая в своих прокламациях казаков контр-революционерами и тем тем натравливая на них массу. В общеказачьей декларации на Московском Государственном Совещании в августе 1917 г. А. М. Каледин, уполномоченный представителями всех 12 Казачьих Войск, заявил, что казачество, «не знавшее крепостного права, искони свободное и независимое, пользовавшееся и раньше широким самоуправлением, всегда осуществлявшее в среде своей равенство и братство, не опьянело от свободы. Получив ее, вновь вернув то, что было отнято царями, служа верой и правдой **новому строю**, с презрением отбрасывает провокационные наветы на него и обвинения в реакции и контр-революции и призывает все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения родины и укрепления демократического республиканского строя». В грамоте, врученной А. М. Каледину после молебна, перед парадом войскам, было сказано: «По праву древней обыкновенности избрания Войсковых Атаманов, нарушенному волею царя Петра I-го в лето 1709-ое и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим Войсковым Атаманом». Казаки всех Каз. Войск приняли новый строй, так как он принес им восстановление «древних обыкновений», возродил казачье народоправство. О признании нового республ. строя и Времен. Правительства говорит в своем Гатчинском приказе от 27 октября 1917 г. «войскам Российской республики, сосредоточенным под Петроградом», ген. П. Н. Краснов, «волею Верх. Главнокомандующего назначенный командующим этими войсками, оставшимися «верными своей присяге», и призывающий войска «крепко и нерушимо держать клятву казачью». Об этом же говорит и воззвание Союза Донских казаков, созданного в Новочеркасске весной 1917 г.: «Собирайтесь, Донцы, во единый Круг. Час долгожданный казачьей свободы настал. Вековые оковы казачьей вольности пали».... «Союз Дон. Казаков приветствует и обязуется признать тот новый порядок государственного устройства России, который будет установлен Учредительным Собранием».

В своей речи, произнесенной 3-го сентября 1918 г. на Большом Войск. Круге, В. Атаман ген. П. Н. Краснов заявил: «В декларации Круга Спасения Дона ясно и определенно сказано, что до возрождения Единой России

Дон провозглашается независимой демократической республикой. О монархии ни на Дону здесь, ни в России в декларации не было ни слова». В Указе от 20 сентября 1918 г. В. Круг пишет: «К вам, крестьяне русские. Б. В. Круг обращает свое слово: мы очень хорошо помним, что мы плоть от плоти, кость от кости русского народа. Мы ни на минуту не забываем, что судьба Дон. Казачества тесно сплетена с судьбой русского народа и русского государства. Выразитель взглядов казачества на государственный и общественный порядок, Дон. В. Круг неоднократно высказывался, что впредь до воссоединения с Россией, по восстановлении законной власти в ней, казачество желает одного: обеспечить границы Войска. Намерения навязать России царскую власть у казаков нет. Нет желаний ломать копья и из-за республики: это дело самого русского народа. И если ваши руководители уверяют вас, что мы, казаки, навяжем вам самодержавного государя, — это обычная клевета и гнусность ваших комиссаров — не за это борятся казаки».

Как же можно при таких условиях приклеивать к освободительному казачьему движению реакционный ярлык Вандеи — франц. провинции, поднявшей восстание во имя восстановления «старого режима», монархии и привиллегий высших классов? Каждый имеет право исповедывать и бороться за свои убеждения, но нельзя в работе, претендующей на историческую ценность, приписывать свои личные мнения народному движению.

К положительной стороне «Очерков» следует отнести подробное описание рейда ген. Мамантова, как одного из самых выдающихся в истории конницы, как справедливо отмечает автор. От широко задуманного плана, с задачей внедрения в глубокий тыл противника с целью подготовить базу для дальнейших действий, позволившего даже мечтать о движении на Москву, пришлось отказаться с самого начала. Первоначальный план предусматривал усиление корпуса Мамантова, имевшего в своем распоряжении три конных дивизии — 12-ая, 13 и Сводная — общей численностью около 6.000 шашек и пеший отряд около 3.000 штыков, при 12 орудиях и 3-х броневых автомобилях, — присоединением к нему конного корпуса ген. Коновалова и конной дивизии ген. Голубинцева. Сложившаяся к концу июля 1919 г. обстановка не позволила снять с фронта корпус Коновалова, а шедшая уже на присоединение к корпусу Мамантова дивизия ген. Голубинцева, силою в 4.000 шашек, была остановлена на походе и получила новую срочную задачу: заполнить 40 верстный прорыв, образовавшийся между Донской и Кавказской армиями. В результате — у Мамантова конницы оказалось меньше половины, чем предполагалось, и ему пришлось ограничить свою задачу ударом по красным тылам, разрушением жел. дорог и узловых станций и попыткой поднять восстание населения. Связанный присутствием пехоты, Мамантов мог продвигаться со скоростью 23 верст в день, в то время, как скорость отдельных его разъездов доходила до 80 верст. Обозы были взяты в рейд лишь боевые, но затем так разбухли «военной добычей», что в конце концов обоз растянулся на десятки верст и в прикрытие его пришлось отвлечь значительную часть боевых сил. За все сорокадневное пребывание ген. Мамантова в тылу у противника белое окмандование не могло оказать ему никакой поддержки, — наоборот, на некоторых участках Дон. и Добров. фронта под усилившимся давлением красных начался отход, изменив не в нашу пользу общую обстановку, и дальнейшее продолжение рейда становилось не только бесцельным, но и опасным. Ген. Голубинцев отмечает, что от населения того района, куда продвинулся отряд, нельзя было ожидать не только восстания, но и сочувственного к казакам отношения, наблюдавшегося в губерниях черноземных, — район был уже фабричный и в дальнейшем пришлось бы выдерживать упорные бои со специальными частями рабочих и латышей.

Учитывая все это, автор пишет: «Повидимому сам ген. Мамантов счел дальнейшее продвижение на север делом, не имевшим шансов на успех, сопряженным с большими потерями, и нашел более полезным присоединиться к своим армиям. Был пущен вздорный слух, что якобы Главное Командование, опасаясь захвата Москвы Мамантовым и не желая ему одному уступить эту честь, приказало прекратить рейд и возвратиться, несмотря на то, что ген. Мамантов готов был продолжать движение дальше. Обстановка складывалась так, что, с имевшимися в распоряжении Мамантова средствами и возможностями в данный момент, идти дальше и углубляться в центральную Россию без надежды на поддержку и на продвижение нашего фронта было бы нецелесообразным».

Автор подвергает резкой критике Главное Командование и Командующего Донской

армией ген. Сидорина, а также и штаб ген. Врангеля, указывая, в частности, что в штабе ген. Врангеля утверждали, что Перекоп обращен в «настоящий Верден», тогда как в действительности укреплений почти не было: по обе стороны шоссе, ведущего к Перекопу, были построены в несколько рядов проволочные заграждения, приблизительно на половину версты в каждую сторону, а дальше был протянут лишь один ряд проволоки, причем колья частью вывернуты и валялись на земле. Окопы запущенные, обвалившиеся, мелкие и по своей конструкции самые примитивные».

Достается и русскому флоту, оказавшемуся неспособным эвакуировать Черноморское побережье в Крым. Во многом критика справедлива, но печально то, что у наших мемуаристов, претендующих на историческую ценность их произведений, слишком большую роль в их оценках играют личные симпатии и антипатии и их собственные политические убеждения. Будучи сам ярым монархистом, автор восстает против непредрешенчества, считая этот флаг главной ошибкой, приведшей к гибели Белое Движение, тогда как нужен был «самодержавный царь», «хозяин земли Русской», упуская из виду, что лозунг «хозяина», выдвинутый в Крыму ген. Врангелем, не дал ему успеха, что монархический лозунг, поставленный во главу угла при создании на Донской границе генералами Денисовым и Поляковым Южной Армии, не привлек в Южную армию добровольцев, обходивших эту армию и направлявшихся прямо в армию Добровольческую. Этот лозунг, как пугало, широко использовали большевики, еще на фронте разложившие наших фронтовиков, внушая им, что на Дону контр-революционер Каледин и его правительство хотят восстановить «старый режим» и снова посадить царя... Широко использовал его для разложения Донцов и в. ст. Миронов, усиленно распространявший газету «Донской Край», издававшуюся в Новочеркасске при покровительстве ген. Денисова и Полякова и ведшую монархическую пропаганду: выдержками из этой газеты Миронов заполнял свои прокламации, на что указывали депутаты северных округов, требовавшие удаления генералов и по этому поводу. Кстати нужно отметить, что представители фронта ставили в упрек двум генералам, что ни один из них ни разу не показался на фронте. Автор «Вандеи»,не касаясь этого вопроса, ополчается на ген. Сидорина, сменившего ген. Денисова, когда Сидорин в самый тяжелый момент на Кубани оставался на фронте вместе с Донскими частями. У ген. Сидорина были серьезные недочеты, но в личной храбрости ему отказать никак нельзя и в самые критические моменты на Кубани его аэроплан поднимался в последний момент под обстрелом подошедших красных. Автор ставит ему в вину, что Сидорин был «левый» и как левый был выдвинут на пост Командующего армией «левым кр ылом В. Круга». Ни при А. М. Каледине, ни при П. Н. Краснове, ни при А. П. Богаевском никакого левого крыла на Дон. В. Круге не существовало, не было тогда и вообще никаких партий, ни правых, ни левых. Дон. В. Круг, как дружина Ермака, был «единомыслен», и все вопросы решались подавляющим большинством голосов, обсужденные, подготовленные к тому же предварительно на Окружных Совещаниях депутатов. Если в составе членов Круга и были редкие отдельные лица, тяготевшие **вне Круга** к той или иной обще-российской партии, то никакого «партийного» влияния на решения Круга они не оказывали и не могли оказать. Линия у всех была одна: казачья. После увольнения ген. Д-ва и П-ва и ухода в отставку ген. Краснова на смену им были призваны первопоходник — Атаман А. П. Богаевский — и «степняки» П. Х. Попов — как Председатель прав-ва, и В. И. Сидорин — Начальник штаба Поход. Атамана — в качестве Командующего армией. Не «левое крыло», не существующее, а весь Круг был возмущен крайностями — эксцессами германской ориентации, зашедшими у сошедших со сцены генералов слишком далеко. Не ограничиваясь неизбежными и понятными в условиях того времени деловыми отношениями в смысле обмена доставлявшихся немцами винтовок, патронов, снарядов и т. д. в обмен на необходимые для немцев продукты, ген. Краснов, уверенный в победе Германии над союзниками — в то время, как все кругом были убеждены в противоположном — в письме к главнокомандующему немец. войсками на Украине фельдмаршалу Эйхгорну *) обязывался от имени Дона и не существовавшего еще ни формально, ни фактически Доно-Кавказского Союза, то есть от имени Кубани, Терека и горцев Кавказа, не спросив их на то согласия, выступить на стороне немцев активно

*) Письмо ген. Краснова было полностью оглашено в закрытом заседании В. Круга.

против союзников и против Добров. армии, оставшейся всегда верной союзнической ориентации. «Донское Войско, а за ним весь Доно-Кавказский Союз вам преданы, вам благодарны и вам никогда не изменят. Вы могли бы быть спокойны за ваш тыл на Украине и за ваш правый фланг в том случае, если бы державы Согласия восстановили Восточный фронт. Мы же угрожали бы их левому флангу». «В настоящее время я занят подготовкой общественного мнения к активной борьбе с чехо-словаками, если бы последние вздумали перейти границы земли Войска Донского».

Перспектива быть вовлеченными еще в новую войну на стороне немцев против Держав Согласия и одновременно против Добров. армии, враждебность к которой генералов Денисова и Полякова была общеизвестна и в помощи которой в острые моменты развала фронта и угрозы самому Новочеркасску не раз нуждался Дон, не могла быть по душе В. Кругу, подавляющее большинство которого при всех В. Атаманах было на стороне держав Согласия, — и смена «экипа» была единственным естественным выходом из создавшегося положения.

«Близорукость в политике влечет неисчислимые бедствия» — сказал П. Н. Краснов в своей речи на первом заседании Больш В. Круга 16 августа 1918 г. Близорукость эта в связи со слепой верой и в Первую и во Вторую Мировую войну, в победу Германии обрушила неисчислимые бедствия на голову не одного только бывшего Атамана, принявшего мученическую кончину, но и многих-многих других.

**
*

Автор «Русской Вандеи» настолько настроен против тех, кто сменил генералов — очевидно, «созвучных» ему — что, будучи ранен, отказывается от предложенного ему места в лазарете, носящем имя Сидорина, и направляется в частную, за свой собственный счет, клинику, ополчается против Дон. Атамана А. П. Богаевского, якобы «забывшего» о Дон. офицер. резерве, перетолковывая приводимый тут же разговор Атамана по прямому проводу из Севастополя с ген. Апостоловым, находившимся в Евпатории: «Завтра утром, в лучшем для вас случае вечером, в Евпатории будут разъезды красных. Предупреди наших и членов Круга, чтобы поторопились грузиться». Слово «наших» ген. Голубинцев, очевидно, хочет истолковать в смысле людей близких, своих, но в Евпатории тогда никого из семьи Атамана и близких ему лиц не было и слово «наших» означало, естественно, «предупреди донцов».

Из массы офицерства автор выхватывает полк. Ф. Д. Назарова — «левого, из народных учителей». Чего тут только нет: генералу неизвестно, когда Назаров был произведен в полковники, «никто не знает о его деятельности на фронте», весь его десантный отряд на Дон состоял лишь из 25-30 офицеров, Назаров был «специалист по получению миллионных авансов», в 1921 г. получил два аванса на поездку на Дальний Восток, погиб при довольно загадочных обстоятельствах, работая будто бы на два фронта»... Зная лично Ф. Д. Назарова, считаю долгом сказать несколько слов в защиту его памяти. Почему ген. Голубинцев должен был быть в курсе последовательных производств Ф. Д. Назарова? В Донской армии было множество полковников, о времени производства которых он, конечно, и не мог знать. По поводу «левизны» — помню выступления в 1917 г. Назарова в ст. Н.-Чирской, на митингах ярко выступавшего против большевизанствовавших левых социалистов-революционеров, как сейчас вижу его на трибуне Калединского Круга в дек. 1917 г., когда Назаров, раненый при взятии ген. Калединым Ростова, с рукой на перевязи, делал доклад Кругу о боях под Ростовом. Не будучи уже полковником, едва ли он был бы назначен командиром одного из конных полков — если память мне не изменяет, 28-го полка — бригады ген. Морозова, доблестно участвуя 16 июля 1920 г. в разгроме у колонии Ландскроне конной группы Жлобы. Специалист по получению из Донской казны миллионных авансов на поездку на Дальний Восток? Никаких миллионов вообще никому никогда не выдавалось, одна возвратная ссуда в несколько тысяч лева была выдана в Болгарии Дон. Вспомогат. Кассой Назарову для организованной им сельско-хозяйственной артели. Знаю, что Парижская организация «Борьба за Россию» покойных теперь С. П. Мельгунова и М. М. Федорова выдала полк. Назарову 10.000 старых франков на поездку на Дальний Восток, где он вошел в связь с Атаманами Каз. Войск. Сибири и Д. Востока, пробрался в Уссурийский край, куда до войны переселился с Дона его отец с частью семьи, и организовал в Междуречьи партизанский отряд для борьбы с коммунистами. В одном из набегов отряд полк. Назарова был окружен красными и почти целиком уничтожен. Вернулись в Харбин очень немногие.

Вместе с Ф. Д. Назаровым был убит и его сын-уссуриец, присоединившийся к отцу. Ничего загадочного в его гибели не было. Назаров продолжал борьбу, когда другие ее давно уже прекратили. А. П. Богаевский и я были в курсе этого дела.

Отметим мимоходом довольно странные выпады автора против «смехотворной — как он выражается — никому ненужной верности донцов союзникам», против «волчьих Нансеновских паспортов, навязанных нам благодарными союзниками»...

Беженцы, нашедшие приют в союзных странах свободного Запада, в большинстве держатся по этим вопросам другого мнения.

**
*

В виде послесловия, хочется немного добавить. Многие после всего пережитого, особенно после тех ужасов, жестокостей и всякого рода испытаний и лишений, в которые ввергла Казачьи Края и всю Россию революционная власть, на многое стали смотреть другими глазами, переоценивая ценности, но история есть история и искажать ее не полагается. Документы есть документы и они являются главным фундаментом, на котором воздвигается история, и «то, что написано пером, не вырубишь топором». В частности, наши «деды», основной элемент В. Кругов, отдавали себе ясный отчет в абсолютной необходимости считаться с общей создавшейся обстановкой, а также и с настроениями бывших фронтовиков, главных затем защитников родного Дона, борцов «за свой порог и угол», и, отойдя от «старого режима», в своих выступлениях бережно относились к бывшим носителям верховной власти государства, в устроении и расширении границ которого львиная доля принадлежит казакам. Корректный тон был обязателен на Круге без всяких предписаний. И не только на Круге. Вспоминаю, как в 1917 г. на одном мартовском митинге на площади в станице Нижне-Чирской оратор, офицер в отставке, говоривший о бывшем государе и назвавший его просто «Николаем», был прерван возмущенным голосом из толпы деда «Ремезка» с хутора Садовского: «Полегче, полегче — ты ведь ему присягал...»

Франция.

Н. М. Мельников

ЭТАПЫ

Приходи... Подведу к окошку,
Полюбуемся мы вдвоем —
Я боярышник над дорожкой
Посадил под самым окном.
От него так и веет Доном,
Ну, как будто рукой подать!
Ты присядь... Послушаем, что нам
Может на́ ухо он нашептать...
Пусть нашепчет он, коль сумеет,
О далеких станицах сказ,
Пусть в саду его кисть алеет,
Как когда то алел лампас.

А налево — сережки березы...
Это — северной дань стране...
Как и там, видишь — сохнут слезы
На ее белосером стволе.

А подале — шлемом багряным
Эвкалипт над землею поник;
Поит запахом он терпко-пьяным,
Как в пустыне водою родник.
Бродит ветер в листве беспокойный,
И поет эвкалинт в тоске —
Это — песня об Африке знойной,
О ее зыбучем песке.

Он, боярышник, кактус разлатый, —
Все, что здесь ты можешь найти,
Это все, ведь, мои этапы
На далеком моем пути.
Их собрал я сюда нарочно...
Густо тень их вокруг легла,
В землю корни их впились прочно,
Глубоко в душу песнь их вошла.
Буду слушать ее, как обедню —
С головою, склоненною вниз...
Может, это — этап уж последний?
Может, больше не надо и виз?

Калифорния. **Н. Воробьев**

ИЗ ПРОШЛОГО

В конце мая 1914 г., я, студент Новочеркасского Политехнического Института, выехал к отцу, заведующему Донским казенным лесничеством, в 20 верстах от ст. Миллерово Дон. Области, с твердым намерением подзаняться в тиши. Однако, благими намерениями, как известно, вымощен ад.

В Новочеркасске я несколько лет был на квартире у преподавателя Реального Училища Виктора Аркадьевича Грекова, который сперва увлекался велосипедным спортом, а потом, насколько я помню, первым в Новочеркасске приобрел автомобиль и теперь им увлекался. Я настолько вошел в эту симпатичную семью Грековых, состоящую из В. А., жены и двух прехорошеньких детей, что наши отношения были лучше, чем у многих самых близких родственников.

Не больше, как через неделю моего домашнего пребывания, когда я, забравшись в сад, «вкушал» какую-то науку, вдруг раздался автомобильный гудок и в наши, всегда открытые, ворота вкатил автомобиль. Все сразу стало мне понятно.

Теща Виктора Аркадьевича, Анна Михайловна Щелкунова, имела 3-х сыновей — доктора, преподавателя рисования и студента медика — и 4 дочери — жену Виктора Аркадьевича, учительницу, студентку Московской Консерватории по классу пения и гимназистку 7-го класса. Удивительная это была семья. Все они или уже стояли на ногах, или доучивались, но все советы матери исполнялись ими беспрекословно. Все они должны были писать ей письма минимум 2 раза в месяц. Если кому нибудь нужна была поддержка, то все остальные отрывали от себя последнее, но посылали и поддерживали. Сама Анна Михайловна имела домик на хуторе Калачевском, под Цимлянской станицей, и ее непременным условием, для всех ее детей, было, чтобы все они, по крайней мере на месяц, собирались на лето к ней, и ослушаться этого приказа никто не смел.

Отличаясь необыкновенным хлебосольством, Анна Михайловна детям писала: «Если у вас там есть друзья, с которыми вы не хотите расстаться, привозите их с собою — места всем хватит. Пусть у нас отдохнут». Значит, при гудке автомобиля все было понятно: Виктор Аркадьевич едет к теще и заехал за мной, как за членом семьи. Слабое мое сопротивление было сразу сломлено, отца тоже уговорили и через три дня мы уже катили на хутор Калачевский в район станицы Цымлянской.

Виноделие на Дону было развито сравнительно слабо, но все же станицы вверх по Дону от Старочеркасской: Мелиховская, Золотовская, Раздорская и другие производили достаточно вина для внутреннего рынка. Привозили казаки это вино в Новочеркасск на подводах, в бочках, и продавали его по улицам четвертями, а то и ведрами, копеек по 25-30 за бутылку. Название ему было по станицам — Мелиховское, Золотовское... Торговцы скупали это вино, что то в него прибавляли, разливали по бутылкам и на этикетках появлялись названия — рислинг, лафит и т. д.

Мы, коренные казаки, к этим местным «рислингам» и «сотернам» относились с улыбкой. А вот выморозки — это другое дело и опять же, если они домашние. А домашние выморозки делались так: соберется, скажем, компания зимой к виноделу, нальют в открытую кадку, поставленную на дворе, ведра три, а то и пять вина и ждут часа три. Потом придут, разобьют, по простоте, кулаком образовавшийся сверху ледок в палец толщиной, ледок выбросят, а вино попробуют принесенными кружечками и скажут с задумчивым видом: «Да... нужно, чтобы еще вымерзло»...

Однако, лучшим вином Донской Области, конечно, было — «Цымлянское», названное по станице Цымлянской.

Я неоднократно слышал на Дону предание, что царь Петр Алексеевич, во время своего пребывания во Франции, оценил шампанские вина и будто бы сказал: «Лоза эта у нас произростать может». Привез Царь лозу из Франции и бывая часто в Воронеже, приказал рассадить ее в той местности, но не принялась лоза около Воронежа — карпризничала, а вот попала, как то, в район станицы Цымлянской и понравилось ей: стала расти, начала давать обильные урожаи винограда, а вино из этого винограда приобрело особый вкус от землицы нашей Донской, от того ветерка, что с Дона виноградники обдувал, и стало вино Цымлянское — шипучее жемчужиной драгоценной среди наших южных вин.

Вот в этот то район станицы Цымлянской мы сейчас и ехали.

Вся компания была уже в сборе и ждала только нас. Встречены мы были такими криками и визгом, что всполошили весь хутор и переходили из объятий в объятия. Попал и я в объятия любвообильной Анны Михайловны. Она арендовала, на лето, 2-3 домика

у казаков, которые почти на все лето выезжали на свои участки земли, где и жили в маленьких мазанках.

В это лето на хуторе оказалось около 20 человек, главным образом, молодежи. Мы, молодежь «мужская», помещались в «новом» доме, который строил старший сын Анны Михайловны, но так и не достроил. Мебели не было никакой. На ночь расстилались на пол полости, застилались простынями, что-то клалось под голову, чем-то покрывались и спали в повалку. Всю эту ораву Анна Михайловна умудрялась кормить до отвала и явно страдала, если кто-нибудь не проявлял зверского апетита — правда, эти случаи были редки. Мне она очень напоминала квочку, у которой уже все цыплята повыростали, а она все еще хочет и всех своих, да еще и чужих, прикрыть и согреть.

Из занятий толку выходило мало, а шуток и смеху хватало на целые дни. Обыкновенно кого нибудь «задевали». «Вы, кажется, филолог?» «Ну да». «Вы, конечно, согласны, что русский язык — богатый, могучий, свободный и т. д.?». «Ну да». «Так вот, со мною учатся 2 черкеса — парни славные, только в русском языке немного хромают. Написали им фразу и просили сказать, что правильно по русски, а что нет. так они до сих пор голову ломают, — может быть, вы разъясните. А фраза следующая: «Шел дождь и два студента: один был в сапогах, а другой в университете, один шел по тротуару, а другой по своим делам, ну и т. д.». «Послушайте, это — издевательство!» «А почему? Вы у наших классиков найдете: «он был в сапогах» или «он пришел по частному делу». «Не может быть». «А я вам докажу»... Через момент уже спорили с пеной у рта.

По вечерам мы, рассевшись на широкой лестнице нового дома, пели. Репертуар оказался очень большим, н о главным образом это были наши южные, украинские или казачьи народные песни и, главным образом, интересно было то, что пели без регента, просто «по-птичьи». Если кто нибудь из мужчин «заезжал не туда», то кулак соседа втыкался между ребер и иногда очень сильно, а если это была барышня, то откуда то неслось замечание и довольно едкое. Как сейчас помню, что после одного из таких вечеров брат-медик отчитывал сестру консерваторку: «Дорогуся, пойми же ты, что ты поешь народную песню, а народную песню нужно петь не горлом и даже не грудью, а «душой» и, окинув ее презрительным взглядом, добавил: «Это тебе не консерватория».

Казаки нашего хутора, да и многие еще по округе, приезжая по делам зимой в областной город Новочеркасск, обращались всегда к Виктору Аркадьевичу за помощью и он бегал с ними по учреждениям, писал прошения и т. д. Поэтому теперь мы со многих хуторов получали приглашения обязательно приехать погостить хоть на день-два.

Автомобиль тех времен имел деревянные ободья, деревянные спицы, заводился ручкой и на это требовалось иногда 15-20 минут. По нашим проселочным дорогам его частенько приходилось вытаскивать из грязи или из речушки и это все лежало на моих обязанностях, но за это я был непременным членом всех поездок и именовался «добавочной лошадиной силой».

Однажды, через кого то было получена записка на клочке бумаги: «Если не приедете, буду обижен по гроб. Иван Михайлович». Виктор Аркадьевич почесал, по своей привычке, кончик носа и сказал, обращаясь ко мне: «Тут ничего не поделаешь — придется ехать, ты ведь Ивана Михайловича знаешь-». Ивана Михайловича я знал по его наездам в Новочеркасск — это был бывший вахмистр, гвардеец 1 м. 85 роста, замечательно крепко сложенный с такими плечами, что люди на него оглядывались. Несмотря на величину, он был жив, быстр, подвижен, черная борода была сильно пробита сединой, но лицо почти без морщин, и когда я узнал, что ему перевалило за 65 лет, так я только поражался.

Зимним вечером мы сидели в гостинной с парой каких-то, довольно чопорных, гостей. Раздался звонок и через минуту в гостинную влетел здоровенный казачина. Гимнастерка, обтягивающая богатырскую грудь, широкие двенадцати вершковые шаровары с лампасами, высокие сапоги, — все сидело на нем замечательно «ладно», но передвигался он настолько быстро и порывисто, что действительно казалось, что «слон ворвался в посудную лавку», что сейчас все тут будет разбито, разломано и перевернуто. Однако это только казалось. Михаил Иванович поворачивался порывисто, но замечательно ловко и произвел хорошее впечатление даже на наших чопорных гостей. Виктор Аркадьевич помогал ему устраивать какие-то дела в городе и вот теперь он непременно хотел нас видеть у себя.

На другой день утром мы собрались. Я минут десять покрутил ручку автомобиля, он пофыркал, но, в конце концов, согласился на поездку. Проехав по указанным приметам

верст 20, мы увидели влево от шляха две косилки-сноповязалки — шла уборка хлебов. На гудок автомобиля косилки стали, с передней соскочил Михаил Иванович и бегом прибежал к нам. Он был так же порывист и настолько рад, что к нему в действительности подходило выражение «вне себя». После первых приветствий он обернулся к работающим и зычным голосом закричал: «Стой, выпрягай, гостечки дорогие приехали — всем сегодня праздник». Со второй косилки к нам подошел мужчина, лет за 40, поздороваться и, улучив минуту, сказал Михаилу Ивановичу: «Батяня, дозвольте докосить — пшеница сыпется». «Я кому сказал выпрягай?» загремел бас Михаила Ивановича, «аль не слышал? Мишка!» крикнул он парню лет 17-18: «Садись на гнедого, скачи к матери, скажи — гостечки приехали, чтобы, значит, печеное, вареное, жареное враз было, да»... Он подошел к парню и что-то шепнул ему на ухо.

Оказывается, летнее жилище было верстах в 2-х дальше по шляху. Ввиду отдаленности земельных наделов от хуторов, казаки устраивали на этих наделах мазанки. Стены делались из плетня, обмазанного глиной, соломенная крыша, — вот и все, лишь бы была защита от непогоды во время весенних и летних работ. Часть наших высадили из автомобиля, посадили и подвезли Михаила Ивановича, что доставило ему большое удовольствие — первый раз в жизни прокатиться на машине! Около мазанки мы застали большое оживление — все бегали и суетились, стараясь приготовить печеное и вареное, как можно скорее. Скоро начали подходить работавшие в поле и меня поразило большое количество мужчин и женщин и еще большее количество детей самого разбразного возраста. Скоро был готов поздний обед, который незаметно перешел в ужин, а нашей оживленной беседе очень способствовало чудное цымлянское вино собственных виноградников Михаила Ивановича.

Легли спать на открытом воздухе, под стогами прошлогодней соломы, т. к. было решено поохотиться на стрепетов в ближайшей степи. Утром мы встали очень рано, но из охоты ничего не вышло и к 12 часам, когда воздух в степи от мары шел как-бы струями и было трудно дышать, мы вернулись к мазанке, где было уже все приготовлено к нашей встрече.

В тени большого скирда соломы были расстланы полости, покрытые домотканными скатертями и уставленные тарелками. Михаил Иванович сел во главе «стола», посадив рядом с собой Виктора Аркадьевича и доктора. Я тоже был приглашен, но предпочитая всегда «музыкантские места» за столом, где веселее, я уклонился и уселся против Михаила Ивановича рядом с Мишкой, с которым быстро нашел общий язык. Сразу бросилось в глаза, что за «столом» были только мужчины, а женщины только прислуживали. Посреди «стола» появилась жареная индейка, две утки и бесчисленное количество цыплят в разных видах — жареных, томленых в сметане и т. д.

Михаил Иванович разливал соседям водку, а нам с Мишкой было передано две бутылки вина и ему было приказано меня угощать. Мы быстро завязали разговор: «Скажи» — обратился я к нему — «значит, вы на уборку нанимаете людей»? Он с удивлением посмотрел на меня. «Нет, это все наше семейство». «Но как же так? Тут, если посчитать с детьми, так душ сорок наберется?». «Может и больше». Я совсем от удивления открыл рот. «Расскажи, как же это». «Да очень просто. Нас у батяни 5 сынов да 6 дочек, я самый младший, один братан на службе, а 3 вон сидят — все женатые. С сестер, значит, одна в девках ходит, а 5 удатые и, значит, 5 зятьев тут сидят. Батяня, если девок замуж выдают, так только с тем, чтобы в зятья шел». (Тут нужно напомнить многим, теперь почти неизвестный, обычай: когда отец, выдавая дочь замуж, ставил условие, что не дочь входит в семью мужа, а муж входит в семью жены на правах и с полными обязанностями члена семьи своей жены. Это и называлось принять в зятья). «У старшего братана, Петра, один сын, значит, на службе, другой — вон сидит, он на год старше меня да еще 3 поменьше. У Дуньки однолеток со мною, да еще 2 сына, да 3 девки. У Лизки...». Я начал было считать, но сбился, начал опять и опять что то не так получилось — наверное, вино подействовало — и было решено, что после обеда добуду бумагу и карандаш и запишу.

«Ну, как же вы живете на хуторе — все вместе?». »Нет, зачем же? Батяня, ежели дочку замуж выдавали или сына женили, сперва у обчества попросят место для постройки дома, а потом, как свободное время выберется, как возмемся всей семьей за постройку — вот и дом, а потом на другой год достраивают уже, что надо. Ну и работает батяня (глаза Мишки заблестели), за что ни возьмутся: хоть в поле, хоть стропила с то-

пером обтесывать, хоть сбрую починить или лошадь подковать, — всегда впереди, все умеют, все покажут и научат». «Ну, хорошо, а что же он платит вам за работу?» Глаза Мишки широко открылись от удивления. «То есть как?». «Но ведь нужно же каждому что-либо купить для себя?». «А-а, так это батяня все покупает. Вот сейчас обмолотимся, батяня отвезут пшеницу на ярмарку и купят каждому, что надо. Нам — кому сапоги, кому шаровары, кому фуражку. Они знают уже, кому что надо, а бабам ситцу купят сколько надо, а они уже сами сошьют». «Но ведь он может забыть кого либо?». «Нет, они никого не забудут. Вот в прошлом году Ульяшка была на сносях по 5-му месяцу, так батяня ей 2 соски привез, потому что до родов уже ярмарки не было».

В это время я заметил, что Михаил Иванович, налив по 2 рюмки водки кое кому из своих, больше уже никому из них не предлагал, а потчевал только гостей. «Это что же, он своим водки не дает?» «Не-е... это у нас не в заводе. Только по большим праздникам водка в доме и то больше как две рюмки старшим не дает, а если узнают, что где на стороне выпьют, так не дай Бог что и будет! Да вот» — он нагнулся ближе ко мне и начал рассказывать, стараясь говорить тише. — «В позапрошлом году батяня сами поехать на ярмарку не могли и послали Василия, вон сидит третий от доктора. Ну, значит, ему и говорят — столько-то мешков пшеницы повезешь и сдашь там-то, все уговорено. Денег получишь столько-то. Заедешь в лавку к Ковалеву и возьмешь все вот по списку — заплатишь столько-то,а я после совсем рассчитаюсь. Значит, часа в 4 утра выедешь, а к 5-6 вечера дома должен быть, да смотри, не дай Бог, что пить или еще чего там. Ну, приехал Василий во время. Батяня спрашивают — «все благополучно?» «Да». «Давай отчет». Проверили по списку, что куплено, деньги проверили — все до копейки тут Потом глянули и говорят: «А ну, дыхни... водку пил?» «Так это батяня, — говорит, — встретил сослуживцев — в одном полку служили, так они, значит, зазвали и угостили». «А я кому говорил, что на ярмарку едешь, чтобы во рту и капли не было. Пойдем». Да повели его на конюшню, да сняли вожжи, да уж они его возили-возили вожжами, аж уморились». «Да сколько же лет Василию?» «Да 37-ой пошел». «Ну и что же, никто против отца не возражает?» В глаазх Мишки выразился даже испуг. «Да разве же можно?». «Ну и довольны?» «А как же. Вот смотрите: две косилки сноповязалки имеем, сенокоски, плуги, бороны, лошадей хватает. А одеты мы лучше всех на хуторе — все есть, чего же еще?».

В голове моей вихрем понеслись мысли: как же могут существовать такие вещи в наш век высших технических достижений?

Ведь, вот, сейчас мы приехали сюда на автомобиле. На одном отрезке пути мы летели с невероятной скоростью до 40 верст в час. Ведь это же колоссально! Какая «Тройка птица», воспетая нашим художником слова, может с этим сравниться? Опять же недавно к нам, в Новочеркасск, приезжал наш известный спортсмен Уточкин со своим аэропланом. На ипподром, называемый в обиходе просто скачками, где должен был начаться полет, продавались билеты. Я заплатил за последнее место 30 копеек! Да на эти деньги я мог в студенческой столовой «шикарно» пообедать. Забрался я на скачки задолго до обещенного начала. На поле стояла уже машина: парусиновые крылья, натянутые на деревянные планки. Целая система проволочных растяжек, а под крыльями стульчик маленький для летчика. Около люди, Уточкин распоряжался, размахивал руками, а другие что-то копошились. Вот Уточкин полез на стульчик, люди начали поворачивать пропеллер. Мотор фыркнул раза два и стал. Еще и еще и опять с тем же результатом. Уточкин вылез, спрыгнул вниз, указывал на что то руками, видно кипятился, опять полез на стульчик, опять вертели пропеллер и опять с тем же результатом.

Давно уже прошло назначенное время полета. Но вот мотор зафыркал более уверенно, люди разбежались, машина покатилась прямо на забор, все ахнули. Но она поднялась, перелетела забор и поднималась все выше и выше. Публика ревела от возбуждения и восторга, размахивала руками, кричала «Ура!»

Но вот машина перестала подниматься, пошла вниз и села где-то в поле. Полет продолжался две с половиной минуты. Кто то уверял что он неудачен, но все воочию убедились, что человек летал и одно это уже приводило всех в восторг.

На другой день в нашей Новочеркасской газете «Донские Ведомости» и в Ростовской — «Приазовском Крае», только и было: «Мечты Икара осуществлены... Человек гордым орлом взлетел в поднебесье» и т. д.

И вот, в это-то время существует Михаил Иванович и его семейство. Да что же он у себя представляет? Герцог? Граф? Остзейский барон со своими подданными? И вдруг перед моими глазами как будто бы откры-

лась одна из первых страниц истории Костомарова, Ключевского или еще какого нибудь историка: «Первые славяне селились по рекам родами или племенами. Начальник рода или племени был непререкаемым главою своего рода или племени... мог принимать или изгонять из рода или племени...».

Вот, вот как раз так и есть: Михаил Иванович и есть родоначальник рода кривичей. т. е., простите, рода Водолазовых, т. к. фамилия его Водолазов. Он принимает в род зятьев, надо полагать может и изгнать.

Вот, приблизительно, мысли, с которыми я рассматривал родоначальника, а он в это время, держа в левой руке ножку курицы и размахивая ею, что то рассказывал и так весело смеялся, показывая молочно белые зубы, что нельзя было удержаться от улыбки, даже не слыша его рассказа.

Мы сидели в полуверсте от шляха, на который нас выводила проселочная дорога. Я сидел спиной к шляху, а хозяин — лицом. Вдруг рука Михаила Ивановича, с куриной ножкой, опустилась, глаза расширились, он вскочил, вглядываясь во что-то. Я обернулся, по шляху скакал всадник, в руке у него было копье с красным флажком. Мало что понимая, я посмотрел на Михаила Ивановича. Лицо его как-то осунулось и стало много старше, чем минуту тому назад.

«Сполох по Дону... Мобилизация... Война» — глухо, отрывисто падали солва. «Мишка, скачи на сером, догони и узнай, в чем дело».

Мишку, в одно мгновение, как ветром сдуло: без седла и уздечки, он уже скакал к шляху. Всадник проскакал нашу дорожку, но видно было, что его конь скачет уже давно — он шел тяжело, а Мишкин серый быстро догонял всадника. Вот догнал, скачут вместе. Вот скрылись за изгибом местности, а еще минут через десять серый клубком докатился к нам. Мишка на всем ходу соскочил с коня.

«Мобилизация! Первой очереди в 3 дня на сборный пункт!» «Да с кем же война то?» «Говорит — не то с австрийцем, не то с немцем».

В это время не все станицы были связаны телеграфом, а уже о хуторах и говорить нечего, и вот в этот жаркий день разыгралась приблизительно следующая картина. Сидел на телеграфе дежурный и, разморенный жарой, мирно дремал, как вдруг начал отстукивать телеграф: «Мобилизация первой очереди... в три дня на сборные пункты...». Дыбом стали волосы у телеграфиста. Бегом побежал в станичное правление, а там писаря что то пишут, скрипят перьями и тоже носом клюют.

«Мобилизация! — Вот телеграмма, где атаман?». Появляется атаман. «Всем хуторам написать предписания. Заготовить пики с красным флажком. Конных рассыльных не хватает? Казаки в поле на работе? У кого есть лошади в станице — у купца такого то... Мобилизовать. Скорей. Скорей...«. Призывается конный рассыльный. «Видишь, что на конверте стоит?» «Так точно, три креста — скакать, не останавливаясь». «Ну, то-то!»

В этот день и всю ночь по многим дорогам Области Войска Донского скакали всадники с красными флажками на пиках. По законам Государства Российского являлся казак на службу на своем коне, со своей шашкой и пикой, и по списку все обмундирование: 2 пары сапог, 2-е шаровар, 2 гимнастерки, 2-е портянок и т. д. и полушубок.

От Государства получал только винтовку, в чем и расписывался: «Получил винтовку за №...». По окончании почти 4-летней службы, был обязан еще 4 года иметь наготове и строевого коня, и пику, и шашку, и обмундирование — на случай мобилизации в 3 дня явиться на сборный пункт.

Вот такой то день теперь и настал. Брови Михаила Ивановича сдвинулись. «Ну что же, зятя и сына нужно снаряжать». Все было понятно — мы быстро распрощались и поехали домой.

Мы жили на маленьком хуторке, а большой хутор был в 2-х верстах от нашего, куда мы и заехали узнать новости. Туда уже доскакал рассыльный из другой более близкой к нам станицы и казаков уже начали готовить, а вот с кем война, еще не было выяснено. Мы выразили хуторскому атаману желание присутствовать при проводах казаков на войну, на что получили его полное согласие, но он предупредил, что они начнутся рано — часа в 4 утра, так как казакам надо поспешать в станицу к 12 дня.

В назначенный день мы еще до рассвета были уже около атаманского дома. В окне светился огонек и сейчас же вышел атаман.

«Ну что же, пойдем«, сказал атаман. Мы прошли на окраину хутора, противоположную той, откуда был выезд на станицу. Атаман подошел к одному из дворов и крикнул:

«Ну что же, Петр, готов что ли? В доме произошло какое то замешательство, но уже через минуту послышался ответ: «Готов» и в дверях показался молодой казак в форме и с шашкой, тщетно старавшийся спрятать голубенькую ленточку за воротник рубашки

и, видно, очень этого стеснявшийся. Все было понятно — это только сейчас отец с матерью благословили его иконкой или крестиком на голубенькой ленточке. За ним вышли пожилые отец и мать.

«Проська, веди коня». Девочка лет 12-ти вывела на улицу уже заседланного коня.

Около одного из следующих дворов повторилось то же: вышел казак в форме, за ним вышли родные, мальчишка или девченка выводили заседланных коней. Процессия медленно двигается по улице, соблюдается очень строгий порядок: впереди, по середине улицы, идет атаман, почти рядом или сзади идут старики-отцы, за ними служивые и молодежь мужского пола, потом ведут коней. Женщины и дети идут по бокам улицы — около дворов, не выходя на середину и не смешиваясь с мужчинами.

Начинаем приближаться к центру хутора, где живут более зажиточные казаки-старожилы. Около одного из дворов стоит стол, накрытый белой скатертью. На столе подносы с чайными стаканами и какая то закуска, а под столом видны четвертные бутыли с вином, вперед выходит хозяйка и, кланяясь в пояс, приговаривает:

«Не побрезгуйте угощением. Служивым дорожку погладить, закусить, чем Бог послал».

Приглашают и нас, видно все довольны, что и мы пришли проводить служивых. Такое угощение повторяется еще несколько раз. Ни душераздирающих криков, ни плача, ни гармошки не было. Вот сбоку идет молодая женщина, глянула и вдруг по щекам побежали слезы. Она быстро отвернулась, идет, вытирая слезы. Наконец справилась с собой и опять молча идет дальше.

Вот и околица. Остановились, помолчали. «Ну что же, Афанасий, поведешь что ли?» обращается атаман к молодому уряднику.

Служивые выходят вперед, мальчишки и девченки подводят коней.

«Садись!» раздается команда.

Теперь я понимаю. Дома благословили отцы и матери сыновей, дома попрощались мужья с женами и детьми, дома поплакали. Выносить на люди свои переживания казаки не хотят. И мне подумалось: неужели же ни один человек не выдаст своего волнения, своих переживаний. При этой мысли неожиданно из группы провожающих выбегает молодая казачка и перед одним из коней, на котором уже сидел казак, с размаху падает на колени и земно кланяется. Голова ее лежит между копытами коня и, медленно поднимая голову и глядя на коня снизу вверх глазами, полными слез, говорит: «Послужи, «Васенька», моему хозяину, как три года на службе служил, как дома служил, да принеси-ж мне его обратно». Конь стоит, не шелохнувшись — замер.

Урядник переглядывается с казаками, снимает фуражку. «Простите, если кого обидел, помогите семьям!» «Поможем» — глухо гудит толпа. Мужчины тоже снимают фуражки, со стороны женщин доносится заглушенный плач. Слышны отдельные возгласы: «Прощевайте!» — «С Богом!».

Но видно, все хотят окончить слишком тяжелые минуты. Урядник подал команду, всадники построились по 3 в ряд. Еще последние взгляды, последние взмахи рук и всадники трогаются в дальний путь. Сундучки с их вещами еще вчера пошли подводой в станицу и теперь казаки налегке. Толпа молча стоит на околице, провожая взглядами уезжающих. Вот они уже отъехали с полверсты и вдруг оттуда вырывается один казак и во весь опор скачет к нам, — ближе, ближе. Из женской толпы выбегает навстречу ему молодая казачка, у нее на руках двое совсем маленьких детей. Она бросилась навстречу скачущему коню, казалось он ее раздавит, но он стал, как вкопанный.

Казак наклоняется с седла и выхватывает из рук жены детей. Сажает малюток на колени, по очереди смотрит то на одного, то на другого. Но как смотрит! Малютки не плачут, они, кажется, несколько удивлены. Проходит минута, казак порывисто снимает с колен детей и почти бросает их на руки матери: «Береги детей!» Он круто поворачивает коня и вскачь несется догонять уходящих.

Мы живем еще какое то время на хуторе, но вечерами уже не поем — все собираются в отъезд. Через несколько дней заходим к нашему хорошему знакомому, сельскому учителю, попрощаться. Разговор все о том же: мобилизация, война.

«Эх», — сказал учитель, — «горюшка-реки... Вы же знаете, что казак должен выходить на своем коне, со своим обмундированием. У нас то на хуторе, слава Богу, благополучно обошлось — у всех строевые кони оказались, а вот на соседнем, у одних беда: молодая пара, два года как поженились против воли родителей, выделились, работали день и ночь, еще года два и на ноги встали бы, а тут конь заболел, да так хромоватым и остался. Ну, работали и на нем как нибудь, а тут мобилизация. Подай строевого коня, а его

нет. Ведь не все же такие, как Михаил Иванович.

Хозяйство, натурально, все свое, а денег, в особенности перед уборкой, во многих домах и 3-х рублей не найдешь. Керосин, спички, соль в лавочках в долг берут. Строевой конь в мирное время 120-150 рублей стоил, а при мобилизации до 200 вскочил. Хутор бедный, помочь не может, а станичное правление прошениями денег на коня завалено: у того сдох, у того под качества строевого коня не подходит. Комиссия по приемке строгая, коня так осматривают, что не дай Бог-да вдруг и скажут: «Конь твой под качества строевого не подходит — являйся через, самое большее, неделю на другом», а где взять? Двести рублей... Да вы знаете, на эти деньги четыре молочных коровы купить можно, а ведь у нас иные молодые пары год или два о корове только и мечтают.

А тут казаку говорят: «Знаешь закон — казак должен являться на строевом коне с шашкой и обмундированием, а не явишься — все равно, что дезертир». Позалазят в долги, кормильца то нету, а сама баба что же сделает? Конечно, соседи помогут, так ведь только прожить, а долгов то платить нечем. Много молодых хозяйств позахиреет, а то и совсем пропадут, если родители не смогут помочь».

Скоро и мы выехали в Новочеркасск. Начинались занятия во всех учебных заведениях. В нашем Институте чертежная была местом, где мы засиживались до 10 и до 11 часов вечера и где частенько не только чертили, но и обсуждали все назревшие вопросы. Первый же раз, когда я туда явился, никто не чертил — все говорили только о войне.

Общие разговоры можно было резюмировать так: Родина в опасности и мы, казаки, бывшие всегда в авангарде славных русских войск, не должны пользоваться отсрочками, даваемыми нам для окончания образования, а должны сами идти на защиту Родины.

Я лично, почему-то, политикой интересовался мало, но было среди нас много социалистов-революционеров и вот теперь один из таких вдруг заявил, что он идет добровольцем на войну.

Конечно, сейчас же раздались голоса: «Как же ты хотел свергать правительство, а сейчас хочешь идти его защищать?». «Правительство это дело наше внутрироссийское» — последовал ответ — «и его мы решим после войны сами, а сейчас Родина в опасности, значит, все внутренние разногласия должны быть временно кончены и есть только одно — За Родину!» Его подразнили еще, он разгорячился и дело чуть не дошло до потасовки.

Я всей душой рвался на войну, но тут было большое «Но». За всю мою жизнь, сколько я себя помню, отец выдрал меня всего три раза, но и теперь, будучи уже молодым человеком, достаточно было отцу на какие нибудь мои разглагольствования сказать — «Что-о-о?» — чтобы я замолкал. Без согласия отца я и не думал уйти на войну, значит, просить согласия, а что если он скажет — «Что-о-о?» Так ведь стыда не оберешься...

Просить разрешения я решил твердо, но вот это «Что» заставляло меня откладывать просьбу со дня на день, а наша чертежка начала, по немногу, пустеть. Лучшие мои друзья уходили добровольцами. Нет, так нельзя! Назначаю твердо день. Отец, придя со службы в лесном отделении Областного Правления, отдыхал после обеда, а потом, зная, что я поздно возвращаюсь, любил читать в моей комнате до моего прихода.

В этот день я вернулся домой часов в 11 вечера. Отпер своим ключем двери и, зная, что все уже спят, потихоньку прошел в свою комнату. Отец сидел спиной к двери за письменным столом. Лампочка, сильно затемненная абажуром, бросила свет только на книгу, которую он читал, а в комнате была полутьма. «Здравствуй, папа!» «Здравствуй». «Папа, я хотел с тобою поговорить». «Говори!» Отец продолжает сидеть все так же, ко мне спиной, и даже не оборачивается. «Папа, теперь, когда у нас война... Мы казаки всегда были... Мои лучшие друзья уже...»

Вот странно, никогда, как будто бы, за словом в карман не лазил, а тут ничего не получается.

«Папа! Разреши мне добровольцем идти на войну!» — Выпаливаю я сразу, видя, что из пригоотвленной речи ничего не получается.

Отец как то страшно медленно поднимается со стула и оборачивается ко мне. Никогда, кажется, после, в самые опасные моменты у меня не уходила «душа в пятки» так, как в этот момент. Ну, что если рявкнет сейчас — «Что-о-о!»

Строгим тоном отец сказал: «Иди сюда — благословлю». Не совсем еще понимая сказанное, делаю, отделяющие нас, три шага. Отец широко меня крестит и целует в лоб. «Я уже решил, если бы ты мне это не сказал еще две недели, то я бы тебе это сказал. Рад, что мне это не пришлось сделать. Завтра поговорим, а сейчас ложись спать».

Отец быстро выходит из комнаты как будто бы слишком широкими шагами. Только теперь, кажется, я понял все происшедшее.

Господи! да какой же у меня хороший отец! Ведь я его, значит, совсем не знал.

У человека очень редко бывают минуты полного счастья без какого либо «но». Однако в эту ночь, засыпая, я был вполне счастлив и никакие «но» не тревожили мою душу.

Бразилия. **В. Мыльников**

УВЕЩАНИЕ

Не ходи Ты по гирлам опасным,
Не рискуй головою, казак,
Удальством не хвались ежечасным:
В камышах попадешь Ты впросак.
Пуще лжи унизительно — едкой
Воровства не потерпит закон,
— За бесчестие пулею меткой
Наградит Тебя батюшка-Дон.
Пожалей Ты скорбящих в молчаньи
И жену, и любимую мать:
Тяжело им Тебя при прощаньи
Потихоньку от всех обнимать!..
Лучше парус расправь белокрылый
И по легкой азовской волне,
Бросив дома каюк опостылый,
На широком и крепком челне
Уходи на простор. В нем иначе
Ты оценишь опасности хмель,
Будешь счастлив полнее удачей
После страдных тревожных недель.
Там познаешь Ты тайны улова
И секреты по морю дорог,
У святынь побываешь Азова
И с поклоном зайдешь в Таганрог,
А вернешься домой загорелый,
С бородой казака-молодца,
Взгляд Твой честный, открытый и смелый
Встретит взор восхищенный отца!

Париж.

И. Сагацкий

О СТАТЬЕ Г. КОВАЛЕВА

(Продолжение)

Победы казаков примерно до декабря 1918 г. являются неоспоримыми фактами. При этом они вызывались не какой то особой «трудоспособностью» н-ка Штаба Дон. Армии И. А. Полякова, а тем, что казаки в это время, никого не спрашивая, никем не руководимые, сами, стихийно восставали против большевиков.

Стимулами каз. восстаний были местный казачий патриотизм, идущий с глубокой старины и лютая ненависть к сов. власти, стремившейся разрушить каз. быт, складывавшийся веками. Первый до какой то степени поддерживался известными кругами дон. казачества, вторая, в Армии, должна была поддерживаться Штабом Дон. Армии и укреплением у казаков веры в свои силы и в правоту своего дела. Большевики в это время проявляли максимум энергии в ведении пропаганды для разложения Дон. Армии, а н-к Штаба ее не проявлял никакой «трудоспособсти», чтобы парализовать эту пропаганду.

Я пробыл в Армии, в строю, на фронте и в прифронтовой полосе — 6 месяцев и никогда не видел никакой нашей пропагандной литературы, присланной Штабом Дон. Армии. Иногда появлялась газета «Донской Край», которая вела политику, противоположную решениям Войск. Круга, и часто помещенным в ней материалом дополняла большевиц. пропаганду. Останавливаться подробно сейчас на этом невозможно, т. к. этот вопрос сложный и он заслуживает особого исследования.

Когда в конце 1918 г. казаки «устали», потеряли веру, пали духом, никакая «трудоспособность» н-ка штаба И. А. Полякова не

помогла и к моменту созыва февральской сессии Дон. Войск. Круга Дон. Армия оказалась в том же положении, что и в мае 1918 го., т. е. у стен Новочеркасска. Но тогда у казаков был порыв, желание бороться — а теперь упадок духа.

При описании героизма и доблести казаков и их побед я совершенно не придерживался последовательности, а группировал сведения из книг Толмачева и Мухоперца и свидетельства казаков-эмигрантов, не указывая, что от кого взято. Для моего труда это и не требовалось. Вероятно, против этого не возражал бы и г. Ковалев, если бы в моей статье не фигурировало имя ген. Полякова.

Я касался его постолько, поскольку это имело отношение к моей теме, посвященной памяти ген. Мамонтова. Следовало бы о нем написать гораздо больше и коснуться тех вопросов, которые в печати не освещены и неизвестны большинству казаков, и которые имели значение в ходе борьбы с большевиками, о деятельности и «трудоспособности» И. А. Полякова в бытность его начальником штаба Дон. Армии. Но для сокращения «ответа» г. Ковалеву, коснусь их как нибудь в другой раз.

Г. Ковалев пишет: «Г. Падалкин бросил чудовишное, нелепое и не на чем не основанное обвинение Дон. Атамана ген. Краснова употребить удушливые газы для взятия Царицына». Это совершенно неверно. Если из моей статьи и можно усмотреть «обвинение» по адресу кого то, то оно «брошено» не по адресу ген. Краснова, а по адресу ген. И. А. Полякова. В ней сказано: «Ген. Краснов, подумав некоторое время и как бы говоря самому себе, но глядя на ген. Денисова, сказал: «значит, газов применять нельзя». А из краткого обмена фразами Атамана с к-щим армией было ясно, что инициатива применения газов исходила от н-ка Шт. Армии ген. И. А. Полякова, который, настаивая на их применении, ответственным за это ни морально, ни юридически не являлся. Ответственным было бы все Войско Донское, и в первую очередь его Атаман, командующий Армией и Войск. Круг.

Кажется, сказано ясно. Предложение о применении газов исходило от И. А. Полякова и было отвергнуто Атаманом Красновым.

Основанием для написанного мною является не какой нибудь документ, их и быть не может, а мое личное свидетельство, которому г. Ковалев вправе верить или не верить. Но я утверждаю, что такой разговор с ген. Красновым был. Если И. А. Поляков свои «проэкты» по этому вопросу излагал на бумаге, то может быть когда нибудь они и увидят свет, а если эти проэкты излагались устно, то никаких оснований, кроме моих утверждений в письменном виде нет, но за сказанное я беру на себя ответственность перед историей.

Добавлю, что при докладе ген. Краснову о положении в Царицыне, кроме ген. Денисова, присутствовал и н-к контр-разв. отделения Штаба Дон. Армии того периода полк. Белинский, через которого мы получали «задачу» на Царицын и через него же представляли письменный доклад Командующ. Армии. Полк. Белинский в дополнение к нашему докладу на большой карте — плане Царицына точно отметил нахождение красных частей. Может быть, доклад с этой картой где нибудь сохранился, но и в нем нельзя найти указания на газы, по причинам, о которых будет сказано ниже.

После нашего доклада Атаману мы с хор. А. поделились слышанным от ген. Краснова с нашим бывшим н-ом по штабу Ростов. Военного Округа Каледино-Назаровского периода Д. М. Афанасьевым, бывшим в то время руководителем разведки при Отделе Иностранн. Дел. Он доложил об этом ген. А. П. Богаевскому, в распоряжении которого состоял. Через 1-2 дня он просил меня зайти с ним к ген. Богаевскому, говоря «Штучки Полякова допущены не будут».

Ген. Богаевский, выслушав «сообщение», выразил удивление «существованию таких проэктов» и тоже сказал, что этого допущено не будет. На этом собственно говоря история с газами, по крайней мере для меня, была закончена. Какие меры принял ген. Богаевский, мне неизвестно.

Когда в 1934 г. после смерти Дон. Атамана ген. Богаевского была создана комиссия по выборам нового Атамана, ген. Красновым я был назначен ее секретарем, и поэтому неоднократно бывал у него по делам комиссии в Сантени. В время одного из таких посещений, вспоминая гражданскую войну, ген. Краснов спросил меня: «Не вы ли в мое атаманство ездили в Москву и Царицын?» — Я ответил: «Да». Разговор коснулся этих поездок. Пользуясь этим, я в какой то мере напомнил ген. Краснову разговор о газах, имевший место 15 лет тому назад в Атаманском Дворце. Дословного ответа ген. Краснова, имевшего место 28 лет тому назад, воспроизвести трудно, но смысл его был таков: «Было больное время, бывали и больные идеи. Но я, как Атаман, допустить этого не

мог». На этом разговор на эту тему прекратился. Отмечаю этот разговор, как свидетельство того, что и через 15 лет ген. Краснов потвердил о существовании в «некоторых головах» идеи применения газов, но что он лично «допустить этого не мог».

Отвечая на длинное разъяснение г. Ковалева о невозможности и сложности применения газов и «нелепости» этого «обвинения» должен сказать, что, занимаясь много лет изучением вопроса борьбы дон. казаков с большевиками с начала революции до избрания ген. Краснова Атаманом, я ознакомился со всей эмигрантской мемуарной литературой и у кого то прочел, что немцы, во время их нахождения на Дону в 1918 г. предлагали ген. Краснову помощь войсками для взятия Царицына, но за это требовали не только половину военной добычи, но и передачи им, для вывоза в Германию, технического оборудвания цариц. заводов.

Если бы немцы не ставили таких условий, то весьма возможно, что ген. Краснов воспользовался бы их предложением и никто из казаков не осудил бы его за это. Но если бы он согласился на эти условия, история осудила бы не только его, но и все дон. казачество. Вероятно по этим обстоятельствам ген. Краснов и отказался от немец. помощи.

Возникает вопрос, не вели ли немцы, что вполне возможно, какие то переговоры с начальником Штаба, помимо ген. Краснова? Возможно, что они и были инициаторами применения газов, беря на себя их доставку и использование. Все это они могли предложить И. А. Полякову, который со своей стороны мог настаивать на этом перед Атаманом. Что касается моральной стороны дела, то немцев этот вопрос мог и не интересовать, т. к. ответственность за применение газов падала не на них. Наконец, немцы могли делать свои предложения в чисто пронаходились не только в Новочеркасске, но и вокационных целях, т. к. их представители в Москве. Этого И. А. Поляков тоже мог не учитывать или просто не понимать.

Если допустить возможность немец. предложения, то все технические трудности, о которых пишет г. Ковалев, легко могли были быть устранены. Тем более, что примерно в это время был период, когда фронт дон. войск у Царицына долгое время был почти неподвижен и следовательно препятствие по условиям «маневренности» тоже отпадало.

Но дело не в этом. Я написал, что мне известно по этому вопросу, не рассматривая технической стороны дела.

В августе-сентябре 1918 г. в Новочеркасске я часто встречался с двумя офицерами, служившими в Химическом отряде, располагавшемся в гостинице «Лондон» на Барочной улице. Не знаю, был ли это взвод, о котором пишет г. Ковалев, или это была другая часть, но эти офицеры говорили мне, что у них идут «усиелнные» теоретические занятия по применению газов.

Заявление г. Ковалева, что «для этого не было надобности посылать специального агента» — чистая фантазия. В моей статье ничего не говорится о посылке «для этого» спец. агента, а сказано, что я и А...в были посланы в Царицын, «чтобы выяснить его обороноспособность» и делали доклад ген. Краснову именно на эту тему. Вопрос же Атамана, «насколько пострадает население города в случае атаки», для нас был совершенно неожиданным, и поэтому он совершенно не затрагивался в нашем письменном докладе.

При описании факта разговоров с ген. Красновым у меня не было никакой попытки «связать их с нашими теперешними эмигрант. разногласиями».

Из приведенного мною краткого разговора ген. Краснова с ген. Денисовым и из того факта, что газы не были применены, следует, что ген. Краснов не послушался своих помощников и провел именно свое решение. Нам же, агентам, задал вопрос в присутствии ген. Денисова может быть и потому, чтобы нашими ответами подчеркнуть ошибочность стремления применения газов.

Г. Ковалев в его послесловии «К 40-летию мамантовского рейда» пишет: «Требуя несомненных доказательств», не надо забывать, что не все отражалось в офиц. распоряжениях и приказах». Можно добавить, что тем более в них не могли отражаться «секретные доклады» и «проэкты». Выражаясь его же словами. в том же «Послесловии», нельзя «все рисовать светлой краской, нужно указывать и на ошибки и высказывать «горькую правду» даже и тогда, когда она кому-то не нравится. И «не следует поэтому огульно осуждать свидетелей или исполнителей, ибо их описания фактов, имевших место, «облегчает будущим историкам их работу».

(Окончание следует)

Париж.

А. Падалкин

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

А. П. Падалкин пишет по поводу даты приезда Государя Николая 2-го в Новочеркасск: «Я получил письмо от Н. Егорова стан. Новочеркасской, в котором он пишет, что он учился в Новоч. в Донском Реальном училище, в 1914 г. перешел в 5-ый класс и в составе этого класса был на встрече Государя во время его приезда в Нвч. зимой в конце 1914 г. То же подтверждает и участник Степного Похода Процыков, поступивший в 1914 г. в Пансион Кадетского Корпуса, который в этом же году участвовал во встрече Государя.

Относительно партизанского отряда сотн. Димитриева (Р. К. № 40 — «По поводу статьи «Дело фенаролли у казаков» Е. Ковалева и примечания к ней редакции) А. П. Падалкин сообщает: «Будучи участником антибольшевицкой борьбы с 19 янв. 1918 г., я знал о большинстве существовавших партизанских отрядов в районе Новочеркасска, но так же и о тех, к формированию которых приступали, но которые не были закончены. Однако об отряде сотн. Димитриева я никогда не слышал. Не смешивается ли здесь этот отряд с «Димитриевской организацией», о которой я дал краткие сведения в «Р. К.» № 36 (очерк «Новоч. Каз. Училище»)? О существовании этой организации, уже после оставления партизанами Новочеркасска, пишет и г. Олин в очерке «Тайные работники» («Донская Волна» № 18 (46).

Или, быть может, партиз. отряд сотн. Димитриева существовал где нибудь в другой части Дона, а не в районе Новочеркасска. Такие отряды до 12 февр. существовали. Так на жел.-дор. линии Поворино-Царицын действовал отряд полк. Полковникова, бывшего командующего войсками Петрогр. Военного Округа. Там же был или самостоятельный отряд ес. Талалаева, или он принял таковой после смерти полк. Полковникова? Где то в районе Урюпина был отряд сот. Попова, который был уничтожен красными где то в районе Белой Калитвы, когда он пробивался к Новочеркасску *). Имеются также совсем скудные сведения о действиях каких-то партиз. отрядов на ж.-д. линиях Царицын-Морозовская, и Царицын-Великокняжеская, и об отряде в районе станции Арчеды.

*) Н. М. Мельникову точно известно, что отряд сотн. Попова («Отряд Степана Разина») был уничтожен 30 января 1918 г. около хут. Чекалова, недалеко от станции Морозово.

Вопрос об отряде сотн. Димитриева представляет большой интерес не только для составления подробной и точной биографии покойного Атамана С. В. Павлова, но и вообще для истории борьбы Дона с большевиками.

***

И. Я. Крюков пишет: «В № 40 Р. К. — А. П. Падалкин дает справку об 2-ух класс. Аксайском Училище, которую едва ли можно признать за исчерпывающую; ибо можно подумать, что низшее учебное заведение (Аксайское из 2-х классов) заменяло собой среднее, ибо оно выпускало и священников и офицеров. Однако, никто не мог стать тем или иным без соответствующей подготовки.

В Донской Епархии было два Духовных Училища (Новочеркасское и Усть-Медведицкое) с 4-ех летним курсом обучения, по окончании которых молодые люди поступали обычно в Духовную Семинарию и только после ее оконачния (6-летний курс) могли стать священниками. Миссионерская школа или производство в офицеры за боевые отличия здесь не в счет.

***

Среди поступивших в Военное Училище в Нвч. в августе 1919 г. (Лемносский выпуск Атаманского Училища 9-го марта 1921 г.) молодых людей с низшим образованием не было, что не трудно проверить по архивам Училища, по свидетельству еще здравствующих командиров сотен, сменных офицеров Училища и самих офицеров. Нельзя же говорить, что Л. Г. Корнилов стал офицером, поучившись в Кокпетинском приходском училище или доктор Протопопов стал профессором, окончив Зотовское Церковно-приходское училище.

***

Е. Ковалев пишет:

Но откажите в любезности поместить в редактируемом Вами журнале следующее:

1) Прочитав книгу г. Беляевского «Кто виноват», я обратил внимание на главу IX-ю, в которой описывается Мамантовский рейд.

Большая часть этой главы, то своими словами, то с небольшими изменениями, а иногда слово в слово списана с моего очерка: «К 40-летию Мамонтовского рейда», напечатанного в журнале «Род. Край» в номерах: 24, 25, 26, 27 и 28 в 1959 и 1960 гг., причем г. Беляевский ни разу не сделал ссылки на мой труд и ни разу не упомянул меня, как автора этого очерка, чего требует литературная

этика и без чего его описание является плагиатом.

Принимая во внимание, что в конце моего очерка была сделана кроме того специальная оговорка на русском и французском языках, что «все права сохранены за автором», т. к. некоторые факты были опубликованы мною впервые и их нельзя найти в других источниках, я обратил на это внимание г. Беляевского в письме от 12-го июля 1962 г., попросив у него объяснений и предложил ему, если он, быть может, недостаточно знаком с правилами и законами о печати, поместить в прессе соответствующее заявление с извинением за допущенную оплошность и с указанием на использованный им источник.

2) В ответ на мое предложение, я получил от г. Беляевского письмо, выдержку из которого привожу ниже:

Уважаемый г. Ковалев.

Письмо Ваше от 12-го минувшего июля получил... **Я действительно при составлении своей книги «Кто виноват» пользовался Вашими очерками, помещенными в журнале «Родимый Край»**. Те места, которые я заимствовал из Ваших очерков, я делал ссылки, но типография, очевидно по ошибке, пропустила и я не мог этого своевременно исправить, т. к. указанная книга печаталась в Аргентине и за дальностью расстояния, там же и корректировалась. **Ошибка эта сделана не по моей вине, но все же я виноват в том, что своевременно не обратил внимания на этот пропуск. Прошу Вас извинить меня за это.**

Во все оставшиеся книги, а их много, я с первых дней получения Вашего письма вкладываю прилагаемое при сем исправление — в к ниги, которые расходятся.

Прошу Вас один экземпляр моего исправления передать в редакцию журнала «Родимый Край» для напечатания этого исправления, и если найдете нужным, второй экземпляр передайте в Вашу местную газету... Еще раз прошу извинить меня.

Остаюсь с искренним приветом
24 августа 1962 г.

В. Беляевский

3) Заявление г. Беляевского:

При описании Мамантовского рейда в главе IX допущен типографией пропуск ссылки на источники, откуда частично этот материал заимствован. Следует читать, что материал этот заимствован из журнала «Родимый Край» из очерков Е. Ковалева.

4) Хотя объяснения г. Беляевского меня не вполне убедили, тем не менее, принимая во внимание чистосердечное признание совершенной им ошибки, незнание им законов о печати, а также его преклонный возраст, я удовлетворился принесенным мне извинением, о чем и сообщил ему письмом от 22-го октября 1962 г.

**
*

Л. Попов (США) пишет:

«С большим интересом прочел в № 41 «Р. Края» статью «К сведению каз. общественности», подписанной группой казаков, отсидевших года в сов. лагерях. В ней пишется о появлении в Нью-Йорке г-на А. Крамаровского. И мне, как казаку, живущему около Нью-Йорка и побывавшему на его докладах, хотелось бы побольше осветить его деятельность.

Весной с. г. Донская станица в Нью-Йорке устроила доклады г. Крамаровского «Выдача казаков в Лиенце» и «Жизнь в Израиле». Казаков, живущих как в Нью-Йорке, так и в ближайшей провинции, очень заинтересовала тема 1-го доклада. Было много на нем и не казаков. Г. Крамаровский говорил о выдаче казаков ровно 7 минут и больше одного часа о жизни в Израиле. Но и за эти 7 минут он умудрился не только оскорбить казаков, погибших при выдаче, но и заявил, что по существу казаки сами виноваты в этой трагедии. Несколько присутствовавших казаков протестовали против такого заявления, в зале поднялся шум. А через некоторое время в газете «Нов. Русское Слово» появилась статья г. Троцкого, в которой казаков, протестовавших против заявления г. Крамаровского, обозвали «сов. провокаторами», но протест против такого заявления газета не напечатала. Затем в той же газете появился ряд статьей г. Крамаровского, в которых он обвиняет казаков в том, что всю свою историю они занимались грабежами и это до последнего времени. Протесты же против этих, порочивших казачество, статей — газета не печатала.

В день, посвященный памяти Лиенц. трагедии, Общеказ. станица пригласила и г. Крамаровского, несмотря на протесты казаков, указавших на его статьи. Во время трапезы, как только г. Крамаровский появился на сцене, желая выступить, то тотчас группа казаков покинула Казачий Дом, не желая его слушать. Вскоре «Н. Р. С.» напечатала статью г. Крамаровского, где протестовавшие против него казаки назывались провокаторами. Протесты же казаков газета попрежнему не печатала.

Вся деятельность г. Крамаровского заключается в том, что он, пользуясь своими

связями с редактором «Н.Р.С.», во всех своих статьях порочит казаков, в тех каз. организациях, где его принимают, занимается тем, что вносит ссоры и раздоры. Как ни странно, его приняли в члены Правления Каз. Музея и здесь он умудрился оскорбить нашего почтенного казака Б. Н. Уланова. Мы, казаки, знающие Б. Н., конечно не верим заявлениям г. Крамаровского, а незнающие, в чем суть дела, лица могут и поверить.

Странно только, что здесь в США некоторые казаки, считающие себя «вождями казачества», поддерживают г. Крамаровского, а он в своих статьях их же и порочит. Видя такие заявления г. Крамаровского, не удивляешься тому, что он позорит таких Атаманов, как П. Н. Краснов, а удивительно то, что находятся казаки, которые печатают в своих журналах его очерки, поносящие казачество.

Всецело присоединяюсь к группе казаков, протестовавших против статей г. Крамаровского, и надеюсь, что казаки поймут, кто их враги и не будут помещать в своих органах печати статьи врагов казачества.

Из Аргентины, от Общеказачьего Союза:

Читая «Р. Край», с первого номера его выпуска, и относясь с полным уважением к нелегкому труду издаваемого вами журнала, сотрудничая и распространяя журнал среди казаков не только в Аргентине, но и в других странах, мы, однако, не можем оставаться безразличными к статьям, поступающим из Аргентины за последнее время, с умышленной целью ввести в заблуждение казачью эмиграцию.

В связи с этим, мы считаем своим неотъемлемым долгом и правом сделать опровержение в «Р. Крае» помещенным ложным сообщениям Г. Туркина, проживающего в Аргентине. В «Р. Крае» № 37 помещена статья Туркина «о Войсковом празднике в Аргентине», явно не соответствующая действительности. Не состоя ни в одной казачьей организации, Туркин берет на себя роль оценщика проведения Войск. Праздника другими казачьими организациями в Аргентне 15-го октября 1961 года.

Мы со всей ответственностью перед казачьими общественными организациями и читателями журнала заявляем, что никакого правления и атамана Калединской ст-цы не было на указанном Туркиным празднике, а была лишь группа казаков из 5-7 человек обоего пола, состоящая из двух семей. Кстати, и в настоящем году Туркин отпраздновал праздник в своем доме в присутствии тех же двух семей, но без самозванного «атамана», которому, вероятно не по душе стало такое празднование. Калединская ст-ца была организована в 1958 г., атаманом ст-цы был избран Крыжнов и с истечением срока в 1959 году он был отстранен от должности атамана, как не заслуживающий доверия казаков. В настоящее время Калединская ст-ца возглавляется пом-ком ат-на ес. Г. Куркиным, который временно исполняет обязанности ат-на ст-цы. Статья Туркина о дне «Лиенцевской трагедии» в № 41 «Р. К.», в которой он пишет о «Калединской ст-це», по существу является той же клюквой, но уже заправленной многолюдным присутствуем. «Город Беразатеги», указываемый в своей статье Туркиным, является ни чем иным, как провинциальной ж.-д. станцией, при поселке которой живет 6-7 казаков, а остальное население неказачьего происхождения. Тут автор статьи непомерно, говоря простым языком, изобличает себя во лжи. Утверждаем, что день «Лиенцевской трагедии» в настоящем году был отмечен служением панихиды совместно четырьмя казачьими организациями, в числе которых участвовала и Калединская ст-ца, во главе с исп. долж. ат-на ес. Куркиным. В заключение, мы считаем своим долгом сказать следующее: в наше тяжелое эмигрантское время появляются гоги и магоги и беззастенчивые демагоги, безответственно вводящие в заблуждение казачью эмиграцию, внося разлагающие попытки в казачью среду. К таким людям и принадлежит автор явно вымышленных статей.

Общественные деятели в Аргентине приложили много усилий в своей работе по объединению, что в данном случае имеет положительные и отрадные факты в низовых организациях, и просят редакторов печатных казачьих органов относиться с осторожностью к помещаемым статьям, которые дезинформируют казачью эмиграцию.

Подписали: Ат-н Общеказ. Союза С. Донсков. Вр. исп. об. Ат-на Калединской ст-цы Г. Куркин. Ат-н Павловской ст-цы М. Грачев. Члены Правления Союза: С. Зощенков, Г. Карпенко, А. Герасимов, Е. Лукьянов.

**
*

Научи меня, Боже предобрый,
Моих братьев людей не судить
И внедри в мое сознанье
Самому человеком мне быть.

Помоги мне пороков, грехов избегать
И веру, Владыко, в Тебя укрепи
И в людях не зло, а добро замечать
И дух гордыни во мне укротить.

Внуши мне, Создатель, к братьям
С добрым словом всегда подходить
И когда у них горе, страданье,
Слова утешенья для них находить.

Пошли Ты мне, Господи, бодрость и силу
Свой жизненный путь продолжать
Безропотно, скромно, спокойно и тихо
И с верой на милость Твою уповать.

Бельгия. **А. Смородин**

ОБРАЩЕНИЕ К КАЗАКАМ

26-го августа 1962 г. в Нью-Йорке открыт **Казачий музей и архив,** организованные по инициативе и трудами донских казаков В. Г. Лазарева и В. Г. Глазкова. Они являются и первыми большими жертвователями ценных старинных казачьих реликвий и исключительной исторической ценности материалов, оцениваемых, по скромным подсчетам специалистов, в несколько тысяч долларов. Некоторые же экспонаты, по своей несравненной важности и редкости, и не могут быть оценены. Подробности освящения Казачьего музея и архива описаны в газете «Нов. Рус. Слово» от 29-го августа с. г. и в казачьей прессе.

После освящения и открытия музея и архива собравшимися казаками самых различных политических убеждений и направлении и представителями казачьих организаций был избран **Попечительный Совет**, на обязанности которого лежит: а) руководство и ведение всей деятельностью музея и архива; б) охрана пожертвованных музею и архиву вещей и материалов; в) сбор документов и материалов, связанных с древней и новой историей казаков и всего, что относится к казакам, их быту, традициям и т. п.

Почетными членами Казачьего музея и архива в Нью-Йорке избраны: прот. о. П. Дьяконов, В. Г. Лазарев и В. Г. Глазков, последние два, как основатели и жертвователи ценных казачьих реликвий. По той же причине председателем Попечительного Совета музея и архива был избран В. Г. Глазков; 1-ым заместителем председателя В. М. Петрус — член правления Донской Центральной им. Атамана ген. П. Н. Краснова ст-цы в Нью-Йорке; 2-ым заместителем председателя Б. Н. Уланов — старейший ныне депутат и заместитель председателя Президиума Донского Войскового Круга; казначеем музея и архива И. С. Бондаренко — заместитель атамана Донской Центр. им. Атамана П. Н. Краснова ст-цы; секретарем музея и архива А. Ф. Крамаровский. Членами Попечительного Совета: А. С. Кибирев, В. В. Короленко, В. Г. Лазарев, А. Ф. Малый и Ю. Л. Пригодина.

В речах, сказанных при открытии музея и архива, было подчеркнуто постановление Попечительного Совета, что музей и архив открываются на условиях **внепартийной казачьей организации.** Никакие политические, партийные, организационные и другие привилегии не играют никакой роли. Каждый казак может иметь те или иные взгляды и убеждения по тем или иным политическим или казачьим вопросам, но эти взгляды и убеждения не имеют никакого значения и влияния на цели и задачи открытого Казачьего музея и архива, которые являются **достоянием всех казаков** независимо от их убеждений и взглядов.

Первой целью открытия музея и архива является оборудование и содержание места хранения и старинных казачьих реликвий и документов. Многие казаки часто запрашивали, куда можно было бы поместить на хранение свои ценные вещи, книги, документы, материалы, труды, относящиеся к казакам и их истории,ч тобы они послужили для подро-

стающего поколения не только памятью, но и постоянным напоминанием о немеркнущей былой славе казаков. Теперь такое место для таких ценностей создано.

Второй целью музея и архива является создание объединения и сотрудничества казаков самых различных убеждений и взглядов на таком важном культурном начинании, что может послужить базой для более тесного казачьего сотрудничества перед надвигающейся новой мировой катастрофой, и объединения их в одну казачью семью с их обычаями и традициями, не идущими вразрез с законами стран, в которых проживают казаки эмигранты. Каждый казак должен сознавать, что перед надвигающейся опасностью все споры и распри личного характера должны быть забыты и что всем необходимо объединиться и выступить на защиту своей Казачьей Свободы и своего Родного Края.

Третьей целью открытия музея и архива является создание в такой громадной столице мира, каким является сейчас Нью-Йорк, культурного места, где казаки могли бы устраивать свои казачьи сборы, собрания, доклады, вечера, концерты и т. п.

На основании вышеизложенного Попечительный Совет обращается **ко всем казакам и друзьям казачества** с просьбой: а) помочь ему выполнить намеченные цели; б) присылать имеющиеся у них вещи, материалы, труды, книги и прочее, что относится к казакам и их истории на хранение музея и архива, как это уже сделали сразу же после открытия Казачьего музея и архива в Нью-Йорке: 1) кубанский казак проф. И. И. Касьянов, который передал музею на хранение серебряный георгиевский крест, найденный им в Лиенце после выдачи казаков большевикам; 2) д-р И. И. Гольдман, проф. Джорджтаунского университета в Вашингтоне, передавший записки Кубанской Краевой Рады от 24 ноября 1920 года; 3) немец д-р Рудольф Карманн, передавший старинный штандарт 1736 года; в) оказать посильную материальную и денежную помощь по содержанию музея и архива.

При этом все денежные средства направлять в адрес казначея музея:

Mr. Ilya S. Bondarenko. 42-60 Bowne Street. Flushing 55, N. Y. USA.

— а материалы и вещи, предназначенные для музея и архива, посылать по адресу:

The Cossak's Museum and Archives. 12. Saint Mark's Place. New York 3. N. Y. USA.

Попечительный Совет Казачьего музея и архива в Нью-Йорке еще раз подчеркивает, что **музей и архив принадлежат всем казакам,** но не какой-либо отдельной организации ,партии или группе, а поэтому в состав Попечительного Совета и избраны лица разных взглядов и убеждений по политическим и казачьим вопросам.

Бог в помощь, дорогие станичники, на это большое, важное и доброе дело!

Председ. Попеч. Сов. В. Г. Глазков.
1-й зам. председ. В. М. Петрус.
2-й зам. председ. Б. Н. Уланов.
Члены Попеч. Сов.: прот. о. П. Дьяконов, А. С. Кибирев, В. В. Короленко, В. Г. Лазарев, А. Ф. Малый, Ю. Л. Пригодина. Казначей М. С. Бондаренко. Секрет. А. Ф. Крамаровский.

Нью-Йорк.

От Редакции: В письме в Редакцию «Нов. Русского Слова» Б. Н. Уланов сообщает: — «В № «Н. Р. С.» от 4 сент. в отделе хроники и информации «Каз. Музей и Архив в Нью-Йорке», вкралось неправильное сообщение, касающееся меня, а именно напечатано: «второй заместитель Б. Н. Уланов». В таком звании я не состою.

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

● 26 августа в Нью-Йорке состоялось освящение казачьего музея и библиотеки, которые вскоре открываются в помещении украинского культурного центра, 12 Сэйнт Маркс Плэйс.

Музей освятил протоиерей о. Петр Дьяконов. В. Глазков рассказал собравшимся о значении музея и дал сжатый обзор уже имеющихся экспонатов, основу которых составляет коллекция устроителя музея В. Г. Лазарева.

В музее размещено старинное и новое холодное оружие (в том числе древний кинжал из донских курганов, сабля 16-го века в украшенных орнаментом ножнах, кинжалы, сабли, шашки, ятаганы, пики, огнестрельное

оружие, два самопала, много винтовок, почтенного возраста пистолеты, перначи, бунчуки, таган (котел для варки пищи), переделанный в уникальный бубен, редкие музыкальные инструменты, в том числе струнный инструмент, напоминающий гусли, и точная копия такого редкого инструмента, как донская лира, и т. д.

Глазков подчеркнул, что музей ставит своей целью собрать и спасти от распыления, а в некоторых случаях и от гибели, все те вещи, которые связаны с древней и новой историей казачества.

В. Г. Лазарев, главный устроитель музея, в кратком слове говорил о романтике, которая позволяет эмигранту перекинуть воображаемый мост к прошлому покинутой им родины.

С. А. Жаров в телефонограмме выразил удовлетворение тем, что в музее будет отдел, посвященный бессменно руководимому им донскому казачьему хору.

Б. Н. Уланов отметил, что хорошие казачьи музеи уже есть, в Париже и кубанский в Астории Нью-Йорк. Но задача собирания документов и материалов по истории казачества, в том числе по истории борьбы казаков против коммунизма, далеко не исчерпана. С речами выступили также о. Петр Дьяконов, Бондаренков, Петрусь, Гаев, Александров, Афанасьев и др. Все они подчеркивали, что внутриэмигрантские и внутриказачьи споры и раздоры не должны иметь отношения ни к музею, ни к библиотеке.

Собравшихся очень взволновали слухи о недавних расстрелах большевиками демонстрации недовольных и протестующих в Новочеркасске. Трудно проверить, насколько обоснованы эти слухи, но присутствовавшие на открытии музея выразили твердую уверенность в том, что дух сопротивления большевизму не угас в казачестве той стороны.

В. З.

● **КАЗАЧИЙ ПАМЯТНИК.** — На совещании станичных атаманов, членов Общеказачьего Центра, которым было поручено осуществить мысль о сооружении памятника на Роовском Св. Владимирском кладбище в честь всех казаков и казачек, погибших в эмиграции, — был заслушан доклад атамана ньюйоркской Общеказачьей станицы А. Е. Афанасьева о финансовой стороне проекта. Там же был одобрен проект памятника — в виде традиционного казачьего могильного кургана, с крестом на его вершине. У подножья кургана, на мраморных или бронзовых плитах будут врезаны имена погибших казаков и казачек, родственники которых захотят увековечить их имена.

Сбор средств на памятник продолжается и комиссия по сооружению памятника просит всех казаков помочь общему делу пожертвованиями и взносами на помещение имен их близких на «плитах чести».

Подробные указания о размере взносов, а равно и о самом памятнике можно получить у атамана Общеказачьей станицы А. Е. Афанасьева, которому комиссия поручила выполнение постановления комиссии, по адресу: Mr. Afan, 49 Miller ave. Brooklyn 7 N. Y. USA.

● 1 сент. в Казачьем Доме в Фарминдале Общеказачьей ст-цей в Нью Джерси, совместно с Донской Чернецовской ст-цей, была отмечена 378-я годовщина смерти Атамана Ермака торжественной панихидой, после которой состоялись трапеза и доклады «Поход Ермака». Атаман Общеказ. ст-цы в Фарминдале сделал доклад об Ермаке; атаман Чернецовской ст-цы Я. И. Бузин — прочел стихи о могиле Ермака. С речами выступали пом. атна Дон. ст-цы имени ген. Краснова И. С. Бондаренков, атаман Общеказ. ст-цы в Нью-Йорке А. Е. Афанасьев и др.

● 16 февраля в залах мерии 15-го аррондисмана Парижа состоится традиционный благотворительный Общеказ. бал, устраиваемый Казачьим Союзом во Франции.

● 30 сент. в Каз. Музее-Архиве в Нью-Йорке состоялся доклад В. К. Завалишина: «Репрессированные в Сов. Союзе каз. поэты и писатели».

● Донской Казачий хор С. А. Жарова выехал в ночь на 7-ое сентября на пароходе «Ганзеатик» в очередную гастрольную поездку по Европе. Провожать жаровцев пришли не только их родные и близкие, но и почитатели хора, который отмечает свой 40-летний юбилей. За два дня до отъезда в украинском культурном центре состоялось юбилейное чествование хора.

Священники о. А. Цуглевич и о. П. Дьяконов отслужили молебен. Пел хор под руководством Жарова.

После этого выступали с приветственными словами гг. Глазков, Бондаренко, Авраменко.

Говорили они об издании юбилейного сборника (есть больше двух тысяч фотографий, где запечатлены наиболее памятные эпизоды 40-летней деятельности хора), и о посвященном хору документальном фильме. В

недавно созданном казачьем музее в Нью-Йорке будет специальный отдел, посвященный донскому казачьему хору.

● 25 ноября уральцы парижского района праздновали в день Св. Архистратига Михаила свой Войсковой Праздник. После молебна, отслуженного в храме на рю Лекурб, состоялась братская трапеза.

● В этот же день Атаманское Военное Училище отметило свой Училищный Праздник молебном и трапезой в музее Л. Гв. Казачьего полка в Курбевуа.

РОЗЫСКИ:

Павел Кудинов, хорунжий Войска Донского, розыскивает ес. Илью Гурьевича Сафонова, Вешенской ст-цы, участвовавшего в восстании Верхнедонцов в 1918 г. в качестве начальника штаба, и Игнатия Архиповича Белого. Писать по адресу: Болгария. Михайловоград. Улица Сливница № 17. Павлу Кудинову.

УШЕДШИЕ

† 11 июля с. г. в Патерсоне (США) скоропостижно скончался проф. Я. И. Касьянов, стан. Убеженской Куб. В. Похоронен на кладбище Лаурель в Патерсоне.

† 14 мая в Брюсселе скончался ген. С. М. Макеев, стан. Нефтяной Куб. В.

† 24 марта с. г. покончил с собой, бросившись в р. Марну, П. С. Меркулов, стан. Мигулинской В. В. Дон. Сообщил И .В. Ковалев.

† 18 авг. в г. Каннах (Франция) в старч доме Режина умер полк. М. К. Щербаков стан. Новочеркасской В. В. Дон., 74 лет

† 26 сент. после продолжительной болезни в Худерсфельде (Англия) скончался П. З. Акользин стан. Усть-Лабинской Куб. В.

† 13 окт. в старч. доме в Марселе (Франция) неожиданно скончался И. Т. Женило стан. Поповческой Таман. От-ла Куб. В.

† 14 окт. в Париже скончался присяжный поверенный окр. Новочеркасск. Суд. Палаты, член Кубанской Краевой Рады К. Ф. Курагин, уроженец Екатеринодара. Похоронен на кладбище Тье.

† 15 окт. в Париже скончался полк. В. Е. Кучмий, Куб. В. 79 лет. Похоронен на кладбище Тье.

† 19 окт. в Париже умер полк. П. Я. Алешин. В. В. Дон. Похоронен на русском кладбище в С. Женевьев.

† 3 авг. в Виллахе (Австрия) скончался подхор. П. П. Борисенко, стан. Васюринской Кубан. В.

† 10 сент. после тяжкой болезни в Нью-Йорке скончался в. ст. Г. Ф. Чеботарев (Донсон) стан. Каменской В. В. Дон. Похоронен на каз. участке Св. Владимирского кладбища.

Калмыцкий Союз во Франции сообщает:

† 6 дек. 1961 г. в Шампини (Франция) въехавшим на тротуар автомобилем был убит уряд. Б. Авдиков, Беляевской ст-цы, Сальского О-га, В. В. Дон., 68 лет, участ. 1-ой Мировой и гражданской войны и Степного похода. Похорнен на кладбище Шампини.

† 5 янв. с. г. в Бианкуре (Франция) умер т сердечной астмы Н. Замков Беляевской ст-цы, 82 лет. Похоронен на кладбище Пантен.

† 27 февр. после продолжительной и тяжкой болезни скончался подхор. Зюнгарского полка, командир 3-го взв. 4-ой сотни, Георгиевский кавалер 3-й и 4-й ст. Ш. Ачканов, 68 лет. Похоронен на кладбище в Пантен. Над могилой С. Ш. Балданов произнес прочувствованное слово. Спи спокойно, дорогой брат и друг, память о тебе сохраним в своих сердцах.

† 25 июня в санатории Джасяк (Франция) после продолжительной болезни скончался вахм. Зюнгарского полка, пулеметчик 6-ой сотни С. Бальзырев, 61 г. Похоронен на местном кладбище, о чем с прискорбием сообщает «Шара-Монголовцы».

† 22 июня с. г. в больнице Сен-Петрие (Париж) умер от последствий несчастного случая З. Астахов, Денисовской ст-цы, Сальского Округа В. В. Дон. Похоронен на кладбище Пантен.

† 21 сент. в больнице Сен-Антуан (Париж) после тяжкой болезни скончался вахмистр А. А. Абушинов, 69 л., Астраханского Войска. Похоронен на кладбище Тье.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15.233.79, Nointel par Presles, (S. et O.), France.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Mr. Bogaevsky, 52, av. Flachat, Asnières (Seine).

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели». Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н. фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3,50 н. фр.).

Из редакции «Р. К.» можно выписать гравюру «Из нашего прошлого», отпечатанную на бристоле, помещенную на стр. 17 — № 40 «Род. Края». Стоимость 1,50 нов. фр. (заграницей — 4 почт. международ.купона) с пересылкой.

В США книги можно выписывать через Б. Н. Уланова — Mr. Oulanoff. 601. W. 160 St. Apt. 4c. New-York 32, N. Y. — U.S.A.

В Аргентине: — через С. Донскова: S. Donskov. H. Yrigoyen 878. D-to «D». Vincente Lopez F.N.G.B.M. Buenos-Aires. Argentina.

№ 41 и 42 «Род. Края» вышли со значительным опозданием по техническим причинам — поломка типографской машины. Редакция приносит свои извинения за происшедшую задержку.

По просьбе читателей сообщаем краткие сведения о казачьей периодической печати:

«Родимый Край» — орган общеказачьей мысли. Издатель — Донское Войсковое Объединение. В год выходит 6 номеров. Адрес редакц. Коллегии:

Bogaevsky. 52, av. Flachat (Seine). France.

«Казачье Единство» — национальный независимый демократический орган. В год выходит 12 номеров. Редактор:

Getmanoff. 1, rue Vulpian. Paris 13 . France.

«Казак» — газета Каз. Национального освободительного движения. Выходит раз в два месяца. Адрес редакции:

209, Bd. Bineau. Neuilly-sur-Seine. France.

«Казачий литературный сборник» — журнал, издаваемый на ротаторе. Выходит 4 раза в год. Адрес редакции:

Krukoff, àMelagues par Brusque (Aveyron). France.

«Казакия» — журнал каз. национально-освободительной мысли. Изд. Верхов. Каз. Представительства за рубежом. Выходит периодически. Адрес редакции:

Poliakoff. W. Germany. München 45. Postfach 1. Allemagne.

«Казачья Жизнь» — ежемесячный литературно-полит. журнал. Издание Правления 2-го отдела Каз.-Американского Народного Союза. Редактор: Ф. Г. Бигдай:

85 Trask Street, Providence 5. R. I. USA.

«Донской Атаманский Вестник». Выходит периодически. Адрес:
Tokarew. R.F.D. № 2, Box 221, Lakewood, N. Y. USA.

«Казак» — информационный листок Кубанской Канцелярии. Адрес редакции:
30-38, 31 Street. Astoria 2. N. Y. USA.

«Кубанский исторический и литературный сборник». Выходит каждые два месяца. Редактор и издатель:
Naumenko. POBox 323. Blauvelt N. Y. USA.

Разные брошюры из жизни кубанского казачества. Выходит периодически.

Elyseev. 502 W. 177 Str. Apt. 1c. New-York 33. N. Y. USA.

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Г. Губарев — «О роли казаков в гражданскую войну».
Юшкин-Котлубанский — «Баян Казачества».
А. Драгомиров — «Памяти ген. Корнилова — казака Сибирского Каз. Войска».
Н. Евсеев — «***», «Февраль».
Н. М. Мельников — «Как иногда извращается история».
И. Сагацкий — «Монастырское урочище».
Е. Ковалев — «Отрывок из статьи Ф. Д. Крюкова».
Я. Богаевский — «Полевая каша».
М. П. Морозова — «Обыски».
В. Н. Загоровский — «Трещины в куполе Александро-Невского Собора в Париже».
Казаки из Парагвая — «В Парагвае».
В. М. Одноралов — «Фактические поправки».
А. П. Падалкин — «О статье г. Ковалева» (окончание).
Е. Гулый — «Светлой памяти пластуна-кавалериста А. П. Кликливого».
К. Моргунов — «О стойком человеке, видевшем спасение России в восстановлении порядка на Дону».
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, А. М. Огиенко, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Janvier-Fevrier 1963. — 3 F.

PAYS NATAL № 44. Январь-Февраль 1963 г. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

О РОЛИ КАЗАКОВ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

(Выдержки из доклада, сделанного в 1962 г. Г. В. Губаревым в Нью-Йорке)

В начале революции среди донского казачества были две основные величины: мы, сплошная масса рядовых казаков, и наши вожди, которых мы сами призвали руководить нашей судьбой и которые приняли на себя тяжелое бремя власти.

Возникает вопрос: кто виноват в том, что мы всем народом, всей массой не использовали тогда слабости нарождающейся сов. власти и не уничтожили ее в зародыше. Могли ли мы это сделать — история еще не решила, но зато решили его многие «мудрые» головы, не нюхавшие пороху и в окопах не сидевшие. Они решили сразу и продолжают повторять, что во всем виноват двухмесячный нейтралитет казаков. Только подумать... Целых два месяца «мараковали», выступать им против русской революционной стихии или воздержаться? Нынешние обвинители не принимают в расчет, что Запад и после сорока лет все еще не решил, и тоже себе во вред, выступать ли ему решительно или воздержаться от выступления против той же революционной стихии.

В первые дни после революции казачьи массы сумели сохранить в своей среде полный порядок и избрать своими лидерами лиц, достойных преклонения. История отдаст должное в высокой оценке духовных качеств Каледина, Митрофана Богаевского, Бардижа, Рябовола, Назарова, П. Х. Попова, П. Н. Краснова и др. вождей и Атаманов первого времени. Но в то же время мы были недостаточно внимательными и не относились с необходимым подозрением к заманчивым лозунгам, брошенным большевиками в русский народ. Мы расценивали их с точки зрения русских масс, не отделяясь от них и сами, ибо наш уважаемый лидер Митрофан Петрович Богаевский на I-ом заседании Войск. Круга пустил в обиход упрощенную формулу: «Казаки — это особая бытовая группа русского народа». И мы стали себя считать таковой, не чувствуя, что коренной русский народ не прощает нам нашей автономности, так, наз. «привилегий», и злобно обвиняет нас в преданности Государю, в помощи, оказанной ему в 1905 г. При всем этом в последнее 10-ти летие перед окт. переворотом наша школьная молодежь проходила в средних и высших школах изо дня в день путь того же социального воспитания, на котором росли и будущие кадры русской революции. Мне самому не раз приходилось ежиться, когда соученики по Азовской и Ростовской неказачьим гимназиям уверяли меня, что после 1905 г. казачье имя стало позорным в глазах каждого сознательного русского человека. Те же мысли пробивали себе дорогу и в станичные школы, через приезжих со стороны преподавателей, и вот благодаря всему этому, благодаря распространению идей народничества и прямым требованиям максимальной революции, в казачьих массах и появились активные революционные деятели типа Голубова, Миронова, Ковалева, Подтелкова, Запорожцева, Кривошлыкова и др., быть может искренно веровавших в доктрины неказачьих политических партий, но по казачьи упорно стремившихся провести их в жизнь, даже и при отсутствии какой-нибудь активной поддержки в каз. массах, которые предпочитали оставаться пассивными зрителями их деятельности.

Утомленные войной, казаки, вернувшись в родные курени, ожидали, что будет дальше, ожидали новых берущих за сердце лозунгов. Но в то же время мы и наши лидеры забыли о многом из того, что могло дать нам новый стимул к сопротивлению идеям, в изобилии плывущим к нам из революционной России. Мы забыли о своей резко ограниченной обособленности в составе Российской

Империи, мы забыли об оправданной исторически автономности наших прав, которыми прогрессивная интеллигенция попрекала нас, как особенными «привилегиями», но которые по существу до самой революции ничем не отличались от колониального статута покоренной Польши в 1815-30 гг.

Мы, казачья масса, знали, что в России происходят какие то грозные процессы, начавшиеся в 1905 г., прошедшие через создание Государственной Думы, убийство Столыпина и Распутина и отречение Государя, но вместе с тем мы надеялись, что они не коснутся нас в том случае, если мы не будем в них мешаться, а останемся инертными зрителями.

С 1-ых месяцев революции, нам самим нужно было только окончание войны и возвращение в родные курени. На первом месте моего наказа, когда я ехал из полка на Войск. Круг, стояло: просить Круг об отозвании нашего полка с фронта на Дон.

К концу 1917 г. все остальные, существенные для нас, вопросы были уже решены народными избранниками: в частности, коренному крестьянству предлагалось слиться с казачеством, размеры частного землевладения ограничить, причем земельная реформа предполагала увеличение каз. паев и наделение землей малоземльных крестьян, равномерное распределение рыбных богатств по всем прибережным станицам, леса и недра переходили в фонд молодого государственного образования, во главе которого всеобщим волеизъявлением были поставлены достойные и уважаемые люди А. М. Каледин и М. П. Богаевский. Таково было положение и только один кардинальный в наказе вопрос оставался нерешенным: выключиться из войны и стройными полками возвратиться на Дон. Домой... это было общее страстное желание и казаков и офицеров. Это было то, что обещали большевики и обходили молчанием наши каз. вершители судеб. Отозвать полки с фронта решились только в декабре 1917 г. Дон. Летопись приводит во 2-ом томе свидетельство М. П. Богаевского: «Брожение в полках на фронте все шло и усиливалось. Разросталось недовольство казаков своим Атаманом, который никогда не был федералистом и считал, что не может разрешить каз. полкам идти на Дон и тем самым ослабить и без того дрогнувший и слабый фронт». На все просьбы о вызове полков на Дон Каледин постоянно отказывал, указывая, что для поддержания порядка и охраны имущества достаточно и тех полков, которые стояли в Области. А отрывать с фронта части... он считал вредным для жизни государства и полк. депутатам доказывал, что их работа и служба в такое время особенно нужны России.

Наша боевая и красочная по внешности 2-ая Сводная Каз. Дивизия, погрузившись в эшелоны, покинула фронт в полном составе незадолго до Рождества. 1-ый Линейный Куб. полк ушел на Кубань, 1-ый Волгский Терский полк — на Терек, а 16-ый и 17-ый Донские полки, придя на Дон, разместились в ближайших к Новочеркасску подонских станицах в ожидании демобилизации. Штаб дивизии был в станице Кривянской. Прежний боевой дух «ударной» дивизии остался воспоминанием. К началу января все без исключения казаки и офицеры из полков были распущены и разъехались по домам, а офицерские кадры штаба дивизии были командированы в Каменскую в качестве временного штаба Походного Атамана. В числе их был и я.

При встречах с Пох. Атаманом ген. А. М. Назаровым думалось, что подчиненная ему молодежь должна была испытывать нечто вроде институтского обожания. И он был достоин его. Блестящий кавалерийский начальник, человек долга и традиций истинной чести, он сочетал в себе порыв конника и идеал культурности. Кажется, большую часть своей службы он провел в регулярных частях, но это не отразилось на его казачьей манере обращаться с подчиненными с добродушием и без гордости. Также умел относиться ласково к нам, молодежи, и наш начальник штаба ген. Штаба подполк. Н. А. Рот, но в его манерах все-же постоянно чувствовался кавалерист русской императорской армии. Назаров же в каждом жесте был свой казак.

В Каменской уже чувствовалась некоторая напряженность, но никаких эксцессов не случалось. Воинский начальник и комендант нормально выполняли свои функции при поддержке станичного правления.

По поручению Походного Атамана я ходил по запущенным и нечистоплотным казармам, где помещались еще остатки кое-каких каз. частей, признавших авторитет Голубова: кажется, Гвардейская батарея и часть коренного голубовского полка — двадцать восьмого.

Голубова я знал лично по Войск. Кругу. Он был представителем новочеркасского гарнизона, а я сам черкассец. Мы часто с ним встречались на окружных заседаниях. Он заявлял себя социалистом-революционером и старики его не любили. На Дону мало

кто о нем слышал. Необычайно смелый офицер, простреляннный пулями и осколками чуть ли не 16 раз, он в то же время во всю свою жизнь проявлял духовную неуравновешенность и не умел сдерживать свой вспыльчивый характер. В этом отношении мне казалось, что он опоздал родиться на 2-3 столетия и был бы подходящим сподвижником Разина. Но вместе с тем он был человеком образованным и в товарищеской среде приятным собеседником. О нем говорили, что, получив награды за японскую войну, он швырнул ордена, сказав: «За позорную войну ордена носить не буду». Поступил затем в Высшую школу и там усвоил взгляды революционной части студенчества, хотя в некоторых случаях проявлял себя и как ультра-монархист. В Нвч. рассказывали: в 1912 или 13 г. в Новочеркасск приезжал Государь. На прием в его честь пригласили и Голубова, как героя японской войны. За столом он сидел недалеко от царя, который предложил ему папиросу из своего портсигара. На вопрос Государя: «Сотник, почему Вы не курите?» тот почтительно ответил: «Ваше Императорское Величество, эта папироса останется в моем роде, как священная реликвия».

Во время заседаний Войск. Круга вышел приказ о его производстве в войсковые старшины. Я видел, с каким удовольствием этот революционер поглядывал сбоку на свой новый широкий штаб-офицерский погон. В дни февральской революции он оказался в Новочеркасске, принял переворот с энтузиазмом, участвовал в изгнании из дворца Наказного Атамана гр. Граббе и революционной активностью скоро приобрел популярность у солдат пехотного полка и у наших служивых из запасных полков.

Узнав о том, что я был с Голубовым в добрых отношениях, Походный приказал мне отыскать его в станице и постараться устроить свидание с ним. Я нашел его квартиру. На звонок вышел какой то офицер, немного под градусом. «Какого вы хотите Голубова, Колю или Васю? Коли здесь нет, а Вася к вашим услугам». Мне нужен был Николай Голубов и я понял, что свидание не состоится, т. к. Голубов скрывался.

Недели через две мы возвратились в Кривянку и некоторое время находились на положении безработного штаба. В это время Новочеркасск жил уже, как на вулкане. Жидкий фронт из немногочисленных героических офицеров и полудетворы кое-как прикрывал нашу столицу. Отряды партизан несли потери и таяли, а приказ о мобилизации выполняли лишь единицы. В станичном правлении горячие головы во главе с бывшим предводителем Дон. дворянства Леоновым составляли заговор, думая объявить диктатором ген. П. Х. Попова. Маленькая Корниловская армия пополнялась слабо и едва справлялась с напирающим на Ростов противником: 39-ой стрел. дивизией с юга и многочисленными отрядами матросов Черноморского флота с севера.

В Военном собрании играли в карты, пили вино, а иногда и дебоширили. Станичники, добравшись до своих теплых куреней, смутно чувствовали, что на Дон надвигаются какие то чуждые и грозные силы, но не спешили противодействовать: может быть, все повернется так, как надо... «И кто их там разберет, как это надо в действительности: одни говорят так, другие — иначе». Наиболее рьяные митинговали, выкрикивали революционные лозунги, упрекали прежних станичных воротил, господ стариков, в тайных и явных грехах. В Атаманском дворце готовый к действию А. М. Каледин не имел в достаточном количестве вооруженных сил. Раньше, жадный к познанию, неутомимый в труде, упорный в достижении поставленной себе цели, твердый в делах долга и чести, отважный в боях — он высоко поднялся на царской службе. Казачьи представители верили в его способности вести и побеждать и избрали его в Атаманы, но в такой безнадежной обстановке ничем ему помочь не могли.

Ценная биография А. М. Каледина была напечатана в «Род. Крае» полк. Бугураевым. Деникин рисует его человеком угрюмым, немногословным, с редкой улыбкой на лице. Он действительно был немногословным, и на Круге своими выступлениями не красовался, но угрюмым и безулыбчатым он не был. Когда я видел его говорящим с кем либо, то замечал бродящую под усами мягкую тень улыбки понимания и сочувствия. Господь наделил его чистой и светлой душой и он по праву шел вверх по лестнице служебной иерархии, по праву пользовался доверием своих избирателей. По своей казачьей натуре он готов был принять демократизацию власти, но эпоха оттолкнула его, человека порядка, своим революционным хаосом. У него слово никогда не расходилось с делом, а тут давалась в руки власть, а опереться этой власти было не на что, давалось право приказывать, а повиновения нельзя было ждать — приказы не исполнялись. В кошмарной обстановке рушились все привычные устои. Со стороны Врем. П-ва приходили оскорбитель-

ные обвинения и упреки. И все эти непорядки поливались обильными потокам драгоценной крови казачьей молодежи. Эластичный политический деятель принял бы такую обстановку, как неизбежное зло, но не так принимал ее А. М. Каледин, воспитанный на принципе «Ломаюсь, но не гнусь». Назревала трагическая развязка.

В декабре и январе на Дон прибывали десятки, а может быть и сотни офицеров не казаков. Некоторые из них пробирались одиночками для поступления в армию Корнилова, другие приходили с фронта, будучи прикомандированными к каз. частям. Из них некоторая часть тоже поступала в Добр. Армию, а остальные по примеру офицеров местных запасных неказачьих полков уезжали в Россию или прятались по темным углам на Дону. В их среде царил идеологический разброд, еще может быть в большей степени, чем у наших фронтовиков. Только лучшие, наиболее светлые головы, наиболее жертвенны души, шли в Добр. Армию или в партизанские отряды.

Кроме офицеров, пробирались на Дон и др. русские люди, спасаясь от своих озверевших соотчественников. В казаках они надеялись снова найти усмирителей, но скоро теряли свои надежды и горько жаловались: «Подкачали казачки, нейтралитетствуют. А мы надеялись...»

Я бывал иногда в Ростове и 2-3 раза заходил в офиц. общежитие Добр. Армии на Таганрогском проспекте к друзьям и сослуживцам. Это были такие же донцы, как и я, но потерявшие веру в казаков. Они делились со мной своими планами пройти с оружием в руках через Кавказ в Персию и там отдохнуть от ужасов революции. Но видел я там и офицеров, примерявших штатский костюм. Может быть у некоторых где нибудь в глубине сердец и теплилась надежда на спасительный подъем среди казаков, но вначале, возможно, основным поводом поступления в Добр. Армию было чисто человеческое желание, уйти подальше от озверевшей толпы и непрерывно чувствовать плечо единомышленника. Это обстоятельство и неприятие новых порядков, вернее беспорядков, были достаточными духовными двигателями для того, чтобы наскоро сколоченные из офицеров, юнкеров, кадет и др. молодежи добр. отряды бились с красной гвардией, проявляя без примерный героизм. Так представлялась мне обстановка на Дону, когда 29 января 1918 г. раздался роковой выстрел, унесший жизнь нашего тишайшего Атамана. Донская каз. масса не отнеслась к выстрелу Каледина безразлично. Ближайшие к Черкасску станицы всполошились, в город стали стекаться толпы казаков, задержавшихся раньше с выполнением приказа о мобилизации. В первые дни февраля собралось до 3.000 человек. Эту цифру новый Атаман ген. А. М. Назаров сообщил в Ростов ген. Корнилову. Воодушевленный успехом мобилизации, Атаман помчался на паровозе в Ростов, но, поднимаясь от вокзала по Садовой, он встретил ген. Алексеева с чемоданчиком в руках во главе группы генералов и колонны добровольцев. Ген. Алексеев сообщил Атаману, что Добр. Армия принуждена оставить Ростов, что ген. Корнилов уже ушел с авангардом в Ольгинскую, а они теперь идут на переправу через Дон.

Атаман, вернувшись в Черкасск, выступил с докладом на совещании командиров и общественных деятелей. Быть может, в связи с уходом Добр. Армии и обстановкой общей растерянности, мобилизованным не было уделено достаточно внимания. К тому же не хватало и офицеров, ибо все желавшие биться с большевиками бились на фронте. Послать для организации 3-4-ох полков было некого.

Я в это время был связным между Штабом Поход. Атамана и командующим юго-запад. отрезком фронта ген. Черячукиным. С естественным любопытством и думая порадовать свое начальство прятными новостями, я пошел посмотреть мобилизованных. Кадетский корпус, обращенный в казармы, был до отказу набит казаками. Настроение угрюмое, совсем не боевое. «Что ж — говорили мне казаки — позвать, нас позвали, а никто не позаботился о нашем питании и разбивке по полкам». На следующий день их было много меньше, и постепенно, оставшись без руководства, они и все разошлись по станицам. Зато местная молодежь с благословения родителей повалила валом. Появились и нужные офицеры, так что в течении 2-3 суток собралось 18 небольших отрядов. Выстрел Атамана пробудил многих и призвал к действию.

На Черкасск в это время с юга по ж.-д. от Ростова шла 39-ая стрелковая дивизия в 4 кадр. полка, с запада наступали банды матросов и красной гвардии, с севера подходили к Кривянской ст. Голубов с отрядом красных казаков.

12-го февр. в 10 ч. утра я, приехав в ст. Грушевскую, доложил ген. Черячукину приказ Атамана об общем отступлении на Старочеркасскую. Его отрезок фронта тогда защищал только он сам со своим штабом и ко-

мандиром 7-го полка... Матросы только что заняли без боя Каменный Брод, а толпа казаков митинговала около Грушевского станич. правления: идти или не идти на фронт. Наши штабные решили выехать в сторону фронта и, только объехав станицу, повернуть к Новочеркасску. Мне было поручено занять внимание казаков. Люди никакой агрессии не проявляли и, собравшись около меня, спрашивали, что я привез нового. Я им объявил, что мобилизация отменяется, но что рекомендуется хорошо спрятать оружие. Казаки засмеялись: «Мы и сами это хорошо понимаем» и, вскинув винтовки на плечо, стали расходиться. Я поспешил к автомобилю и вернулся в безмолвный Новочеркасск, который тогда уже покинули партизаны. На улицах пустота. Я разыскал ген. Черячукина на его квартире и сказал, что еду в Кривянку, где остались лошадь и вещи. А там посмотрим, что удастся сделать. Нач. Штаба подполк. Рот отправился туда же кружным путем и попал в руки красной гвардии, я же пошел по прямой дороге и попал в руки красных казаков, которые однако не выдали меня красной гвардии, скрыв меня в своем полку (9-ом).

В это самое время 12. 2. 1918 г. дон. партизаны дошли до Старочеркасска и начали переправу через Дон в хут. Арпачин. На следующий день Поход. Атаман ген. П. Х Попов поехал в Ольгинскую на свидание с ген. Корниловым и уговорил его остаться на Дону, заняв фронт от Старочеркасской до Великокняжеской. Казак понял казака. План был построен на уверенности, что большевики еще 2-3 месяца будут топтаться около ж.-д. линий, а за это время соединенные силы добровольцев и дон. партизан переформируются, захватят военные склады на ст. Торговой, обмундируются и пойдут по Дону вверх, поднимая восстания. В том, что казаки, обсеявшись, выгонят пришельцев, ген. Попов не сомневался. Ген. Корнилов согласился с этими доводами ген. Попова, но попросил его приехать снова на большой военный совет к 6-ти час. вечера того же дня.

На этот совет поехал ген. Попов с полк. Сидориным. Собралось большое количество генералов и офицеров Ген. Штаба. План ген. Попова поддерживал ген. Корнилов и некоторые генштабисты, особенно кап. Вожненко и Раснянский. Против же был гл. образом ген. Алексеев, настаивавший идти на Кубань, не отдаляясь от жел. дороги. В конце совещания ген. Корнилов сделал заключение: принять план ген. Попова и, объединив действия, повернуть фронт на Тихорецкую, а на зимовниках привести себя в порядок, отдохнуть, приобрести лошадей и начать новый поход.

На следующий гень в х. Арпачине все каз. силы были сведены в 9 партизан. отрядов и ген. Попов был готов приступить к выполнению принятого плана и занять ст. Великокняжескую, когда пришло письмо от ген. Алексеева с уведомлением, что план решено изменить, что добровольцы уже в походе и ген. Попову предлагалось следовать за ними, прикрывая их тылы. Приезжал тот же кап. Раснянский, но уже с уговорами не разбивать силы и вместе итти на юг.

Тут проявилась дальновидность нашего Поход. Атамана. Он, как и Атаман Назаров, решил не покидать родную землю и сохранить живые силы до весны, пока казаки справятся с хозяйством. И если они возьмутся за оружие, в чем он был уверен, то никакая красная гвардия не укоренится на Дону. Вопрос, что делать дальше, был поставлен на совещании начальников отрядов, которые постановили оставаться на Дону.

Так в схеме были начаты Степной и 1-ый Кубанский походы. Так проявилась в начале гражданской войны роль казаков.

Трудно сказать, какой результат дало бы «своевременное», т. е. на два месяца раньше, общее выступление казаков против сов. власти. Мы и тогда имели бы против себя огромные массы, воодушевленные лозунгами революции. Наше же руководство и казачье и общерусское в смысле идейном топталось на месте. И возможно, что порыв казаков выдохся бы с переходом границ Области, как это случилось в конце 1918 г. Очень показательны в этом отношении настроения 10-го Дон. каз. полка на жел.-дор. линии Луганск-Зверево. Он защищал от красных те станицы, из которых пополнялся сам, поэтому не демобилизовался и в полном составе оставался послушным Атаману. Голубов, поняв, что эту часть сохраняет привязанность к родной земле, после гибели Чернецова и его отряда, когда появились признаки развала каз. сил, явился в 10-ый полк и сказал там только несколько убедительных слов: Новочеркасск может попасть в руки красных каждую минуту и если его первыми займут матросы и красногвардейцы, то они не оставят там камня на камне. Это казалось стимулом еще более значительным, чем защита родных станиц. Полк, только что бившийся против красных, вместе со всеми офицерами присоединился к маленькому отряду Голубова, и действительно занял Новочеркасск первым и не давал там хозяйничать

красным.

Дальнейшие дни показали, что казаки за малым исключением, красными не были и по своему психическому складу сов. власть приветствовать не могли. Прищельцы вызывали у них отвращение и злость, несмотря ни на какие заманчивые лозунги и посулы. Когда я был пулеметчиком 10-го революционного полка, я видел много столкновений, доходивших почти что до драки между казаками Голубова и красными. Это был результат первых встреч с чужаками. «Виталич — говорили они мне — душа не переносит, чтоб эта чужая рвань у нас тут распоряжалась». А дальше пришло и желание изгнать красных, не считаясь с риском и опасностями.

Каждый человек в отдельности и весь народ в целом имеют неотъемлемое право иметь свое суждение по любому вопросу. Пойдут ли их решения им самим на пользу, или приведут в безнадежные тупики — это их дело. Но никто не в праве осуждать их за самостоятельный выбор своей судьбы. И когда казаки столкнулись с действительным лицом сов. власти, они не ждали, что кто то их будет спасать или призовет к борьбе, но восстали сами.

И теперь никто не в праве осуждать погибших при выдаче в Лиенце и в совлагерях за то, что они в союзе с немцами пытались отстоять свои исконные права на вольную жизнь. Не должны мы друг друга обвинять и за действия при жизни под сов. властью. Там особенные условия, там господствуют антихристианская мораль и этика. Следует ставить преграды своей злости и в спорах не напоминать и не намекать на комсомольство, на службу в войсках Гитлера, тем более, что очень часто эти намеки ничем не доказываются. Все это уже история, все это уже прошлое и история наверняка не предъявит таких обвинений ни отдельным лицам, ни целому народу. А если уже говорить об истории, то не следовало бы забывать еще кое что: надо вынуть из под спуда движущую народы силу — силу национального вдохновения.

США. **Г. Губарев**

БАЯН КАЗАЧЕСТВА.

(Посвящается памяти М. П. Богаевского

Ты словом огненным Баяна,
Знаток казачьей старины,
Степного вещего кургана
Поведал думы нам и сны.

Ты воскресил былую славу
В сердцах потомков Ермака:
Вернулся Край к святому праву,
Что сберегли в пути века.

Взметнул широкою волною
Дон православный к облакам:
Разбужен был твоей душою
Былин старинных великан...

Ты всколыхнул в душе народной
Мечты о воле вековой,
И Круг собрался, Круг свободный,
Державный Круг наш Войсковой!

Избрал Круг Дону Атамана;
Его товарищем стал ты.
Степного вещего кургана
Сбылися давние мечты...

Украсил щедро славой новой
Казачьей чести вечный стан,
И принял мук венец шиповый
Наш Златоуст, наш Митрофан...

Порфирий ЮШКИН-КОТЛОБАНСКИЙ

США.

(Выдержки из статьи ген. А. Драгомирова «Всемирное значение исторического подвига ген. Корнилова»).

На долю нашего поколения выпал удел жить в обстановке еще не бывалой в мировой истории.

История знала много конфликтов религиозных, политических, экономических и социальных. Они периодически вносили потрясения в жизнь народов, которых они непосредственно касались. Результаты этих потрясений в той или иной степени отражались также и на жизни других народов и вносили немалые перемены в естественный ход их собственной истории. Но никогда еще не было случая, чтобы все эти разнобразные потрясения происходили одновременно и одновременно же отражались на судьбах народов буквально всего земного шара.

Для всего человечества наступила трагическая эпоха эго жизни, когда все религиозные, духовные и моральные устои, на которых досятками веков строилась жизнь народов всего света, оказались поколебленными и никакие другие, которые могли бы придти им на смену, еще не видвинуты. А между тем жизнь не терпит. Она ежедневно, ежечасно нуждается в привычных формах государственной и социальной жизни.

Величайшие умы всего мира ищут объяснения этих планетарных сдвигов и тщатся, на путях строгой науки, сделать анализ всего происходящего, чтобы сделать вывод — чего же держаться дальше, чтобы скорее изжить это мрачное лихолетье и вновь обрести тот мир, который от нас ушел и неизвестно когда вновь возвратится. Но все усилия этих гениев науки не для нас, современников, на своем горбу ежечасно испытывающих последствия переживаемой нами мировой смуты. Их трудами воспользуются только наши отдаленные потомки, но не для того, чтобы следовать их выводам, которые к тому времени окажутся устаревшими и неприменимыми к изменившейся действительности, а только для того, чтобы с грустью склониться перед невыразимыми мучениями их предшественников и отдать долг благоговейной памяти тем из них, которые даже в том невыразимом хаосе умели найти пророческую прозорливость и силу воли, чтобы вступить в борьбу против всех факторов, вызывавших эту мировую смуту в умах.

Для всех нас, кого революция 1917 г. застала на фронте, выяснив сразу свой звериный, безбожный, анти-русский лик, не было никакого сомнения, что она не только означала бесславный проигрыш для России I-ой Мировой войны, но еще и вступила на путь открытой борьбы против самых священных устроев, на которых многими столетиями создавалось Российское Государство.

Но мало кто это понимал в начале революции, когда с преступным легкомыслием разрушалась Армия, Гражданская Администрація, когда все самые верные слуги Государства были взяты под подозрение и немилосердно устранялись, как несозвучные революции, когда Армия призывалась не к защите своей Родины, а к «защите революции«.

Даже теперь, после многих лет, прошедших с того мрачного времени, вспоминаешь об всем этом с чувством величайшего отвращения и негодования к руководителям этого сознательного разрушения исторической России. И, наоборот, с величайшим благоговением думаешь о тех, которые в годину повального помешательства сохранили ясность мысли, твердость убеждений и, с открытым забралом, вступили в борьбу на жизнь или на смерть, против зачинщиков смуты, пытаясь спасти то, что еще можно было спасти.

И здесь, со всей исторической объективностью, мы должны поставить на первое место ген. Корнилова, который первый мужественно возвысил свой голос о спасении гибнущей Родины и указал на ряд мер, которые было необходимо для этого принять.

Этот призыв привел к величайшему, еще не бывалому в военной истории всех времен и народов, позору «Быховского заключения» Верховного Главнокомандующего Российских Вооруженных Сил и его ближайших сотрудников. Но этому «заключению» суждено было получить глубокий символический смысл. Это в Быхове родилась величайшая идея 20-го века о борьбе против коммунизма. Здесь впервые возникла мысль о начале БЕЛОЙ БОРЬБЫ с оружием в руках, на защиту поруганных святынь, за честь и достоинство России, за сохранение высочайших ценностей Веры, Духа и Морали.

В то время борьба эта мыслилась лишь в пределах наших российских границ, как решение нашего чисто-русского вопроса. Даже идейное основание ее, так ярко выраженное в формуле ген. Алексеева: «зажечь светоч среди тьмы, объявшей Россию», дальше этого не шло.

Но скоро стало совершенно ясно, что нача-

Генерал Л. Г. Корнилов

тое дело — не только русское, но грозит охватить собою весь мир.

Удивительнее всего, что самые большие вершители иностранной политики не только не оценили всего мирового ВСЕЛЕНСКОГО значения поднятой ген. Корниловым белой борьбы, но, наоборот, часто становились на сторону революции и притом с «наивным восторгом», как поведал нам в своих записках король бельгийский Альберт I-ый. Ныне восторг этот сменился мрачным ужасом, которого могло бы и не быть, если бы так называемый «Свободный мир» стал тогда же в 1918-20 гг. на нашу сторону. Ведь тогда мир этот был гораздо обширнее, а коммунистическое государство было в пеленках.

Для будущих историков не будет более захватывающей темы — как и почему произошло такое непостижимое ослепление? Ведь коммунизм не наше русское изобретение. Его родители, крестные западно-европейского происхождения. На нашей несчастной Родине он уселся, как чужеродный злокачественный спрут, щупальцами своими выжимающий все признаки человеческой жизни. И никаких иллюзий не могло быть, чтобы это чудовище само бы убралось в преисподнюю по своей доброй воле.

В результате мы переживаем величайший позор 20-го в., видя, как на мировых конференциях дипломаты свободного мира садятся за один стол с этим чудовищем и разговаривают с ним, как равные с равным.

Но что говорить об иностранцах, когда многие русские эмигранты не только до сих пор не уразумели глубочайшего значения Белой борьбы, но еще часто его осуждают и поносят память его вождей, самоотверженно взваливших на свои плечи тяжкий крест спасения гибнущей Родины.

Но возмущаться таким отношением, к сожалению, не приходится. Это в порядке вещей в эпоху шатания моральных устоев.

Не всякому дано быть героем, и не всяко-

му выпадает счастье приобщиться к величайшей героической эпопее своего времени. Да и результаты этого героического подвига еще не известно, когда дадут о себе знать. А провидеть будущее по немногим несомненным симптомам настоящего — это удел немногих избранных, которые обычно не только остаются непонятыми своими современниками, но еще являются для них мишенью для излияния на нее бешеной злобы и лжи неудачников, не нашедших себе иного применения, как подражать Крыловскому ослу, лягавшему умирающего льва.

Это явление не ново. Оно бывало во все смутные времена и всегда к нему относились с презрением, но в эпоху величашего морально-религиозного Возрождения — оно будет считаться преступлением.

***

Поднимая в 1918 г. Корниловский стяг I-го Кубанского Похода — белый по своему религиозно-духовному содержанию и национальный по политическому значению, — думали ли ген. Корнилов и Алексеев, что на полях Кубани они подняли знамя величайшей борьбы нашего века — **борьбы святого креста** против **красной звезды?**

Это было начало борьбы не политической, не за разрешение неотложных социальных вопросов, а борьба религиозная такой невероятной глубины и вселенского размаха, какого еще не знала всемирная история. Борьба еще мало кем оцененная, но от исхода которой зависит судьба мира на тысячилетия вперед.

В своем труде «Рождение Трагедий» Ницше писал: «Никогда человек не возносится так высоко, как когда он не знает, куда поведет его избранный путь».

Это была судьба Корнилова. Куда его путь поведет — о том узнают лишь только его благодарные потомки...

В подвиге Корнилова самым изумительным было то, что он по воспитанию своему был до мозга костей военным человеком, всесторонне образованным, но отаюдь не политиком и, конечно, не ученым философом истории. Тем не менее он своим горячим сердцем сразу понял то, что до сих пор еще не стало общим достоянием. А именно, что для такой обширной, многосложной и многообразной страны, как Россия, выход из революции мог быть сделан не путями разных хитроумных политических комбинаций, а только путем возврата нашей Родины на ее 1000-летний религиозно-духовный путь.

В эпоху смуты в умах, какую мы ныне переживаем, единственной стойкой ценностью для нас русских является подсознательный мир руского народа, который был создан усилиями наших предков, в тягчайших муках выковавших величие земли Русской и каждый из коих вносил свою лепту в неисчерпаемую сокровищницу русского народного духа.

Недаром коммунисты поставили себе главной целью убить этот дух и вычеркнуть даже название «Россия» из официального обихода. Но здесь «нашла коса на камень». В самом важном вопросе, религиозном, они понесли свое первое и решительное поражение. Русский народ не потерял свою душу, не стал советским безбожником, это отметил и французский академик Мориак.

Для всякого, кто понимает, что вся личная, семейная, общественная и государственная жизнь должна строиться прежде всего на надежной религиозно-духовно-моральной основе, что политическая надстройка должна быть в полном гармоническом соответствии с этим духовным основанием с одной стороны, с бережным отношением к интересам и чаяниям каждого отдельного гражданина, с другой — все совершенно исключительное величие подвига ген. Корнилова вне всякого сомнения.

Современники не ценят своих великих людей, а наши соотечественники в особенности. Но ген. Корнилову не желают отдать должного, даже после его героической смерти всячески поносят священную для нас его память, вопреки известной формуле: «О мертвых или хорошее или ничего», которая однако обязательна для всякого мало-мальски порядочного человека, не утерявшего даже в эмиграции самого элементарного чувства, что он «русский». Это относится и к другим ушедшим от нас белым вождям.

Вспоминая о ген. Корнилове, ему нельзя даже пожелать «спать спокойно», так как его тело не нашло пристанища ни на русской земле, за которую он отдал свою жизнь, ни на чужой.

Сознавая всю колоссальную опасность для судеб революции его подвига, смертельные враги его развеяли прах его по ветру, думая этим вычеркнуть из народной памяти его имя. Но здесь они оказались плохими психологами.

Прах ген. Корнилова разнесся по всему земному шару. Нет сегодня той точки на земле, на которой не взошли бы семена, брошенные им, и где бы не шла отчаянная, местами отрытая, местами в подполье, борьба за сохранение самых драгоценных основ Веры, Духа и Морали, на которых стояло и вновь

будет стоять человечество, если оно сумеет, подобно Корнилову, ясно увидеть, в чем заключается самая большая задача нашего времени и найдет в себе ту силу воли, ту преданность идее и ту самоотверженную готовность отдать свою жизнь за нее, которых ген. Корнилов был таким ярким представителем и которые он нам завещал.

Но все это суждено понять, в полной мере, только будущим идущим нам на смену поколениям, которые, будем надеяться, перейдут, наконец, подобно ген. Корнилову, от слов к делу и перестанут прятать голову в песок, чтобы не видеть висящей над ними грозной опасности.

А. Драгомиров.

ФЕВРАЛЬ.

Помнишь город небольшой особый,
Город наш с собором, с Ермаком,
Где так счастливы мы были оба..
Молодого счастья больше не найдем.

Дом на Барочной, снега, сугробы,
Счастье, молодость, Степной поход,
Тиф и смерть с несытой утробой,
А февраль снежит, поет..

Над детьми, над полушубком белым,
Над звездой чернильной на плече,
Над высоким, благородным, смелым,
Над словами в красном кумаче,

Над тюрьмой, расстрелами, над ссылкой,
Над горячечной в бреду больной,
Над предательством, любовью пылкой,
Над единственной... такой родной.

Париж. **Н. Евсеев.**

***

Последний день я помню на леваде.
Стоял октябрь прозрачный и сухой.
Деревья были в красочном наряде.
Шуршали листья под моей ногой.

Я шел вдоль ерика. Бекас сорвался,
Зачокал, завилял и закричал.
И в синей выси точкой показался
И будто бы кого то звал.

Раздались выстрелы вдали сухие.
Забилось сердце. Я сжимал наган.
Стреляли в братьев. Бедная Россия...
Я в тот же день покинул мирный стан.

Леваду тихую, свою станицу,
Родителей, сестер и кров родной...
И вот теперь под старость снится
Мне тот октябрь прозрачный и сухой.

Париж. **Н. Евсеев.**

КАК ИНОГДА ИЗВРАЩАЕТСЯ ИСТОРИЯ

(О книге ген. И. А. Полякова «Донские Казаки в борьбе с большевиками». «Воспоминания»).

Объемистая книга, хорошо изданная, на хорошей бумаге, хорошим шрифтом, являющаяся до известной степени календарем боевой борьбы с большевиками, рисует картину позорных тыловых настроений и подчеркивает громадную роль Донского казачества и его колоссальные жертвы в период борьбы на юге России. Эту роль никогда не лишне напомнить: неказачьи историки ее забывают... Говорить о ценности «Воспоминаний» ген Полякова, однако, не приходится: прежде всего, книга охватывает меньше одной трети трехлетнего периода борьбы Дона с коммунистами — восемь с половиной месяцев атаманства ген. Краснова: с 16 мая 1918 г. по 2 февраля 1919. —, а будущий историк уже имеет в своем распоряжении материал, охватывающий весь трехлетний период — труд полк. ген. шт. В. В. Добрынина на рус. и франц. языке, три тома «Донской Летописи», труды ген. Н. Н. Головина и А. И. Деникина, журн. «Казачьи Думы» и др. —, более полно документированные и, главное, беспристрастные и объективные. Что же касается роли Дон. казаков и их жертв, принесенных на алтарь родины, их более красноречивое, чем у ген. Полякова, описание историк найдет в произведениях П. Н. Краснова, в частности в пятом томе Арх. Рус. Рев.

В предисловии к своей книге ген. Поляков пишет: «только когда уйдут из жизни современники, когда утихнут личные страсти, исчезнет тщеславие и самолюбие, когда историку станут доступны огромные архивы — тогда только будет найдена подлинная правда и народ узнает сокровенный смысл всех событий. Достигнуть современникам исторической справедливости, как людям, находящимся под непосредственным впечатлением пережитого, полагаю, будет занятием непосильным. Совершенно непроизвольно за счет исторической объективности ими будет вводиться коэффициент не только субъективности, но и невольного расположения или преднамеренной предвзятости к тем или иным событиям, в которых авторы, зачастую, сами принимали деятельное участие».

«Умные речи приятно и слышать»... Всеми указанными недостатками свыше всякой меры страдает прозведение г. Полякова, причем за счет исторической справедливости он не только «совершенно непроизвольно», но и совершенно произвольно-умышленно ввел в свое изложение «коэффициент» сведения личных счетов — мести своим «врагам».

Дело в том, что Войсковой Круг, Донской парламент, в заседании 2-го февраля 1919 г. большинством всех 338 голосов против одного выразил недоверие Командующему Дон. армии ген. С. В. Денисову и его Нач. Штаба ген. И. А. Полякову, автору книги, и потребовал от Дон. Атамана ген. П. Н. Краснова немедленного удаления генералов, признав их главными виновниками развала, имевшего место в тот момент, Дон. Фронта. Ген. Поляков негодует в своей книге: «вместо преклонения перед самоотверженностью этих лиц», «которым Войско Дон. **всецело** (курс. мой. **Н. М.**) было обязано и своим освобождением от большевиков и своим процветанием», «вместо глубокой благодарности», «Донской парламент... выразил им недоверие«... «Глас народа — глас Божий» оценил работу Полякова совсем иначе, чем сам генерал. Отсюда — яростная борьба с «неблагодарными» и со всеми теми, кто по мнению автора им помагал — и автор, который и по прошествии 44 лет не может победить своей злобы, всячески старается очернить в глазах современников и будущего историка гражд. войны врагов своих, приписывая им все смертные грехи, не приводя притом никаких к тому доказательств. «Борьба с большевиками» превратилась в борьбу глав. обр. с Донской интеллигенцией... «Врагов» своих автор сначала награждает краткими язвительными уколами: ген. штаба ген. П. Х. Попов, выступивший 12 февраля 1918 г. прибл. с 1.500 бойцов при 5 орудиях и 40 пулеметах в Степной Поход, оказывается **«бежал** из Новочеркасска **с группой приближенных»**, ген. шт. ген. А. И. Бабкин получает аттестацию «бездарного офицера», ген. шт. ген. И. Ф. Быкадорова удостоивается небольшой шпильки: читателю для чего то сообщается, что Быкадоров окончил Академию не по 1-му, а по 2-му разряду, ген. шт. ген. С. К. Бородин обрисовывается, как человек «весьма заурядный». Войс. стар. Фетисова, впоследствии генерала, героя 1-го освобождения Новочеркасска, нам рисуют, как человека совсем никчемного, который якобы не знал, как создать штаб и не имел около себя никого и ничего, что не мешает Полякову в дальнейшем изложении написать, что у Фетисова помощниками были подпол. Рытиков, Шляхтин и Дронов. Ген. шт. ген. А. П. Богаевский оказался в изобра-

жении Полякова «двуличным», «неблагодарным», «передатчиком наших тайн»... Даже ген. шт. ген. Каледин, герой Луцкого прорыва, изображается человеком жалким, нерешительным, запутавшимся в сетях Дон. правительства. Инсинуации по адресу Каледина, А. П. и М. П. Богаевских рассмотрим в дальнейшем подробно.

«Рыцарски». очернив своих Донских коллег по Академии Ген. Штаба, которых Войско Донское высоко ценило, Поляков, вопреки традиции военных академиков выпячивая всюду на первый план свою собств. особу, оставляя в тени и командующего армией и Атамана, с неменьшей злобой набрасывается на Э. С. Семилетова и других вождей партизанских отрядов, вписавших в историю Дона яркие страницы, не стесняясь бросать по их адресу бесстыдные обвинения, что они на крови молодежи «делали свою карьеру» ..

Причисляя к своим врагам «кучку членов Круга — демагогов«: В. А. Харламова, В. И. Сидорина, — (не бывшего депутатом. Н. М.) — Б. Н. Уланова, П. А. Скачкова, извес. на севере Дона организатора партизан. отряда П. Р. Дудакова и др., Поляков всех валит в одну кучу, называя их «бездельниками», «людьми более чем сомнительной репутации», «выгнанными со службы за неспособность, пьянство и неблаговидные поступки«, «внутренними большевиками»... И никаких доказательств в подтверждение таких обвинений! Нужно ли говорить, что ни один из них и не был выгнан со службы за какой бы то ни было неблаговидный поступок? Нужно ли вообще, стоит ли доказывать-опровергать такого сорта низкую клевету? Не всякого, ведь, и в прежнее время вызывали на дуэль: эту «честь» оказывали лишь людям «дуэлеспособным». Все перечисленные лица были хорошо известны на Дону и депутатами своими станицы посылали на Круг тех станичников, которых считали лучшими. Скажу лишь о главном из названных «внутреннем большевике» — Председателе Дон. Войск. Круга В. А. Харламове — словами уважаемого сотрудника того же Полякова полк. ген. шт. В. В. Добрынина, быв. начальником оперативного отдела штаба, который в своей книге о гражд. войне на Дону пишет о В. А. Харламове: «тот, кто позже будет писать историю Дона, несомненно воздаст должное этому большому человеку. Чтобы охарактеризовать его громадный авторитет среди казаков, достаточно напомнить, что он неизменно избирался депутатом от Дона во все четыре Государственные Думы».

Особенно отвратительный характер носит попытка Полякова подорвать авторитет и добрую славу А. М. Каледина и его Помощника М. П. Богаевского. Попытка с явно негодными средствами уже по одному тому, что он заявлял, что в своих «Воспоминаниях» будет писать лишь о том, чему лично был свидетелем. Прибыв в Новочеркасск в самых последних числах января 1918 г., за три дня до смерти Каледина (к Нач. Штаба Походн. Атамана Сидорину Поляков явился 27 янв.) он имеет «смелость» — если не употреблять другого слова, более подходящего — заявлять, что судить о Калединской эпохе ему «дают основание **личные наблюдения** (курс. мой. Н. М.) — и мнения лиц, близко стоявших к Каледину» — имена этих «близко стоявших» он, конечно, предпочитает не называть: дурной поляковский отзыв о Каледине ему могли бы тогда дать лишь лютые враги Каледина большевики и большевизанствующие. И вообще г. Поляков, покинувший Новочеркасск и Дон сейчас же после окончания кадетского корпуса, в возрасте 17-18 лет, и возвратившийся на Дон — спасаться — в конце января 1918 г., **никогда** не служивший **ни в одной** войсковой части не только Донской, но и какого-либо другого Казачьего Войска, не знающий жизни станицы и казака служивого и станичного, едва ли достаточно квалифицирован, чтобы претендовать на авторитет в Донских делах. Он заявляет, что «был хорошо знаком с работой нескольких Кругов», между тем как в действительности он был знаком с работой лишь нескольких дней Круга Спасения Дона и первой сентябрьской сессии Круга при ген. П. Н. Краснове. Полякова не было на Дону ни во время Донского Съезда в апреле, ни во время Калединских Кругов в мае, июне, августе, сентябре и декабре 1917 г. и в нескольких сессиях Круга при Атамане ген. Богаевском. Чтобы придать больше весу своим измышлениям, он приводит слова А. М. Каледина, будто бы слышанные им и якобы сказанные Калединым при оставлении поста Команд. армией, о том, что Каледин едет на Дон для работы там, тогда как Каледин командовал не 9-ой армией, при штабе которой служил Поляков, а 8-ой, и в Новочеркасске Каледин остановился в мае лишь на несколько дней по пути на Кавказ, куда он ехал лечить свои раны, и его с большим трудом удалось уговорить, «для блага Дона», согласиться принять пост В. Атамана. Таким же явным измышлением является рассказ Полякова о том, что Каледин якобы жаловался ему, посетителю, на Войсковое правительство. Все те, кто знал Каледина, как Началь-

ника Новочер. Военного училища, потом Начальника Войскового штаба, Начальника 8-ой кавалерийской дивизии, Командующего 8-ой армией — героя Луцкого прорыва — и В. Атамана, знают, что этот человек большого государственного масштаба, молчаливый и замкнутый, к новым людям относившийся крайне осторожно, никогда не унизился бы до жалобы или болтовни да еще с посетителем и в предсмертные дни, Поляков же мог быть только простым посетителем, а не докладчиком по делам штаба, где он был с **27 января**, по его словам, и начальником службы связи и первым и вторым генерал-квартирмейстером!... По всем делам штаба ежедневно в это тревожное время приходил к Атаману всегда лично Походный Атаман ген. А. М. Назаров. Кроме того, сам Поляков пишет, что Атаман его не принял, так как «приема не было», но что **потом** он якобы приема добился... Когда? 28 января, накануне смерти, или 29-го в день смерти Атамана?... Этого не могло быть. Будучи в то время Заместителем Председателя Калединского Войскового правительства, знаю, что приемы тогда были отменены.

Мне, не бывшему членом В. Круга в атаманство ген. Краснова, не свергавшему поэтому ген. Полякова, никогда его и не видевшему, не раз уже приходилось опровергать его измышления, печатавшиеся особенно в его «Атаманском Вестнике», во имя восстановления исторической истины и защиты доброго имени честных людей, ушедших в лучший мир, иде же нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, ни низкой клеветы, которую они сами уже не могут опровергнуть.

Как же обрисовывают нам личность Каледина серьезные беспристрастные люди? Вот, что пишет о нем в своей истории профессор Академии Генер. Штаба ген. Н. Н. Головин: «Каледин — один из старших и лучших генералов Русской армии», «высоко благородная личность«, «исключительно сильный человек». Историк проф. П. Н. Милюков: «Моральная трагедия, приведшая к самоубийству этого **сильного** (курсив мой. Н. М.) человека, была трагедией всей России». Быв. Главнокоманд. ген. А. И. Деникин: «Этот всею революционной демократией и темной толпой подозреваемый, уличаемый и обвиняемый человек проявлял такую удивительную лояльность, такое уважение к принципам демократии и к воле казачества, его избравшего, как не один из вождей революции.»

Безукоризненно корректный конституционный глава Донской Земли, прямой, искренний, глубоко честный и чистый Каледин, он и мертвый остается во многих отношениях живым укором для деятелей другого типа.

Размеры нашего журнала не позволяют мне дать сейчас более полную характеристику этого большого человека, и желающих узнать его ближе я отсылаю к моей статье в первом томе «Дон. Летописи». Свистопляска, устраиваемая на его могиле не только большевиками, но и крайними монархистами черносотенного типа — недаром говорится, что «крайности сходятся» — привела меня к решению оставить для будущего историка полную монографию, посвященную этому достойнейшему «сыну» Ермака и Тихого Дона.

Наш большой талантливый Донской журналист В. А. Краснушкин, писавший на Дону под псевдонимом Виктора Севского, редактор «Донской Волны», расстрелянный большевиками, через полгода после смерти А. М. Каледина писал в Ростовской газете «Приазовский Край»: «Теперь, когда его нет, когда есть свидетельские показания, записки современников и исторические документы, повернется ли у кого язык бросить упрек Каледину мертвому, но **живущему в умах и сердцах честных**. Не «белый генерал», а гражданин в белой тоге независимости мысли. Гражданин, каких мало. Россия гибнет потому, что нет Калединых».

Как видим из «Воспоминаний» ген. Полякова, нашелся человек, у которого «повернулся язык» и который пытается выставить А. М. Каледина человеком слабым, безвольным, связанным по рукам и ногам В. Кругом и Войск. правительством. Для ген. Полякова, изгнанного Кругом, В. Круг является совдепом, презрительно называемым им «коллективом»... «Личность Каледина — пишет Поляков — тонула в коллективе», «Каледин не решался выступить против течения, подвергаясь разнообразным и противоположным влияниям, не находя в себе сил изменить курс и продолжал задыхаться в атмосфере переживаний и колебаний».

Нет надобности цитировать дальше эти злобные выпады... А. М. Каледин на конференции, собравшей в июле 1917-го года Войсковых Атаманов Дона, Кубани, Терека и Астрахани, был единогласно признан главой казачества юго-востока России, а на Московском Государственном Совещании в августе того же года, где он выступил с декларацией от имени всех двенадцати Казачьих Войск, официальные, надлежащим образом уполномоченные, представители всех Войск признали его, без записи в протокол

Общеказачьего Совещания, и моральным вождем всего Казачества. Благодаря своему глубокому уму и обаянию своей личности, А. М. Каледин пользовался неограниченным доверием на В. Кругу и в Войсковом правительстве и не было случая ни на Круге, ни в правительстве, чтобы какое либо его предложение — а они всегда были строго обоснованы — не было принято. Приведу и свидетельство Помощника Каледина Митрофана П. Богаевского, оставленное им перед смертью в незаконченной статье «Ответ перед историей»: «А. М. Каледин хорошо относился ко мне, но он был на 20 лет старше меня а потому не могло быть и речи о моем влиянии на него. Кроме того, все, кто знал его могут подтвердить, насколько он был самостоятельным и твердым человеком.» «Влияние его на казачество было очень велико и с его голосом считались всегда. Не я оказывал на него влияние, а он оказывал его на меня, и на Кругах бывали случаи, когда мне приходилось выступать по его указанию. Этим я не хочу сваливать все на покойного, ибо я и сам имел свои точки зрения, но считаться с Атаманом я должен был всегда«. «В военном деле Каледин был полным хозяином».

Не бывший на Дону ни в 1917, ни в самом начале 1918 г., Поляков не знал и обстановки на Дону, только поэтому и, очевидно, с целью лишний раз уколоть, он пишет, что «Каледин намеревался посылать карательные экспедиции для вразумления станиц, воспривявших коммунизм, но, к сожалению, своего замысла не осуществил, не поддержанный своим правительством». При Каледине **ни одна станица** «не восприяла большевизм«: бунтовали не станицы, не «старики», а фронтовики в полках. А если бы и случился такой грех с какой-нибудь станицей, то кого мог бы послать туда Атаман, если не было возможности защищать даже столицу, в которой множество офицеров — и в том числе г. Поляков — не отозвались на последний предсмертный призыв Каледина стать в ряды? Ген. Денисов пишет, что, заняв столицу, красные в одном Новочеркасске расстреляли около 200 офицеров.

Не меньше измышлений в книге П-ва и по адресу Войскового Прав-ва. По его словам, Калед. пр-во «авторитетом среди казаков не пользовалось и своими действиями подрывало авторитет Каледина». Никаких доказательств в подтверждение этого утверждения, конечно, не приводится... Трудно было пользоваться авторитетом среди распропагандированных большевиками взбунтовавшихся полков, об отношении же населения сам Поляков, опровергая самого себя, и не замечая этого, пишет: «Старое поколение мирно занялось устройством своих дел, **уважая престиж донской власти... и готовое встать на защиту этой власти»** (курсив мой. Н. М.). А вот отношение Дон. студенчества — цитирую Декларацию штаба студенческой боевой дружины, декабрь 1917 г.: «Дружина... находится в распоряжении Донс. правительства. Это значит, что она вполне доверяет и вполне подчиняется Дон. правительству. Дружина знает, что Войск. Прав-во — орган законной демократической власти, избранной населением, а не назначенной извне — действует в интересах всего населения, стоит на страже законности, права и охраняет культуру, свободу, жизнь и безопасность граждан. Мы всецело поддерживаем только такую власть и готовы словом и делом содействовать ее начинаниям».

Ярким опровержением клеветнической кампании г. Полякова против А. М. Каледина и его правительства являются его же собственные слова. Нередко в своей книге, в светлые промежутки преодоления болезненной жажды мести за свое устранение, он забывает, что писал раньше, и высказывает иногда совершенно здравые мысли. Например: «Требовалось время изжить революционные настроения», «За это время (к маю 1918 г. Н. М.) значительный процент нашего офицерства уже в достаточной степени испытал на себе ужасы совет. режима. Непрекращающиеся расстрелы офицеров, гонения на них, истязания, оскорбления и глумление возымели свое действие». И в массе, после того, как казаки на практике, на собственной спине, узнали, что несет им советский режим, «видоизменилось казачье сознание».

«Не подлежит сомнению» — пишет автор — «что Каледин и Назаров напрягали все силы, чтобы изменить обстоятельства, но мне казалось, что изменить положение могло только чудо, а не люди». «Фронтовики оказались настолько деморализованными, что Каледин вынужден был отдать приказ об их демобилизации». «Без реальной силы ни одна власть существовать не может».

Если в конце концов г. Поляков что-то понял, если и для него **«не подлежит сомнению, что Каледин и Назаров напрягали все силы»**, то для какой же цели Полякову нужно было вылить столько грязи и на Каледина и на Войсковой Круг и на Войс. пр-во, якобы погубившие Каледина? — В другом месте своей книги г. Поляков придумал уже, что Каледина и Назарова погубили... **солдат-**

ские полки?!

Ядовитое жало клеветы не пощадило и «Донского Баяна», нашего «Трибуна», «Златоуста» — Митрофана Петровича Богаевского. Он не мог быть «врагом» ген. Полякова, не знал и о самом существовании его, жил и работал до появления Полякова на Дон. общественной сцене, но он был самым близким человеком к А. М. Каледину, и после смерти оставшемуся живым укором для тех, которые, как Поляков, пытались повести Дон. казачество по другому пути. М. П. Бог-му пришлось работать в эпоху, о которой он говорил, что «в настоящее время в народе лежит одна сила — это сила разрушающая. Силы созидающей нет». И в этом разгуле разрушительной стихии, в атмосфере развала, разнузданности он проявил огромный запас духовных сил в качестве блестящего организатора, вдохновителя и борца за идеалы казачества, отдавши за них жизнь. Дон. обществ. деятель К. П. Каклюгин в своей статье в «Дон. Летописи», посвященной М. П. Бог-му, пишет: «Он ушел от нас, обвеянный большой и трогательной любовью казачества. За ним не только шли — им гордились. И чем больше мы от него отходим, тем духовный образ его становится выше, величественней и привлекательней. Благодарное каз-во будет вечно чтить его светлую память». И не Полякову, конечно, разбить эту репутацию. Не довольствуясь теми гадостями, которые он пишет о Калединском пр-ве, Председателем которого был М. П. Б-ий, автор «Воспоминаний» бросает в лицо умершему обвинение в том, что М. П. Б-ий «предлагал **большевикам** сотрудничество, но **они** сотрудничать с ним **не пожелали»,** причем ссылается на письмо, которое незадолго до смерти, находясь в плену у большевиков, из тюрьмы написал М. П. партизанам. Письмо это не сохранилось, не приводит его текста и Поляков, что дает ему возможность разрисовывать письмо в соответствии с его собст. целями. Копию письма я читал, когда мы были на Дону, и я категорически утверждаю, что в нем не было и намека на предложение большевикам сотрудничества. О, если бы это было, с какой готовностью большевики его приняли бы, зная, каким влиянием среди Донцов пользовался М. П. Б.

Провокация эта не первая: в первый раз ее пустили в обращение еще на родине большевистские агитаторы после того, как стало известно, что М. П. Б. оставил незадолго до смерти неоконченную статью «Ответ перед историей». Статья эта была напечатана полностью в 1919 г. в №№ 22-25 журнала «Донская Волна» и в 1923 г. перепечатана заграницей во 2-ом томе «Дон. Летописи». Вместе с этим документом в «Дон. Летописи» напечатана «Историческая Справка» К. П. Каклюгина. Вот, что он пишет: «Статья эта не окончена, она буквально оборвалась на полуслове... Смерть автора (расстрелянного 1-го апр. 1918 г. в Балабановской роще близ Нахичевани начальником Ростов. крас. гвардии Антоновым — Н. М.) прервала работу мысли... Эта литератур. работа сопровождалась быстро распространившимися слухами о том, что М. П. Б-ий, будучи арестован, под угрозой смерти сдал все свои позиции, которые защищал во время своей последней деятельности на Дону, покаялся в своих прегрешениях перед совет. властью и признал сов. власть законной и подлинной народной властью, изъявив полную готовность подчиниться ей. Такой слух **нужен** был для успеха большевистского дела в среде казачества. Это было средством сломить дух сопротивления в самом его основании, опорочить всю антибольшевистскую работу М. П. Б-го и А. М. Каледина, поколебать веру в казачью идеологию, поднимавшую каз-во на борьбу с сов. властью. И это действовало: вождь каз-ва изверился в своих идеалах, отрекается от пройденных путей, «сжигает свои корабли» и покорно преклоняет свою голову перед новым кумиром, которого осудил, против которого боролся сам и вел в кровавый бой других. Все эти слухи волновали, смущали... Колебалась вера не только в человека, пользовавшегося безграничным доверием каз-ва, не допускавшего и мысли об измене, предательстве, но и вера в необходимость и целесообразность дальнейшей борьбы. **Это была тонко рассчитанная провокация. Конечно, слухи оказались неосновательными».**

Теперь то же самое делает ген. Поляков с письмом М. П. Б-го к партизанам, перетолковывая его содержание по своему.

Письмо это было написано М. П. Б-им в тюрьме Великокняжеской станицы в присутствии Елизаветы Дмитриевны, жены М. П-ча. Голубов, арестовав М. П-ча, уехал из станицы Платовской по станицам Сальского окр., оставив на месте своего адъютанта с несколькими казаками. В это время в станице лились потоки крови. Пришли одни — вырезали калмыков, пришли другие — стали резать крестьян. Красногвардейцы едва не растерзали пленника. Спас его от самосуда адъютант Голубова, перевезший затем пленного под охраной конвоя в Великокняжескую тюрьму. Сюда вскоре явился Голубов вместе с каким-то комиссаром в штат-

ском и злобно набросился на М. П-ча, засыпая его упреками в том, что он все время призывал детей в партизанские отряды, губя зеленую молодежь. (Кстати сказать, и г. Поляков в своей книге неоднократно бросает то же обвинение А. М. Каледину и его Помощнику, сознательно закрывая глаза на то, что оба они обращались не к учащимся, а к казакам и офицерам, молодежь же, героически настроенная, сама без всяких призывов отдавала свою жизнь за правое дело). Вместе с тем Голубов заявил, что все противники сов. власти, включая и Добров. Армию и Степняков, разбиты и совершенно уничтожены, что брат М. П.-ча Африкан Петрович погиб вместе с остатками Добр. армии. Остались еще кое-где в области небольшие партизанские отряды из учащихся. «Напишите им: пусть положат оружие. Если вы не спасете детей, кровь их падет на вашу голову. Я их перестреляю, как щенков. Собственного брата-партизана задушу своими руками». Находясь в заточении, отрезанный от всего мира, видевший потоки крови в ст. Платовской и сам едва спасшийся от самосуда, не зная, что происходит в действительности, «как не знала и я сама — говорит Елизавета Дмитриевна, присутствовавшая при этой сцене — муж сидел в углу на тюремной койке с провалившимися глазами, как затравленный зверь, окруженный сворой собак, готовых его растерзать». «Убитые дети — сказал он мне после ухода Голубова — вереницей проходили перед моими глазами, и я чувствовал бы себя их убийцей»... и он решил написать партизанам. Письмо, подписаное М. П-чем, было написано на клочке бумаги и содержало всего несколько строк: борьба наша проиграна, большевики победили, вас осталось очень мало, дальнейшая борьба бесполезна. Сохраните ваши жизни, сложите оружие. На другой день Голубов приехал в тюрьму и взял письмо, не вступая ни в какие разговоры. В третий раз он приехал, чтобы взять М. П-ча из тюрьмы и отвезти в Новочеркасск.

Никакого признания сов. власти, никакого предложения сотрудничества с большевиками в письме не было! Да и для чего М. П. Б. стал бы писать **на эту тему** в письме к **партизанам?** На основании какого источника г. Поляков сообщает, что **большевики сотрудничать с М. П. Б. не пожелали?** Каким доверительным путем узнал об этом г. Поляков? В печати **никто никогда нигде** об этом не сообщал.

Наиболее ярким опровержением этой клеветы служит поведение Донского «Баяна» на митинге Новочеркасского революционного гарнизона, куда М. П. Б., без всякого предупреждения, был доставлен Голубовым с гауптвахты. Ему было предъявлено требование дать отчет о своей «преступной» деятельности, поднявшей казаков на борьбу против сов. власти. Если бы М. П. Б. до этого действительно признал сов. власть — как инсинуирует г. Поляков — то как он должен был бы вести себя в присутствии революционных властей? Логически, в таком положении ему пришлось бы подтвердить свое признание сов. власти, сознаться в своих «ошибках», повторить свое раскаяние, подчеркнуть те или иные обстоятельства, смягчающие вину. На этом митинге открытом, устроенном в здании Кадетского корпуса, присутствовали и некоторые казаки небольшевики — предоставим им напомнить нам, что было на этом митинге, судившем важного преступника — злейшего контрреволюционера. Вот, что очевидец рассказывает в № 19 «Донской Волны» и во втором томе «Донской Летописи», озаглавив свою статью «Лебединой песнью» М. П. Б-го. Митинг открыл председательствовавший на нем Н. М. Голубов. Первое слово он предоставил комиссару по борьбе с контрреволюцией Ларину, который говорит о том, что Б-ий — «прихвостень буржуазии», враг революции, враг трудового народа, контрреволюицонер, и призывает судить его «беспощадно». В его речи «мелькает желание» тут-же, на месте, учинить самосуд. Комиссар покидает трибуну под апплодисменты «товарищей титовского полка». С помощью начальства М. П. Б-ий поднимается на стол. Все замерло, умолкло. Лишь только М. П. начал говорить, казаки стали кричать: «На середину, не слышно». Спор, пререкания. Голосуют, принимают решение: трибуну перенести на середину. Когда Голубов, в сопровождении конвоя, переводит пленника через тесную толпу, «жутко и страшно было за М. П-ча«. Когда М. П., взобравшись на стол, начал говорить, воцарилась мертвая тишина: «Казалось, что даже и стены и те будто прислушиваются к плавной, красивой и красочной речи быв. Товарища Атамана Каледина». Говорит, постепенно разворачивая ход событий с начала революции на Дону, разъясняя и оправдывая действия быв. правительства Атамана Каледина и свою. Не просил снисхождения. Казалось, что он не обвиняемый, а грозный прокурор, тысячи же слушателей — подсудимые. Чувствовалось, что речь не прервут, дадут говорить до конца. Видно было, как постепенно росли симпатии к оратору. Слу-

шатели — одно внимание: пружина, которую сгибает и разгибает М. П. Б. Будто сказка о недавно пережитом разворачивалась перед глазами, если бы не воспоминания о пережитом, не блеск ощетинившихся стальных штыков стражи... и смерть наших мучеников — генералов Каледина, Назарова, Усачева, Волошинова и др. Фронтовиков зачаровала правдивая искренняя речь настоящего казака-патриота. Прежде всего, М. П. Б. ответил комиссару Ларину: сказал, что сейчас не может ответить комиссару, как нужно и должно: не время и не в одинаковых условиях. Ларин свободен и у власти, «а я под угрозой штыков, но и штыки меня не испугают». Скажу, что Б-ий никогда не был и не будет прихвостнем буржуазии. «Сейчас вы это увидите». Ему был предъявлен список вопросов, на которые М. П. должен был ответить — на все и ответил. Доказывал, что Войск. прав-во ни в чем не виновато — целый ряд ошибок сделали сами казаки. Говорил о Войск. Съезде, о Войс. Круге, о Съезде крестьян, о переговорах прав-ва с ними, о Москов. Госуд. Совещании, о Корнилове и Каледине, и выстреле Каледина, о работе Каледин. прав-ва. **Обращаясь к казакам**, закончил свою речь-доклад так: «Если я нужен **вам**, если могу быть полезным **вашей** работе для Дона, я готов работать с **вами.** Готов помочь вам опытом и знаниями, которые есть у меня. Я считал своим долгом открыть вам глаза, осветить события и деятельность Каледина и его Товарища Б-го и других. Вы нас выбрали, вы нам вручили власть. Вы дали нам наказ. Мы выполнили его, сами же вы с нами не пошли, и мы остались одни: без опоры, без верного казачеству войска, без силы, без поддержки. Не судите, не вините строго **нас** — помните, что это ваши ошибки. Ошибки всего казачества привели к тому, что творится сейчас у нас на Дону. Вините и судите сами себя, судите весь Дон, всех казаков. Нужно примириться с крестьянами, нужно примириться с партизанами: там цвет будущего Дона, там такие дорогие и нужные для процветания и жизни Дона. Привлеките к работе и интеллигенцию: не будет цвести и расти Дон, если интеллигенция будет стоять в стороне».

Три часа и десять минут, как отметил сам Голубов, говорил М. П. Б-ий. Кончил. Раздались дружные апплодисменты, пишет Дон. офицер, бывший на митинге.

«Дивились казаки, дивились товарищи-фронтовики. Говорили: нужно сохранить Б-го, оставить в живых, он будет работать **вместе с нами**, не отдавать его красной шва-ли».

«Но... пришли из Ростова красные, взяли М. П. Богаевского... и не стало Баяна казачества».

Донской Трибун-Златоуст своей пламенной патриотической речью пробудил задрежавшую было казачью совесть... Казаки фронтовики покинули Голубова, разошлись из Новочеркасска по своим станицам, и вскоре — в том же месяце марте — вспыхнуло народное восстание, мощно поддержанное фронтовиками, примирившимися с отцами-«стариками».

Да, г. Поляков, М. П. Богаевский предлагал свое **сотрудничество**, но не **советской** власти, а своим **Донским казакам!** Обращаясь к ним, он говорил: «Если я нужен **вам**, для **вашей** работы для **Дона**, я готов работать **с вами».** Говорил это в присутствии сов. комиссара и прочих «товарищей», через их голову. Не смутили его и штыки стражи: «Я под угрозой штыков, но и штыки меня не испугают» — бросил он гордо, с презрением, комиссару Ларину. И казаки, революционные Голубовские казаки, затуманенные большевистской пропагандой и пошедшие было против Каледина и Калединцев, своим поведением в конце митинга показали, что они предложения М. П. Б-го не отклонили, и это испугало большевиков, поспешивших выхватить его силой из Новочеркасска и убить.

С одной стороны — бесстрашный, проявивший в тех условиях совершенно исключительное мужество, после смерти оклеветанный, М. П. Б-ий, а с другой — г. Поляков, слонявшийся в это время по улицам Новочеркасска в костюме, как сам он пишет, оборванца, но в шубе «буржуя»: показывая встречным красногвардейцам на эту шубу, г. Поляков давал понять им, что он с ними одного поля ягода и, как и они, грабил «буржуев»... Рассказывая это о себе в своих «Воспоминаниях», генерал, очевидно, и не понимает всей позорности для офицера такого поведения.

Не приходится, поэтому, удивляться и той форме, которую он избрал для мести своим недругам. Клевета существует на свете не со вчерашнего дня, процветала она и в глубокой древности, о чем свидетельствует хотя бы такой стих знаменитого творца «Одиссеи» и «Илиады» Гомера: «Нет великого Патрокла, жив презрительный Терсит» **).

**) Патрокл — герой осады Трои, Терсит — известный клеветник того времени, оклеветавший и героя.

Рассмотрим по существу, что даже придирчивый человек, не будучи клеветоманом, может поставить в упрек М. П. Б-му в связи с письмом его к партизанам, в котором он советовал им сложить оружие в виду выяснившейся безнадежности продолжать борьбу. Затравленный, находясь в тюрьме, только что спасшись от самосуда, не имея возможности проверить то, что ему сообщают, он узнает от самого Голубова, что большевики уничтожили и Добров. армию и Степняков, что в бою погиб и его брат А. П. Богаевский, остались в разных округах лишь разрозненные небольшие партизанские отряды глав. обр. из учащейся молодежи, которые будут им, Голубовым, уничтожены, если М. П. Б-ий, «толкнувший их на борьбу с сов. властью», не посоветует им сложить оружие; в противном случае кровь Дон. молодежи «падет на его голову». Кроме тех партизанских отрядов, которые влились в «Степной отряд», существовали, как указывает в своей книге сам Поляков, небольшие отряды ес. Лазарева, сотн. Попова «Ст. Разина» и др. Об этой партизан. молодежи М. П. Б. говорит казакам ни митинге революц. Новочеркас. гарнизона: нужно примириться с партизанами, там цвет будущего Дона, дорогой и нужный для процветания и для жизни Дона. Введенный в заблуждение утверждениями Голубова, проверить которые он, заключенный, не имел никакой возможности, М. П. написал оставшимся партизанам: »Я почувствовал бы себя их убийцей, если бы Голубов их перебил» — сказал тогда жене М. П.

Ну, а все те тысячи дон. офицеров — Поляков и Денисов их численность определяют в шесть тысяч — которые не отозвались на призыв ген. Каледина стать в ряды защиты Дона и которые не ушли из Ростова с Корниловым и А. П. Богаевским и из Новочеркасска с П. Х. Поповым, как расценить их поступок? Ведь нельзя же их всех считать трусами, были и храбрые люди, как, например, оставшийся в Константиновской П. Н. Краснов, много испытавший во время неудачного похода на Петроград в 1917 г. Очевидно, многие, сложив оружие, сделали это потому, что считали борьбу безнадежной? А. ведь, они, в противоположность М. П. Б-му, никем и ничем не были обмануты, — наоборот, они прекрасно знали, что и Добров. армия и Степняки существуют и продолжают борьбу.

Достаточно ознакомиться с предсмертной речью М. П. Б-го — его «Лебединой песней» — произнесенной на митинге революц. гарнизона уже после письма его к партизанам, чтобы сказать, что не упрека он заслуживает, а преклонения перед великим его гражданским мужеством...

И кто же обличает?! Тот, который, лишившись поста Начальника Штаба, немедленно, в разгар борьбы и в самый тяжкий момент ее, навсегда покидает родной край, отказываясь от продолжения борьбы, а затем, когда все мы вынуждены были эвакуироваться, когда уезжали заграницу, не желая оставаться под властью советов и опасаясь расправы, и рядовые казаки, он, генерал, Начальник Штаба и Войска армии, остался в СССР, по каким-то основаниям не опасаясь расправы.

М. П. Б-ий не предлагал своего сотрудничетсва сов. власти, в чем обвиняет его облыжно Поляков — предложил его, оставшись в СССР, не Богаевский, а И. А. Поляков, и его предложение было принято. Г. Поляков, вероятно, не забыл постройки им для большевиков элеватора — хотя бы — на ст. Успенской? Об этом периоде своей жизни и деятельности, как и о службе в политической полиции Сербии, в Загребе, он умолкал и в подробной своей биографии, напечатанной в его «Атаманском Вестнике». Окончившие Академию Генер. Штаба не считали совместным со своим положением избирать такое поприще и заграницей. Не говорит он и о том, почему сов. власть выпустила его заграницу в то время, когда пропускались сюда только люди «проверенные» или «свои».

Думается, что те Донцы, которые поддерживали г. Полякова заграницей, не сделали бы этого, если бы от них не было скрыто многое.

**
*

Еще ни разу не были оглашены подробности, предшествовавшие убийству М. П-ча. Елизавета Дмитриевна, вдова покойного, удостоверяет, что группа друзей, во главе с В. А. Севским, позже расстрелянным большевиками, все подготовила для освобождения пленника из Ростовской тюрьмы. При содействии одного Донца из штаба президента «Дон. Совет. Республики» Подтелкова, добыли бланк с подписью одного из ответственных лиц и заполнили его соответствующим текстом — приказом начальнику тюрьмы выдать Богаевского для перевозки его в другое место. Было готово и надежное место, где М. П. должен был скрываться. Было установлено наблюдение за приездом и выездом из тюрьмы должностных лиц. И вот в тот

самый день, когда было назначено «легальное» похищение, наблюдатель увидел, как в ворота тюрьмы въехал сов. автомобиль, в котором находилось два человека, кроме шофера, а через полчаса мимо наблюдателя проехал этот автомобиль обратно уже с тремя седоками и в третьем наблюдатель узнал М. П. Б-го. Как выяснилось потом, двое других были начальник Ростов. крас. гвардии Антонов, застреливший в тот день в Балабановской роще М. П-ча, и комиссар Рожанский. В этот день, 1-го апреля, Ростов. сов. власти получили из Новочеркасска, освобожденного в первый раз казаками всего лишь на один день, ультиматум немедленно освободить М. П. Б-го и не позже 5 часов дня доставить его в Новочеркасск. Большевики поспешили немедленно покончить с пленником...

Не будь этого неумного ультиматума, невовремя сосредоточившего внимание сов. властей на личности М. П. Б-го и подчернувшего особую ценность его для восставших, судьба М. П-ча, быть может, была бы другая. — Г. Поляков, везде приписывающий себе первую особую роль, не припишет ли он себе и на этот раз заслугу инициативы в этом деле?

**
*

В этом же виде и с тою же целью Полякову **нужно** изобразить и другого близкого к Каледину сотрудника: быв. Пред. Калединских Войск. Кругов, представителя Д. Войска, вместе с А. М. Калединым, на Москов. Государ. Совещании и заместителя М. П. Богаевского на посту председателя последнего Калединского правительства — пишущего эти строки Мельникова. В своей книге г. Поляков упоминает меня — вскользь — один лишь раз, но против моей фамилии ставит звездочку, а в сноске кратко, но многозначительно поясняет читателю — и, конечно, к сведению будущего историка гражд. войны, — что речь идет о «небезызвестном Н. Мельникове, председателе Нижне-Чирского Военно-Революционного Комитета, быв. одно время председателем Калединского правительства». А в «Приложении» к своему журналу, «Атаманскому Вестнику», печатается, что председатель Военно-Революц. Комитета Н. Мельников расстрелял в Н. Чирской ст. 150 казаков и приговорил к смерти еще 75, но расстрелять последнюю партию не успел, т. к. в ночь накануне казни в Н. Чирскую ворвались Суворовцы и спасли всех... Вот, в каком виде изощряется г. Поляков представить обоих ближайших сотрудников В. Атамана Каледина: один предлагал большевикам свое сотрудничество, другой расстреливал «белых» Калединцев! Чего же, мол, стоил и сам Каледин, не умевший разбираться в людях, да еще в ближайших своих сотрудниках! И все это происходило на Дону, и Донские казаки не знали, что происходит у них в станицах, да еще окружных?! Съезжались из всех станиц, в том числе и из Н. Чирской, депутаты и выбирали красного палача на самые высокие должности... И после Каледина новый Атаман П. Н. Краснов, по представлению соединенного заседания граждан. и уголовн. департаментов Новочеркасской Судебной Палаты, назначает, как Глава Войска, в 1918 г., т. е. именно тогда, когда Поляков клевещет, что я был в Н. Чирской и притом Предс. В.-Револ. Комитета, быв. Председателя Съезда Мировых Судей 2-го Дон. окр., Мельникова, Членом Судебной Палаты, на высокий пост в Судеб. ведомстве, а через короткое время вызывает в Атаман. дворец и предлагает войти в состав прав-ва. О мотивах моего отказа нет смысла сейчас распространяться. В 1919 г. новый атаман ген. А. П. Богаевский назначил меня председателем комиссии и обревизованию министерства — «Отдела» — Продовольствия и Интенданства, учрежденной В. Кругом с предоставлением председателю комиссии прав Ревизующего Сенатора. Позже тот же В. Атаман назначил меня Председателем В. Правительства, а Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, заключив соглашение об организации Верховной власти с Главнокомандующим В.С.Ю.Р. ген. Деникиным, представил меня Главе власти, как желательного для Верховного Круга кандидата на пост Председателя Совета Министров правительства Юга России. Указываю на все это, чтобы читателю была ясна вся нелепость провокационной клеветы ген. Полякова. Подробное мое опровержение было напечатано в № «Родимого Края», теперь же добавлю лишь одно: в 1918 году меня вообще **не было** в ст. Н. Чирской. Чудовищная клевета Полякова является покушением с негодными средствами, во-первых, с целью подорвать престиж Каледина и его пр-ва и, во вторых, отомстить Мельникову за его опровержения в печати «неточностей» Полякова, когда он утверждал, что это он был героем первого освобождения Новочеркасска, а не М. А. Фетисов, полк. А. П. Фицхелауров, ген. М. Н. Смирнов, полк. Н. Г. Зубов, А. А. Азарянский, полк. В. Н. Карпов, полк. Бобриков,, подъес. Софронов. Пришлось мне «уточнить» также, что и при втором освобожде-

нии Новочеркасска в конце апреля главную роль играл не Поляков, как он рассказывает, а П. Х. Попов и полк. М. Г. Дроздовский и его батарея, броневик и эскадрон. Пришлось мне напомнить, что и в «Дон. Летописи» отмечено, что «население города особой овацией встретило доблестного М. Г. Дроздовского и его отряд, которому Новочеркасск был обязан неожиданной и незабываемой помощью». Многое и другое пришлось «уточнять» и опровергать. В наших беженских условиях как можно реагировать на клевету? Думаю, что лучше всего — презрением...

(Окончание следует)

Париж.

Н. М. Мельников

МОНАСТЫРСКОЕ УРОЧИЩЕ

Степь пылится меж курганов,
Степь звенит, живет,
Ясным утром атаманов
Войска Дон зовет.
Много с севера змеистых
Видно верениц,
Из Задонья далей мглистых,
С низовых станиц,
Все идут на эхо зова:
Все, ведь, казаки!
— Память древнего Азова
Помнят старики.

— — — — — — — —

В Праздник Старого Черкасска
Шелк знамен пестрей,
Воскресают быль и сказка
В грамотах царей,
Иоанна, Алексия,
И Петра времен,
Грозных лет, когда Россия
В них признала Дон.
И как встарь, с высокой бочки
Войска есаул
Их читает все до точки
Под пальбу и гул.
«Здравствуй, царь, в Москве Престольной,
Мы же — на Дону...»
Веет фразой вечно-вольной
Дым на всю страну.

— — — — — — — —

Светел Дон в дымке молений,
Чинно клир грядет,
День молебный песнопений
Свято Дон блюдет.
Вновь над братскою могилой
Встали знамена,
Реют в храме с дивной силой
Строго имена
Тех, кто Дону и отчизне
Честно послужил,
Тех, кто жизнь в азовской тризне
Храбро положил.
В песнопеньях погребальных
Тих осенний свет,
Четок залпов гром прощальных —
— Предкам дань — привет.

— — — — — — — —

Полдень жжет над стройным станом,
Льет свой дух полынь,
Хороша под Атаманом
На рыси «Горынь»!
Встречный марш звучит приветный,
Все войска сковал,
Любит Войско свой заветный
Церемониал.
Войсковой парад — блестящий,
Тверд казачий шаг,
Точен молнией горящий
Шашки быстрый взмах.
Бывших старых командиров
Весел бодрый взгляд,
Пестрый строй крестов, мундиров
Смотрит каждый ряд.

— — — — — — — —

А потом по всей станице
Пир горой идет,
Конь под окнами светлицы
Ухом лишь прядет.
Всех гостей достойно примет
Хлебосольный Дон,
Захмелеет и обнимет,
И проводит он.
Слышат пира шум казачки
У своих окон,
Кончать Праздник, песни, скачки —
Так велит закон...
Хмелем крепким закаляет
Старых лет вино,

Войско славное гуляет,
Слился Дон в одно.
— — — — — — — —
«Гей, седые атаманы,
Братья — казаки,
Выше с ладонным стаканы,
Все мы здесь близки.
Не смогли в нас выжечь войны
Спайки вековой,
Будем предков мы достойны
Славы Войсковой!
Славе, каждый все неси ей:
Жизнь, Москвы печать:
Мы пред Доном, пред Россией
Будем отвечать!
Если есть — забудьте споры,
Берегите Дон:
Дорог нам Черкасск, Раздоры,
Ширь родных сторон...»
— — — — — — — —

Льются песни, тосты, речи,
Солнца ниже ход.
Вспоминают деды сечи,
Каждый свой поход.
Достоянье всех столетий
Степь уберегла,
Память прежних лихолетий
Вновь над ней легла.
Дон струится молчаливый,
В нем — весь неба свод,
Катит к гирлам в час шумливый
Тайны тихих вод.
Морю, ниже от Ростова,
Что-то скажет он
И дойдет до стен Азова
Всей страны поклон.

Париж

И. Сагацкий

ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ Ф. Д. КРЮКОВА

«Войсковой Круг и Россия»

В № 41 журнала «Род. Край» П. А. Соколова просит ознакомить эмигрантов хоть с маленькими образчиками сочинений донских писателей Ф. Крюкова и Романа Кумова, т. к. многие знают их только лишь по имени.

Просматривая не так давно в одной из парижских библиотек журнал «Донская Волна» — еженедельник истории, литературы и сатиры, № 16, 30 сент. 1918 г. Цена 2 рубля. Редактор Виктор Севский (В. А. Краснушкин) — я сделал небольшую выборку из помещенной в нем статьи Ф. Крюкова «Войсковой Круг и Россия» о выступлении на Круге одного из его членов, которую и сообщаю.

(От Редакции: в следующем номере будет помещен рассказ Р. Кумова «Игумен Иосаф»).

Говорит фронтовик, бравый атаманец, говорит и тычет пальцем в направлении 10-ти верстки, на которой флажками обозначена линия боевых действий на грани Донской земли.

— «Я коснуся одному, г. г. члены: т. к. мы на той порище стоим, чтобы свого не отдать, а чужого нам не надо. То надо до того добиться, чтобы эти флажки назад не передвигались, но и в даль далеко дюже не пущались...

Россия? Конечно, держава была порядочная, а ныне произошла в низкость — ну и пущай... у нас своих делов не мало, собственных.

Нам политикой некогда заниматься и там, на позиции, в прессу мы мало заглядаем. Приказ — вот и вся пресса.

Там, господа члены, про царя некогда думать... и не думаем. Наш царь Дон... Этот есть тот хозяин, за которым мы пошли...

Прямо сказать, г. г. члены, что кто пропитан казачеством, тот свово не должен отдать дурно... А насчет России повременить...

Пущай Круг идет к той намеченной цели, чтобы спасти родной край... Пригребай к своему берегу... больше ничего не имею, господа...«

Ф. Крюков.

ПОЛЕВАЯ КАША.

(Быль из жизни донских помещиков)

Под горой, на отшибе от реки и хутора, примостилась панская усадьба. Не носила она следов уюта, домовитости, хозяйственной предусмотрительности, на всем лежала печать случайности, временных настроений.

Неуютно было и вокруг усадьбы: заросли бурьяна, чертополоха, пыльные дороги во всех направлениях, бродящий тощий крестьянский скот, свиньи.

Единственно красив был старый запущенный сад, глаголем облегавший усадьбу. Пирамидальные серебристые тополя то взлетали ввысь стройными колоннадами, то вольно распластавшись в воздухе бледно-зеленым облаком, блистая нежной белизной стволов и ветвей, царили над густым мелколесьем. Внизу, в художественном беспорядке сплелись клен, ольха, осина, ясень и нависали над дорожками, образуя тенистые, зеленые гроты.

Нетревожимые никем водились в гуще множество поющей, свистящей пичуги.

В фруктовом саду чудесно пахли румяные яблоки на старых яблонях, низко, низко склонивших свои широкие ветви. Рдели сизые сливы. Желтели в густой листве сочные груши.

Владелец усадьбы и прилегавшего участка земли был Григорий Иванович Ткаченко, живший безвыездно с семьей в своей усадьбе. Жил он старым помещичьим укладом жизни: много ел, еще больше спал, почти ничего не делал. Земля сдавалась на скопщину, раздачей земли и получением скопщины заведовал объезчик Егор Попов, русак из ближайшего поселка. Знал Егор своего барина: внимательно, почтительно выслушивал, никогда не перечил, а в поле делал, как хотел; обильно шли могарычи от скопщиков и не мало возов панского хлеба шло мимо барского тока. Доходили слухи до Григория Ивановича, что Егорка ворует; не верил, но малое количество копен указывало, что дело нечисто; призывал барин Егорку, допрашивал, волновался, грозился, но Егорка спокойно выслушивал, божился, что служит правдой, что де завистливые люди оговаривают. На время успокаивался Григорий Иванович, но снова слухи повторялись и решился наконец он сделать осмотр своим полям; трудно было подыматься толстому с задышкой барину: откладывалась поездка со дня на день: то что то облачно — не быть бы дождю, то очень жарко. Одним утром после чая посмотрел на небо Григорий Иванович, подумал, придраться не к чему и приказал подать беговые дрожки. Через пятнадцать минут вороной, белоногий конь, запряженный в дрожки, был у крыльца. Сел барин на хрупкие дрожки, затрещали рессоры, тронул возжами коня и белоногий легкой рысью выкатил барина со двора.

Участок был вырезан ввиде лопаты: начинался от реки, узкой полосой тянулся версты три, захватывая лесную балку, а затем межи разбегались влево и вправо, образуя большую ровную пахатную площадь. Две дороги вели в степь, одна открытая по скату балки, другая прихотливо извивалась по ее лесу. Григорий Иванович предпочел ехать лесом, и прохладнее будет, да за одно и лес посмотреть — не крадет ли Егорка. Подъехал к обширной плотине, густо обсаженной вербой, плотина удерживала вешние воды, образуя большой глубокий став, где водилось много золотистых линей, карасей, черных раков. Ручей, бегущий по дну балки, поддерживал в сухое время воды става.

Переехал барин плотину, дорогу обступили стройные молодые вербы, нежные трепещущие осины, ольха, ясень, клен; дорога то подымалась, то опускалась, то разрезая живописные купы деревьев, то выбегала на зеленые полянки. Вверху голубое небо, в древесной сени пение пернатых певцов, шум говорливых родничков, ключиков. Вот и старожилы леса — гиганты дубы, приветливо протянувшие громадные лапы-ветви, заботливо прикрывая своего владельца, от знойных лучей солнца. Хорошо, умилительно стало Григорию Ивановичу и так не хотелось в степь, на зной и пыль.

Посреди балки, у полянки, стояла хатка с прилепившимися к ней сарайчиками, катушками и жил в ней Егор с своей женой Дунькой, бабой смирной и трудящейся.

Весело, рысцой выкатил белоногий барина из древесной кущи на полянку, остановился у обделанного в камень родничка, изливающего по деревянному желобку чистейшую холодную воду. Слез Григорий Иванович с дрожек, напился из деревянного жбанчика воды. С низкими поклонами подошли Егор и Дунька, окруженные шайкой белокурых ребят. Поздоровался барин, распросил, как живут, как идет скопщина. Расторопная

Дуняха разослала пеструю, самотканную попону на травке и Григорий Иванович сел отдохнуть. Вблизи на деревянном треножнике висел ведерный котел, под ним тихим пламенем горел кизяк. Варилась полевая каша. Запах, раздражающий апетит, носился по поляне. Старое желтое сало, толченное с луком в деревянной ступке, особенно убедительно говорило за вкус; тянулся за ним и жирный кочет, пущенный для навара; не молчал и бараний бок. Кизяк как то внушал доверие, что не перегорит, не перепарится, да и умелые руки Дуняхи делали нужное.

Уже лежал у Григория Ивановича на коленях самотканный рушник в петушках и узорах, на белой полотняной скатерти стояла деревянная чашка в ярких цветах, лежала деревянная ложка, горка пахучего ржаного хлеба, на тарелке селедочка в масле с зеленым лучком, янтарная таранка, огурчики соленые. Вытянул Егор из криницы бутылочку казенной, холодной,искристой, толкнул легонько ладонью в донышко и акуратно пробочка вылезла наполовину. Незаметно в руке у барина оказался и уемистый стаканчик. Поспела каша, полную чашу насыпала Дуняха. Пахучая, апетитная, сама в рот просится. Кланяются Егор и Дунька барину, просят отведать мужицкой хлеба-соли, все де от усердия, за милости барские, просят простить недоумление мужицкое и пр. Поблагодарил барин за хлеб, за соль и сказал, что кушать еще не время, но честь сделает.

Мягко, нежно покатилась водочка, разлилась теплом по желудочку, по суставчикам, искорками в глаза шибанула, речей, ума добавила; закусил Григорий Иванович селедочкой, тараночкой, огурчиком соленым.

Другой стаканчик сам назвался, родничьком холодненьким в пылающую грудь излился, а каша так и просится, щекочет нос возбуждая апетит. Одна, другая ложка, барин в восторге, что де в сравнении замысловатая домашняя стрепня, и, похваливая Дуняху, осадил уемистую чашку, дернул водочки, да спросил еще... Кланялись и Егор и Дуняха, благодарили, что барин мужицкой еды не побрезговал. Только от третьей чашки отвалился Григорий Иванович, ни кочета, ни баранины есть не смог. Выпил жбан забористого кваса, осовел, трудно было подыматься, а о поездке в степь и речи не было. Быстро Дуняха принесла пару подушек и барин почти мгновенно уснул, издавая богатырский храп. Распряженный белоногий стоял в тени и ему дремалось от хорошей порции овса.

И убаюкали барский сон шелест дубов-старцев, трели пернатых певцов, говор, бульканье ключиков, треск прозрачных, блестящих стрекоз.

Часа через два проснулся Григорий Иванович, удивленно посмотрел кругом, поднялся, приказал запречь коня; дал Дуняхе рубль, попрощался, сел на дрожки и белоногий сам повернул на дорогу домой, — приближался час деревенского обеда.

За обедом на вопросы, как нашел Григорий Иванович степь, домашние только слышали восторженные отзывы о Дунькиной каше...

Годовая ревизия была, как обычно, для Егорки благополучно закончена. «Бисив москаль до кип пану дорогу кондером пэрэпэныв...» — острили местные хохлы.

Дранси (Франция). **Ян. Богаевский**

ОБЫСКИ.

(Глава из повести «Хутор Фонтанов»)

Одним из первых мероприятий советской власти была, так называемая, «продразверстка» — отобрание у населения хлеба, в первую очередь, а также и других продуктов питания. Налоги были непосильные. Народ предчувствовал голод. Каждый хозяин старался хоть небольшую долю зерна сохранить в своих амбарах и для пропитания семьи и для весеннего посева.

Из районных же организаций требовали немедленного выполнения плана. Беспрерывно слали в хутора анкеты, приказы, угрозы. Агенты по продразверстке не давали покоя людям. То и дело созывали народ

на собрания и кричали: «Давай, давай! Хлеба давай! Несите, везите-сдавайте все, что имеете!». Врали народу, обещали что-то в неопределенном будущем и снова требовали сдачи хлеба.

В здании Совета хутора Фонтанова, как в кромешном аду, была постоянная толкотня — одних вызывали для опроса, другие приходили сами и о чем-то просили. Рассыльные безотлучно пребывали в дежурстве и ожидали приказания, куда идти, кого звать, кому нести повестки или кого сопровождать.

Председатель Хутора Фонтанова Забежной после полученного нагоняя в Районе, решил немедленно приступить к обыскам, с твердым намерением все перевернуть, но хлеб найти. Каждому обещал вытрясти душу и сгноить в тюрьме.

Первой жертвой он наметил зажиточного казака Бухова. Прикинув в уме, кого послать в этот двор для обыска, он, пулею вылетев из своего кабинета, обвел быстро глазами присутствующих и указав на активиста Соловенко, объявил:

«Ты пойдешь, как представитель от сельсовета, а Лукачев и Вольнов — при тебе, как понятые. Немедленно направиться к Бухову с обыском. У него спрятан хлеб, а разверстку он не выполняет».

Как кипятком обдало старика Лукачева. У него самого на черный день закопан хлеб под амбаром. Даже амбар немного потянули с места, чтобы прикрыть яму с зерном. Внуков у него пять душ. А если они будут с голоду умирать, ведь он, дед, не перенесет этого. Он отвечает за этих малолетних невинных деток.

Помутилось в голове старика. Идти в чужой двор, лазить по чужим сараям ему не под силу, а отказаться выполнить приказание Совета тоже невозможно.

**
*

Семья Бухова была вся дома. Только что зарезали бычка и спешили убрать все с глаз. Бабка Андреевна задвинула чугун с жирным борщом в печь, прикрыв печным заслоном. Мясо хорошо упрятали в ледник под солому.

Иван Лукич Бухов последнее время избегал ходить в Совет, надеясь, что как-нибудь обойдется. Хлеб для питания оставил в закромах до нового урожая, а семенная пшеница стояла в мешках. Думал сложить ее в хорошие сундуки и закопать до времени посева.

Трое из сельсовета вошли во двор без какого-либо предупреждения. Вожак — Соловенко и хотел нагрянуть неожиданно, застать врасплох и напугать. Хозяин только успел в открытое окно дома крикнуть жене:

«Банда идет!«

Заметалась Палага Ивановна, жена Бухова. На столе лежали только что вынутые из печи семь горячих ароматных хлебов из пшеничной муки. Их спрятать никак нельзя было. Набросила сверху старую, но чистую, из белого холста скатерть и поспешила к сундуку, в который складывала для дочери приданое. Подняла тяжелую крышку, одной рукой поддерживает, другой отбрасывает вещи. Набросала гору платьев, гору не шитых отрезов, одеяло, шелковых платков стопу и снова начала бросать обратно в сундук, не зная, как спасти все это. Схватила три ярких персидских шелковых платка, развернула, встряхнула и заткнула за пояс юбки, прикрыв грязным фартуком.

Мать-старуха взяла два хлеба и, едва передвигая старческие ноги, направилась к двери, чтобы снести их в погреб «от греха» — так она подумала. В этот момент дверь распахнулась и через высокий порог перешагнул Лукачев, которого толкнул вперед себя Соловенко. Замедлив шаг, вошли и остальные. Палага Ивановна поняла, что Степан Авдеевич Лукачев не по своей воле пришел к ним, когда увидела еще двух входивших в дом людей.

«Приказали человеку, бандиты!» — решила она.

Гости расселись. Лукачев постеснялся садиться на стул и неудобно примостился на край лавки, у входа, привычно опершись обеими руками на свою палку.

«Ну, как хозяйствуешь, односумка?» — обратился он с шуткой к старухе Андреевне.

Хозяин не входил в дом, отдаляя минуты встречи с непрошеными посетителями.

«А ну-ка позови отца» — распорядился «главный», толкнув в спину сынишку Бухова.

Долго возился Иван Ильич в корридоре прежде, чем войти.

«Ну, что Бог даст» — решил и открыл дверь. В это время Соловенко вскочил со стула и, рванувшись к двери, столкнулся с хозяином.

«Где спрятан хлеб? Показывай, **контра!**» — заревел он, как разъяренный зверь.

Не ожидал Бухов такого выпада. В глазах потемнело. В голове все помрачилось. Не мог сдержаться. Размахнулся и ударил по лицу Соловенко. Тот в свою очередь ударил Бухова. Палага с криком и слезами бро-

силась к мужу, стараясь защитить его и оттолкнуть от него врага.

Старуха забилась за печь и крестилась. Дети плакали. Шелковые платки — приданое дочери — упали из-под фартука хозяйки и все топтались по ним, не замечая этого.

Лукачев упрашивал, стучал палкой и, наконец, поняв, что он не может изменить случившегося, выбежал из дома и, спотыкаясь, поспешил к своему двору.

Бухов был человек большой и сильный. Он мог бы легко смять противника, но воздержался от полной расправы, разом сообразив, что за этого грязного предателя придется дорого расплачиваться.

«Меня арестуют, а над семьей будут издеваться» — понял он и сдержал себя.

«Ты, товарищ, не кричи и не называй меня контрой. Хлеба я не прятал». Бухов едва стоял на ногах от страшного волнения, руки дрожали и в глазах становилось темно.

«У тебя огонь видали ночью во дворе» — продолжал наступать активный работник совета.

»Ну, иди ищи» — говорил Бухов. Да я и сам тебе покажу, где у меня прячется хлеб. Не посреди двора он должен лежать. Я — хозяин, у меня есть амбары, закрома, где я сохраняю Божий дар — хлеб святой».

Старался Бухов мирно рассчитаться с недобрым человеком и здраво объяснял все, подводя комиссию к хлебному амбару.

Соловенко, записав данные в книжку, потребовал, чтобы через час зерно было доставлено на ссыпной пункт. Оставив Вольного наблюдать за отправкой, сам ушел доложить обо всем Забежному.

**
*

Пока Степан Авдеевич Лукачев добрел домой, в его дворе в это время орудовал Микишка, сводя свои личные счеты «пролетария с сплотатарем». Амбар был перевернут. Хлеб нагружали на подводы. Соседи усердно работали — то бежали с пустыми мешками от брички к раскрытой яме с зерном, то с полными мешками на плечах — к бричке, сгибаясь от тяжелой ноши и как-то уклоняя головы от лица хозяина. Среди других соседей он увидел кума — Семипядова, который был крестным отцом его младшего сына — Илюши.

Хотел обругать его черным словом, да вспомнил, зачем он ходил к Бухову.

«Жили доселе люди в простоте сердечной, сохраняя и родственные и добрососедские отношения, но власть натравила друг на друга. Не мог он не пойти с обыском в чужой двор, так же, как и кум не мог отказаться от приказания». — Наплывали грустные думы. Душу охватывало отчаяние. Народ оказался бессильным протестовать.

Лукачев бросился к яме, но хлеба в ней уже не было. На дне ямы, хорошо обложенной досками, сидел какой-то малец и нагребал в ведра остатки зерна. Потом подавал вверх Микишке. Тот нагибался вниз, с трудом захватывал дужку ведра и, вытащив, сыпал в мешок. Теперь он отряхнул колени от пыли и подошел к хозяину.

«Ты нарушаешь закон советской власти» — заявил Микишка Степану Авдеевичу. «И будешь отвечать за это, потому что ты сплотатарь есть!» Лукачев настолько был ошеломлен случившимся, что ничего не возражал и смотрел ничего не видящими глазами перед собой, точно перед ним было пустое пространство. Фигура Микишки то сильно отдалялась и становилась не больше мизинца, то приближалась и увеличивалась. Однако, все это не было действительностью. Лукачев окаменел.

Стоял неподвижно, как изваяние. Немного спустя сознание вернулось. Понял Степан Авдеевич весь ужас просшедшего. Вдруг повернулся и почти бегом направился к своему дому, крича в отчаянии:

«Илюша! Илюша! Хлеб забрали! Хлеб забрали! Микишка — бандит забрал!». — Сердце Лукачева разрывалось от скорби. Он надрывно кричал: «Лодырь! Босяк!»

Невестка — жена старшего сына — Дарья — плакала, упав на широкую лавку возле обеденного стола. Не замечая ее, Степан Авдеевич продолжал бегать по дому, стучать палкой и звать сыновей.

«Илья Степанович! Петро!» Хлопая дверьми, наткнулся на внучку, прижавшуюся в углу за дверью. «Санька, где же отец?» И не дождавшись ответа, шел из одной комнаты в другую. Понял он, что его сыновья, оба уважаемые доселе обществом, тоже, наверно, обыскивают добрых людей, заглядывая по всем углам чужих домов и вызывая раздражение у хозяев.

«Вот так бы размахнулся палкой да по голове Забежного, да районного — Иващенко, да выше, да дальше, да до Москвы! Пропал весь народ! Бандиты грабят, а куда хлеб девают? Кого кормить будут!» — Все смешалось в голове. Мысли путались. Выбежал во двор. Амбар на боку. Глубокие колеи от колес протянулись через весь двор. Ворота раскрыты. Зерна, рассыпанные по двору, доклевывают куры. Кругом тихо.

Подошел к амбару. Положил свою палку на землю и попытался поднять амбар один-

сам. Подходил с разных сторон, но все напрасно. Не под силу. Прикрыл яму сбитой из досок крышкой. Вернулся и сел на нижней ступеньке лестницы, ведшей на верхний этаж хуторского казачьего дома.

Вернувшись поздно вечером домой, братья Лукачевы застали отца сидевшего на ступеньках и ожидавшего детей. Как он был обрадован! Они вывели его из оцепенения.

«Детки! Хлеб забрали! Голодовать будем!» С трудом старик поднялся. Заплакал и не мог устоять на дрожавших ногах, снова опустился на рундук.

«Всю жизнь работал. Вот, с рук мозоли не сходили» — он протянул руки, точно сам их видел впервые.

«Пахал! Косил! Молотил!... А теперь все отняли!» — зарыдал старик, как ребенок. «Да еще грозили. Микишка судить будет... Говорит, что я должен отвечать перед советской властью».

Сыны стояли, точно вкопанные, опустив головы. Отец продолжал.

«Илюша, ты же учитель. У тебя не должны бы брать?! Как же так?! Иди к председателю, говори. Подай заявление, пусть назад вернут наш хлебушек! У нас дети. Санька и Петька — малые. В школу мать каждый день им пышки с медом давала, а теперь что даст? Что?»

Старший сын не мог слышать, когда заговорили о его детях. Он недавно вернулся с фронта — воевал против красных банд. При полном поражении, в плен к ним попал. Так разве теперь пожалеют его детей? Едва переступая от усталости, он направился в дом, к жене и детям. Старик продолжал настаивать, чтобы сын просил о возврате им зерна.

Помолчав, Илья Степанович отвечал отцу:

«Нет, папаша, просить я не пойду. Ты думаешь, власть очень считается с учителями, дорожит ими? Нет, она ненавидит всех. Разве ты не видал, каких хлебным пайком платят нам за нашу работу в школе? Отходы от разных хлебных злаков с примесью травы. Перетерли все на мельничных жерновах и говорят, что это — мука. Получайте! Вот вам за ваш труд! Мы должны терпеть и молчать. Ты говоришь, у нас — дети. Это верно. А у Буховых, у Орешкиных, у Семипядовых? Везде хлеб забрали. Все обречены на голод. И среди всех голодных мы одни будем кушать? Ну, скажи мне?! Нет, отец, мы не имеем на это права. Да перестань плакать! Не пропадем. Где-нибудь достанем» — продолжал сын, хотя сам не имел представления, где можно, у кого можно достать, когда вся страна ограблена, когда все обречены на мучительный голод и смерть.

Он успокаивал отца, потерявшего самообладание.

«Пойдем ужинать, довольно здесь сидеть» — решительно сказал он отцу, помог встать и повел его в дом.

**
*

Забежной, поставив двух сторожей около привозимого зерна, направился сам в центр хутора к Орешкину Ивану Никандровичу, взяв с собою трех человек: Турушкина, Латвинова и сына вдовы Ожогиной — Терентия.

Шагая по улице, Забежной размышлял.

«Хорошо я сегодня взбунтовал хутор. Кажется, ни одного двора не пропустил. Всех тихонь вытащил и включил в обыски. Пусть-ка откажутся! И хотели бы отказаться, да не могут. Будете ходить по струнке, как миленькие. Узнаете советскую власть!»

Пытался даже что-то напевать, но срывалось. В горле першило.

Иван Никандрович ждал, что к нему не сегодня-завтра придут с обыском. Несколько мешков зерна он спрятал в поле, верст за десять от хутора еще задолго до обострения продовольственного вопроса.

Орешкин по характеру был тихий и очень скрытный человек. В совете его считали, как самого опасного для советской власти казака. Раньше хозяйство свое он вел очень аккуратно. Все было в порядке и сделано во-время. Теперь работать не хотелось и, как у всех, у него было настроение выжидательное. Сегодня он был особенно тревожно настроен, прислушивался к каждому новому звуку, доходившему с улицы.

Во дворе была цепная собака, которая всегда давала знать о приближении чужих людей. Она особенно злобно залаяла, когда комиссия сельсовета подошла к их двору.

Забежной дернул калитку так, что давно поржавевшие петли обломились и открытая калитка повисла на одном гвозде. Одновременно с лаем раздался выстрел из револьвера. Собака взвизгнула и затихла. Из окна было видно, как Забежной, ухватившись обеими руками за перила лестницы, быстро вбежал на крыльцо и постучал в дверь. Хозяин поспешно открыл дверь и пропустил в дом пришедших.

Председатель, опуская всякие приличия, не поздоровавшись, напер на хозяина вплотную и прямо в лицо гаркнул:

«Ну, товарищ Орешкин, советская власть пришла за хлебом!«

«Я знаю» — ответил спокойно Иван Никандрович и не двинулся с места.

«А знаешь, так показывай свои ухороны! Да не проводи время зря — это будет лучше для тебя» — грубо заявил Забежной, заметив спокойствие на лице хозяина. Орешкин и после этой грубой выходки не подал вида и оставался внешне спокойным.

«Зерно внизу, во дворе» — подходя к окну и указывая на амбар, сказал хозяин.

Забежной так же ухарски повернулся, как и влетел сюда. Описав в воздухе пальцем дугу, скомандовал сопровождавшим его людям:

«Ребята, вниз! В амбары!»

При лихом повороте он оступился и с верхней ступеньки полетел вниз. Руки оторвались от перил, ноги вытянулись, как палки и, ударившись затылком, катился до самого низа высокой лестницы большого двухэтажного дома. Задержался только на последней ступеньке — на рундуке. Скатившись, руки разметал в разные стороны, голова покорно наклонилась вниз, глаза были закрыты, а дыхания в первый момент никто не обнаружил.

Окружавшие люди испугались, увидав его неподвижно лежавшим. Орешкин принес холодной воды, мочил затылок, растирал лоб, тормошил председателя совета, думая про-себя:

«И зачем этот мерзавец убился в моем дворе. Упал бы ты лучше с колокольни или с крыши твоего совета. Теперь мне придется отвечать за тебя» — наперед определил Иван Никандрович.

Обыск на этом закончился.

Хозяин запрег лошадь в линейку, вынес подушки и уложив «героя», отвез его на квартиру. Слух о происшедшем быстро разнесся по хутору. Только все передачи были далеки от истины.

Одни говорили, что Забежной сам бросился и разбился, размозжив голову. Этому никто не верил. Другие говорили, что его толкнул Орешкин с лестницы. По третьей более страшной версии — Орешкин убил Забежного из револьвера и что слышен был выстрел — это многие подтверждали.

В этом деле жители Фонтанова видели Божье наказание за все злодеяния, которые содеял Забежной народу.

Забежной остался жив, хотя долго болел, лежа на своей квартире.

Временно наступило затишье в совете.

США.

М. П. Мэрозова

ТРЕЩИНЫ В КУПОЛЕ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО СОБОРА В ПАРИЖЕ

От редакции: Ниже мы печатаем обращение к русской эмиграции старосты Александро-Невского Собора В. Н. Загоровского. Дело очень и очень серьезное. Нужна помощь и немедленная. Этот призыв относится и к нам казакам. В этом храме находятся и наши казачьи иконы: Покрова Пресвятой Богородицы, Донской Божьей Матери и икона Знамения Терского Войска.

В дни Войсковых Праздников, в день Покрова и в другие наши памятные дни, казаки всех Каз. Войск ежегодно молятся в этом храме.

В старину казаки, возвращаясь с походов, всегда отдавали часть своей добычи в церкви. Полтора века тому назад после окончания Отечественной войны в Казанском соборе в Петербурге была устроена массивная серебряная решотка весом в 640 кг. с изображением 4-ех Евангелистов со скромной надписью «Усердное приношение Войска Донского«. В Старочеркасском Соборе общее количество драгоценностей было 42 фунта чистого золота, 54 пуда серебра и более 2000 драгоценных камней на Св. иконах. Все это было пожертвовано казаками.

И теперь, когда замечательному памятнику русского зодч.ества, этому уголку России грозит опасность, мы должны, если в нас еще не умерла душа казачья, последовать примеру наших предков и дать кто сколько может на ремонт Александро-Невского Собора.

Бог на помощь, казаки...

**
*

С словами призыва я обращаюсь ко всей русской общественности, ко всем русским людям, с просьбой притти на помощь для со-

хранения Святого Храма и ценнейшего памятника русско-византийского зодчества, каким является наш Александро-Невский Кафедральный Собор в Париже.

Тяжелые часы переживаем мы сейчас, ибо в трудном и очень тяжком состоянии находится наш чудный собор, уже вековой древности.

Его главный купол с ажурными устоями между просветов окон неожиданно подал признаки нарушения устойчивости самого строения, с появившимися опасными и глубокими трещинами в его основных частях.

Угроза большая. Придется закрыть верхний храм собора.

Уже выяснилось, что намечающиеся работы будут сложны, трудны и очень дорогостоющи, далеко превосходящие возможности церковных средств, которыми мы располагаем.

Нужна широкая и общая помощь всех и всех, — только так мы сможем сделать все необходимое.

Ныне неумолимое время нанесло нежданно свой разрушающий удар главному куполу собора.

Безотлагательно необходимо приступить к работам, дабы спасти от угрожающего разрушения то ценнейшее наследие наших отцов и дедов, которое мы должны сохранить и передать грядущим нам на смену поколениям.

Да, в этом наш долг! И да будет ведомо каждому, что в случае разрушения собора по нерадению мы никогда уже не сможем восстановить его. И как трудно не было бы нам теперь, мы должны сомкнуть ряды и напречь все силы!

Всех нас зовет набат большого колокола собора!

Вот почему я обращаюсь сейчас с этим призывом к каждому русскому сердцу, чуткому, отзывчивому и щедрому, которое, верю, откликнется на этот зов и поможет посильной помощью произвести все необходимые работы для спасения собора.

Я знаю, что ни соборный приход, ни русская колония Парижа не смогут вынести на своих плечах всю тяжесть такого бремени. Поэтому обращаюсь ко всему русскому рассеянию во Франции и за границей, я обращаюсь к Америке, где так много теперь тех, кто бывал и молился в этом соборе и сохранил о нем святую память.

Я обращаюсь ко всем русским людям и ко всем иностранным друзьям, которые часто так отзывчивы к нашим русским нуждам.

Я прошу все русские газеты и периодические издания перепечатать этот призыв для оповещения своих читателей, открывая при редакциях сборы: **«На ремонт Кафедрального Собора в Париже».** Благодарю их заранее.

Взносы можно направлять или чеками на имя Eglise Russe, rue Daru, Paris, или на текущий почтовый счет собора № 7.288.70 Association Cultuelle или же прямыми взносами у отцов протоиереев и в старостате собора.

Приходский Совет выпускает подписные листы, которые, я уверен, встретят самый горячий и щедрый отклик всех русских людей.

Вы знаете, что я никогда не позволю себе никого беспокоить без **особой к тому нужды**. Теперь же, верьте, настала **срочная необходимость.**

Да поможет нам Господь и да воздаст сторицею всем жертвователям на Храм Божий!

Веря в вашу отзывчивость и в вашу помощь, мы приступаем к работам, ибо время не терпит...

Господи, благослови!

Староста Кафедрального Собора

Инженер В. Н. Загоровский

В ПАРАГВАЕ

(Письмо, полученное редакцией «Род. Края» от казаков в Парагвае).

Спешу уведомить, что посланный Вами пакет журналов «Род. Края» нами получен и просим принять нашу искреннюю сердечную благодарность, так же, как и наш низкий земной казачий поклон из далекого, далекого Парагвая.

Живя много лет на «отлете», вдали от крупных центров сосредоточенности российской эмиграции, мы в силу многих, не зависящих от нас, обстоятельств потеряли всякий деловой контакт с казачьими кругами, несмотря на все наши попытки таковой контакт поддерживать. Говоря проще, никто нами, заброшенными вначале волей судьбы в дебри парагвайских лесов, не интересовался, включая даже близь лежащий г. Асунсон с довольно большим числом (28 лет тому назад) наших российских эмигрантов.

Ну это, так сказать, все в прошлом. В настоящее время в гор. Энкасионе и в окрестных колониях осталось от «знаменитой» станицы им. ген. Беляева всего 21 каз. душа, т. е. 19 казаков и две казачки: 10 казаков и одна казачка Дон. Войска, 7 казаков и 1 казачка Кубанокого, один терец и один астраханец.

Так что у нас еще есть казаки, да только, откровенно говоря, нет уже пороха в каз. пороховницах. Жизнь и обстоятельства выветрили этот порох. Все мы постарели и износились, и не то, что наши же казаки в Сев. Америке, которые, судя по отчетам русских газет, несмотря на свой, якобы, почтенный возраст, на каз. вечерах и балах лихо продолжают отплясывать казачка или лезгинку с кинжалами. У нас же скорее наоборот. В силу ли материального положения или климатических условий суб-тропиков с резкими переходами температуры от удушающей жары к холоду и наоборот, наши казаки уже неспособны ни к танцам, ни к пению и рады, что еще как то носят ноги. Да это и не удивительно: у нас самый молодой уже имеет 59 лет, а самый старый все 82, большинство же между 65 и 72 годами. Где уж тут лихо отплясывать! К тому же и материальные условия заставляют желать лучшего. Бедствовать пока, по милости Господа, не бедствуем, но не можем и сказать, что живем в достатке. Как то перебиваемся и за это благодарим Господа, помянуя к тому же, что есть на свете места, где люди живут в еще худших условиях.

Правда, многие выходцы из Польши, украинцы, белоруссы, галичане, поляки разжились, не в пример нам, рыцарям без страха и упрека. Но это люди не наших мировозрений и принципов, они нас, белоэмигрантов, не понимают и вряд ли когда нибудь поймут, несмотря на то, что их прежние про-советские убеждения очень сильно, под влиянием писем «оттуда», упали, но тем не менее мы являемся для них все же чужим и не патриотическим элементом в их узко-мещанском понимании долга перед Родиной.

Кроме так наз. в прошлом про-советских элементов, имеется у нас также и известный процент украинских самостийников, явно подчеркивающих свою неприязнь ко всему русскому, особенно если они сами галицийского происхождения.

А в общем вся эта публика нас мало интересует по той причине, что нечего зря бисер перед ними метать, а поэтому все остатки своей энергии мы обратили на анти-коммунистическую работу среди местного населения — парагвайцев, ибо нужно признать откровенно, что, как никогда, в настоящее время Южная Америка стоит перед опасностью внедрения коммунизма в ее просторы. И как ни странно, самым ненадежным элементом в смысле восприятия коммунистических доктрин является южно-амер. интеллигенция, в особенности студенчество. Что касается трудящегося элемента, то он не особенно льнет к коммунистам, ибо по опыту знает, что бюрократия, с какой бы социальной окраской ни была, останется такой же по существу. Прожив в Южной Америке 28 лет, должны заметить, что т. н. сугубая демократичность южно-амер. республик является не больше и не меньше, как фикцией. Много разговоров, много планов, много красивых пожеланий, и все остается на месте. Мне лично не раз приходилось сталкиваться с такими фактами вопиющей социальной несправедливости, что, восстанавливая мысленно в уме исторические познания, не находишь ничего подобного, что могло бы быть в русской истории 19-го века.

В свое время у нас в России в до-революционное время было распространено стремление искания правды, здесь же наоборот люди ее не ищут, потому что она никому не нужна, а ищут т. н. «свободу», которая, как известно, понимается довольно растяжимо, а поэтому каждый предполагает в будущем ею практически воспользоваться, и, конечно, в своих личных целях. Не приходится удивляться, что в Юж. Америке происходят очень частые революции или так наз. golpes del Estado (свержения правительства), ибо в каждом южно-американце непочатый запас амбиции, а поэтому каждому хочется быть калифом хотя бы на час.

В настоящее время у нас в Парагвае установилась благодаря, Богом посланному, президенту ген. Штреснеру (отец — немец, мать — парагвайка) довольно твердая власть, позволившая стране в смысле прогресса сделать большие достижения в экономике, значительно подняв жизненный уровень насе-

ления, но тем не менее недовольство существует, и, как это ни странно, в среде зажиточного элемента — коммерсантов, крупных скотоводов и в большой части т. наз. свободной интеллигенции, в то время, как сельский элемент является сторонником проводимых правительством в большом государственном масштабе реформ. По иронии судьбы, мы, противники красных, в настоящее время живем под властью так называемых «красных», ибо название правящей партии «colorado» обозначает красных, по своей же политической программе партия эта национально демократическая и сугубо антикоммунистическая. Благодаря этой партии и вооруженным силам страны все попытки коммунистов «облагодетельствовать» страну до сих пор терпели полную неудачу. Не в пример многим южно-амер. республикам, Парагвай вполне здраво расценивает коммунистическую угрозу и в своих реформах ставит им довольно радикальные препятствия.

Ну, довольно об этом. Лучше поделюсь данными о настроениях наших бедных последних могикан, казаков. Настроения их заставляют желать много лучшего. Все как то слишком быстро стареют, в тому же болеют, согласно своему возрасту, всякого рода недомоганиями. Бросается в глазах у всех печаль и тоска по Родине, даже, если можно так выразиться, тоска по Европе. Уж слишком нам приелась южно-американская экзотика. Когда соберемся вместе, разговор ведется исключительно о наших каз. краях или же вспоминаются дни молодости в Европе. Никто о будущем не заикается, ибо, судя по мировому политическому положению, таковое совершенно, по нашему мнению, безнадежно и беспросветно.

Задержка в ответ на Ваше милое и дорогое для нас письмо была из за ряда смертей в нашей «белогвардейской» среде. Лично на меня тяжелое впечатление произвела кончина долголетнего друга, полк. ген. штаба парагвайской службы Ю. М. Бутлерова, в лице которого мы потеряли большого русского париота и нашего защитника. Между прочим, у покойного остался сын от первой жены, проживающей в Париже, который, возможно, и не знает о смерти отца. Адреса его, сожалению, не знаю. Похороны полк. Бутлерова были очень торжественные с отданием воинских почестей и т. д.

На этом, дорогие станичники, и кончаю. Хотелось бы нам поговорить о многом, но заботы и всякого рода жизненные обстоятельства не дают возможности располагать достаточным временем. Борьба за существование берет слишком много времени и энергии. Ну, да на все Воля Всевышнего и Милость Его. Всегда рады получить от Вас весточку, которая поможет нам как-то бодрее смотреть на будущее, оставаясь крепкими душой и не забывать, что до смерти надо оставаться казаками. Еще раз большое Вам казачье спасибо за «Родимый Край» и земной поклон за Ваше чуткое внимание к нашей духовной нужде. Храни Вас Господь от всех скорбей и напастей.

Душевно Ваши: **Казаки из Парагвая**

«ФАКТИЧЕСКИЕ ПОПРАВКИ!»

В письме в редакцию «Род. Края» (№ 41) «Новый офицер» совершенно правильно осветил многие события, происходившие на Дону во время оккупации его немцами в 1942-1943 гг.; также правильно охарактеризовал он поведение и деятельность Т. И. Доманова в Освоб. Каз. движении; совершенно верно передал он и картину убийства Пох. Атам. полк. С. В. Павлова и поведение Доманова в это время; хорошо нарисовал он и жуткую картину выдачи англичанами казаков большевикам в Лиенце и в др. местах. Но... некоторые описания им важных событий не соответствуют действительности и я, как непосредственный и ближайший участник их, считаю своим долгом внести «фактические поправки», т. к. все эти сведения должны войти в историю Казачества.

Во 1-х, «Нов. офицер» пишет, что в состав комиссии по обследованию трупа убитого Пох. Атамана С. В. Павлова входили: ген. Науменко, полк. В. М. Одноралов, есаул Донсков и другие. Это сообщение совершенно не соответствует действительности. В со-

став этой оффициальной комиссии входили 4 человека: доктор Дьяконов, полк. В. М. Одноралов, есаул П. Н. Донсков и войск. старш. Т. И. Доманов (в то время он еще не имел чина генерала). Между прочим, Т. И. Доманов вошел с большей неохотой и только по настоянию членов комиссии, т. к. он считал обследование совершенно **излишним.** Ген. Науменко не входил в эту комиссию и не присутствовал, даже как частное лицо, при осмотре тела убитого Пох. Атамана С. В. Павлова.

Да и сам ген. Науменко в своей книге «Великое предательство» не говорит, что он входил в какую-либо комиссию и утверждает, что он, будто бы, лично поручил обследование трупа кубанск. полк. Головко (почему Кубанск. полковнику?). Затем, ген. Науменко добавляет далее, что расследование **обстоятельств** убийства С. В. Павлова по его настоянию производил Гибитс-комиссар. В частном разговоре с ген. Науменко я говорил, что Гибитс-комиссар к нашему Казачьему Стану не имел никакого отношения, т. к. у нас был свой немецкий представитель — комиссар Ратке, без разрешения которого Войсковой Каз. Штаб не мог ничего делать Это письменно подтверждает и дочь убитого Пох. Атам. С. В. Павлова Зоя. Может быть расследование обстоятельств убитого Пох. Атам. С. В. Павлова и производил Гибитс-комиссар, но это было неоффициальное расследование, о котором мало кто знал, но во всяком случае обследование трупа убитого Пох. Атамана производила только одна оффициальная комиссия с участием доктора Дьяконова.

Затем, ген. Науменко в своей книге «Великое предательство» (стр. 101-105), рассказывает, как он сам без свидетелей произвел обследование трупа убитого. Случайно он встретил грузовик, на котором перевозили тело и, желая ему поклониться, ген. Науменко влез на грузовик и, **подняв тело убитого**, для того, чтобы, повидимому, лучше и подробнее осмотреть, увидел: на левой скуле около носа небольшую чистую ранку, которую он почему то принял за **входное отверстие ружейной пули**, отверстия же в затылке он и не догадался осмотреть, а это было очень важно, ибо доктор Дьяконов, осматривая тел убитого в присутствии Комиссии, установил две небольшие ранки: одну на левой скуле в области носа и другую в затылке. Обе раны были маленькие, особенно в затылке, и обе чистые. Доктор Дьяконов пришел к заключению, что раны были **не ружейные**, а **револьверные** и так как рана в затылке была сравнительно меньше, чем около носа, то он решил, что в **затылке было отверстие входное**, а около носа — **выходное.** Если бы рана в затылке была выходным отверстием и тем более от ружейной пули, то эта рана была бы **развороченной** и **имелись бы осколки лицевых** и **черепных костей**, но обе ранки были маленькие и совершенно чистые. Ген. Науменко почему то не догадался или не счел нужным осмотреть рану в затылке, хотя и поднимал труп для более тщательного и детального осмотра.

Для чего, или вернее для кого, нужно ген. Науменко давать неверные сведения, также как и отрицать всякое участие Т. И. Доманова в смерти Пох. Атамана С. В. Павлова?

Нью-Йорк.

Бывший заместитель
Пох. Атамана С. В. Павлова
В. М. Одноралов

О СТАТЬЕ Г. КОВАЛЕВА

(Окончание)

Что касается чинов И. А. Полякова, то его послужного списка я не знаю и им не интересуюсь. В подлиннике моей статьи я писал: «Ген. Краснов, упразднив должность Пох. Атамана, командующим Дон. Армией назначил полк. Ген. Штаба С. В. Денисова, произведенного Поход. Атаманом в генерал-майоры приказом Войску Дон. № 211, подписанным им 27 апр. 1918 г., а начальником Штаба — капитана Ген. Штаба И. А. Полякова, о производстве которого, по неясным обстоятельствам, в полковники было объяв-

лено в том же приказе Пох. Атамана № 211, а через некоторое время Дон. Атаманом ген. Красновым он был произведен в генерал-майоры». Редакция, пользуясь, вероятно, правом «сокращать, не меняя смысла написанного», напечатала в той форме, которую цитирует г. Ковалев. Я против этого не возражал, считая, что это сути не меняет. Теперь же, отвечая на критику г. Ковалева, считаю необходимым объяснить, почему в подлиннике была фраза «... по неясным обстоятельствам», вычеркнутая редакцией.

С 19 янв. по 9 февр. 1918 г., как было уже сказано, я состоял в Штабе Ростов. Воен. Округа. По делам службы, я часто бывал в Новочеркасске в штабе Пох. Атамана, где 2-3 раза видел И. А. Полякова, занимавшего в это время там должность н-ка Оперативного Отделения, и он остался у меня в памяти с погонами капитана Ген. Штаба.

9-го февр. Особое Отделение Рост. Воен. Ок-га было причислено к Штабу Пох. Атамана. Не имея в Новочеркасске квартир, большинство чинов Особ. Отд. спало на столах в Штабе, состав которого к этому времени сильно уменьшился, т. к. офицеры, причисленные к Штабу Поход. Атамана штабом Добр. Армии, были отозваны в Добр. Армию. Другие — в том числе и И. А. Поляков — с 9-го февр. на службу не являлись.

При оставлении Новочеркасска 12 февр. 1918 г. он остался там, на что имел право, т. к., по выражению Пох. Атамана, «выступать в поход никого не насиловали, все шли добровольно».

С 12 февр. по 27 апр. 1918 г. в Войске никаких, по крайней мере официальных, производств в следующие чины не было. А тем более не было их при большевиках в Новочеркасске, где до 1-го апр. «скрывался» И. А. Поляков. Не было их и в «Дон. Армии» с 1-го по 10 апр., а с этого момента она вошла в подчинение Пох. Атаману, с переименованием ее в «Южную Группу». С этого времени до 27-го апр. по «Южной группе» Пох. Атаман тоже никого в следующие чины не производил, и следовательно к 27 апр. И. А. Поляков оставался капитаном.

В стан. Константиновскую в штаб Пох. Атамана действительно приезжала «депутация» от восставших казаков из Заплавской стан., которую возглавлял «председатель Временного Донского Правительства« г. Г. Янов, выдержку из статьи которого приводит г. Ковалев, как свидетельство того, что И. А. Поляков, входивший в состав этой депутации, был подполковник.

Я же свидетельствую, что в Константиновскую И. А. Поляков приезжал без погон, видимо потому, что «Дон. Армия», находившаяся в Заплавах, погон не носила, и, принимая во внимание, что до 27 апр. не было производств, И. А. Поляков мог быть только капитаном, а почему Г. П. Янов называет его подполковником, остается секретом.

Пох. Атаман, узнав от «депутации», что в «Дон. Армии« не носят погон, после того, как она признала его власть, приказал: «В каз. войсках, борющихся с большевиками, в отличие от красной гвардии, офицерам и казакам, имеющим установленную форму, надеть погоны, а не имеющим ее нашить полосы белой материи на головные уборы». Последний вид «отличия» в некоторых частях Дон. Армии сохранился до конца гражданской войны.

В «Дон. Летописи» (т. 3) за статьями Г. Янова «Освобождение Новочеркасска» и «Круг спасения Дона», на которую ссылается г. Ковалев, напечатана заметка к первой статье, в которой автор ее ген. И. Ф. Быкадоров, присутствовавший на «совещании» Пох. Атамана с «депутацией» и сам в это время командовавший Донецким отрядом, подчиненным Пох. Атаман, пишет: «В момент преобразования в Заплавской ст-це Совета Обороны во Врем. Дон. правительство» было желание предупредить события и образованием Врем. Дон. П-ва вырвать власть у Пох. Атамана. А в др. месте той же статьи сказано: «неустойчивость войск и отсутствие достаточной боеспособности их, заставили командующего Южной группой ген. Денисова и Временн. Дон. П-во подчиниться Пох. Атаману».

В дополнение к этому нужно сказать, что после отъезда «депутации» из Константиновской в Штабе Пох. Атамана «думали», почему г. Янов, пытаясь «полноту власти на Дону возложить на Вр. Дон. П-во», пытался также и «право» производства офицеров в след. чины оставить за Вр. П-ом. Здесь, может быть, и нужно искать разгадку превращения капит. Полякова в подполковники с производством в полковники.

В этот период только партизаны-степняки носили погоны. Ген. Денисов в его «Записках» говорит об этом с иронией, но иронию эту вкладывает в уста казаков: «Перед Заплавами ему (Пох. Атаману. А. П.) блеснуть особенно было нечем, кроме как говорили казаки: — «формой да золотом», а в примечании к этому говорит: «сам Пох. Атаман и все офицеры были в погонах, а партизаны и казаки в установленной прежнего образца форме».

После Константиновской, примерно до конца июня 1918 г., я И. А. Полякова не встречал и поэтому не могу сказать, какие он носил погоны.

О том, что до 12 февр. он был именно капитаном, имеется ряд свидетельств. Так, автор статьи «Ответ И. А. Полякову» (журн. «За казачество» №№ 23-24) за подписью «Щу-инъ», отвечая на статью И. А. Полякова, напекатанную в «Царском Вестнике», издававшемся в Белграде, и порочившую не только Пох. Атамана ген. П. Х. Попова, но и Степной поход и партизан, в нем участвовавших, пишет (стр. 21): «Штаб Пох. Атамана изобиловал крупными чинами: одних генерал-квартирмейстеров было человек 5. а в их числе и Ген. Штаба капитан Поляков, как он сам отрекомендовывался — «второй ген. — Квартирмейстер». В другом месте: «...правой рукой полк. Денисова был капитан Поляков, некогда «2-ой ген. кварт.» Штаба Пох. Атамана».

Сам ген. П. Х. Попов на мою просьбу дать справку об организации Штаба Пох. Атамана и его состава, мне писал: «Штаб формировался по штатам штаба отдельной армии. Ген. кварт. часть делилась на 5 отделений: оперативное, разведывательное и т. д. Их начальники считались помощниками ген.-квартирмейстера. Н-ком 1-го отд. был талантливый кап. Роменко — неказак, н-к 2-го разведывательного — капитан Поляков, н-ками др. отделений были капитаны не казаки Реснянский и Говоров и казак подполк. Краснянский.

В другом письме-ответе на мою просьбу сообщить, почему И. А. Поляков, будучи при взятии Новочеркасска 23 апр. 1918 г. капитаном, в мемуарную литературу, относящуюся к этому периоду, вошел в чине подполковника, и почему ген. Денисов в своих «Записках» пишет, что вашим приказом Войску Донскому № 211 от 27 апр. 1918 г. И. А. Поляков из подполковников произведен в полковники», ген. П. Х. Попов мне ответил: «Нач. Войск. Штаба ген. А. И. Бабкин мне рассказывал, что Поляков приходил «за справкой, нельзя ли пристроиться в штабе», но получил ответ: «здесь нет вакансий» и совет: «пройти в штаб Пох. Атамана». При этом Бабкин меня уверял, что у Полякова были погоны штабс-капитана. Полк. Сидорин, формировавший штаб Пох. Атамана, принял его туда, вероятно, на основании документов, в чине капитана. За взятие Новочеркасска 23 апр. по Южной группе Поляков был произведен мною в подполковники, а Денисов в генералы. Массовое производство было произведено по представлению своих начальников. При подписании приказа Денисов что то говорил о необходимости производства Полякова в полковники. Я подписал приказ о производстве в подполковники». Пох. Атамана по этому вопросу я больше не беспокоил.

Участники событий того периода хорошо помнят об этих «массовых производствах», которые действительно имели место. Но ген. Денисов в своих «Записках» в целях агитации против Пох. Атамана писал: «Кто больше всего были достойны награды — командиры частей, офицеры и казаки — таковых не получили. Этих героев не обласкали даже и добрым словом...»

Через несколько дней после занятия Новочеркасска н-к Штаба Пох. Атамана полк. Сидорин был командирован на Украину во главе делегации для переговоров с немцами и украинцами и его место занял С. В. Денисов, который и сам об этом пишет в своих «Записках». На Штаб Пох. Атамана, помимо прочего, легла обязанность опубликования приказов о производстве. Был ли приказ № 211 опубликован в печати — не знаю. Ген. Денисов говорит в своих «Записках», что он был прочитан во время парада на Соборной площади, а ген. П. Х. Попов в письме ко мне это отрицает, говоря, что «в это время ему некогда было заниматься такими пустяками». Хорошо зная Пох. Атамана, я вполне доверяю ему, да и говорить в то время на параде действительно нужно было о более важных вопросах, а не о производствах. Ему в то время было не до проверки публикуемых приказов, и уже за границей он написал мне, что потом, узнавши о «неблагополучии» в производстве И. А. Полякова, он «по обстановке и условиям того времени в интересах борьбы с большевиками не стал этого вопроса поднимать».

4 мая верховную власть на Дону Пох. Атаман передал ген. Краснову и И. А. Поляков оказался назначенным н-ком штаба Дон. Армии в чине полковника.

Летом же 1918 г., бывая в Штабе Армии, я иногда встречал до 2-ой половины сентября И. А. Полякова с погонами генерала.

Если ген. Краснов в своем докладе Кругу, который приводит г. Ковалев, называет И. А. Полякова полковником, то это потому, что он декладывал о работе Штаба Дон. Армии с мая, когда И. А. Поляков официально действительно числился полковником.

Из всего сказанного видно, что в производстве И. А. Полякова из капитана в полковники действительно «не все обстоит бла-

гополучно».

Чтобы закончить вопрос об этом, нужно сказать, что ссылка г. Ковалева на статью г. Янова неудачна, т. к. последний в целом ряде своих статей в «Дон. Летописи» по каким то обстоятельствам не только И. А. Полякова, но и ряд других лиц указывает в «повышенных» чинах, каких они в описываемый период не имели и были произведены значительно позже. Об этих «поспешных» производствах в произведениях г. Янова скажем как нибудь в другой раз.

В примечании к его труду г. Ковалев пишет, что в Дон. Армии «офицеров не хватало» и что в 1918 г. ген. Сидорин, команд. Дон. Армией — «просил ген. Деникина о присылке офицеров из Добр. Армии, но безрезультатно». Вероятно, он взял это из книги Раковского — «От Орла до Новороссийска», но, вероятно, ему самому неизвестно, что «нехватка» офицеров в Дон. Армии была и тогда, когда н-ком Штаба Дон. Армии был И. А. Поляков и что в немалой степени виновником этого был именно он. Известно, что в Добр. Армии во время 1-го Куб. Похода было много донских офицеров, а в Степном Походе было немало офицеров не казаков. Когда кончились Походы и когда И. А. Поляков стал н-ом Штаба Дон. Армии, он так плохо относился к участникам обоих походов, а иногда их просто так третировал, что почти все офицеры не казаки участники Степ. Похода ушли в Добр. Армию, а донские офицеры участники Кубанского похода, вернувшись в Новочеркасск, встретили у н-ка Штаба Дон. Армии такой неласковый прием, что не малое число их вернулось в Добр. Армию. Я мог бы назвать много десятков таких офицеров, как донцов, так и не казаков.

Еще в атаманство ген. Краснова, по просьбе председателя Совета Управляющих Отделами В. В. Д. ген. А. П. Богаевского, ген. Деникин не один раз «уступал» офицеров Дон. Армии. Так, в конце октября 1918 г., когда я командовал 3-ей Кумшацкой сотней в 61-ом Дон. каз. пешем полку, в полк прибыло свыше десятка офицеров из числа «уступленных» ген. Деникиным Войску и завербованных его представителями на Украине среди прибывших из герм. плена или бежавших из Сов. России. В мою сотню были назначены шт. кап. Свидерский (погибший позже в Назаровском «рейде») и пор. Сергеев (убит при оставлении Екатеринодара). В декабре того же года для формирования Царицынского Ударного батальона в распоряжение полк. Мартынова через штаб ген. Мамантова было прислано несколько десятков офицеров не казаков и тоже из числа «уступленных» Войску Добр. Армией. Из них сохранились в памяти: капит. Бутаковский, капит. Шевченко, подполк. Борусь, пор. Гончаров, пор. Шуляковский, прапор. Недбольский и др. При формировании Мартыновым в начале 1919 г. Астраханско-Приволжского полка в него также прибыла значительная группа офицеров, «уступленная» ген. Деникиным.

Г. Ковалев сравнивает «уход» С. В. Денисова и И. А. Полякова с занимаемых ими постов с «уходом» ген. Сидорина, но между ними нет ничего общего. Первых «ушел» Донской Войск. Круг — хозяин Земли Донской, а второго — командующий Русской Армией в Крыму, по причинам тоже различным.

Уже на заседании Круга август. сессии имела место критика деятельности командующего Дон. Армией и его начальника Штаба и не по причинам политической «оппозиции», как думает г. Ковалев, а именно по причине их «нетрудоспособности». Ген. Краснов, их назначивший и ответственный за их «деятельность», по понятным причинам не мог их не защищать и потому именно в своем докладе Кругу и подчеркнул «талант и твердую волю» командующего Армией и «трудоспособность» его н-ка Штаба.

Что касается оценки их деятельности в описываемый период полк. Добрыниным, то это его индивидуальное мнение.

Как напр., ген. Деникин в «Очерках Русской Смуты» пишет: «Донское офицерство (Каледино-Назаровского периода. — А. П.), насчитывавшее несколько тысяч до самого падения Новочеркасска, уклонилось вовсе от борьбы. В дон. партизанские отряды поступали десятки, в Добр. Армию — единицы, а все остальные, связанные кровно, имущественно, земельно с Войском, не решались пойти против ясно выраженного настроения и желаний казачества». А полк. Добрынин, касаясь периода февраль-март 1918 г. в «Борьбе с большевизмом на Юге России», пишет о дон. офицерах: «Одни это делали из чувства простого самосохранения, другие не могли и не хотели этого делать просто из за самолюбия, оскорбленного незаслуженным недоверием широких казачьих масс» — разница в оценке причин огромная.

К тому же мнение полк. Добрынина о деятельности ген. Денисова и Полякова есть мнение человека, бывшего их подчиненным, не чуждого традиции — говорить о своих начальниках или только хорошее или ничего не говорить.

Как то до войны 1939-45 г.г. полк. Добрынин прислал мне рукопись его книги «Казаки в эмиграции» и просил «устроить» ее печатание. В письме же мне написал, что следит «за моей» общественной «работой, и считает ее высоко полезной» и просил меня дать мое мнение об его труде, в котором я нашел «неверную» оценку деятельности отдельных лиц в эмиграции, о чем ему откровенно и написал.

К тому времени выяснилось, что напечатать его труд при содействии Глав. Правления Союза Инвалидов не удалось, т. к. последний не захотел брать на себя «риск» издания, о чем я и сообщил полк. Добрынину. На мое письмо с оценкой его работы он писал мне, что этот труд он написал для «широких казачьих кругов», а не для историка, для которого у него имеется другой труд, где дается «другая оценка» деятельности того или иного лица и что этот труд передан им в Донской Архив. Писал он также, что «еще не настало время писать обо всем». Я же считаю, что пока мы, современники, живы и пока есть еще и другие свидетели, мы должны писать обо всем, как бы это «все» ни было неприятно кому-то. Дальше он предлагал мне, что если не удастся напечатать присланный труд, то оставить у себя «на память». К сожалению, я сделал из него, с его разрешения, только выписки, а рукопись вернул. А теперь у меня возникает вопрос, не является ли «монография о ген. Денисове» имеющаяся в «архиве» г. Ковалева, трудом того же порядка, что и труд «Казаки в эмиграции», находившийся в моем распоряжении.

Г. Ковалев в его статье пишет: «Войсковой Круг — это парламент, и как во всех парламентах, там шла борьба различных групп, доминировала политика и была оппозиция. Критика последней не всегда была лойальна и беспристрастна». Но если бы он прочитал внимательно труд К. П. Каклюгина «Донской Атаман П. Н. Краснов и его время» в той же «Дон. Летописи» (т. 3), выдержки из которого он приводит в своей статье, то нашел бы там, что «увольнение» командующего армией и н-ка штаба армии было не только желанием оппозиции, а и желанием всех членов Круга, среди коих было не мало и политич. единомышленников ген. Денисова и Полякова, кстати сказать уделявших слишком много времени политике в ущерб делу руководства армией.

Если работа в Круге «отрывала рядовых офицеров штаба из «состава Круга», то они и в штабе и в Круге работали по обязанности, которую возложили на них их избиратели. Если же «их работа в Круге» действительно мешала службе в штабе армии, то обязанностью н-ка Штаба было найти выход из этого положения. Тогда как занятие политикой ген. Денисова и Полякова, как и борьба их с Кругом, не входила в их обязанность.

К. П. Каклюгин в 3-ем т. «Дон. Летописи» пишет (стр. 139 и др.): «31 янв. (1919 г. — А. П.) частное совещание (членов Круга. — А. П.) вынесло постановление о необходимости немедленного увольнения в отставку командующего Армией ген. Денисова и н-ка Штаба ген. Полякова и поручило председателю Круга довести до сведения Атамана об этом «единодушном желании членов Круга».

Дальше он приводит выписку из брошюры «С Войскового Круга», (изданной В. Кругом): «Из взаимного обмена впечатлениями (между членами Круга, прибывшими в Новочеркасск — А. П.) выступила жуткая картина безнадежного обвала, раздора, растерянности, упадка духа и утрата боеспособности. Картина общего расстройства, неисчислимых потерь, разорения, грабительского обогощения красных. бедственного скитания своих бесприютных голодных замерзающих беженцев». — Еще 24 янв. частное совещание членов Круга «из ответов ген. Денисова на предложенные ему вопросы членов Круга, усмотрело, что ген. Денисов недостаточно осведомлен о фронте, не имеет верных сведений о численности бойцов, обнаруживает «легковерную самоуверенность», не имеет надлежащего «понимания всей обстановки и происходящих событий».

Там же г. Каклюгин цитирует выписку из книги полк. Добрынина о докладе ген. Денисова: «Надо отдать справедливость, что доклад вышел очень слабым. Докладчик не сумел использовать материал, доказывающий, что причина неудач отнюдь не зависит исключительно от боевых качеств войск». Материал для доклада, конечно, должен был дать командующему Армии его н-к Штаба и, значит, к нему должны быть отнесены слова полк. Добринина — «не сумел использовать материал».

«31 янв. накануне открытия В. Круга на частном совещании членов Круга в количестве не менее двух третей их общего числа единогласно было вынесено постановление о необходимости немедленной отставки ген. Денисова и Полякова».

«2-го февр. председатели окружных совещаний сделали заявление в заседании Круга, смысл которого сводился к тому, что — «забота о защите Дона, о поднятии его

обороноспособности должна быть снята с ген. Денисова и Полякова и передана лицу пользующемуся в глазах Войск. Круга большим доверием».

«Поставленный на решение Войск. Круга вопрос о доверии командующему Армии ген. Денисову и Н-ку Штаба ген. Полякову разрешен в смысле выражения недоверия всем Войск. Кругом за исключением одного человека...»

По частным ведениям, этим одним голосом был голос г. Янова, выдержку из статьи которого о поездке «депутации» в Константиновскую приводит г. Ковалев.

Выраженное недоверие Кругом — парламентом ген. Денисову и ген. Полякову по его единогласию вероятно является единственным в истории парламентаризма и никак не может быть отнесено к борьбе партий.

В цитированном уже «послесловии» г. Ковалев сетует, что «вольным изложением цитат из различных частей» статьи можно «исказить» смысл написанного — что он сам же сделал в отношении моей статьи.

Париж.

А. Падалкин

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПЛАСТУНА-КАВАЛЕРИСТА АНДРЕЯ ПЕТРОВИЧА КРИКЛИВОГО

Войсковой Старшина Кубанского Войска Андрей Петрович Крикливый скончался неожиданно, 16 августа 1962 г., в возрасте 66 лет, в госпитале г. Лагори, в Пакистане.

Покойный коренной казак ст. Ахтырской, Таманского отд., родился в богатой, патриархальной казачьей семье.

Едва он успел получить в Екатеринодаре среднее образование, как вспыхнула 1-ая Мировая война. Всколыхнулась вся Россия. Пылкий, честный юноша А. П. Крикливый горел неудержимым желанием, как можно скорее, попасть в Кавказскую действующую армию, чтобы исполнить свой долг перед Родиной.

Вскоре А. П. был принят на военную службу и командирован в Тифлисское Пехотное Военное Училище, которое, в начале 1915 г., успешно окончил ускоренным курсом и вышел в 3-й Кубанский Пластунский Е.И.В. Наследника Цесаревича Алексея Николаевича баталион.

В это время Кавказская армия одержала над турками блестящую Сарыкамышскую победу, в которой подвиги Кубанских Пластунов покрыли их бессмертной славой и стали известны всему миру.

В награду все баталионы 1-ой Куб. Пластунской бригады, начальником которой был кубанский казак генштаба, ген.-лейт. И. Е. Гулыга, удостоились получить шефство от членов Царской семьи. Сам Император Николай II принял Шефство 7-го Куб. баталиона, Наследник Цесаревич — 3-го баталиона и т. д. Масса пластунов получили георгиевские кресты и медали.

После Сарыкамышской победы был сформирован 5-й Кавказский корпус, в который, кроме 3-ой Кавказской Стрелковой дивизии, вошли 1-ая и 2-ая Кубан. Пластунские бригады, и был переброшен в Одессу и Севастополь. Вот сюда и прибыл молодой пластун, прапорщик А. П. Крикливый, в 3-й Кубанский Пластунский баталион, которым командовал в это время отважный Персидский Принц Эмануил Мирза.

В это время германский Штаб сосредоточил свои лучшие полки в мощную ударную группу (наступление Макензена), прорвал наш Юго-Восточный фронт и быстро теснил его на восток. Настала очередь пластунов. Из Крыма их спешно перебросили в Галицию, где они, прямо с подвод и грузовиков, бросались в штыковой бой. При нечеловеческих усилиях, пластуны на своих штыках отбросили назад первоклассную армию Макензена.

В этих жестоких сражениях и получил прапорщик Крикливый свое первое боевое крещение. В тяжелых боях он показал себя храбрым и расторопным офицером и вскоре был назначен Командиром 2-ой сотни на законном основании. Одаренный исключительным хладнокровием, решительностью и умением увлекать за собой своих подчиненных, он быстро приобрел репутацию незаурядно-

го хорошего командира. Военное счастье не покидало его.

26 ноября 1915 г. ст. ст. А. П. на позиции был тяжело ранен в голову и без сознания эвакуирован в тыл.

29 февраля 1916 г. А. П. вернулся на фронт, в Галицию, в 3-й Пластунский батальон и принял свою 2 сотню. В ту же ночь, на 1 марта, пластунов сменили на позиции и они походным порядком двинулись в наш тыл.

Из Каменец-Подольска 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады с их артиллерией, уже по железной дороге, двинулись в Новороссийск. Здесь почти 2 недели отдыхали.

С 22-25 марта обе пластунские бригады, а с ними и А. П., из Новороссийска на судах Черноморского флота в десанте переплыли Черное море и высадились в Турции. Пластуны вошли в Приморский отряд ген. Лях-ова. 1-я Кубанская Пластунская бригада ген. Гулыги заняла левый фланг отряда и, с 31 марта на 1 апреля, форсировав реку Кара-дере, перешла в наступление и, несмотря на очень упорное сопротивление противника, опрокинула его и быстро теснила турецкие войска на запад, дав правому флангу Приморского отряда, 2-ой Куб. Пластунской бригаде ген. Краснопевцева, возможность успешно развить свое наступление. 5 апреля был взят Трапезунд, затем Платана и т. д. В это время пластуны ген. Гулыги перехватили шоссе Трапезунд—Гюмиш-хане. Много турецких городов, сел и высот закрепили за собою Кубанские пластуны. С баталионом в 1916-1917 г.г. А. П. исколесил всю Турцию.

Кавказской армией командовал гениальный полководец ген. Юденич, который в течении войны на Кавказе разгромил и парализовал волю к сопротивлению турецких войск, которыми командовал Заместитель Султана, вице-генералиссимус всех вооруженных сил Турции Энвер Паша.

Большая территория Турции была в наших руках.

Накануне нашей здесь несомненной победы, совершенно неожиданно для нас, отрекся от престола Император Николай II. Настала революция и все пошло прахом. Пластуны вернулись на Кубань, сохранив при этом всех своих офицеров.

За боевые отличия в 1-ой Мир. войне А. П. был награжден несколькими орденами с мечами и бантом, в том числе Св. Анны 4-ой ст. с надписью «За храбрость».

Вскоре началась гражданская война. Среди первых защитников Кубанского Края от большевиков, с винтовкою в руках, в отряде полк. Лесевицкого, был и есаул Крикливый. В этом отряде А. П. заканчивает свою службу пластуна и начинает службу кавалериста.

В начале 1918 г., под давлением большевиков, Кубанский Атаман ген. Филимонов, Правительство, Рада и отдельные отряды казаков покинули Екатеринодар. Перед походом, бывший начальник штаба 1-ой и 2-ой Куб. пластунской бригады на фронте, затем Начальник Кубанского Алексеевского Военного Училища в Екатеринодаре, генштаба полк. Кузнецов сформировал конный отряд в 250 всадников. В этот отряд вошло много выдающихся офицеров-пластунов.

Уже за Кубанью отряд полк. Кузнецова оторвался от главных кубанских сил и ушел в Кавказские горы, стремясь пробиться к Черноморскому побережью и уйти в Грузию. Не доходя до Туапсе отряд был в горах окружен большими силами красных и уничтожен. Часть отряда в неравном бою погибла геройской смертью, между ними пластуны — Полк. Н. М. Демяник, Командир 154 Дербенского полка, Войск. Старш. Кучапов, Командир 9 Куб. Пластунского баталиона и др. Другая часть отряда, в том числе и ес. Крикливый, была взята в плен и отправлена в Майкопскую тюрьму, откуда, каким то чудом, А. П. удалось спастись. Сам полк. Кузнецов был взят в плен и расстрелян красными в Туапсе.

Во время гражданской войны на Кубани и Юге России, А. П. служил все время, со дня его сформирования, в 1-ом Кубанском Стрелковом полку, как Начальник конных разведчиков.

При крушении Белой Армии ген. Деникина А. П. ушел с 1 Куб. Стр. полков в Крым через Новороссийск.

В 1920 г., в Крыму уже в Армии ген. Врангеля, А. П. участвовал со своим полком вов сех боевых операциях при освобождении Таврии.

При этом нельзя не вспомнить двух доблестных офицеров — Командира полка Дмитриева и его помощника по строевой части полк. Янушкина, которые еще в начале развития этих операций пошли в атаку впереди полка рядом и были в один момент пулеметным огнем противника тяжело ранены в живот и, не доезжая Севастополя в товарном вагоне санитарного поезда, почти одновременно скончались.

От них я слыхал лестные отзывы и блестящей службе А. П. и его конных разведчиков, которые сводились к тому, что это —

«Глаза и уши полка».

После смерти полк. Дмитриева, полк принял Кубанский казак, ст. Новониколаевской, Там. отд., пластун полк. С. Ф. Цыганок, который продолжал боевые действия полка, как в Таврии, так и в десанте на Кубань со стороны Приморско-Ахтарской станицы.

В начале 1925 г. ген. Шкуро нашел миллионера сирийца г. Саказан и на его деньги начал в Париже организовывать большую труппу казаков-джигитов, куда сразу же и выехал Войск. Стар. А. П. Крикливый.

В короткое время ген. Шкуро собрал несколько сот человек — джигитов, песенни-

Войск. Старшина А. П. Крикливый

В 1920 г., когда Армия ген. Врангеля ушла из Крыма, А. П. с полком на транспорте из Керчи покинул Крым, вновь переплыл Черное море и в составе Кубанского корпуса ген. Фостикова, попал в лагерь на о. Лемнос, где и прожил 1920-1921 г.г.

Здесь на Лемносе я не раз был свидетелем, как, в тяжелых полуголодных лагерных условиях, А. П. трогательно заботился о своих казаках, всячески стараясь облегчить их душевные и физические страдания и тоску по Родине.

В 1921 г. Кубанский Корпус покинул о. Лемнос и прибыл в Сербию в г. Вранье, где А. П. с казаками приступил к сооружению шоссейной дороги от г. Вранье через большой перевал к Болгарской границе.

ков, танцоров и вспомогательные команды для обслуживания их: чевяшников, сапожников, портных, шапошников и т. д.

Первое казачье представление было в Париже. Успех был колоссальный и многообещающий. Сначала все шло хорошо. Из Парижа труппа переехала в Лондон, где это интересное большое дело и прекратилось. Ген. Шкуро ушел. Образовалось много самостоятельных мелких групп, которые и разошлись по всей Европе и даже проникли в С. и Ю. Америку.

А. П. Крикливый подобрал здесь в труппу 25 лучших джигитов и заключил контракт с самым крупным цирком в Европе и много лет с большим успехом работал со своими джигитами. К этому времени А. П. был

и сам выдающимся джигитом, т. к. легко и просто, кроме всех положенных для казачьей джигитовки номеров, исполнял трудный акробатический номер, когда на полном ходу лошади нужно пролезть под ее брюхом. Этот номер джигитовки могут делать только исключительно смелые джигиты.

26 января 1934 г. А. П. выехал из Генуи в Бомбей с цирком и своими джигитами и много лет с успехом работал в Британской Индии и на прилегающих к ней островах.

Затем он своих джигитов отправил в С. Америку, а сам по личным делам, остался в Индии. Его попытка потом выехать в Америку и соединиться со своей группой не увенчалась успехом, т. к. он не мог получить визу.

Вскоре английское командование в Индии приняло А. П., в чине полковника, в английскую кавалерию инструктором.

В 1936 г. А. П. женился на молодой ирландке Маисии Х. Имеет 2 сыновей. Старший Петр окончил Тиракузский Университет и младший Сергей гимназию в Лагори. От отца сыновья хорошо знают, что они Кубанские казаки, и гордятся этим.

Когда же Пакистан стал самостоятельным государством и английские войска должны были покинуть Пакистан, Английское Командование назначило А. П. Директором Государственного Зоологического сада в Лагори.

После переворота, когда власть перешла в руки пакистанцев, Комендант г. Лагори предложил А. П. принять пакистанское подданство, иначе он должен будет его уволить. А. П. принять подданство отказался и был комендантом уволен.

Энергичный и предприимчивый А. П. начал в Пакистане садить табак, но это дело не пошло. Тогда А. П. начал делать лекарства из цветов акации и это не имело успеха. После этого А .П., в магометанской стране, начал разводить свиней и товар сбывать на океанские пароходы. Это дело стало успешно развиваться.

Прошло 2 года. Неожиданно А. П. вызвало Министерство Внутренних дел г. Карачи и объявило ему, что Правительство не утвердило его увольнение и считает А. П. в отпуску. Министерство предложило А. П. вернуться в Лагори на должность Директора Зоологического сада и выдало ему жалованье за прошлые 2 года. А. П. вернулся на место Директора Зоологического сада и успешно управлял им до самой смерти.

Он добросовестно и с увлечением исполнял свои обязанности. Временами сам ездил в Восточный Пакистан и в его джунглях руководил ловлей диких зверей — леопардов, тигров, львов и т. д. и привозил их в свой Зоологический сад.

В этом году, незадолго до своей смерти, А. П. побывал в Америке с целью посетить сына Петра с семьей в Н. И., своих старых друзей и ознакомиться с устройством американских Зоологических садов.

В Нью-Йорке он побывал в Кубанском Войсковом доме, осмотрел Войсковой музей и помолился в Войсковой часовне перед Иконой Св. Николая Чудотворца — дар Новороссийска 1 Куб. Стр. полку в 1918 г.

В Кубанском Войсковом доме его сердечно приветствовали: Атаман Куб. Войска Б. И. Ткачев, б. Атаман ген. В. Г. Науменко, ген. О. И. Лебедев, полк. Ф. И. Елисеев, Начальник Войскового штаба Войск. Стар. Г. Ф. Фенев, Д-р 1 Куб. Стр. полка Бандурко, Войск. Старш. Е. И. Гулый и др.

А. П. внимательно осмотрел Зоологические сады в Нью-Йорке, Филадельфии и Сиракузах.

О последних днях А. П. пишет мне его жена: «13 августа 1962 г. Андрей уехал на рыбную ловлю с сыном Сергеем, моим братом и друзьями и там почувствовал себя плохо. 14 его отвезли в госпиталь. 15 он почувствовал очень сильную боль в желудке и около 9 ч. 30 м. вечера потерял сознание. 16 августа в 2 ч. 30 м. умер. Он выглядел, как будто спокойно спал и улыбка была на лице.

Толпы людей были на похоронах, т. к. он был очень уважаем и ценим всеми, кто знал его, и все начальники, что знали о его работе и его чувстве долга. Андрей был хорошим и любящим отцом его сыновей и отличным мужем для меня. Я вышла за него замуж, когда мне было только 15 1/2 лет и он меня научил всему. У нас была очень счастливая и спокойная жизнь и хороший дом. Я не могу себе представить. какая будет жизнь без него, он был наша опора и крепость».

Мы, Кубанские казаки, в этом неутешном горе выражаем, по случаю смерти нашего выдающегося казака Андрея Петровича Крикливого, глубокое соболезнование супруге его Маисии Крикливой, сыновьям — Петру с женой, Сергею и всем родственникам.

Да будет тебе, мой дорогой друг, легка чужая земля.

Мир праху твоему, верный сын Православной веры, Великой России и Славного Кубанского Войска.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Сиракузы. Н. Й. **Е. Гулий**

О СТОЙКОМ ЧЕЛОВЕКЕ, ВИДЕВШЕМ СПАСЕНИЕ РОССИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ПОРЯДКА НА ДОНУ

(Памяти скончавшегося 15 ноября 1962 г. подхорунжего Василия Ивановича Малявина)

В лесной маленькой деревне около г. Шуи, Владимирской губ., в большой крестьянской семье рос вдумчивый наблюдательный мальчик Василий. Рано пристрастился он к чтению и, помогая учителю сельской школы, любителю естествоведу, рано стал себе задавать вопросы, почему как и в природе, так и в государстве наблюдаются какие то неувязки и вражда.

От казаков, которые были в «охране», много он слышал о солнечной донской стороне, где люди живут дружно, по братски и управляются своими же выборными умными людьми...

Пришло время служить... В 105-м Оренбургском полку на видного, умного и расторопного Василия обратили внимание. Скоро произвели в прапорщики, хотели оставить в полку, но Василий стремился на юг... К тому же пошел слух, что на Дону какие то непорядки. Нужно помочь, поддержать страну юношеских мечтаний. И отказавшись от службы в полку, пробирается он на Дон.

На Дону он попадает в школу полк. Карамышева, где был лучшим учеником. И стал Малявин подхорунжим Кривянской станицы.

В первые дни восстания против большевиков в Хоперском округе ко мне явился с письмом Карамышева Малявин. В письме несколько слов: «Стойкий казак, влюбленный в Дон. Очень будет Вам полезен».

И действительно был В. И. полезен и мне и ближайшему начальнику и полку. Много работал, разъясняя заблудившимся, как нужно ценить Тихий Дон, с его бытом и традициями.

Потом в Крыму я прикомандировал его к Штабу Дон. Корпуса. Затем Болгария, где В. И. изборел «подвесную» пилу и жил пилкой дров. А когда в Сербии образовался Русский Корпус, он пришел пешком и вступил в каз. сотню полк. Шмелева. «Авось, вновь будет Донская Армия» — говорил он.

Семь лет тому назад, когда я поселился в Ницце, ко мне явился Василий Иванович. Неизменный по убеждениям, душой казак и правильный честный человек. Устроился во французском приюте, где получил место консьержа и где его очень любили и ценили.

Каждое воскресенье утром до обедни приходил ко мне Малявин и спрашивал, получен ли «Родимый Край», который он очень любил, и что нового на казачьем «фронте»? Потом степенный разговор и глубокая вера, что проснется же от красного кошмара Россия... «и порядки пойдут с Дона, обязательно с Дона...» — говорил он.

15 ноября он заснул навсегда после мучительных болей от рака Похоронили его по казачьи, с иконкой и цветами, полным причтом. Ушел в лучший мир по крови не казак, но подуху казак до конца. И какой казак!.. Если бы все кровные казаки были такими.

Ницца.

Полк. К. Моргунов (†)

УШЕДШИЕ

† 3 октября 1962 г. в. г. Труа (Франция) скончался подхор. Мерзликин, стан. Владимирской, Лабин. О-ла Куб. Войска.

† В Клермон-Ферране (Франция) скончались 7 окт. 1962 г. В. Я. Попов ст. Егорлыцкой и 30 ноября А. Исаев ст. Цымлянской Д. В. Похоронены на кладбище С. Жак.

† 26 ноября в Риме (Италия) от рака скончался известный джигит ес. Куб. Войска Р. С. Рябчун.

† 28 ноября в Нью-Йорке от разрыва сердца скончался казак Митякин. ст. Дон. Войска П. А. Лобов, крупный шахтовладелец на Дону, бывший последнее время председателем Дон. правительства при Дон. Атамане ген. П. Х. Попове.

† 15 дек. после тяжкой болезни в Париже скончался ес. Семиреченского Войска О. А. Гаманов-Лийский.

† 18 дек. в г. Ля Плата (Аргентина) на 63 г. жизни от заражения крови из за укола булавкой умер ст. ур. М. И. Гребенников, Усть-Белокалитвенской ст. Д. В.

† 26 декабря в Шампини (под Парижем) скоропостижно скончался Ф С. Евсеев, ст. Терновской Д. В., член правления Д.В.О. и Каз. Союза.

† 1 янв. 1963 г. в Ницце (Франция) скончался полк. Дон. Войска К. В. Моргунов, каз. Урюпин. ст. Д. В.

† 9 янв. с. г. в Белинзоне (Швейцария) после тяжкой болезни скончался К А. Каргин Дон. Войска.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 ноября 1962 г. по 1 января 1963 г.)

Фонд Издательства: Дрынкин — 2 фр., г-жа Попандопуло, П. А. Селиверстов — по 5 фр., С. А. Кулягин — 10 фр., Я. У. — 5 герм. марок, Арапов — 5 шв. фр., г-жа Морозова — 2 долл., Юхневич — 3 долл., Н. Воробьев — 5 долл.

Через Б. Н. Уланова: П. М. Медведев — 5 долл., М. М. Афанасьева — 10 долл.

Для передачи Дам. Комитету Каз. Союза: Б. П. Попова — 2 фр., Пятаковы, Деревянкин, Николаев, г-жа Попандопуло — по 5 фр., Картинов — 6 фр., Сибирсков, Сергеевы по 50 фр., г-жа Гордеева — 30 фр., г-жа Петрусь — 4 долл., от Партизан из Нью-Йорка 4 долл., А. С. Кулягина — 10 фр.

Шлем всем жертвователям сердечную благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Денежные взносы направлять по адресу: Mr. Romanoff, C.C.P.P. 15.233.79, Nointel par Presles, S. et O), France.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Mr. Bogaevsky, 52, av. Flachat, Asnières (Seine).

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н. фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 2,50 н. фр.).

Из редакции «Р. К.» можно выписать гравюру «Из нашего прошлого», отпечатанную на бристоле, помещенную на стр. 17 — № 40 «Род. Края». Стоимость 1,50 нов. фр. (заграницей — 4 почт. международ. купона) с пересылкой.

В США книги можно выписывать через Б. Н. Уланова — Mr. Oulanoff. 601. W. 160 St. Apt. 4c. New-York 32, N. Y. — U.S.A.

Принимается подписка на 1963 г.: во Франции — 18 н. фр., заграницей — 4 долл.

Опечатка: № 42 «Род. Края», стр. 23, правый столбец, 12-ая строчка снизу: напечатано «... из г. Новочеркасска..» следует читать «... из г. Новохоперска...»

БЛАГОДАРНОСТЬ

Не имея физической возможности по недостатку времени ответить всем тем, кто поздравил с Р. Х. и Н. Г. правление Казачьего Союза, редакцию «Род. Края» и меня лично — я прошу принять нашу искреннюю благодарность за добрые пожелания и за теплое слово.

Председатель Каз. Союза
Б. Богаевский

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).

Métro: La Motte-Picquet

P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris-6e

Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Христос Воскресе.
Ф. Головко — «Казачье Братство».
П. Кумшацкий — «Семья».
Б. Уланов — «День Каз. Скорби».
Н. М. Мельников — «Как иногда извращается история» (Окончание).
Б. У. — «Об объединении донских казаков».
С. Серапин — «Памяти Ф. Д. Крюкова».
Б. Уланов — «Протоиерей о. Петр Дьяконов».
Р. Кумов — «Игумен Иосаф».
Ф. И. Елисеев — «Атака».
М. П. Морозова — «Аресты».
Ю. Терапиано — «Дикое Поле» Н. Н. Евсеева.
А. Крамаровский — Станичный сбор Дон. Центр. им. ген. Краснова станицы в Нью-Йорке.
И. С. Бондаренков — «Обращение к донским казакам».
Музей «Белого Движения» — «Сообщение».
Письма в редакцию: Бондаренков, о. Т. Соин, ес. Фетисов и сот. Чекалов, А. Смородин, Е. Е. Ковалев, Р. К. Рудаков, А. М. Протопопов, правление Павловской им. поход. Ат. С. Павлова станицы.
Казачья жизнь за рубежом.
Б. Уланов — «Памяти П. А. Лобова».
А. Падалкин — «Памяти начальника-друга».
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакц. коллегии «Род. Края».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: П. М. Аврамов, Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Mars-avril 1963. — 3 F.

FAYS NATAL № 45 Март-апрель 1963. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Отдел партизан чернецовцев-семилетовцев, Содружество Лиенца и Дам. Комитет Каз. Союза поздравляют всех атаманов, казаков, казачек и казачат всех Казачьих Войск со светлым Праздником Воскресения Христова и шлют им свои наилучшие пожелания здоровья, сил, бодрости и единения.

Председатель Каз. Союза
Б. Богаевский

Редакционная Коллегия «Родимого Края» поздравляет всех казаков и своих читателей со светлым Праздником Святой Пасхи и просит принять наилучшие пожелания.

Редакц. Коллегия «Род. Края»

КАЗАЧЬЕ БРАТСТВО.

«Казак казаку испокон веков брат» — гласит казачий завет. Глубокая мысль и мудрость заложены в нем и слышится предостерегающий голос истории, что, нарушив этот завет, мы потеряем и само Казачество. Некоторые из братьев-казаков думают, что «заветы предков» лишь красивые слова, романтика прошлого, употребляемые, как старый мундир, в парадных случаях, а что нужно жить и действовать по указанию «нового календаря». Было бы, конечно, идеально, если бы такой «календарь» существовал и указывал верный путь к спасению и возрождению, но трагизм в том, что его нет и мы бредем разными дорогами, разбившись на группы, подгруппы и даже одиночек. Одни путь держат в Мекку, другие в Медину, а третьи — куда ветер дует. Вот почему казачья мысль обращается к прошлому и ищет в нем то подлинное зерно, из которого выросло казачество и которое обладает жизненной силой, как в настоящем, так и на будущее. Это первоначальное зерно, первичную клетку, заложенную в казачью общину, я и называю **Казачьим Братством.** В нем заложено **духовное, физическое и социально-политическое родство, нарушение которого приведет казачество к небытию.**

Для более ясного и наглядного уразумения внутренней сущности казачьего братства, бросим беглый взгляд на нашу историю — она нам лучше расскажет, где, когда и почему оно зародилось и в чем его сила.

По данным исторической науки колыбелью казачества считаются южно-русские степи: широкие, раздольные и безбрежные. Через т. н. «ворота народов», между Уральским хребтом и Каспийским морем, «дул постоянный ветер» и приносил с собою из Азии одну орду за другою. В IV-V вв. гунны, затем авары, угры (венгры), болгары, хозары — потом с X в. печенеги, тюрки, половцы и, наконец, татары. Эти орды основывали царства, пожирали друг друга, опустошали русские земли и принудили зародившуюся государственность в Киеве перенестись на север. Туда же хлынули и волны русского населения, предпочитая мирную жизнь в лесах с медведями безпрерывной борьбе с азиатскими кочевниками. На местах оставались лишь люди сильной воли и крепкие духом. Сама природа произвела естественный отбор

среди обитателей степей и вот эти то люди подали друг другу руку на вечное братство. Их соединило не кровное родство семьи, рода, племени, а сродство душ в борьбе за самосохранение, независимость и вольность. Кто первый заложил краеугольный камень этому «Братству» — военному ордену, какая «кровь» преобладала в нем, кто был его «игуменом» — дело историков.

Мы же знаем достоверно лишь одно: уже в первой половине XVIв. казачество выступило на историческую сцену, как самостоятельный и независимый фактор ,имея свою военную и социально-политическую структуру, отличную от Московского государства. В военной организации была заложена не фридриховская система наемничества и палочная дисциплина капралов, а высокое сознание долга, честь воина и дух братства — «сам погибай, но товарища выручай». Смерть на поле брани возводилась в культ вечной славы и предпочиталась естественной на «забаленке». Что-то древне-классическое слышится в этой «философии», по которой доблестно умерший герой становился жителем иного, божественного мира.

Из военного братства родилось и социальное (общественное-. Казачество не знало в своей среде ни рабства, ни крепостничества. Все казаки были равны между собою и обладали одинаковыми правами на участие в общественной жизни. Каждый мог быть выбран в «кошевые», «куренные» атаманы, войсковым судьей, есаулом. По сдаче должности, снова становился рядовым казаком. Казачество не знало родовой наследственной аристократии, ни плутократии, ни пролетариата. Если и была «голытьба», «голутвенное казачество», то его следует отнести в счет крепостного права, существовавшего в Московском государстве, когда «беглые холопы» искали убежища на казачьих территориях и откуда выдачи не было. Некоторым исключением из общего социального равенства были пленные — «ясырь», которые употреблялись на хозяйственные работы и шли на обмен такого же «ясыря» у противников. Во многих же случаях казаки женились на «ясырках» и делали их полноправными казачками.

Политическая власть строилась не на родовом наследственном праве, а на **Казачьей Вольности — казачьем народоправстве**. До потери независимости от Москвы, **хозяином казачьих республик были Круг и Рада.** Они выбирали Войсковых Атаманов, издавали основные законы и являлись высшей судебной властью. Они же ведали вопросами войны и мира, внешних сношений, распределением войскового богатства, военной добычи и помощи, оказываемой Москвой. Изучая историю развития политической и социальной мысли от глубокой древности и до наших дней, приходится задаваться вопросом — кто указал Казачеству путь его развития и формулировал его социально-политическую доктрину. Наша история не знает ни казачьих Платонов, ни Аристотелей (греческие философы), ни Жан-Жак Руссо (франц. полит. мыслитель), ни Гегеля (нем. филос.), а между тем мы, казаки, на 200 лет опередили Европу и воплотили в жизнь **«право человека и гражданина».**

Объяснение этой загадки в следующем: Казачье Братство, казачья доктрина были рождены не в мягком вольтеровском кресле у теплого камина, а на твердом казачьем седле, в безбрежной степи, в вековой борьбе за свободу. Она вычитана не из сочинений книжных мудрецов, а из раскрытой **«книги жизни»**, на первой странице которой острой шашкой выгравированы слова: **в Единении — сила, в Братском союзе — спасение.** И когда казачество держалось этой заповеди, оно выдерживало натиск враждебных сил, откуда бы они ни грозили. Несмотря на ущемление своих исторических прав, мы все же сохранили свои Войсковые территории, местное самоуправлене, свой уклад жизни и не были последними людьми в Российском государстве.

Эту заповедь мы нарушили в битве с «красной ордой», когда в Казачьем Братстве образовалась трещина между «отцами и детьми», когда веками проверенная казачья доктрина подверглась штурму враждебных сил. Красная пропаганда трубила о казачьей контр-революции, русская безхребетная демократия вторила ей, а правые реакционные круги обвиняли казаков в сепаратизме и старались вести их на «коротком поводу». Все, вместе взятое, привело к поражению, и мы, казаки, стоим перед дилеммой: **быть или не быть?**

Над этой дилеммой нависла другая — более грозная и трагичная: быть ли вообще Свободному миру, или он будет погребен коммунизмом? Или в столкновении двух враждебных сил, — Добра и Зла, — наша планета начнет свою жизнь сначала...

Что день грядущий нам готовит — гадать не будем, но настоящее повелительно требует от нас выявить свое **Единое казачье лицо**. Кто мы? Живой еще организм, сохранивший в себе жизненную силу к возрождению, или

кучеобразная масса, подлежащая на свалку в историю.

Есть у великого русского писателя Л. Н. Толстого, в его предисловии к повести «Хаджи Мурат», такое место: шел он с охоты по вспаханному полю — вокруг ни травинки, одна черная земля. Вдруг у дороги заметил он какой-то кустик. Подошел и увидел: «татарин» — по-черноморски «будяк». По нем прошелся плуг, изранил его, но не выкорчевал из земли, отдельные стебли свисли к земле, а на главном еще сохранился цветок и на нем сидел и пил влагу шмель. Какая же жизненная сила заложена в этом «татарине»! — подумал Толстой.

Есть некоторая аналогия (сходство) между израненым «татарином» и Казачеством. И по Казачеству прошелся плуг истории, но не выкорчевал его, лишь глубоко поранил, и от нас, оставшихся корней и стеблей, зависит его Возрождение.

Нам нужно прежде всего сохранить то первичное зерно, о котором мною сказано выше: **Казачье братство и казачью социально-политическую доктрину** — в них заключена жизненная сила (витализм), как в настоящем, так и на будущее.

Политика! Да, она неизбежна. Но это лишь средство, уменье, некоторый вид искусства, для осуществления **организованной Воли большинства и направленной к общей пользе**. «Политика» же отдельных групп, отдельных «вождей» и «вождиков» приводит к партийности, неизбежным столкновениям и зачастую превращается **в ваксу**, с той лишь разницей, что вакса чернит с пользой, а «политики» с удовольствием. Достаточно просмотреть некоторые казачьи журналы, чтобы в этом убедиться. Кроме того, не имея юридического лица, эмиграция никакой Политики, с «большой буквы», и вести не может. Это во-первых; во-вторых, что еще скажет 200-миллионный народ после освобождения от коммунистического ига. Отсюда: наша казачья доктрина остается неизменной — она выражена в наших конституциях на Казачьих территориях и имеет преемственную связь с нашей историей. Это и есть наш путеводитель в настоящем и на будущее. И чтобы нас ни ожидало, какие бы новые испытания ни пришлось пережить, будем твердо помнить казачий завет: **в Единении — сила, в Братском союзе — спасение.**

Франция.

Ф. Головко

СЕМЬЯ.

Провожали его все «на службу» —
Провожал его хутор, родня,
Молодая жена с юным сыном,
Старики — мать, отец — и сестра!...

Тяжко было донцу молодому
Оставлять родной дом и жену,
Трудно было расстаться родному
С Доном, с полем, с курганом в юрту!

Но на то ведь имелись заветы,
Завещанье дедов казаку —
Чтоб не гасли те нравы, обеты,
Что сковали ту славу, семью!...

Та семья величалася Доном
И имела сестрицу Кубань,
Младший брат — называли все Терек —
И другую сестру Астрахань!...

И еще были братья и сестры
На Урале, в Сибири, в степи...
И для всех и везде и повсюду
Были нравы-заветы одни!!!

П. Л. Кумшацкий

Марокко.

ДЕНЬ КАЗАЧЬЕЙ СКОРБИ.

Как и в предшествующие годы, Казачество и в этом году устраивало День Казачьей Скорби, приуроченный ко дню трагической кончины Атамана Войска Донского Алексея Максимовича Каледина. застрелившегося 29 января 1918 г. по ст. ст.

Этот акт расценивается по разному. Некоторые его соратники предчувствовали это и составляли род заговора спасти его, прибегнув даже к попытке своеобразного его похищения из Новочеркасска. Об этом также, возможно, думал и предчувствовал и сам Алексей Максимович и потому ускорил свой конец. Людям, чуждым Казачеству, такой его конец, может быть, мало говорит их уму и сердцу. Размышляя о нем, о характере и морально-духовном его лице, я всегда думаю о великом Сократе, об одном из видных учеников Будды Годхике и Самом Христе Спасителе.

Разве не мог Сократ спастись и не принимать яда, от которого он умер? Мог. Но... он был человек необычный, его миропонимание, его понимание смысла жизни и смерти не допускали уклонения от последней.

На вопрос многих учеников, не противоречит ли самоубийство Годхики идее спасения по Его, Будды, учению, Он ответил: — н е т —, потому что покойный т а к засвидетельствовал свою победу над преходящими, обманчивыми личными привязаностями, победу над ж а ж д о й жизни, таящей в себе длинную цепь страданий, победу над эгоизмом.

О роде Своей плотской смерти з н а л Христос и, зная это, Он шел навстречу ей. Он говорил ученикам Своим: «Ему должно много пострадать и быть убиту и в третий день воскреснуть». Петр возразил: «да не будет этого с Тобою».

«Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что́ Божье, но что́ человеческое», ответил ему Спаситель (От Матф. 16, 21-23). Но знание и предуказание Христа Спасителя, Его разговор с Петром, очевидно, имели свой о с о б ы й, сокровенный смысл и основания...

И смысл жизни и смерти А. М. Каледина имеет также свое глубокое и символическое значение в жизни Казачества и всей нашей Родины.

Революция 1917 г. принесла России и Дону роковую катастрофу. Вдруг не стало связующих народы и области государства звеньев, верховного, морального, политического и общественного авторитета. Под ногами народов и областей 1/6 части мира разверзлась страшная пропасть. Она двинулась и на Дон. Настало царство безначалия и беззакония. Абсолютная неуверенность в жизни охватила всех.

Тогда Донские казаки вспомнили с в о е, древнее, к а з а ч ь е «обыкновение». Это — Войсковой Круг и избранный им Глава Войска Донского Войсковой Атаман. Император Петр I своей властью насильно отменил это «обыкновение». За 200 лет оно Донским казачеством было забыто основательно. Нужда заставила вспомнить.

Все Войско Донское, все его Станицы избрали Войсковой Круг — свой верховный орган.

В истории возглавление народов, будь то Монарх или Президент или Атаман, имеет величайшее значение. Это — социологический закон. Развалившееся в начале 17 века Московское государство возродилось с избранием Царя.

В качестве кандидатов на Войсковом Круге Войска Донского произносилось немало имен. Судьба благоприятствовала. Она, как Мессию Донского казачества, послала казака Усть-Хоперской станицы Усть-Медведицкого округа ген. от кав. Алексея Максимовича Каледина. Он был известен России и миру, как бывший начальник дивизии, командир корпуса и командующий 8-ой армией. Он был благороднейшим гражданином России, талантливым военачальником, преданным и любящим свое Войско казаком, безупречным, честнейшим и заслуженным сыном Дона.

На нем остановился выбор Войскового Круга. Его у п р о с и л и баллотироваться в Донские Атаманы. Сыновний к Дону д о л г заставил его согласиться. Его избрали. Т а к воскресло казачье «обыкновение»: как бы камень отвергнутый был положен во главу угла. Велика была радость Донского казачества.

Но его избранник я с н о видел совершавшееся на Дону и во всей России. Их судьбу он предчувствовал. Но символом воскресения великих демократических к а з а ч ь и х идей он стал.

В лице его воскресли и великие Донские Атаманы прошлого.

Лучшего своего воплощения они найти не могли. Он вступил в непримиримую борьбу с великим Злом, соблазнившим и захватившим Россию и стремившимся овладеть и Доном. Хорошо своему Атаману вторил его Помощник, Донской Баян М. П. Богаевский.

Пламенный соратник Атамана Василий Чернецов героически бился с врагом.

Но и Атаман Каледин и его Помощник М. Богаевский и Донской Рыцарь без страха и упрека Василий Чернецов, при сложившихся условиях, стали тем символом пшеничного зерна, которому, чтобы дать богатый всход, надлежало умереть.

Зло и соблазн были так велики, что призыв Атамана не доходил до сердца Донской казачьей массы и фронтового Донского казачества. Потребовались такие жертвы, как жизнь Атамана, жизнь Василия Чернецова, Анатолия Назарова, Евгения Волошинова и многих-многих других казаков на Дону, чтобы пробудилось Казачество. А на как бы тонущем судне Донского казачества, как символ его чести, развевалось только знамя Походного Атамана П. Х. Попова и его героического Степного Отряда...

Но... голос Смерти оказался сильнее голоса живых.

Выстрел А. М. Каледина прозвучал повелительно в сердцах Донских казаков. Они восстали и над ними сиял ореол имени Великого Атамана. Если в 1917 г. А. М. Каледин был символом воскресения древнего казачьего «обыкновения», символом морального и политического оправдания казачьих идей, то и смерть Алексея Максимовича стала символом воскресения к жизни и борьбе за Святыни, за Свободу Дона, Казачества и России.

Таким символом для Казачества трагическая смерть Атамана Каледина останется навсегда. Вот почему День Казачьей Скорби неразрывно связан с его именем. Но этот День нам говорит и о других священных жертвах Казачества в борьбе с мировым Злом-коммунизмом, с его безбожной, бездушной материалистической философией.

И перед нашими взорами встают великие образы Донского Атамана Каледина, Донского Баяна М. П. Богаевского, героя Атамана А. М. Назарова, мученика П. Н. Краснова, поэта, композитора Председ. Д. Малого Круга Е. А. Волошинова, славного Оренбургского Атамана А. И. Дутова, кубанца К. Бардижа, Терских Атаманов М. А. Караулова и В. Г. Вдовенко, Командующего войсками Терского Войска ген. осетина Эльмурзы Асламбековича Мистулова, кубанского героя А. Г. Шкуро, ген. черкеса Кучук Султан Шахим Гирея и многих-многих борцов, имена их Ты, Господи, веси...

Они все — не просто павшие в бою герои.

Они — немеркнущий символ воскресения и возрождения Казачества и всей нашей Родины России.

День Казачьей Скорби есть не только День Скорби, но и День Казачьей Радости, потому что он знаменует и грядущее Воскресение Казачества.

И в этот знаменательный День мы, Донцы, можем уверовать, что Донские казаки вновь воссоединятся воедино на всех просторах эмигрантского рассеяния и, как в 1917 году, вновь осуществят свое древнее казачье «обыкновение» — изберут всенародным голосованием всеми Донцами признаваемого, авторитетного, желанного Донского Атамана.

Б. Уланов

КАК ИНОГДА ИЗВРАЩАЕТСЯ ИСТОРИЯ

(О книге ген. И. А. Полякова: «Донские казаки в борьбе с большевиками»).

(Окончание).

Перейдем к более важному и рассмотрим, в чем именно автор «Воспоминаний» обвиняет Донскую казачью интеллигенцию — военную и штатскую—и кто из них прав... Первое обвинение: интеллигенты, а за ними и «серые», по выражению Полякова, депутаты Круга несправедливо поставили в вину командованию его германофильство. Второе: также несправедливо обвинили командование в неуважении к принципу казачьего народоправства, к правам В. Круга. Третье: неправильно ставили в вину командованию его сепаратизм. Четвертое: несправедливо упрекали в монархической пропаганде, способство-

вавшей разложению Дон. фронта. Пятое обвинение: Члены Круга способствовали вмешательству домандования Добров. Армии во внутренние Дон. дела — в частности, при выборах Войск. Атамана.

Рассмотрим все обвинения по порядку. Прежде всего, Войск. Круг обвинял командование не в германофильстве, а **в излишествах** в этом отношении. Члены Круга понимали не хуже г. Полякова, что установление нормальных отношений с Германским командованием повелительно диктовалось создавшейся тогда обстановкой и необходимостью обращаться к немцам, снабжавшим Дон оружием и снарядами. Стараясь во что бы то ни стало обвинить Дон. интеллигенцию и оправдать командование, г. Поляков прибегает к передержке: сосредоточивая все внимание читателя на письме ген. П. Н. Краснова имп. Вильгельму, автор совершенно умалчивает о более важном, о чем начальник штаба не мог не знать: об инструкциях, данных Дон. послу ген. А. В. Черячукину в письмах от 6 июня 1918 г. за № 73 и в пояснительном письме от 26 числа того же месяца, а главное — ничего не говорит о письме к фельдмаршалу Эйхгорну, а между тем именно из этих писем, а не из письма к имп. Вильгельму, совершенно ясно видно, насколько далеко зашло командование в своем германофильстве. Помимо связей, диктуемых самым фактом оккупации части Дон. территории немецкими войсками, у Дон. командования в отношениях с германцами создались связи особого характера, грозившие для Дона смертельной опасностью.

Я сожалею, что г. Поляков счел своевременным сейчас поднять острые вопросы, да еще с такой яростью и совершенно несправедливо набросившись на невинных людей, к тому же ушедших уже из жизни. Правда, с того времени прошло более 40 лет и все события той эпохи стали уже достоянием истории, но все же, казалось бы, следовало несколько подождать, но раз г. Поляков пишет для истории, то он не имеет права затушевывать что-либо неприятное для него лично и для всего экипа. Все три генерала составляли одно целое и за все ошибки несли, если и не одинаковую, то во всяком случае общую ответственность, и сам Атаман прекрасно отдавал себе в этом отчет: когда В. Круг потребовал немедленного удаления двух его сотрудников, он понял, что нужно уходить и ему и подал в отставку, хотя В. Круг, вообще очень бережно относившийся ко всем выборным своим В. Атаманам, лично ген. Краснову никакого прямого упрека не сделал. Круг считался при этом и с пожеланием высших представителей союзных держав, заявивших ген. Майделю: «если Атаману Краснову оставаться нельзя, то желательно, чтобы он ушел **добровольно»**.

Если «из песни слова не вышинешь», то тем более нельзя выкидывать существенных документов: история есть история...

Союзные державы готовились в это время создать за Волгой Восточный фронт, чтобы продолжать здесь борьбу с германцами, прекращенную большевиками заключением с немцами Брест-Литовского мирного договора. Фундамент Восточного фронта был уже заложен переброской за Волгу Чехо-Словацкого корпуса и присылкой франц. ген. Жанэна. Добровольческая армия, отвергнувшая «похабный» мир и неизменно придерживавшаяся союзной ориентации, продолжала считать себя в войне с Германией. Какую же позицию заняло в этот ответственный момент Донское командование? Обратимся к документам. Начальник штаба Германской армии ген. Людендорф пишет в своих «Воспоминаниях» — стр. 529 — «Я вошел в сношения с ген. Красновым... В конце концов мне удалось до известной степени сделать его своим союзником». В инструкции своему послу при герман. командовании на Украине ген. А. В. Черячукину — письмо от 6 июня ст. ст. 1918 г. за № 73 — Атаман пишет: «сообшите фон Мумму» — герман. послу в Киеве. Н. М. — «Всев. В. Донское и с ним Юго-Восточн. Союз обещает ... держать вооруженный нейтралитет... и не допускать никакой вражеской силы на свою территорию...» В дополнение поясняется: «В. В. Д. не допустит никакой вражеской силы на свою территорию, буде то враг Германии». В письме от 26 июня — новое пояснение, что под вражеской для Германии силой разумеются чехо-словаки: «Дон объявил вооруж. нейтралитет и никаких чехо-словаков не допустит на свою территорию». В письме же к фельдмаршалу Эйхгорну, командовавшему немец. войсками на Украине, скрытом от В. Круга, как и письмо к имп. Вильгельму, ген. Краснов писал: «В настоящее время я занят подготовкой обществ. мнения **к активной** борьбе с чехо-словаками, если бы последние вздумали перейти границы Земли В. Донского». «Если бы вы помогли Дон. Войску окрепнуть в полной мере, тогда вы могли бы быть уверены, что Войско Донское, а за ним весь Доно-Кавказский Союз, вам преданы, вам благодарны и вам никогда не изменят. Вы могли бы быть спокойны за ваш тыл на Украине и за ваш правый фланг в том случае, если бы державы Согласия

восстановили Восточный фронт. **Мы же угрожали бы их левому флангу».**

В письме к имп. Вильгельму Атаман писал, что за признание Дона самостоятельным государством, В. В. Донское обязуется соблюдать полный нейтралитет и не допускать на свою территорию враждебной германскому народу вооруженной силы, на что дали свое согласие и Атаман Астраханского Войска кн. Тундутов и Кубанское правительство». «Дружба, спаянная **кровью**, пролитой на **общих** полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со **всеми нашими** врагами».

Таким образом, Донское командование обязывалось, без их ведома, вовлечь казаков, уставших уже в течение Великой войны и совершенно истощенных и обезкровленных войной гражданской, в новую войну против держав Согласия, т. е. против союзников, вместе с которыми казаки всех Каз. Войск сражались во время еще неоконченной тогда Великой войны, а также и против Добровол. армии, считавшей себя в состоянии войны с немцами и опиравшейся на союзников... Донское командование той эпохи не подумало и о том, что казаки Уральские и Оренбургские были в контакте с чехо-словаками и что в состав Восточного фронта союзников должна была естественно войти и армия адмирала Колчака вместе с казаками Сибири и Дальнего Востока. В отношении Кубани Дон. командование сознательно выдало «чек без покрытия», так как Кубанское правительство не было даже запрошено и никак не могло бы тогда выступить с оружием против Добров. армии, которая в тот момент вместе с кубанцами, составлявшими главную массу армии, очищала Кубань от банд Сорокина и других общих врагов. И все это делалось без согласия «Хозяина Земли Донской», даже без ведома В. Круга, перед которым, в силу Основных Законов Войска, командование было ответственно.

Ген. П. Н. Краснов, при всем его уме и при всех его организаторских способностях, с особым блеском проявленных при организации Молодой Армии, после смотра которой Войсковой Круг произвел Атамана из генерал-майора, через чин, в генерала-от-кавалерии, даром прозорливости политика не обладал, и несмотря на мнение компетентных лиц и на твердое убеждение его правительства, высказанное председателем правительства ген. А. П. Богаевским в закрытом заседании В. Круга о неминуемом близком поражении немцев, слепо верил в непобедимость немцев и в эпоху Вильгельма и во время владычества Гитлера.

Имеет ли право, при этих условиях, г. Поляков поносить Дон. интелигенцию — «оппозиционеров» на Круге, за то, что она, как пишет автор книги, «стараясь убедить казаков в несомненной победе союзников над немцами и вызвать в казачьих массах естественную тревогу и опасение за будущее, так как союзники не захотят иметь дело с Атаманом, откажут в помощи»? «Оппозиция», наоборот, лишь исполнила свой долг народных избранников. И она была права, предвидя осложнения с союзниками. Предупреждения А. П. Богаевского и депутатов Круга скоро оправдались, немцы потерпели полное поражение, имп. Вильгельм скрылся в Голландию, и Дон. командование оказалось в очень ложном положении. При первом известии о катастрофе, ген. П. Н. Краснов поручает ген. Д. П. Сазонову и полк. Янову войти в Румынии, в Яссах, в сношения с представителями Антанты, но ген. Бертэлё категорическим тоном заявил послам, что «союзники считают ген. Краснова ставленником и клевретом имп. Вильгельма». Такое же поручение имел ген. артиллерист бар. Майдель, который в своем докладе Председателю Дон. прав-ва ген. А. П. Богаевскому в конце октября 1918 г. писал: «представители Антанты уполномочили меня уведомить вас, что ген. Краснов скомпрометирован своей деятельностью, своим письмом к имп. Вильгельму и своими речами, но если он согласится на объединение всех русских армий и возглавление их ген. Деникиным и если Вы и общественное мнение и ген. Деникин сообщите, что ген. Краснов может оставаться на своем посту, то пусть остается, а если оставаться ему нельзя, то желательно, чтобы он ушел добровольно. Если объединение командования состоится, союзники обезпечат помощь войсками, деньгами и вообще всем». Следует, попутно, отметить, что генералы Бертэлё, Пуль, Хольман и другие, искренно желавшие придти на помощь Югу России в его борьбе с большевиками, очевидно не отдавали себе отчета в сложившейся к тому времени мировой обстановке, не учитывали, что ни французские, ни английские народные массы, уставшие от войны и от всех тягот, вызываемых войной, продолжать войну не хотели. Ллойд Джорж, доказывая невозможность осуществления плана интервенции, заявил, что «если он предложит теперь послать 1.000 британских солдат в Россию, то армия взбунтуется». Один из французских полков, назначенных для отправки в Одессу, побросал в Греции, в

Салониках, ружья в воду, а войска, уже прибывшие в Одессу, под влиянием коммуниста Марти, взбунтовались.

***

Отрицая германофильство, хотя оно, как показывают процитированные документы, не нуждается в других подтверждениях, автор «Воспоминаний» пытается очернить ген. А. П. Богаевского, Председателя прав-ва ген. Краснова и министра иностранных дел (на Дону министры назывались Управл. Отделами), прозрачно намекая, что он «выкрал» в своем ведомстве письмо имп. Вильгельму, был человеком «неблагодарным» и «передатчиком **наших тайн»**. «Благодарным» он, оказывается, должен был быть Атаману за то, что тот разрешил Председателю прав-ва... жить в Атаманском дворце... Жил он в нижнем этаже, в тех же комнатах, где при Атамане Каледине жил Председатель его правва М. П. Богаевский; А. М. Каледин считал необходимым в интересах дела иметь возможность видеться с Председателем прав-ва в любой момент. Отмечу, что скромный А. П. Богаевский и после избрания его В. Атаманом не переселился в «парадный» верхний этаж.

«Тайны» трех генералов — г. Поляков называет их **«наши тайны»** — это письма имп. Вильгельму и фельдмаршалу Эйхгорну, которые скрывались от В. Круга, перед которым, в силу Основных Законов В. В. Донского, генералы были ответственны. Председатель Войск. прав-ва, он же министр иностранных дел, также ответственный перед «Хозяином Дон. Земли», давая отчет Кругу о деятельности своего ведомства, считал своим служебным долгом сказать Кругу и об опасностях в связи с указанными выше письмами. Назначаемый и сменяемый полновластным Атаманом, Председатель В. Прав-ва, как свободный гражданин свободного Дона, не поколебался указать Донцам на грозящую Дону опасность, не скрывая своего расхождения по этому вопросу с Атаманом. Указывая на необходимость и неизбежность поддерживать деловые отношения с немцами, так как, заявил А. П. Богаевский, — «внешняя наша политика определяется тем, что мы прижаты к стене и Дон не может не считаться с фактом занятия немцами части Дон. территории и с фактом возможности покупки у них необходимого вооружения», он возражал против выдачи опасных для Дона обязательств. Председатель прав-ва ничего от Круга не скрыл и, говоря о письмах Вильгельму и Эйхгорну, высказал свое глубокое убеждение, что победят союзники и что Дон окажется в ложном и тяжелом положении.

Г-н Поляков заявляет, что после доклада А. П. Богаевского В. Круг в письме к имп. Вильгельму — о письме к Эйхгорну Поляков продолжает умалчивать и в своей книге — не увидел ничего, что могло бы быть поставлено в вину ген. П. Н. Краснову, однако постановление Круга находится в полном противоречии с этим заявлением: в первой своей части постановление Круга говорит об одобрении политики Дон. **Правительства:** «одобрить Общее в отношении центральных держав направление политики прав-ва, основаной на принципе взаимного и равноправного удовлетворения интересов обеих сторон в **практических вопросах, выдвигаемых жизнью»,** во второй же части этого постановления содержится, выраженное в коректно-деликатной форме, отрицательное отношение к опасным эксцессам германофильства со стороны **командования:** «без вовлечения Дона в **борьбу** ни за, ни против Германии».

***

Не менее был прав В. Круг и тогда, когда он обвинял генералов в неуважении к принципу народоправства, к правам избранников населения. Все изложенное выше ярко характеризует это неподобающее отношение — диаметрально противоположное отношению Атамана А. М. Каледина, который проявлял «такое уважение к воле казачества, его избравшего, как ни один из вождей революции».

«Крылатое» слово писателя П. Н. Краснова: «Мадонну создал Рафаэль, а не комитет художников», подействовало на г. Полякова, и он, видимо, сам вообразил себя «Рафаэлем», так как в его книге везде фигурирует «я», затмевающее и Атамана и Командующего армией. Где-то в тени оказывается не только В. Круг, но и все Донские казаки... Негодуя на В. Круг за выраженное недоверие, он требует «преклонения перед самоотверженностью генералов Полякова и Денисова», которым «Войско Донское **всецело** обязано и своим освобождением от большевиков и своим процветанием». Обуреваемый жаждой мести, автор книги, претендующей на ценность для историка, клевещет вообще на все Войсковые Круги, на которых будто бы дела вершили политические партии, а Атаманы и др. должностные лица избирались путем подпольных и закулисных интриг и подкупов.. Грубая беззастенчивая клевета! Исключение

он делает лишь для Круга Спасения Дона избравшего Атаманом ген. Краснова и просуществовавшего всего лишь несколько дней: там было мало ненавистных интеллигентов... Г-н Поляков не знает, что и на первом Красновском Кругу, переизбиравшем Атамана П. Н. Краснова — а этот Круг оставался и на все время атаманства А. П. Богаевского, — было 65 процентов хлеборобов, «серых», по выражению г. Полякова, депутатов, неумеющих разобраться в обстановке — стр. 284 — «тщетно силившихся понять мудреные слова господ интеллигентов». Донской казак, как и казаки других Каз. Войск, прирожденный государственник, в высокой степени обладающий здравым смыслом, в депутаты же Круга станицы выбирали лучших своих представителей, привыкших уже на станичных сходах разбираться в общественных делах. За время Великой и гражданской войны казаки многое пережили, много передумали, многому научились. На Красновско-Богаевском Круге было много депутатов, прошедших хорошую Калединскую школу. Как товарищ председателя Первого Дон. Каз. Съезда и Первого Калединского Круга и как председатель двух следующих Калединских Кругов, я по собственному опыту имею все основания свидетельствовать, как прекрасно станичники, не принимавшие раньше участия в политической жизни, быстро разбирались в обстановке и совершенно сознательно принимали решения. Этому много способствовала и принятая Кругом система работ: прежде, чем серьезный вопрос вносился президиумом Круга на обсуждение пленарного заседания, вопрос предварительно обсуждался на общих собраниях каждого округа, так сказать в семейной обстановке, где депутаты станиц округа знали друг друга, приводились разные мнения «за» и «против» и принимавшиеся решения оглашались на заседаниях Круга председателями Окружных Совещаний и еще раз обсуждались на Круге. Депутаты, съехавшиеся в Новочеркасск, размещались в общежитиях по округам. По всем основным вопросам на Калединских Кругах, при ближайшем участии М. П. Богаевского и А. М. Каледина, была выработана **казачья** программа, пришедшаяся «по душе» всем «старым» казакам и проводившаяся в жизнь до конца гражд. войны. Никакие «Поляковы» и их «сателлиты» не смогли сбить казаков с дороги, вехи на которой поставлены были Калединым и Богаевским. Никакого влияния политических партий на Кругах не было и не могло быть. Среди нескольких сотен депутатов Калединских Кругов был лишь один социал-демократ меньшевик Плехановского толка, присяжный поверенный, хорунжий Н. П. Лапин и один социалист, не входивший ни в одну из существовавших социалистических партий, П. М. Агеев. В казачьих вопросах они безоговорочно приняли казачью программу. Было два-три «кадета» во главе с Председателем В. Круга В. А. Харламовым, но партийными они были лишь вне Круга, по казачьим же делам они всецело разделяли и осуществляли программу «казачьей» партии. Хор. Лапин, яркий противник большевиков, был зверски убит ими в слоб. Михайловке.

Отличительной чертой В. Круга было именно отсутствие политических партий, политической борьбы. В отличие от некоторых парламентов Запада, на Дону не было резких партийных схваток. Царило спокойствие, порядок, дисциплина. Мне, судебному деятелю, когда я был Председателем Круга, часто казалось, что я председательствую на судебном заседании русского суда: та же атмосфера, граничащая с торжественностью. Для характеристики дикого представления г. Полякова о Дон. казачестве в лице его представителей на Круге, приведу, в заключение, такой «перл» из его книги: «Э-го авг. большевики перешли в наступление веерообразно от Царыцина. Очевидно, красные начальники предполагали своими успехами произвести впечатление на Больш. В. Круг и **воспользоваться им, как готовым органом, для захвата власти из рук правительства**... — подчерк. мною, как и в др. местах. Н. М... и для внесения тем самым разногласий путем уничтожения единства власти»... Что хочет этим сказать автор — трудно понять. Неужели додумался до того, чтобы бросить чудовищное оскорбление по адресу В. Круга, а следовательно и всего Войска Донского, что Донской парламент, главный идейный руководитель борьбы с большевиками, предоставит себя, как **«готовый орган»**, в распоряжение сов. власти для того, чтобы свергнуть г. г. Полякова и Денисова?! Более 40 лет назад, задолго до составления его книги, г. Поляков имел неудовольствие убедиться, что для удаления его с поста достаточно было простого выражения недоверия.

Рассмотрим следующий пункт обвинений г. Полякова по адресу Донской интеллигенции, будто бы неправильного приписывания «оппозицией» командному экипу сепаратистических тенденций... В ст. I «Основн. Закон. В. В. Д.» устанавливается, что «Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправ-

ства». Принимая эту статью, и В. Атаман и Члены Круга считали, что эта самостоятельность временного характера, пока существует советская власть, полная независимость впредь до образования в России национальной власти. Члены В. Круга предлагали вставить эту оговорку в текст статьи, чтобы не создавать двусмысленности, как не было ее в эпоху А. М. Каледина, который в Декларации, оглашенной им на Московском Государственном Совещании от имени всех существовавших тогда 12 Казачьих Войск — Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Яицкого-Уральского, Астраханского, Сибирского, Амурского, Забайкальского, Семиреченского, Уссурийского, Енисейского — заявил, что все Казачество «стоит на общенациональной государственной точке зрения» и подчеркнул в ст. 10 Декларации: «Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше». Калединский В. Круг твердо подчеркнул абсолютную необходимость самой широкой автономии с выборным Войсковым Атаманом и с законодательным по местным делам В. Кругом, с ответственным перед Кругом В. правительством. Ген. Краснов настаивал на невключении оговорки по тактическим соображениям. Ген. Поляков утверждает, что П. Н. Краснов **никогда** не отделял Дона от России, считая их нераздельными, и никто другой, как он, постепенно воспитывал казачью массу в сознании необходимости бороться за Единую-Неделимую»... Утверждая это, автор «Воспоминаний» не приводит в подтверждение документальных данных, — могу ему в этом помочь: о Единой-Неделимой ген. Краснов говорит в инструкции ген. Д. П. Сазонову и Г. П. Янову — «пока не явится настоящее русское прав-во, будь то император или президент, или соберется полноправное Учредительное Собрание, Дон. Войско должно остаться вполне самостоятельным» — в декларации от 15 июня 1918 г., в письме от 4 ноября 1918 г. ген. Лукомскому — «цель моего свидания с гетм. Скоропадским — объединение для освобождения России, шаг по пути к Единой-Неделимой. Не будем сами толкать Украину на взятый ею **ложный путь самостийности» —**, тоже в письме к ген. Пулю и в речи 16 авг. перед Кругом: «снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего Атамана бело-сине-красный флаг Единой и Неделимой России»... Того же содержания Декларация В. В. Д. от 23 мая-5 июня 1918 г. № 29, подписанная ген. П. Н. Красновым и А. П. Богаевским, где в п. 1-ом говорится: «Впредь до образования в той или иной форме Единой России, В. Д. составляет самостоятельную демократическую республику», и ответы ген. Краснова представителям от крестьян Богучарского уезда и на грамоту гетмана Скоропадского (см. том 3-ий «Донск. Летописи»).

При свидании с ген. Пуль, в присутствии ген. Деникина и Щербачева, ген. Краснов убеждал трех генералов: «поверьте мне, я за Единую Россию». Так что напрасно, как будто, самостийники считают ген. Краснова своим прародителем... «как будто»... ибо и В. Круг, при политической неустойчивости П. Н. Краснова, имел основания недоумевать, зная, что в письме-инструкции послу ген. Черячукину (23.6.1918 г. № 141) ген. Краснов писал: «германскому послу Мумму надо намекнуть, что слово Россия Единая было употреблено в видах внутренней политики и добрых отношений с Корниловской армией, которая нам нужна, **на деле же я стремлюсь образовать Юго-Восточный Союз** на началах федерации». Дон, Кубань, Терек и Астрахань, объединившись на началах федерации, по мысли ген. Краснова — в противоположность мысли Каледина — должны были быть совершенно независимыми от России. И не все письма и инструкции получили огласку.

Так что г. Поляков напрасно и по этому пункту ополчается на интеллигенцию. Неосновательны его нападки и по поводу будто бы ложного обвинения Дон. командования в монархической пропаганде. Обвинения эти были, но они не были ложны. И не потому, что Дон. казаки, их интеллигенция и В. Круг были непременно за республику и против монархии. Отдельные лица могли быть республиканцами или монархистами, но официальные органы Дон. казачества — В. Круг и В. Правительство, да и сама программа «Казачьей» партии — никакого преимущества той или иной форме правления для России не отдавали: монархический образ правления Англии, Бельгии или держав Скандинавских считали не хуже республики Франции. Ценили не форму, а существо: народоправство. Решить вопрос о форме правления России всецело предоставляли русскому народу: новому Учредительному Собранию. Это ярко подчеркнуто и в Указе Большого В. Круга от 20.9.18 г.: «К вам, крестьяне русские, стоящие с оружием в руках против нас, Дон. казаков, Б. В. Круг обращает свое слово... Намерения навязать царскую власть России у казаков нет. Нет желаний ломать копья и из-за республики: это дело самого

русского народа. И если ваши руководители уверяют вас, что мы, казаки, навяжем вам самодержавного Государя — это обычная клевета и гнусность ваших комиссаров. Не за это борятся казаки!»

Понятно недоумение, а затем и негодование В. Круга, когда он узнал, что «Донской Край» — газета, издававшаяся в Новочеркасске при благосклонном участии Штаба Донской армии и рассылавшаяся в большом количестве в пограничные районы Воронежской и Саратовской губ., ведет настойчивую монархическую пропаганду, а депутаты северных округов сообщили, что предатель войск. старш. Миронов в своих прокламациях, распространявшихся среди казаков и крестьян, к которым обращался В. Круг в своем «Указе», широко использует выдержки из «Дон. Края», подрывая доверие к Кругу. Положение осложнилось, когда такую же агитацию повели немцы при участии герцога Н. Н. Лейхтенбергского, «Атамана Зимовой станицы» ген. П. Н. Краснова в Берлине. Герцог Н. Н. и его брат Г. Н. Лейхтенбергские были единственными членами Императорской фамилии, предерживавшимися германской ориентации.

При содействии энергичного председателя крайне-правой организации «Наша Родина» Акацатова, немцы приступили к организации «Южной армии» с подчеркнутым монархическим лозунгом, назначив командующим армией ген. В. Семенова, в «активе» которого имелось удаление его из Дроздовского отряда, а потом и из рядов Добровольческой армии... Назначенный в то же время и Воронежским губернатором, ген. Семенов, ведя монархическую пропаганду, начал проводить в жизнь ярко реставрационную политику со взысканием «проторей и убытков», с экзекуциями и безплатными реквизициями. Несмотря на затрату огромных средств, максимальный боевой элемент не превышал 3.500, и немцы, признав неудачу, прекратили субсидирование. Ген. Семенов, позже розыскивавшийся, как уголовный преступник, скрылся. Ген. Краснов без ведома В. Круга, пользуясь полнотою власти, взял содержание «Южной армии» на счет Дон. казны и назначил Командующим Южн. армии ген.-адъютанта Ник. Иуд. Иванова. Трудно понять, какими соображениями руководствовалось Донское командование при этом назначении, как и при представлении его кандидатуры союзникам на пост Главноком. В.С.Ю.Р. на место ген. Деникина, если это не была яркая монархическая окраска ген. Иванова, вполне подходившая к «Южн. армии»... Ведь, никто другой, как ген. Краснов и ген. Поляков, писали: «Пережитые ген. Ивановым — говорит о нем в 5-ом т. «Арх. Рус. Революции» П. Н. Краснов — в Петрограде и Киеве страшные потрясения и оскорбления от солдат, которых он так любил, а вместе с тем немолодые уже его годы отозвались на нем и несколько расстроили его умственные способности». «Заметно было — пишет ген. Поляков —, что временами ему начинала изменять память; кончив, бывало, один вопрос, мы переходили к следующему, но ген. Иванов, забыв очевидно, вновь возвращался к первому, уже окончательно решенному. Пьянство, кутежи, скандалы, самоуправство, разгул и взяточничество, безобразное поведение весьма пестрого сброда людей вызывало в населении острое недовольство, готовое перейти в открытый бунт. В боевом отношении — равноценна нулю», признает **теперь** — «лучше поздно, чем никогда» — ген. Поляков... Зачем же клеветать на интеллигенцию, которая указывала на все это **своевременно?**

Та же история и с другим детищем немецкого командования, а после него и Дон. штаба — князем Тундутовым. Кроме целей политических, преследовалась, как пишет ген. Н. Н. Головин, и цель стратегическая: изолировать Добровольческую армию, врага Германии, от среднего Поволжья, где в то время действовали чехо-словаки, при посредстве которых державы Согласия надеялись организовать русский противо-немецкий фронт. В Астраханской армии кн. Тундутова немцы ввели служебный порядок, внешние отличия и лозунги монархические в целях отвлечения от Добровольческой армии офицеров с монархическими тенденциями. Пропаганда подчеркивала «неопределенность» политической программы Добр. армии, признающей Учредительное Собрание», «в скрытой форме республику»... По соглашению с крайне-правой организацией «Московским правым центром» гр. В. Бобринского, команд. Астраханской армией был назначен ген. Павлов, «в политической идеологии которого — пишет ген. Головин — был только монархизм и никаких осложняющих дело предрассудков». Попытка разложить Добровольческую армию пропагандой монархии «Божьей Милостью» не удалась и здесь, как и в «Южной армии», так как в Добровольческой армии монархические тенденции, наблюдавшиеся главным образом в тыловых организациях, склонялись скорее к монархии «волею народа». Влекло в эту армию и имя Корнилова, невзирая на то, что ген. Корнилов неоднократно заявлял, что он респу-

бликанец. Когда выяснилось, что на фронте Астраханской армии насчитывается немного больше 1.500 бойцов, немцы прекратили отпуск денег кн. Тундутову, и князь обратился за помощью к Киевскому «Совету Монархического Блока» Балашова и гр. Бобринского, задавшихся целью использовать армию для борьбы со «всеми противниками восстановления законопреемственной монархии». Кн. Тундутов, человек авантюристической складки, пользовался симпатиями штаба Дон. армии, как союзник и член Юго-Восточного Союза, так и не увидевшего света, но долженствовавшего «угрожать левому флангу Восточного фронта держав Согласия».

И по этому вопросу ненавистная г. Полякову интеллигенция и весь В. Круг были правы, протестуя против действий командования, в корне нарушавших принципиальную позицию, занятую Кругом, т. е. ни за монархию, ни за республику — как решит русский народ.

Перейдем к последнему пункту обвинений, выдвинутых автором книги против «оппозиции», увлекшей за собою весь В. Круг: потворствование вмешательству командования Добровольческой армии во внутренние дела Дона — в частности, при выборах Донского Атамана. Г-н Поляков «валит с больной головы на здоровую»: документально устанавливается, что призывало «варягов» командование, а не «оппозиция» и не Круг. Размеры журнала не позволяют осветить этот вопрос, как и многие другие вопросы, затронутые в этой статье, во всей широте. Напомню, что П. Н. Краснов в мае 1918 г. был избран Атаманом Кругом Спасения Дона временно, до созыва полноправного Большого Войскового Круга. В промежутке между этими двумя Кругами в действиях командования выяснилось многое, что не могло понравиться — как мы уже говорили выше — выборным от станиц и фронтовых частей, особенно в вопросах внешней политики, и несколько округов выдвинули кандидатом на пост В. Атамана председателя Дон. правва, бывшего в то же время министром иностранных дел, ген. А. П. Богаевского. Об этой «опасности» командование, бывшее в постоянной связи с германским командованием, уведомило кого следует, и в августе 1918 г. от майора ген. штаба Кохенхаузена поступило красноречивое предупреждение. Представитель высшего герман. командования писал: «ген. Богаевский выражал сомнения в окончательной победе Германии и указывал на близкое осуществление союзниками Восточного фронта. Если мнение г. Председателя Министров действительно таково, то высшее командование Германии примет согласно с этим свои меры... Высшее командование сделает свои выводы и прекратит снабжение оружием».

Ген. А. П. Богаевский, всегда интересы частные подчинявший интересам общим, снял свою кандидатуру, заявив В. Кругу: «наша внешняя политика определяется тем, что мы прижаты к стене. В то время, как вы заняты перевыборами, я получил сведения, что германцы задержали прилив снарядов с Украины, а теперь получено официальное письмо, что ежели я буду выбран Атаманом, то германцы не будут оказывать никакой помощи — вот почему я отказываюсь от атаманства». Несмотря на то, что кандидат остался один и на то, что организаторские способности его оценивались высоко, П. Н. Краснов недополучил свыше 100 голосов: сказалось резко отрицательное отношение Круга к «излишествам» германофильской политики. Вместо отношений «равного с равным» создалось положение подчиненности, и в ноте фельдмаршала Эйхгорна, привезенной кн. Тундутовым, Атаману предлагалось образовать Ю.-В. Союз, удалить Добровольческую армию с Дона или разоружить ее, удалив «германофобский» командный состав и поддержать немцев на Восточном фронте против держав Согласия... Характерен и арест немцами члена Круга известного на Дону общественного деятеля Н. Е. Парамонова, человека подчеркнутой союзнической ориентации.

Чем же доказывается обратное: вмешательство в атаманские выборы генералов А. И. Деникина и И. П. Романовского? Никаких доказательств г. Поляков не приводит, факты же не только не подтверждают, но и прямо эти заявления опровергают. Когда уже, после признания ген. Красновым, при деятельном участии в этом деле бывш. Главнокомандующего Румынским фронтом ген. Щербачева, единого командования в лице ген. Деникина, представитель союзных держав англ. ген. Пуль предложил ген. Деникину вопрос: «считаете ли вы в интересах дела необходимым, чтобы мы, союзники, свалили ген. Краснова?» Ген. Деникин ответил: **«Нет**, я просил бы только повлиять на изменение его отношения к Добровольческой армии». И потом, в самых первых числах февраля 1919 г., когда В. Круг, выразив недоверие сотрудникам Атамана по военной части и по **«ориентации»,** потребовал немедленного удаления Денисова и Полякова и оба генерала были удалены, ген. Краснов, сам подав в

отставку, не терял надежды, что его кандидатура все же будет снова выдвинута при перевыборах и надеялся и искал поддержки Главнокомандующего В.С.Ю.Р. Положение на Дон. фронте было чрезвычайно тяжелое и активная помощь Добровольческой армии была абсолютно необходима. В своей статье в 5-ом томе «Арх. Рус. Револ.» П. Н. Краснов пишет: «Ждали слова ген. Деникина, которому в эту тяжелую минуту покорились вполне»... А ген. Деникину ген. Краснов 20 января 1919 г. писал: «Первого февраля съезжается Круг и если я не получу от Вас моральной поддержки и требования остаться на своем посту, я буду настаивать на освобождении от несения обязанностей Дон. Атамана». На заседании Круга 3-го февраля ген. Деникин, не желая ни в какой степени влиять на решение Круга и вмешиваться во внутренние дела Дона, касающиеся кандидатов на пост Атамана, заявил Кругу: «В Вашей внутренней разрухе я не могу и не хочу быть судьей»... Как эта позиция, занятая главнокомандующим, далека от того, что пишет ген. Поляков! Беспристрастное изучение материалов той эпохи приводит к неоспоримому выводу: кроме признанной Кругом «неспособности» генералов Денисова и Полякова, приведшей в тот момент к катастрофе на Дон. фронте, причиной смены командного экипа, и причиной главной, приходится признать не интриги Дон. интеллигенции или ген. Деникина и Романовского, как старается внушить в своих интересах читателю автор «Воспоминаний», а крушение всей политики Дон. командования того времени, ярко подчеркнутое поражением немцев в Великую войну и их уходом с Дона и Украины. Вся создавшаяся обстановка требовала замены германофильского экипа трех генералов экипом неизменных сторонников верности союзникам: ген. А. П. Богаевского на посту Атамана, ген. П. Х. Попова — Председателя правительства и ген. В. И. Сидорина — командующего Дон. армией. Кроме того, все трое, сотрудники Атамана А. М. Каледина на разных постах, не прерывали борьбы с большевиками, начатой ген. Калединым: А. П. Богаевский, бывший тогда Командующим войсками Ростовского района, при оставлении Ростова ген. Л. Г. Корниловым ушел из Ростова с Добровольческой армией, командуя Донским Партизанским полком, П. Х. Попов — командуя отрядом Степняков и В. И. Сидорин — Начальником штаба Степного отряда. Генералы же, не откликнувшиеся на призыв Каледина стать в ряды бойцов, и после его смерти от борьбы уклонились, не присоединившись ни к отряду Дон. партизан А. П. Богаевского, ни к Степнякам П. Х. Попова, а будучи устраненными с высоких должностей, после сдачи их немедленно, 6-го февраля, в разгар борьбы, навсегда покинули родную землю, причем автор «Воспоминаний» с непонятной в таком положении гордостью подчеркивает, что уехали они в специальном поезде, располагая каждый своим салон-вагоном. Невольно вспоминается, что ген. Богаевский в одном из своих писем в эпоху своего атаманства писал, что если бы ему пришлось покинуть свой пост Атамана, он взял бы винтовку и на любом месте продолжал бы борьбу с большевиками. О том же заявил в своем рапорте Дон. Атаману ген. К. К. Мамантов, по настоянию ген. П. Н. Врагеля устраненный Главным Командованием с поста Командира корпуса. Разные бывают люди, с разными, как говорят французы, «манталитэ»: одни свои личные интересы и свое самолюбие приносят в жертву идее, другие поступают наоборот...

**
*

В книге г. Полякова много неточностей, много неправды, неверных сведений, странных у автора, занимавшего пост, дававший возможность располагать точными данными. В моей статье мне пришлось больше всего обратить внимание на вопросы общего характера и для более мелких вопросов не остается достаточно места, а потому в этой области я вынужден ограничиться лишь некоторыми замечаниями.

Например, г. Поляков сообщает о том, что казаки Суворовской станицы II-го Дон. округа освободили окружную Н.-Чирскую ст. под предводительством ген. Мамантова... Между тем, Н.-Чирская была освобождена в марте, ген. же Мамантов прибыл в район станицы в апреле. Измышлением является и то, что Мамантов был выбран Окружным Атаманом 2-го Дон. округа: выбран был полк. В. В. Растегаев, причем задолго до прибытия Мамантова со своим отрядом*). Не соответствует действительности и утверждение Полякова, что Степной отряд ген. Попова был в районе ст. Суворовской и там «спасен» Суворовцами: ген. Попов по возвращении из Сальских степей остановившийся на отдых в ст.

---

*) Впоследствии, уже при перевыборах, ген. К. К. Мамантов прошел первым кандидатом, но от поста Окр. Атамана отказался в пользу ген. Г. Э. Генералова, считая, что он. Мамантов, будет более полезен Дону на боевом посту.

Нижне-Курмоярской 1-го Дон. окр., не был даже в ближайших к Н.-Курмоярской станицах Верхне-Курмоярской и Потемкинской 2-го Дон. окр. и вообще не переходил границы этого округа. И «спасать» Степняков ни от кого и ни от чего тогда не было надобности.

Возьмем другой пример. Г. Поляков, критикуя Войск. Правительство ген. Каледина, утверждает, что члены его избирались не Кругом, а округами, что было оно черезчур многолюдным. «Историк» не знает, что в эпоху Атамана Каледина первое прав-во, члены которого намечались округами, но **утверждались В. Кругом**, по желанию Атамана и по представлению Кругу Помощником Атамана М. П. Богаевского, сложило свои полномочия и Войсковой Круг избрал новое прав-во всего лишь из **семи членов** — цитирую в алфавитном порядке: П. М. Агеев, С. Г. Елатонцев, А. П. Епифанов, Г. И. Карев, Н. М. Мельников, И. Ф. Поляков и Б. Н. Уланов — причем этот список, намеченный в частном совещании членов Круга, предварительно, в частном порядке, был представлен А. М. Каледину и получил его полное одобрение. Председательствовал в этом прав-ве из 7 членов М. П. Богаевский, **как Помощник В. Атамана**, по должности. В этом же качестве, по должности, он был и Председателем паритетного правительства. Вопреки утверждению Полякова, я был не Председателем Калединского прав-ва, а Заместителем председателя Войскового прав-ва М. П. Богаевского. Неверно утверждение Полякова, что в состав прав-ва входили и В. есаулы: они были как бы чиновниками особых поручений прежнего времени. Если в составе крестьянской половины паритетного прав-ва оказались и большевизанствовавшие члены, то ни А. М. Каледин, ни В. прав-во тут не причем: они были избраны Съездом неказачьего населения Дона.

Начальник Штаба не блещет и знанием географии Дона: станица Суворовская, как было упомянуто раньше, оказалась в 1-ом Дон. округе, станция Суровикино превратилась в Суворино, Себряково — в Сребряково, изобрел он и не существовавшую на Дону станицу Камышевскую (стр. 277).

Г. Поляков избегает в своих «Воспоминаниях» касаться неприятных для него вопросов: «забыв» о существовании письма к фельдмаршалу Эйхгорну, он «забывает» осветить и такой важный и интересующий и теперь казаков вопрос — почему за весь восьмимесячный период пребывания Полякова на посту Начальника штаба Д. Войска и Дон. армии не только не был взят Царицын, занятие которого выдвигалось на первый план всей обстановкой борьбы, но и не было сделано даже попытки взять его. Вытесненный германскими войсками с Украины, быв. слесарь Луганского завода Ворошилов — впоследствии маршал и президент СССР — вступил со своим отрядом в Дон. пределы и направился в Царицын по линии ж. д. Лихая-Царыцин. Донцы недалеко от станции Чир, у хутора Рычкова, взорвали большой ж.-дор. мост через Дон. Отступавшие с огромной добычей, собранной со всего юга России, красные были прижаты к Дону, и на правом берегу скопилось множество поездов с военными припасами, в которых так нуждалась Дон. армия, и богатым имуществом. Добыча сама «просилась в руки»... Овладение Царицыном, который к тому же в то время защищался слабыми силами, диктовалось и необходимостью восстановления непосредственной связи Новочеркасска с северными округами. Г. Поляков пишет, что Дон. командование предложило командованию Добровольческой армии произвести эту операцию совместно, но ген. Деникин отказался выступить в тот момент, не отказываясь от возможности осуществления проекта в будущем. Выходит так, что Дон. командование бездействовало потому, что выжидало наступления этого неопределенного момента. О подробностях автор не сообщает, а между тем мотивировка условного отказа была известна: Добровольческая армия после смерти ген. Корнилова вышла из «Ледяного похода» очень ослабленной и боевой ее состав был чрезвычайно мал. Кроме того, соединившись с Кубанским правит. отрядом, Добровольцы обязались прежде всего освободить Кубань и ее столицу, да и Кубанские казаки, влившись в Добр. армию, не пошли бы с Кубани на Царицын раньше освобождения родного края, занятого армией Сорокина в несколько десятков тысяч большевиков. Ген. Деникин предложил взять на себя защиту юго-восточной границы Дона, развязав Дон. командованию руки в этом направлении. При этих условиях каждому профану, а не только специалистам военного дела, должно было быть ясно, что расчитывать на участие в Царицынской операции Добр. армии в близком будущем было неумно, а между тем в расчете на эту именно помощь Дон. командование отклонило предложение германцев, располагавших и тяжелой артиллерией, вместе с Донцами взять Царицын: «германцы — пишет Поляков — даже предложили нам участие их войск в овладении Царицыном», но предложение было отклоне-

но «в силу обещания Добр. армии». А как Донцы мечтали о чужой помощи живою силою, откуда бы она ни пришла, и какое громадное влияние на ход всех дальнейших действий имело бы своевременное овладение и закрепление этого важного пункта!

Еще более странно и вызывает крайнее недоумение дальнейшее поведение Штаба в этом вопросе. Командовавшему Чирским фронтом ген. К. К. Мамантову после долгих усилий удалось собрать большие силы, достаточные, чтобы разгромить Ворошилова, прижатого к Дону у хут. Рычкова. Закончивши все подготовительные действия, Мамантов собирался нанести сокрушительный удар, но почти накануне назначенного для атаки дня из Штаба был передан по телеграфу приказ о демобилизации многих возрастов казаков. Распоряжение было сделано без предварительного соглашения с командующим фронтом, причем Мамантов лишен был возможности задержать исполнение хотя бы на короткий срок или ходатайствовать об отсрочке: распоряжение о немедленном роспуске по домам, отпечатанное в Новочеркасске в громадном количестве экземпляров, заботами Штаба было одновременно доставлено в огромном числе, минуя штаб Мамантова, непосредственно в части, подчиненные Мамантову, и казаки массами стали разъезжаться по станицам и хуторам*). По свидетельству адъютанта Мамантова ес. (или в. ст.), Рудова, Мамантов «рвал на себе волосы»... Подготовленная операция была сорвана и Ворошилов неспеша постепенно переправил все на левый берег Дона, и, погрузившись там на станции Суровикино, по ж. д. увез в Царицын.

Распоряжение Штаба основывалось на старом приказе Атамана за № 1-ым, в котором говорилось: **«по мере успокоения Войска** — подчеркнуто мною. Н. М. — распускать по домам для мирных работ казаков остальных возрастов , кроме 12, 13, 14, 15, 16 и 17 годов». «Неудачный» выбор момента для применения старого приказа, когда это стало известно, вызвало много толков среди чинов штаба и особенно негодовавший С. К. Бородин, работавший при штабе, получив «совет» уйти, ответил: как офицер ген. штаба и как член В. Круга, предпочитаю, чтобы меня «ушли»... Его не уволили. Очевидно, боялись «шума» вокруг этой странной демобилизации. «Открытое письмо», опубликованное заграницей бывш. Председ. Дон. прав-ва ген. В. А. Апостоловым по этому делу осталось без ответа. Молчит и теперь ген. Поляков в своей книге.

Что же представляет собою автор «Воспоминаний», свысока третирующий интеллигенцию, оскверняющий лучших представителей казачества, таких безупречных и высоко почитаемых казаками вождей, как Каледин, Богаевский? И для будущего историка гражд. войны, когда он будет разбираться в мемуарах разных деятелей эпохи, важно знать, с кем он имеет дело в каждом случае, насколько можно полагаться на верность не только выводов, но и самых фактов, сообщаемых мемуаристами, на беспристрастность оценки деятелей, имена которых войдут в историю гражд. войны на Дону. В своих писаниях, особенно в «Воспоминаниях» и в своем «Атаманском Вестнике», автор сам дает нам материал для своей характеристики. Ярко бросается в глаза самовосхваление, всюду доминирует «я»: «я приказал, я распорядился, мне одному пришлось выкручиваться из создавшегося хаоса, я начал наводить порядок, могу сказать, что мною было сделано все возможное, чтобы спасти положение, Дон. область была в 3-хмесячный срок освобождена от большевиков благодаря выработанным мною планам». «Я» затмевает и Атамана П. Н. Краснова, и Командующего армией ген. Денисова, и Войск. Круг, и всех Дон. генералов и казаков. Он требует «преклонения перед самоотверженностью» ген. Полякова и — на этот раз упоминаемого — Денисова, которым «Войско Донское **всецело** — подчеркнуто мною. Н. М. — обязано и своим освобождением от большевиков и своим **процветанием»...** И первым — 1-го апреля — и вторым — 23 апреля 1918 г. — освобождением Новочеркасска Донцы обязаны, оказывается, ему, Полякову, а не в. ст. Фетисову М. А., С. В. Денисову, П. Х. Попову, А. П. Фицхелаурову, Н. Г. Зубову, А. А. Азарянскому, М. Н. Смирнову, полк. Бобрикову, полк. Карпову, подъес. Софронову (считаю долгом зафиксировать эти имена для будущего Дон. историка) и не полк. М. Г. Дроздовскому, роль которого, однако, население Новочеркасска оценило иначе, чем г. Поляков: оно устроило М. Г. Дроздовскому овацию, как «спасителю». Нередко автором затушевывается и роль Атамана П. Н. Краснова, как организатора, даже в деле создания Молодой армии. Можно было бы привести массу и других выписок, рисующих хлестаковщину автора книги. Напомню свидетельство полк. генер. штаба В. В. Добрынина, че-

*) Статья в «Р. Кр.» г. Падалкина и «Открытое письмо ген. Апостолова.

ловека осведомленного и компетентного, начальника операт. отд. штаба, написавшего ценную книгу, переведенную и на французский язык, об участии Донцов в гражд. войне. О Красновском восьмимесячном периоде борьбы Добрынин пишет: «всем должен был заниматься лично ген. П. Н. Краснов». Кстати, ген. Поляков явно преувеличивает численность Молодой армии — 2 пех. бригады и 3 кон. дивизии — указывая один раз 25.000, а другой — 40.000, полк. же Добрынин называет цифру — 15.000.

О «неправдах» и о самовосхвалении Полякова писала и монархическая газета «Знамя России»: перечислив «неправды», «Знамя России» приходит к такому выводу: «утверждения ген. И. А. Полякова, мягко выражаясь, **не соответствуют истине.** Воспоминания ген. Полякова — эмигрантские мемуары для прославления и популяризации самого себя — создание памятника **своей деятельности, которой вовсе и не было!»** Генерал не прочь создать культ своей личности, позавидовав, очевидно, Сталину, и не без удовольствия печатал в «Атам. Вестнике», причем печатал жирным шрифтом, такие перлы, как: **«Да будет свято имя казака Ивана Полякова».**

Пробираясь из Румынии на Дон, Поляков в последних числах января 1918 г., за три дня до смерти А. М. Каледина, приезжает в Новочеркасск и здесь читает последний предсмертный призыв Каледина спасать Дон, защищаемый ничтожным количеством партизан — главн. образ. учащейся молодежью. Молодежь изнемогает в борьбе, для нее драгоценен каждый новый боец. Полк. или капит. Поляков, посвятивший в своей книге десятки страниц негодующего красноречия, бичуя офицеров, оставшихся в городах, занимаемых большевиками, и вместо того, чтобы дорого продать свою жизнь подставляющих свою шею под коммунистическое ярмо, негодующий на Каледина и Богаевского за то, что они «посылали» на убой молодежь вместо того, чтобы заставить офицеров вступить в строй, — пылкий патриот, конечно, стремится на фронт? Нет: он обивает пороги штаба Поход. Атамана, чтобы получить там местечко. Потерпев неудачу у Начальника штаба Сидорина, он 27 января, за день до смерти Каледина, при помощи друзей все же пристраивается к отд. связи и в течение всего лишь 15 последних дней существования штаба проделывает — если верить ему — головокружительную «карьеру»: получает должность 1-го, а потом 2-го ген. квартирмейстера ... при наличии 200-300 бойцов! 12 февраля новый Поход. Атаман П. Х. Попов, заменивший ген. А. М. Назарова, избранного Войсковым Атаманом, во главе «Степного» отряда уходит в степи, чтобы продолжать борьбу. «Историк» Поляков считает корректным так отметить этот факт: Поход. Атаман **«бежит из Новочеркасска с группой приближенных»** — свыше 1.500 всадников при двух конных батареях и 40 пулеметах. Н. М. — Конечно, ген. квартирм. штаба не покидает своего непосредст. начальства? Нет — он остается в Новочеркасске, сваливая вину в этом на Начальника штаба Сидорина: он «забыл» своего ген. квартирм.... Не послали ему извещения за надлежашим номером исход. бумаг? Ему, 1-му и 2-му ген.-квартир., не было «известно» состоявшееся накануне решение, ставшее известным немедленно всему городу, идти в степи*)... И тут же сам сообщает, что накануне выступления в поход ген. Попова квартирные хозяева Полякова сказали ему о завтрашнем выступлении отряда, о чем ген. Попов уведомил В. Круг. «Утром 12 февр. — пишет Поляков, — еще издали я заметил у штаба скопление груженных подвод, окруженных толпой большей частью вооруженных людей. Через минуту я был в курсе происшедшего... Бумаги уничтожались, тоже рекомендовали сделать и мне...» «А как вы решаете поступить, г. полк.?» спрашивает штабной телеграфист. «Еще не знаю»... И тут же через минуту сбрасывает офицер. пальто и надевает штатское... Можно ли при этих условиях говорить: «забыли»?

Как же ведет себя этот пылкий патриот и непримиримый враг коммунистов, оставшись в Новочеркасске, занятом большевиками? Предоставим ему самому рассказать об этом: в Новочеркасске «я большую часть времени проводил на улице. Подделываясь под товарища,... я развязно отвечал солдатам на их вопросы, обращая их внимание на свое рваное одеяние и хвастаясь шубой, добавляя, что я ее получил **в наследство** от буржуя»... Давая понять, что я, мол, вашего поля ягода?! Ограбил? Убил? Достойное поведение полк. ген. штаба и вообще офицера? Можно ли представить себе в таком положении расстрелянных в это самое время в Новочеркасске генералов Назарова, Груднева, в. ст. Волошинова и др.? Вспомните поведение в это самое время Помощника Каледина М. П. Богаевского на митинге революц. гар-

*) Г. Падалкин в № 43 «Р. К.» пишет, что в эти дни Поляков с 9 февр. на службу не являлся.

низона, гордо бросившего в лицо комиссару по борьбе с контрреволюцией Ларину: «Я под угрозой штыков, но и штыки меня не испугают!» Вспомните ген. А. М. Назарова, оставшегося сидеть и не вставшего по требованию Голубова, и другого достойного сына Дона — быв. командира Лейб-Гвардии Казачьего полка ген. Ив. Дав. Орлова, отказавшегося снять генеральское пальто и растерзанного на улице в Новочеркасске... «Безумство»? Если даже и да, то — безумство храбрых, не подлежащее критике... Обнажив голову, почтительно склонимся перед величием духа героев.

Два полюса: ген. Орлов и ген. Поляков.

Автор «Воспоминаний» неудачно старается выгородить себя, заявляя, что «среди всеобщего ужаса жителей, несмотря на густую сеть шпионов, предательство и провокации, он один вел пропаганду против большевиков среди красных Голубовских казаков, живших в одном с ним дворе, **где жил и сапожник большевик, игравший видную роль в Новочеркасском Совете Пяти»**... «Свежо предание, а верится с трудом»... Имея в виду массу другой «неправды», наполняющей писания г. Полякова, в эту «правду» лично я уж никак не поверю и не последую за экзальтированным поклонником «культа личности» «святого имени казака Ивана Полякова», увидевшего, как сказано в Поляковском «Атаман. Вестнике», среди Новочеркасской тьмы «мерцание» единственной «звезды Ив. Полякова». Нелегко было — да еще из заграницы — рассмотреть из-под одежды босяка мерцание звезды.

Отчетливо характеризует себя сам г. Поляков, рисуя свой идеал государственного деятеля: «чем политика — пишет он — была вероломнее, лукавее, эгоистичнее и б. м. беспринципнее, тем чаще она давала государству максимум благополучия и благоденствия. Люди, проводившие ее с точки зрения национальной идеи своего государства, обычно расценивались большими патриотами и благодарное потомство воздвигало им памятники».

О власти своей он очень высокого мнения. Когда В. Кругом Председателем Военной комиссии для обревизования работы Штаба был назначен Член Круга ген. шт. ген. С. К. Бородин, г. Поляков, возмущенный, очевидно, такой «дерзостью», пишет: «разве это не является абсурдом? Он должен хорошо помнить, что его неприкосновенность, как члена Круга, всего лишь несколько дней, т. е. пока длится сессия Круга, а после, **если я найду нужным**, смогу загнать его туда, куда Макар телят не гонял!»

Помимо выходившего за пределы благоразумия германофильства, г. П-ов был сторонником и тех методов, которые потом проводил в жизнь Гитлер и его эс-эсовцы.

Команд. армией ген. Денисов, получив телеграфное сообщение об убийстве в сл. Степановке Таганр. окр. казака, без всякого расследования и суда положил на телеграмме резолюцию: «Приказываю в слоб. Степановке повесить 10 жителей, наложить контрибуцию в 200.000 руб. и сжечь всю деревню», В. Круг, озабоченный не обострять и без того натянутых отношений с коренным Дон. крестьянством, сыновья которого были к тому же мобилизованы в Молодую армию, вмешался в это дело, приостановил приведение в исполнение резолюции и потребовал, чтобы дело было передано в военный суд и чтобы наказаны были не первые попавшиеся под руку 10 крестьян, а действительно виновные, и настоял на отмене приказа сжечь деревню. Г. Поляков негодует по поводу этой «керенщины», как он называет вмешательство Круга. Военный суд, рассмотрев дело, приговорил к повешению действительных виновников в убийстве и ко взысканию контрибуции. Не будь вмешательства Круга, ген. Денисов и Поляков приклеили бы к казакам кличку «орадуровцев»... (В Орадуре, во Франции, во время оккупации, немцы за убийство около Орадура нем. солдата сожгли церковь с запертыми в ней женщинами и детьми)... Автор книги вообще сторонник такого сорта мер: он негодует, что таким политическим деятелям, как академик П. Б. Струве *), и другим (якобы «вмешивавшимся в дела Дон. пр-ва», чего на самом деле и не было), «позволили» уехать с Дона на Кубань, а не выслали их на север к большевикам».

Напомним, что автор «Воспоминаний», офицер генер. штаба, тем или другим способом, очернил всех тех коллег по генер. штабу, которые почему либо ему не нравились, не удержавшись и от того, чтобы не бросить комка грязи по адресу своего «друга» ген. Кельчевского и только потому, очевидно, что этому «другу» пришлось впоследствии заменить Полякова, уволенного, на посту Начальника штаба Донской армии, а между тем об этом генерале и ген. Краснов отзывался, как о «атлантливом офицере». Вот,

---

*) Бывшему потом в Париже редактором газ. «Возрождение».

что в своей же книге писал г. Поляков о ген. Кельчевском: «В штабе 9-ой армии» — которой командовал А. К. Кельчевский — «в его лице я видел не только начальника, но, несмотря на разницу лет и положения, доброго, близкого, отзывчивого друга. Был с ним на ты». Профессор Академии Генер. Штаба «ген. Кельчевский пользовался в Акад. Ген. Штаба общей любовью, как отличный лектор и человек».

Так характеризует сам себя автор рассматриваемой нами книги, всеми силами старающийся подорвать престиж в глазах казачества и будущего историка глубоко уважаемых казаками своих вождей во главе с отдавшими за казачество свою жизнь А. М. Калединым и М. П. Богаевским.

В оценке книги Полякова мы резко разошлись с замест. ген. Полякова проф. Феодоровым, который напечатал в «Н. Р. Слове» хвалебный гимн произведению своего патрона, солидаризировавшись, следовательно, с образом мыслей г. Полякова, с его клеветническими выпадами против Атамана Каледина и бр. Богаевских, против В. Круга и его «серых» депутатов, против военной и штатской интеллигенции Дона, против Степняков и вообще партизан. Особенно неожиданно последнее со стороны бывшего черноморца, который не может не знать, с каким безграничным уважением и преклонением относились к А. М. Каледину и М. П. Богаевскому полк. В. М. Чернецов и все его доблестные соратники.

С таким идейным багажом, полученным от ген. Полякова, и с дефектами формального свойства, так как Донские — и вообще казачьи — »обыкновения» не признают законным переход по наследству выборной Атаманской власти, — на поддержку каких Донцов может расчитывать г. Федоров, с просьбой о которой он в печати обратился к казакам?

Париж. **Н. М. Мельников**

ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Разъединение Донских казаков стало у всех «притчей во языцех». Малое число членов в Дон. организациях и их слабость во всех отношениях — результат этого разъединения. Немало Донцов, чутких к интересам и достоинству Донского казачества, указанное явление переживают, прямо-таки, болезненно. Хотя установилось среди даже известных донских общественных деятелей настроение, близкое почти к безнадежности, объединить Донцов и произвести выборы Д. А., все же все более и более раздаются голоса: — довольно разъединения, н у ж н о приступить к объединению Донских казаков. — Ныне завязалась перекличка между Америкой и Европой об этом объединении и о выборах Д. А.

Конечно, поднимаемые вопросы — большие и разрешить их быстро более или менее успешно трудно. Но необходимость борьбы с печальной болезнью разъединения среди Донцов — очевидна.

Бывший недавно Годичный Станичный Сбор Донской Центральной имени ген. П. Н. Краснова Станицы в Нью-Йорке опубликовал свой Протокол, а новый Станичный Атаман И. С. Бонадаренков выпустил особое Обращение об объединении. Эти документы, вероятно, будут опубликованы и «Родимым Крем». Но вот как откликнулись на эти Акты Донские казаки из далекого Запада США.

«Новый Стан. Атаман Донской Центральной имени ген. П. Н. Краснова Станицы в Нью-Йорке обратился к Донским казакам, чтобы все объединились и приступили к решению вопроса о выборах нового Донского Атамана. Как же это не приветствовать? Нужно сейчас же начинать приглашать записываться в станицу, как отдельных лиц, так и целые станицы и хутора. Нельзя, чтобы работа Атамана остановилась на этом воззвании. Нужно решение Стан. Сбора рассылать всем станицам и хуторам и даже отдельным лицам и сразу начинать собирать всех казаков, кто еще не потерял казачьей души, и всех звать к единению и выполнению трудной и крайне необходимой задачи — ВЫБОРАМ ДОНСКОГО АТАМАНА. Не можем мы оставаться без Атамана столько времени! и чем дальше, тем будет хуже —

старики уходят, а молодые не приходят Нужно, чтобы все дружно взялись за эту задачу и, Бог даст, мы ее выполним! Надо верить в себя!

Это обращение к казакам надо размножить и рассылать, и помимо того, надо напечатать не только в Нью-Йорке, но и в других центрах, где имеется русская пресса: Париж, Сан-Франциско и т. п. Надо бы созвать Атаманов Станиц, а еще лучше и правления всех станиц и решить этот вопрос и тогда уже решительно действовать от группы станиц. И Станицы должны бы принять участие и в расходах, связанных с выполнением этой важной для всех Донских казаков задачи. Начинайте работать и да благословит Господь ваши труды, а мы вас будем поддерживать и морально и материально! Прошу передать Атаману и новому станичному Правлению мой горячий привет и самые лучшие пожелания в успехах поставленных задач!

С самым сердечным Казачьим приветом старый казак и Член Войскового Круга Григорий Ант. Улитин».

***

Одна ласточка, говорят, весны не делает. Но кто не знает, как и эта одна ласточка радует человеческое сердце! Мы же верим, что это — не одна, а лишь ПЕРВАЯ ласточка, за которой последуют и другие и настанет Светлая Радостная Весна Донского казачьего объединения и те выборы Донского Атамана, о которых пишет старый казак Г. А. Улитин.

Б. У.

ПАМЯТИ Ф. Д. КРЮКОВА

(От редакции. Читатели «Род. Края» неоднократно высказывали желание ближе ознакомиться с произведениями донских писателей Ф. Д. Крюкова и Р. П. Кумова. В этом № мы помещаем рассказ Р. П. Кумова «Иегумен Иосаф» и статью С. Серпина, помещенную в газете «Сполох» от 5 сент. 1920 г., выходившей в Мелитополе, в полугодовой день смерти Ф. Д. Крюкова).

Донские таланты легко уходили со своих степных тропинок на широкие дороги общерусского творчества, где в общем ряду деятелей русской культуры они часто почти совсем теряли свое провинциально бытовое лицо. За исключением весьма немногих, талантливые выходцы казачества как бы забывали свой родной край и становились общерусскими, как только вступали на путь общерусской культурной деятельности. Они любили свой край, как люди, как граждане, но не как творцы-художники. Известный художник Дубовской с большой любовью, не жалея средств и труда, собирал специально для своего родного Дона, для Донского музея, коллектию картин, но художественное творчество его самого не носит специфически донских черт.

Если в старые времена вольные элементы московского населения уходили на Дон, и эти выходцы Московской России создавали на Дону новую политическую жизнь и новую государственность, то, наоборот, культурные выходцы Дона ни в одной области искусства не создали самобытно-донского казачьего течения. Только в области историографии были слабые попытки создания национально-донской школы.

Эта слабость областного и провинциального самосознания вобще замечается в жизни русского искусства, и в этом, может быть, была его сила. В противоположность жизни западно-европейского искусства с его развитием местных течений искусства (римская, болонская, флорентинская, венецианская школы в живописи Италии, швабская, мюнхенская, веймарская, австрийская школы в поэзии Германии, бретонская, центральная, провансальская, гасконская, швейцарская группы в литературе Франции), у нас ни Сибирь, ни север России, ни Крым, ни Кавказ, ни Западный край не развили определенной местной школы искусства. Вся духовная жизнь в России централизовалась, как и жизнь политическая, и провинциальный гений в России — все еще только большая возможность, но не осуществление.

Тем не менее, областной дух безсознательно и непроизвольно сказывался, и в русской литературе можно различить областные черты, можно, помимо намерений самих пи-

сателей, наметить географию русской литературы.

Образцом такого, так-сказать, автономного, но не сепаратного творчества в прошлом был великий Гоголь. Весь пропитанный стихиями Украины, он отказался от украинского языка и в теснейшем единении с Пушкиным жил культурной жизнью всей России не теряя ни одного из даров своей родины. Таковы же были составившие себе незадолго до войны крупное имя два донских писателя, творившеи на общерусской почве, но сознательно ставившие задачей своего творчества приближение к быту казачьего края и изображение его жизни. В последние годы, в нашу эпоху общей смуты и пробуждения казачьего самосознания, эти писатели, Федор Дмитриевич Крюков и Роман Петрович Кумов, усилили присущий им и раньше донской характер и совершенно, всей душой и всеми помыслами, ушли в казачью народную стихию. Преждевременная смерть прервала их прекрасную и столь нужную теперь деятельность.

II.

Как писатель, Крюков занимает видное место в ряду русских реалистов. По силе бытописания он один из лучших, а по верности и правдивости единственный в своем роде художник.

Правда его рассказов и очерков безусловна и предельна. Все взято с натуры и ничего не выдумано. Никаких прикрас, никакой идеализации. Фабула всегда проста, как сама будничная жизнь. Все обыкновенно в рассказах Крюкова, даже примитивно обыкновенно, как обыкновенна сама обыденность. Поражает эта привязанность автора к подлинности художественного изображения, это его противление всем новым веяниям искусства, требовавшим преображения действительности. Редкое явление в мире писательства это недоверие Крюкова к малейшему проявлению воображения. Из современных белетристов только он один является таким реалистом, на которого можно вполне положиться. Он ни в чем не обманет. Это потому, что и его ничто не обманет. Он не дает обмануть себя никакими ухищрениями стиля, никакой игрой фантазии, никакой предвзятостью любимой идеи. Соблазны чистого искусства, как и соблазны искусства тенденциозного, не властны над ним, признавшим единственную власть — власть жизни. В мир обычной жизни и обыкновенных людей входит он, не как цар с произволом творческого могущества, а как подданный, как верноподданный ее величества действительности. Он правдивее Льва Толстого, даже Сергея Аксакова, с которым его и можно только сравнивать по культу подлинной действительности и по чувству литературной правды.

Ни перед чем он не останавливается, ничего не избегает, не обходит стороной, ни к чему не поспешит предпочтительно. И он бесстрашен в изображении ужасов и бедствий, и над многими его страницами, теми, например, где описывается изгнание плода («Офицерша») или изображены уроды и неизлечимо больные («К источнику исцеления», русский «Лурд») сам Золя с завистью покачал бы головой.

И тем не менее Крюков не протоколист, не фотограф отрывочных картин, осколков и уголков обыденщины, случайно попадающих в поле его зрения. Крюков — истинный и крупный художник. С отсутствием творческой преднамеренности он умеет соединять целостность впечатления, и в каждом своем рассказе он дает не калейдоскоп мелких явлений, а художественный синтез жизни. Крюков не идейный, тем менее тенденциозный писатель, его долгая и прочная связь с журналом «Русское Богатство» нисколько его не определяет, — и все же в каждом его произведении есть идея, как есть идея в каждом даже беспретенциозном существовании. Его рассказ всякий раз цельное, замкнутое в самом себе и органическое создание, и организующим началом является в каждом его рассказе живая мысль, которая, как дух в теле, срастается с материальностью его цепкой бытовой наблюдательности.

III.

В рассказах Крюкова изображен народ и его представители казаки и крестьяне. На этом народном фоне действуют его простые герои, типичные или исключительные натуры, и редко появляются представители интеллигенции. Позади народа у Крюкова темнеет и ширится другой более глубокий фон — земля и земледельческий быт.

На почве казачества землепашец Крюкова имеет особые черты исконно-русского Микулы Селяниновича. В то время, как быт и характер великорусского пахаря искажался и мелчал от малоземелья и ненормальных отношений к помещику, на Дону, где земли достаточно, казак мало-по-мало стал истинным, наиболее типичным и чистым представителем русского земледельческого быта.

Любит Крюков изображать труд земледельца казака, тяжесть и счастье этого труда, жаркое лето, степные раздолья, напряжение страды и песни отдыха. Изображает он и трагическое мыканье тех, кто отбился от земли и быта («В родных местах», «Зыбь», «Мечты»). Изображает он и все тяжелое, что неразрывно связано с жизнью казака, его службу, проводы, станицы, во время войны. Ибо земледельческий быт есть крепкое, завершительное, но позднейшее наслоение в жизни и психике казака на-старой первичной основе степного рыцарства. Дух рубежного богатырства сохранился и ныне в многих особенностях жизни и быта донского казака, звучит и рассказывает о себе в его песне и трагической красотой исторической воли и неволи казачьей отразился в рассказах Крюкова. Горе казачки-матери («Мать») и горе казачки-жены («Казачка») нашли в Крюкове своего проникновенного певца и художника. Женский тип у Крюкова вообще глубок и привлекателен.

IV.

Кроме зоркой и проницательной наблюдательности, кроме богатой художественной памяти, Крюков обладал двумя дарами, сообщавшими его реалистической манере особую задушевность и глубину: это — лиризм и мастерство народного языка.

Чувство автора пробивается всюду в рассказах Крюкова сквозь толщу его художественного реализма, как зеленая трава и цветы сквозь слой черной почвы. Любовь к людям, к человеку является той преобладающей нотой, которая в рассказах Крюкова создает особую высоту авторского настроения. Это настроение становится еще задушевнее и глубже, когда автор касается тем родного края или рисует родной пейзаж. В последнее время, когда в публицистических статьях касался он язв наших дней, пером писателя водило чувство негодования и боли.

Объективность художника не приводила его к холодной бесстрастности, не изсушала в нем источника слез, и со страницами беззлобного юмора перемежаются у Крюкова страницы большой сердечной скорби («Мать», «Мирская сеть»).

Бесконечной привязанностью к жизни, к земле, к быту, к людям дышат рассказы Крюкова. Он любит человеческий муравейник, сборище людей, толпу, народную массу. Он любит затериваться в ней, слушать ее гул, любяще-внимательными глазами всматриваться в лица, с затаенным сочувствием наблюдать улыбки народной радости и слезы народного горя. Эти черты особенно заметны в его большом рассказе «К источнику исцеления», где он описывает свое паломничество в Саровскую пустынь.

Язык Крюкова прост, точен и естественен. Язык его персонажей из крестьянской и простой казачьей среды поражает верностью передачи народной речи. Крюков — величайший знаток просторечия и простомыслия, того народного простомыслия, которое гораздо сложней, извилистей, ярче и художественно капризнее мысли интеллигента. Точность воспроизведения народного языка у Крюкова поразительна, художественная память его в этом отношении неистощима, и многие его рассказы, такие, например, как «Товарищи», «Мечты» и особенно «Клад», суть виртуозные поэмы народных настроений, народного ума, остроумия и фантазии, выразившихся в народном слове. Такие рассказы Крюкова достойны внимания даже филолога.

V.

Жизнь в рассказах Крюкова тяжела, сера, даже скучна, а порой и страшна. Но особенность безжалостного и неподкупного реализма Крюкова в том, что его картины не оставляют в читателе впечатления безнадежной тщеты человеческого существования. Наоборот, чувство силы и великих возможностей, чувство полноты бытия и общее убеждение в какой-то нужности и величии нашей, пусть порой бедственной, жизни, — вот что внушает нам творчество Крюкова.

Весенний день на могучих, широких степях, с очень облачным небом, дождем и слякотью, но и с лучезарными улыбками солнца, с плугом на черной взрытой пашне, с усталыми, но мощными людьми и лошадьми на работе или после работы, зеленеющие всходы, впереди — лето с его трудом и отдыхом, засухой или урожаем, но, вернее, с урожаем, — вот общее впечатление от книг Крюкова.

И таково жо отношение его к людям. Тела и лица, искаженные трудом и нуждой, сердца и души, удрученные стремлением и скорбью, люди Крюкова взывают о необходимости взаимной любви, взаимопомощи и взаимопрощения. У него нет совершенно плохих людей, но много людей страждущих и несчастных. Большинство рассказов Крюкова задуманы, как трагедия, но без пятого акта, исполнены как роман, с неторопливостью и ровностью повествования, и заклю-

чают все элементы поэмы, воспевающей человеческий труд на благо, воспевающей человеческую борьбу за счастье. Люди Крюкова делают что-то общее, живут не напрасно, трудятся на всенародной ниве, требующей великих усилий. Чувствуется, что еще несколько труда, еще несколько условий, и земля и жизнь процветут. И хочется, читая Крюкова, молиться словами его Терпуга, героя рассказа «Зыбь», который, молится на своей пашне: «Господи, пошли, Господи, дождичка, Господи, Господи!»

Таков был и сам автор этих рассказов. Коренастая фигура, хмурое, часто омрачающееся лицо, простая, часто гневная и даже грубая речь и вслед затем — лучистые улыбки и смех широчайшего добродушия, ласковая шутливость любвеобилия, — добротой, но и силой веяло от него...

VI.

Не уберегла Россия двух своих величайших поэтов — Пушкина и Лермонтова. Не уберег и Дон двух даровитейших представителей казачьей мысли: Крюкова и Кумова.

Мало кто знал, что среди беженцев из Усть-Медведицкой станицы в январе 1919 г. по снегам бесконечных степных дорог, волоча санки, шел слабый здоровьем Роман Петрович Кумов. Если бы знали и сознавали, поспешили бы увезти и уберечь его вернее, чем денежную казну, в безопасном и обеспеченном месте, ибо Роман Петрович — истинная казна Донской культуры, из которой будут черпать многие поколения. В Новочеркасске, ограбленный уличными громилами, заболел Роман Петрович тифом и умер 20-го марта 1919 г.

Не достаточно сознавало Донское общество, что в его среде находится и другое светило литературы — Федор Дмитриевич Крюков. Если бы сознавали, не отравили бы его жизнь неприятностями, пристрастными нападками, неправыми подозрениями и недоброжелательством... В декабре 1919 г. и Федор Дмитриевич шел по снегам безконечных степных дорог из Ростова, и потом, потрясенный бедствиями родины, бросился он по Кубанским станицам искать свою семьи, заболел тифом и умер, ровно через год после Кумова, 20 марта 1920 г.

Долго теперь не нажить Дону таких сынов. Это были истинные атаманы духа, и слишком рано выпал из их рук нерукотворный пернач их высокой власти над умами и сердцами.

Две стихии воплотили в своем творчестве Кумов и Крюков, две дороги человеческих устремлений и достижений: Крюков был реалист, Кумов — романтик. Первый обладал поразительно острым, проницательным и пронизывающим взглядом своих зорких темно-карих глаз, глаз степного орла, второй светлоглазый, был близорук, но обладал далеким зрением мечты, чтобы видеть то, что соединяет землю и небо.

И всякий раз, как подумаешь о смерти Крюкова и Кумова, на душе становится горько, опустошенно и страшно. Дон в наше безжалостное и нерасчетливое время должен был потратиться в лице их великими ценностями. Эта потеря была бы велика и во всякое иное время. Но их уход из жизни и от дела жизни становится потерей невознаградимой и ущербом национальным в условиях нашего времени. Нужно принять во внимание, что ушли два писателя, у которых была единственная и неповторимая возможность отобразить нашу грандиозную борьбу. Только они из всех современных русских писателей могли бы схватить общий смысл и подлинно живые черты и подробности гражданской войны, только они одни способны были бы дать художественный анализ и синтез нашей Смуты, основываясь не только на непосредственных впечатлениях и наблюдениях, но и на кровной заинтересованности, на своем прямом участии в борьбе вместе со всем Донским казачеством. Между ними и всеми другими русскими писателями в этом деле такое же отношение, как между Доном и всеми другими частями России.

Федор Дмитриевич несомненно унес в могилу «Войну и Мир» нашего времени, которую он уже задумывал, он, испытавший весь трагизм и все величие этой эпопеи на своих плечах и в родных местах, там, где, как он однажди выразился, по мирным станицам и хуторам прошло тяжкое колесо истории.

С. Серапин

ПРОТОИЕРЕЙ о. ПЕТР ДЬЯКОНОВ

(К 50-летию его общественной деятельности)

13. янв. с. г. в помещении Русского Клуба в Нью Иорке состоялся Годичный Станичный Сбор Общеказ. Станицы в Нью Иорке. Повестка дня: доклад о годичной деятельности Правления, Рев. Ком. и чествование о. Петра Дьяконова по поводу его 50-летней общественной деятельности. После доклада о деятельности о. Петра Дьяконова (подробности ниже), Станичный Сбор **единогласно постановил:** именовать о. Петра Дьяконова «Почетным Стариком Общеказачьей Станицы в Нью Иорке». Затем Стан. ат. Афанасьев сделал подробный отчет о деятельности Правления Станицы за истекший год, а представитель Рев. Ком-и Малый прочитал Акт Рев. Ком-ии о финансово-хозяйственном положении Станицы. По недостаточности времени до чествования о. П. Дьяконова, Станичный Сбор постановил суждение о деятельности Правления и Акте Ревиз. Ком-ии, как и перевыборы Атамана, Правления и Рев. Ком-ии отложить сроком на о д и н месяц от сего числа.

На Сбор явилось 18 членов Станицы, но были доверенности и от неявившихся по законной причине. Председателем Сбора был избран Тетерев, Секретарем была Т. В. Кривошеина-Харламова.

***

Чествование о. П. Дьяконова началось в положенное время. Желающих чествовать было много. Помещение едва вместило явившихся (человек 100). В качестве почетных гостей были приглашены г.г. Кубанский и Терский Войсковые Атаманы, настоятель церкви ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ о Иоанн Жарский и хор. Л. Л. Масянов — уралец. На чествовании присутствовали Зам. Председателя Д. В. Круга Б. Н. Уланов, Стан. Ат. и Правление Общеказ. ст. в Нью Иорке, Стан. ат. Общеказ. ст. в Нью Джерси И. К. Ковалев, его помощн. Д. Свинарев, Стан. ат. Донской станицы им. ген. П. Н. Краснова ес. А. О. Тульцев, его Зам-ль И. С. Бондаренков, Стан. ат. Чернецовской ст. в Нью Джерси Я. И. Бузин, его пом. М. А. Дьяконов, Стан. ат. Кубанской Центр. ст. в Нью Иорке А. Я. Барамык, председатель Каз. Национ. Культ. Объединения Н. Е. Ковалев и И. И. Безуглов.

По открытии торжественного Собрания и после молитвы, Стан. ат. Афанасьев, прочитав Постановление о наименовании о. Петра Дьяконова «Почетным Стариком Общеказачьей Станицы в Нью Иорке», поднес о. Петру Дьяконову адрес, художественно исполненный художником-уральцем Масяновым. После этого Станичный Писарь В. И. Попов прочитал приветствия от организаций и отдельных лиц:

От Казачьего Союза во Франции, Донского Войскового Объединения и журнала «Родимый Край» и от Б. А. Богаевского из Парижа, Зам. Терск. В. Атамана ген. К. К. Агоева, Заокеанской ст. в Филадельфии полк. В. Черешнева, Комитета Помощи Д. П. Н. Е. Королькова, Стан. ат. Кубанск. ст. в гор. Ред Банк Г. Иниковского, Стан. ат. Донской ст. в Сан-Франциско В. Беляевского, В. Г. Глазкова за Каз. Верховн. Представительство и Терско-Кубанской ст. в Нью Джерси. От отдельн. каз. общ. деятелей и друзей:

Проф. М. М. Афанасьева из штата Монтано, Инж. Н. М. Синяпкина из Албани, Прот. о. Леонида Ладинского, Прот. о. Петра Попова, РОВА, Председ. О. К. Центра П. Д. Гульдиева, полк. С. П. Полякова, полк. Ф. И. Елисеева, семьи Матвеенко, Д. Матвеева и полк. М. Бугураева.

По оглашении приветствий, В. И. Попов, как станичник о. П. Дьяконова, дал сведения о личности и деятельности своего Станичника. Эти свидения настолько интересны, особенно для казаков, что мы приведем полностью слово В. И. Попова.

— Петр Алексеевич Дьяконов, ныне Прот. о. Петр Дьяконов, — сын дьякона А. Дьяконова, казака Арчединской станицы Усть-Медв. о. Родился он 3 янв. 1890 г. и по окончании Новочеркасской Духовн. Семинарии поступил на юридич. фак-т Варшавского ун-та, каковой он окончил в 1914 г. В том же году он записался в сословие Помощн. Присяжн. Поверенных Окр. Новочеркасской Судебн. Палаты и два года занимался адвокатурой. В сентябре 1916 г. П. А. был мобилизован и отправлен в Новочеркас. Воен. Училище. I-го июня 1917 г. окончившие Училище были произведени в прапорщики и назначены в Донские Запасн. полки. П. А. окончил Училище старшим портупей юнкером. В январе 1918 г. Приказом Войск. Ат. ген. от кав. А. М. Каледина все прапорщики были произведены в хорунжие. П. А. Дьяконов был назначен в 5-й Зап. полк, находившийся в Хут. Фроловом Кременской ст. при станции Арчеда. В это время в Армии были введены Полков. Комитеты и Суды. Как юрист, П. А.

был избран Председат. Полков. Суда. В октябре 1917 г. в Новочеркасске был Съезд представителей воинск. частей, расположенных в Донской Области: и казачьих и пехотных. П. А. был делегирован, как Представитель 5-го полка, и был избран Председателем Съезда. Последний избрал Областной Воен. Комитет из двух секций: казачьей и пехотной. Председателем Каз. секции был ген. Черячукин, а его Товарищем П. А. Поэтому он остался в Новочеркасске. Состоя в Военном Комитете, П. А. состоял и членом Комиссии по судебным (политическим) делам, учрежденной при Войсковом Штабе. Комиссия действовала до февраля 1918 г. до ухода в Степной Поход Походн. Ат. ген. П. Х. Попова.

В Ст. Манычской в то время была расквартирована сотня 10-го Дон. полка под командой сот. П. В. Ефремова и станицу большевики не занимали. Начальником гарнизона был хор. М. В. Кузнецов. Он предложил П. Ал-чу остаться в Станице и занять должность воен. следователя. П. А. согласился. По освобождении Новочеркасска были учреждены особые Народные Суды для разбора политич. дел. Такой Суд был учрежден и в Манычской ст. Председателем этого Суда был назначен П. А. Дьяконов. Членами Суда были представители станиц: Богаевской, Манычской, Ольгинской, Старочеркасской, Егорлыцкой, Кагальницкой, Мечетинской и Хомутовской. В августе 1918 г. эти Суды были упразднены и П. А. был назначен адъютантом в 1-ый Пеший полк Задонского района, составленный из казаков станиц: Егорлыцкой, Мечетинской, Кагальницкой и Хомутовской. Этот полк по своей надежности был переведен в Новочеркасск для несения гарнизонной службы. Но в нем П. А. пробыл недолго, так как войск. ст. Плетневым был приглашен занять должность его Помощника в Судном Отделении Войск. Шт.

После назначения Плетнева инспектором классов Новочеркасск. Воен. Уч., П. А. был назначен Начальником Судн. Отделения с производством в подъесаулы. Эту должность он занимал вплоть до эвакуации из Новочеркасска 24. дек. 1919 г. В начале января 1920 г. П. А. заболел тифом и его в поезде перевезли в Новороссийск, откуда вместе с другими больными офицерами он был перевезен на остр. Лемнос. По выздоровлении, он с другими офицерами и членами Круга был отправлен в Крым, в Евпаторию, где находился резерв Донской Армии. Но П. А. снова заболел брюшн. тифом, паратифом и воспалением легких. Пробыв в госпитале три месяца, 1-го ноября 1920 г. на пароходе «Добыча» с Донским госпиталем эвакуировался в Константинополь. На «Добыче» эвакуировался и Донской кадетск. корпус. Он и беженцы, а с ними и П. А. Дьяконов, были вывезены в Югославию. По прибытии в порт Бакар беженцы были распределены по разным местам Югославии. Кадет. корпус был отправлен в гор. Стрнище, а группа в 20 человек с П. А. была отправлена в летний курорт Топуско-Топлице, находившийся недалеко от гор Карловац в Хорватии.

В апреле 1921 г. П. А. уехал в Загреб и поступил там на службу на почту №2 в отд. иностран. корреспонденции. В Загребе собралась казачья молодежь, переехавшая учиться в университете. П. А. поступил в него на богословский факультет. Здесь вместе с другими студентами-казаками П. А. Дьяконов организовал Казачий Студенческий Хутор. Его атаманом был избран П. А., а писарем А. С. Дьяков, донец. Через Хутор прошло много казаков-студентов. Часть их свое высш. образ-е получила здесь, а часть уехала в Прагу. В Загребе Ал-р Порф. Косменков организовал Церковный хор, певший в Сербском Православн. Соборе, где служил митрополит. Из донцов пели: П. А. Дьяконов, его брат Ал-р, А. А. Васильев и Н. А. Ильин. В начале 1923 г. в Загреб прибыл представитель Куб. В. Ат. подъес. И. И. Кузенко с предложением хористам вступить в Куб. Войск. Хор для поездки в загр. концертн. турнэ.

Первый свой концерт Хор дал в Триесте. Хором управлял С. Г. Соколов, его помощником был С. Ф. Шелухин. Хор в Италии пробыл 9 месяцев, с триумфом проехав по всем центральным городам и по побережьям Средиземного и Адриатического морей. Хор получил от Итальянского Правительства три золот. медали. 1924 г. Хор дал концерты в Париже и других городах Франции, а затем выехал в Испанию, где пробыл 6 месяцев с наездами и в Португалию. Отсюда возвратился в Париж. В сентябре 1924 г. Хор на пароходе «Маасдам» выехал в Мексику и прибыл в порт Вера Круц 26 сент., сделав остановку на остр. Куба.

В Мексике Хор пробыл 3½ мес. и в январе 1925 г. разделился на две группы: одна под управлением С. Ф. Шелухина, а другая, в которой был П. А. Дьяконов, под управлением С. Г. Соколова. Эта группа отправилась в Центральн. Америку, а 23 окт. 1925 г. прибыла в Сев. Америку в гор. Нью Орлинс, шт. Мисисипи. Хор давал концерты по южным штатам, а в феврале 1926 г. прибыл в Чикаго, избрав его местом постоянного своего местожительства, выезжая с концертами по го-

родам Америки, а в 1927 г. на три месяца посетил Канаду.

В марте 1929 г. П. А. Хор оставил и переехал в Нью Иорк, где ему обещали хорошую работу. Но он ее не получил и поступил на работу на аэроплан. фабрику И. И Сикорского. Позже фабрика переехала в шт. Коннектикут. П. А. остался в Нью Йорке, поступив по контракту на три года на службу, как сержант, в 244 артил. полк береговой охраны при Нью-Йоркской Национальной Гвардии. Тогда же П. А. со своим товарищем по Семинарии открыли школу рус. языка и музыки для русских детей. Школа называлась «Луч» и помещалась на 7-й ул. около авеню «А» против парка в Нью Иорке. Школа существовала 5 лет.

30 марта 1935 года П. А. был посвящен в сан Иерея и уехал на приход в гор. Питтсбург, Пенсильвения, а оттуда перешел на приход Питтсфильд шт. Массачузетс, где прослужил 14 лет. Вследствие воспаления вены в ногах, он был вынужден приход оставить и в 1952 г. перехал в Асторию Нью Иорк, где проживает и в настоящее время. Как казак-священник, о. Петр Дьяконов обслуживает церковные требы безприходных казаков, навещает больных в больницах и на дому, оказывая и другие житейские услуги казакам.

**
*

В 1925 г. в Нью Иорке была организована Донская станица. Атаманом был ген. С. В. Денисов. Но она просуществовала недолго. Однако в Нью Иорке проживало много казаков и ими ощущалась потребность в организации. Поэтому возникла для ее осуществления Инициативная Уруппа. В числе инициаторов были: И. К. Ковалев, Д. Г. Матвеев, В. Д. Маслов, В. М. Дудников, П. Ф. Федоров, П. Г. Найденов, Т. Клименко, Н. Серов, Г. Желновач и др. На учредительном собрании присутствовали ген. Денисов, Коновалов и б. Стан. ат. Донской ст. П. И. Медведев. Общеказачья ст. в Нью Иорке была учреждена в 1930 г. Стан. ат-м избрали П. А. Дьяконова-донца, помощниками: И. К. Ковалева-донца, В. М. Дудникова-кубанца и писарем В. Д. Маслова-донца. Собрания Станицы происходили в своем помещении, арендованном Станицей на 7-й ул., между ав. «А» и Первым.

В 1931 году на Масленице Станица чествовала у себя Донской Казачий Хор С. А. Жарова. Это был первый приезд Донского Хора в США. В июле 1933 г. П. А. Дьяконов заболел, в августе слег в госпиталь и пробыл в нем 11 месяцев. Вместо него Станичн. ат-м был избран П. В. Федоров, но о. Петр Дьяконов состоит в Общеказ. ст. в Нью Иорке до сих пор. — Этим кончил В. И. Попов сведения о личности и жизни за известный период о. Петра Дьяконова. Сведения, которые можно бы назвать «Прохождением жизни казака Петра Алексеевича Дьяконова, ныне Протоиерея о. Петра Дьяконова».

После В. И. Попова о. Петра приветствовал Кубанск. В. Ат. в. ст. Ткачев. Он вручил о. Петру Дьяконову, как б. члену Куб. Войск. Хора, значек Куб. Войска. Отмечая полезную обществен. деятельность С. Петра Д., Кубанск. Атаман указал на известное разъединение в казачьей среде, но в этом он усматривает и отрадное явление, как признак жизни среди казаков, и выразил уверенность, что когда пробьет нужный час, Казачество, как искони, объединится вновь. Следующее слова для приветствия взял Заместит. Предс. Д. В. Круга Б. Н. Уланов. Приветствуя о. Петра Дьяконова за долгую его деятельность на благо казаков, У. отметил ее многогранность, характеризующую деятельность не только отдельного казака в лице о. П. Д., но и все Казачество в целом. «В этой многогранности — залог возрождения Казачества». Напомнив слова Кубанс. Войсков. Ат. о разъединении среди казаков, Б. Н. У. сказал: «нужно иметь в виду и понимать, что сила Казачества и реальная основа его будущего — в крепком и мощном объединении казаков и по отдельным Войскам». Напомнив присутствующим то разъединение, какое особенно чувствуется среди донцов, Б. Н. У. сказал: «пришло время, когда Донским казакам нужно во что бы то ни стало тесно объединиться в свою, Донскую, организацию, ибо только на этом пути может произойти и избрание настоящего, законного, авторитетного Донского Атамана, как исторического символа единства Донского казачества и того важного фактора, какой объединит разбросанных по всему миру Донских казаков и даст возможность им оказывать взаимную всестороннюю помощь на чужбине. Для такого единства нам, всем Донским казакам, н у ж н о преодолеть всякие различия во взглядах и политических настроениях».

После Б. Н. Уланова о. Петра Дьяконова приветствовали Станичные Атаманы Барамык, Тульцев, Бузин и Н. Е. Ковалев. Оффициальная часть чествования о. Петра Дьяконова закончилась исполнением Казачьих гимнов.

Наличие в лоне Донского казачества доброго казака Арчединской станицы Петра

Алексеевича Дьяконова, послужило в Нью Йорке 13 января 1963 года причиной на редкость мирного, радостного торжества казаков многих Войск.

По-истине «Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе».

Б. Уланов

ИГУМЕН ИОСАФ

(Из донских преданий)

В этом краю постоянно шелестели леса, скрывавшиеся в глубоких оврагах — длинных и широких, как долины, подымался вверх каменистые горы, плескались в низких берегах река — неясная и задумчивая, как вечернее небо. Людей здесь было мало и путник, случайно попадая в этот край, выносил в душе воспоминание только о безбрежно растилавшейся степи, о постоянном шелесте леса, о неясной, покрытой серебристым покровом, реке и приречных насупившихся горах.

Певцы, побывав в этом краю, потом пели на своих бандурах долгие заунывные песни, в которых дрожал от ветра придорожный звонкий ковыль, мутилась в своих водоворотах жёлтым поддонным песком серебряная речка, беспокойно, словно перед опасностью, шелестел низкий степной кустарник. И когда певец хотел поведать людям, какой народ живёт в этом краю — краю степи, леса и тихой реки, он звенел на своих струнах, то тихо и кротко, словно в том краю были не люди — вечно волнующиеся и спешащие, а тихие полевые цветы, облитые росою, — то порывисто и страстно, как гром на горах, как голубое томленье и бесконечно далёкий порыв.

I.

Звонили...

Словно кто-то бросал с низкой, тёмной, облепленной мохом колокольни что-то круглое, золотистое, шумящее, на тихую реку, безмолвно-застывшую в своих лесистых берегах, на белые горы, на степи, позолоченные последними солнечными блёстками. Бросал одно за другим из неистощимого запаса золотых мягких звуков, и те плыли — певучие, тихие, вечерние, плыли и таяли, обрамленные тишиной и неподвижностью... Неожиданно звуки сгустились и посыпались на землю часто и радостно, словно золотой дождь. Сначала зазвенели маленькие колокольчики — чистые и тонкие, как ласточки, к ним пристали средние — гибкие и красивые, вслед за ними потянулись тяжёлые, массивные удары, и вот вся толпа звуков устремилась с колокольни на маленькую вечернюю землю, устремилась весёлая, разноголосая, золотистая, как потоки весною, и тихая река, горы и лес покрылись тонкими игривыми блестками.

Эхо в заречном лесу тоже бежало и шумело над длинными одинокими озёрами.

Жизнь маленького монастыря на некоторое время сосредоточилась в церкви.

Шла всенощная, горели огоньки, пахло ладаном. Певчие пели старинным печальным напевом. Монахи, в простых бедных одеждах, с темными скуфейками на головах, занимали всю небольшую церковь...

У каждого из них протянулась длинная законченная полоса жизни. Далеко отсюда, в иных краях, прошла она, как проходит синей степью грозовая туча. Темнело небо, молнии рассекали тьму, глухо отзывалась земля... Была гроза, была бурная, страстная, волнующая жизнь! Они прожили её и потом — кто с глубоким шрамом на лице, кто с незакрывающеюся неизлечимой раной в сердце — ушли сюда на тихую реку, на степь, на волю, ушли в маленький, спрятавшийся между горами, скит и здесь затихли.

Всенощная окончилась. Уже сумерки смотрели в окно и, как свечка, засверкала на небе первая звёздочка. Монахи собирались совсем уходить из церкви, когда на амвоне неожиданно показался игумен.

Игумен был типичным казаком. В душе больше всего любил волю, степь и... этот маленький убогий скит. Говорили, что когда-то он ходил в поход на Азов и на турок и оттуда вывозил много всяких заморских диковинок. Говорили, что лют и беспощаден был он в сражениях с бусурманами: рубил поганым головы без счёта и любовался передсмертными муками своих врагов... И турки прозвали его: «Иосаф-Коршун»...

В заброшенном на берегу тихой реки монастыре он сделался игуменом. Рассказывали, что своими руками построил Иосаф-Коршун маленькую деревянную церковь. Сам съездил в далёкую Московию и вывез оттуда на редкость звонкие колокола... Он любил эти колокола. Часто — среди дня — он влезал на колокольню и тихо перезванивал. И была в этом перезвоне такая грусть — точно синий туман по окраинам степи, и всё затихало тогда в монастыре: монахи выходили из своих келеек и слушали, и давняя жизнь вставала перед ними, и глубоко щемило сердце.

Монахи любили его. Игумен никогда не допускал несправедливости. Он. был вспыльчив и строг, но скоро стихал и, как раскаяние, жалость охватывала тогда его сердце, и он прощал виновных. В нём сохранилось много черт казачьего «лыцаря». Был прям в словах, любил правду и когда кто-нибудь просил у него помощи, немедленно вставал на защиту. Старый, коренастый, он в своем скиту был игуменом тихим и добрым, любящим, перезвенивал на низкой колокольне. Но если кто ночной порой прибегал к нему с вестью, что татары шалят вблизи и уже много православных побили, он немедленно садился на коня и — впереди своих монахов — мчался туда, где творилась неправда... Бывало около монастыря проходили воровские шайки русских удальцов. Но они не трогали монастыря. Оставят далеко за стенами своих коней и оружие и кроткие, как агнцы, войдут в обитель, подадут за свои души выкуп на церковь и, как невидимки, скроются в просторной степи... Игумен всегда выходил к этим неожиданным «богомольцам», благословлял их, но ничего не говорил. И только когда молодцы уедут, над монастырем — с маленькой колокольни — долго раздавалось перезваниванье игумена — задумчивое и грустное.

Иногда, в полночь, монахи видели, как игумен выходил из своих покоев, перелезал огорожку и спускался к реке. Там всегда стояла монастырская лодка. Игумен садился в неё и, тихо покачиваясь, начинал петь... Река обмывала свои низкие берега, шурша и ласкаясь, лес молчал на том берегу, а он пел мягким старческим голосом. До монастыря доносилась мелодия песни — долгая, с переливами на концах, словно молящаяся о чём-то, И все думали в монастыре, что старик молится и тоскует...

В монастыре, на колокольне, всегда сидел караульный монах для наблюдения — не едет ли кто вблизи?

И если кто-нибудь ехал или шёл, он ударял в колокол.

Навстречу путникам всегда выходил сам игумен. Он спрашивал — зачем путник зашёл в их края? И если путник отвечал, что бежал от неправды, монастырь и игумен гостеприимно раскрывали перед ним двери. Гонимый мог — по желанию — остаться навсегда в монастыре... И далеко по донским степям шла молва о маленьком монастыре, где все гонимые могли найти приют и покой.

...Игумен стоял перед своими монахами на высоком узком амвоне. У него в руках была хартия — грубая жёлтая бумага, похожая на ткань и на кожу.

Он мял её в своих руках — возбуждённо и страстно, и сквозь сумрак можно было рассмотреть, как загораются гневом черты его старческого лица...

— Слыхали, что привёз давешний посланец из Московии? Грамоту привёз. Наказывают, чтобы мы беглых в свой монастырь не принимали. Чтобы о них в Московию доносили... Слышите? А я думаю, не бывать этому! — вдруг вспыхнули среди тьмы его глаза. — Не бывать! Здесь монастырь!.. Здесь нет людей: здесь Бог... и мы... иноки Его... Божье тут царство... Так и скажу им. Сам поеду в Московию и скажу им всем: не бывать этому!.. А пока вам вместо меня будет Иван. Слышите?

— Слышим..., — отозвались монахи.

Иван...

Когда старик пришёл на место, где стоял теперь монастырь, вместе с ним появился Иван — тщедушный мальчик, лет семнадцати, с белокурыми волосами, с большими голубыми глазами, смотревшими открыто и ясно. В его движениях — мягких и волнистых, в говоре — тихом и печальном и особенно в голубых глазах — кротких и задумчивых — отразилась родная вольная степь.

Он был сын степи... и иногда, когда Иван бродил по степи и рвал для венка маленькие степные цветы, — синенькие и розовые, — казалось, что степь украшает его небольшую белокурую головку своими маленькими ласками... Он любил степь. Иногда по целым дням пропадал он в глубоких оврагах, на дне бурного степного потока. Часто лазил по меловым горам, нависшим над рекою, и рвал тонкие серебряные бессмертники. Любил бродить по лесу, прислушиваясь к шуму деревьев и звонкому эху лесных озер. О чем он думал в свои одинокие прогулки, никто не знал. Только когда возвращался он в монастырь, легкая задумчивость застывала на лице его, и был он тогда весь — неясное стремление

в даль, словно он прислушивался к чему-то далекому... И звали его монахи все: «Иван — Полевой Цветок»...

Где была его колыбель и кто напевал над ней в детские годы материнские ласковые песни, — никто не знал. Говорили, что он сын Иосафа — Коршуна... Но старик-игумен никогда сам не рассказывал об этом, а спросить его — боялись. Но то, что Иосаф любил Ивана, любил горячо и нежно, как не любил никого в своем монастыре, было всем ясно. Жил Иван вместе с игуменом, в его небольших игуменских покоях. У него была своя маленькая келейка, украшенная сухими полевыми цветами. От этих цветов и от ладана, каждое утро курившегося перед образами, в комнате стоял приятный запах — запах степи и церкви. За окном всегда ворковали голуби, прирученные Иваном, летали галки и воробьи. Иван всем давал зерна и звал ласковыми именами.

Этот белокурый юноша, которому шел двадцать третий год, оставался в монастыре — на время отсутствия Иосафа — игуменом. Никто не возразил на приказ старого игумена — быть старшим в монастыре Ивану, потому что все любили Ивана. Да в маленьком монастыре и не чувствовалась сильно власть игумена: каждый жил, как хотел, спасая душу после бурной жизни, полной страстей и крови...

Иосаф уехал на другой день.

Когда он выехал верхом на лошади — в сопровождении одного монаха — за ворота монастыря, колокольня зазвонила тихими, печальными перезвонами.

Монастырь прощался со своим игуменом, ехавшим в далекий путь, на всякие случайности и, может быть, на смерть.

3.

Прошло шесть месяцев.

Монастырь тихо жил, окруженный лесами, горами и рекой. По утрам подымались вверх и рассыпались по воде священные звоны. Монахи сходились в церковь и, простояв службу, выходили оттуда, — сокрушенные и печальные. Дома ждала их маленькая работа — на пользу монастыря: поделки из дерева, выделка свечей, рисование икон. День за днем, как всегда... А игумена все не было.

Уже прошла осень, прошумела вьюжная зима. На дворе таяли снега, синело небо и под кустами наивно и мило прятались синие подснежники... Лед на реке прошел, и вода с каждым днем пышнела все более и более, разливаясь по лугам и лесам... А игумена все не было.

Монахи обычно загадывали под вечер: приедет ли завтра игумен? Иногда выходило, что приедет, но он все не ехал, и монастырь стоял без него грустный и сиротливый. В полдни уже не раздавалось неурочного перезванивания — тихого и несложного, и монахи не выходили из своих келий — послушать и взгрустнуть...

Больше всех тосковал Иван. В своих игуменских покоях он обычно сидел у окна, выходившего на степную дорогу и смотрел напряженно вдаль. Но степь молчала и синяя безбрежная даль скрывала за собой то, что в ту пору совершалось в далекой Московии.

Однажды, около полудня, караульный заметил в степи человека и ударил в колокол. Монастырь всполошился. Из своих игуменских покоев выбежал Иван и бросился за ворота, в степь. Сердце его чуяло, что то едет вестник от отца.

Весь в пыли, черный от солнца, посланец слез с коня и, низко поклонясь всей братии, передал Ивану послание. Тот, дрожа от волнения, развернул длинную хартию и медленно начал читать вслух:

— «Тихому Дону и людям его — мир и привет. Монастырю Преображения Господня — земной поклон. Всем православным христианам — братское целование.

Пишет Божий раб Иосаф игумен.

— Сердце тоскует по вас. Почему нет вас около меня? Почему здесь нет Ивана? В муках и скорбях — сердце мое хотело бы видеть всех вас...

— Чувствуете ли вы, что страдает ваш недостойный игумен? Что муками крепкими терзается его душа? Чувствуете ли? Тело иссечено и пробито, но это не больно. Душе больно, потому что нет кругом родного человека. Один, как перст... Господи, помоги мне!

— Приехал в Москву и слово держал в Приказе. Говорил, что Дон исстари вольный, что всяк, кто скроется на него — безопасен. И за это сильно был бит...

— Москва — вся белая и горит золотыми маковками. Утрами и вечерами, как начнет звонить, — думаешь, море гудит у Каспия. Воздух дрожит весь... А улицы узкие и дома тесные. Человеку негде разойтись. Много соборов и в них мощи святых митрополитов. Великий подвиг приняли эти угодники, всю жизнь свою живя в тесноте и шуме и Богу угождая...

— По Дону стосковался я. Птицей вольной полетел бы к вам, послушал речного плеска, степного ветра, лесного шума... Да стены

каменные вокруг меня и сторожей много... И писать не дают. Это писал украдкою.

— А думаю я: умру я здесь. Тело старое, износившееся, а побои великие. Кашель напал на меня, и болит грудь... Если умру, завещаю вам, как игумен:

Возьмите меня отсюда. На Тихий Дон увезите, под речкой похороните.

— Шлю вам последний привет. Иване, сыне мой, расти на славу Божью и человечью! Будь старшим — вместо меня. Служи усердно и кротко.

— Пишу, а солнышко заиграло в моем окошке. Редко у меня солнышко-то. И радостно стало. Вспомнилось, как на Дону у нас солнышко светит и степь курится и речка играет.

— Простите, братья мои! Поминайте вашего игумена. И осведомляйтесь, когда умру. Тогда увезите меня к себе.

Иосаф, игумен.»

... Как грустно пели колокола, приглашая всех в маленькую церковь — помолиться за страждущего в далеком краю игумена! Степь и река дальним эхом откликались на этот звон и были они — в том отклике — грустные и печальные...

Где сейчас игумен? Что с ним? Бьют ли его за защиту донской вольницы? Или, как мученик, он уже упокоился вечным сном и в смертных сновидениях сладко грезит о далеком родном крае? Кто-то будет теперь, полуденной порой, перезванивать на колокольне, несложно и тихо? И кто, в тихие ночи, будет петь над великой вольной рекой свои грустные задумчивые песни?

Монастырь покрыла ночь. Но еще ранее ее его покрыла глубокая печаль, и был он весь притихший и задумавшийся, как никогда.

4.

Прошло еще три месяца. Отцвела весна и в июньские полдни, полные могучей зреющей силы, на полях и в монастырском саду наливались хлеба и плоды. Колокол звонил в урочный час на колокольне и звук его не шел далеко в густом, мягком воздухе, пропитанном зноем и теплом.

Было тихое летнее утро. Река нежилась, как царевна, в своих пышных песчаных берегах — чистая и спокойная. Леса молчали, покрытые утренней свежестью. И степи далекие, безбрежные степи разбрасывались во все стороны, блестя жемчужною росою и прикрываясь легкою беловатою дымкою.

В церкви шла утреня, когда к воротам монастыря тихо подъехала небольшая повозка; сопровождавшие ее два человека прошли прямо в церковь и спросили, где находится игумен.

То приехал в свой родной край старый игумен Иосаф.

Приехал — мертвый, в дубовом наглухо забитом гробу.

На заре летают ласточки и поют свои звонкие песни жаворонки. А в маленьком монастыре подымаются к небу и жалобно приникают к земле похоронные, и вместе со звонами по Великому Тихому Дону расходилась весть, что из далекой Московии приехал в свой монастырь игумен Иосаф.

... Люди, прибывшие с игуменом, сообщили, что следом за ними идут на монастырь московские войска. То, чего нельзя было достичь убеждением, хотели достигнуть силою.

Тот день, в который хоронили старика Иосафа, был один из самых поэтичных дней в истории Донского Края. С утра в церкви толпился народ, пришедший со всех уголков степной стороны. По приказанию Ивана, на колокольне непрерывно звонили — протяжно и грустно, как к стоянию. Гроб был укрыт большим плетением из степных трав и цветов. К вечеру вынесли гроб из церкви и понесли в степь:

пусть с высокой горы покойный пошлет последний привет родной реке, степи, лесу...

Принесли в степь, поставили гроб на большой курган и отошли в сторону.

Потом взяли гроб и снесли опять в ограду монастыря, в вишневый садик, около алтаря. Там пропели прощальные священные песни и тихо закопали в родную землю.

5.

Дня через три к монастырю подошли войска.

Вот что говорит об этом летопись:

«В церковь, где были все монахи, слушая литургию, вбежал сторожевой послушник и испуганно закричал, что к монастырю подходят московские войска.

Среди молящихся произошел переполох. Никто не знал, что нужно делать. Но на амвон взошел игумен Иван, прозванный — Полевой Цветок, и сказал братии:

— Останемся здесь. Будем молиться!

И был его голос такой задушевный, что никто не мог противостоять ему и все остались в церкви. Войска тем временем вошли в монастырь и начальник отряда допрашивал у случайно попавшегося монастырского служки: где монахи? Тот ответил, что в церк-

би. И вот начальник отдал приказ оцепить церковь... Но в это время соседняя высокая гора, с давних пор нависшая над монастырем, тихо отделилась от остальной каменной гряды и, шурша, начала сползать вниз — на монастырь. Это заметили воины и быстро выбежали из монастыря. И потом они рассказывали, что видели, как гора медленно сползала на монастырь, постепенно хороня под собою сад, кельи и, наконец, церковь. Из церкви, сквозь открытые окна, слышалось пение. Шум от гибели церкви был громадный и когда гора, сметая все на своем пути, опустилась в реку, вода высоко поднялась в своих берегах, пенясь и ударяясь о камни. И слышно было, как уже в воде некоторое время звонили колокола и потом смолкли... Люди, видевшие это, онемели от ужаса и убежали от страшного места»...

Теперь на этом месте — река, горы, лес... Тихо-тихо... Только коршун пролетит под небом и за рекой, над озером, закукует кукушка... Кажется: здесь живет далекая историческая греза — пугливая, робкая, прекрасная, звучащая неясно на тихих бандурных струнах... Говорят, вечерами иногда можно услышать дальние подводные звоны, а в степи, недалеко от речного обрыва, можно найти странные голубые цветы, не встречающиеся в этих местах... Говорят, ночью здесь слышится пение — тихое, похоронное, печальное и, как аккомпанимент, над ним перезванивают колокола — задумчиво и грустно... Говорят, весной полая вода выбрасывает на берег человеческие кости. И будто бы когда-то в этих местах рыбаки вытащили из воды небольшой медный колокол, весь позеленевший от воды, но звонкий, как песня...

В этом месте стоит крест — деревянный, простой, без надписи; он высоко поднимается над рекою, как бы посылая ей мирный, кроткий привет.

И те, кто спят на речном дне, ласкаются этим приветом креста и сладко грезят, и синяя родная волна тихо и любовно баюкает их и напевает им колыбельную песню.

Роман Кумов

АТАКА

(Один из очерков брошюры № 3 «Лабинцы и последние дни на Кубани. 1920 г.).

Прискакал конный ординарец из штаба 2-го Кубанского корпуса от ген. Науменко с уведомлением, что красные уже подступили к станице Дмитриевской, почему приказано 2-й Кубанской казачьей дивизии занять позиции, как указано в приказе по корпусу.

Отдавать распоряжения по полкам было уже поздно ввиду такой неожиданности, почему и зацекотал на сигнальной трубе мой штаб-трубач Василий Диденко:

«Тревогу трубя-ат!... Скорей седлай коня-а!...
Оружие опра-авь!... Себя осмотри-и!...
Быстро на сборное место веди коня —
Стой, равняйсь и приказа жди-и!

Станица моментально взбудоражилась. Полки 2-й дивизии самостоятельно скакали через греблю и выстраивались в резервные колонны севернее ее. В водоворот скачек попал и штаб дивизии.

Лабинская бригада выстроена. Она имеет немного больше одной тысячи шашек. 1-й Кубанский полк уже маячил на северо-западном горизонте. 2-й Кубанский полк оставался в цепи своего сторожевого охранения.

Скачу с начальником своего штаба дивизии Ген. Штаба ген.-лейт. Арпсгофен и громко здороваюсь с 1-м и 2-м Лабинскими полками. Казаки отвечают бодро и дружно. Поздоровавшись, отъехав в сторону и повернувшись к генералу, говорю ему:

«Извините меня, Ваше Превосходительство, что я поздоровался в Вашем присутствии с полками».

«Зачем Вы извиняетесь, Федор Иванович?... Вы поступили совершенно правильно», отвечает он.

«Да, конечно... но Вы старше меня в чине... и мне неловко перед Вами», говорю я ему, 65-летнему генералу. И слышу от него ответ:

«Вы, Федор Иванович — начальник дивизии, а я у Вас — начальник штаба. Это Ваше абсолютное право и обязанность».

Его мышление мне понравилось, но... мне

тогда было 27 лет и по возрасту — я годился ему во внуки. Вот почему мне и было неловко перед ним.

**
*

Лабинская бригада стояла совершенно укрыто в небольшой ложбине, впереди гребли, через исток речки Калалы и перед небольшим перекатом местности, который скрывал от казаков все то, что находилось севернее их.

Чтобы хоть немножко выяснить — что-же происходит впереди? — оставив весь штаб дивизии возле полков — один, наметом (галопом) выскочил на бугорки переката, которые прикрывали Лабинскую бригаду, стоявшую в густой резервной колонне. Этот перекат находился шагах в ста от нас. И... каково-же было мое удивление, когда я увидел, что в каких-нибудь пятистах шагах от этого переката местности, к северо-востоку, наступали на Дмитриевскую три густых и длинных цепи красной пехоты. Между 2-й и 3-й цепями было до 2-х десятков пулеметных линеек... Вся эта масса спускалась со второго переката местности, что перед станицей Ильинской, почему и шла быстро под уклон, с уверенностью в своем победном наступлении.

Четыре их орудия, заняв позицию за их перекатом, прямою наводкою засыпали шрапнельным огнем жидкие цепи казаков, занимавших позиции на главном тракте станиц Ильинская-Дмитриевская. Расстояние между этими станицами, от центра и до центра, было 7 верст. Окраины же имели меньшее расстояние.

Мне показалось, что сокрушающий огонь красной артиллерии совершенно парализовал ружейный огонь пластунов и желтых гренадер и цепи спешенных малочисленных конных полков 2-го Кубанского и 4-го Линейного. Там обозначилось замешательство.

Конница красных, широкой рысью, с переходом на намет, по высокому плоскогорью правого берега речки Калалы спешила обогнуть Дмитриевскую с востока. Голова ее уже приближалась к околице.

4-я Кубанская казачья дивизия полк. Хоранова не была мне видна, которая, по диспозиции, должна сосредоточиться к юго-востоку от станицы, на противоположном от 2-й Кубанской дивизии берегу Калалы; и только на очень высоком кургане, южнее станицы, по шляху в станицу Кавказскую, стояло несколько человек — по диспозиции — штаб корпуса ген. Науменко. Картина предполагаемого боя видна была ему, как на ладони.

Лабинскую бригаду, сосредоточенную в ложбине, красная пехота еще не видела, как и Лабинцы еще не видели ничего — ни впереди, ни на своем правом фланге. Все это сразу определилось в моих глазах. Момент был опасный, критический. Позади Лабинцев узкая гребля, ими только что пройденная на широком аллюре. Ее бригада в 1.200 лошадей со всеми своими пулеметами и санитарными линейками не успеет перейти: первая цепь красной пехоты в пятистах шагах от нее. Раздумывать долго не приходится... Все это пронеслось в моей голове в течение нескольких секунд: бригада назад не успеет стойти...

Огорошенный всем виденным, я сорвался с переката назад, поскакал к Лабинцам и сорвал их с места командой:

«Бригада-а!... широкой рысью за мно-ой — **вперед-од!»**

Никто из казаков не знал и не видел, что было впереди. Даже и начальник штаба дивизии. Рассказывать «обстановку» было некогда и ненужно. Каждая минута была дорога.

В естественном движении души, как перед самой надежной частью — я стал перед 1-м Лабинским полком, будучи его законным командиром, лишь временно назначенным командовать дивизией. Штаб дивизии в 30 коней был между полками. Полки стояли в резервной колонне. И в таком скученном строю — Лабинская бригада, неожиданно для красных, молча появилась на перекате и, увидев красных, сразу-же, в упор, обрушилась на них.

Кучная стройная молчаливая масса казачьей конницы, 15 развивавшихся цветных значков на высоких древках-пиках, в одну линию с белыми конскими хвостами, на них 12 сотенных, 2 полковых флага и 1 штаба дивизии, показавшаяся на перекате и, не останавливаясь ни на секунду, потоком двинувшаяся вперед, ошеломила красных. Передняя, самая сильная, цепь их остановилась и «стоя» открыла по казакам сильный огонь, а потом, повернувшись кругом, стала отходить назад, к своей 2-й цепи.

Красные наступали прямо на юг. Расположение Лабинской бригады было к юго-западу от них. Поэтому, 1-й Лабинский полк, как правофланговый, своей резервной колонной невольно повернулся на 45 градусов так, что 2-й Лабинский полк оказался уступом левее и позади него. Вот почему весь огонь крас-

ных и сосредоточился на 1-м Лабинском полку.

2-я и 3-я цепь красных повернули также назад и стали отходить в полном порядке к своей исходной возвышенности, видимо и не думая сдаваться. И каких-нибудь 400-500 шагов, разделявших нас от красных, казались непроходимыми по очень топкой прошлогодней жниве Кубанского вязкого чернозема. Боязнь, что полки не дойдут до шашечного удара — щемила душу. И, как последний драгоценный резерв, бросаю в массу:

«Шашки к бою-у!... В карье-ер!... Ур-ра-а!»

И красивой белой полосой на миг сверкнули в воздухе сотни обнаженных клинков и что-то похожее «на крысиные прыжки» обозначилось в колоннах. Казаки ближе и ближе к красным... ближе и еще. Первая цепь красных, дав еще несколько залпов по казакам — «сломалась» и, к удивлению — побежала в беспорядке на утек... Это словно прибавило силы казачьим лошадям! Мы уже определенно догоняем головную цепь красных, но она, все-таки, бежит, уходит от нас. Такое сопротивление красной пехоты было еще неведомо нам.

Но вот передние из казаков 1-го Лабинского полка уже врезались в первую цепь и расстроили ее. В полной своей беспомощности она бросила винтовки на землю и подняла руки вверх. Вторая цепь красных остановилась и открыла огонь по казакам и... «по своим», сдавшимся уже. Застрекотали их, еще не успевшие уйти, пулеметы, но остановить казаков не могли и лишь усилили нажим их. 1-й Лабинский полк дошел и врезался уже и во 2-ую цепь. Сознавая полную беспомощность, остановилась и третья их цепь уже на их перекате, побросала винтовки и подняла руки вверх. Отсюда было видно, как их артиллерия и пулеметные линейки скакали вверх по прямой улице станицы Ильинской на север. Все поле кипело пленными красноармейцами и конными казаками. Бой окончен. Стало тихо кругом, словно здесь и не летала смерть лишь несколько минут тому назад.

Конница красных, с высокого бугра видя поражение своей пехоты, остановилась, постояла несколько минут и, повернув своей головой налево, шагом двинулась на восток, к станице Успенской, видимо, считая, что станица Ильинская ими потеряна.

1-й Лабинский полк подбирал своих убитых и раненых казаков, сгоняя пленных в одну группу, изолируя их от винтовок, брошенных на землю. Получилось месиво людей, пленных и победителей. Зная по опыту, что красная пехота, видя малочисленность, иль заминку казаков — иногда подхватывала с земли свои винтовки и в упор расстреливала казаков — кричу-приказываю в горячах своему штаб-трубачу Диденко «трубить сбор». И залилась сигнальная труба:

«Соберитеся, всадники ратные,
Бурею ринуться, шашкою тешиться —
Дружно мы сломим врага-а!
Слуша-айте всадники-други
Звуки призывной трубы-ы!»

В этов ремя прискакал ординарец из штаба корпуса от ген. Науменко с письменным приказанием следующего содержания:

«Ввиду критического положения 4-й Кубанской дивизии — немедленно-же прислать в резерв одну бригаду 2-й дивизии».

То было явно запоздалое приказание, посланное генералом до начала атаки Лабинцев, которой, вследствие критического положения общего фронта корпуса, он, видимо, не ожидал.

Вместо помощи бригадой казаков своей дивизии — я послал ген. Науменко дивизию пленной красной пехоты.

Полк. **Елисеев**

С.Ш.А.

А Р Е С Т Ы.

(Глава из повести «Хутор Фонтанов»).

Дни за днями шли быстро. Время уносило пережитое в прошлое, на смену принося новые и новые события. Забежной был вызван вторично в район «с докладом» и больше в Фонтанове его не видали. Куда девался, за что уволен — никто не знал и никто не пожалел. Все разрушения в хуторе, хотя и не зависели от него лично, были тесно связаны с его именем, с его усердием. Он стоял лицом к лицу с народом, доводя население до пол-

ной нищеты и голодной смерти.

Бухова вскоре после обыска арестовали, приписав ему открытый бунт против советской власти. Отправили его в районную тюрьму, куда прибыла «выездная сессия трибунала» и начала производить расправу над народом.

Ни защиты, ни расследования — привезли, значит, виновен — коротко и безапелляционно.

Сидел Бухов ровно неделю в битком набитой тюрьме, которой служила огромная лавка с подвалом купца Маслинкина. Доставлен он был под охраной, сопровождаемый личным врагом — иногородним, проживающим в хуторе — Соловенко. Последний добавил еще к доносу, указывая, что Бухов — самый опасный человек для советской власти. Этого оказалось достаточно, чтобы невинный по характеру Иван Лукич Бухов, никого не обидивший за всю жизнь, был приговорен к расстрелу.

В тюрьме было настолько тесно, что люди не имели возможности лечь даже ночью. С трудом садились на корточки, привалившись друг к другу в полном бессилии. В большинстве старики, и без того слабые, совсем выбивались из сил и многие умирали, не дождавшись ни оправдания, ни наказания. С наступлением ночи охватывал всех ужас. Каждый ждал, что его вызовут на допрос. В действительности никаких допросов не было. Выводили во двор и тут же стреляли. Однажды ночью вызвали Бухова и больше он не вернулся. Уходя, заплакал и сказал:

«Братцы! Не покиньте моих сирот!»

Но кто поможет? Тысячи обреченных ждали той же участи. Расстреливали каждую ночь.

Орешкина Ивана Никандровича держали под арестом, обвиняя его в покушении на председателя сельского совета, хотя доказательств никаких не было.

Ему в тюрьме посчастливилось. Про него забыли. При перекличке фамилию его не произносили и он, забившись в угол, шептал молитвы. Только много позже, месяцев через пять, когда пришло ходатайство из хутора об его освобождении, с трудом нашли среди огромной массы людей человека с именем Иван Орешкин. Почти вытащили волоком больного и ослабевшего и сказали:

«Уходи домой!»

Лукачев-же Степан Авдеевич не мог вынести притеснений и полного разграбления. Он решил переселиться из хутора в станицу, но не успел выехать — умер от разрыва сердца.

Обыски повергли все население в страшное уныние. Все жили в тревоге и постоянном ожидании ареста. Напуганные люди несли в сельский совет последние зерна из своего дома, предпочитая голодную смерть в своем дворе арестам и расстрелам в страшных тюрьмах.

***

Иван Никандрович Орешкин вернулся домой совсем больным, сильно кашлял и на выздоровление не было надежд. Как только разнесся слух о возвращении Орешкина, стали каждый день приходить родственники и знакомые. Одни шли навестить больного, другие узнать о своих родных, арестованных и увезенных в район, откуда возвращались немногие.

Первая пришла жена Бухова. Она желала получить хоть какую-либо весточку о своем муже. С тех пор, как его арестовали, о нем не было никаких слухов. Семья не знала, вернется ли он когда-либо домой или ушел навсегда. Горе совсем состарило Палагу Ивановну, еще так недавно бодро работавшую в своем хозяйстве.

Перешагнула порог и залилась слезами.

«Ну, расскажи, Никандрович, видал нашего или нет? — был первый вопрос исстрадавшейся женщины.

«Мы уже совсем из сил выбились», — продолжала она.

«Мамаша наша померла. Как забрали Ивана Ильича, так затосковалась, и днем плачет и ночью не спит. Да и сил не хватило. Скоро и убралася! А я теперь одна с детьми. Да тоже, наверно, не дождусь. Болею. Уж пусть бы нас всех забрали в тюрьму». Слезы беспрерывно текли из ее глаз.

В комнате наступила такая тишина, точно камнем всех придавило. Слышны были только рыдания жены Бухова.

Иван Никандрович понимал это страшное горе — утрату близкого человека, но не мог ничего утешительного сообщить. Только и сказал, что «видел, вместе сидели». Потом еще добавил:

«Помещение было холодное, сырое, кушать не давали. Люди ослабли. А выпустят или нет — не могу тебя утешить, Ивановна». И самому стало страшно, что говорит неправду.

«Как я вышел и сам не знаю, не верю!» — закончил Орешкин свои короткие сообщения,

не желая совсем убивать женщину страшным исчезновением Бухова из тюрьмы.

Пока говорили, во двор въехали гости, тесть и теща — родители жены Орешкина. Тесть — Ссянкин имел трех сыновей на отделе, а сам со старухой Тихоновной жили вдвоем. Хозяйство сократили, оставили только виноградный сад. Иногда плотничным делом что подрабатывал.

Старик распрег, накрыл попоной коня и завел под сарай, подложив в ясли сена. Неспеша подошел к своей телеге, завернул полсть с передка на сиденье, кнут подоткнул под сено, осмотрел, все ли в порядке, и вразвалку пошел в дом, с трудом поднимаясь по ступенькам. Вошел, снял папку, покрестился на иконы, поклонился хозяевам. Потом подошел ближе, поцеловался с зятем и дочерью. Мать уже была в доме и вручала дочери подарки — большой, умело испеченный хлеб, вязку бубликов, вареную курицу и бутылку водки, добавив: «это казакам», т. е. — мужчинам. Выложив все, оставила в кармане юбки красный пряник внуку, которого не было дома.

Когда уселись все за стол, тесть сделал вступление.

«Я вчера был на мельнице, — начал он, — там узнал от ваших, что ты пришел, — обратился он к зятю. Хуторцы-то все тебя сожалеют. Ни за что, говорят, человек пострадал».

Глядя на зятя, старушка сочувственно спросила:

«Чего же болеешь, Ваня?» хотя и так было видно, что от Орешкина осталась одна тень.

Немного закусили, выпили и заговорили развязнее и громче. Иван Никандрович оживился и стал смело высказывать свои мысли. Жена Бухова незаметно вышла, когда Осянкины вошли в дом.

Начал Орешкин с того, что крепко выругался.

«Ах, с-ны сыны, загубили Матушку Расею. Все разграбили, все побили. Офицеры хоть за море ушли, а наши бедные казаки мало кто ушел, а больше остались на погибель.

Председатель сельсовета в моем доме на меня кричал. Ты, говорит, контра! Да я бы тебя век не видал, забежная ты собака! Пришел обыскивать! Украл я у тебя чего? Да Бог его наказал, тут же все порожки посчитак своим затылком. А теперь, я слыхал, его тоже расстреляли. Да, меня посадили за этого губителя душ человеческих! Вот дожили! До полной погибели!» — закончил он.

Ссянкин тоже хотел кое-что сказать. «А у нас — ты знал Баликова Емельяна? — так во дворе застрелили. За хлеб. Вот террор, вот насилие над народом! Церковь, говорят, не нужна», — продолжал старик. «У соседа сын записался в комсомол. Пришел домой, говорит отцу: Бога нет! Иконы поскидал со святого угла. Тут Орешкин снова подхватил.

«Был наш народ совестливый, верующий, но его обманули. Заставили, чтобы мы сами себя били, сами себя в тюрьму сажали. Натравили одного на другого. Мы пропали и дети наши погибли! Закружились молодые головы, отцам горло рвут», — долго шумел схмелевший Иван Никандрович.

Шумели и не заметили, как вошел еще гость — ветеринарный фельдшер, Мельников Андрей Осипович. Хозяйка на минуту исчезла. Набросила шаль и матнулась куда-то. Вскоре на столе появилась еще бутылка горькой.

Старик Осянкин разрумянился, разгладил бороду, совсем белую, и с жаром высказал свои мысли о неизбежной гибели страны, гибели русского народа, особенно казаков.

«Казаки погибнут», — сказал он, но нам не будет стыдно перед будущим поколением, мы на революцию не соблазнялись. Служили нашему Государю и порядок держали в государстве. Оберегали всех: и богатых и бедных, и этих голодранцев-дураков, до которых тоже очередь дойдет и советская власть потопчет их, как мусор. Детей наших жалко. Мы их учим добру, а они по своему неразумению, по глупости и молодости поддаются и идут против старых порядков. Божье наказание», — расстроился старик до слез.

Женщины отошли в сторону от стола и тихо беседовали о домашних делах.

Мельников дождался очереди, рассказал, что дочь бывшего учителя Клочкова, кстати она доводится ему племянницей, прислала письмо матери. Мать уже за упокой молилась — больше года никаких вестей от нее не было, оказалось, что служит в «особом отделе». Конечно, мы не знаем еще, что это за учреждение, но, как видно, очень плохое. Покойный отец ее был верующий и детей приучил к вере в Бога, а дочь — вот видите — пошла на грязные дела», — сообщил, поморщившись, Мельников.

Осянкин немного остыл и переключил свои мысли на хозяйственные заботы. «Ну, Тихоновна, пора!» И как сказал, так стал торопливо собираться. «Не вдавайся, сынок, в печаль», — сказал он затю, — «слава Богу, что домой живого отпустили. Может еще поживем!»

Помолились и вышли с женой во двор. Прощаясь, старуха достала из кармана пряник и передала дочери. «Так и не дождалась внучика, передай ему мой гостинец», — сказала она, вытирая слезы фартуком.

Дочь проводила родителей и возвратилась в дом. Оставшиеся за столом продолжали беседу.

Мельников ветеринарию постиг, будучи на военной службе, в молодости. Лечил, главным образом, лошадей. Однако, в критические минуты его звали и к больным людям — в хуторе никаких докторов не было. По своей доброте он шел, давал советы, иногда приносил лекарства. В трудных случаях был бессилен.

Орешкину он посоветовал настоять на водке полынь-траву и по чарке выпивать перед едой.

«Я как услыхал, что ты больной, так и подумал прописать тебе этот рецепт», — любезно сказал фельдшер.

«Спасибо тебе, браток!» — благодарил Орешкин. — «Я думал, что и погибну в «районном приюте». Ты веришь, набили людей со всех хуторов в подвал да и держат народ в сырости».

«А тут у меня другое горе», — пожаловался Иавн Никандрович своему другу. Он рад был, что есть кому излить душу.

«Приберег было хлебец на черный день, вывез в поле, когда глянул, а его-то там и нет. Поля наши с Козиным рядом, с Иваном Власовичем. Так грешу на него». Помолчал и добавил: «Вот времена! Хлеб пропал, а сказать не могу. Они — эти Козины — все воры и лентяи. Теперь же он — активист при сельсовете. Ничего не могу сделать», — закончил Орешкин. Долго еще сидели казаки, высказывая свои соображения. Иван Никандрович, провожая гостей, добавил:

«На этом наши страдания еще не кончатся. Ты же видишь, на месте Забежного сидит молодой парень — Терентий Тырка. А еще посмотрел бы, кто погоняет этого бедного глупого Тырку?!» «Пропали!» — было последнее слово хозяина. Долго не мог заснуть Орешкин от боли в груди и от тяжелых дум.

США. **М. П. Морозова.**

«ДИКОЕ ПОЛЕ» Н. Н. ЕВСЕЕВА.

Николай Евсеев в своей поэзии сохраняет живую, органическую связь со своим родным краем — Доном и с казачеством.

Пейзажи «Дикого поля», казачья история, казачьи чувства, идеи и традиции у него на первом плане.

Поэтому и сборник его стихов «Дикое поле» в первую очередь обращен к читателям, знакомым с Доном и, так же как поэт, хранящим в своем сердце образы родного края:

Забыть ли мне поля пшеницы
И телеграфные столбы,
Левады, хутора, станицы,
Веселье пыльной молотьбы...

... Забыть ли горечь, цвет полыни,
Любимый дом в степной глуши,
Бахчи, арбузы, запах дынный,
Огромный камень у межи...

или:

Ничего почему-то не снится,
И тяжел и неблагостен сон.
Хоть во сне бы увидеть станицы,
Половодьем разлившийся Дон.

Душегубки, баркасы рыбачьи,
За починкой сетей — старика,
И услышать, как чибисы плачут,
Как вздыхает волною река.

Погулять бы во сне по простору,
В птичьем пенье услышать псалом,
И внимая пернатому хору,
Радость чувствовать в сердце своем.

В стихах Н. Евсеева подкупает их простой, естественный тон, а главное — искренность.

Он избегает пафоса, сложности, отвлеченности, всегда ясен и открыт, он беззаветно любит свой край и, конечно, вместе с ним, всю Россию, все русское:

Родиться русским и остаться,
И это счастье уберечь,
Когда бы, где бы ни скитаться —
Таким, как деды, в землю лечь.

Несмотря на большие испытания в прошлом, во время гражданской войны, и тяжесть эмигрантской жизни, Евсеев сумел сохранить свежесть чувств молодости и способность воспринимать целостно, и эта свежесть его души находит отклик у многих.

Его концепция казачьей истории, казачьей свободы, долга, его отношение к революционным событиям и к судьбе эмигранта, его постоянная память о родине порой просто трогательны, хотя поэт и не говорит ничего неожиданного.

Счастье, счастье вернуться в родные,
В ненаглядные с детства края,
На просторы когда-то степные,
Где так сладостно пахнет земля.

Пахнет пылью, полынью и мятой
И таким материнским родным...
Позабуду я боль и утраты,
Снова стану опять молодым.

Никого — ни родных, ни знакомых.
Лишь один этот ветер степной,
Но я с ним, я на родине, дома...
Здесь окончу и путь мой земной...

В сборнике «Дикое поле» (в книге 268 страниц текста) множество самых разнообразных стихотворений и было бы неправильно в короткой статье разбирать какие-нибудь взятые наугад из всех четырех отделов книги.

Зато необходимо указать на общий диапазон книги:

Первая ее часть (два отдела) посвящена сюжетам: «родной край», «война» и «историческим» стихотворениям и поэмам: О Степане Разине, об «Азовском сидении», об атамане Кондрате Булавине, перечившем самому Петру Великому, и поэма «Дикое поле», вспоминающая всю историю Донских степей, начиная с времен скифов и сарматов.

Вторая часть книги (тоже два отдела) содержит стихотворения, посвященные «любовной» и «эмигрантской» темам.

В виде общего замечания, скажу, что Н. Евсееву особенно удаются чисто-лирические темы, в его поэмах иногда слишком много исторических подробностей, имен и событий местного значения.

Поэтому два последние отдела книги («Счастье» и «Жизнь») — наиболее удались Н. Евсееву.

Он просто, с настоящим волнением касается вечной темы поэзии «о любви, о жизни, о смерти».

Процитирую одно из таких стихотворений.

Морозный день в Новочеркасске,
Орудий отдаленный гром.
А мы в какой-то зимней сказке
По тихой улице идем.

Я помню шубку меховую,
Огромной муфты серый цвет,
Тебя, такую молодую,
Твое цветенье в двадцать лет.

Мы посмотрели друг на друга,
И стала ты моей судьбой,
Очарованьем, вечным другом,
Чудесной радостью земной.

Почти полвека радость длится...
О, как была ты хороша...
Новочеркасск в снегах мне снится,
И вновь взволнована душа.

В некоторых стихотворениях последнего отдела появляется тема увяданья, мысль об уходящем, но смерть Н. Евсеев принимает с примиренностью, а не с протестом, как естественный конец жизни.

В смысле стилистики, поэзия Н. Евсеева не стремится ни к каким формальным новшествам.

Он довольствуется классическими размерами, а в смысле рифмовки — иногда даже приблизительной рифмой.

Но искренность его, простота и, порой, какая-то подкупающая человеческая теплота поднимают тон многих его стихотворений, фонетически, стих его всегда певуч и музыкален.

Ю. Терапиано.
(«Русская Мысль»).

Париж.

СТАНИЧНЫЙ СБОР

Донской Центральной им. ген. П. Н. Краснова станицы в Нью-Йорке.

20 января в казачьей комнате «Русского Клуба», 51 Ист 121 ул., состоялся годовой, отчетный, **Станичный сбор** Донской Центральной им. ген. П. Н. Краснова станицы в Нью Йорке. Станичный атаман, есаул А. И. Тульцев открыл сбор в 3 часа 15 мин. дня. Присутствовали 15 членов станицы лично и 14 человек прислали свои доверенности.

Перед избранием председателя, станичный атаман А. И. Тульцев дал сбору отчет о своей деятельности на посту атамана за истекший срок. Затем, кассир станицы, Н. Д. Гончаров дал отчет о состоянии кассы станицы. Председатель ревизионной комиссии, А. Ф. Крамаровский доложил о проверке приходо-расходной книги и квитанционной книжки станицы и сообщил сбору заключения ревизионной комиссии.

Выслушав отчеты атамана станицы — А. И. Тульцева, кассира — Н. Д. Гончарова и предс. ревиз. комиссии — А. Ф. Крамаровского, станичный сбор вынес приговор: принять к сведению все три отчета.

В члены станицы приняты казаки: Б. Н. Уланов, Эрдне Б. Уланов и П. И. Медведев (Бейрутский).

Затем приступили, согласно устава станицы, к перевыборам: атамана станицы, кассира, станичного писаря, правления станицы и ревизионной комиссии. Председателем станичного сбора был избран П. И. Медведев и секретарем — А. Ф. Крамаровский. Закрытой баллотировкой большинством голосов атаманом станицы избран И. С. Бондаренков. На пост казначея станицы была единогласно избрана казачка Е. А. Чериченкова и станичным писарем — Уланов Эрдне. Заместителем атамана единогласно избран В. М. Петрус. В состав правления станицы, в дополнение к ныне указанным должностным лицам станицы, единогласно был избран Бадьма Наранович Уланов. В ревизионную комиссию станицы избраны: А. Ф. Крамаровский, Ю. Л. Пригодина и Г. Рабичев.

На этом закончилась официальная часть сбора и б. атаман станицы А. И. Тульцев первый поздравил нового атамана И. С. Бондаренкова с избранием его атаманом станицы и пожелал ему здоровья и успеха в делах станицы на пользу родного Дона и всего казачества.

Наконец, сбор рассмотрел текущие дела станицы и вынес пожелания избранному атаману И. С. Бондаренкову: 1) В самом непродолжительном времени обсудить с правлением станицы вопрос о праздновании «Дня скорби»; 2) Продолжать переговоры, начатые б. атаманом станицы А. И. Тульцевым, со станичными атаманами о собрании их для обсуждения вопроса о выборах Донского атамана; и 3) Продолжать работу культурно-просветительного отдела станицы, устраивая периодически доклады по различным вопросам.

Перед закрытием станичного сбора, избранный атаман станицы И. С. Бондаренков поблагодарил станичный сбор за избрание его атаманом станицы и заверил всех донских казаков, что будет работать на этом посту в полном единстве и согласии с правлением станицы и ревизионной комиссией на благо всего казачества.

После этого председатель станичного сбора П. И. Медведев закрыл сбор, а атаман станицы И. С. Бондаренков предложил всем участникам сбора пожаловать на станичную трапезу. Все остались и провели время «за чаркой вина» в дружеской беседе и пении казачьих песен.

А. Крамаровский,
Секретарь станичного сбора.

ОБРАЩЕНИЕ К ДОНСКИМ КАЗАКАМ

20 января с. г. я был избран Станичным Сбором на пост Атамана Донской Центральной им. ген. П. Н. Краснова станицы в Нью Йорке. В виду тяжелого времени, переживаемого всем человечеством, я осмеливаюсь напомнить Вам, родные Донские казаки, наш казачий лозунг: **«В единении сила!»** Поэтому всем нам нужно стремиться к объединению. Донская Центр. им. ген. П. Н. Краснова станица в Нью Йорке в моем лице приглашает всех **Донских казаков**, независимо от различных взглядов и мнений по различным во-

просам, отбросив всякие личные счеты перед лицом надвигающейся опасности, записаться для объединения в Дон. Ц. им. ген. П. Н. Краснова станицу в Нью Йорке для борьбы с общим врагом всего человечества — коммунизмом, а также, чтобы общими усилиями изжить нам позорное для **Донских казаков** «двуатаманство» и избрать достойного и всеми уважаемого **Донского Атамана**.

Атаман Дон. Центр. им. ген. П. Н. Краснова станицы в Нью Йорке И. С. Бондаренков.

СООБЩЕНИЕ

Музеем «Белого Движения» Союза Первопоходников сдана в печать книга «Воспоминания ген. А. П. Богаевского», последнего Донского Атамана, выбранного на Донской земле, описывающая начало борьбы с большевиками на юге России. Книга будет издана на хорошей бумаге с многочисленными редкими фотографиями. Тираж ее ограничен.

Эти «Воспоминания», состоящие из двух частей: «Поездка с фронта на Дон», и «Ледяной Поход», написанные многолетним Белым Вождем и Донским Войсковым Атаманом, выдающимся офицером Ген. Штаба, несомненно представляют собой ценнейший вклад в историю гражданской войны.

Принимается предварительная подписка у:

Mr. P. Alexeeff — 37-20, 64 Street. Woodside 77. N.Y. USA.

Mr. B. Bogaevsky — 52 av. Flachat, Asnières. (Seine). France.

Mr. E. Polansky — 1279, 11 ave. San Francisco Calif. U.S.A.

Стоимость предварительной подписки (с пересылкой): Европа и Южная Америка: 2 долл. или 10 фр. Австралия: 1 австр. фунт или 2,20 долл. США и Канада: 2,50 долл.

После выхода книги продажная стоимость ее будет дороже.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Правление Донской Центральной имени ген. П. Н. Краснова Станицы в Нью-Йорке 17 февр. 1963 г. обсуждало сообщение г. Л. Попова в журнале «Родимый Край» в Париже за № 43, на стр. 36, о деятельности казака **Кумылженской** станицы Хоп. окр. ВВД А. Ф. Крамаровского.

По обсуждении указанного сообщения, Правление в полном составе приняло следующую РЕЗОЛЮЦИЮ:

Правление Д. Ц. им. ген. П. Н. Краснова Станицы в Нью-Йорке весьма сожалеет, что г. Редактор «Родим. Края» был введен г. Л. Поповым в заблуждение, т. к. его сообщение совершенно не отвечает действительности и содержит ряд абсолютно незаслуженных и несправедливых сведений о деятельности Станичника Крамаровского.

«Протест», о котором пишет г. Л. Попов, заключался в том, что он пытался устроить скандал и сорвать собрание казаков в Фарминдэйле, за что был выведен из зала собрания. Точно так же г. Л. П. «выступил» и в Нью-Йорке, что вызвало справедливое возмущение у всего сорания. Поэтому личина защитника достоинства и интересов Казачества, которую г. Л. Попов принимает на себя, ему не приличествует.

Правление Д. Ц. им. ген. П. Н. Краснова Станицы может засвидетельствовать лишь полезную для Казачества деятельность А Ф. Крамаровского и полагает, что сообщение такого рода, какое делают г. Л. Попов в «Род. Кр.» или его единомышленики в журнале «Казачья Жизнь» в Париже, никак не могут содействовать единению Казачества и, в частности, ликвидировать то печальное разъединение, какое особенно наблюдается в рядах Донских казаков.

В настоящее время А. Ф. Крамаровский

избран Донской Центральн. имени ген. П. Н. Краснова Станицей в Нью-Йорке членом Ревиз. Комиссии.

Просить г. Редактора «Родим. Края» на стоящую Резолюцию опубликовать на страницах своего журнала в следующем номере. За Правление Д. Ц. им. ген. П. Н. Краснова Станицы в Нью-Йорке

Атаман И. Бондаренков

***

Отец Т. Соин просит исправить исторические неточности на стр. 17 № 42 «Род. Края» («Лиенцкая трагедия казаков в 1945 г.»).

«На стр. 17ой написано: «В пятницу 1 июня... началось богослужение, возглавляемое протоиереем Анатолием Батенко, с участием 12 священников и двух дьяконов». Фактически возглавлял богослужение протоиерей Владимир Назаров, академик, а о. Анатолий в то время не был протоиереем. Когда вся толпа молящихся через поваленный забор вышла в поле и снова была окружена танкетками, там он вел переговоры на франц языке с каким то появившимся военным (См. «Сборник» № 3 ген. Науменко, стр. 13 и 14). Священников было более 20, а диаконов было действительно два, а третий был протодиакон Василий Тишко, спасший, ныне покойную, мою матушку сбитую с ног колыхнувшейся толпой и ухватившуюся руками за ногу о. протодиакона, поспешно потреблявшего из чаши Святые Дары, чтобы их не разлить». (См. «Сборник» ген. Науменко № 6 стр. 5).

***

Ес. Фетисов и сотн. Чекалов пишут: «В журн. «Казачья Жизнь» № 117 стр. 24 Ленивов, Алекс. Конст., из Мюнхена, просит читателей исправить: вместо «Сотник А. К. Ленивов адъютант Поход. Атамана Каз. Войск... следует читать: сотник А. К. Ленивов, адъютант **Штаба** Поход. Атамана Каз. Войск...». Это не соответствует действительности, ибо документально известно, что он никогда адъютантом Штаба или Поход. Атамана Каз. Стана не был, и таковым быть не мог, так как он вообще не офицер и в Штабе Поход. Атамана Каз. Стана не служил.

В свое время после Крымской эвакуации А. К. Ленивов был короткое время в Атаманском Военном Училище, но его не окончил и в апр. 1921 г. уехал с о-ва Лемноса в Константинополь с возвращенцами в Сов. Союз. Потом во Франции работал шофером, за что, как известно, в офицеры не производили.

В конце янв. 1945 г. А. К. Ленивов приехал с ген. Бородиным в резерв Казачьего Стана в Амаро в роли вестового. Ген. Бородин через месяц уехал из Стана, а А. К. Ленивов остался в роли ординарца при полк. Протопопове, бывшем Нач. Школы офицерской переподготовки, а с начала мая комендантом Штаба Каз. Стана.

В каждом № журнала «Казачья Жизнь» А. К. Ленивов шельмует инакомыслящих казаков с двойными фамилиями, сам же одновременно имеет 7: Ленивов - Забазнов - Чернорудый - Туголуков - Шмидт - Коркишко и Скиба. Авантюристические наклонности г-на Ленивова принуждают сомневаться в правдивости его «сочинений», а было бы интереснее, если бы он рассказал казакам, как он ревностно комендантствовал в сов. концлагерях Сибири с 1945 г. по 1958 г. Ес. Фетисов (быв. адъютант Коменданта Штаба Каз. Стана) и сотн. К. Чекалов (быв. Нач. Комендантской команды Каз. Стана).

***

О смерти Войскового Атамана Оренбургского Каз. Войска ген. лейт. Александра Ильича Дутова — А. Смородин (Бельгия) пишет:

«В журнале «Род. Край» № 21 помещена статья «Набат» проф. В. А. Чехова, в которой говорится о смерти атамана А. И. Дутова. В ней проф. Чехов пишет: «В феврале 1920 года обманом, предательски, он вместе с двумя верными казаками был заманен в засаду и убит». Это не соответствует действительности.

При переходе Китайской границы через Тяньшанский перевал, группа казачьих частей, после сдачи оружия, расположилась лагерем близ китайского городка Суйдин, а атаман Дутов снял в этом городке квартиру-дом у муллы, где и поселился, оставив при себе вахмистра Лопатина и казака Маслова. Город Суйдин находится в 45 верстах от Русско-Китайской границы и на таком же расстоянии от китайского города Кульджи.

Уездный комиссар города Джаркента, переименованого из бывшей казачьей станицы, Чанышев вошел в доверие к Атаману, сообщая ему сведения о большевиках. Прикидывался ярым белым и ненавистником большевизма, что и послужило поводом к его беспрепятственному въезду во двор атаманской квартиры.

Бывший при отряде архимандрит Иоча

предупреждал Атамана остерегаться Чанышева, но он уже не один раз принимал его в своем доме, видимо не допуская мысли, что Чанышев пойдет на преступление заграницей.

В день убийства 19 февраля 1921 г., близких к Атаману лиц ввело в заблуждение его распоряжение приготовить при отряде обед, так как он ожидал к себе Семиреченского Атамана с лицами, его окружавшими.

Поэтому никто не обратил внимания, когда вечером увидели во дворе атаманского дома запряженных в ходок лошадей. В 8 ч. 30 м. вечера была поднята тревога: Атаман и двое бывших при нем казаков подверглись нападению и были ранены. Атаман был в полном сознании и сказал, что его и казаков Лопатина и Маслова ранил Чанышев, которого почти все приближенные Атамана знали. Из Кульджи был вызван врач, но Атаман и раненые казаки уже умерли.

Чанышев стрелял отравленными пулями.

Атаман и казаки похоронены в одной могиле в лагере расположения отряда. Отпевание совершал архимандрит Иона, а после него на могиле убитых за упокой молился мулла вместе с многочисленными магометанами, почитателями Атамана.

***

Е. Е. Ковалев пишет:

В статье «Новочеркасское казачье училище» (№ 36 «Р. Кр.») г. Падалкин допустил большое количество ошибок и неточностей. Укажу на главнейшие:

1) Он пишет: «При Наказном Атамане ген. Плеве в Военном Министерстве и т. д..

Наказного Атамана Плеве на Дону не было. Павел Адамович Плеве, в чине ген. шт. ген.-майора, был Начальником Войскового Штаба во время атаманства, если не ошибаюсь, ген.-лейтенанта К. Кл. Максимовича.

2) Говоря о разоружении пехотных полков на Хутунке, он цитирует «Очерки Русской смуты» ген. Деникина, который писал: «Атаман Каледин, желая разоружить стоявшие в Новочеркасске два большевистских полка, кроме юнкеров и конвойной сотни, не нашел послушных себе донских частей». А от себя добавляет: «У Троицкой церкви действительно в это время «на всякий случай» стояла Донская офицерская батарея и офицерская рота «Алексеевской организации».

Никакой Донской офицерской батареи в то время не существовало. То были орудия одной из батарей Донского запасного артил. дивизиона, равно как и во взятии г. Ростова принимала участие сводная батарея Запасного дивизиона под командой В. Ст. Шульгина. По этому поводу К. Каклюгин пишет в «Донской Летописи» № 2, стр. 149, следующее:

«20-го ноября ген. Каледин разоружил 272-й пех. полк с помощью юнкеров, взвода артил. казачьего дивизиона, 38-й запасной сотни и небольшой офицерской части начавшей организовываться Добр. Армии».

3) Утверждение г. Падалкина, что «Согласно постановления Дон. Войск. Круга Калединского периода, Походный Атаман и Начальник Донской Артиллерии назначались Войск. Атаманом, но утверждались В. Кругом», тоже неправильно. О Походном Атамане в то время не было речи, ибо был еще мир, хотя и худой. По этому поводу, в «Донской Летописи» № 2, Каклюгин пишет:

— «Военная комиссия внесла свой законопроэкт: «Положение о военной службе казаков». Оно было дополнено следующими пунктами: п. 5. Начальник Артиллерии и Начальник Войск. Штаба избираются Войсковым Кругом. Заканчивая сессию, В. Круг произвел выборы: 1) Войск. Атамана, 2) Помощника Войск. Атамана, 3) Членов Правительства, 4) Начальника Штаба и 5) Начальника Артиллерии«. Но перечисляя избранных лиц, он делает ошибку и указывает Начальником Артиллерии ген. Горелова, тогда как первым и единственным Начальником Артиллерии, избранным В. Кругом, был ген.-майор Иван Петрович Астахов. Ген.-лейтенант Горелов был назначен Начальником Артиллерии Атаманом Красновым, когда после Степного Похода ген. Астахов вышел в отставку.

***

Ген. Голубинцев в своей книге «Русская Вандея», рассказывая о своем возвращении, после ранения, на фронт в 14-ю кон. бригаду, которой он командовал, пишет: «Вскоре я разыскал бригаду в районе к северу от сл. Скасырской. Но в каком состоянии! Оставил я бригаду два месяца тому назад в полном порядке, с боевым составом в 3000 сабель, а теперь нашел ее в составе около 300 сабель. Как чужую бригаду, 2-й корпус использовал ее, как говорится, «и в хвост и в гриву», без отдыха мотая, пока она не дошла до такого состояния» (стр. 135).

Здесь уважаемый и доблестный генерал явно поддался чувству и отошел от принципа «быть строго объективным и безпристрастным», как он указал в предисловии. В течение двух месяцев он отсутствовал и, сле-

достаточно, не мог знать всего, что произошло за это время.

Его бригада появилась во 2-м корпусе в половине сентября 1919 г., когда Буденный, разбив группу ген. Савельева, овладел стан. Казанской. Для противодействия ему, в районе г. Богучара Донское командование сосредоточило сильную конную группу. Из 3-го корпуса подошли: 7-я кон. бригада ген. Старикова и сводный полк из 7-ми сотен при 10-ти пулеметах под командой полк. Фарафонова. Из 2-го корпуса 4-я, 5-я и 6-я кон. бригады. Тогда же вероятно подошла из 1-го корпуса и 14-я кон. бригада, т. к. вскоре после этого до меня дошли слухи о появлении какой-то новой бригады во 2-м корпусе. Но если бригада ген. Голубинцева, как он пишет, «оказалась в зятьях» и с этого момента ее стали гонять «и в хвост и в гриву», то основным бригадам 2-го корпуса попадало «и в хвост и в гриву» и до этого и после этого.

До этого они вели в течение двух месяцев непрерывные упорные бои с наступавшей 9-й Сов. Армией из ударной группы Шорина, разгромив ее на Хопре и захватив 15 тысяч пленных, 11 орудий и 70 пулеметов, а затем, после ухода конницы Буденного из Казанской на север к Таловой, в надежде перехватить корпус ген. Мамантова, немедленно перешли в наступление и двинулись в рейд по тылам 9-й Армии под личной командой Командира 2-го корпуса ген. Коновалова. Было много славных дел, но все крупные бои, в том числе первый бой с подошедшей конницей Думенко в конце рейда, вели основные бригады. Потом был второй рейд по тылам красных под командой ген. Позднышева, новые упорные бои с конницей Думенко и, наконец, общий отход. Измоталась не одна 14-я кон. бригада, измотались все, но уж так всегда кажется человеку после тяжелой работы, что ему было тяжелее, чем его соседу.

Если численный состав 14-й бригады сильно упал, то вероятно потому, что, оторванная от своего округа, она не получала пополнений, в то время как в другие бригады из хоперцев и верхне-донцов вливались при отходе казаки этих округов».

**
*

Г. К. Рудаков, из Брюсселя, просит напечатать в «Род. Крае» его протест против недобросовестного использования редакцией журнала «Казачьего Единства», в № 55, 1961 года, его имени под статьей о «Ермаке», в которой **за его подписью** помещены ругательные слова какого-то «черезчур культурного писаки». Таких слов в его, Рудакова, статье не было. Протест послан Г. К. Рудаковым и в редакцию «Каз. Единства».

**
*

Полк. А. М. Протопопов просит внести следующие поправки и дополнения к книге ген. Голубинцева «Русская Вандея»:

Автор в своей книге прекрасно описал рейд 4-го Донского кон. корпуса на Москву в 1919 г. с мелчайшими подробностями, указывая маршрут, бои, села, ночлег и дневки корпуса. Но мне, непосредственному участнику рейда, непонятно лишь одно: ген. Голубинцев, перечислив все мелочи рейда, не знает даже состава 4-го Дон. кон. корпуса. Кроме того, будучи сам кавалеристом, он пополнил предназначающуюся в тыл красных конную группу ген. Мамантова пехотой, — вероятно для полного неуспеха рейда?

На стр. 109 ген. Голубинцев пишет: «Состав группы, принимавшей участие в рейде, был следующий: 12-я Дон. кон. дивизия, 13-я Дон. кон. дивизия и Сводная Дон. кон. дивизия, кроме того, для поддержки был придан еще пеший казачий отряд около 3000 шт». Это не отвечает действительности! 4-й Дон. кон. корпус ген. Мамантова к началу рейда состоял из 9-й Дон. кон. дивизии под коман. ген. Секретева, 10-й Дон. кон. див. под коман. ген. Толкушкина и 12-й Отд. Дон. кон. бригады под комэн. ген. Рубашкина, числен. весь корпус около 7000 шашек. Пехота и обозы образовались во время рейда. После взятия городов Тамбова, Козлова, Раненбурга и др. при корпусе невольно образовался обоз, но не для воен. добычи, как пишет автор, а для подвоза боеприпасов, питания, как равно и перевоза за корпусом его раненых. Кроме того, из офицеров царской армии перебежчиков не казаков был сформирован пехотный полк числен. около 1000 чел. Эту пехоту явилась необходимость посадить на подводы и она являлась прикрытием обоза с ранеными.

На стр. 112 автор пишет: «Мамантовым была объявлена мобилизация населения». Тоже неверно: ген. Мамантов принимал в свои ряды только добровольцев.

На стр. 118 автор пишет: «О реквизиции и замене лошадей у населения». Тоже неверно. Ген. Голубинцеву должно быть известно еще по войне 1914 г., что кто из казаков заменил донского коня на обывательского, тот впоследствии ходил пешком, а потому казаки в рейде коней не меняли, а если у кого убили коня, то полк покупал, щедро расплачиваясь царскими деньгами, захваченными в поезде Троцкого, который он бросил, а сам едва удрал от казаков! В этом поезде кроме денег было много касс с различными ценно-

стями, изъятыми большевиками из церквей и монастырей. По выходе из рейда все означенные ценности были переданы ген. Мамантовым в Новочеркасске в распоряжение Дон. архиепископа Митрофания, с согласия Дон. Атамана и Правительства.

На стр. 119 ген. Голубинцев пишет: «У многих, естественно, может явиться вопрос: почему Мамантов, заняв г. Елец, повернул назад, а не продолжал движение далее на Тулу и Москву, как предполагалось, если судить по речи ген. Мамантова к казакам при отправлении в рейд, в которой он поздравил казаков с походом на Москву, тем более, что по внешним признакам обстановка, как будто бы, благоприятствовала этому. Видя создавшуюся обстановку, растерянность, страшную панику и развал красных, ген. Мамантов под Раненбургом еще раз поздравил казаков с походом на Москву. Восторгу не было конца! С боями 4-й корпус прошел свыше 600 верст, до Москвы оставалось около 180 верст. Несмотря на все попытки Троцкого как-то организовать сопротивление 4-му Дон. корпусу, наша группа неудержимо катилась вперед на север, наводя страх и панику, разгоняя и уничтожая все на своем пути. Разгром красных был полным! На подходах к г. Туле сдалась целиком красная Тульская дивизия. Оборона Тулы, в составе около 6.000 бойцов, и чины дивизии изъявили желание совместно с казаками сражаться против большевиков. Всем казалось, что победа близка! В этот исторический момент в штаб ген. Мамантова прилетел аэроплан из штаба ген. Деникина, в котором находился воен. летчик поручик Баранов, последний вручил ген. Мамантову приказ ген. Деникина о прекращении движения вперед и немедленном возвращении из рейда назад. Ознакомившись с приказом, ген. Мамантов написал донесение главкому, что он не встречает со стороны красных сопротивления, Москвой овладеть легко, ввиду растерянности красного командования, панике и развала красной армии, так как население и красноармейцы относятся сочувственно, переходят на сторону казаков целыми дивизиями. А потому считает целесообразным обезглавить красных взятием Москвы! Однако на второй день снова прилетел летчик с новым приказом ген. Деникина, в котором предлагалось немедленно вернуться из рейда, в противном случае и сам ген. Мамантов и весь комсостав 4-го Дон. корпуса будет объявлен воен. преступниками и предан военно-полевому суду. Собрав старший командный состав корпуса, ген. Мамантов прочел приказ ген. Деникина и заявил: «Ген. Деникин, видимо, испугался, что я вырву у него первенство занятия Москвы. Уму непостижимо такое требование главнокомандующего, тем паче, что красные не в состоянии остановить движение нашего корпуса перед Москвой. Вы, господа офицеры, знаете, что я солдат, а потому обязан без всяких колебаний подчиниться приказу старшего начальника, но вместе с тем освободительное белое дело считаю проигранным!» После чего был отдан приказ об отходе корпуса на юг, для соединения с Дон. армией. 4-й Дон. Кон. корпус вернулся из рейда, имея в своем составе свыше 15.000 бойцов. К сожалению, нас вернули из рейда и погубили Белое дело!

***

От Правления станицы им. Поход. Атамана С. Павлова в Патерсоне: — «Казаки и казачки нашей станицы совместно с Обще-Каз. станицей г. Патерсона во главе с атаманом ее А. П. Поповым и др. казаками отметили День Каз. Скорби 10 февраля в Св. Покровском кафедр. соборе. После литургии епископ Киприян в сослужении духовенства и митрополичьего хора Н. П. Афонского служил молебен о здравии и спасении казаков, казачек и казачат с «многолетием», а после была отслужена панихида. В этот день собравшиеся дружно молились, вне зависимости от их политических воззрений, за умерших, за тех, кто положил живот свой в бою на поле брани, за казачий курень, за веру Христову, Родину, закон и вольность. Епископ Киприян в своей проповеди сказал об историческом значении этого дня для всех казаков.

После богослужения, в Польском Клубе состоялся доклад «Значение дня Казачьей Скорби». Инж. П. И. Медведев и Н. Н. Каледин сделали краткие и ясные доклады. А. Ф. Попов в небольшом добавлении предложил всем казакам оставить все ссоры, споры, остерегаться клеветников и призывал объединяться в хутора и станицы. В том же направлении говорил и А. И. Третьяков, призывая казаков вне зависимости от их политических убеждений держаться Основ. Законов В. В. Д., объединяться в станицы и приложить все старания к тому, чтобы собрать Круг и выбрать Донского Атамана на место умершего ген. П. Х. Попова, и держаться одной каз. семьей. Можно полагать, что наши каз. общественные деятели с достаточной серьезностью и обдуманно отнесутся к этому делу, а не ограничатся одними выступлениями на страницах «Нов. Русского Слова». Станичники Матешов и Земленицын также высказались в этом направлении.

***

Казаки-джигиты в Швеции летом 1962 г.: Н. Юрков (Д. В.), В. Семенков (Д. В.), А. Семенков (Д. В.), М. Семенков (Д. В.), М. Жданов (К. В.), П. Гуреев (Д. В.), Т. Руссаков (Донск. Войска).

● В январе в Париже состоялись два концерта Жаровского хора, как всегда прошедшие при переполненных залах.

● 16 февраля в Париже в залах мерии 15 арронд. состоялся традиционный благотворительный бал Каз. Союза.

● Исполнилось 50-летие производства в офицеры ген.-майора О. И. Лебедева, Куб. Каз. Войска. Сердечные поздравления от редакции «Род. Края».

● В декабре 1962 г. тяжело заболел председатель Содружества Лиенца в Париже полк. Г. В. Иноземцев, Куб. Каз. Войска. В данное время наступило значительное улучшение и полк. Иноземцев находится на излечении в санатории во франц. провинции. Редакция «Род. Края» шлет свои пожелания быстрейшего выздоровления.

● «День Казачьей Скорби» был отмечен казачьими организациями Парижского района 24 февраля торжественным богослужением в Кафедральном Соборе на рю Дарю.

● В феврале тяжело заболел председатель Дон. Войск. Объединения и член редакц. Коллегии «Род. Края» В. Н. Романов. Просьба всю переписку по делам журнала направлять в адрес Б. Богаевского. Редакция «Род. Края» шлет В. Н-чу свои пожелания быстрейшего выздоровления.

● На могиле покойного Дон. Атамана ген. П. Х. Попова состоялось открытие и освящение памятника.

● Новинки книжного рынка:

Н. Н. Евсеев: «Дикое Поле» — стихи — выписывать у автора (13 фр.): Evseeff. 18, av. Jean-Jaurès. Gagny (S.-et-O.). France.

Ген. Науменко: «Кубанский Истор. и Литературн. Сборник» № 16, выписывать у автора: Naumenko. POBox 323. Blanvelt. N. Y. U.S.A.

В. Науменко: «Великое Предательство» (о выдаче казаков в Лиенце и др. местах).

Полк. Елисеев: «Лабинцы и последние дни на Кубани» № 3. Выписывать у автора: Elysseev. 502 W. 177 Str. Apt . 1c. New-York 33 N. Y. U.S.A.

РОЗЫСКИ

Розыскивается **Аникеев** Яков Никифорович. Рожд. 1895 г. стан. Еланской, хутора Дубровского. С 1924 по 1945 г. проживал в Париже. Розыскивает брат. Писать в редакцию «Род. Края».

Мать розыскивает сына Ивана Севостьяновича **Маркина**, служившего в Ермаковском полку. Писать по адресу: Tormassine. 13, rue Planche-Cément, Troyes (Aube). France.

ПАМЯТИ П. А. ЛОБОВА

28 ноября 1962 г. на 73-м году жизни в Нью Йорке скончался донской казак Митякинской станицы Донецкого окр. инженер Петр Андреевич Лобов. Специальное образование получил в Англии. На родине был членом Совета горно-промышленников Донецкого бассейна, директором Электрической компании Донецкого бассейна, директором Юго-Восточного промышленного банка.

П. А. Лобов был представителем знаменитой на Дону, как ныне выражаются, «Лобовской династии». Отец покойного, Андрей Лобов, как и знаменитый на Дону Ельпидифор Парамонов, был самородком, создателем «Лобовских» предприятий, собиравшимся электрифицировать Юг России. Для этого все было подготовлено, помешала большевицкая революция.

А. Лобов и Е. Парамонов были казачьими «Рокфеллерами, Фордами, Батями». А. Лобов и Е. Парамонов были урядниками Войска Донского, но выдвинулись в первые ряды промышленного и финансового мира России.

При коммунистах покойному Петру Андреевичу пришлось особенно тяжело. С юношеских лет он был помощником своего отца, и ему трудно было приспособиться к обычной эмигрантской жизни. Он пытался по суду получить свои крупные, но «замороженные», капиталы в Лондонском банке. Судебный процесс тянулся десятки лет. Все средства к жизни П. А. иссякли. Его подруга жизни Ю. Л. П. билась, как рыба об лед. И П. А. был уже накануне полной победы. Но... состояние сердца и издерганные нервы сделали свое дело.

28 ноября, в 10 час. вечера, он скончался. Смерть застигла И. А. в таком состоянии, когда не на что было его хоронить. Потомка «Лобовской» династии ждали гроб из картона и общая, братская, могила для шести обездоленных. Но он был донской казак! И донские казаки пришли на помощь. П. А. похоронили на каз. участке кладбища РСВА после отпевания донским же казаком о. Петром Дьяконовым.

Петр Андреевич был хороший человек, отзывчивый, искренне любивший свое Войско Донское и все мечтавший, когда получит свои средства, сделать нечто хорошее и полезное для родного казачества.

Мир праху его и вечная память и покой его мятущейся душе...

Б. Уланов

ПАМЯТИ НАЧАЛЬНИКА-ДРУГА

1-го января 1963 г. в Ницце, на 79-ом году жизни, скончался полк. Клавдий Васильевич Моргунов, природный казак станицы Михайловской Хоп. округа В.В.Д.

Родился он в стан. Урюпинской, где отец его в Реальном Училище преподавал рисование и был, как говорили казаки, «окружным богомазом», расписывая станич. и хуторские церкви Округа. Кл. Вас. был «последышем» в большой семье и отец, разъезжая по станицам и хуторам, всегда брал с собой своего любимца Клавдия, чтобы он, по отцовскому выражению, «привыкал к общественной казачьей жизни». В силу этого Кл. Вас. очень хорошо знал жизнь «простого» казака. По окончании Урюпинского реального училища Кл. Вас. держал конкурсный экзамен в Политехнический Институт, но «провалился» и, не имея достаточных средств на подготовку к новым экзаменам, поступил в Киевское пехотное военное училище, по окончании которого Штабом Дон. Войска был назначен в 14-й Дон. каз. полк. Отбыв положенный срок службы, он в чине сотника откомандировывается на Дон на «льготу» домой в Урюпинскую станицу, где занимается юридическими науками. В конце льготы выходит в отставку.

Зная, что казаки все свои торговые и др. дела совершают еще по «старинке», делая зарубки на притолке или на божнице, он, движимый желанием помочь казакам все их дела заключать нотариальными актами, держит специальный экзамен на право быть нотариусом. Блестяще его выдержав, он открывает контору нотариуса при станции Филоново.

В начале войны 1914 года он был призван в армию и назначен в отдельную Дон. каз. сотню, в которой находится всю войну За время войны неоднократно временно бывал прикомандирован к штабам дивизий или корпусов, при которых состояла сотня, на должности офицеров ген. штаба. В Карпатах был несколько раз ранен и получил соответствующие его чину боевые награды.

После революции и развала фронта есаул Моргунов в начале января 1918 г. с сотней возвращается в родную Урюпинскую станицу, где и остается после расформирования сотни.

Когда весной 1918 г. начались на Дону восстания против сов. власти, восставшая окр. Урюпинская ст. пригласила его на должность начальника штаба восставших Хопер. округа. После соединения хоперцев с главными Дон. силами, К. В. находился в действующей Дон. армии, часто занимая высокие посты, не соответствующие его чину, но отвечающие его опыту и знаниям.

После эвакуации Новороссийска, в Крыму полк. Моргунов состоит в Дон. офицерском резерве.

Когда Дон. Конный каз. корпус вышел из Крыма в Сев. Таврию, ген. Врангель во всех больших штабах ввел институт 2-х шт. и об. офицеров для поручений по политической части с подчинением их Штабу Главнокомандующего, на эту должность при Штабе Дон. корпуса его командир ген. Ф. Ф. Абрамов пригласил К. В. Моргунова. В Штабе корпуса в этом отношении К. В. нашел «голое» место, так как все чины бывшей полит. части Штаба Дон. армии по ее упразднении «разошлись» по разным частям и управлениям. Приступая к организации своего управления, К. В. просил ген. Абрамова розыскать и командировать в его распоряжение «специалистов», т. е. бывших чинов полит. части при Штабе Дон. армии. Когда собралось около десятка офицеров, К. В., организуя свое управление и полит. пункты в штабах дивизий и полков, обратился к ним не с обычными для военного словами «господа офицеры», а «друзья мои». Этим он определил характер взаимоотношений между ним и его подчиненными, которые действительно до самой его смерти оставались его друзьями.

Со службой, на которую он был назначен, он не был знаком, что откровенно и отметил при знакомстве с подчиненными, прося их быть не только таковыми, но и сотрудниками и, не стесняясь, знакомить его с «техникой» новой для него работы и советовать ему, как лучше провести в жизнь инструкции старшего начальника, каковым для всех чинов полит. части Русской Армии являлся ген. Архангельский.

До назначения К. В. строевые начальники к полит. части относились с каким-то предубеждением, почти никогда не оказывали никакого содействия и всячески старались отделаться от присутствия в их части представителей полит. части, но такт и «дипломатия» К. В. в течение первого же месяца изменила эти отношения к лучшему, и строевые части стали настойчиво требовать у К. В. присылки офицеров.

Своими сотрудниками К. В. очень дорожил и при их посылке в тыл красным принимал

все меры предосторожности относительной во время их работы там. Более ста командировок прошли с полным успехом и только один агент «глубокой» полит. разведки пропал без вести. За свою работу К. В. несколько раз получал особую благодарность ген. Архангельского.

Когда Дон. корпус оказался в Турции, полит. часть была переименована в Отдел Информации и К. В. остался во главе этого Отдела.

При реорганизации корпуса некоторые вновь назначенные старшие начальники из неказаков стремились заменить каз. офицеров в Отделе Информации неказаками, но К. В. энергично восстал против этого и сохранил всех своих сотрудников

1-го января 1920 г. часть Дон. корпуса переводится на остров Лемнос, другая остается в Турции. На обе части со всех сторон ведутся безпрерывные атаки по его разложению и распылению. Всей работой по сохранению корпуса в Турции и на Лемносе руководит К. В., и, со свойственной ему энергией, «засыпает» своего представителя на Лемносе инструкциями по борьбе против разложения.

С приездом К. В. на Лемнос, когда там была сосредоточена большая часть Дон. корпуса, он энергично, для отвлечения мыслей казаков от разлагающей пропаганды, организует в лагерях спектакли, выставки, всякого рода курсы и лекции, на которых и сам нередко выступает докладчиком, издает «Вестник Донского Лагеря», сам пишет пропагандные листовки и т. д. Редкий день на Лемносе он сам не обходил полки, чтобы «поговорить» с казаками.

Когда Дон. корпус был переведен в Болгарию, где правительство Стамбулийского всячески старалось угодить большевикам и поэтому придиралось к казакам, К. В. ставит своим сотрудникам новые задачи, в первую очередь требуя поддерживать добрые взаимоотношения с местным населением и не вмешиваться в его жизнь. В Болгарии большевиками был образован «Союз Возвращения на Родину», и К. В. организует борьбу с ним в местах расположения дон. частей и за это подвергается травле на всех собраниях этого Союза.

К 30-ым годам в Дон. корпусе остались только его кадры, большинство же казаков разъехалось по разным странам на работы. Из-за отсутствия средств закрывается и Информ. Отдел, и Кл. Вас. переезжает на юг Франции, где зарабатывает на жизнь физическим трудом, но принимая участие в общественой каз. жизни, уделяя особое внимание каз. молодежи. Это отношение отразилось в заметке об Атаманском Празднике, напечатанной в «Русск. Мысли» 3 янв. 1963 г., т. е. уже после его смерти, и является как бы завещанием молодежи продолжать дело, начатое старшим поколением.

Кл. Вас. был добрым и мягким человеком Врагов, кроме большевиков, он не имел.

О том, как он жил последние годы, свидетельствует заметка ротм. П. В. Ш—ва, в которой он пишет: «Кто не знал на Лазурном берегу Клавдия Васильевича — то он сидит за кассой благотворительного концерта в пользу инвалидов, то выступает на литературном собрании. Казалось, в чем душа держится в этой слегка сутуловатой, высокой, худощавой фигуре типичного донца, а вот он находил силы помочь своему брату-инвалиду. — Живя в холодной комнате, сидя за столом, заваленным книгами, закутавшись в одеяло, все он что-то кому-то писал во все концы мира. Везде у него были друзья, не забывавшие его. Да и трудно забыть такого приветливого, благожелательного, деликатного человека. Никто никогда от него не слышал жалобы на судьбу, на бедность. Каждый соприкасающийся с ним чувствовал мир и успокоение. Несмотря на его тяжкие страдания, он умел находить улыбку и слова успокоения собеседнику. Он был одним из «чистых сердцем», которым принадлежит Царствие Небесное. Он не «легендарный герой», о котором будут «песни слагать». Он только хороший чуткий человек, скромный русский офицер, донской казак, по совести служивший России и своему Дону...».

Почти 30-летнее пребывание его во Франции в положении рядового труженика разделяла с ним его подруга жизни Жанна Ивановна, которой бывшие друзья и сотрудники выражают свое соболезнование по поводу незаменимой потери любимого нами и ею Клавдия Васильевича.

Все знавшие его сохранят о нем добрую память. К. В. был глубоко религиозным человеком и даже на службе, отдавая какое-нибудь распоряжение, всегда его заканчивал словами: «Ну, с Боженькой» или «Помоги Вам Боженька».

Мир его праху. Да будет легка ему чужая земля.

А. Падалкин

Париж.

УШЕДШИЕ

Правл. Каз. Союза, Кубанское Объединение и Редакц. Коллегия «Родим. Края» с прискорбием сообщают о скоропостижной кончине Секретаря Каз. Союза, Казначея Кубан. Объедин. и члена редакции «Родим. Края» А. М. Огиенко, Кубан. В., последовавшей 20 марта с. г. Да будет ему пухом чужая земля.

† 13 сент. 1962 г. в Парагвае умер ес. Д. А. Персиянов, Дон. Войска.

† 26 ноябр. 1962 г. в Р. Бенк (США) скончался сот. П. М. Мизюра, Куб. В.

† 4 дек. 1962 г. в Париже скончался сот. В. М. Ламзин, Дон. В.

† 1 ноябр. 1962 г. умер А. В. Арьков, стан. Каргальской В. В. Д.

† 18 окт. 1962 г. в Патерсоне (США) скончался В. Я. Кориенко, стан. Шкуринской, Куб. В.

† 11 дек. 1962 г. в Патерсоне (США) скончался С. В. Попов, стан. Пятиизбянской В. В. Д.

† В Лейквуде (США) скончался георг. кавалер С. И. Елкин, стан. Малодельской В. В. Д.

† 13 янв. с. г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) на 62 г. жизни скончался хор. Г. М. Туркин, стан. Мигулинской В. В. Д.

† 22 янв. с. г. в Русском старч. Доме С. Женевьев (под Парижем) умер после тяжкой болезни хор. К. А. Музыкантов, Куб. В.

† 18 февр. с. г. скоропостижно скончался в Париже сот. В. Д. Пащенко, стан. Усть-Медведицкой В. В. Д.

† 6 февр. в Париже скончался после тяжкой болезни войск. старш. Н. С. Ушаков, Гундоровской стан. В. В. Д. Погребен на С. Женевьев.

† 8 февр. с. г. в Париже трагически погибла донская казачка Е. Я. Гаврилова, урожденная Трофимова.

† В Нью-Йорке трагически погиб от несчастного случая последний командир Донского корпуса ген.-лейт. Ф. Ф. Абрамов.

† 7 марта с. г. в Ганьи (под Парижем) скончался хор. Атаманского Воен. Училища В. С. Мухин, стан. Новочеркасской В. В. Д

† По полученным мною достоверным сведениям, в далеких степях Казахстана, вдали от горячо любимой им дедовской земли Малой Чечни, так и не дождавшись вновь увидеть свой родной аул Валерик, в 1956 г. ушел в иной мир мой уважаемый отчим Багаудин Довсолтанович Цонторoев, 56 лет.

Да будет ему легка чужая земля. Да примет его душу Всемогущий Аллах!

О чем с грустью сообщаю всем единоверцам в свободном мире.

Эльти М. Теми-Хан.

† 8 апр. в госпитале С. Аффрик (Франция) скончался Петр Фед. Крюков, ст. Глазуновской В. В. Д., редактор журналов «Казачье Единство» и «Каз. Литер. Сборник», о чем с глубокой скорбью сообщают друзья казаки.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОДИМОГО КРАЯ»

(С 1-го янв. по 1-ое марта 1963 г.)

Фонд Издательства: г-жа Попандопуло — 5 фр., Морозов и Арестов по 2 фр., Рудаков — 100 бельг. фр., Бугураев — 1 долл., Губарев — 5 долл., Артемов — 20 фр., Е. С. Фишер — 50 фр., проф. Миллер — 10 герм. м., П. И. Алексеев — 15 фр.

Через Б. Н. Уланова: от д-ра Ряхина — 10 долл., М. Дьяконова — 4 долл.

Для передачи **Дам. Комитету Каз. Союза:** П. А. Селиверстов — 10 фр., М. А. Калабухов — 5 фр., П. И. Алексеев — 15 фр., Леонов — 50 фр.

Шлем всем жертвователям сердечную благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Mr. Bogaevsky, 52, av. Flachat, Asnières (Seine).

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели». Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 н. фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3,50 н. фр.).

Из редакции «Р. К.» можно выписать гравюру «Из нашего прошлого», отпечатанную на бристоле, помещенную на стр. 17 — № 40 «Род. Края». Стоимость 1,50 нов. фр. (заграницей — 4 почт. международ. купона) с пересылкой.

В США книги можно выписывать через Б. Н. Уланова — Mr. Oulanoff. 601. W. 160 St. Apt. 4c. New-York 32, N.Y. — U.S.A.

Опечатка. — В № 44 «Род. Края» стр. 7 заглавие статьи читать: «Памяти генерала Корнилова — казака Сибирского Каз. Войска».

Ф. И. АГЕЕВ

портной

Английские и французские материи.

8, RUE TIPHAINE, PARIS (15).

Métro: La Motte-Picquet

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Б. Богаевский — «Дела казачьи».
Н. М. Мельников — «Что происходит на белом свете».
П. П. Кумшацкий — «Молитва казака».
Н. Н. Воробьев — «Свидетель славы казачьей».
И. С. Никитин — «Привет донцам».
А. Смородин — «Оренбургское Каз. Войско».
А. Толбатовский — «Генерал В. Г. Науменко».
А. П. Падалкин — «Союз Возвращения на Родину» в Болгарии в 1922-23 г. и борьба с ним».
Я. П. Богаевский — «Журавли».
П. М. Аврамов — «Кресты».
М. П. Морозова — «Сон Орешкина».
Письма в редакцию — Е. Е. Ковалева, В. Ф. Резанцева, М. К. Бугураева.
Е. Ковалев — «Генерал-лейтенант Абрамов».
Казачья жизнь за рубежом.
От Донского Войскового Объединения.
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».
Б. Богаевский — «Благодарность».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: П. А. Аврамов, Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Mai-Juin 1963. — 3 F.

PAYS NATAL № 46. Май-июнь 1963 г.

Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ДЕЛА КАЗАЧЬИ

1 марта с. г. ген. И. А. Поляков, считавшийся некоторым количеством Дон. казаков Донским Атаманом, объявил о своем уходе и о назначении им проф. Н. В. Федорова «Временно исполняющим должность Донского Атамана».

Итак, у Донских казаков в Зарубежье нет больше Атамана, но зато имеется два «исполняющих должности»: проф. Н. В. Федоров и Н. И. Медведев, объявивший себя «исп. должность» после смерти ген. П. Х. Попова. Создалось положение еще более печальное, чем было раньше.

Но с другой стороны среди Донских казаков и в каз. организациях все больше и больше раздается голосов о необходимости единения. Правда, всякие «рецепты» на эту тему встречались уже не раз в каз. прессе, но обычно этим дело и ограничивалось и в жизнь они не проводились. Причин на это было немало и из них одной из самых главных было то, что многие лица из-за личных интересов, из-за личного самолюбия, из-за стремления к призраку власти не желали быть более сговорчивыми, подчас более уступчивыми, не желали уважать и считаться с иным мнением и требовали безоговорочного подчинения своим идеям, не понимая или не желая понять, что терпимость по отношению к чужим мнениям не является отказом от своих убеждений, а диктуется обстановкой нашего пребывания за рубежом.

Второй причиной является то, что многие не могут или, вернее, не хотят понять, что время идет, что положение нас, казаков, за границей очень своеобразное. У нас нет своей территории, нет своей власти, нет ни сил, ни средств заставить подчиняться распоряжениям наших возглавителей. Живем мы разбросанно по разным странам, по законам и обычаям этих стран. И, следовательно, наши отношения, существование наших организаций возможно лишь на принципе добровольного подчинения мнению большинства или подчинению мнению возглавителей, выбраных этим большинством. Иначе говоря, все это основано на принципах народоправства, являющихся базой Основных Законов В.В.Д. Применять интегрально эти Законы. живя в чужих странах и по чужим законам, мы не можем, но основной принцип их, самую идею мы должны проводить в жизнь, если хотим считать себя казаками.

Наконец, 3-ей причиной является то, что еще очень многие слишком живут в прошлом, не замечая или не желая видеть того, что действительность совсем иная, чем была 40-50 лет тому назад. Для них жизнь как бы остановилась и они не могут или не хотят забыть ошибок прошлого, не замечая, что эти ошибки давно уже не имеют значения, что их уже не поправишь, что они отошли уже в область истории. Нельзя считать себя безгрешным: не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Сзначает ли вышеуказанное, что вообще казачеству наступил конец, что казаков больше нет, а есть только лица казачьего происхождения? Действительность показывает, что это не так и вот почему: почти во всех странах свободного мира существуют каз. организации, а в больших городах их насчитывается и по несколько. Почти каждый раз, когда по какому-либо случаю соберется несколько казаков, раздаются голоса сожалеющих о разъединении среди казачества. Но большое количество каз. организаций малочисленны, а поэтому слабы и не могут играть существенной роли и малодеятельны. Но ни они, ни даже более сильные организмы не могут или не хотят, часто по вине своих руководителей, найти общую платформу. Причины к этому были указаны выше.

В старину у новопришедшего в Сечь спрашивали: «В Бога веруешь?» На утвердительный ответ требовалось доказательство: «Перекрестись», а затем давалось и заключение: «Иди в какой хочешь курень». Ни ха-

рактер, ни наклонности, ни убеждения не были препятствием для того, чтобы новопришедший не стал бы членом каз. братства. И если бы в данное время применялся аналогичный принцип и у человека спрашивалось только, казак ли он и антикоммунист, а не допытывались бы о том, «поляковец» он или «поповец», монархист, автономист, федералист или националист, и не старались бы его подчинить своим убеждениям и относились бы с уважением к его мнению, то возможно, что единение было бы достигнуто.

Существует среди казаков в Зарубежье и немало таких, которые утверждают, что казачеству пришел конец, что в современной обстановке ему нет места, а поэтому вообще нет надобности создавать каз. организации. Но это не так. В старину казаки имели свой флот и воевали на море, но изменилась историческая обстановка и казаки превратились преимущественно в конное войско. Также и теперь казаки могут воевать и в самолетах и танках. Но то, что не изменилось, то, что осталось прочным, по крайней мере до сих пор — это самый дух казачества, самые принципы его бытия, основанные на братстве, равенстве прав и обязанностей, уважения к личности человека. И мы казаки, находящиеся в свободном мире, должны сделать все возможное в наших силах, чтобы сохранить его. Возможно ли это? Как ответ, ниже приводятся выдержки из письма одного старого казака: «2000-летняя еврейская эмиграция сумела сохранить свою национальность, свою культуру и развила свои силы, несмотря ни на что. И дожила до Израеля. Вера была сильнейшим цементом у евреев и как следствие ее выявилось наличие некоей интеллектуальной, моральной и общественно-политической преемственной группы... Казачество же, в частности Донское, будет хранить древняя каз. традиция, которая была, в силу инстинкта самосохранения, зафиксирована в форме Осн. Зак. В. В. Д. Но не всем это понятно и многие видят в этих Законах лишь определенную политическую программу, которая не соответствует их убеждениям. И вот именно это непонимание самой сущности каз. программы, духа казачества, преобладание партийных соображений или личных интересов и привело к расколу Дон. казачества и к многоатаманству, к отсутствию Атамана, к двум «Исп. Должн.».

Но нельзя закрывать глаза на действительность. Положение серьезное и по многим причинам. Все мы стареем, сил становиться меньше, многие серьезно болеют, а то и уходят в лучший мир. Нас становится все меньше и меньше. Поэтому и необходимо всеобщее единение. И если, несмотря ни на что, нам суждено уйти со сцены, то до последних дней нашей жизни мы должны стараться остаться казаками и не только по происхождению, а по существу.

Иной читатель скажет: «ну, вот еще один рецепт единения, который останется на бумаге»... чтобы это не было так, нужно, чтобы руководители каз. организаций проявили бы немного больше сговорчивости, забыли бы личное самолюбие, свое стремление к призраку власти, проявляли бы больше терпимости к мнению инакомыслящих, а отдельные казаки поддержали бы эти организации. Ведь и федералист и националист и монархист, считающий себя казаком, руководствуется именно каз. соображениями. Так вот, именно основываясь на них, и можно найти общую платформу. О необходимости единения раздаются голоса во всех странах каз. разсеяния. В марте с.г. в Фарминдале (США) состоялся съезд донских казаков. Ниже приводятся выдержки из доклада ес. А. И. Тульцева о Донском казачестве в эмиграции:

«Мне кажется, что ни одна этническая группа в эмиграции не разъединена так, как группа Донских казаков... Первым признаком этого разделения было возникновение за рубежом так наз. «самостийности», даже слово то не наше, не казачье... Возникновение этого движения имеет юридическое основание. Если кого можно винить в этом, то только Войсковой Круг, выработавший Основные законы. Глава 1-я этих законов гласит: Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства.

В тот момент, когда эти законы писались, никто и не помышлял об отделении от национальной России: беда была в том, что национальной то России тогда не было. На территории бывш. России властвовала банда интернациональных проходимцев... Нужно было организовать защиту казачьих земель... А чтобы организовать ее, нужно было иметь «юридическое лицо», лицо государственно-политического масштаба, чтобы заручиться помощью из-вне... Всякий может носить в своем сердце любую политическую идею и пропагандироть ее среди других. Наша первая задача — это сохранение нашего сознания, что мы — казаки, чтобы сохранить свои традиции, которыми жили наши деды и отцы...

Вторая причина разъединения Донского казачества — это двух-атаманство».

Докладчик подробно остановился на исто-

рии возникновения двухатаманства. Закончен был доклад словами:

«Пусть политические идеи останутся при каждом из нас, никто никому не должен их навязывать. Осуществить их заграницей мы не сможем, а кому Бог поможет вернуться на Дон, то там обстановка и разум подскажут каждому, что нужно делать и какую политическую идею исповедывать, а пока будем казаками единого батюшки Тихого Дона».

И. И. Курицын, коментируя в «Нов. Русс. Слове» доклад Тульцева, делает несколько поправок и выводит заключение:

«В условиях эмиграции трудно осуществить идею объединения. Но интерес к объединению растет и ширится, как здесь, так и в Европе. Дело в идеях и психологии **двух** солидных групп, одна из которых признает Осн. законы ВВД и необходимость даже в условиях эмиграции руководствоваться их **духом**, как о том говорил ген. П. Н. Краснов, и другая, которая идет к нарушению их. Наличие Кубанского Войскового атамана и Терского и объясняется тем, что казаки кубанские и терские придерживаются этого **духа** своих Войсковых конституций.

Если указанные выше две солидные Донские группы договорятся о создании **одной** Главной Центральной Избирательной Комиссии по выборам Атамана, смело можно сказать, что и разъединение и «двуатаманство» в Донском казачестве будут изжиты».

В современой обстановке нашего пребывания заграницей нужно предусматривать единение казаков в более широких масштабах. Во многих странах зарубежья существуют Сбще-Каз. Союзы, образованные единением организаций разных Войск. Есть и Обще-Каз. станицы. Эти Союзы имеют как бы территориальный характер, объединяя казаков всех Каз. Войск по месту их теперешнего местонахождения. Каждая из этих Войсковых организаций живет своей жизнью, интересами своего Войска. Но для общей работы, для сохранения идеалов казачества, его сущности, они решают вопроси сообща и благодаря этому они имеют и силу и вес и у них возможностей больше, чем у отдельных малочисленных организаций. И если бы и другие каз. организации, до сих пор не входящие в эти Союзы, вошли бы в них, то работа их была бы еще более продуктивной. В большинстве организаций имеются энергичные работоспособные люди, но подчас их работа дает мало результатов, ибо их мало, работы много, а силы человеческие ограничены. Работая все вместе, можно было бы сделать гораздо больше. В такие Союзы должны входить и отдельные лица и не состоящие в каких-либо организациях, из-за отсутствия организаций своего Войска или по каким-либо другим причинам. Каждый казак сейчас дорог. Ведь личные политические убеждения членов Союза не затрагиваются, лишь бы они не были коммунизанствующими.

Вхождение как организаций, так и отдельных лиц в такие Союзы в данной обстановке и могло бы быть простейшим путем к единению.

Б. Богаевский

Париж.

ЧТО ПРОИСХОДИТ НА БЕЛОМ СВЕТЕ?

Чувствуется, что в мире произошел сдвиг с мертвой точки... Кругом царит еще ночь, но кое-где появились уже «огоньки», и у многих окрылились мечты. Давным-давно, когда не было еще даже и намека на авионы, автомобили, телевизьоны и атомные бомбы, наши бабушки и прабабушки говорили, что «конец света» наступит тогда, когда сдвинется Китай, теперь же, при жизни внуков, со сдвигами в Китае связываются уже надежды, притом совсем противоположного порядка.

В свое время имп. Вильгельм II-ой рисовал миру картину «желтой опасности», в наше время бывш. французский премьер умница Поль Рэйно, не один раз посетивший Москву, красноречиво и убедительно доказывал Никите Хрущеву опасность его заигрываний и союза с Китаем, население которого в недалеком будущем возрастет до миллиарда и Мао сможет задавить всех, включая и СССР. Кроме неимоверного количества «шапок», закидает и бомбами, секрет изготовления которых неблагоразумно и преступно «дружески»

ему доверил Хрущев.

Очевидно, Хрущев что-то понял, и когда Мао-Тсе-Тунг набросился на индусского «непротивленца» и «нейтралиста» Неру, — не понявшего мудрости древней пословицы: «если хочешь мира, готовь войну» — надеясь на легкую победу, которая прибавила бы к его 700 миллионам еще несколько сот миллионов бойцов-роботов, ... Хрущев послал Неру для защиты Индии большое количество «Мигов», оказавшись в даном случае неожиданным союзником американцев, поддерживающих Неру...

Давние идеологические несогласия и споры Пекина с Москвой, особенно по поводу теории Хрущева о возможности мирного сосуществования с капиталистическим миром, яростно отрицаемой воинственным Мао, стремящимся к тому же заменить Хрущева на посту главы всемирного коммунизма-ленинизма, все это, вместе взятое, осложнило положение, но ни та, ни другая сторона, не желая подорвать в глазах противников коммунизма престижа несокрушимой якобы монолитности коммун. мира, воздерживались поставить точки над «i», скрывая серьезность конфликта.

Кубинская операция довела дело до взрыва и до разрыва. В связи с ухудшением отношений между недавними союзниками и учитывая глубокий кризис на хозяйственном сов. фронте, а с другой стороны считаясь с несомненными внутренними сдвигами в самом СССР и отсутствием уверенности в настроениях населения сателлитов, уже неоднократно прорывавшихся наружу, Хрущев вынужден был признать невозможность пуститься в авантюру атомной войны... и сдал под угрозой войны свои позиции президенту США Кеннеди, занявшему наконец твердую позицию и заговорившему с коммунистами языком, единственно для них понятным и убедительным.

Мао-Тсэ-Тунг печатно обругал за это Хрущева «ревизионистом», «капитулянтом», «изменником», «впавшим в паралич от страха перед атомной войной» и «членом антимарксистской клики»... Мао принимает меры к созданию нового интернационала, в состав которого, кроме маленькой Албании, вступила и разочарованная в Хрущеве маленькая Куба. Переход в Китайский лагерь Ф. Кастро, думается, должен облегчить для през. Кеннеди возможность окончательной ликвидации Кубинской угрозы Сев. и Южной Америке. В то же время мы видим, как Хрущев старается перетащить Кастро из Китайского лагеря опять в свой...

Маски сброшены. Пошел в открытую и Хрущев, пригласив к себе в гости другого «ревизиониста» Тито, устроив ему в Москве царскую встречу.

Как же этот разрыв, знаменующий крушение коммун. интернационала, расценивается свободным миром?

Америк. Министр Иностр. Дел Дин Раск заявил в Нью-Йорке: «я полагаю, что мы стоим на пороге значительных и, может быть, даже не поддающихся учету, событий, перед началом такого периода, когда понадобится обновление и, может быть, пересмотр некоторых, ставших обычными, суждений». Вскоре после этого заявления, уже в Париже, на совещании представителей держав, входящих в Отан — в Атлантический Союз, Раск говорил уже о том, что Свободному Западу «необходимо быть **не только пассивным наблюдателем** того, что творится за железным занавесом», а заместитель министра Джордж Болл заявил в Нью-Йорке, что «холодная война не вечно будет занимать мировую сцену: непреодолимые силы действуют в ином смысле и не только по ту сторону занавеса. Быть может, уже очень скоро мы начнем замечать первые признаки улучшения в холодной войне». И мистер Болл и со своей стороны обращается с призывом не оставаться пассивными, т. к. «железный занавес — не Иерихонская стена, которая рухнула бы только от того, что мы затрубили бы в трубы».

О приближении сроков заговорил и английский министр иностр. дел лорд Юм: «В Советском Союзе происходят перемены. Русский народ держали в неведении, но постепенно в СССР из внешнего мира стали проникать вести, и люди начинают там сознавать, что многие их представления о внешнем мире неправильны... Рано или поздно — и я думаю, что скорее раньше, чем позже — руководители русского народа поймут, что жизненные его связи на Западе», а не на Востоке.

Еще раньше обо всем этом заговорил смотрящий вдаль ген. дэ-Голль, мечтающий об Европе «от Атлантического океана до Урала», когда Россия из интернациональной превратится в национальную. И академик Франсуа Морьяк пишет: «Без России нет Европы. Ген. дэ-Голль прав, и если Бог даст ему жизни, то придет день, когда Европа будет простираться от Атлант. океана до Урала».

Министрам — людям, располагающим мощными средствами серьезной информации и не только при помощи своих послов в Москве — «с горы виднее», хорошо осведомлены также и большие газеты, имеющие специаль-

ных корреспондентов в СССР, и их сведения и выводы совпадают. Парижская газ. »Фигаро» пишет о «безпримерном в истории интернац. коммун. движения кризисе», «расколовшем — по словам Лондон. журн. «Экономист» — весь коммунист. мир сверху донизу», а газ. «Обсервер» прибавляет, что «последствия кризиса превосходят воображение».

Западно-Европейская печать отмечает «спуск на тормозах». В частности, обратил на себя внимание печати умеренный тон речи Хрущева, произнесенной им в Восточ. Германии: Берлинский вопрос потерял свою остроту, нет уже и угрозы «неминуемого в самом близком будущем» подписания сепаратного мира с Панковским правительством со всеми, ожидавшимися с тревогой, последствиями... С другой стороны, заговорили даже о возможности займа при условии разрушения «стены позора», а Рэмон Арон в «Фигаро» предвидит, что «хозяйство России, сохраняя некоторые неизбежные особенные государ. черты, все более будет походить на западное хозяйство, которое со своей стороны все более отдаляется от того, что под капитализмом понимали 100 лет назад — капитализм стал уже другим».

«Лиха беда — начать»... Если действительно будет допущена экономическая свобода, нельзя будет, думается, противиться свободе духовной, а потом и политической.

Кн. С. Оболенский, один из редакторов Парижского жур. «Возрождение», из статьи которого в янв. № мы заимствовали выдержки, настроен совсем оптимистически и говорит, что «внутри России назревает превращение СССР в свободное правовое государство».

Следуя заветам незабвенного А. М. Каледина к разрешению всех вопросов подходить с «холодной головой», не будем увлекаться, но и не будем спускать глаз с появившегося на нашем темном горизонте большого числа достаточно ярких огоньков. Не будем забывать и того, что часто «милые бранятся — только тешатся». Поживем — увидим.

Франция.

Н. М. Мельников

МОЛИТВА КАЗАКА

Печальной памяти 1918 год...

Я молю у Тебя, Всемогущий,
В этот тяжкий мучительный час,
Где встает тот вопрос, нам несущий
Всю судьбу и решение для нас.
Я молю о тех наших собратьях,
Лесть и ложь у которых — судья,
Находящихся в цепких об'ятьях
Помутившего разум вранья!...
Вразуми же Ты их, Вездесущий,
Дай им силу сознанья понять,
Что «нейтральный» их шаг. зло несущий,
Даст возможность у нас все отнять!...
Пропадут наши вольности, дети,
Пропадут наши слава и честь,
Пропадут наши милые степи,
Пропадет все, что было, что есть!...
И напрасными станут все жертвы,
Приносимые нами с веков,
И замолкнут те звонкие песни,
Что поют во славу Донцов!...
Пробуди же Ты их, Вездесущий,
В этот тяжкий решающий час,
Помоги... Не оставь, Всемогущий,
Дай им силу бороться сейчас!...

Марокко. **П. П. Кумшацкий**

СВИДЕТЕЛЬ СЛАВЫ КАЗАЧЬЕЙ

(памяти партизана Дениса Давыдова — славного Донского односума)

Открываешь дневник прославленного партизана Отечественной войны 1812 г., и со страниц его глядят бессмертные герои, чьи имена врублены саблей казачьей в русскую историю и чьей памятью по праву гордится каждый донец. Мелкают и знакомые, с детства, наизусть, на всю жизнь, заученные имена героев донских и новые, никогда неслыханные имена казаков, с которыми жил, рубился и водил полки в бой славный автор дневника. Имя за именем, подвиг за подвигом, случай за случаем. Здесь и храбрость беззаветная. и простое человеческое чувство, бесхитростные слова, веселый юмор, отдельные моменты, вырванные из жизни дорогих нам людей, о которых мы иногда знаем много, а иногда только на основании сухих строк послужных списков и реляций.

Вот Прэйссиш-Эйлау, где схлестнулись несметные полчища русских и французов, где впервые прогремело имя атамана Матвея Ивановича Платова. Денис Давыдов заносит в дневник краткую запись: «Пятого февраля Наполеон решился отступить за Пассаргу для занятия кантонир-квартир и оставил Эйлау, преследуемый нашим авангардом и всеми казачьими полками под начальством своего атамана Платова, который с того дня начал свою европейскую репутацию. Находясь в авангарде, я был очевидцем кровавых следов французского отступления от Эйлау до Гутштата. Весь путь был усеян обломками. Не было пустого места. В сем преследовании наши казаки захватили множество усталых, много мародёров и восемь орудий, завязших в снегу и без упряжки. Трофеи наши состояли в девяти орлах, исторгнутых из рядов неприятельских, и в двух тисячах пленных». Далее о сражении 24 мая 1807 года под Гутштатом и 25 мая под Анкендорфом: «...не только больные сего корпуса (корпус маршала Нэя. Н. В.), но и обозы, парк, канцелярия, собственные экипажи маршала достались в добычу казакам Платова, переплывшим через Алле, а потом и через Пассаргу. В доказательство тому, что они действовали в тылу у неприятеля, служил 78-ой бюллетень Главной квартиры французского Императора, в котором сказано следующее: «Наш урон состоял в ста шестидесяти человеках убитых, двухстах раненых и двухстах пятидесяти взятых в плен. Большая часть последних была схвачена казаками, которые поутру, прежде атаки, пришли в тыл армии. 31 мая 1807 г., Гейльсберг».

Говоря о кампании 1807 г., Денис Давыдов крайне критически относится к распоряжениям свыше относительно расположения и использования частей и считает, что казачьи полки Платова не были использованы целесообразно. Вот его слова: «Справедливость требует, чтобы я не умолчал о собственном нашем неуменьи извлечь всю пользу, которую представляли нам огромные полчища, прибывшие в армию с берегов Дона, Кубани и Урала. За исключением ударов, мною упомянутых, из коих только два принадлежали казакам, вся служба их ограничивалась содержанием передовой стражи и действием на одной черте с линейными войсками — действием совершено разнородным с их склонностями, оковывающим и подвижность, и сноровку, и хитрость — сии главные качества всякого воинственного народа, коего методические уставы не заключили еще в графы европейского однообразия». И дальше: «От 1 марта до 24 мая отряд Платова составлял при Пассенгейме связь главной армии с корпусом, действовавшим на Нареве, а потом до Тильзита не выходил из состава боевой линии той же главной армии... Боже мой! Какое представлялось ему поле для развития его природной удали!»

А вот хорошо известный случай, описанный так в бюллетене Главной квартиры Наполеона: «В семь часов утра 6.000 казаков, прокравшихся в леса, произвели общее ура в тыл позиций и взяли 6 орудий, стоявших в парке. Герцог Истрийский (Бессьер. Н. В.) двинулся вскачь со всею гвардейской кавалериею. Он осыпал сабельными ударами орду сию, опрокинул ее, втоптал в реку, возвратил взятую артиллерию и отбил несколько фур, 600 казаков было убито, ранено и взято в плен. 30 гвардейцев было ранено и 3 убито. Под дивизионным генералом Раппом убита лошадь...». Сам же «неустрашимый», по словам Давыдова, «и прямодушный генерал Рапп, находившийся тогда у стремени Наполеона», рассказывает об этом деле несколько иначе: «Наполеон ночевал в полумиле от Малоярославца. На другой день мы сели на лошадей в 7 часов, чтобы осмотреть место, на котором накануне сражались. Император находился между герцогом Виченцским (Коленкуром), принцем Невшательским (Бертье)

и мной. Едва успели мы оставить шалаши, где провели ночь, как прилетели тучи казаков. Они выезжали из лесу, находившегося впереди нас на правой стороне. Так как они были порядочно построены, то мы приняли их за французскую кавалерию. Коленкур первый догадался: «Государь, это казаки!» — «Не может быть!» отвечал Наполеон. Они уже скакали на нас с ужасным криком. Я схватил за узду лошадь Наполеона и повоpотил ее сам собой. «Да это наши!» — «Это — казаки, не медлите!» — «Точно они!» — сказал Бертье. «Без малейшего сомнения!» — прибавил Мутон. Наполеон дал несколько повелений и отъехал. Я двинулся вперед с конвойным эскадроном, нас опрокинули. Лошадь моя получила удар пикой в шесть пальцев глубины и повалилась на меня. Мы были затоптаны сими варварами. К счастью они приметили артиллерийский парк в некотором расстоянии от нас и бросились на оный. Маршал Бессьер имел время прибыть с конногвардейскими гренадерами...». Это были выписки, сделанные Денисом Давыдовым из французской реляции и из мемуаров французского генерала. А вот как сам наш герой повествует об этом же: «Это дело, называемое во французской армии «императорским ура», случилось на другой день Малоярославского сражени. До рассвета Платов отрядил часть своего летучего корпуса под командой ген. Иловайского за реку Лужу с тем, чтобы действовать в тыл неприятельским войскам, сражавшимся накануне пред сим городом и стоящим еще на поле сражения. Иловайский ударил на артиллерийский парк, состоявший в сорока орудиях и кочевавший на Боровской дороге во время проезда Наполеона из Городни в Малоярославец к войскам вице-короля Италийского. Казаки бросились частью на парк, а частью на Наполеона и его конвой. Если бы они знали, за кого они, так сказать, рукой схватились, то, конечно, не променяли бы добычу сию на 11 орудий, отбитых ими из парка и **которые, невзирая на слова Рапа и 27-ой бюллетень Императорской Главной квартиры, остались в руках их и никогда не были отбиты обратно французской кавалерией. Поистине, кавалерия сия обратила вспять казаков, но в то время, когда они сами почувствовали необходимость возвратиться к главным своим силам.** Преследование за ними продолжалось до реки, которую они перешли вброд вместе с отбитыми ими пушками, и огонь из 12 орудий донской конной артиллерии, открытый Платовым с правого берега Лужи, разом остановил стремление кавалерии. Она отступила без преследования. Не менее ложно показание бюллетеня, как о числе людей у нас убитых, раненых и взятых в плен, так и об отбитии у казаков обозов. У партизанов и у казаков нет других повозок, кроме тех, кои они отхватывают у неприятеля, да и этими повозками они не иначе пользуются, как для дальних предприятий, а не в набегах, продолжающихся несколько часов. К этому надо прибавить чрезвычайное число фур с провиантом и одеждой, палубов с зарядами, тысячи волов и лошадей, строевых и повозочных, и прочее».

На одной из страниц Денис Давыдов, как бы устав описывать дело за делом, подвиг за подвигом, предается другим воспоминаниям — он вспоминает просто отдельных людей, которые ему почему-либо запомнились. Перед нами проходят вереницей уже не известные удальцы, а скромные безвестные донские герои, имен которых не найти на страницах истории. Вот «Иловайского 10-го полка урядник Крючков — молодой парень, ездок отличный и неутомимый, храбрости чистой, сметливости — черкесской... 1-го Бугского полку сотник Ситников — шестидесятилетний старец, хорунжий Александров, Талаев и Григорий Астахов, урядники Войска Донского, кои остались у меня в памяти — Тузов, Логинов, Лестов, Ластев, казаки — Афонин, Антифеев, Волков...» и затем какой-то безвестный донской герой, запомнившийся ему просто, как «Володька». Тут и добавляет он: «Сожалею, что забыл остальных, ибо большая часть из них достойны быть известными».

Вот несколько строк об отряде Попова 13-го: «... Попова полк не уступил ни в чем войскам, партию мою составлявшим. В оном оказались казаки отличной меткости и отважности. Лучший офицер сего полка или, лучше сказать, один из отличнейших офицеров всего Донского Войска был сотник Бирюков; после его заметны были хорунжие Александров и Персианов».

В октябре, в 20-х числах, Денис Давыдов оказывается в затруднительном положении со своим отрядом; враг отступает на Гжать и Смоленск многочисленными силами. Давыдов заносит в дневник: «Я не мог тронуться с места, если бы Светлейший (Кутузов) не отрядил после Малоярославского дела всю легкую конницу наперерез неприятельским колоннам, идущим к Вязьме. Появление большой части легкого войска с атаманом Платовым и с графом Орловым-Денисовым на пространстве, где я шесть недель действовал и которое в сие время уже нахо-

дилось во власти неприятельских отрядов, принудило их удалиться, освободив тем меня из заточения в Воскресенском. Без сомнения я лично много обязан этой спасительной мысли».

Вот страница, рассказывающая нам о том, как еще задолго до появления Наполеона, при Императоре Павле, Донской Атаман и многих орденов кавалер, Матвей Иванович Платов стал «односумом» прославленного военачальника Алексея Петровича Ермолова. Встретились они оба в ссылке, в Костроме. Ермолов попал туда, отсидев известное время в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, за родство и дружбу с Каховским, заподозренным в распространении либеральных идей, а о Платове нам поведает сам автор дневника: «В Костроме Алексей Петрович встретился и долго жил с знаменитым впоследствии Матвеем Ивановичем Платовым, имевшим уже восемь человек детей. Платов, уже украшенный знаками Св. Анны I ст., Св. Владимира II ст., Св. Георгия III кл., был сослан по следующей причине: Государь, прогневавшись однажды на генерал-майоров Трегубова, князя Горчакова и Платова, приказал посадить их на главную дворцовую гауптвахту, где они оставались в течение трех месяцев. Платов видел во время своего ареста следующий сон, который произвел на него сильное впечатление — закинув будто бы невод в Неву, он вытащил тяжелый груз; осмотрев его, он нашел свою саблю, которая от действия сырости покрылась большой ржавчиной. Вскоре после того пришел к нему генерал-адъютант Ратьков (тот самый Ратьков, будучи бедным штаб-офицером, прибыл в Петербург, где узнал случайно, один из первых, о кончине Императрицы. Он тотчас поскакал с известием о том в Гатчину, но, встретив уже на половине дороги Императора Павла, поспешил поздравить его с восшествием на престол. Анненская лента, звание генерал-адъютанта и 1.000 душ крестьян были наградами его усердия), который принес, по Высочайшему повелению, Платову его саблю, которую Платов вынул из ножен, обтер о мундир свой и воскликнул: «Она еще не заржавела, теперь она меня оправдает...». Ратьков, видя в этом намерение бунтовать казаков против правительства, воспользовался первым встретившимся случаем, чтобы донести об этом Государю, который приказал сослать Платова в Кострому. Между тем, Платов, выхлопотавший себе отпуск, отправился чрез Москву на Дон, но посланный курьер, нагнав его за Москвой, повез в Кострому. Однажды Платов, гуляя вместе с Ермоловым в этом городе, предложил ему, после освобождения своего, жениться на одной из своих дочерей; он в случае согласия обещал ему назначить его командиром Атаманского полка. Платов, изумлявший всех своими практическими сведениями в астрономии, указывая Ермолову на различные звезды небосклона, говорил: «Вот эта звезда находится над поворотом Волги к югу, эта — над Кавказом, куда бы мы с тобой бежали, если бы у меня не было столько детей; вот эта — над местом, откуда я, еще мальчишкой, гонял свиней на ярмарку». Вскоре Платов был прощен и вызван в Петербург. Так как он был доставлен в Петербург весьма поздно вечером, то его, по приказанию Лопухина, свезли на ночь в крепость, где он был посажен рядом с врагом своим графом Денисовым. (Дело идет о донском генерале, Федоре Петровиче графе Денисове). Так как Государь должен был принимать его на другой день, то он, за неимением собственного мундира, надел мундир Денисова, с которого спороли две звезды. Государь был весьма милостив к Платову, получившему приказание следовать чрез Оренбург в Индию».

Нехотя узнаем и о человеческих слабостях великого Платова: любил Матвей Иванович, грешным делом, «зашибить», а подчас и как следует. Баловался он горчишной водкой, в связи с чем Денис Давыдов повествует нам следующее: «Князь Багратион, имевший всегда большое влияние на Платова, любившего предаваться пьянству, приучил его в 1812 году к некоторому воздержанию от горчишной водки — надеждой на скорое получение графского достоинства. Платов часто осведомлялся у Ермолова, не привезен ли был в числе бумаг и указ о возведении его в графское достоинство. Ермолову долгое время удавалось обманывать Платова, но атаман, потеряв, наконец, терпение и всякую надежду быть графом, стал ужасно пить; он поэтому был выслан из армии в Москву. Кутузов же, отправляясь в армию, вызвал его опять туда и в октябре того года доставил ему графский титул». Можно ли обвинить Платова в этой слабости? Посчитаем ли это проявлением обыкновенного тщеславия? «Темна вода во облацех», но, принимая во внимание то, что в те времена и быв. государевы брадобреи могли стать графами, как это случилось с Кутайсовым, не обидно ли было Донскому Атаману, положившему столько на алтарь Отечества, оставаться грето на задворках?

А вот кое-что и о Войсковом Атамане Ад-

риане Карповиче Денисове, вечном шефе 7-го Донского каз. полка, который в записках Дениса Давыдова почему-то упомянут, как Андрей Карпович. Давыдов рассказывает о Польской кампании, о службе Денисова под командой Суворова и пишет следующее: «Во время выступления польских войск в числе 10.000 человек из Варшавы казачьему майору Андрею Карповичу Денисову удалось захватить всех польских начальников, беспечно завтракавших в гостинице; подъехав после того к польским войскам, Денисов, с хлыстиком в руке, приказал им положить оружие, что и было тотчас выполнено. Это было сообщено мне А. П. Ермоловым». Я позволю себе перебить славного поэта и вкратце рассказать, что мне известно из других источников. В 1788 г. Денисов отличился в Турции при Варнице и Кинбурне. В 1789 г. за разбитие турок на Сальче произведен в премьер-майоры; в 1790 г. дерется под Измаилом, причем, командуя полком в колонне ген. Орлова, первым взошел на бастион и за это, по представлению самого Суворова, награжден орденом Св. Георгия IV кл.; в 1791 г. за Мачин — золотая медаль, в 1792 г. за Городище и Зеленцы в Польше — Св. Владимир IV ст.; в 1794 г. при пленении Костюшки ранен саблей в шею и руку, а при взятии Праги и Варшавы пулей в руку. За эту кампанию награжден прусским орденом «За воинские достоинства» и золотой саблей. Главная деятельность Денисова протекает в Итальянском походе, в звании походного атамана, под Маренго, Бергамо, Миланом и Нови, а позднее — при переходе через Альпы. За этот поход он получил ордена: Св. Анны II ст., Св. Анны II ст. алмазный, Св. Анны I ст. и Командорский крест Иоанна Иерусалимского. В 1801 г. Денисов участвует в походе на Индию, не законченном из-за смерти Павла. В 1805 и 1806 гг. несколько раз исполнял объязанности Войскового наказного атамана. В 1807 г. за дела при Прэйсиш-Эйлау и Гейльсберге получил золотую саблю, украшенную алмазами, с надписью «за храбрость». В 1812 году Денисов получает Св. Владимира II ст., а в 1813 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1818 г. по смерти Платова назначен Войсковым наказным атаманом. По его предложению на Дону составлена особая комиссия в целях реорганизации военного и гражданского управления Войска Донского. Комиссией заведует, вернее председательствует в ней, сам Денисов, от Военного Министерства в ней участвует ген. А. И. Чернышев, а от Министерства Юстиции — В. И. Болгарский. Учреждение этой комиссии вызвало острое недовольство против Денисова со стороны донской старшины.

А теперь возвращаюсь к дневнику Дениса Давыдова, который пишет: « В1820 г. этот самый Денисов, уже в чине генерал-лейтенанта, был генералом Чернышевым отдан под суд за превышение власти. А. Е. Ермолов, будучи вызван около этого времени в Лайбах для начальствования армиею в Италии и заехав по дороге в Новочеркасск, узнал о том от Болгарского, правителя канцелярии Чернышева. Убедившись в невиновности храброго генерала Денисова, он решился его спасти. Прибыв в Лайбах, Ермолов увидел Чернышева, который сказал ему: «Я слышал, что вы находите мой поступок несправедливым. Но я не могу не подвергнуть суду Денисова, превысившего власть свою». На это Ермолов возразил: «Во-первых, я знаю положительно и докажу вам, что ваше обвинение несправедливо и совершенно неосновательно. Во-вторых, я спрошу вас — дерзнули ли бы вы сделать малейшее замечание Платову, который несравненно более Денисова и весьма часто превышал власть свою, и, в-третьих, я обращу ваше внимание на следующее: я был еще ничтожным офицером, а вы — ребенком, когда этот храбрый Денисов, отличаемый Суворовым, заставил в 1794 году десятитысячный польский корпус положить оружие и спас с двумя полками пруссаков после отражения их от Варшавы». Зная благосклонность Государя к Ермолову, который не преминул бы довести все до сведения Государя, Чернышев оказался вынужденным освободить Денисова от суда. Возвращаясь в Грузию, Ермолов проехал через Аксай, куда выехали к нему навстречу многие донцы, которые весьма любили и уважали его. В числе прибывших находился и Денисов, который приехал благодарить за ходатайство о нем. Мне это рассказал сам Болгарский и дополнил Адриан Карпович Денисов». Несколько дальше, я отыскал еще одну заметку об этой встрече: «Ермолов, выехавший с Кавказа в 1821 году, узнав в земле донских казаков, что ген. Чернышев, известный по своему примерному хвастовству и презренным душевным свойствам, отдал под суд ген. А. К. Денисова, решился спасти его. Чернышев, о котором А. Л. Нарышкин сказал Государю вскоре после его возвращения с Дона:

«Si le general n'a pas le don de la parole, il a au moins la parole du Don»

(— каламбур труднопереводимый — если генерал не имеет дара речи, то он, по крайней мере, имеет право говорить от имени Дона),

нашелся вынужденным освободить Денисова из-под суда, вследствие разговора своего с Ермоловым. Хотя Денисов, увидав после того Ермолова, благодарил его за ходатайство, но он при этом случае сказал следующее: «Я благодарю вас за себя, но не за казаков, потому что, если б суд состоялся, я не преминул бы выставить все глупости и злоупотребления Чернышева, о коих я теперь вынужден молчать». Как известно, несмотря на то, что суда не было, в результате клеветнических обвинений, Адриан Карпович был уволен в отставку (Н. В.).

Выше в дневнике Дениса Давыдова упоминалось имя другого Денисова, Федора Петровича, с которым атаман Платов был не в ладах. Федор Петрович был дядей уже известного нам Адриана Карповича, а графский титул свой, не имея сыновей, передал сыну своей дочери, Василию Васильевичу Орлову, который стал таким образом графом Орловым-Денисовым. Василий Васильевич был сыном Войскового Атамана, ген.-от-кавалерии, Василия Орлова. Возвратимся к Федору Петровичу. По имеющимся у меня сведениям, заимствованным мной в «Справочной книге Императорской Главной квартиры», Федор Петрович «считался славой и украшением донцов». Из простых казаков он дослужился до чина генерала-от-кавалерии и первым из донцов был возведен в графское достоинство. Его тело было все изрешетено ранами, а храбрость его и военные таланты были из ряда вон выходящими. Возвратимся снова к дневнику Дениса Давыдова и послушаем, что он нам расскажет о Денисове. Прежде всего он делает выписку из французской книги «Критический разбор истории 1812 года» Сегюра касательно взятия в плен целого корпуса под начальством славного Ожеро: «Генерал Ожеро был взят русскими партизанами Денисовым, Давыдовым и Сеславиным, соединившимися для этого предприятия». Сегюр умалчивает о том, что 28 октябр 1812 года, несмотря на силу свою — до тысячи ста человек пехоты и пятисот конницы — Ожеро положил оружие перед слабыми силами партизан, «...большая часть лошадей, употребленных для возки фур и расположенных в окрестностях Смоленска, но в дальнем расстоянии от этого города, попались также в руки казакам. Император объявил неудовольствие свое генералу Бараге-Дальеру за то, что, будучи известен о движении неприятеля, не собрал войска свои. Император лишил его команды и сослал в Берлин, там определено судить его».

А Иловайский 9-ый, Иловайский 4-ый, Иловайский 10-ый, Иловайский 11-ый, — сколько славных страниц вписала эта семья в донскую летопись своей кровью и подвигами на поле брани! А славный Карпов (Аким Акимович), генерал, командовавший в Отечественную войну казачьими полками в авангарде Российской армии! Автор передает нам свой разговор с адъютантом Кутузова перед Бородиным: «Я бы стыдился, князь, предложить опасное предприятие, а потом уступить его исполнение другому. Вы сами знаете: я готов на все, надо пользу, а для пользы — людей мало!» — «Он больше не дает!» — «Дайте мне тысячу казаков, и вы увидите, что будет!» Тогда князь сел и написал мне инструкцию, также письма к генералам Васильчикову и Карпову: одному, чтоб назначил мне лучших гусаров, а другому — лучших казаков... «Вот с этим отрядом Д. Давыдову удалось совершить дела непревзойденной храбрости. Особенно Карпов отличился в сраженьи под Заболотьем, которое также называют Лубинским сраженьем...».

А казачий урядник Крючков, которого автор считает, как мы видели выше, «ездоком отличным и неутомимым, храбрости чистой, сметливости черкесской»! Страницы дневника буквально пестрят его именем и особо опасными поручениями, которые Давидов давал ему и тот прекрасно выполнял их. Есть и чисто человеческое — помощь в трудный момент, братская выручка без различия чинов и субординации. Случилось это после блестящего дела под местечком Белыничи, около Шклова. Брат Дениса, Лева, особенно отличился в этом деле и был тяжело ранен. Денису Давыдову удалось найти хирургов и отправить раненых казаков и брата в госпиталь. Предоставляю слово ему: «Грустно мне было расставаться со страждущим братом моим! К тому же, если б урядник Крючков не ссудил меня двадцатью пятью червонными, я принужден был бы отказать брату в денежном пособии, ибо казна моя никогда не превышала двух червонных во все время наших «разбоев». Вся добыча делилась между нижними чинами».

А вот и имя графа Орлова-Денисова, уже вскользь упомянутое нами выше. Он разделял славу Давыдова под Ляховым, под Копысом и под Булыничами. Это он внес самую славную страницу в историю родного Л. Гв. Казачьего полка, отразив смелой атакой удар наполеоновской гвардии, направленный прямо на холм, на котором находился Император Александр. Не будь этого, русский царь мог бы легко попасть в плен. Он же, вместе

с Платовым, выручает Дениса Давыдова около Малоярославца, о чем мы уже рассказывали выше. Имя громкое, славное, незабываемое! А рядом — краткое упоминание о каком-то хорунжем Ромоданове, который был смертельно ранен в день 8 марта под Дрезденом, — один из тех, о ком в синодике пишут: «Имена же их, Ты, Господи, веси»... Есть ли еще где-либо донцы Ромодановы, нет ли у них сведений поподробнее об этом славном представителе их рода? Перелистываю дальше, и вот снова — имя графа Василия Васильевича Орлова-Денисова... Небезызвестная история о том, как он и Давыдов пытались напасть и захватить в плен самого Наполеона. Я все же позволю себе снова напомнить эти строки: «Разъезды дали нам знать, что пехотные неприятельские колонны тянутся между Никулиным и Стеснами. Мы помчались к дороге и покрыли нашей ордой все пространство от Аносова до Мерлина. Неприятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, бежавшего во всю прыть для сомкнутия. Заметив сие, граф Орлов-Денисов приказал нам атаковать их. Расстройство сей колонны способствовало нам почти беспрепятственно затоптать ее и захватить в плен генералов Альмераса и Бюрта, до 200 нижних чинов, 4 орудия и множество обоза. Наконец, подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Это было уж гораздо за полдень. Мы вскочили на конь и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя бы одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми. Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов!» Найдутся ли в военной литературе всего мира подобные строки, где бы воин-поэт так мастерски и с таким восхищением описал воинскую доблесть и спокойствие врага перед лицом смерти, как это, полное достоинства, отступление старой наполеоновской гвардии?!... «Видя, что все наши азиатские атаки рушатся у сомкнутого строя европейского, я решился под вечер послать Чеченского полк вперед, чтобы ломать дорогу... Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались, как маков цвет среди снежного поля! Я, как теперь, вижу графа Орлова-Денисова, гарцующего у самой колонны на рыжем коне своем, окруженного моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейб-гвардии казацкого полка. Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки бросались к самому фронту, — но все было тщетно! Колонны валили одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами и смеялись над нашим вокруг них безуспешным рыцарством. В течение дня сего мы взяли еще одного генерала (Мартушевича), множество обозов и пленных до семисот человек. Но гвардия с Наполеоном прошла посреди казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими лодками». Далее, говоря об обозном имуществе, Денис Давыдов добавляет: «В числе оных была моими казаками взята карета г. Фена с картами топографического кабинета Наполеона, с рукописями и бумагами. К несчастью, я узнал об этом вечером, когда подошел к бивачному огню, я увидел все сии сокровища пылающими в костре. Все, что я мог спасти, состояло в карте России г. Самсона (картограф Наполеона. Н. В.) и в визитных карточках, с которыми г. Фен намеревался разъезжать по Москве с визитами».

«А теперь», говорит автор: «перейдем к документам». И он начинает приводить точный текст донесений военачальников Наполеону, его ответы и переписку между маршалами. Кое-что нас может заинтересовать: «Донесение ген. Бараге-Дильера маршалу Бертье, 8 сент. 1812 г. ...казаки рыщут на флангах наших. Разъезд в 150 гвардейских драгун попался в засаду казаков между дорогами Московской и Калужской... Казаки показались на Смоленской дороге. Они, в числе 30 человек, напали нечаянно на подвоз артиллерийских снарядов, состоявший в 15 яшиках, и сожгли оный». «Маршал Бертье — Мюрату. Вы, конечно, уже извещены, что произошло на Можайской дороге, но это ничто иное, как казаки, которые в числе 40 человек напали нечаянно в одной деревне на 15 артилл. палубов и подорвали их...» «... 500 или 600 казаков, пресекших Можайскую дорогу, нам причинили много вреда. Они подорвали 15 арт. палубов и взяли 2 резервные эскадрона, шедшие в армию, т. е. около 200 конных солдат. После сего казаки хотели атаковать большой подвоз артиллерийских снарядов, но ружейная стрельба их от этого удалила». «Наполеон — к Бертье, 12 сентября. Настаивайте, чтобы ген. Сент-Сюльпис имел патрули для прикрытия курьеров. Нужно бы узнать: отозваны или нет казацкие отряды, назначенные для перехвата оных?» Далее читаем бюллетень Главной квартиры Наполеона от 8 октября: «Неприятель выказыва-

ет много казаков, которые беспокоят кавалерию». В связи с этим маршал Бертье пишет маршалу Даву 21 октября: «Необходимо нужно, князь, переменить образ построения, употребляемый при переходах против неприятеля, обладающего таким множеством казаков. Надо делать переходы так, как мы делали оные в Египте: обозы в средине и в столько рядов, сколько позволит дорога, полубаталион в замке и несколько баталионов в одну шеренгу по бокам обоза...» Снова от маршала Бертье маршалу Нэю, от 21 октября: «Надо круто обуздать предприятие этой каналии казаков и обходиться с ними, как мы обходились с аравитянами в Египте». Императорский бюллетень от 30 октября: «От самого малоярославского дела наш авангард не видел неприятеля, разве одних казаков, которые, подобно аравитянам, рыщут на флангах и гарцуют вокруг, чтобы беспокоить нас». Следующий бюллетень от 21 ноября говорит: «С тех пор не видали уже русской пехоты, а одних казаков. Неприятель, видевший на дороге следы ужасного злополучия, поражающего французскую армию, старался этим воспользоваться. Он окружал все колонны казаками, которые отхватывали, как аравитяне в пустыне, отставшие фуры и повозки. Офицеры и солдаты много потерпели от усталости и голода. Многие лишились своего имущества от потери лошадей, некоторые — по причине засад казачьих. Казаки захватили великое число рассеянных и бродящих солдат, инженеров, ген штаба офицеров, снимавших планы местоположения и раненых офицеров, путешествовавших без осторожности». Далее идет повествование Дениса Давыдова о том, как полковник Иловайский 9-ый в день 13 октября около Медыни разбил авангард кн. Понятовского, взял 5 орудий, генерала Тышкевича, одного полковника и множество офицеров и рядовых.

Возвратимся к письму, посланному маршалом Бертье Мюрату, в котором он жаловался на потерю 15 палубов. Денис Давыдов приводит рапорт из нашего Главного штаба, из которого можно убедиться, что взято артилл. палубов было не 15, а 36, что было также взято в плен 2 капитана, еще 5 офицеров и 92 рядовых. Этот смелый налет был совершен сотником Войска Донского Юдиным.

Интересно отметить небольшой конфликт, возникший на фронте между Ермоловым и Платовым. Однажды Барклай де Толли приказал Ермолову сформировать легкий отряд. Ермолов, сформировав отряд, начальником его назначил ген. Шевича, а к нему под команду послали ген. Краснова с донцами. И вот, «хотя Платов был всегда большим приятелем Ермолова, с которым вместе находился в ссылке в Костроме в 1800 году, но он написал ему официальную бумагу, в которой спрашивал, давно ли старшего отдают под команду младшего, как напр., Краснова относительно Шевича, и притом в чужие войска? Ермолов отвечал ему официальной же бумагой, в которой находилось, между прочим, следующее: «О старшинстве Краснова я знаю не более вашего, потому что в вашей канцелярии не доставлен еще формулярный список этого генерала, недавно к нам переведенного из Черноморского Войска. Я вместе с тем вынужден заключить из слов ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского Государя, но никак не подданными его». Правитель дел Атамана Смирной предлагал Платову возражать Ермолову, но Платов отвечал: «Оставь Ермолова в покое, ты его не знаешь; он в состоянии сделать с нами то, что приведет наших казаков в сокрушение, а меня — в размышление».

Не раз добрым словом помянул в своем дневнике прославленный воин и поэт своих донских «односумов», деливших с ним и радость атаки, и хмель бивачный, и ночи морозные под открытым небом, словом, и горе и радости. Из самой глубины его пылкого сердца вылились стихи, в которых он описал себя, «сына белокаменной Москвы», что

жаждет сечи и молвы,
А там, что будет — вольны боги!
Давно незнаем им покой,
Привет родни, взор девы нежной;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — донцы, друг — конь надежный».

И вспоминается также его «Тост на обеде Донцов»:

Брызни искрами из плена,
Радость, жизнь донских холмов!
Окропи, моя любовь,
Черный ус мой белой пеной!
Друг народа удалого,
Я стакан с широким дном
Осушу одним глотком
В славу воинства Донского!
Здравствуйте, братцы атаманы-молодцы!

Н. Н. Воробьев

США.

ПРИВЕТ ДОНЦАМ!

Да здравствует Донцов воинственное племя!
Да здравствует и млад, и стар!
Привет вам всей Руси за славу в наше время!
Привет за славу вашу встарь!
Русь помнит те былые годы,
Когда свой гибельный удар,
Сын дикой степи и свободы.
Бросал ваш предок на татар:
Когда от Дона до Урала
И вдоль Днепровских берегов
Внезапной молнией сверкала
Казачья сабля меж врагов.
И помнит Русь тот день великий,
Когда бесстрашный богатырь
К подножью Грозного владыки
Поверг обширную Сибирь;
И подвиг дивный и кровавый,
Которым в летопись веков
На память вечную и славу
Внести разрушенный Азов.
Привет Донцам! Увековечен
Наш сильный, доблестный народ,
И знает мир, как вами встречен
Войны Отечественной год:
Весь Дон восстал на голос чести,
И день и ночь казак летел,
И крови, в битвах грозной мести,
Последней грозная година:
Повесив шашку на стене,
Казак за делом селянина
Забыл о славе и войне...

И. С. Никитин

1854 г.

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

Территория Войска, соприкасаясь на востоке с Сибирским Казачьим Войском, тянется лентой на несколько сот километров по безлесной равнине и примыкает к Уральскому Казачьему Войску. На севере территория Войска граничит с Уфимской лесной губернией, а на юге с песчаной равниной, которая тянется до Хивы и Бухары.

Многочисленные курганы и небольшие сараеобразные здания из каленого кирпича с такой же куполообразной крышей являются памятниками когда-то живших здесь кочевых народов.

Достопримечательности Войска: 1) Магнитная гора, состоящая из руды, богатой железом. Запасы этой руды настолько огромны, что их хватит на многие сотни лет для всей Руси. 2) Недалеко от Оренбурга есть так называемая Елецкая «соляная защита», где огромный пласт окаменелой соли, толщиной в несколько футов, залегает на довольно большом пространстве. Куски этой соли, на вид сероватые, смолотые в порошок, дают чистую белую соль, без всякого постороннего вкуса и запаха. При добыче соль взрывают, как камень.

Есть в Войске, недалеко от Тарутинской станицы, так называемое «горько-соленое» озеро. Озеро небольшое, в поперечнике до 1½ километра, берега пелогие песчаные и до 100 саженей от воды нет никакой растительности. Вода горько соленая, похожая на морскую.

В озере нет рыб и других живых организмов. Замечательно, что никогда никакие птицы не садятся на озеро, за исключением особой породы уток — оперение серое и белое вперемежку. Особенность этого озера: оно довольно круто уклоняется к центру, поверхность озера почти всегда спокойна, даже во время ветра, но бывает, что озеро вдруг без всякой причины становится бурным. Волны высокими валами устремляются от центра озера к берегам, выбрасывая иногда огромные окаменелые деревья длиной до 20-25 аршин и более. Конечно, корни и сучья обломаны, нет коры, а самая древесина тверда, как камень, и на огне не горит, как дерево или уголь, а нагревается, как железо, докрасна. Остывшая эта древесина становится мягкой, но не рассыпается сама по себе.

Есть еще одна особенность в Войске. Поселок Тарутинский находился при большом озере, в пяти километрах от него была луговая низина. Я называю ее луговой потому, что там местами росла трава, которая обычно растет на низких влажных местах, а в этой долине не было ни ручьев, ни болот,

потому казаки использовали ее для сенокосов. В 1862 году после покоса, когда сено уже было сложено в стога, люди разъехались по другим работам, — в одну из ночей вся долина оказалась затопленной водой, глубина которой местами доходила до двух саженей. Вода оказалась довольно хорошей и годной для питья, и поселок Тарутинский в 1871 году переселился со старого места к новому озеру. Пустили рыбу, она скоро расплодилась, но самое озеро постепенно начало мелеть, заростать камышами, рыба стала гибнуть и в 1910 году глубина его в некоторых местах была не более двух аршин. В озеро не впадало ни одной речушки.

Относительно быта казаков оренбуржцев ограничусь лишь тем, что слышал от своих отцов и дедов и что лично видел и знаю сам, так как никаких исторических данных под руками не имею.

В былое время, до покорения Хивы и Бухары в 1868 году, киргизы, потомки древних кочевых народов, проживая вблизи русских поселений, очень часто похищали русских мужчин и женщин, уводили и продавали их в Хиве и Бухаре. В 1866 г. были образованы особые сторожевые посты, которые должны были наблюдать за кочевниками. Таких постов в Войске было 21. Близ постов, в целях большей безопасности, стали возникать казачьи поселки, которые почти все носят исторические названия: Измаил, Требия, Тарутино, Бородино, Лейпциг, Берлин, Фершенпенуас, Париж и др.

Замечательно одно обстоятельство: в конце 19-го и в начале 20-го века всякий казак скажет вам, как проехать на 3-й номер, но большинство станет втупик и чистосердечно скажет: — где Фершенпенуас — не знаю. Особенность Войска: на территории его живут исключительно в своих поселках и станицах казаки, неказачье население — только лишь в городах. В конце 19-го века на территории Войска обнаружено много площадей с золотоносным песком (Кочкарская система, Парижская система и Айдорлинская) и правительство за разработку нет казачьей земли стало выплачивать Войску по 200.000 рублей в год арендную плату. Благоразумных казаков эта плата не радовала: пришлый приисковый люд принес много особенностей, чуждых тихому, спокойному и добропорядочному быту казаков.

А. Смородин

Бельгия.

ГЕНЕРАЛ В. Г. НАУМЕНКО

В марте текущего года исполнилось 80-летие со дня рождения маститого кубанского историка и писателя — ген. Вячеслава Григорьевича Науменко, несколько десятков лет пробывшего за рубежом Кубанским Войсковым Атаманом.

Всю плодотворную деятельность ген. В. Г. Науменко на службе России и родному Кубанскому Войску можно разделить на три этапа: чисто военный до избрания Войсковым Атаманом, административно-гражданский в бытность на атаманском посту и научно-писательский.

Казакам небезынтересно будет ознакомиться с поневоле краткими сведениями о каждом из этих трех жизненных этапов почтенного юбиляра.

В. Г. Науменко — казак Петровской станицы Куб. Каз. Войска. Родился он 25 февраля (ст. ст.) 1883 г. В 1901 г. окончил Воронежский кад. корпус и, затем, портупей-юнкером Николаевское кав. учил. Служба хорунжим началась в 1-ом Полтавском полку Куб. Войска, квартировавшем тогда в Эривани (Закавказье). В апр. 1914 г. В. Г., окончив Военную Академию, причисляется к Генеральному Штабу и отбывает ценз в штабе Кавказского воен. округа. С началом I-ой Мировой войны он назнач. старш. адъютантом 1-ой Куб. льготной див. (ген. Стахович) и 1-го авг. 1914 г. выступает на Юго-Зап. фронт. На должности старш. адъютанта остается 2 с половиной года. 22-го марта 1915 г. произведен в есаулы с переименованием в капитаны и переводом в Ген. Штаб. Произведен в подполковники со старш. с 6-го дек. 1916 г. 31-го янв. 1917 г. назн. штаб-офицером особых поручений при штабе XXXI арм. корпуса (ген.-адъют. Мищенко). 21-7-1917 г. В. Г. старш. адъютант операт. отд. штаба Особой Армии

(ген. Эрдели). 29-10-1917 г. — нач. штаба 4-ой Куб. дивизии. Дивизию В. Г. застал демобилизованной на Кубани и был назначен в распоряжение Кубанского Войск. Атамана (полк. Филимонов). 28-11-1917 г. он назначается нач. полевого штаба ком. войсками Куб. области (ген. Черный). На этой должности остается до выхода из Екатеринодара и соединения с армией ген. Корнилова (18 марта 1918 г.). После соединения с Корниловым В. Г. — нач. штаба кон. отряда ген. Покровского, уже будучи полковником (произведен 18-2-1918 г.). Скоро, к концу 1-го Куб. похода, кон. отряд ген. Покровского был развернут в кон. бригаду. 7-6-1918 г. В. Г. назначается пом. командира 1-го Куб. полка и в составе его выступает во 2-ой Куб. поход (27-6-1918 г.). В. Г. вступает в командование 1-ым Куб. полком, переименованным впоследствии в Корниловский конный, Куб. Каз. Войска, полк. В ночь на 2 авг. полк Науменко, во главе своего Корниловского полка, врывается в Екатеринодар... 14 авг. 1918 г. полк. Науменко становится к-ром 1-ой бригады 1-ой кон. дивизии (ген. Эрдели). 19 ноября получает в командование 1-ую дивизию. За боевые отличия производится в ген. майоры (8-12-1918 г.). В тот же день ген.-майор Науменко назначается членом Куб. Краевого Пр-ва по военным делам, а 1-го февр. 1919 г. — Походным Атаманом, на каковых должностях пробыл до 30-9-1919 г., когда поступил в распоряжение Войскового Атамана ген. Филимонова. 11-10-1919 г. В. Г получает в командование 2-ой Куб. корпус. На этой должности служит до 25-4-1920 г., когда отзывается в распоряжение Главнокомандующего Русской Армией ген. Врангеля. В. Г. принимал участие в десанте на Кубань с 27-7 по 24-8-1920 г. 20 сент. 1920 г. он становится начальником 1-ой кав. дивизии (в Крыму). 1-10-1920 г. вступает в командование конной группой ген. Бабиева, смерт. раненого в Заднепровской операции. Раненый в свою очередь, В. Г. эвакуируется в Крым.

В. Г. Науменко был ранен дважды: 30-8-1914 г. под гор. Стрием в Галиции, в бою 1-ой Куб. дивизии с австро-венгерской конницей, и 1-10-1920 г. в Заднепровской операции, в бою конной группы с красной кавалерией.

Кроме обычных офицерских наград, какие он мог получить в Первую Мировую войну, В. Г. имел следующие высшие награды: Георгиевское оружие, Знак I-ой степени за 1-ый Куб. поход, Крест 1-ой степени Спасения Кубани и французскую Военную Медаль.

В первых числах ноября 1920 г. Русская Армия, имея в своем составе Добровольческий корпус и казачьи — донские, кубанские и терские дивизии, покидает последний клочек Русской земли — Крым и занимает указаные ей союзниками места для временного поселения. Пустынный остров Лемнос выпал на долю казачьих частей. Кубанские казаки оказались здесь без своего Атамана. Бывший Войсковой Атаман ген. Букретов, после трагической сдачи большевикам части кубанских казаков (на Черноморском побережье в 1920 г.), покинул остатки своего Войска и выехал заграницу — в Соединенные Штаты Америки, где вскоре и умер. Бывший его помощник на Кубани инженер Иванис ничего другого не мог придумать, как захватить с собою драгоценную Атаманскую булаву, унаследованную Кубанским Войском от своих предков — Запорожских Рыцарей, и скрыться с ней. Где проживает сейчас этот «почтенный» человек — неизвестно.

По прибытии на Лемнос кубанские казаки, во главе со своей Краевой Радой, немедленно приступили к выборам Войскового Атамана. На эту высокую, ответственную и нелегкую должность единогласно был избран ген. В. Г. Науменко. 38 лет, в тяжелых условиях беженства, пробыл на своем славном посту Атаман Науменко. Много трудов положил он на то, чтобы сохранить от распыления родное зарубежное Кубанское Войско и несмотря на скудные средства, имевшиеся в его распоряжении, многим кубанцам смог он оказать материальную помощь, не говоря уже о том, что каждый кубанец мог расчитывать на неизменную с его стороны моральную поддержку и добрый совет... Первостепенной его заботой, с самого начала атаманства, было: во что бы то ни стало, сохранить в неприкосновенности все Войсковые Регалии — гордость и славу Кубанского казачества, чтобы передать их потом будущему куб. каз. потомству. Это было нелегко сделать. В Европе того времени происходили большие политические события. Усталые от войны народы залечивали свои раны и расчитывать на какое-либо особое с их стороны внимание было трудно. Сейчас же после 2-ой Мировой войны В. Г. Науменко, не откладывая времени, входит в сношения с куб. казаками, проживавшими в США, и вскоре отправляет им из Европы все куб. регалии. Через короткое время, вместе со штабом, и сам Атаман уезжает на постоянное жительство в Америку. Там, при содействии местных кубанцев, в том числе нынешнего Войскового Атамана — войск. старш. Б. И. Ткачева, В. Г. стал подыскивать в Нью-Йорке, с целью купить, солидный каменный дом,

в котором можно было бы разместить не только Войсковые регалии, но и другие службы Войска. И вот свершилось чудо: кубанские казаки, проживающие в богатой и гостеприимной Америке, идут на поистине великие материальные жертвы и, в конце концов, благодаря упорству, уменью, никогда неизменяющей казаку казачьей сметке и любовному отношению друг к другу — поместительный дом приобретен в собственность Куб. Каз. Войска. В нем просторно разместились не только Войсковые регалии, но и богатый куб. казачий музей. Основное дело было сделано. Теперь, ведя текущие дела, Войсковой Атаман берется за перо. Вдумчивый, неразговорчивый, усидчивый в систематическом труде, В. Г. не только восстановил всю историю Куб. Войска, но и беспристрастно, подробно и правдиво описал нашу казачью трагедию как на Черноморском побережье, так и во время выдачи казаков большевикам англичанами в австрийском Лиенце и в других городах других государств... Сейчас его трех-томный труд издает Всеславянское Издат. в Нью-Йорке под названием: «Великое предательство». Этот труд В. Г. Науменко важен не для одних казаков, в одинаковой степени важен он для всех русских людей. Во-первых, как материал для буд. беспристрастного русского историка; во-вторых, — все казаки и их дети, а также и все русские люди должны знать всю правду о том, как отблагодарили нас — русских людей, бывшие наши союзники — англичане за то, что в I-ой Мировой войне мы вместе с ними честно и доблестно сражались с общими врагами и за то еще, что мы до конца остались верны союзу с ними... Будем надеяться, что высокополезный труд ген. Науменко будет переведен на иностранные языки, в том числе и на английский, чтобы весь мир знал, какие ужасы творили по отношению к нам английские солдаты в июне 1945 года, в угоду заклятым врагам человечества — коммунистам...

Зарубежное Куб. Каз. Войско избрало ген. В. Г. Науменко, за его бескорыстные труды и заботы о Войске, Почетным Стариком Кубанского Войска и Почетным Пожизненным Хранителем Войскового музея.

Заканчивая эту юбилейную заметку, низко кланяюсь как юбиляру, за его труды во славу горячо любимого нашего Войска, так и его помощнице — подруге жизни — супруге... От всей души и сердца желаю им здравствовать еще много лет для продолжения их плодотворной деятельности на благо родного Кубанского Казачьего Войска, а следовательно и России.

А. Толбатовский

Париж.

«СОЮЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ» В БОЛГАРИИ В 1922-23 ГОДАХ И БОРЬБА С НИМ.

В сов. зоне Германии существует Комитет, ведущий пропаганду за возвращение в СССР и издающий газету «Голос Родины».

Деятельность этого Комитета постепенно проникает во все страны рассеяния русской эмиграции, и в некоторых странах как будто начинает завоевывать покровительство правительственных кругов и доверие некоторой части русской эмиграции...

Интересно поэтому вспомнить о деятельности «Союза Возвращения на Родину» в Болгарии в 1922-23 гг. Его деятельность была направлена главным образом на проведение идей мировой революции и на «изъятие» из эмиграции казаков. Для большей ясности необходимо в общих чертах обрисовать период, предшествовавший работе этого Союза и возникновение вопроса репатриации.

С крушением всех антибольшевистских фронтов, в эмиграции оказалось свыше полутора миллиона русских беглецов, военных и гражданских лиц. Примерно около 100 тысяч из них были казаки всех Каз. Войск. Наибольшее число составляли донцы — около 40 тысяч.

Тогда, как общероссийская эмиграция более чем на 90 проц. состояла из интелигенции, казачья — наоборот, более чем на 90 проц. была из рядовых казаков-землеробов. Поэтому наличие казаков заграницей большевикам было особенно нежелательно: они мешали им в ведении пропаганды «всемир-

ной пролетарской революции».

С оставлением Крыма Дон. Корпус был размещен в Турции в лагерях: Чилингир, Санжак-Тепэ, Кабаджа и Хадем-Киой. Атаманское Училище, отд. воинские части и часть беженцев были поселены на о-ве Лемносе. Там же был поселен и Кубанский Каз. Корпус. Часть дон. беженцев очутилась в Галиполи, где был размещен Добровольческий Корпус, наконец, часть попала в Грецию, Югославию, Болгарию и Румынию. Все войсковые части и беженцы, находившиеся в Турции и на островах, были взяты на иждивение Францией, для которой, после только что окончившейся разорительной войны, это было тяжелым бременем. Вероятно, не без влияния большевиков, крайне-левые французские партии скоро стали требовать прекращения содержания русских эмигрантов. В силу этого французское командование в Константинополе получило инструкции от своего правительства, изложенные в приказе ген. Шарпи 15.1.1921 г. комендантам лагерей: «... одной из главнейших задач наших в настоящее время является возможно скорейшая эвакуация на постоянное жительство русских беженцев, как гражданских, так и военных, которые пожелали бы вернуться на родину, или на какое-нибудь постоянное место жительства».

Казаков, привыкших к свободе в родных степях, сильно угнетала лагерная жизнь, в тесноте, холоде и голоде. Бодрость сменяется унынием. И в лагерях появляются агитаторы за возвращение на Родину.

Войск. Атаманы и главнокомандующий ген. Врангель ищут выход из создавшегося положения, но найти его в Европе, разоренной войной, нелегко, да еще для такого громадного количества людей, ничего не имеющих.

Французское правительство стремится привлечь, дабы уменьшить свои расходы на эмиграцию, и другие государства. Его представитель в Лиге Наций, в которой находился и представитель Совета Народных Комиссаров, поднял вопрос о Верховном Комиссаре для беженцев. Большевики, пользуясь создавшимся положением, зондируют почву о возможности возвращения казаков «на Родину». В половине января 1921 г. командующим франц. оккупационными войсками в Турции ген. Шарпи был отдан приказ, в пункте 7 которого писалось: «В каждом лагере, как гражданском, так и военном, должны разыскиваться беженцы, принадлежащие к чисто русской национальности, которые бы выразили желание вернуться в Россию. Им должно быть сообщено, что приняты меры для того, чтобы им были бы предоставлены гарантии личной безопасности в случае, если они могли бы быть направлены в один из портов Сов. России».

Как бы в следствие этого приказа 13. 2. 1921 года, лагеря казаков Чилингиря, Санжак-Тепе и Кабаджи, под охраной франц. полиции посетил представитель советской нефтепромышленности Серебровский для вербовки рабочих на нефтяные промыслы Баку и Грозного. Вербовка производилась под воздействием на казаков французской комендатуры (подробности об этом изложены в книге «Казаки в Чаталдже и на Лемносе», изд. Дон. Истор. Комиссией 1924 г.) по контракту на один год с условием, что через 6 месяцев к работающим могут приехать семьи, а по окончании контракта все могут разъехаться по домам полноправными гражданами. Неизвестность будущего в эмиграции, тяжелая жизнь в лагерях, перспектива через 6 мес. увидать родных, а через год стать «свободным гражданином», хотя и при нелюбимом режиме, но на Родине, дали Серебровскому «улов» в 3.481 донцов (Чилингир — 1.100 чел., Санжак-Тепе — 1.358, Кабаджа — 480, Хадым-Кей — 24, Лемнос — 550), который был отправлен в Новороссийск на турецк. пароходе «Решид-Паша».

27-28 марта уехала новая партия в 5.869 чел. (донцов из турец. лагерей Дон. корпуса — 773 чел., из Лемноского лагеря: донцов 1.982 чел., кубанцев — 1.662 чел., и из беженского лагеря казаков разных Войск — 1.452 чел.), отправленная в Одессу на «Решид-Паше» и на русском пароходе «Дон» (под французским флагом).

14 июня Серебровский, как и прежде при содействии франц. командования, произвел новую вербовку на Лемносе (из Дон. Корпуса — 218 чел., из Кубанкого — 247, из беженского лагеря, донцы и кубанцы — 1.689 чел.). Записавшиеся были отправлены на «Решид-Паше» в Батум.

Но следующая вербовка 21 июня, в виду начавшихся перевозок донцов и кубанцев в Болгарию и Югославию, дала всего 9 кубанцев и какое-то количество беженцев из Константинополя и с о-вов Мраморного моря. Все они были отправлены на пароходе «Кера-Сунд» в Батум.

Многие из уехавших расчитывали, что им удастся бежать с места работы в горы и оттуда продолжать борьбу с сов. властью. Но через некоторое время Дон. Атаману ген. А. П. Богаевскому, уже в Болгарии, стало известно, что все вывезенные казаки на месте

выгрузки в России подвергались «фильтровке»: часть направлялась в тюрьмы, некоторые расстреливались на месте. После разделения по Войскам донцы были отправлены на нефт. промыслы, терцы — на угольные шахты Донецкого бассейна, а кубанцы и казаки др. Войск частично в оба района, т. е. их удаляли от месте их рождения. Семьи же вернувшихся не были допущены даже на свидание. Режим на работах был каторжный, а в конце, еще до окончания контракта, почти все эти казаки были вывезены на крайний север и в Сибирь, на лесозаготовки, где стали первыми заключенными рабочих лагерей.

Войсковым Атаманам в их борьбе с вывозом казаков в Сов. Россию оказывал большое содействие Центральный Объединенный Комитет Российских Гуманитарных Организаций («Ц.О.К.»), добившийся смягчения, а затем и отмены распоряжений франц. командования в Турции в отношении возвращения казаков на родину. Его представитель на Лемносе по оказанию помощи казакам был М. П. Шаповаленко, очень хорошо относившийся к казакам. В этот период он писал в Париж соответствующие его отношению к казакам доклады представителю ЦОК'а в Париже, который при обращении к франц. председателю Совета Министров Бриану, с просьбой о продлении помощи беженцам, говорил и специально о казаках. В дальнейшем, в период существования Союза Возвращения на Родину в Болгарии, отношение ЦСК к вопросу репатриации изменилось, но об этом будет сказано ниже.

С переездом Дон. Корпуса, за исключением Гвард. Бригады, и значительной части дон. беженцев из Константинопольского района в Болгарию, туда же переехал и Дон. Атаман ген. А. П. Богаевский. Туда же были перевезены терцы и астраханцы и некоторая часть кубанцев. Дон. Гвард. бригада и наибольшая часть кубанцев были перевезены в Югославию, куда переехали и Кубанский, Терский и Астраханский Войск. Атаманы. В Болгарии в это время у власти стояло «земледельческое» правительство Стамболийского, покровительствовавшее большевикам. Местная коммунистическая партия играла значительную роль. В Югославии хозяином положения был король Александр, преследовавший коммунистов.

С переездом Дон. Атамана в Болгарию его ближайшими помощниками и сотрудниками по оказанию помощи донцам, и нередко и казакам других Войск, были П. А. Скачков — заведующий беженским отделом Дон. пр-ва, И. К. Зенков — председатель комитета «Каз Помощь», и Н. В. Куницын — редактор газеты «Каз. Думы». Все трое обладали огромной работоспособностью и неподкупной честностью и составляли как бы неразделимое целое, являясь беспрекословными исполнителями воли Атамана. А при скудных Войсковых средствах нужно было проделать огромную работу по устройству казаков.

Дон. Атаман ген. А. П. Богаевский всю свою жизнь выгодно отличался от разного рода «вождей»: он никогда не фантазировал, никогда не обещал «весенних походов», а всегда говорил казакам: «устраивайтесь крепко, когда нужно будет — я вас позову и если к тому времени кто-либо будет иметь свое хозяйство, — оно не пропадет». А чтобы устраиваться, не имея денег, нужно было иметь какую-то специальность, и Атаман приказал прежде всего организовывать в местах скопления казаков станицы и хутора, а при них создавать курсы сапожные, столярные, портняжные, и где можно тракторные, автомобильные и т. д. Болгария покрылась сетью станиц и хуторов. Там, где были организованы какие-нибудь курсы — необходимые инструменты покупались за счет Дон. Казны и присылались инструктора из центра, получавшие оттуда же жалованье. Для тракторных, автомобильных и др. технических курсов, находившихся в Софии, были приобретены все необходимые пособия, для приезжающих из провинции на курсы были организованы безплатные общежития с безплатным же питанием. Комитет «Каз. Помощь» имел задачей помогать казакам по устройству в высшие учебные заведения, по переезду из одной страны в другую, по устройству на работу, а также и оказывать матер. помощь казакам, попавшим в беду. Издание же газеты и журнала «Каз. Думы» имело целью поддерживать у казаков заветы дедов и прадедов, а главное единства. Все это выполнялось безукоризненно.

Рядовые казаки, очутившись в чужой обстановке, переживали это очень болезненно. С жадностью они прислушивались к каждому известию из России и жили одной надеждой поскорее вернуться к себе домой на Дон или Кубань. Особенно острым это чувство становилось весной, когда пробуждалась природа и с полей и гор веяло теплом и радостью. Но они только усиливали печаль и мрачное состояние духа у казаков.

Но одновременно у казачьих «верхов» появляется болезнь «вождизма». Создается ряд каз. полит. группировок от крайне-правых до «сменовеховцев», т. е. признающих Совет На-

родных Комиссаров за законную российскую власть.

К числу последних принадлежал Сельскохозяйственный каз. Союз, возглавляемый членом Дон. Войск. Круга Дудаковым. Каким-то образом, при помощи Лиги Наций, этому Союзу удалось вывезти из Турции в Болгарию около тысячи казаков, что создало ему некоторую рекламу. В Болгарии он пользовался покровительством болгарского «земледельческого» пр-ва и даже вошел в качестве самостоятельной единицы в Болг. Земледельческий Союз, что поставило его в привилегированное положение среди других русских и каз. организаций. К 1922 г. С.-Хоз. Каз. Союз открыто стал на позицию примирения с сов. властью и проводил эту идею в своей газете «Вестник Земледельца», а руководители Союза вели открытую пропаганду путем устных выступлений.

Бывший Дон. Атаман ген. П. Н. Краснов в это время начал рассылать казакам письма, призывая уходить из Армии, организовываться и дать ему поручение ехать в САСШ, чтобы просить их президента отпустить казакам пароходы, живой и мертвый инвентарь, дабы казаки под американским и донским флагами отплыли бы к берегам Дона...

В это же время организация гр. М. Н. Граббе из Парижа предлагает казакам перевезти их во Францию на работы, при условии, что они в своем обращении налишут, что Атаман Богаевский ничего для казаков не делает.

Сбразовавшиеся полит. группировки становятся в оппозицию к Атаману за то, что он не ведет казаков по линии их партий. Все они претендуют на свое право быть выразителями воли и желаний казачества.

А в Лиге Наций, где заседает и сов. представитель, Международным Красным Кретом ставится вопрос о создании Верховного Комиссариата по делам русских беженцев, с целью заботиться о их правовом положении и найти им занятия или вернуть их в Россию.

На конференции 16-19 сент. 1921 г. представителями заинтересованных правительств, при участии сов. комиссара Литвинова, была принята резолюция: «Верх. Комиссариат имеет целью окончательную ликвидацию беженского вопроса, а не благотворительную работу... самым верным средством разрешения вопроса — возвращение на родину». Было, однако, принято и постановление, чтобы «ни один человек не был возвращен в Россию против его воли».

16 авг. 1921 г. Нансен был избран Советом Лиги Наций Верх. Комиссаром помощи голодающим в России, а 20 авг. согласился стать и Верх. Комиссаром по делам русских беженцев. Нансен говорил, что «... полным и окончательным разрешением вопроса, поставленного присутствием в Европе $1^1/_2$ миллиона беженцев, было бы возвращение их к их очагам»... Изучив этот вопрос в целом и в подробностях те условия, которые должны быть осуществлены для этого — Нансен пришел к выводу, «что невозможно и несправедливо при настоящих условиях предлагать возвращение домой более или менее значительному числу беженцев». Однако большевики и их попутчики настаивали на ликвидации беженского вопроса путем репатриации. Нансен же 13 мая 1922 г. в докладе Совету Лиги Наций заявил: «Возвращение беженцев на родину для данного времени не представляется практическим разрешением вопроса... и предпочтительнее, чтобы они оставались в центр. или запад. Европе, как бы ни было тяжело их положение».

Однако, большевики делают все возможное, чтобы изъять из эмиграции казаков и, видя упорство Нансена, прибегли к другому способу, ища себе пособников в среде самих эмигрантов. На сцену появляется «сотник» Дю-Шайля, именующий себя представителем казаков. Его принадлежность к казакам заключалась в том, что он одно время, во время гражданской войны, был начальником полит. части Штаба Дон. Армии по протекции ген. Кельчевского, ее н-ка Штаба. Каких казаков он представлял — установить точно не удалось, но, вероятно, он имел какие-то полномочия от С.-Хоз. Каз. Союза. Дю Шайля всюду заявлял, что от 30 до 40 тыс. казаков хотят вернуться домой. К своей работе он привлек ес. А. М. Агеева, бывшего в свое время адъютантом командующего Дон. Армии ген. Сидорина. Дю Шайля не раз хвастался, что находится в непосредственных сношениях с Чичериным. Он же установил тесный контакт С.-Хоз. Каз. Союза с управлением д-ра Нансена и с его представителями на местах и устроил поездку ес. Агеева в Москву, где последний выяснил все детали участия С.-Хоз. Каз. Союза в репатриации, договорившись и о денежной стороне дела и о возможности поездки в Сов. Россию особой делегации Союза.

Чтобы заставить Нансена приступить к репатриации, Дю-Шайля, по заданию сов. правительства, в апреле 1922 г. приехал в Болгарию, чтобы положить начало организации «Союза Возвращения на Родину». Для этой же цели в Софию из Москвы, через Константинополь, под видом русского эмигранта,

приехал специальный агент под именем Коломийцева, а из Италии С. Ф. Морозов, бывший там сов. агентом, якобы бывший военнопленный. В Софии ими были завербованы Калинник и Митрофанов, бывшие офицеры Добр. Армии, Никулин — русский эмигрант 1905 г. и видный болгарский коммунист А. Неделков, который должен был быть на первых порах ходатаем у болг. властей по делам «Союза Возвращения на Родину». Этими лицами был выработан устав Союза, легализированный 26 апр. 1922 г. и было приступлено к организации его филиалов в провинции. А Дю-Шайля, получив устав Союза и его специальное обращение в Верх. Комиссариат по делам русских беженцев при Лиге Наций, отправился к Нансену и Литвинову. Все отделения Союза, немедленно после своей организации, по указанию Дю-Шайля, стали посылать свои просьбы д-ру Нансену о содействии в возвращении на Родину. Это значительно подкрепило позиции как Дю-Шайля, так и Литвинова. В течение первых двух месяцев **ни одного казака в руководящих органах Союза не было.**

В результате «ходатайств» Дю-Шайля и обращений от отделений Союза, в июле 1922 года состоялось соглашение между Нансеном и Литвиновым, в котором говорилось: 1) Д-р Нансен, действуя через подведомственные ему учреждения, принимает на себя организацию репатриации и все связанные с ней расходы. — 2) Подлежат репатриации только уроженцы Дона, Кубани и Терека, так как лишь в этих областях экономическое и санитарное положение является благоприятным. — 3) Русское пр-во подтверждает полную амнистию уроженцам этих областей рядовым участникам гражданской войны, служившие же на ответственных должностях должны исходатайствовать себе личную амнистию. — 4) При высадке в Новороссийске репатрианты принимаются представителем Народ. Комиссара Внутренних Дел и уполномоченным д-ра Нансена г-ом Гарвином. — 5) Надзор за действительным осуществлением амнистии возлагается на высшего представителя Народ. Комисс. Внутр. Дел в г. Ростове. — 6) Принимая на себя перед общественным мнением Европы ответственность за выполнение данных сов. пр-вом обещаний, д-р Нансен считает крайне необходимым принять строжайшие меры к недопущению агентов-провокаторов, подосланных Врангелем в состав репатриантов. Поэтому, руководителю отправкой г-ну Коллинсу и руководителю высадкой с судов г. Гарвину предложено допускать к поездке и высадке только лиц, получивших от компетентного русского представительства визу на въезд. — 7) Виза выдается представителем Российского Красного Креста, который составляет подробные ведомости на всех репатриантов, доставляемые заблаговременно в Верх. Комиссариат в Женеву, а равно как и представителям д-ра Нансена — в Болгарии г. Коллинсу и в Новороссийске г. Гарвину. — 8) Все лица, не значущиеся в этих списках, будут возвращены обратно. — 9) Каждой отправляемой партии будет разрешено по высадке выбрать из своей среды небольшую делегацию (не больше 5 на 1.000), для оповещения оставшихся в эмиграции об оказанном приеме».

Одновременно было заключено и соглашение с болгарским пр-вом о допущении в Болгарию советской миссии Красного Креста, которая должна заняться возвращением желающих беженцев в Россию. Было также возбуждено ходатайство перед сербским правительством о въезде в Югославию представителя Сов. Кр. Креста Кирдецова.

Вырабатывая этот «договор», д-р Нансен не мог сделать заявления о том, что условия в России изменились. В России голод, но в России есть места, имевшие удовлетворительный урожай и в которых, по сравнению с другими местами, голода нет. Такими местами, по заявлению Литвинова, являлись казачьи области. С другой стороны, сов. пр-во, по словам того же Литвинова, признает желательным возвращение казаков на родину, как хороших земледельцев, которые так нужны России в момент неурожая... Так большевики обманывали д-ра Нансена и казаков.

(Продолжение следует)

Париж.

А. Падалкин

ЖУРАВЛИ.

Дружная, шумная, ликующая весна юга России. И земля, и воды, и воздух оглашаются радостными, торжествующими звуками поведы жизни над долгим тяжким сном зимы. В лазурно-голубом небесном океане, в звуки пернатых певцов, воздающих хвалу Творцу, из небесных глубин вливается курлыканье журавлей. Вот и их тяжелые стройные фаланги маневрирующие на-лету... Распластаны журавли в воздухе, вытянуты их длинные шеи, ноги, размеренно-ритмически и, кажется, тяжко, с усилием машут они громадными крыльями, издавая тоскливые, величавые вскрики... Тянут на север, в глухие нежилые места, — трудно большой птице держаться в густонаселенной, открытой местности — беспощаден к ней человек... Тяжел их полет, сзади и впереди многие сотни верст голодного пути, с постоянной тревогой при редких отдыхах: то зверь, то человек нарушает покой измученных... Сделан длиннейший перелет через море. Устали, бедные, тяжко-тяжко летят... К вечеру снижаются с поднебесных высот, долго кружат, высматривают — нет ли по-близости жилищ человека? Как будто, нет — под ними глухая, болотистая низина, она манит к себе, обещая еду и отдых и от этого медленное до того кружение их становися беспокойным и нервным... Вот, наконец, усталые журавли садятся на землю и с жадностью набрасываются на остатки прошлогодней растительности, рады они и всякой болотной животности... Быстро проходит ночь. Крепко засыпают пернатые странники, стоя на одной ноге, уткнув длинные носы под крылья. Брызжет ранняя заря — пробуждаются журавли. Готовятся к очередному дневному полету: завтракают, чистятся, расправляют перья, пропуская их через клюв, хлопают крыльями, щелкают клювами, шумят, суетятся... Увлекшись, забывают об опасности. О ней, подняв тревогу, предупреждают дозорные. Поздно! Юный охотник подкрадывается совсем близко, вот он!... Беспорядочный, шумный встревоженный взлет журавлей... Гремит выстрел, жестокий, ненужный... Тревожно курлыча, строятся в вышине тяжелые журавлиные эскадроны и за вожаками тянутся на север... В одном лишь отряде тревога: там что-то случилось, там сбиваются в кучу, жалобно курлычат, один из журавлей беспомощно устремляется вниз, к нему подлетают другие, стараются удержать, клювами хватаются за крылья, замедляют на короткий миг паденье и снова подбитая птица, переворачиваясь, болтая крыльями, длинной шеей, ногами, комом падает на мягкую сырую землю, обагрив ее своею кровью... Несколько минут длится тяжкая агония: судорожно вытягиваются ноги, в последнем порыве, двумя-тремя толчками, расправляется одно крыло — другое неподвижно, переломлено у самого подрагивающего предплечья, — тянется вверх голова, смотрят в предсмертном тумане глаза несчастной птицы вслед улетающим, вот-вот из ее открытого клюва вырвется последний прощальный крик... Но... потекла из открытого клюва кровавая пена, упала голова, трепыхнулся журавль еще раз и его не стало... Потянул и последний строй за другими, только один журавль, перед тем как улететь, долго кружился над мертвым, то падая почти до земли, то вверх подымался, печально, печально курлыча...

Взглянул охотник на лежавшую у его ног мертвую птицу, толкнул ногою — кости, кожа да перья — и, беспечно посвистывая, пошел дальше за лучшей добычей, о выстреле же своем, жестоком и ненужном, и не подумал...

Отликовалась весна: шумными водами, песнями звонкими, цветами несметными, зеленями изумрудными... Хлопотливое лето ее заменило, быстро оно в трудах и заботах изжилось... Сытая осень с тишиною, мечтой, паутинкой летучей, на смену явилась и снова высь огласилась курлыканьем журавлей перелетных. Откормленные, с потомством, бодро день и ночь тянули они на юг. Плыли станицы журавлей, извиваясь то волнующейся лентой, то строем фаланги, то удлиняя, то сжимая строй. Красивый, величественный полет начинался и кончался в недосягаемых зрению гранях...

В тех же местах, тот же охотник снова бродил, наслаждался прекрасной погодой, стрелял жирных куропаток, с шумом и свистом вылетавших из просяниц, порой любовался полетом журавлей поднебесных... Вдруг видит — от фаланги одной оторвался журавль, описал несколько кругов, сложил крылья и камнем рухнул вниз... Ком окровавленных перьев, изломанных ног лежал неподалеку от охотника. Пораженный странным явлением, стал охотник искать причины его... И вспомнился ему жестокий, ненужный выстрел его в прекрасное весеннее утро, — и место было то же, где умер, им смертельно раненый, журавль! — и внезапно пришло ему на память, точно озарило, что журавли паруются в жизни только раз..

Стало очень, до боли грустно, представилась ему тоска журавля-одинца по другу — подружке и смерть от безысходной тоски на глазах...

Долго стоял в печали охотник, упрекая себя за жестокость, проявленную им так, без нужды, для забавы...

Прошло у него много лет мирной, хлопотливой жизни, были годы удачи, счастья, но ненужного выстрела своего забыть он не мог...

Годы войны со страшными жестокостями, умерщвлявшими лучшие движения человеческой души; годы скитаний, тяжелого труда, бездомности, одиночества: все это не могло умертвить в его памяти журавля, из поднебесья камнем павшего к его ногам от тоски о погибшем...

Воспоминанье о журавлях угнетало его до могилы. Умер, бедняга, во французском госпитале еще не в преклонных годах в холодную январьскую ночь, умер одинокий забытый, как журавль, им когда-то убитый в чудное весеннее утро, в ликующей южной степи...

В 32-ом году, незадолго до своей смерти, рассказал мне эту грустную повесть полковник Войска Дон. Иван Петрович Кузнецов.

Дранси (Франция).

Я. П. Богаевский

КРЕСТЫ.

1.

... Есаулу Котельникову снилось, будто стоял он посреди двора, полного вооруженных казаков, сновавших между привязанными к плетням заседланными конями, и разговаривал с вахмистром... Вахмистр жаловался на какую-то обывательскую подводу, которая должна была доставить в сотню патроны, но где-то запропастилась, так-что приходилось выступать почти без ничего, с тем ничтожным запасом обойм, что имелся в подсумках у казаков... Заросшее бородой багровое лицо вахмистра выражало смущение, он пожимал плечами, горестно разводил руками, словно оправдывался и всем видом своим показывал, что он не виноват, что ему вся эта история так же неприятна, как и «самому господину есаулу».. Котельникова, однако, пропавшая подвода с патронами нисколько не волновала. Это была обычная замешка, обязательно случавшаяся когда не следовало и всегда, в самый последний момент, как-то устранявшаяся... Не найдется подвода — за патронами можно нарядить конных... Штаб недалеко, конные успеют «до дела» смотаться туда и нагнать на походе сотню, привезя десяток-другой цинков. Для начала боя хватит, а там разыщется и подвода.. Кстати, для розыска ее можно будет сейчас же нарядить двух казаков... Есаул сказал об этом вахмистру и тот в ответ обрадованно закивал головой, довольный, что командир сотни не «серчает»...

На этом сон оборвался — есаул Котельников открыл глаза. Несколько мгновений он недоуменно осматривался, с усилием стараясь понять: где он находится-

То, что он увидел и ощутил в первые секунды так не походило на обычное пробуждение, ставшее ему в течение многих месяцев привычным. Никого рядом... Не слышно храпа, сонного бормотанья, посапывания и чмоканья спящих людей... Нет сена, на котором всегда приходилось спать, непременно попадавшего за воротник рубашки, коловшегося и заставлявшего беспрестанно чесаться... Дышалось легко, воздух был чист, без этого, застоявшегося с вечера, острого запаха махорочного дыма, к которому примешивался тяжелый дух от снятых на ночь портянок и кожаной амуниции, разбросанной повсюду... Так дышалось в те частые летние ночи, когда приходилось спать под открытым небом. Но зато тогда не было того покоя и тепла, какие есаул Котельников ощущал сейчас — как ни укрывайся, как ни натягивай на себя шинель — ночная, в особенности предутренняя, свежесть проникала отовсюду, охватывала все тело, заставляла его временами дрожать как в лихорадке и сжиматься в комок, подтягивая колени к самому подбородку...

Совсем не то сейчас. Никакого сена не бы-

ло и в помине. Отдохнувшее тело, укрытое свежей простыней и легким поверх шерстяным одеялом — Котельников, как бы не веря, комкал-ощупывал его край, — нежилось на мягкой теплой постели, под головой была настоящая пуховая, а не сплюснутая твердая кожаная седельная подушка... Вверху, куда прежде всего уперся взгляд Котельникова, темнел невысокий досчатый потолок... Сбоку, на белой стене черными квадратами выделялись рамы картин... Тускло блеснуло стекло какой-то высокой мебели, когда есаул повернул голову направо, откуда, сквозь щели плотно занавешенных окон, несмело проникали полоски света, разбавлявшие комнатный мрак и позволявшие различать неясные очертания предметов... Снаружи доносился еле слышный ровный непрерывный шум... И как только слуха Котельникова коснулся этот шум, похожий на шум воды, все мгновенно стало ему ясным.

— Так я же на мельнице у дяди Вани!

Котельников беззвучно рассмеялся, блаженно потянулся, зевнул и, не переставая улыбаться, снова закрыл глаза. Он выспался, но хотелось полежать еще немного, продлить это блаженное состояние, сознательно так сказать, ощутить всю прелесть новой обстановки — эту чудесную постель, устроенную на широком турецком диване с высокой спинкой, доходившей до висевших на стене рам, всю в лапчатых невиданных цветах, отпечатанных на покрывавшей ее материи, этот удивительный покой отдохнувшего тела, до красноты обмытого накануне — с теркой, горячей водой и с мылом! — эту тишину, еле-еле нарушаемую шумом падающей на мельничное колесо воды... Как все это не походило на ту жизнь, из которой он вырвался вчера... на целую неделю! Вчера... Незабываемый день! Как в калейдоскопе промелкнули перед ним все вчерашние события... Ночной тридцативерстный переход... Ранняя, на заре, переправа через Дон... Новый уже засветло, в составе всего полка, переход на хутора за железной дорогой, квартира в одном из них... Хлопоты по размещению уставших каазков и не менее уставших коней, перед тем как отдохнуть... Неожиданный вызов в штаб полка и еще более неожиданное предложение командира полка: — «Поезжай, Василий Иванович, на недельку в Черкасск или в Ростов, проветрись немножко», — сказал ему молодой, почти одних лет с ним, полковник. — «Ты целый год не был в отпуску..., если не считать за отпуск лазареты, когда был ранен», — засмеялся он. — «Мы простоим тут дней десять, пополнимся и пойдем на соединение с кавказцами, куда нас временно придают. Сдай сотню подхорунжему и жарь!» — «Я поеду в степь, к дяде. Тут близко, верст сорок. В города мне не хочется. Да там и не отдохнешь». — «Ты прав, с девочками какой же отдых?» — рассмеялся полковник. — «Поезжай к дяде. Главное — отдыхай»... И снова в дорогу. Можно было ехать глухою степью, Гетманским шляхом и по долинам Камышинки и Лиски. Котельников выбрал последнее направление — немного дальше, но коню, как и ему самому, требовалась передышка... Трехчасовая остановка в тихом хуторке, утопавшем в садах на берегу Камышинки, мертвый сон и опять на коня... Прибытие вечером на потерявшуюся среди степных просторов мельницу дяди, уютно гнездившуюся в глубокой и широкой балке, по дну которой струился ручей, питаемый родниками, никогда не пересыхавшей в летние жары... Радость свидания с дядей Ваней, тетей Ганей и племянницей Груней... Горячие объятия, взволнованные восклицания и... слезы! Старики еще не свыклись с потерей сына — двоюродного брата Котельникова, убитого полгода назад под Царицыном. Семилетняя дочка его — сиротка Груня, с сияющими глазками, беззаботная и радостная, жалась к Котельникову, обхватив его рученками за талию и спрашивала, подняв кверху смеющееся личико: «А ты, дядя Вася, долго будешь жить с нами?» — «Долго, Груня, долго, целых семь дней! Ты понимаешь? Семь дней!» — весело вскричал Котельников, подхватил девочку на руки и прижал ее головку к груди. — «Ты мне все покажешь на хуторе — мельницу, чигирь, сад, плантацию?» — «Покажу... да ты сам знаешь. Ты был летося, я помню, — смеялась девочка, обвивая рученьками шею Котельникова, и вдруг, став серьезной, с недоумением спросила: «А почему ты на так мало приехал?...» Ужин, предложенный немного растерявшейся тетей Ганей, не ожидавшей дорогого гостя, состоявший, кроме обычных щей и пшенной каши, из наскоро приготовленной яичницы и целой черепушки снятого пресного молока... Этот, по заверению тети Гани, все просившей извинить ее, скромный ужин показался Котельникову, привыкшему на фронте довольствоваться незатейливой, нерегулярной и случайной едой, настоящим пиршеством... А две-три рюмки настоящей водки, осторожно, чтобы не пролить ни одной капли драгоценной влаги, наливаемой дядей из бутылки — «последней, берегу для дорогих гостей»... — придали ему то приподнято-бодрое настрое-

ние, когда жизнь, несмотря на ее трагичность, становится не такой мрачной... Затянувшийся потом допоздна разговор с подробными расспросами дяди о военных новостях, недоуменная и настойчивая пытливость, с какой старый казак все допытывался у племянника-офицера объяснить ему: «чево они, большевики эти самые, хочуть, почему они так остервенели и все грабютца покорить Дон — мало им целой России?...» И, наконец, блаженный час, когда спохватившийся дядя — ... «ты, поди, устал, Васятка?» — предложил ему ... «обмыть фронтовую грязцу» перед сном. А-а какое наслаждение испытал Котельников, когда, нагнувшись, стоял в кадке с теплой мыльной водой, а дядя, отпуская шуточки, тер ему спину шерстяным чулком!... Вспоминая об этом, Котельников счастливо рассмеялся, потянулся еще раз, потом, чувствуя особый прилив сил, сбросил одеяло, подбежал, как был босиком, к занавескам и, распахнув одно из окон, высунулся наружу. В окно ворвался равномерный гул крушащих зерно жерновов и частое ступенчатое падение воды на мельничное колесо. Слышалось хлипко-отчетливое: «ч-ч-ч-ч»... — это вода отсчитывала все до единой колесные лопасти, на которые падала. Самой мельницы не было видно, она находилась за углом куренька, а окна выходили на долину с протекавшим, ближе к правому склону, ручьем «отработанной» воды. Сияло солнце, обдавая ярким светом широкое дно долины с ее густой осокой и пучками чаканных кустов у ручья. На правом пологом склоне, с выжженной темно-бурой травой, выделялся большой квадрат фруктовых, правильно, в шахматном порядке рассаженных, деревьев. Около чигиря, на лугу, помахивая хвостами и опустив головы, паслись две лошади. Котельников узнал своего рослого Донца и маленького, пузатого, темно-гнедого дядиного меринка-Панчика, хорошо знакомого ему по прежним наездам к дяде. Котельников усмехнулся, глядя на коней — ... «подружились»... — и посмотрел на чистое, точно вымытое, небо, стараясь на глаз определить время. Невидимое из окна солнце стояло невысоко, все хуторские постройки, примостившиеся у подножья высокого и крутого левого ската, отбрасывали большую тень. У самого куреня бродили куры, внимательно осматривавшие каждую травинку, охотились за мясом — мошками и козявками. Черный красавец кочет, с золотым ожерельем и кроваво-красным гребнем, услышав шум отворяемого окна, насторожился, бросил гортанно-предупреждающее: «ко-ко-ко-ко!», отчего все куры одновременно подняли, замерев, головы и вдруг, выпятив грудь и широко раскрыв клюв, закатил такое громогласное «кукареку», что Котельников невольно расхохотался. Кочет посмотрел на него, очевидно довольный произведенным впечатлением — весь вид его говорил: «вот мы какие тут!», — распустил одно крыло и, бия о землю лапой, сделал полукруг около ближайшей к нему, покорно присевшей на землю, курицы...

— «Господи, благодать-то какая! Солнце, свежий воздух, мир и покой во всем. Гоп-ля! Скорей одеваться!»

Около постели стояли ярко блиставшие сапоги.

— «Дядя надраил», — улыбнулся Котельников и скоренько обрядившись в чистое выглаженное белье, — «а это тетя Ганя»..., подумал он с благодарностью, вышел из горенки, где впервые за долгие месяцы фронтовой жизни провел чудесную ночь.

С крыльца Котельников увидал мчавшуюся к нему от летней кухни Груню, звонко кричавшую:

— Дядя Вася! Дядя Вася!! Иди скорей чай пить! С оладушками!

Рядом с Груней, подняв хвост и прыгая на всех четырех лапах, бежал, скаля от радости зубы, Полкан, превеселый пес, сразу узнавший вчера Котельникова, гостившего на мельнице год тому назад. Расцеловав Груню и погладив, закрывшего от ласки глаза Полкана, Котельников направился к кухне. Дорогой обратил внимание на подводу с жующим сено нераспряженным мерином, привязанным к кольцу в стене мельницы.

— Ну-как, Васинька, спалося? — певуче спросила его при входе в кухню тетя Ганя, добродушная старушка с приветливым полным лицом, с легким платком на голове, из-под которого выбивались пряди седых волос, в цветной кофточке, с засученными по локоть рукавами. — Отдохнул трошки?

— Никогда за целый год не спал так, тетя Ганя, — весело ответил Котельников. — Прямо, как в раю. И чего вы меня не разбудили раньше? Целых десять часов спал.

— Што ты, што ты, Васинька! — замахала руками тетя Ганя. — Разбудить... да рази можно? Господь с тобой! Из такой страсти приехал, уставши... да разбудить? Слава Те, Господи, што выспался. Садись-ка оладушков откушать. Сем-ка, думаю, служивому напеку... Вот каймачек..., чаю, извеняй, нету — пьем с вышней. Сахарку чудок разжилися, Маня из Черкасска прислала с оказией.

Маня была одной из трех двоюродных се-

стер Котельникова, давно повышедших замуж.

— Как она живет?

— Слава Богу, хорошо живет. Третьим недавночка разрешилась. Все казаки! — с гордостью произнесла старушка. — Евлампий-та, сам знаишь, в чиновниках, покудова не трогают ишо, живуть — слава Те, Господи, — дюже хорошо, не сглзить бы.

Тетя Ганя при последних словах перекрестилась.

— А дядя где?

— В мельнице он, закащик с Ольховского приехал. Сни скоро придут. Ешь оладушки, Василька, не жди их.

Оладьи, окунаемые в густой, с пригарочками, каймак, таяли во рту. От вишневого чая Котельников отказался, предпочел выпить топленого молока.

— Спасибо, тетя Ганя, наелся до-сыта. Долго буду вспоминать в полку ваши оладушки, — поблагодарил, закуривая, Котельников.

— Как у дяди Вани с табаком? — Разживается?

— Мученья с этим табаком, — горестно покачала головой тетя Ганя. — Кустов сто посадил напровесне, поливал-поливал, а толку мало. Квелый какой-то да пошти-што погорел весь. Остатний собрал, высушил да жалитца — крепкий дюже, все кашлиить. Я уж ему все толкую: брось ты ево курить, раз крепкий. Куды-там, и слухать не хочить.

— Я ему десять пачек папирос привез, все, что смог достать. Покурит хорошего табачку.

— Твой-та пахучий, приятный..., турецкий, должно. А он как начадить своим тютюном — мухи, прости Господи, дохнуть.

Груня пырскнула.

— Мух-то много, — смеясь и прижимаясь к Котельникову, сказала она, обнажая щербатые зубы.

— Да у тебя зубов нету? — спросил Котельников. — А я и не заметил.

— Дедушка ниточкой вынул три зуба, они шатались.

Снадворья послышались голоса. В кухню вошли, чему-то смеясь, дядя Ваня и коренастый старик с большой полуседой бородой, с коричневым от загара лицом, с проницательным взглядом живых, не потерявших блеска, серых глаз, с нависшими над ними пучками белесых от солнца бровей, с сеткой глубоких бороздок морщин на шее, не закрытой давно нестриженными волосами, седыми косичками, концами вверх, торчавшими из-под окольпша заношеной фуражки.

— А-а, служивый, — залучился в улыбке дядя Ваня. — Выспался? А я, грешным делом, пождал-пождал да и пустил мельницу. Уж не она-ль тебя разбудила?

— Нет-нет, дядя, мельница тут непричем, — здороваясь со стариком-заказчиком, ответил Котельников. — Проснулся я сам, нельзя было больше спать, целых десять часов был в постели.

Дядя Ваня, весь белый от мучной пыли, в расстегнутой на все пуговицы рубашке, подсаживался к столу, жестом пригласив гостя садиться.

Сняв фуражку и разгладив свободной рукой бороду, старик уселся на лавку. На маковке его засияла изрядная, в чайное блюдечко, лысина.

— Вы курите, дяденька? — протянул ему портсигар Котельников. — Угощайтесь.

— Спаси Христос, некурящие мы, — звучным басом проговорил старик. — Мы на Ольховском все по старой вере. Выходитшто, не потребляем эту зелью, грех один от нее.

— Ну, уж и грех, — запротестовал дядя Ваня, уплетая за обе щеки оладьи. — У вас, у Ольховцев, все грех.

— А-то не грех? — с живостью возразил старик, повышая голос, сразу наполнивший небольшое помещение.

Котельникова поразили звучность и приятный тембр голоса старика.

— Все вы, табашники, гутарить не могёте. Сипите, а не гутарите... да все кашлиите. И все от табаку этова-самова.

Под усами старика блеснул в улыбке ряд крепких чистых зубов.

— «Протодьякон какой-то», — подумал Котельников, с любопытством присматриваясь к старику.

— Это ты правильно гутаришь, Семён Егорыч, мой тоже кашлиить все, — поддержала старика тетя Ганя. — Хочь бы табак был, как табак, а то... Вот у племенника мово табачек приятный.

— Ну, будя вам, атаковали, — примирительно сказал, покончив с оладьями, дядя Ваня. — Вася! — обратился он к племяннику. — Егорыч пытает — не слыхал ли ты, часом, нащет штобы спущали казаков на уборку?

— Прямо бяда, Василь Иваныч, — сокрушенно заговорил старик и приглушенный голос его, потеряв звучность, перешел на низкий, почти октавный регистр. — Пшаница — во! — провел он большим пальцем правой руки по груди, — а убирать некому. Посуди сам, у меня, к примеру — я-сам, две девки да парнишка. Про мать не говорю, по

домачности не управляютца. Вот и все работники. Што ты с ними наработаишь? А на фронте у меня двое сыновьёв. Кабы пожéненые были — бабы-б помогали. А они обои хлостые. Вот и крутисси, как кобель за хвостом, толку-то никакова. Девки — што с них взять? Стараютца — да все не то, это тебе не казаки. Баба — баба и есть...

— Ты, Егорыч, баб не дюже чепляй. Чево-б вы без баб делали? — полушутя, полусерьезно огрызнулась тетя Ганя. — Бабы, бабы... у баб своих хлопот полон рот.

— Да ты не серчай, Михаловна! — во весь голос закричал Семен Егорыч, заставив вздрогнуть от неожиданности собеседников. — Не в обиду сказал, знаю, што без баб ни сдново-б казака не было! Ха-ха-ха! — загрохотал он, увлекая за собой всех.

Смеялся дядя Ваня, залилась смехом тетя Ганя, от души присоединился к ним повеселевший Котельников. Глядя на старших, смеялась и Груня.

— Про молодых, Семен Егорыч, ничего не слыхал, — сказал Котельников, когда все поуспокоились. — Старшие возрасты уже спустили. У нас в полку как раз молодые казаки и никаких отпусков на работы нет. Наоборот, полк сейчас пополняется.

— Бяда, — с видимым огорчением покрутил головой старик. — Вот привязались, сукины дети. И какова им хрена понадобилось иттить войной на казаков? К примеру, мы-ж не идём к ним? И они-б не перлись к нам. Я-вот толковал с Иван Михеичем — пшаница невпрóворот, а убрать ее када? До морозов дай Бог сложить в привалы. А молотить? Ну, скажем, молотить можно-б и зимой, ежли суслик не обмолотить раньше, а вот пахать-та када? Вот в чем главная бяда. Пра..., ума не приложу. С утра до ночки с косилки не слазию, а ее ишо уймишша. Девки измаялись, силов нету, ставють в кучки..., а-вить опосля возить все надобно. А тут, как на грех, жара. Два месяца дожжа ни капелички, пшаничка обсыпаитца, половину не собрать. Эх-ты, жизня! Не зря гутарють: слава казачья, а жисть собачья.

— И у всех так на хуторе, Семен Егорыч?

— У всех, Василь Иваныч, у всех. Ищо хуже есть. Помощь бы оказать — у самово ничево не выходить.

Старик вскоре распрощался, пообещав завтра же с верной оказией прислать мешок овса, выговоренный, очевидно, дядей Ваней.

— Сосед мой — Иван Евстигнеич должóн ехать в станицу. По дороге, стал-быть и подвезёт. Будь спокоен, Иван Михеич.

— Жалютца все, как один, — с наслаждением затягиваясь сладким дымком папироски, предложенной ему Котельниковым, рассказывал дядя Ваня. — К нам, Васятка, везуть молоть со всех хуторов — и с Венцов, и с Осинок, и с Ольховскова, — везде народ горюить, некому урожай убирать. Засеяли не так штобы много, скорей даже мало, фронт был близко, повинность замучила, возили харч разный, — а уродился хлеб порядошно. Самый бы раз собрать, хватило-б на прожиток. Ум за разум заходить, не знаешь, чем вся эта заворуха кончитца...

Тетя Ганя опустила голову при последних словах старого казака, плечи ее сжались. Заметив это, дядя Ваня круто переменил разговор.

— Мать, а мать, — обратился он к жене. — Ты нащёт бельишка-та похлопочи для Васятки, постирать, пошпопать што.

— Да у нево ничево и нету. Двое подштаников, две рубахи да утирки. В тороках нашла, в шинелé. Ништо в сумах есть ишо?

Котельников рассмеялся.

— Нет, тетя, кроме полотенца в сумах из белья ничего нет. Два раза, когда меня ранили, я терял все.

— И коней? — раскрыл от удивления глаза дядя Ваня.

— И коней. Этот у меня третий. Меня казаки подобрали, а коней пристрелили обоих, оба были ранены насмерть.

— Царица Небесная, страсти какие! — всплеснула руками тетя Ганя, лицо ее омрачилось, губы задрожали. — Сам-то ты, Васинька, куда был ранет? — спросила она, устремив на племянника тревожный взгляд.

— В грудь и в бедро. Да это пустяки, тетя Ганя, все кончилось благополучно, не волнуйтесь, ради Бога.

И в свою очередь, чтобы отвлечь внимание исстрадавшейся по убитом сыне старушки, спросил:

— А где мои сумы, дядя? Вчера вечером они были тут. В них имеется кое-что для вас и для тети Гани.

— А мне есть? — застенчиво улыбаясь, с детской непосредственностью спросила Груня.

— Ну, конечно, Груня, разве я мог забыть про тебя? И тебе я кое-что привез, вот увидишь.

— Сумы в курене, я их сычас принесу, — приподнялся с лавки дядя Ваня.

— Сидите, сидите, дядя Ваня. Я сам за ними схожу.

Котельников, за которым сейчас же метнулась Груня, принес сумы, порылся в них

и одну за другой вынул все десять пачек папирос.

— Это вам, дядя Ваня.

Старик просиял.

— Ну, племяш, никагда не забуду твово подарка! — растроганно проговорил он. — В праздники буду курить по одной.

Тетя Ганя не удержалась от смеха.

— По праздникам..., да их через два дня ни одной не останетца твоих папиросов, увидишь сам. Я-то уж тебя знаю.

Котельников держал в руках два квадратных пакета синей бумаги со спичками, по десяти коробок в каждом.

— О-о, это, брат, дорогая в степе́ штука — серники. И это, брат, не к папиросам, это твоей тётке, а не мне. Уменя кресала имеитца, ей и обхожусь. Тётке иной раз затепливаю огонь, када у ней угольки потухнут в золе. Морока одна без серников. Теперича зажывём! Бери, мать, это по твоей части.

— А это, тётя Ганя, вам.

Котельников протягивал старушке объемистый свёрток. Та нерешительно взяла его.

— Чевой-та тяжёлая... Чево эта?

— Дайте, я вам развяжу.

Торопясь, Котельников ножём перерезал верёвку, развернул бумагу и тётя Ганя ахнула при виде большого, туго свёрнутого, отрезка синей материи.

— Васинька! Родной мой! Вот спасибочка!

Тётка обняла и крепко расцеловала племянника.

— Иде эта ты набрал всё, Васятка?

— На Суровикиной, дядя Ваня. Жалко, не было времени, можно было бы ещё что прикупить. А теперь поищем для Груни. Для неё тоже имеется кое-что.

Котельников смотрел, смеясь, на девочку, уставившуюся, сжав ручёнки на груди, заблестевшими глазами в полуоткрытую кожаную суму с запущенной в неё рукой дяди.

— Вот! Это тебе, Груня! — и Котельников протянул девочке кулёк из толстой сахарной бумаги.

Груня поспешно раскрыла кулёк. Личико её расплылось в восхищённой улыбке.

— Леденцы! И пряники! О, дядя Вася!

Груня осторожно поставила на стол кулёк и повисла на шее Котельникова, изо всех сил прижавшись к его лицу щёчкой.

— У тебя есть карман? — спросил, чуть не до слёз растроганный Котельников при виде радости, какую доставил сиротке-племяннице убогий его подарок.

— Есть.

На платьице Груни, действительно, имелся маленький кармашек.

— Давай насыпем туда леденцов, а кулёк отдадим бабушке. Когда съешь, бабушка тебе ещё даст. Хорошо?

— Да, — согласилась Груня.

— А теперь подойди ближе ко мне, вот так, — сказал ей Котельников, после того, как тётя Ганя отсыпала в кармашек с десяток леденцов.

— Стой и не двигайся!

Котельников встал и быстро надел что то на шею Груне.

— Смотри!

Груня опустила взгляд широких раскрытых глаз на свою грудь и на лице её отразилось необычайное удивление.

— Как красиво! — чуть слышно, в восхищении прошептала она. — Это мне, дядя Вася?

— Ну, конечно, тебе. Бабушка больше не носит бус.

Разноцветные стекляшки — и круглые, и плоские, и звёздочками, — при малейшем движении Груни сверкали блестящими искорками и, как нужно было ожидать, это чудо из чудес поразило и обворожило её.

— Носи бусы днём, а вечером отравай их бабушке, она будет надевать их тебе каждое утро.

— Нет-нет, дядя Вася! — вскричала Груня, неожиданно выйдя из своего тихого созерцательно-восторженного состояния, навеянного на неё волшебными бусами. — Я их буду класть под подушку.

— Ладно, — расмеялся Котельников, — клади их на ночь под подушку.

Все были счастливы. Все вообще были глубоко несчастны и все эти мелочи, которые в другое время не привлекли бы ничьёго внимания, сейчас казались необычайно ценными, одинаково для всех — как для тех, кто их получал, так и для тех, кому выпадала редкая удача дарить их...

— Дядя Вася! Пойдем я тебе покажу всё, всё!

— Что ты мне покажешь, Груня?

— Я тебе покажу, где несутся курочки. Я тебе покажу, где живёт Полкан, я тебе покажу, где дедушка ловит пискариков. Хочешь?

— Хочу, пойдём, Груня. Дядя, — обратился Котельников к Ивану Михеичу, — если нужно вам помочь в чём-либо — скажите.

— Бог с тобой, Васятка! Отдыхай, родной. Какая там помощь? И помогать-то нечево. Мельнячушка сама работаит, надсматривай толька. Засыплю мешок на ночь, она и мелит ево целый день. Раньше поливка донимала, а теперича, выходить, и поливать нечево: всё сгорело, одна капуста да бахчишка ищо

держутца... И нащёт коня не беспокойся — так ево тебе представлю, када поедишь — не узнаешь. Я уж ево чистил утром. Плохо за ним смотрит твой вестовой. Из низовых какой?

— Нет, наш, верховой. Да некогда ему, дядя. Кабы вы знали, как мы мотаемся на фронте. Я пробыл на позициях всю германскую войну, так её и сравнить нельзя с этой, гражданской. Там во всём какой-то порядок был, хоть и тяжело было. А тут... Да чево рассказывать — горе одно, а не война. Позиций никогда нет, фронта сплощного тоже, противник может атаковать в любую минуту и с любой стороны, откуда его вовсе не ждёшь... В одиночку ездить опасно, того и гляди, как бы не подстрелили... Красным ещё хуже: как-никак, казаки у себя дома и степная обстановка им не в новость... Ну, да мы поговорим ещё обо всём этом, дядя. Пойдём, Груня.

Котельников с Груней вышли из кухни. Их поджидал Полкан. Все трое начали осматривать хутор.

2.

Маленькая мельница явно древняя. Сруб её из потемневших от времени брёвен, с тесовой крышей, местами сгнившей, со свежими досчатыми латками, такой же тёмной, как и дубовый сруб и густо покрытой лапчатыми жёлто-зелёными, высохшими и затвердевшими на солнце пятнами плесени, ритмически, еле приметно, без резких толчков, содрогался сверху донизу, точно трясся в припадке жестокой лихорадки. Сквозь мощный шум воды, веером спадавшей из досчатого отвода на лопасти чёрно-зелёного от мшистой плесени колеса, явственно доносился извнутри однообразно-монотонный гул жерновов, крушащих зерно, сухое пощёлкиванье-клацание деревянных сцепляющихся шестерней, поскрипывание вала... На внутренней стороне отворенной двери и на кусочке мельничного пола, видимом снаружи, толстый слой годами въевшейся серо-пепельной мучной пыли...

Неподалеку от мельницы вплотную прижался к балочному скату нарядный куренёк со свеже выбеленными стенами, беседкой в левой своей части, густо заросшей виноградными лозами, доходившими до камышёвой, недавно обновлённой, крыши, с ярко-зелёными ставнями четырёх оконцев, на стекле которых весело сверкали золотые солнечные зайчики. По обеим сторонам куренька росли шесть стройных пирамидальних тополей-раин, по три с каждой стороны. Вблизи раины казались очень высокими, но издали, с противоположной стороны лощины, перспектива была иной. Поневоле приходилось сравнивать их не с куренько́м, который они превышали вдвое, а с понастоящему высоким, давившим их своей громадой, крутым скатом, у подножья коего они росли. Поэтому и сами раины, и притаившийся под ними куренёк, и другие постройки из дикого серого камня для птицы и скота, поодаль от куренька, но в одну с ним линию, много теряли от такого соседства и казались уже не только низкими, но и просто игрушечно-маленькими...

Трёхаршинной высоты запруда, тянувшаяся от мельницы до противоположного пологого ската, делила долину на две, совсем непохожие одна на другую, части. Справа — большое озеро-пруд с невысоким по летнему времени уровнем воды, с берегами, окаймлёнными чаканом и кугой, а в том месте, где в него вливалась речушка, питавшая его, густо рос камыш. С длинными узкими листьями, с бурыми распущенными метёлками, камыш стоял высокой серо-зелёной стеной и начинал расти прямо в воде, чуть ли не со средины пруда. На берегу он заметно мельчал и широкой полосой, постепенно снижавшейся по мере удаления от пруда, тянулся вверх по течению речки. Такая уйма камыша является сущим кладом в степи. Незаменимый материал для главного в любой постройке — её крыше — долговечной, нарядной и, при умении настлать её, совершенно непромокаемой, — неистощимый по запасу, ежегодно обновляющийся, был под рукой у его владельца-степняка... Слева — узкое, змейкой вьющееся речное русло, по дну которого серебрился на солнце ручеёк, зачинавшийся у мельничного колеса от скупо пропускаемой им «отработанной» воды пруда. Песчаное русло, усеянное галькой, и весело струившийся ручеёк терялись среди моря зелёной травы...

Когда Котельников с Груней вышли из кухни на прогуку, солнце начинало сильно пригревать.

— Груня, принеси мне из горницы фуражку, а то становится жарко.

Груня живо смоталась в курень.

— Дядя Вася, тут дедушка ловит пискариков.

Котельников, Груня и не отстававший от них Полкан стояли над ямой сзади медленно вращавшегося колеса. В пенившейся воде видна была стайка шустрых рыбёшек, с бебыми, отдававшими серебром, брюшками, когда они, играясь, круто, под прямым углом, едва не переворачиваясь от сильного крена, меняли направление.

— А чем их ловит дедушка?

— Черпалкой. Знаешь, с сеточкой такая.

— А много дедушка ловит пескариков?

— О-о, много. Бабушка щербу из них варит.

— Вкусная щерба из пискариков?

— О-о, да! А дедушка любит, когда они жареные.

— Жареные?

— Да. На сковородке. Они хрустят.

Груня рассмеялась.

— А в пруде рыба есть?

— Есть. Но дедушка там не ловит.

После пескарей Груня повела Котельникова в курятник, подобрала в нём два яйца и деловито сказала:

— Ты обожди меня с Полканом тут, а я отнесу бабушке яички.

Держа в каждой руке по яйцу, она помчалась в кухню. Косичка русых волос её, связанных цветной тряпочкой, замелькала из стороны в сторону.

Предшествуемый Полканом, обнюхивавшим каждый куст, миновав пустовавший коровник и сарай-конюшню, Котельников медленно шёл по стёжке под скатом, вдоль крадки — невысокой стенки из дикого камня, окружавшей владения дяди. Скоро его нагнала Груня.

— Хочешь, я тебя поведу к коровам? Вон они! — Груня указывала на двух коров, пасшихся далеко впереди на лугу.

— А телята где?

— Ты их не видал? Они под сараем, в телятнике. Бабушка их поит тёплым молочком с отрубями. Хочешь посмотреть?

— Нет. Пойдём посмотреть коров, а потом шадей.

— Они у чигиря, видишь?

— Вижу, — улыбнулся Котельников. — А ты не растеряла леденцы, когда бегала сейчас? — спросил он, заглядывая в кармашек Груниного платьица. — А бусы твои где?

— Бабушка сняла их. Она говорит, что я потеряю их в траве и не найду.

— Я устрою так, что ты их не потеряешь, — пообещал Котельников. — А теперь, пойдем.

Коровы, лениво пережёвывая траву, подняли от земли головы и с любопытством уставились на Котельникова, стоявшего на полуразвалившейся кладке. Одна из них, вся в белых пятнах. более впечатлительная, перестала даже жевать — из её сомкнутой пасти свисали нитки зелёной слюны. Никогда ещё коровы не видали человека, так странно одетого. Блестящие, до зайчиков на солнце, сапоги, плотно охватывающие до самых колен ноги, вместо привычных им заношеных рыжих чириков, с выступавшими из них — всё равно когда, жарким летом или зимой — белыми шерстяными чулками... Какие-то странные штаны, точно надутые, сильно расширявшиеся у бёдер, а не нанковые серые будничные шаровары, в пятнах и многочисленных заплатах, иногда с нашитыми лампасинами, когда-то ярко кумачёвыми, а теперь бледно-розовыми, полинявшими от стирки и выгоревшими от беспощадного в степи солнца... На этом странном человеке какая-то невиданная тёмно-коричневая гимнастёрка с двумя большими карманами на груди, с серебряными, сверкавшими при малейшем движении, мягкими, вшитыми в плечи, погонами, туго подпоясанная широким ремнём, а не обычная вылинявшая бесцветная хозяйская рубаха, в латках и без всяких кармашков, перехваченная узеньким сыромятным ремешком... Особенно заинтересовало смотревших коров лицо этого, ещё невиданного ими, человека — оно было без бороды! Да-да, бороды у него не было, а как будто это был казак! Если бы он не был казаком — на нём обязательно была бы юбка, как на хозяйке и на других хозяйках, приходивших в гости и долго разговаривавших, скрестив на груди руки, около них — коров, часто гладивших их по спинам, мявших почему-то их вымя и тянувших за соски, как бы собираясь ещё раз доить их... И ещё — у этого безбородого человека почти не было усов. Это были какие-то совсем маленькие усики, так, нечто вроде усов, а не настоящие пушистые и длинные казачьи усы, которые привыкли видеть коровы... Лицо, кроме того, что оно было без бороды, было к тому же какое-то иное, не как у всех казаков, похожее скорей на хозяйкино, только более худое и немножко вытянутое, а не полное и круглое... На голове волос мало, а то немногое, что было — укрыто фуражкой, с блестящим чёрным лакированным козырьком и алым околышком. У настоящих же казаков, каких коровы видели каждый день, волос на голове было куда больше и они торчали во все стороны из-под стареньких, сплющенных фуражёнок, а зимой из-под курпейчатых папашков...

Поглядев на коров — тётя Ганя очень гордилась ими, молока давали много и оно было жирное, в маслице, слава Богу, не нуждались, — Котельников шагнул к ним, протягивая руку. Обе коровы, как по команде, с шумом выпустив из ноздрей воздух, шарахнулись в сторону. Котельников посмеялся над своей неудачей и, взяв на руки Груню — он боялся, что острые листья осоки порежут

её ножёнки — стал пересекать луг, направляясь к чигирю, где паслись кони. Перед ним ломаной линией петлял в траве Полкан. Высокая до пояса осока, точно живая, клонилась на обе стороны, тотчас же выпрямлялась и совершенно временами скрывала собой пса, очень довольного прогулкой. На полдороге Котельников обернулся. Одна из коров продолжала смотреть ему вслед, как раз пёстрая, в белых пятнах, что перестала жевать при его появлении...

Поджарый, горбоносый, с маленькими, прямо стоявшими ушами, с ясным взглядом прекрасных глаз, двухвершковый, светло-рыжей масти, донец при виде хозяина тихонько заржал и потянулся к нему слегка подёргивающими губами. Груня сжалась и сильней обхватила руками шею Котельникова.

— Не бойся, Груня, Донец тебя не укусит. Это он просит сахару.

— А у тебя есть сахар, дядя Вася?

— Нет, забыл взять.

— А ты ему дай леденец.

Свободной рукой Груня поискала леденец в своём кармашке.

— А ты, Груня, сама ему дай.

— О-о! Я боюсь!

— Не бойся, не бойся! Дай!

Груня с опаской протянула ладонь с лежащим на ней леденцом. Донец не успел взять предлагаемое ему лакомство. Едва его шевелящиеся, поросшие редкими волосами, губы приблизились к леденцу, как Груня со страхом отдёрнула ручёнку и леденец упал в траву, безнадёжно пропав.

— Я боюсь, дядя Вася, — прошептала Груня и еще крепче прижалась к Котельникову.

— Дай мне леденец, Груня. Увидишь, это совсем не страшно.

Котельников в свою очередь протянул Донцу ладонь. Конь ловко подобрал губами леденец, втянул его в рот, хрупнул зубами, но мгновенье спустя, замотав головой, выплюнул раздавленные цветные кусочки.

— Донец привык к сахару, леденцов он никогда не ел.

— Хочешь, дядя Вася, я сбегаю за сахаром?

— Нет, что ты, не надо, Груня. В другой раз принесём и ты сама дашь ему кусочек.

Котельников оставил девочку на берегу ручья, а сам вернулся к коню. Похлопав его по шее, он провел ладонью по шерсти — Донец был вычищен на совесть.

— «Дядя Ваня на самом деле постарался», — подумал Котельников. — «Надо осмотреть подковы».

Ковал он коня давно, но подковы оказались в хорошем состоянии. Может быть оттого, что все время приходилось ездить степью, а не по твёрдому грунту.

Толстобрюхий Панчик, не обращая ни на кого внимания, продолжал щипать траву. По старому знакомству Полкан сунулся было к нему, но Панчик, не поднимая головы, прижав уши, сердито фыркнул, пёс отскочил. В отмёстку, а может быть и просто, чтобы подразнить, он положил голову на вытянутые лапы и несколько раз гавкнул на Панчика. Груня залилась смехом, показывая щербатые зубёнки... Предстояло переправляться через ручей. Не будь Груни, Котельников легко, разбежавшись, перепрыгнул бы его. Груню же надо было перенести на руках. К счастью, поодаль от чигиря, возле которого воды было по грудь, ручеёк мельчал и в одном месте из воды выступало несколько камней. По ним осторожно, боясь поскользнуться, Котельников перенёс Груню на противоположный обрывистый берег. Там их поджидал уже Полкан, шумно и часто дышавший открытой пастью с длинно высунутым языком. Он был весь мокрый и сейчас, встряхнувшись, начал кататся по траве — сушился. Котельников спрашивал себя, упал ли пёс в воду, не перепрыгнув ручья, или, решив освежиться, переправился вплавь? В сотне шагов вверх по течению, невысокий прибережный обрыв становился выше. Около чигиря с его большим колесом, на которое по всей его окружности, неперерывающимся рядом, прибиты были плоские железные ковши, черпавшие при вращении колеса воду в ручье и выливавшие её наверху в специальное корыто, откуда она растекалась по наклонным желобам в сад или в огород — в зависимости от того, что поливалось, — обрыв достигал уже более двух саженей. Но не это влекло к себе Котельникова — рядом с чигирём, над самым ручьём росла одинокая верба, дававшая густую тень.

— «Вот куда я буду приходить... Одеяло, подушка, папиросы... и сон... Полный отдых.» — мелкнула у Котельникова мысль.

— Дядя Вася, хочешь посмотреть арбузы? Арбузы, дыночки, кабачки, — — перечисляла Груня. — Бахча за чигирём, её не видно.

— Обожди, Груня. Мне хочется посидеть в холодке под вербой. Потом пойдем смотреть арбузы.

— Так я одна сбегаю посмотреть, а ты посиди.

— Ты лучше беги домой, Груня. Слишком жарко, а у тебя на голове ничего нет. Скажи бабушке, что я скоро приду. Или, если хочешь, прибеги за мной.

— Я прибегу за тобой, дядя Вася, — послушно отозвалась Груня.

Она позвала Полкана, обогнула, подпрыгивая на бегу, чигирь и скоро скрылась из виду.

Котельников уселся под вербой на самом краю обрыва. Свесив ноги к ручью, он снял фуражку, старательно обтёр вспотевшее лицо и волосы, расстегнул ворот гимнастёрки, отчего сразу почувствовал облегчение, потом не спеша закурил и, попыхивая дымком, задумчиво осмотрелся.

Далеко по обе стороны от него тянулось живописное дно балки, сдавленное скатами с бурой выжженой травой. Контраст красок был разительный — внизу широкая лента веселящей взор свежей, разных оттенков, зелени, по бокам полосы буро-коричневой, спалённой солнцем, травы. Внизу жизнь, в наиболее ярком её проявлении — живой траве, по бокам траурное окаймление той же травы, но мёртвой... При первом беглом взгляде на балку с её скатами, у Котельникова промелькнуло заманчивое сравнение: зелёное дно балки — это картина, нарисованная художником в ярких, веселых живительних тонах, и эта картина вставлена в небогатую, монотонно окрашенную рамку балочных скатов... И как только это сравнение промелькнуло в сознании Котельникова, он сейчас же, приняв его, непроизвольно стал наполнять эту картину живым содержанием. Это была нетрудная работа, ничего выдумывать не надо было, все находилось перед глазами... Вот пасущиеся вдали коровы, два медленно двигающихся жёлтых с белым пятна — одна корова была рябая; ближе — два коня, один золотистый, другой тёмно-коричневый, издали казавшийся чёрным — на зелёном фоне травы и коровы и лошади бесспорно оживляли пейзаж; вот бегущий по мельничной плотине живой, как ртуть, кобель Полкан; в конце плотины в прозрачном воздухе постройки, с живущими в них людьми и около них земной птицей — курами — вон они, отсюда видно, ходят, копошатся возле мельницы — и птицами небесными порхающими в ветвях тополей... Порхающих пичужек издалека не видать, но их присутствие несомненно, ибо нельзя представить без них живое растущее дерево. Зато о присутствии золотисто-зелёных юрких щурков — бича редких среди казаков пасечников — и догадываться нечего. Сколько их носится сейчас — взад, вперед, по всем направлениям, — над мреющей под горячими лучами травой! Охотятся на мошек, бабочек, летающих жучков, ос, диких пчёл, на «старичков» — стрекоз, задумчиво, забыв сложить крылышки, усевшихся на кончики кужинок помечтать над текучей гладью ручья... И эта широкая лента травы и тростников всех оттенков, какие только может дать зелёный цвет — от тёмно-зелёной осоки, светло-зелёного чакана до жёлто-зелёной стены зреющего за плотиной камыша... Всё это живое, растёт и дышит..., зелёный цвет представлялся Котельникову цветом жизни... Ему пришло на ум, что если бы его попросили наглядно изобразить живое и мёртвое, он не задумываясь мазнул бы на полотне кистью два пятна — зелёное и чёрное... Направо, в версте от Котельникова, балка делала зигзаг, зелёное дно исчезло, но давало знать о себе густой купой деревьев, светло-зелёные верхушки которых выглядывали над спалённым бурым травяным покровом загородившего их ската. Там была соседняя, такая же как у дяди Котельникова, мельница.

Противоположный нагорный склон ровной, крутой и высокой стеной упиравшийся в небо, тянулся без конца, пряча за собой всё. В одном только месте склон неожиданно снижался почти до дна балки. В образовавшемся дугообразном прорыве виднелся бурый кусок степи, уходивший куда-то вдаль, а над самым предельным концом её, в сизом тумане, вырисовывался на небесной сини невесомо-воздушный контур холма с мягко округленной вершиной. «Обязательно схожу на Золотой», — подумал Котельников, всматриваясь в тонкий рисунок далёкого кургана, казавшийся ему небольшим колпачком, забытым кем-то на ровном месте...

— «Как хорошо тут», — думал размечтавшийся Котельников. — «Вот где пожить бы месяц-другой... Среди такого покоя пришёл бы в себя. Семь дней..., что семь дней? Пролетят — не заметишь. И опять»...

Котельникову стало вдруг грустно. Не желая, однако, поддаваться печальным размышлениям, могшим вконец испортить установившееся у него с приездом на хуторок дяди радостное настроение, он встряхнулся, как бы отгоняя навязчивую мысль, расправил, потянувшись, плечи и снова, закурив, полулёг, опёрся спиной о ствол вербы.

...У мельницы движение. Возле кухни стояла тётя Ганя, щитком приложив к глазам ладонь и смотрела в его направлении. Рядом что-то указывала рукой Груня. — «Позовут меня сейчас», — подумал Котельников. — «Как будто рано ещё обедать»... Нет, не позвали. Тётя Ганя, а за ней и Груня снова вошли в кухню. Но тотчас же оттуда показался дядя Ваня в большой соломенной шляпе.

Сбогнув мельницу, он вышел, помахивая хворостиной, на дорожку, по которой недавно Котельников, Груня и Полкан начали прогулку. — «За коровами», — сообразил Котельников. — «Загонит, а потом пошлёт за мной Груню»... Котельников взглянул на часы, было без четверти двенадцать.

Над долиной нависал зной, воздух был неподвижен и от этого зной заметно переходил в духоту. Пузатый Панчик, до предела наполнивший свою утробу, оторвал, наконец, несуразно большую голову от травы. Не переставая жевать, он посмотрел в сторону коров. Оттуда доносился шум. Дядя Ваня, покрикивая и размахивая хворостиной, выгонял коров с луга на стёжку за каменной кладкой. Для Панчика это послужило сигналом. Он несколько раз кряду встряхнул головой, отгоняя липших к глазам назойливых мух, неспеша направился к ручью и сквозь обнажённые жёлто-белые, в зелёной травяной пене, зубы, с подрагивающей над ними верхней губой, медленно стал цедить воду. Напившись и не обращая никакого внимания на Донца — своего гостя, Панчик неторопливо направился к мельнице, наискось пересекая луг. Котельников ждал, что будет дальше. Его Донец в точности повторил манёвр Панчика и послушно побрёл за ним, повинуясь каким-то таинственным правилам лошадиной вежливости, заставлявшей его, лихого боевого коня, относиться с почтением к замухрышке-меринку только потому, что этот меринок был старшим на таком чудесном лугу... Дядя Ваня напоил коров у мельницы, загнал их и подоспевших лошадей на базы, вышел на плотину и стал пересекать её. — «Ко мне», — решил Котельников. Он пошёл навстречу дяде, скрывшемуся за возвышением у чигиря. Встретились на узкой прибрежной полосе, неприметно спускавшейся от чигиря к плотине. Вся она усеяна была дозревавшими тёмно-зелёными арбузами. Вперемёжку между ними лежали жёлтые ломтистые дыни-ананаски. «Мои любимые», — с удовольствием отметил про себя Котельников. У начинавшегося налево по подъёму сада тянулся ряд преогромных красных «кабаков» — тыкв... Засуха сделала своё дело. Все плети — арбузные, дынные и тыквенные — сжались, подсохли и походили на безжизненные жёлтые, с печальным коричневым оттенком, шнуры, тянувшиеся от плода к плоду. Листья, в особенности более нежные — арбузные, сгорели начисто. И только тыквенные ещё держались, хотя и они посворачивались в трубку и края их окаймляли мертвенные коричневые полоски...

— Вот какая моя бахча, Васятка, — улыбаясь, произнёс дядя Ваня, снимая шляпу и обтирая потный лоб.

Он был радостно оживлён. С загорелого до черноты лица его не сходила улыбка, серые, прищуренные от яркого света глаза, с сеткой морщин, веером отходивших к вискам и вниз по щеке к бороде, весело смотрели на племянника. От всей его небольшой, постариковски сухой, но не постариковски подвижной, фигуры, несмотря на почтенный возраст, веяло хорошим здоровьем.

— Арбузы и дыни замечательные! — похвалил Котельников.

— Так я-ж их поливал! Хе-хе-хе! — рассмеялся дядя Ваня. — Видал, штобы поливали када бахчу? А вот я поливал, пришлось. Жарищща какая! Думаю — сгорить всё. Надо было што-то обмозговать. И придумал — чигирь-та! Вить-вот он! Не один же огород да сад поливать? Давай, думаю, и бахчишку полью. Мобилизовал я тада Панчика и Грунятку. Панчик кружить колесо — привычный!, — Грунятка хворостинкой помахиваить, водичка льётца, а я канавки провожу, водичку от куста к кусту направляю. Хе-хе-хе!

Котельников угостил дядю папиросой.

— Маху дал я с бахчёй. Тепер я учёный, не промахнусь. Видишь, как арбузы-та посеял? Абы как. Ну, а на-лето я их посею рядочками, как в огороде. Поливать-та их будить способней. Это на тот случай, ежли опять такая сухота. Вить арбуз али, скажем, дынка, на степной бахче-та, живуть от дожжа к дожжу. Выпадить — слава Богу, не выпадить — арбуз махонький, ссохлый, ни соку, ни сладости. А у меня арбуз как арбуз, мяса сладкая, семичка чёрная. Звенить, када постукаишь ево пальцем, тово и гляди лопнить.

— А как яблони, дядя Ваня? — спросил Котельников. — Начали приносить?

— Да-да-да, — оживился старик. — Летося толька покушали, а нонишний год надежду имею продать. Немножко, но есть. Цвели все дочиста — и дружно так цвели!, — а кой-кие, между прочим, не завязались. Да это ничево. Беда другая — яблонки-та растуть, а продавать яблочки негде. Дюже рассчитывал на Царицын, в городе вседа можно хорошую цену взять, а дело с Царицыным чевой-то не выходить... Да пойдём, Вася, я тебе покажу их.

Котельников с дядей прошлись меж рядами довольно высоких молодых яблонь. Каждая из них росла привольно, не мешая сосед-

ке, а все вместе производили впечатление настоящего культурного сада. Посредине аллей были вырыты канавки для стока воды во время поливки. Из канавки центральной аллеи, побочными, более мелкими, канавками, вода в нужном количестве отводилась в широкие лунки каждого деревца. Дядя Ваня любовно посматривал на яблони, высоко поднимая голову, отчего его шляпа один раз свалилась на землю, проводил ладонью по гладким стволам, не успевшим ещё покрыться шершавой корой, точно ласкал их, и не переставая рассказывал о своих трудах, беспокойстве и надеждах, связанных с разведением сада. Попутно выяснилось, что сад являлся не только коммерческим предприятием, могшим принесть какой-то доход, но и любимым занятием старого казака, в которое он, вкладывая весь свой досуг, вкладывал и душу...

— Весной, Васятка, када яблонки расцветуть, ка-а-кая красота! — мечтательно улыбаясь и почти закрывая глаза, говорил дядя Ваня. — стоять, как невесты надядные под венцом, все усыпанные белыми цветочками... Кра-а-сиво! Што беды, што не каждый цветок дасть яблочку? Я согласный, хочь на полобину пущай будить пустоцвет, лишь бы цвели. Душа отдыхаить, када смотришь на них...

Было всего несколько, наиболее ходких, поздних сортов яблоков. Из них Котельников запомнил ренет, антоновку и медвежье ушко. Дядя Ваня все их показывал, расхваливал их качества и очень жалел, что они ещё не созрели и нельзя сейчас же убедиться в справедливости всего, что он о них говорил...

При выходе из сада старый казак вдруг остановился и каким-то другим тоном в голосе, непохожим на тот, каким он говорил об яблонях, сказал, обращаясь к племяннику:

— Слушай суда, Вася! Хочу я тебя спросить об одном важном деле.

Котельников удивлённо взглянул на дядю.

— Пожалуйста, дядя Ваня. О каком деле говорите вы?

— Вот об каком, Вася. При тётке я не хотел гутарить. сам понимаишь, женская порода, беспокойная... заохаить, закричить... слёз-та у баб, как в запруде воды... — сычас мы одни. Скажи мне. Христа ради, по-совести, напрямки... по-казачьи... как обстоить дело с войной? Есть ли какая надежда? а? Потому сцрашиваю, што ты военный да к тому-ж офицер, ты должон знать, как и што. Толькя говори правду, ради Христа! По чистой совести!

Котельников не ожидал подобного вопроса и он его застал врасплох. Лицо старого казака было сосредоточенно важно. Широко раскрытые серые глаза его смотрели на племянника с пытливой суворостью, он ждал ответа.

— Дядя! Родной! — взволнованно заговорил Котельников. — Я на фронте с начала гражданской войны. И с фронта не уйду, до самого конца буду. Но какой он будет, этот конец? Трудно... по моему, просто, невозможно ответить на этот вопрос. Никто не может сейчас сказать, кто победит — мы ли, красные ли. Казаки дерутся отчаянно, но конца не видно.

— Плохо дело, как погляжу?

Котельников развёл руками.

— Не знаю, — тихо ответил он. — Одно я знаю, — помолчав, добавил он громче и более уверенно: — я буду драться до конца! И ещё твёрдо знаю: если мы не устоим — казакам конец!

— Та-ак, — опустив голову и задумчиво теребя бороду, протянул дядя Ваня.

На лбу его от нахмуренных, почти сходившихся у переносицы, клочковатых бровей, легла глубокая складка. Недавнее оживление, от которого перед тем так светилось его лицо, исчезло бесследно. Котельников видел озабоченного, больше того — сильно удручённого каким-то большим несчастьем старого человека.

— Ну, а нащёт союзников? — со слабой надеждой в голосе, не поднимая головы и бросая исподлобья вопросительный взгляд на Котельникова, спросил дядя Ваня... — Слушок у нас по степé пронёсся, бутта они.. тово... помочь нам пришли.

Котельников, чувствуя себя глубоко виноватым перед дядей, был в великом затруднении. Он мог бы покривить душой, сказать, что если дела на фронте не очень хороши, то они и не совсем плохи, что-мол, надежда имеется — как можно жить без надежды?, — что казачье дело правое и, в конце концов, должна же п р а в д а восторжествовать?.. Вот о союзниках тоже, про них много говорят и на фронте, все их ждут и все на них надеются. И они вынуждены будут вмешаться в войну и вмешаться на казачьей стороне, так-как коммунисты для них такие же враги, как и для казаков. Если союзники не помогут казакам сейчас — они сами пострадают от этого после... Обо всём этом, чтобы успокоить дядю, Котельников мог бы сказать ему уверенным тоном, похлопать его ободряюще по плечу и даже, принудив себя, весело пошутить над его чрезмерными стра-

хами. Котельников знал, что этого было достаточно, чтобы дядя поверил, ибо нет ничего легче, как уверить человека, желающего верить... Но Котельников чувствовал, что он не способен обмануть близкого ему человека, с таким доверием ожидавшего от него правдивого, «по-совести», ответа. И вот, во имя этой правды, которой от него ждали, Котельников вынужден был сказать, что и он сам, активный борец за казачье дело, ничего не знает, сам ставит себе без конца вопросы и не находит на них ответа...

— Не надо, дядя Ваня, слишком надеяться на союзников, — ответил он, ясно сознавая, что отнимает у дяди последнюю иллюзию. — Если бы союзники серьёзно собирались оказать нам помощь, они давно бы её оказали. Я думаю, что они по-просту не желают ввязываться в нашу драку и выжидают. Чья возьмёт, с тем они потом и будут разговаривать.

— Та-ак, — ещё раз протянул дядя Ваня.

— Вот она што... Эх-ты, мать честная! — полувоскликнул он, не меняя позы.

Попрежнему с опущенной головой, не переставая перебирать пальцами бороду, невидящим взором смотрел он в землю. Но вот он вышел, наконец, из своей задумчивости, коротко, броском, махнул рукой, точно оторвал от себя что-то мешавшее ему, и с явным усилием, стараясь придать своему голосу прежний беззаботный тон, чтобы не выдать своего огорчения, произнёс:

— Ну, пойдём, Васятка, полдневать. Тётка нас, должно, заждалась. Вот, сорвём арбузиков да дынок и пойдём. Выбирай, какие послаже. Вот хочь эту дынку, — он нагнулся и стал пробовать пальцами лежавшую у его ног ананаску.

Котельникову бросилось в глаза, что руки старика тряслись от только-что пережитого волнения.

...Тётя Ганя постаралась на славу. Ели вкуснейший куриный бульон, съели самоё курицу, был лапшевник, каймак, кислое и пресное молоко. Напоследок закусывали арбузом и чудесной дыней, успевшими остыть в прохладной воде ямы сзади мельничного колеса, в яме, куда никогда не проникал солнечный куч и где водились пескарики...

Было знойно. После сытного полдника, по совету дяди Вани, Котельников пошёл отдохнуть в прохладную горницу куренька, в которой он провёл уже первую незабываемую ночь своего отпуска. Улегшись на турецкий диван, он мгновенно заснул и спал до самого вечера.

(Продолжение следует)

(Франция) **П. М. Аврамов**

СОН ОРЕШКИНА

(Глава из повести «Хутор Фонтанов»)

Проводив гостей, долго не мог уснуть Иван Никандрович. Когда же, наконец, заснул, ему приснился удивительный сон.

Едет он верхом на коне, на том самом, на котором еще служил в полку в действительной службе. Такой будто ясный, солнечный день. Он спускается в лощину напоить коня. Вдруг, навстречу из той лощинки выходят огромные змеи-драконы, как на картине рисуют — по три головы у каждого. Поднялись на свои диковинные лапы, хвостами бьют об землю. Перепугался Иван Никандрович — оружия никакого нет, да и конь не зануздан, да и сидит он не в седле, а на грязной полстенке. Перепугался страшно. Как вдруг, слышит крик детский. Оглянулся, бежит мальчик, так похож на его сынишку — Ванюшку. В руке держит длинное копье. Бежит и кричит: «Дедушка, бей гадов!» И вот как добегает он с копьем совсем близко и драконы так сразу пали мертвыми. Тут Орешкин проснулся.

Утром, когда садились завтракать, он сообщил жене:

«Ну, мать, да и сон я видал! Страшный сон! А что к чему — не знаю». И рассказал все по порядку, как было во сне.

«Да, смотри, ты никому не рассказывай, а то опять в тюрму посадят» — добавил он предупреждающе.

До вечера жена Орешкина выдержала и про сон мужа никому не сказала. Но только

до вечера. Дольше она не могла терпеть. Как только стемнело, она побежала к гадалке. Хотелось все знать наперед.

Старуха Латвиниха, мать школьной сторожихи Маврейки, хорошо гадала и объясняла сны. Случалась ли у кого пропажа или другие неприятные события, хуторцы втихомолку приходили к ней, чтобы она пролила свет на то, что так неясно и так необходимо знать. Чаще прибегали девчата. «Скажи, бабаня, любит или нет? Кинь на карты, да только чтоб никто не знал, никому не говори». Это обязательное условие каждого клиента. Добрая Ивановна никому не отказывала. Объяснит все, что было и что будет. В долгу никто не оставался. Одни заплатят деньгами, другие принесут то курочку, то молока кувшин.

При советской власти стало труднее — и платить стало нечем и старуху стали преследовать.

«Если будешь гадать, посадим в тюрьму» — напугали ее в хуторском совете. Теперь уже она просила посетителей, чтобы никому не говорили, а то и совсем отказывалась гадать.

К ней-то и пошла жена Орешкина. Завернула под полу печеный хлеб и — туда. Подошла к землянке. В одной половине жила Маврейка с сыном, в другой — старики, отец с матерью. Заглянула Орешкина в одно окно — пусто. «Маврейка убирает в школе» — подумала она. Посмотрела в другое окно. Увидела, что Ивановна молится, стоит перед иконой на коленях.

«Неудобно перебивать молитву» — решила женщина. «Постою возле хаты, подожду».

Старуха почувствовала, что кто-то подошел к окну и, сделав несколько земных поклонов, быстро перекрестилась три раза и закончила молитву.

«Кто там?» — спросила она, подойдя к окну и всматриваясь в темноту, на улицу.

«Отвори, Ивановна, это — я» — ответил голос из темноты. Орешкина подошла к двери и подергала за дверную ручку. Не прошло и минуты, как из хаты пахнуло теплом в широко отворенную дверь. Гостья, как вошла, немедленно и сообщила о цели своего визита. Рассказала сон мужа и просила разгадать, что бы он значил.

«Ивановна, у тебя никого нету?» — Осведомилась жена Орешкина, желая сохранить свой визит в тайне.

«У, милая, да кто у меня будет. Дед мой чего-то захворал, спит давно, а Маврейка к учительше пошла школу прибирать. Ты хочешь, чтоб я тебе погадала или в сонник поглядеть? Я ведь после молитвы-то никогда не гадаю. Все как бы грешно. Ну, Бог нас простит — куда же деваться», — так решила добрая старушка и принялась за дело. — «И сон отгадаем и карты раскинем — все узнаем» — успокоила Ивановна Орешкину.

Она выдвинула ящик старого деревянного шкафа и достала оттуда книгу с пожелтевшими листами, углы которой были совсем черные от частого перелистывания грязными руками. Стала неспеша перекидывать и просматривать страницу за страницей, внимательно подыскивая подходящего ответа для раскрытия смысла сновидений Ивана Никандровича. Долго искала — очень уж редкий сон. Потом закрыла книгу, тихонько что-то пошептала и сказала вслух.

«Понятно ,все понятно. А теперь, милая, погляжу-ка я, что карты скажут нам».

Вынула из кармана юбки засаленную колоду карт и стала привычными приемами тасовать ее. Дальше прикладывала к губам Орешкиной, затем к своим губам, придавая этому какое-то символическое значение. После этого разложила карты по столу, всякий раз прислюнивая пальцы правой руки, когда отделяла от колоды следующие три карты. Развернув их веером, долго отыскивала для них место на столе. Когда в руках не осталось больше ни одной карты, опытная гадалка посмотрела на эту пеструю картину и стала произносить отрывистые фразы, читая по картам.

«Это — казенный дом, это — длинная дорога, болезнь, слезы, исполнение желаний» и много других комбинаций слов.

Клиентка сидела, затаив дыхание, боясь нарушить ход мыслей гадалки, ушедшей всем своим существом искренно и неподдельно в неведомый, никому недоступный мир. Наконец, Ивановна с трудом оторвала свой пристальный взгляд от карт и перевела его на измученное лицо Орешкиной.

«Ну, теперь, милая, слушай да запомни все, не забудь ничего. Так все ряд рядом расскажи своему мужу. Да не обижайся на меня старуху. Что узнала, все вам расскажу. Ничего не утаю». После длинного вступительного слова, она начала излагать главное — толкование сна, чего так долго и терпеливо ждала посетительница.

«Много вы еще горя перенесете» — начала старуха, сокрушенно вздохнув. — «Что на коне он ехал, то это означает, что ложь была на него наговорена. А что конь не зануздданный, так и ложь эту невозможно остановить ничем. Трудная ва-

ша жизнь, милая. Сына вы возростите... до годов. А потом же он женится. У него будут детки. А что мальчик кричал »дедушка», это внук ваш, от сына, потому, что похож на него. Змеи же, это — злые начальники, которые в тюрьму сажали Никандровича. Да никому не говори, милая, а то и меня посадят в тюрьму. Не дай Бог!» — предупредив, снова продолжала.

«Полстенка грязная — бедность ваша. Все заберут и спать не на чем будет. А как змеи большие проснились да жирные, то начальники недобрые долго будут царствовать, народ пугать. Как в руках не было оружия, значит войны долго не будет. Но придет конец им, гадам-то этим, что навстречу всаднику поднялись. На третьем поколении. Внуки ваши восстанут и сбросят этих гадов. Только мало будет людей на свете. А будет всем радостно. Мир будет и покой» — так закончила Ивановна свои мудрые предвидения.

Орешкина рада была, что все закончилось хорошо. Быстро поднялась, вынула из-под полы хлеб и передала старухе-гадалке за труды.

«Спаси тебя Христос, Ивановна! Прости, что я побеспокоила. Надо бежать скорее домой. Мой-то и не знает, что я сюда, к тебе, пошла», — добавила напоследях Орешкина, закутываясь в большую шаль, чтобы люди на улице не узнали ее.

От Латвиновых жена Орешкина почти бегом бежала домой, боясь не забыть чего и передать в том порядке, как говорила Латвиниха. Чтобы все в точности, ничего не упустить. Да и хотелось скорее мужа обрадовать, что все кончится для них хорошо, что советская власть будет свергнута. Хотя произойдет это, по предсказаниям гадалки, только в третьем поколении».

Быстро поднимаясь по лестнице и шумно открывая дверь, она напугала Ивана Никандровича, которому всегда мерещилось, что «идут, за ним идум. Заберут! Арестуют!»

Ну, ты, Никандрович, живой тут? — почти весело спросила жена. — Ты думаешь, где я была? К Ивановне ходила. К Латвиновой, к гадалке, — не давая сказать и слова мужу, спешила опередить его ответами. И рассказала все, как было.

В начале было испугавшийся, Орешкин успокоился, стал внимательно слушать рассказ жены. Под конец повеселел. Ему даже показалось, что он выздоровел. Встал с постели, стал ходить по комнате, заложив в карман руки. Когда жена все до конца рассказала, он убежденно добавил.

«Правильно! Так и будет! Придет им конец! Будут сброшены!» Повеселел совсем Иван Накиндрович и сон с ума не шел. Продолжал ходить и разговаривать один — жена уже ушла по хозяйству, — один, сам с собою.

«Значит, мы победим. Хотя не мы, не я и не сын-Ванюшка, Ванюшкин сын. Это он мне приснился. Но надежду будем держать! Мне уж как приснится, то так и будет!» — утешал себя Орешкин. Однако, здоровье его ухудшалось с каждым днем. Последнее время он чувствовал себя очень плохо, много кашлял, с трудом поднимался с постели, а из дома и совсем не мог выйти. То его знобило — и он просил укрыть его одеялами и даже шубами, — то становилось невыносимо жарко и он требовал открыть окна и двери. Еще протянул после знаменательного сна месяц и почувствовал, что он больше не жилец на свете, что скоро умрет.

Приближалась зима. Уже начинались заморозки. В доме протапливали. У Орешкиных было всегда тепло в комнатах, так как больной в полубреду лежал без движений, совсем похожий на покойника. Погода вдруг изменилась, пошли сильные дожди и в воздухе было так много влаги, что и в сухой теплой квартире становилось тяжело дышать.

Орешкин совсем ощутил приближение смерти в этот осенний переходный период. Однажды проснулся утром в необыкновенно тяжелом состоянии. Хотел встать, но не мог пошевельнуть ни руками, ни головой. Свет стал меркнуть перед глазами и как-то затошнило. Понял он, что пришел конец, жизни конец. Едва слышным голосом позвал сына:

«Ваня! Сынок! Ванюша! Где ты там?! Идите сюда! Зови маманю! Скорей! Скорей!»

Когда прибежала жена с сыном, у него были уже последние минуты. Видно, хотел дать какое то наставление семье, но ему было совсем трудно говорить.

«Живите»... — а дальше только беззвучно губы шептали. И еще едва выговорил: «Ближе»... Хотел подняться и благословить сына. Поднял руку для крестного знамени, поглядел пристально на сына и, опустившись на подушки, стал тихо кончаться.

Через несколько минут он был мертвый.

**
*

Продовольственная разверстка совсем убила жизнь в хуторе Фонтанове. Хлебные закрома у зажиточных были опустошены. Под рубрику богатых стали подводить почти

всех,что еще ел свой хлеб и не шел просить подаяния в сельский комитет помощи. Голод приближался с каждым часом.

С.Ш.А. **М. П. Морозова**

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В № 40 «Род. Края» редакция обратилась с просьбой к авторам писем в редакцию, да и к др. авторам, придерживаться корректного изложения своих мыслей, а не прибегать к нападкам и к оскорблениям своих оппонентов. Повторяем эту просьбу еще раз. Можно иметь свои взгляды и их защищать, можно быть несогласным с мнением или выводами другого лица и их оспаривать, но совершенно излишне его «обкладывать». Этим свою точку зрения не защитишь и ничего не докажешь, да это и совершенно не интересно читателям журнала. Всякие «выпады» такого характера в журнале помещаться не будут.

Е. Е. Ковалев пишет: «Так пишется история...» Этими словами Н. М. Мельников закончил свою статью в № 39 «Род. Края» по поводу книги Беляевского «Правда о ген. Деникине», в которой он обвиняет автора в извращении истории. Что и говорить, в исторических описаниях некоторых лиц часто не все благополучно в смысле объективности и исторической истины. Об этом уже поднимался вопрос на страницах «Род. Края» г. Плаховым (№ 28. «Как не надо писать историю»), на статью которого откликнулось несколько лиц, указавших на причины этого явления и на то, что ошибки бывают вольные и невольные, которых можно было бы избежать, если бы меньше надеялись на память, не писали по слухам и тщательней проверяли написанное по солидным источникам, когда это возможно. Ошибку совершить легко.

Н. М. Мельников пишет: «Рассказывается о совещании в Ростове 20 декабря 1919 г. в с е х Командующих армиями по вопросу об у с т р а н е н и и ген. Деникина. Такого совещания в Ростове ни 20 декабря, ни раньше, ни позже, в о о б щ е н е б ы л о, но это не останавливает автора, чтобы изложить даже прения, которых не было, при этом совершенно искажая известные по этому вопросу позиции ген. Врангеля и ген. Сидорина: Врангель выступает у автора защитником Деникина, а Сидорин — противником, тогда как на совещании этих двух командующих армиями 11 декабря на ст. Ясиноватой позиции генералов были совершенно противоположными...»

Так ли?

Совещания в с е х командующих армиями по вопросу о б у с т р а н е н и и ген. Деникина действительно не было. Но г. Беляевский этого и не утверждает. Он пишет:

— «20 декабря 1919 г. в Ростове собрались на совещание командующие армиями и другие высокие военачальники для обсуждения вопроса: как исправить положение фронта».

Таким образом формулировка: с о в е щ а н и е д л я с в е р ж е н и я сделана г. Мельниковым. Совещание о том, о чем пишет г. Беляевский, действительно было и это потверждает в «Записках» (ч. 1, стр. 273, 274) ген. Врангель, который пишет:

— «19-го вечером я выехал в Ростов... Я прибыл в Таганрог, когда стало уже совсем темно... Поздно ночью я прибыл в Ростов. На утро Главнокомандующим назначено было совещание в его поезде. Ждали приезда из Новочеркасска ген. Сидорина. Вскоре поезд командующего Донской Армией прибыл и я с ген. Шатиловым зашел к ген. Сидорину, чтобы вместе идти к Главнокомандующему. Я застал у него в вагоне начальника его штаба ген. Кельчевского. Ген. Сидорин возмущался действиями штаба Главнокомандующего, жестоко обвиняя и ген. Деникина, и ген. Романовского. По его словам, со стороны ставки всякое руководство отсутствовало. Подходившие со стороны Таганрога эшелоны совершенно забили путь и эвакуация Новочеркасска приостановилась. Весьма раздраженный, он выражался очень резко. Возмущался и ген. Кельчевский:

— «Да что тут говорить. Достаточно посмотреть, до чего нас довели. Раз они с делом справиться не могут, то остается одно — потребовать, чтобы они уступили место другим».

— «Сейчас ничего требовать нельзя, — возразил я, — «если сегодня что-либо потребуете вы, то завтра всякий другой будет иметь право предъявить свои требования вам. Для меня, как и для вас, очевидно, что

ген. Деникн невсилах остановить развал, справиться с положением; но я считаю, что насильственное устранение главы армии его подчиненными в те дни, когда на фронте борьба, было бы гибельо. Спасти положение мог бы только сам ген. Деникин, если бы он сознал, что с делом справиться не в силах и добровольно бы передал другому. Но об этом нет речи...».

Через три месяца ген. Деникин это сделал. Но спасти дело уже было нельзя.

Нам доложили, что Главнокомандующий нас ждет.

У ген. Деникина мы застали ген. Романовского, Топоркова и Стогова. Через несколько минут прибыл на-к воен. сообщений ген. Тихменев. Мы только что сели, как Главнокомандующему доложили, что его желает видеть начальник английской миссии ген. Хольман. Ген. Деникин приказал доложить, что у него совещание; однако ген. Хольман настаивал. Главнокомандующий приказал его принять...

По уходе ген. Хольмана, Главнокомандующий ознакомил нас с общим положением и принятыми решениями».

Как видим, совещание было, но, если в основном оно описано г. Беляевским правильно, им все же допущены неточности и ошибки. Он называет ген. Врангеля командующим Кавказской Армией, в то время, как он был в то время командующим Добр. Армией, а Кавказской Армией командовал ген. Покровский, не присутствовавший на этом собрании. Он указывает на присутствие ген. Тихомирова, в то время, как это был ген. Тихменев, нач-к военн. сообщений и, наконец ошибочно приписывает ген. Сидорину предложение об удалении ген. Деникина, очевидно не поняв, что слова, произнесенные по этому поводу и приведенные ген Врангелем, относятся к ген. Кельчевскому, а не ген. Сидорину.

Защитником ген. Деникина ген. Врангель не выступал, он лишь возражал против насильственного удаления Главнокомандующего и желал добровольного его ухода. Что касается позиции ген. Сидорина, то очевидно он разделял недовольство своего начальника штаба действиями ставки, поскольку последний позволил себе высказать это в присутствии своего командующего Армией.

На совещании 11 декабря на ст. Ясиноватой позиции ген. Сидорина и Врангеля были те же. Они лишь менее отчетливо очерчены ген. Врангелем в его «Записках» (стр. 265). Но и там «ген. Сидорин жестоко сетовал на ставку», а ген. Врангелю «все ясней становилось, что справиться с грозным положением ставка не сумеет».

Из изложенного видно, что вопрос о необходимости замены Главного Командования возник в частном разговоре до начала совещания, назначенного ген. Деникиным, которое, вопреки отрицанию, состоялось 20 дек. 1919 г. в г. Ростове.

В. Ф. Резанцев из г. Канны (Франция), вспоминая недавно скончавшегося полк. К. В. Моргунова, пишет:

«В эмиграции Клавдий Васильевич принимал деятельное участие в образовании Каннской Обще-Каз. станицы, помогая ее атаману полк. Т. Г. Семилетову создать в память пребывания казаков на чужбине хоругвь с ликом Св. Иоанна, с цветами всех Каз. Войск. Хоругвь эта и сейчас хранится в Каннской церкви.

К. В. был задушевный собеседник, честный, скромный и бескорыстный. Всегда был очень гостеприимным и всегда старался помочь, чем мог, другим. Любил вспоминать песню, составленную казаками во время формирования Дон. Дивизии под начальством ген. Телешова в Персиановском лагере под Новочеркасском в 1904 г., одной из бригад которой командовал ген. Абрамов, отец трагически погибшего 9-го марта в США ген. Ф. Ф. Абрамова:

«Седлаю верного гнедого,
Седлом казачьим боевым,
И с Дона бережка крутого
На край границы полетим

Там много, много льется крови,
За Русь Святую бьются там,
Не жмурь красавица ты брови,
Я не поддамся на обман.

Ты хороша, в том нет сомненья,
С тобою каждый вступит в брак,
Но я совсем другого мненья
Душой и телом, я — казак.

Мне жизнь семейная — неволя,
Я скоро разлюблю тебя,
Потянет снова меня в поле,
Тебе не заменить коня.

Я с ним сроднился с колыбели,
С ним горе-радости делил,
Степные ветры песни пели,
Чтоб я Отечество любил.

Кто встречался с К. В. — его не забудет, Осиротевшая спутница его, милая Жанна Ивановна, по национальности француженка, с русской душой, по воспитанию москвичка, по духу казачка, по милосердию всегда соревновалась с К. В.

В прошлом году К. В. побывал на полковом Празднике Атаманского полка в Каннах, и, как всегда, много рассказывал интересного из каз. истории и том отрадном впечатлении, которое на него произвело празднование Войсковых Праздников 1. октября в Тулузе, куда он ездил. При отъезде вечером в Ниццу, его прощальными словами были: «Радуюсь, что со мной мой верный щит — смирение и молитва». Глубоко верил в промысел Божий. За месяц до смерти прислал мне почт. открытку со словами:

Господь лишь знает, может и придется
Вернуться нам в Родимый Край,
С поблекших глаз слеза прольется,
Исчезнет горькая печаль.
Вниз по Хопру спущусь на лодке
Туда, где он впадает в Дон,
И от сынов, в «изгнаньи сущих»,
Ему, Отцу, снесу поклон.

А 20 марта ушел в другой мир и близкий друг и соратник по оружию Клавдия Васильевича наш дорогой батюшка Митрофорный протоиерей Николай Александрович Соболев, бывший есаул Войска Донского, станицы Цымлянской, принявший сан служителя Алтаря в начале тридцатых годов и мечтавший привести свою паству на Дон с крестом.

Память об этих добрых казаках сохранится в наших сердцах.

Полк. М. К. Бугураев из Нью-Йорка сообщает по поводу приезда Государя в Новочеркасск:

«Ген. А. И. Спиридович в течении 10 лет занимал должность начальника личной охраны Государя Николая 2-го и вел дневник всех событий того времени, изданный заграницей под названием «Великая война и февральская революция» (Всеславянское Изд. Нью-Йорк. 1960).

Я делаю выписки из книги 1-ой (стр. 69-70) и надеюсь, что они будут интересны и читателям «Род. Края», к тому же устанавливается и точная дата пребывания Государя в Новочеркасске.

Ген. Спиридович пишет:

«Утром 5-го дек. 1914 г. Государь прибыл в Новочеркасск, столицу Войска Донского. Всколыхнулся тихий Дон с объявлением войны. Много бойцов влил он в Русскую армию. Казалось, только старики, женщины, дети да подростки остались по домам. С вокзала Государь проехал с Наказным атаманом ген. Покотило в собор. Почетный конвой Новочеркасского училища сопровождал Государя. Масса народа по всему пути восторженно встречала монарха. При выходе из собора, Государь обошел казаков, выстроившихся с Войсковыми регалиями. Старинные знамена, начиная с Петровского времени, Царские грамоты, перначи, трость Петра Великого, мундиры государей, начиная с Александра I — все это живо напоминало славное прошлое Войска Донского. Проехав затем ко дворцу атамана, Государь был встречен почетным караулом и депутацией из двухсот стариков от всех станиц Войска. Государь обошел депутацию, много говорил со стариками, пропустил конвой церемониальным маршем и прошел во дворец, где принял представителей различных ведомств, депутации от Войска, дворянства, города, торговых казаков. Архиепископ Владимир поднес на нужды раненых двадцать тысяч рублей.

До завтрака Государь посетил два госпиталя. (Где разговаривал с ранеными казаками и наградил георгиевским крестом урядника 52-го Донского полка Никиту Устинова).

После завтрака посетил кадетский корпус и устроенные в них госпиталя. В пять часов Государь прибыл в Войсковое военное собрание, где были собраны военные и гражданские чины. Государь обходил их и со многими беседовал. Подъем был необычайный.

Государь провел среди казаков около двух часов. Большой хор исполнял старые казачьи песьни. Вся боевая слава прошлого отражалась в них.

В семь часов Государь отбыл из Новочеркасска (стр. 69-80)».

Во время приезда Государя я был в Новочеркасске и присутствовал на банкете, данном Атаманом ген. Покотило в честь Государя. После банкета Государь обходил офицеров и со многими разговаривал. Затем, вместе с Атаманом и другими генералами Войска, он прошел в атаманскую комнату (с портретами Атаманов), где пробыл около десяти-пятнадцати минут.

В это время группа молодых офицеров артиллеристов — Запасной донск. каз. кон. батареи (в числе которых был и я) — в зале ожи-

дали выхода Государя. Когда он вышел из Ат. комнаты и увидел нас, то спросил ген. Мих. Ник. Павлова (который был вместе с нами), — «в чем дело... что хотят офицеры?» При посредстве ген. Павлова мы обратились к Государю с просьбой отправить всех нас на фронт.

Государь подробно расспрашивал о нашей службе в Зап. батарее, какие должности занимаем, какие наши обязанности? Подавали ли мы рапорты по начальству с этой же просьбой и узнав, что от начальника Донской артиллерии получили «отказ», так как все мы занимались подготовкой и обучением артил. делу молодых казаков — пополнения в действующие батареи на фронт... Он немного задумался, затем своим обычным любимым жестом руки расправил свои усы и, ласково улыбаясь, сказал: «Опытные офицеры — мне нужны и в тылу для подготовки молодых казаков»... и, немного помолчав, продолжал: — «Не рвитесь, не спешите на фронт... все вы там успеете побывать...» и этим разговор был закончен.

Отойдя несколько шагов от нас, он подозвал к себе ген. М. Павлова и сказал ему: «Передайте начальнику Дон. артиллерии, что я сам обратился к офицерам артиллеристам»...

Этим самым Государь снимал с нас всю ответственность за обращение к нему с просьбой, чего мы — офицеры — не могли делать без предварительного разрешения нашего начальника.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ АБРАМОВ

9 марта 1963 г. скончался в г. Лейквуде (США) после несчастного случая (опрокинут автомобилем), не приходя в сознание, б. Командир Донского Корпуса Ген. Штаба ген.-лейт. Федор Федорович АБРАМОВ, станицы Митякинской, В.В.Д.

Сын известного на Дону генерала Федора Федоровича Абрамова, командовавшего во время Русско-Японской войны 2-й бригадой 4-й Дон. каз. дивизии, покойный родился 23 декабря 1870 г. По окончании Петровско-Полтавского кадетского корпуса поступил в Александровское военное Училище в 1888 г и, окончив полный курс Училища портупей-юнкером в 1890 г., был переведен тем же званием на 3-ий курс в Николаевское Инженерное Училище, по окончании которого был произведен в хорунжие 1-й дон. каз. батареи с прикомандированием к 6-й Л. Гв. Донской каз. Его Величества батарее в 1891 г. Переведен в Гвардейскую батарею хорунжим 17 апр. 1892 г.

В 1895 г. зачислен служателем в Николаевскую Академию Ген. Штаба и в том же году произведен в сотники Гвардии. В 1898 г. окончил Академию и за успешное окончание дополнительного курса Академии произведен в подъесаулы гвардии, причислен к Ген. Штабу и назначен на службу в Варшавский Воен. Округ старшим адъютантом Штаба 1-й Дон. каз. дивизии. В том же году 26 ноября переведен в Ген. Штаб с переименованием в капитаны. В июне 1899 г. назначен Старшим Адъютантом 14-го Арм. Корпуса, а в октябре командирован на Офицерский отдел Офицерской Кавал. Школы, которую окончил в 1901 г. по разряду «отлично» и прикомандирован к 43 Драг. Тверскому полку для командования эскадроном. По окончании годичного командования сдал эскадрон и назначен и. д. Штаб-Офицера для поручений при Штабе 6-го Арм. Корпуса в ноябре 1902 г., а в декабре того же года произведен в подполковники. В 1903 г. старшим адъютантом Штаба Варш. Воен. Округа, а в 1904 г. Штаб Офицером для поручений при Полевом Донском Отделении Штаба Манджурской Армии. В феврале 1905 г. принял оперативное отделение того же Штаба, а в июле назначен Нач-ком Штаба 4-й Дон. каз. дивизии.

За боевые отличия во время Русско-Японской войны награжден «золотым оружием» с надписью «за храбрость».

По окончании Русско-Японской войны эвакуирован со Штабом 4-й Дон. каз. дивизии в Европ. Россию и прибыл в г. Новочеркасск в 1906 г. По расформировании штаба дивизии оставлен за штатом с прикомандированием к Гл. Упр. Ген. Штаба. В том же году прикомандирован к 55 Драг. Финляндскому полку для ознакомления с ведением

хозяйства в кавалерийском полку и через шесть месяцев откомандирован в Главное Управление Ген. Штаба.

6-го дек. 1906 г. произведен в полковники, а в 1907 г. назначен Начальником Штаба 13-й кав. дивизии. В 1911 г. командирован на парфорсные охоты в Офицерскую Кав. Школу, а в июне 1912 г. назначен Командиром I-го Уланского Санкт-Петербургского Ген.-Фельдмаршала Князя Меньшикова полка. 10-го янв. 1914 г. за отличие по службе произведен в Ген.-Майоры с назначением Начальником Тверского Кав. Училища.

22 янв. 1915 г. назначен Ген.-Квартирмейстером XII Армии, а в мае того же года Командиром 2-й бригады 4-й Дон. каз. дивизии и вр. командовал той же дивизией. Командующим 15-й кав. дивизией 9-го сент. 1915 г., а 1 янв. 1917 г. назначен Начальником Штаба Войска Донского. В марте 1917 г. назначен Командующим 5-й Дон. каз. дивизией, в мае Командующим Туркестанской кав. дивизией, а в декабре Командиром 1-го Дон. каз. корпуса. Не вступая в командование корпусом, прибыл в Новочеркасск в распоряжение Дон. Атамана и в январе 1918 г. назначен Начальником 9-й Дон. каз. дивизии. В конце января и до оставления Новочеркасска командовал донскими партизанскими отрядами на сев. фронте, отказавшись от этой должности 11-го февраля.

С началом формирования постоянной Донск. Армии назначен Начальником 1-й Дон. кон. дивизии 10-го мая 1918 г. За отличие по службе произведен в Ген.-Лейтенанты 26 авг. 1918 г. В должности Начальника 1-й Дон. дивизии участвовал в историческом бою 19 февр. (4 марта) 1919 г., когда его дивизия вместе с казаками ближайших станиц дала первый отпор противнику, переправившемуся на правый берег Донца южнее ж. д. Царицын-Лихая и расстроила его план овладеть с налета г. Новочеркасском. Этот успех влил бодрость в общее настроение Донской Армии, пережившей кризис зимы 1918-1919 г.г.

В ноябре 1919 г. назначен Инспектором кавалерии Дон. Армии и за отличия в боях зачислен в списки Л.-Гв. Казачьего полка. За расформированием Инспекции кавалерии в марте 1920 г. назначен в распоряжение Донского Атамана, а в апреле Командиром Дон. Корпуса в Северной Таврии, командуя которым, показал себя искусным военачальником и приказом Главнокомандующего Русской Армией Ген. Врангеля от 11 марта 1921 г. за № 93 награжден орденом Св. Николая Чудотворца 2-й степени». За отличное управление Корпусом в боях в Северной Таврии в 1920 году, когда Дон. Корпус, будучи предоставлен только собственным силам на участке от Азовского моря до Большого Токмака с задачей прикрытия Мелитопольского направления с с.-в., уделяя часть сил на помощь соседнему корпусу, активностью действий и исключительною подвижностью неизменно бил втрое сильнейшего противника, стремившегося к Мелитополю, и в боях 9-го июня под д. Салтычья. 13-го июня у д. Елисеевка, 26-го июня у колонии Гнайдельфельд и 17-го июня под Бельманкой нанес частями корпуса жестокое поражение 40-й и 42-й пех. дивизиями, 4-й и 5-й кав. бригадам и головной дивизии конного корпуса Жлобы — захватить в боях более 3000 пленных, 60 орудий и два лучших бронепоезда красных «Троцкий» и «Большевик». Нанеся в боях 14-го июня у сел. Черниговки и 17-го июня у колонии Гнайдельфельд жестокие потери головным дивизиям конницы Жлобы, Ген.-Лейт. Абрамов способствовал этим в значительной мере разгрому Жлобы в бою 20-го июня 1920 г.».

4 ноября 1920 г. эвакуирован из Керчи и во главе Донск. Корпуса прибыл в лагерь Чаталджа (Турция), где находился с 9 ноября 1920 г. по 26 марта 1921 г., когда был перевезен с корпусом на о. Лемнос, где был назначен Начальником Лемносской группы Русской Армии с исполнением обязанностей Командира Донского корпуса. 8-го сент. 1921 г. прибыл с корпусом в Болгарию и, за расформированием Лемносской группы войск, обратился к исполнению своих прямых обязанностей К-ра Дон. Корпуса. 11-го окт. 1922 г. распоряжением Болгарских властей экстернирован в Сербию, где 8 ноября того года назначен Помощником Главнокомандующего Русской Армией, исполняя одновременно должность Начальника Лемносской группы войск в Сербии.

За особые отличия по службе 23 ноября 1921 г. был зачислен в списки Л. Гв. Атаманского дивизиона, а 2-го ноября 1922 г. в списки Донской Гвардейской батареи. Имел ордена: Св. Станислава 2-й ст. без мечей и 1-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й и 1-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом и 3-й ст. без мечей. Золотое оружие с надписью «за храбрость» и орден Св. Николая 2-й ст., Мекленбург-Шверинский орден Св. Гриффа 4-й ст. и знаки: Вензелевое изображение Императора АЛЕКСАНДРА III для ношения на левой стороне груди и нагрудный знак с надписью «ЛЕМНОС».

Со смертью Ген. Абрамова ушел последний

из крупных военачальников эпохи Гражданской войны. Мир его праху.

Биографические сведения для данной статьи взяты из Краткой записки о службе Ген. Абрамова, подписанной Донским Атаманом Ген. Богаевским 28-го января 1922 г., с добавлением Начальника Управления Лемносской группы в Болгарии Ген. Шт. Полк. Ситникова, проверенной лично Ген. Абрамовым и присланной им в Архив Союза Дон. Артиллеристов 30 ноября 1935 г.

Е. Ковалев

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

● 21 апр. в Париже состоялось собрание Донск. Войскового Объединения, на котором было выбрано новое правление: председатель А. С. Кулягин, секретарь Н. А. Ломакин, казначей Н. П. Казинцев, члены правления: Б. А. Богаевский, Н. Н. Евсеев, К. В. Жибров, Н. И. Кузнецов, Николаев, А. П. Падалкин, Ф. С. Родин и от Калмыцкаго Союза С. Ш. Балданов. Члены ревизионной Комиссии: ген. Н. И. Тарарин, Б. П. Гарницкий, К. В. Поляков. В правлении Каз. Союза Д.В.О. будут представлять: Кулягин, Ломакин, Кузнецов. Богаевский, Евсеев и Казинцев.

Собрание единогласно постановило:

1. Считать В. Н. Романова пожизненным почетным председателем ДВО.
2. Н. И. Богаевскую считать членом правления ДВО, как представительницу Дамского Комитета Каз. Союза.
3. Большинством голосов считать Б. Н. Уланова 2-ым почетным председателем ДВО

● В конце декабря 1962 г. в Обще-Каз. станице г. Абондана (Франция) произошли перевыборы правления. Атаманом был выбран Л. Г. Ягодинцев (К.В.), его помошником П. Д. Наумов (Д.В.), казначеем В. А. Кузнецов.

● 26 мая в Париже, в доме «Белого Воина», состоялась Пасхальная встреча казаков парижского района, организованная Дам. Комитетом Каз. Союза.

● **РОЗЫСКИ**. — Лаврентий Глухов, стан. Баклановской В.В.Д., розыскивает Мих. Ив. Кузнецова есаула Баклановского полка (во время революции) и Вас. Фомина стан. Великокняжеской. Писать на адресу:

Gluchow.
Trabitz 8481 ubr. Weiden
Drahthammer 4.
Germany

Знавших войск. старш. Георгия Яков. Пахомова, проживавшего во Франции, прошу откликнуться по адресу:

S. A. Pahomov
115-07 Babbage St.
Richmond Hill 18. N.Y.
USA

ОТ ДОНСКОГО ВОЙСКОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Всему донскому казачеству известна книга проф. С. Г. Сватикова «Россия и Дон», в 590 страниц, по истории Донского Войска, изданная в 1924 г. Донской Исторической Комиссией. Своим трудом проф. Сватиков сделал ценный подарок донским казакам и донцы не должны этого забывать. Но мало кто из казаков знает, что проф. Сватиков похоронен на русском кладбище С. Женевьев под Парижем, что могила его пришла в упадок и нуждается в серьезном ремонте. Донское Войсковое Объединение считает своим долгом привести ее в порядок и обращается ко всем донцам. кому дорого наше прошлое, помочь ему в этом деле. На это нужны средства и мы просим направлять пожертвования на имя председателя ДВО по адресу:

Kouliagine
3, rue Pradier
Ville d'AVRAY, (S. et O.)
France

УШЕДШИЕ

† Каннская группа Л. Гв. Атаманского полка сообщает о скоропостижной кончине в Нью-Йорке 16 марта с. г. сот. Е. С. Нагибина, и в Аддис-Абеба (Абиссиния) хор. М. Г. Ситникова, служившего там ветеринарным врачем.

† 26 янв. в Глен-Кове (США) скоропостижно скончался войск. старш. Войска Донского И. К. Антонов, 67 лет от роду.

† 29 янв. в Зальцбурге (Австрия) скончался хор. С. Ф. Гавриш, 76 лет, стан. Роговской Куб. Войска.

† 2 февр. в г. Перт (Зап. Австралия) умер фельдшер И. Г. Борисов, 73 лет, казак В.В.Д.

† 18 февр. в Париже скончался сотник В. Д. Пащенко, казак В. В. Д.

† Казачья Касса Взаимопомощи в Клягенфурте (Австрия) с глубоким прискорбием сообщает о смерти казаков Куб. Каз. Войска П. И. Левченко рожд. 1897 г., стан. Преградной, умершего 5/3/63, и А. Матюшенко, рожд. 1888 г., стан. Старовильческой, скончавшегося 2/2/63.

† 7 февр. в Енкарнасионе (Парагвай) скоропостижно скончался 72 лет от роду И. К. Чучуев, Мигулинской стан. В.В.Д.

† 12-го февр. скончался в Холливуде Собственного Его Величества Конвоя генерал-майор Вячеслав Дмитриевич **Савицкий.**

Пок. род. 1880 г. на Кубани, окончил курс в Оренбургском Кад. корпусе и затем поступил в Петербургский Технологический институт, но через год вышел из института и поступил в Николаевское кав. училище.

Блестяще окончив училище, был выпущен в Варшавский Кубанский дивизион и потом был принят в Собственный Его Величества конвой, в котором находился до отречения Государя, последнее время занимая должность командира сотни.

По приказу Временного Правительства Конвой был переформирован в Кубанский и Терский гвард. дивизионы. С Кубанским дивизионом пок. выступил в действующую армию, но вскоре был выбран казаками в члены Кубанской Рады, где занял должность военного советника при Кубанском Правительстве. С последним участвовал в Первом Походе и после взятия Екатеринодара был произведен в чин генерал-майора.

В. Д. Савицкий вскоре получил командировку во Францию, где и оставался в первые годы эмиграции. В 1925 году вместе с Кубанскими джигитами приехал в США, поселился Холливуде и много лет работал в многочисленных кинематографических студиях, исполняя небольшие характерные роли, главным образом, в картинах из русской жизни.

† 7 марта в Ганьи (под Парижем) скончался хор. В. С. Мисин, стан. Новочеркасской В. В. Д., о чем с глубоким прискорбием сообщает Союз Казаков-Комбатантов и Объединение Атаманского Училища.

† 11 марта в Безансоне (Франция) скончался есаул Кубан. Пластунского баталиона В. А. Бальбуциев.

† В марте в старческом доме в Рив де Жьер (Франция) умер В. К. Чебурков, казак В.В.Д.

† 19 марта в Париже скончался Н. В. Хутиев, стан. Черноярской Терск. Войска.

† В апреле скоропостижно скончался И. И. Февралев, 77 лет от роду, стан. Терновской В.В.Д., о чем сообщает Ф. И. Агеев.

† 15 марта в госпитале Брусс (Париж) умер А. И. Ченцов, 69 лет, стан. Андреевской В.В.Д. и похоронен в Кламаре, о чем с прискорбием сообщает Каз. Касса Взаимопомощи в Париже.

† 5 марта в Нью-Йорке после тяжелой болезни скончался хор. Д. П. Медведев стан. Курской Терского Войска.

† 12 марта в Нью-Йорке скончался войск. старш. Л. Гв. Атаманского полка Е. Д. Абраменков, стан. Екатерининской В.В.Д.

† Казачий Союз и Донское Войсковое Объединение с прискорбием сообщают о кончине 4. мая в Париже Г. М. Мордвинцевой В.В.Д. Да будет ей пухом чужая земля.

† 30 апреля в Тулузе (Франция) местные казаки и русские люди похоронили казака Новочеркассой стан. Н. Зорина, скончавшегося в возрасте 69 лет.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОДИМОГО КРАЯ»

(С 1 марта по 1 мая 1963 г.)

Фонд Издательства: Чаусов, Беренс — по 1 долл. Фомин, Ефимов — по 5 герм. мар., Арестов — 2 фр., г-жа Попандопуло — 5 фр., г-жа Морозова — 2 долл., Гулый — 3 долл., Н. Н. Воробьев — 5 долл, С. А. Пахомов и А. Г. Павлов — по 10 долл., Г. В. Иноземцев — 20 фр., Балахнин — 25 дол. (из них 11 в декабре 1962 г.)

Через нашего представителя Б. Н. Уланова: М. М. Афанасьев — 10 долл., Улитин — 4 долл., М. А. Саринов — 5 долл.

Для передачи **Дам. Комитету Каз. Союза:** Б. Н. Шарапов — 2 долл. Иловайский, Максимов, Т. Сидоренко, г-жа Попандопуло по 10 фр., г-жн Гордеева — 30 фр., Теми-Хан (2 взноса) — 15 шведских крон, Б. П. Попов — 100 фр., Г. В. Иноземцев — 20 фр., Процков — 22 фр., Л. Масянов — 1 долл., Н. Н. Воробьев — 3 долл., собрано 1 апр. среди казаков в память А. М. Огиенко — 75 фр., Н. Ломакин — 50 фр., О. Бальбуциев — 5 фр.

На издание **«Каз. Словаря»** Г. В. Губарева: Н. Н. Воробьев — 6 долл. (2 взноса), Русаков — 1 долл., от казаков станицы имени Атамана С. В. Павлова в Англии, через А. Г. Федосова — 5 анг. фунтов.

Всех жертвователей просим принять сердечную благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОД. КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу: Mr. Bogaevsky, 52, av. Flachat, Asnières (Seine).

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 фр., заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3,50 фр.). Книгу стихов «Дикое поле» Н. Н. Евсеева выписывать у автора: Evseeff. 18, Av. Jean Jaurès, Gagny (S. et O.), France.

В США книги можно выписывать через Б. Н. Уланова — Mr. Oulanoff. 601 W. 160 St. Apt. 4c. New-York 32. N.Y., USA.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Не имея физической возможности по недостатку времени ответить всем тем, кто поздравил со Светлым Праздником Воскресения Христова правление Каз. Союза, редакцию «Род. Края» и меня лично — я прошу принять нашу искреннюю благодарность за добрые пожелания и за теплое слово.

Председатель Каз. Союза
Б. Богаевский

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый край

ОГЛАВЛЕНИЕ.

П. Медведев — «18-ая годовщина выдачи казаков в Лиенце».
В. Улитин — «Лиенц и казачество».
Ю. Мишалов — «Тридцатилетие голода».
М. П. Морозова — «Этап».
М. Шведова — «Книги о казаках».
Юшкин-Котлубанский — «Семья Славы».
Полк. Демьяненко — «Кубанский «Анабазис».
П. М. Аврамов — «Кресты» (Продолжение).
П. П. Кумшацкий — «Былое».
Ян. Богаевский — «На бахчах»
И. Ковалев — «Вор».
А. П. Падалкин — «Союз Возвращения на Родину» в Болгарии и борьба с ним (Продолжение).
П. А. Соколова — «Дела казачьи».
В Казачьем Союзе во Франции.
Письма в редакцию: А. Г. Павлова. Г. К. Рудакова. Н. М. Мельникова.
Казачья жизнь за рубежом.
Ушедшие.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакции «Род. Края».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: П. А. Аврамов, Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Juillet - Aout 1963. — 3 F.

PAYS NATAL № 47 Июль - август 1963. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

18-Я ГОДОВЩИНА (1945 г.) ВЫДАЧИ КАЗАКОВ В Г. ЛИЕНЦЕ

1-е июня — траурный день казачества, день мучеников «правды ради», или, как принято теперь называть, Лиенцевская трагедия, войдет в историю, как очередная позорная страница, на которую, как и мы, так и грядущие поколения, будут взирать с смерзением, отмечая подлую роль предательства, вызвавшего потоки крови рыцарей долга и невинных жертв.

И НЕИЗБЫВНУЮ СКОРБЬ О ПАВШИХ.

С легкой руки первого братоубийцы Каина, человечество льет океаны крови, стараясь найти под разными видами этому злодеянию оправдание.

До наших дней дошло «Иродово дело» — избиение невинных младенцев в Вифлиеме, Варфоломеевская ночь — с истреблением тысячи гугенотов во Франции, так называемые исторические преступления, когда власть предержащая, поправ законы Божеские и человеческие, заставляла «молчать и зло и правду».

На них тяготеет «Каинова печать» и справедливый суд истории давно пригвоздил их к позорному столбу.

Нам говорят, что человечество, выйдя из периода зверства и переходя через варварство, движется по ступеням к высшей человечности.

Но в наше горькое время исторический «ветер» повидимому «возвратился на круги своя». В подвалах Ипатьевского дома злодейски убит последний русский император Николай II-й со всей своей семьей.

Тайно, подло, вероломно и безнаказанно.

И сегодня мы чтим память тоже преданных этой же «власти» казачьих патриотов: ген. П. Н. Краснова, С. Н. Краснова, А. Г. Шкуро, Султан Гирея, фон Панвица и многих иже с ними, «имена же их Ты, Господи, веси», ведших с ними непримиримую борьбу, как пером, так и с оружием в руках на протяжении десятков лет, отданных путем обмана на глумление и смерть.

Многие наложили на себя руки, предпочитая смерть возврату в советский застенок.

И если, по восточной легенде, Аллах простил разбойнику грехи пролития крови девяносто девяти невинно загубленных жизней за смерть одного предателя, подлый поступок обманного завлечения в западню руководителей Казачьего Стана английским военным командованием ляжет несмываемым позором на них во все времена, пока будут жить цивилизованные народы.

Это кровавое действо вызывает в нас чувство священного гнева и справедливого призыва к каре палачей, когда мы ежегодно возносим молитвы Господу Богу о душах жертв и собираемся во единый круг ПОЧТИТЬ ИХ ПАМЯТЬ, СТАВШУЮ ДЛЯ НАС СВЯЩЕННОЙ.

Не будем бередить неизлечимые раны тех, кто был на этой современной Голгофе, скажем: СВЕРШИЛОСЬ ОЧЕРЕДНОЕ КАИНОВО ДЕЛО, но чем «живы были» воины казачьего стана, шедшие на борьбу за их и за наши идеалы, это сказать обязывает дань сегодняшнему дню.

ИБО ЗДЕСЬ МЕСТО СВЯТО.

Наши братья, сестры и дети пали «за други своя» и по святому слову — это ЛЮБОВЬ ВЫСШАЯ...

Ему вторили создатели великой государственности древнего мира: дульце эст декорум про патриа мори. Самая сладкая смерть — смерть за отечество.

И те, кого мы поминаем сегодня, умерли за наши идеи, умерли за нас, за попытку сделать нашу Родину вновь свободной, счастливой.

ЭТО ЛЮБОВЬ ВЫСШАЯ И СМЕРТЬ СЛАДКАЯ.

Говорят, что казачество в песнях отражало свою историю. Какими думами и желаниями владели их души, вылилось в походном марше погибших борцов. Они пели:

«Под свободные знамена добровольческих
полков,
От Кубани и до Дона шли отряды казаков...
Не за власть кремлевской клики
тунеядцев-подлецов,
За народ казачьи пики будут бить
большевиков.

За поруганную церковь, за расстрелянных
отцов,
За погибших в тридцать третьем всех
кубанцев и донцов
Для последней смертной брани собираются
они —
Дона, Терека, Кубани православные сыны.

И они погибли.

Восемнадцатый год мы чтим и оплакиваем их память. Это то предание, которое мы, по вещему слову апостола, должны «стоять и держаться», дабы передать его нашему потомству, чтобы оно жило в его памяти во веки веков — ПАМЯТИ ВЕРНЫХ ДОЛГУ.

Исполнители этого преступного действа хотели, чтобы никто не узнал об их злодеяниях. Но чудом спаслись обреченные.

Они поведали возмущенному миру о майоре Дэйвисе, об его ордах, о кровавых насилиях ими совершенных.

И мир содрогнулся. Он понял, что если люди идут под танки на смерть, добровольно лишают себя жизни, бросаясь с семьями в бурную реку Драву, вместо возвращения на «любимую родину», то не все то правда, что говорили их советские союзники и нужно все проверить, а пока — остановить насильственную репатриацию.

Трагедия Лиенца спасла остальных от принудительного возвращения.

Там, в «Долине смерти», над казачьими головами насыпаны курганы и памяти погибших поставлены памятники.

Казачьи кости под ними лежат.

Казачество обезкровлено, и уже раздаются тревожные голоса, что славная книга нашей истории закрыта навсегда.

НЕ ВЕРЬТЕ ТРЕВОГАМ МАЛОДУШНЫХ. История продолжает писаться. Закрыта недавняя кровавая страница нашего очередного тернистого пути.

Но пока мы живы, пока мы чтим наши традиции, пока по всему миру сегодня собираемся мы дружной семьей чтить память погибших, пока мы верим в наше кровное братство, пока жив наш свободный казачий дух, пока мы любим нашу Родину, пока мы ВЕРИМ В ГОСПОДА БОГА И МАТЕРЬ БОЖИЮ, НАШУ НЕБЕСНУЮ ЗАСТУПНИЦУ, **врага адовы не одолеют нас и мы увидим еще нашу Родину-Россию свободной.**

И пусть над нами голубеет и чужое небо, но души наши остаются неизменными. Неизменными остается непримиримость и презрение к советской власти, продолжающей терзать нашу Родину.

А имен страдальцев Лиенца и их искупительных жертв мы не забудем.

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ!

Ригмонд (США). **П. Медведев**

ЛИЕНЦ И КАЗАЧЕСТВО

Лиенц и мы, казаки, оставшиеся живыми и поныне живущие здесь на свободе, и там, на Родине, томящиеся на каторжных работах или доживающие свои дни в старческих домах — неразделимы. Но что же то общее, что связывает нас? Была ли Лиенцевская трагедия концом казачества? Или это только один из этапов на бурном историческом пути казачества? Или же это совсем не трагедия, а триумф идеи казачества — идеи борьбы, идеи неприятия насилия, издевательства и потери человеческого достоинства.

То что же тогда общее?

Общая идея сынов всех казачьих Войск — идея свободы и простой человеческой правды. Для русского народа казачество всегда было физическим и духовным выражением надежды на лучшую жизнь. Начиная от былинных героев и таких, как Степан Разин, Емельян Пугачев, Ермак Тимофеевич, Платов, Бакланов и потом Каледин, Корнилов, Богаевские и наконец Краснов и иже с ним — все это были казаки, делавшие историю народов России. И русский народ и сейчас подсознательно «ожидает» что-то от ка-

заков; попрежнему говорят в Сов. Союзе: «сни — казаки» или «она не только русская, но и казачка»...

Что Лиенц не явился концом казачества — не может быть двух мнений.

Лиенц — это только этап, еще одно предательство и попытка уничтожить казачество.

Лиенц — как Азовское Сиденье, восстание Булавина, Атаманство Каледина, — вечно будет жить, как памятник проявления героического духа. Мы, казаки, приехав в Америку, узнали, что дни Лиенцевской трагедии совпадают с днями поминовения американских воинов, отдавших свою жизнь за свободу других народов. Американский День Ветеранов или Деораций, 30 мая, казалось, говорил нам, что и наш долг всегда помнить о жертвах казачества.

И вот в первый раз, 30 мая 1950 г., группа нас, казаков, оказавшихся в Калифорнии, служили панихиду в лагере Сан Антонио около Помоны. Многие из участников, вероятно, помнят это. Не так просто это было сделать тогда, но поддержали нас американские друзья, американцы ветераны и протоиерей о. Александр Полулях. Потом это поминовение, ставшее народным, мы перенесли в Глендору, где уже русско-американское С-во «Наш Дом» продолжало с честью хранить эту традицию. Ежегодно собирались и лично пережившие трагедию в Лиенце и их друзья в Глендору.

А когда С-во построило Храм-Памятник и передало его в собственность Св. Андреевскому Приходу, то поминовение Лиенца начал устраивать сам Приход. Приход же поддерживает и Крест-Памятник, в свое время созданный американской молодежью, а теперь установленный на церковном участке.

К сожалению, у нас так же, как и в других приходах Зарубежной Церкви, темные силы сделали свое дело, и поминовение Лиенца потеряло свое прежнее значение, перестав быть событием, объединяющим казаков.

А ведь это, может быть, единственная церковь, при которой стоит памятник жертвам предательства в Лиенце.

И несмотря на это, наше дело — чтить наши традиции и гореть тем общим, что объединяет нас здесь и там: это — исторический путь казачества; это — наше неприятие насилия, в какой бы форме оно ни выражалось; это — борьба с провокацией и моральным разложением. У нас, казаков, есть чувство ответственности, у нас есть что хранить. Мы отвечаем за славные дела наших предков. Только это обеспечит новые подвиги, только это поведет к возрождению духа казачества, духа свободы.

И мы не должны падать духом, — враг хитер и силен, но с нами Бог, т. к. Бог не в силе, а в правде.

Глендора, Калифорния.

Владимир Улитин

От редакции. — Памятники жертвам Линца имеются во многих храмах: для примера можно указать церковь на русском кладбище Сен-Женевьев под Парижем, где имеется памятная доска, русский храм в Каракасе (Венецуелла) имеет памятник-икону.

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ ГОЛОДА

От редакции. — 18-ая годовщина Лиенца... Выдача на страдания, а некоторых на смерть, тысячь казаков, жен казачьих, стариков, детей... Большинство каз. организаций, вся каз. пресса свободного мира отметили годовщину этих траурных дней.

В этом же 1963 г. мы должны вспомнить и о другой траурной дате, о другой трагичной странице каз. истории — 30-тилетие организации искуственного голода, о котором пишет в приводимом ниже очерке Ю. Мишалов, находившийся в то время на Украине и бывший непосредственным свидетелем описываемого. На Дону, на Кубани было еще хуже, в то время как в Великороссии, Белоруссии и дальше к северу голода не было.

Он был организован искуственно, по заданию, имея целью обессилить элементы, которые не могли приять сов. систему, уменьшить их сопротивляемость, и был направлен в первую голову против казачества. То есть он имел конечной целью то, чего не могли достичь ни террор, ни расстрелы, ни выселение целыми станицами на верную гибель, на

крайний север. В это же время были и окончательно «ликвидированы» и большинство тех казаков, которые, поверив сов. пропаганде, вернулись из заграницы в Сов. Союз, и которые до тех пор еще уцелели.

Вот, что пишет Ю. Мишалов («Русское Нов. Слово», 29 марта 1963 г.).

В этом году исполняется 30-летие со времени одного из чудовищных преступлений коммунистов — искусственного голода 1933 года, унесшего в безвременные могилы не меньше 10 милл. человек, главным образом на Украине, на Дону и на Кубани, в наиболее производительных сельско-хозяйственных областях. Этот голод был специфически коммунистическим мероприятием.

Особенность коммунизма в том, что национализация всех без исключения средств производства, источников дохода и полная ликвидация частной хозяйственной деятельности населения является экономической основой лишения граждан всех их прав и свобод. До тех пор, пока власть не монополизирует всех экономических средств, она будет зависимой от экономической деятельности своих граждан. Чтобы коммунисты удержались у власти, нужно уничтожить все хозяйственные «уклады» (способы призводства), оставив в монопольном состоянии один «государственно - социалистический» уклад. Совершить это чудесное превращение военным наскоком («боенный коммунизм«) Ленину не удалось. Помешали массовые крестьянские восстания и последнее предупреждение сделал Кронштадт. И коммунисты, под руководством Ленина, отступили и перешли к позиционной войне за ликвидацию всех иных способов производства не путем естественной конкурренции, а путем насилия власти.

Ленин определил 5 укладов хозяйства, существовавшего в России; 1. Патриархальная форма. 2. Мелкое производство. 3. Частный капитализм. 4. Государственный капитализм и 5. Социализм или государственно-социалистический уклад. Он ввел нэп с целью подготовки для нового наступления на экономическую независимость народа. Ленин же создал теорию ликвидации иных укладов в своем кооперативном плане. Но увидев, как буйно развивается частное сельское хозяйство, уже на 11 съезде ВКП(б) (1922 год) Ленин заявил, что «отступление кончилось, начинается перегруппировка сил». А частные собственники-крестьяне, без тракторов и комбайнов, не только решили зерновую проблему, но создали громадные излишки товарного хлеба и других продуктов, которых некуда было девать в стране. И через год, 12 съезд ВКП(б) (1923 г.) вынужден был решить: «Целесообразная постановка экспорта излишков русского хлеба за границу стала первостепенной важности задачей» («КПСС в резолюциях», стр. 628).

Но коммунистам у власти вовсе не нужно удовлетворение нужд населения страны, у них интернациональные цели — захвата мира и укрепления своей власти в захваченной стране. Изобилие хлеба в 1923-1929 г.г. их не устраивало. Коммунистическая власть оказалась в экономической зависимости от крестьянства. Хлеб принадлежал крестьянам, а не партии и правительству. После коллективизации уже все — и крестьяне в том числе — полностью зависели от власти. Правда, не стало хлеба и хлебная проблема не решена до сих пор — уже 35 лет. Но зато власть коммунистов стала экономически независима. Сталин продолжил эту ленинскую линию, совершив в сельскохозяйственной стране насильственную ликвидацию мелкого крестьянского способа производства.

Хрущев, обвинив Сталина во множестве преступлений, идет по его пути — удерживает и укрепляет колхозы и совхозы и пытается окончательно покончить с частным сектором — приусадебные участки, скот в частном владении, дома и автомашины — как источник дохода, подпольное мелкое производство и торговля, борьба с «тунеядцами и лодырями» — это борьба с рабочей силой, не работающей на государство.

Приведение населения страны в полное политико-экономическое и духовное рабство — это и есть тот коммунизм, которого добиваются и строят в СССР.

На основе этой стратегической цели и следует рассматривать организацию колхозов, сплошную коллективизацию и организацию искусственного голода 1933 года, как тактические мероприятия, ведущие к решению единой коммунистической стратегической задачи. Проведение этой задачи оказалось экономически нецелесообразным. Вопреки всем марксо-ленинским предсказаниям об экономическом превосходстве «социалистического» способа производства, вопреки сегодняшним утверждением ком. лидеров о том же превосходстве социализма — на советской практике окончательно выяснилось, что внедрение этого регрессивного способа производства приносит экономические убытки. Эти убытки и отражаются на низком материальном уровне населения ком. стран. И будут отражаться, пока существует эта от-

сталая система. Чем это делается яснее, тем интенсивнее идет борьба с остатками частнособственнического сектора в СССР. Ибо сравнение с ним не в пользу социализма. Сравните, например, урожаи в колхозах и на приусадебных участках, положение общественного и частного животноводства, положение кустарных производств, «диких» строителей и ремесленников, с которыми борятся насилием, а не конкурренцией гос. промышленности.

Организовав бесчисленные лагеря от Колы до Магадана, заполнив их трудовым крестьянством, стерев с лица земли многие села и хутора, заполнив невинными людьми все тюрьмы, сделав малое отступление весной 1930 года (статья «Головокружение от успехов»), изменив устав колхоза, оставив приусадебные участки и часть скота во владении колхозников, обложив всех неколхозников невиданными налогами и поставками, разбросав их земельные участки в концах многих полей колхоза, потом предоставив обложенным и осужденным крестьянам льготы при вступлении в колхоз — коммунисты добились сплошной коллективизации. Уничтожив дополнительно 2-3% индивидуальных крестьянских хозяйств, до конца выдержавших все насилия, добились и 100% коллективизации.

Но тут коммунисты и столкнулись с новым видом сопротивления крестьянских масс. Уже не выступая активно против колхозов, насильно согнанное в колхозы крестьянство громадной страны перешло к пассивному сопротивлению. Перестало честно трудиться на полях. Получив в первый год продукты на едока, оно предоставило организацию полевых работ власти. В 1931 году хлеб косили до снега, вернее не хлеб, а уж только солому. Молотьба тянулась до весны. Невиданный падеж рабочего и продуктивного скота не поддавался учету. Отношение крестьян к колхозному рабству выявилось с кристальной ясностью.

Но коммунисты, выдающие себя за «выразителей коренных интересов народа», предпочли им интересы партии. Они ликвидировали выдачи «на едока», ввели трудодни, установили «первую заповедь» — план хлебопоставок государству, выполняемый в первую очередь. И, чтобы окончательно сломить и пассивное сопротивление крестьян, в 1932 году, ввели план поставок государству больший, чем был фактический урожай. А урожай 1932 года был выше среднего и не мог вызвать голода, если бы не зверски выполняемый план. Начали «выкачку хлеба» сельские активисты под руководством властей на местах, да уполномоченных райпарткома, а заканчивали ее уполномоченные ЦК партии. Бригады по хлебозаготовке четыре месяца ходили из хаты в хату, искали припрятанный колхозниками хлеб. Железными пиками кололи землю, стены, искали хлеба в колодцах. В мешочках и узелках свозили килограммами зерно в сельсовет, а здесь водружали на повозку красное знамя и оторванные от голодных ртов крохи везли «красным обозом» на переполненный зерном государственный склад.

Уже к Рождеству и новому 1933 году страшный, небывалый голод охватил страну, а в особенности Украину, Дон и Кубань. Рабочие и служащие получали паек, хоть и скудный, но все таки не дающий им умереть с голоду, они же имели четверть гектара огородов, с которых не бралось поставок. А производители хлеба — крестьяне не только не получали пайка, им не только не оставляли какого то минимума продуктов — нет — они еще были должны государству по невыполненному плану хлебозаготовки. Они жевали кору. Все стало съедобным — кошки и собаки исчезли из сел, кочаны кукурузы без зерна перемалывали на муку, макуха считалась «шоколадом», шелухой проса набивали пустые желудки, эрзац желудевого кофе, много лет стоявший на полках лавок единственным недефицитным товаром — был раскуплен и съеден. Из перетертого сена пекли зеленые коржи. Ходили с опухшими лицами и ногами по селу, искали пищи. Дети, оставив умерших и умирающих родителей, разбрелись по белу свету.

...Вот на помойке районной «закрытой» столовки для коммунистов живет десятка три детей, забывших, кто они и откуда. Ближайшая их цель — выжить. Едят помои и отбросы с жирного коммунистического стола и остаются живы. Вот из колхозной конюшни выволокли дохлую лошадь и сейчас же сбежались голодные колхозники и сырую, тут же, съели до костей и копыт... еще до составления... акта о падеже.

Многие бросились кто-куда. Но «дорогая» ком. власть заранее проявила заботу о своих гражданах. В Москву, Киев, Харьков, Минск, Мурманск и др. города билеты продавались только по командировкам. На переезд требовалось специальное разрешение. В городах проникнувших туда граждан в крестьянской одежде не выпускали из станций, их собирала милиция и отправляла

прочь, в разных направлениях. Но находились люди, прорывавшие все заграждения. Ехали до последней станции перед городом, а там пешком и пригородным сообщением попадали в город — где по «коммерческим ценам» продавались «кирпичики» — килограмовые хлебы. Из очередей партийно-комсомольские хулиганы вытаскивали колхозников: «Свой хлеб закопал, а по наш приехал!»

Брали билеты к приграничным станциям Украины, а там, пройдя пару пролетов, попали в РСФСР, где можно было разжиться картофелем. Или уже будучи в РСФСР, брали билеты поближе к Москве, а там пешком и трамваями прорывались в Москву. А в ней хлеба — завались и какого хочешь, без очереди. Просто не верилось при московском хлебном изобилии, что где то вымирают с голоду семьи, хутора и целые села. В городах и на железных дорогах накоплялись сотни и тысячи трупов. Были созданы специальные «санитарные бригады», закапывавшие умерших с голоду в общие могилы. А к весне такие бригады создали и по селам. Умерших свозили к общей яме и закапывали. А врачи тысячами подписывали удостоверения о смерти: «Умер от ББО» (БезБелковыеОтеки), т. е. — голодные опухоли. Вот от них во славу социализма и коммунизма и умерло около 10 мил. граждан СССР.

В феврале 1933 года Сталин распорядился выдать украинским колхозам 150 тыс. центнеров овса и ячменя... для подкормки рабочих лошадей. Под специальную партийную ответственность за то, что этот фураж... не съедят люди. И вот в колхозной конюшне получают фураж, делят его лошадям и прикрепленный к конюшне партуполномоченный присутствует при скармливании этого фуража лошадям. А затем подписывает специальный акт, в котором удостоверяется, что фураж съели лошади. А сам партуполномоченный и верхушка колхоза получает обильный паек на свои семьи из закрытых распределителей.

Когда однажды я принес районному статистику сводку, он записывал цифры в книгу смертей. Увидев меня, быстро захлопнул книгу. Я успел увидеть запись только на одной странице: «Васильевка... умерло от ББО... 1224 человека». А в этом селе и всего то жителей было около 3000 человек.

Искусственным голодом цель диктатуры была достигнута. Пассивное сопротивление колхозников было сломлено. На работу за пустой трудодень пошли колхозные рабы. 200-400 грамм хлеба, конечно, не были оплатой их труда, но они спасали людей от мучительной голодной смерти. Где уж тут за такую оплату добиться производительной работы. Но сравнивать прогрессивность »социалистического» сельского хозяйства не с чем. Оно отсталое, регрессивное, убыточное, зато монопольное. К тому же убытки несут колхозники. Теоретически, коллективизация сельского хозяйства — большой успех коммунизма по переходу к единому «государственно-социалистическому» способу производства. И ввиду того, что оно на пользу коммунизму — оно по коммунистически морально и, значит, все принесенные жертвы, в том числе и жертвы искуственного голода — оправданы.

30-летие голода считается в СССР 30-летием сплошной коллективизации...

Юрий Мишалов

ЭТАП.

(Ликвидация кулачества...)

По тропе узкой, зимней, хрусткой,
В шеренгу строем, под конвоем,
Вел ссыльных сталинский сатрап
Безвинно-виноватых Россиян этап.

*

Отцов, изйятых из семéй,
На произвол оставивших детей,
Духовных лиц, крестьян, рабочих— под заказ —
Всех объявили, как кулацкий класс.

*

В застенках долго их пытали,
Ломали руки, зубы выбивали,
Напившись крови досыта,
Препровождали в гиблые места.

Теперь их гнали до вокзала,
Как с места власти приказали.
Там ожидали эшелоны-поезда
На каторгу для подневольного труда.

*

Всмотритесь в лица проходящих,
Во взор, от муки их скорбящий,
От голода они совсем истощены
И на страдания обречены.

*

Вот первая, вторая... поспешите!
Их подгоняют... пробегут...
На спинах, кажется, нашиты...
По номерам там разберут.

*

Та, впереди, старушка мать едва шагает,
В глубокий снег ногами увязает.
А рядом — дочь, почти раздетая... О, Боже!
Шагает с нею в ногу тоже.

*

Старик, хотя и в шубе, но без шапки,
Спешит за ними без оглядки —
Коль чуть отстанет, тут же ляжет,
Конвой без жалости стреляет.

*

Два мальчика — совсем юнцы,
Дожили б, были б молодцы!
И кто они — друзья, а может, братья...
Они уже прошли, кто может разгадать их.

*

Дрожа от страха и от стужи,
Один закутывался туже
В нестоившую ныне и копейку
Совсем изодранную душегрейку.

*

Другой, поменьше, плакал громко,
Дрожащей ручкой что-то комкал —
Сгрызок хлеба иль платок
Иль снега хладного комок.

*

Кому же дети навредить успели,
В рабы попавши с колыбели?
В чем провинились и когда —
Сугробы скроют навсегда.

*

Зачем же ложь: «дети — отрада
Отцам и дедам — дар, награда.
Что дети выше всякой правоты
И дети — жизни есть цветы?!»

*

А вот еще, еще... почти бегут.
Толкают, падают, встают.
За первым выстрелом, второй —
Два трупа оттолкнул конвой...

*

А вьюга, вьюга завывает
Следы этапа заметает...
. . . . . .
Свисток последний паровоза...
П-р-о-щ-а-й... — несется в ночь мороза!

С.Ш.А. **М. П. Морозова**

КНИГИ О КАЗАКАХ.

От редакции. — Участие казаков в борьбе с большевизмом во время 2-ой Мировой войны не могло не найти отклика в немецкой литературе. Редакция «Род. Края» полагает, что читателям журнала будет интересно с ней ознакомиться, хотя бы вкратце.

Ниже мы приводим выдержки из библиографических заметок М. Шведовой, помещенных в № 38 журнала «Грани» (изд. «Посев», 1958 г.) под названием «Три книги о борьбе за свободу».

К концу Второй мировой войны сотни тысяч русских людей стояли с оружием в руках на стороне немцев.

Как это могло случиться и что побудило их к этому?

Наверно никогда не удастся установить точно, где и когда на всем протяжении восточного фронта первые русские люди вступили в ряды немцев, как и не установить, когда и кем были формированы первые русские части. Это был акт, вытекавший, с одной стороны, из тяжелого положения немцев и необходимости укрепить расшатанный фронт, с другой стороны — из надежды русских людей найти честную помощь у немцев в борьбе за освобождение России от коммунизма.

Гитлер своей преступной политикой и методами сделал все, чтобы оттолкнуть естественных союзников, вместо того, чтобы оказать им помощь и поддержку.

Но среди самодовольных и переоценивающих себя немцев были и одиночки, которые с открытой душой шли навстречу русским,

понимая их чаяния и честно стараясь поддержать их стремления.

Первое формирование русских антибольшевистских частей происходило на восточном фронте, неофициально, по личной инициативе немецких военных и втайне от немецкого Верховного Командования.

Вспоминая о преданных друзьях, нельзя не упомянуть и графа Штауфенберга, ревностного сторонника русского дела, казненного после покушения на Гитлера в июле 1944 года.

И когда, наконец, началось официальное формирование армии Власова и было создано главуправление казачьих войск — предвестники роковой развязки уже стояли у порога истории.

Тысячи русских людей пошли на мученическую смерть во имя свободы. Немцы же, помимо поражения на всех фронтах, потеряли, благодаря своей безрассудности и ненасытности, драгоценного союзника в борьбе против большевизма.

Победители — западные державы-союзники — в свою очередь вселили недоверие в сердца русских людей к западу, выдав на расправу большевикам борцов за свободу.

Да не будут же эти страшные годы смертей и мук пережитыми напрасно! Да послужат они семенами большего понимания, человеколюбия и человечности для настоящего и будущих поколений.

Три автора — три книги. И в каждой из них речь идет о казаках, их геройстве и любви к родине и о том неслыханном обмане, жертвой которого стали сыны великой России.

Первый автор — первая книга: «Трагедия на Драве» или «Свобода, которую предали»*).

Иосиф Мацкевич — писатель из польской эмиграции — рассказывает о великой трагедии, о борьбе за свободу, кончившейся гибелью храбрых на Драве. Мацкевич рассказывает о том, как «христианский» Запад предал в руки советским палачам свободных сынов великой страны.

Автор рисует полную контрастов и местами апокалиптическую картину событий. Язык Мацкевича богат, он находит своеобразные сравнения:

... и проволока ржавела, как желтеют осенью сорные травы.

Вот один из контрастов: ... Катенька, лошадь кавказского генерала, получила приз на скачках, устроенных англичанами. Это было в те дни, когда в Москве вешали генералов, участников освободительной борьбы...

Мацкевич подчеркивает парадоксальность явления Второй мировой войны, в которой «капиталистический» Запад стал союзником большевизма.

И далее — среди массовых перемещений единственным добровольным передвижением было бегство целых народностей от большевизма.

Судьба казачьей семьи Кольцовых, описанная на страницах романа, является иллюстрацией сказанному.

Митя, сын старика Кольцова, поступает в кадетский корпус. Революция 1917 года. Эвакуация школы в Одессу. Голод, тиф. 1920 год. Школу отправляют в Румынию. Но румыны отказываются принять беженцев, и детей-кадет гонят обратно на ту сторону — к большевикам. Митя попадает в шайку беспризорных. Облава. Его отсылают в лагерь для несовершеннолетних. И вот Мите 21 год. Он стал агрономом. Но жизнь за эти годы переменилась. Она стала серой и бесцветной, точно покрытой плесенью. Страх владеет всеми. Страх и мысль: выжить! во это бы то ни стало — выжить!

Митя стал человеком нового типа: без предрассудков, без пережитков старого. Но об одном он старается не думать — о семье. В числе социально опасных элементов арестовывают и Митю, как бывшего беспризорного. После его выхода на свободу за ним ведется наблюдение. Ведь невинно осужденный всегда может обернуться врагом. Но Митя начеку. Он запретил себе не только громко высказывать свои мысли, но и иметь их.

И вот Митю опять постигает беда. Услыхав о Павлике Морозове, он не в силах сдержать своего возмущения. На него доносят, и его приговаривают к 15 годам концлагерей. Жена добивается развода. И снова годы голода, холода, непосильной работы и издевательств.

Мать и сестра Мити погибли во время гражданской войны. Их сожгли живыми в хате. Старик Кольцов, сжимая кулаки, беззвучно шепчет: «Доживу до иных, до лучших времен!» (Его убивают впоследствии ударом приклада по голове во время насильственной выдачи англичанами казаков).

Война 1941 года. Ее ждут, как освобожде-

---

*) *Josef Mackiewicz.* «Tragödie an der Draua» oder «Die veratene Freiheit». Bergstadt Verlag, Wilh. Gottl. Korn, München 1957.

ния. «Если антибольшевизм 1917 года — пишет автор — был представлен интеллигенцией, то освободительное движение 1941-44 годов было движением масс. И оно увенчалось бы успехом, большевистская власть была бы свергнута, если бы Гитлер своими методами и своей эгоистичной политикой не сорвал его. Так, например, поведение гауляйтера Коха на Украине граничило с провокацией в пользу большевиков.

Митю реабилитируют. «Митя, — говорит старик Кольцов, при встрече с сыном, — слышишь ли ты музыку?».

Далеко, далеко, с запада, из-за Донца, прерываемый воем ветра, доносится грохот орудий...

Так оно началось. Поднялись казаки Терека, Дона, Кубани, поднялись черкесы, карачайцы, балкары, осетины, дагестанцы, кабардинцы, ингуши, чеченцы, азербайджанцы и грузины. Поднялись народы для крестового похода против врага Родины — против большевизма.

Их кормили туманными обещаниями, их обнадеживали, — но проходило время, и рушились надежды. Вместо крестового похода против большевизма россиян посылали сражаться на разных фронтах Запада.

Но вот началось отступление немецкой армии. Вместе с ней потянулся на запад поток людей, не желающих вновь попасть под коммунистическое иго.

Немецкий фронт разваливается все более и более. И вот, «без пяти двенадцать», Гиммлер решается пересмотреть свой взгляд на «унтерменша».

Начинается активизация Власовского движения. 31 марта 1944 года подписывается разрешение на создание главуправления казачьих войск.

Май 1945 г. Дни великой скорби и неслыханного предательства.

И тут автор в правдивых простых словах вновь развертывает перед нами трагедию русских людей и историю величайшего обмана, при воспоминании о котором содрогается душа и должны краснеть от стыда ее зачинщики.

Это самые сильные, самые захватывающие места в книге Мацкевича. Картина, воистину, апокалиптическая. На этих страницах книги Мацкевич воздвиг памятник убиенным и погибшим, принесшим себя в жертву высшему идеалу человечества — свободе.

Дальнейшая судьба Мити, Дмитрия Александровича, которому удалось избегнуть выдачи и спастись бегством, проста. Вспомнив о своих знаниях агронома, он обосновывается во Франкфурте и становится садовником. Сидя в кругу друзей, он вспоминает пережитое. Старый, весь в морщинах, казак рассуждает: «Не люди виноваты, виновата система. В этом, друзья мои, вся моя философия».

Второй автор — вторая книга. «Сни искали свободу»*).

Двингер — хороший рассказчик. Он любит Россию, в его словах — несомненна искренность, хотя местами чувствуется некоторая рутина, сентиментальность и романтическая прикраска.

Первые годы 2-ой Мировой войны. Немецкие части стоят на Кубани. Автор ведет нас по пути кубанских казаков и атамана Кулакова, от полных светлых надежд дней до трагического конца.

Сни искали свободу, а их встретила смерть Сни решили сами лишить себя жизни, чтобы не потерять ее на закабаленной Родине, они предпочли смерть репатриации.

Атаман Кулаков, долгие годы скрывавшийся от коммунистической власти в балке, решается после прихода немцев ее покинуть. Настал долгожданный час борьбы за освобождение Родины. Рядом с Кулаковым — Акулина, верная и преданная до последнего часа жена.

Вот Кравчуновский, молодой казак доброволец в немецкой части. Ради спасения горячо любимой жены Нины он поддается угрозам партизан-коммунистов. Его мучает совесть, раздирают сомнения, он неспособен на предательство — и дает свое согласие партизанам добыть оружие только с целью выиграть время. Но случайность губит его, и чистосердечное признание уже не может его спасти.

Вот, что он говорит немцам (и не говорили ли это в его лице тысячи и тысячи?) «...Вы хотите использовать нас для своих целей, но вы не хотите нам дать того, за что, единственно, мы пошли за вами...».

И не прав ли он стократ, когда признается немцу Нетолинскому, пришедшему уговорить его бежать из тюрьмы: «я не могу так пойти с вами, я узнал вашу преданность и дружбу, но мне нужна и ваша справедливость».

Напрасно стараются его спасти Нетолинский и другие немецкие друзья. Дело Кравчуновского, казавшееся вначале легко разрешимым недоразумением, попав в неумоли-

---

*) *Edwin Erich Dwinger.* «Sie suchten die Freiheit». Pilgram Verlag, Salzburg.

мую машину бюрократизма, обернулось смертным приговором.

Но не только во имя спасения Кравчуновского борются его друзья и пишут прошение за прошением. Они борются и во имя сохранения собственной веры в справедливость и человечность.

Вот немцы: старый полковник Вагнер, говорящий: «... Мы не ведем войну против России, но против большевизма. Россия непобедима, — большевизм победим». Так говорил и думал полковник Вагнер. Но как больно и горько пришлось ему и многим другим впоследствии разочаровываться. Перед их глазами все больше и шире раскрывалась пропасть, в которую неудержимо катилась их родина, увлекая за собой в своем падении и близких сердцу Вагнера доверившихся ему казаков.

На стороне русских людей стоят и Нетолинский, друг Кравчуновского, лейтенант Франкенштен и старый «отец» Гезель, заведующий хозотделом. Гезель, как и Вагнер, исполнен пониманием несчастья русских и честным желанием помочь, но бездушная безумная политика Гитлера связывает им руки.

Гезель всячески старается увернуться от многочисленных суровых распоряжений и требований своего начальства и облегчить жизнь людей на вверенном ему участке. Ему помогает старый еврей, в уста которого автор вкладывает слова вечной мудрости и человеколюбия.

Этого еврея и всю его семью спасают и скрывают при отступлении Гезель и его друзья.

Но автор показывает нам и других немцев Сни — представители «херренфолька». Своим бахвальством и наглым поведением, пренебрежением к другим людям, жестокостью ко всем, кто осмеливается придерживаться других взглядов, они вызывают не только злобу и возмущение, но, больше того, презрение.

Из станицы на Кубани, через Тамань и Перекоп, кубанцы попадают в Югославию и, наконец, в Италию. Потрясающи сцены мести и расправы, боев с партизанами. Удивительно сильно дана последняя битва Кулакова, поспешившего на помощь Паннвицу. Это — лебединая песня конницы, бросившейся со страстным воодушевлением в бой против врага, вооруженного всеми средствами механизации современной войны.

Последний этап. Лиенц, долина смерти. О ней все сказано двумя скупыми словами: «Замолкли песни». Кулакова требуют на допрос к англичанам. Он молвит вещие слова: «... Пройдет время, и вы прозреете...».

Настал последний час. Ползут по улицам советские танки. Толпа обреченных — репатриированных — тянется по дороге — на родину, где их ждут неволя, беспомощность, смерть! Среди них Паннвиц, оставшийся верным своим любимым казакам — до конца.

Кулаков и его офицеры кончают самоубийством.

Как сказал немецкий унтер-офицер Нетолинский:

«... Мы не смеем поднять головы, пока не исчезнет последнее из учреждений насилия. До тех пор нам должно быть стыдно, стыдно, стыдно — за себя и за других!...»

И, наконец, третий автор и третья книга. — «Дорога в вечность»*).

1943 год. Новочеркасск. Ростов-на-Дону. Сталинград. Переживаешь снова памятные дни ожесточенных битв, за ходом которых следили с волнением и русские и немцы. Ведь поражение немцев под Сталинградом и гибель шестой немецкой армии означали для тех, кто с надеждой на победу и лучшее будущее Родины дрались плечом к плечу с немцами, — возврат ненавистного режима, расправы и новое, еще более жестокое, порабощение.

Забываешь, что перед тобой книга, — такими близкими кажутся эти люди, такими давно-давно знакомыми. Они говорят простыми, не книжными словами. Болеешь их горем, радуешься их радостями, плачешь их слезами и вместе с ними смеешься их шуткам.

Как бесконечно нежна любовь немца Штекендорфа к прелестной жене товарища — казака Коли Галдина, как глубоко правдиво его отречение от любимой женщины. Долг и товарищество победили страсть и запретное чувство. Как понятен Коля Галдин в своей едва сдерживаемой ненависти и ревности и как тиха и примирительна его смерть героя.

Но рядом с этой любовью встают грозные образы, шагает война, и от ее смертоносного дыхания гибнут лучшие сыны Дона, алеет снег от крови храбрых. Мчатся со впалыми глазами всадники Апокалипсиса, развеваются их красные мантии, и под широким взмахом их косы погибают не только полки и армии — нет, умирают и женщины, и дети.

---

*) *Fritz von Forell.* «Sie ritten in die Ewigkeit». Deutscher Heimatverlag Ernst und Werner Gieseking, Bielefeld-Bethel 1957.

Пал смертью храбрых Коля Галдин. Ввиду надвигающейся на Новочеркасск опасности, Штекендорф прощается с Наташей. Прощается навсегда. Теперь он — только солдат.

Солдат... Разве солдатом можно быть только на фронте? Не все ли мы солдаты? Солдаты жизни. И не стоит ли перед всеми нами долг сражаться за свободу и правду — этот вечный закон духа. Что же нам делать? Да, быть настоящими солдатами — прожить жизнь так, чтобы в час смерти подпись наша под нею была бы чиста.

Книга полковника фон Фореля читается с захватывающим интересом, и ее нельзя отложить, не дочитав до конца. Это — книга честного и порядочного человека, вполне отдающего себе отчет в ответственности тех своих соотечественников, которые должны были бы стать освободителями томящегося под игом коммунизма великого народа, но... задачи своей не выполнили.

Автор говорит устами полк. Грюнвальда: «...к казакам нельзя относиться, как к прусским гренадерам. К ним нужно подойти с открытым сердцем, уважая их. Знайте, что мы можем положиться на них...»

И далее: «...Что будет, если фронт развалится? Казаки, вынужденные бежать, покинут Родину, проклянут нас, назовут предателями. И они будут правы... Только представить себе, что они будут затянуты в этот адский кругооборот. Сердце мое сжимается при одной мысли об этом. Кто позаботится о них? Их дорога ведет к смерти, и вина за это ляжет на нас...»

Немцы отступают. Казаки покидают свой Тихий Дон — они на дороге в неизвестность. И вот, через два с половиной года, в Австрии их настигает трагический конец. В последний раз полк. Грюнвальд старается спасти их, объясняя англичанам весь ужас, всю безисходность их положения. Он наталкивается на холодное недоумение и непонимание. Грюнвальд восклицает с дрожью в голосе:

«...Этого не может быть... Вы не можете этих людей, которые боролись за свободу и во имя ее принесли бесчисленные жертвы, вы не можете их выдать большевикам. Вы не можете обагрить руки их кровью. Неужели вы, представители свободного народа, хотите взять на свою совесть смерть или ссылку в Сибирь тысяч и тысяч людей?...»

А потом случилось то, что Верховное Командование западных союзников вряд ли могло хотеть или предвидеть. В Лиенце, в Платлинге, в Римини, в Дахау, в Шпитале и в др. местах, разыгралась величайшая трагедия людей, погибших потому, что больше всего в жизни они любили свободу...

М. Шведова

●

От Редакции:

В начале этого года в Париже на франц. языке под названием «Казаки без Родины» вышел перевод с немец. книги Франца Таута: «Mit Ihnen ritt der Tod».

В 1943 г. после взятия Сталинграда сов. войсками немецкому фронту грозит развал. Так как фронт становится очень подвижным, чувствуется острая необходимость в коннице. Генерал фон Панвиц с большими затруднениями получил от Гитлера разрешение сформировать конные части из непримиримых врагов Сталина казаков и кавказских горцев, которые никогда не могли всецело покориться коммунизму и которые присоединились к немцам для освобождения России от коммунистическо власти. — Так пишет в предисловии переводчик Ерик Лаба. — Только необходимость заставила немцев после поражения у Сталинграда искать помощи русских добровольцев в борьбе со сталинской диктатурой. И эти добровольцы, и в первую голову казаки, не могли ожидать ничего хорошего ни в случае победы Гитлера, ни в случае победы Сталина. Их временный союз с герм. войсками был вынужденным, да иначе и быть не могло. Розенберг, официальный теоретик гитлеровского режима, настаивал на превращении Европейской России в немецкие колонии, а это повлекло бы к неминуемым столкновениям со всеми патриотически настроенными людьми, и в первую голову с казаками, и повело бы к их истреблению. Сталинский же режим всегда считал казаков непримиримыми врагами коммунистического строя и всегда стремился с самого конца гражданской войны их уничтожить. В этом и заключается трагедия казачества».

СЕМЬЯ СЛАВЫ.

Семья Казачества Седого
Не знала рабства никогда;
Пути не ведала другого,
Как путь свободы и труда.

Всегда боролася с врагами
За волю-волюшку свою,
За степь с лесами и лугами,
Смерть не боясь найти в бою...

И наше время лжи ужасной,
Господства силы кулака,
Отпор отведало бесстрашный
Свободной воли казака...

Семья седой казачьей славы,
Традиций вольной старины!
И в страшный век соблюли нравы
Ее отважные сыны...

Во имя родины и чести
Семья все жертвы принесла!
Не устрашившись дикой мести
Творцов невиданного зла!...

Порфирий Юшкин-Котлобанский
(США).

КУБАНСКИЙ «АНАБАЗИС»*).

(Уход с Кубани последних борцов за свободу)

Поднятое в мае 1920 г. в Баталпашинском и Лабинском отделах восстание против большевиков ген. Фостиковым, имевшее до конца августа значительный успех, заставило большевистское командование двинуть против него две армии (9-ую и 10-ую), под ударами которых ген. Фостиков вынужден был отойти из окрестностей Армавира и ст-цы Михайловской в район станиц Андрюковской и Псебайской, Майкопского отдела, где и произошел последний бой повстанцев с красными. Бой закончился вничью, но у казаков обнаружился сильный недостаток боевых припасов и это при большом перевесе противника в силах.

Ген. Фостиков вызвал командира 1-го Куб. стр. бат-на своей «армии», названой им после первых успехов «Армией Спасения России», полк. Д—ко и 29 авг. дал ему такой словесный приказ:

— Отсутствие у нас патронов и превосходство сил противника не позволяют нам продолжать здесь борьбу за нашу свободу. По имеющимся сведениям, в районе Сочи ген. Врангелем высажен десант с большим запасом оружия и боевых припасов. Несколько дней назад я послал сотню конных партизан ес. Попереки с заданием доставить мне оттуда на вьюках патроны. Вам же поручаю выполнить следующее: со своим батальоном, к которому я придаю весь 2-ой Лабинский конный полк, вы сегодня же, бросив обоз и перейдя на вьюки, с запасом продовольствия на два-три дня, выступите в качестве моего авангарда через селение Черноле́сье и дальше горными перевалами на город Красную Поляну — он же хутор Романовский, на города Адлер и Сочи. В случае, если эти пункты заняты красными — вы должны их выбить оттуда и ждать моего прихода в Сочи. Объясните положение и задачу казакам и не препятствуйте желающим остаться на Кубани.

Нельзя сказать, чтобы приказ ген. Фостикова отличался большой ясностью: с одной

*) «Анабазис» — древнее греческое литературное произведение, в котором описан уход на родину 10 тысяч греков, нанятых персидским царевичем Киром Молодым, сыном царя Дария 2-го, оспаривавшим царский трон у своего брата Артаксерса в 411 году до Р. Х. Когда Кир был побежден и убит в битве при Кунаксе, греки решили возвратиться домой. Путь возвращения по пустынным землям Анатолии был изнурительно тяжелым и описан начальником этого отряда историком Ксенофонтом, учеником Сократа. В подражание этому произведению и по сходству похода Кубанцев с походом греков, я назвал описываемый мной уход Кубанских казаков с Кубани в 1920-ом году «Кубанским «Анабазисом». — Прим. автора.

стороны, десант ген. Врангеля, с другой — там может оказаться противник, которого надо выбивать, а патронов почти нет... Но приказ есть приказ. Среди казаков 1-го бат-на пошли разговоры о том — идти ли на побережье, к морю, или оставаться «дома»... Только к 4-ем часам дня, пока пришел вызванный из боевого расположения 2-ой Лабинский кон. полк и произошел окончательный «отсев» из бат-на казаков, не желавших идти в неведомый путь, батальон, в составе 200 пластунов и 325 конных лабинцев, был готов к выступлению. Дорога, ведшая на Черноречье, была каменистой, неровной, к тому же совершенно забитой повозками с домашним скарбом беженцев и частями, выразившими желание «остаться дома», но шедшими в том же направлении, что и авангард повстанческого отряда — уйти другим путем было невозможно. Продвигались поэтому крайне медленно. К наступлению темноты авангард прошел всего около 8 верст. Пришлось заночевать не дойдя до Черноречья, куда он прибыл только на следующий день.

В селе творилось нечто невероятное. Масса пеших и конных казаков, большое скопление беженских подвод, запрудивших все улицы и переулки, с сидящими на них женщинами и детьми, ревущий голодный скот, тут же брошенные никому ненужные теперь пушки.. Шла раздача пшеничного зерна — единственного продовольствия, имевшегося в обозе, подоспевшем с главными силами ген. Фостикова, и небольшими порциями распределяемого одинаково между военными и беженцами... Здесь к пластунам полк. Д—ко, задержавшимся в селе всего полтора часа, присоединились остатки 2-го, 8-го и 14-го пластунских бат-нов, составившие отдельную часть под названием «Линейная дивизия» — по имени дивизии, в которую входили раньше. Усиленный так. обр. авангард, в 11 часов утра перешел мост через р.

Чёрную и, имея в голове 2-ой Лабинский кон. полк, под командой ес. Медяника, стал подниматься в горы. Предстояло преодолеть три горных перевала прежде, чем достигнуть Красной Поляны. Движение в горы, поневоле тяжелое и медленное, особых жалоб не вызывало — привалы делались чаще обычного, люди и кони успевали отдыхать и растянутая колонна быстрее подтягивалась. За день 30 авг. достигли урочища Мостаган, где и заночевали. Часть пехоты, не успевшая засветло спуститься с гор, ночевала на склонах. Отсюда, как было условлено, н-к авангарда отправил донесение ген. Фостикову о пройденном пути и месте ночлега. Два казака-ординарца возвратились через сутки и сообщили, что по пройденной отрядом дороге главных сил ген. Фостикова нет. Куда и где они свернули — неизвестно, так как, за полным безлюдьем, не у кого было спросить... На следующее утро после того, как все части авангарда подтянулись — пехота, лазарет с ранеными и больными, беженцы, — тронулись дальше. За день пути одолели второй перевал и остановились на ночь в сказачно красивой долине «Черная Речка», сжатой горами, с желто-зеленой травой, с видневшимися там и сям красными и синими цветами. Долина украшалась Богом насаженными березами. Но что это были за берёзы! Высокие, ровные, стройные, с чистыми белыми стволами и золотыми кронами—листья начали уже желтеть. Очарование и райская тишина... Когда на этом перевале была остановка для отдыха и многих одолевала жажда, а воды за отсутствием баклаг не было, кто-то услыхал журчанье ручья и, увидя самый ручей, закричал:

— Господа, молоко течет внизу!

Прибежали на крик. Казак стоял над обрывом, на дне которого протекал, действительно, молочный по виду ручей. Быстро сняли с лошадей повода, связали их и с помощью получившегося узловатого длинного ремня спустили вниз за «молоком» человека, снабдив его несколькими пустыми бутылками. Никакого «молока» не было, была кристально чистая, свежая горная вода, только текла она по ручью с белым мраморным руслом.

— Вот так «Черная Речка»! — воскликнул кто-то, вспомнив название долины. — Это какая-то насмешка...

Один из офицеров, бегло осмотрев местность, установил богатые залежи белого мрамора... В этот переход пластунские бат-ны сильно отстали, но зато выяснилось, что непосредственно за ними идет 1-ый Куб. кон. полк, утром 2-го сент. настигший авангард. Командир полка в. ст. Живцов заявил, что он идет самостоятельно, что с ним вместе едут 60 конных артиллеристов под командой есаула-донца Мыльникова, что следом за ним продвигаются части 1-ой Линейной каз. див., штаб корпуса полк. Крыжановского, действовавшего в Майкопском отделе независимо от Фостикова, а где находится сам ген. Фостиков — он не знает... Полк. Д—ко предложил Живцову влиться с полком в авангад, на что тот охотно согласился. От местных имеретин, живших в горах, узнали,

что впереди, на последнем перевале, расположился со своими «джигитами» ес. Поперека, который дальше идти не решается, так как Красная Поляна и лежащий перед ней хут. Эстонский заняты большевиками.

Предстояло одолеть последний, наиболее грозный, горный перевал «Пеашка». Пока в «райской долине» подтягивалась пехота, конные части двинулись в путь. Поднимались на гору целый день. Тропа местами была столь узка, что малейшая неосторожность могла повлечь падение в пропасть. Такой случай и произошел. Лошадь оступилась на самом краю обрыва и стала падать. Казак во-время, бросив поводья, соскочил в противоположную сторону и удержался. Лошадь же покатилась по крутому длинному склону обрыва и на самом дне его, как ни в чем не бывало, поднялась и преспокойно начала щипать траву. Поистине, хорошо все то, что хорошо кончается... Высшей, снеговой точки перевала авангард достиг около 5 ч. вечера, причем, благодаря невероятно трудной и опасной дороге, пешие части сильно растянулись и не успели до темноты добраться до вершины, где можно было в полной безопасности расположиться на ночлег Пришлось им заночевать там, где их накрыла тьма, часто на краю пропасти... Холод, усиливаемый пронзительным ветром, всегда особенно сильным в горных ущельях, был весьма чувствителен. И все же люди, подгоняемые голодом, умудрились и здесь развести из сухих трав небольшие костры, поджарить на камнях хлебные зерна и этим «поужинать»...

В эту ночь на вершине перевала произошла встреча с ес. Поперека, который находился с партизанской сотней здесь, выставив охранение. Он очень обрадовался приходу авангарда, так как с одной своей сотней он ничего не мог предпринять против красных, которых, по словам задержанного крестьянина из дер. Эстонки, в Красной Поляне было до 2-х полков, при большом числе пулеметов... 3-го сент., спустившись с перевала и опросив нескольких горцев, полк. Д—ко убедился, что Красная Поляна, действительно, занята противником, но в каких он был силах выяснить было трудно. Положение создавалось тревожное. Присутствие 2-х полков красных в таком глухом месте едва ли было возможно. Но если красных было и два бат-на, но с большим количеством пулеметов, расположение которых неизвестно, незнакомая впереди местность, отсутствие боевых припасов, раненые, больные, невозможность отхода назад — все это толкало на принятие какого-то решения и на принятие немедленное. Кроме всего этого, положение с продовольствием было просто катастрофическое — лошади еще питались травой, но люди буквально голодали. И последнее обстоятельство подсказывало и единственный выход из положения — и продовольствия и боевых припасов было много у противника, следовательно, необходимо было его атаковать... Весь день 3-го сент. прошел в сборе всех войск, в отдыхе и в разведке. В этот же день явился неожиданно ес. Апанасенко из штаба ген. Фостикова, передавший н-ку авангарда письменное приказание от 3-го сент. за № 0368. В нем говорилось, что авангард переименовывается в правую колонну войск «Армии Спасения России», начальником ее остается полк. Д—ко и все другие части и отдельные лица, находящиеся в районе колонны, должны войти в ее состав. Ген. Фостиков с главными силами направляется через перевал «Умпырь», составляя левую колонну... С этого момента, в течение 10 дней (до 13-го сент.), бывший авангард «Армии Спасения России» потерял всякую связь с главными силами ген. Фостикова, шедшими параллельно, и выполнял возложенную на него задачу самостоятельно, без какой-либо надежды на помощь оружием или воинскими частями...

Приняв решение атаковать д. Эстонку и Красную Поляну, полк. Д—ко выслал с проводником-горцем 1-ый Куб. стр. бат-он, с целью обойти Красную Поляну, выйти ей в тыл и перерезать дорогу на Адлер. В случае отступления противника из Красной Поляны — атаковать его, действуя сообразно с обстоятельствами. Если же будет слышен огневой бой у Красной Поляны, то свернуть на выстрелы и содействовать силам атакующей колонны. Атака назначена на 4 сентября. 3-го же сент., вечером, казаки задержали в горах жителя Эстонки, подтвердившего присутствие красных в деревне. Он же сообщил, что перед деревней, с этой стороны, есть мост через реку Мзымту и что этот мост охраняется красноармейцами с пулеметом. Крестьянина временно задержали. Спуск с последнего перевала был длинный и крутой, с него было видно Черное море и можно было предполагать, что часть пути со спускавшейся колонной могла быть видима из Адлера. Это заставило н-ка колонны начать спуск в сумерках, после захода солнца. Войска были захвачены темнотой еще в дороге, но уже вошедшими в лес на нижней части спуска.

Ранним утром 4-го сент., прикрываясь высланным вперед охранением, первыми спустились конные 2-й Лабинский и 1-ый Кубанский полки, сосредоточившись в резервном порядке на поляне. Разведчики быстро обнаружили мост и заставу красных, его охранявшую. Застава эта была немедленно и без стрельбы атакована Лабинским полком и целиком захвачена в плен. Но по другую сторону моста находилось около двух рот красных, которые в панике бежали в Эстонку и второй Лабинский полк на их плечах ворвался в деревню. В это время Куб. стр. бат-он по ошибке вышел в тыл не Красной Поляне, как ему было приказано, а в тыл Эстонке. Это помешало ротам красных бежать в Красную Поляну и схватка произошла в самой Эстонке, около «ревкома», где роты и были целиком уничтожены. Здесь погиб доблестной смертью, раненый в грудь и живот, корнет барон Норд-Фиорд. Еще во время движения через перевал он просил у н-ка авангарда разрешения быть впереди. Лошади он не имел, поэтому полк. Д—ко ему сказал:

— Я не представляю, корнет, как вы, пеший, можете быть впереди вместе с конницей.

— Я найду лошадь, — ответил корнет.

Последние его слова, когда к нему подошел полк. Д—ко, были:

— Господин полковник, умираю. Слава Богу, мы победили!...

Дальнейшим стремительным движением Лабинский и Кубанский полки ворвались в Красную Поляну. Ее гарнизон после короткого боя частью бежал в сторону Адлера, частью распылился, уйдя в горы. Трофеями были: 3 пулемета «Максима», все казаки пополнили запасы патронов, несколько походных кухонь, медикаменты, не говоря уже о винтовках и складах продовольствия... С занятием Красной Поляны или Романовска, как он иначе назывался, обстановка не позволила дать частям заслуженный отдых. От жителей узнали, что в 15 верстах от Романовска есть по дороге на Адлер туннель и если его займут большевики, то дорога к берегу моря будет закрыта, так как туннель обойти нельзя. Было ясно, что пока красные не пришли в себя, надо было действовать, не теряя напрасно времени. Была выслана вперед сотня Попереки с целью разведки и если возможно выяснить, занят или нет туннель. Людей все же с помощью жителей накормили и им была дана ночь для отдыха. Вечером Поперека донес, что противник в 6-ти верстах от городка окапывается. Во втором донесении он сообщил, что красные отошли к туннелю. Вечером этого же дня был объявлен приказ о дальнейшем продвижении на Адлер утром 5-го сентября. В авангард назначались партизанская сотня, Куб. кон. полк и сотня пеших стрелков. В Романовске оставлялись раненые, больные и все беженцы. Комендантом города назначен был полк. Тимошевский, в распоряжении которого оставлялись 40 казаков. Ему же поручалось войти в связь с ген. Фостиковым, который по слухам находился в «Садовом Роднике», в 12 верстах от городка. Сделанный подсчет сил выяснил состав колонны:

	офиц.	казак.	лошадей
Партизанская сотня	5	135	140
1-ый Кубанский кон. полк	7	109	109
2-ой Лабинский полк	12	311	310
Линейная дивизия	15	240	200
Кубанский стр. бат-он	11	290	5
Артиллеристов (без орудий)	3	60	62
Итого:	53	1145	826

Пулеметов в разных частях — 12, беженцев — около 500 человек.

В 9 часов 5-го сентября колонна выступила на Адлер. Начальника отряда беспокоил вопрос, как охраняется туннель? Разведчики-пластуны выяснили, что перед туннелем имеется горка, на которой окопались красные, но сколько их там было — трудно сказать. На разведку потом пошел сам начальник колонны, т. к. донесение пластунов было утешительное и заманчивое, его надо было проверить. Все оказалось правильным и решение создалось само собой: если по этому «тет-де-пону» открыть огонь во фланг и сбить обороняющих с позиции, они обязательно должны броситься к туннелю, а на их плечах легко может ворваться в туннель и конница. В дальнейшем все произошло как по писаному. Как только ес. Курош с 50 стрелками пришел на указанное ему место и открыл по красным фланговый огонь, тотчас же поддержанный с фронта, в рядах защитников туннеля произошло замешательство, а затем и полное расстройство. Не выдержав, они побежали к туннелю, у входа в который попали под сабельные удары конных партизан ес. Попереки. В диком страхе, не видя спасения, красные бросались через отверстие развалившейся стены туннеля в ре-

ку Мзымту. Берег здесь был высокий и крутой, люди, бросавшиеся с него, падали на каменистое дно реки и разбивались насмерть. Таким образом погиб к-р красного ба-на. Казаки потеряли 4-х казаков убитыми... По взятии туннеля войска колонны продвинулись до Свято-Троицкого мужского монастыря для ночлега и отдыха. От жителей узнали, что какие-то войска шли, очевидно на подкрепление, к туннелю, но быстро повернули назад, когда до них дошла весть, что туннель пал... Рано утром 6-го сентября колонна двинулась на Адлер. В голове шел 2-й Лабинский кон. полк. Партизанская сотня получила специальную задачу: выйти с проводником к местечку Хоста и если там окажется противник — отвечь его внимание на себя, чтобы он не мог помешать движению главной колонны. Если же в Хосте никого нет — занять ее и перехватить могущие отходить на нее красные части из Адлера...

В пяти верстах от Адлера шедшие в голове Лабинцы были обстреляны. В спешенном порядке, вместе с подоспевшей пехотой, они стали наступать. Красные не выдержали и побежали в направлении к Адлеру. На их плечах Лабинцы ворвались в город. К 3-м часам дня вся колонна была уже в Адлере... Все большевистское ушло из города на Хосту. Куб. кон. полк брошен был в преследование, имея конечной целью у Хосты или в самой Хосте соединиться с партизанской сотней ес. Попереки... Колонне, занявшей Адлер, необходимо было передохнуть. Переходы через горы, бои, безостановочное преследование врага, все это на голодный желудок, измотали людей и лошадей до крайности. Эта усталость в одинаковой мере сказалась и на казаках Куб. кон. полка, брошенных на Хосту. От к-ра полка к вечеру получено было донесение о том, что красные заняли позиции по берегу речки перед Хостой, но атаковать их, в виду чрезмерной усталости людей, он не решается... Во втором донесении он сообщал, что он ранен и имеет сведения о партизанах ес. Попереки. Есаул, обходя горами Хосту, вошел в с. Верхне-Николаевское, где пробыл несколько часов. Как потом выяснилось, жители обильно угостили его и всю сотню вином. Только поздно вечером подошел он к Хосте и узнав, что Адлер занят казаками, а он задачи своей не выполнил, решил исправить свое упущение и атаковать, пока было еще светло, красных. Бравый офицер, он в нетрезвом виде, впереди своих казаков, привлекая на себя внимание белым бешметом и красными штанами, помчался на красноармейскую цепь и был убит наповал, пав смертью храбрых. Атака его сотни была отбита...

Хосту все же надо было занять — Адлер являлся слишком маленькой отдушиной для войск всей колонны. Недалеко от него в сторону Грузии начиналась пяти или семиверстная нейтральная полоса, для войск запрещенная, сзади были горы, куда путь был заказан. Оставалась Хоста, заняв которую можно было с большими удобствами разместить войсковые части и не только в обычном житейском смысле, но и по чисто военным соображениям — с увеличением занятой территории увеличивалась возможность маневрирования, что было чрезвычайно важно как для обороны, так и для дальнейшего наступления... 8-го сентября Куб. стр. батальон выступил на Хосту. Пройдя около 2-х с половиной верст, он встретил отходящую в беспорядке свою передовую конницу. Сказалось, что рано утром конница была атакована броневиками красных (о броневиках говорили накануне в Адлере), которые направляются к городу. Стрелки заколебались в свою очередь и, разбившись на две группы, отошли частью на Адлер, частью на Молдавское. Это неожиданное отступление вызвало в Адлере настоящую панику — все бросились в сторону Грузии на мост через реку Мзымту. Один 2-ой Лабинский кон. полк сохранил дисциплину и порядок. Ему приказано было выйти на дорогу Адле-Молдавское и сдерживать противника, пока не будет переправлено все на левый берег реки. Лабинский полк блестяще выполнил задачу. Когда Адлер был эвакуирован, он с боем отошел к Молдавскому мосту и на другой его стороне занял позицию.

После такого неожиданного оставления Адлера, был отдан приказ о временном переходе к обороне, заняв против Адлера и Молдавского левый берег р. Мзымты... От ген. Фостикова попрежнему не было никаких сведений. Пошли недоуменные разговоры. Положение ухудшалось недостатком патронов. Моральное состояние отряда было таково, что нужно было во что бы то ни стало выиграть время для его успокоения, приведения в порядок, изыскания продовольствия и упорядочения тыла. Противник, заняв Адлер, активности не проявлял, что же касается продовольствия — начались переговоры с жителями с. Веселого, в нейтральной зоне между Адлером и границей Грузии, закончившиеся тем, что они бесплатно предоставили часть поля с неубранной кукурузой

и разрешили казакам пользоваться фруктами в садах, принадлежавших до революции московским кондитерам, а потом реквизированных коммунистами... Поздно вечером к начальнику отряда секретно явились два грузинских офицера с предложением помочь патронами, и русский подполк. ген. штаба Балуев, заявивший, что он командирован из Крыма в качестве начальника штаба, могущего появиться в Черноморской губернии, повстанческого отряда. Полк. Д-ко с благодарностью принял предложение грузин, а к подполк. Балуеву отнесся поначалу с некоторым недоверием...

9 сен. к-дант г. Романовска донес о полном отсутствии сведений о ген. Фостикове. Получалось впечатление, что полк. Д-ко с его отрядом брошен на произвол судьбы. После совещания со старшими офицерами было решено правую колонну переименовать в «Кубанско-Черноморский отряд», подполк. Балуеву предложить место начальника штаба и отряд считать самостоятельным. В этот день в отряд прибыл из горных ущелий полк. Улагай, н-к небольшого каз. отряда, отступивший сюда после неудачных действий против большевиков в Майкопском отделе. Отряд полк. Улагая насчитывал около 150 человек, вооруженных винтовками с большим запасом патронов. Согласившись подчинить эту прекрасную по составу сотню н-ку «Куб.-Черноморского отряда», полк. Улагай от командования ею уклонился, сославшись на болезнь. Вместо него в командование сотней вступил полк. Цыганок. День прошел спокойно. Был приведен в относительный порядок тыл: часть людей была поставлена в строй, а все безоружные сведены в запасную сотню под командой гв. полк. Вечеслова. Кроме того были приняты меры к изысканию патронов. Для этого обратились к жителям пос. Некрасовского, где, по словам самих жителей, были скрыты патроны, оставленные Кубанской каз. армией ген. Морозова перед своей сдачей большевикам. Добытыми патронами снабдилась вся 1-ая линейная дивизия... Полк. Тимошевскому было отослано в Романовск приказание спешно, во избежание пересечения красными дороги Романовск-Адлер, эвакуировать оттуда всех раненых и больных в с. Веселое... Чтобы вырвать из рук противника инициативу, решено было, после однодневного отдыха, произвести активную разведку по всему фронту. В этой разведке большое внимание было уделено Хосте, куда была назначена сотня полк. Цыганка. Тишина и отсутствие всякого движения на стороне красных вызвали у полк. Склярова, командовавшего линейцами, желание проверить — не оставлен ли Адлер? Он послал разведчиков, но они были встречены пулеметным огнем. По участку позиции у с. Молдавского красными было сделано несколько орудийных выстрелов, не причинивших никакого вреда, но эти выстрелы заставили отряд насторожиться... Поздно вечером в штаб отряда прибыл из Грузии председатель Кубанской Краевой Рады Тимошенко с запиской от какого-то полк. Налетова, чтобы справиться, в каком положении находятся «родные казаки-кубанцы». Н-к отряда попросил его всеми средствами и по возможности скорей сообщить ген. Врангелю в Крым, в каком тяжелом положении находится отряд в районе Адлера. Не обещая исполнить эту просьбу, Тимошенко предложил свою помощь медикаментами, которых у него будто-бы целый вагон, и 20.000 патронов, все это он может доставить через сутки. Сутки прошли, Тимошенко ничего не доставил... Ночью перед тем в штаб прибыл полк. Налетов, рекомендовавший Тимошенко. Он предложил нач-ку отряда подчинить свои силы «Черноморскому Комитету», возглавляемому офицером Вороновичем, на условиях, изложенных на особом листе и напечатанных на пишущей машинке. Имя Вороновича было известно нач-ку отряда по борьбе Добр. Армии с «зелеными», во главе которых в Черноморской губ. стоял этот Воронович. Поэтому полк. Д—ко ответил Налетову:

— Вы обещаете пушки, ружья и патроны, и вы кубанец. Вы хотите, чтобы я предал людей за сомнительные обещания какому-то сомнительному Вороновичу. Этого никогда не будет!

Налетов ушел и этим дело кончилось. Тимошенко произвел впечатление недалекого человека, Налетов же, назвавший себя бывшим членом Гос. Думы, оказался чуждым и казакам и идее, за которую они боролись... 10 сентября результат разведки на фронте Лабинского полка был ободряющий — противник бежал, оставив казакам пулемет «Максим» с патронами, чем обнаружил свою моральную слабость, но зато от Хостинской группы Цыганка никаких известий не было. Это напомнило нач-ку отряда историю с ес. Поперека и заставило его выслать в сторону Хосты партию разведчиков в 150 штыков ес. Куроша и 40 коней ес. Мыльникова. Курош вначале имел успех, переправился благополучно через реку, с наблюдательного

пункта было видно, что противник отступает, но потом он так неудачно расставил свои сотни, что они оказались без управления и отошли. Полк. Скляров, наступавший на Адлер, донес, что красные перешли в контратаку и вынудили его занять исходное положение. От полк. Цыганка пришло вдруг сообщение, что им занята Хоста и шоссе Адлер-Хоста им перерезано завалами деревьев. Все это впоследствии оказалось чистейшим вздором... Зато от полк. Чаленко, нач-ка обоза, захваченного в свое время в Красной Поляне и там оставленного, было получено сообщение, что, по словам жителей, в с. Аибгу прибыли три конных полка казаков — это было первым известием о главных силах ген. Фостикова. Вскоре после этого появился и полк. Цыганок с докладом, что он возвратился назад, так как его офицеры ему не повинуются, казаки устали и потеряли боеспособность. Полк. Цыганок был отстранен от должности и отправлен в тыл для расследования его деятельности... Перешедший было в наступление противник был отбит... Все действия отряда в этот день выполнялись по плану начальника штаба подполк. Балуева, оказавшемуся сложным, не соответствующим ни рельефу местности, ни настроению отряда. Нач-ник отряда все же не был обезкуражен неудачей — наступление отряда было необходимо ему, как воздух, сидеть на нейтральной зоне долго нельзя, надо было или продвигаться вперед, или уйти в Грузию и интернироваться, что полк. Д—ко считал преждевременным... Новая диспозиция, указанная им, была проще — фронт наступления на двух участках, разделенных мостом. Левый участок должен перейти реку, правый — начать свое движение по особому приказу. Резерв держать в середине, против моста... Наступление началось утром 12-го сент. левым участком, вызвавшее контр-наступление красных, что не остановило казаков. На правом участке наблюдение показало, что противник снял здесь часть своих сил и передвинул их в сторону моря для усиления своего правого фланга. Бой продолжался целый день. Только утром 13-го началось общее движение вперед, причем выдвинутый из резерва линейный полк, перейдя реку, ворвался в Адлер, а правый участок вслед за ним вошел в с. Молдавское. Красные уходили на Хосту. Началось преследование противника...

В 10 часов утра прибыли, наконец, главные силы во главе с полк. Старицким, они вошли уже в занятый Адлер, но ген. Фостикова с ними не было. На вопрос полк. Д—ко, где ген. Фостиков, полк. Старицкий ответил довольно резко:

— Не знаю. Шел все время впереди нас со своим штабом и пропал. Ушел наверное в Грузию.

Полковнику Д—ко он приказал заканчивать операцию, после чего он вступит в командование всеми силами. Войска отряда почти на плечах красных ворвались в Хосту, заняли ее, захватив богатую добычу в виде складов табака, муки и бочек с маслом. По взятии Хосты из Грузии немедленно прибыли греки, заявившие, как хозяева, претензию на табак и масло. Нач-ник отряда эту претензию охотно удовлетворил, но с условием, чтобы греки своим посредничеством помогли переправить в Грузию всех раненых, больных, стариков-беженцев и женщин и уступили бы для казаков немного табаку и масла. Греками условие было принято... Большевики остановились перед Сочи на реке Мацеста. Наше движение на Сочи было рискованным делом... Полк. Старицкий, бывший заместителем ген. Фостикова, по взятии Хосты вступил в командование всеми силами, отступившими на Адлер. Полк. Балуев был отправлен в Грузию, чтобы сообщить ген. Врангелю о положении отряда. Но в Крыму уже знали об отряде из грузинских газет и скоро в Адлер прибыл из Крыма на миноноске ген. Шатилов. На собрании офицеров он просил продержаться еще немного, заверив, что будет прислана эскадра для перевозки всего отряда в Крым. В середине сентября неожиданно для всех прибыл из Грузии ген. Фостиков. Большевики в Сочи, получив сильное подкрепление, перешли в наступление. Ген. Фостиков приказал отходить в Грузию. Очевидно, у него было по этому поводу соглашение с грузинским правительством. Перейдя границу и сдав грузинам все огнестрельное оружие, казаки расположились бивачным порядком у гор. Гагры. Скоро прибыла обещанная ген. Шатиловым эскадра. Сначала она подошла было к Адлеру, но, будучи обстреляна артиллерийским огнем, отошла на внешний рейд. Ген. Фостиков на грузинской канонерке отправился к ней из Гагр и объяснил командующему эскадрой обстановку. Было решено, что ночью к берегу причалят болиндеры и весь отряд должен до утра погрузиться на корабли. Старших начальников ген. Фостиков предупредил, что погрузка будет совершаться под обстрелом грузинских пушек, но смущаться этим не следует, так как обстрел

будет «фиктивным». Грузия боится репрессий со стороны большевиков, если она допустит свободный уход повстанцев, поэтому надо разыграть уход насильственный, якобы против воли Грузии, нарушая ее нейтралитет. Лошади были брошены. Повторилась для казаков вторая Новороссийская казачья трагедия — разлука с лошадьми...

Погрузка совершилась в полном порядке, к рассвету все были на кораблях и на полных парах пошли в Крым. Но в Крыму шла своя трагедия и там казакам из Адлера пришлось пробыть недолго. В начале октября уже началась эвакуация Крыма и 3 и 4-го октября все покинули последний кусок России, не ведая, что это будет прощание навсегда.

Полк. **Демяненко** (†)

Париж.

КРЕСТЫ

(Продолжение).

Первые три дня промелькнули для Котельникова как чудесный сон, в абсолютном, ничем непотревоженном, отдыхе. Он много ел, отдавая должную честь лакомым блюдам, с любовью приготовляемым тетей Ганей, не знавшей, чем бы еще угостить дорогого нежданного гостя, и после каждой вкусной и сытной еды его неодолимо клонило ко сну. Не сопротивляясь, он брал одеяло с подушкой, располагался, обычно по утрам, в тени под вербой возле чигиря и, слушая тоненький голосок Груни, непременно сопровождавшей его с неразлучным Полканом, о чем-то с увлечением рассказывавшей, быстро засыпал. После завтрака шел в горницу, с прикрытыми ставнями окон, и спал до темноты... Беспокойные ночи на фронте, постоянное нервное напряжение, бесконечные бои, изнурительные переходы сказывались. Котельников в эти дни старался ни о чем не думать. Несколько раз, однако, с наслаждением погружаясь в сонное забытье, он испытывал нечто вроде угрызения совести. «Я-вот прохлаждаюсь здесь, а там?... Что там? Полк в тылу, все отдыхают, как и я»... — «Отдыхают ли?» — снова настойчиво стучалась мысль. Котельников мог сомневаться, так как прекрасно знал цену этим фронтовым отдыхам. Отходили части в тыл на передышку, едва успевали расположиться, как по тревоге вызывались снова на фронт — красные где-то прорвались и надо было срочно восстанавливать положение...

На четвертый день Котельников почувствовал, наконец, себя отдохнувшим. Он решил использовать оставшиеся дни на поездки в станицу и на хутор Пахотный для передачи поклонов семьям казаков его сотни. Кроме того, ему непременно хотелось побывать на Золотом Кургане, с вершины которого открывался великолепный вид на степь. Золотой Курган, высившийся в центре юртовых запасных земель трех соседних станиц, сходившихся с трех сторон клинами в этом месте — у трех ям — благодаря капризному течению Дона, делавшему большую дугу, был окружен целиной и манил к себе Котельникова, как редкий остаток от стародавних времен, когда вся степь, а не только этот случайно уцелевший ее кусок, была девственно нетронутой...

О самом кургане в народе рассказывалось многое... Будто бы под ним, в золотом гробу, покоились останки древнего казачьего вождя, вроде теперешних атаманов... Будто его насыпали предки теперешних казаков, чтобы во-время замечать приближение татар, часто совершавших набеги на Дон... Будто его, наоборот, три года насыпал знаменитый разбойник, желавший оставить о себе память и зарывший в нем несметную казну... Молва о зарытом под Золотым Курганом кладе особенно упорно держалась во всех ближайших от него хуторах. Рассказывали, что казак с хутора Осиновского чуть не помер, когда в ночь на Ивана-Купалу, ожидая появления огонька над папоротником, который должен ровно в полночь распуститься невиданным золотым цветком, вместо папоротника и цветка увидал какие-то свиные рыла, хрюкавшие на него, обна-

жая клыки. На троекратное заклинание кладоискателя: «свят, свят, свят, рассыпься!», свиные рожи — не иначе, это были черти! — не только не рассыпались, а вместо этого угрожающе стали надвигаться со всех сторон. Казак, на-смерть перепуганный нечистой силой, изо всех сил ударил лопатой, сломав держак, ближайшее к нему рыло и со всех ног пустился бежать, забыв у кургана чекмень и парусовую харчевую сумку...

Утром четвертого дня Котельников собирался седлать коня, чтобы ехать в станицу, лежавшую в двадцати верстах над Доном, но передумал. — «Схожу-ка сначала на Золотой... Поброжу по степи... В станицу поеду завтра».

По установившемуся с приездом Котельникова порядку, всякий раз после утреннего завтрака дядя Ваня и его гость подолгу беседовали. Тетя Ганя убирала посуду, брызгала на крышку стола и насухо затем вытирала ее тряпкой. Котельников доставал портсигар, клал его вместе со спичками на стол, угощал дядю папироской и под табачный дымок завязывался разговор. Груня немедленно примащивалась около Котельникова, обязательно чтобы его касаться, и слушала. Зная, какой интерес проявлял дядя Ваня ко всему, что касалось войны, Котельников охотно рассказывал о фронтовой жизни, избегая ненужных подробностей, связанных с этой жизнью. В такие минуты тетя Ганя прекращала свою войну с мухами, то и дело изгоняемыми ею наружу утиральником через отворенные настежь окно и двери, присаживалась поближе и, положив пухлую щеку на ладонь правой руки, опиравшейся локтем на стол — обычная ее поза, как заметил Котельников, когда она слушала занимательные истории, — не сводила с рассказчика глаз... Дядя Ваня, с своей стороны, делился хозяйственными соображениями, среди коих фруктовый сад занимал большое место, печаловался о все возрастающих житейских трудностях, жалуясь на полное отсутствие товаров и на недостаток даже съестных продуктов.

— До чего дожили, об харчах толькя и думки. Соли не достать, про сахарок позабыли, чаю нету, поснова масла тоже — ни горчишного, ни подсолнушнова. Не будь коровок — не знаю, чем бы и жили.

В это утро, как только тетя Ганя убрала со стола, Котельников, угостив дядю папиросой, спросил:

— Дядя Ваня, а как у вас с рыбой? Груня мне говорила, что в пруду есть рыба, но вы ее не ловите. Почему не ловите? Нечем?

— Есть чем, да рыбки-та нету, — рассмеялся дядя Ваня и закашлялся, поперхнувшись дымом.

— А-а, вот как, — удивился Котельников. — А я думал, что на самом деле есть. Чего же ты мне говорила, Груня, что в пруду есть рыба?

— Есть, есть, я видала, — стояла на своем Груня, вопросительно смотря на деда. — Я видала, дедушка, маленькие рыбки, как пискарики.

Дядя Вася, щуря глаза, улыбался.

— Это маляву видала Грунятка. Малява есть да вот надо ждать, када она подрастеть. И большая была, да вся осенью ушла в Колыванкин пруд, пять верст отсудова.

— Каким образом?

— Осенью тово года, — рассказал дядя Ваня, — приключилася беда, прорвало у нас плотину. Дож шел ден десять, речка заиграла, воды в запруде враз стало полон, поверх пошла. Пооткрывал отворы — не помогло, чуть колесо не поломал, — так кружилась. Плотину прорвало снизу, дыря потом хочь на быках въезжай. Ну, стало быть, чикамасы мои, серушки да горбыльки все и ушли с водичкой.

— Не обвалилась плотина?

— Вверху выдержала, но обвалилася. Я летося ишо подмечал, просачиваитца, вижу, водичка, но чудок, так — мокро толькя, не то штоб хлыном шла. Не обратил я тада внимание, думал пустяки, ан вышли не пустяки. Целую неделю забивали дырю, нанимал Сльховских, землю возили, камень с бараков, воз терновых кустов... Хлопот было, позамучились все. Опосля две недели ждали, штоб вода натекла. Мельница, считай, месяц простояла.

— А мальва откуда взялась?

— Ребятишки натаскали. С Тетельниковой мельницы, наказывал туда, и с Колыванкиной, за рыбу, што к ним приплыла по ерику, — усмехнулся дядя Ваня. — С Колыванкиной ишо с осени, вскорости как починили плотину, прислали две цыбарки крупной, на развод, а напровесне — трошки мальвы. Пустил в озер, бутта, растеть. Вот Грунятка видала. Иде ты видала, внучка?

— На том боку, дедушка, они на солнушке грелись, большие, как пискарики. Их утки хотели схватить. Я видала.

— Ну уж, пискарики, — усмехнулся старик. — Пискарики с палец ростом, а мальва ишо мелкая, рано ишо.

— А пескари не ушли вместе с большой рыбой?

— Не могли они уйтить, потому — в яме живуть, остались в глубе. А нащет чем ловить, Васятка, все имеитца: две сетки, частые-частые, самый малый номер, мелочь толькя и проскочить, — бредень, тоже частый, два вентеря, — перечислял дядя Ваня. — Бывалыча забава, а сычас нужда. Половил бы рыбки — мяса-вить, а рыбки нету. Соседи, дай им Бог здоровья, выручають, нет-нет да и поделютца, када сами ловють. Спаси Христос, нельзя пожалитца, люди с понятием. Я их арбузами снабжаю, у них чигирей нету и бахченки ихние плоховатые, все из-за жары. Так-вот и живем, меняимси, кто чем богат... Ты никак в станицу собирался, Васятка?

— Собирался да отложил до завтра. После обеда схожу на Золотой.

— Жарко нонче, Васятка. Сам погляди, рано ишо, а уж душно. Што-ж будить к вечеру? Измотаисси толькя. Я-б на твоем месте отдыхал.

— Спасибо, дядя, я отоспался, не хочется больше, — улыбнулся Котельников.

— Ну, ежли не боисси, иди, гуляй. Я больше об тебе хлопочу. Када подымисси из балки, дуй напрямки по степе, Золотой как на ладошке, не собьесси, — посоветовал, вставая, дядя Ваня. — В Лысом бараке, встренишь на путю, напейси родниковой водички — лед! Родник там бьет, увидишь. Все с полей приезжають с бочками. Отдохнешь в холодке и на Золотой.

Дядя Ваня был прав. Нависшая с утра духота к обеду стала трудно переносимой. Горячие лучи, отвесно падавшие от стоявшего в зените солнца, грозили испепелить все, что находилось на земле. Если это им в какой-то степени могло удасться в открытой степи, где спаленная побуревшая трава неизбежно должна была побуреть еще больше, в долине все оставалось попрежнему. Так же зеленела трава, чуточку сомлевшая более обыкновенного. Так же паслись на лугу коровы и лошади, чаще только встряхивавшие голоами и беспрестанно махавшие хвостами, отгоняя назойливых мух. Так же хрюкали от удовольствия свиньи, зарывшись в жидкую грязь на берегу ручья около мельничного колеса. Для уток, чье покрякиванье доносилось с пруда, вообще не ставился вопрос о жаре или какой-то особенной духоте — вода и густая камышевая заросль были надежной защитой от той и другой. Одни куры откровенно спасались от зноя, ни одна из них не отваживалась бродить по солнцепеку. Все они лежали в узкой теневой полосе возле куреня в неглубоких ямках, выцарапанных ими в твердой земле, с широко открытыми клювами, с распушенными перьями, неистово трепыхаясь и поднимая густую пыль — принимали свою пыльную куриную ванну...

Перед тем, как идти на Золотой, Котельников решил немного переждать, в слабой надежде, что духота спадет или повеет вдруг живительный ветерок. Он улегся на диване в горенке, но скоро убедился, что, несмотря на прикрытые ставни и приспущенные занавески, в горенке тоже было душно. Невольно пришел на память утренний совет дяди отложить прогулку. И как только он вспомнил об этом, сейчас же порешил встать и идти к Золотому. Что, в самом деле? Не привык он к жаре? Не мотался он по степи, всего неделю назад, в неменьшую жару? Степь везде степь, здесь ли, за Доном, или у Волги под Царицыном. Нечего колебаться и раздумывать, иначе это слишком-уж будет походить на самую обыкновенную лень. Прожил в человеческих условиях три дня и вот-вам, извольте, пройти каких-либо десяток верст уже невозможное дело. Потом —душно, ведь, внизу, в долине, сдавленной с двух сторон высокими склонами. В открытой степи не может быть подобной духоты. Значит... Не раздумывая больше, Котельников вскочил с дивана, схватил фуражку и, как был, быстро вышел из куреня. В кухне, верные своей привычке, отдыхали старики. Груня, возможно, прикорнула где-нибудь в уголку в той же кухне и, не отвлекаемая ничем, всласть наслаждалась созерцанием удивительных бус, подаренных ей дядей Васей. За этим занятием часто заставали ее, когда вдруг обращали внимание, что ее не видно и не слышно... Котельников стал подниматься по крутому балочному склону. Дремавший поблизости Полкан потянулся было за ним, но тотчас вернулся в свое укрытие, когда Котельников прикрикнул на него... Наверху, действительно, духоты не было, как не было и какого-либо движения воздуха и обычная послеобеденная жара превращалась в палящий зной. Нагретый воздух тонкой вибрирующей сеткой еле приметно дрожал над горячей землей, часто до полной неузнаваемости изменяя далеко лежащие предметы. Осматриваясь, Котельников обратил внимание на любопытное явление — влево от него, у самого горизонта, лежавший на далеком взгорье лесок как будто от-

делялся от земли, причем самого взгорья не было видно... Немного правей и ближе от висевшего над землей леска, поверх нагретой воздушной сетки, одна за другой, медленно продвигались две черные точки. Задняя двигалась ровно и плавно, а передняя будто ныряла, то исчезая, то появляясь снова... Котельников сообразил — это шла косилка, но видны были только туловище сидевшего на косилке казака да нырявшие головы лошадей.

— «В такую жару косить», — подумал Котельников, но, вспомнив дядиного заказчика — Семена Егорыча, перестал удивляться: люди спешили, им было не до жары.

Совсем близко нормально бурела сожженная трава и никаких чудес не происходило. Отыскав взором сизую вдали верхушку Золотого Кургана, Котельников решительным шагом направился к ней...

Сколько времени шел он под знойным солнцем, Котельников не отдавал себе отчета. В горле у него давно пересохло, по лицу градом катился пот, в глазах, уставших смотреть на разыгрывающееся вокруг марево, временами ходили красные круги. Идти было не легко, сухая, поникшая долу трава, путалась в ногах, замедляла ход и несколько раз Котельников едва не падал, когда сапоги его цеплялись за толстые стебли бурьяна, прикрытые полуистлевшей былью. И вдруг, в сотне шагов впереди, перед Котельниковым появился, словно по волшебству вырос из земли, зеленый куст.

— «Лысый буерак!», — обрадовался Котельников, ускоряя шаг. — «Родник!».

Это на самом деле был Лысый буерак, о котором говорил дядя Ваня. Зеленых кустиков на противоположном скате его было много. Один из них, росший выше всех и верхушкой своей выглядывавший в степь, и привлек внимание уставшего от непривычной ходьбы по траве Котельникова. Буерак был глубокий, с обрывистыми каменистыми боками, на которых там и сям зеленели кусты кислятки. Неширокое дно его, сплошь усеяное белыми круглыми камнями, разноцветной галькой и песком, говорило о том, что во время таяния снегов оно превращалось в русло бурного потока, успевавшего за короткий век, когда буерак играл, и округлить камни, и натащить гальки, и насыпать толстый слой ослепительно-белого на солнце песка.

— «Где же родник?» — соображал Котельников. — «Налево? Направо? Там увидишь, сказал дядя Ваня. Ничего пока не вижу... Надо спускаться».

Осторожно, боясь сорваться, цепляясь за росшую между камнями выгоревшую траву и сухие комья земли, Котельников благополучно спустился вниз и точно попал в пекло. От всего — от камней и песка на самом дне, от каменистых стен с боков — несло явно ощутимым теплом.

— «Уф!», — вытирая катившийся по щекам пот, вздохнул Котельников. — «Как в печке. Залез, а вот как я отсюда выберусь? Ну, об этом после. Сейчас надо отыскать родник, без воды сдохнуть можно».

И только тут Котельников заметил тонкую полоску как будто мокрого песка узенькой ленточкой извивавшуюся посредине буерачного дна. Он нагнулся и пощупал песок — сомнений не было, песок был влажный. Тогда Котельников захватил целую горсть его и выжал. Сквозь сжатые пальцы просочились капли мутной воды.

— Ура! — хрипло крикнул, смеясь, Котельников. — Вода в пустыне! А вот где же оазис с его источником?

Он стал боком, лицом к одной из буерачных стен.

— «Налево или направо родник? Должно быть налево. Все взгорья налево от мельницы, если стать там так, как я стою сейчас по отношению к солнцу... Ну, конечно же!»

Не сомневаясь больше, Котельников решительно повернул налево и быстро пошел. Это ему стоило дорого. Через десять минут весь он, с головы до ног, купался в поту. То и дело обтираясь совершенно мокрым платком, до боли раздражавшим покрасневшую на лице кожу, Котельников дошел до большой кучи дикого белого камня. Он поднял голову. Наверху, справа от себя, он увидал широкую площадку и вокруг нее выбитый в стене, саженной высоты, каменистый полукруг, далеко вдавшийся в степь.

— «Берут здесь камень, это каменоломня», — отметил про себя Котельников.
Но что сильно обрадовало его, когда он миновал каменоломню, это заметная, не только наощупь, а и на глаз, вода, сочившаяся поверх мокрой, ставшей более широкой, песчаной ленты.

— «Я не ошибся, родник должен быть где-то поблизости».

Не замедляя хода и стараясь не споткнуться о крупные камни, мокрый как мышь, Котельников шел по длинному буерачному коридору, которому, казалось, не было конца. Сверху, с узкой полосы белесого, какого-то бесцветного неба, беспощадно палило солн-

це. От ослепительно блестевшего под ногами белого песка мелькали в глазах искры. Жаром несло от нагретых буерачных стен. Воды в нарождавшемся на глазах ручейке становилось все больше. Ее можно было зачерпнуть ладонью, хотя о том, чтобы ее выпить, нечего было и думать — мешал песок. Котельников удовольствовался тем, что намочил обе ладони в прохладной воде и приложил их к разгоряченному лицу. На какое-то мгновенье Котельников ощутил великое облегчение.

— «Обмоюсь у родника», — подумал он и вдруг рванулся вперед.

В отдалении, на левом буерачном склоне, ставшем менее обрывистым, он увидал густую поросль зеленых кустов, начинавшихся у самого дна и полосой тянувшихся вверх до края степи.

— «Вот он, мой оазис с прохладным источником!» — обрадовался несказанно Котельников.

Он уже не обращал внимания на то, что по мере приближения к манившему его кустарнику, с которого он не спускал глаз, влажная песчаная полоска под ногами превращалась в настоящий ручеек, с небыстрым извилистым течением, обтекавшим встречные камни. Ручеек от этого походил на ползущую ему навстречу серебряную змейку...

А-а, наконец-то! У самого подножья ската, немного на возвышении, под тенью нависших ветвей буйно растущего терновника, виднелась каменная кладка. Через борт ее струйкой стекала прозрачная, искрящаяся на солнце, вода. Этот излишек родниковой воды, с едва уловимым мелодично-стеклянным шумом спадавший вниз, весело устремлялся по вилючему каменному руслецу к середине буерачного дна и там клал начало ручейку, приведшему сюда истомившегося от жажды Котельникова. Со всего ходу Котельников упал на мягкую шелковистую травку, пышным зеленым ковром росшую вокруг родника, и жадно прильнул ртом к зеркально-чистой его поверхности. Раз-два-три... четыре больших глотка!

— «Стоп!» — оторвался от воды Котельников. — «Довольно пока. Можно все кишки заморозить такой ледяной роскошью. Потом вдоволь напьюсь. Сейчас — освежить голову!»

Он намочил в спадавшей из родника струе платок, выжал его, намочил еще раз, снова выжал и, сняв фуражку, осторожно обтер потное разгоряченное лицо.

— У-у, как хорошо!

Снова та же операция с мытьем платка и вот, полувыжатый, освежающе прохладный, он накрыл спутанные потные волосы.

— «Теперь прилечь в тени, покурить, а потом-уж напиться».

Густая тень была рядом. Терновые кусты, начинавшие расти с нагорной стороны прямо от кладки и питавшиеся влагой родника, в благодарность простирали над ним свои ветви и словно оберегали его, пряча от солнца. Котельников прилег на траву, закурил и с наслаждением ощущал, как отдыхает все его тело.

В буераке стояла все та же неуемная духота, она не переставала давить на Котельникова, но вместе с тем на голове чувствовалась свежесть смоченного платка и тень от кустов, как-никак, защищала от брызжущих огнем солнечных лучей. Кладка — Котельников изучающим взором окинул ее — имела форму преогромнейшего котла, полного до краев кристалльно-чистой, абсолютно неподвижной на поверхности, воды, с невысокими стенками, сложенными из грубых ноздреватых камней, без какой-либо скрепы, сверху-донизу покрытых шелковистым мхом. Зато на дне родника жизнь била ключем. Все оно, укутанное слоем тончайшего темно-серого ила, было в непрестанном движении, все в бесконечных дырочках, мгновенно возникавших и так же мгновенно пропадавших, чтобы немедленно замениться новыми, с такою же, в свою очередь, молниеносной быстротой заменявшимися последующими. Через эти отверстия в илу удивительной чередой пробивались на свет Божий ледяные струйки подземной влаги...

Котельников долго любуется кипящим родниковым дном. Попутно, улыбаясь, обнаруживает двух лягушек, замерших на бархате мшистых от вечной воды камней и не сводивших с него выпуклых, любопытно настороженных, глаз...

— «Кипит дно, кипит годами, а котел воды никак не нагревается. Будто, наоборот, все больше охлаждается», — лениво думает Котельников.

Его, разморенного жарой, клонит ко сну, ему хочется растянуться на траве и вздремнуть. Но надо идти на Золотой и Котельников встряхивается, отгоняет дрему, незаметно охватывающую его. От резкого движения лягушки одновременно исчезают за выступами камней...

Над Котельниковым, наблюдавшим холодное кипение родникового дна, положив голо-

ву на руки поверх кладки, раздалось вдруг веселое верещанье. Верещала на ветке маленькая пичужка с черным ожерельем на шейке, с белой грудкой и нежно-желтым брюшком. Не подозревая о присутствии внизу человека, она с увлечением, потряхивая темно-серыми, как у воробья, крылышками, высвистывала коротенькую коленчатую музыкальную фразу, повторяя ее до бесконечности. Это оказалось все, на что птичка оказалась способна. Не шевелясь, Котельников слушал. Но пенье оборвалось так же неожиданно, как началось. В ветвях послышался шорох и все затем смолкло — степная певчая пташка улетела...

Из этого родника, по словам дяди Вани, казаки бочками брали воду во время полевых работ. И это было так. Две стежки — настоящие, хорошо проторенные, усыпанные мелкими камешками стежки — спускались с обоих скатов. Со стороны, у подножья коей был родник — прямая, круто идущая в гору, на противоположной, более обрывистой — длинная, наклонная, иначе по ней не подняться бы наверх.

— ... «В каждой бочке до сорока ведер... Работенка, чтобы наполнить ее в жару цыбарками», — машинально прикидывал Котельников. — «Двадцать или сорок раз спуститься и подняться с одной или двумя цыбарками воды. Да-а»...

Котельников выкурил напоследок еще папироску, не торопясь, маленькими глотками, напился, смоченым, сильно выжатым платком, сквозь расстегнутый ворот гимнастерки, поеживаясь, обтер грудь и сразу после этого почувствовал себя бодрым.

— «Ну-с, любитель степных пейзажей, в путь-дорожку», — усмехнулся он.

Но прежде, чем выйти из-под кустов на солнце, он накрыл голову на этот раз совсем невыжатым мокрым платком, надел поверх фуражку и, обтирая лицо от катившейся с платка воды, решительным шагом пересек буерачное дно.

Наверху, по ту сторону буерака, Котельников остановился перевести дух после крутого подъема. В двухстах шагах впереди играло марево. За пленкой танцующего нагретого воздуха виднелось только далекое взгорье да сизая вершина Золотого Кургана.

— «Досадно. Этак я, пожалуй, мало что увижу с Золотого. Не повернуть ли во-свояси?» – размышлял Котельников. — «Ждать, когда спадет жара?»

Он посмотрел на часы. Придется ждать часа два. Вот история с географией! Дядя Ваня был прав, лучше было бы остаться дома».

Случайно взглянув вправо от себя, раздосадованный Котельников широко раскрыл глаза от удивления — вдали над маревом висел... черный крест!

— «Крест..., ну-да, крест! Что за чудеса!»

Сомнений не могло быть — черный, ясно видный, отделенный от земли, как бы повисший в воздухе, столб, с такою же черной, одинаковой длины со столбом, ровно на его середине, перекладиной... Не вдаваясь в размышления, Котельников быстрым шагом направился к поразившему его видению. Видение не исчезало. Наоборот, постепенно отступавшее марево скоро обнажило весь крест, с утрамбованной желтой землей у подножья и с квадратной дощечкой, прибитой на месте соединения перекладины со столбом. Почти подбежав, Котельников впился взором в дощечку, на которой печатными буквами, не очень разборчиво, с пропусками — черная краска местами стерлась — было написано:

«На этомъ мѣст убитъ злодѣ и
красныхъ каз Минай Матв Королевъ
Убійцы: ур. Еф Марининъ и каза Па Бур
Отъ лѣта Р. Хр. 919 май».

Котельников внимательно дважды прочитал надпись. Все было ясно: на этом самом месте, где он сейчас стоял, весной — в мае текущего года — урядник Маринин и казак Павел Буров убили казака Миная Матвеича Королева.

Котельников забыл про Золотой, про то, зачем он туда шел... Неожиданная усталость охватила его. Он сел было на землю, прислонившись спиной ко кресту, но было неудобно, мешал насыпанный у креста бугорок утоптанной земли. Тогда Котельников прилег на траву, положил голову на ладонь согнутой в локте руки и, надвинув на глаза фуражку от солнца, закрыл их, мучительно переживая неожиданную и страшную для него новость, только-что возвещенную ему полустертой надписью на дощечке креста...

— «Какой я наивный... Думал — тут-то уж, в целинной степи, никаких следов войны не может быть... Тут, казалось бы, место только тишине и полному покою... И вот, урядник с казаком убивают... казака. За что? «Злодеями красных»... Стало быть, Маринин и Буров большевики, а Королев — кто бы это мог быть? — белый, «кадет»... Весной этого года... Да-да, тогда в станице были красные. Надо расспросить дядю. А характерно. чисто по-казачьи: вместо творитель-

ного — родительный, не «злодеями красными», а «злодеями красных»... Боже мой, когда окончится весь этот ужас?»

Лежать дольше стало невозможно. По лицу, прикрытому фуражкой, градом катился пот, было трудно дышать от непереносимой духоты. Котельников сел, сорвал с головы полувысохший платок, провел им по мокрым, воспаленно-красным, щекам и швырнул его на траву — пусть сохнет. Посидел с минуту, опершись сзади себя вытянутыми руками о горячую землю, с фуражкой на макушке, подставив лицо, с прилипшими ко лбу косичками волос, навстречу палящим лучам. Хотелось пить. По привычке достал портсигар. Закуривая, машинально пересчитал папиросы — осталось всего несколько штук.

— «Забыл наполнить. Без табака плохо... Покурю и надо двигаться».

Над степью, скрывая ее совершенно, попрежнему висела дрожаще-танцующая пелена нагретого до предела воздуха, попрежнему вдали, оторванная от земли, будто подвешенная к небу, высилась, притягивая к себе, сизая, какая-то нереальная, макушка Золотого Кургана. Громадный контур его, геометрически-правильно очерченный — таким он казался издали — задержал на короткое время внимание Котельникова, настолько он был необычно картинен.

— «Напиши вот подобную картину летнего степного пейзажа — не поверят», — подумал Котельников. — «Обвинят досужую фантазию художника. А действительность вот она, перед глазами. Нещадно палит с белесого неба солнце... Трепещет горячий воздух, как кипящая в огромном котле вода.. А вверху этакая вот громада, курганная вершина.. нечто вроде Царя-Колокола... Висит эта громада одна-одинешенька в небе, неподвижная, будто застыла. И горя ей мало, что под ней клокочет раскаленное марево»...

За куреньем мысли Котельникова вновь обратились к тому, о чем не переставая думал он с того момента, как прочитал на прибитой к кресту табличке о драме, происшедшей в этой степной глуши.

— «Королев... Должно быть, из стариков. Помнится, уходили они тогда в степь. И за ними, выходит, гонялись, как за зайцами... Нагнали и этого Королева... И прикончили. Страшно... Свои своих»...

Задумавшийся Котельников невольно, с какою-то необъяснимой жутью, снизу вверх взглянул на крест. Дерево было еще свежим. Грубо обтесаный квадратный столб желтолимонного цвета, потемневшего слегка от времени, с отделившимися во многих местах, загнутыми и почерневшими, как бы припеченными солнцем, краями недорубленных щепок — видно спешили, когда делали, — наверху перекладина, снизу, с земли, казавшаяся непомерно длинной и походившая на распростертые над степью руки... Посредине перекладины дощечка, посеревшая и сгорбившаяся от солнца, с дождевыми подтеками у кляпок гвоздей, потрескавшаяся на торцах, с немногими оставшимися на ней словами, которые пришлось дополнять, чтобы узнать об ужасном событии, происшедшем на этом месте...

— Весело, — вздохнул, бросая окурок, Котельников. — И безлюдная степь начинает превращаться в кладбище.

От упавшего в траву окурка потянуло дымком. Котельников поспешно притушил его, обнаружив при этом тлевшие сухие былинки.

— «Не поджечь бы еще степи», — усмехнулся он, старательно прихлопывая ладонью траву. — «При такой сухоте это плевое дело.»

Котельников собирался встать, не зная толком, что предпринять: продолжать ли прогулку или вернуться на мельницу? С этим маревом все равно ничего не увидать с Золотого, только измучишься. Жалко, что получилось так, но... Он взглянул в сторону Золотого и несказанно удивился — вся западная половина неба, куда заметно клонилось солнце, была черна от поднимавшейся из-за невидимого горизонта свинцовой тучи. Котельников остался сидеть, с любопытством ожидая, что будет дальше.

— «Откуда она взялась? Пахнет холодным душем. И не убежишь — догонит. Как быстро надвигается!»

И в самом деле, свинцово-черный вал тучи, с рваными охвостьями по краям, с разительной быстротой закрывал небо, надвигаясь на степь. Будто огромное мрачное чудовище, выпустив во все стороны острые щупальцы, поднялось откуда-то из преисподней и устремилось вверх, к солнцу, грозя его потушить и накрыть весь лежащий под ним мир мраком... В нижней его части, — ... «под брюхом»..., — усмехнулся Котельников, не отрывавший глаз от тучи, — клубились комком, как змеи, более светлые, мутно-серого оттенка, дымчатые полосы и страшно было смотреть на это живое извивающееся месиво, таившее в себе неясную угрозу и внушавшее непонятную, но явно ощутимую тревогу... И как бы в свидетельство, что поднимавшееся над степью чудо-

вище — Котельников так и окрестил мрачную тучу — не идет с благими намерениями, над изнывавшей в жаре степью предупреждающе пронеслась сильная струя, почти порыв, свежего воздуха. Котельников жадно, всей грудью, вдохнул его и словно ожил, почувствовав мгновенное облегчение. Поспешно расстегнув на все пуговицы ворот гимнастерки, он подставил горячую грудь навстречу освежающему дуновению нежданно возникшего ветра и так остался минуту-другую, закрыв от наслаждения глаза... Когда он открыл их, степь преобразилась — никакого марева не было и в помине, прохладный ветер, как вестник своего приближения посланный грозной тучей, сдунул эфирно-тонкую пелену нагретого воздуха и обнажил степь. И она привольно стлалась во все стороны, буро-желтая в темной своей части, уже накрытой тучей, светлая, где сияло солнце... Но недолго было ждать, когда тень ляжет на всю степь. Ясно различимая черта — грань света и темноты — приближалась с неудержимой быстротой. Щурясь, Котельников поднял глаза на солнце и в этот самый момент оно скрылось за поглотившей его непроницаемой чернотой свинцового края тучи. Тень накрыла Котельникова и побежала дальше. Кругом воцарился прохладный полумрак. Переход от яркого света был настолько резок, что создавалось впечатление будто внезапно наступили сумерки. Это продолжалось, однако, недолго. Глаз скоро привык к новому неяркому освещению и увидал все по новому, иначе чем раньше, когда горячее солнце самый воздух превращало в трепетную кисейную пелену, или совершенно скрывавшую предметы или до неузнаваемости менявшую их. Все стало видней, все уменьшилось, укоротилось, сузилось. Открылась степь со своими просторами, ставшими обозримыми, со всеми их раньше неприметными из-за дали изволоками-взгорьями, упиравшимися сейчас в небо, с пятнами лесков на вершинах увалов невидимых буераков, с темно-бурой полувыжженной травой на толоках, со светло-желтыми квадратами стерня скошенных и еще неубранных полей, с четко обрисовавшимися кое-где хлебными прикладами на токах, походившими из далекого далека на положенные плашмя кирпичики, с черными, медленно перемещающимися точками, точно ползущими жуками-скарабеями, — ни людских фигур, ни лошадей, ни тем более самих лобогреек-«крылаток» не различить... И среди этого прояснившегося, но какого-то укороченного, как бы сжатого отовсюду, степного ландшафта, сам Золотой Курган, в хорошую погоду видимый за десяток верст, не казался таким огромным, как всегда, он как будто стал ниже, как бы врос в землю, вернее — занял полагающееся ему пропорциональное место среди открывшейся хмурой, но все же величавой степи. И вместе с тем, он как бы придвинулся, стал ближе, хоть рукой подай... Не потому ли, что разные, порожденные зноем, чудеса, вроде марева и сиреневых воздушных прослоек, ложившихся между ближними и дальними пейзажами и показывавших последние как бы сквозь тончайшую фату, сейчас исчезли?...

На вершину кургана плавно опускался орел. Взмахнув перед посадкой могучими крыльями, он приземлился, но сразу не уселся, а подпрыгнув два-три раза, точно на рессорах, сложил, наконец, крылья и замер. Котельников знал — орел сидит, втянув шею и уставившись клювом на запад, навстречу идущей грозе... Над головой спешно пролетели вороны. У Лысого буерака они круто нырнули вниз и исчезли. Вслед за ними в буерак опустилась одинокая сизоворонка.

— «Эти в кусты... А царственная птица открыто, на курганной макушке, грудью встречает непогоду. Да-а... две разницы, по-сдесски... А не пойти ли и мне... к воронам-» — думал Котельников, наблюдая за птицами. — «Хотя не стоит, все равно промокнешь».

Укрывавшиеся в буераке птицы отвлекли внимание Котельникова от того, что творилось в небесах. Когда он осмотрелся, его поразили перемены, происшедшие вверху: все небо сплошь укутано было давящей пеленой свинцовых туч с клубившимися там, где должен был быть горизонт, бело-грязным живым клубком.

— «Как пена. Так, должно быть, пенится в ураган море у берегов... Это не самое страшное, когда накроет — начнется настоящее»...

Котельников ошибся — «настоящее» началось немедленно, едва он успел подумать об этом. Свинцовую массу туч, чуть подальше Золотого Кургана, прорезала ослепительная, изломанная, вся в острых узлах, зигзагообразная молния. Котельников невольно зажмурился.

— «Сейчас грянет», — подумал он и снова ошибся, грома не последовало. — «Странно, обычно после молнии гремит».

Едва эта мысль мелькнула у него, он почувствовал, как земля под ним дрогнула и до слуха его дошел отдаленный гул, неров-

ный и прерывистый, словно катили по земле чудовищных размеров каменную глыбу и она сотрясала землю, падая на нее плоскими своими сторонами... Инстинктивно, точно ища защиты, Котельников подтянулся руками ко кресту и снова, как недавно перед грозой, снизу вверх посмотрел на него. Крест попрежнему простирал над землей несоразмерно длинную перекладину, попрежнему взбугрившаяся от непогод дощечка, с остатками надписи на ней, готова была встретить очередную непогоду, могшую смыть еще несколько букв ее надписи.

— «Как в Евангелии», — мелькнуло у Котельникова, оглядывавшегося по сторонам. — «Когда распинали Христа — настала тьма по всей земле и земля потряслась»...

Ему вдруг стало жутко. Вобрав голову в плечи, охваченный необъяснимым страхом, он в третий раз за истекший час, начиная снизу, от самой земли, повел взглядом по столбу креста. Он нисколько не удивился бы, если бы взгляд его уперся в ноги распятого Христа или... «этого... Королева»... Никаких ног, к великому своему облегчению, он не увидел. Глубоко вздохнув и встряхнув головой, точно выбрасывая из нее нелепые мысли, Котельников сразу успокоился и, опираясь головой о крест, схватился вдруг за карман брюк.

— «Сейчас хлынет... Как бы уберечь спички и часы? Намокнет все к черту!»

Торопливо сняв с руки часы, он тщательно завернул их вместе с коробкой спичек в платок, сохший рядом на траве и засунул все поглубже в карман. На черном небе, над Золотым Курганом, снова сверкнула молния. В бледном отсвете от нее на какой-то миг четко обрисовался контур курганной вершины с неподвижно застывшей на ней фигуркой орла. На этот раз промежуток между вспышкой и громом значительно сократился. Первый удар грохнул так, что Котельников невольно вздрогнул. Мощный громовой раскат, раздирая воздух, рассыпался целым каскадом ударов, покатившихся, постепенно замирая, по степным просторам. И вслед затем, будто он этого ждал, рванул сильный ветер. Котельников еле успел схватить фуражку. За курганом вправо и влево от него, повисла сплошная завеса потоками лившегося дождя. Молнии бороздили небо над самой головой Котельникова, между их вспышками и беспрерывными раскатами грома уже не было никаких интервалов. Невозможно было уследить, какой сверкающий зигзаг вызывал ответный громовый удар. Все перемешалось в необычайной, потрясающей своей мощью, сверкающей феерии и в этой чудовищной симфонии громовых звуков. Какой-то неведомый, но несомненно гениальнейший художник, с поразительным мастерством, повинуясь велению охватившего его вдохновения, с лихорадочной поспешностью набрасывал огненным карандашем на черном небесном полотне фантастический рисунок, в виде ослепительных стрел и причудливо игольчатых линий, отрывавшихся иногда с неба и падавших на землю. И каждый нажим его магического огненного карандаша порождал громовые раскаты, от коих сотрясались недра земли и наполнялись гулом небесные своды...

Высоко подняв плечи, подбородком касаясь груди, сжавшись в комок, Котельников лежал у подножья креста с закрытыми глазами, уставшими от непереносимого блеска беспрерывно сверкавших молний, слушал и ждал. Он до страсти любил грозу и для него весь этот грохот и треск — сухой и хлесткий и вслед затем нутряной, какой-то утробный, — находивший резонанс в самой земле и от которого ёкало сердце — был упоительной, ни с чем несравнимой, музыкой...

— «Вот оно в е л и ч е с т в е н н о е... Воистину стихийное... Разве может быть что более потрясающим — в буквальном и переносном смысле? И самым доказательным ничтожества человеческой гордыни?» — думал Котельников, вздрагивая от более оглушительных взрывов.

— «Чего стоит артиллерийский гул по сравнению с этим настоящим гулом, от которого переворачиваются печенки? Все батареи немецкого фронта — сколько я их наслышался, под сколькими из них бывал! — ничто, когда вот слышишь такой концерт»...

— «И какой я маленький сейчас», — усмехнулся он от пришедшей вдруг мысли. — «Меньше самой размалюсенькой букашки... В щелочку, в земляную трещинку муравьем бы заполз... А я есаул, командую сотней... гордым себя почитал. Как же: человек — царь природы! Вот тебе и царь! Грош тебе цена, когда слушаешь эту-вот пошумливающую природу»...

За годы войны Котельникову не однажды приходилось переносить грозу. И он заметил — нет нигде таких гроз, как в южных пустынных степях. Повсюду, особенно в лесных местах, самая сильная гроза далеко уступает в мощности любой степной грозе. Разные, очевидно, предпосылки для их зарождения и не те условия, при каких они происходят.

Вот хоть теперешняя гроза. Ей предшествовала двухмесячная сушь. Каждый день трудно переносимая жара. Воздух накален, как в пустыне, и заряжен электричеством до предела. Появление грозовой тучи вызывает чудовищный взрыв всей этой накопившейся энергии, а необозримые просторы, полное отсутствие естественных преград в виде гор или густых лесов, в какой-то степени заглушающих звук, вернее — мешающих ему беспрепятственно катиться по самой поверхности земли, непомерно усиливают его мощь, проявляющуюся во всей своей полноте. В населенных местах — в городах и даже селах — впечатление от грозы не то. Там те же мощные раскаты, та же феноменальная, неподдающаяся точному определению, силища, но все это в небесах, наверху, над твоей головой... В степи другое — тут, как вот сейчас, когда зачарованный Котельников, комком сжавшийся на голой земле и когда вокруг него на десятки верст хоть шаром покати — вся эта звуковая мощь спускается до самого низу и нет ничего, чтобы задержать ее и катится она по земным просторам так же свободно, как и по небесным... И весь этот грандиозный фейерверк, зажженный таинственным пиротехником, все эти лопающиеся взрывы, их грохочущие осколки, со звоном катящиеся по небу и земле, глухие, как бы подземные, гулы, превращающиеся, наростая, в огромные звуковые валы на низких басовых регистрах, от каждого из которых сотрясаются воздух и сама земля — все это происходит не только в небесах, а повсюду — тут-вот на земле, рядом с тобой, в тебе самом, и ты, полный сознания собственного ничтожества, сжимаешься еще больше и покорно отдаешь дань, вздрагивая от нового сотрясения, хотя и знаешь, что оно может придти в любой момент...

Первые редкие и крупные капли дождя упали вокруг Котельникова, зашелестев в сухой траве. Котельников поднял голову. Перед ним сплошной стеной лилась вода. Ветер стих, он умчался дальше оповестить все живое, что идет очистительная гроза с долгожданным дождем. Молнии сверкали попрежнему, попрежнему гремел гром, но все это передвинулось на восток, в направлении умчавшегося ветра и уже не сверкало и не гремело над самой головой. Короткий миг — и ливень, с шумом обильно льющейся воды, обрушился на Котельникова. Через воротник, с тыльной стороны фуражки, вызывая неприятную дрожь, проползла по спине первая холодная струйка.

— Бр-р-р! — поежился Котельников. — Вот попал!

Сколько времени пролежал он, дрожа под ливнем, Котельников не знал. Пятнадцать-двадцать миаут? Полчаса? Вдруг дождь, с такой же быстротой, с какой начался, перестал падать. Не веря, Котельников прислушался и сразу сел, с неприятной дрожью почувствовав под сиденьем холодную влагу, словно сел в лужу... Перед ним разворачивалась картина, доставившая ему великое удовольствие. Час тому назад темная от тучи полоса пожирала на его глазах светлую под солнцем степь. Теперь светлая солнечная полоса, приближаясь, с такою же поспешностью отодвигала сумрачную тень. Вот она подходит уже к кургану, открывая залитые ярким светом далекие степные просторы. Над ними, такая же светлая, темно-синяя небесная полоса, все увеличивающаяся по мере отдаления грозы. Только в одном месте этой лазурно-чистой, точно вымытой, небесной сини плыл небольшой грязно-серый комок, гонясь за тучей, от которой оторвался... Вот светлая степная полоса у кургана, вот она уже по сю сторону от него и весь курган облился вдруг, загоревшись, ярким золотым светом и, странное дело, будто вырос от этого в глазах Котельникова. Он снова превратился для него в большой курган, почему-то названный Золотым.

— «Не потому ли, что он так сияет, как сейчас?» — подумалось Котельникову.

Освобождавшаяся на его глазах степь входила в свои обычные рамки — раздольно-широкие, с отодвинувшимися горизонтами, — получалось так, что с появлением солнца все оживало, все становилось на свои места, как должно было быть, все приходило в порядок... Край мрачной уходившей тучи еще закрывал солнце. Но оно, отвоевав половину степи, купавшуюся сейчас в золотых его лучах, вот-вот должно было окончательно вырваться на свободу и залить светом и теплом всю степь, а с нею и продрогшего в мокрой одежде Котельникова, прищуренными глазами следившего за его появлением. Наконец, вот оно! Ослепленный Котельников, не успевший отвести взора, долго протирал зажмуренные глаза, в которых стояли, перемежаясь, черные и оранжевые круги. Потом, сбросив набухшие от воды фуражку, гимнастерку и нижнюю рубаху, — суконную гимнастерку с усилием, но довольно быстро удалось стянуть, с прилипшей же к телу рубашкой, из опасения разодрать ее, пришлось повозиться, — радостно возбужденный Котель-

ников, растирая ладонями мокрые грудь и бока, стоял, греясь на солнце и влюбленно смотрел, мечтательно улыбаясь, на расстилавшуюся перед ним степь, которую впервые сегодня увидел по-настоящему, несмотря на то, что пробродил по ней целых четыре часа. Мешало марево, затем гроза, принесшая облегчение от зноя, но и остудившая его до озноба... Какая ширь! Как величественно стелются ожившие, повеселевшие, обмытые от хмури дождем, осиянные солнцем, трудно обозримые и, как любят говорить казаки, — бескрайние просторы! А что-ж, и в самом деле бескрайние! Видимая сейчас степная грань — во-он там, далеко-далеко, где светло-синяя небесная полоса соприкасается с бурой травой! — это фикция, оптический обман. Не дойти до нее пешком, не домчаться до нее на резвом коне. С такою же быстротой эта ненастоящая грань будет уходить, оставляя перед смельчаком, который вздумал бы ее достичь, новые непреодолимые степные просторы. И так на сотни верст, до самого южного моря...

— «Готово, докатился до моря», — весело рассмеялся Котельников, отрываясь от созерцания степных далей и громко вслух, сказал:

— Море это хорошо, но уж слишком далеко. Поищем чего-либо поближе.

Ближе всего оказался — не мог не оказаться — Золотой Курган, невольно привлекавший внимание ищущего глаза. Теперь, при нормальном солнечном освещении, при наличии освежённого, очищенного дождем воздуха, не деформированный отрывавшим его от земли причудливым маревом, не отделенный искусственно экраном знойной пыли в слишком жаркий час, когда он менял окраску и становился сиреневым, курган высился перед Котельниковым таким, каким был на самом деле — импозатным среди величественно стлавшейся вокруг, как стол, степи, такой же темно-бурый, как и окружавшее его море полусоженной травы и от этого не слишком далекий... Котельников залюбовался гармонией его линий — никаких отклонений в четком, правильно очерченном, контуре двух видимых сторон, с мягко закругленной верхушкой...

Что-то на этой верхушке как раз зашевелилось.

— «Курганник», — догадался Котельников.

Орел, неподвижно просидевший всю грозу, расправлял крылья. Вот он неторопливо взмахнул ими — раз-другой — и, плавно оторвавшись, спиралью стал забирать высоту.

— «На охоту... Сурки повылезали из нор, самый раз... Ну, кажется, спереди высох», —потер Котельников грудь. — «Подсушить теперь спину».

Подрагивая от ощутимого в спине холодка, Котельников повернулся и замер от неожиданности — вся восточная сторона неба, от края и до края, покрыта была черной тучей. И от края до края, до самой середины вверху, всеми своими цветами сияла необычно широкая радуга.

— Да она двойная! — невольно вырвалось у Котельникова.

Радуга в самом деле была двойной. Котельников отчетливо различал все цвета спектра: вот внизу фиолетовый, за ним синий, переходящий в голубой, потом зеленый, желтый, оранжевый и красный. Рядом с красным снова красный, чуточку побледней. А дальше те же цвета, что и в первой радуге, но в обратном порядке. Создавалось впечатление, что вторая радуга — это простое отражение первой в каком-то невидимом сверхмерном зеркале...

— Чудеса в решете! — рассмеялся донельзя восхищенный Котельников. — Никогда еще не приходилось видеть две радуги сразу!

Туча ушла далеко. Молний не было видно. Но от времени до времени долетало приглушенное урчанье — громовая симфония разыгрывалась в другом месте.

Налюбовавшись радугой, Котельников, решивший немедленно вернуться на мельницу — о том, чтобы идти на Золотой нечего было и думать, — случайно взглянул на крест, бывший от него в трех шагах, и снова замер, пораженный тем, что увидал. По нижнему краю перекладины креста, от концов до столба с каждой стороны, свисал ряд дождевых капель. Висели капли рядышком друг с дружкой, как нанизанные на тонкую несгибающуюся стальную нить жемчужины, одинаково ровные, отсвечивавшие серебряными звездочками от преломляющихся в них солнечных лучах...

Надо было все-таки идти домой. Взглянув в последний раз на чудесное ожерелье, Котельников стал собираться. Гимнастерку с рубашкой он решил нести в руках, солнце грело еще сильно, часа на два его хватит и он сможет добежать до мельницы полуголым. Ноги мокрые, но это не беда, от ходьбы согреются. В сапогах сыро, но воды как будто нет, мешали проникнуть узкие голе-

ница. Снимать сапоги дома будет нелегко. Надевать иногда приходится с тальком, а снимать мокрые... Придется прибегнуть к помощи дяди.

— Стой! — спохватился Котельников, держа в руках мокрую одежду. — А покурить-то? У меня-ж остались папиросы.

Кожаный портсигар, совершенно черный от влаги, первым извлеченный из кармана, воды не пропустил. Довольный, Котельников, заранее предвкушал удовольствие от сладких затяжек ароматным табачным дымком, засунул одну из папирос в рот и вынул платок, в который перед дождем предусмотрительно завернул часики-браслет и коробочку спичек.

— Покурим! — просиял он.

Мокрый платок, разворачиваясь, становился все суше. И часы и коробка спичек с виду не пострадали. С часами это было наверное так — секундная стрелка деловито обгоняла часовую и минутную, показывавшие ровно пять с четвертью. Все это Котельников отметил с одного взгляда, его больше занимали спички, хотелось поскорей закурить. Первая же спичка начисто содрала с коробки фосфорную бумажку — она отсырела и была совершенно неспособна зажечь твердую, хорошо сохранившуюся, серную спичечную головку.

... Ну-ка, попробовать с другой стороны... Не надо чиркать... Надо, тихонечко нажимая, тереть... И начинать с уголка...

Котельников начал тереть с одного уголка и кончил другим, так и не зажегши папиросы. Без малейшего намека на вспышку, фосфорная бумажка на этот раз отрывалась маленькими кусочками, пока не кончилась вся.

— Покурил! Черт! — с досадой вырвалось у Котельникова.

Лысый буерак, до которого Котельников дошел быстрым шагом, чтобы согреть стывшие от сырости ноги, — он пытался даже бежать, но запутался в траве и едва не упал, — приготовил ему неприятный сюрприз. Еще не доходя до буерачного края, он услышал какой-то странный шум. Заглянув вниз, недоумевавший Котельников понял, в чем дело — во всю ширину буерачного дна несся бурный поток дождевой воды — Лысый буерак «играл» после грозы.

— «Вот не было печали»..., — досадливо поморщился Котельников. — «Придется както перебираться. Не ждать же, когда спадет вода».

В том месте, куда вышел Котельников, нечего было и думать о спуске вниз, не рискуя сломать шеи, каменистый скат был слишком крут, почти отвесен. Необходимо было добраться до родника и там, по проторенным стежкам, спокойно перейти на другую сторону. Родник оказался близко и через короткое время Котельников уже стоял на берегу только-что образовавшейся недолговечной степной речки. По средине ее, ныряя и переворачиваясь в мути желтой от размытой глины воды, бешено неслись, цепляясь за камни, какие-то обломки палок, пучки черных, обмытых от земли, корней, небольшие ветки со свежей листвой, всевозможный древесный мусор. Видно было, что поток зарождался далеко от этих мест, там, где на взгорьях у горизонта виднелись заросли лесков-кустарников и где брал начало сам буерак...

По торчавшим из воды камням Котельников прикинул, что поток не глубок, вряд ли дойдет до колен. С сожалением посмотрев на, и без того мокрые, сапоги, он решительно, скачками, перебежал речку.

— «Если и теперь не набрал в сапоги воды — это будет чудо», — думал он, карабкаясь по крутой стежке наверх. — «Теченье чертовски сильное. чуть не сшибло с ног, вот был бы номер... А холодно... бррр, никак не согреешься».

П. Абрамов

(Окончание следует).

«БЫЛОЕ»

Н. В. Альникину

Тобой я бредил, заграница,
В тебя влюблен был сильно я,
И лично сам мог убедиться
В твоем тщеславьи бытия.

Все будто здесь в тебе прекрасно, ,
Все чудно, мило для души,
Но лично мне, вот то ужасно,
Что нет в тебе вот той глуши.

Что нет в тебе того простора,
Того размаха, той степи,
Той веры в слово и задора,
Чем славны, горды казаки.

Та глушь, что нас всегда стесняла,
Как отпрыск старого житья,
Но что хранило — содержало
Всю прелесть нашего бытья.

Что нами было позабыто,
Нас тяготило в тишине,
По сути ж было столь прелестно,
Что вспомнить радостно душе...

Где голос был всегда свободным,
Где все решалось до конца
Лишьбольшинством простым законным,
Святым извечно для Донца.

Где седина была в почете,
Ей гнули спину сдалека,
Снять шапку было там в обычье
При каждой встрече старика.

Где наше слово, приговоры
Нам были святы навсегда
И наши судьи, прокуроры
Гуляли праздно вне суда.

Судом нам были наши деды,
Их мудрость, зрелость, седина,
Они решали все заветы
У них и были — все права.

Когда же было ослушанье
И спесь кипела в молодце,
То верным средством к послушанью
Был крепкий батог по спине.

Когда ж случалось быть в несчастьи,
В беде или горе казаку,
Для всей станицы было счастье
Придти на помощь бедняку.

И счастье-радость не скрывалась,
Общине нравилась она,
В ней вся станица развлекалась,
На радость всем она дана.

Вот так живали наши деды,
Так просто, мило без тяжбы,
А нам казалось все — как беды,
Как плесень, затхлость старины.

Мы заграницей восхищались,
Ей все старались подражать,
Одни лишь деды улыбались
И продолжали власть держать.

Когда же с Дону отлучились,
Побыв вдали, вне хуторов,
Увидев то, чем восхищались,
Вкусив той жизни тех основ —

Домой, на Дон, было стремленье —
Туда, где ждала вся семья,
А с ней почет и уваженье
И прелесть вольного житья.

Но нам судьба сулит иное,
Уж, видно, выпал рок такой,
Чтоб каждый здесь, уж поневоле,
Нашел последний свой покой.

И нам остался в знак печали
Лишь тусклый образ старины
Где наши деды проживали
Так тихо, мирно, без нужды.

П. П. Кумшацкий
Казабланка (Марокко).

НА БАХЧАХ.

Полдневный июльский зной. Волнообразно струится по выжженной степи раскаленный воздух. Жизнь замерла и в степи и в усадьбах. Все живое прячется в тень, пережидая томительную жару. На бахчах подсолнухи опустили широкие жесткие листья, ярко-желтые шапки их дышат густым, знойным запахом. Опала огудина[1]), обнажив притаившиеся чудесные темные, белые, полосатые арбузы... Зеленоватые кубышки

[1]) Листья арбузных плетей.

важно подняли головки... Бледно-розовые маленькие ханочки кокетливо выглядывают из-под нависшей листвы... Громадные полосатые, белые, желтые, зеленые кабаки дремлют на знойном солнце...

На холмике, посреди бахчи, стоит шалаш, в нем на мягком мишее[2]), по-турецки поджав босые ноги, сидит бахчевник, маленький сухой старичек — хохол Ефим, на голове у него рваный треух, лицо покрыто всклокоченной седой бородой, из которой торчит крючковатый нос и глубоко сидящие острые глазки. Ефим дремлет, но назойливые мухи беспокоят его... Течет пот по бороде, по самодельной большой трубке с привязанными к ней ремешками крышечкой и крючечками... Ременный пояс набран медными бляхами, висит на нем кисет с махоркой, мешочек с трутом и кресалом, металлический гребень, нож в чехле...

Сколо шалаша под навесиком притаились «уговорьни курчата», распустили крылья, раскрыли клювы, тяжко дышат. Мертвую тишину округи нарушает только отдаленный крик детишек у берега реки. Ребятам не страшен зной, голые, черные от загара, валяются они на горячем песке, а то резвою толпой бросаются в воду, кричат, плавают, ныряют... Застывшая, зеркальная гладь реки нежится в зеленых берегах с вербой, лозняком, кугой, камышем...

— Ребята! Ребята! На Кирюшкиной бакше туча граков сидить! — закричал прибежавший из хутора мальчишка.

Вся резвая, полуголая, в одних штанишках, ватага бросилась бегом к шалашу бахчевника.

— Дедушка! Дедушка! — запыхавшись, кричали ребята. — На Кирюшкиной бакше туча, туча граков!

— А нэ брэшэтэ бува? — флегматично спросил дед.

— Нет, нет, дедушка!

— Ну, ходить!

Дед поднялся неспеша, снял с подсошка ружье с самодельным ложем, без курка, сунул за пояс молоточек, перекинул через плечо длинный кнут с волосяным наконечником, на другое плечо положил ружье, дал одному мальчишке заостренный кол с рогулькой на другом конце, лихо сдвинул треух на затылок и, предшествуемый ребятами, тронулся в поход.

— Дедушка, а как ты не боишься стрелять из ружья? — послышался робкий вопрос.

— А шож бояться, цэ мини прывычно. Утьвы побывся, так и волосьив на голови нэ хватыть, шоб сосчитати... Чуетэ, хлопци? А зайца —и счета нэма. Быв и лисовына...

— А волков бил, дедушка?

— Було..., шо було — то було. Небогато, но быв и бирюкив, — самодовольно сказал дед.

Ободренные разговорчивостью деда, ребята стали засыпать его вопросами. Но вдруг мирная беседа оборвалась. Один из суетившихся мальчишек наступил на конец волочившегося кнута, кнут дернул деда за плечо, дед смешно присел и чуть не упал назад, трубка выпала изо рта, глаза у деда зло заблестели... Выправившись, он дико закричал:

— А-а, таки, сяки!... Над дидом насмехаться? Посику батигом, таких, сяких!...

Испуганные ребята, как стайка воробьев, разлетелись, разбежались, попрятались в подсолнухах. Дед свирепо топал ногами, ругался, махал грозно «батигом», но скоро успокоился.

— Ну, ходить, ходить!

С недоверием, осторожно, боясь новой гневной вспышки старого бахчевника, мальчишки побрели следом за ним. Но дед снова начал свои повести об охотах. Осмелился один из ребят, спросил:

— А как, дедушка, граков пугать будешь?

— А звистно як, с земли пыдным батигом, а потим... того... в хмару вдарю из рушныци, а галь, як горох, посыпыться доли...

Не без страха подошли ребята с дедом к Кирюшкиной бакше. Действительно, множество грачей сидело на подсолнухах, среди арбузов, но обессиленные зноем, грачи ничего не трогали, почти не двигались, распустили крылья, раскрыли громадные клювы.

Засуетился дед; воткнул в землю рогатину, положил на нее ствол ружья, навел его в направлении «граков», опустил ложе на землю, положил около молоточек, а затем, отскочивши в сторону, вытаращил дико глаза и заорал:

— Га! Га! Га!...

Размахнулся кнутом, чтобы щелканье испугать «граков», но удар пришелся не по земле, а по белокурой голове не успевшего спрятаться мальчишки... Красная «смуха» перепсясала его лицо, поднял он дикий рев, дед заругался, загрозился на него и он, всхлипывая, вслед за другими, спрятался в подсолнухи. Снова дед заорал: «Га, га, га!», снова

---

2) Подстилка из сухой травы на полу, заменяющая постель. — Прим. авт.

размахнулся кнутом, но наконечник обвился вокруг шапки подсолнуха. С руганью дед сорвал головку подсолнуха и бросил ее в сторону. Наконец, в третий раз удар кнута пришелся по земле — получился звук как выстрел из монте-криста... Грачи все время спокойно смотрели на пришедших, но услышав хлопанье кнута, лениво каркая, медленно стали подыматься с земли, с подсолнуха, — образовалась темная, каркающая туча. Дед Ефим бросил кнут, проворно подскочил к ружью, взял в зубы молоточек, поднял ложе и начал наводить на «хмару». Вот он нашел нужный прицел, осторожно взял изо рта молоточек правой рукой, ударил им по капсуле. От неловкого удара ствол сильно дрогнул, раздался выстрел, полетела горящая бумага, пакля... Опустил дед ложе на землю, почесал плечо и стал смотреть с недоумением на улетающих с громким карканьем грачей. Взволнованно-напуганные сбежались ребята и бросились искать убитых «граков», но ни одного убитого «грака» не нашли...

Недоумевал дед:

— Шо цэ такэ, цилыв в хмару а бытых нэма?

Но один из мальчишек закричал:

— Гляди, дедушка, подсолнухи так и секануло, а по арбузам так и жигануло, да красные, да потеклые усе!

Подошел Ефим, посмотрел и сообразил, что когда стукнул по капсуле — ружье дрогнуло и весь заряд угодил в подсолнухи и арбузы.

— Цэ, хлопци, я зилья дуже передав, ну воно товкнуло в плычэ, а я нэ успив провэсты по гали, дак всэ и пишло по кавунам, — несколько смущенно разъяснил дед неудачу боя, а затем, оправившись, строго приказал:

— Зобрать уси клюваки и сояшныки и гэть с баштана, шоб и очи мои вас нэ бачилы!

С богатой добычей возвращалась на берег реки довольная детская шайка, деловито рассуждая, что если бы деда не толкнуло да повел бы он по «гракам», то кучу набил бы их... Собрал дед свой арсенал и побрел дремать в свой уютный шалаш-куренек, был и он доволен: ... «Шо галь отбыв, шо вдарыв як из пушки, далэко чуть будэ... А шо нэ набыв гали, то другым разом набью»...

Медленно сползало солнце с зенита. Косили лучи, спадала жара. Пробуждалась заколдованная жизнь.

Блаженно дремал дед Ефим с трубкою в зубах, в теплом треухе... А по бахчам струями текли чудные ароматы, расправлялись перистые, вырезные листья, заботливо укрывая чудесные дары, сотворенные божественной гармонией неба и земли.

Дранси (Франция). **Ян. Богаевский**

ВОР.

Давно уже нависла ночь над хутором Потаповым. Завтра воскресенье и большинство казаков с женами вернулись домой с полей. Там остались дневалить со скотом работники, парни и жалмерки. Для них там праздник... Хутор спит рабочим сном без сновидений. Молодежь еще полощется в речке и оттуда доносятся задорные, веселые голоса. Да кое-где промычит корова в сарайную стенку, за которой заперто ее детище...

Василий Маркелович Арьков, рослый рыжий гвардеец, еще не вернулся с поля. Марфа Васильевна, его дебелая ленивая баба, долго ждала мужа с молочной кашей, но наскучило ей и она, решив, что он с Антошей, восемнадцатилетним сынком, остался дневалить, стала собираться на покой. Залила кизяк в горнушке, налила лапши терпеливо ожидавшему у горнушки коту Плутику, а остальное снесла в погреб — не прокисло бы.. Дочь ее Васочка, с изумрудными, злыми глазами, еще не вернулась с улицы. О Васочке ходила не совсем добрая слава — часть, возможно, была и правда, но больше, конечно, выдумали злые люди. Ей было уже под двадцать, а молодые казаки не брали ее в жены — им нужна была работница, приказчики же из соседней базарной станицы, единственные «антелегенты» в округе. искали невест с деньгами, чтобы открыть собственное дело. Так и засиделась Васочка в девках, никто ее не хотел... Подхорунжий Климов, приехавший на побывку, ухаживал за Васочкой, но все уверяли, что это от нечего делать, от

скуки да и не за кем было поволочиться — все на работах в поле, дочь же батюшки хоть и дома, но она курсистка, ученая, и плевать она хотела на подхорунжего. Рослый, красивый, в синем, обшитом серебром, мундире, с серебряными погонами, Климов был завидным женихом. Марфа Васильевна в сердце своем почитала его своим зятем и не одну банку варенья споила, угощая его чаем... Васочка каждый вечер гулял с Климовым. Они ходили за мельницу, в сад, что у речки на яру. Иногда задерживались до полночи. Вот и теперь, несмотря на поздний час, Васочка еще не вернулась. Марфа Васильевна, снеся лапшу в погреб, взбила перину, подушки и разделась. Молиться на сон, как и утром, она не любила, полагала, что это успеется в старости, себя она считала еще молодой и, правда, временами не прочь была, как говорится, «запустить себе вожжу под хвост». «Запускала», главным образом, весной, когда муж с Антошей уходили чумаковать на зимовники Корольковых, Жеребковых, Пишвановых... Тогда дядя Пимен, вдовый богатый казак, возил ее «рвать щавель и чакан» и «показывать», как разливается Тихий Дон... Муж на коннозаводстве слышал об этих прогулках, попивал там с горя, но возвращаться не торопился.

— Антон, получай заработанные деньги и мне — ни тю-тю!, а то пропью... Так ее разэтак, черт пархатая!

К кому относились последние слова Антон, возведенный отцом в кассиры, никак не мог понять... В конце мая чумаки возвращались. Возвратился и гвардеец Арьков с Антошей. Жене гвардеец со смехом рассказывал про вдову генерала Балабина, про казачьи номера в чумачестве... Марфа Васильевна хохотала и ходила перед гвардейцем павой... В первое воскресенье гвардеец предложил жене поехать с ним на бричке посмотреть, что уродил Господь на их полях. Выехали, позавтракав, после обедни. Зеленая рожь отцвела, золотилась, а ячмени, зеленея, клонили свои головы к кормилице земле. Ланы зеленели сочными придорожными травами, диким горошком, бобовиком, катранами. Звенели жаворонки, перебирая крылышками, стрелой взвивался и падал ястреб, а в пшенице хрипел перепел и ему издалека отвечали перепелки своим «под-пенек». Стрепет учил или забавлял на готовом точке своих детенышей резким «стры-ыть!»... Лошади весело бежали, а на шагу тянулись, натягивая вожжи, к придорожной траве... Марфа Васильевна знала, к чему приведет эта поездка — не впервые в ее жизни она совершается, — но весело болтала, стараясь развеселить и мужа. Гвардеец нагонял тучи в своей душе... Молчал, смотрел по сторонам... Подконец, не выдержал:

— Ну, что-ж, так и не спросил тебя, как жилось без меня?

— Скучно, Маркелыч, да и занятая была все время. Кизяку кладки две нарезали, а огород?

— Ну, кизяк-то резать русаков нанимала...

— Кормить-то их нужно было? Последить за ними? Все переломают!

— Гм... А щавель рвать, чакан? Что-ж, девченку все разыгрываешь, черт полосатая, молодость вспоминаешь?

— Ну-у, да почему-ж и не пойтить, ведь, не одна...

— С Пи-ме-ном!... Потаскуха проклятая, шкура барабанная! Мужа позоришь!

Гвардеец извергал длинную тираду наиотборнейших слов, произнося их со смаком, сам удивляясь про себя, откуда они брались такие звучные и веские. Жена в долгу не оставалась... Казалось, супруги разнообразили этим монотонность жизни, встряхивались перед летней страдой...

— Ну, Вася, побил, а теперь прости, больше никогда не буду. Ну, милый, поцелуй! Помиримся!

— Замолчи! — уже напускно-зло отвечал гвардеец.

— Иди, иди, Маркелыч, приласкай, приголубь! Ну, довольно серчать...

... Васочка выходила в мать. С Климовым она сидела у лавки Беляева. Плакучая верба свешивала через забор свои полные тоски ветки. Говорили шепотом. Климов клялся в любви, срывал поцелуи.

— Повенчаемся — и в полк. Будешь полковой дамочкой. Ведь, я первое лицо в полку опосля командира. Мне сам его императорское величество, государь император — Николай Александрович собственноручно подарил часы — вот эти самые, — за отличные танцы. Я на полковом празднике прошел в мазурке как черт, а когда дошло до казачка, то два часа плясал и все новые колена. Сам государь император хлопал в ладошки, а командир полка поцеловал меня. А ты знаешь, что значит, когда полковник Ильин поцелует кого? Значит, достоин! Ведь он у нас — зверь лютый!... А теперь пойдем, провожу тебя спать.

Марфа Васильевна слышала сквозь сон, как кто-то прыгнул в окно — это Васочка прыгнула в окно с крыльца, чтобы не про-

ходить через прихожую, где спала мать. Та открыла глаза и увидела темную фигуру Климова, заносившего ногу через подоконник. От первого крепкого сна не сообразила гвардейша, в чем дело, и завопила не своим голосом:

— Воры!... Караул!... Цыгане!...

От такого вопля не только Климов, но и его лютый зверь-командир побежал бы изо всей мочи, куда глаза глядят. Климов быстро откинул занесенную ногу назад, спрыгнул с крыльца и через мгновенье мчался наутек вдоль улицы.

— Воры! Воры! — вопила гвардейша, выскочив во двор.

Васочка юркнула в постель, она знала, что это были за воры... Со всего квартала сбежались казаки, кто с топором, кто с вилами, а кто и ни с чем. Марфа Васильевна, обалдев, в одной ночной рубахе, вопила свое:

— Воры. Караул! Воры!

— Иде? Иде?

— Сй, да там, в курене! Ой, да ловите же их, станишники!

В темноте, без света, никто не решался подняться на рундук. Соседи принесли лампу. Казаки в подштаниках, с домашним вооружением, плечем к плечу, двинулись на приступ.

— Василич, продвигайся с Богом!

— Да тебе ловчей — ты с вилами...

Лампа двигалась в середине и бросала слабый свет в темную пасть чуланной двери. Гвардейша вопила:

— Скорей, станишники, скорей! Все из сундука выгребет!

Со спором вошли в чулан три казака. Вилы держались, как штык к бою. В чулане никого не было. Осторожно, уговаривая вора: «милый человек, выходи, не тронем», прошли в прихожую. Кот Плутик, услышав со своего ложа на печи великий шум, перепугался и, подняв трубой хвост, всеми четырьмя лапами плюхнулся на пол. Казаки рванулись к выходу, лампа выпала из рук, зазвенела осколками, но, к счастью, погасла. Кубарем свалились с рундука.

— Там в дальней комнате! Окружайте курень!

Окружили. Идти-ж в него никто не решался. Каждому вдруг дорога стала жизнь. Люди беззаветной храбрости, люди, создавшие героическую историю, люди, наводившие ужас на своих врагов, вдруг растерялись перед пустым домом, перед, самое многое, двумя ворами, кубарем катились с порожков рундука от кота Плутика. Видно, одно дело сражаться на войне, другое — быть дома. Обабились.

— Ой, спасайте, спасайте! — вопила гвардейша.

Появилась другая лампа, нашлись храбрецы. Крестясь, чуть не прощаясь с миром, взяв вилы к бою, тихо, по полшагу, вторично двинулись на штурм... Прошли чулан, прихожую... Гвардейша следовала за ними.

— Тут! Тут! — завопила гвардейша, увидев ею же незакрытое творило в погреб.

Она закричала так пронзительно, что от испуга лампа затряслась в руках у соседа и едва не скользнула на пол, как первая.

— Милай человек, вылазь! — умоляли казаки, впившись глазами в мрачную темь погреба. — Вылазь, видит Бог, не тронем. Вылазь! Не вылезешь, хуже будет. Ей-Богу, хуже будет!

Сын священника, здоровенный «семинар», вошел в чулан. В руке он держал браунинг.

— Дай-ка мне леворвер! Покажу туда — испужается!

Все повеселели, и даже один на две ступеньки спустился по крутой лестнице в погреб.

— Посвети!

Лампа наклонилась над погребом, все устремили туда взоры. Но не «семинар» — он жадно впился глазами в пышную грудь гвардейши...

— Ну, миленок, вылазь! Видишь это?

И казак судорожно сжал браунинг. Раздался выстрел, другой. Это было так неожиданно, что лампа полетела вниз, туда же полетел браунинг, а за ними и смельчак со второй ступеньки. Он ударился о пол погреба и скатился в картофельную яму. Задетая им кадушка с крынками молока, с лапшой плотно прикрыла его... Все выбежали из куреня, столпились на дворе. Только гвардейша тяжко дышала в чуланном углу в железных объятьях «семинара»...

— Спасите, душит! — замогильным голосом неслось из глубины погреба. — Ой, душит, душит!

Смельчака душила кадка, а гвардейшу «семинар». Она была не то в «óмороке», не то ей несвоевременно «под хвост попала вожжа»...

Затарахтели у двора возы, заскрипели ворота и во двор въехал сам гвардеец.

— Что за народ?

Рассказали, в чем дело. «Семинар» выпрыгнул, как недавно перед тем Климов. Гвардейша с воплем бросилась на шею мужа.

— Где лампа? — грубо спросил гвардеец, видя жену в таком наряде перед честным народом.

— В прихожей, Маркелыч, на грубке.

А из погреба совсем слабым голосом еле доносилось:

— ... задушил, задушил, окаянный... спасите!

Гвардеец с лампой спустился в погреб и с хохотом извлек из-под кадушки смельчака. Вся голова, все белье его были в молоке, а на ушах, в «молочных» волосах, в усах и бороде пучками висела лапша...

Улица, хохоча, расходилась. Климов давно уже спал. «Семинар» напевал под гитару «Гаснут дальни алпухары» и думал о том, как послезавтра, по отъезде гвардейца на поля, он пойдет к гвардейше искать в погребе револьвер... А Васочка знала теперь «секрет» матери и лежа в постели, чему-то улыбаясь, смотрела в окно изумрудными, совсем не злыми сейчас, глазами на ярко горевшие в небе звезды...

И. Ковалев

Тегеран.

«СОЮЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ» В БОЛГАРИИ В 1922-23 Г.Г. И БОРЬБА С НИМ.

(Продолжение).

Пока велись все эти переговоры, С. В. на Р. в Болгарии вел усиленную пропаганду за возвращение среди беженцев и создавал местные отделения Союза. Одним из главных таких отделений было в гор. Варне, откуда фактически шли все отправки и где была штаб-квартира одного из представителей д-ра Нансена — г-на Коллинса. В Варне отделение было создано уже 2-го мая 1922 г. при помощи офицера Добрармии Величковского, скоро уехавшего в Россию и там расстрелянного. Первая отправка репатриантов была совершена С. В. на Р. 17-го мая 1922 г. на болгарском пароходе «Ловча» в Керчь, в числе 183-х чел., из них 89 донцов. Об этой отправке немедленно было сообщено д-ру Нансену с указанием на то, что люди, чтобы выехать на родину, должны были «продать все и уехать почти голыми». Это было, конечно, неверно, так как пароход «Ловча» был зафрахтован болгарской компартией и предоставлен С. В. на Р., что выяснилось впоследствии. Но этим сообщением хотели воздействовать на д-ра Нансена, чтобы вынудить его оказать помощь. Ровно через месяц произошла вторая отправка на пароходах «Альдо» — 360 чел. и «Алла» — 282 чел., из общего числа — 430 донцов. Оба парохода, согласно инструкции из Москвы, переданной через спец. курьера, были отправлены в Новороссийск. Об этой отправке, как о том свидетельствовали документы, найденные в Варненском отд. С. В. на Р. при его ликвидации, тоже было сообщено д-ру Нансену и тоже указывалось на то, что для оплаты проезда люди продавали последние вещи. Сообщение заканчивалось просьбой о помощи. Этим поддерживалась позиция Литвинова в его переговорах с Нансеном. Начиная с мая 1922 г. о необходимости репатриации начинает бомбардировать д-ра Нансена, от имени своей организации, член Дон. В. Круга полк. Гнилорыбов, как и С.-хоз. каз. Союз, стоявшие в оппозиции Донскому Атаману и его правительству.

Об оппозиции Донскому Атаману и о различных попытках внести раздор и смуту среди казаком, сильно мешавших работе Атамана по устройству заграницей казачьей беженской массы, стоит сказать несколько слов. Немедленно по прибытии частей Дон. корпуса в Турцию, известными каз. кругами повелась среди казаков пропаганда о «необходимости» перевыборов Донского Атамана. Это будоражило казачьи умы настолько, что лойяльнейший к этим «кругам» н-к 2-й Дон. конной дивизии ген. Татаркин, бывший в это время н-ком лагеря в Санжак-Тепэ, для «успокоения умов», в дополнение к работе полит. части штаба 2-ой див., приказал н-кам дон. частей провести с казаками беседы на тему о неуместно-

сти и вредности перевыборов. С чинами команд штаба дивизии беседу вел адъютант по опер. части полк. М. А. Ковалев. В атаманство ген. Краснова Ковалев служил в штабе Дон. Армии. В беседе с казаками Ковалев прямо назвал имена тех, по чьей инициативе ведется пропаганда по перевыборам Атамана. Первыми из этих имен были названы имена ген. С. В. Денисова и И. А. Полякова, по его словам «в свое время занимавшихся не руководством Дон. Армией, а политиканством и интригами». Подчеркнул он также и то, что последствия «политиканства и интриг» их сказались не только в начале 1919 г., но и позднее — в Крыму... Через некоторое время лагеря Дон. К-са посетил Атаман Богаевский. Казаки встречали Атамана с большим энтузиазмом, а после его, как всегда, ласковой, отеческой беседы, совсем забыли о пропаганде «необходимости перевыборов». Таким образом, этот вопрос отпал сам собой... Председатель Дон. В. Круга — В. А. Харламов, после Крымской эвакуации, поселился в первое время, кажется, на острове Халки и чуть ли не в первые же дни заявил, что «все мы теперь бывшие люди» и что он не «председатель Круга», а «бывший председатель», что А. П. Богаевский «не Донской Атаман», а «бывший Атаман», и всем казакам, как беженцам, нужно устраиваться по своим возможностям и способностям. Все это он говорил и позднее, что не могло не смущать казаков не искушенных в политике. Одновременно с этим немало «бывших людей», прибегая к полицейской помощи наций, оккупировавших Константинополь, требуют от А. П. Богаевского, как от Донского Атамана, уплаты им долгов В. В. Донского. Другие «бывшие люди» из категории, так называемой «Войсковой старшины», тоже считая А. П. «бывшим Атаманом», требуют однако от него, как от Донского Атамана, материальной помощи, «достойной» их бывшего положения в Войске. Эта же «Войсковая старшина» позже на Русском «Зарубежном съезде», устами ген. П. Н. Краснова, заявила, что они, собравшиеся на съезде, ««Межаковы», а ген. Богаевский и признающие его Атаманом, отказавшиеся участвовать в съезде, — «Пугачевы и Стеньки Разины»...

При реорганизации Донского Корпуса в Турции и слияния 1-ой и 2-ой донских казачьих дивизий, начальником штаба новой дивизии был назначен ген. Кусонский, никакого отношения к казакам не имевший. По вступлении в должность он немедленно, видимо, не доверяя казакам, заменил н-ка полит. части, назначив на его место привезенного им с собой поручика. Как правило, чины полит. части назначались непосредственно Ставкой Главнокомандующего — ген. Архангельским. По распоряжению последнего, н-ком штаба Дон. корпуса ген. Говоровым в дивизии было послано приказание, по которому н-ком полит. части 1-ой див. назначался подъес. Падалкин, а 2-ой — чин. Бородин... Между прочим, в первое время пребывания Дон. корпуса в Турции среди его чинов, в целях его разложения, велась даже пропаганда за поступление в турецкую армию. Работа эта, чтобы не создавать дипломатических неприятностей с командованием оккупац. войсками союзников, велась осторожно и большого успеха не имела. Тем не менее, нашлось несколько «больных голов», поддавшихся пропаганде... Тогда упорно говорили, что французское ком. из боязни перехода казаков к Кемаль-паше, поспешило вывезти их из Турции на Лемнос. Пропаганда за поступление к Кемаль-паше велась в лагерях по инструкциям полк. Аралова — военного представителя сов. нар. комиссаров при армии Кемаль-паши. Полк. Аралов известен мне был, как н-к штаба Московского воен. округа при большевиках, во время моей командировки в Москву в мае 1918 года. С перевозкой нескольких частей Дон. корпуса на Лемнос, пропаганда эта прекратилась. Но началась новая — за возвращение на Родину... К этому времени появилось немалое число, так называемых, «сменовеховцев» (в Берлине даже издавалась газета «Сменовеховец»). Главные руководители этого движения свою позицию защищали тем, что «вооруженная борьба с большевиками проиграна. Теперь нужно вести борьбу идеологическую, но не заграницей, а там, на месте, в России». Эту мысль среди близких людей проводили и казаки-сменовеховцы, говоря, что нужно возвращаться на родину, чтобы там защищать «казачьи вольности». Об этом твердил Дудаков, об этом писал Гнилорыбов — быв. н-к боевой офиц. дружины в «Степном Походе». Разделял ее и А. Агеев, говоривший об этом перед смертью в Софийском госпитале своему другу — сотруднику журнала «Воля Росси», который подчеркивал потом на страницах журнала, что «полной исповеди Агеев дать не успел»(через некоторое время после приезда А. Агеева в Софию на него было совершено покушение, он был тяжело ранен и на 2-ой или 3-ий день скончался). Эту же мысль высказывал Н. Н. Кушнареву и Сиволобов, быв. член Дон. В. Круга Калединов-

ского и Назаровского периодов, 12-го февр. 1918 г. фактически приведший в Новочеркасск революционный каз. Голубовский отряд. Эту же мысль внушал автору настоящего очерка перед своим отъездом в Россию приват-доцент Козьмин, быв. при Атамане Краснове пом. редактора правительственной газеты «Донские Ведомости» (а я в это время был офицером для поручений полит. части штаба Дон. армии, отсюда у меня и было знакомство с Козьминым). В период существования в Болгарии сов. газеты «Новая Россия» Козьмин был заместителем проф. Гримма по редактированию этой газеты. По приезде в Новороссийск, Козьмин уже оттуда поместил в Московском журнале «Весь Мир» большую статью, в которой проводил мысль, что если бы не противодействие «зубров эмиграции», то вся она в 2-3 мес. вернулась бы в Россию. А через 2-3 мес. в том же журнале была помещена фотография членов миссии сов. Кр. Креста во Франции, на первом плане ее был и Козьмин. Это, пожалуй, был единственный случай, когда «возвращенец» получил официальную заграничную командировку. Козьмин не был казаком. Состоя членом делегации сов. Кр. Креста во Франции, он был одним из создателей франц. отделения С. В. на Р. Вопросом «сменовеховства» значительного числа дон. каз. «вождей» специально занимались П. А. Скачков, заведывавший Донским Архивом в Праге, и полк. ген. штаба Добрынин. Последним была подготовлена к печати небольшая книга, но за отсутствием средств не могла быть издана.

Пока шла организация Комиссариатом д-ра Нансена репатриации беженцев, согласно заключенного им договора с представителем сов. нар. комиссаров Литвиновым, «Союз Возвращения на Родину» продолжал отправлять беженцев «за свой страх и риск», а на самом деле, по показаниям арестованных в свое время вожаков Варненского отделения Союза, деньги на фрахтование пароходов получались от Советов через болгарскую компартию. При этом, официально, все репатриирующиеся ехали за свой счет и в редких случаях «за счет Союза». Таким путем, до октября 1922 г. Союзом было репатриировано: 18/7 на шхуне «Жана», в Новороссийск, 111 человек, из них 21 донец; 19/7 на пароходе «Варна» 670 чел., из них 385 донцов; 26/7 на «Паналатис» — 372 чел., из них 198 донцов; 1/8 — на пароходе «Коркисли» 172 чел., из них 68 донцов (все эти отправки были произведены в Новороссийск). 5/8 в Одессу, на пароходе «Анастасия», 98 чел., из них 10 донцов; 18/8, на пароходе «Мария», в Новороссийск уехало 318 чел., из них 180 донцов; 22/8, в Одессу, на шухне «Тритон», 72 чел., из них 20 донцов; 2/9 — в Новороссийск, на пароходе «Рахманов», 218 чел., из них 100 донцов; 10/9, на пароходе «Кеквеш» уехало 608 чел., из них 301 донец; в тот же день на пароходе «Евжимия» в Одессу, 132 чел., из них 14 донцов. Такие значительные отъезды донцов в Сов. Россию не могли не волновать Дон. Атамана А. П. Богаевского, Атаманов Кубанского, Терского и Астраханского, тем более, что им известна была судьба казаков, уехавших в Россию из Турции и с о. Лемноса, и они неоднократно обменивались письмами по этому вопросу, изыскивая средства помешать этим отъездам, т. е. удержать казаков от такого рискованного шага. В начале сентября 1922 г. Дон. Атаман вызвал в Софию автора настоящего очерка и сказал почти буквально следующее: «Большевики решили изъять казаков из эмиграции. Воспрепятствовать этому мы не можем. Но зная, что ожидает возвращающихся на родину, мы обязаны, чем можем, мешать большевикам творить их злое дело. Мы, Войсковые Атаманы, в этом вопросе единогласны. Нами через Лигу Наций сделано все, что было возможно — ничто не помогло. В нашем распоряжении осталась только пропаганда — устная и печатная. Мы, Атаманы, решили пользоваться, по казачьей линии, газ. «Казачьи Думы» и по обще-русской линии газетами, нам сочувствующими, а также беседами с казаками. Просим об этом же всех казаков, сочувствующих борьбе с Союзом Возвращения, помочь нам. Необходимо также вести хотя бы приблизительный учет казаков, отъезжающих в Россию. Лучшим местом для учета является гор. Варна, через которую идет репатриация из Болгарии. Мы, Атаманы, и решили командировать туда специально человека. Так как труд этого человека мы намерены оплачивать небольшой суммой ежемесячно — охотников поехать в Варну найдется много, но, зная вас хорошо, я решил просить именно вас взять на себя этот труд. Горячо рекомендовал вас мне и Н. В. Куницын. Если вы согласны, то пройдите к заведующему беженским отделом П. А. Скачкову и договоритесь с ним о подробностях». При этом Донской Атаман сообщил мне, что он, совместно с Атаманами Кубанского, Терского и Астраханского Войск, защиту казачьих интересов в Лиге Наций передал представителю общерусских гуманитарных организаций, также протестовавших против репатриации и настаи-

вавших на оказании русским беженцам правовой, трудовой и материальной помощи. Кроме того, защиту интересов специально донских казаков он поручил И. Н. Ефремову, донск. казаку, быв. послу Врем. Пр-ва в Швейцарии. К тому же, некоторую работу в пользу казаков ведут казаки, служащие в Лиге Наций. Предложение Атамана мною было принято, так как деятельность такого рода мне была хорошо знакома по продолжительной службе в особой части отдела пропаганды при дон. частях и, кроме того, мое отношение к вопросу возвращения в Россию, пока там существует сов. власть, было самое отрицательное... С П. А. Скачковым мы договорились быстро, потому что никаких специальных инструкций он дать не мог, он только указал на то, что на первых порах, при ориентировке в Варне, мне может помочь член Дон. В. Круга П. Д. Краюшкин, состоящий атаманом Варненской станицы. Мне было определено содержание в 2.000 лева в мес , которое уже с 1-го янв. 1923 г., в силу обеднения Донской казны, сократилось до 1.200 лева, а с января 1924 г., по тем же причинам, свелось к 800 лева до января 1925 г., когда должность эта совсем была упразднена в виду того, что С. В. на Р. уже не существовал в Болгарии и возвращение на родину само собою прекратилось. 28 сент. 1922 г. я приехал в Варну, как корреспондент газеты и журнала «Казачьи Думы». В Варне была значительная казачья колония. Донская станица получала от Дон. Пр-ва некоторые суммы на оплату атамана и писаря, а также на канцелярские и почтовые расходы. При станице существовали портняжные и сапожные курсы. Портняжному делу обучалось до 30 чел. Для обучения сапожному ремеслу инструктор был прислан из Софии. С ним же был прислан и сапожный инструмент на 20 учеников. На сапожных курсах обучалось тоже до 30 чел. Некоторые казаки уже окончили эти курсы и если еще не зарабатывали приобретенным ремеслом свой хлеб, то во всяком случае, сами себе починяли сапоги, беря инструмент на дом. К сожалению, многие из них возвращать инструмент не желали. Когда Краюшкин, атаман станицы, требовал возврата «Войскового имущества», взявший отвечал: «Войсковое имущество, говоришь? А я разве казак не войсковой?» А уезжающие на родину к этому добавляли: «Вы, остающиеся, можете купить тут новый. А мы, может, дома ничего не найдем, вот инструмент нам и пригодится». К моему приезду в Варну, по свидетельству Краюшкина, на курсах оставалось всего «пять станов инструментов». Инструктор курсов получал от Дон. Пр-ва на наем помещения и на оплату своего труда 1.500 лева ежемесячно. Была при станице и небольшая библиотека, приобретенная Дон. Пр-вом, которая была казаками растащена. А когда все тот же неугомонный Краюшкин требовал возвращения книг, то уезжающие в Россию обычно говорили: «Ты што-ж, атаман, рази не знаешь, што мы едим домой? А там, може, и цигарки не из чево будет скрутить, вот она Войсковая книга и пригодится»... Постепенно библиотека прекратила свое существование... Если казак, прибывавший из центра Болгарии в Варну, «пропивался до нитки» в ожидании отъезда на родину и, отказываясь от возвращения, хотел вернуться на прежнее место работы, то Варненская станица, при содействии Краюшкина, снабжала его проездным билетом, стоимость которого, по распоряжению Дон. Атамана А. П. Богаевского, возвращалась станице из Дон. казны заведующим беж. отд. П. А. Скачковым или предс. «Комитета Казачья помощь» — И. К. Зенковым. Комитет субсидии на свою деятельность также получал от Дон. казны. Краюшкин в общих чертах познакомил меня с деятельностью Варненского отд. С. В. на Р., дал краткую характеристику его руководителей и указал на те отэли, где казаки проживают в ожидании отправки. Сам Краюшкин занимался торговлей яйцами, скупая их в окрестных деревнях, где были на с.-хозяйств. работах казаки, и он после своего «обхода» этих деревень, сообщал мне об отношении казаков к вопросу о возвращении. Иногда, под видом сборщика яиц, в целях пропаганды против возвращения, я вместе с Краюшкиным посещал этих казаков, так как необходимо было отвоевывать у Союза Возвращения каждую казачью голову. В скорейшем установлении полезных связей с общерусской колонией в Варне, для знакомства с ее настроениями, большое содействие оказал мне Н. Н. Кушнарев, Варненский старожил, член Дон. В. Круга, в февр. 1918 г. возглавлявший делегацию Круга во время переговоров на Ростовском фронте с красным командующим Сиверсом. Моряки всего мира знают друг друга, а мне нужна была связь с командами пароходов, возивших репатриантов в Россию. Связь эта была нужна для получения информации о приеме казаков на родине. В установлении этой связи мне оказал содействие мой станичник — капитан дальнего плавания А. Зацепин, перезнакомив

меня почти со всеми командами. Он же установил мою связь с конторой Зоолоса, от которой я тоже иногда получал сведения о приеме репатриантов по докладам капитанов пароходов, возивших этих репатриантов. По их сведениям, как только пароходы покидали Варненский порт, сейчас же по требованию представителей Союза, сопровождавших репатриантов, создавались «революционные комитеты», в обязанность которых входило следить за настроением репатриатов и брать «на заметку» тех, кто «не полностью раскаялся». В 1923 г. представителем Ц.О.К.-а в Варне был М. П. Шаповаленко. Сохранив с ним добрые отношения с о. Лемноса, где я был одно время н-ком информации Дон. лагеря, по приезде в Варну я посетил Шаповаленко и от него узнал, что ЦОК, «не будучи уверенным в исполнении сов. властью ее обещаний по отношению репатриантов, не принимает никакого участия в деле возвращения, однако решил не возражать и не противиться возвращению всех тех, кто добровольно изъявляет желание вернуться домой». Такую постановку вопроса М. П. Шаповаленко строго осуждал, но изменить ее не мог. Об этой беседе с Шаповаленко я сообщил зав. беж. отд. Дон. Пр-ва — П. А. Скачкову, в подчинении которому находился. П. А. Скачков мне ответил, что ЦОК, действительно, стал на эту точку зрения и что Войсковые Атаманы в деле борьбы с возвращением сотрудничают с Русским Нац. Комитетом, который в конце сентября высказался против всяких действий д-ра Нансена в деле репатриации и что Нац. Комитет считает, что Нансен был призван заботиться о судьбе беженцев, а не принимать участия в репатриации и оказывать помощь тем, кто решил вернуться в Россию, т. е. это дело уже сов. власти, что всякие действия Нансена в этой области и его выступления в Лиге Наций только вводят в обман серую массу, что в начале октября Нац. Комитет представил в Лигу Наций постановление 70-ти с лишним русских организаций, из которых около половины были казачьи, высказавшихся против деятельности д-ра Нансена в области репатриации... В Варне от Краюшкина узнал, что на 2-ое окт. назначена отправка репатриантов. Отправка была небольшая, всего 30 чел., но помпа была большая: от Союза до парохода отъезжающих сопровождал оркестр в 10-12 музыкантов местных коммунистов; напутственные речи и море красных флагов, самый большой из них с надписью: «Союз Возвращения на Родину» и с изображением громадных серпа и молота, нес, к моему удивлению, мой станичник, крупный коммерсант — владалец мануфактурного и бакалейного магазинов на главной «Доломановской» улице в Аксайской станинице — И. Ф. Стариков — сын патриархальной старообрядческой семьи, человек с высшим образованием, и сильнее других надрывался-пел: «Вы жертвою пали...». На пристани я выразил свое удивление по случаю его отъезда и заметил, что он еще «жертвою не пал», но едет приносить себя в жертву.. Он возмущенно возразил: «народная власть не кровопийцы, она простила нас и зовет честно работать с нею»... «Советская власть вас простила — хотя это, как говорится, на воде еще вилами писано, но допустим... А вот простят ли вас те казаки-бедняки и вдовы-казачки, у которых вы, до народной власти, за гроши скупали за год-два вперед их паи для перепродажи их тавричанам или Чалтырским армянам в 2-3 раза дороже?»...

С этого началась моя работа против С. В. на Р. Регулярно, каждую неделю, мною посылалась сводка П. А. Скачкову о положении в Варне, а также аккуратно отправлялся агит. материал в редакцию «Казачьих Дум», за который мне стали платить построчную плату только после сокращения мне содержания. Последнее было немного больше заработка рабочего, но и расходов у меня было больше, чем у рабочего, ибо часто, чтобы получить ту или иную информацию нужно было кого-то угощать в «духане». Сначала мои статьи помещались как корреспонденции из Варны, потом как очерки, под разными инициалами, но чаще всего: «А. П.», «Я. А. П.» или за подписью: «Я. Алпатов». Все эти корреспонденции и очерки вызывали раздражение деятелей Союза и особенно Варненского. Полк. М..., н-к информации Дон. корпуса, как-то прислал мне копию донесения из Казанлыка, в которой говорилось, что «Старозагорский окр. уполномоченный Шутченко особую заботливость стал проявлять в Казанлыке (где был расположен штаб 1-ой дон. бригады ген. Татаркина, офицерская дон. сотня и разные к-ды штаба бригады — А. П.), появляется здесь каждую неделю, отсюда ездит на Шипку (на Шипке находился дон. госпиталь и дом для престарелых — А. П.). Все время подбадривает местный Союз к активности, рекомендует членам Союза завести оружие. Он говорил, что в Варненском отд. совнарода установлено наблюдение за Падалкиным, который умудряется проникать в союзные дела,

дает сведения в «белую» прессу и что следить за Падалкиным назначен Леонтьев. Шутченко, провожая очередную партию возвращенцев в Варну, приказал ликвидировать Падалкина»... Леонтьев одно время возглавлял Варненский отдел, потом был отозван в Софию и в «Новой России» был объявлен изгнанным из Союза. Это в Союзе иногда практиковалось с той целью чтобы «изгнанного» поставить на секретную работу. Так было и с Леонтьевым, о чем при ликвидации Союза показывал его секретарь Захаров. В Союзе говорили, что Леонтьев бывший н-к контр-разведки штаба ген. Слащева. Многие ответственные деятели Союза носили не подлинные свои фамилии, а скрывались под псевдонимами. Время от времени и почти всегда на основании специальных инструкций, в мест. отделениях происходили чистки (особенно после гос. переворота в Болгарии — А. П.). Инструкций этих мне не приходилось видеть, но в одной из препроводительных бумаг к инструкции писалось: «указанную в инструкции чистку произвести вам лично»..., «в группах, где состав правлений мало способен и ненадежен, отобрать членские карты, чистые бланки и лишить их права приема в Союз вновь вступающих без вашего ведения и согласия»... В одном из секретных циркуляров Союза, за подписью Озоля, когда предст-во сов. Кр. Креста возглавлял Корецкий, подчеркивалось, что интерес к казакам у Советов не пропал. Там писалось: «Предлагается при вербовке членов С. В. на Р. особое внимание обращать на казаков, вербуя их усиленно. Нас интересует не их казачество, как будущих граждан, а число людей. Необходимо казаков из эмиграции извлечь, максимум если не всех»... Документ этот определенно подтверждал, что казаки в эмиграции были для большевиков врагами № 1. Однако, несмотря на то, что вся репатриационная акция С. В. на Р. строилась на казаках или, как говорилось в договоре Нансена-Литвинова, «на уроженцах Дона, Кубани и Терека», казаки никакого участия в организации Союза не принимали и только заняли в нем мелкие посты на местах уже после того, как Союз разросся. Но Сел.-Хоз. каз. Союз всецело помогал С. В. на Р. в вербовке возвращенцев, привлекая не только рядовых казаков, но и офицеров, среди которых были генералы, занимавшие высокие посты в дни гражд. войны. Главные руководители Сел.-хоз. Союза — Дудаков и Булацель, а под их руководством и другие ответ. руководители Союза, разъезжают по местам скопления казаков, где устраивают митинги и собрания. В первое время они получали материальные средства от болгарской земледельческой партии, помогавшей им также в издании «Земледельческого вестника». С июля же 1922 г. все средства стали получать от большевиков через центральное бюро С. В. на Р. и со второй половины сентября того же года, пользуясь деньгами из того же источника, стали издавать газету «На Родину». Помимо газет они распространяли значительное количество агитационных листовок и брошюр... В начале сентября 1922 г., по рекомендации руководителей центр. бюро С. В. на Р., Сел.-хоз. Союз сделал представителю Нансена в Софии — г-ну Чайльдсу предложение послать в Россию, за счет учреждений Нансена, 50 чел. специальных ходоков... «Ходоки» эти должны были, по мысли возглавителей Сел.-хоз. Союза, отправиться в Россию для того, чтобы на месте ознакомиться там с условиями жизни, разузнать о судьбе вернувшихся и, вернувшись на Балканы, сделать подробное сообщение о своей поездке. Предложение это г-н Чайльдс переслал д-ру Нансену. Нансен предложение принял и, договорившись с Литвиновым, поручил Сел.-хоз. Союзу назначить ходоков, но в меньшем числе. Во второй половине ноября, на съезде членов Сел.-хоз. Союза, были избраны 32 чел., которые, во главе с Дудаковым, и отбыли в Россию. Об отъезде их и результатах поездки будет сказано ниже.

Париж. **А. Падалкин**

(Продолжение следует).

КАЗАЧЬИ ДЕЛА.

(Глава 74-ая из Записи о Былом «Казаки Ермаковы»).

Пока был жив, «всенародною душой», как поется в Донском гимне, избранный на Дону давно отбывший срок Атаманства, но ставшийся на своем посту Африкан Петрович Богаевский, среди казаков чувствовалась сплоченность вокруг его руководящего начала.

После его кончины, зарубежные выборы нового Атамана и провозглашение Граббе на торжественной церемонии в залах отеля «Лютеция» имели отзвук во французской печати. Одна парижская газета выпустила о казачьем событии статью, озаглавленную: «Peuple mort élit son chef».

Ставший Донским Атаманом ген. Граббе был многим казакам очень неугоден. Группа сторонников героя Степного Похода Петра Харитоновича Попова негодовала, шумела, волновалась, бушевала и на следующих очередных выборах провозгласила его Атаманом. «Граббовцы» не сдались и со своей стороны объявили законно переизбранным на новый срок того-же Граббе. Создалось тягчайшее положение, так называемое «двуатаманство». Меж казаками стихийно свирепствовал раскол, сугубо обострившийся после смерти Граббе; особенно-же, когда на сцену вылез генерал Иван Алексеевич Поляков в качестве «исполняющего должность Донского Атамана»... по завещанию. Парадоксальный казус, глубоко всколыхнувший Донцов, как совершенно небывалый и противоречащий законным уложениям и истории Дона. После подошедших на очередь новых выборов, Поляков сделался уже не «исполняющим должность«, а «единственным законным» (от своей группы) Донским Атаманом. Сдновременно таковым-же на новый срок был переизбран своими сторонниками и генерал Попов. Продолжавшаяся годы распря между «поповцами» и «поляковцами» имела место много позже, — в конце и после Второй Мировой войны. Один казак из молодых по поводу жестокой «борьбы за генералов» высказался так: — «Пока генералитет не вымрет, никакого сговора в казаках ожидать невозможно».

На все эти выборы «самостийники» смотрели под своим углом зрения; ведя собственную линию, имели своего Атамана, не признавая иных; а потом, расколовшись в свою очередь, создали еще двух, причем с новоизобретенным, никогда не существовавшим, званием «верховных».

Казачество распинало себя в этих неурядицах. Иным казакам было столь тяжело, что они отходили, не участвовали в неразберихе политических страстей. Мрак, наговоры, злая ирония, неприязнь, оскорбительное отношение к инакомыслящим затоптали между станичниками братское чувство друг к другу; забылось исконное «казак казаку друг на вечные времена».

От беспросветной разбитости у некоторых была оскомина, другие считали, что раздор «сеется темными силами», задавшимися целью «развалить, угробить казачество»; тем более, что каждый раз при очередных выборах многие Донцы уже даже не принимали никакого участия в голосовании ни за Полякова, ни за чрезвычайно ветхого, больше чем девяностолетнего, потом умершего, Попова.

Откликавшаяся на казачьи события печать каждой группы трактовала их со своей групповой точки зрения, попрежнему хлестая противников. Поляков выпускал «указы», «самостийники» критиковали «монархистов» и «федералистов», называя их «русскими казаками», считая лишь себя настоящими правоверными. Некоторые находили вообще ненужным выбирать на чужбине нового Атамана, — теоретически-идеологическую эмблему правителя без территории, без средств, без власти.

Издававшийся в Соединенных Штатах «Общеказачий Журнал», казавшийся для правых социалистическим, давно закрылся со смертью Елатонцева. Появившийся потом в Париже «Родимый Край» старался держаться нейтральным, давая на своих страницах место сотрудникам разных толков и направлений. Через это многие читатели находили его как бы безликим.

Что-то с Дона вывезшая, к тому времени истощившаяся, казачья Казна была предметом толкований и, для освещения истины, Мельников, не раз повторяя, публиковал отчет о «Донском Войсковом Имуществе».

Родившееся за-границей поколение часто не знало хорошо языка родителей, отбывало воинскую повинность в войсках Франции, Соед. Штатов и т. д., превратилось, казалось, в иностранцев и молодежь почти не показывалась на казачьих собраниях, не интересуясь, а может быть даже избегая дрязг и спо-

ров на заключавшиеся часто в грызне темы, какими занимались отцы.

Все-же нужно отметить, что среди молодых было много таких, в ком горело священное пламя национального чувства, как светоч, путеводная звезда. Они учились, совершенствовались, иные писали книги, печатались в своих и иностранных газетах и журналах, были на высоте, выдвинувшись в качестве способных специалистов, ученых, докторов, инженеров, даже изобретателей, по заслугам оцененные иностранцами. Многие казаки занимали профессорские кафедры в известнейших университетах; уже отпраздновали много юбилеев хоры Жарова и Кострюкова. Их певцы и танцоры старели, умирали, но кадры пополнялись новыми свежими силами и хоры продолжали всюду иметь свой постоянный успех.

Наряду с удручающей атмосферой идеологического разнобоя, в станичниках все-же чувствовалось биение жизни, несокрушимая вера в казачье будущее. Пусть каждый представлял его в спектре своих убеждений, но даже и те, которые ни во что не вмешивались, как-бы отошли, удалились от майдана, во всех них в глубине продолжало жить, теплиться, может быть и невыражаемое наружно, но в любой ниспосланный роком судьбоносный момент готовое вспыхнуть ярким заревом священное пламя, веками выкованная, с седой старины вложенная идея казачьего бытия.

При внешне безразличном отношении к тому, чем билось сердце старшего поколения, жившая юными заботами и развлечениями молодежь все-же думала, может быть и неприходившуюся по вкусу отцам, свою собственную молодую думу. Выросшие за рубежом станичники читали казачьи издания, знали и помнили, что они казаки, готовились к ожидавшемуся будущему, отдавая себе отчет, что не старики, а они строители, директора, министры, атаманы, руководители, созидатели завтрашнего дня, судьбу которого они устроят по-своему, умудренные опытом пережитого и приобретенного в нынешних, тоже поддающихся эволюции, странах казачьего рассеяния.

Старики видели воочию, что грядущее поколение, их смена, выковывает свой собственный путь, базируясь на основе прошлого и, держа в руках казачье будущее, безусловно модернизирует его согласно требованиям времени и своему свежему мышлению; внуки не будут копией дедов и прадедов, как и нынешние казаки совсем не те, что в эпоху Ермака или Платова, Бакланова или Японской и даже Первой Мировой войны. Всемогущее время делает свое дело. Жизни не остановить. Все в мире идет своей тропою не только у казаков, но и во всей Вселенной и в течение веков, как все живущее, неизбежно эволюционирует. Для осуществления эволюции необходимо прежде всего сохранить, не угробить своими руками чрезвычайно в переходную эпоху острый, трагический вопрос о дальнейшем существовании на белом свете доблестного казачества. Возможно, по этой причине молодые, выковывая будущее, избегали бесплодных споров отцов, раздорами рывших могилу страждущему казачеству.

Аргентина.

П. А. Соколова

В КАЗАЧЬЕМ СОЮЗЕ ВО ФРАНЦИИ.

26-го июня состоялось под председательством полк. Н. И. Зайцева общее собрание Каз. Союза, на котором были заслушаны отчетные доклады за истекший год, с июня 1962 г. по июнь 1963 г., председателя Союза Б. А. Богаевского, председательницы Дамского Комитета Каз. Союза Н. И. Богаевской, казначея Союза М. И. Кошеля и был оглашен акт ревизионной комиссии.

В сжатой форме Б. А. Богаевский коснулся всех вопросов, относящихся к деятельности правления, имевшей тот же характер, что и в предыдущие годы. Но этот год был для нас тяжелый. Многие из деятельных членов Союза отошли в лучший мир: еще в конце прошлого года от удара скончался Ф. С. Евсеев, Дон. Войск. Объединения, уже в этом году умер секретарь Союза и активный член Куб. Объединения А. М. Огиенко, недавно умерла после тяжкой болезни Г. М.

Мордвинцева, а вчера скончалась К. М. Бондырева. Но этим наша убыль не ограничилась: тяжело заболел долголетний председатель Д.В.О. В. Н. Романов и председатель Содружества Лиенца полк. Г. В. Иноземцев.

Благотворительная работа (пособия, ссуды, прод. и вещев. посылки и т. д.), как и в предыдущие годы, была распределена между правлением Союза и его Дамским Комитетом по уже установившемуся шаблону.

Правление Союза не прекращало хлопот по устройству Каз. Дома для престарелых, но, увы, они не увенчались успехом и по следующей причине: для получения ассигнований на его устройство требовалось представить списки желающих, которые должны были заполнить соответствующие анкеты. Было разослано более 200 анкет лицам, выразившим желание быть пансионерами Каз. Дома, получено же обратно только около 50-ти, да и из них половина была признана нашим адвокатом недействительными, так как лица, заполнившие их, не имели права на поступление в дом (не достигшие возраста, уже находящиеся в домах и т. д.). Мы сделали все, что смогли, и не наша вина, что из этого ничего не вышло. Особенную энергию в этом деле проявил полк. П. И. Джалюк, которому были поручены хлопоты по этому делу и от имени Союза прошу его принять нашу большую благодарность.

Бал, устроенный в феврале этого года, прошел материально с меньшим успехом, чем в предыдущие годы. Главной причиной было то, что все мы постарели, сил стало меньше, да и здоровье у многих стало сдавать и посещаемость была ниже, чем обычно, несмотря на блестящую организацию бала казачками Дам. Комитета, которым мы приносим нашу искреннюю благодарность, так же как и председателю отдела Партизан-Чернецовцев М. И. Кацману, которому были поручены все административные хлопоты, и ес. Н. П. Чижову за блестящую организацию лотереи, давшей бо́льший доход, чем на предыдущих балах.

Культурно - просветительная работа попрежнему выражается в издании Дон. Войск. Объединением журнала «Родимый Край». За истекший год мы помогли нашему каз. поэту Н. Н. Евсееву издать книгу его стихов «Дикое Поле» и издали отдельной брошюрой «Как извращается история», рецензию Н. М. Мельникова на книгу, автор которой из-за каких-то соображений очернил и оклеветал память Атамана Каледина, Митрофана Богаевского, Атамана А. П. Богаевского и всех тех, кто ему пришлись не по вкусу. Очернил, облил грязью и отошел от общественной деятельности... Почему, зачем? На это ответа пока еще нет. Редакция «Род. Края» избегает помещать материал, могущий дать повод к полемике, но есть вещи, которые мы без ответа оставить не можем.

Сейчас ведутся переговоры об издании «Похода в неизвестность» полк. Медынского о казачьем движении во время последней войны.

Правление Союза попрежнему поддерживает связь и ведет большую переписку с казаками во всех странах свободного мира, но нужно отметить, что главным, как бы связывающим, звеном является журнал «Род. Край», проникающий буквально во все страны. Достаточно посмотреть на подписи и на указания местонахождения авторов очерков, помещаемых в журнале. Уже одно это обстоятельство оправдывает издание журнала, но его существование имеет и другое значение: оно позволяет публиковать описание событий нашей истории, нашего быта такими, какими они были на самом деле, а не такими, как их описывают в Сов. Союзе в угоду партийной программе. Напомню, что «Род. Край» издается Дон. Войск. Объединением и в финансовом отношении не зависит от Союза. Издание его основано исключительно на самоокупаемости, т. е. он издается на деньги, выручаемые от его продажи, и на пожертвования отдельн. лиц в Фонд его издательства при полной безвозмездной работе всех его сотрудников, не получающих даже и авторских экземпляров.

Заканчивая свой доклад, Б. А. Богаевский указал: «все мы стареем, сил у нас становится меньше, поэтому работоспособность наша уменьшается. Многие из нас отошли в лучший мир, нас становится все меньше и меньше. Те, что еще остались, перегружены работой, ибо на них перекладывается работа ушедших, и часто человек уже просто не может с ней справиться. Правление Союза неоднократно указывало, что двери Союза открыты для казаков всех Каз. Войск, всех каз. организаций, кроме прокоммунистических, при условии не заниматься партийной политикой в сфере Союза. Личные политические воззрения отдельных лиц для Союза не имеют значения, лишь бы они не навязывали их Союзу, ни другим его членам. Ведь, чем нас будет больше, чем больше у нас будет единения, тем продуктивнее будет наша работа, тем больше мы можем сде-

лать, тем меньше будет ошибок и упущений. К сожалению, наши призывы не встречают такого отклика, на который можно было бы расчитывать. Я не буду сейчас анализировать причин этого явления, они разобраны в № 46 «Род. Края», но обращусь еще раз к казакам всех Каз. Войск, всем каз. организациям, ко всем, кто считает себя казаками, а не лицами казачьего происхождения, — оставить в стороне вопросы партийной политики, самолюбия и все, что мешает единению, и всем объединиться для совместной работы».

Отчет председательницы Дамского Комитета Союза Н. И. Богаевской был очень краток — работа Комитета имела тот же характер, что и в предыдущие годы. По предложению предс. Отдела Партизан М. И. Кацмана, Дамскому Комитету выражена благодарность и среди присутствующих было собрано для оказания помощи нуждающимся и переданы Дам. Комитету 85 фр.

Казначей Союза М. И. Кошель доложил о результатах бала, о состоянии кассы Союза, а Н. П. Казинцев огласил акт ревизионной комиссии. который гласил. что отчеты ведутся правильно.

После решения ряда текущих дел обсуждался вопрос о перевыборах председателя и секретаря Союза. После смерти А. М. Огиенко пост секретаря остался незанятым, перегруженность же работой Б. А. Богаевского, являющегося одновременно и председателем Союза и редактором «Родимого Края», на котором лежит также и вся издательская работа, его дефицитное здоровье и переутомление были причинами того, что Б. А. просил о его замене на посту председателя. Собрание решило перенести решение этих вопросов на сентябрь, поручив организацию перевыборов Н. И. Зайцеву, А. С. Кулягину и Н. А. Ломакину.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

Некоторым казакам пришла в голову мысль: в зарубежьи казаки должны позаботиться об издании казачьего энциклопедического словаря.

Вряд ли можно сомневаться в том, что эта идея была подсказана патриотическим чувством из опасения бесследного исчезновения со страниц жизни казачьего имени и казачьих дел.

Казаками, проживающими в столице Северной Америки, обсуждался этот вопрос и было выражено пожелание через «Родимый Край» довести до всеобщего сведения следующие соображения:

1) Издание словаря, охватывающего период казачьей жизни и истории до 1914 г.. желательно.

2) Для событий, наставших после этого времени, энциклопедический словарь преждевременен: многие свидетели и участники событий еще живы. Одни из них находятся в странах, подлежащих неограниченному контролю коммунистических властей, другие, хотя и обретаются вне досягаемости красного контроля, но родные и близкие многих из них проживают в землях коммунистического террора; там зорко следят за казаками, чтобы ими пополнить лагеря советской каторги, смрадные подвалы и камеры многочисленных тюрем большевистского «рая». Замышляемый словарь неизбежно станет путеводителем большевистского сыска и причиной бедствий для многих казаков, как то избежавших гибели в красном омуте. Составители словаря против своей воли сделаются доносчиками на своих же братьев-казаков и казачек, которым не удалось уйти из-под опеки чудовищной власти красного террора. Доброе намерение обратится в страшное зло, за которое будут проклинать нас пострадавшие. Вправе будет и история строго осудить неблагоразумное начинание дела, по времени еще не созревшее и опасное для уцелевших казаков и казачек.

Скажут: — Преувеличенное опасение!...

На это мы ответим словами одного станичника: — Если из-за нашего словаря пострадает только один казак, то и в таком случае следует воздержаться от напечатания такого словаря. А одна казачка мысль казака предварила брошенным замечанием: — Хотят на самих себя доносить...

Просьба здешних казаков ко всем станичникам и станичницам — воздержаться от

осуществления поданной мысли. Основанием нашей просьбы являются выше приведенные соображения, с которыми и инициаторы словаря должны согласиться. Да и не словарь нам теперь нужен! В первую очередь следует позаботиться о том, чтобы у нас всегда был под рукой хороший СПРАВОЧНИК по казачьей истории и географии казачьих земель. СПРАВОЧНИК должен быть составлен в простом общедоступном изложении без внесения в него политических страстей и страстишек. Справочник должен быть составлен в духе научной предметности и спокойного независимого исторического анализа. Мы убеждены, что издание такого справочника порадует казаков и казачек, не переставших думать о судьбах родной земли.

Нельзя не приветствовать появление художественной литературы, освещающей казачий облик и ту духовную сторону Казачества, что ярко выявилась в непримиримости Казачества с абсолютным злом, выступившим в наше время на арену жизни в маске большевизма и коммунизма. Ведь казачья непримиримость — не немое пассивное явление. Это прежде всего — горение казачьего духа и действие казачьего сердца, нетерпящего произвола и насилия. Издание книг, посвященных делам и подвигам казачьим, которыми по праву могут гордиться будущие поколения, мы должны приветствовать и обязаны всячески поддержать: казачье дело никто за нас, казаков, делать не будет; его должны делать сами казаки.

Надеемся, что наши мысли и пожелания будут «Родимым Краем» доведены до всеобщего сведения казаков.

Старший Группы: **Ал. Гр. Павлов**
Представители: В. Н. Дронов, Ф. Ф. Захаров, П. Т. Лютов.
Вашингтон, Д. С.

***

Стан. Г. К. Рудаков из Бельгии пишет:

«Не откажите поместить в «Род. Крае» мою заметку с благодарностью ст-ку Головко за его статью в № 45 под заглавием «Казачье Братство». Статья с точки зрения политической безукоризненно превосходна... Однако, в ней есть упущение, а именно: откуда, почему и когда зародилось «Каз. Братство» именно на Дону... Есть историческое подтверждение (следует обратиться в архив Св. Пис. Византии). Еще в половине 10-го века нашей эры, т. е. раньше крещения Киевской Руси, христианские миссионеры Кирилл и Мефодий проходили по землям, прилегающим к Днепру и Дону, и нашли в тех местах много людей, говорящих на славянском языке. Тогда они решили вернуться в Болгарию и перевести Св. Писание — Библию в целом с греческого на славянский. Тогда же они подтвердили, что встречали племена, которые уже принимали к исповеданию христианское учение, послужившее им главной базой заложения общинной жизни по принципу «Казачьего братства».

Вот и теперь живые казачьи души стремятся к объединению, для достижения которого могло бы безусловно послужить вышеуказанное мною упущение в статье ст. Головко.

Не мешало бы нашим грамотным и образованным казакам подзаняться в этом направлении, т. е. напомнить о том, что пора стать на истинный Божий путь, дабы нам уцелеть и спастись от приближающейся мировой катастрофы. Это волевое желание помогло бы казакам в объединении и в выборах настоящего казачьего Атамана в душе и сердце, а не по погонам лишь армейского сословия».

***

Н. М. Мельников пишет: «В № 46 «Род. Края» г. Ковалев, выступая в защиту г. Беляевского, в отзыве на книгу которого я указал на извращение исторических фактов, и выражая сомнение в правильности моих утверждений, с полемическим задором поставил мне вопрос: «Так ли это»? — Так. Вообще, поставив себе на последнем этапе жизненного пути целью посильно бороться с искажениями — большей частью пристрастными — нашей казачьей истории или гражданской войны на казачьей территории, будь-то со стороны «Байкаловых», «Поляковых», Беляевского. ген. Врангеля и других, я, невзирая на лица, чины и звания, не заразившись «культом личности», процветавшим не только в Сталинском СССР, но и в зарубежьи, в своих утверждениях опираюсь лишь на факты, документы и достоверные свидетельства незаинтересованных, заслуживающих доверия, лиц.

Несмотря на то, что мой оппонент сам тут же приводит примеры неточностей «историка» Беляевского, г. Ковалев считает его однако непогрешимым в том, что я опровергаю. В частности, мне ставится в упрек, что в то время, как Беляевский писал, что Ростовское совещание обсуждало вопрос лишь об «устранении» Главнокомандующего, я — будто бы неправильно — говорю о «свержении», а между тем г. Ковалев сам же пишет,

что ген. Врангель «возражал против насильственного удаления Главнокомандующего»... Не значит ли это, что раз Врангель возражал против «НАСИЛЬСТВЕННОГО УДАЛЕНИЯ», то на совещании говорили именно об этом, о свержении? По утверждению г. Беляевского и самого г. Ковалева, ссылающегося и на «Записки» ген. Врангеля, за насильственное удаление ген. Деникина стояли Кельчевский и Сидорин, причем в отношении ген. Сидорина, как доказательство, приводится лишь то, что он, «очевидно», разделял «недовольство» своего начальника штаба, «поскольку» последний «позволил себе» так высказываться «в присутствии» своего Командующего армией... Эти «очевидно» и «поскольку» замечательны, как доказательство... И почему Нач. Штаба Дон. армии, сам бывший Командующий 9-ой армией на фронте Мировой войны, профессор Никол. Академии Генерального Штаба, не мог бы «позволить себе «высказать свое собств. мнение» в присутствии Команд. Дон. армии, если бы оно и расходилось со взглядами Сидорина? Ставлю знак вопроса потому, что, будучи по военной части лишь в чине старшего урядника, я не могу считать себя компетентным в вопросе об отношениях между старшими офицерами Ген. Штаба.

Но дело не в этом, главная суть в другом: позиции, занятые в этом вопросе Врангелем, Сидориным и Кельчевским, представлены Беляевским в «Кривом зеркале». В действительности они были диаметрально противоположными. Попытка ген. Врангеля склонить на свою сторону ген. Сидорина при встрече генералов 11 декабря на ст. Ясиноватой не удалась и он решил повторить ее, расчитывая на содействие ген. Покровского, который и был им приглашен, как и ген. Сидорин, на совещание командующих армиями: Добровольческой, Донской и Кавказской. Ростовское совещание не состоялось: Главнокомандующий запретил генералам покидать без его разрешения в тот трудный момент район расположения их армий и «освободил» ген. Врангеля от командования Добровольцами. 20-го декабря — в день, в который якобы происходили прения, описываемые Беляевским, между Командующими Донской и Добровольческой армиями, и самой Добровольческой армии уже не существовало: это был уже Добровольческий корпус, подчиненный в оперативном отношении командующему Донской армией Сидорину, ген. же Врангель продолжал свою агитацию против Главнокомандующего на Кавказе.

Подробно об этом мною рассказано, — на основании подлинных свидетельств, хранящихся в Американском архиве, Терского В. Атамана ген. Г. А. Вдовенко и А. Г. Шкуро, а также показаний Замест. Кубанского Атамана Ф. С. Сушкова, Председ. Кубан. пр-ва Д. Е. Скобцова и др., — в моей статье «Новороссийская катастрофа», напечатанной в № 35 «Родим. Края».

Пытаясь ввести в заблуждение Г. А. Вдовенко и А. Г. Шкуро утверждениями, что он, ген. Врангель, уже переговорил лично с Донским и Кубанским В. Атаманами и Председателями их правительств — следовательно, и со мной — а также и с генералами Сидориным, Кельчевским, Покровским, Улагаем и Наумѣнко и от всех получил их согласие на свержение Главнокомандующего, в «случае нужды НЕ ОСТАНАВЛИВАЯСЬ НИ ПЕРЕД ЧЕМ». ген. Врангель предлагал свою собственную кандидатуру на пост Главкома. Цель была ясная: добившись обманным путем согласия «Младшего брата» — Терека последовать примеру «старших братьев», потом, оперируя уже полученным согласием Терека, убедить Дон и Кубань. В то же время быв. помощник Врангеля по должности Главноначальствующего Харьковской областью Тверской тщетно добивался в Кисловодске, на случай переворота, поддержки финансовых и общественных кругов. В том же направлении работали крайне-правые кружки ген. Лукомского и А. В. Кривошеина, а также в Крыму Слащев и епископ Вениамин, кощунственно освящавший меч, приготовленный для убийства Деникина.

Излагая свой план Терскому Атаману, ген. Врангель очень волновался. Не поверив, чтобы Донцы и Кубанцы согласились на смену вождя революционным путем и в самый тяжкий для армии момент, что могло помочь лишь большевикам и погубить всех, Г. А. Вдовенко, по словам присутствовавшего при этой сцене Председателя Терского В. Круга П. Д. Губарева, ударил по столу кулаком и сказал: «Ну, этому не бывать!» П. Д. Губарев немедленно был послан к Донскому и Кубанскому Атаманам, и вся интрига раскрылась. Ген. Врангель немедленно выехал в Новороссийск, а оттуда в Крым, где началась агитация за разрыв с казачеством и за возглавление армии и власти в Новороссии ген. Врангелем. Генерал Врангель был ген. Деникиным выслан в Турцию.

Когда после сложения ген. Деникиным полномочий Главнокомандующего, главным образом в связи с разочарованием в Добро-

вольцах после получения им ультимативной телеграммы, от имени Добровольцев, командира корпуса ген. Кутепова — подробности об этом имеются в ст. «Новороссийская катастрофа» — ген. Врангель достиг намеченной цели, все его сотрудники в этом, печальном для Белого движения, деле борьбы за власть получили удовлетворение: Кривошеин стал председателем правительства, Тверской — министром внут. дел, Лукомский — военным агентом в Константинополе, епископ Вениамин — протопресвитером воен. и морск. духовенства, Слащев, перешедший потом к большевикам, стал Слащевым-«Крымским», как когда-то Потемкин «Таврический» и Суворов кн. «Италийский»... Не повезло только Сидорину и Кельчевскому: вопреки писаниям некоторых «историков», они были плохими противниками ген. Деникина — который предложил Кельчевскому даже пост военного министра в возглавлявшемся мною Правительстве Юга России и охотно пошел на сотрудничество — и Сидорин и Кельчевский были приговорены в Крыму к каторжным работам и только благодаря энергичному вмешательству Дон. Атамана А. П. Богаевского это наказание было заменено высылкой заграницу.

Ссылка г. Ковалева на «Записки» ген. Врангеля для меня неубедительна: зная о существовании официальных документов, указанных выше, рисующих роль второго Главкома в «борьбе за власть», Врангель-«мемуарист» пытается смягчить впечатление. На поклонников «культа личности» это может действовать, скептикам же известно, что в самый разгар борьбы за власть барон П. Н. Врангель писал тому, с кем яростно боролся: «В настоящую грозную минуту, когда боевое счастье изменило нам и обрушившаяся на нас волна красной нечисти готовится, быть может, поглотить тот корабль, который Вы, как кормчий, вели сквозь бури и непогоды, я, как один из тех, что шел за Вами почти с начала на этом корабле, я нравственно считаю себя обязанным сказать Вам, что сердцем и мыслями горячо чувствую, насколько сильно должны Вы переживать настоящее испытание судьбы. Если Вам может быть хоть малым утешением сознание, что те, кто пошел за Вами, с Вами вместе переживают и радости и горести, то прошу Вас верить, что сердцем и мыслями я ныне с Вами и рад всеми силами Вам помочь».

КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ.

18-ая годовщина трагедии в Лиенце была отмечена панихидами в большинстве мест казачьего рассеяния.

Во Франции, каз. организациями парижского района была отслужена панихида в Александро-Невском Соборе 9-го июня, в этот же день молились казаки за погибших и в г. Лионе.

В Франкфурте (Германия), в русской церкви после литургии 26-го мая была отслужена торжественная панихида по жертвам Лиенца и по всем казакам, павшим за Родину и погибшим в ссылках.

Из Ричмонда (США) нам сообщили:

В субботу 1-го июня в храме Св. Александра Невского г. Ричмонда штата Мэйн, группа Донцов, среди которых были быв. атаманы Калединской и Красновской станиц в Нью-Йорке П. И. Медведев и А. А. Бодрухин и пять казаков и казачек, испытавших кошмарные дни насильственной репатриации казаков лагеря Пегец у г. Лиенца 1-го июня 1945 г. и чудом ее избежавших, отслужили панихиду о казаках, казачках, казачатах и русских людях «Казачьего Стана» и о здравии живых.

Служил о. прот. Афанасий Донецков (быв. войск. старш., донец), настоятель храма.

Трогательное слово памяти погибших произнес о. Афанасий.

Хором, образовавшимся из молящихся, управлял брат настоятеля И. М. Донецков.

Затем в доме П. И. Медведева состоялась трапеза, во время которой он прочитал строки, посвященные памяти мучеников. Никто не был забыт.

Как на панихиде, так и на трапезе, присутствовал гость из Флориды — быв. певец Жаровского хора А. П. Яровицкий, в лице которого П. И. М. приветствовал хор.

«Утверждают, что на арчаке казачьего седла лежала охрана великой Российской госу-

дарственности прошлого и что казачество было самой яркой жемчужиной в Императорской короне, то это можно отнести и к Донскому хору С. А. Жарова, разносящему «без меры в ширину, без конца в длину» славу нашей Родины, БЕЗПОДОБНОЙ ПЕРЕДАЧЕЙ НАПЕВОВ НАШЕЙ РОДНОЙ ЗЕМЛИ, завоевав на протяжении 40 лет чужеземные страны, доставляя и нам незабываемое наслаждение.

ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ ХОР ЖАРОВА — ЕСТЬ ДРАГОЦЕННАЯ ЖЕМЧУЖИНА РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ».

Оглашается ответ С. А. Жарова на приветствие-статью, посвященную сорокалетию юбилея хора.

Как бывало всегда, вспоминали минувшие дни. Пелись песни.

Благодарили хозяйку Е. И. Медведеву за хлеб-соль.

Из Глендоры (США) Г. А. Улитин пишет:

В воскресенье, 9-го июня, по установившейся традиции, архиерейским служением владыки Антония состоялась панихида по жертвам в Лиенце.

Сослужил владыке протоиерей о. Пантелеймон Хапланов и диакон о. Василий.

Прекрасно пел архиерейский хор под управлением Алеши Соколова.

Как служба литургии, так и служба панихиды носила торжественный характер, только старики-казаки недоумевали и были обижены, почему владыка на панихиде о жертвах предательства в Лиенце, когда было выдано обманным путем на муки и смерть большевикам тысячи казачьих офицеров и десятки тысяч казаков с их семьями, не остановился на этой печальной, не только для казаков, трагедии, но и не помянул ни вождей казачества, ни их офицеров, ни даже самих казаков с их семьями, а только поминал семью убиенного Государя, не имеющую связи с Лиенцем.

После панихиды в общественном доме сестричеством была предложена богатая трапеза, во время которой П. П. Кошель прочитал обращение инициативной группы в Нью-Йорке о желании построить часовню на месте трагедии в Лиенце.

Был предложен список для пожертвования на постройку этой часовни.

В результате было собрано больше 50 долларов.

Из Мюнхена (Германия) ес. Петровский сообщает:

По примеру прошлых лет, 1-го июня с. г. Председателем Казачьего Союза в Германии полк. А. М. Протопоповым была организована поездка 23-х казаков делегатов из Германии в Австрию в г. Лиенц, где у могилы вечного упокоения казаков и казачек, отдавших свою жизнь во имя жизни Казачества в свободе и справедливости, Настоятелем Казачьих церковных приходов в Германии Митр. протоиереем о. Т. Кулешовым 2-го июня на братском кладбище была отслужена торжественная панихида по жертвам Лиенца.

На панихиду собралось большое число молящихся, чему особенно благоприятствовала хорошая погода. Два автобуса из Мюнхена привезли в Австрию представителей казачьих организаций из Германии, в том числе прибыли: от Правления Казачьего Союза в Германии полк. А. М. Протопопов, полк. Д. Смирнов, ес. Б. Попов и вахм. В. Белозеров. Из Карлсруе от быв. чинов 1-го Каз. кав. корпуса есаул А. Петровский с 5-тью каз., от Дон. каз. ст. в Мюнхене П. Солодков с 3-мя каз., от Куб. каз. ст. в Мюнхене Г. Симоненко с 4-мя каз., от объедин. Терцев сотн. К. Барагунов с 3-мя каз., от Союза Дон. Калмыков Г. Иванов и М. Дамбинов, от Союза каз. воинов С. М. Зотов и от каз. нац. ст. С. Пятикопов.

Прибывших гостей с теплым радушием встретили: Председатель Союза каз., переживших трагедию Лиенца, Ф. Изварин с правлением союза и Заведующий кладбищем церковный староста И. П. Гордиенко и другие. Из Австрии на панихиде присутствовали: Председатель Союза Ф. Изварин с 30-тью казаками, от группы каз. из Вены Г. Давыдов, из Клягенфурта от каз. нац. ст. А. Фоминец и И. Малыш, из Зальцбурга И. Сабельников, Г. Волков и А. Елисеев. Важно отметить, что этот день, день казачьей скорби, объединил всех казаков, несмотря на их полит. разногласия! У памятника жертвам было возложено много венков от разных казачьих организаций из США и Европы, а также и от Австрийского «Черного Креста», большой венок с нац. лентой (красной-белой-красной).

По окончании панихиды о. Тимофей Кулешов, казак Куб. Войска, сам переживший трагедию Лиенца, произнес большую прочувствованную речь о значении этого дня ВСЕКАЗАЧЬЕЙ СКОРБИ. Кроме этого о. Тимофей отметил, что вскоре выйдет книга о ка-

зачьей трагедии (автора ес. Петровского), под названием «Кто нас предал», на немецком языке, дабы ознакомить немецкую общественность с этой трагедией. После пастырского слова, церковный староста в г. Лиенц И. П. Гордиенко пригласил всех присутствующих на общую братскую трапезу.

Во время трапезы было единогласно решено и послано приветствие и благодарность быв. Кубанскому В. Атаману ген. В. Г. Науменко за его труды по организации казачьего кладбища в Лиенце с памятником жертвам, а также за поднятый голос в защиту Казачества, что выражено в его книге: «Великое Предательство».

9-го июня Архиепископ Стефан Венский и Австрийский тоже отслужил торжественную панихиду по жертвам Лиенца на братском каз. кладбище, при наличии свыше 40 чел. молящихся, после панихиды церковным старостой в г. Лиенце И. П. Гордиенко была организована братская трапеза.

Стан. Пользик сообщает, что 3-го июня на кладбище Лиенц-Пегец были отслужены литургии и панихида о. Иваном Дорошенко, на которые собралось большое количество казаков и казачек со всех концов Австрии. Присутствовало и много австрийцев, из которых некоторые были очевидцами выдачи казаков. Ст «Объединения Казачьего Стана участников Лиенцевской трагедии», был возложен прекрасный венок. О. Дорошенко в своей проповеди подчеркнул, что как бы ни старалась коммунистическая власть уничтожить казачество — Бог до этого не допустил. А казаки, принесенные в жертву, взывают ко всем казакам к объединению и борьбе до конечной победы за веру Христову, правду Божию и за свободу и вольность казачьи.

После панихиды состоялась поминальная трапеза в ресторане «Фиш», устроенная на средства, присланные из США И. Т. Качалинским (20 долл. и Ф. А. Мозговым (10 долл.), за что все присутствующие приносят им большую каз. благодарность. Трапеза прошла по казачьи, очень задушевно, и лишь поздно вечером собравшиеся разошлись.

Новые книги. — Издательством «Род. Края» издана отдельной брошюрой рецензия Н. М. Мельникова на книгу ген. Полякова «Донские казаки в борьбе с большевиками», под названием «Как извращается история» Выписывать из редакции «Род. Края». Цена 1,50 фр., заграницей — 30 амер. цент.

● Полк. Ф. И. Елисеевым выпущено второе издание «Рейд сот. Гамалия в Месопотамию в 1916 г.», с приложением двух карт того района. Цена брошюры — 1 долл. Выписывать у автора: Elisseev. 502 W 177 Str. Apt. 1c. New-York 33. N.Y. U.S.A.

Им же выпущена брошюра № 4-5 «Лабинцы и последние дни на Кубани 1920 г.».

● Л. Масяновым написана книга «Гибель Уральского Казачьего Войска», с многочисленными иллюстрациями автора, в художественном переплете. Эта книга должна заполнить пробел в зарубежной литературе, относящейся к Уральскому казачеству, несмотря на его героический дух, ратный подвиг и красочную самобытность, наименее известному русским читателям. Природный уральский казак Л. Масянов собрал воедино все материалы, разрозненно появившееся за последние сорок лет об Уральском Войске и уральцах, удачно, со знанием предмета, дополнил их своими воспоминаниями, и получилась весьма поучительная и занимательная книга, дающая полное представление об этом исключительном явлении русской государственности.

Кроме исторической справки о возникновении и развитии Уральского (Яицкого) Войска, в книге содержится ряд очерков о посещении Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем уральских казаков; о «Багреньи» (рыбный промысел на Урале); о службе уральцев по охране Восточно-Китайской жел. дороги; об их боевой страде и подвигах в Русско-Японскую и 1-ую Мировую войнах; о заслуженных атаманах; об эпической борьбе против коммунизма и легендарном отходе из родных мест.

П. Н. Краснов сказал: «Одиннадцать Казачьих Войск — одиннадцать жемчужин в блистательной короне Российской Империи».

Наконец, и эта одна из одиннадцати жемчужин — Уральское Казачье Войско — нашла своего поэта, столь потрудившегося в составлении прекрасной книги об уральцах.

В книге 160 страниц большого формата и много отдельных иллюстраций на меловой бумаге. Цена — 4.00 доллара.

Выписывать у автора:
Masianoff. 151-03. 33rd Avenue. Flushing 54. NY. USA.

● Поступила в печать вторая книга стихов Порфирия Юшкина-Котлубанского под названием «Луч».

● Донской Центральной имени Атамана ген. П. Н. Краснова станицей в Нью-Йорке, под редакцией правления станицы и с ответ-

ственным редактором Б. Н. Улановым, выпущен первый номер ежемесячного журнала «Донская Воля». Журнал издан типографским способом, в красивой изящной обложке. Редакция «Род. Края» шлет от всей души свои наилучшие пожелания новому собрату: «Бог на помощь». «Донскую Волю» можно выписывать по адресу правления Станицы и редакции:

Mr. I. S. Bondarenkov. 42-60 Bowne Str.
Flushing 55. N.Y. U·S.A.

***

Весной этого года в США прибыла из Турции группа некрасовцев в 224 человека. Их переселение в Америку удалось осуществить благодаря хлопотам Толстовского Фонда, в частности г-жи Шауфус. Более подробный отчет об этом событии будет помещен в следующем номере «Род. Края».

У Ш Е Д Ш И Е.

† 19 апр. в Кливеланде (США) после продолжительной болезни на 80 году жизни скончался ген.-майор Всевеликого Войска Донского А. В. Голубинцев.

† 13 мая неожиданно скончался в Париже М. Текучев, В. В. Д.

† 6 июня в старческом доме Бревен (Франция) умер Донского Войска сот. Л. Н. Иловайский.

† 15 мая скоропостижно скончался подхор. 5-го Дон. каз. гр. Платова полка М. В. Кулешов, ст. Орловской В. В. Д., и похоронен на кладбище Блан-Мениль (Франция), о чем с прискорбием сообщает Союз Казаков-Комбатантов.

† Из Вашингтона стан. Ал. П. П. сообщает, что из-за железного занавеса дошла весть о смерти П. И. Прокоповича, члена президиума Дон. Войск. Круга от Хоперского округа. — Запоздавшая весть. Три года тому назад покинул земную юдоль высокообразованный, как знанием, так и опытом, честно служивший Дону и всему Казачеству казак. Его прах покоится в славянской Праге на кладбище Ольшаны, где усопший последние годы своей жизни исполнял обязанности псаломщика при русском кладбищенском храме.

† А. Власов из Тулузы сообщает: 29 апр. ушел верный сын Дона хор. Н. М. Зорин, Новочеркасской стан., 69 лет от роду, не доживший 9 дней до 70 лет. Умер в госпитале г. Тулузы от паралича позвоночника и похоронен на местном кладбище в склепе семьи Гарнье. На похоронах присутствовала местная русская колония, представители франц. комбатантов со знаменем и казаки всех Каз. Войск, прибывшие и с близких и с далеких ферм отдать последний долг своему брату казаку. Покойный начал свою службу в русском флоте, сделал несколько кругосветных плаваний, а в начале 1-ой Мировой войны поступил добровольцем в казачий донской полк, где за боевые отличия получил Георгиевский крест и был произведен в хорунжие. В гражданскую войну был партизаном в Чернецовском отряде. После похорон казаки и казачки собрались в кафе, где пропели вечную память ушедшему и за упокой души его выпили по чарке. Да будет пухом французская земля донскому казаку.

† 15 июня после тяжкой и продолжительной болезни в Бюси ан От (Франция) скончалась К. М. Бондырева, активный член Дамского Комитета Каз. Союза.

† 20 июня в Париже после краткой и тяжелой болезни скончался хор. Куб. Каз. Войска инженер-геолог О. А. Бальбуциев.

† 7 мая в Патерсоне (США) умер Н. К. Коновалов, ст. Мигулинской В. В. Д.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1-го мая по 1-ое июля 1963 г.).

Фонд Издательства: проф. Миллер — 81,50 фр., проф. Чеботарев — 1 долл., Арапов — 5 шв. фр., Рудаков — 100 бельг. фр., Н. Воробьев — 3,50 долл., А. С. Кулягин — 18 фр., Н. Н. Туроверов — 10 фр., Самсонов, Нечаев по 2 фр., г-жа Попандопуло — 5 фр., И. Я. Крюков — 30 фр.

Через нашего представителя Б. Н. Уланова: А. Бурчинов, У. Цебеков, г-жа Д. Баянова по 4 долл., д-р Ряхин — 2 долл., Б. Н. Уланов — 11 долл.

Для передачи **Дамскому Комитету Каз. Союза:** проф. Миллер — 50 фр., г-жа Абрамова — 5 фр.

Всех жертвователей просим принять искреннюю сердечную благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ».

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редация оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписаные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

До 15 октября корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky, 52, av. Flachat,Asnières (Seine).

После 15 октября:

Bogaevsky — 230, av. de la Division Leclerc.
Montmorency (S.-et-O.). France.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели». Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3,50 фр.), и брошюру Н. М. Мельникова «Как извращается история» (цена 1,50 фр.).

Из редакции «Р. К.» можно выписать гравюру «Из нашего прошлого», отпечатанную на бристоле, помещенную на стр. 17 — № 40 «Род. Края». Стоимость 1,50 нов. фр. (заграницей — 4 почт. междунард. купона) с пересылкой.

В США книги можно выписывать через Б. Н. Уланова:

Mr. Oulanoff· 601. W. 160 St. Apt. 4c.
New-York 32, N.Y. — U.S.A.

Опечатка: В № 45 «Род. Края» стр. 15-ая, левый столбец, 20-ая строка снизу, и в брошюре Н. М. Мельникова «Как извращается история» стр. 21-ая, правый столбец, 32 строка сверху — вместо «Суровикино...» читать »...Ляпичев...»

Imprimerie P.I.U.F. - 3, rue du Sabot - Paris (6e)

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поздравление с Войсковыми Праздниками.
Ц. Данилевич — «По следам минувшего».
М. Бугураев — «Новочеркасская офицерская батарея и освобождение Новочеркасска».
Н. М. Мельников — «Воспоминания» А. П. Богаевского.
Н. Евсеев — «Первопоходникам».
А. Смородин — «Атаман Дутов».
П. П. Иваница — «Кубань в 1942-43 годах».
А. П. Падалкин — «Союз Возвращения на Родину» в Болгарии в 1922-23 гг. и борьба с ним». (Продолжение).
Н. Альникин — «Светлое прошлое».
Ян. Богаевский — «Лебеди».
П. М. Аврамов — «Кресты» (окончание).
В. Андерс — «Казачья кровь».
Н. Воробьев — «Приезд казаков-некрасовцев в США».
П. Медведев — «Памяти Н. А. Ушакова».
Б. Бембетов — «Памяти инженера С. Л. Далантинова-Мангатова».
Ушедшие.
Из казачьей жизни за рубежом.
Денежные поступления в редакцию «Род. Края».
От редакционной коллегии «Род. Края».

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: П. А. Аврамов, Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Septembre-Octobre 1963. — 3 F.

PAYS NATAL № 48 Сентябрь-Октябрь 1963. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ВОЙСКОВЫМИ ПРАЗДНИКАМИ.

Казачий Союз, Донское Войсковое, Кубанское, Терское, Астраханское Объединения, Уральская станица, Калмыцкий Союз, Отдел партизан чернецовцев - семилетовцев, Содружество Лиенца, Дамский Комитет Каз. Союза поздравляют Атаманов, казаков и казачек со Днем Покрова Пресвятой Богородицы и с Войсковыми Праздниками и желают всем единения, бодрости духа и сохранения веры в будущее казачества.

Правление Каз. Союза

***

Редакционная Коллегия «Родимого Края» поздравляет казаков с Войсковыми Праздниками и Днем Покрова Пресвятой Богородицы и просит принять пожелания здоровья, сил и моральной бодрости.

Редакц. Коллегия **«Род. Края»**

ПО СЛЕДАМ МИНУВШЕГО

Просматривая страницы печати последнего десятилетия о насильственной выдаче казаков в 1945 году, нельзя не задержаться над проникновенностью поэтессы Марии Волковой:

«Есть долина такая в Тироле,
А в долине той Драва река...
Только вспомнишь — и дрогнешь
от боли,
Как от вскрывшего рану клинка!»

***

В начале 1957 года Институт Литераторов в Париже издал повесть-репортаж «КОНТРА», пера польского эмигрантского писателя и журналиста Юзефа Мацкевича.

Как бы в коротеньком вступлении, автор набрасывает яркую картину двух существующих на свете правд.

Правда первая, отражая в себе все красоты Божьего мира, ничем не возмущается, ко всему безразлична и все на земле кажется ей малодостойным внимания. Она ничего не изменяет, ничего не переиначивает. Эта правда объективна, она подлинная и нерушимая.

Вторая правда — для которой добро и зло понятия относительные — редко отражая подлинность происходящего, утверждает, что стремится регистрировать явления так же беспристрастно, как и правда первая, в действительности же старается все подогнать для своих относительных целей и в темпе жизни многое исказить.

В трибунал человеческого воображения, но не совести, она призывает только ею выбранных свидетелей. И зная о том, что она не одна — тем более кричит об единой. Это правда официальная, зависящая от о б р а з а п р а в л е н и я, или же настроения, в котором она провозглашается.

Ввиду существования этих двух правд — говорит писатель — как трудно представить подлинную картину человеческой судьбы, даже в нормальной жизни, а что же говорить о той, которая припала на долю Донскому казаку Александру Кольцову, окончившему свои дни 1 июня 1945 года в злосчастном Лиенце, в долине реки Дравы, не говоря

уже о трудностях установить сущую правду. о событиях целого движения, да к тому же потерпевшему неудачу.

На основании показаний казаков и собранных библиографических данных, Мацкевич рассказывает на 272 страницах о жизни всей семьи донского казака от начала первой Мировой войны.

Шаг за шагом, через ужасы революции, повесть доходит до периода второй Мировой войны и рассматривает поведение подсоветских людей в отношении немцев: восстание от Днепра до Урала и самоубийственную немецкую политику, отвергшую это народное движение.

Затем, автор приводит своих героев в Казачий Стан и довольно расплывчато описывает происшествия в нем и трагедию на берегу Дравы.

В том же году, в рецензии о «Контре» в пасхальном номере «Польской Мысли» (эмигрантское издание в Лондоне), упоминается о том периоде, когда из антибольшевицких подразделений при немецкой армии около 1 1/2 миллиона и вероятно из столько же военнопленых и неизвестное количество гражданского населения были насильственно доставлены в советскую оккупационную зону.

В оправдание Зап. Союзников можно привести много обстоятельств. Главное — экономическое положение. Принимая на себя ответственность за разрушение центральной Европы, было совсем нежелательно увеличивать и без того сложную проблему еще несколькими миллионами бездомных людей. Самое же важное, это политическая обстановка — ведь вопрос шел о миллионах антибольшевиков — тут могла опрокинуться вся «мирная политика».

«Какие бы оправдывающие обстоятельства не приводились, преступление необходимо назвать п р е с т у п л е н и е м» — говорит редактор «Польской Мысли».

«Наряду с изменой Польше в Ялте, с изменой сербам Михайловича, выдача миллионов русских людей на постепенную или моментальную казнь — навсегда останется пятном на страницах истории Америки и Англии».

В заключительной авторской приписке к «КОНТРЕ» Юзеф Мацкевич подчеркивает одно обстоятельство во время прошлой войны, когда советская пропаганда объявила и назвала войну «отечественной», вероятно, желая воскресить традицию 1812 г. Однако число советских подданных, выступивших с оружием в руках против «социалистического отечества», вдвое превышало великую Наполеоновскую армию.

Понятно, сегодня никто не заинтересован в объективном освещении правды. Все отходит в область предания — как что-то совсем не существовавшее — если же упоминается, то не в должной степени и не так, как было в действительности.

Самое же знаменательное — заканчивается рецензия все о том же («Русская Жизнь» № 3894, июнь 1957) — что обо всем вышеупомянутом заговорили поляки. Почему именно в таком освещении, первыми не написали русские?

Или Освободительное Движение было совершенно обезглавлено и в свободных странах не осталось участника, могущего представить подлинную картину происшедшего?

Или перевелись смелые русские люди, несмотря на все неблагоприятные для России «конъюнктуры», рискнувшие наконец сказать п р а в д у ?

Но которая из двух «Правд» окажется сильнее? Та ли—человеческая—правда официальная, зависящая от образа правления и настроения? Или другая, подлинная и существовавшая — запечатленная степными просторами, далеким походом и горами, где разносились молитва и русская песнь, русский стон и призыв о помощи?

***

В начале 1958 года появилась книга «АД В СИБИРИ« — честная история, рассказанная человеком решительным, не разделяющим верноподданных чувств в отношении советской власти.

Автор Карл Норк, бывший немецкий офицер казачьей дивизии, которую в конце войны англичане взяли в плен и передали Советам.

В ней как будто мало упоминается о лишениях в сибирских концлагерях и о русской жизни. Говорят, что автор не особенно квалифицированный наблюдатель русских событий — но никогда ранее не писалось о них столь ярко.

Карл Норк рассказал, что видел, рассказал о советской системе, исказившей многое — но не русскую душу.

«Дэйли Телеграф» (консервативная, влиятельная английская газета), от 21 марта 1958 года, помещая небольшую заметку об этой книге, заключает:

«Издание в Англии на английском языке «Ада в Сибири» является полезным напоминанием скандального поведения английских властей, передавших русских казаков Советам для наказания.

Когда же эта история бесчестного акта будет рассказана полностью?»

***

Ссенью 1962 года вышло в свет «ВЕЛИКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО» — большой труд генерала В. Гр. Науменко.

Этот объемистый том оказался лишь сборником СБОРНИКОВ, ранее, в течении нескольких лет, издававшихся на ротаторе.

Из них №№ 11 и 12 заслужили особого внимания и в рецензии «Страшные тени» говорилось: «Номер одинадцатый производит потрясающее впечатление, приоткрыв железный занавес, прихлопнувший судьбу всех насильственно выданных в 1945 году, и повествуя о десяти годах неописуемых страданий в концлагерях СССР». И в рецензии «Два генерала» подчеркивалось: «Последний номер 12-й посвящен главным образом генералам П. Н. Краснову и Гел. фон-Паннвицу, трагической судьбе ярких представителей двух отдельных казачьих организаций в период второй Мировой войны».

В «Великом Предательстве» обращает на себя внимание большое количество фотографий, не всегда впрочем с точными надписями.

Это красивое издание на хорошей бумаге грешит отсутствием корректуры специалиста.

О нем пишут читатели: «Это материал, часто с противоречивыми данными, довольно обширный и требующий немалого труда для окончательной систематизации и обработки».

Другой добавляет:

«Разобраться в материале «ВЕЛИКОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА», изданном для будущего историка, может только участник тех событий. В крайнем случае — человек заранее ознакомленный со всей сложной обстановкой».

Но вот что на стр. 101 этой книги сам автор рассказывает:

— 27 мая 1944 года я, временно исполняя, вместо заболевшего генерала П. Н. Краснова, должность начальника Главного Управления Казачьих Войск, выехал из Берлина в Новогрудок (Белоруссия), в районе которого тогда сосредоточились казаки и их семейства группы Походного Атамана Павлова», — из этого следует, что генерал был тогда одним из кормчих казачества, значит человеком, вполне компетентным и в происходившем в то время и описанном теперь.

***

Недавно в Западной Германии появилась книга, озаглавленная «General von Pannwitz und seine Kosahen» — автор ее немецкий публицист Erich Kern.

Книга, основанная на реальных данных, является беллетристическим произведением, но ей далеко до «КОНТРЫ» Мацкевича, хотя Керн пользовался новейшими и более исчерпывающими данными.

Повествование начинается от 1942 года, когда перспективы скорой победы померкли, а ряды немецких войск все таяли — тогда несколько высших немецких офицеров во главе с генералом фон Паннвицем, в то время еще полковником, ориентируясь в положении, решили использовать на фронте казаков, массами переходивших на сторону немцев.

Однако проведение этого плана в жизнь первоначально встретилось с серьезными препятствиями.

По расовой теории нацистов, казаки — наравне со всеми народностями России — были существами низшей расы. И главными противниками их «равноправия» оказались «гауляйтер» Кох — правитель Украины и Борман — шеф канцелярии Гитлера.

Однако офицерам удалось склонить на свою сторону всесильного Гиммлера, и дорога неожиданно очистилась для получения одобрения Гитлера.

Уже весной 1943 года в Млаве приступили к формированию 1-й Дивизии казаков, но, кроме бывшего советского полковинка Кононова, все штаб-офицеры в дивизии были немцы.

Осенью того же года, при все возраставших неудачах, немцы решили пустить в дело казаков. Все же их не послали на восточный фронт, а направили в Югославию для проведения операций с партизанскими отрядами Тито.

«Вероятно — говорит автор — в этой борьбе казаки принесли немцам немалые услуги, обладая не только воинственностью, но и жестокостью, равною партизанской».

Число казаков все время возростало и через год они составляли уже XV Корпус, но в это время советская армия перешла реку Драву и под ее напором казакам пришлось отступить на запад. Перейдя бывшую австрийскую границу, на территории Каринтии казаки сдались британской армии».

Автор поясняет, что этим казакам в походе сопутствовали семьи и всего их было около 50.000.

Тут можно усомниться, знает ли Керн о наличии двух казачьих организаций, в то

время находящихся по-соседству, но совершенно независящих друг от друга. Ведь, кроме дивизии под командой Гельмута фон-Паннвица, (где никаких казачьих семейств не было), — существовал и Казачий Стан — под главенством покойного генерала Петра Николаевича Краснова, с его десятью полками и станицами. Именно там старались придерживаться казачьих традиций, там были свои казачьи офицеры и команда отдавалась на русском языке, а не по-немецки, как у Паннвица.

«В конце мая 1945 года — говорится далее в книге — англичане передали казаков Советам. Понятно, они не возвратились в родные станицы, а все без исключения были вывезены в Сибирь на тяжелые работы в Исправительно Трудовые лагеря».

«Судьбу казаков разделили немецкие офицеры, их недавние командиры из дивизии фон-Паннвица. Только немногим из них, отбыв срок наказания, удалось вернуться домой в Германию».

В конце автор подчеркивает более счастливую участь казачьих коней — они все уцелели.

***

Действительно, все кони уцелели!.. и как жутко было после катастрофы, везде, на каждом шагу — в лесу, на лугу, в горах — натыкаться на бездомных казачьих коней с понуренными головами, с впавшими животами.

Хотелось, сквозь слезы, крикнуть: — Где-ж твой хозяин?

Посмотрим, что говорит о них один из главных участников события.

Тут надо заметить, речь идет исключительно о Казачьем Стане в Лиенце.

Вот объемистый том «History of the Argyll and Sutherland Highlanders — 8th Battalion».

Автор — полковник Мальколм — в конце своей книги лишь мимоходом, как бы нехотя, на одной странице останавливаясь на ликвидации казаков, (о чем писалось в «Документе страшной правды»), не задерживаясь и совершенно не задумываясь о судьбе выданных людей, особое внимание уделяет их коням.

На стр. 255 читаем: «После нескольких неприятных дней обязанность была выполнена, лагеря очищены от их обитателей. Но в этом районе осталось 5.000 лошадей и капитан Мак-Нэйл проявил большую инициативу, найдя пищу для этого табуна. Понятно, его разогнали по всей Австрии, но перед тем он отобрал лучших животных для 8-го Батальона.

И на стр. 258: «То, что он задержал, было переполненной конюшней, годной удовлетворить не только любителя, но и знатока».

«Теперь наши офицеры смогли наслаждаться верховой ездой по красивым окрестностям».

Особо полковник задерживается на каштановой кобылице, которую англичане назвали «Катенькой»: она оказалась чистокровной, хотя ее родословную не удалось найти в Клубе Джокеев в Вене, так как здание клуба было разрушено во время советских бомбардировок.

В период сезонов 1945-1946 гг., на бегах в Вене она десять раз принесла значек 8 Батальона к победному «финишу».

«Она всегда была на месте и красиво несла своего всадника» — восторженно заканчивает Мальколм воспоминания о Катюше.

Ее большая фотография украшает страницы Истории Батальона.

В 1948 году, по схеме Военного Министерства, «Катеньку» отправили в Шотландию — на приплод английских скаковых конюшен.

Оказываетя, жизнь зло смеется ни только над людьми... Вот какова была судьба золотистой кобылицы из Казачьего Стана, привлекшей внимание даже «победителей».

Англия.

Т. Данилевич

НОВОЧЕРКАССКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ БАТАРЕЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ НОВОЧЕРКАССКА

«Первого апреля 1918 года (ст. ст.) казаки пригородных станиц, под руководством войск. ст. Фетисова, произвели налет на Новочеркасск и заняли его». (Дон. Лет. т. I-й, стр. 98).

Около десяти часов утра на Городовой

улице (у Краснокутской рощи), где я тогда жил, появились два конных казака и объявили жителям, что город занят восставшими казаками и что все офицеры и казаки, находящиеся в нем, должны немедленно явиться — артиллеристы в Управление Донской артиллерии, а кавалеристы — в Штаб Войска Донского.

Часов в одинадцать я уже был в Управлении Донс. артиллерии, откуда меня направили в арсенал в распоряжение подъесаула Як. Ив. Афанасьева, который должен был сформировать батарею, хотя бы из двух орудий.

Весь день в его распоряжение прибывали офицеры и казаки и, ввиду того, что не было достаточного количества специалистов-артиллеристов, к нему направляли и кавалеристов.

По всему городу мы розыскивали все, что нам нужно было для формирования батареи. В Запасном донском каз. артир. дивизионе нашли: одно 3-х дюймовое полевое орудие, вполне исправное и годное для стрельбы, два зарядных ящика с передками и запасные орудийные передки; в конюшнях дивизиона, из брошенных там большевиками лошадей, мы взяли только четыре хотя и слабых, но вполне годных в корень для орудийных запряжек, и старую амуницию на четыре упряжки. К нашему счастью, там же, в различном хламе брошенных ящиков, мы нашли и сорок снарядов (гранаты и шрапнель, которые обычно по 8 штук хранятся для перевозки в специальных ящиках с клетками). Другое орудие нашли на запасных путях железнодорожной станции, погруженным на платформу. Оно нуждалось в небольшой починке, которая и была нами сделана в мастерских зап. дивизиона. Остальных нужных нам лошадей, с разрешения в. с. Фетисова, реквизировали (за плату) у извозчиков города.

Из казаков, прибывших на укомплектование батареи, двое оказались опытными ездовыми, которые и стали «коренными ездовыми» в орудийных запряжках. В остальных «уносах» — передних и средних — ездовыми стали казаки кавалеристы. Таким образом, «орудийные и ящичные запряжки» были готовы и батарея, хотя и с большим трудом, (не обученные ездовые и лошади), но все же могла передвигаться с одного места на другое.

Верховых лошадей в батарее было только две, одна для командира батареи, а другая — для старшего разведчика сотн. Б. Курочкина (он же и телефонист).

Командиром батареи, как я уже сказал, был Я. И. Афанасьев, старшим офицером бат. Макс. Конст. Бугураев.

Наводчиками были: в первом орудии полк. Алек. Вас. Первенко (в Первую Мир. войну командовал артил. дивизионом — не казак; во втором — подъес. Пав. Прох. Харов. Номерами в орудиях были все дон. казаки — офицеры (кавал.) в чине подъесаулов и сотников, кроме 1) полк. Краснушкина, после занятия Новочеркасска он получил в командование полк; 2) гимназиста (15-ти лет), который при оставлении Новочеркасска пристал к батарее на Троицком спуске; он сказал командиру, что соседский мальчишка (сын сапожника) с ним поспорился и грозил выдать его большевикам, как партизана, что для него, конечно, означало верный расстрел. По занятии Новочеркасска вновь, мы отправили его к его родителям, 3) юнкера старшего курса Никол. Кав. Училища Ал. Ал. Нефедова. Всех номеров (с наводчиками) на два орудия было двенадцать человек.

Орудиям часто приходилось стрелять отдельно «по орудийно» и в таком случае командиром первого орудия был я, а второго Афанасьев (объяснялось это тем, что Афан. и Хар. хотели быть вместе, они были большими друзьями еще в кадетском корпусе).

Несмотря на то, что часто в бою было только одно орудие, казаки полков с гордостью говорили «наша батарея».

Формирование батареи шло лихорадочно спешно и, еще не закончив его, совершенно неожиданно, мы 4-го апреля (около 2-х часов дня) получили приказание от полк. С. Денисова «немедленно выступить на позицию в район Ботанического сада, там войти в связь и подчинение нач. боевого участка, защищавшего Новочеркасск от наступления красных со стороны Ростова (с запада)».

Подъес. Як. Ив. Афанасьев окончил Конс. Арт. Уч. в августе 1914 года и произведен в хорунжии. Подъес. П. Пр. Хар-ов из Конст. Арт. Уч. в июле 1914 года произведен в хорунжии. Подъес. М. К. Бугураев окончил Мих. Арт. Уч. в августе 1913 года и произведен в хорунжии. Ввиду того, что Я. И. Афанасьев пришел в Управление Дон. Арт. раньше нас, он и был назначен командиром батареи. Когда батарея стала на позицию, он по телефону назначил подъес. Хар-ва за старшего офицера (хотя я был старше его), но Хар. категорически отказался, говоря, что старшим офицером должен быть я, а он станет за наводчика.

Часам к трем дня, с большим трудом, батарея прибыла в указанный нам район, и в

лощине (против главных входных южных ворот сада) заняла закрытую позицию.

Впереди на бугре ком. бат. выбрал артил. наблюдательный пункт; на батарею телефоном подал все нужные команды; орудия уже были заряжены и мы ожидали только команду «огонь». Вдруг... батарея попала под случайный сильный пулеметный огонь и... в то же время, вместо команды «огонь», командир приказал: «немедленно, как можно скорей, сниматься с позиции и отходить» — «Куда»,? спросил я по телефону, — он ответил — «точно не знаю... но в районе железнодорожной станции уже идет ружейная и пулеметная стрельба: значит, нам можно отходить только через город к Троицкому спуску, на Хотунок и далее на станицу Заплавскую».

Туда мы и двинулись. Батарея шла без всякого прикрытия. В пути постепенно нас обгоняли группы конных казаков, но никто из них не спросил «какая часть идет, куда идет, нужна ли какая нибудь помощь?»... Поздно ночью батарея благополучно прибыла в станицу Заплавскую.

По прибытии туда, на северной ее окраине, на широкой улице нами был «разбит орудийный парк» и сейчас же номера одного орудия (шесть человек) вместе со мною пошли в ночной наряд в заставу, в густые виноградники, севернее станицы, которую занимал уже взвод казаков-кавалеристов. Как потом нам объяснил командующий полк. С. В. Денисов — он верил в «устойчивость морального состояния духа Новоч. офиц. батареи« и потому считал необходимым и артиллеристам нести сторожевую службу охраны станицы. Неделю спустя артиллеристы в наряд уже не назначались, а всецело посвятили себя ученью при орудиях и орудийной езде.

Ком. бат. пошел с докладом к полк. Денисову, что батарея прибыла в Заплавскую благополучно. Полк. Денисов очень обрадовался нашему прибытию, т. к. он не имел о батарее никаких сведений и не знал, ушла ли она благополучно от большевиков или нет. Штабом «Южной Группы» и, главным образом, полк. С. Денисовым много забот и усилий было положено для того, чтобы удержать казаков восставших станиц от распыления, поддержать их боевое настроение и желание продолжать борьбу с большевиками за освобождение родного им Дона и Новочеркасска.

Ген. И. А. Поляков выпустил книгу «Донские казаки в борьбе с большевиками». В ней он описывает и те события, в которых Нов. Офиц. Бат. принимала деятельное участие. Поэтому я нашел нужным и необходимым для сведения казаков В. В. Донского и всех русских людей, которым попадут мои воспоминания, написать эту статью «Новочеркасская офицерская батарея« и в то же время сделать необходимые выписки из книги ген. Полякова для читателей «Родимого Края», — дабы показать читателю, как иногда в исторических трудах, по особым мотивам, умышленно искажаются исторические факты.

Мне интересно было бы знать и те «особые мотивы», по каким ген. Поляков умышленно неправильно описал многие исторические факты, что я и постараюсь доказать.

Пользоваться я буду источниками ген. И. А. Полякова: «Донской атаманский вестник» 1952 г. и книгой «Донские казаки в борьбе с большевиками» Мюнхен 1972 г. (Сокращенно для удобства в печати «Ат. В.» и «Дон. каз.»).

Нужно сказать, что вообще все воспоминания ценны только тогда, когда они точны, правдивы, беспристрастны в отношении действующих лиц и событий и, по возможности, подтверждаются документами. В будущем подлинный историк разберется в этих воспоминаниях и точно скажет, где истина, а где личные измышления о фактах, которые допустил пишущий воспоминания.

Ген. Поляков в «Дон. Каз.» на стр. 131-й пишет, что с ген. А. Назаровым и пред. Круга Е. Волошиновым «пять донских генералов большевики зверски убили, подойдя к уединенному... кирпичному заводу».

А в «Дон. Лет.» т. 2, стр. 73, написано «...в степи около здания новой тюрьмы расстреляны. Когда убийцы ушли, Е. А. Волошинов пришел в себя... приполз к дому, стоявшему на окраине города, постучал в дверь и попросил напоить и отогреть его. Хозяйка дома — Парапонова—узнавши, кто обращается к ней за помощью, злобно с бранью отказала, захлопнув перед его лицом дверь. Утром он вновь постучал в дверь и именем детей и семьи просил Парапонову оказать ему помощь и сообщить о нем его семье. Парапонова в ответ вышла из дома и привела двух красноармейцев, из которых один выстрелил Е. А. Вол—ву в грудь, а затем за ноги отащили на место казни, причем голова его билась о ступени... Но Вол. все еще продолжал жить. Были вызваны рабочие из находившегося неподалеку завода Фаслера. Один рабочий из револьвера выстрелил в упор в глаз, раздробил его череп» (К. Каклюгин).

Когда казаки вновь заняли Новочеркасск, эту женщину нашли, арестовали, судили и

расстреляли. Вторая неточность — не все были генералы, — в числе расстрелянных был и подполк. Рот.

«Ат. В.» № 3. Июль 1952 г. Читаем: ...«казаки, горя желанием во что бы то ни стало освободить свою столицу от пришлой красной нечисти, на заре первого апреля, сналета ворвались в город и после скоротечного уличного боя, захватили его». (стр. 7.)

А в книге «Дон. Каз.»—31-е марта: «В Новочеркасске уже третий день шла регистрация и ее неожиданно около двух часов дня большевики прервали... По улицам во все стороны с ревом и шумом носились автомобили с испуганными комиссарами» (158).

Далее ген. Поляков очень красиво и подробно описывает «картину боя со станичниками» — **боя, которого в действительности не было.** (Подчеркнуто мною. Здесь и далее). «Они (больш.) с высот били из пушек и мели пулеметами.. Часам к девяти вечера в городе воцарилась жуткая тишина. Всю эту ночь я не сомкнул глаз, напряженно наблюдая, что происходит на улице... В моем товарищеском одеянии я не мог ночью показаться казакам, ибо в суматохе легко мог ими быть принят за большевика, почему я вынужден был дожидаться до рассвета. **Около четырех часов утра** на улицах раздались крики: «казаки, казаки». **Только к шести часам** я с трудом розыскал штаб войск. ст. Фетисова, занявшего здание Областного Правления (стр. 158-9).

«Ат. В.» № 3-й стр. 7. «Хорошо помню, что в три с половиной ночи я отыскал войск. ст. Фетисова»... Интересно знать, почему ген. Поляков не нашел нужным **«согласовать в часах сба свои сочинения об одном и том же очень важном событии?**

Как это было в действительности? В двадцатых числах марта в городском театре было созвано общее собрание-митинг гарнизона Новочеркасска, по вопросу отношений и разногласий между революционными казаками и большевиками. Началом разногласий можно и надо считать восемнадцатое февраля, когда после расстрела ген. А. Назарова и др. красногвардейцы-большевики днем с гауптвахты хотели забрать всех офицеров (в том числе и меня- и перевести их в тюрьму, — т. е. проще сказать — всех расстрелять. Караул гауптвахты (казаки 10-го и 27-го полков, в это время происходила смена караулов) своих офицеров не выдал.

На митинге в театре я присутствовал вместе с казаками 27-го Дон. каз. полка, моими соседями по квартире, которые обещали мне, что в случае какой нибудь неприятности они не выдадут меня большевикам и вернут домой. Со мною было и удостоверение «воен. рев. трибунала», что 2-го марта я был им судим и освобожден.

Во время митинга Голубов (на сцене, где заседал президиум) получил перехваченную телеграмму полк. К. Мамантова от уже восставших казаков... с призывом «восстать всем казакам и поддержать восставшие станицы... и бить, как бьем мы... и изгнать большевиков из пределов Донской Области»...

В ответ раздался несмолкаемый гром аплодисментов казаков и их крики «ура». Митинг тотчас же прекратился. Вот этот то неудавшийся митинг и испортил окончательно хорошие отношения между революционными казаками и большевиками.

Об этом очень важном событии ген. Поляков ничего не пишет.

Уже на следующий день после митинга революционные казаки, очевидно ожидая репрессии со стороны большевиков, начали разъезжаться из Новочеркасска по станицам, по домам. А когда Голубов и Смирнов отказались явиться в Ростов для доклада о положении в Новочеркасске, туда 27-го марта была двинута карательная экспедиция («Род. Край», № 17, стр. 9).

Она не встретила почти никакого сопротивления, т. к. к этому времени многие рев. казаки уже разъехались по домам. Эта карательная экспедиция, состоявшая преимущественно из матросов, вновь начала регистрацию офицеров и... их расстрелы.

Описывая бой с большевиками днем 31-го марта, ген. Поляков пишет: — «все как будто говорило за то, что товарищи готовились к бегству. Казаки решили немедленно продолжать наступление и ночью с налета взять Новочеркасск» (159).

Я был в Новочеркасске 31-го Марта, но никакого наступления казаков с северовосточной стороны, о котором пишет ген. П., не наблюдал, **так как его и не было**, хотя я мог бы все видеть с балкона нашего дома, даже не выходя на улицу. К тому же у меня был и бинокль.

Читаем далее в «Дон. каз.»: — «В штабе, кроме войс. ст. Фетисова, уже находился ген. шт. подполк. Рытиков. Он явился раньше меня и автоматически стал как бы начальником штаба» (160). Хотя номинально нач. штаба считался подп. Рытиков, но, как то само собою вышло, что вся спешная работа организационная лежала на мне... я же отдавал все распоряжения и приказания, то от имени в. с. Фетисова, то нач. шт., а чаще всего непосредственно от себя».

«Первого апреля в пять часов вечера в помещении зимнего театра состоялось заседание бывшего Правительства (Калединского). На вечернем заседании было закончено формирование «Совета Обороны» Донского Края, как высшего временного органа власти в Области.

«**Я лично**, пишет ген. Поляков (стр.. 163) **ни на одном заседании «Сов. Об.» не присутствовал**... не потому, что я умышленно избегал участия в работе «Совета», а лишь оттого, что у меня не было ни одной свободной минуты, и все время днем и ночью я находился в штабе».

«О работе нового органа власти я был отлично осведомлен, ибо все его заседания посещали или в. с. Фетисов, либо кто-нибудь из офицеров штаба, всегда детально меня информировавшие» (стр. 164).

По описанию ген. Полякова, «Сов. Обор.» вел очень продуктивную работу, вплоть до принятия нужных (очень неудачных) мер для спасения М. П. Богаевского.

Безусловно, это было очень странное, не вполне обдуманное, а может быть даже и умышленное, постановление о предъявлении большевикам ультиматума И. А. Полякова, результатом чего и явился ускоренный расстрел М. П. Богаевского большевиками.

«Если бы этого ультиматума не было, может быть, М. П. Богаевский был бы жив, т. к. в Новочеркасске была специальная организация, которая хотела его спасти. («Род. Край». № 44. стр. 18-19. Н. М. Мельников.)

В «Ат. Вест.» ген. Поляков об этом ультиматуме ничего не пишет. Там же в № 3. стр. 8-я читаем: «...ген. шт. полк. С. В. Денисов был вызван в Новочеркасск (из ст. Богаевской 3-го Апреля. М. Б.) и был назначен нач. штаба Донской армии, а я — нач. оператив. отдел. штаба».

И все же, после этой перемены в должности, почему то продолжал всем распоряжаться нач. опер. отд., т. е. ген. Поляков (как он нас уверяет, а не начальник штаба полк. С. Денисов, как это было в действительности).

«Дон. каз.» ...«К вечеру 3-го апреля, несмотря на царившую в Новочеркасске сумятицу, неналаженность вопроса снабжения оружием и патронами и продовольствия станичных дружин, и, наконец, неорганизованность и неустойчивость их в боевом отношении, все же обстановка как будто складывалась в нашу пользу» (168). «Я воспользовался благоприятным моментом и решил впервые за три дня отлучиться из штаба. Мое отсутствие продолжалось не более часа. Но когда я вернулся в штаб, я был глубоко потрясен резкой в нем переменой».

После этого в книге идет подробное описание **паники**, как выяснилось в дальнейшем, вызванной неправильным сообщением железно-дорож. администрации ст. Аксайской, «что большевики большими силами, при поддержке броневых поездов, повели наступление со стороны г. Нахичевани, опрокинули и совершенно рассеяли наш южный отряд. Ввиду этого с часа на час можно было ожидать занятия красными названной станции, почему телеграфисты, предупредив штаб о случившемся, прервали связь, испортили аппараты, а сами разбежались».

От Новочеркасска до г. Ростова сорок две версты. Станция Аксайская находится на пол пути между Нов. и Ростовом, т. е. около 20-ти верст. Расстояние очень большое для того, чтобы среди штаб-офиц. ген.-штаба, опытных, боевых, вызвать панику.

Она м. б. только тогда, когда есть непосредственная угроза жизни людей, которые впали в панику, которые думают и уверены, что уже нет выхода, спасения нет, а только смерть.

Ген. Поляков подробно описал «панику» чинов штаба, с указанием фамилий (ген. штаба) и объяснил, как недостойно вели себя эти офицеры в данный момент. Можно только удивляться полному отсутствию у ген. майора ген. штаба И. Полякова офицерской этики, что он позволил себе это сделать в отношении своих соратников и соучеников по акад. ген. штаба. Все описание «паники» можно было сделать, не называя фамилий. Повидимому ген. И. Поляков, назвав их, стремился, очевидно, опозорить названных лиц.

Друзья и приятели ген. И. Полякова могут обвинять и меня в отсутствии «этики», но... это будет неверно. Я выступил сейчас в печати в защиту штаб-офицеров ген. штаба, его же соучеников и сослуживцев по ген. штабу, которых я отлично знал и с которыми служил вместе на Дону, а с одним из них и в Русском Корпусе.

Ген. И. Поляков не посчитался с тем, что описанием «паники», оскорбляющей некоторых офицеров (вполне возможно и неточной), нанесет незаслуженные и незабываемые боли и неприятно-тяжелые переживания ближайшим родственникам этих лиц.

Причем сам он отлично знает, что они — эти родственники — еще живы и живут в Америке. Но читаем дальше (стр. 169): ...**«скажу откровенно и меня охватило страшное отчаяние. Хотелось бросить все и скрыться от этой кошмарной действительности. Хотелось забыться, ничего не знать, никого не видеть.**

Я всячески старался переломить себя». (Подч. М. Б.). В «Дон. Ат. Вес.» о «панике» не написано ни одного слова, а написано только: «в ночь на четвертое апреля обстановка сделалась тревожной». № 3. стр. 8.

Списание ген. Поляковым состояния его духа и настроения в тот момент **точно указывает на то, что и он в штабе поддался охватившей всех там панике и сам он ее устранить не мог**. Если она была в действительности, но и для сомнения есть вполне важные данные.

Во-первых, в «Ат. Вес.» И. А. Поляков не пишет ничего об этой панике. Во-вторых — он пишет: ...«с часа на час можно было ожидать занятия красными названной станции». т. е. ст. Аксайской, но не Новочеркасска. Еще было много времени для оказания возможного противодействия большевикам, и трудно поверить тому, чтобы это было такой важной причиной для штаб-офицеров ген. штаба, чтобы вызвать среди них панику.

В «Дон. Каз.» стр. 169 читаем дальше: «Положение ежеминутно ухудшалось. По городу ползли зловещие слухи, разжигавшие раз строенное воображение и еще больше усиливавшие общее смятение. Тревога из штаба быстро распространилась по городу. Вскоре на площади около атаманского дворца скопилась большая толпа. Она явно сочувствовала большевикам. А в то время в штабе никакой охраны не было. К счастью, вскоре во дворец прибыло несколько десятков офицеров и явился начальник милиции ген. Смирнов».

Этим самым своим заявлением ген. Поляков признает, **что он лично не мог справиться с паникой в штабе**. Можно напомнить читателям «Род. Кр.», что для устранения паники начальнику, и даже любому офицеру, разрешается пустить в ход оружие.

Продолжаем — «по моему указанию **он стал наводить внутренний порядок.** Они быстро очистили площадь и установили охрану штаба».

«С целью не допустить к городу с Ростовского направления бронепоезд красных, я отобрал 8-10 партизан с двумя надежными офицерами и направил их к хут. Мишкину с задачей разобрать и взорвать возможно на большем расстоянии полотно железной дороги. Команде были приданы телеграфисты с необходимым имуществом, дабы, прибыв на место, включиться в линию и ориентировать штаб в обстановке и о ходе работы» (169).

Но о главном ген. Поляков не написал, что эти партизаны должны были **быть обученными специалистами в «подрывном деле»** и должны были иметь при себе достаточное количество взрывчатого материала.

«Оценивая положение, пишет он далее, я неуклонно приходил к выводу, что оставление нами города — вопрос лишь ближайших часов. Не скрывая своего решения, я, прежде всего, принял меры, дабы оповестить об этом всех офицеров, бывших в Новочеркасске, ... а не бросить их, как это было сделано 12-го февраля 1918 года, когда из города уходил отряд походного атамана».

Это тоже очень интересный и сложный вопрос и, для разборки-разъяснения его, надо писать отдельную статью. Пох. Атаман ген. П. Х. Попов совершенно не виноват в том, что некоторые офицеры остались. Из города могли уйти все, кто хотел, так как об оставлении города донскими партизанами всем было известно. И в городе, за свой риск, остались те офицеры, которые почему-либо не хотели уходить из города.

«С этой целью несколько расторопных офицеров были посланы в разные районы Новочеркасска. Они должны были отыскать квартальных старост и через них передать приказание всем офицерам безотлагательно прибыть к атаманскому дворцу.

Одновременно несколько других офицеров было послано на автомобилях в места расквартирования казачьих дружин».

Нужно задать вопрос ген. Полякову — сколько же свободных офицеров он должен был иметь, чтобы послать их к квартальным старостам г. Новочеркасска и предупредить через них офицеров о предполагаемом оставлении города? По прошествии почти полустолетия, на бумаге, точно по уставу, ген. Поляков расписывает все события того времени, но... надо иметь в виду самое главное, что в то время у него в штабе была «паника», сам он был настроен «панически», «старался переломить себя» и хоть немного «собраться с мыслями» (169) и, конечно, тогда в действительности все события проходили совсем не так, как он их описывает; к тому же была ночь.

Об этом времени — ночь с 3-го на 4-е апреля — я вспоминаю так. У нас в батарее каждый день (около 9-9 с пол. ч. вечера), после того, как кончалась работа, все свободные от наряда расходились по домам. В арсенале оставались только караул в парке — у орудий и зарядных ящиков, ездовые у лошадей и дежурный (он же и дневальный) по батарее. В эту ночь я спал дома совершенно спокойно и ни ночью, ни утром на следующий день никакого предупреждения от нашего квартального старосты не получил. По приходе в батарею никто мне не сказал об

этом важном событии, — предполагаемом оставлении восставшими казаками города, хотя ком. батареи ежедневно по утрам ходил в Управление Дон. Артиллерии за получением приказаний.

Читаем далее: «было приказано во что бы то ни стало разыскать дружины (все это ночью! М. Б.), составить из них команды, зайти, если нужно, в арсенал за оружием и патронами, а затем привести команды к штабу».

В «Ат. Вест.» ген. Поляков ни о квартальных старостах, ни о розыске дружин, ни об оповещении офицеров — об этом не пишет ни одного слова.

Ген. Поляков после окончания кадетского корпуса (г. Новочеркасск) ни на Дону, ни в казачьих частях, ни в самом Новочеркасске не служил. А поэтому он и не знает особенных условий жизни и быта Войска Донского. **Он также не знает точно, что именно хранилось в Новочеркасском арсенале**. Базируясь на уставе Российской Империи — арсенал, значит место, где всегда хранился запас оружия, патронов и т. д., но в Новочеркасском арсенале до Первой Мировой войны постоянно хранился необходимый запас орудий (полевых 3-х дю,йм.), передков к ним, зарядных ящиков, амуниции для лошадей, хозяйственной части, повозок и т. д. — проще сказать, хранилось все, что необходимо для приведения в боевое состояние четырнадцати батарей (семь второй и семь третьей очередей) в случае объявления мобилизации по Донскому Войску.

В начале Первой Мировой войны сразу была объявлена «общая мобилизация». По уходе всех батарей на укомплектование соответствующих конных казачьих дивизий, АРСЕНАЛ ОСТАЛСЯ ПУСТЫМ. Вскоре все его отделения были оборудованы нарами и всем необходимым для помещения в них выздоравливающих раненых и больных артиллеристов-казаков перед их отправлением на фронт. И С ЭТОГО ВРЕМЕНИ В НОВОЧЕРКАССКОМ АРСЕНАЛЕ НИ ВООРУЖЕНИЯ, НИ СНАРЯЖЕНИЯ НЕ ХРАНИЛОСЬ. Кроме необходимого наличного запаса огнестрельных припасов у частей газнизона на руках, весь остальной «боевой запас» хранился далеко за городом в пороховых погребах. Все это я точно знаю, так как с объявлением мобилизации в Действующей армии в 1914 году из 6-й Дон. каз. батареи, ввиду перекомплекта офицеров, я был откомандирован в Запасную дон. каз. кон. батарею в Новочеркасск (впоследствии она была развернута в дивизион 3-х орудийного состава).

М. Бугураев
(Полк. Дон. Артиллерии).
С.Ш.А.

(Продолжение следует).

«ВОСПОМИНАНИЯ» А. П. БОГАЕВСКОГО.

«Музей Белого Движения», основанный Союзом Первопоходников, выпустил в свет отдельной книгой «Воспоминания», переданные Союзу для издания сыном покойного Атамана Б. А. Богаевским. Написанную прекрасным языком и ярко рисующую во всех подробностях героическую эпопею «Ледяного Похода», а также обстановку, предшествовавшую «Походу» и во время возвращения автора с фронта на Дон и создавшуюся тогда на самом Дону, книгу прочитают с большим интересом не только Первопоходники и вообще «Добровольцы», но и кубанцы, на территории которых Добровольцы и казаки соединенными силами бились за освобождение от красных Кубани, и донцы, которые в подробностях узнают о подвигах Партизанского полка, которым в легендарном походе командовал их будущий Войсковой Атаман, то пробивая дорогу вперед, командуя бригадой в авангарде маленькой армии, то отбиваясь от яростных атак, превышавшего числом во много раз, врага в арьергарде.

Встретятся тут донцы и с полк. Тих. Петр. Краснянским, которого хорошо помнят члены В. Круга, и с есаулом Рыковским, доблестно погибшим в бою, прочтут и о блестящей атаке есаула Романа Лазарева, — «безпутного, но милого сердцу» многих, начиная с П. Н. Краснова, — с любовью вспомнят о соратниках незабвенного В. М. Чернецова, свято хранивших и в Ледяном Походе традиции своего покойного вождя и потерявших на Кубани полк. Корнилова, капитана

Курочкина и совсем юных Донских кадет, безтрепетно шедших в неравный бой.

Прочтут донцы «Воспоминания» — и еще более углубится их уважение к своему покойному Атаману, автору «Ледяного Похода»: нигде ни одного слова о себе, ни намека на самовосхваление — которыми, увы! пестрят некоторые мемуары... Самое большее, если скажет, отдавая дань своим соратникам: «смелой атакой моя бригада взяла»...

Несмотря на точный календарь всех военных действий, — никакой сухости. Все описано живо, читается легко, с неослабевающим интересом проглатывается до самого конца. Краткие, в двух-трех словах — характеристики: «Но.... для ген. Корнилова опасности не существовало... Таков же был и его начальник штаба Романовский». Перед глазами читателя проходят яркие фигуры пламенного ген. Маркова, любимца ген. Корнилова неустрашимого полк. Неженцева, «тарана лобовых атак» ген. Казановича и др.

Короткими словами рисуются совершенно кошмарные условия борьбы не на жизнь, а на смерть, например: «У станицы Усть-Лабинской — новое тяжкое испытание, которое Добров. армия вновь выдержала, с честью выйдя после горячего боя на четыре фронта почти невредимой из смертельной опасности...».

«Пули красных долетали в тыл и ранили людей в резерве. На перевязочном пункте около моего штаба один раненый офицер был ранен вторично, а третьей пулей убит...». «Одна пуля попала в моего адъютанта Ж., лежавшего на бурке рядом со мной, но только контузила его...».

Некоторые страницы нельзя читать без глубокого волнения. Позволю себе привести одну большую выдержку: «Осматривая со своего наблюдательного пункта у кирпичного завода поле сражения, я заметил впереди, на боевом участке Партизанского полка, курган, на котором трещал пулемет среди кучки людей. Видно было, что этот пулемет привлек особое внимание красных: около него безпрерывно рвались их гранаты, но, к счастью, ни одна на него не попадала. Я пошел туда. На вершине невысокого кургана с отличным обстрелом стоял почти открыто наш пулемет. Около него лежал молодой офицер — прапорщик Зайцев, прекрасный офицер, скоро убитый, — и, как виртуоз, разыгрывал страшную симфонию на своем смертоносном инструменте. Выпуская одну ленту за другой, он видимо прямо наслаждался своей меткой стрельбой... И действительно, она была великолепна. Вот выезжает у фермы красная батарея на позицию. Ленту — по ней... Падают несколько солдат, ранены две лошади, — и «товарищи» сломя голову удирают к пушкам за рощу. Навстречу им показались какие-то повозки — не то обоз, не то зарядные ящики. Снова лента — и, переворачиваясь на поворотах, исчезает и этот обоз... То же случилось и с группой всадников, повидимому начальством, выехавшим на возвышенность у фермы. Пол-ленты... и «главковерхи» разлетелись стремительно в разные стороны.

Тут же на холме находились и оба командира полков со своими адъютантами — и среди них молоденькая сестра милосердия в черной косынке — Вавочка, которая, сидя спиной к противнику, старательно набивала пулеметную ленту патронами и весело болтала с окружающими.

— «Это что такое, Вавочка, зачем вы здесь?» — строго спросил я ее, меньше всего ожидая встретить молодую девушку в таком опасном месте.

— «Ваше Прев-во, позвольте мне остаться: здесь так весело», — отвечала она, умоляюще сложив маленькие ручки, и, улыбаясь, ждала ответа. — Я позволил до своего ухода.

Вавочка, падчерица Донского полковника К. М. Грекова, — любимица всей Добровольческой армии. Веселая, всегда жизнерадостная, цветущая чистой нетронутой юностью, она не состояла ни при одном лазарете, а появлялась всюду, где нужна была помощь раненым, которым отдавала все свои молодые силы и часто все из своей одежды, что можно было разорвать на бинты. Жила она, как птица небесная, при какой части придется, везде была желанной гостьей.

И несмотря на свою молодость и окружающую обстановку, Вавочка сумела так себя поставить, что в ее присутствии никто не позволял себе брани, нескромной шутки или пошлого ухаживания. Ее нравственная чистота, веселость и сердечная доброта вызывали общие симпатии, как к милому шаловливому ребенку.

Часто заглядывала она и в мой штаб, всегда с веселой шуткой или какой-нибудь безобидной выходкой, иногда жила по несколько дней. Нередко являлась в мужской одежде, так как юбку и косынку успевала уже порвать на бинты. Тогда офицеры дарили ей юбку, купленную тут же у хозяйки, — и для нее это был очень приятный подарок.

Однако, наш пулеметчик, видимо, уж очень обозлил «товарищей»... Гранаты стали падать у кургана все чаще и чаще. Одна из них

взрыла огромный черный фонтан земли перед самым пулеметом, засыпав ее комьями всех нас. Вавочка встряхнулась, как утка, и продолжала весело болтать, набивая ленту.

Пора было уходить. Красный пушкарь видимо уже пристрелялся и следующая «очередь» будет «в точку»... Забрав Вавочку и лишних офицеров, я ушел с холма. И вовремя... Вскоре град снарядов снова осыпал курган, и один из них упал на то место, где мы только что лежали. Пулеметчик остался невредим, но должен был переменить позицию. Вавочке я запретил появляться в боевой линии, но она меня не послушалась: через день ее принесли мертвой с боевого участка Партизан. Ее нашли вместе с убитой подругой в поле за цепями, с несколькими шрапнельными пулями в груди и маленькой куколкой, зажатой в застывших руках — шутливый подарок одного из офицеров...

Скорбно были сжаты красивые губки, умевшие так весело смеяться в минуты смертельной опасности... Суров был облик милого лица. К Богу отлетела чистая душа, никому в своей коротенькой жизни не сделавшая зла...».

Н. М. Мельников

Париж.

ПЕРВОПОХОДНИКАМ.

Светлой памяти ген. А. П. Богаевского.

***

Все меньше и меньше Вас остается —
Могилы растут с каждым днем,
И медленней сердце, будто бы, бьется,
Оно не скорбит ни о чем.

Оно не грустит о потерях,
О честных, погибших в боях,
И верит — раскроются двери,
Исчезнут страданья и страх.

Недаром в поход уходили:
Российскую честь берегли,
Отдали без слов, что любили,
Отдали Вы все, что могли.

Не страшен Вам крест безыменный —
Один только раз умирать,
И много Вас — доблестных, славных —
Легло за любимую Мать.

Еще мы увидим свободу —
(Она где-то в небе, во мгле) —
Увидим мы счастье народа
На русской прекрасной земле.

Н. Евсеев

АТАМАН ДУТОВ.

Имя ген. лейт. Александра Ильича Дутова получило широкую известность после Московского Государственного Совещания. Дутов был первым выборным Атаманом Оренбургского Войска. Это был истинный сын своей матери России и казак душой и в его жизни личные интересы играли меньшую роль, чем интересы отечества и казачества в особенности.

Возвратясь с Моск. Совещания и понимая бесполезность пребывания каз. полков в среде разложившихся солдатских масс на фронте, который фактически уже не существовал, он принял энергичные меры к возвращению каз. частей, дабы предохранить их от полного разложения. Благодаря им, полки, частично уже зараженные большевизмом, все возвратились в Войско, с сохране-

нием строевого порядка, вместе со своими офицерами. Не было ни одного случая, чтобы в каком-нибудь каз. Оренбургском полку были издевательства и убийства офицеров. Части вернулись, хотя и без оружия, которое было отобрано большевиками в пути, и казаки мирно разошлись по станицам и поселкам. На сходках фронтовики блеснули своими познаниями революционных лозунгов, успокоились и занялись своими хозуйственными делами.

В Войске наступило успокоение, но большевики не дремали: собрав довольно сильный отряд, они внезапно захватили столицу Войска Оренбург и стремились уничтожить как Дутова, так и горсть офицеров и казаков, оставшихся верными Родине. Конечно, если бы Дутов стал оказывать им сопротивление, то и казаки, разошедшиеся из полков по домам, и те, что не были на фронте, присоединились бы к его отряду, но несомненно, что часть казаков-фронтовиков приняла бы сторону большевиков. Дутов, во избежание казачьей междуусобицы на территории Войска, с горстью офицеров и казаков ушел в Тургайские степи.

Большевики, считая себя победителями, прошли по станицам и поселкам Войска без особых эксцесов и, установив власть Советов, ушли в города. В Войске наступило полное успокоение.

Несколько месяцев большевики, находясь в городах: Оренбурге, Верхнеуральске и Троицке, не беспокоили казаков, но потом стали появляться большевистские фуражировочные отряды, накладывавшие довольно крупную дань на станицы и поселки в пользу Красной Армии. Дань эта выражалась в деньгах, от 100 до 200 тысяч рублей, и муки и овса по несколько сот пудов.

В это время стали ходить слухи о восстании чехов. Слухи эти были смутны, неясны, так как никаких официальных сведений об этом не было.

Но вскоре большевистские главари: Аппельбаум в Троицке, Каширин в Верхнеуральске, — потребовали от станиц и поселков несколько возрастов молодых казаков для зачисления их в «отряды по защите революции».

Конечно, поселки всеми мерами задерживали выполнение приказа, а когда главари стали грозить их уничтожением и посылкой карательных отрядов, Войско заволновалось.

Чесменская станица, первая, в одну ночь организовала отряд в 170 добровольцев для обороны от большевистских карательных отрядов. Далее события пошли быстрым темпом, и Оренбургское Войско восстало почти полностью. К этому времени выяснилась картина восстания чехов, получены были сведения о восстании против большевиков Ижевского и Воткинского заводов. Был избран верховный правитель адмирал Колчак, при нем образовано Омское правительство. Образовался восточный фронт белых армий. Восставали оренбуржцы стихийно, образовывая более или менее значительные отряды, не связанные между собой и плохо вооруженные. Их вооружение заключалось в своей шашке. Отличительным знаком была белая лента на околыше фуражки.

Атаман Дутов, возвратясь в Войско, организовал из восставших казаков нормальные воинские части, с центром управления — Войсковым Штабом. Омское правительство стало в небольших количествах присылать оружие. Организованные ген. Дутовым полки получили название отдельной Оренбургской Армии, а сам Атаман был назначен Омском ее командующим. Был образован отдельный Оренбургский Военный Округ, а командующим войсками Округа был назначен сподвижник Атамана Дутова полковник Ген. Штаба И. Г. Акулинин, причем оба были произведены в генерал-майоры.

Белые армии быстро продвигались вперед. Была уже взята Казань, мечтали о Москве, как вдруг обстановка резко изменилась. В армию был прислан приказ, в котором говорилось: «на основании последнего постановления, армии переходят на регулярные начала, а добровольческие отряды, как дорого стоющие, подлежат расформированию». В Сибири была объявлена мобилизация и собрано на разных сборных пунктах несколько десятков тысяч молодежи. Ее обучение в большинстве случаев было поручено молодому офицерству, редко из кадрового состава. Такие обучающие, отбыв часы, положенные для занятий, уходили, предоставляя новобранцев самим себе, не интересуясь ни их казарменной, ни внутренней жизнью. Но большевики не дремали и тут. Так в результате их работы и пропаганды в Кулудинских степях в небольшом городке Славгороде, где было сосредоточено около 20-ти тысяч призванных, в одну ночь новобранцы перебили 49 своих офицеров...

Посылаемые на фронт пополнения из этих новобранцев, при первом же соприкосновении с красными переходили всей частью на их сторону. Это им было сделать легко, так как их присылали отдельными воинскими соединениями, а не вливали, как пополнения

в действующие на фронте части, состав которых сильно поредел после знаменитого приказа, так как поостава́лись на фронте только те, кто не пожелал подчиниться приказу.

Атаман Дутов, чтобы не распускать добровольцев-казаков по домам, властью Войскового Атамана объявил в Войске мобилизацию до 55 лет, чем, очевидно, заслужил немилость Омска, так как был заменен на посту командующего Армией ген. Беловым. Был снят с поста командующего Округом и ген. Акулинин и заменен старичком ген. Тимошевским.

Северное крыло восточного фронта белых, где оперировали не-казачьи части, пополняемые «регулярией», быстро стало отступать. Назревала катастрофа.

Освобождая от командования Армией ген. Дутова, Омск присвоил ему звание Походного Атамана всех Каз. Войск и инспектора кавалерии русской армии, со всеми атрибутами этого звания: штаб с начальником ген. Одноглазковым с большим офицерским штатом разных должностей и служб, отдельный министерский поезд, а пару белых коней ген. Одноглазков уже добыл сам, через подчиненных ему офицеров.

Атаман Дутов тяжело переживал крушение восточного фронта и великолепно понимал эту позолоченную пилюлю.

Видя результаты своего приказа, Омск растерялся: военный министр Гришин-Алмазов, министр финансов Михайлов ушли в отставку...

Ген. Дутов был восстановлен в должности командующего армией, вместо ген. Белова, но было уже поздно. Крушение фронта принимало все больше и больше характер катастрофы и даже оренбуржцы стали нередко самовольно оставлять части и возвращаться в свои станицы. Одной из причин этого явления было то, что за все время гражданской войны им никогда ничего не выдавалось из обмундирования, не выдавался и фураж для коней, которых они приводили из станиц, без оплаты казной их стоимости. Сильное и неблагоприятное впечатление произвел на казаков и пехотные части отходящего фронта следующий случай. От Троицка проводилась железная дорога через Орск на Оренбург, тогда постройкой еще не оконченная, образуя лишь тупик, верст на сто от Троицка. В этот тупик были нагнаны тысячи вагонов с обмундированием, продовольствием и частично с вооружением. Время было осеннее. Отступавшие казаки и солдаты, не получая одежды, обносились, но обмундирования им не выдавалось, а когда делались попытки взять его самовольно, то к вагонам поставили сильную охрану. Когда же отступавшие проходили мимо этого тупика, то по чьему-то распоряжению у этих груженных вагонов стали кувалдами разбивать буксы, оставляя в целости содержимое вагонов. Ген. Дутов тяжело переживал все эти несуразицы, не раз протестовал, но его протесты не были приняты во внимание. Поступить вопреки распоряжениям высшего командования он считал невозможным, чтобы его не обвинили в разложении фронта и потворстве мародерству.

При отступлении остатков белых армий восточного фронта, оренбуржцы, почти девять десятых своего состава, остались в пределах Войска и разошлись по домам — только небольшая часть их в несколько тысяч начали отступать по направлению к горам Алатау через песчаные безлюдные степи.

Белый фронт был разрезан красными на две части. Вторая часть его, более крупная, стала отступать по Сибири. Отступавшие же с Атаманом Дутовым вышли к месту расположения частей Атамана Анненкова, которые почти в течение двух лет бесполезно топтались в северных предгорьях Алтау. Ген. Дутову снова пришлось здесь перетерпеть огорчения. Атаман Анненков сразу же, не считаясь с ген. Дутовым, объявил, что он принимает на себя командование армией, назначив ген. Дутова военным губернатором. Через некоторое время оренбуржцы под давлением большевиков ушли в Китай, через Тяньшанский перевал, оставшийся же в Китае Атаман Дутов был предательски убит провокатором Чаньшевым.

А. Смородин.

Бельгия.

КУБАНЬ В 1942-1943 ГОДАХ*).

В Краснодаре до и во время прихода немцев. Инициативная Группа Возрождения Войска Кубанского.

Я все время находился в городе и имел возможность наблюдать за всем происходящим. Царила полная растерянность среди партийного и советского аппаратов, — как краевого, так и городского. О положении на фронтах все узнавали исключительно из сводок Сов. Информ. Бюро, в действительность этих сообщений никто не верил и для ориентировки прикидывали по 200-300 километров, что в среднем было близко к истине.

22-го июня 1942 г., в обеденный перерыв, два немецких бомбардировщика с высоты 400 метров бомбардировали вокзал и мост через Кубань. Мост остался целым и невредимым, на ж. д. был разбит паровоз и убито несколько железнодорожников. Краснодар почувствовал приближение фронта и воочию убедился, что война все-таки идет и уже одним дыханием коснулась города.

При Крайисполкоме было организовано эвакуационное бюро, во главе которого был назначен работник крайторготдела Панечкин, которого я хорошо знал по торговой сети. Плана эвакуации это бюро не имело. Вся его деятельность сводилась к выдаче регистрационных удостоверений и хлебных карточек. Панечкин не обладал ни властью, ни средствами, все было сосредоточено в руках городского военного коменданта — ген.-м. Калинина.

Сднажды я спросил Панечкина, как идет эвакуация?

— Да никак, — ответил он. — все, сволочи, желают драпать, никто не хочет идти ни в колхоз на уборку урожая, ни в партизаны.

Оргбюро Крайкома партии утвердило список учреждений, подлежащих эвакуации в первую очередь. В этот список вошли все краевые и городские партийные и советские организации. Производственно - промышленным предприятиям было предложено организовать эвакуацию по собственному усмотрению, сообразуясь с наличными возможностями. Приказа о прекращении работы не последовало. Об эвакуации говорили во всех учреждениях, но эвакуироваться собирались немногие, не только ответственные служащие и партийцы, но и многие члены партии из числа производственных, хозяйственных, торговых и научных учреждений. Кроме вражды к обманувшим их партийным верхам, большую роль играло то обстоятельство, что военкоматом во всех учреждениях был мобилизован транспорт.

1-го августа началась эвакуация краевых учреждений. В городе поднялось смятение, вылившееся в настоящую панику. Директора и начальники учреждений, как правило, выбывали в продолжительные «командировки». Воровалось и присваивалось казенное имущество, деньги, все то, что могло в какой-то мере быть реализовано на случай черного дня.

4-го августа истребительный батальон и работники НКВД взорвали: водокачки, электростанцию, хлебозаводы, пекарни, мельницы, маслозавод. Хлебный городок, пакхаузы с зерном, находившиеся на черноморской ж. д. ветке, пылали, облитые керосином. Хлебные пристани и склады с мукой были подожжены или взорваны. 20 тысяч тонн растительного масла было вылито в Кубань, а масло в городе не выдавалось в течение восьми месяцев...

7-го августа горожане начали грабить уцелевшие продовольственные склады и магазины. В закрытой базе пищеторга, на углу Красноармейской и Чапаева, куда хлынул народ, один из подпольщиков поджег здание, за что жестоко поплатился: его растерзали...

9-го августа немецкая танковая разведка вошла в город без боя.

В этот день мы с инженером М. К. Обуховым сидели в саду проф. А. А. Аносова на улице Кирова (б. Медведовская), пили рислинг и слушали рассказы этого престарелого интеллигента, незадолго до войны вернувшегося из «Учпечлага», где он по делу Рамзина (промпартия) отсидел ровно десять лет. Жизнь этого человека необычайно интересна и назидательна для потомства. Отец Алексея Алексеевича был Воронежским городским головой, а впоследствии директором государственного банка в Киеве. Два его сына, старший Николай и Алексей, учились в Петербургском горном институте. В 1907-1909

---

*) Архив Кубанской Казачьей Канцелярии, вывезенный мною из Краснодара, погиб в Берлине в 1944 году. Пишу поэтому о событиях на Кубани во время пребывания там немцев исключительно по памяти и прошу всех участников этих событий пополнить мои пропуски и указать на неточности.
Автор.

годах, во время студенческих беспорядков, А. А. и его брат Николай, вошедшие в связь с революционным подпольем, как и многие другие, были исключены из института сроком на два года.

А. А. рассказывал о своем жизненном пути с чувством сознания допущенных им ошибок и делал трезвый анализ всего пережитого. Для нас, двадцатипятилетних сослуживцев старика, рассказ его был крайне поучителен и мы слушали его с большим вниманием.

— После исключения из института, я не мог возвратиться к родным и начал устраивать свою жизнь самостоятельно. Я стал мелким чиновником, и серьезно начал задумываться над своим будущим. Обидой, негодованием и протестом против «несправедливости» было переполнено все мое существо, я не находил выхода из своего глупого положения. Николай примкнул к группе Луначарского и выехал в Москву. В Петербурге остались лучшие мои друзья, однокурсники Губкин (впоследствии академик и председатель комитета по делам геологии при СНК СССР. П. И.) и Миша, сын командира одного гвардейского полка. На одну из воскресных встреч, где собирались многие исключенные студенты, прибыл Миша. Его приходу все обрадовались и приготовились получить последние новости об исключенных. Но всегда одухотворенное лицо Миши на этот раз было печально и носило следы пережитых страданий.

— Что с тобой, Миша? Садись, расскажи! — встретели его криками собравшиеся. На предложение сесть, Миша категорически отказался. Он отвернулся к стене и его форменные брюки упали на пол, стукнув пряжкой. Мягкие его части были похожи на бухарский ковер, расписанный цветами...

— Сволочи! Черносотенцы! Душители свободы! — заорали студенты.

— Вот что, друзья, — сказал Миша, — давайте устроим пирушку, а я вам расскажу, как мне прописали ижицу за революционные заслуги.

За стаканом вина Миша поведал:

— Вам известно, господа, что мы с отцом большие друзья. Семья наша обласкана милостями самого Государя, но у меня, штатского человека, нет чувства гордости за семью, которая веками была военной. Из двух последних поколений в нашей семье я первый, кто избрал гражданскую службу... Отец мой занят и ему не до моих политических исканий, чувств и настроений. Мало того, он совершенно не в курсе моих знакомств и моего времяпрепровождения. Так сказать, он всецело предоставил меня институту и самому себе. Первый серьезный разговор произошел с ним после моего исключения: он потребовал тогда от меня объяснений. Со всей силой своего ораторского таланта, я излил ему душу, и дерзнул предсказать прекрасное будущее России после свержения царизма... Старик долго молчал, а потом сказал: «Михаил, язык у тебя подвешен хорошо, ты неплохой митинговый оратор где-нибудь на сенном рынке, но с мозгами у тебя не все в порядке. Тебе нужно учиться и думать о своем личном будущем. О государственной политике пусть печется правительство, а не такие ослы, как ты... Я постараюсь выпутать тебя из этой грязной истории, но если ты не поймешь, а паче всего — если возгордишься или обозлишься — наши пути с тобой разойдутся.

Что это означало, я тогда не понял.

— Завтра день твоего ангела, — сказал вчера мне отец. — Встречу его ты проведешь с представителями народа. В 3 часа будь дома, о приглашенных я побеспокоюсь сам.

В большом зале, куда вошли мы всей семьей, было человек 30 из полка, которым командовал отец. Я подходил к каждому и лично знакомился. Все они были из разных губерний необъятной России. После тостов отец поднялся и сказал:

— Сыны отечества, защитники его славы и благоденствия, вы, давшие присягу служить Вере, Царю и Отечеству, вы сегодня выслушаете моего сына, он желает поговорить с вами — представителями народа. Выслушайте его внимательно и по совести дайте ему совет и поучение... Оставайтесь и веселитесь, а я с семьей должен вас оставить. Ты же, Михаил, будь добрым хозяином и поделись своими мыслями с народными представителями.

Восторгу моему не было границ. Разговор с народом, что может быть возвышеннее? Увы, кончилось тем, что вы сейчас видели. Признаюсь — вес это было по моей вине. Но главное другое: я не встретил ни одного солдата, который был бы против царя или правительства, меня же все они корили тем, что я говорю словами врагов отечества и что барчуку стыдно так себя вести.: Я вошел в раж, их доводы меня не убеждали и я злился. Дошло до того, что они объявили меня бунтовщиком, схватили и всыпали мне горячих... Отсюда у меня создалось впечатление, что народ не с нами, а поэтому я отказываюсь от революционных увлечений и через неделю возвращаюсь в институт.

Рассказ Михаила произвел на нас сильное впечатление. Все мы раньше или позже возвратились в институт и никогда больше не занимались подготовкой революции. Вспоминая сейчас все это, я вижу, какие мы были тогда глупцы...

Уже при советской власти А. А. Аносов и Губкин работали над составлением карты нефтяных полей Советского Союза. Эта карта в научном мире известна как карта академика Губкина. На эту карту была нанесена и заполярная нефть. Впоследствии именно это, а не что-либо иное, решило судьбу ученого геолога. Имя Аносова также было широко известно не только в кругу геологов, но и среди интеллигенции, в той или иной мере примыкавшей к горной и нефтяной промышленности. На черноморских и кавказских промыслах он был самым крупным специалистом по разведке на нефть и подсчету промысловых запасов. После «десятки», которую Алексей Алексеевич отхватал по делу Рамзина, его жена, при содействии Губкина, добилась личной аудиенции у Калинина, бывшего президента СССР. На жалобы, что ее мужа арестовали и посадили неправильно, Калинин дословно ответил следующее: «Мы этого не делаем, все это работа гепеушников. Я знаком с делом Алексея Алексеевича, судимость с него будет снята». Вскоре в Ухто-Печерском лагере Аносову объявили, что с него снята судимость и что приказом по главному управлению лагерями НКВД он назначается главным геологом, как вольнонаемный. Нач-к лагеря Мороз Яков (еврей) от себя добавил: «Вы с академиком Губкиным в карте нефтяных полей отметили, что здесь есть нефть, вам и карты в руки».

От себя добавлю, что Аносов нефть нашел. В Краснодар он вернулся в декабре 1930 года и был назначен Азово-Черноморским геологическим трестом главным консультантом в Краснодарское геологическое бюро...

Управление 2-го района городской управы гор. Краснодара было укомплектовано исключительно служащими геологического бюро и работниками Краснодарского треста столовых и ресторанов, где мы все работали и давно знали друг друга.

Аносов был немцами назначен бургомистром, а я его заместителем.

В здании краевого управления НКВД из канализационных труб горожанами было изъято пять трупов. Убитые были выставлены для опознания. Город организовал общее погребение. За траурными катафалками шествовала тысячная толпа женщин всех возрастов — мужчин в городе почти не было. Сбщая панихида была отслужена в монастыре на Северной улице.

Последний эшелон с «политическими» заключенными из Краснодара был вывезен в первых числах августа 1942 года. Под Армавиром этот эшелон подвергся налету немецких бомбардировщиков и был ими подожжен. Сопровождавшая эшелон охрана НКВД открыла огонь из автоматов. После второго разворота юнкерсов охрана разбежалась. Многим смертникам удалось спастись, высокие полосы подсолнуха и кукурузы укрыли их от опасности дневной, а в ночной спасительной темноте зарница им указывала путь к добрым людям, вдохнувшим в обреченных надежду на скорое избавление. В этом эшелоне был и полковник И. И. Белый, вернувшийся вскоре в Краснодар и занявший пост начальника городской полиции.

В сентябре Аносов познакомил меня с полковником Тарасенко, ставшим нач. районного отделения полиции 2-го района г. Краснодара.

Георгий Павлович Тарасенко, лет под 60, худой, стройный человек, с орлиным носом. Он слегка напоминал черкеса. В обращнеии был всегда изысканно вежлив. Двери его кабинета никогда не были закрыты для посетителей, и жалоб на него я не слыхал. Обычно мы с ним встречались или в его рабочем кабинете на улице Красной № 104 или в его квартире, где заботливыми руками Марии Федоровны всегда был сервирован стол. Первое время мне казалось, что Г. П. желал убедиться, достоин ли я той оценки, которую дал ему обо мне глубокоуважаемый Алексей Алексеевич. Но скоро между нами установились искренние взаимоотношения, переросшие в дружбу, так благотворно повлиявшую впоследствии на нашу организационную работу. Мы часто и подолгу вели с ним беседы о создавшемся положении, вызванном войной. Полк. Тарасенко прекрасно разбирался в обстановке. Он отдавал должное немецкой армии, прекрасно организованной и способной добиваться больших военных успехов. Но несмотря на это, конечный успех в ее борьбе с Советской Россией был под большим сомнением. Мешала неумная политика самого Гитлера в завоеванных местностях, вызывавшая резкое отталкивание населения. Война Германии против коммунизма, о которой немцы так много говорили, по существу стала войной против России и народов, ее населявших. Отказ Гитлера от формирования Русской Добровольческой Армии этим самым подтвердил, что русскими делами должны ведать немецкие «гибиткомиссары»,

а не сами русские. Это являлось оскорблением уже не одного русского народа, а всего многонационального русского государства. Вследствие этого, ставка Гитлера и его политиков на национальную рознь в СССР потерпела полное фиаско. Теперь выяснилось окончательно, что никаких междуусобиц на территории Советского Союза не произошло потому, что в Советском Союзе в равной степени всем жилось плохо. Всем этим умело пользуется Сталин, пошедший на большие уступки населению и стремившийся использовать в своих интересах просыпавшееся в народе чувство патриотизма... Но как бы там ни было, победит Гитлер или нет, казакам в настоящее время представляется удобный случай возобновить борьбу с большевиками, прерванную в 20-ом году. Немцы благоволят к казакам и готовы даже их рассматривать чуть ли не как нацию. Этой их ошибкой необходимо воспользоваться и казаки должны добиваться разрешения от немецкого командования на формирование добровольческих казачьих частей. Бояться того, что немцы проиграют войну, нечего. Если казаки успеют организоваться — они с оружием в руках, признавая союзниками всех, кто готов бороться с коммунизмом — этим интернациональным злом, — смогут выполнить свой священный долг, возобновив борьбу за свою свободу. Для этого необходимо сейчас же наметить то, что казакам нужно делать. Это — 1) Собирать идейных и надежных людей. 2) Связаться с верховным немецким командованием, используя хорошее отношение к казакам немецкого фронтового начальства. 3) Вести пропаганду создания добровольческих казачьих войск. И в 4) Добиться легализации этой работы со стороны немецких властей.

В конце сентября я выехал по служебным делам в станицу Славянскую. В Краснодар я возвратился в начале октября и сразу же явился с рапортом к полк. Тарасенко. После моего доклада Г. П. сообщил мне, что к нашей группе примкнул полк. Белый Иосиф Иванович, недавно появившийся в Краснодаре. Он должен занять место нач. городского управления полиции, так как в. ст. Саламаха выезжает в ст. Уманскую. Появление в городе еще одного казачьего полковника меня очень порадовало... Вскорости после окончания моего доклада прибыл полк. Белый, с которым меня познакомил Г. П. Через несколько дней Белый был назначен нач. городского управления полиции, а Г. П. Тарасенко его заместителем. Первое заседание Инициативной Группы Возрождения Войска Кубанского было назначено в кабинете полк. Белого. Председательствовал Белый, докладывал Г. П. Тарасенко.

На заседании присутствовали: полковник Белый Иосиф Иванович, полковник Тарасенко Георгий Павлович, войсковой старшина Борзик Конон Антонович, войсковой старшина Харитонов Пантелеймон Евгеньевич, капитан Дмитриев, сотник Лакосин, Иваницас Петр Павлович, Стрельников Владимир Иванович, Коршенюк Алексей, старший лейтенант Перегордиев Владимир.

На этом заседании были распределены права и обязанности:

1. Полковник Белый И. И. назначался временно руководителем (атаманом) Инициативной группы по возрождению Кубанского Казачьего Войска.

2. Полковник Тарасенко Г. П. начальник штаба.

3. Войсковой старшина Харитонов П. Е. нач. мобилизационного отдела.

4. Войсковой старшина Борзик К. А. нач. Таманского отряда.

5. Иваница П. П. нач. Кубанской казачьей канцелярии.

6. Перегордиев В. прикомандировывался в помощники нач. Кубанской канцелярии.

7. Стрельников В. И. нач. финансовой части.

8. Коршенюк А. нач. хозяйственной части.

9. Саламаха И. И. нач. Уманского отряда.

10. Все чины полиции с кап. Дмитриевым и сот. Лакосиным зачислялись в резерв.

П. П. Иваница

Австралия.

(Продолжение следует).

«СОЮЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ» В БОЛГАРИИ В 1922-23 Г.Г. И БОРЬБА С НИМ.

(Продолжение).

В начале октября 1922 г. в Софию, согласно соглашения Нансена с Литвиновым и с разрешения Болгарского Земледельческого Пр-ва, прибыла миссия сов. Кр. Креста во главе с Корешковым, официально для «визирования паспортов репатриантов», которых они пока еще не имели. С миссией Кр. Креста прибыл ряд сотрудников ГПУ, из них руководящую роль в деле возвращения на родину играли Озоль и Джуленов. С миссией же прибыл и предст. сов. ген. штаба — полк. ген. штаба Шведов, для установления контакта с болгарским ген. штабом, но главным образом для того, чтобы наладить вербовку и отбор русских офицеров эмигрантов. С этого момента организация Союза принимает новые формы: создаются спец. общеофицерские и спец. морские секции для вербовки офицеров-моряков. Составляются новые опросные листы-анкеты, где желающий репатриироваться должен указать не только имя, отчество, фамилию и место рождения, но и свою родословную за три поколения, прохождение службы с указанием частей, в которых служил в Императорской армии и в гражд. войну, местожительства родственников в России с их адресами и т. д. Налаживается издание газеты «Новая Россия», которая заменила газеты С.-Хоз. каз. Союза. В Софию приезжает из Москвы А. Агеев. «Новая Россия» выходит под редакцией А. Агеева, Булацеля и Фирина, но фактическим редактором ее состоит проф. Гримм, быв. одним из ответств. руководителей Отд. Пропаганды ВСЮР'а. Девизом газеты является ее передовица в № 1: «Через познание Новой России — к примирению с ней». На первой же странице печатается обращение: «К войскам белых армий», подписанное: 1) Александр Секретев, ген.-лейт., быв. командир Дон. конного корпуса. 2) Юрий Гровицкий, ген.-м., быв. н-к Марковской див. 3) Иван Клочков, ген.-м., б. к-р 2-ой бригады 1-ой Дон. каз. див. 4) Евгений Зеленин, ген.-м., быв. помощник н-ка Алексеевской див. 5) Дмитрий Житкович, полк., быв. к-р Самурского пех. п. 6) Вячеслав Оржановский, полк,. причисленный к ген. штабу, быв. ст. адъютант штаба Корниловской див. 7) Николай Климович, полк., быв. к-р 1-го пласт. батальона. 8) Михаил Лялин, полк., быв. к-р бронепоезда «Единая Россия»... В своем обращении они «уведомляли» боевых соратников, что отныне они признают в качестве Всероссийского Пра-ва «нынешнее правительство РСФСР и готовы перейти на службу в Российскую рабоче-крестьянскую красную армию». Свое длинное обращение они заканчивали так: «Мы уверены, что наш пример увлечет за собой всех наших боевых соратников. Да здравствует Советская Россия, Великая наша Родина!»... Как видим, не все подписавшие обращение были уроженцами Дона, Кубани и Терека и они призывали к возвращению на родину не только уроженцев этих областей. Подписавшие обращение стали посещать места скопления русских эмигрантов и призывать их к возвращению на родину. Все поездки оплачивались сов. Кр. Крестом. Главной «приманкой» для казаков в это время был ген. Секретев, которого обычно возил к казакам Дудаков, но после посещения Каледино-Назаровского полка в гор. Карлово визиты его к казакам прекратились. Случилось это потому, что, в ожидании конца речи Дудакова, Секретев хорошо выпил и под влиянием выпитого заявил, обращаясь к казакам: »Все вы меня знаете, вместе воевали, вместе и домой поедем. Вместе нас там и повесят, а мы все-таки поедем». Этим, как будто, он хотел подвести итог сказанному Дудаковым... При организации офицерской секции при варненском отделении «С. В. на Р.» во главе ее был назначен ген. Деринтер, председателем же морской секции секретно состоял лейтенант Бунимович, официально же числился лейт. Тарасенко, уроженец Дон. Войска, Новониколаевской ст-цы, но не казак, участник Степного Похода. Тарасенко никакой председательской роли не играл, но Бунимович был в полном смысле этого слова — предателем (об этом будет сказано ниже. А. П.)... С приездом Корешкова положение с отправками в Росию, как и пребывание в Варне ожидающих отправки, мало изменилось, люди попрежнему жили группами в дешевых отэлях. Правда, увеличилось число людей, отправляемых за счет Союза. В Варне стали требовать заполнения новых анкет, что многих казаков смутило и многие из них отказались от поездки... В конце декабря 1922 г. возглавлявший сов. Кр. Крест Корешков «избрал свободу», бежав во Францию. При нем, без помощи учреждений

д-ра Нансена, было отправлено: 6/10-го — пароход «Апостолос», в Новороссийск, 512 чел., из них 210 донцов. 25/10-го — пароход «Алла», в Новороссийск, 360 чел., из них 190 донцов. 15/11-го — пароход «Артинец», в Одессу, 260 чел., из них 34 донца. На этом пароходе уехали «ходоки» С/Х каз. Союза, бывшие среди них донцы в число репатриантов не вошли. Делегация эта, в числе 32 чел., возглавляемая Дудаковым, прибыла в Варну за три часа до отхода парохода, так что ее почти никто не видал. Однако весть о том, что делегация «сегодня» уезжает в Россию, распространилась с быстротой молнии и казаки Варненской каз. ст-цы потянулись к пристани. Видеть делегацию видели, но говорить не могли, т. к. прибыла она на пристань за 5 минут до погрузки и только атаману ст-цы П. Д. Краюшкину удалось, в течение 2-3 минут, перекинуться с Дудаковым несколькими фразами — Дудаков говорил о своем сменовеховстве. После погрузки пароход простоял у пристани около 10 минут, тогда как обычно пароходы простаивали по 2-3 часа, а отшвартовавшись — вышел на внешний рейд, чего никогда раньше не бывало. Подобная отправка делегации производила впечатление, что едут не казачьи делегаты, а увозится группа преступников, по распоряжению стражи не имеющая права вступать в разговоры с провожающими... Краюшкин пытался заговорить с Дудаковым, когда тот подошел к борту, и задал ему какой-то вопрос, но Дудаков, вероятно, боялся на него ответить, он крикнул: «ничего не слышу!», однако, бросил Краюшкину записку со словами: «там все сказано!»... Записка, к сожалению, упала в море, другой Дудаков не захотел писать, а упавшую в воду достать было невозможно. Это была последняя связь Дудакова с казаками-эмигрантами. На другой день стало известно, что пароход с каз делегацией пошел не в Новороссийск, как следовало, а в Одессу. А матросы с «Артинца», по возвращении из Одессы, рассказывали, что «делегация» тотчас по выгрузке была посажена в вагоны и отправлнена прямо в Москву. Примерно через месяц в Болгарию вернулись только п-ки Сиволобов и Сватиков (донцы). Последний делал доклад в Варне, описывая красивую и привольную жизнь на Дону. Преследование казаков и голод на Дону представлял, как «измышления врагов сов. власти». Категорически отрицал, что сов. власть сдала 100.000 дес. Сальских степей в долгосрочную аренду итальянским кооперативам, о чем почти в это же время сообщали «Известия». Сообщал о том, как «хорошо устроились» вернувшиеся домой казаки. Отвечая на вопросы, сообщил, что другие «делегаты по семейным обстоятельствам приехать в Болгарию не могли»... Задал вопрос ему и я: «Правду ли пишут советские газесы?» Получив в ответ: «да, конечно», тут же прочел ему из «Известий» заметку о сдаче италианцам Сальских степей и сообщение о том, что в ст-це В. — Чирской «тетка Дудиха ест дубовую кору« и что она «не исключение». Он смутился, но тут же заявил, что это «специально эмигрантское издание». Тогда я достал газ. «Трудовой Дон» и прочел ему краткую заметку: «С последней партией репатриантов прибыл на Дон небезызвестный в дни гр. войны ген. Николаев» и что «ген. Николаев задержан и препровожден в гор. Царицын для производства следствия, где заключен в тюрьму». На это полк. Сватиков ответил: «А что же вы хотели бы, чтобы ему сразу дали бригаду, как он неумело командовал ею во 2-ой Дон. дивизии?» Тут вмешался спец. полномочный сов. Кр. Креста Виноградов и прекратил нашу «дискуссию». С этого времени вход на собрания «С. В. на Р.» мне был закрыт, а если мне удавалось попадать на них, то я мог присутствовать на них только в целях информации и так, чтобы меня не видели руководители Союза. Сов. газетами и журналами я пользовался из библиотеки при «Русском Доме», директором которого был ген. Смердов, а дочь его служила в бюро г-на Коллинса. Сватиков и Сиволобов, объехав всю Болгарию, в начале апр. 1923 г., с операционными задачами были отправлены в Россию. Какова была их судьба там — неизвестно. Что же касается предс. С/Х каз. Союза и главы делегации Дудакова — то о нем были сведения, что по прибытии в Москву ему была запрещена поездка на Дон, но разрешено было «устраиваться» в Москве, что он некоторое время работал у своего родственника в «Лабазе», но через краткое время «исчез бесследно». Полк. Гнилорыбов, уехавший в Москву через Варшаву, был в Москве по суду расстрелян.

10/12-го 1922 г. «С. В. на Р.» отправил пароход «Анна» в Одессу, на котором уехало 100 чел. донцов. А 27-го декабря — пароход «Георгиус» — в Севастополь, на котором отправились только генералы Гровицкий и Секретев, но по «протекции» последнего, вместе с ним, выехало еще 12 чел. донцов. Генералы сопровождались красным полк. Шведовым и матросом Чайкиным, ликвидировавшим в Болгарии в Кюстендиле «организацию ген. Покровского», что, между прочим, не так трудно было сделать, если судить по тому,

что на другой день по приезде в Варну я уже знал, что готовится десант на Кубань и что подготовкой его руководит ген. Муравьев — старший русской рабочей артели на мукомольной мельнице. Через два дня в порту я видел шхуну, на сходнях к-рой стоял куб. казак и на вопрос, что это за шхуна, ответивший: «для десанта на Кубань»... Скоро после этого я познакомился с самим ген. Муравьевым, , оказавшимся алкоголиком и кокаинистом. Он сразу же предложил мне быть у него «адъютантом-секретарем», я, разумеется, отказался от этой роли. В Варне в эти дни появился Чайкин и началась вакханалия «ликвидации врагов советов и Болгарского правительства»... Генералы Гровицкий и Секретев из Севастополя были направлены в Москву, откуда Секретев, за ненадобностью, был отправлен на Дон, на постоянное жительство в ст-цу Н.-Чирскую. Как возвращенца, ст-ца встретила его враждебно и он окончил свои дни в шалаше на бахчах... Пароход «Георгиус», с очередной партией возвращенцев, был последний, отправляемый «С. В. на Р.» самостоятельно, без контроля Лиги Нации — г-на Коллинса, с представлением ему списков репатриантов. В конце дек. 1922 г. в Варну, при содействии Лиги Наций, была перевезена из Константинополя Донская Селемийская станица. За время недолгого пребывания ст-цы в Варне, она оказалась объектом усиленной пропаганды со стороны «С. В. на Р.». Помимо устной и печатной агитации, руководители Союза проявляли «заботы» к станице в виде Рождественских и новогодних подарков: табака, сладостей и т. д. Активную помощь «С. В. на Р.» оказывал член этой станицы полк. Икаев, о к-ром в свое время Ростовский градоначальник полк. Греков в одном из своих приказов писал: «он хоть и не юрист, но дело понимает». О позднейшей роли Икаева в деле репатриации будет сказано ниже. Атаманом Селемийской ст-цы был полк. Ник. Иппол. Туроверов и станица, не дав ни одной каз. головы «С. В. на Р.», была перевезена в центр Болгарии — в Эски Джумаз... С приездом нового возглавителя сов. Кр. Креста — Корецкого, с к-рым прибыло из России значительное количество сотрудников ГПУ, в «С. В. на Р.» была произведена новая реорганизация: все председатели Союза в крупных городах Болгарии обязательно стали назначаться центр. бюро Союза и утверждаться Корецким. В малых городах они рекомендовались окр. руководителями и утверждались центром. Секретарями же в отделениях больших городов были непременно представители ГПУ. При болгарской компартии, для оказания ей в нужный момент всесторонней помощи, были образованы русские секции, основным ядром к-рых явились активные главари Союза. Для срочной связи с русскими черноморскими портами, в Варне был завербован быстроходный катер «Иван Вазов», от членов Союза — офицеров стала требоваться активная работа в деле пропаганды, одновременно с этим разрешено было состоять в Союзе секретно. Вообще, с этого времени «С. В. на Р.» являлся чисто большевистским учреждением, руководимым «представителем сов. Кр. Креста. Болгарским пр-ом репатриантам были предоставлены бесплатные ж.-д. билеты до Варны. Лигой Наций в Варне было устроено общежитие, где выдавалось бесплатное питание и табак. Бесплатное питание выдавалось и на пароходах во время переезда от Варны до Новороссийска. Именные списки составлялись в двух видах, одни для организации д-ра Нансена, другие для представителя нар. комиссариата внутр. дел в гор. Ростове на Дону, иначе говоря — для ГПУ. Для д-ра Нансена все уезжающие показывались уроженцами Дона, Кубани и Терека, а для ГПУ их точное место рождения и местожительство. Иногда я имел возможность проверить списки, представленные г-ну Коллинсу и если мне удавалось в нескольких случаях установить имена лиц, ничего общего не имеющих с Доном, Кубанью и Тереком, но показанных как уроженцы этих областей. я писал об этом Коллинсу, подчеркивая не только нарушение договора Нансен-Литвинов, но и заведомый обман в отношении его — г-на Коллинса.. При этом указывал на конкретный случай. Коллинс «устраивал скандал» Союзу. Союз приносил извинения, ссылаясь на то, что они сами были введены в заблуждение... Иногда руководители Союза, для рекламы и пропаганды, сажали на пароход 1-2 чел. офицеров, не внесенных в списки и просили приемщиков на сов. земле вернуть их обратно, «как не имеющих визы». Такой трюк был проделан с б. н-ком хоз. части Атаманского всен. училища — полк. Каклюгиным и Куб. Войска полк. Малама. Возвращение их обратно было широко использовано пропагандой, как устной, так и в «Новой России». При этом Малама был назначен секретарем офицерской секции Варненского отделения, а полк. Каклюгину было предложено «поработать» среди казаков, для чего он объехал почти все места их скопления, кроме Ямболя, где было расквартировано Атаманское училище, н-к к-рого, ген. Максимов, в приказе по училищу, предал полк. Каклюгина «ана-

феме». После объезда Болгарии полк. Каклюгин уехал все-таки в Россию, а полк. Малама уехал в Россию в качестве высланного из Болгарии в период ликвидации Союза. Требуя от офицеров «активности», руководители Союза принуждали офицерские секции писать в «Новой России» «обращения-призывы» к возвращению на родину. В январском номере было, хоть и не полностью, повторено обращение ген. Секретева и компании, к-рое в переводе было представлено мною г-ну Коллинсу с указанием, что вопреки «договора Нансен-Литвинов» «С. В. на Р.» занимается не репатриацией уроженцев Дона, Кубани и Терека, а призывает «все войска белых армий» к возвращению в Россию. Как будто следствием этого было то, что «Новая Россия» больше таких призывов не печатала... 12/3 1923 г. центром Союза было разослано на места предписание за № 292 об организации антирелигиозной манифестации. В силу этого предписания в Варне, на второй день Пасхи, предс. Союза Морозов, на очередном собрании членов офицерской секции, упрекал офицеров в малом проявлении активности и в малом выражении симпатий к «традициям сов. республики», в боязни оторваться от своих коллег — «белых» и потребовал, чтобы офицерская секция «завтра же» устроила манифестацию, пройдя по городу с пением «интернационала», а «на сегодня» предложил пойти в русскую церковь, где настоятель церкви — о. Иван Слюнин делает доклад о положении церкви в России, «сорвать этот доклад и тем самым показать свой отказ от всего старого». Полк. Свирин, состоявший платным лектором «совнарода», отвечая Морозову, призвал собравшихся офицеров к открытому неповиновению, заявив: «если мы позволили оплевать нашу честь, то не можем позволить плевать нам в душу». Морозов назвал Свирина «продажной душой и настоял на своем — группа человек в 15-ть, во главе с ним и с б. городским головой гор. Таганрога — Платоновым, все-таки отправилась в церковь. Но из этого ничего не вышло, 15 «демонстрантов» не рискнули выступать против 200 человек, слушавших доклад о. Ивана..

Болгарским Земледельческим пра-вом были предоставлены «С. В. на Р.», в качестве общежития для репатриантов, обширные помещения в Евксиноградском дворце царя Фердинанда, расположенном на берегу моря, в 3-х кил. от Варны. Под обычным предлогом розыска станичников, я часто посещал это общежитие, ведя беседы с казаками. В одно из таких посещений обратил я внимание на казака, выглядевшего старше других и все время погруженного в какие-то мысли. Спрашиваю: «Что, дедушка, собрался ехать домой помирать?» — «Нет, милый, — отвечает дед. — Сын заставил ехать. Все говорит: поезжай хозяйство сохранять. Вот я и думаю: будет ли что сохранять?» — «А кто же твой сын?», — спрашиваю. «Генерал П..., милый»... Я понял тут, что не только одни большевики уговаривали возвращаться на родину, но толкали на это своих отцов и дети-генералы. Не желая обидить старика, я воздержался критиковать его сына. А старик, как бы оправдываясь и в чем-то смутно сомневаясь, говорит, указывая на соседа: «Да вот, милый. и он едет... Получил письмо, умерла жена, осталось шестеро детей... Едет присматривать за ними, да сможет ли?»...

Всего «С. В. на Р.» и представительством сов. Кр. Креста, согласно регистрационных книг Варненского Союза, при помощи г-на Коллинса, было отправлено: 4/1 1923 г., пароход «Апостолос», в Одессу, 140 чел. — донских казаков. 22/1 — на пароходе «Фердинанд», в Новороссийск, 682 донских казака; 20/2 — на пароходе «Варна», 670 дон. казаков; 2/3 — на пароходе «Алла» 182 дон. казака; 18/3 — на пароходе «Еттехад» 280 дон. казаков; 28/3 — на пароходе «Карвелпарк» 180 дон. казаков; 4/4 — на пароходе «Кеквеш» 340 дон. каз., а всего донцов за это время было вывезено 2474 человека, с ними же вместе было вывезено 1108 куб. казаков, 2241 уроженцев различных областей России и 670 женщин и детей.

Почти все пароходы, возившие репатриантов в Россию, оттуда везли высылаемых сов. властью заграницу профессоров и других ученых с крупными именами. «С. В. на Р.» и это обстоятельство использовал для пропаганды. «Вы видите, насколько гуманна советская власть, она не расстреливает и не ссылает в Сибирь своих врагов, а дает возможность всем, непризнающим ее противникам, покинуть пределы России»... Положение корреспондента давало мне возможность посещать пароходы и беседовать с пассажирами, едущими из России. Очень часто от них я получал сведения и о положении вернувшихся на родину. Если они и не знали всего об этом положении, то кое-что им все-таки было известно. От бесед с несколькими лицами получалось довольно ясная картина: если какая-то часть возвращенцев и попадает на Дон, Кубань и Терек, то через короткое время их высылают из родных краев... Команды же пароходов, имевшие возможность при-

сутствовать при приеме репатриантов представителем д-ра Нансена г. Гарвином, свидетельствовали полное доверие г-ну Гарвину, фактически же приемка эта их не интересовала, т. н. главный контроль будет не здесь при выгрузке, а в Ростове-на-Дону, где нет контроля от Нансена и там они будут проверять и сортировать прибывших по другим спискам, настоящим, а не фиктивным, какими располагал г-н Гарвин... Из расспросов моряков, беседовавших с сов. жителями, выяснилось, что нередко в Ростове значительные группы казаков, через 5-6 дней, после перекрестных допросов, отправлялись по домам, но через 2-3 недели вновь вызывались в Ростов, где получали «путевку» на крайний север или в Сибирь... Таким образом бывшие эмигранты в большом числе были «изъяты» из местной жизни, несмотря на то, что по мнению даже Литвинова они были «хорошие земледельцы»... Как моряки, так и высылаемые из России, говорили и о голоде на Дону, чем только подтверждали сообщения с мест, печатавшиеся в московских «Известиях» и «Правде», в которых указывалось, что из Ростова, Новочеркасска и Донецкого округа, под влиянием голода, население уходило на Кубань...

Положение корреспондента давало мне возможность посещать и представителя д-ра Нансена — г-на Коллинса, который всегда говорил о «радушном» приеме репатриантов сов. властью, что большевики «строго» выполняют «договор» с д-ром Навсеном: никого не задерживают, не чинят никаких репрессий, а тех, кто не внесен в списки, посланных г-ну Гарвину, возвращают обратно. Такие сведения г-на Коллинса, как пропагандный материал, иногда печатались в «Новой России», как авторитетное свидетельство представителей д-ра Нансена, непосредственно ведающих отправкой и приемом репатриантов. Если представлялась возможность объяснять г-ну Коллинсу истинное положение вещей, то он от этого отмахивался, говоря, что это «измышления противников репатриации». Интересно отметить, что большинство рядовой массы ехало на родину без всякого энтузиазма — люди просто ехали домой. Энтузиастов «Новой России» среди них был весьма незначительный процент. Энтузиасты чаще встречались среди интеллигенции и духовенства...

Доверчивость г-на Коллинса, утверждавшего, что репатрианты «радушно» принимались сов. властью и что по отношению к ним не применялось «никаких репрессий», не имела границ. К сожалению, тех сведений, какими мы в то время, находясь заграницей, располагали, было недостаточно, чтобы убедить его и его прекраснодушного патрона в Лиге Наций — д-ра Нансена о той жестокой действительности, жертвами которой становились казаки-репатрианты точас же после «радушных приемов» их в Одессе, Керчи и Новороссийске... Сведения эти поступили несколько позже и получили широкую огласку среди русской эмиграции. Вместе с другими сведениями о бесчеловечных расправах сов. власти со своими противниками они составили впоследствии книгу С. П. Мельгунова «Красный террор в России», в которой автор отмечает, что... «Корреспондент (в России, А. П.) «Русского Нац. Комитета» собрал массу материалов о расстреле казаков, возвращавшихся на родину легально и нелегально» и что «по утверждению автора (корреспондента «Р.Н.К.», А. П.), как общее правило, все офицеры — «чиновники», прибывшие на родину в 1921 году с острова Лемноса, из лагерей в Турции, расстреливались в портах немедленно после разгрузки пароходов» и что... «общее число расстрелянных казаков и офицеров из группы 13/2 1921 г. было 502 человека, а из группы 27-28/3 1921 г. он определяет в 30%».

В применении к казакам-репатриантам, с 1921 по 1925 г., на Дону был проведен ряд показательных процессов. Процессы эти широко проводились по всей России, начиная с 1930 г., но впервые они были применены к казакам-репатриантам и их родственникам. В начале 1922 г. в Ростове было создано «дело» полк. Сухаревского, а в Новочеркасске «дело» казака Снигирева и студента Степанова. Все трое вернулись на Дон из Болгарии и после тщательной проверки были отпущены «домой», а через некоторое время были вызваны на «перерегистрацию», когда и были арестованы и преданы суду военно-революционного трибунала, который судил их как «провокаторов и бандитов»... «за сокрытие своего прошлого». По их делу было привлечено свыше сотни других репатриантов. Военно-рев. трибуналы, после многократного опубликования хода процессов, вынесли решение — Сухаревского, Снигирева и Степанова расстрелять, а несколько десятков казаков-репатриантов, привлеченных по их делу, сослать в северные лагеря... В том же 1922 г. на Дону было создано громкое дело «генштабистов»Донской армии, по которому летом того года были расстреляны сотни репатриантов... В начале 1923 г. в Архангельске был приведен в исполнение смертный приговор над 18 офицерами, в большинстве

донскими казаками. Примерно половина из них были захвачены в плен на сев. Кавказе, а вторая половина были репатрианты. Среди них были 70-тилетний ген. Муравьев и полк. Гандурин... Представитель «Русского Нац. Комитета» при Лиге Наций, по просьбе Донского Атамана А. П. Богаевского, «обратил внимание» д-ра Нансена на эти расстрелы. Д-р Нансен в своем докладе Лиге Наций по этому вопросу говорил: «Были случаи ареста д в у х возвратившихся беженцев за какие-то маловажные проступки, но мои делегаты ведут с сов. правительством переговоры о судьбе арестованных»... В том же 1923 г. на Дону был организован известный процесс казаков жел.-дорожников, к которому также были привлечены десятки казаков репатриантов. По постановлению в.-р. трибунала «6 железнодорожников» было расстреляно и среди них каз. Новочеркасской станицы Кандауров, вернувшийся на Дон из Болгарии. К этому процессу Кандауров был, видимо, привлечен потому, что до войны (14-17 г.г.) занимался в Новочеркасске перевозкой грузов с ж.-д. вокзала в город. В том же 1923 г., во время изъятия церковных ценностей на Дону, за агитацию против этого изъятия, было создано несколько десятков процессов церковно-служителей. К этому процессу также было привлечено несколько сот казаков-репатриантов. В результате этих процессов на Дону было расстреляно до 20% донского духовенства, из них 4 священника в Новочеркасске. Кроме священников по этим процессам было расстреляно и несколько сот мирян, главная масса из коих приходилась тоже на репатриантов, вернувшихся на Дон из Болгарии...

На этих, в своем роде «знаменитых», процессах, общеизвестных на Дону старшему поколению и отмеченных в книге С. П. Мельгунова, мы пока и остановимся, несмотря на то, что случаи истребления вернувшихся на родину казаков можно увеличить во много раз. Но так-как это не является темой настоящего очерка, то вернемся к нему.

Париж. **А. Падалкин**

(Окончание следует)

СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ

Светлое прошлое, радостью полное,
Издали манит к себе,
Грустные думы родятся безмолвные
В тяжкой душевной борьбе.

В мыслях проносятся воспоминания
О невозвратных тех днях, —
Нежные ласки несут и страдания,
Радость вселяют и страх.

Ах, если бы все позабыть мне минувшее,
Вырвать совсем из груди,
Сердце остывшее, мысли заснувшие,
Бросить бы все позади...

Все бы на свете предать мне забвению
И отдохнуть бы душой, —
Не предавался б я больше сомнению,
Тихий вкусил бы покой...

Да, позабыть все! Но счастье желанное
В жизни найду ли опять?
Кончатся ль муки мои безпрестанные?...
Снова ли буду страдать?

Что в настоящем? Одна лишь безцельная
Скучная жизнь — пустота.
Будущность мрачно глядит
безпредельная:
Страшная там пустота...

Все позабыть мне, и жизнь прозябанием
Станет с тех пор для меня.
Счастлив о прошлом не буду сознанием
Больше ни ночи, ни дня...

Жизнь моя будет без проблеска счастия,
Жизнь без надежды, любви,
Без сострадания, без взора участия —
Холод мертвящий в крови...

Нет, не забуду я светлого прошлого!
Память о прошлом, живи!
В дни прозябанья житейского, прошлого
Светом блесни мне любви.

Воспоминанья мои лучезарные,
Мучьте, терзайте меня!
В муках засветится мне легендарная
Будущность, ярче огня.

Новая светлая, полная радостью,
Жизнь мне в мученьях блестнет,

Новою жизнию, новою радостью
Сердце тревогу забьет!

Сентябрь 1920. Сев. Таврия.
Сборник стихом Н. Альникина
«Рифмованные Кончики»

ЛЕБЕДИ

(Рассказ старого казака)

В раме багета бездонно голубых небес, зелени яркой — нежной травы, вербы, лозняка, камыша, куги — зеркальное чудное озеро с прозрачной, кристальной водою дремлет в мягких зеленых своих берегах. Ярко-желтые кувшинки подняли головки, их сердцевидные листья, распластавшись, нежатся на тихой воде. Ряска ажурный узор наплела; в узорах зеленых, в таинственных гротах рыбки, играя, блестят серебром, перламутром; вдруг быстрее стрелы исчезают, игривую шайку вспугнул золотистый, важно плывущий карась, хищный окунь, свирепая щука... Изумрудом, топазом блистают на солнце стрекозы; пестрые, желтые, белые бабочки в причудливом лёте петляют над сонною заводью... Жирные утки, чирки, курочки и прочая Божья пернатая тварь, счастливая радостью жизни, плавает, ныряет, пищит, крякает, трескочет, а иные, сытно наевшись, блаженно дремлют в прибрежной зелени, на живописных островках... А небо лазурное, с сияющим солнцем, так ясно, такой веет от него любовью и миром... Гармония полная неба, природы и твари земной.

— «Тише!» — шумят дозоры. — «Вот, люди идут!»

— «Тише! Они подошли!»

Испугались пернатые, в гуще зарослей исчезли, умолкли веселые звуки...

А люди тихонько тенета по озеру тянут, затейливо, хитро выводят, обманом взять хотят свободную Божию тварь. Готовы тенета.

— «Люди исчезли!» — зашумели дозоры.

И выплывает стайка за стайкой на водный простор. Но с другой стороны послышались звуки тревоги, насторожилась чуткая дичь, звуки ясней и ясней, прячется дичь, но и там в куге, камыше тоже тревога, враг гонит снова на водный простор, сзади, с боков все тревожнее звуки и гонят они на тенета стаи птиц, а в тенетах ворота и снова тенета... Кружится, ныряет, кричит, пищит и плывет в тенета все больше испуганной птицы. Закрылись ворота. Явились с палками люди и в тесном загоне побили невинную дичь. Обагрилась кровью вода. Наряды, недавно красивые, яркие, забрызганы кровью и грязью, и лежит гора птиц бездыханная на сухом берегу. Случайно заплыл в тенета величавый, гордый лебедь. Белоснежен, прекрасен он был и не поднялась рука человека убить его. Привязали и любуются им жестокие люди. Но вдруг раздался могучий крик лебедя и был его крик так печален, полон такой тоски безысходной... Долго над мертвым озером эхо носило могучие грустные звуки. Расступились зеленые заросли на другом берегу и выплыла, семьей лебедят окруженная, царственная подруга его. Криком ответным, полным тоски беспредельной, царица супруга звала. Лебедь снова тоскливо и гордо судьбу ей свою возвестил. А мать с лебедятами бесстрашно неслася вперед... И сжалились люди над ними, стала понятна суровым сердцам их тоска лебедей белоснежных... Отпустили лебедя. Крылами мощно махая, с криком радости, шумно понесся, вздымая пенистые гребни, по зеркальной воде... На средине озера встретились, их окружили птенцы. Сплелись белоснежные крылья, радостно трепеща, и долго мертвую гладь озера оглашали всесильные звуки восторга, любви и радости жизни...

Дранси (Франция). **Ян Богаевский**

КРЕСТЫ

(Окончание)

Первое, что бросилось Котельникову в глаза, когда он выпрямился на краю степи, это, издали маленькая, человеческая фигурка, направлявшаяся, повидимому, в сторону буерака.

— «Это дядя Ваня!», — вглядевшись, узнал Котельников. — «Только он подпрыгивает так, когда спешит. Тетя Ганя говорила, что за пять верст узнала бы его по походке из тысячи казаков... Чего это он? Неужто за мной?»

— О-эй! — во весь голос закричал Котельников, махая фуражкой.

Трудно было допустить, чтобы дядя Ваня услышал крик, — слышком далеко он был. Но, должно быть, и он увидал Котельникова, ибо приостановился на момент, очевидно всматривался, и взял потом направление прямо на буерак.

Дядя Ваня — это был, действительно, он — нес какую-то поклажу. Еще издали, махая рукой и не уменьшая шага, он закричал:

— Промок?

А когда сошлись, он, тяжело дыша и сбрасывая с плеч ношу, оказавшуюся зипуном, произнес:

— Вон какая оказия случилася? а? Говорил тебе, Васятка, не ходи в такую жаришшу по степе. Да чево это ты растелешился?

— Промок насквозь, дядя Ваня, — засмеялся Котельников, сильно обрадованный приходом старика. — Лучше так, чем в мокром,

— Лутше-то лутше... это, можить, и так. Толькя скину я тебе чекменек. В нем верней дело будить.

Дядя Ваня поспешно расстегнул крючки и протянул Котельникову сброшенный с плеч чекмень.

— Надень-ка, он сухой. Я-вить, под зипуном сидел, када лилося. Тебе нес да пришлось самому попользоватца. Бери, бери! — сказал он, видя, что племянник не решался брать чекмень. — На мне сухая рубаха, видишь? У меня толькя и чириках хлюпаить, пустяки!

Ноги старика до колен были мокры, намочил, когда шел по траве после дождя.

— Ну, как ты тут хоронился? Под кустами? в бараке? Аль тебя на открытом захватило?, — забирая у Котельникова гимнастерку с рубашкой, участливо распрашивал он.

С видимым удовольствием набросив на себя уютный дядин чекмень, Котельников коротко рассказал о своих приключениях. Под конец он спросил:

— Нет ли у вас, дядя, мусата с собой? Курить хочется, а спички отсырели. Папиросы не намокли, а зажечь нечем.

— Есть, есть, Васятка, сычас достану.

Дядя Ваня извлек из кармана шаровар аккуратно сложенный кисет, Котельников уже держал наготове папиросы... Когда закурили, старик предложил:

— Давай, Васятка, за куревом отдохнем трошки, пристал я чевой-то. Бег, как на пожар, да опоздал. Вить, вот какой грех получилси!

Он поднял с земли зипун, вывернул его наизнанку, провел по нем ладонью — не промок ли? — и, сложив вдвое, снова положил на траву

— Чижолый, набряк водой, — говорил он, усаживаясь на зипун и жестом приглашая Котельникова последовать его примеру. — Када нес — мыслишка была: уж не бросить ли ево в степе? Думаю, дожжа нету, к чему ево зазря ташшить? На обратнем путю подобрали-б. А потом сомнения взяла, а штокак, скажем к примеру, зипун понадобитца тебе, Васятка?

С наслаждением затягиваясь табачным дымом, Котельников примостился рядом с дядей. Сидеть было удобно, приятно пригревало солнце, на плечах ощущалось тепло сухого чекменя, если бы не мокрые ноги, было бы совсем хорошо.

— А-вить, я верхи поехал за тобой, Вася. Хе-хе-хе!, — весело, но с каким-то смущением, как показалось Котельникому, рассмеялся дядя Ваня.

— Верхом? А где же лошадь?

— Лошадь? — обнажая в улыбке зубы и с хитрым видом почесывая пальцем бороду, переспросил дядя Ваня. — Иде-ж ей быть? Дома она, клятая!

И дядя Ваня рассказал:

— После полдника — ты уж давно ушел — повозился я трошки в мельнице — мучишку, что смололась, приготовил закащику, засыпал зерно, то до се, време промелькнула, сам знаишь... Поскончал, вышел наружу, а на дворе такая духота стоить! Што за история, вить-вот какая погодка, прямо не приведи Господь! Думаю себе, не выгоню пока-

што коней на траву, измаютца толькя, обожду малость, выгоню попозней. Сем-ка, думаю, заместо этова, схожу я обсмотреть чигирь, думка все в голове полить сад, погибаить-вить от сухоты, лист ажнык желтеить. Поднялся к чигирю, обсматриваю крутилку, все ли в порядке, не рассохлись ли желобки, черпалки — не оторвалась ли какая от колеса. Все обсмотрел, ничево такова не заметил, хочь сычас поливай. Завтря, думаю, ежли опять такая жара, начну поливку, будь-штобудить, не могу смотреть как страждуть яблонки... Порешил, стал-быть, такое и сбираюсь обратним порядком на мельницу, у шестеренки одной зубья малость сработались. Ишо как бы, думаю, беды не нажить. Глядь на Золотой — видно ево в одном месте от чигиря, заметил? — ты там часто под вербой лежал, — а у Золотова неба вся черная! Ну, думаю себе, вот она водичка-то идеть и поливать ничево не надобно. Радуюсь и все прикидываю в уме, как она ладна так получаитца. А потом мысля промелькнула: Василий-та! Мать честная! Скатился от чигиря, шумнул тетке зипун приготовить, чекмень на себе да к Панчику — хорошо, што не выгнал ево в луга. Обратал ево, попонку накинул, сел наохлюпь, тетка с Груняткой принесли зипун... Ну, я и поскакал выручать тебя. И все бы хорошо, да припоздал я, позно заметил тучу. Выскочил из балки, а она тут-как-тут, моланьи свиркають, гром колыхаить... Гоню я Панчика, скачить он, а по ушам вижу — сильно не одобряить он всю эту историю. Потом, ка-ак свирканеть! Да ка-ак гкакнить — гром-та! Мой Панчик, как свечка, надыбки, на задних ногах танцуить, а я, грешным делом, как куженок какой, очутился на-земе, не удержалси, выходить, старый хрен!

— Ну, а дальше? Не ушиблись? — еле сдерживаясь от смеха, спросил Котельников.

— Не-е, чудок коленкой пришелси, да это ничево, да свадьбы заживеть, хе-хе-хе! — рассмеялся дядя Ваня. — Сбидна, што осрамилси на старости лет, спешил меня поганец-Панчик. Хоть бы конь был, как конь. А-то так, задрипа-мерин... Срама!

Дядя Ваня виновато улыбался, поругивая Панчика.

— Ну, а дальше, дядя Ваня, дальше-то что было? — весело смеясь, спрашивал Котельников.

— Вскочил я, кличу: Панчик! Панчик! черти бы тебя подрали! Куды-ы там! Панчик мой хвост задрал, свиркаить копытами. полным ходом на мельницу дуить. Эх-ты! Такая досада взяла меня, пропадеть, думаю, мой офицер в степе. А тут и дож настиг. Делать было нечево. Накрылся я твоим зипуном, сижу, как кочка какая на ровном месте — с головой накрылся-та, слухаю, как барабанить дож по зипуну и об тебе думки... Совесно мне, сам в затишке, а ты там, на Золотом мокнишь.

— Я на Золотом как раз и не был, не дошел. Пролежал у креста.

— У креста? Иде убили Минай Матвеича? Ну, все едино, на Золотом ли, у креста ли, на голом, выходить, месте. Озяб?

— Немного прохватило. Сейчас хорошо, согрелся. Ноги только мокрые.

— Тада давай двигатца.

Дядя Ваня, кряхта, стал подниматься.

— Барак играить?

— Играет и довольно хорошо. Никогда не думал, что столько в нем будет воды.

— Да-вить, ее, воды-та, не мало и выпало, так лилося. Кабы озер мой через запруду не вздумал перемахнуть. Заиграить, как пить дать, и наша Перекопка. Тетка, гляди, поотрывала отворы, дюже боитца она за колесо. Бог дасть, все обойдетца по-хорошему. А славно как после дожжечка, посвежело, не надышишьси. И яблонки мои вздохнуть...

Когда согревшиеся от часовой ходьбы дядя с племянником, пригреваемые к тому же сзади солнцем, спускались недалеко от мельницы в долину, они увидели на лугу Панчика, спокойно щипавшего траву. Повода уздечки, с привязанным к ним чумбуром, волочились по земле и было непонятно, как мерин ухитрился не оборвать их, так легко было наступить на них копытами. Попонка, стянутая ремнем, сползла под брюхо и тоже подвергалась постояному риску попасть под копыта задних ног.

— А-а, вот ты иде, сукин сын! — вскричал дядя Ваня. — Обожди трошки, я-те проучу сычас, как измыватца над хозяином! Я-те покажу! Подержи, Вася, зипун.

Дядя Ваня, свирепо нахмурив брови, направился к Панчику. Тот, как ни в чем не бывало, продолжал щипать траву. И только когда старик, нагнувшись, дернул сердито подобранной уздечкой, он вскинул голову и, вытянув шею, — попятился, весьма, видимо, удивленный непривычной для него резкостью хозяина.

— Спешил меня, поганец — кричал, дергая уздечкой, дядя Ваня, — осрамил на старости лет! У-у, паршивец! Вот я тебе! — погрозил кулаком озадаченному пятившемуся маштаку.

У дяди Вани, кроме кулака, ничего не бы-

ло, чем можно было бы ударить Панчика. Да он и не собирался его бить. Поругавшись для приличия еще немного, он кончил тем, что хлопнул Панчика ладонью по шее и деловито стал снимать с него уздечку и отстегивать под брюхом ремень, чтобы освободить попону.

Котельников, держа на плече зипун, а в руках свое мокрое одеяние, смотрел на дядю и от души хохотал.

Только за ужином Котельников понял, что он по-настоящему болен. До этого, помогая дяде раздать на ночь корм животным, вернее — наблюдая, как дядя неторопливо и сноровисто это делал, выслушивая его сетования на невозможность, за полным отсутствием денег, купить пару «стельных» телок на смену стареющим коровам, Котельникова моментами охватывал сильный озноб, заставлявший его вздрагивать и сжимать зубы, чтобы не «клацали». Потом, ни с того ни с сего, приливала вдруг к голове кровь и голова Котельникова начинала кружиться, в глазах плыли огненные круги, рассыпавшиеся золотым веером сверкающих звездочек...

— «Что со мной?» — с недоумением спрашивал себя Котельников. — «Неужели простудился под ливнем?»

Напрягая все силы, чтобы преодолеть недомогание, он силился вникнуть в слова дяди, доходившие до него откуда-то издалека, хотя дядя стоял рядом.

— ...прямо беда. Што ни год, то бычки. Што ты с ними будешь делать? Ждать три года, штоб продать как быков? Хлопот не обересси. Корму и без того в акурат. Сена ишо можно бы накосить — травы в степе вон ее сколькя! — да косить-та кому, спрашиваю? Один-вить я работник. Хозяйство плюнуть да растереть, а време береть дочиста. Мельнячушка, — опираясь на вилы, говорил дядя и не только слова его звучали издалека, но и сам он казался Котельникову в каком-то тумане, — ...за ней тожа надобно наглядать. Огород, сад, бахчишка... Туды-суды, глядь, а на дворе зима...

Так же неожиданно, как оно появлялось, недомогание оставляло Котельникова — туман, окутывавший дядю, рассеивался и слова его слышались совершенно ясно:

— ...бычков продаём на мясу. А што за них возьмешь? Сами режим к святкам — с холодами можна. А телок укупить нёзашто. Тут капитал надобно иметь...

— «Сегодня же дам ему денег на телок», — решил Котельников.

Но когда наступил ужин, Котельников больше не сомневался — он был болен. К недоумению и беспокойству тети Гани, он отказался от еды, ему хотелось пить, его бросало то в жар, то в холод.

— Меня прохватило под дождем. Вы. тетя, не беспокойтесь, это пройдет, — успокаивал Котельников встревоженную старушку, непроизвольно сотрясаясь от лихорадочной дрожи. — Вот, приму сейчас хины... у меня есть... как рукой снимет. Я вам оставлю, пригодится. У вас, наверное, ничего нет из лекарств?

— Какие там лекарства! — махнул рукой дядя Ваня. — За один порошок хины можна боровка купить. Народ хворает, а лечить нечем. Аспирин али, скажем, йёд и забыли какие они есть. Своими средствами лечимся, заговаривають бабы, а больше припарочками, — усмехнулся он и добавил:

— Так ты, тово, Васятка, примай свою хину и иди с Богом, отдыхай, авось к утру пройдеть.

— Пройдет, дядя Ваня, — уверенно сказал Котельников, вставая из-за стола и проводя ладонью по горевшим нездоровым румянцем щекам — глаза его лихорадочно блестели. — Хина сразу понизит температуру, нет ничего верней, — говорил он, роясь в кожаных сумах, прикрытых вместе с седлом какой-то ветошью на скамье около кровати.

— Вот она, хина, — достал он небольшую жестяную коробку. — Недавно добыл у своего врача. В полку у нас тоже слабо с лекарствами. Да и некогда лечить. Больных сразу отправляют в тыл.

В горнице, куда Котельникова проводила тетя Ганя в сопровождении молчаливой напуганой Груни, было темно. Котельников зажег лампу и сел на диван.

— Ты ложись, Вася, а я схожу принесу водички. Небось пить жаждаешь?

Котельников сбросил с себя одежду и, укрывшись с головой, плотно закрыл глаза, стараясь поскорей заснуть.

Вернулась вскоре тетя Ганя.

— Вот, Вася, графен с водой и стаканчик, — сквозь охватившую его дремоту услышал Котельников. — У тебе полотенец принесла, в случае обтереться, — говорила тетя Ганя, расставляя на столике в изголовьи дивана принесенное. — А в кувшинчике молочко, часом пожелаишь выпить. Ты слышишь, Вася? — спросила она,видя,что Котельников не шевелится.

— Да-да, слышу, тетя Ганя, — попрежнему не шевелясь, ответил Котельников.

— Лампу-то притушить?

— Что вы говорите, тетя Ганя?... Лампу?... Да-да, можно потушить, — поднимая голову,

сказал Котельников. Глаза его были воспаленно-красны.

— Ой, как она тебя трясёть, лихоманка эта! — испуганно всплеснула руками старушка. — Спи-спи, родной! Я сычас... Лампу-то я притушу, а заместо ее зажгу лампадку, все не в теме будешь. Иде у тебе серники? Вот они... Спи-спи, родной!

Котельников смутно слышал, как тетя Таня гремела стулом, на который она, тяжко вздыхая, поднималась, чтобы зажечь лампадку перед образом в переднем углу. Вот она, бормоча — должно быть, молилась — спустилась на пол... опять громыхнул стул, скрипнули половицы и все, наконец, стихло...

Котельников впал в полузабытьё. Это не был сон с его таинственным провалом во временное небытие, когда усталое тело отдыхает, набираясь сил. Но это не было и настоящее бодрствование, с его ясным представлением о вещах и со спокойно текущими мыслями. Это было какое-то промежуточное состояние между тем и другим. Котельников ощущал, как охваченное неругом тело искало покоя и не находило его. Каждую минуту Котельникову приходилось менять положение — то он лежал на спине, то, наоборот, поворачивался на бок, сгибая ноги в коленях... А в голове в это время, вместо спокойных мыслей, завихрился рой лихорадочно-ярких видений от богатой впечатлениями прогулки по степи. Дрожала в закрытых глазах тонкая пелена марева... Котельников пристально всматривался, силясь понять: чего не хватало в этом, виденном сегодня, мареве? А-а, вот чего: когда он был маленьким и ходил купаться жарким днем в одном из многочисленных луговых озер, всего в версте от станицы, он часто наблюдал, когда солнце стояло в зените, далеко-далеко, через весь луг, поверх вот такого же, как сегодня, кисейного марева, чудесное видение: росла там, под сиреневой в дымке горой, высокая-превысокая пальма, именно пальма, а не какое-либо другое дерево, с обнаженным до самой верхушки стволом и развесистой кроной веерообразных перистых листьев. К пальме привязана была лодка, недвижно покоившаяся на гладкой зеркальной поверхности преогромнейшего озера, застывшего под сиреневой горой... Поразительно было то, что это видение за те долгие минуты, когда очарованный Котельников-мальчик не отрывал, любуясь, от него глаз, ни на секунду не менялось — пальма, лодка и озеро, прекрасно очерченные, четкие и как будто недалекие, являлись тогда взору, как некая мертвая картина, перенесенная на полотно художником. Но Котельников-мальчик отлично знал, что под горой, где в знойный полдень происходили чудеса, на самом деле ничего чудесного не было — был там самый обыкновенный хутор Потгорный, из-за марева невидимый, и никакой там пальмы не было и в помине, как не было и озера да еще с лодкой на нем... Или еще: однажды Котельников, тоже мальчик, приехав в станицу из города на летние каникулы, во время прогулки по степи увидел вдруг зрелище, доселе никогда им невиданное и совершенно для него неожиданное — на горизонте, над танцующим раскаленным воздухом, шел караван верблюдов... Высоких одногорбых, — а не двугорбых, каких было много в станице, — верблюдов... От вытянутых к земле шей тянулись веревки к рукам вожатых, пятишести человек, в длинных халатах, укрывавших их до самых пят, с длинными же, выше голов, посохами... Караван шел: медленно раскачивались, переступая, верблюды, мерно шагали вожатые, по одному впереди каждого верблюда... Но странно, караван шел, но не продвигался вперед и вдруг, когда завороженный Котельников отвел на секунду взгляд, исчез бесследно, растаял или провалился в землю...

Сегодня Котельников, кроме волнистой танцующей пелены горячего воздуха, ничего не видал в жаркой степи. Может быть потому, что солнце начинало клониться к западу и потеряло магическую полдневную силу создавать волшебные картины из нагретого эфира? А впрочем... впрочем... как же это так — ничего не видел? А крест? Ну-да, когда он поднялся из буерака, намереваясь пройти к Золотому Кургану, что он увидел перед собой? Это было до того неожиданно, так реально среди нереального дрожания кипящего над степью воздушного покрова, что Котельников остановился, как вкопанный, и долго созерцал представший перед его взором крест... В разгоряченном мозгу Котельникова болезненно разыгравшееся, ничем несдерживаемое, воображение в точности рисовало перед его внутренним взором, к а к он увидел крест... Пляшет, до ряби в глазах, раскаленный воздух, в двустах-трехстах шагах впереди степь исчезает под неверным его покровом и над ним повис черный издали, абсолютно неподвижный, большой крест. Да-да, повис, а не стоял, врытый в землю, ибо земли не было видно, висела верхняя часть креста, вот так: прямо стоящий столб и такой же длины перекладина посредине, как распростертые над землей руки. Сомнений не могло быть — это была самая настоящая действительность. Котельников видит себя прибли-

жающимся ко кресту, отодвигающуюся перед ним воздушную пленку и вот он у самого креста, с дощечкой на месте соединения перекладины со столбом. Он видит себя впившимся в написанное на дощечке и вновь переживает тот ужас, охвативший его, когда он понял, почему тут, в этой глуши степной, оказался крест...

Котельников заметался на постели. Ужас, ужас! И сюда, в самую безлюдную степь, пришла она, проклятая война, с ее кровью, ненавистью и местью! Как могло это случиться? Откуда на людей свалилось это чудовищное невообразимое бедствие? Почему убили тут старика Королева? Как могло дойти до того, что человеческие отношения заменились зверскими? Хуже даже нежели зверскими. Звери одной породы не уничтожают друг друга, они грызутся со зверями других пород. А тут племянник — дядя Ваня рассказал обо всем, когда возвращались на мельницу после грозы — среди бела дня сечет палашем родного дядю. В чем дело?

И на Котельникова, в лихорадочном жару не находившего себе места — он сбросил одеяло и лежал в одном белье — свалилась вне запно вся кошмарная действительность, беспощадно - обнаженная, несуразно - дикая и зверски жестокая в своем проявлении, действительность, поглотившая сейчас всю Россию, содрогавшуюся от революционных спазм, каждая из которых сопровождалась потоками крови. И от этой действительности никому не уйти, все - все, так или иначе, должны отдать ей дань, как отдают, отчаянно защищаясь, казаки. Подумать только... На тихий край, чудом сохранивший среди разбушевавшейся революционной стихии относительный порядок, с огнем и мечем, глумясь над всем казачьим и попирая казачьи святыни, обрушились темные силы, беспощадно требовавшие беспрекословного подчинения и несшие под чуждыми им лозунгами свободы и справедливости порабощение и полное материальное разорение... Как это получилось? и к а к, ч е м все это кончится?

Больному Котельникову, метавшемуся в лихорадочном жару, действительность эта казалась отчаянно безотрадной.

...Все истекшие месяцы борьбы, требовавшие максимального напряжения сил, в ежедневной — да какой ежедневной! — ежечасной, постоянной спешке вот сейчас, немедленно что-то предпринять, иначе будет поздно, чтобы отбить упорно наступавшего врага, некогда было предаваться размышлениям и отыскивать причины совершившегося. Не было для этого подходящей обстановки, не было времени, не было покоя. На все вопросы, в такой резкой форме поставленные жизнью, не было и не могло быть готового ответа, чтобы осмыслить их до донца необходимо было, хотя бы на короткий срок, вырваться из этого вихря событий, закруживших людей в невероятном хороводе, не давшего возможности сосредоточиться и поставить все на свои места. И лежали они тяжебым подспудным камнем на самой глубине души, загнанные туда необходимостью, лежали все накапливаясь и требуя ответа...

Счастливая случайность привела его в степной хуторок дяди, старого казака, мирно жившего вдали от шума кровавых событий, разыгравшихся на казачьих просторах. И здесь ощущались следы этих событий. Тетя Гана не осушала слез по убитом сыне... Дядя Ваня, чтобы не думать, с головой ушел в хлопоты по хозяйству и избегал затевать разговор о семейном горе... Не трудно было догадаться, чем полна была душа старого казака и каких усилий стоило ему переживать на склоне лет горечь разбитых надежд... И оба старика всю силу своей любви к единственному из четырех детей сыну, погибшему на войне в расцвете сил, перенесли на оставшуюся после него круглую сиротку — Груню, в детской непосредственности и святой своей невинности, не осознававшей несчастья, постигшего дедушку с бабушкой и ее самое...

Но кругом была настоящая полнокровная природная жизнь. С величавой торжественностью восходило каждое утро на восточной стороне золотое солнце, заливало светом и теплом дремавшие в задумчивости молчаливые степные просторы... Каждая былинка полувысохшей травы, освежившись за ночь, невозмутимо -бесстрастно — травы, как деревья, как вся природа, не умеют выражать чувства, они не знают сожаления, протеста, страха, жестокости, лицемерия, мести и иных человеческих страстей — готовилась принять очередную долю испепеляющего ее тепла, с безмерной щедростью посылаемого с неба горячим солнцем... В сиреневой дымке, далеко впереди, виднелись, скрашивая ландшафт, древний курган, ревниво стороживший сокрытую под ним вековую тайну, и высокое взгорье, приближавшее горизонт, с темными пятнами кустарников по склонам неприметных за далью буераков... Зелень долины — там и сям видневшиеся купы деревьев около игрушечных издали куреньков, густые заросли камыша и куги у мельничных запруд, широкая, ярко-зеленая лента трав, с преоб-

ладанием осоки и чакана, питаемая влагой никогда не пересыхающей речушки, змейкой вьющейся по дну, достойно представлявшей породившую ее водную стихию, единственно-способную умерить летний жар Ярилы-Солнца... Неожиданно, нарушая великое молчание нечувственной природы, из поднебесья доносится гортанный клекот орла — надо пристально и долго искать его, пока обнаружишь черную точку, кажущуюся неподвижной, парящего в небесной сини пернатого степного царя... Попутно, ближе к земле, обнаружит внимательный взор коршуна — этого воздушного пирата рангом ниже орла, плавно описывающего круги над курганом на прямых, несгибающихся крыльях... Только тут откроется вдруг, что несмотря на кажущуюся пустынность, живой пернатый мир представлен в степи достаточно полно, особенно в зеленой долине. Над ближайшим хуторком повис в лазури копчик-«скопец» — крылатый разбойник мелкого пошиба, далеко уступающий грозному ястребу, еще необнаруженному. Копчик охотится на неосторожных пичужек, живущих в соседстве с человеком... Поверх деревьев взмывают иногда вороны. Резкого карканья их не слышно, слишком далеко, но они непременно горланят, взлетая... Вдоль долины неспешно пролетают сизоворонки к притягивающим их в отдалении вербам... В одном месте над речкой, у ответного обрыва, просверленного десятками черневших в желтой земле дырок, шныряют шустрые золотистые щурки, ловя над травой мошек и с добычей в слегка изогнутых клювах, ловко нырявших, едва замедляя лет, в дырки-гнезда, чудесное убежище от пернатых и других хищников...

Когда Котельников, в сопровождении счастливо щебетавшей Груни и Полкана, совершал по приезде на мельницу обход дядиных владений, его поразил этот вот царивший повсюду незыблемый покой, эта удивительная гармония во всем, это редко нарушаемое молчание степной равнины с ее травяным покровом, эта ясно ощущаемая душой особая, нездешняя благодать, разлитая кругом... Как не похож этот мир на тот, из которого Котельников только-что вырвался и который он, от долгого пребывания в нем, почитал почти нормальным! В том мире не было ничего от Божественного Промысла, там господствовала, все заслонив собой, злая человеческая воля, там кипели страсти, там не было никакого дела до природных гармоний и самой природы, как не было тишины и покоя, — вместо них гремели орудийные залпы и все предавалось уничтожению...

И Котельников, случайно вырвавшийся из ада фронтовой жизни, целиком попал под обаяние этой степной благодати. В силу слепого, до конца неосознанного эгоизма, вытекавшего несомненно из скрытого чувства самосохранения, настойчиво диктовавшего поскорей забыть ужасное вчерашнее и в полной мере насладиться хорошим — мало того — чудесным сегодняшним, с его удивительным покоем, так слившимся с разлитою кругом гармонией природы, он, в течение первых дней своего отпуска, старался ни о чем не думать и ничего не ворошить из накопившегося у него в душе, к разрешению и уяснению чего до сих пор не мог приступить. Не сейчас, не сейчас думать обо всем этом! Что важно сейчас — это забыться от всего и отдохнуть, если не душой, что пока невозможно, то хотя бы физически. Надо питаться, спать, дышать чистым воздухом, гулять, любоваться красотами природной жизни — их, этих красот, много даже в глухой степи, если уметь их видеть... Пассивно подчинившись таким, извнутри продиктованным ему, правилам, Котельников добросовестно, как все, что он делал, выполнял их и за три спокойных дня получил многое. Прежде всего, он отоспался совершенно, отчего значительно успокоилась нервная система, сильно до того расстроенная. Его покинуло вечное на позиции желание «чего бы пожевать», ибо он вволю ел множество вкусных вещей. Он почувствовал прилив сил и его потянуло на прогулки... Урывками он обследовал всю долину вверх и вниз от дядиной мельницы и собирался совершить большую прогулку по степи и непременно побывать на Золотом Кургане, куда его, в чаянии полюбоваться степными просторами, влекло непреодолимо...

До кургана, куда он направился после завтрака, Котельников не дошел — помешала гроза с ее проливным дождем, до костей промочившим его, когда он, пережидая, лежал у креста на месте гибели старика Королева. Этот крест, поразивший Котельникова своим появлением, не выходил у него из головы. В лихорадочном жару на постели, Котельников только о нем и думал.

— «Сколько таких крестов надо бы поставить по всей степи... Старик Королев счастливец. Родные срубили карагач и вытесали ему крест... На память потомству о лихолетьи»...

А воображение уже рисовало ему картину степи, усеянной множеством крестов, точь-в-точь таких же, как крест старика Королева.

— «Степь — кладбище... Страшно! Не ви-

дать бы всего этого!»...

Переворачиваясь с боку на бок, он силился думать о другом. Ему вспомнилась вдруг жемчужная нить повисших дождевых капель на нижней кромке перекладины креста, с искорками солнечных отражений, и его восхищение при виде такой красоты... Радуга, представшая перед его взором после грозы во всем своем блистательном величии, лишний раз наглядно подтвердившей несоизмеримое превосходство небесного над земным... Сизянная, обмытая, благодатным ливнем степь, загоревшаяся в ярких лучах освобожденного грозовою тучей солнца, с блестками на кончиках былинок дождевых капель, с чистым ясным воздухом, открывшим повеселевшие степные дали, вздохнувшие от пережитого предгрозового удушливого зноя... Вихрем налетевшая гроза, громовые раскаты, слепящие зигзаги молний... Котельников видит себя сжавшимся в комок, подставив спину под лившуюся с неба, как из ведра, воду...

— «Брррр!», — содрогнулся Котельников от внезапного озноба, холодной дрожью сотрясшего тело.

И тотчас же, на какую-то долю секунды промелкнула перед ним еще одна страшная деталь — это когда он, в начале грозы, со смутным страхом увидеть нечто сверхестественное, от самой земли вверх по столбу поднимал взор, боясь увидеть... ноги распятого старика Королева!

— «Нет, нет, не это!», — сжимая до болезни глаза, сам себе кричал Котельников. — «Довольно! Не хочу больше видеть креста... Это же мука какая-то!»...

Он напрягал все силы, чтобы отогнать неотступно преследовавшее его видение. Это ему удалось, незаметно для самого себя он заснул.

. . . . . .

Котельников видит сон...

...Идет он по степи весенней... Высокая трава, расцвеченная великим множеством — и ярких и скромных — цветочков, необозримым зеленым покровом стелется во все стороны... Котельникову хорошо, веет прохладный ветерок, щекочет, как бы приветствуя редко захожего гостя, его щеки, играет волосами непокрытой головы... Котельников знает — идет он на Золотой Курган, откуда так далеко видна прекрасная весною степь. Он всматривается, заслонив рукою глаза от яркого солнышка, и видит: впереди, над гладкой степью высится большой холм с округленной верхушкой... Котельников ускоряет шаги. Ему мешает густая трава, он путается в ней ногами и вот он совсем близко от кургана... Вблизи курган кажется Котельникову непомерно высоким. «Сразу не поднимешься», думает он и медленно поднимает голову, точно желая измерить взглядом высоту курганного склона... Сердце его вдруг дрогнуло — на самой вершине он увидел большой четырехконечный крест. Над ним, кружась, реяли в воздухе черные птицы... Сколько их! Не десятки, а сотни, тысячи... «Стервятники, чего они слетелись?»... Птиц столько, что они застилали собой небо и если бы не внезапно исчезнувшее солнце — да, да, оно скрылось!, — то от них падала бы на землю густая тень. Сердце Котельникова неистово заколотилось в предчувствии чего-то страшного... Перед крестом, лицом к Котельникову, стоит большая толпа людей, одетых в серые солдатские шинели и черные матросские бушлаты. Матросы в черных бескозырках, с красными помпонами и золотыми надписями, в руках у них, как и у солдат, винтовки, ложами на земле, тонкими, жалящими штыками вверх... Толпа неподвижна и странно молчалива, смотрит, подняв головы, на высокий крест. Котельникову не видно, на что смотрят люди... Задыхаясь от волнения, он бежит по склону кургана на другую сторону и, спотыкаясь на каждому шагу, цепляясь руками за землю, чтобы не упасть, карабкается наверх... Вот он сзади последних солдатских рядов, как все, он поднимает голову и у него мутится в глазах — на кресте распят человек! И человек этот — старый казак! На нем разодранный темно-коричневый расхожий чекмень, расстегнутый до пояса, с серой, окровавленной на груди, рубахой... Из-под чекменя, от колен, видны шаровары с бледными алыми полосами лампас, вобранные в белые шерстяные чулки... Седая обнаженная голова со спутанными волосами опущена на грудь... От правого уха через весь лоб глубокий шрам от страшной шашечной раны. Рана еще кровоточит, на мертвенно-бледных щеках видны свежие кровяные стёжки, терявшиеся в широкой пепельно-серой бороде... Котельников ахнул, что-то у него оборвалось внутри... «Так это же дядя Ваня! — похолодел он. — «Нет, нет, это не он! Не может этого быть — я же с ним только-что обедал! Это старик Королев, зарубленный урядником Мариниым!» — мелкнула вдруг у него догадка. — «Ну, конечно, это Королев! И Маринин тут, вон он!» Слева от креста кучкой стоят казаки — чубатые, в форме, в казачьих с красными околышками фуражках... Один из них — красивый, румя-

ный, с черными усиками — держит в руках окровавленный палаш... Котельникова поразило необычайное оживление этого казака — он весь подергивался, переминался с ноги на ногу, руки его — одна с палашем — были все время в движении, он то посматривал на зарубленного распятого дядю, то переводил беспокойный, горящий нездоровым огнем, взгляд на станичников и с растерянного лица его не сходила жалкая улыбка, словно он искал у них сочувствия. Станичники его, как один , были хмуры и стояли с опущенными головами... Неожиданно для Котельникова, жадно впившегося в лица казаков и мучительно искавшего ответа на вопрос, как могло случиться, что они пошли за большевиками? — тишина разлитая кругом — и на кургане с неподвижной толпой и в небе с бесшумно кружившимися в нем стервятниками — резко нарушается... Отовсюду несется веселый гомон голосов, слышатся хохот и смачные ругательства, кто-то насвистывает интернационал, пискливо пиликает гармошка... Сжившие солдаты, побросав винтовки, смеясь и перекидываясь шутками, крутят цыгарки, держа кисеты в руках... Один из них протягивает Котельникову бумажку и, обнажая гнилые зубы, говорит: «Крути и ты, беляк!» — «Откуда он знает, что я белый?» — с тревогой думает Котельников и только тут соображает, что он в форме. Он смотрит на солдата, жадно уставившегося на его шевровые сапоги. «Надо уходить остюда», — решает Котельников. — «Смотри сюда!» — говорит ему гнилозубый солдат, показывая рукой куда-то вдаль. — «Видишь, что делается на свете?»

Котельников смотрит и видит с вершины Золотого Кургана: вся необозримая степь полна людей, все горизонты в огне, горят усадьбы, толпы народа снуют на пожарищах, у каждого из людей на спине какой-то груз... «Это мужики растаскивают дворянское добро», — соображает Котельников. Над пожарищами, заслоняя небо, тучи черных птиц... И куда ни глянет Котельников — всюду видит он огромные скопища людей, они стоят отдельными толпами, посредине каждой, возвышаясь над ней, говорит человек, размахивая сжатыми в кулаки руками... Толпа в серых солдатских расстегнутых шинелях, с болтающимися позади хлястиками, в грязных сплюснутых фураженках, на многих зимние ватные ушанки, с болтающимися распущенными подбородниками... Идут митинги... «Дезертиры», — догадывается Котельников. Сквозь толпы митингующих дезертиров, раздвигая их налево и направо, бесконечной лентой движутся колонны людей. Все в черном, винтовки на плечах, на груди у каждого крест-на-крест пулеметные ленты, на поясах гроздья гранат. Колонны непрерывающимся черным змеевидным потоком льются мимо кургана на юг, где стелется дым и виден огонь пожарищ... «Рабочие, идут на Дон. Эти идут грабить кровное казачье добро»... «Видал?» — кричит рядом солдат. Котельников смотрит на его ощеренный с гнилыми зубами рот, встречает его взгляд — в нем столько ненависти, что Котельников инстинктивно хватается рукой за пояс, на котором у него всегда висел в кобуре ноган — кобуры не было. «Снимай сапоги, контра!» — хрипит солдат и угрожающе направляет на него штык. Котельников оборачивается, ища казаков, недавно стоявших у креста — казаки исчезли. «Будь, что будет!» — решается Котельников и, перекрестившись, прыгает вниз на крутой скат Золотого Кургана. «Держи! Держи! Это офицер! Белопогонник!» — доносится до Котельникова, катящегося вниз по курганному скату...

. . . . . .

Котельников проснулся на полу горницы. Машинально потирая ушибленное колено, он уставился на тихо мерцавший в переднем углу свет лампады, соображая, что с ним происходит. В ушах его еще стояли крики солдат и клацанье винтовочных затворов... Поняв, наконец, что он спрыгнул во сне не с кургана, а с дивана, он поднял валявшееся рядом одеяло, жадно выпил воды прямо из графина и снова улегся, укрывшись с головой. Его охватил длительный прерывистый лихорадочный озноб. Дрожа, с закрытыми глазами, он перебирал отдельные детали кошмарного сна, наиболее запечатлевшиеся в памяти и заставившие его уже наяву почувствовать тяжесть переживаемого.

— «На всю жизнь останется. Разве можно забыть это?» — думал он, стараясь отогнать маячивший перед глазами крест. — «Так-вот и будет сниться, не то, так другое»...

. . . . . .

Снится Котельникову...

...Огромный дубовый крест всей тяжестью давит на человека, несущего его к высокому кургану... Человек в военной форме... Широкие генеральские эполеты, два эмалевых Георгиевских креста — нашейный и нагрудный — свисают, как бы притягивают его сни-

зу к земле, человек-генерал, под тяжестью дубового креста, сгибается вдвое, с великим трудом продвигаясь по высокой траве, касающейся его лица... Котельников сразу узнает его. Бледное измученное лицо в крупных каплях пота... Несмотря на переносимые страдания, на нем отпечаток спокойно-задумчивого выражения, никогда его не покидавшего... Ему тяжело сейчас. У него спирается в груди дыхание, полуоткрытым ртом, с подстриженными над ним черными с проседью усами, он часто с шумом втягивает воздух, воротник кителя врезался в подбородок, мешает дышать... Обе руки его упираются в колени согбенных, еле передвигающихся ног, помогая удержаться и не рухнуть под мертвым грузом креста... Сейчас же за крестом толпа вооруженных красногвардейцев, со звездами на фуражках, со штыками наперевес... Котельников содрагается от зверского выражения лиц этих добровольных палачей революции: латышей — вот они, аккуратно одетые, с тупой упрямой решимостью шагающие в передних рядах, все наголо выбритые, бесстрастные, с плотно сжатыми челюстями; разнузданной матросни с лихо сбитыми на затылки нарядными, с помпонами и лентами, головными уборами, с горящими от нездорового возбуждения глазами, с застывшими усмешками на плотоядно раскрытых ртах, с мелькающими в оскале зубами; рабочих, злобно смотрящих на ненавистного им генерала-мученика, небритых щетинистых, отчаянно сжимавших в руках, со следами неотмываемой заводской грязи, винтовки — непривычный инструмент, врученный им «свободительной» — от кого и от чего? — революцией... Всей этой вооруженной толпой командует юнец, почти мальчишка, с красивым, по актерски выбритым лицом, в щегольском кителе без погон, в брюках-галифэ, в ярко начищенных — тонкой кожи — сапогах... Котельников с ненавистью смотрит на этого выскочку — продавшегося большевикам царского офицера-кавалериста, пришедшего на Дон расказачить казаков, истребить неповинующихся, терроризовать остальных, населить на казачьих землях крестьянскую бедноту и все это провести твердо и неуклонное... Юрий Саблин — новоявленный покоритель казачества, — получивший от своих хозяев диктаторские полномочия, доволен, он мечтательно улыбается, зажав меж указательным и средним пальцами дымящуюся папиросу... А позади него, кругом, везде по всей степи, куда только хватает глаз, верхом и спешенные казаки-фронтовики. Их сотни, полки, дивизии... Пересмеиваются, покуривают, лущат семечки... Им нет никакого дела до Каледина — первого казачьего избранника на тяжкий Атаманский пост, ими же, вместе со стариками-отцами, на этот пост избранного, а сейчас от него, несущего на казачью Голгофу крест, отказавшимися, предав его революционному российскому сброду... Котельников подавлен. Тщетно ждет он от этой равнодушной казачьей массы хотя бы намека на возмущение и негодование происходящим. Ничего этого не находит Котельников. Спокойные, часто веселые лица, вспыхивающий то тут, то там смех, мирные разговоры о чем-то глубоко интересующем станичников, но не о том, что происходит у Золотого Кургана... Винтовки за плечами, палаши в ножнах... Котельников видит: одна за другой разъезжаются во все стороны ватажки всадников... Гарцуют кони, приподымаясь на стременах, оправляют на ходу шинели, усаживаясь в седлах, казаки. Вот кто-то взмахнул плетью и до слуха Котельникова, не знающего куда себя деть от стыда и отчаяния, доносится, звенящим тенорком заводимая, с детства знакомая песня... «Все кончено, разъезжаются», — тоскливо думает Котельников. — «Пропал Каледин!» Он оборачивается к кургану. Там происходит нечто необычайное — Каледин, изнемогая от непосильного груза, падает, придавленный крестом... С трех сторон, три человека — двое военных и один штатский, вцепившись руками в крест, изо всех сил стараются его приподнять, чтобы освободить задыхающегося Алексея Максимовича. У них ничего не получается — крест настолько тяжел, что им троим не поднять его, как они ни напрягают свои силы. Один только человек мог нести такую тяжесть, и то не выдержал и лежит, изможденный, ничком на родной земле под придавившей его дубовой массой... Самый малосильный из трех — штатский — Митрофан Петрович, не выдерживает непосильного напряжения. Оторвавшись от креста, полусогбенный, пошатываясь на ослабевших ногах, с искаженным от беспредельного горя лицом, он опускается вдруг на колени, припадает головой ко кресту и так лежит, только плечи его сотрясаются от несдерживаемых рыданий... И видит Котельников: Саблин, не переставая улыбаться, швыряет недокуренную папиросу и указывает толпе на атаманов — бледного, взволнованного Волошинова и бледного, но спокойного Назарова, ухватившихся, согнувшись, за концы перекладины креста, друг против друга. Латыши, как по команде, по уставному, с левой ноги, сделали шаг

вперед... «Они их сейчас всех убьют!» — как молния, обожгла Котельникова мысль. — «Этого я не выдержу! Еще раз пережить их смерть! Это свыше моих сил!» Он закрывает руками лицо, чтобы не видеть, что сейчас произойдет... А чуткое ухо ловит малейший шум. Раз-два!, еще два шага сделали вперед латыши, сзади, слышно, топчутся матросы и рабочие... И совершенно неожиданно до Котельникова доносится твердый властный голос Атамана Назарова: — «Слушать мою команду! Раз! Два! Три! Коли!»... Топот ног, прерывисто-частое дыхание бегущих людей, стальной звяк зацепившихся один за другой штыков... Зажав уши ладонями, не смея открыть глаза, Котельников чувствует, что земля уходит у него из-под ног и он, теряя сознание, падает...

. . . . . .

Проснулся Котельников в холодном поту. В горле у него пересохло. Пить, пить, пить! Обтерев полотенцем мокрую голову, он протянул руку за графином и, сидя на постели, опорожнил его до дна.

— «Ну и треплет меня», — зябко укрываясь одеялом, думал он. — «Хина почему-то плохо действует, жар как будто увеличивается... Ну-да, звенит в ушах... кружится голова... Хоть бы скорей проходило... Засыпать страшно, что-нибудь приснится еще... Удивительно как... Наяву события закономерны, строго последовательны. Во сне — все летит к черту... все меняется... И это не кажется странным, как будто так и надо... Какая-то особая сонная логика... Каледина никто не убивал, он покончил с собой сам... Назарова, Волошинова расстреляли в Краснокутской Роще... Богаевский погиб от руки Антонова в Балабановской... А во сне казалось нормальным, что все они гибнут вместе, весной, в степи и убил их почему-то Саблин»...

. . . . . .

Кресты, кресты, кресты... На пятьдесят шагов один от другого, по обе стороны великолепной, вымощенной камнем, дороги, крест против креста... На каждом по распятому человеку, прибитому четырьмя гвоздями... Котельникову не по себе, он в полном недоумении: откуда взялась эта дорога? Кто эти распятые, в лохмотьях, полуобнаженные, часто нагие?.. Что-то смутное припоминается Котельникову. Он напрягает память, ищет и... находит: это дорога Аппия, ведет она в Капую, на юг от Рима, на крестах висят спартаковцы — возмутившиеся против римской тирании и распятые Крассом, будущим римским триумвиром, одолевшим в жестоком бою Спартака, вождя восставших рабов... Вся дорога до Капуи — двадцать с лишним верст! — украшена была такими, какие видит Котельников, черными крестами, с прибитыми на них возмутившимися рабами, возомнившими, что они тоже люди и имеют право, как все изнеженные римляне, на свободную жизнь... Котельников теперь хорошо припоминает: шесть тысяч распятых людей по капризу изощренного в жестокости римского военачальника для того лишь, чтобы затмить своего соперника Помпея, устроившего блестящий парад на протяжении всего двух тысяч шагов от Римских ворот до Капитолия... Весь Рим прибежит посмотреть на такое, никогда еще невиданное, зрелище и, конечно, пальму первенства римский народ отдаст ему, Крассу — Красс в этом был уверен... Каковы, однако, были нравы в те далекие времена! Хотя, что касается нравов и теперь они мало чем отличаются от средневековых... И только-что Котельников подумал об этом — дорога Аппия исчезла. Вместо нее он видит бесконечно раскинувшуюся родную, с детства привычную степь... От Золотого Кургана, далеко-далеко на север, возник ряд бесчисленных постепенно, по мере удаления, уменьшавшихся курганов... На самом горизонте последний курган еле заметен — какой-то, еле возвышавшийся над землей, бугорок... И на каждом из этих бесчисленных курганов по высокому черному кресту и на каждом кресте по распятому ж и в о му казаку! Да-да-да! Они живы еще! Котельников ясно видит, как на ближайших к нему крестах распятые казаки вскидывают и опускают головы...

— Да, они живы еще! — слышит Котельников сильный мужской голос. — Но надо скорей поснимать их с крестов! Надо спешить! Надо спе-шить!

Котельников вздрагивает от неожиданности, поспешно оборачивается, но никого не видит. У него мелькает мысль — уж не сам ли он это произнес?... Внимание его скоро отвлекается происходящим в степи... Видит он: со степи, к каждому вблизи от него расположенному кургану, стайками мчатся на карьере казаки, соскакивают на полном ходу с коней, быстро вбегают на вершину курганов... Там, у крестов, выхватывают блестящие палаши и режут ими сыромятные ремни, какими привязаны распятые за руки и

ноги... «Они привязаны, а не прибиты!» — удивляется обрадованный Котельников. — «Ну-да, иначе не могло и быть — дядя говорил вчера, что в степях теперь не найти ни одного гвоздя, доски нечем прибить»... Снятых с крестов казаков сажают на коней и увозят... Кресты расшатывают и не без усилий валят на землю... Снятие с крестов продолжается... Спасенных много, но неспасенных еще больше... Котельников томится. — «Боже мой! Сколько их еще на крестах! Успеют ли?»

— Надо спешить! Надо спешить! Надо спешить! — снова раздается сильный голос. И снова Котельников никого не видит, оборачиваясь. Но он даже не удивляется этому. Он вполне согласен — конечно, надо спешить, и он уже не отрывает глаз от все продолжающегося снятия с крестов распятых... Вихрем мчащиеся группы спасителей далеко. Но еще дальше остаются многие сотни курганов с распятыми жертвами на вершинах... А за самым последним, далеко на северной стороне, над Россией, в неясной дымке, высится в полнеба гигантский крест... На нем колышется, развеваемый ветром, белый саван распятой женщины... «ЕЯ казакам уже не снять... Не успеют... Хоть бы своих удалось спасти», — с мукой в сердце думает потрясенный Котельников.

. . . . . .

Первой мыслью окончательно пришедшего в себя Котельникова было: «Кончилось!» И это потому, что впервые после нескольких пробуждений он почувствовал облегчение. Жар прекратился, исчезла невыносимо-надоедливая ломота в костях, когда не знаешь, куда деть ноги и поминутно поворачиваешься с боку на бок, прекратились и частые пульсации в висках, говорившие о чрезмерной работе сердца, не было больше звона и какого-то свистящего шипения в ушах... Мысли улеглись, мозг, не страдавший больше от внутреннего огня, в котором горело все тело, отдыхал, вернувшись в нормальное состояние. Некая усталость, однако, ощущалась в теле, перенесшем огненную встряску, во рту было сухо, хотелось пить... Котельников потянулся за графином — графин был пуст. «Жалко. Ну, ничего, теперь это не так страшно. Посплю час-другой, — совсем отойду»... Котельников поднялся и накинул на плечи одеяло, ему захотелось подышать свежим воздухом. Облокотившись о подоконник распахнутого на обе створки окна, жадно вдыхая прохладу, он смотрел на открывшийся перед ним причудливый вид лунной ночи... В небе мерцали яркие южные звезды... Луны не было видно, она на три четверти свершила свой путь и сейчас пряталась за домом, отбрасывая длинную тень. По этой тени можно было судить, что луна стояла в небе низко. Вблизи от куренька все было отчетливо-ясно: белели камни стен коровника и конюшни; темной, но хорошо различаемой массой стлалась по дну долины зеленая осока, с блестевшей в одном месте серебряной ленточкой ручья: направо уходила, постепенно теряясь в неярком свете, запруда-плотина, с промелькнувшей на ней тенью — то пробежал Полкан по своим собачьим делам... Но чем дальше свет и тени мешались, все становилось призрачным и надо было догадываться, что эта темневшая вдали неопределенная тень — верба, под которой Котельников отдыхал целых три дня, что белый квадрат направо от разгаданной вербы — стена полуразвалившейся овчарни, крыша которой была уже невидимой, растворившись в мутном полумраке... Чуткое ухо Котельникова улавливало в этом дремлющем ночном покое, разлитом всюду, малейшие шорохи, помимо привычного сотрясения мельницы, от мерно вращавшихся жерновов и каскадного падения воды на колесо, при затворенных окнах еле слышных в куреньке: вот сладко зевнул и после щелкнул зубами прибежавший с прогулки Полкан, улегшийся у кухонной стены — Котельников слышит, как кобель яростно чешет лапой бок, стряхивая блох, — откуда-то издалека доносится зловещий смех совы, в курятнике частое хлопанье крыльев и гортанный переполошный птичий переклик — сорвалась с насести курица... Разбуженный петух спросонок не во время кукарекнул, но не дождавшись ответа — соседний петух был за пять верст — умолк...

— «Так вот... После завтрака еду в полк», — решает Котельников, отрываясь от подоконника. — «Отдохнул, хватит! Не могу больше... Совестно!»

Это неожиданное решение явилось как бы подведенным итогом того, о чем он думал, вслушиваясь в ночную тишь. Его потянуло обратно в тот мир, из которого он случайно вырвался, такой непохожий на лежавший сейчас перед ним — незыблемо-покойный и умиротворяющий... Получалось так, что этот покой и порождаемое им умиротворение, как будто, были не по душе Котельникову и он предпочитал им несуразную, сумбурную, полную тревог и опасностей фронтовую жизнь... Это было, конечно, не так. Именно,

чтобы сохранить, уберечь этот незыблемый покой и необходимо было, как можно скорей, возвращаться в пекло, как можно скорей выяснить самый важный для него вопрос — быть или не быть казакам? Быть — все будет! Не быть — все потерять!

— Надо спешить! — невольно повторил Котельников оставшийся в памяти от кошмарной ночи возглас, неизвестно кем провозглашенный. — Воистину, надо спешить!

У дивана, при слабом свете лампдаки, он увидел на ночном столике возле пустого графина пузатый кувшин. Заглянув в него, он обрадовался несказанно — молоко!

— Милая тетя Ганя! Этакое счастье!

Не отрываясь, Котельников выпил половину кувшина, удовлетворенно крякнул и, перекрестившись, со спокойной душой лег досыпать кончавшуюся ночь.

— «Все в порядке», — думал он, засыпая. — «Хина, наконец, подействовала, я здоров. И... надо спешить!»

Франция **П. Аврамов**

КАЗАЧЬЯ КРОВЬ

Александра Гавриловна нервно ходила по комнате. Она знала, что еще рано, что дети еще приехать не могут, но все же чуть ли не каждую минуту подходила к окну в надежде, что увидит их появление. В душе она сердилась на мужа: тот сидел и с упоением читал какой то журнал и никакого нетерпения не высказывал.

— Ведь, это он настоял, — думала она — чтобы детей отпустили к Петру Николаевичу. Первый раз в жизни самих, на такой долгий срок. Ведь, чего только с ними не могло случиться: простудятся, заболеют, разобьются. Разве можно отдавать детей чужим людям? Ведь, не досмотрят. Правда, Петр Николаевич клятвенно обещал, что, если, не дай Бог, с ними что-нибудь случится, то он немедленно даст знать. Прислал уже два письма, в которых писал, что дети счастливы. Так ли это?

Она мысленно перенеслась в тот день, когда решалась поездка детей. Это произошло всего лишь 15 дней тому назад, но этот срок ей казался вечностью. У них в гостях был Петр Николаевич, большой друг ее мужа, Леонида Павловича. Оба они были казаками, правда различных Войск. «Казак казаку испокон веков брат». Встретились они случайно, сразу же подружились и их теперь и водой не разольешь, а казалось бы, что у них общего? Кованько ветеринар, живет в глуши, увлечен свиньями. Старается создать какую-то особую породу. Муж архитектор и не способен говорить ни о чем, кроме железо-бетона. А друзья! При первой же возможности проезжают разделяющие их 100 километров и говорят, говорят...

Вот, и сейчас, сидя подле окна, выходящего в сад, пьют самодельную водку и спорят. Спор касается и ее, а поэтому Александра Гавриловна с интересом прислушивается к ним, готовая вмешаться.

— Черт знает, как ты воспитываешь детей — говорил Петр Николаевич. — Посмотри на них. Понатыкали петушиных перьев в волосы и изображают индейцев.

— А что бы ты хотел? — язвит Леонид — чтобы гусиными перьями вооружились и банкирскую контору изображали? Они у меня не такие. Разбойники.

— Разбойники — передразнил его гость. — Это и плохо, что не казаки.

— Как не казаки? — возмущенно спросил Леонид Павлович.

— Конечно, нет — уверено отвечает Кованько, отправляя очередную рюмку в рот. — Где ты, брат, видел, чтобы казачата, играя в саду, никогда бы с дорожки не сбежали, боятся траву помять? Твой Георгий похож на куклу из магазина. Штаны разглажены, галстук на шее, а самому 9 лет. В этом возрасте ему обезьяной на дереве сидеть надо. Неспелые груши воровать должен, да так нажраться, чтобы на другой день живот болел. А у тебя: «Мамочка, почисти, пожалуйста, грушу». А зубы на что? Откусить не может!

Александра Гавриловна только собралась ядовито ему ответить, как из сада послышался рев и показались бегущие дети. Впереди бежал пятилетний Петя, его так назвали в честь Кованько. Рядом с ним бежала Саша, десятилетняя девочка. Лицо у нее было злое и красное. Она следила за Петей, чтобы он не упал. Сзади, отстав шагов на де-

сять, бежал Георгий. Одна щека у него была поцарапана. В руках он держал палку. При виде родителей, он ее быстро выпустил. Отец поспешил к ним навстречу, Петр Николаевич пошел за ним, но мать их обогнала. Обняв Петю, спросила дрожащим голосом:

— Что случилось?

— Соседние мальчишки... — начал Георгий.

— Гоге щеку поцарапали... — закричала Саша.

— Ты ему в морду дал? — спросил Кованько.

Георгий залился пунцовой краской, но ничего не ответил.

Вступилась мать:

— Это дети шефа Леонида.

Петр Николаевич весело рассмеялся:

— Будут у тебя, брат, завтра неприятности. Гога и Саша, наверное, им морды в кровь разбили.

— Они у нас не так воспитаны — резко ответила Александра Гавриловна.

У Кованько исчезла в лица улыбка. Он подошел к Гоге и сцросил:

— Неужели тебе дали по лицу и ты не дал сдачи?

Гога, резко повернувшись, бросился бежать по направлению к дому.

— Эх, Леонид Павлович, не ожидал — заговорил Петр Николаевич, в голосе у него звучала горечь обиды — не казаки, а бабы у тебя растут!

Он направился обратно в комнаты. Мать ожидала, что муж заступится за детей, наговорит неприятностей другу, но тот, как-то согнувшись, с ничего не выражающим лицом, отправился в сад.

Вечером, против обыкновения, друзья разошлись рано. За столом они молча пили водку. Все попытки Александры Гавриловны завести общий разговор не увенчались успехом. Мужчины отвечали односложными словами или мычанием.

На другой день она встала поздно и ее ожидал неприятный сюрприз: Леонид Павлович принял приглашение Кованько отправить к нему детей на две недели. На все возражения Александры Гавриловны муж сухо ответил:

— У детей еще осталось 20 дней летних каникул. Не могу оставить их здесь, чтобы им каждый день морду били. Пойди лучше им приготовь вещи. Петр Николаевич уезжает через час.

Александра Гавриловна по опыту знала, что спорить было бесполезно...

. . . . . .

Скрип тормазов вывел ее из раздумья. Перед домом остановился автомобиль Кованько. Мать бросилась к окну. Дети вылезали из машины и выглядели загоревшими и даже, как будто, выросшими. Все они, даже и Саша, были в штанах, в рубашках с засученными рукавами, с расстегнутыми воротами.

Мать побежала на улицу. Оттуда доносился Сашин голос:

— Николаич, сперва гуся вынимать или кур?

— Ты у нас, Леонидовна, за хозяйку. Ты и решай.

Мать подбежала к дочери. Та протянула ей бьющихся птиц. Александра Гавриловна неумело схватила их и те сразу же вырвались. Саша подхватила птиц почти что на лету и с досадой сказала:

— Не умеешь ты, мать.

Слово «мать», вместо обычного «мамочка», резануло ухо.

Тем временем Георгий подбежал к отцу, выпрямился и, щелкнув каблуками, выпалил:

— Здорово, станичник!

Отец весело рассмеялся и ответил:

— Здорово. Давай обнимемся что-ли!

Александра Гавриловна схватила в объятия Петю и стала покрывать его поцелуями. Тот вырывался и пищал: «Пусти... Я хочу сказать папе станичник». Гога с насмешкой выкрикнул: «Терпи, казак, атаманом будешь». Петя заплакал и пришлось его выпустить. На шее у матери повисли старшие дети. Они покрывали ее поцелуями, говорили что-то на перебой и от них непривычно пахло пылью. бензином и почему то конским навозом.

Суматоха кончилась. Автомобиль разгрузили. Все сели за стол, только Александра Гавриловна металась между кухней и столовой. Ей хотелось быть сразу в обеих комнатах: и приготовить еду для приезжих и слушать расскзаы детей. До нее донеслись слова Гоги:

— А что у тебя, батька, гроши найдутся?

Затем веселый голос отца:

— Зачем тебе?

— Попросим Леонидовну горилки купить.

Александра Гавриловна бросилась в столовую. Там она увидела отца протягивающего Саше деньги:

— Куда ты ее посылаешь?

— За Кока-Кола — ответил вместо отца Кованько. — Она у нас вместо горилки была.

Поев, дети отправились в сад. В их торжественом шаге, сосредоточенных мордочках было что то новое, и мать заволновалась. Ее

сердце предчувствовало опасность и она бросилась в сад за детьми. Леонид Павлович ее задержал. Александра Гавриловна не слушала того, что говорили мужчины. Она прислушивалась к тому, что происходило в саду.

Оттуда доносились крики детей. Они кричали что то соседям. Когда увидела, как первый из сыновей соседа перелезает через забор, она бросилась в сад за защиту детей. Муж догнал ее и, схватив за руку, глухо сказал:

— Оставь, они сами...

Врагов было четверо. Александра Гавриловна попыталась вырваться, но муж ее крепко держал. С ужасом она увидела, как ее дети, которым она запрещала драться, вступили в бой.

Старший из противников бросился на Сашу. Она сильно ударила его кулаком в глаз. Мальчишка взвыл, схватился за лицо и бросился обратно через забор.

— Молодец, Леонидовна! — заорал Петр Николаевич.

Брат побежденного бросился на девочку и они стали наносить друг другу удары.

Гоге пришлось плохо. Его аттаковали двое и ,быстро сбив на землю, навалились на него и принялись бить.

— Гога, не сдавайся! — вопил отец, но не приходил ему на помощь. Маленький Петя, увидев, что его брату приходится туго, заплакал и бросился на врагов. Он стал бить маленькими кулаченками противников брата, но те не обращали на него внимания, занятые расправкой с Гогой. Тогда Петя схватил обеими руками ногу одного из врагов и вцепился в нее зубами.

Это решило судьбу боя. Укушенный взвыл тоненьким голосом, вырвался и бросился бежать. Его брат, оставшись один, попытался было защищаться, но не выдержал Гогиных ударов и обратился в бегство. Гога побежал на помощь сестре, но и последний противник бросился к спасительному забору. Враги быстро перелезли на другую сторону и оттуда плачущими голосами грозили:

— Мы папе пожалуемся...

Леонид Павлович отпустил жену и она бросилась к дверям. Никаких особенных повреждений у них не было. Они выскальзывали из объятий матери, громко кричали, делясь впечатлениями.

Возбужденно разговаривая, вся семья вернулся домой праздновать победу. Мужчины принялись за водку, а детям выдали «горилку». В разгар пиршества раздался громкий стук в дверь.

— Это твой шеф — прошептала Александра Гавриловна.

— Что ж, продолжим бой. Познакомится и он с казачьими кулаками! — решительно ответил Леонид Павлович.

— Ты с ума сошел! — в ужасе воскликнула жена.

Сосед пришел с самыми миролюбивыми намерениями:

— Знаете, — говорил он. — Я так благодарен вашим детям. Мои страшно распустились. Пользуясь моим положением, они со всеми разговаривают свысока. Я так рад, что им сбили немного спесь...

Прошло с полчаса. Друзья и сосед сидели за столом и оживленно разговаривали. Со двора доносились веселые крики. Детвора уже успела помириться и, носилась по саду, играя не в индейцев, а в «казаки и разбойники».

Петр Николаевич посмотрел на Александру Гавриловну, и, подняв рюмку водки, сказал:

— А казачья кровь сказывается...

Чили. **В. Андерс**

ПРИЕЗД КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ В США.

5 июня в США из Турции прибыла группа казаков-некрасовцев. По прибытии, их атаман Тарас обратился к встречавшим приехавших представителям американских властей и основательнице Толстовского Фонда А. Л. Толстой со следующей речью:

«Народ Америки! Братья и сестры!

Вы нас приняли к себе в вашу великую страну, и мы за это будем вам вечно благодарны! Мы с конца второй мировой войны (с 1946 г.) обращались неоднократно ко многим организациям, прося помощи в нашем безвы-

ходном положении. В 1962 г. мы наконец добились внимания к нашему горю Толстовского фонда.

Нам нужно было уйти из Турции не потому, что нас в Турции притесняли или нам плохо там жилось. Совсем наоборот. Наши предки — староверы — пришли в Турцию много лет тому назад, и мы жили и трудились там вольно и хорошо. Мы благодарны турецкому народу и правительству за доброе отношение к нам, за то, что нашу веру не притесняли, и за их помощь нашему отъезду.

Когда наши предки — казаки староверы покинули Россию в 18 веке — их было около 40.000! В 1962 году в Турции нас оставалось всего 1250! Наша вера запрещает смешанные браки. Очень мало кто из нас венчался на турчанках в течении этих столетий. А другие христиане в Турции были слишком далеки по отношению к нам, простым рыбакам и крестьянам. С 1926-7 гг. советская власть начала уговаривать нас возвратиться на Родину, обещая нам полную свободу в воспитании наших детей в старой вере и в соблюдении старых законов и обычаев и обрядов нашей Веры. Их пропаганда была сильной и тонкой и в течение последних пяти лет многие подверглись соблазну... Более никто не протянул руки в ответ на наши мольбы и молитвы... Небольшое число нас, проживавших в двух деревнях, и еще несколько человек из Стамбула категорически отказались возвратиться в безбожную страну и воспитывать наших детей во тьме дьявольских сетей лжи Коммунизма. Мы до земли сырой кланяемся американскому народу и их Правительству за добродеяние, нам оказанное! Мы гордимся тем, что нам и детям нашим дается возможность верно и преданно служить нашей новой Родине, чей язык и обычаи станут нашими и чьи законы мы будем уважать и соблюдать... Честным трудом мы надеемся доказать нашу благодарность Америке за христианскую помощь, которую она нам оказала»!

Далее приводится описание жизни староверов последнее время в деревне Казак-кой, находящейся в 130 клм. на север от Конии. Хотя Конийская область считается в Турции одной из богатейших провинций, тем не менее земля около Казак-кой очень плохая. В особенности в этом году урожай был низким, так так в течение более, чем шести месяцев не было дождей. Искусственного орошения нет, а вода в колодцах и источниках соленая. Только совсем недавно был проведен водопровод с гор, из одного ручья, и эта вода служила в качестве питьевой, а также для орошения немногих участков земли на склонах Казак-кой, принадлежавших туркам переселенцам из Болгарии, переселенным сюда турецким правительством после Первой мировой войны. Население деревни Казаккой теперь смешанное. Ранее оно состояло исключительно из некрасовцев, но теперь 60% составляют турки-переселенцы, а 40% казаки-некрасовцы. Всего казаков 50 семей или 229 человек. Стариков мало. Только четверо старше 60-и. В семье обычно 5-6 детей. Казаки принадлежат к так наз. безпоповцам. Не имея священников, они выпускают из православной литургии те места, которые обычно должен читать и совершать священник. У них есть выборные дьякона, которые с помощью стариков совершают Богослужение. Что касается постов, они соблюдают их строжайшим образом так, как они соблюдаются в монастырях, по средам и пятницам не едят рыбы и мяса, яиц, масла и молока. В посту они не пьют вина и вообще вино они пьют только по праздникам, да и тогда не более двух стаканов. Крепкие же напитки возбраняются совершенно. Большинство населения — казаков в Казак-кое придерживается этих обычаев. Мужчинам запрещено бриться, а если они бреются — им нельзя входить в церковь. Молодые люди-призывники могут стричься и бриться, и им можно входить в храм только по отбытии воинской повинности и только тогда, когда борода и усы начинают уже расти и после особой очистительной молитвы.

Женатые обычно живут в своих домах-куренях, окруженных глинобитным забором-стеною. Только немногие из женатых продолжают жить с родителями. Участок делится на две части — жилое помещение-курень, где находится и кухня, но обычно кухня — в другом смежном помещении, около — садик с колодцем. Другая же часть — баз с укрытием для скота, птицы, а также амбар. Уборная — в этом втором дворе. Курень безукоризненной чистоты, каждое утро он подметается веником, метелкой.

Земля — за деревней. Размеры участка — сообразно с возможностями собственника. К сожалению, мало кто имеет свои участки. Земля вокруг деревни обычно принадлежит Правительству, или, как казаки говорят, «Короне», которая продает эти участки на выплату, на 20 лет. Мало чья земля уже выплачена. Некоторым, которые хотели ранее выплатить землю, это не было разрешено сделать. Это обстоятельство представило большие трудности для людей, когда они намеревались рассчитаться

с Правительством. В первых месяцах этого года казаки начали распродажу имущества. Можно сказать, что всем удалось продать имущество, включая дома, скот и лошадей. Единственным исключением является семья Яворги Кам-а, атамана и представителя, выступающего от лица 36 семей, желающих переселиться в Канаду. Но даже и Яворги продал свой скот и лошадей, правда, по причине засухи в этом году, не имея сена и овса для прокорма. Все староверы работают одинаково — мужчины и женщины. Все работают в полях, выращивая пшеницу, свекловицу, ячмень, арбузы, горох, огурцы и дыни. Те, у кого участки земли маленькие — работают по найму у богатых староверов или же у турок. Когда посев кончается — они отправляются на рыбную ловлю. Мы познакомились с турком, который закупил права на рыбную ловлю на пятилетний срок в районе озера Аксехир. За эти права ему пришлось заплатить около 150.000 долларов. Для него уход казаков является разорением и он прямо говорит, что таких честных и прямолинейных людей ему найти уже не удастся. В нашем присутствии он предложил любому из них, кто согласился бы остатся — 500 долларов в добавление к уже сговоренной обычной цене. Несколько казачек работает вне деревни, поблизости на курорте (минеральные воды). Все население — тяжело работающие люди, и старые и молодые — берущиеся за любую работу, чтобы прожить.

Недостаток в образовании нельзя приписать нежеланию староверов воспринять образование. Скорее всего, это является результатом того, что они живут в заброшенном краю, в деревне, почти без путей сообщения. Только пять лет тому назад в деревне была создана начальная школа, которую посещали все дети от 7-и до 12-и лет. Преподавание ведется на турецком языке и по словам учителей дети некрасовцев посещают школу аккуратно и считаются лучшими и наиболее одаренными среди местных детей. Можно сказать, что мужское население — все грамотное. Большая часть их выучилась турецкому языку самоучками, так же как и церковно-славянскому от своих родителей. Некрасовцы с глубоким уважением относятся к печатному слову.

Мужчины большей частью высокие, стройные, широкоплечие; все носят бороды. Верхняя одежда состоит из рубашки и брюк, а когда идут в церковь — они одевают длиннополые черные кафтаны. Женщины — среднего роста; одежда напоминает одежду, которая носится крестьянками на юге России. Каждодневные платья из ситца, а праздничные — шелковые. Голова всегда прикрыта шалью, и в доме и вне дома. Одеваются опрятно, ни губ, ни щек не румянят, только чернят брови.

Казаки надеются, что их не расселят далеко друг от друга. Они, конечно, понимают, что поселить их всех вместе трудно, но если они не будут очень далеко друг от друга, то смогут построить себе церковь, где смогли бы снова встречаться. Они просили также организовать для них вечерние курсы английского языка, дабы быстрее его выучить.

В сентябре 1962 г., под влиянием советской пропаганды, около 1000 казаков из другой деревни Кова-Гол на сов. пароходе «Грузия» уехали из Стамбула в СССР. Но около 250 человек живущих там, идеологически более сильных и стойких, отказались уезжать.

Приехавшие, благодаря хлопотам Толстовского Фонда, в США некрасовцы временно будут помещены в бараках Сибрукской Фермерской Компании в Сибруке. Центральный комитет Меннонитской организации представил некоторое количество рабочих для устройства этого лагеря. Но его устройство и организация питания, и снабжение всех необходимым (медикаменты, одежда, постельное белье, обстановка, госпитальный уход, наем переводчиков, устройство школы английского языка) — все это требует больших затрат, а толстовская организация не обладает достаточными средствами. Поэтому она намерена обратиться ко всем, кто может помочь в этом деле, для того, чтобы дать возможность этим 250 людям жить в условиях религиозной и моральной свободы.

США.

Н. Воробьев

ПАМЯТИ Н. А. УШАКОВА

В воскресение 23-го июня в Нью Иорке скоропостижно скончался в возрасте 78 лет Николай Александрович Ушаков, полковник В. В. Донского, Станицы Краснокутской. Похоронен на кладбище при Фарме РОВА.

Кадровый офицер, участник Великой и Гражданской Войн, имел все боевые награды до ордена св. Владимира 4-й степени включительно.

В начале гражданской войны с восставшими казаками родной ему станицы Краснокутской участвовал в разгроме и пленении лидеров казачьего большевитсткого движения Подтелкова и Кривошлыкова и их экзекуции и, по его словам, «отомстил за смерть полк. В. Чернецова», с которым связывало его чувство преклонения и дружбы, зарубленного Подтелковым, когда Чернецов, раненый и безоружный, плюнул ему в лицо.

Покойный Н. А. Ушаков прибыл в Америку в 1923 году с волной Константинопольской эмиграции и прошел обычный путь рабочего на фабриках и заводах Нью Джерси и Нью Иорка. Был моим сослуживцем в Компании броневых машин и впоследствии работал таксистом.

В Нью Иорке женился и год назад похоронил жену. Знаком я был с ним около 40 лет.

Скромный, трудолюбивый, чуждый недоброжелательства, беззаветно любивший Родину, безкомпромисный антикомунист, внушал расположение всем, с кем соприкасался.

Редеют донские могикане. Перед свежей могилой новопреставленного воина Николая благоговейно склоним головы и скажем Царствие Небесное и да будет чужая земля легка.

США. **Петр Медведев-Калединец**

ПАМЯТИ ИНЖ. С. Л. ДАЛАНТИНОВА-МАНГАТОВА

14 июня с. г. в гор. Филадельфия, шт. Пенсильвении, скончался казак-калмык Денисовской станицы С. окр. ВВД инженер Содмон Лиджиевич Далантинов-Мангатов. Он родился в своей станице 16 окт. 1908 г. Фамилию он носил по отчиму, но по отцу он был сыном Лиджи Саксыковича Мангатова, роднсй брат которого полк. Батыр С. (Борис леонидович) Мангатов в Первой Мировой войне был командиром 26 Донск. каз. полка. Первоначальную школу Содмон прошел в своей станице. В 1920 г. он со своим отчимом эмигрировал в Константинополь. Отсюда они переселились в Сербию, где С. учился в Донском Кадетск. корпусе. По ходатайству Б. Н. Уланова, вместе с другими юношами-калмыками, среди которых был и будущий д-р мед. Лиджи Уланов, Содмон был принят в Пражскую Русскую Гимназию в Ч.С.Р. По окончании гимназии С. поступил в Пражский политехникум, который кончил в 1935 г. со званием Инженера-Строителя. Учился Содмон везде превосходно. Он был отличным соколом-гимназистом и не лишен хороших музыкальных способностей: играл на гитаре, мандолине, состоял в ученическом оркестре в Гимназии.

По окончании политехникума С. переселился в Белград, где и работал по своей специальности. Здесь он в 1940 г. женился на дочери казака калмыка Пеле Джугниновой. После занятия немцами Сербии, С. вместе с другими калмыками был вынужден перебраться в Германию. Среди калмыков он занимал видное место. В 1956-47 г.г. был начальником калмыцкого лагеря в Пфафенгофене в Баварии, а в 1948 г., когда калмыцкий лагерь был переведен в гор. Ингольштадт, учил калмыцкую молодежь черчению и ремеслам. В 1950-51 г. был там же директором Ремесленной школы.

По переселении в США С. Л. был организатором Калмыцкого Общества «Братство» в Филадельфии и его первым Председателем. Ему удалось получить от Мирового Союза Церквей средства и для калмыков, членов Общества «Братства» купить 130 акров земли в прекрасной местности неподалеку от Филадельфии для устройства калмыцкого поселения.

В Америке с самого начала приезда сюда С. Л. работал в фирме Паул П. Корф инже-

нером-консультантом, а позже супервейзером.

Своим знанием, работоспособностью и высокой степени порядочностью он пользовался большим уважением фирмы, а своим образованием, скромностью и внимательностью и любовью к калмыцким общественным делам он заслужил симпатию и уважение своих собратьев-калмыков.

Страшная болезнь — рак. 3 1/2 года он героически боролся с ним, много раз подвергался великим операциям. Одно его легкое было удалено. Несмотря на это, он снова и снова поднимался на ноги, принимался за работу, пока, наконец, болезнь его окончательно не сломила: он уже не мог встать.

Нет калмыка, который от души не сочувствовал бы ему, его семье и горько не оплакивал бы его кончину. Также нет почти калмыка, который не пришел бы ему и его семье на помощь. На его похоронах участвовали в большом числе калмыки из Филадельфии, Фарминдейла, Фриуд Экрса, Нью Брунсвика, Фениксавилла, Петерсона, Нью Йорка и Си Клифа.

Когда из Нового Русского Слова его б. товарищи по школам и друзья калмыков узнали о его тяжелой болезни, они считали своим долгом придти ему и его семье на помощь. Она шла из Канады, из далекого Запада США (Калифорнии, Лос Анджелоса) и даже далекой Венецуэлы.

Его кончину остро почувствовали все калмыки. Его знали калмыки, проживающие в Европе, и, когда печальная весть дойдет туда, будут искренне оплакивать его и там: ведь, калмыков с высшем образованием так немного. В бытность в Германии мы, калмыки, пережили первое национальное горе: лишились другого своего крупного калмыка-интеллигента Дра Мед. Лиджи Уланова.

Волей судьбы накануне кончины С. Далантинова-Мангатов во Фриуд Экрсе умер Молон-Бакша Санджиев: образованный, кротский и привлекательный калмык-буддийский монах, ученик знаменитого Агуана Хамбо Дорджиева, на 85 году умершего в большевистской тюрьме. Молон-Бакша похоронен 15 июня там же, где и С. Л. А в одно время, рядом с ними на кладбище РОВА похоронен, неожиданно 14 июня умерший, молодой калмык Иван (Ваня) Саспинов-Ахремов (фамилия по усыновившей его вдове сотника С. Ахремова). Он жил и работал в Филадельфии. Добрый семьянин, внумчивый, чуткий и к национальным делам калмыков человек. Он был ремесленник и музыкант (скрипач) и пользовался всеобщей симпатией.

«Хорошие были люди, чистые и порядочные, нюл уга саин аминан, вместе ушли», говорили калмыки.

У Содмона Л. Далантинова-Мангатова осталась большая семья и среди многих девочек один мальчик. У Вани Саспинова осталось двое детей: девочка и мальчик.

Почившим Братьям нашим Содмону, Молон-Бакше и Ване — вечная память и вечная память и спасение их душам, а семьям их много лет благополучия и здоровья...

М. Бембетов

УШЕДШИЕ

† 24 апр. в госпитале г. Монтаржи (Франция) скончался на 62 г. жизни А. Грабилин, ст. Каменской В.В.Д.

† 20 мая в Лейквуде (США) после сердечного припадка умер А. В. Малашихин ст. Новочеркасской В.В.Д.

† Казаки станицы г. Санса (Франция) сообщают: 22 июля от болезни сердца, которой он страдал несколько лет, скоропостижно скончался Б. Е. Лепешкин, Черкасского округа В.В.Д. С юных лет в рядах отряда полк. Чернецова, а потом в Донской Армии вплоть до эвакуации, участвовал покойный в защите вновь обретенных вольностей казачьих. Да будет тебе легка чужая земля, дорогой станичник и память о тебе да будет жива между нами.

† 10 июля в г. Канны (Франция) после долгой мучительной болезни умер Г. И. Карагичев Куб. Войска.

† 13 июля в Инвалидном Доме в Монморанси (Франция) скончался Г. А. Разваров Уральского Войска.

† 4 авг. в доме для престарелых в Иере (Франция) после долгой и мучительной болезни скончался ес. А. М. Пупков, ст. Ново-

Орловской В.В.Д., о чем с прискорбием сообщает Союз Казаков-Комбатантов.

† 11 авг. в доме для престарелых в г. Канны (Франция) скончался сот. И. Ф. Астахов ст. Богоявленской В.В.Д.

† 20 апр. в г. Баржон (Англия) скончался верный сын Родины, стойкий борец за правое дело ст. урядник 2-го Амурского Каз. полка Я. М. Былков (казак ст. Буссе Кумарского станичного Округа Амурского Каз. Войска).

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ

◆ В казачьем хуторе Глендора (Калифорния) 10 авг. состоялся школьный акт по случаю окончания летних курсов Школы Русского языка и литературы при Русско-Американском О-ве «Наш дом Родина». Директор Курсов проф. Колледжа Помона в Клермоне, В. Г. Улитин, в присутствии почетного гостя проф. Калифорнийского Университета д-ра Росбахер, выдал 14 слушателям свидетельства об окончании Курсов. Слушателями являются американские учителя, которые уже преподают русский язык в школах, студенты, изучающие русский язык в колледжах и частные лица, любители русских языка и культуры. Эти Курсы существуют уже три года.

Интересно отметить, что преподавателями на этих Курсах являются исключительно донские казаки: Е. Д. Богаевская, Т. Д. Губанова (дочь казака проф. Конева), В. Н. Дронов и Г. А Улитин — Сообщил секретарь Курсов Г. А. Улитин.

◆ Правление Обще-Казачьей Кассы Взаимопомощи в Клагенфурте (Австрия) сообщает, что 21/7/63 состоялись перевыборы правления. Единогласно решено оставить старое правление в составе: предс. — Н. Волков, его помощник — Н. Ермаков, секретарь и казначей — А. Бондаренко, ревизионная комиссия — П. Фоменко и И. Рухов, судьи: А. Герасименко и В. Росказов.

◆ Как и в прежние годы, в Швейцарии с большим успехом выступает группа казаков джигитов ес. В. Тевяшова и В. Юркова. Выступления джигитов регулярно отмечаются местными газетами, не скупящимися на похвалы как руководителям группы, так и старым джигитам Русакову, Гурееву, Петрову, Крымцеву, а также и молодым казакам.

◆ Из отзывов о книге нашего казачьего поэта Н. Н. Евсеева: «Новое Русское Слово» (США) пишет:

Сборник стихов Николая Евсеева «Дикое Поле» пронизан воспоминаниями о казачьих землях, о тех временах, которые не вернутся больше.

Едва ли не каждое воспоминание становится песней. Простой, бесхитростной песнью, но такой, которая может взволновать, растрогать, иногда даже поразить. «Дикое поле» — это сборник стихов о природе, о любви, о гражданской войне, об истории казачества.

Певучесть, доходчивость, порой неожиданно смелый или свежий образ — вот достоинства сборника, которые помогли Евсееву найти путь к сердцу самых широких читательских кругов, и казачьих и русских.

Сборник «Дикое поле» уже оправдал все расходы на его издание, что в эмигрантских условиях само по себе является доказательством популярности.

«Верный Путь» (Бразилия) пишет:

Ценнейший вклад в русскую поэзию. Каждая строчка этих стихов пронизана горячей привязанностью к красотам и просторам, к самой почве родной Земли и, в особенности, родного автору Тихого Дона, к его простым, но сильным духом, людям, к его красочному, бурному, иногда мятежному прошлому. Лирика поэта глубока, искренна, волнующа... Всем своим существом он тянется к родимому «дикому полю», все свое высокое вдохновение посвящает его природе, глубоким душевным переживаниям его обитателей, трагическим образам его защитников, их духовной красоте, их возвышенным стремлениям. Немногие произведения зарубежной русской поэзии оставляют такое цельное, могучее, просветляющее впечатление, как эти простые и в то же время исключительно богатые по своей внутренней содержательности стихи. Сужу по себе: я не большой любитель стихов — но почти каждый день моя рука тянется к этому ставшему любимым то-

мику; перечтешь три-четыре стихотворения и душой овладевает настроение лермонтовской «Молитвы». Н. Н. Евсеев — поэт Божией Милостью, и люди с живой душой найдут в его стихах обильную духовной красотой пищу.

◆ Редакцией «Род. Края» получено следующее письмо:

Многоуважаемый Борис Африканович,

Просим Вас, Редакционную Коллегию журнала «Родимый Край» и Казачий Союз принять нашу сердечную благодарность и признательность за любезно напечатанный на страницах Вашего журнала призыв Старосты нашего Собора В. Н. Загоровского о поддержке в ремонте Александро-Невского Собора в Париже.

Такое участие журнала «Родимый Край» уже является вкладом на ремонт нашего дорогого Собора и ценной моральной поддержкой в этом трудном деле, а отклик, который мы нашли среди читателей и друзей «Родимого Края», оказался выражением их Христианского долга перед этим ценнейшим памятником Святой Руси.

Убедительно просим простить нас за опоздание с этим письмом благодарности; только крайняя перегруженность срочными и трудными вопросами нашего ремонта являются причиной задержки нашей почты.

С глубоким уважением

Староста Собора **В. Н. Загоровский**

Секретарь **В. Э. Тихоницкий**

◆ Новинки книжного рынка: полк. Елисеевым выпущена брошюра № 6 и № 7 «Лабинцы и последние дни на Кубани» — выписывать у автора:

Elysseev — 502 W. 177 Str. Ap. 1c.
New-York 33. U.Y. — USA

Редакцией журнала «Каз. Единство» изданы «Воспоминания войск. стар. Тигиня» (на ротаторе, 50 стр., цена 3 фр., выписывать из ред. «Каз. Единства»).

◆ **Розыск.** Мать розыскивает сына Николая Петровича Галач, служившего с 1950 по 1956 в Иностранном Легионе, и исчезнувшего после свидания с матерью в Монпелье в 1956 г. Из Монпелье он направился в Марсель. Убедительная просьба лиц, знающих о судьбе Н. П. Галачь, сообщить матери по адресу:

Mme Galach. — Chateau d'Abondant.
Abondant (Eure et Loire)

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОДИМОГО КРАЯ»

Фонд Издательства: г-жа Попандопуло — 5 фр., Протопопов — 20 герм. м., Голубов — 60 бел. фр., Д. В. Кеда — 5 долл., Самойлов — 8 фр., Балахнин — 10 долл.

На помощь казакам-некрасовцам: Н. Н. Воробьев и ф. М. Агеев по 5 долл.

Всех жертвователей просим принять искреннюю сердечную благодарность, а Дамский Комитет Казачьего Союза сердечно благодарит И. С. Иловайского за его неоднократную помощь неимущим и больным казакам.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Bogaevsky — 230, av. de la Division Leclerc.
Montmorency (S.-et-O.). France.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели». Н. М. Мельникова. С ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 нов. фр. (800 старых), заграницей — 2 доллара. Книжки рассказов П. М. Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге) и «Никифор Кащеев» (цена 3,50 фр.), и брошюру Н. М. Мельникова «Как извращается история» (цена 1,50 фр.).

Из редакции «Р. К.» можно выписать гра-

вюру «Из нашего прошлого», отпечатанную на бристоле, помещенную на стр. 17 — № 40 «Род. Края». Стоимость 1,50 нов. фр. (заграницей — 4 почт. международ. купона) с пересылкой.

ресылкой. «Воспоминания» Дон. Атамана, ген. А. П. Богаевского о 1-ом Куб. Походе (цена 12 фр.).

В США книги можно выписывать через Б. Н. Уланова:

Mr. Oulanoff. 601. W. 160 St. Apt. 4c.
New-York 32, N.Y. — U.S.A.

Поправки. № 46 «Род. Края» в очерке А. Толбатовского «Ген. В. Г. Науменко» на стр. 16 ошибочно указано, что «Великое предательство» выйдет в трех томах: Будет выпущено 2 тома.

В том же № на стр. 43: ген. Савицкий, будучи есаулом, занял пост Военного министра Кубани после 2-го Куб. похода. Осенью же 1918 г. был произведен Радой в полковники, а потом в генералы.

P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris-6e

Родимый Край

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Поздравления с Н. Годом.
Н. Н. Воробьев — «Встреча Н. Г.»
А. Г. Павлов — «Духовный лик казачества».
Проф. Миллер — «К вопросу о происхождении донских казаков».
Н. Евсеев — «Покров».
М. Бугураев — «Новоч. офицер. батарея и освобождение Новочеркасска». (продолжение)
П. П. Иваница — На Кубани в 1942-43 гг. (продолжение).
Т. Данилевич — «Открытие 1-го Каз. Юнкерского Училища».
А. П. Падалкин — «Союз Возвращения на Родину в Болгарии в 1922-23 гг. и борьба с ним» (окончание).
Станицы Всевеликого Войска Донского.
М. А. Петров — «Клад».
А. Л. Толстая — «Староверы».
Л. Попов — «О некрасовцах».
Ред. «Р. К.» — «Памяти Петра Матвеевича Аврамова».
Войсковые Праздники.
Письма в редакцию: П. И. Медведева, редакции Каз. Лексикона, ес. Е. Ковалева.
Из жизни за рубежом.
Ушедшие.
Денежные поступления в ред. «Р. К.».
От редакционной коллегии «Род. Края».
Объявление.

Даръ Д. А. Коссоротова 18/IX-64г

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr. du Ministre de l'Int. J.O. 70 - 1955

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский, А. И. Клочков, В. Н. Романов, Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Novembre-Decembre 1963. — 3 F.

PAYS NATAL № 49. Ноябрь-Декабрь 1963. Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky.*

Редакционная Коллегия «Родимого Края» поздравляет казаков всех Казачьих Войск и своих читателей с Новым Годом и шлет свой искренние пожелания всем самого наилучшего: здоровья, благополучия, бодрости духа и сохранения веры в казачество.

Редакц. Коллегия «Род. Края»

Правление Казачьего Союза поздравляет всех казаков и казачек с Новым Годом, с праздником Рождества Христова и от души желает им здоровья и благополучия.

Дорогие братья — казаки!

Мы вступаем в шестдесят четвертый год двадцатого века и в сорок четвертый год нашей жизни в разлуке с родными краями.

Сорок четыре года — срок ничтожный для истории, но большой для жизни человека. Много воды утекло за это время в Дону, Кубани, Тереке, Урале и других казачьих реках. Нелишне по прошествии столь значительного времени остановиться и оглянуться назад на те события, которые произошли от начала общерусской смуты до наших дней, на роли казачества в этих событиях и отдать себе отчет в их последствиях.

Теперь, когда более или менее улеглись страсти, мы с гордостью можем сказать, что казачество исполнило свой долг как перед своими Войсками, так и перед Родиной. Ни одна часть русского народа не принесла на алтарь отечества столько жертв, сколько принесло казачество.

Казачество получило тяжкие ранения. Много крови потеряло оно, однако верим мы, что раны его не смертельны. Здоровое казачье тело вынесет страдания, выпавшие на его долю, залечит раны и вновь подымется на ноги.

Верим мы в то, что настанет момент, когда взойдет над нашей Родиной, над нашими родными краями, солнце свободы и обогреет оно, как казаков, так и братский русский народ.

После черных туч и гроз солнце светит ярче обыкновенного...

Председатель Казачьего Союза
В. Кузнецов

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

Усталой поступью, покашливая глухо,
В потертом кожухе, с дорожною клюкой,
В недоумении почесывая ухо,
Истекший Год уходит на покой,
Спеша туда, где в неизвестном «Где-то»
Навеки все глотает тьма дорог...
Говаривали деды: канул в Лету,
А где она — никто сказать не мог.

Дивится Дед: не разобраться, право!
Еще вчера — и слава и почет,
Ан, видимо, пришелся не по нраву,
И ровно в полночь, как слуге — рассчет!
И уступить кому — кому? Мальчишке!
Взглянуть-то тошно: ростом с ноготок,
Гол, как сокол, короткие штанишки,
И ум, поди, по росту — короток.

Но в полночь словно все теряют разум —
— Бокал в руке и песнь на языке —
Уж охмелевшим не рассмотришь глазом
Все то хорошее, что было в старике.
Неблагодарные и жалкие людишки!
На комарином на своем веку
С веселой песней вы встречаете мальчишку,
Но воспоминать... спешите к старику.

Калифорния **Н. Н. Воробьев**

ДУХОВНИЙ ЛИК КАЗАЧЕСТВА

Когда мы останавливаемся на прошлом Казачества, мы приходим к твердому убеждению, что жизнь его не была мирным бытием, благоденствием, беспечностью.

Это была жизнь в постоянной опасности. Постоянная угроза разорения и уничтожения висела над казачьей жизнью, над казачьими головами.

Мы не можем без изумления спросить себя, как могло вообще уцелеть Казачество, жизнь которого должна была протекать в исключительно тяжелых условиях?

Ответ на этот вполне естественный вопрос нам не может дать ни ссылка на особые физические свойства казаков, их приспособляемость и выносливость, ни указания на их непревзойденное искусство в ратном деле. Еще труднее искать объяснение этого загадочного вопроса в случайном стечении исторических обстоятельств и в так называемом «казачьем особом счастье».

Правильный ответ на поставленный вопрос нам может дать только знакомство с духовним ликом Казачества, с его духовной сущностью.

Духовная природа Казачества помогла ему рано понять, что в мире существует два пути: путь истины, путь правды и путь зла и лжи; путь, ведущий к Свету и путь, ведущий в бездну тьмы и небытия.

Как каждому отдельному человеку, так и отдельным народам предоставляется свободный выбор, свободное решение — по какому пути идти, по пути Света или же по пути тьмы.

Вникая во внутренний смысл казачьей истории, добросовестные люди не могут не придти к выводу, что Казачество в целом всегда старалось идти по первому пути — по пути правды и справедливости, не взирая на то, как этот путь, порою, был тернист и неимоверно труден.

Казачество всегда стояло на страже лучших человеческих идеалов. Хранение и защита этих идеалов было делом казачьей чести.

Вот почему с давних времен Казачество относится к числу передовых народов не только Европы, но и всего мира. Да, Казачество передовой народ в лучшем смысле и значении этого слова. Об этом говорят исторические факты, историческая действительность. Исторический путь Казачества — путь правды.

Но идти по пути правды — значит бороться за правду, отстаивать ее от всяких посягательств злой воли, с чьей бы стороны эта злая воля ни исходила.

И действительно, Казачество боролось за правду, часто не взирая ни на какие жертвы, ни на какую тяжесть этой борьбы.

Казачьей опорой борьбы за правду была вера в Бога, сознание долга, верность отцовским заветам, взаимная спайка и внутренняя дисциплина; девизом борьбы — свобода, равенство и братство, сохранение веры.

За незыблемые основы человеческой жизни, какими являются вера в Бога, свобода и братство, равенство всех перед законом, Казачество боролось на протяжении почти всего своего прошлого.

Эти высокие принципы — основы жизни — не был для Казачества только отвлеченными понятиями; они были воплощены и в самую жизнь его.

И мы видим: Казачеству всегда было чуждо безбожие и религиозное безразличие, религиозный индиферентизм. Казачество является одним из немногих народов, в государственную и социальную жизнь которых никогда не допускалась ни система рабовладельчества, ни система крепостного права, ни то, что известно в истории европейских народов под названием феодализма. Все это ему чуждо.

Всю свою внутреннюю жизнь оно строило на высоких принципах братства и свободы, взаимного уважения и равенства. Вся систе-

ма административного управления казачьих земель основывалась на подлинном народоправстве.

От своих жизненных принципов Казачество никогда добровольно не отступало и не отклонялось; больше того: Казачество, как мы уже сказали, защищало их всеми средствами и способами, а чаще всего с оружием в руках от всяких посягательств.

Исходили ли эти посягательства от татар — они наталкивались на жестокий казачий отпор. Посягал-ли на казачьи принципы-святыни турецкий султан, и ему бесстрашное Казачество давало достойный ответ. Угрожали-ли вековым казачьим идеалам другие народы, и они также встречали упорное сопротивление.

Но не за свое только благополучие боролось Казачество, не в своих исключительно интересах отстаивало оно спокон веков лучшие идеи, личшие устои человеческой жизни.

Оно боролось и жило также и для других. Казаки часто умирали за други своя, но они клали свои головы и за сторонних, казалось бы, им чуждых людей. Казаки умирали за этих людей только потому, что они были кем то гонимы, и, найдя убежище в казачьих землях, становились под казачью защиту.

Как известно, еще в те времена, когда большинство народов Европы и Азии не знали иной формы правления, кроме единоличной власти королей, вождей и монархов, Казачество было свободными народными республиками.

Окруженные со всех сторон народами с системой деспотического и полудеспотического управления, казачьи земли были подобны островкам, где царило народоправство, истинная свобода и равенство, где не допускались порабощения человеческой личности, где не было никаких привилегированных сословий, где гражданские права и обязанности для всех были однаковы. И земли истинной свободы, казачьи земли, казались в то время обетованной и благословенной страной для многих угнетенных, приниженных и обиженных.

На западе Европы Франция прославила себя предоставлением убежища иноземцам. На юге восточной Европы казачьи земли с первых дней их организованного государственного сощуствования служили в течение многих веков убежищем для всех гонимых и бегущих от человеческой несправедливости и жестокости. Казачество принимало этих людей и брало под свою защиту. Никаких почти обязательств, кроме соблюдения законов, никаких особых условий и требований этим людям Казачество не пред'являло. В землю казачью допускались все гонимые, если только они веровали в Бога. Для христиан же в особенности широко были открыты двери казачьего убежища.

Мы не знаем, где раньше возникла гуманная идея предоставления убежища гонимым, какой народ является ее творцом. Но с полной достоверенностью мы можем сказать, что наиболее широкое и раннее применение эта идея нашла именно в тех землях, которые находились во владении Казачества и в особенности в самой колыбели Казачества — на Тихом Доун.

Вряд ли ошибемся мы, если скажем, что Казачество было первым народом, который право гонимых на убежище и защиту возвел в высокий принцип гуманности и человеколюбия, в долг чести.

— С Дона выдачи нет — как догмат звучал этот принцип.

Для Казачества соблюдение этого догмата человеческого милосердия было абсолютно обязательным. Вот почему казаки с оружием в руках отстаивали тех, кто нашел у них убежище.

Казаки никогда не были народом эгоистической расчетливости. Они всегда чутко прислушивались к чужой беде, к чужому горю, и, где только можно было, старались это чужое горе отстранить или ослабить.

В особенности казаков трогала беспросветная жизнь русского крестьянина, его горькая доля, тяжелая участь. На это глубокое сочувствие кормильцу Русского государства опиралось и Разинское и Пугачевское движение.

Большую ошибку делают те, кто на эти движения смотрит, как на разбойные бунты, целью которых был грабеж и легкая нажива.

И Разин и Пугачев имели широкий замысел социально-политического порядка. Казаки, пугачевцы и разинцы, хотели помочь многомилионному русскому крестьянству избавиться от наложенных на него цепей рабства и освободиться от тяжелого крепостного ярма.

И если русский народ сложил в память Степана Разина и Пугачева песни, то только потому, что эти казаки сложили за него свои буйные головы.

Отмечая главные черты духовного облика Казачества, мы вовсе не хотим сказать, что казаки — народ без недостатков и пороков. Конечно, и у них были и есть свои недостатки и слабости. Но на фоне главных духовных свойств Казачества эти недостатки как

то тускнеют, меркнут и делаются несущественными. Поэтому мы на них и не останавливаемся.

Одной из ярких черт Казачества является также трезвое критическое отношение к чужим порядкам и ко всему иноземному.

Безразсудное подражание не присуще Казачеству. О слепом же восприятии чужих порядков и чужих нравов, понятий и идей вовсе не приходится говорить. Благодаря этому Казачество прошло в веках через бури времен, сохранив основные черты своего характера и своего духовного лика.

Даже самые страшные для Казачества годы — годы большевистского безвремения и лихолетия, когда казаки подвергались самым жесточайшим преследованиям и, почти, поголовному истреблению, — не сломили казачьего духа, не победили его внутренней силы. И казаки, перенеся столько неслыханных испытаний и неописуемых зверских издевательств со стороны советской власти, в своей массе остались тем, чем были их предки, т. е. непримиримыми врагами порабощения человеческой личности и стойкими борцами за свои святыни, за веру, отцовские заветы и лучшие общечеловеческие идеалы.

Только зная главные особенности характера Казачества, основные черты его духовного лика, станет понятным и ясным также ответ на новый вопрос: как могло численно небольшое Казачество в 1917-18 годах вступить в открытую вооруженную борьбу с большевизмом, нашедшим тогда свою опору не только в темных и сбитых с толку массах русского народа, но и у многочисленных представителей народов западной просвещенной Европы?

Разгадка и этого вопроса кроется именно в характере Казачества, в его духовной природе, а не в чем либо другом.

Крепкий разум и здоровый дух помогли ему быстро разобраться в большевизме, правильно определить его страшную сущность и безошибочно угадать его чудовищные, преступные замыслы по отношению не только самого Казачества, но и по отношению всей Европы и всего человечества.

Духовное Я Казачества, его народная совесть не позволили ему примириться с жуткими планами большевиков, с их насилием, произволом и вероломством.

Не могло также Казачество воспринять и установить у себя жизнь по большевистскому рецепту — без Бога и без истинной свободы.

Вот почему казаки вступили в жестокую неравную вооруженную борьбу с коммунизмом еще тогда, когда остальной мир в большевизме ничего страшного не видел и рассматривал его, как чисто местное русское явление; многие даже считали большевизм новым шагом к дальнейшему прогрессу и совершенствованию человеческого общества и человеческих взаимоотношений. Само собою разумеется, о борьбе с большевиками мало кто тогда помышлял. Да не думали о ней и позже.

И Казачество должно было вести свою открытую вооруженную борьбу с врагом всего человечества почти в полном одиночестве. Только добровольцы из лучших русских людей пришли на помощь казакам, образовав немногочисленную, но готовую на всякие лишения и жертвы Армию. И эта армия вписала в историю борьбы с большевизмом немало доблестных подвигов.

Вооруженное единоборство Казачества с большевизмом продолжалось почти три года. Казачеству оно стоило великих жертв. На алтарь этой борьбы Казачество принесло все свои живые силы и все свое материальное достояние.

Оно не думало больше о своем житейском благополучии и житейских удобствах. Всю свою энергию, все свои помыслы оно направило на борьбу с большевизмом и его вооруженными многочисленными ордами людей, обезумевших от крови и «нового учения», так тогда называли да и теперь еще называют, циничную и бесстыдно лживую пропаганду большевиков люди «прогрессивного» мышления.

Всякий раз, когда касаешься вопроса борьбы Казачества с большевизмом, невольно спрашиваешь себя о том, как могли большевики так легко и быстро поднять на борьбу с Казачеством массы рабочего и крестьянского русского люда, того самого люда, которому казаки часто протягивали свою руку помощи, старались облегчить его участь и поднять его роль и значение в государстве? Ведь этот люд был многочисленным потомством того самого русского православного селянина, которого Казачество своею грудью защищало от набегов и разорения диких сынов Азии и нередко укрывало от обид и самоуправства господствовавшего в то время в России класса!

Правильный ответ на этот вопрос нельзя дать без указания на официальную и неофициональную русскую политику царских еще времен по отношению Казачества. С сожалением мы должны констатировать, что эта политика не была направлена в пользу Казачества. Она имела своею целью расшатать

его вековые устои,, подорвать его моральную силу, ослабить и довести постепенно до полной ликвидации, до полного психологического и юридического уничтожения. Однако до наступления того момента, когда одним росчерком пера можно будет упразднить Казачество с его мнимыми привилегиями, центральная власть вынуждена была терпеть казаков. И понятно почему: Казачество еще было нужно государству.

Нельзя не указать здесь на истинные причины и побуждения, лежавшие в основе подобной политики. Этих причин несколько; главные же из них следующие:

1) В глазах власти того времени казаки были слишком свободолюбивым народом. Это казачье свободолюбие пугало правящий класс. Ведь им могли заразиться крестьянские и рабочие массы.

2) Казаки ни в какой мере не отвечали казенному понятию об идеальных свойствах русского гражданина. Не секрет, что к таким свойствам в первую очередь относилось слепое повиновение власти, раболепие и полное покорности смирение.

Такими качествами казаки не обладали.

3) Власть считала, что носителем лучших качеств гражданина является русский безответный мужичок с его покорностью судьбе. Это был казенный образец идеального гражданина. Под это образец подгонялись казаки, по нем должно было быть перестроено все Казачество. Иными словами, казаки должны были быть омужичены.

Омужичивание Казачества предполагалось достичь путем характерной для русской действительности идеи уравнения. По этой идее жизнь казачья ничем не должна отличаться от жизни русского пахаря. Материальные и бытовые условия Казачества должны быть такими же, как и у крестьянства. Уравнение происходит за его счет так, что излишки казачьего добра, вернее источник этих излишков, земля казачья, частично переходит в руки русского землепашца.

Таким образом, осуществлением идеи уравнения достигалось две цели: упразднялось надоевшее и мало подходившее к абсолютному строю Казачество и повышалось за казачий счет плачевное материальное положение крестьян.

Такова идея уравнения. Самое проведение ее в жизнь называлось «урезыванием казаков». И мы знаем, как урезывалось Казачество.

Идеей постепенного уравнения определялась политика справа по отношению Казачества.

Но была еще и политика слева. Она исходила из кругов русской революционной общественности, либеральной буржуазии и интеллигенции. Мотивы политики слева были иного порядка. Для сторонников этой политики Казачество было в первую очередь контр-революционной силой, способной помешать осуществлению их революционных планов. Этот взгляд революционной демократии и определял ее отношение к Казачеству.

— «Казачество должно потесниться», — формулировал один из божков русского революционного мира свое и своих приверженцев отношение к Казачеству.

И действительно, его теснили и справа и слева, по разному правда, но теснили. Это видели и чувствовали казаки; они видели, как нарочито по всей России разливается яд ненависти к ним, и как усердно культивировалось в русском народе враждебное отношение ко всему казачьему: к казачьим полкам, одежде казачьей, песне и даже к самому слову казак. И к моменту революции отрицательное, если не сказать больше, отношение к казакам в бывшей России было почти всеобщим явлением. Этим большевики ловко воспользовались, когда захватили власть в Петрограде. Свои удары они сейчас же направили против Казачества. Однако, первоначально задуманную только по отношению казаков, теорию уравнения они превратили в требование всеобщего уравнения, всеобщего нивеллирования. Удел, готовившийся Казачеству, стал прежде всего уделом зажиточных и лучших слоев русского народа.Лозунг потеснения казаков превратился в притеснение и открытое насилие русских людей над русскими; урезывание Казачества — в разбойный клич:

— Бей, режь буржуев! — И это в 20-м столетии, в век просвещения...

Но одной расправой с «буржуями» не могли ограничиться одурманенные ядом большевистской пропаганды массы рабочих и крестьян. Сбезумевшие от проливаемой братской крови, возбужденные циничными лозунгами большевиков, они двинулись вооруженным походом в казачьи земли, чтобы на месте по-своему решить старый казачий вопрос.

Жажда расправы с «казачьей контр-революцией», которая в действительности не существовала, жажда грабежа и насилия гнала эти массы сбитых с толку людей на юг и на восток, где жили так ненавидимые казаки. Мнимое богатство казачьих станиц и хуторов, желание завладеть казачьим добром и казачьей землей накаляла еще больше нена-

висть к Казачеству этих ополоумевших людей.

Большевики решили до конца использовать проснувшийся инстинкт зверя, чтобы раз и навсегда покончить с казачьим вопросом. В большевистском понимании это означало не только отнять от казаков их добро, их землю, но и то, что для казака дороже всего: его свободу, его веру, честь и достоинство.

Вожди большевиков хотели покорить и поработить Казачество, продиктовать ему свою волю, навязать свою власть и свои безбожные порядки, заставить Казачество пойти их преступными путями. Большевики мечтали воспользоваться силой Казачества, чтобы на острие казачих пик шашек принести огонь социальной революции в западную Европу и при помощи казачьей доблести утвердить в ней свою диктатуру. Но по своей духовной природе Казачество не могло ни сделаться слепым орудием большевиков, ни принять на себя страшный грех защиты их дьявольских планов. И казаки решительно и твердо вступили в борьбу с большевизмом. Угрозы коммунистов уничтожить, раздавить Казачество, если оно окажет им сопротивление, нисколько не поколебали каз. решимости до конца бороться за свою свободу, за общечеловеческие лучшие идеалы. В этом великая заслуга Казачества перед человечеством.

Казачество видело, какие большие жертвы потребует от него борьба с большевизмом — этим страшнейшим бичем человечества, но оно пошло на эти жертвы, не могло не пойти: казачья народная совесть, голос казачьей чести не мирились со злом и требовали борьбы с ним. Никакие страдания не могли заставить Казачество сойти с его исторического пути служения **Правде**.

Прошли десятки лет с того момента, когда закончилась первая вооруженная борьба Казачества с большевизмом. За это время по вине тех, кто во время не поддержал Казачества и его соратников-добровольцев, большевизм успел вырости в страшную угрозу всему человечеству.

Людская глупость, низость и подлость привела весь мир к страшной пропасти. Коммунисты напрягают все усилия, чтобы столкнуть в нее все человечество.

Но как бы ни был страшен большевизм, как бы ни была велика его сила, отношение к нему остатков Казачества, рассеянного по всему свету, остается по-прежнему непримиримым. И пока будет живо Казачество, своей борьбы с сатанинской силой коммунизма, начатой в 1917 году, оно не прекратит. Порукой тому духовный облик Казачества. Его оно пронесло через столетия борьбы за свою свободу, веру, за лучшие человеческие идеалы.

Свой духовный лик Казачество сохранит и в будущем. Со своего исторического пути оно не сойдет и свою миссию быть авангардом в борьбе за правду оно выполнит до конца.

Вашингтон

Ал. Гр. Павлов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

В вопросах о происхождении народов, особенно смешанного происхождения, большое значение имеет вспомогательно-историческая наука генеалогия. Эта наука изучает происхождение и историю отдельных родов, фамилий. Источниками для таких исследований служат исторические сведения, дворянские книги, архивы государственные и частные, в известной степени семейные предания и, в некоторых случаях, даже народные песни. Генеалогией некоторых казачьих родов на Дону занимался Савелов. Он составил и опубликовал генеалогию нескольких казачьих фамилий. Однако это только первая стадия работы. В дальнейшем, после сбора наибольшего количества такого материала, его анализируют, обобщают и делают выводы, которые касаются уже вопроса о происхождении целого народа. К сожалению, Савелов до этого не дошел и ограничился опубликованием историй лишь нескольких донских фамилий.

Вопросом происхождения Донских казаков интересовались и занимались многие казачьи историки-любители. Но как это обычно бывает в таких случаях, чтому вопросу придавали не научный, а политический характер. Стремясь доказать этническую самостоятельность и обособленность Донских казаков, их старались вывести от какого то одного наро-

да. Причем степень казачьего патриотизма данного исследователя определялась тем, как далеко вглубь веков он относит предков казаков. Нередко получались комические положения. Так, предками казаков одно время называли все древние народы, жившие на Северном Кавказе, название которых начиналось на «ка». Казары, Касоги, Кабиры и т. д. Но эти народы существовали всего около 1.000 лет тому назад. Этого показалось недостаточно и в качестве предков казаков были выдвинуты скифы — жившие около 2,5 тысяч лет тому назад. Но и этого оказалось мало, и наконец предки казаков были отнесены к бронзовому веку, т. е. к 4-му тысячелетию до наших дней. («Казачья Жизнь», №124, стр. 56). Дальше идти уже некуда. Нечего и говорить о том, что все эти и подобные им гипотезы решительно ни на чем не основаны.

Однако неправы и те, которые считают всех казаков русскими по происхождению. Эта ошибка происходила главным образом потому, что казаки говорят по русски и исповедуют православную религию. Но здесь и политические стремления играли значительную роль. Конечно, в формировании Донского Войска русские сыграли значительную роль, особенно выходцы из Рязанского княжества и из Новгородских земель. Но едва ли русских было большинство. Русская духовная культура была принята главным образом благодаря близости Дона и Московии и постоянным экономическим и политическим связям Дона с Москвой.

Большую роль в формировании Войска Донского сыграли также украинцы, как восточные, так и западные. Уже в 16-ое столетие Донские казаки вместе с Запорожскими разбили татар на Донце. С тех пор запорожцы ежегодно ранней весной приходили на Дон для совместных походов в Крым и в Турцию. Часто запорожцы оставались зимовать на Дону, особенно в Черкасске и ст. Манычской. Многие оставались совсем. Западные украинцы в большом количестве хлынули на Дон в 17-ом ст., после Берестейской унии и преследования православных. Из этих переселенцев между прочим происходит большое количество фамилий Поляковых на Дону. Конечно, их предки не были поляками. Поляки всегда испытывали давление со стороны Москвы и поэтому эмигрировали только на запад. Кроме того, при подавлении польских восстаний Московское правительство использовало главным образом донские полки, почему поляки всегда относились к казакам недружелюбно. Поляками на Дону называли западных украинцев-галичан потому, что тогда Галичане входили в состав Польщи и галичане говорили западноукраинским диалектом, находившимся под влиянием польского языка. Характерно, что даже теперь, в 1940-х гг. в больших украинских лагерях восточные украинцы называли западных также поляками. К галицким фамилиям на Дону принадлежат Яновы и Процыковы. Эти фамилии известны только в Галичине и на Дону. Ни в восточной Украине, ни в России их не существует. Возможно также, что западноукраинского происхождения фамилия Яновских и некоторые другие. После разгрома Запорожской Сечи большое количество запорожцев переселилось на Дон. Но уже с половины 18-го ст. на Дон стали переселяться массами украинские крестьяне. Они селились в станицах и числились «станичными малороссиянами». Время от времени приказами Военной Коллегии этих малороссиян записывали в казаки данной станицы и освобождали от подушного оброка. Особенно много малороссиян было в задонских станицах, в ст. Луганской, отчасти Гундоровской и в Черкасске, в ст. Ольгинской и др. Украинский язык сильнее всего отразился на Нижнедонском диалекте. Из украинцев выдвинулся ряд известных на Дону фамилий — Хрещатицкие, Мальчевские, Хохлачевы, Жученковы, Ющенковы, Ханженковы — и затем идут сотни таких фамилий, как Абраменковы, Переселенковы, Шинкаренковы, Тесленковы, Бондаренковы и т. д.

После русских и украинцев очень большую роль в формировании Донского Войска играли татары. В 13 ст. татары построили в устьях Дона крепость Азак или Азов и образовали Азовский ханат. Азовским ханатом правили Гиреи, родственные крымской династии Гиреев. Азов чеканил свою монету. В состав ханата входили татарские поселения, расположенные главным образом в бассейне Нижнего Дона, а также и кочевые татары. С продвижением казаков вниз по Дону эти татарские поселения были ассимилированы казаками и от них остались названия «Мечеток». Мечетинская станица, река Мечетка, балки Мечетки, курган Мечетка возле Калача и т. д. Все эти названия — воспоминания о том, что здесь когда то находилось татарское поселение с мечетью. Названия рек на Дону также сохранились татарские: Чир, Сал, Арпачай, Аксай, Миус, Еланчик и т. д. Татары образовывали целые большие станицы — Курмоярские (Курман-яр), ст. Татарская в Черкасске. В 1807 г. была выпущена Всеобщая география Российской империи, написанная проф. Моск. универс. Е. Зябловым

ским. Эта география много раз переиздавалась и десятки лет служила единственным пособием по географии России во всех средних школах. Там, между прочим, сказано: §81. Земля Донских козаков... В нем (Черкасске) кроме казаков живут татары. В числе казаков находятся татары и калмыки, которые в разных местах имеют свое жительство и крещеные из них беспрепятственно вступают в брачные союзы с казаками». Татарского происхождения на Дону были из более известных и распространенных фамилий — Машлыкины, Сариновы, Алимовы, Будановы, Манякины,Зембулатовы, Байбаевы и т. д. без конца. Кроме того, смешанного с татарами происхождения были все Болдыревы и Тумины. Многие чисто русские фамилии были татарского происхождения, их давали крестившимся татарам по имени крестного отца. А были фамилии русские по форме смешанного с татарами происхождения. Так, Де Романо пишет, что Родионовы, несмотря на свою смесь с татарами, имеют красивую наружность. Влияние татар в 18 ст. было настолько велико, что по сообщению А. Ригельмана казачьи старшины часто разговаривали между собою по-татарски. Казачьи костюмы и мужской и женский были татарские и их части носили татарские названия: папаха, зипун, чекмень, шуба, кушак, шаровары. У женщин — колпак, чикилики, кубелек, чирики, чулки. Также много татарских слов вошло и в казачьи диалекты: Чумбур, арчак, аркан, черпак, курень, майдан, чинак, каймак, сюзьма, арьян и т. д. Возможно, что не все знают о том, что на Дону до сих пор сохранились казаки, говорящие по-татарски. В 1930-х гг. в Ростовском Пединституте заведывала кафедрой русского языка и литературы М. А. Полторацкая. Она со своими студентами выезжала в станицы и изучала Донские казачьи диалекты. В одной из таких экспедиций в Новочеркасске, кажется в Хутунке, она нашла свыше 10 семей обыкновенных казаков, которые дома, между собой, еще говорили по-татарски, на ногайском диалекте. К сожалению, М. А. Полторацкая свои интереснейшие исследования и наблюдения почти не опубликовала.

Известную роль в формировании Донского Казачьего Войска играли так жекалмыки, при чем я имею в виду не тех калмыков — донских казаков, которые сохранили свою нациснальность, религию и язык, а тех, которые принимали православие и делались обыкновенными казаками, говорящими по-русски. Об этих калмыках, как я упоминал выше, говорится и в географии Е. Зябловского. В конце 19 — начале 20 ст. на Дону выдвинулся известный художник Иван Леонидович Калмыков. Хотя он был «русским» уже вероятно в нескольких поколениях, у него еще достаточно резко был выявлен монгольский тип. Со мной в гимназии учились два брата Улановы, обыкновенные казаки, которые повидимому ничего не знали о своем калмыцком происхождении. Сднако они еще имели ряд калмыцких черт в своей наружности. Многие калмыки имели чисто русские фамилии. В 1950-х гг. в Мюнхене выходил журнал «Северный Кавказ». В этом журнале ныне покойный Шамба Балинов напечатал статью, в которой приводил более десятка казачьих фамилий калмыцкого происхождения.

Кроме того, на Дону был ряд фамилий, прямо указывавших на свое национальное происхождение: Грековы, Греченковы, Туркины, Турчаниновы, Персиановы, Грузиновы, Татариновы, Татаркины, Волошиновы. Но кроме этих фамилий, прямо указывавших на свое происхождение, было много и руссифицированных фамилий нерусского происхождения. Фицхелауровы — грузины, Ефремовы (атаманск. фамилия), Карповы (помещики), Мержановы — армяне. Номикосовы, Егоровы — греческого происхождения (исслед. Савелова). Все Измайловы и значительная часть Аврамовых происходили от двух турецких мальчиков, сынов убитого коменданта крепости Измаила, привезенных на Дон казаками. Казаки привозили из походов себе жен турчанок и черкешенок, привозили также мальчиков, сирот, оставшихся после убитых родителей. Таких детей крестили и давали им фамилии обычно по имени крестного отца. Так, в Таганроге, перед революцией, много лет был смотрителем дома Александра I отставной войсковой старшина Карпов. Он имел резко выраженный восточный тип. Мне он рассказывал, что был взят казаками в разоренном ауле еще совсем маленьким ребенком и привезен на Дон. Фамилий такого происхождиеия на Дону было много.

Монгольский, тюркский и кавказский антропологические типы очень константны, почему, благодаря многовековым перекрестным бракам среди казаков, во многих сем'ях, уже неизвестно в каком поколении, проявлялись тюркские, монголоидные или кавказские черты. Таких людей на Дону часто называли «калмыковатыми» — слово неизвестное в России. Я встречал «калмыковатых» среди Грековых, Родионовых. Резко выраженный восточный тип был у генералов Н. Н. Турчанинова и И. М. Конькова. И. И. Безуглов

имеет настолько резко выраженый кавказский тип, что у него в наружности нельзя найти ни одной русской или вообще славянской черты. В нашей семье была бабка Машлыкина, и с тех пор в каждом поколении кто нибудь имеет более или менее резко выраженный тюркский тип.

Великий знаток казачьего быта советский писатель М. Шолохов в I-й части своего «Тихого Дона», описывая станичный сход, пишет, что здесь, среди собравшихся казаков, можно было видеть типы всех кавказских народов. Бабушка героя его романа Григория Мелехова была турчанка, вывезенная его дедом из похода.

Выходцев из Западной Европы, кроме греков, было меньше всего. Фамилия Югановых вела свое происхождение от немецкого инженера-минера Йогана Ардова, взорвавшего стену Азова при взятии Азова казаками в 1637 г. Абрам Егорович Миллер был назначен Войсковым лекарем в 1742 г. и тогда же принят в число казаков Средней станицы г. Черкасска. Мартыновы (атаманск. фам.) вели свое происхождение от шведского мальчика Мартина, привезенного на Дон после Полтавской битвы. В Старочеркасской станице есть фамилия Шведиковых, ведущая свое происхождение также от пленного шведа со времени Полтавской битвы. В половине 19 ст. в войсковом правлении на Дону большое положение занимал А. Реми, выходец из Швейцарии. Он женился на Леоновой и получил в приданое за ней большое имение и деревню в Таганрогском округе, которая и получила название Ремовки. Я знал его сыновей (один из них был предводителем дворянства Таганрогского округа), знал уже и третье поколение Реми. У них уже не было никаких признаков иностранного происхождения.

Еще меньшее отношение к казачьему населению Дона имели евреи. Как известно, до революции евреи не имели права жительства на Дону. После же присоединения к Донской области Таганрога и Ростова, там оказалось несколько тысяч евреев. Это были адвокаты, врачи, торговцы и ремесленники. Они жили своими замкнутыми общинами. В некоторых статьях по истории Дона я читал о том, что казачья фамилия Жидковых была еврейского происхождения, но более подробных сведений об этой фамилии я нигде не нашел. Во время Крымской кампании отличилась какая то военная часть. Николай I в награду приказал зачислить эту часть в казаки формировавшейся в то время Новониколаевской станицы. В составе оркестра этой части было и 4 вольнонаемных музыканта еврея. Однако они держались в станице обособленно и с казаками не слились. В 1918 г. станичный сход постановил выселить потомков этих евреев из станицы. Приговор был утвержден Войсковым Атаманом П. Н. Красновым и эти евреи были выселены в Россию. В начале 20 ст. в Новочеркасске, по особому разрешению, проживал глазной врач Сегаль. Его сын был призван в казачьи войска, в которых и служил под фамилией Сегалева. В первую мировую войну он получил за храбрость медаль на георгиевской ленте. Дальнейшая судьба этой семьи мне неизвестна.

Таким образом, из этого самого краткого и общего генеалогического обзора происхождения Донских казаков совершенно ясно, что никогда не было и нет такого единого народа от которого произошли бы все Донские казаки. В числе предков были русские, украинцы — восточные и западные, татары, черкесы, турки, грузины, персы, армяне, калмыки, немцы, шведы, волохи (румыны). При таком положении отыскивать какой-то единый народ в глубокой древности, от которого будто бы произошли все казаки — задача беспредметная и ненаучная. Это можно делать из каких-нибудь политических или псевдопатриотических соображений. Гораздо целесообразнее было бы собирать дальнейшие сведения о происхождении отдельных казачьих родов. Лишь эти факты могли бы в значительной степени выяснить и пополнить наши сведения о происхождении Донского Войска. Вопрос о происхождении Донских казаков чисто научный, этнографический и исторический, но не политический. Предки казаков, различного этнического происхождения, на Дону очень быстро сливались в один народ, имевший свою культуру, традиции, обычаи и свою собственную историю, отличную от истории Московии и Украины.

Мюнхен. Проф. **М. Миллер**

ПОКРОВ

Казакам всех
Казачьих Войск.

Азов, Азов сегодня снился —
Как деды бились на стенах,
Как долго день кровавый длился,
Как войско таяло в боях.

Дрались казачки удалые.
Смолой губили басурман.
Молодки, матери седые.
Зарей вечерней пал туман.

И ночью казаки не спали,
Молились, каялись в грехах,
И близкой смерти ожидали,
Но не томил их темный страх.

Надели чистые рубахи —
Последний смертный бой принять,
И духом крепкие рубаки
Узнали неба благодать.

Турецкий табор вкруг Азова,
Казалось, вымер или спал —
Ни звука, шума или слова.
Восток белел; петух кричал.

Глаза казачьи вдруг узнали
На взморье турок корабли.
На севере грустили дали
Донской прекраснейшей земли.

В ту ночь Пречистая раскрыла
Чудотворящий свой Покров
И жизнь, и славу охранила
Донских бесстрашных казаков.

Азовское приснилось чудо
Здесь в зарубежье в час ночной,
И верю в благодать «оттуда» —
Свободным будет край родной.

Октябрь, 1963 **Николай Евсеев**

НОВОЧЕРКАССКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ БАТАРЕЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ НОВОЧЕРКАССКА

(Продолжение)

В своей книге «Донские Казаки» И. А. Поляков пишет:

«Рано утром 4-го апреля «Совет Обороны», ознакомившись с обстановкой прошедшей жуткой и кошмарной ночи, а также и с состоянием штаба» — решил произвести реорганизацию высшего командного состава. Командующим армией был назначен ген. К. Поляков*, нач. штаба полк. ген. шт. С. Денисов. Около 10 часов утра названные лица пришли принимать армию и штаб.

После моего доклада обстановки и всех обстоятельств только что прошедшей ночи, новый ком. армией ген. К. Поляков принял решение — оставить город, уйти в район ст. Заплавской, переорганизовать дружины в станичные полки, придать им стойкость и затем уже пытаться освободить столицу Дона — Новочеркасск».

*) Примечание редакции: Не смешивать с ген. И. А. Поляковым.

В новом штабе И. Поляков был назначен 1-м ген. квартирмейстером, т. е. ведать оперативной частью, разведкой, служб. связи»... Что же читаем в «Атаманском Вестнике» № 3. стр. 8-я?

«Для водворения порядка в центре города и в направлении вокзала была назначена полиция во главе с ген. Смирновым, а в привокзальной части появился непредвиденный нами арьергард, организованный полк. Денисовым.

Последний прибыл в Новочеркасск в атаманский дворец 4-го апреля, когда последние защитники города, отстреливаясь от наседавшего противника, уже отходил гл. образом к железнодорожному вокзалу».

Вот вам и точность и правдивость описы-

ваемых ген. И. Поляковым событий: 4-го апреля в 10 часов утра К. Поляков и С. Денисов принимали «армию и штаб» (Дон. Каз.), а в другом его описании (Ат. Вест.) — С. Денисов прибыл тогда, когда уже город оставляли «последние защитники», т. е. вечером.

«Ат. Вестн.» № 3. стр. 8-я. При защите жел. дор. станции полк. Денисовым «было ясно обнаружено движение бронированного поезда большевиков (из хут. Мишкина), под напором которого к вокзалу бежала группа казадов. Наша батарея открыла меткий огонь, но вреда большевикам не принесла».

Странное заявление офицера ген. штаба: «меткий огонь, но вреда не принесла».

Если «меткий», то значит должно быть и попадание, а попадание «гранатой» в бронепоезд его уничтожит. Но дело то в том, что этот «меткий огонь» был **на бумаге** у ген. И. Полякова, т. к. в районе вокзала у полк. Денисова не было не только одной батареи, но не было даже и одного орудия. Не было у него и бронепоезда, вооруженного 3-х дюймовыми орудиями, и поэтому полк. Денисов «под угрозой расстрела неповинующихся» (персонала стационного. — М. Б.) немедленно приказал пустить навстречу бронированному поезду **полным ходом паровоз без машиниста** (подч. М. Б.).

«Успех был неожиданный: **паровоз врезался в бронепоезд и свалился, загородив ему путь».** (Подч. И. П.).

Это же событие ген. Поляков в «Дон. Каз.» описывает иначе (стр. 172): «паровоз где то в нескольких верстах от города свалился и загромоздил путь». О «меткой» стрельбе по бронепоезду нет ни одного слова.

Я нарочно сделал такие большие выписки о ночной панике в штабе, чтобы всем казакам точно быть в курсе дела. Теперь разберем все вышеописанное им...

Ночная паника, панический доклад панически настроенного И. А. Полякова и результат-решение нового командующего с восставшими казаками оставить Новочеркасск.

В «Ат. Вест.» № 3. стр. 8-я читаем: **«Около 2-х часов дня это решение начало выполняться.** Часть дружинников двинулась в другом направлении, минуя Кривянскую станицу, — на Заплавскую.

А между тем на самом деле в этот день фронт, под командой полк. С. Денисова продолжал держаться до 6-6 с пол. часов вечера, а м. б. и позже, т. к. там же читаем: «казачья цепь благополучно успела достигнуть Кривянской станицы... К 8-ми часам вечера весь авангард успел занять позицию по западной окраине станицы...»

В «Дон. Каз.», стр. 172, читаем: «Мне командующий приказал сопровождать его». Интересно знать, почему? Потому, что ген. К. Поляков решил — кап. И. Полякова, как поддавшегося панике и уже не способного спокойно, здраво и правильно рассуждать — убрать от управления и командования частями, находившимися на фронте?

Ген. И. А. Поляков в своих записках очень подробно (с большой фантазией) описал, как он, и только он, отдавал распоряжения войскам. Странно и непонятно следующее: тогда собрался «Сов. Об.», — очевидно кто то другой, а не И. А. Поляков делал ему доклад о состоянии войск и общем положении на фронте. («Я лично ни на одном заседании «Сов. Об.» не присутствовал». Дон. Каз.» стр. 163). И почему «С.О.» не нашел нужным позвать именно его, И. А. Полякова, для выяснения общего положения на фронте, не нашел нужным позвать то лицо, которое **(по описанию И. А. Полякова)** было первым и главным при защите г. Новочеркасска. Мало того, «Сов. Об.» нашел нужным убрать его от возможного управления «действующими частями казаков», т. к. согласился с решением ген. К. Полякова сместить И. Полякова и назначить... заведывать разведкой, оперативной частью... К тому же ген. К. Поляков, командующий армией, пошел еще дальше и отдал И. Полякову приказ «сопровождать» его в станицу Кривянскую. (Конечно, И. Поляков пишет об этом, чтобы оправдать свой поспешный и ранний отъезд из Новочеркасска, с фронта в тыл). «Сов. Об.» и с этим решением командующего, очевидно, согласился, т. к. его не отменил. **Ив. Ан. Поляков (говоря мягко) своевременно на автомобиле уехал с фронта в тыл.**

Теперь мы видим (из описаний И. А. Полякова), как безславно для него закончилась защита им Новочеркасска и тот позор, которым он хотел покрыть своих сослуживцев — лег на него еще в большей степени, чем на них: они остались, а он уехал, бежал в Кривянскую.

Продолжим: «Дон. Каз.» стр. 171. — «после полудня» («Ат. Вест.» указывает точно время: два часа. М. Б.) «в северный отряд **нами** (подч. М. Б.) было послано приказание начать постепенный отход к Заплавской».

Ведь защита города с отъездом командующего была поручена полк. Денисову, причем же И. Поляков, т. к. он пишет **нами**, почему он не указывает точно, кем было отдано это распоряжение; может быть его отдал полк. Денисов? Конечно, нет. Он такого приказания не отдавал (да и не мог отдать), т. к. продол-

жал вести защиту города до вечера и свой правый фланг обнажить **умышленно** не мог.

Приблизительно в это же время (около 2-х часов дня) полк. Денисов отдал приказание Нов. Офиц. Батарее выступить на фронт (а не отходить на ст. Заплавскую) и занять позицию в районе Ботанического сада.

«Отъезд Ком. армией (стр. 172) некоторыми чинами штаба, панически настроенными, был использован по своему; несколько офицеров, как потом мне разсказывал полк. Денисов, пользуясь царившей суетой и наличием свободных автомобилей, бросились к ним, чтобы овладеть ими. Но этому их намерению во время воспротивился пол. Денисов.

Он буквально вытащил их из автомобилей и приказал все время оставаться при нем»... И. А. Поляков уехал и полк. Денисов этому не воспротивился. Очевидно, он не нуждался в помощи И. А. Полякова и считал за лучшее, если он уедет, в противном случае полк. Денисов, конечно, упросил бы ген. К. Полякова, в помощь ему, оставить И. Полякова.

«На вокзале Денисов задерживался довольно долго... все, кто хотел покинуть Новочеркасск, могли выйти из города и безпрепятственно переправиться через реку Тузлов». Так в «Дон. Каз». стр. 172, пишет И. А. Поляков, а так ли было в действительности — вопрос большой, т. к. те, кто хотел уйти с казаками, сразу же вступили в строй, а кто не захотел служить и защищать Новочеркасск, тот опять остался в городе.

Откуда И. Поляков имеет такие положительные данные, чтобы уверять: «все, кто хотел покинуть Новочеркасск»... Кто ему донес об этом? Полк. Денисов вел бой на станции, а что делалось на северной стороне Новочеркасска, оба они не знали.

Денисов даже не знал о нашей батарее, ушла ли она из Новочеркасса или нет! Как же он мог точно знать, что ушли «все кто хотел»... Нужно еще сказать в дополнение написанного, что чины батареи были настроены радостно, получив приказ о выступлении на позицию. И никто из нас, в том числе и ком. батареи, не предполагал о возможности такого поспешного нашего отступления из Новочеркасска.

«Полк. Денисов во главе «арьергарда», нагруженного патронами, снарядами, замками от орудий и другим военным имуществом, оставил станцию». В «Ат. Вест.» ничего этого нет.

Богатая фантазия у И. А. Полякова! Разберем то, что написано о снарядах и замках от орудий. Нам известно, что к 4-му апреля в городе была сформирована только одна Нов. Оф. батарея и что она занимала позицию у Ботанического сада. У полк. Денисова в войсках, защищавших Ростовское направление, ни бронепоезда с орудиями (как мы знаем), ни батареи, ни даже отдельного орудия не было, а поэтому, уходя из Новочеркасска, артиллеристы не могли там бросить свои орудия (Потеря орудия артиллеристами — была бы равносильна потери знамени полком. И оставляя свои орудия... артиллеристы были обязаны уносить с собою замки от орудий) — повторяю, там их не было. Нов. Оф. батарея оставила свою позицию и отошла из города в полном порядке, не потеряв ничего: ни зар. ящиков, ни орудия, не потеряв ни одного человека, и в станице Заплавской были только эти два орудия.

В книге «Дон. Каз.» стр. 175 читаем: «Артиллерия состояла из 6-ти орудий, но пригодных для стрельбы было только четыре. Запряжек имелось на 2 орудия.» Стр. 182: У нас было только четыре орудия. — Это неверно. М. Б. Стр. 184.: «наши три орудия стреляли редко». Это все фантазия И. Полякова.

Если бы части полк. Денисова унесли с собою хотя один снаряд, то он был бы передан в батарею, т. к. у нас в них был острый недостаток.

По отходе частей в ст. Заплавскую», Штаб выбрал главную позицию «примерно в двух верстах к западу от станицы и в ночь на 6-е апреля приступили к рытью окопов и ее оборудованию».

Район между Новочеркасском и Заплавами — открытая равнина, пересекаемая изредка неглубокими лощинами. В день пролетарского праздника первого мая (18-е апреля ст. стиля) большевики из Новочеркасска повели наступление на ст. Заплавскую.

Ген. Ив. Поляков в «Дон. Каз» стр. 183, этот бой описывает так: «Я около 4 часов утра взобрался на колокольню. В сырой утренней мгле блеснула зарница и прогремел оруйный выстрел. Начинался бой. **Под прикрытием огня нескольких батарей** большевики крупными силами вели наступление на Заплавы. К ним непрерывно шли подкрепления из Новочеркасска. Наши жидкие передовые цепи, сбитые красными, жались к станице.**Наши три орудия стреляли редко, ибо у нас было только сорок снарядов»**.

Там же на стр. 175: «Артиллерия состояла из шести орудий, но пригодных для стрельбы было только четыре. Запряжек имелось лишь на два орудия. Снарядов было около **ста двадцати»**.

Все это ж неверно, так как орудий с за-

пряжками было только два, а не шесть. Было и два зарядных ящика с запряжками и, если бы были лишние орудия (И. Поляков указывает цифру годных орудий четыре, что тоже неверно), то запряжки из зарядных ящиков можно было бы взять в орудия и... тогда мы имели бы четырехорудийную батарею, тем более, что как указывает (неверно) И. Поляков, снарядов было около ста двадцати.

Далее он пишет: «Броневики противника и грузовые автомобили с установленными на них пулеметами, нагло временами подскакивали к станице и почти в упор расстреливали ее защитников».

Это утверждение тоже неверно: большевики не могли «подскакивать к станице», т. к. **казаки**, защитники Заплавской, **своих главных позиций**, несмотря на сильный огонь противника, **не оставили**; находились они примерно в двух верстах к западу от станицы, на ровном открытом поле.

«После полудня артиллерийский огонь красных усилился. Примерно около 4 — наша артиллерия замолкла... расстреляла последние патроны»... Так пишет И. Поляков. «Молчание наших орудий воодушевило большевиков. Обходные колонны большевиков уже выходили глубоко в наш тыл. Часть артиллерии красных, снявшись с позиций, походным порядком направлялась к Заплавам... В наших частях в это время произошло замешательство, они перемешались и почти прекратили огонь. Полк. Денисов и я руководили всем... Денисов носился из одного участка на другой, появляясь в наиболее опасных местах и всюду личным примером воодушевлял казаков и поддерживал в них веру в победу».

Далее И. Поляков описывает, как они «учли правильно создавшееся положение.. привели в порядок конные части... атаковали ими обходные колонны красных... последний резерв — сводную сотню, большинство которой были одринарцы... бросили в лоб противнику, победоносно шедшему к станице».

Победа осталась за казаками. Трофеи: восемь исправных орудий, около 5 тысяч снарядов, более 200.000 патронов, около 2.000 винтовок, несколько пулеметов, **«броневик»** (подч. М. Б.), 4 грузовых, один легкий автомобиль, лошади, повозки и даже гурт скота».

Никакого броневика в этом бою 18-го апреля заплавцы не взяли и хотя И. Поляков и пишет на стр. 185: «и полк. Денисов и я в этих боях приняли непосредственное участие»...

Вероятно из скромности И. Поляков умолчал, что «броневик» захватил он на бумаге.

В «Ат. Вестн.» у И. Полякова описание боя 18-го апреля совершенно отсутствует. В «Дон. Летописи» о взятии казаками «броневика» ничего не говорится.

Как происходил бой? Нов. Офиц. батарея получила приказание от полк. Денисова 18-го апреля около 8 часов утра занять позицию сев. зап. станицы Заплавской и огнем своих орудий поддержать наши части в бою с большевиками, для удержания заплавцами их позиций и самой станицы.

Около десяти часов утра казаки атаковали противника, но,,, встреченные сильным ружейным и пулеметным огнем, должны были отойти в исходное положение — на главную позицию. Часам к 12-ти у красных появилось два бронеавтомобиля. Снарядов у нас на два орудия было мало — около 40 штук (шрапнели и гранаты), а не 120.

Чтобы как то морально поддержать казаков, защитников станицы, и оказать какое-нибудь противодействие броневикам противникам, полк. Денисов решил «особенным образом использовать свою артиллерию» и приказал командиру батареи и мне — **обязательно обоим**, — прибыть к нему на главный наблюдательный пункт, на большой высокий курган (500-600 саж. сев.-вост. станицы), находившийся во все время боя под действительным ружейным и пулеметным огнем противника. В это же самое время, когда Денисов отдал это разпоряжение, **И. Поляков сидел на колокольне и об этом исключительно важном и интересном решении командующего, ничего не знал.**

Когда мы оба прибыли к п. Денисову, он объяснил нам обстановку и положение на фронте и сказал: «Я хочу, чтобы вы передали артиллеристам, что необходимость заставила меня принять особое решение и б. м. при исполнении его вами мне придется даже пожертвовать своей артиллерией, но... другого выхода у меня нет». (Полк. Денисов в прошлом артиллерийский офицер, т. к. он окончил Михайлов. арт. училище и после — Николаевскую академию ген. штаба).

Затем, в заключение, отдавая нам приказание, он указал на позиции противника и сказал: «вот там находится противник, здесь (указывая) наша позиция. Ваша задача — по орудийно (одно от другого отдельно) занять такие позиции, чтобы все — и противник и казаки — видели вас и ваши орудия. Огнем их вы должны препятствовать движению бронеавтомобилей вперед. Стрелять вы можете только по бронеавтомобилям. Подчеркиваю, только по бронеавтомобилям, ни по пехоте, ни по артиллерии противника вы

стрелять не имеете права. Хотя у большевиков еще и нет полевой артиллерии, но, конечно, из Ростова они ее скоро привезут. Оставлять позиции и бросать орудия (в случае опасности или сильного артиллерийского огня по вашим орудиям) — я запрещаю. Все вам понятно? — закончил он. «Так точно», — и мы ушли.

Чтобы не быть поражаемым одновременно огнем бат. противника, орудия — отдельно, одно от другого, на большой дистанции — стали на позиции, на совершенно открытом поле, так, чтобы нас и орудия видели и противник, и казаки.

Быстро вырыли узкие и неглубокие ровики для укрепления в них номеров; после эти ровики постепенно немного расширили и углубили. С этих открытых позиций мы начали наблюдать специально за броневиками, причем броневик с южной стороны противника служил целью для Афанасьева, а с северной стороны — для меня.

И как только один из них, или оба одновременно, начинали движение вперед — соответствующие орудия (одно или два), открывали огонь гранатой.

(Граната — снаряд, который рвется при ударе в землю, дает до двух тысяч мелких осколков, которые и поражают живые цели. Шрапнел-снаряд, начиненный двумя стами шестьюдесятью круглыми небольшими свинцовыми пулями: рвется в воздухе при помощи дистанционной трубки и... поражает этими пулями).

С начала боя у большевиков была одна маленькая морская канонерная пушка 47-миллиметровая. (Пушка Норденфельда — казаки потом ее захватили), стрелявшая бронебойными снарядами на короткую дистанцию. Приблизительно к часу дня большевики из Ростова подвезли сначала одну 3-дюймовую батарею (4 орудия) полевую, которая и начала интенсивно обстреливать станицу, позицию наших казаков и специально наши орудия. Потом они подвезли и другую батарею. И. А. Поляков писал, что большевики «под прикрытием огня нескольких батарей» (стр. 184), повели наступление. Это неверно. Выполняя приказ полк. Денисова стрелять только по броневикам, мы, к нашему сожалению, стрельбу батарей противника оставили совершенно безнаказанной, хотя точно видели их месторасположение и огнем своих орудий могли бы их уничтожить.

Обычно **броневики действовали очень нерешительно** и, пройдя немного вперед, очевидно боясь попадания гранатой, делали поворот, возвращаясь на старое место, останавливались и дожидали нового движения вперед. Батарея противника, сейчас же в ответ на нашу орудийную стрельбу, открывала огонь по нас, но стреляла только «шрапнелью», а не «гранатой», из чего можно заключить, что у них гранат не было, т. к. только прямым попаданием гранатой можно было уничтожить наши орудия.

И. А. Поляков на стр. 184 пишет: «большевики буквально засыпали станицу снарядами. Несколько гранат попало и во двор штаба...»

Может и были попадания, но не гранатой, а шрапнелью, которой можно стрелять и на «удар» в землю. Большевики снарядов имели много и их не жалели: по станице и по позиции казаков они выпустили их очень много.

Затем мы заметили, что батареи противника всегда открывали огонь по нас, если наши орудия даже и не стреляли, но кто нибудь из номеров показывался — «маячил» около них. Поэтому, когда батарея противника начинала обстрел позиции наших казаков, кто-нибудь из орудийных номеров — «по очереди» (рискуя быть убитым или раненным) «маячил» около орудия и этим привлекал на наши орудия артиллерийский огонь противника, а тем самым и отвлекал их орудийный огонь от защитников в наших цепях. **Ничего этого И. А. Поляков, сидя на колокольне в безопасном месте, не знал.**

Я пишу — «безопасном месте», так как, во первых, стреляя по колокольне, надо быть отличным стрелком, во вторых — и главное — великолепным и точным наблюдателем, в третьих — можно выпустить массу снарядов и не попасть, в четвертых — иметь большое счастье стрелка, чтобы попасть в амбразуру (окно) и в пятых — когда батарея противника будет стрелять по колокольне, там можно спрятаться за толстыми стенами и сидеть «безопасно».

Так продолжалось целый день. Броневики, подчеркиваю опять, действовали очень нерешительно.

К вечеру, при заходе селнца, по дороге сзади нашей позиции в станицу с попаса возвращалось стадо рогатого скота и подняло большую пиль. Вероятно, ошибочно артиллерийский наблюдатель противника это стадо принял за кавалерию казаков, что вполне возможно, т. к. заходящее солнце ярко било в глаза артиллерийского наблюдателя противника, «слепило его» и затрудняло ему наблюдение... и он открыл «ураганный огонь»... по этому стаду.

С ужасным ревом и мычанием, задрав хво-

сты к верху, брыкаясь во все стороны, бедное испуганное стадо бросилось бежать в станицу. К счастью, большинство разрывов было «перелет» и... поражение стада было очень незначительным.

Я отлично помню, что с наступлением темноты наши орудия оставались еще на своих местах, также как и казаки, и большевики тоже оставались на своих позициях.

Позже, ночью, казаки атаковали противника (нам потом говорили, что атаковала кавалерия) и... победа была по нашей стороне.

Поздно ночью (часов около 12-ти) ком. батареи получил от полк. Денисова письменное приказание «сняться с позиции и отойти в станицу»...

Веселые, радостные и довольные общей победой казаков, а также своим успешным выполнением «особенной» задачи в бою и сохранием снарядов (И. А. Поляков пишет: «наша артиллерия замолкла... расстреляла последние патроны»)... батарея вернулась в станицу на старые квартиры.

На следующий день после боя полк. Денисов пришел в батарею и я помню, как он сказал нам: «Батарейцы, — вчера в бою вы блестяще выполнили возложенную на вас «особенную» задачу. Благодарю вас всех и особенно командиров обоих орудий. Всех представить к боевой награде» — закончил ком. Южной Группы.

Ожидалось, что все чины батареи будут награждены «Крестом Спасения Дона» — статут которого был разработан позже, но Войсковой Круг этого креста не утвердил. Наше представление затерялось в штабе и чины Нов. Офиц. батареи никакой награды не получили.

В конце мая я, раненый, приехал в Новочеркасск и узнал об этом. В летнем офицерском собрании (в Александровском саду) ген. С. Денисов делал офицерам гарнизона периодические доклады о положении на фронте. Я после приезда в Новочеркасск пошел на один из первых же докладов. Там — по окончании его ген. С. Денисов обратил внимание на мою правую перевязанную руку и спросил меня, где, когда и в каком бою ранен? Назвав ему свою фамилию и чин, я ответил ему на вопросы. В ответ он сказал: «Как же, я отлично помню командира Афанасьева и Вас и славный бой под Заплавской». Узнав от меня, что чины Нов. Офиц. батареи не получили еще никаких наград, ген. Денисов ответил: «вероятно представление затерялось» и приказал мне на следующее утро придти в штаб и с помощью генерала для поручений полк. Черевкова представление возобновить. Что мною и было исполнено. Вскоре это представление прошло: офицеры и казаки батареи награду получили.

Бой под Заплавами сильно поднял настроение и дух казаков, вселил в них веру в возможность нового захвата ими Новочеркасска и, что очень важно, «Южная Группа» получила большое пополнение патронами, снарядами и вооружением, в чем она так сильно нуждалась.

Ген. Денисов ежедневно продолжал посещать различные части «Ю. Г.», с казаками и офицерами полков вел разговоры о подготовке ко взятию Новочеркасска, старался убедить их в необходимости неотложной борьбы с большевиками. Он часто бывал у нас на батарее, разговаривал с нами, интересовался ходом наших занятий, «учением при орудиях» и «орудийной езде».

После боя 18-го апреля батарея получила недостающих нам верховых лошадей и сменила всех слабых «орудийных лошадей» на сильных и здоровых, специально артиллерийских.

Нужно подчеркнуть, что за все время пребывания Нов. Офиц. Батареи в стан. Заплавской И. А. Полякова у нас на батарее я не видел ни одного раза.

М. Бургаев

(Полковник Донской Артиллерии)

США

(Продолжение следует)

НА КУБАНИ в 1942-1943 ГОДАХ

(Воспоминания бывшего Начальника Кубанской Казачьей Канцелярии)

Немецкие учреждения и службы в Краснодаре

1. Местная комендатура, 2. Полевая комендатура. 3. Сельскохозяйственное управление. 4. Полевая жандармерия. 5. Управление тайной полиции — «С.Д.» 6. Отдел пропаганды. 7. Биржа труда.

Гражданские учреждения города Краснодара

1. Земельный отдел. 2. Городская и районные управы. 3. Городское управление и районные отделения полиции. 4. Отдел здравоохранения. 5. Финансовый отдел. 6. Банк. 7. Торговый отдел. 8. Промышленный отдел. 9. Жилищный отдел. 10. Газета «Кубань». 11. Объединенный театр драмы и оперетты. 12. Кубанский ансамбль песни и пляски.

Земельный отдел обладал функциями областной организации и подчинялся непосредственно немецкому сельско-хозяйственному управлению. Все прочие отделы местного значения подчинялись городской управе, которой руководил местный комендант.

Бургомистры, городской и районные, начальник управления полиции и их заместители назначались немцами. Эти лица выбирались из местных жителей, известных городу, непременно в прошлом — сами или их родственники — репрессированных советской властью. Подбор кадров для управ и полиции всецело принадлежал бургомистрам и начальникам полиции. Немцы в укомплектование штатов не вмешивались.

Городская полиция несла дежурства по городу, управляла уличным движением и имела отдел уголовноно розыска. Политическими делами города ведала немецкая служба. Оставшихся коммунистов, если они зарегистрировались, немцы допрашивали и отпускали. Исключением были все те, кто занимался подпольной деятельностью и партизанщиной.

К казакам немцы благоволили, особенно офицеры старших возрастов. Немецкая полевая комендатура попросила полк. Белого представить проект управления Кубанской областью. Записка была написана на основании книги проф. Щербины «История Кубанского казачьего Войска». К проекту была приложена графически вычерченная схема управления... Жизнь города была тесно связана с положением на фронтах. Железная дорога Краснодар-Новороссийск была в руках немцев. От Краснодара до Абинской ее охраняли румынские войска. Немцы захватили все станицы и хутора, прикрывавшие дорогу с юга, но тем не менее дорога в горных местностях наполовину контролировалась советскими войсками, вклинившимися в немецкое расположение. Началась подготовка к овладению Новороссийского плацдарма. У немцев было недостаточно войск для этой операции. С начала октября в Григорье-Афипской они начали создавать сильный кулак, с расчетом через Новороссийск прорваться по приморской дороге до Грузии и оттуда, пересекши Кавказский хребет, взять в клещи все войска кавказского советского фронта. 5-10-1942 г. советским командованием было приказано партизанскому отряду П. Игнатова наблюдать за операциями этого кулака и при необходимости взрывать его эшелоны. 11-10-42 на пятой версте от Григорье-Афипской был взорван тяжелый немецкий эшелон с войсками и техникой, а также охранявшие его по шоссейной дороге бронемашины. Для борьбы с партизанами полк. Белому было приказано сформировать сотню из казаков горных станиц. Через две недели сотня, под командованием быв. капитана красной армии Бондаренко, отбыла в район Григорье-Афипской-Абинской. Отзывы об этой сотне я приведу из первого издания книги «Наши сыновья», написанной командиром партизанского отряда П. Игнатовым: ...«Немцев и румын было легко обмануть, но с появлением предателей-казаков, знавших хорошо местные условия, наша работа временно свелась почти на нет. Мы переменили свои стоянки, уйдя вглуб гор, и вынуждены были пересмотреть весь оперативный план». Эта книга выдержала несколько изданий, но в последних, дополненных и измененных, о казаках уже ничего не писалось.

Духовная жизнь города.

Из известных храмов до прихода немцев сохранилось:

1. **Екатерининский — красный собор.** Его эксплуатировала тарная база «ЮГ-ЗАГОТ-ЗЕРНО».

2. **Троицкая церковь.** Использовалась под зернохранилище. Подвальные помещения были приспособлены под склад овощей.

3. **Дмитриевская церковь.** Использовалась под зернохранилище, а подвальные помещения под склад овощей.

4. **Монастырь на Северской улице.** Овощный склад пищеторга. В левом притворе монастырской церкви тихоновцами совершались богослужения вплоть до прихода немцев. Горфинотдел этот приход грабил. Налоги с 5-ти тысяч рублей поднялись до 20 тысяч. Но верующие выплачивали и такую необычайно высокую сумму.

Моя престарелая мать, часто приезжавшая ко мне в гости из станицы Славянской по воскресным дням, всегда просила по 20 - 30 рублей и сообщала, что уходит к тете Ене. Причем тут тетя Еня и 20 рублей — я не знал. Оказалось, что к тете Ене заходят две монашки и

они вчетвером идут в монастырь на богослужение. Я хорошо знал глубокую старушку-пенсионерку тетю Еню, но еще лучше был знаком с семьей ее родственников, у которых она жила. В этой семье было два члена партии, а две девушки были студентками медицинского института, конечно, обе комсомолки. Как-то раз за рюмкой водки, я сказал Юре, одному из партийцев семьи, что моя мама очень любит тетю Еню.

— Еще бы, — ответил Юра, — вместе ходят в монастырь. И мало того — ухитрились несколько раз прихватить с собой и Алочку. Говорить с тетей бесполезно, но Алочка, Алочка... Что будет с ней, если узнает комсомольская ячейка? Ну, допустим, ей еще кое-как, но мне предстоит объяснение в райкоме партии. Но если только они меня заденут...

— Ну и что? — перебил я его.

— Собственно говоря, ничего, но все-таки жена секретаря райкомпартии приносила тете куличи для освящения, а тете только этого и надо... Знаю, что давала тете деньги, но та не скажет — сколько...

Юра был заместителем начальника краевого управления трудовых резервов. Не эвакуировался. При немцах был арестован, но немедленно освобожден...

В Краснодарском геологическом бюро, где я работал плановиком, был заведен порядок: каждый начальник геологической партии при выходе в поле и после возвращения экспромтом устраивал выпивку. На каждую из них непременно приглашался зам. глав. бухА Константин (Костя, как звали его все) Шумов. Кроме того, что Шумов был симпатяга, он умел к тому же рассказывать остроумные анекдоты и обладал чудесным тенором. Почему он не в театре, а гоняется за копейками по бухгалтерским документам, мы его не расспрашивали... Мы с Костей жили по соседству. Я несколько раз в воскресные дни заходил к нему, но ниразу не заставал его дома. На мой вопрос, где Костя?, его жена — доктор терапевт из кубанской казачьей семьи, — всегда отвечала, что Костя ушел на Кубань... После как-то, Константин сказал мне:

— Я по воскресным дням занят, пою в церковном хоре.

Я не поверил, но в следующее воскресенье мы с Костей были в монастыре. Костя говорил правду — он пел в церковном хоре...

А вот случай со стопроцентным пролетарием. Алексей Абузин с детства и до преждевременной смерти (от голода в тридцатых годах) работал железнодорожником на станции Кавказской. Его сын Павел окончил железнодорожное училище и остался работать в родной Кавказской. Он комсомолец, ударник, стахановец. Партячейка кавказского узла начала вербовать его в члены партии, но стахановец упорно отказывался, ссылаясь на то, что он еще не подготовлен, не знает толком устава и т. д. В 1936 г. его призвали в армию, и он вздохнул с облегчением — ускользнул от партячейки. Радость его однако была преждевременной. В армии сначала политрук, а потом и комиссар полка начали вербовать Павла Алексеевича в партию. Как в Кавказской, комсомолец Абузин не поддавался уговорам. Однажды командир роты сказал Павлу:

— Послушай, брось ерундить, вступай в партию или они тебя съедят. Раз они тобой заинтересовались — они от тебя не отстанут.

Последняя беседа комиссара полка была решительной схваткой. После насмешек, издевательств, угроз и уговоров, Павел все-таки не дал своего согласия на вступление в партию. В ярости комиссар заорал:

— Я знаю, ты по социальному положению стопроцентный пролетарий, ты наш. Но не вступаешь в ряды партии потому, что веруешь в Бога! Правду я говорю или нет?

Вербуемый членораздельно, твердо, с расстановкой ответил: Да, я верую в Бога, и оставте меня в покое.

Павлуша был арестован и ему «шилось» дело на целую десятку. В полку был организован показательный процесс, судил военный трибунал.

Военный прокурор:

— Обвиняемый, признаете ли вы себя виноватым?

Абрузин:

— Нет!

Военный прокурор:

— Как нет? Вы подписали обвинительное заключение!

Повернувшись к полку, Абузин поднял гимнастерку — вся грудная клетка его и бока были в кровоподтеках.

— Вот после этого я подписал протокол старшего дивизионного следователя. Думаю, что и вы бы его подписали.

Симпатии полка были на стороне обвиняемого. Полк прекрасно знал его, как хорошего певца и талантливого балалаечника, а его рота, где он был писарем, подружески любила его.

Павлуша отделался легким «ушибом»: вместо десятки ему дали два года концлагеря. И как ни странно, старшему следователю

дивизии, за неумелое ведение дела, дали «трешку»...

При немцах Павлуша пел в Краснодарском ансамбле. В Берлине, при перерегистрации, железнодорожник получил самую высокую оценку своему дарованию и соответствующую заработную плату, чего нельзя было сказать о многих профессиональных певцах. Переаттестацию организовал культурный отдел министерства пропаганды, так называемая «Венета», находившаяся в Берлине на Инвалиден штрассе. Сейчас Павел Алексеевич с большой семьей живет в Англии и управляет церковным хором при одном русском православном приходе...

Вот еще история моего друга Саши А., бывшего командира саперного батальона РОА. Саша учился в Ленинградском индустриальном институте, квартировал в Озерках, в доме почетного гражданина. Фамилия домохозяина была немецкой, в свое время он был проводником в императорских поездах. Грамоту почетного гражданина и 10 тысяч золотых рублей он получил от самого Государя Николая II за то, что во время крушения императорского поезда был ранен и не оставил своего поста, пока его не заменили здоровым. На эти деньги выстроил хороший дом в Озерках, а грамоту почетного гражданина вправил в стену рядом с иконами. Почетный гражданин и его супруга уже не работали, жили за счет квартирной платы, почаемой от студентов индустриального института. У них было три дочери, одна служила бухгалтером в милиции, вторая, замужняя, работала где-то на стороне, третья училась в институте. Две дочери и зять, жившие со стариками, были членами коммунистической партии. До поступления в институт зять находился на службе ГПУ, и случилось так, что Саша с зятем оказались не только в одном институте, но и на одном курсе. На новый год (1933) Саша уехал к дедушке на Кубань в ст. Усть-Лабинскую. Своими глазами увидал голод, уносивший тысячи жизней станичников. Он спешно возвратился в Ленинград, где жизнь была более выносимой. В доме на вопросы, ну как на Кубани, Саша ответил:

— Голод, мрут, как мухи.

Зять почетного гражданина предупредил казаченка, чтобы тот не трепал языком. Не тут-то было, Саша продолжал рассказывать о виденном и в институте. Скоро нашему очевидцу пришлось объясниться с секретарем партийной ячейки. Беседа была гораздо неприятней, нежели с зятем почетного гражданина. Ему объяснили, что в стране, где правит рабоче крестьянское правительство, не может быть голода, а если он есть, то это работа врагов Сов. Союза. Отпуская рассказчика, ему посоветовали не распространять контр-революционных сплетен. Наутро наш рассказчик был на Литейном проспекте в ГПУ. Следователем был старый человек. Он внимательно выслушал рассказ о Кубани и отобрал у Саши подписку в том, что все им слышанное и виденное не будет распространено, в противном случае рука революционной справедливости покарает его. В заключение он дал Саше совет:

— В Советском Союзе можно говорить только о том, что пишется в газетах. Вас уже два раза предупреждали. Идите и заканчивайте институт, не делайте глупостей.

Такое либеральное отношение к рассказчику о голоде объяснялось отнюдь не излишней добротой партийца и ГПУ, а общим политическим положением в самой партии в то время и в Ленинградской партийной организации в частности.

Возвращаясь как-то из института, Саша услыхал об убийстве Кирова. Войдя в дом на Озерках, он закричал:

— Эй вы, старые тетери, открывайте двери, слушайте интересное сообщение!

Нужно сказать, что все жильцы были дружны между собой и любили «болтуна».

— Ну, что там нового, Александр Иванович?

— Пламенного большевика Кирова шлепнули!

Двери моментально позахлопывались...

Время шло, приближалась пасха 1935 года. С первого января была отменена карточная система на хлеб и другие продукты питания. Домохозяйка напекла куличей, накрасила яичек, корзина из очищенной лозы была наполнена всякой снедью и приготовлена для освящения. Встал вопрос — кто понесет святить куличи? Старушка — почетная гражданка боялась одна отправляться ко всенощной. Дамы обратились к Саше с просьбой сопровождать старушку в церковь... В четыре часа утра были организованы общие разговены со всеми жильцами дома — пять студентов и семейство хозяев. Зять хозяина, член партии и гепеушник, как ни в чем не бывало, пел «Христос Воскресе» и трижды со всеми похристосовался. На язвительные шпильки по этому поводу, «зятек» ответил Саше:

— Темный ты парень. Народ с его верой и обычаями выше партии и ГПУ. Знай народ, что нас коммунистов всего три процен-

та, он нас раздавил бы, как яичную скорлупу. Ни один из членов партии не смеет показать номера своего партбилета непартийному человеку, чтобы не знали, сколько нас...

Инженерно-технический персонал Краснодарской городской электростанции, на которую Саша поступил инженером, помещался в кирпичном доме, построенном коридорной системой. Эта система позволяла, кому было нужно, знать, кто, когда и к кому приходит, одним словом, архитектура находилась на службе наблюдения и подслушивания органов НКВД.

Партячейка электростанции предложила Саше А., как не члену партии, организовать предвыборную кампанию в пользу директора электростанции, которого райком партии рекомендовал в члены горсовета. Саша заявил:

— Если вы мне это предлагаете, то я сделаю все, чтобы директора не выбрали.

Нужно было видеть лицо секретаря в эту минуту — оно вытянулось от неописуемого удивления, с носа его едва не свалились очки.

— Молодежь заявляет свое право на жизнь! — так отрапортовал удивленному секретарю партячейки Саша, намеченный для агитации и пропаганды. — Я уже три месяца прошу комнату в общежитии и мне под всякими предлогами в ней отказывают.

На следующий же день Саша получил комнату и между ним и директором установились приличные отношения. На 30 жильюов в этом доме было только два радиоаппарата, у секретаря партячейки и у Саши. В СССР радиоаппараты не только дорогие, но их кроме того очень трудно достать. Те, кто их имеет, считаются счастливчиками, прочие жильцы пользуются трансляцией местного радиоузла... В 1941 году в кабинете директора между Сашей и директором произошел любопытный разговор.

— Все, о чем мы будем говорить, должно остаться между нами, — сказал директор. — Согласны?

— Согласен.

— Моя жена и теща желают послушать пасхальную заутреню из-за границы. Я им обещал поговорить с вами.

— Очень хорошо, — одобрил Саша. — Свет в комнате будет выключен, пусть входят без стука, дверь не будет заперта. Я сейчас же переключу аппарат на наушники.

— Конспирация была соблюдена, — рассказывал после Саша. — После «Христос Воскресе» дамы разрыдались. Христосовались со мной, как с близким, дорогим человеком. Несмотря на мой веселый характер, я тоже вытирал слезы...

Перед приходом немцев, чины НКВД и члены истребительного батальона заняли все ходы и выходы электростанции. Приход немцев ожидался со дня на день. 5 августа 1942 г. директор пригласил Сашу в кабинет, передал ему трудовую книжку и сказал:

— Александр Иванович, уходите отсюда немедленно, в самом срочном порядке. Вам здесь делать нечего.

За неделю до описываемых событий у Саши арестовали отца и старшего брата. Медлить было нельзя, но и выйти со двора электростанции без специального пропуска нечего было и думать. Пришлось спрятаться. С северо-западной стороны доносились выстрелы немецкой артиллерии. Вся охрана ушла в машинное отделение, чтобы проверить все перед взрывом. В этот момент в укрытие жена директора шепнула:

«Уходите! Охраны нет! Храни вас Бог!

Саша выскочил, а через несколько дней в город вошли немцы...

Отдел здравоохранения

Начальником отдела здравоохранения был назначен профессор Кузнецов. Все медицинские учреждения, больницы, амбулатории, диспансеры, родильные дома и зуболечебная клиника работали по обслуживанию города при полном медицинском персонале.

Финансовый отдел

Финансы города слагались в основном из 5 рублей, получаемых при перерегистрации паспортов, сбора налогов с торговых, коммерческих и промышленных предприятий, квартирной платы. Средства шли на покрытие жалованья служащих в городских учреждениях.

Банк

При занятии города немцы передали Краснодарскому отделению государственного банка восемь миллионов рублей, захваченных ими в Майкопе. Банк открывал краткосрочные кредиты частным лицам, мелким торговцам и промысловым предприятиям. Все действующие учреждения и организации города имели свои текущие счета в банке.

Торговый отдел.

Торговый отдел руководил тремя рынка-

ми, на которых шел привоз продуктов из окружающих станиц. Немцы ненавидели наши рынки, особенно толкучки. Рынки были открыты для торговли только три дня в неделю. В городе функционировали комиссионные и продовольственные магазины, рестораны, закусочные, кафе-кондитерские. Торговый отдел имел карточное бюро. Все работавшие получали продовольственные карточки, которые отоваривались магазинами предприятий, где числились рабочие и служащие. Регулярного снабжения города продуктами не было, но немцы не препятствовали частной торговле.

Жилищный отдел.

Отдел был занят урегулированием спорных жилищных вопросов. Взимал квартирную плату и, в меру сил и возможностей, производил ремонт жилищ. Лучшие здания немцы реквизировали для нужд армии.

Промышленный отдел.

Поскольку все промышленные предприятия обслуживали немцев, то роль промышленного отдела свелась исключительно к подбору специалистов и рабочей силы. Промышленный отдел был связывающим звеном между различными промышленными предприятиями и другими отделами городской управы.

Работа газеты «Кубань»

Газета вела активную пропаганду и информационную работу. После сформирования первой кубанской сотни, была написана блестящая передовица — «Первая Кубанская». Н. Н. Трунин, прекрасным стилем и сочным языком, целыми подвалами начал печатать статьи о казачестве. Глазырин поместил ряд очерков из прошлого Кубани. Кабанов, вернувшийся после посещения ст. Уманской, опубликовал рассказ очевидца, в котором говорилось, как крепли экономически и духовно станичники. Газета рассылалась по станицам, хуторам и аулам. Газеты издавались в Армавире, Кавказской, Майкопе, Тихорецкой. Везде, где сохранились типографии, а сохранили их, случалось, как раз те, кто должен был их эвакуировать, как это имело место в Тихорецкой.

Культурная жизнь города.

Театр драмы имени Горького немцами был реквизирован для нужд войска. Объединенные труппы драмы и оперетты немедленно стали давать спктакли. Для немцев представления шли в театре оперетты, а для гражданского населения в клубе профсоюзов, что рядом с кинотеатром «Колос».

В темные октябрьские ночи и туманные утра над крышами города пыхтели один или два советских учебных самолета (У.2) или, как их прозвали «кукурузники». Краснодарские осоавиахимовцы с этих «бомбардировщиков» сбрасывали связки ручных гранат. За октябрь месяц эта сталинская бомбардировочная авиация повредила клуб профсоюзов и в часов утра связка гранат угодила на веранду коменданта города. Капитан Блехшмидт, после ночной пирушки, явился к утреннеи чашке кофе с некоторым запозданием. Веранда была уже приведена в порядок и столик с кофе стоял на прежнем месте.

Кинотеатры еще не функционировали, но все уже было сделано для их открытия. Особым успехом пользовался «Ансамбль кубанской песни и пляски», под управлением заслуженного дирижера Тараненю, балетную труппу вел А. Шпоренго. В кинотеатре «Великан» был назначен просмотр первого репертуара этого ансамбля. Мы с адъютантом коменданта прибыли, когда в зале было уже все готово. Несколько чиновников и человек двадцать немецких офицеров заняли места в зале. Взмах режиссерской палочки, и звуки немецкого гимна залили здание театра. Из зала послышалась резкая команда:

— Отставить! Что вы поете, что вы поете! Пойте свой гимн!

Шок, растерянность, но только на мгновение. Снова взлет волшебной палочки, и в душу бурным потоком ворвались дорогие слова кубанского гимна:

Ты, Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь...

(Продолжение следует)

Австралия **П. П. Иваница**

ОТКРЫТИЕ 1го КАЗАЧЬЕГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА

(Отрывок из «Похода в обреченность»)

Казачий стан переброшен в северную Италию. Место расположения Казачьего Резерва — Сан-Данеле, или Вуя — самая южная точка на земле временного поселения казаков.

В средних числах ноября 1944 года, приказом Походного Атамана Резерв расформировали, а начальнику его полк. Медынскому поручили организовать Военное училище в Вилла-Сантине. Там в продолжении нескольких недель уже находился ген. Полозов с многочисленным штабом, но училище не открыл.

Первым снялся и ушел из Вуи Запасный полк со своим командиром полк. Головко.

18-го ноября, часа в два ночи, Офицерский дивизион и учебная команда, с бывшим начальником Резерва во главе, вышли походным маршем из Сан-Данеле и направились на север.

Под прикрытием темноты спешно шли мимо итальянских селений. Миновали Озопо и Джемоно, в Оспидалето стало совсем светло. С опаской, при дневном свете дошли до Вензоне и далее, по совершенно открытой дороге, пришли в Пиани. Последний отрезок дороги произвел самое удручающее впечатление — вторично пришлось маршировать по шоссе, где вся местность изрыта воронками недавних бомбардировок.

После продолжительного привала, подкрепившись и покормив лошадей, тронулись из Пиани. За селением надо было пройти по длинному мосту через приток Таглиаменто.

Недавно наученные горьким опытом в Озопо, казаки ежеминутно могли ожидать воздушного налета. Последовал приказ разбиться на небольшие группы и проходить мост только по две повозки зараз. Не весьма приятно было перебираться по полуразрушенному настилу.

Стало безопаснее — дорога круто повернула на запад и пошла под прикрытием то горы, то леса. Природа и температура заметно менялась: в оставленном Сан-Данеле было еще тепло, тут стало холодно.

Офицерский дивизион отстал под вечер у селения Омаро, учебная команда продолжала марш и миновала Толмеццо, на окраине его снова пришлось перейти по большому, наполовину разрушенному, мосту.

С каждым шагом становилось холоднее, землю покрывал снег, на дороге лежала кора ледяного покрова и лошади скользили.

Марш казался бесконечным, офицеры и казаки учебной команды, проделавшие его пешком, под конец дороги выглядели уставшими и прозябшими.

Все мосты по дороге между Толмеццо и Вилла-Сантиной были снесены партизанами, отряд прошел по свежесооруженным. От сырых досок и жердей пахло еще древесной смолкой.

Наконец, в результате длинного дневного перехода, в густых сумерках вошли в Вилла-Сантину, расположенную в 8-ми километрах на запад от Толмеццо, вверх по течению Таглиаменто, на левом берегу при впадении Дегано. С севера она прикрыта высокой отвесной горой, наверху деревня Ляуко, недоступная взору снизу. Только с юга громады хмурых Альп немного отступают, оттесненные рекой. Через Вилла-Сантину проходит шоссейная дорога из Толмеццо и разветляясь в селении идет на юго-запад в Энемондо и Ампеццо, а на северо-запад в Оваро.

По прибытии, учебная команда разместилась в здании итальянской школы, не оборудованном к приходу казаков и хотя усталость клонила ко сну, молодежь спешно набивала себе матрацы соломой и, подкрепляясь сухим пайком, обогревалась кипятком.

Нестроевую команду поместили на лесопильном заводе.

Поздно вечером все казаки были под крышей и дела закончены и тогда полковник М. с трудом нашел себе небольшую комнату рядом с конвойцами полк. Морозова, участника только что закончившейся продолжительной операции по очищению территории от красных партизан.

Существовали на вулкане...

В конце ноября, темной ночью грандиозная боевая тревога поставила всех на ноги — встревоженные люди, запряженные и оседланные кони ждали приказа. Появились тревожные предположения... но тогда никто не знал о прорыве фронта западными союзниками. Через несколько часов тревогу отменили и все успокоились.

В Вилла-Сантине наступила лихорадочная жизнь — организация военного училища. Дело приняло реальные формы, начались вступительные экзамены, а пришедшая из Резерва учебная команда стала ядром вновь открывающегося училища. Постепенно наплывала молодежь из полков и станиц, прибывала из других казачьих подразделе-

ний и РОА. С особого разрешения Походного Атамана приняли одного не казака.

Полковника М. отрывали от спешной работы вызовами в Штаб войск для докладов. У него на квартире шились первые модельные юнкерские погоны, мерились и раздавались бескозырки. Забегали прибывшие офицеры училища и с большой радостью получали отрезки ленточек — кто просил «Георгия», кто «Анну» для себя и приятеля. (Ленточки были особенные — еще в Новогрудке полученные в дар от генерала П. Н. Краснова.)

Вскоре был сформирован командный и преподавательский состав училища, оборудовано помещение для занятий и общежития юнкеров. Налажено снабжение и неподалеку от школы устроена кухня со столовой для юнкеров. Рядом с училищем, в особняке богатых итальянцев, сняли комнату для начальника училища, а в нижнем этаже открыли офицерское собрание.

Перед открытием привезли новое обмундирование, но юнкера одели его, отпоров все немецкие знаки отличия — одели с юнкерскими русскими погонами. Рукав каждого мундира украсила нашивка: «Дон», «Кулань» или «Терек» — в зависимости от принадлежности юнкера к Войску. Бескозырка или военное кэпи с русской кокардой дополняли наружный вид юнкеров.

С первых дней дух в училище царил патриотический — на политиканство, интриги и сомнения не было времени и желания — жизнь требовала действий, энергии и непрерывной напряженности.

Вступительные экзамены закончились и наступил день открытия **1-го Казачьего Юнкерского Училища.**

6-го декабря 1944 года.

Был серый, морозный день. С раннего утра в Вилла-Сантине видна напряженная беготня. На небольшом плацу перед зданием училища все подчищено и выглядит по праздничному. Окончены последние приготовления.

Юнкера выстроились, озабоченно одергивают новые мундиры, которые сидят на многих мешковато, но большинство выглядит подтянуто и молодцевато.

Приехало духовенство из станиц, перед фронтом атаманский духовой оркестр, появляются первые гости.

Часам к 11-ти, под звуки встречного марша, подкатили автомобили с Походным Атаманом и его штабом, начальником Штаба Главного Казачьего Управления полковником С. Н. Красновым, с полковником Силкиным, генералом Соломахиным. Отдельной группой приехали представитель Восточного министерства д-р Химпель и референт Радкэ, офицеры для связи и немецкие гости.

Перед фронтом в струнку выстроившихся юнкеров пронеслось:

— С м и р н о ! Для встречи, слушай на караул! —

После рапорта и официальных приветствий, снова команда и головы обнажились на молитву. Начался торжественный молебен — при походном аналое училищный священник отец Николай в сослужении с несколькими приезжими священниками и казачьего хора.

Над итальянской землей разнеслись православные возгласы и песнопения — горячие молитвы о ниспослании Божьего благословения. Как бы прислушиваясь к ним, со всех сторон столпились седые и хмурые Альпы, с надвинутыми на вершины обрывками туч... Итальянцы — жители селения — собравшись групками, с любопытством наблюдают торжество издали.

Юнкера застыли в молитве и многие лица как бы светятся верой, но можно ли отгадать их сокровенные мысли? Мысли юношей, с корнем вырванных из родной земли и заброшенных в далекую, чужую страну, во враждебную обстановку...

Умолкает последняя молитва и молебен закончен. Следует открытие Казачьего Военного училища и короткое слово Атамана. Читается приветствие от генерала Краснова из Берлина.

Команда. Юнкера насторожились, перестроились и, развернувшись повзводно, пошли — слитые в одно равномерно колеблющееся тело и четко отдавая ногу церемониальным маршем, под гром духового оркестра.

Парад закончен. Юнкера посотенно разошлись на обед.

Гости и начальство во главе с Атаманом Домановым прошли в офицерское собрание. Там, за торжественно обставленным и декорированным живыми цветами столом — бокалы наполнились вином... В проекте Военное училище должно дать молодой командный состав не только для десяти полков Казачьего Стана, но и для Казачьей Дивизии под командой ген. фон-Паннвица, где все офицеры, за малым исключением, были немцами.

Лондон. **Т. Данилевич**

«СОЮЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ» В БОЛГАРИИ в 1922-23 гг. И БОРЬБА С НИМ

(Окончание)

После 4/4 1923 г. с отправкой репатриантов произошла какая-то заминка. В Варне собралось до 2.000 чел., завербованных С. В. на Р. Содержались они на счет представительства д-ра Нансена, но пароходов на их перевозку в Россию представительство не предоставляло...

9/4 1923 г. в Болгарии произошел государственный переворот. Земледельческое право Стамболийского, покровительствовавшее С. В. на Р., было свергнуто. К власти пришел «Демократический Сговор», но фактическая власть была в руках военных, совершивших переворот. Большинство ответс. представителей ГПУ, руководивших работой С. В. на Р., покинуло Болгарию. Ответственные, государственно-административные посты в Варне при новом пра-ве заняли мои знакомые болгарские офицеры. Градоначальником стал кап. Чемширов, н-ком общественной безопасности — майор Чиков, приставом 1-го полиц. участка — пор. Павлов и н-ком паспортного бюро — пор. Тачев (фамилии и чины в Болгарии чисто русские, А. П.).

С. В. на Р. занимался в Болгарии не только вопросами репатриации. Он имел свой устав, разрешенный болг. пра-вом, с указанием на свои цели и на обязанности вступающих в него членов-русских эмигрантов, желающих вернуться на родину. Но наряду с этим легальным уставом центром С. В. на Р. было издано секретное к нему дополнение, разосланное только членам бюро провинциальных отделений, со строгим запрещением сообщать его содержание рядовым членам Союза и с требованием неукоснительного исполнения заключавшихся в нем правил ведения работы не только среди русской эмиграции, но и среди болгарского населения, работы, носившей часто подрывной характер по отношению к болгарскому государству. Немедленно после назначения новой болгарской администрации в Варне, пользуясь официальным положением корреспондента, я посетил градоначальника — кап. Чемширова, сообщил ему о роли С. В. на Р., рекомендовал его ликвидацию и для этой цели предложил свои услуги. Кап. Чемширов, опасаясь «дипломатических осложнений» с сов. Россией и, может быть, репрессий с ее стороны, не рискнул взять на себя ответственность, хотя и считал нужным это сделать, но обещал «договориться» об этом с министерством. Т. к. мне стало известно, что Союз принимает меры к уничтожению следов своей преступной работы в стране, я обратился к пор. Тачеву с той же просьбой, как перед этим к кап. Чемширову, обещая всю ответственность взять на себя, прося его только помочь мне. Пор. Тачев предоставил в мое распоряжение 4-х вооруженных македонцев для производства обысков и арестов, а пристав полиц. участка Павлов — помещение для содержания арестованных и для хранения и разробки захваченных документов. Н-к общественной безопасности Фиков одобрил действия Тачева и Павлова. На помощь мне пришли двое русских эмигрантов — пор. Погосов и пор. Аракелов, взяв на себя обязанность производства обысков и арестов. На себя я взял допрос арестованных в присутствии кого либо из болгарской аминистрации, т. е. Тачева, Павлова или Фикова. Взял я на себя и разбор захваченных документов, если они окажутся.

8-го июля 1923 года, в 11 с половиной часов ночи, началась операция «Ликвидации Союза Возвращения на Родину»... Все арестованные, как и захваченные документы, сдавались приставу Павлову. Допрос арестованных и разбор документов производился мною в присутствии поочередно Тачева или Фикова... Все было проделано с максимальной быстротой и 10 июля был составлен «протокол ликвидации», подписанный н-ком общ. безопасности — майором Фиковым, приставом 1-го участка — пор. Павловым. н-ком паспорт. бюро — пор. Тачевым и мною, как производившим допрос арестованных и разбор захваченных документов. Протокол был представлен градоначальнику — кап. Чемширову, к-рый нарочным отослал его воен. министру — ген. Волкову, в это время фактическому главе болгарского правительства, хотя первым министром и был проф. Цанков. Чтобы ясна была роль С. В. на Р. в Болгарии, помимо всего сказанного, привожу полностью первую часть протокола, содержащую мотировку ликвидации Союза и, в выдержках, вторую часть, в которой текстуально перечисляются все 46 захв. при ликвидации документов. Из них многие не имеют для нас ценности, как го-

ворящие о второстепенных событиях или о простой канц. переписке Союза с отделениями. Я отмечу только некоторые, в которых прямо указывалось на подрывную, по отношению к Болгарскому государству, работу Союза Возвращения на Родину...

«Протокол

Производства обысков в «Союзе Возвращения на Родину» и на квартирах его руководителей. Обследования его архивов. Допроса руководителей Союза и обследования документов, захваченных на их квартирах.

8/7 1923 г., в 11 с пол. часов ночи, в канцелярии Союза на 18-ой линии был произведен обыск. При обыске никого задержано не было. Все делопроизводство Союза было вывезено в 1-ый полицейский участок и сдано приставу этого участка, где было произведено обследование захваченного делопроизводства. Документов, устанавливающих деятельность Союза против интересов Царства Болгарского и против существующего в стране государственного строя, обнаружено не было. По показаниям задержанных руководителей Союза, 15 июня 1923 г. весь советский архив был сожжен на 18-ой линии против канцелярии Союза. Сожжение бумаг подтверждено соседями канцелярии Союза. которые видели в указанное число между 2-3 часам ночи костер, в который бросались бумаги. Уничтожение секретных документов было произведено согласно предписания центрального бюра Союза за №340 от 12/6, 1923 г., которое обнаружено среди именных списков Союза, каковое при сем и прилагается. Из документов, забранных в Союзе, видно, что он занимался не просто репатриацией русских эмигрантов, но и разложением их, действуя провокацией, лестью, натравливанием одной части эмиграции на другую, занимался ложными доносами в болгарскую полицию периода земледельцев на русских эмигрантов, не сочувствующих возвращению на родину и т. д. Все это не грозит непосредственно государственному строю в Болгарии, но противоречит уставу Союза и ставит его существование в противозаконное положение. При обыске на квартирах руководителей Союза обнаружен ряд документов, устанавливающих противогосударственную деятельность Союза и Советского Красного Креста не только в Варне, но и во всем Царстве Болгарском».

На этом заканчивалась мотировочная часть протокола. Дальше шел подробный перечень 46-ти захв. документов. Из них вытекало: местным отд. Союза в Варне была составлена алфавитная книга с именами русских и болгар (последних 50%). На каждое лицо составлялась анкета и заводилось особое дело. Анкеты и дела были сожжены 15/6, но о содержании их сообщалось в сов. Кр. Крест в Софии. Это было не только простым нарушением устава Союза, но создавало из него иностранный полиц. аппарат в Болгарском Царстве... Предписывалось из центра (документ за №218) обратить в агит. работе особое внимание на портовых рабочих и жел.-дорожных служащих болгарской национальности... Читались для болгар лекции и доклады... Предс. Варненского отд. доносит, что за 3 месяца было прочитано 28 докл. и 14 лекций... В большом колич. распростр. сов. агит. литература (листовки и брошюры) на 4-х языках — русском, болболгарском, турецком и греческом. Создавались устные газеты среди болгарских рабочих (в Варне редактор Морозов, предс. отд. С. В. на Р.). Среди общей ком. пропаганды в ней были прямые призывы к саботажу, сваливая последний на русских эмигрантов, и к искусственному созданию конфликтов между нами и болгарами. Все это для того, чтобы создать для русских тяжелое положение и заставить их записываться в Союз на предмет возвращение в Россию... Секретарь Варненского отд. вносит предложение в центр о системе работы в Болгарской армии (доклад по этому вопросу написан был членом офицерской секции Союза — Крыжановским)... Предписывалось (док. № 292) об организации антирелигиозной пр-ды среди русских эмигрантов и болг. населения... Предписывалось (док. №36) организовать подписи воззвания к белым аримям популярными офицерами, используя для сего все средства, вплоть до запугивания и шантажа...

Рекомендовалось (док. № 211) усилить агитацию среди местн. населения, используя не только местн. компартии, но и местн. власти... Болгарское население открыто призывалось к свержению нового пр-ва (Цанкова, А. П.), как насильственно захватившего власть, для чего надо было создавать боевые дружины с обещанием, что сов. пр-во поддержит эти дружины оружием и материальными средствами... В отрывке цирк. сообщения центр. бюро давалась серия адресов для секретной переписки, т. к. после переворота не все отделы и отделения Союза пользовались доверием центр. бюро — (представительство сов. Кр. Креста и центр. бюро С. В. на Р. стали принимать меры к сокрытию своей деятельности, не имеющей ничего общего с репатриацией русских эмигрантов. А. П.).

Требование центр. бюро С. В. на Р. составить анкетные листы (форма 1) на всех русских, проживающих в Варне, членов и не членов Союза. Особое внимание обращали на себя вопросы: 1) к какой полит. орг. принадлежите, 2) имеете ли родственников в России, 3) поддерживаете ли с ними связь, 4) точный адрес в Варне. Для сбора этих сведений Варна была разделена на три района, каждый район был поручен члену Союза, желающему «заработать» возвращение на родину. Известны имена следующих членов Союза, занимавшихся переписью: пор. Котов, есаул Чеботарев, полк. Малама.

При Стамболийском этими анкетными листами пользовалась местная полиция, причем С. В. на Р. имел возможность при помощи болг. полиции отделываться от неугодных ему лиц. А. П.). Предписывалось (док. №48) организовать на почте перлюстрацию писем лиц считавшихся противниками Союза... Был опубликован список на 65 казаков, прибывших из Константинополя, с отметками против фамилии каждого: «вреден», «установить наблюдение». Против имен некоторых имелась отметка кр. карандашем — это обозначало, что данное лицо завербовано. С такой пометкой значится Икаев, выехавший с группой в Эски-Джумаз. Предписывалось (док. № 11) зав. офицерской секцией — ген. Дерингеру собирать сведения об офицерах Болгарской армии: количество активных, запасных, их род оружия и полит. принадлежность... Представлялись сведения о болгарских частях. Этим делом занимался Виноградов, сообщавший собр. сведения в Софию Озолю, в предст. сов. Кр. Креста... Н-к агитотдела ГПУ в Одессе препровождает на пароходе «Варна» в адрес болг. компартии 15 пудов в 5-ти тюках агит. литературы на болг., турецком и греч. языках... То же агит. отделение ГПУ препровождает, через посредство С. В. на Р., в адрес болг. компартии литературу... Предписывалось центр. бюро С. В. на Р. (док. №118)... «если нет никакой другой возможности парализовать противников Союза, то предлагается принять решительные меры»... В копии постановления центр. бюро говорилось об установлении связи с болг. земледельческой партией: «После падения пр-ва Стамболийского землед. партия станет в оппозицию новому пр-ву и будет им гонима, а потому временно войти с нею в тесную связь и оказывать ей поддержку в ведении борьбы с новым пр-вом... В сношении за №311 за подписью Озоля говорится о принятии мер негласного контроля над болг. компартией, т. к. «по имеющимся сведениям материальные средства, отпускаемые партии, расходуются не по назначению, а представляемые сводки не внушают доверия»... В двух копиях сношений болг. компартии с Джуленовым говорят об установлении «единства работы между Союзом Возвращения на Родину и болг. компартией»... В письме Коломийцева (предс. центр. бюро С. В. на Р.) к Черненко (секретарь Варненского отд.) говорилось: «Хорошо, что в Сливно во время выборов в Нар. Собрание (Болгарское, А. П.) все были вооружены и готовы к выступлению» и что «победа обеспечена и своих денег тратить не стоит. Добьемся своего, а потом все будет, а поэтому действуйте энергичнее в этом направлении (Черненко на допросе показал, что в то время он был секретарем Сливенского отд. и что последний помогал болг. компартии организовать ее выступление. А. П.). Копия протокола центр. бюро С.В. на Р. устанавливает, что деятельность Союза с падением пр-ва Стамболийского не прекращена. В протоколе ярко выражен поход Союза против существующего пр-ва и призыв к членам Союза помогать местным коммунистам в их борьбе с новым режимом...

Таким образом, показаниями задержанных в Варне руководителей С. В. на Р. и захваченными у них документами установлено, что С. В. на Р. не является организацией, созданной русскими эмигрантами для возвращения на родину, а является организацией, созданной по инициативе сов. пр-ва для ликвидации русской эмиграции и для ведения антиправительственной работы в Царстве Болгарском. Главные руководители Союза в большинстве своем являются прибывшими из России агентами ГПУ. Руководители отделов и подотделов не выбирались, как то предусмотрено уставом Союза, а назначались. Вместе с представительством сов. Кр. Креста в Болгарию прибыли агенты ГПУ — Ломакин, проживавший под именем Озоля, и Джуленов. После гос. переворота выехали обратно в Россию. Все арест. руковод. Союза получали жалованье от 2 до 6 тысяч лева в мес. До 9/6 1923 содействие по въезду в Болгарию нелегальных агентов Москвы и отправки туда курьеров оказывал пристав г. Варны Караиванов и н-к Варненской жандармерии Качкамасов.

Заканчивался протокол выражением необходимости прекращения деятельности С. В. на Р., закрытия газ. «Новая Россия» и высылки из Болгарии руководителей Союза, газ. «Новая Россия» и представительства сов. Кр. Креста...

Одновременно с ведением следствия о деятельности С. В. на Р., градон-ком гор. Варны — кап. Чемшировым велись переговоры с г-ном Коллинсом, предст. д-ра Нансена, о необходимости разгрузки гор. Варны от собравшихся здесь репатриантов. Г-н Коллинс обещал в ближайшие дни отправить их в Россию. До сведения репатриантов дошло не только то, что Варненское отд. С. В. на Р. фактически ликвидировано, но дошли сведения и о настоящей деятельности Союза. Это обстоятельство отбило у некоторой части их охоту ехать на родину. Зная об этих настроениях, я просил г-на Коллинса, градон-ка гор. Варны и н-ка общ. безопасности освободить из-под опеки Лиги Нации всех тех, кто решил не возвращаться на родину и дать им возможность вернуться на прежние места работ. Эти мои ходатайства поддержал и русский эмигр. комитет в Варне. Оба ходатайства вызвали недовольство градон-ка — кап. Чемширова и пристава I уч. полиции — пор. Павлова. Но Коллинс считал необходимым такой отбор произвести, что в конце концов и было сделано. Отказавшихся от поездки оказалось 322 чел., из них 181 донцов. 14/7, возвращаясь из Константинополя в Россию, в Варну прибыли сов. пароходы «Сергей Игнатьев» и «Чичерин». На эти пароходы болг. властями, по соглашению с г-ном Коллинсом, и были погружены собравшиеся в Варне репатрианты в числе 2418 чел., из них на «Сергей Игнатьев» погрузилось 632 донских казака и на «Чичерин» — 416 дон. казаков... 16/7 Болгарское пр-во, имея из Варны материал о деятельности С. В. на Р., предложило сов. Кр. Кресту покинуть пределы Болгарии, закрыло газ. «Новая Россия», распорядившись выслать ее администрацию. Запретило также на всей территории Болгарии деятельность С. В. на Р., предписало арестовать всех его руководителей и выслать их в Россию. Возглавлявший сов. Кр. Крест — Корецкий, видимо, просил сов. пр-во прислать пароход. 19/7 в Варну из Одессы прибыл пароход «Буг». В этот же день в Варну прибыли: предст-ство сов. Кр. Креста, администрация и сотрудники газ. «Новая Россия», центр. бюро С. В. на Р., руководители местных отд. этого Союза и некоторая часть рядовых членов. Все они были погружены на «Буг» и отправлены в Россию. На «Буге» выехало 220 дон. казаков. С уходом парохода «Буг» закончилась не только репатриация русских беженцев С. В. на Р. и предст-ством сов. Красного Креста, но и их нелегальная деятельность в Болгарии. Моя миссия борьбы с Союзом Возвращения, как будто, закончилась, но зав. беж. отд. дон. пр-ва — П. А. Скачков просил оставаться в Варне, информируя его об отъезжающих, если таковые еще будут. Мои отношения с болг. администрацией после ходатайства не отправлять в Россию тех рядовых членов С. В. на Р., кто не хочет ехать, испортились настолько, что когда я просил пристава Павлова дать мне возможность просмотреть дела С. В. на Р. и сделать выписки интересного для русской эмиграции материала, мне в этом было отказано. Выручила записка к Павлову н-ка паспортного бюро — пор. Тачева, в к-рой он, 20/7, 1923 г., писал: «Моля, да се разреши на приносящи да прегледа архивата на «совнарод» която се намира в Ваши участок. И да се разреши да вземе каквото потребно». Записка подействовала и я взял из архива подробные именные списки уехавших в Россию донских казаков и точные цифровые данные об их численности, а также некоторые документы, интересные для русской эмиграции. Все это я отправил П. А. Скачкову. А в штаб Дон. корпуса, н-ку полит. части — полк. М..., для предупреждения штаба ген. Врангеля. сообщил сведения о поездке лейт. Бунимовича в Париж. В Париже мер предосторожности в отношении Бунимовича, видимо, принято не было. Во всяком случае, с моим приездом в Париж в 1928 г. я узнал от сотрудников ген. Кутепова, что командированный с секретным поручением в Москву полк. Сусалин был выдан там ГПУ, последовавшим за ним в Москву Бунимовичем... Мои сотрудники по ликвидацииС. В. на Р. поступили на болгарскую службу, пор. Погосов стал телохранителем воен. министра — ген. Волкова и погиб при взрыве коммунистами в Софии церкви «Святая Неделя», а пор. Аракелов стал телохранителем кап-на Чемширова, когда тот был назначен н-ком центр. общ. безопасности...

Распоряжение пр-ва «прекратить деятельность С. В. на Р. и, арестовав его руководителей, выслать их в Россию», местными властями было понято, как распоряжение об аресте и высылке **всех** членов Союза. В Варну стали прибывать из разных мест Болгарии, под охраной полиции, бывшие члены С. В. на Р. для отправки в Россию. К этому времени н-к общ. безопасности — кап. Фиков был заменен кап. Медникоровым. В это же время в Варне появляется полк. Икаев, о к-ром говорилось уже выше, и он как бы заменяет собой ликвидированный С. В. на Р. При помощи кап. Медникорова, Икаев занимается вербовкой и отправкой репатриантов,

получая от пр-ва 40 лев с человека. За два месяца, до 10 окт., на парусных шхунах — «Орлик», «Тритон», «Тонна» и др., он отправил в Херсон и Одессу около 1000 чел., из них 560 дон. казаков. Но в Варну присылаются все новые и новые репатринты. Местная власть ведет переговоры с предст. д-ра Нансена — г-ном Коллинсом об отправке в Россию и при помощи последнего отправляет в Новороссийск, за счет Лиги Наций, пароход «Карвелпарк» с 572 беженцами (из них 320 донцов). Сов. пр-во требует допущения в Болгарию предст-ва сов. Кр. Креста и шлет угрожающие ноты. В Варненский порт, в связи с этим, приходят американский и французский миноносцы и канонерка англ. флота. Советский предст. в Лиге Наций требует от болг. пр-ва допущения в Болгарию сов. миссии Кр. Креста для приема репатриантов. В ответ на эти домагательства Литвинова Русский Нац. Комитет, при поддержке Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека и целого ряда каз. организаций, 8 сент. 1923 г. шлет свое обращение в Лигу Наций, в к-ром заявлял, что «среди моря русского беженства, конечно, могут находиться люди, которых толкают на репатриацию тоска по родине и тяжкие условия беж. жизни, и обманные зазывания больш. власти, в беженстве видящей своего непримиримого и опасного врага и принимающей все меры к его расслоению. Мешать возвращаться в Россию, разумеется, нет основания, но может ли быть задачей Верх. Комиссара по делам русских беженцев брать на себя заботу содействия больш власти в этом стремлении, входить с нею по этому делу в соглашения и этим создавать иллюзию какой-то гарантии для репатриируемых? Никакой безопасности для репатриируемых, вчерашних беженцев, не только договор, подписанный г. Нансеном, но и никакой договор дать не может, как это видно из данных, изложеных в особом приложении к настоящему меморандуму. Договоры подобного рода и указания на них возвращающимся на родину поддерживают в них только ложную надежду и вводят их в обман, творя дело, выгодное лишь для большевиков»... П. А. Скачков сообщил мне, что в виде «особого приложения» к меморандуму Р. Нац. Комитет использовал «результаты» моей «работы» в Варне и материалы, полученные при ликвидации С. В. на Р. в Болгарии. Несмотря на это обращение в Л. Наций Рос. Нац. Комитета, г-н Коллинс, по просьбе сет. болг. властей, 22/10 1923 г. отправил в Новороссийск пароход «Алла» с 462-мя репатриантами, среди к-ых было 280 дон. казаков. Чтобы заставить болг. пр-во допустить в Болгарию сов. миссию для приема репатриантов и чтобы принудить д-ра Нансена повлиять в этом смысле на Софию, сов. власти не принимают пароход «Алла» и возвращают его обратно. Беженцы, снабженные питанием на два дня следования в Новороссийск, вернувшись, после почти пятидневного путешествия, обратно в Варну, начинают голодать. Г-н Коллинс считает, что стправка произошла «по требованию болг. пр-ва», а потому питать вернувшихся назад пассажиров «Алла» за счет Л. Наций он не может. Болгары же, наоборот, утверждают, что пароход «Алла» отправила Л. Наций и, стало быть, она должна заботиться о беженцах и поле их возвращения... Пока шли эти споры посильным питанием вернувшихся репатриантов занялись русские беж. организации, к-рым помогали, присылая продукты, команды американского и франц. миноносцев... Люди просились на берег, где они могли заработать себе на еду, жалуясь на невероятную скученность и невозможность из-за холода — стоял уже ноябрь — ни раздеться, ни спать по ночам, гл. обр. для тех, кто был на открытых палубах... Чтобы обратить внимание русской общественности на положение сидящих на «Алла» репатриантов, я поместил большую статью в журн. «Казачьи Думы» (№15, под заголовком «Горькая доля» и за подписью «А. П.»), в статье я подчеркивал роль как болг. властей, так и полк. Икаева. Одновременно, пользуясь личными связями, обратился в редакции местн. болг. газет: «Варненска Почта», «Морски Бич» и «Торговски Вестник», к-ые напечатали статьи, обвиняя как Л. Наций, так и местные болг. власти в «бесчеловечности». Автором статьи в «Торговском Вестнике» был предс. торговой палаты, друг русских, у сестры к-го я снимал квартиру — г-н Константинов... Возможно, что все это возымело свое действие и репатрианты, после 2-х-месячного сидения на пароходе, были выгружены и размещены в палатках на берегу Варненского залива, при этом питание их взяло на себя болг. пр-во. Позднее не мало их, с разрешения властей, распылились по Болгарии... Больше года никаких отправок желающих вернуться на родину не было. Г-н же Икаев разъезжал по Болгарии и творил свое преступное дело, вербуя охотников вернуться домой и направляя их в Варну. Местные власти по всей Болгарии, разыскивая б. членов С. В. на Р., тоже посылали их на Варну. Таким образом, к концу 1924 г., в Варне собралось свыше

2.000 чел., ожидающих парохода. Кормились они за счет болг. пр-ва, что тяжело отзывалось на бюджете страны. Среди присылаемых с мест б. членов С. В. на Р. попадались и ответственные работники, по каким-то обстоятельствам не высланные в свое время, а также и крупные секретные агенты Союза. Одним из таких был лейт. Колпытин-Любский, к-ый, по доставке его в Варну, бежал из лагеря репатриантов и в 30-ых гг. оказался в Париже, состоя... личным секретарем у В. Л. Бурцева и секретным сотрудником н-ка контр.-разв. О-Воинского Союза — ген. Глобачева... 19/II 1924 г. Варненскими властями, после «истории» с па-Икаева зафрахтовать пароход «Еттехад», на к-ром и было отправлено в Новороссийск 780 чел., из них 360 дон. казаков. После длительных переговоров сов. пр-ва с предст. д-ра Нансена в Новороссийске — г-ном Гарвином и с самим д-ром Нансеном, группу эту большевики приняли, но предупредили, что больше принимать не будут, если в Болгарии не будет предст. сов. Кр. Кр. Болгары на это не согласились и в силу этого репатриация из Болгарии фактически прекратилась. Но в Греции, в Афинах, обосновался сов. полпред Потемкин и полк. Икаев обещает властям в Варне разгрузить репатриационный лагерь, отправив беженцев в Россию через Константинополь. Болгарские власти помогают ему материально и он, 28/II — 1924 г., отправляет первую партию в 147 чел., из них 62 донца, на шхуне «Тритон». Там они были перегружены на сов. пароход, везший репатриантов из Греции. Вторую партию, тем же путем, он отправляет 2/12-1924 г. на парох. «Анна», в числе 221 чел., из них 82 донца. Операция прошла благополучно, принеся ему немалую прибыль. 16/12 он собирает новую партию в 92 чел., из них 28 донцов, и отправляет ее на шхуне «Орлик» в Константинополь. Турецкие власти запрещают «Орлику войти в порт и предлагают капитану вернуться туда, откуда он пришел. Как говорили приезжавшие потом из Константинополя, Икаев, чтобы высадить все-таки репатриантов, с согласия капитана «Орлика», затопил шхуну, при этом погибло до 20 пассажиров... Но это не останавливает Икаева и он фрахтует шхуну «Св. Николай» для доставки в Константинополь лука, но предупреждает владельца шхуны, что повезет-то он не лук, а людей. Владелец отказался от подобной комбинации. Икаев пытался еще заработать на репатриации, но у него ничего не вышло и в феврале 1925 г. он переселился в Константинополь, где, как говорили, открыл «дом свиданий»... В Варненском же лагере продолжало сидеть около 1.000 человек, потерявших веру и желание возвращаться в Россию. Большинство их стремилось освободиться из лагеря и вернуться на прежние места работы. В «Казачьих Думах» мною помещались краткие заметки о их жизни, а в одном из номеров я напечатал статью, за подписью «Я. Алпатов», под заголовком: «В гостях у репатриантов». Я обращал внимание общественности на то, что 90% из них не большевики и что было бы справедливее освободить их — эти 90% — из лагеря и дать им возможность вернуться в эмигрантскую среду. В таком же духе, по моей просьбе, в Варненских газетах (болгарских) «Варненска Почта» и «Варнески Новины» был помещен ряд статтей. Это ли обстоятельство или переменилась политика болг. пр-ва, но лагерь репатриантов в начале 1925 г. был ликвидирован. Отъезд беженцев в Россию через Варну продолжался и после, но это были поездки на рыбачьих лодках в Херсон, небольшими группами в 35 чел., на свой страх и риск или одиночками через Константинополь, или в Грецию, а оттуда, через полпреда Потемкина, в Россию. Массовая же репатриация была прекращена.

Теперь, через 40 лет, вспоминая борьбу с «Союзом Возвращения на Родину», задаю себе вопрос: да нужна ли была эта борьба? И со спокойной совестью отвечаю: да, была нужна! Донской Атаман — А. П. Богаевский был совершенно прав, начав ее, т. к. борьба казачества с большевиками не закончена. Доказательством этого является хотя бы тот факт, что казаки, вернувшиеся на родину в 1921, 22 и 23 гг. и так или иначе дожившие до войны 1940-45 г.г., по окончании ее вновь оказались в эмиграции. А те, кто погиб на Дону или в лагерях, завещали своим детям не примирение, а продолжение борьбы. В силу этого и оказались заграницей многие тысячи казаков «новой эмиграции», к-рых ныне пытается спровоцировать, обмануть и так или иначе заставить их вернуться «на Родину» Берлинский комитет. Но комитет забывает, что «новая эмиграция» прошла многолетнюю советскую школу, знает цену сов. обещаниям, во всяком случае, лучше старой эмиграции разбирается во всех писаниях «Комитета за возвращение на Родину» и не строит себе никаких иллюзий. Больше того, они прямо говорят, что по возвращении на родину им обеспечена «по-меньшей мере — статья 88» и разъясняют: «многолетние принудительные работы» или

как теперь именуют эту каторгу — «исправительные колонии»...

Переехав во Францию, когда в Париже тоже существовал «Союз Возвращения на Родину», в тесном казачьем кругу я сделал доклад о деятельности такового в Болгарии, о его ликвидации и что выяснила эта ликвидация. Сведения об этом докладе дошли до Болгарии. К этому времени в штабе Дон. корпуса, н-ка полит. части — полковника М..., под каким-то другим титулом заменил не казак — кап. Фосс, к-рый, по неизвестным причинам, по так называемой «второй линии О. В. Союза» неоднократно писал одному из ближайших сотрудников ген. Шатилова — кап. Закржевскому и предс. русского ист. архива — кап. Завадскому-Краснопольскому, видимо, желая опровергнуть мой доклад, что «Падалкин никогда никаким начальником нигде не состоял» и «в Варне никогда ничего не делал» и «все нагло врет». Кап. Совин, в своей брошюре «гибель ген. Миллера», приводит выдержки из одного письма кап. Фосса, к-рый, 29/9 1930 г., повторил кап. Закржевскому, что «Падалкин никогда никаким начальником не состоял. Нагло врет. Отзывы о нем скверные. Желательно все же поговорить с этими провокаторами и принудить их к «подписанию договора о ненападении»... Встает вопрос: о «ненападении» на кого шла речь? Кап. Фосса я просто не знал и потому никогда никакого «нападения» с моей стороны на него не могло быть, как не было этого нападения и на Р.О.В.С., членом к-рого я являлся, состоя в Донском офиц. резерве и, по наряду его н-ка, неоднократно нес охрану председателя Р.О.В.С. — ген. Миллера. Невольно напрашивается вывод, что речь шла о «договоре о ненападении» на С. В. на Р. во Франции. Сожалею о том, что ни кап. Фосс, ни его доверенный кап. Закржевский не обратились ко мне непосредственно по вопросу о «договоре о ненападении»... После получения мною сведений об «аттестации» меня кап. Фоссом и чтобы в будущем иметь возможность не голословно реагировать на подобные выступления, я просил Донского Атамана А. П. Богаевского выдать мне удостоверение о моей деятельности в Варне. Просимое удостоверение Африканом Петровичем мне было выдано 1/9 1931 г за №604 не только за его подписью, но и подписью Предс. Дон. Пр-ва — Н. М. Мельникова. В удостоверении сказано: «Падалкин с октября 1922 года по январь 1925 года состоял в Болгарии в г. Варне на должности секретного агента-информатора Донского Правительства и руководил работой борьбы с большевицкой организацией «Союзом Возвращения на Родину» и что «при исполнении служебных обязанностей А. П. Падалкин был аккуратен, дисциплинирован и трудоспособен, проявляя такт и знание дела. Основанием его работы всегда было бескорыстное и честное служение Родине» и что «в период правительственного переворота в Болгарии (9/6 1923 г.) г. Падалкин, по собственной инициативе, был организатором ликвидации в Варненском округе большевицкой организации «Союза Возвращения на Родину»... В те времена да и в настоящее время не только большевики, но и темные силы в среде самой эмиграции, сея клевету и недоверие одних к другим, достигли цели разложения Российской эмиграции вообще и донских казаков в частности. Донской Атаман А. П. Богаевский всегда призывал донцов к единению, а не распылению и на возвращавшихся на родину рядовых казаков всегда смотрел, как на временно упавших духом и обманутых людей, к-рых нужно было удержать от этого шага не осуждением, а разъяснением того, что их ждет и раскрытием истинных целей, преследуемых Союзом Возвращения на Родину.

В заключение нужно сказать, что Берлинский Комитет, ведя пропаганду среди Российской эмиграции за возвращение ее на Родину, имеет своей определенной задачей ее разложение, а не оказание помощи желающим вернуться в Россию, а также ведение коммунистической пропаганды в странах ее рассеяния, используя для этого именно русских эмигрантов, завербованных им для возвращения на родину. Все те, кто тоскует по родной стране, готовы туда вернуться и рассчитывают для этого воспользоваться услугами Берлинского Комитета, должны твердо помнить об этом.

Париж. **А. Падалкин**

Примечание: Полная фотография удостоверения №504 передана редакции журнала «Родимый Край». А. П.

СТАНИЦЫ ВСЕВЕЛИКОГО ВОЙСКА ДОНСКОГО

ЧЕРКАССКИЙ ОКРУГ

1. НОВОЧЕРКАССКАЯ (окружная)
2. Аксайская
3. Бесергеневская
4. Богаевская
5. Грушевская
6. Егорлыцкая
7. Заплавская
8. Кагальницкая
9. Кривянкая
10. Маныческая
11. Мелеховская
12. Мечетинская
13. Старочеркасская
14. Хомутовская

РОСТОВСКИЙ ОКРУГ

1. Александровская
2. Верхне-Гниловская
3. Елизаветовская
4. Нижне-Гниловская
5. Ольгинская

ТАГАНРОГСКИЙ ОКРУГ

1. Ново-Николаевская

САЛЬСКИЙ ОКРУГ

1. ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ (окружная)
2. Андреевская
3. Атаманская
4. Батлаевская
5. Беляевская
6. Бурульская
7. Власовская
8. Граббевская
9. Денисовская
10. Иловайская
11. Кутейниковская
12. Ново-Алексеевская
13. Орловская
14. Платовская
15. Потаповская
16. Чунусовская
17. Эркетинская

ПЕРВЫЙ ДОНСКОЙ ОКРУГ

1. КОНСТАНТИНОВСКАЯ (окружная)
2. Баклановская
3. Богоявленская
4. Верхне-Кундрюцкая
5. Генералефремовская
6. Екатерининская
7. Ермаковская
8. Золотовская
9. Каргальская
10. Кочетовская
11. Кумшацкая
12. Мариинская
13. Нижне-Курмоярская
14. Нижне-Кундрюцкая
15. Николаевская
16. Обливская
17. Раздорская (на Дону)
18. Романовская
19. Семикаракорская
20. Терновская
21. Усть-Быстрянская
22. Филипповская
23. Цесаревичевская
24. Цымлянская
25. Чертковская

ВТОРОЙ ДОНСКОЙ ОКРУГ

1. НИЖНЕ-ЧИРСКАЯ (окружная)
2. Верхне-Курмоярская
3. Верхне-Чирская
4. Голубинская
5. Есауловская
6. Иловлинская
7. Калачевская
8. Качалинская
9. Логовская
10. Морозовская
11. Нагавская
12. Новогригорьевская
13. Потемкинская
14. Пятиизбянская
15. Сиротинская
16. Старогригорьевская
17. Суворовская
18. Таубевская
19. Трех-Островянская

ДОНЕЦКИЙ ОКРУГ

1. КАМЕНСКАЯ (окружная)
2. Владимировская
3. Вольно-Донская
4. Гундоровская
5. Донецкая
6. Калитвенская
7. Луганская
8. Милютинская
9. Митякинская
10. Усть-Белокалитвенская

ВЕРХНЕ-ДОНСКОЙ ОКРУГ

1. ВЕШЕНСКАЯ (окружная)
2. Боковская
3. Еланская
4. Казанская
5. Каргинская
6. Краснокутская
7. Мигулинская
8. Слащевская
9. Федосеевская

УСТЬ-МЕДВЕДИЦКИЙ ОКРУГ

1. УСТЬ-МЕДВЕДИЦКАЯ (окружная)
2. Арчадинская
3. Березовская
4. Глазуновская
5. Етеревская
6. Кепинская
7. Клетская
8. Кременская
9. Малодельская
10. Ново-Александровская
11. Островская
12. Перекопская
13. Раздорская (на Медв.)
14. Распопинская
15. Сергеевская
16. Скуришенская
17. Усть-Хопёрская
18. Чернышевская

ХОПЕРСКИЙ ОКРУГ

1. УРЮПИНСКАЯ (окружная)
2. Акишевская
3. Алексеевская
4. Аннинская
5. Аржановская
6. Букановская
7. Бурацкая
8. Добринская
9. Дурновская
10. Зотовская
11. Котовская
12. Кумылженская
13. Луковская
14. Михайловская
15. Павловская
16. Петровская
17. Правоторовская
18. Преображенская
19. Тепикинская
20. Тишанская
21. Усть-Бузулуцкая
22. Филоновская
23. Ярыженская.

—— О ——

По данным Большого Войскового Круга в июне 1917 г. станиц на Дому было 145.
Из них указано по округам 141.
Неизвестно какого округа 1.
Пропущено в списке 3.

Просьба от редакции к читателям исправить возможные ошибки в распределении станиц по округам, указать к какому округу принадлежит станица **Булановская** и дополнить список названием недостающих 3-х станиц.

КЛАД

Иногда я вытаскиваю из папки «Карту-Дорожник Области Войска Донского, составленную в Областной чертежной Войска Донского в 1887 году». Это все, что осталось у меня из вещественных доказательств моей принадлежности к Родному Краю. Я ее очень берегу. Карта на хорошей бумаге, наклеенной на тонком полотне, еще сохранила приличный вид несмотря на длинный путь, проделанный вместе со своим хозяином.

На карте округа области оттенены красной краской; надписи населенных пунктов сделаны красивыми печатными буквами; указаны разстояния в верстах между этими пунктами, часть Азовского моря, реки, железные дороги. В северо-западной части карты на стыке с Екатеринославской и Харьковской губернией химическим карандашом сделаны некоторые дополненния — указаны виднейшие населенные пункты этих губерний и пути-дороги, пройденые автором во время гражданской войны. Сколько воспоминаний!...

Наша станица находится именно в этой

части карты на левом берегу Донца, который и служит границей. Переехав Донец, сразу же попадаешь в среду хлебосольных хохлов хлеборобов Украинцев. С этими крестьянами у нас — казаков — всегда были хорошие взаимоотношения. Даже иногда с ними роднились. Но как только казачий лампас попадал в среду рабочих, шахтеров гор. Луганска и его окрестностей — положение резко менялось. «Чига гостропузая; Сим лит кичку воевали...» были обыкновенными приветствиями. Это был беспокойный и опасный элемент, способный на крайности. Именно эта среда и дала потом самый большой процент красной гвардии. Мы — казаки учитывали это и принимали свои контр-меры. Даже поездка на базар в Луганск не всегда была безопасной и мы старались ездить группами.

В одну из таких поездок мне, еще молодому человеку, и пришлось познакомиться с дедом Фирсом Ивановичем — приятелем моего отца. Это был умный и начитанный старик, хороший хозяин и видный в станице казак. Действительную службу он прошел в Новочеркасске. Там он встретил своих станичников — учащуюся молодежь, которая снабжала его книгами, журналами... Он заинтересовался далеким прошлым Донского края... «А когда я в первый раз попал в Донской музей — у меня закружилась голова... Да и было отчего... Вот ряд окровавленных и обвеянных славой знамен, убедительно и красочно напоминающих о героических делах наших дедов и отцов. Вот военные принадлежности тех отдаленных времен и тут же шашка славного атамана Платова... Манускрипты, грамоты, приказы, благодарности с подписями высочайших особ и известнейших военачальников. И это с самых первых времен выхода Донского казачества на обще-Российскую арену...

— И, закрыв глаза, я вижу их
Угрюмых в шрамах боевых... —
М. Волкова

А какая масса археологических находок, переносящих в далекое прошлое Родного Края. При всякой возможности я посещал музей и был одним из усерднейших исследователей его неоценимых исторических богатств, постоянно пополняемых... Все еще надеюсь побывать в нашем Донском музее и тебе советую также, когда подрастешь...»!

Несколько минут мы молча идем рядом около нагруженных возов и мне казалось, что за это время он побывал в далеком музее...

«А видишь вон эти курганы? А кто их насыпал? А что под ними похоронено? А сколько кладов еще не откопано? А слыхал ли ты, что над этими кладами иногда горят огоньки и что клад в то время — говорят, выходит почти на поверхность и что тогда его можно взять... если хватит духу и не струсишь...»!?

Намотал я себе на ус и решил кое-что предпринять при случае вместе со своими друзьями-приятелями.

В четырех верстах от станицы в займище хутора Валуйского и почти на самом берегу Гнилого озера среди широкой поляны стоял многовековой дуб, выделяясь своей грандиозностью: в пять обхватов ствол и почти до неба верхушка. Опустившиеся ветки разбросал на много саженей вокруг себя. Черная грубая кора покрывает его могучий ствол. Странно, что никакое животное в знойные дни не искало отдыха под его тенистыми ветвями. Даже свиньи обходили и не трогали с него жолудей... Он был, как говорят, проклят... Шопотом разсказывали старые люди, что тут зарыт клад разбойниками-живорезами и что его богатства омыты кровью и слезами человеческими... и что под его ветвями в известные дни собираются черти, ведьмы и другая нечисть... Редко кто отваживался посетить ночью это место: страшно... А если иногда, по необходимости, в поисках заблудившегося теленка, кто и попадал сюда, то крестясь и читая молитвы, быстрехонько проходил мимо страшного дуба.

Другие мелкие дубы на почтительном расстоянии густой стеной окружали его, как бы защищая от всяких невзгод. А еще дальше стройными рядами расположились хрупкие, недолговечные и вечно шепчущиеся между собой тополюки, замыкая почетный круг.

И когда подует северный холодный ветер, зашумит отдаленный, густой искусственно насаженный по берегу Донца бор, начнут хмурые дубы-адъютанты тупыми кивками своих голов приветствовать своего вечного шефа и шумящие нежные молодые тополюки поспешат выразить им свою солидарность. А он — спокойный, гордый своею неприступностью — только лепетом своих верхних листков непринужденно ответит на многочисленные и шумные приветствия. Весь организм его, как гранит, неподвижен и как будто застыл в вечном сне... И только когда страшный ураган ворвется в этот край, нанося сокрушительные удары молодым дубам и их соседям, он разсердится и... забренчит... Быть непогоде! С тревожными криками закрутятся группами грачи около дуба вели-

кана, как бы испрашивая разрешения укрыться в лесах. Тревожно защекочут недоверчивые сороки и, хлопая своими длинными хвостами, поспешат дальше, чтобы поделиться новостями. При восходе солнца половина поляны пряталась в его тени, а после полудня — другая и весь его могучий корпус отражался в водах озера.

Вся поляна вокруг дуба-великана покрыта ямами. Это результат работ смельчаков, желавших завладеть кладом.

Старейший дед Жилкин нам рассказывал, что он когда-то тоже участвовал в одной из экспедиций и в последнюю минуту, когда клад был почти в руках, он поднял голову и увидел на дубе страшного черта с огненными вертящимися глазами и перекосившейся ужасной рожей...

«У меня чуть не лопнуло сердце и я убежал»... И тут же поучительно добавлял: «нужно быть там точно в 12 часов ночи и когда зазвонят в церкви, копать там, где появятся огни, и не поднимать головы: как только взглянешь — не выдержишь и все пропало...»

«А впрочем, ребятушки, Полит и Никанор вам многое могут поведать... они ведь жертвы этих похождений». Полита нашли на мельнице, где он был мирошником. С двух слов он нас понял...

«Пробовали мы с Никанором овладеть кладом... да только на всю жисть и ходю теперь как заседланная корова с горбом... вот видите...? «Он» тоже не хочет выпустить клад из своих рук. И получается так: кто кого... В кромешной темноте «он» меня как звезданул! вроде как бы оглоблей или колом... Пришол я в себя часа через два: рачки полез через огород. Слышу из копанки стон. Оказался там мой храбрый Никонорушка. С горем пополам вытащил, а он бедняга головы не повернет... ему тоже примочил и он всю жисть остался калекой, как и я...»

Разсказ Полита нас смутил. Иметь дело с чертом...?! Но мы решили вооружиться, как следует и... постоять до конца.

Мы часто поздними вечерами встречались на берегу речки, в роще, обдумывая все подробности нашего плана и делясь новостями.

«Я был с отцом в Луганске на базаре и видел Семку. Ничего, братцы, у него казачьего не осталось: носит он тройку, щеблеты, при часах, грает на балалайке и подпеивает:

— На вокзале в крайнем зале
труп без головы нашли.
Пока голову искали...
ноги поднялись — пошли... —

возвращаться в станицу и не думает; живет у одних хороших людей в чистоте и довольстве. Много наших теперь ищут лучшей жизни. Смотрите: Костя гвардеец — настоящий генерал в банке. Смех берет, когда вспомню, как он разсказывал.

«Определили меня, значитца, в гвардию и привезли нас в самый Петербурх. Выше меня во всем полку никого не было и очутился я на самом правом фланге. Вот один раз Великий князь Миколай Миколаич прибыл в наш полк. Сам высокий, как верблюд, а до меня не хватит. Поровнялся со мной и сразу: «Какой станицы, молодец»? А я ему по привычке: «Самой лучшей, Ваше Им. Высочество!» А князь к командиру полка: «Разве есть такая станица на Дону?» — Тут я пришол в себя и говорю: «Луганской»...! Ну и пришлось же мне после отдуваться» —

«А что это у вас, Мишка, в воскресенье какая то ругня была?»

«Гм... Все это затеял Максим... он давно ведь не в ладах с Архипом и решил при людях его под ноготь взять. Собралось человек 6-7 около амбара, а в это время проходит Архип. Ни с того, ни с сего и кричит, чтобы зашол. Ну, тот зашол, поздоровался честь-честью. А Максим сразу к нему «ты кажется поваром был?» — «Да, да, еще в офицерском собрании». «Значит, у тебя хороший нюх... А ну-ка, нюхни вот это и скажи, кобель или кот тут побывал?»

Не все однако верили в существование клада под черным дубом-великаном... и прежде всех Микола-гармонист «забубенная головушка». «Не будет дуба, не будет и клада...» «Я его приведу в христианский вид,,,, я его окастрирую и все разговоры сразу прекратятся...» Но направила нечистая сила Миколкин топор не в тело дуба, а в собственную его ногу. Долго Миколка ходил на трех ногах, все собирался добраться до дуба.

В молодости Миколка посещал музыкальную школу в городе, постиг премудрость нот и стал непревзойденным виртуозом гармонистом. Было, как развернет свою двухрядку до отказа, а сам подпевает:

Вот скрылось солнце за горою,
сидит казачка у дверей
и в дальний путь смотрит с тоскою
и слезы льются из очей...

А к тому времени уже собрались и молодые казаки.

— А ну-ка, начинай нашу Донецкую:
Ой ты степь, да моя, степь,
степь широкая, степь раздольная!
Ой ты, конь да ты мой конь,
конь товарищ верный мой...!

Под металлические звуки гармошки льется хором хорошая казачья песня, унося слушателей в далекую и широкую степь, где лежит казак порубанный, порезанный и дротиком поштриканный.

А нам не до песен. Клад под страшным дубом нас манит к себе.

Нас трое. Мы взяли легкий заостренный лом, лопату отточенную, как бритва, и мешок. А для верности и без ведома родителей Влас прихватил заряженную «двухсмолку». Все до мелочей предусмотрено.

Дело наше верное...

В точно определенное время мы на месте. Сердце молотом стучит в груди... дрожат колени... щелкают зубы...

Бом... бом.. бом... бют часы в церкви 12, и вдруг как будто под дубом мелькнул слабый синеватый огонек... Все трое бросились вперед.

Вдруг Влас неожиданно сорвался в яму и в этот момент раздался оглушительный выстрел его «двухсмолки», осветивший кромешную тьму вокруг нас. В ночной тишине послышался крик испуганных птиц, пролетевших с шумом над нашими головами. И как гром раздалось нечеловеческое ого-го-го! От неожиданности Арсен упал на Власа. «Кто то душит...» кричат оба... Спасайся, кто может. Мне показалось, что что-то страшное мелькнуло задеревом, издавая странный хрыплый звук и постукивая копытом. Волосы у меня стали дыбом.

Я с ломом в руках, готовый сокрушить все на своем пути, бросился прочь. Мои храбрые товарищи последовали за мною. Мы без сговора направились к речке, так как от нас шли «чижолые» запахи.

И нам не удалось завладеть кладом...

Франция.

М. А. Петров

СТАРОВЕРЫ

Я ехала на аэродром встречать староверов. В голове проносились разные, противоречивые мысли и чувства. Было удовлетворение и радость, что староверы не поехали в Советскую Россию, было беспокойство и страх, что молодежь и дети не сумеют усвоить хорошие черты Американского народа: их честность, порядочность, доброту, которая проявилась по отношению ко многим эмигрантам и к ним самым, и боязь, что их будет трудно уберечь от худших слоев американского общества, где наблюдается падение морали, пустота, пошлость и духовная нищета.

А когда спускались по лестнице из аэроплана мужчины, женщины с множеством детей, половина из коих была в своих национальных ярких одеждах, и все, включая малых ребят, ступая на Американскую землю, истово, широким движением, крестились, я подумала: как счастлив был бы мой отец, увидав эти крестьянские загорелые, здоровые, спокойные, бородатые лица мужчин, эти такие русские, миловидные с естественным румянцем на щеках лица женщин. Вероятно отец мой почувствовал бы то же, что и я. И трудно было подумать, что эти казаки некрасовцы в продолжение более трех веков были сторваны от своей родины и жили в Турции.

Глядя на них, казалось, что эти люди воплотили в себе родину предков, старую Русь! На лицах женщин, с грудными младенцами на руках, окруженных детьми, девочками в сарафанах и ярких платочках на головах, мальчиками в русских рубашенках, — была забота о будущем, удивление и печаль. Видно тяжко им было отрываться от построенных ими домов, от их деревень, где родились они, их дети, их отцы и деды!

Щелкали и трещали фотографические и киноапараты, толпились, жадные до всякой сенсации корреспонденты, следили за порядком представители власти... Но все это мало трогало детей староверов. Широко раскрытыми глазенками они наблюдали за происходящим. Никто не плакал, не кричал, среди приезжих царила полная тишина и спокойствие.

Несколько автобусов отвезли староверов-беспоповцев в Сибрук Нью Джерси, где были зарнее приготовлены для них бараки с мебелью, посудой и кроватями. В Сибруке староверов ждали с обедом наша хозяйка З.

П. де Боссэ и наша кухарка Христина. 175 человек разместились в отдельных домиках более или менее удобно.

49 человек временно поселились на ферме Толстовского Фонда и в нанятых по соседству летних домиках.

Через несколько дней по прибытии в Сибрук староверы начали работать у соседних фермеров. На одной ферме 20 детей собирали голубику. Вначале фермер был обеспокоен. Обычно дети балуются, едят ягоды, давят их... А эти дети с самого детства привыкли серьезно относиться ко всякому делу, они не ели, не давили ягоды, работали быстро и чисто. «Пятерых научишь как надо собирать ягоды», — говорил фермер, — «остальные моментально соображают и делают то, что нужно», и фермер остался очень доволен.

У другого фермера один из староверов собирал огурцы. Когда вечером он привез старовера домой после работы, фермер сказал нашей сотруднице Вере Александровне Самсоновой, — «Вот этот ваш человек разорил меня сегодня». У Веры Александровны упало сердце: «что же что он такое ужасное наделал?» подумала она. Но фермер, широко улыбаясь, объяснил, в чем дело. «Мне пришлось ему 15 долларов заплатить за его работу. Обычно люди вырабатывают 6, 7 долларов в день, а этот рабочий в один день 15 долларов выработал!

Староверы охотно берутся за всякую работу. Один из них был на тяжелой опасной работе. Ему предложили другую более легкую и лучше оплаченную работу, но он поблагодарил и отказался. Его спросили, почему. «Буду стоять на прежней работе», заявил он, «пока все не устроятся».

Всякая работа спорится у них в руках. Когда грузили машины, староверы успевали погрузить три, в то время как обычные рабочие грузили одну. Не мудрено, что втечении пяти недель все староверы устроились на работу. Работодатели довольны, и требуют прислать дополнительных рабочих.

Один раз приехав в Сибрук сотрудники Толстовского Фонда были поражены. Столовая, которая была для них устроена — исчезла — вместо столовой была церковь. Кухня была отделена перегородкой, повешены образа, и в новооткрытой церкви шли службы. Американцам это так понравилось, что в течение нескольких часов — соседи наполнили церковь цветами. Староверы любят цветы. Идя в церковь, женщины прикалывают на голову цветы. Теперь беспоповцы устроили постоянную церковь около городов, где они поселились.

Деревенская национальная одежда прибрана, все мужчины и некоторые женщины, которые ходят на работу, дети вне дома носят европейскую одежду. Соседи Американцы, казаки, местные староверы нанесли столько одежды, что хватило на всех. Вначале они даже не знали, что с ней делать; одна маленькая девочка натянула поверх своего сарафана газовое платьице и так и щеголяла целый день. Неоценимую услугу в их устройстве оказали их соседи, староверы казаки, Б. А. Александров, Погорельский, Н. М. Корольков и его жена очень помогли в устройстве нескольких семей в Лейквуде.

49 человек единоверцев поселились на ферме Толстовского Фонда и в летних домиках в нескольких минутах хотьбы от фермы.

Старшая из этой группы бабушка Макрида 78-летняя старушка пользуется всеобщим уважением всей этой группы.

Когда я впервые подошла к ней: «Я тебя не знаю», сказала она мне сурово. Я признаю только бабушку Татьяну (Т. А. Шауфус). Она к нам в Турцию приезжала, со мной на одной лавке ночевала, привезла нас сюда, а ты кто такое будешь?» Но теперь она уже сменила гнев на милость, как будто немного меня признала и разговаривает со мной...

Среди этой группы есть большие мастера по выделке кожи, прекрасные столяры, токари по металлу и др. Почти все уже устроились на работу в сосердних городках: в Йонкерсе, Патерсоне, в штате Массачусетс.

Когда они только что приехали, Т. А. Шауфус попросила староверов за скромную плату помочь на ферме с некоторыми срочными работами: устройством лагеря, утеплением и ремонтом дома, в котором некоторые из них, оставшиеся на ферме работать, сейчас живут.

«Бабушка Татьяна», сказал ей один из них (они между прочим все ее так называют), «о чем ты говоришь? То, что ты для нас сделала, никто на свете бы не сделал! Сколько раз ты в Турцию к нам приезжала, сколько ночей не доспала, скелько себе тяжелого из-за нас пришлось вынести. Ты думаешь, мы не знаем, как ты с теткой Верой (Верой Александровной Самсоновой, заместительницей Т. А. Шауфус) по двое суток, не отдыхая, без сна работала, когда отправляла нас из Турции. Ты могла из-за нас жизни лишиться, когда ты в Анкару в Турецкую Революцию в перестрелку попала. Ты только слово скажи, мы все для тебя сделаем».

Я знаю, что как ни утомительно было для

Т. А. Шауфус, энергию и работоспособность которой мы все знаем, и ее сотрудникам В. А. Самсоновой, М. В. Крупенной, нашему новому Американскому сотруднику Леверингу проводить дни и часть ночей, когда они перевозили и устраивали здесь староверов, я также знаю, что они видели много радости от этой работы и от сношений с этими незаурядными людьми. Я думаю, что это относится ко всем, принимавшим участие в этом деле.

Неоднократно М. А. Пашкова, которая первые недели работала, как сестра, в Сибруке, где она организовала амбулаторию, медицинскую помощь, помогая беременным женщинам, больным и детям, говорила, что она так привыкла к ним, что скучала без них, особенно без детей. Главным ее помощником, которого она называла своим «санитаром», был Корнилка, 13-летний мальчик! Он всегда помогал в амбулатории, когда приезжал доктор, вызывал больных, наблюдал за перевязками, разносил лекарства и напоминал больным, когда им надо было принять лекарство или переменить перевязку. Он знал, кому надо было принести ложку для лекарства и какого размера. Когда ему предлагали конфеты, он отказывался, «почему не берешь?» «Как я возьму, когда у других нет». И диву днешся! Откуда это желание служить, помогать людям? Вера? Воспитание?»

Да, староверы простые люди, многие из них неграмотные, но можно многому у них научиться. Нет в них ни малейшей деланности, фальши, то, чем сейчас так грешит весь мир, ничего показного: какие они есть, такие есть. Всем они говорят «ты» и если говоришь им «вы», они отвечают вам «мы». Так это было в русских деревнях. В Ясной Поляне всех, даже стариков, мы величали на «ты», и они отвечали нам тем же: «Лев Николаевич — «ты».

Русский язык у староверов прекрасный, удивляешся, как могли они сохранить его 300 лет. Некоторые выражения чисто крестьянкие: «зачинять дверь», не «затворять». Они не говорят лекарство а называют лекарство «хапой». «Бабушка Александра, дай хапу, голова болит». Снимать фотографию по-ихнему: «убивать на пленку». «Много ли еще убивать будут», сказала мне бабка Анна. Надоело, убивают и убивают, а небось картинку не пришлют...»

К обстановке они привыкают быстро, сами ходят в лавки, покупают. «Пришел я в мясную баранину покупать», рассказывал молодой парень, устроившийся в Патерсоне на работу: «Как спросить? Знаю, что мясо «мит», и «мит» говорю. Ну принесли мясо, «но, но», а как объяснить? Я как заблею по бараньи на весь магазин. Бэ-бэ-бэ. Поднялся хохот, все смеются и лавочник и покупатели. Ну, принес он баранину. Понял. Теперь по английски учимся. Бог даст скоро по человечески будем объясняться».

А какие у староверов дети! В сарафанах и платочках, они напоминают мне малявинских типов. Я давно не видела таких воспитанных, милых детей. Маленькая 4-х летняя Дуня часто приходила в контору к Вере Александровне. Как то раз Вера Александровна купила булочки и дала одну Дуне, а другую стала есть сама. Дуня подстелила свой фартучек, положила на него булочку и стала есть. Вдруг Дуня вскочила со стула и бросилась на пол подбирать крошки. «Тетка Вера», пресерьезно сказала Дуня, слизывая с ладошки крошку хлеба, которую уронила на пол В. А. «Нешто ты не знаешь, что грешно на пол хлеб бросать».

«Грешно»! Четырехлетняя Дуня знает, что грешно и учит нас. И если только мы захотели бы, сколько истинно хорошего, Божеского могли бы дать нам эти простые люди:

Вера Александровна как то похвалила женщину за то, что она содержала бараки в такой чистоте.

«А как же иначе, Тетка Вера», ответила женщина. «Господь любит чистоту. Душа должна быть чистой и душа должна быть в чистом теле. А как сохранить тело в чистоте? Можно только в чистом доме».

И невольно думаешь, надеешься и как то по своему, по грешному молишься: «Господи, сохрани эти души в чистоте в этой новой, трудной, большой и такой непонятной для них стране».

Александра Толстая

(«Р. М.»)

О НЕКРАСОВЦАХ

В 1708 году, после подавления восстания Булавина, казаки, жившие в городках по верхнему Донцу и по северным притокам Дона (Хопру с Бузулуком и Медведице), в большей своей части были уничтожены карательным отрядом кн. Долгорукова, имевшего на этот счет самые строгие распоряжения самого царя — Петра I-го. Остатки верховых казаков, спасаясь от верной гибели, разбежались по лесам и другим укромным местам. Казаки шести городков по среднему Дону — Есауловского, Зимовейского, Кобылянского, Верхне - Чирского, Нижне - Чирского и Пятиизбянского, опасаясь репрессий, со всеми семьями, в числе около 4.000 человек, во главе с атаманом Есауловского городка — Игнатом Некрасовым, правой рукой Кондратия Булавина, совсем ушли с Дона. Некоторое время они жили на Кубани, но потом, не чувствуя себя в безопасности, вступили в переговоры с турецким правительством на предмет переселения в Турцию. Переговоры увенчались успехом. Казаки, под водительством своего атамана Некрасова, переехали в Турцию, где вокруг озера Майнос и образовали несколько поселений. Здесь они жили так, как жили на Дону, т. е. управлялись Кругом и выборными атаманами. Как общее правило, с местным турецким населением они не смешивались, роднясь посредством браков между собой и свято соблюдая казачьи обычаи, православную веру и родной язык. До 1900-х гг. турки не брали казаков на военную службу, но позже, на общих основаниях, стали призывать их в армию. Не мало казаков погибло в Первую Мировую войну в турецких рядах. В 1913 г. часть некрасовцев решила вернуться на родину и с этой целью двинулась в поход к русско-турецкой границе на Кавказе. Здесь казаков застала война и они поселились кто где мог. Одним из них удалось устроиться на Кавказе, по ту сторону турецкой границы, другие рассыпались среди прифронтового турецкого населения.

После Второй Мировой войны советский посол в Турции стал посещать некрасовцев и уговаривать их вернуться на «родину», где, по его словам, их ждала «прекрасная жизнь». Казаки долго не соглашались, но были особые причины, которые заставляли их серьезно думать об уходе из Турции. До 1920-х гг. казаки сохраняли свои фамилии, но после этого они должны были менять фамилии и имена на турецкие, т. ч. получилось, что у каждого казака было свое христианское имя и старая казачья фамилия и в то же время имя и фамилия турецкие. Кроме того, за истекшие свыше двухсот 50 лет казаки все перероднились между собой, смешиваться же с турками ни за что не хотели. Они обращались во многие страны с просьбой принять их, но дело подвигалось очень медленно и не было никакой уверенности в успешном его разрешении. Поэтому в 1962 году часть некрасовцев поддалась на уговоры советского посла и согласилась ехать в СССР. Уехало их туда 993 человека обоего пола. Остальные же, благодаря ходатайству Толстовского Фонда, взявшего на себя всю ответственность за переселенцев, по особому разрешению генерального прокурора Роберта Кеннеди, брата президента, прибыли США.

В США некрасовцев встретили очень хорошо — на аэродром прибыло много представителей Американской общественности, печати и телевидения. Некрасовцев было 224 человека. В газетах их называли то «староверами» («олд беливер»), то «казаками» или «казаками - некрасовцами». Подробно описывалось, почему и как более двухсот лет тому назад покинули казаки свою родину. Было множество фоторгафий. Прибыли казаки на двух самолетах и были размещены в двух местах: на ферме Толстовского Фонда и в местечке Сибрук. Одну группу (меньшую) сотавляли поповцы, другую староверы-беспоповцы, не признающие священства. Обе группы привезли с собой старинные иконы и богослужебные книги, причем есть книги до Никоновского периода. Иконы тоже очень старого письма и, как и книги, довольно хорошо сохранились. Несмотря на то, что уже несколько поколений родилось в Турции, все казаки хорошо говорят по-русски — вернее так, как говорили у нас на Дону в хуторах и в последнее время до революции. Иногда попадаются в разговоре старославянские слова, но не так много. И взрослые и дети говорят по-хуторскому и это понятно, т. к. учились языку они у родителей, а писать — по богослужебным книгам. Казачки сохранили ту одежду, которую носили на Дону их прабабушки времен Булавина и Некрасова. Мужчины одеты более или менее по городскому, но женщины почти все имеют одежду сшитую ими самими, причем такую, какую носили их предки, по всей вероятности покрой передавался от матери к дочке... Староверы-беспоповцы все носят бороды и никак не хотят бриться, староверы-

поповцы — большей частью уже бритые и многие из них жили по городам. Вообще же в Турции некрасовцы жили в своих селах, занимались рыбной ловлей и сельским хозяйством и только кое-кто из них в последнее время жил в гор. Истанбуле. До 1926-7 гг. управлялись сами и выбирали Атамана, но после править ими был назначен турецкий сельский начальник. Беспоповцы имели свой молитвенный дом и при нем наставника и попечителя, а у поповцев было две церкви и священник. Так хорошо, что они сохранили свой язык и веру, среди них можно себя почувствовать, будто очутился ты вдруг на Дону до революции... Такие же обычаи и весь уклад казачьей жизни, вплоть до мелочей. Песни — старые казачьи, давно уже забытые на Дону, новых, после Булавинского периода, не знают...

У всех некрасовцев турецкие паспорта, на второй странице которых, в графе «национальность», написано: «казак». В США они привезли, как уже упоминалось, иконы старого письма и богослужебные книги и ждут из Турции церковные облачения, которые должны скоро придти. Здесь им хотелось бы жить всем вместе, но это довольно трудно, т. к. невозможно устроить столько людей, не знающих языка и новых условий жизни, куда либо на одну фабрику. Многие из них уже устроились на работу и когда могут, то собираются вместе по праздникам. Очень интересны песни старинного напева, которые они «играют», такого напева больше уже не услышишь. Хорошо было бы эти напевы записать теперь же, пока сами некрасовцы их еще не забыли...

В первое воскресенье по приезде некрасовцев, на ферму Толстовского Фонда, где они тогда жили почти все вместе, явилось много репортеров местных газет и кинематографистов и последние зделали много снимков для программы телевидения. Теперь некрасовцы постепенно расходятся по разным городам и очень этим недовольны: это мешает им быть вместе. Поповцы хотят уже строить себе церковь и все хотят иметь свой, некрасовский, центр.

Когда некрасовцы прибыли в США, то газеты писали, что приехали к а з а́ к и и рассказывали подробно о том, почему они должны были покинуть свою родину — Тихий Дон. Правда, некоторые газеты называли их просто староверами, но большинство все же казаками. Все знали, что прибыли казаки и местное население, никогда раньше не слышавшее слова казак, теперь о казаках знает. Бал такой случай: когда я поехал посетить некрасовцев в Сибруке и спросил в одном магазине, где живут приехавшие из Турции, то продавщица мне ответила: «А-а, это казаки, что прибыли недавно? Они живут»..., следовало название места... В программе телевидения тоже много говорилось о казаках.

Нью-Йорк.

Л. Попов

ПАМЯТИ ПЕТРА МАТВЕЕВИЧА АВРАМОВА

11 ноября с. г. после тяжкой краткой болезни ушел от нас Петр Матвеевич Аврамов, человек исключительной духовой культуры, писатель Божией Милостью, художник донской природы, казачьего быта... Ушел от нас человек исключительный, не только большой талант, но и человек с душой кристальной чистоты, добрый и отзывчивый, для ближнего своего, для брата казака, готовый на любую жертву. Таких людей теперь мало на белом свете.

Родился П. М. в семье казака Старо-Григорьевской станицы 2-го Донского округа. До 19-ти лет учился в духовной семинарии. С началом первой мировой войны поступил в Военное Училище, оттуда вышел в 16-ый Дон. Каз. полк, в рядах которого пробыл всю войну. В окт. 1917 г. прибыл на Дон, сформировал небольшой партизанский отряд и с ним ушел в Степной Поход, проделав его после укрупнения отрядов в 1-ой пешей Семилетовской сотне, а к концу — в конной калмыцкой.

По окончании Степного Похода строевая служба П. М. кончилась вследствие глухоты, вызванной контузией. На нестроевых должностях в чине есаула П. М. прослужил до прибытия в Крым, где медицинской комиссией был признан негодным к службе и уволен в отставку в чине войск. старши-

ны (всем участникам Степного Похода Войсковой Круг дал право на внеочередное производство.).

В великую войну был два раза ранен. Имел награды: Св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость», Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом.

Заграницей пробыл два года в Сербии, где научился столярному мастерству, позволившему ему потом во Франции зарабатывать на жизнь. В 1932 г. П. М. купил полуразрушенный деревенский домик с небольшим участком земли и, приведя его в порядок, занялся сельским хозяйством.

Во время 2-ой Мировой войны, в течении 3 с 1/2 лет, П. М. скрывался от немцев в лесах, работая дровосеком. В 1944 г. вступает во франц. «резистанс». После войны переселился и нанялся столяром на небольшом заводе в г. Ментенон. Тяжело сложившаяся семейная обстановка (неизлечимая болезнь жены, тоже участницы Степного Похода — паралич ног — на долгие годы приковавшая ее к постели) вынудили П. М. продать именьице и переселиться с больной женой в город к месту работы, где жена вскоре скончалась. Проработав еще несколько лет, П. М. из за слабого здоровья преждевременно вышел на пенсию и, когда состояние здоровья это позволяло, всецело отдавался любимой писательской работе, посвященной главным образом донскому казачеству.

Писать П. М. начал с 1917 г. В «Донской Волне» — в журнале, издававшемся на Дону Виктором Севским, — было напечатано несколько его рассказов и «Дневник степняка-партизана». В Отделе Пропаганды П. М. напечатал пять рассказов, изданных небольшими книжками. До Новороссийской эвакуации некоторое время был помощником редактора прифронтовой газеты «За Родину», а в Крыму помощником редактора газет «Голос Дона» и «Крестьянский Путь». Заграницей было помещено два его рассказа в «Казачьих Думах», около десяти — в «Род. Крае» (1930-31 гг.), в «Каз. Сборнике» и в «Иллюстрированной России».

Давно П. М. стал сотрудничать и в теперешнем «Род. Крае», в котором были опубликованы его «Ночь под Новый Год» (№19 Д. К.), «Каменная Куча» (№№23, 24, 25), «Вдали от куреней родных» (№26), «Крестные муки» (№32), «Маневры» (№41), «Кресты» (№№46, 47, 48), а также и отрывки из романа «За Край Родной» (№№23, 38, 28), в котором читатели познакомились со столь симпатичным образом старого казака Минаича. Роман, к сожалению, так и остался неопубликованным целиком. Благодаря пожертвованию казака, пожелавшего остаться неизвестным (а это показывает, насколько ценился талант покойного П. М.), издательству «Род. Края» удалось выпустить две небольших книжечки рассказов Аврамова: «Ковылий Сказ» и «Никифор Кащеев».

Творчество П. М. имеет многогранный характер. Прежде всего, он певец донской природы, донской степи... В его художественных описаниях все движется, все живет, одухотворенное силой свыше... Когда читаешь его «Ковылий сказ», раздвигаются стены и читатель не только видит донскую степь, но и чувствует ее запах в жаркий летний день...

Но П. М. не только художник природы, но с тем же мастерством описывает и казачий быт, большим знатоком которого был, и образ мышления, и душевные переживания своих героев-казаков, с трудом пытающихся разобраться в недавных бурных событиях.

По творчеству, покойного П. М. можно смело поставить наравне с большими казачьими писателями: Ф. Д. Крюковым, Романом Кумовым, Шолоховым. И можно лишь пожалеть, что условия нашего существования заграницей не позволяли ему долгое время заниматься любимым делом.

Умер П. М. на своем посту, с «оружием в руках». В госпитале, на больничной койке, смерть его застала с пером в руке в то время, как он писал рецензию на столь понравившуюся ему, недавно вышедшую книгу уральского казака Л. Масянова «Гибель Уральского Войска», про которую он писал в редакцию «Р. К.»: «Как прекрасно написана и каким чудо-богатырями выглядят уральцы...»

Незабвенный праведник, да сопричтет тебя Господь Бог к числу своих избранников.

Редакция «Род. Края»

ВОЙСКОВЫЕ ПРАЗДНИКИ

КАЗАЧИЙ ТОСТ НА ПРАЗДНИК ПОКРОВА

За Тихий Дон, гремучий Терек,
Кубани быстрой ровный бег,
Урал Горынич и Иртыш,
Озер синеющих камыш,
За воды чистые Байкала,
Их цепь кремнистая сковала,
За Енисей, Амур, Уссури,
Степей заснеженые бури,
За Оренбургские равнины,
Седого Каспия глубины,
Пески, пустыни Семиречья,
За Астраханские наречья,

За всех казачьих Атаманов,
Свободу древнюю майданов,
Что нам и дорого и мило,
Что все казачество любило,
За шашку, бурку и лампас,
Чтоб дух казачий не угас,
За доблесть, славу, простоту,
Казачек наших красоту,
Чтоб вам Господь здоровья дал
Я поднимаю свой бокал.
Греми могучее Ура,
В честь Войск Казачьих до утра.

США. **В. Семенов**

Во всех местах казачьего рассеяния, где имеются более или менее значительные группы казаков, донцы, кубанцы и терцы в день Покрова отмечали свои Войсковые Праздники.

В парижском районе, по установившейся по инициативе Каз. Союза традиции, в субботу 19 окт. на русском кладбище в С. Женевьев была отслужена общая панихида на могиле последнего Донского Атамана, выбранного еще на донской земле, ген. А. П. Богаевского, которая, как каждый год, была художественно украшена цветами и каз. символикой трудами кубанского казака агронома Васильченко.

После общей панихиды был совершен молитвенный обход каз. могил кладбища и отслужена вторая панихида в кладбищенской церкви перед памятной доской жертвам Лиенца и других выдач. Как всегда, проникновенно служили отец Александр Ергин в сослужении с отцом дьяконом М. Стороженко.

На другой день, в воскресенье, в кафедральном соборе на рю Дарю перед иконами Покрова Пресвятой Богородицы и Донской Божьей Матери был отслужен молебен с чтением акафиста Божьей Матери и провозглашением вечной памяти всем Атаманам, вождям казачества, казакам, казачкам и казачатам всех Каз. Войск, убиенным и в мире скончавшимся. Прекрасно пел хор под управлением своего регента донского казака Спасского.

Терское Объединение, как всегда, служило молебен в нижней церкви перед своей Войсковой иконой.

После церковной службы состоялись братские трапезы. Донцы и терцы собрались в здании Русской Консерватории, кубанцы — в Доме Белого Воина. В этом году необходимо отметить, что большинство донцов (Союз казаков комбатантов и Донское Войсковое Объединение) собрались за одним столом, только донские артиллеристы уединились в отдельную комнату. Хорошо и весело донцы и терцы провели свои праздники: было сказано много хороших речей ген. Зубовым, предс. Союза Казаков-Комбатантов, А. С. Кулягиным, председателем ДВО, полк. Зиминым, предс. Терского Объединения и др. Особенно нужно отметить красивую речь нового председателя Казачьего Союза инженера В. М. Кузнецова, начавшего ее со старинной донской песни.

Так же дружно отпраздновали и кубанцы, хотя их было и значительно меньше, чем обычно: многие по болезни отсутствовали. В конце празднования председателем Кубанского Объединения сотн. Малышко был вручен кубанский войсковой значек приехавшей поздравить кубанцев председательнице Дамского Комитета Каз. Союза Н. И. Богаевской (донской казачкой) вместе с редактором «Р. К.» Б. А. Богаевским, за ее заботы о нуждающихся и больных кубанцах.

Праздновали Покров и во французской провинции: в Труа, Монтаржи, Лионе и в Грассе, где главным устроителем был энергичный полк. Полубояров.

◆

В Западной Германии, где в Мюнхене и его окрестностях находятся самые многочисленные группы казаков, Праздник был организован правлением Каз. Союза в Германии, под руководством его председателя полк. Протопопова. Заметим, что Каз. Союз в Германии, так же, как Каз. Союз во Франции, является безпартийным объединением казаков разной политической мысли.

В воскресение 13-го октября в Сербской церкви казачий священ. митроф. протоиерей отец Т. Кулешов отслужил обедню и затем молебен с провозглашением вечной памяти атаманам, казакам и казачкам, жизни

свои положившим за веру Христову и свободу казачества. Затем о. Тимофей сказал краткое, но содержательное и прочувствованное слово, посвященное дню казачьего Праздника. Церковь была полна молящихся и присутствующие пели вместе с хором.

После Богослужения в ресторане на Доннерсбергер штр. состоялась братская трапеза. В числе почетных гостей были представитель Америк. Комитета В. В. Клумп, три немецких офицера из «Солдатенбунда», быв. чины 15-го Казачьего кав. корпуса ген. фон Панвица, которые вместе с казаками были выданы англичанами совет ам и отбыли по 10 лет в сибирских концлагерях. Были также три представителя от Союза казаков-калмыков.

Председатель Союза полк. А. М. Протопопов поздравил присутствующих с казачьим Праздником и были пропеты Донской и Кубанский нац. гимны. Почетный председатель Союза проф. М. А. Миллер обратил внимание присутствующих на то, что в происходящей сейчас борьбе двух миров самым могучим защитником свободы и демократии является американский народ и провозгласил тост за американский народ, президента США и представителя Америк. Комитета г-на Клумпа. Тост был встречен аплодисментами. Г-н Клумп в своем ответном тосте высказал свое удовольствие быть среди дружной казачьей семьи. Полк. А. М. Протопопов предложил тост за свободную демократическую Германию, поблагодарил немецкий народ за приют, который он дал тысячам беженцев от коммунизма, и провозгласил здравицу за канцлера К. Аденауэра и представителей Солдатенбунда, Вицепредс. полк. Д. А. Смирнов произнес тост за представителей казаков-калмыков и за каз. делегатов, прибывших из других городов Германии. Атаман из Карлсруе ес. А. С. Петровский лихо протанцевал лезгинку, за что был награжден продолжительными аплодисментами.

Празднование затянулось до позднего вечера.

◆

Дружно праздновала 13. окт. крепкая и дружная Обще-Каз. Касса Взаимопомощи в Клягенфурте (Австрия). После проникновенной церковной службы отца Георгия, казаки и их друзья собрались в местном Гаус-Хаузе под руководством ст. Н. Ермакова и А. Бондаренкова (председатель Н. Волков не мог присутствовать по болезни) на братскую трапезу, где веселье затянулось до позднего вечера.

◆

Также праздновали Войсковые Праздники и в США и Аргентине, где многочисленные каз. организации отметили этот день, но, к сожалению, в большинстве случаев каждая в отдельности.

В Ричмонде (Майн) большая группа казаков и казачек, проживающих там, отметила праздник молебном в храме Св. Александра Невского и войсковой хлебом-солью в двух залах Общежития Фонда Св. Александра Невского.

Молебен служил прот. А. Донецков (донец), хором управлял М. Ф. Попов (донец).

Присутствовало на банкете около 40 человек казаков и казачек.

Открыв «хлеб-соль» и поздравив присутствующих с Войсковым праздником, П. И. Медведев, после молитвы и исполнения гимнов, передал председательствование А. А. Бодрухину, предоставившему слово о. Афанасию, призывавшему всех к любви друг к другу.

Затем П. И. Медведев сделал доклад о происхождении чествования Праздника Покрова во время Азовского сидения и об его историческом значении.

Были поизнесены тосты за Америку, Россию, казачество, Русский корпус и др.

Пели песни. Танцевали.

Было высказано пожелание об образовании в Ричмонде Общеказачьей Станицы. Праздник прошел весело и оставил у всех хорошее впечатление.

◆

Г. А. Улитин сообщает из Глендоры (США):

В воскресенье, 13. октября, по приглашению Атамана Станицы В. А. Балахнина станичники собрались на литургию в храм Св. Тройцы в Л.-Анджелосе, где службу совершал заслуженный протоиерей о. Александр Полулях.

Хором управляла матушка Вера Николаевна Полулях. Хор состоит из любителей прихожан и к нему примкнули прибывшие гости-казаки.

По окончании литургии был отслужен торжественный молебен Пресв. Богородице, Спасителю и Святителю Николаю о даровании здравия и благоденствия всему Казачеству на Родине и в рассеянии сущему и потом были помянуты Атаманы всех Казачьих Войск, казачьи вожди, казаки и казачки и их дети, погибшие от безбожной власти. Была пропета «Вечная Память». Молебен был закончен многолетием Казачеству.

Очень хорошее впечатление оставил мо-

лебен и казаки были благодарны Атаману, что он не забывает наши традиции и устраивает регулярно все Казачьи Праздники, только были разочарованы, что после молебна не могли собраться где-нибудь и побеседовать друг с другом. Они все живут в разных местах и не встречаются, кроме как на таких Праздниках, как Войсковой Праздник Покрова.

Атаман объяснил, что Правление Станицы имело это ввиду и хотело найти помещение, но за то, чтобы войти только в помещение, надо платить 15 дол., а если устроить закуску, то 25 дол., а Станица такими средствами не располагает.

А казаки заявили, что мы могли бы сложиться по одному, по два доллара. И казаки хутора Глендора говорят, что в будущему году мы будем этот Праздник справлять у себя в Глендоре, где имеется общественное помещение, которое на этот Праздник будет предоставлено безплатно.

Еще хотелось бы отметить одну приятную черту у казаков: так как казаки встречаются редко, то при встрече подходят друг к другу и целуются, как родные, а все родство заключается в том, что они только казаки одной Области, а уж если одной станицы, то совсем самые близкие. Эта черта отличает их ото всех русских национальностей и сословий и заслуживает всякую похвалу.

◆

День Св. Покрова Пресвятой Богородицы и Войсковых Праздников Донского, Кубанского и Терского Каз. Войск регулярно отмечается всюду, где имеются более или менее значительные группы казаков. В теперешней обстановке это не только празднование Именинников — своих родных Войск, но и проверка своих сил, проверка того, есть ли еще у нас силы, живо ли еще казачество, несмотря на внешние разъединения, на большую убыль за последине годы, на отход многих в частную личную жизнь?

Как ответ на эти вопросы, мы приведем в заключение слова заместителя предс. Д. В. Круга Б. Н. Уланова на Войсковом Празднике этого года в Нью-Йорке:

«В чем и где теперь наши силы?

Есть нечто Великое в Жизни, что превыше и сильнее всего материального, всего обычно житейского.

Это — Дух человеческий, Вера человека в свои силы.

Дух Донского казачества победил некогда могущественного врага в Азове.

И теперь Дух казачества, его Вера и Разум, понимание вещей и обстоятельств, неустанные настойчивость и выдержка суть могучие его силы.

Силы Духа творят и побеждают все в Жизни, в Мире.

Они дадут победу Казачеству, возродят Дон и Великую Родину.

Разум и Вера в свои силы, неугасимая Любовь к своему родному Тихому Дону, к Казачеству и Великой Родине России **пробудят** в Донских казаках долг единения всех сил, повелительную необходимость избрания Донского Атамана и укажет путь возрождения.

Пока есть этот Дух в казаке, живо Казачество.

Оно добьется своего.

Жизнь есть ДУХ. Он творит все.

Нас, казаков, еще немало. Есть еще силы и порох в пороховницах...»

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

С 18-го Сентября 1923 года, когда в Нью Йорке была организована Донская Станица, первым атаманом которой был ген. штаба ген. лейт. С. В. Денисов (знакомство с которым началось еще тогда, когда он был сотником-артиллеристом), я был помощником атамана, а затем многолетним атаманом этой станицы, впоследствии переименованной в Калединскую, где в 1953-м году на Войсковом Празднике был удостоен поднесением мне насеки от станицы, за 30-ти летнюю работу на казачьей ниве.

Одним из инициаторов этой награды был ген. И. А. Поляков, в то время «исп. дол. Донского Атамана».

Во время гражданской войны, в которой я принимал участие со дней взятия г. Ростова атаманом А. М. Калединым, где командовал взводом курсистов (заслуженных казаков. присланных во время войны для прохожде-

ния военно-училищного курса для получения офицерского звания), в сотне подъесаула М. С. Зеленкова, находившейся в группе ген. шт. полк. Бояринова, на Нахичеванском направлении.

...В «Южной Группе» я был одним из «выуженных» полк. С. В. Денисовым офицеров, чтобы командовать 4-м взводом 4-й сотни Новочеркасского полка, командиром которой был подъес. Ф. Д. Черевков (ныне проживающий во Флориде), а комполка полк. А. П. Фицхелауров.

Здесь в Нью Йорке ген. Денисов подарил мне свою книгу — «Записки» Гражданская Война на Юге России с 1918-1920 г.г., с авторской мне надписью:

НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ ДОРОГОМУ СОРАТНИКУ И БОЕВОМУ ДРУГУ П. И. МЕДВЕДЕВУ ОТ АВТОРА. С. Денисов.

В нашей совместной работе в казачестве до смерти Атамана А. П. Богаевского с ген. Денисовым не было расхождения. На траурном заседании, посвященном памяти почившего атамана, я председательствовал, как член Правления Каз. Союза, Председателем коего был ген. Денисов.

В атаманском вопросе наши пути разошлись, и личные отношения прекратились.

Но вот появилась книга ген. И. А. Полякова «Донские казаки в борьбе с большевиками», прочитав которую я с удивлением увидел, что этот «труд» ничто иное, как перепевы продолжения «Записок» ген. Денисова, написанных им в начале 30-х г.г., готовых к изданию в печати, но... не появившихся до его смерти 19-го апреля 1957 года

По имеющимся у меня сведениям весь архив ген. Денисова его вдовой З. А. Денисовой передан был ген. И. Полякову. Передано шесть последних «книг-записок» до Марта 1921 года.

Главным действующим лицом при формировании Южной Группы после ухода ген. майора К. С. Полякова (однофамильца подполк. И. А. Полякова) был полк. С. В. Денисов, известный многим офицерам и казакам, в то время, как И. А. Поляков, никогда не служивший в казачьих частях, а в Великую войну исполнявший адъютантские обязанности в различных штабах, **скромно держался в тени**.

И, приписывая себе руководящую роль при защите Заплав, взятия Новочеркасска 23-го Апреля 1918-го года и его обороны, И. А. Поляков повидимому руководствовался литературной формулой:

«Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.»

Разоблачение последует...

Но не это цель моего письма. Достаточно сказать, что ген. Денисов в своих воспоминаниях ни разу не назвал имени И. А. Полякова.

И если И. А. Поляков, судя по его книге, был искателем пятен, то С. В. Денисов не был чужд и лучей. В личности атамана А. П. Богаевского, уже после его смерти, он нашел те лучи, которых при жизни не находил.

В «триумвирате» недоброжелателей остался только ген. И. А. Поляков, повидимому забыв мудрую истину: **О мертвых или ничего не говорят, или говорят только хорошее**, а б. м. по свойственной ему манере злословить.

4-го Ноября 1934 года, по инициативе Казачьего Союза в Америке, состоялось собрание, посвященное памяти Атамана А. П. Богаевского, а 1-го Ноября т.г. появилась в газете «Россия» статья ген. Денисова — «Памяти Донск. Атамана ген. лейт. Богаевского». Статья приложена.

Один из «триумвирата» принес достойные цветы на могилу выбранного на родной земле атамана.

А в Париже «во время его отпевания последний караул несли два бывших атамана ген. граф Граббе и ген. П. Н. Краснов.» — второй из «триумвирата».

Из триумвирата остался лишь один, порочащий память атамана Богаевского, **и... без оттенка благородства.**

Прибыв в Америку в феврале 1952 года, ген. И. А. Поляков вошел рядовым членом в состав Калединской станицы, мною в то время возглавляемой, и обратился ко мне с письмом, как и. д. Донского атамана, с просьбой организовать Комиссию в Нью Йорке, по выборам Донского атамана.

...«Ваша широко известная популярность среди Дон. казачества, как большого казачьего деятеля, Ваша огромная, всегда безкорыстная работа на пользу Родного Дона и, наконец, возглавление сейчас Вами чисто донской, численно большой казачьей станицы, — побуждает меня поручить именно Вам и просить Вас безотлагательно организовать Донскую Казачью Комиссию...

...Я уверен, что любя Родное Войско и долгое время энергично и плодотворно работая на его благо, Вы не откажете моей просьбе принять на себя это тяжелое бремя и, использовав Ваш огромный опыт и знание казачьей души и быта, достойно и успешно выполните эту трудную и крайне важную для войска задачу...»

Я отклонил просьбу ген. Полякова, а в дальнейшем, по просьбе ген. П. Х. Попова, возглавил другую комиссию в Нью Йорке по выборам Дон. Атамана.

Ген. П. Х. Попов был избран Донским атаманом, а не ген. И. А. Поляков.

К предполагаемому выходу из печати воспоминаний атамана Богаевского, было бы ценно привести выдержки из достойной статьи ген. Денисова, посвященной его смерти, где Савлы сделались Павлами. Лишь ген. И. А. Поляков **остался неизменным.**

С неизменным уважением.

Петр Медведев

ВЫДЕРЖКИ из статьи ген. Денисова «Памяти ген. лейт. А. П. Богаевского». («Россия» — ноябрь 1934 г. Нью Йорк.)

В жизни сословия, подобно тому, как в жизни народов, племен и государств, совершаются события, которые принимают характер исторических.

Такой исторический момент настал не только для Войскового сословия Дон. Казачества, но быть может для казаков кубанских, терских и даже всего Казачества Великой России.

22 окт. после продолжительной и мучительной болезни в Париже скончался Донской Атаман Ген. штаба генерал-лейтенант А. П. Богаевский. В Бозе почил Донской Атаман, избранный на родной земле, 15 лет тому назад еще в период гражданской войны... Служебная дорога почившего Атамана была блестящая. Он достиг заветного для казака звания и должности Войскового Атамана. Он был зачислен в Свиту Его Величества, а в конце великой войны был назначен начальником 1-ой гвардейской Кавалерийской дивизии, каковую должность занимал этот донской казак 59 лет тому назад. Он был георгиевский кавалер... (Далее следуют сведения из биографии покойного Атамана)... В декабре 1917 г. он принимает участие в первые дни начала гражданской войны в должности командующего войсками Ростовского Военного округа и участвует в первом бою, где пролилась первая капля благородной крови Дон. Атамана ген. Каледина, который был ранен под Ростовом, руководя лично первым боем.

Когда Добр. Армия покинула Ростов, ген. Богаевский пошел с ней в Ледяной поход, приняв в командование сначала полк, а потом бригаду. И там потвердил свою славу блестящего боевого начальника.

Когда Добр. Армия возвратилась в мае месяце на Дон, где донские казаки, самостоятельно поднявшись против сов. власти, успешно вели очищение Области от красных отрядов, ген. Богаевский пожелал послужить родному Войску и был назначен Атаманом ген. Красновым на должность председателя Дон. Правительства и управляющего Отделом иностранных дел.

3 февр. 1919 г., после отказа от власти Атамана ген. Краснова, ген. Богаевский был избран на освободившийся пост Донского Атамана...

Вот этапы служебного пути почившего Донского Атамана, отдавшего родине 45 лет своей жизни. Такой путь создал ему обширный круг знакомства во всех слоях военного мира и общества в мирное время, в годы Великой войны и Белого Движения.

Его исключительные качества души, доброта и мягкость, его выдержка, отсутствие честолюбия и карьеризма, привлекали всегда к нему сердца всех тех, с кем ему приходилось сталкиваться на жизненном пути.

Вот почему казаки знают, что память о нем дорога всем русским людям, а в особенности доблестным представителям нашей русской армии... В лице Атамана Богаевского казаки потеряли Вождя, а русское воинство — доблестного заслуженного генерала».

Председатель Каз. Союза в Америке, Ген. Штаба Ген. Лейт. Войска Донского **Денисов**

◆

В №47 «Род. Края» есть «письмо в редакцию» по поводу «Начала Казачьего Словаря» за подписями: Ал. Гр. Павлова, В. Н. Дронова, Ф. Ф. Захарова и П. Т. Лютова. Все из Вашингтона, США. Они желают довести до всеобщего сведения следующие соображения:

1) Издание словаря, охватывающего период жизни казачьей и истории **до1914** г., желательно».

2) Для событий, наставших **после** этого времени, энциклопедический словарь **преждевременен»**.

Почему? — спросим мы. А вот почему, отвечают они:

«Многие свидетели и **участники** событий еще живы. Одни из них находятся в странах, подлежащих **неограниченному** контролю коммунистических властей, другие, хотя и обертаются вне досягаемости красного контроля, но родные и близкие многих из них проживают в землях коммунистического террора, а там зорко следят за казаками... и т. д.».

Дальше указывается, что составители Словаря, проти своей воли, превратятся в доносчиков на своих же братьев казаков. А еще дальше они пишут так: «Да и **не словарь нам нужен теперь.» А что же?** А вот что, по их же словам: «В первую очередь следует нам позаботиться о том, чтобы у нас всегда был **под рукой хороший справочник** по казачьей **истории и географии** казачьих земель». Дальше идет совет — как он должен быть составленным, чтобы «по праву могли бы гордиться будущие поколения, а мы должны приветствовать и **обязаны** всячески поддерживать: **«казачье дело никто за нас, казаков, делать не будет. Его должны делать сами казаки»** — заканчивают письмо вашингтонские казаки. И если это намерение их «не для красного словца», а на самом деле серьезное, то у нас есть основание расчитывать на то, что и они, наконец, раскроют «гаманец» и пришлют свой вклад в это казачье дело. И вот почему: Готовящийся к печати Словарь отвечает их требованиям. Мы пишем от древнейших времен — до 14 года. А пишем и после 14 года, разумея, что никакой, даже для поледнего замухрышки-колхозника, тайны наша борьба против их же поработителей не составляет. Если и составляла, то лиенцкая трагедия сняла этот покров. Опасения же в остальных случаях совершенно наивны, т. к. органы Безопасности не только знают наши имена (и псевдонимы), но и наши адреса. Данных, им нужных, они имеют о всех нас больше, чем мы можем дать в Словаре. Вот вы, подписчики письма, уже стали известными.

Если сомневающиеся не читали того, что мы в ряде журналов, начиная с №27 «Казачьего Единства» и в ряде номеров «Родимого Края» писали, то пусть прочтут внимательно, ибо мы все это уже предвидели и просили быть осторожными дающих сведения об отсутствующих и родственниках. Биографии мы (живущих) даем с их согласия или же тогда, когда о них уже были данные в печати (где либо). Тут у нас и история от древнейших дней и география и многое другое, а все это без «внесения в него политических страстей и страстишек», как пишут казаки Вашингтона. Спасибо им за этот совет. Бояться же за умертвленных коммунистами — не приходится — бояться придется им за это. Если справедливо, что «никто другой нам не сделает», то также справедливо и то, что когда вот нас, фундаментальщиков, тоже не станет, (мы ведь все 70), то чтож, наши в Америке рожденные внуки этим займутся? Мы не думаем так.

Редакция Казачьего
Лексикона-Справочника

◆

Е. Ковалев пишет:

После выступления в печати профессора Г. П. Чеботарева против закона о «Порабощенных Нациях», в казачьей прессе появились сомнения, действительно ли в прошлом он был офицером Войска Донского и принимал участие в борьбе с красными на юге России. Дабы положить конец этим сомнениям и кривотолкам, я считаю нужным сообщить следующие сведения о нем, на основании данных из архива Союза Донских Артиллеристов:

Григорий Порфирьевич Чеботарев сын известного на Дону артиллериста-академика Ген.-Лейтенанта Порфирия Григорьевича Чеботарева.

Отец его, сын есаула Войска Донского ст. Новочеркасской, родился 25-го февраля 1873 г. В 1890 г. окончил Донской кад. корпус вместе с Атаманом А. П. Богаевским, а затем Михайловское Артил. Училище и Михайловскую Артил. Академию первым и записан на мраморную доску. Служил Лейб-Гвардии в 6-й Донск. каз. Е. В. батарее, которой командовал затем с 1906 по1910 г. Как выдающийся артиллерист в 1904 г., при реорганизации артиллерии, был командирован в распоряжение Ген. Инспектора Артиллерии Вел. Князя Сергея Михайловича. В 1910 г. командовал 3-м Донск. каз. дивизионом, а в 1914 г. назначен командиром 58-й артил. бригады. В 1915 г. за боевые отличия произведен в Ген.-майоры.

В 1918 г. был председателем Технического комитета из офицеров-академиков при Управлении Артиллерии Всев. В. Д., про-

изведен в Ген.-Лейтенанты и в ноябре того же года назначен Директором Донского кад. корпуса. При эвакуации из Новороссийска скончался в этом городе от сыпного тифа 10-го февраля 1920 г.

***

Григорий Порфирьевич Чеботарев (сын) в мае 1916 г. окончил младший курс Императорского Училища Правоведения и поступил в Михайловское Артил. Училище. Окончив 7-й ускоренный курс этого училища, в декабре 1916 г., был произведен в прапорщики и прикомандирован Л. Гв. к 6-й Донск. каз. Е. В. батарее. До конца февраля 1917 г. находился в запасной батарее Л. Гв. Конной Артиллерии в г. Павловске, а после этого на фронте в 6-й Донской Гвардейской батарее, с которой и вернулся на Дон в декабре 1917 г.

В январе и начале февраля 1918 г. был наводчиком орудия в партизанском артил. взводе ес. Конькова. В декабре 1918 г. и в январе 1919 г. был личным переводчиком Атамана Краснова при переговорах с Союзными миссиями. С февраля по сентябрь 1919 г. на фронте младшим офицером 2-й Донск. кон. батареи. С сентября 1919 г. по февраль 1920 г. состоял адъютантом Инспектора Артиллерии Донской Армии. С 28 февраля 1920 г. состоял адъютантом и переводчиком Донского кад. корпуса в Египте и давал кадетам уроки английского языка.

По воспоминаниям б. директора корпуса Ген. Шт. ген.-лейт. Черячукина, хор. Чеботарев уехал из Египта в Германию в середине января 1923 г., где поступил в Политехнический институт в Шарлотенбурге, который окончил в 1926 г.

Когда уехал в США, точно не известно, но уже в 1937 г. читал курс фундаментального строительства в Пренсетонском Университете.

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ

● В Казачьем Союзе во Франции. — На собрании правления 19 ноября были избраны председателем Союза — инженер Василий Матвеевич Кузнецов В. В. Д. (37, rue Gallieni, Malakoff (Seine) France), генеральным секретарем Союза: есаул В.В.Д. Николай Александрович Ломакин (82, rue La Fontaine, Paris 16me. France).

Всю переписку по делам Союза направлять по адресу В. М. Кузнецова или Н. А. Ломакина, а по делам журнала «Родимый Край» — по адресу Б. А. Богаевского (230, av. de la Division Leclerc, Montmorency (S. et O.) France).

● Правление Союза сообщает, что Казачий Союз не принимал участия в устройстве в Париже 26 окт. Казачьего бала. Обще-Казачий бал, устраиваемый Казачьим Союзом с благотворительной целью, состоится, как обычно, в начале года, — 15 февраля в залах мерии 3-го арондисмана.

● 17 окт. Объединением Л. Гв. Казачьего полка в день полкового праздника на Св. Ерофея, в своем Музее была торжественно отмечена 150 летняя годовщина битвы под Лейпцигом, где Лейб-Казачий полк особенно отличился в блестящей конной атаке, спасшей от плена, а возможно и от гибели, трех императоров: русского — Александра I, австрийского — Франца I и прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

По этому поводу Музеем Л. Гв. Казачьего полка выпущена изящно изданная иллюстрированная брошюра «Лейпциг», написанная известным каз. поэтом инженером есаулом И. И. Сагацким.

● Выступавшая летом этого года группа джигитов есаулов донцов В. Тевяшова и Н. Юркова подписала контракт на участие в кинематографическом фильме. Снимки будут производиться в Испании, где наши джигиты находятся с начала декабря.

● В январе 1964 г. в Париже, как обычно, состоятся два концерта Жаровского хора.

● В Конь (департ. Ниевр, Франция) состоялась выставка известного художника донца П. М. Полякова.

● Газета «Россия» (США) поместила следующую рецензию на книгу уральца Л. Масянова «Гибель Уральского Каз. Войска»:

«Цель моего очерка поведать читателю, кто такие были Уральские казаки, где они жили, чем жили и как они жили» — пишет автор. Надо признаться в том, что в своем подавляющем большинстве русские люди не знали и не знают ничего об уральских каза-

ках. Для многих поэтому книга Л. Масянова будет настоящим откровением. С большим интересом русский читатель узнает и об очень своеобразной и мятежной истории уральского казачества, об его красочной и самобытной жизни, о чисто русских (уральцы, по крови, великороссы) нравах, обычаях и взглядах. Для того, чтобы полнее изложить все особенности уральского быта, Л. Масянов включил в книгу повествования на эту тему разных авторов: статью Б. Кирова, посвященную особому виду зимнего рыболовства — «багренью», существовавшему только на Урале; Д. Н. Давыдова «Четыре дня с Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем», «Записки генерала К. Н. Хагондокова», познакомившегося с уральцами во время службы на Дальнем Востоке и на Русско-Японской войне; отрывок из книги генерала Деникина «Путь русского офицера» и др. — все эти материалы дают полную картину жизни Уральского Казачьего Войска, как в мирное, так и в военное время. Крепость и устойчивость казачьего быта, независимость, прямота и суворость казачьего нрава, а во время войны мужество, храбрость, покорность воле Божией — выпукло представлены в книге. Приведен отзыв атамана уральских казаков В. С. Толстова по поводу воспоминаний ген. К. Н. Хагондокова. В этом отзыве атаман так пишет о своих казаках: «Люди, как люди — простые смертные, но с «изюминкой» — казачьим духом, и с крепко вошедшими и в кровь, и в плоть наставлениями отцов при отходе на военную службу: «Делай все, что прикажет начальник, но против Бога и Царя не выступай!».

При такой привлекательности и казачьего мировоззрения, и казачьего быта, — особенно тяжело читать о гибели уральского казачества. Этой теме посвящена заключительная часть книги. В свое повествование об этих трагических днях автор включил отрывок из книги Б. Веверна «Шестая батарея», статью Б. Кирова «Крестоносец», и разный официальный материал, относящийся к этой странице истории уральского казачьего Войска. Уральские казаки мужественно и самоотверженно боролись с красными за сохранение своей веры и своей самобытности. Для характеристики этой борьбы, автор приводит такой случай: «...старообрядец казак Кабаев сорганизовал крестоносную дружину человек до 60-ти. Для этой цели он взял из старого собора образ Христа Спасителя и возил его у себя на груди, остальные имели пики с восьмиконечным медным старообрядческим крестом или медный крест на груди. И так Кабаев бросался бешено в атаку, увлекая за собой казачьи части».

В книге много хорошо исполненных иллюстраций относящихся к истории Войска, и портретов казачьих героев. Книга издана Всеславянским Издательством тщательно и со вкусом.

● Донским Войсковым Объединением собрана на приведение в порядок заброшенных казачьих могил следующая сумма: г-жа Ломакина, Артемов, Богаевский, Казинцев, А. Кулягин, Васильев, Бирюков, Калиманов, Александрин, Николаев, Жибров, Голицин, Баранов, Оглоблин, А. Ломакин по 10 фр., Н. Ломакин — 20 фр., г-жа Самсонова — 6 фр., г-жа Чернобровкина, Колесов, Сибирсков, Давыдов, Кацман, П. Попов, Халанский, Лютов, Мордвинцев, подпись неразборчива — по 5 фр., Евсеев — 3 фр. Дальнейшие пожертвования просьба направлять по адресу казначея ДВО — Н. П. Казинцева:

19, rue Clos Feuquiers, Paris 15me. France.

●На помощь казакам-некрасовцам собрано по постановлению правления Каз. Союза Ф. С. Родиным: от Ф. Родина — 4 долл., от М. Калабухова, Е. Свинарева по 5 фр., от Б. Богаевского, Максимова — по 10 фр. Дальнейшие пожертвования направлять по адресу Ф. С. Родина:

3 rue, Mabileau. Joinville le Pont (Seine) France.

● Уральская станица праздновала свой Войсковой Праздник в день Архистр. Михаила 24 ноября.

● В кругах казаков-националистов был отмечен 60-ти летний юбилей иззвестного каз. поэта донского казака П. А. Полякова. Редакция Р. К. считает своим долгом приветствовать юбиляра. Расхождение в политических взглядах не может быть причиной того, чтобы не признавать истинного таланта и тем более тогда, когда этот талант принадлежит своему же брату казаку. Желающие приобрести его последнюю книгу стихов «Лирика» могут ее выписывать у Морозова (22, rue Nationale. Boulogne s/Seine (Seine) France). Цена — 15 фр.

● 22 ноября в залах Русской Консерватории состоялся вечер казачьего поэта Николая Евсеева.

● Полк. Ф. И. Елисеевым в США выпущено 7 брошюр, под заглавием «Лабинцы и последние дни на Кубани» — 1920 г. Как прямое продолжение этих брошюр, вскоре будет выпущена последняя, как законченный труд, под заглавием «Агония Кубанской Ар-

мии на Черноморском побережье в апреле 1920 г.». Цена каждой брошюры — 1 долл. Выписывать у автора: Mr Elysseev. 502 W. 177 St. Apt 1c. New-York 33. NY. USA.

● В Германии на немецком языке вышла иллюстрированная книга ротмистра А. С. Петровского «Незабываемое предательство» из истории казачьего движения во время последней войны и из истории 15-го Каз. Кав. Корпуса ген. фон-Панвица. Автор — германский офицер, служивший в Каз. Корпусе, был выдан сов. армии в Юденбурге вместе с др. каз. частями. Вернулся в свободный мир после отбытия 10-летнего заключения в концлагерях на Воркуте. Выписывать книгу у автора: A. Petrovsky, 75 Karlsruhe. Gervinusstrasse 3. W.-Germany. Ее цена: 20 герм. марок.

BIBLIOTHEQUE RUSSE
Boulevard
CANNES (A.-M.)
N°

УШЕДШИЕ

† Донское Войсковое Объединение, редакция «Род. Края» и правление Каз. Союза с прискорбием сообщают о кончине 12 ноября в госпитале г. Шартра (Франция) члена редакции, писателя, войск. стар. В. В. Д.

ПЕТРА МАТВЕЕВИЧА АВРАМОВА.

Похороны состоялись 15 ноября на кладлище г. Ментенон.

† 12 июля с. г. в Париже внезапно скончался К. Поляков В.В.Д.

† 27 сент. убит камионом на шоссе Мондшанж (деп. Мозель — Франция) Атаманского Военного Училища хор. В. Долгополов. Сообщил С. Рытченков.

† 21 ноября 1962 г. в Каракасе (Венецуелла) скончался войск. ст. Ф. А. Заволока ст. Гривенской, Таманского отдела Куб. Каз. Войска.

† 2 окт. с. г. в г. Лорен (США) скоропостижно скончался священник о. Ефим Якименко ст. Старощербиновской Куб. В.

† 12 окт. в Монтаржи (Франция) скоропостижно скончался казак ст-цы Каргинской В.В.Д. Мих. Тих. Мельников, о чем с глубокой скорбью сообщают брат покойного Кузьма с женой своей Евдокией Яковлевной и его друзья.

† 26 окт. в доме для престарелых г. Абондан (Франция) на 79 г. жизни скончался и похоронен на местном кладбище казак ст-цы Келеремесской Куб. В. ес. Е. И. Криковцов. Обще-Каз. станица Абондана сделала все возможное, чтобы достойно похоронить своего брата казака.

† 8 авг. в г. Глен-Кове (США) от болезни сердца скончался 68 лет от году ес. А. А. Сергеев Куб. В.

† 8 ноября на 65 году скончался И. П. Ерыженский ст. Раздорской В. В. Д. Похоронен в Коркилеруа (Франция).

† 17 ноября в Париже после тяжелой болезни (рак) скончался сот. Т. И. Орлов ст-цы Константиновской В.В.Д.

19 ноября в госпитале Витри-ле-Франсуа (Франция) скончался подхорунжий И. Ф. Орлов ст. Урупской Куб. В., 72 лет. Похоронен в деревне около г. Бляси.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1-го сент. по 1 ноября 1963 г.)

Фонд Издательства: Н. Н. Воробьев — 4 долл. 50 цент., В. Л. — 5 герм. марок, Артемов — 30 фр., Тевяшов — 100 фр., Гончаров — 32 фр., Калиманов — 12 фр., Николаев — 2 фр., Иловайский, ген. Безмолитвеннов, г-жа Попандопуло по 5 фр.

Для передачи **Дамскому Комитету Каз. Союза:** Калиманов — 10 фр., г-жа Попандопуло 5 фр., Картинов — 2 фр., Сетраков и Яшкин — по 10 фр., Мушихин — 7 фр.

На памятник А. М. Каледину: полк. Левитов и Яшкин — по 10 фр., Сетраков и г-жа Абрамова — по 5 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Ответственность за написанное несут их авторы, а не редакция «Род. Края».

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Bogaevsky — 230, av. de la Division Leclerc. Montmorency (S.-et-O.). France.

Через редакцию «Р. К.» можно выписывать: «Воспоминания ген. А. П. Богаевского» о Ледяном походе с многочисленными фотографиями белых и казачьих вождей, (цена 12 фр.), «Ермак Тимофеевич кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» Н. М. Мельникова, с ценными редкими иллюстрациями. Стоимость во Франции 8 фр., заграницей — 2 доллара, книжки рассказов недавно скончавшегося донского писателя П. М. Аврамова: «Ковылый Сказ» и «Яровой Сев» (цена 3 фр. за оба рассказа, помещенных в одной книге), «Никифор Кащеев» (цена 3.50 фр.), брошюру Н. М. Мельникова «Как извращается история» (цена 1,50 фр.), а также и гравюру «Из нашего прошлого», отпечатанную на бристоле, помещенную на стр. 17 — № 40 «Род. Края». Стоимость 1,50 фр. (заграницей — 4 почт. международ. купона) с пересылкой.

Следующий № 50 «Род. Края» будет посвящен донским партизанам и выйдет в увеличенном размере. Просьба к желающим помочь нам в этом деле направлять пожертвования в редакцию «Род. Края».

В начале года предполагается издание сборника статей «Митрофан Петрович Богаевский» под редакцией Н. М. Мельникова. Подробности будут в следующем № «Р. К.».

Опечатка: № 48 «Р. К.», стр. 10, строка 26 правой колонки — нужно читать: «...дивизион 3-ех батарейного состава...»

СОН ЮНОСТИ — ЗВЕЗДА ЗОЛОТАЯ

Воспоминания Великой Княжны Ольги Николаевны, впоследствии королевы Вюртембергской.

Воспоминания второй дочери Императора Николая Павловича охватывают первый период ее жизни, от дня рождения до выхода замуж за Наследного Принца Вюртембергского. Посвященные ее двум внучкам дочерям Вел. Княгини Веры Константиновны, написанные простым безхитростным языком, они ярко отражают эпоху начала царствования императора Николая I, жизнь его семьи и Двора.

Русской перевод книги сделан с разрешения правнука Королевы Принца Альбрехта Шаумбург-Липпе, баронессой Марией Бурхардовной Беннингаузен-Будберг и предоставлен ею для издания в пользу Издательского Фонда «Военной Были».

Книга представляет из себя один том около 200 стр. с прекрасными шестью фотографиями на отдельных листах, как самой Княжны, так и ее отца Императора Николая I, Наследника Цесаревича Александа Николаевича и Княжен Марии и Александры Николаевен.

Книга продается в конторе Издательства «Военная Быль», 61 rue Chardon Lagache Paris 16, в русских книжных магазинах Парижа и у представителей «Военной Были» заграницей.

Цена: зона франка — 15 фр., зона фунта — 25 шил., зона доллара — 3 дол. 25 ц. Все цены без пересылки.

P.I.U.F., 3, rue du Sabot - Paris-6e